

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ. ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА СЕДЬМАЯ
Томъ 12 и 13.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

— ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ С. П. ЗЫКОВА,
ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ И К^О.
Большая Подъяческая, № 39.
1899.

Рисунки дозволены цензурою.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XII.

Западная Африка: Атлантическіе Архипелаги. — Сенегамбія и
Западный Суданъ.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,
дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К^о. Большая Подъячская, 39.

Оглавление седьмой книги.

Томъ XII.

ЗАПАДНАЯ АФРИКА: АТЛАНТИЧЕСКІЕ / АРХИПЕЛАГИ. — СЕНЕГАМБІЯ И ЗАПАДНЫЙ СУДАНЪ.

ГЛАВА I.		ГЛАВА VI.	
	стр.		стр.
Атлантическіе архипелаги-Сене- гамбія и Западный Суданъ...	1	Золотой берегъ и бассейнъ Воль- ты, Фанти и Ашанти.....	408
1. Атлантида.....	1		
2. Азорская Атлантика.....	5		
3. Азорскіе острова.....	21		
4. Архипелагъ Мадера.....	61		
5. Канарскій Архипелагъ.....	81		
6. Архипелагъ Зеленаго Мыса.....	140		
ГЛАВА II.		ГЛАВА VII.	
Сенегамбія.....	167	Невольничій берегъ. Того, Пого, Ажуда, Бадагри, Лагосъ, Даго- мей, Йоруба.....	443
1. Общій видъ страны.....	167		
2. Бассейнъ Сенегала и Фута-Джалонъ..	183		
3. Гамбія.....	287		
4. Казаманка.....	301		
5. Гвинея: португальскія владѣнія въ Се- негамбіи.....	310		
6. Южныя рѣки.....	329		
ГЛАВА III.		ГЛАВА VIII.	
Сіерра-Леоне.....	345	Бассейнъ Нигера.....	487
		1. Общій обзоръ.....	487
		2. Верхній Нигеръ.....	511
		3. Средній Нигеръ: Томбукту, туареги и сонгаи.....	534
		4. Гаусса.....	548
		5. Бенуэ, нижній Нигеръ, Бонни и Старый Калабаръ.....	578
ГЛАВА IV.		ГЛАВА IX.	
Либерія.....	365	Бассейнъ озера Чадъ.....	618
		1. Общій обзоръ.....	618
		2. Уадай.....	637
		3. Канемъ.....	645
		4. Борну.....	654
		5. Багирми.....	675
ГЛАВА V.			
Берегъ Слоновой Кости, Большой Бассамъ, Ассини.....	391		

ТОМЪ XIII.

ЮЖНАЯ АФРИКА: ЮЖНЫЙ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАНЪ.—КАМЕРУНЪ.— ГАБОНЪ.—КОНГО.—АНГОЛА.—ДА-МАРА.—ЛИМПОПО.—КУ-БАНГА.—МОЗАМ- БИКЪ.—ЗАНЗИБАРЪ.

ГЛАВА I.			стр.
Южный Атлантический океанъ и острова			1
1. Гвинейское море			1
2. Африканскіе острова южнаго Атланти- ческаго океана; Тристанъ-д'Акунья			8
3. Островъ Св. Елены			15
4. Островъ Вознесенія			24
5. Острова Гвинейскаго залива			30
ГЛАВА II.			
Камерунъ			45
ГЛАВА III.			
Габонія			81
1. Испанскія, французскія и португальскія владѣнія			81
ГЛАВА IV.			
Конго			139
1. Общій взглядъ			139
2. Бассейны Луа-Пулы и Луа-Лабы			200
3. Область озеръ Танганьика и Мута Н'анге			211
4. Берега Конго, отъ озера Ланджи до слія- нія съ У-Банги			228
5. Бассейнъ Уэллэ, страны племенъ монбу- ту и нiams-ниамъ			240
6. Французская территория Конго			255
7. Бассейнъ р. Кассан			268
8. Бассейнъ Куанго			287
9. Низовья рѣки Конго			291
ГЛАВА V.			
Анго отъ рѣки Конго до рѣки Ку- нэнэ			307
ГЛАВА VI.			
Страны Дама-ра и Нама-Куа			383
1. Области между рѣками Кунэнэ и Оран- жевой			383
ГЛАВА VII.			
Бассейны рѣкъ Оранжевой и Лим- попо			409
1. Общій взглядъ			409
2. Капская колонія			455
3. Западная территория Гри-Куа			489
4. Страна бе-чуановъ			499
5. Истоки Оранжевой рѣки. Край племени ба-суто			511
6. Кафрарія			515
7. Наталь			524
8. Страна зулусовъ (Zulu-Land)			537
9. Оранжевая республика (Orange Vry- staat)			543
10. Трансваль, или Южно-Африканская республика (Zuid-Afrikaansche Republiek)			550
11. Бухта Делагоа, владѣнія Португаліи къ югу отъ р. Лимпопо			565
ГЛАВА VIII.			
Иносамбанэ, Сафала, страна Газа			567
Португальскія владѣнія между рѣками Лимпопо и Замбезе			567
ГЛАВА IX.			
Бассейны рѣкъ Замбезе и Ку- Банго			583
1. Общій взглядъ			583
2. Народцы, обитающіе по берегамъ Ку- Банги, Нгами и верхней Замбези, королев- ство Ба-Роце			607
3. Страна племени ма-тебелэ и населеніе на среднемъ теченіи Замбези			615
4. Бассейнъ озера Ньясса и рѣки Ширэ			624
5. Низовья Замбези и Квелимане			630
ГЛАВА X.			
Мозамбикъ			633
Отъ Замбези до Ро-Вума			633
ГЛАВА XI.			
Занзибаръ			653
Германскій протекторатъ въ Восточной Африкѣ			653
ГЛАВА XII.			
Килима - Нджаро, Кенія, берега Момбаза и Малинди			687
ГЛАВА XIII.			
Страна сомалей и восточныхъ галласовъ			732

въ мѣтахъ и преданіяхъ¹⁾. Но есть также писатели, которые принимаютъ рассказъ Платона въ главныхъ его чертахъ и склоняются въ пользу того мнѣнія, что дѣйствительно нѣкогда существовала отдѣльная континентальная масса, занимавшая большую часть океаническаго бассейна къ западу отъ Атласа, и что этотъ материкъ скрылся подъ водой въ современномъ геологическомъ періодѣ, въ эпоху, когда цивилизованныя націи оспаривали другъ у друга господство въ бассейнѣ Средиземнаго моря²⁾. Однако, эта гипотеза, изъ которой поэты сдѣлали родъ литературнаго общаго мѣста, не оправдывается никакими фактическими указаніями. Переворотъ, измѣняющій «въ одну ночь» равновѣсіе суши и моря, внезапное превращеніе цѣлаго континента въ «огромную площадь морскаго дна» не могли бы, конечно, совершиться безъ того, чтобы отъ этого не произошло страшныхъ потрясеній, особенно, если вѣрно, какъ позволяютъ думать изслѣдованія Крюммеля, что вѣсь материковъ, отъ ихъ подводнаго основанія до вершины, въ точности равенъ вѣсу океановъ и морей. Самыя значительныя перемѣны, о которыхъ рассказываютъ лѣтописи относительно этихъ океаническихъ пространствъ, представляются ничтожными въ сравненіи съ такимъ переворотомъ, какъ провалъ обширнаго континента. Простыя колебанія почвы, мѣстныя изліянія лавы, изверженія пепла, появленіе на поверхности моря вулканическихъ шлаковъ, возвышающихся въ видѣ островныхъ горъ, — все это явленія маловажныя въ жизни планеты.

Но если Атлантида не существовала, какъ отдѣльная земля, въ текущемъ геологическомъ періодѣ, то едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что предшествующіе вѣка, слишкомъ за «девять тысячъ лѣтъ» до Платона, дѣйствительно видѣли особый континентъ въ этой части земной поверхности. Правда, механика еще не указала способа изучать непосредственно горныя породы океаническаго дна, и приборы, употребляемые для измѣренія глубины моря, приносятъ лишь кое-какіе образчики этихъ породъ, заключенные въ отложеніяхъ мѣловатаго пла; но противоположные берега Атлантики и выступающія изъ нея земли своимъ расположеніемъ и ископаемыми органическими остатками своихъ пластовъ даютъ прямой отвѣтъ на многіе вопросы, съ которыми обращаются къ нимъ геологи. Такъ, если между двумя противоположными материками въ какомъ-либо мѣстѣ соотвѣтствующіе слои, принадлежащіе по совокупности своимъ формамъ къ одному и тому же періоду въ исторіи земли, представляютъ, однако, значительныя различія въ отношеніи

животнаго царства, то отсюда заключаютъ, что лабораторіи морскаго дна, гдѣ отлагались эти слои, были раздѣлены выступавшими изъ-подъ воды землями; съ другой стороны, большое сходство или даже тождество между ископаемыми организмами двухъ удаленныхъ одна отъ другой земель доказываетъ, что соотвѣтствующіе пласты соединялись перешейками или материками. Благодаря этимъ сравнительнымъ изслѣдованіямъ, можно утверждать, что въ тѣ времена, когда совершалось наслоеніе обломковъ и остатковъ всякаго рода, составляющихъ различныя ярусы юрской формации, моря Америки и Стараго Свѣта не были, какъ нынѣ, соединены между собою глубокой впадиной Атлантическаго океана³⁾. Ихъ раздѣлялъ въ ту эпоху цѣлый континентъ, занимавшій пространство, гдѣ теперь находятся морскія пучины, измѣряемая лотомъ кораблей, которые укладываютъ телеграфныя кабели на днѣ океана. Точно также существованіе одинаковой органической жизни въ миоценовыхъ слояхъ Небраски и въ пластахъ тѣхъ же вѣковъ въ Европѣ доказываетъ, что эти страны, флора и фауна которыхъ нынѣ такъ много разнятся, были нѣкогда соединены между собой непрерывнымъ пространствомъ суши⁴⁾. Сколько разъ, въ исторіи Земли, измѣнялся подобнымъ образомъ рельефъ материковъ, представляющихъ временныя, переходныя формы, которыя появляются и исчезаютъ, какъ облака на небѣ!

Какія колебанія уровня испытывали, со времени юрскаго періода, земли, попеременно то выступавшія изъ моря, то снова погружавшіяся въ его нѣдра, — мы не знаемъ. Можетъ-быть, Азорскіе и Канарскіе острова, Мадера, архипелагъ Зеленаго Мыса составляютъ лишь остатки материковой массы, нѣкогда господствовавшей надъ этими областями океана. По крайней мѣрѣ расположеніе ихъ такое, какое имѣли бы горы, разставленныя въ видѣ бордюра, вдоль полукруговаго морскаго берега; они расположены по правильной дугѣ, въ томъ же направленіи, какъ гряды Центральныхъ Андъ Перу и Боливій и какъ вулканическія горы Сѣверной Америки, отъ горы св. Іли до горы Шаста, въ Калифорніи. Архипелаги Атлантики почти сплошь состоятъ изъ огненныхъ породъ и изъ горъ съ кратерами, подобно краевымъ цѣпямъ американскаго континента: если справедлива гипотеза, по которой жерла вулкановъ открываются на линіяхъ излома, образуемыхъ морскими берегами, то Азорскіе и Канарскіе острова, Мадера и архипелагъ Зеленаго Мыса расположены, вѣроятно, по окраинѣ древняго берега — берега геологической Атлантиды. Къ тому же эти земли

¹⁾ Bory de Saint-Vincent, «Essais sur les Isles Fortunées»; — d'Avezac, «Iles de l'Afrique».

²⁾ Paul Gaffarel, «L'Atlantide» Revue de Géographie, 1880.

³⁾ Marcou, «Foches du Jura»; — Neumayr, «Geographische Verbreitung der Jura-Formation».

⁴⁾ Unger, «Die versunkene Insel Atlantis».

очень сходны между собой по образованію и составляют какъ-бы особую семью между различными областями земнаго шара.

Эти атлантическіе архипелаги географически не принадлежатъ къ африканскому материку, какъ это можно подуматъ при взглядѣ на карту. Хотя Мадера, Канарскіе острова, архипелагъ Зеленаго Мыса находятся въ очень близкомъ разстояніи отъ континентальнаго берега Африки, но между этими сосѣдними землями глубины моря, которыя до недавняго времени предполагали незначительными, оказываются, напротивъ, много превышающими 1.000 метровъ, и контрасты флоры и фауны доказываютъ совершенное различіе между названными островами и африканскимъ материкомъ. Во многихъ отношеніяхъ эти архипелаги составляютъ посредствующую область между тремя частями свѣта. По климату и естественнымъ произведеніямъ Азорскіе острова, Мадера, даже Канарскіе острова имѣютъ болѣе близкую связь съ Европой, чѣмъ съ массивнымъ африканскимъ материкомъ; по своимъ первымъ извѣстнымъ обитателямъ Канарскіе острова оставляли часть берберскаго міра, т. е. сѣверной Африки; наконецъ, многіе растительные виды, принесенные гольфстремомъ, происходятъ съ американскаго континента. Съ исторической точки зрѣнія, названные архипелаги тоже были естественными посредниками и служили пристанями для открытія Новаго Свѣта. Въ настоящее время острова Санъ-Винцентъ, въ архипелагѣ Зеленаго Мыса, является главнымъ мѣстомъ остановки между западной Европой и Бразиліей, а наиболѣе населенныя земли Азорскихъ и Канарскихъ острововъ составляютъ своего рода сады акклиматизаціи для растений, ввозимыхъ черезъ Атлантическій океанъ съ одного континента на другой.

II. Азорская Атлантика.

Океаническое пространство, посреди котораго возвышаются Азорскіе острова, должно бы быть специально называемо Атлантикой, такъ какъ оно лежитъ къ западу отъ Атласа и Геркулесовыхъ Воротъ, посѣщенныхъ древними мореплавателями; но этому имени «Атлантика», или «море Атласа», постепенно придавали болѣе широкое значеніе и наконецъ стали примѣнять его ко всей впадинѣ, раздѣляющей Старый и Новый Свѣтъ, отъ сѣвернаго Ледовитаго океана до антарктическихъ земель и льдовъ. Если не существуетъ точныхъ естественныхъ дѣленій въ континентальныхъ массахъ, по причинѣ постепенныхъ переходовъ рельефа почвы, геологическаго строенія, климата, то тѣмъ болѣе трудно провести демаркаціонныя линіи черезъ океанъ: соответственно движенію солнца по эклиптикѣ, порядокъ въ-

тровъ и теченій безпрестанно измѣняется; времена года перемищаются поочередно съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ; вѣчно подвижныя воды моря, направляющіяся попеременно то въ ту, то въ другую сторону, перемишиваютъ географическіе поясы въ своихъ безконечныхъ странствованіяхъ. Поэтому нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ кончаются сѣверныя области океана и начинаются моря умѣренной зоны. Приходится ограничиться указаніемъ въ общихъ чертахъ, какъ на раздѣльный поясъ, на относительно узкую часть Атлантики, заключающуюся между подводнымъ пьедесталомъ западной Европы и Ньюфаундлендской мелью: это такъ называемое «Телеграфное» плоскогорье, первая часть океана, гдѣ глубины были методически измѣряемы, въ виду укладки кабелей, передающихъ новости изъ одного міра въ другой. Эта область океана, средняя глубина которой около 4.000 метровъ, представляетъ замѣчательную правильность въ рельефѣ своего ложа, имѣющаго очень пологіе скаты и ровное дно на обширныхъ пространствахъ.

Морской бассейнъ, находящійся на югѣ отъ Телеграфнаго плато, и который можно назвать Азорской Атлантикой, по имени ближайшаго къ его центральной части архипелага, довольно точно ограниченъ съ южной стороны поясомъ меньшей ширины, заключающимся между Африкой и Южной Америкой: линія, проведенная отъ архипелага Биссагосъ до мыса Санъ-Рокъ, черезъ два острова св. Павла и Фернандо-де-Норонья, имѣетъ менѣе 2.900 километр. длины, и въ этомъ раздѣльномъ поясѣ воды менѣе глубоки, чѣмъ въ сосѣднихъ частяхъ океана, лежащихъ южнѣе и сѣвернѣе. Въ цѣломъ Азорская Атлантика имѣетъ форму сплюснутаго полумѣсяца, выпуклая сторона котораго, обращенная на западъ, окаймлена Соединенными Штатами С. Америки, Антильскими островами, берегами Гвіанъ и Бразиліи, а внутренняя вогнутая дуга очерчена побережьемъ Африки, отъ Гибралтарскаго пролива до мыса Пальма. Въ этой части океана дно представляетъ гораздо болѣе неровностей, чѣмъ въ сѣверной Атлантикѣ, къ югу отъ Гренландіи и Исландіи. Не только острова и островки, ихъ пьедесталы и окружающія мели прерываютъ океаническія пропасти между Африкой и Антильскими островами, но въ этой области существуютъ, кромѣ того, многочисленные подводныя горы, вѣроятно, вулканическаго происхожденія, какъ и выступающіе изъ-подъ воды архипелаги. Особенно часто встрѣчались эти подводные архипелаги, при измѣреніи глубины моря, на сѣверѣ и на западѣ отъ Азорскихъ острововъ: внезапное пониженіе уровня океана на 1.000 метровъ обнаружало бы существованіе многочисленныхъ острововъ, изъ которыхъ одни разсѣяны спора-

дическими группами между Телеграфнымъ нагорьемъ и Азорскими островами, другіе тянутся непрерывной цѣпью къ западу отъ этого архипелага на пространствѣ 15 градусовъ длины, по направленію къ Ньюфаундлендской мели. Однако, большинство мелей и банокъ, показанныхъ на старыхъ картахъ, — наприм. банки св. Маріи и Кутузова, къ югу отъ Азорскихъ острововъ, — не найдены новѣйшими измѣрителями глубины: сотрясенія моря, смерчи, стаи китообразныхъ, плавающія груды пемзы часто вводили въ заблужденіе моряковъ, предполагавшихъ существованіе рифовъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ лотъ опускается на 4.000 или 5.000 метровъ, не доставая дна. Рѣзкія перемены цвѣта морской воды, изъ зеленого въ сивій, изъ синяго въ червый, наблюдаемыя въ Азорской Атлантикѣ, обыкновенно соотвѣтствуютъ разницѣмъ въ глубинѣ: таково, по крайней мѣрѣ, совпаденіе, поразившее членовъ экспедиціи корабля «Talisman» въ одной части Азорской Атлантики, гдѣ дно очень неровное; тамъ четыре промѣра дали послѣдовательно: 888, 175, 240 и 1.495 метровъ ¹⁾. Впрочемъ, тѣ же самые ученые, замѣтивъ во время плаванія между Канарскими островами и архипелагомъ Зеленаго Мыса, что вода имѣетъ грязно-зеленый цвѣтъ, заключили, что тутъ должно быть «мелко»; произведенныя ими измѣренія показали, что средняя глубина моря въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 2.000 метровъ ²⁾. Это явленіе измѣненій цвѣта въ морской водѣ физики объясняютъ различно. По Тойнби, море имѣетъ вообще зеленый цвѣтъ, когда поверхность его холодная и когда атмосферный воздухъ влаженъ. Съ другой стороны, наблюденія экспедиціи корабля «Gazelle» привели къ выводу, что контрастъ лазурной воды съ зеленоватой происходитъ отъ различной степени солёности: синяя вода отличается наибольшей плотностью.

Методическаго изслѣдованія Азорской Атлантики пока еще не имѣется, и немногія мѣста, гдѣ произведено измѣреніе глубины, раздѣлены огромными пробѣлами въ тысячу и болѣе километровъ. Единственная часть океана, гдѣ рельефъ морскаго дна вполнѣ извѣстенъ, — это плоскогорье, на которомъ уложены телеграфные кабели изъ западной Европы въ Соединенные Штаты; къ югу отъ этого плато, пройденные пути кораблей, посылавшихся специально для научныхъ изслѣдованій, раздѣлены большими промежутками. Корабли «Shallenger», «Magenta» и гораздо ранѣе ихъ «Venus» проплыли море паясь между Азорскими островами и берегами Бразиліи; «Gazelle», «Saratoga», «Dolphin» пересѣкли восточную часть этого океана, отъ Мадеры до острововъ Зеленаго

Мыса; «Talisman», «Gettysburg» изслѣдовали преимущественно морскія пространства въ сосѣдствѣ острововъ, тогда какъ промѣры съ корабля «Silvertown» производились единственно для укладки кабеля между архипелагомъ Зеленаго Мыса и португальскими владѣніями сосѣдняго побережья. Противъ американскихъ береговъ, между Ньюфаундлендомъ и Бермудскими островами, между этой группой, Флоридой и Багамскимъ архипелагомъ, «Blake» и многіе другіе корабли отмѣтили свой путь сдѣланными тамъ опредѣленными глубинами. Совершенство этихъ измѣреній не даетъ еще достаточнаго матеріала для составленія подробной карты морскаго дна: наибольшая часть батометрическихъ кривыхъ можетъ быть начерчена лишь съ помощью догадокъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ; этимъ и объясняется большое разногласіе между различными картами, хотя составители ихъ располагали элементами, доставленными одними и тѣми же промѣрами. Дальнѣйшія изысканія позволяютъ постепенно уменьшать долю неизвѣстнаго: укладка подводнаго телеграфа между Португаліей и Азорскими островами, затѣмъ другія изслѣдованія, промышленныя и научныя, будутъ сближать цифры, данныя батометромъ, и такимъ образомъ, мало-по-малу, рельефъ ложа Атлантики обрисовывается предъ нами въ своей истинной формѣ. Уже на нѣкоторыхъ пунктахъ были предприняты новыя измѣренія съ цѣлью проверки прежнихъ наблюденій. Такъ, пространство между архипелагомъ Зеленаго Мыса и островами Биссагосъ было промѣрено два раза, и вторая операція, выполненная болѣе тщательно и съ лучшими измѣрительными приборами, чѣмъ первая, дала для этихъ водъ болѣе значительныя глубины, въ сравненіи съ показанными на прежнихъ картахъ ³⁾; точно также «Talisman» исправилъ многія изъ цифръ, полученныхъ ранѣе «Challenger»-омъ. Прежде, когда для измѣренія глубины употребляли простой лотъ, безъ просверленнаго ядра, отпадающаго при ударѣ конца о дно, случалось, что опускаемая въ море веревка сматывалась неопредѣленно долго, а между тѣмъ наблюдатель не ощущалъ, черезъ сотрясеніе руки, прикосновенія прибора къ дну, и тогда исчисленная глубина выходила гораздо больше настоящей, примѣромъ чего могутъ служить глубины, найденныя Денгамомъ и Паркеромъ въ бразильской Атлантикѣ. Теперь наблюдатель подвергается другому риску: при употребленіи нынѣшняго усовершенствованнаго аппарата, случайные толчки, произведенные какимъ-нибудь треніемъ, движеніемъ корабля, проходомъ большого животнаго, способны ввести въ заблужденіе измѣрителя, который легко можетъ принять такой толчокъ за ударъ о поверхность дна,

¹⁾ Perrier, «Explorations sous-marines».

²⁾ Parfait et Vincent, «Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort», 1883—1884, № 2.

³⁾ Ernesto de Vasconcelhos, рукописныя замѣтки.

вслѣдствіе чего опредѣленные имъ глубины будутъ ниже дѣйствительныхъ.

Средняя толщина жидкой массы, вычисленная Крюммелемъ для всей долины Атлантиче-

ности) мелями, составляетъ, въ центрѣ Атлантики, поперечный порогъ въ громадной долинѣ океана, то на продолженіи этой оси выступающихъ изъ моря и подводныхъ горъ находится

Мысъ Санъ-Лоренцо на Мадерѣ.

скаго океана, равняется 3.681 метру. Для бассейна Азорскихъ водъ она, вѣроятно, нѣсколько значительнѣе. Если Азорскій архипелагъ, продолжавшійся въ западномъ направленіи высокими (т. е. лежащими близко отъ поверх-

одна изъ самыхъ глубокихъ извѣстныхъ намъ пропастей Атлантики: обширная океаническая котловина, къ югу отъ Ньюфаундлендской мели, осталась бы еще подъ водой, если бы уровень моря вдругъ понизился на 6.000 метровъ. Дру-

гая пропасть лежит почти въ непосредственномъ сосѣдствѣ Антильскихъ острововъ: въ этихъ водахъ, въ 157 километрахъ къ сѣверу отъ острова св. Оомы, лотъ «Challenger'a» открылъ впадину глубиной въ 7.091 метръ, такъ что думали, что это самое глубокое мѣсто въ Атлантическомъ океанѣ; но послѣ того километровъ на сто западнѣе измѣрительный приборъ, спущенный съ корабля «Blake», досталъ дно лишь на разстояніи 7.887 метр. отъ морской поверхности. Около восточной части бассейна, въ моряхъ, окружающихъ острова Зеленаго Мыса, и даже между этимъ архипелагомъ и африканскимъ континентомъ, встрѣчаются обширныя пространства дна, гдѣ глубина превышаетъ 5.000 метровъ. Въ цѣломъ, Азорская Атлантика имѣетъ форму двойной долины, одна вѣтъ которой огибаетъ Африку, а другая омываетъ африканскія земли, будучи отдѣлена отъ первой длиннымъ подводнымъ хребтомъ, который тянется отъ юго-западной стороны Азорскаго архипелага по направленію къ Гвіанѣ. Этотъ «хребетъ», или «порогъ Дельфина», какъ его называли англійскіе географы, продолжается ли. въ южной Атлантикѣ, къ другому порогу, къ «порогу Челленджера», непрерывнымъ хребтомъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Соединительнаго»? Сдѣланные до сихъ поръ промѣры еще не довольно многочисленны, чтобы можно было утверждать это съ увѣренностью, хотя такой соединительный хребетъ уже начерченъ на большинствѣ батометрическихъ картъ океана.

За исключеніемъ сосѣднихъ съ островами морскихъ пространствъ, гдѣ встрѣчаются коралловыя мели, вещества, выносимыя батометромъ со дна океана, состоятъ главнымъ образомъ изъ ила, представляющаго мало разнообразія. Въ менѣе глубокихъ водахъ, натуралистъ можетъ еще распознать остатки глобигеринъ и другихъ микроскопическихъ животныхъ; но въ пропастяхъ глубиною въ 3.000 метровъ или болѣе обломки раковинъ до такой степени измельчены и измѣнены огромнымъ давленіемъ, подъ которымъ онѣ находились, что нѣтъ возможности различить смѣшанные остатки организмовъ: все слѣпилось въ однообразный илъ, по составу похожій на мѣлъ; еще ниже характеристическій осадокъ дна океана составляетъ красная глина ¹⁾). Члены экспедиціи «Талисмана» наблюдали въ илѣ морскаго дна три различныя окраски: красновато-желтую—у береговъ Марокко, зеленую—въ сосѣдствѣ Сенегала и бѣлую—на окружности Азорскихъ острововъ ²⁾). Такъ образуются пласты, подобные тѣмъ слоямъ, изъ которыхъ состоятъ выступившія изъ-подъ воды горныя породы, принадлежащія къ послѣдовательнымъ періодамъ планетной исторіи Земли. Въ большей части этихъ

отложеній ила, добытыхъ лотомъ со дна Азорской Атлантики, находятся обломки вулканическаго происхожденія, особенно пемза (вулканическая пѣна). Эти обломки происходятъ, вѣроятно, изъ центровъ изверженія, образуемыхъ архипелагами, такъ какъ всего чаще они встрѣчаются около острововъ съ кратерами. Методическое изслѣдованіе морскаго дна позволитъ опредѣлить съ точностью тѣ области, гдѣ открывались отверстія вулкановъ. Кромѣ продуктовъ эруптивнаго происхожденія, «Талисманъ» извлекъ изъ глубины отъ 4.000 до 5.000 метровъ образчики различныхъ горныхъ породъ, гранита, гнейса, сланцевъ, известняковъ и песчаниковъ. Углубленія этихъ породъ были по большей части заполнены бѣловатою грязью, состоящей преимущественно изъ глобигеринъ ¹⁾).

Въ этихъ тропическихъ моряхъ пониженіе температуры съ увеличеніемъ глубины совершается правильно, какъ и въ сѣверныхъ областяхъ океана. На поверхности вода, подвергаясь безпрестанно мѣняющемуся вліянію временъ года и атмосферныхъ теченій, обнаруживаетъ въ своей температурѣ соответствующія перемѣны: сѣверо-восточные пассатные вѣтры охлаждають, береговыя бризы нагревають ее: въ среднемъ, температуры года колеблются въ Азорской Атлантикѣ около 20 градусовъ, но иногда поднимаются до 25° и 28°, а опускаются до 16° и ниже. Вліяніе вѣшнихъ дѣятелей климата быстро ослабѣваетъ подъ поверхностнымъ слоемъ водъ: на глубинѣ 110 метровъ термометръ не обнаруживаетъ уже колебаній температуры, происходящихъ отъ чередованія тепла и холода въ наружной атмосферѣ. Въ этомъ тонкомъ поверхностномъ слое водъ пониженіе температуры идетъ всего быстрѣе. Такъ, въ 333 километрахъ къ югу отъ острововъ Зеленаго Мыса, термометръ, показывавшій 25°, 56 на поверхности моря, опустился до 12°, 33 на глубинѣ 91 метра. Ниже уменьшеніе температуры совершается крайне медленно, а въ глубинѣ морскихъ пропастей разность составляетъ всего нѣсколько десятыхъ долей градуса на сотни метровъ толщины. Результаты 212 измѣреній, произведенныхъ экспедиціей «Талисмана», дали для глубины въ 1.000 метровъ температуру немного менѣе 10 градусовъ, то-есть на 15 градусовъ менѣе температуры поверхностныхъ водъ; на глубинѣ 3.500 метровъ она равна 3 градусамъ, а въ сосѣдствѣ дна приближается къ нулю, который для соленой воды не есть еще точка замерзанія. Въ части Атлантическаго океана, заключающейся между Азорскими островами и архипелагомъ Зеленаго мыса, неизмѣнная температура воды, покоящейся на морскомъ ложѣ, равна 1°, 78; сѣвернѣе, около Бискайскаго за-

¹⁾ Parfait et Vincent, цитированный мемуаръ.

²⁾ Vonqué, «Académie des Sciences de Paris», 5 avr 1886.

¹⁾ Perrier, «Explorations sous-marines».

лива, вода немного теплѣе; въ западныхъ областяхъ Атлантики, около Антильскихъ и Бермудскихъ острововъ и особенно на югѣ, подъ экваторомъ, температура воды еще ниже: здѣсь найдена наименьшая температура, какая до сихъ поръ наблюдалась въ Атлантическихъ глубинахъ, именно 0°,22 Цельсія.

Замѣчательно, что воды Азорской Атлантики теплѣе водъ экваторіальнаго бассейна того же океана. Если разсматривать жидкую массу одинаковой толщины въ 2.850 метровъ въ этихъ двухъ океанскихъ областяхъ, то оказывается, что средняя разность температуры между соответственными слоями составляетъ 2°,5 въ пользу сѣверныхъ водъ до 40-го градуса широты. Это явленіе, на первый взглядъ противорѣчающее законамъ физики земнаго шара, должно быть приписано вліянію морскихъ теченій. Въ то время, какъ часть океана, заключающаяся между Антильскими островами на западѣ, Канарскими островами и архипелагомъ Зеленаго мыса на востокѣ, относительно спокойна и нагревается на солнцѣ, какъ въ обширномъ котлѣ, воды экваторіальнаго бассейна въ значительной части обновляются на поверхности водами, притекающими изъ сѣверной Атлантики, которыя прошли съ сѣвера на югъ вдоль всего африканскаго побережья; въ глубинахъ океаническаго ложа движутся холодныя воды, постоянно приливающія изъ антарктическихъ областей моря и текуція по дну Западной Атлантики и Антильскихъ острововъ. По наблюденіямъ экспедиціи «Челленджера» и «Газели», поясъ встрѣчи антарктическихъ водъ дна находится на юго-западѣ отъ Азорскихъ острововъ, между 36° и 37° широты. Такимъ образомъ, термическій экваторъ морскаго дна, указываемый глубокими слоями, менѣе холодными, чѣмъ боковые слои съ сѣверной и южной стороны, отодвинутъ далеко за экваторъ геометрической: онъ пересѣкаетъ наискось Азорскую Атлантику, на разстояніи по крайней мѣрѣ 2.000 километровъ отъ равноденственной линіи. Въ океанскихъ пучинахъ, также какъ и на поверхности материковъ, зона равновѣсія между климатами сѣвера и юга находится въ сѣверномъ полушаріи.

Каковы бы, впрочемъ, ни были разницы температуры въ глубокихъ слояхъ, фактъ постепеннаго уменьшенія тепла отъ поверхности ко дну, до 1°,5 выше нуля или даже до еще болѣе низкой температуры, составляетъ нормальное явленіе во всѣхъ частяхъ всемірнаго океана. Нельзя того же сказать про замкнутый почти бассейнъ Средиземнаго моря, которое получаетъ изъ сосѣдняго океана только поверхностныя воды, имѣющія всегда температуру болѣе 12 или 13 градусовъ. Извѣстно, какія слѣдствія вывелъ французскій астрономъ Фэ (Faye) изъ того факта, что вода на днѣ океана почти такъ же холодна, какъ ледъ. Под-

вергаясь изъ вѣка въ вѣкъ, въ продолженіи длиннаго ряда геологическихъ періодовъ, этому охлаждающему вліянію жидкой массы, скалы морскаго ложа охладились и сами до нѣкоторой глубины; онѣ сжимаются, ихъ толщина и плотность возрастаютъ: при равномъ объемѣ онѣ пріобрѣтаютъ болѣе вѣсъ сравнительно съ материковыми горными породами, и, слѣдовательно, эти послѣднія, по мнѣнію названнаго ученаго, оказываютъ меньшее относительное вліяніе на качанія маятника ¹⁾.

По системѣ своихъ вѣтровъ Азорская Атлантика дѣлится на два пояса: на сѣверѣ поясъ воздушныхъ теченій, движущихся отъ запада къ востоку,—это зона Европы; на югѣ поясъ пассатовъ,—это собственно океанская зона. Кромѣ того, береговая область Африки также отличается особымъ движеніемъ воздуха, такъ какъ сосѣдство материка ниспровергаетъ всю систему для образованія суточныхъ бризъ и муссоновъ. Азорскіе острова лежатъ почти на границѣ между пассатами и контръ-пассатами, которые, спустившись изъ верхнихъ областей атмосферы, становятся вѣтрами юго-западными и западными: воздушныя теченія, направляющіяся къ берегамъ Иберіи, Франціи, Британскихъ острововъ, берутъ начало въ этой центральной части морскаго бассейна. Многочисленныя изслѣдованія, произведенныя Бро (Brault) относительно направленія и силы вѣтровъ въ сѣверной Атлантикѣ, доказали, что воды вокругъ острова Флореса, одной изъ двухъ западныхъ земель Азорскаго архипелага, представляютъ лѣтомъ настоящій центръ атмосфернаго вращенія: это единственная область Атлантическаго океана, гдѣ сѣверные вѣтры дуютъ такъ же часто, какъ и южные, и гдѣ западные воздушныя токи уравниваются съ токами восточными. Къ востоку отъ этихъ водъ, господствующіе вѣтры дуютъ съ сѣвера; къ западу они приходятъ съ юга; на сѣверѣ, главное ихъ направленіе съ запада на востокъ; на югѣ—направленіе обратное: такимъ образомъ вокругъ этой области, какъ около центра, вращается весь атмосферный океанъ Азорской Атлантики. Понятно поэтому, какое важное значеніе будетъ имѣть для метеорологовъ Европы подводный кабель, долженствующій скорѣе соединить Азорскіе острова со всей сѣтью европейскихъ обсерваторій: по укладкѣ этого кабеля, на островѣ Флоресъ, въ самой точкѣ поресѣченія большихъ воздушныхъ токовъ, будетъ помѣщаться главная метеорологическая станція, откуда будутъ сообщать по телеграфу, за нѣсколько дней впередъ, предсказанія вѣроятной погоды въ западной Европѣ. Въ нервной системѣ Стараго Свѣта телеграфныя щупальцы Азорскаго архипелага будутъ самымъ чувствительнымъ органомъ осознанія.

¹⁾ „Revue Scientifique“ 20 février 1886.

Нормальное движеніе вѣтровъ въ Азорской Атлантикѣ хорошо извѣстно уже съ того времени, когда первые мореплаватели объѣхали эти моря. Всѣ они были поражены правильностью воздушныхъ теченій, дующихъ въ открытомъ морѣ на широтѣ Мадеры и Канарскихъ острововъ, и дали этимъ теченіямъ названія, свидѣтельствующія о знакомствѣ ихъ съ закономъ циркуляціи вѣтровъ въ этихъ областяхъ океана. У португальцевъ эти правильные вѣтры, дующіе съ сѣверо-востока на юго-западъ, называются *geraes*, т. е. «общіе»; французы назвали ихъ *vents alizés*, что значитъ «ровные» или правильные ¹⁾, а у англійскихъ мореходовъ они были сначала извѣстны подъ именемъ *treadwinds*, или «вѣтровъ правильного хода», которое впоследствии, благодаря невольной игрѣ словъ, вполнѣ понятой у торговой націи, преобразилось въ *trade-winds*, т. е. «вѣтры торговли». Но если воздушныя массы этой области океана движутся вообще съ большою правильностью, движеніе ихъ тѣмъ не менѣе представляется, смотря по времени года, періоды ускоренія или замедленія, а также уклоненія въ ту или другую сторону, и весьма важно изучить ихъ нормальную послѣдовательность. Морскія карты (*Pilot-charts*) Мори, карты Бро и Тойнби, составленныя на основаніи сотенъ тысячъ наблюденій и постоянно пополняемые результатами работъ другихъ метеорологовъ, позволяютъ все точнѣе и точнѣе опредѣлить спеціальныя черты этого организма вѣтровъ. Особенно важно опредѣлить на сѣверѣ и на югѣ границы воздушной площади пассатовъ, которая перемѣщается попеременно въ ту и другую сторону, соответственно движенію солнца по эклиптикѣ. Во время лѣта сѣвернаго полушарія, на всемъ пространствѣ океана къ югу отъ Азорскихъ острововъ, почти до 14-го градуса сѣв. широты, дуютъ пассаты; зимой, когда солнце бываетъ въ зенитѣ тропика Козерога, вся система пассатныхъ вѣтровъ передвигается къ югу; въ то время, какъ окружающія Азорскій архипелагъ воды снова вступаютъ на время въ зону перемѣнныхъ западныхъ вѣтровъ, вся центральная Атлантика принадлежитъ къ поясу пассатовъ ²⁾. Важно также знать въ точности морскія области, гдѣ образуются зоны штилей (затишья) или, вѣрнѣе сказать, меньшей силы вѣтровъ, указываемыя, одна въ сосѣдствѣ экватора, другая на югѣ отъ Азорскихъ острововъ, пространствами эллиптической формы, вокругъ которыхъ развертываются «изаномонны», или кривыя равной силы вѣтра, впервые начерченныя упомянутымъ изслѣдователемъ Бро. Наконецъ, остается еще опредѣлить толщину воздушнаго слоя, составляющаго пассаты, и найти въ высотахъ атмосферы верхній слой контръ-пассатовъ, или возвратныхъ вѣтровъ,

которые, поднявшись вертикально въ поясѣ экваторіальнаго затишья, движутся на сѣверъ по направленію къ полюсу, постепенно опускаясь къ поверхности планеты. На Пикъ-де-Тейде, въ архипелагѣ Канарскихъ острововъ, промежуточный поясъ между пассатами и возвратными вѣтрами лѣтомъ поднимается, зимой опускается на верхнихъ скатахъ горы, и астрономъ Пиацци Смитъ нѣсколько разъ измѣрилъ точнымъ образомъ толщину нижняго слоя вѣтровъ, движущагося отъ сѣверо-востока къ юго-западу; но Пикъ-де-Тейде составляетъ лишь островокъ въ воздушномъ океанѣ, и до сихъ поръ еще не изучали, съ той же точки зрѣнія, горы Мадеры, горы архипелага Зеленаго Мыса и часто наблюдаемыя вереницы облаковъ, плывущихъ по небу въ обратномъ направленіи съ правильными вѣтрами.

Система морскихъ теченій азорской Атлантики извѣстна въ общихъ чертахъ, какъ и система вѣтровъ; но и тутъ многое остается еще невыясненнымъ, многіе факты и явленія еще недостаточно подробно изучены. Прослѣдить воды во всѣхъ ихъ круговоротахъ тѣмъ труднѣе, что нѣкоторыя теченія движутся слишкомъ медленно, чтобы можно было измѣрять ихъ непосредственно; о нихъ узнаютъ только чрезъ посредство термометра, когда ихъ температура разнится отъ температуры окружающей жидкой массы. Такъ, въ глубинахъ экваторіальныхъ морей обнаружили существованіе теченія, исходящаго изъ антарктическихъ морей и достигающаго почти Азорскихъ острововъ; точно также, благодаря термометру, удалось прослѣдить, въ тѣхъ же областяхъ океана, движеніе холодныхъ массъ жидкости, текущихъ изъ сѣверныхъ морей. Но почти на всемъ протяженіи центральнаго бассейна Атлантического океана воды обладаютъ скоростью, которая измѣняется сотнями метровъ и даже километрами въ часъ.

Въ цѣломъ, часть океана, заключающаяся между Телеграфнымъ плоскогорьемъ и экваторомъ, между западнымъ берегомъ Африки и Антильскими островами, занята обширнымъ водоворотомъ, воды котораго пребываютъ въ непрерывномъ круговращательномъ движеніи, постоянно побуждаемыя тѣми же силами. Отъ береговъ Сенегамбій теченіе, слѣдовавшее вдоль африканскаго материка, направляется черезъ Атлантическій океанъ къ Антильскимъ островамъ; затѣмъ одна часть его проникаетъ въ Канарское море, а другая, слѣдующая по вѣншей сторонѣ Багамскихъ острововъ, присоединяется къ американскому гольфстрему, чтобы сопровождать его въ движеніи на сѣверо-востокъ и далѣе на востокъ. Площадь водъ, текущая обратно отъ Америки къ Старому Свѣту, изливается въ Азорское море; затѣмъ, въ сосѣдствѣ береговъ Португаліи и Марокко, она поворачиваетъ на югъ, завершая такимъ образомъ исполненіи

¹⁾ Littré, «Dictionnaire de la langue française».

²⁾ Toynbee, «Meteorological Committee», 1877.

круговоротъ. Движеніе водъ океана, почти параллельное движенію проходящихъ надъ ними воздушныхъ массъ, отличается отъ послѣдняго только меньшей скоростью и случайными отклоненіями отъ нормальнаго пути, вслѣдствіе препятствій, противоположаемыхъ высокими берегами, островными или материковыми; впрочемъ, поверхностная часть водъ непосредственно подвержена дѣйствію вѣтра и движется въ одну съ нимъ сторону: она становится зыбью подъ вліяніемъ сильнаго воздушнаго тока, мелкой рябью подъ вліяніемъ легкаго вѣтерка. Преходящія вѣтры производятъ на водную площадь лишь мимолетное впечатлѣніе, и дѣйствіе ихъ не проникаетъ въ глубину; правильные же воздушные токи, каковы пассаты, дѣйствуя непрерывно изъ вѣка въ вѣкъ, должны съ теченіемъ времени распространяться по всей толщѣ жидкой массы и, если не опредѣлять общее движеніе этой массы, то по крайней мѣрѣ способствовать ему въ значительной степени. До недавняго времени происхожденіе экваторіальнаго теченія, направляющагося отъ востока къ западу, обратно движенію самой планеты, приписывали обращенію земли около оси, такъ какъ при этомъ вращеніи жидкія массы океанской оболочки, какъ части болѣе подвижныя, должны отставать; подобно тому и поперечныя теченія объяснялись излишкомъ скорости планетнаго вращенія, приобретаемой водами въ экваторіальныхъ широтахъ. По мнѣнію Мюри, первоначальной причиной движенія морскихъ водъ слѣдуетъ считать центробѣжную силу планеты, болѣе значительную на экваторѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ земной поверхности. Какъ бы то ни было, различія въ степени солености и теплоты между жидкими слоями несомнѣнно способствуютъ ходу теченія; но вызываемыя ими движенія могутъ быть обнаружены лишь при помощи очень тонкихъ наблюденій, производимыхъ систематически въ продолженіи длиннаго ряда лѣтъ.

Средняя скорость главныхъ теченій Азорской Атлантики не превышаетъ километра въ часъ, т. е. въ сорокъ разъ меньше средней скорости вѣтра, пробѣгающаго надъ поверхностью водъ: въ восточной части экваторіальнаго теченія, направляющагося отъ востока къ западу, движущаяся жидкая масса проходитъ отъ 26 до 30 километровъ въ сутки. Въ центральныхъ частяхъ океанскаго бассейна, а именно въ морѣ Водорослей, теченіе замедляется; напротивъ, въ сосѣдствѣ прибрежья и въ проливахъ между островами оно ускоряется. Хотя слабое, движеніе пассатныхъ водъ, вмѣстѣ съ правильными вѣтрами, оказываетъ большую помощь кораблямъ, отправляющимся въ Новый Свѣтъ, и не будь этой движущейся морской дороги, Колумбъ, вѣроятно, никогда не добрался бы до Санъ-Сальва-

дора. И въ нынѣшнее время по милости этихъ теченій нерѣдко случалось, что парусныя суда приставали къ берегамъ Америки, тогда какъ экипажъ ихъ имѣлъ въ виду попасть на острова, или проникнуть въ южную Атлантику. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и въ древности бывали подобные случаи, когда корабли, пускавшіеся въ океанъ, незамѣтно для себя уклонялись отъ избраннаго пути, а слѣдовательно, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что такіе невольные эмигранты изъ Старога Свѣта, напримѣръ, финикійяне, задолго до европейцевъ, основывали колоніи въ Америкѣ¹⁾; но мы не имѣемъ ни одного положительнаго свидѣтельства, которое бы подтверждало эти догадки относительно отдаленныхъ эпохъ, тогда какъ въ новомъ періодѣ указываютъ многочисленные примѣры судовъ, увлеченныхъ на западъ пассатными вѣтрами и теченіями. Такъ, унесенный теченіемъ, Альваресъ Кабралъ открылъ, въ 1500 году, Бразилію, держа путь въ Индію Віера-и-Клавихо разсказываетъ, что одна барка, оторванная вѣтромъ у деревни о. Лансаротъ, была выброшена волнами на берега Венецуелы. Въ 1731 году другая барка, нагруженная винами, покинула островъ Teneriffe, чтобы отправиться на другую землю Канарскаго архипелага: отброшенная бурей на западъ, она послѣ долгаго странствованія очутилась въ Америкѣ и пристала къ берегу въ Испанскомъ портѣ, на островѣ Тринидадѣ; экипажъ, имѣя запасъ провизіи только на пять или на шесть дней, принужденъ былъ довольствоваться виномъ, вмѣсто всякой пищи²⁾. Одинъ судья съ острова Терсейра, возвращаясь изъ поѣздки на островъ св. Георгія, былъ унесенъ въ Бразилію, откуда вернулся домой черезъ Лиссабонъ³⁾.

«Челленджеръ», «Талисманъ», «Маджента» и другіе корабли, недавно производившіе научныя изслѣдованія въ Атлантическомъ океанѣ, вывели изъ своихъ экскурсій не только множество драгоценныхъ наблюденій, относящихся къ морскимъ глубинамъ, свойству дна, температурѣ и движенію жидкихъ слоевъ, но, кромѣ того, натуралисты, входившіе въ составъ этихъ экспедицій, занимались особенно изученіемъ организмовъ, населяющихъ эти моря и собрали обширную жатву. Бассейнъ Азорской Атлантики, гдѣ температура воды выше, чѣмъ въ экваторіальныхъ моряхъ, отличается изумительнымъ богатствомъ животной жизни; нѣкоторыя пространства океана, особенно въ сосѣдствѣ Канарскихъ острововъ, буквально кишатъ живыми существами, такъ что вода кажется одушевленной: міриады тварей всевоз-

¹⁾ Onfroy de Thoron, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1881.

²⁾ Romanet du Cailland, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 3 mars 1886.

³⁾ Fouqué, „Revue des Deux Mondes“, 1 janvier 1873.

можныхъ формъ и цвѣтовъ, темныхъ или прозрачныхъ, блестящихъ или почти невидимыхъ, движутся у поверхности моря, освѣщаемой яркими лучами солнца; дельфины, акулы, предшественныя «лоцманами» (*paucrates ductor*), безчисленныя породы рыбъ быстро пробѣгаютъ водныя пространства; изъ каждой волны взвиваются на воздухъ долгоперы, или летучія рыбы, и падаютъ обратно въ слѣдующую волну, гдѣ ихъ часто поджидаетъ уже пасть какого-нибудь хищника; аргонавты, или «португальскіе корабли», носятся по волнамъ, словно барки съ бѣлымъ парусомъ. Подъ фауной верхнихъ слоевъ, которая перемѣщается соответственно временамъ года, поднимаясь лѣтомъ на сѣверъ, спускаясь зимой къ югу, натуралисты изучаютъ теперь вторую фауну, площадь которой гораздо обширнѣе, благодаря однообразію температуры, преобладающему въ глубокой водѣ. Какіе крики радостнаго удивленія часто встрѣчали на палубѣ корабля появленіе сѣтей, вытасненныхъ съ глубины двухъ или трехъ тысячъ метровъ, съ богатой добычей дикихъ животныхъ, никогда еще не виданныхъ человѣкомъ!

Какъ сказалъ Гумбольдтъ почти сто лѣтъ тому назадъ, море есть по преимуществу театръ животной жизни, растенія же существуютъ тамъ только на скалистыхъ берегахъ острововъ и на окраинахъ материковъ, такъ что они принадлежатъ собственно къ твердой землѣ, по крайней мѣрѣ своими корнями. Однако, Азорская Атлантика имѣетъ также свою особенную, чисто морскую флору: это скопленія пловучихъ растеній, саргассъ, на которыя прежде смотрѣли, какъ на остатокъ Атлантиды, какъ на луга водорослей, всплывшіе на поверхность, въ то время, какъ самый континентъ погрузился на дно океана¹⁾. По вѣшнему виду, эти саргассы, или морской виноградъ (*fucus natans, sargassum bacciferum*), съ ихъ развѣтвляющимся стеблемъ, боковыми перепонками въ формѣ зубчатыхъ листьевъ, и плавательными воздушными пузырями, напоминающими ягоды, совершенно подходятъ на сухопутныя растенія высшей организации; тѣмъ не менѣе, это, несомнѣнно, водоросли, такія же, какъ водоросли побережья, и до сихъ поръ у нихъ не могли открыть органовъ воспроизведенія. Эти растенія не обломки фукусовъ (какъ думали прежде), захватываемыхъ волнами на берегахъ Антильскихъ острововъ и американскаго материка, чтобы отдать ихъ потомъ на произволъ теченія, которое заставляяетъ ихъ кружиться безъ конца въ обширномъ круговоротѣ экваторіальныхъ водъ. Какъ показали наблюденія Мейена (въ 1830 г.), подтвержденные впоследствии подроб-

ными изслѣдованіями Лепса²⁾, саргасса ягодоносная—растеніе океанское, родящееся въ тѣхъ самыхъ водахъ, гдѣ его встрѣчаютъ корабли. Кожура, находящаяся около середины водоросли, достигшей полнаго развитія, указываетъ точку, откуда отдѣлилась болѣе молодая вѣтвь, которая, въ свою очередь, раздѣлится на новые отростки. Такъ образуются не луга—*praderias*,—какъ ихъ называли первые мореплаватели, а полосы водорослей, слѣдующія одна за другой, въ видѣ острововъ и архипелаговъ длиной въ нѣсколько метровъ, иногда даже площадью въ нѣсколько гектаровъ³⁾. Контуръ этихъ пловучихъ острововъ безпрестанно мѣняется подъ вліяніемъ вѣтра и волненія: проходящіе корабли безъ труда разсѣкаютъ ихъ, такъ какъ водоросли образуютъ лишь поверхностный слой и нигдѣ не представляютъ мощнаго скопленія изъ многихъ послѣдовательныхъ рядовъ. Къ востоку отъ Азорскихъ острововъ эти растенія не встрѣчаются. Области моря, гдѣ саргассовыя водоросли скучены въ наибольшемъ количествѣ, простираются къ западу и юго-западу отъ этого архипелага, на протяженіи болѣе 15 градусовъ въ обоихъ направленіяхъ—съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ: это обширное пространство обнимаетъ около трехъ милліоновъ квадратныхъ километровъ. Далѣе на западъ, въ сосѣдствѣ Антильскихъ острововъ, другое «Саргассовое море», менѣе обширное, чѣмъ Азорское море. Водорослей, состоятъ изъ болѣе рѣдкихъ травянистыхъ островковъ, отрывки которыхъ, плывущіе длинными вереницами, увлекаются теченіемъ въ Карибское море, черезъ проливы, раздѣляющіе Антильскіе острова.

Острова морской «зелени» имѣютъ свою фауну, подобно земнымъ островамъ. Всѣ ягоды саргассовыхъ водорослей инкрустированы бѣлыми полизонами. Рыбы, скрывающіяся въ тѣни водорослей, или въ ихъ пучкахъ, одѣли ливрею растеній-покровителей, такъ что даже натуралистъ съ трудомъ можетъ различить ихъ между водорослями, у которыхъ темно-зеленый цвѣтъ перемѣшанъ съ бѣлымъ и желтымъ. Одна порода рыбъ, *antennarius marmoratus*, или рукоплавка крапчатая, которую сначала принимали за безформенный отрывокъ фокуса, длиной отъ 4 до 10 сантиметровъ, создана скорѣе для хожденія, чѣмъ для плаванія: по странному совпаденію, плавники ея, указывающіе уже на организацию членовъ, свойственную четвероногимъ, оканчиваются настоящими пальцами, а передніе плавники имѣютъ даже форму руки, съ локтемъ, предплечіемъ и кистью⁴⁾; при помощи липкихъ нитей она строитъ себѣ

¹⁾ «Annales Hydrographiques», 1857;—«Bulletin de la Société de Géographie de Paris», sept. 1865.

²⁾ Wyville Thomson, цитированное сочиненіе;—Giglioli e Issel «Pelagos».

³⁾ Perrier, цитиров. сочиненіе.

⁴⁾ Raynal, «Histoire politique et philosophique des deux Indes».

гнѣздо въ водоросляхъ. Вся фауна Саргассоваго моря, состоящая изъ рыбъ, раковъ и моллюсковъ, заключаетъ около шестидесяти видовъ. Азорцамъ выгодно было бы завести рыболовныя тони въ этихъ поляхъ пловучихъ водорослей; кромѣ того, они нашли бы тамъ неисчерпаемые запасы удобрения для увеличенія производительной силы своихъ садовъ, и могли бы также добывать іодъ, бромъ и другія химическія вещества ¹⁾.

III. Азорскіе острова.

Азорскіе или Асорскіе, т. е. «Ястребинные», острова имѣютъ наиболѣе океаническій характеръ между архипелагами Атлантики. Выступая изъ морскихъ пучинъ до четырехъ и болѣе километровъ глубины, они расположены, своей крайней восточной землей, островомъ Санъ-Мигуэльъ, въ 1.380 километрахъ къ западу отъ португальскаго мыса Рока и въ 1.550 километрахъ отъ мыса Кантинъ, крайняго западнаго выступа Марокко. Еще болѣе значительныя пространства отдѣляютъ ихъ отъ Новаго Свѣта: отъ крайняго сѣверо-западнаго острова, Корво, до ближайшаго выступа американскихъ земель, мыса Рэсъ на Ньюфаундлендѣ, разстояніе около 1.800 километровъ; оно составляетъ 4.000 километровъ до острова св. Томы въ сѣверо-восточномъ углу Антильскаго архипелага, и 3.000 километровъ до группы Бермудскихъ острововъ, которые можно считать принадлежащими къ Америкѣ, хотя они лежатъ въ глубокихъ моряхъ. Раздѣленные на три группы неравной величины, Азорскіе острова занимаютъ часть моря около трехъ градусовъ по широтѣ и болѣе шести градусовъ по долготѣ; но на этомъ пространствѣ въ 200.000 квадратныхъ километровъ выступающія изъ подъ воды земли составляютъ ничтожную долю: проходы между островами такъ широки, что рѣдко можно разглядѣть съ одного берега другой. По степени населенности эти острова превосходятъ свою метрополию, Португалію, такъ какъ на нихъ насчитывается, среднимъ числомъ, свыше 100 жителей на квадратномъ километрѣ, а между тѣмъ есть мѣстности, на высокихъ склонахъ горъ и вулканическихъ жерлахъ, непригодныя ни для какой культуры и совершенно необитаемыя. Пространство архипелага: 2.388 квадратныхъ километровъ; населеніе, по послѣдней переписи (1890 г.): 255.594 души. Густота населенія: 107 жителей на 1 квадратный километр.

Съ половины XIV столѣтія, за восемьдесятъ лѣтъ до перваго посѣщенія архипелага португальцами, Азорскіе острова были уже хорошо

извѣстны мореходамъ Средиземнаго моря, пускавшимся въ опасныя воды «Темнаго моря». «Медицейскій» портуланъ во Флоренціи, относящійся къ 1351 году, представляетъ намъ всю эту группу острововъ, начерченныхъ съ большою точностью, за исключеніемъ развѣ того, что они ориентированы съ сѣвера на югъ, а не съ сѣверо-запада на востокъ, какъ бы слѣдовало. Два острова сохранили даже итальянское имя, слегка измѣненное: самый дальній отъ Европы, называвшійся прежде *Insula Corvis Marinis*, и теперь носить то же прозвище, переведенное съ латинскаго на португальскій языкъ, *ilha do Corvo* или «островъ Ворона»; другой островъ, *San-Zorze*, открытый, какъ показываетъ это названіе, генуэзцами, получилъ въ послѣдствіи испанское имя *San-Jorge* (св. Георгія) ¹⁾. Въ 1431 году португальскіе моряки, производя систематическое обследованіе океана, которое составило ихъ славу въ великій вѣкъ морскихъ экспедицій, впервые осмотрѣли нѣкоторыя азорскія земли: то были скалы, *Formigas*, между островами св. Михаила и св. Маріи. Въ слѣдующемъ году мореплаватель Гонсало Вельо Кабраль вернулся въ эти воды: онъ открылъ островъ *Santa-Maria* (св. Маріи), который и былъ пожалованъ ему въ ленъ португальскимъ королемъ дономъ Генрихомъ. Затѣмъ, двѣнадцать лѣтъ спустя, тотъ же мореплаватель присталъ къ Санъ-Мигуэлю, главному острову, который онъ тоже получилъ въ вассальное владѣніе: восточная группа острововъ, Кабрера, или *las Cabras*, какъ она называлась въ старинныхъ портуланахъ, была окончательно включена въ географическій инвентарь. Прошло еще двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ послѣдній изъ девяти Азорскихъ острововъ былъ окончательно обследованъ, черезъ сто слишкомъ лѣтъ послѣ посѣщенія его итальянскими мореплавателями.

Острова эти, хотя разсѣянные на обширномъ пространствѣ океана, имѣютъ между собой много общихъ чертъ. Всѣ они гористы, увѣнчаны вершинами съ кратеромъ, откуда выливалась лава, и ограничены со стороны моря утесами изъ вулканическихъ шлаковъ, черными массами грознаго вида. Всѣ состоятъ единственно изъ пепла, шлака и лавы, за исключеніемъ острова *Санта-Марія*, на юго-восточной оконечности архипелага, гдѣ встрѣчаются слои известняка, принадлежащіе къ миоценовому періоду. Географическій архипелагъ дѣлится на три обособленныя группы. Самая большая изъ нихъ по протяженію—восточная, хотя она заключаетъ въ себѣ только два острова, Санъ-Мигуэльъ и *Санта-Марія*, и скалы *Формигасъ*, которые можно разсматривать какъ вершины острова, пьедесталъ котораго находится подъ

¹⁾ Leps, цитир. жемуръ;—Paul Gaffarel, „Bulletin de la Société de Géographie“, décembre 1872.

¹⁾ D'Avezac, „Notice des découvertes au moyen âge dans l'océan Atlantique“;—Oskar Peschel, „Geschichte der Entdeckungen“.

водой. Къ центральной группѣ принадлежатъ пять острововъ: Терсейра, по имени котораго иногда называли весь архипелагъ, Грасіоза, Санъ-Жорже, Пико и Файаль. Что касается западной группы, меньшей изъ всѣхъ по пространству, населенности и исторической важности, то она состоитъ всего изъ двухъ острововъ—Флореса и Корво. Это единственная часть архипелага, гдѣ высоты представляютъ расположеніе съ сѣвера на югъ; на всѣхъ другихъ его островахъ направленіе горныхъ цѣпей—съ западо-сѣверо-запада на востоко-юго-востокъ¹⁾; самые острова вытянуты къ тѣмъ же точкамъ горизонта. Разсматривая на картѣ

всѣ три группы, легко замѣтить, что Азорскія земли расположены по тремъ параллельнымъ линіямъ, равно отстоящимъ и направленнымъ также съ западо-сѣверо-запада на востоко-юго-востокъ. Первая изъ этихъ линій проходитъ черезъ Грасіозу, Терсейру и Санъ-Мигуэль; вторая, средняя, соединяетъ Корво съ скалами Формигасъ черезъ длинный островъ св. Георгія; наконецъ, южная цѣпь острововъ заключаетъ въ себѣ Флоресъ, Файаль, Пико, Санта-Марія. Приводимъ здѣсь точныя цифры пространства отдѣльных острововъ архипелага и высоты ихъ главныхъ горъ.

А з о р с к і е о с т р о в а .

Группы.	Пространство.	Самыя высокія горы, по Видаю.
Восточная.	Санта-Марія . . . . . 104 кв. кл.	Пико-Альта . . . . . 570 метр.
	Санъ-Мигуэль . . . . . 770 »	Пико-да-Вара . . . . . 1.089 »
	Терсейра . . . . . 578 »	Кальдейра-да-Санта-Барбара . . . . . 1.067 »
	Грасіоза . . . . . 46 »	Край Кальдейры . . . . . 411 »
Центральная.	Санъ-Жорже . . . . . 104 »	Пико-да-Эсперанца . . . . . 951 »
	Пико . . . . . 455 »	Пико . . . . . 2.320 »
	Файаль . . . . . 165 »	Край Кальдейры . . . . . 1.021 »
Западная.	Флоресъ . . . . . 148 »	Морро-Гранде . . . . . 942 »
	Корво . . . . . 18 »	Край Кальдейры . . . . . 777 »

Причину правильнаго расположенія этихъ вулканическихъ острововъ, можетъ-быть, нужно искать въ направленіи изверженій, происходившихъ всегда на линейныхъ трещинахъ морскаго дна. Лавы Азорскаго архипелага гораздо моложе лавъ Мадеры и Канарскихъ острововъ: между ними не видать такихъ, появленіе которыхъ могло бы быть отнесено ко временамъ, предшествовавшимъ міоценовому періоду, т. е. той эпохѣ, когда отлагались известковые пласты острова Св. Маріи. Въ настоящее время вулканическая дѣятельность, если не совсѣмъ угасла, то по крайней мѣрѣ затихла на обѣихъ оконечностяхъ архипелага, съ одной стороны на Санта-Марія и въ восточной части Санъ-

Мигуэля, съ другой—въ группѣ Флоресъ и Корво; но внутренний очагъ еще горитъ подъ центральными островами, особенно подъ вулканомъ о. Пико, и еще дѣятельнѣе подъ западной частью о. Санъ-Мигуэля. Въ этой области въ теченіе четырехъ столѣтій, составляющихъ весь историческій періодъ Азорскаго архипелага, имѣли мѣсто самыя страшныя катастрофы, изверженія и землетрясенія.

Лѣтописи отмѣтили слѣдующія, болѣе или менѣе значительныя, проявленія вулканической дѣятельности на Азорскихъ островахъ, начиная съ первыхъ временъ колонизаціи, съ пятнадцатаго столѣтія до нашихъ дней:

Санъ-Мигуэль.	Терсейра.	Санъ-Жорже.
1444 г. Изверженіе.		
1522 »		1580 г. Изверженіе.
1563 »		
1630 »	1614 г. Землетрясеніе.	1691 » Морское изверженіе.
1638 » Морское изверженіе.		
1652 » Изверженіе.		
1656 » Землетрясеніе.		
1720 »	1719 » Морское изверженіе.	1757 » Морское изверженіе.
1755 »	1761 » Изверженіе.	
1773 »		
1810 »	1872 » Морское изверженіе.	1808 » Изверженіе.
1818 » Морское изверженіе.		
1852 » Землетрясеніе.		
1882 »		
1884 »		
	Пико.	Файаль.
	1572 г. Изверженіе.	1672 г. Изверженіе.
	1718 »	
	1720 »	

На Терсейрѣ есть признаки поднятія почвы: берега этого острова, хотя сплошь состояще

изъ вулканическихъ породъ, покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ камнями кристаллическаго и осадочнаго образованія, гранитами, кварцами, сланцами, известняками и песчаниками. Эти

¹⁾ G. Hartung, „Die Azoren“.

чуждые обломки, очевидно, были отлагаемы на нижней береговой полосѣ, у самого моря, но теперь они разбросаны довольно далеко внутри острова (до 800 и 900 метровъ разстоянія отъ

Большая глубина сосѣднихъ морей не позволяетъ видѣть въ нихъ обломки, оторванные отъ подводныхъ скалъ, остатковъ древней Атлантиды; при томъ же эти камни не приту-

Островъ Санъ Мигуэль

берега) и въ такомъ множествѣ, что крестьяне употребляютъ ихъ, вмѣстѣ съ разсыянными по полямъ глыбами лавы, для постройки оградъ. На островѣ Св. Маріи тоже встрѣчаются кое-гдѣ обломки гнейса. Откуда взялись эти камни?

плены, не округлены, какъ галька, долго ка- таемая волнами; они сохранили по большей части выступы реберъ и чистоту излома. Гартунгъ полагаетъ, что эти каменные глыбы были принесены сюда въ теченіе ледяного пе-

ріода. Въ то время, когда въ Америкѣ, подѣ той же широтой, ледники отлагали свои морены, отдѣльныя льдины, унесенныя морскимъ теченіемъ, задерживались у береговъ Терсейры и другихъ Азорскихъ острововъ, и, растаявъ, оставляли тамъ камни, которыми были нагружены.

Всѣ острова Азорскаго архипелага пользуются ровнымъ и здоровымъ климатомъ, который былъ бы вполне хорошъ, если бы не вѣтры, дующіе съ большой силой на этихъ горныхъ скатахъ, высящихся среди Атлантическаго океана. Несмотря на рѣзкія перемѣны вѣтра, колебанія температуры весьма незначительны, и времена года сменяются безъ замѣтнаго перехода. Особенно осень восхищаетъ иностранца своей ровной температурой; но лѣсные пейзажи въ эту пору года не представляютъ здѣсь того разнообразія красокъ, какое мы видимъ въ Европѣ и еще болѣе въ Сѣверной Америкѣ: климатическія перемѣны совершаются на этихъ островахъ слишкомъ медленно, чтобы могли отражаться на листвѣ деревьевъ внезапной пріостановкой движенія питающихъ соковъ. Разность температуры между временами года не превышаетъ восьми градусоѣ; между мѣсяцами отклоненіе болѣе значительно; но между самымъ теплымъ и самымъ холоднымъ днемъ въ году одинъ наблюдатель (Бетанкуръ) констатировалъ въ Гортѣ разницу болѣе 25 градусоѣ, именно отъ 31° до 5,9°.

Температуры временъ года на Азорскихъ островахъ ¹⁾:

	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.	Средняя годовая.
Понта - Дельгада (о. Санъ-Мигуэль).	16°,8	20°,7	19°,4	13°,1	17°,7
Горта (о. Файаль).	15°,8	21°,3	18°,8	13°,5	17°,3

Крайнія температуры:

Понта-Дельгада: самый холодный мѣсяцъ—12°,3, самый теплый—22°,7, разность—10°,4; Горта: самый холодный мѣсяцъ—13°,2, самый теплый—23°,6, разность—10°,4.

Климатическія перемѣны происходятъ главнымъ образомъ отъ направленія вѣтра, такъ какъ Азорскіе острова находятся почти въ промежуточномъ поясѣ между пассатами и контръ - пассатами (возвратными вѣтрами). Когда атмосферное теченіе приходитъ съ юга, оно несетъ теплый и влажный воздухъ; напротивъ, вѣтеръ, дующій съ сѣвера, всегда бываетъ холодный и сухой: отсюда значительный контрастъ между двумя противоположными склонами острововъ—тѣмъ, который омывается воздухомъ и дождемъ южнаго происхожденія, и тѣмъ, который обращенъ къ сѣвернымъ вѣтрамъ. Вообще климатическія условія на Азорскихъ островахъ опредѣляются не столько широтой, сколько положеніемъ мѣста относитель-

но странъ горизонта и направленія господствующихъ вѣтровъ ¹⁾.

Въ общемъ азорскій климатъ представляетъ нѣчто среднее между климатомъ Лиссабона и Малаги и климатомъ Мадеры. Этотъ послѣдній островъ и Файаль имѣютъ почти одинаковую годовую температуру (разница не превышаетъ одного градуса); но разность между температурой лѣта и зимы на Азорскихъ островахъ относительно довольно значительна. Въ этомъ архипелагѣ, лежащемъ на пять градусоѣ ближе къ полюсу, зима холоднѣе, а лѣто теплѣе, чѣмъ на Мадерѣ, хотя на Азорскихъ островахъ никогда не бываетъ такой жары, какъ на материкѣ Португаліи подѣ той же широтой: климатъ этихъ острововъ представляетъ болѣе значительныя крайности тепла и холода, чѣмъ климатъ Мадеры, и гораздо менѣе пріятенъ для иностранцевъ. Въ Азорскомъ архипелагѣ снѣгъ рѣдко можно увидѣть въ нижнихъ долинахъ; но зимнія грозы часто сопровождаются градомъ, и горы иногда по нѣскольку часовъ остаются подѣ бѣлымъ покровомъ. На высокихъ хребтахъ по временамъ бываютъ морозы, и Мореле рассказываетъ, что на островѣ Санъ-Мигуэль, случалось, находили замерзшихъ людей на плоскогорьяхъ, лежащихъ на высотѣ около 1.000 метровъ надъ уровнемъ моря: рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ и сырой воздухъ дѣлаютъ стужу гораздо болѣе чувствительной путникамъ, пускающимся черезъ эти суровыя выси. Дожди, приносимые большими океанскими вѣтрами, очень обильны, по крайней мѣрѣ вдвое обильнѣе, чѣмъ на Мадерѣ. По наблюденіямъ Бетанкура, въ Гортѣ дождливыхъ дней бываетъ, среднимъ числомъ, 196, и кромѣ того, 8 дней съ градомъ; годовой слой выпадающей дождевой воды опредѣляется въ 1,510 метра. Дожди бываютъ здѣсь во всякую пору года, но преимущественно зимой, при западныхъ вѣтрахъ, и во многихъ мѣстахъ склоны азорскихъ горъ, особенно на откосахъ изъ немзы, покрываются, несмотря на большую покатость, мхомъ, обыкновеннымъ и торфянымъ (Sphagnum), слои котораго напоминаютъ торфяники Ирландіи; слои лавной дресвы (lapilli), разлагаясь отъ дѣйствія влажности, превращаются въ тѣсто, гдѣ ноги животныхъ вязнутъ, какъ въ глянѣ. Количество дождевой воды уменьшается въ архипелагѣ отъ запада къ востоку; Санта-Маріа, самый восточный изъ Азорскихъ острововъ, получаетъ, сравнительно съ другими, наименѣе атмосферныхъ осадковъ.

Обиліе водяныхъ паровъ такъ велико на верхнихъ склонахъ горъ, что очень часто, даже въ самое сухое время года, облака скопляются на вершинахъ и совершенно закрываютъ ихъ отъ взоровъ; передъ заходомъ солнца облач-

¹⁾ Hartung (температуры показаны по наблюденіямъ Буллара, Бойда, Влента и Бетанкура).

¹⁾ Arruda Furtado, „Materiaes para o estudo anthropologico dos povos açorianos“.

ная завѣса на горахъ спускается ниже. Изъ боязни сырости, островитяне, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ, живутъ только въ верхнихъ этажахъ; нижній этажъ служитъ конюшней,

плечи. Изъ вѣтровъ самые страшные—западные. Юго-западный вѣтеръ получилъ прозвище *carpinteiro*, т. е. «плотникъ»,—такъ онъ искусенъ въ ломкѣ судовъ; часто

Озеро Сетъ-Цидадесъ.

погребомъ, кладовой. Чтобы защитить себя отъ дождя и солнечныхъ ударовъ, которые вообще очень опасны въ сырыхъ климатахъ, поселяне большинства острововъ носятъ родъ суконнаго капюшона, закрывающаго голову и

случалось, что рыболовные и мелкія каботажныя суда, плавающія между островами, были угоняемы бурей до самаго Лиссабона.

Самородная флора Азорскихъ острововъ, въ сравненіи съ флорой Мадеры и Канарскихъ

острововъ, очень бѣдна. Ватсонъ насчитываетъ во всемъ архипелагѣ только 396 явнобрачныхъ и 75 тайнобрачныхъ растений (по Зейберту, 437 цвѣтковыхъ и 139 безцвѣтковыхъ), принадлежащихъ по большей части къ европейскимъ видамъ: пропорція послѣднихъ составляетъ около трехъ четвертей, по Зейберту и Гартунгу, — около четырехъ пятыхъ. Многие изъ растущихъ здѣсь видовъ встрѣчаются также и на другихъ атлантическихъ архипелагахъ, или въ Африкѣ, или въ Новомъ Свѣтѣ; насчитывали всего только около пятидесяти растений, исключительно свойственныхъ Азорскому архипелагу; между ними есть одна порода вишни, теперь очень рѣдкая, которая, вѣроятно, исчезла бы, если бы ее не культивировали въ садахъ. Это значительное преобладаніе европейской флоры служить доводомъ въ пользу мнѣнія ученыхъ, которые считаютъ этотъ архипелагъ географически принадлежащимъ къ нашей части свѣта; отсюда названіе *Western Islands*, «Западные острова», которое англійскіе моряки даютъ Азорскимъ островамъ, какъ европейскимъ землямъ, лежащимъ далѣе другихъ къ западу отъ материка. Если бы, какъ думали прежде нѣкоторые натуралисты, заселеніе острововъ растительными и животными видами объяснялось единственно напосами вѣтровъ и теченій, то Азорскіе острова должны бы были представлять характеръ преимущественно американскій, такъ какъ воды, идущія отъ Багамскихъ острововъ и изъ канала Флориды, движутся прямо къ этому архипелагу, и господствующій вѣтеръ дуетъ въ томъ же направленіи. Между тѣмъ, хотя сѣмена и лѣсъ изъ Америки часто привозятся моремъ на берега Азорскихъ острововъ, среди флоры этого архипелага насчитываютъ не болѣе четырехъ американскихъ видовъ, тогда какъ число европейскихъ растений доходитъ почти до четырехсотъ. Что касается туземныхъ видовъ архипелага, то почти всѣ они приближаются къ европейскимъ типамъ, такъ что является вопросъ, не есть ли это простая разновидность, постепенно преобразовавшаяся. Впрочемъ, нельзя съ достовѣрностью сказать, которыя именно, между растениями, общими Европѣ и Азорскимъ островамъ, были введены въ архипелагъ, намѣренно или ненамѣренно, и которыя, несомнѣнно, составляютъ часть первобытной флоры острововъ и обязаны своимъ происхожденіемъ сходству климатовъ¹⁾.

Туземная флора Азорскихъ острововъ заключала въ себѣ всего только пять деревъ да пять или шесть кустарниковъ, и всѣ эти древесные виды уступаютъ по размѣрамъ сроднымъ растениямъ, живущимъ на Мадерѣ и на Канарскихъ островахъ. Пальмы, характеристическія

деревья тропическихъ областей, отсутствовали въ Азорскомъ архипелагѣ. Преобладающія на этихъ островахъ растительныя формы — злаки (*Gramineae*), ситовниковыя (*Syntherismae*), тростниковыя (*Juncaceae*), — все растенія, свойственныя влажному климату; затѣмъ здѣсь встрѣчается много папоротниковъ, хотя всѣ они выходны изъ другихъ странъ; наконецъ, торфяные мхи, покрывающіе горныя вершины, образуютъ своей губчатой массой естественныя водохранилища, задерживающія дождевую воду и питающія ручьи своими неизсякаемыми струями. Густой газонъ, какъ въ западной Европѣ, разстилается зеленымъ ковромъ по обезлѣсеннымъ скатамъ горъ, и вмѣстѣ съ другими, похожими на наши, растительными формами, придаетъ всей флорѣ и странѣ европейскій видъ: нигдѣ не видно степей африканскаго типа, какія встрѣчаются на Лансаротѣ, Фуэрте-вентурѣ и другихъ Канарскихъ островахъ.

Въ эпоху прибытія европейцевъ склоны горъ были покрыты лѣсомъ. Островъ Файаль, т. е. «Буковый лѣсъ», обязанъ своимъ именемъ лѣсамъ, состоявшимъ изъ деревьевъ, которыя мореходы смѣшали съ букомъ; на самомъ дѣлѣ это были различныя породы мирики (*myrica*). Острова Грасіоза (Прелестная), Флоресъ (Цвѣтущій) получили эти названія за красоту ихъ растительности. Еще въ началѣ этого столѣтія на Флоресѣ существовали великолѣпные тисовые лѣса, принадлежавшіе къ доходамъ королевы; но эти могучія деревья давно вырублены; во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ еще видны огромные пни, исчезнувшіе подъ растительностью торфяныхъ мховъ; другіе были частью залиты лавами. Дѣйствительныя чащи, видѣющіяся кое-гдѣ на скатахъ вулкановъ, состоятъ изъ низкой курчавой растительности, среди которой тамъ и сямъ выступаютъ кучки болѣе высокаго кустарника. Замѣчательнѣйшія деревянистыя растенія азорскихъ горъ, кромѣ мирики, — «канарскій лавръ» и одинъ видъ можжевельника (*Juniperus oxycedrus*, можжевельникъ испанскій или красноягодный), который туземцы величаютъ кедромъ; обыкновенно этотъ можжевельникъ, единственный представитель хвойныхъ на Азорскихъ островахъ, растетъ въ обществѣ древовидныхъ вересковъ и мирсинъ (*myrsine*, ягодникъ африканскій), растеній африканскаго происхожденія, сѣмена которыхъ занесены сюда птицами, лакомыми до ягодъ. Лишенные большихъ деревьевъ, верхнія области острововъ имѣютъ по большей части монотонный и печальный видъ: надо спуститься въ овраги, чтобы опять найти живописную и разнообразную растительность. Но если деревья почти вездѣ исчезли съ полей и равнинъ, то по крайней мѣрѣ зелень разстилается сплошнымъ ковромъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ архипелага, гдѣ илаки, покрывающіе почву, не отличаются

¹⁾ Watson; — Senbert; — Hartung; — Morelet.

твердостью металла ¹⁾. По мѣрѣ разложенія камня, появляются послѣдовательно растенія все болѣе и болѣе высокой организаціи; простыя рудиментарныя волокна, лишай, мхи, лакмусовый ягель, папоротники готовятъ почву, затѣмъ показываются злаки, и — земля готова для культуры.

Благодаря ровному и влажному климату, почва архипелага какъ нельзя болѣе пригодна для опытовъ акклиматизаціи. Нѣкоторыя изъ чужеземныхъ растений не привились только потому, что воздухъ на этихъ островахъ чересчуръ насыщенъ парами; другія оттого, что имъ необходима замѣтная перемѣна временъ года; такъ, наприм., сирень чахнетъ въ этомъ слишкомъ ровномъ климатѣ и въ концѣ концовъ умираетъ. Но очень многіе виды тропическихъ и умеренныхъ странъ Австраліи, Старога и Новаго Свѣта отлично растутъ въ этихъ естественныхъ теплицахъ Азорскихъ острововъ: отсюда любовь богатыхъ азорцевъ къ садамъ и паркамъ. Въ нѣсколько дѣтъ посаженные деревья, тополи, эвкалипты, казуарины, достигаютъ 10 и 20 метровъ высоты; но какъ бы ни разросся стволъ, какъ бы широко ни раскинулись вѣтви, рѣдко бываетъ, чтобы азорскія деревья могли соперничать по высотѣ со своими родичами, живущими въ Европѣ и на Канарскихъ островахъ ²⁾. Въ садахъ Файяла и Санъ-Мигуэля туземныя деревца и кустарники замѣнены массивами, гдѣ дубы, буки, липы Европы растутъ въ перемежку съ кипарисомъ Луизианы, съ тюльпанникомъ Виргиніи, съ араукаріей Бразиліи, съ кедрами Ливана и Гималаи, съ камфарнымъ деревомъ Японіи, съ акаціей Австраліи и съ пальмами Старога и Новаго Свѣта; поля окружены живыми изгородями изъ гортензій, мирсинъ, мягкосѣмевниковъ (*pittosporum*). Фруктовыя деревья, культурныя растенія, происходящія изъ плодовыхъ садовъ и полей Португаліи, бананы, *ensete* Эіопіи, овладѣваютъ береговой полосой, тогда какъ сорныя травы, занесенныя изъ Европы, отбѣиваютъ къ высотамъ и забиваютъ старыя азорскія растенія. Одинъ видъ терновника, встрѣчающійся только на Азорскихъ островахъ, отступаетъ передъ своимъ европейскимъ родичемъ, который любитъ расти въ соседствѣ домовъ, по краямъ дорогъ, и постепенно подвигается впередъ съ каждой новой распахкой. Кромѣ того, были предпринимаемы прямыя опыты разведенія растительности на пусто-порожныхъ земляхъ и на высокихъ склонахъ горъ. Островъ Санъ-Мигуэль весь обращенъ въ садъ акклиматизаціи; около тысячи древесныхъ породъ были натурализованы, и тѣ изъ нихъ, которыя вполне привились, разведены сотнями тысячъ и даже милліонами особей. Всего лучше

акклиматизовалась приморская сосна (*pinus maritimus*, иначе французская или итальянская сосна), та самая, которая растетъ въ южной Франціи; она образовала цѣлые лѣса, и всѣ, кому случится снова посѣтить Азорскіе острова послѣ долгаго отсутствія, уже издали замѣчаютъ, что видъ горъ совершенно измѣнился противъ прежняго времени. Изъ другихъ лѣсныхъ породъ, съ успѣхомъ разведенныхъ, наибольшую цѣнность въ экономическомъ отношеніи представляютъ криптомерія (японское дерево), эвкалиптъ, акація, кипарисъ и дубъ. Тогда какъ прежде подѣлочное дерево составляло такую рѣдкость, что отправители апельсиновъ принуждены были выписывать изъ Лиссабона доски на ящики для упаковки товара, теперь, благодаря успѣшному разведенію вновь древесной растительности, существуютъ большія лѣсныя богатства, и надѣются, что это насажденіе лѣсовъ будетъ имѣть благотѣльные послѣдствія также для санитарнаго состоянія острововъ и урегулированія ключевыхъ и вообще текучихъ водъ.

Природная фауна Азорскаго архипелага гораздо бѣднѣе, чѣмъ его флора. Въ эпоху прибытія первыхъ европейскихъ мореплавателей она не заключала ни одного вида позвоночныхъ, исключая птицъ; впрочемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, одна порода летучей мыши, существующая также въ сѣверной Европѣ, принадлежитъ будто бы къ туземнымъ животнымъ архипелага; но и та, можетъ-быть, была привезена изъ Фландріи бельгійскими колонистами, переселившимися сюда въ шестнадцатомъ столѣтіи. Кроликъ, хорекъ африканскій (*mustela furo*) были введены человекомъ; ласка (*mustela vulgaris*), черная крыса, гнѣздящаяся въ деревьяхъ, сѣрая крыса и мышь проникли сюда на корабляхъ, конечно, безъ вѣдома экипажа. На Азорскихъ островахъ насчитываютъ десятка три птицъ, проводящихъ тутъ круглый годъ или прилетающихъ на временное пребываніе, и всѣ эти виды — европейскіе или по крайней мѣрѣ атлантическіе, за исключеніемъ, можетъ-быть, одной породы выюрка (*fringilla*) и буревѣстника (*thalassidroma*, т. е. морской бѣгунъ), птицы американскаго происхожденія, которая не боится перелетать океанъ; зеленая канарейка была прежде очень обыкновенна, но ее изгнали, какъ большую опустошительницу полей. Птица, давшая имя архипелагу, — сарычъ, говорить Артуръ Мореле, а не ястребъ или коршунъ, какъ можно бы думать по этому названію *açor*; впрочемъ, нужно замѣтить, что вообще мало такихъ видовъ, имя которыхъ сохранило свое точное значеніе при переходѣ изъ Португаліи въ ея атлантическія владѣнія. Пресмыкающіяся отсутствуютъ въ азорской фаунѣ; только два вида ящерицы водятся на островѣ Грасіоза, но полагаютъ, что онѣ были привезены въ недавнюю эпоху, можетъ-быть, съ Мадеры, такъ какъ

¹⁾ Arthur Morelet, „Notice sur l'histoire naturelle des Açores“.

²⁾ Hartung, цитированное сочиненіе.

во время путешествія Друэ они были очень рѣдки, а двадцать лѣтъ спустя уже повсемѣстно распространились ¹⁾. Лягушка, которая быстро размножилась, тоже чужеземка; жаба, привезенная изъ Соединенныхъ Штатовъ, не могла приспособиться къ здѣшнему климату. Изъ Африки иногда налетали тучи саранчи и пожирали жатву. Изъ прѣсноводныхъ рыбъ угорь, золотой чебакъ живутъ въ ручьяхъ и даже въ ихъ истокахъ, выше каскадовъ, прерывающихъ течение рѣчки: вѣроятно, икринки золотой рыбки были занесены водяными птицами. Что же касается класса мягкотѣлыхъ, то Мореле и Друэ не нашли въ архипелагѣ рѣчныхъ моллюсковъ; между сухопутными моллюсками, въ числѣ шестидесяти девяти, около половины видовъ не существуютъ нигдѣ, кромѣ Азорскихъ острововъ: они представляютъ собою, вмѣстѣ съ шестью породами жесткокрылыхъ наѣдомыхъ, почти всю первобытную фауну архипелага ²⁾. Есть ли это жалкіе остатки фауны древней Атлантиды, или скромные представители серіи чисто азорской, самородной, какъ животный міръ Черепашихъ (Галапагосъ) и другихъ океаніическихъ острововъ? Впрочемъ, не было бы ничего удивительнаго въ томъ, что флора и фауна древняго атлантическаго континента совершенно исчезли, хотя бы даже части твердой земли всегда оставались вадъ водой въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находятся Азорскіе острова, ибо изліянія лавы, изверженія пепла, провалы, взрывы должны были часто передѣлывать породы растений и животныхъ, вмѣстѣ съ почвой, которая ихъ носила. Морскія раковины даже на берегахъ очень рѣдки: во многихъ мѣстахъ побережья можно пройти нѣсколько лье, не встрѣтивъ ни одной раковины ³⁾. Что касается большой морской фауны, то она представлена главнымъ образомъ китообразными дельфинами (морскія свиньи, сапуны), кашалотами. Американскіе китолы, преслѣдующіе кашалота *physeter macrocephalus*, прежде собирались въ большомъ числѣ въ азорскихъ водахъ; но это животное становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ: средний уловъ его около ста пятидесяти головъ въ годъ.

Во время первыхъ посѣщеній Азорскаго архипелага итальянскими и португальскими мореплавателями эти океанскіе острова, бѣдные растительными и животными видами, не были обитаемы человѣкомъ. Піонерами колоніи, основанной на о. Санъ-Мигуэлъ, въ 1444 г., Гонсало Вельо Кабралемъ, были «нѣсколько мавровъ», на долю которыхъ досталось, такъ сказать, испробовать климатъ и ресурсы края для португальцевъ, слѣдовавшихъ за ними. Впоследствии, когда лены острововъ были роз-

даны крупнымъ землевладѣльцамъ, эти послѣдніе ввели, вмѣстѣ съ бѣлыми земледѣльцами, извѣстное число чернокожихъ невольниковъ, кровь которыхъ вошла, хотя въ очень малой дозѣ, въ круговращательный потокъ азорскаго населенія. Евреи, изгнанные изъ Португаліи въ шестнадцатомъ столѣтіи, тоже были обречены на рабство и раздѣлены по разнымъ округамъ Санъ-Мигуэля. Фламандскіе колонисты, привезенные на центральные острова, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ, концессионеромъ ванъ-Гузтертъ, тестемъ космографа Мартина Бегайма, дали даже свое имя, — «Фламандскіе острова», — всему архипелагу, при чемъ Файаль получилъ специально названіе Новой Фландріи. Въ 1622 году еще можно было встрѣтить въ Азорскомъ архипелагѣ нидерландскія семейства, съ отличительными чертами ихъ расы, но уже говорившія только по-португальски; даже родовое имя у нихъ было переведено на языкъ новаго отечества: таковы, напримѣръ, ванъ-деръ-Гегены, сдѣлавшіеся подъ именемъ да-Сильва, столь обыкновеннымъ въ португальской землѣ, богатыми землевладѣльцами на островѣ св. Георгія ⁴⁾. Подобно этимъ фламандцамъ, другіе иностранцы разныхъ націй, спасшіеся во время кораблекрушенія, сдѣлались родоначальниками во многихъ поселеніяхъ, гдѣ имъ дали пріютъ. Такимъ образомъ, раса въ этомъ архипелагѣ очень смѣшанная; однако, въ цѣломъ азорцы португальскаго происхожденія настолько преобладаютъ, что можно пренебречь другими элементами.

Но сами эти португальцы — откуда они пришли въ большинствѣ? Документы, относящіеся къ колонизаціи края, не говорятъ этого, а признаки, извлекаемые изъ физическаго склада, исторіи, діалектовъ, народныхъ пѣсенъ, мѣстныхъ нравовъ, противорѣчивы и различно объясняются антропологами: одни, вмѣстѣ съ Теофило Брага, который самъ азорецъ, считаютъ островитянъ Санъ-Мигуэля потомками сѣверныхъ португальцевъ, изъ провинціи Минью; другіе, вмѣстѣ съ Лейте-де-Васконсельсоу, высказываются за алгарвское происхожденіе, отыскивая предковъ нынѣшнихъ жителей архипелага на южной оконечности португальскаго пояса Иберіи. Какъ бы то ни было, азорцы не представляютъ однороднаго типа; напротивъ, въ этомъ отношеніи замѣчается величайшее разнообразіе. Въ среднемъ, они небольшого роста (164 миллиметра) и не могутъ похвалиться красотой: ротъ большой и съ толстыми губами, носъ нескладный; черты лица, особенно у женщинъ, имѣютъ что-то неправильное и недоконченное. Черепа у однихъ широкіе, у другихъ узкіе, значительно меньше, чѣмъ у континентальныхъ европейцевъ; въ этомъ частномъ случаѣ можно смѣло сказать, что меньшіи

¹⁾ Fouqué, цитированный мемуаръ; — Walker, „The Azores“.

²⁾ Godman, „Natural History of the Azores“.

³⁾ Drouet, „Mollusques marins des îles Açores“.

⁴⁾ Goblet d'Alviella, „Patria Belgica“, III.

объемъ вмѣстѣлища мозга соответствуетъ меньшему интеллектуальному развитію, хотя лучшіе представители расы поддерживаютъ въ литературѣ и наукахъ за азорцами почетное мѣсто между ихъ соотечественниками на материкѣ Европы. По формѣ черепа и совокупности физическихъ признаковъ, азорцы удивительно напоминаютъ кельтскій типъ овернѣйцевъ и нижне-бретонцевъ, какъ его описали Брока и другіе французскіе антропологи ¹⁾. Кельтскіе элементы всего лучше представлены въ португальскомъ населеніи Азорскихъ острововъ. По замѣчательному совпадению, деревня на о.

для нихъ, чѣмъ для ученыхъ,—которые по крайней мѣрѣ объясняютъ его при помощи различныхъ гипотезъ,—способствуетъ поддержанію въ нихъ того чувства страха, которое, какъ говорятъ теологи, есть начало премудрости; народные пѣсни азорцевъ свидѣлствуютъ объ ужасѣ, вызываемомъ этимъ явленіемъ. При каждомъ колебаніи почвы жители толпой устремляются въ церкви. Арруда Фуртадо рассказываетъ, что однажды во время аграрнаго возмущенія произошло землетрясеніе, разрушившее нѣсколько домовъ въ деревнѣ Повоасао; устрешенные поселяне попадали на колѣни на

Женщины съ острововъ Файяля и С. Мигуэля.

Санъ-Мигуэлѣ, жители которой отличаются произношеніемъ на французскій ладъ нѣкоторыхъ слоговъ, носить имя Бретани (Bretanha), какъ полуостровъ Арморика. Діалектъ о. св. Маріи всего болѣе отличается отъ другихъ нарѣчій своими архаическими выраженіями ²⁾.

Хотя не фанатики по натурѣ, азорцы, однако, очень религіозны, и землетрясеніе, это грозное явленіе природы, еще менѣе понятное

улицамъ, испуская вопли раскаянія и прося прощенія у помѣщиковъ. Чудотворныя иконы привлекаютъ толпы богомольцевъ, и храмы, гдѣ онѣ находятся, обогащаются отъ обильныхъ приношеній: *Ессе Нито* («Се Человѣкъ», изображеніе Иисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ) одного монастыря въ Понта-Дельгада славится своими чудесами во всемъ архипелагѣ, даже въ Португаліи и въ Бразиліи; даже мавры, говоритъ хроника, присылали дары азорскому Спасителю. Не смотря на религіозную ревность азорцевъ, мы не находимъ у нихъ такого множества разнообразныхъ суевѣрій, какъ въ мет-

¹⁾ Arruda Furtado, «Materiaes para o estudo anthropologico dos povos Açorianos».

²⁾ Hunt, «Journal of the Geographical Society of London», 1840.

рополи, что объясняется, по мнѣнію Фуртадо, монотонностью ихъ жизни и однообразиемъ окружающихъ ихъ пейзажей: бѣдность флоры и фауны, отсутствіе древнихъ памятниковъ, прошлое безъ исторіи—вотъ причины скудости ихъ воображенія. То, что они унаслѣдовали отъ своихъ предковъ, португальцевъ, глубоко засѣло въ ихъ умѣ, но собственное ихъ развитіе шло медленно, чѣмъ развитіе ихъ соотечественниковъ на континентѣ. Однако, въ послѣднее время у азорцевъ совершается быстрая перемѣна въ понятіяхъ о внѣшнемъ мірѣ: если прежде, еще не такъ давно, они жили совершенно особнякомъ, въ сторонѣ отъ большого свѣта, то китоловный промыселъ и эмиграція развили у нихъ охоту къ путешествіямъ: теперь между ними можно встрѣтить тысячи такихъ, которые побывали на своемъ вѣку въ Португаліи, въ Бразиліи, на Антильскихъ или на Сандвичевыхъ островахъ, даже въ арктическихъ моряхъ; едва-ли найдется другое островное населеніе, которое бы заключало въ себѣ такую большую пропорцію людей, совершившихъ кругосвѣтное путешествіе.

У сельскихъ жителей Санъ-Мигуэля и другихъ острововъ браки почти всегда устраиваются по расчету, а не по взаимной склонности. Нѣкоторые слѣды прежняго затворничества женщинъ сохранились еще во внутреннемъ расположеніи домовъ и особенно въ одеждѣ: закутанныя въ длинныя мантии или плащи, азорки пробираются по улицѣ, точно призраки. Многія еще носятъ капюшонъ, крылья котораго сближаются напередѣ, оставляя лишь узкое отверстіе, въ которое особа можетъ выглядывать, не будучи сама видимой. Въ западной части Санъ-Мигуэля жена не имѣетъ права идти рядомъ съ мужемъ, когда они отправляются въ гости или къ обѣднѣ: она въ почтительномъ отдаленіи слѣдуетъ за своимъ господиномъ, который шествуетъ величаво, на нѣсколько шаговъ впереди. Прежде дамы среднего класса не могли даже выходить за покупками; онѣ принимали торговцевъ на дому и покидали свой гинекей только для того, чтобы идти въ церковь; было даже въ обычаѣ, что, при видѣ идущаго на встрѣчу мужчины, женщины отворачивались къ стѣнѣ, чтобы избѣжать взгляда посторонняго.

Возрастаніе населенія идетъ очень быстро, благодаря постоянному перевѣсу рожденій надъ смертными случаями. Семьи очень многочисленны, и пропорція дѣтей, умирающихъ въ раннемъ возрастѣ, относительно весьма не велика; однако, переживание слабыхъ, говорятъ, влечетъ за собой нѣкоторое ухудшеніе расы, и теперь на островахъ будто-бы не встрѣтишь людей, которые по физической силѣ и крѣпости тѣлосложенія могли бы сравниться съ крестьянами португальской провинціи Минью. Нѣкоторыя эпидеміи появляются и здѣсь по

временамъ. Хроники говорятъ о «морахъ», которые, вмѣстѣ съ мавританскими пиратами, опустошали народившіяся колоніи. Въ настоящее время въ архипелагѣ разгуливаютъ гастроическія и тифозныя лихорадки, но топографическое распредѣленіе его городовъ и деревень уже само по себѣ ослабляетъ дѣйствіе этихъ болѣзней. За исключеніемъ немногихъ мѣстъ, гдѣ призывъ торговли вызвалъ къ жизни болѣе или менѣе скученныя поселенія, остальные жилища слѣдуютъ одно за другимъ, въ видѣ длинныхъ улицъ, по окружности острововъ, и такимъ образомъ, всѣ эти жилища выставлены благотворному вліянію морской бризы. Медикъ Булларъ констатировалъ только два случая чахотки между своими больными¹⁾. Пища крестьянина самая простая, но питательная; азорцы—большіе ѣдоки хлѣба, который они пекутъ изъ маисовой муки: имъ надо его, въ среднемъ, по крайней мѣрѣ два килограмма (почти пять фунтовъ) въ день на человѣка, и они употребляютъ хлѣбъ со всѣми другими своими яствами, овощами, рыбой, плодами. «Все ѣшь съ хлѣбомъ—будешь здоровъ», говоритъ ихъ пословица.

Земли, несмотря на то, что онѣ очень плодородны и воздѣланы навсей окружности острововъ до высоты 500 метровъ, недостаточны для прокормленія увеличивающагося населенія. Причина этого недостатка продовольствія должна быть приписана главнымъ образомъ неравномерному распредѣленію земельной собственности; во время путешествія Гонта, въ 1840 г., число земельных собственниковъ составляло лишь тридцать шестую часть общей цифры взрослыхъ жителей²⁾. Хотя законъ отмѣнилъ маіораты, но старинное феодальное дѣленіе въ большей части сохранилось до сихъ поръ: островъ Санъ-Мигуэль почти весь принадлежитъ десятку крупныхъ помѣщиковъ, какъ въ первыя времена колонизаціи; многія имѣнія обнимаютъ широкую полосу земли, простирающуюся отъ береговыхъ утесовъ до конусовъ вулкановъ. Фермеры, правда, пользуются наслѣдственнымъ правомъ оставаться на обрабатываемой землѣ и продавать сдѣланныя ими на ней улучшенія; но налогъ, который они должны платить владѣльцу, составляетъ значительную часть, иногда половину годового дохода. Мелкія земельныя владѣнія немногочисленны, а крѣпостныя пошлыны и другіе судебные расходы, сопряженные съ переходомъ недвижимаго имущества въ другія руки, уничтожаютъ дѣйствительную его цѣнность для мелкаго сельскаго хозяина, который въ концѣ концовъ видитъ себя обездоленнымъ въ пользу какого-нибудь законника или разбогатѣв-

¹⁾ Bullar, "Winter in the Azores".

²⁾ Hunt, "Journal of the Geographical Society of London".

наго эмигранта, вернушагося изъ Бразиліи¹⁾. Оттого почти во всѣхъ семействахъ часть молодежи уходитъ искать счастья въ чужой сторонѣ: годовая цифра эмигрантовъ колеблется отъ двухъ до трехъ тысячъ; итогъ суммъ, ежегодно посылаемыхъ этими выходцами своимъ роднымъ, исчисляють въ миллионъ франковъ. Въ десятилѣтіе съ 1872 до 1882 года изъ Понта-дельгадскаго округа эмигрировало 15.473 человѣка²⁾. Образовались даже пароходныя общества специально съ цѣлью эксплуатировать это эмиграціонное движеніе и регулярно направлять въ разные края. Къ первымъ странамъ, выбраннымъ азорскими переселенцами, къ Бразиліи, Соединеннымъ Штатамъ и африканскимъ владѣніямъ Португаліи, въ послѣднее время прибавились еще Сандвичевы острова. Съ половины настоящаго столѣтія было нѣсколько случаевъ, что азорскіе матросы съ китоловныхъ судовъ дезертировали, чтобы поселиться въ Гавайѣ; но настоящій потокъ эмиграціи начался только въ 1879 году, послѣ бѣдствія, которому подверглись апельсинныя плантаціи. Въ концѣ 1880 г. португальская колонія Гавайи состояла изъ 1.493 душъ, въ томъ числѣ 813 уроженцевъ Азорскихъ острововъ, 420 съ о. Мадеры и 120 изъ архипелага Зеленаго Мыса; затѣмъ въ 1882 году изъ одного только округа Понта-Дельгада слишкомъ двѣ тысячи азорцевъ переселилось на Сандвичевы острова; въ 1884 г. въ этомъ океанійскомъ архипелагѣ насчитывали уже 9.377 португальцевъ, большею частью азорскихъ выходцевъ. Особенно молодые люди бѣгутъ съ Азорскихъ острововъ, чтобы избавиться отъ военной службы и скучной гарнизонной жизни въ какой-нибудь крѣпости Португаліи. Въ силу недавно изданнаго закона, мальчики, имѣющіе болѣе четырнадцати лѣтъ отъ роду, обязаны вносить при отъѣздѣ сумму, необходимую для найма, въ случаѣ надобности, замѣстителя; но законъ этотъ часто обходится.

Земледѣліе составляетъ главный промыселъ азорцевъ. Орудія, употребляемыя пахарями, очень примитивны, а бороны даже напоминаютъ времена каменнаго вѣка: это просто-напросто деревянный брусокъ, усаженный на нижней сторонѣ остроконечными кусками лавы. Но почва необычайно плодородна и возвращаетъ самъ двадцать и болѣе посѣянное зерно. Землевладѣльцы рѣдко находятся въ отсутствіи изъ своихъ имѣній, какъ это обыкновенно дѣлаютъ крупные помѣщики въ другихъ странахъ; они постоянно живутъ на островѣ и принимаютъ на себя всѣ заботы и хлопоты по отдачѣ принадлежащихъ имъ земельныхъ угодій въ аренду; во многихъ мѣстностяхъ Санъ-Мигуэля не найдешь пяди земли, лежащей

безъ употребленія; даже вершины скалъ, какъ жущіяся неприступными, и тѣ засѣяны иньомъ. Пшеница очень хорошо родится на островѣ св. Маріи, но на островѣ св. Михайла она быстро вырождается; кромѣ того, воздѣлываютъ бобы, фасоль, сладкій картофель (пататы) и ямсъ или ньямъ, которые служатъ не только для народнаго продовольствія, но также для приготовленія спирта и водки. Всѣ роды культуры даютъ обильные урожаи, и сѣвооборотъ во многихъ мѣстахъ установленъ такимъ образомъ, что собираютъ двѣ жатвы въ году; однако, продукты, вообще говоря, не такъ хороши, какъ на континентѣ и въ другихъ атлантическихъ архипелагахъ.

Лакмусовый ягель, лишай, растущій на скалахъ, который прежде употребляли въ большомъ количествѣ для окраски тканей, былъ первымъ прибыльнымъ товаромъ отпускнуой торговли; онъ составлялъ монополию казны, какъ доходъ, предназначенный специально на «булавки» королевы, и продавался по очень хорошей цѣнѣ. Культура пастели также обогащала Торсейру и другіе острова въ первое время колонизаціи; сахарный тростникъ былъ источникомъ благосостоянія для Виллафранки. Виноградники до половины настоящаго столѣтія, когда большая часть ихъ была истреблена грибомъ *oidium*, доставляли довольно посредственное бѣлое вино, небогатое сахаромъ, но обильное; затѣмъ апельсинныя плантаціи замѣнили виноградники и такъ успѣшно, что Санъ-Мигуэль отправлялъ въ Лондонъ ежегодно до 250 миллионновъ апельсиновъ, цѣнностью почти на 3 миллиона франковъ; но апельсинныя деревья были поражены «течью» или «слезой» (*lagrîma*), затѣмъ другими болѣзнями, и торговля этимъ продуктомъ сократилась на три четверти и даже болѣе противъ прежняго времени. Такъ, наприм., въ 1885 г. съ о. Санъ-Мигуэля было вывезено только 131.141 ящикъ т. е. 50 миллионновъ апельсиновъ. Новозеландскій ленъ (*phormium tenax*), неизвѣстно съ какого времени произрастающій на этихъ островахъ, даже на самыхъ безплодныхъ земляхъ, утилизируется теперь мѣстными ткачами. Ананасы, разводимые въ теплицахъ, превосходнаго качества и находятъ очень выгодный сбытъ. Съ 1878 года азорцы занимаются также, и съ успѣхомъ, культурой чая: одна плантація заключала въ 1885 г. до 27.000 чайныхъ деревьевъ. Но важѣйшій продуктъ сельскаго хозяйства составляетъ все-таки кукуруза, и каждый годъ, несмотря на огромное потребленіе внутри страны, значительное количество этого хлѣба вывозится за границу. Что касается земледѣльческаго населенія, то оно крайне бѣдствуетъ, несмотря на плодородіе обрабатываемой имъ почвы; въ обыкновенное время подневная плата сельскихъ рабочихъ колеблется между 85 сентамиами и полутора

¹⁾ Arrada Furtado, петир. мемуаръ.

²⁾ Arrada Furtado.

франками, и только въ страдную пору доходить до 3 франковъ ¹⁾).

Въ прежнее время островитяне носили одежду исключительно изъ тканей туземнаго производства, но дешевизна иностранныхъ суконъ и бумажныхъ матерій почти совершенно убила мѣстную промышленность. Фабрикъ и заводовъ въ собственномъ смыслѣ на островахъ не имѣется, есть только нѣсколько мельницъ, кожевнъ и сыроваренъ; азорцы, не занимающіеся земледѣліемъ, почти всѣ промышленяють торговлей. Движеніе торговаго обмѣна возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ: оно почти удесетярилось въ періодъ съ 1830 по 1880 годъ; однако съ этого времени болѣзнь апельсиновыхъ деревьевъ имѣла слѣдствіемъ уменьшеніе торговой дѣятельности, которая теперь понемногу оправляется отъ пережитаго кризиса.

Санта-Марія, ближайшій къ Португаліи и къ Мадерѣ островъ Азорскаго архипелага, — одинъ изъ самыхъ малыхъ и наименѣ населенныхъ; но прежде онъ, повидимому, имѣлъ болѣе значительные размѣры, судя по тому, что его морской пьедесталъ, размытый волнами, который нагоняетъ страшный западный вѣтеръ, тянется на довольно большое разстояніе на сѣверо-западной сторонѣ острова. Километрахъ въ сорока къ сѣверо-востоку отъ острова св. Маріи, скалы Формигасъ и Формигонъ, «муравы карлики, окружающіе муравья-великана», тоже не что иное, какъ остатки бывшаго островка, длиною около 10 километровъ. Но если море разрушило часть основанія, на которой покоилась Санта-Марія, то этотъ островъ увеличился съ другой стороны, благодаря поднятію подводной ея части: слѣды прежнихъ береговъ видны на окружности острова до 90 метровъ высоты. Кажется, эта западная оконечность Азорскаго архипелага давно уже не подвергалась вулканическимъ изверженіямъ или вспышкамъ: ни въ одномъ изъ кратеровъ острова не замѣтно плаковъ недавняго происхожденія, а вылившіеся прежде потоки лавы вывѣтрившись, частью даже покрылись перегноемъ и растительностью. Санта-Марія отличается отъ другихъ Азорскихъ острововъ присутствіемъ слоевъ известняка, который образовался подъ водой до поднятія береговъ; эти отложенія, относящіяся къ концу міоценовой эпохи, дѣятельно разрабатываются обжигальщиками извести, которые отправляютъ добываемый продуктъ въ городъ Понта-Дельгада, на островъ Санъ-Мигуэль; красная глина, находящаяся на островѣ Санта-Марія, идетъ на приготовленіе пуццоланы ²⁾.

Главное поселеніе острова св. Маріи, Вилла-до-Порта, или «городъ Порта», не заслужи-

ваетъ этого имени: его бухточка, простая вырѣзка южнаго берега, открыта западнымъ и южнымъ вѣтрамъ; стоянка въ ней неудобна, и часто корабли принуждены бросать якорь въ рейдѣ, готовые бѣжать при первомъ тревожномъ сигналь. Санта-Марія—одинъ изъ тѣхъ острововъ, которымъ приходилось всего болѣе терпѣть отъ набѣговъ пиратовъ, алжирскихъ и французскихъ, въ шестнадцатомъ столѣтіи. Въ сухіе годы ему грозитъ недородъ, иногда голодовка.

Санъ-Мигуэль, самый большой и наиболѣе населенный изъ Азорскихъ острововъ (онъ включаетъ почти половину общаго числа жителей архипелага), состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ отдѣльных земель, промежутокъ между которыми былъ заполненъ цѣлымъ рядомъ изверженій. Множество вулканическихъ конусовъ, издали напоминающихъ своей формой рядъ кротовыхъ горъ, занимаютъ это промежуточное пространство, надъ каменистой равниной, образованной потоками лавы, которые вылились съ двухъ первоначальныхъ острововъ. Вулканическій пепелъ, перемѣшанный съ обломками этихъ лавъ и видоизмѣненный дѣйствіемъ дождей, далъ слой плодороднѣйшей земли, которая сдѣлалась земледѣльческой областью Санъ-Мигуэля: въ этой мѣстности и сгруппировалось громадное большинство населенія ¹⁾.

Надъ восточной частью Санъ-Мигуэля, которая походитъ на о. св. Маріи видомъ своихъ изрытыхъ скатовъ и вывѣтрившихся лавъ, господствуетъ высшая вершина острова, Пико-да-Вара, бывшій вулканъ, ни разу не приходившій въ дѣйствіе со времени прибытія въ край поселенцевъ; въ лѣсахъ, покрывающихъ склоны этой горы, попрятались первые африканцы, оставленные на островѣ, въ 1444 году, когда сильныя сотрясенія колебали западные земли, при чемъ нѣкоторыя вершины горъ были обращены въ пепелъ и взлетѣли на воздухъ. Къ западу отъ Пико-да-Вара, неправильная цѣпь мѣстами прерывается равнинами въ формѣ цирковъ. Одна изъ нихъ, открывающаяся на южной покатости острова, носитъ названіе долины «Печей», *das Furnas*; отсюда выходитъ ручей, называемый «Горячей рѣчкой», *Ribeira Quente*, спускающійся къ морю узкой долиной, почва которой утилизируется для производства скороспѣлыхъ плодовъ. На пространствѣ около 400 метровъ во всѣхъ направленіяхъ земля изрыта безчисленными отверстіями, изъ которыхъ вылетаютъ струи воды и паровъ. Нѣкоторыя ямки имѣютъ діаметръ не больше, чѣмъ у иголки: это по мѣстному названію, «глазки», *olhos*, откуда выходятъ капельки воды и пузырьки воздуха; самый обильный ключъ, извѣ-

¹⁾ Arruda Furtado, цитиров. сочиненіе.

²⁾ G. Hartung, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Fouqué, «Voyages géologiques aux Açores», „Revue des Deux Mondes“, 1873.

стный подъ именемъ «котла», *caldeira*, бьетъ изъ земли въ видѣ широкаго свопа, взлетающаго на высоту одного метра надъ уровнемъ бассейна; одно отверстіе, прозванное «пастью ада», выбрасываетъ съ шумомъ кружащіяся струи газа, тѣмъ болѣе густыя и безпорядочныя, чѣмъ болѣе волнуется внѣшняя атмосфера. Изъ окружающихъ скалъ, побѣлѣвшихъ отъ дѣйствія кислотъ, вытекаетъ дымящаяся вода, и даже въ самомъ ложѣ ручья существуютъ горячіе ключи, присутствіе которыхъ обнаруживается кипѣніемъ воды и выдѣленіемъ пара на поверхности. Температура этихъ водъ, изъ которыхъ нѣкоторыя утилизируются въ водолечебныхъ заведеніяхъ, представляетъ большое различіе, смотря по обилію водныхъ площадей и свойству каналовъ, посредствомъ которыхъ подземная вода выходитъ наружу: нѣкоторые источники имѣютъ температуру 98 градусовъ, т. е. почти достигающую точки кипѣнія; другіе, напротивъ, едва заслуживаютъ названія теплыхъ водъ, такъ какъ температура ихъ не превышаетъ 22 градусовъ; такая же разница замѣчается между различными ключами и въ отношеніи минерализаціи. За послѣднія три столѣтія долина Печей почти нисколько не измѣнилась по внѣшнему виду: единственный перемѣны, происходящія въ этой долині, — обвалы, въ томъ или другомъ мѣстѣ, скалъ, распадающихся отъ дѣйствія фумароллъ, да постепенное отложеніе толстыхъ слоевъ кремнезема, въ которыхъ окаменѣваютъ растенія: иногда большія деревья превращаются такимъ образомъ въ камень.

Горячіе ключи и фумароллы встрѣчаются во множествѣ и въ остальной части острова, гдѣ они расположены по прямой линіи, отъ восточнаго-востока къ западо-сѣверо-западу, въ томъ же направленіи, какъ и самая ось архипелага. Сантъ-Мигуэль богатъ также озерами, бывшими кратерами, которые нѣкогда извергали горячую лаву, а теперь наполнены дождевой водой. Одно изъ этихъ озеръ занимаетъ овальную впадину непосредственно къ западу отъ долины Печей; сосѣднее озеро, имѣвшее 5 километровъ въ окружности и болѣе 30 метровъ глубины, было совершенно засыпано пепломъ во время изверженія 1563 года: теперь оно такъ и называется «Сухое озеро», Lagoa Secca. Километрахъ въ десяти отсюда, озеро Конгро (Lagoa do Congro) наполняетъ кратеръ, крутя стѣны котораго вздымаются на 90 метровъ надъ уровнемъ воды. Далѣе, другое альпійское озеро, называемое «Огненнымъ», Lagoa do Fogo, помѣстилось въ жерлѣ, разверзшемся въ 1563 году. Высокая гора, Volcao, или «Вулканъ» по преимуществу, исчезла вся цѣликомъ, улетучилась, превращенная въ пепелъ и куски пемзы, ниспадавшіе на островъ и на океанъ: ручьи, засыпанные дождемъ раскаленной пыли, перестали течь на цѣлыя двѣ недѣли; каравеллы,

плававшія на разстояніи 400 километровъ отъ Сантъ-Мигуэля, были покрыты по всей палубѣ пепломъ и лишь съ большимъ трудомъ могли пролагать себѣ путь въ морѣ сквозь сплошной слой пемзы; говорятъ даже, что вулканическая пыль была доносима вѣтромъ до самой Португаліи. Когда черная туча, скрывавшая театръ изверженія, разсѣялась, островитяне увидѣли, что профиль гребня совершенно измѣнился. Къ западу отъ Огненнаго озера хребетъ острова представляетъ наиболѣе глубокую выемку; большая дорога, идущая съ одного склона на другой, между Понта-Дельгада и Рибейра-Гранде, переходитъ порогъ на высотѣ 210 метровъ, поднимаясь съ одной стороны, понижаясь съ другой, безъ крутыхъ входовъ и спусковъ.

Западная оконечность острова Сантъ-Мигуэль почти вся занята большимъ круглымъ кратеромъ замѣчательно правильной формы. Край его по всей окружности, длиною около 15 километровъ, иззубренъ дѣйствіемъ дождей, и нѣсколько вулканическихъ конусовъ, разставленныхъ черезъ извѣстныя промежутки, господствуютъ надъ обширнымъ амфитеатромъ: самый высокій изъ нихъ, Пикъ Креста, Pico da Cruz, на юго-востокѣ, достигаетъ 846 метровъ; водная площадь, наполняющая дно большаго кратера, лежитъ всего только на высотѣ 264 метровъ. Существуетъ легенда, что это жерло разверзлось въ 1484 году, т. е. въ тотъ самый годъ, когда первые жители были оставлены на островѣ Кабралемъ; однако, геологическое изученіе кратера не подтверждаетъ этого разсказа туземцевъ, внушеннаго, очевидно, любовью къ чудесному. Точно также слѣдуетъ смотрѣть какъ на плодъ народнаго воображенія на самое имя «Caldeira das Sete Cidades», «Котель Семи Городовъ», данное этому обширному амфитеатру вулканическаго происхожденія: безъ сомнѣнія, жители острова думали, что здѣсь, на днѣ водъ, покоятся, поглощенные разверзшейся землей «Семи городовъ» Антилии, основанныхъ семью легендарными епископами, бѣжавшими изъ Португаліи во время вѣнствія мавровъ. Наибольшая глубина подводной части кратера превышаетъ 106 метровъ: съ этой глубины, вѣроятно, и вылеталъ нѣкогда пепелъ при изверженіяхъ. Зеленая водная площадь «Большаго озера», Lagoa Grande, занимаетъ сѣверную впадину Кальдейры, но узкая коса, едва выступающая наружу, отдѣляетъ ее отъ другой водной площади, «Лазурнаго озера», Lagoa Azul, которое простирается до основанія лѣсистыхъ откосовъ, въ южной части амфитеатра. Живописная деревня разсыпала свои домики по скатамъ до самой перегородки, раздѣляющей два озера, и четыре вулкана съ кратеромъ высются въ разныхъ частяхъ котловины. Каждый изъ двухъ южныхъ вулкановъ содержитъ маленькое озеро

на дѣл своей верхней чаши. Говорятъ, что глубокая галлерей, откуда жидкая лава изливалась прямо въ море, проходятъ сквозь всю толщу стѣны «Семи городовъ» ¹⁾.

Въ сосѣдствѣ этой котловины «Семи городовъ», у острова Сантъ-Мигуэля уже въ историческія времена не разъ появлялись новые подводные вулканы. Такъ, близъ южнаго берега, противъ порта Виллафранка, въ морѣ виденъ кратеръ замѣчательно правильной формы, внутри котораго мелкія суда находятъ безопасное убѣжище во время бури; но эпоха появленія этого подводнаго вулкана не извѣстна. Первое изверженіе, которое азорцы наблюдали въ открытомъ морѣ, относится къ 1638 году. Тогда изъ нѣдръ океана, къ юго-западу отъ мыса Феррарія, вылетѣлъ столбъ пепла, по выраженію хроника «такой высокій, какъ три башни, поставленные одна на другую», и мало-по-малу изъ-подъ воды выступилъ черно-ватый конусъ; но этотъ новорожденный островъ просуществовалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ: первый зимній бури разрушили его, и отъ вулкана осталась только высокая, лежащая близко отъ поверхности, мель. Къ юго-западу отъ того мѣста, гдѣ стоялъ этотъ эфемерный островъ, въ 1811 году появился другой—знаменитый Сабрина, названный такъ по имени англійскаго фрегата, экипажъ котораго оставался въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль очевидцемъ этого морскаго изверженія. Столбы пепла и шлаковъ, слѣдовавшіе одинъ за другимъ черезъ извѣстные промежутки, поднимались гораздо выше утесовъ сосѣдняго берега, на 200 метровъ и болѣе; облако паровъ, облежавшее верхнюю часть колонны обломковъ, кружилось въ воздухѣ, какъ исполинское колесо; молніи пронизывали по всѣмъ направленіямъ темную массу вертящихся облаковъ; смерчи, двигавшіеся наклонно отъ дѣйствія вѣтра, вздымали огромныя волны вокругъ центрального изверженія. На четвертый день показалась черная полоса берега Сабрины, которую можно было принять за высунувшуюся спину какого-то чудовища; по прошествіи трехъ часовъ островъ имѣлъ уже 6 метровъ высоты и принялъ форму разорваннаго кратера, около 450 метровъ въ окружности, откуда во время отлива вода выливалась въ видѣ кипящей рѣки, а при слѣдующемъ приливѣ море снова наполняло опорожненную лагуну острова. Шестнадцать дней спустя послѣ начала изверженія вулканической конусъ достигъ максимума своихъ размѣровъ: 75 метровъ въ вышину и 1.850 метровъ въ окружности. Разсказываютъ—правда, голословно,—будто англичане поспѣшили водрузить свой флагъ на новорожденной землѣ, обрадовавшись счастливому случаю, который давалъ имъ мѣсто для сооруженія крѣпости въ центрѣ

океана; но составленный изъ такого рыхлаго и непрочнаго матеріала, какъ пепелъ и шлакъ, этотъ будущій новый Гибралтаръ не могъ противостоятъ удару волнъ и мало-по-малу исчезъ подъ водой: вскорѣ послѣ того лотъ находилъ глубину въ 28 метровъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ появлялся островъ Сабрина ¹⁾.

Первое поселеніе португальскихъ и «маври-танскихъ» эмигрантовъ на южномъ берегу Сантъ-Мигуэля носитъ просто имя Ровоасао, т. е. «Деревня». Его смѣнила, въ качествѣ главнаго города, Виллафранка, расположенная тоже на южномъ берегу, при рейдѣ, который защищаютъ отъ западныхъ вѣтровъ вулканической островокъ и перешеекъ изъ мелей, соединяющій его съ побережьемъ. Но въ 1522 году этотъ городъ былъ совершенно разрушенъ изверженіемъ: потоки земли и ила, спустившіеся лавинами съ горъ, лежащихъ на сѣверѣ, хлынули на Виллафранку и поглотили ее, вмѣстѣ съ пятью тысячами жителей; другіе «земляные потоки», говорятъ лѣтописцы, ринулись на разные другіе пункты побережья и выдвинулись въ море въ видѣ мысовъ.

Виллафранка, родина знаменитаго путешественника Бенто - де - Гоэсъ, проникшаго въ центръ Азіи въ началѣ семнадцатаго столѣтія, снова сдѣлалась многочисленнымъ городомъ и ведетъ непосредственно торговлю съ Англіей. Но на степень столицы возвысился другой городъ—Понта-Дельгада (Длинный Мысъ), лежащій западнѣе, за большимъ мѣстечкомъ Алагоа, и на томъ же южномъ берегу: это четвертый городъ Португаліи по числу жителей. Выступъ берега, отъ котораго онъ получилъ свое имя, нѣсколько защищалъ его рейдъ отъ ярости западныхъ вѣтровъ, но эта защита была недостаточна для кораблей, посѣщающихъ понта-дельгадскій портъ; въ среднемъ насчитывали пятьдесятъ дней въ году, когда прекращалось всякое сообщеніе между судами и твердой землей. Поэтому въ шестидесятыхъ годахъ, въ эпоху большаго развитія торговли апельсинами, приступили къ постройкѣ жете, длиннѣ въ 850 метровъ, защищающаго портъ съ южной стороны и загибающагося на востокъ своимъ конечнымъ моломъ: эта плотина защититъ якорную стоянку отъ всѣхъ вѣтровъ, и сотни судовъ найдутъ мѣсто въ портѣ. Болѣе половины внѣшней торговли Азорскихъ острововъ ведется черезъ Понта-Дельгаду (такъ въ 1883 г., въ этомъ портѣ перебывало 322 судна, общей вмѣстимостью 165.765 тоннъ; цѣнность торговли съ другими странами, кромѣ Португаліи, составляла 3.410.000 франковъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, это—лучшій городъ острова по обширности опоясывающихъ его садовъ и воздѣланныхъ полей; благодаря удобнымъ путямъ

¹⁾ V. T. Walker, „The Azores“.

¹⁾ Webster, „Description of the Island of Saint-Michael“; —Hartung, цитированное сочиненіе.

сообщенія, онъ служитъ складочнымъ пунктомъ для произведеній сѣверной покатости острова, гдѣ находится второй по важности городъ Санъ-Мигуэля — Рибейра-Гранде. Маленькое

вовъ, въ 1720 году на морѣ родился островной вулканъ, болѣе высокій и болѣе живучій, чѣмъ вулканы, появлявшіеся въ водахъ Санъ-Мигуэля; однако, составленный изъ такихъ же не-

Островъ Мадера съ сѣверной стороны.

поселеніе Копелласъ, на сѣверномъ берегу, замѣчательно какъ любимое дачное мѣсто богатыхъ азорцевъ.

Между Санъ-Мигуэлемъ и Терсейрой, по гораздо ближе къ послѣднему изъ этихъ остро-

прочныхъ матеріаловъ, онъ тоже въ концѣ концовъ исчезъ, и теперь, какъ показали промѣры морского дна, не существуетъ даже мели на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ конусъ вулканическаго непла. Въ 1867 г., по другую

сторону острова Терсейра, близъ деревни Серрета, занимающей его западную оконечность, образовалась новая подводная горка изъ вулканическихъ шлаковъ, не доходившая, впрочемъ, до поверхности моря. Цѣлые мѣсяцы передъ тѣмъ почва часто колебалась; иногда насчитывали по пятидесяти и болѣе сотрясеній въ день, и нѣкоторыя были настолько сильны, что опрокидывали дома: обитатели этого округа Терсейры жили все это время лагеремъ въ садахъ. Наконецъ, желтовато-зеленый цвѣтъ моря, кипѣніе его водъ, сильные взрывы возмѣстили образованіе подводнаго вулкана; затѣмъ жители увидѣли выходящія изъ моря столбы воды и пара, которые поднимались на высоту нѣсколькихъ сотъ метровъ и разсѣивались въ воздушномъ пространствѣ, въ видѣ бѣловатыхъ облаковъ; ракеты шлаковъ и камней пестрили жидкіе столбы своими черными чертами и падали обратно въ клочающія волны. Пары вылетали изъ моря многочисленными фонтанами на эллиптическомъ пространствѣ около 5 километровъ длиной, и километровъ на двадцать кругомъ вода была окрашена въ желтый, въ зеленый, въ красный цвѣтъ отъ присутствія солей желѣза въ растворѣ. Изверженіе продолжалось семь дней, затѣмъ поверхность моря приняла свой обычный видъ, и подземный вулканъ мало-по-малу понизился ¹⁾).

Островъ Терсейра, или «Третій», имѣющій овальную форму, состоитъ собственно изъ двухъ острововъ, какъ и Санъ-Мигуэль. Средняя и восточная часть, съ ея «Котломъ» (Caldeirao), и западная часть, доминируемая «Большимъ Котломъ» (Caldeira) св. Варвары, принадлежатъ къ различнымъ періодамъ образованія. «Котелъ»—это циркъ около 10 километровъ въ окружности, обставленный вулканами съ кратеромъ и сплошь заросшій густымъ кустарникомъ. Съ краевъ котловины Санта-Барбара, болѣе высокихъ, виденъ весь островъ, какъ на ладони, а вдали, по направленію отъ запада къ югу, развѣртывается вся панорама центральныхъ острововъ архипелага; въ ясную погоду можно даже различить, на юго-востокъ, неопредѣленные очертанія Санъ-Мигуэля. Последнее изверженіе, имѣвшее мѣсто внутри Терсейры, относится къ 1761 году: лавы, вылившіяся въ то время, еще слишкомъ плотны, чтобы можно было обратить ихъ въ пахатную землю: уже издали можно замѣтить эти красноватые каменные рѣки, не имѣющія другой растительности, кромѣ фиговыхъ деревьевъ. Единственный остатокъ дѣятельности, сохранившейся во внутреннемъ очагѣ, обнаруживается выдѣленіемъ газа и водяного пара температуры 90 градусовъ: вокругъ этихъ фумароллъ отлагаются кристаллы сѣры, что дало поводъ назвать эту мѣстность, расположенную въ центрѣ остро-

острова, «Сѣрыми печами» (Furnas d'Enxofre). Подъ застывшими потоками лавы прежнихъ изверженій часто находили большія деревья, принадлежащія, впрочемъ, къ тѣмъ же породамъ, какъ и представители нынѣшней флоры: въ старину туземцы считали эти окаменѣлыя деревья остатками Ноева кончегъ ¹⁾).

Нѣкоторые изъ древнихъ потоковъ лавы на Терсейрѣ замѣчательны крайне жидкимъ состояніемъ, въ которомъ они должны были находиться при выходѣ изъ трещинъ почвы. Слѣдствіемъ такого ихъ состоянія было то, что подъ верхней корой лавы, охладившейся отъ соприкосновенія съ наружнымъ воздухомъ, расплавленная масса продолжала свое движеніе, и послѣ истеченія оставила за собой пустое пространство внутри потока. Такъ образовались галлерей, которыя тянутся на сотни метровъ въ толщѣ застывшей лавы. Очень интересное зрѣлище представляютъ эти длинныя коридоры подъ скалами, украшенные сталактитами изъ черныхъ кристалловъ. Во многихъ мѣстахъ вода, защищенная отъ испаренія, скопляется тамъ въ видѣ маленькихъ резервуаровъ, куда женщины приходятъ наполнять свои кувшины. Одна изъ галлерей, оканчивающаяся близъ города Ангра, служитъ русломъ ручью, воды котораго приводятъ въ движеніе колеса нѣсколькихъ мельницъ ²⁾).

Противъ южнаго берега Терсейры въ морѣ видны остатки древняго конуса изверженія, раздѣленнаго теперь ударомъ волнъ на два островка, извѣстные подъ именемъ скалъ Кабрасъ. Другой вулканъ подводнаго происхожденія существуетъ до сихъ поръ, соединенный съ самымъ берегомъ: это Морро-до-Бразиль, высящійся къ западу отъ порта Ангра. Стѣны его, состоящія изъ пепла, смѣшаннаго съ обломками морскихъ раковинъ, образуютъ разноцвѣтный туфъ, которому атмосферныя дѣтели придали на вершинѣ форму зубцовъ и остроконечныхъ пирамидъ; на всей приморской окраинѣ основаніе горы изсѣчено глубокими гротами, гдѣ гнѣздятся голуби и морскія ласточки. На вершинѣ «Бразильской горы», получившей это названіе отъ красильнаго дерева, которое тамъ прежде росло, находится котловина около 3 километровъ въ окружности, заключающая два кратера неодинаковаго уровня, дно которыхъ теперь обращено подъ напши.

Фортъ, построенный на склонахъ вулкана, защищаетъ Ангру, главный городъ Терсейры, бывший нѣкогда официальной столицей Азорскихъ острововъ; и теперь еще здѣсь имѣетъ пребываніе командующій военными силами архипелага. Уступая Понта-Дельгадъ по размѣрамъ, Ангра представляетъ болѣе монументальный видъ. Ее прозвали «городомъ церквей»,—

¹⁾ Fouqué, цитирован. мемуаръ.

¹⁾ Boid, „A description of the Azores or Western Islands“.

²⁾ Fouqué, цитирован. мемуаръ.

такъ многочисленны здѣсь храмы и монастыри; въ официальныхъ документахъ она носитъ пышный титулъ *Angra do Heroismo*, т. е. «Бухта Героизма», присвоенный ей въ память сопротивления, которое она оказала десантной войску, присланному довь-Мигуэлемъ въ 1829 году: войско это тщетно пыталось овладѣть батареями города Прайя, расположеннаго при безопасной бухточкѣ, на восточной оконечности острова. Осаждающіе должны были поспѣшно сѣсть обратно на корабли, и Терсейра сдѣлалась опорной точкой военныхъ силъ, которыя постепенно отвоевали Азорскіе острова, затѣмъ Португалію и наконецъ вступили, въ 1833 году, торжествующими побѣдителями въ Лиссабонъ, чтобы провозгласить тамъ королевой донну Марію да-Глоріа.

На островѣ Терсейра бывали также аграрныя возмущенія, вслѣдствіе захвата общинныхъ земель крупными землевладѣльцами ¹⁾.

Островъ Грасіоза, т. е. «Прелестный», не заслуживаетъ болѣе этого названія по своей растительности. Это одна изъ тѣхъ азорскихъ земель, гдѣ жители особенно усердно потрудились надъ истребленіемъ существовавшихъ прежде лѣсныхъ богатствъ; но они тщательно воздѣлываютъ ее, а города ея, Санта-Круцъ и Прайя, оба на сѣверномъ берегу, имѣютъ кое-какую промышленность. Прежде населеніе занималось тканьемъ полотня и шерстяныхъ матерій, которыя находили сбытъ за границу и вывозились даже въ Бразилію; но теперь, конечно, немислима никакая конкуренція между островкомъ, затеряннымъ среди безпредѣльнаго океана, и мануфактурными городами Европы и Америки. Въ настоящее время главный промыселъ Грасіозы — производство кирпича, который дѣлаютъ изъ красной глины, происходящей отъ разложенія лавы. Пуццоланы, цементы, огнеупорныя глины, продукты, которые можно изготовлять милліардами тоннъ, эксплуатируя вулканы Азорскихъ острововъ, — таковы, вѣроятно, будущія богатства этого океаніискаго архипелага.

Со времени прибытія португальцевъ, на Грасіозѣ не было изверженій; даже значительныя землетрясенія рѣдко случались; одинъ теплый минеральный источникъ, смѣшивающій свою струю дымящейся воды съ морской волной, да фумароллы углекислоты и сѣрнистаго водорода, наполняющія этими газами естественный гротъ на днѣ восточной кальдеиры, — вотъ единственныя внѣшнія проявленія вулканической дѣятельности. Посѣтителѣ не всегда могутъ безопасно спускаться въ эту пещеру съ испорченнымъ воздухомъ, дно которой занято маленькимъ озеромъ теплой воды. Гартунгъ объясняетъ происхожденіе этой пустоты внутри скалы огромными пузырями газа, которые про-

бивались сквозь лаву, бывшую еще въ жидкомъ состояніи.

Сантъ-Жорже (о. св. Георгія), центральный островъ средней группы и всего архипелага, отличается отъ другихъ азорскихъ земель формой и рельефомъ. Длинный и узкій, онъ расположенъ по линіи, точно совпадающей съ общей осью Азорской системы, и цѣнь его горъ, которая тянется на пространствѣ около 50 километровъ, не заключаетъ ни одного конуса или купола, выдолбленнаго на верхушкѣ въ видѣ глубокой котловины; на немъ нѣтъ даже кратера въ собственномъ смыслѣ. Восточная часть этого острова, которая была первая колонизована фламандскими выходцами подъ предводительствомъ ванъ-Гуэртера, пребываетъ теперь въ состояніи покоя, тогда какъ западная, гдѣ находится главный городъ, Веллазъ, защищенный отъ западнаго вѣтра высокимъ мысомъ, подвержена еще частымъ сотрясеніямъ. Колѣбанія почвы, говорятъ, чаще всего ощущаются здѣсь къ концу осени. По преданіямъ, собраннымъ Бойдомъ, подводные вулканы уже трижды появлялись у западной оконечности острова — въ 1691, въ 1720 и въ 1757 годахъ: въ этомъ послѣднемъ году восемнадцать островковъ выступили на поверхность моря, но вскорѣ опять исчезли, уступая разрушительному дѣйствію волнъ. Въ эпоху цвѣтущаго состоянія азорскихъ виноградниковъ островъ св. Георгія производилъ лучшія вина въ архипелагѣ; въ наши дни жители его занимаются преимущественно скотоводствомъ и отправляютъ значительное количество скота за границу.

Колоссальная конусообразная гора, «Пикъ» по преимуществу, вздымающаяся на 2,320 метровъ надъ центральной группой Азорскаго архипелага, имѣетъ такой величественный видъ, что островъ, на которомъ она стоитъ, не получилъ даже особаго имени: простой пьедесталъ исполинскаго вулкана, хотя его овальная окружность развѣртывается на пространствѣ 120 километровъ, онъ никогда не назывался иначе, какъ именемъ Пико, принадлежащимъ собственно поддерживаемой имъ горѣ. Съ обѣихъ сторонъ острова почва постепенно повышается къ Пикю, очень полого на восточной, болѣе круто на западной покатости. У собственно основанія вулкана наклонъ становится значительнѣе, и правильный конусъ вершины такъ выпрямляется, что когда смотришь снизу, стѣнки кажутся почти вертикальными; оттого «Пикъ» часто сравнивали съ громадной банней, поднимающейся выше пояса облаковъ. Издали, въ ясную погоду, можно различить на вершинѣ горы конечный конусъ, описываемый кратеромъ, и на верхнихъ склонахъ придаточные конусы, выдвинутые послѣдствательными изверженіями. Впрочемъ, очень рѣдко представляется возможность рассмотреть вулканъ во всѣхъ деталяхъ его архитектуры: почти всегда,

¹⁾ Walker, цитированное сочиненіе.

во всякое время года, онъ окутанъ туманомъ; вершина его еще рѣже бываетъ видна мореплавателямъ, чѣмъ вершина Teneriffского пика. По цѣлымъ мѣсяцамъ она остается закрытой облаками, и даже лѣтомъ, въ самую жаркую пору, снѣгъ, защищаемый парами отъ лучей солнца, держится въ трещинахъ скалы. Немногимъ изъ предпринимающихъ восхождение на Пикъ удастся дожидаться такого счастливаго момента, когда для нихъ разступится густая завѣса облаковъ, и достигнуть краевъ кратера, прежде чѣмъ спустится занавѣсъ надъ панорамой острововъ архипелага, разсѣянныхъ по синей поверхности океана. Обыкновенно уже на высотѣ 1.200 метровъ по склонамъ разстилается вокругъ Пика нижній слой облачнаго покрова; когда пассаты дуютъ на уровнѣ моря, контръ-пассаты проходятъ въ верхнихъ областяхъ атмосферы; раздѣльный поясъ между вѣтрами обозначается слоемъ паровъ, который на Азорскомъ Пикѣ всегда лежитъ ниже, чѣмъ на Пикѣ де-Тейде, въ группѣ Канарскихъ острововъ, потому что подъ болѣе сѣверной широтой возвратные вѣтры уже значительно спустились къ морю. Скопленія паровъ, окружающія Пикъ, разлагая поверхностную часть скалъ, способствуютъ образованію глинистой почвы, очень благопріятной для произрастанія травъ.

Со времени португальской оккупации здѣсь бывали сильныя изверженія, но ни одно изъ нихъ не происходило въ конечномъ кратерѣ, труба котораго выпускаетъ лишь легкій столбъ пара, смѣшаннаго съ углекислотой и сѣрнистымъ водородомъ. Изверженіе 1572 года, кажется, отличалось отъ всѣхъ другихъ вулканическихъ пожаровъ азорскаго міра необыкновенной силой своихъ огней: колоссальный маякъ, зажженный самой природой, освѣщалъ весь архипелагъ, превращая ночь въ день; свѣтъ его отражался даже въ водахъ Санъ-Мигуэля, отстоящаго на 250 километровъ. Подобно Терсейрѣ и Грасіозѣ, Пико въ большей части состоитъ изъ лавъ, которыя изливались въ совершенно жидкомъ состояніи и текли по скатамъ горы извилистыми кривыми; во многихъ мѣстахъ встѣчаются подземныя галереи, образовавшіяся вслѣдствіе истеченія ручья лавы, и пещеры, происшедшія отъ огромныхъ пузырей газа, наполнявшихъ расплавленную массу. Почти на всей окружности Пико, также какъ въ Сициліи вокругъ Этны, дождевыя воды исчезаютъ въ пеплѣ и пористой лавѣ, чтобы течь подземными ручьями; онѣ снова выходятъ на поверхность только у самаго моря, попеременно скрываемыя приливомъ и открываемыя отливомъ: въ нѣкоторыхъ селеніяхъ крестьянки ходятъ на море полоскать бѣлье въ часы отлива, когда показываются подземные источники, бьющіе ключемъ поверхъ соленой воды¹⁾.

¹⁾ Morelet, „Notice sur l'histoire naturelle des Açores“.

Несмотря на естественную влажность климата и обиліе дождей, жители Пико вынуждены устраивать цистерны, чтобы имѣть достаточный запасъ прѣсной воды.

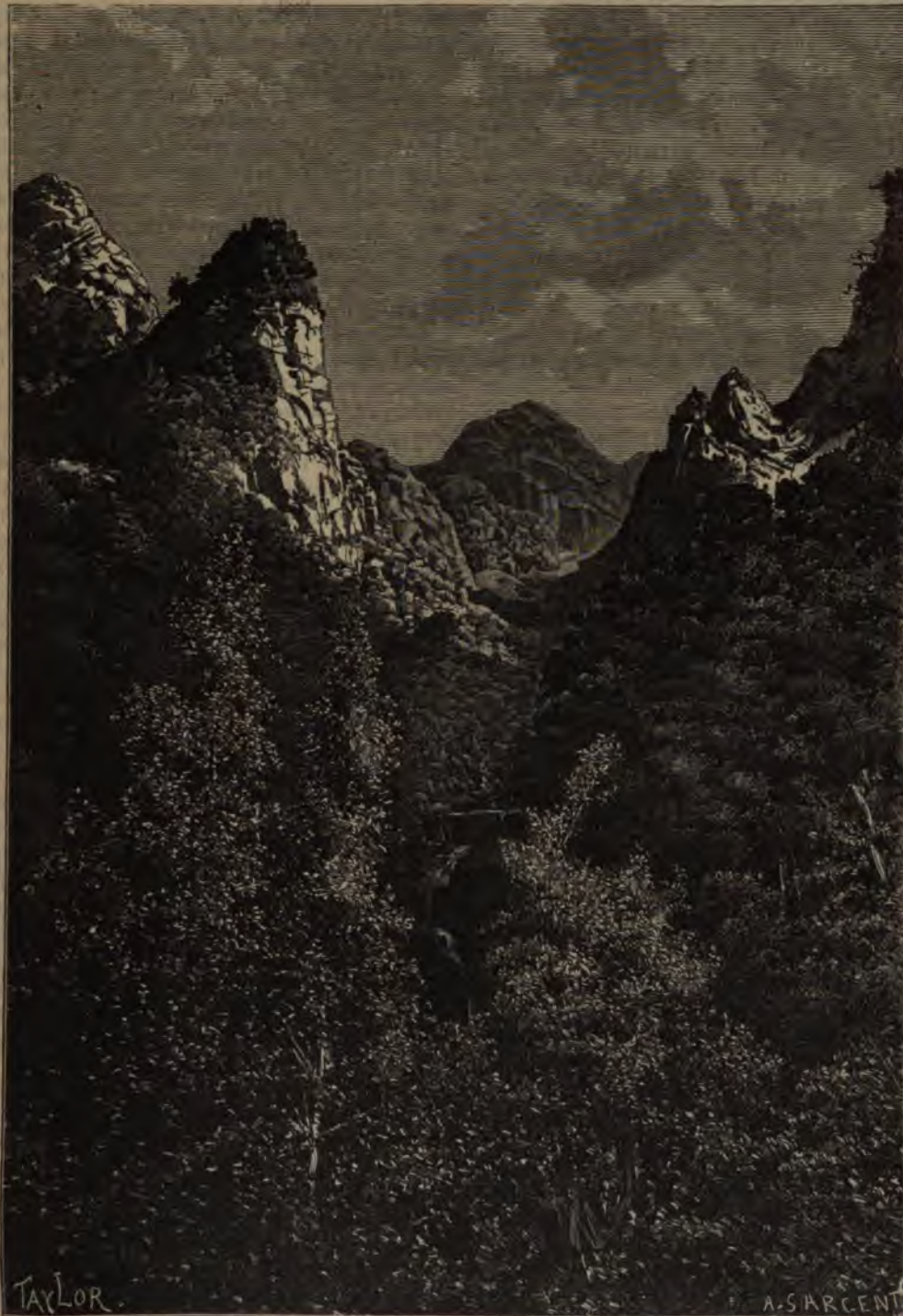
Хотя по пространству Пико гораздо больше своего сосѣда, острова Файяль, по цифрѣ населенія онъ лишь немногимъ превосходитъ этотъ послѣдній. Разсказываютъ, что первые колонисты, поселившіеся на Файяль, не осмѣливались переплывать проливъ, отдѣлявшій ихъ отъ Пико: видъ грозной горы пугалъ ихъ, точно видъ сказочнаго великана. Тѣмъ не менѣе островъ вскорѣ былъ раздѣленъ на большія имѣнія: богатые Файяльскіе реды завладѣли плодородными землями противоположнаго берега и поселили тамъ земледѣльцевъ на условіи отдавать помѣщику извѣстную долю урожая. Благодаря культурѣ винограда, эти обширныя имѣнія на Пико сдѣлались для ихъ владѣльцевъ источникомъ обогащенія. Въ 1852 году производство вина, походившаго на мадеру, простиралось слишкомъ до 130.000 гектолитровъ (1.058.000 ведеръ); въ слѣдующемъ году грибокъ *oidium* сократилъ сборъ на одну пятую, а нѣсколько лѣтъ спустя виноградныя лозы годились только для топки печей. Съ тѣхъ поръ нѣкоторые виноградники были вновь завоеваны для культуры: въ нихъ насадили фиговые и абрикосовыя деревья, плоды которыхъ идутъ на приготовленіе водки; жители занимаются также огородничествомъ, отчасти скотоводствомъ (стада пасутся на горныхъ лугахъ); но въ общемъ производительность Пико, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговля Файяля значительно уменьшилась. Населеніе этого обѣднѣвшаго острова давало и даетъ наибольшій контингентъ эмигрантовъ, сравнительно съ другими Азорскими островами. Лагенсъ, столица острова, — бѣдный городокъ, расположенный на южномъ берегу, при лагунѣ, которую подумываютъ обратить въ портъ. Самые красивые дома на Пико — это тѣ, которые жители Файяля построили противъ своего острова, чтобы проводить тамъ лѣтніе мѣсяцы, на берегу моря, вдали отъ мучитель-москитовъ.

Географически островъ Файяль можетъ быть разсматриваемъ какъ часть острова Пико; онъ отдѣленъ отъ послѣдняго лишь небольшимъ проливомъ, глубина котораго не достигаетъ и 100 метровъ: туфовый островокъ, изгрызенный волнами, возвышаетъ свои качающіяся башни между этими двумя островами. Файяль, т. е. «Буковый лѣсъ», не имѣетъ болѣе деревьевъ, отъ которыхъ онъ получилъ свое имя; теперь мирику, принятую первыми мореплавателями за букъ, можно встрѣтить еще, «какъ въ послѣднемъ убѣжищѣ», только въ центральной котловинѣ острова, въ жерлѣ, имѣющемъ около 400 метровъ глубины и болѣе 6 километровъ въ окружности; стѣны этого огромнаго цирка, состоящія изъ лавы, раздѣлены на правильные

контрфорсы глубокими разсѣлинами, рѣзко выдѣляющимися, въ видѣ черныхъ полосъ, на зеленомъ фонѣ растительности. На днѣ кратера

и промышленные между населеніемъ архипелага: кромѣ земледѣлія, они занимаются ткачествомъ, а женщины выдѣлываютъ для ино-

Видъ на Мадеръ со стороны С. Джордже.

видѣется маленькое озеро. Изъ всѣхъ Азорскихъ острововъ Файяль наилучше воздѣланъ и производитъ лучшіе плоды, апельсины, абрикосы, бананы; жители его самые трудолюбивые

странцевъ тысячу мелкихъ вещицъ, между прочимъ, очень хорошенькія кружева изъ волоконъ алоэ.

Горта, или Хорта, столица острова и сопер-

ница Понта-Дельгады по вѣшной торговлѣ, расположена въ прелестной мѣстности, въ виду Пика и у выхода плодородной долины «Фламандцевъ», названной такъ по первымъ, поселившимся здѣсь, колонистамъ, между которыми находился Мартинъ Бегаймъ, знаменитый космографъ изъ Нюрнберга. Трудно сказать—обязана ли Горта своимъ именемъ ея основателю, фламандцу ванъ-Гуэртеръ, или ее прозвали «Садомъ» (Horta) за плодородіе окружающей мѣстности. Какъ бы то ни было, между азорскими городами нѣтъ ни одного, который бы превосходилъ столицу Файяля разнообразіемъ флоры, туземной и экзотической, который могъ бы похвалиться такими прекрасными тѣнистыми садами и рощами, гдѣ собраны деревья Европы, Америки и Австрали. Благодаря обилію овощей и другихъ продуктовъ на рынкѣ Горты, она сдѣлалась обычнымъ сборнымъ мѣстомъ американскихъ китолововъ, поставляющихъ эти воды; изъ молочныхъ продуктовъ особенно славится своимъ превосходнымъ качествомъ масло, которое вывозится отсюда даже въ Лиссабонъ. Движеніе судоходства въ портѣ Горты выразилось въ 1882 г. слѣдующими цифрами:

156 парусныхъ судовъ, вмѣстимостью — 43.598 тоннъ; 67 пароходовъ—98.403 тоннъ; всего: 223 судна, вмѣстим. —142.001 тонна.

Горта обладаетъ лучшей во всемъ архипелагѣ якорной стоянкой. Самая масса острова защищаетъ ее отъ западныхъ вѣтровъ, наиболѣе опасныхъ въ Азорскомъ морѣ; на востокѣ Пико, на сѣверо-востокѣ Санъ-Жорже закрываютъ ее также отъ волненія и бури; наконецъ на югѣ, двѣ вулканическія горы, соединенныя съ о. Файяль узкими перешейками, отражаютъ волны, набѣгающія съ юга. Одна изъ этихъ горъ носитъ имя «Горѣлой» (Queimado), другая, monte Aguiá, т. е. «Орлиная гора», или вѣрнѣе Guia, т. е. «Путеводитель»,—названная такъ, безъ сомнѣнія, потому, что указываетъ кораблямъ входъ въ рейдъ,—обращена къ морю разорваннымъ краемъ кратера, куда проникаютъ волны: этотъ портъ, прозванный «Котломъ ада», хорошо защищенъ туфовыми стѣнками и служитъ мѣстомъ убѣжища для мелкихъ судовъ во время бури и сильнаго волненія. Недавно построенный волноразбиватель опирается о «Горѣлую» гору и продолжается на югъ отъ якорной стоянки Горты; онъ прикрываетъ гавань площадью въ 12 гектаровъ.

Флоресъ и Корво, отдѣленные отъ другихъ Азорскихъ острововъ морскимъ пространствомъ около 250 километровъ, а другъ отъ друга проливомъ въ 18 километр. ширины и болѣе 1.500 метровъ глубины, составляютъ какъ бы особый мірокъ. Сношенія между этими двумя островами и восточными группами рѣдки, развѣ только сношенія по дѣламъ управленія съ Гортой, главнымъ городомъ провинціи; впро-

чемъ, жители Флореса и Корво, отважные моряки, ведутъ торговлю непосредственно съ Португаліей и Бразиліей, и многіе изъ нихъ поступаютъ матросами на американскія китобойныя суда. Коровы на о. Корво, разновидность, происшедшая отъ алгарвской породы, едва ли не самыя маленькія во всемъ свѣтѣ: самыя крупныя изъ нихъ ростомъ не выше 90 сантиметровъ, т. е. величиной съ большую собаку; впрочемъ, онѣ замѣчательно пропорціонально сложены ¹⁾. По ихъ климату, теплоту, по сырости и вѣтряному, два названные острова могутъ считаться по преимуществу азорскими землями: дожди тамъ обильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, бури ввезапнѣе, растительный уборъ ярче зеленѣетъ; густые ковры дерна и мха задерживаютъ воду на высотахъ и выпускаютъ ее лишь маленькими струйками, текущими во всякое время года. Флоресъ, хотя обезлѣсенный, остается все-таки «Цвѣтущимъ» островомъ: скаты и долины его необычайно плодородны. Разнообразіе растительныхъ видовъ тѣмъ болѣе замѣтно на Флоресѣ, что этотъ островъ, а также и Корво въ меньшей степени, отличаются отъ другихъ Азорскихъ острововъ болѣе неровнымъ рельефомъ. Всѣ склоны горъ изрѣзаны глубокими долинами, которыя правильно расходятся отъ центра острова къ приморской окружности. Причина тому—древность лавъ, изъ которыхъ состоятъ эти два западные члена Азорскаго архипелага: такъ какъ въ продолженіи длиннаго ряда вѣковъ не было новыхъ изліяній лавы, которыя бы разливались поверхъ существующихъ застывшихъ потоковъ, то дожди постепенно вырыли въ толщѣ этихъ послѣднихъ широкія долины, гдѣ нѣкогда росли густые лѣса, а нынѣ раскинулись богатая плантаціи и тучныя нивы. Лѣтописи Флореса и Корво не упоминаютъ ни одного изверженія, ни одного сильнаго землетрясенія. Въ кратерахъ нѣтъ болѣе fumarollъ, теперь въ нихъ встрѣтишь только поросли кустарника, пастбища, маленькія озера. Большая кальдейра на Корво, занимающая половину острова, имѣетъ наиболѣе правильную форму изъ всѣхъ вулканическихъ котловинъ Азорскаго архипелага: это овалъ, около 7 километровъ въ окружности, съ краями отъ 600 до 700 метровъ высоты, перерѣзанными во многихъ мѣстахъ оврагами, которые съ одной стороны расходятся по направленію къ морю, съ другой сходятся у внутренняго озера. Туземцы говорятъ, что дно этого кратера представляетъ въ миниатюрѣ земли архипелага.

Когда-то въ давнее время,—такъ гласитъ одна легенда, вѣроятно, арабскаго происхожденія, сообщаемая португальскимъ писателемъ де-Гозесъ,—на одномъ изъ мысовъ сѣверо-запад-

¹⁾ Drouet, „Sur terre et sur mer“;—G. Hartung, антироманное сочиненіе.

ной окончности острова Корво, господствующихъ въ одно и то же время надъ кратеромъ и надъ океаномъ, стояла изсѣченная изъ камня статуя всадника на конѣ. Воздвигнутая древними мореплавателями, которые завѣщали свою науку грядущимъ народамъ, каменная фигура простирала правую руку къ заходящему солнцу, показывая дорогу въ Америку: «Ищите въ той сторонѣ, — казалось, говорила она, — по слѣдамъ солнца, и вы найдете другую половину міра». Можно ли придумать болѣе грандіозное представленіе идеи человѣческой солидарности, проходящей черезъ всѣ вѣка? Материки западнаго полушарія погрузились въ мракъ забвенія, но на крайнемъ выступѣ океанійскихъ земель каменный человѣкъ ждалъ изъ вѣка въ вѣкъ прохода какого-нибудь заблудившагося корабля, чтобы указать ему путь къ потерянной части свѣта. Такъ новая эпоха должна была примкнуть, какъ слѣдующее звено, къ цѣпи древнихъ временъ.

Азорскіе острова, соединенные, по управленію, съ Португаліей, какъ составная часть королевства, дѣлятся на три округа, подраздѣленные на 22 *concelhos* и 125 общинъ. Каждый округъ управляется выборнымъ колоніальнымъ совѣтомъ и областнымъ гражданскимъ правленіемъ, зависящимъ непосредственно отъ метрополии. Этотъ архипелагъ посылаетъ въ Кортесы восемь депутатовъ, изъ нихъ четыре отъ Понта-Дельгада и по два отъ каждого изъ остальныхъ округовъ.

Слѣдующая таблица показываетъ распределеніе острововъ по округамъ, а также число жителей отдѣльныхъ острововъ и главныхъ городовъ:

Округа.	Острова.	Населеніе въ 1881 г.	Среди. числ. жит. на 1 кв. км.
Понта-Дельгада.	Санта-Марія.	6.045	58
	Санъ-Мигуэль.	165.169	163
Ангра.	Терсейра.	44.340	77
	Грасіоза.	13.296	289
	св. Георгія.	16.630	160
Горта.	Файяль.	24.000	145
	Пико.	28.921	63
	Флоресь.	9.000	188
	Корво.	1.500	83

По переписи 1890 г., населеніе Азорскихъ острововъ опредѣлилось въ 256.000 душъ.

Главные города: Понта-Дельгада (о. Санъ-Мигуэль) — 17.135 жит.; Рибейра-Гранде — 11.800 жит., Алагоа — 10.765 жит.; Ангра-до Героисмо (о. Терсейра), — 11.070 ж.; Горта (о. Файяль) — 7.570 жит.

IV. Архипелагъ Мадера.

Группа острововъ и островковъ, находящаяся въ Атлантикѣ въ 850 километрахъ къ юго-востоку отъ азорскаго острова св. Маріи, зани-

маетъ очень маленькое пространство въ безпредѣльномъ протяженіи морей. Мадера, главный островъ, и сосѣднія земельки имѣютъ всѣ вмѣстѣ площадь, далеко не достигающую тысячи квадр. километровъ. Однако, населеніе на этой океанической землѣ относительно очень густое; по сравненію съ размѣрами, Мадера имѣетъ почти вчетверо больше жителей, чѣмъ ея метрополия Португалія.

Пространство и населеніе Мадерскаго архипелага:

Пространство — 815 кв. килом.; населеніе (1890 г.) — 134.040 душъ; километрическое населеніе — 164 жители.

Хотя по климату менѣе европейская, чѣмъ Азорскіе острова, Мадера болѣе близка къ Европѣ по разстоянію. Отъ Фунчала до Сагреса, наблюдательнаго пункта, откуда инфантъ донъ-Генрихъ устремлялъ пристальные взоры на южный горизонтъ, всего только 900 километровъ, то-есть два дня плаванія на пароходѣ. Африканскій берегъ еще ближе: до мыса Кантинъ, въ Марокко, 700 километровъ, а до двухъ Канарскихъ острововъ, Пальмы и Тенерифа, нѣтъ даже полныхъ 450 километровъ. Со всѣхъ сторонъ Мадера окружена глубокими водами, гдѣ лотъ спускается слишкомъ на 4.000 метровъ, не доставая морскаго ложа; однако, въ цѣломъ дно представляетъ наиболѣе значительные выступы со стороны Европы. Въ этомъ направленіи даже встрѣчаются мели, лежащія близко отъ поверхности воды; высокая мель Геттисбургъ, недавно открытая, находится подъ слоемъ воды толщиной всего только 62 метра. Эта мель изъ ярко-розоваго коралла, отстоящая на 250 километровъ отъ крайняго мыса португальскаго берега, составляетъ вершину большой подводной земли, которая развѣтвляется на два удлинненныхъ полуострова, продолжаясь, съ одной стороны, къ Мадерѣ, а съ другой къ Азорскому архипелагу, мелью Жозефины, покрытой слоемъ воды толщиной въ 154 метра.

Мадера — одинъ изъ тѣхъ острововъ Атлантиды, которые уже нѣсколько разъ появлялись и исчезали, какъ тѣнь. Не есть ли это Джезиреть-эль Ганамъ, или «Островъ Мелкаго Скота», который, будто бы, былъ открытъ арабскими мореплавателями ранѣе двѣнадцатаго столѣтія, и не слѣдуетъ ли видѣть въ Порто-Санто Джезиреть-эль-Тіуръ, т. е. «Птичій островъ»? На многихъ старинныхъ итальянскихъ картахъ, начиная съ карты братьевъ Пицигани, относящейся къ 1367 году, Мадерская группа обозначена какъ архипелагъ «Счастливыхъ острововъ св. Брандама». Но уже въ 1351 году медіцейскій портуланъ описываетъ Мадеру подъ тѣмъ самымъ именемъ, которое она носитъ до сего дня, т. е. подъ именемъ «Лѣсистаго острова» (Madeira по-португальски значитъ «лѣсъ»), — по-итальянски Isola di

Legname; — да и другіе острова архипелага показаны въ этомъ портуланѣ съ ихъ нынѣшними названіями ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, точныя знанія итальянскихъ мореплавателей недолго были общимъ достояніемъ другихъ народовъ; Мадера оставалась неизвѣстной морякамъ Запада, или по крайней мѣрѣ сохранившееся смутное понятіе объ ея существованіи мало-по-малу превратилось въ легенду. Кажется, говоритъ одинъ авторъ, что «столь очаровательный островъ не могъ быть открытъ никѣмъ, кромѣ Амура», и такимъ образомъ возникла прикрашенная однимъ португальскимъ писателемъ исторія влюбленной англійской парочки, которая, будто бы, бѣжала изъ Бристольскаго порта и была выброшена бурей на берега Мадеры.

Какъ бы то ни было, окончательное внесеніе этого архипелага въ географическій инвентаръ восходитъ не далѣе 1418 или 1419 года. По словамъ Барроса, историка эпохи португальскихъ морскихъ изслѣдованій, кавалеры Гонсалвезъ Зарко и Тристанъ Вазъ Тексейра, «еще не привыкшіе плавать въ открытомъ морѣ», были отброшены бурей далеко отъ африканскаго берега, вдоль котораго они слѣдовали по направленію къ мысу Бохадоръ, и случайно пристали къ Порто Санто, «Святому Порту» или «Порту Спасенія». По возвращеніи въ Португалію, они получили отъ дон-Генриха порученіе колонизовать новый островъ, и, по прибытіи туда, вскорѣ примѣтили черное пятно, видимое съ Порто Санто на юго-западномъ горизонтѣ: Мадера, «Лѣсистый островъ», былъ наконецъ открытъ. Свидѣтельство современниковъ не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что слава отысканія Мадерскаго архипелага принадлежитъ португальскимъ мореплавателямъ; но какова бы ни была въ этомъ открытіи и присвоеніи океаническихъ земель доля простаго случая и доля положительнаго знанія, трудно допустить, чтобы существованіе этого архипелага было неизвѣстно инфанту дону-Генриху, такъ какъ имена, данныя островамъ португальцами, были тѣ самыя, подъ которыми они уже ранѣе обозначены на итальянскихъ картахъ.

Главный островъ архипелага, Мадера, настолько превосходитъ другія земли этой группы пространствомъ, населенностью и богатствомъ, что въ обыкновенной рѣчи не принимаютъ въ расчетъ второстепенныхъ острововъ: о Мадерѣ всегда говорятъ въ единственномъ числѣ, какъ будто она совершенно изолирована въ океанѣ. Оріентированный почти съ востока на западъ, этотъ островъ протянулся въ длину слишкомъ на полградуса, а въ самой широкой его части, отъ сѣвернаго мыса св. Геор-

гия (Санъ-Жорже) до южнаго мыса св. Креста (Санъ-Круцъ), разстояніе по прямой линіи составляетъ 23 километра; площадь его опредѣляютъ въ 700 кв. километровъ. Массивная и гористая на всемъ своемъ протяженіи, состоящая изъ огненныхъ породъ, выброшенныхъ подводными изверженіями, Мадера изрѣзана на окружности очень глубокими долинами, свидѣтельствующими о древности лавъ: базальты и трахиты, залегающіе на конгломератѣ изъ вулканическихъ обломковъ, называемомъ *vinoso* (винный) по причинѣ его цвѣта, и перерѣзанные во всѣхъ направленіяхъ взбросами (*dykes*) извергнутыхъ веществъ ¹⁾, были изрыты дождями и ручьями до глубины нѣсколькихъ сотъ метровъ отъ первоначальной поверхности. На островѣ не видно явственнаго кратера; даже на кручахъ не встрѣтишь уже острыхъ плаковъ; выступы и остроконечныя вершины скалъ округлились или покрылись слоемъ растительной земли. Несмотря на контрастъ пропастей и высокихъ стѣнъ, цѣлое приняло мягкія и красивыя очертанія, даже тамъ, гдѣ камень не прикрытъ зеленою кустарника или большихъ деревьевъ. Нѣтъ никакихъ признаковъ, указывающихъ на существованіе остатка вулканической дѣятельности; даже землетрясенія здѣсь очень рѣдки.

Вдоль всего острова тянется высокій хребетъ, расщепляясь мѣстами въ плоскогорья, затѣмъ сгущиваясь и образуя сьерры. Боковые овраги, раздѣленные глубокими барранками (оврагами), оканчиваются на берегу моря крутыми мысами, утесами изъ столбчатыхъ базальтовъ и разноцвѣтныхъ туфовъ, коричневыхъ, красныхъ и желтыхъ. Около середины южнаго берега, вершина мыса Жирано достигаетъ 640 метровъ высоты, въ разстояніи менѣе 800 метровъ отъ моря. Общій гребень острова гораздо ближе къ сѣверному берегу, и скатъ съ этой стороны гораздо круче; общій видъ природы имѣетъ болѣе дикій характеръ, высокіе мысы болѣе круто обрываются, выступы берега далѣе выгнулись въ море, не загибаясь, однако, такъ чтобы образовать естественные порты: островъ Мадера не представляетъ ни одной гавани, гдѣ корабли могли бы во всякое время находить безопасное пристанище. По мнѣнію Освальда Гера, Мадера выступила изъ нѣдръ океана въ четвертичную эпоху: къ этимъ вѣкамъ планеты, кажется, принадлежатъ слои окаменѣлыхъ растений, открытые на сѣверной покатости, и громадныя кучи наземныхъ раковинъ, высящіяся, словно стѣны, у восточной оконечности острова, на мысѣ св. Лаврентія. Морскія ископаемыя, найденныя на высотѣ 380 метровъ, относятся къ третичному періоду ²⁾. Уокеръ

¹⁾ D'Avezac, «Jles de l'Afrique»; — «Notices des découvertes faites au moyen âge dans l'Océan Atlantique».

¹⁾ Starkie Gardner, «Quarterly Journal of the Geological Society», aug. 1882.

²⁾ «Nouveaux Mémoires de la Société Helvétique des Sciences Naturelles», Zurich, 1853.

(Walker) приводит нѣкоторые факты, свидѣтельствующіе объ отступленіи моря на Фунчальскомъ берегу, и которые, по его мнѣнію, указываютъ на недавнее поднятіе почвы.

вильную форму, этотъ срединный хребетъ достигаетъ слишкомъ 1.200 метровъ высоты, затѣмъ онъ расширяется и образуетъ обширное плоскогорье около 15 километровъ въ окру-

Городъ Фунчаль.

По Циглеру, средняя высота Мадеры, если разсматривать островъ какъ массу съ горизонтальной поверхностью, равна 811 метрамъ; но центральная горная цѣпь гораздо выше. Въ западной своей части, имѣющей очень непра-

ности, ограниченное крутыми обрывами: это Paul da Serra или «Горное болото», высокая ланда, впадины которой представляютъ кое-гдѣ болотистыя пространства, напоминающія англійскимъ туристамъ moors (болота) ихъ

родины. Къ востоку отъ Пауль-да-Серра, узкій гребень, сильно разорванный водами, продолжается между глубокими долинами; здѣсь находится высшая точка острова, пикъ Руиво или «Красная гора», высотой 1.847 метровъ, господствующая надъ обширнымъ циркомъ, *Cirral das Freiras*, окруженнымъ съ трехъ сторонъ крутыми стѣнами въ 500 метровъ высоты: это, можетъ-быть, и есть древній центральный кратеръ, постепенно расширившійся вслѣдствіе размывающаго дѣйствія горныхъ потоковъ. Разрушенная стѣна изъ лавы соединяетъ Красную гору съ неровнымъ плато, господствующимъ надъ Фунчальской бухтой. Эта высокая терраса—последняя часть гребня, превышающая 1.000 метровъ; далѣе на востокъ горная цѣпь быстро понижается, островъ суживается, и восточная оконечность Мадеры представляетъ собою нѣчто въ родѣ скелета, разбѣзаннаго на полуострова, затѣмъ на островки и отдѣльныя скалы, выступающія надъ водой; здѣсь есть болѣе или менѣе защищенные бухточки, гдѣ суда могли бы стоять на якорѣ съ наименьшей опасностью. На берегу маленькой бухты Мачико, открывающейся около основанія этого скелетообразнаго полуострова, находится, по словамъ легенды, могила англичанина и его возлюбленной, которые будто бы первые высадились на этотъ островъ, загнанные бурей.

Крутой утесъ св. Лаврентія, крайній восточный мысъ Мадеры, видимый мореплавателямъ съ далекаго разстоянія, продолжается въ морѣ островкомъ, затѣмъ подводной мелью, которая сперва тянется на востокъ, потомъ поворачиваетъ къ югу. Лотъ находитъ въ этихъ водахъ незначительныя глубины, отъ 100 до 150 метровъ; одинъ выступъ дна только на 84 метра не доходитъ до поверхности. Наконецъ, къ юго-востоку отъ Мадеры морское дно выступаетъ наружу, чтобы образовать нѣсколько отдѣльныхъ скалъ и три узкихъ острова, слѣдующихъ одинъ за другимъ въ видѣ сабельныхъ клинковъ, приставленныхъ конецъ къ концу: это «Пустынные острова», *Desertas*, которые долго вполне заслуживали такое названіе, но на которыхъ теперь живетъ нѣсколько сотъ рыбаковъ и пастуховъ; въ долинахъ Большаго Пустыннаго острова, *Deserta Grande*, жители занимаются также хлѣбопашествомъ. Что касается острова Понта-Санто, лежащаго километрахъ въ пятидесяти къ сѣверо-востоку отъ Мадеры, то онъ рѣзко отличается отъ послѣдняго рельефомъ поверхности: между этими двумя островами лотъ находитъ глубины до 2.140 метровъ. Гораздо менѣе гористый, чѣмъ Мадера, Порто - Санто состоитъ въ дѣйствительности изъ двухъ массивовъ вулканическаго происхожденія—сѣвернаго, болѣе крутаго и высокаго, и южнаго, образованнаго изъ небольшихъ отдѣльно стоящихъ кражей; по сре-

динѣ между двумя массивами разстилается песчаная равнина, гдѣ пріютились главныя поселенія острова.

Это океаническая группа острововъ, лежащая между 32 и 33 градусами широтами, т. е. почти на трети разстоянія отъ экватора до сѣвернаго полюса, есть одна изъ тѣхъ мѣстностей земнаго шара, которыя славятся теплымъ и приятнымъ климатомъ. Когда говорятъ о райскомъ уголкѣ, о «счастливомъ островѣ», имя Мадеры первое представляется нашему уму. Хотя метеорологическія наблюденія производились почти единственно въ главномъ городѣ острововъ, Фунчалѣ, занимающемъ особенно благоприятное положеніе (онъ расположенъ на берегу, обращенномъ на полдень и хорошо защищенномъ съ сѣвера), однако, можно сказать обо всемъ архипелагѣ, что климатъ его отличается замѣчательной равномерностью температуры. Средняя температуру Фунчала, лежащаго на 5 градусовъ широты южнѣ Понта-Дельгады и Файяля (въ группѣ Азорскихъ острововъ), естественно, нѣсколько выше средней температуры этихъ острововъ; но годовая разность температуръ здѣсь гораздо меньше. Зима на Мадерѣ теплѣе, а лѣто менѣе знойно; между самымъ теплымъ мѣсяцемъ, августомъ, и самымъ холоднымъ, февралемъ, разность температуры не составляетъ даже 7 градусовъ стогоградусаго термометра.

Температура въ Фунчалѣ, по Миттермейеру: Годъ—18°,3 Ц.; весна—16°,9; лѣто—20°,9; осень—19°,6; зима—15°,8; августъ—22°,2; февраль—15°,4; разность—6°,8.

Эта замѣчательная равномерность температуры происходитъ не только отъ морскаго положенія Мадеры, но также отъ годоваго равновѣсія вѣтровъ: въ теплое время года, т. е. въ продолженіи восьми мѣсяцевъ, съ февраля по сентябрь, преобладаютъ пассаты, свѣжіе воздушные токи, идущіе съ сѣверо-востока; зимой же господствуютъ западные вѣтры. Впрочемъ, отклоненія отъ нормальнаго направленія очень часты въ этихъ водахъ, находящихся въ среднемъ поясѣ между тропическими и умѣренными морями. Такъ, сѣверо-западные вѣтры, подъ влияніемъ близкаго сосѣдства Сахары, очень часто отклоняются къ востоку и переходятъ въ сѣверные и сѣверо-восточные. Иногда также вѣтеръ африканской пустыни, широко, называемый здѣсь *leste*, дуетъ съ востока къ Мадерѣ, но онъ обыкновенно довольно слабъ и непродолжителенъ. Ежедневно ходъ общихъ атмосферныхъ теченій видоизмѣняется ритмическимъ движеніемъ бризъ—материковой, *terral*, спускающейся съ горъ Мадеры къ океану, и морской, *imbate*, дующей съ моря къ землѣ. Часто перемена бризъ совершается до полудня, вслѣдствіе чего самый теплый часъ бываетъ ранѣе половины дня, такъ какъ морской воздухъ тотчасъ-же

освѣщаетъ атмосферу. Замѣчено, что изъ вѣтровъ наименѣе благоприятенъ для растительности западный: на всѣхъ берегахъ и склонахъ горъ, вплоть открытыхъ этому вѣтру, деревья болѣе рѣдки, мельче и бѣднѣе листвою ¹⁾.

Дожди, выпадающіе иногда въ видѣ сильныхъ ливней, приносятъ не южные вѣтры, а преимущественно пассаты, отклоненные отъ своего нормальнаго направленія и преобразовавшіеся въ сѣверныя и сѣверо-западные воздушныя теченія. Самый сырой мѣсяцъ—декабрь, а самый сухой—августъ; но нѣтъ ни одного времени года, когда бы совершенно не было дождей; при томъ выпаденіе атмосферныхъ осадковъ значительно разнится по годамъ. Въ среднемъ, въ Фунчалѣ не насчитываютъ даже сотни дождливыхъ дней, что составляетъ около половины того числа, какое приходится на долю Азорскихъ острововъ; количество выпадающей дождевой воды здѣсь тоже почти вдвое меньше, чѣмъ въ Гортѣ, на островѣ Файяль, какъ показываютъ слѣдующія цифры, выведенныя изъ наблюденій:

Дней съ дождемъ въ Фунчалѣ, по Миттермейеру—93; количество дождевой воды, по Гейнскену—0,742 метра.

Поэтому жители Мадеры заботливо собираютъ, для орошенія полей и садовъ, дождевыя воды, а также воды, происходящія отъ таянія снѣга на высотахъ острова, и перехватываютъ обильные источники при помощи водопроводовъ или левадъ (levadas), которые проходятъ въ видѣ галлерей въ горахъ и огибаютъ кручи надъ долинами. Высокія вершины Мадеры почти всегда, по утрамъ и вечерамъ, окутаны густымъ туманомъ, который способствуетъ питанію источниковъ.

Несмотря на меньшее протяженіе сравнительно съ азорскими землями, группа острововъ Мадеры имѣетъ гораздо болѣе разнообразную флору, безъ сомнѣнія, по причинѣ болѣе близости къ двумъ обширнымъ материкамъ, Европѣ и Африкѣ, а также благодаря болѣе теплomu и ровному климату, который благоприятствуетъ произрастанію какъ тропическихъ видовъ, такъ и растений умѣреннаго пояса. Мадера — это большой ботаническій садъ, гдѣ перемѣшаны двѣ флоры. Къ семи стамамъ видамъ, составлявшимъ растительный нарядъ острова во время прибытія португальцевъ въ край, съ тѣхъ поръ прибавились тысячи другихъ растений, введенныхъ человекомъ, либо неволью съ предметами ввоза, либо намѣренно для культуръ земледѣльческихъ или промышленныхъ, или для украшенія садовъ; «фіалка растетъ здѣсь подъ тѣнью банановъ; земляника созрѣваетъ у подножія мимозъ» ²⁾; рядомъ съ пальмами стоятъ сосны;

древесныя породы, соответствующія одна другой въ различныхъ климатахъ, какъ, напримеръ, африканская гуява и европейская груша, встрѣчаются здѣсь за одной и той же изгородью. Благодаря нѣкоторымъ туземнымъ растеніямъ и особенно экзотическимъ видамъ, введеннымъ со времени колонизаціи, флора Мадеры многими чертами напоминаетъ растительность тропическихъ странъ Африки и Нового Свѣта; но въ цѣломъ она сохранила свою европейскую фizioномію. Изъ семисотъ растеній, между которыми 527, по всей вѣроятности, эндемическихъ, 357 принадлежатъ Европѣ, тогда какъ только около тридцати имѣютъ происхожденіе, приписываемое тропической флорѣ Стараго и Нового Свѣта. Что касается туземныхъ видовъ, свойственныхъ Мадерѣ или общихъ двумъ или нѣсколькимъ архипелагамъ Атлантики, то наибольшее сходство флоръ замѣчается между двумя сосѣдними архипелагами—Мадерой и Канарскими островами: оттого нѣкоторые натуралисты, Уэббъ, Бертелло, Балль, дали совокупности этихъ двухъ группъ имя Макаронезіи, въ память древнегреческаго названія «острова Блаженныхъ». Со времени третичнаго періода мадерская флора мало перемѣнилась, какъ показали изслѣдованія Освальда Гера надъ ископаемыми растеніями горы св. Георгія, въ сѣверной части острова. Въ ту эпоху лавръ-тилъ, древо-видный верескъ, миртъ и родственные виды были, какъ и въ наши дни, характерическими растеніями Мадеры ¹⁾. Очень любопытное явленіе для ботаники представляетъ контрастъ, замѣчаемый между флорой собственно Мадеры и флорой Порто-Санто и Пустынныхъ острововъ: въ этой послѣдней встрѣчаются африканскія, азиатскія и американскія растенія, которыхъ нѣтъ на сосѣдней землѣ того же архипелага ²⁾.

Въ растительномъ царствѣ Мадеры произошли большія перемѣны: если тысячи новыхъ растений были введены человекомъ, то съ другой стороны, вѣроятно, многіе изъ туземныхъ видовъ исчезли. Съ первыхъ же дней португальской оккупации началось обезлѣсеніе главнаго острова. Гонсальвесъ Зарко, открыватель, которому былъ пожалованъ въ ленъ весь Фунчалскій округъ, пустил огонь въ лѣсную чащу, покрывавшую мѣстность, намѣченную для будущаго города, и пожаръ распространился далеко внутрь острова, угрожая спалить самихъ поджигателей. Алоисъ-де-Кадамосто рассказываетъ, со словъ самого Зарко, что поселенцы, чтобы уйти отъ пламени, принуждены были бѣжать на барки, или броситься въ море, гдѣ они провели двое сутокъ безъ пищи, стоя по горло въ водѣ. Нѣсколько лѣтъ,

¹⁾ I. M. Ziegler, „Petermann's Mittheilungen“, 1856. IV.

²⁾ Bowdich, „Excursions in Madeira and Porto-Santo“.

¹⁾ Oswald Heer, цитированный мемуаръ.

²⁾ „Ausland“, 1870, № 8.

говорить Фруктуозо, огонь распространялся съ горы на гору. На зеленѣвшихъ недавно склонахъ остался только слой золы, и когда выросъ молоднякъ, онъ уже состоялъ не изъ тѣхъ породъ, какъ истребленные первобытные лѣса. Островъ Порто-Санто, нѣкогда сплошь покрытый деревьями разныхъ породъ, между прочимъ, драконовымъ деревомъ, которое давало прекрасный матеріалъ для выдѣлки щитовъ и для постройки судовъ, и плоды котораго шли въ кормъ свиньямъ, былъ еще болѣе опустошенъ, чѣмъ Мадера, и даже мелкій кустарникъ сдѣлался тамъ такою рѣдкостью, что жителямъ приходится употреблять въ видъ топлива коровій калъ. Драконово дерево, порою по преимуществу макаронезійская, исчезло на о. Порто-Санто съ 1828 года; на Мадерѣ оно стало очень рѣдкимъ, и почти всегда умираетъ, не принося плодовъ; такимъ образомъ этому замѣчательному дереву грозитъ скорое исчезновеніе. Во всѣхъ низкихъ частяхъ острововъ, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ почва состоитъ изъ голаго камня, культура замѣнила прежнюю растительность: на Мадерѣ поля и сады поднимаются, въ среднемъ, до высоты 750 метровъ. Это предѣлъ земледѣлія для растений умѣреннаго пояса, тогда какъ виды тропической зоны, кактусы и баваны, останавливаются уже на высотѣ 250 метровъ. Надъ этими двумя концентрическими полосами площадь лавровъ и вересковъ продолжается до высоты 1.600 метровъ; здѣсь-то и встрѣчается тиль, *oreodaphne foetens*, большой лавръ, который дровосѣки не могутъ срубить въ одинъ разъ по причинѣ зловонія, распространяемаго сокомъ дерева. Выше, вершины возвышенностей принадлежатъ къ холодному поясу, къ поясу черники и другихъ растений, свойственныхъ горамъ Европы; луговые пространства встрѣчаются гораздо рѣже и покрыты менѣе густой травой, чѣмъ на дождливыхъ Азорскихъ островахъ. Различныя зоны растительности опоясываютъ горы Мадеры косвенно, такъ какъ верхній предѣлъ ихъ поднимается выше на скалахъ, выставленныхъ на югъ, чѣмъ на откосахъ, обращенныхъ къ сѣверу. Иное растение, отлично уживающееся на одномъ склонѣ, чахнетъ на противоположной покатоности той же горы.

Туземная фауна архипелага очень бѣдна видами. Ящерица, летучая мышь, одна птица, пчела, кузнечикъ, сверчокъ, паукъ, который не тклетъ паутины и ловитъ мухъ, чаруя ихъ, подобно тому, какъ змѣя чаруетъ лягушекъ, затѣмъ нѣсколько раковинъ, насѣкомыхъ, и въ соседнихъ моряхъ, рыбы и черепахи—вотъ и вся доля Мадеры въ зоологической географіи. Между земными моллюсками, въ числѣ 176, насчитываютъ 38 европейскихъ формъ, но на каждомъ изъ острововъ архипелага есть извѣстное число видовъ, принадлежащихъ ему исключи-

тельно: на Мадерѣ такихъ видовъ 61, на Порто-Санто 44, на Пустынныхъ островахъ 10¹⁾. Всѣ четвероногія, населяющія нынѣ эти острова, были введены человекомъ, даже тѣ, которыя опустошаютъ его поля и сады, кролики и крысы. По своей морской фаунѣ, Мадера принадлежитъ къ области европейскихъ водъ. Натуралисты нашли въ этомъ архипелагѣ гораздо меньше видовъ экваторіальной Атлантики, чѣмъ можно было ожидать по географической широтѣ. По Лове, ихтиологическая фауна Мадеры имѣетъ существенно луситанскій характеръ; она занимаетъ середину между соответственными фаунами Великобританіи и Средиземнаго моря.

Населеніе Мадеры, какъ и населеніе Азорскихъ острововъ, — очень смѣшаннаго происхожденія. Предводитель первыхъ поселенцевъ, Перестрелло, былъ итальянецъ; евреи, мавры приходили искать убѣжища на островѣ; негры были привозимы сюда, какъ невольники; англичане, владѣвшіе Мадерой въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, оставили послѣ себя многочисленныя семейства; и наконецъ, съ того времени, какъ островъ очутился на большой дорогѣ океанскаго пароходства, здѣсь поселилось много иностранцевъ. Тѣмъ не менѣе, господствующая раса, португальцы, постепенно поглощаютъ эти разнородные элементы; почти всѣ жители Мадеры имѣютъ черные глаза, густые и темные волосы, почти у всѣхъ цвѣтъ лица смуглый, во многихъ семействахъ даже слишкомъ смуглый, такъ что его приписываютъ вліянію скрещеній съ африканцами²⁾. Какъ гласитъ португальская пословица, примѣняемая къ обитателямъ Мадеры: «Um, dois, trez, filho de Inglez; — Um, dois, trez, filho de mulato», т. е. каждый третій—либо сынъ англичанина, либо сынъ мулата³⁾. Между здѣшними островитянами рѣдко встрѣтишь, развѣ только въ деревнѣ, дѣйствительно красивыхъ; но очень много такихъ, которые производятъ пріятное впечатлѣніе здоровымъ видомъ, стройностью и граціей движеній; какъ мужчины, такъ и женщины вообще отличаются замѣчательной гибкостью членовъ. Иностранцы удивляются силѣ носильщиковъ паланкина, которые съ тяжелой ношей безъ отдыха шагаютъ цѣлые часы по дикимъ горнымъ тропинкамъ, гдѣ крутые подъемы чередуются съ обрывистыми спусками; не менѣе изумительна неутомимость аррьеросовъ (*arrieiros*), которые сопровождаютъ цѣшкомъ своего отданнаго вънаймы коня, всегда посѣвая за всадникомъ, хотя-бы онъ ѣхалъ рысью или скакалъ въ галопъ. Подобно португальцамъ, своимъ предкамъ, мадерцы вообще отличаются большой вѣжливостью и привѣтливостью, мяг-

¹⁾ Vernon Wollaston, "Testacea Atlantica".

²⁾ Rudolf Schultze, "Die Insel Madeira".

³⁾ Th. Braga, "O Povo Portuguez".

кимъ и веселымъ нравомъ; преступленія здѣсь очень рѣдки.

Возрастаніе народонаселенія идетъ быстро. Съ 16.000 въ началѣ шестнадцатаго вѣка ¹⁾, число жителей, по Форстеру, возрасло до 64.000 къ 1768 году; оно достигло уже 100.000 около 1825 года; въ настоящее время цифра его превышаетъ 135.000: слѣдовательно, въ столѣтній періодъ населеніе болѣе чѣмъ удвоилось; въ среднемъ, число рожденій перевѣшиваетъ на 1500 — 2000 число смертныхъ случаевъ. Тѣмъ не менѣе бѣдственное экономическое по-

въ этомъ благодатномъ климатѣ, довольно распространены въ краѣ: рахитизмъ, золотуха, искривленія и уродливости здѣсь вовсе не рѣдкость; чахотка, отъ которой богатые иностранцы пріѣзжаютъ сюда лѣчиться, тоже похищаетъ не мало жертвъ среди туземнаго населенія; даже проказа встрѣчается на островѣ, какъ и въ его метрополіи. Наконецъ, въ среднемъ сословіи Мадеры, какъ и у португальской буржуазіи, довольно часто замѣчается склонность къ излишней полнотѣ. Оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній недугъ, можно сказать,

Драконово дерево на островѣ Тенерифѣ.

ложеніе, вызванное тѣми или другими причинами, часто влекло за собой временное уменьшеніе народонаселенія; такъ, въ 1839, въ 1847 годахъ болѣзнь картофеля сопровождалась недостаткомъ продовольствія, и число жителей сократилось слишкомъ на десять тысячъ, изъ которыхъ часть была скошена смертью, а другая часть искала выхода въ эмиграціи. Болѣзнь винограда имѣла еще болѣе губительныя послѣдствія, и когда, въ 1856 г., сюда проникла холера, около десяти тысячъ человѣкъ погибли, отданные крайней нуждой и истощеніемъ во власть этого страшнаго бича. Многія болѣзни, которымъ, казалось бы, совсѣмъ не мѣсто

что бѣдственное матеріальное положеніе есть главный источникъ болѣзней, удручающихъ населеніе Мадеры. Хотя жители этого прекраснаго острова отличаются похвальной умѣренностью и трезвостью, такъ что между ними очень рѣдко увидишь пьянаго, и хотя они питаются здоровой пищей, состоящей главнымъ образомъ изъ кукурузы, иньяма, сладкихъ пататъ, картофеля, съ прибавкой съѣдобныхъ корней, плодовъ и рыбы, но, къ сожалѣнію, пища эта не всегда бываетъ у нихъ въ достаточномъ количествѣ. Что касается жилищъ, то это по большей части темныя и сырыя пещеры, состоящія изъ каменныхъ стѣнъ, пристроенныхъ къ скалѣ: оттого женщины, проводящія большую часть дня въ этихъ логови-

¹⁾ Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

шахъ (мужчины ходятъ на работы въ дома), чаще страдаютъ болѣзнями, происходящими отъ недостатка воздуха и свѣта. Женщины эмигрируютъ гораздо рѣже мужчинъ, и когда послѣдніе уходятъ искать лучшей доли на чужой сторонѣ, онѣ остаются въ безпомощномъ положеніи и принуждены кормиться мірскимъ подаемъ: число женщинъ всегда тысячами превосходитъ число мужчинъ въ общей цифрѣ населенія. Въ четверть столѣтія, протекшую съ 1835 года по 1859 годъ, во время которой бывали большіе неурожаи, болѣе пятидесяти тысячъ мадерцевъ покинули край, чтобы переселиться на англійскіе Антильскіе острова, въ Демерару или въ Бразилію; они имѣютъ колоніи также на Мысѣ Доброй Надежды и на Сандвичевыхъ островахъ. Очень много эмигрантовъ погибаетъ, но тысячи изъ нихъ основали на чужбинѣ преуспѣвающія предпріятія, торговые или промышленныя ¹⁾).

Порядокъ землевладѣнія, преобладающій на Мадерѣ, тотъ же самый, какъ и на Азорскихъ островахъ. Хотя земля стала свободной съ 1863 г., однако, почва и вода левадъ все еще принадлежатъ потомкамъ прежнихъ феодаловъ или *morgados* ²⁾; что касается фермера или «колона», то онъ имѣетъ право собственности на все, что растетъ на землѣ, и на все, что имъ построено на ней, словомъ на все обзаведеніе, *benfiteoria*; хозяинъ не можетъ экспроприировать арендатора, не уплативъ ему стоимости культуръ и всѣхъ хозяйственныхъ улучшеній. Арендаторъ сдѣлался въ дѣйствительности совладѣльцемъ, и можетъ продать свою *benfiteoria*, не спрашивая согласія у помѣщика. Теоретически аренда, платимая имъ землевладѣльцу, представляетъ половину урожая, но на практикѣ она вообще меньше, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ не достигаетъ даже четверти сбора плодовъ.

Первой значительной культурой на Мадерѣ было воздѣлываніе сахарнаго тростника, пересаженного сюда, по приказанію инфанта дона Генриха, изъ Сициліи; сахарная промышленность, постепенно развиваясь, достигла цвѣтущаго состоянія, такъ что въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія мадерскіе плантаторы имѣли около сотни заводовъ и ежегодно поставляли на всемірный рынокъ количество сахара, исчисляемое слишкомъ въ четыре съ половиной милліона килограммовъ ³⁾. Но сахарная промышленность продолжала свое движеніе вкругъ свѣта. Бразилія, сдѣлавшись, въ свою очередь, страной, производящей сахаръ, благодаря отсадкамъ тростника, полученнымъ ею съ Мадеры, разорила конкуренціей островъ, которому была обязана своимъ благосостояніемъ;

мадерскіе плантаторы должны были искать другаго продукта, который могъ бы находить выгодный сбытъ за границу. Виноградъ, введенный съ о. Кандіи въ пятнадцатомъ столѣтіи, распространился мало-по-малу на Мадерѣ, и успѣхи винодѣлія превзошли всѣ ожиданія: мадерское вино, представляемое высшими сортами: «мальвазіей» и «сухой мадерой», сдѣлалось однимъ изъ самыхъ изысканныхъ напитковъ. «Четыре вещи на Мадерѣ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, говорила мѣстная пословица: вода, вино, сахаръ, пшеница». Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія виноградарства и винодѣлія, около двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, ежегодное производство достигало 120.000 гектолитровъ, представлявшихъ цѣнность въ 12 милліоновъ франковъ; но сборъ винограда годъ отъ году становился все меньше, и въ 1852 году грибокъ *oidium*, уже истребившій виноградники архипелага Зеленаго Мыса и Канарскихъ острововъ, пробрался и на Мадеру. Катастрофа разразилась внезапно и повлекла за собой страшное разореніе. Едва только успѣли съ большимъ трудомъ, послѣ десяти или двѣнадцати-лѣтняго прогула, возстановить опустошенные виноградники въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ мѣстахъ, какъ появился новый бичъ, филлоксера, поразившая какъ разъ тѣ части острова, гдѣ получаютъ лучшіе сорта вина. Однако, виноградари упорно ведутъ борьбу съ этимъ врагомъ, и островъ продолжаетъ вывозить вино, которое мѣшаютъ либо съ обыкновенными португальскими бѣлыми винами, либо съ сидромъ, или даже съ сокомъ сахарнаго тростника. Виноградъ растетъ особенно въ окрестностяхъ Фунчала и у входа южныхъ овраговъ; онъ довольно рѣдокъ на сѣверномъ скатѣ, гдѣ виноградная лоза вьется по вѣтвямъ каштановъ. Въ 1884 г., отпускъ вина съ о. Мадеры составлялъ 16.121 гектолитръ, на сумму 3.303.900 франковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Мадера лишилась своего главнаго земледѣльческаго богатства, ея сельскіе хозяева стали болѣе, чѣмъ прежде, разнообразить культуры, и въ настоящее время, благодаря легкости сообщенія, островъ снабжаетъ своими рано поспѣвающими плодами лиссабонскій рынокъ. Онъ поставляетъ въ столицу великолѣпные бананы, сахарный тростникъ и другія произведенія субтропическаго пояса; благодаря желѣзнымъ дорогамъ, эта торговля могла бы возрастать неопредѣленно отъ окраины къ внутреннимъ мѣстностямъ континента: Мадера могла бы сдѣлаться, при свободѣ торговли, южнымъ садомъ для всей западной Европы. Во всѣхъ магазинахъ Лиссабона, гдѣ продаются фрукты и ранніе овощи съ Мадеры, выставлены также произведенія островной промышленности, кружева, вышивки, искусственные цвѣты, соломенные шляпы,

¹⁾ Mittermeyer; — Schultze; — Mantegazza, „Un hiver à Madère“.

²⁾ Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

³⁾ Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

циновки, плетенныя кресла, рѣзба по дереву, наборная работа и множество разныхъ другихъ издѣлій, требующихъ вкуса и ловкости рукъ. Въ деревняхъ на Мадерѣ эти работы

имѣетъ еще одинъ прибыльный «промыселъ», именно «эксплоатированіе» иностранцевъ, больныхъ и здоровыхъ, пріѣзжающихъ искать исцѣленія отъ недуговъ или пріятнаго времени-

Санта-Круцъ на Тенерифѣ.

поручаются преимущественно женщинамъ и слабосильнымъ, неспособнымъ къ земледѣльческому труду мужчинамъ.

Извѣстно, что этотъ островъ, какъ Швейцарія и зимніе города средиземнаго побережья,

препровожденія въ его чудномъ климатѣ. Правда, многіе изъ этихъ гостей находятъ здѣсь вѣчный покой, такъ что Мадеру прозвали даже «однимъ изъ кладбищъ Лондона»; но, какъ справедливо замѣчаетъ Тьерсе-

лень¹⁾, «виновата въ этомъ не та земля, куда безнадежно больной приходитъ умирать, а та, гдѣ онъ прежде жилъ». Число посѣтителей мѣняется по годамъ, въ зависимости отъ капризовъ моды и превратностей положенія дѣлъ, но въ среднемъ можно считать въ пятьсотъ человекъ цифру иностранцевъ (по большей части англичанъ), проводящихъ зиму въ Фунчалѣ, и въ 2.500.000 франковъ сумму барышей, которые торгово-промышленный людъ Мадеры извлекаетъ изъ этихъ визитовъ. Положеніе острова на дорогѣ пароходовъ, совершающихъ рейсы вдоль африканскаго берега, съ заходомъ въ попутные порты, также способствуетъ увеличенію торговаго значенія Мадеры постояннымъ приливомъ и отливомъ пассажировъ; почти ежедневно какой-нибудь пакетботъ выпускаетъ въ Фунчалѣ толпу любопытныхъ, желающихъ провести нѣсколько часовъ или дней на этой благодатной землѣ. Въ послѣдніе годы Мадера сдѣлалась также санитарной станціей для европейцевъ, чиновниковъ или солдатъ, проживающихъ по обязанности службы на африканскомъ побережьи, въ Сенегамбѣ, въ Сьерра-Леоне, въ Либеріи: они прѣзжаютъ подышать свѣжимъ морскимъ воздухомъ и насладиться прохладой на томъ самомъ островѣ, куда люди съвера являются погрѣться на южномъ солнцѣ.

Движеніе торговаго мореходства на Фунчалскомъ рейдѣ въ 1892 году, по приходу судовъ:

Пароходовъ—606, вмѣстим. 1.060.517 тоннъ; парусныхъ судовъ—86, вмѣстим. 23.972 тон.

Цѣнность торговаго обмѣна на Мадерѣ въ 1885 году составляла 10.644.000 франковъ.

Присутствіе большого числа заѣзжихъ иностранцевъ, которые обогащаютъ островъ, способствуя устройству хорошихъ путей сообщенія и украшенію садовъ, не могло не отразиться также и на самой фیزیономіи города, служащаго имъ мѣстопробываніемъ. Благодаря этимъ гостямъ, Фунчалъ, т. е. «Укропъ», главный и единственный городъ Мадеры (въ 1890 г. въ немъ насчитывали 19.000 жителей), принялъ красивый и опрятный видъ, окружилъ себя променадами и прелестными виллами, разсыпанными по склонамъ и вершинамъ окрестныхъ высотъ. Расположенный на берегу рейда, открытаго на югъ, впрочемъ, достаточно глубокаго для большихъ кораблей и нѣсколько защищеннаго съ юго-запада укрѣпленнымъ островкомъ (который въ 1768 г. былъ бомбардированъ Кукомъ), Фунчалъ до сихъ поръ не могъ похвалиться счастливымъ торговымъ положеніемъ; но онъ скоро пріобрѣтетъ выгоды такого положенія, благодаря постройкѣ плотины, соединяющей островокъ съ побережьемъ и прикрывающей портъ отъ вѣтровъ съ моря. Кромѣ того, Фунчалъ имѣетъ за собой басно-

словное плодородіе окружающихъ садовъ и плантацій, живописную долину Сокорридошъ и великолѣпный амфитеатръ воздѣланныхъ холмовъ, доминируемыхъ полукругомъ горъ, откуда ручьи спускаются на городъ рядомъ сходящихся овраговъ. Складочный пунктъ для всѣхъ богатствъ острова, Фунчалъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстопробываніе трехъ главныхъ учебныхъ заведеній архипелага—лицея, семинаріи и медико-хирургическаго факультета, служащаго подготовительной стадіей къ коимбрскому университету. Школы Фунчала посѣщаются довольно большимъ числомъ учащихся, но въ остальной части архипелага образованіе еще мало распространено: болѣе половины мадерскаго населенія совершенно незнакомо съ грамотой. Въ 1885 году на Мадерѣ насчитывалось 111 учебныхъ заведеній, съ 3.042 воспитанниками. Послѣ португальскаго, самый распространенный языкъ—англійскій, языкъ большинства гостей и заѣзжихъ моряковъ.

Порто-Санто, разоренный «арендными контрактами», которые обезпечивали землевладельцу половину всего урожая, имѣетъ теперь не болѣе 1.800 жителей. Тѣмъ не менѣе, главное его поселеніе, Балеира, величаетъ себя городомъ.

Мадерскій архипелагъ, также какъ группа Азорскихъ острововъ, составляетъ нераздѣльную часть королевства Португаліи: онъ образуетъ особую провинцію, называемую по имени Фунчала, ея главнаго города, со времени прибытія первыхъ колонистовъ.

Морскія скалы Сельвагенъ, хотя географически принадлежащія къ группѣ Канарскихъ острововъ, причисляются къ Мадерѣ, отъ которой онѣ отдѣлены пространствомъ въ 300 километровъ. Это пустынные островки, владѣніе, не имѣющее никакой цѣны, на которое предъявляетъ право собственности одна изъ фунчалскихъ семей. Большой Питонъ (остроконечная гора), съ пирамидальной вершиной, имѣетъ болѣе восьми километровъ въ окружности, и южный скатъ его покрытъ лугами, на которыхъ еще не такъ давно паслись стада. Проѣзжіе моряки переловили весь скотъ, и теперь на островѣ остались только кролики да чайки *cagaras*: охотники приходятъ время отъ времени производить побойща между мѣрами птицъ, которыхъ перья, жиръ и даже мясо въ соленомъ видѣ продаются на рынкѣ Фунчала. Малый Питонъ, находящійся въ небольшомъ разстояніи къ юго-западу отъ главнаго островка, соединенъ съ нимъ цѣпью болѣе мелкихъ островковъ, вокругъ которыхъ разсыяны подводные рифы. Необходимо было бы освѣщать маякомъ эти опасныя воды.

¹⁾ „Journal d'un Baleinier“.

У. Канарскій Архипелагъ.

Эта группа океанскихъ земель, гораздо болѣе близкая къ материку, чѣмъ другіе Атлантическіе острова (разстояніе между островомъ Фуэртевентура и крайнимъ выступомъ африканскаго побережья всего только 107 километровъ), была извѣстна уже съ первыхъ временъ исторіи. Это тѣ самыя «острова Блаженныхъ», о которыхъ говорятъ греческіе поэты, острова, гдѣ герои наслаждались вѣчной жизнью, въ восхитительномъ климатѣ, гдѣ невѣдомы были ни холодъ, ни буря. Но ни одинъ тогдашній географъ не могъ указать точное мѣстоположеніе этихъ «Счастливыхъ острововъ», которые въ умѣ древнихъ смѣшивались со всѣми атлантическими землями, лежащими въ великой «рѣкѣ Океанѣ» по ту сторону Воротъ Геркулеса. Финикияне, конечно, знали эти острова, говоритъ Страбонъ, но они держали въ секретѣ свои открытія, и даже въ периплѣ кареагенянина Ганнона упоминаются только прибрежные острова, въ которыхъ невозможно признать Канарскаго архипелага, если только не предположить, что Тенерифъ есть та «страна Благоуханій», откуда изливались къ морю пылающіе потоки, и гдѣ высилась огромная гора, названная мореплавателями «Колесницей боговъ». Однако, по мнѣнію Франсуа Ленормана, имя Юновія, которымъ Птоломей обозначаетъ одинъ изъ острововъ, доказываетъ, что кареагеняне имѣли тамъ поселенія, такъ какъ ихъ главную богиню, Танитъ, греки и римляне уподобляли Юнові. Древнѣйшіе дошедшіе до насъ документы, пытающіеся опредѣлить точное мѣстоположеніе Счастливыхъ острововъ, относятся къ эпохѣ римскаго могущества, и Плиній, сообщая свидѣтельство иберійскихъ мореплавателей, передаваемое нѣкимъ Статіемъ Себозомъ, первый далъ одному изъ этихъ острововъ имя Canaria, которое осталось за нимъ донинѣ, и которое теперь распространили на всю группу. По мнѣнію Федерба, это имя архипелага происходитъ отъ берберскаго названія Канаръ или Ганаръ, которое прежде было присвоено побережью континента, лежащему въ сосѣдствѣ Канарскихъ острововъ. Уолофы и теперь еще называютъ Ганаромъ страну, простирающуюся на сѣверъ отъ Сенегала ¹⁾. Нужно замѣтить также, что Птоломей даетъ имя Canaria одному изъ западныхъ мысовъ Африки, а Плиній перечисляетъ племена канарцевъ между населеніями, живущими вокругъ Атласскихъ горъ, Изъ острововъ, упоминаемыхъ древними пи-

сателями, только два могутъ быть отождествлены по самому ихъ имени—Canaria, нынѣ la Grande Canaria, «Большой Канарскій островъ», и Nivaria, или «Снѣжный», безъ сомнѣнія, тотъ островъ, гдѣ высится покрытый снѣгомъ пикъ де-Тейде. Такъ какъ этотъ послѣдній островъ названъ самымъ отдаленнымъ отъ Геркулевыхъ Воротъ, то можно думать,—если не предполагать перестановки въ указанномъ порядкѣ,—что три западныхъ острова, Гомера, Пальма и Ферро, остались неизвѣстны древнимъ ²⁾; другіе, упоминаемые ими острова, нужно искать въ группѣ, обнимающей Ланзаротъ, Фуэртевентуру и сосѣдніе маленькіе архипелаги. Многіе островки, простыя скалы, были забыты въ ихъ номенклатурѣ; впрочемъ, и теперь, для краткости, обыкновенно называютъ только семь большихъ канарскихъ земель, хотя, вмѣстѣ съ группой Сельвагенъ, архипелагъ Счастливыхъ острововъ заключаетъ шестнадцать отдѣльныхъ земель. Арабскій писатель Эбрази перечисляетъ семнадцать острововъ «извѣстныхъ людямъ» въ Темномъ морѣ, простирающемся на западъ отъ Африки; но по его описанію невозможно догадаться, о какихъ именно островахъ онъ говоритъ. Тѣмъ не менѣе общее мнѣніе ученыхъ таково, что арабы не только знали острова Халидатъ или «Вѣчные», но что они даже жили рядомъ съ берберами на восточныхъ островахъ этого архипелага. Ибнъ-Саидъ, писатель тринадцатаго вѣка, говоритъ, что «двурогій» Александръ поставилъ на островахъ Халидатъ столбы съ такой надписью: «Ни шагу далѣе!» Однако, тотъ же географъ рассказываетъ подробно о путешествіи мореплавателя Ибнъ-Фатимы на югъ отъ мыса Бохадоръ и его крушенія на Аргунской мели ³⁾. Одинъ изъ новѣйшихъ португальскихъ изслѣдователей, Маседо, старается, напротивъ, доказать, что арабы не знали о существованіи Канарскихъ острововъ, и что ихъ географы ограничивались повтореніемъ, въ искаженномъ видѣ, текстовъ древнихъ авторовъ, относящихся къ островамъ Блаженныхъ ³⁾.

Въ то время, какъ португальскіе моряки,—которые въ послѣдствіи такъ прославили свое отечество морскими открытіями или изслѣдованіями и первые объѣхали вокругъ свѣта,—еще только дѣлали попытки пробраться вдоль африканскаго берега и обогнуть его мысы, Канарскіе острова, лежащіе къ югу отъ мыса Нунъ и въ открытомъ морѣ, вдали отъ побережья, давно уже посѣщались мореплавателями другихъ націй. До смѣлыхъ предпріятій корм-

¹⁾ D' Avezac, «Iles de l'Afrique».

²⁾ «Revue d'Anthropologie» I, 1874; «Revue Africaine», 1874;—Webb et Berthelot, «Histoire naturelle des Canaries»;—Thomassy, «Relancios de la France avec l'empire du Maroc».

³⁾ Reinaud;—Santarem, «Recherches sur la priorité de la découverte des pays situés sur la coté occidentale de l'Afrique».

⁴⁾ «Memoria en que se pertende provar que os Arabes nao conhecerao as Canarias».

чаго Жиль-Эаннесъ португальцы не отваживались переходить мысъ Нунъ, «Нѣтъ», противопоставленное имъ природой: они только въ 1436 году впервые обогнули мысъ Бохадоръ и подводные камни, которыми онъ продолжается на нѣсколько миль въ морѣ, тогда какъ генуэзцы уже въ концѣ тринадцатаго столѣтія знали Канарскіе острова, и одинъ изъ этихъ острововъ, Ланзаротъ, былъ даже занятъ однимъ изъ ихъ согражданъ. «Медицейскій портуланъ» констатируетъ это территориальное приобритіе генуэзцевъ; съ другой стороны, Петрарка, родившійся въ 1304 году, сообщаетъ намъ, что уже за «цѣлый человѣческій вѣкъ до него» генуэзская флотилія доходила до Канарскихъ острововъ. Ланзаротъ, самый сѣверный изъ семи большихъ острововъ, названъ такъ по имени генуэзскаго завоевателя, нормандскаго происхожденія, Ланселота Малоазеля или Lanceloto Malocello (Lanzaroto Marocello), родъ котораго былъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ въ Генуэзской республикѣ съ начала двѣнадцатаго до конца шестнадцатаго столѣтія¹⁾. Въ 1402 году, когда нормандцы Бетанкура заняли островъ Ланзаротъ, они нашли тамъ «*ung vieil chasteil que Lancelot Maloesel avoit jadis fait faire, selon ce que l'on dit*» (старый замокъ, построенный, какъ говорятъ, Ланселотомъ Малоазель)²⁾.

Въ четырнадцатомъ столѣтіи Канарскіе острова были часто посѣщаемы европейцами, пиратами или потерпѣвшими кораблекрушеніе, и съ 1351 года портуланы представляютъ точное начертаніе архипелага, съ тѣми же именами острововъ, которыя они носятъ и теперь, за исключеніемъ Тенерифа, который назывался «Адскимъ островомъ», по причинѣ его огнедышащей горы. Европейскіе короли начали опасивать другъ у друга эти океанскія земли, и въ 1344 году папа Климентъ VI подарилъ ихъ одному изъ своихъ протеже, инфанту Луису-дела-Серда, которому онъ далъ титулъ «принца Фортуны»; но новый монархъ не имѣлъ достаточныхъ ресурсовъ, чтобы вступить во владѣніе пожалованнымъ ему королевствомъ. Всѣ экспедиціи, предпринимавшіяся въ эти воды, даже экспедиція, совершенная въ 1341 году подъ предводительствомъ двухъ итальянцевъ, Анджіолино ди-Таттія и Николози ди-Рекко, для короля португальскаго Афонсо IV, носили характеръ разбойничьихъ походовъ, имѣвшихъ цѣлью грабежъ, а не завоеваніе. Какъ говоритъ хроника «Канарца»: «*Lancelot souloit estre moult peuplé de gens; mais les Espagnols et autres corsaires de mer les ont par maintes fois pris et menés en servaige*» (Ланселотъ имѣлъ много жителей, но испанцы и другіе корсары много разъ забирали ихъ и

уводили въ неволю). Овладѣніе архипелагомъ началось только съ 1402 года, когда норманецъ Жанъ де-Бетанкуръ высадился на островъ Ланзаротъ во главѣ пятидесяти человѣкъ. Онъ былъ хорошо принятъ населеніемъ, впрочемъ, очень рѣдкимъ; но внутренние раздоры, недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, безплодная экспедиція на Фуэртевентуру, вѣроятно, низвели бы и эту попытку, какъ всѣ предыдущія, на степень простаго набѣга пиратовъ, если бы Бетанкуръ не догадался предложить верховную власть надъ своими будущими завоеваніями королю кастильскому, въ обмѣнъ на помощь людьми и деньгами. Благодаря этой поддержкѣ, нормандцамъ удалось овладѣть Фуэртевентурой (въ 1404 году), затѣмъ островомъ Ферро (въ 1405 году); но нападенія ихъ на другіе острова были отражены, и только о. Гомера былъ присоединенъ преемникомъ Бетанкура къ владѣніямъ европейцевъ: нужно было, чтобы король Испанскій декретировалъ присоединеніе архипелага, какъ непосредственной провинціи своего государства, и взялъ въ свои руки дѣло завоеванія посылкой настоящихъ армій, чтобы восторжествовать, наконецъ, надъ мужественнымъ сопротивленіемъ туземцевъ. Въ 1493 году, годъ спустя послѣ открытія Новаго Свѣта, Пальма и Гранъ-Канарія были окончательно завоеваны; затѣмъ въ 1497 г. *teniseys*, или царьки, Тенерифа, за которыми долго гонялись, какъ за дикими звѣрями, были изловлены, подвергнуты обряду крещенія и приведены въ триумфъ къ королю кастильскому, для забавы двора. Завоеваніе продолжалось около ста лѣтъ.

Но его не считали законченнымъ. Цѣлые вѣка воображенію моряковъ чудились отдаленные острова, обрисовывающіеся въ видѣ облаковъ на горизонтѣ Темнаго моря; благочестивыя легенды рассказывали про чудеса, которые будто бы тамъ совершались, портуланы изображали эти земли въ точномъ начертаніи; нѣкоторые мореплаватели увѣряли даже, что видѣли ихъ собственными глазами; показывали съ торжествомъ вѣтки и плоды, принесенные оттуда теченіемъ; оставалось только опредѣлить географическое положеніе этихъ невѣдомыхъ земель по широтѣ и долготѣ и официально взять ихъ во владѣніе именемъ какого-нибудь государя. Въ 1519 г., двадцать два года спустя послѣ окончательнаго завоеванія Тенерифа, король португальскій уступилъ по трактату своему испанскому брату островъ, еще «не найденный», но который, какъ были увѣрены, непременно долженъ быть гдѣ-нибудь къ западу отъ Канарскаго архипелага. Въ 1526 г. была отправлена, въ указанныя воды, первая экспедиція на поиски восьмага острова. Искомаго острова не нашли, но никто не смѣлъ отрицать его существованіе, въ виду единогласныхъ свидѣтельствъ. Въ 1570 г., послѣ

¹⁾ D'Avezac, цитированное сочиненіе.

²⁾ Jean de Béthencourt, «Le Canarién», publié par Gabriel Gravier.

тщательнаго слѣдствія, во время котораго было допрошено болѣе сотни свидѣтелей, отправились новые искатели, но были не болѣе счастливы, чѣмъ ихъ предшественники; затѣмъ въ

направленіи; наконецъ, съ той же цѣлью посылались въ Атлантику тайныя экспедиціи разными спекуляторами, которыхъ соблазняла мысль о сокровищахъ, могущихъ оказаться на

Пикъ-де-Тейде на о. Тенерифъ.

1604 и 1721 годахъ испанское правительство опять снаряжало—и такъ же безуспѣшно—корабли для обслѣдованія тѣхъ областей моря. Съ своей стороны, португальцы съ Азорскаго архипелага тоже производили поиски въ этомъ

новой землѣ¹⁾. Описанія вида искомаго восьмага острова, даваемыя моряками Пальмы и Гомера, были такъ опредѣленны и согласны,

¹⁾ Walker, „The Azores or Western Islands“.

что сомніе продолжало существовать послѣ каждаго безуспѣшнаго поиска. Такъ какъ абрисы этой земли, сдѣланные видѣвшими ее въ туманной дали, всѣ одинаково представляли профиль, подобный профилю о. Пальмы, то наконецъ пришли къ заключенію, что островъ, показывающійся на дальнемъ горизонтѣ, есть не что иное, какъ миражъ, происходящій отъ преломленія лучей свѣта въ влажномъ воздухѣ, приносимомъ западными вѣтрами ⁴⁾; при томъ же, въ виду того, что отнынѣ море изслѣдуется во всѣхъ направленіяхъ, продолжать поиски этого острова было бы бесполезно. А между тѣмъ легенда о немъ все еще существуетъ, и представители, правда, немногочисленные, религіи себастианистовъ, ожидающіе возвращенія инфанта, павшаго на полѣ битвы при Альказаръ-эль-Кебирѣ, надѣются, что одновременно съ его приходомъ и «не найденный» островъ выступитъ изъ водъ моря.

Такимъ образомъ испанское правительство должно было довольствоваться доставшейся ему въ удѣлъ группой семи острововъ, которые, впрочемъ, принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ мѣстностей земнаго шара и могли бы быть также одной изъ богатѣйшихъ странъ въ свѣтѣ. Составляя провинцію королевства, на равныхъ правахъ съ его континентальными провинціями, «Счастливые острова» довольно бѣдны, за исключеніемъ нѣсколькихъ привилегированныхъ пунктовъ, и сравнительно съ пространствомъ мало населены. При одинаковой населенности съ Мадерой, они должны бы имѣть миллионъ жителей, но имѣютъ ихъ только около трехсотъ тысячъ, въ пять или шесть разъ больше, какъ полагаютъ, чѣмъ сколько имѣли въ ту эпоху, когда европейцы пришли просить у островитянъ гостепрѣимства, которое имъ было радушно оказано, и за которое они отплатили такой черной неблагодарностью.

Пространство и населеніе Канарскихъ острововъ: 7.273 квадр. километр.; 291.625 жит. (по переписи 31 дек. 1887 г.); въ среднемъ, 40 жит. на 1 кв. километръ.

Канарскіе острова не представляютъ въ своемъ расположеніи какого-нибудь правильнаго порядка. Въ цѣломъ они, правда, образуютъ дугу круга, обращенную выпуклостью къ югу, но острова Гомера и Ферро лежатъ внѣ кривой. Въ составъ архипелага входятъ двѣ обособленныя группы: на востокъ, Ланзаротъ и Фуэртевентура, съ сосѣдними островами; на западъ — остальные пять большихъ острововъ. Первая группа состоитъ изъ земель, параллельныхъ побережью материка, вторая, напротивъ, расположена по оси, перпендикулярной къ берегу. Два восточные острова стоятъ на общемъ пьедесталѣ подводнаго нагорья: это острова-

близнецы, тогда какъ другія земли Канарскаго архипелага выступаютъ изъ глубокаго моря, раздѣленные пучинами; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лотъ опускается на 200 метровъ, не доставая дна. Наконецъ, острова Ланзаротъ и Фуэртевентура отличаются незначительнымъ горнымъ рельефомъ, въ сравненіи съ землями, лежащими далѣе въ открытомъ морѣ: на этихъ двухъ островахъ есть даже настоящія равнины и степи, какъ на сосѣднемъ материкѣ, отъ котораго они отдѣлены рукавомъ моря.

Пространство и рельефъ (высшія точки) Канарскихъ острововъ, по Оливе, Арлетту, Видалю, Фритшу, Гартунгу:

Пространство: о. Ланзаротъ и сосѣдн. островки — 741; о. Фуэртевентура — 1.722; о. Гранъ-Канарія — 1.376; о. Тенерифъ — 1.946; о. Гомера — 378; о. Пальма — 726; о. Ферро — 278 кв. километровъ.

Высшія точки: Монте-Фамара — 684 метр.; Орежасъ-дель-Аско — 860; Позо-де-ла-Ниеве — 1.898; Пико-де-Тейде — 3.715; Гаражонай — 1.340; Пико-де-ла-Круцъ — 2.356; Альто-де-Мальпась — 1.512 метр.

Впрочемъ, несмотря на различіе рельефа, всѣ острова архипелага, какъ восточные, такъ и западные, — вулканическаго происхожденія, и почти на всей окружности усажены мысами, образовавшимися изъ застывшихъ потоковъ лавы: словно желѣзные стѣны окружаютъ острова грознымъ оплотомъ. Не-эруптивные горныя породы, встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ островахъ, первичныя формации, или осадочныя образования, играютъ въ архитектурѣ Канарскаго архипелага гораздо менѣе важную роль, чѣмъ пласты огненнаго происхожденія.

Самый видъ острововъ свидѣтельствуетъ о древности большинства трахитовъ, базальтовъ или обсидіановъ, извергнутыхъ изъ нѣдръ земли. На западныхъ островахъ почти на всей окружности скаты горъ изрѣзаны глубокими оврагами (барранками), вырытыми въ теченіе вѣковъ ручьями въ толщѣ скалы, такъ что теперь трудно распознать первоначальную форму огненныхъ рѣкъ, нѣкогда вылившихся изъ вулкановъ; во многихъ мѣстахъ самые кратеры исчезли. Центральныя острова, Гранъ-Канарія (Большая Канарія), гдѣ въ историческія времена не было ни одного изверженія, изъ всѣхъ земель архипелага наиболее глубоко изрыты атмосферными дѣятелями, обтесавшими его скалы, какъ скульпторъ обоблачиваетъ глыбу мрамора. Внутри этого острова отъ дѣйствія дождей образовались обширные цирки, а обломки размытой почвы унесены въ море: количество матеріаловъ, которое горы потеряли съ эпохи ихъ образованія, представляетъ значительную часть первоначальнаго островнаго массива. Отсутствие фумароллъ и горячихъ ключей также служитъ доказательствомъ болѣе древняго происхожденія канарскихъ вулка-

⁴⁾ A. von Humboldt, „Voyage aux Régions Equinoxiales“.

новъ, сравнительно съ азорскими, столь богатыми фонтанами газа и кипящей воды.

Подземные очаги этого архипелага рѣдко пробуждаются, и древніе, повидимому, не слышали о вспышкахъ на островахъ Блаженныхъ, если только пожаръ, о которомъ упоминается въ периплѣ Ганнона, не относится къ изверженію пика де-Тейде, — что, впрочемъ, комментаторы считают невѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, въ Канарскомъ архипелагѣ со времени новаго открытія его бывали большія изліянія лавы, и сильныя колебанія почвы не разъ потрясали города, лежащіе вблизи вулкановъ; но эти явленія были наблюдаемы только на трехъ островахъ — Ланзаротѣ, Пальмѣ и Тенерифѣ. Приводимъ здѣсь извѣстные случаи значительнаго проявленія вулканической дѣятельности на этихъ трехъ островахъ, съ конца четырнадцатаго столѣтія.

На Тенерифѣ: съ 1385 по 1399 г., въ 1430, 1440, 1444 (?), 1492, съ 1604 по 1605 г. и въ 1798 г. — изверженія, и съ 1704 по 1706 г. — землетрясенія. На Ланзаротѣ: съ 1730 по 1736 г. и въ 1824—25 гг. — изверженія. На Пальмѣ: въ 1558, 1646 и 1677 гг. — изверженія.

Лѣтописи не упоминаютъ объ эфемерныхъ островахъ изъ плака и пенла, въ родѣ тѣхъ подводныхъ горокъ, которые появились въ сосѣдствѣ Азорскихъ острововъ. Разъ только, именно во время ряда изверженій, продолжавшихся шесть лѣтъ (съ 1730 по 1736 г.) въ западной части Ланзарота, изъ моря вылетали, у самого берега, огненные фонтаны и столбы пара, затѣмъ изъ-подъ воды выступили шлаковые конусы и, постепенно увеличиваясь, примкнули, въ видѣ мыса, къ побережью острова ¹⁾. Груды пенла, выброшеннаго кратерами, превратили въ озеро морскую бухту Жанубіо ²⁾.

Канарскіе острова, лежащіе южнѣ Мадеры и ближе къ африканскому матерiku, имѣютъ климатъ болѣе теплый и нѣсколько менѣе ровный, сравнительно съ португальскимъ островомъ. Годовыя колебанія температуры здѣсь значительнѣе, не только на восточныхъ островахъ, близкихъ къ Сахарѣ и причастныхъ въ извѣстной мѣрѣ къ ея климату, но и въ западной группѣ, центръ которой составляетъ Тенерифъ. Вотъ среднія температуры временъ года въ городахъ Санта-Круцъ (по Эсколару) и Пуэрто-де-Оротава (по Гонеггеру), на островѣ Тенерифѣ, въ градусахъ стоградуснаго термометра:

	Годовал.	Весна.	Лѣто.	Осень.
Санта Круцъ	21°7	20°5	24°8	23°4
Пуэрто-де-Оротава	20°15	18°96	23°53	21°38

¹⁾ A. von Humboldt, цитированное сочиненіе; — Leopold von Buch, „Physikalische Beschreibung der Canarischen Inseln“.

²⁾ Arlett, „Journal of the R. Geographical Society“, 1836.

Зима.	Самый теплый мѣсяцъ.	Самый холодный (январь).	Разн. постъ.
18° ₁	26° ₁	17° ₇	8° ₀₄
16° ₇₅	23° ₆₀ (авг.)	16° ₂₀	7° ₄

На Канарскихъ островахъ нѣтъ зимы въ европейскомъ смыслѣ слова, такъ какъ температура этого времени года здѣсь выше, чѣмъ средняя годовая температура въ Южной Италіи; однако, самый холодный день имѣетъ температуру 8 градусовъ Ц.; но лѣто иногда бываетъ слишкомъ жарко для европейцевъ, особенно на восточныхъ островахъ: восточный т. е. сахарскій вѣтеръ появляется здѣсь гораздо чаще, чѣмъ на Мадерѣ, и когда онъ дуетъ, принося сухой, насыщенный пылью воздухъ, растительность блекнетъ, земля трескается, люди и животныя изнемогаютъ; иногда онъ нагоняетъ тучи саранчи; въ 1588 г. эти живыя облака были принесены вѣтромъ даже на Тенерифъ ¹⁾. Въ лѣтописяхъ Ланзарота и Фуэртевентуры приведены примѣры, когда сахарскіе вѣтры, особенно юго-восточные, имѣли слѣдствіемъ страшныя голодовки и обезлюдѣніе острововъ. Но въ западной группѣ попеременно движенье бризъ, поворачивающихся вмѣстѣ съ солнцемъ, умѣряетъ жары, и губельное дѣйствіе восточнаго вѣтра рѣдко даетъ себя чувствовать.

Канарскіе острова получаютъ сравнительно меньшее количество атмосферныхъ осадковъ, чѣмъ Мадера и особенно чѣмъ Азорскій архипелагъ; иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ здѣсь ждутъ хорошаго ливня, который бы оживилъ атмосферу; въ среднемъ, насчитываютъ въ году 300 дней безъ дождя. Правильные дожди начинаются обыкновенно къ концу ноября и продолжаются два мѣсяца: приносимые вѣтрами «снизу», т. е. западными, они прекращаются вмѣстѣ съ этими воздушными теченіями. Образование облаковъ и выпаденіе дождей бываютъ также и въ другія времена года, особенно весной, когда въ этихъ водахъ встрѣчаются вѣтры, имѣющіе разную температуру; зимой встрѣча воздушныхъ теченій порождаетъ такъ называемые «торнадосы», мѣстные циклоны, которые производятъ сильное волненіе на морѣ и подвергаютъ опасности застигнутыя врасплохъ суда; особенно памятенъ торнадо 1826 года, который былъ причиной нѣсколькихъ кораблекрушеній и опустошилъ деревни и культуры. Но большіе циклоны, образующіеся въ Антильскомъ морѣ, никогда не проходятъ надъ канарскими водами. Въ сухое время года, совпадающее съ лѣтомъ, съ апрѣля по октябрь, вся атмосфера нижнихъ слоевъ движется сплошной массой въ направленіи отъ сѣверо-востока на юго-западъ. Такъ правильно и не-

¹⁾ Bory de Saint-Vincent, „Essais sur les files Fortunées“.

прерывно въ этомъ періодѣ года вѣяніе пассатовъ, называемыхъ *la brisa*, что всякое плаваніе парусныхъ судовъ противъ воздушнаго теченія совершенно прекращается: прежде, бывало, острова «на вѣтрѣ» цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ не получали никакихъ извѣстій съ острововъ «подъ вѣтромъ». Хотя пассаты не приносятъ съ собой дождей, но они въ изобиліи насыщены парами, захватываемыми во время ихъ путешествія на поверхности моря; небо Канарскихъ острововъ кажется тусклымъ отъ этихъ паровъ и никогда не представляетъ той чистой синевы, какою мы восхищаемся на полуостровахъ Средиземнаго моря. На островѣ Ланзаротѣ слои шлаковъ, обращенные къ пассатамъ, поросли мхомъ, тогда какъ скалы, невыставленные дѣйствию влажныхъ вѣтровъ, остаются совершенно голыми ¹⁾. Каждый островъ имѣетъ свою *banda*, сухую «зону», которую промежуточные высоты лишаютъ паровъ. На Teneriffѣ такой *бандой* называютъ южный берегъ, на Пальмѣ—западную половину острова.

На высокихъ равнинахъ и склонахъ канарскихъ горъ влажность значительнѣе, чѣмъ на берегу моря, благодаря тренію воздушныхъ слоевъ, движущихся въ противоположныхъ направленіяхъ. Такъ, на бокахъ пика де-Тейде слой облаковъ, занимающій среднее положеніе между пассатами и контръ-пассатами, поднимается или опускается, смотря по высотѣ зоны соприкасанія; онъ часто разрывается на полосы, распадается на облачки и безпрестанно мѣняетъ форму и видъ,—увеличивается отъ присоединенія облаковъ, прибывающихъ съ сѣверо-востока, выдѣляетъ изъ себя островки, увлекаемые воздушнымъ теченіемъ на югъ, но никогда не разсѣивается, постоянно окружая пикъ своей кольцеобразной массой, часто отдѣленной отъ морскихъ облаковъ широкимъ разрывомъ. Можно измѣрять каждый день толщину массы паровъ, приносимой пассатами ²⁾; въ среднемъ, нижняя сторона облачнаго слоя находится на высотѣ отъ 1.200 до 2.000 метровъ лѣтомъ и отъ 500 до 700 метровъ зимой: на этой-то высотѣ, ниже увлажняемыхъ склоновъ, и вытекаютъ ключи, перехватываемые жителями побережья, которые проводятъ ихъ подземными галереями въ свои селенія. На островѣ Teneriffѣ можно наблюдать три лежащія одна надъ другой воздушныя площади: контръ-пассатъ, пассатъ и морскую бризу. Городъ Лагуна расположенъ на плоскогорьи, выставленномъ сѣверо-восточному пассату, который въ этомъ мѣстѣ, вслѣдствіе отраженія отъ горъ, превращается въ сѣверо-западный вѣтеръ; съ другой стороны, одна часть города подвержена дѣйствию бризы, которая дуетъ съ

юга, поднимаясь по горнымъ скатамъ. Гумбольдтъ въ доказательство этого нормальнаго расположенія вѣтровъ одинъ надъ другимъ приводитъ примѣръ двухъ мельницъ, которыя почти всегда работали въ одно время, при чемъ крылья одной приводились въ движеніе сѣверо-западнымъ, а крылья другой южнымъ вѣтромъ. Встрѣчаясь на этой плоской возвышенности, какъ на «полѣ битвы», говоритъ Пиацци Смитъ, воздушныя теченія осаждаютъ свои пары, и именно влажности воздуха городъ Лагуна обязанъ болѣе дѣятельной растительностью, въ сравненіи съ сосѣдними склонами, выставленными дѣйствию одного лишь атмосфернаго тока; на крышахъ его домовъ растутъ кустами *sempervirens urbicum*, котораго нигдѣ не увидишь на жилищахъ, стоящихъ ниже ⁴⁾. Такимъ образомъ жители Teneriffа и другихъ гористыхъ острововъ могутъ по произволу мѣнять климатъ, изучать и выбирать температуру и влажность, какія имъ желательны. Благодаря этой привилегіи, которою пользуются Канарскіе острова, какъ санитарная станція, число больныхъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ сюда искать исцѣленія отъ недуговъ, или по крайней мѣрѣ продленія жизни, становится съ каждымъ годомъ все значительнѣе. Весьма вѣроятно, что въ недалекомъ будущемъ эти острова превзойдутъ Мадеру годовымъ числомъ посѣтителей, хотя туземцы, опасаясь заразы, не особенно рады этимъ гостямъ. Канарскіе острова, правда, имѣютъ ту невыгоду, что они болѣе удалены отъ Европы; но зато они ближе ко всѣмъ поселеніямъ африканскаго побережья, пребываніе въ которыхъ такъ опасно для европейскихъ эмигрантовъ; кромѣ того, здѣсь посѣтителю не грозитъ такая скука, какъ на Мадерѣ, гдѣ онъ чувствуетъ себя словно въ большой тюрьмѣ: благодаря пару, поѣздки съ острова на островъ не представляютъ теперь никакого затрудненія; и наконецъ, самая природа является здѣсь въ болѣе грандіозномъ видѣ.

Менѣе обильно орошаемые атмосферной влагой, чѣмъ Мадера и особенно чѣмъ Азорская группа, Канарскіе острова не имѣютъ такого зеленѣющаго наряда, какъ сѣверные архипелаги; они представляютъ болѣе тусклый видъ, а мѣстами почва ихъ даже совершенно неплодна. Въ сосѣдствѣ побережья растительность почти совсѣмъ исчезаетъ въ общемъ колоритѣ мѣстности: преобладающія здѣсь мясистыя растенія синеватыхъ оттѣнковъ сливаются съ вулканическими туфами ⁵⁾. На восточныхъ островахъ, Ланзаротѣ и Фуэртевентурѣ, не видно болѣе ни лѣсовъ, ни большихъ площадей общежительныхъ растеній: общій видъ страны принялъ уже характеръ степи. Но западные

¹⁾ Von Fritsch, „Petermann's Mittheilungen“, Ergänzungsheft, 22.

²⁾ Piazzì Smyth, „Teneriffe“.

⁴⁾ Humboldt;—L. von Buch, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Grisebach, „La Végétation du Globe“, traduit par Tchihatchef.

острова по крайней мѣрѣ сохранили кое-гдѣ клочки лѣса; всѣхъ богаче большими деревьями островъ Пальма, самый западный и наиболѣе щедро орошаемый дождями.

тело, заключаетъ въ себѣ около тысячи видовъ, то-есть вдвое больше, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ азорская флора. Впрочемъ, неизвѣстно въ точности, какая именно часть здѣшней флоры

Островъ С. Винцентъ. Порто-Гранде.

Если Канарскіе острова не имѣютъ такого же растительнаго богатства по числу особей, то они значительно превосходятъ другіе архипелаги количествомъ видовъ. Инвентаръ канарской флоры, составленный Узобомъ и Бер-

должна считаться строго канарской, такъ какъ даже до прибытія европейцевъ туземцы берберы видоизмѣняли мѣстную флору, принося растенія съ сосѣдняго материка. Испанцы помогали этому перевороту въ островной флорѣ

гораздо болѣе энергическимъ образомъ,—съ одной стороны истребленіемъ лѣсовъ, съ другой—непосредственнымъ введеніемъ новыхъ видовъ и земледѣльской культурой. До высоты 975 метровъ окружность острововъ распаханна вездѣ, гдѣ скаты не слишкомъ круты для обработки плугомъ. Безъ сомнѣнія, многіе изъ самородныхъ канарскихъ видовъ исчезли; съ другой стороны, экзотическія растения тысячами вошли въ сады и на поля Канарскихъ острововъ. Изъ специально канарскихъ видовъ особенно два приводятъ въ восхищеніе художника стройностью, красотой и гармоніей формъ: это колокольчикъ съ оранжевыми цвѣтками и золотистый папоротникъ (*setegach aureum*), съ величественной стрѣлкой и отливающимися золотомъ вайями. «Древніе не преминули бы, если бы онъ былъ имъ извѣстенъ, присоединить золотистый папоротникъ къ аканту и плющу для украшенія вазъ и амфоръ»¹⁾. Канарскіе острова дали Европѣ нѣкоторые великолѣпные цвѣты, серебряники (*cineraria*) и одинъ изъ красивѣйшихъ золотоцвѣтовъ.

Несмотря на близкое сосѣдство съ Африкой, эти острова, подобно Мадерѣ и Азорскому архипелагу, принадлежатъ къ растительной области Европы. Флора ихъ на двѣ трети состоитъ изъ европейскихъ видовъ, да и специально канарскія растения въ большинствѣ случаевъ имѣютъ физономію, близко подходящую къ европейскимъ типамъ, такъ что невольно является вопросъ, не есть ли это представители видовъ, составлявшихъ часть континентальной флоры въ предшествовавшую геологическую эпоху. Но на двухъ восточныхъ островахъ и въ нижней части другихъ острововъ, до высоты отъ 400 до 800 метровъ, смотря по положенію мѣстности, господствуетъ флора ливійскаго характера, соответствующая африканской температурѣ: это поясъ мясистыхъ растений, кактусообразныхъ молочаевъ и также, благодаря натурализации, поясъ пальмъ, смоковницъ и банановъ. На юго-западной покатости Большаго Канарскаго острова (Гранъ-Канарія) есть одна долина, Венегуэра, гдѣ молочай, или *tabaibas*, величиной съ фиговое дерево, растутъ обширными лѣсами; въ нижней части долины господствуетъ молочай канарскій (*euphorbia canariensis*), уродливый, искривленный, усаженный колючками и выпускающій изъ разрывовъ смертоносный ядъ; выше растетъ молочай бальзамный (*euphorbia balsamifera*), съ безвреднымъ молокомъ: питательный сокъ иногда такъ обилуетъ въ этомъ растеніи, что достаточно ударить палкой по его блестящей и туго натянутой кожѣ, чтобы брызнулъ фонтанъ молока до двухъ или трехъ метровъ высотой. Драконово дерево (*dracaena*

draco), названное такъ за его странную форму и за вытекающій изъ него красный сокъ²⁾, тоже составляетъ одно изъ характеристическихъ растений африканской зоны Канарскихъ острововъ. Гигантская разновидность этого растенія прославлена описаніями Гумбольдта: припомнимъ драконникъ въ Оротавѣ (на о. Тенерифѣ), стволъ котораго имѣлъ слишкомъ 14 метровъ (около 20 аршинъ) въ обхватъ на высотѣ человеческого роста, и который вздымалъ на 20 метровъ канделябръ своихъ вѣтвей, оканчивавшихся букетами листьевъ, соединенныхъ въ одинъ обширный зонтикъ. Это исполинское дерево, которое туземцы называли современникомъ сотворенія міра, и въ которомъ Гумбольдтъ удивлялся «вѣчной молодости природы», не существуетъ болѣе: оно уже въ эпоху завоеванія архипелага было пустое внутри, и дуло его служило часовой испанцамъ, послѣ того какъ прежде было храмомъ для гуанчей. Что касается канарской пальмы, къ которой теперь присоединено финиковое дерево, то она не даетъ съѣдобныхъ плодовъ; но на о. Гомера изъ нея добываютъ сиропъ, вкусомъ нѣсколько похожій на вино. Канарскіе острова имѣли также свою смоковницу; но плоды ея, найденные въ могилахъ, были гораздо мельче плодовъ нынѣшнихъ деревьевъ, принадлежащихъ къ испанскимъ разновидностямъ³⁾.

Европейская зона Канарскихъ острововъ, характеризующая преимущественно лаврами и натурализованными деревьями, каковы дубъ и каштанъ, простирается на среднихъ скатахъ западныхъ острововъ. Лавровые лѣса почти совершенно исчезли на Тенерифѣ и Большой Канаріи; но островъ Гомера, болѣе богатый текучими водами, обладаетъ еще великолѣпными лаврами въ своихъ центральныхъ частяхъ. Надъ лаврами и зоной кустарника, гдѣ господствуютъ ладанники (*cistus*), какъ на островахъ Средиземнаго моря, тянется поясъ сосны, представленный главнымъ образомъ на Пальмѣ, гдѣ во множествѣ растетъ также канарскій кедръ (*juniperus cedrus*), нынѣ очень рѣдкій на Тенерифѣ и другихъ островахъ архипелага. Канарская сосна—одно изъ замѣчательнѣйшихъ хвойныхъ деревьевъ, такъ какъ по своимъ признакамъ она занимаетъ середину между европейскими и американскими видами: на первые она походитъ плодами, на вторые—иглами. Вѣтви этихъ острововъ ее находятъ только въ ископаемомъ состояніи въ верхнихъ миоценовыхъ пластахъ, въ провинціи Мурсіи.

Надъ этими нижними поясами растительности, вершина пика де-Тейде, прорѣзывая облака пассатовъ, поднимается въ область возвратнаго воздушнаго теченія и сама по себѣ

¹⁾ Bolla. „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, Berlin, 1864.

²⁾ Bory de Saint-Vincent, цитированное сочиненіе.

³⁾ Christ, „Eine Frühlingsfahrt nach den Canarischen Inseln“.

составляет особую зону, заключающую десятка два растений, не встречающихся нигде, кроме Канарских островов. При восхождении на пикъ по сѣверо-восточному склону, на высотѣ 1.200 метровъ встрѣчаешь послѣдніе лавры, разсыянные среди мелкаго кустарника; далѣе слѣдуютъ верески, сначала въ перемежку съ папоротникомъ, затѣмъ занимающіе сплошь всѣ скаты горы. Надъ верескомъ, на высотѣ 2.000 метровъ, почва принадлежитъ дрокамъ и другимъ сроднымъ видамъ. Господствующимъ растеніемъ въ этой высокой области верхнихъ долинъ, *cañadas*, является особый видъ спарта (*spartocytisus nubigenus*), сохранившій свое арабское имя *ртель* подъ испанской формой *getapa*, и не встрѣчающійся ни въ какой другой странѣ. Среди черныхъ и желтоватыхъ вулканическихъ камней разсыяны зеленѣющіе букеты ретамы, покрывающіеся весной мотыльковыми цвѣтками нѣжнаго бѣлаго цвѣта, съ розовыми прожилками и распространяющими запахъ, нѣсколько напоминающій запахъ акацій: стручки ея, похожіе на стручки дрока, раскрываются, подобно послѣднимъ, съ трескомъ въ моментъ созрѣванія. До сихъ поръ извѣстны четыре вида животныхъ, существованіе которыхъ связано съ этимъ канарскимъ растеніемъ, и которые тоже встрѣчаются только въ каньадахъ пика де-Тейде: крохотная улитка ползаетъ на нижней части стеблей ретамы; мотылекъ изъ рода *ликена* (*polyommatus*) и *фа-лена* (ночная бабочка) сосутъ нектаръ ея цвѣтковъ; маленькая птичка, *fringilla teydeana*, впрочемъ, очень рѣдкая, порхаетъ по ея вѣткамъ и питается ея сѣменами; кромѣ того, одинъ паукъ, живущій также въ другихъ частяхъ острова, любитъ протягивать свои сѣти между букетами ретамы¹⁾. Здѣсь, повидимому, превращается органическая жизнь на склонахъ горы; однако, на верхнемъ конусѣ натуралистъ находитъ еще фіалку блѣдно-голубаго цвѣта, пріютившуюся между камнями и теплокутанную длинными мохнатыми листьями²⁾; прежде это растеніе считали специально канарскимъ, но оно встрѣчается также на высокихъ горахъ Океаніи. Со временъ Гумбольдта, пребываніе котораго на Тенерифѣ, хотя и кратковременное, составило одну изъ важныхъ эпохъ въ исторіи географіи, часто старались точно разграничить ярусы растительности на склонахъ пика де-Тейде: можно увеличивать или уменьшать число этихъ ярусовъ, проводить на разныхъ высотахъ раздѣльныя черты, смотря по тѣмъ или другимъ характеристическимъ растеніямъ, которыя будутъ выбраны для этого разграниченія; но самымъ правильнымъ дѣленіемъ слѣдуетъ признать то, которое соответствуетъ условіямъ окружающаго неба. Влажный слой атмосферы

отмѣчаетъ три яруса—ниже, внутри и выше облаковъ: отъ уровня моря до высоты 700 метровъ, отъ 700 до 1.600 метровъ, и отъ 1.600 метровъ до вершины пика³⁾. Населенный и воздѣланный поясъ, ниже облаковъ и горы, или *cumbre*, дѣлится естественно на два второстепенныхъ яруса—*cuesta*, или береговая полоса, и *medianías*, или средніе склоны⁴⁾.

Фауна Канарскихъ острововъ приняла европейскую физономію, благодаря натурализациі домашнихъ и чужеродныхъ видовъ, но по низшимъ организмамъ она представляетъ самобытный характеръ. Бургинья доказалъ, что канарскіе моллюски составляютъ самостоятельную фауну, имѣющую лишь отдаленную связь съ фауной Берберіи; однако, они гораздо ближе стоятъ къ средиземнымъ, чѣмъ къ африканскимъ формамъ. Такъ же какъ на Азорскихъ островахъ и на Мадерѣ, змѣй здѣсь совсѣмъ нѣтъ, но водятся большія туземныя ищерицы, тысяченожки, скорпионы. Между многочисленными видами птицъ есть нѣсколько отличныхъ отъ европейскихъ, какъ, на примѣръ, красная куропатка, мясо которой высоко цѣнится гастрономами, и канарейка, сдѣлавшаяся столь обыкновенной въ Европѣ. Новыя условія среды, жизнь въ неволѣ, пища, климатъ, скрещиванія совершенно преобразили канарейку: опереніе ея изъ зеленого стало желтымъ, пѣніе тоже измѣнилось⁵⁾. Что касается млекопитающихъ, найденныхъ европейцами по прибытіи въ архипелагъ, то неизвѣстно, принадлежатъ ли эти животные къ самородной фаунѣ острововъ, или они были введены берберами, населявшими страну; во всякомъ случаѣ они составляютъ особыя разновидности. Плиній рассказываетъ, что здѣсь водились огромныя собаки особой породы, отъ которыхъ и самые острова получили названіе Канарскихъ, т. е. «Собачьихъ» (отъ латинскаго *canis*—собака), и что однажды два такихъ пса были приведены къ царю Юбѣ Младшему. Когда европейцы прибыли въ край, они не нашли тамъ собакъ; введенныя же ими собаки образовали особыя разновидности. На о. Ланзаротѣ онѣ походятъ на водолаза; собаки другихъ острововъ, хотя не особенно крупной породы, но сильныя животныя, занимающія середину между гончей и овчаркой⁶⁾. Домашнія козы Канарскихъ острововъ въ числѣ около шестидесяти тысячъ, отличаются отъ западно-европейскихъ; онѣ круче, проворнѣе, смѣло лазаютъ по скаламъ, какъ серны, и очень привязчивы къ пастуху. Голова канарской козы, съ ласково смотрящими глазами, напоминаетъ голову газели. Здѣшнія

¹⁾ Webb et Berthelot;—Christ, цитированнаго сочиненія.

²⁾ Minutoli, „Die Canarischen Inseln“.

³⁾ Adanson;—Bory de Saint Vincent;—Humboldt.

⁴⁾ Perrier, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Perrier, „Explorations sous-marines“.

²⁾ Piazzi Smyth, „Teneriffe“.

козы необыкновенно молочны, и молоко ихъ превосходнаго вкуса, благодаря ароматическимъ растеніямъ, которыми онѣ питаются ¹⁾. Кромѣ того, на островѣ Монтанья-Клара, близъ Ланзарота, и въ южной части Фуэрте-вентуры водятся дикія козы. Верблюды также фигурируютъ въ числѣ представителей канарской фауны, по крайней мѣрѣ на восточныхъ островахъ, отъ Ланзарота до Большой Канаріи, и по силѣ и выносливости нисколько не уступаетъ своимъ родичамъ другихъ странъ. Не извѣстно, когда именно онѣ были введенъ въ архипелагъ, и нѣтъ положительныхъ доказательствъ, которыя давали бы право приписывать, какъ это дѣлаетъ Гумбольдтъ, честь этого приобрѣтенія Бетанкуру. Судя по большому числу берберскихъ словъ, относящихся, въ Африкѣ, къ верблюду, нѣтъ необходимости предполагать, что туареги и ихъ соплеменники канарійцы ²⁾ получили это домашнее животное отъ арабовъ. По всей вѣроятности, оно было привезено въ архипелагъ берберами.

Морская фауна Канарскихъ острововъ, разсматриваемая въ ея совокупности, принадлежитъ скорѣе Европѣ, чѣмъ Африкѣ: большинство ея видовъ испанскіе и средиземные, и даже британскія формы имѣютъ въ ней многочисленныхъ представителей. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Канарскіе острова могутъ считаться африканскимъ архипелагомъ только по географической широтѣ. Ихтиологическая фауна этихъ острововъ заключаетъ въ себѣ также многіе американскіе виды, не встрѣчающіеся у береговъ сѣднаго материка. Воды, окружающія Канарскіе острова, принадлежатъ къ самымъ населеннымъ пространствамъ океана, и рыболовные суда сотнями скопляются здѣсь во всякое время года, не уменьшая замѣтно кипящей массы животной жизни. Главный предметъ рыбной ловли составляетъ одинъ видъ трески, качествомъ не уступающій нью-фаундлендской. При другихъ условіяхъ, рыболовный промыселъ могъ бы быть болѣе успѣшнымъ и прибыльнымъ, но соленіе производится небрежно, и рыба почти не имѣетъ сбыта за границу. До сихъ поръ продукты водъ канарскаго моря служили только для мѣстнаго продовольствія.

Канарскіе острова обитаемы съ незапамятныхъ временъ. Типы послѣдовательныхъ эпохъ каменнаго вѣка вполне представлены въ этомъ архипелагѣ: здѣсь находятъ множество предметовъ, аналогичныхъ съ остатками человеческого искусства, встрѣчающимися въ пластахъ Европы и Америки, — каменные топоры, палицы, глиняную посуду, ткани; но стрѣла изъ кремня еще ни разу не попадалась. Мѣст-

ный изслѣдователь Чиль-и-Наранхо, усердно отыскивающій слѣды древней цивилизаціи въ своемъ островномъ отечествѣ, объясняетъ этотъ пробѣлъ въ коллекціи доисторическаго оружія отсутствіемъ дикихъ животныхъ на островахъ: туземцы, богатые стадами домашнего скота, не имѣли надобности въ стрѣлахъ для охоты на лѣснаго звѣря. При изученіи массы собранныхъ предметовъ каменнаго вѣка, наблюдателя поражаютъ успѣхи, которые дѣлала изъ поколѣнія въ поколѣніе первобытная раса въ искусствѣ и промышленности; но какого бы совершенства въ ремеслахъ ни достигали эти аборигены, они всегда работали свои лучшія произведенія только для людей благородныхъ: въ одномъ и томъ же гротѣ рядомъ съ одеждой изъ тонкой матеріи, съ утварью, превосходно отдѣланной, украшенной іероглифами и рисунками, находятъ грубыя ткани и аляповатые сосуды изъ необожженной глины. Такъ обнаруживается аристократическое устройство древне-канарскаго общества ³⁾. Обработка металловъ не была извѣстна островитянамъ: что бы ни говорилъ Азурара, у нихъ не нашли ни орудій изъ желѣза, ни украшеній изъ золота и серебра. Солидная постройка погребальныхъ склеповъ Тенерифа, искусная кладка камней въ зданіяхъ Ланзарота, Фуэртевентуры и Большой Канаріи, удобное расположеніе комнатъ въ жилищахъ, картины, рисованные охрой, — все это свидѣлствуетъ о высокой степени цивилизаціи, которой канарійцы достигли уже въ эпоху, предшествовавшую исторіи. Священники, участвовавшіе въ экспедиціи Бетанкура, рассказываютъ, что они видѣли на о. Фуэртевентура «les plus forts chateaux, que l'on puisse trouver nulle part» (такіе крѣпкіе замки, какихъ нигдѣ не встрѣтишь). Идолы, фигуры и орнаменты, нарисованные на вазахъ, имѣютъ много сходства съ типами, которые представляютъ египетскіе памятники.

Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ архипелага — въ гротѣ Бельмако, на стровѣ Пальма ⁴⁾, на одномъ утесѣ восточнаго берега острова Ферро ⁵⁾, на островѣ Большая Канарія ⁶⁾ — открыли древнія надписи, буквы которыхъ имѣютъ форму, близко подходящую къ знакамъ ливійской азбуки. По крайней мѣрѣ, онѣ служатъ доказательствомъ того, что существовали сношенія между островитянами и берберскими народами материка, хотя у первыхъ въ эпоху прибытія Бетанкура уже не было судовъ; въ этомъ отношеніи промышленность канарійцевъ представляла регрессъ. Сходство буквъ придаетъ также большую вѣроятность гипотезѣ, допускающей арабизованное берберское проис-

¹⁾ Chil y Naranjo, „Estudios de las Islas Canarias“.

²⁾ Von Fritsch, цитированное сочиненіе.

³⁾ Berthelot, — Faïdherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, févr. 1875; nov. 1876.

⁴⁾ Chil y Naranjo, цитированное сочиненіе.

¹⁾ B. Langkavel, „Globus“, Juli 1883; Christ, цитированное сочиненіе.

²⁾ Faïdherbe, „Revue Africaine“, № 61, janv. 1867.

кожденіе для населенія архипелага, тѣмъ болѣе, что слова различныхъ нарѣчій, собранныя, въ числѣ около тысячи, Уэббомъ и Бер-

тождественно съ именемъ могущественнаго племени бени-гауара; бимбачи (bimbachos) острова Ферро напоминаютъ своимъ названіемъ

Типы жителей Порто-Гранде.

тело, и имена собственные, сохраненныя историками,—несомнѣнно берберскія и представляютъ нѣкоторыя аналогіи съ арабскимъ языкомъ. Такъ, прежнее имя Пальмы, Бенегоаръ,

племя бенъ-баширъ; на Тенерифѣ многія имена собственные начинаются членомъ *аль* и существительнымъ *бенъ*, какъ въ земляхъ семитическаго языка. Большинство этнографовъ въ-

дять въ древнихъ канарійцахъ «одну изъ благородѣйшихъ отраслей берберской расы», хотя нашлись и такіе ученые, которые подозреваютъ въ нихъ кельтовъ, басковъ, даже вандаловъ, и на этомъ основаніи готовы предъявить притязаніе на архипелагъ, какъ на будущую провинцію германской имперіи ¹⁾. Изученіе череповъ и костяковъ, предпринятое современными антропологами, доказало, что населеніе архипелага принадлежало къ различнымъ расамъ, но въ то же время подтвердило первыя гипотезы въ пользу восточнаго происхожденія большаго числа жителей. На о. Фуэртевентура, на полуостровѣ Ислета въ Большой Канаріи и въ южной части этого острова, а также на островахъ Ферро и Пальма, типъ черепа существенно сир-арабскій: оказывается почти совершенное тождество между этими канарійцами, алжирскими арабами и египетскими феллахами ²⁾. По мнѣнію Верно, архипелагъ распадался на три этнографическихъ группы: восточную, обнимавшую острова Ланзаротъ и Фуэртевентура и полуостровъ Ислета; центральную, т. е. острова Тенерифъ и Гомера, гдѣ жители не были знакомы съ искусствомъ обжиганія глиняной посуды и шлифованія каменныхъ топоровъ; и наконецъ, западную, состоявшую изъ двухъ острововъ—Ферро и Пальма.

Обыкновенно всѣхъ древнихъ канарійцевъ называютъ общимъ именемъ гуанчей, которое, кажется, принадлежало, въ формахъ «винчени» и «гуанчинетъ», только обитателямъ Тенерифа. Какъ сотни другихъ народныхъ именъ, и это имя значило «люди»: въ глазахъ гуанчей ихъ маленькая раса составляла все человечество. По свидѣтельству современниковъ, эти берберы, бѣлые или смуглые, всѣ длинно-головые (долхокефалы), долгорукие и долгоногие, отличались отъ арабовъ болѣе крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, менѣе продолговатымъ лицомъ, менѣе отбѣнутымъ назадъ лбомъ, болѣе широкимъ и короткимъ носомъ, болѣе толстыми губами. Глаза у нихъ были большіе и черные, брови густыя, волосы тонкіе, гладкіе или волнистые. Общее выраженіе лица было пріятное и открытое, соответствовавшее ихъ характеру, доверчивому, веселому и ласковому. Изумительно проворные и «большіе скакуны, прыгавшіе со скалы на скалу, какъ дикія козы», они были «не менѣе сильны и ловки въ метаніи камней», и обладали такой силой рукъ, что двумя или тремя ударами кулака разбивали въдребезги цитъ. Ходили они голые или прикрытые легкимъ одѣяніемъ изъ травъ или козьихъ шкуръ; но чтобы сдѣлать кожу нечувствительной къ переменамъ температуры, они намазывали тѣло саломъ и сокомъ

нѣкоторыхъ растений; кромѣ того, всѣ они, мужчины и женщины, разрисовывали себя красной, зеленой, желтой краской, «умѣя такими цвѣтами выражать свои особенныя привязанности» ¹⁾.

Относительно брака обычаи существенно разнились отъ острова къ острову. На Ланзаротѣ существовала полиандрія, по словамъ священниковъ экспедиціи Бетанкура: большинство женщинъ имѣли по три мужа, чередовавшихся въ качествѣ супруговъ и въ качествѣ служителей. На островѣ Гомера законы гостепріимства требовали община между женой хозяина и женой странника. На Тенерифѣ моногамія была закономъ; гуанчи очень почитали женщинъ: за всякое обидное слово, сказанное лицу женскаго пола, виновный подвергался наказанію; вооруженный мужчина, оказавшій неуваженіе женщинѣ, предавался смерти. Бракъ не могъ быть заключенъ безъ свободнаго согласія невесты, и право развода принадлежало одинаково обоимъ супругамъ. На островѣ Гранъ-Канарія новобрачные принадлежали сначала главному жрецу и господамъ ²⁾. На томъ же островѣ женщина, приглашенная въ крестный матери, брызгала водой на голову новорожденнаго и произносила при этомъ какія-то таинственныя слова: въ силу этой церемоніи, *maguada* дѣлалась членомъ семейства, въ которомъ принимала ребенка, и никто изъ мужчинъ ея новой родни не могъ вступать съ ней въ бракъ. Въ этомъ отношеніи католическій ритуалъ оказался почти не разнящимся отъ ритуала туземцевъ: изъ древняго обычая завоеваніе сдѣлало таинство.

Гуанчи Тенерифа и берберы другихъ Канарскихъ острововъ, вообще очень религіозные, чтли духовъ горъ, источниковъ, облаковъ и обращались къ нимъ съ молитвами, но не приносили имъ кровавыхъ жертвъ; можетъ быть, были также магометане на Ланзаротѣ, такъ какъ одинъ изъ царьковъ, по словамъ нормандскихъ священниковъ, былъ «сарацинъ». Во время засухъ гуанчи водили свои стада овецъ на священныя мѣста и тамъ разлучали ягнятъ съ матками, чтобы смягчить бога жалобнымъ блеяніемъ. При наступленіи религіозныхъ праздниковъ заключалось всеобщее перемиріе, прекращавшее междоусобія и даже частныя раздоры: всѣ становились друзьями. Жрецы и жрицы пользовались большимъ почетомъ, и на островѣ Гранъ-Канарія *файканъ* — слово, въ которомъ нѣкоторые ученые признали арабское «факи» или «факиръ», — председательствовалъ на большихъ торжествахъ; власть его уравнивала власть *туанартема*, политическаго главы. Дѣвы, посвятившія себя на служеніе божеству, нѣчто въ

¹⁾ Franz von Löher, „Los Germanos en Canaria“.

²⁾ Verneau, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris“, 1881.

¹⁾ Aloys de Cadamosto, édition Jaen Temporal, 1556.

²⁾ Cadamosto;—Thevet;—Bernaldez etc.

родѣ римскихъ весталокъ, жили въ священ-
ныхъ домахъ. Строгіе блюстители обычая, ту-
земцы практиковали поединокъ, судъ посред-
ствомъ испытанія ядомъ, и признавали право
убѣжища.

На нѣкоторыхъ островахъ власть главъ пле-
мени была неограниченна; въ другихъ мѣстахъ
мелкія ленныя владѣнія соединялись въ союзы
или федераціи. На о. Тенерифъ всѣ земли при-
надлежали царькамъ, *teneseu*, которые уступи-
ли ихъ въ пожизненное пользованіе поддан-
нымъ. Благородные, очень гордившіеся своимъ
происхожденіемъ, рассказывали, что ихъ пред-
окъ былъ созданъ раньше предка бѣдныхъ, и
что послѣднему заповѣдано служить ему и его
потомству. Они считали унижительнымъ всякій
ручной трудъ; особенно имъ запрещалось про-
ливать кровь животныхъ, хотя на полѣ битвы
они могли ставить себѣ въ заслугу пролитіе че-
ловѣческой крови; плѣнныхъ испанцевъ они
назначали въ мясники и живодеры. Однако,
они не составляли замкнутой касты: всякій пле-
бей, или «стриженный», могъ вступать въ ихъ
ряды, благодаря какому-нибудь подвигу или
милости высокопоставленной особы; жрецъ въ
публичномъ собраніи совершалъ обрядъ допу-
щенія его въ среду благородныхъ. Власть на-
чальниковъ была ограничена верховнымъ со-
вѣтомъ, который обсуждалъ государственныя
дѣла, судилъ и каралъ преступниковъ. Само-
убійство было въ чести на островѣ Гранъ-Ка-
нарія: когда леникъ вступалъ во владѣніе сво-
имъ помѣстьемъ, всегда находился охотникъ
пожертвовать своею жизнью ради такого тор-
жественнаго случая. «Бѣдняга, — говоритъ
одинъ старинный путешественникъ, — бросался
въ пропасть, гдѣ и разбивался въ дребезги; въ
благодарность за такое самопожертвованіе го-
сподинъ обязанъ знатно почтить и щедро ода-
рить родныхъ усопшаго» ¹⁾.

На островѣ Пальма иногда старики сами
требовали, чтобы ихъ оставили умирать од-
нихъ. Откланившись роднымъ и знакомымъ,
старикъ, рѣшившій отправиться на вѣчный по-
кой, произносилъ слова: *Vaca guare*, «хочу
умереть», и его переносили въ погребальный
гротъ, на ложе изъ звѣриныхъ шкуръ; подлѣ
него ставили кувшинъ съ молокомъ, и всѣ уда-
лялись, чтобы болѣе не возвращаться ²⁾. Спо-
собы погребенія разнились, смотря по остро-
вамъ. На полуостровѣ Ислета, въ Большой Ка-
наріи, покойниковъ зарывали въ могилы и за-
кладывали сверху камнями. На Тенерифѣ изъ
древнихъ погребальныхъ пещеръ и склеповъ,
покрытыхъ растительной землею, извлекали
множество набальзамированныхъ мумій, впло-
нѣ сохранившихся; это были усыпальницы бо-
гатыхъ людей. Муміи лежатъ на спинѣ, съ вы-

тянутыми вдоль тѣла руками, и тщательно за-
вернуты въ кожи, сшитыя удивительно тонко,
при помощи иголокъ изъ кости или рыбьихъ
костей; способы бальзамированія, повидимому,
имѣли много сходства съ тѣми, которые упо-
треблялись древними египтянами. Возлѣ каж-
дой муміи находились *garrote*, или толстая
палка, очевидно, предназначенная служить опо-
рой покойнику во время долгаго странствія,
и сосудъ съ медомъ, оставленный ему для про-
питанія.

Съ шестнадцатаго столѣтія коренные жите-
ли, гуанчи Тенерифа, берберы другихъ остро-
вовъ, перестали существовать, какъ сплоченная
въ одно цѣлое нація. Слишкомъ полтора вѣка
они храбро отражали нападенія пиратовъ и
завоевателей, хотя не имѣли другаго оружія,
кромѣ камней, дубинокъ да дротишковъ, слегка
обоженныхъ, для крѣпости, или оканчиваю-
щихся острымъ рогомъ; ихъ не могли бы одо-
лѣть, если бы не догадались употребить про-
тивъ туземцевъ, еще независимыхъ, острови-
тичь, уже покоренныхъ. Они милостиво посту-
пали съ плѣнными, часто даже возвращали
имъ свободу; но имъ самимъ не давали поща-
ды: плѣнъ или смерть — такова была роковая
альтернатива для гуанчей, которые попадали
въ руки христіанъ; въ 1345 г. король Афон-
со IV въ письмѣ къ папѣ Клименту VI разска-
зываетъ, что его солдаты «забрали людей, скотъ
и разное имущество и съ великой радостью
привезли въ его королевство» ¹⁾. Въ 1393 г.
севильскіе корсары захватили Ланзаротскаго
царька съ женой и 170 подданныхъ. Когда
Бетанкуръ и Гадифферъ, въ сопровожденіи
канарскихъ толмачей, проданныхъ имъ пира-
тами, овладѣли Ланзаротомъ, на островѣ оста-
валось не болѣе трехсотъ жителей, которымъ
надавали кучу обещаній, «но, разумѣется, не
исполнили ни одного» ²⁾. Въ половинѣ слѣду-
ющаго столѣтія, Гранъ-Канарія и Тенерифъ,
еще независимые, имѣли вмѣстѣ населеніе, ис-
числяемое въ 23.000 душъ ³⁾. Во время завое-
ванія, которое продолжалось слишкомъ трид-
цать лѣтъ, большинство жителей были убиты
или увезены въ Испанію, чтобы быть про-
данными на рынкахъ Севильи или Кадик-
са; многіе сами покончили съ собой, чтобы не
пережить потерю своей свободы. Кромѣ того,
страшная болѣзнь, называемая *modorra*, «сон-
ная хворь», истребила большое число остав-
шихся туземцевъ: это была одна изъ «чумъ»
или «черныхъ смертей», въ родѣ мора, кото-
рый въ недавнее время извелъ столько народ-
цевъ Америки и Океаніи. Уцѣлѣвшіе остатки
гуанчей, крещенные въ христіанскую вѣру, смѣ-
шались съ испанскимъ населеніемъ и утратили

¹⁾ Reynald, «Annales»; — d'Avezac; — Webb et Berthe-
lot; — Borges de Figueiredo, etc.

²⁾ «Le Canarien».

³⁾ Aloys de Cadamosto, цитированное сочиненіе.

¹⁾ «Navigations d'Aloys de Cadamosto».

²⁾ Viera y Clavijo; — Webb et Berthelot.

свой языкъ и нравы. Послѣдніе потомки послѣдняго тенерифскаго короля, Бенкомо, постриглись въ монахи и умерли въ 1828 г. при мадридскомъ дворѣ.

Но если нація гуанчей не имѣетъ болѣе независимаго существованія, то кровь ея не пропала безслѣдно. Отъ брачныхъ союзовъ первыхъ испанскихъ поселенцевъ съ туземными женщинами родилось смѣшанное населеніе, которое донынѣ существуетъ, съ своими отличительными чертами, во многихъ частяхъ острововъ. Атавизмъ и среда возрождаютъ гуанчей среди канарскихъ испанцевъ. Народъ архипелага такой же добродушный, какъ были его берберскіе предки, по выраженію одного стариннаго писателя, «преисполненные естественныхъ добродѣтелей и честной простоты»¹⁾. Болтливые, довѣрчивые, веселые, незлобивые, вкрадчивые и хитрые, очень смиренные и кроткіе, хотя страстные охотники до пѣтушиныхъ боевъ, не обидчивые и не поддающиеся ложному чувству чести, но очень храбрые при случаѣ, большіе любители цвѣтовъ и пѣнія, нынѣшніе канарійцы имѣютъ свой особенный характеръ, рѣзко отличающій ихъ отъ испанцевъ. Всего лучше можно узнать оригинальный типъ на островахъ Пальма, Гомера, Ферро и въ южныхъ частяхъ Большой Канаріи и Тенерифа. Въ Гюимарѣ, въ Часиѣ у поселенъ сохранилось еще большинство обычаевъ, описанныхъ Эспинозой, сто лѣтъ спустя послѣ завоеванія. Нѣкоторыя слова туземнаго языка все еще употребляются для обозначенія растений, насѣкомыхъ, орудій; фамильныя имена остались гуанчскія. Туземцы и теперь употребляютъ такіе же земледѣльческія орудія и посуду, какія были у ихъ предковъ. Масло они сбиваютъ все тѣмъ же способомъ, наливая молоко въ бурдюкъ, который двое перебрасываютъ другъ другу. Рыбу ловятъ тоже дѣдовскимъ обычаемъ, отравляя сокомъ молочая лужи, остающіяся на берегу послѣ отлива. Ихъ пляски, крики радости тѣ же самыя, какъ у древнихъ гуанчей; они все такъ же, какъ это дѣлалось встарину, бросаютъ хлѣбныя зѣна въ лицо новобрачнымъ, чтобы принести имъ счастье. Національное блюдо, *gofio*, печеніе изъ муки разныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, и теперь то же самое, которое находятъ въ усыпальницахъ гуанчей. Корень папоротника, размолотый въ муку, замѣнялъ, да и нынѣ замѣняетъ, *gofio* въ періоды неурожая²⁾.

Европейскіе элементы разнообразно перемѣшались на этихъ островахъ. Нормандцы и гасконцы, пришедшіе съ Бетанкуромъ и Гадифферомъ, были слишкомъ малочисленны, чтобы не потеряться въ постоянно усиливав-

шемся приливѣ испанскаго населенія, гдѣ, по видимому, преобладаетъ андалузская кровь; удивительно только то обстоятельство, что на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ, въ Португаліи, въ Бразиліи и во всѣхъ испанскихъ и португальскихъ владѣніяхъ встрѣчается множество семействъ, носящихъ фамилію Бетанкуръ, различно пишущуюся: если всѣ эти роды дѣйствительно происходятъ отъ нормандскаго завоевателя или отъ его родственника и преемника Масіота Бетанкуръ, то по женской линіи они, очевидно, имѣютъ берберское происхожденіе, и существованіе ихъ свидѣлствуетъ о живучести туземной крови, несмотря на кажущееся исчезновеніе расы. Въ составъ островнаго населенія вошло также нѣкоторое число мавровъ, привезенныхъ въ Большую Канарію послѣ окончательнаго завоеванія края. На Тенерифѣ ирландскіе эмигранты, переселившіеся вслѣдствіе религіознаго преслѣдованія, сдѣлались родоначальниками многочисленныхъ семействъ, и до сихъ поръ еще говорятъ, можно узнать ирландскія фізіономіи между жителями Оротавы. Что касается острова Пальмы, гдѣ побоища сдѣлали большіе пробѣлы въ мѣстномъ населеніи въ теченіе второй половины пятнадцатаго столѣтія, то часть опустѣвшихъ деревень была заселена промышленными семьями, привезенными изъ Фландріи. Эти пришельцы не замедлили слиться съ испанцами и даже перевели свои фамиліи на кастильскій языкъ; такъ, на примѣръ, Гренберги преобразились въ Монтеверде³⁾. Несмотря на разнородность происхожденія, канарійцы, сохранившіе спокойное мужество своихъ берберскихъ предковъ, сдѣлались горячими испанскими патриотами. Всѣ нападенія на ихъ укрѣпленные города были отражены съ успѣхомъ. Французскіе гугеноты, варварійцы, англійскіе пираты, даже цѣлый голландскій флотъ, состоявшій изъ 70 кораблей, тщетно пробовали свои силы то противъ Большой Канаріи, то противъ Тенерифа; Нельсонъ пытался, въ 1797 году, взять Санта-Круцъ, но кончилось тѣмъ, что потерялъ тамъ одинъ корабль и одну изъ своихъ рукъ⁴⁾.

Земледѣліе и рыболовство — единственные промыслы канарійцевъ. Прежде эти острова поставляли Европѣ «лучшій извѣстный въ то время сахаръ»; потомъ виноградарство и винодѣліе достигли значительнаго развитія въ архипелагѣ (въ періодъ съ 1814 по 1824 г. среднее годовое производство винъ, по Узббу и Бертело, составляло 191.676 гектолитровъ, изъ которыхъ 111.440 приходилось на долю Тенерифа); но грибокъ *oidium* разорилъ канарскіе виноградники даже ранѣе мадерскихъ. Тогда

¹⁾ Pégot - Ogier, „Description des îles Canaries“; — Goblet d'Alviela, „Patria Belgica“, III.

²⁾ Andres Rebuella, „Boletín de la Sociedad Geográfica de Madrid“, set. 1885.

³⁾ Bergeron, „Traité des Navigations“.

⁴⁾ Webb et Berthelot, цитируемое сочиненіе.

плантаторы должны были искать другого продукта, могущаго быть предметом отпускной торговли, и занялись главнымъ образомъ культурой кошенильнаго кактуса. Драгоценное насекомое впервые было введено на Канарскихъ островахъ въ 1825 году; однако, годовой сборъ оставался незначительнымъ до 1852 г., когда начали употреблять гуано для ускоренія роста кактуса. Еще въ 1860 г. монополія торговли кошенилью принадлежала республикѣ Гондурасъ; но нѣсколько лѣтъ спустя производство кошенили на Канарскихъ островахъ уже въ четыре или пять разъ превосходило производство ея во всемъ остальномъ свѣтѣ, какъ показываютъ слѣдующія цифры:

Производство кошенили въ 1870 г.:

Мексика — 112.000; Гондурасъ — 252.000; Канарскіе острова — 1.568.000; въ 1871 г. — 2.212.000 килограмм.

Для распространенія кошенильных плантаций вырубали много лѣсовъ на Тенерифѣ и Большой Канаріи; но кошениль, прежде имѣвшая капитальную цѣнность для красильной промышленности, въ послѣднее время почти совершенно замѣнена анилиномъ и ализариномъ, хотя она все еще представляетъ значительную долю вышней торговли архипелага; за время съ 1880 по 1884 г. общая цѣнность торговли Канарскихъ острововъ равнялась 93.670.000 франк., изъ которыхъ 32 милліона приходилось на долю вывоза кошенили, что составляло, среднимъ числомъ, слишкомъ 6 милліоновъ въ годъ. Въ виду уменьшенія спроса на кошениль, канарскимъ плантаторамъ опять пришлось искать какой-нибудь новой, болѣе прибыльной отрасли земледѣльской промышленности. Уже въ 1862 г. сдѣланы были въ разныхъ мѣстахъ опыты разведенія табака, которые удались какъ нельзя лучше, особенно на островѣ Пальма и въ окрестностяхъ Тельде, на островѣ Гранъ-Канарія; въ настоящее время канарскія сигары цѣнятся почти такъ же высоко, какъ гаванскія. Что касается пищевыхъ растений, то послѣ зерновыхъ хлѣбовъ въ архипелагѣ всего болѣе воздѣлываются лукъ и картофель, изъ которыхъ послѣдній былъ введенъ непосредственно изъ Перу въ началѣ семнадцатаго столѣтія¹⁾; грузы этихъ продуктовъ отправляются отсюда на острова Кубу и Пуэрто-Рико на баркахъ съ латинскими парусами, совершающихъ переходъ черезъ океанъ обыкновенно въ восемь или десять дней. Картофель и лукъ! Не такихъ произведеній можно было ожидать отъ острова Блаженныхъ!²⁾ Апельсины, которымъ Бори-де-Сенъ-Венсанъ даже приписывалъ, впрочемъ, ошибочно, происхожденіе съ этихъ Счастливыхъ острововъ,

отличаются здѣсь превосходнымъ качествомъ, но почти не вывозятся за границу.

Земледѣльческое производство недостаточно для постоянно увеличивающагося населенія, и хотя жизнь не дорога на Канарскихъ островахъ, благодаря существованію порто-франко, тѣмъ не менѣе большое число молодыхъ людей уходитъ искать счастья въ чужихъ краяхъ; этимъ и объясняется значительный численный перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ, обнаруженный народной переписью 1877 года: мужчинъ насчитали тогда 130.000, тогда какъ число женщинъ простиралось до 150.000 (по переписи 1887 г.: мужчинъ — 130.781; женщинъ — 160.844). Акклиматизація, говорить, трудно дается этимъ канарскимъ эмигрантамъ: привыкшіе къ теплomu и ровному климату своей родины, они легко подвергаются заболѣваніямъ на чужбинѣ. Большинство отправляется въ Гаванну, откуда нѣкоторые, наживъ тамъ состояніе, возвращаются домой подъ именемъ «Indios», означающимъ, въ глазахъ ихъ соотечественниковъ, что они обладаютъ всѣми сокровищами Индіи. Когда Луизиана принадлежала Испаніи, съ 1763 до 1800 года, канарійцы эмигрировали туда тысячами; но въ этой странѣ, гдѣ работы производились главнымъ образомъ руками невольниковъ, бѣлые, унижавшіеся до ручнаго труда, были въ большомъ презрѣніи. Почти всѣ эти эмигранты, извѣстные у кореннаго населенія подъ именемъ *Islenios* или *Islingues*, то-есть «островитянъ», селились въ низменностяхъ морскаго побережья, среди лѣсовъ, саваннъ и болотъ. Многія изъ этихъ колоній сохранились тамъ донынѣ, не сливаясь съ другими жителями Луизианскаго штата.

Группа Канарскихъ острововъ начинается на сѣверо-востокъ выступающими изъ моря скалами и островками. Первый островъ, Алегранза, сохранившій еще въ испанской формѣ генуэзское имя (*Allegrezza*), которымъ онъ означался на картахъ четырнадцатаго столѣтія, не заслуживаетъ этого названія (*alegranza* значитъ «веселье»): это — каменистая неплодная земля, состоящая изъ пепла и лавъ, надъ которой господствуетъ гора съ кратеромъ или «котломъ» (*caldera*), края котораго имѣютъ 286 метровъ высоты. Маякъ, стоящій на восточномъ берегу, освѣщаетъ воды вокругъ этой первой канарской скалы, все населеніе которой состоитъ изъ одной семьи, промысляющей собраніемъ орсели (лакусовый ягель) и ловлей птицъ. Нѣсколько южнѣе высится конусообразная скала Монтанья-Клара (выс. 84 метра), которая прежде была покрыта кое-какой чахлой растительностью, но и ту истребили рыболовы, пустившіе палы. Островокъ Граціоса (*Graciosa*), носящій то же имя, какъ одинъ изъ Азорскихъ, отдѣленъ отъ Ланзарота

¹⁾ Leopold v. Buch, цитированное сочиненіе.

²⁾ Christ, „Frühlingsreise in den Canarischen Inseln“; — Parfait, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“, 1882, II.

только каналомъ, называемымъ эль-Ріо, т. е. «Рѣкой», по причинѣ его незначительной ширины: это былъ бы отличный портъ, если бы берега его могли быть обитаемы, но одинъ берегъ представляетъ дюну, а другой — утесъ. Островокъ этотъ нѣкогда былъ покрытъ лѣсомъ, который владѣлецъ опустошилъ, даже безъ особенной выгоды для себя, и съ той поры сахарскіе восточные вѣтры намели кучи песку на большей части острова. Ланзаротъ также подвергается захватамъ со стороны дюнъ. То же самое воздушное теченіе, которое посылаетъ пескомъ «Прелестный» островъ, обходитъ на сѣверѣ горы главного острова и гонитъ передъ собой движущіеся бугры, которые черезъ проломъ въ цѣпи высотъ проникаютъ почти до южнаго берега¹⁾. Почва Ланзарота повсюду состоитъ изъ песка или вулканическаго пепла и шлаковъ; на склонахъ горъ не видно ни одного дерева, даже источники рѣдки, и островитяне должны довольствоваться водой изъ цистернъ и колодезевъ, гдѣ скопляется жидкость, во многихъ мѣстахъ солоноватая и негодная для питья.

Горы Ланзарота образуютъ правильную цѣпь только въ сѣверной части острова. Конечный береговой утесъ, называемый мысомъ Фаріонесъ (Punta de Fariones), продолжается вдоль западнаго берега крутой стѣной, Риско-де-Фамара, надъ которой господствуютъ на востокѣ вулканическіе конусы Корона, Эленосъ и Монте-Фамара, самая высокая гора Ланзарота. Восточный скатъ цѣпи понижается полого къ морю, а южное его продолженіе, расширяясь въ видѣ террасъ, обставленныхъ боковыми конусами, оканчивается недалеко отъ центра острова крутыми обрывами. Къ востоку отъ вулкана Корона, въ застывшихъ потокахъ лавы открываются колодцы и воронки, круглые или эллиптическіе, глубиной отъ 10 до 20 метровъ. Черезъ эти воронкообразныя углубленія, гдѣ кружатся міриады дикихъ голубей, можно спуститься въ подземныя галлерей, образовавшіяся, какъ и на Азорскихъ островахъ, вслѣдствіе быстрого истеченія лавы, находившейся въ чрезвычайно разжиженномъ состояніи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько такихъ галлерей, сообщаящихся между собой посредствомъ шахтъ, происшедшихъ отъ провала, расположены ярусами одна надъ другими, и одна изъ нихъ тянется на цѣлую версту; нигдѣ во всемъ свѣтѣ, кромѣ развѣ Сандвичевыхъ острововъ, натуралисты не встрѣчали болѣе обширнаго собранія вулканическихъ пещеръ²⁾. Часто эти подземные дворцы, говоритъ Куава-де-лосъ-Вердесъ, служили убѣжищемъ жителямъ Ланзарота и ихъ стадамъ во время набѣговъ берберскихъ пиратовъ.

¹⁾ Chil y Naranjo, цитированное сочиненіе.

²⁾ Von Fritsch, „Reisebilder von den Canarischen Inseln“.

Средняя часть острова не представляетъ горнаго гребня. Это просто низкій порогъ, гдѣ съ одной стороны движется полоса песка, а съ другой — вылились рѣки лавы, и на этомъ порогѣ разсыяны въ безпорядкѣ конусы вулкановъ. Самая высокая изъ вершинъ центральной области, Монтанья-Бланка (Бѣлая гора), великолѣпный наблюдательный пунктъ въ 600 метровъ высоты, составляетъ исходную точку, если не цѣпи въ собственномъ смыслѣ, то крайней мѣрѣ хребта, на которомъ расположенъ рядъ бугровъ изъ вулканическихъ шлаковъ и конусовъ съ кратеромъ, идущій по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ: къ западу отъ этого хребта равнины покрыты чернымъ, какъ уголь, пепломъ, среди котораго тамъ и сямъ возвышаются черные конусы, точно закончѣнные фабричныя трубы. Можно составить себѣ понятіе о видѣ этихъ мѣстностей по названіямъ Playa Quemada, или «Горѣлый берегъ», которое дали части юго-восточнаго побережья, и Monte del Fuego, или «Огненная гора», которое носитъ амфитеатръ вулкановъ близъ берега, обращеннаго къ океану. Въ этихъ горахъ, называемыхъ также Теманфайя, открылись трещины, откуда вылились потоки 1730 и слѣдующихъ годовъ, «сначала быстрые, какъ вода, потомъ медленные, какъ медь».

Во время этого ряда страшныхъ изверженій тридцать вулканическихъ конусовъ выступили изъ моря лавы¹⁾; почти треть острова была залита потокомъ камней, обращенныхъ въ жидкое состояніе. Гребень Огненной горы издали блеститъ разными цвѣтами, краснымъ, бѣлымъ, желтымъ, происходящими отъ выдѣленія кислотъ. Когда идетъ дождь, вершина горы окружена туманомъ: падающія капли воды тотчасъ же превращаются въ пары. Вотъ уже полтора вѣка въ этой трубѣ вулкана сохраняется высокая температура: кусочки дерева, брошенные въ трещины, быстро воспламеняются. Внизу на застывшихъ потокахъ лавы, покрытыхъ желтоватымъ лишаемъ, видны остатки бассейновъ, гдѣ расплавленные вещества кипѣли, какъ въ котлѣ: пузыри газа вздымались поверхность, образуя тамъ и сямъ круглыя отдушины, или *hornitos*, въ которыхъ пастухи иногда укрываются отъ бури. Среди переплетающихся потоковъ лавы высятся вулканы, изъ которыхъ въ 1824 году били огненные фонтаны, а затѣмъ вылились потоки грязи, распространявшіе сильное зловоніе. Въ шлакахъ и грязи иногда находятъ кирпичи, обломки разрушенныхъ деревень.

Городъ Санъ-Мигуэль-де-Тегизе, или просто Тегиза, бывшая столица Ланзарота, до сихъ поръ носитъ имя, которое ему далъ, въ честь своей жены туземки, основатель Масіо де Бе-

¹⁾ Leopold von Buch, „Physikalische Beschreibung der Canarischen Inseln“; — Georg Hartung, „Neue Denkschriften der Allgemeinen Schweizerischen Gesellschaft“, 1857.

танкуръ, преемникъ «короля Канарскихъ островъ». Расположенный почти въ центрѣ острова, въ безводной мѣстности, Санъ-Мигуэль утратилъ свое значеніе: торговое движеніе пе-

былъ достаточно глубокъ: цѣнь островковъ и рифовъ, о которые разбиваются волны, закрываетъ эту якорную стоянку отъ всѣхъ опасныхъ вѣтровъ. Посредниками въ торговлѣ его

Видъ на берегу Бакуэ.

решло въ новую столицу, Аррезифе, построенную по срединѣ восточнаго берега, между двумя портами, совершенно защищенными. Особенно сѣверный. Пуэрто-де-Наосъ, представлялъ бы всѣ желаемыя удобства, если бы

съ Могадоромъ и съ другими островами являлись англичане; въ ненастное время года, портъ служить сборнымъ мѣстомъ для барокъ всего побережья: если рыболовные промыслы у африканскаго берега дѣйствительно получать

важное значеніе, которое имъ предсказываютъ, то развитіе ихъ несомнѣнно послужитъ къ выгодѣ этого портового города, да и весь островъ Ланзаротъ можетъ тогда рассчитывать на увеличеніе населенія и матеріальнаго благосостоянія. Въ 1880 г. въ рыболовномъ промыслѣ у сахарскаго берега участвовало 29 судовъ, въ томъ числѣ 18 съ о. Гранъ-Канарія и 11 съ о. Ланзарота; трески ежегодно ловится, среднимъ числомъ, около 300.000 штукъ, вѣсомъ въ 6.500 тоннъ. Въ настоящее время Ланзаротъ имѣетъ только половину той цифры жителей, которая должна бы приходиться на его долю соответственно населенности другихъ острововъ, и за исключеніемъ хорошо орошаемой долины *Aria* (*Naria*), надъ которой господствуютъ высокія сѣверныя вершины, и гдѣ аррезифскіе негоданты выстроили свои дачи и развели сады, онъ нигдѣ не представляетъ хорошо воздѣланныхъ пространствъ; въ нѣкоторые злуполучные годы всѣ листья были пожираемы саранчей. Вообще Ланзаротъ теперь уже не тотъ «хорошій островокъ» (*bonne petite isle*), о которомъ говорятъ историографы Бетанкура. Въ этой странѣ, похожей почти на пустыню, верблюды, исполняющій обязанности и верхового, и вьючнаго животнаго, должны чувствовать себя какъ въ настоящемъ отечествѣ. Однако, даже самыя бесплодныя, повидимому, земли питаютъ фиговое дерево и хорошо родятъ горохъ: самая лучшая почва — вулканическій пепелъ, въ которомъ влажность сохраняется на незначительной глубинѣ подъ поверхностью. Благодаря изверженіямъ, залившимъ и засыпавшимъ обширныя имѣнія первоначальныхъ владѣльцевъ, большое число жителей получили возможность овладѣть лавами и пепломъ и обратить ихъ въ культурную землю¹⁾, такъ какъ по обычному праву шейры (застывшіе потоки лавы) принадлежатъ первому занявшему мѣсто, кто бы ни былъ собственникъ первоначальной почвы.

Замокъ Рубиконъ, построенный завоевателемъ Ланзарота, не существуетъ болѣе, но имя его осталось за южной оконечностью острова.

Островъ Фуэртевентура, или Эрбанія, какъ его прежде называли туземцы, отдѣленъ отъ Ланзарота лишь каналомъ шириной отъ 10 до 12 километровъ, гдѣ лотъ вездѣ достаетъ дно на глубинѣ менѣе 200 метровъ. У южнаго входа въ этотъ проливъ, называемый Бокайна, возлѣ берега Фуэртевентуры, лежитъ Волчій островъ, *isla de Lobos*, получившій такое названіе отъ морскихъ волковъ, нѣкогда населявшихъ окружающія воды, но давно уже окончательно истребленныхъ рыболовами. Это не что иное, какъ болѣею частью разрушен-

ный кратеръ, окруженный застывшими потоками лавы и песчаными буграми. Дюны поднимаются въ море съ двухъ сторонъ маленькаго пролива, въ десять или двѣнадцать метровъ глубины, отдѣляющаго Фуэртевентуру отъ Волчьяго острова, такъ что послѣдній, по всей вѣроятности, рано или поздно превратится въ полуостровъ. Этотъ Волчій островъ, единственный постояннымъ жителемъ котораго является сторожъ при маякѣ, отданъ въ аренду одному владѣльцу стадъ, который иногда гоняетъ туда скотъ и самъ прѣзжаетъ охотиться на морскихъ чаекъ.

Также какъ Ланзаротъ, Фуэртевентура представляетъ печальный, безжизненный видъ: лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ, только въ нѣкоторыхъ привилегированныхъ долинахъ есть лѣски тамариска, да вокругъ селеній группы финиковыхъ и кокосовыхъ пальмъ, или массивы фиговыхъ и миндальныхъ деревьевъ. Однако, Фуэртевентура богаче своего сосѣда водой, — здѣсь встрѣчаются даже настоящіе ручьи, которые, впрочемъ, становятся солоноватыми уже до впаденія въ море: горныя породы на Фуэртевентурѣ менѣе водопроницаемы, чѣмъ на Ланзаротѣ, и дождевыя воды не исчезаютъ здѣсь такъ быстро въ почву. Несмотря на это преимущество, несмотря на плодородіе ея долинъ, прославленное въ одной канарской пословицѣ, древняя Эрбанія теперь, вѣроятно, менѣе населена, чѣмъ была въ эпоху завоеванія. Хотя по величинѣ Фуэртевентура, имѣющій слишкомъ 100 километровъ въ длину, по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, занимаетъ второе мѣсто между Канарскими островами, уступая одному только Тенерифу, но жителей на немъ менѣе, чѣмъ въ многочисленныхъ городахъ архипелага; въ 1887 году населеніе его составляло всего только около шести душъ на квадратный километр. Главная причина этой рѣдкой населенности — сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ; не смотря на отміну майоратовъ, болѣе половины острова принадлежитъ одной фамиліи, извѣстной подъ именемъ «Полковниковъ», и цѣлая феодальная іерархія мажордомовъ, управляющихъ и приказчиковъ завѣдываетъ раздачей земельныхъ участковъ и сборомъ арендной платы или доли урожая. Южный полуостровъ Жандіа, образующій какъ бы отдѣльный островъ пространствомъ въ 180 квадр. километровъ, принадлежитъ одному арендатору, на земляхъ котораго, въ 1884 г., насчитывалось всего только 67 жителей¹⁾.

Сѣверная часть острова представляетъ почти только пески да горки изъ вулканическихъ шлаковъ; но почва постепенно повышается и образуетъ срединный хребетъ, очень неправильный, который тянется съ сѣверо-востока

¹⁾ Berthelot; — L. von Buch; — Hartung; — V. Fritsch; — Chil y Naranjo.

¹⁾ Von Fritsch, цитирован. сочиненіе.

на юго-западъ, по направленію оси острова. Хребетъ этотъ состоитъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, сіенитовъ, діоритовъ, диабазовъ, среди которыхъ тамъ и сямъ встрѣчаются пласты известняковъ и глинистыхъ сланцевъ. По обѣ стороны цѣпи выступили конусы съ кратерами, и вылившіеся изъ нихъ потоки лавы наполняютъ долины. Срединная цѣпь оканчивается горами Кардонъ, соединяющимися съ гористымъ полуостровомъ Жандія посредствомъ хребта изъ базальтовъ и известняковъ, покрытыхъ песками. Этотъ соединительный хребетъ въ началѣ имѣетъ незначительную высоту, около 100 метровъ, но затѣмъ вдругъ круто поднимается и образуетъ стѣну въ 800 метровъ, господствующую надъ западнымъ моремъ¹⁾. Прежде, въ давнія времена, главная земля отдѣлялась отъ своего южнаго полуострова стѣной циклопической постройки: кое-какіе остатки этого сооруженія сохранились до сихъ поръ, и песчаный хребетъ все еще носитъ названіе «Перешейка Стѣны» (Istmo de la Pared). «Бѣлыя дюны» (Matas Blancas), слѣдующія одна за другой на этой косѣ, состоятъ изъ обломковъ раковинъ, въ которыхъ нога вязнетъ, какъ въ снѣгу; рѣдкія растенія, кое-гдѣ показывающіяся среди песковъ, усеяны раковинами. Во внутренности дюны корни мало по малу обращаются въ окаменѣлое состояніе, пропитываясь известковыми веществами, и принимаютъ видъ, напоминающій вѣтви коралла. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вѣтеръ сдулъ песчаные бугры, обнаживъ первоначальную почву, поверхность усеяна «яйцами дюнъ», известковыми оболочками въ два или три сантиметра длины, слѣпленными осой-каменникомъ²⁾. Среди песковъ бродятъ верблюды, пощипывая траву, растущую въ долинахъ между дюнами. На югѣ, въ ущельяхъ уединеннаго массива Хандія, надъ которымъ господствуетъ самая высокая вершина Фуэртевентуры, двуглавая гора, называемая Ocejás del Asno («Уши осла»), живутъ еще стада дикихъ козъ, за которыми охотники гоняются какъ за серной.

Подобно Тегуизѣ на о. Ланзаротѣ, Бетанкурія на о. Фуэртевентура утратила званіе главнаго города, въ которое она была возведена ея основателемъ Бетанкуромъ. Расположенный въ очаровательной долинѣ, спускающейся къ западному берегу, этотъ бѣлый городокъ, осыненный пальмами, составляетъ прелестный контрастъ съ красной почвой и зеленѣющими садами окрестностей. Теперь роль столицы играетъ Пуэрто-де-Кабра, главное мѣстечко побережья, обращеннаго къ африканскому матеріку. Самыя значительныя группы населенія, Касильясъ-дель-Анхель, Ампуейнта,

Антигуа, Агуа-де-Буэйесъ, Туннехе, находятся въ въ центральной части острова, въ плодородныхъ долинахъ, которыя граничатъ съ крутыми горами и полями лавы, справедливо прозванными Mal país («худая мѣстность»).

Большая Канарія (Gran Canaria), островъ, давшій свое имя всему архипелагу и расположенный почти въ географическомъ центрѣ его, нисколько не походитъ на два восточныхъ острова по рельефу поверхности; онъ не имѣетъ ни длинныхъ хребтовъ, ни уединенныхъ массивовъ или отдѣльныхъ вулкановъ, разбѣянныхъ среди равнинъ, и состоитъ изъ одной большой горы, пологого конуса, поднимающагося изъ нѣдръ глубокаго моря. «Большимъ» или «великимъ» этотъ островъ, говорятъ, былъ названъ Бетанкуромъ не за его размѣры, такъ какъ по величинѣ онъ занимаетъ лишь третье мѣсто между Канарскими островами, но въ честь храбрости его жителей¹⁾. Усаженный по окраинамъ мысами, выступами предгорій центральной горы, онъ имѣетъ почти круглую форму, но представляетъ гораздо больше вырѣзокъ на сѣверо-западѣ, чѣмъ въ остальной части своей окружности. Съ этой стороны, также какъ на другихъ земляхъ Канарскаго архипелага и на Мадерѣ, берега представляютъ очень крутые утесы, подточенныя волнами: очевидно, съ этой стороны процессъ размыванія совершался съ наибольшей энергіей. Если сѣверо-западное побережье получило такіа очертанія, какъ это весьма вѣроятно, отъ дѣйствія морскихъ теченій, то слѣдуетъ заключить, вмѣстѣ съ Фритшемъ, что послѣднія направлялись почти прямо съ востока на западъ: эта гипотеза согласовалась бы съ существованіемъ древней Атлантиды, которая своей массой должна была отклонять къ югу воды гольфстрема.

Какъ бы то ни было, Большая Канарія представляетъ какъ бы резюме другихъ острововъ по разнообразію своихъ геологическихъ явленій и по красотѣ своихъ пейзажей; она имѣетъ «кальдеры», какъ Пальма, дикія барранки и каскады, какъ Гомера, потоки лавы и дюны, какъ Ланзаротъ, сосновые лѣса, какъ Ферро и Тенерифъ, и, кромѣ того, различные роды культуры, заботливо поддерживаемые водопроводы, начатки промышленности и довольно значительную торговлю. Гранъ-Канарія относительно болѣе населена, чѣмъ остальной архипелагъ, хотя около половины гористой поверхности не можетъ быть подвергнуто обработкѣ для цѣлей земледѣлія.

Центральный пикъ, называемый Позо-де-ла-Ниеве («Колодезь снѣга»), высотой около 2.000 метровъ, поднимается почти въ геометрической срединѣ острова: такое имя дали ему,

¹⁾ Arlett, „Journal of the R. Geographical Society“, 1836;—Hartung, etc.

²⁾ Von Fritsch, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ Abreu Galindo;—G. G'las, „History of the Discovery and Conquest of the Canarian Islands“.

вѣроятно, по причинѣ ледниковъ, лежащихъ въ углубленіяхъ вершинъ. Но этотъ пикъ есть лишь небольшой конусъ, поставленный на пьедесталъ въ формѣ купола, который нѣкогда занималъ весь центръ острова, и отъ котораго остались еще обширные обломки. На этомъ высокомъ сводѣ, или *cumbre*, стоятъ нѣсколько другихъ остроконечныхъ вершинъ, «Скалы» Рокедель-Сансильо, Роке-де-ла-Кумбре, Роке-де-Бентайга, скала Нубло, монолитъ въ 112 метровъ. Воды, берущія начало на этихъ высотахъ, глубоко источили горныя породы: ручьи, по большей части текущіе круглый годъ до самаго моря, изрыли гору на сотни метровъ ниже первоначальнаго уровня, образовавъ огромные рвы, глубокія, почти неприступныя ущелья. На двухъ склонахъ, юго-западномъ и западномъ, верхніе горные потоки одного и того же рѣчнаго бассейна, работая сообща въ дѣлѣ размыванія, въ концѣ концовъ выдолбили въ горѣ громадныя цирки, гдѣ могли бы собираться цѣлые народы.

Юго-восточная «кальдера», Тиражана, гдѣ бѣлые негры нѣкогда образовали маленькую республику, начинается непосредственно у подножія главнаго конуса острова, Позо-де-ла-Ніеве, и достигаетъ глубины болѣе 1.200 метровъ прежде, чѣмъ соединитъ свои воды, которыя изливаются въ море черезъ узкую трещину Гальегосъ. Восточная стѣна пропасти не имѣетъ проломовъ, и потому приходится спускаться по головокружительнымъ тропинкамъ, извиляющимся на каменныхъ бокахъ горы; западная стѣна, частью обрушившаяся, представляетъ два широкія отверстія къ южной и юго-западной сторонѣ острова. Восточный циркъ, называемый «Кальдера-де-Техеда», имѣетъ овальную форму гораздо болѣе правильную, чѣмъ Тиражана, и стѣны этого колоссальнаго амфитеатра не представляютъ ни одного обвала на всей его окружности, длиною около 35 километровъ. Съ краевъ пропасти можно окинуть взоромъ весь исполинскій заливъ, съ его сѣтью сходящихся ручьевъ, съ его лѣсистыми краями и разбросанными деревнями. На окружающихъ плоскогорьяхъ сохранились кое-гдѣ сосновые лѣски, остатки лѣсовъ, покрывавшихъ прежде всѣ высокія части острова.

Кромѣ этихъ обширныхъ парковъ, образовавшихся путемъ размыванія, Большая Канарія имѣетъ другія жерла или котловины, происшедшія отъ вулканическихъ изверженій. Такова, къ востоку отъ Кумбре, Кальдера-делосъ-Мартелесъ, въ которой ручей ниспадаетъ каскадомъ; такова же близъ пластовъ третичныхъ конгломератовъ, занимающихъ сѣверо-восточную область острова, Кальдера-де-Бандама, круглый кратеръ поразительно правильной формы, заключающій внутри постройки фермы, рощицы и поля; Леопольдъ фонъ-Бухъ

сравниваетъ эту кальдеру, глубиною въ 230 метровъ, съ озеромъ Альбано, въ горахъ Лациума. Недалеко отъ этого кратера находится другое вулканическое устье, Симма-де-Гинамаръ, засыпанное лишь на половину; осталась еще «бездонная» труба, гдѣ падающіе камни, отскакивая отъ одной стѣны къ другой, вызываютъ многократное эхо. Изъ лавъ, встречающихся на Большой Канаріи, самыми новыми, кажется, слѣдуетъ считать лавы Ислеты, маленькой островной группы вулкановъ, которую песчаный перешеекъ Гуанартеме соединяетъ съ сѣверо-восточнымъ угломъ большаго острова. Песокъ этой узкой плотины, обсаженной тамарисками, состоитъ главнымъ образомъ изъ обломковъ раковинъ и политаламій, постепенно слипающихся въ зернистый известнякъ, къ которому присоединяются съ той и другой стороны сростки съ морскихъ береговъ: изъ этихъ известковыхъ песчаниковъ новѣйшаго образованія, съ черными крапинками, происходящими отъ вулканическаго песка, приготавливаютъ превосходные камни для фильтровъ, употребляемыхъ во всѣхъ канарскихъ домахъ. Въ эпоху завоеванія Гуанартемскій перешеекъ едва выступалъ изъ-подъ воды; въ дни большаго прилива онъ былъ еще затопляемъ¹⁾. На сѣверо-западной сторонѣ полуострова Ислета базальтовые колоннады и мостовыя напминаютъ «Шоссе гигантовъ» путешественникамъ, видѣвшимъ берега Ирландіи.

Ласъ-Пальма съ столица острова и самый большой городъ Канарскаго архипелага, расположенъ недалеко отъ этого песчаного перешейка, у выхода глубокой барранки Гуингуада, и на террасахъ изъ конгломерата, обрывающихся крутыми утесами; предельныя группы пальмъ оправдываютъ данное ему имя *las Palmas*. Верхняя часть города населена чиновниками; нижніе кварталы заняты торговымъ людомъ; на западной сторонѣ, на выступѣ горы, стоитъ «Королевскій замокъ» (*Castillo del Rey*), главная крѣпость острова. Въ цѣломъ, Ласъ-Пальма съ его бѣлыми низкими домами съ плоскими крышами, похожими на неровныя ступеньки громадной лѣстницы, представляетъ видъ почти арабскаго города. Въ сосѣднихъ скалахъ многочисленныя пещеры и теперь еще служатъ жилищемъ человеку, какъ во времена берберовъ. Водопроводъ доставляетъ въ Ласъ-Пальма чистую воду съ горныхъ вершинъ; колесныя дороги соединяютъ городъ съ окружающими мѣстечками.

Ласъ-Пальма имѣетъ только пристань; портъ его находится въ трехъ километрахъ сѣвернѣе, между полуостровомъ Шлета и перешейкомъ Гуанартеме: это Пуэрто-де-ла-Луцъ («Портъ свѣта»), получившій такое названіе, безъ сомнѣнія, отъ маяка, освѣщающаго под-

¹⁾ Verneau, „Société d'Anthropologie de Paris“, 3 novembre 1881.

ходы къ рейду. До недавняго времени эта гавань была мало защищена, и когда дули восточные вѣтры, суда принуждены были сниматься съ якоря и идти искать другаго, болѣе надежнаго,

опасно становиться на якорь передъ набережными порта «Свѣта» ¹⁾. И теперь уже въ этотъ портъ ежемѣсячно приходитъ по нѣскольку десятковъ пароходовъ для обновленія запасовъ

Сліяніе Бафинга съ Бакуа.

убѣжища. Строющійся теперь молъ, длиною около 1.450 метровъ, опирающійся о скалы Ислеты и продолжающійся на югъ глубинами въ 16 метровъ, позволитъ скоро самымъ большимъ кораблямъ во всякое время года безъ

каменнаго угля. На берегу уже выросъ цѣлый городокъ; привилегія беспошлиннаго ввоза товаровъ, которою пользуется Гранъ-Кана-

¹⁾ Andrès Rebuelta, цитированное сочиненіе.

рія, безъ всякаго сомнѣнія, привлечетъ сюда много кораблей, которые теперь останавливаются въ портахъ Мадеры и Сантъ-Винченца. Ласъ-Пальмасъ не только торговый городъ, — онъ имѣетъ также кое-какую промышленность, учебныя заведенія, коллекціи археологическія и естественно-историческія: это научный и литературный центръ архипелага; нѣкогда онъ былъ также мѣстопробываніемъ трибунала инквизиціи. Кафедральный соборъ, построенный въ стилѣ испанскаго Возрожденія, самое красивое зданіе Канарскихъ острововъ, господствуетъ надъ верхней частью города. Въ окрестностяхъ разсѣяны многочисленныя виллы, въ долинахъ и на выступахъ горъ. Какъ санитарная станція для иностранныхъ посѣтителей, «городъ Пальмъ» представляетъ большія удобства; кромѣ того, по близости имѣются минеральныя воды, въ Терорѣ, Фиргасѣ и въ другихъ мѣстахъ сосѣдней области. Одинъ изъ этихъ минеральныхъ источниковъ находится между Ласъ-Пальмасъ и портомъ Луцъ, въ Санта-Каталина.

Тельде, лежащій къ югу отъ Ласъ-Пальмасъ, на одной изъ террасъ восточнаго берега, — второй городъ острова по степени важности; апельсиныя рощи съ великолѣпными плодами, фруктовые и другіе сады образуютъ вокругъ этого города благоухающій поясъ зелени. Къ западу отъ Ласъ-Пальмасъ, городки Арухасъ, Фиргасъ, Тероръ, лѣнятся по сѣвернымъ скатамъ острова. Близъ сѣверо-западнаго угла Большой Канаріи, въ сосѣдствѣ маленькаго порта Сардинасъ находится старинный городъ Гальдаръ, бывшая резиденція берберскихъ властителей. Далѣе, у выхода дикаго оврага, спускающагося съ сѣверо-западнаго склона Кумбре, раскинулось мѣстечко Агаэто, дополненіемъ которому служитъ морская пристань, Пуэрто-де-ласъ-Ніевесъ («Снѣжный портъ»), посѣщаемая каботажными судами. На западѣ острова, самое многолюдное поселеніе — Альдеа-де-Сантъ-Николао, или просто Альдеа, расположенная у выхода оврага, который беретъ начало въ амфитеатрѣ горъ Техеда. На югѣ видны только слѣды древняго берберскаго города Аргинегинъ, гдѣ Узббъ и Бертело нашли развалины четырехсотъ домовъ.

Многочисленныя селенія разсѣяны въ горныхъ циркахъ Большой Канаріи и на высокихъ склонахъ вершины Кумбре. Самая высокая изъ этихъ деревень, Артенара, пріютилась на высотѣ 1.219 метровъ, въ самой стѣнѣ цирка Техеда. Одна только сельская церковь выглядываетъ на свѣтъ Божій: всѣ жилища вырыты въ буроватомъ туфѣ горы; скамейки, полки для посуды высѣчены въ скалѣ; полъ устланъ циновками изъ пальмовыхъ листьевъ, которые замѣняютъ обитателямъ столъ во время обѣда. Почти всѣ троглодиты Артенаріи — угольщики; во многихъ мѣстахъ склоны горъ,

нѣкогда покрытые тѣнистымъ лѣсомъ, совершенно опустошены этими пещерными жителями.

Тенерифъ, Тонерфизъ, или «Бѣлая Гора» (по объясненію нѣкоторыхъ этимологовъ) — самый большой островъ архипелага, въ то же время это та изъ канарскихъ земель, которую жадно ищетъ взоръ мореплавателя, чтобы увидать пикъ де-Тейде, грозную «Адскую гору», откуда по временамъ вытекаютъ огненные потоки лавы, изливавшіеся въ море изъ-за облаковъ. Немногіе изъ океанскихъ маяковъ могутъ сравниться съ этимъ величественнымъ конусомъ, бѣлый или блѣдно-голубой профиль котораго отчетливо выдѣляется на темно-синемъ фонѣ неба. Каменный колоссъ виденъ въ морѣ съ разстоянія 200 и даже 300 километровъ; но какъ часто онъ прячется отъ взоровъ, упорно окутывая себя густымъ поясомъ паровъ! Когда облака раскроются и черезъ разрывъ вдругъ выглянетъ голова гиганта, обрисовывающаяся высоко на небѣ, пораженному зрителю кажется, что онъ видитъ явленіе какого-нибудь античнаго бога.

Островъ Тенерифъ по своему строенію не отличается такимъ единствомъ, какъ Большая Канарія: онъ состоитъ въ дѣйствительности изъ трехъ массивовъ, различающихся между собой внутреннимъ видомъ и возрастомъ. Сѣверо-восточную часть острова образуютъ вулканическія горы Анага, изрѣзанныя, разорванныя во всѣхъ направленіяхъ и изгрызанныя при основаніи водами моря, которыя сдѣлали глубокія вырѣзки въ линіи побережья: это массивъ очень древняго происхожденія. Западный уголъ Тенерифа также состоитъ изъ уединеннаго массива горъ, сіерры Тено, которая выдвинулась въ предшествовавшемъ геологическомъ періодѣ, и основаніе которой размыто волнами. Между этими двумя массивами высится исполинскій конусъ новаго вулкана, который по величинѣ превосходитъ другія горныя системы и соединяется съ ними посредствомъ потоковъ лавы и промежуточныхъ вулкановъ. Это соединеніе трехъ островныхъ массъ послѣдовательныхъ эпохъ придало совокупности Тенерифа очертанія, непохожія на контуры другихъ вулканическихъ острововъ, образовавшихся въ одинъ пріемъ, въ одинъ періодъ. Такъ, Гранъ-Канарія, Гомера и многіе другіе острова того же происхожденія, разсѣянные въ океанѣ, имѣютъ почти круглую форму, тогда какъ Тенерифъ изображаетъ собой неправильный треугольникъ, одинъ уголъ котораго принадлежитъ новѣйшему массиву, а два остальные угла составлены древними массивами: Тенерифъ — это, Тринакрія, какъ Сицилія, земля Этны. Наибольшая часть острова состоитъ изъ вулканическаго пепла и шлака, изъ каменистыхъ кручъ и откосовъ; но онъ имѣетъ также прелестныя

долины (впрочемъ, только на сѣверной покатости, обращенной къ пассатнымъ вѣтрамъ) и нѣсколько горныхъ цирковъ, великолѣпная растительность которыхъ составляетъ яркій контрастъ съ темными стѣнами лавы. Благодаря этимъ богатымъ оазисамъ зелени, и несмотря на то, что главные отрасли производства, вина и кошениль, приносятъ теперь мало дохода, Тенерифъ можетъ прокармливать относительно значительное населеніе, составляющее болѣе трети общаго числа жителей архипелага.

Горы полуострова, которыя начинаются на сѣверо-восточной оконечности Тенерифа, близъ мыса или «фронтон» Анага, освѣщаемого теперь первокласснымъ маякомъ, не образуютъ правильной цѣпи; каменистыя вершины, изъ которыхъ одна достигаетъ 1.027 метровъ, слѣдуетъ одна за другой по направленію отъ востока къ западу до плоскогорья Лагуна, черезъ которое проходитъ, на высотѣ 560 метровъ, главная дорога острова, соединяющая города Санта-Круцъ и Ортава. Монтанья Анага—самыя лѣсистыя горы на всемъ островѣ, особенно сѣверные ихъ скаты; ихъ живописныя долины, окруженныя крутыми склонами чернаго, краснаго, желтаго или стальнаго цвѣта, спускаются съ высотъ къ бухтамъ побережья. Горы эти круто обрываются къ сѣверо-востоку отъ террасы Лагуна. На юго-западѣ средній хребетъ острова снова выступаетъ и образуетъ настоящую цѣпь, надъ которой господствуютъ скалы Гуимаръ. Далѣе, глубокая брешь прерываетъ хребетъ, затѣмъ продолженіемъ его является вулканъ, который поднялся въ 1705 г., изливъ на восточной сторонѣ потокъ лавы, доходящій почти до самаго моря.

Гора эта составляетъ начало ограды, которая тянется полукругомъ съ восточной и южной стороны пика де-Тейде, представляя, только въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ, тотъ же видъ, какъ стѣна Соммы вокругъ Везувія, самое большое образованіе этого рода, какое намъ извѣстно, на земной поверхности. Этотъ хребетъ, въ формѣ полукруга, длиной около 55 километровъ, имѣетъ слишкомъ 2.000 метровъ высоты, а нѣкоторыя изъ его вершинъ, Азулехосъ, Гуахарра, переходятъ за 2.700 метровъ. Вогнутый скатъ цѣпи, обращенный къ пику де-Тейде, господствуетъ надъ плоской возвышенностью, состоящей изъ лавъ и шлаковъ и лежащей, въ среднемъ, на 300 метровъ ниже, тогда какъ съ наружной стороны всѣ узкія и глубокія вырѣзки гребня, отъ которыхъ онъ получилъ названіе *Circo de las Cañadas*, образуютъ глубокія барранки (овраги), спускающіяся къ морю въ видѣ расходящихся линій. Одна изъ этихъ барранокъ, называемая «Адскимъ ущельемъ», представляетъ какъ бы разрѣзъ, высѣченный въ толщѣ горы; скученно растущіе драконники выдѣляются блѣдно-зеленой линіей въ темной трещинѣ, имѣющей околъ

300 метровъ глубины. Западная оконечность стѣны Каньядъ теряется въ *mal país*, т. е. хаосѣ лавъ, усѣянныхъ вулканами, гдѣ гуанчи сушили трупы умершихъ. Здѣсь, въ сосѣдствѣ главнаго пика, высится гора Чагорра (2.475 метровъ); далѣе, къ западу, конусы такъ многочисленны, что промежуточные аллеи изъ лавы и пепла образуютъ обширный лабиринтъ. Внѣшній край массива, надъ горами Тено, оканчивается «Красной горой», *Montaña Bermeja*, откуда въ 1706 г. вылился потокъ лавы. Такимъ образомъ застывшіе потоки лавы относительно недавняго происхожденія обозначаютъ двѣ оконечности ограды, окружающей пьедесталъ конусообразной горы, которая у гуанчей называлась Эчейде, а нынѣ извѣстна подъ именемъ Пикъ-де-Тейде. На одномъ изъ плечъ этого колосса, на пикѣ Альта-Виста (3.261 метръ), астрономъ Пиацци-Смитъ устроилъ, въ 1856 г., свою обсерваторію, высоко надъ облаками, скрывавшими отъ наблюдателя землю и море, но зато, такъ сказать, на самомъ небѣ, въ виду яркихъ звѣздъ, бросающихъ съ удивительной отчетливостью свой золотой лучъ на черный фонъ ночи.

Долгое время пикъ де-Тейде считали самой высокой горой въ свѣтѣ: Лемеръ повторялъ это еще въ 1695 г.; Никольсъ приписывалъ канарскому колоссу «добрыхъ пятнадцать лье высоты». Съ тѣхъ поръ, какъ Эденъ, примѣръ котораго вскорѣ нашель многочисленныхъ подражателей, совершилъ восхожденіе на Тенерифскій пикъ, въ 1713 г., стало извѣстно, что вершина его не достигаетъ даже одного лье надъ уровнемъ моря; но, тѣмъ не менѣе, это, безспорно, одна изъ самыхъ величественныхъ горъ, поднимающихся надъ поверхностью океана. Между вулканами эта гора занимаетъ первое мѣсто по своей высотѣ и единственности посреди первоначальнаго кратера: закраина стараго жерла представляется теперь, въ сравненіи съ исполинскимъ конусомъ, лишь едва выпуклымъ рубцомъ, окаймляющимъ окружность его основанія. Пикъ де-Тейде—это «гора, поставленная на другую гору». Онъ поднимается на 1.700 метровъ надъ окружающимъ его циркомъ изъ обломковъ, и съ высоты этого конуса всѣ другія горы Тенерифа кажутся простыми чертами, проведенными на разноцвѣтной части острова, который со всѣхъ сторонъ ограниченъ синевой моря. Понятенъ тотъ культъ, который посвящали этому каменному колоссу прежніе обитатели острова, гуанчи: они клялись именемъ Эчейде, и не было клятвы болѣе страшной: не сдержавшій слова, даннаго подъ этой клятвой, обрекался въ жертву адскимъ богамъ, Гуайотѣ, духу зла, имѣвшему резиденцію на днѣ кратера. При восхожденіи на Тейде, по склонамъ, обращеннымъ къ зеленѣющему Оротавскому амфитеатру горъ, вулканъ кажется все выше и выше, оно мѣръ подъема по уступамъ основанія; когда

пройдешь поясъ каштановъ, затѣмъ поясъ сосны и лавра, и, вступивъ въ область ракитника, достигнешь, наконецъ, вершины плато, тогда только открывается взорамъ во всемъ своемъ величій верхній конусъ, на цѣлыхъ 500 метровъ превосходящій по высотѣ Везувій. Чередующіяся полосы бѣлой пемзы, красныхъ шлаковъ, черныхъ лавъ, снизу казавшіяся полосами лѣса, указываютъ на послѣдовательныя изверженія; цѣлый рядъ вѣковъ покоится на этой колоссальной грудѣ вулканическихъ обломковъ. На югѣ обширный кратеръ Старога Пика, Pico Viejo (3.136 метровъ), еще наполненъ застывшими шлаками и представляетъ видъ исполннскаго котла, ежеминутно готоваго вылиться черезъ край. Хотя большія изверженія изъ пика де-Тейде очень рѣдки — среднимъ числомъ, одно изверженіе въ столѣтіе, — однако, остатокъ дѣятельности постоянно сохранялся въ этомъ вулканѣ. Стѣнки маленькаго кратера и вершины покрыты бѣлоснѣжнымъ налетомъ, изъ подъ котораго вылетаютъ струи пара, температурой отъ 84 до 86 градусовъ Цельсія, смѣшанныя съ сѣрнистыми газами и съ углекислотой, но въ очень маломъ количествѣ, такъ что рѣдко случается видѣть цѣлое облако, выходящее изъ отверстія пика. Благодаря защитѣ, представляемой стѣнками кратера, этихъ слабыхъ паровъ достаточно, чтобы сообщить довольно высокую температуру верхней впадинѣ горы; вступая въ эту воронку, послѣ долгаго восхожденія по дикимъ и пустыннымъ склонамъ, покрытымъ шлаками, путешественникъ съ удивленіемъ замѣчаетъ, что онъ попалъ въ какой-то особый кипящій жизнью мірокъ, гдѣ неустанно жужжать мухи и пчелы, гдѣ порхаютъ ласточки и горные вьюрки. Нѣсколько фумароллъ, расположенныхъ при основаніи конуса, тоже служатъ отдушниками, черезъ которыя внутренность очага освобождается отъ излишка паровъ. Этимъ клапанамъ дали мѣткое названіе *narizes*: это «ноздри» спящаго гиганта ¹⁾. Струи газа рѣдко бываютъ настолько обильны, чтобы расплавить снѣгъ, покрывающій конусъ зимой: одинъ гротъ, называемый *Cueva del Yelo* («Ледяная пещера»), ежегодно наполняется снѣгомъ и льдомъ, которымъ отсюда и запасаются жители Оротавы. Ниже пика снѣгъ рѣдко бываетъ виденъ; впрочемъ, съ февраля по апрѣль бѣлыя полосы показываются иногда до высоты 1.600 метровъ.

Столица Тенерифа, Санта-Круцъ (на языкѣ гуанчей Авьяза), соперница главнаго города Большой Канаріи по цифрѣ населенія и размѣрамъ торговли, расположена, какъ и Ласъ-Пальмасъ, на восточномъ берегу острова и недалеко отъ сѣверной его оконечности. Маленькій портъ Санта-Круца защищенъ отъ южныхъ вѣтровъ моломъ, который ежегодно продолжаютъ на нѣ-

сколько метровъ; съ сѣверо-западной стороны надъ городомъ господствуютъ укрѣпленія, впрочемъ, не очень грозныя. Городъ Лагуна, построенный на вершинѣ плоскогорья, къ западу отъ Санта-Круца, не имѣетъ уже того озерка, отъ котораго получилъ свое имя; истребленіе лѣсовъ повлекло за собой уменьшеніе количества дождей и росы, вслѣдствіе чего изсякли источники, питавшіе этотъ бассейнъ ²⁾. Вообще Лагуна пришелъ въ упадокъ; прежде онъ имѣлъ университетъ, монастыри его, населенные многочисленной братіей, славились богатствомъ; теперь жизнь покинула его, и многія изъ старинныхъ зданій обратились въ развалины. Но окрестныя мѣстечки, называемыя *Rodeos* (т. е. «вновь распаханная земля»), процвѣтаютъ, окруженныя плодороднѣйшими и наилучше воздѣланными полями на всемъ островѣ. Не менѣе цвѣтущи и живописны селенія въ горахъ Анага, обращенныя къ пассатнымъ вѣтрамъ. Особенно деревня Таганана, съ ея зелеными садами, разведенными на крутыхъ утесахъ, вокругъ двухъ темныхъ скалъ фоволита, въ формѣ колоннъ, поражаетъ своимъ прелестнымъ видомъ и суровой красотой окружающаго амфитеатра горы: это — «жемчужина Тенерифа». Здѣсь находятся растенія мадерской флоры, не встрѣчающіяся ни въ какой другой части архипелага ³⁾.

Къ западу отъ Лагуны, на большой Оротавской дорогѣ, главной артеріи острова, слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько многоядныхъ мѣстечекъ, среди плодовыхъ садовъ и огородовъ, гдѣ воздѣлываютъ пататы, картофель, лукъ; Такоронте, гдѣ замѣчательнъ музей мѣстныхъ древностей, содержащій большое число гуанчскихъ мумій, вмѣстѣ съ стариннымъ оружіемъ и орудіями; Саузаль, вокругъ котораго разрабатываются ломки лавы; Матанца («сѣча»), имя которой напоминаетъ избіеніе восьмисотъ челоуѣкъ, испанцевъ и дружественныхъ имъ туземцевъ; Викторія, гдѣ *adelantado* (удалецъ) Луго отмстилъ, въ 1495 г., за пораженіе, нанесенное ему въ предыдущемъ году; Санта-Урсула, откуда надо только подняться на хребетъ, чтобы увидѣть во всемъ ея великолѣпнѣйшую Оротавскую долину, окруженную черными склонами, монаньетами (горками) или пепельными конусами, называемыми *los Hijos*, т. е. «Сыны Тейде», и доминируемую снѣговымъ конусомъ пика. Со времени путешествія Гумбольдта долина эта утратила прежнюю красоту, такъ какъ лѣса были вырублены, чтобы очистить мѣсто подъ плантаціи кактуса.

Оротава, прежде Аратавала, бывшая столица Таоро или Тагорора, то-есть Амфиктіоніи королевствъ острова ⁴⁾, расположена среди зеленого цирка, въ пяти километрахъ отъ мо-

¹⁾ Humboldt; — Piazzi Smyth; — von Fritsch, etc.

²⁾ Leopold von Buch, цитированное сочиненіе.

³⁾ Christ, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Weob et Berthelot, цитированное сочиненіе.

ря, въ гористой мѣстности, гдѣ по скатамъ лѣнятся ярусами дома, массивы деревьевъ, пышные цвѣтники. Внизу города, вдоль дороги къ порту, тянется обширный ботаническій садъ, съ тѣнистыми аллеями, «дарованный націи», въ концѣ прошлаго столѣтія, и съ того времени прославленный изслѣдованіями ученыхъ натуралистовъ; въ этомъ саду собраны всѣ представители туземной флоры и около двухъ тысячъ экзотическихъ видовъ. Оротавъ—любимое лѣтнее мѣстопробываніе богатыхъ канарцевъ, которымъ принадлежатъ прекрасныя земли на сѣверной покатости острова, и которые на зиму спускаются либо въ Пуэрто, либо въ Санта-Круцъ. Во время процвѣтанія виноградниковъ, производившихъ знаменитыя вина мальвазію и канарское, «Пуэрто» де-Оротавъ, носящій не точное названіе, такъ какъ онъ имѣетъ лишь открытый рейдъ, былъ посредникомъ очень дѣятельной торговли. Прежде на сѣверномъ берегу Teneriffa существовалъ хорошій портъ, при городѣ Гарачико, лежавшемъ къ западу отъ Оротавы. Въ 1645 году водяная лавина, образовавшаяся вслѣдствіе необыкновенно обильныхъ дождей, разрушила этотъ городъ; онъ послѣ того вновь отстроился, но въ 1706 г., во время изверженія Красной горы (Монтанья Бермеха), потокъ черныхъ и синихъ шлаковъ, имѣющій форму ледника, вылился въ эту часть моря, и отъ «Пуэрто-Рико» (Богатый портъ) осталась лишь бухточка, слишкомъ тѣсная для судовъ. Недалеко оттуда, Икодъ-де-лосъ-Виносъ, тоже пришедшій въ упадокъ городъ, даетъ пристанище нѣсколькимъ *баланселламъ* въ проломѣ береговыхъ утесовъ. Одна сосѣдняя пещера, еще не изслѣдованная въ ея глубинахъ, проникаетъ далеко внутрь горы; туземцы думаютъ, что она сообщается съ конечнымъ кратеромъ пика посредствомъ галереи длиной не менѣе 14 километровъ. Въ застывшихъ потокахъ встрѣчается много пустотъ, оставшихся послѣ деревьевъ, которыя были увлечены расплавленной лавой и, медленно сгорая, превратились въ пепелъ *).

Къ востоку отъ цѣпи Каньядъ, на восточной покатости острова, городъ Гуимаръ занимаетъ сходное съ Оротавой положеніе—въ зеленѣющемъ циркѣ, окруженномъ высокими склонами и потоками лавы, откуда жители спускаются къ морю по крутымъ тропинкамъ. Въ окрестностяхъ этого города находятся обширѣйшіе погребальныя гроты древнихъ обитателей острова, *las Cuevas de los Reyes*, или «Царскія пещеры». Почти всѣ селенія построены на террасахъ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ надъ уровнемъ моря. Самое высокое изъ нихъ, Часна, называемое также Вилафлоръ, лежитъ на высотѣ 1.300 метровъ, между двумя глубокими барранками, на южномъ скатѣ цѣпи

Каньядъ. Въ этой области острова, удаленной отъ городовъ Санта-Круцъ и Оротавъ и трудно доступной по причинѣ каменистой, изрѣзанной трещинами, почвы откосовъ, поселяне, происшедшіе отъ смѣшенія испанцевъ съ гуанчами, живутъ почти совершенно независимой жизнью, и номинальные владѣльцы земли не осмѣливаются заглядывать къ нимъ.

Островъ Гомера, сохранившій свое берберское имя, отдѣленъ отъ Тенерифа проливомъ въ 28 километровъ ширины. Представляя какъ бы миниатюру Большой Канаріи, этотъ островъ, подобно послѣдней, образованъ изъ одного только вулканическаго конуса, остроконечная вершина котораго возвышается въ центрѣ фигуры, а основаніе, изрѣзанное бухточками, имѣетъ форму почти правильнаго круга. Такъ же, какъ Гранъ-Канарія, онъ состоитъ изъ купола древнихъ лавъ, кратеры котораго по большей части изгладились, и въ которомъ воды вырыли глубокія барранки и цирки, откуда ручьи выходятъ узкими и крутыми дефилеями. Подобно главному острову, Гомера подтачивается волнами преимущественно съ западной стороны, и въ то время, какъ береговыя скалы его, обращенныя къ Тенерифу, поднимаются надъ уровнемъ моря, въ среднемъ, только на сотню метровъ, утесы, смотрящіе на Ферро, достигаютъ шестисотъ метровъ высоты. Въ сравненіи съ протяженіемъ, Гомера сохранилъ болѣе обширныя лѣса, чѣмъ Гранъ-Канарія; орошеніе на немъ тоже обильнѣе. Онъ могъ бы прокормить болѣе густое населеніе; въ дѣйствительности же среднее число жителей, приходящееся на одинъ квадратный километръ, здѣсь меньше, чѣмъ на главномъ островѣ: это объясняется тѣмъ, что ни на одномъ изъ Канарскихъ острововъ феодальный порядокъ землевладѣнія не удержался въ такихъ стѣснительныхъ формахъ, какъ на Гомерѣ.

Самый высокій пикъ Гомеры, называемый Альто-де-Гарахонай, вздымаетъ свои остроконечныя вершины на южной окраинѣ центральнаго плоскогорья: на этомъ краю, крутые скаты спускаются уступами до самаго моря, тогда какъ со всѣхъ другихъ сторонъ лѣсистый куполъ представляетъ лишь незначительный уклонъ. Сводъ горы понижается нечувствительно къ сѣверо-востоку и къ западу: съ этой стороны онъ оканчивается огромной плитой или площадкой, словно высѣченной руками человѣка и которую туземцы называютъ, по ея виду, Форталеца («крѣпость»); морякъ Видаль, составивъ карту острова, какимъ онъ представляется съ моря, въ самомъ дѣлѣ думалъ, что эта гора покрыта укрѣпленіями. Другой выдающійся пунктъ плоскогорья, на сѣверѣ отъ Гарахонай,—это кратеръ совершенно правильной формы, гладкое дно котораго, лежащее посрединѣ острова, служитъ по-

*) Von Fritsch, цитированное сочиненіе.

лемъ маневровъ для милиціоверовъ, созидаемыхъ изъ всѣхъ поселеній Гомеры. Другіе пики представляютъ собою лишь выступы хребтовъ, окружающихъ промежуточные цирки и окаймляющихъ береговые утесы. Одна изъ этихъ стѣнъ, у подошвы которой, въ 600 метрахъ ниже ея гребня, разбиваются волны, прозвана островитянами «Скалой Америки», *Risco de America*: имъ кажется, что съ этого утеса они видятъ въ морѣ тотъ путь, которымъ слѣдовалъ Колумбъ, когда онъ отплылъ съ ихъ острова на поиски Новаго Свѣта; извѣстно, что три каравеллы, составлявшія его флотилію, останавливались на раздыхъ въ портѣ Санъ-Себастьянъ передъ тѣмъ, какъ пуститься черезъ океанъ.

Изъ всѣхъ Канарскихъ острововъ Гомера—самый богатый каскадами, благодаря обилію проточныхъ водъ и большой высотѣ утесовъ. Близъ Чипуде, самаго высокаго селенія острова (1.100 метровъ), ручеекъ, ниспадающій съ высоты 200 метровъ въ ущелье Аргага, превращается сначала въ водяную пыль, затѣмъ снова собирается въ безчисленные струйки, скользящія по скатамъ скалы. На сѣверномъ берегу, водопадъ Агула настолько обилитъ, что онъ ясно виденъ съ Тенерифа, съ разстоянія 37 километровъ, блистающій, какъ хрустальная игла на изумрудномъ фонѣ. Лѣса на Гомерѣ, мѣстами выщипанные угольщиками, состоятъ главнымъ образомъ изъ лавровъ; Фритшъ встрѣчалъ деревья, имѣвшія слишкомъ 30 метровъ (14 сажень) въ высоту: подъ этими могучими лаврами такъ же пріятно идти, какъ подъ тѣнью буквъ въ лучшихъ лѣсахъ западной Европы. Кустарникъ состоитъ преимущественно изъ мирики (*mirica fau*), какъ на Азорскихъ островахъ, и вереска и другихъ деревьевъ. Тамъ и самъ отдѣльные лавры, можжевеловики высоко поднимаются надъ переплетающимися вѣтвями густой кустарниковой поросли.

Санъ-Себастьянъ, главный городъ, лежитъ недалеко отъ восточнаго угла Гомеры, на берегу хорошо защищенной бухты, которая нѣкогда была сборнымъ пунктомъ для галіоновъ изъ Акапулко, теперь же принимаетъ только гоазетты и барки, такъ какъ большія суда съ трудомъ могутъ дѣлать въ ней эволюціи. Санъ-Себастьянъ сплошь окруженъ садами. а загородные домики, разбѣянные по окрестностямъ, обсажены финиковыми пальмами, дающими превосходные плоды. На сѣверѣ острова, циркъ, справедливо названный «Чудной долиной», *Valle Hermosa*, заключаетъ въ себѣ болѣе десяти тысячъ пальмовыхъ деревьевъ, съ которыхъ собираютъ вѣтки съ цвѣтками и плодами, или пользуются ихъ продуктами для приготовленія пальмоваго вина и меда, а также для плетенія циновокъ. Между другими Канарскими островами нѣтъ ни одного, гдѣ бы пальмы были

такъ многочисленны и такъ хорошо утилизировались, какъ на Гомерѣ.

Островъ Пальма, не менѣе Тенерифа славящійся грандіозностью своихъ видовъ, состоитъ, подобно этому послѣднему, изъ отрывковъ, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ. Сѣверная часть, почти круглая, какъ массивъ пика де-Тейде, представляетъ собою уединенный куполъ, въ которомъ вырыта огромная кальдера, или котловина, самый удивительный примѣръ образованія этого рода, какой только существуетъ на земномъ шарѣ. Южная половина острова, треугольной формы и болѣе новаго происхожденія, состоитъ изъ отдѣльной цѣпи вулкановъ, которая тянется по направленію меридіана и соединяется съ сѣвернымъ массивомъ посредствомъ узкаго порога, называемаго Кумбре, или «Вершиной». Нѣкоторыя мѣстности Пальмы, обильно орошаемыя, отличаются изумительнымъ плодородіемъ: кромѣ того, островъ имѣетъ и другіе ресурсы, доставляемые ему строевыми лѣсами и рыболовными промыслами; по плотности населенія, это одинъ изъ первыхъ между Канарскими островами, и жители его едва-ли не самые красивые во всемъ архипелагѣ. Женщины Пальмы, смуглыя, сильныя, съ блестящими глазами, свѣжимъ цвѣтомъ лица, кажутся настоящими красавицами, въ сравненіи съ ихъ блѣдными сестрами, уроженками Гранъ-Канаріи, что бы ни говорила общераспространенная въ архипелагѣ пословица, восхваляющая tenerifскихъ мужчинъ и больше—канарскихъ женщинъ¹⁾. Красивый костюмъ, платье съ обшивкой яркихъ цвѣтовъ, бѣлый передникъ, кисейная вуаль—еще болѣе возвышаетъ красоту дѣвушекъ Пальмы²⁾.

Самыя высокія вершины острова, пики делось—Мучачось (Мальчиковъ), де-ла-Круцъ (Креста), дель-Зедра (Кедра), стоятъ на хребтѣ, вѣнчающемъ, въ видѣ полукруга, куполъ сѣверной части Пальмы. Выпуклый внѣшній скатъ этихъ горъ, обращенный къ окружности острова, представляетъ крутые откосы, изрѣзанные глубокими оврагами, спускающимися почти по прямой линіи къ морю. Но съ внутренней стороны въ полукругѣ горъ вдругъ открывается огромное жерло около 15 километровъ въ окружности: это Кальдера. Стѣны пропасти круто спускаются до глубины 1.200 метровъ, затѣмъ отъ основанія ихъ идутъ пологіе скаты пастбищъ. Сверху видъ этой громадной бездонной котловины вызываетъ головокруженіе; но когда смотришь снизу, развертывающаяся передъ взорами картина производитъ чарующее впечатлѣніе яркимъ контрастомъ колоссальнаго амфитеатра, съ разноцвѣтными скалами, и разбѣянныхъ на его

¹⁾ Christ;—Webb et Berthelot.

²⁾ Coquet, цитиров. жемуръ.

обширномъ днѣ прелестныхъ пейзажей, лѣсковъ и зелѣющихъ холмовъ, ручьевъ и фонтановъ, каскадовъ, блистающихъ между камнями и теряющихся подъ вѣтвями деревьевъ,

скала въ формѣ обелиска, называвшаяся Идафе, у подножія которой они собирались въ торжественные дни. При этомъ они вопрошали скалу хоромъ: «Упадешь ли ты, Идафе, упа-

Баобабъ на берегу Котубадинта.

водопроводовъ, извивающихся вокругъ предгорій, окаймленныхъ воздѣланными полями и плантаціями. Въ центрѣ этого чуднаго храма туземцы Бенегоара, —прежнее имя острова,—поклонялись своему божеству. Тамъ стоитъ

дешь ли?»—«Принесите ей дары»,—возвѣщала какой-то голосъ, — «и она постоитъ еще». Тогда вѣрующіе предлагали ей свои приношенія, сопровождая ихъ молитвами. По понятіямъ бенегоарцевъ, устойчивость скалы Идафе, безъ

сомнѣнія, соотвѣтствовала долговѣчности ихъ расы, можетъ быть, даже долговѣчности острова и всего свѣта.

Обильныя воды Кальдеры, соединяющіяся въ юго-западномъ углу амфитеатра, выходятъ черезъ узкую барранку лась-Ангустіасъ («тѣснина»), открывающуюся въ конгломератахъ, на глубинѣ 300 метровъ, и изливаются въ море между двухъ мысовъ. Линія морскаго дна съ глубинами до 200 метровъ дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ большой изгибъ и выдвигается въ море далеко отъ берега, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ объ огромномъ количествѣ твердыхъ частицъ, унесенныхъ потокомъ Ангустіасъ изъ цирка Кальдеры ¹⁾. Все это воронкообразное углубленіе было опорожнено водами; вулканическіе шлаки и пепелъ были смыты почти на два километра въ толщину, и работа размыванія продолжалась до обнаженія первичныхъ горныхъ породъ, діабазовъ и порфировъ, составляющихъ ядро острова. Таково почти единоегласное мнѣніе геологовъ: гипотеза кратеровъ поднятія, высказанная Леопольдомъ фонъ-Бухомъ, который за типъ подобнаго кратера взялъ именно котловину Пальмы, усматривая на всей окружности этой пропасти слѣды разорванныхъ и приподнятыхъ пластовъ, — гипотеза эта существуетъ теперь только въ исторіи науки. Кальдера дѣйствительно представляетъ слѣды поднятія, но только поднятія другаго рода. Въ слояхъ конгломерата, черезъ которые проходитъ ручей оврага Ангустіасъ, морскія ископаемыя перемежаны съ обломками вулкана, изъ чего слѣдуетъ заключить, что основаніе острова было погружено въ море въ предшествующую эпоху, затѣмъ выступило на поверхность, вмѣстѣ съ своей подводной дельтой.

Черезъ порогъ Кумбре, соединяющій двѣ горныя системы, сѣверную и южную, теперь проложена, на высотѣ слишкомъ 1.400 метровъ, прекрасная колесная дорога, служащая средствомъ сообщенія между главными населенными пунктами обоихъ склоновъ. Этотъ перевалъ, хотя онъ лежитъ почти подъ тропической широтой, до постройки дороги не всегда былъ удобопроходимымъ, и многочисленные кресты, поставленные вдоль его тропинокъ, указываютъ мѣста, гдѣ погибли люди, застигнутые свѣжымъ бурномъ; прежде путнику, направлявшемуся черезъ перевалъ, обыкновенно желали «благополучной вершины», *buena cumbre*. На этой вершинѣ контрастъ поразительный, — контрастъ не столько между видомъ двухъ противоположныхъ склоновъ, сколько между видомъ неба съ той и другой стороны. Здѣсь происходитъ борьба двухъ климатовъ: на восточной сторонѣ дуютъ пассаты, приносящіе массу па-

ровъ; на западной — небо почти всегда ясно, и взоръ свободно простирается вдаль по синимъ водамъ океана; густыя облака пытаются перейти черезъ гребень, но тотчасъ же разрываются на тысячи клочковъ, плаваютъ нѣсколько минутъ, затѣмъ разсѣваются въ атмосферѣ: это — непрерывная битва, въ которой солнце всегда является побѣдителемъ. Западная покатошь, характеризуемая чистымъ, безоблачнымъ небомъ, носитъ названіе Банда, т. е. «полоса» засухъ.

Въ южной горной цѣпи острова, отличающейся замѣчательной правильностью формъ, высшую точку составляетъ центральный пикъ Вергойо, поднимающійся слишкомъ на 2.000 метровъ; многочисленные потоки черной лавы спускаются съ боковъ горъ, и на обоихъ скатахъ усеяны конусами съ кратеромъ. Сосновые лѣса покрываютъ еще большую часть этого горнаго хребта, несмотря на безпечность жителей, усердно опустошающихъ свой островъ; по счастью, корни срубленныхъ деревьевъ пускаютъ изъ себя новые ростки, и лѣсъ самъ собой возобновляется вездѣ, гдѣ оголенная почва не была снесена атмосферными дѣятели. Около южной оконечности цѣпи, называемой Фуанкаліенте, или «Кипящій ключъ», на самомъ берегу моря бьетъ значительный источникъ, Чарко Верде («зеленая лужа»), скрывающійся подъ водой въ часы прилива и снова открывающійся въ часы отлива: это единственный изъ многочисленныхъ минеральныхъ источниковъ Пальмы, которымъ пользуются больные. Недалеко отсюда находится источникъ углекислоты, изливающейся изъ «Собачьяго грота», въ родѣ того, какой существуетъ въ окрестностяхъ Неаполя.

Высота главныхъ вершинъ Пальмы (по Видалью):

Пико де-лосъ-Мучачосъ — 2.345 метровъ; пико де-ла-Круць — 2.358; пико дель-Зедро — 2.278; пико Вергойо — 2.010 метровъ.

Столица острова, Санта-Круць де-ла-Пальма, лежитъ на восточномъ берегу, при заливѣ, обращенномъ къ другимъ землямъ архипелага; въ этомъ городкѣ сосредоточивается торговля и промышленность островитянъ; его верфи ежегодно спускаютъ нѣсколько новыхъ судовъ. Послѣ Санта-Круць, самыя многочисленныя мѣстечки — Мазо и Лосъ-Сауэсъ, на той же покатоши острова, и Лосъ-Льяносъ, въ области Банда. Вблизи мѣстечка Лосъ-Сауэсъ находится пещера, пріобрѣвшая большую извѣстность, благодаря сохранившимся на ея стѣнахъ иероглифамъ и берберскимъ надписямъ.

Островъ Ферро (Ferro или Hierro — «Желѣзный»), самый малый и наименѣ населенный изъ Канарскихъ острововъ, есть въ то же время наиболѣе океаническая земля этого архипелага: далѣе корабль не встрѣчаетъ

¹⁾ Von Fritsch, цитированное сочиненіе.

острововъ вплоть до архипелага Зеленаго Мыса, лежащаго на разстояніи 1.450 километровъ. Туземцы называли этотъ островъ именемъ Эзеро, значеніе котораго толкуется различно, но которое, вѣроятно, имѣетъ не тотъ смыслъ, какъ испанское названіе. Рѣдко посѣщаемый, островъ Ферро не представляетъ путешественникамъ необходимыхъ удобствъ и ресурсовъ; въ земледѣльческой культурѣ его введены лишь самые обыкновенные виды подтропическихъ растений; на немъ нѣтъ ни банановъ, ни анелсиновъ, да и пальмы рѣдки; бѣдность въ деревьяхъ очень велика. Но не смотря на свое обездоленное положеніе, здѣшніе жители, говорятъ, самые гостепримные и любезные изъ всѣхъ канарскихъ островитянъ. Земельная собственность здѣсь болѣе раздроблена, чѣмъ на другихъ островахъ, хотя номинально вся земля принадлежитъ одному феодальному владѣльцу. Многочисленныя фермы его, окруженныя смоковницами, дающими превосходные плоды, разбѣяны во всѣхъ частяхъ острова. Жители Ферро, *Herreños*, пребываютъ почти въ такомъ же изолированномъ состояніи, какъ и прежніе обитатели острова до прибытія испанцевъ: въ 1862 году они не имѣли ни одного большаго судна, а рыболовная флотилія ихъ состояла только изъ шести барокъ.

По фигурѣ Ферро не походить на большинство вулканическихъ острововъ. Очертанія его береговъ изображаютъ треугольникъ, обращенный вершиной къ Тенерифу, а основаніемъ къ открытому морю; но возвышенная часть острова представляетъ странный рельефъ. На сѣверо-западѣ она образуетъ выпѣску въ видѣ полукруга, обрамленную крутымъ утесомъ, отдѣломъ кратера, совершенно правильной формы: съ одной стороны, этотъ базальтовый утесъ оканчивается остроконечнымъ мысомъ и выступающими изъ моря скалами Сальморе, съ другой закругленнымъ мысомъ Пунта-де-ла-Дегеса, куда теченія часто приносятъ водоросли, обломки судовъ, плоды изъ Америки. Около середины своего протяженія этотъ утесъ, нѣкогда струившійся огненно-жидкими лавами, застывшими въ своемъ паденіи, возвышается слишкомъ на 1.400 метровъ надъ поверхностью океана. На восточной сторонѣ, плоскогорье, частью покрытое лѣсомъ, также образуетъ выемку въ формѣ полумѣсяца, но меньшаго диаметра сравнительно съ предыдущей. Недалеко отъ этой выемки, въ мѣстности, называемой *los Letreros* («Надписи»), найдены древнія надписи и сложенные камни, похожіе на менгиры¹⁾. Многочисленные кратеры и горячіе ключи разбѣяны въ различныхъ частяхъ острова. Говорятъ, что еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія пары поднимались изъ одного

кратера, въ центральной части острова, но Фритштѣ тщетно изслѣдовалъ тамъ почву, въ надеждѣ отыскать какіе-нибудь слѣды этихъ фумароллъ. Напрасно мы стали бы искать какихъ-нибудь слѣдовъ знаменитаго лавра, стоявшаго въ окрестностяхъ города Вальверде, на вершинѣ оврага, и замѣчательнаго тѣмъ, что поднявшіеся вдоль оврага морскіе пары, сгущаясь на вѣтвяхъ огромнаго дерева, струились по листьямъ и капали въ видѣ дождя²⁾. Это явленіе сгущенія паровъ на листьяхъ, довольно обильныхъ, чтобы наполнить водой цистерны, было до такой степени преувеличено народнымъ воображеніемъ, что утверждали, будто это священное дерево въ состояніи напоить восемь тысячъ человѣкъ и сто тысячъ головъ скота. Въ концѣ семнадцатаго столѣтія этотъ дожденосный лавръ существовалъ еще, но, потерявъ листья, онъ утратилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свои чудодѣйственные свойства; неизвѣстно, когда именно онъ былъ срубленъ. «Желѣзный» островъ сохранилъ еще кое-гдѣ лѣса, сосновые и драконовые. На скалахъ Сальморе водится одинъ видъ ящерицы, называемый туземцами «хамелеономъ» и, вѣроятно, соответствующій тѣмъ ящерицамъ «величиной съ кошку и отвратительнымъ», о которыхъ говорятъ священники экспедиціи Бетанкура.

Вальверде, главный городъ острова Ферро, лежитъ недалеко отъ сѣверной его оконечности; онъ построенъ на высотѣ 650 метровъ и сообщается съ тѣмъ тропинокъ съ своей пристанью Пуэрто-де-Ферро, небольшою бухтой на восточномъ берегу; въ сосѣднихъ пещерахъ найдены въ большомъ числѣ муміи древнихъ бимбачей, или бевъ-башировъ. У здѣшнихъ пастуховъ до сихъ поръ сохранилась пляска предковъ, прерываемая прыжками и сопровождаемая заунывнымъ пѣніемъ.

Островъ Ферро, какъ извѣстно, прославился своимъ меридіаномъ, служившимъ исходной точкой для счета градусовъ долготы. Древніе греки, географическія знанія которыхъ не шли далѣе «Счастливыхъ острововъ», естественно, должны были помѣстить свой первый меридіанъ въ этихъ крайнихъ областяхъ извѣстнаго тогда свѣта: тамъ, по ихъ понятіямъ, находились предѣлы міра. Когда эти предѣлы были раздвинуты, нѣкоторые географы приняли за нуль долготы западные острова Азорскаго архипелага. Меркаторъ выбралъ островъ Корво, гдѣ въ то время проходилъ магнитный меридіанъ³⁾. Но греческая традиція долго еще преобладала, и большинство картографовъ проводило начальную полуденную линію черезъ Тенерифъ; наконецъ, рѣшеніемъ, принятымъ въ 1634 году, по

¹⁾ «Le Canarien»; — Abreu Galindo; — Claude Duret, «Histoire des plantes et herbes esmerveillables et miraculeuses».

²⁾ Vaugondy, «Histoire de la Géographie»; — Oscar. Peschel, «Geschichte der Erdkunde».

³⁾ Sabin Berthelot, «Bulletin de la Société de Géographie», févr. 1875.

совѣту знаменитѣйшихъ математиковъ, меридіанъ острова Ферро былъ официально признанъ во Франціи, какъ начальный градусъ долготы. Однако, этотъ выборъ сдѣланъ былъ не на основаніи точныхъ измѣреній, но въ силу того предположенія, что Желѣзный островъ лежитъ точно подъ 20-мъ градусомъ къ западу отъ Парижа, а всѣ исчисленія дѣлались относительно положенія этого города. Фулье въ 1724 г., и позднѣе Лакайль, Верденъ, Борда, Пенгре пытались опредѣлить точнымъ образомъ меридіанъ этого острова, но ихъ вычисленія дали результаты, значительно разнившіеся между собой. Теперь извѣстно, что первоначальное предположеніе было ошибочно: островъ Ферро лежитъ не точно 20-ю градусами западнѣе Парижа, и, слѣдовательно, меридіанъ, носящій его имя, не касается его; онъ проходитъ восточнѣе, въ открытомъ морѣ, на разстояніи 20 сличкомъ километровъ отъ острова. Хотя нѣмецкіе географы до послѣдняго времени остались вѣрны этому меридіану, но онъ уже не употребляется для начертанія картъ, какъ исходный пунктъ долготы.

Канарскіе острова составляютъ провинцію Испаніи, посылающую шесть депутатовъ въ Кортесы и представленную въ сенатъ двумя или тремя нотаблями. Санта-Круцъ на Тенерифѣ служитъ резиденціей гражданскаго губернатора и генераль-капитана острововъ, а Ласъ-Пальма съ мѣстопробываніе высшаго суда. Торговля освобождена отъ таможенныхъ пошлинъ; она платитъ лишь сборъ въ размѣрѣ одной тысячной съ цѣны привозимыхъ товаровъ и незначительный налогъ съ вина и табаку. Каждый изъ острововъ поставляетъ небольшой контингентъ солдатъ.

Архипелахъ дѣлится на 93 *ayuntamientos* или общины, изъ которыхъ двадцать носятъ титулъ городовъ. Слѣдующая таблица показываетъ цифры населенія Канарскихъ острововъ и главныхъ городскихъ общинъ:

ОСТРОВА.	Населеніе въ 1887 г.	Число жит. на 1 кв. килом.	ГЛАВНЫЕ ГОРОДА.	Населеніе городовъ общинъ.
Ланзаротъ	16.409	20	Арресифе	3.025
Фуэртевентура	10.166	67	Пуэрто-де-Кабрасъ	520
Гранъ-Канарія	95.415	57	Ласъ-Пальма	20.756
Тенерифъ	109.417	54	Тельде	9.403
Гомера	14.140	38	Арукъ	7.984
Пальма	39.605	55	Гвѣа	5.164
Ферро	5.897	20	Гальдаръ	5.078
			Санта-Круцъ	16.110
			Лагуна	11.406
			Оротава	8.876
			Икодъ-де-лосъ-Виносъ	5.555
			Санъ-Себастьянъ	2.861
			Санта-Круцъ-де-ла-Пальма	6.695
			Лосъ-Льяносъ	5.919
			Вальверде	5.421

VI. Архипелагъ Зеленаго Мыса.

Эти острова Атлантики носятъ совершенно неподходящее имя, не оправдываемое ни географическимъ ихъ положеніемъ, ни натурой ихъ горныхъ породъ, ни исторіей ихъ открытія. Отъ Африканскаго мыса того же имени они отстоятъ на 465 километровъ и отдѣлены отъ него морскими пучинами, глубина которыхъ превышаетъ 4.000 метровъ: это несомнѣнно земли океанійскія, а не отрывки сосѣдняго материка. Мысъ Зеленый былъ извѣстенъ за долго до того времени, когда первые мореплаватели достигли юго-восточной группы архипелага. Съ той эпохи, т. е. въ продолженіи болѣе четырехсотъ лѣтъ, первоначальное названіе сохранилось до настоящей минуты, и всемогущій обычай не позволяетъ замѣнить его другимъ. Ничто также не оправдывало бы употребленіе имени «Горгады», или «острова Горгонъ», которое было предложено нѣкоторыми географами, такъ какъ текстъ Плинія, относящійся къ этимъ землямъ, едва-ли можетъ быть примѣненъ къ архипелагу, лежащему на такомъ большомъ разстояніи отъ берега Африки, вдоль котораго плавали древніе мореходы. Испанцы одно время называли этотъ архипелагъ островами св. Іакова, а голландцы Соляными островами. На картѣ кормчаго Хуана де-ла Коса они названы островами Антонія, по имени одного изъ первыхъ открывателей ¹⁾.

Вопросъ объ открытіи этихъ острововъ возбуждалъ много споровъ. По мнѣнію Маджора ²⁾, Діего Гомесъ первый высадился на эти океанскія земли, но текстъ, такъ истолкованный англійскимъ ученымъ, другими комментаторами понимается иначе. Въ своихъ «Плаваніяхъ» венеціанскій купецъ Кадамосто приписываетъ себѣ и одному генуэзцу, по имени Узодимаре, честь открытія, въ 1456 г., острововъ Бона-Виста и сосѣднихъ земель, и несмотря на нѣкоторыя противорѣчія въ его разсказѣ, который, впрочемъ, различно воспроизведенъ въ разныхъ изданіяхъ его книги, довольно вѣроятно, что слава, на которую онъ претендуетъ, дѣйствительно принадлежала ему. Четыре года спустя, въ 1460 году, итальянецъ Антоніо ди-Ноли, состоявшій на португальской службѣ, снова посѣтилъ архипелагъ; въ одинъ день онъ обнаружилъ существованіе трехъ острововъ: Майо, св. Іакова и Фога, причемъ послѣднему далъ имя св. Филиппа. Неизвѣстно въ точности, какъ и когда были найдены и изслѣдованы другіе острова Зеленаго Мыса; но, безъ всякаго сомнѣнія, дѣло это совершилось быстро, такъ какъ концессионеры открытыхъ частей архипелага, конечно, не за-

¹⁾ J. Codine, „Bulletin de la Société de Géographie“, 1873.

²⁾ „The Life of Prince Neury of Portugal“.

медлили снарядить суда на поиски соседних земель. Однако, только два острова, св. Иакова и Фого, имѣли маленькія колоніи сорокъ лѣтъ спустя послѣ путешествія Антонио ди-Ноли; другіе острова лишь въ XVI вѣкѣ заселились португальскими колонистами и неграми, привезенными съ соседняго материка¹⁾; на Соляномъ же островѣ постоянные жители появились только въ настоящемъ столѣтіи, а нѣкоторые островки и до сихъ поръ остаются необитаемыми. Въ сравненіи съ пространствомъ архипелага число его жителей незначительно, что впрочемъ, объясняется недостаткомъ воды.

Пространство и народонаселеніе острововъ Зеленаго мыса:

Площадь—3.851 кв. километр.; 111.000 жителей (1885 г.); въ среднемъ, 29 жителей на 1 кв. километр.

Архипелагъ распадается на нѣсколько неправильныхъ группъ, расположенныхъ по большой кривой, протяженіемъ около 500 километровъ, обращенной своей выпуклостью къ африканскому матерiku. Эта кривая начинается на сѣверо-западѣ островомъ св. Антонія, который по размѣрамъ уступаетъ только одной изъ остальныхъ земель архипелага. Острова, которыми о. св. Антонія продолжается на юго-востокъ, Сантъ-Винценте, Санта-Люція, островки Бранко и Разо, островъ св. Николая, холмы и горы которыхъ расположены въ видѣ прямолинейной цѣпи, составляютъ особую группу: издали они кажутся мореплавателямъ однимъ островомъ, изрѣзанномъ глубокими бухтами. Острова Соляной и Бона-Виста, продолжающіеся на юго-западѣ мелью Жуанъ-Лейтанъ, образуютъ отдѣльную группу, на восточной оконечности полукруга острововъ; наконецъ, южная часть этого полукруга заключаетъ въ себѣ острова Майо, св. Иакова и двѣ крайнія земли, Фого и Брова, съ нѣсколькими островками. Всѣ сѣверные острова, въ томъ числѣ Саль (Соляной) и Бона-Виста, называются Barlovento, или «Острова на вѣтрѣ»; четыре южныхъ земли составляютъ рядъ Sotavento, т. е. «Острова подъ вѣтромъ».

Острова Зеленаго мыса, повидимому, принадлежатъ къ болѣе древнему періоду образованія, чѣмъ архипелаги Канарскихъ и Азорскихъ острововъ, имѣющихъ почти исключительно вулканическое происхожденіе. Правда, на всѣхъ островахъ Зеленаго мыса есть кратеры и эруптивные породы; два изъ нихъ, именно острова св. Антонія и Фого, состоятъ даже единственно изъ вулканическаго пепла и лавъ; но на другихъ земляхъ встрѣчаются также кристаллическія породы, гранитъ, сіенитъ и камень, называемый фойяитъ, по имени горы Фойа, въ Альгарви; на островахъ

Зеленаго мыса находятъ также прекрасные метаморфическіе мраморы и осадочныя породы. Особенно островъ Майо замѣчательнъ относительно большимъ протяженіемъ невулканическихъ формаций: этотъ фактъ свидѣлствуетъ въ пользу существованія континентальной массы, Атлантиды, занимавшей нѣкогда эти области океана²⁾. Острова Зеленаго мыса отличаются также отъ Канарскихъ и Азорскихъ состояніемъ покоя, въ которомъ пребываетъ ихъ внутренній очагъ лавъ. За исключеніемъ Фого, ни на одномъ изъ этихъ острововъ не проявлялась вулканическая дѣятельность со времени открытія архипелага; даже землетрясенія здѣсь очень рѣдки: сильныя подземныя удары бывали только на островѣ Брова, на юго-западной оконечности полукруга острововъ.

Нѣкоторые изъ острововъ Зеленаго мыса изобилуютъ желѣзной рудой; именно въ южной группѣ титанистый желѣзнякъ, необычайно богатый содержаніемъ металла, является въ формѣ чернаго песку, покрывающаго берега океана; онъ встрѣчается тамъ въ такихъ огромныхъ количествахъ, что въ тѣ часы дня, когда солнечные лучи падаютъ на берегъ, даже негры не могутъ ступить на него,—до такой степени раскаленъ этотъ металлическій песокъ. Безчисленное множество кораблей могло бы нагружаться здѣсь рудой, разсыпанной прямо на поверхности земли.

Также какъ въ другихъ атлантическихъ архипелагахъ, средняя температура на островахъ Зеленаго мыса, уравниваемая вліяніемъ омывающихъ ихъ водъ океана, менѣе высока, чѣмъ на африканскомъ континентѣ подъ тою же широтой. На обсерваторіи въ Прайа, на островѣ св. Иакова, она оказалась, въ 1877 г., равной 23°,74, а разность между двумя крайними температурами, наблюдавшимися въ этомъ году, составляла семнадцать градусоу по Цельзію (самый жаркій день, 9 сентября: 33°; самый холодный день, 13 декабря: 16°³⁾). Эта значительная разница объясняется относительно близкимъ соседствомъ африканской земли и вліяніемъ восточнаго вѣтра. Вообще, климатъ этихъ острововъ зависитъ, почти во всѣхъ его условіяхъ, отъ колебанія атмосферныхъ теченій: температура, влажность, здоровость воздуха—измѣняются вмѣстѣ съ направленіемъ бризъ. Когда дуютъ сѣверо-восточные пассаты, т. е. впродолженіи двухъ третей года, съ октября по май, небо бываетъ ясно, только на горизонтѣ всегда скопляется туманъ, скрывающій на половину солнце при восходѣ. Затѣмъ, когда движеніе дневнаго свѣтила по эклиптикѣ увлечетъ за собой на сѣверъ всю систему атмосферныхъ токовъ, острова Зеленаго Мыса по-

¹⁾ Lopes de Lima, „Ensaio sobre a statistica das Possessões portuguezas no Ultramar“, livro I.

²⁾ Doelter, „Ueber die Capverden nach dem Rio Grande“.

³⁾ A. Picquié, „Revue Maritime et Coloniale“ 1881.

падают въ поясъ дождей, и въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, съ іюня по сентябрь, почти ихъ орошаютъ обильные ливни, «столь же необходимые жителямъ острововъ, какъ воды благодѣтельнаго Нила необходимы феллахамъ Египта».

Но такъ какъ эти острова не образуютъ сплошнаго барьера, подобно высотамъ сосѣдняго материка, то они не всегда задерживаютъ дождевыя облака на проходѣ; грозы не разражаются въ архипелагъ съ такою же правильностью, какъ на твердой землѣ подъ тѣми же широтами, и въ иные годы количество дождей бываетъ такъ незначительно, что выпавшей атмосферной воды недостаточно для всхода посѣяннаго зерна: тогда наступаетъ голодовка, болѣе или менѣе сильно опустошающая ряды населенія. Случается также, что пассатные вѣтры уклоняются отъ своего обыкновеннаго пути и перестаютъ дуть съ моря, откуда приносятъ прохладу; они переходятъ на материкъ, и тогда дуновение ихъ становится ягучимъ, какъ бы выходящимъ изъ раскаленной печи: это гарматтанъ арабовъ, называемый островитянами просто *leste*, т. е. «восточнымъ вѣтромъ».

Во время перехода черезъ пустыню вѣтры увлекаютъ съ собой большое количество пыли, которая падаетъ на острова, въ видѣ мельчайшаго дождя. Часто паруса судовъ, смоченные утренней росой, задерживаютъ на себѣ эту тонкую пыль. Просыпаясь утромъ, моряки не мало дивятся при видѣ своихъ парусовъ, пожелтѣвшихъ за ночь. Эти пыльные дожди могутъ падать во всякое время года, приносимые материковыми вѣтрами; однако, путешественникъ Тойнби говоритъ, что ему не случилось видѣть ихъ въ августѣ и сентябрѣ, въ сезонѣ штилей, неправильныхъ вѣтровъ и ливней, приносимыхъ съ моря. Почти всегда выпаденіе желтаго или краснаго песка имѣетъ мѣсто въ поясѣ Атлантики, заключающемся между девятымъ и шестнадцатымъ градусами сѣверной широты до разстоянія 2.000 километровъ отъ Африканскаго побережья. Архипелагъ Зеленаго Мыса лежитъ внутри этой полосы сухихъ дождей, тогда какъ на Мадерѣ подобныя явленія очень рѣдки; нѣсколько чаще бываютъ онѣ на восточныхъ Канарскихъ островахъ, особенно на Фуэртевентурѣ, но все же настолько рѣдки, что тамъ на нихъ смотрятъ какъ на своего рода чудо. Въ тысячѣ километровъ къ югу отъ острововъ Зеленаго Мыса эти дожди составляютъ совершенно исключительный случай. Просматривая корабельные журналы почти 1.200 судовъ, проходившихъ въ поясѣ пепельныхъ дождей, за время съ 1854 до 1871 года, Гельманъ констатировалъ, что распространеніе пыли въ воздухѣ продолжается иногда нѣсколько дней и что пыльные облака занимаютъ площадь

около 300.000 кв. километровъ. Понятно, что въ теченіе вѣковъ цѣлыя горы должны изнашиваться и улетучиваться вслѣдствіе поставки такого огромнаго количества измѣльченнаго камня, чѣмъ и объясняется нынѣшній видъ нѣкоторыхъ *тамадъ* Сахарской пустыни, которыя на огромныхъ пространствахъ представляютъ лишь гладкій камень, дочиста выметенный восточнымъ вѣтромъ. Извѣстно, что Эренбергъ, путемъ наблюденія микроскопическихъ животныхъ, содержащихся въ подобныхъ «сухихъ» дождяхъ, обнаружилъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, южно-американское происхожденіе пепла: фактъ этотъ объясняется существованіемъ возвратныхъ воздушныхъ теченій, проходящихъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы, надъ пассатами; но главная масса этой пыли, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ изъ африканскихъ пустынь. Даже въ ясную погоду отдаленные предметы почти всегда кажутся колеблющимися, что Дарвинъ приписываетъ тончайшимъ твердымъ частицамъ, носящимся въ воздухѣ.

Амплитуда морскихъ приливовъ на берегахъ архипелага измѣняется отъ одного до двухъ метровъ, и въ движеніяхъ водъ замѣчаются большія неправильности, вслѣдствіе столкновенія теченій въ устьяхъ проливовъ. Въ то время, какъ между мысомъ Зеленымъ и архипелагомъ того же имени жидкая масса движется въ цѣломъ съ сѣвера на югъ, воды, приходящія отъ Канарскихъ острововъ, направляются, въ среднемъ, къ юго-западу, то-есть къ каналамъ, раздѣляющимъ острова «на вѣтрѣ», св. Антонія, св. Викентія и св. Николая. Напротивъ, южнѣ этихъ острововъ воды движутся къ юго-востоку, со скоростью отъ 300 до 600 метровъ въ часъ; наконецъ, за цѣпью «Подвѣтренныхъ» острововъ, онѣ снова принимаютъ нормальное направленіе, то-есть съ сѣвера на югъ, съ средней часовой скоростью въ 1,650 метровъ. Встрѣча теченій производитъ иногда *marezias*, или маскареты, повышающіе, безъ видимой причины, морской уровень на пять или на шесть метровъ. Особенно часто наблюдали это явленіе въ бухтахъ острова св. Николая и въ портѣ Сальрей, на о. Бона-Виста¹⁾.

Съ точки зрѣнія санитарной, общія условія климата этого архипелага во многихъ мѣстахъ измѣняются, вслѣдствіе существованія болотныхъ береговъ и лагунъ; такъ на побережьи острова св. Іакова, прозваннаго «смертоноснымъ», и другихъ острововъ, господствуютъ *car-neiradas*, или диссентеріи, и болотныя лихорадки, тогда какъ островъ св. Антонія, напротивъ, отличается замѣчательно здоровымъ климатомъ. Отъ самихъ островитянъ зависитъ, въ

¹⁾ Joaquim da Silva Caetano, «Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa», 1882.

известной мѣрѣ, улучшить или ухудшить климатъ; обезлѣсеніемъ склоновъ они, несомнѣнно, усилили неблагоприятныя условія: скудная растительность все болѣе и болѣе выщипываетъ

быстро растутъ на скатахъ горъ, какъ показали результаты сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ насажденій. Кромѣ того, нѣкоторые острова, вздымающіе свои вершины на тысячу

Типы племени іолофовъ.

ся зубомъ козъ и, вслѣдствіе того, стокъ водъ, и безъ того уже столь рѣдкихъ, становится еще болѣе неправильнымъ. Едва выпадетъ дождь, какъ временныя ручьи тотчасъ же уносятъ драгоценную влагу въ море. Впрочемъ, деревья

или на двѣ тысячи метровъ надъ уровнемъ океана, представляютъ въ своихъ верхнихъ долинахъ мѣстности, благоприятныя для устройства санитарныхъ станцій.

Спеціальная флора острововъ Зеленаго Мыса

еще не была изучена такъ же тщательно, какъ флора другихъ атлантическихъ архипелаговъ. Причина тому — большая отдаленность отъ Европы и трудности, которыми обставлено путешествіе въ эти дальнія страны. При томъ же островъ, на который высаживаются почти всѣ иностранцы, Сантъ-Винцентъ, — самый бѣдный растительностью изъ всѣхъ земель архипелага: на этомъ островѣ есть цѣлые округи, гдѣ не увидишь ни деревца, ни былинки, гдѣ почва сплошь состоитъ изъ голаго камня и вулканическаго пепла. Хотя одна изъ горъ Сантъ-Винцента носитъ имя Монте-Верде (Зеленая гора), но вся растительность ея, состоящая изъ кустарника, сводится къ вѣсколькимъ тамарискамъ: въ 1880 году на островѣ было только два большихъ дерева, да и тѣ чужеземнаго происхожденія, — эвкалиптъ и финиковая пальма, не приносившая плодовъ¹⁾. Молочай и маленькая лаванда съ круглыми сѣроватыми листьями — вотъ и весь растительный уборъ этой пустынной земли. Три другихъ острова, Саль, Бона-Виста, Майо, имѣютъ такой же голый видъ; но гористыя земли, особенно острова св. Антонія и св. Іакова, представляютъ во многихъ мѣстахъ зеленѣющія долины, благодаря введенію африканскихъ растений. Кажется, нѣтъ ни одного дерева, которое бы по своему происхожденію принадлежало архипелагу Зеленаго Мыса: даже драконникъ, говорятъ, былъ ввезенъ съ Канарскихъ острововъ или съ сѣднаго материка. Теперь на островѣ св. Іакова есть баобабы и другія древесныя породы Сенегамбіи; но, несмотря на свое положеніе подъ одинаковой широтой съ Антильскими островами и Суданомъ, этотъ архипелагъ нигдѣ не представляетъ въ своей растительности той пышности и блеска, какими отличается флора тропическихъ странъ.

Извѣстныя до сихъ поръ растенія острововъ Зеленаго Мыса, не считая культурныхъ, недавно ввезенныхъ, составляютъ около четырехсотъ видовъ²⁾, и изъ этого числа только шестая часть принадлежитъ къ туземной флорѣ архипелага. Типъ здѣшней растительности, существенно атлантической, примыкаетъ къ типамъ умѣренного пояса. Такимъ образомъ острова Зеленаго Мыса, также какъ Азорскіе, Канарскіе и Мадера, являются какъ бы передвинутыми къ сѣверу, съ точки зрѣнія ихъ растительности, которая имѣетъ болѣе сѣверный характеръ, чѣмъ можно бы было ожидать, судя по широтѣ мѣста. Канарскіе типы довольно многочисленны въ архипелагѣ Зеленаго Мыса, особенно на островѣ св. Антонія и на другихъ островахъ сѣверной группы. Но большинство чужеземныхъ растений — африканскаго континентальнаго происхожденія. Въ этомъ отноше-

нія острова Зеленаго Мыса отличаются отъ Канарскихъ, гдѣ экзотическая флора представляетъ болѣею частью европейскій типъ. Впрочемъ, нѣкоторые средиземные виды встрѣчаются и здѣсь на высотахъ, въ гористыхъ мѣстностяхъ острововъ св. Антонія и св. Іакова.

Самобытная фауна архипелага заключаетъ лишь небольшое число видовъ. Обезьяны, живущія только на двухъ островахъ, св. Іакова и Брава, принадлежатъ къ виду *cercopithecus sabaenus*, свойственному африканскому матерiku; дикіе кабаны, встрѣчающіеся въ лѣсныхъ чащахъ перваго изъ сейчасъ названныхъ острововъ, также не составляютъ особой разновидности, а всѣ другія млекопитающія, домашній скотъ и вредныя животныя, какъ кролики и крысы, были ввезены европейцами. Песарка, мясо которой туземцы не употребляютъ въ пищу, чрезвычайно распространена, а чайки тучами кружатся надъ берегами и подводными скалами: нѣкоторые островки покрыты толстыми слоями гуано, составляющими богатый запасъ удобрения для земледѣльцевъ сосѣднихъ острововъ. Уолластонъ утверждаетъ, что на островахъ Зеленаго Мыса водятся змѣи, но туземцы отрицаютъ это, и Делтеръ тщетно искалъ этихъ гадовъ; мѣръ пресмыкающихся представленъ здѣсь только ящерицами и гекконами. Островокъ Бѣлый (*ilheo Branco*), лежащій въ сѣверо-западной группѣ, между островами Санта-Люція и св. Николая, отличается отъ всѣхъ другихъ земель архипелага особенной фауной. Тамъ нашли большихъ ящерицъ (*macrocercus costei*), неизвѣстныхъ нигдѣ, кромѣ этого островка, и питающихся травой, а не насекомыми, какъ ихъ родичи въ другихъ странахъ. Пuffины, птицы, открытыя на Бранко членами экспедиціи корабля «Талисманъ»³⁾, также составляютъ новый видъ. Можетъ-быть, современемъ на этомъ островкѣ, еще не вполне обследованномъ, будутъ найдены и другія животныя формы, свойственныя ему исключительно. Во всякомъ случаѣ, существованіе двухъ особенныхъ, оригинальныхъ видовъ въ микрокосмѣ Бѣлаго островка составляетъ одинъ изъ любопытѣйшихъ фактовъ естественной исторіи. Эта вулканическая скала, затерянная въ океанѣ, была ли, предпочтительно передъ болѣе обширными землями архипелага, однимъ изъ центровъ жизненной формаціи, или она представляетъ собою, среди новыхъ земель, обломокъ древняго, давно исчезнуваго материка?

Моря архипелага чрезвычайно богаты рыбой, такъ что иногда сѣти, закинутыя на мель, кишашую живыми существами; за одинъ разъ вытаскиваютъ тысячи особей; почти столь же

¹⁾ C. Doelter, цитированное сочиненіе.

²⁾ Schmidt, „Beiträge zur Flora der Cap-Verdischen Inseln“; — Grisebach, „Végétation du Globe“.

³⁾ Perrier, „Les explorations sous-marines“; — Parfait, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“, 1883, № 2.

значительно количество организмовъ и въ глубинахъ: такъ, наприм., съ глубины 60 метровъ верша «Талисмана» принесла до тысячи рыбъ и около двухъ тысячъ креветокъ разныхъ породъ. Вообще рыбное богатство этихъ острововъ такъ велико, что его съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе мѣстнаго населенія и на поддержаніе обширной отпускной торговли; но рыболовы должны тщательно сортировать добычу и выбрасывать обратно въ море ядовитыя породы рыбы, которыхъ очень много въ этихъ тропическихъ моряхъ, и между которыми есть очень опасныя ¹⁾. Острова Зеленаго Мыса отличаются отъ Азорскихъ изумительнымъ богатствомъ своей береговой фауны ракообразныхъ, брюхоногихъ моллюсковъ и раковинъ. Кораллъ, относительно котораго еще не такъ давно господствовало мнѣніе, будто онъ существуетъ только въ Средиземномъ морѣ, и который въ послѣднее время найденъ былъ въ разныхъ частяхъ океана, находится также и на берегахъ острововъ Зеленаго Мыса; рядомъ съ краснымъ каралломъ (*corallium rubrum*), точно такимъ же, какъ сицилійскій, здѣсь живетъ другой видъ, *plemcorallium Johnsoni*, бѣлый полипъ, названный такъ изслѣдователями съ корабля «Challenger» ²⁾. Ловлей каралла, сдѣлавшейся нынѣ однимъ изъ важныхъ промысловъ края, занимаются неаполитанцы, поселившіеся на островѣ св. Іакова.

По словамъ легенды, португальцы нашли двухъ чернокожихъ туземцевъ, когда высадились на островъ св. Іакова ³⁾; Фейхо тоже рассказываетъ, будто негры племени уолофъ, спасаясь бѣгствомъ отъ своихъ враговъ, переплыли море, благодаря теченіямъ и бризѣ, и заселили главный островъ. Такое дальнее плаваніе было бы истиннымъ чудомъ, потому что у уолофовъ никогда не бывало никакихъ судовъ, кромѣ открытыхъ лодокъ, а вѣтры и теченіе въ этихъ водахъ слѣдуютъ въ южномъ направленіи; но ни одинъ изъ хроникеровъ, современниковъ открытія этого архипелага, не говоритъ о жителяхъ, будто бы найденныхъ на Сантъ-Яго или на другихъ островахъ. Нѣсколько человѣкъ вольныхъ португальцевъ и африканцы-невольники—таковы были первые поселенцы въ архипелагѣ Зеленаго Мыса.

Первые «концессионеры», которымъ эти острова были пожалованы въ ленное владѣніе, явились сюда, въ 1461 году, въ сопровожденіи нѣсколькихъ семей добровольныхъ переселенцевъ изъ провинцій Алемтехо и Алгарви; но главная масса пришлаго люда, поселившася первоначально на Сантъ-Яго и на Фого, состояла изъ уолофовъ, фелуповъ, балантовъ, папель и другихъ негровъ, изловленныхъ на со-

сѣдномъ континентѣ. Въ 1469 году торгъ невольниками былъ предоставленъ декретомъ короля Афонсо V въ исключительную монополію феодальнымъ владѣльцамъ архипелага, вслѣдствіе чего сосѣднее побережье сдѣлалось для этихъ владѣльцевъ территоріей для охоты на человѣка, куда они ѣздили запасаться невольниками для своихъ плантацій ⁴⁾. Вербовка работниковъ была, между прочимъ, причиной того, что конторы португальской Сенегабии до самаго послѣдняго времени находились въ административной зависимости отъ архипелага Зеленаго Мыса.

Тропическая жара, отдаленность отъ метрополіа, униженіе труда употребленіемъ на работы невольниковъ и ссыльныхъ, препятствовали развитію собственно португальской иммиграціи въ архипелагъ, и въ теченіе четырехъ столѣтій, прошедшихъ со времени его открытія, единственные бѣлые, явившіеся на острова, пріѣзжали туда въ качествѣ чиновниковъ и господъ. Народонаселеніе архипелага въ 1879 г. этнографически распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

«Сыновъ страны» 92.108; португальцевъ всякаго племени, европейскихъ и африканскихъ—6.968; иностранцевъ—241.

Заселеніе совершалось преимущественно африканскимъ элементомъ, но смѣшеніе соединило обѣ расы. Населеніе острововъ почти сплошь состоитъ изъ цвѣтныхъ людей. Черезъ брачные союзы бѣлые смѣшались съ «сынами страны», и чернокожіе, благодаря естественному дѣйствію подбора, который особенно благоприятствуетъ бракамъ дѣвицъ-брюнетокъ съ молодыми людьми болѣе свѣтлаго цвѣта, постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, приблизились къ бѣлому типу; случается, однако, что вслѣдствіе атакизма нѣкоторые члены смѣшанныхъ семействъ имѣютъ видъ настоящихъ негровъ. Вообще говоря, у островитянъ Зеленаго Мыса, черты лица правильныя, носъ прямой, съ умѣреннымъ горбомъ, волосы слегка курчавые, лицевой уголъ очень открытый. Мужчины отличаются высокимъ ростомъ и гордой осанкой; женщины, по крайней мѣрѣ на Санто-Антоніу, стройны и красивы. Впрочемъ въ этомъ отношеніи замѣчается большая разница между жителями различныхъ острововъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать неравномѣрному смѣшенію крови, различію климата, болѣе или менѣе сильному влиянію европейской цивилизаціи и роду занятій, каковы рыбная ловля, земледѣліе и торговля.

Въ урожайные и вообще благополучные годы народонаселеніе архипелага быстро возрастаетъ; перевѣсъ рожденій надъ смертными случаями ежегодно составляетъ болѣе тысячи. Въ тридцатипяти-лѣтній періодъ, съ 1844 по

¹⁾ Edouard Heckel, «Journal officiel de la République française», 17 septembre 1878.

²⁾ Perrier, цитированное сочиненіе.

³⁾ Doelter, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Lopes de Lima, цитированное сочиненіе.

1879 г., населеніе увеличилось болѣе чѣмъ на треть: съ 60.000 цифра жителей поднялась до 100.000. Но сколько разъ засуха и неурожай влекли за собой страшныя голодовки! Часто въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ голодная смерть похищала больше человѣческихъ существъ, чѣмъ сколько ихъ нарождалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Голодовка, господствовавшая на островѣ св. Іакова съ 1770 по 1773 годъ, по словамъ Фейхо, унесла въ могилу двѣ трети жителей. Голодовка, продолжавшаяся съ 1831 по 1833 годъ, слѣдовательно, уже въ эпоху, когда эмиграція и привозъ съѣстныхъ припасовъ были гораздо легче, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, погубила, тѣмъ не менѣе, пятую часть островитянъ. Голодовки 1846, 1864 и 1865 годовъ тоже произвели значительное опустошеніе въ рядахъ населенія: всякій разъ, когда ожидаемые дожди не приходятъ освѣжить почву, передъ островитянами встаетъ грозный призракъ голода. Демографическія колебанія, произведенныя эпидеміями, были почти столь же значительны, какъ и убыль населенія, причиненная голодовками. Такъ, холера, которая пронеслась, какъ всепожирающее пламя, надъ островомъ св. Николая, оставила за собой нѣсколько поселеній совершенно опустѣвшихъ; трупы умершихъ по нѣскольку дней валялись безъ погребенія на улицахъ города, и до сихъ поръ еще показываютъ дома, въ которыхъ всѣ обитатели вымерли отъ холеры, и которые стоятъ пустыми со времени эпидеміи.

Всѣ туземцы архипелага Зеленаго Мыса называютъ себя католиками и считаются таковыми: обрядъ крещенія ввелъ ихъ въ лоно церкви. Каждый островъ имѣетъ свои храмы и свое духовенство, состоящее по большей части изъ цвѣтныхъ людей, которымъ туземцы отдаютъ предпочтеніе за то, что цвѣтныя пастыри не стѣсняютъ ихъ въ исполненіи языческихъ обрядовъ, занесенныхъ изъ Африки. И теперь еще многіе изъ островитянъ вѣрятъ, что колдуны, *feiticeiros*, могутъ дѣлаться невидимками, отравлять воздухъ и источники, поражать болѣзнями растенія, животныхъ и людей. Противъ ихъ фатальной силы прибѣгаютъ къ помощи «знахарей», *cigandeiros*, иногда болѣе страшныхъ, чѣмъ сами колдуны. На Сантъ-Винцентѣ все болѣе и болѣе прививаются европейскія понятія и нравы, но на другихъ островахъ, особенно на Сантъ-Яго, гдѣ негры менѣе смѣшаны съ бѣлымъ элементомъ, сохранились еще многіе обычаи Африки. Такъ, на примѣръ, новобрачная принимаетъ къ себѣ супруга лишь послѣ притворнаго завоеванія ея силой: молодой трижды подползаетъ къ брачному дому, но каждый разъ принужденъ ретироваться послѣ притворной битвы; въ четвертый разъ онъ, наконецъ, одерживаетъ верхъ, обращаетъ въ бѣгство всѣхъ защитниковъ не-

вѣсты, и побѣду его торжествуютъ радостными криками, стрѣльбой, бросаніемъ петардъ, музыкой и пляской. На похоронахъ, особенно, когда смерть приписывается штукамъ колдуна, соблюдаютъ традиціонныя церемоніи *guisa*: впереди погребальной процессіи шествуетъ кортежъ плакальщиковъ; женщины рвутъ на себѣ волосы, мужчины бьютъ въ барабаны; затѣмъ прославляютъ добродѣтели покойника на похоронномъ пиршествѣ. Въ домѣ, посѣщенномъ смертью, въ продолженіи одной или нѣсколькихъ недѣль послѣ погребенія, каждую ночь раздается барабанный бой въ память усопшаго.

Также какъ въ другихъ атлантическихъ архипелагахъ, на островахъ Зеленаго Мыса преобладаетъ крупная земельная собственность: за исключеніемъ Дикаго острова (Брава), земледѣлецъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обрабатываетъ свою собственную почву. Многія имѣнія такъ велики, что владѣлецъ не знаетъ даже границъ своихъ земель и тѣмъ болѣе не можетъ вести на нихъ хозяйство. Обширныя пространства лежатъ безъ употребленія, вдали отъ всякаго жилья. Впрочемъ, есть еще много имѣній, владѣльцы которыхъ не въ состояніи доказать документами принадлежность имъ земли: ихъ право собственности основано единственно на преданіи. Цѣлая треть Сантъ-Яго, самаго большаго и населеннаго изъ острововъ этого архипелага, принадлежитъ одному лицу, у котораго насчитывается до трехъ тысячъ арендаторовъ и работниковъ; всѣ ирригаціонныя воды монополизированы крупными имѣніями. Впрочемъ, право владѣнія земельной собственностью, которое въ силу новыхъ, недавно изданныхъ узаконеній, можетъ быть свободно передаваемо, не составляетъ привилегіи бѣлой расы; путемъ наслѣдованія эта собственность постепенно перешла отъ первыхъ бѣлыхъ концессионеровъ къ ихъ потомкамъ смѣшанной породы, такъ что теперь земли архипелага болѣею частію принадлежатъ цвѣтнымъ людямъ, сыновьямъ или внукамъ матерей-невольницъ. Хотя рѣшительныя мѣры, направленные къ отмѣнѣ рабства, относятся къ сравнительно недавнему времени, къ концу пятидесятихъ годовъ этого столѣтія, а послѣдній невольникъ острововъ исчезъ только въ 1876 г., между островитянами существуетъ полное социальное равенство. Нѣкоторое число осужденныхъ или *degradados* (лишенныхъ правъ состоянія) по приговорамъ уголовного суда присылается изъ метрополіи въ архипелагъ, за исключеніемъ острова св. Винцента: въ 1878 году такихъ ссыльныхъ насчитывалось около сотни.

Въ первыя времена оккупации, острова утилизировались только для цѣлей скотоводства. Скотъ, пущенный на подножный кормъ, коровы, овцы, козы, свиньи,—быстро размножались, особенно козы, которые даютъ при-

плодь до трехъ разъ въ годъ, каждый разъ по два по или три дѣтеныша. Первые поселенцы, какъ невольники, такъ и свободные люди, не знали другаго занятія, кромѣ какъ пасти стада да охотиться на одичавшихъ животныхъ, что-

шестнадцатаго столѣтія, ихъ уже начинаютъ обратно вывозить, для продажи, на сосѣдній континентъ. Эти лошади, незнакомыя съ подковами, взбираются по скаламъ, какъ козы, вѣрнымъ и неутомимымъ шагомъ. Ослы, про-

Типы тукулеровъ.

бы зацастись шкурами и мясомъ, которое они разрѣзывали на длинныя пластинки и сушили на солнцѣ. Лошади, первоначально привезенныя изъ земли Мандинговъ, быстро размножались здѣсь, какъ и прочій скотъ, и съ половины

исходящія изъ Португаліи, походятъ на своихъ родичей въ метрополи и употребляются почти исключительно для перевозки товаровъ. До большаго неурожая 1831—33 г. въ гористыхъ мѣстностяхъ острововъ бродили дикіе ослы,

которыхъ охотники ловили для продажи плантаторамъ Антильскихъ острововъ; но во время голодовки на нихъ стали охотиться, какъ на дичь, а тѣ, которые не были съѣдены, погибли отъ жажды, и такимъ образомъ порода ихъ была окончательно истреблена. Кролики, введенные на островѣ св. Іакова и причинявшіе много вреда посѣвамъ, тоже подверглись преслѣдованію, продолжавшемуся до полнаго ихъ истребленія. Въ это послѣднее время скотоводство снова получило важное значеніе въ ряду промысловъ архипелага, особенно на островахъ св. Антонія и св. Николая, снабжающихъ корабли бойнымъ скотомъ.

При видѣ оголенныхъ горъ Санъ-Винчен-та, гдѣ высаживается большинство путешественниковъ, эти послѣдніе могутъ подумать, что почва острововъ Зеленаго Мыса совершенно бесплодна, и что никакое земледѣліе на нихъ невозможно. Но такое заключеніе было бы ошибочно: напротивъ, какъ только выпадутъ дожди, земля покрывается растительностью, а вулканическіе обломки и пепелъ, изъ которыхъ состоитъ здѣшняя почва, отлично родятъ и сообщаютъ всѣмъ произведеніямъ превосходныя качества. Однако, земледѣлія въ прямомъ смыслѣ до недавняго времени почти не существовало, и главный предметъ сбора составлялъ орсель, красивый мохъ, растущій на скалахъ: онъ давалъ португальской казнѣ, какъ правительственная регалія, ежегодный доходъ въ суммѣ около полумилліона франковъ. Между земледѣльческими произведеніями главную роль играютъ, разумѣется, тѣ, которые служатъ для продовольствія жителей: маниокъ, кукуруза, турецкіе бобы; но островитяне занимаются также культурой растений для вывоза за границу. Такъ, островъ Фого производить «тропическое вино»; островъ св. Антонія поставляетъ на всемірный рынокъ кофе, который по качеству считается однимъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ (въ 1879 г. отпускъ кофе составлялъ 112.975 килограммовъ); табакъ, производимый первымъ изъ сейчасъ названныхъ острововъ, тоже высоко цѣнится; также и сахарный тростникъ даетъ превосходный продуктъ. Первое мѣсто между промышленными растениями, воздѣлываемыми на островахъ Зеленаго Мыса, особенно на островѣ св. Іакова, занимаетъ одно изъ молочайныхъ, *jatropha curcas* (рвотный орѣшникъ черный), обыкновенно называемое *purgueira*, или «врачебница», за его сильно-дѣйствующія свойства. Европейская фармакопея отказалась отъ употребленія этого лѣкарственнаго снадобья, какъ средства, представляющаго большую опасность отравленія: теперь употребляютъ только для промышленныхъ цѣлей сѣмена и масло ятрофы. Чтобы получить экономическія свѣчи, туземцы навизываютъ эти сѣмена на соломенку. Архипелагъ Зеленаго Мыса является почти един-

ственнымъ производителемъ зеренъ рвотнаго орѣшника, которые составляютъ, по цѣнности, около половины всей его отпускной торговли; такъ, общій вывозъ въ экономическомъ 1879—80 г.: 1.650.000 франк.; вывозъ сѣмянъ ятрофы: 800.000 франк.; количество ятрофы, вывезенное въ 1878—79 году: 4.653 тонны.

Ятрофа растетъ на самыхъ бесплодныхъ земляхъ, что представляетъ немаловажную выгоду въ странѣ, гдѣ недостатокъ дождевой воды часто влечетъ за собой недородъ другихъ посѣвовъ¹⁾; очевидно, слѣдовало бы засѣять этимъ неприхотливымъ и прибыльнымъ растеніемъ всѣ невоздѣланные пространства, а между тѣмъ общая площадь плантацій ятрофы не превышала 34 гектаровъ въ 1880 году. Понятно, что земледѣліе не можетъ дѣлать быстрыхъ успѣховъ въ странѣ, гдѣ еще недавно распашка не позволялась большинствомъ помѣщиковъ, какъ вредящая, будто бы, плодородію почвы.

Промышленность въ собственномъ смыслѣ мало развита въ этомъ архипелагѣ; нѣкоторое значеніе имѣютъ только на островѣ св. Николая—производство бумажныхъ матерій, сбываемыхъ негритянскимъ населеніемъ сосѣдняго материка, и на Дикомъ островѣ (Брава)—тканье шерстяныхъ одѣялъ, которые раскупаются нарасхватъ, и плетенье кружевъ. Но островитяне отличаются коммерческимъ духомъ; каждое селеніе имѣетъ свои лавки, и между отдѣльными островами существуютъ постоянныя торговыя сношенія. Земледѣльческіе острова посылаютъ свои произведенія другимъ землямъ архипелага; Бона-Виста, Саль, Майо отправляютъ въ другія части архипелага соль, песчаникъ, козьи кожи; островъ св. Антонію снабжаетъ лѣсомъ и водой своего сосѣда, островъ Санъ-Винчен-та. Что касается международной торговли, то она почти вся сосредоточена въ Порто-Гранде, на островѣ св. Винчен-та. Черезъ этотъ пунктъ архипелагъ присоединяется къ торговому и умственному движенію всего свѣта: черезъ Порто-Гранде проникаетъ къ чернокожимъ островитянамъ европейская культура.

Санто-Антонію, большой островъ почти правильной четырехугольной формы, которымъ начинается на сѣверо-западѣ полуостровъ острововъ Зеленаго Мыса, можно назвать привилегированной землей архипелага. Образую высокій хребетъ горъ, ось котораго направлена съ сѣверо-востока на юго-западъ, онъ обращенъ своимъ сѣверо-западнымъ фасомъ къ пассатнымъ вѣтрамъ, которые въ этихъ областяхъ почти всегда отклоняются къ матеріку: оттого эта покатошь получаетъ достаточную долю атмосферной влаги, такъ какъ облака скопляются

¹⁾ Henrique d'Arpoare, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882.

съ этой стороны горъ въ значительномъ количествѣ. Растительность въ долинахъ очень обильна: населеніе, численность котораго, впрочемъ, быстро возрастаетъ, могло бы удвоиться или утроиться безъ истощенія земледѣльческихъ ресурсовъ страны; если голодовка 1831—33 годовъ похитила такъ много жертвъ, то это потому, что верхнія, хорошо орошенныя долины тогда были еще не воздѣланы. Но другая покатость острова, лежащая не на пути влажныхъ вѣтровъ, почти совершенно лишена зелени: тамъ повсюду видишь только черные камни, красную глину да бѣлую пемзу, похожую издали на полосы свѣта. Конусы съ кратерами, разсѣянные во всѣхъ частяхъ острова, такъ же многочисленны, какъ горки изверженія на склонахъ. Этны: съ палубы корабля, плывущаго изъ Европы, когда онъ огибааетъ сѣверо-восточный мысъ островъ св. Антонія, чтобы войти въ портъ Сантъ-Винченца, видно болѣе двадцати вулкановъ, стоящихъ на этомъ мысу. Самая высокая гора острова—«Пикъ Coronы» (Торо да Согда), на вершинѣ котораго тоже открывается кратеръ, на высотѣ 2.253 метровъ (по морскимъ картамъ) и которымъ оканчивается на западѣ становой хребетъ. Бока горной цѣпи изрѣзаны глубокими оврагами, и западнымъ своимъ скатомъ Пикъ Coronы спускается прямо къ морю; но на востокъ и на югъ онъ господствуетъ надъ обширнымъ плоскогорьемъ (средняя высота 1.630 метровъ), гдѣ во множествѣ разсѣяны вулканическіе конусы, то по одиночкѣ, то группами или рядами одни въ видѣ «котла», круглаго или овальнаго, съ цѣльными краями, другіе съ кратеромъ, разломаннымъ съ одной стороны. Даже съ главной вершины, откуда взоръ обнимаетъ всю эту толпу вулкановъ, невозможно сосчитать ихъ числа,—такъ тѣсно скучены они на этомъ плато изверженія. Геологъ Дельтеръ полагаетъ, что эта высокая равнина есть не что иное, какъ бывшее дно кратера: Пикъ Coronы—это второй Везувій внутри своей обширной кругообразной Соммы, отъ которой еще сохранилась разорванная окружность; изверженія совершенно измѣнили первоначальный видъ гигантскаго вулкана ¹⁾).

Колонизація на этомъ островѣ, самомъ отдаленномъ отъ материка, началась сравнительно поздно, и на первыхъ порахъ ограничивалась введеніемъ невольниковъ. Первые европейскіе поселенцы появились здѣсь только въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; въ числѣ ихъ были и канарійцы, которые съ полнымъ успѣхомъ сдѣлали опыты посѣва пшеницы на высокихъ склонахъ горъ. Съ 1780 года невольники на Санто-Антоніо были объявлены свободными, но декретъ объ этомъ остался мертвой буквой, такъ какъ никто не

обращалъ на него вниманія, и честь фактической эмансипаціи негровъ принадлежитъ уже другому поколѣнію ¹⁾. Чистые негры очень рѣдки на этомъ островѣ: почти все его населеніе состоитъ изъ цвѣтныхъ людей, между которыми встрѣчаются субъекты съ очень темной кожей, но съ бѣлокурными волосами и голубыми глазами ²⁾. Женщины, по словамъ Дельтера, имѣютъ большой численный перевѣсъ надъ мужчинами въ расѣ населенія св. Антонія. Жители этого острова группируются въ нѣсколькихъ селеніяхъ побережья, преимущественно въ долинахъ сѣверо-восточнаго берега и въ городкѣ Рибейра-Гранде, который тщетно пытались взять, въ 1711 году, французы подъ начальствомъ Дюге-Труэна. На сосѣднихъ горахъ, между 900 и 1.200 метрами высоты, въ новѣйшее время начали разводить хинное дерево, и этотъ опытъ удался какъ нельзя лучше: въ 1882 году, нарождающійся хинный лѣсъ содержалъ уже около тысячи деревьевъ ³⁾.

Островъ Сантъ-Винцентъ, или св. Викентія, географически составляетъ какъ бы часть Санто-Антоніо. Закрытый этой болѣе обширной и болѣе высокой землей, онъ почти круглый годъ не видитъ дождя, а иногда на немъ господствуетъ полнѣйшая засуха: на всемъ островѣ существуетъ только одинъ или два скудныхъ источника и только одна долина, гдѣ возможна хоть какая-нибудь земледѣльческая культура. Неудивительно поэтому, что въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ столѣтій со времени открытія архипелага португальцами не было сдѣлано ни одной попытки заселенія этого острова; только въ 1795 году здѣсь поселились первые колонисты, да и то не по собственному желанію: это были негры-невольники и бѣлые ссыльные; въ 1829 году населеніе острова доходило до 120 человѣкъ. Однако, не безызвѣстно было, что Сантъ-Винцентъ обладаетъ лучшимъ въ архипелагѣ портомъ: это бывший кратеръ, въ которомъ волны пробили западную стѣну; онъ совершенно защищенъ отъ вѣтровъ западнаго, южнаго и восточнаго, а массивный высокій островъ св. Антонія прикрываетъ его отъ вѣтровъ сѣвернаго и сѣверо-западнаго; сильные штормы, врывающіеся въ проливъ, проносятся въ открытомъ морѣ, не проникая въ портъ.

Будущая торговая важность острова св. Викентія была предвидѣна уже въ 1851 году, когда одинъ англійскій негодіантъ устроилъ тамъ складъ угля для проходящихъ пароходовъ. На восточномъ берегу порта стоитъ маленький городокъ, который хотѣли было возвести на степенъ столицы архипелага,—Минделло, болѣе извѣстный подъ именемъ Порто-Гранде,

¹⁾ Travassos Valdez, „Africa occidental“.

²⁾ Lopes de Lima, цитированное сочиненіе.

³⁾ Manuel Bordallo Pinheiro, „Boletim da Sociedade da Geographia de Lisboa“, 1883.

¹⁾ „Die Vulcane der Capverden und ihre Producte“.

или подъ именемъ самого острова. Это очень печальный городъ, безъ деревьевъ, безъ фонтановъ и ключей, такъ что жители принуждены пить дистиллированную морскую воду и прѣсную воду, привозимую на баркахъ съ острова св. Антоніа; но здѣсь сосредоточивается теперь почти вся торговля архипелага Зеленаго Мыса, и океанскіе пароходы сотнями заходятъ въ портъ Санъ-Винченца возобновлять запасы угля. Въ 1880 г. уже пятнадцать компаній трансатлантическаго пароходства посылали свои суда попутно въ этотъ портъ. Вотъ нѣкоторые цифровыя данныя, относящіяся къ размѣрамъ вѣншей торговли архипелага и движенію судоходства въ Порто-Гранде:

Обороты заграничной (спеціальной) торговли архипелага въ 1896 году:

Привозъ—9.000.000 франковъ; вывозъ—2.250.000 франковъ.

Движеніе судоходства въ Порто-Гранде (Минделло) въ 1880 г.:

1.084 парохода, 392 парусн. судна, 440 кабот. суд., 670 берег. ланчей; общій тоннажъ—1.560.000 тоннъ.

Первое мѣсто во вѣншей торговлѣ архипелага Зеленаго Мыса, принадлежавшее прежде Соединеннымъ Штатамъ, теперь занимаютъ англичане, привозящіе уголь въ портъ Санъ-Винченца: хотя арматоры этого острова обладаютъ нѣсколькими кораблями, однако участіе Португаліи въ торговомъ обмѣнѣ ея собственной колоніи гораздо меньше, чѣмъ участіе другихъ націй. Минделло—городъ международный, гдѣ господствуетъ англійскій языкъ: число иностранцевъ, перебивающихъ въ немъ въ теченіе года, въ двадцать разъ превышаетъ цифру мѣстнаго населенія (высадившихся пассажировъ въ 1880 г.: 76.000). Санъ-Винцентъ есть также промежуточная станція подводнаго телеграфа между Лиссабономъ и Фернамбуко.

Къ востоку отъ этого острова, сборнаго пункта пароходовъ Атлантики, слѣдуютъ одинъ за другимъ островъ Санта-Люція, гдѣ можно встрѣчать только пастуховъ, кочующихъ со своими стадами, затѣмъ пустынные скалы—островки Бранко (Бѣлый) и Разо (Гладкій). Далѣе идетъ большая земля св. Николая, которая уже около половины прошлаго столѣтія была «густо населена». Въ эпоху первой народной переписи, сообщаемой ея лѣтописями, въ 1774 году, она имѣла 13.500 жителей, больше, чѣмъ сколько имѣетъ ихъ въ наше время. Немногіе острова испытали столько бѣдствій, какъ Санъ-Николау, бѣдствій, слѣдовавшихъ одно за другимъ,—голодовка, желтая лихорадка, холера. Цифра населенія этого острова значительно колебалась, въ зависимости отъ ряда лѣтъ благополучныхъ или несчастливыхъ; въ нормальное время рождаемость много превышаетъ смертность.

Островъ св. Николая имѣетъ форму неправильнаго полумѣсяца, выставившаго одинъ изъ своихъ роговъ на востокъ, другой на югъ. Подобно всѣмъ островамъ Зеленаго Мыса, онъ усаженъ вулканическими скалами, отдѣльными конусами или сплошными формаціями. Самая высокая вершина, Монте-Гордо, поднимающаяся на 1.200 метровъ надъ уровнемъ моря (на 300 метровъ выше горъ Санъ-Винченца), находится въ сѣверной части острова. Это центръ всего архипелага, такъ какъ съ верхней площади горы, куда легко взобраться, даже на конѣ, можно, въ ясную погоду, обнять взоромъ весь кругъ острововъ, отъ Санто-Антоніо до вулкана Фого: ни съ какого другаго пункта архипелага не открывается взоромъ подобная панорама¹⁾. На южномъ склонѣ горы Гордо бьетъ обильный ключъ, но воды его, еще не перехваченныя, теряются въ вулканическихъ шлакахъ. Точно также многіе другіе источники острова пропадаютъ безъ пользы, оттого, что къ нимъ нѣтъ доступа по неимѣнію дорогъ. Недостаткомъ путей сообщенія объясняется также и тотъ фактъ, что мелкія каботажныя суда объѣзжаютъ бухты здѣшняго побережья: въ большей части этихъ бухточекъ не найдешь ни лодки, ни жилья на берегахъ. Первый главный пунктъ этого острова находился на оконечности южнаго мыса, при портѣ Лапа; но со времени присоединенія Португаліи къ королевству Филиппа II испанскаго онъ былъ покинутъ и замѣненъ нынѣшнимъ городомъ, называемымъ Рибейра-Брава, или «Дикая рѣчка», отъ ручья, впадающаго въ юго-восточную бухту острова. Несмотря на то, что въ этой части побережья иногда свирѣпствуютъ лихорадки, почти половина жителей острова скучена въ Рибейра-Брава: этотъ послѣдній сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ архипелага и, благодаря своему центральному положенію, былъ выбранъ въ 1867 г. какъ мѣстопробываніе лица, высшаго учебнаго заведенія провинціи. Рибейра-Брава—самый дѣятельный каботажный портъ для внутренней торговли архипелага; онъ вывозитъ кукурузу, маниокъ, сахаръ; производство же кофе, прежде весьма значительное, теперь совершенно прекратилось. Непосредственно съ Лиссабономъ не существуетъ никакихъ торговыхъ сношеній. Почти всѣ мануфактурныя издѣлія и иностранные товары получаютъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ Англіи черезъ островъ Санъ-Винцентъ.

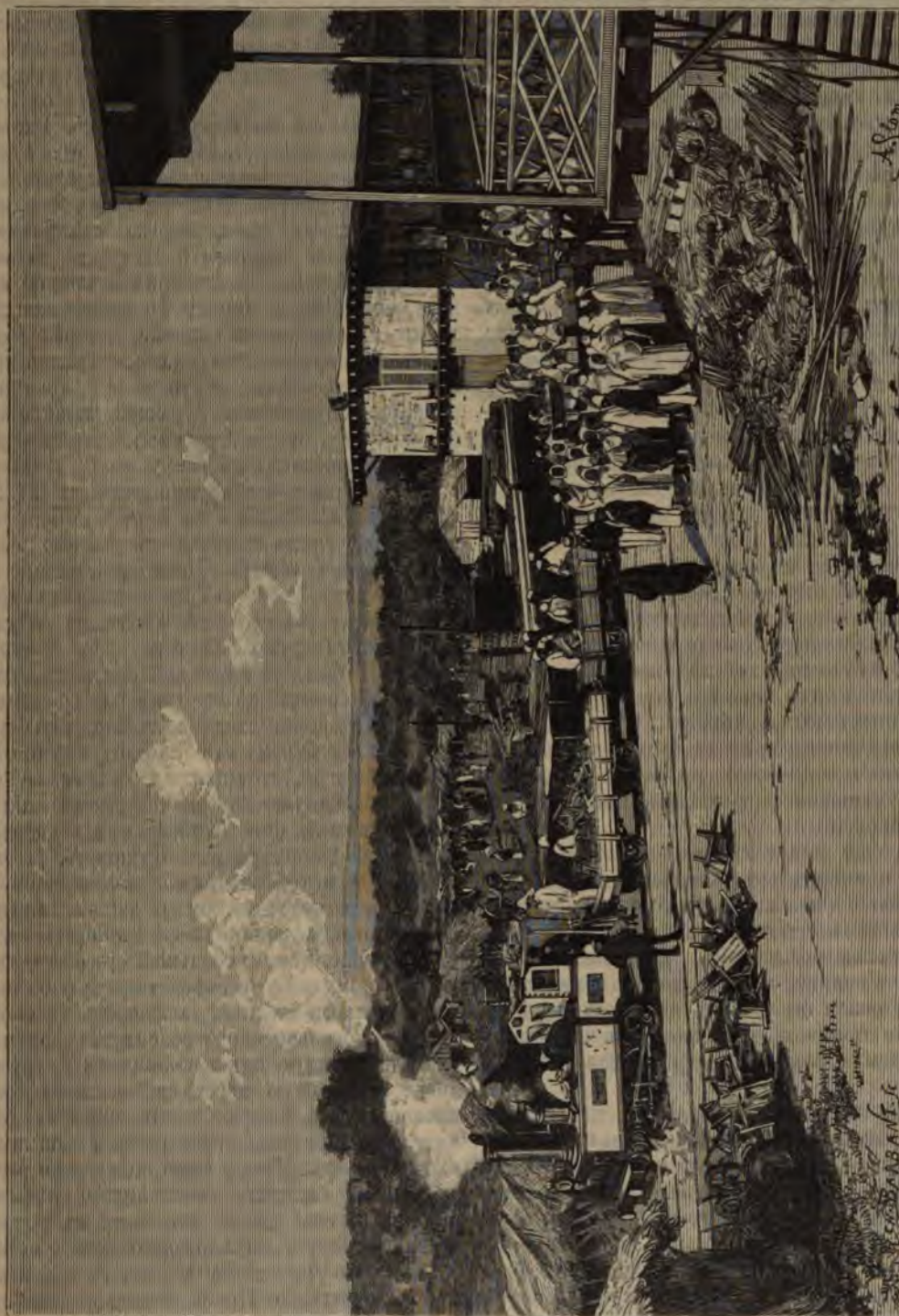
Два острова, составляющіе восточную группу архипелага Зеленаго Мыса, Соляной (ilha de Sal) и Бона-Виста, имѣютъ почти сахарскій климатъ и очень рѣдко населены. Первый изъ нихъ, хотя занимающій пространство около

¹⁾ Joaquim da Silva Caetano, „Boletim de Sociedade de Geographia de Lisboa“, № 5, 1882.

300 километровъ, оставался незаселеннымъ со времени открытія до 1807 г.: только въ этомъ году нѣсколько невольниковъ съ Бона-Виста были посланы со стадами на Соляной островъ.

«льдами, вѣнчающими Альпы», привлекло, наконецъ, спекуляторовъ; выкопали цистерны для собиранія дождевой воды, и вокругъ мѣста добычанія соли возникли промышленныя колоніи.

Станція Кайясъ.

Колонизація въ собственномъ смыслѣ началась лишь съ 1830 года. Недостатокъ прѣсной воды былъ до этого времени главнымъ препятствіемъ къ заселенію острова, но превосходное качество и обиліе соли, пласты которой сравнивали съ

Желѣзная дорога, построенная въ 1835 году, отъ главной салины къ морю, была первымъ рельсовымъ путемъ на португальской территоріи; вагончики съ парусами, подталкиваемые правильнымъ вѣтромъ, дующимъ въ этихъ стра-

нахъ, спускаются къ морскому берегу, откуда приводятся обратно на мѣсто грузки при помощи муловъ или бечевой. Вывозъ соли въ 1879 году составлялъ 22.680 тоннъ.

Островъ Сантъ-Кристоваль, называемый съ конца пятнадцатаго столѣтія Бона-Виста, не заслуживаетъ своего имени: какъ и Соляной островъ, онъ не высокъ; деревья на немъ рѣдки, пески, «пришедшіе изъ Сахары», какъ говорятъ туземцы, образуютъ рядъ дюнъ; нѣтъ ни рѣчекъ, ни ручьевъ; и наконецъ, самые подходы, устьянные подводными камнями, опасны для судовъ. Впрочемъ, населеніе острова никогда не было многочисленно: Первые концессионеры пустили сюда скотъ, среди котораго ежегодно производилось избіеніе извѣстнаго количества головъ; скотоводство, хотя скотъ здѣсь мелкій и тощій, составляетъ и до сихъ поръ, вмѣстѣ съ разработкой соляныхъ копей, главный промыселъ островитянъ. Главный городъ, Сальрей, во всякой другой странѣ пріобрѣлъ бы важное значеніе, такъ какъ суда находятъ здѣсь безопасное пристанище, защищенное отъ всѣхъ вѣтровъ полуостровомъ и островкомъ. Лопесъ-де-Лима предлагалъ помѣстить здѣсь столицу архипелага; это въ самомъ дѣлѣ—наиболѣе центральная позиція, какую только можно выбрать. Бона-Виста изъ всѣхъ острововъ Зеленаго Мыса имѣетъ въ средѣ своего населенія сравнительно наибольшее число бѣлыхъ, изъ которыхъ главнымъ образомъ и пополняются ряды чиновниковъ, служащихъ и таможенныхъ досмотрщиковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ американскіе корабли не приходятъ больше на этотъ островъ за грузами соли, населеніе его уменьшилось, и соляные промыслы частью заброшены.

Майо, еще менѣе населенный, чѣмъ Бона-Виста, и поверхность котораго почти вездѣ представляетъ пески, глину, голые камни, служитъ мѣстомъ ссылки; жители его, негры, занимаются скотоводствомъ, разработкой прибрежныхъ салинъ, ловлей рыбы въ бухточкахъ; они рисковали бы умереть съ голода, если бы съѣстные припасы не привозились имъ съ соѣдной земли, большаго острова Сантъ-Яго.

Самый обширный и наиболѣе населенный изъ острововъ Зеленаго Мыса, Сантъ-Яго или «св. Іакова», счастливо отличается отъ трехъ восточныхъ острововъ архипелага плодородіемъ и хорошей обработкой его долинъ: кукуруза, фасоль, рисъ, иньямъ, бананы, апельсины, сахаръ—таковы главные произведенія этой благодатной земли. Поверхность острова гориста, и около середины его стоятъ Пико-да-Антоніа или Антоніо, въ память мореплавателя, открывшаго островъ,—полуразрушенный вулканъ высотой около 1.800 метровъ, круто спускающийся къ югу. Впрочемъ, какъ показали промѣры, сдѣланные для укладки телеграфнаго

кабеля, скатъ острова еще круче подъ водой, чѣмъ въ выступающей изъ моря части; на разстояніи семи съ небольшимъ километровъ отъ берега лотъ достаетъ дно морское лишь на глубинѣ 2.350 метровъ¹⁾. Часть лавъ Сантъ-Яго—подводнаго происхожденія: между веществами, извергнутыми вулканами, находятся слои бѣловатаго известняка, смѣшаннаго съ черной лавой²⁾.

Отъ прежней столицы острова св. Іакова и всего архипелага осталось только имя Рибейра-Гранде. Мѣстоположеніе ея представляло большія неудобства, хотя она стояла на берегу каменистаго ложа, иногда смачиваемаго дождями, отъ котораго и получила названіе «Большой Рѣки». Выставленная полной силѣ полуденнаго зноя, никогда не освѣжаемая прохладными сѣверными вѣтрами, которые задерживаются внутренними горами, открытая вреднымъ испареніямъ окружающей низменной равнины, не имѣвшая хорошей, защищенной отъ волненія, якорной стоянки, Рибейра-Гранде была, вдобавокъ ко всему этому, легко доступна непріятельскому нападенію: въ 1712 г. французы высадились на берегъ, взяли крѣпость приступомъ и почти совершенно разрушили самый городъ. Несмотря, однако, на этотъ погромъ, Рибейра-Гранде сохранила официальный титулъ столицы и служила резиденціей губернатору до 1770 года, когда главнымъ городомъ была назначена Вилла-да-Прайя, тоже нездоровая, но съ тѣхъ поръ ассенированная. Эта новая столица, лежащая на берегу полукруглой бухты, гдѣ иногда, именно при южномъ вѣтрѣ, стоянка для судовъ не безопасна, раскинула свои низкіе, пестрящіе яркими красками, дома на площади изъ древнихъ лавъ, выливавшихся изъ вулкановъ, высотой около 200 метр., которые ограничиваютъ сѣверный горизонтъ; двѣ крутыя дороги, высѣченныя въ скалѣ, поднимаются съ берега къ городу. Прайя имѣетъ небольшой музей естественной исторіи, даже метеорологическую обсерваторію, и, какъ столица, заключаетъ въ своихъ стѣнахъ довольно многочисленную колонію бѣлыхъ, состоящую изъ чиновниковъ и другихъ лицъ; но главную массу ея населенія составляютъ негры, которые частію сохранили отличительные признаки своей расы и свои первобытные нравы. Между ними еще можно встрѣтить много бывшихъ невольниковъ, припоминающихъ годы своей молодости въ родномъ племени. Часто возбуждался вопросъ о переводѣ главнаго управленія острова въ какой-либо другой городъ; но Прайя имѣетъ за себя преимущество совершившагося факта и выгоды, которая ей даетъ положеніе на главномъ островѣ, заключающемъ двѣ пятыхъ всего насе-

¹⁾ Ernesto de Vasconcelhos, рукописныя замѣтки.

²⁾ Charles Darwin, „Volcanic Islands“.

ленія архипелага и доставляющемъ двѣ трети его произведеній; въ 1885 г. въ этомъ городѣ издавалось шесть газетъ. Прайя—станція острововъ Зеленаго Мыса, черезъ которую Сентъ-Луи и Сенегамбія соединены съ телеграфной сѣтью Европы и Новаго Свѣта.

Движеніе судоходства въ портѣ Прайя въ 1880 году: прибыло 362 судна, въ томъ числѣ 61 пароходъ, вмѣстим. 71.685 тоннъ; вышло: 326 судовъ, въ томъ числѣ 61 пароходъ, вмѣстим. 68.213 тоннъ; всего: 688 судовъ, изъ нихъ 122 парохода, вмѣстим. 139.898 тоннъ.

Въ сосѣдствѣ съ берегами Прайя, именно около Рибейра - Гранде, находятся главные ловли коралловъ, которою занимаются итальянцы, переселившіеся изъ Віареджіо. Итальянская колонія въ Прайѣ насчитываетъ въ своей средѣ болѣе двухсотъ лицъ.

Островъ Фого, или «Огненный», слѣдующій за Санта-Яго въ ряду «Подвѣтренныхъ» острововъ, представляетъ округленную форму, свойственную землямъ, которыя, какъ Гранъ-Канарія и Гомера, состоятъ изъ одного только массива изверженія: подобно этимъ двумъ канарскимъ островамъ, онъ имѣетъ немного выемчатые края на западѣ, то-есть на той сторонѣ, откуда приходятъ самыя сильныя бури, и въ центрѣ его, на плато изъ лавъ, стоитъ самая высокая вершина, вулканъ Фого. Крайтеръ этой горы, около 5 километровъ въ окружности, вписанъ въ другой кратеръ, какъ пикъ де-Тейде въ полукругъ Каньядъ: по Видалю и Межу, высота верхняго пика Фого 2.976 метровъ. Онъ виденъ съ разстоянія до полутора-ста километровъ въ морѣ.

Этотъ островъ, первоначально наименованный мореплавателемъ Антоніо-ди-Ноли островомъ св. Филиппа, только въ 1680 году получилъ отъ испуганныхъ жителей названіе «Огненного», *Ilha do Fogo*: землетрясеніе, затѣмъ изверженія вулкана нагнали такой страхъ на колонистовъ, что многіе изъ нихъ убѣжали на Дикій Островъ. Бюффонъ рассказываетъ даже, хотя это невѣрно, что въ то время островъ св. Филиппа былъ совершенно покинутъ населеніемъ¹⁾. Такъ же страшны были послѣдующіе вулканическіе пожары на Фого, особенно изверженія 1785 и 1799 годовъ, когда вылились огромные потоки лавы, доходившіе до самаго моря, такъ что въ тѣхъ мѣстахъ даже измѣнилась форма побережья: одинъ изъ этихъ потоковъ, называемый Рельва, залилъ долину, которая была покрыта великолѣпными плантаціями; впрочемъ, вслѣдствіе вывѣтриванія шлаковъ, поверхность его, въ свою очередь, постепенно покрывалась слоемъ растительной земли, которая теперь производитъ лучшій въ архипелагѣ табакъ²⁾. Остатокъ дѣятельности

сохранился въ вулканѣ до 1816 года, когда дымъ окончательно исчезъ, и молодые люди могли спуститься во внутренность кратера, для собиранія сѣры. Но если жителямъ Фого не случилось болѣе въ этомъ столѣтіи терпѣть отъ землетрясеній и вулканическихъ изверженій, то они чаще другихъ островитянъ Зеленаго Мыса страдали отъ засухъ и неурожаевъ. Говорятъ, что во время голодовки 1834 года населеніе уменьшилось почти на двѣ трети: цифра его, передъ тѣмъ превышавшая 16.000, спустилась до 5.615 душъ; однако, плодородіе вулканическаго пепла такъ велико, и произведенія, которыя онъ даетъ, имѣютъ такую высокую цѣну, что послѣ каждаго подобнаго бѣдствія пробѣлы, оставленные имъ въ рядахъ населенія, пополняются, и пострадавшія плантаціи замѣняются новыми. Послѣ Санта-Яго и Санта-Антоніо, Фого — самый многочисленный островъ архипелага, и бѣлые, по большей части потомки переселенцевъ съ Мадеры, составляютъ здѣсь относительно многочисленную колонію. Главный городъ его, Санта-Филиппе, лежитъ при открытомъ рейдѣ на юго-западномъ берегу, напротивъ острова Брава.

Этотъ послѣдній давно уже не заслуживаетъ своего имени «Дикій островъ». Самый здоровый по климату, наилучше воздѣланный, самый пріятный во всемъ архипелагѣ, онъ теперь, напротивъ, часто называется «Раемъ острововъ Зеленаго Мыса», въ противоположность четыремъ «Адамъ» — островамъ Санта-Винцентъ, Саль, Вона-Виста и Майо. Португальскіе концессионеры въ первые два вѣка оккупанціи совершенно пренебрегали Дикимъ островомъ, и потому населеніе его до новѣйшаго времени состояло лишь изъ бѣглыхъ негровъ, пришедшихъ съ другихъ острововъ и существовавшихъ рыбной ловлей и скотоводствомъ. Бѣдствіе, постигшее Фого въ 1860 г., вдругъ значительно увеличило число жителей его сосѣда; но никто изъ новыхъ колонистовъ не присвоилъ себѣ монополію землевладѣнія. Брава не имѣлъ сюзерена, отдающаго въ аренду ту или другую часть своего имѣнія. Каждый селился здѣсь въ качествѣ собственника и каждый имѣлъ свой земельный участокъ; благодаря этому, островъ, впрочемъ, не очень гористый и пригодный для земледѣльческой культуры на всемъ своемъ протяженіи, сдѣлался садомъ архипелага, и большинство его обитателей живутъ въ довольствѣ. Ихъ хорошенькіе домики весело блестятъ сквозь зелень садовъ.

Жители острова Брава отличаются отъ жителей Фого болѣе высокимъ ростомъ, болѣе бѣлымъ цвѣтомъ кожи и чертами, напоминающими черты козы, за что и получили соотвѣтственное прозвище въ насмѣшку. Это неугомымые работники, не только по культурѣ почвы, но также по рыбной ловлѣ и судоходству. Американцы,

¹⁾ *Preuves de la Théorie de la Terre*.

²⁾ *Lopes de Lima*, цитированное сочиненіе.

избравшие этот остров за центр своих рыболовных промыслов въ архипелагъ Зеленаго Мыса, вербуютъ здѣсь свои экипажи, и потому между этими островитянами не мало людей бывалыхъ, объѣхавшихъ добрую часть свѣта. Многіе эмигрируютъ также въ португальскія владѣнія континентальной Африки. Портъ Дикаго острова, Фурна, хорошо защищенный, но очень маленькій, находится на восточномъ берегу, противъ рейда острова Фого; главный населенный пунктъ—городокъ Сантъ-Жуанъ-Батиста (св. Іоанна Крестителя), куда чиновники съ другихъ острововъ часто пріѣзжаютъ на дачный сезонъ или для поправленія здоровья.

Къ сѣверу отъ Бравалежатъ два необитаемыхъ островка, называемые «Сухими», *ilheos Seccos*.

Острова Зеленаго Мыса, численность ихъ населенія (1885 г.) и главные города:

	Кв. кил.	Число жит.	Главные города.
Санто - Антонио (св. Антоніа)...	720	18.351	Рибейра-Гранде (4.500 жит.).
Сантъ - Висентъ (св. Викентіа)...	207	7.342	Минделло (4.200 жит.).
Сантъ - Николау (св. Николая)...	375,5	8.815	Рибейра - Брава (4.000 жит.).
Саль (Соляной)...	233	990	
Бона-Виста....	593	3.096	Сальрей.
Майо.....	206	1.837	
Сантъ-Яго (св. Іакова).....	967	45.488	Прайя (12.000 ж.).
Фого (Огненный)...	443	16.004	Сантъ-Филиппе.
Брава (Дивій)...	55	9.013	Сантъ-Жуанъ-Батиста.

Въ административномъ отношеніи архипелагъ Зеленаго Мыса дѣлится на два округа: «острова на Вѣтрѣ» и «острова подъ Вѣтромъ», заключающіе вмѣстѣ 11 *concelhos* и 29 *freguezias*, т. е. «приходовъ» или общинъ. Консельо, первая совѣщательная единица, представлена выборнымъ муниципалитетомъ, во главѣ котораго стоитъ меръ, или *administrador*, назначаемый правительствомъ. Провинціальный совѣтъ, въ составъ котораго входятъ только два члена, избираемыхъ муниципіями, функционируетъ на ряду съ генераль-губернаторомъ провинціи; кромѣ того, при послѣднемъ состоятъ финансовая палата и совѣтъ главнаго управленія, образованный изъ завѣдующихъ отдѣльными отраслями администраціи. Главный начальникъ края, назначаемый королемъ, соединяетъ въ своемъ лицѣ гражданскую и военную власть; въ его отсутствіе, должность его исправляетъ генеральный секретарь. Каждый консельо имѣетъ свой судъ первой инстанціи; апелляціонныхъ же судовъ только два: одинъ—на островѣ св. Антоніа, другой—на островѣ св. Іакова.

Хотя отдаленное колоніальное владѣніе, архипелагъ Зеленаго Мыса представленъ въ лиссабонскихъ Кортесахъ двумя депутатами, избираемыми ограниченной подачей голосовъ въ двухъ округахъ провинціи.

Глава II

Сенегамбія.

I. Общій видъ страны.

Къ югу отъ сахарской области естественныя границы Судана обозначены не точной линіей, но поясомъ небольшой ширины, окаймляющимъ сѣверный берегъ Сенегала, затѣмъ берегъ Джолыбы или Нигера до Томбукту: здѣсь совершается переходъ отъ климата засухъ къ климату дождей, и этимъ контрастамъ соответствуютъ различія въ видѣ мѣстности, во флорѣ и фаунѣ, въ происхожденіи, нравахъ и учрежденіяхъ жителей. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, Сенегамбія ясно отграничена долиной Сенегала и окраинной плоскихъ возвышенностей, отмѣчающихъ геологическую границу Сахары. Линія рѣки, хотя проникающая всего только на

тысячу километровъ внутрь страны, есть одна изъ характеристическихъ чертъ чернаго континента: здѣсь начинается настоящая Африка, отдѣленная пустыней отъ той средиземной Африки, которую можно назвать промежуточной областью между двумя частями свѣта, сѣверной и южной. Сенегаль составляетъ раздѣльный поясъ между народами: на правомъ берегу его останавливаются берберы и арабы, на лѣвомъ—негритянскія населенія. Вообще можно сказать, что эта рѣка обозначаетъ исходный пунктъ поперечной линіи, проходящей между страной смуглыхъ и страной черныхъ людей.

На востокъ и югъ Сенегамбія не имѣетъ точныхъ границъ: съ этихъ сторонъ перемѣны совершаются нечувствительно, и географическія черты недовольно ярко обрисовываются. Рель-

есть водораздѣла между притоками Сенегала и Нигера дотого незначителенъ, что, переходя отъ одной рѣки къ другой, не замѣчаешь перемѣны въ видѣ мѣстности. Съ другой стороны,

между моремъ, Сенегаломъ, верхнею Жолубой, Рокель и порогомъ, раздѣляющимъ истоки двухъ послѣднихъ рѣкъ, представляетъ нѣкоторое географическое единство, благодаря гор-

Горня Фортъ и дебаркадеръ

ряды и группы высотъ, появляющихся въ южной Сенегамбii, продолжаютъ на юго-востокъ до Либерii и берега Слоновой кости, параллельно океанскому побережью. Однако, пространство овальной формы, заключающееся

ному массиву Фута-Джаллонъ, который занимаетъ его центръ, и откуда воды текутъ по расходящимся долинамъ, къ рѣкамъ окрестности. Эта область, которой можно дать, въ самомъ обширномъ его значенiи, имя Сенегамбii,

включая сюда сахарскую покатость Сенегала и даже некоторые бассейны безъ истечения, имѣющие скатъ къ югу, занимаетъ площадь, исчисляемую приблизительно въ 700.000 кв. километровъ. Что касается народонаселенія этой страны, то мы не имѣемъ еще достаточно надежныхъ данныхъ, чтобы опредѣлить его цифру съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ. Сдѣланныя до сихъ поръ приблизительныя исчисления сильно расходятся между собою. Миссіонеръ Барросъ полагаетъ, что цифра четырнадцать миллионъ очень близко подходитъ къ истинѣ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ населенность составляла бы около двадцати жителей на одинъ квадрат. километръ, — пропорція ничтожная для плодородной и обильно орошаемой территории, гдѣ рождаемость весьма значительна и гдѣ населеніе возрастаетъ чрезвычайно быстро, когда страна избавлена отъ бѣдствій войны. Однако, если не довольствоваться гуртовыми оцѣнками и къ спеціальной статистикѣ европейскихъ владѣній прибавить болѣе или менѣе точныя данныя, заимствованныя изъ рассказовъ путешественниковъ, то окажется, что народонаселеніе Сенегамбии гораздо меньше той цифры, которую можно было предполагать при видѣ нѣкоторыхъ многочисленныхъ селеній морскаго побережья.

Народонаселеніе Сенегамбии, по официальнымъ статистикамъ и приблизительнымъ исчислениямъ путешественниковъ:

Французскій Сенегаль, на с. отъ Гамбии, въ 1879 г. — 190.160 жителей. Трарца, Бракна, Дуаши, по Федербу — 185.000 ж. Другіе мавры — 40.000 ж. Каарта, Гидимаха — 300.000 ж. Французскій Суданъ, выше Медины, по Бай-олю — 40.000 ж. Фута-Джаллонъ, по Нуаро — 600.000 ж. Фута и Гойя, по Жакмару — 184.420 ж. Джалофъ, Ферло, Бонду — 250.000 ж. Хассо, Бамбукъ, Джаллонъ-Дугу — 280.000 ж. Англійскія владѣнія на Гамбии — 14.500 ж. Независимыя государства въ бассейнѣ Гамбии — 200.000 ж. Бассейнъ Казаманки (2.300, по переписи 1879 г.) — 60.000 ж. Португальская Гвинея — 150.000 ж. Южныя рѣки (467, по переписи 1879 г.) — 100.000 жит. Всего — 2.594.080 жителей.

Болѣе пяти столѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ европейцы по наслышкѣ и по собственному наблюденію познакомились съ Сенегамбией. Не говоря уже о периплѣ Ганнона, ни о плаваніи майорканца Яго Феррера, ходившаго въ 1346 году на поиски «Золотой рѣки» ²⁾, ни о путешествіяхъ, совершенныхъ діеписскими мореплавателями ³⁾ въ 1364 г. и позднѣе, достоверно извѣстно, что венеціанцы, благодаря своимъ

дружественнымъ отношеніямъ съ Тунисомъ и его караванами, знали уже въ пятнадцатомъ столѣтіи имя Томбукту и другихъ городовъ Судана: на одной каталанской картѣ 1375 года показаны населенныя страны, простирающіяся на югъ отъ пустыни. Особенно два имени приобрѣли громкую извѣстность. Гинія (Ginya, Ginea, Ghenni, Ginea, Guinoye), городъ, богатый золотомъ, который большинство географовъ отождествляли съ Дженне, и «Золотая рѣка», какъ называли Сенегаль. Достигнуть «Гвиней», открыть «Золотую рѣку» — составляло предметъ честолюбія тогдашнихъ мореходовъ. Бетанкуръ, завоеватель восточныхъ Канарскихъ острововъ, «разсчитывалъ открыть дорогу къ «Золотой рѣкѣ» въ полутораста французскихъ лье отъ мыса Бугедеръ». Но окончательное изслѣдованіе этихъ таинственныхъ странъ началось только полвѣка спустя.

Въ 1434 году португалецъ Жиль-Эаннесъ перешелъ, наконецъ, опасные подводные камни мыса Бохадоръ, а въ 1443 году Нуно-Тристану обогнулъ мысъ Бланко и прошелъ вдоль берега на 25 лье южнѣе этого мыса. Онъ привезъ оттуда нѣсколькихъ несчастныхъ рыбаковъ, захваченныхъ на островахъ Аргуня, и одного вида этихъ невольниковъ достаточно было, чтобы возбудить сильное рвеніе къ географическимъ изслѣдованіямъ у догадливыхъ купцовъ, которые упрекали инфанта донъ-Генриха за огромныя суммы, потраченныя на безполезныя путешествія вдоль пустыннаго берега. Цѣлая флотилія отправилась изъ португальскаго города Лагоса, въ 1444 г., на Аргунскій архипелагъ, и операція ея увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, къ великой выгодѣ судовладельцевъ: «Господу Богу, Мздовоздатель добрыхъ дѣлъ, угодно было вознаградить мореходовъ за многія напасти, испытанныя въ служеніи Ему, даровавъ имъ, наконецъ, немного торжества, славы за ихъ труды и возмѣстивъ понесенные ими расходы, ибо они овладѣли добычей въ сто шестьдесятъ пять головъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей ⁴⁾». Но въ слѣдующемъ году португальскіе негроторговцы были менѣе счастливы. Гонсало-де-Синтра, погнавъ съ судномъ на мель, былъ внезапно атакованъ туземцами и убитъ, вмѣстѣ со своими спутниками.

Годъ 1445-й составляетъ одну изъ славныхъ датъ вѣка географическихъ открытій. Одинъ мореплаватель, имя котораго различно передается современными писателями, Динишъ Диасъ или Динишъ Фернандесъ, миновавъ песчаные или каменные берега Сахары, перешелъ за первую группу пальмъ, растущихъ на берегу, къ югу отъ пустыни; затѣмъ, пройдя въ открытомъ морѣ мимо бара Сенегала, обогнулъ мысъ, составляющій крайній выступъ афри-

¹⁾ Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa, 1882.

²⁾ D'Avezac; — Codine; — Granier, etc.

³⁾ „Nouvelles Annales des Voyages“, mai 1846.

⁴⁾ Azurara, „Chronica de Guiné“.

канскаго материка съ западной стороны: это мысъ Зеленый, на которомъ дѣйствительно есть кое-какая зелень и за которымъ начинается тропическая область большихъ вѣтвистыхъ деревьевъ, обвитыхъ лианами. Такъ была опровергнута ложная аристотелевская теорія, сильно обезкураживавшая предыдущихъ мореплавателей, по которой предполагалось, что на югѣ мѣра, подъ знойными лучами солнца, сжигающими почву, невозможно никакое произрастаніе растеній, никакое развитіе жизни, что тамъ не существуетъ ни людей, ни животныхъ. Съ этого времени было доказано сходство климатовъ въ обоихъ полушаріяхъ ¹⁾.

Одна изъ двадцати шести каравеллъ, отплывшихъ въ 1445 г. изъ Португаліи къ берегамъ Африки, открыла устье Санаги, Золотой рѣки, которую въ то же время принимали за рукавъ египетскаго Нила. Въ слѣдующемъ году Нуно-Тристану, тотъ самый, который, передъ тѣмъ первый обогнулъ мысъ Бланко, проникъ на югъ отъ острова, называемаго нынѣ его именемъ, въ рѣчку, гдѣ былъ внезапно окруженъ туземцами и нашелъ смерть почти со всѣми своими спутниками: это, по всей вѣроятности, была та рѣка, которая впослѣдствіи получила названіе Рио-Нуно или Рио-Нуньесъ. Альваро Фернандесъ подвинулся въ томъ же году до мѣстности, лежащей въ соосѣдствѣ Сьерра-Леоне, которая была перейдена только пятнадцать лѣтъ спустя. Въ три года все сенегамбійское побережье было обследовано и большинство рѣчныхъ устьевъ осмотрѣно, но, благодаря практиковавшейся охотѣ на челоуѣка, экспедиціи внутрь страны были сопряжены съ большою опасностью. Однако, съ теченіемъ времени, на нѣкоторыхъ пунктахъ установились правильныя торговыя сношенія: въ благопріятныхъ мѣстахъ были учреждены конторы, построены фермы; съ начала пятнадцатаго столѣтія португальцы подвинулись на сѣверъ Сенегала до Адара и завязали торговыя сношенія съ жителями Уадана, находящагося въ шестистахъ километрахъ къ востоку отъ ихъ Аргуйнской колоніи.

Съ семнадцатаго столѣтія голландцы, англичане, французы оспариваютъ у первыхъ завоевателей обладаніе сенегамбійскимъ побережьемъ, и негодянты этихъ различныхъ націй мало-по-малу проникаютъ внутрь материка. Но географическое изслѣдованіе въ собственномъ смыслѣ началось только съ Андре Брю, директора «французской компаніи на Сенегалѣ», въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ восемнадцатаго столѣтія. Онъ проникъ въ область верхняго Сенегала выше впаденія притока Фалеме и, кромѣ того, послалъ нѣсколькихъ изслѣдователей въ мѣстности, прилегающія къ этой рѣкѣ: монахъ Аполлинарій посѣ-

тилъ страну золота въ Бамбукѣ, а другой изслѣдователь, Компаньонъ, обошелъ ее во всѣхъ направленіяхъ: карта, составленная послѣднимъ по пройденнымъ имъ путямъ и приложенная къ сочиненію Лабата, содержитъ нѣкоторыя подробности, которыя еще не были проверены путешественниками настоящаго столѣтія и не встрѣчаются на ихъ картахъ ¹⁾. Рюбо, въ 1786 году, обследовалъ слабо населенныя мѣстности, отдѣляющія Гамбію отъ сѣверной дуги Сенегала; въ то же время другіе путешественники посѣтили область Гамбіи; затѣмъ Мунго-Паркъ, по порученію лондонской African Association, этой родоначальницы современныхъ географическихъ обществъ, совершилъ, въ 1795 году, свою первую экспедицію въ тѣ края, которая привела его отъ поморья къ берегамъ Нигера, откуда онъ вернулся на Гамбію съ купеческимъ караваномъ. Въ 1818 году, Моллиенъ первый проникъ въ центральный массивъ всей этой области, въ горы Фута-Джалонъ, воды которыхъ спускаются на востокъ къ Нигеру, на сѣверъ къ Сенегалу, на западъ и на югъ къ Гамбіи, Рио-Гранде, Скарси и Рокель. Со времени этого памятнаго путешествія страна была пройдена во всѣхъ направленіяхъ: особенно французы, натуралисты, моряки или солдаты, покрыли ее цѣлою сетью своихъ маршрутовъ. Въ то время, какъ моряки, Брауэекъ и другіе, изучили лиманы прибрежья, офицеры или чиновники, изъ французовъ или туземцевъ, какъ Паве, Алиунъ-Саль, Буэль-Мохдадъ, Венсанъ, Солелье, объѣхали степи на сѣверѣ отъ Сенегала и связали съ сахарскими оазисами и даже съ Марокко сеть линій изслѣдованія, начертанныхъ пройденными путями въ Сенегамбіи; Мажъ и Кентеаъ проникли на востокъ въ бассейнъ Нигера и поднялись далеко по направленію къ Томбукту. Затѣмъ, въ 1880 году, экспедиція Галлиени была исходнымъ пунктомъ обширной системы географическихъ изученій, сопровождавшихъ дѣло завоеванія въ области между Сенегаломъ и Нигеромъ. Во всей полосѣ, соединяющей Сень-Луи съ Бамаку, на Нигерѣ, за предварительнымъ осмотромъ слѣдовали точныя работы по нивеллировкѣ мѣстности: нѣкоторыя части Сенегала представлены на новейшихъ картахъ съ такими же деталями, какъ страны Европы. И здѣсь, также какъ въ Алжирѣ, въ Египтѣ, на Мысѣ Доброй Надежды и на всѣхъ пунктахъ африканскаго поморья, гдѣ европейскіе поселенцы образовали дѣятельныя общины, наука продолжаетъ медленно, но вѣрно, свое дѣло завоеванія.

Массивъ горъ Фута-Джалонъ дѣлаетъ изъ Сенегамбіи географическое цѣлое, собирая дожди, образующіе Сенегалъ, Гамбію, Казаманку, Гебу, Рио-Гранде, Нуньесъ, Понго, Скарси,

¹⁾ Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

¹⁾ „Nouvelle relation de l'Afrique occidentale“.

и примѣшивая къ водамъ этихъ рѣкъ плодородные наносы. Онъ составляетъ, слѣдовательно, одну изъ главныхъ чертъ въ образованіи западной Африки, и нѣтъ ничего удивительнаго, что первые путешественники преувеличили его размѣры. Ламберъ, посѣтившій эти горы въ 1860 г., опредѣлилъ въ 3.000 метровъ высоту Сунъ-ду-мали (Судумали), одной изъ самыхъ высокихъ вершинъ, поднимающихся около середины цѣпи, основываясь на словахъ одного изъ своихъ спутниковъ, туземцевъ племени фула, рассказывавшаго, будто высокія вершины Фута-Джаллона бываютъ покрыты снѣгомъ въ сезонъ дождей; онъ думалъ даже, что выдающіяся точки массива достигаютъ 4.000 метровъ, то-есть приписывалъ имъ высоту, почти равную высотѣ пирамиды египетской горы Симента, находящейся на другой сторонѣ континента ¹⁾).

Однако Ламберъ не дѣлалъ точныхъ измѣреній, а извѣстно, какъ легко ошибиться въ гористой странѣ, особенно тамъ, гдѣ отсутствіе тропиковъ удваиваетъ утомительность восхожденія. Лѣтъ десять передъ тѣмъ, Геккартъ, которому указывали на гору Миминія, километрахъ въ пятидесяти къ западу отъ плато Лабе, какъ на самую высокую вершину массива, и который тоже слышалъ рассказы о «бѣлыхъ дождяхъ», будто бы покрывающихъ верхніе скаты, взомель на этотъ пикъ въ пять часовъ времени, но не нашелъ на его макушкѣ, гдѣ растетъ нѣсколько чахлахъ деревьевъ, никакихъ слѣдовъ снѣга ²⁾. Если бы горы Фута-Джаллонъ имѣли высоту, хоть немного приближающуюся къ цифрѣ, указанной Ламберомъ, то вершины ихъ были бы примѣтны съ нижней Фалеме и съ средней Гамбиі, а между тѣмъ онѣ не видны еще съ разстоянія 150 километровъ. При томъ же болѣе новые путешественники, Байоль, Нуаро, Оливье, Габорио, Ансальди, ничего не говорятъ о такихъ большихъ высотахъ. Самый высокій перевалъ, перейденный Оливье, недалеко отъ истоковъ Какримы, лежитъ на высотѣ 1.027 метровъ. Байоль и Нуаро достигли высоты 1.400 метровъ, у деревни Богама, расположенной въ центральномъ массивѣ горъ, недалеко отъ Судумали. Надъ гребнемъ, гдѣ сгруппировались хижины этой деревушки, высятся еще другія горы, изрѣзанныя въ формѣ башенъ и обелисковъ и пріютившія поселки на каждомъ выступѣ своихъ склоновъ. Вѣроятная ихъ высота около 2.000 метровъ, по оцѣнкѣ португальскаго купца Симоэнса ³⁾, или даже меньше, по мнѣнію французскихъ изслѣдователей; что касается

средней высоты, то она, кажется, не превышаетъ 1.200 метровъ.

По описаніямъ путешественниковъ, рядъ высотъ, начинающійся у береговъ Сенегала въ Бонду, принимаетъ характеръ горной цѣпи только около большаго поворота Гамбиі. Въ цѣломъ эта высокая гористая область тянется по направленію съ сѣвера на югъ, съ легкимъ изгибомъ къ востоку. Длина ея около 300 километровъ; но за истоками сенегальскаго Бафинга, гдѣ высота пороговъ, повидимому, не превышаетъ 800 метровъ, эта цѣпь продолжается на юго-востокъ другими, еще не изслѣдованными, горами, которыя, въ свою очередь, примыкаютъ къ горамъ, высотой отъ 1.000 до 1.350 метровъ, господствующимъ надъ истоками Нигера. Въ предѣлахъ Сенегамбіи разсматриваемая горная цѣпь крутымъ склономъ обращена къ рѣкамъ Гамбиі и Фалеме, т. е. на востокъ, тогда какъ пологій скатъ ея спускается на западъ, вытягивая свои предгорья и террасы къ морскому побережью. Большая часть массива состоитъ изъ довольно ровныхъ плато, или *баоваль*, высокихъ равнинъ, устланныхъ большими камнями и оканчивающихся крутыми откосами. Эти плоскія возвышенности опираются на вышніе уступы, спускающіеся, въ видѣ лѣстницы, къ береговымъ равнинамъ и раздѣленные на неравные отрывки рѣками, которыя вырыли себѣ тамъ глубокіе и узкіе проходы; послѣдняя терраса, идущая параллельно побережью, возвышается въ среднемъ на 300 метровъ надъ низменными равнинами.

Фута-Джаллонъ, центральный массивъ всей сенегамбійской области, представляетъ ядро изъ кристаллическихъ породъ, окруженное болѣе новыми формаціями. Большинство путешественниковъ, проходившихъ черезъ него, говорятъ, что онъ состоитъ изъ гранита, гнейса, «первичныхъ песчаниковъ». На сѣверъ этотъ кристаллическій и сланцевый массивъ продолжается высотами, разрѣзанными дѣйствіемъ дождевой воды на отдѣльные массивы; на сѣверо-востокъ и на востокъ отъ него тянутся другія горы съ параллельными гребнями: Тамбура, въ Бамбукѣ, вздымающая свои голыя, почти неприступныя стѣны надъ зеленѣющими равнинами, и высоты Кеніеба, имѣющія форму усѣченныхъ конусовъ. Второстепенныя цѣпи изрѣзаны долинами, пески и глина которыхъ содержатъ золотыя блестки, оторванныя отъ первичныхъ породъ: въ этихъ-то сланцевыхъ формаціяхъ съ золотonosными наносами верхніе притоки Сенегала и вырыли свои сходящіяся долины. Между Бафингомъ и Бахоемъ, двумя главными вѣтвями Сенегала, скалы, образующія хребты, параллельные Нигеру и обращенные къ этой рѣкѣ крутымъ склономъ, состоятъ изъ песчаниковъ, залегающихъ горизонтальными пластами, надъ которыми тамъ и сямъ высятся, въ видѣ гранитныхъ ци-

¹⁾ "Tour du Monde", 1861, 1-er Semestre.

²⁾ "Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale".

³⁾ Doelter, "Ueber die Capverden nach dem Rio grande und Fatah-Djallon".

таделей, каменные глыбы роговой обманки, кварца и полевого шпата ¹⁾). Даже на сѣверѣ отъ Сенегала, до песковъ Сахары, ряды холмовъ и террасы состоятъ изъ формаций той же эпохи. Въ Каартѣ сахарскіе утесы, откуда вытекаютъ временныя притоки Сенегала, имѣютъ среднюю высоту отъ 300 до 320 метровъ, и холмы этой страны состоятъ изъ пластовъ синеватаго шифера, прикрытыхъ слоями латерита. На западѣ высоты расположены болѣе правильно: онѣ образуютъ массивы, которые танутся въ видѣ ряда цѣпей, ориентированныхъ по большей части съ сѣверо-востока на юго-западъ. Рельефъ страны имѣетъ такой видъ, какъ будто почва была вспахана гигантскимъ плугомъ, оставившимъ между бороздами параллельныя гряды, крутой скатъ которыхъ обращенъ къ востоку, а пологій къ западу. Западный хребетъ, Халипъ-Анагимъ, поднимается на 400 метровъ: это сѣверо-западная стѣна сенегальскаго бассейна ²⁾).

Къ западу отъ гнейсовъ и сланцевъ, составляющихъ остоу Сенегамбіи, простираются пласты желѣзистаго песчаника или латерита, охристой массы, образовавшейся изъ разложения болѣе древнихъ горныхъ породъ: весь поясъ сенегальскаго побережья занятъ этими формациями, повсюду, гдѣ рѣки и морскіе приливы не отложили своихъ наносовъ. Растительность разнообразно видоизмѣняетъ эти пласты, въ которыхъ тамъ и сямъ встрѣчаются узловатости, указывающія, повидимому, на медленное геологическое дѣйствіе со стороны корней и корешковъ. Чѣмъ дальше на западъ, тѣмъ болѣеую пропорцію желѣза содержатъ эти охристые песчаники; во многихъ мѣстахъ можно подуматъ, что почва покрыта желѣзными обломками, какъ вокругъ желѣзодѣлательнаго завода.

Сенегамбійское побережье представляетъ двѣ части, различающіяся геологической исторіей и внѣшнимъ видомъ. Оно дѣлится на три пояса, ясно разграниченные: отъ мыса Бѣлаго до мыса Зеленаго, отъ мыса Зеленаго до мыса Краснаго (Рохо) и отъ мыса Краснаго до острова Шербро. Если разсматривать въ цѣломъ кривую, развертывающуюся отъ мыса Бѣлаго до мыса Зеленаго, на протяженіи около 850 километровъ, то легко замѣтитъ, что вся эта часть африканскаго побережья, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ отъ Сенегала, отличается единствомъ геологической формы и строенія. Между двумя названными мысами, почти на равномъ разстояніи выдвинутыми къ западу, берегъ, окаймленный высокими дюнами, изгибается по правильной линіи; только на сѣверѣ побережье, разрушенное размывающимъ дѣй-

ствіемъ водъ, замѣнила песчаная мель, по которой набѣгаютъ длинныя волны морскаго прилива, а на югѣ наносы Сенегала, отлагавшіеся въ нормальной кривизнѣ береговъ, образовали выпуклый сегментъ, длиною въ 200 километровъ, при средней ширинѣ около двадцати километровъ. Внутри материка, къ востоку отъ кордона дюнъ, окаймляющаго побережье, мы находимъ съ той и съ другой стороны сходныя формации: на сѣверѣ отъ сенегальскаго аллювія, по направленію къ пустынѣ, также какъ и на югѣ, по направленію къ Гамбін, почва состоитъ изъ желѣзистыхъ слоевъ латерита. Кромѣ того, оба мыса, Бѣлый и Зеленыя, представляютъ маленькіе массивы, повидимому, образовавшіеся въ одну и ту же эпоху ³⁾: это какъ бы пилоны, правильно расположенныя по бокамъ морскаго берега собственнаго Сенегала.

Часть побережья, заключающаяся между мысами Зеленымъ и Краснымъ, короче сенегальскаго берега: разстояніе отъ одного мыса до другаго 275 километровъ, по прямой линіи; но въ цѣломъ эта береговая полоса представляетъ кривую, обращенную вогнутостью къ востоку. Первоначальное очертаніе, обнаруживаемое песчаными стрѣлками и подводными барами передъ заливообразными устьями, отличается замѣчательной правильностью; впрочемъ, побережье глубоко изрѣзано морскими воронками, куда изливаются рѣки, и пласты желѣзистаго песчаника на обширныхъ пространствахъ покрыты слоемъ аллювіальныхъ отложений. Что касается береговой полосы между мысомъ Краснымъ и островомъ Шербро, то она совершенно утратила правильную форму; полоса эта изрѣзана морскими волнами на безчисленное множество бухтъ и бухточекъ разной величины, и въ сосѣдствѣ береговъ море усѣяно островами и подводными камнями: только при помощи линіи промѣровъ въ открытомъ морѣ противъ побережья можно опредѣлитъ край пьедестала, на которомъ покоится континентъ, и который, вѣроятно, вѣкогда былъ берегомъ твердой земли; подводный обрывъ, обозначающій край пьедестала, и у подножія котораго находятъ глубины въ 1.000 и 2.000 метровъ, очерченъ такъ же правильно на западѣ отъ архипелага Биисагосъ, какъ и на широтѣ Сахары. При томъ же вдоль береговъ южной Сенегамбіи полосы земли, наносы и латериты, не отличаются отъ формаций, изъ которыхъ состоитъ побережье на сѣверѣ отъ мыса Краснаго.

Какъ объяснить происхожденіе этихъ странныхъ вырѣзокъ на окраинѣ материка, и гдѣ искать причину разрушенія первоначальной почвы, превращенной въ архипелаги и песчанья мели? Изученіе этой страны, называемой «Рѣками Юга», показываетъ, что изрѣзанная часть сенегамбійскихъ береговъ въ точности

¹⁾ Alexis Demailly, «Afrique explorée et civilisée», 1883.

²⁾ Bourrel, «Revue Maritime et Coloniale», 1861; — Lenz, «Timbuktu».

³⁾ Lenz, «Petermann's Mittheilungen», 1882, Heft. I.

соответствует по широтѣ хребту горъ Фута-Джаллонъ: линія наибольшаго паденія между высотами этой цѣпи и изсѣченіями побережья обозначена рѣчными долинами и ихъ продолженіями—морскими лиманами. При внимательномъ разсмотрѣніи карты нельзя не замѣтить, несмотря на недостаточную полноту ея, существованія причинной связи между этими двумя параллельными географическими чертами—горами и изсѣченіями морскаго берега. Рѣки, спускающіяся съ массива Фута-Джаллонъ, вырыли долины и способствовали въ извѣстной мѣрѣ образованію лимановъ или заливообразныхъ устьевъ; но не слѣдуетъ ли допустить, что въ этой работѣ изсѣченія береговъ участвовалъ, кромѣ рѣкъ, еще другой геологическій дѣятель, именно—ледники? Правда, нынѣшній климатъ этихъ странъ совсѣмъ не похожъ на тотъ, при которомъ могло бы происходить изліяніе рѣкъ въ равнинѣ Сенегамби, но въдѣ африканскій берегъ находится въ этомъ отношеніи въ такихъ же точно условіяхъ, какъ побережье Бразиліи и Новой Гранады, гдѣ, однако, Агассицомъ и другими изслѣдователями были констатированы слѣды ледянаго періода. Чѣмъ другимъ, какъ не движеніемъ древнихъ ледниковъ, можно объяснить происхожденіе эрратическихъ камней гранита, находимыхъ въ песчаниковыхъ равнинахъ Сьерра-Леоне? Этимъ ледянымъ потокамъ, по всей вѣроятности, и должна быть приписана работа разрушенія, отодвинувшая сенегальскій берегъ на сотню километровъ внутрь материка.

Занимая около 12 градусовъ по широтѣ и заключая въ своихъ предѣлахъ горныя цѣпи, главныя вершины которыхъ достигаютъ 1.800 метровъ высоты, территория Сенегамби естественно должна представлять много разнообразія въ флорѣ и фаунѣ, принадлежащихъ при томъ же къ двумъ различнымъ областямъ—области степей, сопредѣльныхъ Сахарѣ, и области большихъ лѣсовъ Нигриціи. Точно также и съ этнографической точки зрѣнія Сенегамбія являетъ большіе контрасты. Населеніе ея не имѣетъ ни политическаго единства, ни соціальной связи. Оно принадлежитъ къ различнымъ расамъ и распадается на множество государствъ и союзовъ, королевствъ, республикъ, централизованныхъ или федеративныхъ, религиозныхъ общинъ, бродячихъ племенъ, группъ семействъ, разсѣивающихся или перемѣшивающихся одна съ другой. Центральную часть страны, массивъ Фута-Джаллонъ, занимаютъ главнымъ образомъ фулы, люди бронзоваго цвѣта, которыхъ отличаютъ отъ негровъ въ собственномъ смыслѣ; вокругъ нихъ, на морскомъ побережьи и на верхнихъ притокахъ Сенегала и Гамби, живутъ негритянскія племена, тогда какъ берберскіе народцы, болѣе или менѣе смѣшанные, кочуютъ въ мѣстно-

стяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Сенегала. Появленіе европейскихъ купцовъ создало новыя центры притяженія для этихъ разнородныхъ населеній и повлекло за собой перемѣны въ ихъ группировкѣ и союзахъ; затѣмъ правительства западной Европы въ интересахъ своихъ подданныхъ, завязавшихъ торговые сношенія въ тѣхъ краяхъ, пріобрѣли силой или путемъ купли территории, прилегающія къ мѣновымъ рынкамъ. Такъ, Португалія, первая по времени своихъ завоеваній, владѣетъ архипелагомъ Биссагосъ и частью сосѣдняго побережья, составляющей остатокъ прежнихъ обширныхъ владѣній, простиравшихся неопредѣленно въ глубь Судана. Англія основала свои факторіи и конторы при устьи Гамби и во многихъ мѣстахъ по теченію этой рѣки. Франція забрала гораздо болѣе обширную территорию. Вся часть морскаго побережья, простирающаяся отъ мыса Бланко до рѣки Салумъ, т. е. береговая линія длиной въ 750 километровъ, и перерѣзанная рѣками полоса, заключающаяся между Рио-Нуеньесъ и Меллакоре, т. е. пространство около 250 километровъ, принадлежатъ къ французской Сенегамбіи; между этими двумя большими береговыми областями бассейнъ Казаманки образуетъ анклавъ, тоже причисляемую къ владѣніямъ Франціи. Внутри континента владѣнія этой державы, обозначенныя, точно вѣхами, рядомъ фортовъ, простираются по прямой линіи на тысячу слишкомъ километровъ отъ Зеленаго Мыса; они продолжаютъ на востокъ за истоки Сенегала, переходятъ черезъ водораздѣльные пороги къ Нигеру и даже достигаютъ этой рѣки, которая служитъ условной границей на значительной части ея теченія. Наконецъ, въ силу трактата, недавно заключеннаго съ португальскимъ правительствомъ, массивъ Фута-Джаллонъ, если не присоединенъ къ французской колоніальной территоріи, то, по крайней мѣрѣ, напередъ намѣченъ какъ земля, долженствующая состоять подъ «протекторатомъ». Подобнымъ же образомъ верхній бассейнъ Джолибы, по конвенціи съ Великобританіей, предоставленъ Франціи, какъ территорія будущаго расширенія ея сюзеренной власти.

Но все это только внѣшнія политическія перемѣны, и хотя многіе писатели говорятъ еще о мнимой неподвижности чернокожихъ, будто бы неспособныхъ къ ученію, къ усвоенію новыхъ родовъ промышленности и воспріятію идей, отличныхъ отъ понятій ихъ предковъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію, что въ массѣ этихъ народовъ совершаются большіе перевороты, глубоко измѣняющіе ихъ соціальное состояніе. Постепенное движеніе завоевательныхъ расъ отъ востока къ западу продолжаютъ съ неослабвующей силой. Мандинги распространились въ предѣлы области населеній поморья, фулы подвинулись еще да-

лѣ, и ихъ авангардные квартирмейстеры прибыли уже на устья рѣкъ. Мусульманская пропаганда сопровождаетъ этническія перемѣщенія и даже предшествуетъ имъ; многіе чер-

болѣе смутный, менѣе догматическій и менѣе суровый, чѣмъ у арабовъ. Нравы, промыслы, образъ жизни видоизмѣняются вмѣстѣ съ передвиженіями, смѣшеніемъ расъ, основаніемъ

Деревня Бафулаба.

ные народцы, у которыхъ фулы представлены лишь нѣсколькими торговцами, уже причисляютъ себя къ послѣдователямъ ислама, который, впрочемъ, у большинства новообращенныхъ принимаетъ мистическій характеръ,

новыхъ государствъ, религіозными обращеніями. И въ то время какъ эти далеко и глубоко захватывающія перемѣны совершаются внутри страны, иностранные негодіанты, поселяющіеся въ пунктахъ морскаго побережья,

уравновѣсившая на западѣ напоръ съ востока, со стороны мандинговъ и фуловъ, оказывающую своими торговыми сношеніями все болѣе и болѣе усиливающееся воздѣйствіе на туземныя населенія. Предметъ мѣстной торговли теперь уже другой: они болѣе не покупаютъ человѣческій товаръ, какъ это дѣлали ихъ предшественники въ продолженіи почти четырехъ столѣтій. Теперь они спрашиваютъ продукты сбора и земледѣлія: вмѣсто того, чтобы ловить негра, какъ было прежде, они покупаютъ у него произведенія его промышленности. Войны, возбужденныя работоторговцами, постепенно угасли.

Несомнѣнно, достигнуть уже большой прогрессъ; уничтоженіе торговыми неграми составляетъ событіе громадной важности, способствующее обновленію Африки: бѣлые и черные не смотря уже другъ на друга какъ на людоедовъ; но отвѣтственность за совершенные ужасы не изглажена. Если европейскіе торговцы теперь уже не покупаютъ людей непосредственно, они тѣмъ не менѣе продолжаютъ трудиться надъ деморализаціей бывшихъ невольниковъ. Они упрекали ихъ въ жестокости, а между тѣмъ сами же вынуждали ихъ вести войну; они обвиняютъ ихъ въ пьянствѣ, лѣности, развращенности, и сами же продаютъ имъ фальсифицированную водку. Дѣйствительную цѣну совершеннаго дѣла надо измѣрять не годовой цифрой барышей, получаемыхъ купцами. Новыя отношенія между расами должны произвести нѣчто другое. Принимая къ себѣ иностранцевъ, туземецъ, дѣлящийся съ ними родной почвой, имѣетъ полное право требовать отъ нихъ въ обмѣнъ, чтобы они содѣйствовали увеличенію его благосостоянія, нравственности и свободы.

II. Бассейнъ Сенегала и Фута-Джаллонъ.

Поверхность областей, гдѣ, или по непосредственному владѣнію, или въ силу военного превосходства, власть принадлежитъ Франціи, можетъ быть опредѣлена приблизительно въ полмилліона квадратныхъ километровъ, что почти равняется пространству самой Франціи. Вотъ почему названіе «Сенегаль», которымъ до недавняго времени обыкновенно обозначали французскую Сенегамию, замѣнено теперь болѣе понятнымъ именемъ «французскаго Судана». Наименованіе «Сенегаль» оставлено за той территоріей, которая окаймляетъ рѣку того же имени въ судоходной части ея теченія, отъ Сентъ-Луи до Медины; тѣмъ не менѣе эта рѣка придаетъ всей странѣ ея географическое единство: это она обращаетъ ее въ обособленное цѣлое развитіемъ своихъ притоковъ и расходящихся рукавовъ (marigots).

Эта рѣка, по имени которой, въ соединеніи съ именемъ Гамбій, называется вся обширная страна, заключающая въ центральной своей части массивъ Фута-Джаллонъ, есть первый постоянный потокъ, достигающій моря на югѣ отъ сахарскихъ пространствъ. Отъ устья Сенегала до Умъ-эръ-Рбіа, послѣдней мароккской рѣки, не совсѣмъ пересыхающей лѣтомъ, считается приблизительно 2.200 километровъ по прямой линіи и около 3.000 километровъ по извилистой линіи морскаго побережья. Своимъ теченіемъ и сѣтью своихъ притоковъ Сенегаль обозначаетъ сѣверный предѣлъ пояса годовыхъ и обильныхъ дождей: русло его составляетъ продолженіе извилистой линіи текущихъ водъ, образуемой на востокѣ Нигеромъ, притоками озера Чаде и главными притоками Нила, Бахръ-эль-Арабомъ и Бахръ-эль-Азраккомъ. Быть-можетъ, подъ влияніемъ смутнаго понятія объ этомъ географическомъ фактѣ — существованіи большихъ рѣкъ во всей ширинѣ пояса, лежащаго къ югу отъ великой пустыни, — о Нилѣ во всѣ времена, до прошлаго столѣтія, говорили какъ о рѣкѣ съ многочисленными рукавами, протекающими черезъ всю Африку. Въ глазахъ упомянутаго выше изслѣдователя Кадамосто, «ручей Сенегала» — это въ одно и то же время Гихонъ, «рѣка Земнаго рая», Нигеръ и Нилъ.

По размѣрамъ своего бассейна, Сенегаль (Джаллибалилъ древнихъ іолофовъ, Ведамель и «Золотая рѣка» портулановъ) — одна изъ второстепенныхъ рѣкъ африканскаго континента; онъ слѣдуетъ за Конго, Ниломъ, Жозубой и Замбезе; приблизительныя оцѣнки географовъ ставятъ его даже ниже рѣкъ Лимпопо, Оранжевой и Джубы. Впрочемъ, различные авторы сильно расходятся въ своихъ исчисленіяхъ; такъ, фонъ-Кледенъ опредѣляетъ площадь бассейна Сенегала въ 258.795, а Шаванъ въ 440.500 квадр. километровъ. Это разногласіе происходитъ отъ того, что рѣчной водоскатъ со стороны Сахары еще не вполне обслѣдованъ, и въ то время, какъ одни считаютъ эту область, гдѣ текутъ временныя уади, принадлежащей къ сенегальскому бассейну, другіе причисляютъ ее къ поясу странъ безъ истеченія. Принимая съ этой стороны контуры бассейна, какъ они начерчены на картахъ новѣйшихъ изслѣдователей, находимъ для всей покатости площадь около 360.000 квадр. километровъ: это почти равно двумъ третямъ поверхности Франціи. Длина теченія Сенегала, отъ истока Бафинга до бара въ Сентъ-Луи, около 1.700 километровъ. По прямой же линіи разстояніе до ближайшей морской бухты всего только 275 километровъ.

Въ обширной сѣти рѣкъ и рѣчекъ, образующихъ Сенегаль, главной вѣтвью, если не по обилію водъ, то по крайней мѣрѣ по своему направленію, совпадающему съ осью долины,

является ручей, который берет начало въ бугристой мѣстности, представляющей, однако, между холмами легко переходимые пороги. Ручей этотъ туземцы называютъ Бауле; впрочемъ, имя его мѣняется по территориямъ, которыя онъ орошаетъ, и по населеніямъ, которыя живутъ на его берегахъ: обращаясь съ вопросомъ объ имени ручья къ племенамъ фула, бамбара или малинке, путешественникъ каждый разъ услышитъ новое слово¹⁾; вообще европейскимъ картографамъ не скоро еще удастся отождествить всѣ наименованія на разныхъ языкахъ, перепутывающіяся въ географической номенклатурѣ этой страны. Ниже истоковъ, гдѣ онъ вполнѣ извѣстенъ, Бауле орошаетъ часть территоріи Беле-дугу, еще мало изслѣдованную; затѣмъ, повернувъ на западъ, служитъ границей между французскими владѣніями и землей Каарта. Въ этой части своего течения рѣка получаетъ лишь немногіе и незначительные притоки съ сѣверной покатости, ограниченной сахарскими террасами; болѣе обильные притоки приходятъ къ ней съ юга. Важнѣйшій изъ нихъ — Бахой, который даетъ свое имя главному потоку ниже слиянія, и который, соединяясь съ Бафингомъ, образуетъ собственно Сенегалъ. На языкѣ племени малинке слияніе Бахоя, или «Бѣлой рѣки», и Бафинга, или «Черной рѣки», называется Бафулабе, что значитъ «Двѣ рѣки». Имя Майо-Рейо, даваемое ему фулами и тукулерами, имѣетъ то же значеніе²⁾.

Подобно бассейнамъ Миссисипи, Дуная и многихъ другихъ большихъ рѣкъ, бассейнъ Сенегала тоже имѣетъ рѣку горнаго происхожденія, которая, по направленію течения и геологическому образованію бассейна, должна быть разсматриваема какъ простой притокъ, но которую слѣдовало бы считать главной рѣкой по объему жидкой массы, вносимой ею въ общее русло. Бафингъ, притокъ, спускающійся съ горъ, беретъ начало, на высотѣ слишкомъ 750 метровъ, въ южной части массива Фута-Джаллонъ, къ югу отъ истоковъ Фалеме, Гамбін, Рио-Гранде. Сначала онъ течетъ на югъ, затѣмъ описываетъ большую дугу, направляющуюся на востокъ, сѣверо-востокъ и сѣверъ, образуя полу-эллипсъ съ нижнимъ теченіемъ Сенегала. Такъ какъ Бафингъ имѣетъ очень сильное паденіе, болѣе 600 метровъ, между его истокомъ и слияніемъ съ Бахоемъ, и такъ какъ, съ другой стороны, онъ питается дождевыми водами только въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году, то можно бы ожидать, что онъ совершенно пересыхаетъ въ сухое время года; но естественныя запруды ложка раздѣлили его на рядъ озеръ, гдѣ вода остается почти безъ исте-

ченія между періодами разлива. Зимой потокъ переходитъ черезъ послѣдовательные ряды скалъ, затѣмъ, въ періодъ бездождія, пороги снова выступаютъ наружу, и тогда рѣка состоитъ изъ ряда расположенныхъ одинъ надъ другимъ резервуаровъ, которые соединяются лишь струйками, скользящими по камнямъ пороговъ, и защищены отъ испаренія вѣтвистыми деревьями, образующими сводъ листвы надъ ихъ водами¹⁾.

При слияніи Бахоя и Бафинга Сенегалъ находится еще на высотѣ 143 метровъ надъ уровнемъ океана. Русло его, заключенное между крутыхъ береговъ, высотой въ 30 и 36 метровъ, еще не вырыто до нормальной глубины и во многихъ мѣстахъ образуетъ пороги и каскады. Одинъ изъ этихъ водопадовъ, называемый Гуина, представляетъ льющуюся поверхность высотой отъ 16 до 17 метровъ, смотря по времени года, при средней ширинѣ около 500 метровъ; послѣдній водопадъ, Фелу, имѣетъ такую же высоту, но воды въ этомъ мѣстѣ сильно стѣснены порогами. Рѣка, разливаясь въ видѣ озера выше каменной преграды, могла открыть себѣ въ этой запрудѣ лишь узкіе выходы; по серединѣ порога высятся двѣ остроконечныя скалы въ формѣ обелисковъ, — безстрастные черные колоссы среди вихря водъ. Ниже этого водопада, рѣка, усянная скалами, которая кое-гдѣ увѣнчана группами деревьевъ, находится на высотѣ 67 метровъ надъ уровнемъ моря, удаленнаго еще на тысячу километровъ: среднее паденіе, слѣдовательно, весьма незначительно, и суда, даже глубоко сидяція, могутъ подниматься, въ періодъ высокихъ водъ, почти до самаго водопада, до стремнинъ, надъ которыми господствуютъ величественные утесы. Кишгъ, высящійся одинъ противъ другаго на берегахъ Сенегала.

Въ небольшомъ разстояніи ниже водопадовъ, рѣка принимаетъ въ себя главный сѣверный притокъ, Куниакари или Тараколе, длина котораго отъ истока до устья по меньшей мѣрѣ 200 километровъ. Такъ какъ въ этой части своего течения Сенегалъ образуетъ границу между двумя географическими областями, пустыней и областью лѣсовъ, то вообще можно сказать, что и здѣсь притоки рѣки приходятъ съ юга. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ небольшой потокъ Куниакари, сахарскаго происхожденія, въ сравненіи съ рѣкой Фалеме, которая соединяется съ Сенегаломъ ниже и приноситъ ему воды, собранныя въ горахъ Фута-Джаллонъ? Этотъ притокъ, берущій начало въ сосѣдствѣ Бафинга и Гамбін, всегда катитъ хоть немного воды въ сухое время года: перерѣзанный естественными запрудами, какъ и главный вѣтви Сенегала, онъ также дѣлится на нѣсколько послѣдовательныхъ озерныхъ резервуа-

¹⁾ Gallieni, "Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 1882—1883.

²⁾ H. Hecquard, "Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale".

¹⁾ Gallieni, цитирован. мемуаръ.

ровъ, которые регулируютъ стокъ воды и тѣмъ устраняютъ возможность пересыханія рѣки. Въ зимнюю пору Фалеме имѣетъ не менѣе 300 метровъ въ ширину, при 8 метрахъ глубины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она соединяется съ главной рѣкой, такъ что мелкія суда могли бы подниматься на сотни километровъ вверхъ по этому притоку. Но верхняя область его, отличающаяся нездоровымъ климатомъ и часто опустошаемая войнами, осталась неизслѣдованной на обширныхъ пространствахъ: это наименѣе извѣстная часть французскаго Судана. Путешественники, которые, впрочемъ, проходили только область истоковъ въ цѣпи Фута-Джаллонъ, разнo говорятъ о направленіи потоковъ. Въ то время, какъ первые изслѣдователи считаютъ рѣку Тене, вытекающую на сѣверъ отъ Бафинга, главной вѣтвью Фалеме ¹⁾, новѣйшіе путешественники полагаютъ, что Тене спускается на сѣверо-западъ къ Бафингу ²⁾, и что истокъ Фалеме находится сѣвернѣе; но никто изъ нихъ не прошелъ по долинамъ до слиянія.

Послѣ соединенія съ Фалеме, Сенегаль не получаетъ болѣе притоковъ, текущихъ круглый годъ: это объясняется тѣмъ, что въ этомъ мѣстѣ рѣка, направляясь на сѣверо-западъ, выходитъ изъ пояса обильныхъ дождей и вступаетъ въ среднюю зону, которая еще не пустыня, но уже область вѣтвистыхъ деревьевъ. На югѣ, въ территоріи Ферло, почва дотого ровная, что не представляетъ ската для теченія водъ; онѣ застаиваются въ видѣ лужъ и испаряются. Съ сѣверной стороны, благодаря отлогости почвы, уади еще вырываютъ себѣ русло въ бокахъ сахарскихъ плато и спускаются по направленію къ Сенегалу, но катятъ воду до этой рѣки только въ періодъ дождей. Многіе изъ этихъ временныхъ потоковъ оканчиваются даже соляными лужами, которыя при большей сухости климата превратились бы въ солончаки, подобныя тѣмъ, которые находятся въ Иджилъ и въ другихъ частяхъ пустыни. Собственно Сахара не достигаетъ береговъ Сенегала. Карлъ Риттеръ въ своемъ описаніи Африки высказываетъ предположеніе, что напоръ песковъ, приносимыхъ сѣверными вѣтрами, способствовалъ отклоненію теченія Сенегала къ западу; но характеръ мѣстности на сѣверѣ рѣки, по крайней мѣрѣ выше дельты, не оправдываетъ этой догадки.

Объемъ жидкой массы, катимой рѣкою, постепенно уменьшается во время засухъ; разветвляясь длинными излучинами, потокъ оглаживаетъ многочисленные острова, между прочимъ, длинную намывную землю Бильбасъ и островъ Морфилъ, или «Слоновой кости», получившій это названіе отъ слоновъ, которые прежде води-

лись на немъ. Многочисленные пороги загораживаютъ въ разныхъ мѣстахъ дно ложа, хотя ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточной высоты, чтобы совершенно задерживать потокъ. Вездѣ ручейки, если не цѣлыя водныя площади, болѣе или менѣе широкія, соединяютъ послѣдовательные озерные резервуары рѣки; но когда уровень Сенегала спускается до низшаго предѣла, барки лишь съ большимъ трудомъ могутъ форсировать проходъ; прибрежные жители, когда имъ надобно попасть на другой берегъ, чтобы производить мѣну или войну, переходятъ рѣку прямо въ бродъ. Въ 1860 г., въ самый разгаръ сухаго сезона, изъ Сентъ-Луи была отправлена, подъ начальствомъ Брауэзека, экспедиція въ Бакель воднымъ путемъ, для точнаго опредѣленія уровня рѣки и съѣмки на планъ наиболѣе опасныхъ переходовъ. Лодки, взятые подъ экспедицію, имѣли съ грузомъ не болѣе 60 сантиметровъ водоуглубленія; безъ груза же, осадка ихъ составляла всего только 35 сантиметр., и несмотря на то, пришлось тридцать пять разъ тащить ихъ по неровному песчаному или каменистому дну, гдѣ слой воды не превышалъ нѣсколькихъ дециметровъ; на одномъ изъ пороговъ ручеекъ имѣлъ всего пять сантиметровъ толщины. Экспедиція употребила цѣлыхъ двѣ недѣли, чтобы протаскать лодки по мелямъ около Верма, въ небольшомъ разстояніи ниже Бакель: все путешествіе продолжалось 79 сутокъ ³⁾. Раффенель рассказываетъ, что въ былое время мавры имѣли обыкновеніе ставить преграду навигаціи, кладя древесный стволъ поперекъ фарватера: при помощи этого средства имъ легко было обирать проезжихъ купцовъ. Если въ нижней части своего теченія Сенегаль болѣе глубокъ, такъ что маленькіе пароходы могутъ подниматься до Мафу, выше Подора, т. е. на 306 километровъ вверхъ отъ устья, то это только благодаря тому, что морской приливъ усиливаетъ рѣчной потокъ. Нижній Сенегаль превращается въ лиманъ. Прѣсная вода, болѣе легкая, скользитъ по поверхности, тогда какъ морской потокъ, болѣе тяжелый, движется по дну рѣчнаго ложа и поднимается къ верховью. По мѣрѣ того, какъ продолжается засуха, соленость жидкой массы возрастаетъ, и приливная волна, которая сначала только гонитъ обратно прѣсныя воды, въ концѣ концовъ разноситъ соль по всему нижнему руслу на 75 километровъ отъ устья. Истеченіе Сенегала (объемъ протекающей въ единицу времени воды) въ періодъ мелководья, по приблизительному исчисленію, составляетъ всего только 50 кубич. метровъ въ секунду.

Большіе дожди, которые начинаются въ маѣ въ горахъ Фута-Джаллонъ, области истоковъ

¹⁾ Lambert, "Tour du Monde", 1861.

²⁾ Noïrot, "A travers le Fouta-Djallon et le Bambouc".

³⁾ Braonézec, "Revue Maritime et Coloniale", janvier — février 1861.

Бафинга и Фалеме, совершенно измѣняютъ порядокъ теченія рѣки. Воды быстро поднимаются, и въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ, съ іюня-іюля до октября, большіе, глубоко сидящіе

наводненія уменьшается по мѣрѣ приближенія къ морю. Но сила теченія отбрасываетъ тогда морскія воды, которыя въ сухое время года пробирались по дну рѣчнаго ложа; вода Сене-

Общій видъ Медина.

пароходы могутъ подниматься вверхъ по Сенегалу до водопада Фелу: въ Бакелѣ уровень разлива достигаетъ и даже переходитъ за 15 метровъ, въ Матамѣ онъ равняется 9 или 10, въ Подорѣ 6, въ Даганѣ 4 метрамъ. Высота

гала становится совершенно прѣсной передъ Сень-Луи, она проникаетъ даже въ море, и карабли, плывущіе противъ тѣхъ береговъ, издали узнаютъ входъ рѣки по широкой желтоватой полосѣ, разстилающейся среди синихъ

впрочемъ, кажется, не оправдывается фактами, въ давнія времена Сенегалъ продолжалъ свое теченіе къ юго-западу, подъ защитой цѣпи Кайорскихъ дюнь, и изливался въ заливъ Дакаръ. Правда, тамъ, также какъ на сѣверѣ отъ Сенегала, дождевыя воды скопляются у основанія дюнь, вдоль ихъ континентальнаго ската, и образуютъ цѣпь *niaye*, лужъ и даже маленькихъ озеръ, похожихъ на покинутое русло рѣки. Но эти внутреннія водныя площади недостаточно обильны, чтобы прорвать береговой кордонъ, отдѣляющій ихъ отъ моря; смотря по времени года, онѣ то увеличиваются, то уменьшаются въ протяженіи, заражая атмосферу своими болотными испареніями. Никакого слѣда рѣчнаго ложа не видно въ этой области: почва состоитъ изъ плотной глины, а въ сосѣдствѣ Зеленаго мыса, массива изъ эруптивныхъ базальтовъ, на который опирается цѣпь береговыхъ дюнь, глины прикрыты желѣзистымъ конгломератомъ, содержащимъ болѣе трети чистаго металла ¹⁾. На югѣ отъ остроконечнаго полуострова Зеленаго мыса морской берегъ загибается къ юго-востоку, описывая дугу, соответствующую дугѣ дюнь Кайора. На этомъ берегу есть нѣсколько ручейковъ, которые изливаются въ море, закрывая свои устья къ югу, подобно устьямъ Сенегала; но за Гамбіей только одинъ большой лиманъ прерываетъ кривую побережья: это заливъ, устьяны острова и защищаемый съ западной стороны длиннымъ полуостровомъ Сангомаръ, выступъ котораго имѣетъ форму наконечника гарпуна; на сѣверо-восточной оконечности заливъ этотъ соединяется съ рѣкой Салумъ, судоходной на протяженіи около сотни километровъ отъ устья.

Годъ Сенегала представляетъ два періода, почти равной продолжительности,—сухой сезонъ, который соответствуетъ лѣту южнаго полушарія, съ конца ноября до начала іюня, и зимній сезонъ, во время котораго солнце находится въ зенитѣ тропическихъ странъ сѣвера: это—въ одно и то же время лѣто по жару и зима по обилію дождей. Въ сухое время года господствуютъ пассаты, прерываемые иногда, вблизи моря, мѣстными бризами, дующими съ сѣверо-запада и съ запада. Благодаря этимъ атмосфернымъ токамъ, равнодѣйствующая которыхъ имѣетъ направленіе сѣверо-сѣверо-востокъ, благодаря также умѣряющему вліянію морскаго теченія, которое движется вдоль берега, приходя съ сѣвера,—температура на всемъ побережьи относительно прохладная; она колеблется около средней въ 20 или 21 градусъ по Цельсію и никогда не поднимается до той степени, какой она достигаетъ иногда въ нѣкоторыхъ частяхъ

Франціи ¹⁾. Но внутри страны сухое время года распадается на два періода, которые можно назвать тѣмъ же именемъ, какъ соответствующіе сезоны западной Европы,—зима и весна. Первый періодъ, т.-е. зима, въ самомъ дѣлѣ, отличается, если не холодной, то по крайней мѣрѣ умѣренной температурой (25°, 9); весна, во время которой дуютъ восточные вѣтры, приносящіе раскаленный воздухъ пустыни,—самая жаркая пора (32°, 2 Ц.), и европейскіе резиденты съ нетерпѣніемъ ждутъ наступленія зимняго сезона, который по крайней мѣрѣ принесетъ имъ относительную прохладу. Перемѣна времени года обыкновенно возмущается «торнадосами», маленькими мѣстными циклонами, продолжающимися не болѣе часу, которые почти всегда начинаются на юго-востокѣ и затѣмъ описываютъ почти полный кругъ, проходя послѣдовательно черезъ востокъ, сѣверъ и западъ. Это сильные вихри, довольно опасные, когда они не сопровождаются дождемъ ²⁾.

Зимній сезонъ не представляетъ того же постоянства въ своихъ явленіяхъ, какъ сухое время года; его первый и послѣдній мѣсяцы, іюнь и ноябрь, имѣютъ переходный характеръ. Въ средніе четыре мѣсяца, когда сезонъ прочно установился, вѣтры всегда слабы и перемѣнчивы, средняя температура (27°) представляетъ лишь легкія колебанія, воздухъ насыщенъ парами, дожди и грозы часты, рѣка выступаетъ изъ береговъ и болота наполняются водой; прежде этотъ періодъ называли «высокимъ сезономъ», по причинѣ разливовъ рѣки ³⁾. Отъ морскаго берега до внутреннихъ областей климатическія условія мало разнятся: низкія давленія атмосферы, обильные дожди, неправильные вѣтры, высокія температуры—все эти явленія одинаковы въ Бакарѣ и въ Сентъ-Луи. Впрочемъ, дожди начинаются ранѣе внутри страны, чѣмъ на побережьи. Въ Горѣ зимній сезонъ значительно длиннѣе, нежели въ Сентъ-Луи; уже около половины іюня штили и перемѣны вѣтра возмущаютъ наступленіе дождей, а около 15 или 20 ноября вѣтры сухаго времени года разгоняютъ послѣднія облака. Въ цѣломъ, дождливый періодъ Сенегала далеко не такъ обилѣнъ влажностью, какъ тотъ же періодъ въ большинствѣ другихъ тропическихъ странъ. Это зависитъ отъ того, что Сенегалъ находится на окраинѣ пустыни и въ извѣстной мѣрѣ причастенъ ея климату. Тогда какъ на Канарскихъ или Антильскихъ островахъ сѣверо-восточные вѣтры, т.-е. пассаты, регулярно привносятъ облака и дожди, доставляемые имъ морскимъ испареніемъ, тѣ же вѣтры, пройдя надъ пу-

¹⁾ Bordier, „Colonisation scientifique et les colonies françaises“.

²⁾ Borius, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Labarthe, „Voyage au Sénégal“.

¹⁾ Borius, „Recherches sur le climat du Sénégal“.

стынными пространствами Сахары, являются полуострова, открытаго морскимъ вѣтрамъ, уже сухими въ предѣлы Сенегала. Въ среднемъ, Севъ-Луи насчитываетъ у себя только дожди обильнѣе по крайней мѣрѣ на четверть; но и тамъ они менѣе значительны, чѣмъ во

Типы племени Фелуповъ.

около тридцати дождливыхъ дней въ году, и количество выпадающей тамъ въ продолженіи года дождевой воды не достигаетъ даже полметра. Въ Горетъ, лежащей южнѣе и вблизи Франціи, странъ умѣреннаго пояса. Дожди эти выпадаютъ почти исключительно въ зимній періодъ; въ сухое время года бываютъ лишь случайные ливни, а въ мартѣ мѣсяцъ *

ихъ никогда не наблюдали. Въ мѣстностяхъ по верхнему Сенегалу годовое количество дождей, еще не измѣренное точнымъ образомъ, повидимому, значительное, чѣмъ на морскомъ побережьи. Въ Кита дожди сыраго сезона въ 1882 г. составляли 1.274 миллиметра, — количество, втрое большее того, какое выпадаетъ въ Сентъ-Луи въ продолженіи цѣлаго года ¹⁾).

Градъ, почти неизвѣстный въ большинствѣ тропическихъ странъ, не рѣдокъ въ Каартѣ, гдѣ его называютъ «твердой водой»; у туземцевъ онъ слыветъ драгоценнымъ цѣлебнымъ средствомъ, и чтобы подольше сохранить сохранныя градины, ихъ кладутъ межъ двухъ слоевъ песку¹⁾. Температуры и дожди въ различныхъ мѣстахъ Сенегала ²⁾:

	Самый холодный мѣсяцъ.	Самый теплый мѣсяцъ.	Сухой сезонъ.	Зимній сезонъ.	Годовая температур.	Дожди.
Сентъ-Луи.....	Мартъ: 19°,2	Сентябрь 28°	20°,3	26°,1	23°,2	0,403 мет.
Горея.....	Февраль: 18°,9	" 27°,0	20°,6	27°	23°,8	0,553 "
Дагана.....	Декабрь: 21°,3	Октябрь 28°,3	21°,3	26°,5	23°,9	"
Бакель.....	Январь: 24°,7	Май 32°,9	29°,1	28°,3	28°,7	0,550 "
Медина.....	Декабрь: 25°,2	" 36°,4	30°,1	29°,7	29°,9	"

Расположенная на границѣ двухъ поясовъ, Сахары и Судана, французская Сенегабмія по своей флорѣ принадлежитъ къ обѣимъ этимъ областямъ. На сѣверѣ отъ рѣки растительность сходна съ растительностью сосѣднихъ степей Сахары: на югѣ она принимаетъ тропическую физономію, и разнообразіе формъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ экватору. Между растительными видами нѣкоторые свойственны исключительно Сенегабміи, или находятся тамъ въ центрѣ ихъ области распространенія; но въ цѣломъ эти области далеко не отличаются такимъ богатствомъ флоры, какъ другія тропическія страны. Въ продолженіи пяти лѣтъ ботаническихъ изслѣдованій натуралисты Леприеръ и Перротетъ собрали всего только 1.600 растительныхъ формъ, — добыча ничтожная въ сравненіи съ необычайнымъ богатствомъ и разнообразіемъ флоры Индіи, Австраліи, Южной Америки ³⁾. Въ Сенегалѣ встрѣчаются даже обширныя пространства, гдѣ небольшое число растений живутъ обособленными обществами, не заключающими въ себѣ другихъ видовъ: это саванны, покрытыя злаками. Пастухи пускаютъ по степи огонь въ сухое время года, когда прекращается движеніе сока въ стебляхъ; трава, спаленная преждевременно, не обугливается до корня и оставляетъ по себѣ живо, которое сильно колетъ босые ноги путника ⁴⁾. Лѣса изъ большихъ деревьевъ рѣдки, благодаря этимъ паламъ и обычаю пастуховъ срубать молодые деревца, чтобы скоту удобнѣе было доставать листву.

Подобно соотвѣствующимъ областямъ Нубіи, гдѣ также есть травяныя степи, Сенегалъ имѣетъ много деревьевъ, выделяющихъ камедь. Акаціи покрываютъ цѣлыя территоріи, особенно на сѣверѣ отъ рѣки; даже на югѣ самое обыкновенное дерево — акація-адансонія, или *ionioke*: древесина ея, очень твердая, но очень тонкая, доставляетъ нужные для судостроенія кривыя балки, отличающіяся, гово-

рять, большой прочностью. На побережьи характеристическими деревьями, благодаря своимъ громаднымъ размѣрамъ, являются древесные представители семейства мальвовыхъ — могучій баобабъ и бавольникъ (*bombax*). Эти огромныя развѣсистыя массы зелени, которыя моряки примѣчаютъ издали на высокихъ берегахъ или склонахъ холмовъ, служатъ имъ маяками во время дня; таковы баобабы Зеленаго мыса, обозначенные на всѣхъ морскихъ картахъ. Именно въ Сенегалѣ баобабъ (*adansonia digitata*) и былъ изученъ Адансономъ, имя котораго сдѣлалось ботаническимъ названіемъ этого гиганта растительнаго царства; но уже въ началѣ шестнадцатаго столѣтія путешественникъ Кадамосто сообщалъ объ этихъ исполинскихъ деревьяхъ, стволъ которыхъ, по его словамъ, имѣетъ слишкомъ сто англ. фут. въ обхватѣ. Адансонія, или баобабъ, какъ извѣстно, даетъ «обезьяній хлѣбъ», служащій пищей также и человѣку; изъ листьевъ его также приготавливаютъ разные кушанья и салатъ. Менѣе знаменитый, чѣмъ баобабъ, бавольникъ превосходитъ его, однако, толщиной и величественнымъ видомъ; стволъ у него правильнѣе, вѣтви расположены болѣе симметрично; его гигантскіе наружные корни представляютъ внутри обширныя покои, которые служатъ путешественникамъ кладовыми и спальнями, и подъ сводами которыхъ происходятъ совѣщанія, или «палабры» туземцевъ ⁵⁾. Бавольникъ — дерево-фетишъ по преимуществу; во многихъ мѣстахъ считается преступленіемъ занести на него топоръ; однако, между неграми находятся смѣльчаки, утилизирующіе священное дерево и выдалбливающіе изъ его ствола большія ладьи, поднимающія до двадцати тоннъ (около 1.250 пуд. груза) ⁶⁾. Пушокъ его плода, слишкомъ короткій и ломкій, не годится для тканья; туземцы употребляютъ его вмѣсто трута.

¹⁾ Anne Raffanel, „Nouveau voyage dans le pays des Nègres“.

²⁾ Borius, „Climat du Sénégal“.

³⁾ Mage; — Oliver de Sanderval etc.

⁴⁾ Fleuroit de Langle, „Croisière d'Afrique“.

¹⁾ Dupouy „Revue Maritime et Coloniale“, 1883.

²⁾ Grisebach, „Végétation du Globe“.

³⁾ Ricard, „Le Sénégal, étude intime“.

Семейство пальмъ представлено на Сенегалѣ видомъ, называемымъ *gopier*, который растетъ по берегамъ рѣки, и кроны котораго, съ конечнымъ листомъ въ формѣ потира, издали указываютъ на близость селеній; стволъ усаженъ шипами, защищающими его отъ животныхъ; плоды, которые ѣдятъ послѣ проростанія, окружены сочной и сладкой тканью, очень приятной на вкусъ; древесина идетъ на гидравлическія сооруженія, свай, набережныя, запруды; оттого французское правительство, при заключеніи трактата съ маврами племени трапча, выговорило себѣ право собственности на пальмы этого рода, окаймляющія берега рѣки.— Кокосовыя пальмы теперь довольно многочисленны на нижнемъ Сенегалѣ, но это деревья чужеземнаго происхожденія: во время путешествія Лемера, въ концѣ семнадцатаго вѣка, ихъ еще не было въ этой странѣ. Что касается финиковой пальмы, то ее не видно ниже массива Фута-Джаллонъ и выше водопада Фелу; въ наибольшемъ числѣ она живетъ въ сѣдствѣ Бакеля и слиянія Сенегала съ Фалеме, но тутъ ея южный предѣлъ. Она не встрѣчается ни на верхней Фалеме, ни въ государствахъ Гамбii; впрочемъ, финиковая пальма Сенегала, несмотря на то, что она находится здѣсь на южной окраинѣ своей зоны произрастанія, даетъ превосходные плоды. Въ лѣсахъ нѣтъ растеній, приносящихъ съѣдобныя ягоды, костянки или орѣхи. На берегахъ верхняго Сенегала и Фалеме утилизируютъ только маленькій красный плодъ колючей юобы, называемой уолофами *сидомъ*. Въ Каартѣ и другихъ областяхъ верхняго бассейна виноградъ растетъ дико и даже приноситъ довольно вкусныя гроздья; но, за исключеніемъ дѣтей, никто не думаетъ собирать этотъ плодъ. Попытки ввести во Франціи сенегальскій виноградъ не увѣнчались успѣхомъ, и даже на родинѣ не удалось развести его посредствомъ прививки ¹⁾. Лучшій столѣрный лѣсъ даетъ кайя (*cauya senegalensis*), называемая обыкновенно сенегальскимъ краснымъ деревомъ. Кромѣ растительныхъ продуктовъ, уже извѣстныхъ торговцамъ, натуралисты насчитываютъ сотни растеній, деревянистыхъ или травянистыхъ, отъ которыхъ можно бы было утилизировать сѣмена, корни, кору, сокъ, камедь, листья или плоды. Между этими видами, которые путешественникъ, пріѣзжающій съ сѣвера, встрѣчаетъ въ первый разъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и, кажется, наилучше эксплуатируемый съ промышленной точки зрѣнія—*карите* или бассия (*bassia Parkii*), растущая по берегамъ Бахая, Фалеме и въ сѣдственныхъ мѣстностяхъ, которую за маслянистое вещество, содержащееся въ ея орѣхахъ (*се* на языкѣ туземцевъ, *chea* по-англійски) прозвали

«маслянымъ деревомъ»; кромѣ того, бѣловатое выдѣленіе, образующееся между корой и древесиной, даетъ родъ каучука. Что касается *кола* или *куру* (*sterculia acuminata*), орѣхи котораго, высоко цѣнимые, какъ аперитивное и укрѣпляющее средство, сообщаютъ приятный вкусъ даже испорченной водѣ, то это дерево образуетъ большіе лѣса въ области верхняго Сенегала и въ горахъ Фута-Джаллонъ; но главное мѣсто его произрастанія—это «Рѣки Юга».

По своей фаунѣ, какъ и по флорѣ, Сенегалъ принадлежитъ къ двумъ сопредѣльнымъ областямъ Сахары и Судана. Въ степяхъ сѣвера и въ степяхъ территоріи Фута живутъ страусы, на которыхъ охотятся арабы, и которыхъ легко приручаютъ во многихъ деревняхъ, несмотря на опасность, которую представляетъ глупый вкусъ этого животного ко всему блестящему, «все равно—будутъ ли то драгоценныя камни или глаза ребенка» ¹⁾. Въ травянистыхъ равнинахъ, усѣянныхъ группами деревьевъ и лѣсками, которые простираются на югъ отъ большаго изгиба Сенегала, по направленію къ Салуму и Гамбii, встрѣчаютъ еще жирафовъ и разныя породы антилопъ. Въ хорошо орошаемыхъ и плодородныхъ областяхъ, но вдали отъ населенныхъ мѣстъ, водятся стада слоновъ: въ началѣ восемнадцатаго вѣка ихъ видали большими компаніями, въ сорокъ или пятьдесятъ головъ, мирно пасущимися въ степи, или на поляхъ туземцевъ ²⁾; еще въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія случалось, что слоны подходили къ самой рѣкѣ, въ сѣдствѣ озера Паніефуль, или даже переправлялись черезъ это озеро, чтобы идти на пастбу въ саванны нижней дельты; но вмѣсто того, чтобы научиться приручать это могучее и умное животное, какъ это дѣлаютъ въ Азіи, какъ дѣлали нѣкогда въ Кароагентѣ, здѣсь прилагаютъ старанія только къ тому, чтобы истребить его окончательно. Бегемотъ не исчезъ еще изъ водъ верхняго Сенегала и его боковыхъ потоковъ. Во всѣхъ лѣсныхъ чащахъ укрываются дикіе кабаны. Изъ четверорукихъ въ области поморья встрѣчаются только сѣрыя обезьяны, въ лѣсахъ же внутренней части страны водятся во множествѣ собакоголовые представители этого семейства. На берегу верхняго Бахоя, одна гора съ правильными уступами образуетъ огромную лѣстницу, каждая ступенька которой кишитъ обезьянами, сидящими на выступахъ скалы, или уцѣпившимися за вѣтви деревьевъ, нависшія надъ обрывомъ горы. Мажъ говоритъ, что толпа павіановъ, пріѣзжавшая въ бѣшенномъ лаемъ, по приблизительному разсчету, состояла по малой мѣрѣ изъ шести тысячъ особей ³⁾. Павіаны живутъ маленькими республиками въблизи воздѣланныхъ мѣстно-

¹⁾ Bayol, "Bulletin de la Societe de Géographie de Lille", 1882.

¹⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

²⁾ Labat, цитированное сочиненіе.

³⁾ "Voyage dans le Soudan occidental".

стей: они большие враги земледѣлія, и дѣти постоянно заняты охраненіемъ полей отъ ихъ набѣговъ; впрочемъ, есть племена, около Бакеля, которыя утверждаютъ, что они заключили мирный трактатъ съ обезьянами, и что, благодаря этому, ихъ посѣвы обезпечены отъ всякихъ потравъ со стороны четвероногихъ сосѣдей¹⁾. Уинвудъ Ридъ говоритъ, что павіаны иногда бросаются толпой на барса и убиваютъ его, потерявъ большое число своихъ бойцовъ.

Въ нѣкоторыхъ областяхъ Сенегамбіи сохранились нѣтъ плотоядныхъ животныхъ: такъ, напримѣръ, въ горахъ Фута-Джаллонъ ихъ не видно, тогда какъ въ Бамбукѣ, напротивъ, они водятся во множествѣ²⁾. Левъ безгривый, но такихъ же крупныхъ размѣровъ, какъ и «господинъ» Атласа, живетъ преимущественно въ степяхъ на сѣверѣ и югѣ отъ Сенегала; въ сухое время года его часто видятъ даже въ сосѣдствѣ Даганы. Когда въ его страшные когти попадется быкъ, онъ пожираетъ внутренности жертвы, затѣмъ уходитъ, завидя приближающихся пастуховъ, которые и дѣлятъ между собой части добычи, оставленные звѣремъ. Рассказываютъ, что льва убиваютъ палками, когда онъ заберется въ паркъ; люди окружаютъ его и бьютъ по ноздрямъ въ тотъ моментъ, когда онъ ищетъ выхода, затѣмъ добиваютъ ударами дубинъ³⁾. Говорятъ также, на берегахъ Сенегала, какъ и въ Мавританіи, что левъ никогда не нападаетъ на женщину и всегда уступаетъ ей дорогу при встрѣчѣ⁴⁾. Туземцы съ ужасомъ рассказываютъ о черномъ львѣ Джолофской области, который, будто-бы, нападаетъ на человѣка. Ни одинъ европейскій охотникъ не видалъ еще этого страшнаго звѣря, но часто встрѣчаютъ другихъ хищниковъ, пантеръ, гепардовъ, тигроковъ и дикихъ кошекъ, рысей, гиенъ и шакаловъ. Уолофы охотятся только на мелкую дичь, на одного грызуна, похожаго на зайца, да на бурундука, напоминающаго бѣлку. Ихъ домашняя собака — животное презираемое, и для охоты ею не пользуются. Что касается привозныхъ собакъ, то они не акклиматизируются: теряютъ чутье, чахнутъ и издыхаютъ отъ анеміи.

Міръ птицъ очень богатъ въ сосѣдствѣ лѣсовъ и болотъ: во французскомъ Суданѣ можно видѣть живыхъ драгоцѣнностей, похожихъ на колибри Новаго Свѣта, — суиманги, сверкающія золотомъ и сталью черточки, которыя то тутъ, то тамъ блеснутъ на мгновеніе между зеленыхъ листьевъ⁵⁾. Воробьи, которыхъ земледѣльцы окрестили общимъ именемъ «просодовъ», представляютъ въ Сенегалѣ большое разнообразіе видовъ, и многіе изъ нихъ, сене-

гальскій воробей (*sénégali*), кардиналъ, вдовка, привозятся даже въ птичники Европы за ихъ красоту. Сенегальскій попугайчикъ, тоже очень опасный врагъ сѣятелей проса, охотно приобѣтается въ Сень-Луи птицеторговцами. Аистъ-марабу привлекаетъ охотниковъ красотой своихъ перьевъ и нѣжностью пуха; подобно черному аисту, онъ нападаетъ на гадовъ всякаго рода, на ящерицъ-урановъ, на ядовитыхъ змѣй, на зеленого ужа, даже на маленькихъ удавовъ. Другой аистъ, называемый «вѣдуномъ», безъ сомнѣнія, потому, что ему приписываютъ какую-нибудь волшебную силу, какъ туземнымъ скоморохамъ, пользуется уваженіемъ у всѣхъ чернокожихъ: обычай запрещаетъ убивать эту птицу. Изъ рыбъ, населяющихъ рѣку и ея боковые потоки или лагуны, замѣчательнъ электрическій угорь; въ Сенегалѣ водятся два вида крокодила — «тотъ, который ѣстъ человѣка, и тотъ, котораго ѣстъ человѣкъ»; наконецъ въ водахъ нижней сенегальской дельты, кажется, еще существуетъ раса ламантиновъ, или морскихъ коровъ.

Съ этнографической точки зрѣнія Сенегаль — тоже переходная страна; жители его представляютъ собою непосредственный контрастъ расъ, пришедшихъ съ побережья Средиземнаго моря и изъ центра Африки: арабизованные берберы и негры живутъ бокъ-о-бокъ въ этой промежуточной области между двумя поясами.

«Мавры» Сенегала, хотя они сѣвернаго происхожденія и прежде называли себя вассалами мароккского султана, не имѣютъ ничего общаго съ маврами городовъ Берберин, кромѣ имени, языка и религіи. Названные нѣкогда этимъ именемъ португальцами, какъ и всѣ другіе магометане, сенегальскіе мавры не цивилизованные горожане, какъ хадри Мавританіи: большинство ихъ, напротивъ, ведутъ кочевой образъ жизни, переходя отъ становища къ становищу, вслѣдъ за своими стадами, и охотятся въ равнинахъ на звѣря или на человѣка. Происходя отъ берберовъ зенага или азенаговъ, которые дали свое имя главной рѣкѣ страны, они скрестились съ арабами и смѣшались въ сильной степени съ покоренными черными населеніями: по костюму и кочевому образу жизни они походятъ на арабскія племена Алжиріи. У нихъ можно различить цѣлый рядъ типовъ, отъ типа смуглаго европейца, съ широкимъ челомъ, прямымъ носомъ, тонкими губами, до типа негра, въ плоскихъ чертами, толстыми губами, курчавыми волосами. Впрочемъ, эти различія физическихъ признаковъ соответствуютъ въ большей части различію кастъ и состояній. Бѣлые, арабы или берберы, представлены въ мавританскихъ племенахъ Сенегала по преимуществу гассанами, или «конными людьми», и марабутами, или духовными лицами. Тѣ и другіе считаютъ себя гораздо выше мавровъ низшихъ кастъ, какъ

¹⁾ Césaire Roux, рукописныя замѣтки.

²⁾ Bayol, цитиров. мемуаръ.

³⁾ Gallieni, «Voyage au Soudan français».

⁴⁾ Ricard, цитиров. сочиненіе.

⁵⁾ Anne Raffenel, «Voyage dans l'Afrique occidentale».

благородные, какъ бѣлые, какъ члены господствующаго класса, какъ завоеватели и какъ исконные мусульмане; они называютъ ихъ презрительной кличкой: *мизме*, т. е. «мясо». Гассаны обираютъ своихъ подданныхъ посредствомъ матеріальной силы; марабуты обогащаются на ихъ счетъ при помощи знахарства и колдовства: «помни, что марабутъ долженъ всегда получать и никогда не давать», говорилъ одинъ изъ этихъ хищниковъ путешественнику Рене-Калье. «Благодарность — добродѣтель данниковъ и рабовъ, она недостойна людей высшихъ». Порабощенные, которые одни могутъ считаться

къ сѣверу отъ нижняго Сенегала, свидѣтельствуютъ о живучести берберскихъ идиомовъ между азнагами; одинъ діалектъ древняго языка сохранился только у нѣкоторыхъ народцевъ трарца, между марабутами, ¹⁾ и у народца ламтуна, принадлежащаго къ большому союзу племенъ дуаиншъ. Вездѣ въ другихъ мѣстахъ преобладающимъ сдѣлалось нарѣчіе арабскаго языка, называемое *бейданъ* ²⁾.

Каково бы, впрочемъ, ни было ихъ происхожденіе, мавры отличаются гордымъ взглядомъ и благородствомъ осанки; они неутомимы въ ходьбѣ и удивительно умѣренны въ

Типъ племени трарца.

истинно благородными, такъ какъ они происходятъ отъ первыхъ владѣльцевъ края, составляютъ массу кореннаго зенагскаго населенія; затѣмъ ниже ихъ стоятъ плѣнники, почти исключительно негры разныхъ племенъ, приобрѣтенные путемъ завоеванія или купли во всѣхъ частяхъ Судана. По приблизительному разсчету Беранже-Феро, бѣлые не превышаютъ одной двадцатой между сенегальскими маврами; къ чернокожимъ принадлежитъ половина общаго числа жителей, а остальная часть состоитъ изъ метисовъ, происшедшихъ отъ смѣшенія берберовъ и арабовъ съ неграми. Многія названія мѣстъ, особенно въ западной части области мавровъ,

пищѣ, когда не живутъ на счетъ иностранца. Такъ какъ для женщинъ дородность считается необходимымъ элементомъ красоты, то высококоротныя мавританки подготавливаются къ браку прохожденіемъ черезъ періодъ откармливанія: для этой цѣли ихъ посылаютъ къ данникамъ, славящимся молокомъ своихъ стадъ. Тамъ матроны упитываютъ ихъ просомъ, молокомъ и масломъ, помогая массажемъ постепенному растяженію кожи. У многихъ мавританскихъ племенъ родители заботятся также о томъ, чтобы у ихъ дочерей верхніе рѣзцы выдава-

¹⁾ Faïdherbe, „Notice sur la colonie du Sénégal“; — Bourel, „Revue Maritime et Coloniale“, 1861.

²⁾ Paul Soleillet, „Journal officiel“, 13 avril 1879.

лись впередъ, такъ чтобы приподнимали верхнюю губу и опирались на нижнюю. Какъ только первые зубы вполнѣ выйдутъ изъ своихъ луночекъ, ихъ выдергиваютъ щипцами, и когда начинаютъ расти вторые зубы, дѣвочки, постоянно дѣйствуя пальцами и языкомъ, даютъ имъ желаемое направленіе ¹⁾.

Какъ магометане, мавры Сенегала всегда дѣйствовали дружно противъ ненавистнаго христіанина, несмотря на взаимную внутреннюю вражду кастъ и племенъ. Французы не могли покорить ихъ, сѣя между ними раздоры. Несмотря на свою малочисленность сравнительно съ чернымъ населеніемъ сенегальскаго бассейна, они оказывали гораздо болѣе энергичное сопротивленіе нападеніямъ бѣлыхъ: впрочемъ, они были только отгнаны, и территория ихъ не завоевана. На войнѣ они жестоки и беспощадны. Послѣ побѣды, они оставляютъ въ живыхъ только женщинъ и дѣтей; оттого старики, зная заранѣе, что имъ предстоитъ насильственная смерть, дерутся до послѣдняго издыханія. У негровъ есть много поговорокъ, свидѣтельствующихъ о ненависти, которую они питаютъ къ мавру, ихъ угнетателю. «Палатка не укрываетъ ничего порядочнаго, кромѣ кова, который носитъ ее на своей спинѣ». «Если встрѣтишь на твоей дорогѣ мавра и ехидну, убей мавра». Таковы обычныя присловья уолофовъ. Впрочемъ, эта ненависть совершенно понятна, если принять въ соображеніе, что съ чернокожими плѣнниками ихъ мусульманскіе хозяева обращаются всегда суровѣе, нежели съ другими невольниками. «Надо давить народъ и держать его въ бѣдности, чтобы онъ былъ покоренъ и почтителенъ», говорятъ арабскіе господа ²⁾. Однако, этимъ самымъ арабамъ, столь страшнымъ и ненавистнымъ черному люду, сѣверная Сенегамбія въ недавнемъ прошломъ была обязана всѣмъ своимъ торговымъ движеніемъ и экономическимъ значеніемъ. Безъ нихъ не было бы торговаго обмѣна; иностраннымъ купцамъ никогда не удалось бы основать на берегахъ рѣки конторы и пристаней, которыя сдѣлались этапными пунктами на дорогѣ къ Нигеру.

Племена мавровъ дѣлятся до безконечности: ссора, наслѣдство, какая-нибудь случайность служатъ поводомъ къ дробленію; брачный союзъ, мирный трактатъ, разныя другія обстоятельства могутъ сгруппировать ихъ снова. Они различаются особенно образомъ жизни: одни изъ нихъ воспитываютъ только барана, другіе держатъ стада быковъ зебу, иные пасутъ верблюда или дрессируютъ лошадь. Естественное общее дѣленіе племенъ — это дѣленіе на «сѣверныхъ» мавровъ, которые никогда не покидаютъ сопредѣльныя съ пустыней плоско-

горья, и «южныхъ», или гебла, которые кочуютъ между пристанями рѣки и внутренними становищами. Ради удобства торговыхъ сношеній, французы раздѣлили кочевыя племена на три главныя группы, на которыя и возложили коллективную отвѣтственность за соблюденіе договоровъ. Эти три группы — трарца, бракна и дуаншъ. Съ тѣхъ поръ, какъ имъ навязаны французами изъ Сентъ-Луи формальныя конвенціи, предѣлы ихъ территорій строго установлены на югъ; теперь они могутъ переходить Сенегаль не иначе, какъ въ качествѣ гостей и друзей. Если мавританское племя да-калфа живетъ на лѣвомъ берегу рѣки, къ западу отъ озера Паніефуль ¹⁾, то это потому, что оно само просило позволить ему остаться въ краѣ, предпочитая лучше сдѣлаться данникомъ, чѣмъ подвергаться случайностямъ кочевой жизни среди враговъ или опасныхъ союзниковъ.

Негры уолофы помнятъ еще то время, когда территория Ганара, на сѣверѣ нижняго Сенегала, была занята ихъ племенемъ, такъ какъ они населяли деревни и обрабатывали землю на берегахъ озера Кайоръ; но сосѣдство грабителей трарца заставило ихъ удалиться оттуда, и въ концѣ концовъ, весь край, вплоть до самыхъ воротъ города Сентъ-Луи, перешелъ во владѣніе мавровъ. Трарца, переправляясь черезъ рѣку во время мелководья, кочевали въ равнинахъ, простирающихся на югъ отъ Сенегала, въ территоріяхъ Димаръ и Кайоръ; они сдѣлались сюзеренами края и угрожали самому Сентъ-Луи; однажды даже произвели атаку на одну пригородную деревню. Война, предпринятая съ цѣлью изгнанія ихъ, продолжалась три съ половиною года; наконецъ, въ 1858 г., мавры, окончательно отгнанные на правый берегъ, принуждены были принять условія побѣдителя. Теперь трарца занимаютъ на Сенегалѣ береговую полосу, длиной около 100 километровъ. Далѣе, вверхъ по теченію рѣки, расположены на вдвое большемъ пространствѣ прибрежныя становища группы бракна; еще выше слѣдуютъ кочевыя дуаншъ (Ида-у-Аишъ), захватывающія по берегамъ рѣки область почти такого же протяженія. Къ сѣверу отъ этихъ трехъ группъ прибрежныхъ мавританскихъ народцевъ живутъ многія другія племена арабскія и берберскія, менѣе извѣстныя французамъ, потому что купцы ихъ рѣдко приходятъ на пристани для мѣноваго торга. Таково племя уладъ-эль-хаджъ, которое въ прошломъ столѣтіи находилось въ очень частыхъ сношеніяхъ съ французскими торговцами; таковы же, живущія восточнѣе, племена уладъ-эмбарекъ и сиди-махмудъ. Мавры этихъ послѣднихъ племенъ боятся проходить черезъ земли своихъ враговъ, дуаншъ, отдѣляющихъ ихъ отъ торго-

¹⁾ Bourrel; — Faidherbe; — Ricard, etc.

²⁾ Fr. Carrère et P. Holle, «De la Sénégambie française».

¹⁾ Azan, «Notice sur les Onalo».

выхъ конторъ на Сенегалѣ. Они слывуть искусными охотниками на страуса: на своихъ быстроногихъ коняхъ они нагоняють бѣгущую гигантскими шагами птицу-великана и убиваютъ ее ударами большихъ свинцовыхъ пуль, привязанныхъ къ длинному ремню, избѣгая такимъ образомъ пролитія крови, которая могла бы попортить драгоценныя перья¹⁾. Верблюды и быкъ-зебу служатъ вьючными животными у всѣхъ мавританскихъ племенъ, живущихъ вдали отъ Сенегала; но верблюдъ, подобно своему хозяину, рѣдко переходитъ рѣку: сезонъ дождей губеленъ для него. «Бѣги изъ лѣсной стороны, гдѣ нѣтъ камней: она сокращаетъ жизнь верблюдовъ и людей», гласитъ мѣстная пословица.

Кромѣ мавровъ, болѣе или менѣе смѣшанныхъ, живущихъ на правомъ берегу Сенегала, особнякомъ отъ негровъ, существуетъ еще, на обоихъ берегахъ рѣки, нѣсколько народцевъ-помѣсей, довольно многочисленныхъ, чтобы образовать особыя населенія, занимающія средину между расами, отъ которыхъ они произошли. Тѣ же самые метисы, которые, между сенегальскими маврами, извѣстны подъ именемъ харатинъ, примѣняемымъ также въ Марокко и въ Сахарѣ къ людямъ смѣшанной крови, называются вообще «Rogognes» въ мѣстностяхъ, гдѣ они живутъ независимыми группами; но въ другихъ мѣстахъ это наименование даютъ чистокровнымъ неграмъ, находящимся въ рабствѣ у мавровъ²⁾. Вообще въ номенклатурѣ этихъ населеній, столь разнообразно смѣшанныхъ, царитъ большая путаница. Перекрещивающіяся имена имѣютъ различное или противоположное происхождение; одни произошли отъ названія жительства, другія отъ названія первоначальной родины; одни указываютъ происхождение или родство, другія напоминаютъ завоеваніе или рабство; иныя имена принимаются какъ титулы славы, другія—даются какъ обидныя или презрительныя клички. Даже для главныхъ расъ Сенегала и французскаго Судана, каковы: фула, уолофъ, сараколе, мандинги, часто очень трудно сдѣлать точное раздѣленіе. Между всѣми этими этническими элементами уолофы и сараколе, повидимому, могутъ считаться потомками населеній, если не первобытныхъ (аборигеновъ), то по крайней мѣрѣ поселившихся въ краѣ прежде другихъ расъ³⁾. Уолофъ — это сенегалецъ по преимуществу.

Территорія, занимаемая уолофами, очень обширна; она обнимаетъ почти все пространство, ограниченное рѣками: Сенегаломъ, Фалеме и Гамбіей. Естественныя области, гдѣ чернокожее населеніе состоитъ исключительно

изъ уолофовъ,—Уало, Кайоръ, Баоль, Джо-лофъ; послѣднее названіе напоминаетъ имя всей уолофской націи, но оно принадлежитъ только одной изъ ея племенныхъ группъ. Два центра французскаго господства: Сенъ-Луи и Дакаръ находятся въ территоріи уолофовъ, и вездѣ въ Сенегамбіи, гдѣ основываются военные посты, поселяется уолофская колонія, принося свой языкъ и свои обычаи. По объясненію Тотэна⁴⁾, названіе уолофъ значитъ «говорящіе», изъ чего можно заключить, что чернокожіе Кайора, подобно многимъ другимъ народамъ, въ томъ числѣ арійцамъ Индіи и древнимъ грекамъ, склонны были видѣть варваровъ или «лепечущихъ» во всѣхъ людяхъ, говорящихъ на другомъ, непонятномъ имъ языкѣ. Бартъ предлагалъ для имени уолофъ другое словопроизводство, которое, впрочемъ, едва-ли можно признать основательнымъ: по его мнѣнію, это наименованіе значитъ «черные», въ противоположность «краснымъ» или фула.

Уолофы, дѣйствительно,—черные изъ черныхъ. Хотя они живутъ не подъ экваторомъ, однако, кожа ихъ, глянцевитая, точно покрытая лакомъ, имѣетъ цвѣтъ чернаго дерева; даже губы—и тѣ черныя, только болѣе матоваго оттѣнка, чѣмъ кожа на лицѣ⁵⁾. Они отличаются отъ большинства другихъ негровъ поморья своимъ слабымъ прогнатизмомъ; рѣзцы у нихъ едва наклонены; растительность на бородѣ скудная, и красивая гладкая кожа почти совершенно лишена волосъ. Уолофы—народъ рослый по большей части, и какъ мужчины, такъ и женщины, обладаютъ великолѣпнымъ бюстомъ по ширинѣ и силѣ; но нижніе члены относительно слабы, икры тонки, ступни плоски, и большой палецъ на ногѣ болѣе отдѣляется, чѣмъ у бѣлыхъ. У женщинъ крестецъ сильно развитъ, что происходитъ, можетъ-быть, частію оттого, что ношеніе ребенка на спинѣ, въ концѣ-концовъ, произвело анатомическое измѣненіе, передававшееся и фиксированное путемъ наслѣдственности⁶⁾. Преданная мать, какъ почти всѣ африканки, сенегальская уолофка всегда носитъ на себѣ своего новорожденного, привязывая его платкомъ къ бедру; когда ребенку станетъ нѣсколько мѣсяцевъ, старшая сестра завладѣваетъ имъ и привязываетъ его себѣ на спину, какъ это дѣлаетъ мать, чтобы послѣдней удобнѣе было работать: тамъ постоянно увидишь дѣвочекъ, разгуливающихъ съ бутылкой на спинѣ, для того, чтобы подготовиться къ живой ношѣ, которую имъ впослѣдствіи придется таскать на себѣ⁷⁾.

Уолофскій діалектъ, отличающійся отъ всѣхъ

¹⁾ Colin, „Revue Maritime et Coloniale“, 1883.

²⁾ Berchon, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, I, 1860.

³⁾ Béranger-Férand, „Les peuplades de la Sénégambie“.

⁴⁾ „Revue d'Ethnographie“, 1885.

⁵⁾ Topinard, „Revue d'Anthropologie“.

⁶⁾ Tautain, цитированный мемуаръ.

⁷⁾ De Poly, „Revue Contemporaine“, 25 sept. 1885.

другихъ африканскихъ нарѣчій, представляетъ типъ приставочнаго языка. Корни, почти всѣ односложные и оканчивающіеся на согласную, опредѣляются при помощи суффиксовъ и представляются одинъ къ другому, оставаясь неизмѣнными въ своихъ различныхъ значеніяхъ существительнаго, прилагательнаго, глагола или нарѣчія. Эти суффиксы до безконечности видоизмѣняютъ значеніе словъ, позволяя, на примѣръ, спрягать глаголы въ различныхъ видахъ и залогахъ, взаимномъ, эмфатическомъ, увеличительномъ или уменьшительномъ, ускорительномъ, повторительномъ, прерывательномъ, винословномъ или обычномъ: перемѣна конечнаго слога указываетъ каждое изъ этихъ значеній¹⁾. Нѣкоторые корни заимствованы изъ языковъ мандинговъ и фуловъ; технические слова—даже арабскаго происхожденія; но въ цѣломъ уолофскій языкъ довольно чистъ. Какъ общепотребительный языкъ торговли во всей Сенегамбії, діалектъ этотъ получилъ капитальную важность; существуетъ даже нѣсколько относящихся къ нему специальныхъ работъ, изданныхъ въ разное время во Франціи и въ Африкѣ. Нигдамъ Костъ²⁾ перечисляетъ десять книгъ,—уолофскихъ грамматикъ, краткихъ словарей или сборниковъ словъ,—которые вышли въ свѣтъ съ 1825 года. Но языкъ этотъ не имѣетъ еще литературы въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ уолофы сохраняютъ свои пѣсни, сказки и пословицы только устно, по памяти, и за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые посѣщали школы, не знаютъ другихъ письменныхъ знаковъ, кромѣ арабскихъ буквъ на бумажкахъ, служащихъ амулетами.

Сенъ-Луи—городъ по преимуществу магометанскій, а Горея — городъ католическій. Большинство уолофовъ называютъ себя мусульманами, тогда какъ живущіе въ окрестностяхъ миссіонерскихъ станокъ претендуютъ на имя христіанъ. Главная разница между ними та, что у первыхъ имѣются гри-гри, содержащія стихи изъ Корана, а послѣдніе носятъ медали и нарамники. Всѣ праздники, мусульманскіе или христіанскіе, справляются уолофами съ одинаковымъ энтузіазмомъ; кромѣ того, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще привлекаютъ толпу: такъ, на примѣръ, въ Горей поимка акулы, затѣмъ тасканіе ея по улицамъ напоказъ вызываетъ неописанный восторгъ и ликованіе между неграми; всѣ работы, ради такого торжественнаго случая, приостанавливаются на цѣлые часы³⁾. Большинство уолофовъ вѣрятъ въ домового и стараются задобрить его разными приношеніями; во многихъ домахъ покровителемъ семьи считаютъ ящерицу и свято соблюдаютъ обычай услу-

живать ей плошкой молока. Марабуты, которыхъ старинные путешественники называли «чижиками», пользуются большимъ авторитетомъ: всѣ они знаютъ арабскій языкъ, и они же держатъ школы.

Языческіе обряды, такъ же какъ традиціонныя нравы и учрежденія, тѣмъ лучше сохранились, что уолофы сельскаго класса живутъ въ мѣстахъ, менѣе подверженныхъ вліянію бѣлаго населенія городовъ Сенъ-Луи и Горей. Въ этихъ захолустяхъ по-прежнему существуетъ строгое дѣленіе на касты. Въ установившейся тамъ искони общественной іерархіи за аристократіей «свободныхъ людей» слѣдуетъ нѣчто въ родѣ полу-аристократіи, внушающей большой страхъ, такъ какъ ее считаютъ происшедшей отъ брака мертвеца съ живой женщиной; затѣмъ идутъ, въ нисходящемъ порядкѣ, ремесленники—золотыхъ дѣлъ мастера, кузнецы, кожевники; производители сандалій, далѣе пѣвцы или гриоты, люди, занимающіеся подлыми работами, наконецъ рабы⁴⁾. Гриоты, хотя безъ нихъ не обходится никакое празднество.—люди безправные: это существа презираемыя и презрѣнныя, такъ какъ ремесло ихъ, подобное ремеслу цыганъ *loutari*, или «хвалителей», въ Румыніи, состоитъ въ томъ, чтобы восхвалять того, кто имъ платитъ, прославлять недостатки и пороки патрона, какъ достоинства и добродѣтели, щекотать тщеславіе лживой лестью; они живутъ въ позорѣ, но иногда встаютъ противъ своихъ обидчиковъ, и мщеніе ихъ страшно, ибо многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ колдуны и знахари, умѣющіе, при помощи своихъ чаръ и колдованій, отправить врага на тотъ свѣтъ. Бываютъ также примѣры, что гриоты или гриотки выдѣляются изъ толпы скомороховъ, музыкантовъ и игроковъ на тамтамѣ, чтобы сдѣлаться импровизаторами и поэтами. Въ деревняхъ внутренней Сенегамбії гриотовъ даже не хоронятъ, какъ другихъ уолофовъ: тѣла ихъ кладутъ въ дупло деревьевъ, на съѣденіе дикимъ звѣрямъ; но они будутъ имѣть, по ихъ повѣрью, свое безмертіе, особо отъ всѣхъ другихъ людей.

Браки между мужчинами и женщинами разныхъ кастъ не допускаются. Полигамія въ нравахъ населенія, и жена «привязана» къ мужу, какъ она въ дѣвухахъ была привязана къ своему отцу; она не имѣетъ личныхъ правъ, и когда мужъ умираетъ, она переходитъ во владѣніе своего девера: она должна даже притвориться мертвой и лежать безъ движенія, пока золовка не придетъ, такъ сказать, воскресить ее, облачая ее въ траурное платье. Обычай позволяетъ еще чинить судъ надъ умершими. Передъ погребеніемъ, сосѣди

¹⁾ Boilat, «Esquisses Sénégalaises».

²⁾ «The modern languages of Africa».

³⁾ Béranger-Féraud, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Tautain, цитированное сочиненіе;—Boilat, —Béranger-Féraud, etc.

собираются, чтобы хвалить или порицать покойнаго, прославлять его добродѣтели или оплакивать его пороки. Но на краю могилы, все равно—будетъ или не будетъ она орошена кровью быка или другой жертвы,—должно относиться къ усопшему не иначе, какъ съ полнымъ доброжелательствомъ. Въ нѣкоторыхъ уолофскихъ земляхъ, между прочимъ, въ территоріи Баолъ, снимаютъ кровлю съ хижины покойника и кладутъ ее на могилу, новое жилище потеряннаго друга. У всѣхъ уолофовъ, идолопоклонниковъ, магометанъ и христіанъ, сохранился еще трогательный обычай: въ продолженіи цѣлаго года послѣ смерти обыкновенная доля нищии покойнаго отдается бѣдному сосѣду или невольнику. Возвращаясь съ кладбища или изъ дома, гдѣ есть покойникъ, нужно какъ можно дольше кружить и блуждать, какъ будто наудачу, чтобы сбить съ толку духа зла, которому хотѣлось бы пробраться въ другую хижину и схватить новую жертву.

Древнее королевство Кайоръ, самое большое изъ уолофскихъ государствъ, не было уничтожено французами. Державецъ, который всегда принимаетъ имя собственное Дамель, назначается путемъ выбора, но долженъ быть избираемъ изъ членовъ семьи, пользующейся царской прерогативой; избирателей, которые сами лично не могутъ домогаться власти, всего только четверо. При избраніи на царство Дамель (или Будумель, какъ его называютъ старинные португальскіе авторы) получаетъ сосудъ, въ которомъ, говорятъ, находятся сѣмена всѣхъ растений, произрастающихъ въ Кайорѣ: онъ становится чрезъ этотъ символическій обрядъ господиномъ почвы, и съ этого времени отъ него зависитъ обиліе жатвы. Затѣмъ онъ удаляется на восемь дней въ священный лѣсъ, чтобы подготовиться къ своей божественной миссіи. Еще не такъ давно территорія Уало, въ которой находится городъ Сентъ-Луи, тоже состояла подъ властью царька, называвшагося «бракъ», выборъ котораго принадлежалъ двумъ избирателямъ: также обязанный принести благосостояніе въ страну, къ управленію которой онъ призывался, новоизбранный «бракъ» долженъ былъ войти въ рѣку, поймать рыбу руками и показать ее народу, какъ обѣщаніе счастливыхъ улововъ. Власть его была упразднена въ 1858 г., и территорія присоединена къ французскимъ владѣніямъ. До внимательства европейцевъ въ мѣстныя дѣла всѣ уолофскія земли, Кайоръ, Уало, Баолъ, Сине, Салумъ и Джолофъ, признавали надъ собой власть сюзерена, называвшагося Буръ или «Великій Уолофъ»¹⁾, которому каждый второстепенный царекъ посылалъ, въ знакъ преданности, барабанъ; къ этому верховному

повелителю приближались не иначе, какъ ползкомъ, съ обнаженной спиной и посыпанной пылью головой¹⁾.

Политическимъ и социальнымъ перемѣнамъ, введеннымъ въ уолофскомъ мірѣ вліяніемъ европейцевъ, соответствуютъ глубокія преобразованія въ народномъ характерѣ туземцевъ. Уолофамъ все еще ставятъ въ упрекъ ихъ привычку къ беспорядочности и нечистоплотности, ихъ обжорство и пьянство; ихъ описываютъ какъ большихъ дѣтей, не способныхъ остановиться на какой-либо опредѣленной мысли, живущихъ только для наслажденія и хвастовства; но что бы ни говорили, совершившіяся перемѣны коснулись не одного только костюма: уолофы Сентъ-Луи не ограничились замѣной своей широкой блузы, «бубу», панталонами и курткой,—нѣтъ работы, которую бы они не исполняли съ радостью, когда взываютъ къ ихъ чувству чести; нѣтъ подвига человѣколюбія, ради котораго они не выказали бы готовности жертвовать собой, когда имъ ввухать, что этого требуетъ долгъ. Когда нужно перейти баръ и съ опасностью жизни пуститься въ море среди разъяренныхъ волнъ, всѣ уолофскіе лодочники являются истинными героями, и не бывало примѣра, чтобы при кораблекрушеніи бѣлый челоувѣкъ былъ покинутъ черными на произволъ судьбы. Въ то время, какъ другіе негры Сенегала только подданные или сомнительные союзники европейца, уолофы Сентъ-Луи живутъ въ дружескомъ общеніи съ французами и называютъ себя «дѣтьми» города: они составляютъ франко-сенегальскую націю, и между ними всегда находили тысячи волонтеровъ, когда требовалось защитить тотъ или другой угрожаемый пунктъ рѣки, въ Мединѣ, въ Бакелѣ, или на пристаняхъ мавровъ.

Южные сосѣди уолофовъ, сереры, родственны имъ по расѣ, и во многихъ мѣстахъ образуютъ съ ними смѣшанныя населенія; въ нѣкоторыхъ округахъ они даже приняли ихъ языкъ или усвоили ихъ обычаи; въ другихъ мѣстахъ они смѣшались съ мандингами, и ихъ царствующія фамиліи принадлежать въ большинствѣ къ расѣ этихъ завоевателей. Но въ цѣломъ земля чистокровныхъ сереровъ довольно точно очерчена линіей, которая слѣдуетъ по водораздѣлу между Гамбіей и Салумомъ, обнимаетъ весь бассейнъ этой послѣдней рѣки и примыкаетъ къ лагунѣ Танліа, у основанія полуострова Зеленаго Мыса; самый полуостровъ принадлежитъ къ области населеній уолофскаго языка. Въ этой обширной территоріи, пространствомъ около 12.000 квадр. километровъ, сереры подраздѣляются на множество народцевъ, группировка которыхъ часто мѣнялась, вслѣдствіе междоусобій и завоеваній, но которые можно сое-

¹⁾ André Alvarez d'Almada, „Tratado breve dos rios de Guiné“, 1594.

¹⁾ Le Maire, „Voyage aux îles Canaries, Cap-Verd, Sénégal et Gambie“.

динить въ два большіе отдѣла: «сереры-ноне», живущіе въ сѣверо-западной части края, и «сереры-сине» («барбасины» у старинныхъ португальскихъ авторовъ), занимающіе всю остальную территорію; послѣдніе гораздо многочисленнѣе, и языкъ ихъ лучше изученъ¹⁾. Они представляютъ много сходства съ уолофскимъ языкомъ и, также какъ этотъ послѣдній, состоятъ изъ односложныхъ корней, приставляемыхъ одинъ къ другому по тѣмъ же правиламъ. Что касается нарѣчія ноне, непонятнаго серерамъ-сине, то оно отличается своимъ словаремъ, но сходно съ другимъ діалектомъ по синтаксису. Во всемъ серерскомъ королевствѣ языкомъ начальниковъ служить уолофскій діалектъ.

По преданію, сереры нѣкогда обитали въ верхнемъ бассейнѣ Казаманки, къ юго-востоку отъ нынѣшней ихъ территоріи; оттѣсненные, въ пятнадцатомъ столѣтіи, магометанами мандингами и фулами, они перешли Гамбію и поселились среди лѣсовъ, простирающихся въ бассейнѣ Салума: край этотъ былъ почти безлюдный, и они могли колонизовать его, разсыпавшись группами землевладѣльцевъ по лѣснымъ прогалинамъ. Изъ всѣхъ негровъ поморя сереры — самые рослые: мужчины въ два метра (около 2 арш. 13 вершк.) не рѣдкость между ними; грудь у нихъ развита соразмѣрно росту, и по тѣлосложенію они были бы настоящими геркулесами, если бы не имѣли того же недостатка, что и уолофы: ноги у нихъ нѣсколько сухопары и икры слишкомъ тонки. Немного менѣе черные, нежели уолофы, сереры отличаются отъ послѣднихъ болѣе приплюснутымъ носомъ, болѣе плоскимъ лицомъ, болѣе толстыми губами; а молодыя дѣвушки должны еще искусственно вздуть нижнюю губу, прокалывая ее колючками растений, — операція очень мучительная, но которой онѣ подвергаются публично, не выражая испытываемой боли никакимъ внѣшнимъ знакомъ; дѣвица, испустившая при этомъ крикъ, покрыла бы себя позоромъ, который помѣшалъ бы ей найти жениха. У сереровъ, какъ и у ихъ сосѣдей, за невѣсту платится выкупъ ея отцу, но она переходитъ подъ кровъ мужа лишь послѣ притворнаго похищенія.

Обрѣзаніе практикуется у сереровъ со времени глубокой древности либо въ возрастѣ отъ пятнадцати до шестнадцати лѣтъ, либо по случаю какого-нибудь большаго событія, напримѣръ, вступленія на престолъ новаго царька²⁾. Обрядъ этотъ вовсе не предполагаетъ обращенія въ исламъ; внѣшнимъ знакомъ магометанина въ этихъ странахъ служить бритая голова. Постоянныя сношенія съ уолофами и завоеваніе Салума однимъ марабутомъ изъ пле-

мени фула усилило въ это послѣднее время вліяніе ислама въ серерской территоріи; однако, главная масса населенія по-прежнему придерживается языческихъ вѣрованій и обрядовъ, не потому, чтобы она отвергала ученіе Магомета, а потому, что ей нежелательно отказываться отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ. Сереръ поклоняется своимъ богамъ у подножія деревьевъ; когда появляется новая луна, онъ дѣлаетъ заклинанія духамъ воздуха и ночи³⁾. По его вѣрованію, существуетъ два верховныхъ духа — Тахаръ, богъ справедливости, и Тиурахъ, богъ богатства⁴⁾: первому онъ жаждетъ на несправедливости ближнихъ, на притѣсненіи отъ сильныхъ и на колдовствѣ слабыхъ; втораго онъ молитъ о ниспосланіи успѣха его предпріятіямъ, хотя бы они были беззаконны и осуждаемы добрымъ богомъ. Змѣй тоже считался высокимъ божествомъ, и часто его видѣли появляющимся въ разныхъ видахъ, даже облаченнымъ въ офицерскій мундиръ временъ имперіи⁵⁾. Прежде ему приносили въ жертву живыхъ животныхъ, большею частію быковъ и цыплятъ; но такъ какъ вѣра ослабла съ тѣхъ поръ, какъ двѣ новыя религіи, магометанство и христіанство, оспариваютъ другъ у друга сереровъ, то нынѣ ограничиваются преподнесеніемъ ему отбросовъ отъ скотины, убиваемой для пиршествъ. Впрочемъ, жертвоприношенія еще практикуются у сереровъ при погребеніи умершихъ. Также какъ у уолофовъ, тѣло переносится родными въ круглую ограду, покрытую кровлей съ хижины покойнаго; на верхушкѣ крыши кладутъ оружіе, земледѣльческія орудія, домашнюю утварь, смотря по состоянію и полу индивидуума; ровъ и живая изгородь изъ колючихъ растений защищаютъ это жилище смерти отъ хищныхъ животныхъ. Вблизи моря могилу выкладываютъ раковинами, а внутри страны ее покрываютъ землей. Большинство туземцевъ вѣритъ въ переселеніе душъ.

Изъ всѣхъ негровъ Сенегамбіи сереры, говорятъ, наиболѣе склонны къ пьянству: нигдѣ не выпивается такъ много страшной «сангары», фатальнаго напитка, въ составъ котораго входятъ, кромѣ худо очищеннаго спирта, табакъ, перецъ въ зернахъ и красный стручковый⁶⁾. Начальники, желая похвастать своимъ богатствомъ, выставляютъ напоказъ выдолбленную тыкву, наполненную водкой, и проводятъ все время въ пьянствѣ; женщины даютъ сангару своимъ дѣтямъ въ одно время съ молокомъ; несчастныя дѣти растутъ тупоумными, и впоследствии изъ нихъ выходятъ негодяи, тѣдо-

¹⁾ D'Almada цитирован. сочиненіе.

²⁾ Pinet-Laprade, «Notice sur les Sérères», «Annuaire du Sénégal pour l'année 1865».

³⁾ L. M. Gallais, «Annales de la Propagation de la Foi», 1851.

⁴⁾ Berenger-Féraud, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Faidherbe, «Etude sur la langue kéguem ou sérère-sine», «Annuaire du Sénégal pour l'année 1865».

²⁾ Fr. Carrière et P. Holle, цитирован. сочиненіе.

которые грабят деревни, опустошают поля и плантации, убивают людей, по приказанию своих господъ. А между тѣмъ вначалѣ восемнадцатаго столѣтія водка еще не была извѣстна

раса подверглась нравственной порчѣ; но та же европейская торговля, которая поставляетъ серерамъ гибельный напитокъ, покупаетъ у нихъ скотъ, земляныя фисташки, хлопковъ и

Пейзажъ въ португальской Гвиней

«этими добрыми людьми», и они еще не были испорчены пьянствомъ: «а это непременно случится, прибавлялъ Брю, если бѣлые будутъ часто наѣзжать въ край ¹⁾». Бѣлые явились, и

¹⁾ Labat, цитирован. сочиненіе. — Berlioux, «André Brûe».

другіе продукты, и туземцы, вообще прекрасные земледѣльцы, годъ отъ году собираютъ все болѣе обильныя жатвы. Но можно надѣяться, что и здѣсь, даже въ этой, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ испорченной средѣ, миръ и трудъ по-

степенно приведутъ къ поднятію нравственнаго уровня населенія. Рабства не существуетъ у сереровъ-ноне, такъ какъ у нихъ никогда не было плѣнниковъ; вообще это самые честные и трудолюбивые изъ туземцевъ.

Негры, господствующіе въ областяхъ средняго Сенегала, называвшагося прежде «землей Чаламъ», вообще извѣстны подъ именемъ «сараколе» (Saracolé, Saracolais, Sarracolets, Sarekhoulé, Seracoulé, Sarekhoulé, Assouanek, и т. д.); сами же себя они называютъ «сонинке» — слово, понимаемое въ худомъ смыслѣ на берегахъ Гамбіи: тамъ оно синонимъ нечестивца и пьяницы ¹⁾, хотя, по объясненію нѣкоторыхъ авторовъ, истинный смыслъ его — «бѣлый человѣкъ»; но въ наши дни оно уже утратило это значеніе, если вообще имѣло его когда-нибудь ²⁾. Въ Гангаранѣ, между двумя главными вѣтвями Сенегала, сонинке носятъ другое наименованіе — гангарцевъ. Беранже-Феро разсматриваетъ ихъ какъ особую этническую группу, совершенно отличную отъ ихъ сосѣдей, мандинговъ и бамбара; Кентенъ считаетъ ихъ родственными сонраямъ, живущимъ по среднему теченію Нигера, и полагаетъ, что они слегка смѣшались съ берберами, чѣмъ, по его мнѣнію, и объясняется относительно свѣтлый оттѣнокъ ихъ кожи; но большинство этнологовъ, вслѣдъ за Бартомъ, причисляетъ ихъ къ большому отдѣлу мандинговъ, занимающему область верхней Джолибы и южную Сенегамию, на правомъ берегу Бафинга. Языкъ ихъ, для изученія котораго существуютъ краткіе словари и грамматическія замѣтки, содержитъ въ земляхъ смѣшанной расы болѣе или менѣе значительную примѣсь словъ феллатскихъ, бамбаранскихъ, мандингскихъ; Тотенъ, сравнивая этотъ языкъ съ мандингскимъ, нашелъ очевидное сходство въ корняхъ и синтаксисѣ. По ихъ преданіямъ, сонинке составляли нѣкогда большія государства на берегахъ Нигера; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ бассейнѣ Сенегала они живутъ уже съ эпохи, предшествовавшей прибытію въ этотъ край другихъ мандинговъ и бамбара.

Разсѣянные по всей Сенегамии маленькими группами среди другихъ народцевъ, сонинке сохранились въ наиболѣе чистомъ состояніи и сгущены въ болѣе сплоченныя населенія на обоихъ берегахъ Сенегала, между Бафулабе и Бакелемъ, такъ что здѣсь всего лучше наблюдать ихъ отличительные признаки расы и подрасы. Значительно малорослѣ сереровъ и уолофовъ, сонинке крупнѣе феллатовъ, которыми, впрочемъ, уступаютъ въ граціи движеній и ловкости членовъ. Цвѣтъ кожи у нихъ темно-каштановый, впадающій въ красноватый; даже самое имя «серехулле», по толкованію

Тотена, означаетъ «красныхъ людей». Прогнатизмъ лица у нихъ очень замѣтенъ: лобъ подавшійся назадъ, скулы мало выступающія, ноздри широкія и косыя, губы очень толстыя, оттопыриваемыя наклоннымъ положеніемъ рѣзцовъ, подбородокъ отступающій назадъ, но обросшій нѣсколько гуще, чѣмъ у уолофа. Шевелюра волнистая, но не курчавая; послѣ бритья, отроstaatъ щеткой, а не въ видѣ «зеренъ перца», какъ у уолофовъ. Большинство женщинъ заплетаютъ волосы въ формѣ каски, унижая ихъ очень красиво бусами и кусочками янтаря, сверкающими сквозь газовый вуаль. Деревни, опрятно содержимыя, состоятъ по большей части изъ небольшого числа соломенныхъ хижинъ, убранныхъ со вкусомъ; въ сосѣдствѣ земель, обитаемыхъ мандингами и бамбарой, селенія рѣдко бываютъ огорожены заборами, такъ какъ власти края присвоили себѣ исключительное право укрѣплять оградами свои резиденціи. Въ центрѣ каждой деревни оставлено большое дерево, служащее форумомъ, гдѣ собирается мірской сходъ для совѣщанія объ общественныхъ дѣлахъ.

Очень смиренные, миролюбивые, умѣющіе искусно ускользать отъ гнета, но безропотно покоряющіеся ему, когда его нельзя избѣгнуть, сонинке, обыкновенно, ограничиваются пассивнымъ сопротивленіемъ, которое часто удается имъ лучше, чѣмъ открытое возмущеніе; такъ, они достигли того, что сохранили независимое существованіе въ видѣ многочисленныхъ маленькихъ государствъ, монархическихъ или олигархическихъ, частію обособленныхъ, частію соединенныхъ въ федеративные союзы; но всѣ они приняли Коранъ, языкъ котораго имъ, впрочемъ, непонятенъ, и предписанія котораго они исполняютъ лишь подъ бдительнымъ окомъ марабутовъ. Магометане не особенно ревностные, если не считать временныхъ и скоро-преходящихъ вспышекъ религіознаго пыла, — они ходятъ караванами изъ деревни въ деревню обмѣнивать товары язычникамъ и христіанамъ, посѣщаютъ города поморья, чтобы увидать собственными глазами диковинныя вещи, о которыхъ имъ разсказывали. Большинство изъ нихъ не питаютъ ненависти къ бѣлому человѣку и охотно вступаютъ съ нимъ въ товарищество. Многіе изъ молодыхъ людей поступаютъ на службу въ компаніи; изъ нихъ выходятъ хорошіе матросы; особенно незамѣнимы они въ военныхъ экспедиціяхъ, какъ опытные проводники, умѣющіе находить удобныя тропинки и пролагать дорогу черезъ лѣсныя чащи. Хорошіе земледѣльцы, страстные охотники до путешествій, соединяющіе такимъ образомъ въ себѣ качества осѣдлыхъ жителей и номадовъ, обладающіе веселымъ и счастливымъ характеромъ, они, по видимому, предназначены сдѣлаться въ верхней области Сенегала тѣмъ же, чѣмъ сдѣла-

¹⁾ Pinet-Laparde, цитирован. мемуаръ.

²⁾ Fr. Müller, „Allgemeine Ethnographie“; — Colin, „Revue française“, mai 1886.

уолофы въ нижней его области, — колонными французами; имъ, по всей вѣроятности, будетъ принадлежать честь окончательнаго овладѣнія верхней Сенегамбіей посредствомъ распространѣнія земледѣльческой культуры и распредѣленія богатствъ.

Угійя негритянскія населенія верхняго Сенегала и его притоковъ, повидимому, имѣютъ общее происхожденіе и говорятъ нарѣчій болѣе или менѣе близкими къ языку инговъ; тѣмъ не менѣе они представляютъ особые этнические элементы. Таковы сонинке, которые живутъ соединенными въ общинами въ окрестностяхъ Мединны, въ исторіяхъ Кассо, Гидимаха, Камера, На. Черезъ браки они породнились со своими братьями сонинке, фулами, мандингами, и принадлежатъ къ нимъ въ отношеніи относительно кожи, пріятныя черты лица, гибкіе члены въ походкѣ и въ извивающемся и кошащемъ танцѣ; въ мирное время они ведутъ очень уединенную жизнь. Днемъ и ночью въ ихъ деревняхъ слышно, что шумъ тамтама и гонимыхъ. Благодаря своей репутации веселыхъ танцоровъ, кассонке пользуются привилегіей посещать гроты и гротокъ ко дворянству всѣхъ странъ ¹⁾. Женщины изъ Кассо отличаются также законодательницами моды по прическамъ и драпировкамъ. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ матеріальный достатокъ извѣщаетъ о необходимости полоть поля, проводятъ время въ купаньи и заботахъ о туалетѣ ²⁾. Танцоры считаются большой красой синій цвѣтъ лица, и для полученія этой окраски, они промазываютъ себя десна при помощи маленького шиповъ.

Джоллонке, на сѣверо-востокъ отъ Фута-Джаллонъ, между Бафингомъ и Нигеромъ, где обитали въ горахъ Фута-Джаллонъ, по которымъ называются и до сихъ поръ всѣхъ негровъ Сенегамбіи это племя наиболѣе осталось въ вліяніи бѣлыхъ людей, и всѣхъ территорій ихъ земля была наименѣе цѣпана европейскими путешественниками. Сенель описываетъ ихъ свирѣпыми варварами, одѣтыми еще въ звѣринныя шкуры. Нарѣчій они сливаются съ племенемъ сонинке; тѣ и сѣверо-западъ они породнились съ мандингами, которые населяютъ Бамбукъ, часть территоріи Бонду, почти весь французскій Суданъ и берега Гамбіи, ихъ главную область; вѣдь, на западъ они измѣнились подъ вліяніемъ брачныхъ союзовъ со своими побѣдителями, фулами или фульбе, которые имѣютъ чистый перевѣсъ въ областяхъ Фута-Джаллонъ и Бонду.

и послѣдніе, люди чуждой расы, отличные

отъ всѣхъ нигриційцевъ, которыми они окружены, вѣзались клиномъ между неграми поморья и неграми береговъ Джолибы. Ни въ какой части Африки они не встрѣчаются въ большемъ числѣ и въ болѣе сплоченной этнической группѣ, чѣмъ въ Сенегамбіи. Фута—это корень безчисленныхъ именъ, которыми ихъ обозначаютъ: фула, феллата, феланъ, феллани, феллатинъ, феллахинъ, фуладу, фулани, фульфульде, фута, пуло, пуларъ, халь-пуларъ, фурба, фолей, пелъ и т. д.; въ Сенегалѣ они называютъ себя «пулло», какъ отдѣльное племя, и «фульбе», какъ расу. Они разсѣяны болѣе или менѣе могущественными племенами на территоріи весьма обширной по длинѣ, около 4.500 километровъ: на востокъ мы находимъ ихъ въ Дарфурѣ, хотя собственно дарфурцы или фурауи не принадлежатъ къ феллатской націи; на западъ они выдвинулись до «Рѣкъ Юга», Нуньецъ, Понго, Меллакорѣ. Если взять крайніе пункты ихъ разселенія, на сѣверѣ и на югѣ, съ одной стороны—на берегахъ Сенегала, съ другой—на берегахъ Бенуэ, то поясъ, въ которомъ встрѣчаются ихъ колоніи, имѣетъ болѣе тысячи километровъ въ ширину. Но какъ ни обширна эта территорія, и хотя они основали въ предѣлахъ ея большія государства, какъ Гаусса и Массина, они, однако, разселены очень рѣдко и во многихъ мѣстностяхъ какъ бы затерялись въ потокѣ нигриційскаго населенія; даже въ области французскаго Судана, специально называемой Фула-Дугу, т. е. «страной фуловъ», и которую многіе авторы считали ихъ первоначальной родиной, едва встрѣтишь нѣсколько семействъ этого племени. Подвергаясь вліянію самыхъ разнообразныхъ условій среды, группы ихъ представляютъ значительныя различія, отъ горъ Дарфура до горъ Фута-Джаллонъ, но при всемъ томъ они сохранили нѣкоторую расовую солидарность и признаютъ другъ друга братьями, благодаря сходству нарѣчій, преданій и нравовъ.

Тѣ изъ фуловъ, которые, повидимому, сохранили характеристическія черты расы въ наибольшей чистотѣ именно въ территоріи Бонду, отличаются краснымъ или бронзовымъ оттѣнкомъ кожи и по формѣ лица мало разнятся отъ берберовъ. Лицо у нихъ овальное, обрамленное вьющимися или даже гладкими волосами, носъ прямой, губы довольно тонкія: среди этого племени, особенно между женщинами, не рѣдкость встрѣтить лица, блистающія истинной красотой, какъ ее понимаютъ художники Европы, и красота эта тѣмъ болѣе обаятельна, что она сопровождается ласковостью взгляда и улыбки, граціей движеній, благородствомъ осанки, хорошимъ вкусомъ въ костюмѣ и украшеніяхъ. Очень немногіе изъ фуловъ обладаютъ мощью и шириной торса, отличающими уолофовъ и сереровъ поморья. Форма ихъ черепа очень походитъ на черепъ феллаховъ Нильской дельты,

Anne Raffeneil, «Nouveau voyage au pays des Nègres». Tautain, цитирован. сочиненіе.

и между фулами Сенегамбии многія женщины носят прическу, напоминающую куафюру египетских статуй ¹⁾. Сходство имени (феллахинъ) и чертъ лица часто давало ученымъ поводъ къ попыткамъ отождествленія этихъ двухъ расъ ²⁾; нѣкоторые видятъ въ фулахъ «бѣлыхъ воюповъ» Птолемея; Швейнфуртъ считаетъ ихъ родичами племени монбутту. Что касается самихъ фуловъ, то они смотрятъ на себя, какъ на людей совершенно отличныхъ отъ негровъ. Тѣ фулы, которыхъ европейскіе путешественники встрѣчали въ бассейнахъ озера Паде и рѣки Бенуэ, называли себя не иначе, какъ «братьями» или «кузенами» бѣлыхъ иностранцевъ. Въ Сенегамбии многіе изслѣдователи тоже слышали, какъ нѣкоторые фулы хвастались своимъ родствомъ съ бѣлыми ³⁾; но большинство ихъ, ревностные магометане, предпочитаютъ приписывать себѣ гимиаритское или арабское происхождение, и марабуты выводятъ свою національную генеалогію отъ общаго предка Феллахъ-бенъ-Гиміера, «Сына краснаго человѣка» или Гиміарита. При такой родословной объясняется вмѣстѣ и происхождение, и цвѣтъ кожи ⁴⁾.

Еще болѣе, чѣмъ чертами лица и цвѣтомъ кожи, фулы отличаются отъ своихъ сосѣдей негровъ нравами и образомъ жизни. Мѣнѣе номады, чѣмъ мавры, они охотно мѣняють мѣсто жительства, покидаютъ даже деревни безъ намѣренія вернуться, когда того требуетъ благосостояніе ихъ стадъ. Слѣдуя за своими зебу, они постепенно распространились во всѣхъ областяхъ западной Африки. Путемъ наслѣдственного опыта они достигли того, что отлично знаютъ нравы животныхъ и умѣютъ приобрити ихъ любовью; въ военныхъ экспедиціяхъ они удивительно ловко уводятъ стада непріятеля и заставляютъ ихъ послушно слѣдовать за собой; молодые фулы, не получившіе быковъ въ наслѣдство, ловятъ чужихъ у сосѣднихъ племенъ и захваченную скотину угоняютъ далеко; такъ именно и возникли безчисленныя фульскія колоніи, разсѣянныя отъ одного до другаго конца Африки ⁵⁾. Первоначальный культъ фуловъ состоялъ, повидимому, въ обожаніи быка, и въ нынѣшнемъ ихъ магометанствѣ сохранились еще многіе обычаи, свидѣтельствующіе о древнихъ обычаяхъ. Чистота, соблюдаемая ими въ хлѣбахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто религіозное; въ области Бонду, фулы принимаютъ гостей въ паркахъ для скота, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свое почтеніе по-

сѣтителю ⁶⁾. Лошадь, кажется, не была имъ извѣстна въ ихъ первоначальномъ отечествѣ, такъ какъ слово, которымъ они обозначаютъ это животное, — берберскаго происхожденія ⁷⁾.

Между фулами-кочевниками многіе имѣютъ тотъ туповатый видъ, который сообщаетъ уединенная жизнь въ обществѣ животныхъ; но, взятая въ массѣ, эта раса отличается высшими умственными способностями, благородствомъ идей, поэтическимъ тономъ и возвышенностью языка: иная сказка изъ тѣхъ, что разсказываютъ по вечерамъ въ деревняхъ, свидѣтельству о такихъ высокихъ чувствахъ, что негры окружающихъ племенъ даже не поняли бы ея ⁸⁾. Впрочемъ, фулы доказываютъ свое превосходство также и тѣмъ, что учатся у своихъ сосѣдей: съ ними они сдѣлались земледѣльцами и въ нѣкоторыхъ округахъ перешли къ осѣдой жизни, принявши за обработку почвы и продолжая вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься скотоводствомъ; почти всѣ феллатскіе метисы — прекрасные пахари. Въ промышленности и ремеслахъ фулы тоже выказываютъ большія способности и искусство. Они умѣютъ добывать желѣзную руду, очищать ее, выплавлять и ковать металлъ, изъ котораго выдѣлываютъ земледѣльческія орудія, разные предметы домашняго обихода, ножи, оружіе; золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера съ большимъ вкусомъ обрабатываютъ благородные металлы; плотники и каменщики строятъ прочныя и удобныя дома; кожевники и сапожники готовятъ разнообразныя издѣлія изъ кожи, въ томъ числѣ футляры для драгоценнаго гри-гри; наконецъ, между ткачами встрѣчаются искусники, производящіе изъ мѣстнаго хлопка ткани, почти такія же тонкія, какъ кисея; даже богатые выучиваются шить себѣ одежду.

Какъ воины, фулы не уступятъ никакой другой африканской расѣ. Храбрость ихъ много способствовала поддержанію ихъ господства: въ военное время всѣ здоровые мужчины выступаютъ на полѣ битвы, и въ своихъ экспедиціяхъ фулы выказываютъ немалое стратегическое искусство. Оружіе у нихъ такое же, какъ и у ихъ сосѣдей, негровъ; впрочемъ, они употребляютъ кромѣ того желѣзные копыя, съ рукояткой въ мѣдной оправѣ, какихъ мы не находимъ у другихъ народовъ; нѣкоторые экземпляры такого копыя, находящіеся въ европейскихъ музеяхъ, отличаются очень красивой работой. У фуловъ есть плѣнники и невольники, употребляемые для обработки полей; но въ похвалу имъ надо сказать, что въ эпоху торгова неграми они никогда не принимали, какъ нація, участія въ этой гнусной торговлѣ. Только

¹⁾ Mollion, „Voyage dans l'intérieur de l'Afrique“. — Taintain, цитированъ жемуръ.

²⁾ Hartmann, „Nigritie“, — Knobel, „De Niger de Alten“.

³⁾ René-Caillé; — Mungo-Park; — Mollion; — Raffeneil; — Burton; — Heccard; — Bayol.

⁴⁾ Faïdherbe, „Notice sur la colonie du Sénégal“.

⁵⁾ Bayol, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1882.

⁶⁾ Anne Raffeneil, цитированное сочиненіе.

⁷⁾ Faïdherbe; — Girard de Rialle, „Les peuples de l'Afrique et de l'Amérique“.

⁸⁾ Béranger-Féraud, „Recueils de contes populaires de la Sénégambie“.

въ рѣдкихъ случаяхъ преступники были продаваемы, вмѣсто того, чтобы быть подвергнутыми смертной казни, да иногда фулы-номады были захватываемы въ неволю на границахъ

Исторія повѣствуетъ намъ только о недавнихъ нашествіяхъ фуловъ; но гдѣ обиталъ этотъ народъ въ первыя времена ислама? Не были ли фулы первоначально коренными жи-

Долина Томинэ.

территоріи; но вообще эта раса была едва представлена въ полчищахъ рабовъ Новаго Свѣта: американскіе ученые могли наблюдать лишь небольшое число особей этой африканской породы¹⁾

¹⁾ Н. Leighton Wilson, „Western Africa“.

телями Нигриціи, какъ мандинги и бамбара, и не происходятъ ли свѣтлый цвѣтъ ихъ лица отъ смѣшенія съ арабами и берберами, въ сѣверныхъ областяхъ Судана? Или, можетъ-быть, они единоплеменники нубійскихъ барабра или

древнихъ египтянъ, рету, на которыхъ они походятъ многими чертами ¹⁾? Или не спустились ли они съ южнаго склона Берберинъ, вмѣстѣ съ тѣми гарамантами, которые вырѣзывали изображенія своихъ зебу на стѣнахъ скалъ? Не должно ли искать ихъ происхожденія вѣдъ африканскаго континента, и не принадлежать ли они къ малайской семьѣ ²⁾, или не родственны ли индусамъ? Или, наконецъ, не слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ, по одной, еще болѣе странной гипотезѣ, бѣлыхъ бродягъ, въ родѣ европейскихъ цыганъ ³⁾, но имѣвшихъ совершенно другую судьбу, благодаря различію среды, такъ какъ фулы сдѣлались первыми на черномъ материкѣ, тогда какъ цыгане считаются послѣдними изъ послѣднихъ въ странахъ бѣлыхъ людей? Между самими фулами одна изъ кастъ, называемая лаобе или лакобе, едва отличается отъ европейскихъ цыганъ. Представители этой немногочисленной касты бродягъ отъ становяща къ становящу, почти всегда оборванные, одѣтые въ рубище; они говорятъ особымъ языкомъ и, повидимому, не имѣютъ никакой религіи: они не брезгаютъ ни мясомъ змѣи, ни мясомъ дикаго кабана. Единственное ихъ ремесло—это выдѣлка мисокъ и ступокъ для толченія проса. Маленькіе, черные, съ курчавыми волосами, они считаются париями у всѣхъ окружающихъ населеній ⁴⁾.

Языкъ фуловъ еще не классифицированъ окончательно между нарѣчіями и говорами Африки. У нихъ два рода, не мужескій и женскій, какъ въ большинствѣ языковъ, но «человѣческій» и «не-человѣческій»; прилагательныя согласуются съ существительнымъ посредствомъ рифмы, и слова сочетаются одно съ другимъ по требованіямъ благозвучія. Нѣкоторые чертами звучные діалекты фуловъ походятъ на нарѣчія окружающихъ негровъ, а по употребленію суффиксовъ приближаются къ семитическимъ говорамъ, вліянію которыхъ они, повидимому, долго подвергались. Діалекты эти содержатъ много арабскихъ словъ, особенно такихъ, которыя относятся къ религіи и къ социальнымъ учрежденіямъ. Миллеръ и, по слѣдамъ его, Нидгамъ Кэстъ полагаютъ, что фульскіе діалекты слѣдуетъ помѣстить въ особую глоссологическую группу, соотвѣдную съ тою, типомъ которой можетъ служить языкъ нуба, употребляемый въ Кордофанѣ. Какъ-бы то ни было, истинное ихъ мѣсто будетъ скоро извѣстно, такъ какъ существуетъ уже нѣсколько грамматическихъ изслѣдованій о различныхъ нарѣчіяхъ языка фула или пуларъ, и даже одинъ князь въ Сокото составилъ грамматику своего языка ⁵⁾; однако, многочисленныя кни-

ги, написанныя марабутами и содержащія сводъ законовъ національной исторіи, всѣ составлены на арабскомъ языкѣ ⁶⁾.

Какъ языкъ, такъ и историческія преданія, указываютъ на восточное происхожденіе фуловъ: они, очевидно, прошли Африку, постепенно подвигаясь съ востока на западъ; но подобно тому, какъ арабы, дойдя до Марокко, повернули назадъ въ своемъ эмиграціонномъ движеніи и пользуются тѣмъ большимъ вліяніемъ, чѣмъ дальше отодвинулись отъ Гарба внутрь континента, такъ точно и фулы вступаютъ въ путь обратнаго переселенія съ запада на востокъ; съ береговъ Сенегала вышли, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, основатели имперій Гаусса и Массина въ бассейнѣ Нигера; точно также въ низовьяхъ рѣки начались завоеванія марабута Аль-Хаджи-Омара, который на верхнемъ Сенегалѣ долго оснаивалъ побѣду у Франціи ⁷⁾.

Между сенегальскими фулами нѣкоторые, именно жители Бирго, не присоединились къ исламу, хотя обрѣзаніе составляетъ у нихъ традиціонный обычай; но огромное большинство расы давно уже приняло магометанство, и даже многіе изъ этихъ народцевъ одушевлены горячимъ рвеніемъ религіозной пропаганды; торговля спиртными напитками, къ несчастью, такъ процвѣтающая въ странахъ поморя, населенныхъ язычниками, весьма значительна въ территоріи фуловъ. Молитва играетъ важную роль въ ихъ жизни, но ихъ религіозное усердіе не сдѣлало ихъ нетерпимыми: пастухи по большей части, они отличаются тихимъ и созерцательнымъ настроеніемъ. Когда путешественники Байоль и Нуаро проникли въ Фута-Джаллонъ, туземцы призывали благословеніе Аллаха на прибывшихъ иностранцевъ, а когда послѣдніе захворали, альмами отдалъ приказъ служить молебны о скоромъ ихъ выздоровленіи; передъ дверью мечети были посажены два апельсинныхъ дерева, которыя получили имена французскихъ почитателей и служатъ живымъ указаніемъ времени ихъ путешествія. Ученые феллаты чужды мелочнаго формализма, отличающаго восточныхъ людей; они позволяютъ себѣ даже исправлять Коранъ; когда какое-нибудь мѣсто въ этой священной книгѣ кажется имъ непонятнымъ или противнымъ ихъ образу мыслей, они измѣняютъ его, чтобы согласовать его со своими религіозными мнѣніями ⁸⁾. Подобно другимъ мусульманамъ, фулы допускаютъ многоженство, но почти не примѣняютъ его на практикѣ, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ уваженія, которымъ у нихъ пользуется женщина, и отъ вліянія, которое она приобрѣ-

¹⁾ Carl Ritter;—Mollien;—Bayol, etc.

²⁾ Gustave d'Eichthal, „Histoire et origine des Fouls ou Fellans“.

³⁾ Thaly, —Ricard, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Faidherbe, „Notice sur le Sénégal“.

⁵⁾ Needham Cust, „Modern Languages of Africa“.

⁶⁾ Bayol, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1883.

⁷⁾ Faidherbe, „Notice sur la colonie du Sénégal“.

⁸⁾ Noiret, „A travers le Fouta-Djallon et le Bambouc“.

таетъ надъ своимъ мужемъ: рѣдко случается, чтобы она позволила войти въ домъ второй супругѣ. Женщина у фуловъ умѣетъ завоевать себѣ мѣсто: «Пусть она вступить въ домъ рабыней, говорятъ улофы, — она скоро сдѣлается въ немъ госпожей».

Образъ правленія у фуловъ не деспотическій, какъ у большинства негровъ, ихъ сосѣдей. Почти каждое государство составляетъ съ половины прошлаго столѣтія, родъ теократической республики, глава которой, называемый «альмами», т. е. *Эмир-эль-мумининъ*, или «князь

простая формальность, въ которой номинальный глава государства не могъ бы отказать своимъ истиннымъ повелителямъ ¹⁾. Во время прибытія въ край португальцевъ, главный начальникъ фуловъ, который, повидимому, былъ весьма могущественнымъ королемъ, носилъ титулъ «Великаго Фула» (*Grao Fulo*); впоследствии французы называли его «сиратикомъ» или «хейратикомъ», что значитъ «верховный вождь» или «императоръ». Резиденція его находилась на берегу Сенегала, въ округѣ Фалальосъ, гдѣ нынѣ главный городъ Вакель.

Типъ фула.

върующихся», осуществляетъ свою власть свѣтскаго государя и первосвященника лишь по выслушаніи мнѣнія старѣйшихъ и именитыхъ людей; въ каждой деревнѣ избирательный элементъ играетъ большую роль въ мѣстномъ управленіи. Въ дѣйствительности, государствомъ управляютъ богатая фамилія. Такъ же дѣло обстоитъ и у фуловъ-метисовъ или тукулеровъ, въ области Фута: ихъ наследственные начальники назначаютъ альмами и часто на очень короткое время. Авторитетъ ихъ такъ великъ, что они мгоутъ налагать даже смертную казнь, подъ условіемъ только, чтобы приговоръ былъ подтвержденъ альмами; но эта конфирмація —

Жители страны Фута, и именно четырехъ при-сенегальскихъ провинцій Дамга, Фута, Торо и Димаръ, между устьемъ Фалеме и озеромъ Паніефуль, обозначаются сенегальскими французами общимъ именемъ *Toucouleurs*, — слово, которое иные изслѣдователи производили отъ англійскаго *two colours* (двуплѣтные), потому что туземцы по большей части смуглые или мѣднаго цвѣта метисы, происшедшіе отъ смѣшенія фуловъ съ неграми и маврами. Но эта этимологія не опирается на какія-либо положительныя свѣдѣнія, доставленныя занимав-

¹⁾ Le Maire; — Labat; — Golberry, etc.

шими край англичанами во время коротких периодов их господства; при томъ уже съ шестнадцатаго столѣтія португальцы называютъ этихъ туземцевъ Тасигогес¹⁾; слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, имя это произошло отъ прежняго названія страны, Тукуроль, упоминаемой уже путешественникомъ Кадамосто, и смѣшивается съ именемъ такруровъ или такарировъ, пилигримовъ, совершающихъ путешествіе изъ западной Африки въ Мекку, и между которыми находится много сенегальскихъ хаджи²⁾. Тукулеры отличаются мусульманскимъ фанатизмомъ, и если ихъ часто описывали, по слѣдамъ Барта, какъ представителей расы фула, то это по причинѣ той важной роли, которую они играли въ исторіи Африки, благодаря своей вооруженной пропагандѣ. Между тѣмъ эти «излюбленные дѣти Аллаха» всего менѣе имѣютъ право причислять себя къ народамъ, говорящимъ языкомъ пуларъ³⁾. Въ числѣ четырехъ или пяти сотъ тысячъ жителей страны Фута встрѣчаются уолофы, сохранившіе свои родовыя имена, не смѣшиваясь съ фулами; другіе смѣшались съ маврами; затѣмъ есть много такихъ, которые, не претендуя на феллатское происхожденіе, называютъ себя просто халь-пуларъ, т. е. «людьми языка фула»; наконецъ, племена деніанке и тородо, или вѣрнѣе торобе, принадлежащія къ смѣшанной фульской расѣ, пополняютъ свою касту посредствомъ усыновленія⁴⁾. Тотѣнъ рассказываетъ, что когда торобе доволенъ воспитанникомъ, умѣющимъ хорошо читать стихи Корана, онъ признаетъ его своимъ соотечественникомъ и вводитъ его въ свою семью посредствомъ брачнаго союза; точно также вольноотпущенники причисляются къ торобе, увеличивая собою и безъ того уже значительную численную силу націи.

Умные, энергичные, честолюбивые, тукулеры внушаютъ страхъ своимъ сосѣдямъ и французскимъ резидентамъ. Обитая на лѣвомъ берегу Сенегала, какъ разъ противъ мавровъ, живущихъ на правомъ берегу, они часто препятствовали морякамъ изъ Сентъ-Луи подниматься вверхъ по рѣкѣ, и еслибъ ихъ не раздѣляли внутренніе раздоры, доходившіе иногда до того, что враждующія племена въ своихъ междоусобицахъ призывали на помощь французское оружіе, то европейцамъ врядъ-ли бы удалось завоевать бассейнъ Сенегала: еще недавно территорія тукулеровъ была неприязельской страной; экспедиціонные отряды проникали туда только послѣ упорной борьбы и предавъ пламени нѣсколько деревень. Только

въ 1885 г. и послѣ долгихъ усилій дипломатіи удалось связать, черезъ ихъ территорію, отъ Сальде до Бакеля, два участка телеграфа изъ Горей въ Бамаку, на Нигерѣ. На сѣверѣ отъ рѣкъ Бахой и Бауле, въ территоріи Каарта, тукулерскіе завоеватели запрещаютъ теперь французамъ доступъ въ ихъ страну. Но какъ ни безпокойны эти туземцы, какъ ни опасенъ ихъ мусульманскій фанатизмъ, они тѣмъ не менѣе по своей предприимчивости и трудолюбію являются однимъ изъ самыхъ полезныхъ элементовъ населенія въ бассейнѣ Сенегала. Они охотно уходятъ на чужбину искать счастья, въ качествѣ лодочниковъ и корабейниковъ: цѣлыя колоніи тукулеровъ поселились на берегахъ Гамбии и развели тамъ плантаціи земляныхъ фисташекъ.

Такимъ образомъ населеніе французской Сенегамбіи состоитъ изъ весьма различныхъ элементовъ, и, благодаря положенію страны на границахъ двухъ поясовъ, расы представляютъ большое разнообразіе цвѣта кожи и происхожденія. На сѣверѣ отъ Сенегала обитаютъ берберы и арабы, смѣшиваемые подъ общимъ именемъ мавровъ; на югѣ фулы, сами себя называющіе «красными», вѣзываются длинной полосой народцевъ, на востокъ — между мандягами и сонинке, со стороны моря — между уолофами и серерами. Кромѣ того, бамбара или бамана, главная масса которыхъ занимаетъ области Каарта и Сегу, образуютъ многочисленныя группы въ бассейнѣ верхняго Сенегала и каждая раса окружена свитой смѣшанныхъ населеній. Но какъ ни различны во многихъ отношеніяхъ племена, населяющія французскую Сенегамбію, они сходны между собой по историческому развитію и социальному устройству; они живутъ еще въ періодѣ, напоминающемъ средніе вѣка Европы. Раздѣленіе страны на множество государствъ съ безпрепятственно мѣняющимися границами, постоянныя войны между племенами, прерываемыя иногда религіозными перемиріями, рѣзкія превратности фортуны между разбойничествомъ и королевскимъ достоинствомъ, массовыя переселенія, внезапное превращеніе воздѣланныхъ мѣстностей въ пустыни, общественный строй, состоящій изъ враждебныхъ одна другой кастъ или по крайней мѣрѣ изъ замкнутыхъ корпорацій, совмѣстное жителство въ каждомъ поселеніи людей свободныхъ и невольниковъ, пользующихся различнымъ обращеніемъ, смотря по ихъ происхожденію и роду работы, нравы королевскихъ дворовъ, гдѣ вольноотпущенники распоряжаются судьбой и жизнью подданныхъ, гдѣ подчасъ придворные шуты удачно сказаннымъ словомъ рѣшаютъ вопросъ о войнѣ и мирѣ, банкеты, гдѣ скоморохи забавляютъ собраніе своими циничными пѣснями, страшныя церемоніи, гдѣ колдуны подносятъ жертвамъ кубокъ яда, — развѣ все это не рисуетъ передъ

¹⁾ D'Almada, цитирован. сочиненіе.

²⁾ D'Avezac, „Nouveau Journal Asiatique“, IV; — Faidherbe etc.

³⁾ Berchon, „Bulletin de la Société d'Anthropologie“, I, 1860.

⁴⁾ Quintin; — Tautain, цитирован. мемуаръ.

нами образъ европейскаго общества, какимъ оно было тысячу лѣтъ тому назадъ? ¹⁾

Среди этого лаварскаго міра современная эпоха, съ ея новыми идеями и учреждениями, представлена горстью европейцевъ, которые живутъ въ Сень-Луи, въ Горей, въ Дакаръ, посѣщаютъ прибрежные посты или предпринимаютъ, въ качествѣ изслѣдователей, путешествія внутрь страны. И при томъ эта небольшая группа французовъ не можетъ быть даже уподоблена миніатюрѣ европейскихъ обществъ, ибо она не заключаетъ въ себѣ всѣхъ органическихъ элементовъ націи: она состоитъ только изъ купцовъ, солдатъ и чиновниковъ; ремесленники представлены лишь работниками, вербуемыми посредствомъ конскрипціи, а земледѣльцы и вовсе отсутствуютъ. Хотя самое старое изъ французскихъ владѣній, Сенегалъ всего менѣе заслуживаетъ названія «колоніи». Эта страна никогда не получала европейскихъ колонистовъ, которые бы добровольно поселились здѣсь, чтобы заниматься тѣмъ или другимъ ремесломъ или промысломъ; да и торговые люди являются сюда въ очень небольшомъ числѣ: въ годы самой дѣятельной торговли обыкновенно насчитывается не болѣе семи или восьми сотъ сѣверянъ, пріѣхавшихъ по своей доброй волѣ. Что касается европейскихъ женщинъ, то онѣ такъ рѣдки здѣсь, что присутствіе ихъ считается своего рода геройскимъ подвигомъ.

Явленіе это объясняется тѣмъ, что переселеніе на 30 градусовъ широты ближе къ экватору составляетъ попытку въ высшей степени опасную для эмигрантовъ изъ сѣвернаго умереннаго пояса. Сухой сезонъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и прохладный, пріятенъ для европейца, если исключить тѣ дни, когда дуютъ восточные вѣтры, и въ этотъ періодъ года, съ декабря до мая, французы могутъ посѣщать Сень-Луи безъ большой опасности для здоровья: и дѣйствительно, большинство негоціантовъ выбираютъ именно этотъ сезонъ, чтобы осмотрѣть свои конторы и подготовить свои коммерческія операціи; единственное, что можетъ грозить имъ, — это анемія. Въ это время года туземцы больше европейцевъ подвергаются риску заболѣванія, по причинѣ относительнаго холода, который для нихъ очень чувствителенъ при отсутствіи теплой одежды и удобныхъ жилищъ. «Опаданіе листьевъ баобаба — это смерть черныхъ», гласитъ мѣстная пословица; но, прибавляетъ она, «распусканіе листьевъ — это смерть бѣлыхъ». И точно — сырая жара губительна для европейцевъ, не соблюдающихъ строго правилъ гігіены и не пользующихся достаточнымъ благосостояніемъ. Первые сильные дожди, падая на пористую почву латеритовъ, выгоняютъ изъ ея скважинъ воздухъ, смѣшанный съ газами разлагающихся веществъ,

такъ что съ земли иногда поднимаются зловонные, заражающіе атмосферу пары ¹⁾. Тогда госпитали быстро наполняются больными; дисентерія, болотная лихорадка похищаютъ массу людей, а у тѣхъ, кому посчастливится избѣгнуть губительнаго вліянія перваго сезона дождей, организмъ уже порядкомъ ослабленъ, когда имъ предстоитъ вынести второй зимній періодъ ²⁾; упадокъ духа, тоска, скука, а въ крѣпостяхъ верхняго Сенегала и недостатокъ умственнаго труда отнимаютъ у больныхъ всякую нравственную опору, и они отдаютъ себя въ жертву смерти безъ сопротивленія. Къ эндемическимъ болѣзнямъ по временамъ присоединяются еще сильныя эпидеміи. Холера, гораздо болѣе опасная для чернаго населенія, чѣмъ для бѣлыхъ, не разъ уже появлялась на этомъ берегу. Болѣе страшная для не акклиматизировавшихся иностранцевъ, желтая лихорадка, свирѣпствовавшая шесть разъ съ 1830 года, убиваетъ, въ среднемъ, болѣе половины французскихъ резидентовъ при каждомъ своемъ посѣщеніи Горей или Сень-Луи. Несмотря на совершившійся прогрессъ въ области общественной гігіены, послѣднія эпидеміи были наиболѣе смертоносными; средняя цифра пораженныхъ эпидеміей европейцевъ превышаетъ 80 процентовъ, и смерть уноситъ болѣе половины заболѣвающихъ. По Беранже-Феро, средняя смертность европейцевъ отъ желтой лихорадки выразилась слѣдующими цифрами: на 100 европейцевъ (съ 1830 по 1866 г.) — заболѣвшихъ 84, умершихъ 47. Такъ какъ во время господства повальныхъ болѣзней медицинскій персоналъ въ госпиталяхъ оказывается далеко недостаточнымъ, то не разъ приходилось выписывать изъ Франціи врачей десятками, и часто бывало, что ни одинъ изъ новоприбывшихъ не оставался цѣлъ и невредимъ. Сколько драгоценныхъ для общества и науки жизней было такимъ образомъ принесено въ жертву, и чего только нельзя надѣяться отъ человечества, когда видишь столько молодыхъ людей, идущихъ на вѣрную смерть ради исполненія долга!

Хотя нѣкоторые опыты были довольно удачны, какъ, напримѣръ, постройка полотна желѣзной дороги изъ Дакара въ Сень-Луи европейскими землекопами (изъ 2.027 рабочихъ въ два года умерло только 25 человекъ ³⁾), тѣмъ не менѣе можно сказать, вмѣстѣ съ Беранже-Феро, что «акклиматизація француза въ Сенегалѣ — пустая мечта». Пока не откроютъ вѣрныхъ средствъ противъ болотныхъ лихорадокъ и не устроятъ санаторій на плоскогорьяхъ Фута-Джаллонъ; пока не научатся побѣдоносно бороться съ желтой лихорадкой, какъ, можетъ-быть, борются съ ней въ Бра-

¹⁾ Anne Raffenel; — Peschuel-Lösche.

²⁾ Borius, „Climat du Sénégal“; — „Archives de médecine navale“, tome XXXVII.

³⁾ Bois, „Sénégal et Soudan“.

⁴⁾ Béranger-Féraud, цитиров. сочиненіе.

зили предупредительными средствами по способу Домингост-Фрейреса, — до тѣхъ поръ европейцы Сенегала могутъ быть лишь временными посѣтителями, не пускающими корней въ краѣ. Статистическія таблицы движенія сенегальскаго народонаселенія за время съ 1843 по 1847 годъ показываютъ, что между европейцами смертность въ четыре раза превышаетъ рождаемость. Съ той эпохи положеніе дѣлъ не улучшилось, и европейское общество въ Сентъ-Луи, Дакаръ и Суфискі попрежнему должно пополнять свои ряды новыми пришельцами изъ метрополіи. И не только французы не акклиматизируются въ Сенегалѣ, но даже ихъ потомки метисы не составляютъ еще устойчивой расы. Можно бы было думать, что въ продолженіи четырехъ-вѣковаго занятія страны смѣшанное населеніе разрослось до весьма значительной цифры, такъ какъ большинство европейскихъ резидентовъ женятся, по крайней мѣрѣ временно, на туземкахъ; но эти метисы французской крови всегда были немногочисленны, увеличиваясь или уменьшаясь вмѣстѣ съ цифрой бѣлыхъ. Фактъ этотъ, безъ сомнѣнія, отчасти зависитъ отъ того, что жители смѣшанной крови, между которыми, впрочемъ, насчитываютъ много людей достойныхъ, вернулись черезъ скрещиванія въ туземное населеніе, но, главнымъ образомъ, онъ долженъ быть приписанъ тому, что новое поколѣніе, хотя родившееся въ краѣ, еще не акклиматизировалось. Статистическія свѣдѣнія о семьяхъ, тщательно собранныя нѣкоторыми медиками-антропологами, доказываютъ съ полной очевидностью, что дѣти смѣшанной крови, рожденные на берегахъ Сенегамбіи, нерѣдко умираютъ въ раннемъ возрастѣ, и что брачные союзы переживающихъ, очень часто заключаемые между близкими родственниками, бываютъ по большей части безплодными¹⁾. Мало найдется семействъ, родъ которыхъ продолжался бы до четвертаго поколѣнія; однако, Корра констатировалъ, на основаніи восьмилѣтнихъ наблюденій, что въ этой части городского населенія Сентъ-Луи число рожденій относится къ числу смертныхъ случаевъ какъ семь къ четыремъ; тогда какъ у бѣлыхъ и черныхъ жителей города смертность превышаетъ рождаемость, у метисовъ замѣчается обратное явленіе. Каковы будутъ результаты брачныхъ союзовъ во внутреннихъ областяхъ, именно въ горахъ Фута-Джаллонъ, гдѣ при иныхъ климатическихъ условіяхъ живутъ другія, отличныя отъ уолофовъ, населенія? Опытъ не позволяетъ еще отвѣтить увѣренно на этотъ вопросъ. Что касается иммиграціи африканцевъ, приходящихъ изъ дальнихъ странъ, то она всегда сопровождалась сильной смертностью. Арабы и кабилы изъ Алжиріи

умираютъ на Сенегалѣ въ пропорціи столь же значительной, какъ и бѣлые. Въ отношеніи габонцевъ опытъ оказался еще болѣе печальнымъ: изъ пятидесяти переселенцевъ, пришедшихъ въ 1864 году, сорокъ восемь умерли въ первые же десять мѣсяцевъ по прибытіи въ край. Перемежающаяся лихорадка, бронхитъ, чахотка и особенно воспаленіе печени — болѣзни, всего болѣе опасныя сенегамбійскимъ неграмъ¹⁾. Особый видъ проказы, такъ называемая «краснуха», сообщается иногда иммигрантамъ изъ Европы. Слѣпота — очень обыкновенный недугъ на берегахъ средняго Сенегала, а въ приморскихъ мѣстностяхъ «сонная болѣзнь» похищаетъ много жертвъ, особенно между пьяницами.

Вокругъ конторъ Сенегала не выработался креольскій говоръ, подобный тому, который существуетъ на Антильскихъ островахъ и въ Луизианѣ. Безъ сомнѣнія, въ языкъ негровъ вошло много французскихъ словъ, но большинство терминовъ европейскаго происхожденія составляютъ вкладъ португальцевъ и, слѣдовательно, восходятъ къ пятнадцатому столѣтію: плетень, обмазанный глиной, вокругъ домовъ и дворовъ называется «tapade»; земляная терраса, замѣняющая собой крышу, обозначается словомъ «argamasse» (плоская кровля); дама, прогуливающаяся на террасѣ, именуется «Signage» (госпожа), а услуживающій ей молодой человекъ — «гарасе» (хищникъ), или, — если онъ христіанинъ — «gougmet» (лакомка). Въ Сентъ-Луи и Дакарѣ болѣе употребительный языкъ — уолофскій, тогда какъ во внутреннихъ областяхъ необходимо знать арабскій и пуларъ, чтобы объясняться съ маврами и фулами. Впрочемъ, употребленіе французскаго языка постепенно распространяется, еще болѣе путемъ вольнаго обученія солдатами и *laptots*, или сенегальскими моряками, чѣмъ трудами школьныхъ учителей. Теперь въ Сентъ-Луи существуетъ семь школъ, свѣтскихъ или содержимыхъ духовными конгрегаціями, и вдвое большее число въ остальной французской Сенегамбіи; французскимъ союзомъ (*alliance française*) открыты классы даже въ Бамаку (пристань на Нигерѣ), и болѣе шестидесяти воспитанниковъ содержатся на счетъ колоніи въ учебныхъ заведеніяхъ Франціи или Алжиріи; въ 1885 году французскихъ школъ и курсовъ для взрослыхъ въ Сенегамбіи было 21, съ 1.663 учащимися. Прежде въ Сентъ-Луи существовала еще особая «школа заложниковъ», основанная для воспитанія молодыхъ негровъ, которыхъ удерживали въ видѣ обезпеченія хорошаго политическаго поведенія ихъ родичей. Школы, книги и журналы доставили бѣлымъ резидентамъ у туземнаго населенія имя *тубабъ*,

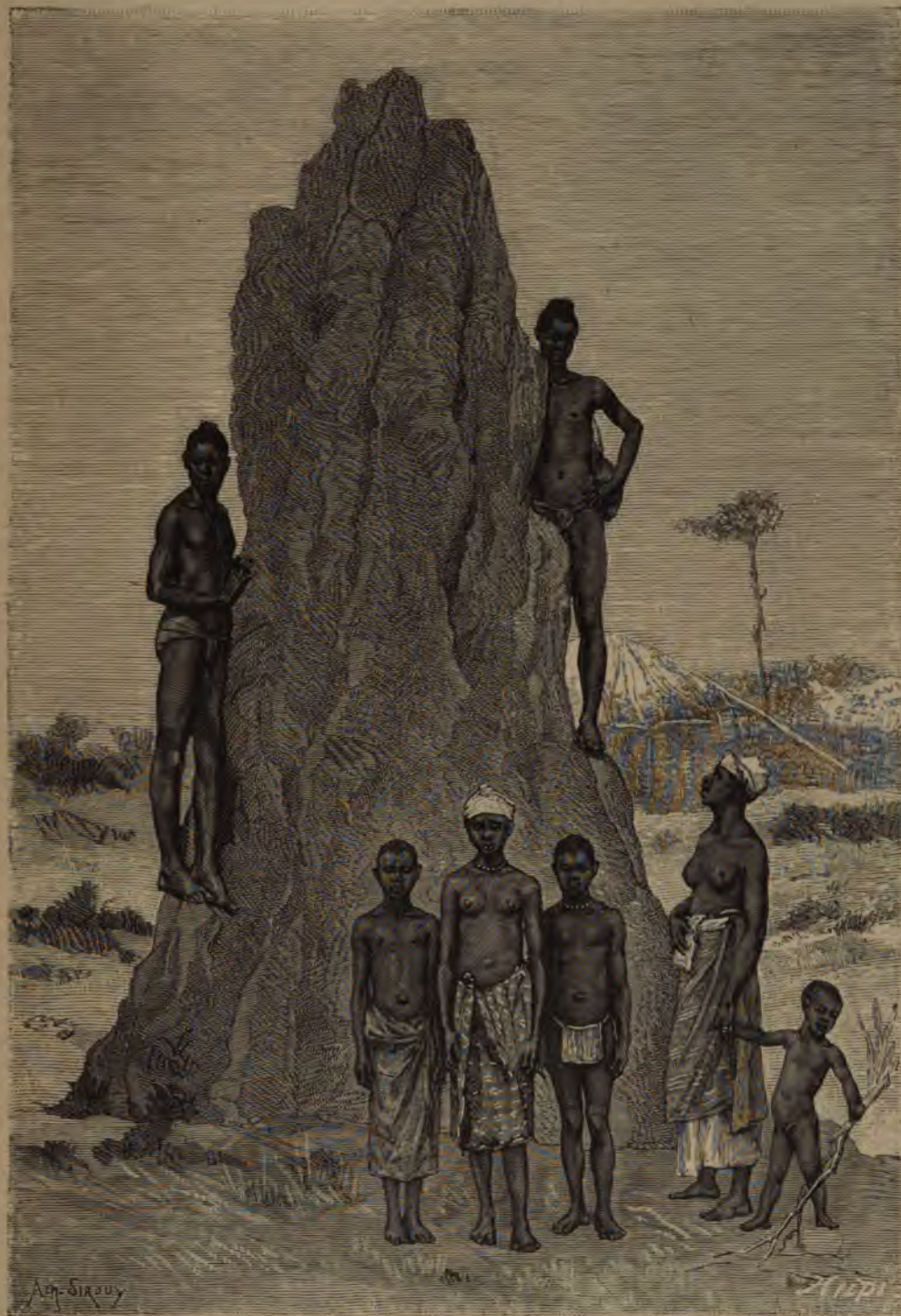
¹⁾ Béranger-Féraud, „Revue d'Anthropologie“ 1879, № 4.

¹⁾ Berchon, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Paris, séance du 18 juillet 1861“; — Bordier, „La Colonisation scientifique“.

означающее «ученаго» или «грамотея», а Сенегамби — имя Тубабу-дугу, т. е. «страны грамотеевъ» или «бѣлыхъ»¹⁾.

тельно возросла въ эти послѣдніе годы. Известно, что въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ торговая дѣятельность концессіо-

Типы бужаго и гнѣздо муравьевъ термитовъ.

Торговля, составлявшая главную побудительную причину завладѣнія Сенегаломъ, значи-

¹⁾ Pietri, „Races du Soudan occidental“; — „Les Français au Niger“.

тельныхъ компаній состояла главнымъ образомъ въ добываніи негровъ для отправки ихъ на плантаціи Санъ-Доминго и другихъ Антильскихъ острововъ: въ 1682 г. «une pièce d'Inde»,

то есть негръ. перваго сорта, стоилъ на мѣстѣ въ Сенегалѣ не болѣе десяти ливровъ, а въ американскихъ колоніяхъ за него выручали до ста экю ¹⁾; въ обыкновенные годы вывозъ живаго товара простирался, среднимъ числомъ, до полутора тысячъ головъ ²⁾. Торгъ неграми окончательно прекратился, какъ дозволенный закономъ промыселъ, только во времена реставраціи; но еще до 1848 г. мавры продолжали приводить на пристани чернокожихъ плѣнниковъ, которыхъ и продавали неготорговцамъ болѣе или менѣе открыто. Послѣ того остался одинъ только предметъ торговли—камедь, которая получается съ разныхъ видовъ акаціи, адансоніи, арабской акаціи (*arabica*), сейяль, верекъ и другихъ породъ, растущихъ въ территоріи мавровъ, къ сѣверу отъ рѣки. Лѣса камедныхъ деревьевъ, или «краба», почитаются священными мѣстами, гдѣ не позволяется сломать ни одной вѣтки, но которые иногда составляютъ предметъ спора между разными племенами и, во время войнъ, опустошаются пожарами. Эти лѣса, изъ которыхъ нынѣ занимаютъ площадь въ нѣсколько сотъ квадр. километровъ, находятся теперь въ исключительномъ владѣніи націй трарца, бракна и дуавишъ; но они не принадлежатъ племенамъ, какъ общая нераздѣльная собственность: главные шейхи присвоили эти лѣсные богатства и эксплуатируютъ ихъ руками своихъ невольниковъ. Когда отъ сухихъ восточныхъ вѣтровъ кора на деревѣ потрескается и камедь выступитъ наружу, при чемъ выдѣленіе ея усиливается отъ воздѣйствія чуждаго растенія *loranthus Senegalensis* ³⁾, мавры разбиваютъ свои палатки на опушкѣ лѣса и приступаютъ къ собиранію драгоценной смолы. Это бываетъ обыкновенно около октября мѣсяца; въ декабрѣ главный сборъ уже оконченъ. Мѣновой торгъ производится съ января до марта, на рынкахъ рѣчнаго берега, определенныхъ обычаемъ. Въ прежнее время мавры, убоженные, что французы не могутъ обойтись безъ ихъ камеди для своей промышленности, заставляли торговцевъ ждать себя: они являлись съ товаромъ только по полученіи приличныхъ подарковъ, превратившихся въ настоящіе налоги, и дѣлали купцамъ всякаго рода прижимки. Теперь негодіанты, почти исключительно представители бордосскихъ торговыхъ домовъ (наприм., въ 1885 г. изъ Бордо было отправлено въ Сенегалъ 49 купеческихъ кораблей, вмѣстимостью 30.854 тоннъ, въ томъ числѣ 46 подъ французскимъ флагомъ), освободились отъ тяготѣвшихъ надъ ними торговыхъ «обычаевъ» и поборовъ, и обмѣниваетъ несравненно быстрее. За купленную камедь платятъ либо піастрами (*gourde*) или пятифранковиками, либо земледѣльческими продуктами и мануфак-

турными издѣліями—просомъ, рисомъ и сухарями, табакомъ, ружьями и боевыми припасами, различными тканями и особенно «гинейми», (кусками бумажной матеріи длиной въ 15 метровъ), которыя, послѣ невольниковъ, долгое время служили денежной единицей для всей мѣновой торговли въ Сенегалѣ: «гиней» эти происходятъ на одну треть изъ Пондишери, на двѣ трети изъ Бельгіи и Англіи. Въ хорошіе годы количество камеди, покупаемое у мавровъ, превышаетъ три милліона килограммовъ; оно могло бы значительно увеличиться, если бы развести плантаціи камедныхъ акацій на югѣ отъ рѣки, въ области Фута, и если бы лѣса были методически эксплуатируемы.

Въ послѣдніе годы главнымъ предметомъ экспортной торговли сдѣлались земляные фисташковые орѣхи (арахиды). Вмѣстѣ съ тѣмъ совершался коренной переворотъ въ экономической жизни страны, такъ какъ на мѣсто мавровъ выступили на сцену негры въ качествѣ главныхъ производителей, и въ настоящее время наиболѣе цѣнный и полезный продуктъ создается уже земледѣльческимъ трудомъ. Вывозъ за границу этого маслянистаго сѣмени начался въ 1844 г., и культура его постепенно распространялась по берегамъ средняго Сенегала, въ Кайорѣ и Салумѣ. Открытіе желѣзнаго пути изъ Сентъ-Луи въ Горю сопровождалось расчисткой, на всемъ протяженіи этой линіи, кустарниковыхъ порослей подъ плантаціи земляныхъ фисташекъ: нѣтъ сомнѣнія, что подобнымъ же образомъ вдоль каждой новой дороги будутъ разводимы сады, или *луаны*. Замѣна, въ оптовой торговлѣ, камеди земляными фисташками заставила негодіантовъ употребить, для перевозки продуктамъны, рѣчныя суда болѣе крупныхъ размѣровъ: какъ товаръ легкій и сравнительно малоцѣнный, фисташки должны быть перевозимы болѣе значительными количествами, чтобы обезпечить купцу выгодную цѣну. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ совершившагося въ торговлѣ переворота было то, что баръ сталъ болѣе, чѣмъ прежде, стѣснительнымъ для отправителей туземныхъ произведеній за границу, такъ что для обхода его пришлось построить желѣзную дорогу изъ Сентъ-Луи въ Дакаръ. Съ сельско-хозяйственной точки зрѣнія земляныя фисташки представляютъ то важное преимущество, что онѣ улучшаютъ почву, тогда какъ другія культурныя растенія, напротивъ, истощаютъ ее; кромѣ того, листва (ботва) этого корнеплода даетъ превосходный кормъ для всѣхъ травоядныхъ животныхъ ⁴⁾. Фисташка съ верхняго Сенегала богаче содержаніемъ масла, чѣмъ фисташка изъ Кайора, но зато въ этой области она растетъ на песчаной почвѣ, и для того, чтобы сорвать плодъ, сидящій на концѣ подземной части стебля, достаточно потя-

¹⁾ Berlioux, цитированное сочиненіе.

²⁾ Labarthe, цитированное сочиненіе.

³⁾ Bérenger-Féraud, «Les Peuplades de la Sénégambie».

⁴⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

нута къ себѣ вѣтку; въ болѣе плотной землѣ сборъ плодовъ труднѣе. Что касается другихъ предметовъ заграничнаго отпуска, какъ-то: проса (восемнадцать разновидностей), риса, маиса или кукурузы, берефа или маслянистыхъ сѣмянъ дыни, воску, хлопка, каучука, кожъ, слоновой кости, страусовыхъ перьевъ, масла изъ карите, то всѣ они, взятые вмѣстѣ, представляютъ лишь незначительную цѣнность въ общей суммѣ торговыхъ оборотовъ, какъ видно изъ слѣдующихъ относящихся сюда статистическихъ данныхъ:

Движеніе торговли въ Горѣ и Сень-Луи: Въ 1879 г.: 33.142.781 франк.; въ 1883 г.: 47.216.466 франк. Движеніе судоходства въ 1883 г.: 1.453 судна, вмѣстимостью—260.000 тоннъ. Подъ французскимъ флагомъ: 1.300 судна, вмѣстимостью—237.000 тоннъ. Привозъ въ 1883 г.: изъ Франціи:—8.600.000 франк.; изъ французскихъ колоній:—6.800.000 франк.; изъ иностранныхъ государствъ:—11.300.000 франк.; земляныя фисташки:—70.000.000 кило, цѣнностью около—17.500.000 франк.; камедь—2.500.000 кило, цѣнностью около 3.200.000 франк.; другіе продукты:—1.200.000 франк.

Бассія или карите, доставляющая растительное масло, могла бы также давать гуммигутъ превосходнаго качества, не уступающій соотвѣствующему продукту Зондскихъ острововъ¹⁾.

Земля почти вся находится въ рукахъ туземцевъ, которые обрабатываютъ ее болѣе тщательно и умѣло, чѣмъ это склонны думать поверхностные наблюдатели. «Тотъ не земледѣлецъ, кто находитъ день слишкомъ длиннымъ или свой луганъ слишкомъ малымъ»,—такова обычная поговорка у прибрежныхъ жителей верхняго Сенегала, приводимая Рикаромъ въ его путешествіи. Много земельныхъ участковъ роздано правительствомъ безвозмездно европейцамъ; но по причинѣ ихъ обширности, эти участки обращены подъ культуру лишь отчасти, несмотря на приманку значительныхъ премій. По нынѣ дѣйствующему положенію, сходному съ общимъ обычаемъ племенъ, который предоставляетъ отдѣльному лицу только пользование землей, всякій уступленный земельный участокъ («концессія»), если онъ не былъ эксплуатируемъ въ теченіи опредѣленнаго срока, отбирается обратно въ казну; кромѣ того, каждый «концессионеръ» обязанъ посадить на подаренной ему землѣ извѣстное число деревьевъ высокоствольныхъ породъ. Площадь этихъ «концессій» еще весьма незначительна (въ 1885 г. она составляла всего 2.551 гектаръ, изъ которыхъ только 558 въ культурѣ); но къ этимъ полямъ, лежащимъ на французской территоріи, нужно прибавить еще обширныя земли, розданныя въ Кайорѣ, преимущественно

въ сосѣдствѣ станцій желѣзной дороги изъ Сень-Луи въ Дакаръ. Плантаторы предпочитаютъ селиться подальше отъ стѣснительнаго надзора чиновниковъ. Главная культура у нихъ—земляныя фисташки, но нѣкоторые разводятъ также плантаціи кокосовой пальмы, или занимаются скотоводствомъ или воздѣлываютъ хлопчатникъ, рамію, пургеру. Почти все просо, потребное для продовольствія населенія Сень-Луи, получается изъ Кайора и Футы. Что касается домашнихъ животныхъ, то доставать и сохранять ихъ очень трудно. На побережьи лошади и ослы плохо акклиматизируются; верблюды и вьючные быки Сахары быстро дѣлаются жертвой неблагоприятныхъ климатическихъ условій. Мулы лучше переносятъ климатъ береговой полосы, но они очень дороги¹⁾. Бараны успѣшно разводятся, хотя они мѣняютъ свою шубу, похожую скорѣе на шелкъ, чѣмъ на шерсть. Но внутри страны существуютъ многія породы домашнихъ животныхъ, совершенно акклиматизировавшіяся или даже обитающія въ лѣсахъ, въ полу-дикомъ состояніи. Таковы, на примѣръ, «лѣсные быки» хассонкейской породы²⁾.

Сенегальская территорія богата рудными залежами: золотомъ, серебромъ, ртутью, мѣдью и желѣзомъ. Туземные жители областей Бонду и Бамбука съ незапамятныхъ временъ собираютъ блески золота посредствомъ промывки кварцевыхъ песковъ рѣки Фалеме и ея притоковъ. Магическая сила драгоцѣннаго металла часто привлекала иностранныхъ изслѣдователей, и очень можетъ быть, что португальцы уже съ пятнадцатаго столѣтія разрабатывали рудныя мѣсторожденія Бамбука. Преданіе говоритъ, что они были перебиты туземцами³⁾; во всякомъ случаѣ названіе *zapater*, употребляемое въ краѣ для обозначенія сапожниковъ, доказываетъ, что эмигранты изъ Иберіи проникли въ эти области. Въ началѣ восемнадцатаго вѣка, Андре Брю построилъ двѣ крѣпостцы, «св. Іосифа» на Сенегалѣ и «св. Петра» на Фалеме, чтобы поселить своихъ торговцевъ по близости отъ страны золота, и посылалъ путешественника Компаньо на поиски мѣсторожденій благороднаго металла. Компаньо дѣйствительно обошелъ всю рудную область Бамбука, поднялся вверхъ по долинѣ Санухоле, или «Золотой рѣки», до горъ Тамбаура⁴⁾, проникнувъ далѣе, чѣмъ доходили новѣйшіе изслѣдователи, за исключеніемъ Ламартини (путешествовавшего въ 1879 г.) и привезъ изъ своихъ экспедицій очень богатые образчики

¹⁾ Colin, „Revue Française“, octob. 1885.

²⁾ Golberry, „Fragments d'un voyage en Afrique“; — Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.

³⁾ Korper, „Mission agricole et zootechnique“, 1885.

⁴⁾ Labat, „Nouvelle relation de l'Afrique occidentale“; — Berlioux, „Andre Brue ou l'origine de la colonie française du Sénégal“.

¹⁾ Edouard Heckel, „La Nature“, 23 mai, 21 oct., 28 novembre 1885.

золотососныхъ глинь. Послѣ него многіе другіе путешественники посѣтили ту же страну, съ цѣлью изученія доходности рудниковъ, но попытки непосредственной эксплуатаціи, подъ руководствомъ французскихъ горныхъ инженеровъ, впервые были предприняты лишь въ 1858 г. Крайне нездоровый климатъ низменныхъ долинъ, гдѣ скопляются стоячія гниющія воды, и гдѣ воздухъ, нагрѣваемый отраженіемъ солнечныхъ лучей отъ голыхъ склоновъ, обновляется очень медленно, положили конецъ этимъ опытамъ, которые дали чистаго металла на сумму около 100.000 франковъ: пришлось эвакуировать страну съ остатками бѣлыхъ работниковъ и гарнизона. Послѣ того дѣлались новыя попытки частными компаніями, но такъ же безуспѣшно; промыселъ промывки золотососныхъ песковъ остался въ рукахъ туземцевъ, которые довольствуются малымъ поденнымъ заработкомъ, и которымъ не требуется никакихъ инструментовъ, кромѣ чашекъ и выдолбленныхъ тычекъ; впрочемъ, они сумѣли построить во многихъ мѣстахъ рудниковыя галереи. Рудныя мѣсторожденія въ Буре, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Бахоя, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Нигера, повидимому, богаче, чѣмъ въ Вамбукѣ, и приносятъ туземцамъ дохода около 200.000 франковъ въ годъ, — сумма значительная по мѣстнымъ условіямъ¹⁾; но эти мѣсторожденія, находящіяся въ большомъ разстояніи къ югу отъ дороги изъ Медины въ Бамаку, еще не были изучаемы европейскими горнопромышленниками. Желѣзо, вѣроятно, сдѣлается со временемъ главнымъ минеральнымъ богатствомъ верхняго Сенегала: оно составляетъ подпочву на обширныхъ протяженіяхъ, и среднее содержаніе руды варьируетъ отъ половины до двухъ третей массы. Туземцы переплавляютъ руду въ высокіхъ печахъ первобытнаго устройства; когда этотъ край, нынѣ почти безлюдный, заселится и покроется сѣтью удобныхъ путей сообщенія, тогда, безъ сомнѣнія, возникнутъ настоящіе плавильные и желѣзодѣлательные заводы, располагающіе современными орудіями производства, чтобы перерабатывать руду на мѣстѣ и продавать выдѣланное желѣзо на окружающихъ рынкахъ по Сенегалу и Нигеру. Во многихъ мѣстахъ кузнецы употребляютъ въ дѣло глыбы метеорнаго желѣза²⁾.

Экспортной промышленности почти не существуетъ: за исключеніемъ нѣкоторыхъ издѣлій изъ вышитой кожи, оружія, папашей (туфель), золотыхъ и серебряныхъ украшеній, — предметовъ, вывозимыхъ по большей части въ видѣ рѣдкостей, — Сенегаль не отправляетъ въ Европу никакихъ мануфактурныхъ произведеній. Трудъ туземныхъ мастеровъ прилагается

исключительно къ производству предметовъ, потребляемыхъ въ самой странѣ. Ткачи, составляющіе самый многочисленный классъ между ремесленниками, очень искусны въ приготовленіи передниковъ, въ которыхъ бѣлая нитка изъ туземнаго хлопка, тогда какъ цвѣтныя нитки — привозныя изъ Франціи; синяры, обитательницы Сенъ-Луи, посылаютъ европейскія матеріи въ Бакель для окраски въ цвѣта, соответствующіе туземной модѣ. Растеніе ластовень (*asclepias calotropis* по-португальски *bombardeira*) даетъ волокно, употребляемое какъ матеріалъ для набивки, вмѣсто шерсти или волоса, но которое годилось бы также для производства легкихъ и прочныхъ тканей. Чернокожіе ювелиры не уступаютъ въ искусствѣ маврамъ Берберіи и мастерятъ филиграновыя издѣлія такой же тонкой работы, несмотря на то, что инструменты у нихъ еще болѣе грубые. Кузнецы дѣлаютъ кинжалы, желѣзные наконечники для копій и орудіе въ родѣ мотыки, употребляемое землепашцами. Кирпичные и известе-обжигательные заводы въ окрестностяхъ Сенъ-Луи и Дакара не въ состояніи были выдержать конкуренцію заводовъ Франціи, которые посылаютъ продукты, хотя болѣе дорогіе, но зато несравненно высшаго качества; что касается маслосеенъ, извлекающихъ масло изъ земляныхъ фисташекъ для мѣстнаго потребленія, то онѣ процвѣтаютъ, несмотря на дороговизну топлива. Подъ руководствомъ французовъ, черные плотники на побережьи строятъ очень хорошія суда, не менѣе прочныя, чѣмъ тѣ, которыя выходятъ изъ верфей Европы. Горейскіе каменщики въ большомъ спросѣ, ихъ выписываютъ даже въ англійскія колоніи Сьерра-Леоне.

Уолофы, которые по большей части владѣютъ землей въ количествѣ достаточномъ для содержанія семьи, рѣдко работаютъ, какъ поденщики; но очень многіе изъ нихъ искусные ремесленники, и ихъ руками исполняются всѣ строительныя работы въ Сенъ-Луи и Дакарѣ. Собственно чернорабочіе почти всѣ изъ эмигрантовъ тукулеровъ, которые обыкновенно нанимаются на три мѣсяца и возвращаются изъ отхожаго промысла на родину съ маленькой деньгой. Рабство существуетъ у всѣхъ туземцевъ, къ какой бы расѣ они ни принадлежали, — къ маврамъ, фуламъ, или неграмъ. Плѣнники, называемые «дворовыми», считаются какъ бы второстепенными членами семьи хозяина, и матеріальное ихъ положеніе ничѣмъ не разнится отъ положенія другихъ домохозяевъ. Невольники, знающіе ремесло, плотники, каменщики, кузнецы, гончары, ткачи, тоже по большей части пользуются большою фактической свободой; отдавая хозяину извѣстную долю своихъ заработковъ, они свободно располагаютъ собой и даже могутъ сами владѣть рабами; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ высокихъ степеней

¹⁾ Borgnis-Desbordes, „Sénégal et Niger“.

²⁾ I. Garnier, „Le Fer“.

въ государствѣ. Что касается полевыхъ рабовъ, надъ которыми надзирають дворовые, вообще болѣе требовательные, чѣмъ сами хозяева, то на нихъ лежитъ вся тяжесть труда: они и работу справляютъ, и удары получаютъ. Ими можно торговать, какъ скотомъ; однако, не въ обычаѣ отдѣлываться отъ рабовъ, состарѣвшихся на службѣ въ имѣніи: продаютъ только недавно приобретенныхъ плѣнниковъ. Невольникъ, разсѣвший ухо свободному человѣку, все равно—взрослому или ребенку, въ наказаніе за этотъ поступокъ переходитъ, со всей своей семьей, во власть того, кому онъ нанесъ увѣче: къ этому средству обыкновенно и прибѣгали несчастные плѣнники, желавшіе переимѣнить господъ. Путешественники Каррьеръ и Голль разсказываютъ объ одномъ господинѣ, въ территоріи Димаръ, который слылъ такимъ добрякомъ, что въ концѣ концовъ остался совсѣмъ безъ ушей; послѣ хозяина, принялись за его животныхъ ¹⁾. Тѣ народцы, у которыхъ сравнительно мало рабовъ,—таковы, между прочимъ, племена тукулероу,—отличаются наибольшей энергіей къ труду, и они-то всего болѣе содѣйствуютъ социальному преобразованію Сенегамбіи эмиграціей въ города поморья. У тукулероу племена деніанке трудъ въ такой чести, что самъ альмами обязанъ воздѣлывать свой луганъ, или по крайней мѣрѣ присматривать за работой своихъ служителей ²⁾; въ прежнее время онъ предсѣдательствовалъ на работахъ, вооруженный, какъ передъ выходомъ на поле битвы, въ сопровожденіи толпы скомороховъ, оглашавшихъ воздухъ пѣснями и барабаннымъ боемъ ³⁾. Въ предѣлахъ территоріи, управляемой непосредственно представителями Франціи, рабство отмѣнено съ 1848 года, и по закону всякій плѣнникъ, ступившій на эту вольную землю, становится свободнымъ; но колоніальные нравы нерѣдко допускали или терпѣли нарушеніе писанаго права: иногда рабы были возвращаемы ихъ могущественнымъ господамъ, и случалось даже, что цѣлыя партіи невольниковъ проходили черезъ французскую территорію, не превращаясь въ свободныхъ людей ⁴⁾. Между тѣмъ именно въ сосѣдствѣ поселеній европейцевъ положеніе черныхъ рабовъ болѣе тягостно, такъ какъ тамъ сравнительно высокая цѣна продуктовъ побуждаетъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ къ усиленію полевыхъ работъ ⁵⁾.

Страна, составляющая политическую область «Сенегала», имѣетъ незначительные размѣры. Полвѣка тому назадъ она была почти незамѣ-

на на картахъ: территорія, принадлежавшая Франціи, ограничивалась той мѣстностью, на которой командовали пушки крѣпостей. Если исключить два острова—рѣчной Сень-Луи и морской Горею, да нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ по берегамъ Сенегала, на французовъ вездѣ смотрѣли, какъ на проѣзжихъ чужеземцевъ, временно остановившихся въ краѣ. Созиданіе колоніальнаго владѣнія, достойнаго этого имени, и систематическое наступательное движеніе внутрь страны начались только во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ 1854 году Федербъ, основатель французскаго владычества на Сенегалѣ, впервые приступилъ къ исполненію этой задачи: настойчивостью въ преслѣдованіи намѣченной цѣли и силой оружія онъ успѣлъ постепенно водворить миръ на берегахъ нижняго Сенегала, обратить въ вассаловъ большинство независимыхъ царьковъ рѣчной полосы, освободить торговлю отъ всякихъ внутреннихъ таможенъ. Крѣпость Медина, построенная въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка перестаетъ быть судоходной въ періодъ разливовъ, и въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ той позиціей, которую Андре Брю предлагалъ, въ началѣ восемнадцатаго вѣка, выбрать для сооруженія форта Кенью, служила Федербу опорной точкой для проникновенія въ верхнія долины Сенегала. Когда цѣлая армія мусульманъ разбилась о стѣны этой крѣпости, защищаемой всего какой-нибудь полсотней европейцевъ, завоеваніе было признано окончательнымъ: событія, совершившіяся подъ стѣнами Медины, открыли собою новую эпоху въ политической исторіи Сенегала. «Гри-гри ничегс не могутъ подѣлать противъ пушекъ», говорили туземцы уже въ прошломъ столѣтіи ⁶⁾.

Утвержденіе военной власти въ верхнемъ рѣчномъ бассейнѣ позволило французскимъ посланникамъ смѣлѣе явиться къ народцамъ внутренняго Сенегала. Въ 1883 году совершился другой фактъ капитальной важности въ исторіи завоеванія края. Французы овладѣли территоріей Бамаку, на Нигерѣ, и построили тамъ фортъ. Отнынѣ верхняя Джалиба соединяется, въ торговомъ отношеніи, съ моремъ не огромнымъ кругомъ своихъ текущихъ водъ, но дорогой, проложенной въ направленіи, прямо противоположномъ естественному скату: «движущаяся дорога» замѣнена путемъ, который начертанъ человѣкомъ и съ каждымъ годомъ будетъ приобретать все болѣе и болѣе важное значеніе. Въ то же время пространство территоріи, выходъ которой теперь приведенъ къ Сенегалу для торговаго движенія, болѣе чѣмъ удвоилось; Томбукту, лежащему на большомъ изгибѣ Нигера, повидимому, предстоитъ современемъ быть соединеннымъ съ городомъ Сень-Луи, какъ съ естественной его морской

¹⁾ Mollien;—Caillé;—Raffeneil;—Carrière et Holle;—Ricard;—Soleillet.

²⁾ Carrière et Holle, цитированное сочиненіе.

³⁾ Labat, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Victor Schoelcher, „L'Esclavage au Sénégal en 1880“;—Soleillet, „Voyage à Segou“ (въ рукописи).

⁵⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

⁶⁾ Durand, „Voyage au Sénégal“.

пристанью. Въ первомъ пылу энтузіазма, вызваннаго занятіемъ поста на «рѣкѣ Черныхъ», предавались радужнымъ мечтамъ о дальнѣйшихъ пріобрѣтеніяхъ въ самомъ близкомъ будущемъ: воображали, что Сенегаль и Алжирія скоро будутъ связаны хорошо изученными маршрутами между всѣми пунктами, намѣченными, какъ будущія станціи желѣзной дороги черезъ Сахару. Надежды эти пока не осуществились, и попытки, сдѣланныя со стороны Алжиріи, какъ извѣстно, окончились трагически. Туареги и ихъ союзники все еще преграждаютъ проходъ. На линіи, соединяющей Алжиръ и Сентъ-Луи, крайніе пункты, занятые французами, Голеа въ землѣ Шаамба, и Кулигоро, на лѣвомъ берегу верхняго Нигера, еще раздѣлены пробѣломъ въ 2.450 километровъ по птичьему полету, составляющимъ гораздо больше половины всего протяженія. Съ той и другой стороны отважные изслѣдователи пробірались значительно далѣе незанятыхъ постовъ; но отъ Туата до Томбукту пространство, на которомъ еще не можетъ быть нанесено никакихъ прямыхъ маршрутовъ, составляетъ не менѣе 1.300 километровъ: это четверть общаго разстоянія между главными городами двухъ французскихъ владѣній въ Африкѣ,—длина равная разстоянію отъ Парижа до Варшавы.

Путь Сенегала, хотя еще не соединенный съ сосѣдними странами географически изслѣдованными дорогами, есть, тѣмъ не менѣе, наилучше утилизируемый изъ всѣхъ путей, представляемыхъ рѣками западной Африки. Описывая своими истоками обширный полукругъ, обнимающій болѣе южныя рѣки,—Гамбію, Казаманку, Рио-Гранде, Рокелль,—Сенегаль, составляетъ западную вѣтвь большой линіи текучихъ водъ, которая, черезъ Нигеръ, соединяется съ Бенійскимъ заливомъ; съ этой стороны естественный путь вполнѣ изслѣдованъ: онъ охватываетъ огромное континентальное пространство, почти въ два милліона квадр. километровъ. Понятно, что владѣніе, дающее доступъ въ такой обширный торговый бассейнъ, имѣетъ весьма важное политическое значеніе; но этому владѣнію недостаетъ соответствующей ширины, и узкая линія французской территоріи всегда подвергалась бы опасности въ томъ или другомъ пунктѣ, если бы она не охранялась съ неусыпной бдительностью и не защищалась, въ случаѣ надобности, подавляющими военными силами, въ сравненіи съ силами нападающихъ. Во многихъ мѣстахъ эта территорія сводится лишь къ теченію рѣки и, далѣе, къ простой дорогѣ, шириной отъ 6 до 8 метровъ, при томъ всегда прерывающейся въ зимніе періоды. Правда, если къ округамъ, непосредственно управляемымъ колоніальнымъ правительствомъ, прибавить маленькія государства, управляемые еще по старымъ обы-

чаемъ, хотя официально присоединенныя къ французскимъ владѣніямъ, и другія страны, признающія по трактату верховную власть (сюзеренитетъ) Франціи, то сенегальская территорія окажется очень обширной; но официальные предѣлы имѣютъ измѣнчивое значеніе. Истинныя границы мѣняются, смотря по личному вліянію губернаторовъ и офицеровъ, по направленію, которое избираютъ военные отряды въ своихъ ежегодныхъ экспедиціяхъ, и еще болѣе по силѣ притяженія, оказываемаго торговлей. При невозможности колонизаціи этихъ странъ европейскими эмигрантами, связь политическаго организма можетъ быть достигнута и поддерживаема лишь доброй волей туземцевъ, удовлетвореніемъ ихъ интересовъ и постепеннымъ развитіемъ чувства національной солидарности. Конечно, этотъ идеалъ еще не осуществленъ, и если бы Франція не помогла щедро колоніальному правительству людьми и деньгами, то положеніе скоро сдѣлалось бы опаснымъ.

Что всего нужнѣе въ настоящее время—это связать Нигеръ съ моремъ быстрымъ путемъ сообщенія. До недавней эпохи въ Сенегаль не было другой дороги, кромѣ рѣчнаго пути. Извѣстно, что этотъ водный путь большую часть года прерывается выше Подора, и пользование имъ часто бываетъ возможно лишь при помощи мелкихъ судовъ, тащимыхъ бечевой, или подвигающихся посредствомъ завола якоря. До сихъ поръ не существуетъ еще никакой колесной дороги, которая бы замѣнила этотъ ненадежный путь рѣчнаго потока: въ 1885 году общая длина поддерживаемыхъ дорогъ, расходившихся изъ трехъ центровъ, Сентъ-Луи, Даккара и Рюфиска, не превышала пятнадцати километровъ; построенные ранѣе нѣсколько участковъ колесныхъ путей были размыты дождями и захвачены растительностью. Существуетъ, правда, желѣзная дорога въ 263 километра длины, соединяющая рѣчную гавань, Сентъ-Луи, съ приморскимъ портомъ, городомъ Даккаръ, и могущая служить прекраснымъ базисомъ для будущей сѣти путей, проникающихъ въ Суданъ; но пока сдѣланы только предварительныя развѣдки, имѣющія въ виду проведеніе первой изъ этихъ линій, направляющейся на востокъ черезъ область Фута, по водораздѣлу между Сенегаломъ и Гамбіей. Эта проектируемая дорога какова бы она ни была—колесная или желѣзная, имѣла бы тѣмъ болѣе важное значеніе, что она прошла бы отъ Сентъ-Луи до Бакеля, по хордѣ, проведенной на югъ отъ большой оси, описываемой нижнимъ теченіемъ Сенегала. При общей длинѣ около 500 километровъ она сократила бы на цѣлую треть пробѣгаемое разстояніе, увеличивая въ то же время на 200 километровъ ширину территоріи, присоединенной къ колоніальному владѣнію. Понятно, какъ полезенъ

былъ бы этотъ путь, доходящій до крѣпости Бакель, которая еще недавно, въ 1886 году, была атакована арміей возставшихъ мусульманъ. Если осада была снята черезъ нѣсколько

гала, а имѣть въ виду также и линіи, которыя въ будущемъ пройдутъ черезъ черныя континентъ, то оказывается, что желѣзная дорога изъ Сентъ-Луи и Дакара въ Бакель была

Видъ Фритауна со стороны казармъ

дней, то Бакель обязанъ этимъ только счастливому стеченію обстоятельствъ, которое можетъ и не повториться при новомъ нападении. При томъ, если не заботиться единственно о путяхъ сообщенія, необходимыхъ для Сене-

бы именно первой частью пути, соединяющаго лучший портъ африканскаго побережья съ Томбукту. Въ Африкѣ не было бы болѣе важной линіи, проникающей внутрь материка.

По непонятному избытку усердія, въ на-

часть восьмидесятих годовъ была предпринята постройка желѣзной дороги отъ одного пункта на верхнемъ Сенегалѣ, пункта, который соединенъ съ Сенъ-Луи труднымъ для плаванія воднымъ путемъ, да и то только въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ въ году. Начальная станція этой узкоколейной линіи, которая должна была имѣть 520 километровъ длины, находится въ деревнѣ Кайесъ, лежащей въ 12 километрахъ ниже Медины, въ нездоровой мѣстности на лѣвомъ берегу рѣки. Работы начались въ 1881 г. и продолжались три кампаніи подрядъ; но значительная передержка противъ первоначальной смѣты, большая смертность рабочихъ, итальянцевъ и мароканцевъ, доходившая, по официальнымъ даннымъ, до четверти наличнаго числа и вдобавокъ ко всему распространенное во Франціи убѣжденіе, что дѣло было неудачно задумано, — все это заставило отказаться отъ дальнѣйшаго осуществленія предпріятія. Желѣзная дорога изъ Кайеса проведена на разстояніи 63 километровъ, до Диаму, и служить при случаѣ для перевозки войскъ и продовольствія. За этимъ пунктомъ полотно окончено на меньшемъ разстояніи, а далѣе намѣченный путь частью очищенъ отъ кустарника до Бафулабе, при слияніи Бахоя и Бафинга. По крайней мѣрѣ были проложены, подъ руководствомъ офицеровъ, двѣ по временамъ проѣзжія дороги между станціями верхняго Сенегала и Бамаку на Нигерѣ, — одна на сѣверѣ черезъ Бадумбе, Говіокори, Кита и Діо, другая на югѣ черезъ Медину и Ниагассолу. Черезъ овраги построены солидные мосты, и когда воды сдѣлаютъ какое-нибудь поврежденіе на дорогѣ, *диулы* или негры-торговцы, пользующіеся ею для перевозки своихъ товаровъ, тотчасъ же извѣщаютъ объ этомъ постоянныхъ начальниковъ. По этой дорогѣ, между прочимъ, были перевезены, изъ Бадумбе на Нигерѣ, разобранныя части и орудія канонерки, которая теперь плаваетъ по «Черной рѣкѣ», и которая, въ одно изъ своихъ путешествій, спустилась до Диафараве, на 400 километровъ ниже Бамаку. Впрочемъ, этотъ пароходъ, которому скупо отмѣривается топливо, покупаемое, если не на вѣсъ золота, то, по крайней мѣрѣ за десятичную цѣну противъ его первоначальной стоимости, не можетъ еще оказывать никакой услуги торговымъ сношеніямъ; роль его пока ограничивается тѣмъ, чтобы своимъ присутствіемъ давать больше военной силы постами Бамаку и Куликоро и въ особенности, чтобы увеличивать въ глазахъ негровъ престижъ завоевателей. Провозная плата отъ Сенегала до Нигера ежегодно достигаетъ, въ сложности, суммы въ нѣсколько милліоновъ франковъ: перевозка паровой шлюпки отъ одной рѣки до другой продолжалась четыре мѣсяца и обоилась почти вдвое дороже стоимости самаго судна.

Теперь гарнизоны, стоящіе на берегахъ Нигера, имѣютъ правильное сообщеніе съ городомъ Сенъ-Луи посредствомъ комбинированной службы пароходовъ, локомотивовъ, колесныхъ экипажей и пѣшеходовъ: въ сухое время года, когда пакетботъ долженъ останавливаться въ Подорѣ или въ Мофу, путешествіе между Сенъ-Луи и Бамаку продолжается 32 дня; оно сокращается на 10 сутокъ, когда «короли дыма» поднимаются до желѣзнодорожной станціи Кайесъ; на дорогахъ горной стороны употребляютъ металлическія повозки, нормальная нагрузка которыхъ отъ 500 до 800 килограммовъ, и которыя, въ случаѣ надобности, можно утилизировать какъ лодки для переправы черезъ рѣки. Кромѣ того, телеграфная линія, вполнѣ оконченная на всемъ протяженіи, связываетъ берега Нигера съ Сенъ-Луи и Дакарромъ, а также съ Франціей, посредствомъ двухъ кабелей, которые соединяются съ океанскими линіями, испанской и португальской, на островахъ Teneriff и Сантъ-Яго. Благодаря этимъ телеграфнымъ проволокамъ, всякая опасность, грозящая постами верхняго бассейна, можетъ быть заранее извѣстна и во-время устранена.

Обыкновенныхъ дорогъ во французской Сенегами въ 1885 г. 458 кил. Желѣзныхъ 326 кил. Телеграфная сѣть, безъ подводныхъ кабелей, 2.917 кил. Телеграммъ передано въ 1883 г. 10.700. Писемъ переслано 689.258.

Во французскихъ владѣніяхъ Сенегами пока существуетъ только одинъ городъ, достойный этого имени, — столица, основанная въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, въ замѣну первой конторы, которая тоже находилась на одномъ изъ острововъ устья, называемомъ Бокко или Бокосъ (слово, происшедшее отъ португальскаго *Boca*, устье). Сенъ-Луи въ первый разъ упоминается путешественникомъ Лемеромъ, который посѣтилъ тѣ края въ 1682 г. По числу жителей, это важнѣйшій приморскій городъ на всей береговой полосѣ, протяженіемъ около 4.000 километровъ, которая раздѣляетъ мароккскій портъ Рбатъ-Сла и Фри-таунъ въ Сьерра-Леоне. На первый взглядъ кажется страннымъ, что одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ городовъ африканскаго континента расположился въ мѣстѣ, столь мало благопріятномъ для морской торговли, выше бара опаснаго и постоянно мѣняющагося. Но Сенъ-Луи имѣетъ ту выгоду, что онъ находится при устьѣ большой судоходной рѣки, а въ ту эпоху, когда онъ былъ основанъ, суда, производившія торговлю въ этой части Африки, имѣли водоуглубленіе гораздо меньшее, нежели нынѣшніе пароходы: большинство приходившихъ тогда судовъ, могло, не дожидаясь прилива, проходить черезъ порогъ рѣки. Кромѣ того, мѣсто, выбранное для основанія крѣпости и факторіи, было удобно въ отношеніи обороны, благодаря окружающимъ его двумъ рукавамъ рѣки: тысячами

толпы туземцевъ не могли бы затѣять нападенія на городъ, защищенный этими естественными рвами. Начальникъ племени, уступившій островъ французамъ, долгое время получалъ отъ нихъ небольшую дань, и только онъ одинъ изъ черныхъ имѣлъ право входить въ фортъ при саблѣ ¹⁾.

Сень-Луи или Ндаръ, какъ его называютъ уолофы, занимаетъ своими правильными квадратами двѣ трети небольшого овальнаго острова (длиной слишкомъ 2 километра), окруженнаго рукавами рѣки. Въ средней части города, называемой *gétian*, т. е. «христіанской», большинство домовъ, — чистенькіе и хорошо построенные; но ближе къ оконечностямъ острова соломенные хижины съ коническими кровлями, жилища негровъ, составляютъ рѣзкій контрастъ съ казармами, складами, присутственными мѣстами; въ южномъ кварталѣ прежде неготорговцы устраивали свои *mallo* или сараи для содержанія невольниковъ. Самая широкая изъ поперечныхъ улицъ Сень-Луи, по срединѣ которой стоитъ губернаторскій дворецъ, оканчивается на востокѣ у плавучаго моста (длиной 650 метровъ) черезъ большой рукавъ рѣки, соединяющаго городъ съ двумя предмѣстьями, тоже островными, Соръ и Буэвилль, гдѣ находится станція желѣзной дороги. На западѣ и сѣверо-западѣ три моста, длиной около сотни метровъ каждый, соединяютъ городъ Ндаръ съ негритянскими кварталами Геть-Ндаръ (т. е. «Ндарскій паркъ»), Ндаръ-Тутъ (т. е. «Малый Ндаръ») и Гохумъ-лаи, которые иногда подвергаются наводненію во время бури на морѣ. Любимое мѣсто прогулки негочантовъ Сень-Луи — великолѣпная аллея кокосовыхъ пальмъ, которая идетъ между двумя западными пригородами и пересѣкаетъ «Варварійскую косу» до самаго моря, всегда бушующаго. Нѣсколько виллъ, окруженныхъ садами, разбѣяны въ предмѣстьяхъ, но большинство жилищъ состоитъ изъ негритянскихъ хижинъ, расположенныхъ группами по національностямъ обитателей, — уолофовъ, фуловъ, тукулеровъ, сараколе. Геть-Ндаръ, или Малый Ндаръ, населенъ преимущественно рыболовами, очень искусными моряками, которые, въ минуту опасности, всегда вступаютъ волонтерами въ ряды лаптотовъ (чернокожихъ матросовъ).

До недавняго времени одною изъ главныхъ причинъ дурнаго санитарнаго состоянія для города Сень-Луи были его цистерны. Наполняемые ливнями на весь періодъ бездождія, онѣ были подвержены колебаніямъ уровня, и часто, при большой убыли воды, обломки всякаго рода и растенія, скоплавшіяся на днѣ, въ видѣ слизистой массы, показывались наружу, заражая воздухъ своими миазмами. Эти водохранилища

по цѣлымъ годамъ оставались безъ чистки, и когда, наконецъ, ихъ опоражнивали, чтобы извлечь грязь, зародыши заразныхъ болѣзней распространялись на далекое пространство. Всѣ городскія нечистоты выбрасываются въ рѣку, но послѣдняя сплавляетъ ихъ въ море только въ періодъ дождей: въ сухое время года онѣ уносятся отливомъ и приносятся обратно приливомъ, странствуя такимъ образомъ взадъ и впередъ передъ набережными Сенегала ¹⁾. Для непосредственнаго полученія воды копаютъ на берегу временные колодцы, гдѣ мало-по-малу просачивается жидкость, едва замѣтно отзвучивающаяся соленымъ вкусомъ. Артезіанскій колодезь, который бурили на сѣверной сторонѣ острова, но должны были прекратить работу, не дойдя до первичной породы ниже слоя песку, давалъ солоноватую воду. Теперь, однако, достигли того, что городъ снабжается, если не вполне чистой, то по крайней мѣрѣ годной для питья водою, при помощи водопровода, длиной въ 25 километровъ, который приноситъ въ Сорскій резервуаръ ежедневно около 2.000 кубич. метровъ воды, почерпаемой изъ рѣчнаго рукава (*marigot*) Хассакъ; запруда не позволяетъ соленой водѣ течь обратно въ рукавъ въ сухое время года. Соляные пруды около селенія Гандіоль, недалеко отъ бара Сенегала, доставляютъ количество соли, достаточное для покрытія мѣстнаго потребленія и даже частью поступающее, какъ предметъ мѣны, въ торговлю съ областями верхняго Сенегала.

Въ видахъ оздоровленія главнаго города Сенегамбіи, предприняты также другія большія публичныя работы, какъ-то: засыпка болотъ между живыми потоками рѣки и устройство набережныхъ. Кромѣ того, въ настоящее время озабочены созданіемъ для этого города, если не порта, то по крайней мѣрѣ пристани на океанѣ: возможно было бы построить на берегу Малаго Ндара, противъ Сень-Луи, или сѣвернѣе, близъ Ндіаго, длинный, выступающій за линію прибоя, мостъ на сваяхъ, гдѣ суда могли бы приставать въ тихую погоду для спуска пассажировъ или даже выгрузки легкихъ товаровъ; такимъ образомъ были бы избѣгнуты крайне стѣснительныя неудобства, которые представляетъ баръ, затрудняющій входъ въ рѣку. Несмотря на такое невыгодное положеніе въ отношеніи доступа морскихъ судовъ, Сень-Луи уже до постройки желѣзной дороги, въ 1883 году, былъ самымъ дѣятельнымъ портомъ Сенегамбіи. Такъ, въ 1883 году обороты морской торговли его простирались, по цѣнности, до 22.935.000 франковъ (изъ этой суммы около 22.320.000 франк. приходится на долю торговаго обмѣна съ Франціей и съ французскими колоніями); движеніе судоходства въ этомъ году выразилось слѣдующими цифрами:

¹⁾ Carrière et Paul Holle „De la Sénégambie française“.

¹⁾ De Poly, „Revue Contemporaine“ 25 sept. 1885.

въ приходѣ и отходѣ было 423 груженыхъ судна, общей вмѣстимостью 94.567 тоннъ. За городской чертой Сентъ-Луи дополняется торжищами, которыя устраиваютъ негры въ мѣстахъ прибытія каравановъ, далѣе огородами, которые занимаютъ промежутки между дюнами и хорошо орошаемыя земли по берегамъ рѣки, и, наконецъ, поясомъ батарей и фортовъ, защищающихъ предмѣстья города отъ нападеній враждебныхъ племенъ, каковы мавры и уолофы.

Къ сѣверу отъ Сентъ-Луи береговая полоса, обитаемая нѣсколькими рыбаками туземцами племенъ бу-сба, яхиа-бенъ-отмаръ, трарца, имѣетъ весьма малую цѣну въ движеніи мировой торговли и не можетъ приобрести сколько-нибудь важнаго значенія, пока не озаботятся основаніемъ тамъ заведеній для производства рыбной ловли въ обширныхъ размѣрахъ, въ виду того, что эти воды принадлежатъ къ самымъ богатымъ рыбой областямъ океана: между прочимъ, тамъ ловятъ во множествѣ особую породу трески, отличающуюся отъ настоящей сѣверной трески (*gadus morrhua*), но не менѣе цѣнную ¹⁾. Во времена, слѣдовавшія за португальскимъ завоеваніемъ, и особенно въ эпоху голландской оккупации, на побережьи производилась довольно большая мѣновая торговля, такъ какъ тогда не существовало еще конторъ по берегамъ Сенегала; караваны изъ Адра и сахарскихъ оазисовъ должны были идти прямо на морской берегъ, вмѣсто того, чтобы нести или отправлять свои товары, какъ это дѣлается нынѣ, на сенегальскіе рынки, гдѣ производить обмѣнъ несравненно удобнѣе, нежели на пустынномъ морскомъ берегу, лишенномъ прѣсной воды и растительности. Съ 1445 года, два года спустя послѣ открытія мореплавателемъ Нуно Тристаномъ Аргуйнскою (Аргуйнскою) мели, португальцы приступили къ постройкѣ укрѣпленнаго магазина на главномъ островѣ архипелага ²⁾, и съ этого времени установились торговые сношенія между европейцами и африканскими купцами. Этотъ фортъ, стоящій на сѣверо-восточной террасѣ острова, переходилъ послѣдовательно къ испанцамъ, затѣмъ къ голландцамъ, къ англичанамъ и, энергично оспариваемый, достался, наконецъ, въ руки французовъ, въ 1678 г.; потомъ частная компанія, называвшаяся «прусской», по призывѣ ея флага, во имѣвшая своихъ арматоровъ въ Эмденѣ и принимавшая къ себѣ на службу исключительно голландскихъ приказчиковъ, сдѣлала этотъ островъ центромъ своихъ операцій по торговлѣ камедью: суда всѣхъ націй допускались туда за опредѣленный причальный сборъ. Благодаря свободѣ торговли, Аргуйнъ получилъ было важное коммерческое значеніе, но вскорѣ утратилъ его, по милости

новыхъ войнъ. Французы выгнали оттуда голландцевъ, затѣмъ и сами, въ свою очередь, были прогнаны полчищами мавровъ и должны были дважды возобновлять атаку, прежде чѣмъ окончательно овладѣли позиціей ³⁾.

Всѣ эти войны отклонили торговый потокъ, и когда англичане сдѣлались временно владѣльцами Сенегала, они запретили всякую торговлю на морскомъ берегу для того, чтобы сосредоточить ее въ своихъ конторахъ на рѣкѣ. Съ прекращеніемъ торгового обмѣна была покинута и самая крѣпость, отъ которой теперь остались только фундаменты, на половину засыпанные пескомъ: въ 1860 г. путешественникъ Фулькрандъ нашелъ на террасѣ бывшаго укрѣпленія рыбацью деревушку, построенную изъ кучъ морскихъ водорослей, скрѣпленныхъ камнями, но обитатели ея только-что передъ тѣмъ удалились, можетъ-быть, временно, на одинъ сезонъ. Съ той эпохи рутинна удержала мѣновую торговлю на рѣчныхъ пристаняхъ. Трудность плаванія въ узкихъ фарватерахъ, по которымъ попеременно пробѣгаютъ быстрые потоки прилива и отлива, также оправдывала покинутіе Аргуйнской конторы. Суда большого водоуглубленія не могутъ приставать къ этому острову. Правда, приливъ достигаетъ въ этихъ водахъ двухъ метровъ высоты, но извилистые каналы, посредствомъ которыхъ глубокая бухта Левры (Гальго) сообщается съ Аргуйнскими проливами, имѣютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при отливѣ, всего только три метра воды на порогахъ. Впереди этого спрятаннаго архипелага, къ которому нужно пробираться лабиринтомъ проходовъ, простирается обширная Аргуйнская банка, скопленіе подводныхъ камней, рифовъ, отмелей, попеременно обнажающихся и затопляемыхъ, совокупность которыхъ занимаетъ пространство около 8.400 квадр. километровъ. Около середины вѣшняго края этой огромной мели въ 1816 году разбилась «Медуза», управляемая несвѣдущимъ капитаномъ, котораго тщетно умоляли переменить курсъ. Между драмами на морѣ ни одна не получила большей извѣстности, чѣмъ путешествіе несчастныхъ пассажировъ «Медузы» на утломъ плоту, который волны подбрасывали, какъ мячикъ. Подобныя приключенія, конечно, не рѣдки на грозномъ океанѣ, но не всякое имѣетъ своего Жерико, который бы повѣдалъ о немъ грядущимъ поколѣніямъ.

Аргуйнская мель оканчивается у мыса Мирикъ, въ 160 километрахъ къ юго-юго-востоку отъ мыса Бланко: въ этомъ мѣстѣ морской берегъ не скрывается болѣе за барьеромъ подводныхъ камней, и мореплаватели могутъ слѣдовать вдоль его на нѣкоторомъ разстояніи, имѣя путеводителемъ окаймляющую побережье

¹⁾ Albert Merle, „Revue de Géographie“, août 1886.

²⁾ Diego Gomez;—Oscar Pachel, цитирован. сочиненіе.

³⁾ André Brûe,—Berlioux;—Labat, цитированное сочиненіе.

цѣль высокихъ дюнъ, навѣянныхъ сѣвернымъ вѣтромъ. Стройная пальма, брешь въ дюнахъ, прерываемыхъ солонцоватой равниной, указываютъ подходы къ рейду Портендикъ, рейду

семнадцатаго столѣтія, по имени одного начальника племени трарца, имѣлъ нѣкоторую важность до 1857 года, такъ какъ англичане, отдавая Сенегаль Франціи, оставили за собой

Бухта Сайпигъ, близъ Фрейтоуна.

опасному, гдѣ суда должны становиться на якорь вдали отъ берега, въ открытомъ морѣ, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ банокъ, о которыхъ разбивается сила волнъ. Портендикъ, бывшій портъ «Адди», названный такъ, въ началѣ во-

право торговать на этой части побережья: когда негоціанты, ведущіе торговлю въ прирѣчныхъ пунктахъ, предлагали маврамъ неподходящую цѣну за ихъ камедь, мавры везли свой товаръ къ англичанамъ въ Портендикъ. Послѣ выкупа

у Великобританіи этого права, въ обмѣнъ на принадлежавшую французамъ факторію Альбрета, при устьѣ Гамби, Портендикъ утратилъ всякое торговое значеніе. Мавры сосѣднихъ мѣстностей не имѣютъ теперь, для сбыта своихъ произведеній, другого рынка, кромѣ города Сентъ-Луи, лежащаго на 250 километровъ южнѣе,—разстояніе небольшое для номадовъ, привыкшихъ къ переходу черезъ пустыню. Такимъ образомъ вся область побережья, заключающаяся между мысомъ Бланко и устьемъ Сенегала, можетъ быть разсматриваема какъ естественная принадлежность Сентъ-Луи, если не по климату и виду мѣстности, то по крайней мѣрѣ по торговлѣ ея населенія.

Столица Сенегала, со всѣмъ ея торговымъ, земледѣльческимъ и военнымъ механизмомъ, составляетъ только половину городского организма: она зависитъ отъ своего морскаго порта Горей-Дакаръ. Прежде, когда по трудности сообщеній жители Сентъ-Луи должны были довольствоваться брешью, пробитой водами рѣки на бушующемъ барѣ, главный городъ этой колоніи образовалъ самъ по себѣ полное цѣлое, отъ входнаго порога до городскихъ набережныхъ; но во всѣ времена хорошо понимали, какъ важно было бы для будущности края связать Сентъ-Луи съ Горейскимъ заливомъ. Въ 1859 году былъ заключенъ съ Дамелемъ, или королемъ Кайора, договоръ, имѣвшій цѣлью обезпечить установленіе службы конныхъ курьеровъ вдоль берега, между Сентъ-Луи и мысомъ Зеленымъ; но такъ какъ этотъ договоръ не соблюдался, то пришлось завоевать сейчасъ названную территорію и построить три промежуточныхъ поста, Ломпуль, Мборо и Мбидженъ, въ одно и то же время крѣпостцы и каравансарай; по конвенціи 1861 года, весь берегъ между моремъ и «ньяями», или лужами, окаймляющими дюну, былъ объявленъ французской землей. Въ 1862 г. рѣшено было построить другую дорогу черезъ внутренній Кайоръ, и въ слѣдующемъ году уже появилась крѣпостца на полпути изъ Сентъ-Луи въ Дакаръ, вблизи резиденціи Дамеля. Наконецъ, въ 1885 году была открыта для движенія желѣзная дорога, которая соединяетъ Сентъ-Луи съ его естественнымъ портомъ на Горейскомъ заливѣ, проходя черезъ плодородную, густо населенную область Кайора. Большія деревни, похожія на города, слѣдуютъ одна за другой вдоль этого рельсоваго пути. Одно изъ главныхъ поселеній—Мпаль, окруженный полями земляной фисташки; это станція, повидимому, предназначенная сдѣлаться будущей узловой станціей для линіи Фута и верхняго Сенегала. Деревня Луга, лежащая южнѣе, также занимаетъ выгодное положеніе, какъ соединительный пунктъ будущей желѣзной дороги внутри материка. Ндаидъ, бывшая столица королевства Кайоръ, лежитъ въ самой плодородной мѣст-

ности края, недалеко отъ обширнаго пальмоваго лѣса, черезъ который проходить дорога. Въ сосѣдствѣ находятся холмы, на которыхъ прежде совершалась церемонія возведенія на престолъ королей. Тіесъ, тоже большая деревня, принадлежавшая вѣкогда царьку Баола, предложена какъ будущій раздѣльный пунктъ желѣзной дороги, которая проникнетъ на юго-востокъ въ долину Салума. Въ портѣ Тіесъ растутъ баобабы, имѣющіе 33 метра въ окружности при основаніи.

Горей, первая по времени факторія европейцевъ въ заливѣ того же имени, кажется, была занята сначала голландцами, которые дали ей названіе Goëe, по имени голландскаго острова, лежащаго у входа въ Гарингфлитъ¹⁾; по другой этимологіи, менѣе правдоподобной, первоначальное имя ея, котораго она, впрочемъ, вполне заслуживаетъ, было Goede Reede, т. е. «Хорошій рейдъ». Прибрежные уолофы дали ей наименованіе Беръ, что значитъ «брюхо»; сосѣдній мысъ на ихъ языкѣ называется Барсагинъ. Счастливое торговое положеніе, близъ наиболѣе выдвинутаго мыса Западной Африки, на берегу лучшаго рейда, какой встрѣчаютъ суда на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ километровъ, и въ сосѣдствѣ «Южныхъ рѣкъ» съ плодородными и густо населенными берегами, естественно должно было сдѣлать Горей однимъ изъ пунктовъ африканскаго моря, особенно горячо оспариваемыхъ кораблями западныхъ державъ. Французы отняли этотъ островъ у голландцевъ въ 1677 г., затѣмъ имъ овладѣли англичане въ 1758 г., но черезъ нѣкоторое время уступили его, чтобы потомъ взять обратно и снова отдать въ 1814 г.; поочередно занимаемый различными владѣльцами, старинный «замокъ», высящійся на южной оконечности острова, напоминаетъ историческія превратности этой узкой скалы.

Островъ Горей, лежащій въ 2.220 метрахъ отъ Дакара, ближайшаго населеннаго пункта на берегу материка, имѣетъ въ длину всего только 900 метровъ по большой оси, а площадь его не превышаетъ 36 гектаровъ. Это базальтовая скала, поднимающаяся на 35 метровъ своимъ южнымъ утесомъ и продолжающаяся на сѣверѣ низменнымъ берегомъ, охватывающимъ бухточку, гдѣ останавливаются корабли. Рейдъ, имѣющій отъ 10 до 20 метровъ глубины, представляетъ прекрасное пристанище въ сухое время года; но въ зимній періодъ туда проникаетъ волненіе моря, тогда какъ въ 2 съ половиной километрахъ къ западу, за Дакарскимъ мысомъ, вода остается спокойной во всякое время года. Это и было одной изъ причинъ, почему Горей утратила значеніе,

¹⁾ Le Mair, „Voyage aux Iles Canaries, Cap-Verd, Sénégal et Gambie“.

какъ военный и большой коммерческій портъ. Та же самая причина, которая нѣкогда побудила выбрать этотъ пунктъ, какъ торговую пристань и центръ господства, заставила отказаться отъ него въ настоящее время: это—островное положеніе Горей. Какъ островъ, она была обезопасена отъ нападеній туземцевъ, и коммерсанты могли быть спокойны за склады своихъ товаровъ; но со времени водворенія мира между народцами сосѣднаго побережья явилась необходимость въ гавани на материкѣ, которую можно бы было легко связать съ мѣстами производства во внутреннихъ областяхъ страны. Дакаръ представляетъ эти выгоды; оттого этотъ новый городъ и заселяется на счетъ Горей: въ періодъ съ 1878 до 1883 года послѣдняя, несмотря на свое привилегированное положеніе въ качествѣ порто-франко, потеряла 1.280 жителей, болѣе трети своего населенія. Она сохранила свои сношенія съ Гамбіей, «Южными рѣками» и Сьерра-Леоне, откуда приходятъ преимущественно мелкія суда, пригодныя для плаванія въ лиманахъ; но резиденція начальника края, присутственные мѣста, казармы, конторы торговыхъ компаній переведены въ Дакаръ; сюда же заходятъ корабли для обновленія запасовъ топлива; желѣзная дорога изъ Сентъ-Луи имѣетъ свою конечную станцію въ сосѣдствѣ этого порта, и здѣсь же находится пунктъ соединенія съ подводнымъ телеграфомъ. Тѣмъ не менѣе, Дакаръ или «Тамариндъ», основанный въ 1857 году на территоріи маленькой уолофской республики Лебу, растетъ не такъ быстро, какъ можно бы было ожидать; мирный торговый обмѣнъ трудно мирится съ сосѣдствомъ казармъ, военныхъ управленій и вооруженныхъ кораблей. Неправильности почвы требуютъ большихъ инженерныхъ работъ для урегулированія стока дождевой воды и созданія для построекъ прочнаго основанія; кромѣ того, остается еще многое сдѣлать для окончательнаго устройства порта и снабженія его всѣми необходимыми приспособленіями—набережными, молами, верфями, доками и укрѣпленіями. Приблизительныя смѣты исчисляють милліонами суммъ, которыя придется израсходовать, прежде чѣмъ Дакаръ сдѣлается благоустроеннымъ городомъ, достойнымъ быть преемникомъ Сентъ-Луи, въ качествѣ главнаго города французскихъ владѣній въ Сенегамбіи. Но кромѣ своего прекраснаго порта, онъ имѣетъ еще то, чего недостаетъ нынѣшней столицѣ,—живописныя окрестности, между которыми особенно замѣчательны мысъ Манюэль, выступающій, въ видѣ наконечника копья, на западной сторонѣ рейда, острова Мадлены, всегда окруженные поясомъ бѣлой пѣны, холмы (Mamelles) Зеленаго мыса, базальтовыя вершины, съ высоты которыхъ видна, какъ на ладони, стрѣлка Альмади, или «Барокъ», съ ея рядами

опасныхъ подводныхъ камней,—африканскія скалы наидальѣе выдвинутыя къ западу. На одномъ изъ этихъ холмовъ стоитъ первоклассный маякъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Горей утратила торговую монополію въ этой части Сенегала, движеніе судоходства въ ея гавани уменьшилось на половину: военные корабли и трансатлантическіе пакетботы останавливаются въ Дакарскомъ портѣ, гдѣ вода достаточно глубока, тогда какъ мелкія суда направляются, когда погода благоприятна, на востокъ къ берегамъ Рюфиска, бывшаго Рио-Фреско португальскихъ мореплавателей, который уолофы называютъ Тангететъ, а діепскіе мореходы именовали «Французской бухтой», если только правда, что послѣдніе вели торговлю въ этой части африканскаго поморья¹⁾. Во многихъ отношеніяхъ этотъ нарождающійся городъ, уже болѣе населенный, чѣмъ Горей и Дакаръ, взятые вмѣстѣ, занимаетъ очень невыгодное положеніе: въ сосѣдствѣ его сыпучіе пески скопляются въ видѣ дюнъ, а вода застаивается и образуетъ болота; лиманъ его лагуны вовсе не заслуживаетъ португальскаго названія «Свѣжей рѣки»²⁾, и жители терпятъ недостатокъ въ питьевой водѣ; берегъ постоянно подвергается сильному удару волны прибою; но Рюфискъ имѣетъ за собой важное преимущество—онъ находится въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная дорога изъ Дакара въ Сентъ-Луи покидаетъ побережье, чтобы направиться внутрь страны, и куда сходятся дороги изъ Кайора, Баола и земель племени сереръ; здѣсь же главнымъ образомъ сосредоточена торговля земляными фисташками и сырыми кожами; болотистыя русла временныхъ потоковъ обращены въ сады, а окрестные лѣса расчищены подъ пашни. Къ несчастію, Рюфискъ и, въ меньшей степени, Дакаръ—города нездоровые: континентальныя вѣтры приносятъ туда опасныя миазмы, и болотныя лихорадки тамъ никогда не прекращаются; особенно садъ Ганнъ между двумя названными городами, обрабатываемый руками штрафныхъ солдатъ, расположенъ въ убійственной мѣстности, гдѣ постоянно свирѣпствуютъ болѣзни. Въ сравненіи съ двумя сосѣдними городами, Горей по климату пользуется привилегированнымъ положеніемъ: лѣтніе жары тамъ умѣреннѣе и воздухъ не зараженъ вредными испареніями прибрежныхъ болотъ. Горей служитъ санаторіей для жителей этого берега, которые пріѣзжаютъ сюда на зимній сезонъ; здѣсь устроенъ госпиталь для больныхъ и выздоравливающихъ изъ всѣхъ владѣній поморья. Движеніе судоходства въ портахъ Горей, Дакара и Рюфиска въ 1883 г.: 1.108 су-

¹⁾ Villault de Bellefond;—Gabriel Gravier, «Recherches sur les navigations européennes».

²⁾ Hubler, «Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux», 2 juillet 1883.

довъ, вмѣстимостью 144.800 тоннъ; цѣнность торгового обмѣна: 22.383.181 франкъ.

Южиѣ, вдоль морскаго берега, слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько довольно дѣятельныхъ торговыхъ пунктовъ: Портюдадь, Нианнингъ, Жоаль, бывшая столица Барбасинскаго государства. Въ шести километрахъ къ сѣверу отсюда находится главный центръ католическихъ миссій Сенегамби, Сентъ-Жозефъ-Ниа-собиль, окруженный самыми богатыми плантациями во всей этой территоріи. Тамошніе туземцы хвастаютъ своимъ будто бы португальскимъ происхожденіемъ¹⁾ и называютъ себя христианами, хотя еще не такъ давно у нихъ существовалъ обычай въ праздничные дни хоронить собаку, съ большой церемоніей и приличными случаю слезами²⁾. Фатикъ, резиденція *бура*, или короля земли Сине, лежитъ на рѣкѣ того же имени, притока Салума: по традиціи, этотъ царекъ можетъ вступить въ свою столицу не иначе, какъ приказавъ предварительно убить человѣка, чтобы принести ей счастье. Еще въ 1876 г. этотъ ужасный обычай соблюдался, и долго можно было видѣть, привязанный къ дереву, трупъ несчастнаго, принесеннаго въ жертву для того, чтобы отвратить гнѣвъ боговъ³⁾. Въ бассейнахъ рѣки Салумъ, протекающей черезъ землю сереровъ, сенегальскіе купцы основали нѣсколько конторъ, куда туземцы приносятъ земляныя фисташки. Главныя факторіи на Салумѣ—Каолакъ, французская энклава, защищаемая крѣпостцей, и Фундунъ, на лѣвомъ берегу рѣки, противъ устья Сине, притока Салума. Вся торговля этихъ конторъ производится еще моремъ и лиманомъ рѣки, въ ожиданіи, пока онѣ будутъ соединены съ большимъ торговымъ организмомъ Дакара и Сентъ-Луи. Нѣсколько поселковъ, построенныхъ на сваяхъ, какъ озерныя деревни древней Гельвеціи, разбѣяны на этихъ аллювиальныхъ земляхъ, среди болотистыхъ пространствъ, попеременно выступающихъ изъ-подъ воды и заливаемыхъ приливомъ⁴⁾.

Въ этой области торговый поясъ не очень далеко проникаетъ внутрь материка, на востокъ отъ Баола и лимана Салума. Деревни территоріи Джолофъ, даже главная изъ нихъ, Уархоръ, слабо населены, а Ферло почти совсѣмъ безлюдное мѣсто. Дождевыя воды, падая на совершенно ровную, не имѣющую ската почву, цѣлкомъ испаряются, не образуя ручьевъ, и земледѣльческая культура возможна только въ рѣдкихъ прогалинахъ кустарника; чтобы получить воду, приходится копать колодцы до 45

или 50 метровъ глубины. Пока отъ желѣзной дороги изъ Сентъ-Луи въ Дакаръ не будутъ проведены вѣтви къ территоріямъ Фута и Бамбукъ, до тѣхъ поръ портъ при барѣ останется неизбѣжнымъ складочнымъ пунктомъ для всей торговли съ верхнимъ Сенегаломъ. Промежуточными станціями для этихъ торговыхъ сношеній естественно являются рѣчныя пристани, находящіяся при устьяхъ притоковъ или въ пунктахъ прибытія каравановъ. Ришаръ-Толль, или «Садъ Ричарда», теперь не болѣе какъ деревня негровъ-рыбаковъ, расположенная близъ древеснаго питомника, при устьѣ ручья Тауей (Туей), истока озера Паніефуль. Слѣдующій затѣмъ постъ Дагана, основанный въ 1821 году, почти противъ истоковъ изъ озера Кайоръ, имѣетъ болѣе важное значеніе въ торговомъ отношеніи; укрѣпленіе его, окруженное садами и окаймленное со стороны рѣки великолѣпными бавольниками, защищаетъ мѣстечко, населенное коммерсантами, которые покупаютъ у туземцевъ племена трацца камедь и кожи и продаютъ имъ кувшины для воды и европейскіе товары. Лежащая выше по рѣкѣ мѣстечко Гаэ и пристань дю-Кокъ тоже посѣщаются торговцами съ обоихъ береговъ. Развѣтвляющіяся по всѣмъ направленіямъ боковые потоки позволяютъ баркамъ проникать въ многочисленныя селенія территорій Уало и Димаръ, пользуясь то приливомъ, то теченіемъ. Приливная волна поднимается вверхъ по рѣкѣ до Подора, укрѣпленнаго мѣстечка, существующаго съ половины прошлаго столѣтія. Это—складочный пунктъ для камеди, приносимой маврами племені бракна, и главный торговый постъ между Сентъ-Луи и Бакелемъ.

Въ области средняго Сенегала важнѣйшія торговыя пристани—Аере, на рукавѣ, ограничивающемъ съ юга большой островъ Морфилъ; Сальде, на главномъ рукавѣ, но у восточной оконечности того же острова; Матамъ, выше другой бифуркаціи рѣки. Эта часть рѣчнаго теченія была энергично оспариваема французами и маврами другъ у друга, и во время войнъ, поднятыхъ Хаджи-Омаромъ, тукулеры пытались преградить французскимъ судамъ проходъ по рѣкѣ, наваливая бревна между скалистыми берегами русла. Окончательно побѣжденные, эти ревностные мусульмане удалились по большей части на террасы, окаймляющія на югѣ боковые потоки Сенегала, мало доступныя французскимъ судамъ¹⁾. Въ дождливое время года негры съ лѣваго берега ходятъ работать на поля мавровъ, лежащія на правомъ берегу. Умѣя выбирать удобный пунктъ на берегу, откуда теченіе несетъ ихъ на другую сторону, они переправляются черезъ рѣку сѣдя верхомъ на поплавокѣ изъ легкаго дерева, почти всегда изъ вѣтви бавольника²⁾.

¹⁾ Borius, "Archives de médecine navale";—Exploration, 1-er semestre 1881.

²⁾ Le Gallais, "Annales de la Propagation de la Foi", 1851.

³⁾ "Annales de la Propagation de la Foi", t. XLVIII, 1876.

⁴⁾ Guy Grand, тотъ же сборникъ на 1881 г.

¹⁾ Gallieni, "Voyage au Soudan français".

²⁾ Ricard, цитированное сочиненіе.

Бакель, лежащій выше земли тукулеро́въ, примѣнялось ко всему верховью Сенегала. Крѣпость, сооруженная въ 1820 году и дополненная впоследствии тремя фортами, построенными на близъ лежащихъ холмахъ, составляетъ

Монровія и мысъ Мезурадо.

востокъ, къ территоріямъ Гидимаха и Каарта, другая—на юго востокъ, къ территоріи Бамбукъ, третья—на югъ, къ территоріи Бонду; прежде область Бакель была извѣстна у торговцевъ подъ именемъ Галамъ, которое, впрочемъ,

самый солидный оплотъ на верхнемъ Сенегалѣ, центръ обороны противъ нападеній мусульманъ. У подножія крѣпостныхъ валовъ сгруппировались немногіе дома европейской колоніи и хижины изъ соломы и глины трехъ торго-

выхъ селеній, уолофскаго, сонинкейскаго и кассонкейскаго, куда приходятъ мавры дуаншъ для продажи камеди; кромѣ того, въ Бакель производится значительная торговля земляными фисташками, просомъ и кукурузой; торговцы приобрѣтаютъ также на этомъ рынкѣ, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ, золотой песокъ, слоновую кость и страусовыя перья. Бакельскіе купцы посылаютъ по окрестнымъ деревнямъ подручныхъ торгашей, знающихъ туземный языкъ, которые, по мѣстному выраженію, ходятъ «дѣлать конторы», т. е. вымѣнивать свои ассортименты товаровъ на произведенія края ¹⁾. Бакель находится почти какъ разъ на этнографической границѣ между маврами, или берберами, и черными населеніями. Ниже этого пункта, правый берегъ рѣки занимаютъ мавры; выше живутъ негры, гидимаха, или «люди скалъ», родичи племени кассонке, обитающаго на лѣвомъ берегу; еще выше территория раздѣлена между племенами сараколе, бамбара и переселенцами тукулерами. Это положеніе на поясѣ соприкасанія между нѣсколькими расами еще болѣе увеличиваетъ стратегическую важность Бакеля, и французскому гарнизону уже два раза, въ 1859 и въ 1866 годахъ, приходилось освобождать окружающую территорию, производя атаки на укрѣпленную деревню Гему, лежащую на границѣ между неграми гидимаха и маврами дуаншъ.

Къ югу отъ Бакеля, мусульманское государство Бонду, феллатское королевство, восточную границу котораго составляетъ теченіе Фалеме, занимаетъ едва обозначенный водораздѣлъ бассейновъ Сенегала и Гамбии: здѣсь проходитъ, между этими двумя рѣками, главный торговый путь, которымъ слѣдовали Рюбо, Мунго-Паркъ, Грей, Дочардъ, Раффенель и другіе путешественники-ислѣдователи. Столица королевства, Булебане, или «Городъ колодцевъ», расположена на небольшомъ притоцкѣ рѣки Фалеме, въ равнинѣ, надъ которой господствуютъ скалистые холмы; въ окрестностяхъ разбѣяны развалины прежней столицы, а неподалеку оттуда стоитъ огромный баобабъ, подъ которымъ совершается церемонія коронованія. Хотя король Бонду свѣтскій государь, а не «повелитель правовѣрныхъ», какъ альмами Фута-Джаллона, тѣмъ не менѣе всѣ его подданные обязаны исповѣдывать исламъ, и никакому язычнику не дозволяется пребываніе въ странѣ, развѣ что онъ пользуется особымъ покровительствомъ французовъ ²⁾. На должность министра всегда назначается человекъ изъ народа, представитель расъ, покоренныхъ фулами ³⁾.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія Андре Брю построилъ двѣ крѣпостцы выше слиянія: Сентъ-Жозефъ (Махана), на Сенегалѣ, и Сентъ-Пьеръ, на Фалеме. Но оба эти укрѣпленія вскорѣ обратились въ развалины, — первое вслѣдствіе бунта невольниковъ, и даже неизвѣстно въ точности мѣсто, гдѣ оно находилось. Въ наши дни военный постъ нижней Фалеме, соединяющей съ Сенегаломъ между Бакелемъ и Мединой, находится въ деревнѣ Сенту-Дебу, лежащей на лѣвомъ берегу рѣки, въ километрѣ разстоянія отъ первыхъ ея пороговъ, которыми воспользовались для устройства рыбныхъ промысловъ. Южнѣе на одномъ изъ притоковъ праваго берега, другое поселеніе Кеніеба, одно время пользовалось большою извѣстностью, какъ центръ золотыхъ приисковъ въ Бамбукѣ; но «золото спряталось», какъ говорятъ негры, и безуспѣшность попытокъ эксплуатаціи заставила забыть этотъ постъ, послѣ того, какъ изъ него былъ выведенъ гарнизонъ. Малинкейцы, и специально женщины, сохранили за собой монополію промыски золотоноснаго песку въ южномъ Бамбукѣ и, по другую сторону Фалеме, въ небольшой территоріи Беле-дугу; онѣ принимаютъ за этотъ промыселъ по окончаніи полевыхъ работъ и прежде всего стараются задобрить судьбу и вымолить себѣ удачу принесеніемъ въ жертву рыжого козла и бѣлой курицы ⁴⁾. Въ небольшомъ разстояніи отъ деревни Кеніеба, на вершинѣ холма стоитъ мѣстечко Фарабана, которое въ прошломъ столѣтіи и до завоеванія края пророкомъ тукулеровъ имѣло важное значеніе, какъ главный городъ независимой республики. Бѣгле невольники изъ всѣхъ сосѣднихъ округовъ собирались въ крѣпкой оградѣ этого города, и благодаря своей многочисленности, плодородію своихъ садовъ, своимъ связямъ съ другими общинами бѣглыхъ негровъ, и особенно отвагѣ и стойкости, которыя имъ придавало сознаніе опасности, они успѣли создать грозное государство. Караулы на валахъ всегда поручались наиболѣе сомпрометтированнымъ, такимъ, которыхъ ожидала бы неминуемая смерть, если бы городъ былъ взятъ врасплохъ окрестными жителями. Вообще въ этой области сенегальскаго бассейна деревни, почти исключительно неселенныя мандингами язычниками, наилучше сохранили еще свою республиканскую независимость и федеративную организацію. Фарабана всегда занимала и занимаетъ первое мѣсто между этими маленькими государствами Бамбука.

Городъ Кайесъ, на лѣвомъ берегу Сенегала, близъ впаденія боковаго потока Куниакари, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливается большинство пароходовъ въ періодъ половодья,

¹⁾ A. Barthélemy, «Guide du Voyageur dans la Sénégambie française».

²⁾ H. Hecquard, «Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale».

³⁾ Anne Raffenel, «Voyage dans l'Afrique occidentale».

⁴⁾ Ernest Noïrot, «A travers le Fouta-Djallon et la Bambouc».

получилъ въ послѣднее время нѣкоторое торговое значеніе, какъ пунктъ высадки войскъ, посылаемыхъ на Нигеръ: здѣсь была устроена первая станція желѣзной дороги. Магазины и склады, недавно заведенные въ Кайесъ, постепенно переводятся на станцію Діаму, находящуюся въ болѣе здоровой мѣстности, въ 55 километрахъ выше, на томъ же берегу Сенегала; но главный военный постъ остался на прежнемъ мѣстѣ, въ 12 километрахъ отъ Кайеса, на берегу излучины, гдѣ рѣка образуетъ водовороты послѣ паденія съ утесовъ Фелу. Постъ этотъ, по имени Медина, или «Городъ», прославился трехмѣсячной осадой, которую выдержалъ его маленькій гарнизонъ въ 1857 году, и окончательнымъ разбѣніемъ войскъ пророка Аль-Хаджи-Омара. Эта побѣда обезпечила окончательное овладѣніе верхнимъ Сенегаломъ, но только двадцать лѣтъ спустя, въ 1878 году, французы открыли себѣ дорогу къ Нигеру взятіемъ укрѣпленной деревни (*tama*) Сабусире, лежащей въ 6 километрахъ выше водопада Фелу: нѣсколько тысячъ туземцевъ, по большей части тукулеро́въ, заперлись въ этой деревнѣ и цѣлыхъ пять часовъ отбивались отъ солдатъ¹⁾. Тамъ, на самомъ дѣлѣ, находился жизненный пунктъ новой имперіи тукулеро́въ, которая отъ Сегу, какъ центра, простиралась далеко на востокъ, по обѣ стороны верхняго сенегальскаго бассейна. Теряя среднюю линію бассейна, Вахой и Бауле, «Бѣлую рѣку» и «Красную рѣку», Хаджи-Омаръ терялъ вмѣстѣ съ тѣмъ стратегическое единство своего царства: съ одной стороны, Каарта, съ другой, Джаллонке-дугу сдѣлались отрывками, отнынѣ раздѣленными полосой чужихъ владѣній. Торговые обороты на складахъ Мединскаго округа простирались въ 1884 г. до 5.620.000 франковъ²⁾.

Сѣверную половину этой имперіи составляетъ территорія Каарта, зависѣвшая прежде отъ королевства Кассо. Племена кассонке и діавара, потомки сонинке, бывшихъ владѣтелей страны, все еще имѣютъ численный перевѣсъ надъ всѣми другими жителями этой территоріи; затѣмъ слѣдуютъ бамбара различныхъ кастъ, которые еще въ недавнюю эпоху были господствующей націей; наконецъ, нынѣшніе власти, тукулеры, очень малочисленные въ сравненіи съ представителями другихъ расъ, обитаютъ въ укрѣпленныхъ городахъ; но, благодаря близкому сосѣдству области Фута, колоніи ихъ постоянно пополняются новыми выходцами, по большей части ревностными послѣдователями ислама. Эти магометане покидаютъ берега низовьевъ рѣки, чтобы удалиться отъ христіанъ; однако, они же доставляютъ на французскіе посты Сенегала наибольшій кон-

тингентъ временныхъ работниковъ, въ которыхъ нуждаются офицеры и купцы. Между новыми жителями территоріи Каарта встрѣчается также много *diavandu*, выходцевъ изъ Кассо и Бонду: это люди, происшедшіе отъ фуловъ и женщинъ племени сонинке, которые исполняютъ профессію гріотовъ, составляя особую касту; они не могутъ быть обрабаемы въ рабство, но ихъ изгоняютъ изъ родной земли³⁾. Бамбара поручаютъ имъ присмотръ за своими стадами.

Въ Діомбохо, ближайшей къ Мединѣ провинціи страны Каарта, главное мѣсто—укрѣпленный городъ Куніакари, бывший нѣкогда столицей племени кассонке, и, по словамъ путешественника Солелье, имѣющій и теперь еще до 5.000 жителей; онъ занимаетъ прекрасное торговое и стратегическое положеніе, при сліяніи нѣсколькихъ уѣздовъ, образующихъ долину его имени, въ которой иногда струится вода. Къ востоку отсюда встрѣчаемъ Діала, тоже многолюдное мѣстечко, въ области Діала-фара. Мѣстечки Коге и Ніюгомера, на границахъ пустыни, въ собственномъ Каарта, были прежде королевской резиденціей; теперь ихъ смѣнилъ въ этой роли городъ Ніуро (арабы называютъ его Рхабъ), хижины котораго сотнями сгруппированы вокругъ каменныхъ стѣнъ и большихъ четырехугольных башенъ дворца. Ніуро—значительный рынокъ, посѣщаемый многочисленными караванами съ верхняго Нигера, которые приходятъ туда за солью, получаемой изъ Тишита: плитки этого необходимаго продукта служатъ тамъ денежной единицей для всѣхъ другихъ товаровъ, тканей, кожъ, металловъ, слоновой кости и невольниковъ; три или четыре бруска соли представляютъ цѣнность мужчины въ цвѣтъ лѣтъ⁴⁾. Почва и климатъ Ніуро очень благопріятны для разведенія европейскихъ домашнихъ животныхъ: лошадей, ословъ, крупнаго рогатаго скота, барановъ, козъ, свиней и домашней птицы; тамъ съ успѣхомъ откармливаютъ каплуновъ; туземныя утки тоже достигаютъ очень крупныхъ размѣровъ⁵⁾; кромѣ того, на скотныхъ дворахъ держатъ цесарокъ, страусовъ и газелей. Джарра, къ сѣверо-востоку отъ Ніуро, теперь уже не «большой городъ» и не «столица мавританскаго царства Лудамаръ» (Уладъ-Омаръ?), какъ во времена Мунго-Парка. На юго-востоку, но все еще въ бассейнѣ Сенегала, близъ одной изъ главныхъ вѣтвей Бауле, находится важный городъ Діангирте, населеніе котораго, во время посѣщенія его путешественникомъ Мажъ, состояло изъ 540 тукулеро́въ талибе и ихъ семействъ: прежніе обитатели, бамбара, были прогнаны этими пришельцами и жили въ

¹⁾ „Annales Sénégalaises, de 1854 à 1885“.

²⁾ „Journal officiel“, 9 nov. 1884.

³⁾ Paul Solleillet, „Voyage à Segou“, редижиров. Габриелемъ Гравье (не издано).

⁴⁾ Colin, цитиров. статья.

⁵⁾ Anne Raffeneil, цитирован. сочиненіе.

шести селеніяхъ, разсѣянныхъ въ окрестностяхъ этого города.

До недавняго времени вся территория, лежащая выше Медины въ бассейнѣ Бахоя, также причислялась номинально къ королевству Сегу, но въ дѣйствительности она состояла изъ множества независимыхъ общинъ и маленькихъ союзовъ, бамбаранскихъ и малинкейскихъ, которые тукулеры совершенно разорили, но которыми они окончательно овладѣли только на небольшомъ числѣ пунктовъ. По крайней мѣрѣ они достигли того, что превратили въ пустыню этотъ плодородный край, гдѣ могли бы существовать миллионы людей: девять десятыхъ жителей были истреблены. Сельскія мѣстности различныхъ лежащихъ между рѣками Бауле и Бафингъ государствъ, какъ-то: Гангарана и Бафинга, Га-дугу и Бирго, Фуладугу, или «земли фуловъ», потерявшей населеніе, имя котораго она носитъ, Буре, страны золота, были совершенно опустошены, и нѣсколько тысячъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома жителей должны были искать убѣжища въ скалахъ и за стѣнами укрѣпленныхъ городовъ. Центромъ господства тукулеровъ въ этой области былъ *тамб* Мургула, главный городъ Бирго; взятіе этой крѣпости стоило французамъ большаго числа людей; надо было также стереть съ лица земли деревни Губанко, на юго-востокѣ отъ Киты, и Даба, на сѣверо-востокѣ отъ Кунду.

Бафулабе, послѣдній постъ собственно Сенегала и первый французскаго Судана, стоитъ на высотѣ 135 метровъ, напротивъ мѣста слиянія Бафинга и Бахоя; онъ построенъ въ 1879 году, какъ опорный пунктъ военныхъ операций, которыя должны были продолжаться въ слѣдующіе годы по направленію къ Нигеру; мѣстоположеніе его было осмотрѣно еще въ 1863 году Мажемъ и Кентеномъ, во время ихъ памятнаго путешествія. Станція Бафулабе сдѣлалась уже торговымъ центромъ, и вокругъ нея выросли семь деревень, окруженныхъ садами и плантаціями банановъ; военная администрація закупаетъ здѣсь кукурузу для экспедиціонныхъ отрядовъ верхняго Нигера, а также быковъ и барановъ, пригоняемыхъ туземцами изъ земли Томора, на сѣверномъ берегу рѣки. Въ 1881 г. были основаны постъ Бадумбе, на Бахоѣ, въ сотнѣ километровъ выше Бафулабе, и крѣпость Кита, въ землѣ Фула-дугу, на полпути между Бафулабе и Нигеромъ. Въ 1883 году французы достигли этой рѣки, и тогда же было начато сооруженіе форта Бамаку; наконецъ, въ 1884 и 1885 годахъ построили два новыхъ укрѣпленныхъ поста между Китой и Бамаку: одинъ, Кунду, на сѣверной, другой, Ниагассола, на южной дорогѣ. Такимъ образомъ оккупационный поясъ значительно расширенъ, и теперь нигдѣ нѣтъ пробѣла болѣе 120 километровъ между французскими гарнизонами въ верховьяхъ рѣ-

ки. Стратегическимъ и торговымъ центромъ страны служитъ постъ Макадамъ-бугу, окруженный четырнадцатью бамбаранскими деревнями, которыя обозначаютъ общимъ именемъ Кита: постъ этотъ стоитъ въ точкѣ соединенія главныхъ дорогъ, у входа въ ущелье, надъ которымъ съ западной стороны господствуетъ массивъ изъ красноватаго песчаника, оканчивающійся крутыми утесами съ уступами въ видѣ лѣстницы; остатки стѣнъ въ дефилеѣ свидѣлствуютъ о битвахъ, которыя здѣсь происходили изъ-за обладанія этимъ проходомъ. Торговые обороты китскаго рынка въ 1884 г. простирались до 4.000.000 франковъ. Гора Кита, возвышающаяся слишкомъ на 600 метровъ надъ уровнемъ моря и на 250 метровъ надъ окружающей равниной, изъ всѣхъ высотъ Сенегала, занимаемыхъ французами, представляетъ наиболѣе благоприятныя условія для устройства санитарной станціи; основанный здѣсь домъ для выздоравливающихъ стоитъ на южной оконечности плато, открывающей взорамъ обширный горизонтъ. Обезьяны, еще недавно массами населявшія вершину плоскогорья, составляли особое государство, родъ республики, къ которой съ уваженіемъ относились всѣ негры окрестной мѣстности. Къ востоку отъ Кита видны развалины Бангасси, бывшей столицы государства Фула-дугу, посѣщенной Мунго-Паркомъ.

Область Бафинга, лежащая на юго-востокѣ отъ Бамбука, есть наименѣе изслѣдованная часть Сенегамбіи; европейцамъ неизвѣстна еще дѣйствительная важность городовъ и рынковъ, имена которыхъ были сообщены туземцами. Дингирай, главный городъ одного королевства тукулеровъ, состоящаго въ вассальной зависимости отъ Сегу, какъ говорятъ, обращенъ Хаджи-Омаромъ въ сильную крѣпость, способную устоять противъ всѣхъ вооруженныхъ силъ края. Тамба и Гонфуде—многолюдныя мѣстечки, тоже въ землѣ племени джаллонке. Но если средняя часть бассейна Бафинга еще неизвѣстна европейскимъ путешественникамъ, то область истоковъ достаточно знакома имъ: со времени путешествія Молліена ее посѣтили Геккаръ, Ламберъ, Оливье де-Сандерваль, Гудеберн, Байоль, Нуаро, Габорио, Ансальди, и нѣтъ сомнѣнія, этотъ замѣчательный край скоро будетъ одною изъ наиболѣе посѣщаемыхъ мѣстностей Сенегамбіи, благодаря его здоровому климату, красотѣ пейзажей, разнообразію произведеній, интересу, который представляютъ его жители и особенности ихъ быта. Населеніе сгруппировано главнымъ образомъ въ верхнихъ долинахъ рѣкъ, расходящихся во всѣ стороны вокругъ центрального массива: Бафинга, Фалеме, Гамбин, «Южныхъ рѣкъ» и Нигера.

Тимбо, главный городъ государства Фута-Джаллонъ (или Фута-Діало, по произношенію

фуловъ), лежитъ на высотѣ 758 метровъ надъ уровнемъ моря, среди группы горъ, около которой долина верхняго Бафинга описывается полукругъ; одинъ изъ притоковъ этой рѣки протекаетъ въ окрестностяхъ Тимбо. Эта столица имперіи совсѣмъ не похожа на большой городъ: ея конусообразныя хижины, на половину спрятанныя въ зелени, кутятся у подошвы двухъ горъ-близнецовъ. Одни лишь потомки первыхъ основателей, уроженцевъ Массины, поселившихся въ краѣ около конца семнадцатаго или въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, пользуются правомъ постоянного жительства въ Тимбо; въ числѣ 1.500—2.440, по Гудсберу, — они живутъ въ городѣ только въ сухое время года: на зиму большинство изъ нихъ переселяются въ свои загородные домики, чтобы наблюдать за полевыми работами. Сокоторо, мѣстный Версаль, лежащій километрахъ въ десяти къ востоку отъ столицы, въ циркѣ лѣсистыхъ горъ, есть главная группа виллъ здѣшнихъ калифовъ, или альмами; около двухъ тысячъ плѣнниковъ обрабатываютъ ихъ поля¹⁾. Дворцы, дома вельможъ, мечеть, кладбище занимаютъ болѣе трети пространства Тимбо. Мечеть, вторая въ Фута-Джаллонѣ по времени постройки, стоитъ на небольшой площади, обсаженной апельсиновыми деревьями, плоды которыхъ можетъ срывать всякій прохожій. На прилегающемъ къ мечети кладбищѣ могила осѣнена густыми вѣтвями великолѣпныхъ деревьевъ, до которыхъ никогда не касался топоръ. Хотя кладбище ничѣмъ не огорожено, никто не ходитъ туда, кромѣ какъ во время похоронъ; всѣми уважаемая ограда его состоитъ лишь изъ бордюра рѣдкихъ цвѣтовъ. Въ сосѣднихъ долинахъ, самыхъ населенныхъ во всемъ государствѣ, разбѣяны большія деревни, изъ которыхъ многія по числу жителей превосходятъ самую столицу. Такова, на сѣверо-западѣ, деревня Буріа, гдѣ находится первое померанцевое дерево, посаженное въ Фута-Джаллонѣ: стволъ этого великолѣпнаго дерева имѣетъ болѣе трехъ метровъ въ окружности, а подъ вѣтвями его могутъ укрыться отъ непогоды до двухсотъ человекъ; у подножія дерева помѣщается могила великаго марабута Иссы или «Исуса», передъ которой всякій всадникъ, будь то самъ государь, долженъ сойти съ коня²⁾. Сельскія мѣстности усѣяны поселками—*фуласо*, обитаемыми вольными людьми, и *румде*, населенными плѣнниками. Работая шеренгами, какъ солдаты, невольники ободраются въ этомъ тяжеломъ трудѣ молодыми дѣвушками, которыя, стоя впереди шеренги, поютъ въ тактъ и ударяютъ въ ладоши: заступы слѣдуютъ за кадансомъ пѣсни. Пѣніе женщинъ, говорятъ, необходимо, чтобы отгонять злыхъ духовъ и по-

могать всходу посѣяннаго зерна; оно необходимо также, чтобы веселить мужчинъ и дѣлать ихъ болѣе проворными на работѣ³⁾.

Священный городъ Фута-Джаллона, Фугумба, группа тысячи хижинъ, лежащая въ полсотнѣ километровъ къ сѣверо-западу отъ Тимбо, въ долинѣ рѣки Тене, притока или верхняго Бафинга, или Фалеме, окружена такимъ густымъ поясомъ деревьевъ, что всего города нельзя видѣть ни съ одного изъ окрестныхъ холмовъ: здѣсь фулы-завоеватели воздвигли первую мечеть края, конусообразное зданіе, высоко поднимающееся надъ массой окружающихъ жилищъ; при каждой перемѣнѣ царствованія, въ этой мечети совершается обрядъ посвященія новаго избранника въ короли Фута-Джаллона, и начальнику города присвоена честь обвертывать чалму инвеституры на головѣ альмами; ученѣйшіе истолкователи Корана проходятъ курсы ученія въ этомъ святомъ градѣ. Къ сѣверу отъ Фугумбы слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько важныхъ мѣстечекъ, на дорогѣ въ Бамбукъ. Самое значительное изъ нихъ—Лабе, столица королевства, состоящаго въ вассальной зависимости отъ Тимбо; но большинство бѣлыхъ путешественниковъ, Геккаръ, Моллиенъ, Ламберъ, Байоль, Нуаро, должны были обойти это поселеніе, чтобы продолжать свой путь. Англичанинъ Гудсберу, которому удалось пройти черезъ Лабе, и который опредѣляетъ высоту его мѣстоположенія въ 870 метровъ, говоритъ, что это мѣстечко занимаетъ большое протяженіе, такъ какъ каждый изъ четырехсотъ огороженныхъ дворовъ его заключаетъ въ себѣ нѣсколько хижинъ, представляющихъ отдѣльныя помѣщенія для самого домохозяина, для женщинъ и для невольниковъ. Къ сѣверу отъ Лабе находится деревня Тунтурунъ, разбросанные дома которой покрываютъ значительное пространство на высокомъ, почти безлѣсномъ плато, гдѣ берутъ начало истоки Гамбии и Комбы, главнаго истока одной изъ рѣкъ португальской Гвинеи, Гебы или Рио-Гранде. На юго-востокѣ отъ Лабе встречаемъ большую деревню Сефуръ, столицу провинціи Колладе; на юго-западѣ другой областной центръ, Тимби, имѣющій слишкомъ 3.000 жителей (впрочемъ, только въ такое время года, когда нѣтъ полевыхъ работъ), прячется среди деревьевъ въ широкой и живописной долинѣ рѣки Какримы, которая изливается въ Атлантическій океанъ, между рѣками Понго и Меллакорре. Далѣе на сѣверѣ, въ одной изъ верхнихъ долинъ, впадающихъ въ долину Рио-Гранде, находится городъ Туба, по словамъ Гудсберу, «самый большой» во всемъ Фута-Джаллонѣ; онъ имѣетъ около 800 домовъ, не считая предмѣстій, и обширную мечеть, куда войны и купцы приходятъ просить благословенія Аллаха, когда собираются въ какую-ни-

¹⁾ Lambert, "Tour du Monde", 1-er semestre, 1861.

²⁾ E. Noirot, "A travers le Fouta-Djallon et le Bamboûc".

³⁾ Ollivier de Sanderval, цитированное сочиненіе

будь важную экспедицію. Близъ Тубы одинъ ручей ниспадаетъ каскадомъ съ высоты 50 метровъ ¹⁾).

Почти всѣ дороги въ Фута-Джаллонъ—трудныя горныя тропинки; только въ южной части страны, около Тимбо, есть хорошія дороги, тщательно посыпаемые пескомъ и обсаженные плодовыми деревьями. Какъ извѣстно, Оливье де-Сандервалю была выдана концессія на постройку желѣзной дороги въ Тимбо; тѣмъ не менѣе, альмами сказалъ путешественнику Байолъ: «я не хочу, чтобы расширяли наши пути сообщенія, чтобы явились сюда съ пароходами, чтобы строили желѣзныя дороги. Фута-Джаллонъ долженъ принадлежать фуламъ, какъ Франція принадлежитъ французамъ». Нѣсколько англійскихъ словъ составляютъ единственный слѣдъ вліянія европейской цивилизаціи. Всѣ бѣлые смѣшиваются здѣсь подъ общимъ именемъ «портукейро», т. е. португальцевъ ²⁾, что объясняется частыми столкновениями, которыя фулы Лабе и Тубы имѣли со своими сосѣдями, поселившимися на берегахъ рѣкъ Геба и Рио-Гранде; но съ этой стороны торговыхъ сношеній почти не существуетъ. Главный потокъ торговли направляется на юго-западъ, слѣдуя по нормальному направленію покатоности, къ Меллакорѣ или Сіера-Леоне. Въ 1881 году слишкомъ 1.300 человекъ, купцовъ и носильщиковъ, сопровождали англійскихъ посланниковъ изъ Тимбо въ Фритаунъ, съ 260 волами, навьюченными словеной костью, каучукомъ и другими мѣстными продуктами. Однако, Франція—единственная европейская держава, видѣвшая у себя феллатскихъ пословъ; послы эти пріѣзжали въ Парижъ для ратификаціи договора, заключеннаго между Байоломъ и альмами.

Раздробленное на нѣсколько географическихъ бассейновъ, государство Фута-Джаллонъ и въ политическомъ отношеніи раздѣлено на двѣ соперничающія партіи, аналогичныя *со-фамъ* берберскихъ племенъ: это двѣ группы «соріевъ» и «альфайевъ». Во время завоеванія страны этого дѣленія не существовало; но когда первый державецъ временно отказался отъ власти, предоставивъ вмѣсто себя царствовать одному изъ своихъ двоюродныхъ братьевъ, образовались двѣ королевскія фамиліи, каждая со своей толпой кліентовъ и приверженцевъ; вскоре между честолюбивыми соперниками возгорѣлась война, и все общество было увлечено въ эту борьбу династій. Наконецъ, совѣтъ старѣйшинъ, опасаясь паденія національнаго могущества, собралъ всѣхъ своихъ членовъ, безъ различія партій, и было рѣшено, что отнынѣ политическая и религіозная власть будетъ при-

надлежать по-очередно той и другой фракціи; однако, соріи, названные такъ по имени Сори-Ахмаду, перваго короля, нерѣдко удерживаютъ за собой власть дольше срока, благодаря своему численному превосходству и славной памяти основателя государства. Иногда случается, что государь изъ династіи соріа командуетъ три года, тогда какъ царствованіе его преемника изъ альфайевъ продолжается всего одинъ годъ; обыкновенно смѣна королевскаго правленія происходитъ черезъ каждыя два года. «Отправиться въ деревню» въ политическомъ стилѣ края значить «уступить власть своему сопернику». Впрочемъ, никакое важное рѣшеніе не можетъ быть принято безъ предварительнаго совѣта съ королемъ, находящимся временно не у дѣлъ, и если онъ старшій по лѣтамъ, то обычно требуетъ, чтобы его мнѣнію отдавалось предпочтеніе. Два властителя по-очередно носятъ титулъ альмами: подобно древнимъ калифамъ и константинопольскому султану, они «повелители правовѣрныхъ». Члены совѣта несмѣняемы, и ихъ наслѣдственный президентъ, *Діамбру-диу Маху-диу Пуль-Пуларъ*, т. е. «Великій слововосецъ фуловъ»,—очень важная особа, почти не уступающая по авторитету самымъ альмами: роль его сравнивали даже съ ролью «палатныхъ мѣровъ», при лѣнливыхъ короляхъ древней Франціи; во время путешествія Байоля и Нуаро онъ владѣлъ пятью тысячами рабовъ. При каждой смѣнѣ царствующей династіи, губернаторы или правители областей должны просить о возобновленіи своихъ полномочій, принося присягу на вѣрность новому альмѣ; впрочемъ, король Лабе, почти столь же могущественный, какъ его сюзерень, часто отказывался смѣщаться, хотя онъ регулярно платитъ дань. Въ одномъ и томъ же семействѣ вербуются обѣ партіи: старшіе сыновья, наследуя отцовскія земли и прочее имущество, становятся соріями, младшіе ихъ братья дѣлаются марабутами и альфайями; другіе эмигрируютъ, уходятъ искать счастья въ качествѣ пастуховъ или обирателей каравановъ ³⁾. Дѣленіе на соріевъ и альфайевъ кажется фуламъ дотогочестественнымъ, что они даже чужестранныя націи классифицируютъ по этимъ двумъ группамъ: такъ, французы у нихъ называются соріями, а англичанъ они причисляютъ къ партіи альфайевъ ⁴⁾).

Правильность въ періодической смѣнѣ власти свидѣтельствуетъ о большомъ вліяніи, которымъ пользуются могущественные роды: собственно эти роды и правятъ государствомъ, подъ именемъ личностей, по-очередно возсѣдающихъ на престолѣ; каждый разъ, когда представится болѣе или менѣе важное дѣло, именитые люди,

¹⁾ Blue Book, C. 365. Gouldsbury, „Expedition to the Upper Gambia“; „Petermann's Mittheilungen“, 1882, Heft 8.

²⁾ Olivier de Sanderval, „De l'Atlantique au Niger par le Foutah-Djallon“.

³⁾ Jean Bayol, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1882.

⁴⁾ H. Hecquard, „Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique occidentale“.

туземные нотабли, собираются на совѣтъ, и о принятомъ ими рѣшеніи сообщаютъ альмами. Гочно такъ же они управляютъ и провинціями,

нами, какъ естественное слѣдствіе періодическаго чередованія партій. Перемѣнѣ царствованія въ Фута-Джаллонѣ соответствуетъ подоб-

Типы племени кру.

хотя непосредственно и не пользуются властью. Единство видовъ, или по крайней мѣрѣ интересовъ, преобладаетъ во всей администраціи, въ управленіи государствомъ, провинціями, дерев-

ная же перемѣна въ каждомъ отдѣлѣ страны. Альмами выбираетъ изъ своей партіи всѣхъ второстепенныхъ начальниковъ, которые, платя опредѣленную дань, непосредственно пользуют-

ся властью во все продолжение царствования сюзерена; они творят судъ, и почти всегда въ послѣдней инстанціи, хотя апелляція къ высшему начальству не воспрещается; они же набираютъ войска въ случаѣ войны, чтобы представить ихъ въ распоряженіе альмами.

Такъ велика сила законовъ въ этой странѣ, что всякій обвиняемый, потребованный судьями, отправляется добровольно въ мѣсто вызова, безъ судебныхъ приставовъ или жандармовъ, даже когда его жизнь въ опасности. Обыкновенные воры наказываются кнутомъ, болѣе важная кража влечетъ за собою потерю кисти руки; рецидивистамъ отсѣкаютъ вторую руку, затѣмъ ноги. Убийца, даже неисправимый пьяница ¹⁾ приговаривается къ смертной казни; несчастные сами себѣ роютъ могилу и ложатся туда, чтобы убѣдиться, что она достаточной длины ²⁾.

Государство дѣлится на тринадцать *diayalogs*, или провинцій, изъ которыхъ болѣе обширныя подраздѣляются еще на полу-провинціи. Каждое изъ этихъ дѣленій организовано по тому же образцу, какъ и государство: каждая провинція имѣетъ двухъ начальниковъ, управляющихъ при содѣйствіи совѣта, и каждая деревня—двухъ старшинъ, при которыхъ также состоитъ сельскій совѣтъ изъ почетнѣйшихъ жителей. Изъ потомковъ прежнихъ владѣтелей края, джаллонке, тѣ, которые не обращены въ исламъ, платятъ подать скотомъ. Другіе занимаются низшими ремеслами и составляютъ особыя касты, какъ, напримѣръ, гріотовъ или кузнецовъ, тогда какъ многіе изъ нихъ, сдѣлавшись фулами, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, сливаются съ остальнымъ населеніемъ. На западѣ различныя племена, живущія внѣ предѣловъ собственно Фута-Джаллона, какъ народцы территорій Хабу и Ландуманъ, платятъ дань феллатскимъ губернаторамъ ближайшихъ провинцій. Доходы правительства состоятъ изъ десятины съ урожая, изъ пошлинъ, взимаемыхъ съ каравановъ, изъ дани, платимой покоренными населеніями, и изъ пятой части добычи, захваченной на войнѣ.

Владѣнія Сенегамбіи связаны съ Франціей чрезъ посредство, съ одной стороны, выборныхъ представителей, съ другой—администраторовъ, назначаемыхъ центральной властью. Къ уполномоченнымъ мѣстнаго населенія, которыхъ назначаютъ избиратели полноправныхъ общинъ, черные и бѣлые, безъ различія цвѣта кожи, принадлежатъ шестнадцать членовъ генеральнаго совѣта, десять отъ округа Сентъ-Луи, шесть отъ округа Горей, и депутатъ, посылаемый въ палату депутатовъ метрополіи.

Главный начальникъ французской Западной

Африки, облеченный очень широкой властью и носящій титулъ генералъ-губернатора, имѣетъ пребываніе въ Сентъ-Луи. Территорія «Южныхъ рѣкъ», или собственно французская Гвинея, владѣнія на берегу Слоновой кости и французскій Суданъ состоятъ подъ управленіемъ губернаторовъ. Эти представители центральной власти очень часто мѣняются: нездоровый климатъ, тоска по родинѣ и честолюбіе чиновниковъ, политическія перемѣны въ метрополіи—имѣютъ слѣдствіемъ частое обновленіе персонала сенегальской администраціи. Съ 1850 по 1886 годъ, въ періодъ тридцати шести лѣтъ, въ Сенегалѣ смѣнилось семнадцать губернаторовъ, утвержденныхъ или временно исправлявшихъ должность; такъ что средняя продолжительность пребыванія составляетъ два года. Колоніальный совѣтъ, состоящій изъ высшихъ должностныхъ лицъ и именитыхъ гражданъ, помогаетъ губернатору и вице-губернатору въ приготовленіи декретовъ и изученіи всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ въ виду нужды и пользы края. Генеральный совѣтъ (*conseil général*) занимается бюджетными вопросами и вотируетъ ежегодно сумму около 300.000 франковъ на начальныя школы и на отправленіе казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ среднее учебныя заведенія метрополіи. Бюджетъ Сенегала въ 1892 г.: приходъ—1.196.985 франк., расходъ—2.356.301 франк.; но всѣ расходы по содержанію сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ падаютъ на бюджетъ метрополіи; чрезвычайные расходы на постройку дорогъ для вѣды на мулахъ, желѣзныхъ путей и крѣпостей, тоже покрываются изъ средствъ французской казны (ежегодная прибавка къ колониальному бюджету Сенегала, даваемая Франціей, составляетъ 12¹/₂ милліоновъ франк.). Пятифранковикъ, или піастръ «*gourde*», сдѣлался денежной единицей Сенегала, но жители внутреннихъ областей не знаютъ ни мѣръ, ни вѣсовъ, официально употребляемыхъ во Франціи.

Военныя силы сенегальской колоніи, состоящія подъ начальствомъ полковника, имѣющаго пребываніе въ Сентъ-Луи, очень незначительны въ сравненіи съ огромнымъ протяженіемъ территорій, гдѣ происходятъ ихъ передвиженія и гдѣ онѣ занимаютъ не менѣе тридцати пяти укрѣпленныхъ постовъ, отъ Сентъ-Луи до Нигера и отъ Подора до рѣки Меллакоре. Нѣкоторые изъ этихъ укрѣпленій имѣютъ довольно многочисленныя гарнизоны: таковы Бакель, наблюдающій за землями мавровъ; Медина, командующая входомъ въ горную страну, при началѣ судоходства по Сенегалу; Кита, расположенная въ центрѣ мелкихъ мандингскихъ государствъ, недавно присоединенныхъ къ владѣніямъ Франціи. Оттого численность войска, которое можетъ быть выставлено въ поле, крайне незначительна: ни одна изъ

¹⁾ Gouldsbury, цитированное сочиненіе.

²⁾ Noiret, «Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers», 1886.

экспедиционныхъ колоннъ, которыя совершили завоеваніе территоріи, заключающейся между верхнимъ Сенегаломъ и Нигеромъ, не имѣла въ своихъ рядахъ болѣе 750 человекъ. Совокупность военныхъ силъ состоитъ изъ пяти ротъ морской пѣхоты и двухъ батальоновъ сенегальскихъ стрѣлковъ, въ составѣ девяти ротъ; команда штрафныхъ нижнихъ чиновъ дополняетъ пѣхотную дивизію. Артиллерія состоитъ всего изъ двухъ морскихъ батарей, роты сенегальскихъ кондукторовъ и нѣсколькихъ рабочихъ при арсеналѣ; къ этому надо прибавить еще чернокожихъ матросовъ (*laptots*), которыхъ могутъ доставить вѣстовыя суда флота, какъ десантное войско. Въ этой маленькой сенегальской арміи кавалерія представлена эскадронномъ спаги, офицеры котораго набраны изъ разныхъ полковъ Франціи; изъ нижнихъ чиновъ—бѣлые почти все старые солдаты, вновь поступившіе на службу; между чернокожими, по большей части изъ племенъ Тукулеровъ и Бамбара, есть много такихъ, которые были выкуплены изъ рабства, чтобы быть зачисленными въ армію, и которыхъ отпускаютъ на волю по выслугѣ ими опредѣленнаго срока ¹⁾; прежде невольники, выкупленные правительствомъ, должны были прослужить четырнадцать лѣтъ, чтобы получить свободу ²⁾; теперь для добровольцевъ установленъ шестилѣтній срокъ службы ³⁾. Нормальная продолжительность пребыванія въ Сенегалѣ для войскъ, переводимыхъ изъ Франціи или Алжира, составляетъ два года.

Оборонительная флотилія состоитъ подъ командой капитана 2-го ранга. Кромѣ того, существуетъ небольшой колоніальный флотъ, къ которому принадлежатъ пароходы, совершающіе рейсы вдоль морскаго берега, затѣмъ буксирныя и транспортныя суда, плавающія по рѣкѣ Сенегалу. Чернокожіе матросы, или *laptots*, нанимаются въ службу только на одинъ годъ; они могутъ достигнуть чина квартирмейстера и даже штурмана: тогда ихъ называютъ «рѣчными капитанами». Лоцманъ, проводящій суда черезъ баръ, назывался прежде *Jeau-Bagge*.

Колоніальная магистратура состоитъ изъ двухъ окружныхъ судовъ, въ Сентъ-Луи и въ Горей, и изъ апелляціоннаго суда. Наряду съ этими общими судебными учрежденіями заставляютъ въ Сентъ-Луи кади, назначаемый губернаторомъ, и мусульманскій трибуналъ, въ которомъ председательствуетъ тамсиръ, или главный «марабуть», и который вѣдаетъ дѣла о наслѣдствѣ и бракахъ, руководствуясь въ своихъ рѣшеніяхъ текстомъ Корана и преданіемъ ислама. Начальники постовъ, особенно очень удаленныхъ отъ Сентъ-Луи, облечены большой

дискреціонной властью и судятъ обыкновенно по мѣстнымъ обычаямъ; дѣла же объ уголовныхъ преступленіяхъ они обязаны представлять на разсмотрѣніе судебныхъ установлений главнаго города. Въ принципѣ въ Сенегалѣ дѣйствуетъ гражданскій кодексъ, обнародованный въ первый разъ въ 1830 году, но, какъ видно, довольно безуспѣшно, потому что въ 1855 году онъ былъ вновь опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе. Многоженства, хотя оно дозволено, не существуетъ фактически ни въ Сентъ-Луи, ни въ Горей. Еще не такъ давно временные браки между бѣлыми и туземными синьярами, называвшіеся «браками по сенегальской модѣ», были признаваемы какъ закономъ, такъ и общественнымъ мнѣніемъ, и дѣти, родившіяся отъ такого брака, пользовались правами наслѣдованія. Въ началѣ настоящаго столѣтія было даже въ обычаѣ, чтобы на свадебномъ обѣдѣ этихъ брачныхъ союзовъ председательствовалъ католическій священникъ ¹⁾. Вѣрность синьяръ всегда была примѣрная. Рассказываютъ, что, при отъѣздѣ мужа во Францію, жена подбирала горсть песка, на который онъ ступилъ, садясь на корабль, и завертывала этотъ песокъ въ кусокъ холста, который съ благоговѣніемъ помѣщала въ ногахъ своей кровати ²⁾.

Французская Сенегамбія дѣлится на территоріи неправильной формы, представляющія большое различіе въ отношеніи порядка управленія. Часть африканской почвы, гдѣ введено сходное съ метрополіей устройство, заключается въ себѣ только четыре полноправныхъ городскихъ общины,—Сентъ-Луи, Горей, Дакаръ, Рюфискъ,—управляемые муниципальными совѣтами и выборными мэрами.

Города Сенегала и французскаго Судана ³⁾, съ цифрой ихъ населенія:

Сентъ-Луи—19.000 жит.; Дагана (1885 г.)—5.275; Рюфискъ—7.000; Жоаль (1885 г.)—2.370; Дакаръ—6.000; Горей—2.000; Бакель—1.800; Ниагассола (1885 г.)—1.200.

Территорія, состоящая «въ непосредственномъ владѣніи», къ которымъ принадлежатъ крѣпости, посты и конторы, вмѣстѣ съ ихъ округами, на побережьи, на рѣкѣ и внутри страны, считаются французской землей, и колоніальная администрація, собственница почвы, можетъ продавать или уступать ее въ пользованіе кому пожелаетъ. Территоріи «присоеди-

¹⁾ Paul Soleillet, цитированное сочиненіе.

²⁾ Léonard Dugand, «Voyage au Sénégal».

³⁾ Именемъ «французскій Суданъ» обозначается лежащая къ востоку отъ колоніи Сенегалъ и Rivières du Sud часть франц. владѣній въ сѣверо-западной Африкѣ, обнимающая округа: Бакель, Кафесъ и Медине, Бафулабе и Ватумбе, Кита и Кунду, Ниагассола, Баммако, Сикери, съ нѣсколькими государствами «подъ протекторатомъ» (государство Самори, Фута-Джаллонъ и др.). Пространство всей этой области исчисляють въ 1.231.500 кв. килом., а населеніе—въ 8.800.000 душъ. Ред.

¹⁾ P. Solleillet, цитиров. сочиненіе.

²⁾ Anne Raffenet, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Victor Schoeleher, «L'Esclavage au Sénégal».

ненныя», не входяція въ составъ французскихъ владѣній въ собственномъ смыслѣ, управляются не колоніальнымъ правительствомъ, а туземными начальниками, либо назначенными губернаторомъ, либо наслѣдственными или избранными народомъ и утвержденными въ этомъ званіи сюзеренной державой; послѣдняя сохранила за собой право раздавать въ оброкъ пустошныя земли въ присоединенныхъ областяхъ за извѣстную поземельную подать. Что касается территорій, состоящихъ подъ «протекторатомъ», то онѣ поступили подъ покровительство Франціи въ силу особыхъ конвенцій, различающихся по территоріямъ и различно опредѣляющихъ выгоды, предоставляемыя французской торговлѣ, въ обменъ за гарантію владѣнія, обезпечиваемую ихъ вождямъ или начальникамъ; въ договорахъ, заключенныхъ съ 1879 г., колоніальное правительство выговорило себѣ право приобретать въ полную собственность участки земли, необходимые для постройки укрѣпленій, факторій, дорогъ, рельсовыхъ путей. Обыкновенно въ договорахъ опредѣляется также размѣръ податей и пошлинъ, которыя будутъ взимаемы туземными властями съ земли, сельскихъ произведеній и товаровъ, въ среднемъ 3 процента со стоимости, — но Франціи не присвоенъ сборъ какихъ бы то ни было налоговъ. Наконецъ, нѣкоторыя изъ туземныхъ государствъ или земель, сопредѣльныхъ съ французской территоріей и странами присоединенными, или состоящими подъ протекторатомъ, связаны договорами о торговлѣ и дружбѣ, которые обезпечиваютъ французскому правительству исключительныя привилегіи. Въ многихъ отношеніяхъ политическій режимъ страны напоминаетъ старый порядокъ феодальной Европы. Нужно замѣтить, что въ своихъ сношеніяхъ съ туземцами, къ какой бы расѣ они ни принадлежали, къ фуламъ, неграмъ или маврамъ, колоніальная администрація всегда поощряла поддержаніе или установленіе монархическаго строя; она никогда не вступаетъ въ переговоры съ вольными, самоуправляющимися общинами, или народоправствами: она признаетъ или ставитъ единоличныхъ начальниковъ въ каждой территоріи присоединенной, или состоящей подъ ея протекторатомъ. Кромѣ того, вмѣшательство французовъ въ дѣла туземцевъ имѣло то косвенное слѣдствіе, что оно остановило успѣхи ислама, распространеніе котораго до того времени шло съ неудержимой силой. Наиболѣе ревностные проповѣдники магометанской вѣры, мавры и особенно тукулеры страны Фута, были главными врагами Франціи. Нанесенное имъ военное пораженіе положило конецъ и ихъ религіозной пропагандѣ. Мандинги Бамбука, сереры Кайора, которымъ неизбѣжно грозило бы обращеніе въ исламъ, если бы ихъ не избавило отъ этого сосѣдство французовъ, сохра-

нили свои языческіе обычаи, хотя въ сильноизмѣненномъ видѣ; бамбара страны Беле-дугу и сосѣднихъ земель, которые уже назывались мусульманами, теперь не имѣютъ болѣе надобности притворяться проникнутыми религіозной ревностью, которая не въ ихъ традиціяхъ.

Граница сенегальской территоріи еще не опредѣлена точно въ сѣверной ея оконечности, на берегу Мавровъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ концѣ семнадцатаго столѣтія жалованными грамотами и королевскими эдиктами 1681, 1685 и 1696 годовъ была уступлена «Компаніи Сенегала» вся область поморья, простирающаяся на сѣверъ отъ устья этой рѣки до Бѣлаго мыса. Рыболовные промыслы и другія заведенія основывались на разныхъ пунктахъ континентальнаго берега и Аргуньскаго архипелага; географы, между прочимъ, д'Анвилъ и де-л'Иль, единогласно обозначали, какъ территорію сенегальской компаніи, всю береговую полосу, присвоенную ей жалованными грамотами. Трактатъ 1814 года возвратилъ Франціи все безъ исключенія, чѣмъ она прежде владѣла въ области африканскаго континента. Казалось бы поэтому, что въ силу историческихъ документовъ стрѣлка мыса Бланко должна составлять точную границу французскаго Сенегала; между тѣмъ недавно основана испанская факторія на берегу бухты Леврье, или «Борзой собаки» — по-испански *bahia del Galgo*, — которая защищена на западѣ полуостровомъ названнаго мыса. До настоящей минуты этотъ вопросъ о границахъ между владѣніями двухъ державъ еще не разрѣшенъ. Но каково бы ни было предстоящее рѣшеніе его, несомнѣнно, что морской берегъ, окаймленный дюнами, который тянется на сѣверъ отъ сенегальской дельты, составляетъ естественную принадлежность прирѣчныхъ странъ, такъ какъ на немъ кочуютъ племена, имѣющія обыкновенно пребываніе въ сосѣдствѣ Сенегала и установившія на берегахъ этой рѣки свои главные торжки.

Слѣдующая таблица содержитъ списокъ французскихъ административныхъ дѣленій и вассальныхъ территорій въ Сѣверной Сенегамбиі. Каждый округъ управляется военнымъ или гражданскимъ начальникомъ, который облеченъ такой же властью, какъ французскіе префекты, и которому подчинены начальники кантоновъ, военныхъ постовъ и туземныхъ деревень.

Территоріи, состоящія въ непосредственномъ владѣніи:

Первый округ (Сенъ-Луи).

Уѣздъ Сенъ-Луи. Кантоны: Сенъ-Луи, Тубе, Ндіаго, Діала-харъ, Гандонъ, Хаттеть, Мпаль, Гандіоль, Меринагенъ, Россъ. Уѣздъ Дагана,

или Уало. Кантоны: Хума, Ндианге, Ндарь. кантона. Уѣздъ Портюдадь, Уѣздъ Жоаль.
Уѣздъ Подорь. Уѣздъ Сальде. Уѣздъ Бакель. Уѣздъ Каолакъ (Салумъ) находится въ округѣ
Уѣздъ Медина. Военные посты: Сену-дебу, Южныхъ рѣкъ.

Пальмовый мысъ.

Бафулабе, Бадумбе, Кита, Кунду, Ниагассола, Бамаку, Куликоро.

Второй округ (Дакаръ).

Уѣздъ Дакаръ. Уѣздъ Рюфискъ, раздѣленный на 2 кантона. Уѣздъ Мбиджемъ, раздѣленный на 2 кантона. Уѣздъ Тиесь, раздѣленный на 2

Территоріи присоединенныя: Сѣверный Кайоръ, Торо, Димаръ.

Территоріи, состоящія подъ протекторатомъ: Кайоръ, Ндиамбуръ, Сине, Салумъ, Баолъ, Джолофъ, Димаръ, Боссеа (Дамга), Лао и Ирлабе въ Фута, Кассо, Бонду, Бамбукъ,

Гюой, Тамбаура, Дибе-дугу, Южный Беле-дугу. Земли на верхнем Бахоѣ и по берегамъ Нигера: Гангаранъ, Га-дугу, Мандингъ, Бафингъ, Дю, Даба, Сѣверный Беле-дугу, Фадугу, Дамфари и пр.

Территории, связанные договорами: Хамера, Гидимаха, страны Трарпа, Бракна, Уладъ-Эли, Дуаншъ; Фута-Джаллонъ.

III. Гамбія.

Рѣка Гамбія, отъ которой Сенегабійская территория получила половину своего имени, на первый взглядъ представляется важнѣйшимъ потокомъ всей западной Африки, какъ дорога, проникающая внутрь чернаго материка. Въ самомъ дѣлѣ, эта рѣка, которую первые путешественники называли Гамброй, имѣетъ надъ Сенегаломъ то преимущество, что она гораздо доступнѣе судамъ. Лиманъ ея открывается въ море менѣе бурное, баръ ея болѣе глубока, и корабли съ осадкой до 3 метровъ могутъ во всякое время проходить черезъ этотъ порогъ. Берега ея плодороднѣе береговъ Сенегала, и земледѣльческая культура можетъ быть ведена тамъ такъ же успѣшно въ сухой періодъ года, какъ и послѣ наводнений. Она судоходна во время мелководья до болѣе восточной долготы. Наконецъ, — и это главное ея преимущество, — она открываетъ болѣе прямой путь къ Бамбуку, то-есть къ странѣ золота и къ плодоснымъ долинамъ горной цѣпи Фута-Джаллонъ, населеннымъ трудолюбивой расой фуловъ; Гамбія представляетъ хорду огромной дуги, описываемой теченіемъ Сенегала.

Уже въ 1618 г. Томпсонъ, отправившись на поиски золота въ Томбукту, поднимался вверхъ по Гамбii до земли Тенда, недалеко отъ горъ Фута-Джаллонъ; но онъ былъ убитъ въ пути, или его собственными людьми, или португальцами. Два года спустя Джобсонъ слѣдовалъ той же дорогой, и позднѣе многіе другіе изслѣдователи доходили до скалъ Барра-Кунда. Всѣ подтвердили, что теченіе этой рѣки представляетъ кратчайшій путь въ области верхняго Сенегала и въ страны золота, Бамбукъ и Буре. Впрочемъ, тогда полагали, что Гамбія есть не что иное, какъ рукавъ сенегальскаго «Нигера». На картѣ Раффенеля Гамбія соединяется съ Сенегаломъ, и подобно Моллиену, этотъ знаменитый изслѣдователь, переправляясь черезъ Нерико, думалъ, что видѣть передъ собой соединительный потокъ между этими двумя рѣками. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Митчинсонъ, утверждаетъ, что въ періодъ дождей всегда существуетъ сообщеніе изъ Сенегала въ Нигеръ¹⁾; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что

между этими двумя судоходными путями волокъ не длиненъ. Несмотря на выгоды, представляемыя Гамбіей, европейцы, посѣщающіе эту рѣку, уже въ теченіе четырехъ столѣтій, почти не проявили своей дѣятельности въ этомъ краю; по торговому и политическому значенію этотъ африканскій потокъ стоитъ гораздо ниже рѣки, впадающей при Сень-Луи. Причину тому слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ климатѣ, убійственномъ для европейцевъ Сѣвера. На берегахъ Гамбii англичане, шотландцы не тѣ люди, какими мы видимъ ихъ на берегахъ Мерсея или Клайда. Надо также принять въ расчетъ различіе прибрежныхъ населеній Сенегала и Гамбii, соответствующее различію климата и почвы. Гамбія не имѣетъ, въ легко доступной части своего бассейна, ни способныхъ къ торговлѣ мавровъ, ни трудолюбивыхъ и неутомимыхъ въ работѣ тукулеровъ.

Область истеченія у Гамбii не соразмѣрна длинѣ ея теченія. Отъ истока, въ горахъ Фута-Джаллонъ, до устья, при городѣ Батурстѣ, ея извилистое русло тянется на пространствѣ около 1.200 километровъ; но среднюю ширину области истеченія нельзя считать болѣе 60 километр.; а всю площадь бассейна — болѣе 50.000 квадр. километровъ. Въ южныхъ округахъ, которые не были опустошены мусульманами, населеніе довольно густое, по сообщеніямъ путешественниковъ. Не считая жителей южнаго Бонду и Фута-Джаллона, составляющихъ особое государство, союзное съ Франціей, число гамбійцевъ разныхъ національностей, мандинговъ и сереровъ, по всей вѣроятности, превышаетъ двѣсти тысячъ²⁾. Около пятнадцати тысячъ изъ нихъ обитаютъ въ англійскихъ территорияхъ, на островахъ и полуостровахъ рѣки: совокупность этихъ европейскихъ владѣній, незначительныхъ анклавъ въ обширномъ протяженіи бассейна, составляетъ не болѣе 179 квадр. километровъ.

Изъ всѣхъ рѣкъ, берущихъ начало въ горной цѣпи Фута-Джаллонъ, Гамбія получаетъ наибольшую массу воды: почти весь названный массивъ принадлежитъ къ этому рѣчному бассейну. На востокѣ, главная вѣтвь Гамбii окружаетъ самыя высокія области горной страны; на западѣ и сѣверо-западѣ, избытокъ дождей уносится также одною изъ верхнихъ вѣтвей Гамбii, называемою англичанами Грей-риверъ («Сѣрая рѣка»). Фалеме, Бафингъ и другія рѣки, принадлежащія къ сенегальской системѣ, зарождаются въ южной части массива, менѣе высокой, чѣмъ центральная область, а рѣки, направляющіяся прямо къ морю, на югъ отъ бассейна Гамбii, Геба, Рю-Гранде, Кассини, Какрима, получаютъ питающія ихъ воды только съ юго-западнаго ската горъ. Что

¹⁾ Mitchinson, „The Expiring Continent, A narrative of travel in Senegambia“.

²⁾ Africanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

касается Нигера, или Джолибы, то онъ беретъ свою долю избытка дождей, выпадающихъ на центральный массивъ Сенегамбіи, посредствомъ небольшихъ боковыхъ притоковъ. Истоки Гамбіи, доселѣ посѣщенные Геккаромъ, Байолемъ и Нуаро, находятся на сѣверѣ отъ Лабе, самаго значительнаго города Фута-Джаллона, въ 10 километрахъ отъ большой деревни Тунтурунъ. Посреди одного *баовала*, травянаго плато, устѣяннаго каменными глыбами, лежитъ, окруженная деревьями, гряда камней желѣзняка, изъ которой пробивается тонкая струйка воды, текущая маленькими каскадами: это и есть главный истокъ Диммы,—имя, которымъ фулы обозначаютъ Гамбію до ея устья. Усиленная шестью ручьями, берущими начало на томъ же плато, Димма становится порядочной рѣкой, катящей свои воды во всякое время года; сосѣдняя деревня называется Оре-Димма, т. е. «Голова Диммы». Въ 1.500 метрахъ къ сѣверу отъ перваго бассейна Гамбіи причесъ въ тѣни большихъ деревьевъ маленький резервуаръ прозрачной воды, откуда вытекаетъ другой ручей: это истокъ Комбы, главной вѣтви рѣки, которая направляется прямо въ море, и въ которой предполагаютъ Рю-Гранде. Плоскогорье, откуда изливаются эти двѣ рѣки, имѣетъ около 1.150 метровъ высоты.

Гамбія течетъ сначала на протяженіи слишкомъ 200 километровъ на востокъ отъ горъ Фута-Джаллонъ, затѣмъ огибаетъ эти горы на сѣверной ихъ оконечности, и, переходя изъ ущелья въ ущелье, достигаетъ, наконецъ, западной покатости Сенегамбіи. Въ Сила-кунда, выше послѣдней проходимой ею горной тѣсины, рѣка, средняя ширина которой 300 метровъ, течетъ на высотѣ 171 метра; ей остается только пройти большую равнину, описывая многочисленныя излучины; вообще Гамбія—самая извилистая рѣка западной Африки. Коегдѣ скалы прерываютъ ей русло и образуютъ естественныя запруды, препятствующія судоходству: таковы пороги Барра-кунда, на разстояніи около 450 километровъ отъ устья; Макъ-Доннель поднимался на баркѣ вверхъ по рѣкѣ на 170 километровъ. Суда, не глубоко сидящая въ водѣ, могли бы доходить до водопада Барра-кунда въ періодъ мелководья, самое благоприятное время, по причинѣ слабого теченія; но обыкновенно морскія суда останавливаются гораздо ниже, у острова Макъ-Карті, лежащаго въ 280 километрахъ отъ устья: до этого мѣста распространяется по рѣкѣ морской приливъ въ періодъ бездожія. Въ зимній сезонъ рѣчное теченіе опять беретъ верхъ и не позволяетъ приливной волнѣ проникать на большое разстояніе вверхъ отъ устья. Средній объемъ протекающей воды для Гамбіи еще не былъ вычисленъ; извѣстно, однако, что, относительно, принимая во вниманіе величину бассейна, онъ значительно превышаетъ нормаль-

ный дебитъ Сенегала. Въ бассейнѣ Гамбіи дожди сильнѣе и чаще; июль, августъ и сентябрь—тамъ очень сырые мѣсяцы; такъ, напримеръ, 9 августа 1861 года выпалъ ливень, образовавшій впродолженіи сутокъ слой воды толщиной слишкомъ въ 23 сантиметра¹⁾; въ томъ же году наблюдали еще два дождя въ 9 сантиметровъ каждый.

Несмотря на большую массу прѣсной воды, приносимую верхнимъ теченіемъ, нижняя Гамбія не похожа на рѣку: это—лиманъ, заливъ солоноватой или соленой воды. Выше устья берега ея разступаются слишкомъ на 10 километровъ, въ самомъ же устьѣ водная площадь имѣетъ только 4 километра въ ширину, при средней глубинѣ 20 метровъ. Въ этомъ мѣстѣ самыя большіе корабли могутъ легко дѣлать свои эволюціи; баръ находится километрахъ въ двадцати отсюда, въ открытомъ морѣ: это—широкій порогъ, покрытый слоемъ воды толщиной около 9 метровъ въ часы отлива; смотри по времени года, приливъ повышаетъ на 2 или на 3 метра уровень лимана и залива. Многочисленные извилистые каналы проникаютъ далеко внутрь материка и развѣтвляются съ главной водной площадью тинистой Гамбіи: одинъ изъ этихъ побочныхъ потоковъ, извиляющийся посреди наносныхъ земель къ западу отъ главнаго входа, называется по-англійски Ойстеръ-крикъ, или «Устричный ручей». Самое имя его говоритъ, что это не рѣчное устье, а потокъ морской воды, ибо, по изслѣдованіямъ фонъ-Бера, устрицы могутъ развиваться только въ водѣ, содержащей примѣсь соли въ количествѣ 18 на 1.000; эти моллюски образуютъ обширныя мели на пескахъ и прицѣпляются въ видѣ гроздьевъ къ корнямъ ризофоръ. Страшныя акулы населяютъ воды Ойстеръ-крика, такъ что купаться тамъ очень опасно. На сѣверѣ, другіе извилистые потоки, проходящіе черезъ лѣса, впадаютъ въ лиманъ Салума.

По берегамъ Гамбіи земля проглядываетъ только черезъ рѣдкіе пробѣлы въ живой изгороди корнепусковъ; но, миновавъ эту полосу прибрежной растительности и область лагуны и болотъ, вступаешь въ прелестную, слегка волнистую мѣстность, устѣянную густыми деревьями и пышными букетами зелени, которые давали путешественникамъ поводъ сравнивать многія африканскія страны съ англійскими парками. Прибрежныя равнины Гамбіи гораздо богаче лѣсами въ сравненіи съ равнинами Сенегала; онѣ представляютъ большее разнообразіе древесныхъ породъ, между которыми особенно замѣчательны баобабы, разные виды пальмъ и знаменитое масляное дерево; во многихъ мѣстахъ лѣса прерываются саваннами, гдѣ злаки достигаютъ 6 метровъ (около 8 съ

¹⁾ Richard Burton, „Wanderings in West Africa“.

половиной аршинъ) высоты. На островѣ Сентъ-Мери растутъ кустами четочникъ (*abrus precatorius*), изъ семейства бобовыхъ, названный такъ за его сѣмена, красныя и черныя, которыя по виду похожи на кораллы, и изъ которыхъ дѣлають ожерелья и четки. Но что это за растеніе изъ семейства пандановыхъ, таинственное фандіане, плоды котораго, по словамъ туземцевъ, воспламеняются сами собою въ періодъ созрѣванія и обезпечивають постоянное счастье тому, кто сорветъ ихъ ¹⁾? Дикіе звѣри еще царятъ въ лѣсахъ, неподалеку отъ англійскихъ поселеній; львы бродятъ около деревень, и на болотистыхъ тропкахъ глубокіе слѣды напоминають о проходѣ слона. Въ концѣ шестнадцатаго вѣка Гамбія занимала первое мѣсто между рѣками Африки по размѣрамъ вывоза слоновой кости; часто суда встрѣчали цѣлыя стада слоновъ, переплывавшихъ съ одного берега на другой ²⁾. Въ самой рѣкѣ и въ боковыхъ ея потокахъ и лагунахъ водятся также крокодилы и бегемоты.

Разныя племена населяють бассейнъ Гамбіи; но внизъ по рѣкѣ отъ мѣстъ обитанія горныхъ фуловъ и порабощенныхъ ими джаллонке, большинство гамбійцевъ принадлежатъ къ суданской группѣ мандинговъ: въ этой области, на западной отлогости горъ, эта раса наиболѣе сильно представлена; впрочемъ, переходя далеко за предѣлы бассейна Гамбіи, она проникаетъ въ бассейнъ Сенегала по направлению къ Бакелю или Бафулабе и овладѣла многими территориями въ поясѣ Южныхъ рѣкъ. Самое обыкновенное имя ея въ нѣкоторыхъ частяхъ Сенегамбіи—Мали'нке, «Люди Мали»; оно напоминаетъ имперію Мали или Мелле, которая обнимала верхній бассейнъ Нигера въ ту эпоху, когда португальцы вступили въ сношенія съ жителями внутренней Африки; въ память о былой славѣ имя Мали получило смыслъ «благороднаго». Даже послѣ того, какъ царство мандинговъ было разрушено сонгхаями, императоръ, или *манса*, долго еще пользовался благоговѣйнымъ уваженіемъ у своихъ бывшихъ подданныхъ на Гамбіи, и имя его произносилось не иначе, какъ съ низкимъ поклономъ ³⁾. По ихъ преданіямъ, манде или мандинге (манде-нго или манде-нга), уроженцы востока, прибыли въ край въ шестнадцатомъ столѣтіи, отѣснивъ коренное населеніе и уничтоживъ его національную связь: такимъ образомъ, въ португальской Гвиней и на сосѣднемъ побережьи первоначальныя націи распались на множество мелкихъ народцевъ, безъ всякаго этническаго единства. Завоевательное движеніе мандинговъ продолжается понынѣ во всей области поморья: они проникають даже на сѣверъ, въ

страну сереровъ, гдѣ царствующія фамиліи принадлежатъ къ ихъ расѣ. Правда, что, подвигаясь впередъ съ одной стороны, они теряють почву съ другой; на западѣ они оттѣсняють населеніе побережья, но на востокъ ихъ самихъ одолеваетъ фулы, которые все далѣе проникають въ ихъ области ⁴⁾. Въ 1862 г. мандингскіе «марабуты», называвшіеся прежде «биксиринами» (*bushreens*), разрушили сотни языческихъ деревень и даже «городовъ», существовавшихъ на правомъ берегу Гамбіи; жители, обозначаемые презрительнымъ наименованіемъ «сонинке», которое здѣсь не имѣетъ никакого этническаго значенія, должны были перемѣнить вѣру, то-есть научиться преклоняться утромъ и вечеромъ передъ дневнымъ свѣтиломъ ⁵⁾.

Мандинги различно описываются путешественниками, что объясняется смѣшеніемъ этого племени съ другими населеніями, негритянскими или феллатскими, контрастомъ мѣстностей, различіемъ образа жизни и рода занятій. На берегахъ Гамбіи, мандинги являются ясно охарактеризованными неграми, нѣсколько свѣтлѣе уолофовъ, съ волосами менѣе курчавыми, но съ рѣзцами, сидящими болѣе косо, и съ челюстями болѣе выдающимися; носъ у нихъ широкій, какъ бы приплюснутый у основанія, и оканчивается зияющими ноздрями, отверстія которыхъ образуютъ два параллельныхъ овала. Въ цѣломъ, физіономія ихъ не имѣетъ того отпечатка добродушія и ласковости, какой представляетъ физіономія большинства негровъ; выраженіе лица у нихъ строгое, почти суровое; однако, они отличаются нѣжной сыновней привязанностью: «прибѣй меня, но не кляни мою маты!» гласитъ одна изъ ихъ пословицъ, часто приводимая путешественниками, начиная съ Мунго-Парка. Вообще, мандинги хорошо сложены, и икры у нихъ толще, чѣмъ у уолофовъ. Языкъ ихъ, распадающійся на множество нарѣчій и говоровъ, не имѣетъ письменности, хотя по умственнымъ способностямъ и любознательности, мандинги уступаютъ только фуламъ. Такъ какъ почти всѣ мандинги приняли магометанскую вѣру, то тѣ изъ нихъ, которые получаютъ образованіе, обучаются по Корану, и потому пишутъ свои амулеты по-арабски; впрочемъ, христіанскіе миссіонеры составили мандингскія грамматики и въ отношеніи классификаціи, помѣстили этотъ языкъ рядомъ съ уолофскимъ, въ группу ідиомовъ съ суффиксами. Обильно одаренные воображеніемъ, мандинги обладаютъ богатой сокровищницей сказокъ, басенъ и апологовъ; ихъ гріоты славятся изобрѣтательностью и поэтическимъ вдохновеніемъ, часто также боль-

¹⁾ Anne Raffanel, „Nouveau voyage au pays des Nègres“.

²⁾ D'Almada; —Jobson, цитированное сочиненіе.

³⁾ D'Almada, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Africanus Horton, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Bérenger-Feraud, „Les Peuplades de la Sénégambie“.

шимъ искусствомъ по части фокусовъ ¹⁾. Какъ музыканты, мандинги занимаютъ первое мѣсто между западными африканцами; не говоря уже о тамтамъ разныхъ видовъ и желѣзныхъ тарелкахъ, употребляемыхъ и у ихъ сосѣдей, они играютъ также на скрипкѣ, на гитарѣ, на лирѣ; правда, инструменты эти у нихъ гораздо грубѣе европейскихъ и состоятъ только изъ

мандинговъ-язычниковъ, живущихъ на Гамбii, англичане впервые встрѣтили *момбо-джомбо*, деревенскихъ судей, облеченныхъ властью устрашать и карать нарушителей обычая. Въ прежнее время это дѣйствительно была страшная власть. Одѣтые въ костюмъ изъ травъ и листьевъ, какъ растенiя, выросшія изъ земли, съ раскрытой въ видѣ пасти тыквой, вмѣсто

Женщины племени гранъ-бассамъ.

кишечныхъ струнъ, дерева и куска кожи, изображающаго деку; но туземные музыканты умѣютъ извлекать изъ нихъ очень гармоническіе звуки и играютъ съ большимъ вкусомъ. Любимый ихъ инструментъ, называемый балофономъ, есть родъ цитры изъ тонкихъ деревянныхъ реекъ, натянутыхъ на рамку надъ выдолбленной тыквой и издающихъ звуки подъ быстрыми ударами деревяннаго молотка. У

головы, момбо-джомбо часто замучивали караемыхъ до смерти или до сумасшествiя желѣзомъ или ядомъ; они произносили проклятія, осуждали на опасныя испытанiя; потомъ роль ихъ свелась къ наказанію невѣрныхъ женъ побоями и къ наблюденію за мальчиками и дѣвочками послѣ обряда обрѣзанiя, практикуемаго надъ обонми полами; теперь они свизонили на степень простыхъ шутовъ, надъ которыми потѣшаются дѣти ¹⁾. Можетъ-быть, чудовищный

¹⁾ Tautain, „Ethnologie et Ethnographie des Peuples du Sénégal“.

¹⁾ Mungo-Park; — Gray and Dochart; — Raffener; — Marche; — Coffinières de Nordeck, etc.

нарядъ этихъ кудесниковъ и ввелъ въ заблужденіе путешественника Джобсона, который рассказываетъ о черной расѣ, имѣющей большія, висящія на груди, губы, владѣльцы которыхъ должны часто натирать ихъ солью, чтобы предохранить отъ гніенія.

Обитатели завоеванной земли, мандинги заботливо укрѣпляютъ свои деревни изъ опасенія подвергнуться нападенію со стороны покоренныхъ коренныхъ жителей; впрочемъ, во многихъ мѣстахъ они раздробились на маленькія государства, не имѣющія между собой федеративной связи. Существуетъ множество деревень, гдѣ обращеніе въ исламъ имѣло слѣдствіемъ созданіе двухъ враждебныхъ властей: свѣтскій предводитель, еще на половину язычникъ, имѣетъ соперника въ лицѣ духовнаго «альмами», и подданные тоже принимаютъ участіе въ ссорахъ властителей. Мандинги—хорошіе земледѣльцы, но особенно въ торговлѣ проявляются ихъ замѣчательныя способности. Беранже-Феро сравниваетъ ихъ съ сараколе, которыхъ тоже прозвали «евреями» западной Африки; но въ то время, какъ сараколе занимаются главнымъ образомъ корабельничествомъ, разноской мелкаго товара по деревнямъ, мандинги ведутъ крупную торговлю: они перевозятъ свои товары изъ страны въ страну; караваны ихъ встрѣтишь повсюду отъ Сиерра-Леоне до Томбукту, отъ Сенегала до Нижняго Нигера. Какъ путешественники, они приобрѣли между африканскими народами гораздо большую извѣстность, чѣмъ какую, казалось бы, допускаетъ ихъ численная сила. Во всей западной Африкѣ¹⁾ это главные миссіонеры ислама; своимъ безкорыстнымъ рвеніемъ въ пропагандѣ они рѣзко отличаются отъ арабскихъ купцовъ восточной Африки, которые умышленно воздерживаются отъ всякихъ попытокъ къ обращенію туземцевъ, такъ какъ это обращеніе лишаетъ ихъ возможности добывать невольниковъ. Но не однимъ только религіознымъ прозелитизмомъ мандингскіе путешественники имѣютъ капитальное вліяніе въ эволюціи африканскаго общества; они вмѣстѣ съ тѣмъ разносятъ новости, распространяютъ новыя идеи; они являются такимъ образомъ миссіонерами науки, рассказывая своимъ соплеменникамъ про чудеса современной индустріи, которыя они видѣли у европейцевъ побережья.

Эти послѣдніе относительно немногочисленны въ Гамбії, и вліяніе ихъ здѣсь менѣе ощутительно, чѣмъ въ Сенегалѣ. Въ иные годы насчитывается не болѣе двухъ десятковъ штатскихъ европейцевъ въ этой «колоніи», да и изъ тѣхъ большинство спѣшать уѣхать передъ наступленіемъ зимняго сезона. Бѣлые офицеры гарнизона не долго остаются на этихъ зараженныхъ берегахъ; рѣдкій чиновникъ живетъ въ краѣ достаточно продолжительное время, чтобы интересоваться положеніемъ населенія,

съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе, и внести какую-нибудь послѣдовательность въ свои труды. Желтая лихорадка, диссентерія, болотная зараза—главныя причины смертности для бѣлыхъ; оспа похищаетъ преимущественно чернокожихъ солдатъ, привезенныхъ съ Антильскихъ острововъ, также и чахотка быстро подтачиваетъ ихъ здоровье; констатировано, что негры съ о. Ямайки не лучше переносятъ климатъ Гамбії, чѣмъ бѣлые, прибывшіе съ Британскихъ острововъ. Цѣлые батальоны постепенно вымирали въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; часто случалось, въ фатальные годы, что всякое заболѣваніе имѣло смертельный исходъ черезъ нѣсколько часовъ или дней; въ среднемъ смертность между солдатами составляла 480 на 1.000¹⁾.

Движеніе населенія въ Батуретъ въ 1884 г.: Бѣлые: родилось—0, умерло—14; помѣси: родилось—8, умерло—10; негры: родилось—194, умерло—713; всего—202 родившихся, 737 умершихъ.

Смѣшанное населеніе, какъ и въ Сенегамбії, незначительно; мѣстная статистика насчитываетъ только нѣсколько тысячъ «креоловъ», не опредѣляя, однако, точнаго смысла, въ какомъ должно быть понимаемо это слово. Что такое эти креолы? акклиматизировавшіеся метисы или черные резиденты? По мнѣнію Гортонна, это—uoloфы-католики, пришедшіе изъ Горей и Рюфиска и разнообразно смѣшавшіеся съ европейцами, мандингами и фулами. Если не считать чиновниковъ и представителей крупной торговли, эти уолофы составляли еще недавно вліятельнѣйшую часть населенія и владѣли самыми красивыми домами въ Батуретѣ; но въ послѣднее время сюда переселилось много вольноотпущенниковъ съ Нигера, съ Невольничьяго берега, изъ Сиерра-Леоне; протестанты по большей части, эти новые пришельцы держатся особнякомъ отъ уолофовъ и являются ихъ конкурентами, особенно въ мелочной торговлѣ, и благодаря бережливости ихъ женъ, постепенно завладѣваютъ богатствами края.

Населеніе англійскихъ владѣній, въ Гамбії по религіямъ (1892 г.):

Магометанъ — 5.000; язычниковъ — 5.000; протестантовъ разныхъ сектъ и католиковъ — около 3.700.

Почти всѣ рыболовы въ этой территоріи принадлежатъ къ племени лебу, уолофовъ съ полуострова Зеленаго Мыса. Въ землѣ Баръ, лежащей противъ Батурета, «португальцы» то-есть люди смѣшанной крови, придерживающіеся нѣкоторыхъ христіанскихъ обрядовъ, были довольно многочисленны въ прошломъ столѣтіи.

¹⁾ L. Bertholon, „Revue de Géographie“, tome V 1879—1880.

Заключенные между французскими владѣніями Сенегамбиі и «рѣками Юга», англійскія факторіи имѣютъ лишь второстепенную важность, а совокупность ихъ торговыхъ операций, по куплѣ и продажѣ, не превышаетъ 4 милліоновъ франковъ. Хотя Гамбія представляетъ кратчайшій естественный путь къ внутреннимъ нагорьямъ и верхнему Сенегалу, однако, она сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ глухого закоулка: сношенія между народцами верховья и рынками низовья очень рѣдки. При томъ же торговля, главную статью которой, съ половины настоящаго столѣтія, составляютъ земляныя фисташки, находится большей частью въ рукахъ французскихъ негоціантовъ, и перевѣсъ ихъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе увеличится, если договоры, заключенные между французскимъ правительствомъ и государствомъ Фута-Джаллонъ, получатъ дѣйствительное значеніе, и если будетъ построена, какъ это уже предлагали, желѣзная дорога изъ Рюфиска въ Каолакъ. Тогда Гамбія въ политическомъ и торговомъ отношеніи оказалась бы окруженной территоріями, подчиненными сюзеренной власти Франціи, очутилась бы, по выраженію Митчинсона ¹⁾, «какъ мышь въ пасти кошки». Даже въ части ея бассейна, находящейся внѣ области горъ, предварительныя конвенціи обезпечили французскимъ коммерсантамъ привилегированное положеніе; такъ, въ 1881 году Сентъ-Луи приобрѣлъ сюзеренную власть надъ Беле-дугу, маленькой провинціей гамбійскаго ската, лежащей въ томъ мѣстѣ, гдѣ двѣ рѣки, Гамбія и Фалеме, богатая золотоносными притоками, находятся одна отъ другой въ разстояніи всего только пятидесяти километровъ. Чтобы прекратить это странное политическое состояніе, при которомъ англичане несутъ расходы по содержанію колоніи, тогда какъ торговыми выгодами пользуются негоціанты Бордо и Марселя, между двумя державами неразъ уже заходила рѣчь объ обмѣнѣ Гамбіи на французскую территорію африканскаго берега близъ Сьерра-Леоне или Кэпъ-Коста. Въ случаѣ осуществленія этой сдѣлки, побережье Салума было бы соединено политически съ побережьемъ Казаманки.

Столица англійскихъ владѣній была основана въ 1816 году, на островѣ Сентъ-Мери, составляющемъ южную оконечность материка, при входѣ въ Гамбію. Названный сначала Леопольдомъ, потомъ переименованный въ Батуретъ, городъ былъ построенъ довольно красиво; дома, казармы сооружены солидно; мѣсто выбрано очень удобное для торговли, такъ какъ фарватеръ идетъ возлѣ самаго мыса, и корабли могутъ становиться на якорь въ непосредственномъ сосѣдствѣ берега, гдѣ глубина воды отъ

20 до 25 метровъ; но, къ сожалѣнію, мѣстность эта одна изъ самыхъ нездоровыхъ: трудно было выбрать болѣе опасное мѣстоположеніе. Островъ Сентъ-Мери окруженъ и перерѣзанъ воючими лагунами, повсюду встрѣчаются лужи, остатки бывшихъ наводненій; на глубинѣ одного метра вездѣ находятъ солоноватую воду, и берега такъ ненадежны, что запрещено брать песокъ на берегу, изъ опасенія, чтобы теченіе не воспользовалось этимъ для размыванія береговой полосы: однажды была такимъ образомъ унесена потокомъ часть городского кладбища. Тѣмъ не менѣе, однако, слишкомъ три тысячи жителей, почти исключительно йолы или фелуны, то-есть негры-поморы, мандинги, сереры и уолофы, скучены въ домахъ и хижинахъ этого города, осаждаемаго водами. Англійское правительство платитъ еще небольшую ежегодную дань вождю мандингскаго народца Комбо, который занимаетъ побережье къ югу отъ колоніи до устья Казаманки. Санаторія Батурета находится тоже въ территоріи Комбо, въ двѣнадцать километровъ къ западу отъ города, на мысѣ Сентъ-Мери, близъ деревни Баку (по-англійски Васов). Въ этомъ мѣстѣ морской берегъ возвышается, въ видѣ утеса, метровъ на пятнадцать надъ уровнемъ воды; растительность осѣнена здѣсь пальмами, встрѣчающимися также во всѣхъ здоровыхъ станціяхъ страны, и морская бриза, которую англичане въ шутку называютъ «докторомъ», дуетъ съ большою силой въ первые часы дня, унося вредныя испаренія, поднимающіяся съ болотъ Гамбіи. Неоднократно предлагали перевести столицу на мысѣ Сентъ-Мери, но отъ этого удерживаетъ то обстоятельство, что якорная стоянка тамъ неудобна, и подходы къ берегу заграждены песчаными мелями.

Внѣшняя торговля Гамбіи въ 1895 г.: привозъ—97.000, вывозъ—94.000 фунт. стерлинг.

Движеніе судоходства (общая вмѣстимость пришедшихъ и отшедшихъ судовъ), не считая каботажа, въ 1895 г.: 339.000 тоннъ.

На сѣверо-востокъ отъ Батурета, батареи форта Булленъ, расположенныя на стрѣлкѣ Барра, командуютъ сѣвернымъ входомъ Гамбіи. Вся эта часть побережья, окаймленная лѣсомъ корненушковъ (ризофоръ), принадлежитъ, по трактату, Великобританіи на протяженіи одной морской мили въ ширину; но съ этой стороны англійское правительство не взымаетъ пошлинъ, и товары вывозятся отсюда, безпошлинно, во французскіе порты Сенегала. Принадлежащая Англии полоса земли начинается у потока Джимака, километрахъ въ пятнадцати къ сѣверу отъ форта Булленъ, и слѣдуетъ вверхъ по правому берегу Гамбіи до Джиллифри (Jillifri, Gilfrai), деревни мандинговъ, близъ которой находилась главная факторія англичанъ до основанія города Батурета. Этотъ торговый постъ, Альбрета, все еще имѣетъ нѣкоторое

¹⁾ „The Expiring Continent“.

значение, а прежде имѣлъ, кромѣ того, большую стратегическую цѣну, благодаря пушкѣ форта Джемсъ, стоящаго въ этомъ мѣстѣ, посреди фарватера Гамби, въ 33 километрахъ выше Батурста: всѣ посѣтителѣ рѣки должны были останавливаться передъ этой крѣпостью. Въ 1698 г. Андре Брю основалъ французскую контору въ Альбрета, и постъ этотъ, занимающій четырехугольникъ въ 157 метровъ длины въ сторонѣ, принадлежалъ Франціи до половины настоящаго столѣтія, когда онъ былъ отданъ Англіи въ обменъ за Портендикъ, на берегу Мавровъ, Альбрета извѣстенъ въ мірѣ ботаниковъ своей великолѣпной смоковницей, состоящей изъ нѣсколькихъ соединенныхъ деревьевъ, имѣющихъ вмѣстѣ 40 метровъ въ окружности. Французы владѣли въ Гамби еще другой факторіей, Жережъ (Nereges), построенной на одномъ изъ южныхъ притоковъ рѣки, выше крѣпости Джемсъ. Въ 1700 г. Андре Брю отправился изъ Жережа, чтобы пройти черезъ полуостровъ, отдѣляющій Гамбию отъ Казамаки¹⁾; только черезъ полтора года послѣ него другой изслѣдователь, Геккаръ, совершилъ то же путешествіе, пройдя немного далѣе внутри материка.

Нѣсколько постовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ вверхъ по теченію Гамби. Элефантъ-Айлендъ (Слоновій островъ), островокъ на главномъ изгибѣ низовья, ниже большой деревни Ямина, служитъ складочнымъ мѣстомъ для произведеній территоріи Диара; но гораздо важнѣе другая островная факторія, Джорджтаунъ, на островѣ Макъ-Карти, куда свозится наибольшая часть мѣстныхъ продуктовъ, собираемыхъ торговцами въ земляхъ Ніани и Улли, на сѣверной, и Діамару и Тумане, на южной сторонѣ рѣки. На Гамби островъ Макъ-Карти соответствуетъ форту Бакель на Сенегалѣ; тоже укрѣпленный, онъ занятъ не гарнизономъ, а малочисленнымъ полицейскимъ постомъ, послѣднимъ изъ учрежденныхъ англичанами на Гамби. Впрочемъ, они проникаютъ и далѣе, въ качествѣ купцовъ и путешественниковъ: километрахъ въ сорока отъ названнаго острова, вверхъ по теченію, находятся развалины деревни Пизанія, исходнаго пункта, выбраннаго Мунго-Паркомъ во время его перваго путешествія, въ 1796 году. Еще выше по рѣкѣ, къ югу отъ развалинъ Медины, бывшей столицы мандингскаго государства Улли, находится маленькая пристань Фатта-тенда (нѣкогда постъ неготорговцевъ), относительно которой часто поднимался вопросъ о постоянной оккупации, въ виду того, что пунктъ этотъ лежитъ въ округѣ, откуда вывозятся лучшія земляныя фисташки. Барки могутъ во всякое время подниматься до пристани Ярбу-тенда, находящейся немного выше по рѣкѣ.

Одна изъ территорій, лежащихъ на югѣ, около истоковъ Казамаки, носить имя Кантора, напоминающее рынокъ Канторъ, о которомъ первые португальскіе историки говорятъ, какъ о торговомъ центрѣ, по важности равномъ Томбукту; всю страну по теченію Гамби они называли королевствомъ Канторъ или Конторъ¹⁾. Во время путешествія Гудсбери, въ 1879 году, не оставалось уже ни одного селенія въ краѣ: все было опустошено соединенными силами фуловъ Бонду и Лабе, и большинство жителей были уведены въ неволю. Выше пороговъ Барра-Куна, купцы обыкновенно слѣдуютъ уже сухимъ путемъ, направляясь въ Бонду и Бамбукъ; впрочемъ, далѣе по рѣкѣ встрѣчаемъ еще двѣ большія деревни — Джалла-кота и Бади, обѣ съ пристанью. Мѣстечко Баду, лежащее на сѣверѣ Фута-Джаллона, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Гамби, мѣняя направленіе, приближавшее ее къ Сенегалу, поворачиваетъ на западъ, къ морю, утратило важное значеніе, которое оно имѣло нѣкогда, какъ торговый пунктъ. Недалеко оттуда показываютъ на скалѣ два слѣда ногъ человѣка и быка. Въ этомъ мѣстѣ, по преданію, проходили первые феллатскіе эмигранты, идя на завоеваніе страны Фута-Джаллонъ²⁾.

Гамби находится подъ непосредственнымъ управленіемъ Великобританіи только съ 1821 г.: до того времени факторіи управлялись концессионерной компаніей. Доходы англійской колоніи, источникомъ которыхъ, почти единственнымъ, служатъ таможенные сборы, простираются, въ среднемъ, до 625.000 франковъ (бюджетъ Гамби въ 1895 г.: приходъ — 21.000, расходы — 29.000 фунт. стерлинговъ). Колонія эта не имѣетъ государственнаго долга; изъ остатковъ бюджета были, между прочимъ, ассигнованы средства для важной по результатамъ экспедиціи Гудсбери. Съ 1870 года англичане болѣе не держатъ войска на Гамби; полиція состоитъ изъ ста одиннадцати человѣкъ, почти исключительно сіерра-леонцевъ, подъ командой европейца. Отрядъ волонтеровъ, на который возложена защита территоріи, не имѣлъ еще случая собираться для военныхъ дѣйствій; когда вспыхнетъ война между племенами, колониальное правительство провозглашаетъ свой нейтралитетъ, но воюющія стороны никогда не забываютъ, что англійскія конторы и суда — для нихъ неприкосновенная собственность. Всѣ учебныя заведенія имѣютъ конфессиональный характеръ — протестантскія, католическія или магометанскія и, какъ таковыя, не зависятъ отъ свѣтской власти; тѣмъ не менѣе, большинство дѣтей ходитъ въ школы, за исключеніемъ только сезона мѣсячной торговли: тогда они сопровождаютъ своихъ родителей въ конторы.

¹⁾ Labat, "Nouvelle Relation de l'Afrique occidentale"; — Berlioux, "André Brûe".

²⁾ D'Almada, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ernest Noirot, цитированное сочиненіе.

IV. Казаманка.

Рѣка Казаманка или Казаманса, названная такъ отъ *мансы*, или царька, народца Касса ¹⁾, въ цѣломъ, гораздо болѣе походить на лиманъ, нежели на рѣку. Истоки ея, зарождающіеся у подошвы террасъ области Хабу, еще не были посѣщены путешественниками, но они несомнѣнно находятся не болѣе какъ въ 300 километрахъ отъ устья по прямой линіи, потому что далѣе страна, пройденная изслѣдователемъ Гудсберга, въ 1881 году, принадлежитъ уже къ бассейну Гамби. Спснутый, на сѣверѣ и югѣ, между двухъ параллельныхъ впадинъ, гдѣ текутъ Гамбіа и Рио-Кашео, бассейнъ Казаманки, вѣроятно, занимаетъ площадь не болѣе 15.000 квадратн. километровъ. Что касается народонаселенія этой территоріи, то до сихъ поръ правильная народная перепись была произведена, именно въ 1879 году, только въ двухъ постахъ, занимаемыхъ французами, гдѣ оказалось 2.500 жителей; во всемъ краѣ приблизительно насчитываютъ около ста тысячъ душъ.

Уже съ половины шестнадцатаго столѣтія португальцы вели торговлю въ бассейнѣ Казаманки; они знали даже внутри его торговые пути, пользуясь которыми могли добираться до Салума по боковымъ потокамъ и волокамъ: многія слова ихъ языка, встрѣчающіяся во всѣхъ нарѣчіяхъ туземнаго населенія, свидѣтельствуютъ о вліяніи, которое они имѣли нѣкогда въ этой странѣ. Однако, такъ какъ главный предметъ ихъ торговли составляли невольники, то португальцамъ не безопасно было дѣлать экскурсіи за черту своихъ укрѣпленныхъ постовъ, и такъ какъ мѣстность вокругъ ихъ поселенія мало-по-малу обращалась въ пустое пространство, то они должны были часто перемѣщать свои факторіи.

Англичане тоже основали нѣсколько факторій на берегахъ Казамансы, но они не покупали земель у окружающихъ племенъ Французы сдѣлали свое первое территоріальное пріобрѣтеніе въ устьѣ этой рѣки въ 1828 году; впрочемъ, уступленная имъ земля,—островъ Джогэ, лежащій на сѣверной сторонѣ устья,—не получила никакого поселенія; въ 1836 и 1837 годахъ они заняли два острова, командующіе на югѣ входомъ въ лиманъ, Карабанъ и Гимберингъ, и основали постъ Седіу, въ томъ мѣстѣ, выше котораго уже не поднимаются гозлетты. Съ той поры многочисленные договоры, заключенные съ прибрежными племенами, обезпечили за французами сюзеренитетъ или владѣніе почти надъ всей территоріей бассейна, и въ 1886 году конвенція съ Пор-

тугаліей опредѣлила точнымъ образомъ, между Казаманкой и Рио-Кашео, раздѣльную черту двухъ политическихъ областей, французской и португальской. Факторія Зигиншоръ, единственный остатокъ бывшаго лузитанскаго владычества въ бассейнѣ Казаманки, была уступлена французамъ, и съ восточной стороны область, присвоенная виртуально Франціи, продолжается черезъ неизслѣдованныя пустыни территоріи Фирду и Хабу къ верхней Гамби и Фалеме; такимъ образомъ Казаманка считается политически соединенной съ бассейномъ верхняго Сенегала.

Седіу, крайній пунктъ морскаго судоходства, находится въ 175 километрахъ отъ моря, а между тѣмъ средняя ширина рѣки тамъ по меньшей мѣрѣ два съ половиной километра; правда, что вода тамъ очень не глубока, и хозяева барокъ, имѣющихъ осадку менѣе двухъ метровъ, всегда поднимаются впередъ съ лотомъ въ рукѣ, или слѣдуютъ фарватеромъ, обозначеннымъ древесными вѣтвями, воткнутыми черезъ извѣстные промежутки въ дно рѣки; выше Седіу барки поднимаются еще на сотню километровъ, до деревни Колибанта. Ниже Седіу, Казаманка принимаетъ въ себя одинъ только большой притокъ—рѣку Сонгроу (вѣроятно, Санъ-Грегорио португальцевъ), которая вытекаетъ изъ болотистой мѣстности, прилегающей къ бассейну Гамби: это торговый путь, который на старыхъ картахъ ошибочно изображали въ видѣ канала, идущаго непрерывно отъ рѣки до рѣки ¹⁾, тогда какъ въ дѣйствительности онъ дополняется волокомъ, гдѣ товары переносятся на спинахъ людей отъ судна до судна. Ниже слиянія съ Сонгроу, имѣющаго въ періодъ половоля около 4 верстъ въ ширину, боковые потоки или рукава (*marigots*) все болѣе и болѣе умножаются и образуютъ обширную судоходную сѣть въ нѣсколько сотъ километровъ, мѣняющуюся съ временами года и въ разные годы, увеличиваемую приливомъ и уменьшаемую отливомъ дважды въ сутки: вода въ лиманѣ соленая до Зигиншора и даже нѣсколько выше, на протяжении 75 километровъ отъ устья. Въ нижней части дельты безчисленные развѣтвленія образуютъ лабиринтъ каналовъ, соединяющійся, съ одной стороны, съ лиманомъ Гамби, съ другой—съ лиманомъ Рио-Кашео; но если съ внутренней стороны твердая земля вся изрѣзана этими извилистыми водами, то морской берегъ вполне сохранилъ свою правильность: онъ тянется почти по прямой линіи отъ мыса Сентъ-Мери до мыса Рохо, гдѣ начинаются тѣ причудливыя изсѣченія берега, которыми характеризуется все побережье португальской Гвинеи. Баръ Казаманки, прерывающій эту

¹⁾ Hyacinthe Hecquard, „Voyage en Afrique“.

¹⁾ A. Vallon, „Revue Maritime et Coloniale“, nov. 1862.

правильную линию берега, не глубоко; толщина покрывающего его слоя воды не превышает двух метровъ въ часы отлива, и существующіе три протока черезъ порогъ часто мѣняютъ мѣсто. Обширные лѣса по берегамъ рѣки изобилуютъ мелкой дичью, но хищные звѣри тамъ рѣдки.

Въ верхней части бассейна, хабуя'ке, или «люди земли Хабу», и мандинги, называемые также сузи (Saussayes у старинныхъ авторовъ), составляютъ господствующее население: они населяютъ Фирду, въ области истоковъ, вѣтвей земель, подвластныхъ Франціи, а въ территоріи, состоящей подъ ея протекторатомъ, обитаютъ, на сѣверной сторонѣ рѣки, въ провинціяхъ Пакао, Будіе, Яссинъ, и на южной — въ провинціяхъ Брассу, Вальмаду и Суна. Въ своемъ завоевательномъ движеніи они встрѣчавшееся на пути коренное население, но, наконецъ, натолкнувшись на французовъ, и пораженіе, нанесенное имъ послѣдними въ нѣсколькихъ стычкахъ, заставило ихъ покориться. Съ этого времени насильственное давленіе, происходившее съ востока на западъ, приостановилось; мандинги перестали тѣснить негровъ поморья, также какъ и сами не подвергаются болѣе нашествію со стороны феллатовъ, жителей внутреннихъ областей; вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и насильственные обращенія въ исламъ въ территоріи Казаманки. Мандинги этой страны не создали монархическаго государства; они распадаются на маленькія олигархическія республики, управляемыя двумя сановниками, алькати (кади или алькадъ), военнымъ предводителемъ, и альмами, духовнымъ главой. Рядомъ съ мандингами существуютъ другія общины, слѣдовавшія за ними въ ихъ переселеніи: это пастухи феллаты, живущіе отдѣльными деревнями (*фула-кунда*), и земледѣльцы сараколе. Эти послѣдніе основали многочисленныя колоніи въ сосѣдствѣ французскихъ постовъ и охотно берутъ себѣ въ жены бѣглыхъ рабынь, смѣшиваясь такимъ образомъ съ туземнымъ населеніемъ. Дѣти, рожденныя отъ этихъ брачныхъ союзовъ, не могутъ покидать край до своего совершеннолѣтія, такъ какъ иначе, въ случаѣ поимки ихъ бывшими господами матери, они были бы задерживаемы, какъ невольники ¹⁾. Даже лахобе, эти сенегальскіе цыгане, пришли слѣдомъ за фулами и мандингами въ земли по теченію Казаманки ²⁾.

Въ нѣкоторыхъ округахъ страны водворились другіе завоеватели — баланты, пришедшіе съ береговъ Гебы, изъ португальской Гвинеи. Прежде они переходили Казаманку, чтобы опустошать селенія другихъ негровъ; такъ, ими были обращены въ пустыни нѣкоторыя

части провинцій Будіе и Яссинъ; но теперь они уже не смѣютъ вторгаться за рѣку, и ихъ общины, наиболѣе выдвинутыя къ сѣверу, при томъ подчиненныя французскому протекторату, расположены по лѣвому берегу Казаманки, книзу отъ поста Седіу. Прежніе обитатели края, баньюны, оттѣснены далѣе къ низовью, по обѣ стороны рѣки, но на южномъ берегу, это племя, стиснутое между балантами на востокъ и фелупами на западъ, сводится къ нѣсколькимъ семействамъ, въ значительной степени смѣшаннымъ съ португальской кровью. На сѣверной сторонѣ Казаманки баньюны все еще составляютъ господствующее население, а по берегамъ Сонгрогу селенія ихъ распространены до Гамбиі. Одно изъ ихъ племенъ, касса или кассанга, дало свое имя самой рѣкѣ, и до сихъ поръ еще показываютъ, на лѣвомъ берегу, остатки бывшей столицы Биркамъ, разрушенной балантами. Жители деревни Диангу, лежащей ниже по теченію, почти противъ устья притока Сонгрогу, по словамъ путешественника Валлонъ, хранятъ, какъ драгоценность, золотой скипетръ своихъ прежнихъ королей; въ самой рѣкѣ гряда камней указываетъ мѣсто, гдѣ происходилъ обрядъ коронаванія касса-мансы. Хотя гордящіеся своимъ былымъ могуществомъ, баньюны не стѣснѣли, однако, сохранить своихъ владѣній: иногда они дрались съ ожесточеніемъ, защищая свою землю отъ вражескаго нашествія, но часто уступали ее безъ борьбы или покорялись побѣдителямъ, сливаясь съ ними въ смѣшанное население и подчиняясь новымъ обычаямъ. Въ провинціяхъ Будіе и Яссинъ они сдѣлались мандингами по нравамъ, религіи и языку. Рабовъ у нихъ нѣтъ, что должно приписать не уваженію къ человѣческой свободѣ, а сознанию своей политической слабости: овладѣвъ плѣнниками, они спѣшатъ продать ихъ, изъ опасенія, чтобы болѣе сильный непріятель не отнялъ у нихъ эту живую добычу ³⁾.

Отличные земледѣльцы, баньюны сѣютъ рисъ и земляныя фисташки (арахиды) и обмѣниваютъ свои произведенія на соль, ружья и порохъ. Они очень честны, никогда не воруютъ и оставляютъ свои хаты открытыми, предоставляя находящіеся внутри жилища съѣстные припасы въ распоряженіе всякаго прохожаго. Когда путешественникъ забудетъ что-нибудь въ ихъ деревнѣ, они заботливо берегутъ забытую вещь, чтобы возвратить ее при случаѣ.

Баньюны — средняго роста, гораздо ниже уолофовъ и сереровъ, но выше фелуповъ; голова ихъ кажется относительно огромной, по причинѣ очень широкаго лица, съ большимъ ртомъ и сильно приплюснутымъ носомъ. Какъ

¹⁾ A. Vallon, цитиров. статья.

²⁾ H. Hecquard, цитиров. статья.

³⁾ Hamon; — Béranger-Féraud, „Peuplades de la Sénégambie“.

нѣкоторые америгавскіе народцы, они могли ють себѣ зубы въ формѣ острія, какъ большы бы были названы *ogejones*, т. е. «длинноухими», шинство негровъ побережья до Бенинскаго потому что у нихъ въ обычаѣ протыкать мочку залива; очень тщеславные, они носятъ, въ

Король Ассини.

ушей въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ отверстіе вставлятъ куски бамбука, которые вытягиваютъ хрящъ, такъ что нижній коонецъ уха виситъ на плечѣ; кромѣ того, они подшивляютъ видѣ украшеній, мѣдныя браслеты на рукахъ и ногахъ, мѣдныя пуговицы на передникѣ и головномъ уборѣ. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ баньяны еще не смѣшаны съ другими племенами,

они остались анимистами и не имѣютъ другого культа, кромѣ колдовства: они покупаютъ гри-гри у магометанскихъ марабутовъ, крестики у португальскихъ патеровъ и подвергаютъ испытанію ядомъ подозрѣваемыхъ въ наведеніи порчи на скотину или людей; въ темную ночь момбо-джомбо, болѣе грозный, чѣмъ его коллега у мандинговъ, можетъ-быть, человекъ, можетъ-быть, богъ, произносить глухимъ голосомъ имя несчастнаго, обреченнаго на страшную пытку. Древнія формы матриархальнаго быта еще господствуютъ у баньюновъ, какъ почти у всѣхъ народцевъ побережья: благородное званіе, имущественныя права передаются по наслѣдству черезъ женщинъ, и послѣдніе наравнѣ съ мужчинами обсуждаютъ общественныя дѣла въ сельскихъ совѣтахъ, гдѣ часто имѣютъ рѣшающее вліяніе. Первый, занявшій землю, гдѣ основывается новая деревня, становится по праву ея главой и носитъ красный колпакъ, символъ его власти; земля облагораживается владѣющимъ ею, но онъ не можетъ продать ее: она должна оставаться въ его родѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Береговые населенія, тѣснимыя завоевателями, получили у португальцевъ общее имя «фелупъ», и дѣйствительно они болѣе или менѣе сходны между собой по нарѣчіямъ и правамъ; но эти населенія утратили всякую національную связь: насильственно разбѣянные и, вѣроятно, спустившіяся на болѣе низкую ступень цивилизаціи сравнительно съ прежнимъ временемъ, они распались на множество отдѣльных народцевъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ особое имя и живетъ особнякомъ на своемъ островѣ или полуостровѣ, отдѣленный отъ другихъ народцевъ рѣкой, проливомъ или лагуной. На сѣверѣ, вблизи моря, находимъ племена аяматъ, іола, кабилъ или каронъ; восточнѣе, но тоже къ сѣверу отъ Казаманки, обитаютъ джигуши или джугуты, фогни, каймуты и тѣ фелупы, въ области рѣки Сонгроу, которыхъ за ихъ большія стада крупнаго рогатаго скота португальцы прозвали «вакасами» (Vacas—коровы); на южной сторонѣ рѣки, территоріи, изрѣзанныя боковыми потоками (marigots), заняты банжіарами, фулунами, байотами: эти послѣдніе по языку наиболѣе отличаются отъ всѣхъ другихъ фелуповъ; они очень малорослы, ниже ростомъ даже своихъ сосѣдей баньюновъ. Отъ своей прежней, болѣе высокой культуры, большинство фелуповъ сохранили искусство строить дома относительно большіе и комфортабельные; это—хаты изъ глины, очень прочныя, долго выдерживающія разрушительное дѣйствіе непогодъ, и раздѣленные внутренними перегородками на нѣсколько покоевъ. Фелупы праваго берега умѣютъ дѣлать изъ ствола бавольника большія и красивыя пироги и сами мастерять стрѣлы, дротики, прямыя шпаги,

которыми ловко владѣютъ. Между народцами социальная связь очень ослаблена: они составляютъ столько мелкихъ государствъ, сколько существуетъ деревень и поселковъ; семейные союзы быстро образуются и распадаются; во многихъ мѣстахъ дѣти заранѣе предназначаются къ службѣ въ домѣ вождя. По обычаю, беременныя женщины, когда почувствуютъ приближеніе родовъ, должны уходить въ лѣсъ, и появляются передъ своими мужьями только нѣсколько дней спустя послѣ разрѣшенія отъ бремени. Очень боязливые, что объясняется опасностями, которыми окружено ихъ существованіе, фелупы сдѣлались предусмотрительными земледѣльцами: какъ бы ни былъ обиленъ урожай, они никогда не продаютъ излишка риса, пока не убѣдятся въ благополучномъ состояніи новаго посѣва; собранное зерно по цѣлымъ мѣсяцамъ сохраняется подъ хижинами, въ кладовой, черезъ которую время отъ времени пропускаютъ дымъ, чтобы предохранить запасы отъ нападенія насѣкомыхъ; оттого ихъ рисъ, всегда законный, имѣетъ меньшую торговую цѣнность, чѣмъ тотъ же продуктъ сосѣднихъ племенъ баньюновъ или балантовъ, которые продаютъ свое зерно сразу послѣ его уборки¹⁾. Земля фелуповъ покрыва пальмами, у которыхъ они атрофируютъ плодъ, чтобы отвлечь всѣ соки дерева, собираемые ими для приготовления хмѣльнаго напитка. За исключеніемъ вакасовъ, эти туземцы держатъ скотъ для принесенія его въ жертву умершимъ и справленія похоронъ; они имѣютъ идею верховнаго божества, которое, по ихъ понятію, есть въ одно и то же время небо, дождь, вѣтеръ и буря. Живя подъ гнетомъ вѣчнаго страха, фелупы легко дѣлаются добычей колдуновъ; нигдѣ въ Африкѣ чародѣи не имѣютъ такой большой практики и не возбуждаютъ къ себѣ такой сильной ненависти: ихъ обвиняютъ въ томъ, что они изводятъ людей посредствомъ порчи и зелья, но часто бываетъ также, что ихъ самихъ хватаютъ и замучиваютъ до смерти. Впрочемъ, между фелупами, живущими въ сосѣдствѣ постовъ, гдѣ негоціанты нанимаютъ ихъ для перевозки товаровъ, мало-по-малу совершается перемѣна нравовъ и учреждений. Прежніе путешественники, Мунго-Паркъ, Биверъ, хвалили ихъ честность и вѣрность данному слову: сохранили ли они эти качества и въ наши дни?

Главный военный и торговый постъ на Казаманкѣ—Седіу, называемый также Франсескунда, что значитъ «жилище французовъ». Основанный въ 1837 г., на правомъ берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ прекращается плаваніе гоэлеттъ (небольшія морскія суда), онъ выросъ въ настоящій городъ, съ постройками

¹⁾ Lopes de Lima, цитированный мемуаръ.

на европейскій манеръ и обширными складами для товаровъ; вокругъ него возникли деревни племени сараколе и другихъ земледѣльцевъ, обильно снабжающіи городъ провизіей всякаго рода; почти всѣ европейскія породы плодовыхъ деревьевъ съ успѣхомъ культивируются въ садахъ Седіу. Гавань всегда оживлена многочисленными судами, которыя приходятъ грузиться земляными фисташками и другими произведеніями области верховья. Хотя городъ расположенъ въ низкой мѣстности, однако, маленький гарнизонъ, занимающій этотъ постъ, менѣе страдаетъ отъ лихорадки, въ сравненіи съ гарнизонами большинства другихъ военныхъ станцій Сенегамбіи; несмотря на то, населеніе Седіу въ 1884 году заключало въ себѣ только трехъ европейцевъ. Зигиншоръ, бывший португальскій постъ, недавно уступленный Франціи, ведетъ гораздо менѣе значительную торговлю, чѣмъ Седіу; построенный на лѣвомъ берегу рѣки, ниже впаденія въ нее притока Сонгроу, онъ занимаетъ, въ коммерческомъ отношеніи, прекрасное положеніе, и могъ бы извлекать выгоды изъ торговаго движенія, происходящаго черезъ Казаманку между бассейнами Гамбіи и Ріо-Кашео; но воздухъ въ немъ нездоровый, и отчасти по этой причинѣ, отчасти во избѣжаніе опасности, которой подвергались караваны со стороны воиновъ сосѣдняго племени баланта, купцы избрали себѣ другую дорогу, въ обходъ Зигиншора.

Въ низовьѣ рѣки наиболѣе счастливое положеніе занимаетъ постъ Сенъ-Жоржъ (Св. Георгія), сравнительно мало посѣщаемый торговцами. Онъ построенъ на лѣвомъ берегу, у оконечности высокаго полуострова, осыеннаго пальмами и другими большими деревьями; почва въ этой мѣстности плодородная, воздухъ, освѣжаемый морской бризой, — здоровый, и у подножія высокаго берега протекаетъ широкая рѣка. Немного западнѣ этого поста существуетъ непрерывное водное сообщеніе съ лиманомъ Ріо-Кашео посредствомъ ряда боковыхъ потоковъ, лагунъ и болотъ, гдѣ очень легко было бы прорыть судоходный каналъ. Болѣе многолюдная и болѣе важная по торговлѣ, станція Карабана, тоже на лѣвомъ берегу рѣки, на сѣверной оконечности острова того же имени, занимаетъ гораздо менѣе благоприятное положеніе: по климату и почвѣ ее можно сравнить съ Батурстомъ, Дома ея построены на песчаныхъ отмеляхъ, затопляемыхъ моремъ, такъ что фундаменты стоятъ въ водѣ; гнилыя болота покрываютъ почву вокругъ поста, тинистыя лагуны отдѣляютъ его отъ внутреннихъ плодородныхъ земель, и го-злетты должны бросать якорь въ открытомъ морѣ. Вывозъ состоитъ изъ земляныхъ фисташекъ, растительнаго масла и пальмовыхъ орѣховъ. Въ 1883 году отпускная торговля тер-

риторіи Казаманка выразилась слѣдующими цифрами: земляныхъ фисташекъ вывезено — 5.230.000 килограмм.; пальмовыхъ орѣховъ — 184.000 килограмм.; каучука — 54.000 килограмм.; всего на сумму 15.000.000 франковъ.

Километрахъ въ десяти къ юго-востоку отъ Карабаны, на берегу большаго боковаго потока (marigot), находится бывшая англійская факторія Линкольнъ, теперь бѣдная деревушка Эликинъ, населенная разноплеменнымъ сбродомъ и держащая въ страхѣ своихъ сосѣдей.

У. Гвинея: португальскія владѣнія въ Сенегамбіи.

Географическое выраженіе «Гвинея» (вѣрнѣе — Гине), подъ которымъ португальскіе мореплаватели понимали всю западную Африку отъ устья Сенегала до устья Оранжевой рѣки, постепенно утратило свое первоначальное значеніе: по мѣрѣ ознакомленія съ отдѣльными странами поморья, страны эти получали особые названія, и теперь въ общепринятой номенклатурѣ наименованіе «Гвинея» удержано лишь за португальскими владѣніями на западно-африканскомъ берегу, между бассейнами Казаманки и рѣки Компони. Конвенція, недавно заключенная между Португаліей и Франціей, точно ограничила эти владѣнія, не естественными чертами почвы, рѣками и горами, но градусами широты и долготы. Территорія, если не подвластная Португаліи, то по крайней мѣрѣ включенная въ сферу ея будущаго господства, отнынѣ указывается на картахъ, и мы можемъ вычислить ея пространство, хотя она еще не вездѣ обследована, и многія мѣстности остаются еще совершенно неизвѣстными. Въ геометрическихъ предѣлахъ, начертанныхъ упомянутой конвенціей, поверхность Гвинеи равняется приблизительно 42.000 квадр. километровъ. Что касается площади территоріи, дѣйствительно занятой португальцами, то она не прешала, въ 1885 г., 69 квадр. километровъ, вмѣстѣ съ энклавой Зигиншоръ, отошедшей послѣ того къ французской Сенегамбіи, а жителей всякой расы, которые были тамъ сгруппированы, насчитывалось около десяти тысячъ. Приблизительная цифра населенія во всей отграниченной территоріи можетъ быть опредѣлена только по аналогіи съ населенностью сосѣднихъ странъ, находящихся въ тѣхъ же климатическихъ и социальныхъ условіяхъ. Принимая во вниманіе постоянныя войны между наступающими и оттѣсняемыми населеніями, добровольныя или вынужденныя перемѣщенія туземцевъ, вслѣдствіе столкновеній между различными народами, рѣчныя наводненія, лѣс-

ные пожары, — общее число жителей Гвиней нельзя считать болѣе, какъ въ 150.000 душъ. Нѣкоторые португальскіе авторы приписываютъ этой странѣ гораздо болѣе густое населеніе, и это неудивительно, потому что милліоны людей могли бы жить въ довольствѣ въ этой плодородной области, обильно орошаемой рѣками, текущими съ горъ Фута-Джаллонъ.

Португальская Сенегамбія вся лежитъ въ той полосѣ африканскаго побережья, которую рѣки, продолжающіяся лиманами, раздѣлили на узкіе полуострова, а море разрѣзало на архипелаги, еще ограниченные съ западной стороны старой линіей берега. Эти рѣки, зарождающіяся въ высокихъ долинахъ, по большей части на востокъ отъ франко-португальской границы, очень многоводны, въ сравненіи съ рѣками своего бассейна, и подобно болѣе сѣвернымъ рѣкамъ, Салуму, Гамбii, Казаманкѣ, судоходны для мелкихъ морскихъ судовъ, которыя могутъ подниматься по нимъ на большое разстояніе внутрь материка, благодаря морскому приливу, проникающему въ лиманы и поддерживающему рѣчное теченіе. Крайняя сѣверная рѣка этой территоріи, Рио-Кашео, называемая иначе Рио-де Фаринъ и Санто-Домингось, течетъ почти параллельно Казаманкѣ, отъ которой она отдѣлена полосой слегка волнистыхъ земель, имѣющей около 40 километровъ средней ширины. Въ нижней части своего теченія лиманъ Рио-Кашео соединяется съ лиманомъ Казаманки посредствомъ сѣти болотъ и боковыхъ потоковъ (*marigots*), затѣмъ впадаетъ въ море широкимъ устьемъ, загражденнымъ песчанымъ порогомъ (баромъ) и примѣтнымъ издалика по высокой дюнѣ, Мата-де-Путама, называемой также Кабо-да-Мата (Мысъ дюны), покрытой большими деревьями, которыя сливаются въ одну сплошную массу зелени.

Рѣка Геба, къ югу отъ Рио-Кашео, беретъ начало, подъ именемъ Ва-Диэмба, въ неизслѣдованной мѣстности, ограничиваемой на востокъ притоками верхней Гамбii, и течетъ параллельно Рио-де-Фаринъ и Казаманкѣ; но видъ рѣки она сохраняетъ только въ верхней части своего бассейна. Въ низовьяхъ на протяженіи слишкомъ 100 километровъ она образуетъ широкій лиманъ, гдѣ корабли, увлекаемые сильнымъ приливнымъ теченіемъ, поднимаются вверхъ по рѣкѣ, какъ въ морскомъ заливѣ: при устьѣ Гебы разстояніе отъ берега до берега не менѣе 16 километровъ. За этимъ воронкообразнымъ лиманомъ слѣдуютъ проливы, отдѣляющіе материкъ отъ архипелага Биссагось, островки и рифы котораго разсыяны противъ устья Гебы, образуя обширный и опасный лабиринтъ. Впрочемъ, боковые потоки (*marigots*) даютъ возможность судамъ выходить изъ рѣки въ море, минуя лабиринтъ архипелага. Одинъ изъ этихъ каналовъ, длиною около сотни кило-

метровъ, проходитъ между континентомъ и тремя островками Биссао, Биссисъ и Жатта: это извилистая водяная аллея, гдѣ мѣстами большія деревья, окаймляющія берега, переплетаются вѣтвями и образуютъ сводъ зелени надъ фарватеромъ, которымъ слѣдуютъ плывущія суда. Къ югу отъ Гебы, цѣлая сеть каналовъ соединяется съ лиманомъ Рио-Гранде менѣе широкимъ, чѣмъ лиманъ Гебы, хотя рѣка-притокъ, по крайней мѣрѣ, суда по начертанію, пока еще гадательному, существующихъ временныхъ картъ, представляется гораздо болѣе важной, какъ по длинѣ теченія, такъ и по числу своихъ притоковъ.

Рио-Гранде (Большая рѣка), называемая также Гиналой, есть, вѣроятно, какъ показывается ея имя, главная рѣка португальской Сенегамбіи. По общей догадкѣ, она беретъ начало на томъ же плоскогорьѣ, гдѣ и Гамбія, но вмѣсто того, чтобы, подобно послѣдней, идти на востокъ, направляется по западной покатости и течетъ подъ именемъ Комбы, постепенно усиливаемая многочисленными горными потоками, которые несутъ ей воды долинъ массива Фута-Джаллонъ, слѣдующихъ одна за другой на пространствѣ около сотни километровъ, по направленію съ сѣвера на югъ. Самый значительный изъ притоковъ Комбы, Томине, также собираетъ свои первыя воды въ соседствѣ Лабе. Одинъ изъ округовъ, черезъ которые протекаетъ этотъ притокъ, изрѣзанъ такимъ множествомъ ручьевъ, что его прозвали Донголомъ, что значитъ «область водъ». Оливье-де-Сандерваль, переходившій рѣку Томине въ сухое время года, въ 150 километрахъ отъ ея истока, опредѣлилъ количество протекающей въ секунду воды въ 10 кубич. метровъ. Въ верховьяхъ эта рѣка извивается въ широкой долинѣ, доминируемой съ той и другой стороны утесами въ 250—300 метровъ высоты, надъ которыми высятся, въ видѣ бастіоновъ, кручи гранитныхъ горъ¹⁾. Ниже, она выходитъ изъ области первичныхъ формаций и, повернувшись на сѣверъ по направленію къ Комбѣ, течетъ межъ стѣнъ изъ черноватаго песчаника и желѣзистаго кварца, прорѣзанныхъ, черезъ извѣстные промежутки, брешами, откуда ручьи-притоки низвергаются водопадами. Въ ложѣ рѣки тамъ и сямъ выступаютъ изъ-подъ воды большіе округленные камни, которые служатъ естественными устоями для сельскихъ мостовъ, то-есть связанными пучками длинныхъ палокъ бамбука, перекинутыхъ съ камня на камень²⁾. Ниже слиянія Комбы и Томине, Рио-Гранде вполне заслуживаетъ имя, данное ей португальцами: это дѣйствительно «большая рѣка», какъ удостовѣряютъ путешественники Молленъ, Геккаръ, Гудсбери, переправлявшіеся

¹⁾ Lambert, «Tour du Monde», 1861.

²⁾ Oliver de Sanderval, «De l'Atlantique au Niger par le Foutah-Djallon».

черезъ нее около вершины кривой, которую она описываетъ передъ тѣмъ, какъ перейти въ западное направленіе, параллельное теченію Гебы. Однако, въ этомъ мѣстѣ существуетъ значительный пробѣлъ въ маршрутахъ изслѣдователей. Между пунктомъ, гдѣ рѣка была переходима путешественниками, и той частью лимана Рио-Гранде, гдѣ португальцы основали свои факторіи, пространство, еще не посѣщенное европейцами, имѣетъ не менѣе 150 километровъ протяженія отъ востока къ западу, и

бражается со времени путешествія Молліена, соответствуетъ дѣйствительности, то Рио-Гранде имѣетъ, отъ истока до устья, около 750 километровъ по длинѣ теченія. Морской приливъ, поднимающійся на сотню километровъ внутрь материка, превращаетъ низовье этой рѣки въ цѣлый лабиринтъ соляныхъ marigots, окружающихъ архипелагъ наносныхъ болотистыхъ земель, который продолжается въ морѣ островами Биссагосъ.

Береговая область, въ южной части порту-

Типъ племени агни.

потому нельзя съ полной увѣренностью сказать, что Комба изливается въ лиманъ Рио-Гранде, а не поворачиваетъ къ сѣверо-востоку, чтобы идти на соединеніе съ Гебой. Дельтеръ, посѣтившій береговую область, высказываетъ эту послѣднюю гипотезу, прибавляя, что прибрежные жители низовьевъ Рио-Гранде считают свой лиманъ морскимъ заливомъ и ничего не слыхали о впадающей въ него прѣсноводной рѣкѣ⁴⁾. Если начертаніе картъ, какъ оно изо-

гальской Гвинее, разрѣзана на полуострова нѣсколькими потоками, имѣющими въ верховьяхъ характеръ ручьевъ, въ низовьяхъ—лимановъ, и текущими параллельно другъ другу съ сѣверо-востока на юго-западъ. Изъ этихъ потоковъ одинъ только заслуживаетъ названіе рѣки—это Кассини, названный такъ путешественникомъ Валлономъ, въ 1857 году, не по имени извѣстной династіи астрономовъ, а по имени первой деревни, которую онъ встрѣтилъ на южномъ берегу лимана. Потокъ этотъ беретъ начало въ 200 километрахъ отъ морскаго

⁴⁾ Ueber die Cap Verden nach dem Rio-Grande and Futa Djallon.

берега, въ гористой мѣстности, ограниченной съ западной стороны теченіемъ рѣки Томине, и соединяется съ моремъ посредствомъ воронкообразнаго залива, въ которомъ самыя большія суда могутъ подниматься на 50 километровъ вверху отъ устья. Франко-португальская конвенція обезпечиваетъ Португаліи владѣніе лиманомъ Кассини, которымъ до того времени фактически владѣли французы, благодаря своимъ факториямъ.

Архипелагъ Биссагосъ, составлявшій прежде часть континента, отличается отъ острововъ побережья только большей шириной проливовъ, раздѣляющихъ его земли, и въ которые проникаетъ морской приливъ. Еще не обследованный во всемъ лабиринтъ его каналовъ, этотъ архипелагъ, защищенный со стороны открытаго моря опасной линіей подводныхъ камней, заключаетъ въ себѣ около тридцати острововъ, большихъ и малыхъ, не считая безконечнаго множества рифовъ; впрочемъ, число выступающихъ изъ-подъ воды земель мѣняется отъ прилива до отлива. Приливная волна, достигающая высоты 4 метровъ, разлагаетъ большіе острова на нѣсколько отдѣльных островковъ, которые снова соединяются въ періодъ отлива: такъ, островъ Каньябакъ, при низкой водѣ, увеличивается островами Поркосъ и Гумбана; острова Галлиньясъ, Формоза, Понта, Корбелья (Каравелла ¹⁾ старинныхъ писателей) соединяются съ сосѣдними землями: обширныя пространства плоскихъ береговъ, покрытыя раковинами, дважды въ сутки бываютъ сухими, а въ остальные часы превращаются въ проливы, съ чрезвычайно быстрымъ теченіемъ. Безъ опытаго лоцмана, плаваніе въ этомъ лабиринтѣ каналовъ очень опасно: оттого суда, проникающія въ архипелагъ Биссагосъ, каждый вечеръ бросаютъ якорь, такъ какъ ночью невозможно плыть среди безчисленныхъ рифовъ. Во многихъ мѣстахъ пребываніе очень вредно для здоровья, по причинѣ массы гнющей тины, которую теченія отлагаютъ въ бухточкахъ. На южной своей окраинѣ архипелагъ Биссагосъ оканчивается уединенной скалой Алькатрасъ или «Пеликанъ»: въ самомъ дѣлѣ, несмѣтные стаи птицъ постоянно кружатся надъ этимъ высокимъ красноватымъ камнемъ, который онѣ покрыли толстымъ бѣлымъ слоемъ гуано.

Самый значительный по величинѣ островъ, Оранго или Гарангъ, имѣетъ въ большей части своего протяженія песчаную почву, съ довольно скудной растительностью, тогда какъ большинство другихъ острововъ одѣты въ пышный нарядъ изъ стройныхъ пальмъ и вѣтвистыхъ деревьевъ; баобабы называются тамъ пулламъ (полонъ, пуалонъ), по имени одного южнаго островка архипелага; издали эти гигантскія

деревья, первый признакъ сосѣдства группы Биссагосъ, кажутся букетомъ, лежащимъ посреди моря. Всѣ острова низменны и вытянуты по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ, то-есть по тому же направленію, по которому расположены острова и полуострова побережья между параллельными рѣками, спускающимися съ массива Фута-Джаллонъ и его передовыхъ плоскогорій. Первые моряки, занимавшіеся изслѣдованіемъ фарватеровъ въ проливахъ архипелага, Руссенъ ¹⁾ и Бельчеръ ²⁾, приписываютъ этимъ островамъ вулканическое происхожденіе; но, по всей вѣроятности, горныя породы, принятые ими за лаву, на самомъ дѣлѣ не что иное, какъ пласты желѣзистой глины, подобные тѣмъ, которые встрѣчаются на большей части западно-африканскаго побережья, въ аллювіальныхъ земляхъ ³⁾. Острова, отрывки прежняго берега, состоятъ изъ тѣхъ же формаций и представляютъ тѣ же физическія черты, какъ и сосѣдній материкъ; отъ дѣйствія ли морскаго размыванія, или вслѣдствіе медленнаго осѣданія почвы, континентъ отступилъ передъ океаномъ, полуострова превратились въ острова, острова въ подводные камни или мели, рѣки сдѣлались лиманами, а лиманы морскими заливами. Во время этихъ вѣковыхъ преобразованій многіе виды животныхъ и растений должны были приспособляться къ условіямъ новой среды. Къ числу такихъ видовъ принадлежитъ и бегемотъ, котораго въ другихъ мѣстахъ рѣдко можно встрѣтить вдали отъ прѣсноводныхъ рѣкъ. Бельчеръ видѣлъ одинъ экземпляръ этого животнаго на юго-западномъ берегу острова Каньябакъ, въ 50 километрахъ отъ рѣкъ побережья: звѣрь былъ украшенъ изряднымъ количествомъ блядечекъ (раковинъ), прицѣпившихся къ его толстой кожѣ.

Климатъ португальской Гвинеи сходенъ съ климатомъ областей Гамбіи и Казаманки, съ той только разницей, что средняя годовая температура въ первой выше и зима представляетъ тамъ болѣе значительныя колебанія между крайними температурами, что, безъ сомнѣнія, должно быть приписано близости высокой горной страны. Въ сосѣдствѣ морскаго берега термометръ иногда опускается ночью до 12 градусовъ Цельсія, — температура, которая кажется страшно холодной не только туземцамъ, но даже бѣлымъ иностранцамъ, которые у себя на родинѣ не зябли бы такъ при вѣтрѣ со снѣгомъ. Въ три холодныхъ мѣсяца, ноябрь, декабрь и январь, высота ртутнаго столбика иногда измѣняется отъ 12 или 15 градусовъ, передъ восходомъ солнца, до 25, 30 и даже 44

¹⁾ «Mémoire sur la navigation aux côtes occidentales d'Afrique», 1827.

²⁾ «Journal of the R. Geographical Society», 1832.

³⁾ Doelter;—Olivier de Sanderval, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Hansen-Blangsted, «Bulletin de la Société de Géographie», 1886.

градусовъ, въ полуденные часы. Но въ зимній періодъ, то-есть во время лѣта южнаго полушарія, температура гораздо правильнѣе, хотя отъ одного до другого сезона средняя представляеть очень малую разницу; такъ, метеорологическія наблюденія дали слѣдующія цифры для температуры въ Биссао:

Самый холодный мѣсяцъ (январь)— $24^{\circ},1$; самый теплый мѣсяцъ (май)— $27^{\circ},9$; средняя годовая— $26^{\circ},1$.

Что касается высоты годового слоя дождей, то она еще не была измѣрена; извѣстно только, что количество атмосферныхъ осадковъ весьма значительно. Въ этихъ странахъ дожди выпадаютъ почти впродолженіи пяти мѣсяцевъ, съ половины мая до конца сентября; грозы часты въ это время года и сопровождаются обильными ливнями. Этимъ объясняется необычайное плодородіе почвы, столько же благоприятное произрастанію растеній, сколько опасное для здоровья человѣка.

Какъ ни пышна растительность Гвинеи и «рѣкъ Юга», лѣса этихъ странъ не спутаны, однако, въ непроницаемую массу, какъ дѣвственные лѣса тропическихъ областей Новаго Свѣта; дерево здѣсь лучше сохраняетъ свою индивидуальность и во многихъ мѣстахъ является въ величавомъ уединеніи. Обширные пространства, даже на островахъ Биссаго, заняты саваннами или «сампінас», лугами, поросшими высокою травой или тростникомъ, среди которыхъ тѣмъ и сямъ высются одинокіе гиганты растительнаго міра, гдѣ — пальма, гдѣ — баобабъ или бавольникъ. На берегахъ лимановъ растительность внутренней мѣстности закрыта чащами ризофоръ, страннаго вида деревьевъ, у которыхъ стволъ поддерживается помостомъ изъ воздушныхъ корней, обліпленныхъ крабами и погружающихся въ мутную воду прибрежныхъ болотъ; но за этимъ шпалеромъ корнепусковъ, на окрѣпшей землѣ, начинается настоящій лѣсъ, состоящій изъ различныхъ древесныхъ породъ. Также какъ Сѣверная Сенегамбія, Гвинея имѣетъ свои акаціи и пальмы *gôniers*; кромѣ того, здѣсь встрѣчаются бамбуковыя чащи. Между рѣками Ріо-Гранде и Кассини обширный пальмовый лѣсъ, прерываемый тамъ и сямъ прогалинами, гдѣ уединенно растутъ бавольники, занимаетъ почти всѣ полуострова побережья: онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ красивой дикой финиковой пальмы (*phoenix spinosa*), одного вида *borassus*, съ широкими вѣрами листьевъ, и масляной пальмы (*elaeis guineensis*), съ ваями, разрѣзанными по краямъ на подобіе бахромы; кокосовую пальму, которая привезена сюда изъ Америки, можно увидѣть только въ селеніяхъ. Особенно грандіозную картину представляетъ лѣсъ по берегамъ проточныхъ водъ; переплетающіяся вѣтви деревьевъ образуютъ длинныя галлерей, подъ сводами которыхъ без-

шумно скользятъ суда. Внутри земель встрѣчается «дождевое» дерево, листья котораго, распрямляющіеся ночью, собираютъ росу, особенно когда воздухъ быстро охлаждается, а утромъ роняютъ ее въ видѣ дождя. Путешественникъ Оливье-де-Сандерваль имѣлъ случай убѣдиться, находясь подъ такимъ деревомъ, что туземцы не обманули его, рассказывая о чудесныхъ свойствахъ «плакуна». Не есть ли это особый видъ лавра, какъ знаменитое дерево, существовавшее нѣкогда на островѣ Ферро?

По фаунѣ, какъ и по флорѣ, Гвинея богаче Сенегамбіи; она принадлежитъ къ поясу экваторіальнаго Судана. Обезьяній родъ представленъ въ этой странѣ большимъ числомъ видовъ, между прочимъ, какъ говорятъ, и видомъ шимпанзе. Нѣкоторыя большія животныя уже исчезли: здѣсь не встрѣчаютъ болѣе ни жирафа, ни зебровъ; можетъ-быть, и слонъ уже истребленъ въ бассейнахъ Гебы и Ріо-Гранде. Но бегемотъ очень распространенъ, и дикій быкъ (*bos brachyceros*) еще водится въ лѣсахъ. Леопарды бродятъ вокругъ плантацій, а кабаны населяютъ поросли кустарника. Рѣки кишатъ крокодилами, въ травѣ ползаютъ страшныя очковые змѣи (*cobras*). Птицы Гвинеи, лучше изученныя, чѣмъ другія животныя этой области, представлены сотнями породъ въ музеяхъ. Нигдѣ въ тропической Африкѣ бѣлые муравьи не строятъ болѣе высокихъ муравейниковъ, имѣющихъ форму пирамидъ, колоколовъ, группъ сталагмитовъ, твердыхъ, какъ камень; также какъ земляной червякъ, термитъ является «геологическимъ дѣятелемъ»¹⁾. Негры Сенегамбіи относятся съ уваженіемъ къ этимъ зданіямъ муравьевъ, нерѣдко болѣе высокимъ, чѣмъ ихъ собственныя хаты: при расчисткѣ земли подъ пашни они остерегаются трогать муравейники, изъ боязни навлечь проклятіе на свои посѣвы. Каналы, лиманы побережья изобилуютъ рыбой: туземцы племени бужаго существуютъ исключительно рыбной ловлей, добывая средства пропитанія удочкой, сѣтью и гарпуномъ. Въ большіе праздники, глава семьи, въ сопровожденіи своихъ разнаряженныхъ женъ, отправляется торжественной процессіей на берегъ моря и бросаетъ въ воду ристъ, медь, вѣтки дерева-фетиша, въ даръ своему кормильцу океану²⁾.

Въ хаосѣ народцевъ, населяющихъ Гвинею, по крайней мѣрѣ шестьдесятъ группъ обозначаются особыми именами, не имѣющими по большей части никакой цѣны въ смыслѣ указанія на расу: переселенія, союзы, завоеванія, часто измѣняютъ номенклатуру племенъ, раздѣляя на различныя или даже враждебныя фракціи народцы общаго происхожденія, со-

¹⁾ Doelter, цитированное сочиненіе.

²⁾ Antichan, „Revue de Géographie“, nov. 1881.

единия, или смѣшивая въ одну группу этнические элементы, прежде совершенно разнородные. Отсюда многочисленныя противорѣчія въ разсказахъ и описаніяхъ путешественниковъ, посетившихъ страну въ разное время. Португальскій изслѣдователь Барросъ насчитываетъ девять ¹⁾ націй, имѣющихъ, по языку, нравамъ и исторіи, общую индивидуальность, которая, впродъ до болѣе точной классификаціи, позволяетъ присвоить имъ названіе расы. Изъ этихъ группъ народцевъ только три, біафары, папелы и бужаго, всей своей численностью обитаютъ въ предѣлахъ португальскихъ владѣній Гвинеи. Фулы и мандинги — пришельцы, вторгшіеся съ востока, гдѣ ихъ племена занимаютъ большую часть Сенегамбіи и Судана; фелупы, баланты, баньюны и ихъ соплеменники брамы или бурамы (Buramos, Brames) живутъ по берегамъ Казаманки и португальскихъ рѣкъ; наконецъ, народецъ налу населяетъ область побережья, въ бассейнахъ Рио-Нуњецъ и Кассини.

Чистокровные фулы или феллаты, называемые португальцами футуфула, немногочисленны въ предѣлахъ португальской Гвинеи; однако, отдѣльныя поселенія ихъ распространены почти до самой Гебы; въ 1881 году они нѣкоторое время держали въ осадѣ португальскую факторію Буба, на берегу лимана Рио-Гранде ²⁾. Но впереди собственно фуловъ территорія подвергается захватамъ со стороны смѣшанныхъ племенъ «черныхъ фуловъ» (Foules pretos), подобныхъ тукулерамъ французской Сенегамбіи; съ внутреннихъ плоскогорій эти феллаты постепенно спустились почти до самаго моря, образуя маленькія колоніи посреди другихъ населеній, или даже оттѣсняя ихъ, когда имѣютъ на своей сторонѣ численный перевѣсъ. Большинство этихъ авангардныхъ народцевъ признаютъ верховную власть королей Фута-Джаллона; другіе, напротивъ, состоятъ изъ бѣглецовъ, старающихся сохранить свою независимость; но осѣдлыя населенія поморя, тѣмъ не менѣе, смотрятъ на нихъ какъ на составную часть арміи завоевателей, и, давая имъ у себя убѣжище, держатъ ихъ въ подозрѣніи.

Въ своемъ нашествіи на береговую область фулы сталкиваются съ мандингами и съ первоначальными населеніями страны, нынѣ поддерживаемыми гарнизонами европейскихъ факторій. Между этими туземными населеніями, племена баланта, занимающія наибольшую часть пространства между средней Казаманкой и лиманомъ Гебы, — вѣроятно самыя храбрыя, и французамъ, основавшимъ свои посты на Казаманкѣ, стоило большаго труда воспрепятствовать переходу балантовъ черезъ эту рѣку; съ цѣлью захвата земель праваго берега. Баланты могли бы образовать могущественную на-

цію, если бы не были раздѣлены на множество народцевъ, часто враждебныхъ другъ другу и вообще не имѣющихъ между собой крѣпкой федеративной связи. Каждая деревня составляетъ маленькое независимое государство, управляемое самымъ богатымъ родомъ. Баланта имѣютъ ясно выраженный негритянской типъ, но большинство изъ нихъ уступаютъ уолофамъ по высотѣ роста и пропорціональности частей тѣла; конечности у нихъ нѣсколько тонки относительно туловища. Черепъ у балантовъ очень удлинённый, лобъ подавшійся назадъ, глаза маленькіе и почти всегда налившіеся кровью; подобно своимъ сосѣдямъ баньюнамъ, они подпиливаютъ зубы, а женщины ихъ дѣлаютъ себѣ надрѣзы на груди. Вступая въ бракъ, баланта даетъ своей женѣ передникъ, прочность котораго должна изображать прочность самаго супружества: если новобрачная счастлива, она наряжается въ эту драгоценную ткань въ торжественныхъ случаяхъ и заботливо бережетъ ее до конца дней своихъ; но если мужъ не нравится ей, передникъ скоро рвется, обращается въ лохмотья, и она снова дѣлается свободной. Мертвые очень почитаются у баланта; домъ умершаго остается запертымъ, со всѣми находящимися въ немъ вещами, и не бывало примѣра, чтобы изъ него было что-нибудь похищено, хотя люди этого племени вообще не любятъ класть охулки на руку. Между всѣми обитателями Гвинеи баланты выдѣляются какъ воры, и какъ воры героическіе. У нихъ собственность ограждается угрозой смерти похитителю, но самая опасность дѣлаетъ актъ похищенія тѣмъ болѣе достохвальнымъ, и юный членъ семьи, не умѣющийъ воровать, навлекаетъ на себя презрѣніе всей родни: его не будутъ считать за человѣка. Существуютъ спеціальныя профессора для обученія этому великому искусству воровства. Въ руководители экспедицій, предпринимаемыхъ съ цѣлью грабежа, всегда избирается самый смѣлый и ловкій воръ; но если ему не повезетъ, онъ долженъ всего опасаться отъ своихъ товарищей; бываетъ, что его продаютъ въ рабство, въ наказаніе за неудачу. Всѣ народцы этого берега, за исключеніемъ только фелуповъ, покупаютъ невольниковъ.

Племя папелъ или бурне населяетъ главнымъ образомъ, къ западу отъ земель народца баланта, полуостровъ, образуемый лиманами рѣкъ Камео и Гебы. Отличительныя физическія признаки этого племени, какъ и его сосѣдей баланта, на которыхъ оно походитъ нравами и социальнымъ бытомъ, составляютъ: красивый черный цвѣтъ кожи, удлинённый черепъ, сухопарыя конечности, курчавые волосы, рѣдкая борода. Женщины ихъ тоже татуируются, избирая пупъ за центръ чертимыхъ на тѣлѣ геометрическихъ фигуръ. Папелы отличаются артистическими способностями: хотя оружіе и

¹⁾ Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa, 1882.

²⁾ Doelter, цитированное сочиненіе.

домашняя утварь большею частью покупается ими у мандингскихъ ремесленниковъ, но украшенія на ихъ глиняной посудѣ и тыквенныхъ бутылкахъ принадлежатъ ихъ собственнымъ

защиты въ мѣшочкахъ, для предохраненія себя отъ всякихъ бѣдъ и напастей; однако, первоначальное ихъ названіе было, кажется, папеп или пепеп. Также какъ племя баланта, эти на-

Баръ при устьѣ рѣки Вольты.

рисовальщикамъ. Будучи идолопоклонниками, они придаютъ большую цѣну амулеткамъ, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ этимологовъ, самое имя ихъ происходитъ отъ «бумажекъ» (по-португальски *paper*—бумага), которыя они носятъ,

родцы хоронятъ мертвыхъ съ большою торжественностью, иногда предоставляя имъ фамильную хижину, какъ мѣсто вѣчнаго покоя, но чаще зарывая ихъ въ землю и воздвигая маленькій курганъ на могилѣ подъ тѣнью бао-

баба или бавольника, священнаго дерева; надъ тонкимъ слоемъ земли, покрывающемъ мертвое тѣло, поддерживаютъ нѣсколько дней костеръ для того, чтобы за дымомъ не слышенъ былъ худой запахъ. Рядомъ съ покойникомъ всегда кладутъ въ изобиліи разныя яства, а иногда, при погребеніи важныхъ особъ, на могилѣ усопшаго закалываютъ всѣхъ животныхъ, которыми онъ владѣлъ, и мясо ихъ сѣдается на публичныхъ пирахъ. По словамъ португальскихъ резидентовъ, папельскіе царьки отправляются на тотъ свѣтъ не одни, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ дѣвъ, погребаемыхъ живыми ¹⁾; во всякомъ случаѣ, эти жертвоприношенія совершались еще не такъ давно, и не дѣла, какъ въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ на похоронахъ гостямъ еще подавалось человѣческое мясо. Тѣла близнецовъ, альбиносовъ и уродовъ бросаются въ море, какъ нечистыя.

Впрочемъ, въ отношеніи нравовъ и обычаевъ нерѣдко замѣчается большое различіе даже между населеніями, живущими въ непосредственномъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ, но раздѣленными наслѣдственной враждой, непрерывной войной и злыми дѣлами колдовства. Такъ, нѣкоторые народцы племени біафаръ или біафада не оказываютъ никакого уваженія къ мертвымъ; они не воздвигаютъ имъ могильныхъ кургановъ, не кладутъ рядомъ съ покойникомъ ни провизіи, ни драгоценныхъ вещей. Біафары—самые смиренныя и миролюбивыя изъ всѣхъ обитателей Гвиней: у нихъ есть нѣчто женственное въ наружности и характерѣ; оттого они въ большомъ презрѣніи у своихъ воинственныхъ сосѣдей. Налумы (налу), слѣдующіе за біафарами въ береговой области, на югъ отъ Ріо-Гранде, тоже отличаются нравами отъ другихъ народцевъ. Такъ, браки у нихъ экзогамическіе; но племя, къ которому принадлежит невеста, отдаетъ ее не иначе, какъ за равное вознагражденіе. Выбирая себѣ жену среди сосѣдняго народца, молодой человѣкъ обязанъ послать свою сестру въ супруги брату уведимой имъ дѣвушки, а если у него нѣтъ сестры, долженъ предложить въ обмѣнъ семь кредиторовъ одного изъ своихъ братьевъ или родственниковъ ²⁾. Что касается туземцевъ племени бужаго или бижуга, которые населяютъ острова архипелага Биссагосъ, противъ лимановъ Гебы и Ріо-Гранде, и частью также полуострова прибрежья, то жители каждаго острова отличаются отъ обитателей другихъ острововъ нравами, обычаями и языкомъ.

Красавцы между неграми, очень хорошо сложенные, за исключеніемъ рукъ, которыя у нихъ слишкомъ длинны, бужагосы—народъ смѣлый, неустрашимый, привыкающій съ дѣтства пре-

небрегать всякой физической болью. Долгое время пираты ихъ были грозой для европейцевъ. Они одни изъ всѣхъ народовъ этой области побережья смѣло пускаются въ открытое море на своихъ длинныхъ пирогахъ, сдѣланныхъ изъ ствола бавольника и украшенныхъ напередъ головой чудовища, съ раскрытой красной пастью; въ прошломъ столѣтіи они еще не знали употребленія паруса, теперь же, хотя ихъ и называютъ «варварами изъ варваровъ», они не хуже португальскихъ моряковъ умѣютъ пользоваться силой вѣтра. Отправляясь въ военную экспедицію, бужагосы красятся охрой и украшаютъ себя перьями и разными металлическими побрякушками; въ прошломъ столѣтіи они еще сражались стрѣлами, вооруженными ядовитой рыбьей костью ¹⁾. Однимъ изъ первыхъ предметовъ ихъ заграничнаго привоза были сабельные клинки нѣмецкой фабрикаціи; когда англичанами была сдѣлана попытка колонизаціи этого архипелага, около ста лѣтъ тому назадъ, всѣ бужагосы имѣли уже мечи въ метръ длиной, носившіе на клинкѣ клеймо Золингенскихъ фабрикъ ²⁾. Эти туземцы обладаютъ способностью схватывать сходство предметовъ и воспроизводить ихъ въ своихъ изваяніяхъ; ихъ фетиши, изображающіе людей или животныхъ, отличаются замѣчательной вѣрностью натурѣ и, по сравненію съ подобными издѣліями другихъ странъ западной Африки, могутъ считаться настоящими произведеніями искусства. На нѣкоторыхъ островахъ бужагосы переживаютъ еще періодъ матриархальнаго быта, по крайней мѣрѣ, по существованію у нихъ факультативной полиандріи (многожукія). Жена не переходитъ въ домъ мужа, но наоборотъ принимаетъ его въ свой домъ. Она не обязана быть вѣрной мужу и можетъ покидать совместное жилище, когда угодно. Ей достаточно предупредить супруга о своей отлучкѣ; однако, она была бы встрѣчена не очень любезно, если бы вернулась домой съ пустыми руками; обыкновенно она приноситъ мѣру риса или приводитъ козу или корову, какъ заработокъ изъ отхожаго промысла.

Миссіонеры ислама дѣятельно ведутъ пропаганду во всѣхъ племенахъ португальской Гвиней, и многіе народцы уже обратились въ магометанскую вѣру, по крайней мѣрѣ, по имени. Въ землѣ племени налумовъ мусульманскія общины слѣдуютъ она за другой до самаго моря: многочисленность ихъ объясняется близостью этой страны къ области Фута-Джаллонъ; въ этомъ мѣстѣ феллатамъ, выступающимъ одновременно въ роли завоевателей и религіозныхъ пропагандистовъ, стоитъ только спуститься со своихъ горъ, чтобы достиг-

¹⁾ Travassos Valdez;—de Barros;—Doelter, цитированное сочиненіе.

²⁾ De Barros, цитированная статья.

¹⁾ Alvarez d'Almada, цитированное сочиненіе.

²⁾ Philip Beaver, „African memoranda on the island of Bulama“.

нута береговъ океана ¹⁾. Что касается обрѣзанія, то это общераспространенный обычай у гвинейскихъ племенъ, и, по словамъ Барроса, оно практикуется помимо какихъ-либо религіозныхъ вѣрованій, какъ своего рода магонскій знакъ между людьми всякаго происхожденія и всякаго культа, анимистами, магометанами, христіанами ²⁾. Прежде, пока еще исламъ не приобрѣлъ преобладающаго значенія и отдаленное вліяніе его еще не успѣло отразиться на религіозныхъ идеяхъ необращенныхъ народцевъ, у племенъ поморья господствовалъ культъ нечистой силы; имъ казалось бесполезнымъ молиться добрымъ духамъ, они старались только заклинать злыхъ демоновъ. Туземцы, у которыхъ еще сохранился этотъ обрядъ заклинанія бѣсовъ, собираются для исполненія его въ «шинѣ», т. е. священномъ мѣстѣ; такимъ мѣстомъ избирается либо берегъ рѣки или моря, либо деревенская площадь или домъ вождя племени; этотъ послѣдній окропляетъ пальмовымъ виномъ колъ, вбитый по срединѣ «шины», затѣмъ приноситъ въ жертву быка, козу или пѣтуха, и читаетъ предзнаменованія во внутренностяхъ и крови закланнаго животнаго; эти предвѣщанія всегда благоприятны, если церемонія совершена по всѣмъ правиламъ, и дьяволъ удаляется отъ племени. Чтобы поборотъ второстепенныхъ чертей, злыхъ духовъ, наводящихъ порчу на людей и скотъ и поражающихъ тѣло болѣзнями, прибѣгаютъ къ содѣйствію колдуновъ, *жамбакоу*, искусныхъ чародѣевъ, обладающихъ непогрѣшимымъ средствомъ изгонять всякую хворь. Тѣмъ не менѣе, случается, что болѣзнь оканчивается смертью; но это не значитъ, что порча восторжествовала, а просто въ этомъ случаѣ пациентъ самъ хотѣлъ покончить съ своей настоящей жизнью, чтобы начать новую. Мало найдется людей, у которыхъ бы идея безсмертія приняла болѣе конкретную форму. Бужаго, заблудившійся въ лѣсу, или увиденный плѣнникомъ на чужбину, самъ накладываетъ на себя руки для того, чтобы вернуться домой ³⁾.

У этихъ народцевъ все получаетъ благоприятное или зловѣщее значеніе: деревья, камни, животныя, цвѣта и звуки. Оттого на всѣ предметы, могущіе принести несчастье, налагается табу. Иногда цѣлые округи подпадаютъ подъ запрещеніе, объявляются проклятыми, *malgozados*, по выраженію португальцевъ. Всякому, кто дерзнулъ бы проникнуть туда, грозитъ смертная казнь, не потому, чтобы смѣлѣе

возбудилъ этимъ поступкомъ озлобленіе противъ себя, но потому, что онъ сломалъ бы символическую печать, наложенную чародѣями на запрещенную мѣстность. То же самое нужно сказать о лицахъ и вещахъ, сдѣлавшихся священными въ силу запрета, произнесеннаго колдунами. Прикосновеніе къ этимъ табуированнымъ предметамъ смертельно: оно наказуется отравленіемъ. Вообще обычай суда посредствомъ яда всего лучше сохраняется у племенъ, живущихъ по рѣкѣ Гебѣ, каковы бапанта, панель и фелупъ. Обвиняемому подають настой коры дерева, называемаго туземцами—*тали*, а французскими торговцами—*mapçone* или *bourdane*. Дѣйствіе ядовитаго напитка не заставляетъ долго ждать себя: оно проявляется либо рвотой, которая спасаетъ невиннаго, либо корчами, которыя казнятъ преступника ⁴⁾. Со времени появленія въ краѣ огнестрѣльнаго оружія ружейная пуля сдѣлалась однимъ изъ могущественнѣйшихъ фетишей: самая страшная клятва—та, которая произносится надъ пулей, зарытой въ землю. Эти варварскіе народы въ вѣчномъ страхѣ передъ неизвѣстнымъ. Но человѣческая натура не можетъ примириться съ постояннымъ страхомъ, и эти люди, до отупѣнія запуганные колдунами, нерѣдко предаются съ безумнымъ увлеченіемъ своей излюбленной забавѣ—музыкѣ и пляскѣ. Особенно бѣафары—неутомимые танцоры; иногда жены берутъ мужей къ себѣ на плечи и съ этимъ грузомъ скачутъ и кружатся до упаду ⁵⁾.

Бѣлыхъ иностранцевъ въ Гвиней очень мало, не больше полсотни; нѣсколько солдатъ, торговцы, большей частью французы, наконецъ, небольшое число ссыльныхъ, *degradados*—вотъ и всѣ представители европейской расы; однако, португальское вліяніе, дѣйствующее уже нѣсколько вѣковъ, не прошло безслѣдно для населеній побережья. Особенно замѣтно это вліяніе на манджакахъ или мандигосахъ, панельскихъ племенахъ, живущихъ на островахъ и полуостровахъ по обѣ стороны лимана Гебы: это такъ называемые «черные португальцы», составляющіе массу рабочего населенія вокругъ конторъ; между ними обыкновенно и набираются всѣ нужные рабочіе—лодочники, носильщики, чернорабочіе, помощники для дальнихъ экспедицій. Повидимому, смѣшанные семейства (метисы) пропорціонально болѣе многочисленны въ португальскихъ владѣніяхъ, нежели въ англійской и французской территоріяхъ Сенегамбіи; въ Гвиней насчитываютъ тысячи *grumetes*, или черныхъ христіанъ, которые, при равенствѣ образованія, ничѣмъ не отличаются отъ бѣлыхъ по общественному положенію. Еще не очень дав-

¹⁾ Béranger-Féraud, «Les Peuplades de la Sénégambie».

²⁾ De Barros, «Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa», 1882;—Travassos Valdez, «Six Years of a Traveller's Life in Western Africa».

³⁾ Lopes de Lima, «Ensaio sobre a statistica das Possees portuguezas de Ultramar», livro I.

⁴⁾ Hamon, «Archives des hôpitaux du Sénégal»;—Béranger-Féraud.

⁵⁾ Doelter, цитируемое сочиненіе.

но португальские купцы бойко торговали рабками, крестиками и четками, которые туземцы покупали у них в качестве амулек, давая им в обмен живой товар¹⁾. В португальских факториях не видно никакого следа бывшего рабства, но у всех окрестных народов еще существуют невольники. Язык, употребляемый португальцами и груметами, есть род сабира, называемый *папель* по имени народа, в сношениях с которым он употребляется: это жаргон португальского происхождения, который čím дальше от мѣстъ пребывания португальцев, čím все болѣе удаляется от своего родоначальника, и къ которому примѣшиваются слова изъ различныхъ негритянскихъ нарѣчій, смотря по расамъ, господствующимъ въ той или другой мѣстности. Какъ всѣ европейскіе языки, преобразованные въ негритянскіе говоры, португальскій «папель» имѣетъ очень бѣдный запасъ словъ и самый рудиментарный синтаксисъ; грамматическихъ родовъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ, а времена глагола обозначаются неизмѣняемыми вспомогательными глаголами²⁾.

Шесть или семь тысячъ жителей, непосредственно подчиненныхъ португальской администраціи, разсѣяны на обширной территоріи, по берегамъ рѣки и на островахъ. Бассейнъ рѣки Кашео заключаетъ въ себѣ только два маленькихъ поста. Одинъ изъ этихъ постовъ, городокъ Фаринъ, или «Вожь», названный такъ потому, что прежде былъ резиденціею туземнаго короля, находится въ двухъ стахъ километрахъ отъ моря, въ землѣ племени баланта; другой, Кашео, стоитъ на южномъ берегу лимана, который въ этомъ мѣстѣ доступенъ судамъ, имѣющимъ до 3-хъ метровъ водоуглубленія. Биссао (Биссану), на островѣ того же имени, командующій на сѣверѣ входомъ въ рѣку Гебу, былъ нѣкогда, какъ и Фаринъ, резиденціею «императора», который наводилъ страхъ на сосѣдей, благодаря своему военному флоту, состоявшему изъ барокъ, которыя выходили по сигналу барабаннаго боя, повторяемаго послѣдовательно изъ конца въ конецъ на всемъ архипелагѣ³⁾. Биссао состоитъ изъ крѣпости и расположенныхъ вокругъ нея шести туземныхъ деревень, изъ которыхъ каждая имѣетъ своего предводителя или царька, *regulo*, какъ его называютъ португальцы; негочанты Биссао ведутъ торговлю товарами, закупаемыми ихъ агентами въ конторахъ верховья лимана и рѣки, Фа и Геба. Болѣе важное значеніе, čím два названныхъ городскія поселенія или *concelhos*, Кашео и Биссао, имѣетъ Болама, нынѣ столица Гвинеи, рези-

денція губернатора и главный гарнизонный пунктъ. Это небольшой городокъ, построенный на берегу пролива, обсыхающаго во время отлива, на одномъ изъ острововъ, лежащихъ противъ лимана Рио-Гранде. Хотя на эту землю предъявляли притязанія португальцы, Андре Брю пробовалъ завести тамъ факторію, затѣмъ, въ 1792 году, туда высадились англичане и основали настоящую колонію земледѣльцевъ и ремесленниковъ; она состояла изъ 275 человекъ, въ томъ числѣ 57 женщинъ. Стычки съ туземцами бужаго, болѣзни, тоска по родинѣ, голодовки скоро уменьшили численность иностранной общины до того, что оставалось въ живыхъ нѣсколько человекъ, которые только благодаря возвращенію въ отечество спаслись отъ вѣрной смерти⁴⁾. Со времени этой несчастной попытки колонизаціи Португалія и Англія постоянно оспаривали другъ у друга право на владѣніе Боламою; наконецъ, въ 1870 году Соединенные Штаты С. Америки, въ качествѣ третейскаго судьи, рѣшили споръ въ пользу португальцевъ. Но посредниками въ мѣстной торговлѣ являются по преимуществу французскіе торговые дома; кромѣ земляныхъ фисташекъ или арахидъ (средній экспортъ этого продукта изъ Гвинеи составляетъ около 12.000 тоннъ, на сумму 2.400.000 франковъ), они вывозятъ отсюда допаловую камедь, «лучшую въ свѣтѣ», которая собирается въ землѣ, у подножія деревьевъ, гдѣ она лежитъ шариками, по величинѣ и наружному виду похожими на ямсъ (иньямъ). Островъ Болама прежде считался военной маршею между островитянами бужаго и биафарами: необитаемый людьми, онъ сдѣлался паркомъ слоновъ, которые приходили туда сотнями въ сухое время года. Портъ Боламы, къ юго-западу отъ города, хорошо защищенъ отъ вѣтровъ. Остальная территорія этого острова и сосѣдняя земля Галлиньясъ заняты многочисленными плантаціями и полями сахарнаго тростника, зерновыхъ хлѣбовъ и стручковыхъ растений. Пища жителей состоитъ главнымъ образомъ изъ риса, меда, съѣдобныхъ корней и рыбы.

Города португальской Гвинеи: Болама (Булама)—4.000 жител. Кашео—3.000 жител. Биссао (Биссану) (1880 г.)—540 жител.

На лиманѣ Рио-Гранде, представляющемъ большой внутренній портъ, доступный самымъ крупнымъ судамъ, главныя португальскія поселенія—Бизасма и Буба. Неподалеку отъ послѣдней изъ этихъ факторій, фулы имѣли крѣпость Гвидали, которую португальцы недавно взяли приступомъ, чтобы избавиться отъ стѣснительнаго сосѣдства. Далѣе, уже за чертой территоріи, принадлежащей португальцамъ, на рѣкѣ Комбѣ, ниже слиянія ея съ притокомъ

¹⁾ Hyacinthe, Hecquard, цитированное сочиненіе.

²⁾ Bertrand-Bocandé, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», juillet et août 1849.

³⁾ Labat;—F. Berliouy, цитированное сочиненіе.

⁴⁾ Philip Beaver, цитированное сочиненіе.

Томине, находится торговое мѣстечко Каде, посѣщаемое мандингскими купцами. Эта провинція состоитъ подъ управленіемъ короля Лабе, одного изъ главныхъ державцевъ въ области Фута-Джаллонъ, который посылаетъ фуловъ во все деревни, въ качествѣ своихъ представителей и для сбора податей. Въ соѣдствѣ живетъ народецъ тіани, — смиренныя земледѣльцы, трепещущіе при видѣ всякаго воина. Они говорятъ особымъ языкомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ языками мандинговъ и фуловъ ¹⁾).

VI. Южныя рѣки.

Вся область побережья, простирающаяся, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, на протяженіи 300 километровъ по прямой линіи, между португальской Гвинеей и англійскими владѣніями Сьерра-Леоне, извѣстна подъ именемъ «Рѣкъ Юга» (Rivières du Sud) ²⁾. Происхожденіе этого названія объясняется тѣмъ, что въ глазахъ моряковъ и негоціантовъ устья рѣкъ, куда проникаютъ суда для мѣноваго торговаго съ туземцами, — единственные стоящіе вниманія части территоріи. Они называютъ также эту береговую полосу «низовьемъ берега», подразумевая подъ его «верховьемъ» все побережье Сенегамбии, лежащее на сѣверъ отъ архипелага Биссагосъ. Эта территорія «Южныхъ рѣкъ» уже съ лѣтнадцатаго столѣтія посѣщается купцами разныхъ націй: португальцы, англичане, нѣмцы, основали тамъ факторіи, но французскіе торговцы имѣютъ значительный перевѣсъ по объему коммерческихъ операцій; кромѣ того, по повѣйшимъ конвенціямъ, за Франціей признанъ политическій суверенитетъ надъ всей береговой полосой и надъ областью прилегающихъ къ ней покатоствъ.

Впрочемъ, эту территорію нельзя назвать колоніальнымъ владѣніемъ въ собственномъ смыслѣ: это не болѣе, какъ страна торговой эксплуатаціи, при томъ еще едва утилизируемая, если принять въ соображеніе баснословное плодородіе почвы и выгоды, которыя представлялъ бы край въ смыслѣ удобства сообщеній съ долинами Фута-Джаллона и областью истоковъ Нигера. Въ настоящее время рѣки Юга даже купцами посѣщаются только пять мѣсяцевъ въ году. «Мѣновая кампанія», которую представители, черные и бѣлые, сенегальскихъ негоціантовъ производятъ каждый годъ въ

этихъ факторіяхъ, продолжается съ декабря до апрѣля; она обнимаетъ покупку маслянистыхъ сѣмянъ и другихъ произведеній приморской полосы, а также покупку «дорогихъ товаровъ», которые привозятся караванами изъ внутреннихъ мѣстностей — кунжута, каучука, камеди, воска, кожи, золотого песку ¹⁾. Но эта страна, которую несомнѣнно ожидаетъ блестящая будущность, еще очень мало знакома европейцамъ; за исключеніемъ бассейновъ рѣкъ Нуньецъ и Большой и Малой Скарсин, она еще не была обследована путешественниками; неизвѣстно даже въ точности, какое направленіе принимаютъ рѣки, истоки которыхъ открыты въ горахъ Фута-Джаллона, и въ какіе лиманы онѣ изливаются. Поэтому можно лишь гадательно опредѣлять размѣры территоріи, причисляемой къ французскимъ владѣніямъ: если принять для береговаго пояса до массива Фута-Джаллонъ среднюю ширину въ 200 километровъ, то вся площадь этой территоріи будетъ около 60.000 квадр. километровъ. Такъ какъ туземное населеніе относительно густо на всемъ побережьи, то число жителей на этой покатоствѣ можно считать по малой мѣрѣ въ 200.000 душъ; въ 1877 году насчитывали до 30.000 резидентовъ въ мѣновыхъ конторахъ и окружающихъ деревняхъ. Одни только маленькія государства Коба и Кобитай, на лиманѣ Сангарей, имѣютъ свыше 30.000 жителей ²⁾.

Весь этотъ берегъ Южныхъ рѣкъ, какъ и португальская Гвинея, разрѣзанъ на полуострова, которые, благодаря многочисленнымъ притокамъ и лагунамъ, въ часы прилива обращаются въ лабиринтъ острововъ и островковъ; но лиманы здѣсь по большей части не далеко вдаются внутрь материка, такъ какъ мѣстность довольно быстро повышается къ горамъ Фута-Джаллонъ: едва минуешь поясъ корнепусковъ, какъ уже начинается твердая почва, происшедшая отъ разложенія желѣзистаго песчаника. Крайняя сѣверная рѣка этой области довольно многоводна: въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ламберъ переправлялся черезъ нее, въ 1860 г., она носитъ имя Когонъ; при устьѣ туземцы, которыхъ разспрашивалъ Бельчеръ, называли ее Компони или Кампуни. Впадая въ море широкимъ лиманомъ, она развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ одинъ опоясываетъ на западѣ островъ Тристанъ, первую французскую землю въ этой части поморья. Островъ этотъ носитъ имя португальскаго мореплавателя Нуно Тристана, который открылъ его въ 1455 году.

Ріу Нуньецъ (Нуно по-португальски) тоже называется по имени этого морехода, который первый изъ европейцевъ проникъ въ тѣ мѣста и нашелъ тамъ смерть, въ стычкѣ съ

¹⁾ H. Nesquard, *питированное сочиненіе*.

²⁾ Декретомъ отъ 17 дек. 1891 г. для всехъ французскихъ владѣній на западномъ берегу Африки между португальской Гвинеей и англійской колоніей Лагосъ установлено общее названіе: «Французская Гвинея», которая распадается на «Южныя рѣки», владѣнія на берегу Слоновой кости и владѣнія на Бенискскомъ заливѣ. Пространство Франц. Гвиней: 61.750 кв. километр., населеніе: 1.200.000 душъ.

Ред.

¹⁾ Louis Vignon, «Les Colonies françaises».

²⁾ Chüden, «Annalen der Hydrographie», 1885, Heft VI.

чернокожими. Туземцы называют эту рѣчку Какунди ¹⁾; она питается многочисленными быстрыми ручьями, через которые устроены всякіе мосты изъ лѣвъ и древесныхъ вѣтвей ²⁾. Рио-Нуньецъ, имѣющій весьма важное значеніе для торговли, по объему воды уступаетъ предыдущей рѣкѣ (Компони): длина его теченія, выше лимана, вѣроятно, не превышаетъ сотни километровъ; истоки находятся довольно близко отъ водопадовъ, у которыхъ прекращается судоходство, немного выше французской факторіи Боке. Большія глубины, въ 5 и 6 метровъ при отливѣ, начинаются въ 60 километрахъ отъ моря: отъ этого мѣста до лимана глубоко сидяція суда плаваютъ безъопасно; входъ въ рѣку не загражденъ баромъ, хотя тамъ въ теченіе настоящаго столѣтія образовался островъ, называемый Песчанымъ и теперь уже заросшій лѣсомъ. Но приливныя теченія врываються съ большой силой въ воронку Рио-Нуньца, имѣющую 7 километровъ ширины въ отверстіи: иногда скорость воды достигаетъ 9 километр. въ часъ, и многочисленные остовы потерпѣвшихъ крушеніе судовъ свидѣтельствуютъ объ опасности, которой подвергаются, при столкновеніи двухъ встрѣчныхъ теченій, морскаго и рѣчнаго, парусныя суда, пускающіяся безъ опытнаго лодмана. Приливная волна поднимается въ Рио-Нуньецѣ выше, чѣмъ въ другихъ рѣкахъ этого побережья; высота ея достигаетъ 6 и 7 метровъ. На обоихъ берегахъ рѣки лѣства корнепусковъ останавливается по совершенно правильной горизонтальной плоскости, указывающей высоту, до которой поднимается уровень воды во время прилива ³⁾. Глубина Рио-Нуньца, большое протяженіе представляемаго имъ воднаго пути, доступнаго для пароходовъ, земледѣльческое богатство бассейна и близость горной страны Фута-Джаллонъ указываютъ на эту рѣку, какъ на одну изъ главныхъ дверей, ведущихъ во внутреннюю Африку, и Оливье де-Сандерваль предполагалъ выбрать именно Рио-Нуньецъ за исходный пунктъ желѣзной дороги, на которую онъ получалъ отъ альмами всемілостивѣйшую концессию, но которой, вѣроятно, суждено остаться въ формѣ проекта.

Нѣсколько южнѣ Рио-Нуньца течетъ, параллельно ему, другая рѣка, Катако, съ очень труднымъ входомъ; но первый большой потокъ, впадающій въ море, находится въ сотнѣ километровъ далѣе, за треугольной стрѣлкой мыса Верга, доминируемой высокими холмами. Это рѣка Понго (Понгосъ, Понгасъ), притоки которой берутъ начало въ юго-западныхъ доли-

нахъ массива Фута-Джаллонъ; область средняго теченія ея еще не изслѣдована, и пути притоковъ не могутъ быть точно означены на картѣ: даже номенклатура ихъ еще не отождествлена. Лиманъ Рио-Понго, менѣе широкій сравнительно съ лиманомъ Рио-Нуньца, развѣтвляется на множество второстепенныхъ рукавовъ: на пространствѣ около тридцати километровъ берегъ, хотя представляющій со стороны моря непрерывную прямую линію, изрѣзанъ внутри обширной сѣтью каналовъ (marigots), образующей настоящій лабиринтъ, гдѣ суда, быстро увлекаемыя теченіемъ въ часы прилива, движутся подъ сводами изъ зелени. Баръ при устьѣ Рио-Понго — самый трудный въ сравненіи съ порогами другихъ рѣкъ Юга, и если судно угодить сразу въ узкій проходъ, оно рискуетъ быть отнесеннымъ на пески силой теченія: приливная волна, достигающая здѣсь высоты 2 метровъ, поднимается вверхъ по лиману на 40 слишкомъ километровъ — разстояніе, впрочемъ, гораздо меньше того, на которое восходитъ приливъ въ сѣверныхъ рѣкахъ, въ Гамбії и Казаманкѣ. Рѣчной потокъ Понго въ періодъ половодья спускается съ большой скоростью, по 14—15 километровъ въ часъ, что повидимому, указываетъ на значительный дебитъ ⁴⁾.

Еще многоводнѣе, если судить по верхнему теченію, рѣка, которая, въ области Фута-Джаллонъ, носитъ имя Какрима или Какримана. Эта рѣка беретъ начало въ томъ же массивѣ, откуда вытекаетъ Гамбія, Комба или Рио-Гранде, Фалеме, Бафингъ; всѣ европейцы, переходившіе ее въ верховьяхъ, Калье, Ламбергъ, Байоль, Нуаро, Оливье, говорятъ о ея прекрасныхъ быстрыхъ водахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній изъ названныхъ путешественниковъ переходилъ этотъ потокъ, на высотѣ 430 метровъ, объемъ протекающей воды былъ не менѣе 50 кубич. метровъ въ секунду: даже въ сухое время года ее нельзя перейти въ бродъ; но каскады и пороги дѣлаютъ ее несудоходной. Внизъ отъ этихъ водопадовъ, на протяженіи 200 километровъ по прямой линіи, теченіе Какримана еще не изслѣдовано, и нельзя положительно утверждать, что рѣка Брамея, впадающая въ море на полпути между Рио-Понго и Меллакореей, въ широкій лиманъ Сангареа, есть именно названная большая рѣка, выходящая изъ горъ Фута-Джаллонъ. По разсказамъ туземцевъ, Брамея судоходна на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ километровъ для судовъ, имѣющихъ до 3 метровъ водоуглубленія, но теченіе ея въ 60 километрахъ отъ океана прерывается цѣлымъ рядомъ опасныхъ пороговъ ⁵⁾.

Изслѣдовать эту страну было бы тѣмъ важ-

¹⁾ Belcher, „Journal of the R. Geographical Society“, 1832

²⁾ Gray and Doehard;—Olivier de Sanderval, цитированное сочиненіе.

³⁾ Siegmund Israel, „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik“, Juni 1885.

⁴⁾ Coffineires de Nordeck, „Tour du Monde, 1886.

⁵⁾ Chûden, цитированн. статья.

нѣе, что тамъ горы и плоскогорья, спускающіяся террасами, мѣстности здоровыя, удобныя для поселенія европейцевъ, продолжаются почти до самаго моря. Высокіе хребты и вер-

мому, совершенно уединенная, высится на востокъ отъ лимана Сангарей (Сагари), въ небольшомъ отъ него разстояніи: это Какулима, «святая гора», конусообразный пикъ ко-

Общій видъ Эльмины.

шины этихъ горъ, называемыхъ Су-Су, по имени обитающаго на нихъ народца, служатъ указателями пути кораблямъ, проходящимъ вблизи береговъ. Одна изъ вершинъ, повиди-

торой поднимается на 910 метровъ надъ саваннами и пальмовыми лѣсками побережья. Есть ли это вулканическая гора, и дѣйствительно ли иногда бываетъ виденъ, какъ рассказываютъ

туземцы, легкій столбъ дыма, выходящій изъ конечнаго кратера ¹⁾? До сихъ поръ еще ни одному путешественнику не удалось получить позволеніе войти на священную Какулиму. На юго-западѣ выступъ материка продолжается длиннымъ полуостровомъ Конакри и островомъ Тумбо, которые выдвигаются на западъ, какъ бы для того, чтобы соединиться съ архипелагомъ Лосъ. Эти послѣдніе острова, по-португальски первоначально «*islas de los Idolos*» — откуда и произошло нывѣвшее сокращенное имя *Los* — обязаны своимъ названіемъ идоламъ, которыхъ тамъ нашли первые мореплаватели. Эти земли несомнѣнно вулканическаго происхожденія. Два главныхъ острова, высотой 200 слишкомъ метровъ, расположены въ формѣ обширнаго разломаннаго кратера, по срединѣ котораго находится островокъ, имѣющій видъ центрального конуса. Горныя породы архипелага состоятъ изъ синихъ и желтоватыхъ лавъ, облегающихъ порфиrowыя массы ²⁾.

Такъ называемая «рѣка» Меллакорей (Маллекори), на югѣ отъ полуострова Конакри, въ дѣйствительности есть не что иное, какъ морской лиманъ, также какъ сосѣднія «рѣки», Манеа, Моребіа, Форекаріа; но она важнѣе въ торговомъ отношеніи и даетъ доступъ въ область болѣе изслѣдованную. Что касается двухъ «низовыхъ» южныхъ рѣкъ, Большой и Малой Скарсіи, которыя португальцы называли *rios dos Carceres*, то это дѣйствительно рѣки, и при томъ многоводныя, особенно Малая Скарсія, несмотря на ея имя, — значительная рѣка, питаемая могучими притоками, изъ которыхъ одинъ, Фала, беретъ начало на невысокомъ порогѣ, въ сорока километрахъ отъ Нигера. Двѣ Скарсіи, спустившись съ горъ Фута-Джаллонъ и сосѣднихъ высотъ, на югѣ отъ массива Тимбо, постепенно сближаются и впадаютъ въ одну и ту же бухту, устьянную островками. Ихъ низовья и сосѣднее побережье съ 1882 года принадлежатъ Великобританіи: граница между французскими владѣніями и Сьерра-Леоне идетъ по линіи водораздѣла между Меллакореей и лиманомъ Большой Скарсіи. Сосѣдній островокъ Матаконгъ принадлежитъ Франціи, тогда какъ архипелагъ Лосъ составляетъ англійскую территорію.

Климатъ, флора, фауна почти одинаковы въ области рѣкъ Юга и въ сѣверной Сенегабѣ; тѣмъ не менѣе, болѣе южная широта, болѣе близость горъ, перемѣна ориентировки въ расположеніи побережья должны отражаться соответствующими измѣненіями въ климатическихъ явленіяхъ и живыхъ организмахъ. Продолженіи дождливаго времени года, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ большихъ жаровъ, затишья чередуются съ грозами; ливни и

смерчи довольно часты: вообще равновѣсіе атмосферы здѣсь всегда неустойчиво. Въ сезонъ относительно холодный пассатные вѣтры, въ собственномъ смыслѣ, отличаются меньшей силой и правильностью, нежели въ болѣе сѣверныхъ областяхъ моря: они чаще уклоняются отъ своего нормальнаго направленія и превращаются въ муссоны. Иногда они дуютъ здѣсь съ сѣвера на югъ, или движутся вдоль береговъ, или даже заворачиваютъ внутрь континента. Однако, около середины сезона, въ январѣ мѣсяцѣ, пассатъ, одержавъ перевѣсъ въ столкновеніи воздушныхъ токовъ, дуетъ правильно съ сѣверо-востока: это гарматтанъ, сахарскій вѣтеръ, приносящій изъ пустыни мельчайшія частицы песку; вокругъ этихъ облаковъ пыли скопляются водяные пары, и по утрамъ здѣсь господствуютъ густые туманы, въ родѣ великобританскихъ, только гораздо болѣе опасные, по причинѣ органическихъ веществъ, которыми они насыщены: это самая нездоровая пора для европейцевъ. Кромѣ обычныхъ колебаній воздушнаго океана, береговой поясъ представляетъ еще правильную смѣну бризъ; утромъ, атмосферный токъ спускается вмѣстѣ съ рѣками къ морю; подъ вечеръ, онъ движется обратно къ матеріку.

Въ лѣсахъ по рѣкѣ Нуньецъ встрѣчаются во множествѣ растенія, дающія каучукъ. Одни изъ этихъ растеній — высокоствольныя деревья, принадлежащія къ роду смоковницы, изъ которыхъ туземцы добываютъ сокъ посредствомъ надрѣзовъ; другія, разные виды *landolpha*, — чужеродныя ліаны, обвивающіяся вокругъ деревьевъ, какъ плющъ; для полученія изъ нихъ сока, обыкновенно перерѣзываютъ стебель; истеченіе обильно, но разрѣзанная ліана погибаетъ ¹⁾. Въ числѣ растеній, принадлежащихъ къ самородной флорѣ Южныхъ рѣкъ, находится также кофейное дерево. Кофе изъ области Ріо-Нуньеца, хорошо извѣстный въ торговлѣ, отличается отъ мокко болѣе мелкимъ зерномъ, но почти не уступаетъ ему ароматомъ и вкусомъ; его собираютъ преимущественно въ бассейнѣ рѣки Понго; впрочемъ, культура этого драгоцѣннаго дерева ведется довольно небрежно. Изъ другихъ деревьевъ наиболѣе цѣнные продукты даетъ масличная пальма *elaeis guineensis*, которая растетъ также сѣвернѣе, въ собственной Сенегабѣ, хотя не образуетъ тамъ сплошныхъ лѣсовъ: промышленный поясъ этого растенія начинается въ области рѣкъ Юга; впрочемъ, негры не умѣютъ извлекать масло изъ плода: они ограничиваются собираніемъ пальмовыхъ миндалинъ. Это дерево, съ листьями, разрѣзанными по краямъ въ видѣ бахромы, — одна изъ самыхъ красивыхъ пальмъ; стволъ, на которомъ не тронуты

¹⁾ Vigné, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 8 juin 1886.

²⁾ Belcher, цитиров. статья.

¹⁾ Hubler, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“.

старые стебли, походить на арматуру, но, чтобы легче было лазить до вѣтокъ съ плодами, негры тщательно очищаютъ большинство маслянистыхъ пальмъ. Дерево кола (*sterculia aspinata*) почти не встрѣчается на берегахъ Нуньеца и Понго; центръ его производства для морской торговли находится южнѣе, въ области Меллакорен. Это дерево растетъ на сухихъ и желѣзистыхъ почвахъ, но обильно орошаемыхъ дождями; стволъ его достигаетъ высоты отъ 15 до 20 метровъ (до 9 слишкомъ сажень), и на концахъ вѣтвей висятъ плоды, расположенные въ формѣ вѣничковъ букетами по пяти или шести штукъ. Плоды эти состоятъ изъ морщинистыхъ оболочекъ, заключающихъ внутри миндалины, мякоть которыхъ походить на мякоть каштана. Орѣхъ кола очень горекъ, но когда пожухнетъ его, всякая вода, какъ бы дурна она ни была, кажется пріятной на вкусъ; при помощи этого орѣха можно заглушать голодъ и жажду въ продолженіи многихъ часовъ, а также гарантировать себя отъ лихорадокъ; кромѣ того, сокъ кола, смѣшанный со слюной, если имъ натереть тѣло, предохраняетъ отъ москитовъ—польза неоцѣнимая на берегу болотистыхъ лагунъ. У чернокожихъ этотъ плодъ, болѣе богатый тинномъ, чѣмъ самый чай, считается почти универсальнымъ предупредительнымъ средствомъ, и безъ всякаго сомнѣнія, въ ихъ разсказахъ объ его цѣлебныхъ свойствахъ есть доля истины, которую намъ, вѣроятно, и откроетъ медицинская практика. Кола почитается священнымъ деревомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже запрещено близко подходить къ нему: дотронуться до него значило бы подвергать опасности свою жизнь. Есть двѣ разновидности этого дерева—одна съ красными, другая съ бѣлыми орѣхами. Бѣлые орѣхи, посланные вождемъ племени, служатъ символомъ дружбы, красные, напротивъ, возвѣщаютъ, что будетъ пролита кровь ¹⁾).

Въ области рѣкъ Юга, какъ во всѣхъ другихъ странахъ западной Африки, наиболѣе цивилизованными населеніями являются тѣ, которые живутъ внутри материка; этнологическое давленіе происходило по направленію съ востока на западъ, и народцы поморья, тѣснимые своими сосѣдями, должны были разсѣяться, утратить свою этническую связь, искать убѣжища отдѣльными общинами на островахъ, защищаемыхъ тинистыми боковыми потоками.

Между племенами, вытѣсненными въ сѣверныя области, главное мѣсто занимаютъ племена націи бага, отъ которыхъ вся страна получила наименованіе Багатай. Въ прошломъ столѣтіи, Адансонъ называлъ ихъ «ваграми». вѣроятно, по имени Верга, наидальѣе выдвину-

того мыса на томъ берегу; къ югу отъ этого мыса живутъ племена сапе или сумба, принадлежащія къ той же расѣ, какъ и багасы. Эти послѣдніе гораздо менѣе черны, чѣмъ большинство другихъ обитателей побережья: цвѣтъ кожи у нихъ желтовато-коричневый, и лицо ихъ не имѣетъ того приплюснутаго носа, тѣхъ вздутыхъ губъ, которыя считаются отличительнымъ признакомъ чисто негритянскаго типа. Въ наружности этихъ туземцевъ есть одна черта, сразу бросающаяся въ глаза—это почти геометрическая горизонтальность плоскости, соединяющей шею съ подбородкомъ: словно ударъ сабли выровнялъ всю нижнюю сторону челюсти. Фетиши багасовъ воспроизводятъ, даже съ преувеличеніемъ, эту физиономическую черту. У большинства багасскихъ народцевъ мужчины имѣютъ привычку прикрывать свою наготу: они носятъ «бубу», тогда какъ у женщинъ весь костюмъ состоитъ изъ шнурка, на который нанизаны бусы, или навѣшаны тряпки, кольца, разные украшения изъ дерева или металла. Самыя богатыя носятъ кольцо въ перегородкѣ носовой полости; у всѣхъ въ мочкѣ уха проткнуты отверстія, куда всовываются рисовыя соломенки; всѣ заостряютъ зубы верхней челюсти; нѣкоторые татуируютъ себя спину фигурами въ родѣ ромба, которыя составляютъ продолженіе рисунковъ, изображаемыхъ прической.

Мѣстоположеніе для деревень у багасовъ выбрано вообще очень удачно. Они обыкновенно группируютъ свои хижины на возвышенномъ мѣстѣ, къ которому, однако, удобно подходить по водному пути боковыхъ потоковъ, и стараются селиться недалеко отъ большихъ деревень, верхушки которыхъ отвлекаютъ громовые удары отъ ихъ жилищъ. Всѣ хаты, круглыя или квадратныя, получаютъ свѣтъ черезъ пустое пространство, оставляемое между глиняной стѣной и соломенной кровлей, поддерживаемой рядомъ столбовъ. Женщины, на которыхъ всецѣло лежитъ трудъ сооруженія этихъ зданій, начинаютъ обыкновенно съ горшечнаго производства. Изъ глинистаго ила лагунъ, смѣшаннаго съ соломой, онѣ мастерятъ пузатые кувшины: это зернохранилища, куда сыпается запасъ риса, достаточный для годоваго пропитанія семьи; затѣмъ выжидаютъ, чтобы солнце хорошенько просушило кувшины, прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ стѣнъ, внутри которыхъ они будутъ заключены ¹⁾. Мужчины занимаются главнымъ образомъ обработкой полей; они трудолюбивы, какъ и многіе другіе негры, слывшіе «неисправимыми лѣнтями», и нравы у нихъ самыя мирныя. Почти во всемъ Багатай туземцы ходятъ безъ оружія, и край ихъ считается мѣстомъ неприкосновеннаго убѣжища: драться тамъ

¹⁾ Lopes de Lima;—Mollien;—Raffenel — Bayol, цитирован. сочиненія.

¹⁾ Coffinières de Nordeck, цитиров. статья.

значило бы совершить тяжкое преступление. До недавняго времени каждая багасская деревня составляла отдѣльное маленькое государство; французское правительство присоединило всѣ эти государства, по крайней мѣрѣ, въ бассейнѣ Ріо-Нуньецъ, къ владѣніямъ короля налусовъ, подъ верховной властью коменданта факторіи Боке.

Ландуманы, также включенные Франціей въ составъ царства короля налусовъ, живутъ по обѣимъ берегамъ Нуньеца, выше лимана. Тѣснимые, какъ и другіе народы, завоевателями феллатами, они оказывали имъ энергичное сопротивление; но если бы не вмѣшались французы, въ качествѣ сюзереновъ страны, то и эти туземцы, вѣроятно, были бы принуждены удалиться ниже, въ область болотъ; впрочемъ, они вели борьбу и съ другими своими сосѣдями. По словамъ медика Корре, ландуманы — единоплеменники багасовъ, на которыхъ они походятъ типомъ, нравами и языкомъ. Фулы-магометане проникли къ этимъ чернокожимъ, но послѣдніе остались идолопоклонниками, хотя относятся съ большимъ почтеніемъ къ марабутамъ, которыхъ они считаютъ чародѣями, болѣе могущественными, чѣмъ ихъ собственные. Напротивъ, налусы, народъ до нѣкоторой степени цивилизованный, принадлежитъ уже къ обширной семьѣ ислама. Въ землѣ ландумановъ и налусовъ, но вдали отъ рѣки, въ мѣстностяхъ, окруженныхъ болотами и лѣсами, живутъ другія населенія, разсѣянные маленькими группами, какъ стада запуганныхъ животныхъ. Это потомки невольниковъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, феллатовъ или ландумановъ: по Коффиньеру, они называются «манди-форе», а по Корру, «мокинъ-форе» или «моке-форе», что значитъ «зарубежные люди».

Господствующій языкъ во всей области Южныхъ рѣкъ, употребляемый также и въ факторіяхъ при торговыхъ сношеніяхъ съ туземнымъ людомъ, есть нарѣчіе, которымъ говорятъ племена су-су (суссу). Эта нація занимаетъ, на обѣихъ склонахъ горъ того же имени, весь поясъ, заключающійся между Большою и Малою Скарсею и Ріо-Понго; она выдвинулась, въ сѣверномъ направленіи, даже за эту послѣднюю рѣку, и многія изъ ея племенъ смѣшались съ ландуманами и налусами: на востокъ она соприкасается съ феллатами, на западѣ съ багасами, и во многихъ мѣстахъ распространена до самаго океана. Су-су родственны мандингамъ и называютъ себя соплеменниками многихъ другихъ народовъ западной Африки, какъ, напримѣръ, народа сангара или саңкаранъ, на верхнемъ Нигерѣ. Вслѣдствіе многочисленныхъ переселеній, совершенныхъ ими въ разное время, народцы ихъ разсѣялись по обширной территоріи. Такъ, въ тринадцатомъ столѣтіи эти су-су спустились съ

верхней Джолибы и овладѣли Томбукту; нѣкомъ позже они были прогнаны оттуда и отхиснены къ западу. Тогда они завоевали территоріи, лежащія между верхнимъ Нигеромъ и Атлантическимъ океаномъ; затѣмъ слѣдовали переселенія запоздалыхъ, но племена не могутъ выбирать себѣ вождей между ранѣе всѣхъ прибывшими: власть принадлежитъ потомкамъ завоевателей. Вслѣдствіе борьбы съ сосѣдями, границы ихъ владѣній часто перемѣщались: они должны были покинуть берега рѣки Нуньецъ и, уступая напору фуловъ, завоевателей, слѣдовавшихъ за ними въ движеніи съ востока на западъ, потеряли многіе округа въ области горъ. Когда французы приобрѣли политическую власть въ бассейнахъ Ріо-Понго и Меллакорей, большинство царьковъ націи су-су были данниками альмами, повелителя Фута-Джаллона. Теперь маленькія государства этой націи почти независимы, такъ какъ ихъ вассальныя отношенія къ Франціи ограничиваются признаніемъ нормальнаго протектората.

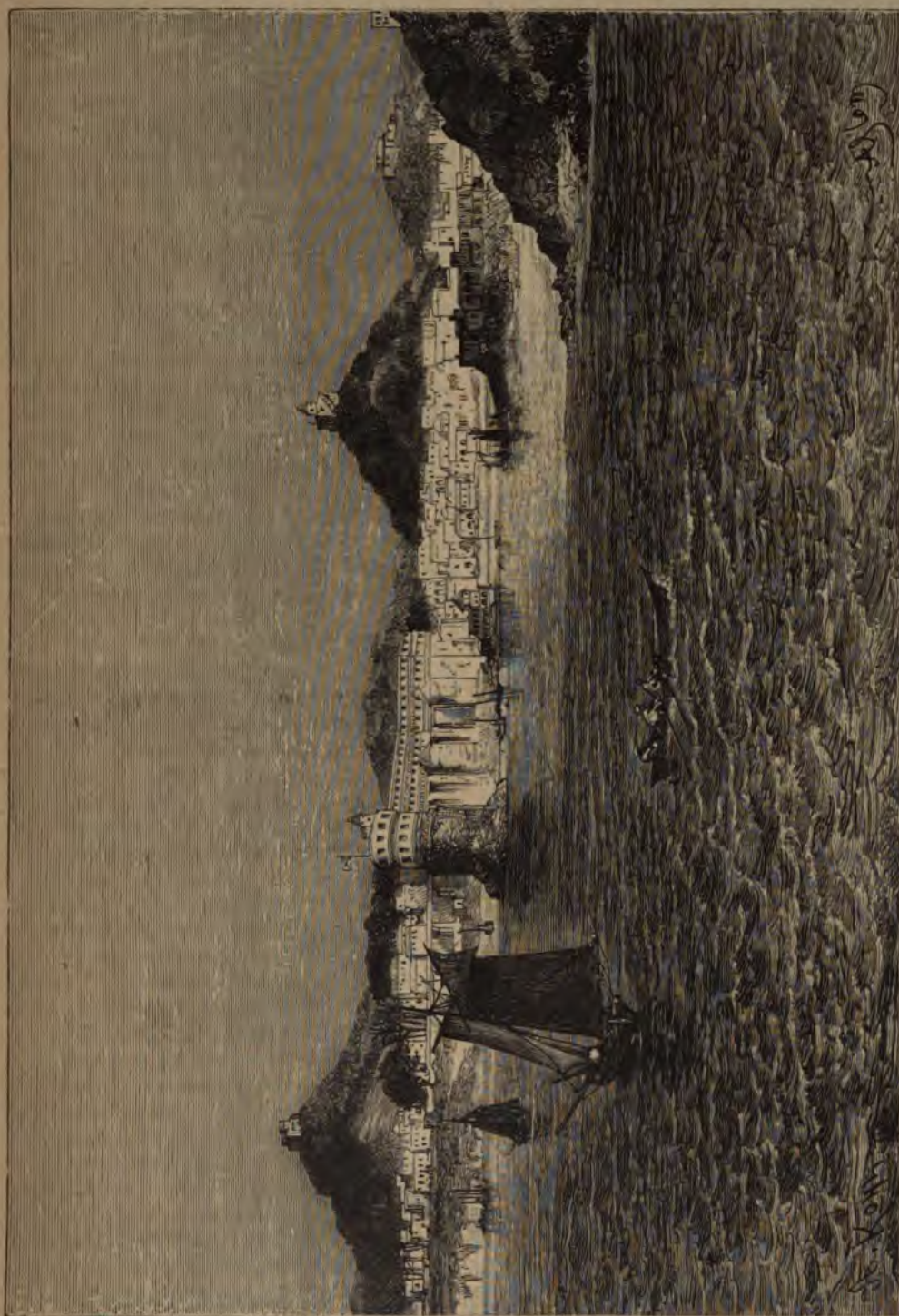
Широкоплечіе, мускулистые, ловкіе, но менѣе рослые сравнительно съ серерами и уолофами, туземцы племени су-су представляютъ ясно выраженный негритяскій типъ — широкое лицо, вздутыя губы, выдающіяся челюсти, но фізіономія у нихъ пріятная, а женщины ихъ не лишены граціи. Онѣ очень любятъ нравиться и много занимаются туалетомъ: шею и плечи раздѣляютъ на космы, заплетая ихъ съ затылка на лобъ, въ ушахъ носятъ золотыя кольца, на шеѣ коралловыя ожерелья, зубы красятъ въ красный цвѣтъ, для чего жуютъ листья одного туземнаго дерева, красятъ также ногти и ладони. Въ торжественныхъ случаяхъ онѣ прибавляютъ къ своему обычному костюму — переднику, обшитому бусами, — рубаху съ широкими рукавами, шарфъ и платокъ яркихъ цвѣтовъ; онѣ хорошо пляшутъ, соблюдая въ движеніяхъ скромность, рѣдкую у африканокъ. Нѣкоторыя національныя пляски, гдѣ мужчины и женщины выступаютъ визави, затѣмъ мѣняются мѣстами, составляютъ группы и снова разбиваются на пары, напоминаютъ хореографическія фигуры европейскихъ балетовъ.

Женщины су-су исполняютъ, вмѣстѣ съ невольниками, всѣ тяжелыя полевые работы. Впрочемъ, въ этомъ племени съ женщинами вообще обращаются гораздо лучше, чѣмъ съ ихъ сестрами у другихъ народцевъ, и въ послѣднемъ періодѣ беременности онѣ всегда освобождаются отъ трудной работы. Всѣ онѣ прекрасныя хозяйки и заботливо воспитываютъ своихъ дѣтей. Въ случаѣ супружескихъ споровъ въ дѣло вмѣшиваются сосѣди: совѣтъ стариковъ приказываетъ вырыть по срединѣ деревни яму глубиной по колѣно; мужъ становится въ яму, и два противника, вооруженные бичомъ,

стараятся доказать свою правоту на спинѣ другъ друга; благодаря выгодѣ позиціи и свободѣ движеній, всего чаще одерживаетъ верхъ супруга. Пожилыя женщины пользуются большимъ почетомъ со стороны всѣхъ членовъ

Су-Су старыя дѣвы не рѣдкость—явленіе, совершенно исключительное въ африканскомъ обществѣ: это дѣвушки, отказавшія жениху, котораго имъ предлагали; свобода ихъ въ этомъ отношеніи никогда не стѣсняется. Прохожіе

Капъ-Костъ.

общины, и обыкновенно съ ними совѣтуются въ государственныхъ дѣлахъ; даже хоронятъ ихъ на отдѣльномъ кладбищѣ¹⁾. Въ странѣ

¹⁾ Paul Vigné, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 7 juin 1886.

купцы должны быть крайне осторожны въ обращеніи съ женскимъ поломъ, подѣ страхомъ крупной пени или даже потери личной свободы. Тѣ изъ нихъ, которые остаются на нѣкоторое время въ краѣ, спѣшатъ жениться,

чтобы избѣгнуть ревнивыхъ подозрѣній туземцевъ¹⁾.

Европейцевъ, посѣщающихъ страну негровъ су-су, поражаетъ ихъ необыкновенная вѣжливость въ отношеніи другъ друга. При видѣ старика, несущаго что-нибудь тяжелое, молодой человѣкъ спѣшитъ освободить его отъ ноши на часть дороги. Даже два незнакомца при встрѣчѣ не преминутъ спросить другъ друга о здоровьѣ и обмѣняться пожеланіями и любезностями: видно, что это народъ, проникнутый сознаниемъ своей цивилизаціи и уважающий себя. Языкъ его—мягкій, немного монотонный и пѣвучій, но очень гибкій и легко понимаемый: отсюда его большая польза, какъ торговаго языка для всѣхъ туземцевъ страны. Онъ имѣетъ уже нѣкоторую литературу, словари, сборники грамматическихъ правилъ, переводы Евангелія и другихъ христіанскихъ книгъ: это мандингское нарѣчіе, въ которомъ не существуетъ рода именъ, и гдѣ слова образуются при помощи приставокъ.

Смотря по географическому положенію даннаго округа и по сопротивленію, которое его жители могутъ оказывать вліянію феллатовъ, различные народцы націи су-су не въ одинаковой степени приобщились къ мусульманскому міру. Иные изъ нихъ остались совершенными идолопоклонниками и даже не носятъ бумажекъ съ изреченіями изъ Корана въ видѣ амулетовъ; другіе номинально причисляютъ себя къ магометанамъ и справляютъ праздникъ рамазана; нѣкоторые, наконецъ, одушевлены уже такимъ же религіознымъ рвеніемъ, какъ и сосѣди фулы. Въ сосѣдствѣ европейскихъ факторій есть также племена, которыя носятъ кресты и наплечники и не работаютъ въ воскресенье²⁾. Рабство существуетъ еще во всей странѣ Су-Су, и даже предпринимаются военныя экспедиціи во внутренніе округа для ловли невольниковъ, которыхъ перепродаютъ по двѣсти франковъ за штуку (средняя цѣна). Но, хотя рабовладѣльцы, су-су не презираютъ трудъ и ходятъ тысячами заниматься къ европейскимъ купцамъ, для переноски и нагрузки товаровъ. Большинство ремеслъ, кузнечное, плотничное, ювелирное, предоставлены невольникамъ; впрочемъ, и между свободными су-су встрѣчаются очень искусные мастера по части издѣлій изъ дерева и кожи; есть искусники, умѣющие починять европейское оружіе и строить лодки, съ килемъ, палубой и бордажемъ, поднимающія до восьми или десяти тоннъ груза. Въ матеріальномъ отношеніи су-су быстро цивилизуются. На морскомъ берегу большинство ихъ носятъ уже европейскій костюмъ, блузы и штаны, ботинки и фуражку или мягкую шляпу; строятъ себѣ настоящіе дома, раздѣленные внутри на

нѣсколько комнатъ, съ галлереей для вентиляціи, меблируютъ свои жилища сундуками и кроватями иностранной фабрикаціи. Со стороны моря они подвергаются вліянію бѣлыхъ, также какъ на покатоности горъ они поддались вліянію фуловъ. Ихъ можно заранѣе причислить къ народамъ, которые войдутъ въ потокъ цивилизованныхъ націй¹⁾.

Европейцевъ на берегахъ южныхъ рѣкъ мало, и большинство ихъ пребываетъ тамъ очень короткое время, такъ какъ опасность климата заставляють иностранцевъ спѣшить окончаніемъ дѣлъ. Вліяніе бѣлыхъ на туземное населеніе проявляется большею частію косвенно, главнымъ образомъ чрезъ посредство цвѣтныхъ сенегальцевъ и уолофскихъ купцовъ, хаты которыхъ можно вездѣ узнать по длинному бамбуковому шесту съ развѣвающимся на верхушкѣ коленкоровымъ флагомъ; во всѣхъ приморскихъ поселеніяхъ и даже во внутреннихъ городахъ европейскіе торговые дома представлены этими фурыерами цивилизаціи. Но быстрое возрастаніе торговли въ этихъ областяхъ Южной Сенегамбіи несомнѣнно будетъ имѣть слѣдствіемъ увеличеніе съ каждымъ годомъ числа европейскихъ посѣтителей, особенно когда будутъ основаны станціи въ какой-нибудь здоровой мѣстности, на горѣ или на одномъ изъ прибрежныхъ острововъ.

Самая дальняя европейская факторія вверхъ по теченію Нуньеса, въ 80 километрахъ отъ устья, находится въ живописной деревнѣ Боке, круглые домики которой, весело выглядывающіе изъ зелени, группируются по скатамъ холма, на лѣвомъ берегу рѣки; живая изгородь изъ колючихъ кактусовъ окружаетъ дома и сады. Въ центрѣ французскаго поста, на площади, обсаженной лимонными и апельсинными деревьями, стоитъ памятникъ, воздвигнутый въ честь Рене-Калье, который отправился отсюда, въ 1827 году, въ путешествіе къ Томбукту. Въ то время деревня эта называлась Каканди. Вслѣдствіе другой экспедиціи, которая была совершена Байолемъ и Нуаро, и тоже имѣла исходнымъ пунктомъ Боке, торговля этого поста значительно возросла: негры изъ окрестныхъ мѣстностей, извѣстные вообще подъ именемъ табураевъ, приносятъ на рынокъ земляныя фисташки (арахиды), каучукъ, пальмовые орѣхи. Въ 1883 году торговые обороты въ Боке простирались до 1.693.000 франковъ, изъ которыхъ 1.014.000 франковъ приходилось на долю арахидъ и 440.250 франковъ на долю каучука. Къ востоку, по дорогѣ въ Фута-Джаллонъ, слѣдуютъ одно за другимъ многочисленныя мѣстечки Бамбайя и Консотани, оба въ очаровательной мѣстности, гдѣ чистыя

¹⁾ Africanus Horton, „West African Counties of Peoples“.

²⁾ Siegmund Israel, цитиров. статья.

¹⁾ Béranger-Férand, — Corre; — Vigné; — Israel.

воды текутъ среди рощъ, садовъ, плантацій—кофейныхъ, банановыхъ, апельсиновыхъ, табачныхъ, вдоль живыхъ изгородей изъ придорожнаго молочайника. Населеніе этой здоровой страны, гдѣ могли бы основываться европейскія колоніи съ шансами на успѣхъ, состоятъ изъ гостепріимныхъ фуловъ ¹⁾. Караваны, проходящіе черезъ сосѣдніе лѣса, гдѣ растеть дикое кофейное дерево, собираютъ его плоды, иногда варварскимъ способомъ, срубая большія деревья ²⁾.

Вакарія, резиденція королей Ландумана, находится въ небольшомъ разстояніи внизъ отъ Боке, на томъ же берегу, близъ священнаго лѣса, служащаго убѣжищемъ «симонамъ», или чародѣямъ, которые умѣютъ обернуться львомъ, чтобы растерзать своихъ враговъ: это «момбоджомбо» Южныхъ рѣкъ. Еще не такъ давно на берегу рѣки, близъ Вакаріи, стоялъ «столбъ смерти», къ которому привязывали несчастныхъ осужденныхъ, отрѣзавъ имъ предвѣрительно руки и ноги; палачи оставляли свою жертву на этомъ столбѣ до тѣхъ поръ, пока медленно подступающая волна прилива не заливала ее, если только крокодилъ или акула ранѣе того не прекращали ея страданій ³⁾. Другая столица, Касасокобули, гдѣ «король королей», вождь народа налу, держитъ свой дворъ, находится километрахъ въ двадцати ниже по рѣкѣ, почти напротивъ французскаго поста Бель-Эръ. Факторія англійскаго основанія, Викторія, стоитъ на правомъ берегу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ извилистая рѣка Нуньецъ превращается въ широкій морской лиманъ.

На Ріо-Понго существуетъ много факторій главная изъ нихъ—Бофера, лежащая въ центрѣ лабиринта изобилующихъ рыбой лагунъ; это вмѣстѣ съ тѣмъ таможенный постъ и станція католическихъ миссіонеровъ. Ни одна изъ конторъ этой и другихъ «низовыхъ» рѣкъ не получила настолько важнаго значенія, чтобы заслуживать имя города, кромѣ развѣ Бенти, на лѣвомъ берегу Меллакорей. Этотъ постъ, расположенный въ относительно здоровой мѣстности, служитъ резиденціей главнаго начальника области Южныхъ рѣкъ и занятъ французскимъ гарнизономъ; но въ торговлѣ здѣсь употребляется англійскій языкъ, распространяемый купцами Сіерре-Леоне. Торговое движеніе въ этой территоріи, по вывозу мѣстныхъ произведеній, въ 1883 году выразилось слѣдующими цифрами:

Ріо-Нуньецъ — 1.500.000 франковъ; Ріо-Понго—3.300.000; Мелла - Корея—1.000.000 франковъ.

Общая цѣнность обмѣна въ области Южныхъ рѣкъ составляла около 10.000.000 франковъ. На мысѣ Томбо, противъ архипелага Лосъ, основывается деревня Конакри, которая, повидимому, должна быстро заселиться, какъ пароходная пристань; вмѣстѣ съ тѣмъ, это соединительный пунктъ вѣтви морскаго телеграфа изъ Европы на Золотой берегъ и въ Габонъ. Острова Лосъ, которые сданы туземнымъ начальникамъ въ аренду англійскимъ купцамъ, въ эти послѣдніе годы въ значительной степени утратили свое торговое значеніе.

Глава III.

Сіерра — Леоне.

Откуда произошло это смѣшанное имя, наполовину испанское, наполовину итальянское? Одинъ изъ хребтовъ цѣпи, господствующей надъ городомъ Фритаунъ, своими очертаніями нѣсколько напоминаетъ, какъ многія другія горы во всѣхъ странахъ міра, фигуру лежащаго льва. Не за это ли отдаленное сходство африканская гора, а вмѣстѣ съ ней и вся сосѣдняя часть поморья, Буломбель или Ромаронгъ на языкѣ туземцевъ, получила отъ португальцевъ названіе Сіерра - Леонъ? Или, можетъ-быть,

Педро-де-Синтра, когда высадился на этотъ берегъ, въ 1467 году, примѣтилъ въ лѣсу льва или, вѣрнѣе, леопарда, принятаго имъ за «царя звѣрей», и хотѣлъ сохранить въ имени кралю память объ этой встрѣчѣ? Возможно также, какъ полагаетъ Кадамосто, что это наименованіе обязано происхожденіемъ громовымъ ударамъ, раздающимся въ горахъ побережья, когда вѣтеръ нагонитъ грозовыя тучи. Ревъ грома бываетъ слышенъ, говоритъ этотъ путешественникъ, «за сорокъ или пятьдесятъ миль въ морѣ», на широтѣ берега «Serre - Lyonne».

Сдѣлавшись политическимъ терминомъ, имя Сіерра-Леоне примѣняется теперь ко всей

¹⁾ Bayol; Moïrot, цитированныя сочиненія.

²⁾ Bois, „Sénégal et Soudan“;—Bayol, цитированная статья.

³⁾ Olivier de Sanderval, цитирован. сочиненіе.

совокупности английских владѣній, заключающихся между французской территоріей Южныхъ рѣкъ и негритянской колоніей Либеріей: это приблизительно та область, которую португальскіе мореплаватели обозначали названіемъ Митомбо ¹⁾. Береговое протяженіе этого колониальнаго владѣнія около 350 километровъ по прямой линіи, но оно почти удваивается безчисленными изсѣченіями берега. Внутри материка юрисдикція англичанъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирается на 200 километровъ отъ берега, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ она не переходитъ за черту береговой полосы: такъ, близъ границъ Либеріи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ побережьемъ Кримъ, живутъ совершенно независимыя населенія. На востокъ территорія, предоставленная для колониальнаго расширенія Англіи, ограничена виртуально концессіей, которая даетъ Франціи привилегію будущихъ присоединеній въ области верхняго Нигера. Разсматривая уже какъ британское владѣніе весь бассейнъ Рокелли и бассейны другихъ рѣкъ, впадающихъ въ океанъ, до границы Либеріи, находимъ для этого пространства площадь въ 71.900 квадр. километровъ. Что касается английской территоріи въ собственномъ смыслѣ, то она обнимаетъ только 2.900 квадр. километровъ; населеніе береговой полосы (1894 г.) — 126.835 душъ. Если бы области покатоости, лежащая внутри страны, были также густо населены, то число постоянныхъ жителей нужно бы считать по крайней мѣрѣ въ полтора милліона. По Косту, одвѣ только націи тимни и булломы на островѣ Шербро заключаютъ въ себѣ 230.000 душъ. Число жителей всей покатоости никакъ не менѣе полмилліона.

Побережье Сиерра-Леоне дѣлится на двѣ половины различной конфигураціи. Южная часть страны представляетъ правильный берегъ съ незначительными выступами: вообще мало найдется береговыхъ контуровъ, отличающихся такой, можно сказать, геометрической точностью. Берегъ острова Шербро составляетъ продолженіе берега твердой земли до острокопечнаго мыса Сентъ-Аннъ: на протяженіи 175 километровъ очертаніе береговъ почти нигдѣ не уклоняется отъ прямой линіи. Правда, это правильное побережье было на-половину отдѣлено отъ материка морскимъ проливомъ и длинной лагуной; но тѣмъ не менѣе эта отрѣзанная коса ясно указываетъ первоначальный берегъ, соединяющійся подъ водой съ мысомъ Роксо, между рѣками Кашео и Казаманкой, цѣлью рифовъ и острововъ, главнымъ отрывкомъ которыхъ является архипелагъ Биссагосъ. Къ сѣверо-западу отъ острова Шербро мели продолжаютъ на большое разстояніе: оттого

берега Сиерра-Леоне не менѣе опасны, чѣмъ берега португальской Гвиней, особенно въ періодъ дождей, когда тучи закрываютъ горизонтъ, и велико число судовъ, погибшихъ въ этихъ водахъ. Въ иныхъ мѣстахъ, идя вдоль Сиерра-Леонскаго побережья, кормчіе должны держаться въ сотнѣ километровъ отъ континентальнаго берега.

Къ сѣверу отъ мыса Шербро морской берегъ, изрѣзанный размывающимъ дѣйствіемъ водъ, то вдается въ видѣ бухтъ и заливовъ, то выступаетъ въ видѣ мысовъ и полуострововъ. Изъ полуострововъ самый важный тотъ, который носитъ специально имя Сиерра-Леоне, и на сѣверной оконечности котораго находится столица английскихъ владѣній. Говорятъ, во время большихъ приливовъ и обильныхъ дождей этотъ полуостровъ превращается въ островъ; двѣ лагуны, на половину отдѣляющія его отъ твердой земли, соединяются тогда въ непрерывный каналъ; даже въ сухое время года только волокъ въ нѣсколько километровъ ширины мѣшаетъ объѣхать на судахъ вокругъ Сиерра-Леонскихъ горъ. Все пространство полуострова, около 740 квадр. километровъ, занято цѣлью высотъ, съ закругленными вершинами, надъ которыми господствуетъ конусообразная гора Шуггаръ-Лофъ («Голова сахару»), поднимающаяся на 700 метровъ надъ уровнемъ моря и почти всегда окутанная облаками. На сѣверо-западѣ этотъ полуостровной массивъ оканчивается мысомъ Сиерра-Леоне, на югѣ мысомъ Шиллингъ или Фольсъ-Кэнъ, который продолжается островомъ Банановъ и нѣсколькими островками. Многіе полагаютъ, что горы Сиерра-Леоне вулканическаго происхожденія, и приписываютъ остатку давленія запертыхъ газовъ землетрясенія, которые не разъ были наблюдаемы въ этой мѣстности, между прочимъ, въ 1858 и 1862 годахъ; но камни, встрѣчающіеся въ окрестностяхъ города, не оправдываютъ этой гипотезы: это глыбы и плиты песчаника, какія мы видимъ и на сосѣднемъ материкѣ. По словамъ Мэттьюза, на Сиерра-Леонскомъ берегу есть много признаковъ, указывающихъ на осѣданіе почвы: такъ нѣкоторые изъ бывшихъ острововъ лимана Большой и Малой Скарсин, теперь, будто бы, превратились въ песчаные мели, покрытыя слоемъ воды толщиной до 4 метровъ; точно также одна мель лимана Сиерра-Леоне составляла прежде часть материка, а мѣстоположеніе крѣпости, построенной португальцами при устьѣ Рио-Галлиναςъ, нынѣ находится въ 10 километрахъ отъ берега и на глубинѣ 13 метровъ ¹⁾. Но проверить эти утвержденія можно бы было только на основаніи длиннаго ряда сравнительныхъ наблюденій.

Въ береговой полосѣ территоріи Сиерра-

¹⁾ Golberry, цитирован. сочиненіе; — Carlos de Melho, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Matthews, „A voyage to the river Sierra-Leone“.

Леоне, такъ же, какъ во всей области Сенегамбійскаго побережья, глинистая почва покрываетъ подпочву, состоящую изъ грубаго желѣзистаго песчаника, который легко можно бы было разрубать топоромъ, но который быстро отвердѣваетъ на воздухѣ и даетъ прекрасный строительный матеріалъ. На землѣ разсыяны глыбы синяго гранита и другихъ кристаллическихъ породъ, почти всегда округленные и снаружи почернѣвшія отъ дѣйствія солнца и непогоды. Туземцы, употребляющіе эти камни для построекъ, обыкновенно подвергаютъ ихъ на мѣстѣ продолжительному дѣйствію огня, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ сутокъ, затѣмъ на расширившійся отъ нагрѣванія камень льютъ холодную воду, отчего онъ раскалывается на нѣсколько кусковъ разной величины¹⁾. Присутствіе этихъ эрратическихъ камней, происходящихъ съ отдаленныхъ горъ, естественно наводитъ на мысль, что эти страны тропической Африки также имѣли свой ледяной періодъ, и что изсѣченная форма побережья между мысами Роксо и Сентъ-Аннъ должна быть приписана дѣйствію ледяныхъ рѣкъ, нѣкогда спускавшихся съ массива Фута-Джалонъ.

Многочисленные рѣки, питаемые обильными дождями, текутъ съ внутренней возвышенности и пересекаютъ территорию Сиерра-Леоне. Роккель, первая большая рѣка къ югу отъ Большой и Малой Скарсеи, беретъ свое начало въ той же мѣстности, гдѣ и верхніе притоки Нигера, и течетъ также въ юго-западномъ направленіи, затѣмъ, не доходя около сотни километровъ до моря, поворачиваетъ на западъ и сливается съ широкимъ извилистымъ лиманомъ, восточнымъ рукавомъ Сиерра-Леонскаго залива. Къ югу отъ Рокелли, другая рѣка, такая же многоводная, зарождается въ нѣсколькихъ километрахъ отъ истоковъ Нигера, подъ именемъ Бансуколо, и убѣгаетъ въ западномъ направленіи глубокими ущельями, надъ которыми господствуютъ горы, достигающія высоты тысячи метровъ и болѣе²⁾. Но какой характеръ принимаетъ эта рѣка въ низовьяхъ, какъ она течетъ черезъ дѣвственные лѣса—этого еще не знаютъ въ точности; неизвѣстно даже съ достовѣрностью, какая рѣка соответствуетъ ей въ поясѣ прибрежья—Камаранка ли, впадающая въ Бухту Лури, на югѣ отъ полуострова Сиерра-Леоне, или Багранъ (иначе Баргуру), изливающийся въ воронкообразный лиманъ, на востокъ отъ острова Шербро. Обслѣдовать теченіе этой рѣки тѣмъ болѣе интересно, что она верхней своей долиной представляетъ кратчайшій путь изъ Сиерра-Леоне къ истокамъ Нигера.

Хотя Фритаунъ, главный городъ англійскихъ владѣній, на 450 километровъ ближе къ экватору, чѣмъ Седіу въ Казамакѣ, средняя температура въ немъ не выше температуры этого французскаго поста; она даже немного ниже, нежели въ Боке, на Рио-Нуньецъ, что, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписать положенію Фритауна на берегу океана, открытомъ свѣжимъ морскимъ вѣтрамъ. Разница между крайними температурами въ этомъ городѣ весьма незначительна: съ точки зрѣнія тепла и холода можно сказать, что въ Сиерра-Леоне нѣтъ временъ года; лѣто продолжается тамъ изъ года въ годъ и изъ вѣка въ вѣкъ. Годовыя колебанія температуры зависятъ только отъ смѣны засухъ и дождей. Какъ показали наблюденія³⁾:

Средняя температура въ Фритаунѣ—26,8° Ц.; температура самага теплаго мѣсяца (апрѣля)—28,4° Ц.; температура самага холоднаго мѣсяца (августа)—24,9° Ц. Атмосфера на этомъ берегу освѣжается среднимъ направленіемъ вѣтровъ, которые дуютъ преимущественно съ запада и съ юго-запада, то-есть съ океана, менѣе, чѣмъ земля, нагрѣваемаго лучами солнца; кромѣ того, восточные вѣтры, приходящіе съ той стороны горизонта, которую солнце прежде всего нагрѣваетъ во время дневнаго періода, вообще говоря, теплѣе западныхъ вѣтровъ, которые проходятъ черезъ воздушныя области, освѣщаемыя болѣе косвенными лучами²⁾; этимъ и объясняется относительная прохладность климата Сиерра-Леоне. При томъ же морская бриза преобладаетъ на всемъ побережьи въ жаркую часть дня, то начиная съ десяти часовъ, то часомъ или двумя позднѣе. Сиерра-Леонскій берегъ находится совершенно внѣ пояса правильныхъ пассатныхъ вѣтровъ: въ то время, какъ зимой, когда вся система вѣтровъ перемѣстилась къ югу, дѣйствіе пассатовъ ощутительно даже на устьяхъ Меллакорен и Большой и Малой Скарсеи, Фритаунъ остается въ поясѣ муссоновъ, штилей и неправильныхъ вѣтровъ. Гарматтанъ, который здѣсь господствуетъ въ продолженіи нѣсколькихъ зимнихъ дней, въ декабрѣ и въ январѣ, дуетъ съ востока или съ востоко-юго-востока, принося съ собой тончайшую пыль пустыни. Онъ рѣдко переходитъ за поясъ прибрежья; въ этихъ водахъ его не чувствуешь уже въ нѣсколькихъ километрахъ отъ берега.

Дожди на берегахъ Сиерра-Леоне обильнѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ западной Африки; но выпаденіе ихъ сильно колеблется по годамъ. Такъ, по Бойлю и Гортону, количество дождевой воды, представлявшее въ 1829 г. столбъ въ 7,72 метра высоты, не достигало даже 89 сантиметровъ въ 1858 году, такъ что

¹⁾ Richard Burton, "Wanderings in West-Africa";—Horton, "Climate of West Coast of Africa".

²⁾ Zweifel et Monstier, "Bulletin de la Société de Marseille", 1830.

³⁾ Hann, "Handbuch der Klimatologie".

⁴⁾ Horton, цитированное сочиненіе.

разность между различными годами по выпадению атмосферной влаги колеблется въ отношеніи единицы къ восьми. Средняя за девять лѣтъ даетъ для годового столба дождей въ Фритаунѣ высоту 3 метра 331 миллиметръ ¹⁾. Приводятъ примѣры исключительныхъ дождей въ 10, въ 20 сантиметровъ въ сутки; 23 августа 1829 года общее выпаденіе за весь день было такъ велико, что, не будь истечения, оно покрыло бы почву жидкимъ слоемъ въ 40 слѣшкомъ сантиметровъ толщины. Во время этихъ большихъ дождей нерѣдко выпадаетъ градъ на вершинахъ горъ.

Въ среднемъ, ливни начинаются въ Сиерра-Леоне въ первыхъ числахъ мая, цѣлымъ мѣсяцемъ раньше, чѣмъ въ Сенегалѣ: обыкновенно два или три маленькихъ циклона, производимыхъ встрѣчей противныхъ вѣтровъ возбуждаютъ правильное наступленіе періода дождей. Обиліе ливней возрастаетъ изъ недѣли въ недѣлю въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, іюня и іюля, затѣмъ уменьшается передъ гарматтаномъ. Часто, около 15 ноября, конецъ дождей возбуждается движеніемъ въ высотахъ воздушнаго океана, которое Гортонъ называетъ «ураганомъ въ облакахъ». Въ нижнихъ слояхъ атмосферы царствуетъ полное затишье, небо обложено пеленой черноватаго пара, нависшей на подобіе твердой массы; вдали слышится глухой гулъ, постепенно усиливающийся: это непрерывный трескъ, безъ проблесковъ молніи, напоминающій грохотъ желѣзнодорожнаго поѣзда въ туннелѣ. Нѣсколько внезапныхъ залповъ возбуждаютъ конецъ перекатовъ грома, крупныя капли дождя падаютъ тамъ и сямъ, затѣмъ поднимается западный вѣтеръ, и туча исчезаетъ. Сезонъ дождей кончился.

Климатъ Сиерра-Леоне одинъ изъ самыхъ убійственныхыхъ въ свѣтѣ, и изъ всей страны столица—наиболѣе опасное мѣсто для обитанія. Близъ города тянутся болота, еще необсохшія, и при отливѣ ихъ тинистое дно остается открытымъ. Вредныя испаренія, поднимающіяся съ этихъ лужъ, задерживаются, какъ въ котлѣ, обширнымъ амфитеатромъ горъ, окружающихъ заливъ. Даже въ отлогіхъ мѣстностяхъ свойство почвы способствуетъ, въ періодъ дождей, нездоровости климата: дождевая вода, поглощаемая желѣзистымъ песчанникомъ, быстро испаряется, и вмѣстѣ съ паромъ поднимаются миазмы; часто атмосфера сыра и удушлива, какъ воздухъ въ теплицѣ для тропическихъ растений. Приѣхавъ въ Сиерра-Леонскую бухту, европеецъ восхищается живописной формой горъ, великолѣпиемъ растительности, красотой залива, развѣтвляющагося въ видѣ бухточекъ и проливовъ. Но онъ не можетъ отдѣлаться отъ тягостнаго впечатлѣнія, производимаго прозвищемъ края: «Могила

бѣлаго человѣка» (White man's Grave); ему напоминаетъ также, что суда крейсеровъ, отряженные для преслѣдованія торга невольниками, были прозваны «Эскадрой гробовъ» (Coffin squadron). Эпидемія желтой лихорадки часто посѣщаетъ Сиерра-Леоне, и каждый разъ эта болѣзнь похищаетъ третью или половину бѣлыхъ, которые не успѣли бѣжать во-время, или которыхъ служба или профессія заставляетъ оставаться въ краѣ; нѣкоторые медики утверждаютъ даже, что этотъ бичъ имѣетъ здѣсь эндемическій характеръ, и что полуостровъ Сиерра-Леоне есть гнѣздо эпидемій, опустошающихъ иногда Сенегамбію. Смертность между англійскими офицерами Фритаунскаго гарнизона доходитъ иногда до половины наличнаго состава; въ 1881 году она превышала третью для всѣхъ европейскихъ обитателей города, военныхъ и гражданскихъ, хотя болѣзньство бѣлыхъ, въ числѣ около сотни, живутъ на свѣжемъ воздухѣ, въ хорошо провѣтриваемыхъ домахъ, на склонахъ или на вершинѣ холмовъ, и пользуются всѣми привилегіями матеріальнаго благосостоянія. Они рѣдко подвергаются опасному дѣйствию утреннихъ тумановъ. Что касается чернокожаго войска, составляющаго сухопутную военную силу колоніи, то смертность въ немъ много выше, чѣмъ въ гарнизонахъ Европы (въ Сиерра-Леонскомъ гарнизонѣ, среднимъ числомъ, на 1.000 человѣкъ бываетъ 740 больныхъ и отъ 29 до 30 смертныхъ случаевъ); но рѣдко случалось, чтобы эпидемія опустошала казармы. Метрическія записи показываютъ, для всего населенія, чернаго и бѣлаго, постоянное состояніе регресса, такъ какъ рождаемость каждый годъ меньше смертности. Движеніе народонаселенія въ этой «колоніи» за время съ 1871 по 1875 годъ выразилось слѣдующими цифрами: Рождаемость—3.078; смертность—4.326; переви́сь смертности—1.248.

Животныя, привозимыя съ сѣвера, быстро погибаютъ; даже лошади, приводимыя изъ внутреннихъ странъ, умираютъ отъ паралича черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ; европейскія собаки, сопровождающія своихъ господъ, страдаютъ лихорадкой, какъ и ихъ хозяева. Выживающія животныя подвергаются большому перемѣнамъ въ своемъ наружномъ видѣ. Ягнята рождаются всѣ съ черной головой, что, можетъ-быть, есть возвратъ къ первоначальному типу; собаки мѣняютъ шерсть, уши у нихъ удлиняются, и онѣ перестаютъ лаять; кошки дѣлаются сѣрыми, морда у нихъ вытягивается, лапы становятся длиннѣе ¹⁾.

Туземное населеніе, господствующее внутри территории Сиерра-Леоне, принадлежитъ къ могущественной націи тимни (тимани, темне).

¹⁾ Hagg, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Winwood Reade, „The African Sketch-book“.

общую численность которой опредѣляютъ въ 200.000 человекъ, раздѣленныхъ на нѣсколько народцевъ и на столько же королевствъ, сколько существуетъ деревень. Одинъ изъ вождей этой націи и продалъ англичанамъ Сиерра-Леонскій полуостровъ, но бывшіе владѣльцы земля не всегда жили въ мирѣ съ новыми пришельцами, и въ первыя времена британской оккупациіи тимни не разъ атаковали англичанъ на ихъ полуостровѣ. Отброшенные на материкъ, затѣмъ испытывшіе, въ свою очередь, нападеніе въ своихъ собственныхъ, огороженныхъ частоколомъ, деревняхъ, они теперь уже не такъ смѣлы, какъ прежде, но все еще не покорены окончательно, и война еще свирѣпствуетъ иногда, хотя театромъ ея служатъ уже не тѣ мѣста, такъ какъ племена были оттѣснены на довольно большое разстояніе внутрь страны. Еще въ 1885 году одно поселеніе, находящееся недалеко отъ Ватерлоо, километрахъ въ сорока къ юго-востоку отъ Фритауна, подверглось нападенію туземцевъ: мужчины были перебиты, женщины и дѣти уведены въ неволю. Тимни населяютъ главнымъ образомъ равнины между рѣками Роккель и Малая Скарсія, но многіе народцы, носящіе разныя имена, хотя принадлежащіе къ той же націи и говорящіе нарѣчіями того же языка, живутъ въ этой территоріи. Тимни, вообще говоря, хорошо сложены, сильны, ловки, съ пріятнымъ выраженіемъ лица, и тѣ изъ нихъ, которые обитаютъ въ глухихъ мѣстностяхъ, куда еще не проникло деморализующее вліяніе «цивилизованныхъ» фритаунцевъ, имѣютъ открытый взоръ, гордую осанку, мужественную руку. Это трудолюбивые земледѣльцы, которые еще недавно употребляли, для обработки почвы, мотыки изъ твердаго дерева: желѣзо имъ было неизвѣстно. Они снабжаютъ Фритаунъ рисомъ, кокосовыми орѣхами, домашней птицей: каждое утро поселяне приѣзжаютъ сотнями въ лодкахъ, везя на рынокъ свои продукты.

Языкъ этого народа, очень распространенный, какъ языкъ мѣншовой торговли съ различными племенами, живущими по теченію рѣки Роккель, есть одинъ изъ наилучше изученныхъ: миссіонеры собрали народныя сказки, басни, пословицы тимниевъ; съ другой стороны, на этотъ языкъ переведены многія книги духовнаго содержанія. Одинъ изъ этихъ миссіонеровъ-лингвистовъ, Шленкеръ, далъ научно обработанную грамматику и полный словарь языка тимни, который близко подходитъ къ нарѣчію племени су-су и очень мало отличается отъ говора ландумановъ. Менѣе послѣднихъ поддающихся магометанскому вліянію, тимни сохранили большую часть своихъ языческихъ обычаевъ, что не мѣшаетъ имъ однако выпрашивать у путешественниковъ христіанскіе крестики («большомы», какъ они ихъ называ-

ютъ), употребляемые ими въ качествѣ предохранительнаго средства отъ выстрѣловъ; надъ дверью хижины вывѣшивается амулетъ другого рода—камень, завернутый въ ситцевый мѣшочекъ, или листокъ съ изреченіями изъ Корана. У тимниевъ есть главари, изъ которыхъ каждый обязанъ приносить сюзерену, королю или королевѣ, столько рису, чтобы составила пирамида такой же высоты, какъ самъ вассалъ. Образъ правленія въ деревняхъ—монархическій, но во многихъ племенахъ должность короля сопряжена съ большою опасностью: накануне избранія будущіе подданные имѣютъ право бить претендента, и иногда такъ усердно пользуются этимъ правомъ, что избранникъ умираетъ вскорѣ послѣ назначенія на королевскій постъ¹⁾. Въ другихъ мѣстахъ вожди кандидаты, которые предполагаются пришедшими изъ Фута-Джаллона, «страны мудрости», и не имѣющими въ краѣ никакихъ друзей или протекъ, которые могли бы вліять на ихъ судь, обязаны скрываться въ продолженіи нѣсколькихъ дней передъ церемоніей избранія и принесенія присяги. Послѣ смерти, тѣла королей, у нѣкоторыхъ народцевъ, бросаютъ въ кусты или въ рѣку.

Дѣйствительная власть принадлежитъ обществу, называемому «пурра» или «порро», которое судитъ какъ повелителей, такъ и подданныхъ, и въ которое могутъ вступать даже рабы, дѣлаясь такимъ образомъ равными другимъ членамъ²⁾; это нѣчто въ родѣ масонства, подобнаго *бола* въ племени су-су, на Ріо-Понго³⁾. Во всѣхъ націяхъ западной Африки существуютъ такіе могущественныя ассоціаціи посвященныхъ, имѣющія свой особенный языкъ, свою татуировку, свои символы,—ассоціаціи, составляющія въ государствѣ другое государство, религіозное и политическое; но наиболѣе грознымъ авторитетомъ пользуются эти товарищества у народа тимни. Когда они провозглашаютъ свой законъ, всякая война, всякіе внутренніе раздоры и междоусобія должны прекращаться: наступаетъ всеобщее перемиріе, кровопролитіе приостанавливается, всякій вызовъ наказывается многодневнымъ разграбленіемъ, которое совершается замаскированными людьми. Чужеземецъ не можетъ проходить черезъ страну иначе, какъ въ сопровожденіи члена общества пурра: послѣдній даетъ о себѣ знать своимъ сотоварищамъ, свистя въ камышевую дудку, висающую у него на шеѣ; особенныя фигуры татуировки, лозунги, символическіе жесты служатъ условными знаками, по которымъ члены пурры узнаютъ другъ друга; для совершенія своихъ обрядовъ и обсужденія общихъ дѣлъ, они собира-

¹⁾ Zweifel et Moustier, „Bulletin de la Société de Géographie de Marseille“.

²⁾ Ernest Noirot, цитированное сочиненіе.

³⁾ Bour, „Les dépendances du Sénégal“.

ются въ лѣсахъ, подъ покровомъ ночи, и всякій посторонній, проникшій въ ихъ собраніе, предается смерти или продается въ рабство. Колдуны играютъ важную роль въ тайныхъ обществахъ, но между могущественными чародѣями существуетъ постоянное соперничество изъ за вліянія, и не одинъ изъ нихъ былъ умерщвленъ по наговорамъ своихъ собратій, какъ злой колдунъ. Кайманы, большіе хищные звѣри тоже считаются колдунами, и когда какой-нибудь туземецъ сдѣлался добычей звѣря, деревня, гдѣ жилъ погибшій, предается пламени, чтобы отвратить злой рокъ. Когда кто-нибудь изъ людей племени умираетъ, односельцы его собираются, чтобы произвести торжественное слѣдствіе о причинахъ смерти: внимательно осматриваютъ его одежду, ногти, волосы, затѣмъ трупъ кладутъ на носилки, подерживаемыя двумя мужчинами, и чародѣй, вооруженный волшебнымъ жезломъ, вопрошаетъ покойника который отвѣчаетъ подыргиваніями и качаніями, а иногда остается неподвижнымъ, какъ бы въ нерѣшимости, особенно, когда онъ собирается назвать родственника или друга. Горе тому, на кого онъ укажетъ какъ на своего убійцу: обвиняемого убиваютъ или продаютъ въ рабство со всей его семьей¹⁾. Судебныя слѣдствія этого рода практикуются также у сѣверныхъ племенъ, между прочимъ, у бужаго. Тамъ трупъ умершаго несутъ женщины; подъ вліяніемъ управляющей ими тайной силы; онѣ то идутъ впередъ, то пьются назадъ, то шатаются какъ пьяныя, нисколько не сомнѣваясь, что во всѣхъ своихъ кривляньяхъ повинуются волѣ покойника²⁾.

Булломы (буламы), также какъ и тимни, — близкіе сосѣди англійскаго города Фритауна, но они не соединены въ одну сплоченную націю. Напоръ могущественныхъ тимниевъ раздѣлилъ ихъ на два отрывка: сѣверныхъ булломовъ, которые живутъ, въ очень маломъ числѣ, на береговой полосѣ между Меллакореей и Сиерра-Леонскимъ лиманомъ, и южныхъ булломовъ, или мампуа, которые обитаютъ на островѣ Шербро и въ сопредѣльныхъ территорияхъ; у короля ихъ скипетромъ служитъ хвостъ слона, гостя, нынѣ исчезнушаго изъ лѣсовъ прибрежья. Языкъ булломовъ, впрочемъ, содержащій въ себѣ большую примѣсь чужихъ словъ, принадлежитъ къ одному корню съ языкомъ тимниевъ, какъ это установили грамматическія изслѣдованія нѣкоторыхъ миссіонеровъ. У этихъ туземцевъ, какъ и у тимниевъ, женщины подчинены строжайшему трауру не только послѣ смерти отца или мужа, но также во всякое время, когда того захочетъ мать или «первая жена». Тогда онѣ носятъ повязку на глазахъ, такъ что могутъ видѣть

только у себя подъ ногами; онѣ должны имѣть отдѣльный столъ и жить въ полномъ затворничествѣ. Часто трауръ, предписываемый первой женой другимъ супругамъ, не имѣетъ иной цѣли, кромѣ желанія удалить ихъ отъ мужа, и послѣдній вынужденъ выкупать ихъ свободу подарками³⁾.

Племя менти или менде, населяющее, къ востоку отъ мампуа, лѣсныя области, граничащія съ территоріей Либеріи, тоже говоритъ особымъ языкомъ, теперь выясненнымъ нѣкоторыми подготовительными работами. Сами менти отвергаютъ это имя, какъ заключающее въ себѣ понятіе о рабствѣ, и называютъ себя косса или коссу, — слово, которое, по Уинвуду Риду, значить «кабаны». Очень воинственные, какъ и тимни, они нерѣдко нанесли послѣднимъ пораженія, либо одни, либо въ союзѣ съ англичанами. Къ сѣверо-востоку отъ тимниевъ, въ среднихъ областяхъ бассейна Малой Скарсіи, разсѣяны, по вершинамъ всѣхъ холмовъ, селенія племени лимба, тоже грознаго народца, который «запираетъ» дорогу или по крайней мѣрѣ затрудняетъ проходъ по ней: тропинки проложены среди рисовыхъ полей, и если выючныя животныя пощипаютъ хлѣбъ или сойдутъ немного въ сторону отъ проторенной тропы, то караванъ долженъ заплатить большой штрафъ или подвергается ограбленію, въ случаѣ отказа⁴⁾; когда дорога «заперта», то-есть, когда повѣшенъ на вѣтви дерева, простертой поперегъ тропы, мѣшочекъ, содержащій порохъ и пулю, нужно поворачивать назадъ или вступать въ бой⁵⁾. Лимбасы оказываютъ большое почтеніе умершимъ, которыхъ они хоронятъ стоймя, въ позѣ людей, готовыхъ начать сѣзнова жизненное странствіе; женщины годами оплакиваютъ покойниковъ и носятъ имъ на могилку рисъ и воду.

Племена сафроко и коно, обитающія южнѣе, въ гористыхъ мѣстностяхъ верхнихъ бассейновъ, тоже сильно затрудняютъ сообщенія между Сиерра-Леонскимъ берегомъ и странами верхняго Нигера. Что касается галлинасовъ, которые живутъ по рѣкѣ того же имени (Галлинасъ) и въ долинѣ рѣки Манна, то они до такой степени воинственны, что до недавняго времени преграждали бѣлымъ всякій доступъ во внутреннія мѣстности. Правда, своимъ военнымъ воспитаніемъ они обязаны негро-торговцамъ, которые имѣли множество притоновъ въ лабиринтѣ ихъ лимановъ и подстрекали этихъ туземцевъ къ разбойничьимъ экспедиціямъ, чтобы покупать у нихъ плѣнниковъ по дешевой цѣнѣ. Послѣ прекращенія торговаго вольничества, галлинасы все-таки продолжали наслѣдственную борьбу со своими сосѣдями. племенемъ коссу на сѣверѣ и племенемъ вей

¹⁾ Golberry; — Laing; — Winterbottom; — Matthews.

²⁾ Olivier de Sanderval, «De l'Atlantique au Niger par le Foutah-Djallon».

³⁾ Matthews, «A voyage to the river Sierra-Leone».

⁴⁾ Zweifel и Moustier, цитированное сочиненіе.

⁵⁾ Bour, цитирован. сочиненіе.

на юго-востокъ; они воевали даже съ «американскими» неграми Либерии; недавно королева одного изъ ихъ могущественнѣйшихъ племенъ сдѣлалась союзницей англичанъ, и черезъ ея посредство послѣдніе приобрѣли верховную власть надъ страной. Эти галлиасы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ одарены большими способностями для мирныхъ трудовъ; они отличаются въ особенности своимъ артистическимъ вкусомъ: между ними встрѣчаются очень искусные золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, рѣзчики на деревѣ, обладающіе оригинальнымъ талантомъ. Изъ всѣхъ народовъ поморья галлиасы наиболѣе подвергались влиянію ислама: они находятся теперь въ переходномъ состояніи отъ анимизма къ магометанству. Впрочемъ, они приписываютъ себѣ восточное происхожденіе и составляютъ въ береговой области авангардъ мандинговъ.

Въ Сиерра-Леоне, какъ и въ Сенегамбіи, совершается постоянное давленіе отъ востока къ западу на населенія побережья. На сѣверо-востокъ, племя хубу, принадлежащее къ націи фула, постепенно дѣлаетъ захваты въ области прибрежныхъ жителей Большой и Малой Скарсіи; на востокъ мандинги и сараколе, въ качествѣ торговцевъ, тоже проникаютъ къ своимъ сосѣдямъ и распространяютъ среди нихъ болѣе высокую цивилизацію. Хубусы съ половины настоящаго столѣтія составляютъ особое государство, независимое отъ альмами Тимбо. Чтобы избѣгнуть новаго порабоженія, они переселились къ юго-западу отъ истоковъ Бафинга, въ гористую страну, гдѣ берутъ начало обѣ Скарсіи; но они овладѣли этой территоріей не безъ борьбы, и до сихъ поръ еще непрерывно продолжаются столкновенія между ними и сосѣдними племенами: дѣло ислама служить предлогомъ для набѣговъ и грабежа. Самое имя ихъ происходитъ отъ припѣва ихъ военныхъ пѣсенъ, гдѣ всего чаще звучатъ два слога *ху, бу*: «мы любимъ пророка, соединяемые въ его любви».

Между туземными народами многіе остались язычниками и почти не отличаются отъ племенъ лимба, сафроко и коно своимъ социальнымъ состояніемъ: таковы куранко, которые обитаютъ въ долинахъ, простирающихся на западъ отъ области тимниевъ до истоковъ Нигера. Они группируются въ олигархическія общины, признающія главарей, но въ дѣйствительности управляемые совѣтомъ старѣйшинъ; старикамъ предоставляется право и честь разрѣшать споры согласно обычаю, устанавливать мѣру наказанія за преступленіе, размѣрѣнны за проступокъ. У этихъ туземцевъ практикуется, какъ у кавказскихъ горцевъ, обычай родовой мести: семья жертвы принадлежитъ право пролить кровь за кровь; убитый раба становится самъ рабомъ, если не заплатитъ полной стоимости убитаго. Цивилизованные ман-

динги съ презрѣніемъ смотрятъ на куранко и дали имъ кличку «гадкихъ чертей», которую стараются заслужить, ибо они любятъ наряжаться чудовищами, при помощи листьевъ и вѣтокъ, и бродить ночью, испуская вой и ревъ дикихъ звѣрей, съ цѣлью поугатъ иностранцевъ¹⁾.

Солимасы, родственные племенамъ джаллонке въ Сенегальскомъ бассейнѣ и су-су въ территоріи Южныхъ рѣкъ, цивилизованнѣе народа куранко, хотя и они въ большомъ презрѣніи у мандинговъ и хубусовъ, какъ враги ислама. Они живутъ между хубусами и куранко, въ великолѣпной холмистой странѣ, около истоковъ Большой и Малой Скарсіи и до Джолибы; подобно своимъ сосѣдямъ, они говорятъ нарѣчіемъ, близко подходящимъ къ мандингскому, а при дворѣ употребляется этотъ послѣдній языкъ; своей любовью къ музыкѣ и относительнымъ богатствомъ своихъ оркестровъ они тоже напоминаютъ мандинговъ Гамбіи. Какъ ихъ сородичи джаллонке, солимасы вели войны съ феллатами: ихъ большой военный барабанъ украшенъ сплошь по всему ободку бородами, отрѣзанными на трупахъ сраженныхъ хубусовъ, и подъ каждымъ пучкомъ черныхъ волосъ написано имя ихъ бывшаго владѣльца. Отъ независимости или порабоженія солимасовъ будетъ зависѣть ихъ обращеніе въ исламъ или официальное сохраненіе стараго культа. Нѣсколько поражений, испытанныхъ прежде этими туземцами, заставили ихъ облечься въ мусульманское бубу; послѣдующая побѣда позволила имъ освободиться отъ этого костюма и сохранить только передникъ, заимствованный у куранко. Тѣмъ не менѣе, солимасы—одинъ изъ наиболѣе цивилизованныхъ народовъ между западными африканцами: поля ихъ прекрасно обработаны, города содержатся въ чистотѣ и порядкѣ, повсюду видна зажиточность; кодексъ вѣжливости, чрезвычайно подробный, строго соблюдается всѣми и каждымъ; чужеземцы всегда находятъ у нихъ радушный приемъ; европейскіе путешественники, Ленгъ, Ридъ, Цвейфель и Мутъе, не хвалятъ любезнымъ гостепримствомъ, которое имъ было оказано этими горцами-язычниками. Съ тѣхъ поръ какъ двѣ религіи стали оспаривать другъ у друга солимасовъ, послѣдніе сдѣлались очень индифферентными въ дѣлѣ вѣры; впрочемъ, они еще совершаютъ жертвоприношенія деревьямъ и духамъ. По словамъ Рида, одно озеро въ этой странѣ, близъ ея столицы, населено священными крокодилами, которымъ шаманъ каждый день приноситъ пищу. Каждый новый король, при своемъ вступленіи на престолъ,—какъ рассказывали Риду,—отдаетъ свою младшую дочь на съѣденіе этимъ чудовищамъ, въ доказательство того, что для блага

¹⁾ Zweifel и Moustier, цитированное сочиненіе.

говля получила некоторое развитие въ бассейнѣ рѣки Рокелль, благодаря этимъ неустрашимымъ разносчикамъ, то крупная торговля находится въ періодъ застоя съ тѣхъ поръ, какъ совершенное прекращеніе морскаго торго неграми положило конецъ приливу новыхъ иммигрантовъ, и какъ Фритаунъ пересталъ быть столицей всѣхъ англійскихъ владѣній въ западной Африкѣ. Политика, которой держится правительство въ отношеніи вождей туземныхъ племенъ, также имѣла крайне невыгодныя послѣдствія для торговли. Вѣрные своей привычкѣ воздерживаться отъ вооруженнаго вмѣшательства, англичане не посылаютъ солдатъ внутрь страны, но платятъ субсидіи начальникамъ, взявъ съ нихъ обѣщаніе держать дороги открытыми. Почти всегда эти пенсіи употребляются на покупку оружія и боевыхъ припасовъ, и между маленькими царьками то и дѣло вспыхиваютъ войны по всякому поводу: воюющие истребляютъ пламенемъ цѣлыя деревни, опустошаютъ поля, продаютъ плѣнныхъ мавдингамъ, дороги закрываются, и во время такихъ междоусобій подвозъ туземныхъ продуктовъ—пальмоваго масла, орѣховъ кола, каучука, имбиря, на фритаунскій рынокъ значительно сокращается¹⁾.

Въ 1895 г. обороты внѣшней торговли Сьерра-Леоне простирались до 879.941 (привозъ—427.337, вывозъ—452.604) фунта стерлинговъ.

Фритаунскій рейдъ, ограничиваемый на широтѣ мыса Сьерра-Леоне опасными подводными скалами Карпентера (Carpenter's rock), представляетъ восхитительный видъ, когда горы полуострова освободятся отъ облаковъ, скрывающихъ ихъ вершины большую часть года. Лѣсъ, мѣстами расчищенный огнемъ, раздѣлился на группы величавыхъ деревьевъ, чередующіяся съ травяными полянами или порослями кустарника; на выступѣ мыса стоятъ рядъ гигантскихъ баобабовъ, служащій опознавательнымъ пунктомъ судамъ, плывущимъ къ рейду; живописныя долины тамъ и сямъ прерываютъ цѣпь закругленныхъ холмовъ, за которыми вдали видѣются вершины Львиной горы. По берегу разбѣяны дома, построенные на европейскій манеръ; въ глубинѣ, между двумя бухтами Крубой и Фура, показывается Фритаунъ, «Городъ Вольныхъ людей». Первая столица негритянской колоніи, Гранвилъ, была основана въ сосѣдней равнинѣ. Но въ 1794 году передъ этимъ городкомъ появилась французская эскадра и сожгла его: съ тѣхъ поръ не возникало новыхъ поселеній на этомъ мѣстѣ. Послѣ того выбрали здоровую Фритаунскую бухту, вмѣсто того, чтобы перенести столицу въ какой-

нибудь пунктъ, болѣе удаленный отъ болотъ и вполнѣ открытый морскимъ бризамъ. Впрочемъ, возвышенныя части города пользуются относительно здоровымъ воздухомъ, и часто желтая лихорадка производитъ большія опустошенія въ нижнихъ предмѣстьяхъ, не поднимаясь въ казармы, построенныя на холмѣ высотой около 120 метровъ. Раскинутый на обширномъ пространствѣ (слишкомъ 10 квадр. километровъ), Фритаунъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько красивыхъ зданій, къ которымъ принадлежатъ церкви, школы, дворецъ губернатора, присутственныя мѣста; но въ нѣкоторыхъ улицахъ на каждомъ шагѣ встрѣчаешь развалины, частью заросшія травой и деревьями: въ этой странѣ репутація инициативы, приобрѣтенная англійскими коммерсантами, не оправдывается. На берегахъ западной Африки Фритаунъ служитъ главнымъ рынкомъ для торговли живыми звѣрями: агенты европейскихъ звѣринцевъ приѣзжаютъ сюда закупать змѣй, разныхъ дикихъ животныхъ, между прочимъ, даже гориллъ и шимпанзе. Одна изъ змѣй этой страны, называемая «плевакой», въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, пускаетъ фонтанъ ядовитой слюны, очень опасной для человѣка, если брызги ея попадутъ въ глаза¹⁾.

Кромѣ этого города съ 30.000-мъ населеніемъ, въ британскихъ владѣніяхъ Сьерра-Леоне нѣтъ городскихъ поселеній въ собственномъ смыслѣ. Полуостровъ устья деревнями съ англійскими именами: Абердинъ, Уальберфорсъ, Веллингтонъ, Риджентъ, Йоркъ, Гастингсъ, Ватерлоо; бывшая французская факторія Гамбіа, на одномъ изъ острововъ рѣки Рокелль, почти совсѣмъ опустѣла. Внутри материка, Портъ-Локко получилъ нѣкоторую важность, благодаря своему положенію на рѣкѣ того же имени, впадающей въ лиманъ Рокелли. Портъ Локко, гдѣ находятся склады мавдингскихъ торговцевъ, служитъ пристанью для судовъ, поднимающихся вверхъ по рѣкѣ, а также исходнымъ пунктомъ для экспедицій, отправляющихся въ горную страну: Гудсбері, Цвейфель и Мутъе дѣлали свои приготовленія къ путешествію въ этой передовой станціи англійскихъ негодантовъ и миссіонеровъ. На сѣверѣ, постъ Камбіа есть главное населенное мѣсто визменностей по рѣкѣ Большой Скарсіи: это рынокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, окруженный прекрасно воздѣланными полями и плантаціями на обширномъ пространствѣ. Напротивъ этого города, на правомъ берегу рѣки, расположено магометанское мѣстечко Биллехъ, населенное исключительно студентами, сгруппировавшимися вокругъ одного знаменитаго профессора: при этомъ ученомъ заведеніи, совершенно независимомъ отъ какого бы

¹⁾ Bluebook C. 4642, „Disturbances in the Native Territories of Sierra-Leone“.

¹⁾ Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

то ни было европейскаго вліянія, существует даже училище для дѣвицъ.

Вѣ британской территоріи, нѣкоторыя многолюдныя мѣстечки имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе, какъ торговые центры или столицы туземныхъ государствъ. Сумата, недалеко отъ истоковъ Большой Скарси, служить сборнымъ пунктомъ для каравановъ изъ Фута-Джаллона. На рѣкѣ Каббѣ, сѣверномъ притоцѣ Малой Скарси, наиболѣе посѣщаемый рынокъ—мѣстечко Самайя: это столица племени тамбакка, или тамбучи, и главный этапъ каравановъ между Портъ-Локко и первымъ городомъ Фута-Джаллона, Талико, лежащимъ на юго-западной окраинѣ владѣній альмами. Дюбайя, укрѣпленный городъ, господствуетъ съ высоты своего холма надъ маленькимъ царствомъ зеленѣющихъ долинъ. Въ землѣ племени лимба важнѣйшія торговыя мѣстечки—Бумба и Бумбади (извѣстныя у англичанъ подъ именемъ Big Bumba и Little Bumba, т. е. Большой и Малой Бумбы); Кабалла—резиденція самаго могущественнаго вождя народца куранко; Фалаба—«военный городъ» племени солима. Последний находится тоже въ бассейнѣ Малой Скарси, но въ очень близкомъ разстояніи отъ порога, ведущаго къ верхнему Нигеру: по мнѣнію путешественника Блайдена, этотъ пунктъ, благодаря незначительному уклону и правильности океанскаго ската, былъ бы наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для постройки желѣзной дороги между полуостровомъ Сьерра-Леоне и Нигеромъ. Фалаба—двѣтущій городъ, окруженный необыкновенно плодородными равнинами; всѣ выгоды соединяются въ этомъ мѣстѣ, чтобы обезпечить ему въ будущемъ первостепенную экономическую роль; населеніе его простирается до шести тысячъ человѣкъ.

Въ западныхъ областяхъ земель, состоящихъ

подъ англійскимъ протекторатомъ, вблизи Либерійской границы, нѣкоторыя деревни, впрочемъ, мало населенныя, пользуются извѣстностью, какъ мѣста палабръ между депутатами племенъ. Таковы, между прочимъ, Бахарма и Бандасума, столица королевы народца барри, въ бассейнѣ рѣки Сулимы.

Колоніальная территорія Сьерра-Леоне управляется губернаторомъ, при содѣйствіи состоящаго при немъ административнаго совѣта; губернаторъ получаетъ содержаніе изъ доходовъ колоніи, главный источникъ которыхъ составляютъ таможенные сборы. Въ 1895 г. колониальные доходы простирались до 96.690 фунт. стерл. (въ томъ числѣ 80.453 ф. ст. таможеннаго сбора.) Гарнизонъ состоитъ изъ негровъ и цвѣтныхъ людей, уроженцевъ Антильскихъ острововъ, подъ командой бѣлыхъ офицеровъ, которые всѣ получаютъ большое жалованье; персоналъ полиціи набирается преимущественно изъ туземцевъ племени эбоа и другихъ чернокожихъ уроженцевъ области Нигера и Невольничьяго берега. Каждый полугодовой періодъ службы въ этой нездоровой странѣ даетъ офицерамъ право на годовой отпускъ, съ сохраненіемъ полнаго оклада содержанія; кромѣ того, они имѣютъ въ своемъ распоряженіи санаторіи, какія представляютъ имъ Мадера и Канарскіе острова, и, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Сьерра-Леонскимъ полуостровомъ, Банановые острова. Нѣтъ ни одного парохода, направляющагося въ Европу, который не везъ бы отсюда нѣсколькихъ больныхъ, уѣзжающихъ въ отпускъ на родину.

Иностранцы не могутъ приобрѣтать земельной собственности въ Сьерра-Леоне; чтобы сдѣлаться землевладѣльцами, они должны предвительно натурализоваться.

Глава IV

Либерія.

«Страна Свободы» еще не исполнила всѣхъ обѣщаній, которыя были даны отъ ея имени ея основателями, и, по реакціи, большинство путешественниковъ, заглядывающихъ мимоходомъ въ тотъ или другой портъ этой республики, склонны высказывать о ней суровые отзывы, часто внушаемые расовыми предразсудками. Однако, не есть ли уже капитальное событіе самый фактъ образованія общества, состоящаго сплошь изъ потомковъ рабовъ или

вольнотпущенниковъ и поселившихся на той самой территоріи, гдѣ прежде неготорговцы формировали свои партіи невольниковъ. При томъ, что бы ни говорили. Либерія, не будучи государствомъ ни болѣе слабымъ, ни менѣе благоустроеннымъ, чѣмъ сосѣднія европейскія «колоніи», имѣетъ за собой по крайней мѣрѣ то преимущество, что она настоящая колонія. Обитающіе въ ней иммигранты не забѣжие путешественники: они поселились здѣсь на по-

стоянное жительство, и ихъ потомство продолжаетъ начатое ими дѣло. По языку, нравамъ, учрежденіямъ они тоже представляютъ европейскую культуру; но они такіе же негры, какъ и туземцы, и хотя эти переселенцы въ своей аристократической спѣси «цивилизованныхъ» очень часто держатся въ сторонѣ отъ туземцевъ, тѣмъ не менѣе, они оказываютъ съ теченіемъ времени значительное влияние на племена, въ территоріи которыхъ они построили свои города. Почти всегда они жили въ мирѣ съ сосѣдями; и не столько силой оружія, сколько мирнымъ путемъ договоровъ они достигли политическаго господства надъ обширной страной, простирающейся въ западномъ углу чернаго континента. Впрочемъ, либерійцы вели также войны съ дикими племенами и покоряли ихъ варварскими средствами, вырубая ихъ пальмы и опустошая ихъ посѣвы ¹⁾.

Въ 1815 году одинъ разбогатѣвшій негръ изъ Массачузетса привезъ въ Сьерра-Леоне чело­вѣкъ сорокъ своихъ единоплеменниковъ, а въ слѣдующемъ году въ Америкѣ основалось переселенческое общество, поставившее себѣ задачей водвореніе освобожденныхъ негровъ на берегахъ континента, откуда были насильно увезены ихъ предки. Первая отправка освобожденныхъ невольниковъ состоялась лишь въ 1820 году, и транспортъ ихъ былъ направленъ къ берегамъ бухты Фура, въ Сьерра-Леонскомъ заливѣ. Дурно принятые англичанами, переселенцы должны были искать себѣ другаго мѣста жительства, и два года спустя ихъ маленькая группа, усиленная новоприбывшими иммигрантами, поселилась на берегу бухты, доминируемой мысомъ Мезурадо, въ 350 километрахъ къ юго-востоку отъ Фритауна. Первые шаги были очень трудны: приходилось даже оборонять вооруженной рукой первый станъ, служившій временнымъ пріютомъ; но мало-по-малу территорія колонизаціи выросла, и почти каждый годъ къ владѣніямъ Либеріи прибавлялись новыя полосы земли, отграниченныя, по американскому способу, геометрически правильными параллельными линіями, проведенными перпендикулярно къ морскому берегу. Однако колонія не составляла еще независимаго государства: она была управляема делегатами упомянутого американскаго общества, что подвергало ее частымъ дипломатическимъ затрудненіямъ, такъ какъ англійскіе мореходы, производившіе торговлю на этомъ берегу, отказывались платить таможенные пошлины частной компаніи. Наконецъ, управлявшее колоніей переселенческое общество согласилось поступить своими владѣтельными правами: сорокъ восьмой годъ, ознаменованный политическими переворотами въ

Европѣ и Азіи, былъ также свидѣтелемъ народженія, на африканской почвѣ, новой негритянской республики. Большинство державъ поспѣшили признать независимость Либеріи; только Соединенные Штаты Сѣверной Америки считали унизительнымъ для своего достоинства соблюденіе этой формальной вѣжливости въ отношеніи политической общины, состоящей изъ сыновъ вольноотпущенниковъ: нужно было вспыхнуть междоусобной войнѣ въ самомъ Союзѣ и появиться прокламація президента Линкольна объ освобожденіи невольниковъ, чтобы американская республика рѣшилась, наконецъ, признать совершившійся на берегу Африки фактъ. Когда Либерія вступила въ ряды правильно организованныхъ государствъ, она заключала въ себѣ около 8.000 гражданъ и 350.000 туземцевъ. Въ 1882 году число ея гражданъ возрасло до 18.000, а приблизительно цифра всѣхъ другихъ жителей вассальныхъ земель исчислялась въ 1.050.000 душъ. Впрочемъ, изъ этой суммарной народной переписи слѣдовало бы исключить обитателей береговой полосы, заключающейся между мысомъ Манна, близъ острова Шербро, и рѣкой Манна, близъ мыса Маунтъ. По праву сильнаго сьерра-леонскіе англичане окончательно присвоили себѣ эту область, въ 1883 году, хотя республика Либерія имѣла документы на земли, пріобрѣтенныя ею въ разныя времена, начиная съ 1850 года. Колонизаціонная область обнимаетъ площадь въ 37 200 квадр. километровъ: прибавляя сюда всѣ территоріи, официально состоящія подъ протекторатомъ, въ силу договоровъ, заключенныхъ съ туземными народцами, даже на восточномъ склонѣ горъ, въ бассейнѣ Нигера, получимъ для всей Либерійской страны вдвое болѣе обширное пространство.

Территорія негритянской республики, какъ она нынѣ отграничена, образуетъ довольно правильный четырехугольникъ, который тянется, со стороны моря, на 630 километровъ въ длину, при средней ширинѣ 250 километр.; только на сѣверѣ земли, изслѣдованныя либерійскимъ путешественникомъ Андерсономъ, вдаются узкой полосой внутрь материка: границы, начертанныя на картахъ, нигдѣ не совпадаютъ съ естественными предѣлами покатостей. Морской берегъ перерѣзанъ многочисленными рѣками, имѣющими по большей части узкій бассейнъ и текущими параллельно одна другой, съ сѣверо-востока на юго-западъ, по нормальному скату страны; во время прилива и въ періодъ рѣчныхъ разливовъ почти вся низменность, между первыми возвышеніями внутреннихъ холмовъ и дюнами побережья, бываетъ покрыта водами. Самый большой изъ этихъ потоковъ—рѣка св. Павла (Сентъ-Поль), зарождающаяся въ 300 слишкомъ километрахъ отъ моря, къ сѣверу отъ горъ Фома и къ югу отъ

¹⁾ John H. Smyth, „U. S. Consular Reports“, aug. 1885.

Лома, откуда вытекает Нигеръ. Она судна на протяженіи около тридцати километровъ для судовъ, имѣющихъ до 3 метровъ углубленія; дальше ихъ останавливаютъ ги, но выше этихъ пороговъ во многихъ мѣстахъ могли бы ходить барки. Рѣка отдѣляетъ океана опаснымъ баромъ, и всѣ морсуда должны бросать якорь въ бухтѣ Монсерадо; другая рѣка, Мезурадо, соединяется съ рѣкой св. Павла, въ общей дельтѣ, перерѣзанной боковыми потоками. Восточнѣе, на побѣдѣ, двѣ рѣки, Квеа и Джункъ, впадаютъ въ бухту св. Павла. Ріо-Сестосъ, Сангвинъ, Кавалли или Кавалла (названная такъ угальцами потому, что она находится на границѣ одного переѣзда отъ мыса Пальмъ) принадлежатъ къ значительнымъ рѣкамъ Гвинеи, а Ріо-Санъ-Педро (рѣка св. Петра) является ея границу на востокъ, уже въ части морскаго берега, которая продолжается на востокъ до залива Біафра. Многія изъ этихъ рѣкъ, особенно Кавалла, судоходны барокъ на пространствахъ свыше 120 километровъ отъ устья¹⁾. Подходы къ морскимъ бухтамъ довольно опасны, по причинѣ многочисленныхъ песчаныхъ мелей; одна только плавательная компанія за десятилѣтній періодъ потеряла шесть своихъ судовъ между мысами Леоне и Пальмовымъ мысомъ.

Большая часть рѣкъ Либеріи отдѣлены одна отъ другой рядами высотъ, примыкающихъ къ Атлантическому плоскогорью; но эти промежуточные цѣпи извѣстны только по ихъ вершинамъ, видимымъ съ морскаго берега и служащимъ примѣтами для моряковъ. Почти всѣ эти горы низменны, окаймлены лагунами и приливами или изрѣзаны волнами на маленькіе острова краснаго или бѣлаго цвѣта, но тамъ и встрѣчаются также высокіе мысы, обособленные выступы побережья. Таковъ мысъ Монтъ (мысъ «Горы»), выдвинувшійся въ море изъ массива, почти островнаго, высокая вершина котораго достигаетъ 335 метровъ. Мысъ Мезурадо или Монсеррадо, предъидущаго (73 метра), имѣетъ болѣе важное значеніе, какъ опознавательный пунктъ для плавателей, благодаря тому, что онъ расположенъ на наивысшемъ выдвинутомъ выступѣ побережья и указываетъ входъ въ бухту Монсерадо, главнаго города республики. За этимъ мысомъ видна внутри материка цѣпь горъ, достигающая 335 метровъ въ самой высокой точкѣ, называемый Столовой горой (Tobacco-mountain); далѣе, къ востоку отъ бухты Басса, показывается вершина Табачной горы (Tobacco-mountain), а внутри территории круа путешественникъ Боленъ Гудей, или «Желѣзную гору», назван-

ную такъ, можетъ-быть, отъ красноватаго цвѣта ея пластовъ. На сѣверѣ отъ мыса Пальмъ, въ углу континента между Атлантическимъ океаномъ и Гвинейскимъ моремъ, находится другой массивъ, состоящій изъ краснаго песчаника и достигающій, однимъ изъ своихъ гребней, высоты 332 метровъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ страны, особенно на востокъ отъ Монсерадо, пробиваются наружу эруптивныя породы; рядъ камней этого происхожденія и образовалъ самые большіе пороги на рѣкѣ св. Павла. Въ низменныхъ частяхъ, возвышающихся надъ аллювиальными пространствами, на береговыхъ холмахъ и на плоскогорьяхъ почва Либеріи состоитъ изъ красноватой глины, прикрытой желѣзистымъ песчаникомъ, также какъ въ Сьерра-Леоне и въ Сенегамбії. Мандингское нагорье, сплошь поросшее высокой травой, въ которой всадникъ исчезаетъ вмѣстѣ съ конемъ, можетъ быть безъ труда расчищено подъ пашню, и почва его повсюду отличается необычайнымъ плодородіемъ. Андерсонъ говорить, что картофель тамъ родится вѣсомъ отъ трехъ до четырехъ килограммовъ (почти до десяти фунтовъ). Тамъ и сямъ на скатахъ плоскогорья разсыпаны глыбы гранита, инныя съ полосами на бокахъ²⁾,—еще одно лишнее указаніе на то, что эти области экваторіальной Африки тоже имѣли свой ледяной періодъ.

Времена года въ Либеріи менѣе правильны, чѣмъ на болѣе сѣверныхъ берегахъ, что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ перемѣны въ направленіи побережья, которое одной стороной обращено къ западу, другой—къ югу. Но общее дѣленіе сезоновъ такое же, какъ въ Сенегамбії; годъ и здѣсь распадается на два періода: періодъ засухи, начинающійся въ декабрѣ и продолжающійся до конца апрѣля, и періодъ дождей, который подраздѣляется на двѣ части—большую и малую зиму. Сильные ливни слѣдуютъ одинъ за другимъ съ начала мая до половины августа; послѣ того стоитъ ясная погода почти до конца сентября, затѣмъ наступаютъ новые дожди, сопровождаемые внезапными штормами и составляющие второй зимній сезонъ. Эти штормы, *puchots*, какъ ихъ называли старинные авторы, приходятъ всегда съ восточной стороны, тогда какъ обыкновенныя бури происходятъ безразлично изъ всѣхъ точекъ горизонта; но эти явленія въ общемъ различаются только силой вѣтра; по выраженію одного писателя, «бури Либеріи походятъ на неудавшіеся торнадосы»²⁾.

Хотя страна эта лежитъ въ экваторіальномъ поясѣ, между восьмымъ и четвертымъ градусами сѣв. широты, климатъ ея, однако, не такъ зноенъ, какъ могли бы опасаться европейскіе иммигранты. Средняя годовая темпе-

¹⁾ Benjamin Anderson, „Musardu“.

Büttikoefer, „Bijbladen Tijdschrift van het Aardreijks. ch. te Amsterdam“, 1884, 12.

²⁾ Ph. de Kerhallet;—François, „Instructions nautiques sur la côte occidentale d'Afrique“.

ратура въ Монровіи 27°,5 Цельзія, а суточные измѣненія заключаются въ предѣлахъ отъ двадцати пяти до тридцати градусовъ, такъ что, слѣдовательно, здѣшній климатъ соотвѣтствуетъ жаркому лѣту умѣреннаго пояса. Наибольшія колебанія термометра имѣютъ мѣсто въ сухое время года: тогда гарматтанъ, дующій по ночамъ, часто приноситъ относительную прохладу съ горъ, черезъ которыя лежитъ его путь, днемъ же, особенно послѣ полудня, бываетъ сильная жара. Самый теплый мѣсяцъ—январь. Почти всегда гарматтанъ сопровождается густымъ туманомъ, который обыкновенно разсѣвается утромъ, но иногда продолжается цѣлый день, какъ туманы Альбіона. Въ нормальные дни чередованіе береговыхъ бризъ происходитъ съ замѣчательной правильностью, словно по движенію часового механизма. Материковая бриза дуетъ утромъ, имѣя среднее направленіе съ сѣвера на югъ; морская бриза господствуетъ въ послѣ-полуденное время, приходя всегда съ запада; переходъ отъ одного вѣтра къ другому иногда бываетъ раздѣленъ промежуткомъ затишья, но обыкновенно совершается медленнымъ круговращеніемъ, либо черезъ сѣверъ, около середины сезона, либо черезъ югъ, въ началѣ и въ концѣ періода засухъ. Дожди на берегахъ Либеріи выпадаютъ рѣже, чѣмъ на берегахъ Сьерра-Леоне, и въ дождливое время года погода здѣсь менѣе ненастная; ливни менѣе обильны по мѣрѣ приближенія къ побережью: между тѣмъ какъ въ 50—75 километрахъ отъ берега бушуютъ бури, вдоль самаго берега идетъ относительно тихая полоса, гдѣ корабли обыкновенно ищутъ убѣжища, хотя при этомъ они приближаются къ области рифовъ. Морскія теченія часто мѣняютъ направленіе въ худое время года: тогда какъ въ нормальномъ своемъ движеніи воды у берега текутъ на востоко-юго-востокъ, въ дождливый періодъ онѣ направляются къ сѣверо-западу, и скорость ихъ иногда превышаетъ два километра въ часъ.

Климатъ Либеріи считается очень опаснымъ для иммигрантовъ; впрочемъ, онъ все-таки не имѣетъ такой дурной славы, какъ климатъ Сьерра-Леоне. Между бѣлыми издавна укоренилось мнѣніе, что пребываніе здѣсь болѣе трехъ лѣтъ было бы фатально для европейца, и потому они всегда послѣ двухлѣтняго жительства уѣзжаютъ на полгода на родину, для возобновленія здоровья. Наименѣе нездоровая пора года—сухой періодъ; однако, европейскіе иммигранты обыкновенно предпочитаютъ относительно прохладный зимній сезонъ. Самая опасная болѣзнь—болотная зараза. Въ одной изъ формъ перемежающейся лихорадки больной, считая себя здоровымъ, вдругъ впадаетъ въ родъ идиотизма; онъ бредитъ на яву и смѣется безъ причины. Большинство болѣзней имѣютъ слѣдствіемъ разложеніе крови; чтобы

выразить это фізіологическое состояніе, говорятъ въ шутку, что при уколѣ иглой изъ кожи бѣлаго выступаетъ капля воды прежде появленія крови. Даже негры, переселившіеся изъ Соединенныхъ Штатовъ, въ сильной степени подвержены заболѣванію болотной лихорадкой, тогда какъ коренныхъ жителей края она не трогаетъ. Водянка тоже одна изъ обыкновенныхъ болѣзней у «американскихъ» переселенцевъ; но диссентерія, столь опасная въ другихъ тропическихъ странахъ, не дѣлаетъ жертвъ въ Монровіи *).

Флора Либеріи, принадлежащая къ области Судана, какъ и флора болѣе сѣверныхъ береговъ до Салума, почти не отличается отъ растительнаго царства Сьерра-Леоне; она также замѣчательна богатствомъ своей растительности, обширностью и красотой своихъ лѣсовъ; даже дюны покрываются растеніями, именно вьюнами (*convolvulus*), съ ихъ цвѣтущими гирляндами, и маленькими пальмами (*hyphaene*), выпускающими свои вѣтви на высотѣ одного метра надъ землей. Кокосовая пальма, неизвѣстно когда введенная въ этой странѣ, нашла здѣсь вполне подходящую для себя почву и распространилась въ дикомъ состояніи не только на морскомъ берегу, но также по берегамъ рѣкъ: что касается мангового дерева, которое неготорговцы разводили вокругъ своихъ барачковъ, то оно встрѣчается только на морскомъ берегу; по крайней мѣрѣ Бюттикеферъ нигдѣ не видѣлъ его внутри страны. Дикихъ деревьевъ, дающихъ съѣдобные плоды, здѣсь мало; впрочемъ, дерево кола свойственно также либерійской флорѣ, а въ лѣсныхъ прогалинахъ ананасовые кусты образуютъ густыя заросли.

Золотымъ деревомъ для жителей Либеріи является кофейное дерево, которое растетъ дико въ лѣсахъ этой страны, и которое въ послѣднее время получило, какъ средство для возобновленія кофейныхъ плантацій, такую же экономическую цѣнность, какъ американская виноградная лоза для виноградарства. Болѣзнь кофейнаго дерева, *hemileia vastatrix*, причинившая столько вреда въ производящихъ кофе странахъ Стараго Свѣта, на островѣ Цейлонѣ, въ Индіи, Явѣ, и нападающая также на культуры Бразиліи, вынуждаетъ плантаторовъ отнынѣ покинуть первоначальный видъ этого растенія, ввезенный съ плоскогорья Габешъ и изъ Аравіи: они должны прибѣгать къ кофейному дереву Либеріи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ изъ ихъ плантацій, которыя находятся на соотвѣтственной высотѣ, такъ какъ пояс произрастанія либерійскаго дерева, въ среднемъ, ниже, нежели пояс обыкновенной породы; бобы его не менѣе ароматичны, чѣмъ эіопскій кофе, когда умѣютъ обрабатывать

*) Winwood Reade;—Büttikoefer, цитиров. сочиненіе.

ихъ надлежащими способами. Либерійское кофейное растеніе не деревцо, какъ аравійскій его сородичъ, а большое дерево, которое, въ дѣвственныхъ лѣсахъ западной Африки, иногда

ноое дерево, оно совершенно противостоитъ болѣзни *hemileia vastatrix* и растетъ во всемъ поясъ отъ уровня моря до высоты 800 или 900 метровъ. Его веретенообразные корни

Европейскій кварталъ въ Лагосѣ.

достигаетъ 12 и 13 метровъ (6 сажень) въ вышину; своимъ наружнымъ видомъ оно напоминаетъ манголію. Болѣе скороспѣлое и болѣе производительное, чѣмъ обыкновенное кофей-

пробуравливаютъ почву, даже самую плотную, до значительной глубины, чтобы отыскать необходимую влагу. Оно растетъ на всякой землѣ, но предпочитаетъ глинистыя и немного крем-

нистыя почвы: на такихъ почвахъ оно всего обильнѣе покрывается ягодами и даетъ плоды высшего качества ¹⁾.

Либерія вывозитъ также пальмовое масло, каучукъ и красное дерево, по-англійски *с. m-wood* (*barhia haematoxylon*), употребляемое, преимущественно во Франціи, для окраски тканей. У языческихъ племенъ это дерево считается однимъ изъ самыхъ священныхъ: его помѣщаютъ у входа въ деревни, въ чертовыхъ рощахъ (*devil-bushes*), куда не могутъ проникать профаны ²⁾. Самородная флора заключается въ себѣ также «противулихорадочное дерево», листья котораго, повидимому, обладаютъ свойствами хины. Что касается культурныхъ растений иностраннаго происхожденія, то трудно сказать, какіе виды не могли бы быть съ успѣхомъ разводимы въ этой плодородной странѣ, либо въ теплыхъ равнинахъ побережья, либо на умѣренныхъ плоскогорьяхъ территоріи мандинговъ. Земляныхъ фисташекъ (арахидъ) почти не вывозятъ за границу, потому что плантаціи этого растенія опустошаются грызунами и другими животными; но рѣка св. Павла уже окаймлена въ нижнемъ своемъ теченіи какаовыми деревьями и сахарнымъ тростникомъ. Что касается плода, отъ котораго вся часть побережья между мысомъ Мезурадо и мысомъ Пальмъ получила названіе «Перечнаго берега» (по-французски «*Côte des Graïnes*», или «*du Poivre*», или «*de la Maleguette*»), то замѣчательно, что внѣшняя торговля, прежде такъ высоко цѣнившая этотъ продуктъ, потомъ совершенно перестала его вывозить. Это особый видъ кардамона (*atomium granum Paradisi*), съ цвѣтками, окруженными яркими прицвѣтниками, плодъ котораго, образующійся въ нижней части стебля, развивается въ багряно-красный стручекъ, наполненный черными зернами въ сочной мякоти. Послѣ утомительной ходьбы, ничто такъ не утоляетъ жажду, какъ этотъ стручковый «гвинейскій перецъ», благодаря кислотоватому вкусу его мякоти, рѣзко отличающемуся отъ жгучаго вкуса сѣмянъ. Въ шестнадцатомъ столѣтіи европейская промышленность утилизировала этотъ перецъ главнымъ образомъ для придаванія огня спиртнымъ напиткамъ; туземцы употребляютъ его какъ средство отъ головныхъ болей и лихорадокъ, и окуриваютъ имъ покойниковъ. Имя *malaguette* или *maniguette*, данное этому «райскому сѣмени», подало поводъ къ продолжительнымъ спорамъ, такъ какъ одинъ старинный путешественникъ, Вильо-де-Бельфонъ, указывалъ на это слово какъ на доказательство того, что этотъ край былъ открытъ діенскими мореходами. Но исторія этого термина еще неизвѣстна: Гумбольдтъ видитъ въ немъ сокра-

щеніе тамульскаго слова *м.малу*, примѣняемаго къ индійскому перцу ¹⁾. Первый, употребившій это наименованіе для обозначенія «африканскаго перца», былъ итальянецъ Антоніо-ди-Ноли, который въ одномъ изъ своихъ писемъ, относящемся къ 1455 году, говоритъ о богатствѣ этого берега золотомъ и плодомъ «*meregeta*» ²⁾. Этотъ драгоценный стручковый перецъ вывозится преимущественно устья Ріо-Сестосъ.

Отличія, впрочемъ незначительныя, либерійской фауны отъ животнаго царства соседнихъ странъ объясняются свойствомъ почвы и распределеніемъ лѣсовъ. На Мандингскихъ плоскогорьяхъ и травяныхъ степяхъ массаи бродятъ антилопы, буйволы, слоны, а вокругъ селеній пасутся на отличномъ подножномъ корму домашнія животныя, лошади, коровы, овцы и козы. Жители разводятъ двѣ конскія породы, крупную—большаго скакуна для парада, и мелкую—неутомимую лошадку, употребляемую для поѣздокъ и на войнѣ. Внизу, въ сырыхъ долинахъ, туземцы не имѣютъ стадъ, а лошади, приводимыя въ города прибрежья, быстро дѣлаются жертвой неблагоприятнаго климата. Слоны прежде спускался до самаго моря, теперь же его можно встрѣтить только на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Большіе бегемоты рѣдки въ Либеріи ³⁾, еще рѣже мелкая разновидность этого толстокожаго, скелетъ котораго имѣется въ Парижскомъ зоологическомъ музеѣ. Ламантинъ, или манатъ, и два вида крокодила, живущіе въ рѣкахъ и лагунахъ, тоже такъ рѣдки, что нѣкоторымъ натуралистамъ, долго странствовавшимъ въ томъ краю, не удалось видѣть ихъ. Также и большіе хищники немногочисленны въ лѣсахъ: тамъ нѣтъ ни льва, ни гіены, а леопарды, иногда показывающіеся около фермъ,—довольно пугливыя животныя, убѣгающія при видѣ человѣка; самымъ страшнымъ звѣремъ у туземцевъ считается одинъ видъ буйвола, называемый «американцами» поморья *bush-cow* (лѣсная коро-ва). Между обитателями лѣсовъ особенно замѣчательны шимпанзе, извѣстныя у либерійцевъ подъ именемъ *baboons* (павіаны): къ нимъ относятся съ большимъ уваженіемъ и никогда не ѣдятъ ихъ мясо, потому что они походятъ на человѣка; туземецъ, умертвившій одного изъ этихъ двурукихъ, считается виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи, и, въ видѣ искупленія своей вины, онъ десять дней подрядъ приноситъ различныя яства на мѣсто совершенія убійства. Кромѣ того, здѣсь водятся разныя другія породы обезьянъ, которыхъ дозволяется убивать; долгохвостыя обезьяны, излюбленная дичь туземцевъ, безшумно разгуливаютъ

¹⁾ Echassériaux, „Revue Française de l'étranger et des colonies“, nov. 1885.

²⁾ Büttikofer, цитиров. статья.

³⁾ „Examen critique de l'histoire de la Géographie“.

²⁾ Santarem, „Recherches sur la Priorité de la Découverte de la côte occidentale d'Afrique“.

³⁾ C. S. Stockwell, „The Republic of Liberia“.

по верхушкам деревьев многочисленными бандами, доходящими до сотни особей. Въ частяхъ лѣса, устьяныхъ прогалинами, встрѣчаются многіе виды антилопъ, между прочимъ, *spinigera*, самая маленькая изъ всѣхъ газелей: ноги у нея тоненькія, какъ палочки, а рожки не болѣе двухъ сантиметровъ въ длину. Что касается міра наѣжкомыхъ, то онъ такъ богатъ, что Либерию называли «царствомъ муравьевъ». Въ Монровіи пришлось вновь отстроить цѣлые кварталы, источенные термитами ¹⁾.

Внутри страны горы и плоскогорья заняты могущественной націей мандинговъ, и здѣсь также, какъ и въ другихъ областяхъ западной Африки, эти завоеватели, пришедшіе съ востока, оказываютъ большое вліяніе, благодаря своей сравнительно болѣе высокой цивилизаціи: они уже обратили въ исламъ многія изъ туземныхъ племенъ морской покатои. У основанія возвышенностей, въ бассейнѣ рѣки св. Павла, разсѣяны укрѣпленныя деревни, принадлежащія воинственнымъ народцамъ пессии и бусси, еще недавно истреблявшимъ другъ друга въ безпрестанныхъ битвахъ, но отличающимися необыкновенной вѣжливостью обращенія. Каждое племя имѣетъ свой языкъ и особую татуировку: у однихъ—линія, проведенная отъ щеки къ подбородку, у другихъ—черта, соединяющая корень уха съ наружнымъ угломъ глаза; они подпиливаютъ себѣ зубы,—обычай, теперь не имѣющій смысла, но прежде цѣль его была та, чтобы пугать врага, скрежеща странными пилами, готовыми растерзать его: Уинвудъ Ридъ говоритъ, что у этихъ народцевъ каннибальскіе пиры существовали еще въ 1870 году. Бусси—очень хорошіе земледѣльцы и собираютъ большое количество хлопка, который у нихъ покупаютъ иностраные негоданты. Болѣе могущественны и болѣе многочисленны голасы или гурасы, главная масса которыхъ обитаетъ къ западу отъ рѣки св. Павла, по берегамъ его притоковъ и сосѣднихъ рѣкъ. Это тоже воинственное племя, и ему приписываютъ истребленіе, почти полное, народа дехъ или девой, отъ котораго осталось лишь нѣсколько семействъ, разсѣянныхъ вокругъ плантацій поморья ²⁾. По словамъ Коста, девойскимъ нарѣчіемъ теперь говорятъ только въ пяти деревняхъ: его замѣняетъ мало-по-малу англійскій языкъ американскихъ негровъ Монровіи.

На сѣверныхъ границахъ, берега рѣки Марфы и озера Фишермэнъ населены племенами родственной мандингамъ націи веи, численность которой опредѣляютъ въ 50.000 душъ. Мирные земледѣльцы, съ которыми бѣлые путешественники, проникнутые духомъ справед-

ливости, живутъ въ добромъ согласіи, веи почти обращены въ магометанство: убѣгая отъ мандинговъ, распространителей ислама, эти племена, тѣмъ не менѣе, были настигнуты новой религіей въ равнинахъ побережья, гдѣ они поселились, и которыя имъ приходится защищать противъ своихъ сѣверо-западныхъ сосѣдей, галлиасовъ. Языкъ веи—очень звучный, богатый гласными, съ суффиксами, безъ флексій; онъ хорошо изученъ различными грамматиками, особенно Келле, который собралъ пословицы, сказки и басни этого народа,—драгоценное сокровище, которое, вѣроятно, скоро будетъ имѣть только историческій интересъ, потому что англійская рѣчь мало-по-малу дѣлается цивилизованнымъ языкомъ у веи, тогда какъ ихъ природный діалектъ вырождается въ простонародный говоръ. Съ 1834 года эта нація имѣетъ силлабическія письмена, состоящія изъ двухсотъ слишкомъ знаковъ, которые были изобрѣтены туземцемъ, по имени Доалу-Букере, принадлежащимъ къ одному изъ могущественныхъ туземныхъ родовъ: знаки пишутся отъ лѣвой руки къ правой, безъ промежутковъ между словами. Для осуществленія своей идеи, Доалу составилъ товарищество съ другими пятью молодыми людьми, своими друзьями; затѣмъ, чтобы не утратилась память изобрѣтенныхъ знаковъ, онъ ввелъ короля въ свои интересы, презентовавъ ему сотню брусковъ соли. Король, восхищенный подаркомъ, объявилъ, что новый букварь есть, вѣроятно, та священная книга, о которой магометане говорятъ, какъ о написанной самимъ Аллахомъ. Желая, чтобы его подданные сдѣлались «грамотеями», какъ мандинги и поро, т. е. португальцы, онъ велѣлъ тотчасъ же построить большую хижину, куда его народъ, мужчины, женщины, дѣти, приходилъ учиться начертанію и чтенію новоизобрѣтенныхъ письменныхъ знаковъ. Вскорѣ цѣлая деревня школъ выросла вокругъ первоначальной хижины, и когда пожаръ уничтожилъ ее, «грамотеи» соединенными силами выстроили новую ¹⁾. Такимъ образомъ вейскій букварь не былъ простой игрой ума, и теперь еще многіе туземцы пользуются имъ для своихъ семейныхъ записокъ и для корреспонденціи. Главный изобрѣтатель вейскихъ письменъ составилъ на этомъ языкѣ исторію своего народа и написалъ трактатъ о нравственности ²⁾.

Къ югу отъ рѣки св. Павла, около основанія Мандингскаго плоскогорья, долины населены племенемъ барлинь, еще дикимъ. Что касается южной части Либеріи, то она занята племенемъ басса, въ землѣ того же имени, племенемъ кру, обитающимъ къ югу отъ рѣки Сину, и племенемъ гребо, поселившимся въ сосѣдствѣ

¹⁾ Büttikofer, цитированное сочиненіе.

²⁾ Winwood Reade;—Benjamin Anderson, цитированное сочиненіе

¹⁾ Kœlle, „Africa Polyglotta“.

²⁾ Büttikofer, цитирован. сочиненіе.

Пальмоваго мыса. Басса—смирные и трудолюбивые земледѣльцы, въ числѣ около 50.000 душъ, снабжаютъ большую часть республики рисомъ, домашней птицей и другими жизненными припасами, производимыми въ изобиліи ихъ фермами ¹⁾. Южные басса, фишмены, нифу, гребо, кру и всѣ прибрежныя племена, въ числѣ около 40.000 душъ, соединенныя подъ общимъ наименованіемъ «кру», болѣе извѣстны подъ англійскими именами *Krcomen* и *Krooboyes*, которыя слѣдовало бы писать *Crew-men* и *Crew-boys*, если правда, что это названіе значитъ «люди экипажа» (судовой команды; однако, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, одно изъ племенъ, живущее близъ Сетра-Кру, носитъ еще первоначальное названіе «Крао», которое, вѣроятно сдѣлалось генерическимъ именемъ всѣхъ народцевъ прибрежья ²⁾). По народному преданію, крумены—уроженцы внутреннихъ странъ; ихъ сородичи, гребо, пришли, будто бы, на Пальмовый берегъ уже послѣ португальскихъ открытій. Если это дѣйствительно такъ, то нельзя не удивляться смѣшности, съ которой эти люди, пришедшіе изъ области горъ, сумѣли приспособиться къ своей новой средѣ: изъ пастуховъ, какими они были, они сдѣлались отличными рыболовами, какъ фишмены, прекрасными моряками, рѣдкой отваги, ловкости и присутствія духа. Море—это ихъ стихія: любя смотрѣть, какъ они лавируютъ среди буруна въ выдолбленномъ стволѣ дерева, бросаются въ воду, когда большой валъ опрокинетъ ихъ пирогу, поднимаютъ и опоражниваютъ ее, все время плавая и защищаясь отъ волнъ и акулъ. Еще около половины настоящаго столѣтія, крумены, какъ раса, совершенно отличались отъ стараго прибрежнаго населенія, называемаго англичанами *Fishmen*, т. е. «рыболовами». Эти послѣдніе были воспитателями круменовъ, но они мало-по-малу сливаются съ ними, хотя капитаны судовъ долго принуждены были держать ихъ раздѣльно или набирать свой экипажъ исключительно въ которой-нибудь одной изъ этихъ двухъ націй. Экзогамическіе браки видоизмѣняютъ расу до безконечности. Крумены часто берутъ себѣ женъ изъ племени веи, женщины котораго между всѣми африканками этого берега выдѣляются какъ красотою, такъ и умомъ ³⁾.

Собственно крумены соединены въ сплоченную группу только на узкомъ пространствѣ берега, между рѣкой Сину и Пальмовымъ мысомъ: тамъ находятся пять ихъ значительнѣйшихъ поселеній, Кру-баръ, Литъ-Кру, Сетра-Кру, Нана-Кру и Кингъ-Уильямъ-таунъ; но внѣ этой центральной энклавы они занимаютъ мно-

гочисленныя мѣстечки на побережьи, и каждый приморскій городъ имѣетъ особый кварталъ, Кгоо-town, населенный исключительно неграми-моряками. Крумены—сильны, мускулисты, широкоплечи: это, вѣроятно, самые сильные изъ африканцевъ, между которыми такъ много народцевъ, щедро одаренныхъ природою въ отношеніи тѣлесной силы. Что касается головы, которая у круменовъ соединена съ широкими плечами по истинѣ воловьей шеи, то она представляетъ обычныя черты негритяскаго типа: приплюснутый носъ, выдавшіяся скулы, немного выступающіе передніе зубы, толстыя губы, желтые глаза, часто налитые кровью: «вообразите себѣ, говоритъ одинъ путешественникъ, голову Силена на туловищѣ Антиноя». Что еще болѣе увеличиваетъ, въ оцѣнкѣ европейцевъ, безобразіе круменовъ,—это лицевая отличительная мѣтка, принятая ими и фишменами,—порѣзъ, идущій отъ вершины лба вдоль ребра носа; у нѣкоторыхъ эта черта продолжается между ноздрями и на губахъ до подбородка, что доставило имъ у англійскихъ моряковъ прозвище *Blue-Noses*, «синіе носы»; кромѣ того, щеки, грудь и разныя другія части тѣла украшены татуировками. Крумены вообще очень чистоплотны: мужчины и женщины моются теплою водою одинъ или нѣсколько разъ въ день, затѣмъ натираютъ себѣ тѣло растительнымъ масломъ, при помощи куска грубой ткани.

Въ нравственномъ, какъ и въ физическомъ отношеніи крумены—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ Африки. Въ одно и то же время добродушные и гордые, сознающіе свою силу, они очень свободолюбивы и никогда не позволяли поработить себя. Обитая на морскомъ берегу, посѣщаемомъ въ продолженіи четырехъ вѣковъ неготорговцами, они всегда умѣли противостоять общими силами всякой попыткѣ ловли, и когда круменъ попадалъ въ неволю, онъ предпочиталъ лучше утопиться или умерить себя голодомъ, чѣмъ служить рабомъ; иногда онъ жестоко мстилъ бѣлому, прежде чѣмъ лишиться себя жизни. Оттого эти туземцы всегда пользовались уваженіемъ со стороны неготорговцевъ; говорятъ, они для того и принимали такой безобразящій лицо отличительный знакъ, чтобы въ нихъ признавали свободныхъ людей: одна часть ихъ страны была окрещена бѣлыми именемъ «Берега злыхъ людей», безъ сомнѣнія, за то, что эти негры были такъ невѣжливы, что не давали обращать себя въ рабство безъ того, чтобы не освободиться самоубійствомъ или не отплатить жестокой мстью. Впрочемъ, крумены, такъ энергично сопротивлявшіеся поработенію, никогда не вели торговаго человѣческаго мясомъ съ бѣлыми; рабство, правда, существовало у нихъ, но если они позволяли себѣ покупать плѣнниковъ у чужихъ племенъ, то сами никогда не продавали ихъ внѣ своихъ

¹⁾ Gurlez, "Official Report to the Senate of United States", 1850.

²⁾ R. Burton, "Wanderings in West".

³⁾ Widwood Reade, "African Sketch-book".

общинъ и вообще обращались съ ними очень кротко. Фишмены не обзаводились невольниками; въ прежнія времена, по словамъ Горнея, они приносили военнопленныхъ въ жертву подъ деревомъ-фетишемъ.

Крумены составляютъ маленькія республики, въ которыхъ глава, съ наслѣдственной властью, есть не болѣе, какъ нѣчто въ родѣ министра внѣшнихъ сношеній, на обязанности котораго лежитъ вести переговоры и вступать въ соглашенія, по общимъ дѣламъ, съ капитанами кораблей и представителями Либерійскаго государства; онъ держитъ рѣчи, даетъ и принимаетъ подарки, но не управляетъ. Общественныя дѣла обсуждаются и рѣшаются совѣтомъ старѣйшинъ, которые засѣдаютъ въ общемъ домѣ, и знакомъ достоинства которыхъ служатъ желѣзное кольцо, носимое на ногѣ. Предсѣдатель этого совѣта, вмѣстѣ съ тѣмъ духовный глава, есть хранитель національныхъ символовъ; жилище его считается священнымъ и неприкосновеннымъ, вслѣдствіе чего всѣ бѣглецы могутъ находить тамъ безопасное убѣжище; онъ выдаетъ ихъ только послѣ того, какъ убѣдится въ ихъ виновности. На него смотрятъ какъ на лицо, обязанное специально пекись о благѣ народа: если общественное здравіе удовлетворительно, если сборъ плодовъ земныхъ обилѣнъ и торговля процвѣтаетъ, ему изъясняютъ за это благодарность; если же дѣла идутъ худо, его смѣщаютъ, и онъ возвращается въ толпу простыхъ гражданъ. Большинство мужчинъ въ двѣти силъ соединены въ ассоціацію для общей защиты территоріи, но никто не допускается въ это общество безъ взноса вступной платы, представляемой одной коровой. Что касается молодыхъ парней, то они считаются лишь кандидатами на честь вступления въ національную армію; но имъ поручаютъ иногда маленькія дѣла, чтобы подготовить ихъ къ будущимъ обязанностямъ. Имущество составляетъ семейную собственность: за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ личныхъ вещей, все, чѣмъ владѣетъ семья, есть ея общее достояніе и не можетъ быть отчуждаемо безъ согласія членовъ, достигшихъ зрѣлаго возраста. Земля въ принципѣ считается коллективной собственностью; но каждый пахарь есть фактическій владѣлецъ поля, пока онъ его обрабатываетъ: никто не можетъ отнять у него почву, расчищенную имъ подъ пашню; однако, онъ не имѣетъ права продать ее. Когда онъ перестаетъ пользоваться земельнымъ участкомъ, послѣдній снова поступаетъ въ общинное владѣніе.

Отличаясь очень развитымъ семейнымъ и родственнымъ чувствомъ, сильной привязанностью къ братьямъ, сестрамъ, дѣтямъ и особенно къ матерямъ, такъ же, какъ большой любовью къ родному мѣсту, крумены, тѣмъ не менѣе, доставляютъ, сравнительно съ другими

африканскими народами, наибольшій контингентъ временныхъ эмигрантовъ. Мужчины этого племени, охотно предоставляя земледѣльческія работы женщинамъ и плѣнникамъ, сами нанимаются, съ четырнадцати или пятнадцати лѣтняго возраста, къ иностранцамъ либо на службу въ факторіяхъ, либо въ качествѣ матросовъ, заключая условіе обыкновенно на довольно короткій срокъ. Они не любятъ связывать себя болѣе какъ на «тринадцать лунъ» въ дальнія отъ африканскихъ береговъ плаванія; впрочемъ, между ними встрѣчаются моряки, бывавшіе въ портахъ Европы и Америки или даже совершившіе кругосвѣтное плаваніе. Безъ круменовъ, торговля бѣлыхъ на берегахъ Гвинеи была бы почти невозможна. Случалось, что корабли теряли весь свой экипажъ изъ европейцевъ: безъ туземныхъ матросовъ, пощаженныхъ смертью, такіе суда очутились бы въ безпомощномъ положеніи, носимыя по волѣ волнъ. Крумены служатъ живымъ опроверженіемъ той предвзятой идеи, будто люди жаркихъ странъ обречены на неизлечимую лѣнь: они работаютъ съ большой энергіей и неутомимостью. Оказывая должное почтеніе къ своимъ хозяевамъ и строго исполняя принятыя на себя обязательства, они заботливо слѣдятъ за тѣмъ, чтобы и въ отношеніи ихъ были соблюдаемы выговоренныя условія. Контракты о наймѣ они заключаютъ не иначе, какъ въ присутствіи начальника деревни, который всегда требуетъ, въ видѣ гарантіи, «книжку», то есть формальную бумагу, скрѣпленную подписями и печатами; даже неграмотные хранятъ, какъ драгоценность, всю коллекцію подписанныхъ имъ «книжекъ» ¹⁾. Крумены ведутъ также торговлю за собственный счетъ: они продаютъ морякамъ убойный скотъ, рисъ, земляныя фисташки, пальмовое масло и добываютъ морскую соль, отправляемую ими внутрь материка; этимъ послѣднимъ промысломъ занимаются обыкновенно старухи, выпаривая морскую воду, чтобы извлечь изъ нея соль, которая составляетъ одну изъ главныхъ статей торговли съ внутренними мандингами. Уходя въ плаваніе, матросы-крумены берутъ съ собой главнымъ образомъ запасъ риса, который составляетъ почти исключительную ихъ пищу на кораблѣ ²⁾.

Благодаря своему безпрестанному соприкосновенію съ иностранцами, крумены сдѣлались полиглотами: ихъ діалектъ, приближающійся къ языку фантievъ и ашантиевъ и помѣщаемый миссіонерами, подъ именемъ «мана», въ одинъ классъ съ нарѣчiями племенъ басса и гребо, все болѣе и болѣе замѣняется англійской рѣчью въ сосѣдствѣ факторій; почти всѣ главари получили отъ своихъ товарищей, слу-

¹⁾ Büttikoefer, цитирован. статья.

²⁾ H. Koler, „Einige Notizen über Bonny“.

жившихъ въ матросахъ, англійскія прозвища, по большей части шутивыя, какъ, напримѣръ: Jack-after-Supper, Flying-Jib, Two-round-ten. Большинство деревень также окрещены названіями на англо-негритянскомъ жаргонѣ; почти каждое большое поселеніе имѣетъ въ окрестностяхъ предмѣстье, носящее то же имя, съ приставкой словъ *half*, или «полу», и *picanniny* (отъ португальскаго *pequeno*), или «малый». Въ отношеніи костюма крумены также находятся въ переходномъ періодѣ къ европейской модѣ: они носятъ матросскую куртку, соломенную или войлочную шляпу, а въ дождь даже бретонскую накидку (*suroit*); на сушѣ солнечный зонтикъ вошелъ во всеобщее употребленіе, даже у мужчинъ. Страсть къ украшеніямъ сильно развита въ этомъ племени. Когда молодой крумень возвращается изъ своихъ странствий съ маленькой, скопленной на службѣ, деньгой, тотчасъ же собирается семейный совѣтъ для обсужденія вопроса о томъ, какое сдѣлать употребленіе изъ принесеннаго капитала, и всегда извѣстная часть послѣдняго откладывается для покупки агатовыхъ пуговицъ, цѣпочекъ, браслетовъ, красивыхъ матерій; молодого человѣка женить, и онъ даритъ своей супругѣ наряды, купленные за границей. Женины во многихъ мѣстахъ принимаютъ европейскій видъ: въ нихъ уже можно встрѣтить англійскую мебелировку, стулья, столы, ковры, поставцы для посуды. Еще вопросъ—не оказываетъ ли эта туземная нація круменовъ, взятая въ цѣломъ, для цивилизаціи африканскихъ племенъ болѣе серьезное вліяніе, чѣмъ «американскіе колонисты», съ ихъ педантическими модами и заимствованными правилами жизни? Что касается блага населенія, то оно очень немногочисленно; во всей республикѣ оно состояло, въ 1884 году, изъ сорока лицъ, въ числѣ которыхъ была только одна женщина, супруга миссіонера. Цвѣтные люди называютъ себя бѣлыми и, въ качествѣ таковыхъ, стремятся къ захвату въ свои руки управленія государствомъ. Борьба партій въ дѣйствительности есть борьба «цвѣтныхъ» противъ черныхъ, въ которой теперь перевѣсъ на сторонѣ первыхъ.

За исключеніемъ небольшого числа благомыслящихъ людей, поставившихъ себѣ задачей осуществленіе цѣлей нравственнаго возрожденія бывшихъ невольниковъ, для котораго была основана эта колонія, большинство *weegee*, «цивилизованныхъ» либерійцевъ, стараются увѣрить себя въ собственномъ превосходствѣ, выказывая презрѣніе къ туземцамъ, къ этимъ «смердящимъ лѣснымъ неграмъ», *stinking bushniggers*, и держа ихъ въ состояніи уничиженія и рабства. Браки между «американцами» и туземными дѣвушками чрезвычайно рѣдки, и «цивилизованное» населеніе пополняется только вновь прибывающими переселенцами: пре-

доставленное самому себѣ, оно должно бы было годъ отъ году уменьшаться въ численности; въ 1877 году оно возросло вслѣдствіе значительнаго прилива вольно-отпущенныхъ негровъ, пріѣхавшихъ изъ Южной Каролины. Одна маленькая колонія состоитъ исключительно изъ чернокожихъ съ Барбадскихъ острововъ¹⁾. Наконецъ, корабли привезли много негровъ съ Габона и Заиры, называемыхъ общимъ именемъ «уроженцевъ Конго» и считаемыхъ въ Либеріи стоящими по умственнымъ способностямъ гораздо ниже всѣхъ другихъ чернокожихъ. Рабство, проклятое учрежденіе, подъ которымъ такъ долго страдали предки эмигрантовъ, отмѣнено только по имени. Законъ грозитъ тяжкими карами всякому покупщику невольниковъ, но онъ не воспрепятствуетъ наемъ батраковъ, *boys*, за которыхъ плантаторы платятъ задолжавшимъ начальникамъ внутреннихъ племенъ, и которыхъ они держатъ въ крѣпостномъ состояніи. Миссіонеры, относительно довольно многочисленныя, основали нѣсколько становъ внутри страны, въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ невольничество, и выкупали сиротъ, которыхъ они воспитываютъ по-американски, давая выкупленному имя какого-нибудь благотворителя въ Соединенныхъ Штатахъ, который принимаетъ титулъ «отца» и уличиваетъ издержки на образованіе своего приемнаго сына. Пропаганда миссіонеровъ обратила въ различныя протестантскія вѣроисповѣданія туземцевъ племенъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ плантаціями; негры Африки, какъ и негры Новаго Свѣта, знаютъ собранія подъ открытымъ небомъ, *campmeetings*, гдѣ смѣшиваются молитвы, пѣсни и крики, иногда также рыданія, бѣшеная пляска, обмороки и конвульсіи.

Внѣшняя торговля Либеріи незначительна въ сравненіи съ пространствомъ территоріи (ежегодный вывозъ — около 5 милліоновъ, ввозъ — около 3.750.000 франковъ). Прежде торговля сношенія производились главнымъ образомъ съ родиной черныхъ колонистовъ, особенно съ Филадельфіей; въ настоящее время почти все движеніе торговаго обмѣна направляется къ Великобританіи и къ Гамбургу. Установленіе правильныхъ линій судоходства между Англіей и африканскимъ побережьемъ все болѣе и болѣе отвлекаетъ въ Европу торговлю этой «американской» колоніи. Жители послѣдней сами принимаютъ непосредственное участіе въ каботажномъ судоходствѣ при помощи небольшихъ судовъ (вмѣстимостью отъ 15 до 80 тоннъ), которыя строятся въ Монровіи. Движеніе судоходства въ портахъ Либеріи выразилось въ 1882 г. слѣдующими цифрами: всего въ приходѣ и отходѣ было 325 судовъ, съ общей вмѣстимостью 260.428 тоннъ въ томъ числѣ приходилось на долю:

¹⁾ Winwood Reade, „African Sketch-book“.

Великобританіи—111 судовъ, въ 197.786 тоннъ; Германіи—34 судна, въ 44.567 тоннъ; Либеріи—122 судна, въ 2.013 тоннъ.

Слоновая кость, составлявшая прежде значительную статью отпускной торговли, нынѣ вывозится лишь въ очень маломъ количествѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ, съ тѣхъ поръ, какъ слонъ вынужденъ былъ удалиться во внутренніе лѣса. Красильное дерево, каучукъ, пальмовое масло и сельско-хозяйственные произведенія, кофе и арахиды (земляныя фисташки) являются теперь главными предметами либерійскаго экспорта: иностранцы платятъ за нихъ мануфактурнымъ товаромъ, матеріями, машинами и орудіями, писчей бумагой и въ особенности водкой и табакомъ. Большинство «американцевъ» Либеріи стремятся вести земледѣльческую культуру въ обширныхъ размѣрахъ: они заводятъ плантаціи, вмѣсто того, чтобы заниматься просто производствомъ жизненныхъ припасовъ. За исключеніемъ Монровіи и другихъ портовъ, открытых международной торговлѣ, торговля сношенія производятся еще путемъ мѣны: деньги ходятъ только въ городахъ.

Сѣверное городское поселеніе республики, Робертсбургъ, несмотря на его счастливое торговое положеніе, представляетъ еще просто поле, усыянное домами и хижинами. На всемъ побережьи Либеріи нѣтъ болѣе очаровательнаго мѣста. Съ вершины «горы Мыса» (Cape-Mount), которая господствуетъ надъ Робертсбургомъ, развѣтываясь въ юго-восточномъ направленіи на вѣскольکو отроговъ, расположенныхъ на подобіе «пальцевъ руки», открывается обширный видъ на берега синяго озера Фишермэнъ, на аллювіальныя стрѣлки бара и на море, опоясывающее зеленѣющій полуостровъ полукругомъ волнъ прибоя. Одна изъ высотъ этого полуострова, поднимающаяся надъ поясомъ лихорадокъ, была выбрана главнымъ мѣстопробываніемъ миссіонеровъ либерійскаго берега; но ввиду материковыя вѣтры приносятъ вредныя испаренія прибрежныхъ болотъ, порождающія опасныя болѣзни. Робертсбургъ—естественный складочный пунктъ всѣхъ рѣкъ, протекающихъ черезъ плодороднѣйшія мѣстности территоріи Либеріи и впадающихъ въ общій бассейнъ озера Фишермэнъ; но непрерывныя войны, возбуждаемыя честолюбіемъ начальниковъ племенъ веи, косо, галлинасъ, затрудняютъ мирнымъ неграмъ сбытъ ихъ пальмоваго масла и другихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Въ 1882 году Робертсбургъ избѣгъ осады только благодаря своевременному прибытію милиціонеровъ, посланныхъ изъ Монровіи: городокъ былъ переполненъ бѣглецами всѣхъ окружающихъ племенъ, и начиналъ уже ощущаться недостатокъ продовольствія въ этой обѣтованной землѣ. Городъ Мадина на потокѣ Джонни-крикъ; Бесса, названный такъ по

имени главаря, имѣющаго тамъ постоянное пребываніе; мандингскій городъ Коро, на Джапакѣ, южномъ притока рѣки Морфи; Коболиа, резиденція короля «Sandfish», націи веевъ; наконецъ, на переднихъ террасахъ Мандингскаго плоскогорья, Бапоро, столица короля «Boatswain», въ землѣ Кондо,—являются, въ мирное время, естественными притоками складочнаго пункта на мысѣ Горы, снабжающими его мѣстными произведеніями.

Бапоро—очень дѣятельный торговый городъ: когда Андерсонъ проѣзжалъ черезъ него, въ 1868 году, въ немъ насчитывалось около десяти тысячъ жителей, вмѣстѣ съ предмѣстьями. Всѣ окрестныя племена были представлены въ этой столицѣ, такъ какъ тамъ говорили на восьми языкахъ; но преобладающая роль принадлежала мандингамъ магометанамъ, крупнымъ рабовладѣльцамъ. Порабощенное населеніе составляетъ около двухъ третей всѣхъ жителей и употребляется почти исключительно для перевозки товаровъ, особенно соли, между прибрежьемъ и внутренними городами. Эти невольники терпятъ отъ своихъ господъ мусульманъ гораздо болѣе суровое обращеніе въ сравненіи съ тѣмъ, какъ обходятся съ рабами въ окружающихъ языческихъ племенахъ; въ 1866 году бапорскимъ купцамъ только съ большимъ трудомъ, и то при помощи измѣны, удалось подавить возстаніе своихъ плѣнниковъ. Они отдали женщинъ и дѣтей одному племени, которое поступило вѣроломно со своими гостями, и умертвили всѣхъ мужчинъ, а также одну храбрую женщину, поощрявшую ихъ на борьбу¹⁾. Во всѣхъ городахъ этой земли существуетъ священный прудъ, гдѣ содержится «вооруженныя рыбы», страшныя животныя, терпѣливо ожидающія урочнаго часа кормленія, когда имъ кидаютъ отбросы съ бойни, и тогда съ яростью оскапывающія другъ у друга добычу: всѣ онѣ покрыты шрамами. Андерсонъ полагаетъ, что не разъ бросались и человѣческія жертвы на сѣденіе этимъ чудовищамъ.

Монровія, столица республики (мандингское ея имя Дру-Коро) была названа такъ въ честь извѣстнаго президента Соединенныхъ Штатовъ Монро. Занимая почти такое же географическое положеніе, какъ Робертсбургъ, она построена также при основаніи высокаго береговаго мыса и у естественнаго выхода лимана, гдѣ соединяются нѣскольکو потоковъ, перерѣзывающихъ промежуточные низменныя земли сѣтью боковыхъ рукавовъ; но чистой воды ключей или ручьевъ въ Монровіи нѣтъ: жители должны употреблять для питья воду изъ цистернъ или посылать за ней далеко внутри материка. Городъ построенъ по-американски, то-есть съ геометрически правильной расправкой: главные улицы идутъ по прямой

¹⁾ Benjamin Anderson, цитированное сочиненіе.

линии съ востока на западъ, а поперечныя пересѣкаютъ ихъ подъ прямымъ угломъ съ сѣвера на югъ; но дома, каменные или деревянные, не скучены въ видѣ непрерывныхъ фасадовъ: окруженные дворами и садами, обсаженные кокосовыми пальмами и мавговыми деревьями, они слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ извѣстные промежутки. За исключеніемъ части города, прилегающей къ набережнымъ, гдѣ соляная влажность воздуха защищаетъ зданія отъ нападеній термитовъ, повсюду видѣются развалины построекъ, источенныхъ этими насѣкомыми. Улицы, слишкомъ широкія для слабого движенія малочисленнаго городского населенія, во многихъ мѣстахъ поросли густой травой. Лучшие кварталы находятся въ верхней, болѣе здоровой, части города, рядомъ съ укрѣпленіями, господствующими надъ рейдомъ.

Пароходъ, совершающій правильные рейсы изъ Монровіи на сѣверъ по притоку Стоктонъ-Крикъ до деревни Кальдвелъ и оттуда вверхъ по рѣкѣ св. Павла, поддерживаетъ сообщеніе между столицей и сахарными и другими плантаціями, находящимися на берегахъ этой рѣки. Всѣ поселенія въ этой мѣстности носятъ имя, заимствованное изъ географіи или исторіи Соединенныхъ Штатовъ, какъ Виргинія, Кле-Эшлендъ, Кентукки, Нью-Йоркъ. Мильсбургъ, или Мюленбургъ, какъ его называютъ нѣмецкіе миссіонеры, также имѣетъ плантаціи, маленькіе заводы на сентъ-польскихъ порогахъ и загородные дома. Но торговый обмѣнъ съ туземнымъ населеніемъ производится не рѣчнымъ путемъ. Мандингскіе купцы, служащіе посредниками въ этой торговлѣ, не любятъ вступать въ прямые сношенія ни съ бѣлыми людьми, ни съ «американскими» неграми и всячески стараются затруднить имъ непосредственную торговлю съ областью плоскихъ возвышенностей: рѣдкій изъ этихъ купцовъ не выражается съ ненавистью или презрѣніемъ, говоря о Либерійской республикѣ. Поэтому они выбрали, какъ складочный пунктъ, мѣсто, лежащее среди болотъ, въ нѣсколькихъ километрахъ къ западу отъ рѣки св. Павла: въ эту факторію, называемую Вансвахъ, гдѣ у нихъ есть мечеть и школа, они привозятъ туземныя произведенія изъ внутреннихъ мѣстностей (забираемые потомъ носильщиками круменами) и вымѣниваютъ ихъ здѣсь на европейскіе товары. Изъ Вансваха идетъ прекрасно содержимая дорога черезъ лѣса до Бапоро, слѣдуя водораздѣломъ между рѣкой св. Павла и рѣчкой Литль-Кэпъ-Маунтъ-Риверъ. У города Боджехъ, лежащаго въ сотнѣ километровъ отъ моря, эта дорога пересѣкаетъ другую, направляющуюся на юго-западъ къ озеру Фишермэнъ, черезъ территорію Гола и черезъ Сублумъ, не укрѣпленный городъ, гдѣ живетъ вождь націи

голосовъ. Нормальная ширина этихъ торговыхъ путей опредѣлена около 2 метровъ.

Верхнія долины рѣки св. Павла, куда до сихъ поръ проникалъ только одинъ изслѣдователь, несомнѣнно сдѣлаются современемъ одной изъ богатѣйшихъ странъ африканскаго континента. Онѣ густо населены, и на скатахъ плоскогорья разбѣяны многочисленныя мѣстечки, окруженныя хлѣбными полями, табачными плантаціями и травяными степями, гдѣ пасутся стада. Города, черезъ которые проходил Бенджаминъ Андерсонъ во время своего путешествія въ 1860 году, Золу, Фессабуэ, Боккаса, Зига-Пора-Зуе, въ землѣ племени бусей, и нѣкоторые другіе, какъ, напримѣръ, Зу-Зу, на рѣкѣ св. Павла, имѣютъ каждый по нѣскольку тысячъ жителей; ихъ ярмарки, гдѣ почти вся розничная торговля производится женщинами, привлекаютъ массы сельскаго люда. Противъ города Зига-Пора-Зуе, окруженнаго тройной оградой, черезъ рѣку св. Павла устроенъ висячій мостъ изъ лѣанъ, привязанныхъ къ деревьямъ на томъ и другомъ берегу. Каждый городъ этой страны, извѣстной подъ именемъ Уимаръ, имѣетъ свой дѣвичій монастырь, священное мѣсто, куда въ обыкновенное время ни одинъ мужчина не можетъ проникнуть безъ того, чтобы не подвергнуться смертной казни; при чемъ самимъ затворницамъ поручаютъ нанести дерзновенному роковой ударъ. Но бываютъ праздничные дни, когда всѣ жители города приглашаются приходить дефилировать во дворъ монастыря передъ молодыми дѣвушками, наряженными въ матеріи и драгоценныя украшенія.

На восточной покатости горъ, называемыхъ Вуккахъ въ этой области ихъ протяженія, земля принадлежитъ мандингамъ, и главный городъ края, Музарду или Мазарду¹⁾, лежащій на высотѣ 608 метровъ, у подошвы двухъ высокихъ холмовъ, есть столица одного изъ ихъ королевствъ: хотя пришедшій въ упадокъ сравнительно съ прежнимъ цвѣтущимъ состояніемъ, онъ имѣлъ около восьми тысячъ жителей въ 1869 году, и солидные стѣны его были замѣняемы многочисленными гарнизонами. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ неоднократно занимаемъ съ той эпохи султаномъ Медины, укрѣпленнаго города, находящагося въ трехъ дняхъ пути оттуда и располагающаго сильной арміей изъ мусульманъ и язычниковъ: недавніе трактаты съ правительствомъ Либеріи возстановили миръ и предоставили «американцамъ» Монровію политическій сюзеренитетъ надъ этой страной. Мандинги, жители Музарду, носятъ треуголки, какъ бамбарасы Нигера, а у нихъ супругъ преобладаетъ мода закрывать себѣ ли-

¹⁾ „Letter from the King of Masadu to the President of Liberia“, 1868.

по. Женщины Музарду и соседняго города Виллелакх-Каифаль почти все имѣютъ золотыя украшения, которые выдѣлываются изъ металла, привозимаго съ приисковъ верхняго Нигера. По словамъ Андерсона, самый богатый приискъ—Буби, лежащій въ четырехъ дняхъ ходьбы къ востоку отъ Музарду: золото тамъ находится въ видѣ блескокъ, смѣшанныхъ съ пескомъ. Край этотъ пользуется очень здоровымъ климатомъ; однако здѣсь встрѣчаются страдающіе зобомъ, происхождение котораго приписываютъ дурному качеству воды.

Маленькій портъ Маршаль, при устьѣ рѣки Джункъ, мало посѣщается судами, тогда какъ портъ Большой Басса, официально называемый Бокананъ, является торговымъ центромъ республики: тамъ находится главный конторы и пристань пароходовъ побережья. Насупротивъ этого порта, по другую сторону рѣки Сентъ-Джонъ, расположенъ городокъ Эдина. Въ этой мѣстности, на полуостровѣ Большой Басса, по мнѣнію Вильо-де-Бельфонъ, два нормандскихъ корабля основали, въ 1354 году, маленькую факторію, подъ именемъ Малаго Диеппа; въ 1842 году земли по берегамъ этой бухточки были куплены отъ главарей края за счетъ Франціи, затѣмъ снова уступлены республикѣ Либеріи. Портъ Гринвиль, при устьѣ рѣки Сину, гораздо менѣе посѣщается, чѣмъ Большой Басса, но въ соседствѣ съ нимъ, къ востоку, находится территорія Кру, колыбель почти всехъ моряковъ этого побережья. Большой и Малой Буту—скалы, морскіе берега и деревни, лежащія къ западу отъ Гринвиля, тоже были уступлены Франціи въ 1842 году; происхождение этого имени Буту объясняютъ, неизвѣстно—насколько вѣрно, прежнимъ названіемъ Butteaux, которое будто бы диеппскіе мореходы дали этой части африканскаго побережья¹⁾. Южнѣе открытъ для иностранной торговли новый портъ—Нифу.

На мысѣ Пальмъ, въ углу континента, пріютилось американское поселеніе, одинъ изъ будущихъ городовъ африканскаго берега: это Бамнепо туземцевъ, Гарперъ цивилизованныхъ негровъ. Главный пунктъ бывшей колоніи Мерилендъ, вынѣ соединенной съ республикой Либеріей, Гарперъ расположенъ въ одной изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей этого берега, на островномъ холмѣ, соединенномъ съ материкомъ песчаной косой: рейдъ его прикрытъ островкомъ Русвурмъ, отдѣленнымъ отъ полуострова каналомъ, по которому могутъ проходить суда средней осадки: на этомъ островкѣ туземцы прежде хоронили своихъ покойниковъ. Тамъ и сямъ выглядываютъ бѣлые дома американскаго городка сквозь рощи кокосовыхъ пальмъ, отъ которыхъ мысъ и получилъ свое имя, но сѣверный горизонтъ, на материкѣ, огра-

ниченъ непрерывной линіей большого лѣса; только нѣсколько синеватыхъ чертъ, виднѣющихся надъ черной массой деревьевъ, указываютъ на отдаленныя горы. Главное мѣстопробываніе протестантскихъ миссій находится къ сѣверо-востоку отъ Гарпера, на берегахъ рѣки Кавалли, и нѣсколько постовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ до Болеа, начальнаго пункта рѣчнаго судоходства, лежащаго въ области золотоносныхъ песковъ, которые не разрабатываются, потому что богъ горнаго промысла требуетъ человѣческихъ жертвъ, а въ этой странѣ маленькихъ республиканскихъ конфедераций люди слишкомъ дорого цѣнятся, чтобы можно было проливать ихъ кровь¹⁾. Недалеко отъ устья рѣки Кавалли стоитъ скала, съ глубокой пещерой при основаніи: это «Камень Большаго Чорта», который пилигримы, стекающіеся со всехъ концовъ земли Кру, приходятъ созерцать съ благоговѣйнымъ ужасомъ, принося ему свои дары; дары эти,—кораллы, бусы, табакъ, ромъ, животныя,—кладутся у входа въ гротъ и вдругъ исчезаютъ таинственно: явственно слышенъ, говорятъ вѣрующіе, звукъ глотанія, происходящаго въ огромной пасти, когда скрытое чудовище пожираетъ приношенія своихъ поклонниковъ. Рядомъ съ камнемъ, показываютъ дерево съ искривленнымъ стволомъ: это нечестивецъ, который позволилъ себѣ смѣяться надъ чудомъ, видя въ немъ лишь грубый обманъ какого-нибудь жреца, спрятавшагося внутри скалы.

Города Либеріи и соседнихъ территорій, съ приблизительной цифрой ихъ населенія:

Монровія — 5.000 жит.; Робертспортъ — 1.200; Бокананъ и Эдина—5.000; Гарперъ—3.000 жит.

Сосѣднія территорія: Бапоро—3.000 жит.; Зига-Пора-Зуэ—5.000; Фессабуэ—6.000; Бокаса—7.000; Музарду—7.500; Виллелакх-Каифаль—6.000 жит.

Государственное устройство Либеріи скопировано, почти рабски, съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ, безъ малѣйшей оригинальной черты, свидѣтельствующей о различіи расы и страны. Правительство состоитъ изъ президента и вице-президента, назначаемыхъ на двухъ-лѣтній періодъ изъ среды собственниковъ, имѣющихъ не менѣе 3.000 франковъ годоваго дохода; къ составу избирателей принадлежатъ все граждане, достигшіе 21 года. Въ случаѣ смерти, президентъ замѣщается вице-президентомъ, который въ то же время предсѣдательствуетъ въ Сенатѣ; пять статъ-секретарей, неотвѣтственныхъ передъ палатами, составляютъ совѣтъ исполнительной власти. Конгрессъ состоитъ изъ двухъ собраній—Сената, члены котораго, въ числѣ восьми, по два отъ cadaго графства, избираются на четырехлѣт-

¹⁾ Ph. de Kerhallet, „Instructions nautiques.

¹⁾ Winwood Reade, цитированное сочиненіе.

ний срокъ, и палаты представителей, назначаемыхъ на два года; въ настоящее время всѣхъ депутатовъ—тринадцать, но съ возрастаніемъ народонаселенія число ихъ будетъ увеличено. Граждане могутъ быть избираемы въ законодательное собраніе только по достиженіи тридцати-лѣтняго возраста. Бѣлые не пользуются избирательнымъ правомъ, и до недавняго времени имъ было запрещено покупать земли; исключеніе допускается только для тѣхъ, которые натурализовались въ краѣ. Впрочемъ, здѣсь, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, легко было обойти эту статью закона, и многіе негонианты, по большей части нѣмцы, приобрѣтали земельные участки въ Монровіи, на Пальмовомъ мысѣ и въ другихъ мѣстахъ, для устройства своихъ факторій. Законъ этотъ былъ измѣненъ, и теперь бѣлые приобретаютъ землю на тѣхъ же правахъ, какъ и негры, но они не могутъ покупать ее прямо у туземцевъ; переходъ земельной собственности всегда совершается чрезъ посредство правительства ⁴⁾.

Органами судебной власти, устроенной также по образцу юстиціи Соединенныхъ Штатовъ, являются окружные суды и высшая судебная палата, засѣдающая въ Монровіи. Государственной религіи нѣтъ, хотя американская епископальная церковь играетъ господствующую роль, но общественное мнѣніе предписываетъ officialное почитаніе воскресенья; протестанты разныхъ сектъ, составляющіе главную массу «цивилизованнаго» населенія, требуютъ отъ мусульманъ и язычниковъ наружнаго соблюденія «дня субботняго»: въ этотъ день даже не палать изъ пушки въ портѣ, чтобы отдать салютъ прибывшему иностранному кораблю. Наблюдаютъ также за тѣмъ, чтобы не было завѣдомо для всѣхъ незаконнаго сожительства. Каждая деревня съ населеніемъ не менѣе 360 душъ обязана имѣть начальную школу; кромѣ того, существуютъ два высшихъ учебныхъ заведенія, мужское и женское. Каждый

городокъ Либеріи считаетъ за честь имѣть свое собственное литературное общество, украшенное какимъ-нибудь громкимъ титуломъ, но все богатство этихъ обществъ, въ большинствѣ случаевъ, состоитъ лишь изъ небольшого числа разрозненныхъ книгъ.

Всѣ граждане, отъ шестнадцати до пятидесяти лѣтъ, обязаны нести военную службу; но эта повинность исполняется только во время войны съ туземными племенами. Совокупность милиціи составляетъ 2 бригады, заключающихъ въ себѣ 5 территориальныхъ полковъ. Что касается военного флота, то онъ состоитъ изъ 2 яхтъ-крейсеровъ. Бюджетъ Либеріи не достигаетъ даже милліона франковъ; но государственный долгъ, навязанный республикѣ въ 1871 году нѣсколькими безсовѣстными спекуляторами, черными и бѣлыми, относительно очень великъ; если бы погасить его полностью, вмѣстѣ съ процентами, въ 1886 г., когда наступилъ срокъ уплаты займа, то онъ достигалъ бы цифры 7.900.000 франковъ. Бюджетъ 1894 г. представлялъ слѣдующія цифры:

Доходы — 875.000, расходы — 787.000; долгъ — 6.375.000 франковъ.

Либерія раздѣлена нынѣ на четыре графства: Мезурадо, Большой Басса, Сину и Мерилендъ. Эта послѣдняя провинція была до 1860 г. колоніей освобожденных негровъ, составлявшей особую республику, подъ покровительствомъ одного Балтиморскаго общества; по соединеніи съ Либеріей, во главѣ ея управленія поставленъ «суперъ-интендентъ», на котораго возложена была задача постепенно приводить ея учрежденія въ соотвѣтствіе съ учрежденіями другихъ графствъ. Подраздѣленія территоріи составляютъ такъ называемые *townships*, городскіе округи или уѣзды, отграниченные, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, геометрическими линиями: нормальная площадь тауншипа 8 англ. квадратныхъ миль или 21 съ половиною кв. километровъ.

Глава V.

Берегъ Слоновой Кости, Большой Бассамъ, Ассини.

Къ востоку отъ мыса Пальмъ, берегъ тянется въ видѣ замѣчательно правильной кривой, до мыса Трехконечнаго, отстоящаго на

620 километровъ. Большая часть этого побережья, слегка изогнутаго, извѣстна у моряковъ подъ именемъ «берега Слоновой Кости» или «берега Бивней». Англійскіе мореплаватели называютъ его также *Leeward coast*, т. е. «бе-

⁴⁾ Wauwermans, цитированное сочиненіе.

регъ подъ Вѣтромъ», въ отличіе отъ *Windward-coast*, или «берегъ на Вѣтрѣ», который подвергается всей силѣ морскихъ бурь. Впрочемъ, на всемъ протяженіи этой береговой полосы нѣтъ ни одной линіи естественнаго разграниченія,—кромѣ, развѣ, каменистыхъ пригорковъ и рѣчныхъ баровъ,—которая дѣлила

часть берега, заключающаяся между рѣками Санъ-Педро и Лагу, на протяженіи 200 километровъ, есть одинъ изъ рѣдкихъ сегментовъ африканскаго побережья, на который пока еще не предъявляла притязанія, какъ на колоніальное владѣніе, ни одна европейская держава: правда, жители края, принадлежащіе по боль-

Торговецъ изъ Юрубы.

бы ее на особія области, да и политическія границы намѣчены тамъ точнымъ образомъ только въ недавнее время, съ цѣлью обозначить пространство территоріи, которою овладѣла Франція. Эти владѣнія, простирающіяся виртуально внутрь материка до разстоянія, еще неопредѣленнаго, представляютъ морской фронтъ около 220 километровъ; остальная

шей части къ многочисленной семьѣ круменовъ, могутъ считаться союзниками и помощниками европейцевъ въ ихъ дѣлѣ присвоенія чернаго континента, такъ какъ эти туземцы доставляютъ прохожимъ кораблямъ лопчановъ, матросовъ и чернорабочихъ, для прибрежнаго плаванія, для работъ на складахъ и верфяхъ. Изъ всѣхъ частей африканскаго поморья за-

падная полоса Слоноваго берега наименѣе изслѣдована. Кромѣ океанскаго берега и вершинъ холмовъ, примѣтныхъ изъ прибрежныхъ селеній, въ этой области извѣстны только имена племенъ и мѣстечекъ: темная завѣса большихъ деревьевъ еще не была перейдена. А между тѣмъ мало найдется странъ, которыя общали бы путешественникамъ болѣе интересныя открытія. Непосредственно на сѣверѣ этого побережья прежде ожидали найти самыя высокія массивы горной цѣпи Конгъ, которую географы чертили на картахъ, основываясь на смутныхъ разсказахъ и соображаясь съ аналогіями, представляемыми рельефомъ материковъ; но теперь кажется болѣе вѣроятнымъ, что въ этой части африканскаго континента раздѣльный порогъ между двумя покатостями не высокъ; рѣки имѣютъ слабое паденіе и переносятъ мало гальки. Шаперъ полагаетъ, что очень легко было бы достигнуть водораздѣльной возвышенности и оттуда спуститься къ истокамъ восточной вѣтви Нигера, можетъ быть, болѣе длинной, чѣмъ западная, по которой проходили сенегамбійскіе изслѣдователи. Этой сенегальской дорогой купцы племени бамбара ходятъ на Слоновій берегъ ¹⁾. Говорятъ, въ трехъ или четырехъ дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ лагуны Большаго Бассамы существуетъ городъ по имени Бауре, посѣщаемый «людьми на коняхъ», вѣроятно, мандингами съ верхняго Нигера ²⁾. Этотъ именно путь и должны будутъ избрать изслѣдователи, которые свяжутъ французскія владѣнія Ассини съ владѣніями въ Суданѣ и Сенегалѣ.

Западная часть Слоноваго берега, населеніе которой пользуется еще полной независимостью, самая возвышенная; тамъ встрѣчаются высоты, которыми моряки даютъ названіе «горъ»: таковы горы Сентъ-Андре (св. Андрея), имя котораго негры исковеркали въ Сассандра; самая высокая вершина ихъ достигаетъ 286 метровъ. Далѣе слѣдуютъ гора Лангдонъ и холмы «Сестеръ», имѣющіе, соответственно, 109 и 118 метровъ. Повидимому, большинство береговыхъ утесовъ, бѣлыхъ при основаніи и съ красными наслоеніями въ верхней части, состоятъ изъ пластовъ песчаника ³⁾. Нѣсколько рѣкъ впадаютъ въ море въ этой части побережья, пройдя передъ тѣмъ, по словамъ туземцевъ, черезъ большую лагуну Гле, которая тянется параллельно морскому берегу. Рѣка Лагу, избранная западной границей французскихъ владѣній, вѣроятно, имѣетъ довольно длинное теченіе и беретъ свое начало въ области высокіхъ горъ; она катитъ большой объемъ воды и впадаетъ въ море тремя рукавами, которые раздѣлены лѣсистыми островами.

Но бары при входѣ въ эти рукава такъ опасны, что не пытаются переходить черезъ нихъ даже въ лодкѣ; туземцы, впрочемъ, смѣло пускаются черезъ пороги въ своихъ пирогахъ часто опрокидываемыхъ прибоемъ волнъ. Обрывъ подводнаго берега, называемаго «промѣрочнымъ плато», держится на довольно большомъ разстояніи отъ края суши, кромѣ одного мѣста противъ бухты Малаго Бассамы, то-есть именно того мѣста, гдѣ находится вершина дуги, образуемой берегомъ Слоновой кости. Между двумя подводными берегами, продолжающимися пологимъ скатомъ къ открытому морю, тянется, перпендикулярно къ береговой линіи, глубокий ровъ, шириной около 2 километровъ. Въ 7.400 метрахъ отъ края твердой земли, дно въ этомъ «рвѣ» Малаго Бассамы находится на разстояніи 491 метра отъ поверхности водъ; въ разстояніи полкилометра съ небольшимъ глубина все еще не менѣе 180 метровъ; наконецъ, у самаго берега находятъ слой воды въ 36 метровъ. Эта подводная долина напоминаетъ «Gouff» у Капъ-Бретонъ, въ углу Гасконскаго моря.

До впаденія въ море, рѣка Лагу изливается на западъ въ лагуну, усѣянную островами и отдѣленную отъ океана узкой полосой суши; но къ востоку отъ рѣки это образованіе береговыхъ стрѣлокъ или косъ, между постоянно волнующимся моремъ и гладкой скатертью внутреннихъ водъ, развивается въ несравненно болѣе обширныхъ размѣрахъ. На пространствѣ слишкомъ 220 километровъ, отъ Лагу до Тануэ, берегъ вездѣ двойной: одинъ, морской, въ видѣ узкой бѣлой полосы, почти не имѣющей изгибовъ, продолжается безъ конца съ запада на востокъ между пѣнящимися валами прибои и зеленымъ лѣсомъ, который прерывается то тутъ, то тамъ, чтобы приютить негритянскую деревню; другой, материковый, весь изрѣзанъ бухтами и бухточками, представляющими лодочнику цѣлый лабиринтъ проходовъ, частію свободныхъ, частію заросшихъ тростникомъ, къ внутреннимъ рѣкамъ. Лагуна Эбріе, западная часть этой цѣпи бухтъ, отдѣленныхъ отъ океана, представляетъ обширную сеть проливовъ, каналовъ, острововъ, островковъ и мелей, которая тянется параллельно морскому берегу на пространствѣ 120 километровъ, и въ которую впадаютъ многочисленные рѣки и рѣчки: мелкія суда съ осадкой до 80 сантиметровъ могутъ во всякое время года безпрепятственно плавать отъ одного до другаго конца этой лагуны, которая была впервые изслѣдована на всемъ ея протяженіи морякомъ Курне. Самый многоводный изъ притоковъ Эбріе, рѣка Акба или Комоэ, имѣющая, если вѣрить начертанію картъ, слишкомъ 400 километровъ по длинѣ теченія, впадаетъ въ восточную половину лагуны и пробиваетъ береговую кордонъ, чтобы найти себѣ выходъ. Въ пе-

¹⁾ François de Kerhallet, «Instructions nautiques».

²⁾ Fleuriot de Langie, «Tour du Monde», 2 sem. 1873.

³⁾ Chapier, «Bulletin de la Société de Géologie de France», 1885.

пiодъ дождей теченiе ея очень быстро, достигая, при выходѣ изъ озера, 14 и 15 километровъ въ часъ; море отъ притока ея вода бываетъ окрашено въ желтый цвѣтъ на пространствѣ 8 километровъ отъ берега. Масса твердыхъ частицъ, приносимыхъ рѣчнымъ теченiемъ, такъ засариваетъ баръ, что суда съ осадкой въ 3 метра не могутъ перейти черезъ него; но въ другое время года они проходятъ безъ труда: это устье, называемое устьемъ Большаго Бассама, представляетъ лучший входъ на всемъ побережьи между Пальмовымъ мысомъ и Бенинскимъ заливомъ. Морской приливъ, проникая черезъ это отверстiе, поднимается вверхъ по лагунѣ Эбріе, которая въ низовьяхъ представляетъ соляной, въ серединѣ — солоноватый, а въ верховьяхъ — прѣсноводный бассейнъ; однако, прибрежные жители не пьютъ изъ него: на материковомъ берегу они берутъ воду изъ ключей и рѣчекъ, на морскомъ — копаютъ ямы въ песокъ, гдѣ скопляется фильтрационная вода. Вверхъ по теченiю Акбы европейскіе путешественники поднимались только на разстоянiи нѣсколькихъ дней плаванiя; километра въ сорока, близъ деревни Малый Алепе, правильное русло этой рѣки прерывается порогами и водопадами.

Менѣе, чѣмъ въ 40 километрахъ къ востоку отъ Большаго Бассама находится входъ въ озеро Ассини (Иссини старинныхъ авторовъ), похожій на предъидущій протокъ, но менѣе глубокий и болѣе извилистый: только суда, водоуглубленiе которыхъ не превышаетъ 1,60 метра, могутъ проникать въ этотъ проходъ; но внутри материка лагуны, развѣтвляющіяся на многочисленныя бухты и бухточки, представляютъ глубокие фарватеры для судоходства; полуострова, омываемые ихъ водами, поднимаются пологими скатами, надъ которыми тамъ и сямъ господствуютъ оголенные пожаромъ вершины, откуда можно любоваться великолѣпной картиной обширнаго озера, развѣтвляющагося вокругъ выступовъ горъ. Главные притоки этого внутренняго моря — Біа или Кинджабо, впадающая въ сѣверную бухту, и Тануэ, составляющая восточную границу французскихъ владѣнiй и берущая начало, вѣроятно, на сѣверо-западѣ страны Ашанти. Судно *Гетъ-Ндаръ* поднималось по этой послѣдней рѣкѣ на сотню километровъ выше ея впаденiя въ лагуну. Что касается рѣки Кинджабо, то изслѣдователи ея должны были остановиться у скалъ Абоизо, то-есть «Пороговъ» или «Водопадовъ», менѣе удаленныхъ отъ устья. Долины обѣихъ названныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ усѣяны золотыми приисками, которые даютъ средства къ существованiю значительному населенiю искателей и промысловщиковъ, бѣдняковъ, довольствующихся маленькимъ дневнымъ заработкомъ. Блестки золота находятся въ очень вязкой глинѣ, залегающей на днѣ долины; вы-

числено, что, въ среднемъ, содержанiе золота составляетъ, по цѣнности, отъ 2 до 3 франковъ на кубическій метръ. На берегу Альби, западнаго залива большой лагуны Ассини, вытекаетъ обильный источникъ горной смолы. Въ мѣстности, простирающейся пологимъ скатомъ на сѣверъ отъ озера, Шаперъ нашелъ камни и глины глетчернаго происхожденiя: такимъ образомъ отъ Южныхъ рѣкъ до Золотого берега, на пространствѣ 1.500 километровъ, встрѣчаются слѣды существованiя ледниковъ.

Климатъ берега Слоновой Кости отличается отъ климата Перечнаго берега лишь нечувствительными переходами. Годъ и здѣсь дѣлится на два дождливыхъ періода, раздѣленныхъ двумя сухими сезонами. Самая опасная для иностранцевъ пора начинается въ октябрѣ сѣверо-восточными вѣтрами, соотвѣтствующими гарматтану береговъ Либерiи, но климатическія условiя въ факторiи Ассини все-таки болѣе благоприятны, чѣмъ въ другихъ постахъ этого поморья. Продукты, составляющіе предметъ торговли, пальмовое масло и орѣхи, красильное дерево, камедь, арахиды, воскъ, слоновая кость, доказываютъ, что флора и фауна этой страны мало разнятся отъ органическаго міра Либерiи. Упомянутый изслѣдователь Шаперъ привезъ 37 видовъ папоротника изъ территорiи Ассини. Единственная большая культура, введенная въ краѣ, — это культура кофейнаго дерева, плантація котораго, принадлежащая одному французскому торговому дому, находится на горныхъ скатахъ, господствующихъ надъ западнымъ берегомъ залива Альби. Туземцы питаются не рисомъ, какъ большинство жителей западнаго побережья, между Гамбіей и Пальмовымъ мысомъ; вмѣстѣ съ ямсомъ, бананъ составляетъ главную основу ихъ пищи. Этотъ плодъ, превращенный въ тѣсто, смѣшанный съ копченой рыбой, приправленный стручковымъ перцемъ и сваренный въ пальмовомъ или фисташковомъ маслѣ, есть знаменитое національное блюдо *футу-футу*, которое европеецъ вначалѣ ѣстъ съ отвращенiемъ, но потомъ, когда привыкнетъ къ нему, находитъ отменно вкуснымъ.

Фауна на Слоновомъ берегу та же самая, что и въ Либерiи. Шаперъ отмѣчаетъ здѣсь три вида обезьянъ, въ томъ числѣ шимпанзе. Слоны не встрѣчаются въ осѣдломъ состоянiи въ области побережья, которая обязана ему своимъ именемъ, но плоды, до которыхъ онъ большой лакомка, привлекаютъ его въ періодъ ихъ созрѣванiя въ лѣса, прилегающіе къ озерному бассейну. Что касается бегемотовъ, которые прежде охотно гостили въ здѣшнихъ лагунахъ, то въ 1880 году ихъ было только два во всей территорiи Ассини, а въ 1885 г. оставался только одинъ; истребленiе этого толстокожаго совершилось въ настоящемъ столѣтiи. Шаперъ видѣлъ шкуры питоновъ (змѣй изъ

семейства удавовъ), впрочемъ, не очень опасныхъ, длина которыхъ превышаетъ 10 метровъ, и которые имѣютъ слишкомъ 40 сантиметровъ въ окружности по срединѣ туловища. У негровъ этой страны нѣтъ ни одного вьючнаго животнаго: вѣроятно, можно бы было употреблять вола для перевозки товаровъ; на плантаціяхъ теперь пытаются ввести осла. Всѣ клади перевозятся по каналамъ или переносятся на головѣ негровъ: средній грузъ этихъ носильщиковъ составляетъ отъ 25 до 30 килограммовъ.

Западные народцы Слоноваго берега причисляются еще къ націи круменовъ: это глебо (глебое) или «люди св. Андрея», самые шумные и наименѣе дисциплинированные изъ ихъ расы; они принадлежать, вѣроятно, къ тому же корню, какъ и ихъ западные сосѣди гребо, и даже, можетъ-быть, въ дѣйствительности это одно и то же имя. Говорятъ, еще не такъ давно у глебосовъ практиковалось людоедство ¹⁾. Впрочемъ, объ этихъ племенахъ рассказываютъ тѣмъ болѣе необычайныя вещи, чѣмъ менѣе извѣстно населеніе, къ которому относится рассказъ. Такъ, говорятъ, будто въ этихъ странахъ существуетъ народецъ, имѣющій до того ограниченный запасъ словъ, что люди его могутъ объясняться только при помощи разныхъ жестовъ и игры фizioноміи, такъ что въ темнотѣ имъ невозможно понимать другъ друга ²⁾. Рассказываютъ также, что на берегахъ озера Гле находятся колоніи женщинъ-фетишей, обреченныхъ на безбрачіе и управляемыхъ королевой, которая посредствомъ какихъ-то травъ искусственно прививаетъ себѣ слоновью проказу (elephantiasis). Если, въ нарушение закона, родился мальчикъ въ этихъ поселеніяхъ амазонокъ, то онъ немедленно предается смерти; но дѣвочки заботливо воспитываются, какъ предназначенныя сдѣлаться, въ свою очередь, фетишами.

На востокъ отъ племени глебо живутъ многіе другіе народцы, почти столь же мало извѣстные и говорящіе нарѣчіями, словари которыхъ, имѣющіеся въ распоряженіи лингвистовъ, еще очень неполны, и потому истинное мѣсто этихъ диалектовъ между группой круменскихъ языковъ и группой говоровъ ашанти пока еще не опредѣлено съ точностью. Главная изъ этихъ націй, повидимому, — авеккомы или авикомы, обитающіе въ той части страны Аду, которая простирается къ западу отъ рѣки Лагу: уже болѣе двухъ столѣтій этихъ негровъ обыкновенно называютъ ква-ква, по ихъ привѣтствію ³⁾, которое «походитъ на крикъ утки»,

говоритъ Босманъ ⁴⁾. Торговое мѣстечко Большое Лагу, расположенное на береговой кость, къ западу отъ бара, заграждающаго входъ въ рѣку того же имени, населено неграми ква-ква. Племена, живущія далѣе къ востоку, на морскомъ побережьи и по берегамъ лагуны Эбрие, тоже извѣстны у моряковъ подъ насмѣшливой кличкой «Джекъ-Джекъ». Можетъ-быть, это прозвище, которое въ англійскомъ языкѣ есть синонимъ «человѣка на всѣ руки», обязано своимъ происхожденіемъ живости и юркости этихъ чернокожихъ. Очень дѣятельные, съ большой коммерческой жилкой, они служатъ посредниками внутреннимъ населеніямъ по сбыту масла, пальмовыхъ орѣховъ и другихъ продуктовъ. Ловкіе *commis-voyageurs*, они ходятъ изъ деревни въ деревню и устраиваютъ отправку бочекъ съ масломъ на побережье, для погрузки на европейскіе корабли; отвергая содѣйствіе французскихъ торговцевъ изъ Большаго Бассама, они ведутъ дѣла непосредственно съ капитанами судовъ. Въ 1884 году количество проданнаго ими пальмоваго масла исчисляли въ 5.000 тоннъ; отъ двѣнадцати до пятнадцати кораблей изъ Бристоль и Ливерпуля приходятъ грузиться на рейдѣ въ ихъ деревняхъ, гдѣ уже появились большіе деревянные дома, не менѣе комфортабельные, чѣмъ дома негoціантовъ въ европейскихъ факторіяхъ ⁵⁾. Вокругъ лагуны Эбрие разбѣяны во множествѣ деревни и поселки: число прибрежныхъ жителей этого внутреннего моря, въ огромномъ большинствѣ занимающихся рыбной ловлей, опредѣляютъ въ 80.000 душъ; въ одномъ только селѣ Большой Бассамъ насчитывается слѣшкомъ полтора ста пирогъ ⁶⁾. Общая цифра населенія берега Слоновой кости и всей покато-сти до водораздѣла съ Нигеромъ никакъ не менѣе полмилліона душъ.

Племена, живущія къ сѣверу отъ французскихъ владѣній Большой Бассамъ и Ассини, принадлежать, повидимому, къ двумъ различнымъ расамъ: агни, прежніе владѣльцы края, и ошины, завоеватели, пришедшіе, по преданію, около конца прошлаго столѣтія. Агни ниже ростомъ, коренастѣе и сильнѣе; ошины, болѣе стройные, имѣютъ голову болѣе продолговатую и нижнюю челюсть болѣе выдающуюся ⁷⁾. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ женщины ходятъ совершенно голыя, но большинство имѣютъ передникъ, который привязывается поясомъ, узкимъ бусами; молодыя дѣвушки заплетаютъ волосы въ маленькіе пучки, тогда какъ замужнія женщины зачесываютъ ихъ въ

¹⁾ Fleuriot de Langle, цитированное сочиненіе.

²⁾ Winwood Reade, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Villault de Bellefond, «Relations des costes de l'Afrique appelées Guinée».

⁴⁾ Voyage de Guinée.

⁵⁾ Notices coloniales, «Exposition universelle d'Anvers en, 1885».

⁶⁾ I. L. de Lanessan, «L'Expansion coloniale de la France».

⁷⁾ Hyacinthe Hecquard, «Voyage sur la côte et dans l'intérieur de l'Afrique Occidentale».

формѣ каски. Мужчины величаво драпируются въ большой кусокъ матеріи, состоящей изъ разноцвѣтныхъ полосъ. Чистоплотность въ большой чести у этихъ туземцевъ: подобно крумамъ, они мются каждый день, намыливая себѣ все тѣло съ головы до ногъ; если бы количество мыла, потребляемое въ данной странѣ, служило, какъ это часто говорили, мѣриломъ цивилизаціи, то прибрежные жители рѣки Акба безспорно заняли бы первое мѣсто въ ряду народовъ. Для приготовленія мыла они употребляютъ пальмовое масло и золу листьевъ; кромѣ того, и европейское мыло составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ ввоза. Послѣ купанья, они слегка натираютъ себѣ все тѣло масломъ ¹⁾.

Къ какой бы расѣ они ни принадлежали, негры этой части западно-африканскаго поморья отличаются необыкновеннымъ добродушіемъ и безусловной честностью и благонадежностью въ дѣлахъ: всякія условія заключаются съ ними просто на словахъ, и иногда на продолжительные сроки въ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ, но они всегда добросовѣстно исполняютъ принятые на себя обязательства. Въ прежнее время они относились недовѣрчиво, и не безъ основанія, къ европейскимъ кораблямъ, явившимся на ихъ берегъ; когда капитанъ судна просилъ ихъ устроить палатку, они требовали, чтобы онъ сначала сошелъ съ корабля, и, ставъ одной ногой на край туземной барки, а другой на сходняхъ своего судна, зачерпнулъ пригоршней морской воды и брызнулъ нѣсколько капель ея себѣ на глаза, въ удостовѣреніе своихъ добрыхъ намѣреній ²⁾: нарушеніе этой клятвы, думали они, повлекло бы за собой потерю зрѣнія. Внутри страны «большой фетишъ» есть блюдо, наполненное водой, съ примѣсью земли: при совершеніи великой клятвы каждый обмакиваетъ руку въ грязную воду и окропляетъ ею своихъ сосѣдей; данная такимъ способомъ клятва имѣетъ поручителями и, въ случаѣ надобности, мстителями двѣ первоначальныя стихіи, изъ которыхъ произошли всѣ люди ³⁾.

Теперь можно безъ всякаго затрудненія пройти эту территорію изъ конца въ конецъ; только путешествіе обходится здѣсь очень дорого, потому что жители каждой деревни ожидаютъ подарковъ отъ блага путешественника. Уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній въ краѣ не было войны; однако, почти у каждаго туземца есть ружье, которое, впрочемъ, употребляется почти только для холостыхъ выстрѣловъ: стрѣльба составляетъ необходимую принадлежность всякаго праздника. Исламъ не про-

никъ въ эти страны, и религиозные обряды сохранили еще чисто анимистическій характеръ; но, кажется, ихъ не особенно ревностно соблюдаютъ. Фетиши, поставленные у входа въ деревни и на перекресткахъ дорогъ, худо содержатся, и во многихъ мѣстахъ священные рожи, на которыя наложено табу, обратились въ маленькія ограды, окруженныя черепами животныхъ и черепками битой посуды; въ иныхъ мѣстахъ даже и ограда исчезла, и храмъ-фетишъ состоитъ изъ одного камня, куска дюрита, который предки благоговѣнно принесли съ сѣвера, и который теперь попираетъ нога прохожаго. Во время путешествія Геккара почитаніе фетишей было еще въ полной силѣ; нѣкоторые роды мяса, нѣкоторые плоды, большая часть рыбъ были подъ запретомъ (табу); каждая недѣля имѣла свой день-фетишъ, въ который нельзя было ни ѣсть, ни переходить черезъ текущую воду, и который употреблялся на окрашивание тѣла въ бѣлый и желтый цвѣта.

На берегахъ лагуны Ассини образовалось могущественное царство, состоящее въ вассальной зависимости отъ Франціи и управляемое вождемъ изъ племени ашанти, который имѣетъ резиденцію въ Кинджабо, городѣ съ 3.000 жителей, построенномъ на лѣвой сторонѣ рѣки. Въ каждой деревнѣ сельскіе старшины судятъ обыкновенно проступки, но важныя дѣла, гдѣ преступленіе можетъ повлечь за собою смерть виновнаго, представляются на судъ короля; адвокаты защищаютъ передъ нимъ противоположные интересы, затѣмъ, по выслушаніи сторонъ, произносится безапелляціонный приговоръ, опредѣляющій кару, пеню или смертную казнь. Подъ навѣсомъ «правосудія», гдѣ король предсѣдательствуетъ на судебныхъ преніяхъ, отрубенныя головы складываются въ пирамиды, и строго запрещено прикасаться къ этимъ знакамъ королевской власти, фетишамъ болѣе страшнымъ, чѣмъ изображенія чудовищъ, помѣщаемыя на краю дорогъ. Еще въ половинѣ настоящаго столѣтія, основанію новой деревни всегда предшествовало человѣческое жертвоприношеніе. Выбранную жертву сначала напивали до-пьяна пальмовымъ виномъ, затѣмъ, послѣ военной пляски, сынъ вождя отрубалъ ей голову, трупъ вскрывали, и по виду внутренностей жрецъ предсказывалъ судьбу будущаго селенія ⁴⁾; подъ страхомъ умереть въ томъ же году, присутствующіе на этой церемоніи обязаны были принять участіе въ пиршественной трапезѣ, приготовленной изъ сердца, печени и внутренностей принесеннаго въ жертву челоѣка, вмѣстѣ съ мясомъ животныхъ фетишей. Царекъ владѣетъ стадомъ плѣнниковъ, и еще недавно, по поводу стариннаго обычая, требующаго кровавой ванны для королевскаго трупа, съ безпокойствомъ зада-

¹⁾ Chaper, „Le Territoire d'Assinie, Archives des missions Scientifiques“, tome XII, 1885.

²⁾ Labat, цитирован. сочиненіе.

³⁾ „Revue Maritime et Coloniale“, tome IX;—Hovelacque, „L'Homme“, 1884.

⁴⁾ Hyacinthe Hecquard, цитирован. сочиненіе.

вали вопросъ, не будетъ ли этотъ обычай соблюдается посредствомъ умерщвления этихъ несчастныхъ. Вторую категорію невольниковъ составляютъ несостоятельные должники, сдѣлавшіеся временными слугами своихъ займодателей; эти рабы могутъ во всякое время освободиться изъ кабалы; не рѣдко они даже родятся со своими господами ¹⁾).

Французскія факторіи, принадлежащія почти всѣ одному торговому дому города Рошель, немногочисленны; единственные деревни, гдѣ имѣютъ пребываніе французскіе чиновники и агенты,—Большой Бассамъ и Ассини, та и другая возлѣ бара того же имени, и Дабу, на бухтѣ сѣвернаго берега лагуны Эбрие. Это послѣднее поселеніе представляетъ собою укрѣ-

пленный постъ, который держитъ въ повиновеніи дикое и безпокойное племя бурбури, живущее многочисленными деревнями въ сѣдствѣ джекъ-джековъ. Ассини, вѣроятно, сдѣлается со временемъ оживленною пристанью, какъ продовольственный пунктъ для внутреннихъ золотоносныхъ мѣстностей. Овъ вывозить, въ среднемъ, ежегодно пять тысячъ унцій, или 480.000 франковъ золота, и 10.000 тоннъ пальмоваго масла, цѣнностью въ полтора милліона франковъ ²⁾).

Французскія поселенія на берегу Слоновой Кости въ административномъ отношеніи прежде зависѣли отъ Габона; теперь они присоединены къ Сенегалу, также какъ и факторіи Невольничьяго берега.

Глава VI.

Золотой берегъ и бассейнъ Вольты, Фанти и Ашанти.

Эта часть африканскаго поморья представляетъ, между мысомъ Пальмъ и устьями Нигера, область, гдѣ европейцы водворились наиболѣе прочнымъ образомъ. Англичане, владѣльцы территоріи, официально называемой Cape-Coast, по имени ея бывшей столицы, занимаютъ береговое пространство длиною около 600 километровъ, отъ французскихъ владѣній Ассини до германскихъ факторій Того. Внутрь материка колонія ихъ простирается въ одномъ мѣстѣ на 200 километровъ отъ морскаго берега, да и за предѣлами ея ихъ политическое вліяніе распространяется далеко на негритянскія населенія. Площадь англійской территоріи Золотого берега исчисляется въ 101.160 кв. километр., а населеніе составляетъ (1895 г.) около 1.500.000 душъ. На сѣверѣ, королевство Ашанти Гіаманъ и сопредѣльныя провинціи заключаютъ въ себѣ слишкомъ милліонъ обитателей. Общая же цифра народонаселенія покатости, спускающейся къ Золотому берегу, можетъ быть опредѣлена приблизительно въ три милліона душъ. Самое имя страны объясняется то усердіе, которое проявили бѣлые въ дѣлѣ основанія торговыхъ конторъ на этомъ побережьи и обследованія прилегающихъ къ нему внутреннихъ областей. Страсть къ наживѣ побуждала купцовъ всѣхъ европейскихъ націй устранивать факторіи для мѣны гвоздей, игловокъ, «огненной воды» на золотой песокъ,

и большинство западныхъ державъ воздвигли укрѣпленные посты для защиты коммерческихъ сдѣлокъ своихъ подданныхъ: французы, бранденбургцы, голландцы, датчане, португальцы заводили поселенія на заманчивомъ Золотомъ берегу. Англичане являются нынѣ наслѣдниками всей торговой Европы въ эксплоатаціи этой богатой территоріи.

Кто были первые негоданты, водворившіеся на Золотомъ берегу? Это одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ исторіи географіи; можно бы было составить цѣлую бібліотеку изъ записокъ и толстыхъ сочиненій, которыя были изданы въ разное время съ цѣлью установить первенство французовъ или португальцевъ. Въ 1666 году путешественникъ Вильо-де-Бельфонъ, посѣтившій западно-африканское побережье до Перечнаго берега, первый сообщилъ о поселеніяхъ, основанныхъ мореходами французскаго города Діеппа на Золотомъ берегу, во второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія. По его словамъ, діеппскіе купцы, въ сообществѣ съ руанскими, непосредственно вели, съ 1364 по 1410 годъ, мѣновую торговлю съ неграми этой страны: правда, утвержденія его не опираются на какія-либо положительныя доказательства, а пожаръ, истребившій въ 1694 году публичную бібліотеку Діеппа, лишилъ возможности провѣрить

¹⁾ Chaper, цитирован. сочиненіе.

²⁾ A. Bretignière, „La France coloniale“, de M. A. Rambaud.

разсказъ этого путешественника ¹⁾; однако
разныя косвенныя свидетельства, между про-
чимъ, специальное искусство, которымъ слави-

торговныя сношенія между этимъ нормандскимъ
портомъ и африканскими землями установи-
лись уже за много поколѣній до той эпохи,

Пейзажъ на Невольничьемъ берегу.

лись диѣннскіе мастера по части рѣзбы на
слоновой кости, доказываютъ, что правильныя

¹⁾ De Santarem, "Mémoire sur la priorité de la décou-
verte de la côte occidentale de l'Afrique".

когда Вильо-де Бельфонъ составилъ свой зна-
менитый докладъ тогдашнему министру Коль-
беру ¹⁾ Что касается окончательнаго открытія

¹⁾ Estancelin;—Vitet;—d' Avezac;—Gravier.

Золотого берега, открытія неоспоримаго, занесеннаго въ лѣтописи положительной науки ¹⁾, то оно совершилось въ 1470 или 1471 году: одинъ изъ изслѣдователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носилъ фамилію Сантаремъ, прославленную въ настоящемъ столѣтіи самымъ ученымъ защитникомъ первенства португальцевъ въ дѣлѣ открытія африканскихъ береговъ. Черезъ одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ послѣ изслѣдованія побережья Сантаремомъ и Эсковаромъ, король Іоаннъ II велѣлъ построить на одномъ изъ высокихъ мысовъ берега укрѣпленіе, названное фортомъ св. Георгія; по его приказанію, транспортныя суда, сопровождавшія военныя каравеллы, были затоплены, съ той цѣлью, чтобы иностранцы думали, что въ Гвинейскихъ моряхъ невозможно плаваніе ни на какихъ судахъ, кромѣ кораблей португальской констракціи ²⁾.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели другихъ націй узнали дорогу къ Золотому берегу: въ концѣ шестнадцатаго вѣка туда явились голландцы и вскорѣ прогнали португальцевъ, а затѣмъ приобрѣли и бранденбургскія поселенія, основанныя въ 1682 году на Трехконечномъ мысѣ. Они были прогнаны, въ свою очередь, англичанами. Въ 1850 году на этомъ берегу, кромѣ англійскихъ владѣній, оставались только датскія и голландскія факторіи: первая была выкуплена Великобританіей, а вторая приобрѣтена въ обмѣнъ за отказъ отъ правъ, которыя англичане присвоили себѣ въ нѣкоторыхъ округахъ Суматры; но окончательная уступка нидерландскихъ колоній, состоявшаяся въ 1871 году, совершилась не безъ нарушенія интересовъ туземнаго населенія и подала поводъ къ войнѣ, которая окончилась экспедиціей противъ ашантиевъ и сожженіемъ ихъ столицы. Владѣнія Кэпъ-Костъ образуютъ теперь особое государство, подъ управленіемъ англійскаго губернатора. Вся страна была пройдена землемѣрами и расчищателями тропинокъ, а въ смежныхъ областяхъ сѣтъ маршрутовъ расширяется почти съ каждымъ годомъ.

Въ цѣломъ англійская территорія Золотого берега образуетъ выступъ внѣ правильной линіи морскаго побережья. Трехконечный мысъ выдвинулся въ видѣ полуостровнаго массива: холмы его, состоящіе изъ гранита, діоритовъ, латеритовъ, песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, конгломератовъ съ прожилками кварца, оканчиваются отвѣсными утесами; многіе мысы этого краеугольнаго жежеваго столба, разграничивающаго двѣ большія удлиненныя бухты берега Слоновой Кости и Бенинскаго залива, поднимаются на 100 слишкомъ метровъ, а вну-

три материка, километрахъ въ двадцати отъ побережья, одна вершина достигаетъ 600 метровъ высоты. На востокъ морской берегъ представляетъ мѣстами скалистые выступы, то голые, то поросшіе мелкимъ кустарникомъ, а въ морѣ вблизи береговъ тянется рядъ рифовъ, окаймленный полукругомъ волнъ прибоя. Большинство внутреннихъ холмовъ стоятъ уединенно или образуютъ незначительныя цѣпи, какъ массивъ Аджаманти, къ сѣверо-западу отъ Акры; но на сѣверѣ отъ этого города виднѣется куполообразная гора Дампа, первая вершина настоящей цѣпи, называемой Аквапемъ и направляющейся къ сѣверо-востоку, при чемъ высота ея постепенно увеличивается. Прерываемая ущельемъ, въ которомъ проходитъ рѣка Вольта, эта цѣпь продолжается далѣе въ странѣ Буссо, то-есть «Горной», къ высокимъ вершинамъ сѣвернаго Дагомея, почти не мѣняя направленія.

На западѣ отъ Волты къ хребтамъ Аквапемъ примыкаютъ другіе массивы: таковъ рядъ горъ Оквагу, направляющійся на сѣверо-востокъ и образующій широкое плоскогорье въ 660 метровъ высоты; на югѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ, это плоскогорье понижается послѣдовательными террасами, круто обрывающимися; на сѣверѣ, въ королевствѣ Оквагу, оно спускается пологимъ скатомъ къ степямъ, слабо населеннымъ. Къ западу отъ этихъ травяныхъ равнинъ, нѣсколько уединенныхъ массивовъ, поднимающихся до 500 метровъ, образуютъ край невысокаго нагорья Ашанти: таковы горы Аданси, получившія извѣстность въ исторіи недавнихъ войнъ, потому что своими кручами и, еще болѣе, обширными лѣсами, покрывающими ихъ сплошной массой, онѣ составляютъ естественную границу страны Ашанти, на дорогѣ изъ Кумасси въ Кэпъ-Костъ, и англичане принуждены были дать сраженіе, чтобы овладѣть этимъ оплотомъ. Въ этой гористой области образовался резервуаръ воды безъ истеченія, Буссамъ-Оче или «Святое озеро», одинъ изъ «большихъ фетишей» края; ловимую въ немъ рыбу коптятъ и отправляютъ во всѣ концы Ашанти, завернутую въ листья банана. На сѣверѣ отъ пояса холмовъ тянутся обширныя равнины, на которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются уединенныя скалы: таковы, между прочимъ, огромные камни, которые путешественникъ Лонсдаль видѣлъ на дорогѣ изъ Кумасси въ Бонтуку, и которые своимъ величественнымъ видомъ напомнили ему скалы Гибралтара. Травяныя плато продолжаютъся на сѣверо-западъ до гористыхъ странъ, еще неизслѣдованныхъ, которыя извѣстны подъ мандингскимъ именемъ Конгъ или «Горы». Но къ сѣверо-востоку отъ Ашанти, въ земляхъ Салага и Дженди, рядъ высотъ, называемый Конгъ, совершенно прерывается, такъ что съ береговъ Волты можно попасть на берега Нигера, не переходя черезъ горную цѣпь.

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Géographie“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

Изъ области холмовъ и равнинъ, по которой слѣдуетъ линія водораздѣла къ востоку отъ верхняго Нигера, спускаются нѣсколько многоводныхъ рѣкъ. На западной сторонѣ, первый большой потокъ—рѣка Анкобра, огибающая массивъ Трехконечнаго мыса и впадающая въ бухту Аксимъ широкимъ устьемъ, порогъ котораго покрытъ слоемъ воды всего только въ 2 метра толщины. Эта рѣка беретъ начало на разстояніи по меньшей мѣрѣ 250 километровъ отъ моря, въ странѣ Ашанти, ограничиваемая на сѣверѣ бассейнами двухъ болѣе значительныхъ рѣкъ, Тануэ и Бусумъ-Пра; затѣмъ, слѣдуя сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направленіи, она протекаетъ черезъ Вассау, одну изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ мѣстностей этого поморя; имя Анкобра произошло отъ португальскаго названія Рио-да-Кобра, или «Змѣиная рѣка», даннаго ей по причинѣ многочисленныхъ извилищъ ея теченія ¹⁾.

На востокъ отъ мыса Трехконечнаго течетъ Бусумъ-Пра (Бусамъ-Пра), то-есть «Святая рѣка», названная такъ потому, что она служила «священнымъ путемъ» ашантиямъ, отправлявшимся на промыселъ въ южныя области королевства; обыкновенно ее называютъ просто Пра, т. е. «Рѣка». Перейдя опасный баръ, можно подняться на баркѣ вверхъ по этой рѣкѣ на 160 километровъ отъ устья, а выше въ пирогѣхъ пробираются до самаго Ашанти по западнымъ ея притокамъ.

Далѣе на востокъ, до Вольты, всѣ рѣки, впадающія въ океанъ, имѣютъ незначительную длину теченія, такъ какъ ихъ водосборный бассейнъ ограниченъ холмами и горами, примыкающими къ цѣпи Аквапемъ. Но Вольта или Аму, заливающаяся въ море недалеко отъ восточной оконечности англійскихъ владѣній Кэпъ-Костъ, — большая рѣка, быть-можетъ, самая многоводная изъ всѣхъ африканскихъ потоковъ между Гамбіей и Нигеромъ. Въ наиболѣе удаленномъ отъ устья мѣстѣ, до котораго доходили бѣлые путешественники, Вольта катитъ уже значительный объемъ воды. Морскія суда съ осадкой до 2 метровъ могутъ подниматься по ней, пять мѣсяцевъ въ году, до Медики или Амедики, въ 92 километрахъ отъ устья, немного ниже большой излучины Клонгъ; въ пирогѣхъ же путешественникъ Бонна добрался, противъ теченія и черезъ пороги, до деревни Егій, пристани рынка Салага, лежащей въ 400 километрахъ отъ моря. Разливы, продолжающіеся съ іюля до октября, принимаютъ огромные размѣры: въ Медикѣ они достигаютъ 14 метровъ надъ уровнемъ мелководья; выше ущелій, у города Краки, воды поднимаются на 20 метровъ (около 9¹/₃ сажень), и городъ,

стоящій полгода на высокомъ берегу, оказывается почти на одной поверхности съ рѣкой въ другую половину года. Въ ущельѣ Акуаму, въ 105 километрахъ отъ устья, Вольта въ одной тѣснинѣ имѣетъ всего только 25 метровъ отъ берега до берега; пять опасныхъ пороговъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на протяженіи 800 метровъ, и лодки лишь съ большимъ трудомъ и не безъ риска преодолеваютъ это препятствіе; выше пороговъ вода спокойна, какъ въ озерѣ, и глубина русла достигаетъ 18 метровъ ¹⁾. Въ своей нижней равнинѣ, по выходѣ изъ ущелья, рѣка разливается широко, на нѣсколько километровъ въ періодъ дождей, такъ что самыя большія морскія суда могли бы свободно плавать въ ней: входъ, хотя затрудняемый измѣнчивымъ подводнымъ баромъ, обозначеннымъ бакенами, которые приходится постоянно перемѣщать, смотря по времени года, пропускаетъ, однако, корабли, имѣющіе отъ пяти до шести метровъ водоуглубленія. Прежде, чѣмъ соединиться съ моремъ, рѣка образуетъ внутреннюю дельту, развѣтвляющуюся на нѣсколько рукавовъ, которые окружаютъ архипелагъ Кеннеди и другіе острова. Кромѣ того, черезъ боковые входы Вольта сообщается съ береговыми лагунами, отдѣленными отъ океана лишь узкой песчаной косой, гдѣ съ шумомъ разбиваются набѣгающія съ моря волны: стрѣлка западной лагуны едва изогнута въ видѣ очень удлиненной дуги, тогда какъ береговой валъ восточной лагуны образуетъ правильную, точно начерченную циркулемъ, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отдѣленная отъ океана этой песчаной плотиной, представляетъ настоящее внутреннее море, пространствомъ по крайней мѣрѣ въ 400 квадр. километровъ, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоскій берегъ, обращенный къ океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, гдѣ искать мысъ св. Павла, показанный на картахъ: моряки могли опредѣлить его мѣстоположеніе лишь условно, по находящемуся тамъ лѣсу, который, впрочемъ, часто скрывается отъ взоровъ за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигдѣ, на всемъ побережьѣ Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный рядъ параллельныхъ волнъ прибоя, послѣдовательно набѣгающихъ на берегъ, не представляетъ болѣе грознаго зрѣлища. Моряки дали ей названіе «баръ» или «бара», какъ порогамъ, заграждающимъ входъ въ рѣки, и волнамъ, разбивающимся на этихъ порогахъ. Калемма—это громадная водяная стѣна, воздымающаяся между открытымъ моремъ и берегомъ, черезъ которую самыя опытные моряки

¹⁾ Guillaume Bosman, „Voyage de Guinée“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾ Bonnat, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale“, 1875.

Золотого берега, открытія неоспоримаго, занесеннаго въ лѣтописи положительной науки ¹⁾, то оно совершилось въ 1470 или 1471 году: одинъ изъ изслѣдователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носилъ фамилію Сантаремъ, прославленную въ настоящемъ столѣтіи самымъ ученымъ защитникомъ первенства португальцевъ въ дѣлѣ открытія африканскихъ береговъ. Черезъ одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ послѣ изслѣдованія побережья Сантаремомъ и Эсковаромъ, король Іоаннъ II велѣлъ построить на одномъ изъ высокихъ мысовъ берега укрѣпленіе, названное фортомъ св. Георгія; по его приказанію, транспортныя суда, сопровождавшія военныя каравеллы, были затоплены, съ той цѣлью, чтобы иностранцы думали, что въ Гвинейскихъ моряхъ невозможно плаваніе ни на какихъ судахъ, кромѣ кораблей португальской констракціи ²⁾.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели другихъ націй узнали дорогу къ Золотому берегу: въ концѣ шестнадцатаго вѣка туда явились голландцы и вскорѣ прогнали португальцевъ, а затѣмъ приобрѣли и бренденбургскія поселенія, основанныя въ 1682 году на Трехконечномъ мысѣ. Они были прогнаны, въ свою очередь, англичанами. Въ 1850 году на этомъ берегу, кромѣ англійскихъ владѣній, оставались только датскія и голландскія факторіи: первыя были выкуплены Великобританіей, а вторыя приобрѣтены въ обмѣнъ за отказъ отъ правъ, которые англичане присвоили себѣ въ нѣкоторыхъ округахъ Суматры; но окончательная уступка нидерландскихъ колоній, состоявшаяся въ 1871 году, совершилась не безъ нарушенія интересовъ туземнаго населенія и подала поводъ къ войнѣ, которая окончилась экспедиціей противъ ашантиевъ и сожженіемъ ихъ столицы. Владѣнія Кэпъ-Костъ образуютъ теперь особое государство, подъ управленіемъ англійскаго губернатора. Вся страна была пройдена землемѣрами и расчищателями тропинокъ, а въ смежныхъ областяхъ сѣтъ маршрутовъ расширяется почти съ каждымъ годомъ.

Въ цѣломъ англійская территорія Золотого берега образуетъ выступъ внѣ правильной линіи морскаго побережья. Трехконечный мысъ выдвинулся въ видѣ полуостровнаго массива: холмы его, состоящіе изъ гранита, діоритовъ, латеритовъ, песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, конгломератовъ съ прожилками кварца, оканчиваются отвѣсными утесами; многіе мысы этого краугольного межеваго столба, разграничивающаго двѣ большія удлиненыя бухты берега Слоновой Кости и Бенинскаго залива, поднимаются на 100 слишкомъ метровъ, а ну-

три материка, километрахъ въ двадцати отъ побережья, одна вершина достигаетъ 600 метровъ высоты. На востокъ морской берегъ представляетъ мѣстами скалистыя выступы, то голые, то поросшіе мелкимъ кустарникомъ, а въ морѣ вблизи береговъ тянется рядъ рифовъ, окаймленный полукругомъ волнъ прибоя. Большинство внутреннихъ холмовъ стоятъ уединенно или образуютъ незначительныя цѣпи, какъ массивъ Аджаманти, къ сѣверо-западу отъ Акры; но на сѣверѣ отъ этого города виднѣтся куполообразная гора Дампа, первая вершина настоящей цѣпи, называемой Аквапемъ и направляющейся къ сѣверо-востоку, при чемъ высота ея постепенно увеличивается. Прерываемая ущельемъ, въ которомъ проходитъ рѣка Вольта, эта цѣпь продолжается далѣе въ странѣ Буссо, то-есть «Горной», къ высокимъ вершинамъ сѣвернаго Дагомея, почти не мѣняя направленія.

На западѣ отъ Волты къ хребтамъ Аквапемъ примыкаютъ другіе массивы: таковъ рядъ горъ Оквагу, направляющійся на сѣверо-востокъ и образующій широкое плоскогорье въ 660 метровъ высоты; на югѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ, это плоскогорье понижается послѣдовательными террасами, круто обрывающимися; на сѣверѣ, въ королевствѣ Оквагу, оно спускается пологимъ скатомъ къ степямъ, слабо населеннымъ. Къ западу отъ этихъ травяныхъ равнинъ, нѣсколько уединенныхъ массивовъ, поднимающихся до 500 метровъ, образуютъ край невысокаго нагорья Ашанти: таковы горы Адаиси, получившія извѣстность въ исторіи недавнихъ войнъ, потому что своими кручами и, еще болѣе, обширными лѣсами, покрывающими ихъ сплошной массой, онѣ составляютъ естественную границу страны Ашанти, на дорогѣ изъ Кумасси въ Кэпъ-Костъ, и англичане принуждены были дать сраженіе, чтобы овладѣть этимъ оплотомъ. Въ этой гористой области образовался резервуаръ воды безъ истеченія, Буссамъ-Оче или «Святое озеро», одинъ изъ «большихъ фетишей» края; ловимую въ немъ рыбу коптятъ и отправляютъ во все концы Ашанти, завернутую въ листья банана. На сѣверѣ отъ пояса холмовъ тянутся обширныя равнины, на которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются уединенныя скалы: таковы, между прочимъ, огромные камни, которые путешественникъ Лонсдаль видѣлъ на дорогѣ изъ Кумасси въ Бонтуку, и которые своимъ величественнымъ видомъ напомнили ему скалы Гибралтара. Травяныя плато продолжаютъ на сѣверо-западъ до гористыхъ странъ, еще неизслѣдованныхъ, которые извѣстны подъ мандингскимъ именемъ Конгъ или «Горы». Но къ сѣверо-востоку отъ Ашанти, въ земляхъ Салага и Дженди, рядъ высотъ, называемый Конгъ, совершенно прерывается, такъ что съ береговъ Волты можно попасть на берега Нигера, не переходя черезъ горную цѣпь.

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, «Histoire de la Géographie».

²⁾ Oscar Peschel, «Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen».

Изъ области холмовъ и равнинъ, по которой слѣдуетъ линия водораздѣла къ востоку отъ верхняго Нигера, спускаются нѣсколько многоводныхъ рѣкъ. На западной сторонѣ, первый большой потокъ—рѣка Анкобра, огибающая массивъ Трехконечнаго мыса и впадающая въ бухту Аксимъ широкимъ устьемъ, порогъ котораго покрытъ слоемъ воды всего только въ 2 метра толщины. Эта рѣка беретъ начало на разстояніи по меньшей мѣрѣ 250 километровъ отъ моря, въ странѣ Ашанти, ограничиваемая на сѣверѣ бассейнами двухъ болѣе значительныхъ рѣкъ, Тануэ и Бусумъ-Пра; затѣмъ, слѣдую сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направленіи, она протекаетъ черезъ Вассау, одну изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ мѣстностей этого поморья; имя Анкобра произошло отъ португальскаго названія Рио-да-Кобра, или «Змѣиная рѣка», даннаго ей по причинѣ многочисленныхъ извилинъ ея теченія ¹⁾.

На востокъ отъ мыса Трехконечнаго течетъ Бусумъ-Пра (Бусамъ-Пра), то-есть «Святая рѣка», названная такъ потому, что она служила «священнымъ путемъ» ашантиямъ, отправлявшимся на промыселъ въ южныя области королевства; обыкновенно ее называютъ просто Пра, т. е. «Рѣка». Перейдя опасный баръ, можно подняться на баркѣ вверхъ по этой рѣкѣ на 160 километровъ отъ устья, а выше въ пирогахъ пробираются до самаго Ашанти по западнымъ ея притокамъ.

Далѣе на востокъ, до Вольты, всѣ рѣки, впадающія въ океанъ, имѣютъ незначительную длину теченія, такъ какъ ихъ водосборный бассейнъ ограниченъ холмами и горами, примыкающими къ цѣпи Аквапемъ. Но Вольта или Аму, разливающаяся въ море недалеко отъ восточной оконечности англійскихъ владѣній Кэпъ-Костъ, — большая рѣка, быть-можетъ, самая многоводная изъ всѣхъ африканскихъ потоковъ между Гамбией и Нигеромъ. Въ наиболѣе удаленномъ отъ устья мѣстѣ, до котораго доходили бѣлые путешественники, Вольта катитъ уже значительный объемъ воды. Морскія суда съ осадкой до 2 метровъ могутъ подниматься по ней, пять мѣсяцевъ въ году, до Медики или Амедики, въ 92 километрахъ отъ устья, немного ниже большой излучины Кпонгъ; въ пирогахъ же путешественникъ Бонна добрался, противъ теченія и черезъ пороги, до деревни Егій, пристани рынка Салага, лежащей въ 400 километрахъ отъ моря. Разливы, продолжающіеся съ іюля до октября, принимаютъ огромные размѣры: въ Медикѣ они достигаютъ 14 метровъ надъ уровнемъ мелководья; выше ущелій, у города Краки, воды поднимаются на 20 метровъ (около 9 ¹/₃ сажень), и городъ,

стоящій полгода на высокомъ берегу, оказывается почти на одной поверхности съ рѣкой въ другую половину года. Въ ущельѣ Акуаму, въ 105 километрахъ отъ устья, Вольта въ одной тѣснинѣ имѣетъ всего только 25 метровъ отъ берега до берега; пять опасныхъ пороговъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на протяженіи 800 метровъ, а лодки лишь съ большимъ трудомъ и не безъ риска преодолеваютъ это препятствіе; выше пороговъ вода спокойна, какъ въ озерѣ, и глубина русла достигаетъ 18 метровъ ¹⁾. Въ своей нижней равнинѣ, по выходѣ изъ ущелья, рѣка разливается широко, на нѣсколько километровъ въ періодъ дождей, такъ что самыя большія морскія суда могли бы свободно плавать въ ней: входъ, хотя затрудняемый измѣнчивымъ подводнымъ баромъ, обозначеннымъ бакенами, которые приходится постоянно перемѣщать, смотря по времени года, пропускаетъ, однако, корабли, имѣющіе отъ пяти до шести метровъ водоуглубленія. Прежде, чѣмъ соединиться съ моремъ, рѣка образуетъ внутреннюю дельту, развѣтвляющуюся на нѣсколько рукавовъ, которые окружаютъ архипелагъ Кеннеди и другіе острова. Кромѣ того, черезъ боковые входы Вольта сообщается съ береговыми лагунами, отдѣленными отъ океана лишь узкой песчаной косой, гдѣ съ шумомъ разбиваются набѣгающія съ моря волны: стрѣлка западной лагуны едва изогнута въ видѣ очень удлиненной дуги, тогда какъ береговой валъ восточной лагуны образуетъ правильную, точно начерченную циркулемъ, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отдѣленная отъ океана этой песчаной плотиной, представляетъ настоящее внутреннее море, пространствомъ по крайней мѣрѣ въ 400 квадр. километровъ, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоскій берегъ, обращенный къ океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, гдѣ искать мысъ св. Павла, показанный на картахъ: моряки могли опредѣлить его мѣстоположеніе лишь условно, по находящемуся тамъ лѣсу, который, впрочемъ, часто скрывается отъ взоровъ за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигдѣ, на всемъ побережьѣ Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный рядъ параллельныхъ волнъ прибоа, послѣдовательно набѣгающихъ на берегъ, не представляетъ болѣе грознаго зрѣлища. Моряки дали ей названіе «баръ» или «бара», какъ порогамъ, заграждающимъ входъ въ рѣки, и волнамъ, разбивающимся на этихъ порогахъ. Калемма—это громадная водяная стѣна, вздымающаяся между открытымъ моремъ и берегомъ, черезъ которую самыя опытные моряки

¹⁾ Guillaume Bosman, „Voyage de Guinée“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾ Bonnat, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale“, 1875.

Золотого берега, открытія неоспоримаго, занесеннаго въ лѣтописи положительной науки ¹⁾, то оно совершилось въ 1470 или 1471 году: одинъ изъ изслѣдователей, которые первые достигли этого пункта прибрежья, носилъ фамилію Сантаремъ, прославленную въ настоящемъ столѣтіи самымъ ученымъ защитникомъ первенства португальцевъ въ дѣлѣ открытія африканскихъ береговъ. Черезъ одиннадцать или двѣнадцать лѣтъ послѣ изслѣдованія побережья Сантаремомъ и Эсковаромъ, король Іоаннъ II велѣлъ построить на одномъ изъ высокихъ мысовъ берега укрѣпленіе, названное фортомъ св. Георгія; по его приказанію, транспортныя суда, сопровождавшія военныя каравеллы, были затоплены, съ той цѣлью, чтобы иностранцы думали, что въ Гвинейскихъ моряхъ невозможно плаваніе ни на какихъ судахъ, кромѣ кораблей португальской констукціи ²⁾.

Несмотря, однако, на эту предосторожность, мореплаватели другихъ націй узнали дорогу къ Золотому берегу: въ концѣ шестнадцатаго вѣка туда явились голландцы и вскорѣ прогнали португальцевъ, а затѣмъ приобрѣли и бранденбургскія поселенія, основанныя въ 1682 году на Трехконечномъ мысѣ. Они были прогнаны, въ свою очередь, англичанами. Въ 1850 году на этомъ берегу, кромѣ английскихъ владѣній, оставались только датскія и голландскія факторіи: первыя были выкуплены Великобританіей, а вторыя приобрѣтены въ обмѣнъ за отказъ отъ правъ, которыя англичане присвоили себѣ въ нѣкоторыхъ округахъ Суматры; но окончательная уступка нидерландскихъ колоній, состоявшаяся въ 1871 году, совершилась не безъ нарушенія интересовъ туземнаго населенія и подала поводъ къ войнѣ, которая окончилась экспедиціей противъ ашантиевъ и сожженіемъ ихъ столицы. Владѣнія Кэпъ-Костъ образуютъ теперь особое государство, подъ управленіемъ англійскаго губернатора. Вся страна была пройдена землемѣрами и расчищателями тропинокъ, а въ смежныхъ областяхъ сѣтъ маршрутовъ расширяется почти съ каждымъ годомъ.

Въ цѣломъ англійская территорія Золотого берега образуетъ выступъ внѣ правильной линіи морскаго побережья. Трехконечный мысъ выдвинулся въ видѣ полуостровнаго массива: холмы его, состоящіе изъ гранита, діоритовъ, латеритовъ, песчаниковъ, глинистыхъ сланцевъ, конгломератовъ съ прожилками кварца, оканчиваются отвѣсными утесами; многіе мысы этого краеугольнаго жежеваго столба, разграничивающаго двѣ большія удлиненныя бухты берега Слоновой Кости и Бенинскаго залива, поднимаются на 100 слишкомъ метровъ, а вну-

три материка, километрахъ въ двадцати отъ побережья, одна вершина достигаетъ 600 метровъ высоты. На востокъ морской берегъ представляетъ мѣстами скалистые выступы, то голые, то поросшіе мелкимъ кустарникомъ, а въ морѣ вблизи береговъ тянется рядъ рифовъ, окаймленный полукругомъ волнъ прибою. Большинство внутреннихъ холмовъ стоятъ уединенно или образуютъ незначительныя цѣпи, какъ массивъ Аджаманти, къ сѣверо-западу отъ Акры; но на сѣверѣ отъ этого города видѣется куполообразная гора Дампа, первая вершина настоящей цѣпи, называемой Аквапемъ и направляющейся къ сѣверо-востоку, при чемъ высота ея постепенно увеличивается. Прерываемая ущельемъ, въ которомъ проходитъ рѣка Вольта, эта цѣпь продолжается далѣе въ странѣ Буссо, то-есть «Горной», къ высокимъ вершинамъ сѣвернаго Дагомея, почти не мѣняя направленія.

На западѣ отъ Волты къ хребтамъ Аквапемъ примыкаютъ другіе массивы: таковъ рядъ горъ Оквагу, направляющійся на сѣверо-востокъ и образующій широкое плоскогорье въ 660 метровъ высоты; на югѣ, въ англійскихъ владѣніяхъ, это плоскогорье понижается послѣдовательными террасами, круто обрывающимися; на сѣверѣ, въ королевствѣ Оквагу, оно спускается пологимъ скатомъ къ степямъ, слабо населеннымъ. Къ западу отъ этихъ травяныхъ равнинъ, нѣсколько уединенныхъ массивовъ, поднимающихся до 500 метровъ, образуютъ край невысокаго нагорья Ашанти: таковы горы Аданси, получившія извѣстность въ исторіи недавнихъ войнъ, потому что своими кручами и, еще болѣе, обширными лѣсами, покрывающими ихъ сплошной массой, онѣ составляютъ естественную границу страны Ашанти, на дорогѣ изъ Кумасси въ Кэпъ-Костъ, и англичане принуждены были дать сраженіе, чтобы овладѣть этимъ оплотомъ. Въ этой гористой области образовался резервуаръ воды безъ истеченія, Буссамъ-Оче или «Святое озеро», одинъ изъ «большихъ фетишей» края; ловимую въ немъ рыбу коптятъ и отправляютъ во всѣ концы Ашанти, завернутую въ листья банана. На сѣверѣ отъ пояса холмовъ тянутся обширныя равнины, на которыхъ кое-гдѣ встрѣчаются уединенныя скалы: таковы, между прочимъ, огромные камни, которые путешественникъ Лонсдаль видѣлъ на дорогѣ изъ Кумасси въ Бонтуку, и которые своимъ величественнымъ видомъ напомнили ему скалы Гибралтара. Травяныя плато продолжаютъ на сѣверо-западъ до гористыхъ странъ, еще неизслѣдованныхъ, которыя извѣстны подъ мандингскимъ именемъ Конгъ или «Горы». Но къ сѣверо-востоку отъ Ашанти, въ земляхъ Салага и Дженди, рядъ высотъ, называемый Конгъ, совершенно прерывается, такъ что съ береговъ Волты можно попасть на берега Нигера, не переходя черезъ горную цѣпь.

¹⁾ Vivien de Saint-Martin, „Histoire de la Géographie“.

²⁾ Oscar Peschel, „Geschichte des Zeitalters der Entdeckungen“.

Изъ области холмовъ и равнинъ, по которой слѣдуетъ линия водораздѣла къ востоку отъ верхняго Нигера, спускаются нѣсколько многоводныхъ рѣкъ. На западной сторонѣ, первый большой потокъ—рѣка Анкобра, огибающая массивъ Трехконечнаго мыса и впадающая въ бухту Аксима широкимъ устьемъ, порогъ котораго покрытъ слоемъ воды всего только въ 2 метра толщины. Эта рѣка беретъ начало на разстояніи по меньшей мѣрѣ 250 километровъ отъ моря, въ странѣ Ашанти, ограничиваемая на сѣверѣ бассейнами двухъ болѣе значительныхъ рѣкъ, Тануэ и Бусумъ-Пра; затѣмъ, слѣдуя сначала въ юго-западномъ, потомъ въ южномъ направленіи, она протекаетъ черезъ Вассау, одну изъ богатѣйшихъ золотоносныхъ мѣстностей этого поморья; имя Анкобра произошло отъ португальскаго названія Рио-да-Кобра, или «Змѣиная рѣка», даннаго ей по причинѣ многочисленныхъ извилинъ ея теченія ¹⁾.

На востокъ отъ мыса Трехконечнаго течетъ Бусумъ-Пра (Бусамъ-Пра), то-есть «Святая рѣка», названная такъ потому, что она служила «священнымъ путемъ» ашантиямъ, отправлявшимся на промыселъ въ южныя области королевства; обыкновенно ее называютъ просто Пра, т. е. «Рѣка». Перейдя опасный баръ, можно подняться на баркѣ вверхъ по этой рѣкѣ на 160 километровъ отъ устья, а выше въ пирогахъ пробираются до самаго Ашанти по западнымъ ея притокамъ.

Далѣе на востокъ, до Вольты, всѣ рѣки, впадающія въ океанъ, имѣютъ незначительную длину теченія, такъ какъ ихъ водосборный бассейнъ ограниченъ холмами и горами, примыкающими къ цѣпи Аквапемъ. Но Вольта или Аму, разливающаяся въ море недалеко отъ восточной оконечности англійскихъ владѣній Кэпъ-Костъ, — большая рѣка, быть-можетъ, самая многоводная изъ всѣхъ африканскихъ потоковъ между Гамбіей и Нигеромъ. Въ наиболѣе удаленномъ отъ устья мѣстѣ, до котораго доходили бѣлые путешественники, Вольта катитъ уже значительный объемъ воды. Морскія суда съ осадкой до 2 метровъ могутъ подниматься по ней, пять мѣсяцевъ въ году, до Медики или Амедики, въ 92 километрахъ отъ устья, немного ниже большой излучины Кпонгъ; въ пирогахъ же путешественникъ Бонна добрался, противъ теченія и черезъ пороги, до деревни Егій, пристани рынка Салага, лежащей въ 400 километрахъ отъ моря. Разливы, продолжающіеся съ іюля до октября, принимаютъ огромныя размѣры: въ Медикѣ они достигаютъ 14 метровъ надъ уровнемъ мелководья; выше ущелий, у города Краки, воды поднимаются на 20 метровъ (около 9 ¹/₃ сажень), и городъ,

стоящій полгода на высокомъ берегу, оказывается почти на одной поверхности съ рѣкой въ другую половину года. Въ ущельѣ Акуаму, въ 105 километрахъ отъ устья, Вольта въ одной тѣснинѣ имѣетъ всего только 25 метровъ отъ берега до берега; пять опасныхъ пороговъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на протяженіи 800 метровъ, а лодки лишь съ большимъ трудомъ и не безъ риска преодолеваютъ это препятствіе; выше пороговъ вода спокойна, какъ въ озерѣ, и глубина русла достигаетъ 18 метровъ ¹⁾. Въ своей нижней равнинѣ, по выходѣ изъ ущелья, рѣка разливается широко, на нѣсколько километровъ въ періодъ дождей, такъ что самыя большія морскія суда могли бы свободно плавать въ ней: входъ, хотя затрудняемый измѣнчивымъ подводнымъ баромъ, обозначеннымъ бакенами, которые приходится постоянно перемѣщать, смотря по времени года, пропускаетъ, однако, корабли, имѣющіе отъ пяти до шести метровъ водоуглубленія. Прежде, чѣмъ соединиться съ моремъ, рѣка образуетъ внутреннюю дельту, развѣтвляющуюся на нѣсколько рукавовъ, которые окружаютъ архипелагъ Кеннеди и другіе острова. Кромѣ того, черезъ боковые входы Вольта сообщается съ береговыми лагунами, отдѣленными отъ океана лишь узкой песчаной косой, гдѣ съ шумомъ разбиваются набѣгающія съ моря волны: стрѣлка западной лагуны едва изогнута въ видѣ очень удлиненной дуги, тогда какъ береговой валъ восточной лагуны образуетъ правильную, точно начерченную циркулемъ, выпуклую кривую.

Лагуна Кветта, отдѣленная отъ океана этой песчаной плотинкой, представляетъ настоящее внутреннее море, пространствомъ по крайней мѣрѣ въ 400 квадр. километровъ, заключающее многочисленные и густо населенные острова. Полукруглый плоскій берегъ, обращенный къ океану, отличается такой, можно сказать, геометрической правильностью, что не знаешь, гдѣ искать мысъ св. Павла, показанный на картахъ: моряки могли опредѣлить его мѣстоположеніе лишь условно, по находящемуся тамъ лѣсу, который, впрочемъ, часто скрывается отъ взоровъ за красноватыми брызгами разбивающейся волны. Нигдѣ, на всемъ побережьѣ Гвинеи, *калемма*, то-есть длинный рядъ параллельныхъ волнъ прибои, послѣдовательно набѣгающихъ на берегъ, не представляетъ болѣе грознаго зрѣлища. Моряки дали ей названіе «баръ» или «бара», какъ порога, заграждающимъ входъ въ рѣки, и волнамъ, разбивающимся на этихъ порогахъ. Калемма—это громадная водяная стѣна, вздымающаяся между открытымъ моремъ и берегомъ, черезъ которую самыя опытные моряки

¹⁾ Guillaume Bosman, „Voyage de Guinée“;—Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾ Bonnat, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale“, 1875.

проходить не безъ волненія. Во всякое время, даже когда море спокойно, эти волны непрерывно одна за другой съ шумомъ набѣгаютъ на берегъ: приливъ, вѣтеръ, теченіе въ огромной степени увеличиваютъ силу ихъ прибой; иногда даже крумены не отваживаются пускаться черезъ разъяренный бурунь въ своихъ *surfboats*, или «прибойныхъ баркахъ», лодкахъ, закругленныхъ спереди, которыми они управляютъ гребкомъ, а не весломъ. По словамъ этихъ искусныхъ кормчихъ, замѣчается родъ ритма въ послѣдовательности волнъ: они знаютъ напередъ, которая волна наименѣе сильно принесетъ лодку къ берегу. Съ песчаного берега, на которомъ разбивается огромный валъ съ пѣнящимся гребнемъ, видны вдали, точно на подвижномъ холмѣ, корабли, плавно качающіеся на поверхности моря.

На Золотомъ берегу времена года смѣняются въ томъ же порядкѣ и представляютъ тѣ же явленія, какъ и въ областяхъ, лежащихъ западнѣе. И здѣсь тоже, какъ на берегу Слоновой Кости, наступленіе періода большихъ дождей, начинающагося въ мартѣ или въ апрѣлѣ, возмѣщается сильными торнадосами; затѣмъ вѣтеръ постепенно стихаетъ, по мѣрѣ того, какъ устанавливаются дожди; бризы, материковыя и морскія, въ это время очень слабы. Съ наступленіемъ сезона засухи возобновляются муссоны: тогда юго-западные вѣтры съ силой ударяютъ въ берегъ, поднимая волненіе на морѣ и скрывая горизонтъ подъ туманной завѣсой; даже внутри материка часто можно видѣть туманы, ползущіе по вершинамъ горъ. Въ октябрѣ, послѣ равноденствія, наступаетъ малый сезонъ дождей, самая опасная пора для европейцевъ; затѣмъ январь и февраль опять приносятъ сухую погоду; въ это время гарматанъ дуетъ всего чаще, отодвигая бары въ море и тѣмъ облегчая судамъ входъ въ рѣки; трава желтѣетъ, листья сохнутъ, воздухъ насыщается пылью. Крайнія температуры, наблюдавшіяся миссіонерами на станціи Абетифи, построенной на высотѣ 600 метровъ, въ горахъ Окаву, были 10,8° и 35,4° Ц.; когда термометръ показываетъ 17 градусовъ, жители уже очень страдаютъ отъ холода; въ среднемъ, разность температуры между климатомъ береговой полосы и климатомъ гористой области составляетъ отъ трехъ съ половиной до четырехъ градусовъ.

Температура года:

	Средняя годовая.	Самый теплый мѣсяцъ.	Самый холодный мѣсяцъ.
Эльминна . . .	26°,2	27°,6 (мартъ),	23°,9 (авг.)
Христіансбургъ . . .	26°,9	28°,4 (апрѣль),	24°,2 "

Что касается годового количества атмосферныхъ осадковъ, то оно весьма значительно во всемъ поясѣ горъ. Рамсейеръ говоритъ, что иногда измѣреніе показывало 55 миллиметровъ

дождевой воды, выпавшей менѣе, чѣмъ въ три часа.

Пропорція дождей и число дождливыхъ дней въ разныхъ станціяхъ Золотого берега ¹⁾:

		милл.-метра.	дождл. дней.
Горы.	Абури	1.084	75
	Абетифи . . .	1 100	75
Побережье.	Христіансбургъ.	575	60
	Эльминна . . .	782	82

Въ общемъ климатъ Золотого берега, хотя очень опасный для бѣлыхъ, не такъ вреденъ, какъ климатъ Сенегамбіи; при томъ же европейцы, проживающіе въ край въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, позаботились основать санаторіи во внутреннихъ гористыхъ мѣстностяхъ.

Обиліе дождей имѣетъ слѣдствіемъ необычайное богатство растительности, по крайней мѣрѣ во внутреннихъ холмистыхъ областяхъ; тамъ центры населенія раздѣлены обширными лѣсами, и когда предпринимается военная экспедиція, то прежде всего посылаютъ отрядъ прорубателей для прокладыванія тропинокъ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ. Въ территоріяхъ Вассау и Данкира, деревья, называемыя «каркумъ», достигаютъ 3 метровъ въ діаметрѣ и 60 метровъ вышины; туземцы вырубаютъ бревна до 2 метровъ толщиной, безъ малѣйшей трещины ²⁾. Впрочемъ, страны, простирающіяся на сѣверъ отъ горъ Аквапемъ, не получаютъ изъ-за этой преграды атмосферную влагу въ количествѣ, достаточномъ для произростанія большихъ лѣсовъ, и покрыты травяными степями, среди которыхъ лишь изрѣдка попадаются рощицы со скудной листвою; только по берегамъ ручьевъ растутъ большія деревья, переплетаясь своими вѣтвями надъ потокомъ и образуя длинныя галлерей изъ зелени. Что касается приморскихъ холмовъ, постоянно обвѣваемыхъ солеными вѣтрами и состоящихъ изъ бесплодныхъ скалъ, то тамъ встрѣчаются только чахлая, приземистыя деревца да молочайники, имѣющіе форму канделябровъ; но зато травы, кусты орхидей блистаютъ чуднымъ уборомъ цвѣтовъ, тогда какъ лѣсъ представляетъ лишь однообразную зелень древесныхъ листьевъ и папоротниковъ. Золотой берегъ—одна изъ богатѣйшихъ африканскихъ странъ по многочисленности и разнообразію пальмъ; въ лѣсахъ сѣверной его части растутъ также масляное дерево и кола, называемое въ томъ краю *бессе*.

Слонъ прежде былъ почти также распространенъ на Золотомъ берегу, какъ и на берегу Слоновой Кости. Босманъ, жившій въ Эльминѣ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, рассказываетъ, какъ одинъ слонъ забрелъ въ садъ форта, гдѣ и былъ убитъ; но въ наши

¹⁾ Riggenbach, „Verhandlungen der Naturforschenden Gesellschaft in Basel“.

²⁾ „Blue Book“, July 1885.

дни крупные звѣри почти совсѣмъ исчезли изъ приморской области. Въ береговой полосѣ, до горныхъ цѣпей Аданси, Аджаманти, Акванемъ, охотники почти не находятъ болѣе дичи. Но за этими горами, саванны, особенно въ мѣстности, прилегающей къ цѣпи Оквагу, очень богаты дикими животными—слонами, буйволами, газелями, кабанами, различными видами кошачьяго и собачьяго рода. Бегемоты и крокодилы еще водятся во множествѣ въ Вольтѣ, несмотря на пароходы бѣлыхъ, мутящие воды рѣки. Изъ четвероногихъ, обитающихъ въ лѣсахъ, особенно замѣчательны черная обезьяна съ бѣлой бородой и обезьяна пепельнаго цвѣта съ длинной шелковистой шерстью, шкуры которой вывозятся въ Англію. Въ травяныхъ степяхъ мѣръ бабочекъ такъ же богатъ, какъ и мѣръ цвѣтовъ: натуралистъ Бухгольцъ во время кратковременнаго путешествія собралъ около семисотъ различныхъ видовъ мотыльковъ. Между тысячами разнообразныхъ насѣкомыхъ теперь находится страшная американская чика или блоха нарывная (*pulex penetrans*), привезенная изъ Бразиліи освобожденными неграми: часто можно встрѣтить фантиевъ, лишившихся пальцевъ на ногахъ вслѣдствіе развитія яичекъ, вводимыхъ этими блохами подъ ногти. Муха цеце или какой-нибудь подобный ей видъ убиваетъ скотъ во многихъ частяхъ побережья ¹⁾, а опустошенія, производимыя муравьями, достигаютъ страшныхъ размѣровъ: случается, что эти насѣкомыя нападаютъ ночью на птичьи дворы и пожираютъ птицъ; иногда негры принуждены бываютъ покидать свои жилища, уступая мѣсто этимъ грознымъ завоевателямъ. Главный врагъ термитовъ—ящеръ длинно-хвостый (*manis longicaudatus*), у котораго все тѣло покрыто сплошной броней изъ крѣпкой чешуи, и который спитъ свернувшись въ кольцо, какъ змѣя. Для жителей края самое драгоцѣнное животное—одинъ видъ улитки травяной, которая въ Ашанти, по словамъ путешественника Бонна, составляетъ главную пищу населенія.

Населенія Золотого берега принадлежатъ къ двумъ различнымъ расамъ: побѣжденнымъ аборигенамъ и завоевателямъ. Древнѣйшіе обитатели сохранились отдѣльными племенами въ верхнемъ бассейнѣ Вольты, и именно въ гористыхъ областяхъ; жители земли Бронгъ, къ сѣверо-востоку отъ королевства ашантиевъ, извѣстны у этихъ чернокожихъ подъ именемъ *notoso*, которое есть синонимъ слова «варвары». Большинство ихъ говорятъ нарѣчіями гуангъ, нта или другими близкими къ нимъ діалектами, происходящими отъ того же корня, какъ и языкъ завоевателей; кромѣ того, почти

каждый изъ этихъ туземцевъ знаетъ также языкъ своихъ политическихъ господъ, называемый оджи или га. Физическія различія этихъ двухъ расъ незначительны; въ среднемъ, аборигены болѣе сильны, болѣе коренасты, чѣмъ другіе обитатели страны. Обычаи у нихъ тоже иные. Впрочемъ, этническія различія между ними и ихъ сосѣдями мало-по-малу сглаживаются: смѣшеніе посредствомъ браковъ, общая цивилизація, и съ одной стороны магометанская пропаганда, съ другой—англійское и протестантское вліяніе постепенно смягчаютъ первоначальные контрасты.

Кромѣ нарѣчій языка ашанти, въ странѣ существуютъ еще многіе другіе діалекты, настолько различающіеся между собой, что говорящіе ими не въ состояніи понимать другъ друга, но тѣмъ не менѣе принадлежащіе къ одной и той же глоссологической группѣ: таковы языкъ обу, которымъ говорятъ въ одномъ изъ округовъ берега Фанти, особенно въ городѣ Агуна, имя котораго прежде примѣнялось ко всей области, нынѣ называемой «Золотымъ Берегомъ». Таковы же языки кіерепонгъ, въ горахъ Акванемъ, и акра или инкранъ, подраздѣляющійся на два нарѣчія, га и адамфи, которыми говорятъ болѣе ста тысячъ челоуѣкъ на берегу Акра и во всей провинціи Адамфи, треугольномъ пространствѣ, ограниченномъ на востокѣ и сѣверѣ рѣкой Вольтой, на сѣверо-западѣ и западѣ—горной цѣпью Акванемъ. На сѣверѣ королевства Ашанти языки банда, гьяманъ и конгъ также составляютъ часть той же глоссологической семьи. Языкъ ашанти и говоры одного съ нимъ происхожденія состоятъ изъ односложныхъ корней, флексій которыхъ получаютъ при помощи приставокъ и суффиксовъ. Въ нарѣчіяхъ га и адамфи запасъ корней такъ малъ, что принуждены разнообразить ихъ при помощи удареній и объяснять ихъ значеніе посредствомъ какого-нибудь другаго слова. Иносказательныя выраженія, метафоры, употребляемыя ашантиями, свидѣлствуютъ о живости воображенія и силѣ поэтическаго чувства ¹⁾.

Этническая группа оджіевъ, къ которой принадлежатъ ашанти или асанти, вмѣстѣ съ племенами данкира, вассавъ, акимъ, ассинтъ, фанти, есть самая могущественная въ гористой области, ограничиваемой на западѣ рѣкой Тануэ, на востокѣ рѣкой Вольтой. Королевство, основанное ашантиями и недавно подчинившее своей власти почти всѣ другія государства этой страны, возникло не ранѣе конца семнадцатаго столѣтія, когда племя, завоевательное, по словамъ однихъ, бѣжавшее отъ своихъ господъ, по словамъ другихъ, пришло сюда изъ земли, извѣстной подъ именемъ Инта; однако, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство постоянныхъ

¹⁾ Winwood Reade; — Richard Burton, цитированное сочиненіе.

¹⁾ Christaller; — Ramseyer; — Cust и др.

жителей, составляющихъ націю ашанти, происходятъ отъ негровъ, поселившихся въ краѣ за много вѣковъ до нашей эпохи: бывали вышнія политическія перемѣны, преобладали другія имена, но переселенческое движеніе изнутри материка къ приморской области существовало во всѣ времена съ отдаленной древности. Въ этой части Африки переселение совершается съ сѣвера на югъ, тогда какъ въ Сенегамбіи оно происходитъ съ востока на западъ, но исходя изъ того же центра въ Суданѣ. Оно продолжается и въ наши дни въ странѣ Ашанти: мандинги магометане очень многочисленны въ главныхъ городахъ, и даже многія государства, официально управляемые «фетишерами», находятся теперь подъ преобладающимъ вліяніемъ ислама¹⁾.

Ашанти—одинъ изъ самыхъ красивыхъ народовъ африканскаго континента: они рослы и хорошо сложены; женщины имѣютъ стройный станъ и правильныя черты лица. Кожа у этихъ туземцевъ очень черная, волосы курчавые, но ность довольно тонкій, губы не толстыя; весьма вѣроятно, что въ первоначальной своей родинѣ ашанти смѣшивались съ арабами и берберами; они не безобразятъ себя, какъ многіе изъ ихъ сосѣдей, ни татуировкой, ни порѣзами. Ашанти отличаются большою повѣтливостью, прекрасной памятью и замѣчательнымъ умѣньемъ приспособляться къ средѣ. По берегамъ ручьевъ они сдѣлались земледѣльцами; въ степяхъ они пасутъ скотъ; на берегу моря и лагунъ они рыболовы и лодочники; въ городахъ—это очень дѣятельные коммерсанты, искусные ремесленники: они ткутъ матерію, дѣлаютъ глазированную глиняную посуду, кууютъ желѣзо и выдѣлываютъ изъ него инструменты и оружіе, плетутъ ковры, вставляютъ въ оправу золото и драгоценныя камни. Языкъ ихъ, извѣстный подъ разными наименованіями (оджи, очи, чи, туй, и т. д.),—одинъ изъ самыхъ звучныхъ и гармоническихъ во всей Африкѣ; при томъ это также одинъ изъ наилучше изученныхъ африканскихъ языковъ. Уже въ 1673 году датчанинъ Мюллеръ издалъ сборникъ словъ одного нарѣчія ашантийскаго корня; затѣмъ нѣсколько другихъ сборниковъ того же рода были составлены въ восемнадцатомъ столѣтіи, а въ недавнее время появились научныя грамматики, словари, сборники устныхъ преданій; такимъ образомъ уже имѣются необходимыя элементы для начала сравнительной лингвистики между различными діалектами ашанти за двухвѣковой періодъ ихъ развитія. При дворахъ употребляется аканъ, нарѣчіе провинціи Акимъ, которая лежитъ въ углу, ограниченномъ на сѣверѣ и востокѣ горами Акра и Оквагу; однако, наиболѣе пригоднымъ для литературной роли считаются діалектъ провинціи Аквапемъ,

сосѣдней съ областью Акра: на это нарѣчіе переведены священные книги, молитвы и гимны христіанъ. Діалектъ фантиевъ приморской полосы, между Акрой и Кэпъ-Костомъ, отличается отъ языка ашанти почти только произношеніемъ. До англійскаго вѣшатательства, эти два народа постоянно воевали между собой, хотя имъ было не безизвѣстно ихъ первоначальное родство. По словамъ легенды, два брата, долго терпѣвшіе голодъ, нашли каждый растеніе, служившее имъ съ того времени пищей; одинъ ѣлъ *фингъ*, другой—*шангъ*: отсюда и произошли ихъ національныя имена.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ашанти—одинъ изъ самыхъ цивилизованныхъ народовъ Африки. Ихъ смысленость, искусство въ ремеслахъ, умѣнье хорошо говорить, музыкальный талантъ, проявляющійся даже настоящими концертами, храбрость въ битвахъ—таковы способности и качества, выгодно отличающія ихъ отъ многихъ сосѣдей; но, съ другой стороны, нигдѣ нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія классовъ или сословій, нигдѣ сильныя міра не пользуются такими большими и уважаемыми привилегіями. Если власть по самой сущности своей стремится къ безусловному господству, то по крайней мѣрѣ на практикѣ она почти вездѣ ограничена; въ Ашанти же общественное мнѣніе, управляемое страхомъ, не ставило никакихъ предѣловъ державному авторитету; деспотизмъ царька надъ своимъ подданными, благородныхъ надъ мужиками, начальниковъ надъ солдатами, посвященныхъ надъ профанами, мужей надъ женами, господъ надъ невольниками былъ безграничный. По своимъ звѣрскимъ законамъ и обычаямъ, это общество сдѣлалось самымъ чудовищнымъ изъ всѣхъ союзовъ людей, но оно не могло долго существовать въ этомъ видѣ: бунты и войны съ другими народами, внутренняя деморализація и вышнее вліяніе чужеземныхъ правовъ, болѣе мягкихъ и болѣе проникнутыхъ уваженіемъ къ человѣческой личности и жизни, привели къ разложенію царства Ашанти, къ упадку его учрежденій и постепенному измѣненію всего соціальнаго порядка. Описанія путешественниковъ относятся къ обществу уже не существующему, но оставившему по себѣ многіе слѣды своего существованія.

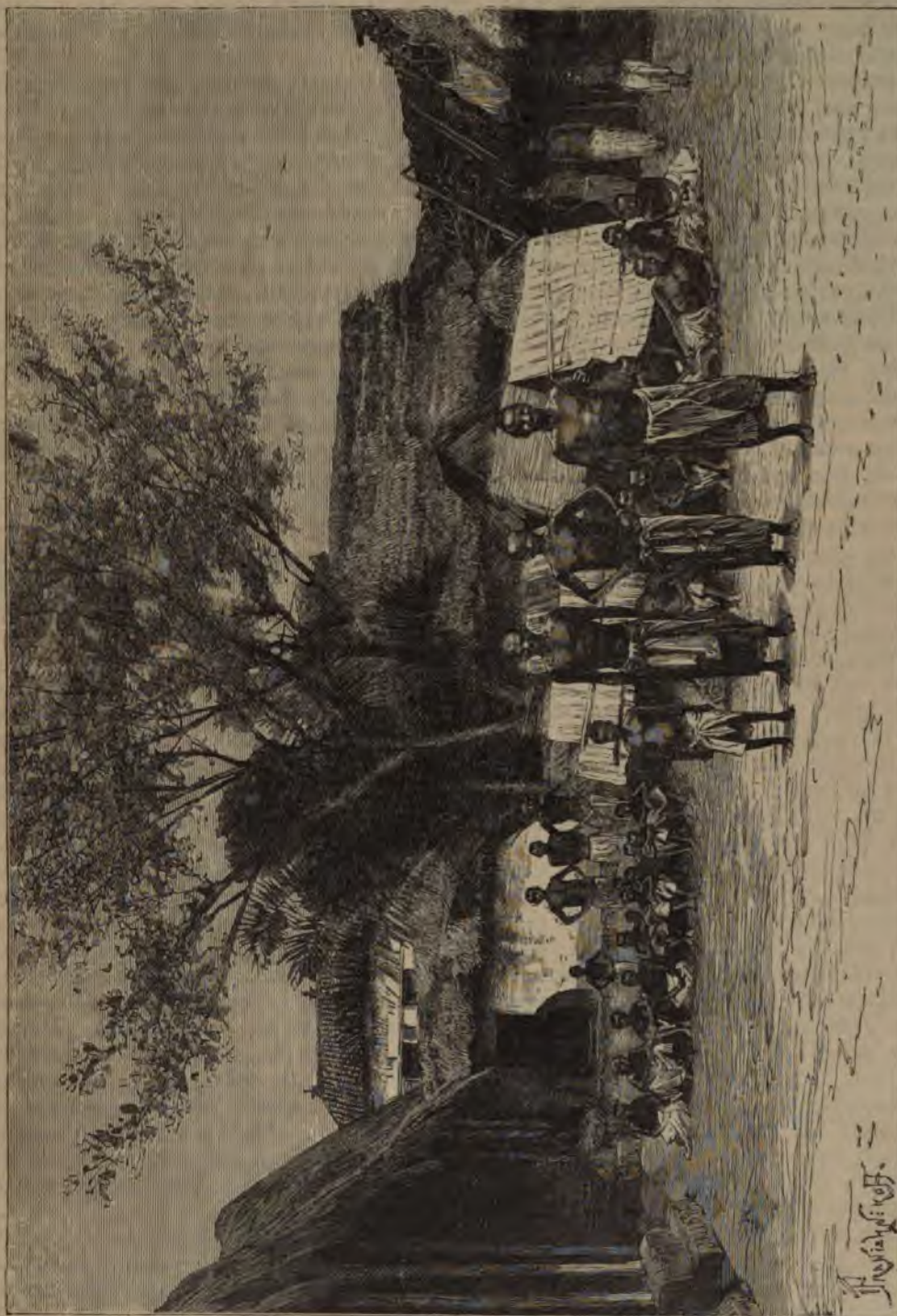
Король ашантиевъ похвалялся тѣмъ, что онъ царствуетъ надъ народомъ рабовъ: каждый плевокъ его подбирали съ благоговѣніемъ, на каждое чиханье его отвѣчали низкими поклонами, по правиламъ придворнаго этикета; всякое движеніе его вызывало восторгъ или страхъ. У него есть министры, которыхъ древній обычай облакаетъ правомъ veto въ вопросахъ о войнѣ и налогахъ, но которые съ давнихъ поръ ограничивались ролью потакателей и куртизановъ; одинъ изъ высшихъ сановниковъ королевскаго двора—главный палачъ, который по-

¹⁾ Ramseyer, „Quatre ans chez les Achanti“.

ситъ, какъ знакъ своего достоинства, золотой топорикъ на орденской лентѣ. Пажи имѣютъ на себѣ оружіе-фетишъ, обеспечивающее имъ безнаказанность вездѣ, куда бы они ни явились:

въ особо важныхъ обстоятельствахъ онъ декретировалъ общую конфискацію частныхъ имуществъ въ пользу казны. Войско его состояло изъ всѣхъ способныхъ къ труду мужчинъ: какъ

Туземцы изъ Порто-Ново.

они пользуются правомъ грабежа; все забираемое ими становится собственностью короля. Кромѣ того, этотъ царекъ есть естественный наслѣдникъ золота и всякихъ драгоценныхъ вещей, принадлежащихъ его подданнымъ, а

только раздавался барабанный бой, призывавшій на войну, каждый мужчина бралъ свое ружье, патронташъ, сумку съ провѣантомъ, амулетки и устремлялся за своими начальниками, въ то время, какъ женщины, вымазавъ

себѣ тѣло бѣлой глиной, ходили процессіей по улицамъ и обыскивали дома, чтобы извлекать трусовъ или запоздавшихъ и гнать ихъ тумакми и пинками. Обычай не позволяетъ королю оставить тронъ своему сыну: власть его переходитъ къ сыну его сестры или другому родственнику по женской линіи. Официальное число королевскихъ супруговъ, по Баудичу, 3.333, хотя только пять или шесть изъ нихъ живутъ въ особомъ гаремѣ; но всѣ эти жены, или вѣрнѣе рабыни, ревниво содержатся взаперти, подъ охраной евнуховъ: онѣ выходятъ изъ дому только по ночамъ. Изъ всѣхъ придворныхъ женщинъ одна только, мать короля, участвующая въ засѣданіяхъ совѣта министровъ, можетъ показываться публично съ открытымъ лицомъ. Принцессы, сестры короля, имѣютъ право брать себѣ въ супруги мужчину по своему выбору, съ условіемъ, чтобы избранный былъ молодъ, красивъ и силенъ; но до недавняго времени это была очень опасная милость, потому что если супруга или ея сынъ умирали ранѣе мужа, то послѣдній долженъ былъ, какъ вѣрный рабъ, сопровождать свою госпожу или своего господина въ могилу ¹⁾. Нерѣдко случалось также, что люди царскаго рода были осуждаемы на смерть, но безъ пролитія крови: ихъ топили въ рѣкѣ.

Начальники, вообще называемые европейцами португальскимъ именемъ *sabeseres*, любить щеголять въ красивыхъ одеждахъ, шелковыхъ халатахъ и широкихъ шароварахъ, а въ торжественныхъ случаяхъ размалевываютъ себѣ лицо яркими красками. Потомки знатныхъ фамилій одни имѣютъ право сидѣть въ присутствіи короля, какъ герцоги и пары при дворѣ Людовика XIV; это также генералы отъ рожденія для войскъ короля. Въ сраженіяхъ они всегда держатся позади, въ сопровожденіи офицера, защищающаго ихъ зонтикомъ отъ солнца, и окруженные стражей, которая обязана убивать отстающихъ солдатъ. Они должны всегда показывать видъ равнодушія и презрѣнія къ опасности: знаменитѣйшіе полководцы любили, въ самый разгаръ битвы, развлекаться какой-нибудь игрой, поставивъ ногу на отрубленную голову непріятельскаго вожда; побѣжденные, они не должны были переживать пораженія и сами лишали себя жизни передъ своимъ войскомъ: «лучше смерть, чѣмъ позоръ», говоритъ ашантійская пословица. Подобно королю, кабесеры имѣютъ большое число супруговъ; у простолюдиновъ же рѣдко бываетъ больше одной жены, а солдаты по большей части остаются холостыми, благодаря тому, что равновѣсіе половъ нарушено для наполненія гаремовъ знати. Нравы разрѣшаютъ самое варварское обращеніе со стороны мужа. Кабесеры могутъ продавать своихъ женъ въ рабство или обезглавли-

вать за прелюбодѣяніе; болтливая жена приговаривается къ потерѣ верхней губы; любящей подслушивать у дверей отрѣзываютъ ухо; подозрѣваемую въ колдовствѣ подвергаютъ пыткамъ. Ашантин очень ревнивы, и обычай не позволяетъ хвалить красоту замужней женщины.

До недавняго времени похороны были самымъ ужаснымъ событіемъ въ ашантійскомъ обществѣ. Какъ только обнаруживались признаки близкой смерти кабесера, надъ его невольниками учреждали строгій надзоръ или даже привязывали ихъ на цѣпь, чтобы они не могли ускользнуть отъ предстоящей чудовищной церемоніи. Тотчасъ послѣ послѣдняго издыханія господина, двое рабовъ приносились въ жертву, чтобы служить ему спутниками; затѣмъ, во время торжественнаго погребенія, цѣлая партія намѣченныхъ жертвъ, тѣмъ болѣе многочисленная, чѣмъ богаче или знатнѣе былъ покойникъ, шествовала въ похоронной процессіи, окруженная толпой женщинъ, которыя кричали и плясали, раскрашенные въ кровавый цвѣтъ. Одно магическое слово, по-видѣмому, могло бы спасти несчастныхъ, обреченныхъ на смерть; но завыванія толпы и барабанный бой заглушали это спасительное слово; палачи, одѣтые въ черное, оставались глухи ко всякому призыву, и чтобы задержать вопль о помилованіи, они запирали ротъ раба либо тряпкой, либо ударомъ кинжала, пронзавшимъ ему обѣ щеки; затѣмъ, отрубали ему правую руку и отпиливали голову. Но однихъ рабовъ недостаточно было, чтобы сопровождать важнаго начальника въ загробную жизнь: ему необходимо было, кромѣ того, и общество свободнаго чловека. И вотъ одинъ изъ присутствующихъ, сраженный ударомъ сзади, падалъ рядомъ съ другими трупами, и тѣло его, еще теплое, бросалось въ могилу, которую тотчасъ же засыпали землей. Когда нужно было дать загробныхъ спутниковъ королю, то людей убивали сотнями; всѣ, служившіе ему шпионами или, какъ ихъ называли, *кра*, то-есть «душами» царька, должны были слѣдовать за тѣмъ, кого они оберегали при жизни: онъ не могъ явиться на томъ свѣтѣ иначе, какъ въ компаніи своихъ «душъ» ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ его надѣляли массой сокровищъ, которыя его преемники могли трогать только въ минуту опасности для государства.

Судебная расправа за преступленія, проступки или простыя нарушенія полицейскихъ правилъ, также доставляла ашантійскимъ властямъ случай проливать кровь или подвергать обвиняемыхъ пыткамъ. Разбить яйцо или пролить пальмовое масло на улицѣ Кумасси—было преступнымъ дѣяніемъ, наказуемымъ смертію. Убийцамъ прежде всего отрубали руки,

¹⁾ Winwood Reade, „African Sketch-book“.

¹⁾ Ramseyer, цитиров. сочиненіе.

и казнимые, обливаясь кровью, должны были еще проплясать предсмертный танецъ передъ королемъ: горяція головы, прикладываемыя къ ихъ ранамъ, помогали имъ дѣлать предписанные прыжки. Но преимущественно празднества давали поводъ къ большимъ избиеніямъ, сдѣланнымъ необходимымъ институтомъ въ правительственномъ механизмѣ этого государства. Особенно праздникъ сбора ямса, справляемый осенью, требовалъ обильнаго орошенія кровью: урожай вышелъ бы неудачный, если бы человѣческія существа не доставили этому пищевому растенію соковъ, необходимыхъ для поддержанія цикла жизни. Въ это время года начальники провинцій обязаны были являться ко двору, и каждый изъ нихъ, вступая въ городъ, приносилъ въ жертву раба мѣстному духу. Въ каждомъ кварталѣ совершались свои жертвоприношенія; кровь лилась повсюду, палачи кружились въ бѣшеной пляскѣ, ударяя въ барабаны, украшенные черепами, а фетишеры составляли эликсиръ отъ смерти, смѣшивая человѣческую кровь съ сѣменами и лѣкарственными травами. Въ ликующемъ городѣ царилъ распущенность: это былъ праздникъ весны, обновленія природы, праздникъ жизни и смерти.

Страхъ передъ духами, носящимися въ воздухахъ, въ водахъ, въ ночныхъ испареніяхъ, боязнь чиселъ и рядовъ, опасеніе несчастныхъ встрѣчъ—все давало поводъ къ убійствамъ у этихъ запуганныхъ населеній. Одна изъ улицъ Кумасси носила названіе «Никогда не пересыхающей отъ проливаемой крови»; самое имя города, по игрѣ словъ на языкѣ фантиевъ, означало: «убивайте всѣхъ!». Ребенка, родившагося въ несчастный день, тотчасъ же лишали жизни; въ нѣкоторыхъ округахъ чаша яда была излюбленнымъ средствомъ для разрѣшенія всякихъ затрудненій; при малѣйшемъ сомнѣніи фетишеры прописывали декоктъ изъ страшной коры: цѣлыя деревни были почти поголовно истребляемы этимъ способомъ. Вообще жизнь человѣческая слишкомъ мало цѣнится въ этой странѣ террора и угнетенія. Самоубійства здѣсь очень часты, преимущественно между невольниками. Когда одинъ изъ этихъ несчастныхъ рѣшится покончить съ собою, онъ сообщаетъ объ этомъ своему господину; тотъ даетъ ему бутылку водки, чтобы напоить его до-пьяна, затѣмъ торопитъ его ударами дубинки; бываетъ также, что старѣйшины пытаются отговорить покушающагося на самоубійство, если только онъ не произнесъ «царской клятвы», которой уже нельзя нарушить¹⁾; они убѣждаютъ его, что, умирая рабомъ, онъ и возродится рабомъ, но онъ остается твердымъ въ своемъ намѣреніи и велитъ привязать себя къ дереву, чтобы его

разорвали на куски. Странно, что въ этой странѣ, гдѣ до недавняго времени смерть отъ меча или топора была нормальнымъ концомъ для столькихъ несчастныхъ, жители какъ будто стыдятся говорить о смерти и обыкновенно прибѣгаютъ къ перифразамъ, въ родѣ слѣдующихъ: «человѣкъ отправился; онъ ушелъ; дерево упало²⁾». Такимъ образомъ языкъ представляетъ еще умолчаніе, свидѣтельствующее объ остаткѣ уваженія къ человѣческой жизни. Нельзя не порадоваться, что съ одной стороны влияніе европейцевъ, съ другой—влияніе мандинговъ положили конецъ этому страшному царству смерти. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ можно сказать, не боясь впасть въ ошибку, что дѣло бѣлыхъ на «черномъ континентѣ» было истинно цивилизаторскимъ, и что они въ широкой мѣрѣ способствовали нарожденію новаго міра.

До войны 1873 года, которая привела англичанъ въ Кумасси, королевство Ашанти занимало, вмѣстѣ со всѣми вассальными государствами, огромное пространство: на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ оно охватывало всю покатошь горъ, и жители равнинъ Дагомы, въ 400 километрахъ разстоянія, приносили ему дань; на югѣ ашанти покорили данкирцевъ, своихъ бывшихъ владѣтелей, и подвигаясь на сѣверъ отъ европейскихъ владѣній, съ одной стороны до Ассини, съ другой—до нижней Вольты, они все болѣе и болѣе оттѣсняли къ морю союзниковъ бѣлаго чужеземца. Въ одномъ мѣстѣ, около устьевъ «Священной рѣки», они достигли даже океана, и городъ Шама сдѣлался ихъ союзникомъ, почти вассаломъ. Гордые своей побѣдой надъ бѣлыми въ битвѣ при Эссеману, въ 1824 г., счастливые тѣмъ, что имъ удалось «пожрать мужество англичанъ», съѣвъ сердце генерала Макъ-Карти, они стали нападать даже на приморскія крѣпости, взбираясь по валамъ «до самаго жерла пушекъ». Но въ рѣшительной войнѣ 1873 года, роковой исходъ которой, говорятъ, былъ возвѣщенъ паденіемъ большаго дерева-фетиша въ Кумасси, имъ пришлось уступить усовершенствованному оружію; на другой же день послѣ бѣгства короля наступило полное распаденіе могущественнаго царства. Всѣ вассальныя провинціи вернули себѣ независимость; даже изъ ашантиевъ многіе, покинувъ свое отечество, переселились въ Данкиру, подъ англійскій протекторатъ; осталось лишь маленькое государство въ предѣлахъ территории, ограничиваемой съ юга лѣсистыми холмами Адаиси. Наконецъ, простой угрозы англійскаго резидента въ Акрѣ достаточно было, чтобы заставить короля ашантиевъ передать королевѣ Великобританіи, если не самый золотой топоръ, то по крайней мѣрѣ имитацию этого «великаго

¹⁾ Brodie Cruikshank, «Eighteen years on the Gold Coast of Africa»;—Bonnat, цитированный сборникъ.

²⁾ Ramseyer, «Proceedings of the R. Geographical Society», April 1886.

фетиша», символа права смерти, которое чернѣй царекъ имѣлъ надъ всѣмъ своимъ народомъ. По словамъ Лондсэля, ашантийскимъ вождямъ отнынѣ невозможно было бы собрать войско, превышающее шесть тысячъ человекъ.

Фантин почти всегда были союзниками англичанъ, также какъ ашанти союзниками голландцевъ. Генералъ Макъ Карти, павшій на полѣ битвы во главѣ отряда приморскихъ фантиевъ, сдѣлался для нихъ геніемъ-хранителемъ: самой важной ихъ клятвой была клятва его памятью, и многіе изъ нихъ даютъ своимъ дѣтямъ имя Карте, какъ они выговариваютъ эту ирландскую фамилію. Соплеменники и наследственные враги ашантиевъ, фантин ходятъ на нихъ характеромъ и способностями; но нравы у нихъ измѣнились, какъ и образъ правленія: они составляютъ союзъ, почти республиканскій, мелкихъ государствъ. Находясь съ давнихъ поръ въ сношеніяхъ съ европейцами, они уже не справляютъ свой праздникъ избіеніемъ людей, также и на похоронахъ ограничиваются принесеніемъ въ жертву какого-нибудь животнаго, козы или собаки; спутниковъ путешествія на тотъ свѣтъ они замѣняютъ подарками, матеріями, браслетами, металлическими пуговицами. Тѣмъ не менѣе кодексъ фантиевъ еще очень суровъ, и смертная казнь часто примѣняется: убійца выдается головой родственникамъ его жертвы; но онъ можетъ иногда выкупить свою жизнь уплатой пени: въ среднемъ, кровь свободнаго человека считается равноцѣнной семи невольникамъ. У этихъ народцевъ, нравы которыхъ нѣсколько смягчились подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній съ чужеземцами, богатство въ особенной чести. До недавняго времени «правосудіе» у нихъ было продажно, какъ и во многихъ другихъ странахъ міра, но нигдѣ эта продажность не выражалась въ болѣе циничной формѣ: во время судебного разбирательства процесса одинъ изъ тяжущихся вызывалъ противника на состязаніе, кто изъ нихъ сдѣлаетъ болѣе щедрый подарокъ старѣйшинамъ, или *тайминъ*, въ доказательство правоты своего дѣла. Каждая изъ спорящихъ сторонъ выставила на площадь, въ видѣ аргументовъ, рядъ бутылей и кувшиновъ съ крѣпкими напитками, и тяжба рѣшалась въ пользу того, кто подносилъ суду болѣе обильное угощеніе. Несостоятельный должникъ считается человекомъ опозореннымъ и, въ случаѣ смерти, лишается погребенія: тѣло его выбрасываютъ на большую дорогу.

Несмотря на его жадность къ деньгамъ, тщеславію, непостоянство, фанти нравятся миссіонерамъ, поселившимся въ его странѣ: онъ вообще трудолюбивъ, какъ въ полевыхъ работахъ, такъ и въ рыбномъ промыслѣ; у него сильно развиты любовь къ родному мѣсту и семейная привязанности; при томъ онъ очень смысленъ и способенъ ко всякимъ ремесламъ. Отличитель-

ный знакъ этой расы составляютъ порѣзы на скулахъ и на затылкѣ. Туземцевъ племени акинтъ, на юго-восточной границѣ Ашанти, тоже легко узнать по необычайно выдающимся скуламъ, образующимъ какъ бы зачатки роговъ по обѣ стороны носа. У фантиевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, костюмъ состоитъ изъ широкаго куска матеріи, прикрѣпляемаго поясомъ и оставляющаго грудь открытой; одежда матерей расположена такъ, что сзади образуетъ *канки*, широкій турнюръ, на который помѣщается ребенокъ, какъ на сидѣнѣ; богатые матроны, кромѣ того, имѣютъ привычку привѣшивать напередѣ платья брелокъ изъ серебряныхъ ключей. У каждого мужчины есть ружье, хотя это оружіе сдѣлалось бесполезнымъ со времени окончанія войны съ ашантиями; прежде каждый фанти былъ солдатомъ и долженъ былъ до самой смерти слѣдовать за своимъ капитаномъ, или *брафффо*. Рассказываютъ, что въ ту эпоху, когда нація, тѣснимая врагами, принуждена была покинуть внутреннія области и спуститься къ морю, воины объявили, что они изберутъ въ верховные вожди того изъ благородныхъ, который принесетъ въ жертву отечеству свою правую руку: въ ту же минуту одинъ начальникъ выступилъ впередъ, протягивая руку: однимъ ударомъ меча рука была отрублена, и безрукаго вождя тотчасъ же провозгласили брафффо. Родъ этого перваго державца былъ почти совершенно истребленъ ашантиями. Порядокъ престолонаслѣдія въ этой фамиліи таковъ, что власть всегда переходитъ отъ дяди къ племяннику, сыну сестры, какъ у большинства другихъ африканскихъ народовъ.

Каждый городъ, каждая деревня, каждая семья имѣетъ своего фетиша; кромѣ того, есть національный богъ, представляющій «господина господствующихъ, отца всѣхъ», который въ понятіи акванемовъ и большинства приморскихъ племенъ, въ бассейнѣ Волты и на лагунахъ Невольничьяго берега, сливается съ небомъ. У этихъ младенческихъ народовъ, которые все окружающее относятъ къ самимъ себѣ, каждый предметъ природы предполагается оказывающимъ хорошее или дурное вліяніе на судьбу отдѣльнаго лица, и эти силы должны быть вызываемы или заклинаемы магическими церемоніями. Когда какое-нибудь китообразное животное сядетъ на мель у берега, это—вѣрная примѣта, что странѣ грозитъ большая бѣда, потому что морскія млекопитающія—древній народъ, поглощенный моремъ, но стремящійся снова завладѣть землей. Есть, напротивъ, рыбы, приносящія счастье: такова мечъ-рыба (*xiphias gladius*), у которой отпиливаютъ мечевидное рыло, неоцѣнимое сокровище для семьи, которую оно будетъ защищать отъ злаго рока. Деревья, растенія, скалы, ручьи также причисляются либо къ покровителямъ, либо къ врагамъ. Еще недавно, го-

ворить Босманъ, у богатыхъ вторая жена была специально посвящаема геніяхъ, и, какъ таковая, объявлялась фетишемъ.

Когда женщина забеременѣетъ въ первый разъ, злые духи соединяются противъ нея, и плодъ ея погибнетъ, если она не искупитъ его, подвергаясь публичному поруганію: оттого когда она показывается на улицѣ, въ сопровожденіи своихъ друзей, которые идутъ ходатайствовать за нее передъ фетишемъ, толпа ребятишекъ преслѣдуетъ ее бранными словами и комками грязи. Каждый фанти носитъ имя того дня недѣли, въ который онъ родился, такъ что во всей націи существуютъ только семь личныхъ именъ, каждое съ мужскимъ и женскимъ окончаніемъ. Прозвище, основанное на качествахъ, порокахъ, странностяхъ даннаго лица, или какихъ-нибудь событіяхъ его жизни, обозначаетъ его болѣе точнымъ образомъ. Смотря по мѣстностямъ, къ его собственному имени прибавляютъ также, для отличія, имя отца, матери или дѣда и бабки. Обрѣзаніе не практикуется нигдѣ на Золотомъ берегу, кромѣ округа Акра, въ которомъ, кромѣ того, соблюдается обычай натирать новорожденныхъ землей, взятой на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ одинъ жестокой португальскій губернаторъ ¹⁾. Свободные мужчины получаютъ нѣкоторое воспитаніе; ихъ обучаютъ военной пляскѣ, фехтованію, а также искусству, недоступному ни женщинамъ, ни рабамъ, сообщать новости со сѣднимъ деревнямъ посредствомъ барабаннаго боя съ дробью. Въ нѣсколько часовъ эти примитивные телефоны передаютъ вѣсти о событіяхъ или призывы на сотни километровъ.

Другія племена, обитающія на морскомъ берегу и въ горахъ, представляютъ большое разнообразіе наименованій, хотя эти племена принадлежатъ по большей части къ тому же корню, какъ ашанти и фанти, и походятъ на нихъ языкомъ, нравами, религіозными понятіями, политическими учрежденіями; тѣмъ не менѣе, восточныя племена, акра, кробо, авуна, аготиме, крени, отличаются отъ собственно фантиевъ большей способностью къ ремесламъ и промысламъ, большимъ мужествомъ и неустрашимостью, также какъ большей физической силой. Прежде ихъ обозначали общимъ именемъ мина или амина, которое нынѣ примѣняется къ племенамъ, живущимъ восточнѣе, на Невольничьемъ берегу. Смотря по близости или отдаленности приморскихъ рынковъ, болѣе или менѣе частому посѣщенію большихъ дорогъ, присутствію или отсутствію европейскихъ миссіонеровъ, различныя племена представляютъ всѣ послѣдовательные переходы отъ дикаго состоянія, описаннаго португальскими миссіонерами и первыми изслѣдователями, Артюсомъ, Бильо-де-Бельфономъ, Босманомъ,

Смитомъ, де-Марше, Барботомъ, Изертомъ, до полувивилизованнаго быта, констатируемаго новѣйшими путешественниками.

Въ наши дни, католическіе и протестантскіе священнослужители, въ особенности лютеранскіе пасторы базельской миссіи, преемники моравскихъ братьевъ, прибывшихъ въ край въ 1736 году, основали многочисленныя миссіи между этими туземцами, и нѣкоторыя новыя деревни населены исключительно обращенными въ христіанство неграми. Состояніе базельскихъ миссій на Золотомъ берегу 1 января 1882 года выражалось слѣдующими цифрами: 10 становъ, 50 миссіонеровъ, мужчинъ и женщинъ; 4.780 вѣрующихъ, 1.294 воспитанника. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти чернокожіе вступаютъ въ лоно христіанской церкви единственно ради земныхъ выгодъ; многіе, едва успѣвъ креститься, переходятъ въ магометанскую вѣру. Впрочемъ, у негровъ Канъ-Коста и Акры возникаютъ даже новыя секты, которыя по способу происхожденія и по догматамъ, отчасти христіанскимъ, можно сравнить съ сектой тайпинговъ, въ китайскомъ обществѣ, и которыя во всякомъ случаѣ свидѣлствуютъ о самобытной религіозной эволюціи. Въ земляхъ Аделе и Акабу, къ востоку отъ средняго теченія Вольты, фетиши уже потеряли кредитъ; туземные миссіонеры проповѣдуютъ тамъ новое евангеліе, «возвѣщая, что у Бога родился Сынъ, и что запрещено работать въ воскресенье». Эти проповѣдники селятся въ деревень, и прозелиты группируются вокругъ нихъ ¹⁾. Когда португальцы рассказывали имъ о Верховномъ Существѣ, прибрежные жители Золотого берега видѣли въ Немъ только главнаго фетиша европейскихъ народовъ: «Не Онъ намъ доставляетъ золото, говорили они,—это даръ земли; не Онъ далъ намъ мансъ и рисъ, а нашъ трудъ; рыбу даетъ намъ море, а деревья съ плодами,—это вы, португальцы, привезли намъ ихъ» ²⁾. Этотъ чужой Богъ былъ въ ихъ понятіяхъ бѣлымъ существомъ, какъ и люди, поклоняющіеся Ему; они же, черные, могли ли взывать къ какому-нибудь другому фетишу, кромѣ бога ихъ цвѣта? Роковымъ образомъ имъ достался иной удѣлъ, чѣмъ бѣлымъ. Когда два первые человѣка должны были выбирать между золотомъ и грамотой, черный взялъ металлъ, а бѣлый научился читать и писать: оттого онъ и сталъ сильнѣе черного, а Богъ его—самый могущественный изъ всѣхъ боговъ ³⁾.

Къ западу отъ мыса Трехконечнаго, англичане не имѣютъ ни одного сколько-нибудь значительнаго торговаго порта. Альбани, домики

¹⁾ Kamseyer, цитиров. статья.

²⁾ Artus, „Indes Orientales“, collection de Bry.

³⁾ Guillaume Bosman, цитированное сочиненіе, — Pierre Bouche, „La Côte des Esclaves“.

¹⁾ Bowdich; — Burton, цитиров. сочиненія.

котораго, окруженные пальмами, построены на песчаной косѣ, между лагуной и моремъ, есть не болѣе, какъ бѣдная деревушка, часто называемая Half Assini (Полу-Ассини), по сравненію съ французской факторіей, лежащей при истокѣ озеръ. Бегіенъ, наименованный португальцами Аполлоніей, въ честь святаго, примѣтенъ издалика развалинами бывшей голландской крѣпости; но это просто группа хижинъ, какъ всѣ огороженные деревни, слѣдующія одна за другой на востокъ, въ видѣ непрерывной линіи. Эта область поморья — одна изъ самыхъ многочисленныхъ мѣстностей африканскаго берега, хотя до недавняго времени здѣсь не было ни одного городского поселенія. На холмѣ, между двухъ негритянскихъ деревень, которыя мало-по-малу сливаются, чтобы преобразоваться въ городъ, стоитъ укрѣпленіе, первоначально португальское, затѣмъ голландское, нынѣ англійское: это — фортъ Аксимъ, построенный для того, чтобы командовать долиной Анкобры, воды которой изливаются въ море въ четырехъ километрахъ западнѣе; по другую сторону, ближе къ мысу Трехконечному, видны развалины бранденбургской крѣпостцы Гроссъ-Фридрихсбургъ. Аксимъ или Эсмъ, какъ его называютъ туземцы, представляетъ самое благоприятное для приставанія судовъ мѣсто на всемъ этомъ побережьи, благодаря двумъ островамъ, защищающимъ берегъ: одинъ, Бобовусуа, окруженный подводными камнями, есть островъ-фетишъ; другой, Поке, составляющій продолженіе перваго и соединяющійся съ нимъ въ часы отлива, былъ прежде мѣстомъ убѣжища для женщинъ и дѣтей во время войны. Англійскій путешественникъ Бортонъ нашелъ тамъ орудія каменнаго вѣка: нигдѣ въ другихъ мѣстахъ этого побережья не собрали такого множества «божественныхъ топоровъ», какъ въ окрестностяхъ Аксима. Во многихъ деревняхъ эти каменные топоры вѣшаютъ на веревкѣхъ передъ хижинами: иногда ихъ обмазываютъ особаго рода бѣлой глиной, которою красятъ также стѣны храмовъ, и которая считается самымъ радикальнымъ средствомъ отъ всѣхъ болѣзней¹⁾.

Современемъ Аксимъ, безъ сомнѣнія, будетъ портомъ всей области, простирающейся до Конга, включая сюда Аовинъ, Сахви, Гіамамъ, — страны, еще очень мало извѣстныя. Онъ уже соединенъ съ Анкоброй хорошей дорогой, которая представляетъ наиболѣе удобный путь къ золотымъ приискамъ въ Вассау. Кромѣ того, начальникамъ племенъ предложено было расчистить лѣсныя тропинки и устроить мосты черезъ ручьи, чтобы установить удобное сообщеніе между морскимъ берегомъ и постомъ Тарква, центромъ рудной области. Предполагали даже построить желѣзную дорогу въ 96 ки-

лометровъ, которая дала бы возможность перевозить тяжелыя машины, необходимыя для систематической разработки золотыхъ рудниковъ¹⁾. Тарква, называемая англичанами столицей территоріи Вассау и занимаемая маленькимъ гарнизономъ, состоитъ пока только изъ казармъ, построенныхъ на холмѣ, близъ деревни, гдѣ командуетъ главный туземный начальникъ страны. Аодуа, бывшая прежде главнымъ пунктомъ края теперь обратилась въ бѣдную деревушку; значительнѣйшія поселенія находятся вокругъ рудниковъ, сданныхъ на концессию англійскимъ и французскимъ золотопромышленникамъ, съ тѣхъ поръ, какъ Бонна первый предпринялъ методическія развѣдки мѣсторожденій драгоцѣннаго металла въ территоріи Вассау, которыя до того времени эксплуатировались туземными промысловыми золотого песку: могила этого изслѣдователя находится въ сосѣдствѣ Тарквы. Золото чаще всего находятъ въ гнейсѣ и другихъ первичныхъ породахъ: годовая цѣнность получаемого металла, не считая добычи туземцевъ, составляла, въ среднемъ, за время съ 1866 по 1880 годъ 3.120.000 франковъ; кромѣ того, въ холмахъ открыты жилы серебряной, мѣдной и оловянной руды, а желѣзо и марганецъ встрѣчаются повсюду. Золотой песокъ — единственный денежный знакъ въ этой провинціи Гвиней, которая дала свое имя *иней*, старой англійской золотой монетѣ. Большинство работающихъ на приискахъ состоитъ изъ аполлонійцевъ и круменовъ, и почти всѣ они деморализованы пороками, порождаемыми этимъ промысломъ²⁾; въ то время, какъ область рудниковъ заселялась, перемѣна нравовъ, произведенная прибытіемъ чужеземцевъ, и оставленіе земледѣльческаго труда имѣли слѣдствіемъ страшную смертность: цѣлыя деревни совершенно опустѣли. Въ этой внутренней области одно только населенное мѣсто, вѣтъ приисковъ, заслуживаетъ названія городка: это Мансу, лежащій почти на полпути изъ Тарквы къ устью рѣки Пра.

Крѣпость, господствующая надъ маленькой бухтой Диксковъ, къ востоку отъ мыса Трехконечнаго, имѣетъ нѣкоторую стратегическую важность, благодаря своему положенію въ сосѣдствѣ мыса, и мимо-идущіе пароходы находятъ тамъ складъ угля; другія укрѣпленія, которыя оспаривали другъ у друга англичане, голландцы и французы, оставили послѣ себя только развалины. Укрѣпленіе Шама было сохранено и расширено по причинѣ его положенія вблизи того мѣста, гдѣ рѣка Пра соединяется съ океаномъ У этого пункта часто пристають суда; однако, большою изгибъ, который рѣка описываетъ въ своемъ нижнемъ теченіи, заставилъ выбрать другую пристань

¹⁾ Blue Book, C. 4477, „Affairs of the Gold-Coast“.

²⁾ Bonnat; — Dähse; — Richard Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

¹⁾ Winwood Reade; — Richard Burton.

для торговли съ внутренними областями и особенно съ королевствомъ Ашанти. Такой пристанью служить нынѣ городъ Эльмина, старѣйшая факторія европейцевъ на Золотомъ берегу. Французы первые поселились въ la Mine, около конца четырнадцатаго столѣтія¹⁾; затѣмъ, послѣ прекращенія діепскими негоціантами торговли на Золотомъ берегу, португальцы сдѣлали Эльмину своей главной крѣпостью. Впослѣдствіи этотъ городъ былъ главнымъ пунктомъ Голландскихъ владѣній на берегахъ Гвинейскаго моря. А съ 1871 года, эпохи, когда начался его упадокъ, онъ принадлежитъ Великобританіи; переставъ быть столицею края, онъ потерялъ большую часть своего населенія. Два форта, Сентъ-Джоржъ и Сентъ-Джемсъ, перекрещиваютъ свои огни надъ городомъ, который раздѣленъ на двѣ половины узкой бухтой, образующей портъ при устьѣ и окаймленной по берегамъ садами; сѣверная часть города состоитъ изъ построекъ европейской архитектуры; на сосѣднихъ холмахъ тамъ и сямъ виднѣются дачи, утопающія въ зелени. Эльмина соединена хорошими каменными дорогами, съ одной стороны—съ устьемъ рѣки Пра черезъ большое мѣстечко Комменда, гдѣ діепскіе коммерсанты тоже имѣли контору, съ другой—съ Кэпъ-Костъ-Кэстлемъ, нынѣ однимъ изъ главныхъ городовъ англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу.

Этотъ городъ, называвшійся Cabo Corso у португальцевъ, cap Corse у французовъ, получилъ свое англійское имя Cape-Coast Castle только благодаря невѣжеству моряковъ; туземцы называютъ его Игуа, Эгве, Огва, Гва. Новый городъ, заключающій въ себѣ нѣсколько домовъ британскаго вида, выстроился рядомъ съ «чернымъ городомъ», гдѣ живутъ скученно фантіи, мѣстные уроженцы, матросы крумены, съ западныхъ береговъ, гауссаны и другіе суданцы, составляющіе гарнизонъ. Нѣсколько фортовъ высятся на холмахъ, оправдывая названіе Castle, или «Замокъ», обыкновенно означающее городъ. Негоціанты, поселившіеся въ Кэпъ-Костъ, ведутъ обширную торговлю съ долиной рѣки Пра и съ королевствомъ Ашанти. Отъ этого города начинается большая дорога, продолжающаяся тропинкой, которая направляется къ верхнему бассейну и къ городу Кумасси. Этимъ путемъ, который должна была замѣнить желѣзная дорога, начатая постройкою во время войны 1873 года, но не оконченная, шли англійскіе завоеватели въ 1874 году, когда они преслѣдовали ашантиевъ, постоянно побѣждаемыхъ, но не перестававшихъ оказывать сопротивление. Деревни, встрѣчающіяся на дорогѣ въ Кумасси, почти всѣ носятъ многозначительныя и поэтическія

имена, и въ сосѣдствѣ морскаго берега построены довольно хорошо, благодаря искусству, которое пріобрѣтаютъ временные эмигранты, плотники и каменщики, въ городахъ побережья. Между этими внутренними деревнями двѣ, болѣе важныя съ стратегической точки зрѣнія, заняты гарнизономъ изъ черныхъ солдатъ: одна, лежащая въ лѣсной прогалинѣ, на полпути отъ морскаго берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются главныя вѣтви рѣки Пра, носитъ имя Мансу, принадлежащее также многимъ другимъ населеннымъ пунктамъ той страны; другая, Прасу, т. е. «голова Пра», построена на рѣкѣ того же имени, ниже впаденія въ нее многоводнаго притока Биргимъ. Въ этотъ постъ, который военные отчеты называютъ «ключемъ» къ странѣ Ашанти, начальники сосѣдняго королевства приходятъ спрашивать совѣта или принять приказанія представителей велико британской власти.

Кумасси—большой городъ, около 6 километровъ въ окружности, расположенный въ обширной равнинѣ, съ красноватою желѣзистой почвой, орошаемой ручьемъ, притокомъ рѣки Да, главной западной вѣтви «Священной рѣки». Хотя этотъ городъ, столица независимаго по имени королевства, есть въ дѣйствительности вассалъ Англіи, однако онъ не открываетъ широко своихъ дверей иностранцамъ: въ него впускаютъ только послѣ долгаго ожиданія и при томъ не иначе, какъ окольными дорогами сквозь лѣсныя чащи; черезъ извѣстныя промежутки разставлены фетиши въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны проходить посѣтителі, въ видахъ устраненія порчи отъ бѣлаго человѣка; до недавняго времени это были человѣческіе трупы, которые клали поперекъ дороги или привязывали къ деревьямъ, чтобы напугать чужеземца и заставить его вернутся вспять. Говорятъ, что до войны населеніе Кумасси простиралось до 70.000 душъ. Послѣ прохода англійскаго войска, разрушенія королевскаго дворца, истребленія пожаромъ окружающихъ кварталовъ, торговля избрала себѣ другіе пути, и жители эмигрировали массами. Въ 1883 году, во время посѣщенія Кумасси путешественникомъ Лагденомъ¹⁾, этотъ городъ отличался отъ окрестныхъ ашантийскихъ селеній только бѣльшимъ числомъ хижинокъ. Но начиная съ слѣдующаго года произошла значительная перемѣна: торговые дороги, снова открытыя для движенія, привлекли тысячи эмигрантовъ, и повсюду стали появляться новые дома, иные даже въ два этажа, на европейскій образецъ²⁾. Въ Ашанти, именно въ провинціяхъ Дадеасси и Инкванта, зарабатываютъ золотonosныя залежи, составляющія продолженіе, съ юго-за-

¹⁾ Samuel Braun;—Villault de Bellefond;—Dapper, см. d'Avezac, «Notice des Découvertes», et Gabriel Gravier, «Recherches sur les Navigations européennes».

¹⁾ «A Walk to Coomassie», Nineteenth Century, February 1884.

²⁾ Brandon Kirby, «Proceedings of the R. Geographical Society», vol. V, 1884.

пада на сѣверо-востокъ, богатой Тарквахской жили. Въ дождливое время года золотискатели промываютъ даже песокъ съ улицъ Кумасси¹⁾. Теперь уже не носятъ тучи коршунъ и другихъ пернатыхъ хищниковъ надъ городомъ, надъ священными рощами и надъ царскимъ некрополемъ, который прежде былъ окруженъ трупами и орошался человѣческой кровью; впрочемъ, намѣченные жертвы, которымъ удавалось проникнуть въ святилище, были обезопасены отъ царскаго гнѣва, защищаемыя предками. Последнее человѣческое жертвоприношеніе, какъ кажется, имѣло мѣсто въ 1882 году, на похоронахъ тетки короля²⁾.

Въ другихъ провинціяхъ бывшего королевства Ашанти, города продолжали процвѣтать или пришли въ упадокъ, смотря по тому, находились ли они послѣ нашествія въ состояніи мира или въ состояніи войны. Джуабимъ, бывшій соперникъ Кумасси,—все еще многолюдный городъ. Кокофу, Инкванта, Мампонгъ, недавно столицы вассальныхъ государствъ, были почти совершенно опустѣвшими въ 1874 году, во время посѣщенія ихъ Брандономъ Карби; городъ Беква, прежде почти столь же многолюдный, какъ Кумасси, былъ покинутъ почти всѣмъ населеніемъ въ 1885 году, вслѣдствіе свирѣпствовавшей тамъ оспенной эпидеміи. Болѣе счастливые, многіе города Акима, въ верхнихъ бассейнахъ рѣкъ Пра и Биримъ, населились и разбогатѣли. Инсуанмъ, или Нсуанмъ, называемый также Оба, главный городъ западнаго Акима, лежащій близъ рѣки Биримъ, сдѣлался однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Африки; подлѣ стараго города, съ кривыми улицами, разрастается новый, съ широкими прямыми улицами, раскинувшійся вокругъ холма, на которомъ стоитъ королевскій дворецъ. Въ разстояніи одного километра къ югу находится другой городъ, Соадра, тоже очень населенный: на пространствѣ около 6 километровъ вокругъ Обо живетъ, вѣроятно, болѣе двадцати тысячъ человѣкъ³⁾. Столица территоріи Акимъ-Ашанти, прежде подвластной кумассійскому царьку, Бомпата, лежитъ на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Пра; она смѣнила, въ качествѣ главнаго города провинціи, пришедшее теперь въ упадокъ мѣстечко Двиранса, построенное въ одной долинѣ горъ Оквагу. Врасо, на скатѣ горы, покрытомъ плантаціями и господствующемъ надъ обширнымъ амфитеатромъ лѣсистыхъ горныхъ склоновъ,—одинъ изъ самыхъ живописныхъ городовъ въ области водораздѣла между бассейномъ Пра и бассейномъ Волты. Кумаву—тоже хорошенькій городокъ, но частью утратившій свое прежнее значеніе: теперь это группа

отдѣльныхъ деревень и поселковъ, раздѣленныхъ порослями сахарнаго тростника. Каждое мѣстечко этой страны имѣетъ свой храмъ, гдѣ царитъ богъ Танно, пришедшій изъ провинціи Гіаманъ, на сѣверо-западѣ отъ Кумасси⁴⁾.

Къ востоку отъ Капъ-Коста, вдоль морскаго берега, слѣдуетъ одна за другой торговыя пристани: Анамабозъ, Коромантинъ, Акемфо или Сольтъ-Пондъ, т. е. «Соляной Прудъ» (названная такъ отъ салинъ на ея берегу), Виннеба или Симпа. Затѣмъ, въ 150 километрахъ отъ Капъ-Коста, находится городъ Акра, Нкранъ или Га, доминируемый фортомъ Джемсъ и продолжающійся на востокъ другими городскими кварталами, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего царька; одна изъ пригородныхъ деревень, близъ форта Кревкеръ, была обитаема фетишемъ, покровителемъ бѣглыхъ негровъ. Не будучи официальной столицей англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу,—такъ какъ этотъ титулъ принадлежитъ съ 1875 года форту Христіансбургъ, бывшей датской цитадели, лежащей нѣсколькими километрами восточнѣе, Акра, тѣмъ не менѣе, фактически есть главный городъ «колоніи». Губернаторъ выбралъ себѣ резиденцію недалеко отъ живописной старинной крѣпости, частью разрушенной землетрясеніемъ 1862 года, которое повалило почти всѣ дома города. Христіансбургъ, съ его многочисленными башнями и бастіонами, высящимися на террасѣ, имѣетъ величественный видъ феодальнаго замка; онъ заключаетъ въ своихъ стѣнахъ обширныя цистерны, снабжающія водой гарнизонъ, а иногда, кромѣ того, часть города Акры и судовые экипажи порта. Миссіонеры изъ Базеля основали близъ замка техническую школу, откуда выходятъ лучшіе ремесленники на всемъ побережьи между Сьерра-Леоне и Габономъ. Акра—исходный пунктъ многихъ дорогъ, по которымъ до недавняго времени бѣлые путешествовали на неграхъ; на нѣкоторыхъ изъ этихъ дорогъ теперь уже можно проѣхать въ экипажѣ; поговариваютъ о постройкѣ рельсоваго пути, который связалъ бы столицу съ городомъ Кнонгъ, лежащимъ на изгибѣ Волты, въ разстояніи 80 километровъ. Подводный кабель соединяетъ станцію Акра съ всемірной телеграфной сѣтью.

Акра-Христіансбургъ обладаетъ большимъ преимуществомъ въ сравненіи съ большинствомъ другихъ береговыхъ городовъ: онъ расположенъ въ близкомъ сосѣдствѣ холмовъ и даже горъ, поднимающихся надъ поясомъ побережья, гдѣ господствуютъ лихорадки. Километрахъ въ сорока къ сѣверу, находится деревня Абури или Абуде, санитарная станція, основанная базельскими миссіонерами, на вы-

¹⁾ Brandon Kirby, „Blue Book“, С. 4477.

²⁾ Lonsdale, „Blue Book“, С. 3336.

³⁾ Mohr, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1884.

⁴⁾ Dilger, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1884.

сотѣ около 400 метровъ, въ лѣсу, состоящемъ изъ плодовыхъ деревьевъ—апельсиннаго, манговаго, кофейнаго, пальмоваго и банановаго. Акропонгъ, т. е. «Городъ на горѣ», бывшая столица королевства Аквапемъ, тоже служитъ санаторіей бѣлымъ иностранцамъ, а для чернокожихъ—это центръ школъ. Уже датчане Христиансборга имѣли загородные дома въ горахъ, когда край былъ уступленъ англичанамъ. На холмахъ и въ долинѣ Гумо (Сокумъ) съ успѣхомъ разведено нѣсколько плантацій, несмотря на вредъ, причиняемый термитами, отъ которыхъ вся эта мѣстность и получила названіе Акра или Нкранъ, что значитъ «Страна муравьевъ»¹⁾. Деревни восточнаго берега, слѣдующія одна за другой до устья Вольты, между пальмовыми лѣсками, Тесса, Прампрамъ, Бигъ-Нинго (Фреденсборгъ) и другія ведутъ кое-какую торговлю, но главный промыселъ ихъ жителей составляетъ рыбная ловля. Во время господства датчанъ эти селенія были защищены крѣпостцами, развалины которыхъ еще видны среди песковъ и кустарника. Вблизи одного рифа, на песчаномъ берегу, туземцы, говорятъ, часто собирали золото; однако, драгоценный металл показывался, будто бы, только во время праздника сбора ямса и по ходатайству одного могущественнаго фетиша.

Бассейнъ Вольты, главные рѣки котораго берутъ начало въ большомъ разстояніи къ сѣверу отъ англійскихъ владѣній, заключаетъ въ себѣ нѣсколько торговыхъ городовъ, куда мусульманскіе торговцы съ Нигера приходятъ покупать у негровъ драгоценныя произведенія поморья и европейскіе товары, ввозимые преимущественно черезъ Ассини и Кинджабо. Городъ Бонтуку, на рѣкѣ Тинъ, въ Гіаманѣ или Гаманѣ, союзѣ семнадцати «королевствъ», былъ посѣщенъ, до 1882 года, только однимъ европейскимъ путешественникомъ, Лонсдэлемъ; золотой песокъ и бумажныя матеріи, фабрикуемыя въ этой странѣ, достигшей цвѣтущаго состоянія со времени упадка Кумасси, составляютъ главные предметы обмѣна на этомъ рынкѣ, населенномъ большею частію уангарами или мандингами-магометанами. Въ пяти дняхъ ходьбы къ сѣверу отъ Бонтуку, въ долинѣ Конга, основалась новая столица, Гирабо, куда еще не проникалъ ни одинъ бѣлый изслѣдователь; она находится на дорогѣ въ таинственный городъ Конгъ, лежащій въ мандингскомъ государствѣ, на водораздѣльной возвышенности между Нигеромъ и Вольтой.

Въ 1884 году Брандонъ Кэрби доходилъ до Квантампо (Куампо), или Тиятинпо (какъ его называютъ мусульмане), города, построеннаго въ песчаной равнинѣ, въ 120 километрахъ къ

сѣверу отъ Кумасси, на одномъ южномъ притоцѣ Вольты: это наиболѣе посѣщаемый рынокъ въ районѣ 400 километр. Во время прохода Кэрби этотъ городъ имѣлъ, со включеніемъ пришлаго торговаго люда, сорока-тысячное населеніе, состоящее изъ уроженцевъ всѣхъ странъ, отъ Сьерра-Леоне до Борну, и живущее отдѣльными общинами, каждая подъ управленіемъ собственнаго начальника; самый могущественный изъ нихъ, главарь гауссанцевъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ главный правитель города. Ашантии, основатели Квантампо, тоже составляютъ общину въ общинѣ; но вслѣдствіе междоусобныхъ войнъ, опустошавшихъ провинціи ихъ отечества, они оказались отрѣзанными отъ всякаго сообщенія съ Кумасси: такъ какъ на дорогу, проходящую черезъ провинцію Коранца (Нкоранца), былъ наложенъ запретъ, то ни одинъ торговецъ не могъ пользоваться ею, не навлекая на себя гнѣва фетишей¹⁾. Закрытіе этого торговаго пути, кратчайшаго изъ дорогъ, направляющихся къ морю, отвлекло торговое движеніе къ французскому поселенію Ассини. Оттого Кэрби, командированный колоніальнымъ управленіемъ, употребилъ все свое вліяніе, въ качествѣ офиціального лица, чтобы заставить снять эту блокаду съ дороги въ Кумасси и къ англійскимъ факторіямъ. Провинція Коранца, отдѣляющая городъ Квантампо отъ королевства Ашанти, приняла въ свои предѣлы большое число переселенцевъ, бѣжавшихъ изъ южныхъ областей вслѣдствіе господствовавшихъ тамъ смутъ: достигшая цвѣтущаго состоянія, благодаря продолжительному миру, она покрылась многочисленными поселеніями, которыя обогащаются вывозомъ орѣховъ кола, съ одной стороны—къ побережью, съ другой—въ области Нигера до Томбукту.

Атеобу (Атабуобу), главный городъ «королевства» Бронгъ, расположенный въ прекрасной травяной равнинѣ, между ручьями, спускающимися къ Поро и Сене, притокамъ Вольты, прежде былъ очень значительнымъ городомъ. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ кварталовъ, соединенныхъ широкими аллеями, обсаженными большими деревьями; виднѣющіяся во многихъ мѣстахъ груды развалинъ, заросшихъ высокой травой, свидѣлствуютъ объ опустѣніи города. Упадокъ Атеобу былъ слѣдствіемъ закрытія двухъ дорогъ, которыя соединяли этотъ городъ съ Кумасси и съ Салагой, и которыми вывозилось золото и орѣхи кола въ сѣверный Суданъ. Въ 1874 году великій жрецъ города Кракіе, главный духовный сановникъ страны, запретилъ пользованіе этими путями, чтобы отвлечь торговое движеніе къ своему городу. Десять лѣтъ спустя запретъ еще существовалъ, но въ 1884 году была по-

¹⁾ Richard Burton, „Wanderings in West Africa“;—„Ocean Highways“, February 1874.

¹⁾ Lonsdale, цитиров. сочиненіе.

слава депутация отъ вліятельнѣйшихъ обывателей Бронга ходатайствовать передъ верховнымъ жрецомъ о снятіи тагѣющаго надъ дорогами табу ¹⁾. Вліяніе сѣверной цивилизации уже сказывается въ способѣ постройки домовъ: здѣшнія жилища всѣ съ плоскими кровлями, въ родѣ тунисскихъ, тогда какъ у ашантиевъ и фантиевъ хижины оканчиваются остроконечнымъ конусомъ.

Городъ Салага, посѣщенный въ 1875 году французскимъ путешественникомъ Бонна и посѣтъ того видѣнный многими другими изслѣдователями, миссіонерами и купцами, остался большимъ торговымъ центромъ, хотя торговля его тоже много пострадала; прежде, когда онъ былъ извѣстенъ только по слухамъ объ его славіи, его считали столь же многолюднымъ, какъ Каиръ ²⁾; въ 1877 году населеніе его исчисляли уже не болѣе, какъ въ 20.000 человекъ; восемь лѣтъ спустя Мюллеръ и Мели нашли, что оно еще уменьшилось на половину. Главная его улица, обсаженная тѣнистыми деревьями и протянувшаяся на 2 километра въ длину, представляетъ во многихъ мѣстахъ невзрачные полуразвалившіеся домишки. Уничтоженіе торговли невольниками на сосѣднемъ побережьи разорило салагскихъ торговцевъ; еще въ 1877 году они платили отъ 25 до 100 франковъ за человѣка, перепродавая этотъ живой товаръ за пятірную цѣну; теперь главные предметы торговли—скотъ, отправляемый непосредственно въ приморскія мѣстности, и орѣхи кола, покупаемые купцами съ Нигера. Въ Салагѣ люди никогда не употребляютъ для переноски клади, какъ въ областяхъ поморья, потому что тамъ достаточно многочисленны выючныя животныя, волю, ослы, лошади, мулы. Городъ этотъ имѣетъ арабскую фیزیономію, въ немъ есть мечети и медресе; главные отрасли промышленности, ткацкое, кожевенное, ювелирное мастерства, практикуются тѣми же приемами, какъ въ сѣверной Африкѣ, и произведенія продаются на базарахъ по тѣмъ же обычаямъ. Видъ страны, почти совершенно лишенной древесной растительности, тоже напоминаетъ сѣверныя степи; горизонтъ ограниченъ невысокими холмами. На одномъ изъ этихъ холмовъ, въ 5 километрахъ къ юго-востоку отъ Салаги, расположена деревня Пами (Памби), резиденція царька территоріи Гуандіова или Нта-Фуфу. Высоту мѣстоположенія Салаги надъ уровнемъ моря опредѣляютъ въ 165 метровъ.

Въ 80 километрахъ къ сѣверо-востоку, тоже въ бассейнѣ одного сѣвернаго притока Волты, находится другой международный рынокъ, Дженди (Генди, Янда, Йене), столица большого

королевства Дагомба, простирающагося на сѣверъ до Нигера, въ странѣ мандинговъ; прежде это государство, признававшее надъ собою верховную власть короля Ашанти, посылало ежегодно своему сюзерену, въ видѣ дани, 1.500 рабовъ. Торговые обороты въ Дженди, повидимому, уменьшились по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ Салагѣ. Въ настоящее время главнымъ центромъ населенія въ области средняго теченія Волты является городъ Кете, еще недавно бывшій только предметомъ города Кракіе (Карати, Крачи), который до сихъ поръ сохранилъ за собой рангъ столицы. Кракіе расположенъ въ 2 километрахъ къ юго-востоку отъ Кете, на высотѣ 60 метровъ надъ уровнемъ моря, на возвышенномъ лѣвомъ берегу главной рѣки, почти противъ впаденія въ нее притока Сене. Это—городъ «фетишъ»; въ сосѣдней пещерѣ, освоенной группою священныхъ деревьевъ, обитаетъ высоко-чтимый богъ, и туземцы стекаются сюда со всѣхъ сторонъ, чтобы вопрошать оракула. Верховный жрецъ храма, главное лицо въ странѣ, предсѣдательствуетъ надъ цѣлымъ союзомъ государствъ, который образовался со времени распада царства ашантиевъ. Впрочемъ, кажется, въ это послѣднее время фетишъ и его представитель значительно утратили свою власть; магометане, привлекаемые торговлей, сдѣлались мало-по-малу истинными господами; языческія монархіи страны постепенно уступаютъ мѣсто мусульманскимъ аристократіямъ. Каждый городъ этой области имѣетъ своего фетиша, могущество котораго возрастаетъ или ослабѣваетъ вмѣстѣ съ могуществомъ жителей, которымъ онъ покровительствуетъ. Духъ Вуропонга, имѣющій пребываніе на плоской горѣ Сиа, въ сотнѣ километровъ къ юго-востоку отъ Кракіе,—злой богъ, которому нужна человѣческая кровь; еще недавно ему каждый годъ приносили въ жертву человѣка; бой на молитвенныхъ барабанахъ, натянутыхъ изъ обезьяньей кожи, производится посредствомъ человѣческихъ берцовыхъ костей ¹⁾. На сѣверо-востокъ простирается обширная страна Буссо или «Горная», очень слабо населенная, главные города которой, Сиаде и Дадеасси, имѣютъ каждый какого-нибудь святаго въ качествѣ фетиша-покровителя. Говорятъ, три четверти населенія Буссо страдаетъ зобомъ. Въ этихъ странахъ браки совершаются не посредствомъ купли и не по приказу родителей; жены, сохраняя за собою свободу выбора, могутъ во всякое время покинуть мужа; оттого онъ вообще пользуются хорошимъ обращеніемъ, и мужья помогаютъ имъ даже въ домашнемъ хозяйствѣ. Молодые люди и дѣти не имѣютъ права одѣваться; только люди женатые носятъ

¹⁾ Ramseyer, цитиров. междуаръ.

²⁾ Stanley, „Coomassie and Magdala“.

¹⁾ Müller et Mähly, цитирован. сочиненіе.

одежду изъ ткани или древесной коры; при разводѣ жена отбираетъ у мужа платье, которое она ему дала¹⁾.

Рѣка Афрамъ, соединяющаяся съ Вольтой

стени почти совершенно не населены; но на возвышенности, отдѣляющей ея бассейнъ отъ истоковъ рѣки Пра, стоитъ хорошенькій городокъ Абетифи, столица королевства, которую миссіо-

Абеокутская скала.

выше горныхъ ущелій, не смѣетъ ни одного города на своихъ берегахъ. Даже прибрежныя

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, April 1886.

неры изъ Базеля избрали центромъ своихъ становъ. Почти противъ слиянія Вольты и Афрама, хотя въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія, въ гористой мѣстности раскинулся городъ Пеки, главный пунктъ конфедераціи, въ составъ кото-

рой входитъ нѣсколько городовъ, какъ-то: Кпандо, большой магометанскій рынокъ, Анвоа, Аватиме, тройной городъ Анумъ, и болѣе сотни деревень на восточной покатости бассейна Вольты. Ниже, среди ущелій, показывается живописный городокъ Акуаму, бывший прежде союзникомъ ашавтиевъ, и жители котораго тоже практиковали прежде самые жестокие «обычаи»¹⁾. Затѣмъ слѣдуетъ городъ Кнонгъ, занимающій очень выгодное положеніе на большомъ изгибѣ судоходной рѣки, въ томъ мѣстѣ, откуда идетъ дорога на юго-западъ къ Акрѣ. Этотъ городъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ пристань маленькаго государства Кробо, столица котораго, Одумасси, лежитъ на дорогѣ въ Акру, у подножія уединенной горы, составляющей акрополь націи. Крутые, почти отвѣсныя стѣны этой горы поднимаются на 250 метровъ надъ уровнемъ равнины; только съ сѣверной стороны можно взойти на скалу по каменистой тропинкѣ. На вершинѣ пріютились двѣнадцать деревень, которыя прежде служили убѣжищемъ женщинамъ и дѣтямъ во время войны. Почти всѣ молодыя дѣвушки племени кробо посылаются на гору съ девяти или десяти-лѣтняго возраста и проходятъ тамъ шестилѣтній курсъ воспитанія, подъ руководствомъ жрецовъ и жрицъ: ни одинъ порядочный кробо не возьметъ себѣ въ жены дѣвушку, которая не воспитывалась на священной горѣ. Гроты, открывающіеся въ стѣнахъ этой громадной скалы, служатъ усыпальницами мѣстнымъ жителямъ.

Ниже этой территоріи Кробо, одной изъ самыхъ цвѣтушихъ областей Золотого берега, благодаря ея торговлѣ и ея лѣсамъ масляной пальмы и каучуковаго дерева, слѣдуютъ, на правомъ берегу рѣки, города Ватторъ, мѣсто прохода каравановъ, и Агграви, управляемый языческимъ жрецомъ. Большинство городовъ и деревень расположены на правомъ берегу, тогда какъ плантаціи находятся на лѣвомъ берегу Вольты. Приморскій портъ этой рѣки, Ада или Адда, лежитъ километрахъ въ десяти отъ бара, на одномъ изъ ея рукавовъ и у истока большой береговой лагуны; передовымъ портомъ его служить деревня Риверсайдъ или Адафо, построенная на песчаной косѣ между моремъ и лагуной. Нужно удивляться, что городъ, расположенный при выходѣ столь обширной и плодородной долины, не имѣетъ населенія и торговаго значенія, соответствующаго величинѣ и производительности его бассейна. Причина тому частыя войны, опустошавшія прирѣчныя мѣстности. Еще въ 1885 году одинъ богатый рабовладѣлецъ, бывший прежде союзникомъ короля Ашанти въ борьбѣ съ англичанами, поднялъ племена

аніако и авуна, живущія на берегахъ лагуны, къ востоку отъ нижней Вольты, и всѣ торговыя операціи должны были остановиться. Чтобы удерживать въ повиновеніи безпокойнаго населенія этого побережья, колониальное правительство учредило сильный гарнизонъ въ фортѣ Кветта или Кета, бывшей датской крѣпости Приндсенстенъ, лежащей близъ мыса св. Павла, между моремъ и прибрежной лагуной.

Населенія Золотого берега, долго оставшіяся неподвижными въ промышленности и торговлѣ, сдѣлали большіе успѣхи въ эти послѣдніе годы, не смотря на зловѣщія предсказанія землевладѣльцевъ поморья, рабы которыхъ были освобождены и понашіе въ кабалу за долги, или рабъ, отпущены на волю, послѣ войны противъ ашантиевъ: чувство негодованія, овладѣвшее визитаторами при видѣ солдатъ, купленныхъ въ качествѣ плѣнниковъ, и тысячъ рабынь-носильницъ, сопровождавшихъ англійскія войска, вызвало декретъ объ отменѣ рабства; однако, свобода многихъ невольниковъ была еще въ 1882 году оспариваема передъ судами. Со времени почти общихъ мѣръ по эмансипаціи, принятыхъ въ 1874 году, чернокожіе охотнѣе работаютъ для бѣлыхъ, и площадь воздѣланныхъ земель значительно расширилась: во многихъ мѣстахъ пальмовыя лѣса замѣнены правильными плантаціями; обращено болѣе вниманія на культуру кофейнаго дерева и табаку; разводятся какаовое дерево и другія пищевыя растенія, перенесенныя изъ Америки; занимаются также производствомъ каучука, особенно въ территоріи Кробо, населеніе которой отличается наибольшимъ трудолюбіемъ; область племени кроби производитъ въ изобиліи хлопокъ. Лошади изъ Европы и изъ страны мандинговъ, почти всегда издыхающія послѣ короткаго пребыванія въ западныхъ округахъ Золотого берега и въ лѣсахъ поморья, хорошо уживаются въ Акрѣ и сосѣднихъ мѣстностяхъ. Промышленность тоже развивается, какъ и земледѣліе, благодаря многочисленнымъ мастерамъ, выходящимъ изъ техническаго училища, основаннаго базельскими миссіонерами, благодаря въ особенности магометанскимъ ремесленникамъ, которыхъ можно встрѣтить водворившимися на постоянное жительство во всѣхъ прибрежныхъ городахъ Вольты, и которые въ Акрѣ населяютъ уже цѣлый кварталъ; но главная отрасль туземной промышленности, ювелирное искусство, потеряла большую часть своихъ мастеровъ-художниковъ со времени упадка Кумасси: теперь можно любоваться въ Англіи, въ собраніи сокровищъ, взятыхъ у короля Ашанти, замѣчательными произведеніями этихъ черныхъ ремесленниковъ, брасле-

¹⁾ Paulus Dahse, „Deutsche Geographische Blätter“, Gesellschaft in Bremen, 1882.

тами, перстнями, издѣліями изъ коралла въ золотой оправѣ, фантастическими животными, имѣющими отдаленное сходство съ древне-египетскими драгоценными украшеніями.

Несмотря на имя страны, важѣйшій предметъ ея торговли не золото: теперь главный экспортный товаръ — пальмовое масло; бухточки и рѣчныя устья, передъ которыми бросаютъ якорь приходящіе за грузомъ корабли, носятъ, какъ лиманы Бонни и Калабаръ, названіе *oil-rivers*, «масляныхъ рѣкъ». Что касается привоза, то онъ состоитъ преимущественно изъ бумажныхъ матерій и водки: «цивилизация» ограничивается пока одѣваніемъ и спиваніемъ туземцевъ.

Вывозъ пальмоваго масла въ 1882 г. — 4.462.700 франк., золотого песку — 1.538.800 франк.; ввозъ бумажныхъ матерій — 3.221.275 франк., водки — 1.673.650 франк.

Обороты вѣншей торговли англійской колоніи Золотого берега въ 1895 году: ввозъ — 23.300.000 франк.; вывозъ — 21.950.000 франк.

Управленіе Золотымъ берегомъ, съ присоединеннымъ къ нему въ административномъ отношеніи Лагосомъ, на Невольничьемъ берегу, вѣрено губернатору, который назначается королевой Великобританіи, и при которомъ состоятъ два совѣта, законодательный и исполнительный, составленный изъ высшихъ сановниковъ и именитыхъ купцовъ; послѣ войны съ ашантиями резиденція колоніальнаго правительства была переведена изъ Кэпъ-Коста въ Христіансбургъ-Акра. Каждый округъ колоніальной территоріи управляется окружнымъ начальникомъ, соединяющимъ въ своемъ лицѣ административныя и судебныя функціи. Главари племенъ, которые сохранили за собой большія имѣнія, обрабатываемыя бывшими подданными, исполняющими барщину, мало-по-малу преобразовываются въ мировыхъ судей: имъ позволено разрѣшать маловажные споры и тяжбы на основаніи обычая, но всѣ значительныя дѣла подлежатъ вѣдѣнію англійскихъ судовъ. Военная сила, на которую опираются иноземныя власти, состоитъ главнымъ образомъ изъ фантиевъ, гауссанцевъ и круменовъ; послѣдніе вербуются преимущественно въ портъ Лагосъ, гдѣ живетъ множество эмигрантовъ изъ всѣхъ частей западной Африки. Неоднократныя попытки набирать солдатъ въ сѣверныхъ королевствахъ, между врагами ашантиевъ, не имѣли успѣха: негры этихъ странъ отказываются переселяться въ приморскія провинціи; что касается фантиевъ, то они охотно нанимаются въ военную службу, чтобы дезертировать при первой опасности. Почти единственный источникъ доходовъ мѣстнаго правительства составляютъ таможенныя пошлины, взимаемыя съ товаровъ, которые ввозятся въ двадцать пять приморскихъ портовъ, открытых иностранной торговлѣ;

по предварительномъ заявленіи, суда могутъ также приставать и въ другихъ пунктахъ побережья, для пріятія грузовъ. Бюджетъ колоніи Золотого берега (1895 г.): приходъ — 230.000, расходъ — 265.000 фунт. стерл.

Колоніальная администрація, постепенно заступающая мѣсто бывшихъ царьковъ, не измѣнила границъ присоединенныхъ государствъ, преобразованныхъ въ провинціи. Она не вмѣшивается непосредственно въ управленіе сопредѣльныхъ государствъ, но посылаетъ туда время отъ времени визитаторовъ, совѣты которыхъ всегда исполняются. Прежде весь верхній бассейнъ Вольты составлялъ часть имперіи Ашанти, либо какъ непосредственное владѣніе, либо какъ вассальная территорія; но представители Великобританіи содѣйствовали процессу политическаго распаденія, и въ поясъ пріятія Золотого берега образовались многочисленные королевства, называемыя «независимыми». Впрочемъ, въ отдаленныхъ отъ побережья областяхъ существуетъ еще нѣсколько государствъ, какъ Гаманъ, Дагомба, Буссо, не подчиненныхъ англійскому вліянію.

Слѣдующая таблица представляетъ списокъ провинцій Кэпъ-Коста и опытъ перечня окружающихъ королевствъ, съ именами главныхъ городовъ и цифрой населенія, указываемой либо народной переписью, либо приблизительными исчисленіями.

Англійскія владѣнія на Золотомъ берегу.

Провинція.	Главные города.
Аманахія	Альбани; Аполлонія.
Вассау	Тарква (2.000 жит.); Мансу (1.500 ж.); Аксимъ (3.500 жит.).
Аганта	Диксовъ (1.000 жит.).
Эльмина и Шама	Эльмина (3.000 жит.); Коменда (2.300 жит.); Шама (3.900 жит.).
Ассинъ-Данкира	Джоква.
Туфоль	
Данкира	
Ассинъ	Мансу, Прасу.
Фанти	Кэпъ-Костъ (10.700 ж.); Анамабозъ (4.200 ж.); Виннебахъ (3.000 ж.).
Акимъ	Бомбата, Нсуаумъ; Кіеби; Бегоро.
Акра	Акра (10.000 жит.); Христіансбургъ (6.000 жит.).
Адангме	Ада (3.000 жит.).
Аквапемъ	Акропонгъ (3.500 жит.); Абури (6.000 жит.); Баторъ; Агграви (2.500 жит.).
Кробо	Одумасси (5.000 жит.).
Авуна	Клонгъ; Акуаму.
	Кветта.

Сопредѣльныя государства.

Королевство Ашанти. Провинціи:

Сефуи, Икванта, Алаиси, Дадеасси, Какофу, Даниасси, Беква, Джуабинъ, Инсуа, Мамповъ, Ку-масси.....Кумасси (35.000 ж., по Кэрби).
 Сахви или Шауи.
 Гіаманъ или Гаманъ. Провинціи:
 Моисанъ, Гомбатъ, Соко, Сафой и пр.....Бонтуку (7.000 ж., по Лонсдэлю).
 Коранда и Кватампо.....Кватампо (35.000 ж., по Кэрби).
 Бронгъ.....Атеобу.
 Нта-Фуфу или Гуаньдова. Пами; Салага (10.000 ж., по Мели).

Дагомба.....Ленли (6.000 ж., по Лонсдэлю).
 Буссо. Провинціи: Ачати, Ателе, Куромбо или Трибу, Акуба.....Сіаде: Двонгъ.
 Кракіе.....Кракіе (2.500 ж.); Кете (7.500 ж., по Лонсдэлю).
 Бозмъ. Провинціи: Окуаго-Дюкоманга, Акпосо.
 Борада.....Абетифи (4.000 ж., по Штейнеру).
 Олуаго-Кодсабе.....
 Пенм. Провинціи: Нко-біа, Клавдо, Ангвоз.
 Анумъ.....Клавдо (12.000 ж.); Пеки; Аватиме.

Глава VII

Невольничій берегъ.

Того, Пого, Ажуда, Бадагри, Лагосъ, Дагомей, Юруба.

Часть африканскаго берега, заключающаяся между двумя сегментами аллювиальныхъ земель, ограничиваемыхъ устьемъ Вольты и дельтой Нигера, представляетъ типическое побережье по правильности своего вѣшняго пляжа (плоскаго берега), слегка закривленнаго въ видѣ дуги круга и маскирующаго внутренній пляжъ, отъ котораго онъ отдѣленъ лагунами и притоками: море, омывающее это побережье, называется Бенинскимъ заливомъ. Зловѣщее имя Невольничьяго берега, которое понынѣ носить эта область поморя, обязано своимъ происхожденіемъ торговлѣ «кусками индійской матеріи», производившейся на берегахъ проклятыхъ лагунъ съ первыхъ временъ открытія этой страны португальцами до второй половины девятнадцатаго столѣтія. Нигдѣ не было такъ удобно неготорговцамъ совершать свои операции безъ всякой опаски преслѣдованія со стороны крейсеровъ. Морской берегъ въ этомъ мѣстѣ защищенъ опасными подводными камнями и грозными волнами прибою, на плаваніе среди которыхъ могутъ отваживаться только очень искусные кормчіе; входы въ лиманы не видны съ открытаго моря, а внутреннія бухты представляютъ безчисленное множество таинственныхъ заливчиковъ, на берегахъ которыхъ, подъ вѣтвистыми деревьями, и прятались сараи, служившіе складами человѣческаго товара. Купеческіе караваны, приходившіе съ береговъ Нигера, солдаты, которыхъ посылали короли Дагомея и Юрубы съ гуртами плѣнниковъ, не имѣли надобности пробираться къ

мору, чтобы сбыть своихъ невольниковъ: торгъ производился въ укромныхъ мѣстахъ въ тѣни лѣсовъ.

Всѣ націи западной Европы, желавшія получить свою долю драгоцѣннаго металла на Золотомъ берегу, хотѣли вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться выгодами торговли людьми на Невольничьемъ берегу, а въ послѣднія десятилѣтія существованія этого торга и бразильскіе купцы имѣли свои неготорговныя конторы на берегахъ Бенинскаго залива. Но до 1851 года ни одно иностранное государство, за исключеніемъ Португаліи, не вступало официально во владѣніе той или другой территоріей на этомъ берегу и не осуществляло державныхъ правъ за предѣлами укрѣпленныхъ факторій своихъ купцовъ. Англія начала дѣло колониальнаго присвоенія захватомъ города Лагосъ, который она сдѣлала центромъ своихъ военныхъ операций, направленныхъ къ уничтоженію торга людьми на Невольничьемъ берегу; но только въ 1861 году эта держава оформила свое право протектората покупкой земли, которая уже ранѣе была занята ея войсками. Два года спустя Франція купила территорію Порто-Ново, отъ которой она въскорѣ должна была отказаться, чтобы снова взять ее въ 1883 году. Затѣмъ, въ 1884 году, нѣмецкій военный корабль, призванный гамбургскими и бременскими негодіантами, овладѣлъ территоріей Того, прилегающей къ восточной границѣ англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу. Такимъ образомъ четыре европейскія державы,

считая Португалию, управляющую частью побережья, на которую еще предъявлялъ притязанія король дагомейскій, раздѣлили между собой Невольничій берегъ; но съ сѣверной стороны, внутри материка, владѣнія ихъ еще не имѣютъ точныхъ границъ. Очень немногіе путешественники проникали до сихъ поръ въ эти края, которые такъ долго опустошались охотниками на негровъ; только на восточной сторонѣ, въ сосѣдствѣ Нигера, пройденные различными изслѣдователями пути пересѣкаются въ видѣ рѣдкой сѣти. Естественныя границы страны ясно обозначены: на западъ — мысомъ св. Павла (Сентъ-Поль) и лагунами, питаемыми рѣкой Вольтой; на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ — рядомъ высотъ, горъ или плоскогорій, который составляетъ продолженіе горныхъ цѣпей Акванемъ; на сѣверо-востокѣ и на востокѣ — линіей водораздѣла между притоками Нигера, и непосредственными притоками океана. Общее пространство всей этой территории, которая, вѣроятно, еще не скоро будетъ измѣрена съ точностью, можно считать приблизительно въ 155.000 квадр. километровъ. Что касается народонаселенія, то официальная перепись его пока еще была сдѣлана только въ англійскихъ владѣніяхъ, въ Лагосѣ и Бадагри. Въ 1881 году эта колоніальная область въ 189 квадр. километровъ имѣла слишкомъ 75.000 жителей, но это населеніе въ большинствѣ городское, внутреннія же мѣстности далеко не такъ плотно населены. Тѣмъ не менѣе изъ этого обнаруживается тотъ весьма важный фактъ, что приморскіе округа, прежде почти безлюдные, по причинѣ опаснаго присутствія негроторговцевъ, нынѣ оказываютъ, путемъ торговли, большую притягательную силу на туземцевъ странъ, простирающихся далеко къ Нигеру. Восточные округа, болѣе пощаженные войной сравнительно съ западными, очень густо населены. Три милліона жителей — такова, кажется, вѣроятная цифра для всей покатости, обращенной къ Бенинскому заливу.

По даннымъ народной переписи или по приблизительнымъ и суммарнымъ исчисленіямъ, населеніе Невольничьяго берега распределяется между различными территориями слѣдующимъ образомъ: Того, Малый Попо и другія нѣмецкія территоріи, по Целлеру — 60.000 жит.; французскія территоріи Агуэ и Большой Попо — 100.000 жит.; земли, смежныя съ германской территоріей — 50.000 жит.; земли, смежныя съ французской территоріей — 200.000 жит.; Маги, Дагомей, Ажуда, португальск. протекторатъ — 300.000 жит.; французская территорія Порто-Ново — 150.000 жит.; англійская территорія Бадагри и Лагосъ — 75.270 жит. Республика Абекута — 200.000 жит. Другія страны этой покатости — 2.000 000 ж. *Съ 1893 г. Дагомей присоединенъ къ владѣніямъ Франціи.

Съ моря не видно холмовъ ни въ какой части побережья: въ 20 километрахъ отъ берега матросы, держащіе вахту на вершукѣ мачты, еще не примѣчаютъ материка; только городъ Бадагри указывается «горой», то-есть лѣсомъ въ формѣ пирамиды, основаніемъ которой служитъ легкое возвышеніе почвы. Большія деревья рѣдки на песчаной косѣ: тамъ растетъ только кустарникъ; исключеніе составляютъ подходы къ деревнямъ, гдѣ насажены кокосовыя пальмы, да и тѣ очень туго здѣсь прививаются. Дюны на этомъ берегу не образуются, безъ сомнѣнія, по причинѣ господствующихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, которые подхватываютъ песокъ, приносимый волнами, и уносятъ его далеко въ море. Высоты континентальнаго рельефа начинаются лишь далеко за развѣтвляющимися озерами побережья; онѣ состоятъ изъ волнообразныхъ повышеній мѣстности, поднимающихся, въ среднемъ, на 60 или 70 метровъ и примыкающихъ къ внутреннимъ нагорьямъ. Въ Дагомей небольшой массивъ достигаетъ 800 метровъ въ своей высшей точкѣ. На сѣверѣ почва поднимается въ видѣ настоящихъ горъ: по словамъ путешественника Скерчли, горныя цѣпи Буссо, повидимому, оканчиваются въ Маги пиками, превышающими 2.000 метровъ и круто понижающимися къ сѣвернымъ степямъ, тогда какъ южный скатъ ихъ представляетъ рядъ послѣдовательныхъ террасъ: это, вѣроятно, самыя высокія горы Африки къ югу отъ Атласа и къ западу отъ Абиссиніи. Съ высоты вершины, на которую всходилъ Скерчли, чтобы посмотреть восходъ солнца надъ равнинами, простирающимися къ Нигеру, англійскій изслѣдователь ясно видѣлъ горную цѣпь, продолжающуюся далеко по направленію къ Вольтѣ. Нѣкоторые изъ главныхъ массивовъ состоятъ изъ гранитныхъ куполовъ; другіе представляютъ пирамиды изъ столбчатыхъ базальтовъ, или нагроможденные массы трапповъ, похожія на крѣпости или на уединенные вулканы съ явственными кратерами. Одна долина заключаетъ въ себѣ груды обломковъ, имѣющія въ характеристическіе признаки моренъ, и въ которыхъ встрѣчаются камни, «исчерченные льдинами»¹⁾.

Потоки, спускающіеся къ морю между Вольтой и Нигеромъ, не представляютъ сколько-нибудь значительныхъ рѣкъ, такъ какъ ихъ параллельные бассейны имѣютъ относительно небольшое протяженіе. Въ сухое время года большинство ихъ не достигаютъ моря; они изливаются въ береговыя лагуны, при чемъ теченіе ихъ не настолько сильно, чтобы открыть себѣ протокъ черезъ вѣшній плоскій берегъ. Но послѣ большихъ дождей излишекъ воды лагуны въ концѣ концовъ находятъ себѣ выходъ, и то въ томъ, то въ другомъ пунктѣ образуется рѣчное устье, прерывающее сплошную линію

¹⁾ Skerchney, „Dahomey as it is“.

1876 года слѣдующіе результаты ¹⁾: средняя температура—26°,2 Ц.; высшая (ноябрь)—35°,2 Ц.; низшая—20°,5 Ц.

Чернокожее населеніе этого поморья состоитъ изъ племенъ, говорящихъ различными нарѣчіями, но представляющихъ, тѣмъ не менѣе, большое сходство какъ между собой, такъ и со своими сосѣдями на Золотомъ берегу, фантіями и ашантіями; кромѣ того, нѣсколько народовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ мина и жившихъ прежде къ западу отъ Вольты, поселились республиканскими общинами на покатоости Невольничьяго берега, чтобы избавиться отъ господства кумассійскаго короля. Но вообще можно сказать, что вся часть страны, заключающаяся между Вольтой и Огуномъ, населена народомъ эуэ или азиге, по имени котораго весь край называется Эуэме, т. е. «Земля племени эуэ». Къ востоку отъ рѣки Огунъ, по направленію къ Нигеру, территория принадлежитъ племенамъ іоруба или яриба, носящимъ также родовое имя наго.

По словамъ Шлегеля, одного изъ миссіонеровъ, хорошо изучившихъ языкъ эуэ, эта нація, съ глоссологической точки зрѣнія, распадается на пять рѣзко различающихся группъ. Близжайшими сосѣдями англійскихъ владѣній на Золотомъ берегу, къ востоку отъ Вольты, является племя анло, называемое также англо или англауа; по нарѣчію этого племени имѣется сравнительно наибольшее число текстовъ и сборниковъ словъ. На сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ анло живутъ племена, говорящіе нарѣчіемъ анфуэ: ихъ обозначаютъ вообще именемъ крепи, различно видоизмѣняемымъ, смотря по мѣстному произношенію и національности путешественниковъ, посѣтившихъ ихъ территорию. Къ востоку отъ анло и крепи побережье и внутренніе округа заняты народцами, говорящими діалектомъ ахуда: родовое имя ихъ джеджи. На сѣверѣ простирается королевство Дагомей, жители котораго тоже говорятъ особымъ языкомъ. Наконецъ, крайняя сѣверная часть покатоости составляетъ глоссологическую область маги или махи, наиболѣе чистаго нарѣчія языковъ эуэ. Племена, говорящая этимъ діалектомъ, очевидно, менѣе другихъ удалились отъ первоначальной родины, находящейся, вѣроятно, на сѣверо-востокѣ, на берегахъ Нигера.

Негры группы племенъ эуэ сходны между собой физическимъ типомъ, также какъ и языкомъ. Они отличаются высокимъ ростомъ и стройнымъ тѣлосложениемъ; черты лица у нихъ правильнѣе, чѣмъ у уолофовъ, и цвѣтъ кожи менѣе темный, хотя они живутъ въ странѣ, гораздо болѣе близкой къ экватору. На берегу рѣкъ и лимановъ, туземцы часто купаются,

особенно женщины; омовенія повторяются у нихъ нѣсколько разъ въ день; послѣ купанья онѣ натираются пальмовымъ масломъ и мазями и раскрашиваютъ себѣ тѣло въ красный цвѣтъ порошкомъ красильнаго дерева; только во время траура обычай запрещаетъ имъ мыться и натирать тѣло масломъ: оттого плакальщицамъ присвоено прозвище «неумытыхъ» ¹⁾. Эта крайняя чистоплотность предохраняетъ прибрежныхъ жителей отъ болѣзней кожи, составляющихъ обыкновенное явленіе у обитателей внутреннихъ областей. Одна изъ самыхъ распространенныхъ здѣсь болѣзней—крокро, родъ проказы, очень прилипчивой, даже у домашнихъ животныхъ, но легко излѣчиваемой. Какъ во всѣхъ другихъ негритянскихъ странахъ, пупочная грыжа и здѣсь очень обыкновенный недугъ. Всѣхъ иностранцевъ поражаетъ также значительное число индивидуумовъ съ желтоватой кожей и съ рыжими волосами, встрѣчающихся внутри страны; въ этомъ фактѣ, вѣроятно, слѣдуетъ видѣть скорѣе родъ альбинизма, чѣмъ результатъ скрещиванія между европейцами и негритянками. Измѣненія красящаго вещества кожи (пигмента) обнаруживаются въ особенности бѣлыми пятнами, которые разсыяны по всему тѣлу, придавая ему иногда странный пестрый видъ. Эта болѣзнь кожи не менѣе распространена у африканскихъ племенъ эуэ или азиге, чѣмъ у «пинтадосовъ» (пестрыхъ) Мексики и у негровъ ново-гренадскаго побережья.

Народы западно-африканскаго Невольничьяго берега представлены также очень большимъ числомъ индивидуумовъ между неграми и цвѣтными людьми Бразиліи, гдѣ ихъ безразлично называютъ минасами: въ массѣ африканцевъ, привозимыхъ негроторговцами, общественное мнѣніе всегда давало минасамъ предпочтеніе за ихъ силу, красоту, нравственный качества, свободолюбивый духъ. Минасы всего чаще боролись за свои права и основали внутри Бразиліи самую цвѣтущую и наиболѣе храбро защищаемую республику бѣлыхъ негровъ. Они же чрезъ своихъ дочерей всего болѣе способствовали смѣшенію расъ въ португальской Америкѣ и, впослѣдствіи, въ наиболѣе широкой мѣрѣ принимали участіе въ частныхъ мѣрахъ по освобожденію невольниковъ. Многія сотни ихъ воспользовались волей, чтобы вернуться на родину, гдѣ они занимаются торговымъ дѣломъ, либо какъ посредники, либо какъ импортеры. Они успѣшно конкурируютъ съ европейскими купцами и чрезъ свои семейные союзы съ туземцами все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ численный перевѣсъ надъ всѣми иностранцами; имя бразильскаго города Бахія (Санъ-Сальвадоръ), самаго важнаго въ ихъ глазахъ ²⁾, служитъ имъ для обозначенія

¹⁾ Bazile Férís. „La Côte des Esclaves“, Archives de Médecine navale, 1879.

¹⁾ P. Bouche, „La Côte des Esclaves“.

²⁾ B. Férís, цитирован. мемуаръ.

вообще всѣхъ странъ, лежащихъ вѣдѣ Африки. Безъ вмѣшательства государства, какъ въ Сьерра-Леоне, или филантропическихъ обществъ, какъ въ Либерию, заселеніе африканскаго берега вольноотпущенными и сынами невольниковъ совершилось само собой въ этой части «чернаго континента», и результаты этой добровольной иммиграціи, повидимому, не уступаютъ результатамъ колоній, основанныхъ Англіей и американскими переселенческими компаниями. Старыя этническія дѣленія мало-по-малу сглаживаются подъ вліяніемъ этого новаго элемента: фамильныя имена Суза, Альмеида, Андрада, Альбукерке, сдѣлались очень обыкновенными, распространяясь черезъ браки, и португальская рѣчь оспариваетъ у англійской роль господствующаго языка для международныхъ сношеній. На западѣ, въ сосѣдствѣ городовъ Золотого берега, говорятъ англійскимъ діалектомъ, но въ Ажудѣ преобладаетъ португальскій: этотъ послѣдній преподается тамъ въ школахъ. Въ 1730 году, когда путешественникъ Де-Марше посѣтилъ Невольничій берегъ, лузитанскій жаргонъ служилъ франкскимъ языкомъ въ «королевствѣ Ардрестъ» къ сѣверу отъ Ажуды. Португальскія семейства смѣшанной крови сохранились въ край съ эпохи первыхъ изслѣдованій, и одинъ изъ этихъ клановъ дотого размножился, что его прозвали безсмертными. Въ этихъ цвѣтныхъ семьяхъ единокровные браки, даже между братьями и сестрами отъ разныхъ матерей, составляютъ очень обыкновенное явленіе и не осуждаются общественнымъ мнѣніемъ.

Самая могущественная туземная нація изъ группы зуз или азиге—нація фоновъ, нынѣ называемыхъ даума или дагомейцами, отъ королевства, образовавшагося въ первой половинѣ семнадцатаго столѣтія на сѣверѣ Ажудскаго поморья. По сказанію легенды, которая, быть можетъ, не имѣетъ никакого историческаго основанія, это имя Дагомей или Дагоме, означающее «животъ Духа», напоминаетъ одного полководца, который, давъ обѣтъ принести въ жертву Духа, своего собственнаго короля, если удастся овладѣть долго не сдававшимся непріятельскимъ городомъ, не замедлилъ исполнить это обѣщаніе послѣ побѣды, скрывъ животъ своему государю и положивъ первый камень въ струящуюся кровью внутренности¹⁾; по другимъ авторамъ, истинное имя страны есть Дангоме, «Брюхо змѣи» и связано съ легендой о змѣѣ-фетишѣ. Дагомейцы, кичащіеся своей исторіей войнъ и завоеваній, отличаются тѣмъ не менѣе, умомъ и быстротой усвоенія; они замѣчательно легко выучиваются иностраннымъ языкамъ; сравнительныя краіологическія измѣненія Брокъ доказали, что эти черно-

кожіе принадлежать къ народамъ, имѣющимъ наибольшій объемъ черепа¹⁾. Формы вѣжливости въ большой чести у дагомейцевъ: строгій этикетъ диктуетъ имъ слова, которыя нужно произнести, поклоны и коленно-преклоненія, которыя нужно сдѣлать, смотря по степени важности встрѣченнаго на улицѣ лица; даже когда какая-нибудь сановная особа, не показываясь самолично, посылаетъ вмѣсто себя, въ качествѣ представителя, свою трость, носимую невольникомъ, этотъ знакъ отличія повсюду принимается съ большими изъясненіями почтенія; а передъ палкой короля всѣ падаютъ ницъ, все равно какъ бы появился самъ властелинъ. По приниженности подданныхъ, по тираніи владыкъ, королевство Дагомей совершенно походить на королевство Ашанти, и во всѣ времена государи этихъ двухъ странъ признавали другъ друга братьями и обмѣнивались пышными посольствами. Мало найдется странъ, гдѣ бы монархъ и вельможи съ болѣе логикой содѣйствовали укрѣпленію своей власти установленіемъ символовъ и церемоній, постоянно напоминающихъ толпѣ о царскомъ величіи.

Царекъ—это богъ: власть его безпредѣльна; жизнь и достоинство его подданныхъ принадлежатъ ему безъ всякаго ограниченія; онъ господинъ всѣхъ живущихъ, наслѣдникъ всѣхъ умершихъ. Если драки запрещены, то это потому, что онѣ могутъ, въ случаѣ нанесенія ранъ или увѣчья, причинить вредъ живой собственности короля. Въ прежнее время дѣти съ ранняго возраста отбирались у матерей и воспитывались въ чужихъ семьяхъ вдали отъ родителей, дабы никакія узы естественной любви не привязывали подданныхъ къ кому-либо другому, кромѣ державнаго господина²⁾. Какъ стоящій выше нужды, на которыя обречены простые смертные, этотъ верховный властелинъ предполагается неимѣющимъ потребности въ ѣдѣ и питьѣ: оттого прежде трапезы его совершались вдали отъ всѣхъ глазъ. Онъ снисходитъ для выслушиванія просьбъ своихъ подданныхъ; но, до недавняго времени, онъ дѣлалъ это, какъ невидимый духъ; если ему благоугодно было выслушать челобитную, онъ давалъ знакъ, высовывая ногу изъ-подъ занавѣси, скрывавшей его отъ постороннихъ взоровъ. У него имѣется цѣлая армія женъ, состоящая подъ командой королевы или *дада*, которой принадлежитъ право жизни и смерти въ предѣлахъ гарема, и сыновья которой одни имѣютъ право называться королевскими принцами; сыновья, рожденные отъ другихъ женъ, пользуются только титуломъ *акови* или пажа; изъ ихъ среды выбираютъ кабесеровъ, но они подвергаются смерти, если позволяютъ себѣ

¹⁾ B. Fériss, „La Côte des Esclaves“;—Skertchley, „Dahomey as it is“;—Hugo Zöller, „Kamerun“.

²⁾ Topinard, „Anthropologie“.

³⁾ Robert Norris, „Dahomey“.

упоминуть о своемъ происхожденіи; женщина, которую король посылалъ ежегодно въ подарокъ своему португальскому любимцу въ Ахадѣ, была передаваема съ рукъ на руки солдатами, разставленными на пути черезъ извѣстные промежутки, и во все продолженіе перехода ноги ея не должны были касаться земли: она прибывала на мѣсто назначенія болѣе мертвая, нежели живая. Въ несчетномъ множествѣ женщинъ, принадлежащихъ королю, нѣкоторые состоятъ въ числѣ высшихъ сановниковъ государства: такова, напримѣръ, хранительница головни, о которую закуривается королевская трубка; такова же фаворитка, подающая его величеству плевалницу. Когда король соблаговолилъ призвать своихъ совѣтниковъ, его жены принимаютъ участіе въ обсужденіи дѣлъ наравнѣ съ *минто*, или первымъ министромъ, и другими государственными сановниками. Однако, толпа королевскихъ супругъ состоитъ просто изъ невольницъ, прачекъ, носильщицъ и кухарокъ, справляющихъ работы по веденію пышнаго хозяйства двора. Извѣстно также, что многія тысячи женщинъ, стоящія лагеремъ въ оградѣ дворца, составляютъ королевскую гвардію. Эти амазонки, отказываясь отъ любви и брака, по собственной волѣ вступаютъ въ ряды мужчинъ и облачаются въ солдатскій костюмъ, впрочемъ очень нарядный: короткія панталоны, зеленныя или красныя, разноцвѣтная туника, шелковый или бархатный шарфъ, шапочка, на которой вышиты разныя фантастическія животныя. Сдѣлавшись товарищами по оружію мужчинъ, на которыхъ онѣ, впрочемъ, ходятъ и формами тѣла, почти мужскими ¹⁾, амазонки изъ самолюбія стараются превзойти своихъ соперниковъ храбростью, ожесточеніемъ въ бою и презрѣніемъ къ смерти. Часто также онѣ превосходятъ мужчинъ въ холодной жестокости; одна изъ ихъ ротъ состоитъ изъ головорѣзокъ, такъ называемыхъ «женщинъ съ бритвой», предназначенной для отрѣзыванія головъ побѣжденнымъ царькамъ ²⁾. Ихъ военныя пляски отличаются такимъ ансамблемъ и точностью, что въ этомъ отношеніи съ ними не сравнится лучший изъ нашихъ кордебалетовъ: онѣ такъ же неутомимы въ парадныхъ празднествахъ, какъ и въ битвахъ. Путешественникъ Скерчли описываетъ одну изъ этихъ военныхъ процессій съ плясками, пѣснями и жертвоприношеніями, которыя продолжались не менѣе шестнадцати часовъ.

Хотя женщины вообще пользуются большою свободой и имѣютъ право заниматься тѣми же ремеслами, исполнять тѣ же профессіи, какъ и мужчины, однако, въ бракѣ онѣ разсматриваются какъ простая собственность мужа. Полигамія составляетъ общераспространенный

обычай, и супругъ покупаетъ своихъ женъ на чистыя деньги, вслѣдствіе чего для бѣдняковъ не остается болѣе невѣстъ, и король содержитъ для нихъ, на свой счетъ и барышъ, многочисленный корпусъ куртизанокъ. Обольстившій замужнюю женщину обязанъ выкупить ее по цѣнѣ купли, или отдать въ обменъ свою собственную жену; если онъ холостой или слишкомъ бѣденъ, чтобы уплатить слѣдующую сумму, то его продаютъ въ рабство; онъ подвергается смерти, когда оскорбленный супругъ имѣетъ рангъ кабесера. Часто маленькихъ людей даже не хоронятъ; тѣла ихъ выбрасываютъ въ кустарникъ, откуда они скоро исчезаютъ, дѣлаясь добычей хищныхъ звѣрей. Честь погребенія присвоена главамъ семейства и знатымъ особамъ: въ этомъ случаѣ могила выкапывается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ покойный испустилъ духъ.

Какъ у ашантиевъ и многихъ другихъ африканскихъ народовъ, въ Дагомеѣ до недавняго времени существовалъ обычай приносить въ жертву мальчика или дѣвочку подлѣ могилы усопшаго. Теперь человѣческія жертвы замѣнены козленкомъ: Либа, геній хранитель умершихъ, долженъ довольствоваться этимъ скромнымъ приношеніемъ, къ которому прибавляютъ немного муки, раковинъ, а также рому и пальмоваго масла, въ видѣ возліянія. Похороны кабесеровъ и особенно королевъ прежде сопровождалась избіеніемъ массы людей: могилу обмывали человѣческой кровью; умершая персона отправлялась на тотъ свѣтъ со свитой, приличествующей ея рангу. Часто вдовы, какъ въ Индіи, являлись добровольно, чтобы слѣдовать за мужемъ въ могилу ¹⁾. Привычка проливать кровь приучила дагомейцевъ къ безграничной жестокости: путешественники подробно описываютъ избіенія, пытки, распятіе на крестѣ, расположеніе труповъ артистическими группами вдоль проѣзжихъ дорогъ. Одна изъ годовыхъ церемоній состояла въ наполненіи большаго резервуара, который оставляли открытымъ для желающихъ утопиться; даже подобіе людоедства практиковалось еще недавно: поджаривали мертвечину на вертелѣ и пожирали ея еще дымящееся мясо. Кодексъ страшныхъ законовъ всегда доставлялъ въ изобиліи «преступниковъ» для исполненія чудовищныхъ обычаевъ. Недаромъ невольники больше всего боялись быть проданными въ Дагомею: для нихъ это значило идти на вѣрную смерть.

Впрочемъ, перспектива насильственного конца не имѣла ничего особенно ужасающаго для большинства туземцевъ. Вѣра въ безсмертіе была такъ совершенна у дагомейцевъ, что смерть казалась имъ просто переходомъ изъ временной призрачной жизни въ жизнь

¹⁾ Hugo Zöller „Kamerun“.

²⁾ Skertchley, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ Des Marchais, „Voyage en Guinée“.

дѣйствительную и постоянную: когда король, «кузенъ леопарду», хотѣлъ побесѣдовать со своими предками, онъ собственноручно убивалъ перваго встрѣчнаго, чтобы командировать его сланцы этого рода, тяжело раненые, приля въ себя послѣ продолжительнаго обморока, возвращались къ королю, въ полной увѣренности, что пришли съ того свѣта. Борьба религій,

Сліяніе Нигера съ Бенуэ.

вѣстникомъ въ дальній міръ, и семья убитаго считала себя удостоившеюся особой чести тѣмъ, что ей посчастливилось доставить посланника государю; рассказываютъ, что поспаривающихъ другъ у друга завоеваніе умовъ, несомнѣнно, поведетъ къ ослабленію наивныхъ вѣрованій туземцевъ, и, вслѣдствіе того, земное существованіе будетъ болѣе

уважаемо. Не изъ одного только угожденія своимъ европейскимъ союзникамъ дагомейцы перестали справлять свои большіе обычаи массовой рѣзней, которая прежде казалась необходимой королю «для сохраненія монархіи»¹⁾: постепенная эволюція сама собой побуждаетъ ихъ придавать больше цѣны нынѣшней жизни.

Фетишеры, или *водуны*, такъ многочисленны въ странѣ, что даже невольничество и массовыя переселенія не могли уничтожить эту корпорацію, и даже по ту сторону Атлантическаго океана, именно въ Гаити, возродилась ихъ организація подъ именемъ «культа Воду»²⁾. Культъ боговъ, обожаніе фетишей, напоминающихъ предковъ, или олицетворяющихъ силы природы, не соблюдаются уже съ такимъ благоговѣніемъ, какъ прежде, но при приближеніи къ священнымъ мѣстамъ, люди все еще испытываютъ религиозный страхъ. «Господинъ Духовъ», называемый также «Небомъ», «Великой Тѣнью», и представляемый въ то же время Солнцемъ, есть въ глазахъ туземцевъ существо слишкомъ высокое, чтобы можно было осмѣлиться вызвать къ нему³⁾; они обращаются съ просьбами къ второстепеннымъ геніямъ, которые отражаютъ частицу его свѣта и заимствуютъ маленькую долю его власти. Въ нѣкоторыхъ городахъ обожаютъ одну безвредную змѣю, дангбе, символъ полнаго счастья и благоволенія; въ другихъ мѣстахъ патрономъ гражданъ является крокодилъ, леопардъ, собака, обезьяна, или какое-нибудь другое животное. Въ Дагомею туземцы Ажуды, живущіе на берегу шумящаго моря, поклонялись преимущественно богу воли, которому было назначено пятьсотъ женъ; въ извѣстные дни жрецъ выходилъ на берегъ и приказывалъ валамъ прибора прервать ихъ вѣчный шумъ. Фетишеры еще бросаютъ въ море рисъ, пальмовое масло, зерна, раковинки, чтобы утишить его ярость, но уже перестали приносить ему человѣческую жертву, облаченную въ знаки отличія и несущую сѣдла и знаки кабесера. Поклоняются также душамъ вельможъ, живущихъ или умершихъ, а нѣкоторые негры, исповѣдая, только въ другой формѣ, ту же религію, какъ многіе бѣлые философы, обожаютъ свою собственную душу, не тогда, «когда она спускается въ животъ», а когда она «поднимается въ голову и шевелитъ мозги»⁴⁾. Нѣтъ предмета, который бы не считался имѣющимъ свою душу, добрую или злую, и къ которому бы не взывали, какъ къ фетишу, чтобы вымолить его покрови-

тельство или отвратить его гнѣвъ. Христіанскій крестъ, завѣщанный португальскими просвѣтителями, почитается, у дагомейцевъ какъ *водунъ*, который они носятъ на груди и съ гордостью показываютъ католическимъ миссіонерамъ. Штыки, пушки тоже сдѣланы большими фетишами, и оружіе, которое европейскія державы въ разныхъ случаяхъ посылали королю дагомейскому, всегда принималось съ восторгомъ, не только потому, что оно обезпечивало побѣду въ битвахъ, но также и потому, что оно охраняло страну отъ волшебства, даже въ мирное время. Мусульмане въ городахъ приморья уже съ давняго времени тоже носятъ амулеты. Эти послѣдователи ислама извѣстны подъ именемъ «малайцевъ», вѣроятно, благодаря смѣшенію съ названіемъ мали или мале, которымъ прежде обозначали мандинговъ.

Обширная территорія, заключающаяся между Дагомеюмъ, Бенинскимъ заливомъ и покатою Нигера, населена народами разныхъ наименованій, какъ то: айю, икту, эмба, іебу и другими, которые всѣ говорятъ нарѣчіями одного и того же языка іоруба, состоящаго изъ соединяемыхъ односложныхъ словъ: это нагосы, называемые также іоруба, какъ ихъ страна и употребляемый ими языкъ. Въ Сьерра-Леоне они вообще извѣстны подъ именемъ акусовъ, происшедшимъ отъ *аку*, ихъ обычнаго взаимнаго привѣтствія. Эти туземцы мало разнятся отъ своихъ сосѣдей эзу: подобно послѣднимъ, они довольно большого роста и представляютъ обыкновенный типъ негра помора, хотя кожа у нихъ менѣе черная, скулы менѣе выдающіяся, губы менѣе толстыя; также какъ на прибрежьи, простирающемся къ востоку отъ Ашанти, каждое племя отличается отъ другихъ особой татуировкой, которая составляетъ настоящій «національный гербъ», однообразный для всѣхъ членовъ извѣстнаго народа¹⁾. Всѣ путешественники описываютъ іорубовъ, какъ людей кроткихъ, добродушныхъ, вѣрныхъ данному слову, очень послушныхъ, наивныхъ и откровенныхъ, легко прощающихъ обиды. Въ ихъ территоріи, на всѣхъ посѣщаемыхъ дорогахъ устроены, черезъ извѣстные промежутки, сараи изъ листьевъ, *ародже*, для удобства путешественниковъ; прохожій находитъ тамъ кровь, воду, вино, и если желаетъ, можетъ оставить взаменъ нѣсколько раковинокъ каури (ходячая монета)²⁾. Очень общительные, іорубы почти вездѣ сгруппировались въ городскія поселенія, чѣмъ и объясняется многочисленность большихъ городовъ въ ихъ странѣ; даже земледѣльцы стараются жить въ городахъ и не боятся ежедневныхъ долгихъ переходовъ изъ дома на

¹⁾ Borghero, „Annales de la Propagation de la Foi“, 1863.

²⁾ I. E. Bouche, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Burton, „Dahomé“; — I. E. Bouche, „Contemporain“, 1-er novembre 1874.

⁴⁾ I. E. Bouche, цитиров. сочиненіе.

¹⁾ D' Avezac, „Notice sur le Pays et le peuple des Yébous“.

²⁾ I. E. Bouche, цитиров. сочиненіе.

поле и обратно. Впрочемъ, опасность, которой подвергались въ одиночные пахари со стороны охотниковъ на человѣка, нѣкогда столь страшныхъ въ этой области Африки, вынуждала ихъ работать группами и укрываться на ночь въ какомъ-нибудь укрѣпленномъ мѣстѣ.

Главный промыселъ юрубовъ — земледѣліе: кукуруза и ямсъ, служащіе для приготовления почти всѣхъ туземныхъ блюдъ, всегда даютъ сборъ, вполне достаточный для прокормленія многочисленнаго населенія края; кромѣ того, здѣсь воздѣлываютъ просо, маниокъ, сладкій картофель, горохъ, земляныя фисташки, разнаго рода овощи, бананы и другіе плоды. Туземцы утилизируютъ всѣ продукты пальмъ, масличной, кокосовой и другихъ видовъ, и очень искусны въ добываніи пальмоваго вина изъ дерева *raphia vinifera*, на которое они лазаютъ съ поразительнымъ проворствомъ, привязывая себя къ стволу веревкой, которая имъ въ то же время служитъ сидѣльемъ, и которую они постепенно передвигаютъ вверхъ движеніемъ руки. Въ этой странѣ нѣтъ крупныхъ землевладѣльцевъ: земля считается общей собственностью; кто пашетъ ее, тотъ и пользуется ея произведеніями; но какъ только онъ перестаетъ лично обрабатывать земельный участокъ, послѣдній снова поступаетъ въ собственность націи, и всякій желающій можетъ овладѣть имъ посредствомъ труда. Какъ ремесленники, юрубы тоже очень искусны: гончары, кузнецы, кожевники, сѣдельники, ткачи, красильщики встрѣчаются въ каждомъ городѣ; земледѣльческія орудія, употребляемыя юрубамъ, фабрикуются въ самой странѣ, и въ прежнее время, когда бумажныя матеріи Манчестера еще не заполнили рынковъ, португальцы покупали у этихъ туземцевъ холстъ, бѣлый и синій, который очень цѣнился въ Бразиліи¹⁾. Даже искусство приготовления стекла и издѣлій изъ него не совсѣмъ неизвѣстно; изъ внутреннихъ округовъ привозятъ стеклянные кольца, синяго или зеленоватаго цвѣта, которые раскупаются на расхватъ для женскаго убора²⁾. Какъ строители, юрубы отличаются между всѣми народами Африки; нѣкоторые изъ ихъ дворцовъ заключаютъ до пятидесяти комнатъ: двери, фризъ веранды украшены скульптурными работами, представляющими сцены войны или охоты, фантастическихъ животныхъ, религіозные символы. Они питаютъ особое уваженіе и пристрастіе къ мебели, которую мастерятъ изъ акаціи гуминосной, потому что это дерево часто скрипитъ и трещитъ, особенно по ночамъ: подобно спитамъ Европы и Новаго Свѣта, они вѣрятъ

въ стучащихъ духовъ³⁾. Искусство письма не было извѣстно этимъ неграмъ, но путешественникъ Де-Марше говоритъ, что они употребляли завязанныя веревочки, узелки которыхъ имѣли то или другое значеніе, смотря по числу ихъ и порядку расположенія: это были своего рода письменные знаки, напоминающіе *киносы* перувіанцевъ во времена монархіи инковъ.

Подобно своимъ сосѣдямъ дагомейцамъ, различные народы группы юруба повинуются наследственнымъ царькамъ, но власть этихъ *обба* ограничена всемогущимъ обычаемъ, и при томъ каждый городъ имѣетъ своего почти независимаго начальника, кабесера, назначаемого королемъ и не несущаго никакого обязательства, кромѣ изъявленія вѣрности и преданности государю: это крупный вассалъ, пользующійся королевскими прерогативами. При начальникахъ и губернаторахъ состоятъ совѣты изъ именитыхъ людей, а иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, весь народъ созывается въ общія собранія. Кромѣ того, власть царька сдерживается могущественнымъ тайнымъ обществомъ *абони*, члены котораго связаны страшными клятвами: кандидаты при вступленіи въ это общество должны исполнить обрядъ колѣнопреклоненія и принятія напитка, состоящаго изъ смѣси воды съ кровью. Подъ страхомъ смерти, никто не можетъ присутствовать при совѣщаніяхъ посвященныхъ, ни проникнуть въ ихъ домъ-фетишъ. Когда *абони* произнесутъ осуждающій приговоръ, они обязаны сами привести его въ исполненіе: такимъ образомъ они являются въ одно и то же время судьями и палачами.

Обычай давать спутниковъ умершимъ былъ такъ же широко распространенъ въ странѣ юрубовъ, какъ и въ западныхъ областяхъ Невольничьяго берега. Король не могъ отправиться на тотъ свѣтъ безъ длиннаго кортежа женъ, министровъ и невольниковъ; послѣдніе были подвергаемы заключенію насильно, но лицъ высокопоставленныхъ вѣжливо приглашали лишиться себя жизни: они выпивали чашу яда, поднесенную жрецомъ, и если напитокъ не производилъ желаемаго дѣйствія, имъ предоставлялось повѣситься у себя на дому. Вѣра въ привидѣнія всеобща; оттого принимаются мельчайшія предосторожности, чтобы воспрепятствовать появленію выходцевъ съ того свѣта: оружіе воиновъ и охотниковъ зарываютъ за городскими воротами, дабы мертвецъ не могъ употребить его въ дѣло, если ему придетъ фантазія вернуться ночью къ своимъ согражданамъ. Тѣла умершихъ дѣтей выбрасываются въ лѣсъ, такъ

¹⁾ John Adams; — George Robertson; — d'Avezac, цитиров. сочиненіе.

²⁾ P. Bouche, „La Côte des Esclaves“.

³⁾ Bowen, „Adventures and Missionary Labours in the Interior of Africa“.

какъ преждевременная кончина всегда приписывается вмѣшательству злыхъ духовъ, которыхъ необходимо сбивать съ пути.

Старыя формы анимистической и натуралистической религіи іорубовъ значительно видоизмѣнились въ послѣдніе четыре столѣтія, съ одной стороны подъ вліяніемъ португальцевъ, съ другой — подъ вліяніемъ фуловъ или феллата, называемыхъ здѣсь филани, и другихъ магометанъ. Обба-оль-Орунъ, или «царь Неба», все болѣе и болѣе смѣшивается въ понятіи туземцевъ либо съ Богомъ христіанъ, либо съ Аллахомъ мусульманъ: они даже даютъ ему имя Обба-т' Аллахъ или «господинъ Аллахъ» и сочетаютъ его разнообразно, смотря по племенамъ и ихъ отношеніямъ, съ своими національными преданіями и рассказами миссіонеровъ; они сдѣлали изъ него «фетиша изъ хорошей глины», который создалъ людей, вдохнувъ душу въ форму изъ земли, и представляютъ его какъ великаго производителя и творца въ образѣ змѣи или жевящины, кормящей грудью своего младенца. Нѣкоторыя церемоніи, находимыя миссіонерами во многихъ мѣстахъ этого поморья, несомнѣнно составляютъ обряды католическаго происхожденія, введенные португальцами или бразильцами. Но нынѣ религіей, постепенно одерживающей верхъ надъ старыми культами, является та, которую проповѣдуютъ купцы, приходящіе съ береговъ Нигера. Большой національный праздникъ теперь уже не сборъ ямса, а байрамъ, какъ во всемъ мусульманскомъ мірѣ. Обращеніе въ магометанскую вѣру совершается тѣмъ легче, что внѣшній знакъ обрѣзанія, общій всѣмъ іорубамъ съ незапамятныхъ временъ, располагаетъ ихъ заранѣе смотрѣть на себя какъ на братьевъ проповѣдниковъ ислама.

Крайній западный отрывокъ Невольничьяго берега, смежный съ англійскими владѣніями Капъ-Коста, составляетъ одну изъ тѣхъ колониальныхъ территорій, которыми Германія завладѣла съ 1884 года. Это страна Того, называемая такъ по имени ея главнаго города и племени языка зуу, колонизовавшаго эту область. «За лагуной» — таково буквальное значеніе этого имени, доселѣ неизвѣстнаго, которое вдругъ приобрѣло нѣкоторую важность въ политической номенклатурѣ. Пространство этого германскаго «протектората» — 60.000 квадр. километровъ, а населеніе ея — около 2.250.000 душъ. Недавнія присоединенія внутри материка, въ земляхъ Крени и Мина, значительно расширили область торговой эксплуатаціи. Минасскій городъ Адангбе, лежащій въ пятидесяти километрахъ къ сѣверу отъ моря, тоже потерялъ свою независимость. Болѣе значительный городъ, Атакпаме, находится въ сотнѣ километровъ далѣе на сѣверъ, въ шести или семи дняхъ ходьбы отъ побережья, недалеко отъ лѣсистыхъ

горъ, связывающихъ прибрежныя цѣпи нижней Волты съ высокими вершинами Маги. Жители Атакпаме славятся какъ отважные охотники на слоновъ; они храбро защищали свою свободу противъ армій короля дагомейскаго, и со времени одержанной ими побѣды неоднократно вызывали на бой своего могущественнаго сосѣда, но тотъ уже не посмѣлъ принять вызова¹⁾.

Въ отношеніи наружнаго вида замѣчается большой контрастъ между приморскими и внутренними поселеніями. Первые, гдѣ имѣютъ пребываніе представители европейскихъ торговыхъ домовъ, отличаются возмутительною неопрятностью; передъ жилищами всегда стоятъ лужи грязной воды, кучи навоза и разнаго мусора загромождаютъ тѣсныя улицы и проходы, среди селенія валиется падалъ, оставляемая на сѣдѣніе коршунамъ и другимъ хищникамъ. Напротивъ, деревни, лежащія на сѣверной сторонѣ лагунъ, содержатся въ образцовомъ порядкѣ и чистотѣ; улицы и площади аккуратно подметаются, соръ сваливается вдали отъ жилищъ въ большія ямы, засыпаемые землей; хаты изъ красной глины, окрашенныя въ веселые цвѣта, имѣютъ видъ чистенькихъ домиковъ, и нѣкоторыя состоятъ изъ двухъ этажей. Храмы фетишей и судилища украшены рѣзными фризами и даже грубой живописью, изображеніями лошадей и фантастическихъ животныхъ; площадь для палатъ, осыпанная большимъ развѣсистымъ деревомъ, всегда чиста, какъ паперть храма, и поселяне заботятся о томъ, чтобы для этихъ общественныхъ собраній было отводимо самое живописное мѣсто, откуда видъ обнималъ бы возможно болѣе обширный горизонтъ. Поля и плантаціи (главные предметы полеводства — кукуруза и земляныя фисташки) тоже содержатся гораздо исправнѣе внутри страны, чѣмъ въ сосѣдствѣ побережья. Впрочемъ, и почва тамъ много лучше: въ то время, какъ вблизи моря преобладаетъ чистый песокъ, въ заозерныхъ мѣстностяхъ земля состоитъ изъ очень плодородной желѣзистой глины. Поллеръ исчисляетъ въ одну двадцатую площадь почвы въ Того, занятой подъ культуру.

Главный городъ состоитъ изъ пяти деревень, построенныхъ очень близко одна къ другой и спрятавшихся въ лѣсу кокосовыхъ пальмъ; онъ расположенъ на красной террасѣ, господствующей съ сѣверной стороны надъ главной лагуной страны. Священный городъ (городъ-фетишъ) королевства, Ба, помѣщается западнѣе, недалеко отъ границы англійскихъ владѣній. Несмотря на близость его отъ морскаго берега (разстояніе не болѣе 3 километровъ), этотъ городъ до сихъ поръ былъ посѣщенъ лишь очень немногими европейцами: это потому, что для

¹⁾ I. E. Bouche, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris,“ 1875.

всякаго желающаго проникнуть въ священную 1884 году, получили, въ видѣ особой милости, ограду безусловно обязательна совершенная разрѣшеніе переступить за порогъ городской нагота, такъ какъ одежда—маска тѣла, а боги ограды, сохранивъ на себѣ кальсоны, ботинки

Типы и костюмы племени бамбара.

хотятъ, чтобы предъ ними являлись въ томъ и каску; но верховыхъ лошадей они должны образѣ, какой они дали своимъ вѣрующимъ. были оставить за городомъ, и такимъ образомъ. Однако, нѣмецкіе путешественники, которые имъ пришлось пѣшкомъ совершить свой торже- первые проникли въ городъ - фетишъ, въ ственный вѣздъ. Сосѣдняя съ Бэ деревня,

Біассе, населена преимущественно рѣзчиками фетишей; однако, этотъ промыселъ недостаточенъ для ихъ содержанія, и потому они занимаются, кромѣ того, фабрикаціей глиняной посуды. Смерть царьковъ Того всегда окружена нѣкоторой официальной тайной. Хотя всѣ знаютъ о послѣдовавшей кончинѣ, но никто не признаетъ ее явно, и проходитъ годъ и болѣе, прежде чѣмъ посадятъ новаго короля на «кресло»: во все это время посольства и дары отправляются и принимаются именемъ усопшаго. Но истинный властитель въ этихъ странахъ— всемогущій обычай, и потому междупарствіе есть лишь кажущееся.

Главный рынокъ государства Того, Ломе,— деревня новой постройки, основанная купцами, которые хотѣли избавиться отъ значительныхъ пошлинъ, установленныхъ англичанами на соседнемъ берегу. Затѣмъ слѣдуютъ, въ восточномъ направленіи, Багида, называемая на нѣкоторыхъ картахъ Багдадомъ, и Порто-Сегуро («безопасный портъ»), наименованный такъ его основателями, вольноотпущенными неграми изъ бразильскаго округа Порто-Сегуро; эта колонія переселенцевъ изъ Новаго Свѣта, извѣстная у туземцевъ подъ именемъ Або-дрангъ-по, представляетъ кучку сгруппированныхъ на берегу хижинъ, которая служитъ морской пристанью для столицы, лежащей при лагунѣ: она имѣла нѣкоторую важность во времена торга невольниками, отмѣненного съ 1863 года, когда стало невозможно продавать живой товаръ на плантаціи Америки. Экспортъ состоитъ почти исключительно изъ пальмовыхъ орѣховъ и масла, продуктовъ, за которые негоціанты платятъ либо наличными деньгами, либо водкой, табакомъ, порохомъ или оружіемъ, бусами и другими европейскими товарами. Внѣшняя торговля почти всецѣло находится въ рукахъ французовъ и нѣмцевъ, изъ которыхъ первые смѣнили португальскихъ, а вторые— британскихъ коммерсантовъ; кромѣ того, нѣкоторые негры изъ Сьерра-Леоне, Бразиліи и мѣстные уроженцы тоже принимаютъ участіе въ морской торговлѣ; подвозъ товаровъ изъ внутреннихъ областей производится главнымъ образомъ чрезъ посредство женщинъ.

Обороты внѣшней торговли въ Того, въ 1895—96 г.г.: привозъ—2,607,180, вывозъ—3,014,176 марокъ.

Торговля сношенія съ за-озерной страной, безъ сомнѣнія, значительно возрастутъ, когда нынѣшніе извилистыя тропинки, по которымъ можно пробираться только гуськомъ, будутъ замѣнены хорошими дорогами; но во многихъ мѣстахъ запрещено трогать лѣсную чащу: почва—«фетингъ», и нужно, чтобы она сохранила свой нарядъ.

Прилегающее къ Того съ восточной стороны королевство Малый Попо прежде состояло подъ верховной властью Франціи, и при томъ мар-

сельскіе негоціанты изъ всѣхъ европейцевъ пользовались наибольшей долей торговаго объема съ его жителями. По недавно заключенному трактату, протекторатъ надъ этой страной перешелъ къ Германіи, въ обмѣнъ за нѣкоторые пункты побережья на «Южныхъ рѣкахъ». Также какъ страна Того, территория Малый Попо или Пovo, какъ ее называютъ нѣмцы, состоитъ изъ двухъ различныхъ поясовъ: береговой полосы, на которой построены торговые города и мѣстечки, и за-озерныхъ земель, гораздо гуще усѣянныхъ деревьями и лучше воздѣланныхъ, но доселѣ остававшихся почти совершенно неизвѣстными бѣлому чело-вѣку.

Малый Попо, называемый туземцами Анехо и Плавихо, — бывший Ровао португальцевъ, упоминаемый съ конца семнадцатаго столѣтія¹⁾. Большое число его жителей ведутъ свой родъ съ Золотого берега и говорятъ нарѣчіемъ своихъ предковъ, болѣе или менѣе смѣшаннымъ съ языкомъ агуа ихъ сосѣдей. Завися официально отъ царька Греджи, мѣстечка, лежащаго къ сѣверу, по другую сторону лагуны, Малый Попо имѣлъ, въ 1884 году, еще трехъ другихъ начальниковъ или кабесеровъ, также претендовавшихъ на титулъ державцевъ, при чемъ у cadaго изъ нихъ были свой штатъ придворныхъ и свои подданные, и каждый взималъ таможенные пошлины: французы, нѣмцы, негры, сьерра-леонскіе англичане, каждая національность выбирала того или другаго царька, чтобы платить ему пошлины, но имъ нужно было слѣдить, чтобы соперничество этихъ маленькихъ potentatovъ не превратилось въ кровопролитную войну. Несмотря на это многоначаліе и конфликты властей, Малый Попо есть важнѣйшій рынокъ побережья между Квиттой и Ажудой. Обороты его внѣшней торговли въ 1884 году, по Цѣллеру, выразились слѣдующими цифрами: привозъ—1.625.000 франк.; вывозъ—2.030.000 франк. Сюзеренное правительство, Германская имперія, представлено въ территоріяхъ Того и Малый Попо только гамбургскими и бременскими купцами, поселившимися въ факторіяхъ побережья. Истинными властителями страны по-прежнему остаются начальники деревень и жрецы фетишей.

Агуа (Ажиге на языкѣ туземцевъ), лежащій въ 9 километрахъ къ востоку отъ Малаго Попо (либо по лагунѣ, либо по береговой дорогѣ),— тоже торговый городъ, но въ особенности земледѣльческій центръ; крупная торговля не была тамъ монополизирована европейцами, хотя городъ состоитъ подъ политическимъ сюзеренитетомъ Франціи: преобладающая роль въ торговомъ движеніи принадлежитъ неграмъ, какъ кореннымъ жителямъ, такъ и переселен-

¹⁾ Pierre Bouche, цитированное сочиненіе.

цамъ изъ Сьерра-Леоне и Бразиліи. Основанный въ 1821 году минасами, этотъ городъ сдѣлался мѣстомъ убѣжища для гонимыхъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстностей: махи, изгоняемые изъ ихъ земли дагомейцами, приходили изъ сѣверныхъ областей просить пріюта у жителей Агуэ, принося съ собой своихъ національныхъ фетишей; съ запада сюда стекались изгнанники изъ Малаго Попо и съ Золотого берега; съ востока сюда же переселялись негры племенъ наго и эмба; затѣмъ въ 1835 году явились вольноотпущенники изъ Бразиліи, за которыми потомъ слѣдовали другіе чернокожіе «американцы». Къ мѣстнымъ идолопоклонникамъ и къ бразильскимъ христіанамъ присоединились также магометане изъ внутреннихъ странъ. Такимъ образомъ всѣ расы и религіи представлены въ этой республикѣ, ошибочно называемой королевствомъ, такъ какъ ея кабесеръ облеченъ лишь исполнительною властью: онъ долженъ сообразоваться въ своихъ дѣйствіяхъ съ волей собранія гражданъ. Вокругъ Агуэ, которому не разъ приходилось оружіемъ защищать свою независимость, сгруппировалось нѣсколько другихъ маленькихъ государствъ въ республиканскую конфедерацію¹⁾; одно изъ нихъ, Абананконъ, по-французски носитъ названіе Баранкеръ.

Большой Попо или Пово, называемый самими жителями Пла,—торговый городокъ, гдѣ господствуетъ французское вліяніе. Основанное также бѣглецами, мѣстечко это состоитъ собственно изъ группы отдѣльныхъ поселковъ, построенныхъ на островкахъ лагуны и на морскомъ берегу: бѣглецы изъ Дагомея, которые первые поселились здѣсь, выбирали это мѣсто по причинѣ недоступности его для ихъ преслѣдователей, такъ какъ фетиши запрещаютъ дагомейскимъ арміямъ переходить лагуну. Благодаря своему положенію у такъ называемаго «королевскаго протока», всегда открытаго водамъ моря, Большой Попо ведетъ довольно значительную вѣшнюю торговлю; такъ, въ 1884 г., по Пѣллеру, торговые обороты ея выразились слѣдующими цифрами: привозъ—1.060.000 франк.; вывозъ—1.050.000 франк., общую цифру населенія Агуэ и Большаго Попо тотъ же путешественникъ опредѣляетъ въ 120.000 человекъ; кромѣ того, внутреннія мѣстности, которыя можно считать находящимися въ сферѣ притяженія приморскихъ городовъ, имѣютъ по крайней мѣрѣ столь же значительное число жителей. Всю эту страну можно было назвать Агомэ, по имени рѣки, которая пересѣкаетъ ее съ сѣвера на югъ и впадаетъ въ лагуну; во время половодья теченіе ея настолько сильно, что продолжается въ лагунѣ до постоянного протока у Большаго Попо; иногда же замѣтное движеніе водъ распространяется

въ западномъ направленіи до временнаго прохода у Малаго Попо.

Къ востоку отъ Большаго Попо начинается территорія Дагомея, охраняемая почти у самаго входа значительнымъ городомъ Глехуэ, который европейцы обозначали разными именами: Фида, Хведа, Видахъ, Уида; старинные писатели называли его Juda; жители его именовались «Judaiques», т. е. іудеями; и дѣйствительно, ихъ считали остаткомъ разсѣянныхъ по лицу земли колѣнъ израильскихъ; протекающая на сѣверѣ рѣка Аллала, настоящее имя которой—Эфра, была произведена въ Евфратъ учеными изслѣдователями¹⁾. По всей вѣроятности, за городомъ останется наименованіе Ажуда, данное ему португальцами, нѣкогда главными негро-торговцами. Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія торговли живымъ товаромъ, когда съ этого берега ежегодно вывозилось отъ шестнадцати до восемнадцати тысячъ невольниковъ, Ажуда имѣла около 35.000 жителей: тамошніе негры изъ всѣхъ чернокожихъ Невольничьяго берега цѣнились всего дороже, потому что были трудолюбивы и не чахли отъ грусти по утраченной семьѣ и волѣ²⁾.

Ажуда состоитъ изъ двухъ городскихъ поселеній. На сѣверѣ отъ моря расположены европейскія факторіи, гдѣ развѣваются разноцвѣтные флаги; собственно городъ построенъ въ 3 километрахъ сѣвернѣе и отдѣленъ отъ морскаго берега лагуной и болотами; далѣе простирается другая лагуна, такъ что Ажуда занимаетъ почти островное положеніе, соединяясь съ твердой землей лишь узкими перешейками. Онъ дѣлится на нѣсколько *саламовъ* или отдѣльныхъ кварталовъ, имѣющихъ каждый своего кабесера и своихъ «людей»; форты европейцевъ тоже раздѣлены на соответственные кварталы, обитатели которыхъ происходятъ въ большей части отъ бывшихъ невольниковъ; до 1867 года жители французскаго салама обязаны были справлять барщину. Поставленный подъ покровительство змѣи, Ажуда славится своимъ храмомъ фетишей-протекторовъ, жрицы котораго, называемыя «матерями» и «сестрами» змѣи, набираются, въ дни празднествъ, похищеніемъ молодыхъ дѣвушекъ³⁾; десятка три безвредныхъ питоновъ (изъ семейства удавовъ) обвиваются вокругъ колонокъ и балокъ хижины, служащей кумирней; когда они ускользнутъ, чтобы прогуляться въ городѣ, ихъ почтительно приносятъ обратно въ лагуну обмотанныхъ около руки или посаженныхъ въ мѣшокъ. Горе нечестивцамъ, которые умертвили бы или ранили священное животное: въ прежнее, еще недавнее, время жрецы велѣли бы такого нечестивца живымъ

¹⁾ Labarthe, «Voyage à la côte de Guinée.»

²⁾ Des Marchais, «Voyage en Guinée.»

³⁾ Répin, «Tour du Monde,» 1863 1-er Semestre.

⁴⁾ Pierre Bouche, цитиров. сочиненіе.

зарыть въ землю! Поселянинъ, нечаянно убившій змѣю во время полевыхъ работъ, обязанъ войти въ хижину, которую затѣмъ поджигаютъ, и невольный богоубійца спасается изъ горящаго дома сквозь дымъ и пламя, преслѣдуемый дикими криками толпы. Прежде деревья, окружающія Ажуду, тоже были высокочтимыми фетишами, подъ тѣнь которыхъ клали больныхъ, чтобы обезпечить ихъ исцѣленіе; иностранцамъ воспрещено было рубить лѣсъ въ окрестностяхъ города ¹⁾. До сихъ поръ еще сохранился одинъ изъ этихъ боговъ, великолѣпный бавольникъ, существованіе котораго, по народному повѣрью, связано съ существованіемъ самаго города ²⁾. Нѣкоторые другія деревья въ Ажудѣ отличаются страннымъ видомъ: совершенно лишенные листы, они носятъ, вмѣсто листовеннаго убора, сотни летучихъ мышей или, по мѣстному названію, «летучихъ собакъ», висящихъ на вѣтвяхъ.

Ажуда принадлежитъ Дагомейскому королевству по праву завоеванія съ 1725 года; съ того времени онъ и получилъ имя Глехуэ, означающее «Ферму» и указывающее на его роль въ дѣлѣ снабженія столицы предметами продовольствія; подобно тому, и сосѣдній городъ, Ардра, былъ наименованъ «Выдолбленной Тыквой», потому что населеніе его должно было поставлять съѣстные припасы на королевскую кухню. Егованъ, то — есть «начальникъ бѣлыхъ», командующій въ Ажудѣ и «открывающій дороги» путешественникамъ, есть по рангу третья персонѣ въ королевствѣ; но уже съ давняго времени власть его уравновѣшивалась вліяніемъ иностранцевъ. Подъ управленіемъ лица бразильскаго происхожденія, «капитана купцовъ», городъ сталъ почти чуждымъ Дагомею; челоѣческія жертвоприношенія прекратились; перестали, какъ бывало въ прошломъ столѣтіи, сажать на колъ матерей, виновныхъ въ рожденіи двойней ³⁾. Въ Ажудѣ преобладаетъ португальское вліяніе; нѣкоторые дома и вся меблировка напоминаютъ Лиссабонъ. Съ тѣхъ поръ какъ англичане сняли блокаду съ береговъ Дагомея, въ 1877 году, торговля пальмовымъ масломъ, которое считается лучшимъ на всемъ этомъ побережьи, снова приняла большіе размѣры. Въ декабрѣ и январѣ рейдъ покрывается судами; но торговая дѣятельность стѣснена многочисленными ограниченіями; такъ, напримѣръ, запрещено вывозить какой бы то ни было предметъ, впервые введенный въ страну, и, вслѣдствіе того, считаемый собственностью короля; ни одна женщина, тоже королевская собственность, не можетъ выѣхать изъ порта. Негоціанты обязаны покидать вечеромъ свои склады на берегу, которые остаются подъ

охраной королевскихъ офицеровъ. Вѣтшій рейдъ Ажуды не надеженъ въ бурную погоду, и почти всегда на плоскомъ берегу видны выброшенные волнами обломки, а въ водахъ остовы потерпѣвшихъ крушеніе судовъ. Нигдѣ акулы не проявляютъ большей дерзости. Когда опрокинется барка, негры спасаются вплавь, затѣмъ, добравшись до берега, начинаютъ считать свои ряды, и рѣдко бываетъ, чтобы всѣ оказывались на-лицо.

На дорогѣ въ Абомей, описанной многими европейскими путешественниками, первый этапъ — бѣдная деревушка Сави, — Ксавье (Ксаверій) у старинныхъ авторовъ, — бывшая нѣкогда столицей королевства Фида или Ажуда, государь которой, по словамъ лѣтописцевъ, могъ выставить двухсотъ-тысячную армію: все государство, говоритъ Де-Марше, казалось «какъ-бы однимъ огромнымъ городомъ». Теперь не видно даже развалинъ укрѣпленныхъ факторій, которые были тамъ построены европейцами. Къ югу отъ Сави простираются обширныя болота; на сѣверѣ тянется поясъ лѣсовъ, шириной въ нѣсколько лѣ, изрѣдка прерываемый прогалинами, потоками и болотами. Тропинка идетъ черезъ деревню Толли, затѣмъ черезъ городъ Аллада, древній Ардра, который нѣкогда былъ, какъ и Сави, столицей имперіи и торговымъ городомъ, гдѣ европейцы имѣли свои конторы. Преданіе гласитъ, что этотъ городъ имѣлъ 15 километровъ въ окружности; теперь онъ не болѣе, какъ рынокъ для мѣстныхъ произведеній, хотя занимаетъ очень выгодное положеніе въ здоровой возвышенной мѣстности, въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ дорогъ; но онъ все еще считается метрополіей королевства Дагомея. Дагомейскій державецъ, который, вмѣстѣ съ другими титулами, носитъ также титулъ «Господина Аллады», не имѣетъ права воздвигнуть свой дворецъ въ Абомей, пока не возсядетъ на табуретъ своихъ предковъ въ священномъ градѣ. Однако, тѣ же дагомейцы совершенно разорили Алладу въ 1724 году, когда предприняли завоеваніе приморской дороги: почти всѣ жители были перебиты, и лѣсъ скоро покрылъ развалины разрушенныхъ зданій.

Естественную границу, отдѣляющую нѣкогда королевство Аллады отъ Дагомея, составляетъ обширное болото Ко, которое европейцы обыкновенно называютъ его португальскимъ именемъ Лама, означающимъ «грязь». Болото это и теперь имѣло бы большую стратегическую важность, въ случаѣ вторженія непріятеля: безъ искусственныхъ сооруженій оно было бы непроходимо даже для легкой артиллеріи; но въ 1876 году, когда англичане готовились къ войнѣ противъ Дагомея, ихъ пароходъ, поднявшись вверхъ по рѣкѣ Вемп до пристани Дугба, близъ Абомей, тѣмъ самымъ доказалъ, что десантное войско могло бы обойти

¹⁾ Des Marchais, цитир. сочиненіе.

²⁾ B. Féris, цитиров. мемуаръ.

³⁾ Skertchley, цитиров. сочиненіе.

это грозное препятствіе. Въ сухое время года болото Ко, или Лама, шириной отъ 10 до 12 километровъ, на дорогѣ въ Абомей, легко можетъ быть переходимо пѣшеходами; но въ періодъ дождей черезъ него можно пускаться не иначе, какъ съ достаточнымъ числомъ носильщиковъ, которые иногда погружаются въ воду по самыя плечи и при каждомъ шагѣ вязнуть въ тинѣ по колѣно; посланцы короля употребляютъ тогда два дня на переходъ болота; въ 1784 году были построены мосты въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ, и дорога была частію поднята; но насыпи вскорѣ осѣли и сравнялись съ поверхностью болота. Къ сѣверу отъ болота Ко начинается настоящее побережье континента; красноватая почва, усыпанная желѣзистыми камнями, поднимается въ видѣ холмовъ, скаты которыхъ покрыты лѣсками различныхъ древесныхъ породъ. Столица страны, по Бортану, стоитъ на высотѣ 325 метровъ, на террасѣ, легко доступной съ южной стороны, но къ сѣверу очень круто обрывающейся надъ сырыми равнинами, превращенными въ огороды ¹⁾.

Абоме или Агбоме, то-есть «Городъ въ оградѣ», — дѣйствительно укрѣпленный городъ, съ монументальными воротами, обведенный глубокими рвами и обсаженный поясомъ колючихъ деревьевъ. Онъ занимаетъ обширную площадь, но большая часть огороженного пространства состоятъ изъ садовъ и развалинъ; кромѣ того, собраніе невзрачныхъ домишекъ, называемое дворцомъ, имѣетъ не менѣе 3 километровъ въ окружности. Стѣна этой резиденціи прежде была усажена на всемъ ея протяженіи человѣческими черепами, краснорѣчивыми свидетельствами королевскаго могущества; теперь видны только желѣзные стержни, на которые нависывались эти гнусные трофеи. Португальскій министр-резидентъ, представитель «покровительствующей» державы, не позволяетъ болѣе избіеній, требовавшихся обычаемъ. Численность населенія Абомей мѣняется, смотря по переѣздамъ двора, который имѣетъ пребываніе то въ официальной столицѣ, то въ дагомейскомъ Версалѣ, городѣ Кана (прежніе путешественники называли его Кана-Мина или Кальмина), лежащемъ между холмами, въ нездоровой низинѣ, гдѣ скопляются мѣзмы въ дождливое время года. Раскинутая на большомъ пространствѣ, Кана походитъ скорѣе на поле, усыпанное домами, чѣмъ на городъ въ собственномъ смыслѣ; жилища скучены только въ сосѣдствѣ дворца, прежде славившагося, какъ и абомейская резиденція, своими кровавыми обычаями. Въ память истребленія племени эйсовъ, бывшихъ владѣльцевъ

страны, королемъ дагомейскимъ были установлены ежегодныя жертвоприношенія, гдѣ жертвы представляли расу побѣжденныхъ по костюму и другимъ внѣшнимъ признакамъ. Абомей и Кана соединены прекрасной дорогой, шириной въ 30 метровъ и длиной въ 12 километровъ, которая спускается изъ столицы по нечувствительному скату, въ тѣни великолѣпныхъ деревьевъ; эта чудесная аллея составляетъ начало пути, который рано или поздно продолжится до Ажуды, лежащей слишкомъ въ 100 километрахъ къ югу отъ Абомей. Большую часть дня эта дорога бываетъ заполонена водоносками королевскаго дворца, при чемъ всѣ прохожіе, какъ только услышатъ звонъ колокольчиковъ, повѣшенныхъ на шеѣ у этихъ женщинъ, царскихъ рабынь, обязаны поспѣшно уходить съ дороги и стать отвернувшись, пока не пройдутъ водоноски. Окрестныя поля, воздѣлываемыя для продовольствованія двора, носятъ названіе «сада Дагомея»; но за этими полями равнины почти вездѣ имѣютъ видъ пустырей, незасѣянныхъ и необработанныхъ: своими военными экспедиціями властители создали пустыню вокругъ царскихъ городовъ. Въ лѣсныхъ чащахъ, по монархической фикціи Дагомея, царствуетъ государь-призракъ, двойникъ настоящаго короля; онъ не существуетъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ свой дворецъ, своихъ придворныхъ и офицеровъ, своихъ аманозокъ, свой бюджетъ: это его именемъ собираются налоги, совершаются покупки на деньги народа; но щедроты исходятъ отъ реального царька. Все, на что жалуется бѣдный народъ, приписывается этому химерическому королю, признательность же подданныхъ за благодѣянія власти обращается на дѣйствительнаго государя ¹⁾.

Далѣе городскія поселенія снова появляются только на сѣверѣ отъ собственного Дагомея, въ провинціи Махи, населеніе которой было, впрочемъ, часто разрѣжаемо массовыми изгнаніями и побойшами, съ половины восемнадцатаго столѣтія. Дагомейцы придумали средство къ покоренію махивъ, нападая на нихъ всегда передъ наступленіемъ страдной поры. Туземцы, покидая свои поля, чтобы укрыться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ на горахъ, скоро были вынуждаемы голодомъ просить мира и выдавать заложниковъ; но во время путешествія Дункана, съ 1845 года, народецъ дасса, говорящій нарѣчіемъ, отличнымъ отъ языка махивъ, еще сохранялъ свою независимость. Отъ равнины къ хребту горъ слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько городскихъ поселеній, какъ-то: Зенгъ-Нуми, важный торговый пунктъ; Зоглогбо, живописный городокъ, пріютившійся на днѣ бывшаго кратера; Логозахи, въ очаровательной мѣстности, среди холмовъ,

¹⁾ Skertchley, „Dahomey as it is.“

¹⁾ Skertchley, цитиров. сочиненіе.

лѣсовъ и быстрыхъ потоковъ, черезъ которые перекинуты висячіе мосты; Савалу, нѣкогда столица территоріи махевъ; Джаллаху, окруженный разсыянными глыбами гранита, которыхъ Дунканъ сравнивалъ съ каменными столбами въ Стонгенджѣ. Эти дагомейскія Альпы, до сихъ поръ посѣщенные только двумя европейскими путешественниками, которые были почти плѣнниками своего конвоя, отличаются отъ прилегающихъ низменныхъ равнинъ климатомъ, флорой, фауной, жителями и наружнымъ видомъ гордовъ¹⁾.

Къ востоку отъ Дагомея, французы владѣютъ второй анклавомъ, Новымъ Портомъ (Порто-Ново), маленькимъ туземнымъ королевствомъ, которое образовалось, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, основаніемъ города Гонибову. Основатель, сынъ короля Аллады или Ардры, называлъ его также «Малой Ардрой»; у португальскихъ моряковъ этотъ городъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Порто-Ново; туземцы нынѣ называютъ его Аджаше. Пространство территоріи Порто-Ново, ограничиваемой съ южной стороны моремъ на протяженіи около 40 километромъ, опредѣляютъ приблизительно въ 1.900 квадр. километровъ, а народонаселеніе въ 15.000 человекъ. Говорятъ, что въ этомъ числѣ, вѣроятно, преувеличенномъ, мужчины составляютъ огромное большинство²⁾; но это утвержденіе не имѣетъ за себя никакихъ систематическихъ наблюденій. Послѣ бомбардированія города Порто-Ново англичанами въ 1861 году, мѣстный царекъ, два года спустя, отдалъ себя подъ покровительство Франціи. Городъ былъ занятъ, затѣмъ оставленъ, потомъ снова взятъ въ 1882 году французами, въ то время, когда европейскія державы спѣшили поделить между собой африканское поморье; также какъ Котону и другіе французскіе порты на Невольничьемъ берегу, Порто-Ново въ административномъ отношеніи зависитъ отъ Сенегала.

Порто-Ново, по числу жителей второй городъ на этомъ побережьи послѣ Лагоса, состоитъ изъ группы деревень, расположенной на сѣверномъ берегу озера, которое сообщается съ рѣками Бадагри и Лагось; кварталы его раздѣлены лѣсками, полями, болотами и необработанными землями. Въ главномъ мѣстечкѣ, близъ священныхъ воротъ, украшенныхъ грубыми изваяніями духовъ-покровителей, стоитъ королевскій дворецъ, который еще въ 1875 году былъ окруженъ обезглавленными трупами и гирилами человѣческихъ череповъ. Порто-Ново ведетъ довольно большую мѣновую торговлю съ городами Аггера и Сакете, лежащими къ сѣверу отъ него, и съ внутрен-

ними округами, до горъ и до береговъ Нигера: хотя удаленный на 300 сличкомъ километровъ отъ первыхъ устьевъ этой рѣки, «Новый Портъ» сдѣлался уже однимъ изъ экспортныхъ рынковъ центральной долины Судана³⁾. Качаха, или спиртные напитки во всѣхъ видахъ, табакъ и порохъ — вотъ главныя статьи привоза; вывозъ же состоитъ почти только изъ пальмовыхъ орѣховъ и масла и орѣховъ кола, отправляемыхъ въ Бразилію. Торговое движеніе въ этомъ городѣ въ 1884 году выразилось слѣдующими цифрами: Привозъ — 3.970.043 франк. Вывозъ — 5.055.483 франк. Судоходство по приходу и отходу: 187 судовъ, вмѣстимостью 38.550 тоннъ. Со времени замиренія страны, окрестности города покрылись плантаціями; туземныя женщины умѣютъ ткать прочныя матеріи изъ *ануліе*, или аванасовыхъ волоконъ, и собираютъ соль на морскомъ берегу, которая находитъ сбытъ во внутреннія мѣстности. Образъ правленія въ королевствѣ Порто-Ново — единственный въ своемъ родѣ по способу дѣленія властей. Есть страны, какъ, напримѣръ, Фута-Джаллонъ, гдѣ два державца царствуютъ поочередно въ продолженіи періода, обнимающаго одинъ или нѣсколько годовъ. Въ Порто-Ново этотъ круговоротъ менѣе продолжителенъ: здѣсь смѣна въ отправленіи царской должности происходитъ дважды въ сутки. Дневной король, который пользуется большимъ почетомъ и одинъ руководитъ управленіемъ государства, долженъ послѣ заката солнца убираться въ свой дворецъ; ночной король, напротивъ, не можетъ выходить изъ дому до наступленія сумерекъ: онъ завѣдуетъ преимущественно благочиніемъ, полицейскою частью, и охраняетъ сонъ гражданъ. Каждый изъ двухъ царьковъ имѣетъ право смерти надъ своимъ коллегой, если встрѣтитъ его на улицѣ въ моментъ междоцарствія⁴⁾. Личности слишкомъ стѣснительныя, какъ претенденты на титулъ начальниковъ, изгоняются изъ города и дѣлаются маленькими тиранами въ окрестностяхъ, подъ именемъ «лѣсныхъ царьковъ»⁵⁾.

Котону или Анпи, морской портъ города лагунъ, лежитъ къ юго-западу отъ Порто-Ново, на протоцѣ, гдѣ сходятся судоходные каналы обширнаго озернаго лабиринта Нохуа, а также рѣка Веми, истокъ большого болота Ко или Лама. Котону прежде принадлежалъ къ королевству Дагомея, вслѣдствіе чего Португалія, опираясь на свои привилегіи протектората, оспаривала у Франціи право владѣнія этимъ складочнымъ пунктомъ. Въ 1885 году конвенція, заключенная между двумя названными державами, окончательно укрѣпила за послѣдней изъ нихъ территоріальную

¹⁾ Dumail, "Travels in Western Africa"; — Skertchley, "Dahomey at it is."

²⁾ Richard Burton, цитиров. сочиненіе.

³⁾ Médard Béraud, "La France Coloniale," par Alfred Rambaud.

⁴⁾ Hugo Zöller "Kamerun".

⁵⁾ Pierre Bouche, цитиров. сочиненіе.

уступку, сдѣланную ранѣе абомейскихъ королямъ. Двѣ деревни Афатону и Ахуансоли, находящіяся посреди озера Нохуэ, на каналѣ изъ Котону въ Порто-Ново, построены на сваяхъ, какъ города озерныхъ жителей древней Швейцаріи: происхожденіе этихъ африканскихъ свайныхъ построекъ такое же, какъ и древнихъ поселеній на альпійскихъ озерахъ. Около половины прошлаго столѣтія, жители Годоме, спасаясь отъ набѣговъ дагомейцевъ, воздвигли эти хижины въ самомъ озерѣ на рядахъ свай; защищенные широкимъ проливомъ, они могли съ этого времени не бояться «абомейскаго льва», которому его фетишъ запрещаетъ переходить воду въ военныхъ дѣлахъ; имъ нужно было опасаться засады только на твердой землѣ, когда они выходили на берегъ для добыванія съѣстныхъ припасовъ, или для погребенія умершихъ. Въ этихъ озерныхъ селеніяхъ не имѣется общей эстрады для палатъ и празднествъ; мірскіе сходы происходятъ подъ открытымъ небомъ, на плоскихъ крышахъ хижинъ; каждая семья располагается на кровлѣ своей хаты, или тожди: тамъ разглагольствуютъ деревенскіе ораторы, скачутъ и кружатся плясуньи: для наблюдателя, стоящаго на берегу, необыкновенно оригинальное зрѣлище представляютъ эти черныя фигурки, прыгающія на лазурномъ фонѣ неба. Паденіе въ воду озера не имѣетъ ничего опаснаго для этихъ островитянъ, болѣе привыкшихъ къ плаванью, чѣмъ къ ходьбѣ; впрочемъ, у каждаго жилища имѣется лодка между сваями¹⁾. Самое имя озера, Нохуэ, или «Домъ Воды», очевидно, обязано своимъ происхожденіемъ этимъ свайнымъ постройкамъ.

Бадагри, на сѣверномъ берегу Оссы, имѣющей здѣсь 500 метровъ въ ширину, — первый городъ, который встрѣчаетъ идущій съ запада путешественникъ на англійской территоріи Невольничьяго берега. Какъ большинство другихъ рынковъ того побережья, городъ этотъ дополняется группой факторій и складовъ, построенныхъ на плоскомъ берегу моря. Бадагри нѣкогда былъ столицей королевства и самымъ большимъ негроторговымъ рынкомъ на всемъ этомъ поморьѣ. Ричардъ Лендеръ, который, послѣ Клаппертонъ, отправился изъ этого города въ свое путешествіе, для изслѣдованія Судана, рассказываетъ, что въ то время, въ 1830 году, предложеніе невольниковъ много превышало спросъ; вслѣдствіе чего стариковъ и немощныхъ, какъ бракъ, бросали въ воду на съѣдѣніе акуламъ. Отборныхъ негровъ берегли для жертвоприношеній: у нихъ вырывали сердце, и король, его жены, его кабесеры, наперерынь другъ передъ другомъ, кусали эти трепещущія внутренности. Лендеръ долженъ былъ выпить въ Бадагри «чашу испытанія», чтобы

¹⁾ Borghero; — Bouche, цитиров. сочиненія.

оправдать себя отъ обвиненія въ преступленіи, но онъ успѣлъ въ время принять ядовитое, парализовавшее дѣйствіе яда. Къ сѣверу отъ Бадагри, въ бассейнѣ рѣки Окпара, находится независимыя королевства Адо, Покра, Океаданъ, часто подвергающіяся набѣгамъ дагомейцевъ.

Въ 65 километрахъ къ востоку отъ Бадагри, на одномъ изъ острововъ Оссы, стоитъ столица британскихъ владѣній, Лагосъ. Этотъ «африканскій Ливерпуль», какъ его любятъ называть тамошніе англичане, — самый богатый городъ на всемъ побережьѣ западной Африки. Выгоды его географическаго положенія очень велики. Онъ лежитъ какъ разъ около середины вогнутости Бенинскаго залива и, слѣдовательно, находится въ точкѣ соединенія многочисленныхъ дорогъ, идущихъ изъ внутренней части материка. Впадающая въ лагуну судоходная рѣка Огунъ ставитъ Лагосъ въ сообщеніе съ Абеокутой, могущественнымъ внутреннимъ городомъ, и съ окружающими богатыми сельскими мѣстностями. Кромѣ того, Лагосъ командуетъ западнымъ истокомъ Оссы и черезъ эту развѣтвляющуюся лагуну располагаетъ тысячу дорогъ, которыя представляютъ ему изливающимися въ нее притоки; этотъ лиманъ служитъ даже средствомъ для движенія пароходовъ до самаго Нигера: хотя Лагосъ по прямой линіи отстоитъ на 350 километровъ отъ большой африканской рѣки, онъ тѣмъ не менѣе есть одно изъ ея торговыхъ устьевъ. Туземные производители въ своихъ пирѣгахъ, выдолбленныхъ древесныхъ стволахъ, и негоданты въ шлюпкахъ, вмѣстимостью отъ трехъ до восьми тоннъ, подвозятъ по водамъ Оссы въ Лагосъ пальмовое масло, орѣхи, хлопокъ въ небольшомъ количествѣ, грузы въ обратный путь бумажныя матеріи Манчестера и водки Гамбурга; по берегу лагуны тянется рядъ судостроительныхъ верфей. Почти вся торговля съ Европой сосредоточена въ рукахъ англичанъ и нѣмцевъ. Торговля сношенія съ внутренними областями производятся главнымъ образомъ чрезъ посредство мусульманъ, число которыхъ сильно возросло въ послѣднее время; въ 1865 году ихъ насчитывали всего только 1.200, а двадцать лѣтъ спустя ихъ уже было около тридцати тысячъ¹⁾; по словамъ Бортонъ, у нихъ было 27 мечетей въ 1880 году.

Островъ Лагосъ, называемый туземцами Ауні или Авани, лежитъ въ 5 километрахъ отъ моря, между рукавами лагуны, устьемъ рѣки Огунъ и притокомъ, открывающимся на океанъ. Городъ, раскинувшійся на обширномъ пространствѣ, занимаетъ западную часть этой болотистой земли, которая годъ отъ году повы-

¹⁾ Bove, „Bolletino della Società Geografica italiana“, aprile 1861.

шается и увеличивается, благодаря работамъ по засыпкѣ болотъ и по укрѣпленію береговъ; но еще остается засыпать много лужъ, выкопать водосточныя канавы, построить мостъ, для соединенія Лагоса съ твердой землей. Въ такъ называемомъ «европейскомъ» городѣ, гдѣ живетъ около полтораста бѣлыхъ, окруженныхъ толпой цвѣтнаго и чернаго служащаго люда, есть нѣсколько красивыхъ зданій, построенныхъ на почвѣ, частію отвоєванной у воды лагуны; его правильныя набережныя, съ выступающими тамъ и сямъ дамбами, тянутся на южной сторонѣ острова, въ виду моря, тогда какъ негритянскіе кварталы, называемые Эко, или «Добрый пріемъ», разсѣяны на сѣверѣ, между болотами, садами и пальмовыми рощами. Извѣстно, какое опасное препятствіе составляетъ на этомъ берегу баръ для судовъ, имѣющихъ болѣе 3 метровъ водоуглубленія. Акулы, плавающія въ волнахъ прибоя, еще болѣе увеличиваютъ опасность невольнаго купанья: потерпѣвшіе кораблекрушеніе прежде рѣдко избѣгали страшнаго зуба этихъ морскихъ чудовищъ; въ иные годы число пожираемыхъ ими несчастныхъ доходило до пятидесяти; теперь передъ проходомъ судовъ бросаютъ въ воду динамитные заряды. Удивительно, почему англичане не введутъ въ африканскихъ рейдахъ плотъ или катамаранъ, употребляемый индусами на опасномъ Мад-расскомъ берегу.

Обороты вѣншей торговли колоніи Лагосъ за десятилѣтіе 1885—95 г. возрасли съ 1.156.745 (ввозъ — 542.564, вывозъ — 614.181) до 1.801.410 (ввозъ — 815.815, вывозъ — 985.595) фунт. стерл.

Движеніе судоходства въ портѣ Лагосъ въ 1895 г.: общая вмѣстимость пришедшихъ и отшедшихъ судовъ—1.290.000 тоннъ (не считая каботажъ).

Деревни Пальма, Леке или Іебу, Оде—главныя пристани на морскомъ берегу, загибающемся на востокъ къ устьямъ Нигера. На берегу лагуны, простирающемся къ востоку отъ Лагоса, самый значительный городъ—Эне; кромѣ того, тамъ же, по направленію къ дельтѣ, слѣдуютъ одно за другимъ нѣсколько многолудныхъ мѣстечекъ, а въ лагунахъ кое-гдѣ видѣются деревни, построенныя на сваяхъ, какъ озерныя селенія въ Порто-Ново. На сѣверѣ находится королевство племени іебусовъ, главный городъ котораго, Оди, лежитъ на западномъ притоцѣ рѣки Ошунъ. Недавно Германія объявила-было о взятіи въ свое владѣніе округа Магинъ, въ той части побережья, которая соединяетъ поясъ береговыхъ лагунъ съ сѣтью рѣчныхъ устьевъ; но новыя конвенціи возвратили Великобританіи всѣ эти аллювиальныя земли страны Іоруба. Въ гѣсу, отдѣляющемъ пристань Оди отъ лагуны Магинъ, одна обширная прогалина получила большую

извѣстность подъ именемъ Атиджере или Артижери, въ которомъ, можетъ-быть, нужно видѣть Атагару, указанную султаномъ Гауссы путешественнику Клаппертову, какъ главное торговое мѣсто приморской области: каждый девятый день негры изъ окрестныхъ мѣстностей десятками тысячъ приходятъ на этотъ рынокъ обмѣнивать свои произведенія ¹⁾. Магинъ принадлежитъ къ бывшему Бенинскому королевству, этой зачумленной странѣ, нынѣ покинутой жителями, которая нѣкогда, повидимому, пользовалась большимъ благосостояніемъ. Въ своемъ «Описаніи Африки» Дапперъ говоритъ, что король бенинскій могъ въ нѣсколько дней собрать 80.000 войска; но чтобы доказать свое могущество и снискать милость духовъ, онъ устраивалъ человѣческія жертвоприношенія, которыя обезлюднивали его царство; каждый день передъ нимъ убивали трехъ человѣкъ: одного при восходѣ солнца, другаго въ полдень, третьяго въ сумерки ²⁾. Городъ Бенинъ, теперь бѣдная деревушка Бини, имѣлъ школы и храмы; жрецы его умѣли вырѣзывать «іероглифическія фигуры» и каменные изображенія, «при помощи которыхъ они разсказывали исторію своей страны» ³⁾. Туземные кузнецы и теперь еще славятся своимъ искусствомъ: изъ плохаго европейскаго желѣза они выдѣлываютъ отличные инструменты и орудія ⁴⁾. Путешественникъ египтологъ Бельдони умеръ на дорогѣ отъ моря въ Бенинъ; климатъ этой области одинъ изъ самыхъ опасныхъ на Гвинейскомъ берегу.

Лагосъ, резиденція администратора англійскихъ владѣній на Невольничьемъ берегу, съ 1886 года не зависитъ болѣе отъ губернатора Золотого берега; но протекторатъ и здѣсь устроенъ по тому же образцу: англійскія поселенія защищаются гарнизономъ изъ солдатъ, называемыхъ общимъ именемъ гауссауа, или короче гаусса, къ какой бы расѣ они ни принадлежали; авторитетъ коронныхъ судей мало-по-малу замѣняетъ власть негритянскихъ царьковъ; военные корабли перевозятъ странствующихъ представителей магистратуры изъ залива въ заливъ. Главный ресурсъ колоніальнаго бюджета составляютъ таможенныя пошлины, взимаемыя съ привозныхъ товаровъ въ Лагосѣ и на пристаняхъ побережья (бюджетъ Лагоса въ 1895 году: расходы—144.000, доходы—142.000 фунт. стерл.). Территорія раздѣлена на четыре округа: Лагосскій, Сѣверный, Восточный и Западный; въ послѣднемъ главный городъ—Бадагри.

Абекута, большой республиканскій городъ—

¹⁾ Krause, „Esploratore“, 1885.

²⁾ Schön and Crowther, „Journal of an Expedition up the Niger in 1841“.

³⁾ Römer, „Nachrichten von der Küste Guinea“.

⁴⁾ P. Burton, „To the Gold-Coast for Gold“.

на берегахъ рѣки Огунъ,—одно изъ значительнѣйшихъ городскихъ поселеній африканскаго континента; по цифрѣ населенія онъ уступаетъ только Каиру и Александрии. Большая насыпь отъ 2 до 3 метровъ вышины, съ рѣдкими бойницами, обведенная спаружи ровомъ въ 3 метра ширины, заросшимъ мелкимъ кустарникомъ, образуетъ поясъ протяженіемъ

Каскадъ Вамаку.

множество путешественниковъ приписываютъ ему свыше 100.000 жителей, а нѣкоторые миссіонеры опредѣляютъ даже въ 200.000 число людей, обитающихъ въ оградѣ столицы народа эмба. Оборонительная стѣна, простая земляная

въ 32 километра, а центральное ядро города имѣетъ не менѣе 7 километровъ длины, при 3 съ половиной километрахъ ширины. Абе-окута представляетъ странный видъ: онъ расположенъ среди обширной волнистой рав-

нины, устьянной гранитными скалами различной высоты; самая высокая, называемая просто «Скалой» и считаемая жителями покровительницей и защитницей ихъ города, возвышается на 90 метровъ надъ среднимъ уровнемъ равнины, которая сама уже лежитъ на 170 метровъ выше уровня моря. Разбросанные по равнинѣ каменные массы представляютъ большое разнообразіе формы; одни закруглены въ видѣ куполовъ, другія служатъ кверху на подобіе обелисковъ, нины имѣютъ зубчатую вершину или тянутся въ видѣ правильной стѣны; одна походитъ на верхній щитъ испанской черепахи. Дома живописно группируются у подошвы этихъ скалъ, и кусты деревьевъ своей зеленью составляютъ яркій контрастъ съ сѣроватыми стѣнками гранита. Абеокута вполне заслуживаетъ свое названіе, означающее «Подъ скалами».

Метрополия эгбасовъ—городъ новый, обзаванный своимъ происхожденіемъ постыдной торговлѣ челоѣческимъ скотомъ. Подвергаясь безпрестаннымъ набѣгамъ негропромышленниковъ, беззащитные обитатели нѣсколькихъ деревень племени эгба рѣшили перемѣнить мѣсто жительства: покинувъ открытую равнину, они поселились, въ 1825 году, среди лабиринта гранитныхъ скалъ, и изъ этой природной крѣпости съ успѣхомъ отражали нападенія торговцевъ невольниками. Вскорѣ всѣ обездоленные и несчастные, всѣ гонимые изъ окрестныхъ мѣстностей стали стекаться въ это убѣжище, и черезъ нѣсколько лѣтъ Абеокута сдѣлалась однимъ изъ большихъ городовъ Африки; она окружила себя обширной оградой, вполне достаточной для отраженія нападеній недисциплинированныхъ и плохо вооруженныхъ полчищъ; тѣмъ не менѣе, съ той стороны, откуда нужно было всего болѣе опасаться набѣговъ, то-есть съ востока, на дорогѣ изъ Ибадана, пришлось воздвигнуть три параллельныя линіи ретраншементовъ, а на западной сторонѣ построили нѣсколько оборонительныхъ верковъ, дополняющихъ городской валъ противоположнаго берега. По-нятно, что городъ бѣглыхъ невольниковъ или людей, заранѣе намѣченныхъ въ рабы, долженъ приготовиться къ безпрестанной войнѣ за свою свободу, на которую рабовладѣльцы, лишившіеся этой живой собственности, смотрятъ, какъ на кражу и обиду. Также какъ Фарабана въ Бамбуки, Агуэ на морскомъ берегу, Атаконе въ территоріи племени эуэ и многія другія укрѣпленные мѣста, построенныя мятежниками или бѣглецами, Абеокута должна была часто защищаться отъ враговъ, но она всегда одерживала побѣду: ежегодное челоѣческое жертвоприношеніе, справляемое съ большой торжественностью осажденными

жителями, было угодно богамъ ¹⁾. Ибаданскія войска были отброшены послѣ кровопролитной битвы; даже король дагомейскій, со своими амазонками, тщетно пытался ворваться въ ограду Абеокуты; точно также попытки присоединенія, сдѣланныя втихомолку лагосскими англичанами, не имѣли никакого успѣха.

Жители Абеокуты, соединившіеся для общей защиты, образуютъ свободную федерацію. Главный кварталъ носитъ имя Аке, бывшей столицы эгбасовъ; точно также другія группы домовъ имѣютъ названіе тѣхъ деревень, гдѣ первоначально жили эти выходцы: бывшія общины перемѣстились въ новую республику со своими привилегіями, обычаями, домашними богами; такимъ образомъ городъ состоитъ изъ множества (около шестидесяти) деревень, имѣющихъ каждая свои отличительныя черты, свою исторію, свое нарѣчіе, свои религиозныя обряды. Мусульмане, или имале, уже представлены здѣсь тысячами колонистовъ, которыхъ терпятъ, хотя и побаиваются, видя въ нихъ авангардъ сѣверныхъ завоевателей; христіанская община тоже довольно многочисленна: вокругъ часовень, основанныхъ миссіонерами, поселились сотни христіанъ, преимущественно иммигрантовъ изъ Сьерра-Леоне. Въ первые годы оставляли въ покоѣ эти религиозныя станціи, но въ послѣдствіи городскіе совѣты, усмотрѣвъ въ нихъ центры политической пропаганды, упразднили миссіи и выслали иностранныхъ проповѣдниковъ, дозволивъ, однако, крестившимся туземцамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры. Впрочемъ, недавно въ городѣ основались новые миссіонерскіе станы, протестантскіе и католическіе.

Между жителями Абеокуты, самаго дѣятельнаго города Йорубы, установилось нѣкоторое раздѣленіе труда: всѣ дѣти учатся какому-нибудь ремеслу; каждый глава семейства долженъ имѣть свою профессію. Въ городѣ много ткацкихъ фабрикъ и красильныхъ; сотни рабочихъ занимаются строительными работами и умѣютъ строить дома съ колоннадами и центральнымъ дворомъ. Главный промыселъ—земледѣліе; ближайшія окрестности оставлены подъ выгонъ для скота, но за ними, въ среднемъ разстояніи отъ 8 до 30 километровъ, тянется поясъ полей и садовъ вокругъ городской ограды. Абеокута дополняется портами на Огунѣ. Когда воды высоки, суда могутъ подниматься по рѣкѣ до пороговъ Аро, въ 3 километрахъ отъ города: тамъ находятся уже верфи и магазины для склада пальмоваго масла. При низкой водѣ суда останавливаются ниже, у моста Агбамейя; наконецъ, во время мелководья, случается, что путешественники, ѣдущіе

¹⁾ Richard Burton, „Abeokuta und Cameroons Mountains“.

изъ Лагоса, не могутъ перейти по рѣкѣ за деревню Игаонъ, находящуюся въ сосѣдствѣ морскаго залива. Все разстояніе отъ Абеокуты до Лагоса 130 километровъ, тогда какъ по прямой линіи оно на цѣлую треть короче. Неоднократныя побѣды республики надъ королевствомъ дагомейскимъ въ 1862 г., затѣмъ въ два слѣдующіе года и въ 1883 г. обезпечили за эгбасами неоспоримое владѣніе рѣкой Огунъ и ея берегами до самаго лимана: жители Абеокуты пользуются безпрепятственно сообщеніемъ съ Лагосомъ и моремъ, но не заботятся о томъ, чтобы сдѣлать это сообщеніе болѣе удобнымъ постройкой большой произжей дороги, которую, можетъ-быть, въ одинъ прекрасный день воспользовались бы и артиллерійскіе обозы англійскихъ генераловъ.

Первое должностное лицо республики, носящее титулъ короля, можетъ быть избираемо только въ одномъ изъ четырехъ главныхъ племенъ націи: власть его строго ограничена, на него смотрятъ преимущественно какъ на апелляціоннаго судью для пересмотра приговоровъ, произнесенныхъ начальниками клановъ. Король избирается пожизненно; однако, если подвѣдомственные его юрисдикціи недовольны его рѣшеніями или его поведеніемъ, они посылаютъ къ нему депутацію, которая приглашаетъ его удалиться отъ дѣлъ. Въ прежнее время ему въ такихъ случаяхъ предлагали «уснуть», и это приглашеніе всегда было исполняемо: король удалялся въ свой гаремъ, и нѣсколько дней спустя узнавали, что царскій «сонъ» начался¹⁾. Вторая персона въ Абеокутѣ, первая по дѣйствительной власти,—башерунъ, или главнокомандующій войсками республики. Его львиная доля добычи въ войнахъ доставила ему большія богатства; что касается второстепенныхъ начальниковъ, то доходы ихъ состоятъ изъ заставныхъ пошлинъ, взимаемыхъ съ ввозимыхъ продуктовъ у пяти городскихъ воротъ. Нѣкоторые полицейскіе сборы, натуральныя повинности и, въ случаѣ національной опасности, налогъ, взимаемый съ каждой семьи, питаютъ бюджетъ республики.

Ибаданъ, городъ южной Юрубы, до недавняго времени оспаривавшій первенство у Абеокуты, лежитъ въ сотнѣ километровъ къ сѣверо-востоку отъ столицы эгбасовъ, на водораздѣлѣ между покатолями Огуна и Ошуна, притоковъ приморскихъ лагунъ. Въ 1851 году, Боуэнъ исчислилъ населеніе этого города въ 70.000 душъ; но съ этой эпохи миссіонеры, посѣтившіе его, единогласно ему даютъ свыше 100.000 жителей. Также какъ Абеокута, Ибаданъ есть городская конфедерація деревень, заключенныхъ въ одной и той же оградѣ, но имѣющихъ каждая особое имя и общественное

устройство. Магометане въ этомъ городѣ болѣе многочисленны, чѣмъ въ соперничающей республикѣ, хотя еще недавно тамъ совершались человѣческія жертвоприношенія¹⁾. Между этими двумя государствами бывали кровопролитныя войны, и въ одну изъ этихъ кампаній Иджайе, большой городъ, километрахъ въ тридцати къ сѣверо-западу отъ Ибадана, былъ разрушенъ до основанія. Война недавно кончилась тѣмъ, что Ибаданъ покорился.

Къ сѣверо-востоку, на боковой дорогѣ, ведущей въ Нуе чрезъ пристани Шонга или Эгга, находимъ другіе многолюдные города, столицы независимыхъ королевствъ, которыя все болѣе и болѣе подпадаютъ подъ вліяніе мусульманскихъ просвѣтителей, представленныхъ фелатскими воинами и гауссанскими купцами. На морской покатоли страны Юруба, главные этапы—Ойо и Отбомошо²⁾. Ойо сдѣлался столицей королевства послѣ разрушенія города Катанга фелатскими распространителями ислама, но онъ гораздо менѣе населенъ, чѣмъ былъ его предшественникъ и чѣмъ есть нынѣ его сосѣдь Огбомошо. Этотъ послѣдній, съ площадями и улицами, обсаженными тѣнистыми деревьями, находится уже въ одной изъ долинъ возвышенности, отдѣляющей береговую рѣку отъ притоковъ Нигера: этотъ водораздѣлъ состоитъ изъ скалъ сѣраго гранита, выступающихъ изъ красноватой и глинистой почвы, очень плодородной, и не представляетъ серьезнаго препятствія сообщеніямъ; нѣкоторые крутые утесы поднимаются на 200 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ. Гора Рококо, близъ восточной оконечности водораздѣла, достигаетъ почти 1.000 метровъ высоты³⁾; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не видно никакихъ выступовъ и рельефа, дорога все время извиляется среди ровной мѣстности, между различными деревьями и пальмами элайсъ⁴⁾. Со времени Клаппертона, который первый перешелъ этотъ водораздѣльный хребетъ, послѣдній былъ посѣщенъ нѣсколькими европейскими путешественниками, но нельзя не удивляться, что эта страна относительно еще такъ мало извѣстна. Причина тому образъ дѣйствія посредниковъ торговли, очень ревниво оберегающихъ свою монополію: не препятствуя силой проходу иностранцевъ, они создаютъ имъ на каждомъ шагу затрудненія взиманіемъ дорожной пошлины, визитами и церемоніями, и такимъ образомъ въ концѣ концовъ вынуждаютъ ихъ возвращаться назадъ. Въ городахъ караульные у заставы останавливаютъ европейцевъ днемъ и заставляютъ ихъ ожидать наступленія ночи для

¹⁾ Hinderer, „Seventeen in the Yoruba Country“.

²⁾ Cordieux;—Bouche;—Thomson;—Rohlf etc.

³⁾ May, „Journal of the Geographical Society“ 1860.

⁴⁾ G. Rohlf, „Quer durch Africa“.

¹⁾ Norris;—Bouche;—Richard Burton, цитиров. сочиненія.

входа въ городъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что злые духи могли бы проскользнуть въ ворота по ихъ слѣдамъ.

Города покатои и поморя Невольничьяго берега, населеніе которыхъ указано путешественниками въ приблизительныхъ цифрахъ:

Протекторатъ германскій: Адангбе (по Манеже)—7.500 ж., Малый Попо—5.000 ж., Того (по Цоллеру)—2.500 ж.

Протекторатъ французскій: Порто-Ново—

30.000 ж., Агуа (по Бушу)—5.500 ж., Баранкеръ—2.000 ж.

Дагомей и португальскій протекторатъ: Ажуда—20.000 ж., Абомей—24.000 ж., Логозахи (по Дункану)—8.000 ж., Кана (по Скерчли)—5.000 ж.

Протекторатъ англійскій: Лагосъ—65.000 ж., Бадагри—10.000 ж.

Внутреннія государства: Абекута—120.000 ж., Ибаданъ—100.000 ж., Огбомошо (по Рольфсу)—60.000 ж.

Глава VIII.

Бассейнъ Нигера.

I. Общій обзоръ.

«Нилъ Негровъ», на который такъ долго смотрѣли какъ на вѣтвь Нила египтянъ, и который смѣшивали со многими другими Нилами, между прочимъ, съ Сенегаломъ и Гамбіей, въ новѣйшее время снова получилъ свою рѣчную индивидуальность. Арабскіе караванщики, негритянскіе купцы, также какъ и европейскіе изслѣдователи, узнали, что онъ не выходитъ изъ одного истока, общаго всѣмъ другимъ большимъ рѣкамъ Африки. Онъ потерялъ въ географическомъ словарѣ имя Нила, но ему оставили названіе «рѣки Черныхъ» или Нигера, какъ потоку, бассейнъ котораго содержитъ наибольшее число жителей съ темной кожей: вообще можно сказать, что Нигриція есть бассейнъ Нигера. Кромѣ его значенія въ исторіи географіи, это имя рѣки соответствуетъ въ извѣстной мѣрѣ антропологической классификаціи, указывая область распространенія негритянской расы; но этотъ смыслъ его не оправдывается ни однимъ выраженіемъ въ различныхъ языкахъ прибрежныхъ населеній. Около середины ея теченія туареги, занимающіе оба берега внизъ отъ Томбукту, называютъ эту рѣку Эгирреу, слово, представляющее нѣкоторое сходство съ словомъ Нигеръ, и изъ котораго нѣкоторые географы сдѣлали Нигиръ, какъ бы для того, чтобы еще болѣе увеличить путаницу терминовъ; притомъ же это имя одно изъ тѣхъ, которыя всего менѣе применимы къ большой африканской рѣкѣ на всемъ ея протяженіи, такъ какъ оно означаетъ «боковые потоки» или «мариги» и примѣняется специально къ той части рѣки, которая дѣлится на

безчисленное множество рукавовъ въ низменныхъ земляхъ. Каждый изъ прибрежныхъ народовъ обозначаетъ Нигеръ особымъ словомъ, смыслъ котораго всегда выражаетъ понятіе о могучемъ потоцѣ; только арабы изъ презрѣнія къ чернокожимъ и ко всему негритянскому называютъ эту рѣку Нилъ-эль-Абидъ, т. е. «Нилъ Невольниковъ». Въ верхнемъ бассейнѣ главная вѣтвь носитъ у мандинговъ имя Джолиба (Диоли-ба, Диули-ба или Юли-ба) или Ба-ба, т. е. «Большая вода». Для прибрежныхъ жителей феллатовъ—это Майо или «Рѣка» по преимуществу. Сангаи называютъ ее Исса или Сай; у гуассанцевъ она называется Шадерба, а у племени нифуа—Эду; наконецъ, въ нижнемъ его теченіи, тамъ, гдѣ всѣ воды бассейна соединились уже въ одно общее русло, она извѣстна подъ именемъ Куаро, которое часто примѣняется географами ко всей рѣкѣ.

Нигеръ занимаетъ видное мѣсто въ ряду большихъ потоковъ земной поверхности: въ Африкѣ это третья рѣка—по длинѣ теченія, вторая—по обилію жидкой массы; въ этомъ отношеніи она уступаетъ одному Конго на Африканскомъ континентѣ, а въ другихъ частяхъ свѣта его превосходятъ только Амазонка, Лаплатская рѣчная система Парана-Урагвай и Гангъ-Брахмапутра. Слѣдовательно, Нигеръ былъ бы пятой рѣкой земнаго шара, если разсматривать какъ принадлежащія къ одному и тому же бассейну истечения рѣки, соединяющіяся лиманами своихъ устьевъ; но онъ долженъ быть поставленъ на третье мѣсто, если считать только тѣ потоки, воды которыхъ не смѣшиваются съ водами другихъ рѣкъ въ поясѣ прибрежья, принадлежащемъ уже отчасти къ области моря. По длинѣ те-

ченія Нигеръ уступаетъ только Миссури-Миссисипи и Нилу, а также Янтсекиангу и тремъ большимъ сибирскимъ рѣкамъ; общее протяженіе его русла, отъ истока западныхъ вѣтвей до главнаго устья, у протока Акасса, опредѣляютъ приблизительно въ 4.150 километровъ.

Что касается разстоянія по прямой линіи между этими двумя крайними точками, то оно составляетъ всего только 1.810 километровъ. Это объясняется тѣмъ, что рѣка, текущая сначала какъ-бы къ Средиземному морю, описываетъ большую кривую въ сѣверномъ направленіи и проникаетъ даже въ глубь пустыни. Площадь бассейна, гдѣ полу-окружность, начерченная теченіемъ Нигера, образуетъ среднюю линію, равняется приблизительно 2.600.000 кв. километровъ, включая сюда всѣ области Сахары, зависящія отъ этого бассейна по наклону почвы и направленію овраговъ, если не по вносу водъ. Можно было бы даже разсматривать какъ часть долины Нигера весь бассейнъ озера Чаде или Чады, съ рѣкой Шари и другими притоками. Порогъ, раздѣляющій эти двѣ гидрографическія системы, очень невысокъ, и общій видъ мѣстности, кажется, указываетъ на то, что въ предшествующую геологическую эпоху существовало сообщеніе изъ одного бассейна въ другой. Весьма вѣроятно, что прежде чѣмъ пробить себѣ дорогу черезъ цѣпь береговыхъ горъ къ Гвинейскому морю, Нигеръ, задерживаемый этой преградой на югъ, разливался въ восточномъ направленіи, образуя тамъ обширныя внутреннія моря, и озеро Чаде есть лишь незначительный остатокъ этихъ морей: очень можетъ быть, что въ то время «Черный Нилъ» дѣйствительно соединялся съ Ниломъ Египетскимъ, переходя невысокій водораздѣлъ между бассейномъ верхней Шари и «Рѣчной областью», откуда столько потоковъ спускается къ Бахрѣ-эль-Абиаду. Поэтому, общераспространенное у нигрійцевъ преданіе о существовавшемъ нѣкогда соединеніи Ниловъ черезъ континентъ, быть-можетъ, не лишено основанія съ геологической точки зрѣнія, хотя оно несомнѣнно ошибочно въ отношеніи современнаго періода исторіи земли. Если правда, что Нигеръ отклонился къ востоку въ отдаленную эпоху, соединяясь либо съ Шари, либо даже съ Ниломъ, то Бенуэ, нынѣ главный притокъ Нигера, вѣроятно, былъ тогда самостоятельной рѣкой, прямо впадавшей въ Атлантическій океанъ; впрочемъ, по объему жидкой массы онъ и теперь еще равенъ Нигеру и даже, можетъ-быть, превосходитъ его; хотя менѣе длинный, этотъ притокъ проходить черезъ страны, гдѣ дожди гораздо болѣе обильны.

Эта громадная территория Нигера и Бенуэ населена очень неравномѣрно. Нѣкоторыя области безлюдны, не только на Сахарской полостности, гдѣ нѣтъ ни воды, ни растительности,

но также и въ разныхъ другихъ странахъ, плодородная почва которыхъ была опустошена войною. Въ иныхъ мѣстностяхъ, напротивъ, населеніе очень густое; деревни близко скучены одна къ другой, города многочисленны, поля представляютъ одинъ сплошной садъ. Разказы путешественниковъ не позволяютъ еще опредѣлить вѣроятную цифру жителей этого бассейна: по исчисленіямъ, основаннымъ на изслѣдованіяхъ путешественниковъ, Бемъ и Вагнеръ полагали, что среднее число жителей, приходящееся на одинъ квадратный километръ, въ этихъ территорияхъ представляетъ около трети населенности, наблюдаемой во Франціи. Если бы это было такъ, то народонаселеніе бассейна Нигера превышало бы сорокъ милліоновъ человѣкъ; однако, изъ специальныхъ описаній, кажется, нужно заключить, что общее число жителей едва-ли достигаетъ тамъ и половины этой цифры, т. е. двадцати милліоновъ.

Какъ бы то ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что уже въ теченіе длиннаго историческаго періода на берегахъ Нигера жили послѣдовательно народы, сильныя торговлей и промышленностью. Долина этой рѣки, какъ и долина Нила, была центромъ цивилизаціи, и города ея прославились во всей сѣверной части континента и даже за предѣлами Африки. Королевство Гана, имя котораго, въ формѣ Гвинеи, перешло къ большому протяженію Африканскихъ береговъ, было извѣстно венеціанскимъ купцамъ задолго до того времени, когда бѣлые путешественники успѣли проникнуть въ эту страну, и въ теченіе вѣковъ Томбукту рисовался воображенію европейскихъ народовъ въ отдаленной перспективѣ, какъ африканскій Вавилонъ. Нигеръ представляетъ замѣчательный примѣръ въ подтвержденіе закона первобытныхъ цивилизацій, недавно выясненнаго Львомъ Мечниковымъ¹⁾. Какъ въ бассейнахъ Гоанъ-го, Инда, Евфрата, Нила, прибрежныя населенія развивались очень неравномѣрно въ областяхъ, орошаемыхъ Нигеромъ, и въ этой жизненной конкуренціи за цивилизацію не тѣ народы, которые живутъ въ сосѣдствѣ рѣчныхъ устьевъ, достигли первые извѣстной степени образованности. Прогрессъ былъ всего быстрее внутри бассейна, вдали отъ моря: тамъ только организовались національныя группы, довольно значительныя и довольно промышленныя, чтобы получить нѣкоторую важность въ исторіи человѣчества и прославить свое имя даже въ отдаленныхъ странахъ, за предѣлами ихъ континента. Въ то время, когда образовывались націи на среднемъ Нигерѣ, покрывая рѣку вереницами своихъ барокъ, посылая свои купеческіе караваны во всѣ части сѣверной Аф-

¹⁾ „Les grands Fleuves Historiques“, „Revue Scientifique“, 1886.

рики, населенія дельты оставались въ состояніи варварства и закрывали доступъ къ морю культурнымъ обитателямъ верховья. Цивилизація народовъ Нигера, существенно рѣчная, отклонялась отъ океана. Такъ ничтожно было, съ исторической точки зрѣнія, значеніе устьевъ Нигера, хотя и судоходныхъ, что европейцы, послѣ четырехъ вѣковъ путешествій по окраинѣ африканскаго материка, не знали, въ какомъ пунктѣ побережья изливается въ море эта громадная масса прѣсныхъ водъ; они не знали или, вѣрнѣе сказать, забыли это, потому что первые изслѣдователи изъ разспросовъ и указаній туземцевъ были знакомы съ дельтой великой рѣки: «мы поднимались по Нигеру до Бенина», говоритъ Бильо-де-Бельфонъ¹⁾. Еще въ началѣ этого столѣтія Дюро-дела-Малль давалъ вѣру рассказамъ мавровъ о соединеніи двухъ Ниловъ, Нила Негровъ и Нила Египтянъ²⁾. Реннель, принимая взгляды д' Анвила и видоизмѣняя ихъ въ подробностяхъ, воображалъ, что Нигеръ теряется во внутреннемъ морѣ, которому онъ далъ имя Уангара, принадлежащее одному народу на берегахъ озера Чаде³⁾; эта гипотеза согласовалась также съ преданіемъ негровъ, которые видятъ въ этомъ внутреннемъ морѣ страны Борну расширеніе Нильскаго русла. Многіе географы принимали также мнѣніе Мунго-Парка, который направлялъ воды верхняго Нигера къ устью р. Конго, и главнымъ образомъ въ надеждѣ превратить это предположеніе въ достовѣрность и была предпринята, въ 1816 г., злополучная экспедиція Токки, отправившаяся вверхъ по Заирѣ, тогда какъ Педди долженъ былъ спуститься по Нигеру, на встрѣчу другому изслѣдователю. Однако, уже въ 1802 году одинъ «кабинетный» географъ, Рейхардъ, начертилъ на картѣ истинное устье рѣки, если не истинное теченіе между сѣвернымъ Суданомъ и Гвинейскимъ моремъ, такъ какъ онъ провелъ это теченіе также черезъ внутреннее море Ангара⁴⁾. Только въ 1830 году братья Лендеръ ознакомились съ низовьемъ рѣки путемъ непосредственнаго изслѣдованія. Нельзя не удивляться, что столь важный географическій фактъ былъ такъ поздно открытъ. Для Нила трудно было рѣшить вопросъ объ истокахъ, для Нигера же—вопросъ объ устьяхъ.

Изслѣдованіе Нигера европейскими географами еще не окончено. Оно началось съ Мунго-Парка, который этому дѣлу принесъ въ жертву свою жизнь. Въ 1796 году онъ дошелъ до города Сегу и увидалъ, наконецъ, передъ

собою потокъ, «столь долго отыскиваемый, Нигеръ, величественный, блистающій на утреннемъ солнцѣ, такой же широкій, какъ Темза у Вестминстера, и медленно текущій на востокъ». Англійскій путешественникъ спустился по рѣкѣ до Силлы, въ 200 слишкомъ километрахъ ниже, затѣмъ, на обратномъ пути, слѣдовалъ вдоль берега до Бамаку, находящагося въ такомъ же разстояніи выше Сегу: такимъ образомъ рассказъ Геродота о большой рѣкѣ, текущей черезъ Африку «съ запада на востокъ», наконецъ, подтвердился. Девять лѣтъ спустя, въ 1805 году, Мунго-Паркъ предпринялъ свое второе путешествіе по Нигеру изъ той же деревни Бамаку. Онъ построилъ себѣ лодку собственными руками и плылъ по теченію въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ; часто подвергаясь нападеніямъ прибрежныхъ жителей, онъ успѣлъ, однако, пройти большой изгибъ Нигера въ странѣ туареговъ и достигъ даже Гауссы, но при проходѣ черезъ одно узкое мѣсто между скалъ, близъ города Буссы, онъ нашелъ смерть, вмѣстѣ со своими спутниками: только одинъ невольникъ спасся, и всѣ бумаги экспедиціи погибли въ водоворотѣ. Кромѣ факта продолжительнаго плаванія Мунго-Парка по теченію Нигера, въ Европѣ не получили никакихъ свѣдѣній, которыя увеличили бы знаніе африканской географіи. Путешествіе Рене-Калье въ 1827 и 1828 годахъ имѣло капитальную важность для изслѣдованія верхняго Нигера и его восточныхъ притоковъ: съ этого времени можно было указывать на картахъ приблизительную форму рѣчнаго развѣтвленія выше Томбукту; еще раньше путешествія Калье, именно въ 1826 году, Клаппертонъ перешелъ Нигеръ ниже того мѣста, гдѣ утонулъ Мунго-Паркъ. Наконецъ, въ 1830 году Ричардъ Лендеръ, спутникъ Клаппертона въ предыдущемъ путешествіи, совершилъ, вмѣстѣ со своимъ братомъ, плаваніе по нижнему теченію Нигера до его устья. Рѣка стала извѣстна въ ея главныхъ чертахъ: оставалось только опредѣлить точнѣе ея географическія детали. Во время путешествія братьевъ Лендеръ по нижнему Нигеру воды его долго были окутаны густымъ туманомъ, и туземцы, воображая, что рѣка испугалась при видѣ этихъ бѣлыхъ людей, заставили иностранцевъ лечь на дно барки и прикрыли ихъ рогожей. Вотъ примѣръ тѣхъ условій, въ которыхъ всего чаще должны были производиться изслѣдованія европейцевъ на Нигерѣ.

Область верхней Джолибы была посѣщена нѣсколько разъ, хотя ни одному изслѣдователю не удалось напиться воды изъ главнаго источника. Въ 1832 г., Ленгъ достигъ гористой мѣстности, въ которой зарождаются верхніе истоки, а въ 1869 году Уинвудъ Ридъ перешелъ Джолибу менѣе чѣмъ въ 180 километрахъ отъ ея начала. Десять лѣтъ спустя путешественники

¹⁾ Winwood Reade, "Savage Africa", — "Petermann's Mittheilungen", 1851.

²⁾ "Géographie physique de la mer Noire, de l'intérieur de l'Afrique et de la Méditerranée".

³⁾ "Geographical Illustrations of Mr. Parks' Journey".

⁴⁾ Von Zach, «Monatliche Korrespondenz».

Цвейфель и Мутье доходили до того мѣста, откуда виденъ Тембикунду, холмъ, изъ котораго вытекаетъ эта священная рѣка; но духъ воды, представляемый главнымъ жрецомъ, встрѣтилъ ихъ недоувѣрчиво и не позволилъ имъ идти дальше. Всего лучше извѣстна, понятно, та часть Нигера, которая служитъ нынѣ границей французскаго Судана, на протяженіи около 500 километровъ, между Фалабой и Сансандигомъ: въ нѣкоторыхъ округахъ, прилежающихъ къ рѣкѣ, особенно въ окрестностяхъ Бамаку, уже произведена точная съемка мѣстности, и, кромѣ того, на большомъ разстояніи внизъ отъ этой деревни офицеры парохода, впервые пущеннаго по водамъ Нигера, нанесли на карту всѣ извилины рѣчнаго русла. Что касается боковыхъ вѣтвей и восточныхъ притоковъ, то они начертаны пока еще только по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ караванщиками. Ниже Томбукту теченіе рѣки изображено на картахъ съ его истинными контурами, благодаря изслѣдованію Барта, въ 1854 году; но этотъ суммарный трудъ не былъ проверенъ новѣйшими путешественниками, и даже пространство, около 275 километровъ, между городомъ Сай и городомъ Гомба, лежащимъ противъ устья рѣки Сокото, не было ни разу вновь посѣщено бѣлыми со времени путешествія Мунго-Парка. Что касается нижней части рѣчнаго теченія, доступной со стороны моря, то она хорошо извѣстна, за исключеніемъ развѣ второстепенныхъ вѣтвей дельты. Лердъ, въ 1832 г., Олدفилдъ, въ 1834 г., поднимались вверхъ по рѣкѣ; за ними слѣдовали многіе путешественники, и недавно Джозефу Томсону удалось, несмотря на часто неблагоприятную погоду, совершить въ четыре мѣсяца плаваніе туда и обратно между моремъ и Сокото. Большой притокъ Бенуэ, открытый Бартомъ въ 1851 г., былъ обследованъ съ 1854 года путешественникомъ Баки до 1.100 километровъ отъ океана. Эта счастливая экспедиція, не стоившая ни одной человеческой жизни, казалась, должна была поощрить къ новымъ усиліямъ, а между тѣмъ прошло цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, прежде чѣмъ предпріятіе было возобновлено. Наконецъ, въ 1879 г., пароходъ, принадлежавшій одному миссіонерскому обществу, достигъ пункта на Бенуэ, лежащаго въ 230 километрахъ выше того мѣста, гдѣ остановился Баки, и даже прошелъ 60 километровъ дальше устья Фаро, гдѣ Бартъ переправился черезъ рѣку; карта береговъ была тщательно составлена путешественникомъ Флегелемъ, находившимися на борту миссіонерскаго парохода ¹⁾.

Со времени этого втораго путешествія берега Бенуэ, также какъ и берега Нигера, вошли въ кругъ притяженія европейской торговли,

¹⁾ «Petermann's Mittheilungen», 1880, IV.

и «Национальная Африканская Компанія», состоящая изъ англійскихъ негодіантовъ, сдѣлалась почти официально сюзереномъ всѣхъ этихъ областей, раздѣленныхъ на множество государствъ, королевствъ или республикъ, которыя населены различными народами, отличающимися другъ отъ друга расой, языкомъ и религіей. По постановленію берлинской конференціи 1885 г., единственные европейскія державы, признанныя господствующими или сюзеренными владѣтельницами береговъ Нигера, суть Франція для верхней части рѣки и Великобританія для нижняго теченія. Правда, сдѣланы извѣстные оговорки, съ цѣлью обезпечить, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, свободу торговли: теоретически Нигеръ и его притоки будутъ открыты безъ ограниченія купеческимъ судамъ всякой національности. Въ конвенцію включена даже специальная статья, устанавливающая, что грунтовые дороги, рельсовые пути и боковые каналы, могущіе быть устроенными для обхода несудоходныхъ или опасныхъ мѣстъ на Нигерѣ и его притокахъ, будутъ разсматриваемы какъ принадлежащіе къ рѣчной сѣти сообщенія, и, какъ таковые, открыты всѣмъ торговымъ флотамъ на условіяхъ совершеннаго равенства.

Особый интересъ представляетъ вопросъ о началѣ этой большой африканской рѣки, бассейну которой европейскія державы уже дѣляютъ между собой, хотя онъ еще далеко не вполне извѣстенъ. Хотя упомянутые выше путешественники Цвейфель и Мутье принуждены были остановиться въ 6 километрахъ отъ истока Нигера, но имъ все же удалось собрать достаточно свѣдѣній, чтобы имѣть возможность дать намъ его описаніе. По слыханнымъ ими разсказамъ туземцевъ, подтвердившимся отдаленнымъ видомъ мѣстности, Темби—такое имя главной рѣки—бьетъ ключемъ изъ живаго камня Темби-кунду, или «Головы Темби», огромной, закругленной на вершинѣ, глыбы, которая стоитъ между двухъ другихъ каменныхъ массъ такой же формы, но гораздо болѣе высокихъ; позади вырисовывается на горизонтѣ синеватая цѣпь горъ. Бьющій изъ скалы источникъ Темби тотчасъ же образуетъ ручеекъ въ два фута ширины, быстро бѣгущій подъ переплетающимися вѣтвями, затѣмъ впадающій въ маленькое озеро, на которомъ лежитъ скалистый островокъ, осыненный большимъ развѣсистымъ деревомъ, съ пустымъ внутри стволомъ: эти скалы, это дуплистое дерево, скрытыя отъ постороннихъ взоровъ высокимъ частоколомъ, служатъ убѣжищемъ могущественному волшебнику, слава котораго гремитъ во всѣхъ окрестныхъ государствахъ. По выходѣ изъ озера, Темби шумно проходитъ черезъ одну деревню, затѣмъ вдругъ пропадаетъ въ трещинѣ, но въ нѣкоторомъ разстояніи ниже

селения Неліа снова выходитъ на свѣтъ Божій. Когда народъ хочетъ призвать на помощь духа воды, на мѣсто исчезновенія рѣки при- водятъ быка и закалываютъ, мясо беретъ себѣ жрецъ, а набитое чучело жертвеннаго живот- наго бросаютъ въ низвергающійся потокъ. Нѣ- сколько минутъ спустя чучело, послѣ подзем- наго плаванія, вдругъ высовываетъ голову изъ нижняго отверстія, мотаетъ рогами вправо и влево, затѣмъ опять исчезаетъ, уносимое пото- комъ. Это чудесное странствованіе въ нѣд- рахъ земли свидѣлствуетъ о святости водъ Темби: рассказываютъ, что ни одинъ воинъ, ни одинъ человѣкъ, пролившій кровь, не можетъ приблизиться къ этимъ водамъ; онѣ караютъ смертью виновнаго, дерзнувшаго пить ихъ, ибо влага Темби—это волшебный напитокъ, а не простая вода, какъ вода источниковъ, кото- рые на другой сторонѣ горъ, къ западу и къ югу отъ Ломы, спускаются къ рѣкамъ Кама- ранкъ и св. Павла (Сентъ-Поль). Понятно со- жалѣніе, которое испытывали Цвейфель и Мутъе, когда имъ вручили красный орѣхъ кола, въ знакъ того, что доступъ къ священному ключу безусловно воспрещается. Увѣренные, тѣмъ не менѣе, что совершенное ими путеше- ствіе не будетъ забыто въ исторіи географи- ческой науки, они вырѣзали на корѣ ближня- го дерева свои имена и дату своего прохода. Какъ жестоко былъ бы пораженъ одинъ изъ нихъ, если бы передъ нимъ въ эту минуту от- крылось его трагическое будущее, если бы онъ увидѣлъ себя, въ награду за всѣ перенесен- ные имъ труды и опасности, обреченнымъ, у своихъ согражданъ искать въ смерти убѣжи- ща отъ нищеты!

Высота истока Темби надъ уровнемъ моря можетъ быть опредѣлена въ 850 метровъ, по указаніямъ двухъ названныхъ изслѣдователей. «Отецъ Джолибы» описываетъ первую кривую къ востоку, затѣмъ, слѣдуя въ направленіи почти параллельномъ меридіану, соединяется съ другимъ потокомъ, почти равнымъ ему по величинѣ, съ Фалико, и образуетъ съ нимъ «Большую Воду», въ 140 километрахъ отъ Тем- би-кунду. Измѣнивъ направленіе въ мѣстѣ сліянія, рѣка течетъ на сѣверо-востокъ, и если не считать нѣсколькихъ изгибовъ вправо и влево, сохраняетъ это направленіе до обла- стей, лежащихъ за французскимъ Суданомъ и Сегу. Съ сосѣднихъ горъ и плоскогорій къ нему присоединяются многочисленные притоки; даже Фута-Джаллонъ, этотъ большой водораз- дѣльный хребетъ, посылаетъ ему значительный притокъ, Танкиссо, называемый также Бафингъ или «Черная Рѣка», подобно главной вѣтви Сенегала; это южная граница территорій, со- стоящихъ подъ сюзеренитетомъ Франціи. Въ этомъ мѣстѣ, отстоящемъ всего только въ 430 километрахъ отъ истока, Нигеръ уже спустился гораздо болѣе, чѣмъ на половину своего об-

щаго паденія: онъ находится здѣсь уже только на высотѣ 329 метровъ надъ уровнемъ моря, широко разливаясь въ неглубокомъ руслѣ, ко- торое легко можно перейти въ бродъ въ сухой сезонъ; но во время наводненій рѣка высту- паетъ изъ береговъ на многія сотни метровъ въ обѣ стороны, и тогда прекращается всякое сообщеніе между противоположными берегами для экспедицій, какъ военныхъ, такъ и торго- выхъ. Противъ Бамаку средняя ширина рѣки полкилометра, а средняя глубина 2 метра; но многочисленные пороги, песчаные мели или камни, преграждающіе фарватеръ, сильно за- трудняютъ плаваніе: въ 8 километрахъ ниже Бамаку одна изъ этихъ естественныхъ запрудъ, рифы Сотуба, останавливаетъ пароходъ, совер- шающій рейсы по верхнему Нигеру, и можетъ быть переходима только при высокой водѣ, и то съ большими предосторожностями со сторо- ны кормчаго. Въ области, гдѣ Нигеръ служитъ границей французскому Судану, онъ течетъ вдоль самаго основанія холмовъ, составляю- щихъ водораздѣлъ между его притоками и при- токами Сенегала: ручьи, получаемые имъ съ западной покатости своего бассейна, очень ко- ротки и почти безводны въ сухое время года, тогда какъ съ восточной стороны онъ усили- вается обильными рѣками.

У Сансандига, гдѣ рѣка дѣлаетъ крутой по- воротъ къ сѣверу, ложе ея находится всего только на 250 метровъ выше уровня океана. Нигеръ, протекая по мѣстности почти безъ ската, выигрываетъ въ ширинѣ то, что теряетъ въ скорости, и даже, какъ-бы въ нерѣшитель- ности, какое избрать направленіе, развѣтвляет- ся на рукава, образующіе внутреннюю дельту. До сихъ поръ одинъ только главный рукавъ, восточный, былъ обслѣдованъ европейцами, Мунго-Паркомъ и Калье; западный рукавъ, называемый рѣкой Диакъ, ограничиваетъ на западѣ низменный островъ Боргу, имѣющій не менѣе 200 километровъ протяженія съ юга на сѣверъ и раздѣленный безчисленными проли- вами на второстепенные острова. Озеро, или вѣрнѣе обширное болото Дебо, то разливаю- щееся какъ море, то суживающееся въ лаби- ринтъ потоковъ, принимаетъ въ себя воды Ни- гера изъ его боковыхъ рукавовъ; ниже про- стираются другія островныя равнины, окай- мленные съ восточной стороны главной рѣкой, которая извивается длинными излучинами въ низменныхъ земляхъ. Вся эта область Нигера походитъ на область Вѣлаго Нила, гдѣ колеб- лющаяся въ выборѣ направленія рѣка соеди- няется съ Бахрѣ-эль-Газаль въ обширную сѣтъ озеръ и измѣнчивыхъ потоковъ. Единственная равнина, которую представляютъ эти двѣ афри- канскія рѣки въ своемъ режимѣ, происходитъ отъ растительности, очень обильной на бере- гахъ Нила, скудной на берегахъ Нигера ¹⁾.

¹⁾ Josef Chavanne, „Afrika's Ströme und Flüsse“.

Этотъ послѣдній не увлекаетъ въ своемъ теченіи, подобно Нилу, обширныхъ площадей травы и тростника, останавливающихъ на поворотахъ и заставляющихъ потокъ искать другихъ проходовъ: почва его береговъ плотнѣе, и растущіе на нихъ тамаринды еще болѣе скрѣпляютъ ее сѣтью своихъ корней. Въ этой области озеръ и странствующихъ рукавовъ верхній Нигеръ или Джолиба, соединяется съ большой рѣкой, идущей на встрѣчу съ юга, и которую можно бы было назвать «восточнымъ Нигеромъ», такъ какъ она, можетъ-быть, равна Джолибѣ по объему жидкой массы и, вѣроятно, превосходить ее по длинѣ теченія: обыкновенно ей даютъ имя Бахой или «Бѣлая рѣка», какъ и одной изъ главныхъ рѣкъ Сенегала, но иногда ее называютъ также Улу-Улу. Обширный бассейнъ этой рѣки, занимающій всю сѣверную покатость горъ или плоскогорій Конгъ, отъ границъ Либеріи до предѣловъ Ашанти, еще почти совершенно не изслѣдованъ: Рене-Калье—до сихъ поръ единственный путешественникъ, перешедшій рѣки этой покатости, эколо середины ихъ теченія, и обследовавшій главную рѣку въ нижней части ея русла. Многія изъ этихъ рѣкъ судоходны для барокъ и несутъ столь значительную массу воды, что бегемоты, «водяные слоны» и ламантины сдѣлали ихъ своимъ мѣстопробываніемъ. Тамъ, гдѣ Калье перешелъ Бахой (Багоэ), въ 300 километрахъ, по прямой линіи, къ югу отъ Сегу, рѣка была очень широка, хотя онъ переправлялся черезъ нее не въ періодъ разлива, но теченіе было медленное. Ниже эта рѣка носитъ имя Махель-Даневель. Къ востоку отъ нея течетъ другая рѣка, Кораба, Памбине или Махель-Бодевелъ, которая, по словамъ Калье, въ мѣстѣ его перехода, имѣла слишкомъ 100 метровъ ширины, быстрое теченіе и среднюю глубину около 3 метровъ: онъ полагаетъ, что по ней могли бы ходить суда вмѣстимостью отъ 60 до 80 тоннъ. Соединившись на югѣ отъ Сегу Сикоро, эти двѣ рѣки текутъ параллельно Нигеру, затѣмъ, послѣ развѣтвленія на множество боковыхъ потоковъ или мариго, превращающихъ страну Дженне въ лабиринтъ острововъ, ихъ общее русло впадаетъ въ главную рѣку выше озера Дебо. Въ этомъ мѣстѣ, воды, широкія и очень глубоки, почти не имѣютъ теченія: запруда въ нѣсколько метровъ превратила бы сліяніе во внутреннее море; во время спада воды озерный резервуаръ разливается во всѣ стороны, частью даже обратно къ верхней рѣкѣ¹⁾.

Ниже той области, гдѣ жидкая масса двухъ Нигеровъ то соединяется въ озеро, то развѣтвляется на извилистые рукава вокругъ низменныхъ острововъ, рѣка, замедляемая пре-

пятствами своихъ береговъ, разливается въ лабиринтъ мариго, который тянется къ югу отъ главного потока на 150 километровъ внутрь земель. Впродолженіи семи мѣсяцевъ въ году эта область мариго, простирающаяся на южной сторонѣ рѣки, подъ меридіаномъ Томбукту, бываетъ отрѣзана отъ Нигера; она представляетъ тогда отдѣльныя озера, лужи стоячей воды, засоренные каналы, мертвые рукава, камыши, наполняющіе сырыя низины, но во время разлива воды главной рѣки, изливаясь по бокамъ въ углубленія почвы, превращаютъ ихъ въ сѣть живыхъ рѣкъ, и въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, небольшія гребныя суда могутъ свободно плавать въ обширномъ лабиринтѣ озеръ и каналовъ, теченіе которыхъ измѣняется безъ всякой видимой правильности, смотря по силѣ и направленію вѣтровъ, обилію дождей и зною солнца. Въ этой части центральной Африки природа нѣкоторыми сторонами напоминаетъ природу Швеціи, съ ея озерами всевозможной формы, бухточками, тѣсинами, рѣками. Кое-гдѣ встрѣчающіяся возвышенія почвы придаютъ нѣкоторое разнообразіе и живописность пейзажу. На западѣ маленькіе холмы выдвигаются, въ видѣ мыса, между Нигеромъ и цѣною боковыхъ потоковъ; на югѣ, тамъ и сямъ изъ пластовъ сѣрой или красноватой глины выступаютъ гранитные куполы; ровныя мѣстности имѣютъ слегка волнистую поверхность, а по окраинамъ бухточекъ, выставленныхъ дѣйствіемъ вѣтра, расположены ряды дюнъ. Во многихъ мѣстахъ берега окаймлены тамариндами и пальмами думъ, какъ и берега сосѣдней большой рѣки; на берегахъ нѣкоторыхъ правильныхъ, словно выкопанныхъ рукой человека потоковъ, деревья образуютъ аллею, какъ по краямъ нашихъ каналовъ. Нѣкоторые мариго представляютъ совершенно чистые и глубокіе каналы; другіе, напротивъ, покрыты зрелыми, черезъ которыя барки съ трудомъ прокладываютъ себѣ дорогу, и которыя иногда отдѣляются въ видѣ пловучихъ острововъ, задерживающихся на поворотахъ и совершенно преграждающихъ путь судамъ: каждый годъ купцы должны измѣнять свой маршрутъ въ извилистой сѣти этого огромнаго воднаго лабиринта. Прибрежные жители озеръ и заливчиковъ ловятъ массу рыбы въ этихъ водахъ, уровень которыхъ поднимается и опускается, смотря по времени года¹⁾; они умѣютъ также пользоваться испареніемъ водъ для посѣва риса въ сырыхъ лощинахъ, и успѣваютъ собрать жатву до новаго наводненія. Такимъ образомъ одно и то же пространство поочередно бываетъ пашней и мѣстомъ рыбной ловли.

По выходѣ изъ этого лабиринта каналовъ,

¹⁾ Vignon, „Nouvelles Annales de Voyages“, nov. 1857.

¹⁾ Heinrich Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord-und Central-Afrika“.

Нигеръ, имѣющій видъ могучаго потока въ 2 километра ширины, спускающагося на сѣверъ длинной излучиной, представляетъ рѣзкій контрастъ съ лужами и извилистыми боковыми потоками его постоянныхъ разливовъ. Но въ 25 километрахъ ниже онъ вдругъ мѣняетъ направление: остановленный южными террасами Сахары, онъ поворачиваетъ на востокъ и слѣдуетъ въ этомъ направленіи до изгиба при Бурумѣ, на протяженіи около 400 километровъ. Различные признаки, повидимому, указываютъ на то, что нѣкогда путь рѣки отличался отъ нынѣшняго. Чтобы достигнуть своей восточной кривой, гдѣ онъ начинаетъ спускаться по скату, ведущему его прямо къ океану, Нигеръ долженъ былъ пробить скалы, задерживавшія его теченіе, да и теперь еще дающія ему лишь очень узкій проходъ. Весьма вѣроятно, что прежде, чѣмъ открыть себѣ этотъ выходъ, рѣка, поднимавшаяся тогда до гораздо болѣе высокаго уровня, обратила въ обширное внутреннее море всю низменную область, по которой нынѣ разливаются потоки, выдѣляемые ею во время наводненій. Одинъ изъ этихъ боковыхъ потоковъ направляется на сѣверъ къ гавани Томбукту; кромѣ того, свѣдѣнія, собранныя отъ многихъ мѣстныхъ жителей путешественниками Пуйанъ и Сабатье, установили тотъ фактъ, что находящіеся сѣвернѣе Томбукту лощины, болотистыя одну часть года, лежать на продолженіи оси верхняго рѣчнаго теченія ¹⁾. Въ это-то пониженіе почвы, вѣроятно, и изливались воды Нигера въ предшествовавшую геологическую эпоху, до того времени, когда онѣ нашли себѣ выходъ къ востоку. Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что Мессаура, уздъ южной Берберіи и Туата, пользуется теперь этой впадиной, не для того, чтобы катить въ ней свои воды, такъ какъ онъ почти весь годъ бываетъ сухой, а только для того, чтобы развѣртывать тамъ извилистую ленту своего песчаного русла. Но эта гипотеза опровергается опредѣленіями высоты, сдѣланными въ Туатѣ и въ Томбукту. По измѣреніямъ Ленца и Солелье, — впрочемъ, требующимъ проверки, такъ какъ они разнятся между собой на 130 метровъ, — туатскіе — оазисы узда Мессаура лежатъ ниже или почти на одномъ уровнѣ съ Нигеромъ у его западнаго колѣна: въ этомъ мѣстѣ онъ течетъ, по Ленцу, почти на высотѣ 230 метровъ надъ уровнемъ моря.

Въ своемъ поперечномъ ходѣ, отъ запада къ востоку, большая африканская рѣка представляетъ сначала очень широкую долину, въ періодъ разлива наполненную во всю ширину, отъ берега до берега, движущейся водяной скатертью, а въ сухое время года пробѣгаемую

главнымъ русломъ въ 3 или 2 километра ширины, которое съ той или другой стороны окаймляютъ извилистые боковые потоки, лужи и обсохшія пространства дна, превращающіяся въ пастбища на нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Воды снова собираются въ одно общее русло только въ тѣснѣи Бамба, въ 260 километрахъ ниже порта Томбукту. Сжатая между отвѣсныхъ скалъ, рѣка имѣетъ не болѣе «девятисотъ до тысячи шаговъ» въ ширину; но за этимъ первымъ ущельемъ она снова расширяется, и въ той части теченія, гдѣ она достигаетъ своей крайней сѣверной широты (17° 45'), она развѣтвляется на множество болотистыхъ рукавовъ. Настоящій проломъ начинается ниже, на мѣстѣ, называемомъ на туарегскомъ языкѣ Тахонтъ н'Еггинъ, т. е. «Скала входа»: сдвинувшіеся стѣны изъ гранита, кварца и другихъ кристаллическихъ формаций суживаютъ русло; на поверхности воды тамъ и сямъ выступаютъ каменные островки; ряды камней, пересекающихъ наискось рѣку, дѣлятъ ее на безчисленные пѣнящіеся струйки, сталкивающіяся и затѣмъ смѣшивающіяся въ обширные водовороты. Эти «Желѣзные Ворота» рѣки Чернокожихъ были бы очень опасны для парохода, по крайней мѣрѣ во время мелководья; однако, лодка Мунго-Парка благополучно прошла черезъ нихъ. Въ самой узкой тѣснинѣ, называемой Тоссай, Нигеръ имѣетъ всего только «отъ двухсотъ до двухсотъ пятидесяти шаговъ» ширины, — триста футовъ и 90 метровъ, какъ отмѣчено на картѣ Барта; — «легко перебросить камень съ одного берега на другой, а вода такъ глубока, что нельзя достать дна при помощи тонкаго ремешка, вырѣзаннаго изъ кожи большаго быка». Теченіе въ этомъ проходѣ очень быстрое, но тауреги, тѣмъ не менѣе, всегда выбираютъ это мѣсто, какъ самое узкое, когда имъ приходится перебираться черезъ рѣку съ своими стадами, переправляющимися вплавь. Въ этой части своего теченія Нигеръ проходитъ внутри Сахары. Оба его берега, извѣстные подъ именемъ Аусса (лѣвый) и Арибинда или Гурма (правый), принадлежатъ къ поясу пустыни; во многихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ голаго камня, не прикрытаго даже тонкимъ слоемъ песку, глины или растительной земли. Зеленѣющіе острова рѣки представляютъ пріятный контрастъ съ безплодными, лишенными всякой растительности, берегами, черными утесами или плоскими песчаными полосами, на которыхъ тянутся измѣничивые ряды дюнъ.

Почти непосредственно ниже ущелій, въ округѣ Бурумъ, Нигеръ описываетъ свою большую восточную кривую и поворачиваетъ на юго-востокъ по направленію къ Гвинейскому морю; высокіе холмы и одна настоящая гора, Ассерхарбу, поднимающіеся близъ лѣваго берега

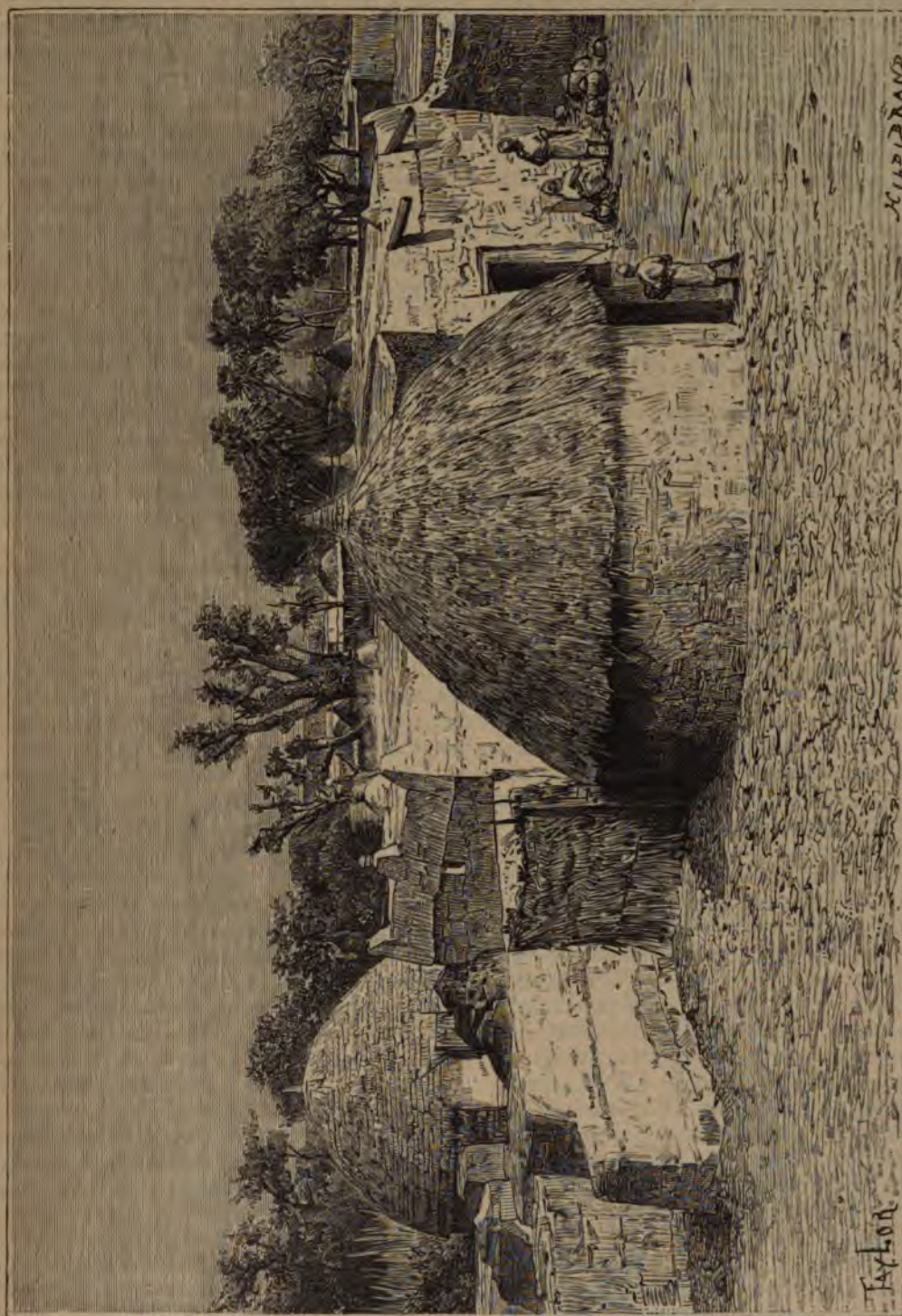
¹⁾ „Bulletin de la Société de Géographie d'Oran“, 1880.

издали указываютъ караванамъ мѣсто, гдѣ рѣка сворачиваетъ въ сторону, чтобы уйти изъ пустыни. Въ сотнѣ километровъ ниже Бурумской излучины Нигеръ вступаетъ въ кли-

матическій поясъ Судана; не видно болѣе джунъ на его берегахъ; большія деревья, пальмовыя рощи осынаютъ группы хижинъ; но теченіе рѣки все еще неправильное: воды ея то дѣлятся на нѣсколько рукавовъ, и аллю-

вѣальная долина раздвигается на огромное пространство въ ширину, то опять соединяются въ одинъ узкій каналъ. У подошвы песчаныхъ холмовъ Ансонго два рукава

СОКОТО.

M. J. J. J. J.

F. J. J. J.

ника стоять посреди ложа, и одинъ изъ проходовъ, куда попадаютъ лодки, уносимыя быстрымъ потокомъ, имѣетъ видъ триумфальныхъ воротъ: справа и слѣва поднимаются утесы въ 10 или 12 метровъ высоты, оставляя посрединѣ каналъ такой же ширины. Мунго-Паркъ благополучно прошелъ эти пороги, также какъ и слѣдующіе, называемые Харарскими, которые на первый взглядъ казались совершенно неприступными для барокъ: наименѣе опасный фарватеръ—тотъ, который идетъ вдоль лѣваго берега, у подножія мыса, называемаго «Ослинымъ». Въ озерномъ бассейнѣ, образовавшемся выше пороговъ, сгруппировался цѣлый архипелагъ лѣсистыхъ острововъ. Ниже слѣдуютъ другія тѣнины, другія запруды изъ камней, именно къ югу отъ маленькой цѣпи холмовъ, высотой отъ 250 до 300 метровъ, сопровождающей Нигеръ по лѣвому берегу. Встрѣчающіеся мѣстами разрывы въ боковыхъ утесахъ указываютъ устья притоковъ, большую часть года остающихся сухими. Одинъ изъ этихъ уѣдовъ, впадающихъ въ Нигеръ, не принося ему воды, кромѣ какъ въ исключительные періоды, можетъ-быть, не уступаетъ верхнему Нигеру по обширности своего рѣчнаго развѣтвленія: это Тафассасетъ, берущій свое начало на южномъ склонѣ горъ Ахаггаръ, въ землѣ сѣверныхъ туареговъ; онъ соединяется съ уѣдомъ Тинъ, Тарабинъ и съ другими руслами, вырытыми дикими водами; даже гора Афра, гдѣ большинство овраговъ заперты въ нижней своей части, такъ какъ временныя воды не обладали достаточною силою размыванія, даютъ начало нѣсколькимъ уѣдамъ, принадлежащимъ къ той же системѣ, какъ и Тафассасетъ. Долина, въ которой соединяются всѣ эти рѣчныя русла, носитъ названіе даллулъ Боссо: она никогда не бываетъ совсѣмъ безъ воды, потому что въ нижней своей части извиливается въ области, гдѣ годовое выпаденіе дождей не можетъ быть менѣе полметра. Бартъ дважды переходилъ этотъ *даллулъ*, и даже въ сухое время года нашелъ тамъ болота и топи: во многихъ мѣстахъ эта низменность образуетъ естественныя рисовыя поля; пальма думъ растетъ лѣсами по берегамъ долины, пользуясь влагой, просачивающейся въ пескахъ. До сихъ поръ это мѣсто слиянія даллула Боссо и Нигера не было описано ни однимъ изслѣдователемъ: оно находится въ той части рѣки, между городами Сай и Гомба, которую не посѣтилъ еще никто изъ европейцевъ, кромѣ Мунго-Парка.

Рѣка, впадающая въ Нигеръ противъ Гомбы, не уѣдъ, какъ даллулъ Боссо: это, благодаря обильнымъ дождямъ, выпадающимъ въ этой области Судана, постоянный потокъ, рѣка или *гульби*, называемая гульби н'Сокото, по имени города, находящагося на ея берегахъ. Въ историческомъ отношеніи этотъ притокъ Нигера имѣетъ капитальную важность,

ибо онъ составляетъ часть того «Нила», о которомъ караваны говорили какъ о непрерывномъ потокѣ, идущемъ черезъ всю Африку, отъ устьевъ Сенегала и Гамбii до настоящаго египетскаго Нила: онъ дѣйствительно пересѣкаетъ сѣверный поясъ Судана на границахъ области сахарскихъ саваннъ; города его служатъ естественными этапами торговли; воды, которыя караваны видѣли время отъ времени вблизи дороги, были приписываемы той же рѣкѣ, тѣмъ легче, что въ большинствѣ странъ употребляютъ одно и то же родовое имя для обозначенія различныхъ рѣкъ. Гульби Сокото беретъ начало въ землѣ Кацена, на западной сторонѣ водораздѣльнаго хребта, другой скатъ котораго орашается рѣкой Іеу, притокомъ озера Цаде. Въ періодъ дождей каждое русло его трудно переходимо, но въ остальное время года онъ представляетъ незначительную рѣчку. Флегель, который послѣ разлива поднимался по нижнему его теченію отъ Гомби до Бирни н'Кебби, на пространствѣ около 150 километровъ, описываетъ эту рѣку какъ заваленную растительными обломками, загроможденную тѣнистыми мелями и стволами деревьевъ; ширина ея—отъ 40 до 75 метровъ.

Ниже слиянія, богатство прибрежной растительности придаетъ великой рѣкѣ видъ совершенно отличный отъ того, который она представляетъ въ мѣстѣ своего перехода черезъ пустыню и область мелкаго кустарника и степей; травяныя поля, отрываемыя отъ болотъ и боковыхъ потоковъ, спускаются длинными вереницами внизъ по теченію, образуя тамъ и сямъ большіе острова, плывучіе луга, которые безпрестанно мѣняютъ контуры, соединяются и расходятся. Нигеръ еще не вышелъ изъ области скалъ и представляетъ большія неправильности, смотря по направленію береговыхъ высотъ: въ иныхъ мѣстахъ онъ разливается въ видѣ озера около 7 или 8 километровъ шириной, такъ что едва можно различить берега, когда плывешь по срединѣ; въ другихъ—разстояніе отъ утеса до утеса, между которыми заключена рѣка, не превышаетъ ста метровъ. Нѣсколько пороговъ, очень опасныхъ, прерываютъ теченіе: одинъ изъ нихъ, близъ города Буссы, есть, вѣроятно, тотъ самый, на которомъ разбилась лодка Мунго-Парка, въ 1806 году; лодочники, сопровождавшіе Флегеля въ 1880 году, говорили ему, что послѣ спада воды въ этомъ мѣстѣ видны остатки европейскаго судна; братья Линдеръ получили отъ короля Буссы нѣсколько книгъ и другихъ документовъ, принадлежавшихъ знаменитому путешественнику. У большаго изгиба при Геба, тамъ, гдѣ Нигеръ, уклоняясь отъ прямого пути къ океану, поворачиваетъ на юго-востокъ, чтобы идти на встрѣчу Бенуэ, посреди рѣки высится островокъ Кеа, скала въ сотню метровъ высоты, съ почти отвѣсными

стѣнами, окруженная при основаніи зеленѣющимъ поясомъ большихъ деревьевъ. На этой островной скалѣ живетъ жрецъ, дающій фетишей лодочникамъ, вызывающимъ къ нему о помощи. Духъ Кезы оказываетъ покровительство пловцамъ, и его невидимыя руки раздають даютъ пищу голоднымъ¹⁾.

У изгиба при Геба всѣ препятствія пройдены: камни русла были смыты водами, и могучій потокъ спускается ровнымъ движеніемъ. Уровень Нигера въ этомъ мѣстѣ всего только на 136 метровъ выше уровня моря, но до устья еще далеко: рѣка остается еще пройти 750 километровъ. Океанскіе пароходы проникають въ эту часть рѣчного теченія, гдѣ даже во время мелководья тинистое дно ложа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыто слоемъ воды въ двадцать метровъ; разливы же иногда прибавляютъ къ этому жидкую массу въ 10, даже и въ 12 метровъ толщины. Притокъ лѣваго берега, выходящій изъ области Сокото, теряется въ обширной рѣкѣ: это Кадуна или Лифумъ, менѣе длинная, чѣмъ гудуби Сокото и служащая истокомъ менѣе обширнаго бассейна, но питаемая болѣе сильными дождями и болѣе многоводная; она имѣетъ 400 метровъ ширины при слияніи, и морскія суда могутъ подниматься по ней километровъ на пятьдесятъ вверхъ отъ устья²⁾.

По объему жидкой массы, Бенуэ — второй Нигеръ; по исторической же важности, какъ судоходная рѣка, орошающая густо населенныя страны, онъ несомнѣнно первый изъ двухъ соединяющихся могучихъ потоковъ. Бенуэ — это «Мать Водъ». Имя Чада, даваемое ему нѣкоторыми прибрежными народами³⁾, и которое было выбрано первыми изслѣдователями между многими его названіями, вѣроятно, произошло отъ смѣшенія верхняго Бенуэ съ озеромъ Чаде или Чадъ: наименованія, которыми прибрежные жители обозначаютъ эту восточную рѣку бассейна, почти всѣ относятся къ своего рода мистическому противоположенію между этими двумя потоками, разсматриваемыми какъ равныя, между «Черной рѣкой», Бенуэ, и «Бѣлой рѣкой», т. е. Куарой или Нигеромъ⁴⁾: оттѣнки цвѣта смѣшивающихся водъ дѣйствительно оправдываютъ этотъ контрастъ именъ. Отличительная черта «Матери Водъ» — слабый наклонъ ея теченія⁵⁾. Въ то время, какъ слияніе находится на высотѣ 81 метра, верховья рѣки, на границѣ судоходства, ле-

жатъ на высотѣ не болѣе 278 метровъ; слѣдовательно, общее паденіе не достигаетъ даже 200 метровъ, при развернутой длинѣ теченія около тысячи километровъ. Долина, въ которой течетъ Бенуэ, представляетъ глубокую поперечную борозду на поверхности африканскаго материка.

Все судоходное теченіе Бенуэ хорошо извѣстно, благодаря изслѣдованіямъ Бэки, Ашкрофта, Флегеля, но область его истоковъ еще не была посѣщена ни однимъ европейцемъ, и относительно этой части африканской гидрографіи существуетъ нѣсколько различныхъ гипотезъ. Замѣчательнѣйшее явленіе въ режимѣ верхняго Бенуэ, если вѣрны предположенія Фогеля, Гутчинсона и другихъ изслѣдователей, состоитъ въ томъ, что эта рѣка соединяется непрерывной линіей судоходныхъ потоковъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ высокихъ водъ, съ бассейномъ Шари и озера Чаде. Болота Тубури, открытыя Фогелемъ, находятся на высотѣ 308 метровъ; изъ этого водохранилища, лежащаго на водораздѣльной возвышенности, излишнія воды выливаются съ одной стороны на сѣверъ въ одну изъ вѣтвей Шари, рѣку Логонъ, съ другой на западъ въ майо, или рѣчной потокъ, называемый майо Кебби, который, кромѣ того, питають ручьи, спускающіеся съ уединенныхъ группъ горъ, которыми усѣяна страна Адамауа. По разсказамъ туземцевъ (сами изслѣдователи остановились нѣсколько ниже), майо Кебби гораздо болѣе обильный потокъ: такимъ образомъ болота Тубури, какъ говорятъ Фогель, составляютъ «питательный резервуаръ Бенуэ». Притокъ, приходящій съ юго-востока, который носитъ имя главной рѣки, на самомъ дѣлѣ «маленькая рѣчка», по которой, впрочемъ, можно подняться на лодкѣ; она беретъ начало въ «восьми дняхъ ходьбы», въ горахъ, лежащихъ въ сосѣдствѣ Нгаундере.

Послѣ соединенія съ майо, Бенуэ становится настоящей рѣкой по объему жидкой массы; онъ имѣетъ уже отъ 160 до 180 метровъ средней ширины и течетъ извилисто съ востока на западъ между грядами песчанниковыхъ горъ, поднимающихся на нѣсколько сотъ метровъ надъ уровнемъ потока. Во многихъ мѣстахъ скалы угрожають ложу рѣки, дѣлая невозможнымъ плаваніе большихъ судовъ; но многочисленные притоки быстро усиливаютъ массу водъ. На сѣверѣ впадаетъ нѣсколько майо, бѣгущихъ съ горъ страны Уангара; на югѣ, съ главной рѣкой соединяется, посредствомъ болотистой дельты, притокъ Фаро или Паро: это — многоводный потокъ, съ каменистымъ русломъ, который еще не былъ пройденъ вверхъ по теченію, но бассейнъ котораго заранѣе общааетъ изслѣдователямъ важныя открытія, такъ какъ линія истоковъ этой рѣки, текущей съ юго-запада на сѣверо-востокъ, направлена

¹⁾ Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland, Band III, 1881—1883; — Richard Lander, „Journal of the Exploration of the Niger“.

²⁾ Milum, „Proceedings of the R. Geographical Society“, January 1851.

³⁾ R. Lander, цитир. сочиненіе.

⁴⁾ William Balfour Baikie, „Exploring voyages up the rivers Kwara and Benue“.

⁵⁾ Hutchinson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, May 1880.

къ вогнутости залива Біафра, къ тому мѣсту, гдѣ берегъ Африки, имѣющій передъ тѣмъ протяженіе съ запада на востокъ, поворачиваетъ на югъ къ мысу Доброй Надежды. Тамъ, безъ сомнѣнія, современемъ откроется кратчайшая дорога отъ моря къ озеру Чаде, истинному центру африканскаго континента, и именно на этомъ пути европейцы всего болѣе имѣютъ шансовъ встрѣтить здоровыя мѣстности для основанія своихъ колоній. Горная ось, начинающаяся среди океана островами св. Елены и продолжающаяся въ морѣ островами Анно-Бомъ, Санъ-Томе, Принсипе, Фернанъ-до-По, а на материкѣ высокой пирамидой Камеруна, идетъ далѣе внутрь земель, гдѣ она образуетъ горы или *гоассере* Тадимъ, затѣмъ непосредственно на западъ отъ рѣки Фаро снова является въ видѣ большой вершины, называемой Алантика, которой Бартъ приписывалъ высоту отъ 2.500 до 3.000 метровъ; хотя, по мнѣнію Флегеля, эти цифры преувеличены, но, тѣмъ не менѣе, Алантика, несомнѣнно, одна изъ кульминаціонныхъ точекъ западной Африки. Можетъ-быть, эта вершина тоже вулканъ, какъ и тѣ морскія горы, на оси которыхъ она расположена.

Немного ниже соединенія Бенуэ и Фаро, рѣка описываетъ свою наиболѣе выдвинутую къ сѣверу излучину, затѣмъ течетъ на юго-западъ въ долину, то суживающейся, то расширяющейся, но вездѣ ограниченной на горизонтѣ холмами или горами въ видѣ цѣпей или массивовъ. Во многихъ мѣстахъ своего теченія Бенуэ представляетъ движущуюся водяную площадь, имѣющую слишкомъ километръ разстоянія отъ берега до берега; кое-гдѣ острова раздѣляютъ его на нѣсколько рукавовъ, и также какъ на Нигерѣ, ниже рѣки Сокото, обширныя полосы пловучей травы спускаются внизъ по рѣкѣ цѣлыми архипелагами, безпрестанно мѣняющими свои очертанія. Въ мѣстѣ слиянія этихъ двухъ большихъ рѣкъ, «Черной и Бѣлой», Бенуэ и Куара, большей изъ нихъ кажется та, которая приходитъ съ востока; но въ періодъ мелководья теченіе ея загромождено островами и мелями, образующими родъ внутренней дельты: узкій наносный полуостровъ врѣзывается длиннымъ мысомъ между двумя рѣками, подобно тому, какъ Ліонскій полуостровъ вдается между Роной и Соной; разница та, что здѣсь, вмѣсто города, видна только непроницаемая чаща растительности. Сліяніе сѣрыхъ и темныхъ водъ, раздѣленныхъ линіей водоворота, имѣетъ видъ обширнаго озера, окруженнаго со всѣхъ сторонъ горами, но между этими крутыми высотами тамъ и сямъ открываются зеленѣющія долины, и воздѣланныя земли, усѣяныя городами и селеніями, окаймляютъ зубчатый кругъ береговъ. Самый высокій уровень воды имѣютъ въ августѣ и

сентябрѣ, самый низкій—въ мартѣ и апрѣлѣ. Общее количество протекающей воды было исчислено, по даннымъ еще весьма неточнымъ, въ 30.000 кубич. метровъ въ секунду.

Отъ мѣста сліянія, соединеннымъ потокамъ остается еще пройти до моря 480 километровъ. Поясъ каменныхъ формаций еще не пройденъ окончательно, надъ рѣкой еще высятся утесы огненнаго происхожденія, затѣмъ она течетъ между террасами изъ желѣзистаго песчаника, стѣны которыхъ достигаютъ мѣстами 50 метровъ высоты, постепенно понижаясь къ югу. По сторонамъ рѣки видѣются еще кое-гдѣ послѣдніе баобабы, и характеръ растительности мало-по-малу мѣняется: въ области устьевъ берега неопредѣленнаго свойства, не то земля, не то вода, исчезаютъ подъ непроницаемой чашей корнепусковъ. Перемѣнѣ почвы и растительности соответствуетъ перемѣна климата: здоровая атмосфера внутреннихъ областей смѣняется душливымъ, сырымъ воздухомъ, порождающимъ лихорадки. Еще до разстоянія 300 километровъ отъ моря рѣка получаетъ боковые притоки, но въ сотнѣ километровъ ниже уже начинаются развѣтвленія дельты. Обширный полукругъ земель, развертывающій свои берега съ такой замѣчательной правильностью между Бенинской бухтой и лиманомъ Брасса, не имѣетъ той изящной симметріи, какую представляетъ кривая Нила; лабиринтъ потоковъ переплетается до безконечности въ видѣ живыхъ и мертвыхъ водъ, озеръ и болотъ въ земляхъ, приносимыхъ изнутри континента, соединенными водами Нигера и Бенуэ. Вычислено, что дельта, внѣшній сегментъ которой имѣетъ около 350 километровъ длины, занимаетъ площадь въ 25 000 квадр. километровъ; что касается глубины наноснаго слоя, то она еще не измѣрена.

Въ настоящее время главное устье Нигера лежитъ на оси верховья: это рѣка Нунъ, входъ которой находится на южной, наидальше выдвинутой, выпуклости всей дельты; но сколько еще второстепенныхъ устьевъ слѣдуетъ одно за другимъ по окраинѣ этихъ вновь образующихся земель! На сѣверо-западъ одинъ изъ рукавовъ составляетъ рѣка Бенинъ, сообщившая свое имя заливу, которымъ оканчивается на востокѣ Невольничій берегъ: эта вѣтвь Нигера, прозванная португальцами Рибейра Формоза, есть та самая, которую Рейхардтъ означилъ на своей гипотетической картѣ какъ устье «рѣки чернокожихъ». Варъ при входѣ въ этотъ рукавъ, хотя глубина воды на немъ во время отлива превышаетъ 5 метровъ, чрезвычайно опасенъ по причинѣ сильнаго прибои волнъ, и суда, имѣющія свыше 2 метровъ водоуглубленія, не могутъ безъ риска пускаться черезъ этотъ порогъ. Между рѣками

Бенинъ и Нуаъ существуетъ девять другихъ устьевъ, изъ которыхъ только одно, Рио-Форкадосъ, представляетъ легкій доступъ для судовъ средняго размѣра. Устье рѣки Нуаъ, примѣтное издалика по желтоватому цвѣту воды, приносимой потокомъ въ открытое море, тоже доступно судамъ съ осадкой до 4 метровъ; но входъ въ него часто бываетъ опасенъ: во время отлива теченіе рѣки иногда движется со скоростью болѣе 8 километровъ въ часъ. Къ востоку отъ большаго устья слѣдуютъ другіе входы на разстояніи, въ среднемъ, около 15 километровъ одинъ отъ другаго; всѣ они отдѣлены отъ моря опасными барами и сообщаются съ внутренностью материка сѣтью каналовъ, судоходныхъ для барокъ. Господствующіе вѣтры въ устьяхъ Нигера дуютъ въ направленіи, прямо противоположномъ рѣчнымъ теченіямъ, и часто съ такой силой, что парусныя суда могутъ подниматься вверхъ по рѣкѣ. Впродолженіи десяти мѣсяцевъ въ году, и особенно съ мая по ноябрь, эти муссоны регулярно проникаютъ въ долину Нигера¹⁾. Къ концу ноября начинается періодъ *smokes*, или дымчатой мглы, сухихъ тумановъ, скрывающихъ побережье въ разстояніи нѣсколькихъ кабельтовокъ: обыкновенно послѣ полудня бриза разсѣваетъ этотъ туманъ; иногда его разгоняютъ торнадосы.

Два устья, Ново-Калабарское (New-Calabar) и Боннийское (Bonny), развѣтвляющіеся лиманы, принадлежащіе къ той же гидрографической системѣ, разсматриваются какъ часть дельты Нигера, съ которой они соединены одной вѣтвью главной рѣки и прибрежными лагунами, каналами солоноватой воды, проходящими подъ корнепусками. Но Новый-Калабаръ и Бонни питаются главнымъ образомъ водами независимой рѣки, которая беретъ начало на югѣ отъ Бенуэ, въ гористой области, оаимляющей южную долину этой рѣки. Что касается лимана Старо-Калабарскаго (Old Calabar), который моряки обыкновенно причисляютъ къ дельтѣ Нигера, потому что онъ представляетъ при входѣ явленія того же рода, и видъ его болотистыхъ, покрытыхъ лѣсомъ ризофоръ, береговъ ничѣмъ не разнится отъ вида западныхъ лимановъ, то это устье совершенно отлично отъ устьевъ Нигера, и ему ошибочно даютъ наименованіе Кроссъ-Риверъ, или «Поперечной Рѣки», такъ какъ изъ этой рѣки, называемой Ойоно въ среднемъ ея теченіи, нельзя попасть въ русло Нигера. Это самостоятельный потокъ, несущій значительную массу водъ; бассейнъ его получаетъ, въ среднемъ, количество дождевой воды, превышающее 2 метра въ годъ. Бекрофтъ и Кингъ, которые поднимались по

Ойоно, въ 1842 г., на протяженіи 320 километровъ, до пороговъ, по ихъ мнѣнію, непроходимыхъ для пароходовъ, говорятъ, что во многихъ мѣстахъ измѣренная ими ширина оказалась больше километра, и что они находили тамъ и сямъ глубины отъ 12 до 20 метровъ. Обслѣдованная часть рѣки описывается полный полукругъ около массива сіенитовыхъ горъ, которымъ англійскіе путешественники даютъ высоту около 1.000 метровъ; вѣроятно, долина эта продолжается на востокъ и отдѣляется отъ материка группою Камерунскихъ горъ, придавая имъ такимъ образомъ почти островной характеръ, такъ что онѣ въ этомъ отношеніи представляютъ сходство съ массивомъ Фернанъ-до-По. Какъ бы то ни было, низовье этой рѣки, хотя отличное отъ дельты Нигера, тѣмъ не менѣе составляетъ продолженіе ея аллювіальнаго пояса; берега Ойоно воздвѣлены такъ же и доставляютъ торговлѣ такіе же произведенія; да и въ политическомъ отношеніи они тоже состоятъ подъ верховной властью Великобританіи. Поэтому рѣку Ойоно, такъ же какъ и лежащій восточнѣе лиманъ, Рио-дель-Рей («Королевская рѣка»), можно описывать какъ часть области Куары, во всякомъ случаѣ съ болѣе основаніемъ, чѣмъ верхній Нигеръ или берега большой дуги, описываемой этой рѣкой въ странѣ туареговъ, въ предѣлахъ пустыни Сахары.

Въ цѣломъ бассейнъ Нигера представляетъ рѣзко обособленныя дѣленія, какъ географическія, такъ и историческія. Область верховья, ограничиваемая съ юга и запада полукругомъ параллельныхъ побережью горъ, оканчивается на сѣверѣ водопріемнымъ бассейномъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ главныя вѣтви, Джолиба и Бахой. Эта область, составляющая часть суданскаго пояса, имѣетъ особый характеръ по своей растительности, своимъ дождямъ и режиму водъ: разливы, которые происходятъ отъ ливней, выпадающихъ на южныхъ горахъ и въ массивѣ Фута-Джаллонъ, теряются въ озерахъ, болотахъ и боковыхъ потокахъ между Дженне и Кабара; тогда какъ верхняя рѣка начинаетъ расти въ іюнѣ и понижается въ декабрѣ, въ среднемъ Нигерѣ, близъ Томбукту, только въ январѣ наступаетъ повышение уровня водъ, усиливаемыхъ нѣсколькими запоздалыми дождями. Равнымъ образомъ по исторіи своихъ населеній верхній Нигеръ, съ его феллатами, мандингами и бамбарасами, задерживаемыми на сѣверѣ арабами и берберами, составляетъ особую страну; точно также, съ торговой точки зрѣнія, эта область имѣетъ свои естественные пункты сбыта не въ Гвинейскомъ морѣ, а въ сенегамбійской Атлантикѣ, по скатамъ Сенегала, Гамбии, Рио-Гранде. Французы, которые, занявъ постъ Бамаку, сдѣлались преоблада-

¹⁾ Maec Queen, „Geographical Survey of Africa“;—Hutchinson, „Narrative of the Niger, Tshadda and Binué Expedition“.

ющей державой въ этой части африканскаго континента, стремятся даже соединить этотъ бассейнъ верхняго Нигера непосредственно съ Средиземнымъ моремъ проведеніемъ желѣзной дороги черезъ Сахару. Что касается сѣвернаго пояса Нигера, то онъ лежитъ внѣ Судана; тамъ дожди не выпадаютъ въ достаточномъ количествѣ, чтобы увеличивать массу воды и доставлять ей притоки, рѣка окаймлена по берегамъ лишь узкой полосой воздѣланныхъ земель, ограниченной съ юга и сѣвера пустынными пространствами. Расположенная на границѣ двухъ природъ, эта область естественно должна была сдѣлаться предметомъ спора между населеніями различныхъ нравовъ: чернокожіе суданцы и берберы бѣлой расы ведутъ тамъ борьбу изъ-за обладанія почвой. Эти послѣдніе, представляющіе собою варварскій элементъ рядомъ съ цивилизованными гауссантами, имѣютъ теперь перевѣсъ въ большей части территоріи; однако, благодаря счастливому географическому положенію нѣкоторыхъ городовъ, стоящихъ на берегу главной рѣки, въ плодородной мѣстности и въ фокусѣ соединенія торговыхъ путей, тамъ возникли большіе рынки и центры культуры, слава о которыхъ распространилась далеко. Но населенія скучены во множествѣ только ниже этого пояса средняго Нигера, въ странахъ, орошаемыхъ годовыми дождями, гдѣ въ главный потокъ изливаются съ правой и съ лѣвой стороны постоянныя рѣки: тамъ основалось государство Гаусса, которое, вмѣстѣ со всѣми вассальными областями, есть безспорно, по числу жителей самое значительное политическое тѣло африканскаго континента. Четвертое естественное дѣленіе бассейна занимаетъ нижнее теченіе Нигера и страны, прилегающія къ Венуэ: это поясъ проникновенія внутрь материка для торговли съ Европой. Тамъ находятся факторіи, связывающія отнынѣ внутреннія области континента съ главными мировыми рынками и долженствующія служить посредниками для смѣшенія цивилизацій.

II. Верхній Нигеръ.

Область верхняго Нигера до слиянія двухъ главныхъ рѣкъ не составляетъ одного отдѣльнаго государства. Она населена множествомъ различныхъ племенъ, не имѣющихъ между собой этнической связи, и границы ея республикъ, округовъ и королевствъ безпрестанно мѣняются въ зависимости отъ переселеній, завоеваній и вытѣсненій однихъ племенъ другими. Въ наши дни въ этой части Судана существуютъ три главныхъ центра политической группировки населенія.

Южное государство, основанное въ очень недавнее время, имѣетъ религіозное проис-

хожденіе, какъ большинство имперій, образовывавшихся въ этой странѣ въ разныя эпохи, со времени магометанскаго нашествія. Около 1875 года на Сенегалѣ разнесся слухъ о появленіи новаго пророка, Самбуру или Самори, который ходилъ въ Уассулу и другихъ территоріяхъ по верхнему Нигеру, вербуя вѣрующихъ для священной войны и разрушая города язычниковъ. Въ 1881 году французы первые вступили съ нимъ въ непосредственныя сношенія и послали къ нему одного туземнаго офицера, по имени Алакамесса, который сильно рисковалъ потерять жизнь въ этомъ опасномъ посольствѣ. Въ слѣдующемъ году произошло столкновеніе между французскимъ отрядомъ и войскомъ Самори, къ востоку отъ Нигера, у города Кеніера, которымъ этотъ махди овладѣлъ незадолго передъ тѣмъ; въ 1883 году послѣдовали новыя столкновенія, но силы противниковъ были слишкомъ неравныя, чтобы Самори не рѣшился принять миръ. Онъ признаетъ французскій протекторатъ надъ частью лѣваго берега Нигера, ниже Танкиссо или Бафинга, но укрѣпляетъ свою власть въ области верховья и надъ восточными территоріями до Уассулу и далѣе. Говорятъ, что въ этихъ странахъ совершился настоящій социальный переворотъ со времени образованія мусульманскаго царства. Еще недавно торгъ невольниками составлялъ главную торговлю края, и шайки негропромышленниковъ ходили изъ деревни въ деревню, съ цѣлью изловить нѣсколькихъ несчастныхъ, которыхъ продавали прохожимъ караванамъ. Страсть къ охотѣ на человѣка заставила отказаться отъ всякаго другаго промысла. Теперь плѣнниковъ обрабаютъ въ солдатъ, они зачисляются въ полки и составляютъ солидное войско, которое учится употребленію скорострѣльнаго ружья и старается познакомиться съ приемами европейской тактики ¹⁾. По всей вѣроятности, это новое королевство расширитъ кругъ своихъ владѣній. Жители Сиерра-Леоне ожидаютъ, что мандингскій султанъ откроетъ себѣ дорогу къ ихъ заливу черезъ земли племенъ куранко и тимни ²⁾.

По другую сторону территорій французскаго протектората, расположенныхъ вдоль лѣваго берега Нигера, простирается имперія, находящаяся нынѣ въ состояніи упадка, царство тукулерскихъ завоевателей. Извѣстно, что въ 1850 году хаджи Омаръ положилъ основаніе этому государству, овладѣвъ со своими талибе, или «вѣрующими», нѣсколькими городами страны Джаллонке. Затѣмъ онъ покорилъ нѣсколько другихъ мелкихъ государствъ на верхнемъ Сенегалѣ, и послѣ этого, считая себя уже непобѣдимымъ, пришелъ, въ 1857 году, атаковать

¹⁾ Colin, „Revue française de l'étranger des colonies“, oct. 1885.

²⁾ Joseph Thomson, „Good Words“, January 1886.

французскій постъ Медину. Тутъ счастье ему измѣнило; но Омаръ, потерпѣвъ поражение на Сенегалѣ, направился къ Нигеру, доканчивая завоеваніе провинцій Каарта и Беледугу; Сегу

бамбарасовъ и мандинговъ привели къ раздробленію государства; затѣмъ успѣхи французскихъ колоннъ, проникшихъ далеко внутрь страны, раздѣлили королевство на нѣсколько

Типы племени филлани или фула

и Массина признали его власть надъ собой; армія его подвинулась до самаго Томбукту. Едва основанная, имперія тукулерскихъ талибе рушилась. Семейныя ссоры между преемниками Омара и возстанія угнетенныхъ

отрывковъ, какъ-то: на сѣверо-западѣ—Каарта, на востокѣ—Сегу, на югѣ-западѣ—Джаллонкедугу. Отдаленность этихъ разрозненныхъ владѣній и трудность продовольствованія войскъ въ странѣ, разоренной тукулерами, которыми

многіе округа обращены въ настоящую пустыню, не позволяютъ думать о восстановленіи единства этой имперіи: она просуществовала не долѣе періода жизни одного поколѣнія, и теперь отъ нея остались только обломки. Недолговѣчность государствъ въ этихъ областяхъ Нигера хорошо выражена бамбарасской поговоркой: «Никакой король не можетъ перейти Джалибу дважды въ своей жизни» ¹⁾).

Главная масса населенія, обитающаго въ долинахъ Нигера и его притоковъ, принадлежитъ къ мандингской расѣ. Куравкосы, занимающіе область истоковъ, — соплеменники туземцевъ того же имени, живущихъ на западной покатости горъ Лома, въ бассейнахъ рѣкъ Рокель и Камаронка. При-нигерскіе куравкосы дѣлятся на множество маленькихъ, независимыхъ одно отъ другаго, государствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего царька, свой совѣтъ старѣйшинъ, своихъ жрецовъ свои спеціальныя обряды и которыя вѣчно враждуютъ между собой, что дѣлаетъ путешествіе въ этой странѣ очень продолжительнымъ, а иногда и опаснымъ. Ихъ восточные сосѣди, кисси, гораздо болѣе дружелюбны къ иностранцамъ, имѣютъ обычай выдавать своихъ дочерей замужъ за кочующихъ купцовъ, мандинговъ или су-су. Будучи сами осѣдлыми, они состоятъ, благодаря этимъ родственнымъ связямъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями всѣхъ мѣстностей, между побережьемъ Сенегамбіи и горами Конгъ. Далѣе на сѣверъ, сангарасы, жившіе прежде маленькими самостоятельными общинами, управляемыми совѣтомъ стариковъ ²⁾, должны были признать надъ собой власть упомянутаго махди Самори. Эта область — страна басень. Англійскому путешественнику Уинвуду Риду рассказывали о туземцахъ, которые будто-бы могутъ цѣлыми часами оставаться подъ водой, на днѣ рѣки, и умѣютъ приручать крокодиловъ; особенно женщины умѣютъ привязывать къ себѣ этихъ чудовищъ. Многъ объ амазонкахъ, встрѣчающихся во многихъ странахъ, существуетъ также и въ этой части Африки, у народа кисси; но еще неизвѣстно, какая основа истины скрывается подъ ихъ легендами. «Въ двѣнадцать дней ходьбы отъ ихъ земли», говорятъ они, къ востоку, большой городъ Нахало населенъ исключительно женщинами. Всякій мужчина, котораго онѣ встрѣтятъ въ городѣ или его окрестностяхъ, долженъ быть преданъ смерти: такъ требуетъ законъ; но часто случается, что забранныхъ иноземцевъ шадятъ и держатъ секретно въ плѣну; мальчики, рождающіеся изъ этихъ союзовъ между плѣнниками и свободными женщинами, безжалостно убиваются; оставляютъ жить только дѣвочки ³⁾. Уинвудъ

Ридъ рассказываетъ также, со словъ туземцевъ, что въ землѣ Кисси женщины знаютъ искусство сообщать голубой цвѣтъ глазамъ своихъ дѣтей, дѣлая близъ орбиты уколы, куда вводить какой-то порошокъ ⁴⁾. Наконецъ, Моліену говорили объ одномъ народѣ, по имени маніана, у котораго будто-бы существуетъ обычай убивать больныхъ и стариковъ и употреблять въ пищу ихъ трупы, такъ что въ томъ краю человѣческое мясо продается на рынкѣ.

Нация уассулу, повидимому, численно самая могущественная въ области притоковъ къ востоку отъ запада Нигера: деревни тамъ стоятъ такъ близко одна отъ другой, что король передаетъ свои приказы, по словамъ туземцевъ, не имѣя надобности выходить изъ своей резиденціи: «слово его переносится стоустой молвой до крайнихъ предѣловъ государства» ⁵⁾. Жители страны Уассулу, какъ полагаетъ Рене-Калье, принадлежатъ къ феллатской расѣ; однако, эти чернокожіе многими чертами походятъ на бамбарасовъ и говорятъ мандингскимъ языкомъ. Сараколе, между которыми много купцовъ, тоже очень многочисленны въ этой странѣ. Города населены магометанами, тогда какъ уассулусы поселене относятся индифферентно къ исламу; они хорошо принимаютъ мусульманъ, какъ и всѣхъ другихъ чужеземцевъ, но отказываются подражать обрядамъ марабутовъ. Рене-Калье отзывался съ большою похвалой объ уассулусахъ, говоря, что это самые добродушные и гостепріимные изъ всѣхъ негровъ, которыхъ онъ встрѣчалъ: они очень вѣжливы, даже слишкомъ, такъ какъ женщины ихъ простираютъ свою любезность до того, что становятся на колѣни передъ иностранцемъ; и ихъ любопытство, хотя сильно возбужденное, никогда не переходитъ въ нескромность, какъ у мандинговъ. Истинные феллаты по заботливому уходу за скотиной, уассулусы имѣютъ великолѣпныя стада крупнаго рогатаго скота; кромѣ того, они разводятъ барановъ, козъ и въ небольшомъ количествѣ лошадей; вообще мало выносливые къ труду, мужчины занимаются исключительно птицеводствомъ. Очень миролюбивые по природѣ, уассулусы храбро защищаютъ свое отечество, и, по словамъ купцовъ, посѣщающихъ французскіе посты на Нигерѣ, до сихъ поръ съ успѣхомъ отражали нападенія Самори. Во время посѣщенія края путешественникомъ Рене-Калье они употребляли лукъ и стрѣлы; ружья были еще рѣдки въ той странѣ; нынѣ же нѣтъ уже ни одного негритянскаго народца, который бы не промѣнялъ стрѣлы или дротика на огнестрѣльное оружіе. Движеніе народовъ, происходящее съ неудержимой силой уже многіе вѣка отъ вос-

¹⁾ Winwood Reade, цитируемое сочиненіе.

²⁾ Zweifel et Moustier, цитированное сочиненіе.

³⁾ „African Sketch Book“.

⁴⁾ Gallieni, цитиров. сочиненіе.

⁵⁾ Pietri, „Les Français au Niger“.

тока къ западу въ этой части африканскаго континента, продолжается и въ наши дни: въ 1879 году, во время путешествія двухъ изслѣдователей верхняго Нигера, Цвейфеля и Мутье, на правомъ берегу рѣки стояли лагерь завоеватели изъ племени гаусса, повидимому, собираясь продолжать свой побѣдонесный походъ къ области горъ.

Къ сѣверу отъ территорій Уассулу, Джаллонке и колоній мандинговъ и цивилизованныхъ феллатовъ, главная масса населенія береговъ Нигера и сосѣднихъ земель состоитъ изъ бамбарасовъ. Эти негры, называющіе себя баманао или ба-мана, что значитъ «люди Большой Скалы»¹⁾, по ихъ преданіямъ, первоначально жили въ южныхъ горахъ и только по праву завоеванія водворились на берегахъ

нихъ овала, обращенныхъ кнаружи». Можно сказать только, что въ среднемъ бамбарасы—негры съ очень темной кожей и курчавой шевелюрой, болѣе рослые и болѣе сильные, чѣмъ малинке, и тѣлесная красота ихъ менѣе скульптурна, нежели у уолофовъ, сереровъ и круменовъ. Они отличаются отъ своихъ сосѣдей тремя параллельными рубцами на щекѣ, идущими отъ угла глаза до угла губъ.

Промышленность очень развита у бамбарасовъ. Какъ кузнецы, они одни изъ самыхъ искусныхъ между неграми: глиняныя трубы, служащія поддувалами, устроены очень остроумно и иногда изъ предосторожности, чтобы не лопнули, крѣпко связаны ланами. Бамбарасы давно уже научились фабриковать порохъ, добывая селитру выщелачиваніемъ земли; они пле-

Внутренность жилища племени бамбара.

двухъ Бахоевъ, Нигера и Сенегала, въ Беледугу, Бахуну, Каарта и другихъ земляхъ, гдѣ прежде господствовали сараколе²⁾. Они принадлежатъ къ той же расѣ, какъ мандинги, и говорятъ языкомъ, корни котораго не отличаются отъ корней нарѣчія малинке. Впрочемъ, переселенія черезъ континентъ, смѣшеніе съ другими племенами, какъ слѣдствіе завоеванія и невольничества, видоизмѣнили типъ до безконечности, и наблюдатели, смотря по тому, черезъ какія мѣстности имъ случилось проходить, описываютъ этихъ негровъ совершенно различно: по однимъ, бамбарасы имѣютъ тонкія губы и орлиный носъ; по другимъ, напротивъ, ротъ у него огромный, губы толстыя, оттопыренные косо лежащими рѣзцами, носъ приплюснутый, «отверстіе ноздрей образуетъ два параллель-

тутъ веревки и канаты, перебрасываютъ мосты на потокахъ, строятъ пироги и шаромы. Дома у нихъ по большей части четырехугольные, съ плоской кровлей, снабженной желобами для стока воды и отверстіемъ для выхода дыма. При помощи разведенной золы или красной охры, глинобитныя стѣны украшены рисунками, изображающими руки, ноги, животныхъ или геометрическія фигуры: можетъ быть, эта примитивная живопись прежде имѣла магическое значеніе, какъ средство для защиты жилища отъ злыхъ духовъ, нынѣ же она не имѣетъ иной цѣли, кромѣ удовлетворенія артистическому вкусу обитателей. Бамбарасы обладаютъ также кое-какими астрономическими познаніями и предсказываютъ погоду по виду солнца, луны и созвѣздій³⁾.

¹⁾ Binger, „Essai sur la langue bambara“.

²⁾ Bérenger-Féraud, „Les peuplades de la Sénégambie“.

³⁾ Binger, цитированное сочиненіе.

Также какъ уассусусы, бамбарасы смиренны, гостеприимны, великодушны, незлобивы. Они очень смѣшливы, разговариваютъ всегда съ одушевленіемъ, съ жестами, и кричатъ всѣ вдругъ; въ праздники, которые у нихъ справляются по всякому поводу, они превосходятъ другихъ туземцевъ шумными дурачествами. Въ музыкальномъ талантѣ они уступаютъ мандингамъ, но умѣютъ производить болѣе оглушительный шумъ на барабанахъ и флейтахъ; наканунѣ битвы, когда они готовятся къ смерти, три печальныя ноты прерываютъ время отъ времени веселую музыку ¹⁾. Бамбарасы славятся своей храбростью, и многие изъ нихъ продаютъ себя въ военную службу къ чужимъ вождямъ: часто случалось, что бамбарасскіе воины опустошали свое собственное отечество подъ командой французскихъ завоевателей. Между туземцами одни только бамбарасы достаточно храбры, чтобы атаковать непріятельское укрѣпленіе, но они такъ же безпощадны въ побѣдѣ, какъ кротки въ мирное время. Самая ненарушимая клятва у бамбараса—это клятва «порохомъ и ружьемъ». Эта любовь войны ради войны естественно должна была привести въ результатъ къ пораженію. Несмотря на свою храбрость, бамбарасы вездѣ подвластны другимъ народамъ: въ долинахъ верхняго Нигера они повинуются феллатамъ и мандингамъ; во французскомъ Суданѣ они должны подчиняться приказамъ комендантовъ фортовъ; на противоположномъ берегу Нигера и въ области Каарта ихъ угнетаютъ тукулеры; только нѣсколько мелкихъ племенъ, между Каарта и Беледугу, могутъ считаться волями независимыми.

Впрочемъ, рабство, такъ сказать, въ традиціи у бамбарасовъ. Плѣнники изъ этой націи нѣкогда цѣнились гораздо выше плѣнниковъ другихъ племенъ, потому что они спокойно переносятъ свою участь и не думали ни о возмущеніи, ни о побѣгѣ. Съ другой стороны, между бамбарасами свободные люди легко подчиняются господству невольниковъ: въ большинствѣ мелкихъ государствъ этой страны власть находится обыкновенно въ рукахъ челяди; начальники племенъ вѣряютъ плѣнникамъ свои сокровища, свою семью, свои дѣла, командованіе войсками, и толпа подданныхъ безропотно повинуются подобнымъ мнистрамъ ²⁾. Въ Каарта при вступленіи на престолъ новаго царька, первымъ привѣтствовалъ его начальникъ рабовъ, раскладывая передъ нимъ сокровища короны, затѣмъ старшина кузнецовъ, бывший въ то же время «предводителемъ дворянства», обращался къ королю съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, произносилъ такіа постыдныя слова: «помни прежде всего, что ты нашъ повелитель, и что наши

головы принадлежатъ тебѣ». Высшая каста, курбари, считающая себя въ близкомъ родствѣ съ бегемотами, имѣла всѣ права надъ торговцами изъ племени сараколе, надъ «вольными людьми» низшихъ кастъ, надъ всей толпой земледѣльцевъ, потомковъ покоренныхъ племенъ дѣавара и кассонке. Масса-си, или «Сѣмя Массы», т. е. потомки одного изъ прежнихъ царей, считаются благородными изъ благородныхъ: они были совѣтниками короля и распредѣляли между собой всѣ почетнѣйшія должности; смертная казнь никогда не примѣнялась къ людямъ ихъ сословія; и даже совершившіе тяжкое преступленіе избѣгали всякаго наказанія, если имъ удавалось послѣ произнесенія приговора плюнуть на своего обвинителя. Для отличія отъ простыхъ бамбарасовъ, масса-си носили тяжелое золотое кольцо въ правомъ ухѣ, поддерживаемое косой или ремешкомъ. До нашествія тукулеровъ, сломившаго силу старыхъ обычаевъ, иногда приносили въ жертву военнопленныхъ на могилахъ умершаго масса-си, и закладка домовъ вельможъ совершалась на трупахъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, образъ правленія былъ строго монархическій: жена—«рабыня мужа», дѣти до совершеннолѣтія—невольники отца; но обыкновенно достаточно, чтобы былъ признаваемъ принципъ, на практикѣ же женщины и дѣти пользуются полной свободой: случается даже, что женщины наравнѣ съ мужчинами подають свое мнѣніе на сельскихъ сходахъ. Съ домашними животными бамбарасы обращаются очень ласково, что дало арабамъ поводъ говорить, что эти чернокожіе живутъ вмѣстѣ съ собаками, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревни управляются какими-то волосатыми существами, полу-псами, полу-бамбарасами ³⁾.

Почти всѣ бамаосы или бамбарасы, по крайней мѣрѣ жители области Каарта, называютъ себя магометанами, но мало усердствуютъ въ вѣрѣ и слывуть за кафировъ у ихъ властителей тукулеровъ: есть даже много племенъ, которыя, вернувъ себѣ политическую независимость, отказались отъ всѣхъ церемоній ислама, чтобы имѣть право снова предаваться пляскамъ и запретнымъ забавамъ; въ праздники туземцы напиваются виномъ *доло* и ѣдятъ собачье и даже шакалье мясо, хотя бы только для того, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свою ненависть къ религіи угнетателей. Такимъ образомъ магометанство, дѣлающее такіе успѣхи въ другихъ странахъ Африки, теряетъ почву у бамбарасовъ, какъ и у куранкосовъ. Что касается обычной обрѣзанія, то онъ, также какъ и обычай вырѣзыванія для молодыхъ дѣвушекъ, существовалъ уже гораздо ранѣе пріобрѣтія магометанъ въ страну; операціи эти обыкновенно поручаютъ дѣлать кузнецамъ и ихъ женамъ, лю-

¹⁾ Pietri, цитированный жемуръ.

²⁾ Ricard, «Le Sénégal», étude intime.

³⁾ Paul Soleillet, цитированное сочиненіе.

дямъ высшей касты, которые никогда не были порабощены, и которые живутъ, яко-бы, въ постоянномъ общеніи съ духами. Тайныя общества также справляютъ свои обряды въ лѣсахъ ¹⁾. Большинство бамбарасовъ имѣютъ своихъ фетишей—корни растений, куски матеріи, пучки шерсти,—которыхъ они запираютъ въ бычачій рогъ, въ слоновый бивень, или еще чаще въ тыквенную бутылку или въ *канари*, большой глиняный кувшинъ. Круглая форма и желтый цвѣтъ этого сосуда напоминаютъ творца—солнце. Иногда вокругъ сосуда, хранища фетиша, обвивается змѣя, символъ міра безъ начала и конца. Если сосудъ порожній, къ нему подходятъ еще съ большимъ благоговѣніемъ: значитъ, въ немъ обитаетъ невѣдомый богъ ²⁾.

Въ верхнемъ бассейнѣ Джолибы путешественники Калье, Ленгъ, Уинвудъ-Ридъ, Цвейфель и Мутъ встрѣчали только деревни, убогія столицы маленькихъ государствъ. Неліа, Тантафара, въ непосредственномъ сосѣдствѣ истоковъ,—просто группы хижинъ. Ліа, при слияніи главныхъ вѣтвей, образующихъ Джолибу, незначительное мѣстечко, безъ всякой торговли; Фаранна, которую посѣтилъ Ридъ, на правомъ берегу рѣки, въ 200 километрахъ отъ истока, представляетъ груды развалинъ. Политическій центръ мусульманской имперіи, основанной Самори, находится нынѣ въ главной долины, на берегахъ восточнаго притока, рѣки Жанды и въ ея боковыхъ долинахъ. Галаба, гдѣ вышеупомянутый сенегальскій офицеръ Алакамесса посѣтилъ этого завоевателя въ 1881 году, была тогда его обычной резиденціей, близъ истоковъ Жанды; въ 1885 году, Сананкоро, лежащій сѣвернѣе, въ мѣстности, покрытой высокими холмами, былъ лѣтней столицей; Биссанду, ниже по рѣкѣ, былъ зимней метрополіей. Недалеко отъ этой послѣдней деревни, сдѣлавшейся временно столицей имперіи, группируются хижины главного города страны, Канкана, на рѣкѣ Мило, небольшомъ восточномъ притоцѣ Нигера. Населенный мандингами и саракольскими купцами, этотъ городъ монополизировалъ торговлю всей области верхняго Нигера, и караваны его ходятъ до самаго моря, въ Фритаунъ и даже внутрь Сахары, въ Тишитскій оазисъ, гдѣ они покупаютъ бруски соли, въ обмѣнъ за невольниковъ и южныя произведенія; туземныя лошади отличаются превосходными качествами. Кинканъ—очагъ магометанства въ области западнаго Нигера. Онъ часто ведетъ войну со своими

юго-восточными сосѣдями, торонами или торонгами, которыхъ считаютъ наиболѣе чистыми потомками древнихъ бамбарасовъ: горы ихъ, говорятъ, были первоначальной родиной расы, распространившейся теперь по обширной территоріи на сѣверъ и сѣверо-западъ.

Въ этихъ странахъ торговля и пропаганда ислама идутъ вмѣстѣ: мандингскіе *диулы* суть въ то же время миссіонеры Аллаха и его пророка. Въ каждомъ торговомъ селѣ есть мечеть, и нѣкоторыя изъ деревень населены исключительно мусульманами. Такова Самбатикла, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Канкана, въ сосѣдствѣ земли племени торонъ; другія мѣстечки, какъ, напримѣръ, Тиме, состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ группъ хижинъ, каждая въ особой оградѣ и съ населеніемъ различнаго культа. Женщины одного бамбарасскаго племени, которое путешественникъ Калье встрѣтилъ въ сосѣдствѣ Тиме, слѣдуютъ той же модѣ въ украшеніи лица, какъ многія изъ ихъ единоплеменницъ въ принильскихъ племенахъ: онѣ вставляютъ палочки или кружки изъ тыквеннаго дерева въ отверстіе, проколотое въ губѣ, которая отъ этого выдается впередъ; безъ этого украшенія всякое женское лицо показалось бы имъ безобразнымъ. Тенгрера и Дебена—главные рынки области Бахоя, или восточнаго Нигера. Первый, какъ и Тиме,—двойной городъ, въ одно и то же время мандингскій и бамбарасскій, магометанскій и языческій; такимъ образомъ караванныя дороги, до низовьевъ Нигера и до береговъ Золотого и Невольничьяго, усеяны, точно вѣхами, маленькими поселеніями, имѣющими каждое свою мусульманскую общину. Тенгрера такой же оживленный рынокъ, какъ Канканъ, и служить складочнымъ мѣстомъ для брусковъ соли, привозимыхъ изъ Сахары. Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли въ этой области—орѣхи кола, получаемые изъ-за южныхъ горъ, изъ страны, которую путешественнику Рене-Калье называли именемъ Таманъ: это, можетъ-быть, Гіаманъ въ верхнемъ бассейнѣ Вольты. Одна изъ главныхъ дорогъ тѣхъ краевъ проходить черезъ большой мандингскій городъ Конгъ, то-есть «Гора», славящійся во всѣхъ сосѣднихъ земляхъ своими богатствами въ золотѣ и матеріяхъ, въ зерновыхъ хлѣбахъ и лошадяхъ. Эти невѣдомыя бѣлому человеку страны, вѣроятно, принадлежатъ къ числу самыхъ цвѣтущихъ въ Африкѣ. Путешественникъ Бонна во время своего четырехлѣтняго плѣна въ столицѣ ашантиевъ часто слышалъ о какомъ-то почти бѣлокожемъ народѣ, занимающемъ часть плоскогорья Конгъ. Имя филану, которымъ его называли, очевидно, примѣняется, какъ и имя филани, на берегахъ Нигера, къ націи той феллатской расы, которая наводняетъ своими эмигрантами и колоніями всю западную Африку. Фалаба, на правомъ берегу Джолибы, Фала-

¹⁾ René Caille;—Paul Soleillet, цитирован. сочиненія;—Collomb, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Lyon“, 1885.

²⁾ Anne Raffanel, цитированное сочиненіе;—L. Panet, „Revue Coloniale“ 1850;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

лама, близъ лѣваго берега, обозначаютъ то мѣсто рѣки, гдѣ теченіе ея служить восточной границей французскому Судану. Заселеніе страны, безъ сомнѣнія, придастъ значительную важность этой части долины Нигера, такъ какъ здѣсь Танкиссо или Вафингъ соединяется съ главной рѣкой, пройдя передъ тѣмъ черезъ территоріи Джалконе-дугу и Балея. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ, къ западу, находятся золотоносныя россыпи Буре, разрабатываемыя преимущественно женщинами, какъ наносныя формация Бамбука, ибо за исключеніемъ мандинговъ, людей безъ предразсудковъ, мужчины свободнаго класса считаютъ унижительнымъ этотъ родъ труда. Территорія Буре походитъ на огромное рѣшето: вся она изрыта глубокими ямами, которыя по большей части утилизируются преимущественно только въ зимнюю пору, когда обиліе воды дѣлаетъ возможной промывку земли ¹⁾. Обвалы въ этихъ рудникахъ довольно часты, и если обвалившейся землей засыплетъ работавшихъ въ шахтѣ, то воображаютъ, что злой духъ хочетъ удержать ихъ при себѣ за тѣмъ, чтобы они служили ему рабами на томъ свѣтѣ, и потому остерегаются подать имъ помощь; но по прошествіи года послѣ несчастнаго случая, заваленную яму раскапываютъ; если тѣла раздавленныхъ были хорошо охраняемы отъ демоновъ добрыми духами, то вокругъ труповъ должно скопиться много золота ²⁾, въ возмѣщеніе потери, понесенной рудокопами. Туземцы въ Буре вѣрятъ также, что души умершихъ переселяются въ деревья или въ гнѣзда термитовъ. Бѣдная деревушка Диди, гдѣ имѣетъ пребываніе одинъ изъ главныхъ начальниковъ Буре, была крайнимъ пунктомъ, котораго достигъ Уинвундъ Ридъ въ 1869 году, во время своего изслѣдованія верхняго Нигера. Правительство Буре, бывшаго прежде вассаломъ Сегу, а нынѣ состоящаго подъ покровительствомъ Франціи, сосредоточено въ рукахъ четырехъ знатныхъ фамилій, члены которыхъ сообща совѣщаются о дѣлахъ управленія ³⁾. Къ востоку отъ Джолибы, главный рынокъ страны лежитъ въ сотнѣ километрахъ отъ рѣки: это—деревня Канкаре, куда торговцы приходятъ главнымъ образомъ для покупки невольниковъ и золотого песку. Кеніера, еще недавно «очень большой и очень богатый» городъ, находившійся въ 40 километрахъ къ юго-востоку отъ Фалаба, былъ разрушенъ въ 1882 году арміей Самори, за четыре дня до прибытія маленькаго французскаго отряда, спѣшившаго на помощь осажденнымъ. Это единственный пунктъ за Нигеромъ, куда про-

никали и гдѣ дали сраженіе экспедиціонныя колонны изъ французскаго Судана.

Государство Мандингъ, названное такъ по имени его обитателей, поступившихъ подъ покровительство Франціи, включаетъ въ себѣ нѣсколько важныхъ поселеній на лѣвомъ берегу Нигера и внутри страны, на водораздѣльной возвышенности между Нигеромъ и Сенегаломъ, лежащей очень близко къ первой изъ этихъ рѣкъ: вслѣдствіе крутизны ската на восточной покатости, воды ручьевъ бѣгутъ каскадами по песчаниковымъ скаламъ. На восточной большой рѣкѣ самое значительное мѣстечко—Кангаба; другой многолюдный городокъ, Сиби, построенный на выступѣ горы, находится внутри страны, къ западу отъ рѣчной долины. Въ этомъ мѣстѣ крутые склоны водораздѣльнаго хребта между Сенегаломъ и Нигеромъ господствуютъ надъ аллювialной равниной, имѣющей не менѣе 30 километровъ протяженія до рѣки, но утесы, изрѣзанные глубокими оврагами, по которымъ можно подняться на плоскогорье, постепенно приближаются къ берегу; они удалены отъ рѣки всего только на 3 километра выше Бамаку (Бамако), маленькаго городка, который французы избрали административнымъ центромъ своихъ владѣній на Нигерѣ. Нѣкогда это былъ многолюдный и торговый городъ: арабскіе писатели говорятъ о немъ какъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ рынковъ Судана, и Мунго-Паркъ нашелъ тамъ одинъ изъ главнѣйшихъ этаповъ во время своихъ двухъ путешествій. Въ наши дни неправильный четырехугольникъ, около полкилометра въ сторонѣ, образующій городскую стѣну или тата Бамаку, заключаетъ внутри большіе развалины, чѣмъ домовъ: въ 1893 году все населеніе города не превышало 800 человекъ. Однако, это маленькое бамбарасское государство успѣло сохранить свою независимость: ни тукулеры Ахмаду, ни мандинги-мусульмане Самори не входили туда, когда явились французы и начали работы по возведенію укрѣпленій. Въ то время равнина, среди которой стоитъ Бамаку, казалась почти необитаемой: по берегу рѣки тянулись болотистыя пространства до почернѣлыхъ стѣнъ ограды, за которыми прятались хижины туземцевъ; далѣе видно было только сплошное море высокой травы, тамъ и сямъ большія деревья, затѣмъ, на заднемъ планѣ, три уступа голаго утеса, поднимающагося въ цѣломъ на высоту 200 метровъ. Теперь эта равнина перерѣзана хорошими дорогами, обсаженными деревьями; въ портѣ тѣсятся барки и лодки, и вновь разведенныя плантаціи образуютъ поясъ зелени вокругъ бѣлыхъ стѣнъ крѣпости. Въ 1884 году торговые обороты въ Бамаку простирались до 5.000.000 франковъ.

Первая большая деревня ниже Бамаку и сосѣднихъ пороговъ—Багинта, на правомъ бе-

¹⁾ Faïdherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1886.

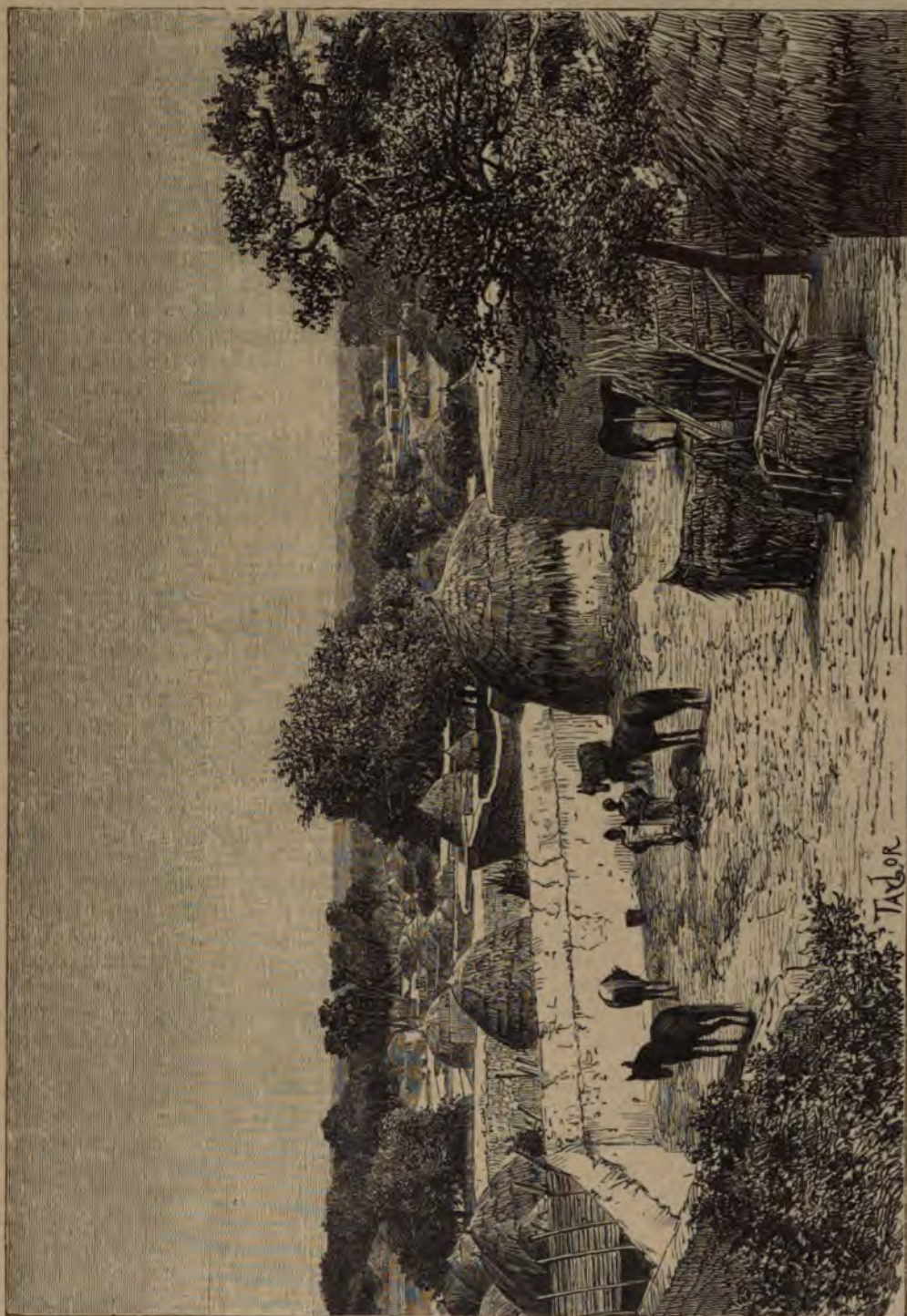
²⁾ P. Soleillet, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Vallière, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 1881.

регу. Затѣмъ слѣдуетъ, на лѣвомъ берегу, Куликоро, нѣкогда городъ бѣглыхъ и изгнанниковъ ¹⁾. Французы учредили тамъ военный постъ, чтобы командовать сообщениями Нигера

населена маленькими республиканскими общинами бамбарасовъ, которые соединились въ федерацію, чтобы общими силами сопротивляться тукулерамъ, и успѣли сохранить свою

В У Р Н О.

съ землею племени белери или Беле-дугу, простирающейся на западъ, къ источникамъ сенегальскаго Бауле. Эта гористая область

независимость, политическую и религіозную. Кровавыми экспедиціями тукулерамъ удалось, правда, пройти черезъ территорію Беле-дугу, но не покорить ее. Благодаря сохраненію свободы, селенія белеровъ пользуются благо-

¹⁾ Gray and Doehard, „Travels in Western Africa“.

состояніемъ и окружены прекрасно воздѣланными плантаціями и полями; въ послѣднее время даже основывались новыя деревни на торговыхъ дорогахъ между Нигеромъ и оазисами Сахары¹⁾, тогда какъ въ окружающіхъ земляхъ встрѣчаешь по крайней мѣрѣ три разоренныхъ деревни вокругъ каждой еще населенной группы хижинъ. Лѣса въ Беледугу состоятъ по преимуществу изъ масличнаго дерева; въ саваннахъ растетъ одинъ видъ дикаго табака, которому Соделье, а также Бартъ и многіе натуралисты приписываютъ африканское происхожденіе.

Ямина или Ньямина, разоренный городъ, на лѣвомъ берегу Нигера, въ сотнѣ километровъ ниже Куликоро, принадлежалъ къ имперіи Сегу; но въ 1884 году, во время прохода французской канонерки, жители его, бамбарасы и сараколе, прогнали тукулерскій гарнизонъ и отдались подъ покровительство Франціи. Ямина—естественный портъ всей области верхняго Беле-дугу, Фа-дугу и сосѣднихъ съ пустыней рынковъ; торговцы изъ племени сараколе настолько многочисленны здѣсь, что языкъ ихъ сдѣлался посредникомъ торговаго обмѣна, даже у бамбарасовъ и мавровъ, живущихъ въ этой странѣ. Банамба, настоящій городъ, такъ какъ въ немъ, по словамъ путешественника Мажъ, насчитывается свыше 8.000 жителей, почти исключительно племени сараколе,—лежитъ километрахъ въ пятидесяти отъ рѣки, въ великолѣпной равнинѣ, усѣянной баобабами и другими деревьями; архитектура его домовъ съ плоскими крышами, надъ которыми возвышается закругленный курганъ, указываетъ уже сосѣдство мавровъ. Далѣе слѣдуютъ большія деревни и даже города на дорогахъ страны Каарта, относительно густо населенной въ этой области, которая производитъ просо въ количествѣ, далеко превышающемъ нужды мѣстнаго потребленія. Плоскогорія и гористыя террасы смѣняются слегка волнистыми равнинами, которыя составляютъ переходъ между холмистыми мѣстностями Судана и гладкими степями, предшествующими пустынѣ.

Сегу, хотя теперь въ упадкѣ, все еще одинъ изъ большихъ прибрежныхъ городовъ Нигера. Недавно онъ былъ столицей обширной имперіи, простиравшейся отъ Каарты до Уассулу и отъ Джаллонке-дугу до Массины, на пространствѣ около 500.000 квадр. километровъ. Отрывокъ этой имперіи, въ которомъ Сегу былъ главное мѣсто, относительно невеликъ, но коммерческое положеніе этого города представляетъ такія выгоды, что даже развѣнчанный и опустошенный войной, онъ всегда оправится отъ разоренія и снова станетъ

центромъ населенія и торговли. Въ самомъ дѣлѣ, Сегу находится на правомъ берегу рѣки, всего въ какихъ-нибудь сорока километрахъ отъ Вахоя или восточнаго Нигера, который течетъ параллельно западному Нигеру и соединяется въ этомъ мѣстѣ со всѣми своими притоками: благодаря удобству сообщенія черезъ окружающія равнины, въ Сегу сходятся всѣ дороги изъ верхнихъ нигерскихъ долинъ, отъ Фута-Джаллонъ до горныхъ цѣпей Махи; большой рынокъ Каайе, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Сегу, служитъ главнымъ этапомъ на дорогѣ, ведущей къ таинственному городу Конгъ. Религіозныя войны, опустошавшія, съ половины настоящаго столѣтія, эти страны, точно огромный пожаръ, обращая въ пустыни области, прежде усѣяныя многочисленными городами, пощадилъ округъ Сегу: бамбарасы и сонинке безъ сопротивленія покорились завоевателямъ тукулерамъ и тѣмъ спасли свою жизнь. Въ 1865 году, Мажъ, прожившій двадцать семь мѣсяцевъ въ этой столицѣ, оцѣнивалъ въ 100.000 число жителей округа Сегу между двумя Нигерами, а изъ вычисленій, основанныхъ на распредѣленіи добычи, онъ вывелъ цифру въ 36.000 для населенія города Сегу и подгородныхъ деревень.

Въ дѣйствительности Сегу состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по берегу рѣки на протяженіи около 15 километровъ. Первый изъ этихъ городовъ, считая отъ верховья,—Сегу-Коро, или «Старый Сегу», гдѣ еще видны остатки дворца прежнихъ бамбаросскихъ королей. Напротивъ Старога Сегу, на лѣвомъ берегу, стоитъ мѣстечко Фаракко. За Сегу-Коро на южномъ берегу слѣдуетъ Сегу-Бугу, а противъ него, на сѣверномъ берегу, расположенъ пригородъ Калабугу; затѣмъ идутъ Сегу-Кура, или «Новый Сегу», и растянувшіяся въ видѣ одного непрерывнаго города поселенія Дуабугу, Гупуй и Сегу-Сикоро, резиденція короля и официальная столица государства; ниже по рѣкѣ, на томъ же берегу, находится деревня Сомоно, населенная рыбаками и лодочниками племени сонинке, которые въ награду за услуги, оказанныя ими тукулерскимъ завоевателямъ, получили монополію рѣчныхъ промысловъ, и которые, кромѣ того, славятся какъ очень искусные каменщики²⁾. Другой сосѣдній городъ, Дугассу, лежащій километрахъ въ тридцати къ югу, можетъ быть разсматриваемъ какъ внѣшній рынокъ Сегу для всѣхъ произведеній, отправляемыхъ изъ верхнихъ долинъ. По стилю своихъ зданій Сегу принадлежитъ болѣе къ Мавританіи, чѣмъ къ Судану. Его дома съ террасами опираются на широкіе столбы, украшенные арабесками и несущіе по всей окружности кон-

¹⁾ Jean Bayol „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, décembre 1881

²⁾ Mage;—Solleilet, цитирован. сочиненіе.

«соли из глины: это почти тот же род постройки, как и в Арауанском оазисе, на дороге из Марокко в Томбукту. Но в отношении обычаев торговли Сегу еще находится в Судане: там считают на раковинки каури, три тысячи которых представляют, в среднем, ценность пятифранковой монеты; для крупных сумм денежной единицей, реальной или фиктивной, служит невольник. Никакой предмет торгового обмена не подвержен таким быстрым колебаниям в своем курсе, как невольник, цена которого сильно меняется, смотря по результату войн, победоносных или фатальных. С тех пор, как прекратилась продажа негров европейцам в портах побережья, тукулеры отрубают голову всем пленникам, рост которых превосходит длину ружья; женщины и дети продаются в самом крае. Султану обслуживают исключительно женщины, называемые «корсиги», носящие на груди золотые бляхи в форме кирасы; он выбирает даже офицеров между придворными невольницами, и некоторые из них достигают высших должностей в королевстве. Одна из родственниц короля Сегу стоит во главе управления гинеем, где воспитываются, на счет государства, молодые двушники, которых султан предназначает своим почетным гостям¹⁾).

Тукулеры, хотя потомки завоевателей, гордящиеся своим благородным происхождением и чистотой своей крови, перестали быть господами в Сегу. Быв прежде бамбарасским государством, это королевство снова становится таковым, благодаря постепенному уменьшению численности иммигрантов завоевателей. Хотя хаджи Омарь привел с собой несколько тысяч талибе из Футы, но войны и болезни быстро сократили их число, вербовка же этих «вѣрных» в настоящее время очень затруднительна, вследствие отдаленности родины и возникновения независимых или враждебных государств в промежуточном поясе. Основание французских военных постов в области верхнего Сенегала, образование новой малинкойской империи завоевателя Самори, наконец, возмущения Беле-Дугу и окружающих территорий совершенно изолировали тукулеров Сегу от их первоначального отечества, «они живут точно пленные в завоеванной ими стране»²⁾, и все больше и больше *софы*, или бамбарасские войны, занимают место тукулерских талибе в предводительствовании войсками и в управлении гражданскими делами. Подобно тому, как в Китае манджуры, так сказать, распускаются в китайском элементе, так точно на Нигере вы-

ходцы из Футы теряются в бамбарасском обществе. Но, хотя снова перешедшее в руки представителей нации, правительство *лам-диумбе*, или «повелители вѣрующих», не переменило своего образа действий в отношении народа, по-прежнему подавленного непосильным бременем разного рода поборок: десятины, подушной подати, обычных сборов, таможенных пошлин и военных реквизиций. Талибе и софы освобождены от всяких налогов.

Город Сансандиг, стоящий в 55 километрах ниже Сегу-Сикоро, на левом берегу реки, тоже занимает необходимое положение, как торговый центр. Разрушенный недавно тукулерами, в наказание за долгое сопротивление, он неминуемо должен оправиться и отстроиться на том же самом месте или в ближайшем соседстве. Крутой изгиб, описываемый Нигером к северу, дѣлает этот пункт местом схождения дорог из Сахары, и естественные рынки обмена между жителями саванн и жителями Судана находятся как раз в соседнем поясе, промежуточном между холмами и равниной. Менее чем в сотню километров к северо-западу лежит город Сегала, большой рынок, куда северные арабы приходят обменивать свои произведения на товары, привозимые с юга саракольскими джулами. Далѣе на западе находится Дамфари, то-есть «земля Дамфы или Дампы», другой саракольский город, лежащий в точке пересечения нескольких дорог и посещаемый маврами племени уады-махмуд, уады-тишиль, уады-уалата, уады-мбарек; в сухое время года он всегда окружен многочисленными палатками этих кочевников, группирующихся по племенам. Кочевники приходят сюда покупать просо, собираемое жителями этой области в огромных количествах, и отвозить в территорию Эль-Ходь, где климат слишком сух для культуры хлебных растений. Территория Дамфари была цветущей страной в 1883 году, когда Байоль обошел ее и поставил, по договорам с начальниками племен, под протекторат Франции. В то время там начинали вводить культуру земляных фисташек (арахид); производимый в крае табак издавна славится своим превосходным качеством; тамошние кузнецы пользуются репутацией искусных мастеров; в большом селѣ Боро, окруженном хлопковыми и индиговыми плантациями, многочисленные ткацкие станки выдѣлывали замѣчательные по прочности ткани и краски синя бумажные материи, из которых шьют платья, известные под именем «сегуанского бубу». В стране основывались новые деревни, служащие убежищем для бѣглецов из соседних земель, опустошаемых тукулерами.

К северу от Дамфы находится еще больше

¹⁾ Paul Solleilet, цитирован. сочинение.

²⁾ Pietri, „Les Français au Niger“.

многолюдный и болѣе торговый городъ—Мурдіа, лежащій въ области саваннъ, гдѣ начинаютъ показываться первые пески, хотя почва еще плодородна: семь становищъ мавровъ, содержащихъ по меньшей мѣрѣ 1.200 душъ, окружаютъ центральное городское поселеніе, гдѣ живутъ 2.500 сараколе; кривыя улицы расположены въ видѣ базаровъ, какъ «суки» въ Тунисѣ, и въ лавкахъ выставлены на продажу ковры, драгоценности, вышитыя кожи, издѣлія, напоминающія мавританскую промышленность. На сѣверо-западъ, по направленію къ Каарта, простирается территория Бахуну, составляющая часть Эль-Хода, промежуточного пояса между Сахарой и Суданомъ. Эта переходная страна, принадлежавшая нѣкогда къ большой имперіи Ганата, затѣмъ къ царству мандинговъ, часто была оспариваема могущественными сосѣдями. Арабы, бамбарасы сталкивались въ ней, фулы, тукулеры завоевывали ее и даже заводили тамъ постоянныя колоніи. Каждый разъ, когда они предоставлены самимъ себѣ, коренные жители края, почти всѣ сараколе или ассуаники—въ этнической номенклатурѣ арабовъ—группируются въ маленькіе республиканскіе союзы; но, очень благоразумные, они рѣдко вступаютъ въ борьбу съ вторгающимся въ край непріятелемъ: они даютъ пройти грозѣ, затѣмъ снова принимаются за свои обычныя занятія—воздѣлываніе полей и вывозъ собираемыхъ съ нихъ произведеній. Столица территоріи Бахуну, Бакуинитъ, лежащая на западѣ провинціи, въ сотнѣ километровъ отъ Ніуро, занимаетъ дно песчаной низменности, возлѣ глубокаго озера; надъ городомъ господствуютъ скалы изъ глинистаго сланца и террасы изъ латерита. По Ленцу, въ полуразвалившихся домахъ Бакуинита живетъ отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Между этимъ городомъ и Мурдіей сегуанскій султанъ основалъ новое торговое мѣсто, Гинье, которое быстро приобрѣло важное значеніе, благодаря обезпеченной купцамъ свободѣ отъ всякихъ таможенныхъ пошлинъ; осѣдлое его населеніе состоитъ изъ 4.000 душъ, но по временамъ тамъ собирается отъ 15 до 20.000 человѣкъ. Жители Гинье говорятъ бамбарасскимъ діалектомъ; однако, уолофское нарѣчіе, содержащее много французскихъ выраженій, стремится сдѣлаться тамъ торговымъ языкомъ.

Изъ Сансандига другіе пути, болѣе короткіе, чѣмъ пути изъ Сегала и Мурдіа, ведутъ къ землѣ мавровъ черезъ территоріи Кеніека и Калари. Одна изъ этихъ дорогъ, направляющаяся къ оазису Уалата, проходитъ черезъ большой городъ Гумбу (Кумба, по Барту), состоящій изъ двухъ городовъ, окруженныхъ каждый стѣнами и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго лужей или дхайя; жителей въ немъ около пятнадцати или двадцати тысячъ, почти все бамбарасы, но говорящіе арабскимъ язы-

комъ; поля ихъ, засѣваемые сорго, тянутся на нѣсколько лье вокругъ городской ограды. Этотъ торговый городъ находится уже въ кругѣ притяженія Сенегала по торговлѣ камедью ¹⁾. Къ востоку отъ Гумбу, на прямой дорогѣ изъ Сансандига въ Томбукту, караваны проходятъ черезъ другой торговый городъ, называемый у бамбарасовъ Соколо, у арабовъ Кала, который въ средніе вѣка былъ одною изъ столицъ имперіи мандинговъ, и населеніе котораго и теперь еще, говорятъ, простирается до 6.000 человѣкъ; одна могущественная фамилія шорфовъ, поселившаяся въ Соколо, напоминаетъ о вліяніи, которымъ нѣкогда пользовался мароккскій султанъ въ этихъ засахарскихъ странахъ. Другой городъ, Фара-бугу, лежащій въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Соколо, составляетъ, со стороны мавровъ, передовой постъ націи бамбарасовъ; число его жителей также доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Ниже Сансандига, Нигеръ течетъ на пространствѣ около сотни километровъ въ восточномъ направленіи. Въ этой части его теченія важнѣйшій прибрежный городъ—Сибилла, столица одного маленькаго бамбарасскаго государства. Ниже, тамъ, гдѣ рѣка опять поворачивается на сѣверо-востокъ, находится Діафараве, наиболѣе отдаленный отъ Бамаку пунктъ, до котораго доходитъ плавающій по Нигеру пароходъ. Въ этомъ мѣстѣ начинается уже поясъ развѣтвленія водъ. Одна вѣтвь, проходящая недалеко отъ священнаго города Діака, направляется на сѣверъ къ Тененку, одному изъ большихъ рынковъ земли Бургу, и теряется далѣе въ озерѣ Дебо. Другая вѣтвь, направляющаяся на востокъ, и по которой пароходъ тщетно пытался пробраться черезъ камыши, ведетъ къ древнему и прославленному городу Дженне, отъ имени котораго, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, основываясь на книгѣ Льва Африканца, и произошло названіе Гвиней, данное португальцами столь значительной части африканскаго континента. Какъ бы то ни было, этотъ городъ, посѣщенный до сихъ поръ только однимъ европейцемъ, Рене Калье, находится нынѣ въ состояніи упадка, причиною чему были войны, внутреннія и внѣшнія, перерывъ торговли по рѣкѣ и боковымъ потокамъ, а также, можетъ-быть, перемѣны въ рѣчномъ развѣтвленіи этой низменной области, гдѣ рѣчные рукава безпрестанно перемѣщаются. Въ 1828 году, во время прохода Калье, Дженне уже не былъ центромъ торговаго обмѣна въ этой области Судана, и населеніе его не достигало даже десяти тысячъ душъ. Однако, онъ все еще занималъ обширное пространство: городская ограда имѣла по крайней мѣрѣ четыре километра въ окружности, и ея гливно-

¹⁾ Paul Solleilet, цитиров. сочиненіе.

битныя стѣны, башни, величественныя баобабы, осыпавшіе ворота, группы пальмъ на возвышеніяхъ почвы, надъ садами и рисовыми полями,—все это вмѣстѣ представляло очень живописное цѣлое. Хотя въ то время Дженне уже не былъ столицей государства, но привилегія беспошлиннаго привоза товаровъ, которую пользовался этотъ рынокъ, привлекала туда еще очень много чужеземцевъ, арабовъ, мандинговъ и сараколе. Фулы, завоеватели страны, господствовали тамъ надъ потомками прежнихъ владѣтелей земли, бамбарасовъ, и наблюдали за строгимъ исполненіемъ мусульманскаго культа. Жители, славящіеся кротостью и приветливостью, все знали арабскую грамоту и умѣли декламировать стихи Корана.

Въ этой области слиянія, пробѣгаемой многочисленными судоходными потоками, города могутъ перемѣщаться безъ ущерба для своего значенія, сохраняя за собой все тѣ торговныя выгоды, которыя даетъ имъ соединеніе большихъ дорогъ. Покидая Дженне, какъ резиденцію, король Сего-Ахмаду выбралъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ слиянія двухъ Нигеровъ, чтобы основать тамъ «во славу Божию» городъ Хамдаллахи (эль-Ламду-Лиллахи); но эта новая столица Массины—или Моассины, какъ ее всегда называли Ленцу—просуществовала недолго. Въ 1862 году ея овладѣлъ Хаджи-Омаръ; то была эпоха наибольшей славы его царствованія; обширная феллатская имперія простиралась тогда отъ пустыни до горъ, гдѣ великая рѣка беретъ свое начало; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ этотъ завоеватель былъ, въ свою очередь, запертъ въ Хамдаллахи и погибъ вмѣстѣ со своими приверженцами. Теперь остались только развалины отъ этого главнаго города могущественнаго царства. Нынѣшняя столица Массины, Бандиagara, находится недалеко отъ праваго берега Бахоя или западнаго Нигера, въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Дженне. Впрочемъ, этотъ край не имѣетъ политическаго единства: одинъ тукулерскій король изъ династїи Хаджи-Омара господствуетъ въ сосѣдней съ мѣстомъ слиянія части страны. Феллатскіе начальники, потомки вождей, водворившихся въ Массинѣ въ 1770 году, удержались въ нѣкоторыхъ внутреннихъ городахъ; туземныя населенія, бамбарасы и сонгаи, также образовали отдѣльныя маленькія государства, тогда какъ на сѣверо-западной и сѣверо-восточной границахъ туареги и регенатенъ стараются проникнуть все далѣе въ территорію осѣдлыхъ негровъ.

Нѣсколько торговыхъ городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на дорогахъ Массины, направляющихся изъ Дженне въ Томбукту, по обѣимъ равнинамъ, окаймляющимъ рѣку на востокъ и западъ. Съ восточной стороны Ниа-конго, Боре, Дуэнца были упоминаемы тузем-

цами, которыхъ разспрашивалъ Бартъ, какъ значительныя городскія поселенія; съ западной стороны, городъ Бассикуну, посѣщенный Ленцомъ въ 1880 г., представляетъ теперь собраніе-сотни другой глинобитныхъ мазанокъ, сгруппировавшихся въ лѣсной прогалинѣ, но вокругъ его стѣнъ расположено обширное становище арабовъ, которые дали свой языкъ тамошнимъ жителямъ бамбарасамъ, и цѣлая «гора» обломковъ, возвышающаяся въ сосѣдствѣ, свидѣтельствуетъ о длинномъ рядѣ поколѣній, смѣнявшихся въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ, нѣсколько городовъ расположены на берегахъ рѣки или ея притоковъ, внизъ отъ Мозти или Иссака, деревни, лежащей при слияніи двухъ Нигеровъ. Кона, на правомъ берегу,—наидальше выдвинутая къ западу колонія негровъ сонгайскаго языка. Ниже, на томъ же берегу, показывается Гурамъ, примѣтный издалика по его скалистому холму, который, на подобіе острова, возвышается среди болотъ, боковыхъ рукавовъ рѣки и аллювIALныхъ земель. На западѣ, по другую сторону озера Дебо, встречаемъ большой городъ Йоару (Ювару), стоящій смотря по времени года, то среди обсохшей песчаной равнины, то на болотистомъ берегу между лужъ и потоковъ. Между Йоару и Томбукту, мѣстечко Дирэ есть, повидимому, наиболѣе посѣщаемая пристань, но постоянныя войны, опустошавшія эти страны со времени нашествія тукулеровъ, имѣли слѣдствіемъ значительное сокращеніе ея торговыхъ оборотовъ. Къ главнымъ предметамъ торговли верхняго Нигера въ городахъ Массины присоединяются великолѣпныя лошади, по красотѣ и выносливости почти не уступающія варварскимъ. Въ этой части рѣчнаго теченія, по разсказу о путешественіяхъ Ибнъ-Батуты, въ четырнадцатомъ столѣтіи долженъ былъ находиться городъ Мали, столица могущественнаго царства мандинговъ¹⁾.

III. Средній Нигеръ: Томбукту, туареги и сонгаи.

Эта область центральной Африки явственно отграничена, выше Томбукту и большаго рѣчнаго изгиба, поясомъ развѣтвленія водъ разлива въ боковыхъ потокахъ обѣихъ береговъ и, на югъ сахарскихъ степей и пустынь, первымъ значительнымъ притокомъ, который рѣка получаетъ изъ равнинъ Гауссы. Наибольшая часть громаднаго пространства, обнимаемаго двумя покатостями Нигера, между Томбукту и Гомбой, необитаема или по крайней мѣрѣ имѣетъ весьма малое число жителей, сравнительно съ протяженіемъ территоріи; но

¹⁾ Desborough; Cooley, „Negroland of the Arabs“.

многіе округа обращены въ настоящую пустыню, не позволяють думать о восстановленіи единства этой имперіи: она просуществовала не долѣе періода жизни одного поколѣнія, и теперь отъ нея остались только обломки. Недолговѣчность государствъ въ этихъ областяхъ Нигера хорошо выражена бамбарасской поговоркой: «Никакой король не можетъ перейти Джолибу дважды въ своей жизни»¹⁾.

Главная масса населенія, обитающаго въ долинахъ Нигера и его притоковъ, принадлежитъ къ мандингской расѣ. Куранкосы, занимающіе область истоковъ, — соплеменники туземцевъ того же имени, живущихъ на западной покатости горъ Лома, въ бассейнахъ рѣкъ Рокель и Камаровка. При-нигерскіе куранкосы дѣлятся на множество маленькихъ, независимыхъ одно отъ другаго, государствъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего царька, свой совѣтъ старѣйшинъ, своихъ жрецовъ свои спеціальныя обряды и которыя вѣчно враждуютъ между собой, что дѣлаетъ путешествіе въ этой странѣ очень продолжительнымъ, а иногда и опаснымъ. Ихъ восточные сосѣди, кисси, гораздо болѣе дружелюбны къ иностранцамъ, имѣютъ обычай выдавать своихъ дочерей замужъ за кочующихъ купцовъ, мандинговъ или су-су. Будучи сами осѣдыми, они состоятъ, благодаря этимъ родственнымъ связямъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жителями всѣхъ мѣстностей, между побережьемъ Сенегамбіи и горами Конгъ. Далѣе на сѣверъ, сангарасы, жившіе прежде маленькими самостоятельными общинами, управляемыми совѣтомъ стариковъ²⁾, должны были признать надъ собой власть упомянутого махди Самори. Эта область — страна басень. Англійскому путешественнику Уинвуду Риду рассказывали о туземцахъ, которые будто-бы могутъ цѣлыми часами оставаться подъ водой, на днѣ рѣки, и умѣютъ приручать крокодиловъ; особенно женщины умѣютъ привязывать къ себѣ этихъ чудовищ. Мнѣ объ амазонкахъ, встрѣчающихся во многихъ странахъ, существуетъ также и въ этой части Африки, у народа кисси; но еще неизвѣстно, какая основа истины скрывается подъ ихъ легендами. «Въ двѣнадцать дней ходьбы отъ ихъ земли», говорятъ они, къ востоку, большой городъ Нахало населенъ исключительно женщинами. Всякій мужчина, котораго онѣ встрѣтятъ въ городѣ или его окрестностяхъ, долженъ быть преданъ смерти: такъ требуетъ законъ; но часто случается, что забранныхъ иноземцевъ щадятъ и держатъ секретно въ плѣну; мальчики, рождающіеся изъ этихъ союзовъ между плѣнниками и свободными женщинами, безжалостно убиваются; оставляютъ жить только дѣвочки³⁾. Уинвудъ

Ридъ рассказываетъ также, со словъ туземцевъ, что въ землѣ Кисси женщины знаютъ искусство сообщать голубой цвѣтъ глазамъ своихъ дѣтей, дѣлая близъ орбиты уколы, куда вводить какой-то порошокъ⁴⁾. Наконецъ, Моллиену говорили объ одномъ народѣ, по имени маніана, у котораго будто-бы существуетъ обычай убивать больныхъ и стариковъ и употреблять въ пищу ихъ трупы, такъ что въ томъ краю человѣческое мясо продается на рынкѣ.

Нація уассулу, повидимому, численно самая могущественная въ области притоковъ къ востоку отъ запада Нигера: деревни тамъ стоятъ такъ близко одна отъ другой, что король передаетъ свои приказы, по словамъ туземцевъ, не имѣя надобности выходить изъ своей резиденціи: «слово его переносится стоустой молвой до крайнихъ предѣловъ государства»⁵⁾. Жители страны Уассулу, какъ полагаетъ Рене-Калье, принадлежатъ къ феллатской расѣ; однако, эти чернокожіе многими чертами походятъ на бамбарасовъ и говорятъ мандингскимъ языкомъ. Сараколе, между которыми много купцовъ, тоже очень многочисленны въ этой странѣ. Города населены магометанами, тогда какъ уассулусы-поселяне относятся индифферентно къ исламу; они хорошо принимаютъ мусульманъ, какъ и всѣхъ другихъ чужеземцевъ, но отказываются подражать обрядамъ марабутовъ. Рене-Калье отзывался съ большою похвалой объ уассулусахъ, говоря, что это самые добродушные и гостепріимные изъ всѣхъ негровъ, которыхъ онъ встрѣчалъ: они очень вѣжливы, даже слишкомъ, такъ какъ женщины ихъ простираютъ свою любезность до того, что становятся на колѣни передъ иностранцемъ; и ихъ любопытство, хотя сильно возбужденное, никогда не переходитъ въ нескромность, какъ у мандинговъ. Истинные феллаты по заботливому уходу за скотиной, уассулусы имѣютъ великолѣпныя стада крупнаго рогатаго скота; кромѣ того, они разводятъ барановъ, козъ и въ небольшомъ количествѣ лошадей; вообще мало выносливы къ труду, мужчины занимаются исключительно птицеводствомъ. Очень миролюбивые по природѣ, уассулусы храбро защищаютъ свое отечество, и, по словамъ купцовъ, посѣщающихъ французскіе посты на Нигерѣ, до сихъ поръ съ успѣхомъ отражали нападенія Самори. Во время посѣщенія края путешественникомъ Рене-Калье они употребляли лукъ и стрѣлы; ружья были еще рѣдки въ той странѣ; нынѣ же нѣтъ уже ни одного негритянскаго народца, который бы не промѣнялъ стрѣлы или дротика на огнестрѣльное оружіе. Движеніе народовъ, происходящее съ неудержимой силой уже многіе вѣка отъ вос-

¹⁾ Winwood Reade, цитированное сочиненіе.

²⁾ Zweifel et Moustier, цитированное сочиненіе.

³⁾ „African Sketch Book“.

⁴⁾ Gallieni, цитиров. сочиненіе.

⁵⁾ Pietri, „Les Français au Niger“.

тока къ западу въ этой части африканскаго континента, продолжается и въ наши дни: въ 1879 году, во время путешествія двухъ изслѣдователей верхняго Нигера, Цвейфеля и Мутье, на правомъ берегу рѣки стояли лагерь завоеватели изъ племени гаусса, повидимому, собираясь продолжать свой побѣдонесный походъ къ области горъ.

Къ сѣверу отъ территорій Уассуду, Джаллонке и колоній мандинговъ и цивилизованныхъ феллатовъ, главная масса населенія береговъ Нигера и сосѣднихъ земель состоитъ изъ бамбарасовъ. Эти негры, называющіе себя баманао или ба-мана, что значитъ «люди Большой Скалы» ¹⁾, по ихъ преданіямъ, первоначально жили въ южныхъ горахъ и только по праву завоеванія водворились на берегахъ

ныхъ овала, обращенныхъ кнаружи». Можно сказать только, что въ среднемъ бамбарасы—негры съ очень темной кожей и курчавой шевелюрой, болѣе рослые и болѣе сильные, чѣмъ малинке, и тѣлесная красота ихъ менѣе скульптурна, нежели у уолофовъ, сереровъ и круменовъ. Они отличаются отъ своихъ сосѣдей тремя параллельными рубцами на щекѣ, идущими отъ угла глаза до угла губъ.

Промышленность очень развита у бамбарасовъ. Какъ кузнецы, они одни изъ самыхъ искусныхъ между неграми: глиняныя трубы, служащія поддувалами, устроены очень остроумно и иногда изъ предосторожности, чтобы не лопнули, крѣпко связаны ланами. Бамбарасы давно уже научились фабриковать порохъ, добывая селитру выщелачиваніемъ земли; они пле-

Внутренность жилища племени бамбара.

двухъ Бахоевъ, Нигера и Сенегала, въ Беледугу, Бахуну, Каарта и другихъ земляхъ, гдѣ прежде господствовали сараколе ²⁾. Они принадлежатъ къ той же расѣ, какъ мандинги, и говорятъ языкомъ, корни котораго не отличаются отъ корней нарѣчія малинке. Впрочемъ, переселенія черезъ континентъ, смѣшеніе съ другими племенами, какъ слѣдствіе завоеванія и невольничества, видоизмѣнили типъ до безконечности, и наблюдатели, смотря по тому, черезъ какія мѣстности имъ случалось проходить, описываютъ этихъ негровъ совершенно различно: по однимъ, бамбарасъ имѣетъ тонкія губы и орлиный носъ; по другимъ, напротивъ, ротъ у него огромный, губы толстыя, оттопыренные косо лежащими рѣзцами, носъ приплюснутый, «отверстіе ноздрей образуетъ два параллель-

тутъ веревки и канаты, перебрасываютъ мосты на потокахъ, строятъ пироги и паромы. Дома у нихъ по большей части четырехугольные, съ плоской кровлей, снабженной желобами для стока воды и отверстіемъ для выхода дыма. При помощи разведенной золы или красной охры, глинобитныя стѣны украшены рисунками, изображающими руки, ноги, животныхъ или геометрическія фигуры: можетъ быть, эта примитивная живопись прежде имѣла магическое значеніе, какъ средство для защиты жилища отъ злыхъ духовъ, нынѣ же она не имѣетъ иной цѣли, кромѣ удовлетворенія артистическому вкусу обитателей. Бамбарасы обладаютъ также кое-какими астрономическими познаніями и предсказываютъ погоду по виду солнца, луны и созвѣздій ³⁾.

¹⁾ Binger, „Essai sur la langue bambara“.

²⁾ Béranger-Féraud, „Les peuplades de la Sénégambie“.

³⁾ Binger, цитированное сочиненіе.

Также какъ уассусусы, бамбарасы смиренны, гостеприимны, великодушны, незлобивы. Они очень смѣшливы, разговариваютъ всегда съ одушевленіемъ, съ жестиами, и кричатъ всѣ вдругъ; въ праздники, которые у нихъ справляются по всякому поводу, они превосходятъ другихъ туземцевъ шумными дурачествами. Въ музыкальномъ талантѣ они уступаютъ мандингамъ, но умѣютъ производить болѣе оглушительный шумъ на барабанахъ и флейтахъ; наканунѣ битвы, когда они готовятся къ смерти, три печальныя ноты прерываютъ время отъ времени веселую музыку ¹⁾. Бамбарасы славятся своей храбростью, и многіе изъ нихъ продаютъ себя въ военную службу къ чужимъ вождямъ: часто случалось, что бамбарасскіе воины опустошали свое собственное отечество подъ командой французскихъ завоевателей. Между туземцами одни только бамбарасы достаточно храбры, чтобы атаковать непріятельское укрѣпленіе, но они такъ же безпощадны въ побѣдѣ, какъ кротки въ мирное время. Самая ненарушимая клятва у бамбараса—это клятва «порохомъ и ружьемъ». Эта любовь войны ради войны естественно должна была привести въ результатъ къ порабощенію. Несмотря на свою храбрость, бамбарасы вездѣ подвластны другимъ народамъ: въ долинахъ верхняго Нигера они повинуются феллатамъ и мандингамъ; во французскомъ Суданѣ они должны подчиняться приказамъ комендантовъ фортвъ; на противоположномъ берегу Нигера и въ области Каарта ихъ угнетаютъ тукулеры; только нѣсколько мелкихъ племенъ, между Каарта и Беледугу, могутъ считаться вполнѣ независимыми.

Впрочемъ, рабство, такъ сказать, въ традиціи у бамбарасовъ. Плѣнники изъ этой націи нѣкогда цѣнились гораздо выше плѣнниковъ другихъ племенъ, потому что они спокойнѣе переносили свою участь и не думали ни о возмущеніи, ни о побѣгѣ. Съ другой стороны, между бамбарасами свободные люди легко подчиняются господству невольниковъ: въ большинствѣ мелкихъ государствъ этой страны власть находится обыкновенно въ рукахъ челяди; начальники племенъ ввѣряютъ плѣнникамъ свои сокровища, свою семью, свои дѣла, командованіе войсками, и толпа подданныхъ безропотно повинуетъ подобнымъ министрамъ ²⁾. Въ Каарта при вступленіи на престолъ новаго царька, первымъ привѣтствовалъ его начальникъ рабовъ, раскладывавшій передъ нимъ сокровища короны, затѣмъ старшина кузнецовъ, бывшій въ то же время «предводителемъ дворянства», обращался къ королю съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, произносилъ такіа постыдныя слова: «помни прежде всего, что ты нашъ повелитель, и что наши

головы принадлежать тебѣ». Высшая каста, курбаря, считающая себя въ близкомъ родствѣ съ бегемотами, имѣла всѣ права надъ торговцами изъ племени сараколе, надъ «вольными людьми» низшихъ кастъ, надъ всей толпой земледѣльцевъ, потомковъ покоренныхъ племенъ дѣавара и кассонке. Масса-си, или «Сѣмя Массы», т. е. потомки одного изъ прежнихъ царей, считаются благородными изъ благородныхъ: они были совѣтниками короля и распредѣляли между собой всѣ почетнѣйшія должности; смертная казнь никогда не примѣнялась къ людямъ ихъ сословія; и даже совершившіе тяжкое преступленіе избѣгали всякаго наказанія, если имъ удавалось послѣ произнесенія приговора плюнуть на своего обвинителя. Для отличія отъ простыхъ бамбарасовъ, масса-си носили тяжелое золотое кольцо въ правомъ ухѣ, поддерживаемое косой или ремешкомъ. До нашествія тукулеровъ, сломившаго силу старыхъ обычаевъ, иногда приносили въ жертву военнопленныхъ на могилѣ умершаго масса-си, и закладка домовъ вельможъ совершалась на трупахъ зарѣзанныхъ дѣтей. Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, образъ правленія былъ строго монархическій: жена—«рабыня мужа», дѣти до совершеннолѣтія—невольники отца; но обыкновенно достаточно, чтобы былъ признаваемъ принципъ, на практикѣ же женщины и дѣти пользуются полной свободой: случается даже, что женщины наравнѣ съ мужчинами подають свое мнѣніе на сельскихъ сходахъ. Съ домашними животными бамбарасы обращаются очень ласково, что дало арабамъ поводъ говорить, что эти чернокожіе живутъ вмѣстѣ съ собаками, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ деревни управляются какими-то волосатыми существами, полу-псами, полу-бамбарасами ³⁾.

Почти всѣ баманосы или бамбарасы, по крайней мѣрѣ жители области Каарта, называютъ себя магометанами, но мало усердствуютъ въ вѣрѣ и слывуть за кафировъ у ихъ властителей тукулеровъ: есть даже много племенъ, которые, вернувъ себѣ политическую независимость, отказались отъ всѣхъ церемоній ислама, чтобы имѣть право снова предаваться пляскамъ и запретнымъ забавамъ; въ праздники туземцы напиваются виномъ *доло* и ѣдятъ собачье и даже шакалье мясо, хотя бы только для того, чтобы тѣмъ засвидѣтельствовать свою ненависть къ религіи угнетателей. Такимъ образомъ магометанство, дѣлающее такіе успѣхи въ другихъ странахъ Африки, теряетъ почву у бамбарасовъ, какъ и у куранкосовъ. Что касается обычая обрѣзанія, то онъ, также какъ и обычай вырѣзыванія для молодыхъ дѣвушекъ, существовалъ уже гораздо ранѣе прибытія магометанъ въ страну; операціи эти обыкновенно поручаютъ дѣлать кузнецамъ и ихъ женамъ, лю-

¹⁾ Pietri, цитированный жемуръ.

²⁾ Ricard, „Le Soudan“, étude intime.

³⁾ Paul Soleillet, цитированное сочиненіе.

дямъ высшей касты, которые никогда не были порабощены, и которые живутъ, яко-бы, въ постоянномъ общеніи съ духами. Тайныя общества также справляютъ свои обряды въ лѣсахъ ¹⁾. Большинство бамбарасовъ имѣютъ своихъ фетишей—корни растений, куски матеріи, пучки шерсти,—которыхъ они запираютъ въ бычачій рогъ, въ слоновый бивень, или еще чаще въ тыквенную бутылку или въ *канари*, большой глиняный кувшинъ. Круглая форма и желтый цвѣтъ этого сосуда напоминаютъ творца—солнце. Иногда вокругъ сосуда, хранища фетиша, обвивается змѣя, символъ міра безъ начала и конца. Если сосудъ порожній, къ нему подходятъ еще съ большимъ благоговѣніемъ: значитъ, въ немъ обитаетъ невѣдомый богъ ²⁾.

Въ верхнемъ бассейнѣ Джолибы путешественники Калье, Ленгъ, Уинвудъ-Ридъ, Цвейфель и Мутъ встрѣчали только деревни, убогія столицы маленькихъ государствъ. Неліа, Тантафара, въ непосредственномъ сосѣдствѣ истоковъ,—просто группы хижинъ. Ліа, при слияніи главныхъ вѣтвей, образующихъ Джолибу, незначительное мѣстечко, безъ всякой торговли; Фаранна, которую посѣтилъ Ридъ, на правомъ берегу рѣки, въ 200 километрахъ отъ истока, представляетъ груды развалинъ. Политическій центръ мусульманской имперіи, основанной Самори, находится нынѣ въ главнѣйшей долины, на берегахъ восточнаго притока, рѣки Жанды и въ ея боковыхъ долинахъ. Галаба, гдѣ вышеупомянутый сенегальскій офицеръ Алакамесса посѣтилъ этого завоевателя въ 1881 году, была тогда его обычной резиденціей, близъ истоковъ Жанды; въ 1885 году, Сананкоро, лежащій сѣвернѣе, въ мѣстности, покрытой высокими холмами, былъ лѣтней столицей; Биссанду, ниже по рѣкѣ, былъ зимней метрополіей. Недалеко отъ этой послѣдней деревни, сдѣлавшейся временно столицей имперіи, группируются хижины главнаго города страны, Канкана, на рѣкѣ Мило, небольшомъ восточномъ притоцѣ Нигера. Населенный мандингами и саракольскими купцами, этотъ городъ монополизировалъ торговлю всей области верхняго Нигера, и караваны его ходятъ до самаго моря, въ Фритаунъ и даже внутрь Сахары, въ Тишятскій оазисъ, гдѣ они покупаютъ бруски соли, въ обмѣнъ за невольниковъ и южныя произведенія; туземныя лошади отличаются превосходными качествами. Кинкавъ—очагъ магометанства въ области западнаго Нигера. Онъ часто ведетъ войну со своими

юго-восточными сосѣдями, торонами или торонгами, которыхъ считаютъ наиболѣе чистыми потомками древнихъ бамбарасовъ: горы ихъ, говорятъ, были первоначальной родиною расы, распространившейся теперь по обширной территоріи на сѣверъ и сѣверо-западъ.

Въ этихъ странахъ торговля и пропаганда ислама идутъ вмѣстѣ: мандингскіе *диулы* суть въ то же время миссіонеры Аллаха и его пророка. Въ каждомъ торговомъ селѣ есть мечеть, и нѣкоторыя изъ деревень населены исключительно мусульманами. Такова Самбатикила, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Канкана, въ сосѣдствѣ земли племени торонъ; другія мѣстечки, какъ, напримѣръ, Тиме, состоятъ изъ двухъ отдѣльныхъ группъ хижинъ, каждая въ особой оградѣ и съ населеніемъ различнаго культа. Женщины одного бамбарасскаго племени, которое путешественникъ Калье встрѣтилъ въ сосѣдствѣ Тиме, слѣдуютъ той же модѣ въ украшеніи лица, какъ многія изъ ихъ единоплеменницъ въ принильскихъ племенахъ: онѣ вставляютъ палочки или кружки изъ тыквеннаго дерева въ отверстіе, проколотое въ губѣ, которая отъ этого выдается впередъ; безъ этого украшенія всякое женское лицо показалось бы имъ безобразнымъ. Тенгрера и Дебена—главные рынки области Бахоя, или восточнаго Нигера. Первый, какъ и Тиме,—двойной городъ, въ одно и то же время мандингскій и бамбарасскій, магометанскій и языческій; такимъ образомъ караванныя дороги, до низовьевъ Нигера и до береговъ Золотого и Невольничьяго, усеяны, точно вѣхами, маленькими поселеніями, имѣющими каждое свою мусульманскую общину. Тенгрера такой же оживленный рынокъ, какъ Канканъ, и служитъ складочнымъ мѣстомъ для брусковъ соли, привозимыхъ изъ Сахары. Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли въ этой области—орѣхи кола, получаемые изъ-за южныхъ горъ, изъ страны, которую путешественнику Рене-Калье называли именемъ Таманъ: это, можетъ-быть, Гіаманъ въ верхнемъ бассейнѣ Волты. Одна изъ главныхъ дорогъ тѣхъ краевъ проходитъ черезъ большой мандингскій городъ Конгъ, то-есть «Гора», славящійся во всѣхъ сосѣднихъ земляхъ своими богатствами въ золотѣ и матеріяхъ, въ зерновыхъ хлѣбахъ и лошадяхъ. Эти невѣдомыя бѣлому человѣку страны, вѣроятно, принадлежатъ къ числу самыхъ цвѣтушихъ въ Африкѣ. Путешественникъ Бонна во время своего четырехлѣтняго плѣна въ столицѣ ашантиевъ часто слышалъ о какомъ-то почти бѣлокожемъ народѣ, занимающемъ часть плоскогорья Конгъ. Имя филану, которымъ его называли, очевидно, примѣняется, какъ и имя филани, на берегахъ Нигера, къ націи той феллатской расы, которая наводняетъ своими эмигрантами и колоніями всю западную Африку. Фалаба, на правомъ берегу Джолибы, Фала-

¹⁾ René Caille;—Paul Soleillet, цитирован. сочиненія;—Collomb, „Bulletin de la Société d'Anthropologie de Lyon“, 1885.

²⁾ Anne Raffanel, цитированное сочиненіе;—L. Panet, „Revue Coloniale“ 1850;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

лама, близъ лѣваго берега, обозначаютъ то мѣсто рѣки, гдѣ теченіе ея служить восточной границей французскому Судану. Заселеніе страны, безъ сомнѣнія, придастъ значительную важность этой части долины Нигера, такъ какъ здѣсь Танкиссо или Бафингъ соединяется съ главной рѣкой, пройдя передъ тѣмъ черезъ территоріи Джалконе-дугу и Балея. Въ непосредственномъ сосѣдствѣ, къ западу, находятся золотоносныя россыпи Буре, разрабатываемыя преимущественно женщинами, какъ наносныя формация Бамбука, ибо за исключеніемъ мандинговъ, людей безъ предразсудковъ, мужчины свободнаго класса считаютъ унижительнымъ этотъ родъ труда. Территорія Буре походитъ на огромное рѣшето: вся она изрыта глубокими ямами, которыя по большей части утилизируются преимущественно только въ зимнюю пору, когда обиліе воды дѣлаетъ возможной промывку земли ¹⁾. Обвалы въ этихъ рудникахъ довольно часты, и если обвалившейся землей засыплеть работавшихъ въ шахтѣ, то воображаютъ, что злой духъ хочетъ удержать ихъ при себѣ за тѣмъ, чтобы они служили ему рабами на томъ свѣтѣ, и поэтому остерегаются подать имъ помощь; но по прошествіи года послѣ несчастнаго случая, заваленную яму раскапываютъ; если тѣла раздавленныхъ были хорошо охраняемы отъ демоновъ добрыми духами, то вокругъ труповъ должно скопиться много золота ²⁾, въ возмѣщеніе потери, понесенной рудокопами. Туземцы въ Буре вѣрятъ также, что души умершихъ переселяются въ деревья или въ гнѣзда термитовъ. Бѣдная деревушка Диди, гдѣ имѣетъ пребываніе одинъ изъ главныхъ начальниковъ Буре, была крайнимъ пунктомъ, котораго достигъ Уинвундъ Ридъ въ 1869 году, во время своего изслѣдованія верхняго Нигера. Правительство Буре, бывшаго прежде вассаломъ Сегу, а нынѣ состоящаго подъ покровительствомъ Франціи, сосредоточено въ рукахъ четырехъ знатныхъ семействъ, члены которыхъ сообща совѣщаются о дѣлахъ управленія ³⁾. Къ востоку отъ Джолибы, главный рынокъ страны лежитъ въ сотнѣ километрахъ отъ рѣки: это—деревня Канкаре, куда торговцы приходятъ главнымъ образомъ для покупки невольниковъ и золотаго песку. Кениера, еще недавно «очень большой и очень богатый» городъ, находившійся въ 40 километрахъ къ юго-востоку отъ Фалаба, былъ разрушенъ въ 1882 году арміей Самори, за четыре дня до прибытія маленькаго французскаго отряда, спѣшившаго на помощь осажденнымъ. Это единственный пунктъ за Нигеромъ, куда про-

никали и гдѣ дали сраженіе экспедиціонныя колонны изъ французскаго Судана.

Государство Мандингъ, названное такъ по имени его обитателей, поступившихъ подъ покровительство Франціи, заключается въ себѣ нѣсколько важныхъ поселеній на лѣвомъ берегу Нигера и внутри страны, на водораздѣльной возвышенности между Нигеромъ и Сенегаломъ, лежащей очень близко къ первой изъ этихъ рѣкъ: вслѣдствіе крутизны ската на восточной покатости, воды ручьевъ бѣгутъ каскадами по песчаниковымъ скаламъ. На восточной большой рѣкѣ самое значительное мѣстечко—Кангаба; другой многолюдный городокъ, Сиби, построенный на выступѣ горы, находится внутри страны, къ западу отъ рѣчной долины. Въ этомъ мѣстѣ крутые склоны водораздѣльнаго хребта между Сенегаломъ и Нигеромъ господствуютъ надъ аллювiальной равниной, имѣющей не менѣе 30 километровъ протяженія до рѣки, но утесы, изрѣзанные глубокими оврагами, по которымъ можно подняться на плоскогорье, постепенно приближаются къ берегу; они удалены отъ рѣки всего только на 3 километра выше Бамаку (Бамако), маленькаго городка, который французы избрали административнымъ центромъ своихъ владѣній на Нигерѣ. Нѣкогда это былъ многолюдный и торговый городъ: арабскіе писатели говорятъ о немъ какъ объ одномъ изъ важѣйшихъ рынковъ Судана, и Мунго-Паркъ нашелъ тамъ одинъ изъ главѣйшихъ этаповъ во время своихъ двухъ путешествій. Въ наши дни неправильный четырехугольникъ, около полкилометра въ сторонѣ, образующій городскую стѣну или тата Бамаку, заключаетъ внутри больше развалинъ, чѣмъ домовъ: въ 1893 году все населеніе города не превышало 800 человекъ. Однако, это маленькое бамбарасское государство успѣло сохранить свою независимость: ни тукулеры Ахмаду, ни мандинги-мусульмане Самори не входили туда, когда явились французы и начали работы по возведенію укрѣпленій. Въ то время равнина, среди которой стоитъ Бамаку, казалась почти необитаемой: по берегу рѣки тянулись болотистыя пространства до почернѣлыхъ стѣнъ ограды, за которыми прятались хижины туземцевъ; далѣе видно было только сплошное море высокой травы, тамъ и сямъ большія деревья, затѣмъ, на заднемъ планѣ, три уступа голаго утеса, поднимающагося въ цѣломъ на высоту 200 метровъ. Теперь эта равнина перерѣзана хорошими дорогами, обсаженными деревьями: въ портѣ тѣсняются барки и лодки, и вновь разведенныя плантаціи образуютъ поясъ зелени вокругъ бѣлыхъ стѣнъ крѣпости. Въ 1884 году торговые обороты въ Бамаку простирались до 5.000.000 франковъ.

Первая большая деревня ниже Бамаку и сосѣднихъ пороговъ—Багинта, на правомъ бе-

¹⁾ Faïdherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1886.

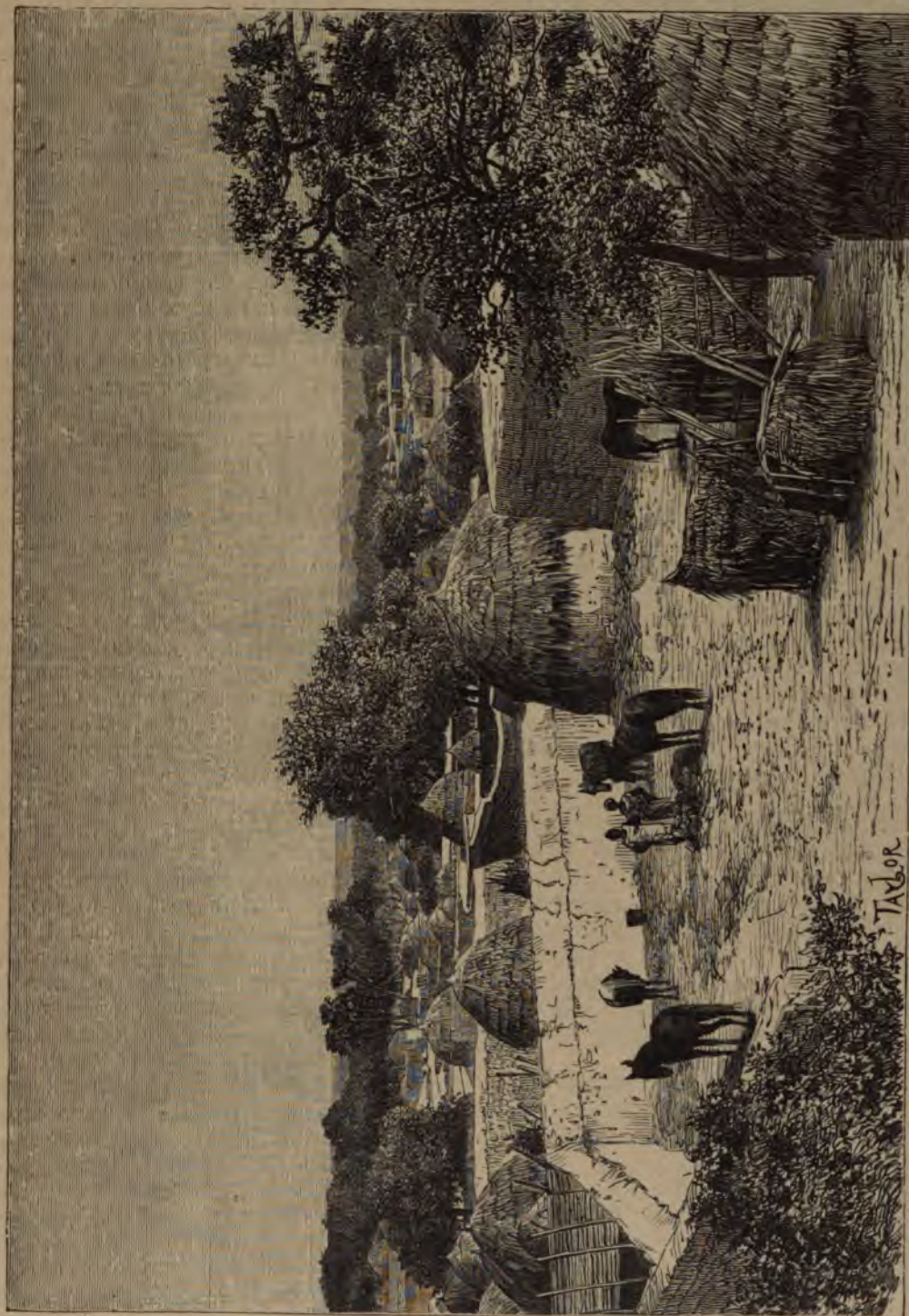
²⁾ P. Soleillet, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Vallière, „Bulletin de la Société de Géographie commerciale de Bordeaux“, 1881.

реку. Затѣмъ слѣдуетъ, на лѣвомъ берегу, Куликоро, нѣкогда городъ бѣглыхъ и изгнанниковъ ¹⁾. Французы учредили тамъ военный постъ, чтобы командовать сообщениями Нигера

населена маленькими республиканскими общинами бамбарасовъ, которые соединились въ федерацію, чтобы общими силами сопротивляться тукулерамъ, и успѣли сохранить свою

В у р н о.

съ землею племени белери или Беле-дугу, простирающейся на западъ, къ источникамъ сенегальскаго Бауле. Эта гористая область

независимость, политическую и религіозную. Кровавыми экспедиціями тукулерамъ удалось, правда, пройти черезъ территорію Беле-дугу, но не покорить ее. Благодаря сохраненію свободы, селенія белеровъ пользуются благо-

¹⁾ Gray and Doehard, „Travels in Western Africa“.

состояніемъ и окружены прекрасно воздѣланными плантаціями и полями; въ послѣднее время даже основывались новыя деревни на торговыхъ дорогахъ между Нигеромъ и оазисами Сахары¹⁾, тогда какъ въ окружающіхъ земляхъ встрѣчаешь по крайней мѣрѣ три разоренныхъ деревни вокругъ каждой еще населенной группы хижинъ. Лѣса въ Беледугу состоятъ по преимуществу изъ масличнаго дерева; въ саваннахъ растетъ одинъ видъ дикаго табака, которому Соделье, а также Бартъ и многіе натуралисты приписываютъ африканское происхожденіе.

Ямина или Ньямина, разоренный городъ, на лѣвомъ берегу Нигера, въ сотнѣ километровъ ниже Куликоро, принадлежалъ къ имперіи Сегу; но въ 1884 году, во время прохода французской канонерки, жители его, бамбарасы и сараколе, прогнали тукулерскій гарнизонъ и отдались подъ покровительство Франціи. Ямина—естественный портъ всей области верхняго Беле-дугу, Фа-дугу и сосѣднихъ съ пустыней рынковъ; торговцы изъ племени сараколе настолько многочисленны здѣсь, что языкъ ихъ сдѣлался посредникомъ торговаго обмѣна, даже у бамбарасовъ и мавровъ, живущихъ въ этой странѣ. Банамба, настоящій городъ, такъ какъ въ немъ, по словамъ путешественника Мажъ, насчитывается свыше 8.000 жителей, почти исключительно племени сараколе,—лежитъ въ километрахъ въ пятидесяти отъ рѣки, въ великолѣпной равнинѣ, усыпанной баобабами и другими деревьями; архитектура его домовъ съ плоскими крышами, надъ которыми возвышается закругленный курганъ, указываетъ уже сосѣдство мавровъ. Далѣе слѣдуютъ большія деревни и даже города на дорогахъ страны Каарта, относительно густо населенной въ этой области, которая производитъ прося въ количествѣ, далеко превышающемъ нужды мѣстнаго потребленія. Плоскогорія и гористыя террасы смѣняются слегка волнистыми равнинами, которыя составляютъ переходъ между холмистыми мѣстностями Судана и гладкими степями, предшествующими пустынѣ.

Сегу, хотя теперь въ упадкѣ, все еще одинъ изъ большихъ прибрежныхъ городовъ Нигера. Недавно онъ былъ столицей обширной имперіи, простиравшейся отъ Каарты до Уассулу и отъ Джаллонке-дугу до Массины, на пространствѣ около 500.000 квадр. километровъ. Отрывокъ этой имперіи, въ которомъ Сегу былъ главное мѣсто, относительно невеликъ, но коммерческое положеніе этого города представляетъ такія выгоды, что даже развѣнчанный и опустошенный войной, онъ всегда оправится отъ разоренія и снова станетъ

центромъ населенія и торговли. Въ самомъ дѣлѣ, Сегу находится на правомъ берегу рѣки, всего въ какихъ-нибудь сорока километрахъ отъ Бахоя или восточнаго Нигера, который течетъ параллельно западному Нигеру и соединяется въ этомъ мѣстѣ со всѣми своими притоками: благодаря удобству сообщенія черезъ окружающія равнины, въ Сегу сходятся всѣ дороги изъ верхнихъ нигерскихъ долинъ, отъ Фута-Джаллонъ до горныхъ цѣпей Махи; большой рынокъ Каяйе, въ 200 километрахъ къ юго-востоку отъ Сегу, служитъ главнымъ этапомъ на дорогѣ, ведущей къ таинственному городу Конгъ. Религіозныя войны, опустошавшія, съ половины настоящаго столѣтія, эти страны, точно огромный пожаръ, обращая въ пустыни области, прежде усыяныя многочисленными городами, пощадили округъ Сегу: бамбарасы и сонинке безъ сопротивленія покорились завоевателямъ тукулерамъ и тѣмъ спасли свою жизнь. Въ 1865 году, Мажъ, прожившій двадцать семь мѣсяцевъ въ этой столицѣ, оцѣнивалъ въ 100.000 число жителей округа Сегу между двумя Нигерами, а изъ вычисленій, основанныхъ на распредѣленіи добычи, онъ вывелъ цифру въ 36.000 для населенія города Сегу и подгородныхъ деревень.

Въ дѣйствительности Сегу состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ городовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ по берегу рѣки на протяженіи около 15 километровъ. Первый изъ этихъ городовъ, считая отъ верховья,—Сегу-Коро, или «Старый Сегу», гдѣ еще видны остатки дворца прежнихъ бамбаросскихъ королей. Напротивъ Старого Сегу, на лѣвомъ берегу, стоитъ мѣстечко Фаракко. За Сегу-Коро на южномъ берегу слѣдуетъ Сегу-Бугу, а противъ него, на сѣверномъ берегу, расположенъ пригородъ Калабугу; затѣмъ идутъ Сегу-Кура, или «Новый Сегу», и растянувшіяся въ видѣ одного непрерывнаго города поселенія Дуабугу, Гупуй и Сегу-Сикоро, резиденція короля и официальная столица государства; ниже по рѣкѣ, на томъ же берегу, находится деревня Сомоно, населенная рыбаками и лодочниками племени сонинке, которые въ награду за услуги, оказанныя ими тукулерскимъ завоевателямъ, получили монополію рѣчныхъ промысловъ, и которые, кромѣ того, славятся какъ очень искусные каменщики²⁾. Другой сосѣдній городъ, Дугассу, лежащій въ тридцати къ югу, можетъ быть разсматриваемъ какъ внѣшній рынокъ Сегу для всѣхъ произведеній, отправляемыхъ изъ верхнихъ долинъ. По стилю своихъ зданій Сегу принадлежитъ болѣе къ Мавританіи, чѣмъ къ Судану. Его дома съ террасами опираются на широкіе столбы, украшенные арабесками и несущіе по всей окружности кон-

¹⁾ Jean Bayol „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, décembre 1884

²⁾ Mажъ;—Solleillet, цитирован. сочиненіе.

соли изъ глины: это почти тотъ же родъ постройки, какъ и въ Арауанскомъ оазисѣ, на дорогѣ изъ Марокко въ Томбукту. Но въ отношеніи обычаевъ торговли Сегу еще находится въ Суданѣ: тамъ считаютъ на раковинки каури, три тысячи которыхъ представляютъ, въ среднемъ, цѣнность пятифранковой монеты; для крупныхъ суммъ денежной единицей, реальной или фиктивной, служитъ невольникъ. Никакой предметъ торговаго обмѣна не подверженъ такимъ быстрымъ колебаніямъ въ своемъ курсѣ, какъ невольникъ, цѣна котораго сильно мѣняется, смотря по результату войнъ, побѣдоносныхъ или фатальныхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ прекратилась продажа негровъ европейцамъ въ портахъ побережья, тукулеры отрубаютъ голову всѣмъ плѣнникамъ, ростъ которыхъ превосходитъ длину ружья; женщины и дѣти продаются въ самомъ краѣ. Султану услуживаютъ исключительно женщины, называемыя «корсиги», носящія на груди золотыя бляхи въ формѣ кирасъ; онъ выбираетъ даже офицеровъ между придворными невольниками, и нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ высшихъ должностей въ королевствѣ. Одна изъ родственницъ короля Сегу стоитъ во главѣ управленія гинееемъ, гдѣ воспитываются, на счетъ государства, молодые дѣвушки, которыхъ султанъ предназначаетъ своимъ почетнымъ гостямъ¹⁾.

Тукулеры, хотя потомки завоевателей, гордящіеся своимъ благороднымъ происхожденіемъ и чистотой своей вѣры, перестали быть господами въ Сегу. Бывъ прежде бамбарасскимъ государствомъ, это королевство снова становится таковымъ, благодаря постепенному уменьшенію численности иммигрантовъ завоевателей. Хотя хаджи Омаръ привелъ съ собой нѣсколько тысячъ талибе изъ Футы, но войны и болѣзни быстро сократили ихъ число, вербовка же этихъ «вѣрныхъ» въ настоящее время очень затруднительна, вслѣдствіе отдаленности родины и возникновенія независимыхъ или враждебныхъ государствъ въ промежуточномъ поясѣ. Основаніе французскихъ военныхъ постовъ въ области верхняго Сенегала, образованіе новой малинкейской имперіи завоевателя Самори, наконецъ, возмущенія Беле-Дугу и окружающихъ территорій совершенно изолировали тукулеровъ Сегу отъ ихъ первоначальнаго отечества, «они живутъ точно плѣнные въ завоеванной ими странѣ»²⁾, и все болѣе и болѣе *софы*, или бамбарасскіе войны, занимаютъ мѣсто тукулерскихъ талибе въ предводительствованіи войсками и въ управленіи гражданскими дѣлами. Подобно тому, какъ въ Китаѣ манджуры, такъ сказать, распускаются въ китайскомъ элементѣ, такъ точно на Нигерѣ вы-

ходцы изъ Футы теряются въ бамбарасскомъ обществѣ. Но, хотя снова перешедшее въ руки представителей націи, правительство *мам-диульбе*, или «повелители вѣрующихъ», не перемѣнило своего образа дѣйствій въ отношеніи народа, по-прежнему подавленнаго непосильнымъ бременемъ разнаго рода поборовъ: десятины, подушной подати, обычныхъ сборовъ, таможенныхъ пошлинъ и военныхъ реквизицій. Талибе и софы освобождены отъ всякихъ налоговъ.

Городъ Сансандигъ, стоящій въ 55 километрахъ ниже Сегу-Сикоро, на лѣвомъ берегу рѣки, тоже занимаетъ необходимое положеніе, какъ торговый центръ. Разрушенный недавно тукулерами, въ наказаніе за долгое сопротивленіе, онъ неминуемо долженъ оправиться и отстроиться на томъ же самомъ мѣстѣ или въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Крутой изгибъ, описываемый Нигеромъ къ сѣверу, дѣлаетъ этотъ пунктъ мѣстомъ схожденія дорогъ изъ Сахары, и естественные рынки обмѣна между жителями саваннъ и жителями Судана находятся какъ разъ въ сосѣднемъ поясѣ, промежуточномъ между холмами и равниной. Менѣе чѣмъ въ сотнѣ километровъ къ сѣверо-западу лежитъ городъ Сегала, большой рынокъ, куда сѣверные арабы приходятъ обмѣнивать свои произведенія на товары, привозимые съ юга саракольскими диулами. Далѣе на западѣ находится Дамфари, то-есть «земля Дамфа или Дампа», другой саракольскій городъ, лежащій въ точкѣ пересѣченія нѣсколькихъ дорогъ и посѣщаемый маврами племенъ уладъ-махмудъ, уладъ-тишитъ, уладъ-уалата, уладъ-мбарекъ; въ сухое время года онъ всегда окруженъ многочисленными палатками этихъ номадовъ, группирующихся по племенамъ. Кочевники приходятъ сюда покупать просо, собираемое жителями этой области въ огромныхъ количествахъ, и отвозятъ въ территорію Эль-Ходъ, гдѣ климатъ слишкомъ сухъ для культуры хлѣбныхъ растений. Территорія Дамфари была цвѣтущей страной въ 1883 году, когда Байоль обошелъ ее и поставилъ, по договорамъ съ начальниками племенъ, подъ протекторатъ Франціи. Въ то время тамъ начинали вводить культуру земляныхъ фисташекъ (арахидъ); производимый въ краѣ табакъ издавна славится своимъ превосходнымъ качествомъ; тамошніе кузнецы пользуются репутаціей искусныхъ мастеровъ; въ большомъ селѣ Боро, окруженномъ хлопковыми и пидиговыми плантаціями, многочисленные ткацкіе станки выдѣлывали замѣчательныя по прочности ткани и краски синія бумажныя матеріи, изъ которыхъ шьютъ платья, извѣстныя подъ именемъ «сегуанскаго бубу». Въ странѣ основывались новыя деревни, служащія убѣжищемъ для бѣглецовъ изъ сосѣднихъ земель, опустошаемыхъ тукулерами.

Къ сѣверу отъ Дамфы находится еще болѣе

¹⁾ Paul Solleilet, цитирован. сочиненіе.

²⁾ Pietri, «Les Français au Niger».

многолюдный и болѣе торговый городъ—Мурдіа, лежащій въ области саваннъ, гдѣ начинаютъ показываться первые пески, хотя почва еще плодородна: семь становищъ мавровъ, содержащихъ по меньшей мѣрѣ 1.200 душъ, окружаютъ центральное городское поселеніе, гдѣ живутъ 2.500 сараколе; кривыя улицы расположены въ видѣ базаровъ, какъ «суки» въ Тунисѣ, и въ лавкахъ выставлены на продажу ковры, драгоценности, вышитыя кожи, издѣлія, напоминающія мавританскую промышленность. На сѣверо-западъ, по направленію къ Каарта, простирается территорія Бахуну, составляющая часть Эль-Хода, промежуточнаго пояса между Сахарой и Суданомъ. Эта переходная страна, принадлежавшая нѣкогда къ большой имперіи Ганата, затѣмъ къ царству мандинговъ, часто была оспариваема могущественными сосѣдями. Арабы, бамбарасы сталкивались въ ней, фулы, тукузеры завоевывали ее и даже заводили тамъ постоянныя колоніи. Каждый разъ, когда они предоставлены самимъ себѣ, коренные жители края, почти всѣ сараколе или ассуаники—въ этнической номенклатурѣ арабовъ—группируются въ маленькіе республиканскіе союзы; но, очень благоразумные, они рѣдко вступаютъ въ борьбу съ вторгающимися въ край непріятелемъ: они даютъ пройти грозѣ, затѣмъ снова принимаются за свои обычныя занятія—воздѣлываніе полей и вывозъ собираемыхъ съ нихъ произведеній. Столица территоріи Бахуну, Бакуинитъ, лежащая на западѣ провинціи, въ сотнѣ километровъ отъ Ніуро, занимаетъ дно песчаной низменности, возлѣ глубокаго озера; надъ городомъ господствуютъ скалы изъ глинистаго сланца и террасы изъ латерита. По Ленцу, въ полуразвалившихся домахъ Бакуинита живетъ отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ. Между этимъ городомъ и Мурдіей сегуанскій султанъ основалъ новое торговое мѣсто, Гинье, которое быстро приобрѣло важное значеніе, благодаря обезпеченной купцамъ свободѣ отъ всякихъ таможенныхъ пошливъ; осѣдлое его населеніе состоитъ изъ 4.000 душъ, но по временамъ тамъ собирается отъ 15 до 20.000 человѣкъ. Жители Гинье говорятъ бамбарасскимъ діалектомъ; однако, уолофское нарѣчіе, содержащее много французскихъ выраженій, стремится сдѣлаться тамъ торговымъ языкомъ.

Изъ Сансандига другіе пути, болѣе короткіе, чѣмъ пути изъ Сегала и Мурдіа, ведутъ къ землѣ мавровъ черезъ территоріи Кеніека и Калари. Одна изъ этихъ дорогъ, направляющаяся къ оазису Уалата, проходитъ черезъ большой городъ Гумбу (Кумба, по Барту), состоящій изъ двухъ городовъ, окруженныхъ каждый стѣнами и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго лужей или дхайя; жителей въ немъ около пятнадцати или двадцати тысячъ, почти все бамбарасы, но говорящіе арабскимъ язы-

комъ; поля ихъ, засѣваемые сорго, тянутся на нѣсколько лье вокругъ городской ограды. Этотъ торговый городъ находится уже въ кругѣ притяженія Сенегала по торговлѣ камедью ¹⁾. Къ востоку отъ Гумбу, на прямой дорогѣ изъ Сансандига въ Томбукту, караваны проходятъ черезъ другой торговый городъ, называемый у бамбарасовъ Соколо, у арабовъ Кала, который въ средніе вѣка былъ одною изъ столицъ имперіи мандинговъ, и населеніе котораго и теперь еще, говорятъ, простирается до 6.000 человѣкъ; одна могущественная фамилія шорфовъ, поселившаяся въ Соколо, напоминаетъ о вліяніи, которымъ нѣкогда пользовался мароккскій султанъ въ этихъ засахарскихъ странахъ. Другой городъ, Фара-бугу, лежащій въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Соколо, составляетъ, со стороны мавровъ, передовую постъ націи бамбарасовъ; число его жителей также доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ душъ.

Ниже Сансандига, Нигеръ течетъ на пространствѣ около сотни километровъ въ восточномъ направленіи. Въ этой части его теченія важнѣйшій прибрежный городъ—Сибила, столица одного маленькаго бамбарасскаго государства. Ниже, тамъ, гдѣ рѣка опять поворачивается на сѣверо-востокъ, находится Діафарабе, наиболѣе отдаленный отъ Бамаку пунктъ, до котораго доходитъ плавающій по Нигеру пароходъ. Въ этомъ мѣстѣ начинается уже поясъ развѣтвленія водъ. Одна вѣтвь, проходящая недалеко отъ священнаго города Діака, направляется на сѣверъ къ Тененку, одному изъ большихъ рынковъ земли Бургу, и теряется далѣе въ озерѣ Дебо. Другая вѣтвь, направляющаяся на востокъ, и по которой пароходъ тщетно пытался пробраться черезъ камыши, ведетъ къ древнему и прославленному городу Дженне, отъ имени котораго, какъ полагаютъ нѣкоторые писатели, основываясь на книгѣ Льва Африканца, и произошло названіе Гвиней, данное португальцами столь значительной части африканскаго континента. Какъ бы то ни было, этотъ городъ, посѣщенный до сихъ поръ только однимъ европейцемъ, Рене Калье, находится нынѣ въ состояніи упадка, причиною чему были войны, внутреннія и внѣшнія, перерывъ торговли по рѣкѣ и боковымъ потокамъ, а также, можетъ-быть, перемѣны въ рѣчномъ развѣтвленіи этой низменной области, гдѣ рѣчные рукава безпрестанно перемѣщаются. Въ 1828 году, во время прохода Калье, Дженне уже не былъ центромъ торговаго обмѣна въ этой области Судана, и населеніе его не достигало даже десяти тысячъ душъ. Однако, онъ все еще занималъ обширное пространство: городская ограда имѣла по крайней мѣрѣ четыре километра въ окружности, и ея глино-

¹⁾ Paul Solleilet, цитиров. сочиненіе.

битныя стѣны, башни, величественныя баобабы, осыпавшія ворота, группы пальм на возвышеніяхъ почвы, надъ садами и рисовыми полями,—все это вмѣстѣ представляло очень живописное цѣлое. Хотя въ то время Дженне уже не былъ столицей государства, но привилегія беспошлиннаго привоза товаровъ, которую пользовался этотъ рынокъ, привлекала туда еще очень много чужеземцевъ, арабовъ, мандинговъ и сараколе. Фулы, завоеватели страны, господствовали тамъ надъ потомками прежнихъ владѣтелей земли, бамбарасовъ, и наблюдали за строгимъ исполненіемъ мусульманскаго культа. Жители, славящіеся кротостью и привѣтливостью, всѣ знали арабскую грамоту и умѣли декламировать стихи Корана.

Въ этой области слиянія, пробѣгаемой многочисленными судоходными потоками, города могутъ перемѣщаться безъ ущерба для своего значенія, сохраняя за собой всѣ тѣ торговныя выгоды, которыя даетъ имъ соединеніе большихъ дорогъ. Покидая Дженне, какъ резиденцію, король Сего-Ахмаду выбралъ мѣсто въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ слиянія двухъ Нигеровъ, чтобы основать тамъ «во славу Божию» городъ Хамдаллахи (эль-Ламду-Лиллахи); но эта новая столица Массины—или Моассины, какъ ее всегда называли Ленцу—просуществовала недолго. Въ 1862 году ея овладѣлъ Хаджи-Омаръ; то была эпоха наибольшей славы его царствованія; обширная феллатская имперія простиралась тогда отъ пустыни до горъ, гдѣ великая рѣка беретъ свое начало; но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ этотъ завоеватель былъ, въ свою очередь, запертъ въ Хамдаллахи и погибъ вмѣстѣ со своими приверженцами. Теперь остались только развалины отъ этого главнаго города могущественнаго царства. Нынѣшняя столица Массины, Бандиagara, находится недалеко отъ праваго берега Бахоя или западнаго Нигера, въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Дженне. Впрочемъ, этотъ край не имѣетъ политическаго единства: одинъ тукулерскій король изъ династїи Хаджи-Омара господствуетъ въ сосѣдней съ мѣстомъ слиянія части страны. Феллатскіе начальники, потомки вождей, водворившихся въ Массинѣ въ 1770 году, удержались въ нѣкоторыхъ внутреннихъ городахъ; туземныя населенія, бамбарасы и сонгаи, также образовали отдѣльныя маленькія государства, тогда какъ на сѣверо-западной и сѣверо-восточной границахъ туареги прегенатенъ стараются проникнуть все далѣе въ территорію осѣдлыхъ негровъ.

Нѣсколько торговыхъ городовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ на дорогахъ Массины, направляющихся изъ Дженне въ Томбукту, по обѣимъ равнинамъ, окаймляющимъ рѣку на востокъ и западъ. Съ восточной стороны Ниакояго, Боре, Дуанца были упоминаемы тузем-

цами, которыхъ разспрашивалъ Бартъ, какъ значительныя городскія поселенія; съ западной стороны, городъ Бассикуну, посѣщенный Ленцомъ въ 1880 г., представляетъ теперь собраніе-сотни другой глинобитныхъ мазанокъ, сгруппированныхъ въ лѣсной прогалинѣ, но вокругъ его стѣнъ расположено обширное становище арабовъ, которые дали свой языкъ тамошнимъ жителямъ бамбарасамъ, и цѣлая «гора» обломковъ, возвышающаяся въ сосѣдствѣ, свидѣтельствуетъ о длинномъ рядѣ поколѣній, смѣнявшихся въ этомъ мѣстѣ. Наконецъ, нѣсколько городовъ расположены на берегахъ рѣки или ея притоковъ, внизъ отъ Мозти или Иссака, деревни, лежащей при слияніи двухъ Нигеровъ. Кона, на правомъ берегу,—наидальнѣе выдвинутая къ западу колонія негровъ сонгайскаго языка. Ниже, на томъ же берегу, показывается Гурамъ, примѣтный издалика по его скалистому холму, который, на подобіе острова, возвышается среди болотъ, боковыхъ рукавовъ рѣки и аллювиальныхъ земель. На западѣ, по другую сторону озера Дебо, встречаемъ большой городъ Іоару (Іовару), стоящій смотря по времени года, то среди обсохшей песчаной равнины, то на болотистомъ берегу между лужъ и потоковъ. Между Іоару и Томбукту, мѣстечко Дирэ есть, повидимому, наиболѣе посѣщаемая пристань, но постоянныя войны, опустошавшія эти страны со времени нашествія тукулеровъ, имѣли слѣдствіемъ значительное сокращеніе ея торговыхъ оборотовъ. Къ главнымъ предметамъ торговли верхняго Нигера въ городахъ Массины присоединяются великолѣпныя лошади, по красотѣ и выносливости почти не уступающія варварійскимъ. Въ этой части рѣчнаго теченія, по разсказу о путешествіяхъ Ибнъ-Батуты, въ четырнадцатомъ столѣтіи долженъ былъ находиться городъ Мали, столица могущественнаго царства мандинговъ¹⁾.

III. Средній Нигеръ: Томбукту, туареги и сонгаи.

Эта область центральной Африки явственно отграничена, выше Томбукту и большаго рѣчнаго изгиба, поясомъ развѣтвленія водъ разлива въ боковыхъ потокахъ обѣихъ береговъ и, на югъ сахарскихъ степей и пустынь, первымъ значительнымъ притокомъ, который рѣка получаетъ изъ равнинъ Гауссы. Наибольшая часть громаднаго пространства, обнимаемаго двумя покатостями Нигера, между Томбукту и Гомбой, необитаема или по крайней мѣрѣ имѣетъ весьма малое число жителей, сравнительно съ протяженіемъ территоріи; но

¹⁾ Desborough: Cooley, „Negroland of the Arabs“.

южные области бассейна, повидимому, очень густо населены во многих мѣстах: до сихъ поръ только одинъ европейскій путешественникъ, Бартъ, прошелъ эту страну, отправившись прямо изъ города Сай въ Томбукту, по хордѣ дуги, описываемой восточной кривою рѣки. Къ югу отъ обширной излучины, описываемой Нигеромъ въ области пустыни, нѣсколько горъ образуютъ естественную границу между двумя поясами: это группа, именуемая специально Тонди, или «Гора»; ее называютъ также Эль-Хаджри или горами Гомбори. Равнина, надъ которой господствуютъ эти высоты, поднимается, вѣроятно, метровъ на 500 надъ уровнемъ моря, но она представляетъ совершенно гладкую, чуть замѣтно волнистую поверхность, и выступающія на ней скалы, высотой отъ 200 до 300 метровъ слишкомъ, производить контрастъ, тѣмъ болѣе поразительный. Горы Гомбори не составляютъ сплошной цѣпи: это отдѣльные массивы, съ причудливыми контурами, бывшіе, можетъ-быть, нѣкогда островами. Нижніе скаты этихъ горъ состоятъ изъ откосовъ обвала, тогда какъ вершины вздымаются вертикальными утесами, имѣющими видъ колоссальныхъ крѣпкихъ замковъ, съ четырехугольными башнями по бокамъ. Туземцы дѣйствительно поселились тамъ какъ въ крѣпостяхъ, представляющихъ имъ безопасное убѣжище отъ феллатскихъ завоевателей: очень миролюбивые, эти горцы спускаются со своими стадами въ лѣса акацій и саванны, окружающія ихъ горы, но при малѣйшемъ признакѣ опасности они исчезаютъ, и край снова принимаетъ видъ необитаемой пустыни. Нѣсколько другихъ массивовъ, менѣе высокихъ, разсѣяны по равнинамъ къ югу отъ горъ Гомбори; таковы высоты Арибинда, граниты, гнейсы, песчаники, скалы, у которыхъ вездѣ крутой скатъ обращенъ къ югу, а пологій къ сѣверу ¹⁾

Область бассейна Нигера, простирающаяся на сѣверо-западъ отъ Томбукту, по направленію къ оазисамъ Уалата и Тишитъ, населена арабами, или по крайней мѣрѣ берберами смѣшанной расы и говорящими арабскимъ языкомъ, какъ родной рѣчью. Множество арабскихъ купцовъ разъѣзжаютъ даже на южной сторонѣ рѣки и встрѣчаются въ большей части деревень вплоть до самыхъ горъ Гомбори; кромѣ того, многіе сонгаи и туареги незаконно присвоиваютъ уважаемое имя араба, чтобъ придать себѣ больше вѣсу въ глазахъ туземцевъ. Къ востоку отъ меридіана Томбукту, вся Сахарская область принадлежитъ расѣ имохаговъ или имошаровъ, племена которыхъ разсѣяны на пространствѣ около 2.000 километровъ по всѣмъ направленіямъ,—на сѣверъ до границъ Алжиріи, на востокъ почти до озера Цаде или Чадъ. Всѣ имошары, живущіе въ

области Нигера, составляютъ часть союза племенъ ауэллимиденъ; нѣкоторые изъ нихъ называются тадемакка или тадемеккетъ, по имени одного города, нынѣ исчезнувшего, который находился къ западу отъ Айрскихъ горъ, и который обыкновенно называли эсъ-Сукъ, или «Рынокъ» по преимуществу. Эти тадемакки—единоплеменные дедмаковъ, жителей Хумиріи, которые стали уже настоящими арабами по языку и нравамъ ¹⁾.

Племена ауэллимиденъ и тадемакка перешли Нигеръ ниже Томбукту и овладѣли зарѣчной территоріей на большомъ пространствѣ къ югу. Они не только заняли песчаные мѣстности, полосы джунъ и саванны, похожія на сахарскія пространства, но проникли также въ долины горъ Гомбори и даже южнѣе—въ плодородныя равнины территоріи Либтако; изъ группы пользуются малѣйшимъ пробѣломъ, образуемымъ среди сонгайскихъ населеній, чтобы пробираться все далѣе впередъ. Правда, что эти перемѣщенія къ югу имѣли слѣдствіемъ большую перемѣну въ нравахъ. За-нигерскіе туареги остались пастухами и вомадами, перенося свои жилища съ одного острова на другой, затѣмъ съ этихъ, окруженныхъ водой скалъ, на южный берегъ, а оттуда въ отдаленныя равнины полуденной стороны; но очень немногіе между ними сохранили верблюда, этого вѣрнаго товарища другихъ туареговъ; ихъ домашнія животныя состоятъ изъ крупнаго рогатаго скота и барановъ, которые слѣдовали за ними вплавь, черезъ рукава рѣки. Во многихъ округахъ произошло скрещеніе расъ: туареги смѣшались съ чернокожими туземцами, отсюда, можетъ-быть, и произошло названіе ирегенатенъ, или «смѣшанные», подъ которымъ у сѣверныхъ туареговъ извѣстны всѣ южныя племена въ совокупности. По языку они находятся въ переходномъ состояніи; Бартъ встрѣчалъ индивидуумовъ, которые говорили одинаково хорошо феллатскимъ, сонгайскимъ и своимъ туарегскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе, между этими туарегами есть также люди бѣлой расы, представляющіе берберскій типъ во всей его чистотѣ: у нихъ большія губы, солидная челюсть, прямой носъ, хорошо развитый лобъ, красивый овалъ лица; они широкоплечи, хорошо сложены, сильны, походка ихъ легкая. Въ глазахъ европейца нѣкоторые ирегенатскія женщины—настоящія красавицы, съ безукоризненными формами, если не считать нѣкоторой наклонности къ ожирѣнію. Туареги этой страны, какъ и сѣверные, питаются почти исключительно мясомъ и молокомъ; они живутъ въ палаткахъ, обтянутыхъ бараными кожами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже носятъ кожаную одежду; лицамъ, или вуалъ, которымъ они обвертываютъ головы, и который

¹⁾ Н. Barth, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ H. Daveyrier, «La Tunisie».

закрывает нижнюю половину лица, состоит обыкновенно из полосы бумажной материи искусно подобранных цветов — белого, красного, синего. Также как ахаггары, они делятся на две касты: благородных, ремесло которых война, и которые считают унизительным всякий труд, кроме ухода за скотом, и клиентов или рабов, занимающихся обработкой почвы. Эти последние очень несчастны: увидя Барта, белого человека, пришедшего из стран, где родится солнце, они спрашивали, не есть ли этот чужеземец тот махди, возвышенный пророками, который освободит невольников и поднимет их на ступень людей.

Сонгаи (сонраи, сурхай) живут на обоих берегах среднего Нигера, между Томбукту и слиянием реки Сокото; они проникают далеко внутрь большого изгиба, описываемого Нигером, и язык их распространен до области озер и боковых потоков ниже города Дженне. Нынче утратившие значение между нациями Африки, сонгаи имели некогда свой период господства. Восторжествовав над властителем мандингской империи Мали, сонгайский вождь Аския основал, в 1492 году, царство, с столицей Гого, простиравшееся далеко вверх и вниз по реке и в оазисах пустыни: «путешественники употребляли шесть месяцев на переход его владений». Аския сделался могущественнейшим из государей Африки, и чтобы отпраздновать свои победы, предпринял пилигримство в Мекку, в сопровождении своих вассалов и полутора тысяч вооруженных людей, прославился на Востоке своей щедростью и вывез оттуда ученых, которые сделали Гого и Томбукту центрами просвещения в странах негров. Эта обширная империя не просуществовала и ста лет; в 1584 году султан мароккский послал двадцатитысячную армию из оазиса в оазис для покорения сонгаев, но трудность продовольствования такого многочисленного войска помешала завоевателям достигнуть цели. Семь лет спустя евнух Джодар, испанец из Альмерин, сделавшийся генералом на службе у шерифа Марракеша, явился во главе маленького отряда в 3.600 человек (между которыми было много андалузцев), вооруженных мушкетонами, и против этих искусных румов или «стрелков» не устояли безчисленные полчища сонгайских стрелков из лука и металлических дротиков. Мароккские румы сменили потомков Аския в господстве над империей; власть их простиралась до Бахуну, Дженне и гор Гомбори; но скоро прекратились все сношения между ними и их первоначальной родиной; они поженились на туземках и образовали смешанные семейства, авторитет которых уменьшается мало-по-малу; однако, в начале этого столетия судоходство по Нигеру,

на большое расстояние вверх и вниз от Томбукту, было еще в их руках. Затем пришли феллатские завоеватели, основавшие царство Массина, и номады-туареги, поселившиеся на обоих берегах реки; теперь сонгаи везде поработаны более могущественными соседями, за исключением нескольких удивленных округов, как, например, область Гомбори, где они защищены естественными крепостями из скал и прибрежными болотами Нигера, броды которых известны им одним.

Сонгайский язык, называемый в Томбукту киссур (кисонгай), еще очень распространен, несмотря на политический упадок говорящего им народа; но он содержит уже большую примесь арабских и туарегских слов; даже по синтаксису он приблизился к арабскому языку. Сонгаи вообще почти черного цвета, черты лица у них тонкие и резкие, обрамленные курчавой шевелюрой, но довольно длинной и легко заплетаемой в косы; некоторые племена отличаются линиями татуировки, а в восточных областях страны женщины украшают себя лицо металлическим кольцом, продвигаемым в перегородку ноздрей; по большей части они очень грациозно носят свои кувшины на левом плече. Побужденные и гонимые, сонгаи — народ угрюмый, неприветливый, негостеприимный; в своих долгих странствиях Барта не встречал негров, которые бы оказывали ему более холодный прием. Тот же путешественник высказывает предположение, опирающееся, впрочем, на местные предания и на указания арабских писателей, что в старину сонгаи находились в сношениях с Египтом: с берегов Нила пришли к ним проповедники ислама, а в древние времена другие наставники принесли им обычай египетской цивилизации, как, например, обычай бальзамирования. Когда умирает сонгайский король, хотя бы даже на поле битвы, труп его вскрывали и, наполнив медом, переносили в столицу для погребения. Способ постройки сонгайских жилищ напоминает архитектуру хат у многих народцев в «Реальной стране», между Белым Нилом и Вахр-эль-Арабом. Некоторые жилища состоят из двух положенных один на другой срубов; другие имеют неправильную крышу, верхушка которой наклонена над входным отверстием, как оконечность фригийской шапки. Под хижин висят житницы, почти всегда приподнятые над землей посредством рядов свай: издали они придают деревни вид крепкого замка, усаженного круглыми башнями, с остроконечными крышами; в других местах эти амбары оканчиваются наверху террасами и образуют усеченные пирамиды, напоминающие голубятни египетских селений ¹⁾.

¹⁾ Barth, цитирован. сочинение.

Тумбукту, знаменитѣйшій городъ страны сонгаевъ и всей Центральной Африки, обозначается этимъ именемъ только европейцами. По Барту, истинная сонгайская форма имени этого города—Тумбуту; туареги называютъ его Тумбютку, тогда какъ арабы единогласно говорятъ Тинъ-Букту, «Колодезь» Букту. Первоначальный смыслъ слова означалъ «впадину, узкую долину между дюнами» и объясняется постройкой первыхъ зданій между сыпучими песками. Это—очень древнее городское поселеніе. Основаніе его приписываютъ туарегамъ и относятъ къ пятому столѣтію мусульманскаго лѣтосчисленія: болѣе вѣроятно, что онъ существовалъ уже ранѣе и былъ только взятъ туарегами. Другіе полагаютъ, что эти номады грабители должны были основать городъ торговаго обмѣна между областями Сахары и Суданомъ; впрочемъ, положеніе Тумбукту, въ остромъ углѣ, образуемомъ рѣкой, и въ точкѣ соединенія многочисленныхъ боковыхъ потоковъ, таково, что тамъ или въ соедѣствіи во всѣ времена долженъ былъ находиться значительный рынокъ. О такомъ торговомъ пунктѣ говорятъ уже въ эпоху существованія королевства Гана, въ одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ вѣкѣ, и позднѣе въ эпоху владычества су-су.

Во время господства мандингскихъ королей Мали или Мелле, въ четырнадцатомъ столѣтіи, Тумбукту былъ богатый и цвѣтущій городъ, слава о которомъ распространялась далеко, благодаря торговлѣ солью и золотомъ; даже европейцы слышали о немъ: имя Тимбучъ появляется впервые на одной каталонской картѣ 1373 года. Но городъ, заключавшій въ себѣ столько сокровищъ, не могъ избѣгнуть разграбленія. Туареги, затѣмъ сонгаи, не разъ опустошали его въ пятнадцатомъ вѣкѣ; сто лѣтъ спустя андалузскіе мушкеры Джодара разграбили прославленный городъ, и съ той эпохи онъ часто былъ предметомъ спора между туарегами, фулами и тукулерами. Когда послѣдніе явились въ Тумбукту въ 1863 году, они нашли городъ покинутымъ арабами и туарегами; но, смотря по своей расовой или религіозной ненависти, туземцы, различно рассказываютъ европейскимъ путешественникамъ о послѣдствіяхъ этого нашествія. По словамъ однихъ, Эль-Хаджи Омаръ и его дружины спокойно возвратились въ Массину, нагруженные добычей; по рассказу другихъ, они были внезапно атакованы въ моментъ грабежа, и только немногіе изъ нихъ спаслись отъ избиенія ¹⁾. Какъ бы то ни было, кончилось тѣмъ, что между могущественными сосѣдями Тумбукту была заключена сдѣлка, формальная или молчаливая: не будучи въ состояніи оказывать сопротивленіе,

мирный городъ не пытался закрывать бреши въ своихъ стѣнахъ; онъ платилъ дань тѣмъ и другимъ, и когда дороги были открыты, когда судоходство по рѣкѣ не задерживалось, выше или ниже, прибрежными грабителями, онъ пользовался относительнымъ благосостояніемъ, которое позволяло большинству его обитателей жить въ довольствѣ.

Населеніе Тумбукту, приблизительно цифру котораго Бартъ опредѣляетъ, въ 1853 г., въ 13.000, а Ленцъ, въ 1880 г., въ 20.000 душъ, состоитъ главнымъ образомъ изъ арабовъ мароккесскаго происхожденія, говорящихъ діалектомъ хассаніа, какъ и арабы Сенегала ¹⁾; сонгаи, арабы берабишъ, туареги, люди мандингской и бамбарасской расы, феллата и другіе колонисты, для которыхъ общимъ языкомъ служить бамбарасскій, тоже входятъ въ некоторой долей въ составъ городского населенія; кромѣ того, двѣ или три семьи евреевъ, пришедшія съ караванами изъ мароккскихъ оазисовъ, терпимы, съ половины настоящаго столѣтія, въ этомъ мусульманскомъ городѣ. Но изъ европейцевъ лишь очень немногіе проникали въ таинственный Тумбукту, хотя въ попыткахъ добраться до него не было недостатка, и хотя никакая слава не казалась болѣе высокой, чѣмъ слава подобнаго географическаго завоеванія. Не подлежитъ сомнѣнію, что португальскіе послы ѣздили ко двору мандингскихъ королей Тумбукту, но рассказъ этихъ путешественниковъ никогда не былъ опубликованъ. Впослѣдствіи многіе невольники изъ европейцевъ, либо взятые въ плѣнъ корсарами, либо матросы, захваченные вслѣдствіе кораблекрушенія, несомнѣнно были приводимы на большой центральный рынокъ области Нигера; но въ исторіи упоминаются только два изъ этихъ плѣнниковъ, одинъ въ началѣ восемнадцатаго вѣка, другой около ста лѣтъ позднѣе: французскій морякъ Поль Имберъ, умершій невольникомъ въ Марокко, и американецъ Адамсъ, приписываемый которому рассказъ о пребываніи въ тѣхъ краяхъ не имѣетъ цѣны, такъ какъ въ оныхъ краяхъ не имѣетъ цѣны, такъ какъ наполненъ противорѣчіями, дѣлающими сомнительнымъ его происхожденіе. Наконецъ, въ 1826 году, Ленгъ достигъ Тумбукту черезъ Триполи и Туатъ; но едва онъ выступилъ въ обратный путь, какъ былъ убитъ туземцами. Первый европейецъ, которому посчастливилось не только побывать въ этомъ городѣ, но и дать отчетъ о своемъ изслѣдованіи, былъ Рене Калье, посѣтившій Тумбукту въ 1828 году: пилигримъ науки, бѣднякъ, одѣтый въ рубище, больной, съ трудомъ тащившійся отъ этапа до этапа, этотъ путешественникъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи только благодаря своему

¹⁾ Mage;— O. Lenz, цитиров. сочиненіе.

¹⁾ Faïdherbe, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“, 1885, № 3.

жалкому виду, вызывавшему презрѣніе у мужчинъ, состраданіе у женщинъ. Четверть вѣка спустя, Бартъ явился сюда подъ видомъ шерифа, пользуясь поддержкой самой могущественной фамиліи въ Томбукту и располагая обширными ресурсами, доставленными британскимъ правительствомъ. Прошло еще двадцать семь лѣтъ, послѣ пребыванія Барта, прежде чѣмъ другой европейскій путешествен-

Томбукту,—такъ какъ торговля между постомъ Бамаку и низовыми прибрежными городами постоянно возрастаетъ; сдѣлавшись одною изъ державъ верхняго Нигера, Франція не можетъ не завязать непосредственныхъ торговыхъ связей съ главнымъ рынкомъ страны.

Томбукту лежитъ въ 15 километрахъ къ сѣверу отъ Нигера, на террасѣ, высоту которой опредѣляютъ въ 245 метровъ: это вы-

Эль-хаджъ Абдъ-эль-Кадеръ, посланникъ изъ Томбукту.

никъ, Ленцъ, добрался до Томбукту по дорогѣ изъ Марокко въ Сенегаль, и съ той поры ни одинъ бѣлый изслѣдователь не видалъ этого города, заранѣе намѣченнаго на картахъ какъ центральная станція будущей желѣзной дороги «черезъ Сахару». Впрочемъ, есть вѣроятность, что въ близкомъ будущемъ установятся правильныя сношенія между французами Сенегала и этимъ важнѣйшимъ городомъ на Нигерѣ,—сношенія, начало которымъ уже положено въ 1884 году присылкой сановника изъ

ступъ хамадъ (каменистыхъ плато) пустыни. Нѣсколько лужъ или дхаяя виднѣются въ углубленіяхъ сосѣдней равнины, окруженныхъ рѣдкими мимозами и группами пальмъ: лужи эти—остатки рѣчныхъ наводненій, которыя каждые три или четыре года превращаютъ низменную мѣстность въ лабиринтъ каналовъ; въ этихъ болотахъ, куда стекаютъ городскія нечистоты, зарождаются злокачественныя міазмы, дѣлающіе пребываніе въ Томбукту очень опаснымъ для иностранцевъ. Нѣ-

когда боковой рукавъ Нигера, доступный для большихъ судовъ, доходилъ до основанія обрывовъ террасы, и еще въ 1640 году одинъ нижній кварталъ города былъ затопленъ разливомъ водъ. Но затѣмъ этотъ потокъ постепенно засорился; теперь лодочки могутъ проникать, да и то лишь въ періодъ разлива, только въ бассейнъ Кабры или Кабары, мѣстечка, населеннаго сонгаями, въ числѣ около двухъ тысячъ душъ, и расположеннаго на скатахъ холма, который выступаетъ, на подобіе острова, среди наносныхъ земель и болотъ. Годовое движеніе судоходства въ гавани Кабра, по словамъ Абдъ-эль-Кадера, выражается, въ среднемъ, 50 шаландами, вмѣстимостью отъ 25 до 30 тоннъ, что составить въ сложности около 26.500 тоннъ ¹⁾. Если портъ уменьшился въ размѣрахъ и значеніи, то и городъ Томбукту значительно сократился. Вступая въ него съ сѣвера, путешественникъ встрѣчаетъ обширные пустыри, покрытые кучами мусора; съ западной стороны развалины тоже занимаютъ широкій поясъ. Положеніе главной мечети почти виѣ города, тогда какъ прежде она, безъ сомнѣнія, должна была находиться въ центрѣ самаго оживленнаго квартала, также доказываетъ, что городъ много уменьшился въ протяженіи. Эта мечеть, доминируемая пирамидальной глиняной башней, есть единственное замѣчательное зданіе въ Томбукту, представляющемъ лабиринтъ домовъ съ террасами и хижинъ съ остроконечными кровлями.

Существовавшія нѣкогда роши были вырублены, говорятъ, для постройки судовъ, во время завоеванія Томбукту мароккскими андалузцами; теперь не видно ни одного дерева въ треугольникѣ города, обращенномъ вершиной къ сѣверу; тѣмъ не менѣе, улицы всегда оживлены множествомъ птицъ, которыя кружатся въ воздухѣ и садятся на террасы домовъ: аистовъ, вороновъ, журавлей, соколовъ, голубей и воробьевъ. На площадяхъ и около лужъ всегда толпятся масса животныхъ, вьючныхъ и верховыхъ, барановъ и козъ, домашнихъ страусовъ, отличающихся отсутствіемъ пучковъ перьевъ.

Хотя пришедшій нынѣ въ упадокъ, Томбукту все еще ведетъ большую торговлю, и обороты его несомнѣнно возрастутъ съ восстановленіемъ мира, такъ какъ этотъ городъ находится въ точкѣ пересѣченія дорогъ между западной Сахарой и Суданомъ. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ упомянутымъ посланникомъ эль-Хаджъ Абдъ-эль-Кадеромъ, въ Томбукту ежегодно приходитъ до 400 каравановъ, состоящихъ, каждый, среднимъ числомъ, изъ 350 верблюдовъ, то-есть всего около 140.000 верблюдовъ,

съ грузомъ до 22.400 тоннъ. Своимъ важнымъ значеніемъ этотъ центральный рынокъ обязанъ главнымъ образомъ торговлѣ плитками соли, привозимыми изъ Тауденни и другихъ соляныхъ копей пустыни; именно благодаря соли, арабы и туареги сдѣлались и, несмотря на проходъ другихъ завоевателей, каждый разъ въ концѣ концовъ снова дѣлаются господами въ Томбукту. Послѣ проса, главный продуктъ, предлагаемый въ обмѣнъ за соль,—орѣхи кола, привозимые караванами изъ области Южныхъ рѣкъ, съ береговъ Рокелли, даже изъ сосѣднихъ съ Ашанти странъ. Томбукту является также большимъ рынкомъ для краснаго товара; тамъ можно найти, хотя по довольно дорогимъ цѣнамъ, большинство мануфактурныхъ произведеній Европы. Марокко присылаетъ сюда чай, драгоценный листъ, дающій ароматическій настой, который арабы называютъ «водой Земземъ», какъ святую воду изъ Мекки. Ходячей монетой въ Томбукту, какъ и во всѣхъ земляхъ по верхнему Нигеру, служитъ раковина каури: она смѣнила, какъ денежный знакъ, другой видъ раковины, который привозился изъ Персіи ¹⁾, и теперь, въ свою очередь, постепенно вытѣсняется пятифранковикомъ. Когда война запираетъ ту или другую изъ торговыхъ дорогъ, направляющихся къ Томбукту, караваны дѣлаютъ большіе обходы, но торговля не прекращается: такъ, напримѣръ, торговое движеніе между Томбукту и Сенъ-Луи, вмѣсто того, чтобы слѣдовать естественнымъ путемъ, который представляютъ берега Нигера и Сенегала, должно было избрать сѣверныя дороги черезъ пустыню, слѣдуя правильными этапами, отъ оазиса къ оазису. Важнѣйшій городъ на этомъ пути—Уалата или Биру, рынокъ, пользовавшійся громкой славой до конца пятнадцатаго столѣтія и до сихъ поръ еще соперничающій съ Томбукту по числу жителей, по словамъ сенегальскаго путешественника Алиунъ Саль. У арабскихъ писателей имя Уалата часто смѣшивается съ именемъ Гана или Ганата, «столицы» земли Геневахъ; имя этой территоріи сдѣлалось въ Марокко синонимомъ страны Чернокожихъ, и многіе авторы, какъ извѣстно, находятъ въ этомъ имени происхожденіе слова Гвинея, употреблявшагося португальцами для обозначенія всей западной Африки ²⁾.

Промышленности въ Томбукту нѣтъ никакой, если не считать нѣсколькихъ ремесленниковъ, занимающихся фабрикаціей тѣхъ кожаныхъ сумокъ и мѣшечковъ для амулетовъ, которыми городъ Уалата снабжаетъ всѣ рынки Судана ³⁾; рыбаки собираютъ въ Нигерѣ и въ сосѣднихъ потокахъ обильные уловы рыбы, которая служитъ почти исключительной пищей

¹⁾ «Journal officiel de la République française», 9 nov. 1884.

¹⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

²⁾ Desborough Cooley, цитирован. сочиненіе.

³⁾ Paul Soleillet, цитирован. сочиненіе.

бѣднякамъ и невольникамъ, тогда какъ богатые презираютъ это кушанье, какъ слишкомъ обыкновенное ¹⁾. Своими капиталами купцы Томбукту заправляютъ въ значительной мѣрѣ земледѣлемъ окружающихъ мѣстностей: они владѣютъ многочисленными фермами на берегахъ Нигера и прибрежныхъ лагунъ; имъ же принадлежатъ большей частью стада, пасущіяся въ окрестныхъ степяхъ и въ томъ широкомъ поясѣ Ассуада, покрытомъ лѣсами мимозъ, который ограничиваетъ на югѣ область пустыни. Такимъ образомъ арабы и даже туареги и фулы, приходящіе на томбуктусскій рынокъ требовать налогъ, являются въ дѣйствительности данниками города, въ которомъ они расхаживаютъ съ гордымъ видомъ завоевателей. Муниципальное управленіе въ Томбукту вѣрено *кахи* или городскому головѣ, принадлежащему къ потомству андалузскихъ «стрѣлковъ», разрушившихъ имперію сонгаевъ; но власть этого сановника подчинена контролю шейха или султана туареговъ и фамиліи шорфовъ Бахай, марбутовъ, орденъ которыхъ имѣетъ своихъ послѣдователей во всей Сахарѣ и даже въ Берберіи ²⁾. Томбукту—городъ ученый, обладающій богатѣйшими книгохранилищами къ востоку отъ Гауссы, и его мусульманскіе теологи обсуждаютъ всѣ вопросы о вѣрѣ съ такой же схоластической тонкостью, какъ христіанскіе богословы среднихъ вѣковъ.

Территорія Бурумъ, на восточномъ изгибѣ большой луки Нигера, не имѣетъ нынѣ большаго рынка, какъ близкая въ Томбукту излучина рѣки. Но встарину такой рынокъ существовалъ тамъ, и легенда говоритъ даже, что его посѣтилъ египетскій фараонъ, въ сопровожденіи цѣлой арміи. Эта легенда, вѣроятно, имѣетъ подъ собой историческую основу, такъ какъ здѣсь находится ближайшая къ Египту часть Нигера, и съ этой именно стороны должны были установиться первыя непосредственныя сношенія между прибрежными жителями двухъ большихъ африканскихъ рѣкъ: въ этой мѣстности, говорятъ, была впервые введена культура риса въ бассейнѣ Нигера, понынѣ еще практикуемая тамошнимъ населеніемъ; здѣсь же появились первые магометане и началась пропаганда новой религіи. По берегамъ Нигера тянулся рядъ многочисленныхъ сонгайскихъ деревень, когда въ 1843 или 1844 году пришло феллатское войско, съ цѣлью овладѣть краемъ, предлагая битву племенамъ туагеровъ, собравшимся въ пятидесяти къ югу отъ Бурумскаго изгиба рѣки, но туареги не приняли сраженія и предоставили своимъ врагамъ опустошать страну: деревни были стерты съ лица земли, а остатки побѣжденнаго населенія уведены въ Массину.

¹⁾ Oscar Lenz, цитированное сочиненіе

²⁾ Barth;—Duveyrier;—L. Rinn, „Marabouts et Khoulas“.

Столица имперіи сонгаевъ, Гого (Гао или Гархо), въ 100 километрахъ къ югу отъ Бурума, имѣла прежде болѣе 10 километровъ въ окружности. Она состояла изъ двухъ городовъ—языческаго, лежавшаго на западномъ берегу, и магометанскаго, построеннаго на восточномъ берегу, болѣе близкомъ къ Меккѣ; кромѣ того, одинъ кварталъ былъ расположенъ на островѣ, между двумя рукавами рѣки. Теперь на правомъ берегу осталось всего двѣ или три хаты; островъ представляетъ пустырь, а на лѣвомъ берегу двѣ или три сотни хижинъ, среди пальмовыхъ рощицъ, не похожи даже на деревню: это скорѣе лачуги, разбросанныя въ полѣ. Впрочемъ, тамъ, гдѣ нѣкогда былъ центръ города, сохранилось еще одно древнее зданіе: это башня мечети, напоминающая башню Агадеса, въ оазисѣ Анръ, родъ массивной пирамиды, высотой не болѣе 15 метровъ, съ семью уступами или террасами, каменная кладка которыхъ скрѣплена выступающими бревнами изъ пальмоваго дерева; подъ этой безформенной громадой погребенъ Хаджъ Мохамедъ Аскія, основатель эфемерной имперіи сонгаевъ. Что касается торговли бывшаго «Золотога города», то она пришла въ такой упадокъ, что Бартъ съ трудомъ могъ найти крѣпкую барку на берегу. Неизвѣстно, гдѣ находилась болѣе ранняя столица сонгаевъ, предшествовавшая Гого, городъ Кукія, упоминаемый путешественникомъ Кадамосто подъ именемъ Коччіа; вѣроятно, она была гдѣ-нибудь неподалеку отъ мѣста, выбраннаго Аскіей для постройки своей резиденціи. Въ небольшомъ разстояніи южнѣе живетъ малочисленное феллатское племя габеросовъ, которые отличаются отъ окружающихъ сонгаевъ тѣлесной красотой и смѣлостью; но они уже забыли свой родной языкъ и говорятъ языкомъ окружающей ихъ націи.

Ниже Гого берега рѣки почти пустынные на протяженіи около 300 километровъ. Многочисленныя деревни, вереницы барокъ, богатая плантаціи начинаютъ показываться только вблизи городовъ-близнецовъ Гару и Синдербъ, построенныхъ на скалистыхъ островахъ, въ одномъ архипелагѣ Нигера. По обѣ стороны рѣки равнина, шириной около 12 километровъ, усеяна жилищами и производитъ въ изобиліи просо для мѣстнаго потребленія и для вывоза въ землю туареговъ и въ Томбукту. Оба вмѣстѣ эти островные города заключаютъ нѣсколько тысячъ хатъ, и Бартъ оцѣнивалъ общее число ихъ жителей въ шестнадцать или восемнадцать тысячъ душъ: въ настоящее время они являются значительнѣйшимъ городскимъ поселеніемъ во всемъ верхнемъ бассейнѣ Нигера выше слиянія его съ рѣкой Сокото. Два названные города пользуются въ нѣкоторой степени политической независимостью, или, вѣрнѣе сказать, пользуются соперничествомъ двухъ сюзереновъ — начальника

смѣшанныхъ туареговъ, населяющихъ окрестности, и гауссанскаго правителя города Сай, лежащаго съ небольшимъ въ 200 километрахъ ниже по рѣкѣ. Къ западу отъ Синдера, страна на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега занята независимыми сонгаями; надо пройти черезъ ихъ территорію, чтобы достигнуть города Дорэ, столицы провинціи Либтако, принадлежащей, по крайней мѣрѣ номинально, къ гауссанскому королевству Гандо. Дорэ, городъ съ 4.000 жителей, по большей части сонгаевъ, но заключающій въ себѣ также много бѣглецовъ изъ всѣхъ окружающихъ территорій, опустошаемыхъ войной, замѣчательнъ какъ важнѣйшій и наиболѣе посѣщаемый рынокъ области, ограничиваемой большимъ изгибомъ Нигера. На этомъ рынкѣ производится главнымъ образомъ обмѣнъ плитокъ соли на бумажныя матеріи и орѣхи кола; «гордость и славу этой провинціи» составляютъ ея лошади.

Городъ Сай,—сонгайское имя котораго, означающее «Рѣку», вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ торговой дорогѣ, пересекающей Нигеръ въ этомъ пунктѣ,—есть главное мѣсто перехода черезъ рѣку ниже Бурума. Переправа, за которой наблюдаетъ «король рѣки», совершается въ баркахъ, длиной отъ 12 до 13 метровъ, искусно составленныхъ изъ двухъ выдолбленныхъ древесныхъ стволовъ. Городъ, расположенный на низменномъ западномъ берегу, иногда затопляемомъ при сильныхъ наводненіяхъ, занимаетъ значительное пространство, около 2 километровъ въ каждой сторонѣ, но не имѣетъ сплошь застроенныхъ кварталовъ, представляющихъ городской характеръ; онъ состоитъ скорѣе изъ отдѣльныхъ деревушекъ, и всѣ его хижины, за исключеніемъ губернаторскаго дома, построены изъ рожекъ и тростника. Ложбина, то сухая, то наполненная болотистой водой, смотря по времени года, дѣлитъ городъ на двѣ половины, и пальмы думъ, осѣняющія его, придаютъ цѣлому довольно живописный видъ своимъ контрастомъ съ голыми равнинами окрестностей. Сай имѣетъ важное торговое значеніе, благодаря роли посредника, которую играетъ его рынокъ на дорогѣ изъ Сокото и Гандо въ Томбукту; кромѣ того, онъ является естественнымъ мѣстомъ сбыта, на великой рѣкѣ, для всей области Мосси или Море-ба, простирающейся къ юго-западу на сѣверной покатости горъ и плоскогорій, обозначаемыхъ мандингскимъ именемъ Конгъ. Народъ мосси, повидимому, принадлежащій къ той же расѣ, какъ и его сосѣди томбо на сѣверо-западѣ и гурма на сѣверо-востокѣ, говоритъ языкомъ того же происхожденія; но въ ихъ территоріи разсѣяны многочисленныя колоніи мандинговъ и фуловъ, центры торговли и мусульманской пропаганды. Мосси—одна изъ древнѣйшихъ націй въ орошаемой Нигеромъ части Африки.

Въ началѣ четырнадцатаго столѣтія ихъ армія перешла эту рѣку и овладѣла городомъ Томбукту: слава о могуществѣ этого народа распространилась далеко за предѣлы его страны. Португальцы слышали о немъ во время своихъ первыхъ изслѣдованій западно-африканскаго поморья, и, по описанію нѣкоторыхъ обычаевъ, вообразили, что царь той земли есть не кто иной, какъ пресловутый «попъ Іоаннъ», столь долго разыскиваемый во многихъ странахъ, отъ территоріи монголовъ до территорій кафровъ; были даже снаряжаемы спеціальныя посольства на поиски этого царя. Основатель имперіи сонгаевъ, Мохамедъ Аскія, потребовалъ отъ моссievъ, чтобы они приняли магометанскую вѣру; но тѣ, «посоветовавшись съ душами своихъ предковъ», объявили, что ни за что не перемѣнятъ религіи; этотъ отказъ навлекъ на нихъ «священную войну» со стороны фанатическаго султана, окончившюся разрушеніемъ ихъ городовъ и опустошеніемъ ихъ полей. Тѣмъ не менѣе мосси остались въ большинствѣ язычниками; обращены въ исламъ только живущіе въ городахъ, гдѣ преобладаетъ иноземное вліяніе. Эти племена, о которыхъ Бартъ отзывался какъ о самой энергической расѣ страны, имѣютъ федеративную организацію: территорія ихъ дѣлится на множество маленькихъ самоуправляющихся государствъ, платящихъ небольшую дань властителю Вогодого, центрального города края. Ловкіе торговцы, мосси появляются на всѣхъ ярмаркахъ окружающихъ земель, куда приводятъ своихъ сильныхъ осликовъ, навьюченныхъ орѣхами кола, кусками бумажныхъ матерій, вытканыхъ въ ихъ землѣ, и мѣдными издѣліями, продуктами труда ихъ рудокоповъ и котельниковъ. Моссievъ вездѣ легко узнать по ихъ цвѣтнымъ рубашкамъ и огромнымъ соломеннымъ шляпамъ, похожимъ на шляпы кабилловъ въ южной Берберіи.

Ниже города Сай, до слиянія съ рѣкой Сокото, Нигеръ еще не былъ обследованъ ни однимъ европейцемъ, кромѣ Мунго-Парка. Бартъ перечисляетъ много городовъ, находящихся на берегахъ или въ сосѣдствѣ рѣчнаго теченія, но ихъ положеніе и относительная важность еще неизвѣстны; знаютъ только, что Киротачи, значительный рынокъ восточнаго берега, лежитъ километрахъ въ тридцати къ югу отъ города Сай.

IV. Гаусса.

Часть Судана, гдѣ рѣка Сокото—главная водная артерія, и которая ограничена на сѣверѣ—Сахарой, на востокѣ—покатостью озера Чаде, на югѣ—отдѣляющей ее отъ Бенуэ возвышенностью, на западѣ—теченіемъ Нигера, составляетъ особую естественную область: это

Гаусса или Хаусса, имя которой, может-быть, будь серьезных препятствий для сообщенія произошло отъ слова Аусса, имѣющаго, въ кромѣ сѣверной ея стороны, прилегающей къ языкѣ туареговъ, смыслъ «страны по сю сто- пескамъ и скаламъ, и потому нѣтъ ничего удиви-

Женщина изъ Нупэ.

рону Нигера», въ отличіе отъ терминовъ Гурма и Арибинда, означающихъ «земли по ту сторону Нигера». Границы этой естественной области нигдѣ не представляютъ сколько-ни-

тельного, что онѣ были перейдены во многихъ мѣстахъ. Въ то время, какъ пришлые африканцы различныхъ расъ поселились въ Гауссъ, сами гауссанцы заняли обширныя территоріи за

предѣлами своей центральной области, и политическія границы постоянно перемѣшались, вслѣдствіе переселеній и завоеваній. Въ настоящее время Гаусса, одна изъ богатѣйшихъ и многочислѣннѣйшихъ странъ Судана, заключающая въ себѣ много большихъ городовъ, подъдается преобладающимъ вліяніемъ на окружающія области. Она господствуетъ надъ многочисленными государствами, лежащими внѣ ея бассейна, и языкъ ея, на который негры тѣхъ краевъ смотрятъ какъ на языкъ по преимуществу торговли и цивилизаціи, распространенъ въ большей части Судана. Говоря о Гауссѣ, невозможно не включить въ описаніе ея нѣкоторыя изъ сосѣднихъ странъ, представляющія тѣ же климатическія условія, населенныя людьми той же расы и причастныя тѣмъ же политическимъ судьбамъ. Пространство территории, которая обнимаетъ, вмѣстѣ съ собственно Гауссой, всѣ бассейны рѣкъ, соединяющихся съ главной рѣкой между гудьби Сокото и Бенуэ, можно считать приблизительно въ 400.000 кв. километровъ. Что касается народонаселенія этой обширной страны, то суммарныя статистики опредѣляютъ его, не подкрѣпляя, однако, своихъ исчисленій никакими фактическими данными, огромной цифрой въ десять и даже въ двадцать милліоновъ душъ; но описанія Барта, Рольфа и другихъ путешественниковъ не позволяютъ допустить густоту населенія болѣе чѣмъ въ десять жителей на одинъ квадратный километръ, хотя нѣкоторыя мѣстности, вокругъ городовъ Гандо, Бида, Илоринъ, населены такъ же густо, какъ самые многочисленныя промышленныя округа Европы. Слѣдовательно, едва-ли наберется больше четырехъ милліоновъ жителей въ Гауссѣ и зависящихъ отъ нея территорияхъ, не считая бассейна Бенуэ.

На востокъ бассейнъ Нигера не отдѣленъ отъ бассейна озера Чаде правильнымъ хребтомъ, представляющимъ непрерывную, легко различаемую выпуклость рельефа. Правда, раздѣльный порогъ между этими двумя бассейнами обозначенъ болѣе явственно, чѣмъ между рѣками Шари и Бенуэ, гдѣ болота и озера какъ-бы принадлежать одновременно къ двумъ покатостямъ; однако, скаты такъ мало чувствительны въ восточной Гауссѣ, что во многихъ мѣстахъ трудно распознать, къ какой системѣ принадлежатъ проточныя воды или лужи, сохраняющіяся въ сухое время года. Но водораздѣльная область устья многочисленными скалами, гранитными обелисками и куполами, которые превращаютъ нныя округа въ обширные лабиринты. Эти скалистыя мѣстности представляютъ очаровательные пейзажи. Между камнями растительная земля залегаетъ толстымъ слоемъ, на которомъ пышно развиваются пальмы и густолистые деревья, образующія живописныя группы; поля извиваются

неправильными лентами по контурамъ пригорковъ; хижины ютятся подъ самыми утесами; есть даже города, какъ, напримѣръ, Дучи между Сокото и Каценой, которые едва примѣтны въ лабиринтѣ скалъ, обступающихъ со всѣхъ сторонъ собраніе человеческихъ жилищъ.

Недостаточный скатъ почвы и многочисленныя впадины между скалами помѣшали правильному образованію рѣчнаго развѣтвленія: въ большей части страны вовсе нѣтъ ручьевъ, встрѣчаются только лужи, озера или пруды, увеличивающіеся и уменьшающіеся, появляющіеся и исчезающіе, смотря по времени года. Даже тамъ, гдѣ годовые дожди вырыли непрерывныя русла, рѣчки большую часть года, являются въ видѣ длинныхъ и узкихъ лужъ, отдѣленныхъ одна отъ другой песчаными отмелями: это такъ называемыя «кораммы», или потоки, состоящія изъ ряда прерывающихся водныхъ площадей, обсохшіе пороги которыхъ представляютъ удобныя мѣста для привала каравановъ. Только въ нижней части бассейна, рѣка Сокото имѣетъ характеръ непрерывнаго потока, но воды ея, лѣниво движущіяся по каменистому ложу, нездоровы для людей и животныхъ, почему тамъ пьютъ только профильтрованную воду, скопляющуюся путемъ просачиванія на днѣ ямъ, вырытыхъ рукой человѣка въ песчаной почвѣ берега. При томъ, замѣчается огромная разница въ отношеніи количества дождей между двумя частями бассейна—той, которая принадлежитъ къ Сахарскимъ степямъ, и той, которая принадлежитъ къ поясу Судана. Переходъ отъ сухаго климата къ сырому очень рѣзокъ въ этой области Африки: на разстояніи какой-нибудь сотни километровъ отъ сѣвера къ югу, годовое обиліе дождей, а вмѣстѣ съ тѣмъ богатство и разнообразіе растительности измѣняются поразительнымъ образомъ. Разность широты между Сокото и Гандо не достигаетъ даже 70 километровъ; но въ то время, какъ въ первомъ изъ этихъ городовъ, болѣе близкомъ къ пустынѣ, дожди рѣдки, во второмъ, напротивъ, они очень обильны: туземные наблюдатели говорили Барту, что среднимъ числомъ въ Гандо бываетъ 92 дождливыхъ дня въ году; по его мнѣнію, годовая высота дождеваго столба должна быть больше 2 метровъ въ этой части покатости Нигера. Въ сезонъ дождей путешествіе тамъ крайне затруднительно: всѣ рѣчки и рѣчки выступаютъ изъ береговъ, всѣ низкія мѣста затоплены, размытыя дороги превращаются въ непроходимыя болота. Благодаря своей древесной растительности, южная часть бассейна рѣки Сокото сохраняетъ круглый годъ пріятный, ласкающій взоры видъ, тогда какъ сѣверная часть страны представляетъ въ періодъ засухи самое печальное зрѣлище: во многихъ мѣстахъ кругомъ себя видишь только голую, спаленную солнцемъ саванну.

Въ обитаемыхъ округахъ Гауссы, какъ и въ Сенегалѣ, главнымъ образомъ тамаринды, баобабы и бавольники своими огромными размѣрами и величественнымъ видомъ придаютъ характеръ пейзажу. Бавольникъ считался по преимуществу священнымъ деревомъ, когда жители Гауссы были еще язычниками. Особенно у воротъ городовъ вездѣ неизмѣнно встрѣчаешь это исполинское дерево: подъ нимъ совершались жертвоприношенія и происходили торжественныя народныя собранія; его обширная крона, поднимающаяся, въ видѣ купола, надъ другими деревьями, издали указываетъ дорогу путникамъ. Три породы пальмы, господствующія на сѣверѣ Африки, но въ разныхъ областяхъ,—финиковая, думъ и делебъ, встрѣчаются здѣсь рядомъ въ нѣкоторыхъ кантонахъ. Масличное дерево очень обыкновенно въ нѣкоторыхъ округахъ страны Сокото; нѣкоторыя провинціи славятся также лѣсами дерева дориа (parkia), сѣмена котораго, высушенные и распиленные, идутъ на приготовленіе плитокъ, похожихъ на плитки шоколада и употребляемыхъ какъ приправа къ кушаньямъ; плитки эти составляютъ предметъ весьма значительной торговли: онѣ вывозятся въ большомъ количествѣ изъ южныхъ лѣсистыхъ провинцій въ сѣверные округа, гдѣ это дерево рѣдко, и въ бассейнѣ озера Чаде, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ. При лѣсныхъ порубкахъ топоръ дровосѣка всегда шадитъ дориа, какъ и масличное дерево. Дынное дерево (папайя), неизвѣстно когда введенное въ краѣ и, вѣроятно, черезъ Египетъ, какъ показываетъ его названіе—гонда Масръ ¹⁾—можно видѣть подлѣ каждаго человѣческаго жилища въ южной Гауссѣ; но бананъ, о которомъ ошибочно говорили, будто онъ слѣдуетъ за негромъ черезъ весь Суданъ ²⁾, отсутствуетъ на пространствѣ около 1.000 километровъ въ ширину, отдѣляющемъ Адамауа отъ Гандо; онъ опять становится очень обыкновеннымъ и даетъ превосходные плоды—въ западной полосѣ Гауссы. Рисъ составляетъ главный зерновой хлѣбъ во всемъ бассейнѣ рѣки Сокото, тогда какъ на востокъ, въ Борну, это растеніе неизвѣстно земледѣльцамъ. Лукъ отличается превосходнымъ качествомъ и составляетъ весьма важную часть питанія туземцевъ; Бартъ рассказываетъ, что во время его продолжительнаго и опаснаго путешествія по Судану онъ много разъ своимъ испѣленіемъ отъ дисентеріи обязанъ былъ только луку и плодамъ тамаринда. Изъ промышленныхъ растений самое распространенное—хлопчатникъ, какъ это было уже въ шестнадцатомъ столѣтіи, по рассказамъ Льва-Африканца.

Хотя междоусобныя войны и массовыя

истребленія жителей обезлюдили многія мѣстности Гауссы, однако, въ цѣломъ эта страна такъ заселена и покрыта плантаціями, городами и мѣстечками, постоянными или временными, что большія дикія животныя давно уже удалены изъ центральныхъ областей. Носорога нигдѣ не видать въ Гауссѣ; слонъ встрѣчается только въ глухихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ бродитъ значительными бандами; левъ, безгривый, какъ и аирскій, появляется иногда въ при-нигерской полосѣ степей Сахары. Миръ птицъ представленъ вокругъ деревень миріадами голубей и горлицъ, а въ лѣсахъ различными видами съ блестящимъ опереніемъ. Стада домашнихъ животныхъ населяютъ лѣсныя прогалины и саванны. Всѣ козы—однообразно темнаго цвѣта, всѣ коровы—чистаго бѣлаго, у всѣхъ быковъ на затылкѣ жирный мѣшокъ, ниспадающій на плечо. Гауссанцы—страстные пчеловоды: ульи, устраиваемые изъ вѣтвей, обыкновенно вѣшаютъ на баобабахъ. Въ низменныхъ и болотистыхъ частяхъ страны москиты составляютъ почти невыносимый бичъ, гораздо болѣе страшный, чѣмъ было бы соседство лютыхъ звѣрей; но въ нѣкоторыхъ округахъ туземцы придумали довольно остроумное средство избѣгать преслѣдованія этихъ мучителей. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своихъ хижинъ они устраиваютъ на высотѣ трехъ или четырехъ метровъ надъ уровнемъ почвы убѣжище съ конической крышей, поддерживаемое нѣсколькими столбами; днемъ этотъ тайникъ плотно закрытъ, съ наступленіемъ же ночи обитатели влѣзаютъ въ него при помощи лѣстницы, и быстро захлопнувъ дверь за собой, освобождаются, наконецъ, отъ атакъ жужжащей тучи москитовъ.

Гауссанцы называютъ себя пришельцами съ сѣвера: гоберасы или гоберауа, господствовавшіе нѣкогда въ горахъ Аира, принадлежатъ къ этой семьѣ народовъ. Въ многочислой генеалогіи гауссанцевъ имя ихъ родоначальника, повидимому, заставляетъ предполагать для всей расы, за исключеніемъ «сыновъ Гобера», рабское происхожденіе: память о періодѣ первоначальнаго свободнаго состоянія изгладилась даже изъ преданія. Какъ бы то ни было, страна, на которую указываютъ какъ на первоначальную родину всѣхъ гауссанцевъ, есть область водораздѣла между рѣкой Сокото и бассейномъ озера Чаде, и въ этомъ поясѣ особенно восточная покатость считается мѣстомъ ихъ происхожденія. Мало-по-малу эта раса распространилась на западъ, и гаусская семья разрослась дотогу, что заключала въ себѣ семерыхъ «законныхъ» сыновъ; на каждомъ изъ нихъ лежала, по преданію, какая-нибудь специальная обязанность въ управленіи дѣлами: такъ, Гоберъ, сѣверный гауссанецъ, долженъ былъ, какъ воинъ, за-

¹⁾ Barth, цитирован. сочиненіе.

²⁾ Grisebach, „Végétation du Globe“.

щищать своихъ родичей; Кано обязанъ былъ красить ткани; Кацена сдѣлался купцомъ; Сегъ-Сегъ, южный гауссанецъ, поставлялъ невольниковъ. Затѣмъ семья увеличилась еще семерыми дѣтьми «незаконными», зарубежными жителями, говорящими гаусскимъ языкомъ или по крайней мѣрѣ понимающими его, но первоначальныя нарѣчія которыхъ отличались отъ этого языка. Они остались чужаками для расы и уступаютъ своимъ братьямъ въ благородствѣ: это народы, обитающіе на нижнемъ Нигерѣ и Бенуэ. Въ то время, какъ территорія собственно гауссанцевъ не превышаетъ 100.000 квадр. километровъ, область, гдѣ господствуетъ ихъ языкъ, обнимаетъ въ пять или шесть разъ большее пространство.

Гаусскій языкъ, который Ричардсонъ называлъ «суданскимъ», какъ будто это языкъ всего Судана, есть по крайней мѣрѣ наиболѣе употребительный говоръ во всей странѣ, заключающейся между Сахарой, озеромъ Чаде, Гвинейскимъ моремъ и горами Конгъ: даже за пределами этой обширной территоріи его употребляютъ на всѣхъ рынкахъ, совместно съ мѣстными языками; на берегахъ Средиземнаго моря каждый торговый городъ, Триполи, Тунисъ, Алжиръ, имѣетъ свою колонію негровъ, говорящихъ гаусскимъ діалектомъ. Черезъ своихъ невольниковъ, также какъ черезъ купцовъ, нація постепенно все далѣе распространяетъ свою рѣчь: въ чужихъ земляхъ служители изъ гауссанцевъ учатъ своихъ господъ этому цивилизованному языку по преимуществу, языку рынковъ и королевскихъ дворовъ. Всѣ слова его составлены посредствомъ агглютинаціи при помощи приставокъ и суффиксовъ, при чемъ каждая частица сохраняетъ свое особое значеніе. По звучности, богатству словаря, простотѣ грамматической конструкціи, изящному равновѣсію фразъ, гаусскій языкъ дѣйствительно достоинъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ между языками Африки. Письменность его состоитъ почти только изъ книгъ духовнаго содержанія, словарей и сборниковъ грамматическихъ замѣтокъ, составленныхъ европейцами¹⁾; но, по свидѣтельству Шена и Краузе, гауссанцы обладаютъ также оригинальными манускриптами, написанными на туземномъ языкѣ, хотя арабскими буквами.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ, по словамъ Ричардсона, этотъ діалектъ сохранился въ Каценѣ, «гауссанской Флоренціи»; по мнѣнію большинства ученыхъ, его должно поставить, въ смыслѣ классификаціи, между негритянскими нарѣчіями, вмѣстѣ съ діалектомъ канури; но онъ представляетъ также большое сродство съ

«хамитскими» языками сѣверныхъ областей континента.

«Семеро сыновей» нація гаусса не всѣ принадлежатъ къ исламу; нѣкоторые изъ нихъ остаются еще язычниками и оказываютъ энергическое сопротивленіе всякимъ попыткамъ насильственнаго обращенія. Во время путешествія Барта сѣверныя гоберасы продолжали отвергать всѣ магометанскіе обряды, да и другіе гауссанцы не выказывали особеннаго рвенія къ вѣрѣ. Дѣло религіозной пропаганды должно быть приписано исключительно другой расѣ—фуламъ. Съ давнихъ поръ представители этой расы жили въ Гауссѣ, какъ пастухи, и уже съ четырнадцатаго столѣтія, можетъ-быть, даже еще ранѣе, большинство ихъ общинъ исповѣдывали вѣру Магомета. Разсѣянные по всей странѣ, эти общины сдѣлались очень многочисленными; кромѣ того, онѣ постоянно увеличивались притокомъ новыхъ элементовъ, такъ какъ хотя фулы, гордящіеся своимъ краснымъ или бѣлымъ цвѣтомъ кожи, отказываются выдавать своихъ дочерей замужъ за окрестныхъ негровъ, но сами они охотно женятся на негритянкахъ, и дѣти отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ считаются принадлежащими къ расѣ отца. Во многихъ мѣстахъ могущество фуловъ уже уравновѣшивало могущество собственно гауссанцевъ, но нигдѣ первые не приобрѣли еще политическаго господства, когда вспыхнула война: это было въ 1802 году. Одинъ шейхъ сосѣдняго съ землей Гоберъ племени, дамфодіе-Отманъ, убѣдилъ своихъ единоплеменниковъ организовать въ *Джессаа*, то-есть въ религіозную и военную общину, чтобы отбросить въ сѣверныя степи своихъ угнетателей, язычниковъ гоберасовъ, и пропагандировать вѣру силой меча. Часто побѣждаемые въ борьбѣ съ неверными, но всегда возобновлявшіе эту борьбу, фулы въ концѣ концовъ восторжествовали надъ гауссанцами и основали обширную имперію, простиравшуюся до истоковъ Бенуэ.

Между такъ называемыми фулами территоріи Сокото есть много иноплеменниковъ, принадлежащихъ къ націи завоевателей только благодаря продолжительному союзу, основанному на общности интересовъ. Таковы сисилбе или силлебау, потомки уакоре, или восточныхъ мандинговъ; они говорятъ феллатскимъ (пуларь) и гаусскимъ (гауса) языками, первоначальный же ихъ языкъ давно уже позабытъ. Различныя покоренныя народцы тоже причисляются къ фуламъ, но лишь въ качествѣ низшихъ кастъ, какъ племя лагобе причисляется къ сенегальскимъ фуламъ. Племя согоранъ или джауамбе есть остатокъ одного изъ тѣхъ побѣжденныхъ народовъ, которые никогда не поднимаются на степень свободныхъ людей и занимаются только презираемыми ремеслами: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ согорановъ можно

¹⁾ I. Vinson, "Dictionnaire des Sciences Anthropologiques"; — Gust. "Modern Languages of Africa".

сравнить съ цыганами по социальному положенію, тогда какъ въ Сокото, гдѣ ихъ раса, смѣшавшаяся съ туарегской, составляетъ главную массу населенія, большинство живетъ ремеслами и мелкой торговлей; они даже почти монополизировали кожевную промышленность, которая была ихъ специальностью уже въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Что касается тородо или торобе, соплеменниковъ сенегальскихъ тукулеровъ, то они тоже считаются, между восточными фулами, своего рода аристократіей, религіозной и военной; особенно

мѣлкую, направлялось отъ запада къ востоку, а не отъ востока къ западу, какъ полагаютъ большинство другихъ писателей. Несомнѣнно то, что дальнія путешествія, окончательныя переселенія, за сотни и тысячи верстъ отъ прежняго мѣстопробыванія, — дѣло легкое и привычное для этихъ фуловъ, въ одно и тоже время пастуховъ и земледѣльцевъ, которые перекочевываютъ со своими стадами съ пастбища на пастбище, проходя почти незамѣченными между осѣдлыми населеніями, но которые умѣютъ утвердиться на землѣ, когда найдутъ под-

Феллатъ изъ Сокото.—Братъ султана.

пользуются большимъ почетомъ тѣ изъ нихъ, которые получили отъ народа прозвище торобе сабуни, или «мыльные торобе», потому что эти набожные люди часто моютъ свою одежду, безукоризненная бѣлизна которой должна служить символомъ чистоты ихъ вѣры. Тукулеры Гауссы тоже люди смѣшанной расы, и по Барту, среди нихъ въ сильной степени представленъ улофскій элементъ, какъ въ территоріи Сокото, такъ и въ Сенегалѣ. Этотъ-то фактъ, присутствіе въ Гауссѣ отчасти улофской расы, и далъ Барту поводъ приписывать фуламъ западное происхожденіе: въ новѣйшее время ихъ эмиграціонное движеніе, по его

ходящее мѣсто, гдѣ можно остаться въ качествѣ господъ. Этимъ и объясняются безпрепятстванныя измѣненія этнологической карты фуловъ въ Суданѣ. Если теперь уже не встрѣишь фуловъ въ территоріи Сенегала, носящей ихъ имя Фула-дугу, то въ области Фута-Джаллонъ имѣются фулы изъ Массины, то-есть иммигранты, пришедшіе съ востока, тогда какъ страны Каарта и Сегу вновь заселяются тукулерами, прибывающими съ запада. Наконецъ, такруры, люди того же происхожденія, встрѣчаются земледѣльческими колоніями на всемъ пространствѣ до подошвы горъ Эѳіопія.

Кромѣ гауссанцевъ (гауссау), различаю-

щихся происхожденіемъ, но объединенныхъ языкомъ, которые составляютъ основу населенія, и фуловъ (фула), приобрѣвшихъ политическое господство въ странѣ, въ Гауссѣ есть жители, принадлежащіе къ другимъ большимъ расамъ Африки. Такъ, въ провинціи Кебба, сонгаи, подъ мѣстнымъ наименованіемъ кабауа, занимаютъ наибольшую часть треугольнаго пространства, заключающагося между теченіемъ Нигера и оврагами, или даллуль, спускающимися изъ земли туареговъ. Эти сонгаи должны были постепенно отступать къ западу подъ напоромъ гауссанцевъ и фуловъ; однако, они оказываютъ сопротивленіе, и во время путешествія Барта это племя находилось въ полномъ возстаніи. Туареги, очень многочисленные и въ Гауссѣ, являются сюда не цѣлыми племенами, а лишь одиночными переселенцами, но большинство изъ нихъ кончаютъ тѣмъ, что покупаютъ себѣ землю и затѣмъ привлекаютъ въ край своихъ бывшихъ земляковъ: нѣкоторые округа уже перешли въ ихъ руки. Провинція Адаръ или Тадларъ, почти непосредственно къ сѣверу отъ Сокото, въ большой части берберизована по составу населенія. Многіе изъ фуловъ и гауссанцевъ безъ примѣси туарегской крови носятъ «лица», или вуаль, какъ знакъ благороднаго происхожденія.

Обширная феллатская имперія, основанная Отманомъ въ началѣ XIX столѣтія, раздѣлилась на два королевства: восточное или Вурно, врывающееся на западъ въ бассейнъ озера Паде, на юго-востокъ въ долину рѣки Бенуа, и западное или Гандо, простирающееся за Нигеръ до территоріи Мосси. Въ половинѣ столѣтія могущество фуловъ казалось сильно поколебленнымъ въ обоихъ этихъ государствахъ, такъ что Бартъ предсказывалъ скорое возстановленіе предшествующаго политическаго порядка. Даже въ окрестностяхъ Сокото охотники на человѣка нападали на подгородныя деревни и уводили жителей въ неволю; часто въ краѣ царствовалъ голодъ, вслѣдствіе разграбленія житницъ и угона скота. Состояніе страны съ того времени почти не измѣнилось, и многіе вассалы, между прочимъ, султанъ земли Нупэ, являются нынѣ гораздо болѣе могущественными владѣтелями, чѣмъ ихъ сюзерены: если имперія не рушилась, то это объясняется религіозной солидарностію, которою одушевлены мусульмане этой страны. Несмотря на свою слабость въ военномъ отношеніи, два государства Гауссы сохранили самостоятельное существованіе, и со времени замиренія край центральныя провинціи Гандо и Сокото замѣчательно разбогатѣли и заселились. Джозефъ Томсонъ, посѣтившій берега рѣки Сокото черезъ тридцать лѣтъ послѣ Барта, съ удивленіемъ говоритъ о торговой дѣятельности жителей этой страны и сравниваетъ непрерывное

движеніе на большой дорогѣ изъ Гандо въ Сокото съ движеніемъ, наблюдаемымъ вокругъ муравейника: люди и животныя толпятся точно на улицахъ большаго города; на спинѣ верблюдовъ, воловъ, лошадей и ослівъ передъ глазами зрителя проходятъ товары Судана и оазисовъ, Берберіи и Европы; элегантные всадники, въ пышномъ восточномъ одѣяніи, раздвигаютъ толпу грудью своихъ скакуновъ; туареги, вооруженные копьемъ и съ лицомъ на лицѣ, доминируютъ надъ вереницами прохожихъ съ высоты своихъ мегари. Горизонтъ окаймленъ рядомъ деревень: глазомъ ихъ можно насчитать до десятка, и всѣ онѣ такъ же многочисленны, какъ города въ другихъ мѣстахъ. Нѣтъ ни одного этапа, который бы не представлялъ изъ себя значительнаго города; даже въ населенныхъ мѣстахъ, въ чистомъ полѣ, подъ каждымъ баобабомъ или тамариндомъ пріютился на открытомъ воздухѣ постоянный дворъ, гдѣ негрятки предлагаютъ путникамъ прохладительныя напитки или закуски. Мечети рѣдки, и даже въ городахъ отличаются отъ простыхъ хижинъ только болѣе крупными размѣрами, но по краямъ дороги сооружены въ разныхъ мѣстахъ ограды изъ камней, ориентированныя въ сторону Мекки: это сельскія часовни, гдѣ прохожіе совершаютъ колѣнопреклоненія въ часъ молитвы.

Города Гауссы издали имѣютъ видъ большой рощи, оттого, что у каждого жилища стоитъ большое развѣсистое дерево, тогда какъ въ густо населенныхъ сельскихъ округахъ, гдѣ поля засѣяны низкорослыми растеніями, не видно болѣе никакихъ остатковъ прежнихъ лѣсовъ. Частыя войны, расовыя или династическія, заставили жителей окружать города стѣнами, обводить рвами, воздвигать башни у входныхъ воротъ, и особенно въ сѣверныхъ областяхъ горожане приобрѣли большое искусство въ постройкѣ этихъ оборонительныхъ сооружений. Городъ Куррефи, лежащій километрахъ въ пятидесяти къ югу отъ Кацены, можетъ служить образцомъ въ этомъ отношеніи. Построенный въ половинѣ XIX столѣтія для поселенія восьми или девяти тысячъ человѣкъ, лишившихся крова, вслѣдствіе разрушенія ихъ жилищъ непріателемъ, Куррефи опирается одной стороною на гранитныя скалы; съ другихъ сторонъ онъ защищенъ тройной стѣной и двумя широкими рвами: городской валъ имѣетъ всего только двое воротъ, и отверстія расположены такимъ образомъ, что непріятелю пришлось бы дѣлать длинныя обходы между стѣнами, увязанными бойницами; кромѣ того, главнымъ воротамъ предшествуетъ вѣшній военный плацъ, тоже обведенный двойнымъ рвомъ.

Промышленность очень дѣятельна въ многочисленныхъ городахъ Гауссы. Раздѣленіе труда создало многочисленныя корпораціи ремесленниковъ: гончаровъ, ткачей, красильщиковъ,

портныхъ, шорниковъ, сапожниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, котельниковъ, ювелировъ, парфюмеровъ, мыловаровъ. Базары наполнены всякаго рода товаромъ; во всѣхъ улицахъ раздается немолчный шумъ рабочихъ инструментовъ, и повсюду слышенъ мѣрный голосъ школьниковъ, читающихъ нараспѣвъ стихи Корана. Вообще трудъ въ большой чести въ этихъ странахъ Нигриціи, хотя рабство тамъ еще не упразднено. Впрочемъ, число плѣнныхъ слугъ уменьшается, потому что во многихъ провинціяхъ Гауссы невольники рѣдко получаютъ разрѣшеніе жениться: они не основываютъ семей, и человѣческія стада вербуются путемъ неготорговыхъ экспедицій, нынѣ менѣе частыхъ, благодаря распространенію ислама. Но большинство гауссанцевъ, отличающихся веселымъ и добродушнымъ характеромъ, хорошо обращаются со своими рабами и не считают себя, какъ арабы, въ силу своего происхожденія, выше тѣхъ, которые принуждены имъ служить. Что касается туареговъ, то они, напротивъ, очень заботятся о томъ, чтобы ихъ молодые невольники вступали въ бракъ и обзаводились семьей¹⁾: они заботятся о разведеніи породы и полученіи возможно большаго приплода, какъ заботились прежде негровладельцы въ Виргиніи и Кентукки.

Территорія Дамергу, которая, по языку и культурѣ ея населенія, должна быть разсматриваема какъ составная часть Гауссы, принадлежитъ уже къ переходному поясу между Сахарой и Суданомъ. Тамаринды и другія большія деревья находятъ тамъ предѣлъ своего распространенія къ сѣверу, культура различныхъ промышленныхъ растений Судана тоже прекращается. Поля еще орошаются правильными дождями, но выпадающая доля атмосферной влаги не каждый годъ бываетъ достаточна, и иногда жителямъ приходится терпѣть нужду, вслѣдствіе недорода. Край этотъ, населенный людьми смѣшаннаго происхожденія, берберскаго и негритянскаго, усѣянъ многочисленными деревнями; но Бартъ, посѣтившій Дамергу въ 1851 году, вмѣстѣ съ Овервегомъ, не упоминаетъ ни одного города. Слишкомъ слабыя, чтобы противустоять нападеніямъ окрестныхъ кочевниковъ, вольные земледѣльцы страны принуждены покупать миръ тяжелой данью, платимой асбенскому племени кель-ови, и цѣлыя деревни населены невольниками. Иногда купцы, которымъ путь лежитъ черезъ эту территорію, должны соединяться въ караваны, какъ для прохода черезъ пустыню, чтобы обезопасить себя отъ нападенія окрестныхъ бродягъ.

Область Гауссы, простирающаяся къ югу отъ Дамергу, принадлежитъ къ покатоости озера Чаде, а не къ бассейну Нигера; многочислен-

ныя рѣчки, изъ соединенія которыхъ, далѣе на востокъ, образуется рѣка Іеу, берутъ начало въ этой области, благоговѣнно чтимой, какъ «святая» земля, гдѣ родились предки расы. Даура, главный городъ округа того же имени, лежащій въ 150 километрахъ къ востоку-сѣверо-востоку отъ Кацены, есть метрополія старѣйшаго изъ «Семи сыновъ» Гауссы, и до вторженія магометанства былъ центромъ языческаго культа: тамъ имѣлъ пребываніе Додо, главный богъ гауссанцевъ, котораго одинъ святой пророкъ ислама сразилъ въ единоборствѣ. Нѣкоторыя чудесныя явленія, составляющія наслѣдіе до-исламитакаго періода, свидѣтельствуютъ до сихъ поръ объ особенной святости Дауры: таковъ, напримѣръ, одинъ фонтанъ, вода котораго, по словамъ туземцевъ, бьетъ обильной струей все время, пока солнце надъ горизонтомъ, но который будто бы вдругъ изсыкаетъ, какъ только свѣтило дневное закатится.

На покатоости внутренняго моря, ближайшій городъ къ истокамъ рѣки Іеу — Тессауа. Его можно взять за типъ большинства другихъ городскихъ поселеній Гауссы: въ то время, какъ окрестности представляютъ печальную голую равнину, городская ограда наполнена большими деревьями, подъ сѣнью которыхъ расположены хаты и плантаціи; скотъ щиплетъ траву на лугахъ или валяется въ лужахъ, рядомъ съ дѣтьми; домашнія птицы кружатся надъ вѣтвями деревьевъ. Населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ гоберасовъ и буссуасовъ, то-есть туареговъ-помѣсей, не имѣющихъ по большей части другаго костюма, кромѣ кожанаго передника. Сосѣдніе города, Госсенако и Гассауа, также принадлежатъ людямъ смѣшанной расы и занимаются тѣмъ же родомъ промышленности, именно окраской тканей. Тессауа — городъ по преимуществу торговый, куда асбенцы и туареги приходятъ обмѣнивать свои товары на произведенія юга; Гассауа, напротивъ, имѣетъ болѣе военный характеръ. Жители его, язычники въ большинствѣ, какъ и другіе гоберасы, должны постоянно опасаться нападеній со стороны фуловъ-мусульманъ; оттого дома, тѣснящіеся близко одинъ къ другому, окружены солидными укрѣпленіями, рвами, палисадами, выступающими башнями; внѣ городской ограды нѣтъ ни одного предмѣстья. Баба или «набольшій» города Гассауа есть вмѣстѣ съ тѣмъ воинскій начальникъ значительной части территоріи Гоберъ.

Кацена (Катсена), главный городъ одной изъ восточныхъ провинцій Гауссы, бывшій прежде королевской резиденціей, лежитъ, какъ и Тессауа, при истокѣ ручья, спускающагося на востокъ черезъ рѣку Іеу къ озеру Чаде; но этотъ оврагъ, часто безводный, является почти непримѣтной чертой въ пейзажѣ: путешественникъ замѣчаетъ только гранитныя

¹⁾ Н. Barth, цитированное сочиненіе.

скалы, выступающія тамъ и сямъ надъ голыми, обезлѣсенными равнинами. По виду Кацена—одинъ изъ большихъ городовъ Африки; его массивная стѣна, шириной въ 9, высотой отъ 10 до 12 метровъ, имѣетъ не менѣе 22 километровъ въ окружности. Она обведена широкимъ рвомъ; кромѣ того, оврагъ, гдѣ соединяются первыя воды, текущія въ рѣку Ieu, проходитъ на сѣверной сторонѣ города, защищая его отъ набѣговъ гоберасовъ и туареговъ. Но когда войдешь въ ворота Кацены, оказывается, что почти все огороженное пространство занято развалинами, садами и полями. Въ сѣверо-западной части неправильнаго прямоугольника ограда дома довольно тѣсно сгруппированы, такъ что образуютъ настоящий городъ; вокругъ дворца, стоящаго въ сѣверо-восточномъ углу, разсѣяно нѣсколько поселковъ. По всей вѣроятности, Кацена въ началѣ была просто собраніемъ деревень, которое приняло видъ города только со времени сооруженія огромной, окружающей его, стѣны: каждая небольшая группа домовъ носитъ еще особое названіе, напоминающее промыселъ ея первыхъ обитателей или какое-нибудь событіе изъ мѣстной исторіи.

Въ языческую эпоху этотъ край былъ святой землей: одинъ гранитный холмъ въ окрестностяхъ Кацены служилъ мѣстомъ жертвоприношеній, которое до сихъ поръ чтутъ какъ святыню, хотя теперь уже всѣ жители страны исповѣдуютъ исламъ. Съ начала шестнадцатаго столѣтія и, вѣроятно, еще ранѣе, Кацена была центромъ цивилизаціи: сюда со всѣхъ сторонъ стекались иностранцы; одинъ изъ кварталовъ города назывался «Студенческимъ». Каценскіе короли, хотя номинально считавшіеся вассалами Борну, въ дѣйствительности были независимыми владѣтелями, и власть ихъ простиралась далеко къ югу. Они оказывали энергическое сопротивленіе феллатамъ: осада столицы продолжалась цѣлыхъ семь лѣтъ, съ 1807 по 1814 годъ, и хотя жатвы, собираемыя внутри городской ограды, въ значительной мѣрѣ способствовали продовольствію жителей, но подъ конецъ насталъ страшный голодъ: коршуны, ящерицы и змѣи продавались по баснословнымъ цѣнамъ. Со времени взятія Кацены городское населеніе почти не превышаетъ по численности населенія сосѣдняго городка Курайе. Большинство торговаго люда покинуло этотъ здоровый край, чтобы поселиться въ подверженномъ лихорадкамъ Кану; теперь въ городѣ очень немного купцовъ, и почти всѣ они уангарасцы, то-есть мандинги. Феллатскіе завоеватели были безпощадны къ побѣжденнымъ и старались уничтожить всѣ слѣды ихъ прежней независимости. Книги, трактовавшія объ исторіи страны, были сожжены; городъ Даккама, куда удалился государь послѣ паденія его столицы, былъ разрушенъ до основанія. Эти

развалины, находящіяся въ сорока километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Кацены, теперь заросли кустарникомъ; только гигантскій баобабъ стоитъ одиноко въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда толпились купцы и кипѣла торговая дѣятельность. Бартъ рассказываетъ, какъ онъ проходилъ, вечеромъ, черезъ мертвый городъ, въ моментъ, когда на него ложились уже большія тѣни. Спутники англійскаго изслѣдователя, все уроженцы Аира и соплеменники перебитыхъ гоберасовъ, ускоряли шагъ изъ боязни быть задѣтыми на проходѣ витающими надъ этимъ кладбищемъ духами. Музыканты неистово били въ барабаны, чтобы отогнать злыхъ геніевъ, и проклятія, сыпавшіяся на голову варваровъ-фуловъ, сливались съ грохотомъ тамтама.

Кано, нынѣ самый значительный городъ восточной Гауссы, на покатоги озера Чаде, лежитъ не у рѣки или какой-либо проточной воды; онъ занимаетъ низменную мѣстность вокругъ крутой скалы, высотой около сорока метровъ. На этой скалѣ, называемой Дала, прежде стояла крѣпость, изъ которой и образовался, въ шестнадцатомъ столѣтіи, нынѣшній городъ; въ 6 километрахъ къ западу стоитъ другая скала, тоже находящаяся внутри городской ограды. Подобно Каценѣ, Кано въ началѣ состояло изъ нѣсколькихъ деревень, которыя затѣмъ были обращены въ одинъ укрѣпленный городъ постройкой стѣны, имѣющей 24 километра въ окружности и заботливо поддерживаемой; въ южной части города видны остатки болѣе древняго вала, теперь застроеннаго домами. Нѣсколько прудовъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ неправильнаго овала, ограниченнаго стѣнами; самая обширная изъ этихъ лужъ, называемая Джакарой, тянется съ востока на западъ версты на три, но около середины перерѣзана перешейкомъ или «мостомъ», къ сѣверу отъ котораго помѣщается большой рынокъ, и который составляетъ исходный пунктъ главныхъ улицъ, расходящихся радиусами къ воротамъ городской ограды. Эти лужи, окруженныя камышами, покрытыя на поверхности кувшинками, являются резервуарами, питающими городъ водой для питья; въ то же время онѣ служатъ городскими клоаками, и на нихъ плаваютъ всякіе отбросы и нечистоты: неудивительно, что путешественники такъ боятся Кано по причинѣ его крайне дурнаго санитарнаго состоянія. Кромѣ этихъ естественныхъ прудовъ, жители выкапываютъ ямы для извлеченія строительныхъ матеріаловъ, и эти ямы, наполняясь водой и всякими органическими остатками, становятся гнѣздами заразы и смерти.

Въ прошломъ столѣтіи Кано былъ еще небольшимъ мѣстечкомъ; онъ сдѣлался однимъ изъ значительныхъ городовъ Судана только послѣ паденія Кацены, когда купцы должны были перенести въ другое мѣсто центръ своихъ

торговых операций. Населенный иммигрантами всякой расы, онъ занимаетъ площадь по меньшей мѣрѣ въ 25 квадр. километровъ, — неправильный овалъ, вписанный въ гораздо болѣе обширный овалъ ограды. Съ высоты скалы Дала, находящейся на сѣверной сторонѣ города, видишь внизу обширное пространство глиняныхъ домовъ съ террасами и хижинъ съ остроконечными кровлями и финиковыми пальмами, опоясанное зеленѣющими плантаціями и полями. Разноплеменное население размѣстилось въ разныхъ частяхъ города, каждая раса въ отдѣльномъ кварталѣ. Канури или борнуанцы, потомки прежнихъ владѣтелей страны, обитаютъ недалеко отъ скалы Дала, въ сѣверной части Кано; гауссане, тоже очень многочисленныя, занимаютъ центральные кварталы; фулы, приобрѣвшіе, въ свою очередь, господство въ краѣ, живутъ въ южныхъ улицахъ, вокругъ лабиринтовъ построекъ, образуемыхъ дворцами губернатора и его визиря, или галадимы; наконецъ, арабскіе, купцы, между которыми есть цѣлая колонія гадамесцевъ, основали свое мѣстопробываніе въ сосѣдствѣ главнаго рынка, на сѣверной сторонѣ большаго пруда.

По важности своей торговли Кано соперничаетъ съ городомъ Кука въ Борну. Жители продаютъ бумажныя матеріи, которыя они ткнутъ и красятъ сами, употребляя хлопокъ и индиго, доставляемые сельскими хозяевами окружающей мѣстности, слывущей «садомъ Судана». Вообще Кано можно назвать образцовымъ городомъ по части мелкой или кустарной промышленности. Въ каждомъ домѣ семья составляетъ самостоятельную группу, независимую ни отъ какого хозяина въ отношеніи своего труда: ежедневная работа справляется у себя на-дому, безъ принесенія въ жертву семейной жизни; оттого жители Кано, по выраженію Барта, «принадлежатъ къ счастливѣйшимъ людямъ въ свѣтѣ»¹⁾, и они съ полнымъ правомъ проявляютъ свою веселость постояннымъ смѣхомъ и пѣснями. Произведенія канской промышленности, бумажныя ткани, башмаки и туфли, кожаные мѣшки, отправляются за тысячи верстъ, съ одной стороны — до озера Чаде, съ другой — до Атлантическаго океана, на сѣверъ — до Средиземнаго моря; когда прямое сообщеніе прервано вслѣдствіе войны, канскія матеріи, очень цѣнимыя въ Томбукту, посылаются путемъ, составляющимъ огромный крюкъ, — на Ратъ, Гадамесъ, Туатъ, Эль-Арауанъ. Встрѣчая на рынкахъ Берберіи вышитый кожаный товаръ, привезенный караванами изъ Кано, невольно удивляешься искусству, съ которымъ ремесленники этого города, негры канури и гауссауа, воспроизводятъ арабскій стиль орнаментаціи; можно

подумать, что видишь передъ собой издѣлія мавританскаго происхожденія. Канскіе кустари выдѣлываютъ также шелковыя ткани изъ коконовъ тамариндоваго шелкопряда, — вида неизвѣстнаго въ другихъ странахъ. Кано вывозитъ значительныя количества зерновыхъ хлѣбовъ, сборъ которыхъ всегда превышаетъ нужды мѣстнаго потребленія; взамѣнъ того, онъ покупаетъ соль изъ оазисовъ, селитру съ береговъ озера Чаде и орѣхи кола изъ областей, лежащихъ за Нигеромъ. Во время прохода Барта слоновая кость почти отсутствовала на рынкѣ Кано; что касается торговли невольниками, то она была еще очень дѣятельна: транзитъ этихъ несчастныхъ на тамошнемъ базарѣ исчислялся среднимъ числомъ въ пять тысячъ человѣкъ въ годъ; кромѣ того, много плѣнниковъ продавалось по домамъ и въ окрестныхъ селеніяхъ, внѣ надзора фиска, который взимаетъ свою долю изъ покупной цѣны.

Къ востоку отъ Кано, въ бассейнѣ, спускающемся къ Борну, многіе другіе города, населенные частью кануриями, находятся еще въ политической зависимости отъ Гауссы. Важнѣйшій изъ этихъ городовъ — Герки, лежащій недалеко отъ границы. Катагумъ, на рѣкѣ того же имени, одной изъ главныхъ вѣтвей Іеу, лѣтомъ пересыхающей, — тоже значительный городъ и административный центръ провинціи. Къ западу же отъ Кано населеніе состоитъ исключительно изъ гауссанъ и фуловъ. Въ этой области, на водораздѣлѣ между Нигеромъ и озеромъ Чаде, находится живописный городъ Каммане, одинъ изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Гауссы: каждая изъ его хатъ, разсѣянныхъ между гранитными пригорками и группами пальмъ, есть ткацкая или красильная мастерская, и выдѣлываемыя тамошними кустарами бумажныя матеріи славятся прочностью ткани и замѣчательнымъ блескомъ цвѣта. Жители Каммане умѣютъ также храбро защищать отъ враговъ свой городъ и богатыя плантаціи его окрестностей; они заботливо поддерживаютъ вѣшную ограду и часто отражали нападенія гоберасовъ.

Сюрми, столица Санфары, лежитъ на покатоки рѣки Сокото, въ области ея истоковъ. Это многолюдный городъ, прашедшій въ упадокъ, вслѣдствіе безпрестанныхъ войнъ, которыя онъ долженъ былъ вести со своимъ соперникомъ Маради, главнымъ пунктомъ Гобера, языческимъ городомъ, сохранившимъ традиціи древней Гауссы и доблесть предковъ. Къ западу отъ Сюрми, на дорогѣ въ Сокото, слѣдуютъ одинъ за другимъ Дучи, или городъ «Скаль», дѣйствительно затерянный въ лабиринтѣ камней, и Сансане-Аисса, или «Станъ Иисуса», одна изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей имперіи. Далѣе тянется страшный лѣсъ Гун-

¹⁾ Н. Barth, цитиров. сочиненіе.

думи, гдѣ часто враги поджидали въ засадѣ войска фуловъ. Этотъ лѣсъ, который Бартъ прошелъ дважды, имѣетъ не менѣе 80 километровъ въ длину, отъ востока къ западу: путешественники обыкновенно проходятъ всю восточную и центральную часть его въ одинъ ночной переходъ, тѣмъ болѣе тягостный, что надо идти все время молча, тогда какъ негры привыкли развлекаться въ дорогѣ пѣснями и смѣхомъ. Алкалау, бывшая столица Гобера, находится на сѣверной опушкѣ лѣса Гундуми, на берегу рѣки Сокото, и Конни, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ этой территоріи, лежатъ всего въ двухъ дняхъ ходьбы, къ сѣверо-западу. Понятно, что въ подобномъ сосѣдствѣ фулы проходятъ черезъ этотъ лѣсъ не безъ опаски.

Вурно, резиденція короля гауссанъ, Серики-и-Мусульмиа, т. е. «повелителя мусульманъ», занимаетъ великолѣпное положеніе на уединенной песчаниковой скалѣ, возвышающейся на 40 метр. надъ окружающими долинами; на сѣверной его сторонѣ течетъ рѣка, образуемая потоками Сюрми и Маради и принимающая далѣе имя Сокото: въ періодъ дождей почти вся мѣстность вокругъ скалы бываетъ затоплена. Запертый въ высокихъ стѣнахъ, самый городъ мало интересенъ: это куча низенькихъ домовъ и хижинъ изъ фашичника, кое-гдѣ осѣненныхъ группами дынныхъ деревьевъ и пальмъ думъ или одинокими тамариндами. Съ валовъ кругомъ видишь только голую равнину, среди которой разбѣяны рѣдкіе баобабы.

Сокото, бывший до Вурно столицей обширной феллатской имперіи, стоитъ, какъ и Вурно, на выступѣ песчаниковой горы надъ долиной, на двѣ которой бѣжитъ живая вода. Съ восточной стороны претекаетъ рѣчка Ганди или Бакура, названная такъ по двумъ важнымъ городамъ, находящимся на ея берегахъ; немного сѣвернѣе Сокото, этотъ потокъ соединяется съ главной рѣкой, образующейся изъ сліянія ручьевъ Гобера и сѣверной Санфары: такимъ образомъ, Сокото лежитъ въ точкѣ соединенія нѣсколькихъ естественныхъ путей, направляющихся вверхъ — къ Кацевѣ, Кано, Бенуэ и озеру Чаде, внизъ — къ Нигеру. Городской валъ Сокото, построенный султаномъ Белло въ началѣ настоящаго столѣтія, представляетъ совершенно правильный квадратъ, имѣющій 2.750 метровъ въ сторонѣ: карта, составленная этимъ государемъ и подаренная имъ путешественнику Клаппертоу, гдѣ всѣ окружающія земли представлены въ перспективѣ до торговаго пункта Атагара, на морскомъ берегу, свидѣтельствуетъ о важности, которую его столица имѣла въ глазахъ главы феллатскихъ вѣрующихъ. Когда феллатское государство находилось еще въ періодѣ могущества, пространство, окруженное этой высокой стѣной, было густо населено: сто двадцать тысячъ жителей были

сгущены внутри городской ограды. Четверть вѣка спустя Бартъ оцѣнивалъ только въ одну шестую этого числа населеніе Сокото; съ того времени оно еще болѣе уменьшилось, главнымъ образомъ по причинѣ очень неблагоприятныхъ санитарныхъ условій мѣстности: пропорція слѣбныхъ тамъ весьма значительна. Большинство жителей — сицильбе, мандингскаго происхожденія, искусные и трудолюбивые ремесленники, дѣлающіе честь своей расѣ превосходнымъ качествомъ своихъ произведеній, вышитыхъ кожаныхъ издѣлій, тканей, крашеныхъ матерій, оружія, инструментовъ. Одинъ бывший невольникъ феллатъ, вернувшійся изъ Бразиліи, развелъ близъ Сокото маленькую плантацію сахарнаго тростника и устроилъ рафинадный заводъ, — замѣчательный примѣръ вліянія, оказываемаго уже Новымъ Свѣтомъ на цивилизацію Старого. Арабскіе купцы изъ Рата и Гадамеса населяютъ отдѣльный кварталъ въ Сокото, а теперь и англійскіе негодіанты стали появляться въ этомъ большомъ рынкѣ центральной Африки, впервые посѣщенномъ однимъ изъ ихъ соотечественниковъ, Клаппертономъ. Этотъ путешественникъ въ Сокото и умеръ, въ 1827 году; спутникъ его, Ричардъ Лендеръ, похоронилъ его въ одной подгородной деревнѣ.

Въ тридцати километрахъ къ югу отъ Сокото находится городъ Шифауа или Сифауа, окруженный исполинскими баобабамъ, городъ, нынѣ пришедшій въ унадокъ, но имѣющій историческое прошлое: основатель имперіи фуловъ сдѣлалъ его на первое время столицей завоеванныхъ земель. Гандо, лежащій въ 60 километрахъ далѣе, къ юго-западу, также былъ одной изъ главныхъ резиденцій Отмана, возстановителя могущества фуловъ; теперь это главный городъ западной Гауссы, со всѣми подвластными ей территоріями, до земли Мосси; но онъ признаетъ надъ собой сюзеренство Сокото, столицы восточнаго царства. Ганго расположенъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ крутыми холмами и перерѣзываемой небольшимъ притокомъ рѣки Сокото. Почва въ этой котловинѣ замѣчательно плодородна и производитъ въ изобиліи превосходные плоды и овощи. Бананы и лукъ изъ Гандо славятся во всей Гауссѣ.

Городъ Бирни и Кебби, т. е. «крѣпость Кебби», построенный километрахъ въ пятидесяти къ западу отъ Гандо, на террасѣ, высотой около 80 метровъ, господствующей надъ широкой и плодородной долиной рѣки Сокото, занималъ великолѣпное стратегическое и торговое положеніе, близъ того мѣста, гдѣ рѣка становится судоходной, и гдѣ оканчивается кратчайшій путь изъ Сая, главнаго мѣста переправы на Нигеръ въ многолюдныя области страны Сокото. Но отъ этого укрѣпленнаго города, бывшаго столицей территоріи Кебби, теперь остались только стѣны: фулы разрушили его въ

1806 году и нашли, говорятъ, много золота и серебра подъ развалинами. Новый городъ, называемый просто Кебби, какъ и самая провинція, былъ отстроенъ въ близкомъ разстояніи отъ стараго: это куча невзрачныхъ домишекъ, безъ защитныхъ деревьевъ, мѣсто убѣжища для побѣжденныхъ. Здѣсь мы находимся на границѣ различныхъ народностей: на востокъ живутъ гауссане и фулы (феллата); на западъ — сонгаи, представленные главнымъ образомъ народцемъ денди. Между этими разнородными этническими элементами часто идетъ ожесточенная борьба. Во время прохода Барта кабауа, жители Кебби, и денби, жители Дендины, поднялись противъ правительства Сокото, сельскіе округи были опустошены, и многіе города подверглись разграбленію.

Дьбага, на подиритокѣ Нигера, называемомъ гульби и Гинди, кажется, теперь самый многолюдный и важнѣйшій торговый городъ страны: онъ окруженъ цѣлымъ кортежемъ значительныхъ городскихъ поселеній; это, такъ сказать, человѣческій улей или муравейникъ Гауссы ¹⁾. По другую сторону рѣки Сокото почва менѣе плодородна, города болѣе рѣдки; въ западной части главной долины находимъ города: Тилли, Согирма, Бунса. Далѣе, въ оврагѣ, почти всегда безводномъ, спускающемся изъ сахарскихъ степей, лежитъ городъ Іелу, столица Дендины. Выше, на сѣверѣ, встрѣчаемъ городъ Каллиулъ, славящійся своими соляными промыслами. Въ сухое время года насыщенную солью землю складываютъ кучами въ большіе резервуары изъ соломы и камыша, или градири, затѣмъ льютъ воду на эту землю, и стекающій черезъ скважины хвороста разсолъ собирается внизу и обрабатывается посредствомъ выпариванія. Въ періодъ дождей всѣ салины покрываются на поверхности прѣсными водами, имѣющими слабое теченіе къ югу и населенными рыбой.

На правомъ берегу Нигера, противъ впаденія въ него рѣки Сокото, находимъ небольшую деревню, называемую Гомба. Ниже, какъ и въ мѣстѣ сліянія, берега главной рѣки почти пустынные, главнымъ образомъ по причинѣ нездороваго климата прибрежныхъ равнинъ, часто затопляемыхъ разливомъ водъ. Туземцы камбари, живущіе въ южной части провинціи Юри, — люди трудолюбивые, но презираемые ихъ цивилизованными сосѣдями: между ними главнымъ образомъ и набираются невольники окружающихъ городовъ; но въ нѣкоторыхъ округахъ племена камбари энергически защищались, и несмотря на угрозы фуловъ, отказываются обращать лицо къ храму Мекки ²⁾. Въ округахъ провинціи Юри, прилегающихъ къ лѣвому берегу рѣки, всѣ хижины построены либо на сваяхъ, либо на каменныхъ столбахъ,

для предохраненія жилища отъ сырости почвы; кромѣ того, кровати у туземцевъ представляютъ собою огромныя глиняныя сооруженія, занимающія половину хижины и снабженныя въ нижней части печкой, которую топятъ на ночь, такъ что жилище напоминаетъ русскую баню. Несмотря, однако, на всѣ эти предосторожности, жители Юри сильно страдаютъ ревматизмомъ, и между ними много горбатыхъ и зобатыхъ: до прихода въ эту долину, гдѣ столько хворыхъ и немощныхъ, Томсонъ не встрѣчалъ горбатыхъ ни въ какой другой части Африки. Война въ значительной мѣрѣ способствовала опустошенію страны. Бывшая столица, которую братья Лендеръ называютъ Юри, тѣмъ же именемъ, какъ и все королевство, была разрушена фулами; она занимала «огромное пространство», была такъ многолюдна, какъ никакой другой городъ чернаго континента, и стѣна ея ограды имѣла «отъ двадцати до тридцати англ. миль» въ окружности. Большой торговый городъ Кульфо тоже былъ стертъ съ лица земли феллатами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ властитель Накуамача, государства, граничащаго съ Юри на востокъ, предпринялъ экспедицію въ долину Нигера для ловли невольниковъ, и во время своего похода разрушилъ четырнадцать городовъ, въ томъ числѣ могущественную Убаку, отъ которой остались однѣ стѣны ³⁾. Эта облава доставила завоевателю тысячи плѣнниковъ; но она сопровождалась истребленіемъ огромнаго множества человѣческихъ существъ, цѣлые округи были обращены въ безлюдную пустыню, и бѣглецы изъ Юри искали убѣжища во всѣхъ сосѣднихъ областяхъ, особенно на другой сторонѣ Нигера, въ территоріи Боргу. Контокора (Контагора), столица неготорговцевъ племени накуамачъ или баваши, была недавно посѣщена Томсономъ во время его путешествія изъ Локоджи въ Сокото: это большой городъ, лежащій въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Нигера, въ очаровательной мѣстности, среди небольшихъ долинъ, лѣсковъ и скалъ.

Единственная часть Юри, сохранившая сравнительно густое населеніе, — это та, которая защищена водами Нигера отъ набѣговъ сосѣднихъ племенъ. Въ сотнѣ километровъ ниже сліянія съ рѣкой Сокото, Нигеръ дѣлаетъ большой изгибъ въ южномъ направленіи, и вдоль этой излучины тянется рядъ острововъ, хорошо воздѣланныхъ и покрытыхъ селеніями. Даже цѣлый городъ, Икунгъ, пріютился на одной изъ островныхъ скалъ, и когда въ странѣ спокойно, это бойкій торговый пунктъ, рынки котораго посѣщаются жителями всѣхъ окрестныхъ мѣстностей. Король Юри нѣкогда держалъ лагерь на лѣвомъ берегу рѣки, чтобы командовать

¹⁾ Joseph Thomson, „Good Words“. 1886.

²⁾ J. Thomson, „Britisch Association at Birmingham“, 1886.

³⁾ Flegel, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, Band III, 1881—1883.

этимъ архипелагомъ. Въ 100 километрахъ ниже, городъ Бусса или Буссанъ, вблизи котораго находятся пороги, гдѣ погибъ Мунго-Паркъ, лежитъ въ полкилометрѣ отъ праваго берега Нигера, въ нѣсколькихъ лье къ сѣверу отъ развалинъ города того же имени. Въ 1881 году, во время прохода Флегеля, Бусса былъ столицей одного маленькаго государства, совершенно независимаго отъ фуловъ Гандо; за полстолѣтія передъ тѣмъ братья Лендеръ восхваляютъ короля Буссы, какъ «самаго уважаемаго государя западной Африки», уважаемаго не за величину его владѣній, ни за пышность его двора, но за древность его происхожденія: это былъ «первый монархъ западной Африки въ началѣ міра». Фетишъ этого короля—бѣлый слонъ, какъ въ Сіамской имперіи. Ричардъ Лендеръ рассказываетъ, что послѣ смерти Мунго-Парка жители Буссы были постигнуты сильной эпидеміей, въ которой видѣли кару небесную. «Остерегайтесь трогать бѣлыхъ», повторяли тогда всюду въ странѣ: «не то—погибнете, какъ жители Буссы»¹⁾.

Къ западу отъ маленькихъ государствъ Бусса и Во-Во простираются области страны Боргу, раздѣленныя на нѣсколько королевствъ, изъ которыхъ самое могущественное—Ники. Городъ того же имени былъ «огромный», по словамъ братьевъ Лендеръ, и король его имѣлъ такую сильную армію, что фулы не осмѣливались поднимать мечъ противъ него. Въ землѣ Во-Во бездѣтныя жены продаются по смерти мужа, и даже тѣ, которыя на правахъ матери освобождены отъ продажи въ рабство, обязаны носить, какъ невольницы, веревку на шеѣ впродолженіи цѣлаго года траура. Можетъ-быть, прежде ихъ даже зарывали живыми вмѣстѣ съ умершимъ супругомъ. Хоронятъ тамъ въ сидячемъ положеніи, помѣщая покойника, вооруженнаго лукомъ и стрѣлами, между трупами его лошади и собаки²⁾. Къ западу отъ Боргу, одинъ англійскій путешественникъ, прибывшій изъ Дагомея, Дунканъ, проникъ, въ 1845 году, до города Адафудіа, лежащаго на покатоости Нигера, въ живописно-волнистой мѣстности, гдѣ почва состоитъ изъ красной земли, очень плодородной. Эта страна, населеніе которой большею частію обращено въ исламъ, усыяна многочисленными городами, гдѣ чужеземцы принимаются торжественно почетными лицами города, которыя выходятъ на встрѣчу гостю и привѣтствуютъ его чтеніемъ нѣсколькихъ стиховъ Корана. Дунканъ перечисляетъ многіе изъ этихъ городовъ, какъ-то: Ассафуда, Куампаниса, Кассокано, Сабакано, Каллаканди, Адафудіа, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, по сѣверному склону хребта Махи, и изъ которыхъ каждый имѣетъ

отъ шести до десяти тысячъ жителей, или даже больше. Туземцы, негры, съ широкимъ умнымъ челомъ, принадлежащіе, вѣроятно, къ той же расѣ, какъ и мосси, воспитываютъ очень красивыхъ лошадей, съ которыми ихъ дѣти, какъ маленькіе бедуины въ Сиріи, играютъ съ самаго ранняго возраста. Дунканъ говоритъ также, но со словъ другихъ, а не какъ очевидецъ, что негры этой страны приручаютъ слона. Если это правда, то оказывается, что союзники кароагенианъ, водившіе въ бой дрессированныхъ слоновъ, имѣютъ еще въ Африкѣ наслѣдниковъ своей науки.

Ниже пороговъ, первое значительное поселеніе, лежащее въ 100 слишкомъ километрахъ къ югу,—Гладжебо, пристань лѣваго берега, гдѣ останавливаются суда, идущія снизу, и откуда отправляются барки, построенныя для плаванія черезъ пороги. Мы находимся уже въ территоріи Нупэ, которая по своему положенію на обоихъ берегахъ Нигера, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка наиболѣе приближается къ Лагосскому заливу, занимаетъ одинъ изъ жизненныхъ пунктовъ африканской торговли. Кроме того, эта провинція представляетъ ту весьма важную выгоду, что почва въ ней почти вездѣ плодородная: красноземъ, доминируемый тамъ и сямъ песчаниковыми скалами, которыя смѣняютъ метаморфическія формации верховья¹⁾, производятъ въ изобиліи всѣ плоды тропическаго пояса. Лѣса состоятъ въ значительной части изъ масличнаго дерева и другихъ цѣнныхъ породъ. Провинція Нупэ могла бы прокормить миллионы людей, и, дѣйствительно, въ разныя времена населеніе ея было весьма значительно, а нѣкоторые округа, пощаженные войнами, и нынѣ густо населены. Рабба, нѣкогда одно изъ самыхъ большихъ городскихъ поселеній Африки²⁾, не принадлежитъ къ числу городовъ, пощаженныхъ завоевателями. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда караваны торговцевъ невольниками основали въ Раббѣ главный складочный пунктъ для своихъ гуртовъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ неготорговныя конторы морскаго берега, этотъ городъ имѣлъ свыше ста тысячъ жителей. Противъ него, на правомъ берегу Нигера, стоялъ другой обширный городъ хижинъ, Загоши, населенный лодочниками и ремесленниками, которые всѣ повиновались, какъ и прибрежные жители окрестныхъ селеній, державцу, почти всегда разъязжавшему по рѣкѣ, такъ что его прозвали «королемъ Темныхъ Водъ». Сокращеніе торговаго невольничества и завоеваніе страны фулами разорили коммерсантовъ Раббы и Загоши. Въ 1867 году, послѣ гражданской войны между нифаусами, первый изъ этихъ городовъ имѣлъ не болѣе сотни хижинъ, да и тѣ

¹⁾ R. Lander, „Records of Captain Clapperton's Expedition to Africa“.

²⁾ R. Lander, цитирован. сочиненіе.

¹⁾ I. Thomson, цитирован. мемуаръ.

²⁾ Richard Lander, „Journal of an Expedition to explore the Niger“.

и безъ крышъ: все остальное было истреблено пожаромъ, но вокругъ этихъ развалинъ можно было ходить цѣлыми часами, не выходя въ пространство, которое прежде было погребено строениями города. Въ послѣднее время Ба частію оправился отъ разоренія и, вѣрно, снова пріобрѣтетъ прежнюю важность, благодаря своему счастливому положенію на рѣкѣ Нигера, у южной оконечности цѣпи холмовъ, оканчивающейся крутыми утесами берегу главной рѣки и ограничиваемой на югѣ рѣчкой Гинги; среди этихъ скалъ виденъ зазубренный кратеръ вулкана. Рабба — самый удобный исходный пунктъ для торговли, направляющихся съ низовьевъ Нигера на востокъ путемъ къ Гандо и Сокото. На противоположномъ берегу пристань Шонга (Shongarf), лежащая въ 25 километрахъ ниже Раббы, была выбрана англичанами, какъ главное мѣсто выгрузки для товаровъ, идущихъ Юрубю. Черезъ этотъ пунктъ прохаживаютъ главный путь между Лагосомъ и Сокото: на желѣзная дорога направится изъ главного англійскаго порта къ Нигеру, обходя низинныя земли дельты, она, безъ сомнѣнія, поведетъ къ этой рѣкѣ у Шонги или въ сосѣдствѣ этой важной станціи. Таможенные пошлины взимаются въ Шонгѣ именемъ эмира территории Нуа.

Бывшая столица большаго государства Уба, Катанга или Катунга, которую изъ опейцевъ посѣтили Клаппертонъ и Лендеръ, удалась на покатоги Нигера, всего въ сорокъ-пять километровъ отъ изгиба рѣки. Она смѣнилась, въ качествѣ метрополии, другой городъ, Боху, занимавшій гораздо лучшее положеніе, въ плодородной и живописной долинѣ. Фулы почти совершенно разрушили оба эти города и покорили всю страну, южной которой посылаютъ теперь ежегодно въ Биду и Вурно. Ближайшій къ рѣкѣ большой городъ, Сараки, лежитъ въ 50 километрахъ къ югу отъ Раббы, въ гористой, но въ плодородной мѣстности, производящей азобиліи хлопковъ, зерновые хлѣба, ямсъ и лангья фисташки. По словамъ миссіонера, по крайней мѣрѣ три четверти почвы въ этой области Африки находятся подъ культурой; въ періодъ жатвы, по извилинамъ сельскихъ дорогамъ тянутся, точно какая-нибудь цѣссія, длинныя вереницы крестьянъ и стада овецъ, несущихъ съ полей продукты жатвы.

На юго-западѣ отъ Сараки, перейдя рѣчку и, притокъ Нигера, встрѣчаемъ многолюдный городъ Илоринъ, лежащій на высотѣ до 400 метровъ, недалеко отъ водораздѣла. Юдская ограда, построенная въ формѣ правильного многоугольника, имѣетъ слишкомъ 10 километровъ въ периметрѣ; улицы широки, пересѣкаемыя площадями, окаймленныя ря-

дами лавокъ, гдѣ выставлены различные товары Европы и Африки, вплоть до тканей, привозимыхъ изъ Египта черезъ Куку и Капо. Ярмарки въ этомъ торговомъ центрѣ слѣдуютъ черезъ каждые пять дней, — одинъ изъ рѣдкихъ примѣровъ пятеричнаго дѣленія времени ¹⁾. Илоринъ, городъ республиканскій, основанный въ 1790 г. бѣглецами, сошедшими сюда со всѣхъ концовъ Юрубы, раздѣлялся, во время посѣщенія его Лендеромъ, на двѣнадцать кварталовъ, изъ которыхъ каждый принадлежалъ отдѣльному племени и былъ представленъ въ городскомъ совѣтѣ однимъ изъ своихъ старшинъ. Подобно Абеокутѣ, вольная городская община Илоринъ сумѣла отстоять свою независимость противъ всѣхъ сосѣдей и сдѣлалась необходимой имъ своей промышленностью; теперь фулы-магометане являются тамъ преобладающей силой, но большинство жителей еще язычники. Когда Рольфъ посѣтилъ Илоринъ, въ 1867 г., три трупа посаженныхъ на колъ людей стояли зловѣщими стражами передъ городскими воротами.

Бида, столица государства Нуа, построена не на берегу главной рѣки. Занимая центръ полуострова, ограниченаго съ юга Нигеромъ, съ запада и сѣвера его притокомъ Кадуной, она перерѣзана рѣчкой Лаужей, впадающей въ Баку, притокъ Нигера, судоходный въ періодъ высокихъ водъ; вокругъ города, высоту котораго опредѣляютъ въ 150 метровъ, тянутся хорошо воздѣланные холмы. Бида — городъ новый, но быстро оправдавшій свое названіе, которое значитъ «слѣдуйте за мной!», такъ какъ, по свидѣтельству миссіонера Милумъ, посѣтившаго ее въ 1879 г., она уже имѣла въ то время около 100.000 жителей. Это крѣпость, окруженная валомъ, въ формѣ правильнаго четырехугольника, и широкимъ ровомъ; внутри ограды каждая группа домовъ, въ свою очередь, составляетъ родъ редюнта, съ высокими стѣнами и узкими кривыми улицами. Городъ перерѣзанъ широкими аллеями, содержимыми въ большой чистотѣ; обширныя площади, базары слѣдуютъ одинъ за другимъ черезъ извѣстные промежутки, и всѣ мечети обсажены тѣнистыми деревьями. Нифаусы, жители Биды, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: они ткуютъ, красятъ матеріи, выплавляютъ и кууютъ желѣзо, дубятъ и вышиваютъ кожи, дѣлаютъ даже стекло и мастерятъ изъ него разные украшения для оружія и одежды. Эмиръ строго слѣдитъ за соблюденіемъ жителями религіозныхъ обрядовъ; во всѣхъ кварталахъ учреждены школы, и почти всѣ дѣти умѣютъ читать и писать по-арабски ²⁾.

Большая рѣка Кадуна или Лавонъ (Лафунъ), соединяющаяся съ Нигеромъ между городами

¹⁾ Bowen, "Central Africa".

²⁾ Milum, "Proceedings of the R. Geographical Society", January 1881.

Раббой и Бидой, собираетъ свои первыя воды въ провинціяхъ Кацена и Кано и протекаетъ черезъ провинцію южной Гауссы, называемую разными именами: Сегъ-Сегъ, Сарія и Со-Со. Городъ Сарія или Зарія, главное мѣсто этой территоріи южныхъ гауссанъ, былъ уже посѣщенъ многими европейцами. Клаппертономъ, Ричардомъ Лендеромъ, Баки, Маттеучи, Мас-сари, Штаудингеромъ; изъ зданій его заслуживаетъ вниманія главная мечеть, самый красивый мусульманскій храмъ во всей Гауссѣ. Сарія лежитъ на водораздѣлѣ между Кадуной и сѣверными рѣками, вѣроятно, на высотѣ слишкомъ тысячи метровъ надъ уровнемъ моря. Окружающая мѣстность, хорошо орошаемая, безъ всякихъ котловинъ или впадинъ, гдѣ могли бы заставиваться воды, принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ во всей Африкѣ. Деревья рѣдки, но образуютъ великолѣпные массивы; пологіе скаты холмовъ покрыты лугами, гдѣ пасутся стада коровъ и барановъ; поля риса и другихъ хлѣбныхъ растений, плантаціи хлопчатника и индиго занимаютъ извилистыя лощины по берегамъ ручьевъ. Особенно округъ Эгобби, къ югу отъ Саріи, по-казался Лендеру достойнымъ быть поставленнымъ на-ряду съ прелестѣйшими сельскими пейзажами Англіи. Городъ Эгобби, лежащій, какъ и Сарія, на сѣверномъ притоцѣ рѣки Кадуны, тоже имѣетъ очень красивый видъ; правильно распланированный, онъ окруженъ стѣной, въ формѣ точнаго квадрата; улицы отличаются образцовой чистотой, въ домахъ всѣ металлическія вещи тщательно отполированы при помощи краснаго песка; тыквенные сосуды изъ Эгобби высоко цѣнятся во всей странѣ за тонкую работу гравюръ, которыми они украшены снаружы, и которые по большей части изображаютъ домашнихъ животныхъ. Населеніе, между которымъ преобладаютъ фулы, сохранило особенную любовь къ скоту; земледѣліе тамъ въ чести, но пастушество—это своего рода культъ, предметъ обожанія. У жителей Эгобби, какъ и у обитателей провинціи Юри, кроватями служатъ высокія лежанки, поддерживаемыя глиняными столбами¹⁾.

Въ верхнемъ бассейнѣ главной рѣки, къ юго-востоку отъ Саріи, нѣтъ большихъ городовъ, но много деревень, населенныхъ—однѣ фулами—магометанами, другія—неграми-идолопоклонниками изъ племени кадо. Эти люди разной расы и разныхъ нравовъ встрѣчаются въ торговыхъ мѣстечкахъ, то оживленныхъ, какъ столицы, то пустынныхъ, какъ окружающіе лѣса. Таковъ торжокъ Я, на одномъ изъ верхнихъ притоковъ Кадуны; таковъ же находящійся на разстояніи одного

дня ходьбы къ югу отъ Я, но отдѣленный отъ этого мѣстечка большимъ лѣсомъ, рынокъ Санго-Катабъ, «центръ пятисотъ маленькихъ поселковъ, лежащихъ близко одинъ отъ другаго»¹⁾. Когда спускаешься изъ этихъ нагорныхъ селеній въ западныя равнины, по которымъ протекаетъ Кадуна, уже усиленная многочисленными притоками, перемена растительности совершается почти внезапно: вдругъ появляются снова пальмы делебъ, бананы и другія растенія нижняго пояса, совершенно отсутствующія на плоскогорьяхъ, гдѣ бродятъ феллатскіе пастухи со своими стадами.

Вирини н'Гуари, или «Крѣпость» Гуари,—столица провинціи того же имени, иначе называемой Гбари, которая простирается съ сѣвера на югъ между территоріями Сарія и Юри, и которая также входитъ въ составъ королевства Юри. Клаппертонъ и Лендеръ посѣтили ее, но тотъ изъ нихъ, который пережилъ это путешествіе, упоминаетъ только имя города. Гуари ведетъ непосредственно торговлю съ странами по Нигеру, на западъ чрезъ Конто-кору, на юго-западъ чрезъ городъ Беари и долину майо-Роа; на югъ онъ торгуетъ съ Бидой по рѣкѣ Мариго, главному западному притоку Кадуны. Территорія Абуджа, къ востоку отъ Биды, тоже принадлежитъ къ вассальному государству Гуари: въ этой провинціи есть нѣсколько многолюдныхъ городовъ, между которыми первое мѣсто по важности, какъ главная приставъ на Нигерѣ, занимаетъ рынокъ Эгга или Эгганъ, лежащій на берегу рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она поворачиваетъ къ югу, чтобы идти на встрѣчу Бенуэ, и гдѣ начинается появляться кокосовая пальма; тамъ говорятъ еще языкомъ страны Нупэ. Эгга—большой городъ, но, къ сожалѣнію, окруженный болотами и очень нездоровый: его дома, складочныя магазины, пристани тянутся вдоль Нигера на пространствѣ 3 километровъ, и сотни барокъ свяжутъ взадъ и впередъ по рѣкѣ между высокими берегами и англійскими судами. Здѣсь мы уже находимся въ сферѣ притяженія британской торговли; городъ и территорія составляютъ часть владѣнія, состоящаго подъ протекторатомъ Національной Африканской Компаніи, которая косвенно является представителемъ англійскаго правительства. Многочисленныя деревни слѣдуютъ одна за другой на обоихъ берегахъ Нигера, преимущественно на правомъ, надъ которымъ господствуютъ очень высокіе горные склоны, увѣнчанные лѣсами. Главный городъ этой области, лежащій на западномъ крутомъ берегу рѣки, верстахъ въ пятидесяти ниже Эгги, извѣстенъ подъ разными именами у многочисленныхъ прибрежныхъ народцевъ Нигера; наиболѣе употребительное названіе его—Игбидо (Будду). Это

¹⁾ Richard Lander. „Records of Clapperton's Last Expedition to Africa“.

¹⁾ R. Lander, цитиров. сочиненіе.

столица туземцевъ племени каканда, эффонъ или шеби, которые служатъ главными посредниками въ торговлѣ между нижнимъ и среднимъ Нигеромъ: нѣкоторые изъ нихъ совершаютъ далекія путешествія въ Гауссѣ, ходятъ даже въ Аиръ и иногда вступаютъ въ прямые торговые сношенія съ жителями Гадамеса. Они имѣютъ обыкновеніе устраивать на рѣкѣ примѣрные баталіи, чтобы доставить своимъ дѣтямъ случай рано ознакомиться съ опасностью ¹⁾. Въ то время, какъ молодежь, иной разъ въ числѣ около пятидесяти человекъ, разсаживается по окружности барки, дѣйствуя потесами, взрослые стоятъ по срединѣ судна и стрѣляютъ черезъ головы юношей.

Города Гаусса и Нуне, приблизительная цифра населенія которыхъ указана путешественниками:

Покатость озера Чаде. Кано, по Барту, въ 1854 г.—35.000 жит., Герки—15.000 жит., Тессауа, въ 1851 г.—12.000 жит., Гассауа—10.000 жит., Кацена—7.500 жит., Катагумъ—7.000 жит., Курайе—6.500. жит.

Покатость рѣки Сокото. Сокото, въ 1886 г., по Томсону—8.000 жит., Бирни и Кебби или Кебби, по Флегелю, въ 1880 г.—22.000 жит., Вурно, въ 1886 г., по Томсону—15.000 жит., Согирма, по Флегелю, въ 1880 г.—7.500 жит., Каммане, по Барту, въ 1851 г.—7.000 жит.

Южная Гаусса, Нунэ и сѣверная Юруба. Бида, по Милуму, въ 1880 г.—90.000 жит., Илоринъ, по Рольфсу—70.000 жит., Сараки—40.000 жит., Эгга—25.000 жит., Эгобби, по Лендеру, въ 1827 г.—14.000 жит., Кантакора, по Томсону, въ 1885 г.—5.000 жит., Шонга, по Флегелю, въ 1880 г.—5.000 жит., Беари, по Лендеру, въ 1827 г.—4.000 жит.

Феллатская имперія, основанная Отманомъ въ началѣ настоящаго столѣтія, по виду сохранилась въ своихъ обширныхъ предѣлахъ; хотя раздѣленная на два королевства, Вурно и Гандо, она даже возстановила свое первоначальное единство, такъ какъ сюзеренная власть султана Вурно вполнѣ признается западнымъ государствомъ. Впрочемъ, совокупность территорій состоитъ изъ отдѣльных королевствъ, имѣющихъ каждое свою собственную организацію и связанныхъ съ сюзереномъ только уплатой ежегодной дани; въ горныхъ областяхъ есть даже нѣсколько анклавъ, образуемыхъ независимыми племенами, и границы этого громаднаго царства безпрестанно перемѣщаются, смотря по исходу войнъ и возстаній. Теперь власть феллатскихъ королей Гауссы значительно уменьшилась, вслѣдствіе уступокъ—собственно торговыхъ, но въ сущности вмѣстѣ съ тѣмъ и политическихъ,—сдѣланныхъ англійской компаніи въ южныхъ об-

ластяхъ на берегахъ Нигера и Бенуэ ¹⁾. Доходы султановъ Гауссы должны быть весьма значительны въ сравненіи съ доходами другихъ африканскихъ царьковъ; уже Бартъ исчислялъ, въ половинѣ этого столѣтія, доходы одного только королевства Кано въ 90 милліоновъ каури, т. е. въ 180.000 франковъ: годовой налогъ въ то время составлялъ одинъ франкъ, или 500 каури, съ домохозяина. Войско, которое могли бы безъ труда собрать два эмира, владѣтели Сокото и Гандо, простирается по малой мѣрѣ до 120.000 человекъ, въ томъ числѣ около 30.000 конныхъ.

Власть государей не самодержавна. Она ограничена министрами, выборъ и аттрибуціи которыхъ опредѣляются обычаемъ. Первый министр, или галадима, всегда пользуется значительной властью; затѣмъ слѣдуютъ, по порядку важности занимаемыхъ постовъ: начальникъ конницы; командующій пѣхотными войсками; кади, онъ же и палачъ; наслѣдникъ престола; начальникъ плѣнниковъ; министръ финансовъ. Послѣднему султанъ обыкновенно вѣряетъ временное управленіе государствомъ, когда отлучается въ военную экспедицію.

Въ большинствѣ мелкихъ государствъ правительство организовано по образцу королевства Вурно. Приказы передаются отъ вассала къ вассалу до крайнихъ предѣловъ имперіи, а въ обратномъ порядкѣ восходятъ изъявленія вѣрности и уплата дани.

У. Бенуэ, нижній Нигеръ, Бонни и старый Калабаръ.

Путь нижняго Нигера и Бенуэ, открывающій доступъ во внутреннія области Африки, видимо, долженъ сдѣлаться современемъ важнѣйшимъ изъ всѣхъ торговыхъ трактовъ чернаго континента. Устья Нигера находятся у крайней вогнутости Гвинейскаго моря, между Бенинскимъ заливомъ и бухтой Біафра, т. е. около естественнаго пункта соединенія главныхъ маршрутовъ кораблей въ африканской южной Атлантикѣ. Въ ожиданіи того времени, когда явятся гужевыя дороги, проникающія далеко въ центральныя области материка, Нижній Нигеръ и Бенуэ представляютъ уже непрерывную линію пароходства на протяженіи слишкомъ 1.500 километровъ отъ моря: изъ всѣхъ большихъ африканскихъ рѣкъ одинъ только Бенуэ не имѣетъ пороговъ въ своемъ

¹⁾ Султанъ Сокото заключилъ, въ 1885 и 1890 г. г., договоры съ англійской Нигерской компаніей, которой онъ, за ежегодную субсидію, предоставилъ монополію торговли и эксплуатаціи минеральныхъ богатствъ на р. Бенуэ. По англо-французской конвенціи 5 авг. 1890 г., Сокото принадлежитъ къ англійской сферѣ интересовъ.

¹⁾ G. Rohlfs „Quer durch Africa“.

Географія Реклау. т. XII.

среднемъ теченіи; тамъ же, гдѣ дальнѣйшее судоходство становится невозможнымъ по недостатку воды, пониженіе почвы продолжается къ востоку бассейномъ рѣки Шари, и всѣ собранныя до сихъ поръ свѣдѣнія заставляютъ предполагать существованіе удобныхъ путей сообщенія между покатою озера Чаде или Чады и покатою Нила черезъ территорію Нямъ-Нямъ. Такимъ образомъ большой поперечный путь соединяетъ Нигеръ съ Ниломъ, и эта діагональ проходитъ черезъ нѣкоторыя изъ многочисленныхъ и наиболѣе производительныхъ странъ Африки, оканчиваясь въ мѣстѣ происхожденія средиземной цивилизаціи.

Понятно, что обладаніе входными воротами, открывающими доступъ къ богатѣйшимъ областямъ Судана, должно представляться неограничанымъ, какъ драгоцѣннѣйшее изъ завоеваній. Но торговля невольниками, производившаяся на соседнемъ морскомъ берегу болѣе дѣятельно, чѣмъ гдѣ-либо, долго была помѣхой всякой другой торговлѣ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ между туземными племенами; кромѣ того, въ виду опасностей, которыми грозилъ европейцамъ климатъ нижняго Нигера, мореплаватели не рѣшались переходить поясъ пустынныхъ аллювиальныхъ земель, отдѣляющій море отъ внутреннихъ населенныхъ областей. Вотъ почему до второй половины XIX вѣка, т. е. въ продолженіи трехъ столѣтій со времени прибытія португальцевъ на Невольничій берегъ, европейскими купцами не было сдѣлано ни одной попытки завести торговлю дѣла на берегахъ Нигера или Бенуэ. Памятная экспедиція путешественника-исслѣдователя Баки, въ 1854 г., была началомъ новой эры, связавшей чисто африканскую культуру Судана съ всемирной цивилизаціей. Послѣ этой экспедиціи нѣсколько англійскихъ торговыхъ домовъ послали своихъ агентовъ въ бережные города нижняго Нигера, и мало-по-малу потокъ торговаго обмѣна устремился къ пристанямъ этой рѣки. Въ наши дни торговое движеніе уже регулярно направляется изъ всей области низовьевъ Нигера и Бенуэ къ Лондону и Ливерпулю. Британскіе негоданты сдѣлались истинными сюзеренами народовъ, населяющихъ Суданское междурѣчье.

Однако, англичанамъ еще недавно приходилось дѣлиться съ другими своей монополіей торговли въ тѣхъ краяхъ. Въ 1880 году на Нигеръ проникла первая французская экспедиція и основала нѣсколько конторъ на его берегахъ; два года спустя число французскихъ конторъ доходило уже до тридцати, такъ что почти равнялось числу англійскихъ поселеній¹⁾. Но эта конкуренція продолжалась недолго. Различныя британскія компаніи соединились въ одно могущественное общество, распола-

гавшее двадцатью пятью пароходами и капиталомъ, достаточнымъ для того, чтобы скупить всѣ факторіи французскихъ соперниковъ, и вскорѣ, несмотря на дипломатическія конвенціи, по которымъ устья Нигера въ принципѣ открыты судамъ всѣхъ націй, торговая монополія была восстановлена въ пользу Великобританіи. Недавно одно нѣмецкое общество, воспользовавшееся результатами прекрасныхъ изслѣдованій путешественника Флегеля, употребило всѣ усилія, чтобы обезпечить за собой торговлю на Бенуэ; но начальники прибрежныхъ племенъ, уступая болѣе блестящимъ предложеніямъ англичанъ, предоставили послѣднимъ привилегію торговли. «Куда британскій консулъ поставитъ ногу, писалъ эмиръ ханства Нунэ, туда и я стану»¹⁾. Позиція англійскихъ представителей, опирающихся на двѣсти слишкомъ договоровъ съ туземными царями и народами, теперь уже нѣмѣ не оспаривается, и поддержка со стороны британскаго правительства мало-по-малу превращаетъ ихъ власть въ политическое господство. Компанія не только пользуется исключительной привилегіей торговли на берегахъ рѣки, но имѣетъ также право «приобрѣтать покупкой или инымъ образомъ рудники, копи и каменоломни, лѣса, рыбные промыслы и фабричныя заведенія, обрабатывать почву и возводить на ней всякаго рода постройки»; болѣе того—этой компаніи принадлежитъ политическое господство надъ «всѣми территоріями, которыя уступлены ей королями, начальниками племенъ и народами въ бассейнѣ Нигера»; взамѣнъ того, она обязуется обращаться справедливо «съ націями ея территорій», уважать ихъ религію, законы, права собственности; однако, она обязана стараться о постепенномъ искорененіи рабства у туземцевъ, и никому изъ европейцевъ, поселившихся въ странѣ, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, не должно быть даваемо разрѣшеніе держать невольниковъ. Силу для осуществленія этихъ державныхъ правъ даетъ англійское правительство, утвердившее это предпріятіе дарованіемъ ему официальной хартіи и поставившее его подъ контроль министерства колоній. Такъ возникла новая Индійская компанія, гораздо болѣе могущественная, чѣмъ было, въ началѣ своего существованія, общество купцовъ, постепенно замѣнившее Великаго Могола въ господствѣ надъ полуостровомъ Ганга. Кусокъ Африки, которымъ завладѣла Национальная компанія, имѣетъ не менѣе 1.000 километровъ протяженія по берегу моря и захватываетъ по крайней мѣрѣ вдвое большее пространство вдоль рѣкъ. Она владѣетъ пока только подвижной и живой частью Нигриціи, образуемой рѣчнымъ теченіемъ; остальное сдѣлается ей

¹⁾ Ed. Viard, „Au bas Niger“.

¹⁾ Blue Book, Continuation of C. 4052.

собственностью въ силу естественнаго тяготѣнія.

Около области истоковъ бассейна рѣки Бенуэ отдѣленъ отъ бассейна озера Чаде лишь

широкой сѣверной Африки. Поясъ этотъ состоитъ изъ множества цѣпей и массивовъ, различающихся видомъ, высотой и направленіемъ. Долины разрѣзали его на отдѣльные отрывки,

Пикъ Макъ-Иверъ.

едва замѣтнымъ возвышеніемъ почвы, но на сѣверѣ раздѣльную зону между притоками Бенуэ и Кадуны образуютъ плоскогорья, надъ которыми господствуютъ большія горы, принадлежащія къ числу самыхъ высокихъ вер-

расположенные по большей части въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ; самый обильный потокъ, берущій начало въ этихъ горахъ, рѣка Габі, течетъ въ поперечной долинѣ, на сѣверѣ отъ самыхъ высокихъ частей

цѣпи, затѣмъ подѣ именемъ Гонголы, пробиваетъ хребетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ наименьшую толщину и выпуклость, и затѣмъ соединяется съ верхнимъ Бенуэ, ниже города Тола. Такимъ образомъ, дожди, выпадающіе на обѣихъ покатостяхъ, по крайней мѣрѣ въ восточной части орографической системы, стекаютъ одинаково къ Бенуэ.

Въ Каламѣ и въ пограничной полосѣ Борни горы, вообще не высокія, выступаютъ тамъ и самъ изъ моря зелени въ видѣ небольшихъ конусовъ; но далѣе на западъ, въ землѣ Баучи, гдѣ беретъ начало рѣка Каддера, главный притокъ средняго Бенуэ, горныя вершины снова достигаютъ значительной высоты и соединяются въ могучіе массивы: это Африканскія Альпы. Куполы, остроконечныя пирамиды и обелиски или четырехугольныя глыбы съ вертикальными стѣнками, гранитныя скалы, сѣрыя или темныя, принимаютъ величавыя формы, возвышаясь надъ ущельями на 1.000—1.500 метровъ; дремучіе, непроходимые лѣса покрываютъ горныя скаты; опасныя тропинки проникаютъ въ глубь ущелій, переходя черезъ потоки, собираясь по выступамъ скалъ. Гора Саранда, вблизи большаго города Якоба, достигаетъ 2.000 метровъ высоты; она состоитъ изъ табличнаго гранита, террасы котораго покрыты лѣсами до самой вершины: своимъ конечнымъ куполомъ и могучими предгорьями, выдвинутыми въ равнину на подобіе лапы льва, эта гора напомнила Рольфу грозный Монте-Бальдо, господствующій надъ Гардскимъ озеромъ. Къ западу отъ Саранды, другія гранитныя цѣпи тянутся съ сѣвера на югъ или съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и только отъ перевала Гѳра (1.350 метровъ) начинается спускъ къ пологимъ равнинамъ, гдѣ берутъ начало верхніе притоки Кадуну.

Массивъ Саранда и сосѣднія цѣпи, по всей вѣроятности, самыя высокія части гористаго рельефа между бассейномъ Нигера-Бенуэ и впадиной озера Чадъ; впрочемъ, эта мѣстность еще недостаточно изслѣдована, чтобы можно было сдѣлать попытку орографическаго описанія страны. Извѣстно, что существуютъ другія группы горъ на возвышенностяхъ между Нигеромъ и озеромъ Чадъ. Къ сѣверу отъ массива Саранда, на половинѣ разстоянія между городами Кано и Якоба, стоятъ горы Рингимъ; на югѣ территоріи Баучи, находимъ нѣсколько другихъ цѣпей, которыя продолжаются почти до самаго Бенуэ. Съ береговъ этой рѣки видны крутые откосы плоскогорья, обрисовывающіеся на горизонтѣ въ видѣ гребней, изъ которыхъ самыя высокія имѣютъ около 900 метровъ возвышенія. Въ области верхнихъ притоковъ горныя массивы вообще обозначаются именемъ *хосере*; таковъ хосере Тинглингъ, близъ сѣвернаго берега, похожій издали на обширный дворецъ съ двумя флигелями, до-

минируемыми центральной башней. Путешественники-изслѣдователи дали англійскія имена большинству горъ и холмовъ праваго берега Бенуэ: выше города Тола, одинъ остроконечный конусъ, господствующій надъ всѣми невысокими холмами окрестностей, получилъ шотландское названіе Макъ-Иверъ; на томъ же берегу находится гора Форбсъ, затѣмъ Гумбольдтъ, предгорье цѣпи Мурчисонъ, гдѣ главная вершина носитъ имя Родрикъ (500 метровъ); ниже, вдоль рѣки, въ крайней южной части ея теченія, идетъ гора Эллемсмиръ, но самая высокая краевая цѣпь, которая тянется параллельно верхнему Бенуэ, на пространствѣ около 200 километровъ, сохранила свое африканское названіе: это массивъ Мури, разрыванный на остроконечныя вершины и башни страннаго вида; въ центрѣ его высится Тангале, пикъ въ 900 метровъ. На лѣвомъ берегу Бенуэ, горы, стоящія противъ цѣпи Мури и почти не уступающія ей по высотѣ, тоже извѣстны подѣ ихъ африканскими именами—Куана, Морину, Бакъ и Дучи. Ниже, горы, достигающія въ одномъ изъ своихъ пиковъ высоты 1.500 метровъ, получили отъ англичанъ наименованіе Альбемарль-рэнджъ, а вершины названы покуда именами Біо, Гершеля и другихъ астрономовъ. Въ сосѣдствѣ слиянія Бенуэ съ Нигеромъ прибрежная цѣпь низовья первой изъ этихъ рѣкъ называется Ольдфильд-рэнджъ, а горы, окружающія слияніе, названы лойальными британскими путешественниками по именамъ ихъ государей или извѣстныхъ политическихъ дѣятелей и ученыхъ; только одна гора, напоминающая своей формой величественную пирамиду итальянскаго Соракта, заимствовала это классическое имя.

Нагорье, раздѣляющее покатости озера Чаде и Нигера, служитъ естественной границей для климатовъ и для флоры, также какъ и географическимъ рубежомъ. Въ верхнихъ долинахъ Саранды и сосѣднихъ горъ климатъ сходенъ съ климатомъ южной Италіи, такъ что тамъ можно было бы воздѣлывать всѣ растенія южной полосы умѣреннаго пояса: такимъ образомъ, область европейскаго характера, гдѣ переселенцы изъ нашей части свѣта нашли бы подходящую среду, вставлена между двумя тропическими странами, но эти страны рѣзко отличаются одна отъ другой видомъ растительности. Съ восточной стороны простирается область пальмы думъ и финиковой, на западѣ растутъ пальмы делебъ, масличная, кокосовая; тамариндовъ не видно болѣе, но масляное дерево образуетъ большіе лѣса; поля имѣютъ уже не тотъ нарядъ, жители приготавливаютъ себѣ пищу изъ другихъ зеренъ и ягодъ. Между деревьями западныхъ лѣсовъ особенно замѣчательна лянъя или руна, изъ плода которой дѣлаютъ родъ меда, очень цѣнный туземцами, даже въ городахъ Марокко, гдѣ

онъ извѣстенъ подъ именемъ *я-Мулей-Дрисъ*¹⁾. Изъ промышленныхъ растений всего болѣе распространена въ бассейнѣ Бенуэ культура хлопчатника, волокно котораго отличается замѣчательной крѣпостью и блескомъ. Рольфсъ видѣлъ бумажныя ткани, которыя онъ принялъ было за шелковыя.

Что касается фауны, то она не представляетъ, съ той и другой стороны горъ Баучи, контрастовъ, подобныхъ различію флоры. Слоны встрѣчаются еще многочисленными бандами въ лѣсахъ обѣихъ покатостей, но въ верхнемъ бассейнѣ Бенуэ, говорятъ, существуетъ два вида этого животнаго, изъ которыхъ одинъ имѣетъ желтоватую шерсть²⁾. Въ горныхъ лѣсахъ водятся носороги и дикіе буйволы, а въ необитаемыхъ мѣстностяхъ много пантеръ въ каждомъ ущельѣ. Изъ другихъ млекопитающихъ замѣчательнъ цибетъ, животное очень пугливое, такъ что его рѣдко можно увидѣть, хотя онъ очень распространенъ въ равнинахъ, спускающихся къ Бенуэ: объ этомъ можно судить по значительному количеству мускуса, собираемаго на вѣтвяхъ, о которыхъ звѣрекъ трется, чтобы освободиться отъ избытка выдѣленія, наполняющаго его желѣзки; въ Суданѣ нигдѣ не держатъ цибета въ клѣткѣ для правильного собиранія мускуса, какъ это дѣлаютъ въ землѣ Галла. По словамъ Рольфса, большихъ змѣй совсѣмъ нѣтъ въ странахъ по теченію Бенуэ, да и мелкіе представители змѣиной породы очень рѣдки; путешественниковъ поражало также почти полное отсутствіе пауковъ. Самая обыкновенная разновидность тамошнихъ термитовъ отличается отъ бѣлыхъ муравьевъ, свойственныхъ Борну; пирамиды, которыя строятъ суданскіе термиты, имѣютъ другой видъ; земля, служащая матеріаломъ для постройки, обработана грубѣе, и въ цѣломъ муравьиное зданіе представляетъ особый стиль архитектуры.

Плодородныя равнины, орашаемыя рѣкой Бенуэ и другими притоками нижняго Нигера, во многихъ мѣстахъ совершенно опустѣли. Особенно рѣдко населеніе въ провинціяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Бенуэ и Нигера. Причина тому—экспедиціи, которыя совершали фулы съ начала этого столѣтія, съ цѣлью обращенія туземцевъ въ магометанство и грабежа: въ сѣверныхъ областяхъ цѣлыя населенія были истреблены, и за исключеніемъ горныхъ округовъ, жителямъ которыхъ удалось отстоять свою независимость, каждый городъ, каждая деревня были разрушены огнемъ и мечемъ; немногіе пережившіе этотъ разгромъ должны были принять исламъ. Отсюда—поразительный контрастъ между двумя берегами

рѣки: во многихъ частяхъ теченія на южномъ берегу, группы построекъ слѣдуютъ одна за другой непрерывной линіей, тогда какъ по другую сторону не видно ни одной хижины³⁾. Часто говорятъ, что захваты магометанства составляютъ прогрессъ для африканцевъ: если это такъ, то надо сознаться, что прогрессъ этотъ купленъ прибрежными населеніями Бенуэ очень дорогою цѣной.

Между суданцами, избавившимися отъ насильственнаго обращенія въ исламъ, благодаря неприступности своихъ убѣжищъ, болосы, жители гористой области Якоба, сохранили болшую численную важность: они дали свое имя провинціи Боло-Боло, болѣе извѣстной подъ названіемъ Баучи. Проходя по этой «Суданской Швейцаріи», повсюду видишь группы хижинъ болосовъ, гнѣздящихся на вершинѣ горъ и предгорій: подобно кабиламъ Алжиріи, дикари провинціи Баучи селятся на крутизнахъ, защищенныхъ уже самой природой, или въ естественныхъ оградахъ изъ скалъ, между глыбами песчаника или гранита. Болосы принадлежатъ къ наименѣ красивымъ племенамъ Судана: маленькіе и коренастые, они приближаются къ типу негра, характеризуемому приплюснутымъ носомъ и толстыми губами, но цвѣтъ кожи у нихъ вообще свѣтлѣе, чѣмъ у ихъ сосѣдей не-феллатской расы. Женщины этого племени, почти карлицы по росту, толстыя, безъ талии, выкупаютъ свое безобразіе необыкновенно ласковымъ выраженіемъ лица. Волоса онѣ зачесываютъ напередъ, въ видѣ каски, или заплетаютъ въ косу, складываемую вокругъ головы, въ видѣ короны. Въ сосѣдствѣ магометанскихъ городовъ, болосы, обращенные въ исламъ, по крайней мѣрѣ по имени, одѣваются какъ цивилизованные люди страны, только платье у нихъ менѣе широко и сшито изъ болѣе грубой матеріи; но въ захолустьяхъ мужчины не имѣютъ ниаго одѣянія, кромѣ передника, а женщины ходятъ безъ всякаго костюма или носятъ только вѣтку съ листьями, повѣшенную на поясѣ; тѣмъ не менѣе руки и ноги у этихъ маленькихъ негрятенокъ украшены кольцами, серебряными, мѣдными или желѣзными, смотря по достаткамъ. На сѣверѣ горъ Мури идолопоклонники вуруку и тангала живутъ, какъ болосы, въ состояніи наготы. Въ этихъ странахъ платье дѣлаетъ человѣка марабутомъ; религія является какъ бы дополненіемъ одежды³⁾. Тангаласы—самое страшное изъ племенъ немъ-немъ или емъ-емъ (ононимы имени нямъ-нямъ, народа, живущаго въ верхнемъ Уалле), съ давнихъ поръ упоминаемыхъ арабскими писателями, какъ людобѣды⁴⁾. Фогель, проходившій черезъ ихъ территорію,

¹⁾ G. Rohlfs, цитированное сочиненіе.

²⁾ H. Barth, цитированное сочиненіе.

³⁾ Ed. Viard, „Au bas Niger“.

⁴⁾ Lander;—Barth;—Rohlfs, цитиров. сочиненія.

⁵⁾ Desborough Cooley, „Negrolands of the Arabs“.

убѣдился въ истинѣ этого преданія. Тангаласы и другіе народцы націи немъ-немъ пожираютъ своихъ плѣнниковъ: грудь принадлежитъ султану, какъ самый лакомый кусокъ, голова предоставляется женщинамъ. Но рассказы о томъ, что эти каннибалы поѣдаютъ больныхъ, не подтверждались; напротивъ, они ухаживаютъ за больными очень заботливо, а умершихъ хоронятъ съ большими почестями, въ настоящихъ катакомбахъ, входъ въ которыя заложенъ камнями. Души умершихъ соединяются, по вѣрованію тангаласовъ, въ одно коллективное божество, очень почитаемое, которое называютъ Додо, и которому воздвигаютъ храмы въ тѣни баобабовъ¹⁾.

Отъ береговъ Нигера до границъ Борну вся покатость Бенуэ населена въ ея горныхъ округахъ языческими народцами, которые по образу жизни походятъ на болосовъ, и каждое племя которыхъ имѣетъ свой особый языкъ. Пока еще ни одинъ лингвистъ не внесъ свѣта въ этотъ хаосъ различныхъ говоровъ: извѣстно только, что племена фали и беле, на берегахъ Гонголы, близъ Борну, употребляютъ нарѣчія, родственныя языку канури; другія племена, въ сосѣдствѣ народовъ нифауа и гауссауа, говорятъ діалектами, въ которыхъ изслѣдователи находятъ звуки и слова, близко подходящіе къ цивилизованнымъ ідіомамъ окружающихъ областей. Эти языческіе народцы, не сплоченные въ одну націю, разбросанные въ многочисленныхъ энквалахъ, составляютъ, по Рольфу, третью населенія на сѣверѣ отъ Бенуэ. Хотя презираемые горожанами мусульманами, эти туземцы во многихъ мѣстахъ славятся какъ искусные ремесленники, и самыя красивыя цинковки, самыя изящныя по формѣ и рисунку глиняныя сосуды, продаваемые на рынкахъ нижняго Нигера, выдѣлываются племенами афо и басса, живущими въ сосѣдствѣ сліянія. Религія этихъ народцевъ, принявшая уже, по близости мусульманскихъ городовъ, болѣе или менѣе явственный оттѣнокъ магометанства, есть, въ первоначальномъ ея видѣ, анимизмъ, представляемый фетишами, и къ западу отъ земли Немъ-Немъ нигдѣ не замѣчали ни малѣйшихъ слѣдовъ варварскаго обычая человѣческихъ жертвоприношеній или каннибализма.

Въ открытыхъ равнинахъ основа населенія состоитъ главнымъ образомъ изъ гауссанцевъ, а въ сосѣдствѣ сліянія — изъ нифауанцевъ. На востокѣ, близъ границы Борну, есть нѣсколько городовъ, гдѣ большинство жителей — канури. Что касается фуловъ, представляющихъ собою расу завоевателей, то они вездѣ уступаютъ по численности туземному элементу, кромѣ нѣсколькихъ разсѣянныхъ этнографическихъ ост-

рововъ, преимущественно въ травяныхъ степяхъ, гдѣ стада ихъ находятъ обильный кормъ. Правда, что вслѣдствіе естественнаго притяженія, всегда оказываемаго господствующей расой, всѣ смѣшанные браки обращаются на пользу фуловъ, въ смыслѣ увеличенія ихъ численности. Многіе чернокожіе, несомнѣнно, принадлежащіе къ туземнымъ народцамъ, причисляютъ себя, тѣмъ не менѣе, къ фуламъ, на томъ основаніи, что брачныя союзы внесли въ ихъ жилы маленькую долю крови завоевателей. Впрочемъ, феллатское населеніе возрастаетъ гораздо болѣе отъ притока чуждыхъ элементовъ, чѣмъ отъ избытка рожденій; женщины этой націи, кажется, менѣе плодовиты, нежели негритянки; въ ихъ семьяхъ рѣдко встрѣтишь болѣе трехъ или четырехъ дѣтей, тогда какъ въ негритянскомъ семействѣ ихъ обыкновенно бываетъ вдвое или даже больше¹⁾. Хотя фулы, взятые въ массѣ, слынутъ самыми фанатическими ревнителями ислама, однако, есть еще много племенъ этой націи, особенно около верхняго Бенуэ, которыя пребываютъ въ язычествѣ, и мужчины которыхъ пасутъ свои стада еще въ состояніи наготы. Сразу можно замѣтить, что фулы въ этихъ областяхъ не были цивилизующимъ элементомъ: это гауссаны и канури познакомили ихъ съ искусствами и ремеслами, съ цивилизованными правами, а по части костюма они заимствовали моды сѣверныхъ мусульманъ: на берегахъ Бенуэ у знатныхъ особъ считается признакомъ хорошаго тона закрывать себѣ лицо лицомомъ, какъ это дѣлаютъ туареги въ пыльныхъ пустыняхъ Сахары.

На лѣвомъ берегу Бенуэ, въ Адамауѣ, фулы болѣе многочисленны, чѣмъ на сѣверной покатости бассейна, и составляютъ даже большинство въ нѣкоторыхъ округахъ. Здѣсь ихъ всего менѣе коснулось вліяніе магометанства: они еще сохранили свои первобытныя нравы, такъ что Рольфъ задаетъ себѣ вопросъ, не слѣдуетъ ли искать въ этой области колыбель ихъ расы; но осанка у нихъ менѣе благородная и черты лица менѣе правильныя, чѣмъ у западныхъ фуловъ. Тѣ изъ нихъ, которые называютъ себя мусульманами, не исполняютъ обрядностей своего культа по предписаннымъ правиламъ. Во время путешествія Гутчинсона по Бенуэ ни одна изъ прибрежныхъ феллатскихъ общинъ не имѣла мечети. Большинство королевствъ лѣваго берега управляются султанами изъ націи фула, окруженными колоніей завоевателей, и въ городахъ господствующій языкъ — феллатскій; но населеніе очень смѣшанное, и во многихъ мѣстахъ именующіе себя фулами въ дѣйствительности принадлежатъ къ другимъ расамъ. Въ городѣ Зибу, жители котораго представля-

¹⁾ H. Wagner, *Schilderung der Reisen und Entdeckungen von Ed. Vogel*.

¹⁾ H. Barth, цитирован. сочиненіе.

ютъ помѣсь гауссанъ, фуловъ и другихъ этническихъ элементовъ, женщины почти всѣ отличаются гигантскимъ ростомъ и размѣрами ¹⁾. Во многихъ округахъ феллатки красятъ зубы въ красный цвѣтъ сокомъ одного растенія; въ другихъ мѣстахъ онѣ украшаютъ себѣ носъ блестящимъ мѣднымъ гвоздемъ, стержень котораго загибается по дугѣ щеки и доходитъ до уха. Подобно тому, какъ въ Фута-Джаллонѣ, здѣсь города и деревни, населеніе которыхъ состоитъ изъ вольныхъ людей, окружены поселками *румде*, обитаемыми исключительно невольниками земледѣльцами. Аборигены, народцы сани, була, бассамы, мбумъ, фали, обозначаемые общимъ именемъ батта, были вытѣснены въ горы или лѣса и по большей части обращены въ рабство. Великолѣпный край Адамауа, идеаль сельскихъ мѣстностей, вездѣ обрабатывается руками невольниковъ. Обитатели его, жившіе въ первобытной простотѣ, не могли ничего дать завоевателямъ, кромѣ самихъ себя: ихъ и взяли. Бартъ видѣлъ многихъ помѣщиковъ фуловъ, владѣвшихъ, каждый, болѣе, чѣмъ тысячу невольниковъ.

Ниже провинцій Адамауа и Гамарауа, гдѣ фулы въ силѣ, преобладающее населеніе на лѣвомъ берегу Бенуэ составляютъ акпасы, уакари или джуку, подраздѣляющіеся на множество племенъ, говорящихъ, каждое, особымъ нарѣчіемъ, той же семьи. Изъ этихъ различныхъ народцевъ одни, находящіеся въ соприсношеніи съ фулами, уже цивилизовались, другіе, живущіе въ глухихъ мѣстахъ, въ горахъ и лѣсахъ, пребываютъ еще въ состояніи варварства. Говорятъ, внутри страны есть еще акпасы, дѣлающіе себѣ одежду изъ листьевъ: этихъ туземцевъ сосѣди очень боятся и обвиняютъ ихъ даже въ каннибализмѣ. Въ сосѣдствѣ рѣки акпасы, живущіе въ городахъ, смѣшались съ фулами и сливаются съ ними въ новую расу; но поселене, прикрѣпленные къ землѣ бай-баи, въ большомъ презрѣніи у фуловъ, которые смотрятъ на нихъ какъ на существа низшія. До сихъ поръ еще ни одинъ бѣлый путешественникъ не проходилъ черезъ ихъ территорію, чтобы пробраться на югъ въ бассейны Старого Калабара, хотя разстояніе, которое нужно пройти этимъ путемъ, не превышаетъ 200 километровъ; но многіе изъ эмигрантовъ этого племени уже спустились къ морскому берегу и встрѣчаются даже на островѣ Фернанъ-до-По. Народецъ миши или мичи, слѣдующій за акпасами на южномъ берегу Бенуэ, тоже занимаетъ обширную территорію, простирающуюся на югъ до бассейна Старого Калабара; нѣкоторые изъ его племенъ, по рассказамъ негровъ мусульманъ, жителей городовъ, людоеды и дѣлаютъ сосуды изъ головъ

своихъ враговъ, хотя, впрочемъ, до сихъ поръ неизвѣстно ни одного факта, подтверждающаго эту легенду ¹⁾. Противъ мичевъ, на сѣверномъ берегу Бенуэ, живутъ разные народцы, говорящіе языкомъ дома или араго, принадлежащимъ, повидимому, къ глоссологической семьѣ области Юруба. Слѣдовательно, домасы образуютъ, вдали отъ своего отечества, энклаву среди населеній, отличающихся отъ нихъ языкомъ и, вѣроятно, также происхожденіемъ. По денежному знаку, служащему орудіемъ торговаго обмѣна, территорія домасовъ тоже составляла до недавняго времени особую область. Когда англичане впервые проникли въ эту землю, тамъ начинали уже пользоваться, какъ денежной единицей, раковинной каури, но самой употребительной монетой была треугольная желѣзная плитка, похожая на лопатку каменщиковъ: три дюжины такихъ плитокъ представляли среднюю цѣнность невольника; желѣзо это утилизировали для выдѣлки ножей и другихъ инструментовъ ²⁾. Въ территоріи Уакари мѣновой единицей служить корзина соли.

Область народа игарра или игалла тянется по лѣвому берегу нижняго Бенуэ, затѣмъ, ниже слиянія его съ Нигеромъ, продолжается почти до самой дельты: на пространствѣ около 400 километровъ мореплаватели слышатъ вездѣ въ прибрежныхъ деревняхъ языкъ игаррасовъ, иначе называемыхъ апото или апуту; однако, массовыя изгнанія и переселенія, вызванныя войнами и голодовками, ввели во многихъ мѣстахъ иноплеменное населеніе въ территорію игаррасовъ: тамъ и сямъ встрѣчаются колоніи фуловъ, бассовъ или гауссанъ, пришедшихъ изъ-за Бенуэ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ жители говорятъ языкомъ нуфе или юруба, какъ на берегахъ нижняго Нигера. Внутри страны глоссологическій поясъ языка игарра простирается, вѣроятно, до мѣстностей, прилегающихъ къ рѣкѣ Старого Калабара; во всякомъ случаѣ это языкъ, имѣющій весьма важное значеніе по числу говорящихъ имъ и одинъ изъ идиомовъ Нигерскаго бассейна, наилучше изученныхъ миссіонерами. На сѣверѣ и на югѣ отъ слиянія двухъ большихъ рѣкъ находятся энклавы игбирскихъ населеній, говорящихъ особымъ языкомъ, который тоже вѣстѣнъ по составленнымъ изслѣдователями сборникамъ его словъ. Большинство игбирровъ жили прежде въ междурѣчьи Нупэ, но грозное нашествіе фуловъ заставило ихъ бѣжать въ южныя области, гдѣ они и поселились. Напротивъ города Идды, на правомъ берегу Нигера, находится другая энклава, земля племени кукуруку, прозваннаго такъ потому, что въ своихъ призывныхъ крикахъ эти туземцы,

¹⁾ Hutchinson, "Narrative of the Niger, Tshadda and Binaé Exploration".

¹⁾ Samuel Crowther, "Journal of an Expedition up the Niger and Tshadda rivers".

²⁾ Hutchinson, цитирован. сочиненіе.

будто-бы, подражаютъ пѣнію пѣтуха ¹⁾. Ихъ называютъ также икпере,—слово, вѣроятно, того же происхожденія, какъ игбира.

Вліяніе магометанства проявилось у всѣхъ этихъ языческихъ народцевъ не столько прямыми обращеніями въ исламъ, сколько постепеннымъ исчезновеніемъ старыхъ обычаевъ. Въ городахъ игарской территоріи идолы болѣе не выставляются торжественно въ публичномъ мѣстѣ, и теперь уже не совершаютъ человѣческихъ жертвоприношеній, какъ совершали въ былое время при погребеніи королей, для того чтобы почившій властелинъ могъ отправиться на тотъ свѣтъ въ хорошей компаніи. Если королевы нынѣ уже не обязаны слѣдовать за своими супругами въ могилу, то по крайней мѣрѣ онѣ должны «умереть для свѣта», облачаясь въ рубище и окрасивъ носъ и губы въ густой черный цвѣтъ, чтобы придать своей физиономіи отталкивающій видъ. Государь, именующій себя Аттахомъ, то-есть «отцомъ», есть по преданію самодержавнѣйшій владыка: «онъ подобенъ самому Богу», и потому долженъ соблюдать строжайшій этикетъ, дабы всѣ признавали его величество. Никогда рука его не должна дѣлать ничего служебнаго: всякій трудъ ему воспрещенъ, онъ не имѣетъ права поставить ногу въ лодку; онъ не можетъ выставить свою августѣйшую главу на дождь. Чтобы имѣть доступъ въ его жилище, нужно пройти рядъ отверстій, дотога низкихъ, что туда можно проникнуть не иначе, какъ ползкомъ.

Область языка ибо еще болѣе обширна, чѣмъ область языка игарра: она заключаетъ въ себѣ, къ западу отъ Нигера, обширную полосу въ территоріи Иоруба, обнимаетъ на югъ всю вершину дельты этой рѣки и, продолжаясь на востокъ, охватываетъ бассейнъ Старого Калабара до неизслѣдованныхъ еще мѣстностей. Языкъ этотъ дѣлится на множество нарѣчій, настолько различающихся одно отъ другаго, что люди различныхъ народцевъ съ нѣкоторымъ трудомъ понимаютъ другъ друга; но самое употребительное изъ нихъ то, которымъ говоритъ прибрежное населеніе Нигера, почему европейскіе наставники и выбрали этотъ діалектъ для своихъ сборниковъ словъ и переводовъ. Языку ибосовъ выучиваются и ихъ сосѣди, для торговыхъ сношеній въ низовьяхъ рѣки: въ прежнее время всѣхъ невольниковъ, привозимыхъ съ Нигера въ Америку, называли ибосами, каковы бы ни были ихъ расы и языкъ. Ибосы поклоняются могущественному богу, Чуку, котораго никогда не видѣлъ никто изъ людей, но который бываетъ иногда слышимъ, и горе тому, кого поразитъ его гласъ: съ этого момента несчастный лишается дара слова. Чуку живетъ въ одно и то же время въ пещерѣ и

въ высяхъ неба: однимъ окомъ онъ обзрѣваетъ небесныя пространства, другимъ смотритъ въ глубины земли. Еще не такъ давно гнѣвъ его склоняли на милость принесеніемъ въ жертву непорочныхъ дѣвъ, которымъ связывали ноги и тащили по землѣ, пока несчастныя не испустятъ духъ; затѣмъ тѣла ихъ бросали въ рѣку, на съѣденіе рыбамъ и крокодиламъ. У ибосовъ рожденіе двойней считалось знакомъ небеснаго гнѣва, и новорожденныхъ близнецовъ всегда заносили въ дѣсь. Что касается матери, провинившейся произведеніемъ на свѣтъ двойней, то мужъ тотчасъ же прогонялъ ее отъ себя, какъ существо, внушавшее ужасъ; долгое время она должна была жить отшельницей и не имѣла болѣе права садиться рядомъ съ другими женщинами въ хижинѣ или на базарной площади. Дѣти, у которыхъ верхніе зубы прорѣзывались ранѣ нижнихъ, тоже были приносимы въ жертву богу Чуку и вождушнымъ духамъ. Тѣни умершихъ также получали приношенія, но безкровныя: имъ давали первые куски каждого кушанья, первыя зерна тыквы и первыя капли изъ сосуда ¹⁾. У ибосовъ соціальныя дѣленія очень рѣзко обозначены, но можно подняться съ одной ступени на другую посредствомъ купли; высшее дворянство, аристократія, состоитъ всего только изъ нѣсколькихъ особъ, которыя, въ знакъ своего достоинства, привязываютъ себѣ къ ногѣ или заставляютъ носить передъ собой колокольчикъ, дабы звонъ его напоминалъ объ ихъ славѣ всѣмъ прохожимъ. Другіе дворяне меньшаго ранга даютъ о себѣ знать трубными звуками. Привѣтствовать такого благороднаго иначе, какъ его официальными титулами, значило бы нанести ему тяжкое оскорбленіе ²⁾. Впрочемъ, ихъ легко узнать, даже когда у нихъ нѣтъ ни колокольчика, ни трубы, по ихъ особенной татуировкѣ; нѣкоторые изъ нихъ разрѣзываютъ себѣ кожу на лбу и заворачиваютъ ее надъ глазами, въ видѣ козырька.

Къ югу отъ племени ибосовъ, которые играютъ преобладающую роль въ нижнемъ бассейнѣ Нигера по торговлѣ, языку, политическому вліянію, военной силѣ, область дельты принадлежитъ различнымъ народцамъ, разсыпаннымъ въ лабиринтъ болотистыхъ острововъ и почти не имѣющимъ сношеній между собой: оттого въ этой территоріи еще не установилось единство языка; впрочемъ, тамъ есть нѣсколько энклавъ негровъ, говорящихъ ибосскимъ діалектомъ. Въ западной части дельты, на границахъ земли Иоруба, общеупотребительный языкъ—изекри или чекери, называемый также бини или бенинскимъ. На югѣ, на обоихъ берегахъ вѣтви Нунъ, говорятъ большею частію нарѣчіемъ акасса, принадлежащимъ къ

¹⁾ H. Köler, цитированное сочиненіе.

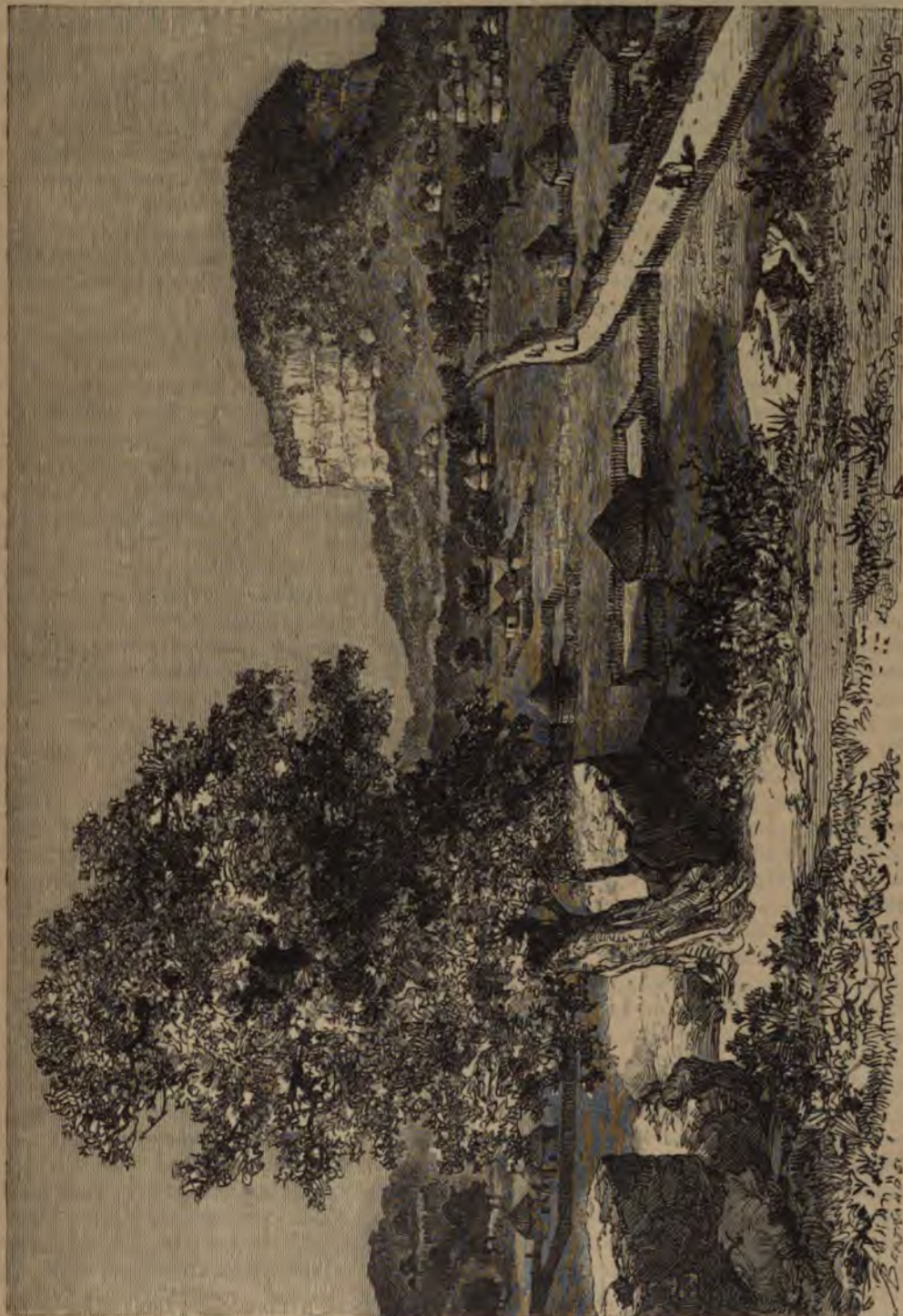
²⁾ Samuel Crowther, —Africanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

¹⁾ Schön et Crowther, цитиров. сочиненіе.

группы языковъ айо или иджу, какъ другіе діалекты побережья до лимана Бонни: немпе, употребляемый въ Брасе, бонни, окрика и прочіе. Костъ приводитъ около десятка различ-

му, должна дать перевѣтъ брасскому діалекту между всѣми этими нарѣчіями семьи айо; на этотъ же діалектъ мѣстные катехизаторы изъ негровъ переводятъ книги духовнаго содержа-

Видъ изъ Денза Поха.

ныхъ названій, которыя относятся либо къ разнымъ языкамъ, либо къ простымъ разновидностямъ, говорамъ, либо, можетъ-быть, къ одному и тому же языку, называемому разными манерами. Торговая дѣятельность, повидимо-

нія, присылаемыя изъ Англіи. Въ то время, какъ новый культъ пользуется современной рѣчью, жрецы фетишей читаютъ свои молитвы словами, перешедшими по преданію отъ предковъ и уже непонятными для народа, подобно

тому, какъ въ католической религии латинскій языкъ сохранился въ качествѣ языка священнаго.

Негры низовьевъ Нигера не такъ черны, какъ уолофы и крумены: они скорѣе очень смуглаго цвѣта, но чертами лица довольно близко подходятъ къ общезвѣстному типу этой расы. Носъ у нихъ широкій и приплюснутый, челюсть выдвинутая впередъ, ротъ большой, губы толстыя, скулы сильно выдающіяся, лобъ низкій и убѣгающій, тогда какъ назади черепъ очень развитъ; густые косматые волосы, обыкновенно убранные очень старательно, составляютъ рѣзкій контрастъ съ скудной растительностью бороды. Обычай татуирования вышелъ изъ употребленія и примѣняется только къ первенцамъ, которымъ дѣлаютъ на лицѣ отличительный знакъ. Обрѣзаніе, практикуемое у многихъ негритянскихъ народовъ не-мусульманъ, употребляется въ странахъ нижняго Нигера, какъ позорное клеймо, отмѣчающее невольниковъ. Въ прежнее время, также какъ у ибосовъ, рожденіе близнецовъ считалось большой бѣдой, карой небесной, и провинившуюся мать предавали смерти, вмѣстѣ съ ея новорожденными. Погребенія удостоиваются только люди богатые, тѣ, которыхъ въ портахъ побережья величаютъ «джентльменами»; ихъ хоронятъ подъ порогомъ ихъ двери, при чемъ всегда оставляется сообщеніе между наружнымъ воздухомъ и мѣстомъ, гдѣ находится ротъ умершаго; въ торжественные дни, праздники или тризны, льютъ ромъ въ это отверстіе, дабы покойникъ тоже принималъ участіе въ удовольствіяхъ живущихъ.

Подобно ибосамъ, народы эйо поклоняются верховному богу, который въ ихъ понятіяхъ сливается съ небомъ и проявляетъ свою власть движеніемъ облаковъ, появленіемъ радуги, силой вѣтра, свѣрканіемъ молніи и раскатами грома. Но до этого бога слишкомъ высоко. Туземцы взяли себѣ за покровителей и друзей существа, болѣе близкія къ нимъ. Такъ, на берегахъ лимана Бонни, для этой цѣли выбрали ящерицу игуану и почитаютъ ее, какъ генія благодѣтеля, приносятъ ей кормъ, оберегаютъ ее отъ всякихъ бѣдъ, слѣдуютъ за ней въ лодкѣ по рѣкѣ, и спасатели вытаскиваютъ ее изъ воды и приносятъ въ рукахъ на твердую землю. Въ Новомъ Калабарѣ роль фетиша играетъ акула, и прежде каждыя семь лѣтъ ей бросали на съѣденіе живаго ребенка. Въ другихъ мѣстахъ обожаютъ обезьяну, и горе бѣлымъ, которые дерзнули бы тронуть этого четырехрукаго бога: тотчасъ же всеобщая стачка прекратила бы торговлю; на дома преступниковъ наложили бы табу, и бѣлымъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ искать убѣжища на своихъ корабляхъ и заплатить большой выкупъ, чтобы добиться возстановленія мирныхъ сношеній ¹⁾.

¹⁾ Crowther;—Cust, цитирован. сочиненіе.

Когда царекъ ведетъ войну съ сосѣдними населеніями, оставшіеся дома жители, мужчины, женщины и дѣти, ходятъ по улицамъ съ пѣніемъ, криками, барабаннымъ боемъ, чтобы вымолить благословеніе боговъ на предпріятія своего повелителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы устрашить злыхъ духовъ, покровительствующихъ его врагамъ. Каждые два года предпринимается очищеніе города, но не очисткой улицъ, а заклинаніемъ нечистой силы. Чародѣи, или какъ ихъ называютъ англичане, *juju-men*, играютъ преобладающую роль между этими племенами, какъ знахари, жрецы и прорицатели. Они не распоряжаются болѣе жизнью подданныхъ для жертвоприношеній разгнѣваннымъ духамъ, ограничиваясь пролитіемъ крови пѣтуховъ или козъ; но какъ судьи, они часто приговариваютъ обвиняемыхъ къ испытанію либо ядомъ, либо ныряніемъ въ лиманъ, кишачій крокодилами и акулами: это таковыя страшныя свойства эссере, или «калабарскаго боба» (*Physostigma venenosum*), растенія, принадлежащаго къ семейству бобовыхъ и употребляемаго теперь въ фармакопее для леченія глазныхъ болѣзней. Прежде въ территоріи Бонни осужденные были предаваемы смерти съ утонченной жестокостью: ихъ привязывали, уже наполовину четвертованныхъ, къ двумъ столбамъ, вкопаннымъ на плоскомъ берегу, и отрубили имъ членъ за членомъ, начиная съ кисти и передней части рукъ; затѣмъ, когда оставалось одно туловище, его распластывали ножомъ, чтобы вырвать сердце жертвы.

Вдоль морскихъ береговъ дельты населеніе существуетъ исключительно торговлей: если не считать рыбной ловли и огородничества въ малыхъ размѣрахъ, единственнымъ ресурсомъ его служить мѣна съ европейскими купцами. Оттого прибытіе корабля всегда приветствуется радостными криками; прежде даже не ждали, пока иностранныя суда сама покажутся на горизонтѣ; туземцы пытались вызвать ихъ появленіе торжественными процессіями лодокъ, которыя выходили на баръ и бросали тамъ въ воду невольниковъ, нагруженныхъ подарками, чтобы задобрить море и углубить проходы; еще въ 1857 году это принесеніе человѣка въ жертву «богу Большой Воды» совершалось на Старо-Калабарскомъ проходѣ ¹⁾. Жители Бонни—самые ловкіе коммерсанты на томъ берегу, но и восточные ихъ сосѣди, племена андони, ква, эфикъ или жители Старо-Калабара, едва-ли уступятъ имъ въ умѣнн вести торговый дѣла! Эти три группы населенія, говоряція каждая особымъ нарѣчіемъ, не принадлежатъ къ тому же корню, какъ прибрежные жители низовья Нигера и лимана Бонни: они

¹⁾ Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

составляют особую область языковъ, къ которой, вѣроятно, прибавятся многочисленные внутренніе племена, извѣстные пока только по имени. Языкъ эфикъ, для котораго составлены краткіе словари и грамматики, есть единственный серьезно изученный языкъ той области; онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ посредствующее звено между нарѣчіями сѣвернаго и западнаго Судана и бантусскими говорами, которые начинаются непосредственно на востокъ отъ Ріо-дель-Рей, въ Камерунскихъ горахъ.

Хотя территория Бенуэ, нижняго Нигера и сосѣднихъ лимановъ косвенно присоединена къ громадной Британской имперіи, однако, эти новые владѣтели представлены въ странѣ весьма незначительнымъ числомъ лицъ. Немногіе миссіонеры, да служащіе въ торговыхъ конторахъ на Бенуэ и Нигерѣ—вотъ единственные бѣлые, обитающіе въ обширныхъ владѣніяхъ Національной Африканской компаніи. Въ приморскихъ портахъ европейцы живутъ не на сушѣ, а на борту понтоновъ, стоящихъ на якорѣ въ рейдѣ. Что касается внутреннихъ мѣстностей дельты, изрѣзанныхъ во всѣхъ направленіяхъ мутными рукавами, устьянныхъ болотами и порослыми тростника, то туда не рѣшается ѣхать на житье ни одинъ бѣлый, такъ какъ тамъ грозитъ неминуемая и быстрая смерть. Попытки акклиматизаціи, сдѣланныя европейцами на берегахъ Нигера и его притоковъ, были въ началѣ очень неудачны. Два первые парохода, поднявшіеся вверхъ по рѣкѣ, въ 1832 году, имѣли экипажъ въ 49 человекъ, и только девятеро изъ этихъ европейцевъ остались въ живыхъ. Въ 1841 году, три другихъ судна, посланные обществомъ негрофиловъ, потеряли 58 бѣлыхъ изъ 143 въ короткое плаваніе, продолжавшееся нѣсколько недѣль; «образцовая ферма», основанная людьми этой экспедиціи на правомъ берегу Нигера, выше слиянія, не была еще распахана, какъ смерть инициаторовъ возвратила поля дикимъ звѣрямъ. Однако, въ 1854 году, была совершена извѣстная экспедиція Баки, вдвойнѣ памятная по присоединенію всего средняго теченія Бенуэ къ области научнаго изслѣдованія и по блестящему успѣху гигиеническихъ мѣръ, принятыхъ для охраненія здоровья экипажа во время продолжительнаго путешествія. Благодаря разумному употребленію вина и хины, поддержанію духа людей пѣснями и увеселеніями, самому тщательному соблюденію чистоты на судахъ, никто не умеръ изъ экипажа. Съ того времени бѣлые иностранцы, путешествующіе въ этихъ опасныхъ мѣстахъ, имѣли передъ глазами убѣдительный примѣръ, который показывалъ имъ, какія мѣры нужно принимать для того, чтобы если не акклиматизироваться, то по крайней мѣрѣ приспособиться къ условіямъ среды.

Верхній бассейнъ Бенуэ почти весь находится въ предѣлахъ провинціи Адамауа, населенной фулами и другими вассальными націями, которыя уплатой дани признаютъ верховную власть султана государства Вурно: геометрическая линія, проведенная, черезъ горы и долины, отъ пороховъ рѣки Ойоно до кривой, описываемой теченіемъ Бенуэ отъ впаденія притока Фаро до города Иола, заранѣе ограничиваетъ территорію, на которой можетъ современемъ распространиться господство Германіи. По обычному приему европейскихъ державъ въ ихъ отношеніяхъ къ африканскимъ народамъ, онѣ напередъ распределяютъ между собою эти народы, даже не зная ихъ⁴⁾. Изъ разсказовъ туземныхъ купцовъ извѣстны только имена важнѣйшихъ племенъ и значительнѣйшихъ городовъ. По этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ, наиболѣе посѣщаемый рынокъ верховья—городъ Нгаундере, на водораздѣлѣ между истоками Бенуэ, Логона или Шари и рѣкѣ, направляющихся на югъ къ Конго, на юго-западъ къ Старому Калабару и бухтѣ Біафра. Въ той же гранитной области верхняго бассейна есть еще два большихъ города: Чамба, на южной покатости Атлантики, и Конча, гдѣ сахарный тростникъ растетъ въ дикомъ состояніи. По прямой линіи городъ Нгаундере, сдѣлавшійся центромъ феллатскаго господства, находится въ 200 слишкомъ километрахъ къ юго-востоку отъ Иолы, столицы провинціи Адамауа, или «двухъ Адама», названной такъ по имени ея государей; первоначальное названіе ея было Фумбинна.

Бывшій главный городъ страны, Туринъ, стоитъ на лѣвомъ берегу рѣки Фаро, километрахъ въ сорока выше *тазие*, или слиянія. Къ востоку отъ мѣста соединенія водъ лежитъ городъ Рей-Буба, окруженный крѣпкой оградой, изъ чего можно заключить, что такъ называемыя дикія населенія этого края достигли уже извѣстной степени цивилизаціи до вѣшествія фуловъ. На сѣверъ отъ устья рѣки Фаро простирается очаровательная область Демса, съ ея хорошенькими деревенками, разбѣянными среди лѣсковъ и рощъ, у подножья гранитныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ и обрывающихся крутыми утесами; племя демса принадлежитъ къ націи басса.

Всеѣ расы центральной Африки представлены на покатости Бенуэ. На дорогѣ изъ Демсы въ Борну Бартъ проходилъ даже черезъ городъ, населенный арабами племени саламатъ, называющійся Белемъ, затѣмъ черезъ другой городъ, Сарау, состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ—поселенія фуловъ, пастуховъ, земледѣльцевъ и завоевателей, и поселенія

⁴⁾ По состоявшемуся между Англіей и Германіей соглашенію, большая, восточная, часть Адамауи входитъ въ германскую, а меньшая, западная, часть, съ городомъ Иола, въ британскую сферу интересовъ. Р е д.

беребере или колонистовъ изъ Борну, ткачей, торговцевъ и робкихъ подданныхъ. Сѣвернѣе находимъ городъ Бадамиджо, населенный туземцами племени фали; затѣмъ на хребтѣ около 600 метровъ высоты, близъ раздѣльнаго перевала, лежитъ Уба, наидальѣ выдвинутая колонія фуловъ въ направленіи къ озеру Чаде. Во время путешествія Барта въ 1851 г., нѣкоторые дикіе горцы еще оказывали сопротивленіе фуламъ: таковы обитатели горы Багеле, къ сѣверу отъ города Иола; въ 1853 г., послѣ двухмѣсячной осады, деревни, расположенныя на вершинѣ горы, были взяты приступомъ, и жители ихъ обращены въ рабство.

Нынѣшняя столица провинція Адамауа построена на берегу Бенуэ; подобно сосѣднему верховому городу Рибго, она отдѣлена отъ рѣки болотистой равниной, которая, по вѣдѣнію, прежде была дномъ озера, и по которой въ періодъ разлива изливается временный потокъ, служащій каналомъ для барокъ Иолы. Этотъ городъ, названный такъ во время основанія его по имени одного предмѣстья Каю, уже дважды мѣнялъ мѣсто. Очень обширный, онъ тянется по краю высокой террасы, съ востока на западъ, на пространствѣ по крайней мѣрѣ пяти километровъ, но не образуетъ сплошнаго массива: это рядъ оградъ, заключающихъ внутри не только жилье, но и нивы. Во дворахъ знатныхъ особъ у входа стоитъ главная хижина, попросторнѣе и выше другихъ, служащая хозяину приемной залой и рабочимъ кабинетомъ; у многихъ она убрана, какъ дома бамбарасовъ, разными вещами и даже картинами, обличающими нѣкоторый художественный вкусъ. Иола ведетъ кое-какую торговлю, преимущественно краснымъ товаромъ, стеклянными издѣліями, солью, словною костью, но промышленности въ этомъ городѣ нѣтъ никакой, кромѣ желѣзной. Окружающая территорія — одна изъ лучшихъ странъ Африки по плодородію почвы, обилію воды, красотѣ мѣстности, усаженной уединенными горами и холмами. Тамъ вездѣ растетъ рисъ въ дикомъ состояніи. По мнѣнію Барта, это растеніе здѣсь туземное, а не ввезено изъ Египта, какъ прежде полагали ботаники.

Гонгола, значительная рѣка, соединяющаяся съ Бенуэ немного ниже города Иола, протекаетъ по двумъ важнымъ провинціямъ, Баучи и Каламъ, состоящимъ въ вассальной зависимости отъ государства Вурно, какъ и территорія Адамауа; въ области ея истоковъ находится и главный городъ страны. Эта «столица Баучи», Гаро н'Баучи, болѣе извѣстная подъ названіемъ Якоба или Якобари, происходящимъ, можетъ-быть, отъ имени ея основателя (по Фогелю, отъ имени сосѣдняго племени якосовъ), — городъ новый, какъ и Иола: она построена въ началѣ нынѣшняго столѣтія однимъ княземъ, обращеннымъ въ магометанскую религію, ко-

торому тамошній «повелитель правовѣрныхъ» пожаловалъ въ ленъ обширную территорію, заключающуюся между Бенуэ и провинціей Каю. Городъ Якоба находится въ сѣверной части этого огромнаго помѣстья: расположенный на высотѣ около 1.000 метровъ, онъ окруженъ высокими горами, изъ которыхъ нѣкоторыя, стоящія уединенно, имѣютъ величественный видъ; но ближайшія окрестности представляютъ дикій хаосъ гранитныхъ камней. Далѣе во всѣ стороны тянутся высоты, лѣса и воздѣланные поля; многочисленные ручьи бѣгутъ на югъ, на востокъ, на сѣверо-востокъ, къ Гонголѣ и другимъ потокамъ Бенуэ; однако, жители извѣстную часть года терпятъ недостатокъ въ хорошей водѣ. Новый городъ быстро заселился, благодаря своему счастливому положенію близъ пункта, гдѣ сходятся нѣсколько караванныхъ дорогъ, благодаря въ особенности обѣщаніямъ ламедо или султана, который обезпечивалъ личную неприкосновенность всѣмъ, кто будетъ признавать его власть и сюзеренство фуловъ; запрещено было обращать въ рабство всякаго вѣрноподданнаго, кто бы онъ ни былъ — магометанинъ или язычникъ. По словамъ Рольфа, Якоба во время его прохода заключала въ своихъ стѣнахъ не менѣе 150.000 жителей, въ огромномъ большинствѣ гауссанъ: городская ограда имѣла около 20 километровъ въ окружности. Но частые разбойничьи набѣги горцевъ-язычниковъ остановили торговую дѣятельность города, и ламедо вынужденъ былъ расположить свой военный станъ внѣ города, чтобы прикрыть его съ сѣверной стороны отъ нападенія аборигеновъ. Восемь лѣтъ онъ имѣлъ пребываніе въ мѣстечкѣ Тебула, въ сотнѣ километрахъ къ сѣверо-западу отъ Якобы, чтобы держать въ осадѣ горцевъ въ ихъ возвышенныхъ долинахъ, затѣмъ перенесъ свою резиденцію въ укрѣпленный лагерь Раута (Кеффи н'Раута), почти на полпути между Тебулой и столицей.

Къ сѣверо-востоку отъ Якобы, недалеко отъ праваго берега Гонголы, называемой въ этомъ мѣстѣ Гаджемъ, находится большой городъ Гомбе, столица королевства Каламъ; лѣсистые холмы, горы съ зубчатыми гребнями, группы деревьевъ, ручьи, спускающіеся каскадами черезъ дуга, придаютъ этому городу очень живописный видъ. Населеніе Гомбе, хотя онъ находится въ предѣлахъ королевства Вурно, состоитъ въ большей части изъ кануриевъ: здѣсь проходитъ поясъ этнографическаго смѣшенія между Борну и Гауссой; что касается фуловъ, то ихъ общины разбѣяны съ той и съ другой стороны въ обѣихъ областяхъ. Канемская столица заключаетъ въ своей оградѣ не только сады, но даже пахатныя поля; впрочемъ, въ этомъ отношеніи ее превзошли два сосѣдніе города — Бурри-Бурри, на юго-западѣ, и Дуку, на востокѣ, — которые имѣютъ скорѣе

видъ парковъ, окруженныхъ стѣной и ровомъ, нежели городовъ. Въ Бурри-Бурри всѣ жители принадлежатъ къ племени канури; населеніе же Дуку состоитъ изъ смѣшенія нѣсколькихъ этническихъ элементовъ. Съ высоты стѣны послѣдняго города, построенныхъ на краю известковаго утеса, открывается обширный видъ на богатую долину Гонголы. Поселеніе, давшее свое имя этой рѣкѣ и имѣющее нѣкоторую политическую важность, какъ таможенный и военный постъ у границы королевства Борну, лежитъ въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ города Гомбе, близъ праваго берега рѣки и недалеко отъ основанія песчаниковыхъ холмовъ, черезъ которые ведетъ проходъ Бирри. На скатахъ этихъ холмовъ расположены два города, носящіе оба имя Бирри и населенные помѣсью фуловъ съ неграми; жители ихъ еще не всѣ обращены въ исламъ.

Ниже соединенія Бенуэ и Гонголы, на краевой горной цѣпи, ограничивающей съ сѣвера главную долину, находится, недалеко отъ западной ея оконечности, городъ Мури, называемый также Гамарауа, столица королевства того же имени, данника имперіи Вурно, какъ и сосѣднія государства. Большинство жителей Мури—люди феллатской расы, отличающіеся большимъ рвеніемъ къ мусульманской вѣрѣ и образцовой чистоплотностью. Съ судовъ, ходящихъ по Бенуэ, ясно видна, въ разстояніи 20 или 25 километровъ, эта столица, вѣнчающая своей оградой вершину высокаго мыса. Къ югу отъ Мури, на противоположномъ берегу показывается городъ Эхиру, къ которому горы Фумбина образуютъ великолѣпный задній планъ; въ этой мѣстности начинается на берегахъ рѣки промышленная эксплуатація масличной пальмы. Ниже Эхиру, Бенуэ принимаетъ въ себя значительный притокъ, рѣку Каддеру, спускающуюся съ южныхъ скатовъ массива Якоба.

Въ королевствѣ Коророфа, которое рѣка Бенуэ отдѣляетъ отъ территоріи Баучи ниже своего слиянія съ Каддерой, главный городъ—Вукари, лежащій, какъ и столица государства Гамарауа, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. Эта коророфская столица только въ 1883 году была впервые посѣщена европейцемъ, Флегелемъ; что касается прибрежныхъ городовъ, которые служатъ ей пристанями, какъ-то Чаро, Шабу, Иби, Аньяши, то суда изслѣдователей часто тамъ останавливались. Мѣстечко Дансофа, лежащее выше на мысѣ того же южнаго берега, прославилось на тысячу верстъ кругомъ своими свинцовыми рудниками—ошибочно называемыми сурьмяными, — которые находятся въ двухъ или трехъ дняхъ ходьбы внутри страны, и которые доставляютъ купцамъ *коксъ*, употребляемый женщинами, негритянами, феллатками и арабками, для окраски вѣкъ; въ рудниковыхъ галлерейхъ находятъ такъ

же драгоценные камни. На низменныхъ берегахъ этой части Бенуэ туземцы обитаютъ попеременно, смотря по времени года, въ двойного рода селеніяхъ, изъ которыхъ одно состоитъ изъ обыкновенныхъ круглыхъ хижинъ, сгруппированныхъ на берегу среди деревьевъ, а другое—изъ простыхъ шалашей, торчащихъ на высокихъ сваяхъ посреди воды. Передъ наступленіемъ разлива прибрежные жители поспѣшно перебираются въ озерныя деревни, которыя должны служить имъ постояннымъ мѣстопробываніемъ, среднимъ числомъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ; къ сваямъ привязаны лѣстницы, сплетенныя изъ лѣанъ, и обитатели надводныхъ шалашей переправляются съ одного помоста на другой либо вплавь, либо въ челнокѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устраиваютъ длинныя пловучіе мостки, выдвинутыя далеко въ рѣку, которые служатъ променадомъ, гдѣ негры проводятъ цѣлыя дни, наблюдая колебанія уровня разлива ¹⁾.

Рѣка Сунго, соединяющаяся съ Бенуэ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ послѣдній достигаетъ крайней южной точки своей большой кривой, обращенной выпуклостью къ югу, имѣетъ нѣсколько важныхъ городовъ въ бассейнѣ, между прочимъ, городъ Лафіа Бере-Бере, лежащій въ сотнѣ километровъ къ сѣверу отъ Бенуэ, въ мѣстности, усаженной холмами и лѣсками. Лафіа основана колоніей иммигрантовъ изъ Борну, какъ это, впрочемъ, показываетъ и присоединеніе къ ея имени прозвища Бере-Бере, синонимъ слова канури въ нарѣчіяхъ западныхъ негровъ; названія «бербертжи», «берибери», или просто «бери» или «бере», всегда примѣняются къ чернокожимъ жителямъ прибрежныхъ равнинъ озера Цаде ²⁾. Поселившіеся въ Лафіи негры канури въ концѣ прошлаго столѣтія жили въ городѣ Алабаши, лежащемъ къ сѣверо-западу, недалеко отъ Кеффи Абдъ эсъ-Сенга; но имѣвъ неосторожность дать пріютъ арабамъ племени шуа, которые, благодаря знанію ихъ языка и сосѣдству своего мѣста происхожденія, могли выдавать себя за соотечественниковъ, они были вскорѣ прогнаны этими гостями и принуждены были построить себѣ новый городъ. Кеана, другой значительный городъ бассейна Сунго, находится на дорогѣ изъ Лафіи къ Бенуэ, въ сорока километрахъ къ сѣверу отъ этой рѣки. Это столица маленькаго вассальнаго королевства, данника султана Вурно, имѣющая довольно важное значеніе, не столько какъ главный городъ государства, сколько какъ рынокъ для торговли солью, драгоценнымъ продуктомъ, который добывается въ одномъ изъ окрестныхъ озеръ. Ниже слиянія, главный торговый пунктъ—большое мѣстечко Роганъ-Кото, основанное

¹⁾ Baikie;—Viard, цитиров. сочиненія.

²⁾ G. Rohlfs;—Barth, цитиров. сочиненія.

бѣглецами, которые платятъ дань царьку Кеаны.

Далѣе слѣдуетъ нѣсколько городовъ, находящихся уже въ сферѣ притяженія европейской торговли. Локо, городъ праваго берега, въ 150 километрахъ выше впаденія притока Локоджа, самый дѣятельный рынокъ въ Бенуэ: построенный на мѣстѣ пересѣченія дорогъ, направляющихся изъ провинцій Сарія и Баучи на югъ къ бассейнамъ рѣкъ Бонни и Старый Калабаръ, онъ представляетъ естественный центръ для подвоза товаровъ; но вывозъ его состоитъ главнымъ образомъ изъ слоновой кости: это важнѣйшій рынокъ западной Африки по торговлѣ этимъ продуктомъ, котораго здѣсь ежегодно вымѣниваютъ отъ 50 до 60 тоннъ (отъ 3.050 до 3.660 пудовъ)¹⁾. Западно-африканская слоновая кость тверже и не такъ бѣла, какъ кость, вывозимая изъ Занзибара, на восточномъ берегу, но превосходить ее прозрачностью²⁾. Къ сѣверу отъ Локо простирается земля негровъ племени афо, ограничиваемая съ сѣверной стороны горами Анагода и заключающая нѣсколько многочисленныхъ городовъ въ своемъ бассейнѣ, какъ-то: Атажауа, Удени, Акумъ; между двумя послѣдними городами видны развалины города Акора, разрушеннаго фулами и занимавшаго «огромное пространство». Рольфсъ, проходившій черезъ эту территорію въ 1867 г., слѣдовалъ тамъ по хорошо построенной дорогѣ (шириною около 2 съ половиною метровъ), свидѣтельствующей о довольно высокой степени цивилизаціи, какой онъ не ожидалъ найти въ этой странѣ чернокожихъ.

На полпути между Локо и слияніемъ Бенуэ съ Нигеромъ находится устье Окуа или Когна, текущей изъ земли Сегъ-Сегъ и впадающей въ Бенуэ. Въ бассейнѣ этого притока есть большой городъ, Кеффи или Кеффи Абдъ-асъ-Сенга, названный такъ по имени его основателя, который построилъ его въ 1819 г. и заселилъ феллатами, гауссанцами-магометанами, къ которымъ въ послѣдствіи присоединились афо и другіе негры-идолопоклонники изъ окрестностей. Этотъ укрѣпленный городъ, живописно расположенный на восточномъ скатѣ холма, по краямъ двухъ овраговъ, спускающихся къ плодороднымъ равнинамъ береговъ Когны, во время прохода Рольфса пользовался цвѣтущимъ состояніемъ, благодаря торговлѣ слоновой костью, для которой онъ служилъ складочнымъ пунктомъ. Кеффи былъ главнымъ этапомъ и рынкомъ для купцовъ между Каоно и низовьемъ Нигера; базары, происходившіе тамъ три раза въ недѣлю, отличались почти такимъ же оживленіемъ, какъ базары Кука, въ Борну. Въ этихъ областяхъ,

почти постоянно опустошаемыхъ войной, большіе центры населенія часто мѣняють мѣсто. Тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Кеффи, въ началѣ этого столѣтія встрѣчались только одинокія разбросанныя хижины, тогда какъ пользовавшійся громкой славой городъ Панда или Фенда, столица могущественнаго царства Игбира, которую долго искали европейскіе изслѣдователи, какъ предполагаемое мѣсто устья таинственнаго Нигера¹⁾, пересталъ существовать: феллатскіе завоеватели разрушили его около половины настоящаго столѣтія, и жители его разбѣжались въ разныя стороны искать убѣжища у окрестныхъ народовъ; между прочимъ, многочисленныя колоніи были основаны ими на югѣ отъ Бенуэ. Остатки Панды находятся въ 70 или 80 километрахъ по прямой линіи къ сѣверо-востоку отъ слиянія, въ нынѣшнемъ королевствѣ Нушэ.

Въ мѣстѣ соединенія двухъ могучихъ потоковъ западной Африки не существуетъ еще ни одного большаго города; частыя истребительныя войны не позволяли рѣчному судоходству принять размѣры, достаточные для того, чтобы въ этомъ пунктѣ могло возникнуть значительное городское поселеніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ англичане оцѣнили важность Бенуэ для торговаго обмѣна, въ содѣйствіе слиянія появилась ихъ факторія, въ деревнѣ Локоджа. Прежде группа хижинъ, обитаемыхъ туземцами, находилась на Паттехѣ, или «Горѣ», которую британскіе изслѣдователи окрестили именемъ Стерлингъ; теперь чернокожее населеніе, состоящее частью изъ игбировъ, прогнанныхъ изъ города Панда, ютится у подножья этой горы, вокругъ складовъ пальмоваго масла, собираемаго для англійскихъ негодянтовъ. Британскій постъ, являющійся въ одно и то же время торговымъ пунктомъ, центромъ политическаго господства въ томъ краю и миссіонерскимъ станомъ, лежитъ въ разстояніи около часа ходьбы къ сѣверу отъ песчаныхъ мелей, которыми оканчивается стрѣлка полуострова, образуемаго двумя сливающимися рѣками. На юго-востокѣ, на лѣвомъ берегу Нигера, ниже соединенія водъ, деревня Игбегбе тоже ведетъ довольно значительную торговлю; прежде это былъ одинъ изъ главныхъ центровъ торговли неграми.

Къ югу отъ слиянія, первый значительный городъ на соединенной рѣкѣ и въ то же время передовой постъ магометанскихъ купцовъ—Идда, столица королевства Ибо и резиденція «богоподобнаго» царька, требующаго отъ своихъ посѣтителей подарковъ, которые были бы «достойны его божескаго званія»²⁾. Этотъ городъ занимаетъ самое живописное мѣстоположеніе во всемъ низовьѣ Нигера, на высо-

¹⁾ Ed. Viard, цитиров. сочиненіе.

²⁾ Westendorp, „Der Elfenbeinhandel in Afrika“, Ausland, Dec. 1885.

¹⁾ Clapperton;—Lander etc.

²⁾ Schön and Crowther, „Journal of the Expedition up the Niger in 1841“.

комъ мысу лѣваго берега, образующемъ крытые обрывы около двадцати метровъ высоты. Выше холма Идда, прибрежныя равнины Нигера разстилаются въ видѣ великолѣпнаго зеленѣющаго цирка, ограниченнаго на горизонтѣ другимъ высокимъ мысомъ, на которомъ стоитъ деревня Аюкинъ; на югѣ полукругъ высотъ образуетъ такой же зеленѣющій амфитеатръ, въ которомъ извиляются рукава Нигера, окружая острова и песчаныя мели. У самой подошвы скалы, гдѣ тѣснятся хижины Идды, протянулись въ излучинѣ рѣки два изъ этихъ острововъ въ формѣ полумѣсяца, увеличиваемые, въ періодъ спада водъ, плоскимъ песчанымъ берегомъ, который служитъ ярмарочнымъ полемъ. Во время ярмарки рѣка бываетъ запружена барками, а песчаная отмель покрыта временными балаганами, гдѣ копошится население всевозможныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ кожи, отъ желтаго и краснаго до густаго чернаго, и гдѣ раздаются всѣ нарѣчія, употребляемыя въ области Нигера; франкскимъ языкомъ у этихъ разнородныхъ народовъ служатъ діалектъ гаусса.

Слѣдующій затѣмъ значительный городъ низовья, Онич, еще болѣе многолюдный, чѣмъ Идда, стоитъ не у самой рѣки, какъ столица королевства Ибо. Онъ построенъ въ трехъ верстахъ отъ лѣваго берега, на хорошо воздѣланной террасѣ, поднимающейся въ нѣкихъ мѣстахъ на 40 метровъ надъ низкими уровнями Нигера: группы его хижинъ разбросаны въ безпорядкѣ среди пальмоваго лѣса. Извилистая дорога спускается изъ города къ его предмѣстью на низменномъ берегу, гдѣ сосредоточены склады и пристани. Напротивъ, на западномъ берегу Нигера, расположилась маленькая деревня, а выше выступаетъ высокій мысъ съ крутыми откосами, на которомъ стоитъ городъ Ассаба или Ассабуа, гдѣ тоже существуютъ англійскія факторіи; еще недавно въ Ассабѣ можно было попасть въ разрядъ благородныхъ не иначе, какъ принеся духамъ человѣческую жертву¹⁾, а въ городѣ насчитывалось не менѣе 400 такихъ сановниковъ. Онич находится почти на половинѣ пути отъ мѣста слиянія двухъ рѣкъ до бара Нунъ, и благодаря своему счастливому положенію сдѣлалась важнѣйшею пристанью на всемъ теченіи Нигера; кромѣ того, она пользуется той выгодой, что посредствомъ боковыхъ потоковъ имѣетъ удобное сообщеніе съ нѣкоторыми густо населенными округами на обѣихъ покатостяхъ рѣки. По своему высокому сану король Онич вынужденъ оставаться круглый годъ въ предѣлахъ своего двора: онъ долженъ былъ запереться потому, что каждый выходъ его требовалъ человѣческой жерт-

вы; смягченіе нравовъ заставило его сдѣлаться затворникомъ; только разъ въ годъ, во время праздника по случаю сбора ямса, онъ вырывается изъ плѣна, чтобы повеселиться съ своимъ народомъ. На сѣверо-западѣ, городъ Адо, который называютъ столицей Бенинскаго королевства, но въ которомъ не бывалъ еще ни одинъ европейскій изслѣдователь, лежитъ при рѣкѣ того же имени, впадающей въ Нигеръ между Идой и Оничей. На востокѣ, среди обширныхъ лѣсовъ, еще неизвѣстныхъ бѣлому человѣку, находится Аро, городъ «Искупленія Грѣховъ», гдѣ совершаются большія закланія животныхъ, можетъ-быть, даже человѣческія жертвоприношенія, ради очищенія народа. Хожденіе на богомолье въ арскій храмъ, «гдѣ имѣетъ пребываніе богъ творецъ», считается дѣломъ душеспасительнымъ¹⁾; даже мусульмане ходятъ туда, видя въ этомъ священномъ градѣ изычниковъ нѣчто въ родѣ Мекки.

Нѣсколько негритянскихъ городовъ, каждый съ рынкомъ пальмоваго масла, скота и лѣса для европейскихъ торговцевъ, слѣдуютъ одинъ за другимъ по обоимъ берегамъ нижняго Нигера. Осомари, въ лѣскѣ кокосовыхъ пальмъ, на лѣвомъ берегу,—одна изъ наиболѣе посѣщаемыхъ пристаней; затѣмъ идетъ, на томъ же берегу, мѣстечко Ндони, при бифуркаціи боковаго потока, направляющагося на юго-востокъ къ лиману Бонни, но которымъ рѣдко пользуются для цѣлей судоходства, по причинѣ малой глубины его русла. Въ 4 километрахъ ниже, на противоположномъ берегу, показываются дома значительнаго города Эбо, близъ котораго воды Нигера, въ періодъ разлива, частію изливаются на западъ, въ лабиринтъ западныхъ устьевъ дельты, къ которому принадлежатъ рукава Бенинъ, Эскардосъ, Форкадосъ, Рамосъ и другіе истоки съ измѣнчивымъ теченіемъ. Ндони и Эбо, лежащія у раздѣленія вѣтвей, представляютъ собой скромные Мемфисы негритянскаго Нила. На западѣ, въ безконечной сѣти рукавовъ и потоковъ, деревня Уари, столица королевства того же имени, доступна со всѣхъ сторонъ по судоходнымъ путямъ, извиляющимся подъ навѣсомъ лѣсовъ, но европейцы не рѣшаются проникать туда, справедливо опасаясь вредныхъ испареній окружающихъ болотъ. Главная вѣтвь Нигера, Нунъ, которою слѣдуютъ почти всѣ суда ниже города Эбо, тѣже очень опасна, но причинѣ большой сырости воздуха; но тамъ по крайней мѣрѣ рѣчное теченіе способствуетъ до нѣкоторой степени освѣженію атмосферы, хотя, съ другой стороны, плаваніе затрудняется падающими въ рѣку стволами деревьевъ,

¹⁾ „Church Missionary Intelligencer“, June 1881.

¹⁾ Africanus Horton, „West African Countries and Peoples“.

называемыми *snags*, какъ на Миссисипи, которые задерживаются въ руслѣ грязью, покрывающей дно. Далѣе книзу встрѣчаются маленькія деревушки, а на сосѣднихъ съ баромъ островахъ, въ англійскихъ факторіяхъ, какъ и въ деревнѣ Акасса, состоящей изъ легкихъ досчатыхъ домиковъ, живутъ только приказчики, лодмана и грузчики. Тамъ находится центръ коммерческихъ операций англійской національной Африканской компаніи.

Лиманы дельты Нигера и Старога Калабара, находящіеся на востокъ отъ главнаго рѣчнаго устья, извѣстны у англичанъ подъ именемъ *Oil-rivers*, т. е. «Масляныхъ рѣкъ». Вывозъ этихъ областей состоитъ единственно изъ пальмоваго масла и пальмовыхъ орѣховъ, которые вымѣниваются на ружья и порохи, на красный товаръ и готовое платье, на кухонную утварь, разныя мелкія желѣзныя и мѣдныя издѣлія, инструменты всякаго рода, зеркала, бусы и кораллы, даже статуэтки и группы. Работники-негры получаютъ заработную плату мѣдными прутками, которые служатъ имъ мѣнною монетою.

Брассъ, первая значительная станція европейскихъ торговцевъ на востокъ отъ Нуна, лежитъ не у самаго моря, а вдали отъ берега, въ лабиринтѣ каналовъ, посредствомъ которыхъ Нигеръ сообщается съ рѣкой Бонни. Станція эта состоитъ лишь изъ нѣсколькихъ купеческихъ конторъ, за которыми тотчасъ же начинается дѣятельный лѣсъ: собственно деревня Брассъ, именемъ которой называются также вся область, ея жители и ихъ языкъ, построена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ складовъ пальмоваго масла, на полянѣ, окруженной лѣсомъ. Торговля Брасса уменьшилась въ эти послѣдніе годы, въ пользу негодіантовъ, основавшихъ свои конторы на берегахъ Нигера. Семья крѣпко организована у брасскихъ негровъ, но глава группы становится главой не по праву рожденія: онъ въ силу избранія получаетъ права на управленіе общими дѣлами ⁴⁾.

Двойной лиманъ Бонни или Околома прежде былъ соединенъ съ лиманомъ Новаго Калабара общимъ устьемъ, которое теперь раздѣлено ново-образовавшимся островомъ. Лиманъ этотъ открываетъ широкіе торговые пути внутри материка: въ то время, какъ съѣзъ боковыхъ потоковъ (мариго) ведетъ на западъ къ Нигеру, изъ сѣверныхъ странъ спускается судоходная рѣка, представляющая купцамъ обширную область обмѣна, густо населенную, но еще не изслѣдованную въ большей части ея протяженія. Бонни былъ самымъ дѣятельнымъ притономъ негроторговцевъ: приблизительно опредѣляютъ въ 320.000 человекъ, почти

исключительно пбосовъ, число невольниковъ, проданныхъ на рынкахъ этого лимана въ первыя двадцать лѣтъ девятнадцатаго столѣтія. Отмѣненный въ 1819 году актомъ англійскаго парламента, торгъ чернокожими людьми былъ постепенно замѣненъ торговлей пальмовымъ масломъ, и съ нѣсколькихъ десятковъ тоннъ экспортъ этого продукта возросъ, въ одномъ только Бонни, почти до двадцати тысячъ тоннъ. Главныя поселенія европейскихъ купцовъ въ лиманѣ Бонни:—Новый Калабаръ, на песчаной стрѣлкѣ, выдвинувшейся въ море съ западной стороны бара; Окрика, у сѣверной оконечности лимана; и Бонни-таунъ, на восточномъ низменномъ берегу этихъ внутреннихъ водъ. Населеніе Бонни, нѣкогда состоявшее почти исключительно изъ невольниковъ, впоследствии освобожденныхъ, представляетъ, какъ и въ Сьерра-Леоне, пеструю смѣсь всѣхъ расъ западной Африки, такъ что употребленіе общаго языка, англійскаго, сдѣлалось почти необходимымъ; матросы крумены съ западнаго берега встрѣчаются тамъ со своими соперниками, моряками племени кабинда съ южныхъ береговъ. Всѣ расовые типы, всѣ костюмы имѣютъ своихъ представителей въ Бонни. Каждая женщина украшаетъ и разрисовываетъ себя охрой и главою по фантазіи: «сколько головъ, столько куаффуръ!» говоритъ одинъ коммерсантъ изъ Бонни ⁵⁾. Передовая деревня поселенія Бонни носитъ имя Финнема, или «Кормчій», потому что въ этомъ мѣстѣ, около крайняго выступа побережья, поселились моряки и лодмана, проводящіе суда черезъ баръ. Англійскіе матросы окрестили Финнему прозвищемъ *Jew-jew-town*, т. е. «городъ колдуновъ», такъ какъ тамъ основали свою резиденцію туземные чародѣи. Въ прежнее время старшій лодманъ тоже былъ колдунъ по преимуществу, и чернокожіе коммерсанты всегда обращались къ его посредничеству, чтобы онъ уговорилъ потокъ прорыть поглубже проходъ въ устьѣ рѣки. Европейскіе негодіанты, ведущіе дѣла на «Масляныхъ рѣкахъ», живутъ не на берегу, а на борти *hulks*, или понтоновъ, сгруппированныхъ въ пловучій городъ: передняя часть судовъ, снабженная цинковымъ навісомъ, наполнена всевозможнымъ товаромъ, предметами мѣны, а корма обращена въ дома, убранные со всѣмъ комфортомъ англійскихъ отелей; на палубѣ копошится пестрый міръ животныхъ—собаки, кошки, овцы, обезьяны, разная домашняя птица. Изящныя шлюпки, европейской конструкции, перевозятъ негодіантовъ съ берега на понтоны; лодки туземцевъ, хотя не такія красивыя и быстроходныя, отличаются прочностью постройки и оригинальностью украшеній. Существующій въ Бонни судъ, *court of equity*, состоящій изъ капитановъ судовъ, тоже помѣщается на военномъ кораблѣ.

⁴⁾ Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

⁵⁾ Hermann Köler, „Einige Notizen über Bonny“.

Не смотря на сходство именъ, Старый Калабаръ (Old Calabar), который часто называютъ просто Калабаромъ, не имѣетъ ничего общаго съ Новымъ Калабаромъ, кромѣ того

рискують ошибиться въ выборѣ болѣе удобнаго входа. При устьѣ лиманъ Старога Калабара имѣетъ отъ 18 до 19 километровъ въ ширину, но нигдѣ нельзя окинуть взоромъ это

Жилище племени нупа.

только, что оба лежатъ на берегу моря и оба ведутъ торговлю пальмовымъ масломъ. Разстояніе между двумя лиманами около 120 километровъ, и эта часть побережья такъ хорошо известна теперь, что мореплаватели уже не

обширное водное пространство; острова и островки, покрытые высокимъ лѣсомъ, со всѣхъ сторонъ ограничиваютъ горизонтъ. Различныя мѣстечки, называемыя общимъ именемъ «Калабаръ», всѣ построены къ сѣверу отъ этого

лимана, на берегахъ рѣки Кроссъ, или Ойоно, и ея притоковъ. Дюкъ-таунъ или Атакпа, торговый городъ, передъ которымъ стоятъ на якорѣ понтоны (hulks), пловучія жилища европейцевъ, лежитъ у сѣверной оконечности большаго лимана, около соединенія впадающихъ въ него рѣчекъ. Идя далѣе на сѣверъ, встрѣчаемъ столицу территоріи, расположенную вблизи одного изъ боковыхъ потоковъ—откуда и названіе ея Крикъ-таунъ,—на хребтахъ и скалахъ холмовъ, которые тянутся полукругомъ надъ рѣкой; вдоль берега выстроился рядъ низенькихъ домиковъ. Улицы въ Крикъ-таунѣ прямыя и широкія, что свидѣлствуетъ о значительномъ вліяніи, которое уже оказываетъ присутствіе европейцевъ на нравы туземныхъ жителей. Въ центрѣ города, въ возвышенной его части, красуются зданія причудливой архитектуры, воздвигнутыя англичанами для калабарскаго короля и принцевъ. Деревня Ольдъ-таунъ (Старый городъ), остатокъ нѣкогда цвѣтущаго города, находится на полпути, на боковомъ потокѣ, ведущемъ изъ Дюкъ-тауна въ Крикъ-таунъ. Прежде это былъ торговый центръ, но англійскіе купцы, желая перевести торговлю въ свои поселенія Дюкъ-тауна,—называвшагося тогда Нью-тауномъ (Новый городъ),—пригласили главныхъ жителей конкурирующаго города на палубу, устроенную на ихъ понтонахъ: едва успѣли чернокожіе гости причалить свои лодки къ кораблямъ, какъ мѣткія пули, пущенныя съ борта, уложили ихъ на мѣстѣ¹⁾. Народецъ ква считается сюзереномъ Старога Калабара, и каждый годъ ему платятъ крупную сумму въ видѣ дани.

Эта область поморья есть одна изъ тѣхъ, гдѣ власть Великобританіи наименѣе оспаривается туземцами. Икорофюнгъ, городъ, близъ котораго путешественникъ встрѣчаетъ первыя скалы песчаника, принадлежитъ еще къ территоріи Калабара. Затѣмъ, выше по рѣкѣ Ойоно, слѣдуетъ городъ Умонъ, расположенный на островѣ, который нерѣдко подвергается на-

водненіямъ; городъ этотъ управляется языческими жрецами, и старые кровавые обычаи сохранились тамъ еще въ полной силѣ. Поморы племени эфикъ поднимаются по этой рѣкѣ только до Умона, отстоящаго верстъ на сто отъ лимана: они встрѣчаютъ тамъ дочерниковъ племени акунакуна, которые живутъ близъ большаго изгиба рѣки, и главный городъ которыхъ, называемый Окурике или Акурике, находится въ цѣпи холмовъ, идущей вдоль лѣваго берега; туземцы акунакуна умѣютъ строить довольно большія лодки, поднимающія до 3 тоннъ груза. Англійское вліяніе не распространяется за Окурике въ бассейнѣ Ойоно или Кроссъ-ривера, хотя эта рѣка уже въ 1842 году была изслѣдована до самыхъ пороговъ. Выше этихъ скалъ начинаются невѣдомыя области, на которыя Германія уже предъявляетъ притязанія для своихъ будущихъ колоній¹⁾.

Города бассейновъ Бенуэ, Нигера и сосѣдняго поморья, съ приблизительной цифрой населенія, указываемой путешественниками:

Бассейнъ р. Бенуэ. Гуринъ—12.000 жит.; Тола, по Барту, въ 1851 г.—12.000 жит.; Баданиджо—3 000 жит.; Сарау—4.000 жит.; Рибато—6.000 жит.; Якоба, по Флегелю—50.000 жит.; Раута, по Рольфу, въ 1866 г.—10.000 жит.; Гомбе, по Рольфу, въ 1866 г.—20.000 жит.; Бурри-Бурри, по Рольфу, въ 1866 г.—5.000 жит.; Дуку, по Рольфу, въ 1866 г.—15.000 жит.; Бирри (Верхній и Нижній), по Рольфу, въ 1866 г.—4.500 жит.; Вукари, по Флегелю, въ 1883 г.—6.000 жит.; Атжауа, по Рольфу, въ 1866 г.—5.000 жит.; Удени, по Рольфу, въ 1866 г.—5.000 жит.; Акумъ, по Рольфу, въ 1866 г.—10.000 жит.; Кеффи-Абдъ-эсъ-Сенга, въ 1866 г.—30 000 жит.

Нижній Нигеръ: Локоджа—3.000 жит.; Идда, по Гловеру—10.000 жит.; Оничча, по Гловеру—16.500 жит.; Эбо, по Гловеру—8.000 жит.

Лиманы побережья: Бонни (Околама)—5.000 жит.; Крикъ-таунъ (Старый Калабаръ)—6.000 жит.; Умонъ, по Бекрофту—5.000 жит.; Окурике, по Эджерли—3.500 жит.

¹⁾ Clarkson, „History of the Abolition of the Slave-trade“;—Hutchinson, „Impressions of Western Africa“.

¹⁾ „Proceedings of the Geographical Society“, 1882;—Goldie, „Scottish Geograph. Magazine“, 1885.

Глава IX.

Бассейнъ озера Чадъ.

I. Общій обзоръ.

На африканскомъ континентѣ географическій центръ составляетъ не горный хребетъ, какъ въ Азіи и Европѣ, а напротивъ—глубокая впадина, занятая, въ одной части ея протяженія, болотистыми водами и связанная общимъ рельефомъ съ странами по Нигеру и съ западной Африкой. На востокъ и югъ бассейнъ этотъ окруженъ горами и плоскими возвышенностями; на сѣверѣ и западѣ холмы и террасы тоже поднимаются въ видѣ пороговъ, не образуя, однако, амфитеатра съ непрерывными стѣнами; на юго-западѣ же открываются равнины въ видѣ широкой бреши между бассейномъ великаго озера и бассейномъ Бенуэ. Нѣсколько рѣкъ, въ томъ числѣ одна очень обильная, протекаютъ по этой низменности, развѣтвляясь и переплетая свои истоки съ истоками большихъ рѣкъ континентальной окраины. Со всѣхъ сторонъ, даже со стороны пустыни, черезъ которую идетъ рядъ оазисовъ, эта центральная область доступна; кромѣ того, она относительно очень густо населена, такъ какъ самыя умѣренныя исчисленія даютъ ей свыше 70.000.000 жителей для поверхности, нѣсколько превышающей 700.000 квадр. километровъ. Благодаря плодородію почвы и богатству растительности, бассейнъ озера Чадъ (Чадъ или Цаде), долины и равнины, орошаемые рѣкой Шари, быть-можетъ, сдѣлаются современемъ самой цвѣтущей частью Африканской Индіи.

Центральная область безформеннаго материковаго организма, члены котораго не функционируютъ еще въ надлежащей гармоніи, этотъ бассейнъ внутренней Африки не имѣетъ прямыхъ и правильныхъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ; проходятъ цѣлые годы, прежде чѣмъ отголосокъ совершившихся тамъ событий дойдетъ до Европы, и происходящія тамъ, въ глубинѣ чернаго континента, великія движенія народовъ, нашествія, массовые исходы, войны и завоеванія остаются намъ совершенно неизвѣстными. При томъ, главный путь, по которому бассейнъ озера Чадъ воспринималъ доселѣ влияние извнѣ, ставитъ его въ сообщеніе только съ восточной Африкой и съ Аравіей: это дорога черезъ Дарфуръ и Уадай, по которой арабы принесли свою религію, чуждую культуру и знакомство съ внѣшнимъ мі-

ромъ. Для этническихъ движеній и для исторіи націи дорога, соединяющая бассейнъ озера Чадъ съ берегами Большаго Сирта, имѣла гораздо меньшее значеніе, но этой дорогой слѣдовали купцы средиземноморскаго побережья, и по ней шелъ въ это послѣднее время главный потокъ торговаго обмѣна; оттого она болѣе извѣстна. Однако, этотъ путь, кратчайшій отъ Средиземнаго моря къ центру Африки, теперь все менѣе и менѣе посѣщается, такъ какъ отнынѣ торговлѣ Европы открыта другая дорога, болѣе удобная, хотя гораздо болѣе длинная: въ настоящее время торговый потокъ изъ Борну и сопредѣльныхъ странъ направляется на юго-западъ по естественному пути, представляемому двумя могучими рѣками, Нигеромъ и Бенуэ. Можно сказать, что въ странахъ центральной Африки произошла перемѣна фронта: прежде онѣ смотрѣли на сѣверъ, къ Средиземному морю; теперь повернулись лицомъ въ противоположную сторону, къ Бенгискому заливу. Постройка хорошей проѣзжей дороги или рельсоваго пути можетъ снова измѣнить направленіе торговаго потока.

Число европейскихъ изслѣдователей, посѣтившихъ бассейнъ озера Чадъ, еще не велико, и это опасное путешествіе стоило жизни многимъ изъ тѣхъ, которые отважились предпринять его. Въ 1823 году первые европейцы, Денгамъ, Клаппертонъ, Аудни, Гильманъ, Туль проникли въ Борну черезъ Феццанъ и оазисы Кавара, но двумъ изъ англійскихъ путешественниковъ не суждено было снова увидѣть родину. Послѣ того прошло болѣе четверти вѣка, прежде чѣмъ была предпринята новая экспедиція въ эту область центральной Африки. Въ 1851 году Ричардсонъ, Бартъ и Овервегъ вошли въ Борну; но первый изъ нихъ едва ступилъ на территорію племени канури, какъ палъ жертвой схваченной тамъ болѣзни; въ слѣдующемъ году умеръ и Овервегъ, на берегу озера Чадъ, по которому не плавалъ ни одинъ европеецъ ни до, ни послѣ него. Фогель, посланный на смѣну Овервега въ дѣлѣ географическаго изслѣдованія тѣхъ странъ, погибъ насильственной смертью въ Уадаѣ, а нѣсколько лѣтъ спустя другой путешественникъ, Беурманъ, тоже былъ убитъ въ Канемѣ. Нахтигаль, путешествовавшій въ 1871 и 1872 годахъ, былъ счастливѣе: посѣтивъ Борну, Канемъ, онъ обошелъ Боргу и Багирми, затѣмъ благополучно прослѣдовалъ черезъ Уадай и Дарфуръ.

Часть этого путешествія была возобновлена въ 1880 году итальянцами Маттеучи и Массари, но подробности ихъ изслѣдованія извѣстны лишь по бѣглымъ замѣткамъ. Имя Кука, принадлежащее центральному рынку Борну, есть одно изъ тѣхъ, которыя всего чаще повторяютъ, говоря объ Африкѣ, и на многихъ картахъ этотъ городъ отмѣченъ уже какъ главный узловый пунктъ будущихъ трансконтинентальныхъ желѣзныхъ дорогъ; но неизвѣстно даже, не перенесенъ ли онъ на другое мѣсто. Недавно въ центрѣ континента, на югъ отъ линии водораздѣла, гдѣ беретъ начало рѣка Шари, образовалось новое государство, Конго, съ европейскимъ правительствомъ; однако, ни одному путешественнику не удалось еще перейти раздѣльный порогъ: до сихъ поръ европейскіе изслѣдователи только видѣли издали горную группу Мендифъ, которая можетъ быть разсматриваема какъ орографическій центръ африканскаго материка, господствующій въ одно и то же время надъ четырьмя бассейнами: Нила, Нигера, Конго и озера Чадъ. Впрочемъ, этотъ переходъ съ одной покатости на другую, попытки къ осуществленію котораго тѣмъ болѣе желательны, что въ тѣхъ возвышенныхъ областяхъ европейскіе иммигранты, вѣроятно, нашли бы благоприятныя климатическія условія, представляетъ задачу въ высшей степени трудно исполнимую; нигдѣ къ иностранцу не относятся съ такой ненавистью, какъ въ верховьяхъ рѣки Шари. Преслѣдуемая негроторговцами, населенія этой страны препятствуютъ всякимъ мирнымъ сношеніямъ: двѣ покатости, о которыхъ идетъ рѣчь, раздѣлены пограничною полосой, гдѣ царствуетъ постоянная война.

На востокъ отъ озера Чадъ естественную границу бассейна составляютъ горы Дарфура. Хребетъ Маррахъ образуетъ раздѣльную возвышенность между Нильской покатостью и покатостью, наклоненной къ Борну; но между этими высотами и болотистой впадиной, куда изливаются воды Шари, есть нѣсколько второстепенныхъ массивовъ, прерывающихъ однообразіе равнинъ: такова, на сѣверо-востокъ Удаа, небольшая цѣпь Тирдзе, гребень которой тянется съ сѣвера на югъ, параллельно другой, дарфурской цѣпи того же имени. Обѣ эти цѣпи имѣютъ почти одинаковую абсолютную высоту, около 600 метровъ, и поднимаются всего лишь на 150 метровъ надъ окружающими плоскогорьями. На западъ и на сѣверо-западъ отъ Тирдзе почва нечувствительно понижается къ пустынѣ; нѣсколько скалистыхъ краевъ перерѣзываютъ ее, а въ промежуточныхъ *серирахъ* разсѣяны милліардами тѣ странныя образования, которыя такъ удивляли путешественниковъ въ пустыняхъ Египта и Ливіи, — песчаныя трубки съ тонкими стѣнками, полые шары, цилиндры, пирамиды, звѣзды,

кресты и ожерелья. На юго-западъ отъ цѣпи Тирдзе въ равнинѣ тамъ и сямъ встрѣчаются лишь уединенныя скалы, затѣмъ горный массивъ Гере, обширная естественная крѣпость, населенная независимыми племенами, занимаетъ своей круглой массой большую часть западнаго Удаа: самыя высокія вершины его не достигаютъ, вѣроятно, и тысячи метровъ, но склоны у него очень крутые и скалы разорванныя; во многихъ мѣстахъ подходы къ этимъ горамъ, защищеннымъ съ вѣшной стороны болотами и густыми лѣсами, очень трудны, и проникнуть туда можно не иначе, какъ черезъ узкія ущелья. Недалеко отъ озера Фитри высится другая естественная твердыня — джебъ Медого.

Массивъ Гере со всѣхъ сторонъ, — кромѣ сѣверной, гдѣ онъ продолжается скалистыми хребтами, — окруженъ низменными равнинами, орошаемыми притоками Шари; но къ западу отъ этой рѣки снова появляются группы высотъ, расположенныя по направленію съ сѣвера на югъ и образующія угольную межу возвышенности, отдѣляющей бассейнъ озера Чадъ отъ бассейна Бенуэ. Группы эти, извѣстныя подъ именемъ горъ Уанда, имѣютъ среднюю высоту около 800 метровъ; самая высокая вершина ихъ, Магаръ, не достигаетъ, какъ и вершина массива Гере, тысячи метровъ; тѣмъ не менѣе, горы, изрѣзанныя глубокими ущельями, усаженныя острокопечными пиками и гребнями, представляютъ грандіозный видъ, еще болѣе возвышаемый красотой луговъ, которые полого поднимаются около ихъ основанія и по которымъ разсѣяны купы большихъ деревьевъ: Рольфсъ съ трудомъ взомель, черезъ высокую траву и густой кустарникъ, на переднюю гору Сремарда, хотя она поднимается всего только на 170 метровъ надъ прилегающей равниной; во время этого восхожденія онъ встрѣчалъ цѣлыя шайки собакоголовыхъ обезьянъ, павіановъ, которые съ ворчаніемъ убѣгали съ его дороги и прятались за большими камнями. Горы Уанда, состоящія изъ различныхъ породъ, облегающихъ гранитное ядро ¹⁾, не продолжаютъ на западъ правильной цѣпью; тѣмъ не менѣе, водораздѣлъ обозначенъ выпуклостью почвы или горбомъ, который, можетъ-быть, возвышается на 200 или 250 метровъ надъ уровнемъ окружающихъ равнинъ, и абсолютная высота котораго около 600 метровъ. Въ сосѣдствѣ водораздѣла стоятъ два величественныхъ массива, которые издали кажутся образующими цѣпь съ другими горами, но въблизи оказываются совершенно уединенными. Одинъ изъ нихъ, Камалле, представляетъ правильный конусъ, оканчивающійся наверху столбчатой массой; другой, Мендифъ,

¹⁾ Dengam, „Narrative of travels in Northern and Central Africa“; — Rohlf, „Quer durch Africa“.

стоящій гораздо южнѣе, имѣетъ двойную вершину, достигающую 1.500 или 1.600 метровъ. Издали эти горы кажутся бѣлыми, тогда какъ, по рассказамъ туземцевъ, онѣ состоятъ, напротивъ, изъ черноватыхъ породъ, вѣроятно, базальтовыхъ, покрывающій же ихъ бѣлый налетъ есть не что иное, какъ слой гуано, отложенный мириадами птицъ, которыя тучами кружатся надъ растрескавшимися склонами. Кромѣ этихъ горъ, лежащихъ вблизи раздѣльной линіи, скатъ, обращенный къ озеру Чадъ, представляетъ множество уединенныхъ скалъ, гранитныхъ зубцовъ, выступающихъ черезъ растительный слой до различной высоты, такъ что одни едва выступаютъ надъ кронами сосѣднихъ деревьевъ, другіе же достигаютъ 100 и даже 150 метровъ. Большинство этихъ высотъ утилизированы туземцами какъ опорныя точки для защиты своихъ деревень отъ набѣговъ.

На западъ отъ этой страны, территорія Бабиръ тоже, говорятъ, не представляетъ правильного водораздѣльнаго хребта между замкнутымъ бассейномъ озера Цаде и рѣчнымъ бассейномъ Нигера, но по ней разбѣяны маленькіе массивы, пробитые эруптивными породами. Въ цѣломъ скатъ отъ равнины Борну къ порогу, отдѣляющему ее отъ океанской покатости, весьма незначителенъ; съ другой стороны, мѣстность имѣетъ болѣе крутой скатъ. На юго-западъ этого государства, у города Гуджа, Рольфъ едва замѣтилъ выступъ водораздѣла; только встрѣчающіяся кое-гдѣ скалы известняка, краснаго песчаника, большія глыбы гранита обозначаютъ раздѣльную линію. Абсолютная высота холмовъ не превосходитъ 600 метровъ; исключеніе составляетъ только уединенный массивъ Фика, видимый со всѣхъ сторонъ на разстояніи нѣсколькихъ дней ходьбы; у основанія этой высокой горы находится озеро, наполняющее водоемъ между скалами. На сѣверѣ, въ землѣ Керри-Керри, простирается область высокихъ террасъ, перерѣзанныхъ глубокими ущельями, продуктомъ размыванія; затѣмъ, въ землѣ Манга мѣстность снова принимаетъ равнинный характеръ, и гидрографическій бассейнъ страны Борну проникаетъ далеко на западъ въ королевство Вурно; простыя повышенія почвы раздѣляютъ притоки рѣки Іеу. На сѣверѣ, границы центрального африканскаго бассейна обозначены не столько рельефомъ поверхности, сколько климатомъ; тѣмъ не менѣе, грады дюнь, края гамады, отдѣльныя скалы встрѣчаются и въ этомъ поясѣ степей, между лѣсной областью и пустынями Сахары.

Западнымъ скатомъ горъ Маррахъ страна Форъ или Дарфуръ принадлежитъ къ бассейну, центръ котораго занимаетъ озеро Цаде; но хотя еще ни одинъ путешественникъ не

изучалъ гидрографію страны къ югу отъ большой караванной дороги, можно, однако, съ большою вѣроятностью предполагать, что воды, спускающіяся съ этихъ горъ, не достигаютъ, — развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ, — рѣки Шари и ея озернаго расширенія. Уади Азумъ и его притоки соединяются въ постоянный потокъ только во время харифа, то-есть періода дождей, да и тогда малый уклонъ почвы, выступы рельефа, прерывающіе ея покатость, задерживаютъ потокъ, заставляють его разливаться по сторонамъ, въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ водныхъ площадей, подвергающихся сильному испаренію. Другіе уади остаются совершенно изолированными и не связаны съ гидрографической сѣтью страны; они оканчиваются въ долинахъ «рахадами» или «биркетами», т. е. небольшими лужами, сходными по способу образованія съ борнуанскимъ внутреннимъ моремъ. Изъ этихъ долинъ, запертыхъ при входѣ каменистымъ порогомъ, самая значительная — долина Бата, по которой идетъ историческій путь Уада: начинаясь въ горахъ Тирдзѣ, она направляется на юго-западъ, затѣмъ на западъ и образуетъ въ своей оконечности циркъ Фатри, заключающій внутри то простую лужу, то настоящее озеро, смотря по обилію изливающейся туда воды. Земля, лежащая по срединѣ этого озера, бываетъ попеременно то островомъ, то полуостровомъ.

Гораздо болѣе обширна, чѣмъ эти рахады Уада, водная поверхность, разстилающаяся на необозримое пространство въ самой низкой впадинѣ равнинъ королевства Борну. Въ языкѣ прибрежныхъ жителей, владѣвшихъ этой страной до кануриевъ, Цаде значитъ «Большое скопленіе воды»; имя Коло или Кулу, употребляемое обитателями острововъ, іединами, кажется, имѣетъ то же значеніе. Старое названіе, распространенное арабскими купцами, одержало верхъ въ географической номенклатурѣ, и когда вся карта сѣверной Африки къ югу отъ Триполи представляла еще сѣтку линій, проведенныхъ почти наугадъ, озеро Чадъ, Цадъ или Цаде занимало уже въ центрѣ континента дѣйствительно принадлежащее ему мѣсто, хотя приписываемые ему размѣры были сильно преувеличены. Бурхардъ первый указываетъ эту водную площадь съ нѣкоторой точностью. Всѣ арабскіе купцы, допуская тождество рѣкъ Каира, Томбукту, Борну, воображали озеро Чадъ либо общимъ резервуаромъ всѣхъ африканскихъ «Ниловъ», либо внутреннимъ моремъ большаго центрального нагорья, откуда воды изливаются во всѣхъ направленіяхъ на окраины чернаго материка. Со времени Денгама, который первый изъ европейскихъ путешественниковъ-ислѣдователей собственными глазами видѣлъ озеро Чадъ, — названное имъ Ватерлооскимъ, — про-

изведены были точныя измѣренія, доказавшія ошибочность этихъ географическихъ понятій¹⁾. Теперь извѣстно, что это озеро занимаетъ одну изъ самыхъ низменныхъ частей Африки, такъ какъ поверхность его водъ, по Фогелю и Нахтигалю, только на 250—270 метровъ выше уровня моря: гидрографическая роль его ограничивается собираніемъ водъ бассейна незначительнаго протяженія въ сравненіи съ пространствомъ всего континента. Впрочемъ, невозможно еще опредѣлить, даже приблизительно, размѣры этого бассейна, такъ какъ неизвѣстны ни истоки, ни сѣтъ притоковъ, питающихъ главный притокъ озера, рѣку Шари. Даже величина площади самаго озера не опредѣлена въ точности: Нахтигаль исчисляетъ ее приблизительно въ 27.000 кв. километровъ; по Рольфсу, общая поверхность водъ въ сухое время года никакъ не больше 11.000 кв. километровъ; но въ большіе разливы она превышаетъ 50.000 кв. километровъ. Смерть застигла Овервега прежде, чѣмъ онъ составилъ описаніе своего плаванія вокругъ Чада. Нахтигаль, объѣхавшій почти все озеро, отъ восточнаго Канема до Борну и отъ Борну до уадайской дороги, даетъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ внутреннемъ морѣ Судана.

Если по протяженію Чадъ можно сравнить съ большими озерами Нильскаго бассейна, съ Байкаломъ, съ громадными резервуарами Сѣверной Америки, если въ ряду озерныхъ бассейновъ по величинѣ площади онъ слѣдуетъ непосредственно за озеромъ Эри, то его далеко нельзя поставить въ параллель съ этими огромными впадинами земной поверхности по глубинѣ и массѣ водъ. По рассказамъ прибрежныхъ жителей, наибольшая толщина воды между побережьемъ въ сосѣдствѣ города Кука и устьемъ рѣки Шари не превышаетъ «двойнаго человѣческаго роста», и на островъ Сейорумъ, который, однако, удаленъ отъ берега на двадцать слишкомъ километровъ, можно добраться на лошади. Овервегъ, посѣтившій, впрочемъ, не всѣ области озера, нашелъ только 6 метровъ въ самой глубокой его части. Этотъ обширный резервуаръ есть не столько озеро, сколько постоянное наводненіе: онъ въ сущности ничѣмъ не отличается, кромѣ величины, отъ безчисленныхъ лужъ, разстѣянныхъ въ Борну и образующихся вслѣдствіе того, что потоки, не находя для себя правильнаго русла, разливаются по сторонамъ въ углубленіяхъ равнины. Между большими озерами Чадъ всего болѣе напоминаетъ Балкашъ, который кажется внутреннимъ моремъ по своимъ огромнымъ размѣрамъ, въ дѣйствительности же есть не что иное, какъ топкая

водная площадь, разливаемая теченіемъ рѣки Или.

Чадъ имѣетъ вполнѣ опредѣленные берега только около сѣверной своей оконечности, въ вершинѣ большаго неправильнаго треугольника водъ. Въ этомъ мѣстѣ песокъ, наносимый пассатными вѣтрами, образовалъ высокіе бугры или дюны, основаніе которыхъ, на подобіе мыса, выдвинуто въ озеро: съ вершины этихъ подвижныхъ горокъ видишь передъ собой безпредѣльную *никъ буль* или «бѣлую воду», то-есть гладкую скатерть водъ, разстилающуюся на необозримое пространство безъ промежуточныхъ острововъ, безъ камышей или другихъ водяныхъ растений, какъ тѣ поросли, которыя наполняютъ *никъ циллимъ*, или «черную воду» побережья. Почти на всей остальной окружности можно идти цѣлые часы по направленію озера, не зная, гдѣ кончается земля, гдѣ начинается озерная площадь. Пройдя длинный рядъ болотистыхъ потоковъ, извилистыхъ рукавовъ и лагунъ, большихъ и малыхъ лужъ, путешественникъ ожидаетъ увидѣть наконецъ разстилающуюся безпредѣльную поверхность открытаго моря, но взорамъ его представляются только поросли тростника, лѣса папируса, поля лотоса, полосы водянаго салата (*pistia stratiotis*), «травы безъ родины», плавающія сплошными лугами, болѣе зелеными, чѣмъ степи сосѣдняго берега. Къ востоку отъ устья Шари весь юго-восточный уголъ озера и далѣе на сѣверъ вся сосѣдняя съ берегомъ Канема часть занята островами и островками, которые, по словамъ Нахтигалья, въ совокупности составляютъ по меньшей мѣрѣ треть поверхности Чада. Въ этихъ областяхъ нѣтъ озера въ собственномъ смыслѣ, а только лабиринтъ проливовъ между безчисленными островами. Путешественники, отправляющіеся изъ Багирми въ Канемъ, не подозреваютъ даже, что переходили черезъ озеро, и только жалуются на дурное состояніе дорогъ, безпрестанно прерываемыхъ толками болотами, гдѣ рискуешь потерять лошадей и вычужныхъ животныхъ. Южный архипелагъ, собраніе пригорковъ, разстѣянныхъ въ болотѣ, называется землей Карка. Окончательно осушенная, эта область имѣла бы приблизительно такой же видъ, какъ Канемъ, сосѣдняя твердая земля, гдѣ зеленѣющіе холмы, цвѣтущіе лѣски чередуются съ безлѣсными пространствами.

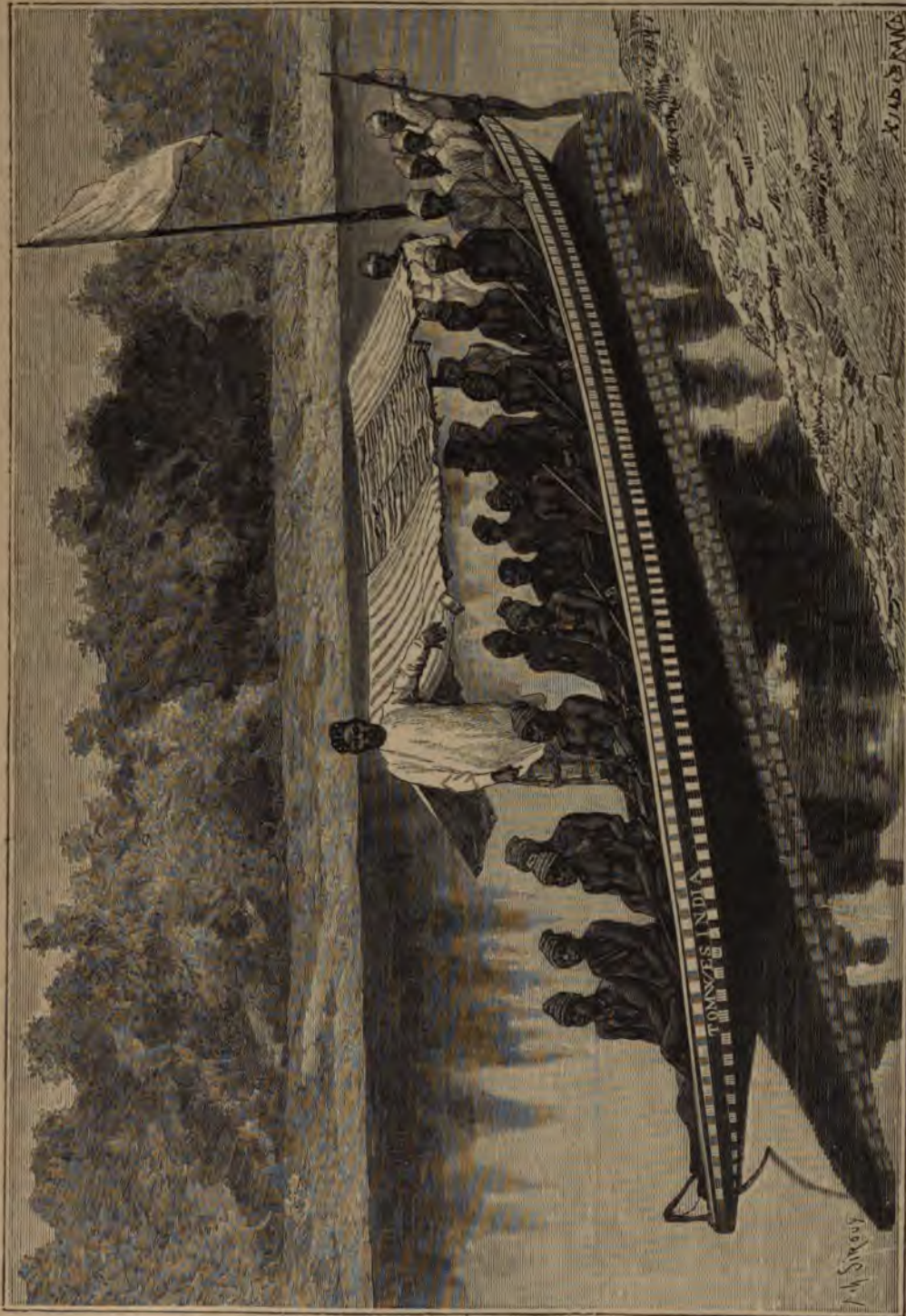
Эти стоячія воды, болота, острова, перешейки не позволяютъ опредѣлить истинную форму озера, которая, впрочемъ, сильно измѣняется въ разныя времена года, вслѣдствіе колебаній уровня, производимыхъ разливами и испареніями. Зная, какъ незначительна бываетъ глубина воды въ періодъ самаго низкаго уровня, можно съ большою вѣроятностью допустить, что жидкая масса этого резервуара измѣняется на половину своего объема отъ

¹⁾ Denham and Clapperton, цитиров. сочиненіе; — Jackson, „Account of the empire of Marecco“; — Karl Ritter, „Africa“ etc.

одного сезона до другаго. Изъ разсказовъ путешественниковъ извѣстно, что огромныя пространства озерной окружности бываютъ попеременно то затоплены, то обнажены; во

обращенномъ къ степямъ и пустынямъ, нѣтъ проточной воды, кромѣ временныхъ ручьевъ; по западной покатости, обнимающей собственно Ворну, проходятъ двѣ рѣчки или *комодугу*,

Барка на Калабарѣ.

многихъ мѣстахъ цѣлые дни ходьбы отдѣляютъ зимній берегъ отъ лѣтняго. Кромѣ дождей, начинающихся въ концѣ іюня, Чадъ получаетъ излишекъ водъ бассейна, приносимый ему рѣками. На сѣверо-восточномъ берегу,

которые въ сухое время года состоятъ лишь изъ ряда лужъ, но въ періодъ дождей, то-есть въ продолженіи по крайней мѣрѣ четырехъ мѣсяцевъ, представляютъ непрерывный потокъ, настолько быстрый и глубокий, что для пере-

правы съ одного берега на другой принуждены употреблять лодки или плоты, поддерживаемые кожаными мѣшками или выдолбленными внутри тыквами. Іеу (Юбе по Нахтигалю, Ваубе по Барту), носящая разные имена въ орошаемыхъ ею мѣстностяхъ,— весьма значительная рѣка, по крайней мѣрѣ по дѣйстви теченія. Верхніе ея притоки берутъ свое начало далеко въ Гауссѣ, въ 800 километрахъ къ западу отъ озера Чадъ; весь западный Борну принадлежитъ къ ея бассейну, и даже изъ земли Бабирѣ, на границахъ провинціи Адамауа, она получаетъ притокъ, текущій частью въ подземной галлерей¹⁾. Нужно удивляться, что русло истеченія столь обширнаго бассейна не бываетъ постоянно наполнено водой; вѣроятно, воды Іеу во время наводненій изливаются въ Гамзайги и въ другія озера сѣверо-западнаго Борну, которые впервые были обследованы, слишкомъ полвѣка тому назадъ, англійскими путешественниками Денгамомъ и Клаппертономъ.

Наибольшую часть жидкой массы, изливающейся въ озеро Чадъ, доставляютъ горы южнаго хребта, обильно орошаемая ливнями экваторіальныхъ штилей. Рѣки, берущія начало въ территоріи Мандара,—какъ, наприм., «комодугу» Мбулу,—широко разливаются въ равнинѣ, по недостатку ската, и образуютъ водныя площади, которыя тянутся на необозримое пространство черезъ лѣса и саванны, и, представляя изъ себя какъ бы движущіяся озера, медленно спускаются къ внутреннему морю; въ нѣкоторыхъ округахъ сообщенія совершенно прекращаются на цѣлыя недѣли и мѣсяцы; отъ Чада до Бенуэ, черезъ озеро Тубури, эти водныя площади слѣдуютъ одна за другой безъ перерыва; замѣчательно, что вмѣсто того, чтобы разливаться въ видѣ болотъ, онѣ обыкновенно наполняютъ каналы съ высокими берегами, имѣющіе форму рѣчныхъ руселъ²⁾. Фактъ этотъ какъ бы указываетъ на существованіе въ прежнее время сѣти потоковъ еще болѣе обширной, чѣмъ какою она является въ наши дни. Рѣка Шари, главный истокъ которой находится около середины южнаго берега Чада, въ періодъ разлива не представляетъ отдѣльныхъ рукавовъ и устьевъ; тогда общее русло соединяетъ всѣ ея вѣтви въ одинъ огромный потокъ, шириной около 50 километровъ; въ мѣстныхъ языкахъ слово Шари имѣетъ тотъ же смыслъ, что и Чадъ, означая «Скопленіе воды». Тогда какъ въ первую половину дождливаго сезона, въ іюлѣ и въ августѣ, уровень озера понижается, вслѣдствіе испаренія, или слабо возрастаетъ, несмотря на выпадающую атмосферную влагу, прибытіе рѣчнаго наводненія тотчасъ же измѣняетъ режимъ озера.

Когда Шари вноситъ свою могучую струю разлива, вода во внутреннемъ морѣ Судана быстро поднимается, и къ концу ноября достигаетъ своего высшаго уровня.

Шари, въ отношеніи которой озеро Чадъ есть, такъ сказать, лишь конечное расширеніе ея русла, принадлежитъ къ числу большихъ рѣкъ Африки, благодаря дождямъ, правильно выпадающимъ лѣтней порой во всѣхъ частяхъ ея бассейна. Вопросъ объ истокахъ этой рѣки еще не рѣшенъ окончательно, и предположеніе, высказанное Швейнфуртомъ, что рѣка Уалле, протекающая по территоріи Монбутту и Нямъ-Нямъ, принадлежитъ къ бассейну озера Чадъ черезъ Шари, еще можетъ быть поддерживаемо, такъ какъ нѣтъ прямого доказательства противнаго; однако, большинство географовъ склоняются теперь къ тому мнѣнію, что Уалле слѣдуетъ считать притокомъ рѣки Конго; верхніе притоки Шари, наидальѣ выдвинутые къ востоку, вѣроятно, берутъ начало на разстояніи болѣе 1,000 километровъ отъ истоковъ Уалле въ южныхъ массивахъ Дарфура и Уадаи. Но верховья этихъ рѣкъ еще не были обследованы ни однимъ европейскимъ путешественникомъ. Нахтигалъ могъ собрать кое-какія свѣдѣнія только о нижнемъ теченіи Шари. По рассказамъ туземцевъ, развитвенія дельты этой рѣки начинаются уже въ 600 километрахъ выше впаденія ея въ озеро Чадъ: тамъ Шари или Бахаръ-Эль-Арде («Рѣка Земли») дѣлится будто бы на два *ба* или главныхъ рукава, изъ которыхъ лѣвый называется ба-Бай или Логонъ, а правый—ба-Вассо или собственно Шари. Однако, большая разница въ колебаніяхъ количества приносимой воды между этими потоками заставила Нахтигала усомниться въ точности единогласнаго показанія жителей страны относительно бифуркаціи Шари. Какъ бы то ни было, восточная рѣка получаетъ притокъ, именуемый Бахаръ-Эль-Абиадомъ, или «Бѣлой рѣкой», и приходящій изъ территоріи Банда, затѣмъ выдѣляетъ изъ себя боковой рукавъ, ба-Бачикамъ («рѣка Листьевъ»), съ которымъ снова сливается, пройдя около 250 километровъ. Ниже главная рѣка соединяется съ рѣкой Логонъ, но уже передъ тѣмъ выпускаетъ изъ себя нѣсколько боковыхъ рукавовъ, которые развитыются въ аллювальной равнинѣ и наконецъ изливаются измѣнчивыми руслами въ озеро Чадъ. Нигдѣ воды Шари не соединены въ одинъ потокъ; даже, быть-можетъ, часть воды бассейна теряется въ другихъ впадинахъ, кромѣ озера Чадъ, если правда, что рукавъ ба-Бачикамъ получаетъ изъ Уадаи половину Бахръ-Эс-Саламата, и что другая половина этой рѣки въ періодъ половодья изливается въ длинный болотистый ровъ, направляющійся на сѣверо-востокъ къ озеру Фитри.

Не претендуя на то что на точность, но даже на достаточно приблизительное значеніе

¹⁾ Gerhard Rohlfs, „Quer durch Africa“.

²⁾ H. Barth, цитирован. сочиненіе.

онихъ цифръ, Нахтигаль исчислялъ годовою бѣтъ Шари въ 60 милліардовъ кубич. метровъ, что составитъ, въ среднемъ, около 2.000 бич. метровъ въ секунду. Приносимое этой жкой количество жидкой массы по крайней рѣ въ два раза превышаетъ объемъ воды, виваемый всѣми другими притоками вмѣстѣ, дождевыя воды, падающія непосредственно въ бассейны. Когда подобная масса, удвоенная и утроенная разливомъ, расплывается по ерной площади, размѣры Чада быстро возрастаютъ на сотни и тысячи квадр. километровъ; къ поверхности этого резервуара сразу прибавляются пространства, въ десять, въ двадцать разъ превосходящія Женевское озеро, и уровень поднимается по меньшей мѣрѣ на 6

трой, которая составляетъ даже предметъ весьма дѣятельной торговли во всей странѣ. Правда, Шари, воды которой почти исключительно питаютъ этотъ бассейнъ, протекаетъ по одной изъ самыхъ бѣдныхъ солью областей земнаго шара; но если бы Чадъ было озеро древняго образованія, наполняющее свой теперешній водоемъ въ продолженіи ряда геологическихъ вѣковъ, то трудно было бы понять, какимъ образомъ соляныя молекулы, какъ бы ни было ничтожно ихъ содержаніе въ прѣсной водѣ притоковъ, могли ускользнуть въ пріемномъ резервуарѣ отъ постоянного дѣйствія испаренія и концентраціи. Изъ этого заключаютъ, что Чадъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ озеро недавняго происхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, въ бас-

Ба-Буссо, восточная вѣтвь р. Шари у Мискина, къ юго-востоку отъ Логона.

метровъ выше нуля, соответствующаго низкому оянію водъ: по словамъ Рольфа, наблюдали же разность около 10 метровъ между уровнями мелководья и половодья. Городъ Кука, топляемый при исключительно большихъ разбрахъ, лежитъ, говорятъ, слишкомъ на 7 метровъ выше средняго зимняго уровня озера. Вода въ озерѣ Чадъ, какъ и въ рѣкѣ Шари, рѣсная. Фактъ исключительный въ исторіи земли, что замкнутый бассейнъ, содержащій ачительный объемъ жидкой массы, которая постоянно испаряется и постепенно концентрируетъ растворенныя въ ней соли, заключаетъ въ себѣ столь малую долю этихъ соляныхъ частицъ, что присутствіе ихъ даже неощутительно въ вкусъ. Явленіе это кажется тѣмъ болѣе удивительнымъ, что въ Канемѣ многіе колодцы даютъ солоноватую воду, и что въ восточномъ хипелагѣ многіе острова изобилуютъ сели-

сейнъ его совершаются безпрестанныя перемѣны. Прежде оно, кажется, было гораздо обширнѣе, судя по дюнамъ сѣверо-западнаго побережья, которыя, повидимому, образовались на счетъ бывшаго дна озернаго резервуара *) Въ наши дни это озеро, состоящее, такъ сказать, изъ одной только поверхности и почти не имѣющее глубины, подвергается всѣмъ капризамъ Шари. Наносы этой рѣки, образовавшіе дельту протяженіемъ около сотни километровъ, выступающую полукругомъ въ южныя воды озера, постепенно суживаютъ размѣры бассейна и заставляютъ его настолько же расширяться на противоположныхъ берегахъ, особенно на западномъ. По единогласному свидѣтельству путешественниковъ, дорога между Канемомъ и Борну годъ отъ году удлиняется,

*) G. Rohlf, цитированное сочиненіе.

вслѣдствіе увеличенія контура, вдоль котораго она слѣдуетъ. Округу Кука постоянно угрожаютъ наводненія; въ 1873 г. городъ этого имени былъ затопленъ, и шейхъ проектировалъ постройку новаго города гораздо западнѣе, чтобы обезпечить себя отъ вторженій озера. Многие другіе города, между прочимъ, Нигими, въ сѣверо-западномъ углу озера, принуждены были перестроиться по той же причинѣ. При этомъ замѣчается любопытное явленіе: въ то время, какъ воды озера устремлялись къ западу и сѣверо-западу, восточная оконечность бассейна обнажалась, и Бахрѣ-Эль-Газаль, «Море или Рѣка Газелей», находящійся, однако, на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ водная площадь Чада, мало-по-малу высыхалъ. Фактъ этотъ объясняется расположеніемъ восточныхъ острововъ въ формѣ послѣдовательныхъ, лежащихъ одна надъ другой, запрудъ. Каждый изъ безчисленнаго множества проливовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ между Бѣлой водой Чада и его заливомъ Бахрѣ-Эль-Газаль, имѣетъ свой баръ, который и замедляетъ истеченіе водъ; эти послѣднія даже въ періоды наводненія изливаются медленно и, постоянно подвергаясь испаренію, въ концѣ концовъ высыхаютъ, тогда какъ озерная поверхность продолжаетъ повышаться въ центрѣ резервуара.

Когда европейскіе географы въ первый разъ услышали о Бахрѣ-Эль-Газаль, какъ о потоцѣ, сообщающемся съ озеромъ Чадъ, они вообразили себѣ, по аналогіи, что этотъ *бахр* есть рѣка, подобная другому Бахрѣ-Эль-Газаль, соединяющему свои воды съ водами Нила, и произвели ее въ притокъ великаго суданскаго озера. Однако, англійскіе изслѣдователи Денгамъ и Клаппертонъ узнали уже отъ жителей Борну, что озеро Чадъ прежде изливало свои воды въ Бахрѣ-Эль-Газаль: это истеченіе прекратилось, будто бы, только вслѣдствіе убійства одного святаго человѣка. Путешественникъ Бартъ, слышавшій отъ туземцевъ тотъ же рассказъ, отказывался, тѣмъ не менѣе, признать это «невѣроятное» явленіе постепеннаго ската истеченія между Чадомъ и впадинами Бахрѣ-Эль-Газала¹⁾. Но со времени путешествія Нахтигала по тѣмъ краямъ пришлось покориться очевидности и допустить, что «Рѣка Газелей» есть истокъ, а не притокъ огромнаго Суданскаго резервуара. Въ самомъ дѣлѣ, случается, по крайней мѣрѣ въ годы исключительно большихъ наводненій, что воды Чада спускаются въ Бахрѣ-Эль-Газаль. Во время пребыванія Нахтигала въ Борну это явленіе происходило на его глазахъ: потокъ, выливавшійся изъ внутренняго моря, проникалъ верстѣ на 80 въ низменную равнину Бахрѣ-Эль-Газала, и караваны, до того

времени ходившіе прямо изъ Канема въ Багирми, черезъ камыши и лужи, принуждены были сдѣлать длинный обходъ къ востоку, въ направленіи Уадаи. Преданіе указываетъ на вторую половину прошлаго столѣтія какъ на эпоху, когда Бахрѣ-Эль-Газаль пересталъ быть каналомъ правильнаго истеченія для озера Чадъ, послѣ чего вода высохла въ его ложѣ; но естественно задать себѣ вопросъ, не продолжается ли медленное истеченіе въ глубинахъ, такъ какъ среди пустыни, между безводными террасами, возвышающимися по обѣ стороны Бахра, достаточно разрыть землю на 1 или на 2 метра, чтобы найти воду. Замѣчательно, что большинство колодцевъ и фонтановъ въ этой мѣстности содержатъ значительную пропорцію соляныхъ веществъ. Эта солончатость дна Бахрѣ-Эль-Газала даетъ натуралистамъ драгоцѣнное указаніе. Если воды Чада остались прѣсными, то не объясняется ли это тѣмъ, что эта озерная площадь была просто проходнымъ бассейномъ, и что ея жидкая масса еще недавно изливалась въ низменность Бахрѣ-Эль-Газала? Тамъ она испарялась, оставляя на почвѣ соляные осадки. Подобное же явленіе можно наблюдать въ Южной Америкѣ, гдѣ большое озеро Титикаха, прѣсноводное, какъ и Чадъ, имѣетъ свой соляной бассейнъ въ маленькомъ второстепенномъ резервуарѣ Пампа - Аульгасъ, американскомъ Бахрѣ-Эль-Газаль.

Предварительная карта, составленная Нахтигалемъ, на основаніи произведенныхъ имъ изслѣдованій, показываетъ, что бывшій рѣчной рукавъ Газелей, соединяющійся съ озеромъ Чадъ на восточной его сторонѣ, направляется сначала къ востоку, затѣмъ, повернувъ на сѣверо-востокъ, тянется по прямой линіи на пространствѣ около 500 километровъ и оканчивается у основанія горныхъ хребтовъ страны Борку долиной Боделе; самое низкое мѣсто, найденное тамъ Нахтигалемъ, лежитъ на 100 метровъ ниже уровня озера Чадъ; во всей центральной Африкѣ нѣтъ болѣе глубокой впадины земной поверхности. Къ западу отъ Боделе, другая широкая долина, Эгай, или Эгей, тоже лежащая, по барометрическимъ измѣреніямъ, ниже уровня Чада, образуетъ какъ бы большую бухту, отдѣленную отъ Бахрѣ-Эль-Газала цѣпью песчаныхъ бугровъ. Лощины частію покрыты дюнами, въ 10—15 метровъ высоты, которыя, подъ напоромъ пассата, располагаются вообще въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу и движутся по большей части съ значительной скоростью: одинъ туземецъ, изъ племени даза, часто посѣщавшій съ дѣтства пастбища той мѣстности, показывалъ Нахтигалю одну дюну, которая на его глазахъ образовалась въ 16 километрахъ сѣвернѣе. Тамъ, гдѣ первоначальная почва озернаго дна не покрыта песками, сна

¹⁾ «Reisen und Entdeckungen in Nord und Central-Afrika», 3-er Band, Anhang.

устьяна несмѣтнымъ множествомъ рыбьихъ скелетовъ, такъ хорошо сохранившихся, что по нимъ натуралистъ удобно могъ бы изучать ихтіологическую фауну Суданскаго внутрен-

водой и растеніями,—обѣтованная земля для верблюдоводовъ, и въ степяхъ его, безъ сомнѣнія, бродили бы безчисленные стада, если бы грабители ауладъ-слиманы не опустошали

Видъ на берегахъ озера Чада.

няго моря. Берега и контуры земель, бывшихъ въкогда островами и островками, окаймлены растительностью, среди песковъ разсѣяны полосы зелени, обширныя пространства покрыты травянымъ ковромъ. Этотъ край, богатый

его своими частыми набѣгами. Кочевники дазы приписываютъ почвѣ Эгая такую чудодѣйственную силу, что, приходя туда, первымъ дѣломъ сбрасываютъ съ себя все одѣяніе, чтобы кататься въ песокъ, убѣжденные, что это

благотворное соприкосновение съ тамошней землей предохранить ихъ тѣло отъ голода и жажды. Теперь въ долинахъ, образующихъ систему «рѣки Газелей», вѣтъ ни воздѣланныхъ земель, ни постоянныхъ деревень, но на одномъ бывшемъ островѣ Нахтигалъ видѣль остатки города, и сенусіанскіе миссіонеры давно уже возвѣщали вѣрующимъ различныхъ расъ о своемъ намѣреніи поселиться на дорогѣ изъ Боделе въ Борку, въ сосѣдствѣ обильнаго источника Галакка, достаточнаго для орошенія садовъ и пальмовыхъ насажденій.

Климатъ въ Борну много ровнѣе, чѣмъ въ Сахарѣ; крайности тепла днемъ, холода ночью тамъ гораздо меньше, и часто разность температуръ между различными часами дня не превышаетъ одной пятой градуса; между самымъ жаркимъ и самымъ холоднымъ мѣсяцемъ она не достигаетъ 10 градусовъ по Цельсію. Оттого жители, привыкшіе къ постоянно одинаковой температурѣ, очень забываютъ, когда теплота атмосферы опустится ниже 25 градусовъ.

Средняя температура года въ Кукѣ, по Денгаму—28° 7 Ц.; средняя температура самого теплаго мѣсяца (апрѣля)—33° 5 Ц.; средняя температура самого холоднаго мѣсяца (декабря)—24° 4 Ц.; средняя температура самого холоднаго мѣсяца, по Нахтигалю—23° 5 Ц.

По наблюденіямъ Нахтигала, барометрическое давленіе также представляетъ гораздо меньше колебаній въ этой части Судана сравнительно съ Сахарой. Вѣтры тоже отличаются замѣчательной правильностью въ своемъ чередованіи. Большую часть года господствуетъ пассатъ, дующій то съ сѣверо-востока, то параллельно экватору; но когда солнце вступаетъ въ зенитъ, привода за собой въ сѣверный тропическій поясъ всю сопровождающую его систему вѣтровъ, появляется легкій муссонъ, происходящій изъ Атлантическаго океана. Дуя съ запада или съ юго-запада, онъ приноситъ въ изобиліи водяные пары, и на горизонтѣ образуются кучевыя облака. Завязывается борьба между двумя нормальными вѣтрами, пассатомъ и муссономъ, и когда первый снова одержитъ верхъ, онъ быстро нагоняетъ облака, и дожди льютъ, какъ изъ ведра, въ сопровожденіи грома и молніи; особенно въ началѣ сезона грозы разражаются съ необычайной силой; тогда ни одинъ дождь не проходитъ безъ того, чтобы небо не казалось объатымъ племенемъ.

Съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ страны весь климатическій порядокъ быстро измѣняется. Дожди тѣмъ обильнѣе, чѣмъ данная мѣстность ближе къ Беннискому заливу. Въ бассейнѣ р. Шари дождливый сезонъ продолжительнѣе, и каждый изъ ливней сильнѣе, нежели въ Канемѣ; точно также количество

выпадающей атмосферной влаги постепенно возрастаетъ отъ Уадай къ западнымъ равнинамъ Борну: въ послѣднихъ есть большія рѣки, тогда какъ Уадай бѣденъ даже источниками. Въ этомъ бассейнѣ наибольшую долю дождей получаетъ гористая территория Мандара, гдѣ сырой сезонъ продолжается цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, а иногда и дольше. Въ Борну, который представляетъ почти среднюю климатическихъ условій бассейна, этотъ сезонъ, въ который, по Барту, выпадаетъ болѣе метра дождевой воды, обнимаетъ четыре мѣсяца, съ іюня по сентябрь; въ это время періода атмосферная влага является только въ формѣ росы или тумана. Зима—единственное время года въ Борну, имѣющее вполнѣ опредѣленный характеръ. Остальные восемь мѣсяцевъ дѣлятся на прохладный сезонъ, слѣдующій за дождями, и жаркій сезонъ, предшествующій имъ. Отъ жаровъ, палящихъ почву, къ дождямъ, ее оплодотворяющимъ, переходъ очень быстрый: вдругъ видишь всходящія растенія, распускающіеся цвѣтки, вездѣ появляется новая зелень; земледѣльцы спѣшатъ запашкой и посѣвомъ, и сырой сезонъ еще не прошелъ, какъ уже можно собирать плоды.

Отъ безводной и бесплодной Сахары къ обильно орошаемому и плодородному равнинному Судану переходъ совершается постепенно, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ почва совершенно ровная или имѣетъ нечувствительную покатость въ томъ или другомъ направленіи. Дюны слѣдуютъ за дюнами, скалы за скалами, но въ атмосферѣ и на землѣ замѣчаются маленькія перемены, одна за другой. Восточный вѣтеръ уже не дуетъ съ такимъ неуклоннымъ постоянствомъ; по временамъ чувствуется вѣяніе южной бризы, приносящей болѣе влажный воздухъ и нагоняющей полосы бѣлыхъ облачковъ, на подобіе бахромы изъ пѣны, катящейся передъ морской волной; роса становится обильнѣй, перепадающіе дожди смачиваютъ почву въ періодъ муссона. Появляется какое-нибудь новое растеніе, затѣмъ другое, третье; кустарники имѣютъ менѣе ползучій, приземистый видъ; далѣе показываются деревья, сначала по одиночкѣ; еще южнѣе они соединяются въ группы, образуютъ рощицы, лѣски; наконецъ, степь покрывается тамъ и сямъ настоящими лѣсами. Однако, преобладаютъ еще древесныя породы съ рѣдкой листвою, не нуждающейся въ большой влажности воздуха, каковы акаціи, господствующій видъ которыхъ проходитъ черезъ весь континентъ, отъ береговъ Атлантики до береговъ Краснаго моря. Земля еще не настолько плодородна, чтобы человекъ могъ съ успѣхомъ воздѣлывать почву, но травяная растительность очень обильна. Въ этой промежуточной полосѣ между Сахарой и Суданомъ животная жизнь отличается изумительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ:

антилопы, газели мириадами бѣгаютъ по равнинѣ; страусы, которыхъ всегда встрѣчаютъ въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ водится антилопа могорь, такъ же многочисленны въ этомъ природномъ паркѣ, какъ были нѣкогда въ алжирскихъ плоскогоріяхъ, по другую сторону пустыни; жирафы разгуливаютъ стадами; слоны, въ правильномъ боевомъ порядкѣ, самцы въ и малыши въ центрѣ, ежедневно совершаютъ походы съ пастбища къ водою и обратно; въ сосѣдствѣ озера и проточныхъ водъ каждый лѣсъ камышей скрываетъ въ своей чащѣ бегемотовъ. Когда туземные музыканты ударятъ въ свои тамтамы, со всѣхъ сторонъ сбѣгаются толстокожія чудовища, привлеченныя звуками оглушительной музыки¹⁾. Нѣтъ недостатка, въ этой области, и въ крупныхъ хищникахъ, львахъ и гиенахъ. Каждое дерево, каждая горка построенная термитами, имѣетъ свою колонію пернатыхъ; птицы-ткачи привѣшиваютъ свои мѣшкообразныя гнѣзда на гибкихъ вѣтвяхъ, а лужи усыяны цаплями, аистами, пеликанами, гусями и утками. При малѣйшемъ дождикѣ почва кишитъ мельчайшими животными, словно вырастающими изъ земли; змѣй здѣсь очень много; стеножки выползаютъ изъ своихъ норокъ процессіей, попадая подъ ноги верблюдовъ, которые немилосердно давятъ ихъ; иногда, точно чудомъ, появляются милліарды маленькихъ красныхъ пауковъ: туземцы воображаютъ, что европейскій бархатъ фабрикуется изъ этихъ пауковъ, плотно прикладываемыхъ другъ къ другу²⁾.

На югъ отъ этого краеваго пояса пустыни, гдѣ дикія животныя находятся въ такомъ большомъ числѣ, но гдѣ человѣкъ почти отсутствуетъ, простирается область, усыянная человеческими жилищами, но гдѣ свободная фауна имѣетъ сравнительно очень мало представителей: присутствие человѣка измѣняетъ первоначальное равновѣсіе природы, замѣняя дикихъ звѣрей домашними животными. Подобная же перемѣна происходитъ во флорѣ, но въ меньшей степени, и въ цѣломъ растительность увеличивается въ мощи и разнообразіи, по мѣрѣ того, какъ подвигаемся въ южномъ направленіи къ экваторіальному поясу обильныхъ дождей. Въ саваннахъ начинается показываться пальма думъ, еще слабая и приземистая; во внутреннемъ Борну она является во всей своей силѣ, въ перемежку съ пальмой делебъ; въ Багирми и въ территоріи Мандара она не переходитъ за предѣлы области равнинъ. Поясъ пальмы думъ совпадаетъ съ поясомъ тамаринда, огромнаго вѣтвистаго дерева, подъ которымъ любятъ отдыхать караваны; затѣмъ, идя далѣе къ югу, все чаще и чаще встрѣчаешь около деревень громадные баоба-

бы, съ толстыми вѣтвями, нѣрѣдко совершенно оголенными, такъ какъ листва ихъ идетъ въ пищу людямъ и животнымъ. Однако, центральный Борну нигдѣ не представляетъ двѣстенаго лѣса, образующаго одну сплошную массу зелени, съ непроницаемой стѣною лианъ.

Наконецъ, въ южномъ Багирми высокая древесная растительность захватываетъ всю страну, даже вдали отъ проточныхъ водъ и прудовъ; акаціи, изъ которыхъ, въ сосѣдствѣ Сахары, состоялъ весь лѣсъ, представлены здѣсь лишь рѣдкими видами; лугъ утратилъ всякое сходство со степью, трава большую часть года сохраняется зеленою и свѣжею. Отдѣльныя деревья отличаются большими размѣрами и болѣе величественнымъ видомъ; появляются новыя древесныя породы, свойственныя экваторіальному поясу. Къ числу этихъ великолѣпныхъ деревьевъ юга принадлежитъ, между прочимъ, бавольникъ, длинныя, горизонтальныя вѣтви котораго расположены ярусами вокругъ ствола и увѣшаны плодами, имѣющими форму веретена; изъ стручка выдѣляется пухъ, не менѣе нѣжный, чѣмъ гагачій, и употребляемый для набивки подушекъ, матрацевъ, нагрудниковъ; онъ имѣетъ то достоинство, что никогда не сбивается въ комки. Менѣе красиво, но еще болѣе полезно въ экономіи этого края, какъ и въ экономіи области верхняго Нигера, масляное дерево (*butyro pergamum* или *bassia Parkii*), столь драгоцѣнное въ странѣ, гдѣ домашнія животныя даютъ очень мало молока; нѣкоторые европейскіе путешественники предпочитаютъ масло, изготовляемое изъ плодовъ этого дерева, животному маслу, которое хозяйки въ Борну имѣютъ обыкновеніе обрабатывать помощью коровьей мочи. Другое характеристическое дерево южнаго Багирми—паркія (*parkia biglobosa*), стручки которой, висѣющіе на вѣткахъ гроздьями, содержатъ бобы, которые туземцы сушатъ и размалываютъ въ муку; приготовляемая изъ этой муки каша очень пріятна на вкусъ, но слишкомъ питательна; ее употребляютъ почти исключительно какъ лѣкарство при желудочно-кишечныхъ болѣзняхъ. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ на озерѣ Чадъ, гдѣ лѣтомъ, по обычаю арабскихъ постуховъ, выжигаютъ траву, деревья, слишкомъ богатыя сокомъ, слишкомъ сырыя, чтобы воспламениться, нисколько не страдаютъ отъ пожара. Какъ степи сѣверной Европы, эти равнины центральной Африки по временамъ бываютъ покрыты облакомъ дѣваго дыма, происходящаго отъ сжиганія низкихъ растений на обширныхъ пространствахъ³⁾.

Поясу сѣверныхъ степей, столь богатому дикими животными, соответствуетъ другой подобный поясъ на югѣ, гдѣ, благодаря рѣдкости заселенныхъ и воздѣланныхъ земель, снова

¹⁾ G. Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ H. Barth, „Reisen und Entdeckungen in Nord und Central-Africa“.

³⁾ Vogel, „Zeitschrift für Erdkunde“, 1856.

появляется первобытная фауна, собакоголовы обезьяны, львы и другіе представители кошачьяго рода, слоны, бегемоты и носороги. Встрѣчающійся въ южномъ Удаѣ абукорнъ или «отецъ роговъ», въ которомъ хотѣли было признать сказочнаго «единорога»¹⁾, есть просто носорогъ о двухъ рогахъ, расположенныхъ одинъ за другимъ на мордѣ животнаго²⁾. Въ Багирми міръ мелкихъ животныхъ представляетъ большое множество видовъ. Бартъ и Наатигаль описываютъ это королевство, какъ страну насѣкомыхъ по преимуществу: скорпионы, муравьи, термиты, черви кишатъ тамъ обильнѣе, чѣмъ во всякой другой части Африки. Муха цеце или какой-то другой подобный ей видъ является настоящимъ бичемъ въ нѣкоторыхъ округахъ, и путешественники, проѣзжающіе черезъ эти мѣстности, обыкновенно теряютъ всѣхъ своихъ лошадей. Тамъ нерѣдко можно встрѣтить *моткумы* (постройки термитовъ), пирамидальныя массы которыхъ, похожія на жилища носороговъ, но болѣе солидныя, вѣками противостоятъ дѣйствию солнца и проливныхъ дождей; Бартъ видѣлъ пирамиды, воздвигнутыя этими насѣкомыми, до 12 метровъ (болѣе 5 съ половиной сажень) въ вышину и до 60 метровъ (28 саж.) въ окружности. Путники на привалѣ ничѣмъ не могутъ защитить себя отъ нападений термитовъ, какъ только окруживъ все становище козломъ ядовитыхъ растений, чрезъ которые не осмѣливаются переползать грозныя насѣкомыя. Въ сезонъ дождей термиты, окрылившись, неуклюже летаютъ вокругъ родимыхъ пирамидъ; тогда жители, особенно дѣти, убиваютъ ихъ миллиардами, для употребленія въ пищу; точно также во время голодовокъ туземцы разрываютъ ихъ галлерей, чтобы пользоваться сложеными тамъ запасами зерна³⁾. Современемъ натуралисты, безъ сомнѣнія, дадутъ намъ точную классификацію многочисленныхъ муравьиныхъ породъ, обитающихъ въ Багирми: тамъ можно встрѣтить муравьевъ всевозможной величины, отъ мельчайшихъ, почти неувидимыхъ для простаго глаза, до гигантовъ въ два сантиметра длиной; есть муравьи черные, сѣрые, зеленые, коричневые, красные, бѣлые, и въ этомъ мірѣ насѣкомыхъ, какъ въ Европѣ, существуютъ всѣ формы государственнаго устройства, военныя аристократія и демократическія республики, всѣ равно трудолюбивы, такъ что туземцы называютъ ихъ *кида-кида*, т. е. «трудъ-трудъ». Муравьи (орусеропус аѳіопісис) дѣлаютъ раскопки въ муравьиныхъ горкахъ своей

страшной мордой, пожирая съ каждымъ глоткомъ сотни ихъ обитателей.

Фауна озера Чадъ, какъ кажется, очень богата; къ сожалѣнію, описанія ея, сдѣланныя Овервегомъ, частью потерялись, частью не могли быть дешифрованы. Островное населеніе озера живетъ главнымъ образомъ рыбой и даже во внутреннемъ Борну, жители котораго питаются преимущественно растительной пищей, рыба привозится въ значительныхъ количествахъ и получила названіе *буни*, т. е. «кормъ», какъ пища по преимуществу. Между рыбами, о которыхъ упоминаютъ путешественники—ислѣдователи, особенно замѣчательна одна, которую туземцы очень боятся по причинѣ ея страшной силы и плотоядныхъ инстинктовъ. Въ водахъ озера и его притоковъ водится также электрическая рыба (*malacopterus*), очень опасная, такъ какъ ей достаточно одного разряда, чтобы оглушить на нѣсколько минутъ человѣка, нечаянно до нея дотронувшагося. Подобно морю, Чадъ и его притокъ Шаримъ имѣютъ китообразныхъ млекопитающихъ, именно одинъ видъ ламантина или маната (травояднаго кита), называемаго *manatus Vogelii*, въ память путешественника, который первый далъ его описаніе. Въ сосѣдствѣ береговъ воды населены крокодилами: на южной сторонѣ рѣкъ тѣмъ священнымъ деревьямъ, говорятъ, защищаютъ отъ этихъ животныхъ женщины и дѣтей, приходящихъ наполнять свои кувшины.

Роды земледѣльческой культуры у прибрежныхъ жителей озера Чадъ и его притоковъ тѣ же, что въ долинѣ Нила. Ихъ главные хлѣбныя растенія—дохъ и дурра, которые они сѣютъ, первый—въ песчаныхъ земляхъ сѣвера, вторую—въ болѣе плотной почвѣ юга. Посѣвъ производится не разбрасываніемъ зерна горстью, какъ въ Европѣ, а такимъ образомъ, что мужчина, идя по бороздѣ, дѣлаетъ въ паши сажальнымъ коломъ на равныхъ разстояніяхъ ямки, на которыя слѣдующая позади женщина кладетъ сѣмена. Кромѣ этихъ зерновыхъ хлѣбовъ, служащихъ для приготовленія повседневной похлебки, жители Борну и ихъ сосѣди воздѣлываютъ также манис (кукурузу), рисъ, кунжутъ, земляныя фисташки; едва лужи сдѣлаются доступными, какъ въ грязи сѣютъ уже особый сортъ сорго. Поля, засѣянные пшеницей и ячменемъ, можно встрѣтить только въ сосѣдствѣ городовъ: эти хлѣба введены здѣсь недавно, также какъ деревья фиговое, лимонное и гранатовое. Деревья эти достигаютъ необычайныхъ размѣровъ, но плоды ихъ не такъ хороши, какъ въ странахъ по берегамъ Средиземнаго моря.

Что касается домашнихъ животныхъ, то въ этомъ отношеніи замѣчается меньше разницы, чѣмъ можно бы было ожидать, между этими тропическими областями Судана и берегами

¹⁾ Fulgence Fresnel, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, 1849;—d'Escaillac de Lauture, „Mémoire sur le Sudân“.

²⁾ G. Nachtigal, „Petermann's Mittheilungen“, Heft VI, 1874.

³⁾ H. Barth, цитиров. сочиненія.

Берберин. Лошади и коровы, ослы, овцы и козы находятъ для себя вполне благоприятныя условія въ прибрежныхъ мѣстностяхъ озера Чадъ; не взирая на запретъ ислама, жители Куки держатъ также стада свиней, которыя, совместно съ хищными птицами, очищаютъ улицы отъ падали и всякихъ отбросовъ. Верблюдовъ въ Борну мало, если исключить находящуюся въ сѣверной его части землю племени койамовъ, которымъ удалось акклиматизировать одну разновидность этихъ животныхъ: въ другихъ мѣстностяхъ они быстро чахнутъ, и потому приходящіе съ сѣвера купцы спѣшатъ отправить своихъ верблюдовъ обратно въ Феццанъ. Когда Бартъ, первый изъ европейцевъ, проникъ въ провинцію Адамауа, во всѣхъ деревняхъ, черезъ которыя онъ проходилъ, народъ сбѣгался посмотреть, какъ на нѣкое чудо, на бѣлаго человѣка и всего больше дивился дикиннымъ звѣрямъ—верблюдамъ. Быки составляютъ нѣсколько различныхъ породъ, изъ которыхъ одна отличается огромными рогами въ формѣ лиры, имѣющими до 50 сантиметровъ въ окружности основанія; есть также порода съ мясистымъ горбомъ на спинѣ, какъ у зебу, и съ короткими подвижными рогами, качающимися при каждомъ шагѣ животного¹⁾. Лошади, которыя были приведены изъ сѣверной Африки въ первые времена мусульманской пропаганды, почти не переродились въ Борну; однако, въ среднемъ, онѣ нѣсколько мельче варварійской породы и не такъ стройны, хотя не уступаютъ ей въ выносливости, живости, быстротѣ; рѣдкія изъ нихъ знаютъ другой аллюръ, кромѣ длиннаго шага и галопа. Эти животныя пользуются самымъ заботливымъ уходомъ со стороны своихъ хозяевъ: конюшни всегда содержатся очень опрятно и защищены отъ «дурнаго глаза» высокими стѣнами, украшенными разными амулетками.

II. У а д а й.

Въ бассейнѣ озера Чадъ политическое преобладаніе принадлежитъ нынѣ Удаю или Боргу, хотя ни по численности населенія, ни по богатству онъ далеко не можетъ претендовать на первенство между тамошними государствами. Собственно Удай—небольшая область, лежащая на западъ отъ горной цѣпи Тирдзе, но площадь завоеванной территоріи по крайней мѣрѣ вдесятеро обширнѣе, и земли, занимаемыя вассальными племенами, не считая земель Канема и Багирми, продолжаютъ на сѣверъ и на югъ владѣнія тамошняго султана до неизслѣдованныхъ пространствъ. Удай—одно изъ тѣхъ государствъ африканскаго кон-

тинента, которыя имѣютъ наиболѣе точныя границы. На востокъ онъ официально соприкасается съ Дарфуромъ, отъ котораго не отдѣленъ никакой естественной границей, но лежащая между ними промежуточная полоса или марка занята кочевыми населеніями. На сѣверѣ и сѣверо-западѣ переселенія вассальныхъ народцевъ съ пастбища на пастбище даютъ Удаю подвижную границу въ направленіи къ пустынѣ; на западѣ войны и разбойничьи экспедиціи часто измѣняютъ пограничную черту; наконецъ, съ южной стороны неизвѣстно, докуда простираются территоріи покоренныхъ племенъ: тамъ начинаются области еще неизслѣдованныя, составляющія пробѣлъ на картахъ Африки. Поэтому пространство Удая можно пока опредѣлять только по сѣткѣ градусовъ. Совокупность подвластныхъ ему земель по протяженію почти равна Франціи, но плотность ихъ населенія, включая сюда и кочевниковъ, въ пятнадцать разъ меньше, по исчисленіямъ Нахтигала. Этотъ путешественникъ приблизительно опредѣляетъ пространство Удая въ 444.550 кв. километровъ, а народонаселеніе въ 260.000 душъ, такъ что, въ среднемъ, приходится по 6 жителей на квадратный километръ.

Почти всѣ попытки путешественниковъ-исслѣдователей посѣтить Удай имѣли печальный исходъ. Кюни, Беурманъ погибли, пытаясь проникнуть въ эту страну, одинъ съ востока, другой съ запада. Въ 1855 году Фогель, болѣе счастливый, добрался до Удая и прожилъ нѣкоторое время въ его столицѣ; но выйти оттуда ему не было суждено: фанатики-мусульмане зарѣзали его, чтобы изгладить слѣды его шаговъ, осквернившихъ почву ихъ родины, и вскорѣ послѣ его смерти о немъ стали распространять самые нелѣпые слухи: говорили, что этотъ христіанинъ имѣлъ злое намереніе навлечь бѣду на край своимъ колдовствомъ. Когда Нахтигаль проникъ въ Удай, въ 1873 году, онъ былъ упрежденъ крайне незавидной репутацией, которой пользуются въ центральной Африкѣ вообще всѣ европейцы, благодаря розсказнямъ арабскихъ купцовъ и негритянскихъ пилигримовъ. Туземцы ожидали увидать въ немъ каннибала, обладающаго искусствомъ магіи, при помощи котораго бѣлая раса достигла промышленнаго и политическаго могущества. Но этотъ путешественникъ, по счастью, былъ одинъ изъ тѣхъ, которые смотрятъ серьезно на свою роль цивилизатора, и его скромное поведеніе, его гуманное обращеніе со всѣми вскорѣ доставило ему многочисленныхъ друзей среди мѣстнаго населенія. Тѣ самые люди, которые въ первые дни убѣгали отъ него съ ужасомъ, произнося стихи фаты, какъ формулу заклинанія, теперь охотно вступали съ нимъ въ сношенія и радостно удивлялись, что не находятъ у этого чужестранца никакихъ недостатковъ, кромѣ одного—что онъ не повторяетъ вмѣстѣ

¹⁾ G. Nachtigal, цитированное сочиненіе.

съ ними: «Аллахъ есть Аллахъ, а Магометъ его пророкъ!» «Да ты лучше насъ, говорили они ему, ты добрый и сострадательный, никогда не лжешь, говоришь и читаешь по-арабски, не пьешь даже пива, какъ мы, и ходишь прямо въ путяхъ твоихъ». Благодаря, можетъ-быть, этому счастливому влиянію, новые изслѣдователи, Маттеучи и Массари, могли явиться въ Удай, въ 1879 году, чтобы продолжать дѣло Нахтитала; но они должны были быстро пройти страну, подъ надзоромъ сопровождавшихъ ихъ соглядатаевъ, и измѣнить заранѣе начертанный маршрутъ, такъ какъ война въ Суданѣ прервала сообщенія съ побережьемъ Средиземнаго моря ¹⁾.

Пропорціонально, арабы или по крайней мѣрѣ «арабизованные» гораздо болѣе многочисленны въ Удай, чѣмъ въ другихъ частяхъ Судана, удаленныхъ отъ Нильскаго бассейна; однако, не имъ принадлежитъ политическое господство: туземныя расы сохранили за собой преобладающую роль, и одна нигриційская группа племенъ, Маба, присвоиваетъ себѣ титулъ благородныхъ по преимуществу. Эти мабасы, составляющіе, по Нахтигалю, около седьмой части населенія, обитаютъ въ собственномъ Удай, къ сѣверу отъ рѣки Бетеха, до слиянія ея съ другой рѣкой, называемой Бата; кромѣ того, болѣе многочисленные народцы, родственные по расѣ, но не пользующіеся привилегіей родовитости, живутъ южнѣ въ долинѣ Баты. Присвоенное мабасами родовое достоинство благородныхъ людей приписывается давности ихъ обращенія въ исламъ: они приписываютъ себѣ заслугу распространенія новой вѣры въ странѣ. Впрочемъ, ихъ расѣ дѣйствительно принадлежитъ первое мѣсто между населяющими Удай племенами: особенно прославляются военные подвиги кодовыхъ или «горцевъ», живущихъ въ сѣверо-восточной скалистой области, которыхъ арабы обыкновенно называютъ «бусенунъ», т. е. «отцы зуба», за красноватый цвѣтъ ихъ зубовъ, происходящій отъ особаго свойства воды ихъ горъ. Діалектъ мабасовъ, *бора-мабанъ*, общій всѣмъ племенамъ этой расы, очень распространенъ и у другихъ народцевъ, какъ общепотребительный языкъ торговли. Бартъ собралъ полный словарь этого нарѣчія.

Абу-шарибъ, или «отцы усовъ», также говорящіе особымъ языкомъ, живутъ, главной своей массой, къ югу и къ юго-востоку отъ мабасовъ, отдѣленные отъ своихъ единоплеменниковъ, тамасовъ, которые обитаютъ въ горахъ Тама, на сѣверо-востокъ отъ Уары, бывшей столицы королевства. Тамасы славятся храбростью, подобно своимъ сосѣдямъ кодовымъ, и долгое время отстаивали свою независимость

противъ мабасовъ. Массалиты, номады, кочующіе въ восточной пограничной территоріи между Удаемъ и Дарфуромъ, тоже оставались свободными отъ всякаго ига до недавней эпохи; ихъ обвиняли въ варварскихъ обычаяхъ, и нѣкоторые изъ ихъ племенъ, на границахъ Дарфура, слыли за людоедовъ ¹⁾. Другую группу могущественныхъ народцевъ образуютъ кукасы и булалы, населяющіе нижнюю долину рѣки Бата и основавшіе государство Фитри, пользующееся еще нѣкоторой автономіей и управляемое султаномъ, который хотя состоитъ въ вассальной зависимости отъ удайскаго султана, но тѣмъ не менѣе считается выше его по происхожденію. Горцы массива Медого или Мидаго ²⁾, близъ озера Фитри, тоже почти независимы, благодаря кручамъ ихъ естественной цитадели изъ скалъ и окружающимъ ее обширнымъ лѣсамъ. Кукасы играли извѣстную роль въ общемъ движеніи, которое часто увлекло на западъ восточныхъ завоевателей, и войны ихъ не разъ опустошали сельскія мѣстности Багирми. На сѣверѣ отъ собственного Удаа, зогавы, которые тоже нѣкогда были завоевателями, представлены нѣсколькими племенами, также какъ ихъ соплеменники, дазы и теды.

Почти всѣ сѣверные народцы, прямо или косвенно подвластные султану Удаа, составляютъ часть великой семьи ислама и отличаются большой ревностью къ вѣрѣ. Удай является центромъ мусульманской пропаганды, такъ что мабасы почти всѣ поголовно присоединились къ сектѣ сенусіевъ: султанъ ихъ сдѣлался союзникомъ, чуть не слугой гротмейстера этого ордена, имѣющаго пребываніе въ оазисѣ Фаредга, между Египтомъ и Триполи. Иммигранты Удаа, фулы и другіе, и всѣ тѣ, которыхъ обозначаютъ общимъ именемъ такруръ или такариръ, подобно жителямъ Метамеха, на границахъ Абиссиніи, и тукулерамъ Сенегала, стараются вербовать прозелитовъ вокругъ себя; однако, большинство покоренныхъ или вассальныхъ племенъ южнаго Удаа остались идолопоклонниками или по крайней мѣрѣ сдѣлались магометанами только по имени. Такъ, кути, принадлежащіе къ той же расѣ, какъ рунга мусульмане, ихъ сосѣди на сѣверо-востокѣ, сохранили обряды шаманства; они походятъ на язычниковъ Багирми, своихъ западныхъ сосѣдей на пространствѣ двухсотъ или трехсотъ километровъ. Южнѣ, въ области съ неопредѣленными границами, извѣстной подъ названіемъ даръ-Банда, обитаютъ другіе народцы *кафиръ* (невѣрные), различнаго происхожденія и языка. Жители Банды, сосѣди нямъ-нямовъ, часто называемые тѣмъ же именемъ, такіе же людоеды, какъ и эти послѣдніе;

¹⁾ Della Vedova, „Pellegrino Matteucci ed il suo diario inedito“; — „Bollettino della Società Geografica Italiana“.

²⁾ Barth;—Nachtigal, цитированное сочиненіе.

³⁾ Matteucci, „Bollettino della Società Geografica Italiana“, 1881.

они поклоняются богинѣ Уамба, которой при- обязаны принести въ даръ богинѣ бусы и со-
носятъ пиво и первую добычу звѣринаго лова; ли, прежде чѣмъ начать торговлю ¹⁾. По сло-

Видъ на берегахъ Шари.

передъ ея идоломъ они произносятъ клятвы и совершаютъ обрядъ благословенія своихъ дѣтей и рабовъ; купцы, даже изъ мусульманъ, вамъ туземцевъ этотъ, край ограниченъ на югѣ.

Географія Реклю. т. XII.

¹⁾ G. Nachtigal, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin“, 1875.

большой рѣкой, бахръ-Кута, «населенной крокодилами и бегемотами», которая будто-бы не уступить Шари по размѣрамъ и объему жидкой массы, и течетъ въ направленіи съ востока на западъ, какъ Бахръ-эль-Абиадъ, но не принадлежитъ къ его бассейну. Рѣдкіе мусульманскіе путешественники, рассказывавшіе Нахтигалю объ этомъ потокѣ, говорили, что онъ спускается «къ странѣ феллатовъ». Новѣйшія изслѣдованія даютъ большой вѣсъ гипотезѣ, принимающей эту рѣку за продолженіе Уэлле или какого-нибудь другаго изъ главныхъ потоковъ Конго.

Арабы Уадаа извѣстны подъ именемъ «арамка», а не подъ именемъ «шоа», какъ арабы Борну и Багирми. Самое многочисленное изъ ихъ племенъ, поселившееся въ странѣ слишкомъ пятьсотъ лѣтъ тому назадъ,—махамиды, очень богатые верблюдами и другимъ скотомъ; становища ихъ сосредоточены главнымъ образомъ въ сѣверныхъ долинахъ Уадаа и въ степяхъ, простирающихся далеко по направленію къ Борку и къ Тибести. Другіе арабы, болѣе или менѣе смѣшанные съ нубійцами, живутъ отдѣльными племенами во всѣхъ частяхъ Уадаа, и почти всѣ они пастухи-кочевники. Ихъ дѣлятъ на двѣ группы, по цвѣту кожи. Самые темные называются сурукъ, т. е. «черные»; самые свѣтлые—гомръ, т. е. «красные». Арабскій элементъ представленъ также у джеллабовъ или айяль-эль-бахръ, т. е. «дѣтей рѣки»: это торговцы, возящіе товары и продукты между Уадаемъ и «Рѣкой», т. е. Ниломъ. Организуемые ими караваны проникаютъ на западъ въ Суданъ, на югъ—въ даръ-Банда, на юго-востокъ—въ Рѣчную область: они вывозятъ главнымъ образомъ невольниковъ, слоновую кость, страусовыя перья, мѣдь; ввозятъ—соль и разные товары европейскаго издѣлія. Дорога изъ пустыни къ Бенгази, которой стали довольно часто пользоваться съ тѣхъ поръ, какъ война заперла путь по долинѣ Нила, дала имъ возможность ввозить оружіе и боевые припасы, покупаемые въ большомъ количествѣ туземцами со времени освобожденія ихъ изъ-подъ власти египетскаго правительства.

Абешръ или Абеше, нынѣшняя столица Уадаа, лежитъ въ даръ-Маба, или «землѣ племени маба», недалеко отъ караванной дороги, ведущей изъ Хартума въ Куку черезъ Кордофанъ и Дарфуръ. Это городъ новый, основанный въ 1850 году тогдашнимъ султаномъ, которому въ прежней его резиденціи постоянно угрожали набѣги горцевъ. Хотя построенный въ мѣстности, очень бѣдной водой, Абешръ приобрѣлъ нѣкоторую важность, какъ военный центръ страны и какъ очагъ религіозной пропаганды. Уара, бывшая столица, развалины которой находятся километрахъ въ сорока къ сѣверу отъ Абешра, была покинута жителями: отъ нея остались только кирпичная мечеть съ

многограннымъ минаретомъ, да на вершинѣ скалы священная хижина, гдѣ султанъ, по обычаю, долженъ провести недѣлю при восшествіи на престолъ; говорятъ, Фогель за то и былъ преданъ смерти, что осмѣлился проникнуть въ этотъ священный домикъ¹⁾. Отъ султанскихъ дворцовъ сохранились лишь безформенныя развалины стѣнъ; только одна убогая деревушка, Гандигинъ, обитаемая нѣсколькими семьями несчастныхъ, ютится теперь въ углу амфитеатра песчаныхъ холмовъ, отъ которыхъ городъ получилъ, въ семнадцатомъ столѣтіи, свое имя Уара, означающее «запертый городъ». На западъ отъ Уары, городъ или, вѣрнѣе, большое мѣстечко Нимро есть центръ колоніи джеллабовъ, но не главный складочный пунктъ товаровъ этихъ караванщиковъ, обходящихъ страну по всѣмъ направленіямъ. Въ Уадаѣ почти нѣтъ городовъ въ собственномъ смыслѣ, а только мѣстечки въ нѣсколько сотъ домовъ; самое большое изъ нихъ—Кодогусъ, лежащій въ 200 километрахъ къ югу отъ Абешра, въ краѣ, населенномъ арабами и абу-шарибами. На сѣверо-западѣ въ горахъ, мѣстечко Гаміенъ славится своими теплыми ключами. На берегахъ озера Фитри, городъ Яуа слышется однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ Судана: это столица племени булала²⁾. Недостатокъ воды часто былъ причиной голодовокъ въ странѣ; во время одного большаго неурожая жители принуждены были питаться сердцевиной деревьевъ и вырубали всѣ пальмы делебъ въ долинѣ рѣки Бата.

Султанъ Уадаа, происходящій изъ нубійскаго племени гемиръ, властвуетъ непосредственно только надъ сѣверной частью государства. Эта часть дѣлится, какъ Дарфуръ, на провинціи, называемыя по странамъ свѣта и управляемыя намѣстниками, или кемакель, которые имѣютъ право жизни и смерти надъ своими подданными, подъ условіемъ исправной уплаты султану обычной дани. Но арабскія племена этихъ провинцій имѣютъ каждое особаго старшину, на обязанности котораго возлагается собраніе налога, деньгами или натурой. Смотря по роду промысловъ и прежде бывшимъ примѣрамъ, подати бываютъ разныя: инныя деревни должны доставлять невольниковъ, другія посылаютъ лошадей или рогатый скотъ, медъ или хлѣбъ. Тайный совѣтъ, или фашеръ, помогаетъ султану въ управленіи страной, а улемы или факихи являются истолкователями закона, т. е. Корана и его комментаріевъ, хотя мѣстный обычай не всегда согласенъ съ предписаніями этой священной книги, еще очень часто соблюдается. Армія, около 7.000 человекъ, употребляется главнымъ образомъ для экспедицій: отряды войска обходятъ вассальныя земли, Багирми,

¹⁾ Н. Barth, цитированное сочиненіе.

²⁾ D'Escayrac de Lauture, «Mémoire sur le Soudan»; — Matteucci, цитированное сочиненіе.

Фитри, восточный Канемъ, даръ-Рунга, чтобы собрать насильно налогъ, который не былъ бы присланъ добровольно.

III. Канемъ.

Въ обширномъ смыслѣ, какъ область Судана, Канемъ есть страна въ 75.000 или 80.000 квадр. километровъ, ограничиваемая: на юго-западѣ — неопредѣленнымъ берегомъ озера Чадъ, на юго-востокѣ — долиной Бахр-эль-Газала, на западѣ — большой караванной дорогой изъ Борну въ Триполи, на сѣверѣ — линіей колодцевъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на рубежѣ между степью и пустыней. Но въ болѣе тѣсномъ значеніи собственно Канемъ есть треугольное пространство, основание котораго составляетъ озерное побережье, а вершину пересѣчение двухъ линій, параллели и меридіана, проведенныхъ изъ двухъ угловъ озера, на сѣверѣ и юго-востокѣ. Пространство это обнимаетъ область лѣсовъ и возлѣванныхъ земель, — область, гдѣ поселились, въ числѣ около сотни тысячъ, всѣ жители Канема. На сѣверѣ простираются, едва пересѣченныя, равнины Манга, которыя уже представляютъ степь, но еще не пустыню.

Очагъ магометанской пропаганды съ начала десятаго вѣка, королевство Канемъ въ продолженіи пятисотъ лѣтъ было могущественнѣйшимъ государствомъ средней Африки; затѣмъ, около 1500 года, центръ могущества передвинулся въ Борну, подъ напоромъ завоевателей, пришедшихъ съ востока, буламовъ, народа, родственнаго по расѣ кануріямъ. Съ той поры Канемъ не вернулъ себѣ независимости: онъ принадлежалъ послѣдовательно буламамъ, кануріямъ Борну, дамамъ; въ настоящее время онъ повинуетъ арабамъ. Эти арабы, изъ племени ауладъ-слиманъ, господствующіе теперь въ Канемѣ, и храбрость которыхъ внушаетъ страхъ всѣмъ сосѣднимъ народцамъ, далеко за предѣлами этой страны, составляютъ, однако, весьма незначительную часть населенія королевства. Въ 1871 году Нахтигаль исчислялъ ихъ соединенныя силы въ тысячу человекъ, изъ нихъ половина наѣздинокъ. И тѣмъ не менѣе эта малочисленная группа воинственныхъ клановъ, подчасъ раздѣленныхъ внутренними ссорами изъ-за дѣлежа добычи, успѣла терроризировать всѣ народы страны, заключающейся между Борну, Анромъ и Удаемъ: у дазовъ и другихъ украинныхъ народцевъ сѣвернаго Судана они извѣстны подъ именемъ минеминне, т. е. «пожирателей». Это мѣткое прозвище дано имъ, говорятъ, за ихъ ожорство, но его можно употребить также и въ переносномъ смыслѣ: они дѣйствительно пожирали землю, на которой разбивали свои шатры; во многихъ мѣстахъ проходъ ихъ отмѣченъ

полнымъ опустошеніемъ: не осталось ни жителей, ни стадъ, ни полей. Ауладъ-слиманы происходятъ изъ прибрежныхъ степей Большаго Сирта, гдѣ и теперь еще живутъ нѣскольکو арабскихъ племенъ ихъ крови; зимой и весной они кочевали со своими стадами вблизи Средиземнаго моря, но въ началѣ лѣта поднимались вверхъ по долинамъ уади и проникали въ оазисы Феццана, гдѣ владѣли нѣсколькими пальмовыми рощами; затѣмъ, тотчасъ послѣ сбора плодовъ, опять спускались къ морскому берегу. Вслѣдствіе продолжительныхъ и кровопролитныхъ войнъ съ турками Триполи, большинство ауладъ-слимановъ принуждены были покинуть родныя степи и искать убѣжища въ окружающихъ странахъ; нѣкоторые челобитчики пробрались даже ко двору Мегемета-Али. Главная масса прогнанныхъ турками племенъ бросилась въ южномъ направленіи, черезъ Феццанъ, не затѣмъ, однако, чтобы смиренно просить себѣ пріюта у суданскихъ населеній, но, напротивъ, чтобы жить грабежомъ на счетъ туземцевъ, мирныхъ земледѣльцевъ или пастуховъ. Сначала они поселились въ Борку, край, изобилующемъ пальмовыми рощами; но тамъ имъ показалось слишкомъ далеко отъ караванной дороги и отъ рынковъ Судана, и, продолжая свой исходъ изъ родной страны, они водворились, наконецъ, въ Канемъ, непосредственно къ сѣверу отъ озера Чадъ и въ близкомъ сосѣдствѣ естественнаго пути, соединяющаго рынки Судана съ триполійскими портами. Оазисы Куаръ и солончаки Бильма, обязательныя мѣста привала для каравановъ и рынки всѣхъ сахарскихъ племенъ, сдѣлались главнымъ театромъ ихъ разбойничихъ подвиговъ, и рассказываютъ, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ они захватили тамъ болѣе пятидесяти тысячъ верблюдовъ. Но въ своихъ военныхъ экспедиціяхъ они не разъ сталкивались съ туарегами, и послѣдніе рѣшились отомстить имъ: въ 1850 году нѣсколько тысячъ туареговъ, почти исключительно изъ анрского племени кель-ови, на коняхъ и верблюдахъ, пустившись въ погоню за ауладъ-слиманами, настигли ихъ въ Канемѣ, въ 800 километрахъ отъ горъ Апра, и окружили въ одной узкой долинѣ. Едва десятка два арабовъ избѣгли смерти отъ руки туареговъ, и можно было думать, вмѣстѣ съ Бартомъ, что роль ауладъ-слимановъ навсегда покончена въ центральной Африкѣ; но менѣе, чѣмъ въ двадцать лѣтъ могущество этихъ неукротимыхъ грабителей возстановилось: къ пережившимъ побоище присоединились новые выходы изъ Триполи, орфеллы и другіе; туземцы, пытавшіеся было свергнуть съ себя иго, снова стали просить пошадъ, и грабежи возобновились по всей странѣ, простирающейся на сѣверъ и на востокъ отъ озера Чадъ. Даже султаны Борну и Удаи добивались союза съ этими грабителями. и жи-

тели многихъ оазисовъ въ Борку не осмѣливались прикасаться къ созрѣвшимъ плодамъ своихъ собственныхъ финиковыхъ пальмъ: они ждали, когда ауладъ-слиманы придутъ собирать финики; что оставлялъ господинъ, какъ негодное, тѣмъ и должны были довольствоваться трепещущіе отъ страха собственники пальмъ. Тщетно сенусіанскіе миссіонеры грозили хищникамъ муками ада, если они не перестанутъ грабить и убивать единовѣрцевъ: они не соблюдали миръ ислама, потому что не знаютъ другаго промысла, кромѣ войны; трудъ считается у нихъ постыднымъ. «Правда,—говорили они Нахтигалю,—правда, что мы живемъ въ беззаконіи и грѣхѣ; но чтобы добывать иначе средства существованія, намъ нужно бы было трудиться. Наши отцы никогда не дѣлали ничего своими руками, и было бы позоромъ, измѣной не подражать ихъ примѣру. При томъ, зачѣмъ проклятые язычники и существуютъ на землѣ, какъ же затѣмъ, чтобы работать вмѣсто людей болѣе благородной расы?» Эти «язычники», о которыхъ они говорятъ, почти всѣ магометане, по крайней мѣрѣ по имени; они отличаются отъ ауладъ-слимановъ только расой, а никакъ не религіей, и даже въ отношеніи этническаго происхожденія разница между ними мало-по-малу изглаживается, такъ какъ сыны арабскихъ завоевателей берутъ себѣ въ супруги женщинъ всякаго рода и племенн, изъ Канема и Борну, изъ Эннеди, Удаа и Багирми. Вѣроятно, что «Соломоново» племя (ауладъ-слиманъ), постепенно видоизмѣняясь подѣ вліяніемъ скрещиваній и климата, утратитъ мало-по-малу ту первоначальную энергію, которая позволила ему создать себѣ обширное царство въ 1.600 километрахъ по прямой линіи отъ родныхъ долинъ. Послѣдніе рассказы, принесенные изъ тѣхъ странъ купцами и сенусіанскими миссіонерами, заставляютъ предвидѣть, что господство ауладъ-слимановъ въ Канемѣ въ концѣ концовъ уступитъ мѣсто владычеству Удаа.

Мгарбы, выходцы изъ Феццана, бывшіе прежде наслѣдственными врагами ауладъ-слимановъ, но потомъ примирившіеся съ ними, чтобы «пожирать» коренныхъ жителей Канема, кочуютъ обыкновенно на востокѣ, въ сѣдѣ степенъ Манга. Кромѣ того, въ разныхъ частяхъ этой страны поселились другіе арабы,—имя, подѣ которымъ, впрочемъ, понимаютъ берберскія или берберизованныя племена, которые теперь вторично видоизмѣняются отъ примѣси негритянской крови. Самая значительная группа, превосходящая даже кланы ауладъ-слимановъ по численности,—тунджу или тундзеръ (тунисцы), которые подвинулись до юго-восточныхъ предѣловъ края, между озеромъ Чадъ и Бахрѣ-эль-Газалемъ. Это тотъ же народъ, который встрѣчаемъ также въ Удаѣ и особенно въ Дарфурѣ. Прибывъ въ страну уже съ дав-

няго времени, они успѣли приспособиться къ климату и нравамъ Канема лучше, чѣмъ другіе арабы, и въкоторыя изъ ихъ учреждений не отличаются отъ учреждений народа канемъ-бу. Одна изъ ихъ деревень носитъ имя Туниса, въ память города, изъ окрестностей котораго пришли ихъ предки.

Прежніе владѣтели страны, канемъ-бу—т. е. «люди Канема»,—тоже пришли въ неизвѣстную отдаленную эпоху съ сѣвера: на это указываетъ самое имя ихъ, такъ какъ слово Канемъ значитъ «Южный край», и если жители такъ называли его, то это, очевидно, потому, что у нихъ сохранилось воспоминаніе о болѣе сѣверной землѣ, бывшей ранѣе ихъ родиной. Точно также у различныхъ племенъ даза, населяющихъ сѣверъ Канема, и среди которыхъ разсѣяны становища ауладъ-слимановъ, существуетъ единогласное преданіе, что предки ихъ были выходцы изъ сѣверныхъ странъ: родственные тедамъ или тиббусамъ, на которыхъ они походятъ наружностью, не обладая, однако, той же красотой формъ, стройностью и гибкостью тѣла, они обитали, вмѣстѣ съ ними, въ оазисахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ на югъ отъ Барки; тысячи дазовъ и теперь еще живутъ у подошвы горъ Тибести, бокъ-о-бокъ съ тиббусами, и языки этихъ двухъ народовъ принадлежать къ одной и той же семьѣ. Общее движеніе населенія Канема совершается, подѣ давленіемъ кочевниковъ, въ направленіи съ сѣвера на югъ. Тѣснимые ауладъ-слиманами и мгарбами, канемъ-бу должны были по болѣе части покинуть «Южный край»: большое число ихъ направилось въ Борну, и ихъ многочисленныя колоніи доходятъ до окрестностей города Кука; другіе, чтобы вѣрнѣе избѣгнуть нападений грабителей, поселились на болотистыхъ полуостровахъ Чада или даже въ архипелагахъ этого озера; но самое благородное племя, кубурн, охраняемое, можетъ-быть, воспоминаніями о его былой славѣ, удержалось на твердой землѣ, недалеко отъ сѣверной оконечности суданскаго внутренняго моря. Большинство дазовъ и канемъ-бу, населяющихъ еще Канемъ, были пощажены, какъ земледѣльцы и пастухи: номады ауладъ-слиманъ, неспособные ни къ какому труду и живущіе единственно войной, принуждены были щадить немного тѣхъ изъ своихъ сосѣдей, которые занимаются хлѣбопашествомъ и пасутъ стада рогатаго скота. Если бы всѣ трудящіеся осѣдлые народцы покинули страну, кочевникамъ поневолѣ пришлось бы послѣдовать за ними далѣе на югъ. Впрочемъ, можно задать вопросъ, не есть ли перемѣна климата главная, хотя и не сознаваемая самими жителями, причина, которая побуждаетъ ихъ постепенно подвигаться къ югу. Если правда, какъ допускаютъ многіе ученые, что дожди уменьшились въ Сѣверной Африкѣ и почва стала изсыхать, то, очевидно,

площадь земледѣлія должна была соразмѣрно тому сѣзвиться, и хлѣбопашцы отступили къ югу, вмѣстѣ съ пахатной землей.

Въ сравненіи со своими единоплеменниками

гибкости походки, изящной тонкости движеній. Въ отдаленныхъ деревняхъ они не носятъ никакой одежды, кромѣ кожаного передника, съ ожерельями и браслетами, и покрываютъ го-

Группа племені канемъ-бу

тиббусами. канемъ-бу имѣютъ болѣе темный цвѣтъ кожи, и во влажной атмосферѣ озерной области они сдѣлались выше ростомъ и до-роднѣе; но имъ недостаетъ граціи, тонкости, чистоты типа, благородства и пріятности чертъ,

лову высокой фуражкой, привязываемой на нижней части лица бѣлой лентой, въ которой можно видѣть остатокъ лица туареговъ и тиббусовъ. Оружіе у нихъ такое же, какъ у номадовъ пустыни, за исключеніемъ шангор-

мангора, или метательнаго желѣзка. По историческимъ преданіямъ, канемъ-бу — старшіе братья кануриевъ Борну: послѣдніе въ началѣ были лишь передовою колоніей «людей Канема»; благодаря жительству въ странѣ болѣе торговой и болѣе цивилизованной, они далеко опередили своихъ канемскихъ соотечественниковъ, но сами называютъ себя людьми менѣе благородной расы, и во всякомъ случаѣ они стали менѣе чистокровными со времени своего смѣшенія съ суданцами всякаго происхожденія.

Между всѣми народцами Канема, нгиджемы и даноа пользуются привилегіей независимости: они никогда не покорялись ауладъ-слиманамъ. Однако, они принуждены были перемѣститься, чтобы продолжать съ успѣхомъ борьбу, и въ это послѣднее время признали себя вассалами Уадаи. Даноасы, извѣстные у нихъ сосѣдей дазовъ и арабовъ подъ именемъ «кузнецовъ», хотя ни преданія этихъ туземцевъ, ни ихъ искусство въ обработкѣ металловъ не объясняютъ этого названія, живутъ, въ числѣ около шести тысячъ душъ, въ юго-восточной части Канема; главная ихъ группа поселилась въ мѣстечкѣ Нгури и въ его окрестностяхъ, среди лѣсовъ, находящихся километрахъ въ сорока отъ береговъ озера Чадъ. По наружности даноасы не отличаются отъ канемъ-бу и, также какъ эти послѣдніе, говорятъ языкомъ канури; но ихъ преданіе приписываетъ имъ другое происхожденіе, указывая на сродство ихъ съ мангами, значительнымъ племенемъ, обитающимъ западнѣе, въ Борну, на берегахъ рѣки Іеу: дѣйствительно, у этихъ двухъ народцевъ, хотя живущихъ далеко одинъ отъ другаго, замѣчается полное сходство въ способѣ постройки селеній, которыя они окружаютъ плетнемъ; оружіе у нихъ тоже одинаковое — лукъ и стрѣла. Когда появляется непріятель, даноасы укрываются въ прилегающій къ селенію лѣсъ и, укрываясь за деревьями, пускаютъ въ нападающихъ стрѣлы, отравленные ядовитымъ сокомъ молочая или ластовня (*calotropis procera*). Изъ всѣхъ племенъ Канема одни только даноасы употребляютъ для своей обороны отравленное оружіе.

Островитяне озера Чадъ, хотя принадлежащіе по большей части къ другимъ расамъ, чѣмъ жители твердой земли, связаны по крайней мѣрѣ географически съ населеніями Канема. Измѣнчивый архипелагъ острововъ, лежащій въ сосѣдствѣ восточнаго берега, довольно доступенъ, такъ что бѣглецы всегда могутъ найти себѣ убѣжище на какомъ-нибудь пустынномъ островкѣ, а съ другой стороны онъ довольно хорошо защищенъ водами и болотами отъ нападеній непріятеля. Многочисленные семьи канемъ-бу, дазовъ и другихъ бѣглыхъ изъ Канема занимаются тамъ скотоводствомъ, либо временно, либо осѣло; сотни арабовъ, извѣстныхъ подъ именемъ ассала, живутъ уже въ теченіе

ряда поколѣній въ бухтѣ между дельтой Шари и истокомъ Бахрѣ-эль-Газаль; говорятъ, нерѣдко бывали случаи, что низвергнутые султаны Уадаи переходили проливъ озера Чадъ, чтобы спастись отъ своихъ враговъ.

Кури, занимающіе около пятнадцати острововъ на сѣверѣ отъ входа «рѣки Газелей», сливуть за аберигеновъ: это первоначальные владѣтели края, и ни одно преданіе не указываетъ эпохи, когда они жили на твердой землѣ. Эти туземцы отличаются очень темнымъ цвѣтомъ кожи, высокимъ ростомъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ; очень мало разничающіе отъ племени макари, на южномъ берегу суданскаго моря, кури говорятъ особымъ нарѣчіемъ языка этого племени и ведутъ довольно дѣятельную торговлю съ жителями материковаго побережья. Вслѣдствіе смѣшенія съ другими островитянами, арабами и канемъ-бу, кури различно видоизмѣнились въ этнографическомъ отношеніи и въ наиболѣе отдаленныхъ отъ Бахрѣ-эль-Газали архипелагахъ образовали подрасу іедина или буддума. Около шестидесяти острововъ населены этими варварами, численность которыхъ Нахтигаль опредѣляетъ приблизительно въ пятнадцать тысячъ душъ, что составитъ половину общей цифры островитянъ этого озера. Скотоводы, рыболовы, звѣроловы, лодочники и торговцы, іедины, сгруппированные въ маленькія вольныя общины, бывають также при случаѣ пиратами, и хотя называютъ себя для формы вассалами султана Борну, дабы имѣть доступъ на рынокъ его столицы, не стѣсняются, однако, грабить нѣкоторыя деревни, обитаемыя подданными ихъ мнимаго сюзерена; но есть селенія, которыхъ они никогда не трогаютъ, въ силу традиціонной дружбы или специальныхъ полюбовныхъ соглашеній¹⁾. Послѣ большихъ дождей, когда воды озера зальютъ поля и луга архипелага и проникнуть далеко въ русла притоковъ и болотистыя впадины побережья, іедины принуждены посылать домашнюю птицу, лошадей и коровъ на твердую землю Канема; но это переселеніе не всегда обходится безъ убытковъ, и іедины иногда стараются возмѣстить свои потери, дѣлая нападенія на прибрежныя деревни: высокій уровень воды позволяетъ имъ пробраться ночью въ самое селеніе, и, сильные числомъ, они убиваютъ мужчинъ, а женщинъ и дѣтей уводятъ въ плѣнъ. Государи Борну не догадались еще построить хоть какой-нибудь флотъ для преслѣдованія грабителей въ лабиринтѣ острововъ, которые служатъ имъ убѣжищемъ. На водахъ озера Чадъ часто происходятъ настоящіе морскія баталіи, но только между іединами и кури; иной разъ въ такой битвѣ участвуетъ до двухсотъ большихъ лодокъ. Эти безпрестанныя войны уменьшаютъ населеніе, которое отъ ес-

¹⁾ Н. Barth, цитированное сочиненіе.

тественнаго прироста возрастало бы чрезвычайно быстро, какъ у большинства населеній, питающихся преимущественно рыбой: не рѣдкость встрѣтить семьи, имѣющія до десятка дѣтей. Кури, представляющіе собою цивилизованный элементъ архипелага, всѣ магометане; іедини же магометане только по имени, и многія языческія обрядности имъ болѣе любы, чѣмъ религіозныя перемоніи, введенныя исламомъ: жрецъ, или «стражъ вѣры», заботливо хранить тыквенный сосудъ, камень и священныи мечъ, которые онъ употребляетъ для исцѣленія отъ болѣзней, безплодія, дурнаго глаза, и которыми онъ орудуетъ при своихъ воззваніяхъ къ Наджикенему или Великому Духу, производящему волны на озерѣ и разбивающему лодки; они почитаютъ также духа озера, котораго они представляютъ себѣ въ видѣ исполнскаго змѣя. Когда іединъ умираетъ на твердой землѣ, его родные заботятся о томъ, чтобы тѣло его было привезено съ материка и похоронено на родномъ островкѣ; но чужакъ, скончавшійся въ архипелагѣ, бросается въ воду, изъ опасенія, чтобы кости его не осквернили священной земли.

Долины Бахръ-эль-Газала менѣе населены, нежели архипелаги суданскаго внутренняго моря: общее число ихъ обитателей едва-ли превышаетъ десять-двѣнадцать тысячъ. Въ этихъ узкихъ, со всѣхъ сторонъ открытыхъ набыгамъ, ложбинахъ живутъ только бродячіе арабы племени ауладъ-гамедъ, да пастухи языка даза, народцы сакерда и креда: это послѣднее имя сдѣлалось синонимомъ «язычника» въ устахъ ауладъ-слимановъ, потому, что при такомъ значеніи слова всякое насиліе надъ этими несчастными считается позволительнымъ. Когда эпизоотіи уничтожили почти весь рогатый скотъ, составившій единственное богатство кредасовъ, большинство послѣднихъ принуждены были приняться за обработку почвы; но изъ опасенія быть ограбленными и даже обращенными въ рабство ауладъ-слиманами, они покинули край, чтобы поселиться восточнѣе, подъ болѣе дѣйствительное покровительство удайскаго султана. Правда, что, по политической фикиціи, верховная ленная власть этого султана простирается далеко за рѣку «Газелей», въ предѣлахъ Канема, но ауладъ-слиманы признаютъ это притязаніе только тогда, когда чувствуютъ себя слабѣе, и потому мирныя племена, какъ племя креда, стараются выбирать себѣ мѣсто жительства подальше отъ этихъ опасныхъ грабителей.

Мао, городъ Канема, гдѣ имѣетъ пребываніе болѣе или менѣе дѣйствительный представитель удайскаго султана, лежитъ въ восточной части «королевства». Въ 1871 году это была группа около полтораста хижинъ, съ соломенными крышами, построенныхъ при входѣ въ большую равнину; группа эта недавняго

происхожденія; за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда имя Удааи менѣе уважалось окрестными населеніями, губернаторъ долженъ былъ устроить себѣ временную резиденцію въ шести или семи километрахъ къ сѣверо-западу, въ позиціи, довольно хорошо защищенной отъ нападений. Мао находится почти въ центрѣ исторической области Канема; и вокругъ этого мѣстечка, въ пятидесяти-верстномъ районѣ, расположены всѣ значительнѣйшія городскія поселенія страны. Нджими, бывшая столица государства въ эпоху его мугущества, до нашествія будаловъ, находилась въ одномъ днѣ ходьбы на сѣверо-востокъ отъ Мао; далѣе, въ однодневномъ переходѣ къ западу, стоитъ городъ Гага, который прежде былъ населенъ благороднымъ кланомъ Кубури. Въ нѣсколько меньшемъ разстояніи къ югу находится красивая деревня Яггубери, лучше построенная, чѣмъ Мао, и обитаемая, какъ и эта столица, туземцами языка канури; окрестная мѣстность слыветъ «житницей» Канема. Километрахъ въ двадцати на юго-востокъ отъ Яггубери стоитъ арабскій городъ Мондо, населенный тунджерами; это самое значительное городское поселеніе въ Канемѣ: тамъ насчитывается свыше тысячи жителей. На полпути между Мондо и берегами озера Чадъ слѣдуютъ одна за другой двѣ столицы, принадлежащія къ общинамъ, сохранившимъ независимое существованіе: Нгури, городъ племени даноа, и Дибелончи, городъ племени нгиджемъ. Недалеко отъ мѣстечка Мао погибъ путешественникъ-ислѣдователь Беурманъ, въ 1863 году: считая его неуязвимымъ для желѣза и свинца, убійцы удавили его глухой петлей.

IV. Борну.

По мнѣнію туземцевъ, которые претендуютъ на знакомство съ литературой, но для которыхъ этимологія есть не болѣе, какъ игра ума, истинное имя этой страны—Баръ Ноа, т.-е. «Ноева земля»: такое названіе дано-де ей мусульманскими миссіонерами за изумительное плодородіе почвы. Затѣмъ легенда овладѣла этимъ словомъ, чтобы повѣдать, что тутъ находится мѣсто, гдѣ остановился Ноевъ ковчегъ послѣ всемірнаго потопа. Но гдѣ же этотъ африканскій Араратъ въ обширной равнинѣ Борну? На южномъ берегу озера Чадъ стоитъ уединенный утесъ, Хаджаръ-Теусъ, изсѣченный въ видѣ колоннъ, обелисковъ причудливыхъ формъ: этотъ камень Судана и оспариваетъ у колосса Арменіи и у многихъ другихъ горъ честь принятія на свою вершину предковъ человѣческаго рода¹⁾.

¹⁾ Denham and Clapperton, „Wanderings and Discoveries“.

Предѣлы королевства точно обозначены только на востокъ — озеромъ Чадъ и теченіемъ рѣки Шари. На сѣверѣ не можетъ быть границы, такъ какъ переходъ между степной областью и пустыней постоянно мѣняется подъ влияніемъ вѣтровъ, дождей и другихъ явленій климата, а также потому, что грабители, ауладъ-слиманы или тауреги, часто вынуждаютъ мирныхъ земледѣльцевъ отступать къ югу. Южныя границы тоже очень неопредѣленны, по причинѣ почти непрерывной войны между мусульманскими населеніями и языческими народами гористой области. На западѣ раздѣльная черта между двумя цивилизованными государствами, Борну и Гауссой, довольно ясно отмѣчена, но мѣстныя революціи часто измѣняли ее. Поэтому невозможно указать дѣйствительные размѣры пространства этого королевства: приблизительно Нахтигаль опредѣляетъ это пространство въ 140.000 квадрат. километровъ. Что касается народонаселенія, то Бартъ полагаетъ, что оно превышаетъ пять милліоновъ душъ, и Нахтигаль, который имѣлъ возможность подробнѣе изучить страну, тоже принимаетъ эту цифру, какъ наиболѣе вѣроятную. Слѣдовательно, плотность населенія въ Борну почти вдвое меньше населенности Франціи.

Жители Борну, берауны, очень смѣшаннаго происхожденія, представляютъ удивительное разнообразіе въ отношеніи цвѣта кожи, роста и чертъ лица; въ этой области, гдѣ въ теченіе вѣковъ встрѣчались люди различныхъ расъ для торговыхъ сношеній или сталкивались въ битвахъ, гдѣ они медленно перемѣщались, вслѣдствіе набѣговъ хищническихъ племенъ, не сохранилось никакого опредѣленнаго типа; нужно идти къ полу-независимымъ населеніямъ, живущимъ въ отдаленныхъ, захолустныхъ мѣстностяхъ, чтобы найти болѣе или менѣе многочисленныя группы, члены которыхъ имѣютъ сходство между собою по характеристическимъ чертамъ тѣлосложенія, черепа и лица. Съ точки зрѣнія физической красоты, нельзя сказать, что это смѣшеніе до безконечности различныхъ этническихъ элементовъ въ выгодно отразилось на обитателяхъ Борну. Отличаясь, въ большинствѣ, среднимъ ростомъ, они неуклюжи, лишены естественнаго равновѣсія въ своихъ движеніяхъ, и ихъ татуированныя фizioноміи, чернаго цвѣта, впадающаго въ красный или сѣрый, никогда не имѣютъ той правильности чертъ, какая замѣчается у ихъ сосѣдей, туббусовъ и канемъ-бу. Обыкновенно женщины еще уродливѣе, чѣмъ мужчины, и чрезмѣрная полнота отъ излишка жира крайне безобразитъ ихъ фигуру.

Имя «канури», которое носятъ уже нѣсколько вѣковъ жители Борну, не есть названіе расы: оно означаетъ просто цивилизован-

ныхъ резидентовъ, съ которыми мало-по-малу сливаются разнородные этнические элементы, приведенные въ страну торговлей, невольничествомъ, войной или мирной эмиграціей. Смыслъ этого слова неизвѣстенъ, хотя сами канури, при помощи одного изъ тѣхъ выгодныхъ для себя толкованій, которыя всегда легко найти ради самовосхваленія, производятъ это имя отъ арабскаго *нуръ*, «свѣтъ», и называютъ себя канури, или «людьми свѣта», именемъ, заслуженнымъ, какъ они думаютъ, ихъ миссіей просвѣтителей въ темномъ мірѣ язычества. Правда, что фанатики фулы подыскали другую этимологию, производимую отъ *наръ*, «огонь», и называютъ жителей Борну, вообще не очень горячихъ мусульманъ, именемъ канари или «людьми огня», т. е. «осужденными на огонь вѣчный ада». Быть-можетъ, имя канури имѣетъ связь съ именемъ Канема, страны, откуда пришло большинство эмигрантовъ. Движеніе съ востока на западъ, обнаружившееся въ Канемѣ, распространилось также въ Борну. Гауссанцы, нынѣ вытѣсненные въ бассейнъ Бенуэ, кажется, жили прежде на берегахъ озера Чадъ, судя по тому, что дазы и теперь называютъ обитателей этой страны коллективнымъ именемъ аусса, которое оправдывается только преданіемъ.

Повинуясь эмиграционному движенію, продолжающемуся изъ вѣка въ вѣкъ, различные племена канемъ-бу, дазовъ, тиббусовъ проникаютъ въ Борну, чтобы тамъ мало-по-малу раствориться въ канурійскомъ населеніи. Таково племя магоми, живущее на юго-западѣ отъ столицы. Будучи благородной расы и называя себя происходящими отъ того же рода, какъ древняя фамилія, царствовавшая около тысячи лѣтъ надъ Канемомъ и Борну, магомы въ силу своего происхожденія обязаны были быть первыми въ бою: они составляли авангардъ армій, но взамѣнъ того освобождались отъ всякихъ податей и налоговъ. Сюда же принадлежатъ племена сугусти и томагера, обитающія въ прибрежныхъ болотахъ озера Чадъ, и племя коямъ, западные сосѣди города Кука, которые одни между эмигрантами, пришедшими изъ степей сѣверо-востока, сохранили верблюда, какъ домашнее животное. Что касается древнихъ обитателей страны, племена со, то они тоже должны были раствориться въ массѣ канурійскаго населенія: очутившись между двухъ огней, между переселенцами изъ Канема и другими завоевателями, пришедшими съ юга, племенемъ макари, они легко были побѣждены и быстро исчезли, какъ особый элементъ, отличающійся языкомъ и нравами. Керибины, — маленькій народецъ, обитающій на лѣвомъ берегу нижней Шари, — считаются наименѣе смѣшанными потомками древней націи. Это звѣроловы, презираемые остальнымъ населеніемъ, по причинѣ ихъ крайней бѣдно-

ти: хотя магометане, они безъ угрызенія со-
вѣсти питаются мясомъ дикихъ кабановъ, сра-
женныхъ ихъ стрѣлами.

Юго-восточная часть страны, къ западу отъ

тому, и по умственнымъ способностямъ стоятъ
ниже другихъ негровъ Борну, но они отли-
чаются настойчивостью въ трудѣ, какъ земле-
дѣльцы, ремесленники и рыболовы, и произве-

Лагонъ-Бирни.

ушки Шари, занята той націей котоко или ма-
сари, которая помогла кануриямъ раздавить
соседня населенія. Еще болѣе неуклюжіе,
тѣмъ канури, чаще имѣющіе одутловатое ли-
цо и цвѣтомъ кожи чернѣе, макари, повиди-

денія ихъ промышленности представляютъ ши-
рокій стиль, по которому ихъ работу легко
узнать между тысячами подобныхъ предме-
товъ на рынкахъ Судана. Мирное племя ка-
мергу, живущее недалеко отъ южной оконеч-

скій языкъ, несмотря на специальный авторитетъ, который даетъ ему обладаніе «священной книгой», не сдѣлался въ Суданѣ преобладающимъ; въ сравненіи съ канури болѣе гибкимъ, болѣе способнымъ къ обновленію, но не имѣющимъ еще своей особой азбуки, арабскій — языкъ мертвый, уважаемый, но вышедшій изъ употребленія. Также какъ народъ, который имъ говоритъ, онъ утратилъ свое вліяніе въ той части суданскаго міра, гдѣ озеро Чадъ занимаетъ центральную впадину. При султанскомъ дворѣ, въ Кукѣ, арабская рѣчь перестала быть официальнымъ языкомъ, и даже тѣ, кто знаетъ ее, притворяются непонимающими по-арабски и прибѣгаютъ къ помощи толмача ¹⁾).

Народъ канури отличается многими замѣчательными качествами. Берауны, или борнуане, очень трудолюбивы, и у нихъ, за исключеніемъ, развѣ высшихъ классовъ, не встрѣтишься съ такимъ явленіемъ, чтобы мужья или отцы сваливали бремя труда на женщинъ или невольниковъ. Почти всѣ единобрачныя, земледѣльцы въ Борну работаютъ въ полѣ каждый со своей женой; точно также въ ремесленномъ или кустарномъ промыслѣ мужъ и жена вмѣстѣ занимаются ткавьемъ, крашеніемъ или гончарнымъ производствомъ. Женщины считаются равными мужчинамъ, но онѣ имѣютъ право на всякую предупредительность съ его стороны: имъ подобаетъ первое привѣтствіе. Трезвость — общая добродѣтель; въ этомъ отношеніи обращенные въ магометанство гораздо строже соблюдаютъ предписанія ислама, чѣмъ сами обратители. Дома свои канури держатъ въ несравненно большей чистотѣ и опрятности, нежели арабы; полъ въ жилищѣ всегда тщательно выметенъ, и подстилка у скота часто мѣняется.

Образованіе болѣе распространено у канури, чѣмъ у ихъ сосѣдей, жителей Канема, Гауссы, Багирми; въ городахъ открыты школы для мальчиковъ, а въ столицѣ, Кукѣ, имѣется даже библиотека (частная), самая обширная, какая существуетъ въ Суданѣ, на востокъ отъ Томбукту. Вообще борнуане слывятся самымъ цивилизованнымъ народомъ средней Африки, и произведенія ихъ промышленности высоко цѣнятся на тамошнихъ рынкахъ. Въ металлургическихъ производствахъ они очень искусны, умѣютъ даже лить пушки; но до сихъ поръ ими ничего не сдѣлано для улучшенія естественныхъ путей сообщенія; для переправы черезъ рѣки у нихъ имѣются только лодки и плоты изъ связокъ тростника, поддерживаемыхъ на водѣ выдолбленными внутри тыквами, какъ танкава абиссинцевъ. Недостаткомъ дорогъ и происходящей отъ того дороговизны товаровъ объясняется существованіе нѣкоторыхъ промысловъ, которые, при болѣе дѣятельной торговлѣ, должны быстро исчезнуть; такъ,

на берегахъ озера Чадъ жители многихъ деревень занимаются исключительно тѣмъ, что жгутъ корни извѣстныхъ растений, особенно сіуака (*sapparis sodata*), для полученія ихъ золы, употребляемой вмѣсто поваренной соли.

Въ низменныхъ мѣстностяхъ Борну самая обыкновенная и самая опасная болѣзнь — отравленіе болотными испареніями. Лихорадки, вызываемыя маляріей, господствуютъ въ сезонъ дождей; ни одинъ иностранецъ не избѣгаетъ этой болѣзни, которая уноситъ много жертвъ; сами туземцы страдаютъ отъ ядовитыхъ миазмовъ, хотя у нихъ лихорадка представляетъ вообще менѣе серьезный характеръ; нѣкоторые желудочно-кишечныя болѣзни, которыми никогда не подвергаются чужеземцы, во которыхъ очень обыкновенны у кануриевъ, повидимому, порождаются маляріей, такъ какъ учащеніе ихъ совпадаетъ съ влажностью воздуха и почвы. Глазныя болѣзни также сильно распространены среди населенія Борну; подкожная глина, такъ называемый струнень «мединскій» или «гвинейскій», появленіе которой наблюдается тоже въ періодъ дождей, очень опасна въ низменныхъ мѣстностяхъ; особенно слѣдуетъ опасаться, говорятъ, соосѣдства лужъ, осѣненныхъ нильской акаціей. Въ цѣломъ, страна, въ одно и то же время жаркая и сырая, которая простирается на югъ отъ области степеней, имѣетъ нездоровый климатъ, и въ движеніи ея народонаселенія значительная рождаемость едва уравниваетъ смертность. Болѣе половины дѣтей умираютъ уже въ первомъ году жизни. Животныя тоже много страдаютъ отъ маляріи, и во время сильныхъ дождей повальные болѣзни часто истребляли большую часть скота. Послѣ эпизоотій цѣлыя населенія принуждены были перейти отъ пастушескаго состоянія къ земледѣльческому.

Столица этой области часто мѣняла мѣсто. Насколько необходимо, въ силу мѣстныхъ условій, именно пересѣченія естественныхъ путей, существованіе значительнаго городского поселенія въ этой обширной и плодородной равнинѣ, гдѣ совершается переходъ между двумя климатами, двумя природами, двумя расами; и гдѣ дорога съ Нигера на Нилъ перерѣзываетъ дорогу отъ Средиземнаго моря къ заливу Біафра, настолько же безразлично, въ какомъ пунктѣ равнины будетъ находиться этотъ городъ: почва вездѣ плодородна, и проторенныя дороги всегда легко доступны для движенія каравановъ, развѣ только въ періодъ дождей, когда ручьи разливаются и почва покрыта лужами. Первая столица, Касръ-Эггомо или Бирни, т. е. «Резиденція», была расположена въ среднемъ бассейнѣ рѣки Іеу и въ сосѣдствѣ озера, на границахъ территоріи племени манга; съ вершины окрестныхъ холмовъ она представляетъ странный видъ: внутренность ея овальной ограды поросла травой и кустарни-

¹⁾ G. Rohlf's, цитированное сочиненіе.

комъ, тогда какъ снаружи эту стѣну со всѣхъ сторонъ обступили высокія деревья густаго лѣса, такъ что внутреннее безлѣсное пространство походило на громаднѣйшій ипподромъ. Не-

рѣйскомъ Версалѣ, построенномъ на берегу рѣки Іеу, въ очень плодородной мѣстности, которую и теперь еще называютъ «садомъ Борну», и гдѣ сохранились остатки султан-

Дворецъ султана Массены.

далеко отъ суданскаго Парижа, который, по Денгаму и Клаппертону, вмѣщалъ въ себѣ не менѣе 200.000 жителей, хотя ограда имѣетъ всего только 10 километровъ въ окружности, султаны имѣли пребываніе въ Гамберу, кану-

скихъ прудовъ. Въ 1809 или 1810 году феллатскіе завоеватели стерли съ лица земли оба эти города, и султанъ, бѣжавшій къ озеру Чадъ, долженъ былъ построить себѣ новую столицу, которая называлась Кафилой или

Бирни-эль-Джебитъ, т. е. «Новая резиденція» но она просуществовала только вѣскольکو лѣтъ, и жители ея переселились въ сосѣдній городъ Нгорну, городъ «Благословенія», построенный у юго-западнаго угла озера Чадъ. Затѣмъ перемѣна династїи повлекла за собой основаніе новой резиденціи, названной Кукой, отъ баобаба, стоявшаго на выбранномъ мѣстѣ. Имя Кука, употребляемое въ западномъ Суданѣ, на языкѣ канури значить «Два баобаба».

Кука, одинъ изъ большихъ городовъ внутренней Африки, имѣетъ, по Нахтигалю, отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ жителей, не считая пилигримовъ, купцовъ, авантюристовъ, приходящихъ сюда изъ всѣхъ частей Судана и магометанскаго міра, отъ Марокко до Месопотамїи; вмѣстѣ съ окрестностями, населеніе его, вѣроятно, превышаетъ сто тысячъ. Городъ состоитъ изъ двухъ отдѣльных частей, двухъ правильныхъ параллелограммовъ, окруженныхъ стѣнами, въ сосѣдствѣ которыхъ разсѣяны группы хижинъ; съ окружающей равнины, которая простирается къ юго-западному берегу озера Чадъ, городъ едва примѣтенъ: его можно принять скорѣе за лѣсъ, такъ какъ каждое жилище обсажено деревьями. Западный городъ, представляющій правильный четырехугольникъ, пространствомъ около 4 квадр. километровъ, — самая многолюдная половина Куки: главная его площадь или дендалъ всегда полна народа: тутъ толпятся покупатели и продавцы, снуютъ бѣдные студенты, выпрашивая подавнїе, гарцуютъ гордые наѣздяки въ яркихъ мантияхъ, медленно прогуливаются молодые щеголи въ вышитыхъ разноцвѣтными шелками рубашкахъ, съ шалью, обмотанной вокругъ бедеръ, концы которой волочатся по землѣ на манеръ трѣна. Восточный городъ, гдѣ обыкновенно живетъ султанъ и большинство придворныхъ, сравнительно имѣетъ пустынный видъ, и рѣдкіе прохожіе теряются въ обширной аллеѣ дендала. Въ дождливый сезонъ бульвары и улицы изображаютъ изъ себя болота, среди которыхъ извиваются тропинки; образуются даже пруды, и во время пребыванія тамъ Нахтигали въ одной изъ луж поселился маленькій крокодилъ, жившій кухонными отбросами, которыми его любезно угощали обитатели сосѣднихъ домовъ: страшное зловоніе распространяется отъ этихъ клоаковъ, которыя служатъ главнымъ источникомъ болѣзней, опустошающихъ городъ. Дома вельможъ представляютъ кубическія массы изъ глины, очень низкія, безъ оконъ, безъ наружныхъ украшеній, которыя приходится поправлять каждый годъ, при первыхъ дождяхъ, потому что крыша отъ жары трескается во всѣхъ направленіяхъ; чтобы спасти матерїи и всякіе дорогіе предметы отъ дождя, ихъ занаковываютъ въ кожаные мѣшки, или, у богатыхъ людей, въ чемоданы, привозимые караванами

изъ Триполи. Хижины женщинъ, имѣющія форму колокола или головы сахара, строятся проче; остовъ изъ древесныхъ вѣтвей, обшивка изъ соломы или тростника — и жилище готово; на верхушкѣ конуса торчитъ палочка, украшенная страусовыми яйцами, — обѣщаніе плодovitости для обитательницъ дома. Эти женскія хижины гораздо болѣе непромокаемы и менѣе вредны для здоровья, нежели постройки изъ битой глины: ихъ можно омеблировать полнѣе, и въ каждой такой хатѣ тыквенные сосуды, разныя принадлежности хозяйства, кухонная утварь развѣшаны по стѣнамъ или разставлены на полу.

Къ двумъ городамъ-близнецамъ, образующимъ борнуанскую столицу, и къ пригороднымъ деревнямъ прибавляется, разъ въ недѣлю, другой городъ, устраиваемый изъ вѣтвей и парусины: это станъ большаго рынка, гдѣ собирается, среднимъ числомъ, свыше десяти тысячъ человѣкъ. Своимъ коммерческимъ процвѣтаніемъ Кука обязана безусловной свободѣ торговыхъ сдѣлокъ: иностранцы и туземцы привозятъ и вывозятъ всякіе продукты и товары, не платя никакихъ пошлинъ или сборовъ; нигдѣ свобода торговли не практикуется болѣе искренно¹⁾. Ярмарочное поле находится за западнымъ городомъ, въ самой высокой части почвы, поднимающейся надъ уровнемъ исключительныхъ наводненій. На этомъ полѣ сходятся люди всѣхъ африканскихъ расъ, и продаются произведенія всѣхъ странъ: рядомъ съ дамасскими коврами и стамбульскими кафтанами разложены европейскіе товары, представляемые главнымъ образомъ итальянской промышленностью. Иголки въ огромномъ спросѣ; Бартъ, у котораго былъ съ собой большой запасъ этого товара, стяжалъ себѣ громкую славу во всемъ Борну подъ именемъ «Игольнаго принца». Путешественники удивляются, находя на рынкѣ Куки драгоценныя вещи по очень низкой цѣнѣ, что объясняется тѣмъ фактомъ, что большинство этихъ товаровъ уже были въ употребленіи; суданская ярмарка есть нѣчто въ родѣ «Тампля» для матерій, купленныхъ изъ вторыхъ рукъ и привезенныхъ изъ Египта и Малой Азіи. Но изъ всѣхъ предметовъ торговли, обращающихся на рынкѣ Куки, самая ходовая статья — это товаръ человѣческой: невольники, еввухи, придворные карлики. Въ 1870 году Нахтигаль видѣлъ, какъ изъ этого города отправлялся караванъ, увозящій 1.400 невольниковъ, изъ которыхъ около трети предназначались для Египта; остальныхъ предполагалось продать въ Ратъ и въ Триполи. Рольфсъ рассказываетъ о другомъ караванѣ, который увелъ 4.000 плѣнниковъ: уходя послѣдовательными отрядами, онъ употребилъ двѣ недѣли на выступленіе изъ Куки. Источ-

¹⁾ G. Rhoifs, цитированное сочиненіе.

никами для снабженія этого рынка невольниками служить, во-первыхъ, экспедиціи, снаряжаемыя борнуанскимъ правительствомъ въ окрестныя непокоренныя земли, даѣе дань, уплачиваемая вассалами султана въ натурѣ, и, наконецъ, закупки живаго товара, дѣлаемыя купцами въ Гауссѣ, Адамауа и особенно въ Багприни. Нѣтъ сомнѣнія, что ослабленіе и, рано или поздно, совершенное прекращеніе неготорговли будетъ имѣть слѣдствіемъ уменьшеніе важности и размѣровъ торговаго обмѣна на рынкѣ Куки; точно также можно предвидѣть, что слоновая кость, которую Триполи получаетъ еще отсюда ежегодно въ количествѣ отъ 20.000 до 25.000 килограммовъ¹⁾, цѣнностью на полмилліона франковъ, пойдетъ другимъ, болѣе удобнымъ путемъ—по теченію Бенуэ и Нигера. Караваны, перевозящіе слоновые бивни, употребляютъ до пяти мѣсяцевъ на переходъ, при чемъ ежедневный трудъ навьючиванія и развьючиванія верблюдовъ составляетъ накладной расходъ, поглощающій почти треть цѣны товара. Однако, какъ ни значительны потери, которымъ подвергается торговля Куки, пока не будетъ устроено желѣзнодорожное сообщеніе съ побережьемъ Средиземнаго моря, но, тѣмъ не менѣе, географическое положеніе столицы Борну обезпечиваетъ за нею одно изъ первыхъ мѣстъ въ движеніи торговаго обмѣна средней Африки. Для купцовъ представляется еще та выгода, что въ Куки они находятъ населеніе всегда мирное и цивилизованное, не чуждающееся иностранцевъ; никогда здѣсь порядокъ на базарахъ не нарушается спорами и криками. Кромѣ того, въ этомъ городѣ торговый людъ давно уже пользуется однимъ важнымъ удобствомъ, котораго недостаетъ большинству другихъ африканскихъ рынковъ: это существованіе денежной единицы. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія былъ установленъ султанскимъ повелѣніемъ, какъ представитель цѣнностей, серебряный талеръ или *гурса*, съ изображеніемъ императрицы Маріи Терезин, или съ колонками, на подобіе испанскаго дура. Мелкой размѣнной монетой служатъ каури: во время путешествія Нахтигала четыре тысячи этихъ раковинъ представляли цѣнность гурса.

Второй, по числу жителей, городъ собственнаго Борну, называемый Нгорну, стоитъ верстахъ въ тридцати къ юго-востоку отъ Куки, на самомъ берегу озера, которое затопляетъ его въ періодъ дождей. Иногда двѣ трети города бываютъ залиты, и вслѣдствіе размыванія, совершающагося изъ года въ годъ на западномъ берегу, хижинны должны постепенно перемѣщаться: городъ мало-по-малу отодвигается на западъ, какъ и всѣ прибрежныя селенія. Одна

изъ пристаней столицы, Мадуари, куда велѣлъ себя перенести путешественникъ Овервегъ, чтобы умереть въ виду озера, которое онъ объѣхалъ первый изъ европейцевъ, тоже отступаетъ постепенно къ западу, и во время пребыванія Нахтигала въ Борну поговаривали о перенесеніи Куки на болѣе возвышенное мѣсто, недосигаемое для вторженій озера. Къ опасности наводненія присоединяется еще, для жителей Нгорну, постоянная опасность разбойничьихъ набѣговъ. Женщины, невольники, работающіе въ садахъ, должны каждую минуту бояться, что грабители иедины выскочатъ откуда-нибудь изъ засады, чтобы схватить ихъ и скованныхъ бросить на дно своихъ барокъ. Города Кауа и Баруа тоже, подобно Нгорну, подвергаются внезапнымъ нападеніямъ этихъ пиратовъ. Городамъ сѣвернаго побережья постоянно грозитъ другая напасть—набѣги туареговъ или ауладъ-слимановъ: приходится платить двойную или тройную дань, чтобы удовлетворить въ одно и то же время сюзерена и его враговъ. Нгигми, въ сѣверо-западномъ углу озера,—одинъ изъ тѣхъ городовъ которые существуютъ только благодаря терпимости; ему грозитъ опасность исчезнуть съ лица земли, какъ исчезъ Лури, существовавшій еще во время посѣщенія края Денгамомъ, какъ исчезъ Види, въкогда знаменитый городъ, мѣстоположеніе котораго указываетъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ еще пальмъ; рвы и ямы, которые выкапываютъ канури въ мѣстахъ перехода, чтобы преградить дорогу туарегамъ,—слишкомъ наивныя средства обороны. Нгигми считается пограничнымъ городомъ Борну на дорогѣ къ Феццану и морю; однако, путешественники, приходящіе съ сѣвера, не тамъ останавливаются, чтобы возвѣстить о своемъ прибытіи султану и испросить разрѣшеніе на дальнѣйшее слѣдованіе: эта формальность исполняется въ Іеу, у перехода черезъ рѣку того же имени.

Въ западномъ Борну, орошаемомъ комодугу Іеу и его притоками, города многочисленны, и многіе изъ нихъ, по свидѣтельству Клаппертонна, Барта, Рольфа, имѣютъ свыше десяти тыс. жит. Недалеко отъ Старой Бирни или Касръ-Эггома находится деревня Нгурутуа, т. е. «Бегемотовая», гдѣ путешественникъ Ричардсонъ умеръ отъ утомленія, въ 1851 году; Бартъ посѣтилъ его могилу, къ которой негры относятся съ уваженіемъ. Далѣе, въ западномъ направленіи, слѣдуютъ одинъ за другимъ города Сурикколо, Борсария, Хадеджа, Бунди (т. е. городъ «Дикихъ звѣрей»), Машена, доминируемый величественной скалой, Гуммель, Бирменауа; два послѣдніе города, лежащіе на границѣ государства, населены афунусами, т. е. гауссанами, хотя принадлежащими Борну. Гуммель—очень дѣятельный торговый центръ, и рынокъ его, содержащій до трехсотъ лавокъ, посѣщается купцами изъ Нуиэ. Сѣверо-западный уголъ

¹⁾ Westendorp, „Der Elfenbeinhandel in Afrika“, Ausland, 21 декабря 1885 г.

султаната занимаетъ вассальное государство Синдеръ или Зиндеръ, обогащаемое торговлей съ туарегами, но часто также опустошаемое тѣми же туарегами; здѣсь существуетъ маленькая колонія привившихъ исламъ евреевъ, выходящихъ съ береговъ Средиземнаго моря ¹⁾. Столица этого государства, построенная у основанія большой скалы, заслужила названіе «Воротъ Судана», благодаря разносчикамъ туарегской соли, устроившимъ свои становища у городскихъ воротъ: дорога, ведущая въ Синдеръ, чаще посѣщается, чѣмъ дорога въ Феццанъ. Городъ состоитъ изъ землянокъ, хижинъ, покрытыхъ рогожами, и палатокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Въ горахъ Мунію, врѣзывающихся клиномъ въ смежныя съ пустыней степныя пространства, есть нѣсколько значительныхъ городскихъ поселеній, какъ-то: Гуре, Вушекъ, производящихъ въ большомъ количествѣ зерновые хлѣба, и южнѣе — Буве и Сулери; въ сосѣдствѣ послѣдняго находится натроновое озеро, поверхность котораго покрыта бѣлоснѣжными кристаллами углекислаго натра. Другое озеро, Магаджири, состоитъ изъ двухъ сообщающихся бассейновъ, изъ которыхъ одинъ наполненъ прѣсной, а другой сильно соленой водой ²⁾. Города горной цѣпи Мунію по характеру архитектуры напоминаютъ города Мавританіи.

Къ юго-западу отъ Куки, на дорогѣ, ведущей къ нижнему Бенуэ, одинъ изъ главныхъ этаповъ — Магоммери, резиденція одного изъ первыхъ сановниковъ государства; Рольфъ видѣлъ тамъ страусникъ, вѣроятно, единственный существующій въ Суданѣ; но не рѣдкость встрѣтить домашнихъ страусовъ, слѣдующихъ за караванами или расхаживающихъ на птичьихъ дворахъ. Далѣе идутъ города Могодомъ, окруженный плантациями хлопчатника, и Гуджаба, населенный частью язычниками; почти во всѣхъ городахъ, обнесенныхъ стѣной, живутъ исключительно цивилизованные, причисляющіе себя къ послѣдователямъ ислама. Еще далѣе, въ горахъ территоріи Бабиръ, по слухамъ, существуетъ значительный городъ, называемый Биу и тоже начинающій подпадать магометанскому вліянію.

Южная оконечность озера Чадъ, которую огибаютъ историческая дорога изъ Уадаи въ западный Борну, есть одна изъ наиболее богатыхъ городами частей государства. Городъ Еди, расположенный близъ берега полукруглаго залива, считается родиной островитянъ, принявшихъ имя іединъ, и эти грабители, движимые патріотическимъ чувствомъ, воздерживаются отъ набѣговъ на сосѣднее побережье. На юго-востокъ, городъ Марте, окруженный, подобно Еди, развалившейся стѣной, лежитъ почти на

этнографической границѣ между кануриями, макаріями и арабами. Эти три расы представлены и въ населеніи Марте, которое вызываетъ у другихъ борнауцевъ чувство отвращенія однимъ изъ любимыхъ его блюдъ. Обитатели этого мѣстечка охотятся на полевыхъ крысъ и ѣдятъ эту дичь, когда она пріобрѣтеть душокъ. Далѣе, на дорогѣ въ Уадай, лежитъ городъ Миссене, уже утратившій характерную фizioномію городовъ канурийской территоріи: въ немъ не видно болѣе соломенныхъ хижинъ, и каждый домъ имѣетъ двери, внизу узкія, а сверху расширяющіяся. Нгала, слѣдующій за Миссене городъ въ восточномъ направленіи, находится въ мѣстѣ, подверженномъ наводненію во время разливовъ озера Чадъ; но обитатели его, болѣе предусмотрительные, чѣмъ прибрежные жители Луары и Роны, догадались построить свой городъ и крѣпость на искусственной террасѣ, недосигаемой для водъ озера. Прежде Нгала, вѣроятно, была населена неграми племени со, бывшими владѣтелями края; въ сосѣдствѣ города показываютъ нѣсколько могилъ, некрополь государей древней династіи. Далѣе, въ дельтѣ рѣки Шари, островные города Афадѣ и Гуфей, окруженные стѣнами, стоятъ попеременно то надъ моремъ безъ видимыхъ предѣловъ, то среди зеленѣющихъ равнинъ. Другой городъ, Эльфъ (Альфу), какъ говорятъ, старѣйшій между городами страны по времени основанія, замѣчательнѣе тѣмъ, что туземные путешественники всегда стараются обойти его стороной, пугаемые чародѣйской силой, которую молва приписываетъ его обитателямъ. Сосѣдь его, Кала-Кафра, обнесенъ крѣпкой оградой. Главный городъ территоріи Логонъ, Логонъ-Карнакъ, стѣны и башни котораго тянутся по краю высокаго берега рѣки, гдѣ причаливаютъ барки и сунатся рыболовныя сѣти, есть важнѣйшій пунктъ страны, какъ мѣсто переправы и торговаго обмѣна между Борну и Багирми; султанъ, магометанскаго вѣроисповѣданія, платитъ дань обоимъ сопредѣльнымъ государствамъ.

Въ бассейнѣ рѣки Мбулу, далеко отъ озера, вассальныя или недавно покоренныя государства тоже имѣютъ значительные города. Диккоа, укрѣпленный городъ, по преданію основанный туарегами, слыветъ во всей Центральной Африкѣ мѣстомъ, гдѣ говорятъ самымъ чистымъ языкомъ канури; онъ часто былъ резиденціей борнауцкихъ султановъ, и дворецъ его обсаженъ тѣнистыми деревьями. Ткачи его очень искусны въ выдѣлкѣ хлопчато-бумажныхъ матерій. Городъ Ала, лежащій недалеко отъ Диккоа, тоже былъ еще не такъ давно столицей. Около южныхъ горъ, но все еще въ равнинѣ, стоитъ городъ Май-дугъ-ари, населенный неграми племени гамергу, хижины которыхъ тысячами разбѣяны подъ вѣтвями деревьевъ. Въ территоріи Удже города Мабани и Кусукула замѣча-

¹⁾ Richardson, "Mission to Central Africa".

²⁾ Н. Barth, цитированное сочиненіе.

тельные как большіе рынки, гдѣ сходятся, для обмѣна своихъ произведеній, цивилизованные сѣверяне и язычники южане. Далѣе, у подошвы горъ показывается городъ Долоо, раздѣленный на двѣ половины извилистой рѣчкой и частью построенный амфитеатромъ по скатамъ холма; это большой городъ, столица государства Мандара, теперь состоящаго въ вассальной зависимости отъ Борну; онъ окруженъ укрѣпленіями новой конструкціи; путешественникъ Фогель пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ въ плѣну, и нѣсколько разъ жизнь его висѣла на волоскѣ. Къ юго-западу отъ Долоо, на крутыхъ склонахъ скалы, возвышающейся на 200 слишкомъ метровъ, видѣются развалины прежней столицы, Мора, которая господствовала надъ выходомъ ущелья, у сѣверной оконечности котловины, бывшаго озера, превратившагося въ бассейнъ зелени; всѣ горы этого обширнаго амфитеатра увѣнчаны деревьями.

Главные города государства Борну, приблизительное населеніе которыхъ указано путешественниками въ разныя эпохи:

Собственно Борну. Кука, съ предмѣстьями, по Рольфсу—120.000 жит., Кука, въ 1873 г., по Нахтигалю—60.000 жит., Нгорну, въ 1857 г., по Рольфсу—20.000 жит., Гуджа—20.000 жит. Нгала, по Нахтигалю—7.000 жит., Сулери, по Барту—5.000 жит., Кала-Кафра, по Нахтигалю—4.500 жит., Магоммери, по Рольфсу—4.000 жит., Марте, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.500 жит., Еди, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.000 жит., Машена, въ 1851 г., по Барту—12.000 жит., Хадеджа—12.000 жит., Гумель—12.000 жит., Синдьеръ—10.000 жит., Кауа, въ 1857 г., по Рольфсу—10.000 жит., Гуре, въ 1851 г., по Барту—9.500 жит., Вушекъ—9.500 жит., Бунди—8.500 жит., Борсари, въ 1851 г., по Барту—7.500 жит., Май-ду-гери, въ 1851 г., по Барту—7.000 жит., Миссее—3.000 жит., Барау, по Рольфсу—1.500 жит., Нгигми—1.500 жит.

Вассальныя земли. Карнакъ - Логонъ, въ 1821 г. (Денгамъ)—15.000 жит., Дикоа, по Рольфсу—15.000 жит., Долоо—30.000 жит., Ала—3.500 жит.

Май или султанъ страны Борну, обыкновенно именуемый шейхомъ, — названіе «палатнаго мэра», низвергнувшаго предъидущую династію, — есть самодержавный государь, «Левъ, Побѣдитель, Мудрость!» Однако, онъ удостоивается выслушивать мнѣнія совѣта, въ составъ котораго входятъ не только члены его фамиліи, но также кокенауа, то - есть начальники войска и официальные представители различныхъ расъ, населяющихъ государство: канури, ганемъ-бу, тиббусы, арабы имѣютъ своихъ наслѣдственныхъ делаватовъ въ совѣтѣ государя, при чемъ у численно преобладающей націи, кануриевъ, всего меньше защитниковъ передъ трономъ; напротивъ, самая малочисленная на-

ція, арабы, имѣетъ больше кокенауа, чѣмъ другіе жители: такимъ образомъ охраной и покровительствомъ пользуются преимущественно интересы меньшинства населенія. Высшія должности въ государствѣ заняты по большей части невольниками, такъ какъ султанъ естественно склоненъ довѣряться скорѣе людямъ, которые ему принадлежатъ, какъ собственность, нежели лицамъ, гордящимся своимъ происхожденіемъ; при прежней династіи даже главнокомандующій войсками, который въ правительственной іерархіи занималъ рангъ выше наслѣдника престола, всегда былъ изъ невольниковъ. Постоянная армія довольно многочисленна, и въ то время, какъ парадное войско остается въ столицѣ при особѣ султана, для возвышенія его блеска и могущества въ глазахъ толпы подданныхъ, многочисленные отряды разставлены вдоль границы. У шейха имѣется нѣсколько пушекъ, и отборное войско вооружено ружьями. Нѣкоторыя роты даже одѣты по-европейски, но безъ соблюденія образа: крои и цвѣта мундировъ представляютъ еще латы, какъ въ средніе вѣка: у однихъ—это кольчуга, у другихъ—ватное одѣяло, окутывающее кавалериста съ головы до ногъ; лошади покрыты такой же броней. Подъ этой военной сбруей животныя и люди едва могутъ двигаться: нужно выбирать самыхъ сильныхъ лошадей, которыя могли бы выдержать грузныхъ всадниковъ, и эти послѣдніе всегда имѣютъ при себѣ плѣшаго оруженосца, который, въ случаѣ паденія наѣзdnика, послѣдно высвобождаетъ его изъ покрывала или кольчуги и помогаетъ защищаться или удирать. Во всей арміи насчитывается около тысячи этихъ кавалеристовъ, болѣе страшныхъ съ виду, нежели дѣйствительно опасныхъ. Войска, состоящія подъ непосредственнымъ командованіемъ султана, заключаютъ въ своихъ рядахъ около 3.000 человекъ; кромѣ того, 4.000 солдатъ размѣщены небольшими отрядами подъ начальствомъ кокенауа. Солдаты не получаютъ никакого жалованья, но при отставкѣ, то-есть когда они становятся негодны къ службѣ, имъ даютъ клочекъ пахатной земли; высшіе сановники, военные и гражданскіе, вознаграждаются за службу помѣстьями.

Административное дѣленіе королевства не отличается той правильностью, которую представляютъ въ этомъ отношеніи даръ-Форъ и Удай: непосредственно подвластныя провинціи, большія и малыя, переплетаются съ вассальными государствами, связанными на различныхъ условіяхъ съ государствомъ сюзереннымъ. Въ большинствѣ этихъ второстепенныхъ королевствъ государи по-прежнему распоряжаются жизнью своихъ подданныхъ и дѣлаютъ облавы за собственный счетъ у окрестныхъ язычниковъ. Знаки покорности, оказываемые манда-

русскому султану, превосходить даже изъясненія преданности и благоговѣнія, должныя ему, повелителю Борну: ни одинъ сановникъ не смѣетъ сѣсть передъ нимъ лицомъ прямо къ его лучезарному лику; изъ боязни быть ослѣпленными, всѣ должны поворачиваться къ нему спиной, наклоняясь къ землѣ. Когда онъ путешествуетъ, при аккомпаниментѣ непрерывнаго концерта барабановъ и трубъ, царедворцы бѣгутъ впередъ, извѣщая своего владыку громкими криками о всѣхъ случайностяхъ дороги. Нигдѣ нѣтъ болѣе строгаго и болѣе рабски исполняемаго церемоніала, чѣмъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Долоо.

У. Багирми.

Подъ Багирми въ собственномъ смыслѣ понимаются равнину, частью болотистую, которая заключается между нижнимъ теченіемъ рѣки Шара, озеромъ Чадъ, горами, населенными племенемъ сокоро, и скалами, ограничивающими въ западѣ озеро Фитри. Это пространство занимаетъ площадь въ 50.000 квадр. километровъ, т. е. равнину приблизительно десятой части Франціи; но къ нему, кромѣ того, причисляютъ, какъ политически зависимаго отъ Багирми, окружающія области, обитаемыя языческими населеніями, которыя платятъ дань, или у которыхъ дѣлаются облавы для пополненія запаса невольниковъ: такимъ образомъ территория Багирми выходитъ на картахъ болѣе, чѣмъ утроенной. По свидѣтельству арабскихъ писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми отъ двухъ словъ баггаръ мѣя или «сто коровъ», потому что первые державцы наложили дань въ сто головъ рогатаго скота на каждый изъ подвластныхъ народцевъ. Сами себя туземцы называютъ бармаге.

Населеніе Багирми, со включеніемъ данниковъ, оцѣнивалось Бартомъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, приблизительно въ полтора милліона душъ; но Нахтигалю, кровопролитныя войны съ Удаемъ, голодовки, облавы, бывшія ихъ слѣдствіемъ, сократили по крайней мѣрѣ на треть число бармаге, такъ что теперь оно, вѣроятно, не превышаетъ милліона. Цивилизованные жители страны, въ собственномъ Багирми, подобно кануриямъ въ Борну, — люди смѣшанной расы, имѣющіе въ числѣ своихъ предковъ макари, со и другихъ аборигеновъ нѣкихъ сосѣднихъ племенъ, а также арабовъ и фулловъ: введеніе ислама и новой цивилизаціи создало мало-по-малу этнический контрастъ между жителями Багирми и окружающими населеніями. По свидѣтельству лѣтописей и преданій, арабы, основавшіе это государство, принадлежали къ Араміи, можетъ-быть, азъ Медины въ VII вѣкѣ; они въ началѣ XVI столѣтія; во всякомъ случаѣ, не подлежатъ сомнѣнію, что

они были уроженцы востока. Въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, эмиграціонное и завоевательное движеніе совершалось по направленію отъ востока къ западу.

Отличаясь очень смѣшаннымъ происхожденіемъ, подобно своимъ сосѣдямъ борнуанцамъ, жители Багирми много превосходятъ послѣднихъ тѣлесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты ихъ не имѣютъ того отталкивающаго безобразія, которое такъ часто встрѣчаешь у кануриевъ; особенно женщины Багирми отличаются пріятнымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, съ прямымъ носомъ, съ чуть замѣтно выступающими губами; волосы у нихъ гладкіе, но по бокамъ онѣ украшаютъ ихъ растительными волокнами, сплетенными въ формѣ колосьевъ. Черный цвѣтъ кожи довольно рѣдокъ: у большинства багирмійцевъ она имѣетъ красноватый, почти металлическій отливъ. Эти негры вообще очень смѣшлены, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: особенно хвалятъ ихъ талантъ къ тканью и окраскѣ матерій, къ сѣдельному и позументному мастерству; въ 1871 году, когда султанъ удайскій овладѣлъ столицей Багирми и возвращался оттуда побѣдителемъ въ свою страну, онъ забралъ съ собой въ плѣнъ лучшихъ мастеровъ, каменщиковъ, ткачей, портныхъ, красильщиковъ, чтобы водворить ихъ у себя колоніями и употреблять въ качествѣ руководителей работъ: тридцать тысячъ ремесленниковъ изъ Багирми были такимъ образомъ насильно переселены въ Удаю; въ то же время багирмійцамъ было воспрещено носить ткани высшаго сорта. Вслѣдствіе этого, мѣстная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было бы построить такой дворецъ изъ кирпича, какимъ обладаетъ султанъ въ Массенѣ. Но несмотря на эту замѣчательную способность къ мирнымъ профессіямъ, багирмійцы до такой степени привыкли, поколѣніями, къ военному ремеслу, что солдатчина глубоко вкоренилась въ ихъ нравы; пренебреженіе честнымъ трудомъ составляетъ у нихъ первое условіе уваженія, грубость, даже жестокость считаются похвальнымъ качествомъ: послѣдній государь тщеславился прозвищемъ Абу-Секкинь, или «Отецъ Ножа», приобрѣтаннымъ имъ за поголовное избіеніе гостей, которымъ онъ клался въ вѣрности и дружбѣ. Багирмійцы презируютъ кануриевъ Борну и мабасовъ Удаю, какъ низшихъ въ сравненіи съ ними по военной храбрости; однако они не создали, какъ тѣ, могущественнаго государства, и въ политическомъ отношеніи они всегда находились въ положеніи вассальной зависимости, болѣе или менѣе замаскированной; теперь они платятъ дань удайскому султану, отъ котораго ихъ государь получилъ инвеституру. Впрочемъ, Багирми не имѣетъ тѣхъ выгодъ, какими пользуются

Борну, какъ историческій путь для торговли Центральной Африки: въ отношеніи своего торговаго обмѣна онъ зависитъ отъ рынка Куки, этапнаго пункта между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.

Кромѣ багирмійцевъ, всѣ окрестныя расы представлены въ цивилизованномъ населеніи городовъ: колоніи кануриевъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ территоріи; на западѣ макари, на сѣверѣ кукинцы и булаласы живутъ въ большомъ числѣ въ округахъ, граничащихъ съ ихъ землями; арабы, принадлежащіе къ племенамъ ассела, саламатъ, хозамъ, дебаба, ауладъ-муса, шоа, обрабатываютъ почву, преимущественно въ сѣверной части Багирми; наконецъ, фулы, частію потомки тѣхъ феллатовъ, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Шари съ пятнадцатаго столѣтія, встрѣчаются въ особенности въ южныхъ областяхъ страны: они вообще живутъ въ большой дружбѣ съ арабами, по причинѣ сходства нравовъ и несмотря на различіе происхожденія и языка. Тѣ изъ нихъ, съ которыми встрѣчался Нахтигаль, называли его «родственникомъ», говоря, что ихъ предки пришли, какъ и онъ, съ береговъ Средиземнаго моря. Владѣя стадами крупнаго рогатаго скота, фулы ведутъ полу-кочевой образъ жизни и отличаются отъ другихъ мусульманъ Багирми, по большей части довольно равнодушныхъ къ вѣрѣ, сильнымъ религіознымъ рвеніемъ. Въ 1857 году одинъ феллатскій махди, «руководимый Аллахомъ», какъ позднѣйшій лже-пророкъ, сокрушившій египетское господство въ Кордофанѣ и Хартумѣ, увлекъ часть населенія Багирми въ странствованіе къ гробу Магомета, восторжествовавъ надъ султанскимъ войскомъ въ правильной битвѣ. Послѣ кровопролитныхъ побѣдъ, государство съ трудомъ было восстановлено въ прежнемъ видѣ.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народцы южныхъ и восточныхъ областей по большей части родственны багирмійцамъ по языку и походятъ на нихъ физическими чертами: это соплеменники, котормъ, для полной ассимиляціи съ собственно жителями Багирми, недостаетъ только двухъ условий: называться магометанами и говорить языкомъ багрима. Народцы эти распадаются на безчисленное множество племенъ и клановъ, такъ какъ дикая жизнь естественно ведетъ къ дробленію до безконечности: каждый округъ населенъ особымъ народцемъ, и каждая голодовка, каждое наводненіе, каждая облава негро-торговцевъ разбиваетъ его населеніе на второстепенныя группы и роды. Большинство этихъ чернокожихъ дѣлаютъ себѣ три порѣза на вискахъ, другіе отличаются татуировками на лбу, на носу или на щекахъ; габеры, живущіе въ багирмійской степи, между рѣчками, выдерживаютъ жару, выходя на поверхность, другой

внизу; сарасы, еще болѣе южное племя, подпиливаютъ и заостряютъ зубы, подобно многимъ племенамъ Нильскаго бассейна. Куфусы, составляющіе часть націи сара, протыкаютъ себѣ губы и вдѣваютъ въ отверстія палочки, образующія гарнитуру вокругъ рта.

Культь деревьевъ еще сохранился у нѣкоторыхъ народцевъ. Сомраи, сосѣди габерисовъ, клянутся надъ корою акаціи, и эта клятва такъ же священна для нихъ, какъ клятва надъ Кораномъ для араба. Всѣ туземцы этихъ областей вѣруютъ въ верховное существо, голосъ котораго слышится въ видѣ грома, и которое возсѣдаетъ на престолѣ изъ облаковъ: ихъ богъ — по преимуществу «громовержецъ». Этому богу они приносятъ кровавыя жертвы — пѣтуховъ и козъ. Въ особой хижинѣ, куда воспрещенъ входъ женщинамъ и дѣтямъ, помѣщается колъ, вырѣзанный изъ священнаго дерева, который кропятъ кровью жертвъ: часть добычи звѣринаго лова, кусокъ мяса изрубленнаго врага привязываются къ этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародѣи, истолковываютъ народу велѣнія божества: они объясняютъ прорицанія, читаемыя ими въ крови жертвъ, въ ихъ предсмертныхъ судорогахъ, въ положеніи труповъ. Они оговариваютъ злыхъ колдуновъ, своихъ соперниковъ по тайному могуществу. Когда у сомраевъ умираетъ молодой человекъ, два «мудреца» берутъ его тѣло, которое, по ихъ словамъ, влечетъ ихъ силой къ хижинѣ убійцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь дѣлитъ съ потерпѣвшей семьей имущество предполагаемаго виновника смерти. У сарасовъ пучекъ травы или зеленыхъ листьевъ, положенный на голову «мудреца», приводитъ его въ религіозный экстазъ: онъ раскачивается изъ стороны въ сторону, скачетъ взадъ и впередъ, шатается, какъ пьяный, и, наконецъ, падаетъ передъ однимъ изъ присутствующихъ, что обрекаетъ этого несчастнаго на смерть. Погребальныя обряды указываютъ на существованіе у язычниковъ Багирми смутной вѣры въ загробную жизнь. Трупъ кладутъ на подстилку изъ роговъ, и подлѣ него помѣщаютъ зарѣзанную козу, сосуды съ медомъ и пивомъ; въ ротъ покойнику вставляютъ маленькую полую тыкву, наполненную раковинками каури, чтобы ему было чѣмъ заплатить за путешествіе на тотъ свѣтъ: это напоминаетъ намъ оболъ, который въ Европѣ умершій давалъ лодочнику Харону за перевозъ въ царство тѣней. Говорятъ, что у неллемовъ, на правомъ берегу Шари, при погребеніи главарей зарываютъ въ могилу живыми молодыхъ непорочныхъ дѣвушекъ. Эпилептики умерщвляются, какъ одержимые бѣсомъ.

Многоженство составляетъ общераспространенный обычай у богатыхъ людей въ верхнемъ

расскому султану, превосходить даже изъясненія преданности и благоговѣнія, должны маю, повелителю Борну: ни одинъ сановникъ не смѣетъ сѣсть передъ нимъ лицомъ прямо къ его лучезарному лику; изъ боязни быть ослѣпленными, всѣ должны поворачиваться къ нему спиной, наклоняясь къ землѣ. Когда онъ путешествуетъ, при аккомпаниментѣ непрерывнаго концерта барабановъ и трубъ, царедворцы бѣгутъ впередъ, извѣщая своего владыку громкими криками о всѣхъ случайностяхъ дороги. Нигдѣ нѣтъ болѣе строгаго и болѣе рабски исполняемаго церемоніала, чѣмъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Долоо.

У. Багирми.

Подъ Багирми въ собственномъ смыслѣ понимаютъ равнину, частію болотистую, которая заключается между нижнимъ теченіемъ рѣки Шари, озеромъ Чадъ, горами, населенными племенемъ сокоро, и скалами, ограничивающими на западѣ озеро Фитри. Это пространство занимаетъ площадь въ 50.000 квадр. километровъ, т. е. равную приблизительно десятой части Франціи; но къ нему, кромѣ того, причисляютъ, какъ политически зависимыя отъ Багирми, окружающія области, обятаемыя языческими населеніями, которыя платятъ дань, или у которыхъ дѣлаются облавы для пополненія запаса невольниковъ: такимъ образомъ территория Багирми выходитъ на картахъ болѣе, чѣмъ утроенной. По свидѣтельству арабскихъ писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми отъ двухъ словъ баггаръ мия или «сто коровъ», потому что первые державцы наложили дань въ сто головъ рогатаго скота на каждый изъ подвластныхъ народцевъ. Сами себя туземцы называютъ бармаге.

Населеніе Багирми, со включеніемъ данниковъ, оцѣнивалось Бартомъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, приблизительно въ полтора милліона душъ; по Нахтигалю, кровопролитныя войны съ Удаемъ, голодовки, облавы, бывшія ихъ слѣдствіемъ, сократили по крайней мѣрѣ на треть число бармаге, такъ что теперь оно, вѣроятно, не превышаетъ милліона. Цивилизованные жители страны, въ собственномъ Багирми, подобно кануриямъ въ Борну, — люди смѣшанной расы, имѣющіе въ числѣ своихъ предковъ макари, со и другихъ аборигеновъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ, а также арабовъ и фуловъ: введеніе ислама и новой цивилизаціи создало мало-по-малу этническій контрастъ между жителями Багирми и окружающими населеніями. По свидѣтельству лѣтописей и преданій, арабы, основавшіе это государство, пришли изъ Аравіи, можетъ-быть, изъ Медины въ концѣ XV или въ началѣ XVI столѣтія; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что

они были уроженцы востока. Въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, эмиграціонное и завоевательное движеніе совершалось по направленію отъ востока къ западу.

Отличаясь очень смѣшаннымъ происхожденіемъ, подобно своимъ сосѣдямъ борнуанцамъ, жители Багирми много превосходятъ послѣднихъ тѣлесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты ихъ не имѣютъ того отталкивающаго безобразія, которое такъ часто встрѣчаешь у кануриевъ; особенно женщины Багирми отличаются пріятнымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, съ прямымъ носомъ, съ чутъ замѣтно выступающими губами; волосы у нихъ гладкіе, но по бокамъ онѣ украшаютъ ихъ растительными волокнами, сплетенными въ формѣ колосьевъ. Черный цвѣтъ кожи довольно рѣдокъ: у большинства багирмійцевъ она имѣетъ красноватый, почти металлическій отливъ. Эти негры вообще очень смыслены, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: особенно хвалятъ ихъ талантъ къ тканью и окраскѣ матерій, къ сѣдельному и позументному мастерству; въ 1871 году, когда султанъ удайскій овладѣлъ столицей Багирми и возвращался оттуда побѣдителемъ въ свою страну, онъ забралъ съ собой въ плѣнъ лучшихъ мастеровъ, каменщиковъ, ткачей, портныхъ, красильщиковъ, чтобы водворить ихъ у себя коловіями и употреблять въ качествѣ руководителей работъ: тридцать тысячъ ремесленниковъ изъ Багирми были такимъ образомъ насильно переселены въ Удай; въ то же время багирмійцамъ было воспрещено носить ткани высшаго сорта. Вслѣдствіе этого, мѣстная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было бы построить такой дворецъ изъ кирпича, какимъ обладаетъ султанъ въ Массенѣ. Но несмотря на эту замѣчательную способность къ мирнымъ профессіямъ, багирмійцы до такой степени привыкли, поколѣніями, къ военному ремеслу, что солдатчина глубоко вкоренилась въ ихъ нравы; пренебреженіе честнымъ трудомъ составляетъ у нихъ первое условіе уваженія, грубость, даже жестокость считаются похвальнымъ качествомъ: послѣдній государь тщеславился прозвищемъ Абу-Секкинъ, или «Отецъ Ножа», пріобрѣтеннымъ имъ за поголовное избиеніе гостей, которымъ онъ клялся въ вѣрности и дружбѣ. Багирмійцы презираютъ кануриевъ Борну и мабасовъ Удаа, какъ низшихъ въ сравненіи съ ними по военной храбрости; однако они не создали, какъ тѣ, могущественнаго государства, и въ политическомъ отношеніи они всегда находились въ положеніи вассальной зависимости, болѣе или менѣе замаскированной; теперь они платятъ дань удайскому султану, отъ котораго ихъ государь и получилъ инвеституру. Впрочемъ, Багирми не имѣетъ тѣхъ выгодъ, какими пользуется

Борну, какъ историческій путь для торговли Центральной Африки: въ отношеніи своего торгового обмѣна онъ зависитъ отъ рынка Куки, этапнаго пункта между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.

Кромѣ багирмійцевъ, всѣ окрестныя расы представлены въ цивилизованномъ населеніи городовъ: колоніи кануриевъ разсыяны во всѣхъ частяхъ территоріи; на западѣ макари, на сѣверѣ кукины и булаласы живутъ въ большомъ числѣ въ округахъ, граничащихъ съ ихъ землями; арабы, принадлежащіе къ племенамъ ассела, саламатъ, хозамъ, дебаба, ауладъ-муса, шоа, обрабатываютъ почву, преимущественно въ сѣверной части Багирми; наконецъ, фулы, частью потомки тѣхъ феллатовъ, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Шари съ пятнадцатаго столѣтія, встрѣчаются въ особенности въ южныхъ областяхъ страны: они вообще живутъ въ большой дружбѣ съ арабами, по причинѣ сходства нравовъ и несмотря на различіе происхожденія и языка. Тѣ изъ нихъ, съ которыми встрѣчался Нахтигаль, называли его «родственникомъ», говоря, что ихъ предки пришли, какъ и онъ, съ береговъ Средиземнаго моря. Владѣя стадами крупнаго рогатаго скота, фулы ведутъ полу-кочевой образъ жизни и отличаются отъ другихъ мусульманъ Багирми, по большей части довольно равнодушныхъ къ вѣрѣ, сильнымъ религіознымъ рвеніемъ. Въ 1857 году одинъ феллатскій махди, «руководимый Аллахомъ», какъ позднѣйшій лже-пророкъ, сокрушившій египетское господство въ Кордофанѣ и Хартумѣ, увлекъ часть населенія Багирми въ странствованіе къ гробу Магомета, восторжествовавъ надъ султанскимъ войскомъ въ правильной битвѣ. Послѣ кровопролитныхъ побойщъ, государство съ трудомъ было восстановлено въ прежнемъ видѣ.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народцы южныхъ и восточныхъ областей по большей части родственны багирмійцамъ по языку и походятъ на нихъ физическими чертами: это соплеменники, которымъ, для полной ассимиляціи съ собственными жителями Багирми, недостаетъ только двухъ условий: называться магометанами и говорить языкомъ багрима. Народцы эти распадаются на безчисленное множество племенъ и клановъ, такъ какъ дикая жизнь естественно ведетъ къ дробленію до безконечности: каждый округъ населенъ особымъ народцемъ, и каждая голодовка, каждое наводненіе, каждая облага негро-торговцевъ разбиваетъ его населеніе на второстепенныя группы и роды. Большинство этихъ чернокожихъ дѣлаютъ себѣ три порѣза на вискахъ, другіе отличаются татуировками на лбу, на носу или на щекахъ; габеры, живущіе въ багирмійскомъ междурѣчьи, выдерживаютъ себѣ два рѣза, одинъ вверху, другой

внизу; сарасы, еще болѣе южное племя, подпиливаютъ и заостряютъ зубы, подобно многимъ племенамъ Нильскаго бассейна. Куфусы, составляющіе часть націи сара, протыкаютъ себѣ губы и вдѣваютъ въ отверстія палочки, образующія гарнитуру вокругъ рта.

Культь деревьевъ еще сохранился у нѣкоторыхъ народцевъ. Сомраи, сосѣди габерисовъ, клянутся надъ корою акаціи, и эта клятва такъ же священна для нихъ, какъ клятва надъ Кораномъ для араба. Всѣ туземцы этихъ областей вѣруютъ въ верховное существо, голосъ котораго слышится въ видѣ грома, и которое возсѣдаетъ на престолѣ изъ облаковъ: ихъ богъ — по преимуществу «громовержецъ». Этому богу они приносятъ кровавыя жертвы — пѣтуховъ и козъ. Въ особой хижинѣ, куда воспрещенъ входъ женщинамъ и дѣтямъ, помѣщается колъ, вырѣзанный изъ священнаго дерева, который кропятъ кровью жертвъ: часть добычи звѣринаго лова, кусокъ мяса изрубленнаго врага привязываются къ этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародѣи, истолковываютъ народу велѣнія божества: они объясняютъ прорицанія, читаемыя ими въ крови жертвъ, въ ихъ предсмертныхъ судорогахъ, въ положеніи труповъ. Они оговариваютъ злыхъ колдуновъ, своихъ соперниковъ по тайному могуществу. Когда у сомраевъ умираетъ молодой человѣкъ, два «мудреца» берутъ его тѣло, которое, по ихъ словамъ, влечетъ ихъ силой къ хижинѣ убійцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь дѣлитъ съ потерпѣвшей семьей имущество предполагаемаго виновника смерти. У сарасовъ пучекъ травы или зеленыхъ листьевъ, положенный на голову «мудреца», приводитъ его въ религіозный экстазъ: онъ раскачивается изъ стороны въ сторону, скачетъ взадъ и впередъ, шатается, какъ пьяный, и, наконецъ, падаетъ передъ однимъ изъ присутствующихъ, что обрекаетъ этого несчастнаго на смерть. Погребальныя обряды указываютъ на существованіе у язычниковъ Багирми смутной вѣры въ загробную жизнь. Трупъ кладутъ на подстилку изъ роговъ, и подлѣ него помѣщаютъ зарѣзанную козу, сосуды съ медомъ и пивомъ; въ ротъ покойнику вставляютъ маленькую полую тыкву, наполненную раковинками каури, чтобы ему было чѣмъ заплатить за путешествіе на тотъ свѣтъ: это напоминаетъ намъ оболъ, который въ Европѣ умершій давалъ лодочнику Харону за перевозъ въ царство тѣней. Говорятъ, что у неллемовъ, на правомъ берегу Шари, при погребеніи главарей зарываютъ въ могилу живыми молодыхъ непорочныхъ дѣвушекъ. Эпилептики умерщвляются, какъ одержимые бѣсомъ.

Многоженство составляетъ общераспространенный обычай у богатыхъ людей въ верхнемъ

Багирми. Отецъ проданной женщины получаетъ въ обменъ лошадь, рабовъ, откормленных собакъ, но, въ случаѣ безплодія его дочери, онъ долженъ взять ее обратно, или уступить ее другому мужчине, который возмѣщаетъ мужу уплаченный калымъ, или позволить разжаловать ее въ невольницы. Съ другой стороны, когда жена сдѣлалась въ пятый разъ матерью, она получаетъ полную свободу и можетъ вернуться, если пожелаетъ, въ родительскій домъ. Кое-какіе остатки матриархальнаго быта сохранились еще до сихъ поръ въ странѣ. Такъ, одно изъ маленькихъ государствъ въ области верховьевъ Шари, лежащее ниже слиянія ба-Буссо и Бахръ-эль-Абиада, извѣстно подъ именемъ Беледъ-эль-Мра или «Женское царство», потому что правленіе тамъ всегда вѣдряется королевѣ.

Хотя магометане по имени, багирмійцы не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки къ распространенію ислама между языческими населеніями юга и даже очень косо смотрятъ на религіозную пропаганду фуловъ: это объясняется тѣмъ, что земныя выгоды побуждаютъ ихъ всегда видѣть ненавистныхъ язычниковъ въ народахъ, которые служатъ имъ источникомъ для набора и комплектованія ихъ стада рабовъ. Нужно ли уплатить дань Удаю или Борну, построить султанскую резиденцію, наполнить государственную казну выгодной продажей, — тотчасъ же снаряжается экспедиція негропромышленниковъ въ южныя земли. Соединившись, населенія, угрожаемые работоторговцами, конечно, легко отразили бы всякія нападенія этихъ разбойниковъ; но, разрозненные, несвязанные никакими общими интересами, они стараются отвлечь грозящую опасность, направляя ее на другаго: сами дикари служатъ ищейками общему врагу противъ другихъ дикарей, а эти, въ свою очередь, помогутъ впоследствии напасть на нихъ врасплохъ и захватить ихъ въ плѣнъ. Запасы молодыхъ парней и дѣвушекъ для рынка собираются главнымъ образомъ среди инородцевъ націи сара; обыкновенно всю эту расу называютъ презрительной кличкой «подлые невольники». Чтобы избѣгнуть визита багирмійцевъ, многіе платятъ полюбовно дань, опредѣленную въ «сто головъ» въ годъ, и чтобы добыть эту сотню головъ, они ведутъ войну за собственный счетъ. Когда нападающіе снабжены ружьями противъ людей, вооруженныхъ только стрѣлами, дротиками или топорами, то охота всегда удачна. Нахтигалю пришлось быть невольнымъ зрителемъ осады, затѣмъ штурма двухъ эриодендроновъ, на которыхъ укрылись нѣсколько семей туземцевъ изъ племени габери. Сраженные пудами, защитники, занимавшіе посты на вершинѣ дерева, какъ на марсѣ корабля, свалились на землю сквозь вѣтви, послѣ чего атакующимъ только оставалось влѣзть

на деревья, чтобы забрать женщинъ, дѣтей, домашнихъ животныхъ, группировавшихся на помостѣ, который поддерживался вторымъ ярусомъ вѣтвей. Впрочемъ, есть племена, хорошо защищенные своей позиціей, которыя до сихъ поръ бравировали всѣ усилія торговцевъ невольниками. Такова нація сокоро, многочисленная мелкія вольныя общины которой пріютились на крутыхъ скалахъ, въ естественныхъ крѣпостяхъ, на которыя не осмѣливаются нападать воины равнины.

Какъ почти всѣ другія правительства Центральной Африки, правительство Багирми не имѣетъ другаго руководящаго правила, кромѣ могущества соперниковъ; но чтобы устранить опасныхъ враговъ въ своей собственной фамиліи, султанъ, вступая на престолъ, велитъ вырвать по глазу у каждаго изъ своихъ братьевъ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы глава государства не имѣлъ тѣлесныхъ недостатковъ. Отъ государя неограниченная власть исходитъ къ его многочисленнымъ внукамъ и ко всѣмъ чиновникамъ, которые налагаютъ подать и грабятъ деревни, когда и сколько хотятъ. Подданные держатъ себя очень униженно предъ властителями. Вступая въ домъ султана, каждый долженъ обнажить свой бюстъ, спустить одежду ниже пояса, стать на колѣни, наклонить туловище впередъ и соединить руки. Только музыканты, какъ люди королевской крови, да нѣкоторые главари сокоро-скихъ племенъ, пріобрѣвшіе военными подвигами право считаться стоящими выше общаго закона, освобождены отъ этого придворнаго этикета. Одинъ изъ придворныхъ невольниковъ постоянно махаетъ передъ королемъ экраномъ изъ красной шелковой матеріи, усаженнымъ по краямъ страусовыми черными перьями: это *рингъ*, эмблема державства; что касается королевскаго копья, надъ которымъ прежде приносили присягу, какъ надъ божественной вещью, то оно было захвачено султаномъ Удаа, который хранитъ у себя этотъ символъ королевской власти.

Столица Багирми, Массенья или Массенія, городъ «Тамарияда», основанный слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, стоитъ въ обширной равнинѣ нижней Шари, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Бачикама. Кромѣ города, стѣны ограды охватываютъ обширное пространство незастроенной земли, платанціи, ярмарочныя поля и даже временное озеро почти того же вида, какъ озеро въ Кано, и такъ же сильно заражающее воздухъ своимъ зловоніемъ. Когда султанъ уадайскій предпринялъ осаду Массеньи въ 1870-и въ 1871 годахъ, онъ не могъ обложить городъ со всѣхъ сторонъ и проникъ туда лишь посредствомъ подкона. Массенья не только столица и резиденція, но и самый многочисленный городъ въ Багирми; до осады онъ имѣлъ не менѣе

20.000 жителей. Бугоманъ, на лѣвомъ берегу Шари, по Нахтигалю, вчетверо меньше населенъ, но этотъ городъ занимаетъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ рѣчнаго теченія, которые предпочтительно выбираются караванами для переправы; Бугоманъ и его сосѣдъ, городъ Кокороче, доставляютъ столицѣ почти все количество зерновыхъ хлѣбовъ, питающихъ ея рынокъ.

Къ востоку отъ Багирми, городъ Канга, стоящій на одномъ изъ сѣверныхъ мысовъ горъ Гере, населенъ независимыми сокоросамп, но тѣмъ не меньше бигирмійцы считаютъ

его въ нѣкоторомъ родѣ метрополіей, такъ какъ тамъ, будто-бы, получила свое происхожденіе королевская династія. На югъ простираются еще неизслѣдованныя страны, по которымъ протекаютъ верхніе притоки Шари, и которыя поднимаются либо къ истокамъ Уэлле, либо къ водораздѣльной возвышенности между бассейномъ озера Чадъ и бассейномъ рѣки Конго. Тамъ находится область Центральной Африки, гдѣ путешественниковъ ожидаютъ важнѣйшія открытія, какія еще остается сдѣлать въ географіи чернаго континента.

КОНЕЦЪ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIII.

Южная Африка: Южный Атлантическій Океанъ.—Камерунъ.—
Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—
Мозамбикъ.—Занзибаръ.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**
дѣйствительнаго члена императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К^о. Большая Подъяческая, 39.

султаната занимаетъ вассальное государство Синдьеръ или Зиндьеръ, обогащаемое торговлей съ туарегами, но часто также опустошаемое тѣми же туарегами; здѣсь существуетъ маленькая колонія привившихъ исламъ евреевъ, выходцевъ съ береговъ Средиземнаго моря ¹⁾. Столица этого государства, построенная у основанія большой скалы, заслужила названіе «Воротъ Судана», благодаря разносчикамъ туареской соли, устроившимъ свои становища у городскихъ воротъ: дорога, ведущая въ Синдьеръ, чаще посѣщается, чѣмъ дорога въ Феццанъ. Городъ состоитъ изъ землянокъ, хижинъ, покрытыхъ рогожами, и палатокъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ. Въ горахъ Мунио, врѣзывающихся клиномъ въ смежныя съ пустыней степныя пространства, есть нѣсколько значительныхъ городскихъ поселеній, какъ-то: Гуре, Вушекъ, производящій въ большомъ количествѣ зерновые хлѣба, и южнѣе—Буве и Сулери; въ сосѣдствѣ послѣдняго находится патроновое озеро, поверхность котораго покрыта бѣлосиѣжными кристаллами углекислаго натра. Другое озеро, Магаджири, состоитъ изъ двухъ сообщающихся бассейновъ, изъ которыхъ одинъ наполненъ прѣсной, а другой сильно соленой водой ²⁾. Города горной цѣпи Мунио по характеру архитектуры напоминаютъ города Мавританіи.

Къ юго-западу отъ Куки, на дорогѣ, ведущей къ нижнему Бенуэ, одинъ изъ главныхъ этаповъ—Магоммери, резиденція одного изъ первыхъ сановниковъ государства; Рольфъ видѣлъ тамъ страусникъ, вѣроятно, единственный существующій въ Суданѣ; но не рѣдкость встрѣтить домашнихъ страусовъ, слѣдующихъ за караванами или расхаживающихъ на птичьихъ дворахъ. Далѣе идутъ города Могодомъ, окруженный плантаціями хлопчатника, и Гуджаба, населенный частью язычниками; почти во всѣхъ городахъ, обнесенныхъ стѣной, живутъ исключительно цивилизованные, причисляющіе себя къ послѣдователямъ ислама. Еще далѣе, въ горахъ территоріи Бабиръ, по слухамъ, существуетъ значительный городъ, называемый Біу и тоже начинающій подпадать магометанскому влиянію.

Южная оконечность озера Чадъ, которую огибаютъ историческая дорога изъ Уада въ западный Борну, есть одна изъ наиболѣе богатыхъ городами частей государства. Городъ Іеди, расположенный близъ берега полукруглаго залива, считается родиной островитянъ, принявшихъ имя іедина; и эти грабители, движимые патристическимъ чувствомъ, воздерживаются отъ набѣговъ на сосѣднее побережье. На юго-востокъ, городъ Марте, окруженный, подобно Іеди, развалившейся стѣной, лежитъ почти на

этнографической границѣ между кануриями, макаріями и арабами. Эти три расы представлены и въ населеніи Марте, которое вызываетъ у другихъ борнауцевъ чувство отвращенія однимъ изъ любимыхъ его блюдъ. Обитатели этого мѣстечка охотятся на полевыхъ крысъ и ѣдятъ эту дичь, когда она приобрѣтетъ душокъ. Далѣе, на дорогѣ въ Уадай, лежитъ городъ Миссене, уже утратившій характерную фізіономію городовъ канурійской территоріи: въ немъ не видно болѣе соломенныхъ хижинъ, и каждый домъ имѣетъ двери, внизу узкія, а сверху расширяющіяся. Нгала, слѣдующій за Миссене городъ въ восточномъ направленіи, находится въ мѣстѣ, подверженномъ наводненію во время разливовъ озера Чадъ; но обитатели его, болѣе предусмотрительные, чѣмъ прибрежные жители Луары и Роны, догадались построить свой городъ и крѣпость на искусственной террасѣ, недосигаемой для водъ озера. Прежде Нгала, вѣроятно, была населена неграми племени со, бывшими владѣтелями края; въ сосѣдствѣ города показываютъ нѣсколько могилъ, некрополь государей древней династіи. Далѣе, въ дельтѣ рѣки Шари, островные города Афаде и Гуфей, окруженные стѣнами, стоятъ попеременно то надъ моремъ безъ видимыхъ предѣловъ, то среди зеленѣющихъ равнинъ. Другой городъ, Эльфъ (Альфъ), какъ говорятъ, старѣйшій между городами страны по времени основанія, замѣчательнѣе тѣмъ, что туземные путешественники всегда стараются обойти его стороной, пугаемые чародѣйской силой, которую молва приписываетъ его обитателямъ. Сосѣдъ его, Кала-Кафра, обнесенъ крѣпкой оградой. Главный городъ территоріи Логонъ, Логонъ-Карнакъ, стѣны и башни котораго тянутся по краю высокаго берега рѣки, гдѣ причаливаютъ барки и сушатся рыболовныя сѣти, есть важнѣйшій пунктъ страны, какъ мѣсто переправы и торговаго обмѣна между Борну и Багирми; султанъ, магометанскаго вѣроисповѣданія, платитъ дань обоимъ сопредѣльнымъ государствамъ.

Въ бассейнѣ рѣки Мбулу, далеко отъ озера, вассальныя или недавно покоренныя государства тоже имѣютъ значительные города. Диккоа, укрѣпленный городъ, по преданію основанный туарегами, слыветъ во всей Центральной Африкѣ мѣстомъ, гдѣ говорятъ самымъ чистымъ языкомъ канури; онъ часто былъ резиденціей борнауанскихъ султановъ, и дворецъ его обсаженъ тѣнистыми деревьями. Ткачи его очень искусны въ выдѣлкѣ хлопчато-бумажныхъ матерій. Городъ Ала, лежащій недалеко отъ Диккоа, тоже былъ еще не такъ давно столицей. Около южныхъ горъ, но все еще въ равнинѣ, стоитъ городъ Май-дугъ-эри, населенный неграми племени гамергу, хижины которыхъ тысячами разсыяны подъ вѣтвями деревьевъ. Въ территоріи Удже города Мабани и Кусукула замѣча-

¹⁾ Richardson, "Mission to Central Africa".

²⁾ Н. Barth, цитированное сочиненіе.

тельны какъ большіе рынки, гдѣ сходятся, для обмѣна своихъ произведеній, цивилизованные свѣряне и язычники южане. Далѣе, у подошвы горъ показывается городъ Долоо, раздѣленный на двѣ половины извилистой рѣчкой и частью построенный амфитеатромъ по скатамъ холма; это большой городъ, столица государства Мандара, теперь состоящая въ вассальной зависимости отъ Борну; онъ окруженъ укрѣпленіями новой конструкции; путешественникъ Фогель пробылъ тамъ цѣлый мѣсяцъ въ плѣну, и нѣсколько разъ жизнь его висѣла на волоскѣ. Къ юго-западу отъ Долоо, на крутыхъ склонахъ скалы, возвышающейся на 200 слишкомъ метровъ, видѣются развалины прежней столицы, Мора, которая господствовала надъ выходомъ ущелья, у свѣрновой оконечности котловины, бывшаго озера, превратившагося въ бассейнъ зелени; всѣ горы этого обширнаго амфитеатра увѣнчаны деревьями.

Главные города государства Борну, приблизительное населеніе которыхъ указано путешественниками въ разныя эпохи:

Собственно Борну. Кука, съ предмѣстьями, по Рольфу—120.000 жит., Кука, въ 1873 г., по Нахтигалю—60.000 жит., Нгорну, въ 1857 г., по Рольфу—20.000 жит., Гуджа—20.000 жит. Нгала, по Нахтигалю—7.000 жит., Сулери, по Барту—5.000 жит., Кала-Кафра, по Нахтигалю—4.500 жит., Магоммери, по Рольфу—4.000 жит., Марте, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.500 жит., Еди, въ 1873 г., по Нахтигалю—3.000 жит., Машена, въ 1851 г., по Барту—12.000 жит., Хадеджа—12.000 жит., Гумель—12.000 жит., Синдеръ—10.000 жит., Кауа, въ 1857 г., по Рольфу—10.000 жит., Гуре, въ 1851 г., по Барту—9.500 жит., Вушекъ—9.500 жит., Вунди—8.500 жит., Борсари, въ 1851 г., по Барту—7.500 жит., Май-ду-гери, въ 1851 г., по Барту—7.000 жит., Миссене—3.000 жит., Баруа, по Рольфу—1.500 жит., Нгигми—1.500 жит.

Вассальные земли. Карнакъ-Логонъ, въ 1821 г. (Денгамъ)—15.000 жит., Дикое, по Рольфу—15.000 жит., Долоо—30.000 жит., Ала—3.500 жит.

Май или султанъ страны Борну, обыкновенно именуемый шейхомъ, — названіе «палатнаго мэра», низвергнувшаго предыдущую династію, — есть самодержавный государь, «Левъ, Побѣдитель, Мудрость!» Однако, онъ удостоиваетъ выслушивать мнѣнія совѣта, въ составъ котораго входятъ не только члены его фамиліи, но также кокенауа, то-есть начальники войска и официальные представители различныхъ расъ, населяющихъ государство: канури, ганемъ-бу, тиббусы, арабы имѣютъ своихъ наслѣдственныхъ делаватовъ въ совѣтѣ государя, при чемъ у численно преобладающей націи, кануриевъ, всего меньше защитниковъ передъ трономъ; напротивъ, самая малочисленная на-

ція, арабы, имѣетъ больше кокенауа, чѣмъ другіе жители: такимъ образомъ охраной и покровительствомъ пользуются преимущественно интересы меньшинства населенія. Высшія должности въ государствѣ заняты по большей части невольниками, такъ какъ султанъ естественно склоненъ довѣряться скорѣе людямъ, которые ему принадлежатъ, какъ собственности, нежели лицамъ, гордящимся своимъ происхожденіемъ; при прежней династіи даже главнокомандующій войсками, который въ правительственной іерархіи занималъ рангъ выше наслѣдника престола, всегда былъ изъ невольниковъ. Постоянная армія довольно многочисленна, и въ то время, какъ парадное войско остается въ столицѣ при особѣ султана, для возвышенія его блеска и могущества въ глазахъ толпы подданныхъ, многочисленные отряды разставлены вдоль границы. У шейха имѣется нѣсколько пушекъ, и отборное войско вооружено ружьями. Нѣкоторыя роты даже одѣты по-европейски, но безъ соблюденія образа: покрои и цвѣта мундировъ представляютъ невообразимую пестроту. Конница носитъ еще латы, какъ въ средніе вѣка: у однихъ—это кольчуга, у другихъ—ватное одѣяло, окутывающее кавалериста съ головы до ногъ; лошади покрыты такой же броней. Подъ этой военной сбруей животные и люди едва могутъ двигаться: нужно выбирать самыхъ сильныхъ лошадей, которыя могли бы выдержать грузныхъ всадниковъ, и эти послѣдніе всегда имѣютъ при себѣ пѣшаго оруженосца, который, въ случаѣ паденія наѣздника, поспѣшно высвобождаетъ его изъ покрывала или кольчуги и помогаетъ защищаться или удирать. Во всей арміи насчитывается около тысячи этихъ кавалеристовъ, болѣе страшныхъ съ виду, нежели дѣйствительно опасныхъ. Войска, состоящія подъ непосредственнымъ командованіемъ султана, заключаютъ въ своихъ рядахъ около 3.000 человекъ; кромѣ того, 4.000 солдатъ размѣнены небольшими отрядами подъ начальствомъ кокенауа. Солдаты не получаютъ никакого жалованья, но при отставкѣ, то-есть когда они становятся негодны къ службѣ, имъ даютъ клочекъ пахатной земли; высшіе сановники, военные и гражданскіе, вознаграждаются за службу помѣстьями.

Административное дѣленіе королевства не отличается той правильностью, которую представляютъ въ этомъ отношеніи даръ-Форъ и Удай: непосредственно подвластныя провинціи, большія и малыя, переплетаются съ вассальными государствами, связанными на различныхъ условіяхъ съ государствомъ сюзереннымъ. Въ большинствѣ этихъ второстепенныхъ королевствъ государи по-прежнему распориваются жизнью своихъ подданныхъ и дѣлаютъ облавы за собственныя счеты у окрестныхъ язычниковъ. Знаки покорности, оказываемые манда-

расскому султану, превосходить даже извѣленія преданности и благоговѣнія, должны маю, повелителю Борну: ни одинъ сановникъ не смѣетъ сѣсть передъ нимъ лицомъ прямо къ его лучезарному лику; изъ боязни быть ослѣпленными, всѣ должны поворачиваться къ нему спиной, наклоняясь къ землѣ. Когда онъ путешествуетъ, при аккомпаниментѣ непрерывнаго концерта барабановъ и трубъ, царедворцы бѣгутъ впереди, извѣщая своего владыку громкими криками о всѣхъ случайностяхъ дороги. Нигдѣ нѣтъ болѣе строгаго и болѣе рабски исполняемаго церемоніала, чѣмъ этикетъ, соблюдаемый при дворѣ въ Долоо.

У. Багирми.

Подъ Багирми въ собственномъ смыслѣ понимаютъ равнину, частію болотистую, которая заключается между нижнимъ теченіемъ рѣки Шари, озеромъ Чадъ, горами, населенными племенемъ сокоро, и скалами, ограничивающими на западѣ озеро Фитри. Это пространство занимаетъ площадь въ 50.000 квадр. километровъ, т. е. равную приблизительно десятой части Франціи; но къ нему, кромѣ того, причисляютъ, какъ политически зависимыя отъ Багирми, окружающія области, обитаемыя языческими населеніями, которыя платятъ дань, или у которыхъ дѣлаются облавы для пополненія запаса невольниковъ: такимъ образомъ территория Багирми выходитъ на картахъ болѣе, чѣмъ утроенной. По свидѣтельству арабскихъ писателей, жители страны были названы багирми, бакирми, бакарми отъ двухъ словъ баггаръ мия или «сто коровъ», потому что первые державцы наложили дань въ сто головъ рогатаго скота на каждый изъ подвластныхъ народцевъ. Сами себя туземцы называютъ бармаге.

Населеніе Багирми, со включеніемъ данниковъ, оцѣнивалось Бартомъ, въ половинѣ настоящаго столѣтія, приблизительно въ полтора милліона душъ; по Нахтигалю, кровопролитныя войны съ Удаемъ, голодовки, облавы, бывшія ихъ слѣдствіемъ, сократили по крайней мѣрѣ на треть число бармаге, такъ что теперь оно, вѣроятно, не превышаетъ милліона. Цивилизованные жители страны, въ собственномъ Багирми, подобно кануриямъ въ Борну, — люди смѣшанной расы, имѣющіе въ числѣ своихъ предковъ макари, со и другихъ аборигеновъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ, а также арабовъ и фуловъ: введеніе ислама и новой цивилизаціи создало мало-по-малу этнической контрастъ между жителями Багирми и окружающими населеніями. По свидѣтельству лѣтописей и преданій, арабы, основавшіе это государство, пришли изъ Аравіи, можетъ-быть, изъ Медины въ концѣ XV или въ началѣ XVI столѣтія; во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что

они были уроженцы востока. Въ ту эпоху, какъ и въ наши дни, эмиграціонное и завоевательное движеніе совершалось по направленію отъ востока къ западу.

Отличаясь очень смѣшаннымъ происхожденіемъ, подобно своимъ сосѣдямъ борнуанцамъ, жители Багирми много превосходятъ послѣднихъ тѣлесной красотой. Они вообще стройны, гибки и сильны; черты ихъ не имѣютъ того отталкивающаго безобразія, которое такъ часто встрѣчаешь у кануриевъ; особенно женщины Багирми отличаются пріятнымъ лицомъ, съ широкимъ лбомъ, съ прямымъ носомъ, съ чуть замѣтно выступающими губами; волосы у нихъ гладкіе, но по бокамъ онѣ украшаютъ ихъ растительными волокнами, сплетенными въ формѣ колосьевъ. Черный цвѣтъ кожи довольно рѣдокъ: у большинства багирмійцевъ она имѣетъ красноватый, почти металлическій отливъ. Эти негры вообще очень смыслены, очень искусны въ разныхъ ремеслахъ: особенно хвалятъ ихъ талантъ къ тканью и окраскѣ матерій, къ сѣдельному и позументному мастерству; въ 1871 году, когда султанъ удайскій овладѣлъ столицей Багирми и возвращался оттуда побѣдителемъ въ свою страну, онъ забралъ съ собой въ плѣнъ лучшихъ мастеровъ, каменщиковъ, ткачей, портныхъ, красильщиковъ, чтобы водворить ихъ у себя коловіями и употреблять въ качествѣ руководителей работъ: тридцать тысячъ ремесленниковъ изъ Багирми были такимъ образомъ сильно переселены въ Удай; въ то же время багирмійцамъ было воспрещено носить ткани высшаго сорта. Вслѣдствіе этого, мѣстная промышленность значительно сократилась: теперь уже невозможно было бы построить такой дворецъ изъ кирпича, какимъ обладаетъ султанъ въ Массенѣ. Но несмотря на эту замѣчательную способность къ мирнымъ профессіямъ, багирмійцы до такой степени привыкли, поколѣніями, къ военному ремеслу, что солдатчина глубоко вкоренилась въ ихъ нравы; пренебреженіе честнымъ трудомъ составляетъ у нихъ первое условіе уваженія, грубость, даже жестокость считаются похвальнымъ качествомъ: послѣдній государь тщеславился прозвищемъ Абу-Секкинъ, или «Отецъ Ножа», пріобрѣтеннымъ имъ за поголовное избиеніе гостей, которымъ онъ клалъ въ вѣрности и дружбѣ. Багирмійцы презираютъ кануриевъ Борну и мабасовъ Удаа, какъ низшихъ въ сравненіи съ ними по военной храбрости; однако они не создали, какъ тѣ, могущественнаго государства, и въ политическомъ отношеніи они всегда находились въ положеніи вассальной зависимости, болѣе или менѣе замаскированной; теперь они платятъ дань удайскому султану, отъ котораго ихъ государь и получалъ иявеституру. Впрочемъ, Багирми не имѣетъ тѣхъ выгодъ, какими пользуется

Борну, какъ историческій путь для торговли Центральной Африки: въ отношеніи своего торговаго обмѣна онъ зависитъ отъ рынка Куки, этапнаго пункта между Средиземнымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ.

Кромѣ багирмійцевъ, всѣ окрестныя расы представлены въ цивилизованномъ населеніи городовъ: колоніи кануриевъ разсѣяны во всѣхъ частяхъ территоріи; на западѣ макари, на сѣверѣ кукинцы и булаласы живутъ въ большомъ числѣ въ округахъ, граничащихъ съ ихъ землями; арабы, принадлежащіе къ племенамъ ассела, саламатъ, хозамъ, дебаба, ауладъ-муса, шоа, обрабатываютъ почву, преимущественно въ сѣверной части Багирми; наконецъ, фулы, частію потомки тѣхъ феллатовъ, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ въ прибрежныхъ мѣстностяхъ по рѣкѣ Шари съ пятнадцатаго столѣтія, встрѣчаются въ особенности въ южныхъ областяхъ страны: они вообще живутъ въ большой дружбѣ съ арабами, по причинѣ сходства нравовъ и несмотря на различіе происхожденія и языка. Тѣ изъ нихъ, съ которыми встрѣчался Нахтигаль, называли его «родственникомъ», говоря, что ихъ предки пришли, какъ и онъ, съ береговъ Средиземнаго моря. Владѣя стадами крупнаго рогатаго скота, фулы ведутъ полу-кочевой образъ жизни и отличаются отъ другихъ мусульманъ Багирми, по большей части довольно равнодушныхъ къ вѣрѣ, сильнымъ религіознымъ рвеніемъ. Въ 1857 году одинъ феллатскій махди, «руководимый Аллахомъ», какъ позднѣйшій же-пророкъ, сокрушившій египетское господство въ Кордофанѣ и Хартумѣ, увлекъ часть населенія Багирми въ странствованіе къ гробу Магомета, восторжествовавъ надъ султанскимъ войскомъ въ правильной битвѣ. Послѣ кровопролитныхъ побойщъ, государство съ трудомъ было восстановлено въ прежнемъ видѣ.

Полу-независимые или даже совершенно независимые народцы южныхъ и восточныхъ областей по большей части родственны багирмійцамъ по языку и походятъ на нихъ физическими чертами: это соплеменники, которыхъ, для полной ассимиляціи съ собственно жителями Багирми, недостаетъ только двухъ условий: называться магометанами и говорить языкомъ багрима. Народцы эти распадаются на безчисленное множество племенъ и клановъ, такъ какъ дикая жизнь естественно ведетъ къ дробленію до безконечности: каждый округъ населенъ особымъ народцемъ, и каждая голодовка, каждое наводненіе, каждая облава негро-торговцевъ разбиваетъ его населеніе на второстепенныя группы и роды. Большинство этихъ чернокожихъ дѣлаютъ себѣ три порѣза на вискахъ, другіе отличаются татуировками на лбу, на носу или на щекахъ; габеры, живущіе въ багирмійскомъ междурѣчьи, выдерживаютъ себѣ два рѣза, одинъ вверху, другой

внизу; сарасы, еще болѣе южное племя, подпиливаютъ и заостряютъ зубы, подобно многимъ племенамъ Нильскаго бассейна. Куфусы, составляющіе часть націи сара, протыкаютъ себѣ губы и вдѣваютъ въ отверстія палочки, образующія гарнитуру вокругъ рта.

Культъ деревьевъ еще сохранился у нѣкоторыхъ народцевъ. Сомрал, сосѣди габерисовъ, кланутся надъ корою акаціи, и эта клятва такъ же священна для нихъ, какъ клятва надъ Кораномъ для араба. Всѣ туземцы этихъ областей вѣруютъ въ верховное существо, голосъ котораго слышится въ видѣ грома, и которое воссѣдаетъ на престолѣ изъ облаковъ: ихъ богъ — по преимуществу «громовержецъ». Этому богу они приносятъ кровавыя жертвы — пѣтуховъ и козъ. Въ особой хижинѣ, куда воспрещенъ входъ женщинамъ и дѣтямъ, помѣщается колъ, вырѣзанный изъ священнаго дерева, который кропятъ кровью жертвъ: часть добычи звѣринаго лова, кусокъ мяса изрубленнаго врага привязываются къ этому символическому колу.

«Мудрые люди», то-есть чародѣи, истолковываютъ народу велѣнія божества: они объясняютъ прорицанія, читаемыя ими въ крови жертвъ, въ ихъ предсмертныхъ судорогахъ, въ положеніи труповъ. Они оговариваютъ злыхъ колдуновъ, своихъ соперниковъ по тайному могуществу. Когда у сомраевъ умираетъ молодой человѣкъ, два «мудреца» берутъ его тѣло, которое, по ихъ словамъ, влечетъ ихъ силой къ хижинѣ убійцы: немедленно проливается кровь за кровь и главарь дѣлитъ съ потерпѣвшей семьей имущество предполагаемаго виновника смерти. У сарасовъ пучекъ травы или зеленыхъ листьевъ, положенный на голову «мудреца», приводитъ его въ религіозный экстазъ: онъ раскачивается изъ стороны въ сторону, скачетъ взадъ и впередъ, шатается, какъ пьяный, и, наконецъ, падаетъ передъ однимъ изъ присутствующихъ, что обрекаетъ этого несчастнаго на смерть. Погребальныя обряды указываютъ на существованіе у язычниковъ Багирми смутной вѣры въ загробную жизнь. Трупъ кладутъ на подстилку изъ рогожъ, и подлѣ него помѣщаютъ зарѣзанную козу, сосуды съ медомъ и пивомъ; въ ротъ покойнику вставляютъ маленькую полую тыкву, наполненную раковинками каури, чтобы ему было чѣмъ заплатить за путешествіе на тотъ свѣтъ: это напоминаетъ намъ оболъ, который въ Европѣ умершій давалъ лодочнику Харону за перевозъ въ царство тѣней. Говорятъ, что у ньеллемовъ, на правомъ берегу Шари, при погребеніи главарей зарываютъ въ могилу живыми молодыхъ непорочныхъ дѣвушекъ. Эпилептики умерщвляются, какъ одержимые бѣсомъ.

Многоженство составляетъ общераспространенный обычай у богатыхъ людей въ верхнемъ

Багирми. Отецъ проданной женщины получаетъ въ обменъ лошадь, рабовъ, откормленных собакъ, но, въ случаѣ безплодія ея дочери, онъ долженъ взять ее обратно, или уступить ее другому мужчине, который возмѣщаетъ мужу уплаченный калымъ, или позволить разжаловать ее въ невольницы. Съ другой стороны, когда жена сдѣлалась въ пятый разъ матерью, она получаетъ полную свободу и можетъ вернуться, если пожелаетъ, въ родительскій домъ. Кое-какіе остатки матриархальнаго быта сохранились еще до сихъ поръ въ странѣ. Такъ, одно изъ маленькихъ государствъ въ области верховьевъ Шари, лежащее ниже слиянія ба-Буссо и Бахръ-эль-Абиада, извѣстно подъ именемъ Беледъ-эль-Мра или «Женское царство», потому что правленіе тамъ всегда вѣрится королевѣ.

Хотя магометане по имени, багирмійцы не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки къ распространенію ислама между языческими населеніями юга и даже очень косо смотрятъ на религіозную пропаганду фуловъ; это объясняется тѣмъ, что земныя выгоды побуждаютъ ихъ всегда видѣть ненавистныхъ язычниковъ въ народахъ, которые служатъ имъ источникомъ для набора и комплектованія ихъ стадъ рабовъ. Нужно ли уплатить дань Удаю или Борну, построить султанскую резиденцію, наполнить государственную казну выгодной продажей, — тотчасъ же снаряжается экспедиція негропромышленниковъ въ южныя земли. Соединившись, населенія, угрожаемые работоторговцами, конечно, легко отразили бы всякія нападенія этихъ разбойниковъ; но, разрозненные, несвязанные никакими общими интересами, они стараются отвратить грозящую опасность, направляя ее на другаго: сами дикари служатъ ищейками общему врагу противъ другихъ дикарей, а эти, въ свою очередь, помогутъ въ послѣдствіи напасть на нихъ врасплохъ и захватить ихъ въ плѣнъ. Запасы молодыхъ парней и дѣвушекъ для рынка собираются главнымъ образомъ среди инородцевъ націи сара; обыкновенно всю эту расу называютъ презрительной кличкой «подлые невольники». Чтобы избѣгнуть визита багирмійцевъ, многіе платятъ полюбовно дань, опредѣленную въ «сто головъ» въ годъ, и чтобы добыть эту сотню головъ, они ведутъ войну за собственный счетъ. Когда нападающіе снабжены ружьями противъ людей, вооруженныхъ только стрѣлами, дротниками или топорами, то охота всегда удачна. Нахтигалю пришлось быть невольнымъ зрителемъ осады, затѣмъ штурма двухъ эриодендроновъ, на которыхъ укрылись нѣсколько семей туземцевъ изъ племени габери. Сраженные пулями, защитники, занимавшіе посты на вершинѣ дерева, какъ на марсѣ корабля, свалились на землю сквозь вѣтви, послѣ чего атакующимъ только оставалось влѣзть

на деревья, чтобы забрать женщинъ, дѣтей, домашнихъ животныхъ, группировавшихся на помостѣ, который поддерживался вторымъ ярусомъ вѣтвей. Впрочемъ, есть племена, хорошо защищенные своей позиціей, которыя до сихъ поръ бравировали всѣ усилія торговцевъ невольниками. Такова нація сокоро, многочисленныя мелкія вольныя общины которой пріютились на крутыхъ скалахъ, въ естественныхъ крѣпостяхъ, на которыя не осмѣливаются нападать воины равнины.

Какъ почти всѣ другія правительства Центральной Африки, правительство Багирми не имѣетъ другаго руководящаго правила, кромѣ могущества соперниковъ; но чтобы устранить опасныхъ враговъ въ своей собственной фамиліи, султанъ, вступая на престолъ, велитъ вырвать по глазу у каждаго изъ своихъ братьевъ, такъ какъ обычай требуетъ, чтобы глава государства не имѣлъ тѣлесныхъ недостатковъ. Отъ государя неограниченная власть нисходитъ къ его многочисленнымъ евнухамъ и ко всѣмъ чиновникамъ, которые налагаютъ подать и грабятъ деревни, когда и сколько хотятъ. Подданные держатъ себя очень униженно предъ властителями. Вступая въ домъ султана, каждый долженъ обнажить свой бюстъ, спустить одежду ниже пояса, стать на колѣни, наклонить туловище впередъ и соединить руки. Только музыканты, какъ люди королевской крови, да нѣкоторые главари сокоронскихъ племенъ, пріобрѣвшіе военными подвигами право считаться стоящими выше общаго закона, освобождены отъ этого придворнаго этикета. Одинъ изъ придворныхъ невольниковъ постоянно махаетъ передъ королемъ экраномъ изъ красной шелковой матеріи, усаженнымъ по краямъ страусовыми черными перьями: это *ринг*, эмблема державства; что касается королевскаго коня, надъ которымъ прежде приносили присягу, какъ надъ божественной вещью, то оно было захвачено султаномъ Удаей, который хранитъ у себя этотъ символъ королевской власти.

Столица Багирми, Массенья или Массенія, городъ «Тамаринда», основанный слѣшкомъ триста лѣтъ тому назадъ, стоитъ въ обширной равнинѣ нижней Шари, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Бачикама. Кромѣ города, стѣны ограды охватываютъ обширное пространство незастроенной земли, платанціи, армарочныя поля и даже временное озеро почти того же вида, какъ озеро въ Кано, и такъ же сильно заражающее воздухъ своимъ зловоніемъ. Когда султанъ уадайскій предпринялъ осаду Массеньи въ 1870-и въ 1871 годахъ, онъ не могъ обложить городъ со всѣхъ сторонъ и проникъ туда лишь посредствомъ подкопа. Массенья не только столица и резиденція, но и самый многочисленный городъ въ Багирми; до осады онъ имѣлъ не менѣе

20.000 жителей. Бугоманъ, на лѣвомъ берегу Шари, по Нахтигалю, вчетверо менѣе населенъ, но этотъ городъ занимаетъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ рѣчнаго теченія, которые предпочтительно выбираются караванами для переправы; Бугоманъ и его сосѣдъ, городъ Кокороче, доставляютъ столицѣ почти все количество зерновыхъ хлѣбовъ, питающихъ ея рынокъ.

Къ востоку отъ Багирми, городъ Канга, стоящій на одномъ изъ сѣверныхъ мысовъ горъ Гере, населенъ независимыми сокороками, но тѣмъ не менѣе бигирмійцы считаютъ

его въ нѣкоторомъ родѣ метрополіей, такъ какъ тамъ, будто-бы, получила свое происхожденіе королевская династія. На югъ простираются еще неизслѣдованныя страны, по которымъ протекаютъ верхніе притоки Шари, и которыя поднимаются либо къ истокамъ Уэлле, либо къ водораздѣльной возвышенности между бассейномъ озера Чадъ и бассейномъ рѣки Конго. Тамъ находится область Центральной Африки, гдѣ путешественниковъ ожидаютъ важнѣйшія открытія, какія еще остается сдѣлать въ географіи чернаго континента.

КОНЕЦЪ ЗАПАДНОЙ АФРИКИ.

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIII.

Южная Африка: Южный Атлантическій Океанъ.—Камерунъ.—
Габонъ.—Конго.—Ангола.—Да-Мара.—Лимпопо.—Ку-Банга.—
Мозамбикъ.—Занзибаръ.

Переводъ подъ редакціей С. П. Зыкова,
действительнаго члена императорскаго географическаго общества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К^о. Большая Подъячская, 39.

ЮЖНАЯ АФРИКА.

Глава I.

Южный Атлантическій океанъ и его острова.

I. Гвинейское море.

Воды, омывающія западные берега южной Африки, могутъ быть разсматриваемы какъ особое море, отличающееся формою ложа, особенностями въ теченіяхъ и выдвигающимися изъ его пучинъ островами. Благодаря промѣрамъ и изслѣдованіямъ морскаго дна, — которые вблизи береговъ материка и острововъ производились на довольно близкихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, а южнѣе, по направленію къ антарктическимъ землямъ, на разстояніяхъ, все болѣе и болѣе взаимно отдаляющихся, — подводный рельефъ Гвинейскаго моря уже нанесенъ на карты; и хотя получившееся, такимъ образомъ, его изображеніе не можетъ быть признано строго точнымъ, но, тѣмъ не менѣе, оно настолько приближается къ дѣйствительности, что общія черты его могутъ считаться уже извѣстными. Оказалось именно, что подводный горный кражъ, пересѣкающій въ косвенномъ направленіи, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, часть океана, заключающуюся между берегами Либеріи и берегами Бразиліи, измѣняетъ свое направленіе, не доходя приблизительно пяти градусовъ до берега материка на уровнѣ Пальмоваго мыса. Книзу отъ этой области, самая высокая часть дна океана — прикрываемая, однако же, въ среднемъ, толщею воды отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ — направляется какъ-разъ прямо съ сѣвера на югъ и разобщается, такимъ образомъ,

пучины океана, прилегающія къ Африкѣ, отъ еще болѣе глубокихъ безднъ морей около Южной Америки. Эта-та водораздѣльная гряда — на которой, надъ поверхностью океана, высится пикъ Вознесенія и острова Тристанъ-д'Акунья и Гонзало-Альварецъ — и составляетъ срединную границу между двумя половинами Южнаго Атлантическаго океана. Всѣ моря, лежащія отъ нея къ востоку, принадлежатъ къ области африканскаго материка, при чемъ западною границею ихъ служитъ прямая линія, проведенная въ направленіи меридіана отъ Сьерра-Леоне къ Тристанъ-д'Акуньѣ и проходящая черезъ самыя высокія точки сейчасъ описаннаго водораздѣла между Гвинейскимъ и Бразильскимъ морями.

Область океана, четырехугольной формы, заключающаяся между раздѣльнымъ порогомъ и берегами Африки, отъ мыса Пальмоваго до мыса Доброй Надежды, не вездѣ имѣетъ одинаковую глубину. Она распадается на два бассейна, пучины которыхъ углубляются болѣе, чѣмъ на 5.000 метровъ ниже поверхности моря. Изъ этихъ котловинъ одна, продолговатая по формѣ, простирается съ запада на востокъ, параллельно берегамъ Золотому и Невольничьему, а наиболѣе углубленная часть другой котловины, по формѣ почти овальной, находится къ юго-востоку отъ острова Св. Елены. Въ этой впадинѣ африканскихъ морей наибольшая найденная до сихъ поръ глубина 5.840 метровъ. Совокупность морскаго пространства противъ южной Африки, глубина котораго превышаетъ 4.000 метровъ, равна прибли-

тельно семи миллионѣмъ квадратныхъ километровъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ вдвое превосходитъ поверхность Средиземнаго моря. Къ югу отъ линіи, соединяющей устье р. Оранжевой съ о-вомъ Тристанъ-д'Акуней, простирается другая котловина, глубиной тоже въ 4.000 метровъ, ограничиваемая на югъ подводными каменными грядями, на гребнѣ которыхъ стоитъ островъ Бувэ (Bouvet) и который поднимаются полого къ берегамъ антарктическихъ земель.

Въ этомъ обширномъ какъ-бы котлѣ африканскихъ морей воды находятся въ вѣчномъ движеніи, при чемъ средняя равнодѣйствующая всѣхъ перемѣнныхъ или даже противоположныхъ теченій выражается въ томъ поступательномъ движеніи водъ, которое въ началѣ, на протяженіи отъ мыса Доброй Надежды до мыса Лопецъ, направляется параллельно берегу, затѣмъ поворачиваетъ на западъ, къ берегамъ Новаго Свѣта, и, наконецъ, для завершения всего этого громаднаго водоворота, возвращается снова къ югу и къ востоку. Это кругообращеніе водныхъ массъ въ южной части Атлантическаго океана соответствуетъ тому круговороту ихъ въ сѣверной его области, западною вѣтвью котораго является Гольфстремъ, но, въ сравненіи съ послѣднимъ, оно совершается, во-первыхъ, въ противоположномъ направленіи, а, во-вторыхъ—благодаря общей конфигураціи того водоема, въ которомъ выполняется болѣе правильными оказываются также и его очертанія. Средній діаметръ этого потока можетъ быть исчисленъ въ 4.000 метровъ. Что же касается его скорости, то она весьма измѣнчива, но, при отсутствіи вліянія зыби, обыкновенно незначительна. Такъ, корабль «Gazelle»,—совершая свой переходъ между островами Зеленаго мыса и устьемъ Конго, при чемъ путь его лежалъ чрезъ островъ Вознесенія,—опредѣлилъ, что, къ югу отъ экватора, часть экваторіальнаго потока движется къ западу со скоростью 2.906 метровъ въ часъ, тогда какъ большинство наблюденій указываютъ скорость менѣе одного километра въ часъ, или даже только около 150 метровъ. Во многихъ мѣстахъ этихъ областей океана даже вовсе нѣтъ ощутительныхъ скоростей; вся масса водъ лишь медленнымъ поступательнымъ движеніемъ совершаетъ свой обширный круговоротъ и только кое-гдѣ къ главному потоку присоединяются второстепенныя теченія, обусловливаемые либо вдающимися въ море выступами береговъ (мысами и т. п.), либо мѣстными вѣтрами, и происходящія въ направленіяхъ противоположныхъ главному теченію.

Самымъ сильнымъ изъ этихъ отливныхъ теченій, т. е. устремляющихся отъ береговъ, оказывается теченіе, направляющееся вдоль берега материка, между Пальмовымъ мысомъ и бухтою Камерунъ, со среднею скоростью не-

много большею, чѣмъ одинъ километръ въ часъ, при чемъ, однако, около Пальмова мыса, въ болѣе открытомъ морѣ—*мористѣ*, по выраженію моряковъ, скорость этого теченія можетъ достигнуть въ часъ 6 километровъ или въ день почти 150. Моряки даютъ этому потоку названіе «Гвинейскаго теченія», и такъ какъ оно врѣзывается между двумя половинами экваторіальнаго потока, направляющагося отъ береговъ Стараго Свѣта къ берегамъ Новаго, то корабль, плывущій параллельно экватору, въ направленіи ли къ западу или обратно, къ востоку, можетъ, отдавшись теченію, или противотеченію, значительно ускорить свой ходъ¹⁾. «Гвинейское теченіе» перемѣщается соотвѣтственно временамъ года, и въ сентябрѣ занимаетъ болѣе половины ширины океана къ югу отъ архипелага Зеленаго мыса. Какая причина этого перемѣщенія водъ въ томъ же направленіи, какъ движется и земля, т. е. съ запада на востокъ? Разсматривать этотъ вопросъ отдѣльно—нельзя, такъ какъ онъ связанъ съ тою великою проблемою о круговращеніи океаническихъ водъ, разрѣшеніе которой принадлежитъ еще будущему времени. Какая въ этихъ движеніяхъ доля зависитъ отъ обращенія земнаго шара вокругъ своей оси? Поскольку они, затѣмъ, обусловливаются вліяніями вѣтровъ, различіемъ температуры на поверхности моря или на его днѣ, а также взаимною противоположностью и смѣшеніемъ неодинаково соленыхъ водъ? Возрѣнія относительно всѣхъ этихъ вопросовъ различны, и ни одно изъ предположеній не оказывается достаточнымъ для объясненія всѣхъ явленій, наблюдавшихся метеорологами, еще слишкомъ малочисленными, которые посѣщали тѣ моря. Вообще полагаютъ, что Гвинейское теченіе есть боковой водоворотъ, «компенсационное теченіе», производимое отливомъ экваторіальныхъ водъ; однако, непосредственному дѣйствію вѣтра нельзя приписывать направленіе Гвинейскаго противотеченія съ запада къ востоку, такъ какъ оно совершенно не совпадаетъ съ направленіемъ пассатовъ и муссоновъ, дующихъ въ этихъ отдѣлахъ океана; даже мористѣ устьевъ Нигера и Камерунской бухты—тамъ, гдѣ гвинейскій потокъ направляется сначала къ юго-востоку, затѣмъ поворачиваетъ къ югу, чтобы слиться съ экваторіальнымъ теченіемъ,—поступательное движеніе водъ совершается какъ-разъ обратно среднему направленію вѣтровъ²⁾. Не составляетъ ли это теченіе, направляющееся противъ бризы (т. е. береговаго вѣтра) и отгнѣсяемое въ сторону другимъ морскимъ потокомъ, устремляющимся

¹⁾ Philippe de Kerhallet;—François, „Instructions nautiques“.

²⁾ „Измѣщеніе на кораблѣ Gazelle“, Hydrographische Mittheilungen, 1874. Annales Hydrographiques, 1-ier Trimestre, 1876.

въ противоположномъ направленіи—причину того грозного напора волнъ, который образуетъ «бару», дѣлая столь затруднительной, а иногда и столь опасной высадку на пляжи Гвинеи, между Пальмовымъ мысомъ и Камеруномъ? Противъ устья Конго, во второстепенномъ водоворотѣ, которой образуется вслѣдствіе встрѣчи Гвинейскаго теченія съ другимъ потокомъ, идущимъ съ юга, параллельно берегамъ Португальской Африки, кружится небольшое «саргассовое море», гдѣ «тропическій виноградъ» плаваетъ такими же длинными полосами, какъ и въ «саргассовомъ морѣ» около Антильскихъ острововъ.

Относительно вѣтровъ анемометрическія карты Brault и другихъ моряковъ-наблюдателей показываютъ, что въ африканской части Южнаго Атлантическаго океана они дуютъ вообще съ большою правильностью. Собственно бури тамъ чрезвычайно рѣдки, и «общіе вѣтры», т. е. юго-восточные пассаты, дуютъ тамъ столь правильно, что экипажи парусныхъ судовъ могутъ, особенно въ эпохи солнцестояній, исчислять съ весьма большою вѣроятностью продолжительность своихъ переходовъ въ этой части океана. Однако, такое постоянство въ направленіи вѣтра существуетъ только въ открытомъ морѣ; вблизи же береговъ, воздушныя теченія изгибаются къ внутренности материка: такъ, надъ южными владѣніями англичанъ, германцевъ и португальцевъ, а также и надъ приморскими областями Конго и Огоуэ, вѣтры дуютъ съ юго-запада или даже прямо съ запада; на берегахъ же, находящихся западнѣе Камеруна, они приходятъ съ юга. Эти-то притоки морскаго, насыщеннаго парами воздуха, и приносятъ прибрежнымъ странамъ дожди; горы Камеруна наводняются ими во всякое время года; значительное число ливней приходится на долю также и другихъ приморскихъ краевъ; въ открытомъ же морѣ, между выдающимися частями Африки и Южной Америки, цѣлый поясъ—представляющій измѣнячивыя очертанія и заключающій въ себѣ двѣ области пассатныхъ вѣтровъ, сѣверо-восточнаго и юго-восточнаго,—есть одинъ изъ тѣхъ отдѣловъ океана, гдѣ дожди выпадаютъ въ наибольшемъ изобиліи: штиль воздуха останавливаетъ облака, приносимыя со всѣхъ сторонъ пассатами; пары сгущаются, и образующіяся, вслѣдствіе этого, частицы воды выпадаютъ въ находящейся внизу океанъ цѣлыми потоками. Во многихъ мѣстахъ эта выпадающая изъ атмосферы прѣсная вода, разливаясь, въ силу своего меньшаго удѣльнаго вѣса, по поверхности соленыхъ водъ, образуетъ слои настолько толстые, что моряки проходящихъ кораблей могутъ черпать ее.

Соленость водъ Южно-Атлантическаго бассейна, не смотря на безостановочное перемѣшиваніе ихъ и воздушными, и морскими тече-

ніями, оказывается различною, и не только на разныхъ мѣстахъ поверхности океана, но также и на различныхъ его глубинахъ. Наибольшею соленостью обладаютъ воды, омывающія островъ Св. Елены: удѣльный вѣсъ ихъ равняется 1.0285; во всемъ Гвинейскомъ теченіи,—воды котораго прибываютъ вслѣдствіе ливней, выпадающихъ въ области безвѣтрія,—соленость уже меньше; затѣмъ, во всей сѣверо-восточной части Гвинейскаго моря, т. е. въ тѣхъ отдѣлахъ его, гдѣ потоки Нигера и Конго, этихъ двухъ самыхъ большихъ рѣкъ Африки, примѣшиваютъ свои массы прѣсной воды къ водѣ соленой, степень солености менѣе двухъ и даже трехъ тысячныхъ; и наконецъ, въ южныхъ областяхъ Атлантическаго океана соленость меньше, чѣмъ вокругъ острова Св. Елены, вслѣдствіе таянія ледяныхъ глыбъ и полей, приплывающихъ изъ областей антарктическихъ. Эти ледяныя массы спускаются надалѣе къ сѣверу въ мѣсяцы іюнь, іюль и августъ, когда въ южныхъ полярныхъ моряхъ господствуютъ холода; въ это время года, кристаллы куполы, башни иobelisks.—измѣняющіе, вслѣдствіе непрерывнаго перемѣщенія центра тяжести, какъ свои основанія, такъ и очертанія,—видѣются даже въ моряхъ, соприкасающихся съ мысомъ Доброй Надежды, около 36° и даже 35° южной широты; а южнѣе такіе обломки ледовитаго материка непрерывно движутся другъ за другомъ цѣлыми міриадами. Взорамъ путниковъ на корабляхъ, огибающихъ Африку, представляется на западѣ дефилированіе, въ причудливыхъ процессіяхъ, какъ-бы безконечнаго города, состоящаго изъ дворцовъ, храмовъ и колоннадъ, искривляющихся подъ лучами заходящаго солнца.

Уменьшая соленость воды, льдины эти значительно понижаютъ также температуру водныхъ массъ, текущихъ отъ экватора къ югу. Такъ, начиная отъ Камерунской бухты и до мыса Доброй Надежды, на поверхности моря наблюдаютъ постепенное уменьшеніе тепла, соответствующее уменьшенію теплоты и въ слояхъ атмосферы. Съ +28° на Невольничьемъ берегу до +15° около южной оконечности континента, изотермы слѣдуютъ одна за другой довольно правильно; но вслѣдствіе притока водъ изъ антарктическихъ морей въ постепенно служивающуюся воронку, которую представляетъ Атлантическій океанъ,—въ глубокихъ слояхъ уменьшеніе температуры, въ направленіи отъ поверхности ко дну океана, обнаруживаетъ замѣчательныя противоположности. Въ этомъ отношеніи, всего болѣе поражаетъ сравнительно низкая температура экваторіальныхъ водъ. Такъ, если взять среднюю температуру всей массы жидкости, находящейся подъ экваторомъ между Африкою и Америкою, то окажется, что эта уравнивательная температура между водами: теплой—на поверхности моря, и

холодной—на его днѣ, равняется 4.8° , т. е. она теплѣе всего лишь на одну десятую градуса тѣхъ массъ воды, которыя находятся подѣ 33° южной широты; съ другой стороны, эти же самыя экваторіальныя воды окажутся на 2.5° холоднѣе водъ умѣреннаго сѣвернаго пояса подѣ 33° сѣв. широты. Эта поразительная противоположность между сѣверной и южной половинами Атлантическаго океана, свидѣтельствующая о большомъ перевѣсѣ антарктическаго теченія надъ арктическимъ, можетъ быть наблюдаема также и въ толщѣ каждаго изотермическаго слоя воды: на однихъ и тѣхъ же глубинахъ океана температуры оказываются совершенно различныя. Такъ, лотъ длиною въ 914 метровъ попадаетъ подѣ 33° сѣв. широты въ воду въ 10° , а подѣ 33° южной широты онъ встрѣчаетъ слой лишь въ 4° ; такимъ образомъ, разница между двумя соответствующими другъ другу широтами опредѣлится въ 6° ¹⁾. Что касается температуры воды вблизи береговъ, то она нѣсколько уменьшается вслѣдствіе прилива водъ изъ открытаго моря, такъ какъ онѣ приносятъ съ собою отчасти и воды изъ болѣе глубокихъ слоевъ; для нѣкоторыхъ изъ прибрежныхъ водныхъ пространствъ констатирована, между водами вблизи берега и водами въ открытомъ морѣ, разница въ два градуса ²⁾.

Колебанія въ температурѣ слоевъ южныхъ атлантическихъ водъ опредѣляютъ также границы областей жизни животной, и, смотря по временамъ года, очертанія этихъ областей измѣняются. При этомъ, если виды, проживающіе въ глубокихъ водахъ, въ холодныхъ пучинахъ съ однообразною низкою температурою, могутъ разселяться далеко, на пространствѣ между обоими полюсами земли, то нельзя сказать того же относительно тѣхъ видовъ, которые обитаютъ въ поверхностныхъ слояхъ водъ, каковы китообразныя, рыбы и другія животныя. Такъ, «южныя киты», будучи весьма многочисленны въ моряхъ, простирающихся къ западу и къ юго-западу отъ Мыса Доброй Надежды, вплоть до западной стороны небольшого архипелага Тристанъ-д'Акунья, — не достигаютъ широты острова Св. Елены: здѣсь, по выраженію Мори, они задерживаются теплыми водами тропическихъ морей, точно огненной стѣной. Животныя, обитающія въ водахъ около Испаніи и Португаліи, а также и въ Средиземномъ морѣ, постепенно исчезаютъ въ направленіи къ югу. То же самое наблюдается и относительно тѣхъ видовъ, которые держатся около Антильскихъ острововъ, хотя большое число ихъ еще и встрѣчается даже около острова Вознесенія, въ самомъ центрѣ Южнаго

Атлантическаго океана ¹⁾. Въ сравненіи съ открытымъ моремъ, животная жизнь около устьевъ рѣкъ гораздо обильнѣе. Такъ, по мѣрѣ приближенія къ лиману р. Конго, число рыбъ въ поверхностныхъ слояхъ воды увеличивается, а вмѣстѣ съ этимъ, несмотря на уменьшеніе солености въ водѣ, усиливается по ночамъ и фосфоресценція волнъ.

II. Африканскіе острова южнаго Атлантическаго океана; Тристанъ-д'Акунья.

Гвинейскія моря бѣдны островами, хотя вплоть до новѣйшаго времени карты и оказывались усѣянными тѣми призрачными землями, которыя создавало воображеніе моряковъ, принимавшихъ облака на горизонтѣ за острова и каменные рифы; существовало даже предположеніе, будто-бы области океана, разсѣкаемыя кораблями на пути изъ Португаліи въ Индію, ограничиваются на югѣ берегами материка. Предположеніе Птолемея о существованіи «великой южной земли», соединяющей Африку съ восточными продолженіями Азіи, было воспринято картографами XVI го вѣка, хотя, конечно, и подверглось измѣненіямъ, сообразно съ открытіями позднѣйшихъ мореплавателей. По ихъ представленію, эта южная земля начиналась къ югу отъ Америки и отъ всей окружности земнаго шара. Долгое время на картахъ видѣлся и берегъ этого материка; но, по мѣрѣ открытій въ южныхъ областяхъ океана, онъ начиналъ распадаться уже на отдѣльныя части: такъ на картѣ Номанна, изданной въ 1722 г., обозначена какая-то «Земля Жизни», съ архипелагомъ островковъ впереди ея, какъ граница Южнаго Атлантическаго океана въ тѣхъ широтахъ, гдѣ мореплаватели открыли островъ Гонзало-Альварецъ ²⁾. Новѣйшія изслѣдованія отодвинули далѣе къ югу эти воображаемые или дѣйствительные берега, превратившіеся нынѣ въ «Антарктический материкъ», и Бувэ, открывъ, въ 1739 году, островъ и небольшой архипелагъ изъ островковъ, носящіе нынѣ его имя, назвалъ ихъ мысомъ Обрѣзанія, предполагая, что эти свѣжныя скалы не что иное, какъ выдающіяся части полярнаго материка. Но въ этихъ областяхъ, между 54° и 55° южной широты, мы находимся уже далеко за предѣлами африканскихъ водъ, въ моряхъ, которыя своими ледяными полями составляютъ, такъ сказать, продолженіе сплошныхъ льдовъ и свѣжныхъ земель ледовитаго пояса.

Подобно тому, какъ исчезла изъ Южнаго

¹⁾ Промѣры кораблей „Challenger“ и „Gazelle“.

²⁾ Von Dinkelmann, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 2 okt 1886 г.

¹⁾ Gunther, „Shore Fishes“; Schmarda, „Geographisches Jahrbuch“ 1882.

²⁾ „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, 1886.

Атлантического океана «Земля Жизни», пропали изъ этихъ морей и многіе другіе острова, въ существованіи которыхъ прежде не сомнѣвались, благодаря обстоятельнымъ повѣстованиямъ мореплавателей.

Изъ такихъ острововъ долгое время на карты наносился, къ юго-западу отъ мыса Трехконечнаго и въ двухъ съ половиною градусахъ къ югу отъ экватора, островъ Св. Матвѣя, который, однако, новѣйшіе наблюдатели тщетно розыскивали. А между тѣмъ, нѣкій монахъ, командуя эскадрою изъ семи парусныхъ судовъ, приставалъ въ 1525 году къ этому острову и пробылъ на немъ въ теченіе двухъ недѣль. Но такъ какъ

Тристанъ д'Акунья.

даваемое имъ описаніе вполне подходитъ къ острову Аннобонъ, то вѣроятно, что въ дѣйствительности онъ и постигъ эту землю, но при этомъ ошибся на тысячу километровъ.

Измѣненіе мореплавателей. Изъ такихъ острововъ долгое время на карты наносился, къ юго-западу отъ мыса Трехконечнаго и въ двухъ съ половиною градусахъ къ югу отъ экватора, островъ Св. Матвѣя, который, однако, новѣйшіе наблюдатели тщетно розыскивали. А между тѣмъ, нѣкій монахъ, командуя эскадрою изъ семи парусныхъ судовъ, приставалъ въ 1525 году къ этому острову и пробылъ на немъ въ теченіе двухъ недѣль. Но такъ какъ

исчисляя ходъ своего корабля, что не представляет ничего ненормальнаго въ исторіи мореплавания той эпохи ¹⁾. Градусахъ въ десяти къ западу отъ о-ва Св. Матвія, значился на картѣ еще и другой островъ—Санта-Круцъ, или Св. Креста, хотя повѣствованіе объ его открытіи не встрѣчается ни у одного изъ путешественниковъ. Возможно, что тутъ произошло простое смѣшеніе этого названія съ «Землею Св. Креста», какъ впервые были названы берега Бразиліи.

Въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ самую отдаленную отъ материка Африки землю можетъ считаться островъ Гонзало-Альварецъ, названный такъ открывшимъ его въ первые годы XVI вѣка кормчимъ; считается же принадлежащимъ къ африканскимъ морямъ этотъ островъ можетъ потому, что находится около южной оконечности подводнаго раздѣльнаго порога, называемаго кражемъ Челленджера. Названіе этого острова тоже подвергалось видоизмѣненіямъ: такъ, вслѣдствіе сокращеннаго написанія словъ Гонзало-Альварецъ: «*I de go Alvarez*», его стали называть островомъ Діего Альварецъ; а съ 1713 г. онъ также наносился на карты и по имени англичанина Gough'a, который, посѣтивъ его въ этомъ году, полагалъ, что островъ не былъ извѣстенъ раньше. Островъ Гонзало-Альварецъ представляетъ скалистый массивъ, самая высокая вершина котораго достигаетъ 1.300 метровъ, а берега острова, составляя въ общемъ наружность приблизительно въ тридцать километровъ, изрѣзаны узкими бухточками въ перемежку съ утесами и краями. Этотъ главный островъ окруженъ на сѣверо-востокъ тремя скалистыми островками, изъ которыхъ одинъ: «Утесъ-церковь» (Church-rock) походить на такъ называемый въ церковной архитектурѣ главный, продолжный, нефъ, фланкируемый своею колокольнею. Маленькія бухточки, защищенныя этими островками, позволяютъ высаживаться на главный островъ, а нѣсколько плодородныхъ небольшихъ долинъ и склоновъ, одѣтыхъ густымъ низкимъ кустарникомъ, также такъ и воды, изобилующія рыбою, манятъ поселенцевъ; но, несмотря на все это, островъ лишь по временамъ посѣщался кое-къмъ изъ американскихъ рыболововъ для ловли тюленя въ окрестныхъ пространствахъ океана. Земледѣіемъ эти рыбаки не занимались, а промышляли рыбою и птицами, которыхъ привлекали, разводя большіе огни на мысахъ. Нынѣ же о пребываніи мореходцевъ на этой затерявшейся въ океанѣ землѣ свидѣлствуютъ лишь камни надъ ихъ могилами.

Километрахъ въ четырехстахъ къ сѣверо-западу отъ острова Гонзало-Альварецъ вы-

сится надъ уровнемъ моря другая гористая группа, какъ бы служащая бакономъ на пути отъ мыса Доброй Надежды къ устью Ла-Платы при чемъ эта группа приходится на разстояніи около трехъ тысячъ километровъ отъ мѣста отправленія и четырехъ тысячъ километровъ отъ мѣста прибытія. Это — островной массивъ Тристанъ-д'Акунья, названный такъ въ честь мореплавателя, «имя котораго, по словамъ Камюенса, не изгладится никогда въ моряхъ, омывающихъ южные острова». Открытіе этого архипелага совершилось въ 1506 году, и съ того времени, даже до правильнаго изслѣдованія его голландцами, въ 1697 году, Тристанъ-д'Акунья часто былъ посѣщаемъ мореплавателями, такъ какъ онъ находится къ югу отъ пояса правильныхъ юго-восточныхъ вѣтровъ, въ тѣхъ областяхъ океана, гдѣ моряки встрѣчаютъ уже сильныя западныя бризы, пособляющіе имъ при огибаніи мыса Доброй Надежды. Главный островъ, именуемый специально Тристанъ-д'Акуньей, примѣтенъ уже съ разстоянія слишкомъ 150 километровъ по правильному конусу его вулкана, покрытаго снѣгомъ и возвышающагося, по однимъ — на 2.300, а по другимъ — на 2.539 метровъ надъ уровнемъ моря. Островъ Неприступный, лежащій въ 32 километрахъ къ юго-западу отъ Тристанъ-д'Акуньи, оправдываетъ свое наименованіе отвѣсною своихъ кручъ, взбираться на которыя возможно лишь по узкимъ водомоинамъ; на вершинѣ его находится бугристое плато, часто скрывающееся въ облакахъ. Найтингель, или Соловьиный островъ, находящійся въ 20 километрахъ къ юго-востоку отъ о-ва Неприступнаго, есть не что иное, какъ большая скала съ двумя вершинами, окаймленная островками и подводными каменными рифами. Вулканическія земли всей этой группы составляютъ площадь въ 8.000 гектаровъ, при чемъ болѣе трехъ четвертей этой площади принадлежатъ главному острову. Онъ цѣликомъ состоитъ изъ лавъ, или изъ сплошныхъ, или уже разломившихся на безчисленное множество кусковъ, или же превратившихся въ черноватую и плодородную массу. Высшій пикъ на Тристанъ-д'Акуньѣ, на который уже многіе всходили, оканчивается, подобно вулканическимъ конусамъ другихъ острововъ, кратеромъ, заключающимъ въ себѣ голубое озеро. Къ сѣверо-западу, осыпавшіяся кучи лавы приняли видъ обширной морены и спустились до самаго моря, которое является на протяженіи нѣсколькихъ километровъ обнесеннымъ своего рода естественною оградой изъ глыбъ. Быть-можетъ, это — слѣды древняго ледниковаго періода.

Нынѣ снѣгъ остается лежать только на высотахъ, и хлопья его лишь изрѣдка доносятся бурями до мѣстностей вблизи моря. Кли-

¹⁾ O. Mac Carthy, „Iles de l'Afrique“, collection de l'Univers.

мать—очень мягкій, но очень сырой, и, несмотря на ограниченность поверхности небольшихъ географическихъ бассейновъ, узкихъ разсѣлинь по сторонамъ горы, во многихъ мѣстахъ видѣются сверкающіе на солнцѣ обильные каскады, доставляющіе влагу для тѣхъ облаковъ, которыя скопляются на высокихъ склонахъ. По показаніямъ миссіонера Тейлора, термометръ вообще держится лѣтомъ на 20°, а зимой на 14° и 15°, и даже по ночамъ лишь нрѣдка опускается до 4° ниже нуля. Господствующіе вѣтры, столь благоприятные для парусныхъ судовъ, направляющихся къ Южной Африкѣ или къ Австраліи,—западные или сѣверо-западные; но въ теченіе антарктической зимы, въ особенности въ августѣ и въ сентябрѣ, часто по нѣсколькимъ днямъ и съ чрезвычайной силой дуютъ южные вѣтры, которые разводятъ громадное волненіе въ океанѣ, порою усиливаемое внезапными шквалами. На песчаные берега вскатываются, особенно во время затишья, громадные валы, называемые англійскими моряками «rollers», а французами «rouleurs»: выше всего эти волны вздымаются и съ наибольшимъ рокотомъ низвергаются въ декабрѣ, который представляетъ одинъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ мѣсяцевъ въ году. Гигантскія водоросли, называемыя *Macrocystis pyrifera*, образуютъ вокругъ острова настоящій поясъ, имѣющій въ ширину приблизительно 600 метровъ: въ этомъ водорослевомъ лѣсу растенія длиною въ 50 или 60 метровъ весьма обыкновенны; встрѣчаются даже экземпляры, стволъ которыхъ достигаетъ толщины боченка, а общая длина такого каната простирается до 300 метровъ; менѣе прочныя водоросли разрывались бы при прибоѣ волнъ къ подводнымъ рифамъ. Эти водоросли, выпуская свои корни въ глубину, въ среднемъ, отъ 25 до 27 метровъ, значительно ослабляютъ волненіе, чѣмъ и облегчаютъ морякамъ высадку на берегъ.

Представляя независимую океаническую землю, вѣроятно, никогда не сообщавшуюся перешейкомъ съ материковыми массами, островъ Тристанъ-д'Акунья имѣетъ и свою особенную флору: это центръ родины тѣхъ особенныхъ растительныхъ формъ, которыя снова встрѣчаются и по другую сторону африканскаго материка, приблизительно на 100° долготы болѣе къ востоку, на островахъ Св. Павла и Амстердама. Эти любопытныя растенія, область произростанія которыхъ столь обширна, суть папоротники, одинъ видъ плауна, а изъ другихъ травянистыхъ растеній—колючій злакъ (*stactina arundinacea*), который произрастаетъ по всѣмъ низменнымъ склонамъ, образуя рошцы изъ плотно переплетающихся другъ съ другомъ растеній, такъ что во многихъ мѣстахъ невозможно проникнуть вглубь чащи. Единственное дере-

во этой островной флоры—особый видъ крушины, *rhylisa arborea*, которая кое-гдѣ достигаетъ въ высоту шести и даже болѣе метровъ, но которая обычно стелется по землѣ свой искривленный стволъ; на обширныхъ пространствахъ, эти переплетающіяся другъ съ другомъ деревья образуютъ непроходимую сѣть изъ покрытыхъ мохомъ стволовъ и вѣтвей. Въмѣстѣ съ сплавнымъ лѣсомъ съ восточныхъ береговъ, *rhylisa* составляетъ единственное на Тристанъ-д'Акунья дерево, пригодное для топлива. Что касается растеній изъ умѣренныхъ странъ Европы и Новаго Свѣта, то они отлично удаются въ защищенныхъ долинахъ. Овощи, разные виды капусты, свеклы, рѣпы, лука и тыквы произрастаютъ удивительно, и сборы ихъ бывають настолько обильны, что жители могутъ снабжать ими даже приходящіе корабли; прежде сѣяли также кукурузу и пшеницу, но отъ производства этихъ хлѣбовъ пришлось отказаться, такъ какъ ихъ поѣдали мыши. Произведенія плодовыхъ садовъ: груши, персики и виноградъ—превосходны.

Киты, преслѣдуемые американскими китоловами, стали рѣдки въ этихъ областяхъ океана. За исключеніемъ этихъ морскихъ звѣрей, рыбъ и посѣщающихъ островъ разнообразныхъ породъ птицъ: чаекъ, буревѣстниковъ, пингвиновъ, альбатросовъ, а также капскихъ цесарокъ, на Тристанъ-д'Акунья нѣтъ никакихъ туземныхъ животныхъ. Не находили тамъ также ни пресмыкающихся, ни насѣкомыхъ. Дикія свиньи, встрѣчаемыя на островѣ,—очевидно, европейскаго происхожденія, хотя и нельзя опредѣлить времени ихъ привоза на Тристанъ-д'Акунья; то же самое слѣдуетъ сказать и о козахъ, которыя нѣкогда видѣлись въ большомъ числѣ на скалахъ, но которыя недавно, по неизвѣстной причинѣ, исчезли. Домашняя кошка выродилась на волѣ въ одну изъ породъ дикихъ кошекъ, иногда съ успѣхомъ отбивающуюся отъ собакъ и производящую большія опустошенія на птичьихъ дворахъ. Стада крупнаго рогатаго скота, овецъ и свиней, вмѣстѣ съ кроликами и съ домашнею птицею, составляютъ главное богатство жителей: немного этого скота Тристанъ-д'Акунья вывозитъ и на островъ Св. Елены. Животныя, пущенныя на о-въ Непрístupный, прижились также и тамъ, и два нѣмецкихъ колониста въ теченіе двухъ лѣтъ единственно прокармливались охотою за ними.

Тристанъ-д'Акунья обитаемъ съ 1811 года. Въ этомъ году, американскій матросъ Джонатанъ Ламбертъ поселился тамъ съ двумя товарищами и началъ распахку почвы. Затѣмъ въ 1816 году, англійское правительство, опасаясь, чтобы не организовалась какая-нибудь тайная экспедиція для освобожденія плѣнника острова Св. Елены, помѣстила на островѣ Тристанъ-д'Акунья военную стражу. Въ 1821 году этотъ

небольшой гарнизонъ, какъ уже бесполезный, былъ удаленъ; но нѣсколько солдатъ пожела-ли остаться, и съ тѣхъ поръ образовавшаяся такимъ образомъ колонія поддерживается, то увеличиваясь лицами, потерпѣвшими отъ ко-раблекрушеній, то уменьшаясь вслѣдствіе эми-граціи молодыхъ людей, или же и цѣлыхъ семействъ, пожелавшихъ освободиться изъ этой узкой океанической тюрьмы. Въ 1863 г., во время междоусобной войны въ Сѣверо-Амери-канскихъ Штатахъ, одинъ американскій каперъ высадилъ на островъ сорокъ плѣнниковъ, не позаботясь объ ихъ дальнѣйшемъ удовлетво-реніи; въ другихъ случаяхъ мореплаватели на-силъственно запасаются провизіею въ убогомъ поселеніи колонистовъ, которымъ уже неод-нократно доводилось благородно отмщать за это, подавая помощь многочисленнымъ кораб-лямъ, потерпѣвшимъ крушеніе въ этихъ водахъ океана. Благодаря превосходному климату, маленькое общество, будь оно предоставлено самому себѣ, нашло бы, вѣроятно, достаточно въ себѣ силъ и для самосохраненія, и для дальнѣйшаго развитія. Говорятъ, будто въ семьяхъ тамъ никогда дѣти не умираютъ въ раннемъ возрастѣ: такимъ образомъ, вслѣдствіе избытка въ рожденіяхъ, естественный при-ростъ населенія весьма значителенъ, и ту-земцы, происшедшіе отъ европейцевъ, амери-канцевъ и голландцевъ изъ Капской Земли, поживившись на метискахъ съ острова Св. Елены, а также изъ Южной Африки, образо-вали породу, типъ который отличается замѣ-чательной граціозностью и гармоніей формъ. Въ 1886 году населеніе состояло изъ 112 ин-дивидовъ; но жестокая буря сразу погубила пятнадцать человѣкъ взрослыхъ, что составитъ приблизительно одну четверть общаго числа способныхъ къ труду жителей.

Языкъ этихъ островитянъ—англійскій. Какъ государство, они составляютъ республику, патриархомъ или «президентомъ» которой бываетъ глава семьи, имѣющей наибольшее число дѣтей, но они признаютъ сюзеренитетъ Великобританіи, которая иногда дѣлаетъ кое-какіе подарки своей вассальной колоніи.

III. Островъ Св. Елены.

Несмотря на то, что островъ Св. Елены находится въ тропическомъ поясѣ, на 2.350 километровъ ближе къ экватору, чѣмъ Три-станъ-д'Акунья, между 15 и 16° южной широты, онъ былъ открытъ всего лишь четырьмя го-дами ранѣе, именно въ 1502 году, уроженцемъ испанской Галиціи, Жуаномъ-де-Нова, который потерялъ около его берега одинъ изъ своихъ кораблей. Но, можетъ-быть, эту землю видѣлъ кто-либо изъ мореплавателей и раньше, такъ

какъ берега ея нанесены уже на плоскошаріе Жуана-де-ла-Коза, которое было окончено въ 1500 году. Находясь среди морей, гдѣ пра-вильно дуютъ юго-восточные пассаты, островъ Св. Елены занимаетъ счастливое положеніе на возвратномъ пути парусныхъ судовъ, плы-вущихъ изъ Индійскаго океана въ сѣверную Атлантику; отъ ближайшаго берега материка, — на которомъ находится португальская про-винція Моссамедесъ,—островъ этотъ отстоитъ почти на 1.300 километровъ.

Превосходя пространствомъ (около 12 тысячъ гектаровъ) почти вдвое Тристанъ-д'Акунья, островъ св. Елены представляетъ лишь ядро того, чѣмъ онъ былъ нѣкогда. Со-временные крутые берега острова, во многихъ мѣстахъ представляющіе отвѣсные утесы вы-сотой до 600 метровъ, окаймлены кругооб-разною террасою, имѣющею, въ среднемъ, отъ 3 до 4 километровъ въ ширину и на 100 или 200 метровъ прикрытою водою. Эта, погру-женная въ воду, платформа, сразу подни-мающаяся изъ морскихъ пучинъ, есть цоколь древней вулканической массы, отъ которой остался лишь обломокъ. Имѣя большій діам-етръ, островъ и вздымался также на болѣе значительную высоту; но, одновременно съ тѣмъ, какъ морскія волны подтачивали его основу и нивелировали окаймляющую его террасу, дожди размывали горы и увлекали отдѣляющіяся при этомъ ихъ частицы. Такое двойное размываніе, продолжавшееся съ неза-памятныхъ временъ, должно было совершаться съ большою медленностью, такъ какъ лавы вообще отличаются особенною прочностью: Мелиссъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ изучавшій процессъ разложенія горныхъ породъ при-брежья, вычислилъ, что для разрушенія янаго мыса, отъ котораго къ настоящему времени остались лишь подводные рифы, было бы не-обходимо слишкомъ 44 тысячи лѣтъ. Всѣ на-ходимыя на Св. Еленѣ горныя породы: ба-зальтъ, пуццоланъ (вулканическій туфъ), пемза, вещества превратившіяся въ стекло или вспу-чившіяся—происхожденія вулканическаго; до сихъ поръ не открыли никакого иного камня, осадочнаго или кристаллическаго, который оправдывалъ бы высказываемое порою пред-положеніе, что островъ этотъ былъ нѣкогда соединенъ съ материковою массою. Въ нѣко-торыхъ мѣстахъ острова, между прочимъ, въ Gregory's Valley, базальтовыя скалы прони-заны другими, значительно болѣе твердыми базальтами, излившимися изъ глубины при какомъ-либо землетрясеніи. И въ то время, какъ остатки каменистой основы острова оказываются изъѣденными до большой глу-бины, эти базальтовые взбросы (dykes), пе-рекращивающіеся въ разныхъ направленіяхъ, высятся словно стѣны какого-то громаднаго разрушеннаго зданія, при чемъ иллюзію въ осо-

бенности усиливаютъ суставы колоннъ, напоминающіе работу каменщиковъ.

Изученіе рельефа Св. Елены показало, что центръ изверженія находился въ той мѣст-

тонами. Но вокругъ этого центрального кратера развертывается, въ видѣ величественнаго амфитеатра, другой полу-кратеръ, край котораго образованъ самыми высокими пиками

Общій видъ Джемстауна.

ности южнаго берега, которая нынѣ называется Sandy-bay, или Песчаною бухтою. Кратеръ виденъ еще—правильный полукругъ, куда проникаютъ волны съ открытаго моря, окаймляя чернѣйшій пляжъ своими бѣлыми фес-

острова. Нѣкоторые выступы на этой иззубренной окраинѣ походятъ на гигантскія колонны: таковы колонны Лота и Жены Лота, которыя, находясь на южной части этой вулканической ограды, высятся на 90 и 80

метровъ; на вершинѣ же ея, на подобіе тѣхъ качающихся камней, которые прославились въ міеологіи народовъ Европы, поконтся громадная фоолитовая глыба. Диаметръ верхняго кратера не менѣе 7 километровъ, а многія мѣста этого жерла являютъ хаотическое нагроможденіе камней, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ и такіа названія, какъ «Врата въ Адъ» и «Садъ Дьявола;» но на внутреннихъ склонахъ этого кратера находятся также самыя богатыя нивы и наиболѣе густоразросшіеся сады. Извиваясь змѣйкой вокругъ утесовъ и скалъ, идетъ годная для проѣзда въ экипажѣ дорога, спускающаяся съ самаго верхняго гребня до дна жерла.

Изгрызенный временемъ, развѣнчаный, лишенный своихъ эруптивныхъ конусовъ, островъ Св. Елены не имѣетъ съ сѣверной стороны того величественнаго вида, какой являютъ другіе вулканическіе острова. Онъ представляется въ видѣ груды черныхъ и красноватыхъ скалъ, при чемъ крутые берега и откосы на его окружности кажутся какъ бы поверхностями излома; но надъ прибрежными оврагами, выше ихъ, профиль острова представляетъ уже мало разнообразія; и только на востокѣ глубокая вырѣзка отдѣляетъ вдающийся въ океанъ мысъ отъ остальной массы острова. Многія изъ высотъ превышаютъ 600 метровъ, а самая высокая изъ нихъ, пикъ Діаны, достигающій 825 метровъ, господствуетъ надъ панорамой всего острова, съ его хребтами и долинами, съ его шипами и прибрежными оврагами. Въ то время, когда островъ Св. Елены только-что нашли, онъ казался темнымъ отъ покрывавшихъ его лѣсовъ, а вверху надъ его берегами видѣлись нависшія надъ краемъ морской бездны деревья. Нынѣ уже не то: пять шестыхъ острова лишены всякой зелени, и почти всѣ встрѣчающіяся на немъ деревья—иностранныя происхожденія, будучи ввезены изъ Европы, Африки, Новаго Свѣта и даже изъ Австраліи¹⁾.

Мягкій климатъ благопріятствуетъ разведенію этихъ иноземныхъ растений. Хотя о. Св. Елены находится въ такъ называемомъ «жаркомъ поясѣ», тѣмъ не менѣе, лѣтніе жары тамъ не сильнѣе, чѣмъ въ Англіи: сѣверо-восточные вѣтры и прохладныя воды антарктическаго теченія непрерывно понижаютъ нормальную температуру, а облака, скопляющіяся вокругъ возвышенностей, защищаютъ низменныя долины отъ солнечныхъ лучей. Въ теченіе года число облачныхъ дней вдвое болѣе безоблачныхъ; средняя разница между холодами зимою (12°) и жарами лѣтомъ (29°) всего лишь 17°. Дожди весьма обильны: такъ, годовичное выпаденіе атмосферныхъ осад-

ковъ въ теченіе 140 дождливыхъ дней достигаетъ 685 миллиметровъ для Джемстаунскаго порта, гдѣ атмосфера относительно еще суха; но въ горахъ, въ Лонгвудѣ, средній дождь превышаетъ одинъ метръ и 20 сантиметровъ въ годъ; тамъ травы почти непрерывно купаются во влажномъ туманѣ, а съ листьевъ деревьевъ ниспадаютъ капли. Большіе ливни бываютъ главнымъ образомъ въ мартѣ и апрѣлѣ, т. е. въ началѣ южной зимы. Грозы въ областяхъ океана, окружающихъ Св. Елену, крайне рѣдки: иногда поколѣнія отходить въ вѣчность, ни разу не слышавъ грома. Поэтому, громоотводы оказываются бесполезными на островѣ, и ихъ не помѣщаютъ даже надъ пороховыми заводами. Такъ называемая толчая, по-бѣломорски сула²⁾, возникающая у сѣверо-западныхъ береговъ, происходитъ преимущественно въ январѣ и въ февралѣ, при прекрасной погодѣ и слабомъ вѣтрѣ; природа затихаетъ, какъ бы для того, чтобы созерцать этотъ грозный прибой морскихъ валовъ.

Народясь вдали отъ всякаго материка, островъ Св. Елены имѣлъ нѣкогда и свою совершенно отличную отъ другихъ флору; но многіе изъ туземныхъ видовъ, въ томъ числѣ черное дерево, исчезли, будучи либо вырваны человекомъ, либо съѣдены овцами и свиньями, либо заглушены ввезенными растеніями; такимъ образомъ, въ теченіе настоящаго столѣтія, одна часть первоначальныхъ растений погибла, а другая сохраняется пока еще въ садахъ, и ботаники опасаются, что скоро не будутъ имѣть ихъ иначе, какъ въ своихъ гербаріяхъ. На всю флору, состоящую изъ 746 явнотраченныхъ растений, увеличившуюся нынѣ приблизительно 300-ми видами, Дарвинъ насчиталъ всего 52 туземныхъ вида, въ числѣ коихъ находятся красивый древовидный папоротникъ и верески; Меллисъ же перечисляетъ 77 этихъ «представителей древняго міра», которые почти всѣ нашли себѣ убѣжище на пикѣ Діаны и на окрестныхъ гребняхъ; растенія эти сѣроваты и не окрашены въ яркіе цвѣта³⁾. Дубъ, сосна, европейскій кипарисъ прижились превосходно, а между промышленными и пищевыми растеніями наблюдаются другъ возлѣ друга занесенныя какъ изъ жаркаго пояса, такъ и изъ умѣреннаго; но воздѣлываніе хиннаго дерева было оставлено. Кофейное дерево, даже чайный кустъ, сахарный тростникъ, хлопчатникъ, индигоносница, ананасовыя растенія, гуайява и бананъ процвѣтаютъ въ однихъ и тѣхъ же садахъ рядомъ съ яблонями, грушами и виноградомъ; картофель растетъ рядомъ съ

¹⁾ Joseph Hooker, „Nottingham meeting of the British Association“, 1886.

²⁾ По-англійски: *race, tide-gate*, по-французски: *raz de marée*—есть особенное волненіе, а также и возвышеніе воды, которое независимо отъ вѣтра образуется мгновенно у нѣкоторыхъ береговъ и часто бываетъ причиною большихъ несчастій.

³⁾ Mrs Gill, „Six Months in Ascension“.

бататомъ и діоскореею. Завладѣли полями Св. Елены также и сорные травы различныхъ странъ, и ежевика, дикий тернъ и дрокъ до того вредили воздѣлываемымъ растеніямъ, что пришлось, въ видахъ общественной пользы, предпринять всеобщее ихъ искорененіе.

Первоначальная фауна острова равнымъ образомъ отличалась отъ фауны обоеихъ ближайшихъ материковъ; она заключала въ себѣ даже одну птицу (*charadrius pescarius*), неизвѣстную на всѣхъ другихъ островахъ. Кромѣ того, островъ Св. Елены служитъ мѣстомъ остановки и роздыха для морскихъ птицъ дальняго полета, каковы «бѣлая» птица и фрегатъ, который, по выраженію Мишле (*L'oiseau*), есть какъ-бы одно только крыло и «который спитъ на бурѣ». Дикія козы, довольно многочисленныя въ первое время колонизаціи, но неоднократно осужденныя декретомъ на истребленіе, уже почти исчезли, и нынѣ свободная фауна заключается въ себѣ только лишь кроликовъ и крысъ, наносящихъ много вреда земледѣльцамъ. Не существуетъ и пресмыкающихся, если не считать тысяченожекъ и скорпионовъ, попавшихъ на островъ, повидимому, по недосмотру. Изъ 96 видовъ мотыльковъ половина сомобитные, тогда какъ другія формы встрѣчаются также либо на африканскомъ материкѣ, либо на островахъ Атлантическаго океана, вплоть до Азорскихъ ¹⁾. Изъ наземныхъ раковинъ на о. Св. Елены живутъ еще 11 туземныхъ видовъ, которые походятъ на моллюсковъ, обитающихъ на островахъ Сешельскихъ и въ Океаніи, но не тождественны съ ними. На высотахъ находят много и другихъ видовъ, но уже въ «подыскопаемомъ» состояніи, т. е. погибшихъ въ недавнюю эпоху, послѣ уничтоженія на островѣ лѣсовъ ²⁾. Что касается хлѣба и птичника, то обитатели ихъ тѣ же самыя, какъ и въ Европѣ: это — лошади, коровы, овцы, козы, фазаны, цесарки и прочая домашняя птица; всѣ они завезены первыми колонистами острова, португальцами и голландцами; затѣмъ многочисленныя разновидности привезены и англичанами. Въ числѣ завоевателей острова находится также и воробей, большой врагъ посѣвовъ. Нѣкоторые наѣкомыя, и въ томъ числѣ пчела, не могли приспособиться къ климату и исчезли спустя немного времени послѣ занесенія; но другія, напротивъ, черезъ-чуръ размножились: таковы, именно, термиты, по недосмотру занесенныя въ 1840 г. изъ Бразиліи. Уже пять лѣтъ спустя, городъ Джемстаунъ оказался разрушеннымъ на половину, точно отъ землетрясенія; для исправленія разрушеній, причиненныхъ этимъ наѣкомымъ, понадобилось полтора милліона франковъ. Нѣкогда часто посѣщали

смежныя съ Св. Еленою области океана также ламантины (манаты), прозванныя островитянами «морскими коровами»; послѣдняго изъ нихъ видѣли въ 1810 г. Но рыбами, особенно тунцами, окружающія островъ воды изобилуютъ.

Поселенцевъ островъ Св. Елены сталъ получать въ первые же годы послѣ его открытія; такъ, въ 1513 году туда были высажены португальскіе солдаты, осужденные Альбукеркомъ за побѣгъ; съ ними вмѣстѣ были свезены на берегъ также вѣскольکو рабовъ изъ негровъ, домашнія животныя и провіантъ; обработывать эти колонисты стали ту долину, гдѣ находится нынѣ столица острова, Джемстаунъ. Впослѣдствіи, однако, наступилъ періодъ, когда островъ оказался покинутымъ совершенно; въ 1651 году португальскимъ поселенцамъ наслѣдовали голландцы, а имъ, въ свою очередь, англичане, между которыми было много семействъ, разорившихся послѣ большаго пожара въ Лондонѣ въ 1666 году. Были привозимы на островъ также негры и другіе новолыники изъ Африки, а съ 1810 года послѣдовалъ ввозъ земледѣльцевъ изъ Китая и съ Малайскихъ острововъ. Образовавшаяся такимъ образомъ изъ столь различныхъ элементовъ раса далеко не представляетъ той розоватой бѣлизны кожи, которую отличаются англичане метрополіи, но граціозность тѣла и красота чертъ составляетъ общій отличительный признакъ островнаго населенія. За пятнадцать лѣтъ до уничтоженія рабства въ другихъ англійскихъ колоніяхъ, на островѣ Св. Елены, въ день Рождества 1818 года, была провозглашена свобода дѣтей, рожденныхъ отъ женщинъ-рабынь; а въ 1822 году были освобождены также и послѣдніе, еще оставшіеся въ рабствѣ 614 человѣкъ.

Имя этого маленькаго острова Южнаго Атлантическаго океана прогремѣло въ исторіи Франціи, а также и всего міра: здѣсь Наполеонъ, плѣнникъ Англіи, провелъ къ ссылкѣ послѣднія шесть лѣтъ своей жизни, и въ теченіе этого періода міра, смѣнившего эпоху волнений и войнъ, всѣ взоры были устремлены «на этотъ подводный камень, о который ударяла жалобная волна», на эту недавно безвѣстную глыбу лавы, гдѣ умиралъ завоеватель. Съ островомъ Св. Елены связаны также многозначительныя воспоминанія и въ исторіи науки. Такъ, вершина горы Галлея, возвышающейся въ центрѣ острова на 741 метръ, была избрана въ 1676 году астрономомъ того же имени для устройства обсерваторіи, имѣвшей задачей составить каталогъ южнымъ звѣздамъ и наблюдать прохожденіе Меркурія; другая вершина была избрана въ 1840 г. Сабинномъ для магнитной обсерваторіи; наконецъ, на Св. Еленѣ производили свои, капитальной важности, изслѣдованія какъ надъ распредѣленіемъ

¹⁾ T. Vernen Wollaston, "Testacea Atlantica".

²⁾ Darwin; — Me lls и др.

растительныхъ видовъ, такъ и въ области физическй географіи, Дарвинъ и другіе ученые.

Этотъ знаменитый островъ имѣетъ въ міровомъ хозяйствѣ лишь весьма небольшое значеніе. Въ прежнее время, когда путешествія вокругъ земнаго шара или вокругъ континентовъ были не часты, островъ Св. Елены служилъ мѣстомъ остановки для кораблей, и въ теченіе долгаго времени онъ былъ почтовою станціею для плавающихъ въ Атлантическомъ океанѣ: такъ, еще до сихъ поръ сохраняется та глыба лавы, подъ которою проходящія суда клали свои депеши ¹⁾. Замѣна парусныхъ судовъ пароходами повлекла за собою измѣненіе въ обычаяхъ, а прорытіе Суэзскаго перешейка уменьшило посѣщеніе судами южныхъ морей. Торговая дѣятельность на островѣ въ 1894 г. выразилась слѣдующими цифрами: движеніе судходства по приходу и отходу судовъ—81.161 тонна; ввезено товаровъ на 31.777, а вывезено на 14.717 фунт. стерл. Островъ потерялъ почти всякое значеніе какъ якорная стоянка и мѣсто запаса провизіею; самъ онъ не вывозитъ почти ничего, кромѣ добываемыхъ американскими китоловами продуктовъ (ежегодная цѣнность улова—около 2.000 фунт. стерл.); островитяне, привыкшіе жить на счетъ посѣщающихъ ихъ иностранцевъ, а также получать и денежныя вспоможенія отъ британскаго правительства, не обладаютъ необходимымъ починомъ для возмѣщенія путемъ земледѣлія тѣхъ доходовъ, которые они нѣкогда извлекали изъ торговли; къ тому же, большая часть землевладѣльцевъ, будучи обременена долгами, должна была продать свои земли городскимъ купцамъ, и послѣдствіемъ монополіи явилась нищета. Подумывали было о расширеніи полей, засѣваемыхъ новозеландскимъ льномъ, объ увеличеніи табачныхъ плантацій и другихъ промышленныхъ растений; но всѣ эти благіе помыслы не возымѣли послѣдствій, и населеніе острова значительно уменьшилось, вслѣдствіе эмиграціи, по преимуществу на мысъ Доброй Надежды. Въ 1861 году число жителей достигло 6.860 человекъ, двадцать лѣтъ спустя оно равнялось уже 5.060, а въ 1891 г. состояло уже только изъ 4.116 душъ, хотя народное здравіе оставалось превосходнымъ, и рождаемость значительно превышала смертность. Такъ, въ 1893 году рождаемость составляла 26,9, а смертность 13,8. Доходы колоніи въ 1894 г.: 9.152, расходы—7.874 фунт. стерл. Въ 1891 г. было 11 начальныхъ школъ, съ 822 учащимися. Хотя, благодаря здоровости климата, на островѣ Св. Елены и поселяются, на болѣе или менѣе долгое пребываніе, иностранцы, но они немногочисленны.

Единственный городъ Св. Елены, Джемста-

унъ, расположенъ на западномъ берегу, или «подъ вѣтромъ»; въ другомъ мѣстѣ его нельзя было построить, такъ какъ судамъ почти никогда невозможно приставать къ бухточкамъ противоположнаго берега, гдѣ волны, гонимыя пассатами, съ яростью разбиваются о камни. Мѣстоположеніемъ городу служить треугольная выемка между откосами крутыхъ береговъ; окружающіе ихъ дома и сады занимаютъ исходный конецъ долины, сѣуженной въ своей верхней части и расширяющейся къ устью; иногда, послѣ большихъ дождей, массы воды, стекали чрезъ это ущелье, уносятъ въ море скотъ, древесные стволы и обломки строеній. Къ западу отъ Джемстауна, откосы повышаются и образуютъ Ladder-hill, или «Лѣстничную гору», имѣющую 183 метра высоты и увѣчанную укрѣпленіями и военными постройками; своимъ наименованіемъ гора обязана лѣстницѣ въ 700 ступеней, которая по прямой линіи ведетъ къ ея вершинѣ изъ города. Тоже къ западу отъ города, дорога, поднимающаяся косвенно на холмъ Руперта, ведетъ къ домику въ Лонгвудѣ, въ которомъ жилъ Наполеонъ. Неподалеку отсюда находится «долина могилы»: похороненное тамъ, подъ грушею ивъ, тѣло этого изгнанника было перевезено, въ 1840 году, въ Домъ Инвалидовъ въ Парижѣ.

Жители острова Св. Елены не имѣютъ никакихъ представительныхъ учреждений: островъ, до 1834 г. принадлежавшій Остъ-Индской Компаніи, составляетъ нынѣ «коронную колонию», и администраторы его назначаются лондонскимъ правительствомъ.

IV. Островъ Вознесенія.

Этотъ островъ—тоже «земля англійской короны»—былъ открытъ въ томъ же году, какъ и о. Св. Елены и тѣмъ же мореплавателемъ, Жуаномъ-де-Нова. Онъ лежитъ почти на срединной линіи атлантическаго бассейна, а поддерживающій его цоколь покоится на подводномъ кряжѣ Челленджера, который отдѣляетъ африканскія пучины отъ еще болѣе глубокихъ безднъ бассейна, омывающаго Новый Свѣтъ. Островъ Вознесенія находится приблизительно въ 2.200 километрахъ отъ бразильскихъ береговъ, именно отъ Пернамбуко; отъ береговъ же Африки, находящихся подъ тою же широтою, именно отъ Анголы, онъ отдаленъ нѣсколько болѣе, хотя отъ ближайшаго къ нему континентальнаго мыса, Пальмоваго, онъ, по направленію къ юго-западу, отстоитъ всего лишь на 1.550 километровъ. Подобно Св. Еленѣ, островъ Вознесенія лежитъ въ области юго-восточныхъ пассатовъ: около него наблюдаются точно такіе же явленія морской зыби, волѣдствіе чего его южный берегъ превращается почти въ неприступный, и суда бывають вы-

¹⁾ Melliss, „Saint-Helena, physical, historical and topographical description“.

нуждены причаливать «подъ вѣтромъ» къ берегу сѣверному; что касается внезапно набугающихъ огромныхъ волнъ (*raz de marée* или островъ Св. Елены. Иногда это величественное зрѣлище продолжается цѣлые дни и недѣли: но случается также, что достаточно какихъ-

Водопадъ Бли-бею на Гоа Гранде.

«rouleurs»), которыя, даже въ тихую погоду, особенно въ періодъ съ декабря по апрѣль, обрушиваются на плоскіе берега, то, быть-можетъ, здѣсь онѣ еще болѣе грозны, чѣмъ на сываетъ образованіе этихъ валовъ паденію гро-

матныхъ массъ льда, отрывающихся отъ крутыхъ береговъ антарктическихъ земель и сразу погружающихся въ море ¹⁾).

Пространствомъ островъ Вознесения меньше Святой Елены, такъ какъ занимаетъ всего лишь 90 кв. километровъ; по формѣ же онъ болѣе правильнѣе, при чемъ очертанія его представляютъ сферическій треугольникъ, а круче всего та изъ его поверхностей, которая обращена къ пассатнымъ вѣтрамъ; въ центрѣ острова возвышается въ 850 метровъ конусъ, съ котораго у его же подножія видѣются множество кратерообразныхъ холмиковъ, нѣкогда извергавшихъ пепель или лаву: геологи насчитываютъ на островѣ сорокъ одинъ угасшій вулканъ. Съ высоты центральной горы, Дарвинъ убѣдился, что всѣ пепельные холмики имѣютъ болѣе продолговатый склонъ со стороны юго-востока, откуда дуетъ пассатный вѣтеръ, и что наиболѣе значительныя кучи обломковъ были выброшены на противоположную сторону, гдѣ и образовали крутой откосъ; большая часть кратеровъ, подъ влияніемъ воздушнаго теченія, срытаны наискось ²⁾), но почти всѣ внутренніе царики представляютъ большую правильность, при чемъ одинъ изъ нихъ получилъ наименование *Riding school*, или «манежъ». На протяженіи острова, повидимому, уже не чувствуются подземныя толчки; однако, мореплаватели рассказываютъ о землетрясеніяхъ, ощущавшихся въ экваторіальныхъ моряхъ, къ сѣверу отъ острова Вознесения ³⁾).

Вокругъ жерлъ изверженія разсыяны вулканическія бомбы, а въ массѣ окалинъ оказываются заключенными глыбы другихъ породъ, именно сіенита и гравита. За исключеніемъ этихъ извергнутыхъ изъ нѣдръ земли обломковъ, островъ Вознесения, красная и кальцинированная масса, представляетъ лишь формации огненнаго происхожденія, базальты, пемзу, пущолавы или глину, и только по окрестности острова кучи изломанныхъ раковинъ, кораллы и вулканическій песокъ оказываются сплоченными въ такую известковую породу, что ее можно употреблять на постройки. Нѣкоторыя разновидности этой породы достигаютъ плотности и бѣлизны мрамора; другія, отлагаясь прозрачными и почти кристаллическими слоями, на подобіе эмали покрываютъ подводные камни, омываемые водами приливовъ и отливовъ. Это обволакиваніе естественнымъ цементомъ совершается столь быстро, что выходящіеся въ песокъ изъ яицъ черепашки охватываются и замуровываются въ этой массѣ.

Температура, когда бриза не обновляетъ воздуха, очень тягостна, такъ какъ островъ Воз-

несения находится къ югу отъ экватора всего лишь въ 900 километрахъ (7° 57'). Средняя годовая температура, въ мѣстѣ якорной стоянки, 29° по Ц., тогда какъ на тѣхъ плато, которыя освѣщаются правильнымъ дуновеніемъ пассатовъ, термометръ колеблется между 20 и 21° и спускается даже до 15°. Хотя въ 1823 году эпидемія желтой лихорадки похитила треть гарнизона, однако климатъ Вознесения, несмотря на его высокую температуру, считается исключительно здоровымъ; поэтому островъ служитъ санитарною станціею для европейцевъ, проживающихъ на берегахъ Африки. Дожди, будучи значительно избыточнѣе, чѣмъ на Св. Еленѣ, не достаточны, однако, для потребностей жителей: вслѣдствіе этого, заботливо охраняются малѣйшіе ключи, между которыми называютъ и одинъ родничекъ, открытый, въ 1761 году, Дампьеромъ, во время претерпѣннаго имъ кораблекрушенія; вершина одной горы пробуривали даже туннелемъ только для того, чтобы струю воды, сбѣгавшую на противоположному откосу, направить къ мѣсту якорной стоянки. Рѣдкіе ливни, приносимые облаками, почти полностью поглощаются тѣмъ пепломъ, который покрываетъ большую часть острова ⁴⁾). И только остроконечныя вершины, купающіяся порою въ туманахъ самаго верхняго пояса, получаютъ немного влажности относительною зелени своихъ склоновъ: центральный конусъ и обязанъ наименованіемъ «*Green Mountain*» (Зеленой Горы). Впрочемъ въ 1836 году, во время посѣщенія острова Дарвиномъ, на этой горѣ не было уже ни одного дерева.

Съ 1860 года, на высотахъ острова стали дѣлать уже попытки къ облѣсенію ихъ вновь и эти опыты удалась превосходно. Въ туземной флорѣ насчитывается всего шестнадцать видовъ явнотрачныхъ растений, и между ними одно полукустарное деревцо, называемое *hedotis Ascensionis*; введенныхъ же растений насчитываютъ сотнями. Одинъ изъ ботаниковъ Bell, превратилъ высокіе склоны въ обширный опытный садъ, и народившіеся вскорѣ изъ акацій, чилийскихъ сосенъ, каучуковыхъ деревьевъ, сосенъ, можжевельника и экалиптовъ измѣнили, приблизительно на пространствѣ 160 гектаровъ, вѣншій обликъ вулканическихъ холмовъ. При этомъ, не только вновь посаженныя растенія нашли въ окружающемъ воздухѣ необходимую для себя влагу, но отъ тумановъ, прежде уносившихся вѣтромъ безъ увлаженія почвы, теперь на листьяхъ деревьевъ осѣдаетъ излишекъ влаги, медленно стекающей и собираемой подъ деревьями не только для водопоя животныхъ, но даже и для удовлетворенія потребностей члвчка. Такимъ образомъ, прямыми опытами

¹⁾ Mrs Gill, уном. соч.

²⁾ Ch. Darwin, „Geological observations on the Volcanic Islands“.

³⁾ „Comptes rendus de l'Académie des sciences“, 1838, — „Nautical Magazine“, 1838.

⁴⁾ Lyell, „Principles of Geology“.

было доказано, что, по крайней мѣрѣ въ этихъ жаркихъ климатахъ, насажденія растений въ состояніи въ нѣкоторой степени увеличивать осажденіе влаги изъ атмосферы, при чемъ водяные пары облаковъ превращаются въ капельно-жидкое состояніе ¹⁾.

Подобно флорѣ, и фауна острова—за исключеніемъ птицъ дальняго перелета и морскихъ животныхъ—по своему происхожденію чужеземная. Такъ, издавна уже одичавшія козы, превратившіяся въ хищныхъ звѣрей кошки, крысы и собаки занесены изъ Европы; то же самое слѣдуетъ сказать какъ о фазанахъ въ лѣсахъ на вершинахъ, такъ и о домашней птицѣ въ птичникахъ; пестарки, впрочемъ, были привезены съ африканскаго материка. Змѣи неизвѣстны на этой океанической землѣ; но островъ Вознесенія представляетъ одинъ изъ тѣхъ острововъ океана, на которыхъ практикуется ловля черепахъ: съ декабря по май изъ океана выходятъ для кладки въ песокъ своихъ яицъ большія chelonіа; въ сравненіи съ черепахами Антильскихъ острововъ, эти животныя оказываются громадными, но любители поѣсть цѣнятъ ихъ мясо менѣе. Подстерегающіе ихъ охотники сначала переворачиваютъ ихъ на спину, затѣмъ переносятъ въ садки, наполняющіеся водою при приливѣ. Большая часть этихъ животныхъ вѣситъ отъ 200 до 250 килограммовъ, но порою бывали находимы также и такіа черепахи, которыя вѣсили до 400 килограммовъ; общее число пойманныхъ такимъ образомъ животныхъ въ исключительные годы доходило прежде до 2.500, а нынѣ оно, въ среднемъ, не превышаетъ 300. Чтобы, во время этой кладки яицъ, не напугать робкихъ черепахъ, не дѣлаютъ выстрѣловъ ни съ кораблей, ни съ фортовъ, а также не зажигаютъ огня и на морскихъ берегахъ. Никогда не наблюдали, чтобы на островъ выходила черепахасамецъ. Что же касается молодыхъ черепахъ, то по выходѣ изъ яицъ, онѣ дѣлаются днемъ добычею птицъ, кружащихся надъ побережьемъ.

Единственное населеніе острова Вознесенія составляютъ солдаты, матросы, чиновники и поставщики на гарнизонъ. Въ политическомъ отношеніи островъ Вознесенія разсматривается какъ военное судно, а его жители—какъ экипажъ. Губернаторъ острова, подобно капитану судна, есть полноправный властелинъ; никто не вступаетъ на островъ безъ особеннаго разрѣшенія лордовъ адмиралтейства, а въ случаѣ высадки получаетъ содержаніе отъ государства ²⁾. Военный постъ англійское правительство помѣстило тамъ въ 1815 году, съ цѣлью сторожить Наполеона; но и съ 1821 года постъ этотъ былъ сохраненъ, благодаря

тому, что островъ представляетъ какъ-бы караулку въ центрѣ Атлантическаго океана и находится на половинѣ пути между двумя материками; проходящіе пароходы находятъ въ Джорджтаунѣ, поселеніи на островѣ, запасъ угля и нѣкоторой провизіи, но воду имъ отпускаютъ только въ случаѣ крайней необходимости.

У. Острова Гвинейскаго залива.

Эти четыре острова отличаются отъ грудъ лавы, приподнявшихся надъ уровнемъ Южнаго Атлантическаго океана, если не способомъ образованія,—такъ какъ всѣ они тоже вулканическаго происхожденія,—то по крайней мѣрѣ своимъ мѣстонахожденіемъ въ сравнительно неглубокомъ заливѣ и въ сосѣдствѣ материка. Въ Гвинейскомъ заливѣ дно повсюду углублено менѣе, чѣмъ на 1.000 брассъ (т. е. саженой въ 6 англ. футовъ), и даже островъ Фернандо-По выступаетъ одною изъ своихъ сторонъ съ части морскаго ложа, имѣющей менѣе 100 метровъ глубины. Острова эти составляютъ естественную принадлежность Африки, какъ по своему положенію на наклонномъ днѣ, на которомъ они покоятся, такъ и потому, что образуютъ прямолинейный рядъ кратеровидныхъ горъ, которыя на материкѣ продолжаютъ другимъ вулканомъ, пикомъ Камерунъ; нѣтъ поэтому никакого сомнѣнія, что какъ эти островные массивы, такъ и тотчасъ упомянутая континентальная группа, находятся на одной и той же разсѣлинѣ вулканическаго изверженія. Можетъ-быть, принадлежащимъ къ этому же ряду долженъ считаться также и островъ Св. Елены; однако, онъ настолько отдаленъ, подверженъ столь отличнымъ климатическимъ условіямъ и разобщенъ съ материкомъ столь глубокими морями, что, въ дѣйствительности, составляетъ какъ бы особенный мірокъ. Разсматриваемые же четыре острова, размѣщенные въ Гвинейскомъ заливѣ на одной и той же линіи, протягивающейся съ юго-запада къ сѣверо-востоку, представляютъ также особую географическую группу, земли которой правильно отстоятъ одна отъ другой на разстояніяхъ приблизительно въ 200-километровъ. Въ политическомъ отношеніи эти острова распределены между двумя европейскими державами: два внутреннихъ, св. Оомы и Принсипе, принадлежатъ Португаліи; два же крайнихъ, Аннобонъ и Фернандо-По, съ 1778 г. составляютъ земли испанскія.

Аннобонъ, Анпо Вом, или «Добрый Годъ»,—названный такъ открывшими его 1-го января португальцами Эскобаромъ и Сантаремъ,—есть самый малый изъ острововъ Гвинейскаго залива; поверхность его равняется всего лишь

¹⁾ Bell, „Gardener's Chronicle“, апрѣль 11, 1874 г.

²⁾ Mrs. Gill, улоу. соч.

17-ти квадрат. километрамъ. Это не что иное, какъ гора изъ потрескавшейся лавы, возвышающаяся свой центральный пикъ, Пико-до-Фого, на 990 метровъ и окруженная нѣсколькими боковыми холмами, сплошь покрытыми лѣсомъ; вблизи вершины, небольшой кратеръ превратился въ озеро, отражающее въ своихъ голубыхъ водахъ листву апельсиновыхъ деревьевъ; нижняя часть острова составляетъ къ густымъ лѣсамъ внутренности поясъ изъ болѣе нѣжной зелени, образуемой пальмовыми и банановыми деревьями. Около береговъ Аннобона находится нѣсколько островковъ, съ островерхими горами. Зеленѣющая наружность острова свидѣтельствуешь о значительно большемъ количествѣ дождей, чѣмъ на островахъ Св. Елены и Вознесенія; но, по сравненію съ дождливостью сѣверныхъ острововъ, дождей здѣсь все-таки меньше. Будучи же менѣе сырѣмъ, чѣмъ острова Фернандо-По и Принчипе, Аннобонъ, вслѣдствіе этого, оказывается и значительно болѣе здоровымъ; экваторіальное теченіе, въ началѣ котораго онъ находится и которое питается сравнительно холодными водами, притекающими параллельно берегу изъ антарктическихъ морей, способствуетъ своими свѣжими водами очищенію атмосферы. Тѣмъ не менѣе, островъ не сдѣлался европейскою колоніею. Всѣ жители, числомъ приблизительно до 3.000, суть негры или цвѣтнокожіе, потомуки либо моряковъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, либо невольниковъ, сопровождавшихъ португальцевъ, впервые овладѣвшихъ островомъ; по вѣроисповѣданію, это ревностные католики, по крайней мѣрѣ въ отношеніи исполненія обрядовъ. Главное селеніе этой маленькой чернокожей республики, Санъ-Антоніода-Прайя, расположенное на южномъ берегу острова, продаетъ проходящимъ судамъ воду, дрова и плоды, и между послѣдними въ особенности — превосходные апельсины.

Островъ св. Оомы, имѣющій овальную форму, какъ и другіе острова Гвинейскаго залива, значительно больше острова Вознесенія, такъ какъ поверхность его равняется 929 квадратнымъ километрамъ. Будучи тоже образованъ изъ остывшихъ лавъ, островъ этотъ имѣлъ, по видимому, нѣсколько центровъ вулканическихъ изверженій, ибо профиль его показываетъ не одинъ господствующій вулканъ, но нѣсколько массивовъ съ островерхими вершинами, каковы: пикъ Санта-Анна-Шавесъ, по срединѣ острова, и пикъ Св. Оомы, неподалеку отъ его западнаго берега. По сравненію съ С. Анна-Шавесъ, пикъ Св. Оомы нѣсколько выше, достигая высоты 2.142 метровъ; на склоны его проникали — сквозь лѣса, низкіе кустарники и скатывающіеся камни — ботаникъ Мюллеръ и другіе путешественники; а къ сѣверу и къ востоку отъ него находится, расположенный полукуру-

гомъ, высокій гребень, относительно котораго полагають, что онъ — часть кратера; называютъ его Кордильерою Св. Оомы¹⁾. Существуютъ и другія островерхія вершины, менѣе высокія, но болѣе поражающія смѣлостью своихъ контуровъ и представляющія бурные или черные утесы, возвышающіеся надъ зеленою лѣсовъ; таковы пикъ Прайя-Ланса и пики двухъ «Собаковъ»: Канъ Гранде и Канъ Пекено, находящіеся на южной оконечности цѣли изъ этихъ вершинъ. Вблизи крутыхъ береговъ острова выступаютъ изъ воды нѣсколько островковъ, изъ которыхъ самые большіе суть: на сѣверѣ, островъ дасъ-Кабрасъ, или Козлиный, а на югѣ, островъ дасъ-Роласъ, или островъ Горлицъ; этотъ островокъ составляетъ частную собственность и отдѣляется отъ большаго острова экваторомъ. Бухточки, врѣзывающіяся въ берега неглубоко, представляютъ для кораблей лишь весьма ненадежное пристанище, а мѣстами рокошущія волны проникають даже и въ глубокіе гроты.

Экваторіальный потокъ, омывающій Аннобонъ, касается обыкновенно и южной оконечности острова Св. Оомы; иногда же, въ періодъ лѣта сѣвернаго полушарія, когда вся система вѣтровъ и теченій устремляется къ сѣверу, широкій водный потокъ, увлекаемый съ востока на западъ, вполне опоясываетъ островъ и, благодаря своей относительной свѣжести, умѣряетъ температуру. Это и составляетъ причину того, что даже низменные мѣстности острова Св. Оомы значительно здоровѣе другихъ острововъ, лежащихъ въ глубинѣ залива и вблизи болотистыхъ областей материка; такимъ образомъ, тогда какъ мѣсяцы іюнь, іюль и августъ самые нездоровые на берегу континента и на островѣ Фернандо-По, — на островѣ Св. Оомы, они, напротивъ, менѣе всего неблагоприятны для здоровья европейцевъ; но они опасны для негровъ, которые страдаютъ въ теченіе ихъ отъ холода и заболѣвають ревматизмами. Вообще, европейцы безъ затрудненій могутъ акклиматизироваться на высотахъ острова, гдѣ жаръ менѣе силенъ въ сравненіи съ берегами; тамъ каждая возвышенная плантація становится и санаторіей. А это уже весьма важный фактъ въ виду такихъ областей Африки, каковы: Калабаръ, Камерунъ и Габонъ, гдѣ до сихъ поръ такъ мало удавались попытки бѣлыхъ къ акклиматизаціи. Со всѣмъ тѣмъ, хотя и менѣе нездоровы, чѣмъ берегъ материка, побережья острова Св. Оомы считаются вообще весьма опасными для иностранцевъ. Островъ лежитъ почти на границѣ перехода океаническаго климата въ климатъ тропической Африки; количество дождей на немъ значительно; такъ, по J. A. Henriques, среднее

¹⁾ Greff, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, тетр. IV.

количество ихъ въ долинѣ Св. Оомы, съ 1877 по 1881 годъ, равнялось 1 метру и 8 миллиметрамъ; вслѣдствіе этого, каждая долина имѣетъ свою гѣбега, несущуюся съ скалы на скалу; между этими рѣками наибольшую извѣстностью пользуется, благодаря городу, находящемуся при ея устьѣ, рѣка Агоа-Гранде, на сѣверо-восточной покатости острова; при водопадѣ Блю-Блю, ея кристальныя воды низвергаются въ сады, орошая своими брызгами листья банановъ.

Разстояніе острова Св. Оомы отъ ближайшаго берега материка, именно мыса Лопецъ, всего лишь около 250 километровъ, и потому флора этого острова, въ которой насчитывается 430 различныхъ растений, большимъ числомъ своихъ видовъ походить на флору смежной суши; а между тѣмъ нѣкоторые естественно-историческіе факты заставляютъ думать, что островъ никогда не находился въ связи съ Африкою; такъ, изъ 18 видовъ наземныхъ моллюсковъ только одинъ оказывается общимъ ему и матеріку; только на островѣ водится одна изъ летучихъ мышей (*Cynonycteris stramineus*); также точно только въ его лѣсахъ живетъ одинъ видъ обезьяны (*Cercopithecus albicularis*)¹⁾. Ядовитая змѣя, *Cobra negra*, дѣлаетъ опасными работы по расчисткѣ нови, а крысы часто пожираютъ жатвы.

Уже съ конца 15-го столѣтія, на островѣ Св. Оомы были колонисты европейцы, плантаторы, обрабатывавшіе свои поля при посредствѣ рабовъ. Однако, эти владѣтели острова, португальцы, не всегда имѣли возможность мирно пользоваться своими помѣстьями. Въ 1567 году, французскіе корсары принудили жителей укрыться въ глубь лѣсовъ; а спустя нѣсколько лѣтъ негры изъ Анголы, приставъ, вслѣдствіе кораблекрушенія, къ острову, поселились въ его юго-западной части и отсюда повели войну съ сѣверными собственниками. Часто они сожигали жилища и опустошали жатвы; такая война между бѣлыми неграми и бѣлокожими продолжалась болѣе, чѣмъ столѣтіе, пока наконецъ, въ 1693 г., одинъ «капитанъ лѣсовъ» не заставилъ негровъ покориться. Эти-то ангольцы, въ числѣ приблизительно полутора тысячъ, до сихъ поръ еще владѣютъ болѣею частью западнаго берега, при чемъ ревностно сохраняютъ свои обычаи; будучи дровосѣками, солеварами, садовниками, разводителями птицъ и свиней, они сами производятъ все необходимое для удовлетворенія своихъ потребностей и держатся въ сторонѣ отъ остальныхъ островитянъ. Нарѣчие *bounda*, которымъ они говорятъ, исказилось лишь немного²⁾. Во время первой половины этого столѣтія, островъ Св. Оомы потерялъ было свою экономическую важность, вслѣдствіе переселенія

многихъ изъ его обитателей въ Бразилію; однако, съ 1876 года—времени освобожденія рабовъ—онъ сдѣлался однимъ изъ болѣе богатыхъ колоніальныхъ владѣній Португаліи; число обработанныхъ земель увеличилось, и съ низменныхъ, лишь слегка наклонныхъ къ сѣверу, мѣстностей плантаціи распространились уже по склонамъ и даже заняли верхнія долины. Въ первое время колонизаціи воздѣлывали въ особенности сахарный тростникъ, ввезенный съ Мадеры, и годичное производство сахара достигло 2.000 тоннъ. Но въ садахъ острова произрастаетъ также большое число и другихъ тропическихъ растений; такъ, въ настоящее время, между 600 и 1.400 метрами высоты, растутъ до милліона хинныхъ деревьевъ; однако благосостояніе острова зиждется на разведеніи деревьевъ кофейнаго и шоколаднаго; продукты съ нихъ почти исключительно вывозятся въ Лиссабонъ, гдѣ они весьма цѣнятся и считаются въ числѣ лучшихъ сортовъ, значительно превосходя кофе и какао съ Антильскихъ острововъ. Такъ, при общемъ торговомъ балансѣ въ 1881—82 году въ 5.519.640 франковъ, въ теченіе 1882—83 податнаго года вывезено въ килограммахъ: кофе—1.893.608, а какао—505.338. Воздѣлываются вся низменная и вся средняя области сѣверной части острова; южная же половина его находится почти повсюду въ состояніи первобытномъ.

Плантаторы острова Св. Оомы, лишившись труда своихъ прежнихъ рабовъ,—которые нынѣ либо воздѣлываютъ свои собственныя поля, либо занимаются въ городѣ и въ селахъ мелкою торговлею,—нанимаютъ для полевыхъ работъ негровъ съ материка, по преимуществу изъ Анголы; въ числѣ пришлыхъ рабочихъ есть также нѣсколько круменовъ и кабиндцевъ, но большая часть этихъ переселенцевъ нанимается на суда въ матросы. Впрочемъ, земледѣльцы плохо вознаграждаются; по минованіи двухъ или пяти договорныхъ лѣтъ, ангольцы или другіе работники нанимаются у плантаторовъ уже по полюбовному соглашенію. Въ довольно большомъ числѣ прибыли также колонисты изъ Бразиліи, привезя съ собою растенія и животныхъ изъ своихъ областей; между прочимъ, по недосмотру, ими же занесена нигва (*pulex penetrans*), насѣкомое, котораго такъ боятся расчищатели почвы подъ пашни. Послѣдствіемъ увеличенія площади воздѣлываемыхъ земель было значительное возрастаніе населенія. Такъ, въ 1855 году, число жителей—свободныхъ, рабовъ и ссыльных—равнялось 8.072; а въ 1878 году оно поднялось до 18.260 человекъ, изъ которыхъ 1.200 были бѣлыхъ или метисовъ. Образованіе распространено пока весьма незначительно; въ годъ переписи насчитали умѣющихъ читать и писать островитянъ только 261, что составитъ около одной семидесятой части населенія.

¹⁾ Greeff, „Zoologischer Anzeiger“, 1883.

²⁾ Greeff, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, тетр. IV.

Столица острова, называющаяся Сидадэ, что значитъ «городъ», красиво расположилась, утопая въ зелени, по окраинѣ полукруглой бухты Аява-де-Шавесъ, находящейся на сѣверо-восточномъ берегу. Ручей Агоа-Гранде дѣлитъ городъ на двѣ половины, при чемъ въ сосѣдствѣ залегаютъ солончаки и нездоровыя болотистыя мѣстности. Въ этомъ городѣ имѣютъ пребываніе губернаторъ и комендантъ португальскаго гарнизона.

Островъ до-Принсипе, или «островъ принца», прозванъ такъ вслѣдствіе того, что спустя 30 лѣтъ послѣ своего открытія, въ 1471 году, былъ отданъ въ удѣлъ наслѣдному принцу; онъ въ шесть разъ меньше острова Св. Томы, такъ какъ занимаетъ всего лишь 151 кв. километръ. Довольно низменный въ сѣверной части, островъ этотъ поднимается въ южной своей половинѣ, гдѣ высится и главный, въ 825 метровъ, пикъ, окруженный другими вершинами, усѣянными утесами въ формѣ шпичевъ. Изобильные дожди, выпадающіе на островѣ, этомъ «садѣ Африки», одѣли склоны горъ густыми лѣсами и изобразили ихъ столькими же потоками, «сколько дней въ году» ¹⁾. На о. Принсипе воздухъ болѣе нездоровый, чѣмъ на южныхъ островахъ: Св. Томы и въ особенности Аннобонъ; завянуть это отъ того, что экваторіальное теченіе, съ своими водами сравнительно болѣе освѣжающими, чѣмъ воды Гвинейскаго потока, — никогда не простирается настолько къ сѣверу, чтобы омывать берега Принсипе. Воздѣлываемый руками рабовъ — съ самыхъ первыхъ лѣтъ занятія его португальцами, — островъ Принсипе, подобно острову Св. Томы, имѣлъ большія плантаціи сахарнаго тростника; но въ особенности онъ игралъ важную роль въ торговлѣ, благодаря своимъ депо негровъ, откуда они и вывозились въ Новый Свѣтъ. Нынѣ его торговля ничтожна; вывозятся лишь небольшія количества кофе и какао, добываемыя съ плантацій на сѣверной половинѣ острова. Народонаселеніе острова, почти исключительно состоящее изъ чернокожихъ, именующихъ себя португальцами и католиками, значительно уменьшилось съ половины этого столѣтія: такъ, будучи въ то время почти пятидесятысячнымъ, оно свелось нынѣ приблизительно къ половинѣ этого числа. Именно, въ 1878 году, оно равнялось всего лишь 2.262 ч. Почти всѣ островитяне пребываютъ на сѣверо-восточномъ берегу, въ городѣ Св. Антонія, расположенномъ по окраинѣ хорошо защищенной бухты, въ водахъ которой качается нѣсколько гребныхъ судовъ.

Изъ всей цѣпи вулкановъ, дѣлящихъ на-двое Гвинейскій заливъ, островъ, сохранившій имя открывшаго его португальца, Fernão do Roo, или, по-испански, Фернандо-По, есть самый большой и самый красивый; въ началѣ онъ былъ прозванъ островомъ Формозою, (Прекраснымъ), каковое наименованіе дѣйствительно вполне заслуживаетъ. Поверхность его равняется 2.071 кв. километру; но изъ этого пространства на долю равнинъ приходится весьма немного, такъ какъ островъ представляется лишь горы, постепенно возвышающіяся отъ его окружности къ центру, гдѣ и высится, сокрытый въ облакахъ, пикъ, почти постоянно называемый англичанами: Кларансъ-пикъ, а испанцами: пико Санта-Изабелла. Высота этого пика можетъ быть принята приблизительно въ 3.000 метровъ, такъ какъ исчисленія ея неодинаковы: по Буртону, она равняется 3.261 метру, а на морскихъ картахъ показывается различно: въ 2.900, въ 3.108 и въ 3.500 метровъ. По формѣ, островъ представляетъ параллелограммъ, удлинненный въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу и оканчивающійся на всѣхъ четырехъ фасахъ крутыми берегами, которые лишь въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ мѣстахъ прерываются отлогими покатосями, спускающимися къ закругленнымъ бухтамъ. Отъ африканскаго материка островъ отдѣляется проливомъ всего въ 30 километровъ. Мореплаватели, вступающіе въ этотъ проливъ, при ясной погодѣ, созерцаютъ одну изъ грандіознѣйшихъ картинъ, какія встрѣчаются на нашей землѣ. Съ одной стороны, массивъ Камерунъ, съ его лѣсистыми холмами, его лысыми горами, его конусомъ, пестрящимъ полосами снѣга, съ другой, островъ Фернандо-По, съ его высокими берегами, его зелеными отъ подошвы до маковки склонами, его геометрически правильнымъ вулканомъ, — образуютъ величественный порталъ. Этотъ великолѣпный входъ внутрь Гвинейскаго залива былъ бы одною изъ мѣстностей, пользующихся, за красоту пейзажа, всемірной извѣстностью, если бы онъ, какъ Гибралтарскій проливъ или Босфоръ, велъ въ оживленное плавающимъ судами море или въ многолюдный городъ, а не къ пустыннымъ или окаймленнымъ убогими деревеньками морскимъ берегамъ.

Фернандо-По — не океаническій островъ, какъ другія земли Южнаго Атлантическаго океана: сѣверной своей половиной онъ покоится на цоколѣ, образующемъ окружность материка Африки, и который моряки называютъ «промѣрнымъ плато». Самая большая глубина пролива между берегами Камеруна и Фернандо-По равняется 88 метрамъ, и отсюда морское дно въ обѣ стороны быстро приподнимается къ песчанымъ берегамъ. На востокъ и на западъ отъ острова промѣрное плато сохраняется до нѣкотораго разстоянія, за-

¹⁾ F. Travassos Valdez, „Six Years of a Traveller's Life in Western Africa“.

тѣмъ море вдругъ становится глубокимъ, а отдѣлами соотвѣтствуютъ два углубленія берѣзкія крутизны морскаго дна указываютъ реговъ острова: на западѣ—глубокая бухта начало океанскихъ пучинъ; такъ, на небольшомъ разстояніи отъ Фернандо-По къ югу, Санъ-Карлосъ, а на востокѣ—бухта Зачатія. Такимъ образомъ, четырехугольникъ острова

Видъ съ подошвы горы Камерунъ.

глубина океана переходитъ уже за тысячу метровъ. Островъ расположенъ, такъ сказать, панскосъ, при чемъ одна его часть покинута на морскомъ днѣ, а другая на откосѣ африканскаго материка. Границѣ между этими двумя

оказывается раздѣленнымъ на двѣ половины, при чемъ упомянутымъ выемкамъ въ берегахъ соотвѣтствуетъ также форма рельефа острова: именно, между двумя сейчасъ названными заливчиками проходитъ невысокое ущелье, от-

орѣхи. Ихъ индѣйскія поля содержатся съ такою же тщательностью, какъ овощныя грядки у европейскіхъ огородниковъ.

Къ какому изъ африканскихъ племенъ должны быть причисляемы буби по ихъ религіознымъ воззрѣніямъ — неизвѣстно. Ихъ Великій Духъ или *Умо*, есть существо, которое никто не можетъ видѣть, но которое проявляется въ ослѣпительномъ блескѣ и въ пещерномъ голосѣ, исходящемъ изъ нѣдръ земли. Когда туземецъ желаетъ себѣ вымолить прощенье, или узнать свое будущее, онъ проникаетъ чрезъ узкую щель въ пещеру, въ которой пребываетъ жрецъ и, идя ощупью, кладетъ свое приношеніе. Тотчасъ изъ отверстія въ сводѣ грота показывается снопъ лучей, и предстаетъ жрецъ, осязаемый божественнымъ свѣтомъ. Ему предлагаютъ вопросы, онъ же передаетъ *Умо* молитвы, и вскорѣ пещера оглашается звуками: голосъ самого бога, кажущійся исходящимъ изъ бездны, отвѣчаетъ своимъ вѣрующимъ ¹⁾. Подобно этому Великому Духу, и «могущественный царь», пребывающій вблизи восточнаго берега, при бухтѣ Зачатія тоже не допускаетъ къ себѣ приближенія, но свою исполнительную власть передаетъ обществу, называемому *буля*, которое и дѣйствуетъ отъ его имени; со времени своей коронаціи, онъ затворяется въ гротѣ, для общенія, при посредствѣ змѣй, съ дьяволомъ ²⁾. Второстепенные же царьки племенъ, сосѣднихъ съ Санта-Изабеллой, ничѣмъ не отличаются отъ большей части своихъ подданныхъ. Что касается женщинъ, то онѣ еще довольно поработаны обычаями: передъ замужествомъ, невѣсту запираютъ въ хижинѣ, гдѣ ее и откармливаютъ до свадьбы; затѣмъ, послѣ совершенія брака, она снова возвращается въ свою лачугу, гдѣ и остается годъ или болѣе, если только рожденіе ребенка не возвратитъ ей свободу равнѣ ³⁾; съ своей стороны, женихъ долженъ подчиниться нѣкоторому роду искуса, даромъ работая въ теченіе двухъ лѣтъ родителямъ своей будущей жены. Неизлѣчимыхъ больныхъ относятъ въ лѣсъ, кладутъ около нихъ немного пищи и затѣмъ предоставляютъ ожидающей ихъ участи.

Населеніе прибрежья Фернандо-По, сосредоточивающееся въ Санта-Изабеллѣ, на сѣверномъ берегу, и въ нѣсколькихъ деревушкахъ, въ большей своей части состоитъ также изъ чернокожихъ, похожихъ на буби; но это — потомки рабовъ, освобожденныхъ или англійскими крейсерами, или ихъ испанскими владѣльцами. Европейскіе торговцы привезли съ собою или поставили своими замѣстителями, для веденія ихъ дѣлъ, негровъ изъ Лагоса, Капъ-

Коста, Сьерра-Леоне и съ острова Св. Томы, которые представляютъ наиболѣе цивилизованную часть чернокожаго населенія и составляютъ преобладаніе англійскому языку надъ испанскимъ. Изгнанники съ Кубы, недавно находившіеся на Фернандо-По въ числѣ двухсотъ, болѣе всего содѣйствовали развитію промышленности и торговли острова; имъ принадлежитъ честь введенія плантацій шоколаднаго дерева, сахарнаго тростника и табаку; ими же начато выдѣлываніе прославленныхъ санта-изабельскихъ сигаръ; но, по отбытіи наказанія, большая часть этихъ ссыльныхъ возвратилась на родной островъ и нѣмъ не замѣнены въ ихъ занятіяхъ.

Торговля Фернандо-По, также какъ и Аннобона, другаго испанскаго острова въ Гвинейскомъ заливѣ, находится въ рукахъ англійскихъ и португальскихъ купцовъ. Впрочемъ, она незначительна и даже въ послѣднее время уменьшилась. На этомъ «Прекрасномъ» островѣ господствуетъ система крупнаго землевладѣнія: земля подѣлена на обширныя помѣстья, поля которыхъ обрабатываются руками круменовъ; но эти временные рабочіе, часто подвергаясь дурному обращенію, неохотно возвращаются на островъ, и потому иногда плантаторамъ не хватаетъ рукъ для сбора ихъ произведеній ⁴⁾.

Единственный городъ острова, Санта-Изабелла (Санта-Изабель), англичанами именуемый Кларанстаунъ, представляетъ скопленіе деревянныхъ домиковъ, окруженныхъ каждый верандою и силовъ утопающихъ въ зелени, въ тѣни драценъ и индѣйскихъ *roïcia na pulcherima*, съ пышными блестящими цвѣтами. Терраса, на которой стоитъ городъ, простирается по гладкой равнинѣ, при подошвѣ зеленѣющихъ холмовъ и по берегу хорошо защищенной бухты, похожей на половину кратера; съ песчанаго же берега взоръ, переходя съ вершины на вершину, достигаетъ до высотъ внутри острова и, при ясной погодѣ, на горизонтѣ сѣвера виднѣется подернутая фіолетовою дымкой очертанія «горы боговъ». Лавки въ городѣ насчитываются сотнями, но въ нихъ производится лишь мелочной торгъ съ рабочими съ плантацій и съ туземцами. Собственно торговое движеніе совершается въ резиденціи большей части бѣлокожихъ, въ портѣ, гдѣ англичане и американцы содержатъ свои суда съ запасомъ угля и гдѣ качаются на волнахъ понтоны. Общее число жителей города, включая и гарнизонъ, около 1,300, бѣлыхъ же въ этомъ числѣ только 50 человекъ. Климатъ Фернандо-По есть одинъ изъ самыхъ нездоровыхъ въ экваторіальномъ поясѣ: землю эту называли «островомъ смерти». Въ

¹⁾ Rogozinski; — Janikowski, и т. д.

²⁾ Hutchinson; — Bastian, *упом.* соч.

³⁾ Rogozinski; — Baikie, «Narrative of an exploring voyage up the rivers Kwana and Binue».

⁴⁾ Hugo Zöller, «Kamerun».

1862 году, четвертая часть бѣлаго населенія, состоящаго изъ 250 человѣкъ, была похищена желтою лихорадкою. Три кладбища, на которыхъ покоятся тѣла знаменитыхъ путешественниковъ, въ томъ числѣ Ричарда Лендера, занимаютъ обширное пространство земли близъ города. Съ 1859 года Фернандо-По обладаетъ санаторіей, первой изъ устроенныхъ въ тропическихъ странахъ бѣлыми. Это—селеніе Basileh, расположенное на высотѣ 300 метровъ, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Санта-Изабеллы и вблизи деревни племени буби; главныя плантаціи хиннаго дерева разведены по сосѣдству съ этимъ возвышеннымъ пунктомъ.

Фернандо-По былъ уступленъ съ 1778 года Португаліей испанцамъ, которые, однако, вскорѣ покинули островъ, какъ весьма нездоровый; между тѣмъ англичане исподоволь за-

мѣщали испанцевъ, не заявляя, впрочемъ, правъ на обладаніе островомъ, а въ 1827 г., во время своихъ преслѣдованій судовъ негро-торговцевъ, основали тамъ одну изъ своихъ главныхъ станцій, Кларансъ, расположенный въ сосѣдствѣ «Невольничьяго берега» Но Испанія, опасаясь, чтобы Англія не завладѣла этимъ островомъ совершенно—съ которымъ, однако, сама ничего не дѣлала,—въ 1845 году снова и окончательно взяла его въ свое владѣніе. Нынѣ небольшой гарнизонъ занимаетъ форты, испанскіе миссіонеры обращаютъ въ христіанство чернокожихъ, и часто на островъ ссылаются политическіе преступники. Губернаторъ назначается на два года и, въ виду угрожающихъ ему опасностей со стороны климата, получаетъ весьма значительное содержаніе.

Глава II

Камерунъ.

Португальское названіе «Самагаос», что означаетъ «Креветки», было первоначально дано мореплавателями главному лиману, находящемуся въ глубинѣ Гвинейскаго залива; но это наименованіе, видоизмѣненное въ различныхъ европейскихъ языкахъ, Самагопес по-испански, Самагаопа, по-англійски, Камеруп по-нѣмецки, въ этой нѣмецкой своей формѣ сдѣлалось общеупотребительнымъ въ послѣднее время. Вмѣстѣ съ этимъ, подъ названіемъ Камерунъ стали разумѣть не только ту область, которая обнимаетъ собственно бассейнъ Камерунской рѣки, но также распространили его, во-первыхъ, на всѣ низменные равнины по сосѣдству съ лиманомъ, и во-вторыхъ, на величественный массивъ вулкановъ, которымъ на материкѣ продолжается цѣпь острововъ, простирающаяся отъ Аннобона до Фернандо-По; напослѣдокъ оно было распространено на всю ту Гвинейскую территорію, которую германцы отграничили на картѣ, какъ долженствующую составлять ихъ владѣніе въ этой части экваторіальной Африки. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что главной горѣ и сосѣднимъ съ нею берегамъ португальцы давали названіе «Terra Amboses», а на старинныхъ французскихъ картахъ она обозначалась подъ именемъ «Terre des Zambous ou d'Ambois», и, въ видѣ остатка отъ этого наименованія,

одинъ изъ острововъ залива называется даже и понынѣ ile d'Ambas.

Извѣстно, какъ, послѣ долгихъ дипломатическихъ препирательствъ,—Германія сдѣлалась сюзереномъ этого обширнаго края. Англійскіе миссіонеры уже издавна имѣли свою станцію при подошвѣ Камерунской горы, англійскій языкъ сдѣлался общеупотребительнымъ между жителями приморскихъ береговъ, и даже британское знамя развѣвалось надъ многими селеніями внутри страны. Съ другой стороны, германскіе негодіанты тоже имѣли свои факторіи на морскомъ берегу и приобрѣтали въ собственность земли на склонахъ горы. Съ теченіемъ времени между агентами обѣихъ націй стали возникать столкновенія, правительства начали обмѣниваться рѣзкими нотами, и, наконецъ, всѣ эти распри завершились тѣмъ, что въ 1885 г. Великобританія отозвала своихъ миссіонеровъ и консуловъ, отказавшись отъ всякихъ претензій на Камерунскій массивъ.

Въ иномъ положеніи находился лежащій южнѣе лимана морской берегъ, который черезъ рядъ бухточекъ тянется по направленію къ Габону. Эту приморскую полосу, раздѣленную на множество небольшихъ владѣній, посѣщали многочисленные моряки и торговцы, принадлежащіе къ различнымъ націямъ, при

чемъ всё они заключали договоры съ царьками, у которыхъ, за нѣсколько ружей и боченковъ дрянной водки, и приобрѣтали себѣ помѣстья. Старинные документы, затерявшіеся въ архивахъ, удостовѣряли, что иной мысъ, иное рѣчное устье принадлежатъ Испаніи или Франціи. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда европейскими правительствами овладѣла бѣшеная страсть къ приобретениямъ, весь южный берегъ Камеруна оказался раздѣленнымъ на цѣлую массу небольшихъ земель, чередующихся, точно клавиши въ клавиатурѣ, и присваиваемыхъ—однѣ Франціею, а другія—Германіею¹⁾. Всѣ эти распри, въ свою очередь, были урегулированы тоже въ 1885 году, когда, въ силу особаго договора, гвинейскія концессіи были уступлены Германской имперіи, въ замѣнъ нѣмецкихъ факторій, расположенныхъ на «Южныхъ рѣкахъ», которыя отнынѣ уже составляютъ часть Французской Сенегамбіи.

Обширная область, центромъ которой является Камерунскій лиманъ, занимаетъ великолѣпное географическое положеніе, и повѣнны тѣ старанія, которыя географъ Нахтигаль, —уполномоченный вести переговоры съ туземными начальниками, — приложилъ къ тому, чтобы приобрѣсти это побережье для своего отечества. Возможно, что массивъ Камерунскихъ вулкановъ, возвышающійся надъ равнинами и нездоровыми протоками-каналами, образующими побочныя устья рѣкъ, со временемъ превратится въ область, пригодную для заселенія ея бѣлыми; но даже если бы этой территоріи суждено было обрабатываться руками только однихъ чернокожихъ, то и тогда, рано или поздно, она не преминетъ приобрѣсти существенную важность, какъ мѣсто сліянія великихъ путей сообщенія на материкѣ. Такъ, между прочимъ, не можетъ не продолжиться до Камерунскаго залива и та желѣзная дорога отъ Триполи къ озеру Чадъ, вопросъ о которой столь часто возникалъ при проектированіи дальнѣйшаго устройства Африки.

Нынѣ границы германской территоріи, по морскому побережью, опредѣлены точно. Имен-но, на сѣверѣ эта территорія ограничивается отъ англійскихъ владѣній Нигера при посредствѣ Мемѣ или Ріо-дель-Рей; на югѣ же, отъ французской колоніи, она отдѣляется посредствомъ Этамбѣ или Ріо-дель-Кампо; и въ общемъ, все это поморье—не вводя въ исчисленіе тысячъ незначительныхъ углубленій въ берегъ—имѣетъ отъ лиманообразнаго устья Ріо-дель-Рей до мѣста впаденія Ріо-дель-Кампо приблизительно около 500 километр. длины. Въ глубь же материка, къ сѣверо-востоку, границы территоріи еще не опредѣлены. * Со стороны британскихъ владѣній на Нигерѣ граница Камеруна, по трактатамъ съ Англіею отъ 14

апрѣля и 15 ноября 1893 г., идетъ отъ устья Ріо-дель-Рей, къ Юлѣ, обходя полукругомъ этотъ городъ, и продолжается къ южному берегу озера Чадъ (14° вост. долготы отъ Гринвича). На востокѣ и югѣ колонія эта трактатами съ Франціею отъ 24 декабря 1885 г. и 15 марта 1894 г. отграничена такимъ образомъ, что отъ озера Чадъ къ Вагирми границу составляетъ р. Шари до 10° сѣв. широты, вдоль котораго граница слѣдуетъ къ западу до 14° 20' вост. долготы, затѣмъ она тянется до 15°, вдоль котораго слѣдуетъ до 4° южн. широты, потомъ направляется на югъ къ р. Санга, откуда вообще параллель 2° 15' южн. широты и р. Кампо образуютъ южную границу. Въ этихъ предѣлахъ пространство германской колоніи Камерунъ 493.600 кв. километр., а населеніе нынѣ исчисляется въ 3.500.000 душъ *.

Гора Камерунъ,—возвышающаяся, насупротивъ Фернандо-По, на тысячу метровъ болѣе, чѣмъ пикъ на этомъ островѣ,—представляетъ одну изъ наиболѣе величественныхъ вершинъ на земной поверхности. Правда, вершина эта не самая большая на африканскомъ материкѣ; высоту она уступаетъ Кеніи, Кили-манджаро и главнымъ вершинамъ Симена, въ Эіопіи; возможно, затѣмъ, что существуютъ соперники ей и въ Мароккскомъ Атласѣ, но, тѣмъ не менѣе, благодаря своему положенію на берегу моря, внѣшность этой горы величественнѣе всѣхъ названныхъ горъ, начиная съ приподнятыхъ заливчиковъ, кругообразно углубляющихся между покрытыми лѣсомъ мысками, взоръ сразу окидываетъ гору во всю ея высоту въ 3.960 метровъ, вплоть до ея трехъ остроконечныхъ главъ, которыя стяжали вершинѣ наименованіе «Трехъ Сестеръ». Слѣбуются на склонахъ горы также и климаты, о разнообразіи которыхъ свидѣтельствуетъ нахожденіе: внизу горы—лѣсной растительности; выше—луговъ, а ближе къ вершинѣ—оголенныхъ пластовъ пепла и лавы, пестряющихъ порою, даже и снѣгомъ. Колоссъ этотъ казался туземцамъ столь страшнымъ, что они прозвали его Монго-ма-Лоба, т. е. «горой боговъ». И въ былое время, когда бѣлые не совершали еще восхожденій на пикъ, негры не осмѣливались даже приближаться къ самымъ высокимъ пикамъ, опасаясь быть схваченными и замученными злыми духами. Нынѣ вѣра въ чародѣйственную силу горы подорвана. Въ 1847 году, Меррикъ поднимался уже до луговъ на высокихъ хребтахъ; но полное восхожденіе совершено въ 1861 году группою путешественниковъ, состоявшею изъ Буртона, Кальво и ботаника Манна, которые обследовали уже и среднія области горы. Съ того времени многіе путешественники также поднимались до края самаго верхняго кратера Камеруна.

¹⁾ Hugo Zöller, *упом. сох.*

По своему происхожденію, Монго-ма-Лоба—хотя вполнѣ она еще и не изслѣдована—принадлежитъ, несомнѣнно, къ горамъ вулканическимъ. Восходившіе на нее видѣли на ея

ства разрыхлѣвшей лавы вовсе не одѣлись еще растительностью; по сторонамъ главной горы десятками высятся боковые конусы, настолько высокіе, что ихъ называютъ пиками и горами,

Главная улица города Викторіи.

склонахъ только конусы изъ пепла, потоки лавъ и конусы изверженія, а между горами выброшенныхъ изъ нѣдръ горы окалина нѣкоторыя казались даже недавняго происхожденія; на многихъ мѣстахъ обширныя простран-

при чемъ одинъ изъ нихъ, на юго-западѣ, называемый Монго-ма-Этиндехъ, т. е. «Отдѣльная гора», или Малый Камерунъ, съ нѣкоторыхъ мѣстъ кажется соперникомъ главнаго пика. Во время восхожденія Буртона, одна

изъ трещинъ большого кратера свѣтилась; островитяне съ Фернандо-По неоднократно рассказывали о поднимавшемся въ видѣ спиралей дымъ съ горы боговъ; отблески kloкочущей лавы окрашивали въ красный цвѣтъ небо надъ кратеромъ, въ 1868 году. Эта гора Камерунъ, по мнѣнію Буртова и большинства другихъ комментаторовъ, и есть та «колесница боговъ», которую, двадцать пять столѣтій назадъ, видѣли караванецъ Ганнонъ и его спутники, рассказывавшіе о громадномъ пожарѣ, увѣчавшемъ вершину. Какъ бы то ни было, вѣрный видъ горы, съ ея второстепенными конусами, при чемъ изъ каждого изъ нихъ совершались изверженія и исходили потоки лавы, свидѣлствуетъ о длинномъ рядѣ годовъ дѣятельнаго состоянія горы: весь массивъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ громадный вулканъ, покоющійся на основаніи приблизительно въ двѣ тысячи квадратныхъ километровъ. Отовсюду онъ вполне отдѣленъ: съ юга и съ запада онъ омывается водами, а съ сѣвера и съ востока окруженъ наносными землями. Комберъ, путешествовавшій въ 1878 году, исчисляетъ высоту равнины, простирающейся на сѣверной сторонѣ основанія горы и отдѣляющей ее отъ другихъ возвышенностей континентальнаго рельефа, всего лишь въ триста метровъ¹⁾. Наклонъ того цоколя, на которомъ покоится Фернандо-По, продолжается правильно къ сѣверу, подъ гору Монго-малоба.

Лѣсъ, опоясывающій основаніе вулкана, сохраняетъ характеръ тропическаго лѣса вплоть до высоты приблизительно въ двѣ тысячи метровъ. Воздѣлываемыя растенія: кокосовыя деревья, бананы и масляныя пальмы исчезаютъ послѣдовательно, и выше тысячи метровъ — границы обитанія негровъ — ихъ не видно и вовсе; но большія деревья, *eriadendron* и *boomba*, поднимаются по склонамъ горы и выше, сплетаясь другъ съ другомъ своими мшистыми и украшенными гирляндами изъ лѣнтя вѣтвями. Подъ высокими вѣтвями деревьевъ воздухъ всегда влаженъ и тепелъ, такъ что проходящій подъ ними путешественникъ чувствуетъ себя какъ-бы въ теплицѣ между листовою древовидныхъ папоротниковъ. Вблизи верхней окраины лѣсовъ, деревья по своему наружному виду походятъ на деревья европейскихъ лѣсовъ, съ тою лишь разницею, что гнѣздящаяся на нихъ паразитная растенія, образуя густую сѣть, сплетаютъ другъ съ другомъ сосѣднія деревья. Такъ какъ лѣсистый поясъ быстро, безъ всякаго перехода, смѣняется луговымъ, то путешественникъ, идущій лѣсомъ, вдругъ попадаетъ въ полосу пробивающагося сквозь листву яркаго солнечнаго свѣта,

и взорамъ его открываются поросшіе травой хребты, скалистые кручи, откосы изъ осыпавшихся обломковъ, вздымающіеся къ конечному пику горы. Выше раздѣльной линіи между поясомъ лѣсовъ и поясомъ низкихъ травъ, путешественникъ встрѣчаетъ деревья только въ хорошо защищенныхъ небольшихъ долинахъ; но здѣсь они уже вообще разсѣяны группами или порознь, на подобіе того, какъ разсаживаются деревья въ паркѣ; затѣмъ, выше двухъ тысячъ метровъ вовсе нѣтъ даже и одиночныхъ деревьевъ. Вблизи вершинъ все голо, какъ-бы сдуто вѣтромъ, и лишь въ прогалинахъ пріютились кое-какія ползучія растенія. Обликъ растеній въ верхнихъ областяхъ такой же, какъ и въ Европѣ; кромѣ того, встрѣчаются нѣкоторыя изъ растительныхъ формъ, свойственныхъ Эѳіопіи и Маскаренскимъ островамъ; но нельзя сказать, чтобы на Камерунѣ, — подобно другимъ высокимъ горамъ тропическаго пояса, — находилась «върезьма вся земная флора»; альпійскія растенія тамъ рѣдки, что, несомнѣнно, зависитъ отъ сравнительной молодости вулкана, образованнаго изъ безчисленныхъ, напластованныхъ другъ надъ другомъ, слоевъ лавы и пепла. Изъ млекопитающихъ животныхъ на высотахъ встрѣчается только одинъ видъ антилопы; въ лѣсахъ же нижнихъ склоновъ водятся слоны, буйволы, обезьяны и леопарды.

Около верхней границы деревьевъ находится по отлогостямъ горы также и послѣдніе изъ родниковъ. Источникъ Манна вытекаетъ на высотѣ 2.200 метровъ, недавно открытый источникъ Левина — на высотѣ 2.740 метр. Эта рѣдкость родниковъ удивляла первыхъ путешественниковъ, такъ какъ въ Африкѣ вообще мало такихъ областей, гдѣ бы дожди выпадали въ такомъ изобиліи, какъ на скатахъ Камерунской горы; объясняется же это явленіе позрѣватостью почвы, на которой, какъ и на почвѣ Эгвы, дождевыя и свѣгвыя воды уходятъ немедленно въ глубь и уже не пробиваются снова наружу на склонахъ. Поэтому и санаторіи для европейцевъ могли бы быть устраиваемы только въ тѣхъ рѣдкихъ мѣстахъ, гдѣ таятся необходимая для нихъ вода. Одну изъ такихъ оздоравливающихъ станцій уже пытались учредить шведы Вальдау и Кнугсонъ, а послѣ нихъ и миссіонеръ Томсонъ; избранная ими мѣстность находилась около источника Манна, и вокругъ дома былъ разведенъ даже и садъ; однако, продержаться въ этомъ жилищѣ они смогли только нѣсколькихъ мѣсяцевъ, такъ какъ оно оказалось выставленнымъ слишкомъ влажнымъ вѣтрамъ, дующимъ съ моря; не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что на другихъ склонахъ горы нашлись бы болѣе подходящія мѣстности. Впрочемъ, пребываніе на высокихъ склонахъ Камеруна дѣлаютъ довольно тягостнымъ также и жесто-

¹⁾ „Proceedings of the Royal Geographical Society“, апрѣль, 1879.

кѣ бурѣ: такъ Комберъ рассказываетъ, что на краю большаго кратера его съ одной стороны пронизывалъ леденящій вѣтеръ, а съ другой—жгло палящее солнце. Съ этихъ высотъ, доминируемыхъ остроконечной горой Альберта (Альбертъ-Пикъ), можно созерцать на громадномъ пространствѣ нижнія террасы, океанъ и побочныя долины. По направленію къ сѣверу Буртонъ видѣлъ на горизонтѣ, какъ ему показалось, другія коническія массы, служащія, быть-можетъ, продолженіемъ того ряда вулкановъ, которые начинаются южнѣ, на Аннобонѣ.

Горы и дѣйствительно существуютъ въ этой области: когда, въ 1885 году, Шварцъ и Кнутсонъ углубились слишкомъ на 120 километровъ внутрь страны, они увидѣли, что сѣверный горизонтъ ограниченъ рядомъ пиковъ, весьма отличающихся другъ отъ друга по формѣ и опоясанныхъ вокругъ своихъ подошвъ лѣсами. Высота этихъ горъ казалась имъ колеблющеюся между 2.500 и 3.000 метровъ; называютъ же ихъ Ба-Фарами, по имени того племени, которое обитаетъ на ихъ склонахъ. Вопросъ о томъ, не вулканическаго ли происхожденія и эти горы, лежащія на продолженіи, къ сѣверо-востоку, той оси, на которой находятся вулканы Камерунъ и Фернандо-По, могутъ разрѣшить лишь будущія изслѣдованія; пока же извѣстно, что въ обширномъ проломѣ между Камеруномъ и Ба-Фарами,—занятымъ широко раскинувшимися равнинами,—во многихъ мѣстахъ нагромождены скалы изъ лавъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что эта послѣдняя цѣпь не представляетъ, въ противоположность «горѣ боговъ», островнаго характера; напротивъ того, она поконится на плоскогоріи, южные откосы котораго, около пятаго градуса широты, имѣютъ уже въ высоту 259 метровъ. Къ сѣверо-западу отъ Камеруна возвышается другой массивъ горъ, приблизительно въ 900 метровъ высоты, называемый Румби и господствующій надъ низменными землями, раздѣленными на полуострова побочными устьями Ріо-дель-Рей.

Къ востоку отъ Камерунскаго лимана ни одинъ путешественникъ не проникалъ еще такъ далеко, чтобы видѣть внутри страны другія высокія горы; тѣ же, которыя были усмотрѣны Джонстономъ на сѣверо-западѣ, были, повидимому—судя по мѣстонахожденію и разстоянію—уже упомянутыми выше горами Ба-Фарами.

Что же касается высотъ, лежащихъ къ югу, то онѣ находятся не вдалекѣ отъ берега моря. Первые края показываются къ югу отъ устья Такундже, приблизительно въ 80 километрахъ къ юго-востоку отъ мыса Суелаба; а за этой невысокой цѣпью съ моря виднѣется еще второй рядъ, унизанный конусами и остроконечными пиками. Самая высокая изъ вершинъ

въ этой области есть гора, называемая туземцами Муоди, а европейцами Слоновою горою; возвышается она, будучи въ 15 километрахъ отъ берега, всего на 520 метровъ, но, несмотря на то, никто еще не всходилъ на нее доверху. Также не вступала нога бѣлаго и на массивъ, называемый «Перси», на «пикъ Жа-воронка» (1.041 метръ) и на горы «Сѣдло» и «Столъ»—хотя всѣ онѣ одинаково находятся въ небольшомъ разстояніи отъ прибрежныхъ факторій. Такъ какъ вышнія предгорія, нѣсколько небольшихъ второстепенныхъ цѣпей и господствующія вершины—единственные высоты, видимыя съ моря, то можно сказать, что орографія этой части африканскаго материка остается пока еще «невѣдомою землею». Въ общемъ же, сообразуясь съ нѣкоторыми показаніями путешественниковъ, большая часть картографовъ считаютъ рельефъ этой области состоящимъ изъ краеваго края, разчленяющагося на нѣсколько параллельныхъ цѣпей, ограничиваемыхъ на востокѣ землями, которыя полого спускаются къ бассейну Конго и которыя въ изобиліи орошаются протекающими тамъ рѣками.

Камерунскій массивъ почти совершенно окруженъ либо морскими, либо рѣчными водами. На западѣ, въ обширный лиманъ, называемый Ріо-дель-Рей, вливается рѣка Мемѣ, многочисленные притоки которой зарождаются въ равнинѣ Ба-Кунду, причемъ истоки этихъ притоковъ перемѣшиваются съ истоками рѣки Мунго, которая огибаетъ Камерунскую гору уже съ востока; въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ водораздѣломъ этихъ рѣкъ находится каменистый водоемъ, представляющій озеро, которому Комберъ далъ названіе озера Риккарда, и которое изобилуетъ рыбой; изъ него потокъ воды низвергается каскадомъ, и возможно, что въ дождливый сезонъ, вслѣдствіе переполненія водоема, образуется и другой потокъ, спускающійся по направленію къ Мунго; во всякомъ случаѣ, Вальдау удостовѣрился, что въ сезонъ жаровъ, водоемъ этотъ не имѣетъ истока; тогда воды его мутны, вонючи и негодны для питья. Возможно, что это озеро,—имѣющее въ окружности около десяти километровъ,—было нѣкогда кратеромъ: въ центрѣ бассейна высится дикій, кое-гдѣ одѣтый деревьями, утесъ, представляющій древнюю остроконечную вершину изъ лавы, и служащій нынѣ мѣстонахожденіемъ поселенію Баломби-ба-Котта, имѣющему нѣсколько сотенъ жителей. Будучи защищены отъ внезапнаго нападенія окружающими ихъ громадными пространствами болотистыхъ водъ, эти поселяне каждый день отправляются воздѣлывать свои поля на рѣчныхъ берегахъ, а на ночь возвращаются снова въ свои хижины. По вечерамъ же на деревьяхъ острова рѣзвятся милліоны попугаевъ—птицы, священной въ глазахъ туземцевъ, вѣтви деревьевъ тогда

сплошь усыяны ими, и въ воздухѣ стоитъ шумъ отъ драки за обладаніе мѣстомъ для нѣста. Утромъ эти птицы тучами снимаются съ деревьевъ и, въ поискахъ за пищею, разлетаются по всевозможнымъ направленіямъ ¹⁾.

Другое озеро, болѣе обширное, расположено въ шестидесяти километрахъ, по направленію къ сѣверо-востоку. Оно называется обыкновенно Баломби-ма-Мбу, или обычнѣе Мбу, а иногда также и «озеромъ слоновъ». Уподобляясь, по формѣ, кратеру вулкана, оно овалово, а высокія, огневаяго происхожденія, скалы суживаютъ то тѣсное ущелье, чрезъ которое избытокъ этихъ озерныхъ водъ изливается въ сторону рѣки Мунго. Первое плаваніе по этому озеру совершилъ въ 1883 году Томчекъ. И онъ же, вмѣстѣ съ Рогозинскимъ, за нѣсколько недѣль до этого, поднялся до той же самой широты также и по рѣкѣ Мунго. Въ этомъ мѣстѣ рѣка—верхнія воды которой глубокими ущельями проходятъ сквозь Ба-Фарамійскія горы—достигаетъ берега скалистой террасы и, будучи шириною до тридцати метровъ, низвергается посредствомъ семи послѣдовательныхъ уступовъ съ высоты, въ общемъ равняющейся 20 или 25 метрамъ. Приближаться къ этому водопаду туземцы отваживаются рѣдко, будучи увѣрены, что около него бродятъ злые духи ²⁾. Во многихъ мѣстахъ сосѣднихъ лѣсовъ, на восточномъ склонѣ бассейна, Рогозинскій встрѣчалъ днища древнихъ болотистыхъ озеръ, нынѣ высохшихъ и замѣчательныхъ своимъ внѣшнимъ видомъ: именно, по выходѣ изъ чащи сплетенныхъ другъ съ другомъ деревьевъ, сразу попадаешь на окраину кругообразныхъ бассейновъ, гдѣ деревья уступили мѣсто высокимъ травамъ; затѣмъ, послѣ труднаго перехода чрезъ это море зелени, разстояніемъ въ одинъ или два километра, снова вступаешь въ темный лѣсъ.

Мунго становится судоходною для лодокъ въ двадцати километрахъ книзу отъ водопада. Въ этомъ мѣстѣ, рѣка, шириною въ 80 метровъ, равномерно течетъ по песочному дну, межъ большихъ деревьевъ, свѣсившихъ свои вѣтви съ крутыхъ береговъ. На протяженіи всего нижняго теченія, длиною приблизительно около 120 километровъ, Мунго имѣетъ до нѣкоторой степени опасные подводные камни только въ одной мѣстности; повсюду глубина ея не менѣе полу-метра, и обыкновенно она достаточна для того, чтобы слоны могли пройти въ бродѣ, погружившись въ воду по самыя уши, которыя они, въ видѣ опахала, выставляютъ надъ водой. Однако, рѣка эта непосредственно не втекаетъ въ море. Еще вдалекѣ отъ него, она широко расплывается по пилыстымъ наносамъ, скопляющимся около корней ризофоръ. Архипелагъ

необитаемыхъ островковъ тянется вдоль морскаго берега, который перерѣзанъ безчисленными извилистыми потоками, наполненными грязною, съ полосками пѣны, водою. Самый широкій изъ потоковъ-каналовъ, называемый «рѣкою Бимбіею»,—потому что онъ ведетъ къ факторіи этого имени,—направляется къ юго-западу и, омывъ подошву цѣпи лѣсистыхъ холмовъ, соединяется съ океаномъ посредствомъ широкой и глубокой гавани, въ которую могутъ проникать самыя большія суда. Въ южномъ и юго-восточномъ направленіи открываются другіе каналы-протоки, не практикуемые судами; главный потокъ, за которымъ сохранилось наименованіе Мунго, дѣлаетъ поворотъ къ востоку и вливается не въ море, а въ лиманъ рѣки Камерунъ, выше бара (мелководія предъ входомъ въ рѣку или въ гавань). Такимъ образомъ, Мунго находится къ переходномъ состоянію; нѣкогда она изливалась непосредственно въ море, нынѣ же, вслѣдствіе увеличенія поверхности материка, происшедшаго отъ отложенія ила, приносимаго мутными водами, превратилась въ простой притокъ другой, болѣе значительной рѣки.

Рѣка Камерунъ (Rio-dos-Camaraos, или «рѣка Креветокъ»), средній между нѣсколькими сливающимися во-едино потоками, еще не была обследована на столь же значительной длинѣ ея теченія, какъ Мунго. Джонстонъ, восходившій на Килиманджаро, поднимался, въ 1886 году, по рѣкѣ Камерунъ на сотню километровъ отъ начала бара, довольно далеко, слѣдовательно, отъ пляжей, покрытыхъ корнепусками (rhizophorae). Въ этомъ мѣстѣ, Камерунская рѣка, извѣстная подъ именемъ Вури, течетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ, между гнейсовыми скалами, и только-что спустилась водопадомъ съ тѣхъ внутреннихъ террасъ, которыя, въ этой области Африки, повидимому, образуютъ какъ бы лѣстницу, ведущую къ окружности континента. Въ нижнемъ своемъ теченіи, Вури сначала дѣлится на два рукава, обходящіе съ обѣихъ сторонъ большой островъ; затѣмъ принимаетъ въ себя съ сѣвера рѣку Або или Абянгу, истоки которой находятся недалеко отъ мѣста низверженія Мунго. Вплоть до самаго слиянія Вури съ Або ощутителенъ морской приливъ, а далѣе книзу рѣка постепенно преобразуется въ лиманъ. По берегамъ же ея, лѣсныя деревья смѣняются панданами, пальмами garhія, тростниковыми растеніями, а затѣмъ начинаются корнепуски, свѣшивающіе свои густыя вѣтви на тѣ наносы ила и тины, которые дважды въ день покрываются водою на два или на три метра; наконецъ, лиманъ вступаетъ въ широкій внѣшній, т. е. соединяющійся съ моремъ, заливъ, въ который, на подобіе аллей, изливается множество другихъ рѣчекъ: такъ, съ сѣвера и съ сѣверо-запада несутся воды тѣхъ протоковъ дельты, которые

¹⁾ „Deutsche Geographische Blätter“, 1886. I.

²⁾ Röggeinski, „Petermann's Mittheilungen“, IV, 1884.

сообщаются съ Мунго; на востокъ, извилистые каналы-протоки соединяють заливъ съ рѣкою Дунгази; на юго-востокъ, дельта Донга и рѣчка Куа-куа проникають внутрь земель, а на югѣ

ныя рѣчныя устья, выдаются два низкихъ мыса: на сѣверо-западѣ—мысъ Камерунъ, окруженный песчаными мелями, а на юго-востокѣ—мысъ Суеллаба, своею удлинненностью походя-

Камни-фетиши на берегу Огуэ.

протокъ Молимба отсѣкаетъ лѣсистый островъ того же имени, нѣкогда уступленный французскимъ мореплавателямъ его жителями, называющимися тоже молимба. Впереди этого залива, командующаго надъ входами въ многочислен-

ный на наконечникъ копья. Самое близкое разстояніе между этими двумя низменными мысами, во время прилива, равняется приблизительно двѣнадцати километрамъ.

Къ югу отъ Камерунскаго залива, между

нимъ и мысомъ Сентъ-Жанъ, изливаются въ море также многія другія рѣки, между которыми есть и такія, которыя по массѣ своихъ водъ не уступаютъ Мунго и Вури. При этомъ, всѣ эти потоки сходны другъ съ другомъ въ томъ отношеніи, что русло ихъ еще не установилось: именно, на различномъ разстояніи отъ моря ихъ прерываютъ водопады, низвергающіеся съ окраинъ первой континентальной террасы, въ которой эта стекающая вода еще не успѣла промыть для себя углубленіе. Устья этихъ рѣкъ также представляютъ одно постоянное явленіе: всѣ они замаскированы покрытымъ корнепусками выступомъ наносной земли; выступъ этотъ протянулся съ юга на сѣверъ и заставляетъ отклоняться въ томъ же направленіи и рѣку; очевидно, причину такого удлинненія берега въ направленіи къ сѣверу слѣдуетъ искать во вліяніи прибрежнаго морскаго теченія¹⁾. Наибольше сѣверная изъ рѣкъ этой части берега есть Эдея, по которой судно даже съ килемъ болѣе одного метра можетъ плавать на протяженіи 56 километровъ отъ поморья²⁾; рѣка эта сообщается посредствомъ боковыхъ притоковъ съ Молимба и Куа-куа, т. е. съ Камерунскимъ заливомъ, а посредствомъ своего раздвоеннаго устья — съ моремъ. Затѣмъ слѣдуетъ Моанія, т. е. «Большая вода», по которой до водопада, находящагося въ 40 километрахъ отъ ея устья, первымъ поднялся Целлеръ. Эта рѣка, имѣя въ ширину 150, а въ глубину отъ 4 до 8 метровъ, судоходна на протяженіи всего нижняго теченія, и небольшіе пароходы, поддерживаемые волнами прилива, могли бы доходить до подошвы пяти гранитныхъ островковъ, оставшихся среди водопада. Во время посѣщенія рѣки упомянутымъ нѣмецкимъ изслѣдователемъ, въ серединѣ сухаго сезона, водопадъ, низвергаясь тремя послѣдовательными прыжками, въ общемъ имѣлъ около десяти метровъ высоты; въ дождливое же время года, форма каскада должна быть совершенно иная, такъ какъ уровень водъ поднимается тогда на нѣсколько метровъ и оба берега затопляются на большое разстояніе. По словамъ туземцевъ, Моанія судоходна кверху отъ водопада на всемъ томъ ея протяженіи, которое нынѣ извѣстно; однако, этимъ путемъ передвиженія жители пользуются очень рѣдко.

Другой потокъ Камеруна еще болѣе славится въ странѣ за красоту его водопада: это — Лобэ, или «Большая Ба-Танга» мореплавателей, — небольшая рѣка, какъ кажется, питаемая преимущественно избыткомъ дождей, выпадающихъ на Слоновую гору. Водопадъ этотъ виденъ даже съ моря, и мореплавателямъ онъ представляется какъ бы серебряною нитью. Вблизи же, это широкая поверхность

воды, низвергающаяся одною цѣльною струею съ высоты 15 метровъ, при чемъ изъ нѣдръ блокочущихъ водъ выдвигаются два гранитныхъ утеса, съ деревомъ и сотнею кустовъ на вершинѣ одного изъ нихъ; въ 700 метрахъ ниже, рѣка впадаетъ въ море между двумя песчаными мелями, по которымъ разбросаны гранитные камни³⁾.

Германская территория Камерунъ — съисключеніемъ «горы Боговъ», составляющей особый мірокъ — отличается отъ Невольничьяго берега и низменныхъ земель Нигера лишь отгѣнками въ отношеніи климата, флоры и фауны. Подобно сосѣднимъ областямъ тропическаго пояса, дожди выпадаютъ въ изобиліи въ то время года, когда въ сѣверномъ полушаріи бываетъ лѣто, когда землю освѣщаютъ вертикальные лучи солнца; при этомъ, будучи сильными уже въ маѣ, ливни увеличиваются въ іюлѣ и въ августѣ, а къ концу сентября обыкновенно прекращаются. Порывистый вѣтеръ, такъ называемый торнадо, часто бываетъ въ ноябрѣ; но съ особенной яростью, — хотя и не съ такой силой, какъ циклоны, — онъ дуетъ въ апрѣлѣ и въ маѣ, въ періодъ смѣны одного времени года другимъ. Пары образуются въ такомъ изобиліи, что, даже съ берега моря, у подошвы вулкана, вершину можно бываетъ разглядѣть только утромъ и вечеромъ, если, впрочемъ, не дуетъ такъ называемый харматанъ, т. е. сухой сѣверо-восточный вѣтеръ.

Столь же сильно нагрѣваемый солнечными лучами и въ такомъ же изобиліи орошаемый, какъ и находящаяся западнѣе прибрежная область, — Камерунскій край представляетъ ту же самородную растительность: это корнепуски — на приморскихъ болотистыхъ пространствахъ, панданы и пальмы *garhia* — на незатопляемыхъ низменныхъ земляхъ, а выше — лѣса изъ высокихъ деревьевъ, сплетенныхъ въ одну волнующуюся массу сѣтями лианъ. Равнымъ образомъ и негры воздѣлываютъ тѣ же самые роды древесныхъ и травянистыхъ растений какъ-то: пальмы кокосовыя, масличныя и винныя, бананы, инѣймы, арахиды (земляные фисташковые орѣхи), пататы, маниокъ, и въ особенности *colocasia* (*caladium esculentum*, *arum asacate*, и т. д.), одно изъ клещевинныхъ растений (*aroideae*), которое называютъ «коко» въ камерунскихъ поселеніяхъ, и которое не что иное, какъ таро океанійцевъ.

Хотя область эта пока еще была посѣщена лишь небольшимъ числомъ естествоиспытателей, да и тѣ не переступали за черту приморской полосы, тѣмъ не менѣе извѣстно, что фауна Камеруна весьма богата. Такъ, на берегахъ Або, Бухгольцъ нашелъ около сорока видовъ

¹⁾ Hugo Zöller, *вопом. соч.*

²⁾ George Grenfell, „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1882.

³⁾ Hugo Zöller, *вопом. соч.* — Langhans, „Petermann's Mittheilungen“, 1887, *теп.* III.

змѣй и ящерицъ какъ ядовитыхъ, такъ и безвредныхъ; правда, что для того, чтобы собрать столь великолѣпную зоологическую жатву, у него былъ опытный «заклинатель», который, посредствомъ мелодичныхъ и часто повторяемыхъ подсвистываній, умѣлъ вызывать упомянутыхъ пресмыкающихся изъ ихъ норокъ¹⁾. Этотъ же германскій естествоиспытатель нашелъ въ Камерунѣ и новые виды черепахъ, хамелеоновъ, лягушекъ, жабъ и рыбъ. Доказано также, что какъ рѣка Камерунъ, такъ и сосѣдніе лиманы, періодически, чрезъ четыре года, переполняются въ августѣ или въ сентябрѣ маленькими желтоватыми креветками (принадлежащими къ *tha'assina*), прежде неизвѣстными для зоологовъ: вслѣдствіе изобилія этихъ рачковъ, ихъ собираютъ корзинами. Во время охоты за ними, которая, смотря по числу образовавшихся отmelей, длится отъ трехъ до пятнадцати дней, всѣ другія работы прерываются; даже между селеніями, ведущими междоусобную войну, наступаетъ перемиріе, и живущіе по берегамъ жители становятся друзьями. Эти-то креветки, которыхъ коптятъ миллиардами для отсылки внутрь страны, жителямъ плоскогорій, вѣроятно, и дали поводъ для наименованія главной рѣки края по ихъ имени. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Камеруна чрезвычайно богатъ также и міръ насѣкомыхъ; часто бабочекъ бываетъ такъ много, что въ воздухѣ стоятъ какъ-бы густой туманъ, а жуки усѣваютъ почву рубинами и изумрудами. Одинъ изъ видовъ *glossinae*, — почти не отличающійся отъ настоящей мухи цеце, — жужжитъ около людей и животныхъ; но уколъ этого насѣкомаго, не влекущій за собою никакой опасности, даже не очень болѣзненъ. Пауки представлены лишь весьма малымъ числомъ видовъ, и это тѣмъ удивительнѣе, что здѣсь они могли бы найти для себя обильную пищу.

Большія млекопитающія мало-по-малу удаляются отъ приморскаго берега, уже часто посѣщаемаго бѣлыми, съ ихъ мѣткими ружьями и разрывными пулями. Ламантины стали рѣдки въ лиманахъ; обезьяны еще многочисленны въ прибрежныхъ лѣсахъ, но пока еще ни одинъ натуралистъ не встрѣчалъ тамъ ни шимпанзе, ни гориллу, хотя, по словамъ миссіонеровъ, эти породы обезьянъ не подвергались истребленію. Что касается слоновъ, то нѣкоторые изъ запоздавшихъ изъ нихъ еще остались вблизи моря; но чтобы проникнуть въ ту область, гдѣ они еще водятся массами, слѣдуетъ подняться по Мунго уже на сотню километровъ: тамъ эти представители древней фауны на нѣкоторое время все еще остаются властелинами лѣсовъ. Комберъ, Рогозинскій, и Томчекъ рассказываютъ объ опасностяхъ, которымъ они подвергались, желая незамѣтно

проскользнуть между стадами слоновъ, и какъ имъ часто приходилось измѣнять направленіе своего пути, чтобы не пересѣчь дороги, проторенной слонами. Въ равнинахъ, пересѣкаемыхъ Мунго, туземцы не осмѣливаются охотиться за этимъ животнымъ, которое, при видѣ человѣка, приходитъ въ ярость; но, рассказываютъ, будто-бы, горцы съ Ба-Фарами не опасаются, собравшись въ весьма большомъ числѣ, нападать на слона, и хотя часто они теряютъ по нѣсколько человѣкъ, но, въ концѣ концовъ, животное, подвергшись тысячѣ пораненій пулями, дротиками и копьями, становится добычею нападающихъ²⁾. Защищаются Камерунскіе слоны довольно толстыми, темно-коричневыми бивнями³⁾. При извѣстныхъ обстоятельствахъ и, быть-можетъ, въ случаѣ болѣзни слонъ можетъ освобождаться отъ этихъ своихъ огромныхъ клыковъ, подобно тому, какъ олень сбрасываетъ свои рога; по крайней мѣрѣ такъ говорятъ купцы, которые также увѣряютъ, будто-бы, судя по вѣсу бивня, можно распознать: былъ ли слонъ здоровъ или боленъ⁴⁾.

Почти всѣ туземцы территоріи, принадлежащей Германіи, причисляются этнологами къ неграмъ банту, т. е. относятся ими къ семейству южно-африканскихъ народовъ, типическими представителями которыхъ являлись кафры. Только къ сѣверо-западу отъ Камерунской горы, племена, родственныя племенамъ Старога Калабара и тоже говорящіе на языкѣ, называемомъ эфикъ, занимаютъ часть областей, простирающихся по лѣвому берегу Маме, главнаго притока Ріо-дель-Рей. Помимо этихъ народцевъ — которые исчисляются приблизительно въ 20 тысячъ человѣкъ⁵⁾ — въ обследованной доселѣ европейцами Камерунской области не знаютъ другихъ, говорящихъ на такихъ негритянскихъ нарѣчіяхъ, которыя представляли бы нѣкоторое сходство съ гонорами, слышными вдоль Нигера. Правда, что научное изслѣдованіе этой территоріи едва началось, и что изъ племенъ, проживающихъ внутри ея, многія извѣстны только по имени. Поэтому опредѣленіе границъ глоссологическихъ областей можетъ быть дѣлаемо лишь предположительно. По крайней мѣрѣ достоверно извѣстно, что весь приморскій берегъ — за исключеніемъ болотистыхъ или очень сырыхъ земель, вслѣдствіе нездоровости климата необитаемыхъ — населенъ сравнительно цивилизованными туземцами, говорящими на нарѣчіяхъ, родственныхъ съ тѣми, которыя господствуютъ во всей южной Африкѣ; однако, нужно замѣтить, что сходство языковъ вовсе не предпо-

¹⁾ Bernhard Schwarz, *упом.* соч.

²⁾ Westendorp, „Ausland“, 12 дек. 1885.

³⁾ Hugo Zöller, *упом.* соч.

⁴⁾ Koss, „United Presbyterian Mission Record“, аар. — сент. 1877.

⁵⁾ Reinhold Buchholz, „Reisen in West-Afrika“.

лагают общности происхождения самых племенъ. Отъ устьевъ Нигера до Камеруна и до Моани, переходы въ обликъ жителей почти нечувствительны. Черты и окраска кожи однѣ и тѣ же; что же касается до достоинства, съ которымъ они держатъ себя, то оно зависитъ не отъ расы или языка, а отъ степени свободы, которою данное племя пользуется.

Если бы нужно было подыскивать коллективное названіе для жителей этой территоріи, то имъ можно было бы просто дать имя камерунскихъ банту, такъ какъ ни одно изъ обитающихъ тамъ племенъ не оказывается ни настолько многочисленнымъ, ни настолько могущественнымъ, чтобы его можно было разсматривать какъ націю-представительницу; при томъ же многія изъ нихъ представляютъ большія отличія другъ отъ друга. Главныя племена суть слѣдующія: ба-кишъ, или «люди» земли Кишъ, на лѣвомъ берегу Мамэ; ба-фарамы, при подошвѣ и въ долинахъ горъ того же имени; ба-кунду, въ равнинахъ, простирающихся къ сѣверу отъ «Горы Боговъ»; ба-мубуку, на западномъ склонѣ того же массива; ба-куири и изубу, на югѣ, около бухты Амбаской; ба-лонгъ и муфунду, на Мунго; дуалла, або, вури, будиманъ, въ предѣлахъ бассейна рѣки Камерунъ и, южнѣе, басса, ба-коко, баноко, ба-пукко и ибея. Многія изъ этихъ племенъ воюютъ между собою и, вслѣдствіе взаимной боязни, между ихъ селеніями остаются необитаемыя полосы, посѣщеніе которыхъ не безопасно.

Наиболѣе извѣстно, въ западной части территоріи, племя ба-куири, которое владѣетъ селеніями въ сосѣдствѣ съ факторіями Викторіи и Бимобіи, и черезъ землю котораго нужно пройти для восхожденія на «Гору Боговъ»; европейцы часто проживали у этихъ туземцевъ мѣсяцами и годами. По собственному ихъ преданію, ба-куири пришли съ востока, увлекаемые тѣмъ общимъ стремленіемъ къ переселенію, которое побуждаетъ народы материка направляться, слѣдуя движенію солнца, съ востока на западъ. «Люди кустовъ» — таково значеніе ихъ наименованія — вообще ростомъ нѣсколько выше своихъ сосѣдей, жителей равнинъ, но въ особенности велика разница у нихъ между обоими полами, такъ какъ большая часть женщинъ замѣчательно малорослы; цвѣтомъ же кожи онѣ свѣтлѣе своихъ сосѣдокъ. Бакуири, раздѣленные, по числу своихъ селеній, на шестьдесятъ общинъ, — смѣлые охотники и мужественные воины ¹⁾. Они обладаютъ живымъ умомъ и въ своихъ совѣщательныхъ собраніяхъ, — предсѣдательствуемыхъ отвѣтственнымъ старшиною, называемымъ «королемъ», и состоящихъ изъ всѣхъ женатыхъ мужчинъ, —

бакуири выказываютъ истинный ораторскій талантъ страстностью рѣчи, мѣткостью и картинностью образовъ, удачнымъ выборомъ выраженій. Въ вечерніе отдыхи, они импровизируютъ рассказы и пѣсни, при чемъ отличаются своимъ музыкальнымъ вкусомъ; ихъ тріо пріятны даже и для уха европейца ²⁾. Выраженіе ихъ отеческой или сыновней любви трогательно, и рассказываютъ даже о случаяхъ помѣшательства и самоубійства, вызванныхъ потерей ребенка. Затѣмъ, у ба-куири чувство взаимной общности интересовъ не ограничивается своимъ семействомъ. Охотникъ изъ племени, принесъ дичь, никогда не преминетъ подѣлиться ею и съ своими сосѣдями; бутылка водки, данная носильщику, тотчасъ же распивается сообща всѣмъ обществомъ. Когда старѣйшины налагаютъ на кого-нибудь штрафъ и наказанный не въ состояніи его уплатить, то друзья складываются и этимъ предотвращаютъ изгнаніе бѣдняка изъ племени. Но въ случаяхъ убійства, вольнаго или невольнаго, обычай неумолимъ. «Кровь за кровь!» — таковъ законъ въ странѣ «кустовъ». До объявленія шведскими поселенцами приказа туземцамъ жить въ мирѣ, между многими селеніями происходили безпрестанныя войны, если — что, впрочемъ, бывало рѣдко, — обиженное село не удовлетворялось вознагражденіемъ, въ видѣ извѣстнаго количества скота. Часто путешественники и торговцы должны бывали дѣлать большіе обходы, такъ какъ ихъ носильщики не могли, вслѣдствіе междоусобій деревень, проходить по той или другой мѣстности.

Колдовство влечетъ, однако, къ еще большому взаимному истребленію, чѣмъ кровавая месть: обвиненія въ чародѣйствѣ, возбуждаемые фетишерами противъ безплодной женщины, или, всего чаще, противъ личнаго врага, прежде бывали весьма часты; на цѣлыя территоріи налагалось табу, и жители бывали принуждены покидать свои села; островъ Амбасъ, въ небольшомъ заливѣ того же имени, около Викторіи, обратился въ совершенную пустыню, такъ какъ большинство его жителей отравили другъ друга, а послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ, сами покинули островъ, изъ боязни того воздуха, которымъ они дышали, и того моря, которое ихъ окружало; благодаря продѣлкамъ и мщенію чародѣевъ, племя изубу, проживавшее на южномъ склонѣ горы, было почти совершенно истреблено ³⁾. Жизнь каждаго изъ ми-куири напередъ урегулирована предписаніями чародѣевъ. Такъ, ни одинъ изъ начальковъ не могъ бы, подъ опасеніемъ смертной казни, спуститься къ морю. Тѣ или другія мясныя блюда и плоды воспрещены ему — подъ опасеніемъ дурнаго рока либо собственнымъ

¹⁾ Rogozinski, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», 1885.

²⁾ Bernhard Schwarz, *ynom. cov.*

³⁾ Saker; — Cust, «Modern Languages of Africa»; — Hugo Zöller, *ynom. cov.*

его отцомъ, либо фетишеромъ. Ни одна женщина не должна ѣсть яицъ или домашней птицы. Во многихъ мѣстностяхъ баранина можетъ быть употребляема въ пищу только въ праздни-

вращали съ просьбою не заграждать болѣе дорогъ такими чародѣйствами ¹⁾). Клятва, произнесенная надъ книгою, считается самой страшной, въ особенности если это Библія,

Хижина племени мпонуэ.

ные дни: ѣсть ее въ будни значить совершать преступленіе, наказуемое смертю. Когда европейцы впервые проникли въ страну, то каждая брошенная ими бумажка считалась предметомъ, сулящимъ несчастье, и ее торжественно воз-

указанная миссионерами туземцамъ, какъ «самая важная изъ всѣхъ книгъ» ²⁾). Обрѣзаніе

¹⁾ Buchholz, упом. соч.

²⁾ Valhau, „Deutsche geographische Blätter“, т. IX, тетр. 1, 1886.

совершается у мо-купри точно такимъ же образомъ, какъ и у большей части негровъ-язычниковъ въ Западной Африкѣ. Мертвые, какъ и у племенъ Нижняго Нигера, погребаются въ ихъ хижинахъ, и во время траура женщины обязаны, въ знакъ печали, прогуливаться нагими. Религія, не выражаясь въ опредѣленныхъ догматахъ, въ сущности есть культъ предковъ. Въ случаѣ смерти короля, ему, по обычаю, приносятъ въ жертву одного изъ плѣнныхъ, и въ прежнее время трупъ этого плѣнника дѣлился, для похоронной трапезы, между мертвецомъ и живыми. Боги, добрые и злые, господствуютъ на землѣ; богъ лѣсовъ и богъ горъ считаются особенно грозными. Для горцевъ Камеруна, «мѣстопробываніе бога» — то же самое, что самъ богъ: «полу-камень, полу-человѣкъ», онъ облачается въ бѣлую одежду, въ сѣнгъ вершинъ, каждый разъ, когда для вѣрующихъ въ него приготавливается какое-либо важное, сузящее счастье или несчастье, событие.

Какъ это замѣчается въ большинствѣ областей африканскаго поморья, наиболѣе цивилизованныя племена Камеруна — не тѣ, которыя обитаютъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ берега. Эти прибрежные народцы по большей части состоятъ изъ разсѣянныхъ и обѣднѣвшихъ бѣглецовъ, потерявшихъ, при своемъ переселеніи, часть своей первобытной культуры и приходившихъ затѣмъ въ соприкосновеніе съ европейскими матросами и торговцами, которые развратили ихъ своими пороками и отравили своею водкою. Западный склонъ горъ, принадлежащій племени ба-мбуку, почти необитаемъ; но на сѣверѣ, ба-кунду, занимающую большую часть равнины и террасъ, расположенныхъ между Камерунскими массивомъ и горами Ба-Фарами, весьма многочисленны; по своимъ промысламъ, они значительно превосходятъ ба-купри, хотя отъ природы въ умственномъ отношеніи и не кажутся выше ихъ. Физически они отличаются выдающеюся нижнею губою. Ихъ хижины — не простыя плетенки изъ вѣтвей или тростника, какъ въ приморскихъ поселеніяхъ, но настоящія, построенныя изъ камня и тщательно обмазанныя, дома; нѣкоторые дома даже разрисованы грубыми фресками, изображающими животныхъ или людей. «Дворцы» королей украшены изваянными фетишами; но особенно проявляютъ свой талантъ ба-кундскіе артисты въ украшеніи тѣхъ зданій, въ которыхъ собираются представители племени, и которые, кромѣ того, служатъ бойнями ¹⁾. Воинъ, убившій врага, женщина, родившая сына, выкрашиваютъ себя въ красный цвѣтъ, для засвидѣтельствованія своей славы предъ всѣми. Предметы изъ плетения, цыпавки и

корзины, дѣлаются съ большимъ искусствомъ и вкусомъ, и умѣло окрашиваются въ различные яркіе и прочные цвѣта. Будучи весьма искусными дубильщиками, ба-кунду приготавливаютъ замѣчательно мягкія кожи. Главное занятіе жителей — плетенье сѣтей и витье веревокъ, при помощи которыхъ они окружаютъ обширныя пространства въ лѣсу, чтобы запереть дичь, загоняемую загонщиками; когда животныя ослабѣютъ отъ голода, ихъ атакуютъ охотники, вооруженные ружьями, дротиками и ножами.

Многими своими обычаями ба-кунду приближаются къ племенамъ, населяющимъ внутренность Африки: такъ, въ знакъ добраго расположенія, они предлагаютъ своимъ гостямъ орѣхи кола ¹⁾. Къ тому же они состоятъ въ частыхъ сношеніяхъ съ сѣверными племенами, а чрезъ эти племена знакомы съ арабами и фулами. Почти всѣ ихъ рабы покупаются по другую сторону горъ Ба-Фарами: въ среднемъ, болѣе высокіе и сильные, чѣмъ ихъ владѣльцы, а также болѣе храбрые и равные имъ по уму, эти невольные эмигранты оказываются слугами только по имени: они скорѣе колонисты-дольники, чѣмъ рабы, хотя владѣльцы все-таки считаются сохраняющими относительно ихъ право жизни и смерти. Эти рабы не живутъ въ однихъ и тѣхъ же городахъ съ ба-кунду, такъ какъ ихъ владѣльцы не безъ основанія опасаются, чтобы рабы не стали вскорѣ предписывать имъ законы; населенныя же рабами деревни, или батанга, разсѣяны по плантаціямъ въ лѣсу, которыя почти всѣ столь же тщательно обработаны, какъ хорошіе сады въ Европѣ ²⁾. Независимость ихъ общинъ полная, и во многихъ мѣстахъ они совершенно освободились отъ всякаго поземельнаго оброка. Многія изъ невольничьихъ деревень образуютъ самостоятельныя республики, имѣя своихъ начальниковъ и свои совѣщательныя представительства; и случается, что въ важныхъ дѣлахъ, уполномоченные рабовъ, на равныхъ правахъ, заставляютъ съ своими мнимыми властелинами, съ ба-кунду. По словамъ миссіонера Ричардсона, много лѣтъ прожившаго въ этой странѣ, можно ожидать перехода политической власти къ «рабамъ»; вмѣстѣ съ этимъ возможно также, что и господствующимъ языкомъ перестанетъ быть нарѣчіе банту, такъ какъ между собою колонисты говорятъ на языкѣ нигрицкаго происхожденія.

Власть фетишеровъ почти не менѣе сильна у ба-кунду, чѣмъ у ба-купри. Бѣсъ цыпленка запрещено подѣ страхомъ смерти: одинъ молодой человѣкъ, провинившійся въ томъ, что ѣлъ его за столомъ у миссіонера, былъ самъ

¹⁾ Bernhard Schwarz, *ун.* соч.

¹⁾ Rogozinski, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, т. IV.

²⁾ Valdau, *уном.* соч.

сѣденъ своими сотоварищами. Видъ ночной совы сулитъ большія бѣды, и когда эта птица садеться на какомъ-нибудь домѣ, женщины бросаются съ мольбами къ ней избрать себѣ другой наѣсть. Туземцы эти страшатся привидѣній, въ особенности привидѣній враговъ и, безъ сомнѣнія, приписываютъ имъ вкусы вампировъ, такъ какъ въ случаѣ смерти мо-кунду, ему вырываютъ двѣ могилы, одну въ его хижинѣ, а другую въ лѣсу, съ цѣлью сбить съ толку злыхъ духовъ и не дать имъ возможности узнать, гдѣ погребенъ трупъ; однако эта предосторожность оказывается, повидимому, недостаточною, такъ какъ, по минованіи извѣстнаго времени, трупъ вырываютъ и переносятъ въ отдаленный гротъ. Церемоніи похоронъ становятся въ особенности таинственными, когда приходится скрыть трупъ короля или одного изъ членовъ тѣхъ тайныхъ обществъ, которыя почти у всѣхъ африканскихъ племенъ косвенно властвуютъ посредствомъ террора. Случается, однако, что страхъ передъ злыми духами въ концѣ концовъ перевѣшивается тщеславіемъ королей: такъ, во многихъ мѣстахъ страны, населенной племенемъ кунду, находятъ могильные курганы, прочно облицованные камнемъ по окружности и покрытые сѣтями изъ сплетенныхъ травъ; предполагается, вѣроятно, что эти препятствія должны предотвратить ночное посѣщеніе привидѣній.

Къ востоку отъ ба-кунду живутъ ба-лонги, на берегахъ Мунго, и або на берегахъ Ябианга: оба эти племена ревностно соперничаютъ другъ съ другомъ въ качествѣ судовщиковъ и торговцевъ. Впрочемъ, ба-лонги изъ всѣхъ народовъ Камерунскаго края менѣе всего увлекаются стремленіемъ къ личной наживѣ: доходы cadaго изъ нихъ суть въ то же время доходы общины. Нѣкоторыя изъ ихъ жилищъ настолько велики, что могутъ укрыть населеніе цѣлой деревни: въ нихъ проживаютъ вмѣстѣ до пятисотъ лицъ; для совместнаго проживанія въ одномъ большомъ помѣщеніи собираются также и меньшія группы, семействъ въ десять. Напротивъ, або проживаютъ отдѣльными семействами, каждое въ своей хижинѣ, достаточно удаленной отъ другихъ; при этомъ, даже въ селеніяхъ на низинахъ, хижины возводятся на искусственныхъ холмикахъ и окружаются каналами, въ которыхъ и собираются воды при наводненіи; во время половодій каждый домикъ представляется отдѣльнымъ островкомъ¹⁾.

Изъ всѣхъ народовъ-банту Камерунской территоріи наиболѣе извѣстенъ — благодаря положенію своихъ поселеній на берегахъ лимана и постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ нѣмцами и англичанами — народъ, назы-

ваемый дуалла. Численность этого племени, по Нахтигалю и Цёллеру, равняется 28 тысячамъ; по своему же типу оно изъ всѣхъ негритянскихъ племенъ Камеруна наиболѣе приближается къ типу европейцевъ и семитовъ, хотя цвѣтъ его кожи столь же темный, какъ и у сосѣднихъ племенъ. Женщины покрываютъ свое тѣло рисунками, но мужчины татуируютъ себѣ только лицо, да и то весьма осторожно, проводя лишь нѣсколько геометрическихъ линий; есть, впрочемъ, и такіе, у которыхъ на лицѣ нѣтъ ни одного знака¹⁾. Здѣсь слѣдуетъ, кстати, замѣтить, что у большинства племенъ, въ особенности же у племени мо-лимба, и мужчины, и женщины имѣютъ привычку вытаскивать себѣ рѣсницы²⁾. Дуалла прекраснаго тѣлосложенія, а развитіе ихъ икръ доказываетъ, какъ ошибоченъ взглядъ тѣхъ писателей, которые въ этой анатомической чертѣ видятъ характеристическій расовый признакъ для западныхъ аріи-цевъ. Дѣти растутъ быстро, и въ возрастѣ девяти или десяти лѣтъ это уже маленькіе мужчины, которые женятся и продаютъ свое пальмовое масло, какъ настоящіе торговцы. Ни въ одной странѣ Африки женщины не считаются столь общепринято простыми предметами торговли, какъ здѣсь. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія, маленькая дѣвочка бываетъ уже продана какому-нибудь богачу, который воспитываетъ ее съ цѣлью либо превратить ее впослѣдствіи въ свою жену, либо уступить кому-либо другому; такимъ образомъ, каждый король можетъ торговать цѣлыми сотнями своихъ подданныхъ женскаго пола, которыя въ то же время составляютъ также его движимую собственность. Даже разбогатѣвшіе рабы бываютъ иногда владѣльцами многочисленнаго гарема, содержащаго въ большомъ подчиненіи. Но женщины, съ виду лишенныя всякихъ правъ, рабыни, которыхъ можно обмѣнивать и продавать, умѣютъ — благодаря взаимной поддержкѣ — добиваться, въ важныхъ случаяхъ, нѣкоторой свободы. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ женщины племени акуа ушли въ отдаленную деревню, отказываясь, если имъ не будетъ воздана справедливость, возвратиться въ дома своихъ мужей³⁾. Дѣтей у женщинъ обыкновенно бываетъ мало, двое или самое большое трое, и свободное населеніе возрастаетъ медленно; наибольшую часть жителей въ странѣ составляютъ рабы. Дуалла весьма ревниво охраняютъ чистоту своей крови, и еще недавно они убивали мулатовъ, какъ какихъ-нибудь уродовъ, безчестящихъ племя своимъ отнѣнкомъ кожи⁴⁾.

¹⁾ Carl Passavant, „Craniologische Untersuchung der Neger und der Negervölker“.

²⁾ Buchholz, „Reisen in West-Africa“. — Rabenhorst, „Ausland“.

³⁾ Pauli, „Petermann's Mittheilungen“, 1885, т. I.

⁴⁾ Hugo Zöller, *у.см. соч.*

¹⁾ Grenfell, „Proceedings of the Royal Geographical Society“, 1882.

Всѣмъ африканскимъ племенамъ извѣстенъ барабанъ или тамъ-тамъ; этотъ инструментъ употребляется ими при танцахъ, во время церемоній и въ битвахъ; но дуалла, вмѣстѣ съ своими сосѣдями: ба-куири, ба-лонгъ, або, вури, басса и донга, составляютъ единственную группу негровъ, которые пользуются барабаномъ не только для призыва къ войнѣ или къ празднованію, но также и для подробной передачи новостей ¹⁾. Эта своеобразная телефонія, — изобрѣтеніе которой, конечно, свидѣлствуетъ о столь же большомъ остроуміи, какъ и изобрѣтеніе идеографическаго письма, — состоитъ въ томъ, что съ различною силою и звучностью ударяють по барабану, при чемъ различнымъ комбинаціямъ этихъ ударовъ соответствуютъ или слоги, или отдѣльныя слова. Это настоящий языкъ, для пониманія котораго требуется весьма изощренный слухъ и который посвященные умѣють воспроизводить, бормоча губами; ба-куири, кромѣ того, переговариваются также при помощи особаго рожка, звукъ котораго несется отъ одной горы къ другой. При этихъ переговорахъ, всѣ посвященные въ дѣло, услыша бой барабана, должны тотчасъ же повторять его, и такимъ образомъ новости передаются вплоть до самыхъ границъ края, «на подобіе того, какъ по водѣ распространяются круги отъ брошеннаго въ нее камня» ²⁾. Рабы не имѣють права учиться языку барабана; также весьма мало женщинъ, которыя его понимаютъ; съ другой стороны, до сихъ поръ еще ни одинъ туземецъ не открылъ секрета относительно этого языка кому-либо изъ европейскихъ путешественниковъ. Понятно, какое важное политическое значеніе имѣетъ это средство переговариваться на протяженіи всей страны. При существованіи такого способа взаимнаго обмѣна свѣдѣніями, стоитъ только путешественнику появиться въ какомъ-нибудь селеніи, какъ тотчасъ же объ его прибытіи сообщается съ этапа на этапъ, и всѣ тѣ, которыхъ ему предстоитъ посѣтить, бывають уже ранѣе предупреждены о предстоящемъ его прибытіи къ нимъ.

Людоѣдство, какъ религіозный обрядъ, существовало еще въ недавнее время; такъ, при торжественныхъ случаяхъ расчленили тѣло одного мужчины, и четыре главные начальника получали каждый по четвертой части. Убийство предшествовало всякому вступленію во власть, такъ какъ, не обогривъ рукъ въ крови, король не имѣлъ права повелѣвать своими подданными ³⁾. Королевская власть — по сравненію съ большею частью другихъ камерунскихъ племенъ — сильнѣе всего у дуалла.

Объясняется это большимъ влияніемъ, которое доставили властелинамъ этой страны выгоды отъ торговли: богатство ихъ далеко разноситъ славу ихъ имени. Одинъ изъ этихъ царьковъ есть несомнѣнно одинъ изъ богатѣйшихъ людей во всей Африкѣ, и даже въ Европѣ онъ былъ бы въ числѣ крупныхъ капиталистовъ. Приобрѣтають эти значительныя богатства начальники дуалла путемъ посредничества, такъ какъ вся мѣновая торговля между внутренностью страны и приморскими факторіями идетъ черезъ ихъ руки. Въ качествѣ же носильщиковъ, охранителей и складчиковъ товаровъ, въ этой торговой монополіи участвуютъ также и всѣ дуалла, а потому и между ними есть весьма много богатыхъ «джентльменовъ», которые съ важностью прогуливаются передъ своими домами, играя, висящую у нихъ на животѣ, связкою ключей, свидѣлствующею объ ихъ богатствѣ. Нравственно испорченные своимъ ремесломъ паразитовъ, дуалла съ боязнью взирають на попытки европейцевъ проникнуть въ глубь страны, и всѣми имѣющимися у нихъ средствами стремятся отворить ихъ отъ этого. Эта торговая зависть и составляетъ главную причину, которая до сихъ поръ препятствовала изслѣдованію этой части Африки. Путешественники, перешедшіе за предѣлы приморской полосы, задерживаються всевозможными препятствіями: проводники отказываются ихъ сопровождать; носильщики скрываются или покидаютъ свою ношу на половинѣ дороги; быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже прибѣгали къ отравленію, чтобы охладить рвеніе этихъ бѣлыхъ, вѣчно жаждущихъ новыхъ открытій. Даже когда прибрежные складчики товаровъ и допустятъ организоваться экспедиціямъ, они все-таки находятъ средства остановить ихъ на недалекомъ разстояніи отъ мѣста отправления, ранѣе чѣмъ такіе пионеры бѣлыхъ успѣють завязать непосредственныя торговыя сношенія. Въ свою очередь, и бѣлые стремятся обезпечить за собою монополію. Еще не такъ давно восемь домовъ, англійскихъ и германскихъ, оспаривали другъ у друга привилегію мѣновой торговли съ камерунскими племенами: нынѣ политическое обладаніе страною рѣшило споръ въ пользу торговцевъ Гамбурга.

Также какъ на устьяхъ Нигера и на западномъ берегу, въ Камерунѣ главный предметъ вывоза составляютъ пальмовыя орѣхи и масло. Если же негодіанты и предпочитаютъ заниматься торговлею слоновьей костью, то это лишь благодаря легкости торговыхъ сдѣлокъ и большою прибылью, доставляемой этимъ драгоценнымъ товаромъ; но, въ общемъ оборотѣ, эта «благородная» торговля оказывается значительно менѣе важною, чѣмъ пачкотливая возня съ масломъ; наконецъ, торговля слоновьей костью, по мѣрѣ сокращенія стадъ толсто-

¹⁾ Рогозинскій; — Büchner; — Zöller; — Langhaus; — Reichow и т. д.

²⁾ Buchholz, *упом. соч.*

³⁾ Buchholz, *упом. соч.*

кожихъ, благодаря употребленію огнестрѣльнаго оружія,—предстоитъ изъ года въ годъ уменьшеніе. Далѣе, камерунскіе негодіанты

бываютъ изъ одного вида лѣанъ, обвивающихъ лѣсныхъ деревья; лѣана эта, называемая *landolphia florida*, имѣетъ въ длину отъ 50 до 60

Женщины и ребенокъ племени пагуанъ.

вывозятъ также нѣкоторые красильныя деревья, а въ послѣднее время прибавился еще одинъ продуктъ—каучукъ, который шведы, поселившіеся на склонахъ главнаго пика, до-

метровъ, и самый лучший продуктъ даетъ на высотѣ между 900 и 1.000 метр. надъ уровнемъ моря. Ротангъ (*calamus rotang*), эбеновое дерево (*аспалатъ, aspalatus arboreus, brya*

ebenus) и небольшое количество кофе — доплачивают грузъ судовъ, а, въ обмѣнъ, бѣлые доставляютъ туземцамъ: гибельную водку, подъ громкимъ именемъ рома, табакъ, ткани, оружіе, бусы и разные предметы роскоши и мебелированія. При этомъ, двѣ трети цѣнности всего ввоза приходится на долю спиртныхъ напитковъ ¹⁾. Продажа доброкачественнаго пороха и хорошихъ ружей воспрещена купцамъ закономъ. Употребленіе денегъ еще не распространилось въ краѣ, и цѣнность товаровъ исчисляють на фиктивныхъ монетахъ, при чемъ данное число ихъ приравниваютъ къ тому или другому количеству товара, которое, въ свою очередь, различно, смотря по тому, ближе или дальше отъ факторій совершается торговая сдѣлка. * Съ 1886 г. въ Камерунѣ господствуетъ германская имперская валюта *.

Хотя съ 1885 года Камерунъ числится германскою «колоніею», по колонистовъ въ краѣ еще нѣтъ, если не считать таковыми нѣсколькихъ шведскихъ охотниковъ и торговцевъ, которые, какъ упомянуто, занимаются на склонахъ горъ добываніемъ каучука. Проживающихъ же на приморскомъ берегу негочантовъ или миссіонеровъ изъ бѣлыхъ такъ мало, что на всю территорію они насчитываются только десятками, и многіе изъ торговыхъ домовъ управляются не европейцами, а либо неграми, либо цвѣтнокжими, изъ которыхъ послѣдніе обнаруживаютъ такой большой навыкъ къ торговлѣ, что еще неизвѣстно: не кончатъ ли они присвоеніемъ себѣ и монополіи занятія ею? Непосредственное пользованіе богатствами почвы вокругъ факторій еще незначительно: нѣсколько аллей изъ пальмовыхъ деревьевъ, нѣсколько украшающихъ мѣстность растений — вотъ пока все, что, съ точки зрѣнія культуры, дало присоединеніе Камеруна къ Германской имперіи. Впрочемъ, въ Гамбургѣ образовалось общество для разведенія плантацій, при чемъ сдѣланный имъ выборъ мѣстности для нихъ, естественно, упалъ на южный склонъ «Горы боговъ». Впрочемъ, хотя бы даже климатъ расчищаемой подъ культуру мѣстности оказался не слишкомъ неблагоприятнымъ для европейцевъ, все-таки они могутъ поселиться въ краѣ лишь въ весьма незначительномъ числѣ, такъ какъ трудъ, который потребуется для плантацій, несомнѣнно, приметъ форму воздѣлыванія почвы руками плохо оплачиваемыхъ негровъ, а организація собственности выразится въ созданіи большихъ помѣстій. Такимъ образомъ, собственно колонизація окажется невозможною.

Въ лиманѣ Ріо дель-Рей, составляющемъ границу Камерунской территоріи, европейцы не имѣютъ факторій; впрочемъ, назывными земли въ этой части берега дотога нездоровы,

вѣя, что тамъ не основалось даже ни одного поселенія негритянскаго; самыя близкія къ морю хижины находятся на разстояніи 50 километровъ. На западномъ же берегу собственно Камерунской возвышенности, первымъ поселеніемъ является деревня Бибунди, населенная рыбаками, отваживающимися пускаться на узкихъ лодочкахъ въ открытое море даже на разстояніи десяти километровъ отъ берега. Эта деревня Бибунди служитъ портомъ для большаго поселенія Бомана, расположеннаго на пятнадцать километровъ дальше внутри страны. Германскіе негочанты предполагаютъ устроить въ этомъ пунктѣ складъ тѣхъ товаровъ, которые идутъ съ верховьевъ р. Оіоно (Кроссъ) и которые доставляются нынѣ въ англійскія факторіи Стараго Калабара.

Главная станція Камеруна, Викторія, основана въ 1858 году миссіонерами-баптистами, удаленными съ острова Фернандо-По тогдашнимъ его губернаторомъ; при этомъ, отошедшая подъ станцію территорія, вмѣстѣ съ соседними островами, была приобретена отъ туземцевъ всего лишь за нѣсколько боченковъ солонины и сухарей. Викторія находится въ одной изъ самыхъ красивыхъ мѣстностей въ свѣтѣ, у покрытой лѣсомъ подошвы «Горы боговъ» и на берегу залива, устьянаго островами: такъ, на западѣ и на югѣ, передъ взорами наблюдателя развертываются зеленѣющія крутизны берега, а на юго-западѣ, два красивыхъ островка: Амбасскій (Ambozes и Amboise) и Мандолэ — выделяются своею темною зеленью на туманномъ фонѣ острова Фернандо-По, съ его конусомъ, окруженнымъ облаками. Какъ морская станція, Викторія представляетъ нѣкоторыя удобства: сбѣгающая съ горъ вода чиста и изобильна, а суда, средняго водоизмѣщенія, безъ труда становятся на якорь въ рейдѣ, къ сѣверу отъ острововъ; кромѣ того, глубокая бухта, именуемая «Map-of-War», что значитъ «военное судно», глубоко вдается внутрь той части берега, который причисляется къ Викторіи, и эту, созданную природою, гавань было бы легко соединить съ городомъ посредствомъ короткой дороги или даже канала, прорытаго въ илистой почвѣ. Въ настоящее время въ Викторіи проживаютъ лишь ба-куири, выселившіеся изъ Бойонго, Мануви и другихъ горныхъ деревень, да нѣсколько бѣглецовъ, которымъ грозитъ мщеніе или преслѣдованіе какого-нибудь фетишера; но, несомнѣнно, городъ этотъ современемъ получитъ важное значеніе, какъ портъ западной гористой области и какъ центръ плантацій деревьевъ шоколаднаго и кофейнаго; предлагали перевести сюда столицу всей территоріи. Политическая перемѣна повлекла за собою перемѣну и въ религіи жителей, населяющихъ страну; именно, миссіонеры-баптисты, проживавшіе въ Викторіи, были принуж-

¹⁾ „*Afrique explorée et civilisée*“, июль 1886.

дены продать какъ свое заведеніе, такъ и патронать надъ сосѣдними землями, а на ихъ мѣсто германское правительство привлекло миссіонеровъ изъ Базеля, которымъ поручено обучать туземцевъ нѣмецкому языку и приучать ихъ къ повиновенію новымъ владѣльцамъ края.

Къ востоку отъ лѣсистаго мыса, которымъ оканчивается весь вулканическій массивъ Камерунскихъ горъ, находится другой портъ: гавань Бимбія, отчасти защищенная отъ морскаго волненія островомъ Николь (Nichols); но входъ въ нее извилистъ и труденъ, а во время дождливаго сезона волны яростно разбиваются на баръ. Три деревни, образующія почти непрерывный рядъ домовъ и извѣстныя подъ собирательнымъ именемъ Бимби, опоясываютъ бухту, но проживающіе въ нихъ рыбаки настолько безразличны, что не отваживаются пускаться въ открытое море; ловятъ же они рыбу, устанавливая свои тростниковыя снасти по дну. Бимбія является естественнымъ портомъ для наиболѣе населенныхъ бакурийскихъ селеній: Сопы, Лиссока, Буасса, Буэа или Беа, расположенныхъ приблизительно на высотѣ тысячи метровъ, посреди лѣсовъ и пастбищъ, надъ которыми господствуетъ съ запада, въ видѣ высокаго вала, одно изъ нагроможденій скалъ на горѣ Монго-ма-Тоба. Буэа—подобно всѣмъ другимъ деревнямъ, или *нбука*, горцевъ—состоитъ изъ уединенныхъ хижинъ, разбѣянныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой по небольшимъ долинамъ. Жители, самые сильные и отважные между бакурийцами, — смѣлые охотники, проводящіе цѣлыя недѣли въ горахъ; они любятъ купаться въ холодной водѣ потоковъ и, подобно швейцарскимъ горцамъ, часто предаются состязаніямъ въ силѣ и ловкости. Ихъ коровы пасутся стадами на сосѣднихъ лугахъ и своею силой и красотой масти напоминаютъ швейцарскій скотъ.

Въ бассейнѣ Мунго, входной портъ и главный рынокъ, неподалеку отъ большаго мѣстечка Мбинга, сообщается съ Бимбіею глубокимъ каналомъ-протокомъ, представляющимъ при своемъ устьѣ превосходные рейды для судовъ. Выше по рѣкѣ находится городъ Бакунду-ба-Намбелэ: онъ лежитъ, какъ это видно изъ его названія, въ землѣ племени бакунду и представляетъ тамъ единственный городъ, въ которомъ проживали бѣлые люди, именно американскіе миссіонеры; хорошо проторенная дорога соединяетъ его съ его пристанью на р. Мунго, которая протекаетъ въ нѣсколькихъ километрахъ къ востоку. Другой городъ отчасти того же имени, Бакунду-ба-Мусака, группирующій свои домики къ западу отъ озера Rickards'a, Баламби-ма-Мбу, вблизи западнаго берега озера Мбу; Мококуэ, Кумба или Бафонъ, Кименди—слѣдующіе одинъ за другимъ сѣвернѣе, на дорогѣ къ горамъ Ба-

Фарами,—пока еще были только мимоходомъ посѣщены европейскими путешественниками, нѣтъ не менѣе, и они входятъ въ кругъ притяженія торговли Камеруна. Кумба—большой рынокъ рабовъ и пальмоваго масла; по Шварцу, въ немъ около четырехъ тысячъ жителей. Городъ этотъ содержится въ образцовой чистотѣ; каждый день отрядъ рабочихъ чиститъ улицы и вырываетъ сорныя травы.

Города съ именемъ Камерунъ собственно не существуютъ, но это собирательное наименованіе даютъ дюжины деревень, расположенныхъ вдоль высокой глинистой террасы, на восточномъ берегу лимана, и имѣющихъ вмѣстѣ до двѣнадцати тысячъ жителей: это—«города» королей племенъ бель, акуа, дидо. Досюда поднимаются суда средняго водоизмѣщенія; суда же, глубоко сидящія въ водѣ, останавливаются при входѣ на рейдъ. Нѣсколько понтоновъ стоятъ на якорѣ передъ факториями; но большая часть торговцевъ пребываетъ на сушѣ, въ хорошо вентилируемыхъ домахъ новѣйшей конструкціи. Кроме того, въ Камерунѣ есть нѣсколько зданій, соответствующихъ его рангу столицы: таковы, между прочимъ, таможня и тюрьма. Дворецъ губернатора стоитъ на вершинѣ отлогой террасы, на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась негритинская деревня, разрушенная въ 1885 г. бомбами германской флотиліи. Высота эта, обвѣваемая вѣтромъ съ моря,—самая здоровая мѣстность въ Камерунѣ; но санаторія, въ которой обыкновенно проживаютъ высшіе чиновники, находится на оконечности мыса Суеллаба, на плоскомъ песчаномъ берегу, на который съ открытаго моря вкатываются волны; въ сосѣднемъ лѣсу, превращенномъ въ паркъ, змѣйками извиваются аллеи. Поселокъ, въ которомъ устроены купальни, названъ нѣмцами странно звучащимъ въ Африкѣ именемъ: Kaiser Wilhelm's Bad. Внѣшняя торговля Камеруна въ 1896 г., по цѣнности оборотовъ: привозъ—5.377.943, вывозъ—4.323.656 германск. марокъ. Главные предметы вывоза (въ тысячахъ марокъ): пальмовые орѣхи—1.282, каучукъ—1.074, пальмовое масло—988, слоновая кость—562, какао—159.

Между многочисленными деревнями, разбѣянными на берегахъ верхней Вури, Або и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Камерунскую бухту, нѣтъ ни одной, носящей имя Біафры, показанное на большей части новѣйшихъ картъ, даже тѣхъ, которыя были составлены португальцами, и присвоенное, кроме того, половинѣ Гвинейскаго залива, заключающейся между вулканическими островами отъ Аннобона до Фернандо-По. Слѣдовательно, это имя, относящееся къ какому-то воображаемому королевству или главному городу, не имѣетъ болѣе причины бытія и должно быть вычерк-

нута изъ географическаго словаря. По мнѣнію португальскихъ авторовъ, это слово объяснено своимъ происхожденіемъ просто недосмотру переписчика. Именно, первымъ мореплавателямъ была извѣстна гора Мафра (Ma-fra mons), расположенная на сѣверо-востокѣ залива и, съ ихъ словъ, это названіе и было нанесено на одну изъ Страсбургскихъ картъ, изданную въ 1513 году; впоследствии же это наименованіе превратилось въ Біафра, Біафаръ и Біафара ¹⁾. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на первыхъ картахъ положеніе горы Мафра или Біафра вполне соответствуетъ положенію горъ Ва-Фарами, и потому, возможно, что смѣшеніе этихъ наименованій другъ съ другомъ произошло не случайно.

По берегу, простирающемуся къ югу отъ Камерунскаго лимана, слѣдуютъ одна за другой многочисленныя факторіи, вокругъ которыхъ группируются также и деревни негровъ. Три такихъ факторій находятся на косѣ, которая загибается спереди устья рѣки Моанія; называются же эти факторіи конторами «Малыхъ» или Сѣверныхъ Ба-танговъ. Далѣе отъ берега, возвышеніе, лежитъ большое селеніе Джаваджа; на рѣкѣ оно расположено какъ разъ въ томъ мѣстѣ, до котораго достигаетъ верхняя граница прилива; служить это селеніе центромъ мѣстной торговли и является пунктомъ соприсношенія болѣе цивилизованныхъ ба-танговъ низовья рѣки съ жителями внутренней страны, извѣстными подъ именемъ ба-коко; оба эти народа проживаютъ другъ съ другомъ въ мирѣ и уже сливаются въ одну расу. Отличаются отъ ба-танговъ ба-коки первобытностью своего оружія и украшеніями: мужчины носятъ небольшіе браслеты изъ слоновой кости; кромѣ того, они завиваютъ свои бороды по-ассирійски, въ косы, расположенныя вертикально и, для приданія себѣ болѣе важности, въ свои волосы вплетаютъ также и волосы животныхъ; усы же совсѣмъ выщипываютъ; у женщинъ къ ушамъ подвѣшиваются толстые деревянные кружки, а южнѣе женщины изъ племени ба-ноко прокалываютъ себѣ также носовой хрящъ и пропускаютъ черезъ него косточку изъ скелета животныхъ ²⁾. Подъ общимъ именемъ «большихъ» ба-танга обозначаютъ два племени: ба-пуко, живущее къ сѣверу отъ Слоновой горы, въ прибрежномъ округѣ, называемомъ Плантаціей, и ба-ноко, живущее у подошвы этой горы, въ мѣстности, называемой Криби, и еще южнѣе, вплоть до устья Ріо-дель-Кампо. Эти малочисленныя племена часто воюютъ другъ съ другомъ; но войны эти—не что иное какъ кровавая месть, которая и прекращается, какъ только съ обѣихъ сторонъ окажется одинако-

вое число убитыхъ; недавно одна изъ такихъ войнъ между ба-пуко и ба-ноко, продолжавшаяся четыре года, окончилась, благодаря вмѣшательству европейскихъ купцовъ, принесеніемъ въ жертву одного изъ мужчинъ того племени, которому довелось отрѣзать болѣе головъ; по достиженіи же такого уравниенія долей обѣихъ сторонъ, устроенъ былъ роскошный примирительный пиръ. Изъ всѣхъ африканскихъ народовъ, большіе ба-танга наименѣе интересуются религіею; у нихъ нѣтъ ни фетишизма, ни фетишей, и вся ихъ религія сводится къ неопредѣленному чествованію предковъ и страху предъ мертвецами. Въ противоположность нигерскимъ племенамъ и банту, у ба-танга дѣтей не обрѣзываютъ ³⁾. Хотя матери очень привязаны къ своимъ младенцамъ, однако, имъ удается сохранить жизнь не болѣе пятой части своихъ дѣтей: такъ велика смертность въ младенческомъ возрастѣ ²⁾.

Ба-коко, также какъ сѣверные и южные ба-танга, суть самые искусные на всемъ материкѣ Африки строители лодокъ. Они спускаютъ на Моанію большія, вмѣщающія по пятнадцать гребцовъ, военныя суда, съ которыми не можетъ состязаться въ скорости ни одно европейское гребное судно. На тѣхъ же берегахъ, гдѣ проживаютъ южные или большіе ба-танга, этихъ лодокъ уже не видно, и скользятъ лишь утлые, поразительно легкіе, челночки, сравниваемые Целлеромъ съ рыбкою-конькомъ (hipposampus). Это нѣчто въ видѣ выдолбленныхъ поплавковъ, длиною въ два метра, шириною въ 30 сантиметровъ, глубиною въ 15 сантиметровъ и вѣсомъ отъ 4 до 8 килограммовъ; садятся въ нихъ какъ-бы верхомъ, высовывая за борты направо и налево ноги, которыми или весломъ и гребутъ; а такъ какъ каждый пѣнистый гребень волны до половины заливаеъ челнокъ, то одною рукою пловецъ все время отливаетъ изъ него черпакомъ воду. Когда же плавающіе на такихъ причудливыхъ судахъ взбираются на бортъ настоящаго корабля, то свои челночки они берутъ подмышку, при чемъ, можетъ-быть, ими сохраняется эта старая привычка просто съ той цѣлью, чтобы похвастаться своею ловкостью. Любо смотрѣть, какъ эти утлые челны скользятъ по гребнямъ волнъ, едва погружаясь въ воду, вздымаясь съ каждымъ ударомъ весла и, легкіе какъ на-сѣкомыя, разсѣкая тѣ грозныя прибой волнъ на барахъ, къ которымъ гребцы европейскихъ лодокъ подходить не безъ волненія. Пускаются далеко въ открытое море ба-танга, однако, не любятъ, опасаясь, впрочемъ, не волнъ, а акулъ ³⁾.

¹⁾ Hugo Zöller, *ynom. cox.*

²⁾ Beyrich, *„Petermann's Mittheilungen“*, 1885.

³⁾ Hutchinson, *„Ten Years Wanderings among the Ethiopians“*;—Wilson;—Zöller.

¹⁾ *„Atlas de Santarem“*;—Carlos de Mallo, *рукописныя замѣтки*.

²⁾ Wilson, *„Western Africa“*.

Факторіи южныхъ ба-танга сохранили, въ Германской Гвинее, наиболѣе важное значеніе по торговлѣ слоновой костью. Туземцы, приносящіе изъ лѣсовъ Внутренней Африки эти клыки, принадлежатъ къ «народу кустовъ», ибеа или ма-беа, и говорятъ на языкѣ, отличномъ отъ языка болѣе развитыхъ жителей поморья, хотя, вѣроятно, языкъ этотъ также принадлежитъ къ семейству языковъ банту. Эти ибеа, также какъ фаны или пагуины, слѣдующіе за ними, постоянно подвигаются впередъ въ направленіи съ востока на западъ; подобно дуалла и багуири, они пришли съ востока, тѣсня предъ собою приморскія племена. Нынѣ ибеи достигли берега моря уже въ

двухъ мѣстахъ, къ сѣверу и югу отъ рѣки Лоба, гдѣ они образуютъ помѣси съ племенами, поселившимися тамъ раньше. Надо пройти чрезъ ихъ землю, чтобы, по ту сторону прибрежныхъ плоскогорій и предполагаемаго горнаго кряжа, Сьерра Геррейра, проникнуть въ тѣ внутреннія области, которыя простираются до верховьевъ У-Банги и Хари, и гдѣ находится «Озеро» или Либа, часто упоминаемое туземцами. Дѣйствительно ли это обширная водная площадь или большая рѣка, быть-можетъ, самая У-Банги—пока не извѣстно. Вообще, изъ всѣхъ неизвѣданныхъ странъ Африки, эта область всего лучше хранить свои тайны.

Глава III

Габонія.

Испанскія, французскія и португальскія владѣнія.

До недавняго времени наибольшая часть африканскаго поморья, простирающагося приблизительно на пространствѣ 1.500 километровъ, между устьями Рио-дель Кампо и Конго или Запую, была оставлена ея туземнымъ чернокожимъ обитателямъ, и европейскія государства ограничивались занятіемъ только нѣсколькихъ пунктовъ на берегу, какъ-то: Кориско, Либревилля, Кабинды. Но теперь нѣтъ ни одного пустыннаго пляжа, ни одной рощицы корнепусковъ (*rizophorae*), на которые не заявлялось бы притязаніе какъ на нераздѣльную часть чьего-либо политическаго владѣнія, и даже въ глубинѣ еще неизслѣдованныхъ или по крайней мѣрѣ мало извѣстныхъ странъ уже проведены воображаемыя границы этимъ владѣніямъ европейскихъ державъ. Если бы первенство открытія страны составляло единственное основаніе для права обладанія ею, то нельзя было бы оспаривать притязаній португальцевъ, ибо уже съ 1470 года лузитанскіе мореходы, слѣдя берегомъ Африки, переплывали экваторъ, а многіе изъ мысовъ и бухтъ африканскаго поморья еще и по-нынѣ носятъ или настоящія, или исковерканныя португальскія наименованія. Такъ, надалѣе выдвинутый мысъ этого поморья, мысъ Лопецъ, напоминаетъ имя корчмаго Лопе Гонзальвеса, а нѣсколько южнѣ этого

песчаного выступа, названъ по имени португальскаго же мореплавателя, Фернанда Ваца, и одинъ изъ лимановъ. Извѣстно, что во многихъ мѣстахъ поморья португальцы пребывали въ теченіе долгаго времени; такъ, напр., на находящемся посреди Габонскаго лимана островѣ Коникэ найдены остатки ихъ зданій и попорченныя пушки. Однако, со времени открытія этихъ береговъ, европейцы, въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій, занимались тамъ только одною торговлею рабами; при этомъ, неготорговцы старались всачески вести втихомолку свои прибыльные операціи, и чѣмъ болѣе процвѣтала ихъ гнусная торговля, тѣмъ менѣе слышалось объ ихъ факторіяхъ.

Дѣло изслѣдованія габонской области началось, собственно говоря, лишь съ половины XIX столѣтія, послѣ приобрѣтенія Франціею полосы земли на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, какъ продовольственнаго пункта для экипажей крейсеровъ. Первый постъ былъ основанъ въ 1842 году, и вскорѣ послѣ того моряки эскадры изучили весь лиманъ; затѣмъ посылались развѣдочныя экспедиціи вверхъ по двумъ рѣкамъ, впадающимъ въ заливъ, Кома и Рамбоа, а дю-Шалью совершилъ нѣсколько охотничьихъ экскурсій внутри материка и своими рассказами о гориллѣ, страшномъ «лѣсномъ человѣкѣ», привлекъ всеобщее вниманіе къ этимъ странамъ. Послѣ того бассейнъ большой рѣки Огоуэ (Огова) открылся передъ изслѣдователями, и Braouezec, Servat, Griffon du Bellay, Aymès, de Compiègne и Marche под-

нимались вверх по рѣкѣ и ея притокамъ и описали рѣчную долину, съ ея жителями и продуктами. Англичанъ Walker принялъ участие въ этихъ открытіяхъ, равно какъ и австриецъ Ленцъ, начавшій изслѣдованіемъ Огоуэ свои большія путешествія для перехода черезъ весь континентъ Африки, столь прославившія его имя. Съ 1875 года начались слѣдующія одна за другою экспедиціи, руководимыя Браццой и направленныя къ изслѣдованію страны въ географическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Благодаря его усиліямъ, а также и усиліямъ многочисленныхъ его соотрудниковъ: Ballay, Jaques de Brazza, Guiral, de Chavannes, Ponel, Fournieu, Cordier, Dollis, Mizon, Rouvier и другихъ, почти вся треугольная область, ограниченная съ востока и съ юга—Конго, а съ сѣвера—Габонскимъ лиманомъ и экваторомъ, уже извѣстна въ главныхъ чертахъ, а астрономическое опредѣленіе многочисленныхъ пунктовъ сдѣлало возможнымъ также начертаніе и подробныхъ картъ. Съ своей стороны, испанскіе путешественники: Iradier, Montes-de-Osa и Ossorio, въ разныхъ направленіяхъ изслѣдовали также всю ту часть области, которая, къ сѣверу отъ Габона, простирается до Рио-дель-Кампо; при этомъ, внутрь страны они углублялись километровъ на двѣсти. Такимъ образомъ, остается лишь посѣтить нѣкоторыя части сѣверо-восточной области, орошаемой притоками Конго, и тогда весь этотъ край—въ силу дипломатическихъ договоровъ, отошедшій, въ тропическомъ поясѣ африканскаго материка, къ тому или другому изъ европейскихъ государствъ—окажется предварительно уже изслѣдованнымъ.

Такъ какъ путешествія съ цѣлью изслѣдованія часто сопровождались покупками у туземныхъ начальниковъ земель, то непосредственное завладѣніе начиналось на части территорій, гдѣ находились эти купленные земли. Въ настоящее время наибольшая часть края принадлежитъ Франціи, которая владѣетъ областями, находящимися въ предѣлахъ бассейновъ Габона, Огоуэ, Куилу и притоковъ Конго до У-Банги. Испаніи, кромѣ острова Кориско и двухъ островковъ Флорей, принадлежитъ на материкѣ лишь небольшая полоса: на долю же Португаліи приходится мѣстность, ограниченная на сѣверѣ рѣкою Массабі, а на востокѣ и югѣ тѣми геометрическими линиями, которыя отдѣляютъ ее отъ новаго Конгскаго государства. Поверхность португальскихъ владѣній можетъ быть исчислена приблизительно въ 2.400 кв. километровъ, а число жителей, принимая во вниманіе относительно густую населенность территорій, по крайней мѣрѣ въ 30 тысячъ. Что же касается французскихъ и испанскихъ владѣній, то для исчисления ихъ пространствъ остается воспользоваться пока

только сѣтью градусовъ. Въ этомъ отношеніи, объ «экваторіальной Франціи» можно лишь сказать, что она имѣетъ свыше шести сотъ тысячъ квадратныхъ километровъ и пространствомъ превосходитъ европейскую Францію. Относительно границъ политической области Испаніи слѣдуетъ замѣтить, что на сѣверѣ Габона они не опредѣлены; пространство же области, по показаніямъ испанскихъ картографовъ, исчисляется слишкомъ въ двадцать пять тысячъ квадр. километровъ, между тѣмъ какъ по другимъ документамъ оно едва-ли составитъ и два десятка кв. километровъ. Что касается населенія Габоніи вообще, то путешественники, пересѣкавшіе страну въ различныхъ направленіяхъ, сильно противорѣчатъ другъ другу: по берегамъ многихъ рѣкъ деревни слѣдуютъ другъ за другомъ такъ тѣсно, что составляютъ какъ-бы одинъ непрерывный городъ; но зато, въ обширныхъ лѣсахъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, охотничьи семейства разселены далеко одно отъ другаго. Приблизительно, все населеніе края, включая также и склонъ къ Конго, нужно считать не менѣе двухъ милліоновъ; а если принять предлагаемую Бэмомъ и Вагнеромъ цифру для средней плотности населенія въ экваторіальныхъ областяхъ, т. е. 12 человекъ на одинъ квадратный километръ, то получится около семи милліоновъ ¹⁾. По мнѣнію Браццы, наиболѣе вѣроятная цифра—пять милліоновъ ²⁾.

Всю совокупность французскихъ владѣній въ этой части континента называли «Африканскимъ Западомъ». Однако, было бы весьма желательно, чтобы это наименованіе, гораздо болѣе пригодное для Сенегамбіи, было оставлено раньше, чѣмъ оно войдетъ во всеобщее употребленіе. На весь этотъ край гораздо лучше распространить названіе «Габонія», имѣя въ виду, что въ данномъ португальскими мореплавателями наименованіи «Gabão или Gabon» подразумѣвался не только тотъ лиманъ, надъ которымъ нынѣ господствуетъ Либревиль, но что оно также распространялось и на весь берегъ, простирающійся отъ мыса Сентъ-Жанъ, иногда даже отъ самаго Камерунскаго лимана до Лоанго ³⁾. Этотъ же терминъ «Габонъ» встрѣчается, между прочимъ, также на картѣ Жуана-де-ла-Коза, относящейся къ концу 15-го столѣтія ⁴⁾.

Габонійская область, въ предѣлахъ между моремъ и р. Конго, высокихъ горъ не имѣетъ. Наиболѣе возвышающіяся вершины не превосходятъ полутора тысячъ метровъ, да немного

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, Ergänzungshefte, № 62 и 69.

²⁾ „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, assemblée du 21 janvier 1889.

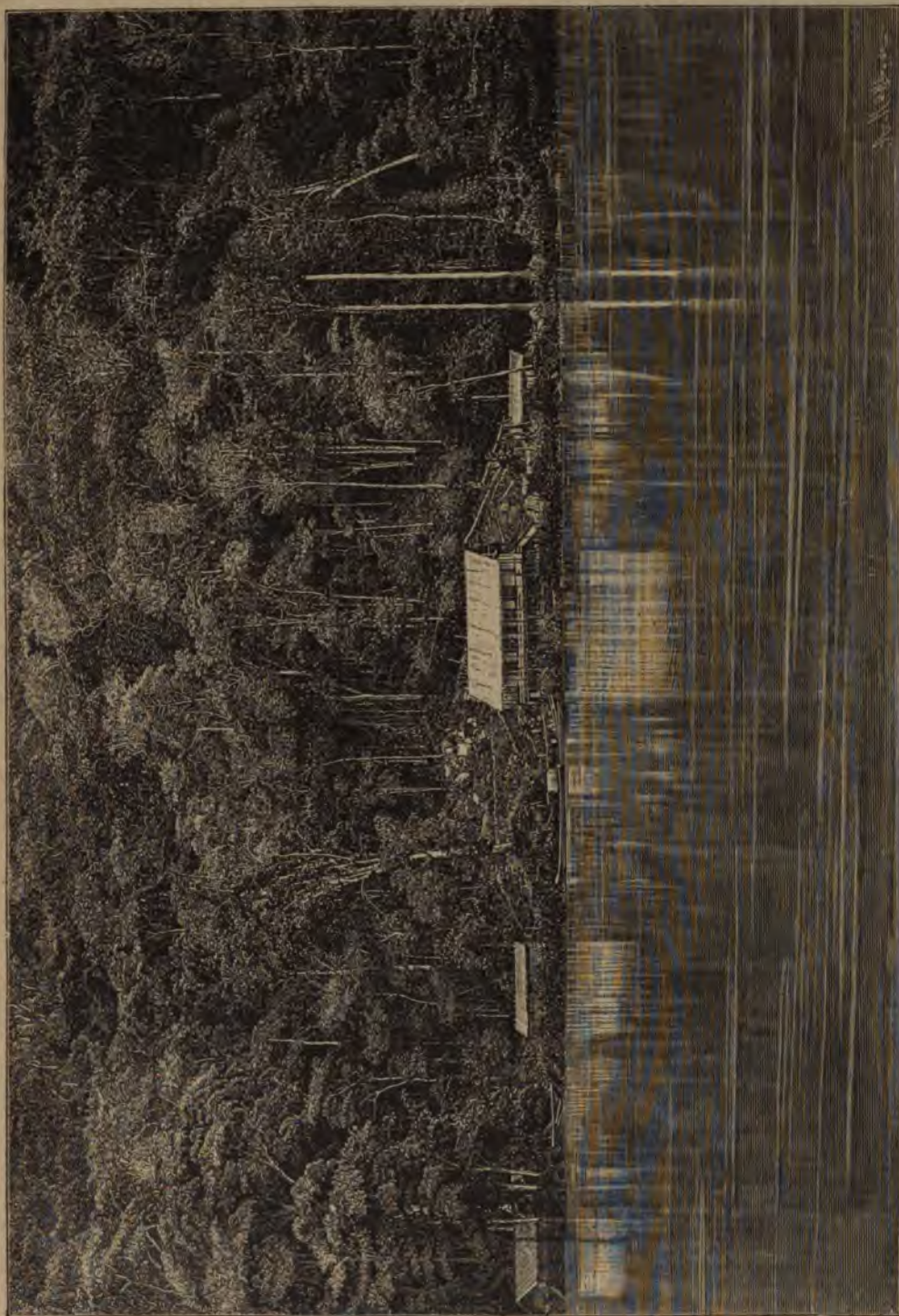
³⁾ Richard Burton, *ynom. соч.*;—Wilson, „Western Africa“.

⁴⁾ Atlas de Santarem;—„Carlos de Mello, рукописныя замѣтки.“

и такихъ, которыя были бы выше тысячи метровъ. На сѣверъ больше всего бросается въ глаза морякамъ гора Батта, представляющая башню, возвышающуюся надъ близкими другъ

листаго и лѣсистаго мыса Сенъ-Жанъ, и на хребтѣ которой находятся остатки укрѣпленій, возведенныхъ, вѣроятно, португальцами ¹⁾. — соединяется, при посредствѣ Сьерры Палювиоль

Американская миссія на берегу Огуа.

къ другу холмами. По ту сторону ея, къ востоку, протягиваются параллельныя горы, называемыя по-испански *Siete sierras*, т. е. «Семь Кряжей». Гора Митры (1.201 метръ), — раздвоенная вершина которой видѣется со ска-

съ наиболѣе возвышенными кряжами области, въ былыя времена называвшимися *Serra-do*

¹⁾ Hugo Zöller, „Mittheilungen der Afrikanischen gesellschaft in Deutschland“. T. IV. 1883—1885.

Crystal: тамъ именно и высятся вершины, превосходящія 1.400 метровъ. Къ югу отъ Огоуэ, самый высокій—господствующій надъ приморскимъ склономъ Сетте-Кама—пунктъ, называемый Игумби-Идела, достигаетъ лишь 1.097 метровъ надъ морскимъ уровнемъ, а горы, господствующія надъ верховьями Киулу, не поднимаются и на тысячу метровъ. Въ общемъ, рельефъ габонійскаго края представляетъ большую правильность: онъ состоитъ изъ параллельныхъ берегу возвышенностей, въ формѣ окаймленныхъ гористыми гребнями террасъ, слѣдующихъ отъ запада къ востоку, и составляетъ продолженіе орографической системы восточной части Камерунской территоріи. При этомъ, центральная терраса—на которой видныя самыя живописныя скалы, въ формѣ башенъ,—состоитъ изъ гнейса, къ массамъ котораго на востокѣ примыкаютъ кварцы, слои слюды и талька, и, наконецъ возвышенныя песчанныя равнины, съ гладкой, точно озеро, поверхностью ¹⁾; къ западу простираются пласты мѣла и юрскія образования ²⁾, профили которыхъ, съ нѣкоторыми перерывами, видны на незначительномъ разстояніи отъ поморья; во многихъ мѣстахъ они прикрыты тѣми латеритами, или распавшимися на глинистые слои скалами, которые покрываютъ столь большую часть Африки, въ видѣ сѣрыхъ, желтыхъ, синеватыхъ, чаще всего темно-красныхъ утесовъ, кряжей и остроконечныхъ вершинъ. Наконецъ, тамъ и сямъ на террасы вылились также и лавы ³⁾, а первые путешественники рассказывали даже объ «огнедышащихъ» горахъ, Оніко и Отомби, которыя, будто-бы, находятся въ сѣверной части бассейна Огоуэ, приблизительно—съ высоты птичьяго полета—въ 200 километрахъ отъ моря. Новѣйшія изслѣдованія показали, что эти «горы-фетиши» не вулканы, и что окутывающіе ихъ вершины пары суть облака, приносимыя муссонами. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и въ этой части Африки совершились великіе геологическіе перевороты: о значительномъ видоизмѣненіи въ относительномъ рельефѣ моря и суши свидѣлствуетъ и самая форма поморья. Разрывы берега, видимые между мысами Сенъ-Жанъ и Лопецъ, напоминаютъ вторженія морскихъ водъ, имѣвшія мѣсто къ югу отъ мыса Благо, въ Сахарѣ, и къ югу отъ р. Казаманки, въ Сенегамбій. Кривая берега, довольно правильная къ сѣверу отъ мыса Сенъ-Жанъ и имѣющая почти геометрическій профиль къ югу отъ мыса Лопецъ, прерывается между этими двумя пунктами глубокой вырѣзкой, и берегъ образуетъ

три залива: бухту Кориско, Габонъ и бухту Назаретъ. Самый островъ Кориско есть лишь отломокъ отъ прежняго берега. Къ югу отъ мыса Лопецъ многочисленныя мертвыя, т. е. несообщающіяся съ моремъ, лагуны суть остатки отъ прежнихъ рѣчныхъ потоковъ, перемѣстившихъ свои ложа; быть-можетъ, даже слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Пешуэль-Леше, видѣть въ большой приморской лагунѣ Банія остатки устья р. Конго.

Область, заключающаяся между Камеруномъ и Конго, будучи орошаема изобильными дождями, прорѣзывается также и большимъ числомъ рѣкъ, имѣющихъ многочисленныя вѣтвистыя притоки. Изъ нихъ Рио-дель-Каμπο или Этамбуа, служащая южною границею для германскихъ владѣній,—одна изъ наименѣ значительныхъ. Это туземцевъ, São-Bento (Санъ-Бенито) португальцевъ, изливающаяся въ море приблизительно въ 60 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ мыса Сенъ-Жанъ, представляетъ уже рѣку болѣе величественную; она судоходна на пространствѣ 35 километровъ, вплоть до своего перваго водопада, называемаго Йоба, т. е. «могучія воды» ⁴⁾; выше слѣдуетъ рядъ другихъ водопадовъ: всѣ потоки, спускающіеся съ краеваго кряжа континента, до своего вступленія на наносныя равнины приморскаго берега, запружены такимъ образомъ скалами и камнями. Такъ, и Рио-Муони—Anga на португальскихъ картахъ, и Danger англійскихъ моряковъ—изливающаяся въ бухту Кориско, насупротивъ двухъ островковъ Элобей, тоже прерывается мощными каскадами при своемъ проходѣ чрезъ горные валы изъ красноватаго песчаника. Данное ей туземцами названіе «Муни», что значитъ «берегись!», объясняется страхомъ, который имъ внушала эта рѣка.

Къ югу отъ Муни, узкій и усѣянный островами заливъ, ограничиваемый съ запада полуостровомъ мыса Эстейрасъ, получилъ названіе Рио-Мунда, какъ будто здѣсь и въ самомъ дѣлѣ протекаетъ рѣка; въ дѣйствительности же это не что иное какъ лиманъ, въ который изливаются простые ручьи. То же самое слѣдуетъ сказать и о другой, слѣдующей за нимъ, вѣеткѣ въ морскомъ берегу, о Габонѣ, которому дали названіе «rio» не только первые посѣтители гвинейскихъ морей, но который даже и во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка рассматривали какъ одну изъ пяти великихъ рѣкъ Африки, приравнивая его къ Нилу, Нигеру, Конго и Замбезе, при чемъ истокъ его искали даже въ великихъ восточныхъ озерахъ ⁵⁾. Въ дѣйствительности же Габонъ есть собственно лиманъ, лишь углубляющійся на 70 километровъ внутрь суши. Нѣкогда весьма посѣщаемый negro-торговцами, этотъ заливъ—на берегу котораго ны-

¹⁾ Giacomo de Brazza, „Bolletino dello societa italiana“, 1887.

²⁾ Ossorio, „Rivista de Geographia comercial“, julio-setiembre 1884.

³⁾ Oscar Lenz, „Geologisches von Africa“;—„Petermann's Mittheilungen“, 1882. Terp. I.

⁴⁾ Guiral, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, Seance du 8 mai 1883.

⁵⁾ Heimbürger, „Petermann's Mittheilungen“, 1858.

нѣ находится главный городъ французскихъ владѣній, лежащихъ между моремъ и Конго—собщилъ свое имя также и сосѣднему берегу. Что же касается происхожденія этого названія, то слѣдуетъ замѣтить, что португальское слово *gabão*, однозначущее съ французскимъ *sabot*, т. е. матросская шинель для прикрытія отъ непогоды, было дано португальскими моряками заливу вслѣдствіе сходства его формы съ формою такой шинели, матросскаго зипуна. Заливъ Габонъ, по своимъ очертаніямъ и всему режиму, напоминаетъ лиманъ Жирондскій съ его «междуморьемъ» (*Entre-deux-Mers*), косою Амбезъ, отмелями, протоками и суженнымъ устьемъ; приблизительно онъ имѣетъ тѣ же размѣры, какъ и заливъ французскій; но, въ среднемъ, Габонъ нѣсколько шире и глубже, хотя, при промѣрѣ, въ его днѣ и не найдены впадины, схожія съ тѣми, которыми потокъ Жирондскихъ водъ выдолбилъ около мыса де-Гравъ. Габонъ, какъ и Жиронда, загражденъ при входѣ песчаными отмелями, требующими тщательной базизации, т. е. обставленія ихъ вѣхами, баканами и буями; но съ открытымъ моремъ онъ сообщается четырьмя проходами, имѣющими отъ 8 до 10 метровъ глубины при спавшей водѣ; приливъ, смотря по времени года, увеличиваетъ еще на одинъ или два метра эту толщину слоя воды. Въ верхней своей части лиманъ доступенъ только тѣмъ судамъ, которыя сидятъ въ водѣ не болѣе какъ на четыре метра. Равнымъ образомъ и сходныя по формѣ своихъ устьевъ съ Дордонью и Гаронною двѣ главныя втекающія въ заливъ рѣки: Комо и Рамбозъ, а также и многіе изъ ихъ притоковъ — тоже проходимы для судовъ съ неглубокою осадкою. Изъ двухъ сейчасъ названныхъ потоковъ болѣе значительна рѣка Комо, которая, подобно Муни, беретъ свое начало въ высокихъ долинахъ Кристальнаго кряжа (*Serra-do-Crystal*).

Въ сотнѣ километровъ къ юго-западу отъ Габонскаго лимана, изливается въ море самая мощная изъ двухъ рѣкъ между Нигеромъ и Конго — Огоуэ¹⁾. Первые изслѣдователи ея дельты полагали, что это одна изъ главныхъ рѣкъ Африки, и даже когда Ливингстонъ открылъ Луа-Лаба, въ которой онъ ошибочно признавалъ Верхній Нилъ, многіе географы полагали, что каналъ истеченія большихъ озеръ Казембѣ изгибается къ западу, для соединенія съ рѣкою Огоуэ; это-то предположеніе и было побудительною причиною путешествій, предпринятыхъ въ область этой рѣки Ленцомъ и другими изслѣдователями. Конечно, роль Огоуэ очень скромная въ сравненіи съ той, какую ему приписывали: онъ не собираетъ, какъ думали, болѣе половины водъ центральной Африки; тѣмъ не менѣе по его руслу пробѣгаетъ значительно

большая масса воды, чѣмъ по Рейну, Ронѣ или какой-либо другой рѣкѣ Западной Европы. Говорили даже, — вѣроятно, ошибочно, — что дебитъ Огоуэ въ половодье составляетъ отъ 45.000 до 50.000 кубич. метр. въ секунду¹⁾. Какъ бы то ни было, невозможно допустить, чтобы онъ катилъ, въ среднемъ, болѣе 10.000 куб. метровъ, предполагая даже, что четыре пятыхъ атмосферной воды, выпадающей въ его бассейнъ — обнимающій триста тысячъ квадратныхъ километровъ — достигаютъ, въ концѣ концовъ, моря. Развернутая длина его теченія приблизительно равняется 1.200 километровъ.

Первыя его воды вытекаютъ на поверхность земли менѣе, чѣмъ въ 200 километрахъ къ западу отъ Конго, въ странѣ племени ба-теке: небольшая лужа, посѣщенная Браццой въ 1882 году, есть начало главной рѣки бассейна. Огоуэ описываетъ большую дугу къ западу, и къ сѣверу, идя на соединеніе съ Пассою, послѣ чего образуетъ съ этимъ притокомъ уже настолько сильный потокъ, что, по крайней мѣрѣ во время дождей, онъ судоходенъ для пироги. Кверху отъ сліянія этихъ рѣкъ, обѣимъ имъ приходится пробѣгать чрезъ цѣлый рядъ уступовъ каскадами, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ отъ 12 до 15 метровъ высоты, вслѣдствіе чего торговыя тропы переходятъ Пассу по висячимъ мостамъ изъ сплетенныхъ лѣанъ. Книзу отъ соединенія, Огоуэ течетъ излучинами, сначала къ западу, затѣмъ къ сѣверу, при чемъ мѣстами рѣку прерываютъ наклонныя плоскости, а мѣстами даже настоящіе водопады, гдѣ пироги, влекомыя бичевою изъ лѣанъ, испытываютъ большой рискъ опрокинуться; да и вообще, на протяженіи всего своего средняго теченія, Огоуэ есть не что иное, какъ одинъ «длинный порогъ». Около каскада Думэ, рѣка круто поворачивается къ западу и, послѣ нѣсколькихъ новыхъ отклоненій вправо и влево, подходит къ экватору, параллельно которому и слѣдуетъ, направляясь на западъ, какъ-бы для впаденія въ Габонскій лиманъ. Кверху отъ водопада Боуэ, къ главной рѣкѣ присоединяется большой притокъ Ивиндо, истокъ котораго, какъ полагаютъ, находится по сосѣдству съ У-Банги. Воды въ рѣкѣ теперь уже весьма большая масса, но потокъ — прерываемый мѣстами скалистыми порогами, составляющими продолженіе поперечныхъ горныхъ кряжей — снова бѣжитъ неровнымъ ходомъ между утесами и «каменными фетишами», разбитъ о которые свой челнокъ страшится пловецъ и которые онъ, проплывая мимо, окропляетъ концомъ своего весла. Далѣе, отклоняясь отъ экватора, рѣка дѣлаетъ новую излучину къ юго-западу, и отсюда-то и начинается нижнее ея теченіе, уже доступное пароходамъ. Изъ нѣдръ клокочущихъ водъ

¹⁾ Ого-Увай, Ого-вай Оговай, Оговэ и Огуэ другихъ авторовъ. Также: Оканда — по Walker'y, Авонго — по Робертсону и т. д.

¹⁾ F. Czarny, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“. — J. Chavanne, „Africa's Strömen und Flüsse“.

высятся два утеса, и потокъ, въ тѣснинѣ канала, имѣющаго не болѣе ста метровъ въ ширину, несется между крутыми берегами со скоростью, при половодіи, въ десять слишкомъ километровъ въ часъ. Длина теченія отъ поста Нжолэ, находящагося книзу отъ послѣднихъ пороговъ, до бухты Назарета, равняется 350 километрамъ ¹⁾.

На этомъ нижнемъ теченіи ширина рѣки весьма значительна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она суживается до 500 метровъ, тогда какъ въ другихъ имѣетъ не менѣе трехъ километровъ въ ширину; во время же половодій, ея красноватая вода разливаются по состоящимъ изъ наносныхъ почвъ берегамъ вглубь лѣсовъ такъ далеко, что очертанія береговъ становятся уже неувидимы для глаза. Многочисленные острова усѣваютъ рѣку, при чемъ одни изъ нихъ скрѣплены корнями деревьевъ, а другіе — простыя песчанья отмели, на которыхъ задерживаются громадными пластами несомыя волны травы и сучья, исподволь превращающіяся въплѣдствіи въ перегной; во многихъ мѣстахъ образуются даже пловучіе острова изъ всякаго рода рѣчныхъ выкидокъ, зацѣпившихся за длинныя растенія, поднимающіяся со дна рѣки: лодки могутъ находить себѣ защиту, укрываясь за этими островами, но ногою ступить на нихъ было бы опасно. Рѣдко случается, чтобы плывущее вверхъ или внизъ по рѣкѣ судно не сѣло на мель; но подобныя приключенія обыкновенно влекутъ за собою только потерю времени, такъ какъ дно состоитъ изъ чистаго песка, который легко перемѣщается подъ опорнымъ якоремъ килемъ ²⁾; канонерка, сидящая въ водѣ на одинъ метръ, можетъ подняться, въ сезонъ мелководья, болѣе чѣмъ на 300 километровъ отъ устья. До недавняго времени бѣлые не могли переступить за «Мысъ-Фетишъ», находящійся при слияніи рѣки съ самымъ большимъ ея притокомъ, съ Нгунье, по которому гребныя суда могутъ подниматься на сотню километровъ къ югу, до водопадовъ Замба, гдѣ высота воды, даже въ половодье, едва достигаетъ одного метра.

Книзу отъ впаденія Нгунье, Огоуэ, на подобіе Сенегала, развѣтвляется на побочные потоки (мариго), получающіе излишекъ воды разлива, и даже соединяется съ обширными озероподобными и болотистыми резервуарами, усѣянными островами. Таково и то большое озеро — элива или либа — которое обычно называютъ Зоненге и которое прославилось между туземцами, какъ своимъ священнымъ островомъ, мѣстопробываніемъ могущественнаго фетишера, такъ и миражами, въ которыхъ отражающіеся, въ дождливое время года, ко-

рабли въ морѣ даютъ поводъ туземцамъ принимать ихъ за суда, плывущія на небо ³⁾. Цѣлый архипелагъ изъ нѣсколькихъ островковъ со скалистыми берегами усѣвается — по преимуществу южную часть этого озера — горами и группами зелени; въ самыхъ впадинахъ мѣстахъ дна ово достигаетъ глубины 13 метровъ. Вся же поверхность этой массы водъ — не менѣе пятисотъ квадратныхъ километровъ. Съ Огоуэ озеро сообщается тремя судоходными каналами, при чемъ при посредствѣ двухъ изъ нихъ шлетъ свои воды въ озеро рѣка, а третій вытекаетъ изъ озера въ рѣку. Западнѣе, и все на томъ же южномъ берегу, другая элива, Ананге ⁴⁾, тоже получаетъ излишекъ высокихъ водъ; наконецъ, къ сѣверу отъ Огоуэ, берега одного изъ его развѣтвленій окаймляются большими лужами, заслуживающими названія озеръ; при этомъ въ сухое время года, на обнажившемся днѣ одной изъ лужъ, именно Азинго, находятъ куски копаловой камеди, происходящія отъ прибрежныхъ деревьевъ ⁵⁾.

Собственно дельта начинается противъ озера Ананге, при чемъ два ея главныя развѣтвленія: нижній Огоуэ, или сѣверная рѣка, и Уанго, или южная рѣка, охватываютъ пространство приблизительно въ 4.800 квадратныхъ километровъ, считая въ этомъ числѣ и островъ съ мысомъ Лопеца, который далеко вдается въ море. Эта область во всѣхъ направленіяхъ прорѣзывается перемѣнчивыми побочными потоками и каналами, сѣтъ которыхъ еще не изслѣдована вполне; проникнуть же въ нее, во время половодій, можно по крайней мѣрѣ по тремъ устьямъ, именно: на сѣверѣ, — бухтой Назаретской, имѣющей глубину отъ 6 до 9 метровъ, или бухтой мыса Лопецъ, на югѣ — бухтой Фернандо Ваца. Кромѣ того, къ югу отъ пояса дельты находится большая лагуна Нкоми, берега которой, въ свою очередь, изрѣзаны тысячами бухточекъ и въ которую изливаются: съ сѣвера — Уанго, вытекающей изъ Огоуэ, а съ юга — самостоятельная рѣка, или *рембо*, Овенга, истоки которой находятся въ горахъ, возвышающихся къ югу отъ озера Зоненге. Въ этой еще неопредѣленной области между землею и моремъ перемѣниваются другъ съ другомъ рѣки, лагуны и морскія воды: иное устье рѣки одновременно является также и морскимъ проливомъ. Такъ, прибрежный морской потокъ, проникнувъ чрезъ проливъ Мекіасъ къ югу отъ острова Лопеца и прослѣдовавъ по цѣлой сѣти каналовъ-протоковъ, въ концѣ концовъ, черезъ бухту Лопеца снова вливается въ море, къ востоку отъ ея конечнаго мыса. Отъ такого изобилія материковыхъ

¹⁾ Trivier, «Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort», 1886, № 4.

²⁾ E. Duboc, «Bulletin de la Société de Géographie de Paris», 1884.

³⁾ Griffon de Bellay, «Revue Maritime et Coloniale», Septembre, 1863.

⁴⁾ То же имя, какъ и Зонанго. Пишутъ, кромѣ того, и такъ: Ионанга, Оланго, Джонанго и т. д.

⁵⁾ Trivier, упомянутъ, мемуаръ.

воду, на весьма большое разстояніе поверхность моря покрыта слоем прѣсной воды. Другія лагуны продолжают на юго-востокъ

горнаго кряжа, чтобы излиться въ море, оградивъ себя отъ морскаго потока посредствомъ длиннаго песчанаго пляжа; ни въ какомъ

Въ тростникахъ озера Вангуэло.

полу-затопленную прибрежную область, затѣмъ другая рѣка, Ніанга—истокъ которой недавно открыты путешественникомъ Мизономъ—вырывается изъ ущелій окаймляющаго область

другомъ мѣстѣ габонійскаго берега не бываетъ такъ сильна морская зыбь, или калема, причемъ часто бури совершенно измѣняютъ очертанія берега. Вообще всѣ рѣки этого края, за

исключеніемъ Луэмма, изгибають на-подобіе Нганга, свое устье къ сѣверо-востоку, параллельно какъ теченію въ морѣ, такъ и среднему направленію морской зыби: задерживаемая при своемъ изліяніи морскими волнами, онѣ разливаются кверху отъ бара, образуя лагуны. Что же касается Луэмма, то наблюдаемый въ ея устьѣ изгибъ къ югу объясняется присутствіемъ скалистыхъ отмелей, измѣняющихъ направленіе даже и самаго прибоа волнъ ¹⁾. Воздѣйствію на берегъ прибоа морскихъ волнъ, приносящихъ съ юга песокъ, должна быть приписана также и форма тѣхъ бухтъ, которыя, на-подобіе зарубокъ, уступами, какъ бы пилообразно, врѣзываются въ низменные берега поморья.

Куилу (Нгюэлла), называемая въ ея верхнемъ теченіи Ньяди или Нияри, представляетъ самую многоводную рѣку въ области, заключающейся между Огоуэ и Конго, при чемъ длина ея равняется приблизительно 600 километрамъ. О названіи этой рѣки слѣдуетъ замѣтить, что въ бассейнѣ Конго то же самое наименованіе «Куилу» дается многимъ потокамъ водъ, и что въ этихъ случаяхъ оно, вѣроятно, употребляется какъ родовое обозначеніе «рѣки» вообще. Подобно Огоуэ, съ которымъ она представляетъ нѣкоторый параллелизмъ, р. Куилу описываетъ большую дугу къ сѣверу, затѣмъ, соединившись съ однимъ значительнымъ своимъ притокомъ, Лалли, а также съ притокомъ, посылаемымъ къ ней рѣкою Нганга, проходитъ, рядомъ дефилей съ крутыми поворотами, область сланцевыхъ горъ. Поднимаясь отъ устья рѣки вверхъ паровые баркасы могутъ лишь на 60 километровъ, къ такъ называемымъ «воротамъ», гдѣ вертикальныя скалы возвышаются на 30 метровъ надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ: здѣсь могущественный фетишъ, хотя и держитъ ворота открытыми, но туземцы опасаются, чтобы, разсердясь, онъ когда-нибудь не заперъ ихъ, мгновенно облизивъ, на-подобіе челюстей дракона, оба крутые берега рѣки. За этимъ узкимъ проходомъ, вверхъ по рѣкѣ слѣдуютъ другъ за другомъ еще болѣе величественныя ущелья, и въ одномъ изъ нихъ, рѣка—имѣющая въ нижней своей долині отъ 300 до 700 метровъ разстоянія отъ одного берега до другаго—низводится къ ширинѣ всего въ шесть метровъ. Вообще, въ этой области прохода рѣки черезъ горы, пороги и водопады смѣняются одни другими ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ цѣломъ, долина Куилу оказывается—по сравненію съ долиною Огоуэ—менѣе загроможденною скалами, а общій наклонъ отдѣльныхъ участковъ ея два къ берегу моря болѣе пологимъ; при пробѣгѣ же рѣки по плоскогорію рѣка, впрочемъ неглубокая на этомъ

плесѣ, не имѣетъ на разстояніи двухсотъ километровъ ни одного порога ¹⁾. Возможно, что, вслѣдствіе этихъ преимуществъ, дѣлающихъ рѣку Куилу болѣе доступною для судовъ, ей суждено стать однимъ изъ бойкихъ африканскихъ торговыхъ путей сообщенія, по крайней мѣрѣ на большей части своего протяженія. Поднимаясь по ея долинѣ, можно, съ одной стороны, достигнуть, въ разстояніи менѣе чѣмъ сто километровъ отъ Конго, области, которая, какъ говорятъ, изобилуетъ мѣсторожденіями мѣди и свинца, а съ другой стороны, при посредствѣ естественнаго прохода черезъ горное плато,—проникнуть въ другую долину, спускающуюся къ Конго, книзу отъ озера Нкуна, Stanley-Pool европейскихъ путешественниковъ, т. е. къ тому пункту, съ котораго начинается лѣстница водопадовъ, дѣлающая невозможнымъ судоходство по этой части Конгской рѣки. Такимъ образомъ, желѣзная или даже обыкновенная дорога сдѣлала бы возможною—минуя тягостный путь черезъ рядъ водопадовъ—перевозку товаровъ съ берега моря непосредственно къ среднему теченію Конго. Это-то обстоятельство и было причиною того большаго оживленія въ спорахъ представителей Франціи и государства Конго, когда предстояло рѣшить, кому должна принадлежать эта многообѣщающая долина.

Колебанія въ прибыли или убыли воды въ рѣкахъ обнаруживаютъ въ общихъ чертахъ и явленія климата. Такъ, уровень воды въ Огоуэ начинаетъ подниматься въ сентябрѣ и къ срединѣ декабря достигаетъ своего максимума; затѣмъ, до конца января вода убываетъ: сезонъ зимнихъ дождей—обусловливаемыхъ перемѣщеніемъ, вслѣдъ за солнцемъ, къ югу также пояса экваторіальныхъ штилей и облаковъ—оканчивается, и наступаетъ кратковременный сухой сезонъ. Вслѣдъ за нимъ начинается сезонъ большихъ дождей; при этомъ, уровень рѣки представляетъ колебанія, соотвѣтственно изобилію или рѣдкости дождей,—но, въ среднемъ, повышается до первыхъ дней мая, когда достигаетъ наибольшей высоты. Послѣ втораго дождливаго сезона, вода правильно убываетъ съ 15 мая до сентября: это—сезонъ большой засухи, такъ какъ солнце увлекло весь поясъ облаковъ къ сѣверу. Нужно замѣтить, что географическій экваторъ не совпадаетъ въ этихъ областяхъ съ экваторомъ метеорологическимъ; вслѣдствіе этого, Габонъ, хотя и лежитъ подъ равноденственной линіей, съ точки зрѣнія климата находится въ дѣйствительности въ южномъ полушаріи, и переходъ изъ одной половины земнаго шара въ другую совершается въ 250 километровъ сѣвернѣе, около устья Рюдель-Кампо ²⁾. Отъ этой части поморья до мы-

¹⁾ Pechuel-Lösche, „Die Loango-Expedition“.

²⁾ Paul Güsefeldt, „Loango-Expedition“. — Pechuel-Loesche, „Petermann's Mittheilungen“, 1877, тетр. I.

¹⁾ Jos Chavanne, „Afrika's Ströme und Flüsse“.

²⁾ Hugo Zöller, *упом. соч.*

са Лопецъ и отъ послѣдняго до португальской территории дожди постепенно уменьшаются. Къ сѣверу отъ Габона среднее количество дождя исчисляется въ три метра въ течение года; въ Габонѣ же, по наблюденіямъ, продолжавшимся десять лѣтъ, оно равно 2 метрамъ и 51 миллиметру ¹⁾. Но, конечно, внутри страны, въ горахъ, задерживающихъ дождливые вѣтры, количество это гораздо значительнѣе. На берегу Лоанго оно сильно колеблется: такъ, достигнувъ въ 1875 году 1 метра и 578 мм., оно въ 1877 году равнялось всего лишь 300 миллиметрамъ. Количество выпадающей влаги соотвѣтствуетъ учащенности и густотѣ облаковъ, и основанная на изысканіяхъ Teisserenc de Bort карта изоневовъ показываетъ, что изъ всѣхъ странъ на западномъ берегу Африки самая большая облачность наблюдается въ Габонѣ. Различію во влажности соотвѣтствуетъ различіе въ растительности и въ наружномъ видѣ страны. Между тѣмъ, какъ во влажной сѣверной области и горы, и долины покрыты сплошнымъ лѣсомъ, на сравнительно сухомъ приморскомъ берегу Лоанги лѣса уже чередуются съ саваннами. Этимъ прерывающимъ темную зелень большихъ лѣсовъ прогалинамъ или «луговинамъ» португальцы даютъ названіе *sempas* ²⁾; видъ саваннъ измѣняется соотвѣтственно произрастающимъ на нихъ четыремъ родамъ злаковъ; трава на нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ высока, что совсѣмъ скрываетъ всадника съ конемъ. На плоскогоріяхъ внутри страны, между рѣками Куилу и Конго, лѣсовъ уже не существуетъ, и взору представляются лишь безграничные луга и кустарники.

Годичная температура колеблется въ Габонѣ между 25° и 26° Ц.: въ періодъ самыхъ жаркихъ дней, въ мартѣ и апрѣлѣ, колебанія термометра совершаются между 26° и 34°, а въ періодъ сравнительно холодныхъ іюльскихъ и августовскихъ дней—между 23° и 30°: разница между крайними мѣсячными температурами не достигаетъ и 11°. Крайнія температуры въ промежутокъ двухъ лѣтъ оказались: для Чинчочо (подъ 10 град. и 9 мин. южн. шир.) maximum 38,2°, minimum 14,8°; и для Сикангэ (0 град. 30 мин. сѣв. шир.): maximum 34,4° и minimum 17,4° ³⁾. Такимъ образомъ, въ Габонѣ надо бояться не жаровъ, а содержащихся въ атмосферѣ большаго количества паровъ воды. Бризъ съ берега и съ моря чередуются съ большой правильностью; именно: вѣтры съ берега начинаются около одиннадцати часовъ вечера или съ полуночи и дуютъ въ утреннее время; вѣтры же

съ моря поднимаются съ одиннадцати часовъ утра и продолжаются во время послѣобѣденное; такимъ образомъ, для кораблей время входа въ заливы, а также и выхода изъ нихъ, уже заранѣе опредѣлено воздушными теченіями. Но, кромѣ береговыхъ вѣтровъ, массы атмосфернаго океана увлекаются также общими вѣтрами, южными и юго-западными; вѣтры эти настолько сильны, что парусныя суда, идущія отъ Камеруна къ Габону, слѣдовательно, и противъ вѣтра, и противъ теченія, употребляютъ втрое болѣе времени, чѣмъ на обратное путешествіе, которому благопріятствуетъ и водное, и воздушное теченіе ⁴⁾. Что касается торнадосовъ, то они бывають преимущественно въ тотъ періодъ дождей, который приходится на первые мѣсяцы года, при чемъ почти всегда разражаются вечеромъ, между восемью и десятью часами вечера. Торнадосы вообще такъ часты, что Понель насчиталъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ на мысѣ Лопецъ только двадцать два дня, въ которые не слышался громъ. Этихъ вѣтровъ особенно не боятся, а по причинѣ приносимаго ими освѣженія воздуха европейцы Либревилля привѣтствуютъ ихъ даже съ радостью. Гибельное влияніе климата чрезвычайно усиливается для бѣлыхъ тѣми испареніями, которыя поднимаются изъ болотъ. Пребываніе на берегахъ Огоуэ не считается столь же нездоровымъ, какъ пребываніе въ Габонѣ, несмотря на то, что около береговъ рѣки имѣется много побочных каналовъ (мариго) и обширныхъ, но не глубокихъ разливовъ рѣки по низинамъ. Причина этого иммунитета заключается въ томъ, что и ложе рѣки, и окрестная почва состоятъ изъ песка: кверху отъ дельты илъ и тина встрѣчаются рѣдко, а миазмы, по преимуществу, исходятъ изъ тинистаго дна. Со всѣмъ тѣмъ, число изслѣдователей, скончавшихся въ бассейнѣ Огоуэ, уже довольно велико, такъ какъ климатъ этой страны не таковъ, чтобы, подвергая себя всѣмъ опасностямъ, можно было безнаказанно изнурять себя работой. Опасна для европейца, по словамъ туземцевъ, между прочимъ, и вода рѣки Комо: обладая даже прекраснымъ здоровьемъ, выкупавшійся въ ней европейецъ выходитъ изъ воды съ кожей, покрытою прыщами ⁵⁾. Вообще, въ Габонѣ нѣтъ ни одного бѣлаго, который бы вполнѣ ускользнулъ отъ лихорадки или отъ язвъ на голенихъ. Часто эти болѣзни чередуются другъ съ другомъ. У нѣкоторыхъ же европейцевъ, излѣченные язвами голени, покрываясь струпами, становятся столь же черными, какъ у негровъ.

Флора не представляетъ ни того богатства, ни того разнообразія формъ, которыя можно было бы предположить въ области, находящейся

¹⁾ Vincent;—Griffon du Bellay;—Rey, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“. 1878.

²⁾ Richard Burton, „Two Trips to Gorilla Land“.

³⁾ Süssfeldt;—Hann, „Handbuch für Meteorologie“.

⁴⁾ Hugo Zöller, уном. соч.

⁵⁾ Trivier, уном. жемгарь.

ся въ экваторіальной Африкѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ территоріи, обширныя пространства даже вовсе лишены деревьевъ. И вообще, растительность, столь пышная на глубокихъ и жирныхъ земляхъ другихъ тропическихъ странъ, умѣряется здѣсь песчаной почвою. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ Габона, гдѣ имѣются лѣсныя чащи, надъ всѣми окружающими деревьями господствуютъ своими пирамидальными вѣтвями громадныя драцены. Различныя виды пальмовыхъ деревьевъ — за исключеніемъ шоколаднаго, несвойственнаго туземной флорѣ — высятся по берегамъ воды, и всѣ промышленныя растенія другихъ странъ жаркаго пояса безъ труда были разводимы миссіонерами въ ихъ садахъ, но пока не дали практическихъ результатовъ. Впрочемъ, и лѣсныя растенія, питавшія торговлю въ первые годы занятія страны, понизились, во-первыхъ, въ своей относительной цѣнности, а, во-вторыхъ, обходятся нынѣ торговцамъ дороже, такъ какъ съ обѣднѣніемъ приморскаго берега лѣсами, идущіе въ торговлю продукты этихъ растений необходимо доставлять уже издалека. Между прочимъ, не вывозятъ уже больше краснаго дерева (*barhia nitida*), нѣкогда имѣвшаго большую цѣну и въ нѣкоторыхъ своихъ разновидностяхъ предпочитавшагося въ красильномъ дѣлѣ такимъ же деревьямъ изъ Бразиліи: нынѣ плавающие около Габона пароходы употребляютъ это дерево на топливо. Туземцы продаютъ купцамъ немного зеленого и чернаго эбеноваго дерева (*diospyros*), а также доставляютъ имъ каучукъ; но лѣана, производящая гуммиластикъ, становится рѣдкостью вблизи поселеній, такъ какъ чернокожіе имѣютъ обыкновеніе срѣзать самый стебель растенія, вмѣсто того, чтобы дѣлать на немъ надрѣзы. Съѣдобными растеніями туземная флора не богата. Однако, одно изъ племенъ, проживающихъ въ бассейнѣ Огоуэ, называемое окота, питается почти единственно довольно крупнымъ зеленымъ плодомъ, имѣющимъ приблизительно вкусъ какао: это — ягода въ изобиліи находящагося въ ихъ лѣсахъ растенія *дика* ¹⁾. Растенія же зерновыя, плодовые, корнеплодные и съѣдобныя клубневныя — какъ и на остальномъ берегу — происхожденія иностраннаго. Такъ, въ концѣ XVIII столѣтія, въ Лоанго картофель назывался *bala n'Poutou*, т. е. «европейскимъ корнею» ²⁾, а шоколадное дерево — *banga n'Poutou*, т. е. «европейскимъ орѣхомъ». На берегахъ Габона шоколадное дерево было посажено сосланными туда преступниками лишь въ 1852 году ³⁾.

¹⁾ Marche et de Compiègne, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, septembre, 1874.

²⁾ Proyard, „Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique“, 1776.

³⁾ Marche et de Compiègne; — Ponel, — рукописныя замѣтки.

Габонійская область прославилась своими крупными четвероруками. Къ югу отъ рѣки Огоуэ, — въ лѣсахъ, окаймляющихъ марго и озера вблизи рѣкъ, — встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ тѣ приматы съ страшнымъ лицомъ, на которыхъ перенесли названіе «гориллы», данное Ганнономъ и его кароагенскими спутниками первоначально волосатымъ женщинамъ съ африканскаго берега; туземцы зовутъ этихъ обезьянъ: *нжина* или *жина*. Полоса земли, обитаемая этимъ животнымъ, простирается отъ Сентъ-Бенито до Лоанго; на верховьяхъ Огоуэ оно весьма рѣдко, и его никогда не встрѣчали на берегахъ Конго ¹⁾, хотя, по словамъ нѣкоторыхъ авторовъ, его, будто-бы, находили въ землѣ Нямъ-Нямъ ²⁾. Объ этомъ звѣрѣ имѣлись лишь смутные рассказы чернокожихъ ³⁾, пока, въ 1847 году, американскій миссіонеръ Savage не нашелъ на Габонѣ черепа гориллы, который имъ былъ данъ бostonскимъ анатомамъ для изученія ⁴⁾. Лѣтъ двѣнадцать спустя, путешественникъ дю-Шалью встрѣчалъ и охотился за этими ужасными обезьянами въ ихъ родныхъ лѣсахъ; однако, опьяненный своимъ триумфомъ, дю-Шалью видѣлъ въ этомъ животномъ болѣе страшное созданіе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ: не повторяя басенъ негровъ о томъ, что, будто-бы, гориллы нападаютъ на слона и иногда вступаютъ въ правильныя сраженія съ жителями деревень, — дю-Шалью описалъ младшаго брата Неандертальскаго человѣка чудовищемъ въ шесть футовъ высоты, которое смѣло идетъ на человѣка, грузно переваливаясь своимъ огромнымъ туловищемъ на короткихъ ногахъ, раздвѣаетъ пасть, чтобы показать свои страшныя челюсти, затѣмъ вдругъ останавливается на нѣсколько секундъ, чтобы, подъ ударами своихъ кулаковъ, заставить звучать свою грудь на подобіе барабана, и заревѣть могильнымъ и пронзительнымъ голосомъ, слышнымъ на пять километровъ въ окружности! Горе противнику, если чудовище не будетъ убито первымъ выстрѣломъ! Звѣрь бросается на охотника, однимъ ударомъ зубовъ разбиваетъ въ дребезги оружіе, а руками разрываетъ или переламываетъ ему позвоночникъ ⁵⁾. Однако, путешественники, посѣщавшіе побережья Огоуэ послѣ дю-Шалью, не описываютъ уже «царя лѣсовъ» такимъ грознымъ созданіемъ. Въ дѣйствительности горилла — которую легко приручить, если поймать совсѣмъ молодою ⁶⁾ и если она не уморитъ се-

¹⁾ Ponel, рукописныя замѣтки.

²⁾ Th. von Heuglin, „Petermann's Mittheilungen“, 1864.

³⁾ Bowdich, „A mission to Ashantee“, 1819.

⁴⁾ Wyman, „Journal of Natural History“, Boston, 1887. — Savage, „Proceedings of the Zoological Society“, february 22, 1848.

⁵⁾ Paul B. du Chaillu, „Explorations and Adventures in Equatorial Africa“, — A Journey to Ashango-Land.

⁶⁾ Marche et de Compiègne, *уточ. сов.*

бѣ голодомъ — представляетъ грусливую обезьяну, бѣгущую передъ человѣкомъ и не отваживающуюся пускаться въ ходъ свои мощныя мышцы; средній ростъ ея, повидимому,

около Боуэ, одну гориллу, ростъ которой былъ не менѣе 1 метра и 724 миллиметровъ. Изъ большей части тѣхъ лѣсовъ, въ которыхъ гориллу находили первые охотники, она исчезла:

Видъ на западномъ берегу озера Танганійки.

равняется полутора метрамъ; однако тотъ экземпляръ гориллы, который дю-Шалью доставилъ въ Англію, по измѣренію Оуэна, имѣлъ 1,676 миллиметровъ, — ростъ, превосходящій средній ростъ европейца; а Понель видѣлъ,

ее уже не видятъ на островѣ мыса Лопеца. Во время пребыванія германской экспедиціи въ Чинчочо, животное это не переступало на югъ за Лоангскіе лѣса.

Шимпанзе тоже обитаетъ въ Габоніи, осо-

бенно въ южномъ бассейнѣ Огоуэ и въ бассейнѣ Куилу, но онъ весьма рѣдко встрѣчается по сосѣдству съ жилищами людей и ловится гораздо труднѣе гориллы, такъ какъ весьма ловко лазить по деревьямъ и, для сокрытія отъ взоровъ охотниковъ, взбирается на маковки деревьевъ; однако онъ любитъ держаться около лѣсныхъ лужаекъ. Ручнѣютъ молодые шимпанзе, какъ и другія обезьяны этого семейства, весьма легко. *Nchfego mbouvé* (*troglodytes calvus*) представляетъ менѣе рослое, чѣмъ шимпанзе и горилла, животное, съ лысою головою и меланхолически-кроткимъ выраженіемъ лица. Эта обезьяна устраиваетъ себѣ изъ вѣтокъ и листьевъ гнѣзда, которыя, при помощи сплетенныхъ лѣанъ, крѣпко привязываетъ къ толстымъ сучьямъ. Дю-Шалью открылъ еще одну разновидность троглодита, называемую кула или кулу; это животное, очень рѣдкое, отъ габонійскихъ человѣкообразныхъ отличается болѣе значительною емкостью черепа въ сравненіи съ своимъ ростомъ, менѣе prognathическимъ лицомъ, болѣе высокимъ лбомъ, возвышающимся надъ менѣе выпуклыми надбровными дугами, и ушами, едва отличимыми отъ ушей человѣка. Изъ всѣхъ обезьянъ, троглодитъ кула, быть-можетъ, всего болѣе приближается къ типу человѣка, такъ какъ, конечно, разстояніе между первой изъ обезьянъ и послѣднимъ изъ людей менѣе велико, чѣмъ между двумя крайними представителями человѣческаго рода. Жанъ де-Брацца тоже открылъ въ бассейнѣ Огоуэ одинъ новый видъ обезьяны: *colobus tholoni*.

Льва не встрѣчаютъ въ лѣсахъ западной Габоніи, но леопардъ и другіе виды изъ большихъ животныхъ семейства кошачьихъ тамъ водятся, хотя на человѣка они нападаютъ рѣдко. Слоны, который, по словамъ дю-Шалью, составлялъ будто-бы особую разновидность, стали нынѣ довольно рѣдки; онъ удался къ плоскогоріямъ внутри Африки и, какъ и въ Камерунской области, бивни слона стали уже въ торговлѣ скорѣе рѣдкимъ предметомъ роскоши, чѣмъ предметомъ правильнаго обмѣна. Изъ дикихъ звѣрей туземцы всего болѣе боятся особой породы буйволовъ, которые съ поразительною быстротою проходятъ въ подлѣсьѣ, и кабановъ съ бѣлымъ лбомъ (*potamochoerus albigrons*), которые однимъ прыжкомъ перескакиваютъ чрезъ ручьи въ нѣсколько метровъ шириною: эти животныя одомашнены въ нѣкоторыхъ частяхъ центральной Африки ¹⁾, но не въ Габоніи. Носороги еще довольно многочисленны въ рѣкахъ, и ихъ встрѣчаютъ даже въ соленыхъ лиманахъ около мыса Лопецъ; такимъ образомъ оказывается, что это громадное толстокожее привыкло къ морской водѣ въ этой области Африки такъ же хорошо, какъ и

въ морскихъ пространствахъ архипелага Бисагосъ ²⁾. Говорятъ, будто ламантинъ поднимается также и въ боковые потоки Огоуэ; по Зюссфельдту, онъ не рѣдокъ въ лагунахъ Лонанго, гдѣ также весьма обыченъ крокодилъ и гдѣ онъ никогда не нападаетъ на человѣка. Въ лѣсахъ многочисленные грызуны живутъ рядомъ съ обезьянами; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: кендо, самая маленькая изъ бѣлокъ, и мбоко, т. е. «грызущій слоновую кость» (*sciurus eborivorus*), зубамъ котораго въ самомъ дѣлѣ доступны слоновьи бивни ³⁾.

Кромѣ млекопитающихъ, и остальной животный міръ—птицы, рыбы, пресмыкающіяся и насѣкомыя доставилъ—естествоиспытателямъ большое число новыхъ формъ, хотя въ этомъ отношеніи страна оказалась менѣе богатою, чѣмъ другія части африканскаго материка. Натуралисты ловятъ тамъ привлекательную золотистую кукушку (*chrysocolaptes smaragdineus*), окрашенную сплошь въ золотисто-желтый цвѣтъ, съ изумруднымъ отбѣнкомъ; металлическаго дрозда, не менѣе красиваго, какъ и дроздъ сенегальскій; суимангу (*souimanga magnificus*) и сѣраго попугая съ краснымъ хвостомъ, одного изъ тѣхъ, которые легче всего дрессируются ⁴⁾. Одна изъ рыбъ Огоуэ, шондо, оказывается умѣющею весьма искусно вырывать своимъ роговымъ рыломъ—для кладки яицъ—геометрически правильныя кругообразныя ямки, располагая ихъ, для выигрыша мѣста на песчаныхъ отмеляхъ, косыми рядами ⁵⁾. Островъ Кориско, въ своихъ лужахъ, пропитываетъ одну разновидность протея ⁶⁾, а электрическія рыбы живутъ въ водахъ Куилу. Изъ змѣй, по большей части ядовитыхъ, Компьеромъ изучены тридцать видовъ. Представители муравьевъ настолько грозны, что жители страны съ полнымъ правомъ опасаются ихъ болѣе, чѣмъ слоновъ и леопардовъ: въ особенности свирѣпыми оказываются башикуэ. Случается видѣть ихъ полчища, въ которыхъ, между двумя рядами наблюдающихъ за порядкомъ офицеровъ, двигаются миллионы индивидовъ, и всякое животное существо, не посторонившееся передъ ними, обречено на неминуемую гибель; не заботясь о своей собственной жизни и заранѣе обрекиши себя въ жертву для торжества своей общины, они съ яростью набрасываются на свою добычу; когда они проникаютъ въ какую-нибудь хижину, то живущіе въ ней люди спѣшатъ ее покинуть, а возвратясь уже не находятъ ни грызуновъ, ни насѣкомыхъ, ни гадовъ: очистка произведена полная. Но башикуэ очень боятся бле-

¹⁾ Du Chaillu;—Dufourey;—Trivier, упом. мемуаръ.

²⁾ Du Chaillu, упом. соч.

³⁾ Du Campiègne, упом. соч.

⁴⁾ Griffon du Bellay, „Revue Maritime et Coloniale“, Septembre, 1863.

⁵⁾ R. Burton, упом. соч.

⁶⁾ R. Hartmann, „Nigritier“.

стоящаго свѣта: такъ, если, слѣдуя въ избранномъ ими направленіи, имъ доводится идти при непосредственномъ освѣщеніи солнцемъ, то подъ озаренною его лучами частью пути они вырываютъ галереи и продолжаютъ свое движеніе въ темнотѣ ¹⁾. Другіе муравьи живутъ въ деревьяхъ, которыя они окружаютъ красиво скроенными покрывалами; иные, обитая на равнинахъ, возводятъ себѣ тамъ изъ глины жилища, которыя походятъ на совершенно правильные гигантскіе шампиньоны, съ голубоватою кожицею: наконецъ, есть также красные муравьи, живущіе въ сообществѣ съ термитами въ ихъ муравейникахъ, похожихъ на колоколенки ²⁾. Что касается пауковъ, почти неизвѣстныхъ въ Камерунѣ, то, по словамъ Компьеня, въ Габоніи ихъ «невѣроятное число видовъ»; моллюски, напротивъ, чрезвычайно рѣдки. Великимъ бичемъ для страны является нарывная блоха, *pulex penetrans*, завезенная изъ Бразиліи.

Населеніе Габоніи, также какъ въ Камерунѣ и областяхъ по Нигеру, состоитъ, повидимому, въ большей своей части, изъ прибывшихъ съ востока негритянскихъ племенъ. Подобно тому, какъ волны морскаго прибоя, прежде чѣмъ широко разлиться по побережью, набѣгаютъ одна на другую, такъ и различныя по происхожденію и по языку племена, отъѣсняя все болѣе и болѣе своихъ предшественниковъ къ морскимъ берегамъ, послѣдовательно надвигались другъ на друга въ направленіи къ западу, при чемъ такое поступательное движеніе ихъ оканчивалось или тѣмъ, что они истребляли встрѣченныя племена, или же сливались съ ними и образовывали новые народы. Такимъ образомъ, переселенія слѣдовали за переселеніями, до безконечности видоизмѣняя географическое распредѣленіе семействъ и племенъ и дѣлая, поэтому, невозможнымъ всякое раздѣленіе расъ. Именъ народцевъ, разставшихся между моремъ и нижнимъ теченіемъ Конго, насчитываютъ сотни; но между этими разобщившимися другъ съ другомъ группами сколько сходства въ физическихъ чертахъ, характерѣ и нравахъ, свидѣтельствующаго о нѣкогда существовавшихъ сосѣдскихъ или родственныхъ связяхъ между этими племенами!

Съ точки зрѣнія привычекъ и промысловъ, де-Брацца дѣлитъ всѣ эти народцы на двѣ группы: на «людей кустовъ» или лѣсныхъ, и на «людей прирѣчныхъ». Изъ нихъ, прибрежные, будучи потомками негроторговцевъ и складчиками товаровъ, считаютъ себя болѣе цивилизованными, но зато люди кустовъ, при всей своей меньшей внѣшней вылощенности,

умнѣе и менѣе развращены, въ сравненіи съ племенами, проживающими около моря и рѣкъ.

Племена, наиболѣе извѣстныя и говорящія на языкѣ, наилучше изученномъ миссіонерами и лингвистами, суть мпонгуэ, м'понгуэ, понгуэ или понго. Разселены эти племена по берегамъ Габона, но языкъ ихъ—самый распространенный во всей приморской области; именно, по Компьеню, на немъ постоянно говорятъ восемь племенъ, понимаютъ его одиннадцать другихъ племенъ, а нѣкоторыя изъ его словъ извѣстны почти на протяженіи всего края. Этотъ языкъ, первый лексиконъ котораго появился уже въ 1840 году, представляетъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ типовъ обширнаго семейства нарѣчій банту, и знакомые съ нимъ признаютъ, что изъ всѣхъ языковъ на материкѣ только онъ одинъ и отличается какъ благозвучностью, такъ и логичностью своихъ формъ: на немъ—благодаря точности и совершенству правилъ, управляющихъ соединеніемъ корней и приставокъ—можно съ удивительною ясностью выражать всѣ идеи, а словарь языка, не подвергаясь запутанности, можетъ увеличиваться до безконечности ¹⁾. На этомъ языкѣ миссіонеры были въ состояніи переводить Евангеліе и писать религиозныя сочиненія, не заимствуя ни одного иностраннаго слова. Мпонгуэ—называющее себя также айого, что значитъ «мудрые»,—обладаютъ большимъ количествомъ иѣсенъ, басенъ и преданій, которыя они и пересказываютъ въ часы вечерняго досуга; кромѣ того, у старѣйшинъ ихъ имѣется также тайный языкъ, называемый ими: «сокровенныя слова», которыя, можно думать, составляютъ остатокъ древняго языка, сдѣлавшагося, по преданію, священнымъ. Переходъ отъ языка мпонгуэ къ другимъ языкамъ довольно рѣзокъ; но, тѣмъ не менѣе, родственность между языками африканскихъ склоновъ къ Атлантическому и Индійскому океанамъ сохранилась: именно, пятая часть словъ языка мпонгуэ встрѣчается, въ свою очередь, и въ языкѣ сауахили на восточномъ берегу Африки ²⁾.

Должно, однако, замѣтить, что нынѣшніе мпонгуэ—въ собственномъ смыслѣ этого слова—представляютъ лишь слабые отпрыски нѣкогда значительной націи, такъ какъ мало-по-малу они сливаются съ тѣми чернокожими, которые надвигаются изнутри страны. Семейства, называющія себя «дочерями почвы» и отличающіяся красотой, постепенно исчезаютъ, уносимыя эпидемическою оспой, легочною чахоткою, золотухой и послѣдствіями невоздержной жизни. Многіе изъ туземцевъ курятъ листья лямбы (растенія вродѣ конопля), и отъ такого куренія впадаютъ, подобно

¹⁾ Du Chaillu, *упом. соч.*;—de Compiègne, „l'Afrique équatoriale“.

²⁾ Ponel, *рукописныя замѣтки*.

¹⁾ F. Ricard, „Le Sénégal“, *Etude intime*.

²⁾ Wilson, „Grammar of the Mpongwa Language“;—K. W. Cust, „Modern Languages of Africa“.

восточнымъ народамъ отъ гашинша, сначала въ неистовство, а затѣмъ въ оупѣніе: вообще эта пагубная привычка приводитъ ихъ къ преждевременному увяданію. Затѣмъ, все увеличивающееся вымираніе расы обуславливаютъ также и весьма частые искусственные выкидыши. Наконецъ, многіе габонійцы — не желая отбывать натуральную повинность по содержанию дорогъ и набережныхъ въ Либревиль — переселяются на островъ Кориско, на которомъ они занимаются рыболовством¹⁾. Такимъ образомъ, на берегахъ лимана представителей племени мпонгуэ осталось лишь весьма немного, да и тѣ уже утратили свои первоначальные нравы; одни изъ нихъ, группируясь около католическихъ или протестантскихъ миссіонеровъ, называютъ себя христианами; а другіе, сохраняя своихъ фетишей, выпрашиваютъ крестикъ у европейцевъ и продаютъ своихъ, выстроганныхъ изъ дерева, боговъ за боченки съ водкою. Будучи остроумными, эти мпонгуэ отличаются непостоянствомъ, тщеславіемъ и болтливостью, вслѣдствіе чего для работъ по управленію ихъ приходится замѣнять нанятыми людьми изъ племени кру или изъ сенегальцевъ.

Чтобы видѣть туземцевъ, еще не утратившихъ характеристическихъ чертъ своей расы, надо идти далеко отъ Габона, къ племенамъ: *мбута*, на берегахъ бухты Кориско, *булу*, на р. Комо, *икони* и *орунгу*, на нижнемъ теченіи Огоуэ, *инини* и *галоа*, около озера Зоненге. Всѣ эти племена вообще сильны и хорошо сложены, кожу имѣютъ отливающую прозрачнымъ бронзовымъ цвѣтомъ, лобъ высокий, глаза блестящіе, лицо умное. Женщины изъ племени галоа считаются даже самыми красивыми во всей Габоніи, вслѣдствіе чего начальники сосѣднихъ племенъ стараются обзавестись, частью путемъ похищенія, частью же путемъ покупки, возможно большимъ количествомъ дѣвушекъ изъ того края. Вообще продажа бѣлымъ или чернокожимъ иностранцамъ своихъ женщинъ составляетъ послѣ сбыта въ Либревиль домашней птицы и цыплятъ, главный промыселъ мѣстныхъ жителей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые проживаютъ по сосѣдству съ мысомъ Лопецъ, гдѣ нѣкогда находился одинъ изъ главныхъ притоковъ неготорговцевъ на африканскомъ берегу. Однако, хотя женщины и считаются просто товаромъ, тѣмъ не менѣе онѣ находят средства для самозащиты: именне, въ каждомъ племени основаны по образцу мужскихъ франкмасонскихъ обществъ, женскія тайныя общества, и при помощи хитрости и чаръ этимъ сообществамъ удается приобретать иногда большую власть, участвующія въ нихъ женщины устраиваютъ свои собранія въ лѣсахъ,

вокругъ мѣднаго котла, наполненнаго травами-фетишами; и къ этому священному мѣсту ихъ совѣщаній никогда не осмѣлятся приблизиться ни одинъ мужчина, какъ равно женщины никогда не дерзнули бы произнести магическое слово «ясси», употребляя которое имѣютъ право только мужчины: такое преступленіе повлекло бы за собой смертную казнь. Чтобы устранивъ дурной рокъ, женщины расцарапываютъ себѣ кожу, прикрываютъ голову *моганою*, присоединяемою къ убранствамъ въ прическѣ, къ ожерельямъ и кольцамъ изъ бусъ, которыми онѣ украшаютъ себѣ грудь и шею.

Селеніямъ, какъ и жителямъ ихъ, покровительствуютъ фетиши, вслѣдствіе чего входъ въ главную аллею села — находящуюся между двумя рядами хижинъ — защищаютъ отъ злыхъ духовъ либо вѣтвями деревьевъ и лоскутами тканей, либо очистительнымъ огнемъ. Вещами, которымъ приписываются охранительныя свойства, окружаютъ также и могилы; но, для болѣе дѣйствительнаго охраненія мѣстъ погребенія начальниковъ племени, прибѣгаютъ къ утаиванію отъ постороннихъ ихъ могилъ, которыя и вырываются близкими друзьями покойныхъ въ какомъ-нибудь укромномъ мѣстѣ. Что касается самаго погребенія, то, вмѣстѣ съ трупами, кладутъ также и пищевые припасы, необходимые для дальняго путешествія; нѣкогда, вмѣстѣ съ покойниками, зарывали также и ихъ рабовъ, для доставленія умершимъ на томъ свѣтѣ собесѣдниковъ; также съкли жентъ, чтобы у нихъ сохранилось воспоминаніе о проявленной обществомъ печали по покойномъ; но нынѣ эти обычаи, сопровождавшіеся, кромѣ того, людоедствомъ, покинуты. Ежегодно мпонгуэ чествуютъ праздникъ мертвыхъ; они сжигаютъ траву на кладбищахъ и приносятъ на могилы бананы и мясо, которые и отвѣдываютъ сами, чтобы наглядно показать усопшимъ, что принесенныя кушанья не отравлены. Если затѣмъ къ слѣдующему утру пища исчезнетъ, то все племя радѣется, такъ какъ такое исчезновеніе свидѣтельствуетъ о принятіи жертвы; напротивъ, если кушанья на могилахъ окажутся нетронутыми, то приносителямъ угрожаютъ великія бѣдствія, для предотвращения которыхъ снова готовятъ погребальныя яства, которыя, конечно, рано или поздно и будутъ съѣдены лѣсными животными и птицами. Галоа полагаютъ, что умершій оживаетъ въ формѣ животного, и обыкновенно въ формѣ бабочки²⁾. Исламъ еще не проникъ въ Габонію; и хотя обрѣзаніе дѣтей и обыденно у извѣстныхъ племенъ, а у нѣкоторыхъ справляется даже съ большимъ торжествомъ, но это лишь древній обычай принигерскихъ народцевъ, установившійся значительно ранѣе появленія Магомета.

¹⁾ Ponel, *упом. соч.*

²⁾ De Compiègne, „*Afrique equatoriale*“.

По словамъ de-Brazza, у племени *ма-дума* обрѣзаніе совершается лишь въ юношескомъ возрастѣ, между 18 и 20 годами.

Негры *бенги* или *мбета*, живущіе на небольшомъ испанскомъ островѣ Кориско, говорятъ на языкѣ одного происхожденія и одного строя съ языкомъ мпонгуэ; но, тѣмъ не менѣе, различія между этими обоими языками настолько значительны, что позволяютъ предположить отсутствіе всякихъ сосѣдскихъ сношеній между этими племенами даже и въ недавнее еще время. Повидимому, ни одинъ изъ островитянъ, имѣвшихъ въ 1855 году преклонные годы, не былъ рожденъ на Кориско: всѣ они прибыли съ материка, изъ той области, которая расположена къ сѣверу отъ Муни. Области же распределенія двухъ языковъ перемѣшались другъ съ другомъ столь причудливо, что, вѣроятно, натискъ переселенцевъ съ востока былъ крайне стремителенъ, и бѣгущія передъ ними племена разсѣивались направо и налево. Между одинадцатью племенами, которыя, по Сомпиегнью, говорятъ на языкѣ бенга или на весьма близкихъ къ нему нарѣчіяхъ, есть и такія, какъ напримѣръ племя *шекіани*, главная масса которыхъ обитаетъ къ югу отъ Габонскаго лимана, затерявшись между племенами, родственными съ мпонгуэ: такимъ образомъ вражескія нашествія раздѣлили народъ на доли, разсѣявшіяся по разнымъ областямъ. Однако, къ сѣверу отъ Муни, племена языка бенга сплочены въ одну цѣльную этническую группу: *кумбэ*, *мусседжи*, *эирра*, *ба-нуко*, *ба-ноко* и *ба-танга* принадлежатъ къ тому семейству, которое занимаетъ морской берегъ вплоть до страны племени дуалла, находящейся уже въ германскихъ владѣніяхъ. Такъ какъ въ говорахъ поименованныхъ племенъ встрѣчается довольно большое число португальскихъ словъ, то это свидѣлствуетъ о долгомъ пребываніи этихъ народовъ на морскомъ берегу, къ которому они были отброшены племенемъ фанъ, т. е. «людьми кустовъ»¹⁾. Другими указаніями на продолжительность сношеній этихъ туземцевъ съ европейцами служатъ ихъ сравнительное равнодушіе къ феишизму и колдовству. И вообще, посѣщаемые миссіонерами чернокожіе—даже и въ томъ случаѣ, когда они не обратились въ новую вѣру—оказываются, изъ поколѣнія въ поколѣніе, все болѣе и болѣе поколебленными въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ. Санъ начальника у этихъ туземцевъ передается не по наслѣдству, а по избранію. Главное занятіе бенга и ихъ сосѣдей на морскомъ берегу—торговля: прирожденные торговаша, они безъ усталы бродятъ вокругъ факторій, чтобы только совершить мѣновую сдѣлку. Въ этой области всѣ служащіе въ факто-

ріяхъ—изъ ихъ племени; крумены, занимающіе подобныя же мѣста въ торговыхъ учрежденіяхъ Камеруна, здѣсь уже не встрѣчаются. Бенга также опытные и предприимчивы и въ рыболовствѣ.

Весьма близки къ бенга, по языку, *ба-калэ*¹⁾,—племя, еще не достигшее моря и обитающее во внутреннихъ лѣсахъ большей части той, параллельной морскому берегу, полосы, которая простирается между Муни и Сетте-Камма. Главныя колѣна этого племени находятся къ югу отъ Огуэ: по Вильсону, численность его можно принять въ сто тысячъ членовъ; но, подобно мпонгуэ, ба-калэ быстро уменьшаются въ числѣ, вслѣдствіе отгнѣсенія ихъ къ западу племенами, направляющимися изнутри страны: такъ, за время одного поколѣнія уже исчезли цѣлые кланы. Говорятъ, будто ба-калэскія женщины мало плодовиты, а междоусобныя войны, процессы по обвиненію въ колдовствѣ и въ особенности насильственные перемѣщенія, обусловливаемые вторженіемъ племени фанъ, увеличиваютъ къ тому же и естественную смертность. Подвигаясь съ юго-востока вдоль р. Нгуниэ²⁾, ба-калэ разсѣяли передъ собою племя *шекіани*; въ свою очередь, и сами они были разсѣяны другими завоевателями и должны были разселиться порознь, частями, между другими народцами. Впрочемъ, перемѣна мѣстожителства не очень затрудняетъ ба-калэ; будучи отъ природы весьма склонны къ кочевой жизни, они зачастую покидаютъ свое селеніе, даже не убравъ въполнѣ и жатву съ своихъ полей. Одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ переселеніямъ служитъ чрезвычайный страхъ смерти: когда два членовъ умираютъ другъ за другомъ въ промежутокъ нѣсколькихъ дней, то ба-калэ воображаютъ, что деревня ихъ заколдована, а потому и сгнѣнать ее покинуть³⁾. Если, рассказываетъ по этому же поводу дю-Шалью, у престарѣлаго отца нѣтъ сына, который могъ бы за него заступиться, то старика выгоняютъ изъ села, чтобы онъ шелъ умирать въ лѣсъ и не навлекать бы злосчастія на голову своихъ согражданъ.

Ба-калэ держатъ рабовъ лишь въ небольшомъ числѣ; плѣнниковъ же своихъ они продаютъ. Какъ и въ большей части другихъ племенъ Габоніи, молодые люди осуждены на экзогамію: добывать себѣ женъ они должны не только внѣ своихъ селеній, но, если возможно, даже внѣ своего клана или колѣна; и только въ случаяхъ наслѣдованія, сынъ получаетъ

¹⁾ А-Калэу Ленца, ба-калэу большинства французскихъ авторовъ. А-калэ—названіе въ единственномъ числѣ, ба-калэ—во множественномъ (Foné, рукописныя замѣтки).

²⁾ Oscar Lenz, „Mitteilungen des geographischen Gesellschaft in Wien“, 1878.

³⁾ Paul de Brazza, „Tour du Monde“, 1887.

¹⁾ Duloup, „Bulletin de la Société de Géographie de Lille“.

себѣ въ супруги женѣ своего отца, за исключеніемъ, однако, своей собственной матери. У ба-калэ законъ о наслѣдствѣ иной, чѣмъ у сопредѣльныхъ съ ними племенъ: именно у ба-калэ отцу наслѣдуетъ сынъ, между тѣмъ, какъ у сосѣдей—братъ, а если брата нѣтъ, то племянникъ. Подобно габонійскимъ женщинамъ, и у ба-калэ женщины составляютъ сообщество для взаимной защиты; при этомъ мѣстомъ для ихъ собраній и совершенія мистерій служитъ хижина, входитъ въ которую мужчинамъ воспрещено. Законъ о возмездіи строго соблюдается въ землѣ ба-калэ, но порою онъ примѣняется очень страннымъ способомъ, свидѣтельствующимъ о весьма слабомъ развитіи идеи справедливости. Такъ, если у кого-либо похитили барана, то обокраденный беретъ схожаго съ украденнымъ барана изъ какого-нибудь другого стада; за этою второю кражею слѣдуетъ, въ свою очередь, третья, уже со стороны обокраденнаго при второмъ похищеніи, а, затѣмъ, похищенія слѣдуютъ одно за другимъ до тѣхъ поръ пока, наконецъ, община не возмутится и не возстановитъ справедливости. Если въ какомъ-нибудь селѣ одинъ изъ его обитателей будетъ убитъ постороннимъ селенію человѣкомъ, то за кровь должно отплатить также кровью; но если убійца принадлежитъ къ настолько могущественному клану, что тронуть его опасно, то обиженные съискиваютъ себѣ жертву въ другомъ какомъ-нибудь колѣнѣ. Однако, истиннымъ виновникомъ втораго преступленія считается все-таки первый убійца, какъ зачинщикъ всего зла, и поэтому оба оскорбленные колѣна соединяются противъ того, которое дало убійцу первому, теперь уже двойному, убійцѣ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ область р. Огоуэ стала часто посѣщаться бѣлыми, ба-калэ измѣнили свой образъ жизни. Прежде они были по преимуществу воины и охотники, а нынѣ стали торговцами, разнощиками и гребцами. Имъ принадлежитъ монополія перевозки товаровъ на протяженіи одной части нижняго теченія рѣки. Ихъ нарѣчіе, ди-келэ, стало, въ смѣшеніи съ языкомъ мпонгуэ, посредствующимъ торговымъ языкомъ между прирѣчными населеніями вплоть до первыхъ водопадовъ. Они перестали выработывать желѣзо и мѣдь, такъ какъ необходимую для себя утварь и оружіе получаютъ, при мѣновомъ торгѣ, уже изъ Европы. Наконецъ, они перестали уже строить деревни на-подобіе небольшихъ крѣпостей, какія кое-гдѣ еще встрѣчаются въ лѣсу, защищенныя крѣпкими воротами на обоихъ концахъ единственной улицы, на которую выходить фасады хижинъ.

Между племенами, населяющими берега

Огоуэ кверху отъ деревень ба-калэ, *Сомпигне* упоминаетъ только объ одномъ, говорящемъ на томъ же нарѣчій: это племя *ба-нуэ* (бангуэ), живущее въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ водопадовъ, у которыхъ оканчивается среднее теченіе рѣки. Остальные же народцы, за исключеніемъ племени *фанэ*, всѣ принадлежатъ, по языку, къ этническимъ группамъ мпонгуэ или мбенга. Негры ивили, на нижнемъ Огоуэ—родственные племени *ба-вили*, обитающему въ верховьяхъ Нгуніэ—смирные и трудолюбивые люди, пришедшіе съ юга и непрерывно возрастающіе въ числѣ на счетъ своихъ сосѣдей; повидимому, они другой расы, чѣмъ мпонгуэ, но усвоили языкъ послѣднихъ; на этомъ же нарѣчій говорятъ также *аджумба*, прибрежные жители озера Азинго. Что же касается племени апани, ишого, ялибонго, окота, оканда, адума или ма-дума, ауанни и обамба, то ихъ нарѣчіе съ трудомъ можно отличить отъ говора негровъ, живущихъ на испанскомъ островѣ Кориско. *Ба-нуэ*—обладающіе коммерческимъ духомъ, подобно своимъ сородичамъ ба-калэ, но менѣе развращенные соприкосновеніемъ съ торговцами поморья и менѣе подвергшіеся губительному дѣйствію воды—кажется, также ведутъ болѣе осѣдлый образъ жизни. Старинные нравы у нихъ еще сохранились, удержался, между прочимъ, и обычай укрѣплять свои деревни. Женщины ба-нуэ—по большей части одаренныя богатырской силой—отличаются отъ женщинъ другихъ племенъ рельефною татуировкою на груди. Бангуэ, подобно своимъ сосѣдямъ оканда, имѣютъ чрезвычайную страсть къ соли, которую и ѣдятъ полными горстями, если, впрочемъ, соль не запрещена имъ фетишеромъ, ибо въ Габоніи, также какъ въ Камерунѣ и многихъ другихъ странахъ земнаго шара, религіозныя предписанія строго регулируютъ пищу, при чемъ одно кушанье бываетъ разрѣшено, а на другое, напротивъ, наложено табу. *Ерунда*, т. е. запрещеніе какой-нибудь пищи, бываетъ временнымъ для однихъ и постояннымъ для другихъ, и отъ прикосновенія къ запрещенной вещи должны воздерживаться не только цѣлыя семьи, но даже цѣлыя колѣна и племена. Для женщинъ племени *оканда*, *ерунда* обнимаетъ всѣ виды мяса; кромѣ овощей, плодовъ и зерна, онѣ могутъ ѣсть только черепашку, которая въ глазахъ окандскихъ фетишеровъ есть существо сомнительное, «ни рыба, ни мясо». Женщина—будучи рабыней, такъ какъ она покупается—все-таки, опираясь на поддержку другихъ женщинъ, обладаетъ нѣкоторыми средствами самозащиты. Въ колѣнахъ племени апинни она можетъ заставить уступить ее другому мужу, подъ условіемъ, чтобы этотъ второй мужъ выплатилъ всю стоимость ея покупки. Равнымъ образомъ слуги могутъ мѣнять своихъ господъ; когда же рабъ убьетъ

¹⁾ Winwood Reade, „Savage Africa“;—P. du Chaillu, *уош. соч.*

свободнаго человѣка, то вмѣстѣ съ рабомъ долженъ умереть и его владѣлецъ, ибо только свободный человѣкъ можетъ искупить свободнаго.

такъ и переселившіеся. Во время утвержденія французовъ на берегахъ Габона, имя фановъ было еще почти не извѣстно въ странѣ, хотя Bowdich и упоминаетъ о нихъ уже въ 1819 го-

У-Банга. Видъ съ поста Нкунджіа.

къ востоку отъ Габона и къ сѣверу отъ Огоуэ, большая часть территоріи занята племенемъ *фанг*, оттѣснившимъ передъ собою, въ направленіи съ сѣверо-востока къ юго-западу, всѣ остальные племена, какъ аборигенныя,

ду, подъ названіемъ *Raamways*, характеризуютъ ихъ, какъ расу фула ¹⁾). Передовыя селенія ихъ

¹⁾ Sketch of Gabon;—R. Burton, „Two trips to Gorrilla Land“.

еще находились въ глубинѣ страны, на гористыхъ плоскогоріяхъ, къ сѣверу отъ протоковъ Огоуэ. Нынѣ же они живутъ на берегахъ Комо, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ поселеніями мпюгуэ около Гласса и Либревилля; къ сѣверу они граничатъ съ племенемъ батанга; къ югу отъ Габона ихъ развѣдчики достигли уже во многихъ мѣстахъ моря; одно изъ ихъ колѣвъ, *сінке*, занимаетъ полосу пороговъ въ верховьяхъ Ивиндо, а *осіэба* переправились на плотахъ чрезъ среднее теченіе Огоуэ и даже проникли въ области дельты, до Рембо-Овенго. Внушая страхъ всѣмъ другимъ народцамъ, они—на восходѣ своего могущества, и повсюду, гдѣ ни появляются, становятся безспорными властелинами. Численность ихъ только въ тѣхъ областяхъ, въ которыя проникали европейцы, предполагается равняющеюся двумъстамъ тысячамъ, при чемъ съ середины текущаго столѣтія народъ этотъ утроился не только вслѣдствіе непрерывной иммиграціи, но благодаря также избытку рожденій, такъ какъ фанскія женщины, позднѣе выходя замужъ, оказываются и болѣе плодородными, въ сравненіи съ женщинами сосѣднихъ племенъ, именно мпюгуэ и мбенга. Будущее французскаго вліянія въ краѣ зависитъ по преимуществу отъ тѣхъ отношеній, которыя установятся между бѣлыми и этими грозными завоевателями, такъ какъ другія племена, вслѣдствіе своего крайняго дробленія, не въ состояніи противопоставить европейцамъ серьезныхъ затрудненій.

«Фанъ», то-есть «люди», извѣстны также и подъ многими другими наименованіями ¹⁾: такъ, французы въ Либревиллѣ обычно называютъ ихъ *пагуинами*, и тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ въ предѣлахъ Габонійской территоріи, дѣлятъ на двѣ главныя группы: *ма-кима* на верховьяхъ Огоуэ и *ма-зунг*—по сосѣдству съ Габономъ; эти группы говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ и ведутъ другъ съ другомъ кровопролитныя войны; многіе ма-зуна имѣютъ около угла лѣваго глаза особый голубой значекъ, какъ-бы клеймо ²⁾. Кромѣ этихъ подраздѣленій разсматриваемой расы, существуютъ также и другія; таковы *мбакиши*, на сѣверѣ, у которыхъ, по словамъ ихъ сосѣдей, ноги, будто-бы, имѣютъ «форму лошадиного копыта» ³⁾. По нѣкоторымъ авторамъ, фаны—потомки тѣхъ джагга, которые опустошили королевство Конго въ 17-мъ вѣкѣ; однако, изъ словарей, составленныхъ Wilson'омъ, Lenz'омъ и Zölher'омъ, видно, что языкъ фановъ того же корня, какъ и языки оттѣсненныхъ ими племенъ; онъ тоже принадлежитъ къ нарѣчіямъ

банту, хотя произношеніе въ немъ чрезвычайно гортанное, и иностранцы не въ состояніи ему подражать; въ частности же, онъ гораздо менѣе отличается отъ говора мбенга, чѣмъ отъ нарѣчія мпюгуэ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ изученіе языка пагуанъ, а также и тѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ центральныхъ областяхъ материка, дастъ возможность распознать истинное родство этихъ завоевателей Габоніи. Пока же между антропологами господствуетъ мнѣніе о принадлежности пагуиновъ къ тому же самому семейству, какъ и племя нямъ-нямъ страны Рѣкѣ и областей Верхней Уалла; и хотя эти части Африки отстоятъ отъ нынѣшняго мѣстообитанія пагуиновъ на полторы тысячи километровъ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки возможно, что населяющія ихъ племена родственны пагуинамъ. Последніе сходны съ нямъ-ніамами въ физическомъ отношеніи—оттѣнкомъ цвѣта кожи, станомъ, чертами и осанкою; подобно нямъ-ніамамъ, они также подпиливаютъ себѣ рѣзцы, заплетаютъ волосы въ одну толстую и въ нѣсколько отдѣльныхъ косъ, прикрываютъ голову корою деревьевъ и разрисовываютъ себѣ тѣло красящими травами; начальники ихъ тоже одѣваются въ шкуру леопарда и употребляютъ тѣ же дротики, снабженные нѣсколькими острыми для разрыванія мяса; синія бусы и раковина сургаеа *монета* одинаково употребляются для украшенія какъ пагуинами, такъ и нямъ-ніамами; одна и та же порода собакъ сопровождаетъ охотниковъ въ обоихъ племенахъ; наконецъ, оба эти народца—людоѣды, и на языкѣ обоихъ слово *ниа* значить одно и то же, именно: «ѣсть». Такимъ образомъ, фаны—это западные нямъ-ніамы ¹⁾.

Цвѣтомъ кожи пагуины свѣтлѣе своихъ сосѣдей на морскомъ берегу и по рѣкѣ Огоуэ, а волосы у нихъ менѣе курчавы, вслѣдствіе чего нѣкоторые черезъ-чуръ рьяные классификаторы хотѣли выдѣлить пагуиновъ въ отдѣльную отъ всѣхъ остальныхъ негровъ расу. Мужчины, единственное занятіе которыхъ состоитъ въ ношеніи своего оружія да въ хожденіи по лѣсамъ въ погонѣ за дичью, вообще стройны и худощавы, хотя съ сильно развитыми мускулами; ходятъ они поступью твердо, взглядъ имѣютъ увѣренный, открытый, чѣмъ рѣзко отличаются отъ габонійцевъ, имѣющихъ рабскій обликъ и понуро смотрящихъ въ землю ²⁾.

Напрѣтивъ, пагуинскія женщины, будучи обречены на всѣ тяжелыя работы по домашнему хозяйству и по воздѣлыванію растений, по большей части, тотчасъ же по минованіи первой молодости, становятся неуклюжими и некрасивыми; у большинства изъ нихъ—ухватки

¹⁾ Ба-фанъ, м'фанъ, па-муэ, м-пагуэ, фангуэ и т. д. Не сюда-ли должно быть причислено также и имя банту?

²⁾ Ponel, рукописныя замѣтки.

³⁾ Ossorio, «Rivista de geografia commerciale». Іюль-Сентябрь. 1886.

¹⁾ Schweinfurth, «Au coeur de l'Afrique». — De Compiègne, упом. соч.

²⁾ P. de Brazza, «Tour du Monde». 1888. Ponel, рукоп. замѣтки.

дикихъ звѣрей. Характеристичною и для мужчинъ, и для женщинъ чертою является выпуклость лба, который въ видѣ полушара выдается надъ бровями. Что касается украшеній, то между африканскими племенами мало найдется такихъ, у которыхъ молодые парни и дѣвушки болѣе бы любили украшать свое тѣло, чѣмъ у нѣкоторыхъ колѣвъ пагуиновъ. Къ татуировкѣ они прибавляютъ разрисовываніе; волосы на головѣ убираютъ жемчугомъ, травами и перьями, шея и станъ увѣшиваются гирляндами изъ бусъ, раковинъ каури и фар-

желтою или зеленоватою глиною, которая и придаетъ ихъ кожѣ оттѣнокъ трупa. Метисы бѣлыхъ, впрочемъ не многочисленные, у пагуиновъ считаются фетишами и подобно имъ и чествуются ¹⁾).

Людоѣдство — о существованіи котораго единогласно свидѣтельствовали всѣ первые путешественники — повидимому, уже болѣе не практикуется вблизи морскаго берега. Но внутри страны еще ѣдятъ мясо взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ, при чемъ такая трапеза носитъ, однако, религіозный характеръ: именно, въ священной

Женщина племени пагуинъ.

форовыхъ пуговицъ, а лодыжки отягщаются мѣдными кольцами, браслетами, схожими съ тѣми, которыя употребляютъ восточные африканцы: такимъ образомъ, нѣкоторыя женщины оказываются разукрашенными какъ фетиши и изъ-за тяжести украшеній не могутъ даже ходить ¹⁾). Однако, когда женщинамъ приходится оплакивать смерть начальника или кого-либо изъ родственниковъ, то онѣ должны снять съ себя всѣ ткани, всѣ убранства и оставаться вполне голыми или же прикрытыми одною листвою; тѣло же свое онѣ должны вымазать

хижинѣ, вдали отъ взоровъ женщинъ и дѣтей, воины сѣдаютъ мясо, которое должно къ ихъ храбрости прибавить также храбрость и ихъ врага ²⁾). Говорятъ, будто-бы, такимъ же образомъ сѣдаются колдуны, и будто при многихъ обстоятельствахъ были приносимы въ жертву и обмѣниваемы между деревьями для торжественныхъ празднествъ также и рабы ³⁾). Какъ бы тамъ ни было, людоѣдство становится у пагуиновъ все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ, и должно быть разсматриваемо въ особенностяхъ какъ остатокъ ихъ древняго культа;

¹⁾ Jardin, „Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort“. T. V, № 3, 1884.

²⁾ Fœnel, пукон. замѣтки.

³⁾ Richard Burton, „Two Trips to Gorilla Land“.

⁴⁾ Winwood Reade, „Savage Afrika“.

у нѣкоторыхъ племенъ имѣютъ право на человѣческое мясо только одни старики; для всѣхъ остальныхъ оно есть фетишъ¹⁾. Какъ и у другихъ сосѣднихъ племенъ, трупы начальниковъ погребаются тайно, чтобы ихъ не могли найти злые духи и чтобы они не были осквернены врагами-чародѣями, могущими воспользоваться ими для приготовления ядовъ или любовныхъ напитковъ. Хотя и завоеватели, пагуины должны, однако, по мѣрѣ приближенія къ морскому берегу и соприкосновенія при этомъ съ иноплемениками, измѣнять свои нравы, въ виду новыхъ условій среды. Изъ звѣролововъ они принуждены превращаться въ земледѣльцевъ, лодочниковъ и торговцевъ. Впрочемъ, практикуемый ими способъ охоты приводитъ къ совершенному истребленію лѣсныхъ животныхъ. При помощи ланъ и колевъ, они огораживаютъ обширныя пространства лѣса и загоняютъ туда всѣхъ встрѣчающихся имъ звѣрей, ставя имъ въ загонѣ для питья пироги съ отравленною водою. Когда же загонъ наполнится животными, его запираютъ, и послѣ этого приступаютъ къ убіенію, по мѣрѣ надобности, отуманенныхъ отравой слоновъ; перебивъ съ теченіемъ времени всѣхъ животныхъ въ одной мѣстности, пагуины переселяются въ другую, въ которой повторяютъ тотъ же охотничій приемъ.

Изъ всѣхъ народовъ Габоніи, фаны—самое дѣятельное и самое промышленное племя. Они искусные кузнецы и изобрѣтательные оружейники, придумавшіе—для охоты за пугающими ружейныхъ выстрѣловъ обезьянами и антилопами—лукъ изъ эбеноваго дерева, стрѣлы котораго обмакиваются въ весьма тонкій ядъ, называющійся онан. Славятся пагуины также и какъ горшечники, а изъ племенъ, проживающихъ въ сосѣдствѣ съ европейцами, они лучшіе садоводы; вообще, они—надежда колоніи. Одни они во всемъ краѣ знали употребленіе монеты, которою у нихъ служили маленькіе желѣзные кружечки, ванизанные, какъ у китайцевъ, на веревочку. Пагуане, живущіе по берегамъ рѣки Комо—находясь нынѣ въ переходномъ состояніи отъ кочеваго къ осѣдлому быту, отъ прежнихъ условій жизни свободнаго война къ условіямъ жизни поставщика припасовъ для французовъ, живущихъ въ Либревиль—всегда устраиваютъ себѣ по два селенія, удаленныхъ одно отъ другаго. У нихъ есть селеніе прирѣчное, выгодно помѣщенное въ торговомъ отношеніи, но выставленное нападеніямъ военныхъ шлюпокъ, и селеніе лѣсное, куда жители, извѣщенные объ опасности звуками тамъ-тама или рога изъ слоновьяго клыка, во-время и убѣгаютъ; при этомъ, если ихъ деревню на берегу рѣки выжгутъ, то это не важно: драгоценныя вещи сохраняются въ

тѣхъ жилищахъ, которыя расположены въ лѣсу, а что касается сожженныхъ хижинокъ, то ихъ можно возстановить въ нѣсколько дней¹⁾. Всѣ деревни располагаются такимъ образомъ, что внезапное нападеніе невозможно и, кромѣ того, сторожа, съ обѣихъ концовъ улицы, оберегаютъ село постоянно, и днемъ и ночью. Такъ называемая совѣщательная хижина, въ которую собираются воины для обсужденія общихъ дѣлъ, а также и въ торжественныхъ случаяхъ (при пріемѣ, напр., путешественниковъ и торговцевъ), находится въ центрѣ села, и всякій, кто можетъ носить оружіе, имѣетъ право требовать, чтобы былъ выслушанъ его совѣтъ.

Къ востоку отъ плоскогорій, населенныхъ фанами, къ Конго спускается склонъ, обитаемый племенами, въ этническомъ отношеніи принадлежащими къ группѣ народцевъ великой рѣки; но къ югу отъ Огоуэ, на морскомъ берегу и на горахъ внутри страны, проживаютъ различныя племена, по своему языку приближающіяся къ народцамъ Габоніи. Таковы: *камма, нумба* или *ма-нумба*, поселенія которыхъ находятся по сосѣдству съ моремъ, лиманами и рѣчными притоками между Огоуэ и Ніанга; далѣе, на берегахъ Ніанги основались *ба-лумбо, ба-яка* и *ба-пуно*; южнѣе, вдоль каналовъ-протоковъ, живутъ *ба-вили*, а еще далѣе *ма-юмбе* занимаютъ область нижняго теченія Куилу и прирѣчныхъ земель. Наконецъ, въ томъ гористомъ краѣ, гдѣ берутъ свое начало верхніе притоки Огоуэ, Ніанги и Куилу, обитаютъ *а-шанго*, родственные племенамъ *ашондо*, и *а-шира* на рѣкахъ Нгуниэ и Рембо. По словамъ д-ра Шалю, экскурсіи котораго были совершены въ 1858 и 1865 годахъ,—а-шира, которые цвѣтомъ кожи чернѣе своихъ сосѣдей, принадлежатъ къ числу самыхъ красивыхъ и самыхъ умныхъ народовъ Африки: грація а-ширскихъ женщинъ и есть, будто-бы, даже одна изъ причинъ быстрого уменьшенія численности этого племени, такъ какъ ба-калэ и другіе народцы покупаютъ за дорогую цѣну, или же просто воруютъ а-ширскихъ дѣвушекъ въ возрастѣ невѣсты. Но главныя причины обезлюдненія а-ширскаго края, вѣроятно,—оспа, много разъ страшно свирѣпствовавшая, и употребленіе конопли или лямбы, которая мало-по-малу ослабляетъ и губитъ а-шировъ. Изъ а-ширской земли и сѣверныхъ племена добываютъ себѣ это губительное снадобье, составляющее, вмѣстѣ съ водкою или алуку, «великое цивилизующее средство» во всей Габоніи. А-ширы и смежныя народцы: ба-пунго и а-шанго имѣютъ привычку вырывать у себя по два верхнихъ рѣзца и подпиливать остальные зубы; что касается ихъ шевелюры, то, обрабатываемая съ удивительною тщатель-

¹⁾ Decazes, „Société de Géographie de Paris“. 1887.

¹⁾ Trivier, *уном. соч.*

ностью, она, подъ рукой артистовъ, принимаетъ самыя причудливыя формы. Такъ, а-ширскія женщины придаютъ ей видъ генеральской шляпы, съ галунами, бахромой и развѣвающимися перьями.

пугливому народу, питающемуся корнями, ягодами и дичью; это о-коа или а-коа, описанные Маршемъ ¹⁾, ба-бонго, видѣнные Фалькенштейномъ въ Лоанго. По словамъ дю-Шалью, а-бонго—желтоватаго цвѣта, съ низкимъ, убѣ-

Пороги Иеллала

Группы лиственныхъ хижинъ, разсѣяныя по лѣсамъ среди поселеній а-шонго и восточнѣе, около большой рѣки, даютъ убѣжище семействамъ малорослыхъ людей: а-бонго (обонго),

гающимъ кзади лбомъ, выдающимися скулами, боязливымъ взоромъ и мелкими курчавыми за-

¹⁾ „Trois voyages dans l'Afrique occidentale“.

витками на головѣ; въ сравненіи съ общою длиною ихъ тѣла, ноги у нихъ коротки. Изъ десяти измѣренныхъ путешественникомъ ¹⁾ женщинъ, самая рослая, почти исполнивъ между остальными, была высотой въ 1 метръ и 53 сантим., а самая маленькая всего лишь 1 метръ и 32 сантим.; молодой же, достигшій полного развитія, мужчина не превышалъ 1 м. и 37 сантим.; о-коа, видѣнные Маршемъ въ предѣлахъ верхняго теченія Огоуэ, были, въ среднемъ, на десять сантиметровъ выше. У а-бонга вступаютъ въ бракъ другъ съ другомъ не только двоюродные, но даже и родные братья и сестра; объясняется это малочисленностью разсѣянныхъ колѣнъ этого племени, проживающаго вдали не только отъ селеній, но даже и въ сторонѣ отъ торныхъ тропинокъ; около ихъ хижинъ легко пройти мимо, даже и не примѣтивъ ихъ, — дотога скрытно ютятся они въ углубленіяхъ почвы и между скалами и утесами: по словамъ дю-Шалью, эти, сплетенныя изъ вѣтвей, хижины имѣютъ и въ высоту, и въ ширину не болѣе 1 метра 30 сантиметровъ. О-бонги поспѣшно хоронятъ своихъ мертвецовъ, либо въ дуплахъ деревьевъ, либо на днѣ ручьевъ, отведя на-время воду. Слѣдуетъ замѣтить, что сосѣди ихъ, а-шонги, обращаются съ ними очень ласково, почти съ нѣжностью, и когда а-бонгскія женщины приходятъ на рынокъ, ихъ одариваютъ бананами и другими плодами. Хотя и весьма мало смѣшиваясь съ сосѣдними племенами, о-коа съ верховьевъ Огоуэ мало-по-малу усваиваютъ ихъ нравы. Въ предѣлахъ обитанія племени оканда, о-коа любятъ лакомиться мясомъ питона [изъ сем. удавовъ], за которымъ они охотятся съ копьями и предварительно зажегши траву. Маршу довелось посѣтить, между прочимъ, одну деревню о-коа, начальникъ которой обладалъ могущественнымъ фетишемъ, предотвращающимъ смерть дѣтей въ раннемъ возрастѣ: вслѣдствіе этого, къ нему отовсюду присылали въ пансіонъ женщинъ и дѣтей.

Различные народцы, живущіе по сосѣдству съ берегомъ моря, къ югу отъ Ніанга, — очень смѣшаннаго происхожденія, хотя ихъ и называютъ общимъ именемъ *ба-лумбо* или *ба-вили*. Такъ какъ эта часть морскаго берега находится между рынками Габона, съ одной стороны, и рынками португальскихъ факторій около устья Конго, съ другой, то многіе изъ бѣглыхъ невольниковъ, ускользавшихъ отъ негро-торговцевъ на сѣверѣ и на югѣ этой области, нѣкогда укрывались на здѣшнихъ опасныхъ пляжахъ, защищаемыхъ бурунами, болотами и лѣсами. Смѣшиваясь съ туземцами, эти бѣглецы образовали новыя группы, которыя, однако, не отличаются по своимъ обычаямъ и нравамъ отъ сосѣдняго съ ними, живущаго глубже въ

странѣ, племени *ба-яка*, столь замѣчательнаго по своему гармоническому и ласкающему слухъ выговору; какъ и это племя, ба-вили обвертываютъ своихъ мертвецовъ и подвѣшиваютъ ихъ, при помощи перевязей, къ деревьямъ; и у ба-вили тоже имѣются могущественные фетишеры, которые, совсѣмъ запрещая женщинамъ ѣсть мясо козы и домашней птицы, предписываютъ имъ заниматься обработкою полей и во всемъ слушаться своихъ мужей. Татуировка и обмазываніе тѣла не имѣютъ такой важности въ ихъ глазахъ, какъ у негровъ, живущихъ внутри страны; однако, и между ними встрѣчается еще много туземцевъ, которые по-прежнему татуируются и обмазываются. Поморскіе ба-вили и ба-лумбо избѣгаютъ сношеній съ европейскими торговцами, такъ какъ воспоминанія о времени торговли неграми вовсе не такого свойства, чтобы возбуждать любовь къ бѣлымъ. Къ тому же, ба-вили нѣтъ надобности и вести торговныя сношенія съ бѣлыми: вмѣстѣ съ бананами и другими плодами своихъ плантацій, они въ изобиліи имѣютъ необходимую пищу, благодаря мариго, которыя тянутся параллельно морскому берегу и которыя усыяны устричными мелями; берега этихъ каналовъ-протоковъ покрыты кухонными остатками, свидѣтельствующими о томъ, какую громадную пользу приносятъ моллюски въ дѣлѣ питанія данныхъ племенъ. Главный промыселъ ба-вили и ба-лумбо заключается въ добываніи соли. Но, при этомъ, они не ждутъ, подобно жителямъ Средиземнаго моря, того времени, когда солнце испаритъ воду изъ лужъ и когда на днѣ этихъ послѣднихъ осядутъ соляные пласты, а добываютъ соль при помощи искусственнаго нагрѣванія. Въ каждой хижинѣ имѣется глиняный горнъ, который наполняютъ морскою водою и подъ которымъ поддерживаютъ сильный огонь; отлагающуюся соль упаковываютъ въ цилиндрическіе коробки и продаютъ ба-якскимъ маклерамъ, предпочитающимъ еѣ соли европейской ¹⁾. Прежде для добыванія соли исключительно употребляли мѣдные тазы, которые нынѣ считаются предметами роскоши, и изъ которыхъ вырѣзываютъ также пластинки для украшенія ружей и ножей.

Ма-йомбе, обитающіе на р. Куилу и въ португальскихъ владѣніяхъ, подраздѣляются, какъ и всѣ другіе народцы этой области, на большое число республикъ различной величины: отъ одной лишь деревни до союза изъ нѣсколькихъ общинъ. Эти негры уже цѣлые вѣка находятся въ сношеніяхъ съ португальскими торговцами, вслѣдствіе чего, какъ ихъ дома, такъ и сараи для складовъ, по способу постройки, напоминаютъ европейскіе; также и въ нарѣчіе ихъ вошло множество выраженій изъ языка Камоенса. Однако, съ углубленіемъ

¹⁾ „A Journey to Ashango-Land“.

¹⁾ Paul Güssfeldt, „Die Loango-Expedition“.

внутри страны, къ востоку, по ту сторону пограничныхъ горъ, перейденныхъ изслѣдователями лишь очень недавно, вліяніе цивилизаціи бѣлыхъ быстро исчезаетъ. И какихъ только диковинокъ не рассказывали ма-йомбе о своихъ восточныхъ сосѣдяхъ: ба-куня, ба-камба и другихъ! Одни изъ нихъ, будто бы, сущіе карлики, другіе—великаны; въ нѣкоторыхъ племенахъ всѣ люди имѣють-де только по одной рукѣ или по одной ногѣ; люди съ хвостами, прежде чѣмъ сѣсть, вырываютъ-де ямки для своихъ хвостовъ. Возможно, однако, что между этими легендами есть и такія, въ

составляють переходную ступень между банту габонійскими и банту конгскими: ихъ расовое имя *ба-фиотъ* или *ба-фиортъ*, а языкъ ихъ почти не отличается отъ того языка, на которомъ говорятъ прирѣчные жители португальской Конгской провинціи. Какъ извѣстно, въ XVI столѣтіи и въ первой половинѣ XVII, весь край, ограничиваемый на сѣверѣ рѣкою Куилу, составлялъ часть имперіи «великаго отца» или мфума, короля Конго; но представителями власти монарха являлись его намѣстники, *муэне* или *мани-фума*, и эти вице-короли мало-по-малу сдѣлались независимыми.

Негръ племени кабинда.

основѣ которыхъ лежитъ правда: такова, напр., легенда о королѣ, который не иначе поднимался съ мѣста, какъ вонзивъ по копью въ грудь двумъ несчастнымъ, осужденнымъ на смерть!

Что касается племенъ, обитающихъ въ южной части территоріи, въ предѣлахъ тѣхъ небольшихъ рѣчныхъ бассейновъ, которые находятся между рѣками Куилу и Конго, то они смотрятъ на себя какъ на обладающихъ высшею цивилизаціею и ни-за-что не хотятъ быть уподобленными варварскимъ сѣвернымъ племенамъ. Впрочемъ, они и на самомъ дѣлѣ принадлежать къ другой этнической группѣ и

Такъ образовались: Королевство Лоанго—первое по значенію—и два другія государства: Каковго и Нгойо, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись еще на автономныя провинціи, имѣвшія каждая своего начальника, съ состоящими при немъ министрами и совѣтомъ старѣйшинъ. Послѣ смерти короля всегда выжидали нѣсколько лѣтъ съ его похоронами, а въ теченіе этого междоцарствія власть вручали ма-бома или «господину страха». Легенда гласитъ, будто при послѣдней смѣнѣ монарха, подвластные ему племена не оказались настолько богатыми, чтобы, даже выждавъ установленное количество лѣтъ, устроить своему

великому королю похороны, достойныя его могущества, и оттого совѣтъ отказались его хоронить: поэтому онъ считается все еще живущимъ, а нынѣшніе начальники, официально лишь его уполномоченные, суть не болѣе какъ *мани*, или вице-короли: это, однако, не препятствуетъ имъ окружать себя такимъ же величіемъ, какъ если бы они сами были императорами, и въ сношеніяхъ съ подданными придерживаются самаго церемоніальнаго этикета. Многіе изъ нихъ носятъ португальскія имена, а титулы и должности окружающихъ ихъ лицъ напоминаютъ о томъ вліяніи, которое нѣкогда здѣсь имѣли представители лиссабонскаго двора. Въ прежнее время эти вице-короли могли прикасаться изъ заморскихъ вещей только къ оружію, металламъ и издѣліямъ изъ дерева и слоновой кости: взглядъ на всякую европейскую вещь былъ имъ воспрещенъ¹⁾.

Равнымъ образомъ, еще не исчезли совершенно изъ религіи ба-фиотовъ и слѣды обрядовъ, преподанныхъ имъ португальскими доминиканцами. Въ концѣ XVIII столѣтія, значительнымъ «христіанскимъ» центромъ было поселеніе Мангюэнзо, находящееся въ восточной части Коконго²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приморскіе поселеніе еще совершаютъ крестные ходы, а дѣтей крестятъ, но, по достиженіи юношескаго возраста, все-таки подвергаютъ обрѣзанію³⁾. У большинства ба-фиотовъ главный богъ, Нзамби, есть существо женское, смѣшиваемое ими съ Са-Мануалу, Пресвятою Дѣвою Маріею, и съ «землею, матерью всего»: ораторы, которымъ предстоитъ произнести торжественную рѣчь, никогда не преминутъ прежде всего призвать имя богини, а жрецы обращаются къ ней съ молитвами, стоя на пирамидѣ изъ костей животныхъ⁴⁾. У ба-фиотскихъ богослововъ существуетъ также и идея о нѣкоторомъ родѣ Божественной Троицы: Нзамби, мать Конго, присоединила къ себѣ своего сына для управленія вселенною, а третье лицо—наименованіе котораго, *Deisos*, очевидно португальскаго происхожденія—принимаетъ участіе въ правленіи міромъ. Представителемъ богини является фетишъ, болѣе уважаемый, чѣмъ другіе, и наказывающій смертью тѣхъ вѣщевцевъ, которые ѣдятъ запрещенное мясо: быть-можетъ, въ этомъ суевѣріи слѣдуетъ видѣть воспоминаніе предписаній о постѣ. Каждая молитва, обращенная къ фетишу, подтверждается вколачиваніемъ гвоздя въ чурбанъ, изображающій священный ликъ богини: ибо для того, чтобы богиня помнила о молебѣ ея смиреннаго поклонника, необходимо, чтобы впечатлѣніе отъ моленія

было глубоко и даже болѣзненно¹⁾; поэтому же, прежде всякій приговоръ, для полученія дѣйствительной силы, долженъ былъ подтверждаться жестокимъ ударомъ, наносимымъ преступнику. Въ цѣломъ, религія ба-фиотовъ есть такъ называемый культъ *жисси-бома*, или «фетиша ужаса», одновременно и добраго, и злаго духа, которому поклоняются и котораго страшатся. Человѣческія жертвы при погребеніи короля приносились еще въ 1870 году, а одна вѣдьма была сожжена передъ факторіями бѣлыхъ въ Кабиндѣ въ 1877 году. Какъ и сенегамбійскіе и сіерра-леонскіе негры, ба-фиоты имѣютъ своихъ блюстителей общественной нравственности, *ба-дунго* или *пагасариосъ*, которые являютъ въ села ночью—замаскированные, одѣтые въ листву и вооруженные деревяннымъ мечемъ—для наказанія невѣрныхъ женъ, укаzanія воровъ, а также и для воровства, производимаго уже ими самими, при чемъ они требуютъ себѣ все то, къ чему прикоснется ихъ деревянная сабля. Мѣста, предназначенныя для поклоненія домашнимъ богамъ, представляютъ обыкновенно пространства, покрытыя травою и цвѣтами и окруженныя безплодною зоной: здѣсь, по словамъ легенды, нѣкогда и опочили сыновья короля Конго, послѣ того, какъ они прибыли въ страну для управленія ею отъ имени своего отца. Но кто же этотъ богъ Конго, такъ прославляемый ба-фиотами? Вѣроятно, они видятъ въ немъ въ одно и то же время духа великой рѣки, которая течетъ на югъ ихъ территоріи, и душу того императора, котораго подданными были ихъ предки.

Ба-фиоты, называемые португальцами кабинда или кабенда—по имени торговаго городка, расположеннаго на берегу бухточки, въ шестидесяти километрахъ къ сѣверу отъ устья Конго—славятся какъ искусные лодочники и моряки: они сами строятъ палубы, т. е. прочныя гребныя суда, на которыхъ и совершаютъ каботажи по Конго и морскимъ и рѣчнымъ берегамъ Африки на протяженіи отъ Габона до Моссамедеса. Подобно племени кру, ба-фиоты временно эмигрируютъ на борты судовъ или въ факторіи бѣлыхъ: къ югу отъ Камеруна, всѣ факторіи, гдѣ не можетъ быть примѣненъ трудъ мѣстныхъ негровъ, принимаютъ къ себѣ кабиндовъ. Они также весьма искусные каменщики, повара и портные, и вообще въ южныхъ португальскихъ владѣніяхъ кабинды составляютъ большую часть ремесленнаго сословія. Несомнѣнно, что кабиндовъ, проживающихъ вдали отъ своего отечества, несравненно больше, чѣмъ остающихся у себя на родинѣ.

Въ Кабиндѣ и у сосѣднихъ племенъ время

¹⁾ R. E. Dennet, „Seven Years among the Fjort“.

²⁾ Proyard, *уном. соч.*

³⁾ Herman Soyaux, „Aus der West-Africa“.

⁴⁾ Adolf Bastian, „Die Deutsche Expedition an der Loango-Küste“.

¹⁾ Adolf Bastian, „Zeitschrift f. Ethnologie“. T. VI, 1874.—Dennet, *уном. соч.*

не дѣлится на періоды, состоящіе изъ семи дней, какъ въ странахъ христіанскихъ и мусульманскихъ. У нихъ каждый четвертый день посвящается относительному покою: такъ, въ этотъ день не выходятъ на работу въ поляхъ¹⁾. Женщины у кабиндовъ вообще гораздо свободнѣе, чѣмъ у другихъ негритянскихъ племенъ Габона и Огоуэ; напр., наследство передается по женской линіи, и часто молодая дѣвушка имѣетъ право избрать себѣ мужа; бракъ считается заключеннымъ, даже вопреки волѣ родителей, если дѣвушка приготовила два блюда для своего избраннаго и если онъ съѣлъ ихъ въ ея хижинѣ²⁾. Замѣчательнѣе также одинъ фактъ, который ставитъ кабиндовъ, а также и всѣхъ ба-фиотовъ весьма высоко въ средѣ народовъ, и который заключается въ томъ, что смертность дѣтей равняется почти нулю; семьи здѣсь не многочисленны, но зато матери не теряютъ своихъ грудныхъ питомцевъ, которые растутъ не зная рахитизма, ни другихъ многочисленныхъ болѣзней, столь обыкновенныхъ въ цивилизованныхъ краяхъ. Между кабиндами нѣтъ ни хворыхъ, ни плѣшивыхъ: ихъ голова узкая и высокая и всегда покрыта густыми волосами³⁾.

Вѣроятно, пройдутъ еще долгіе годы, прежде чѣмъ другіе негры области, лежащей между Гвинейскимъ моремъ и р. Конго, окажутся способными принимать участіе въ промышленномъ и торговомъ трудѣ съ тою же ревностью и съ такимъ же умѣньемъ, какъ и кабинды; по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ бѣлые прошли по ихъ территории въ разныхъ направленіяхъ, среди нихъ совершилась настоящая революція; они уже болѣе не отгорожены узкими предѣлами своихъ мѣстообитаній, изъ которыхъ имъ доводилось выходить только въ качествѣ захватчиковъ или въ видѣ просящихъ убѣжища. Еще не такъ давно гребцы различныхъ племенъ наталкивались на непреодолимые преграды на р. Огоуэ, и даже европейцы въ теченіе долгаго времени принуждены были останавливаться около мыса Фетиша, находящагося за слияніемъ Нгуніэ съ главной рѣкою. И хотя эту святую святыхъ души постоянно охраняютъ и понынѣ, но теперь они довольствуются каплею воды и листкомъ табаку, ввергнувъ которые, въ видѣ жертвы, въ рѣку, путешественникъ уже безпрепятственно можетъ совершать свой дальнѣйшій путь. Такъ, Брацца, въ 1883 году, могъ уже подняться по рѣкѣ съ флотиліей, состоявшей изъ 58 пирогъ, на которыхъ помѣщались 60 тоннъ товаровъ и 900 людей самаго разнообразнаго происхожденія: бѣлыхъ, сенегальцевъ, круменовъ, габонійцевъ и прирѣчныхъ обитателей Огоуэ. Съ тѣхъ поръ, какъ туземецъ,

сдѣлавшійся солдатомъ и научившійся владѣть оружіемъ, включительно до перевозчика и чернорабочаго, могущаго нести тѣло въ теченіе семи дней, около семи тысячъ чело-вѣкъ сплываютъ вверхъ и внизъ по рѣкѣ, перенося и перевоза различные товары, при чемъ, примѣняясь къ новому порядку вещей, позабываютъ свои старинные обычаи. Теперь въ Габоніи нѣтъ ни одного племени, которое бы заграждало путь чрезъ всю страну и такимъ образомъ препятствовало бы торговлѣ. А между тѣмъ въ былое время требовалось болѣе года, чтобы какой-нибудь ножъ или ожерелье могли съ берега моря достигнуть до средняго теченія Конго.

Отнынѣ внутреннія области открыты для блага чело-вѣка, и народцы, не принимавшіе до сихъ поръ никакого участія въ міровой торговлѣ, теперь могутъ, въ свою очередь, обмѣнивать камедь и бивни слона на европейскіе товары; но въ то время, какъ для этихъ, еще недавно совершенно изолированныхъ населеній открывается новая эра, возникаетъ вопросъ: готовы ли уже приморскія племена совершить въ своемъ промышленномъ развитіи соответственный прогрессъ, который долженъ выразиться въ переходѣ отъ простаго сбора плодовъ къ земледѣлію? Безъ правильнаго пользованія почвою, Габонія не можетъ имѣть никакого экономическаго значенія; ей придется оставаться лишь мѣстомъ для содержанія гарнизона, якорною стоянкою и передаточнымъ пунктомъ между морскимъ побережьемъ и внутренностью страны, небольшою группою факторій и миссій. А между тѣмъ—кромѣ исподоволь совершающейся замѣны мпонгуэ болѣе работающими и болѣе смысленными пагуинами — не существуетъ еще указаній на большія перемѣны въ Габонѣ. Помимо мѣноваго торговаго, съ сопутствующими ему обманами и пороками, попытки къ цивилизаціи были столь малозначительны, что почти все еще предстоитъ совершить въ будущемъ. Правда ли, что цивилизаторскія попытки относительно племенъ, обитающихъ по сторонамъ дороги отъ Огоуэ до Конго, чрезъ Алиму, совершаются нынѣ съ благоразуміемъ и добросердечностью? Сколько дикарей, которые описывались первыми путешественниками какъ свирѣпыя существа, будто недоступныя никакому прогрессу, превратились—благодаря справедливому и благожелательному обращенію съ ними — въ преданныхъ друзей и людей, стремящихся къ пріобрѣтенію познаний! Болѣе же всего, по словамъ Брацца, слѣдуетъ остерегаться вмѣшательства силы въ это дѣло, подготовляемое терпѣніемъ и кротостью,—иначе десятилѣтніе труды будутъ разрушены въ одинъ день.

Къ сѣверу отъ Габонскаго лимана, на континентѣ нѣтъ городовъ, есть лишь нѣсколько

¹⁾ Bastian;—Dennett, *упом. сочиненія*.

²⁾ Hermann Savaux, *упом. соч.*

³⁾ Paul Güssfeldt, *упом. соч.*

факторій и миссіонерскихъ становъ при устьяхъ Сенъ-Бенито и другихъ рѣкъ. Наибольше значительная группа чернокожаго населенія скучена на испанскомъ островѣ Кориско, иначе называемомъ также «Островомъ Молніи», по причинѣ грозъ, которыя наблюдались на немъ первыми мореплавателями. Это—почти плоская, приблизительно въ 14 кв. километровъ, земля, составляющая продолженіе—впередѣ бухты Рио-Муни—того полуострова, на которомъ находится мысъ Нинже или Сенъ-Жанъ. Изъ тысячи мбenga, которые проживаютъ въ нѣсколькихъ построенныхъ на островѣ деревняхъ, болѣе четверти умѣютъ читать и писать, благодаря поселившимся между ними католическимъ и протестантскимъ миссіонерамъ. Изъ европейскихъ купцовъ, однако, на островѣ не пребываетъ постоянно ни одинъ: попытки голландцевъ, въ 1879 г., превратить этотъ островъ въ торговую колонию были неудачны, и мбенгскіе землевладельцы такъ и остались единственными его обладателями. Оставленнымъ въ пользованіе однимъ туземцамъ оказывается также и островокъ Большой Элобей,—находящійся къ сѣверо-востоку отъ Кориско, въ глубинѣ бухты; и только островъ Малый Элобей,—поверхностью всего въ одинъ квадратный километръ, лежащій почти напротивъ устья Муни—занимать иностранными торговцами. Отсюда они могутъ наблюдать за своими факторіями на берегу материка и сообщаться съ ними во всякое время, такъ какъ въ этой тихой бухтѣ, защищенной отъ вѣтровъ и волнъ островами Кориско и Большимъ Элобеемъ, не бываетъ бурновъ (прибой), и потому можно воевское время нагружать и разгружать товары, не опасаясь аварій. На этомъ островкѣ вѣтъ другихъ жителей, кромѣ европейскихъ купцовъ, съ ихъ агентами и служителями изъ племени кру, при чемъ необходимые жизненные припасы имъ ежедневно доставляютъ мбенги съ Большого Элобея. Европейскаго стиля домики, снабженные широкими верандами—на которыхъ вволю можно дышать морской бризой, имѣютъ очень привлекательную наружность, и пребываніе тамъ относительно даже благопріятно для здоровья, вслѣдствіе чего Малый Элобей составляетъ санаторію для живущихъ на берегу материка. Хотя главный административный центръ испанскихъ владѣній на этомъ берегу континента, городокъ на островѣ Малый Элобей не имѣетъ, однако, другихъ торговыхъ домовъ, кромѣ дома негодіантовъ изъ Гамбурга, не платящихъ Испаніи ни налоговъ, ни торговыхъ пошлинъ. По довольно распространенному мнѣнію, разногласіе между Франціей и Испаніей относительно границъ ихъ владѣній на материкѣ въ предѣлахъ Габоніи старательно поддерживается тою европейскою державою, подданные которой уже и теперь

являются почти единственными извлекателями пользы изъ мѣстной торговли. Официально острова бухты подчинены губернатору, управляющему островомъ Фернандо-По; но еще въ 1885 году эта политическая зависимость ихъ была фактивной, и ни одинъ испанскій солдатъ не представлялъ на Маломъ Элобей суверенной державы.

Главный пунктъ французскихъ владѣній, Либревиль (Либрвиль), названный такъ поселившимися тамъ въ 1849 г. освобожденными неграми,—расположенъ на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, при основаніи и на вершинѣ террасы, надъ которою высятся съ сѣвера горы Буэ и Боденъ, достигающія приблизительно двухсотъ метровъ; центральную часть города обыкновенно называютъ «плато», и помѣщающееся на немъ массивное, съ правильными очертаніями, зданіе правительственныхъ учреждений господствуетъ надъ остальными домиками и хижинами. Почва этого плоскогорья—желѣзистая и доставляетъ камень, употребляемый на постройку зданій и для гидравлическихъ сооружений. Имѣя всего только около полутора тысячи жителей, французовъ и другихъ бѣлыхъ, сенегальцевъ, круменовъ и мпонгуэ¹⁾,—Либревиль раскинулся, однако, вдоль рейда на пространствѣ приблизительно семи километровъ: внизу около проѣзжей дороги, находятся дома, окруженные садами; а въ кустарникахъ, подъ сѣнью высокихъ драценъ, кутятся бамбуковыя хижины, обитаемыя мпонгуэ. Западнѣе отъ «плато», на взморьѣ, ближайшее заведеніе принадлежитъ католической миссіи, гдѣ обучается болѣе сотни дѣтей различнымъ ремесламъ и воздѣлыванію обширныхъ плантацій деревьевъ: шоколаднаго, масличной пальмы и другихъ; при чемъ эти плантаціи служатъ опытнымъ садомъ и древеснымъ питомникомъ для всей той области Африки, которая заключается между устьями Нигера и Конго; такъ, отсюда, между прочимъ, было заимствовано и воздѣлываніе ванили, введенное на островѣ Св. Оумы. На другомъ концѣ Либревилля, называемомъ Барака, находится станція американскихъ миссіонеровъ, которымъ отнынѣ предписано вести преподаваніе на французскомъ языкѣ, сдѣлавшимся официальнымъ. Ближе отсюда находятся факторія Глассъ, почти всѣ принадлежащая иностранцамъ и представляющая гораздо болѣе значенія, чѣмъ факторія французскія: такимъ образомъ, и на Габонѣ, какъ на Маломъ Элобей, въ рукахъ германцевъ находится наибольшая доля тор-

¹⁾ Въ 1 іюня 1885 г. всѣхъ европейцевъ въ Габоніи было 391 человекъ. Изъ нихъ европ. гарнизонъ Либревилля и эскадры—186 ч.; въ самомъ Либревиль—140 и по Огоуэ—29 человекъ. Въ теченіе 1884 года, у европейцевъ не было ни рожденій, ни браковъ; умерло же 9 человекъ.

говаго движенія. Въ концѣ 1873 года эвакуація этого поста, занимаемаго ротою сенегальскихъ стрѣлковъ, была почти рѣшена, причемъ охотно готовы были промѣнять его ан-

эта далеко еще отъ того, чтобы доставлять до ходъ Франціи: и налоги, и ввозныя пошлины не возмѣщаютъ и четвертой части годовыхъ расходовъ. Такъ, въ 1887 году, въ бюд-

Бангала. Станція независимаго Конгскаго государства.

гличанамъ на Гамбію; и только со времени приобрѣтенія французами бассейна Огоуэ, а также для образованія Конгскаго государства, Либревиль снова получилъ дѣйствительную политическую важность. Однако, колонія

жегъ Габоніи исчислялось во франкахъ: доходовъ на 482 тысячи, а расходовъ—на 2 мил. 434 тысячи.

Либревиль не имѣетъ порта, а лишь молъ, подъ защитою котораго лодки и могутъ при-

факторій и миссіонерскихъ становъ при устьяхъ Сенъ-Бенито и другихъ рѣкъ. Наибольше значительная группа чернокожаго населенія скучена на испанскомъ островѣ Кориско, иначе называемомъ также «Островомъ Молніи», по причинѣ грозъ, которыя наблюдались на немъ первыми мореплавателями. Это—почти плоская, приблизительно въ 14 кв. километровъ, земля, составляющая продолженіе—впереді бухты Рио-Муни—того полуострова, на которомъ находится мысъ Нинже или Сенъ-Жанъ. Изъ тысячи мбенга, которые проживаютъ въ нѣсколькихъ построенныхъ на островѣ деревняхъ, болѣе четверти умѣютъ читать и писать, благодаря поселившимся между ними католическимъ и протестантскимъ миссіонерамъ. Изъ европейскихъ купцовъ, однако, на островѣ не пребываетъ постоянно ни одинъ: попытки голландцевъ, въ 1879 г., превратить этотъ островъ въ торговую колонию были неудачны, и мбенгские землевладельцы такъ и остались единственными его обладателями. Оставленнымъ въ пользованіе однимъ туземцамъ оказывается также и островокъ Большой Элобей,—находящійся къ сѣверо-востоку отъ Кориско, въ глубинѣ бухты; и только островъ Малый Элобей,—поверхностью всего въ одинъ квадратный километръ, лежащій почти напротивъ устья Муни—занятъ иностранными торговцами. Отсюда они могутъ наблюдать за своими факторіями на берегу материка и сообщаться съ ними во всякое время, такъ какъ въ этой тихой бухтѣ, защищенной отъ вѣтровъ и волнъ островами Кориско и Большимъ Элобеемъ, не бываетъ бурновъ (прибой), и потому можно воевское время нагружать и разгружать товары, не опасаясь аварій. На этомъ островѣ вѣтъ другихъ жителей, кромѣ европейскихъ купцовъ, съ ихъ агентами и служителями изъ племени кру, при чемъ необходимые жизненные припасы имъ ежедневно доставляютъ мбенги съ Большого Элобея. Европейскаго стиля домики, снабженные широкими верандами—на которыхъ вволю можно дышать морской бризой, имѣютъ очень привлекательную наружность, и пребываніе тамъ относительно даже благоприятно для здоровья, вслѣдствіе чего Малый Элобей составляетъ санаторію для живущихъ на берегу материка. Хотя главный административный центръ испанскихъ владѣній на этомъ берегу континента, городокъ на островѣ Малый Элобей не имѣетъ, однако, другихъ торговыхъ домовъ, кромѣ дома негодіантовъ изъ Гамбурга, не платящихъ Испаніи ни налоговъ, ни торговыхъ пошлинъ. По довольно распространенному мнѣнію, разногласіе между Франціей и Испаніей относительно границъ ихъ владѣній на материкѣ въ предѣлахъ Габоніи старательно поддерживается тою европейскою державою, подданные которой уже и теперь

являются почти единственными извлекателями пользы изъ мѣстной торговли. Официально острова бухты подчинены губернатору, управляющему островомъ Фернандо-По; но еще въ 1885 году эта политическая зависимость ихъ была фактивной, и ни одинъ испанскій солдатъ не представлялъ на Маломъ Элобей суверенной державы.

Главный пунктъ французскихъ владѣній, Либревиль (Либрвиль), названный такъ поселившимися тамъ въ 1849 г. освобожденными неграми,—расположенъ на сѣверномъ берегу Габонскаго лимана, при основаніи и на вершинѣ террасы, надъ которою высится съ сѣвера горы Буэ и Боденъ, достигающія приблизительно двухсотъ метровъ; центральную часть города обыкновенно называютъ «плато», и помѣщающееся на немъ массивное, съ правильными очертаніями, зданіе правительственныхъ учрежденій господствуетъ надъ остальными домиками и хижинами. Почва этого плоскогорья—железистая и доставляетъ камень, употребляемый на постройку зданій и для гидравлическихъ сооружений. Имѣя всего только около полутора тысячи жителей, французовъ и другихъ бѣлыхъ, сенегальцевъ, круменовъ и мпонгуэ¹⁾,—Либревиль раскинулся, однако, вдоль рейда на пространствѣ приблизительно семи километровъ: внизу около проѣзжей дороги, находятся дома, окруженные садами; а въ кустарникахъ, подъ сѣнью высокихъ драценъ, ютятся бамбуковыя хижины, обитаемыя мпонгуэ. Западнѣе отъ «плато», на взморьѣ, ближайшее заведеніе принадлежитъ католической миссіи, гдѣ обучается болѣе сотни дѣтей различнымъ ремесламъ и воздѣлыванію обширныхъ плантацій деревьевъ: шоколаднаго, масличной пальмы и другихъ; при чемъ эти плантаціи служатъ опытнымъ садомъ и древеснымъ питомникомъ для всей той области Африки, которая заключается между устьями Нигера и Конго; такъ, отсюда, между прочимъ, было заимствовано и воздѣлываніе ванили, введенное на островѣ Св. Оумы. На другомъ концѣ Либревилля, называемомъ Барака, находится станція американскихъ миссіонеровъ, которымъ отнынѣ предписано вести преподаваніе на французскомъ языкѣ, сдѣлавшимся официальнымъ. Ближе отсюда находятся факторіи Глассъ, почти всѣ принадлежащія иностранцамъ и представляющія гораздо болѣе значенія, чѣмъ факторіи французскія: такимъ образомъ, и на Габонѣ, какъ на Маломъ Элобей, въ рукахъ германцевъ находится наибольшая доля тор-

¹⁾ Къ 1 іюня 1885 г. всѣхъ европейцевъ въ Габоніи было 391 человекъ. Изъ нихъ европ. гарнизонъ Либревилля и эскадры—186 ч.; въ самомъ Либревиллѣ—140 и по Огоуэ—29 человекъ. Въ теченіе 1884 года, у европейцевъ не было ни рожденій, ни браковъ; умерло же 9 человекъ.

говаго движенія. Въ концѣ 1873 года эвакуація этого поста, занимаемаго ротою сенегальскихъ стрѣлковъ, была почти рѣшена, причемъ охотно готовы были промѣнять его ан-

эта далеко еще отъ того, чтобы доставлять доходъ Франціи: и налоги, и ввозныя пошлины не возмѣщаютъ и четвертой части годовыхъ расходовъ. Такъ, въ 1887 году, въ бюд-

Бангала. Станція независимаго Конгскаго государства.

гличанамъ на Гамбію; и только со времени приобрѣтенія французами бассейна Огоуэ, а также для образованія Конгскаго государства, Либревиль снова получилъ дѣйствительную политическую важность. Однако, колонія

жегъ Габоніи исчислялось во франкахъ: доходовъ на 482 тысячи, а расходовъ—на 2 мил. 434 тысячи.

Либревиль не имѣетъ порта, а лишь молъ, подъ защитою котораго лодки и могутъ при-

ставать безъ опасенія: волненіе съ открытаго моря рѣдко проникаетъ на рейдъ. Хотя нынѣшнія торговля сношенія Либревилля и слабы, но не можетъ быть никакого сомнѣнія, что рано или поздно онъ сдѣлается большимъ торговымъ центромъ. Онъ не только естественное складочное мѣсто для всѣхъ колоніальныхъ товаровъ, идущихъ изъ бассейновъ Комо и Рамбоа, но чрезъ эту послѣднюю рѣку, — воды которой зарождаются между холмами на юго-востокъ, — Либревилль является также пунктомъ, командующимъ надъ путемъ по р. Огоуэ; поэтому, съ проведеніемъ рельсоваго пути или даже обыкновенной дороги, доступной для проѣзда экипажей, весь торговый грузъ, плывущій по Огоуэ вверхъ и внизъ отъ мѣста соединенія этой рѣки съ Нгуніа, долженъ направиться къ Габонскому лиману. Слѣдуя этому пути, Серваль и открылъ въ 1862 году среднее теченіе р. Огоуэ, обойдя при этомъ область нижняго ея теченія, подняться по которому не позволяли ему прирѣчные племена. Какъ только установится чрезъ французскія владѣнія правильный торговый путь съ запада на востокъ, Либревилль несомнѣнно превратится въ исходный пунктъ, какъ для бассейна р. Огоуэ, такъ даже и для областей р. Конго. Но пока все это совершится, небольшой городокъ на берегу Габона, если и имѣетъ какое-либо значеніе, то только какъ главный военный постъ. Кромѣ садовъ католической миссіи, существуетъ лишь одна большая плантація въ окрестностяхъ Либревилля, именно кофейная плантація Сибанга, основанная въ 17 километрахъ сѣвернѣе отъ «плато» однимъ германскимъ домомъ. О состояніи торговли могутъ свидѣтельствовать слѣдующія данныя: въ 1884 г., въ Либревилль ввезено изъ Франціи товаровъ на сумму 314.615 фр., вывезено же изъ Габона на 112.950 фр. Торговля Габона съ иностранцами: ввезено на 3.905.521 фр., вывезено на 4.929.410 фр., всего же оборота было на 8.834.931 фр. Въ общемъ, торговля Габона съ Франціей и другими странами составила 9.262.476 фр., а съ контрабандою приблизительно до 14 милл. фр. Всѣхъ судовъ, прибывшихъ и отошедшихъ, въ 1883 году было 318, съ вмѣстимостью въ 99.400 тоннъ; изъ нихъ: французскихъ 36, съ вмѣстимостью въ 8.700 тоннъ, а иностранныхъ 282, съ вмѣстимостью въ 90.500 тоннъ.

Торговцами посѣщаются также и нѣкоторыя деревни на берегахъ лимана и впадающихъ въ него рѣкъ. Главное изъ этихъ селеній есть Нанга-Нанга на р. Комо; но чтобы найти поселеніе, гдѣ пребываютъ европейцы постоянно, нужно изъ Габонскаго залива отправиться къ мысу Лопеца, отстоящему отъ Либревилля на 150 километровъ. На этомъ песчаномъ мысѣ, выставленномъ морскимъ вѣтрамъ и брызгамъ набѣгающихъ волнъ, находятся склады товаровъ, предназначенныхъ для распродажи вдоль

Огоуэ: это — начальная станція той цѣпи постовъ, которые де-Бразза основалъ на всемъ протяженіи отъ берега моря до р. Конго. Кверху отъ дельты, одна изъ первыхъ гаваней на рѣкѣ, обладающая постояннымъ депо для товаровъ, портъ Лапбарэна, находится въ мѣстѣ скрещенія естественныхъ путей, направляющихся, въ одну сторону — къ долинѣ р. Нгуніа, а въ другую — къ Габонскому лиману; тамъ есть также нѣсколько факторій и станъ католическихъ миссіонеровъ. Выше, кверху отъ американской миссіи и по соседству съ первыми водопадами, на одномъ изъ островковъ находится селеніе, называемое Нжолэ: это главный постъ на Огоуэ, охраняемый чернокожими солдатами и уже имѣющій вокругъ себя факторіи. Выше этого селенія прежде находилась граница свободной торговли, такъ какъ подниматься по рѣкѣ вверхъ запрещалось всѣмъ путешественникамъ, кромѣ официальныхъ изслѣдователей. Затѣмъ, еще выше по рѣкѣ, слѣдуютъ поселенія: Окота, Обомби и Ашукка, лежащая близъ Лопэ, пункта, въ которомъ бываетъ посѣщаемая во множествѣ туземцами ярмарка, но въ обычное время совершенно пустующаго, Боуа, Бунджи и Ластурвилль; послѣдній постъ названъ такъ въ память умершаго тамъ изслѣдователя этой мѣстности. Ластурвилль окруженъ рощами масляной пальмы. Здѣсь же строятся пироги и составляются рѣчные караваны, направляющіеся внизъ — къ Нжолэ, вверхъ — къ Франсвиллю; при этомъ, почти всѣ гребцы набираются между племенемъ а-дулла, такъ какъ соседнія племена: окота, апинжи и оканда, находятся уже на пути къ своему исчезновенію¹⁾. Недавно около Ластурвилля основалась католическая миссія.

Далѣе, миновавъ постъ Дума, находящійся въ дивномъ краю веселыхъ а-дума и вблизи одного изъ сомненныхъ ему водопадовъ, и водопадъ Ма-Поко, находящійся вблизи богатой деревни и имѣющій выше себя еще нѣсколько пороговъ, — путешественникъ покидаетъ долину Огоуэ и слѣдуетъ уже долиною ея притока, рѣки Пасса, которая и приводитъ къ центральной станціи всей изслѣдованной территоріи, къ Франсвиллю. Этотъ пунктъ находится неподалеку отъ селенія Нгилли, расположеннаго по другую сторону р. Пасса. Въ будущемъ изъ Франсвилля создастся городъ, а нынѣ это лишь небольшая группа домовъ и хижинъ, вокругъ которой ютятся хижины носильщиковъ, лодочниковъ и бѣлыхъ рабовъ, право которыхъ на свободу признается, благодаря покровительству Франціи, соседними племенами; въ саваннахъ, разстилающихся по берегамъ Пасса, а также вдоль Огоуэ или Либани, пасутся стада. Изъ Франсвилля идетъ дорога, протяженіемъ въ

¹⁾ Fourneau, рукописныя замѣтки.

83 километра, къ судоходной рѣкѣ Алимѣ, черезъ волнистое плато, скаты котораго усыяны деревьями; въ Франсевиллѣ можно набрать въ теченіе недѣли изъ приписанныхъ къ рѣчному округу жителей болѣе тысячи носильщиковъ и гребцовъ, для транспортированія товаровъ съ р. Огоуэ къ р. Конго черезъ станціи Алима, Діала, Лекети и Помбо, въ землѣ племени мбаши.

Къ югу отъ мыса Св. Екатерины до устья рѣки Конго, по берегу моря идетъ рядъ (болѣе пятидесяти) факторій. Изъ нихъ, къ сѣверу отъ Лоанго, значительнѣе всѣхъ факторія Ма-Юмба, расположенная на песчаной косѣ, между моремъ и мариго Банія; группирующіеся около этой станціи негры племень ба-вили, ба-лумбо и ба-йяка приносятъ главнымъ образомъ камедь, собираемую въ сосѣднихъ лѣсахъ. При каждомъ рѣчномъ устьѣ или лиманѣ есть торговый постъ. Такой постъ имѣется и при устьѣ рѣки Куилу, именно островъ Рейсъ, а находящійся на лѣвомъ ея берегу сарай-навѣсъ для товаровъ называютъ уже городомъ, такъ какъ, по мнѣнію изслѣдователей, послывавшихся Африканской Международной Ассоціаціей, этотъ товарный складъ на нижнемъ теченіи Куилу долженъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ пути между моремъ и р. Конго чрезъ станціи, которыя, если и не существуютъ въ дѣйствительности, то, по крайней мѣрѣ, уже намѣчены на картахъ. Три главныхъ поста, основанные французами, суть Ніари-Бабуэнде—на верхнемъ теченіи Куилу, Ніари Лу-Дима—при слияніи этого притока, и Нгуту—въ области водопадовъ, на возвышенномъ крутомъ берегу. Не подлежитъ сомнѣнію, что со временемъ путь этотъ получитъ важное торговое значеніе, но только не раньше, чѣмъ сдѣлается профизимъ для товаровъ, такъ какъ сама Куилу не судоходна. Недавно Шолэ доказалъ, что съ морскаго берега до Браццилла, находящагося на р. Конго, можно достигъ въ теченіе двадцати пяти дней.

Нынѣ мѣстомъ ввоза и вывоза товаровъ для этой области служить портъ Лоанго или Буала, старинный городъ, принадлежавшій нѣкогда Португалии, а теперь отошедшій къ Франціи; говорятъ, будто, во время своего процвѣтанія, будучи главнымъ пунктомъ одной изъ провинцій Конгской имперіи, этотъ городъ имѣлъ 15 тысячъ жителей; въ наши-же дни это собственно не городъ, а скорѣе группа факторій, окруженная *шимбеками*, хижинами, выстроенными изъ стволовъ дерева *garhia* и «лоангскихъ травъ» или папируса. Въ Лоанго морской берегъ такъ изгибается къ западу, что нижній край образующейся при этомъ бухты, вслѣдствіе присутствія выступа, впадающаго въ море нѣсколько выше, защищаетъ рейдъ отъ господствующихъ вѣтровъ и морскаго волненія; такимъ образомъ, нагрузка и отправка

товаровъ можетъ совершаться здѣсь съ большею легкостью, чѣмъ въ другихъ пунктахъ побережья, что и было причиной основанія на этомъ защищенномъ пляжѣ факторій португальскихъ, испанскихъ, французскихъ, англійскихъ, голландскихъ и германскихъ. Неподалеку отъ Лоанго, въ селеніи Лоангири, виднѣется некрополь древнихъ королей, нѣкогда окруженный оградой изъ слоновыхъ бивней. Некрополь государей, въ *Лубу*, обставленъ фетишами, выточенными изъ дерева. И никогда тѣ, которымъ придется быть здѣсь погребенными, не должны провикать сюда при жизни: такое посѣщеніе было бы предназначеномъ близкой смерти.

Понта Негра, или «Черный мысъ», находясь тридцатью километрами южнѣе, представляетъ расположеніе берега, подобное существующему въ Лоанго; и здѣсь также берегъ изгибается полукругомъ около тихой бухты, чѣмъ и воспользовались многочисленные торговцы, устроивъ свои склады. Затѣмъ, еще южнѣе, слѣдуютъ факторіи Массабі—первыя на португальской территоріи—и постъ Шиншоно, служившій главною квартирою для германскихъ путешественниковъ во время Лоангской экспедиціи. Чтобы охранить свои магазины отъ нападений воровъ, прибрежные негоціанты объявили ихъ фетишами и увѣрили туземцевъ, что за боченками съ водкою и за тюками бумажныхъ тканей скрывается грозный богъ бѣлыхъ¹⁾.

Гавань Ландана, въ двухъ километрахъ къ югу отъ устья р. Ши-Лоанго или Малой-Лоанго, находится уже въ португальскихъ владѣніяхъ, вкрапленныхъ между владѣніями французскими, на сѣверѣ, и Конгскимъ государствомъ на югѣ. Мѣсто это очаровательно: красноватые береговые утесы, возвышающіеся посреди зелени, обвалы изъ каменныхъ глыбъ у ихъ подношья, осѣняемые пальмами, домики, барки, лежащія на пляжѣ или качающіяся на волнахъ, дѣлаютъ изъ Ланданы одинъ изъ прелестнѣйшихъ пейзажей африканскаго берега. Вокругъ католической миссіи разстилаются великолѣпные сады и самыя лучшія оранжереи экваторіальной Африки; къ несчастію, вслѣдствіе существованія въ Ланданѣ болотистаго потока, хотя нынѣ и обсаженного эвкалиптовыми деревьями, климатъ въ этой мѣстности нездоровый. Также какъ поселенія на «Масляныхъ рѣкахъ» (*Oilrivers*) къ востоку отъ Нигера, Ландана и ея сосѣдка, Малемба (Молембо), торгуютъ преимущественно масломъ и пальмовыми орѣхами; каучукъ же, этотъ главный продуктъ болѣе сѣверныхъ факторій, доставляется въ Ландану лишь въ незначительныхъ количествахъ. Въ этомъ округѣ прежде, пока слоновы бивни не сдѣлались рѣдкостью, процвѣтала скульптура изъ слоновой кости, отли-

¹⁾ Paul Güssfeldt, *упом. соч.*

тавшаяся большим вкусом. Большая часть рѣзныхъ изображеній, вьющихся спиралью, на-подобіе барельефовъ Траяновой колонны,—представляютъ процессіи, войны, сцены заключенія мира. Между этими произведеніями негритянской скульптуры есть очень любопытныя, гдѣ фигурируютъ бѣлые люди различныхъ народностей, воспроизведенные съ большимъ талантомъ наблюдательности и тонкой насмѣшки.

Кабинда, живописная не менѣе Ланданы и располагающая болѣе обширной бухтой, гдѣ корабли находятъ защиту отъ южныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, хотя и не лежитъ, подобно своей соперницѣ, при устьѣ рѣки, но тѣмъ не менѣе также стала весьма оживленнымъ торговымъ пунктомъ, благодаря самодѣятельности ея обитателей, самыхъ промышленныхъ на всемъ морскомъ побережьи. Благодаря же дорогамъ, проложеннымъ отъ нея внутрь страны, она сдѣлалась даже однимъ изъ складочныхъ мѣстъ области нижняго теченія Конго; хотя она лежитъ въ 60 километрахъ къ сѣверу отъ устья Конго, тѣмъ не менѣе по своей торговлѣ она уже принадлежитъ къ бассейну этой рѣки. Главная ея факторія является центромъ всей англійской торговли на протяженіи отъ Габона до Лоанды. Самое большое поселеніе въ португальскихъ владѣніяхъ, Пово Гранде, раскинулось вдоль пляжа, къ югу отъ Кабинды, между банановыми рощицами и садами: одинъ изъ поселковъ этой деревни былъ нѣ-

когда столицею королевства Нгойо. Часть мѣновой торговли находится въ рукахъ ма-вумбу, серьезныхъ и осанистыхъ людей, съ умнымъ выраженіемъ глазъ, прямымъ и даже орлинымъ носомъ, и вообще съ столь сильно выраженнымъ семитическимъ типомъ, что португальскіе писатели называютъ ихъ *judeos pretos*, т. е. «черные евреи». Эти ма-вумба также весьма искусны какъ горшечники и кузнецы ¹⁾. Конечно, въ нихъ слѣдуетъ видѣть негровъ съ отчасти израелитскимъ происхожденіемъ, если правда, какъ это говоритъ Бастіанъ ²⁾, что они соблюдаютъ субботній день, и даже съ такою строгостью, что воздерживаются въ этотъ день отъ всякихъ разговоровъ; вѣроятно, мѣстоприсхожденіе ихъ слѣдуетъ искать на островѣ св. Оомы, такъ какъ въ концѣ XV столѣтія на этотъ островъ отвозили еврейскихъ дѣтей, отнятыхъ у родителей. По мнѣнію туземцевъ, ма-вумбу созданы Богомъ въ наказаніе другимъ людямъ, которыхъ они убивали.

Въ административномъ отношеніи, португальскія владѣнія, расположенныя къ сѣверу отъ Конго, причислены къ провинціи Ангола и, вмѣстѣ съ территоріями, находящимися южнѣе устья Конго, вплоть до Амбриза, составляютъ особый округъ, двумя сѣверными участками котораго являются, такимъ образомъ, Кабинда и Ландана, при чемъ самый городъ Кабинда есть административный центръ этого округа.

Глава IV.

Конго.

I. Общій взглядъ.

Рѣчной потокъ, воды котораго на дальнее разстояніе румянятъ море передъ берегами Кабинды, зарождается въ нѣсколькихъ тысячахъ километровъ отъ мѣста своего изліянія въ океанъ, такъ какъ истоки его верховьевъ находятся гораздо ближе къ Индійскому морю, чѣмъ къ Атлантическому океану. На своемъ громадномъ пути, эта рѣка называется весьма различно, хотя всего вѣроятнѣе, что всѣ даваемые ей наименованія означаютъ или «море въ движеніи», или «великую воду». «*Podogoso*», т. е. «Могучій», первыхъ мореплавателей, этотъ потокъ въ послѣдствіи сталъ именоваться по туземному Заирою (Нзади), какъ вообще

онъ называется португальцами и по-сейчасъ. Стэнли, совершивъ свое замѣчательное путешествіе черезъ материкъ Африки, предложилъ было называть эту рѣку по имени своего знаменитаго предшественника, Ливингстона; но это предложеніе не привилось, и нынѣ въ географической номенклатурѣ всѣми принято называть ее «Конго». Такъ же именовалось и то королевство, которое въ XVI столѣтія занимало часть западнаго бассейна этой рѣки. Наконецъ, это же наименованіе дано и недавно учрежденному новому государству, гравицы котораго проведены частью по предполагаемому направленію водораздѣльныхъ кражей, или по теченію главной рѣки и ея при-

¹⁾ Paul Güssfeldt, *ул. соч.*;—Hermann Seydoux, „*Aus West-Afrika*“.

²⁾ „*Die deutsche Expedition an der Loango-Küste*“.

токовъ, частью же по меридіанамъ и градусамъ широты; но эту громадную территорию, такъ отграниченную на картѣ Африки, предстоитъ еще открыть въ большей части ея протяженія; даже теченіе рѣки, отъ которой новое государство получило свое наименованіе, стало извѣстно лишь очень недавно.

Впродолженіи трехъ столѣтій, слѣдовавшихъ за ихъ первыми открытіями на африканскомъ побережьи, португальцы нѣсколько подробнѣе ознакомились лишь съ областью, сосѣдною съ берегомъ. Впрочемъ, посылались экспедиціи и внутрь материка, съ цѣлью подчинить тамошнихъ жителей власти португальскаго короля и найти золото, а также и отыскать того знаменитаго попа Ивана, котораго тщетно искали въ глубинѣ Азіи. Благодаря этимъ путешествіямъ и показаніямъ туземцевъ, узнали, что рѣка Заира начинается въ глубинѣ Африки и что въ области ея истоковъ находятся великія озера ¹⁾. Однако, начертаніе подробной карты рѣки, соотвѣтственно открытіямъ изслѣдователей, было невозможно въ ту эпоху, и потому въ наносимыхъ на глобусѣ чертежахъ пытались согласовать точныя данныя португальскихъ путешественниковъ съ африканскими легендами и съ классическими преданіями Птоломея. Такъ Joao de Barros утверждалъ, какъ несомнѣнный фактъ, будто Заира выходитъ изъ самаго обширнаго во всей Африкѣ озера, служащаго въ то же время также и «тайнственнымъ началомъ Нила». То же происхожденіе приписывалъ этимъ двумъ великимъ рѣкамъ и Duarte Lopez. Эти ошибочныя географическія представленія удерживаются на картахъ вплоть до 18-го столѣтія, хотя уже въ 1541 году Меркаторъ правильно разграничилъ рѣчные бассейны, соотвѣтственно гребнямъ водораздѣловъ ²⁾.

Эра научныхъ изслѣдованій въ области верхняго теченія Конго началась съ конца XVIII столѣтія, именно со времени экспедиціи Ласерды (José de Lacerda e Almeida). Въ 1798 году этотъ путешественникъ, отправившись изъ Мозамбика, проникъ въ самую область великихъ озеръ; но на обратномъ пути былъ убитъ, и кромѣ краткихъ свѣдѣній объ его путешествіи, все погибло—путевыя замѣтки, планы, астрономическія наблюденія. Въ 1806 году была совершена болѣе счастливая экспедиція чрезъ материкъ, съ береговъ Атлантическаго океана къ берегамъ Индійскаго; этотъ подвигъ выполняли rombeiros или «начальники каравановъ», но точный маршрутъ ихъ экспедиціи не извѣстенъ; извѣстно только что по ту сторону Куанго—одного изъ главныхъ западныхъ притоковъ великой рѣки—

они прошли бассейнъ Конго по южному склону и, для спуска къ Замбазе въ области озеръ, вышли на дорогу Ласерды. Въ 1843 г., португалецъ Ггаца, отправившись съ западнаго берега, проникъ, чрезъ высокую долину Кассаи, въ землю племени муата-ямбо; но это, капитальной важности, путешествіе было почти забыто ³⁾. Первымъ по истинѣ рѣшающимъ изслѣдованіемъ страны, принадлежащей къ Конго по направленію ея водъ, было путешествіе Burton'a и Speke'a въ 1857 и 1858 гг. въ прибрежныя области озера Танганьика; но путешественники не перешли этого внутренняго моря и не могли рѣшить вопроса о принадлежности его къ какому-нибудь изъ рѣчныхъ бассейновъ. Даже, когда Ливингстонъ, въ своихъ замѣчательныхъ путешествіяхъ между 1869 и 1872 годами, посѣтилъ, по ту сторону Танганьики, другія озера и цѣлую сеть рѣкъ, направляющихся къ сѣверу, и онъ не зналъ, къ какой покатости принадлежатъ тѣ воды, по теченію которыхъ ему приходилось слѣдовать. Онъ воображалъ даже, что эти рѣки нисходятъ къ Нилу, и такимъ образомъ—подобно стариннымъ писателямъ—сводилъ все къ великой рѣкѣ Египта; затѣмъ, изліяніе въ Средиземное море большихъ озеръ внутренней Африки—отъ Бангуэло до М'вутанъ-Н'циге включительно—стали признавать, вторя Ливингстону, и многіе другіе географы. Между тѣмъ, имѣвшіяся уже свѣдѣнія о рельефѣ материка, о времени разлива различныхъ рѣкъ и о сравнительной величинѣ ихъ водныхъ массъ—должны были привести людей науки къ признанію, что рѣки, открытыя Ливингстономъ, на самомъ дѣлѣ суть притоки верхняго теченія Конго. Такъ, Луа-Лаба ⁴⁾—таково названіе Верхней Конго—течетъ въ области менѣе возвышенной, чѣмъ то плоскогоріе, впадины котораго вмѣщаютъ Ніанцу и другія озера Верхняго Нила; ея разливы, обусловливаемые дождями южнаго тропическаго пояса, достигаютъ своего наивысшаго уровня въ январѣ, между тѣмъ какъ повышенія уровня водъ въ Верхнемъ Нилѣ совершаются какъ-разъ въ противоположномъ времени года: въ августѣ и сентябрѣ; и наконецъ, исчисленный Ливингстономъ объемъ водныхъ массъ, изливаемыхъ Луа-Лабой въ періодъ засухи, въ три раза превосходитъ объемъ тѣхъ водъ, которыя катитъ Нилъ книзу отъ слиянія Баръ-эль-Джебеля и Баръ-эль-Гхазала. Такимъ образомъ, мнѣніе о соединеніи Луа-Лабы съ Ниломъ нельзя было бы поддерживать даже и въ томъ случаѣ, если бы о такой невозможности не существовало и прямыхъ свидѣтельствъ путешественниковъ. Тѣ же самыя соображенія не позво-

¹⁾ Luciano Cordeiro, „L'hydrographie au treizième siècle“.

²⁾ „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik“. Мартъ 1887 г.

³⁾ Desborough Cooley, „Petermann's Mittheilungen“, 1856 г., № 2.

⁴⁾ Лу, луба, ло и лу суть слова языка банту и означаютъ „рѣку“.

ляютъ, затѣмъ, находить связи между Луа-Лабою и Хари; а Огоуэ—которую тоже нѣкоторые авторы считали возможнымъ истеченіемъ рѣчной сѣти, открытой англійскими путешественниками,—слишкомъ незначительна выше своихъ пороговъ, чтобы можно было долго останавливаться на предположеніи о томъ, будто именно она-то и составляетъ нижнее теченіе Луа-Лабы. Поэтому, оставались только два предположенія: или, что рѣчной потокъ, видѣнный Ливингстономъ, теряется въ какомъ-то обширномъ, никуда не изливающимся, внутреннемъ морѣ — неизвѣстномъ, кстати, ни одному путешественнику и ни одному начальнику каравановъ; или же, что онъ соединяется съ Запрою. Между тѣмъ, изобиліе воды, наклоненіе мѣстности и совпаденіе періода половодій оправдывали утверженіе тѣхъ географовъ, которые заранѣе отождествляли Луа-Лабу съ Конго. Вообще, эта проблема сравнительной географіи, оставленная неразъясненною даже такимъ путешественникомъ, какъ Ливингстонъ, могла быть разрѣшена учеными даже на основаніи имѣвшихся книгъ и картъ ¹⁾.

Наконецъ, Стэнли—за пять лѣтъ передъ тѣмъ отыскавшій на берегу озера Танганьики Ливингстона, считавшагося уже погибшимъ,—предпринялъ, въ сопровожденіи цѣлой флотиліи изъ занзибарцевъ и парабовъ, плаваніе внизъ по теченію Луа-Лабы, въ 1876 году. Спустя девять мѣсяцевъ онъ приплылъ къ устью Конго. Такимъ образомъ великая географическая проблема была рѣшена, но цѣною какихъ усилий и опасностей! Путешествіе, по выходѣ изъ Занзибара, длилось 999 дней, а разстояніе, пройденное караваномъ при различныхъ изслѣдованіяхъ, предпринимавшихся какъ въ областяхъ великихъ озеръ, такъ и въ предѣлахъ самой Конго, равнялось 11.663 километрамъ; приходилось спускаться по быстринамъ на порогахъ, обходить водопады, взрывать скалы, переносить пироги черезъ лѣса и овраги, подвергаться голоду и лихорадкѣ и — иногда съ весьма короткими промежутками — выдерживать, одна за другою, тридцать двѣ битвы съ туземцами. Изъ четырехъ бѣлыхъ, бывшихъ въ экспедиціи, избѣжалъ смерти лишь одинъ Стэнли, а изъ 356 сопровождавшихъ экспедицію негровъ достигли противоположнаго берега материка только 115 человекъ. Послѣ этого достойнаго удивленія подвига, свидѣтельствовавшего о замѣчательной отвагѣ и энергіи того, кто его совершилъ, о неослабной настойчивости, чрезвычайномъ нравственномъ превосходствѣ и о первостепенномъ военномъ гениі, оставалось лишь проверить подробности совершеннаго дѣла, исправить суммарное начерта-

ніе, данное рѣкѣ ея первымъ изслѣдователемъ и связать этотъ основной маршрутъ со всѣми новыми маршрутами, пройденными въ области Конго и ея притоковъ. Этою работою занимается нынѣ цѣлый легіонъ путешественниковъ, и результаты, достигнутые въ этомъ отношеніи въ первое же десятилѣтіе со времени геройскаго перехода «черезъ черный континентъ», были поистинѣ поразительны.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что западный склонъ озера Танганьики былъ посѣщенъ весьма большимъ числомъ бѣлыхъ путешественниковъ, купцами и миссіонерами, учеными и промышленниками; даже дамы странствовали тамъ въ палаткахъ ¹⁾. На берегахъ озера имѣются уже дома европейской постройки, а одно паровое судно разсѣкает его воды. Къ юго-западу отъ Танганьики географическія изслѣдованія доставили менѣе важныя данныя, но со всѣмъ тѣмъ пути, которымъ слѣдовалъ Ливингстонъ, уже пересѣчены маршрутами путешественниковъ Giraud, Böhm'a и Reichardt'a; на западѣ. Cameron — открывшій въ 1874 году истокъ Танганьики въ сторону верховьевъ Конго—изслѣдовалъ также и другія изъ верхнихъ рѣкъ, и, чтобы достигнуть въ Бенгуэлѣ атлантическаго берега, онъ прошелъ по линіи водораздѣльныхъ вершинъ между Конго и Замбѣзе. Wissman, Fleeger и Oscar Lenz прослѣдовали по бассейну Конго отъ одного моря до другаго, при чемъ на западномъ склонѣ проныкали почти во всѣ притоки Конго на всемъ протяженіи ихъ судоходности. Mechow, Büttner, Terpenbeck и Massari изслѣдовали бассейнъ Куанго; Wissmann, de-François и Grenfell изучали ту часть Конго, которая называется Кассан и которая, съ своимъ притокомъ Санкуру и подпритокомъ Ло-Мами, составляетъ наиболѣе прямую дорогу изъ предѣловъ Нижняго Конго къ области ея верховьевъ; Pierre de Brazza открылъ судоходность Алимы, и, благодаря ему, эта рѣка сдѣлалась часто посѣщаемымъ торговымъ путемъ; Jacques de Brazza, Dolisie, Ponel, van-Gèle и Grenfell изслѣдовали съ разныхъ сторонъ бассейнъ Нкени, Ли-Куалла, Бунга и У-Банги; тотъ же Гренфелль, маршруты котораго найдутся и во всѣхъ другихъ частяхъ бассейна, поднимался по Чуапа, Икелемба, Лу-Лонго, Мунгала и Итимбири. Менѣе всего извѣстной остается пока сѣверо-восточная часть конгоскаго бассейна, которая, однако, является самою интересною областью въ географическомъ отношеніи и, вѣроятно, получитъ современемъ весьма важное значеніе въ исторіи, такъ какъ именно въ ея предѣлахъ и находится водораздѣлъ между бассейнами Нила и Конго. Но, хотя до сихъ поръ этотъ край

¹⁾ Behm, „Petersmann's Mittheilungen“, 1872, тетр. XII.

¹⁾ Mrs Annie B. Hore, „To Lake Tanganyika in a bath-chair“.

Африки и не сталъ еще центромъ сѣти маршрутовъ, тѣмъ не менѣе изслѣдованіе р. Уэллэ, совершенное Юнкеромъ, по меньшей мѣрѣ на протяженіи двухсотъ километровъ по прямой

средствѣмъ ея откроется путь также и къ Бахрѣ-эль-Абіаду.

Благодаря путешествіямъ Юнкера, нынѣ можно, съ нѣкоторыми шансами на приблизи-

Рѣка Лу-Куга.

линіи, параллельно съ долиною бассейна Конго, позволяетъ съ полной увѣренностью утверждать, что и Уэллэ принадлежитъ къ тому же бассейну, и что рано или поздно, при по-

тельную вѣрность, отважиться даже и на исчисленіе поверхности даннаго рѣчнаго бассейна. По исчисленію Льва Мечникова, она равна 4 милл. 75 тысячамъ квадр. километровъ,

такъ что площади, дренируемой р. Конго, должно отвести второе мѣсто между площадями великихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. Что же касается численности населенія этой громадной территоріи, превышающей въ восемь разъ Францію, то по отсутствію данныхъ для его исчисленія точной цифры привести пока нельзя; но путешественникамъ много разъ приходилось проѣзжать по густо населеннымъ областямъ, и ихъ сравнительныя описанія позволяютъ сказать, что для совокупности населенія на всемъ прѣтяженіи бассейна число въ двадцать миллионовъ душъ было бы ниже дѣйствительности. Стэнли останавливается, какъ на наиболѣе вѣроятномъ исчисленіи, на цифрѣ въ 29 миллионовъ.

Относительно истоковъ рѣки Конго прежде всего слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что тѣ изъ нихъ, которые наиболѣе удалены отъ ея устья и которые, слѣдовательно, и должны быть разсматриваемы какъ образующіе самую многоводную вѣтвь рѣки, зарождаются на южномъ склонѣ горъ Тшингамбо, на половинѣ разстоянія между озеромъ Танганьика и озеромъ Ньясса, а по прямой линіи всего лишь въ семистахъ километрахъ отъ Килоа, ближайшаго города на Индійскомъ морѣ. Посѣщена эта область истоковъ Верхняго Конго въ 1879 году Томсономъ и Стюартомъ, а въ 1886 году Ленгомъ. Эти начальные ручьи, зарождающіяся на высотѣ приблизительно 1.800 метровъ, текутъ сначала по слегка наклоненному плоскогорію, которое, конечно, не можетъ представить препятствія для проведенія дороги, проѣзжей для экипажей; затѣмъ они образуютъ небольшую рѣку, Чази, которая ниже называется Чамбези, при чемъ, вѣроятно, это наименованіе однозначуще съ названіемъ большой рѣки Замбѣзе, которая течетъ на четыреста километровъ южнѣе. Къ тому же, рѣка Чамбези даже и направляется съ сѣверо-востока на юго-западъ, какъ будто-бы она и на самомъ дѣлѣ впадала въ сейчасъ названный могучій притокъ Индійскаго океана, и ея истоки отдѣлены отъ притоковъ Замбѣзе лишь незначительнымъ возвышеніемъ почвы. Далѣе рельефъ водораздѣльнаго гребня становится, однако, все выпуклѣе и даже образуетъ горную цѣпь, Мушинга, находящуюся на югѣ той долины, которую Чамбези, соединяясь съ другими рѣками и истоками обширныхъ болотъ, вливается въ озеро Бемба или Бангуэоло, самую южную изъ тѣхъ большихъ водныхъ поверхностей, которыя принадлежатъ къ гидрографической системѣ Конго¹⁾.

Озеро Бангуэоло, — открытое Ливингстономъ въ 1868 г. и увидѣнное имъ снова спустя пять лѣтъ, но для того чтобы умереть на его

берегахъ, — представляетъ весьма неправильную водную поверхность, раздѣленную островами и полуостровами на многочисленныя бассейны. Высота, на которой оно находится, исчислена Ливингстономъ въ 1.124, а Girard въ 1.300 метровъ; что же касается протяженія собственно озернаго водоема, то — вслѣдствіе тростниковыхъ зарослей, занимающихъ большую часть того углубленія, въ которомъ озеро находится — въ немъ трудно дать себѣ отчетъ. Поверхность свободной воды или «море» на сѣверной оконечности озера представляется въ видѣ обширнаго, необятнаго для взора овала, простирающагося въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу на сотню километровъ; въ центрѣ озера поднимается самый высокій островъ архипелага, Кисси, возвышающійся метровъ на двадцать надъ зеленѣющими водами съ тинистымъ двомъ. Ни въ какой части Бангуэоло нѣтъ глубины, превышающей пяти или шести метровъ; а на востокѣ и въ южной части бассейна оно не что иное, какъ тростниковая поросль или затопленный лугъ. Да и сама Чамбези, на протяженіи всего своего нижняго теченія, теряется среди болотъ: плывя по ней, можно цѣлыми днями пробираться по тинѣ, среди тростника, который и придастъ равнинѣ видъ огромнаго луга. Впрочемъ, деревья настолько многочисленны, что тамъ и сямъ группируются въ небольшіе перелѣски, но всѣ они растутъ надъ муравейниками, подошву которыхъ омываетъ уже вода. Стезяки для пирогъ обозначаются теряющимися изъ вида канавками между склоненнымъ тростникомъ, а рукава собственно рѣки, медленно змѣняющейся среди болотъ, окаймляются лишь слегка выступающими изъ воды краями береговъ. Больше, чѣмъ на половинѣ своей окружности — на востокѣ, на югѣ и западѣ — озеро Бангуэоло отдѣляется отъ прибрежныхъ болотъ лишь стѣною изъ тростника, который въ два раза выше роста человѣка. Путь чрезъ эту, скрывающую видъ на озеро, камышъ приходится прокладывать топоромъ, а когда, наконецъ, свободныя воды и будутъ достигнуты, то цѣлые дни надо плыть вдоль однообразнаго берега, окаймленнаго склонившимъ свои головки тростникомъ, подводная часть котораго достигаетъ метровъ четырехъ, а высящаяся надъ водою — трехъ.

Въ юго-восточной оконечности озера, обѣ стѣны тростника сближаются, и озерная водная поверхность превращается въ рѣку; это — Луа-Пула, истокъ Бангуэоло. Этотъ потокъ, глубиною въ шесть, а шириною въ 70 метровъ, змѣится безпрестанными излучинами, при чемъ протяженіе той его части, которая пробѣгаетъ чрезъ громадное болото, заканчивающееся на югѣ озеро Бангуэоло, равняется, быть — можетъ, не менѣе, какъ двумстамъ

¹⁾ Stewart, "Proceedings of the R. Geographical Society", 1880, VII.

километрамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта рѣка, преграждаемая растеніями, разливается широкими травянистыми лужами, по которымъ лишь съ трудомъ скользятъ пироги. На пространствѣ всей этой низменной области есть только одинъ островъ, да и тотъ представляется, скорѣе, выдающуюся изъ воды отмель, которая примѣтна съ большого разстоянія по растущему на ней, единственному во всемъ краѣ, дереву, простирающему свои вѣтви надъ группою хижинъ. При слѣдованіи рѣчнымъ потокомъ далѣе, справа и слѣва начинаютъ показываться за тростникомъ поросшіе лѣсомъ холмы; затѣмъ, тростникъ совершенно прекращается, и рѣка вступаетъ въ долину, которая сначала направляется къ югу и къ юго-западу, а послѣ того дѣлаетъ рѣзкій поворотъ на сѣверо-западъ. На этомъ протяженіи рѣка сначала быстро течетъ между своими береговыми откосами, затѣмъ устремляется среди скалъ по наклонной плоскости и наконецъ низвергается широкимъ водопадомъ, называющимся Момбирима или Момботтута.

Къ тому отъ этого опаснаго ущелья, ни одинъ европейскій путешественникъ не слѣдовалъ по теченію Луа-Пула; но, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что рѣка дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу и затѣмъ впадаетъ въ озеро Моэро или Мэру. На этомъ пути, составляющемъ приблизительно триста километровъ, число каскадовъ должно быть весьма значительно, такъ какъ, по Жиро, разница въ уровнѣ между озерами Бангуэло и Моэро равняется 450 метрамъ. Само же озеро Моэро лежитъ на высотѣ, по Ливингстону, 1.040, а по Жиро, всего лишь 850 метровъ. Это озеро, будучи немного меньше озера Бангуэло, представляетъ, однако, одну изъ самыхъ обширныхъ поверхностей свободной воды: оно протянулось приблизительно на пространствѣ 150 километровъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, при чемъ отъ южнаго конца озера Танганьики отдѣляется перешейкомъ, имѣющимъ въ ширину тоже 150 километровъ. Къ югу, гдѣ Луа-Пула вливается въ Моэро, низкіе берега рѣки переходятъ въ болота, простирающіяся по равнинамъ на необозримое пространство, но въ другихъ мѣстахъ вода въ рѣкѣ повсюду глубокая и чистая. Ливингстонъ, дважды посѣтившій берега озера Моэро, удостовѣрился, что разница между высокимъ и низкимъ уровнемъ его водъ достигаетъ по крайней мѣрѣ шести метровъ. Половодія увеличиваютъ поверхность озера на сотни, вѣроятно, даже на тысячи квадратныхъ километровъ, при чемъ въ это время рыбы изъ рода сомовъ, именно *clarias capensis*, разселяясь по прибрежнымъ мѣстностямъ, пожираютъ, вмѣстѣ съ мелкою рыбешкою, также и насѣкомыхъ, пресмыкающихся и другихъ животныхъ, под-

хваченныхъ поднышающею водою; затѣмъ, когда воды спадутъ, то различнаго рода преграды препятствуютъ уже этимъ сомовиднымъ рыбамъ возвращаться въ ложе рѣки, пользуясь чѣмъ туземцы и налавливаютъ себѣ ихъ тысячами. Туземцы называли Ливингстону тридцать девять видовъ рыбъ, живущихъ въ озерѣ и поднимающихся по большому его восточному притоку. Калонгози. Въ средней части озера разбѣяно нѣсколько острововъ, а на сѣверѣ этотъ водоемъ, окаймляемый возвышающимися съ обѣихъ сторонъ холмами и даже горами: Руа—на западѣ, и Кома—на востокѣ, принимаетъ видъ альпійскаго озера расположеннаго между высокими откосами и лѣсистыми склонами: вообще, изъ всѣхъ внутреннихъ морей Африки, Моэро—самое живописное¹⁾.

Сближаясь другъ съ другомъ, двѣ горныя цѣпи суживаютъ озеро, заостряютъ его сѣверную оконечность, и воды его, становясь все быстрѣе и быстрѣе, наконецъ, выливаются изъ него, образуя рѣку Лу-Буа или, иначе, Луа-Лаба, при чемъ это послѣднее наименованіе весьма мало разнится отъ названія Луа-Пула, присвоеннаго, какъ уже упомянуто, верховой рѣкѣ между озерами Бангуэло и Моэро; Ливингстонъ называлъ Луа-Буа «рѣкою Уэбба (Webb's river)». Воды этой рѣки—прозрачныя, хотя и черноватая—устремляются къ сѣверо-западу между покрытыми лѣсомъ горами, пробѣгаютъ между скалами отъ одного порога до другаго и изливаются въ третье большое озеро, Ланджи, которое, судя по рассказамъ туземцевъ, слѣдуетъ считать скорѣе постояннымъ наводненіемъ: многочисленные островки его лежатъ вровень съ водою. Однако, въ этомъ именно резервуарѣ и зарождается самая рѣка Конго, такъ какъ, съ одной стороны, въ него съ востока впадаетъ Лу-Куга, истокъ о. Танганьики, а съ другой—въ небольшомъ разстояніи кверху, а можетъ быть, и въ самомъ озерѣ, оканчивается теченіе западной Лу-Лаба или, иначе, Комоландо. Этотъ западный бассейнъ, ограниченный съ юга горами, составляющими гребень водораздѣла между Конго и Замбѣзе, представляетъ значительную сѣтъ рѣкъ или лу: Лу-Бури, Лу-Фула, Лу-Лаба и Лу-Фира; всѣ эти рѣки катятъ большое количество воды, а Лу-Фира мѣстами образуетъ красивые каскады, изъ которыхъ водопадъ Джю низвергается съ высоты 25 метровъ и своею обіюю массою рѣзко отличается отъ горизонтальныхъ слоевъ красноватаго песчаника²⁾. Что касается центральной долины, по которой змѣится Луа-Лаба, она то оказывается усѣянною озерами, при чемъ въ верховой долиנѣ уединенно ле-

¹⁾ Victor Giraud, "Tour du Monde", 1886.—Capello e Jevens, "De Angola à Contra-Costa".

²⁾ Reichard, "Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin". Февраль, 1887.

жить самое большое изъ нихъ, Ло-Хемба, а на протяжении нижняго теченія рѣки они слѣдуютъ другъ за другомъ на-подобіе жемчужинъ въ ожерельи. По Рейхарду—который переправлялся черезъ западную Луа-Лаба въ 200 километрахъ выше ея слиянія съ Восточною Луа-Лабю—наибольшее количество воды капаютъ Луа-Лаба западная, которую, не за длину ея ложа, а за массу ея водъ, и слѣдовало бы считать главною вѣтвью Конго ¹⁾. Вытекающая изъ о. Танганьика рѣка Лу-Куга доставляетъ воды немного, а когда путешественники увидѣли эту рѣчку въ первый разъ, то русло ея было совсѣмъ сухое, такъ какъ вода уже успѣвала испариться еще до своего выхода изъ обширнаго водоема самаго озера.

Озеро Танганьика было извѣстно португальцамъ и арабамъ издавна: подъ различными наименованіями о немъ упоминаютъ многочисленные документы послѣднихъ вѣковъ, но при этомъ его обыкновенно смѣшиваютъ съ другими озерами и въ особенности съ о. Ньясса; изъ трехъ бассейновъ: Ньясса, Танганьика и Ньянца составляли даже одно внутреннее море, простирающееся съ сѣвера на югъ на протяжении слишкомъ тринадцати градусовъ широты; называли этотъ водоемъ озеромъ У-Нимези, и, соответственно сейчасъ приведенному представлению о немъ, онъ изображенъ даже на относящейся ко второй половинѣ XIX вѣка картѣ Эрхардта и Ребманна ²⁾. Однако путешествіе Burton и Speke'a, въ 1858 году, а затѣмъ изслѣдованія Ливингстона и Стэнли привели къ раздѣленію этого внутренняго моря на три составныя его части. Нынѣ изъ всѣхъ озерныхъ бассейновъ Центральной Африки, озеро Танганьика оказывается извѣстнымъ лучше другихъ, а сравненіе картъ Ливингстона съ картою, начерченною послѣ точныхъ измѣреній новѣйшихъ изслѣдователей, убѣждаетъ въ томъ, что это озеро было тщательно обследовано уже и первыми путешественниками. Площадью озеро Танганьика меньше Ньянца, но превосходитъ другіе бассейны. Отъ бухты Памбэтэ, находящейся въ самой южной оконечности озера, до впаденія, въ самомъ сѣверномъ его заливчикѣ, рѣки Ру-Сизи, разстояніе 630 километровъ, такъ что, слѣдовательно, длина Танганьики превосходитъ длину Ла-Манша, отъ Кала до Сорлингенскихъ острововъ. Впрочемъ, эта громадная водная поверхность сравнительно узка: самая большая ширина озера равняется 90 километрамъ, а среднія не превышаетъ и 50-ти. Форма озера правильна; во многихъ отдѣлахъ его, выступы на одномъ берегу соответствуютъ углубленіямъ другаго берега, и въ общемъ оно отъ одной своей оконечности до другой

сохраняетъ одно и то же направленіе, именно съ юго-юго-востока на сѣверо-сѣверо-западъ. Только въ сѣверной его части, отъ западнаго, самаго гористаго берега отдѣляется длинный полуостровъ У-Буари, относительно котораго прежде Burton полагалъ, что это островъ, отдѣленный отъ суши проливомъ въ 12 километровъ. Затѣмъ, нѣсколько прибрежныхъ островковъ находятся также вблизи горъ. Озеро Танганьика, одинъ изъ верхнихъ резервуаровъ р. Конго, удивительно походить на озеро Ньясса, составляющее, въ свою очередь, озеро-притокъ рѣки Замбези. Оба эти водоема имѣютъ одинаковую форму, одинаковое направленіе, сходный внѣшній видъ, и своимъ происхожденіемъ, очевидно, обязаны однимъ и тѣмъ же геологическимъ влияніямъ. Озера Ньясса, Танганьика, промежуточное между ними озеро Риква, а также лежащая сѣвернѣе, Мута-Н'дигэ и М'вутанъ-Н'дигэ—какъ будто наполняютъ днища разверзшихся щелей въ треснувшей земной корѣ: такъ именно образуются трещины во всякомъ вязкомъ веществѣ, когда оно подвергается сжатию или усыхатъ. Какъ бы то ни было, Танганьика совершенно отличается, по способу своего образованія, отъ озера Бангуэло, которое есть не что иное, какъ постоянное наводненіе, происходящее вслѣдствіе отлива водъ кверху отъ встрѣченной преграды; Танганьика, напротивъ, представляетъ естественный бассейнъ въ геологическомъ строеніи материка: его воды почти повсюду глубоки въ непосредственномъ сосѣдствѣ береговъ. Въ 1.850 метрахъ отъ мыса Кабого, на свободной водѣ, Стэнли не могъ достать два линемъ въ 365 метровъ; приблизительно въ тѣхъ же самыхъ отдѣлахъ озера Ливингстонъ тоже не ощутилъ дна озера, хотя и спустил веревку длиною въ 550 метровъ ³⁾; Жиро-же, на свободной водѣ, около Каремы, намѣрилъ 647 метровъ. Въ 1862 году, по свидѣтельству арабовъ племени У-Джиджи, озеро закипало и извергало пары, а на другой день берегъ былъ устланъ кусками вещества, схожаго съ горною смолою. Многіе изъ этихъ кусковъ собраны Ногемъ ⁴⁾. Около южныхъ береговъ бьютъ горячіе ключи.

Названіе этого озера, означающее «соединеніе водъ» ⁵⁾, вѣроятно въ смыслѣ «большаго скопленія жидкости», оправдывалось бы также и въ томъ случаѣ, если бы оно выражало идею о взаимной встрѣчѣ многочисленныхъ притоковъ. Хотя въ Танганьикѣ впадаетъ много рѣкъ, но большинство ихъ имѣютъ небольшую длину. Самая значительная изъ этихъ рѣкъ—Малагарази: образующіе ее ручьи берутъ свое

¹⁾ „Mittheilungen der Deutschen Afrikanischen Gesellschaft“. T. IV, май, 1885.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1856, Таблица I.

³⁾ Stanley, „Through the dark Continent“.

⁴⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, Jan. 1882.

⁵⁾ Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

начало въ наиболѣе отдаленной области; во время половодій ширина ея при устьѣ достигаетъ 1.400 метровъ, а сѣроватыя ея волны на далекомъ разстояніи грязнятъ зеленыя воды

въ небольшомъ озерѣ, въ разстояніи 560 километровъ отъ восточнаго моря: это ближайшій къ Индійскому океану истокъ рѣки Конго. Другая рѣка, менѣе обильная, чѣмъ Малагарази,

Видъ съ рѣки Уджиджи

озера: въ сухое же время года это лишь потокъ, содержащій небольшое количество воды, хотя, впрочемъ, его нигдѣ нельзя перейти въ бродъ. Что касается притоковъ самой Малагарази, то наиболѣе отдаленный изъ нихъ зарождается

изслѣдована путешественниками очень тщательно: это Ру-Сиза, изливающаяся въ сѣверную оконечность Танганьики. Долина этой рѣки находится какъ разъ на оси большого озернаго бассейна, и прежде предполагали,

что излишняя вода самого озера изливаются через этот проломъ въ горахъ для слиянія съ Верхнимъ Ниломъ. Однако, Burton, а впоследствии и Стэнли доказали, что въ действительности этого нѣтъ, и что Ру-Сизи есть такой же притокъ, какъ и Малагарази.

Такъ какъ притоки Танганьики проходятъ черезъ области мало воздѣлываемыя, жители которыхъ никогда не заботились объ упорядочении своихъ рѣкъ, то, вмѣстѣ съ водою, плывутъ также островки, образующіеся изъ наносныхъ древесныхъ вѣтвей и пловучихъ растений (такъ называемые плавы). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣки, сплошь отъ одного берега до другого, бываютъ запружены скопленіями растений, которыя, непрерывно увеличиваясь, превращаются, наконецъ, въ такія густыя и плотныя массы, что путешественники отваживаются ступать на нихъ: сплетеніе корней придаетъ всему наносу одинаковую плотность съ почвою; на немъ укореняются кустарники, начинаютъ расти даже деревья и, потому, даже караваны рѣшаются переходить черезъ такой плавъ. Нѣкоторые же изъ этихъ пловучихъ островковъ кончаютъ тѣмъ, что гдѣ-либо такъ крѣпко застреваютъ и укрѣпляются, что рѣкѣ приходится пролагать себѣ другое ложе; впрочемъ, чаще случается такъ, что нижніе слои такого наноса растворяются, половодья разрываютъ самые плавы и въ видѣ островковъ увлекаютъ ихъ по направленію къ озеру; существуетъ даже рассказъ, будто однажды были поглощены и люди, и животныя при переходѣ каравана по одному изъ такихъ травяныхъ мостовъ, въ то время, когда онъ сталъ уже сдвигаться ¹⁾. Прибылая вода часто заноситъ эти пловучіе острова даже въ самое озеро. Cameron видѣлъ такіе острова, которые были покрыты мхомъ и поросли деревьями: увлекаемая теченіемъ, эти зеленныя поверхности, шириною въ нѣсколько сотенъ метровъ, несутся на подобіе плотовъ до тѣхъ поръ, пока, подѣйствиемъ волнъ, совершенно не расплывутся.

Бури рѣдки на озерѣ Танганьика; но иногда случается, что восточные вѣтры, внезапно нарушая правильное вѣяніе пассатовъ или обычную смѣну вѣтровъ съ озера на берегъ и обратно, порывисто устремляются съ восточныхъ высотъ и взволновываютъ озерныя воды. При этомъ наиболѣе сильнымъ волненіе обыкновенно оказывается во время засухъ: во время дождей волна бываетъ менѣе высокая, но особенно опасны внезапныя бури. Часто повышенія и пониженія уровня воды въ озерѣ смѣняютъ другъ друга: это, очевидно, такъ называемое *seiches*, наблюдаемое также и на швейцарскихъ озерахъ ²⁾; однако арабы говорятъ о нихъ, какъ о правиль-

ной смѣнѣ между приливомъ и отливомъ. Перевозчики на озерѣ сильно боятся бушеваній; оглябая его мысы, они, въ особенности въ періодъ сильныхъ юго-восточныхъ пассатовъ, никогда не преминутъ совершить возліаніе вина и принести жертвы тѣмъ «благороднымъ бѣсамъ», которые обитаютъ на этихъ мысахъ. «Горе, горе тому—говорили арабы миссіонерамъ Эрхардту и Ребманну—кто, при переѣздѣ черезъ озеро, не вызвалъ къ демону горы Кабого! Не принесіе ему въ жертву черного барашка или бѣлой курицы не возвратятся никогда; они будутъ поглощены тѣмъ жестокимъ вѣтромъ, который снизойдетъ съ этой горы ³⁾».

Между тѣмъ этотъ высающийся надъ восточнымъ берегомъ мысъ Кабого, какъ равно и множество другихъ мысовъ, господствующихъ надъ зеленѣющей каймою берега, а также кручи изъ краснаго песчаника, стѣны изъ бѣлой извести и гранитные куполы и башни, разнообразя въ видѣ озера, дѣлая его одновременно и величественнымъ, и очаровательнымъ. Прозрачныя воды озера изобилуютъ различными породами рыбъ, между прочимъ, сингой, составляющей большое подспорье для прибрежныхъ жителей, которые очень любятъ ея жирное мясо ²⁾. Всего болѣе замѣчательна конхиологическая фауна этого бассейна, половина видовъ которой уже не встрѣчается въ другихъ мѣстностяхъ; нѣкоторые изъ нихъ несомнѣнно представляютъ морскія формы и, по сходству признаковъ, должны быть причислены къ ископаемымъ видамъ верхней мѣловой формации Европы и Сѣверной Америки ³⁾.

Вода въ Танганьикѣ совершенно прѣсная, и уже этотъ одинъ фактъ позволялъ предвидѣть существованіе отлива водъ изъ этого озера. Но такъ какъ изливающаяся изъ одного конца озернаго бассейна вода течетъ, почти во всѣхъ озерахъ, по направленію главной оси долины, а Burton, между тѣмъ, доказалъ, что рѣка Ру-Сизи вовсе не уноситъ къ Нилу избытка водъ Танганьики и, слѣдовательно, водоотлива не оказывалось въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится, повидимому, для него было бы всего естественнѣе, то, вообще, усомнились въ его существованіи и заключили, что испареніе съ поверхности озера вполне уравновѣшиваетъ прибыль воды изъ его притоковъ. Между тѣмъ вскорѣ обнаружилось, что уровень воды въ озерѣ можетъ постепенно подниматься, затопляя прежнія низины, наводняя лѣса и покрывая грани скалъ болѣе тѣмъ на три метра въ сравненіи съ прежнею высотой стоянія озерной воды. Это явленіе, въ свою очередь, казалось, лишь доказывало, что

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1856, I.

²⁾ V. Giraud, „Tour du Monde“, 18 июня 1887.

³⁾ Leopold Tausch, „Sitzungsberichte der Academie der Wissenschaften“, 1834.

¹⁾ Verney Lowet Cameron, „Through Africa“.

²⁾ Richard Burton, упом. соч.

у бассейна нѣтъ истока: такъ предполагалъ и Cameron, какъ вдругъ ему довелось проникнуть въ рѣку Лу-Куга, этотъ дѣйствительный истокъ озера. Въ то время этотъ каналъ, въ мѣстѣ входа въ него, имѣлъ около двухъ километровъ ширины, но въ большей своей части былъ загражденъ песчаною отмелью. Ниже, берега мало-по-малу сближались, а въ разстояніи восьми километровъ отъ входа, павы образовали запруды, и несущіяся по теченію деревья скрывались подъ нее. По другую сторону этой преграды рѣка текла опять въ-явь, но затѣмъ новыя запруды снова побуждали ее течь скрытно, подъ плавями. Три года спустя Стэнли также посѣтилъ входъ въ Лу-Кугу, и ему показалось, что на этомъ входѣ все и останавливается: выходнаго потока изъ него примѣтить было нельзя, и даже движеніе воды совершалось въ обратномъ направленіи; такимъ образомъ, въ это время года озерная вода не достигала высоты даже порога своего истока. Но въ послѣдствіи Ногге и Thomson снова увидѣли Лу-Кугу и могли убѣдиться, что воды ея быстро устремлялись изъ озера, производя около береговъ обширные водовороты. Тростниковой преграды уже не было, а на томъ мѣстѣ, гдѣ она нѣкогда находилась, рѣка неслась черезъ пороги, и отважиться пройти черезъ нихъ не могло бы ни одно гребное судно ¹⁾. Ногге, во время высокаго стоянія воды въ году, не могъ проплыть далѣе девяти километровъ ²⁾. Благодаря образовавшемуся истоку, уровень воды въ озерѣ понизился къ январю 1882 года на 3 метра 16 сантиметровъ, а къ 1886 году на 4½ метра ³⁾. Туземцы страшно испугались, видя, что вода уходитъ изъ озера; боялись, чтобы чуждые волшебники, бросая снадобы въ Лу-Кугу, не спустили бы всю воду изъ этого водоема ⁴⁾. «Смотрите—говорилъ путешественнику Жиро одинъ изъ туземныхъ начальниковъ про европейцевъ—смотрите, вотъ они перебѣгаютъ черезъ озеро, а съ ними утекаетъ и вода!» Невѣдѣніе туземцевъ относительно прежняго водослива изъ озера, повидимому, доказываетъ, что пока воды не отыскивали для себя новаго стока, озерный резервуаръ оставался закрытымъ въ теченіе долгаго времени. Недавно, слѣдовательно, въ этой части Африки усилились также и дожди, и если, какъ утверждаютъ, они уменьшаются въ другихъ частяхъ континента, то, въ предѣлахъ озернаго бассейна, они, напротивъ, возросли.

Исчисленія высоты положенія Танганьики сильно расходятся: по Burton'у она равна—

564; по Ливингстону—800; по Стэнли—1.128 и затѣмъ—840; по Cameron'у—826; по Виссманну—814; по Thomson'у—795 и 798 метрамъ; но можно, вмѣстѣ съ позднѣйшими изслѣдователями принять, что она превышаетъ 800 метровъ; паденіе ложа Лу-Куги или Лу-Имби, на протяженіи около 250 километровъ, между озерами Танганьика и Ланджи, приблизительно равняется одному метру на километръ. До сихъ поръ долиною этой рѣки слѣдовалъ только одинъ путешественникъ, Томсонъ, именно въ 1879 году; но, пройдя почти треть разстоянія, онъ долженъ былъ свернуть къ юго-западу, такъ какъ носильщики отказались сопровождать его въ направленіи къ Конго. На протяженіи всей своей верхней части Лу-Кугу течетъ весьма быстро, хотя и не имѣетъ водопадовъ, свергающихся съ большихъ высотъ; что же касается окрестностей рѣки, то вообще мало найдется долинъ столь же красивыхъ, какъ та, по которой несутся пѣнистыя воды Лу-Куги: съ обѣихъ сторонъ ея надъ дугами, по которымъ разсыяны деревья и пасутся антилопы и буйволы, господствуютъ покрытые лѣсомъ холмы, высотой отъ 200 до 600 метровъ.

Книзу отъ озера Ланджи, Луа-Лаба или скорѣе Конго течетъ на протяженіи сотни километровъ по такой области, которая до сихъ поръ еще не была изслѣдована путешественниками; но книзу отъ своего слиянія съ Лу-Ама, которая приносить ему воды съ горъ, окаймляющихъ Танганьику, Конго уже извѣстенъ географамъ на всемъ своемъ остальномъ теченіи вплоть до впаденія въ Атлантическій океанъ. Послѣ слиянія съ Лу-Ама, Конго является уже могучею рѣкою, слишкомъ въ километръ ширины, величественнымъ потокомъ съ глубиною, въ среднемъ, въ нѣсколько метровъ. Сначала рѣка течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, а потомъ въ сѣверномъ, то соединяя свои мутныя воды въ одинъ каналъ, то дѣля ихъ на нѣсколько рукавовъ, огибающихъ лѣсистые острова и песчаные отмели. Вливаются въ нее и значительные притоки, при чемъ одни, лѣвобережные, несутъ воды преимущественно съ юго-запада, а другіе, правобережные, болѣе изобильные, зарождаются въ восточныхъ краяхъ. Книзу отъ двухъ ея притоковъ, изливающихся почти другъ противъ друга, Лу-Фу и Канкоры, слышится шумъ водопада. Рѣка, сжатая между глыбами бѣлаго гранита, несется по непроходимымъ для лодокъ порогамъ; за этимъ водопадомъ слѣдуетъ второй, третій и такъ далѣе до седьмого включительно, вслѣдствіе чего перевозчики принуждены переносить черезъ лѣса свои лодки отъ одного тихаго плеса до другаго. При этомъ, болѣе всего сжимается рѣка береговыми скалами въ предѣлахъ послѣдняго порога: въ этой мѣстности разстояніе между бе-

¹⁾ J. Thomson, «Proceedings of the R. Geographical Society». 1880.

²⁾ Edw. Coode Hore, тотъ же сборникъ, январь, 1862.

³⁾ «Proceedings of the R. Geographical Society», апрѣль, 1887.

⁴⁾ «Missions catholiques».—Exploration, 1880.

регами не превышает 1.200 метровъ, изъ которыхъ около 700 заняты островомъ. Эти семь водопадовъ, совпадающіе съ прохожденіемъ Конго подъ экваторомъ и съ поворотомъ рѣчной долины въ направленіи къ западу, названы Stanley-Falls, «Водопадами Стэнли», въ честь открывшаго и перешедшаго ихъ путешественника.

Книзу отъ водопадовъ, рѣка, текущая на высотѣ 430 метровъ, разливается широкимъ спокойнымъ потокомъ, уже не дѣлящимся вплоть до сосѣдства съ Атлантическимъ океаномъ и не представляющимъ болѣе препятствій для судоходства. Къ ней присоединяются другія рѣки: съ юга — Лу-Билахъ, Лу-Лами или Ло-Мама, родящаяся въ продолженіи долины другой Ло-Мама, впадающей, чрезъ рѣку Санкуру, въ Кассан; а съ сѣвера — Арахуими, вторая Конго по массѣ своихъ водъ, зарождающихся въ горахъ, расположенныхъ къ западу отъ озера Мута-Нциге. Объ Арахуими Стэнли первоначально полагалъ, что она есть продолженіе рѣки Уэлле, открытой Швейнфуртомъ въ области Нямъ-Нямъ, но послѣдующія путешествія Бондорфа, Луптона, Казати и Юнкера показали, что бассейнъ Уэлле простирается къ сѣверу отъ бассейна Арахуими и сосѣднихъ рѣкъ. По Юнкеру, верховьемъ Арахуими слѣдуетъ признать рѣку Непоко, видѣнную имъ къ югу отъ страны племени Мовбутту¹⁾ Ниже впаденія этого большого притока въ широкое русло р. Конго, представляющее почти озеро, вливаются съ сѣвера два другихъ притока, менѣе обильныхъ: Лойка, или Итимбири, и Мо-Нгала. Путешественники поднимались и по этимъ притокамъ вплоть до запружающихъ ихъ скалъ, но теченіе въ обоихъ слишкомъ слабо, чтобы можно было отождествить ихъ съ р. Уэлле. Водопады Луби на р. Лойкѣ были самымъ близкимъ къ Судану пунктомъ, до котораго достигали путешественники, до послѣдней экспедиціи Стэнли.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Непоко, Юнкеръ прослѣдилъ теченіе Уэлле, или «Рѣки», до разстоянія около 180 километровъ къ сѣверу отъ рѣки Конго, далеко за предѣлы того градуса широты, подъ которымъ находится притокъ Арахуими; но остается еще узнать, въ какомъ мѣстѣ Уэлле, — рѣка, однако, весьма значительная, — вливается или въ Конго или въ одинъ изъ его притоковъ. Тамъ, гдѣ Юнкеръ долженъ былъ повернуть назадъ, въ сезонъ мелководья, Уэлле или Макуа, усѣянная островами, имѣетъ столь большую ширину, что русскій изслѣдователь не могъ даже составить себѣ о ней приблизительнаго понятія; кромѣ того, въ восьми дняхъ пути внизъ по рѣкѣ, въ Уэлле вли-

вается могучій потокъ, Мбому, усиливаемый, въ свою очередь, водами р. Шіуку, и относительно котораго возможно предположеніе, что это Кута Lupton'я и Баръ-эль-Кута арабскихъ информаторовъ. Куда же дѣвается вся эта масса жидкости? Пока еще ни одинъ изъ изслѣдователей не видѣлъ ни на протяженіи самого Конго, ни на одномъ изъ его притоковъ — ни одного такого рѣчнаго устья, которое можно было бы отождествить съ потокомъ, исходящимъ изъ страны Нямъ-Нямъ. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы во влажномъ климатѣ столь значительная рѣка могла цѣликомъ теряться въ какомъ-либо резервуарѣ испаренія. Слѣдуетъ поэтому, думать что Уэлле, книзу отъ своего слиянія съ Мбому, продолжаетъ сначала течь съ востока на западъ, затѣмъ делаетъ — параллельно Конго — излучину къ юго-западу, и — приблизительно въ 400 километровъ отъ того мѣста, гдѣ Юнкеръ прекратилъ свое слѣдованіе вдоль ея береговъ, — соединяется съ У-Банги²⁾. Правда, рѣка У-Банги была изслѣдована Grenfell'емъ, къ сѣверу отъ 4-го градуса сѣв. широты, далеко за предѣлами тотчасъ упомянутого пункта соединенія ея съ Уэлле, но путешественникъ этотъ слѣдовалъ западнымъ берегомъ, и къ тому же въ первое, развѣдочное, путешествіе могутъ ускользнуть отъ изслѣдователя многія, даже важныя географическія черты: покрытые лѣсомъ острова, прибрежныя озера, крутыя излучины могутъ замаскировать устье. Плавая по этимъ громаднымъ потокамъ, усѣяннымъ островами и вереницами плавучихъ травъ, такъ легко ошибиться, что Grenfell, полагая, что онъ все плыветъ по Конго, вошелъ, однако, въ У-Банги и въ своемъ недосмотрѣ убѣдился не раньше, какъ проплывъ такимъ образомъ 180 километровъ³⁾. * По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Уэлле есть названіе, въ одной части ея теченія, рѣки Убанги (Мобанги), которая впадаетъ въ Конго подъ 0,9° южной широты и 17,41° восточн. долготы (отъ Гринвича), противъ устья истока изъ озера Мантумба⁴⁾.

Развѣтвляясь на безчисленное множество рукавовъ, которые мѣняются при каждомъ половодьи и даютъ всей рѣкѣ въ совокупности ширину въ 20 километровъ, Конго, принявъ справа Итимбири, направляется къ западу, а пройдя 400 километровъ, начинаетъ течь на юго-западъ. Въ этой именно части теченія рѣки къ ея темнымъ водамъ присоединяются мутныя или прозрачныя, какъ кристаллъ, воды самыхъ мощныхъ ея притоковъ. Именно съ востока подходит глубокая Лу-Лонга, усиливаемая, въ свою очередь, притоками Ба-Ринга

¹⁾ Wauters, „Mouvement géographique“, 1885, 1886 и 1887.

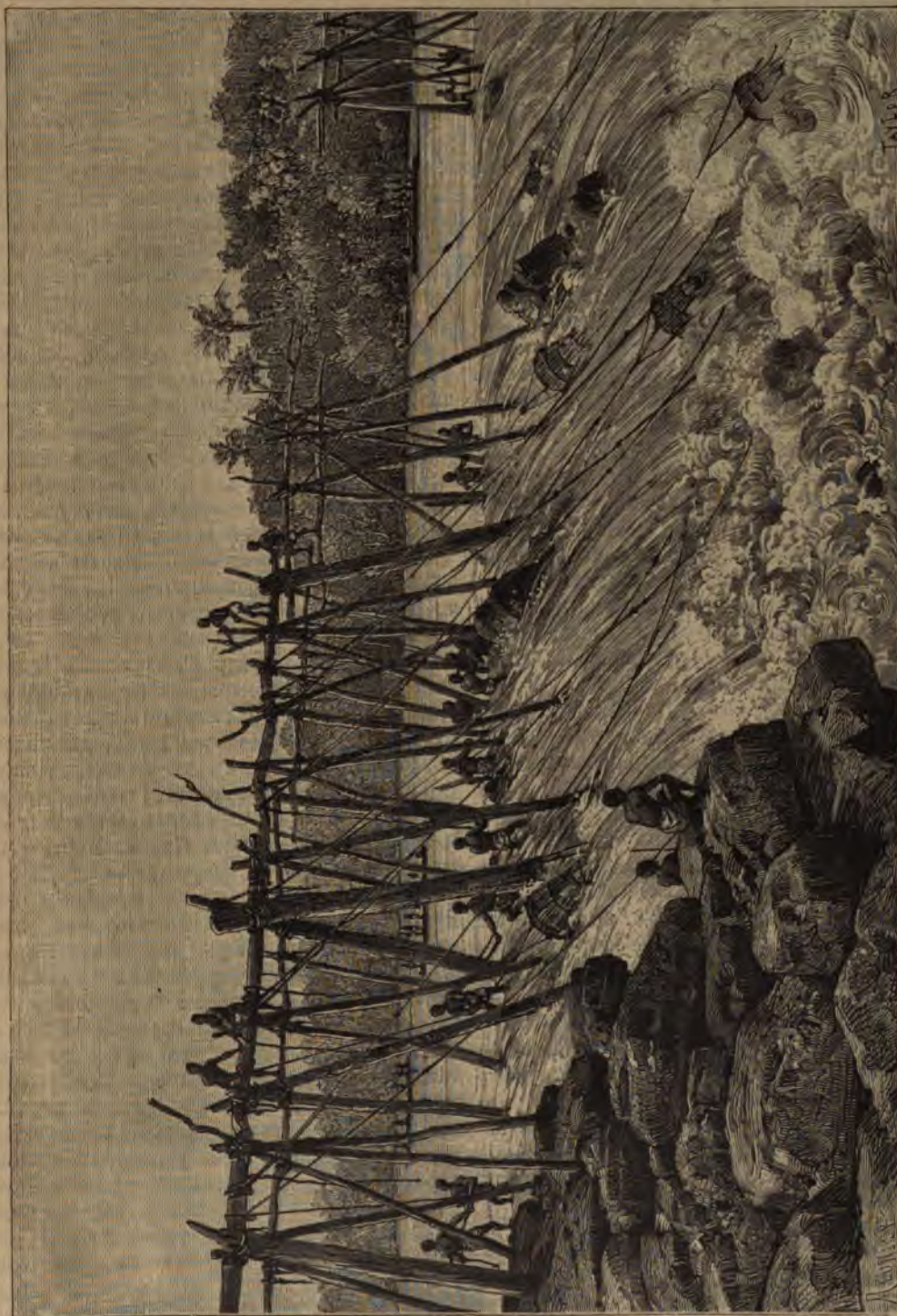
²⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, октябрь 1886.

³⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1882, т. XII.

и Лопори; съ той же стороны спускаются р.р. Икемба, затѣмъ Руки (Бо-Руки) или «Черная»; по всѣмъ этимъ рѣкамъ Grenfell поднимался вплоть до того мѣста, до котораго онѣ судоходны.

скогорій, горъ и водораздѣльныхъ кражей, простирающагося отъ истоковъ Шари до истоковъ нильскихъ рѣкъ въ землѣ Нямъ-Нямъ; это тамъ, вѣроятно, изливаются *Нана*, зарождающаяся на одномъ съ Бенуэ водораздѣль-

Рыбная ловля на седьмомъ порогѣ Стэнли.

Какъ ни многоводны сейчасъ перечисленныя рѣки, онѣ уступаютъ могучей У-Банги, которая течетъ съ сѣвера на югъ, вбирая въ себя воды, вѣроятно, съ громаднаго полукруга пло-

номъ хребтѣ, и воды *Ливы*, или «великаго озера», о которомъ столько путешественниковъ слышали въ Камерунѣ, на Бенуэ и въ другихъ мѣстностяхъ, но достигъ до котораго всѣ они

пока пытались тщетно. По Франсуа, расход воды въ У-Банги, при средней высотѣ ея уровня, равняется восьми тысячамъ кубическихъ метровъ: такимъ образомъ, по количеству движущейся массы водъ, У-Банги была бы вторымъ Дунаемъ и превышала бы Нилъ; однако, слѣдуетъ замѣтить, что Ронелю, прожившему одиннадцать мѣсяцевъ на нижнемъ теченіи У-Банги, въ Нкунджин, такое исчисленіе кажется весьма преувеличеннымъ. Такъ, въ сухое время года русло рѣки,—имѣющее въ ширину 3.250 метровъ и заграждаемое песчаными отмелями,—далеко не заполняется водою, а средняя глубина, не достигая даже и одного метра, оказывается недостаточною для судоходства; зато, въ половодіе, именно съ сентября по ноябрь, объемъ воды въ рѣкѣ становится громаднымъ, въ періодъ же самой сильной приливи водъ, уровень ихъ на 4 метра и 30 сантиметровъ превышаетъ уровень въ меженное время ¹⁾. Первые пороги, прерывающіе теченіе У-Банги, находятся въ 500 километрахъ отъ входа въ нее, около Цонго, и въ 1886 году, несмотря на періодъ высокихъ водъ, они остановили экспедицію van-Gele; однако, за два года до этого, Grenfell прошелъ такъ чрезъ нихъ. Въ нижней части теченія У-Банги—гдѣ она почти параллельна Конго—приливы воды отливаютъ изъ нея на востокъ, въ боковые каналы (мариги) и въ озеро Нгири, а при посредствѣ этихъ перемѣняющихся каналовъ также и въ Конго ²⁾.

Весьма вѣроятно, что въ одну изъ предшествовавшихъ геологическихъ эпохъ, когда ложе Конго было еще заграждено скалами, и уровень водъ, оттекавшихъ вслѣдствіе этого назадъ, былъ высокъ, потоки Конго, У-Банги и рѣкъ, которыя почти непосредственно книзу развѣтвляются нынѣ дельтообразно, сливались вмѣстѣ, образуя замкнутое море: и теперь еще существуютъ обширныя озера, въ которыя излишняя масса жидкости отливаетъ въ половодіа. Таково озеро Матумба, измѣнявая поверхность котораго далеко простирается въ область лѣсовъ на лѣвомъ берегу, книзу отъ слиянія двухъ главныхъ потоковъ: Конго и У-Банги. Возможно, что и озеро Матумба, въ періодъ половодій, сообщается, при посредствѣ каналовъ-протоковъ, съ другимъ, еще болѣе обширнымъ озеромъ, названнымъ Стэнли «озеромъ Леопольда II» и изливающимъ свои воды въ одинъ изъ южныхъ притоковъ Конго; впрочемъ, Grenfell тщетно искалъ этотъ соединительный каналъ между двумя данными громадными поверхностями водъ. Ничто также не доказываетъ и того, чтобы цѣль озеръ, болотъ и мариги на востокъ представляла остатокъ одного изъ рукавовъ Конго, охва-

тивавшаго вмѣстѣ съ рѣчнымъ потокомъ на западъ, т. е. съ нынѣшнимъ Конго, низменный островъ съ поверхностью въ пятьдесятъ тысячъ километровъ.

Имя У-Банги—одно изъ тѣхъ, которыя чаще всего упоминались въ документахъ, относящихся къ Конго, такъ какъ по сосѣдству съ У-Банги, политическая граница между французскими владѣніями въ Экваторіальной Африкѣ и владѣніями Конгского государства долгое время оставалась неопредѣленной. Также точно въ дипломатическихъ документахъ значатся и имена рѣкъ: Санга, Бунга, или Секоли, и Ликона, которыя протекаютъ западнѣе У-Банги. При этомъ Ликона есть просто верхній притокъ большой рѣки, называемой, по Массари, Ликуалла (Ликульна), а по свѣдѣніямъ первыхъ французскихъ изслѣдователей: Моссака или Боссака. Jacques de Brazza и Pesile проплыли по Ликонѣ на протяженіи слишкомъ 300 километровъ ³⁾, а къ Конго она присоединяется тотчасъ ниже впаденія Бунги, въ мѣстѣ большого скопленія острововъ, отмелей и рѣчныхъ потоковъ. Въ этотъ же самый лабиринтъ каналовъ извергается и значительный, тоже правосторонній, притокъ Алима, раздѣляющійся на нѣсколько рукавовъ. Алима обязана своимъ значеніемъ въ особенности направленію орошаемой ею долины, которая представляетъ если не самую короткую дорогу съ береговъ среднего теченія Конго къ морю, то по крайней мѣрѣ одну изъ менѣе трудныхъ. Книзу отъ Алимъ, къ Конго присоединяется другая рѣка, Нкени, которая нисходитъ съ тѣхъ же самыхъ плоскогорій, съ которыхъ къ западу спускается рѣка Огуэ; въ той же области зарождается и Лефени, находящаяся книзу отъ Нкени. Почти напротивъ устья Лефени открывается другая долина, вмѣщающая самый большой восточный притокъ Конго, Куа, со всѣми его развѣтвленіями. Теченіе Куа, или «Рѣки», продолжаемой къ юго-востоку рѣками Кассаи, Санкуру и Ло-Мами, составляетъ продолженіе той поперечной впадины, которую образуютъ Габонъ, Огоуэ и Лефини: это путь, предуказываемый для будущей торговли между Атлантическимъ океаномъ и областью верхнихъ истоковъ Конго. Когда наступитъ время строить въ Южной Африкѣ чрезматериковыя желѣзныя дороги, то магистральнымъ путемъ будетъ, вѣроятно, путь изъ Габона къ тѣмъ портовымъ городамъ, которые лежатъ насупротивъ Занзибара, если, конечно, политическія соперничества и духъ спекуляціи не рѣшатъ дѣла иначе.

Такое же важное значеніе въ гидрографическомъ отношеніи, какъ У-Банги въ сѣверной части бассейна, представляетъ, къ югу отъ Конго, рѣка Куа-Кассаи. Самые верхніе истоки

¹⁾ Ronel, рукописныя замѣтки.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1887, тѣр. VI.

³⁾ „Bollettino della società de geografia Italiana“, 1887.

этой рѣки родятся въ небольшомъ разстояніи отъ Куанзи и западныхъ притоковъ Замбезе; водораздѣльный гребень, на которомъ начинается Кассаи, находится какъ-разъ подъ той же самой широтой, какъ и самая южная часть р. Конго, по выходѣ ея изъ озера Бангуэло. Кассаи сначала течетъ въ восточномъ направленіи, между лѣсистыми холмами, откуда получаетъ многочисленные ручьи съ чистою водою, исходящіе изъ водныхъ площадей, образующихся, путемъ просачиванія подъ плоскогорьемъ. Затѣмъ, по минованіи двухсотъ километровъ отъ своего начала, Кассаи выходитъ на болотистую равнину, гдѣ къ ней присоединяется Ло-Танбуа, рѣка, текущая медленно и покрытая папирусомъ, тростникомъ и лотусомъ. Во время дождей эта рѣка затопляетъ свои берега, а истокомъ ей служить небольшое, лежащее въ 25 километрахъ къ югу отъ Кассаи, озеро Дилоло, другой истокъ котораго, тоже называемый Ло-Танбуа, впадаетъ уже въ Лоба или Замбезе. Такимъ образомъ, двѣ большихъ рѣки—одна на востокъ, другая на западъ—образуютъ непрерывный водный путь чрезъ весь материкъ, и Африка представляетъ, вслѣдствіе этого, примѣръ такого изліянія рѣчныхъ водъ на два противоположныхъ другъ другу склона, которое можетъ быть сравнено съ раздвоеніемъ Кассиквиаре въ Южной Америкѣ. Что же касается озера Дилоло, или «Скорби» (названо такъ на основаніи легенды объ исчезновеніи деревень, поглощенныхъ болотомъ), то оно лежитъ, по Ливингстону, приблизительно на высотѣ 1.200 метровъ.

Непосредственно противъ того края, на которомъ совершается упомянутое раздвоеніе, Кассаи поворачиваетъ къ сѣверу и, спустившись изъ области плоскогорій, начинаетъ прорывать для себя долину, параллельную какъ долинѣ большой восточной рѣки, Лу-Луа, такъ и долинамъ всѣхъ остальныхъ потоковъ, зарождающихся въ южной части бассейна. Достигнувъ же центрального углубленія, нѣкогда бывшаго внутреннимъ моремъ, Кассаи, превратясь уже въ большую рѣку, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и получаетъ изъ каждой долины по новому притоку; затѣмъ, около водопадовъ Мбимби, она снова принимаетъ сѣверное направленіе, которому и слѣдуетъ вплоть до своего сліянія съ главной восточной рѣкою бассейна, съ Лу-Луа. Эта послѣдняя, по видимому, и должна бы считаться главнымъ русломъ рѣки, не по массѣ водъ и не по длинѣ теченія, но по причинѣ расположенія ея долины на оси всего нижняго теченія Кассаи.—Затѣмъ къ Кассаи присоединяются: съ востока—могучая Санкуру (Санкуллу), долина которой, продолжаемая вверхъ долиною Ло-Мами, представляетъ самый короткий путь въ область великихъ озеръ; и съ юга: сбѣгающая

съ плоскогорій Ло-Анге или Тенда. Ниже этихъ впаденій, Кассаи, уже собравъ въ единое русло развѣтвленія всѣхъ своихъ верхнихъ притоковъ, получаетъ еще и другіе сильные потоки, нисходящіе съ южныхъ плоскогорій, и, кромѣ того, конечно, всѣ тѣ воды, которыя стекаютъ въ нее при наводненіяхъ послѣ дождей. Наконецъ, Кассаи соединяется еще съ другимъ величественнымъ потокомъ, имѣвшимъ наиболѣе важное значеніе въ исторіи Африки: это—Куанго (Куа-Нго), Нзади, Заира или Зезера туземцевъ, которую португальскіе купцы часто смѣшивали съ Кассаи, иначе называемую тоже Запрою¹⁾ и которую они считали истинной главной рѣкою²⁾, говоря, что она вытекаетъ изъ «неизмѣримо глубокаго» озера, одной изъ «матерей Нила»³⁾. Даже и въ текущемъ столѣтіи на картахъ изображали Запру-Куанго выходящею изъ большого озера Аквилонда.

Куанго зарождается, подобно Кассаи, на высотѣ приблизительно 1.600 метровъ и въ непосредственномъ соосѣдствіи съ истоками этой рѣки; но, вмѣсто того, чтобы свернуть къ востоку, она сбѣгаетъ съ области плоскогорій болѣе короткимъ путемъ: ея долина, представляющая весьма удлиненную кривую, слѣдуетъ вдоль восточной подошвы западныхъ краевыхъ горъ. Крутость уклона на протяженіи тѣхъ пяти градусовъ, которые, въ верхнемъ своемъ теченіи, Куанго пробѣгаетъ отъ плоскогорій до равнины, дѣлаетъ эту рѣку неудобною для судоходства. Ее прерываютъ пороги и водопады, и изъ нихъ одинъ, Капаранга, свергается не менѣе, какъ съ 50 метровъ; зато послѣдній, Живгунши, ниспадаетъ съ высоты не болѣе одного метра и быть-можетъ, пройдемъ для барокъ. Книзу же рѣка судоходна для пароходовъ вплоть до своего устья, на протяженіи приблизительно 300 километровъ. Нижняя часть Куанго приближается къ Конго, который протекаетъ по другую сторону сландевыхъ гребней, всего лишь въ 35 километрахъ разстоянія; но оба потока движутся въ различныхъ направленіяхъ: Куанго—съ юго-запада на сѣверо-востокъ, а Конго—съ сѣверо-востока на юго-западъ⁴⁾. Описавъ же свою большую дугу къ западу, Куанго направляется къ востоку чрезъ лѣса и, въ двѣнадцати километрахъ отъ своего устья, получаетъ соперничающій съ нею потокъ, называемый Джумою. Grenfell не могъ распознать, которая рѣка многоводнѣе: Куанго или Джума? Почти напротивъ впаденія Куанго, въ Кассаи вли-

¹⁾ Wissmann, „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers“, 1885.

²⁾ Ladislav Magyar, „Petermann's Mittheilungen“, 1857, тетр. IV и V.

³⁾ „Mission evangelica al regno de Congo de la Serafica religion de los Capuchinos.“

⁴⁾ Büttner, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“, 1886, тетр. I.

вается другой рѣчной потокъ, доступный для судовъ: Мфими или Мфиви, исходящій изъ озера Леопольда и составляющій продолженіе рѣки Лу-Кеніа, текущей параллельно Санкуру; должно, однако, замѣтить, что половодія часто измѣняютъ очертанія данныхъ водныхъ поверхностей и ихъ едва выдающихся береговъ: такъ, Стэнли, проникая въ озеро Леопольда, не видѣлъ мѣста впаденія въ него рѣки, а Kund и Tarpenbeck, спускаясь по рѣкѣ, не видѣли того озера, чрезъ которое рѣка пролагала себѣ путь ¹⁾).

Книзу отъ своего слиянія съ Куанго и съ Мфими, Кассаи или Куа (Ква), соединяетъ свои воды въ узкій и глубокий каналъ, вырытый между скалистыми холмами, которые нѣкогда разобщили Кассаи отъ Конго; теченіе въ этомъ каналѣ чрезвычайно быстро и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 12 или 13 километровъ въ часъ; однако, онъ еще не смылъ всѣхъ скалъ, которые загромождаютъ ложе рѣки, и потому кое-гдѣ судоходству все еще угрожаютъ опасности. Въ тѣснинахъ рѣчной долины не намѣриваютъ отъ берега до берега болѣе 400 метровъ, т. е. шестой части ширины Кассаи кверху отъ ущелья, но зато глубина потока такова, что лодъ, длиною въ 36 метровъ, не достигаетъ каменистаго дна. Вступая въ Конго, теченіе котораго Кассаи усиливаетъ мощною массою своихъ, «имѣющихъ цвѣтъ чая», водъ, притокъ этотъ не шире 640 метровъ ²⁾).

Такъ же какъ и Кассаи кверху отъ слиянія, Конго, имѣя ширину отъ двухъ до четырехъ километровъ, течетъ вдоль холмовъ, которые, господствуя надъ его лѣвымъ берегомъ, усеяны у своихъ подошвъ полевошпатовыми скалами, торчащими изъ воды. Затѣмъ, по мѣрѣ нисхожденія рѣки къ юго-западу, цѣпи высотъ, справа и слѣва, становясь все выше и выше, образуютъ, наконецъ, порталъ въ двѣ тысячи метровъ, по минованіи котораго рѣка вступаетъ въ почти круглое озеро, приблизительно въ 60 метровъ глубины: это Нкуна, болѣе извѣстное подъ именемъ «Stanley-Pool'я», «пруда Стэнли»; оно оживляется проточной водой и занимаетъ большое пространство, равняющееся, по словамъ недавнихъ изслѣдователей, 210 квадратнымъ километрамъ. По этому водоему разсыяны многочисленные острова, между прочимъ, одинъ сплошь покрытый лѣсомъ и протянувшійся какъ-разъ по оси рѣки, вслѣдствіе чего теченіе ея раздваивается. На правомъ берегу, въ сторонѣ сѣвера, размывающее дѣйствіе воды превратило скалы въ кручи съ вершинами, покрытыми травами, и такъ какъ первыми, изслѣдователямъ они напомнили крутые

берега Англіи, то ихъ и прозвали: Dover-cliffs, Дуврскими утесами.

Всего въ нѣсколькихъ километрахъ разстоянія отъ пруда Стэнли начинается лѣстница изъ водопадовъ, которая дѣлаетъ исполнѣ невозможнымъ всякое сообщеніе водою между среднимъ и нижнимъ теченіями Конго и которая названа Стэнли «Ливингстоновыми водопадами». Отъ станціи Брацавилъ до станціи Матади—на протяженіи приблизительно 275 километровъ—тридцать два водопада и многочисленныя пороги смѣняютъ другъ друга, при чемъ общія высота уклона рѣчного ложа равняется почти 255 метрамъ. Изъ этихъ водопадовъ одни слѣдуютъ другъ за другомъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ километровъ, или же соединяются между собою при посредствѣ обращенныхъ другъ къ другу отлогихъ спусковъ, соприкасающихся своими основаніями, вслѣдствіе чего вода сливается съ одного спуска и взбѣгаетъ на другой, смежный, въ формѣ длинныхъ kloкочущихъ волнъ; другіе раздѣлены значительными пространствами, не представляющими примѣтнаго для глаза уклона, вслѣдствіе чего рѣчныя воды и текутъ съ спокойною величавостію. Во многихъ мѣстахъ р. Конго, будучи сжата между береговыми холмами, имѣетъ лишь отъ 300 до 400 метровъ ширины, а въ одной тѣснинѣ, книзу отъ Иссангила, ширина ея не болѣе 225 метровъ ¹⁾; въ другихъ мѣстахъ она округляется, образуя обширные «котлы», въ которыхъ ея воды кружатся въ скалистомъ циркѣ. Видъ рѣки мѣняется безпрестанно: въ ущельѣ повсюду внезапные повороты; водопады, толченіе водъ, kloкочущіе водовороты, стремительно сбѣгающія водныя массы, спокойныя бухты, затѣмъ новыя паденія въ пѣнящуюся бездну—слѣдуютъ непрерывной чередой. Перебрасывающаяся отъ одной стороны къ другой между гранитными утесами, рѣка, когда смотришь на нее съ высоты прибрежныхъ холмовъ, кажется похожею на горный ручей, но какой могучій ручей! Сдавленная въ тѣснинѣ, она наверстываетъ потерю въ ширинѣ глубиною и скоростью теченія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она несется съ быстротою болѣе 13-ти метровъ въ секунду, а дно ея ложа углубляется болѣе, чѣмъ на 90 метровъ отъ поверхности воды. На протяженіи всей этой области ущелій, Конго получаетъ съ юга, съ плоскогорій, лишь малозначительные притоки: Лу-Лу, Нкисси, Куилу, Лу-Фу и Муозо; а съ сѣвернаго склона—одни лишь простые ручьи.

Теллала—послѣдній водопадъ, но еще и книзу отъ него, километровъ на пятьдесятъ, долина сохраняетъ видъ ущелья, размывавшагося долгою работою водъ. Кручи, съ гранями происшедшими какъ-бы отъ распада,

¹⁾ Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft, томъ VI, май 1880.

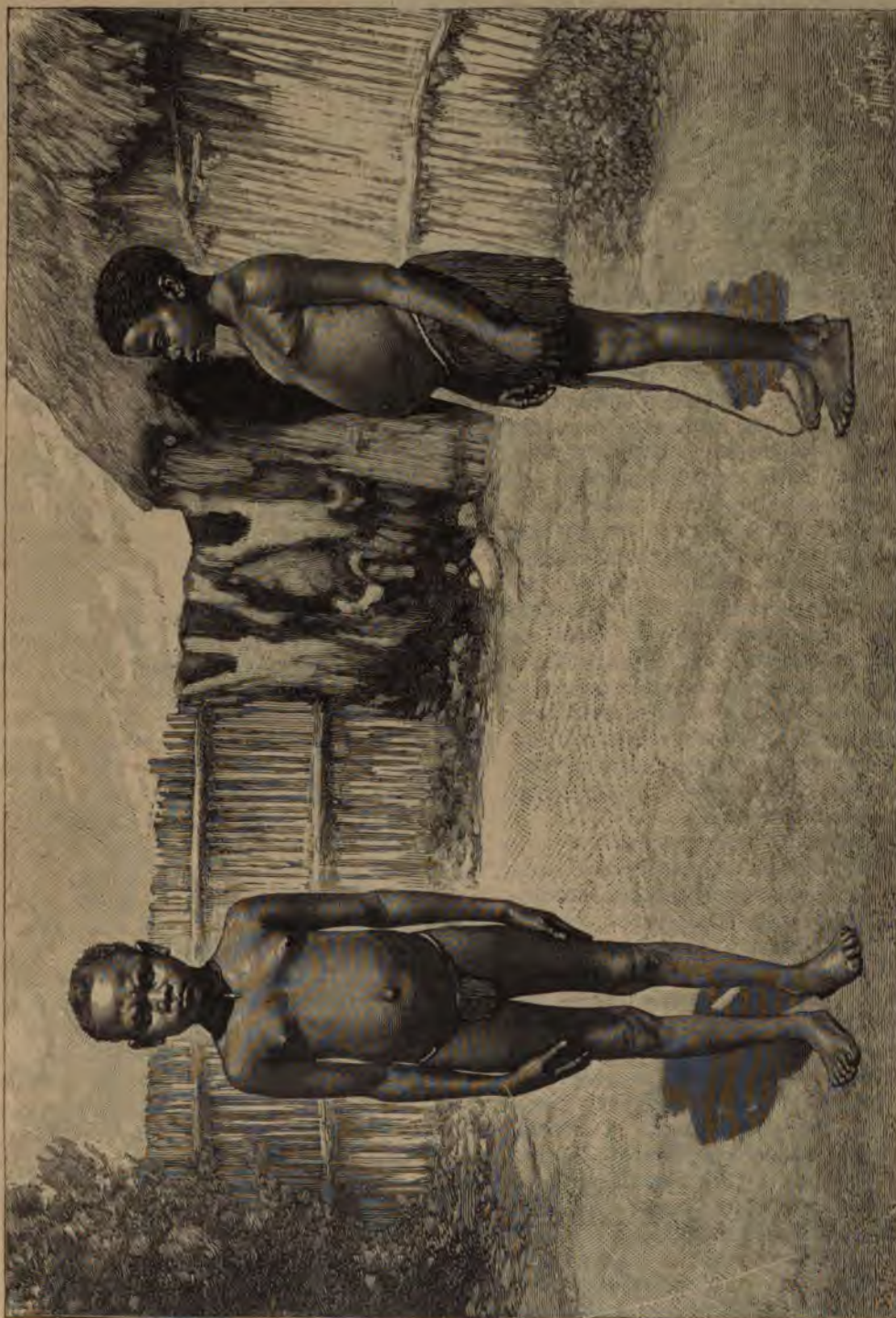
²⁾ Grenfell, „Proceedings of the R. Geographical Society“, октябрь 1886.

¹⁾ Meddlycott и Wood, «Petermann's Mittheilungen», 1877, тетр. VIII.

возвышаются надъ рѣкой съ той и другой стороны болѣе, чѣмъ на 100, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 300 метровъ; кое-гдѣ вода проносится черезъ пороги; наконецъ, на од-

жаты въ ней непрерывно, образуя меньшіе водовороты съ радіусомъ, однако, въ два метра и съ углубленіемъ въ 4 или 5 сантиметровъ ¹⁾.

Мужчина и женщина племени акка.

номъ внезапномъ поворотѣ своего ложа рѣка вырыла для себя въ циркѣ красной земли пропасть съ отвѣсными стѣнами и глубиною въ 120 метровъ; пропасть эта называется «Котломъ дьявола», и водныя массы кру-

Затѣмъ, по минованіи одного острова—который издали кажется совершенно пре-

¹⁾ Carlos de Magalhães, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“. 1885, № 3.

граждающимъ потоку путь,—вдругъ видишь передъ собой раскинувшийся лиманъ, устьянный большими островами и мелями, лиманъ, при началѣ котораго гранитный холмикъ, въ формѣ обелиска, называемый «Бембанбекъ», или также «Утесъ Молніи»—на правомъ берегу, и стѣна другой гранитной же кручи, «Камня Фетиша»—на лѣвомъ, обозначаютъ предѣлъ, который долгонепереходили морскія суда. Что касается Камня Фетиша, *Pedra de Feitiço*, то нѣкогда онъ и на самомъ дѣлѣ былъ украшенъ фетишами, при чемъ во время экспедиціи Тускеу, въ 1816 году, отшлифованная поверхность этого утеса была покрыта барельефами изъ горшечной глины, изображающими людей и животныхъ; съ теченіемъ времени скала выщербилась, и теперь эти изображенія уже не видны. Одинъ изъ острововъ, находящийся посрединѣ рѣки, къ сѣверо-западу отъ Камня Фетиша, *Tshipongo*, окаймленъ съ востока громадными глыбами гранита, принадлежащими къ той же самой формации, какъ и глыбы Бембандека и Камня-Фетиша. Вслѣдствіе этого, *Chavanne* полагаетъ, что этотъ островъ нѣкогда былъ соединенъ съ Утесомъ Фетиша, и что рѣка Конго, держась сѣвернѣе отъ этого прохода, направлялась на сѣверо-западъ, быть-можетъ, ида на соединеніе, къ сѣверу отъ Куилу, съ прибрежною лагуною, называемою Ванья ¹⁾. Но гипотеза эта, повидимому, не оправдывается видомъ мѣстности. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что рѣка часто перемѣщала свое ложе, и негодяны въ Бананѣ опасаются, чтобы она не вздумала отвернуться отъ ихъ города и не бросилась бы къ Кабиндѣ чрезъ рѣку «Крокодиловъ» ²⁾.

Около середины залива, который въ одно и то же время рѣчной—по теченію его водъ, и океаническій—по морскому приливу, разстояніе между берегами превышаетъ 17 километровъ. Но, приближаясь къ морю, лиманъ суживается, и главный его рукавъ, въ среднемъ, не шире шести километровъ, хотя наполняемые при приливѣ боковые притоки съ обѣихъ сторонъ и развѣтвляются тысячами каналовъ, направляющихся внутрь побережья. На линіи впаденія въ океанъ ширина устья рѣки между мысами превышаетъ 11 километровъ, а глубина мѣстами достигаетъ 300 метровъ. Что касается порога при Бананскомъ входѣ, имѣющаго при отливѣ шесть метровъ, а при приливѣ слишкомъ семь метровъ глубины, то онъ тянется нанскось рѣки, въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, составляя продолженіе двухъ песчаныхъ стрѣлокъ: на сѣверѣ—полуострова Банана, а на югѣ—мы-

са Акулы (*Shark-point*), или мыса св. Антонія. Если на большей части новѣйшихъ картъ и обозначаютъ мысъ *Radão*, какъ выступъ, наиболее выдающийся на юго-западѣ морскаго побережья, то это ошибка; этотъ знаменитый пляжъ совпадаетъ со стрѣлкою Акулы ¹⁾, которой такое названіе далъ мореплаватель *Diogo Cam*, открывшій въ 1485 году Конго и помѣстившій на упомянутой стрѣлкѣ «патрона» или мраморную колонну въ знакъ завладѣнія этою областью Португаліей. Говорятъ, будто этотъ столбъ былъ въ 1645 году низвергнутъ голландцами ²⁾; но недавно *Schwerin* розыскалъ отъ него обломки, превращенные туземцами въ «камень-фетиш» и чествуемые ими ³⁾.

Самая форма устья доказываетъ, что рѣчной потокъ продолжается и въ открытомъ морѣ; но, будучи отбрасываемъ морскимъ теченіемъ, движущимся вдоль побережья съ юга на сѣверъ, эти Конгскія воды устремляются по преимуществу въ направленіи къ сѣверо-западу. Въ то время какъ южный берегъ рѣки далеко выступаетъ за линію выхода ея въ океанъ, сѣверный, напротивъ, размывается потокомъ ея водъ, отторгающимъ отъ него частицы на всемъ протяженіи берега до самаго Краснаго Мыса, отстоящаго отъ устья на 40 километровъ къ сѣверо-западу. Впрочемъ, рѣчной потокъ даетъ себя чувствовать и гораздо дальше этого предѣла: моряки распознаютъ его, по измѣненію цвѣта и по меньшей плотности воды, уже за нѣсколько дней до появленія на горизонтѣ африканскаго материка. Уже на разстояніи 450 километровъ, воды принимаютъ темноватый оттѣнокъ, а болѣе чѣмъ за 350 километровъ часто встрѣчаются также и несущіяся деревья и плавы, покрытые кустарникомъ, вѣтви котораго сплетаются другъ съ другомъ; эти плавы видѣли даже передъ мысомъ Лопецъ и даже на песчаныхъ берегахъ острова Аннобона ⁴⁾. Въ 64 километрахъ отъ устья вода желтовата; а въ 22 кил.—она вполне рѣсна на поверхности океана. Справа же и слѣва рѣчнаго потока, несущагося въ открытый Атлантическій океанъ, образуются противотеченія, и вслѣдствіе противоположнаго направленія ихъ, судно, на протяженіи всего нѣсколькихъ кабельтовъ, т. е. нѣсколькихъ стодвадцати-саженныхъ разстояній, можетъ отыскать для себя теченіе, либо отдаляющее его отъ входа въ рѣку, либо, наоборотъ, приближающее къ нему. А такъ какъ вдоль Кабиндскаго побережья зыбь разбивается водами Конго, то судамъ, идущимъ

¹⁾ Ernesto de Vasconcellos, рукописныя замѣтки.

²⁾ Pechuel-Lösche, «Loango-Expedition», 3-е отдѣленіе.

³⁾ «Proceedings of the R. Geographical Society», 1887.

⁴⁾ Philippes de Kerhallet et Legras, «Instructions nautiques sur la côte orientale d'Afrique».

¹⁾ Pechuel-Lösche, «Loango-Expedition»;—Josef Chavanne, «Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongo-Staate».

²⁾ H. Johnston, «The river Congo».

около берега, для облегченія маневрированія, надо только держаться внутри теченія изъ рѣки. Пограничную линію между водами рѣчными и морскими обозначаютъ скопленія тѣхъ плавающихъ разнообразныхъ вещей, которыя рѣчнымъ потокомъ отодвигаются въ сторону отъ него, а морскимъ теченіемъ, напротивъ, возвращаются обратно въ теченіе рѣчное: такіе подвижные берега безпрерывно разрушаются, но, зато, безпрерывно же и возстаютъ ¹⁾. Однако, подъ этими измѣнчивыми берегами существуютъ другіе, открытые лотомъ корабля Виссачеер на днѣ моря. Оказалось, именно, что за перемѣщающимся баромъ Конго долина рѣки продолжается между двумя, явственно выраженными берегами: такъ, въ 22 километрахъ мористѣ Бонаны, морское дно этой долины находится на глубинѣ 360 метровъ, а надъ погруженными въ воду ея берегами глубина моря достигаетъ всего лишь 180 метр.; дальнѣйшая же разница между дномъ ложа и его берегами составляетъ уже 1.640 метровъ. Эта морская впадина, составляющая продолженіе долины Конго, простирается въ морѣ на 480 километровъ, при чемъ справа и слѣва ее окаймляютъ возвышенія, очевидно, состоящія изъ тѣхъ веществъ, которыя отлагаются рѣчнымъ теченіемъ при его столкновеніи съ морскими водами ²⁾: образуется, слѣдовательно, не «дельта», какъ говорили, но подводный, находящійся на днѣ океана, заливъ. Такимъ же образомъ, при посредствѣ лота, были открыты и окаймленные аллювиальными берегами продолженія рѣчныхъ долинъ на озерахъ Женевскомъ и Констанцкомъ, гдѣ продолжателями явныхъ Рейна и Роны являются Рейнъ и Рона, скрытые подъ водой ³⁾.

Но если прѣсныя воды Конго уносятся далеко въ море, то и соленныя воды проникаютъ также въ лиманъ. На рейдѣ въ Банана, какъ равно и на протяженіи всего бассейна устья, поверхностная вода всюду принадлежитъ рѣкѣ, а глубокая—морю, о чемъ свидѣтельствуетъ степень солености жидкой массы. Тогда какъ плотность верхневодной площади превышаетъ удѣльный въсѣ дистиллированной воды всего только въ предѣлахъ отъ 4 до 9 тысячныхъ, соленость слоевъ около два колеблется между 24 и 27 тысячными: а эти нижніе слои создаются благодаря той соленой волнѣ, которая устремляется въ воронку рѣки далеко подъ прѣсныя воды, развивающіяся на поверхности бассейна на - подобіе выпущеннаго на воду масла. Поэтому, когда по лиману плыветъ пароходъ, то отъ бортовъ его винта на поверхности

струн за кормой видѣется темно-зеленая полоса: это и есть морская вода, тѣснимая съ обѣихъ сторонъ мутными водами Конго, которыя, послѣ отброса винтомъ, стремительно возвращаются обратно и въ своей темной массѣ скоро вскрываютъ показавшуюся на мигъ свѣтлую океаническую воду. Судно, подводная часть котораго окажется одновременно въ толщѣ слоевъ обѣихъ теченій, перестаетъ слушаться своего руля, и кормѣму не легко бываетъ дать себѣ отчетъ въ равновѣсности двухъ противоположныхъ силъ. И когда, при такой случайности, нельзя бываетъ пустить корабль по вѣтру, то можетъ грозить серьезная опасность. Кверху отъ Понта-да-Леня и глубокая вода становится уже вполне прѣсною.

Приливъ, проникающій въ Конгскій лиманъ вплоть до самаго лабиринта острововъ, задерживаетъ рѣчной потокъ и повышаетъ его уровень, но не заставляетъ его течь обратно; оттого на берегахъ Конго почти совершенно отсутствуютъ коренупски, разрастающіеся въ экваторіальныхъ областяхъ, наподобіе изгородей, по берегамъ всѣхъ тѣхъ рѣкъ, въ которыхъ ощущается морской приливъ. Масса прѣсной воды, паденіе которой, къ тому же, между началомъ залива, въ Бома, и поверхностью Атлантическаго океана равняется 12½ метрамъ, слишкомъ значительна и обладаетъ слишкомъ большою скоростью, чтобы во всякій часъ имѣть для себя выходъ. Определить объемъ этой жидкости пытались уже со времени экспедиціи Тискеу'я, и первое исчисленіе замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ исчисленіями, сдѣланными въ наши дни. Такъ, Тискеу находилъ, что средній расходъ воды въ рѣкѣ равняется въ секунду сорока восьми тысячамъ кубическихъ метровъ ¹⁾, а тѣ опыты, возлѣ Stanley-Poel'я, на которыхъ предсѣдательствовалъ Стэнли, опредѣлили для первыхъ дней марта, при мелководіи, истеченіе равнымъ въ секунду 40.776 куб. метрамъ, для періода же дождей, судя по отмѣткамъ на скалахъ, высчитали 71.642 куб. метра ²⁾. Съ тѣхъ поръ были произведены многочисленные исчисленія, изъ которыхъ одни опубликованы безъ подкрѣпляющихъ ихъ документовъ и гласятъ, будто данный расходъ равняется ста и даже ста двадцати тысячамъ кубическихъ метровъ; а по другимъ выкладкамъ, данныя которыхъ извѣстны, онъ, между Нюки и устьемъ, колеблется въ предѣлахъ отъ 36 до 55 тысячъ метровъ ³⁾. Эти различія объясняются перемѣнами въ уровнѣ рѣки, наблюдаемыми даже въ періоды средняго стоянія

¹⁾ Von Shleinitz, „Voyage de la Gazelle“ .Hydrographische Mittheilungen“ 1874.

²⁾ Ernesto de Vasconcellos, „Boletino da Sociedade de Geographia de Lisboa“. 1886, № 1.

³⁾ Hbratimann;—F. Forel, рукописныя замѣтки.

¹⁾ Narrative of an Expedition to explore the river Zaïre.

²⁾ Stanley, „Cinq années au Congo“.

³⁾ Josef Chavanne, „Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongo-Staate“.

воду, а также и трудностью получения точнаго профиля столь широкой рѣки, которая, во-первыхъ, устьяна островами, а во-вторыхъ, воды которой скользятъ по поверхности подводнаго морскаго потока. Что касается осадковъ, приносимыхъ рѣкою въ море, то, по Шаванпе'у, годовое количество ихъ достигаетъ приблизительно 350 милліоновъ кубическихъ метровъ, и, слѣдовательно, осадковъ этихъ достаточно для образованія на днѣ океана острова, основаніемъ въ одинъ квадратный километръ и высотой въ триста метровъ.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что изъ рѣкъ Африки Конго катитъ самую большую массу воды и даже во всемъ Старомъ Свѣтѣ не имѣетъ себѣ соперника: воды Ганга и Брахмапутры, взятыя вмѣстѣ, составили бы лишь двѣ-трети средняго количества воды въ Конго. Единственная рѣка въ мірѣ, превосходящая Конго объемомъ своихъ водъ, есть рѣка Амазонская, которая, какъ и Конго, родится въ экваторіальной полосѣ и, также какъ онъ, вздувается отъ дождей изъ области безвѣтрія: такимъ образомъ, одинаковый климатъ придастъ одинаковый режимъ этимъ двумъ великимъ потокамъ. У обоихъ замѣчается смѣна половодій и мелководій, соответствующихъ колебаніямъ уровня въ главныхъ притокахъ; а прибыль и убыль въ притокахъ, въ свою очередь, разнообразно уравни-

ваются въ общемъ ложѣ низовья рѣки и сообщаютъ равномерность ея истеченію; тѣмъ не менѣе, въ тѣснинахъ водопадовъ разность уровней достигаетъ девяти метровъ, а въ Виви, книзу отъ послѣдняго водопада, она превышаетъ четыре метра. На протяженіи своего устья Конго представляетъ въ году два періода повышенія и два періода пониженія, при чемъ самые высокіе уровни выпадаютъ на долю декабря и мая, а самые низкіе на — мартъ и августъ. Очевидно, оба разлива слѣдуютъ за дождливыми временами года: зимнимъ — когда облачный поясъ спускается къ экватору, и весеннимъ — когда онъ снова поднимается въ сѣверное полушаріе; возвышеніе уровня въ нижнемъ теченіи Конго совершается тогда отъ прибыли воды изъ притоковъ праваго берега, каковы Арахуими, У-Банги и Алина. Предварительныя наблюденія, сдѣланныя въ устьяхъ многочисленныхъ притоковъ рѣки, уже даютъ приблизительное понятіе о сравнительномъ значеніи cadaго изъ нихъ въ общемъ питаніи рѣки; но для точнаго опредѣленія доли cadaго притока въ общемъ движеніи водъ бассейна, необходимъ еще долгій и кропотливый трудъ.

Вотъ числовыя данныя для оцѣнки сравнительнаго значенія cadaго изъ главныхъ притоковъ Конго:

Названіе.	Длина рѣки въ километр.	Длина обследованнаго судоходнаго русла рѣки и ея притоковъ въ килом.	Расходъ воды въ рѣкѣ въ куб. метрахъ въ секунду.
Конго	3.765?	2.626	50.000
Мпуру	?	100 (Wester).	
Арахуими	?	150 (Stanley).	
Итимбири	?	200 (Grenfell).	
Ма-Нгала	450?	350 (Baert).	700 (Grenfell, д. 1884г.)
У-банги	2.500?	700 (Grenfell).	8.000 (François).
Бунга	1.500?	210 (Grenfell).	1.800 (François).
Ликуалла	600?	300 (Giac de Brazza).	1.000 (Grenfell).
Лима	500	350 (Ballay).	1.000 (Grenfell).
Нкени	250	175 (Ponel).	120 (Grenfell).
Лефини	250	150 (P. de Brazza).	
Луа-Лаба	1.000	400 (Reichard).	
Лу-Вилахъ	700	250 (Grenfell).	1.000 (Grenfell, ф. 1885 г.)
Лу-Конго	1.110	960 (François).	1.400 (François).
Икелемба	450	225 (Grenfell).	
Тшуана	1.200	1.130 (François).	
Иребу	200	150 (Grenfell).	
Кассан-Куанго	1.940	3 064	9.000
Бассейнъ Конго	4 280	11.240	50.000

Различныя наименованія главныхъ притоковъ и подпритоковъ Конгскаго бассейна, на протяженіи отъ верховьевъ до устья:

Арахуими: Би-Иерра, У-Винджи, Непоко (?). Куа: Кассан, Кассаби, Уа-Бума, Изаре, Запре. Куанго: Ибари-Нкуту, Запре. Ликуалла: Ликольна, Боссака, Мессака. Лойка: Итимбири. Лу-Вилахъ: Ло-Мами, Лу-Калла, Бо-Локо. Лу-Кениз: Лу-Катта, И-Катта. Луа Пула: Луа-Вуа, Webb's river. Луа-Лаба: Комоломдо,

М'Колуа. Нкени: Мкениз, Сонга: Бунга, Сакולי. У-Банги: Мо-Банги, Либоко, Уалла-Макуа (?).

Судоходныя пути, открывающіеся для человѣческой промышленности въ бассейнѣ Конго, громадны и уступаютъ только такимъ же путямъ рѣки Амазонской. Правда, эта цѣль каналовъ отдѣлена отъ моря гранитною лѣстницею, при посредствѣ которой низвергаются конгскіе водопады, но караваны пѣшеходовъ

поштучно переносить кузова и машины паравозовъ въ озеро Стэнли, представляющее великолѣпный входной бассейнъ для всѣхъ путей къ сѣверу, востоку и югу Внутренней

между водопадами Ливингстона и Стэнли, свободный путь въ 1.700 километровъ длиною; кромѣ того, болѣе чѣмъ на тысячу километровъ она судоходна также и на протяженіи

Женщины племени нѣамъ нѣамъ.

Африки. Уже сама главная рѣка, длина которой исчисляется различно—отъ четырехъ до слишкомъ четырехъ съ половиною тысячъ километровъ — представляетъ, на протяженіи

тѣхъ ея отдѣловъ, которые приходятся на области ея устья и истоковъ; Кассаи, продолжаемая къ востоку рѣками Санкуру и Ломами, доступна для паравозовъ на протяже-

ни 3.000 километровъ, которые въ мечтахъ будущаго представляются продолженными, при посредствѣ канала, также до самыхъ высокихъ верховьевъ Конго; кромѣ того, на сотни и сотни километровъ проходимы для пароходовъ и прѣгъ также У-Банги, Тшуана, Лу-Лонго, Алима и другія рѣки, почти всѣ носящія такъ много различныхъ названій, что возможны даже и смѣшенія ихъ другъ съ другомъ. Затѣмъ, общее число всѣхъ судоходныхъ линій станетъ неисчислимымъ, если къ рѣкамъ присоединить также прибрежные каналы-протоки, озера и боковые рукава; итъ, вѣроятно, ни одного мѣста на пространствѣ бассейна, которое, по словамъ Grenfell'я, «находилось бы въ разстояніи больше 160 километровъ отъ какой-нибудь пристани, достижимой со стороны воды». Но эти громадные облегченія для путешествія внутри останутся до тѣхъ поръ безъ примѣненія, пока области средняго теченія Конго не будутъ соединены съ поморьемъ хорошими подъѣздными путями. Затрудненія при переносѣ таковы, что тонна товаровъ, доставляемая изъ Антверпена въ устье Конго за 38 франковъ, раньше своего достиженія до мѣста слиянія Конго съ Арахуни, обременяется дополнительными расходами по перевозкѣ въ нѣсколько сотенъ и даже тысячъ франковъ. Нельзя, слѣдовательно, серьезно помышлять о пользованіи богатствами бассейна раньше, чѣмъ желѣзная дорога дастъ возможность обходить пороги.

Рельефомъ континента въ бассейнѣ Конго объясняется направленіе и характеръ теченія рѣкъ. Горы возвышаются не въ центральныхъ областяхъ, а въ сосѣдствѣ съ океаномъ. Къ востоку отъ краевыхъ цѣпей, тянущихся вдоль Атлантическаго океана на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, простирается центральная низменность, которую въ общихъ чертахъ можно разсматривать какъ ограниченную: съ запада и съ сѣвера, вверхъ отъ пруда Стэнли,—рѣкою Конго и ея большою излучиною вплоть до водопадовъ Стэнли; съ юга—ложбами рѣкъ Кассаи и Санкуру, и съ востока—горами побережья Танганьики. Это обширное пространство, по происхожденію, вѣроятно, озерное, позволяетъ р. Конго развернуться къ сѣверу полукругомъ громадной длины, а воды ея сбѣгаютъ къ этому центральному бассейну со всѣхъ сторонъ съ замѣчательною правильностью, обуславливаемою общимъ наклономъ почвы. Къ сѣверу отъ озера Ланджи, притоки Верхняго Конго спускаются съ горъ въ направленіи съ востока на западъ; на югъ—всѣ притоки Санкуру-Кассаи текутъ съ юга на сѣверъ; а на западъ—рѣки, находящіяся во французскихъ владѣніяхъ, устремляются на соединеніе съ Конго, змѣясь въ направленіи къ востоку. Всѣ эти соединенныя воды встрѣчаютъ препятствіе въ краевыхъ горахъ, вслѣд-

ствіе чего уровень рѣки поднимается къ верховью, и потокъ изливается послѣдовательнымъ рядомъ каскадовъ въ бреши скалъ, еще недостаточно вырытой размывающею силою воды.

Цѣпи высотъ, возвышающіяся параллельно берегу на сѣверѣ Конго, продолжаютъ въ томъ же самомъ направленіи также и къ югу отъ этой рѣки. Это тоже скалы изъ гранита, гнейса и древнихъ сланцевъ, гребни вершинъ которыхъ расположены въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Средняя высота ихъ всего 700 метровъ. Когда взойдешь на одну изъ вершинъ, господствующихъ съ юга надъ долиною Конго, то на всемъ кругѣ горизонта едва-ли увидишь какую-либо другую вершину, превышающую избранную для восхожденія ¹⁾; вся поверхность страны перерѣзана глубокими ущельями, въ которыхъ змѣйками извиваются рѣки; весь край представляетъ обширное плоскогоріе, поверхность котораго мѣстами, вслѣдствіе климатическихъ невзгодъ, разрушена и лишена тѣхъ почвенныхъ слоевъ, которые пригодны для произрастанія растений. Однако, съ приближеніемъ къ югу, горы мало-по-малу становятся все выше: уже къ западу отъ средняго теченія Куанго, нѣкоторыя вершины превосходятъ тысячу метровъ, а въ области верховьевъ Конго, само плоскогоріе, т. е. тотъ цоколь, который служитъ подножіемъ для вершинъ, достигаетъ высоты въ 1.600 метровъ; впрочемъ, сами вершины не высоки, и къ востоку поверхность почвы на взглядъ кажется почти горизонтальною. И вотъ здѣсь-то именно и находится та обширная озерная водораздѣльная поверхность, воды съ которой стекаютъ на обѣ стороны: въ Атлантическій океанъ, при посредствѣ Кассаи, и въ Индійское море, при посредствѣ Замбѣзе. Большая часть западной области горъ и плоскогорій покрыта толстымъ пластомъ латерита, образовавшагося отъ разложенія глинистыхъ сланцевъ и другихъ по верхности лежащихъ камней. По вѣшнему виду этотъ латеритъ походитъ на разноцвѣтный песокъ: красный, коричневый и желтоватый; дождевая вода просачивается чрезъ него быстро, какъ чрезъ рѣшето, и затѣмъ пробивается наружу уже у подошвы высотъ; но по краямъ плоскогорій дожди отторгаютъ отъ этихъ слоевъ громадные отломки, и тогда устоявшая масса, въ видѣ красноватыхъ утесовъ, высится надъ вѣтвистыми деревьями, тѣнящимися у ихъ подошвъ.

На востокъ бассейна рельефъ менѣе правиленъ, чѣмъ на западъ; краевые кряжи уже отличаются меньшей правильностью формъ и меньшею прямолинейностью хода, но, зато, въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ они достигаютъ боль-

¹⁾ Stanley, «Cinq années au Congo»;—I. I. Chavanne, «Petermann's Mittheilungen», 1887 тетр. IV.

шой высоты. Надъ амфитеатромъ горъ—возвышающимся къ югу отъ озера Бангуэло и своими предгоріями отгѣсняющимъ рѣку Луа-Пула въ направленіи къ сѣверу—господствуютъ вершины хребта Локинги, имѣющія, какъ говорятъ, отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ высоты. Локинга же, при посредствѣ боковыхъ предгорій, соединяется съ террасами горъ Виа-но, чрезъ которыя протекаетъ Луа-Лаба и которыя продолжаютъ на сѣверо-востокъ, по направленію къ Танганьикѣ, прерываясь на извѣстныхъ разстояніяхъ притоками Конго въ верхнемъ его теченіи. Къ югу отъ этихъ террасъ, горы Локинги мало-по-малу понижаются въ направленіи къ сѣверо-востоку и кончаютъ сліяніемъ съ высокими равнинами, по которымъ, все отдаляясь, змѣевидно извиваются: *Луа-Нгуа*, притокъ Замбѣзе, и *Чисси-Чимбѣзи*, главная вѣтвь верхняго теченія Запры. Эти равнины, или *мурри*, усыяныя небольшими группами деревьевъ, тянутся на необозримое пространство, и на поверхности ихъ не видно никакихъ возвышеній почвы, кромѣ горюкъ, построенныхъ термитами. Во многихъ мѣстахъ эти равнины, подобно торфяникамъ сѣверныхъ областей Европы и Сѣверной Америки, на большихъ пространствахъ пропитываются водою, становятся полужидкими и мѣстами содержатъ колодцы, постоянно наполненные прозрачною водою. Левингстонъ называлъ эти пространства «губками». Во время засухъ, на нихъ образуются длинныя разсѣлины, углубляющіяся вплоть до слоя бѣлаго песка, на которомъ залегаетъ болотистая равнина, потомъ, въ періоды дождей, трещины эти закрываются. Воду свою эти губки отдають рѣкамъ лишь весьма медленно, чѣмъ по мѣсяцамъ и поддерживаютъ въ нихъ нормальное теченіе ¹⁾).

Посредствомъ холмистыхъ плоскогорій, несущихъ на себѣ неодинаковой высоты горныя кряжи и гряды, область водораздѣла между Конго и притоками Индійскаго моря продолжается также и къ востоку отъ озера Танганьики. Именно: восточнѣе отъ него, между нимъ и озеромъ Риква, высятся горы въ двѣ и болѣе тысячи метровъ, а сѣвернѣе, въ У-Ніамези, даже простыя повышенія плоскогорья имѣютъ слишкомъ тысячу двѣсти метровъ высоты; къ западу же отъ Танганьики, гора Миримбидостигаетъ 1.500 метровъ, а гора Мисози поднимается на 1.730 метровъ надъ уровнемъ моря, почти на тысячу метровъ надъ поверхностью самаго озера, воды котораго омыпають ея подошву. Своимъ величественнымъ видомъ эти горы обязаны обширной поверхности воды, представляющей контрастъ съ ихъ крутыми выступами; но, по высотѣ, онѣ уступаютъ другимъ вершинамъ, слѣдующимъ одна

за другой на перешейкѣ, который ограничиваютъ озера: на востокъ—Ніянца, а на западъ—Мута-Нзигѣ; продолжаясь въ этомъ узкомъ пространствѣ, плато У-Ніамези соразмѣрно повышается и увѣнчивается гребнемъ высокихъ вершинъ. Тамъ высятся три конуса Мфумби-ро, съ которыхъ нисходятъ къ югу, къ востоку и къ сѣверу многочисленные притоки р. Кагера, главной вѣтви Нила. Далѣе къ сѣверу, высятся массивы Кибанга и Гамбарагара, которые Стэнли и другіе путешественники видѣли издали, и высоту которыхъ они опредѣляютъ въ три тысячи метровъ. Такимъ образомъ, раздѣльная возвышенность, дающая озеро Танганьика бассейну рѣки Конго, продолжается также и къ востоку отъ озера Мута-Нзигѣ, какъ бы для приобщенія и его въ географическомъ отношеніи къ тому же Конгскому бассейну: и дѣйствительно, по общему наклоненію почвы, Мута-Нзигѣ къ этому бассейну и принадлежитъ, но, по своему мѣстонахожденію, а также, вѣроятно, и по существованію соединительной долины, оно составляетъ часть области Нила. Нѣкоторые географы полагаютъ даже, что въ сѣверо-восточной оконечности Мута-Нзигѣ находится сточный каналъ, направляющійся въ озеро Альберта; однако, извѣстно, что первый изслѣдователь, Гессе, тщетно отыскивалъ предполагаемую имъ рѣку, а Масонъ-бей убѣдился лишь въ существованіи, въ юго-восточномъ углу озера, потока красноватой воды, теченіе которой было преграждено растеніями въ одномъ частъ разстоянія «верху отъ его устья ¹⁾». Также и рѣка, недавно открытая Эминъ-беемъ, признается имъ не за истокъ озера, а за бурный потокъ, нисходящій съ тѣхъ восточныхъ горъ, которыя образуютъ кряжъ У-Сонгора ²⁾. Если Мута-Нзигѣ дѣйствительно изливается въ сѣверное озеро, какъ это полагаетъ Кирхгофъ ³⁾ и какъ это утверждали путешественники арабы изъ племени Типпо-Типъ изслѣдователю van-Gele ⁴⁾, то не совершается ли это изліяніе посредствомъ такого канала, теченіе въ которомъ, на подобіе Луа-Лабы, по временамъ прекращается, либо вслѣдствіе затворовъ изъ растеній, либо по причинѣ пересыханія канала, вслѣдствіе убыли воды въ самомъ озерѣ Мута-Нзигѣ? Вѣдь, изъ бѣлыхъ путешественниковъ его воды видѣлъ только одинъ Стэнли; да и онъ самъ не проникалъ къ нимъ, а посылавшіеся имъ туземцы возвратились съ сообщеніемъ, что въ данной мѣстности высокая круча воспрепятствовала имъ спуститься къ озеру: такъ, по словамъ этихъ туземцевъ, мѣшки съ

¹⁾ „Bulletin de la Société Khediviale de Géographie du Caire“, № 5, съ мая 1877 по февраль 1878.

²⁾ Письмо Эминъ-бея къ Falkin'y: „Scottish geographical Magazine“, 1887.

³⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1887, тѣп. IV.

⁴⁾ „Mouvement géographique“, 1883, № 13. *

¹⁾ Livingstone, „Last journal“; —V. Giraud, „Tour du Monde“, 1886, 1887.

солюю они были принуждены втаскивать до самой вершины скалъ при посредствѣ веревочкѣ. *Впослѣдствіи Стэнли и Эминъ-паша нашли, что Мвутанъ-Нзиге, иначе озеро Альберта-Эдварда, есть крайнее юго-западное озеро-истокъ Нила, что оно соединяется чрезъ р. Семлики съ сѣвернымъ о. Альберта, но не имѣетъ никакого сообщенія съ о. Танганьика. Южный и западный берегъ его были изслѣдованы, въ 1891 г., Эминъ-пашей и Штульманомъ, при чемъ было установлено, что озеро это достигаетъ лишь 0,45 южн. шир. и лежитъ на высотѣ 875 метр. надъ уровнемъ моря*.

На сѣверо-востокъ водораздѣлъ между Конго и «Страною Рѣкъ», родящихъ Нилъ, едва обозначенъ нѣсколькими возвышеніями почвы, уединенными горами, имѣющими до 500 метровъ высоты надъ порогомъ ¹⁾, а также равнинами съ неопредѣленнымъ уклономъ. Вѣроятно, то же самое существуетъ между склономъ рѣки Конго и склономъ Шари, и въ такомъ случаѣ впадина Центральной Африки, значить, продолжается отъ древняго Конгскаго озера къ еще существующему озеру Чадъ, этому остатку нѣкогда болѣе значительнаго внутренняго моря. Но—соединяется ли нѣтъ область обихъ бассейновъ при посредствѣ промежуточныхъ равнинъ—не подлежитъ сомнѣнію, что часть данного пространства занимаютъ массивы: или уединенные, какъ Мендифъ, или непрерывные, какъ другія менѣе высокія горы. Такъ, къ югу отъ Узале возвышается группа уединенныхъ высотъ, которыми путешественникъ Potagos далъ названіе горъ Георга; а рѣка У-Банги сжата въ стѣнахъ горъ, которыя, если смотрѣть на нихъ съ низовьевъ этой рѣки, по своей вѣнчистости походятъ на Пиренеи, видимыя съ равнинъ Гасконіи ²⁾. Вообще, самый неровный и разнообразный рельефъ Конго представляетъ въ области своихъ верховыхъ притоковъ,—этой обыкновенно наилучше ограничиваемой части рѣчныхъ бассейновъ; напротивъ, въ сторонѣ выхода рѣки, препятствіе, образованное краевыми кряжами, первоначально состояло изъ преграды однообразной и сплошной. Задерживаемая этою запрудой воды должны были пребывать на громадныхъ равнинахъ Внутренней Африки въ теченіе весьма долгаго времени, а взвѣшенные въ нихъ твердыя частицы имѣли возможность выдѣлиться въ видѣ значительной толщины слоевъ осадочныхъ земель: и дѣйствительно, можно цѣлыми недѣлями путешествовать по берегамъ Кассаи, Санкуру, Лу-Кеніа, Чуаны, какъ и по другой сторонѣ Конгскаго бассейна, по берегамъ Алимъ, Бунги и У-Банги, не находя ни одного камешка ³⁾.

¹⁾ Schweinfurth, *уном. соч.*

²⁾ Ponel, *рукописныя замѣтки.*

³⁾ Tappenbeck, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, 1886.

Рѣдкія же каменные глыбы, видимыя на берегахъ рѣкъ, кажутся какъ-бы затерявшимися островами посреди моря.

Экваторіальный климатъ области Конго видоизмѣняется въ различныхъ частяхъ территоріи, смотря по формѣ и направленію возвышенностей—краевыхъ кряжей или плоскогорій. Средняя температура, — понижаемая вдоль поморя вліяніемъ береговаго океаническаго теченія, направляющагося съ юга, — никогда не бываетъ чрезмѣрною, такъ какъ въ самые жаркіе мѣсяцы: январь, февраль, мартъ и апрѣль, она рѣдко превышаетъ 33° Ц.; поэтому трудно переносится климатъ европейцами скорѣе изъ-за влажности въ атмосферѣ, чѣмъ изъ-за высоты ея температуры. Съ другой стороны, холода сравнительно чувствительны, такъ какъ въ долинѣ Нижняго Конго въ іюль мѣсяцѣ наблюдали пониженіе температуры до 12°; годовая разниа, слѣдовательно, оказывается равною 21°. Но на плоскогоріяхъ она еще значительнѣе, и путешественники жалуются какъ на жары, поднимающіеся въ мартѣ до 36°, такъ и на смѣну дневнаго зноя ночью стужей. Тогда какъ Камеронъ видѣлъ на плоскогоріяхъ, около истоковъ Кассаи, образованіе ночью льда, Ponel констатировалъ на У-Банги температуру раскаленной печи, достигавшую 43°.

Такъ какъ весь анемометрическій режимъ передвинутъ къ сѣверу отъ экватора, вслѣдствіе преобладанія суши въ сѣверномъ полушаріи, то бассейнъ рѣки Конго всецѣло находится въ поясѣ юго-восточныхъ пассатовъ. И дѣйствительно, эти атмосферныя теченія господствуютъ внутри материка тамъ, гдѣ горы не нарушаютъ ихъ нормальнаго хода, но въ южной части бассейна—гдѣ долины правильно расположены въ видѣ параллельныхъ бороздъ, направляющихся съ юга на сѣверъ, и вѣтры слѣдуютъ этому же направленію. На западномъ берегу до слиянія съ У-Банги, въ землѣ Ба-Нгала ⁴⁾, пассаты, уклоняясь отъ своего направленія, превращаются въ муссоны, становятся вѣтрами юго-западными и дуютъ даже и прямо съ запада. Господствуютъ эти вѣтры,—обыкновенно довольно сильныя—главнымъ образомъ въ сухое время года, достигая своей наибольшей силы въ сентябрѣ и въ мартѣ, именно передъ началомъ сырыхъ сезоновъ. Что касается грозъ въ собственномъ смыслѣ слова, то наиболѣе часты грозы, приходящія съ востока, при чемъ сильнѣе всего тѣ, которыя собираются на сѣверо-востокѣ. Такимъ образомъ, въ западной части материка грозы идутъ изъ внутреннихъ областей къ приморскому берегу ⁵⁾; въ восточной области, къ востоку отъ Верхняго Конго, грозы зарождаются на

⁴⁾ Coquilhat, *руком. замѣтки.*

⁵⁾ Wissmann;—von Danckelmann, „Deutsche Colonial-Zeitung“, 15 окт. 1855.

западъ, слѣдовательно, и здѣсь онѣ тоже несутся къ берегу изъ глубины континента.

Времена года едва разграничиваются другъ отъ друга въ предѣлахъ верхняго теченія р. Конго; но на ея низовьяхъ, засухи и дожди правильно чередуются между собою; именно, какъ и въ Габоніи, короткая зима—съ октября по конецъ декабря—предшествуетъ недолгому сухому времени, съ января до середины февраля; затѣмъ слѣдуетъ періодъ сильныхъ дождей, продолжающійся вплоть до мая; а во все остальные мѣсяцы года, съ мая по сентябрь, стоитъ большая сушь, во время которой не выпадаетъ ни одной капли воды. О распределеніи собственно дождей извѣстно, что они быстро уменьшаются къ югу отъ устья Конго и увеличиваются отъ низовьевъ рѣки къ ея истокамъ, отъ поморья въ глубь материка; въ экваторіальной же области рѣки, въ поясѣ затишья, дождь идетъ круглый годъ, хотя періодъ долговременной влажности совпадаетъ именно съ зимними мѣсяцами. По характеру дожди здѣсь почти всегда—сильные ливни, приносимые грозами: въ декабрѣ 1882 г., выпаденіе воды, совершившееся въ одну изъ этихъ бурь, равнялось 102 миллиметрамъ, при чемъ дождь шелъ всего лишь три часа. Дожди на низовьяхъ Конго доставили слои воды, равнявшіеся: въ Виви, съ сентября 1880 г. по августъ 1881 г.,—867 миллим.; а въ Понта-да-Леня, съ сентября 1882 г. по августъ 1883 г.,—739 миллим. ²⁾ Вѣ течение гибельныхъ 1872 и 1874 годовъ, количество атмосферной воды, полученное полями, не достигло даже 200 миллиметровъ, и голодъ былъ послѣдствіемъ этой чрезвычайной сухости ³⁾. Но, помимо дождей, слѣдовало бы принимать въ расчетъ влажность росы и ту, которую растеніямъ доставляютъ утренніе туманы, *касимбо* португальцев. Особенно въ іюлѣ бывають густые туманы между пятью и семью часами утра, а иногда и въ теченіе всего дня ⁴⁾: въ такое время рѣдко бываетъ возможно различить вершины горъ, и завѣса скрываетъ горизонтъ. Свѣтлыя ночи рѣдки, и вообще прекрасное звѣздное небо становится видимымъ только послѣ того, какъ сильные ливни промываютъ атмосферу.

Въ затуманиваніи неба принимаетъ участіе также и дымъ отъ сжиганія травянистыхъ равнинъ, обыкновенно практикуемаго какъ въ низовой области Конго, такъ и на гористыхъ плоскогоріяхъ на югѣ ⁴⁾. Von Danckelmann исчислилъ, что количество сжигаемой травы составляетъ на квадратный километръ массу

въ 80 тоннъ. А такъ какъ эти выжиганія травъ ежегодно простираются на многія и многія десятки тысячъ квадратныхъ километровъ, то, слѣдовательно, миллионы тоннъ приходится исчислять то количество топлива, которое въ видѣ стеблей, кустарниковъ и сухихъ деревьевъ предается пламени и большею своею частію разсѣивается въ атмосферѣ. Надъ громадною горящею поверхностью образуются густые кругловатые клубы дыма, которые, въ концѣ концовъ, разостлавшись сѣроватыми туманами, однообразно и сплошь заволакиваютъ небо и доставляютъ парамъ воды твердыя частицы, на поверхности которыхъ и сгущается влага. Ночью, горѣние высокихъ травъ представляетъ великолѣпное зрѣлище, при чемъ пламя либо взбѣгаетъ вверхъ по склонамъ, либо громаднымъ потокомъ спускается съ откосовъ горъ. Несясь по поверхности холмовъ, пламя непрерывно мѣняетъ свои очертанія, въ одномъ мѣстѣ стремительно взбираясь къверху, а въ другомъ мало-помалу угасая, пока новый порывъ вѣтра не раздуетъ его вновь. Эти перебѣгающіе огни не опасны: травы сгораютъ слишкомъ быстро для того, чтобы полныя соковы деревья могли бы загорѣться при пробѣгѣ огня; малѣйшій ручей останавливаетъ распространеніе пожара, и потушить огонь можно даже ударами вѣтвей съ густой листвою.

Существованіе этихъ луговыхъ, высокотравныхъ степей на холмистыхъ пространствахъ около Конго слѣдуетъ, однако, относить не къ выжиганію растеній, а къ климату. Въ этихъ областяхъ воздухъ не настолько богатъ влагою, чтобы питать лѣса: тогда какъ изобильные дожди въ Габоніи приводятъ къ тому, что все пространство однообразно покрывается такою лѣсною растительностью, что охотникъ съ трудомъ прокладываетъ чрезъ нее тропу,—луговые степи становятся все многочисленнѣе по мѣрѣ удаленія къ югу, а по ту сторону рѣки Конго всѣ вершины изборожденнаго плоскогорія оказываются уже лишенными большихъ деревьевъ. Зато долины, по которымъ текутъ ручьи, полны зеленью, и на днѣ каждой изъ нихъ видѣется узкая полоса деревьевъ, изви- вающаяся между сѣроватыми стѣнами ущелья. Эта же противоположность между высотами и долинами наблюдается также и къ востоку отъ краевыхъ горъ португальской территоріи, на сѣверномъ склонѣ водораздѣльнаго плоскогорія между Запрою и Замбезе. Объясняется это тѣмъ, что хребты, тянущіеся между двумя параллельными долинами, немедленно послѣ дождя лишаются ниспавшей на нихъ влаги: дождевая вода быстро удаляется книзу по тѣмъ глубокимъ бороздамъ, которыя дожди же промываютъ справа и слѣва по склонамъ данныхъ хребтовъ, и осушенные, такимъ образомъ, утесы высотъ оказываются способными

¹⁾ Von Danckelmann, „Petermann's Mittheilungen“, 1885.

²⁾ Josef Chavanne, *упом. соч.*

³⁾ Ponel, *рукоп. замѣтки*

⁴⁾ Cameron;—Monteiro;—Pechuel-Lösche;—Böhm и Kaiser;—von Danckelmann и т. д.

пропитать не деревья и кусты, а лишь кое-гдѣ торчащую низкорослую поросль, почти лиственную даже и листьевъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ видѣются, затѣмъ, однѣ рѣдкія травы, а есть и такіе, которые совершенно оголены: эти хребты туземцы называютъ квіанами. Впрочемъ, большую часть холмовъ покрываютъ травы дотого высокія, что пѣшеходъ скрывается въ нихъ, какъ въ чащѣ тростника: эти высокія саванны—напоминающія поросшія альфой равнины Берберіи—въ томъ случаѣ, если онѣ состоятъ изъ злаковъ, снабженныхъ острыми рѣжущими влагалищами, португальцы называютъ *sarim* или *sarim de fasa*, «травы съ ножами». Деревья встрѣчаются только въ долинахъ, гдѣ они окаймляютъ берега непрерывною массою растительности, переплетенной сѣтями изъ лѣанъ: заросли, шириною всего въ нѣсколько метровъ, называются *michitos*¹⁾. Во многихъ мѣстахъ онѣ чередуются съ болотистыми почвами, на которыхъ не видно даже и низкорослой поросли.

Но у выхода параллельныхъ долинъ южнаго склона вода, равномерно распределенная по равнинѣ, вполне достаточна для поддержанія богатой растительности: снова встрѣчаются группы пальмъ, громадныя баобабы, а вскорѣ начинается лѣсъ, далеко простирающійся не только вдоль рѣкъ, но также и по промежуточнымъ пространствамъ между ними. Почти весь полукругъ, ограниченный съ сѣвера большою дугою р. Конго, а на югѣ рѣками Кассан и Санкуру, представляется какъ-бы громаднымъ лѣсомъ, который мѣстами прерываютъ болота, луговые степи и лужайки около деревень: такимъ образомъ, дно древняго озера покрылось мощною тропическою растительностью. Гористыя восточныя области, равно какъ и западныя, имѣютъ сплошные лѣса только въ ложбинахъ, гдѣ соединяются воды, нисходящія съ высотъ, да въ тѣхъ частяхъ тропическаго пояса, гдѣ дожди выпадаютъ въ большомъ изобиліи. Далѣе къ югу увидишь уже только луга, по которымъ деревья разсыяны или группами, на-подобіе англійскихъ парковъ, или въ видѣ аллей, окаймляющихъ ручьи съ ихъ раздѣвленіями, или же, наконецъ, луговые степи оказываются лишенными всякой древесной растительности. Природа здѣсь вовсе не являетъ того богатства и разнообразія въ флорѣ, которыхъ можно было бы ожидать подъ одною широтою съ Явою и южными берегами Суматры и Борнео. Тогда какъ многія области даннаго бассейна, каковы: страна племени маньема, земли, пересѣкаемая Лу-Кугою и Лу-Лабою, равнины, обитаемыя племенами нѣамъ-нѣамъ и монбутту, Луида. У-руа и весь тотъ

край, гдѣ Кассан сливается съ своими большими притоками, описываются баснословно плодородными и могущими превратиться въ обширные сады, если уже не превращенные²⁾, нѣкоторыя другія части конгскаго бассейна—таковы въ особенности цури и «губки» въ восточныхъ округахъ³⁾, и сухія латеритовыя плоскогорія на западѣ⁴⁾, представляютъ чрезвычайно монотонный и унылый видъ: кажется, нѣтъ никакой надежды завоевать ихъ когда-нибудь для культуры.

Въ цѣломъ, бассейнъ Конго, хорошо ограниченный кругомъ горъ, плоскогорій и возвышенныхъ пороговъ, являетъ замѣчательное единство въ своихъ растительныхъ и животныхъ видахъ. Объясняется это тѣмъ, что, несмотря на громадность территоріи, климатическія условія остаются одними и тѣми же: и къ сѣверу и къ югу отъ рѣки Конго, а также и отъ экватора, повторяются одни и тѣ же явленія, хотя и въ обратномъ порядкѣ временъ года. Съ другой стороны, границы бассейна во многихъ его отдѣлахъ совпадаютъ съ границами областей распространенія растений. Швейнфуртъ и Юнкеръ доказали, что горный хребетъ, раздѣляющій въ странѣ нѣамъ-нѣамовъ воды Нила отъ водъ Конго, въ то же время составляетъ и рѣзкую раздѣлительную линію для весьма большого числа видовъ: къ сѣверу отъ этой границы уже не встрѣчаются ни пальмы, дающія масло или саго, ни панданы—растения, характеризующія данный пейзажъ; о масляной пальмѣ слѣдуетъ прибавить, что границами ей служатъ: на югѣ одинъ изъ водораздѣловъ, а въ долину Нижняго Конго—первые склоны плоскогорій Анголы. Для многихъ растений естественною границею ихъ распространенія является нижнее теченіе р. Конго, а если они и переступаютъ ее, то благодаря лишь вмѣшательству челоука. Равенство климата, придающее одинъ и тотъ же характеръ туземной флорѣ во всѣхъ областяхъ бассейна, дозволило также и жителямъ вводить почти повсюду одни и тѣ же культурныя растения: маниокъ (*manioke*), просо, колокасію (египетскіе образки) и бананы. Табакъ, конопля, ананасъ и сахарный тростникъ также встрѣчаются въ различныхъ областяхъ около р. Конго. Въ лѣсахъ центральной области, на берегахъ Конго и Кассан, путешественники видѣли дикое кофейное дерево, а также виноградъ и померанцы.

Фауна разсматриваемаго рѣчнаго бассейна—та же, что и на атлантическомъ поморьѣ, въ Габоніи и Камерунѣ. Слоны, ставшіе рѣдкостью въ мѣстностяхъ, гдѣ на него охотятся,

¹⁾ Otto Schütt, „Reisen im südwestlichen Becken des Kongo“.

²⁾ Livingstone;—Schweinfurth;—Cameron;—Stanley;—Wissmann, и т. д.

³⁾ Victor Girard, „Tour du Monde“, 1886 и 1887.

⁴⁾ Pechuel-Lösche;—Chavanne, и т. д.

еще весьма часто встрѣчается въ большей части данной страны; ламантинъ показывается въ низовьяхъ Конго, а бегемотъ во множествѣ населяетъ главную рѣку и ея притоки; Мас-

ютъ судоходство. Шимпанзе обитаетъ въ лѣсахъ по берегамъ Конго, но къ сѣверовостоку границы его распространенія тѣ же, какъ и для пальмы саговой и масличной;

Воины племени ніамъ-ніамъ.

сори за одинъ разъ видѣлъ ихъ въ водахъ Куанго въ количествѣ болѣе пяти сотъ головъ ¹⁾; во многихъ рѣкахъ они даже стѣсня-

не проникая въ бассейнъ Нила, онъ также не переправляется и чрезъ Нижній Конго для проникновенія къ югу, въ территорію Анголы. Наблюдаемая противоположность въ фаунѣ зависятъ въ особенности отъ

¹⁾ „Mouvement Géographique“, 7 ноября, 1886.

мѣстныхъ условий. Тогда какъ западные саванны, часто опустошаемые пожарами, почти совершенно лишены животныхъ, и на нихъ не встрѣчаютъ ни четвероногихъ, ни пресмыкающихся, ни птицъ, — природные парки на той высотѣ, гдѣ луговые степи перемѣниваются съ группами деревьевъ, населены до чрезвычайности; такъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, еще не опустошенныхъ человѣкомъ, лагеря путешественниковъ бывали окружены стадами слоновъ, буйволовъ и антилопъ.

Бассейнъ Конго принадлежитъ къ областямъ, населеннымъ племенами, говорящими на языкѣ банту, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вкрапленныхъ между другими пространствъ, на которыхъ проживаютъ побѣжденные аборигены, а также и сѣверо-восточной области, населенной нiams-niams, монбутту и другими племенами, относимыми къ африканцамъ нубійской расы: съ другой стороны, глоссологическая область языка банту, простирающаяся къ югу вплоть до Капской колоніи, переступаетъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ границы также и Нильскаго бассейна, такъ какъ на областныхъ нарѣчіяхъ этого языка говорятъ по всей окрестности озера Ньянза. Однако, хотя населенія около Конго и родственны между собою по языку, тѣмъ не менѣе по внѣшнему виду и нравамъ они представляютъ большія различія: поэтому и описывать ихъ слѣдуетъ отдѣльно другъ отъ друга. Хотя большая часть племенъ банту (ба-нту, а-ба-нту), т. е. «людей», рассматриваются какъ рѣзко отличающіеся отъ негровъ оттенкомъ цвѣта кожи, формою черепа, чертами и походкою, тѣмъ не менѣе въ области Конго, несмотря на большія мѣстныя различія между племенами, переходы въ общемъ весьма постепенны. Чистый типъ не встрѣчается. Совершающіяся нынѣ непрерывныя смѣшенія постепенно видоизмѣняютъ расу, сохраняя одинъ лишь языкъ. Даже въ историческій періодъ народы-завоеватели проходили по странѣ, покоряя другіе народы и сливаясь съ ними. Затѣмъ переселеніе племенъ и новыя этническія смѣшенія часто обусловливались также временами голода, наводненіями и экспедиціями продавцевъ невольниковъ; наконецъ, и браки у многихъ народцевъ заключаются внѣ своего племени. Повидимому, наименѣе смѣшанною расою слѣдуетъ признать расу аборигеновъ, т. е. тѣхъ низкорослыхъ людей, которыхъ называютъ акка, тикъ-тикъ, вуа-туа, и которые обычно отлѣчаются малостью своихъ размѣровъ. Не предкамъ ли этихъ маленькихъ людей слѣдуетъ приписать какъ тѣ каменные орудія, которые были отысканы Ногемъ на берегахъ Танганьики ¹⁾ такъ

равно и тѣ, которые недавно найдены на берегахъ Нижняго Конго ²⁾?

Въ своемъ сочиненіи о новѣйшихъ языкахъ туземцевъ Африки, Cust перечисляетъ для конгскаго бассейна сорокъ два различныхъ нарѣчія, принадлежащихъ, однако, къ одному и тому же корню языковъ банту; затѣмъ, къ этому перечню англійскаго автора другіе писатели присоединяютъ еще нѣсколько языковъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ настоящее время филологи вполне признавая взаимную родственность этихъ языковъ, не въ состояніи, относительно ихъ классификаціи, представить ничего другаго, кромѣ предположеній: только небольшое число изъ данныхъ языковъ и нарѣчій изучены настолько, что оказалось возможнымъ составленіе ихъ грамматикъ или словарей; для остальныхъ же имѣются лишь одни неполные перечни словъ, а относительно нѣкоторыхъ племенъ путешественниками сообщены только по одному слову привѣтствія или угрозы. Не полонъ, наконецъ, и самый перечень племенъ, въ который, къ тому же, вкрались и многочисленныя смѣшенія наименованій, при чемъ либо одному и тому же племени даются различныя наименованія, либо, наоборотъ, весьма различныя племена окрещиваются однимъ и тѣмъ же названіемъ. Существующее предположеніе, будто приставки въ именахъ народовъ: ба, ма, ава, вуа, м, ту и му, указываютъ на извѣстное родство между обозначаемыми такимъ образомъ племенами — довольно вѣроятно; но для того, чтобы отважиться на составленіе даже приблизительной классификаціи — одного подобнаго указанія не достаточно. Въ виду всего этого, всякая попытка группировать конгскіе языки, а также и говорящіе на нихъ народы, имѣетъ значеніе лишь временное, преходящее.

Тѣмъ не менѣе, въ этомъ этническомъ хаосѣ племенъ можно, все-таки, выдѣлить тѣ изъ нихъ, которые значительнымъ образомъ повліяли на исторію страны, или же которые отличаются своею торговою или военною дѣятельностью въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи, въ качествѣ посредниковъ торговаго обмѣна между восточнымъ склономъ Африки и бассейномъ Конго, слѣдуетъ упомянуть о нiams, проживающихъ къ востоку отъ озера Танганьики, и руа, расселившихся къ западу отъ этого озера. Затѣмъ, между р. Конго и озеромъ Мута-Нзигъ, весьма обширную территорію, вплоть до мѣстообитаній племенъ монбутту и нiams-niams, занимаетъ племя регга. Къ западу отъ Верхняго Конго и къ югу отъ большой дуги, которую, эта рѣка описываетъ къ сѣверу отъ экватора, встрѣчаются, на большомъ пространствѣ, по берегамъ всѣхъ лѣво-

¹⁾ "Proceedings of the R. Geographical Society", январь, 1882.

²⁾ Dupont, "Mouvement Geographique", 24 апрѣля 1887.

стороннихъ притоковъ,—ба-лоло. Ту-шилонжэ, гордящиеся своею образованностью, занимаютъ область выступленія рѣкъ Лу-Луа и Кассан на заросшія лѣсомъ равнины; въ той области, гдѣ южные притоки проложили параллельныя долины, господствуетъ племя лунда; затѣмъ, выше, въ сосѣдствѣ съ горными хребтами, на которыхъ рождаются сказанныя притоки, проживаютъ кіоко—отважные странствователи, предпринимающіе путешествія между Атлантическимъ океаномъ и страной великихъ озеръ. По рѣкѣ Конго, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она начинаетъ поворачивать къ юго-западу, обитаютъ ба-нгала, обладающіе наибольшею воинскою энергіею; также весьма могущественны ба-банги, живущіе нѣсколько ниже, по рѣкѣ того же имени; при этомъ, одно изъ ихъ колѣнъ, ба-фуру (апъ-фуру), живущее по берегамъ рѣкъ: Бунга, Ликвалла и Алима, превратилось изъ грознаго соперника въ драгоцѣннаго союзника французскихъ изслѣдователей. Ба-тэка, населяющіе прибрежныя мѣстности по теченію Конго кверху отъ озера Стэнли, оказываютъ большое политическое вліяніе на окрестныя племена, а у-бума, на нижнемъ теченіи Кассан, стали сотоварищами бѣлыхъ по переносу товаровъ. Наконецъ, ба-фиоты, болѣе извѣстные подъ именемъ конго или конгола—по имени одного изъ ихъ колѣнъ, ба-конго,—проживаютъ на берегахъ Нижняго Конго и издавна находятся въ торговыхъ сношеніяхъ съ европейскими народами. У всѣхъ этихъ негрскихъ племенъ наблюдается на всемъ протяженіи отъ востока къ западу возрастающая любовь къ амулетамъ и фетишамъ, при чемъ восточныя племена предпочитаютъ украшенія на всемъ тѣлѣ, а западныя—болѣе головные уборы.

Хотя многіе писатели и утверждали, будто одинъ изъ существенныхъ контрастовъ между неграми и другими расами Старого Свѣта заключается въ неспособности первыхъ группироваться въ значительныя политическія общества, однако, племена банту основывали большія государства, а нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ племенъ являли этому примѣръ также и въ предѣлахъ Конгскаго бассейна. Въ этомъ отношеніи, въ концѣ XV-го столѣтія, времени появленія въ данной странѣ португальцевъ, вся территория низовой рѣки, а также и большая часть южнаго плоскогорія признавали власть государя, пребывавшаго въ томъ городѣ, который и въ наши дни еще носитъ португальское наименованіе Санъ-Сальвадора: всѣ окрестныя начальники племенъ регулярно уплачивали ему дань; а въ послѣдствіи и для португальскихъ правителей, въ видахъ превращенія этой африканской имперіи въ португальское вице-королевство въ Африкѣ, не оставалось ничего иного, какъ исподоволь также подчиниться этому

туземному владѣтелю. Въ области, орошаемой притоками Кассан, политическое преобладаніе принадлежитъ племени лунда, и ихъ королю, муата Ямво (муата—титულъ короля), платять подати сотни клановъ, разсѣянныхъ по территоріи, столь же обширной, какъ и Франція. Около истоковъ Луа-Пулы находится другое государство, управляемое королемъ Каземба, бывшее нѣкогда независимымъ и, какъ кажется, обладавшее, къ концу прошлаго столѣтія, верховною властью надъ сосѣдними государствами. Къ сѣверу отъ Каземба, верхніе бассейны рѣкъ Луа-Лабы и Лу-Фиры составляютъ владѣнія самаго могущественнаго государя, Мскири. Еще сѣвернѣе, въ области сліянія тотчасъ названныхъ рѣкъ для образованія Конго, племена въ политическомъ отношеніи группируются подъ общимъ верховнымъ главенствомъ короля Кассонго. Кромѣ того, нѣкоторыя племена народовъ, говорящихъ на языкѣ банту, образовали и другія государства, въ бассейнахъ Конго. Понятно, впрочемъ, что въ этихъ обширныхъ краяхъ, гдѣ сообщенія весьма трудны и гдѣ племена безъ труда могутъ перемѣщаться съ поляны на поляну, даже перемѣнять долину или рѣчной бассейнъ, политическая связь слаба. Въ періодовъ завоеваній, когда многочисленныя орды, обученныя военному ремеслу, насильственно налаживаютъ свое господство на мирныя земледѣльческія населенія, племена соединяются между собой лишь по добровольному согласію: они образуютъ скорѣе союзы небольшихъ автономныхъ республикъ, чѣмъ монархическія государства. Кое-какіе подарки, обѣщанія да изъявленія преданности—вотъ все, что главари народцевъ или родовъ, вассальныхъ или подвассальныхъ, удѣляютъ своему сюзерену.

Прибытіе европейцевъ и арабовъ на берега Африки, естественно, должно было способствовать процессу паденія, который мало-по-малу преобразуетъ внутреннія государства. Привыкаютъ обращать взоры къ новымъ господамъ, и прежнее равновѣсіе разрушается. Такъ, вмѣшательство португальцевъ, въ концѣ-концовъ, привело къ паденію конгской имперіи, несмотря на то, что въ политическомъ отношеніи она являла значительную устойчивость: войны во имя религіозной пропаганды одновременно съ экспедиціями неготорговцевъ возбуждали область противъ области, и каждое племя возвращало себѣ свою независимость. Въ этихъ историческихъ преобразованіяхъ, происходящихъ отъ присутствія иностранцевъ на морскомъ берегу, польза разнообразно перемѣнивалась съ вредомъ. Такъ, если одни племена, за которыми охотились неготорговцы, впали въ еще большую нищету и варварство сравнительно съ прежнимъ ихъ состояніемъ, то, въ общемъ, жители Конгской земли богатѣли, вслѣдствіе развитія между ними земледѣлія;

они научились воздѣлывать кукурузу, маниокъ и другія иноземныя растенія, входящія нынѣ такою значительною долею въ составъ ихъ пищи, что исчезновеніе этихъ растеній могло бы повлечь за собою гибель почти всѣхъ туземцевъ. Это введеніе питательныхъ растеній составляетъ одно изъ великихъ благодѣяній европейцевъ и въ общемъ балансѣ болѣе чѣмъ уравниваетъ продажу ружей, пороха и крѣпкихъ напитковъ. Четыре вѣка тому назадъ конгскія племена могли существовать только охотясь за лѣсными звѣрями, даже за самимъ человекомъ, а также благодаря рыбной ловлѣ и земледѣлію въ самой зачаточной формѣ; нынѣ они требуютъ своей пищи уже отъ воздѣланнаго поля, и народонаселеніе можетъ покинуть звѣроловство, не опасаясь быть обманутымъ со стороны плодородной почвы. Ткани, инструменты и мебель доставляются ему также изъ Европы, и хотя вѣроятно, что это только частичное совпаденіе, но все-таки можно задать вопросъ, не повліяли ли примѣры португальцевъ на способъ постройки домовъ на пространныхъ большей части западныхъ конгскихъ областей, до визовьевъ Итимбири и кверху отъ Арахуми? Всѣ эти дома расположены въ формѣ продолговатаго четверугольника, съ крышею на европейскій манеръ и съ нѣкотораго рода верандою: вообще, отъ жилищъ многихъ европейскихъ странъ они отличаются только матеріаломъ, который взятъ для ихъ постройки. Въ области же Верхняго Конго, а также въ странѣ великихъ озеръ, жилища, хотя чрезвычайно различны въ архитектурномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, почти повсюду круглы, а крыши ихъ—коническія ¹⁾.

Если бы европейское вліяніе было представлено въ областяхъ р. Конго одними только торговцами изъ Европы, оно всегда оставалось бы въ исторіи Африки значительно ниже вліянія купцовъ арабскихъ. Тогда какъ до перехода Стэнли черезъ черный материкъ европейскія факторіи не проникали за черту низовьевъ лимана, занзибарскіе арабы свободно путешествовали по странѣ къ западу отъ озера Танганьики, въ центрѣ самаго материка, въ 1.500 километрахъ отъ Индійскаго океана. Къ ихъ содѣйствію въ дѣлѣ проникновенія къ чернокожимъ племенамъ должны были прибѣгать какъ Стэнли и Камеронъ, такъ и многіе другіе европейскіе путешественники: безъ арабскихъ торговцевъ Конгскій бассейнъ еще и до сихъ поръ оставался бы невѣдомою страной. Такъ, когда Стэнли рѣшился, слѣдуя вдоль береговъ р. Конго, пройти къ западу, то его сопровождалъ вплоть до водопадовъ арабъ Типпо-Типпъ, начальникъ отряда въ семьсотъ человекъ; затѣмъ, благодаря содѣйствію этого же торговца рабами, Стэнли могъ предпринять

экспедицію и къ верховьямъ Нила. Это арабамъ въ особенности принесло пользу открытія европейцевъ во всей области Верхняго Конго, и караваны ихъ побѣдоносно проникаютъ повсюду, отъ большихъ нильскихъ озеръ до рѣки Ло-Мами. Колоніи этихъ торговцевъ, агентства которыхъ разсѣяны по всей странѣ, не довольствуются покупкой слоновой кости и другихъ цѣнныхъ припасовъ, но преимущественно промышленно торгуютъ рабами; пользуясь всѣми мелкими войнами между племенами и даже возбуждая эти распри, купцы заставляютъ уступать себѣ плѣнныхъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и перепродаютъ часть своей добычи на рынкахъ внутри материка и даже въ приморскихъ областяхъ; юношей, однако, они оставляютъ у себя, вооружаютъ ружьями и превращаютъ такимъ образомъ въ боевую дружину, непреодолимую для мелкихъ племенъ. Отсюда весьма значительное матеріальное преимущество арабовъ въ ихъ торговой борьбѣ съ европейцами, которые, для составленія своихъ каравановъ, должны обращаться къ людямъ свободнымъ, отдающимъ имъ своихъ рабовъ уже въ-наймы, отчего европейцамъ весьма дорого обходятся ихъ транспорты. Про занзибарскихъ арабовъ можно даже сказать, что въ дѣйствительности ими основана въ области Верхняго Конго новая имперія, простирающаяся на нѣсколько сотъ тысячъ квадратныхъ километровъ; впрочемъ, официально эта имперія не могла занять мѣста въ ряду остальныхъ государствъ, такъ какъ въ торговомъ отношеніи она зависѣла отъ Занзибара. Ей недоставало свободного выхода къ Индійскому океану, который ей необходимъ, такъ какъ, прервысь ея торговля словою костью съ Бомбеемъ, прекратилось бы и ея существованіе. Но если проживающіе внутри материка арабы являются въ торговомъ отношеніи вассалами занзибарскаго султана, то и самъ этотъ султанъ, въ свою очередь, находится подъ наблюденіемъ европейскихъ дипломатовъ и пребываетъ на своемъ островѣ какъ-бы въ плѣну: отважиться на увеличеніе своей страны онъ уже не въ силахъ. Ему приходится лишь получать приказанія отъ державъ, которыя опредѣляютъ границы его владѣній, а остальную территорію дѣлятъ между собою: державы эти, при посредствѣ Стэнли, сдѣлали изъ главнаго торговца рабами внутри материка одного изъ главныхъ сановниковъ независимаго государства Конго, и онъ же указали ему, для вывоза слоновой кости, другой путь, именно черезъ низовье Конго и Атлантическій океанъ.

Извѣстно, что послѣдствіемъ перехода Стэнли черезъ материкъ, въ 1878 году, было образованіе, подъ предсѣдательствомъ бельгійскаго короля, комитета для изученія Верхняго Конго, и что комитетъ этотъ вскорѣ превратился въ «Международную Конгскую Ассоціа-

¹⁾ Ed. Ponce, рукоп. замѣтки.

цію», задавшуюся обширною миссією: «разсѣ-
ять вдоль береговъ рѣкъ и озеръ цивилизован-
ныя учрежденія, мирнымъ путемъ завладѣть
краемъ, придать ему новый обликъ, гармони-

бы изгнаны убійство и торговля рабами» ¹⁾.
Эта миссія далеко не была выполнена, и ассо-
ціація, не дожидаясь ея достиженія, такъ ска-
зать, короновалась въ 1884 году, преобразо-

Станція Стенли Пуль.

рующій съ новѣйшими идеями, и основать тамъ
такія государства, въ вѣдрахъ которыхъ евро-
пейскій торговецъ побратался бы съ чернымъ
торговцемъ Африки, и откуда навсегда были

ушедши въ монархію, въ пользу основавшаго
ассоціацію короля. Эта новая имперія, назван-

¹⁾ Henry M. Stanley, „Cinq années au Congo“.

ная «Независимымъ Конгскимъ государствомъ» (Etat indépendant du Congo), ограничена на югѣ: южнымъ берегомъ лимана, затѣмъ геометрической линіею, проведенною до р. Куанго, въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ шестого градуса южной широты, и наконецъ совпадаетъ съ параллелью этого градуса вплоть до Лу-Билаха или Верхней Санкуру. Около р. Лу-Билахъ, эта фиктивная граница, проведенная черезъ еще вовсе неизслѣдованныя или же мало извѣстныя области, изгибается къ югу, для того, чтобы подняться по рѣчной долигѣ вплоть до того плоскогорія, на которомъ зарождаются источники этой рѣки; далѣе, граница сливается съ водораздѣльнымъ кряжемъ Конго и Замбезе; слѣдуетъ по западному берегу озера Бонгуэло и долиною Луа-Пулы; захватываетъ половину озера Моэро и прямою линіею направляется къ бухтѣ Камеронъ, откуда слѣдуетъ вдоль берега озера Тинганьики вплоть до бухты Ру-Сизи. Отсюда новая фантастическая линія проводится на картѣ такимъ образомъ, что, обойдя справа озеро Мута-Нзигъ, она опредѣляетъ границу Конгскаго государства вплоть до четвертаго градуса сѣверной широты, параллель котораго и признана за его сѣверный рубежъ. На сѣверо-западѣ и на западѣ, течение У-Банги, а затѣмъ правый берегъ Конго до городка Маніанга отдѣляютъ новое государство отъ французскихъ владѣній. А около низовьевъ Конго, извилистая линія, проходящая южнѣе истоковъ Ніари и ея притоковъ, направляется къ линіи поморья между Кабиндою и Банана, чѣмъ и заканчивается обширная окружность данной территоріи. Въ общемъ, Конгское государство обнимаетъ поверхность въ 2.252.780 квадратныхъ километровъ, или около половины Конгскаго бассейна; однако, единственными занятыми пунктами на пространствѣ этой громадной области являются лишь нѣсколько постовъ по берегамъ рѣкъ, въ родѣ Ба-Нгала на правомъ берегу Конго; постъ этотъ находится въ странѣ народа того же имени. Въ главной рѣки существуетъ только одинъ постъ: Лулуабургъ, на р. Лу-Луа, притокѣ Кассан.

Остальныя части Конгской покатоности также распределены между европейскими державами. Такъ, Германія завладѣла, если не на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ въ принципѣ, всюю тою частью Восточной Африки, которую охраняють озера: за сѣверъ—Ніанца, на югѣ—Ніасса, на западѣ—Танганьика, при чемъ изъ этого обширнаго стратегическаго става она одновременно командуетъ верховными бассейнами Нила, Замбезе и Конго. Франція обладаетъ тою частью конгскаго склона, которая находится между Верхнею У-Банги и городомъ Маніанга; наконецъ, Португалія официально завладѣла, къ югу отъ Конгскаго государства, всюю тою территорію, которую орошаютъ притоки Нижняго

Конго и Куанго; кромѣ того, она предположительно считаетъ себя «протекторомъ» Лундскаго королевства, будущимъ обладателемъ той южной части бассейна, которая еще не раздѣлена между властителями Европы. Впрочемъ, все конгскія государства, а также и то, которое находится на склонѣ къ Индійскому океану, между Замбезе и пятымъ градусомъ сѣверной широты, объявлены свободными для торговли всѣмъ и каждому. «Все флаги, безъ различія національности, имѣютъ свободный доступъ какъ къ морскимъ берегамъ давнихъ территорій, такъ и къ берегамъ тѣхъ рѣкъ, которыя эти территоріи орошаютъ. Всякое дифференціальное обложеніе судовъ воспрещено, а ввозимые товары освобождены какъ отъ ввозныхъ, такъ и отъ транзитныхъ пошлинъ».

II. Бассейны Луа-Пулы и Луа-Лабы.

Эта область, на протяженіи которой верховые притоки, образующіе Конго, спускаются болѣе, чѣмъ съ половины всего рѣчнаго ската, именно съ 1.500 до 600 метровъ, была, съ конца восемнадцатаго столѣтія, посѣщена лишь однимъ европейцемъ, Ласердю, но никакихъ документовъ не уцѣлѣло отъ этого окончившагося гибельно изслѣдованія. Другія путешествія, совершенныя португальцами, почти не обратили на себя вниманія географовъ, и страна оставалась въ неизвѣстности вплоть до замѣчательныхъ экспедицій Ливингстона. За этимъ піонеромъ африканскихъ земель слѣдовали другіе преданные наукѣ люди, и такимъ образомъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ петли маршрутныхъ сѣтокъ становились все мельче и мельче ¹⁾.

Плоскогоріе, наклоненное къ югу и дающее начало притокамъ Чамбези, рѣки, которая впослѣдствіи становится Конго, населено главнымъ образомъ племенами бембе (ба-емба, му-емба, ло-бемба, вуа-емба). Ихъ деревни, состоящія изъ круглыхъ хижинъ, окруженныхъ палисадами и рвами, разсыяны по громадной равнинѣ, лежащей на высотѣ приблизительно 1.400 метровъ и покрытой лѣсомъ изъ рѣдко растущихъ деревьевъ, который мѣстами прерываютъ болота и саванны. Въ 1884 году, во время прохода чрезъ страну путешественника Жиро, имперія бемба простиралась къ сѣверу—до Танганьики, къ востоку—до Ніасса, а къ западу—до Бангуэло и Моэро; ей было подчинено все междуозерное пространство къ

¹⁾ Съ нѣсколькимъ изслѣдованіемъ бассейновъ Луа-Пулы и Луа-Лабы совершили путешествія: Ласердъ, въ 1798; караванщики или помейросы, Ж. А. Baptista и А. José, въ 1806; Gamitto и Monteiro, въ 1832; Ливингстонъ, въ 1869—1873; Cameron, въ 1874; Giraud въ 1884; Böhm и Reichard въ 1883—84; Capello и Ives, въ 1885 годахъ.

сѣверу отъ горъ Уа-Биза, и даже король Камба, потомокъ государей, которые въ прошломъ вѣкѣ господствовали надъ племенами столь же большой части Центральной Африки, долженъ былъ согласиться на плату дани королю племени бемба. Также нѣкогда могущественная нація Уа-биза, обладавшая территоріею къ югу отъ Чамбези, была, по выраженію туземцевъ, «сѣдена»: независимыми оставались лишь племена, проживающія на островахъ о. Бангуэоло, нѣкоторыя изъ племенъ, разсѣянныхъ по горамъ, и часть націи, занимающей покатость р. Замбезе. Столица имперіи бембовъ расположена на равнинѣ, къ сѣверу отъ болотъ, чрезъ которыя протекаетъ Чамбези. Въ 1884 году она состояла изъ четырехъ или пяти сотъ хижинъ, и хотя, вслѣдствіе своей обширности, не могла быть окружена укрѣпленіями, на-подобіе другихъ деревень, тѣмъ же не менѣе три бомы, или частокольная ограда, защищали семейства и казну вліятельныхъ лицъ; эти же ограды, въ случаѣ нападенія, могли служить убѣжищемъ также всему остальному населенію.—Деревнямъ, въ этихъ краяхъ, названія даются по именамъ ихъ начальниковъ; такъ, въ 1884 году, главный городъ бембовъ назывался Кетимкуру, нынѣ же его называютъ Марукуту. По умершему королю въ этихъ краяхъ трауръ всеобщій. При этомъ, трупъ государя остается въ королевской хижинѣ, гдѣ нѣсколько старшинъ стерегутъ его до полного разложенія; зато остальные жители убѣгаютъ отъ сосѣдства съ мертвецомъ такъ быстро, что не имѣютъ времени даже собрать жатву съ своихъ полей. Часто деревни покидаются окончательно, а новый начальникъ, покоривъ всѣхъ остальныхъ своихъ соперниковъ, закладываетъ свою бому на мѣстѣ, удаленномъ отъ крѣпости своего предшественника ¹⁾. Безпрерывныя войны въ большей части обезлюдилъ страну; группы хижинъ рѣдки, а въ нѣкоторыхъ округахъ, вслѣдствіе близости разбойниковъ, жить даже опасно; бѣдные земледѣльцы устраиваютъ свои лагерныя стоянки между муравейниками, украдкою обрабатываютъ почву и, собравъ жатву, убѣгаютъ; когда же у нихъ не остается болѣе хлѣба, они пытаются отваренными грибами, кореньями, корою деревьевъ и листьями.

Безпокойныя и сварливыя, благодаря своему политическому состоянію, бемба, въ физическомъ отношеніи, являются однимъ изъ красивѣйшихъ народовъ племени банту. Большею частью высокіе ростомъ, они одарены длинными и тонкими ногами, хорошо приспособленными для бѣга посреди высокихъ травъ и по наводненной почвѣ. Тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи покупать себѣ у арабскихъ купцовъ ткани, прикрываются кожами

¹⁾ Victor Giraud, «Tour du Monde». 1886.

и издѣліями изъ лыка; кокетство ихъ заключается въ изборожденіи кожи своего тѣла изящными татуировками и въ убранствѣ головы спицами, коронами и стрѣлами, при чемъ въ волосы вплетается также и глина. Между ними есть искусные ремесленники, кузнецы, волочильщики проволоки и ткачи; хотя войны ихъ употребляютъ еще лукъ и стрѣлы, но исподволь это оружіе начинаетъ уже замѣняться ружьями. Военное положеніе, въ которомъ живутъ эти населенія, даетъ огромную власть ихъ королямъ, которые изъ-за пустяковъ подвергаютъ калѣченію какъ рабовъ, такъ и свободныхъ людей; окружающія короля толпы музыкантовъ почти цѣликомъ состоятъ изъ евнуховъ, слѣпыхъ и однорукихъ; при входѣ въ каждую деревню на длинныхъ шестахъ развѣшены черепа. Церемоніалъ поклоненія развѣ въ немногихъ изъ африканскихъ областей свидѣтельствуетъ о болѣешемъ униженіи: приближающіеся къ королю опрокидываются сначала на спину, хлопая въ ладоши, затѣмъ ложатся на животъ и ползаютъ передъ своимъ властелиномъ, прежде чѣмъ осмѣлятся обратиться къ нему съ словомъ. Знакомъ королевской власти служатъ красныя бусы, покрывающія грудь, животъ и ноги государя. Доставляютъ эти украшения купцы изъ Ніамези, которые въ обмѣнъ покупаютъ мѣстную слоновую кость, состоящую хотя и изъ небольшихъ бивней, но зато отличающихся «несравненною мелкозернистостью». Эти приходящіе съ востока купцы ввели между жителями страны много различныхъ арабскихъ обычаевъ.

Племена уа-биза и илала, удержавшіяся, несмотря на нападенія бембовъ, на своихъ, окруженныхъ болотами, островахъ и полуостровахъ озера Бангуэоло, а также и въ суровыхъ горныхъ долинахъ, составляютъ небольшія республики; смирные и добродушные люди, они всегда на-сторожѣ, опасаясь появленія непріятеля. Между этими крохотными государствами есть одно, именно государство Синга, территорія котораго—не что иное, какъ лугъ, едва выдающійся изъ тростника. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ этой преріи, подъ большимъ деревомъ, раскинулась рыбацья деревенька, двадцать пять человѣкъ жителей которой и около тридцати собакъ и составляютъ все населеніе Синги; но зато нигдѣ не увидишь такой массы дикихъ животныхъ, какъ въ сосѣдствѣ этой деревни. «Въ 800 метрахъ къ югу, говоритъ Жиро, гори-зонтъ застился стадомъ антилопъ въ нѣсколько тысячъ головъ». По ночамъ эти животные приближаются къ хижинамъ, собаки окружаютъ нѣсколькихъ изъ нихъ, и туземцамъ остается лишь прикончить ихъ ударами копій. Къ югу отъ болотъ, составляющихъ продолженіе бассейна Банъ-Бангуэоло, нахо-

дится, въ землѣ племени илала, село Читамбо, въ которомъ 1-го мая 1873 года скончался Ливингстонъ. Извѣстно, съ какимъ трогательнымъ уваженіемъ негры его каравана отнесли тѣло своего друга за 2.200 километровъ, въ Занзибаръ, при чемъ приложили все стараніе, чтобы пройти съ покойникомъ чрезъ ту самую рѣку Луа-Пула, до которой, будучи живымъ, Ливингстонъ такъ стремился достигнуть: великій путешественникъ продолжалъ, такимъ образомъ, благодаря преданности своихъ товарищей, дѣлать открытія и послѣ своей смерти. Сograждане же его устроили ему торжественныя похороны въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, не предоставивъ ему, слѣдовательно, «того мѣста упокоенія въ тишинѣ большого лѣса, гдѣ бы никто никогда не потревожилъ его костей», что, именно, Ливингстонъ и предпочиталъ всякому иному погребенію.

Ко времени возвращенія каравана Ливингстона, западные берега озера Бангуэло (Бангвеоло) были заняты племенемъ уа-биза; но уже и въ то время край подвергался грабительскимъ набѣгамъ вуа-усси, племени, пришедшаго съ юга; нынѣ же вуа-усси сдѣлались уже обладателями стравы, и прежніе жители или изгнаны, или платятъ имъ дань. И подобно тому, какъ бемба на восточныхъ равнинахъ, усси основали военную имперію въ гористыхъ областяхъ запада, при чемъ, однако, не могли побѣдить вуа-квессинго, націи, извѣстной своей доблестью, живущей на сѣверныхъ берегахъ озера и энергически защищающей свою родную землю какъ отъ усси, такъ и отъ бемба. Въ одной части территоріи, оспариваемой другъ у друга этими племенами, въ предѣлахъ восточныхъ притоковъ Луа-Пулы, находятся мѣдныя рудники, разрабатываемые съ незапамятныхъ временъ туземцами. Однако, въ 1885 году, во время своего путешествія внутрь Африки, Capello и Ivens тщетно пытались перейти черезъ Луа-Пулу и проникнуть въ эту область рудниковъ: вуа-усси преграждали имъ путь. На западъ же отъ рѣки португальскіе путешественники проходили лишь чрезъ обширныя пространства опустошенной страны, при чемъ въ теченіе тридцати дней они должны были добывать себѣ пищу охотою въ безконечныхъ лѣсахъ Капонды, по счастью, изобиловавшихъ крупною дичью: слонами, носорогами, лосями и антилопами. Весьма многочисленны тамъ также львы ¹⁾.

Земля Лунда—простирающаяся къ югу отъ озера Моэро, и которую не надо смѣшивать съ другой территоріей Лунда, составляющей имперію муата Ямво, въ бассейнѣ Кассан,—также была въ половинѣ XIX столѣтія центромъ обширнаго королевства, которое простиралось

очень далеко въ направленіи къ западу. Въ Лундѣ имѣлъ пребываніе муата Каземба, т. е. «императорскій властитель», наслѣдникъ древнихъ королей Морупуэ, считавшихся, съ шестнадцатаго столѣтія, самыми могущественными властелинами южной Африки. Но въ 1731 году, когда Монтейро и Гамитто представлялись ко двору этого муата, онъ потерялъ уже всякую власть надъ своими восточными сосѣдями, бембами. Въ 1867 году, во время посѣщенія Ливингстона, отъ его королевства оказались отложившимися многія другія области, и если бы даже самъ Каземба пожелалъ предпринять, по обычаю своихъ предшественниковъ, ежегодное пилигримство къ священной рѣкѣ Луа-Табѣ, въ 400 километрахъ къ западу отъ своей столицы ¹⁾, то мятежныя племена навѣрно преградили бы ему путь. Нынѣ онъ не болѣе, какъ вассалъ своихъ прежнихъ подданныхъ, бемба. Однако, если Каземба не сохранилъ былаго всемогущества, то онъ удержалъ весь сложный церемоніалъ своего прежняго двора, съ министрами, придворными и тѣлохранителями. Красная митра, окруженная плюмажемъ, украшаетъ его голову, а разноцвѣтныя стеклянныя бусы блестятъ на его груди. Передъ его палаткою стоитъ вся окрашенная въ красный цвѣтъ пушка, великій фетишь, которому проходящіе уплачиваютъ дань ²⁾. Отрубленныя головы на колыяхъ королевской ограды и многочисленные изуродованные люди въ свитѣ самого государя предвараютъ его подданныхъ о необходимости приближаться лишь со страхомъ и трепетомъ. Ни король, ни лица его свиты не ѣдятъ публично: считается стоящими выше обыденныхъ потребностей человѣка, они могутъ насыщаться лишь втайнѣ отъ другихъ. Нѣкогда столица мѣнялась съ каждымъ новымъ царствованіемъ. Резиденція того Каземба, котораго въ 1798 году посѣтилъ Ласерда, находилась, по словамъ Ливингстона, къ сѣверу отъ Мофуэ, южнаго продолженія озера Моэро; нынѣшній же городъ, обычно называемый, какъ равно и государь, Каземба, находится на югъ отъ озера Моэро, на оконечности одного острова, на которомъ проживаетъ племя мессира, не смѣшивающееся съ другими потомками древняго народа, покореннаго предками Каземба: по словамъ Гамитто, они разъ въ году представляются ко двору муата. Въ сосѣдствѣ съ Каземба, въ Ншинда, или Люсенда португальскихъ путешественниковъ, скончался, въ 1798 году, путешественникъ Ласерда, одинъ изъ первыхъ миссіонеровъ науки, проникавшихъ вглубь Африки.

Нынѣ самое могущественное въ обхвѣ Верхняго Конго государство есть королевство Мсири

¹⁾ H. Capello & R. Ivens, „De Angola a Contra-Costa“, T. II

¹⁾ Monteiro & Gamitto, „O Mnata Cazemba“.

²⁾ Livingstone, „Dernier Journal“. „Tour du Monde“, T. XXX.

(Мусри), главы нямезийской расы, семейство которого недавно приобрѣло верховную власть надъ всѣми племенами верхняго теченія Луа-Лавы. Государство Мсри, или Гарангая, занимающее всю часть бывшей имперіи Каземба, расположенную между Луа-Пула и Луа-Лавы, простирается къ сѣверу—вплоть до озера Кассали или Киконджа, находящагося подъ восьмью градусомъ южной широты, а къ югу—до мѣстообитаній племенъ и-рамба или уа-рамба, жителей горъ Мюксинга, отдѣляющихъ Конгскій бассейнъ отъ бассейна Замбези; эта область водораздѣла—въ среднемъ, имѣющая 1.260 метровъ высоты и доминируемая лѣсистыми горами, направляющимися съ сѣверо-востока на юго-западъ,—представляетъ живописную и здоровую страну, которой, можетъ-быть, предназначено превратиться въ санаторію для европейскихъ путешественниковъ¹⁾. Нѣмецъ Рейхардъ и португальцы Capello и Ivens посѣтили резиденцію Мсри, Бункейя (Ункеа или Кимпата), большой рынокъ слоновой кости, расположенный на небольшомъ западномъ притоцѣ Лу-Фиры; однако, эти путешественники были приняты съ недоверіемъ. Рейхардъ, вопреки своему желанію, не могъ подняться до истоковъ Луа-Лавы и долженъ былъ возвратиться, сражаясь и беря приступами деревни для того, чтобы достать сѣстныхъ припасовъ и проводниковъ. Другіе изслѣдователи были настолько счастливы, что избѣжали борьбы, но по своимъ же слѣдамъ должны были возвратиться на югъ. Мсри, проживающій во дворцѣ, окруженномъ черепами, располагаетъ двумя слишкомъ тысячами стрѣлковъ, которыхъ онъ употребляетъ для войны съ своими врагами, въ особенности же съ руа (вуа-руа, у-руа), могущественною націею, занимающею на сѣверѣ всю ту область, которая простирается между восточными берегами озера Ланджи и западными берегами озера Танганьики. Многія изъ женъ Мсри—смѣшанной расы и носятъ португальскія имена, вслѣдствіе чего считаютъ себя высшими существами; самъ король тоже называетъ себя Maria Segunda. Онъ весьма жестокій человекъ, хотя, впрочемъ, меньше, чѣмъ его братъ, правитель Капонды, дворецъ котораго замѣтенъ былъ издали по горкамъ изъ человеческихъ головъ. Многочисленные черные торговцы изъ Анголы,—называемые, однако, туземцами «бѣлыми», — путешествуютъ по странѣ.

Населеніе королевства Гарангая, состоящее изъ разнородныхъ элементовъ, безразлично именуется ба-юка или ба-юнга. У этого народа, въ противоположность тому, что мы видимъ у большинства африканскихъ

племенъ, женщины—не рабыни, а госпожи; онѣ управляютъ домашнимъ хозяйствомъ, земледѣліемъ, даже экспедиціями, и часто принимаютъ непосредственное участіе въ сраженіяхъ. Многочисленное потомство у тамошнихъ женщинъ—чрезвычайная рѣдкость: большею частью онѣ имѣютъ лишь по два ребенка, потому ли, что обычай запрещаетъ имѣть имъ болѣе, или, можетъ быть, и по неплодовитости ихъ отъ природы. Мужчины, будучи, вслѣдствіе изобилія въ странѣ дичи, страстными охотниками, одѣты всегда въ шкуры, такъ какъ одѣянія изъ тканей быстро рвались бы въ лѣсной поросли. Они пользуются огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое покупаютъ у караванщиковъ изъ Анголы, а также и копьями, острія которыхъ обдѣляются мѣдною проволокою. Этотъ металлъ, весьма распространенный въ краѣ, обыкновенно добывается изъ малахита, встречающагося или въ видѣ отдѣльныхъ глыбъ, или въ видѣ рудныхъ жилъ. Главныя копи, именно въ Катанга, находятся въ трехъ дняхъ пути къ востоку отъ Бункейя; также чрезвычайно богаты этимъ минераломъ и другія мѣстности, расположенныя на востокъ и на западъ, въ горахъ, но Мсри запретилъ ихъ разрабатывать. Копи въ Калиби, посѣщенные Capello и Ivens'омъ, были покинуты вслѣдствіе обвала. Золота, однако, вопреки рассказамъ арабовъ Стэнли, въ области копей не встрѣчается; зато, сѣрные источники бьютъ тамъ въ изобиліи.

Ливингстонъ много говоритъ о странѣ племени руа; однако, сообщаемыя имъ о ней свѣдѣнія баснословны, а географическій рельефъ ея оказывается совершенно инымъ, чѣмъ онъ предполагалъ. Путешественники, шедшіе по слѣдамъ этого пионера Верхняго Конго, удостовѣряютъ, что отдѣльнаго озера Камолондо, черезъ которое, будто бы проходитъ Луа-Пула, не существуетъ, но что рядъ озеръ, образуемыхъ Луа-Лавой, составляетъ въ совокупности Камолондо, которое ограничиваетъ на востокъ страну племени руа. Самегон пересѣкъ съ сѣвера на югъ эту территорію, которая оказалась управляемою, на подобіе государства Мсри, королемъ по имени Касонго. Имперія его, носящая то же имя, занимаетъ въ направленіи съ юга на сѣверъ все пространство, находящееся между королевствомъ Мсри и тою областю къ сѣверу отъ озера Ланджи, въ которой главенствуютъ арабы; границею владѣнія Касонго на западѣ служатъ рѣка Ло-Мамп, а на востокѣ—берега о. Танганьики. Негры у-самбе (у-самби), живущіе къ западу отъ Ло-Мамп,—не подданные государя племени руа, но платятъ ему лишь дань, какъ равно и своему сосѣду на западѣ, муато Ямво: этимъ путемъ они покупаютъ себѣ миръ, хотя все-таки не избавляются отъ вторженій неготорговцевъ изъ

¹⁾ Н. Capello & K. Ivens, *оп. соч.*

арабовъ или португальскихъ негровъ, которые воруютъ у нихъ женщинъ и сжигаютъ деревни Королевство племени руа раздѣлено на округа, управляемые каждый отдѣльнымъ *киколо*, или начальникомъ, наследственнымъ или назначаемымъ только на срокъ четырехъ лѣтъ: при этомъ, если король доволенъ ихъ службою, то они назначаются и на слѣдующіе сроки; если же не доволенъ, то они изувѣчиваются, такъ какъ въ этомъ государствѣ королевскіе нравы не менѣе жестоки, чѣмъ и въ сосѣднихъ краяхъ. Въ странѣ племени у-руа прибѣгаютъ только къ двумъ казнямъ: изуродованію и умерщвленію, почему предъ жилищами короля находятся кладовыя, наполненныя отрубленными головами. Государь почитается богомъ, и самый высшій предметъ почитанія, всемогущій фетишъ, представляетъ основателя династїи. Этотъ фетишъ находится въ лѣсу, доступъ въ который запрещенъ всѣмъ, даже чародѣямъ; женою фетиша считается сестра государя, и въ затруднительныхъ обстоятельствахъ только она одна, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, имѣетъ право спрашивать совѣта у фетиша. Въ силу своей божественности, государь руа считается мужемъ каждой женщины въ своемъ королевствѣ, за исключеніемъ лишь своей матери. Когда у него родится сынъ, то онъ обертываетъ его въ обезьянью шкуру и жалуетъ правомъ пользоваться съѣстными припасами и тканями изъ хижинъ земледѣльцевъ: въ силу королевской крови, принцу разрѣшается грабить, сколько ему вздумается. Король считаетъ себя стоящимъ выше потребностей человѣческой жизни и могъ бы, говорить онъ, обходиться безъ ѣды и питья; если же ему вздумается поѣсть, то онъ дѣлаетъ это тайкомъ отъ другихъ. Большинство подданныхъ подражаютъ ему въ этомъ и не допускаютъ смотрѣть на нихъ во время ѣды: несомнѣнно, что они опасаются роковаго вліянія чьего-либо дурнаго глаза, въ особенности же глаза женщины, которая всегда полуподозрѣвается въ колдовствѣ. Однако, въ отсутствіе государя, вмѣсто него, всегда управляетъ его первая жена. Въ случаѣ ея смерти, супругъ ея долженъ въ теченіе нѣсколькихъ дней оставаться на ложѣ, рядомъ съ трупомъ. Когда же умираетъ самъ король, то жены его уже не ограничиваются обниманіемъ его трупа—необходимо, чтобы извѣстное число ихъ сопровождало его и въ могилу. При этомъ, яма вырывается на двѣ отведеннаго на время ручья; затѣмъ зарываютъ, прежде всего, вторую жену покойника, которая должна бодрствовать у его ногъ; послѣ этого устилаютъ дно могилы живыми женами, и на нихъ помѣщаютъ трупъ. Далѣе, закопавъ могилу, убиваютъ на ней множество рабовъ, и, наконецъ, снова пускаютъ по прежнему руслу воду ручья, кото-

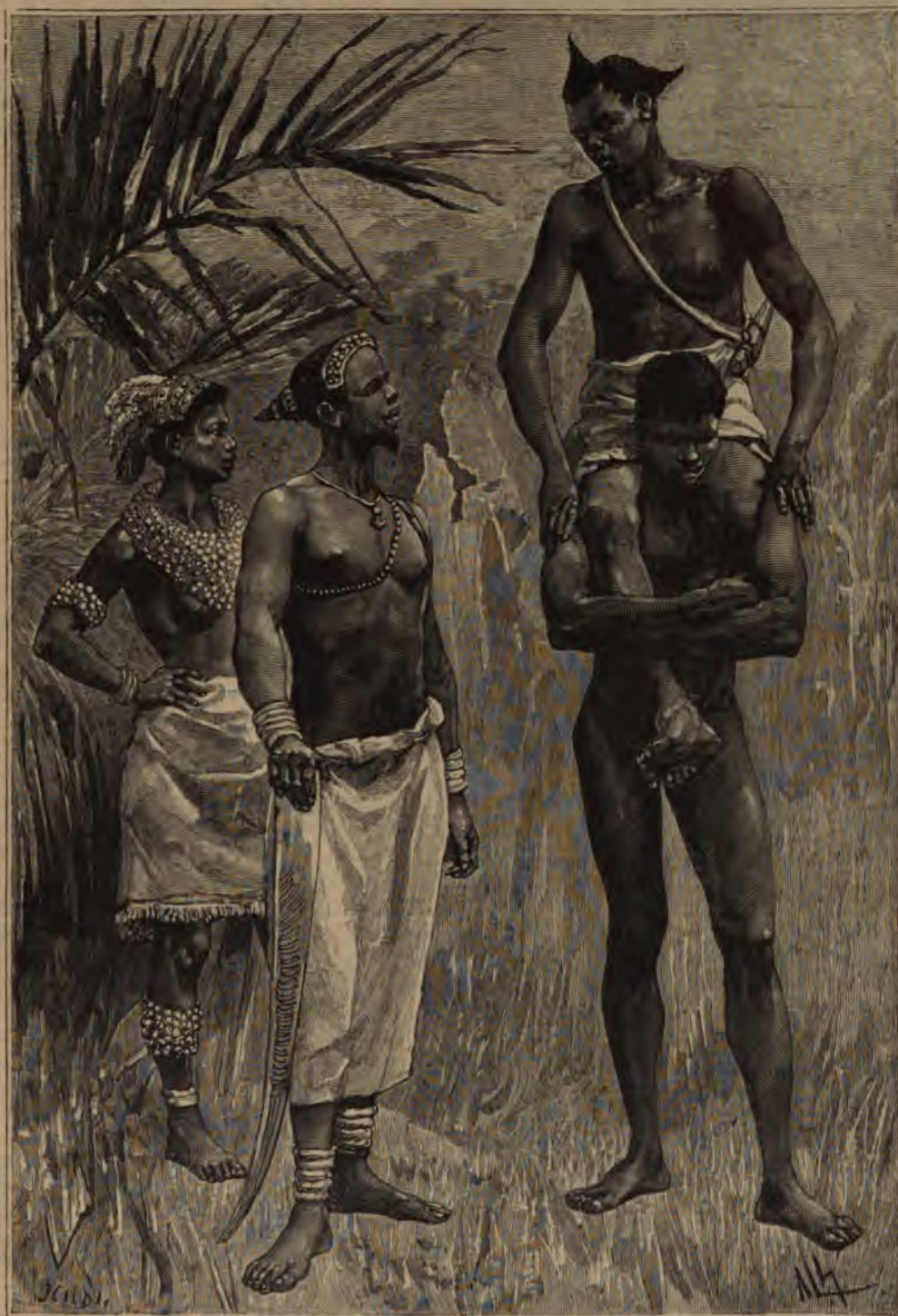
рая и должна навсегда сокрыть послѣднее пристанище великаго властелина. Человѣческія жертвы приносятся также и при погребеніи второстепенныхъ начальниковъ; что же касается простаго класса людей, то ихъ трупы бросаютъ въ кусты, а иногда, по словамъ Самегон'а, сажаютъ въ ямы, при чемъ указательный палецъ правой руки приподнимаютъ къ небу.

Край племени руа—одинъ изъ самыхъ богатыхъ во Внутренней Африкѣ. Почва необычайно плодородна; въ горахъ находятъ мѣсторожденія желѣза, киновари, серебра и даже каменнаго угля; въ нѣкоторыхъ долинахъ, нѣкогда бывшихъ озерами, просачивается соленая вода, изъ которой руа и добываютъ то драгоцѣнное вещество, которое составляетъ главный предметъ торговли во всей центральной Африкѣ. Кромѣ того, большая часть туземцевъ отличаются смѣлостью и ловкостью въ работѣ: такъ, Самегонъ описываетъ хижину, построенную однимъ м'руа, которую даже въ Европѣ признали бы художественнымъ произведеніемъ. Геометрически-правильный конусъ ея крыши виспадаетъ на всей окружности жилища, такимъ образомъ выгадывается мѣсто для устройства круговой веранды, которую поддерживаютъ правильной формы колонки; надъ двухстворчатой раскрашенной и выточенной дверью выведенъ готическій портикъ, кривизны котораго согласованы съ кривыми линіями крыши. Артистическія способности руа обнаруживаются также и въ ихъ причудливыхъ прическахъ, въ каждой изъ которыхъ проглядываетъ какая-нибудь оригинальность, отличающая одного человѣка отъ другаго. Костюмъ руа состоитъ лишь изъ кожанаго передника; но, затѣмъ, у каждого клана есть какое-нибудь отличительное животное, изъ шкурокъ котораго дѣлаются торжественныя одежды, въ которыхъ члены этого клана являютъ передъ своимъ государемъ. Какъ и въ сосѣднихъ краяхъ, у-руа умѣютъ также дѣлать одежды изъ луба дерева *мюмбо*.

Столица земли У-Руа, Килемба, называемая также Куихама или Муссамба, подобно всѣмъ королевскимъ «резиденціямъ», расположена въ равнинѣ, на притокѣ озера Касали, одного изъ тѣхъ четкообразныхъ озеръ, чрезъ которыя протекаетъ Луа-Лаба. Килемба представляетъ изъ себя большую деревню, защищенную крѣпкимъ частоколомъ. Въ этой странѣ, подверженной постояннымъ набѣгамъ со стороны второстепенныхъ начальниковъ племенъ, самого короля и неготорговцевъ, большая часть деревень сокрыта въ чащѣ лѣса, при чемъ проникнуть въ нихъ возможно, лишь проползши на колѣняхъ по длинной (изъ скрещенныхъ вѣтвей) галлерей, приводящей къ двери, снабженной рогатками. Охотно изъ-

бираемыми мѣстами убѣжища служатъ также ки привязываются подъ хижинами между озера. На водахъ небольшого озера Моріа, сваями. На большомъ озерѣ Кассали пользующаго километра въ сорока къ сѣверо-зуются плавучими островами (плавами), кото-

Группа изъ племени ка-лунда.

западу отъ Килемба, находятся многочисленныя озерныя поселки, жители которыхъ сходятъ на сушу только для обработки своихъ полей и для привода козъ на пастбища; лоды скрѣпляютъ при посредствѣ настилки изъ бревенъ и хвороста: на эту настилку насыпаютъ слой земли, разсаживаютъ бананы, и люди живутъ тамъ, вмѣстѣ съ своими кура-

ми и козами. Между плавучим лугомъ и берегомъ, въ видахъ предотвращенія набѣговъ, прорѣзываютъ каналы, а порою, для увеличенія ширины пролива, плавучій островъ притягиваютъ къ сваямъ, вколотымъ посреди озера, и уже на глубокой водѣ укрѣпляютъ островъ на якорѣ. Поля на берегу обрабатываются женщинами, мужчины же становятся на часы на опушкѣ лѣса, для подачи сигнала къ бѣгству въ случаѣ нападенія. Наконецъ, въ горахъ Митумбо и Кунде-Ирунде, господствующихъ съ запада и востока надъ долиной Лу-Фира, тысячи руа обитаютъ въ обширныхъ пещерахъ, имѣющихъ въ длину до 36 километровъ: пещеры эти, съ ихъ тысячами проходовъ, образуютъ обширные подземные города, гдѣ проживаетъ цѣлый народъ, вмѣстѣ со своими домашними животными; чрезъ одну изъ пещеръ пробѣгаетъ даже ручей. На случай осады, для возобновленія съѣстныхъ припасовъ или для обхода непріятеля въ тылъ, у проживающихъ въ такихъ пещерахъ троглодитовъ имѣются многочисленные выходы ¹⁾.

III. Область озеръ Танганьика и Мута Н'зиге.

Къ востоку отъ озера Танганьика, изливающегося въ Конго чрезъ р. Лу-Куга, самое обширное и чаще всего упоминаемое въ современной исторіи Африки государство есть У-Ніамези [У-Ніамуэзи]; о немъ, подъ именемъ Мунемуги, т. е. «Страны Луны», упоминаютъ, съ конца шестнадцатаго столѣтія, португальцы и Пигафетта ²⁾. Оно занимаетъ наибольшую часть областей, орошаемыхъ р. Малагарази и ея притоками, и, простираясь на сѣверѣ и сѣверо-востокъ по гребню плоскогорій, захватываетъ также покатость о. Ніанца. Это одна изъ красивѣйшихъ странъ Африки. По невысокимъ и красиво очерченнымъ холмамъ разсѣяны деревья и луга; деревни, довольно многочисленные, окружены садами, рисовыми плантациями и хорошо обработанными полями; козы, овцы и горбатые, въ родѣ индійскихъ, быки стадами пасутся на склонахъ; лишь на западѣ простираются болота и сырые земли, въ перемежку съ озерами и трясинами, около которыхъ выстроено большинство деревень и присутствие которыхъ и дѣлаетъ край нездоровымъ, въ особенности, когда дуютъ восточные вѣтры, насыщенные мiasмами, вслѣдствіе испареній послѣ сезона дождей. Самый важный и наиболѣе извѣстный округъ государства

У-Ніамези есть У-Ніамбіамбэ, чрезъ который протекаетъ рѣка Гомба, главный притокъ Малагарази; чрезъ него же проходитъ и большая часть каравановъ, двигающихся между берегами моря и озеромъ Танганьика. Speke, Burton, Grant, Stanley, Cameron и, со времени этихъ пионеровъ-ислѣдователей Африки, также и другіе многочисленные путешественники прослѣдовали чрезъ У-Ніамбіамбэ, проживая тамъ по недѣлямъ и мѣсяцамъ; также основались тамъ и духовные миссіонеры, и нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ тамъ появятся также и политическіе администраторы, представители Германіи, какъ сюзеренной державы.

Вуа-Ніамези—имя собирательное, подъ которымъ подразумеваются племена различныхъ наименованій, населяющія страну, и, повидимому, одного происхожденія съ жителями Галанга въ королевствѣ Мспри ¹⁾—издавна состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами, которымъ и обязаны значительнымъ превосходствомъ своей цивилизаціи въ сравненіи съ сѣбными неграми. Тѣмъ не менѣе большинство изъ нихъ сохранило прежнюю татуировку, черты которой—черныя у мужчинъ, голубыя у женщинъ—различаются, смотря по племенамъ: обычно татуируются лобъ и щеки. Женщины вырываютъ по два рѣзца изъ нижней челюсти, между тѣмъ какъ мужчины лишь стачиваютъ внутренніе углы срединныхъ рѣзцовъ, вслѣдствіе чего посреди чистой бѣлизны ихъ зубовъ видѣется небольшой черныи треугольникъ. Вуа-Ніамези обезображиваютъ также мочку ушей, вдѣвая въ нее тяжелыя вещи, деревянныя кружки, куски слоновой кости или раковины. Большинство бреютъ часть головы, а остатокъ волосъ на ней закручиваютъ въ видѣ многочисленныхъ остроконечій, которыя къ тому же еще удлинняются при посредствѣ лучинокъ. Нѣкогда туземное одѣяніе также дѣлалось изъ коры, но нынѣ эта грубая ткань почти повсюду замѣнилась тканями, доставляемыми съ морскаго берега; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ богатые люди носятъ арабскій костюмъ, а также и турбанъ. Мѣдныя проволоки для наручей и набедренниковъ въ большомъ употребленіи у вуа-ніамези, равно какъ и стеклянныя бусы; начальники ко всему этому присоединяютъ еще широкіе браслеты изъ слоновой кости, которые надѣваются на предплечія, и въ которые они ударяютъ во время битвъ для возбужденія храбрости въ своихъ воинахъ.

Хотя браки представляютъ простую куплю-продажу и хотя женщины считаются: дѣвушки—собственностью отца, а замужнія—собственностью мужа, но, тѣмъ не менѣе, онѣ пользуются большою матеріальною свободой. До-

¹⁾ Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland, T. IV.

²⁾ Krapf;—Rebmann;—Burton;—Speke;—Livingstone;—Grant и т. д.

¹⁾ Broun;—Cust, „The Modern Languages of Africa“.

стигнувъ возмужалости, дѣвушки соединяются въ группы для постройки общей хижины, въ которой и проводят свои дни и ночи, принимая всякаго, кто полюбится; однако, если дѣвушка забеременѣетъ, то любовникъ долженъ купить ее у отца. Послѣ брака, мужъ поселяется у своей жены, но также часто случается, что оба лица, сочетавшіяся бракомъ, проживаютъ и отдѣльно другъ отъ друга; вмѣстѣ они никогда не ѣдятъ, и даже ребенокъ, достигнувъ такихъ лѣтъ, что можетъ жить между взрослыми, стыдится быть застигнутымъ за трапезою съ своею матерью. Въ большой части деревень рядъ хижинъ оканчивается на каждомъ концѣ общимъ домомъ, *ихуамба*, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ исключительно женщинамъ, а другой—мужчинамъ; въ мужскомъ общемъ домѣ принимаютъ также и иностранцевъ. Въ веденіи домашнихъ дѣлъ наблюдается полное раздѣленіе труда: мужчина занимается стадами и птичьимъ дворомъ, а женщина воздѣлываетъ сады и поля; однако, свою долю табака каждый изъ нихъ выращиваетъ самъ. Родить женщина должна одна, въ кустахъ; въ случаѣ двоенъ одинъ изъ близнецовъ, въ нѣкоторыхъ округахъ, убивается, но вмѣсто него мать пеленаетъ тыквенную бутылку и кладетъ ее въ колыбель рядомъ съ ребенкомъ, оставшимся въ живыхъ. Отцу наследуетъ не племянникъ, какъ это практикуется у тѣхъ многочисленныхъ племенъ, у которыхъ частію сохранились нравы матриархата; здѣсь наследство передается дѣтямъ по прямой линіи, но незаконныя дѣти имѣютъ всегда преимущество, такъ какъ семейная солидарность считается залогомъ успѣха, съ избыткомъ вознаграждающимъ всѣ остальные преимущества ¹⁾).

Страна земледѣльческая и торговая, У-Ніамези часто бывала предметомъ соперничества для завоевателей. Въ 1871 году, во время перваго путешествія Стэнли, «арабы» были еще весьма могущественны, и у нихъ сохранились еще воспоминанія отъ того времени, когда они могли проходить все пространство между моремъ и большимъ озеромъ «безо всякаго другаго оружія, кромѣ посоха путешественника»; но такъ какъ они стали злоупотреблять своей силой, въ цѣляхъ порабожденія сосѣдей, то и возбудили противъ себя повсюду возстанія. Будучи же разобщены своими торговыми интересами и опираясь только на рабовъ и наемниковъ, они были побѣждены, при чемъ усиліями главаря Мирамбо, или «Дѣлателя Труповъ» ²⁾, «Чернаго Бонапарта»—военный геній котораго восхваляютъ всѣ путешественники—въ У-Ніамези создалась

негрская имперія. Теперь, однако, она уже раздѣлена и половина у-ніамезійскихъ деревень принадлежитъ покровительствуемому арабами державцу. За полученіемъ прохода чрезъ страну исклѣдователи и купцы обращались къ Мирамбо, а одинъ швейцарскій негодіантъ, съ цѣлью получить возможность оспаривать у арабовъ управление караванами, даже добился чести стать зятемъ Мирамбо: такимъ образомъ, ругаруга, т. е. «разбойники», столько разъ нападавшіе на торговые караваны, стали охранителями ихъ, въ свою очередь. Тѣмъ не менѣе, превосходство иностранцевъ въ умѣньшевіи торгового дѣла сохраниетъ за ними роль главныхъ посредниковъ въ торговлѣ между моремъ и областью великихъ озеръ. Нѣкоторые изъ этихъ «арабовъ» и по расѣ, и по языку, и по религіи,—настоящіе семиты съ азіатскаго полуострова; но большинство—уроженцы Омона, выходцы смѣшанной крови изъ Маската или Занзибара, а охраняющие ихъ наемники—солдаты «белучи», привозимые изъ Азіи: въ 1872 году, во время путешествія Сатерленда, такихъ белучей было болѣе тысячи, а во всѣхъ вообще гарнизонахъ, оплачиваемыхъ арабами, находилось около трехъ тысячъ человекъ всякаго рода и племени. Понятно, что при наличности подобныхъ элементовъ населеніе оказывается весьма смѣшаннымъ: большая часть туземцевъ, живущихъ вдоль торговыхъ дорогъ, говоритъ на трехъ языкахъ: банту, арабскомъ и ки-суахили (изъ Занзибара). Переселенцы же съ востока, вуакимбу, населяютъ особые деревни, предоставленныя имъ обладателями края. Нѣкоторые изъ колѣнъ вуа-ніамезійцевъ занимаются лишь своими полями или скотомъ, между тѣмъ какъ другія преимущественно предаются торговлѣ. Цѣлыя деревни оказываются населенными одними носильщиками, съ дѣтства привыкшими идти повсюду за купцомъ, туземцемъ, арабомъ или европейцемъ, и поговорка «кто видѣлъ свѣтъ, у того голова не пустая» повторяется ими чаще всего. Такихъ носильщиковъ встрѣчаютъ не только въ той области Африки, которая находится между моремъ и озерами, но также и на большихъ разстояніяхъ въ направленіи къ западу, въ собственно такъ называемомъ Конгскомъ бассейнѣ. Въ этихъ, столь удаленныхъ отъ ихъ отечества мѣстностяхъ, они поосновали постоянныя колоніи; тѣмъ не менѣе, безъ надежды на возвратъ они рѣдко уходятъ изъ своей страны, съ которою, какъ равно и съ своими присными, они поддерживаютъ непрерывныя сношенія. Встрѣчаясь на пути съ караваномъ, возвращающимся въ ихъ возлюбленную землю, они останавливаются для чествованія вмѣстѣ національныхъ праздниковъ и часто позволяютъ даже увлечь себя къ возврату на родину, при чемъ оставляютъ заработанныя тяжкимъ трудомъ деньги на-

¹⁾ Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

²⁾ Jérôme Becker, „La vie en Afrique“.

чальнику *кафилаха*; но, убѣгая, они честно оставляютъ ту ношу, которая была имъ до-вѣрена. Когда же одинъ изъ караванщиковъ умираетъ въ пути, то, при погребеніи, его товарищи обращаютъ его лицомъ къ родной деревнѣ¹⁾.

Мѣстечко, или вѣрнѣе группа деревень, чаще всего упоминаемая въ разсказахъ путешественниковъ и миссіонеровъ, есть Табора, названная первыми англійскими изслѣдователями Казегомъ, т. е. резиденціею: здѣсь сходятся всѣ караванныя дороги между морскимъ берегомъ и великими озерами; арабы называютъ этотъ пунктъ «Земземъ», въ воспоминаніе объ источникѣ въ Меккѣ. Табора расположена на высотѣ 1.242 метровъ, т. е. всего лишь нѣсколькими метрами ниже гребня водораздѣльнаго хребта, въ обширной равнинѣ, лишь кое-гдѣ представляющей группы лѣсныхъ деревьевъ, но покрытой воздѣланными полями, бататами, иньямомъ, рисомъ, кукурузою и другими хлѣбами; этимъ — то полямъ вокругъ Таборы и обязанъ своимъ наименованіемъ: У-Ніамбіэмбэ, или «страна мотыкъ»²⁾. Главное село заключаетъ въ себѣ нѣсколько оградъ изъ частокола, и внѣ этихъ бомъ — многочисленныя скопленія хижинъ. Стэнли исчисляетъ все населеніе Таборы въ пять тысячъ человекъ, — ніамезійцевъ, арабовъ, занзибарцевъ и белуджей. Нѣкоторые изъ домовъ, обитаемыхъ богатыми купцами, представляютъ пышныя жилища, съ украшенными скульптурою дверями, съ обширной барзэ, т. е. предназначенными для приѣма гостей сѣнями, выходящими на веранду, гдѣ стоятъ вооруженные тѣлохранители; сады, ацельсинныя или банановыя рощи, группы гранатовыхъ деревьевъ, виноградники, даже пальмовыя рощи, окружаютъ эти тембэ арабовъ.

Въ окружающей равнинѣ, къ югу и къ юго-западу отъ Таборы, разсѣяны и другія деревни: изъ нихъ Куи-куру, или «деревня короля», окруженная пятью концентрическими оградами, есть резиденція мтеми, господствующаго въ У-Ніамези и пользующагося покровительствомъ арабскаго уали въ Таборѣ. Деревни въ У-Ніамези, состоящія изъ хижинъ, выстроенныхъ очень тщательно и содержимыхъ съ замѣчательною опрятностію, окружены либо по-старинному, т. е. изгородью изъ древовидныхъ молочайныхъ растений, содержащихъ ядовитый сокъ, либо, по новой модѣ, обведены толстою стѣною. Въ послѣднее время въ Таборѣ и въ мѣстечкахъ: У-Юуи, на сѣверо-востокъ, и У-Рамбо, на сѣверо-западъ, появились также европейскія постройки: это дома, школы, капеллы, построенныя католическими и протестантскими миссіонерами; по Вильсону, за крѣпкою оградою

У-Юуи ютится отъ четырехъ до пяти тысячъ человекъ³⁾; У-Рамбо былъ — на что указываетъ и самое его названіе — резиденціею Мирамбо (Ми-Рамбо); Серамбо, на сѣверо-западѣ, на одномъ изъ притоковъ Малагарази, представляетъ, по Стэнли, тоже «большой городъ», приблизительно съ пятью тысячами жителей. Что же касается религіи жителей данныхъ мѣстъ, то — подобно тому, какъ въ большей части другихъ областей Африки, въ которыхъ магометанство и христіанство оспариваютъ другъ у друга обращеніе туземцевъ въ свои исповѣданія — магометанство оказываетъ большее вліяніе какъ на нравы, такъ и на идеи, хотя число собственно приписавшихся къ нему новообращенныхъ не велико, и хотя арабскіе купцы не прилагаютъ никакихъ заботъ къ обращенію туземцевъ въ свою вѣру. Религіозныя обряды вуа-ніамезійцевъ не многочисленны и большею частью относятся къ покойникамъ: каждый кладетъ свой камень въ томъ мѣстѣ, гдѣ окончилъ дни его другъ, а также насыпаетъ немного песку и тамъ, гдѣ кто-нибудь изъ носильщиковъ изнемогъ подъ своею ношею; иногда онъ бросаетъ что-нибудь — траву, вѣтку или листья — на останки льва или слона, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, видитъ, по уму и храбрости, братьевъ человека. Пѣснями и молитвою вуа-ніамезіецъ привѣтствуетъ новую луна, а отправляясь изъ своей деревни въ путешествіе, онъ, для «доставленія землѣ пищи» и пріобрѣтенія ея благорасположенія, насыпаетъ на тропинку немного муки и чертитъ на ней геометрическіе знаки⁴⁾. Во время же самаго пути, внимательно прислушивается къ крику маленькой птички, видя въ ней свою покровительницу и извѣстительницу объ угрожающей опасности⁵⁾.

Къ юго-западу отъ Табора, въ области У-Гунда, германцы учредили постъ, который они надѣялись, рано или поздно, превратить въ центръ дѣйствительнаго господства надъ всѣмъ краемъ къ востоку отъ Танганьики. Свою первую бому они основали въ 1881 году, около деревни Какома, въ области Вуа-Галла; однако, вскорѣ центръ своей дѣятельности они перенесли отсюда въ У-Гунда, на станцію Гонда, расположенную, подобно Какомѣ, на пури, или гладкой равнинѣ, съ разсѣянными тощими деревьями, весьма нездоровой въ дождливое время. За небольшое количество пороха суданша У-Гунды подѣлилась съ ними властью, предоставивъ имъ право налагать натуральныя повинности, приговаривать къ смерти и рѣшать вопросъ о мирѣ и войнѣ⁶⁾; однако,

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1880.

²⁾ „A l'assaut des Pays Nègres“.

³⁾ Guillet, „Annales de la Propagation de Foi“, Janvier, 1883.

⁴⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, 1881 — 1883.

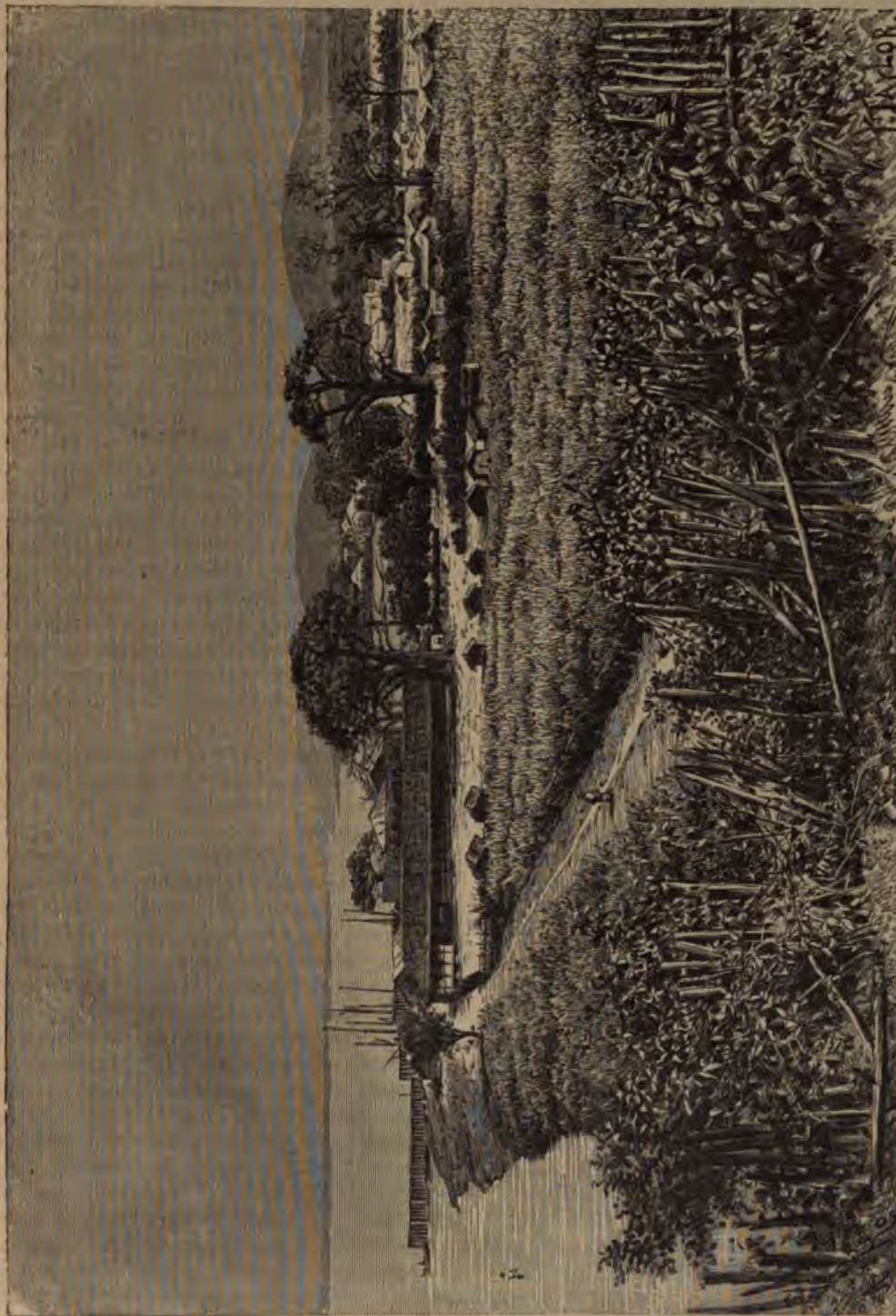
¹⁾ Richard Burton, *ynom. cov.*

²⁾ „A l'assaut des Pays Nègres. Journal des Missi-
onnaires d'Alger“.

германцамъ не удалось воспрепятствовать принесенію человѣческихъ жертвъ на могилахъ начальниковъ, и, въ концѣ концовъ, они покинули и самую станцію. Область У-Гунда,

зуются дурной славой, какъ грабители каравановъ, вслѣдствіе чего купцы заботливо обходятъ ихъ селенія и направляются къ Карагуэ съвернѣе, чрезъ населенный городъ Серам-

Бомба. Общій видъ.

одна изъ самыхъ хлѣбородныхъ, есть житница страны У-Ніамези.

Къ западу отъ У-Ніамези, въ побочныхъ долинахъ р. Малагарази, обитаютъ многочисленные народцы, изъ которыхъ вуа-тута поль-

бо. Племя, повидимому, господствующее надъ обширной территоріей между У-Ніамези и Танганьикою, называется вуа-хха, и область разселенія его, У-Хха, простирается отъ нижняго теченія рѣки Малагарази до тѣхъ го-

ристыхъ мѣстностей, въ которыхъ зарождается Нилъ-Александра или Кагера. Это—пастухи, переговляющие, съ копьемъ въ рукѣ, свои стада по обширнымъ болотистымъ равнинамъ; будучи самыми цивилизованными изъ негровъ озерной области, они отличаются также красотой своихъ чертъ, открытымъ и умнымъ взоромъ, хорошимъ вкусомъ при выборѣ украшеній и изяществомъ татуировки; между прочимъ, они готовятъ превосходное масло, которое не горкнетъ, какъ масло другихъ пастушескихъ племенъ, и которое находить хорошій сбытъ въ У-Ніамези. Между сосѣдними народцами бродятъ также пастухи вуа-тузи, о которыхъ полагаютъ, что они прибыли съ сѣвера и что они одного происхождения съ у-хума береговъ озера Ніанцы: высокіе, стройные, съ тонкими губами, прямымъ носомъ и съ свѣтлымъ оттѣнкомъ кожи, они походятъ на галласовъ Эіюшн; нѣкоторые писатели полагаютъ, что, по происхожденію, они могутъ быть уподоблены племени вуа-хха. Однако, словари ихъ языка мы еще не имѣемъ, а кочевой образъ жизни удаляетъ ихъ отъ всякаго соприкосновенія съ европейскими изслѣдователями страны; подобно нуэрамъ береговъ Нила, они по цѣлымъ часамъ держатся на одной ногѣ, на манеръ птицъ-рыболововъ. До соединенія всѣхъ племенъ банту въ данномъ краѣ въ одну имперію, что совершилось при Мирамбо, всѣ признавали политическое преобладаніе племени вуа-тузи, какъ вслѣдствіе ихъ близкихъ связей съ остальными племенами, такъ и вслѣдствіе превосходнаго знанія ими края; однако, изъ этого положенія господъ они превратились въ слугъ¹⁾; многіе изъ нихъ предпочли даже слѣдовать за Мирамбо въ качествѣ добровольныхъ рабовъ, чѣмъ покинуть свои стада: по крайней мѣрѣ они не разлучались со своими животными²⁾. Нынѣ арабы изъ Таборы довѣряютъ имъ уходъ за своими стадами, предоставляя въ вознагражденіе за это половину добываемыхъ отъ животныхъ продуктовъ³⁾.

Нижнюю долину рѣки Малагарази занимаютъ области: на лѣвомъ берегу—У-Винца, на правомъ—У-Карага, или «страна земляныхъ фисташковыхъ орѣховъ». У-Винца славится своими солончаками, которые снабжаютъ солью весь край между южными берегами Танганьики, Верхнимъ Конго и озеромъ Ніанца. При этомъ, обширнымъ рынкомъ соли, слоновой кости, рабовъ и товаровъ, ввозимыхъ изъ Занзибара и Европы, является портъ Кахуэлэ или Кавелэ, болѣе извѣстный по имени своего округа, У-Джиджи (Ужижи). Нѣкогда и Танганьика называлась озеромъ или моремъ У-Джиджи, по имени деревни, въ которой со-

вершался торговый обмѣнъ сырыхъ продуктовъ центральной Африки на товары, идущіе съ береговъ Индійскаго океана. Со всѣмъ тѣмъ, это знаменитое мѣсто, на которое на берегу озера впервые ступила нога европейца,—не городъ, а группа хижинъ, расположенныхъ на южномъ берегу полуострова; при чемъ посреди этихъ жилищъ вуа-джиджи, стоятъ нѣсколько домовъ арабовъ и высокія хижины мунтуали, или «тріумвировъ», управляющихъ краемъ: свои приговоры они произносятъ отъ имени султана, которому воспрещается видѣть «море», т.-е. озеро. Съ пляжа У-Джиджи открывается великолѣпный видъ на красные крутые берега, лѣсистые холмы, группы пальмовыхъ деревьевъ, на разсѣянные поселенія; въ теченіе половины года можно видѣть на другомъ берегу озера горы области У-Гомы, съ низвергающимися съ нихъ и блистающими на-подобіе серебряныхъ пластинокъ водопадами. У-Джиджи—мѣсто нездоровое: пребываніе тамъ было гибельно для многихъ европейцевъ, но до сихъ поръ его не могли замѣнить какъ центръ мѣновой торговли и продовольствія. Торговля жизненными припасами и произведеніями мѣстной промышленности: тканями, маслами и продуктами рыболовства на рынкѣ У-Джиджи совершается ежедневно. Торгуютъ тамъ много и рабами, но со времени прибытія въ страну бѣлыхъ, этотъ торгъ уже не производится явно: рабовъ привозятъ и увозятъ по ночамъ, а содержатъ на отдѣльныхъ дворахъ⁴⁾.

Негры вуа джиджи—судостроители и съ гордостью указываютъ на большія гребныя палубныя лодки, которыя они строили для арабовъ и которыя первенствовали на озерѣ до появленія на немъ европейскаго парохода. Подъ руководствомъ европейцевъ, эти туземцы хорошо изучили берега своего озера, и между ними стало уже возможно набирать кормчихъ, которые, сдѣлавшись опытными моряками, мѣнѣ приносятъ передъ мысами въ жертву куръ и козъ и мѣнѣ обмазываются бѣлой глиною. Около У-Джиджи видѣется, въ одной изъ глинистыхъ кручъ, громадное углубленіе, образовавшееся оттого, что матросы здѣсь запасались землею-фетишемъ⁵⁾. Мало-по-малу уменьшаются также и трудности путешествія между У-Джиджи и морскимъ берегомъ, а слѣдовательно, приближается къ океану и озеро Танганьика. Такъ, еще въ 1880 году высчитывали, что на такое путешествіе каравану пришлось бы потратить шесть мѣсяцевъ времени и десять тысячъ франковъ для переноса тонны товаровъ, при чемъ, правда, въ упомянутую сумму включались потери, происходящія какъ отъ грабежей и побѣговъ, такъ и отъ раз-

¹⁾ Cust, «The modern languages of Africa».

²⁾ Jérôme Becker, «La vie en Afrique».

³⁾ «L'Assaut des Pays Nègres».

⁴⁾ Edw. Coode Hore, «Proceedings of the R. Geographical Society», Janvier, 1882.

⁵⁾ Stanley, «Voyage à la recherche de Livingstone».

ныхъ приключеній въ самомъ пути. Нынѣ же то разстояніе въ тысячу километровъ, которое отдѣляетъ по прямому направленію, съ высоты птичьяго полета, У-Джаджа отъ моря, можетъ быть пройдено путешественникомъ въ сорокъ пять дней, если только сопровождающая его кладь не тяжела. Главное неудобство заключается въ томъ, что муха цеце наводняетъ часть пути, препятствуя проходу животныхъ: такимъ образомъ, нельзя пользоваться повозками, если не прибѣгнуть къ повторенію тѣхъ, дорого стоящихъ опытовъ, при которыхъ, въ качествѣ вьючнаго скота, были употреблены индійскіе слоны.

Къ югу отъ У-Винца, еще двѣ страны: У-Галла—на рѣкѣ того же имени, и У-Кахунда—на восточномъ берегу озера Танганьика, принадлежатъ еще къ бассейну Малага-рази. Въ этихъ областяхъ, видѣнныхъ Стэнли, Камерономъ, Бэмомъ и Рейхардомъ, нѣтъ ни густо населенныхъ деревень, ни большихъ рынковъ; но южнѣ, на берегу Танганьика, находится европейская станція Карема, основанная въ 1879 году Международною Африканскою Ассоціаціею, а затѣмъ уступленная католическимъ миссіонерамъ, подъ эвентуальнымъ сюзеренитетомъ Германской имперіи. Станція эта, будучи расположена на небольшомъ—господствующимъ надъ бухтою р. Ифульма—холмѣ изъ слюдянаго сланца, уже занесла свое имя въ географическую исторію материка, благодаря тѣмъ изслѣдователямъ, которые ее основали и которые сдѣлали ее центромъ своихъ экспедицій. Неприступная для окрестныхъ негровъ, эта крѣпость окружена низинами, которыя во время муссона, т. е. въ періодъ дождей, превращаются въ болота. Во время построенія форта, волны озерныхъ водъ еще разбивались о подошву холма; но послѣ углубленія ложа истока озера, т. е. р. Лу-Куги, на нѣсколько сотенъ метровъ къ западу отступило также и самое озеро; выдавшіяся же, при этомъ, изъ-подъ воды земли покрыты нынѣ уже чащами растений. Карема—мѣсто не торговое, и караваны узнали къ ней дорогу только послѣ прибытія бѣлыхъ; со времени же отступленія озера, она перестала быть также и портомъ, вслѣдствіе чего, для избѣжанія береговыхъ отмелей, суда бросаютъ якорь въ озерѣ на глубокой водѣ; въ водахъ Каремы, туземцы даже не ловятъ рыбы, хотя она водится тамъ въ изобиліи. По сосѣдству со станціей, въ трехъ километрахъ отъ озера, основалась туземная деревня Вуа-Кахунджа, состоящая изъ тѣсно скученныхъ соломенныхъ хижинъ. На склонахъ холма, а также и на окружающихъ его низинахъ, бельгійцами разведены сады и древесныя насажденія. До недавняго времени въ смежныхъ съ этими поселеніями заросляхъ водились во множествѣ львы, которыхъ, однако, не очень боятся, такъ какъ тамъ это—животныя тру-

сливыя, обыкновенно убѣгающія отъ человѣка, даже будучи ранеными. Туземцы даже бываютъ довольны присутствіемъ этого краснаго звѣря вблизи деревень, такъ какъ отъ охоты львовъ на буйволовъ и газелей на долю людей остается та часть этой дичины, которую левъ покидаетъ, удовлетворивъ первый голодъ¹⁾. Въ схваткахъ львовъ съ буйволами иногда случается, что побѣдителями остаются не львы, а буйволы.

Къ югу отъ негостепріимнаго пляжа, въ берегъ врѣзываются многочисленныя бухты, изъ которыхъ многія могли бы быть превосходными портами. Такъ, въ 75 километрахъ южнѣ Каремы, находится бухта Кирандо, которая хорошо защищена отъ волнъ озера архипелагомъ островковъ; окружающія ее деревни многолюдны, а вдали равнины видѣются обширныя рисовыя поля. Эта часть восточнаго берега озера принадлежитъ племени вуа-фиба, весьма значительному вслѣдствіе своей численности, населяющему также горы Ліамба и берега озера Риква. Долина рѣки Катума или Мкафу, зарождающейся къ востоку отъ Каремы и впадающей въ озеро Риква, дѣлится между двумя краями: У-Кононга на сѣверѣ и У-Фиба (У-Фипа) на югѣ. Это послѣднее государство—одно изъ самыхъ населенныхъ въ восточной Африкѣ. Жители его—всѣ моряки, и на своихъ крѣпкихъ, широкихъ пробогахъ плаваютъ далеко по озеру, при чемъ, производя внезапныя набѣги на прибрежныя села, овладѣваютъ множествомъ рабовъ²⁾. Подлѣ общей границы двухъ странъ: Капонго и Фибы, находится небольшое государство Мфимбуа, столица котораго защищена съ запада горами Ліамба, а съ востока—степями, далеко продолжающимися по равнинѣ. Около города бьютъ два теплыхъ источника, изъ которыхъ у одного температура колеблется между 46 и 47° Ц.; воды этихъ источниковъ наполняютъ водоемъ, въ которомъ туземцы и купаются на разсвѣтѣ дня: дѣйствіе этой воды, по ихъ словамъ, весьма ощутительно и придаетъ красный оттѣнокъ ихъ зубамъ³⁾. Мфимбуа, разрушенное въ 1880 г. войсками Мирамбо, впослѣдствіи возстановилось неподалеку отъ прежняго своего мѣстонахожденія; между двумя баобабамъ показываютъ мѣсто, гдѣ, во время битвы, были убиты агенты Африканской Ассоціаціи: Carter и Cadenhead.

Самый лучший портъ на всемъ озерѣ Танганьика находится неподалеку отъ южной его оконечности, въ странѣ У-Рунгу; туземцы называютъ его, какъ и самое озеро, Ліамба, что значитъ «озеро». И дѣйствительно, Ліамба представляетъ круго-образной формы озерный бас-

¹⁾ Gambier, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, T. II. 1880—1881.

²⁾ V. Giraud, „Tour du Monde“, 1887.

³⁾ Keiser, „Mitth. der Afrik. gesellschaft“. т. IV, 1883—85.

сейнъ, на-подобіе кратера вулкана; полуостровъ Мпэтэ вполне защищаетъ его съ сѣвера и съ запада; а на востокъ высятся откосы плоскогорія. Въ этомъ своего рода цркѣ, оживляемомъ лишь бегемотами да мириадами водяной птицы, можно вообразить себя отрѣзаннымъ отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ. Деревня Катэтэ, господствующая съ высоты 600 метровъ надъ замкнутымъ Ліамбскимъ портомъ, есть резиденція султанши, называемой «Добрый Начальникомъ» и командующей сѣверными вуа-рунгами; дорога, ведущая изъ порта въ деревню, представляетъ безконечную каменную лѣстницу, извивающуюся въ тѣни большихъ деревьевъ. Другимъ важнымъ поселеніемъ въ У-Рунгѣ является мѣстечко Цомбэ, представляющее весьма трудную для нападенія крѣпость изъ нѣсколькихъ частоконныхъ оградъ; переходя черезъ городокъ, приходится пройти подъ нѣсколькими укрѣпленными воротами. Цомбэ, лежащій на 700 метровъ выше озера, слѣдовательно, на высотѣ болѣе, чѣмъ 1.500 метровъ надъ уровнемъ моря, представляетъ мѣстность весьма здоровую, съ почти европейскимъ климатомъ; муха цеце сюда не проникаетъ, вслѣдствіе чего можно разводить и скотъ; луга вокругъ Цомбэ составляютъ зоологическую энклаву для рогатаго скота, какою не обладаютъ окружающія территоріи. Женщины въ Цомбэ—большія мастерицы выдѣлывать ткани какъ изъ хлопка, такъ и изъ волоконъ саговой пальмы.

Южнымъ портомъ Танганьики еще недавно была деревня Памбэтэ, расположенная въ столь нездоровой мѣстности, что протестантскіе миссіонеры должны были ее покинуть послѣ тщетныхъ стремленій сдѣлать изъ нея свое главное складочное мѣсто, а также и верфь для всей южной части озера. Пришлось перенести станъ западнѣе, на мысъ Йамбэ, приходящійся между бухтою Памбэтэ и устьемъ рѣки Ло-Фу. Постъ этотъ не преминетъ сдѣлаться важнымъ въ торговой географіи края, такъ какъ къ нему должна подойти большая проѣзжая дорога, которую Стефенсонъ строитъ между озерами Ньясса и Танганьика. Когда же эти два обширныхъ озерныхъ бассейна соединятся названнымъ путемъ, долженствующимъ имѣть въ длину 450 километровъ, то, вмѣстѣ съ рѣками Ширэ и Замбезе, а также съ побочными дорогами, создастся такой путь, по которому отъ устья Замбезе можно будетъ проникнуть внутрь материка на 2.000 километровъ, при чемъ двѣ трети всего этого протяженія окажутся доступными для пара: такимъ образомъ, рано или поздно, этотъ путь приобрететъ значеніе также и большой торговой дороги. Долина Ливингстонъ, на берегахъ р. Ло-Фу (Ка-фу), находящаяся къ западу отъ ковечной пристани на озерѣ, недавно еще была весьма населенною областью, при проходѣ черезъ которую путе-

шественникъ въ теченіе многихъ дней ходьбы только и видѣлъ кругомъ себя что воздѣланные поля, но охотники на невольника, арабы и другіе, обезлюдили этотъ край. Ноготчетно пытался подняться по рѣкѣ выше извилистыхъ озеръ ея устья: чащи изъ папируса и скопленія пловучихъ травъ останавливали его гребное судно. Впослѣдствіи одинъ англійскій путешественникъ посѣтилъ истокъ Ло-Фу и нашелъ его очень обильнымъ и образующимъ въ мѣстѣ своего появленія наружу небольшое озеро.

На западномъ склонѣ бассейна, между устьями Ло-Фу и Ло-Фуко, обитаютъ племена итауа и ма-рунгу или уанія-ругу, братья по расѣ и языку вуа-рунгамъ восточной покатости. Эта область густо населена, и нѣкоторыя изъ ея горъ покрыты нивами и жилищами вплоть до ихъ верхушекъ. На мысъ, господствующемъ съ сѣвера надъ устьемъ р. Ло-Фуко, Международная Африканская Ассоціація основала станцію Мпала, которая расположена насупротивъ Каремы, на противоположномъ берегу озера, и, повидимому, лучше помѣщена съ точки зрѣнія здоровья климата и торговли; охрана ея была ввѣрена католическимъ миссіонерамъ Каремы. Долина Ло-Фуко представляетъ въ этой мѣстности самый легкій путь также и къ озеру Мозо и къ Луа-Пула; ма-рунгу и вуа-руа здѣсь приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ и мѣняются своими продуктами. Ма-рунгу принадлежатъ къ числу наименѣе красивыхъ негровъ: челюсть у нихъ выдается впередъ, носъ приплюснутъ, туловище очень длинное, а ноги короткія; однако, по деревьямъ и скаламъ они лазаютъ съ проворствомъ обезьянъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даннаго края встрѣчаютъ много зобатыхъ ¹⁾. Въ землѣ ма-рунговъ Reichard нашелъ человѣка кообразную обезьяну,—соко или сако на языкѣ туземцевъ,—приближающуюся къ шимпанзе, а не къ гориллѣ, какъ пишетъ Ливингстонъ, видѣвшій соко также и въ странѣ племени маньемовъ. Эти большіе обезьяны, ростомъ метръ слишкомъ, живутъ колоніями посреди деревьевъ, на которыхъ и устраиваютъ свои логовища. Туземцы боятся соко больше, чѣмъ львовъ; они боятся также ихъ взгляда, «возвѣщающаго смерть».

Гранитный массивъ У-Гуа, возвышающійся къ сѣверу отъ той бухты, изъ которой вытекаетъ р. Лу-Куга, занимаетъ, какъ показываетъ и его наименованіе, богатое племя вуа-гуа, родственное своимъ западнымъ соседямъ, неграмъ руа. Вуа-гуа отличаются отъ другихъ народовъ своею высокою прическою, для возведенія которой они прибѣгаютъ къ цѣлому сплетенію изъ желѣзныхъ проволокъ и палочекъ, убран-

¹⁾ Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1880.—Reichard, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland, т. IV, 1881—1885.

ныхъ раковинками, стеклянными бусами и металлическими шарами. Они одѣваются въ ткани, сотканныя изъ волоконъ рафи, добываемыхъ ими изъ страны племени у-руа; богатые же къ этому одѣванію присоединяютъ еще передники изъ обезьянней или леопардовой шкуры. Мало найдется африканскихъ областей, гдѣ существовала бы болѣе дѣятельная промышленность, чѣмъ у племени у-гуа, которое занимается выдѣлываніемъ глиняной посуды, плетениемъ роговъ, корзинъ и другихъ вещей, приготовленіемъ орудій, оружія и украшеній изъ желѣза и мѣди. Столица Руанда расположена на равнинѣ, ограничиваемой съ юга р.

тей, будущихъ защитниковъ племени ¹⁾. О чистоплотности и ремесленности туземцевъ свидѣлствуютъ также и другія поселенія въ У-Гуа. Съ 1885 года, на островкѣ Кавала, — находящемся на сѣверѣ небольшого архипелага, расположеннаго вдоль берега, къ сѣверу отъ мыса Кахангуа — возникло и европейское поселеніе: англійскіе миссіонеры избрали этотъ постъ за здоровый климатъ той мѣстности, выставленной очищающему дуновенію пассатовъ, а также по причинѣ превосходной гавани, находящейся тамъ между островомъ и материкомъ. На острова эти часто временно выселяются и туземцы, гонимые войнами. Нынѣ Ка-

Фетиши племени ма-рунгу.

Лу-Кугою: это сравнительно большой городъ, состоящій по меньшей мѣрѣ изъ четырехъ сотъ хижинъ, правильно, въ линію, расположенныхъ вдоль широкихъ улицъ и содержащихся въ большой чистотѣ; по улицамъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, разставлены столбы, на вершинахъ которыхъ помѣщены двуглавыя человѣческія фигуры, долженствующія напоминать жителямъ, что слѣдуетъ одинаково направлять свои мысленные взоры какъ къ прошедшему, такъ и къ будущему, что надо почитать отошедшихъ въ вѣчность предковъ, духовъ-покровителей данной мѣстности, и въ то же время любить ихъ дѣ-

вала есть верфь и станція бѣлыхъ на озерѣ Танганьика; съ туземцами здѣсь ведется довольно дѣятельная мѣшковая торговля.

Эта станція Кавала составляетъ и послѣдній на западномъ берегу Танганьики, по направленію къ сѣверу, пунктъ, принадлежащій англійскимъ миссіонерамъ. Далѣе слѣдуютъ многочисленные народцы, изъ которыхъ нѣкоторые еще не были посѣщены бѣлыми: вуа-гома (говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ съ вуа-гуа), вуасималунго, вуа-сонга, вуа-комбо, на хребтѣ водораздѣльной области между Танганьикою и

¹⁾ Edw. Coode Hors, упом. сэт.

притоками Конго. Вуа-санзи, живущие на берегах большой бухты Буртона, къ западу от полуострова У-Буари, представляют племя путешественниковъ, странствующихъ между моремъ и Конго, а также между озеромъ Бангуэло и страной нямъ-нямъ. Католическіе миссіонеры, поселившіеся въ ихъ краѣ, въ прибрежной деревнѣ Ру-Узуа (Млузуа) и въ Кибанга, говорятъ, что мужчины племени вуа-санзи, гордясь своимъ знакомствомъ съ отдаленными народами, отказываются говорить на своемъ собственномъ нарѣчій, принадлежащемъ къ языкамъ банту: выражаться на немъ они предоставляютъ женщинамъ, а сами говорятъ на языкѣ, составившемся изъ словъ языка ки-саузили, и реченій, заимствованныхъ отъ соседнихъ племенъ ¹⁾. Въ послѣднее время, эта территория завоевана арабами, которые проложили чрезъ нее и область Ма-Ньема новый путь къ р. Конго ²⁾. Деревни племени вуа-санзи занимаютъ равнины и входы въ побочныя долины; племя же вуа-бемба обитаетъ на склонахъ горъ. По словамъ Стэнли, эти первобытные дикари—людѣды; когда между рабами проходящаго каравана есть умирающій, то они просятъ продать его имъ, предлагая въ обменъ зерновой хлѣбъ и овощи. Еще сѣвернѣе находятся территоріи племенъ: вуа-вира, искусныхъ горшечниковъ, и вуа-рунди, превосходныхъ земледѣльцевъ, покрывшихъ своими нивами и усадебными многочисленными, окруженными древовидными молочайными растеніями, деревнями всю нижнюю долину р. Ру-Сизи и двухъ противоположныхъ береговъ на оконечности озера. Вуа-сига, на сѣверо-восточномъ берегу Танганьики, еще болѣе многочисленны. Нигдѣ въ центральной Африкѣ нельзя встрѣтить лучшихъ стадъ овецъ, какъ въ области У-Рунди. Тамашіе рыбаки отваживаются пускаться по озеру на плотахъ.

Къ сѣверо-западу отъ этихъ областей покатость о. Мута-Нзиге и водораздѣлъ между Ниломъ и Конго принадлежатъ другимъ народамъ, извѣстнымъ, однако, лишь по наслышкѣ. Ни одинъ путешественникъ не проходилъ чрезъ восточную территорію племени вуа-регга, и единственные дикари изъ этой страны, видѣнные бѣлыми, были добыты отсюда рабы; но на западѣ, нѣсколько колѣнъ изъ племени регга спустились въ обширные лѣса по прибрежьямъ Конго, гдѣ и живутъ уединенно, на подобіе стадъ шимпанзѣ. Ихъ постройки показываютъ, что здѣсь мы находимся уже въ поясѣ атлантической покатости: это—удлиненныя прямоугольныя хижины, съ остроугольными высокими крышами. Утварь въ этихъ жилищахъ сравнительно многочисленна и свидетельствуетъ о замѣчателѣномъ вкусѣ. У каж-

даго м'регга есть свой выточенный табуретъ, снабженный спинкою; кромѣ того, въ хижинѣ имѣется длинная скамейка, вырѣзанная вся изъ цѣльнаго дерева, и сплетенная изъ тростника постель, на которой могутъ разлечься или разлечься по нѣсколько человекъ. Въ подвѣшанныхъ къ стѣнамъ сѣткахъ находится деревянная посуда, а другія домашнія вещи размѣщены по полкамъ или висятъ подъ брусьями крыши ³⁾. Вуа-регга Стэнли и другихъ, посѣтившихъ верхній бассейнъ Конго, путешественниковъ—вѣроятно, тотъ же самый народъ, который Швейфуртъ называетъ ма-ого, а Бекеръ—ма-легга. Къ сѣверу же отъ территоріи вуа-регга, соседями ихъ являются племена: нямъ-нямъ, монбутту и мади.

IV. Берега Конго, отъ озера Ланджи до слиянія съ У-Банги.

Верхній бассейнъ собственно Конго, кнзизу отъ слиянія главныхъ рѣкъ: Луа-Лабы, Луа-Пулы и Лу-Куги, представляетъ, по словамъ Ливингстона, великолѣпную страну, которая принадлежитъ главнымъ образомъ племенамъ націи вуа-маньема, или «ѣдокамъ мяса», націи, нѣкогда внушавшей страхъ своимъ западнымъ соседямъ, вслѣдствіе своей привычки къ людоедству. Такъ, Стэнли рассказываетъ объ одной изъ деревень ма-ньемовъ, изъ конца въ конецъ изукрашенной черепами «лѣсныхъ людей», о которыхъ ему говорили такъ: «Они похищаютъ наши бананы, мы за ними охотимся, убиваемъ ихъ и—сѣдаемъ». Самъ Стэнли, становясь соучастникомъ такихъ «охотниковъ за мясомъ», предлагалъ одному изъ начальниковъ людѣдовъ, за сотню ужомовъ (маленькихъ раковинъ), доставить ему «живымъ или мертвымъ одно изъ этихъ (т. е. лѣсныхъ) существъ»; однако, выждать доставленія этого гнуснаго подарка Стэнли времени не имѣлъ ²⁾. Впрочемъ, народцы маньемовъ, старающіеся добывать себѣ человѣческое мясо, не многочисленны: обыкновенно ограничиваются пожираніемъ людей или убитыхъ въ сраженіи, или умершихъ отъ болѣзни, при чемъ такіе трупы вымачиваются въ водѣ; по словамъ этихъ людѣдовъ, мужское мясо значительно вкуснѣ женскаго ³⁾. Эти отталкивающіе нравы не препятствуютъ, однако, ма-ньемамъ отличаться отъ большей части другихъ окружающихъ ихъ народцевъ благодушіемъ и кротостью. Равнымъ образомъ они замѣчательны стройностью и красотою чертъ лица; ихъ женщины, весьма цѣлныя арабами, имѣютъ гибкій станъ, бла-

¹⁾ Stanley, "Through the Dark Continent".

²⁾ Stanley, упом. соч.—См. "Tour du Monde". Второй семестръ, 1878 г., стр. 112.

³⁾ Cameron, упом. соч.

¹⁾ R. N. Cust, упом. соч.

²⁾ "Afrique explorée et civilisée", июль, 1885.

городную постунь, а нѣкоторыя изъ нихъ главнымъ образомъ пускаютъ въ ходъ глину; являютъ даже и замѣчательную правильность изъ которой вытѣпляютъ рога, иглы, пластинки, чешуи и перья. Болѣе одѣтые, чѣмъ женщины, мужчины носятъ передники изъ анти-

Видъ береговъ рѣки Дандэ.

негритянокъ; волосы эти онѣ распускаютъ по плечамъ, а лобъ украшается діадемою, сплетенною изъ тростника. Мужчины тоже прила-гаютъ много стараній относительно украшенія своей прически и бороды, но, при этомъ, они

лоповой кожи, а старѣйшины одѣваются даже по-арабски, въ бѣлыя просторныя тоги; убив-шіе же челоуѣка присвоиваютъ себѣ право прикрываться кожею циветты или нгауа ¹⁾.

¹⁾ Livingstone, „Last Journals“.

Ма-нъемы вооружены тяжелымъ, навареннымъ сталью, копьемъ и короткой саблею, которую они носятъ въ деревянныхъ ножнахъ, украшенныхъ колокольчиками. Такія произведенія ихъ индустріи свидѣлствуютъ объ ихъ искусствѣ, какъ ремесленниковъ; они умѣютъ также выдѣлывать изъ травъ весьма прочныя ткани, которыя и окрашиваютъ въ нелиняющіе цвѣта; ихъ дома, такіе же прямоугольные, какъ дома племени вуа-регга и всѣхъ жителей вдоль собственно Конго, также весьма хорошо построены изъ дерева и глины; наконецъ, при посредствѣ лѣанъ, ма-нъемы умѣютъ устраивать столь прочныя висячіе мосты, что они еле колеблются подъ ногами пѣшеходовъ. Рабы изъ племени ма-нъемовъ весьма цѣнятся и, будучи употребляемы арабами для работъ въ предѣлахъ самой страны, рѣдко вывозятся по ту сторону Танганьики. По словамъ Стэнли, арабы проникли въ данный край только въ 1866 году; здѣсь они сильно нажились, скупивъ большія количества слоновой кости, а затѣмъ вскорѣ сдѣлались и властелинами страны. Вдоль торговой дороги образовались многочисленныя поселенія занзибарскихъ арабовъ, окруженныя полями кукурузы, ма-нъока и дурры; туземцы же, во избѣжаніе порабоженія, должны были бѣжать въ горы ¹⁾.

Другіе народцы, отличающіеся отъ ма-нъемовъ наружностью и обычаями, живутъ восточнѣе, вдоль верховыхъ притоковъ Конго и въ водораздѣльной области. Таковы: вуа-хія, съ подпиленными зубами и правильной татуировкою, и вуа-винза—повидимому, не одного происхожденія съ одноименнымъ имъ племенемъ, живущимъ по другую сторону Танганьики. Вуа-буджуэ, баджуа Самегон'а, говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ съ вуа-руа и, повидимому, принадлежать къ той же расѣ; но бѣдныя между ними, содержащія въ унижительныхъ условіяхъ, суть, вѣроятно, аборигены, подпавшіе подъ власть завоевателей, пришедшихъ издалика; женщины носятъ на головѣ украшеніе, имѣющее видъ короны, составленной изъ отдѣльныхъ досечекъ, а въ верхней своей губѣ продѣлываютъ щель, которую мало-по-малу увеличиваютъ, влагая въ нее древесныя и каменные диски, на три или четыре сантиметра выдающіеся надъ отверстиемъ рта: такое обезображивающее ихъ украшеніе мѣшаетъ имъ отчетливо выговаривать слова; лицо у мужчинъ и женщинъ испещрено черными, какъ-бы изъ сажи, пятнами, кажушимися происшедшими отъ какой-либо болѣзни, сопровождающейся высыпью. Между всѣми населеніями Верхняго Конго разбѣяны мелкими группами вуа-туа, негры, проживающіе въ кустахъ, люди робкіе и рѣдко отваживающіеся появляться

на рынкахъ сосѣднихъ, болѣе цивилизованныхъ племенъ. Большая часть этихъ пугливыхъ дикарей представляютъ изъ себя низкорослыхъ людей, съ большимъ животомъ и съ тонкими ногами и руками; нѣкоторые изъ нихъ—настоящіе карлики, какъ, напримѣръ, акка въ области обитанія племени монбутту.

Еще до совершеннаго Стэнли перехода черезъ материкъ Африки, арабы изъ Омана и Занзибара посновали торговыя колоніи на берегахъ Конго, а ихъ караваны уже проходили по такимъ областямъ, куда еще не проникали европейцы. Арабы эти оказываютъ наибольшее вліяніе на туземцевъ своею религіею и своими нравами: такъ, около каждого араба группируются сотни болѣе или менѣе арабизованныхъ туземцевъ, знающихъ по нѣскольکو арабскихъ словъ и выполняющихъ кое-что изъ религіозныхъ предписаній ислама. Самая южная изъ такихъ арабскихъ станцій въ области Верхняго Конго есть село Кассонго, расположенное на небольшомъ разстояніи къ западу отъ р. Конго, неподалеку отъ пороговъ, прерывающихъ судоходство: въ этой-то живописной и здоровой мѣстности Гамедъ бенъ-Могаммедъ или Типпо-Типъ, «Собиратель Богатствъ»,—наслѣдуя прежнему негрскому царьку, оставившему свое имя также и данной группѣ жилищъ,—и основалъ столицу своего «королевства»; въ центрѣ ея возвышается крѣпость, которую этотъ арабъ горделиво прозвалъ «Лондономъ». Въ Кассонгѣ—девять тысячъ жителей, рабовъ и носильщиковъ ¹⁾. Сѣверо-западнѣе лежитъ двойной городъ Ніангуэ, размѣстившійся на высокой горѣ и раздѣленный оврагомъ на двѣ части; этотъ городъ пріобрѣлъ также большое значеніе въ торговлѣ Центральной Африки: по Gleerup'у, въ немъ не менѣе десяти тысячъ жителей, и на протяженіи всей р. Конго это—самый большой изъ прибрежныхъ городовъ. Верхній, т. е. лежащій выше по рѣкѣ, отдѣлъ города занимаютъ арабскіе старѣйшины и ихъ слуги; а въ низовомъ кварталѣ обитаютъ другіе иммигранты съ востока, по преимуществу люди съ береговъ Индійскаго океана; дома окружены банановыми и рисовыми плантаціями. Ніангуэ—главный торговый постъ для всего Верхняго Конго; въ то же время, вмѣстѣ съ Тabora и У-Джиджи, это одинъ изъ трехъ большихъ восточныхъ этаповъ, которые служатъ какъ-бы вѣхами пути черезъ материкъ между океанами Индійскимъ и Атлантическимъ. Пока еще въ Ніангуэ не поселился ни одинъ европеецъ. Городъ этотъ—чисто мусульманскій, окрестные жители не осмѣливаются вводить въ него своихъ свиней ²⁾.

За племенами ма-нъема и вуа-регга слѣ-

¹⁾ Oscar Lenz, "Proceedings of the R. Geographical Society", апрѣль 1887. — Gleerup, "Ymer", 1886.

²⁾ Gleerup, "Ymer", 1887.

³⁾ Oscar Lenz, "Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien", Ноябрь, 1886.

дуютъ, книзу отъ Ніангуэ, другіе народцы-людоѣды, тоже состоящіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами. Вообще берега р. Конго весьма населены, а нѣкоторыя изъ деревень имѣютъ даже по нѣскольکو тысячъ жителей; однако, съ тѣхъ поръ, какъ арабы посѣтили страну, всѣ почти жители перемѣнили мѣста: поэтому-то путешественники и находятъ лишь небольшое число изъ тѣхъ деревень, о которыхъ упоминаетъ Стэнли. Во время его путешествія главнымъ мѣстечкомъ было поселеніе Иконду, расположенное на лѣвомъ берегу Конго, въ небольшомъ разстояніи кверху отъ впаденія р. Лира, нисходящей съ восточныхъ горъ. Это двойной рядъ хижинъ, продолжающійся, съ короткими промежутками, на протяженіи болѣе чѣмъ трехъ километровъ. По описанію Стэнли, дома, расположенные по обѣимъ сторонамъ безконечной улицы, состоятъ изъ двухъ красивыхъ и прочныхъ рѣшетчатыхъ хижинъ, прикрытыхъ одною общею крышею; промежуточное между хижинами пространство служить для обѣихъ семей мѣстомъ какъ для работъ, такъ и для пріема посѣтителей. Ниже на томъ же берегу и въ мѣстѣ впаденія

въ Конго значительной рѣчки находится мѣстечко Риб-Риб, гдѣ у арабовъ имѣются склады товаровъ. Наконецъ, кверху отъ пороговъ Стэнли, на правомъ берегу Конго, торговецъ Кибонго основалъ городъ, который и назвалъ своимъ именемъ: здѣсь нѣсколько тысячъ арабовъ, занзибарцевъ и негровъ занимаются торговлей слоновой костью и воздѣлываніемъ риса. Ленцъ встрѣтилъ здѣсь также одного выходца съ острова Майотты, бѣглаго говорившаго по-французски. Большая же часть туземцевъ предусмотрительно удалась въ чащу лѣсовъ.

Въ области пороговъ необходимо должна была образоваться станція для склада какъ съѣстныхъ припасовъ, такъ и товаровъ. И дѣйствительно, послѣ того какъ Стэнли, поборовъ препятствія со стороны природы, а также и враждебности жителей, прошелъ черезъ пороги, — этимъ новымъ путемъ сначала стали пользоваться арабы, а затѣмъ и Международная Африканская Ассоціація избрала мѣстомъ для своего ближайшаго къ верховьямъ Конго поста островъ на правомъ берегу рѣки, книзу отъ седьмого и послѣдняго порога. Выборъ этотъ весьма удаченъ, такъ какъ здѣсь, во-первыхъ, край-

няя граница свободнаго судоходства по среднему теченію Конго; во-вторыхъ, здѣсь Конго мѣняетъ свое направленіе, поворачивая къ западу вмѣсто того, чтобы по-прежнему течь на сѣверъ; и въ третьихъ, здѣсь же, не-вдалекѣ, съ широко разливающимся Конго соединяется значительный его притокъ, Лу-Кэбу или Мбуру, несущійся съ горъ и окаймленный по своимъ берегамъ большими селами. Этотъ постъ извѣстенъ подъ англійскими названіями: *Fall-Station* или *Stanley-Falls*. Извѣстно, однако, что недавно нѣсколько европейцевъ, которые находились тамъ съ небольшимъ гарнизономъ, составленнымъ изъ негровъ племени: гаусса и бангалла, были

умерщвлены или разогнаны арабами; такъ, Caruillat нашелъ бѣжавшаго начальника станціи въ 75 километрахъ ниже пороговъ, въ деревнѣ Яріэмби. Послѣ этого приходится вновь завоевывать военный путь, который намѣтило чрезъ свои владѣнія Конгское правительство. Стэнли, сознавая слабость европейцевъ въ этомъ краѣ, въ которомъ они оказываются лишь посѣтителями, не имѣющими связей съ окрестными племенами, желалъ заключенія воен-

Типпо-Типъ.

наго союза, при чемъ самому изъ арабскихъ купцовъ, т. е. Типпо-Типу, передавалась бы забота о защитѣ поста у «Пороговъ» отъ другихъ арабовъ. Но очевидно, что новое Конгское государство, еще лишь создающееся, должно быть предусмотрительнымъ относительно своего опаснаго союзника, бывшаго негроторговца, уже основавшагося въ центрѣ Африки, въ сильной стратегической позиціи. Этотъ союзникъ уже обладалъ укрѣпленнымъ складомъ на одномъ островкѣ, расположенномъ кверху отъ порога и вообще извѣстномъ подъ его (т. е. Типпо-Типа) именемъ. Почти всѣ гребцы въ области пороговъ принадлежатъ къ неустрашимому племени уанья (уа-женія); они также весьма искусные рыболовы, и за исключеніемъ мѣсяцевъ половодія: февраля, марта и апрѣля, рѣка въ изобиліи доставляетъ имъ необходимую пищу.

Небольшой европейскій постъ Ба-Соко, на берегу Арахуими, при сліяніи ея съ Конго, былъ покинутъ, не вслѣдствіе нападеній арабовъ или туземцевъ, но въ виду экономическихъ соображеній. Прибрежныя населенія храбры, какъ въ этомъ убѣдился, къ своей бѣдѣ, Стэнли во время своего памятнаго путешествія

«черезъ Черный Материкъ», и какъ это должны были признать, въ свою очередь, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, также и арабы Типпо-Типа¹⁾; но сколько отомщений, сколько разоренныхъ деревень, сколько избіевъ совершенно этими работоторговцами, ставшими союзниками бѣлыхъ!²⁾ Для настоящаго покровительства торговли было бы безусловно необходимо поддерживать тамъ гарнизонъ, и у Стэнли и былъ тамъ лагерь для обезпеченія его сообщеній съ Конго на время экспедиціи въ Уаделай. Вблизи этой станціи находилась та деревня, въ которой Стэнли расхитилъ знаменитый «храмъ изъ слоновой кости», коническая крыша котораго, покоясь на тридцати-трехъ слоновьихъ бивняхъ, прикрывала большого идола, выкрашеннаго въ красную краску. Племя ба-соко или ба-сонго—давнее свое имя и европейской станціи—хорошіе ремесленники: ихъ инструменты, оружіе и убранство свидѣлствуютъ о ихъ превосходствѣ надъ большею частью окружающихъ племенъ. Ихъ города, изъ которыхъ одинъ, Ямбумба, имѣетъ, по словамъ Стэнли, не менѣе восьми тысячъ жителей, отличаются отъ другихъ своими крышами, выведенными на-подобіе шляпокъ грибовъ-поганокъ и приподнятыхъ на двойную высоту надъ округлой стѣнной хижины. Красное зрѣлище представляютъ и ихъ воинскія лодки, украшенныя перьями на носу: по бокамъ такой барки пятьдесятъ гребцовъ мѣрно ударяютъ выточенными веслами, а посреди двухъ рядовъ ихъ размѣщаются воины, прикрывающіеся окрашенными въ яркіе цвѣта щитами и размахивающіе дротиками; всѣ они, и воины, и гребцы, увѣнчаны красными перьями и носятъ по браслету изъ слоновой кости. Эти дикари не вышли еще изъ періода людоедства: человѣческіе черепа украшаютъ ихъ хижины, а обглоданныя кости выбрасываются въ кухонные остатки. Wester рассказываетъ объ одномъ королѣ этой страны, съѣвшемъ девять своихъ жевъ³⁾.

Станція, проектированная въ Упото, обѣщаетъ со временемъ получить нѣкоторое значеніе. Мѣстность для нея выбрана на правомъ берегу рѣки, у подножья холмовъ Упото и неподалеку отъ наибольшей изогнутости той дуги, которую Конго описываетъ къ сѣверу отъ экватора. Слѣдующая станція, основанная изслѣдователями, принадлежавшими къ Африканской Международной Ассоціаціи, находится на главномъ поворотѣ рѣки,—тамъ, гдѣ Конго принимаетъ окончательное направленіе къ юго-западу, — и называется Ба-Нгалою

(Бангала), по имени народа, который обитаетъ въ этомъ краѣ и который храбро защищалъ свою страну при проходѣ черезъ нее экспедиціи Стэнли; нынѣ этотъ городъ поставляетъ рекрутовъ для небольшой арміи Конгскаго государства. Нѣкоторыя изъ нгальскихъ деревень весьма значительны; хижины тянутся вдоль рѣки на пространствѣ нѣсколькихъ километровъ; промежутки же между рядами домовъ, занятые обыкновенными болотистыми протоками, не превышаютъ 200 или 300 метровъ. Такимъ образомъ, нгальскій городъ, часть котораго и составляетъ вышеупомянутая станція Ба-Нгала, тянется на пространствѣ 35 километровъ. Со стороны лѣса, передъ деревнями находятся мѣста, покрытыя утоптанной, битой глиной и обсаженныя бананами, пальмами или окаймленныя садами: тутъ и происходятъ семейныя собранія, приемы гостей и различныя церемоніи. Число ба-нгалийцевъ, проживающихъ на берегахъ Конго, Grenfell исчисляетъ въ сто десять тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ семьдесятъ-семь тысячъ находятся на лѣвомъ берегу; Coquilhat же насчитываетъ между станціями Ба-Нгалю и Экваторвилемъ, на обоихъ берегахъ—сто тридцать семь тысячъ⁴⁾.

Эти «Дѣти Рѣки» — ибо таково значеніе слова Ба-Нгала — несомнѣнно, названы такъ вслѣдствіе ихъ проживанія на берегахъ и островахъ р. Конго; они, кромѣ того, называются также и по имени одного верховаго притока, Мо-Нгала (Монгала), посвященнаго Grenfell'емъ, Coquilhat и Baert'омъ, вплоть до границы судоходства, въ странѣ племени себи, вырабатывающаго желѣзо. Въ общемъ ба-нгалийцы—красивые, широкоплечіе люди, и на взглядъ европейцевъ они казались бы привлекательными, если бы не имѣли привычки вырывать себѣ бровей, рѣсницъ и стачивать въ остріе зубовъ. Недавно они дѣлали себѣ костюмы изъ пальмовыхъ волоконъ; но нынѣ начинаютъ замѣнять эти одежды европейскими тканями. Женщины ихъ вытатуирываютъ себѣ на якрахъ гирлянды изъ листьевъ. Бангала очень умны и, подобно цивилизованнымъ европейцамъ, часто позволяютъ своимъ страстямъ увлекать себя или до энтузіазма, или до отчаянія: случаи самоубійства между ними не рѣдки. Grenfell и Comber видѣли, какъ, на похоронахъ одного изъ старѣйшинъ, ба-нгалийскія женщины и дѣти разыгрывали, при посредствѣ пѣнія и танцевъ, настоящія драмы, изображая смерть и воскресеніе. Большинство жителей — рабы; число знатныхъ людей не велико, но они пользуются обширною властью и изъ своей среды избираютъ какъ начальника деревни, такъ и главу цѣ-

¹⁾ O. Baumann, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“, Декабрь. 1886.

²⁾ Stanley, „Cinq années au Congo“.

³⁾ Imer, „Tidskrift utgifven of Svenska Sällskapet for Antropologi och Geografi“, 1886.

⁴⁾ „Bulletin de la Société de Géographie d'Anvers“, 1886.

лаго союза. По словамъ преданія, первымъ отечествомъ ба-нгалійцевъ былъ болотистый край Нгири, находящійся между Конго и У-Банги ¹⁾ Къ сѣверу отъ племени ба-нгала, проживаютъ дикіе нгомба, наводящіе ужасъ татуировкою своихъ лицъ. Къ югу отъ ба-нгала, вдоль восточнаго берега и въ бассейнѣ рѣки Лу-Лонго, скученныя деревни принадлежатъ

мають между двумя досками черепъ у дѣтей и такимъ образомъ придаютъ ему причудливое очертаніе, съ прямолинейными плоскостями ¹⁾. Въ бассейнѣ Лу-Лонго находится также и малорослое, карликовое племя ба-путу, у котораго, по словамъ туземцевъ, кожа имѣетъ бѣловатый оттѣнокъ, а ростъ колеблется между 1 метромъ 40 сантиметрами и полутора,

Начальникъ племени ба-нгала и его помощникъ.

народцу у-ранга, воинственный кликъ котораго «йя-ха-ха-ха!», по словамъ Станли, похожъ на ржаніе коней; подобно племени себи, у-ранга—весьма искусные кузнецы. Восточнѣе, все еще въ бассейнѣ той же рѣки, но на берегахъ ея большаго правосторонняго притока Лопури, живутъ нгуизи, которые отличаются отъ всѣхъ своихъ сосѣдей формою головы: подобно «плоскоголовымъ» сѣверной Америки, они сжи-

метрами. Наконецъ, племя марунга, на верховьяхъ, живетъ, во многихъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ, выстроенныхъ, на-подобіе жилищъ древнихъ озерныхъ обитателей, на сваяхъ ²⁾.

Станція Лу-Лонго или У-Ранга, надзиравшая за большимъ городомъ того же имени и за окрестными дикарями, была покинута; но къ югу отъ нея, Экваторвилль еще существуетъ. Экваторвилль заслуживаетъ свое наи-

¹⁾ Coquilhat, „Chez les Bangala, sur le haut Congo“. „Revue de Belgique“, 1886.

²⁾ Coquilhat, „Mouvement Géographique“, 1887.
²⁾ Grenfell et von François, „Afrique explorée et civilisée“. Февраль, 1886.

менованіе, такъ какъ овъ дѣйствительно расположенъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ равноденственной линіей, на возвышенномъ плоскогоріи, господствующемъ надъ слияніемъ рѣкъ: Конго и Черной, иначе называемой также Джуана. Рядомъ съ этой станціей основались также протестантскіе миссіонеры. Берега рѣки Икелембы — впадающей въ Конго двумя километрами выше впаденія Черной рѣки и имѣющей тоже черноватую воду — населены довольно плотно; деревни многочисленны и защищены частоколами и глубокими рвами. Вѣроятно, во всей Африкѣ не существуетъ народовъ, которые столь обезображивали бы себя при посредствѣ татуировки, какъ жители береговъ Икелембы: производя наръзы и перетяжки и пользуясь ядами, они усѣиваютъ свои лица наростами въ видѣ горошинъ и шишекъ, различныхъ у большинства отдѣльныхъ лицъ и придающихъ имъ устрашающую наружность. Молодая дѣвушка, видѣнная Grenfell'емъ, имѣла съ каждой стороны носа по шишкѣ, величиною съ яйцо голубя, препятствующее ей смотрѣть передъ собою: чтобы видѣть кого-нибудь, дѣвушка должна была настолько наклонять голову, чтобы взглядъ ея проходилъ надъ этими «шишками красоты».

Въ этихъ областяхъ средняго теченія Конго европейскіе изслѣдователи удалось познакомиться только съ берегами рѣки и ея притоковъ: ни одинъ караванъ не проникалъ въглубь данныхъ странъ для прожизанія среди туземцевъ, изученія ихъ характера, нравовъ и промышленности; къ тому же дремучій лѣсъ, въ которомъ господствуетъ копаловое дерево, а затѣмъ низменная и отчасти болотистая почва дѣлаютъ научное изслѣдованіе этого края весьма затруднительнымъ, и потому обитающія въ немъ племена извѣстны лишь по имени. Судя по говорамъ, весьма схожимъ между собой на протяженіи всего пояса, ограничиваемаго громаднымъ кольцомъ р. Конго, различные народцы, слѣдующіе одинъ за другимъ между станціей «Пороги Стэнли» и Экваторилемъ, принадлежать къ одному и тому же семейству расы банту. Семейству этому можно было бы дать коллективное имя балоло, въ виду того, что такъ называется самое многочисленное и самое могущественное изъ составляющихъ его племенъ. Затѣмъ, въ этихъ областяхъ, какъ и въ областяхъ Верхняго Конго, подъ властью племенъ господствующихъ, проживають также угнетенные аборигены вуа-гуа, низкорослые и боязливые люди, убѣгающіе въ лѣса для избѣжанія, подобно обезьянамъ, сосѣдства охотниковъ.

У. Бассейнъ Уэллэ, страны племенъ монбутту и нямъ-нямъ.

Эта часть покатоости Конго, пока еще не связанная маршрутами изслѣдователей съ главнымъ теченіемъ рѣки, но несомнѣнно принадлежащая къ нему, какъ это установили реляція Юнкера, есть одна изъ тѣхъ областей, которыя въ будущемъ должны получить весьма важное экономическое значеніе, какъ мѣсто перехода отъ бассейна Конго къ бассейну Нила. Съ этнической точки зрѣнія, страна эта есть также мѣсто перехода отъ народовъ Нигера къ племенамъ банту, такъ какъ обитающіе на данномъ водораздѣлѣ народцы, хотя и составляютъ вполне отличное отъ другихъ семейство, но, тѣмъ не менѣе, сходятся съ своими обычаями съ обѣими расами. Съ полнымъ правомъ назвать этотъ край «сердцемъ Африки» первый проникшій въ него европейскій путешественникъ, Швейнфуртъ, такъ какъ здѣсь, дѣйствительно, перекрещиваются діагонали, проведенныя по матеріку Африки между устьемъ Конго и дельтою Нила, между заливами Гвинейскимъ и Аденскимъ. Но до сихъ поръ этотъ вершинный поясъ водораздѣльнаго нагорья извѣстенъ еще весьма недостаточно. Послѣдовавшія за столь замѣчательнымъ путешествіемъ Швейнфурта изслѣдованія Бондорфа, Lurton'a, Potagos'a и Casati доставили свѣдѣнія лишь второстепенныя и неравнаго достоинства; зато недавнее опубликованіе путешествій Юнкера было, по истинѣ, громаднымъ географическимъ событіемъ по отношенію къ познанію этой части материка. Затѣмъ слѣдовала экспедиція Стэнли, предпринятая для проложенія пути между Конго и верховьями Нила, а также для освобожденія египетскихъ войскъ Эмина-пашы, находившихся въ Уаделаи и отрѣзанныхъ отъ пути на сѣверъ.

Рѣка, называемая Уэллэ племенемъ нямъ-нямъ, Номайо — племенемъ монбутту и Бахръ-эль-Макуа — арабами, зарождается, подъ именемъ Кибали, въ горахъ, ограничивающихъ съ запада озеро М'вутанъ-Нзиге, и сначала протекаетъ по такимъ областямъ, которыхъ еще не посѣщалъ бѣлый человѣкъ; но затѣмъ вступаетъ въ край, уже прославленный описаніями Швейнфурта, именно въ область племенъ монбутту и мангъ-бату. Край этотъ — одинъ изъ тѣхъ уголковъ Африки, которые отличаются самой роскошной растительностью и прелестью сельскаго пейзажа; это по-истинѣ — «земной рай». Находясь приблизительно на высотѣ отъ 760 до 850 метровъ и представляя волнистую поверхность, съ холмами въ сто и болѣе метровъ высоты, край этотъ пользуется умѣреннымъ климатомъ, несмотря на близость къ экватору; живыя воды змѣются по всемъ ложбинамъ, осѣнен-

ныя высокими деревьями съ переплетающимися вѣтвями; хитины повсюду окружены зеленью банановъ и элаисъ (масляной пальмы). Хотя городовъ нѣтъ, но населеніе тѣмъ не менѣе очень густое. Швейнфуртъ исчисляетъ его въ одинъ миллионъ; такимъ образомъ, принявъ, что поверхность страны равна десяти тысячамъ квадратныхъ километровъ, получимъ по сто жителей на одинъ километръ, что на одну четверть превысило бы даже и среднюю населенность Франціи.

Рѣзко отличаясь отъ своихъ сосѣдей, монбутту имѣютъ почти семитическія черты лица:

да эта красивыми складками облегаютъ вокругъ бедръ и стана, оканчиваясь остріемъ между лопатками; придерживается она опояскою изъ ремешковъ, изукрашенныхъ мѣдью. Женщины, прикрывающіяся значительно менѣе мужчинъ, носятъ лишь по одному простому переднику; въ нѣкоторыхъ же округахъ имъ запрещено даже и всякое одѣяніе ¹⁾; но онѣ замѣняютъ его красивой татуировкой, состоящей изъ соединенія геометрическихъ линій; чаще всего онѣ разрисовываютъ себѣ все тѣло мелкими черными узорами, правильно расположенными и изображающими кресты, звѣзды, пчелъ, цвѣты,

Женщина племени монбутту.

у многихъ изъ нихъ носъ даже совершенно орлиный. Цвѣтъ кожи у нихъ свѣтлѣе, чѣмъ у ніамъ-ніамовъ и окрестныхъ негровъ; борода длиннѣе, чѣмъ у большей части африканцевъ, тысячи индивидовъ имѣютъ бѣлокурые волосы, впрочемъ, курчавые, какъ и у другихъ негровъ, и почти бѣлую кожу; нигдѣ нѣтъ столь значительной пропорціи альбиносовъ. Конечности у монбутту длинныя и тонкія, но торсъ сильно развитый; ловкость ихъ изумительна. Оставаясь вѣрными костюму своихъ предковъ, мужчины носятъ одѣяніе, сработанное изъ лыка смоковницы, которое съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ видъ муаре; одеж-

различные арабески, зеброобразныя полосы и мушки. Къ каждому празднику готовится новое живописное украшеніе, которое кокетки умѣютъ видоизмѣнять до безконечности. Мужчины ограничиваются окрашиваніемъ своего тѣла въ однообразный красный цвѣтъ. Что касается прически, то она одинакова у мужчинъ и у женщинъ: именно, волосы подбираются подъ цилиндрическую шапку изъ тростниковой плетенки, при чемъ иногда на затылкѣ такая шапка спускается на пол-метра ниже, чѣмъ на лбу; у знатныхъ лицъ ее украшаютъ

¹⁾ Wilson and Felkin, „Uganda“.

многочисленными красными перьями и подблками из мѣди. Обычай прокалывать ухо для введенія туда палочекъ пересталъ уже быть всеобщимъ, хотя монбутту за эту моду получили отъ арабовъ прозвище гуру-гуру т. е. «проколотые». ¹⁾

Монбутту расчистили и засадили растеніями большую часть своей области, не заслуживъ, однако, чрезъ это наименованія земледѣльцевъ, такъ какъ они не даютъ себѣ труда ни разрыхлять, ни полоть почвы: заботу объ урожайности своихъ плантацій они всецѣло возлагаютъ на благость природы. За исключеніемъ кукурузы, которая, однако, встрѣчается только въ садахъ, они не воздѣлываютъ никакихъ хлѣбныхъ злаковъ; растительная ихъ пища состоитъ главнымъ образомъ изъ банановъ, сладкихъ пататовъ, иньяма, маниока, колоказіи—все, слѣдовательно, изъ такихъ плодовъ, которые превосходно родятся и безъ всякихъ заботъ со стороны земледѣльца; монбутту обладаютъ также двумя видами съѣдобныхъ пасленовыхъ растеній, неизвѣстныхъ вовсе въ Европѣ. Больше же всего заботъ монбутту прилагаютъ къ культурѣ слѣдующихъ растеній: сезама (кунжута), земляного фисташкового орѣха и виргинскаго табака или тоббу, отличающагося отъ табака туземнаго, воздѣлываемаго въ странѣ Рѣкъ, на нильской покатости. У каждой хижины птичникъ кишитъ живностью; но, за исключеніемъ куръ, затѣмъ собакъ, мясо которыхъ весьма цѣнится, и полупривученныхъ кабановъ, туземцы домашнихъ животныхъ не разводятъ, убойный скотъ они добываютъ, грабя окрестныя негритянскія племена; они ѣдятъ также муравьевъ, примѣшивая ихъ къ кукурузѣ; кипятя самцовъ-термитовъ, они добываютъ масло, свѣтлое и блестящее, «вкусъ котораго безупреченъ». Будучи искусными охотниками, монбутту убиваютъ слоновъ, буйволловъ и антилопъ, а также, для своихъ пиршествъ, поугаивъ и другихъ птицъ; но они постоянно воюютъ съ своими сосѣдями, и главнѣйшею дичью для нихъ служить человѣкъ. Изъ всѣхъ африканскихъ народовъ-людоѣдовъ, у монбутту, какъ и у ихъ соплеменниковъ, манг-банга, человѣческое мясо, повидимому, входитъ самую большую долю въ обычный составъ ихъ пищи. Окруженные племенами, которыхъ они безразлично обзываютъ презрительнымъ словомъ: «монг-ву» и которыхъ они преслѣдуютъ какъ простую охотничью дичь, выкрикивая: «пишию, пишию», т. е. мясо, мясо!—монбутту избиваютъ на поляхъ битвъ по возможности больше враговъ, тотчасъ же коптятъ ихъ мясо и уносятъ его съ собою уже въ качествѣ пищи, заготовленной въ прокъ; что же касается плѣнниковъ, то они ихъ уводятъ, приберегая для удовлетворенія своихъ

будущихъ потребностей. У каждаго семейства имѣется свой запасъ человѣческаго мяса, а человѣческій жиръ—самый употребительный. Швейнфуртъ легко могъ собрать болѣе двухсотъ череповъ; но большая часть ихъ были расколоты съ цѣлью болѣе легкаго извлеченія мозга. Зубы же вырываются у черепа изъ луночекъ его челюстей и нанизываются въ видѣ ожерелья. Монбутту не продаютъ невольниковъ, они ихъ съѣдаютъ.

И, однако, несмотря на свое людоѣдство, монбутту во многихъ отношеніяхъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ между африканскими населеніями: это люди, слово которыхъ вѣрно, а дружба—прочна. У нихъ есть чувство національной солидарности, и они храбро защищаются отъ чужеземца. Въ 1866 году, когда нубійцы, вооруженные ружьями, проникли первый разъ въ страну, монбутту, предводимые женщиною, надѣвшею мужское платье и взявшею дротикъ и щитъ, доблестно отразили врага и принудили его просить мира. Въ домашнемъ быту, жена почти сравнена въ правахъ съ мужемъ; она имѣетъ свою долю въ собственности, свою личную волю и признанныя права. Къ тому же, какъ и у окрестныхъ негровъ, большая часть работъ выполняется женщинами, за исключеніемъ кузнечнаго дѣла, которое выпадаетъ на долю мужчинъ; женщины исполняютъ всѣ тяжелыя работы, какъ земледѣльческія, такъ и промышленныя; ими же, отчасти, изготовляются разныя художественныя издѣлія по части плетенія и ваянія; но на музыкальныхъ инструментахъ онѣ не играютъ вовсе.

Промышленность, сравнительно, весьма развита у монбутту. Какъ горшечники, рѣзчики, строители судовъ и каменщики, они не имѣютъ себѣ соперниковъ въ области между Ниломъ и Конго. По четвероугольной формѣ ихъ домовъ, архитектура монбутту примыкаетъ къ архитектурѣ западныхъ племенъ, но она превосходитъ строительное искусство этихъ народовъ размѣрами, придаваемыми зданіямъ, величиною пролетовъ, искусствомъ расположенія частей и богатствомъ украшеній. Недавно разрушенный пріемный залъ короля западныхъ монбутту напоминалъ по своей формѣ нефы большихъ желѣзнодорожныхъ станцій. Сводъ, цѣликомъ сложенный изъ искусно соединенныхъ черенковъ рафин, имѣлъ въ длину болѣе 30, въ ширину 15, а въ высоту 12 метр.; красиво изогнутый, онъ покоился на трехъ рядахъ колонокъ изъ лоснящагося дерева; трехцвѣтные рисунки, ярко краснаго, желтаго и бѣлаго цвѣтовъ, украшали стойки и панели тысячами геометрическихъ фигуръ; полъ изъ битой глины былъ гладокъ, какъ паркетъ. Дома монбутту кажутся тѣмъ болѣе красивыми, что они всѣ утопаютъ въ зелени; за исключеніемъ столицы, остальные поселенія со-

¹⁾ Schweinfurth;—Chailié-Gong, „Afrique centrale“.

стоять изъ ряда отдѣльно стоящихъ хижинъ, слѣдующихъ одна за другой по извилистымъ долинамъ; чѣмъ населеніе мѣстность, тѣмъ гуще тамъ и растительность.

До недавняго времени, монбутту не имѣли никакихъ торговыхъ сношеній съ своими сосѣдями. Лишь въ 1867 г., спустя годъ послѣ того, какъ арабы и нубійцы тщетно пытались завоевать этотъ край, самый могущественный изъ королей монбутту послалъ одному арабскому купцу приглашеніе поселиться подлѣ его мѣстопробыванія, съ запрещеніемъ, однако, подвигаться далѣе, къ народцамъ монъ-ву въ южныхъ территорияхъ. Тщетно пройти впередъ пытался также и Швейнфуртъ: владѣтель монбутту желалъ сохранить только для одного себя выгоды отъ непосредственной торговли съ арабами; но, въ свою очередь, и ему пришлось преклониться передъ чужестранными наемниками—абутуркь, т. е. «отцомъ турка», какъ арабовъ называютъ туземцы. Самыми цѣнными предметами обмѣна являются: слоновая кость, со стороны монбутту, и красная мѣдь, доставляемая чужеземцами. Копья и швырковые дротики дѣлаются изъ чистой мѣди. Доспѣхи короля Мунцы, искусно расположенные позади его трона, блистали на солнцѣ, какъ пламя. Украшеніями же изъ мѣди покрытъ былъ и весь этотъ повелитель: блистающій налобникъ отбѣлялъ глаза; ожерелье изъ мѣдныхъ пластинокъ блестяло на груди; кольцами изъ латуни покрыты были руки и ноги, а мѣдные блюда и сосуды помѣщались у его ногъ. Какъ и у всѣхъ западныхъ, до Сенегаліи включительно, державцевъ, подъ рукою у короля монбутту были всегда орѣхи кола, которыми онъ лакомился въ присутствіи своихъ подданныхъ, а также предлагалъ и посѣлителямъ; но трапезы его всегда совершались тайнѣ, при чемъ зарывались въ землю всѣ остатки отъ его стола для того, чтобы никто не зналъ, чѣмъ онъ питается. Безъ всякаго сомнѣнія, этотъ обычай остался еще отъ того времени, когда король имѣлъ притязаніе считать себя богомъ, существомъ, стоящимъ выше обычныхъ потребностей человѣка.

Во время путешествія Швейнфурта, земля племени монбутту дѣлилась на два королевства, одно, не большое, — на востокѣ, другое, болѣе обширное, — на западѣ. Владѣтель западныхъ монбутту былъ весьма могущественная особа; кромѣ монополій слоновой кости и вывоза мѣди, онъ взималъ налоги со всѣхъ произведеній почвы. Тѣлохранители повсюду его сопровождали, чиновники во всѣхъ областяхъ королевства были представителями его власти. Въ особенной оградѣ находились двадцать чатыре дома, въ каждомъ изъ которыхъ проживала одна изъ его женъ; эти дома окружали королевскій дворецъ, а вѣдъ ограды проживали еще сотни женщинъ, такъ какъ король былъ

также мужемъ какъ вдовъ своего отца, такъ и своихъ свояченицъ; вообще королевскій гаремъ по своей обширности могъ бы образовать цѣлый городъ. Въ странѣ монбутту умеръ, между прочимъ, путешественникъ Міани.

Другой народъ, который тоже былъ посѣщенъ Швейнфуртомъ, повидимому, принадлежитъ къ той же расѣ монбутту: это племя а-бенга (а-банга или ма-банга), живущее также въ бассейнѣ р. Уэллэ, на одномъ изъ сѣверныхъ ея притоковъ и, послѣ недавнихъ переселеній, въ большей части замѣнявшее монбутту къ сѣверу отъ рѣкъ Уэллэ и Бомо-Конди ¹⁾. Подобно монбутту, а-бенга одѣваются въ издѣлія изъ лыка, а воинское одѣяніе и оружіе у нихъ такіе же, какъ и у монбутту; къ нимъ гораздо болѣе, чѣмъ къ монбутту, подходило бы прозваніе гуру-гуру, или «проколотые», такъ какъ почти у всѣхъ изъ нихъ ушная мочка прокалывается для вложенія въ нее палочки. Изъ всѣхъ народовъ Африки а-бенга, вѣроятно, самый ловкій: нельзя удержаться отъ сравненія ихъ съ обезьянами, видя, какъ они взбираются на деревья, влѣзая не только по стволу, но скользя также и по гибкимъ вѣтвямъ, и какъ, перекидываясь, цѣпляясь за гирлянды лианъ, съ вѣтки на вѣтку, они, на-подобіе лазящихъ по снастямъ матросовъ, забираются на самую верхушку дерева. Любопытство у а-бенга составляетъ всеобщій законъ: каждый умирающій сѣдается. Дѣти, правда, не насыщаются тѣломъ своего отца, но они его продаютъ или обмѣниваютъ на другой трупъ; а такъ какъ на большую часть естественныхъ смертей смотрятъ какъ на дѣло чьихъ-нибудь чаръ, то вслѣдъ за чѣмъ-либо смертью возникаютъ процессы, убійства и новыя погребальныя пиршества. Однако, не взирая на эти убійства, край а-бенговъ весьма населенъ, и жители его сравнительно не дикари. Женщины у нихъ пользуются большимъ уваженіемъ.

А бармбо или а-баромбо, обитающіе въ лѣсахъ по р. Уэллэ, къ западу отъ монбутту, принадлежатъ къ одной съ ними расѣ; но, бывъ нѣкогда могущественнымъ народомъ, они нынѣ разсѣяны и во многихъ мѣстностяхъ пребываютъ въ рабствѣ у ніамъ-ніамовъ.

Мангъ-баллэ, живущіе на правомъ берегу рѣки, говорятъ на особомъ языкѣ, но и они также соплеменники монбутту.

Между монбутту, и въ особенности между негрскими племенами или банту, живущими южнѣе, разсѣяны многочисленными группами семейства другой расы, именно акка, быть-можетъ, потомки аборигеновъ, населявшихъ страну до нашествія племенъ банту, какъ вьута на верхнемъ Конго. Одна провинція къ югу отъ р. Уэллэ, говорятъ, еще и нынѣ за-

¹⁾ Junker, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, Heft, III.

нята этими туземцами, которые, вѣроятно, то же самое, что бакка-бакка португальскихъ писателей XVII вѣка, и родственны бадіасамъ У-Ньюро ¹⁾, въ области верховьевъ Нила. Изъ всѣхъ африканскихъ «карликовъ», этихъ акка ученые считают по преимуществу представителями «маленькихъ людей», упоминаемыхъ Геродотомъ по поводу путешествія Назамонъ. И, дѣйствительно, аккасы—и сами называющіе себя этимъ именемъ—весьма малы ростомъ: такъ, тѣ изъ нихъ, которыхъ Міани прислалъ въ 1873 году, въ Италию, были въ 1 метръ 30,40 сантиметровъ; самый большой изъ видѣнныхъ Швейнфуртомъ имѣлъ всего полтора метра, а изъ двухъ другихъ туземцевъ, находившихся уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, ростъ одного равнялся 1 метру 34 сантиметрамъ, а другаго 1 метру 24 сантиметрамъ. Что касается тѣхъ нѣсколько болѣе высокихъ индивидовъ, которыхъ встрѣчали между аккасами, поселенными королемъ монбутту въ сосѣдствѣ съ своею резиденціею, то это, очевидно, были метисы, происшедшіе отъ брака между членами двухъ расъ. Чистые аккасы—брахицефалы; отличительные ихъ признаки: большая голова на короткой шеѣ; сильно выдающаяся впередъ челюсть, съ подбородкомъ, подавшимся назадъ, ротъ почти всегда открытъ, но губы не столь толсты, какъ у большинства негровъ; скулы выдавшіяся, а щеки въ морщинахъ; носъ маленький и отдѣленъ ото лба глубокой впадиной, уши большія; глаза тоже большіе и широко открытые, что придаетъ имъ видъ птицы. Цвѣтъ темной кожи свѣтлѣе, чѣмъ у другихъ негровъ. Тѣло у акка очень неуклюжее и, по Эминъ-бею, издаетъ особенный, очень рѣзкій запахъ. Вслѣдствіе чрезмѣрной развитости лопатокъ, спина представляется сгорбленною, между тѣмъ какъ волосатая грудь плоска и сдавлена съ боковъ; животъ вздутъ, какъ у дѣтей негровъ; конечности длинны и худы, руки очень тонкія, колѣни толстыя, а ступни поворочены внутрь; походка съ неуклюжимъ перевальцемъ. Со всѣмъ тѣмъ проворство и юркость ихъ движеній несравненны: въ травѣ аккасы прыгаютъ «какъ кузнечики», а ловкость ихъ настолько велика, что они не боятся нападать на слона, вонзая ему въ глазъ стрѣлу, или же, какъ рассказываютъ нубійцы,—проскальзывая у слона подъ брюхомъ, прокалываютъ ему копьемъ животъ. Какъ охотники, они отличаются искусствомъ изобрѣтать и разставлять западни, нападать врасплохъ и преслѣдовать дичь; благодаря именно этимъ талантамъ, аккасы живутъ въ мирѣ съ своими могущественными сосѣдями, которымъ они доставляютъ слоновую кость, а также конвоируютъ караваны съ солью, этимъ столь

дорого цѣнящимся, внутри Африки, жизненнымъ припасомъ. Но какъ ни велика хитрость аккасовъ въ дѣлѣ охоты и торговли, они, повидимому, не очень понятливы въ отношеніи всего, что чуждо ихъ обычному образу жизни: они не способны выучиться языку тѣхъ націй, къ которымъ приходятъ въ соприкосновеніе ²⁾. Швейнфурту рассказывали, будто для того, чтобы заучить одно иностранное слово, аккасъ нуждается въ нѣсколькихъ недѣляхъ; однако два индивида этого племени, присланные въ Европу Міани, легко выучились бѣгло писать по-итальянски и по-арабски. Наконецъ, и съ нравственной точки зрѣнія, аккасы являютъ весьма неприглядное качество: подобно злымъ дѣтямъ, они любятъ видѣть страданіе ³⁾.

Къ западу и сѣверо-западу отъ территоріи монбутту, область водораздѣла между Ниломъ и Конго занята значительною націею зандехъ или а-зандехъ, болѣе извѣстной подъ именемъ ніамъ-ніамъ, какъ и племя шангала на нигерской покатости; націю эту называютъ также бабунгера и каракака. Водораздѣльный край—который между «Страною Рѣкъ» и склономъ къ Уэллэ направляется съ юго-востока на сѣверо-западъ—чрезъ землю зандеховъ проходить почти по-средины, образуя собою здоровую область, находящуюся приблизительно на уровнѣ девяносто метровъ надъ моремъ, а съ этой высоты красиво-волнистая поверхность почвы спускается въ обѣ стороны до возвышенія надъ моремъ всего лишь на семьсотъ метровъ. Что же касается распространенія расы зандеховъ, то, вѣроятно, что на сѣверо-западъ она проникаетъ также и въ верхній бассейнъ Хари, притокъ Чада; затѣмъ, большое сходство въ нравахъ и обычаяхъ, наблюдаемое между пагунами Габоніи и ніамъ-ніамами, позволяетъ думать, что послѣдніе распространяются также на весьма большое разстояніе и въ направленіи къ западу. Эта родственность обѣихъ расъ кажется тѣмъ болѣе вѣроятною, что, выйдя изъ одного общаго для обѣихъ племенъ центра, они, при своихъ переселеніяхъ, направились въ противоположныя стороны: въ то время, какъ пагуны говорятъ о своемъ пришествіи на западъ съ востока, ніамы-ніамы рассказываютъ о появленіи ихъ предковъ на востокъ съ запада. Какъ бы тамъ ни было, часть Центральной Африки, уже извѣстная, какъ принадлежащая ніамъ-ніамамъ, исчисляется Швейнфуртомъ приблизительно въ 150 тысячъ квадратныхъ километровъ, а судя по числу индивидовъ, которыхъ различныя, уже посѣщенные путешественниками, племена могутъ выставить вооруженными, общее число жителей, принадлежащихъ къ семьѣ зандеховъ или къ населеніямъ

¹⁾ Emin-bey, „Scottisch Geographical Magazine“, июнь, 1887.

²⁾ Marchesetti, „Bolletino delle Scienze naturali“, Годъ № 2. III.

³⁾ Schweinfurth, „Au coeur de l'Afrique“.

союзнымъ, вассальнымъ или порабощеннымъ, можно считать въ два милліона ¹⁾; при этомъ густо населенныя пространства чередуются съ областями пустынными, раздѣльными поя-

одной части изслѣдованной имъ страны тридцать пять независимыхъ начальниковъ, изъ которыхъ у многихъ имѣются воспоминанія о взаимнопролитой крови. По Кеане'у, слѣдовало

Пейзажъ въ окрестностяхъ Куиссамы.

сами между враждебными княжествами. Ніамъ-ніамы не имѣютъ національнаго единства; такъ, Швейнфуртъ насчиталъ лишь въ

бы въ особенности различать между ніамъ-ніамами племена: банда—въ сѣверо-восточной области; беланда—въ центральномъ округѣ, на сѣдловинѣ двухъ склоновъ, къ Нилу и къ Конго; и «бѣлыхъ» ніамъ-ніамовъ, живущихъ

¹⁾ Junker, *упом. соч.*

южныя другихъ, вплоть до пространствъ за Уэллэ; эти «бѣлые» нямъ-ніамы наиболѣе цивилизованы. Изъ другихъ нямъ-ніамовъ племѣ иддіо занимаетъ гористый край, находящійся къ западу отъ о. М'вутанъ-Нзиге. На нарѣчья заидехскія, повидимому, повліяли языки банту, хотя бы только въ смыслѣ образованія именъ народовъ съ мѣстоименными приставками. Племя, среди котораго долго прожилъ Юнкеръ, и которое группируется вокругъ города Ндоруа, резиденціи короля того же имени,—одно изъ самыхъ могущественныхъ; оно одновременно господствуетъ надъ двумя склонами: однимъ къ Нилу—на высокихъ долинахъ, нисходящихъ къ Бахрѣ-эль-Джурру; и другимъ, къ Конго—къ притокамъ Верхней Уэллэ¹⁾. Въ этой водораздѣльной области, леопарды чрезвычайно опасны, и болѣе для людей, чѣмъ для животныхъ. По Юнкеру, каждое колѣно ежегодно теряетъ по крайней мѣрѣ человѣка по двадцать отъ зубовъ этого звѣря.

Молва о нямъ-ніамахъ уже издавна была распространена внѣ ихъ края, между нубійцами и арабами; но превратное, вслѣдствіе отдаленности, представленіе о нихъ приписывало этому таинственному народу странные обычаи и дѣлало изъ него даже особую расу людей, нѣчто въ родѣ высшаго вида обезьянъ. Пресловутые «люди съ хвостами», которыхъ путешественники, будто-бы, встрѣчали по ту сторону областей Верхняго Нила, были не кто иной, какъ нямъ-ніамы, хотя они и не прицѣпляютъ, на подобіе племени бонго, къ своему поясу бычачьяго хвоста, который издали могъ бы, дѣйствительно, быть принятъ за естественный придатокъ: шкуры звѣрей, которыя нямъ-ніамы надѣваютъ на спину, гораздо менѣе способны породить иллюзію. Но прозвище нямъ-ніамъ, т. е. «ѣдоки»—прилагаемое, впрочемъ, нубійцами и ко многимъ другимъ, отличнымъ отъ заидеховъ, племенамъ—относительно заслужено ими, по крайней мѣрѣ, извѣстнымъ числомъ ихъ колѣнъ. Piaggia, первый путешественникъ, прошедшій съ 1863 по 1865 г. страну нямъ-ніамовъ въ области склона къ Нилу, могъ за эти два года удостовѣриться лишь въ одномъ случаѣ людоедства, при чемъ побѣдители раздѣлили между собою останки нашего врага. Несомнѣнно, что, взятые въ массѣ, заидеха предаются людоедству менѣе, чѣмъ монбутту; но въ большей части ихъ колѣнъ распространено преданіе, гласящее о сѣданіи какъ плѣнныхъ, такъ и тѣхъ, кто умираетъ, не оставляя друзей: при этомъ, всѣ трупы, за исключеніемъ труповъ людей, страдвшихъ какою-либо болѣзнью кожи, признаются годными для стола. Даже и тѣ, которые не ѣдятъ человѣческаго мяса, все-таки весьма

плотоядны: они питаются въ особенности домашнею птицею, собаками и дичью, хотя домашняго скота и не разводятъ: тогда какъ у ихъ сосѣдей, бонго, народа, существенно земледѣльческаго и питающагося растительною пищею, одно и то же слово означаетъ «сорго» и «ѣсть», у нямъ-ніамовъ, какъ равно и у пагуиновъ, одно и то же выраженіе употребляется въ смыслѣ словъ: «говядина» и «пища»¹⁾.

Голова у нямъ-ніамовъ круглая и большая; носъ прямой, съ большими ноздрями, губы оттопыренные, щеки полныя; въ общемъ лицо круглое, почти женское. Впечатлѣніе женственности увеличивается также и вслѣдствіе прически. Волосы, курчавые, какъ у сосѣднихъ негровъ, замѣчательны своею длиною: нѣкоторые нямъ-ніамы носятъ косы, ниспадающія до пояса; у многихъ борода густая, значительно болѣе длинная, чѣмъ у остальныхъ негровъ. Прическа у нямъ-ніамовъ проще у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, которые, болѣе прихорашиваясь, проводятъ цѣлыя дни въ завиваніи своихъ пучковъ, въ приданіи волнистости своимъ косамъ и чищеніи своихъ головныхъ повязокъ, уборовъ. Большинство зачесываетъ свои волосы со лба на затылокъ, располагая ихъ правильными возвышенными рядами, на подобіе рядовъ на поверхности дыни; у другихъ на верхушкѣ лба треугольная косма дѣлитъ волосы на два свитка, изъ-подъ которыхъ висятъ косички, обрамляющія лицо; есть и такіе, которые, при посредствѣ кругообразной рамы, прикрѣпленной около головы, придаютъ своей прическѣ видъ вѣнца. Туловище же, въ противоположность сложной прическѣ, почти лишено украшеній. Нямъ-ніамы презираютъ стеклянныя украшения, столь любимыя большинствомъ другихъ негровъ; они ограничиваются нѣсколькими украшеніями изъ голубыхъ бусъ и раковины ужовки; нашиваютъ на животѣ крестъ или какіе-либо другіе знаки: черточки, квадратики или треугольники, а также, какъ знакъ своей національности, располагаютъ на лицѣ прямоугольникомъ нѣсколько татуированныхъ точекъ. Звѣриная шкура препоясываетъ ихъ туловище, а начальники украшаютъ мѣхомъ леопарда также и свою голову. Всѣ сшиваютъ рѣзцы, превращая ихъ въ остроконечія. Со всѣмъ тѣмъ, несмотря на мягкую округлость ихъ лица и стана, а также и на щегольство женственною прическою, нямъ-ніамы отличаются между всѣми африканцами благородствомъ походки: можетъ-быть, туловище ихъ, сравнительно съ ногами, нѣсколько и длинно, но, тѣмъ не менѣе, нямъ-ніамы удивительно подвижны. Они умѣютъ владѣть своимъ оружіемъ: копьемъ и желѣзнымъ дротикомъ съ опасной ловкостью.

¹⁾ „Encyclopaedia Britannica“.

¹⁾ G. Schweinfurth, *упом. соч.*—Ed, *ponel, рукоп. замѣтки.*

Отличительную черту зандеховъ составляетъ сильная привязанность между супругами. Въ этомъ краѣ женъ не покупаютъ, какъ это въ обычаѣ почти у всѣхъ африканскихъ народовъ; но молодой человѣкъ, желающій жениться, обращается къ начальнику округа, который и выбираетъ ему подходящую невѣсту. И, однако, несмотря на эту авторитарную форму брака, считающую лишнимъ справляться съ волею самихъ вступающихъ въ супружество, несчастные браки рѣдки: жены, вообще вѣрные своимъ супругамъ, держатъ себя неприступно въ отношеніи чужихъ мужчинъ. Въ этомъ отношеніи существуетъ полный контрастъ между ними и женщинами изъ племени монбутту. Въ свою очередь, и ніамъ-ніамы страстно любятъ своихъ женъ; поэтому во время войнъ, враги прежде всего стараются забрать въ плѣнъ женщинъ и тѣмъ побудить мужчинъ просить пощады и предложить дань. Бродячіе зандехскіе плѣнцы, весьма схожіе съ гріо-сенегабойцевъ, воспѣваютъ въ своихъ плѣняхъ столькоже любовь, сколько и дѣла войны. Большіе артисты, ніамъ-ніамы пламенно любятъ музыку: они цѣлые часы проводятъ въ игрѣ на мандолинѣ, впадая иногда въ истинное опьяненіе ¹⁾.

Подобно монбутту, ніамъ-ніамы предоставляютъ женщинамъ заботу воздѣлывать сады; растительную пищу въ особенности доставляетъ одинъ родъ хлѣбныхъ злаковъ, *eleansina* кокапа, изъ которой готовится пиво, потребляемое въ краѣ въ весьма большомъ количествѣ. Ніамъ-ніамы воздѣлываютъ также маниокъ, бататы, иньямъ и египетскіе образки; въ сѣверной же части края бананы рѣдки, и не видно ни сахарнаго тростника, ни масляной пальмы. Ловкость руки и вкусъ ніамъ-ніамовъ проявляются въ ихъ промышленныхъ работахъ: горшечномъ производствѣ, плетеніи, бондарномъ ремеслѣ и обработкѣ желѣза. Дома и житницы—круглой формы, соответственно типу, господствующему въ Восточной Африкѣ,—выстроены съ большою тщательностью; вокругъ дверей выложены изъ деревяннаго бегета геометрическіе рисунки; крыши, въ видѣ колокола совершенно правильной формы, увѣнчаны шпилями рѣзной работы. Увѣренныя въ своей силѣ, ніамъ-ніамы живутъ не деревнями, огороженными палисадомъ,—хижины ихъ разсѣяны посреди садовъ; рѣдко поселки содержатъ болѣе двухъ или трехъ хозяйствъ.

Начальники ніамъ-ніамовъ гнушаются всякимъ виѣшнимъ блескомъ: кромѣ леопардовой шкуры, они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ подданныхъ; тѣмъ не менѣе, они пользуются громадною властью. Они—владыки, и про нихъ рассказываютъ, что иной разъ, когда имъ не

представилось случая наказать за преступленіе или за сопротивленіе ихъ власти, они накидываются на кого-либо изъ безвинныхъ людей и собственною рукою обезглавливаютъ такого несчастливца, для того только, чтобы ихъ право располагать жизнью и смертию своихъ подданныхъ оставалось неоспоримымъ. Какъ и въ европейскихъ монархіяхъ, верховную власть наследуетъ старшій сынъ. Доходы королей состоятъ изъ слоновой кости и половины мяса слоновъ, убитыхъ въ королевствѣ. Кромѣ того, королямъ присвоены большія имѣнія, почву въ которыхъ воздѣлываютъ ихъ жены и рабы. Въ западныхъ округахъ, посѣщаемыхъ неготорговцами изъ Дар-Фора, начальники заставляютъ платить себѣ дань юношами и молодыми дѣвушками, которыхъ, затѣмъ, продаютъ чужестранцамъ. При этомъ, въ качествѣ вознагражденія, часть вырученныхъ денегъ уступается семействамъ проданныхъ. Въ южныхъ королевствахъ Канна, расположенныхъ на югъ отъ Уэллъ, могила государя стережется двадцатью пятью дѣвственницами-весталками, которыя, подѣ страхомъ смертной казни, должны поддерживать священное пламя подлѣ надгробнаго камня.

Среди племенъ ніамъ-ніамъ, а также и на правомъ берегу Уэллъ, отдѣляющей ніамъ-ніамовъ отъ а-барандо, проживаютъ въ многочисленныхъ деревняхъ а-манди, которыя, хотя и говорятъ на языкѣ, отличномъ какъ отъ языка зандеховъ, такъ и отъ всѣхъ нарѣчій въ краѣ, но, тѣмъ не менѣе, все-таки походятъ на ніамъ-ніамовъ: только кожа у нихъ чернѣе, да черепъ почти брахикефалическій; волосы они заплетаютъ косичками на лбу, и почти всѣ, подобно неграмъ а-бенга ²⁾, имѣютъ по палочкѣ въ ухѣ. Далѣе, въ области слиянія Уэллъ съ Бомоканди, находится территорія племени эмбата, которое, благодаря своимъ ладьямъ, живетъ въ гордой независимости: при малѣйшей опасности, эмбата переплываютъ на другой островъ или на противоположный берегъ и оттуда бравируютъ своего врага. По расѣ и по языку—это братья монбутту.

Къ югу отъ территоріи ніамъ-ніамовъ, въ прибрежныхъ странахъ Конго и ея притоковъ, простирается область тѣхъ народовъ банту, которые еще не изучены европейскими путешественниками и которые извѣстны пока лишь по имени. Изъ нихъ, два, повидимому, могутъ быть сочтены за племена, въ этническомъ отношеніи, переходныя; таковы: абуа, т. е. «собаки», и нгомбѣ, т. е. «коровы»; обитаютъ они въ верховыхъ бассейнахъ притоковъ Конго, между Арахуими и У-Банги. Одною изъ наиболѣе значительныхъ націй, по численности и поверхности занимаемыхъ ею земель, являются могущественные у-банги,

¹⁾ Piaggia;—Schweinfurt.

²⁾ Junker, „Petermann's Mittheilungen“, 1883, Heft III.

давшие имя и большому притоку Конго; но этот народъ живетъ не только въ предѣлахъ у-бангійскаго бассейна; онъ далеко переходитъ за его границы, и почти вся область «французскаго Конго», орошаемая рѣками Ликуалла и Алима, принадлежитъ ему. Здѣсь-то у-банги и были впервые встрѣчены путешественниками-ислѣдователями.

VI. Французская территория Конго.

Изъ предыдущаго уже извѣстно, что восточная часть французскихъ владѣній Габонъ имѣетъ наклонъ къ долинѣ рѣки Конго. Черезъ эту область протекаютъ многія судоходныя рѣки, открывая такимъ образомъ путь между побережьемъ океана и берегами среднего течения Конго, кверху отъ пороговъ. Бунга и ея многочисленныя притоки: Ликуалла, Алима, Нкени, Лесфини — превратятся со временемъ въ торговые пути между Огоуэ и Габонъ, и страна, нынѣ географически несплоченная, въ концѣ концовъ, будетъ составлять однородное цѣлое; даже болѣе: р. У-Банги, правый берегъ которой сдѣлался собственностью Франціи, сдѣлается дорогой въ верхнюю долину Нила и къ центральнымъ равнинамъ, занимаемымъ низменностью озера Чадъ. Однако эта громадная территория, къ которой недавно заключенная конвенція съ Конгскимъ государствомъ прибавила еще пространство, быть-можетъ, въ сто тысячъ квадратныхъ километровъ, останется безъ всякаго значенія до тѣхъ поръ, пока не узнаютъ сѣтъ тропинокъ, по которымъ туземцы проводятъ свои караваны¹⁾, пока проѣзжія дороги не соединятъ другъ съ другомъ судоходныя рѣки, и пока сами населенія, проживающія въ дикомъ обособленіи, не сблизятся между собою общностью интересовъ. Нынѣ исслѣдователи той части конгскаго склона, которая принадлежитъ Франціи, ограничиваются пока лишь изученіемъ этой области; самый край присоединенъ къ Франціи только по имени, а его внѣшняя торговля, о которой заранѣе объявлялось, какъ объ источникѣ обогащенія для французскихъ торговцевъ, не даетъ еще, какъ и въ первые свои дни, ровно ничего; и только географическое изслѣдованіе страны пополнилось изученіями флоры и фауны и народовъ, ея населяющихъ²⁾. Такимъ образомъ, дѣйствительное присоединеніе края и приданіе ему цѣнности — пока еще въ будущемъ.

Рѣка У-Банги, по которой Grenfell, этотъ «чародѣй въ очкахъ», поднялся вплоть до области за порогами Конго, извѣстна лишь въ ея нижнемъ теченіи. Къ сѣверу отъ водона-

довъ, пароходъ, желавшій проникнуть выше, встрѣтилъ уже стрѣлы туземцевъ, застрѣвшихъ въ воздушныхъ селеніяхъ, на помостахъ, поддерживаемыхъ вѣтвями бавольника: такимъ образомъ, въ этой части конгскаго бассейна, мы снова встрѣчаемъ нравы населеній верхняго течения Хари¹⁾. Ниже, въ земляхъ, прилегающихъ къ восточному берегу рѣки, значительно гуще населенныхъ, проживаютъ племена: бо-ати, мо-ниембо, мбонджо и мутумби, села которыхъ такъ же сблизжены между собою, какъ и поселенія племени бангала на р. Конго. По утрамъ, когда мужчины отправляются къ своимъ рыболовнымъ снастямъ, столь же искусно сработаннымъ, какъ и снасти туземцевъ, обитающимъ около пороговъ Стэнли, или когда они сопровождаютъ женщинъ и дѣтей на прирѣчные поля, — иногда можно видѣть до двухъ или трехъ сотъ лодокъ, которымъ предшествуетъ нѣчто въ родѣ адмиральскаго корабля: съ этой лодки раздается бой военнаго барабана. Берега Нгири, между У-Банги и Конго, не менѣе многолюдны: деревни, банановыя и пальмовыя роши безъ перерыва слѣдуютъ на пространствѣ 170 километровъ. Къ западу отъ р. У-Банги, ба-лохи (ба-лои), которыхъ по силѣ и мускулатурѣ можно сравнить съ Фарнезскими Геркулесами разбѣяны въ лѣсахъ, на поворотахъ рѣки. Всѣ эти племена на берегахъ У-Банги замѣчательны своей силой и красотой тѣла; другъ отъ друга они отличаются татуировкою и прическою. Любопытство — общее всѣмъ имъ; всѣ плѣнные съдаются²⁾. Мбонджо одѣваются въ листву и въ рыболовные сѣти.

Населенія французскаго Конго, по численности оспаривающія первенство у пагуиновъ бассейна Огоуэ, принадлежатъ къ племени бу-банги, обитающему на берегахъ рѣки того же имени. De-Chavannes полагаетъ, что число этихъ негровъ расы банту достигаетъ по крайней мѣрѣ милліона, включая сюда также и тѣ племена, которыя, нося и другія наименованія, каковы: апъ-фуру, на р. Алимѣ, и ба-явзи, или ба-нианзи, на лѣвомъ берегу Конго, принадлежатъ, несомнѣнно, къ одной и той же націи, такъ какъ у нихъ одинаковы нравы, одинаковая отличительная татуировка и одинъ и тотъ же языкъ. Въ землѣ у-банговъ не рѣдко можно встрѣтить селенія въ двѣ или три тысячи человѣкъ. По преданію, бу-банги пришли, будто-бы, съ сѣвера, въ концѣ XVIII столѣтія, и подвинулись до береговъ р. Лесфини, гдѣ были остановлены королемъ племени ба-така, который, послѣ трехдневной битвы, и побѣдилъ ихъ. Еще и нынѣ бу-банги не могутъ спускаться на широтахъ до

¹⁾ Ed. Ponel, рукописныя записки.

²⁾ «Exposition de la mission Brazza au Museum». „Revue Scientifique“, 1886.

¹⁾ Nachtigal, „Sahara und Sudan“.

²⁾ Van Gele, „Mouvement Géographique“, 8 мая 1887.

пруда или озера Стэнли, не уплативъ пошлины за проходъ ба-такэйскому чиновнику, «начальнику надъ рѣкой¹⁾». Однако, ихъ переселенческое движеніе къ югу продолжается; впрочемъ, они вообще встрѣчаютъ хорошій приемъ, такъ какъ являются торговыми посредниками между различными племенами; они весьма предприимчивы, смѣлы въ дѣлахъ и большіе вѣстовщики новостей: стоитъ имъ придти въ село, какъ вокругъ нихъ собирается толпа любопытныхъ. При томъ же въ нихъ видятъ распространителей моды, такъ какъ они весьма искусны въ заплетаніи волосъ въ косички, въ выкручиваніи изъ нихъ остроконечій, въ расписываніи тѣла, въ по-

многочисленныхъ въ боковыхъ каналахъ-протокахъ рѣкъ Конго и У-Банги. Бу-банги, будучи прирожденными торговцами, обзавелись настоящею монетною системою, примѣняемой на всемъ протяженіи рѣки, отъ пороговъ Стэнли до пруда Стэнли; такъ, извѣстное число раковинъ составляетъ одну микату, имѣющую форму спирали изъ туземной мѣди; а десять микатъ, представляемыхъ полоскою изъ европейской латуни, составляютъ одно матако¹⁾. Въ отдаленныхъ областяхъ страны, куда еще не проникала власть бѣлыхъ, начальники бу-банговъ не иначе могутъ переселяться въ другой мѣръ, какъ въ сопровожденіи многочисленныхъ рабовъ и нѣсколькихъ изъ своихъ женъ;

Мужчина и женщина племени куиссама.

крытія его татуировкою и мясистыми валиками, которыхъ они добываются при посредствѣ двухъ бамбуковыхъ палочекъ, образующихъ заволоку; женщины ихъ обрекаютъ себя на муку ношенія сдѣланныхъ изъ массивной мѣди ожерельевъ и набредренниковъ: нѣкоторыя изъ знатныхъ дамъ съ трудомъ двигаются подъ тяжестью драгоценностей, вѣсящихъ въ общемъ до 50-ти и даже до 60-ти килограммовъ. Большія ладьи бу-банговъ весьма красивы, а сидящіе въ нихъ гребцы росписаны и разукрашены перьями. На носу сидитъ ребенокъ, а на кормѣ одинъ изъ мужчинъ и отбиваетъ ногою тактъ для гребцовъ; другой звонитъ въ колокольчикъ для того, чтобы распугать гинопотамовъ, весьма

при этомъ, первая жена оказывается вооруженною страшною властью опредѣленія тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыя должны послѣдовать за умершимъ мужемъ въ могилу: жены покойнаго, одѣтыя въ трауръ и посыпанныя пепломъ, безмолвно ожидаютъ этого роковаго приказа²⁾. Постъ Нкунджіа, учрежденный было французами въ краѣ бу-банговъ, уже покинутъ ими, такъ какъ, находясь на лѣвомъ берегу У-Банги, онъ, вмѣстѣ съ этимъ берегомъ, по недавней конвенціи, отошелъ къ Конгскому государству. Большимъ рынкомъ въ краѣ, территоріальной области независимаго государства, служитъ группа деревень, называемая Иребу (Илебу),

¹⁾ Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

²⁾ Ed. Ponel, рукоп. замѣтки.

на рѣкѣ, вытекающей изъ озера Монтумба и впадающей въ Конго почти насупротивъ устья У-Банги.

Въ верхнихъ бассейнахъ рѣкъ Бунга и Ликуалла, находящихся къ западу отъ У-Банги, обитаютъ народы: джамби, окота, оканга, умбэ и бамбу, извѣстные лишь по именамъ, такъ какъ Jaques de Brazza и Pecile, проходившіе чрезъ ихъ территорію, не могли пробывать у нихъ долго, и къ тому же были приняты съ недовѣріемъ. Въ низовой части этихъ рѣкъ, какъ равно и на р. Алимѣ, мы снова вступаемъ въ страну бу-банговъ, называющихся, впрочемъ, иначе, именно — апъ-фуру; извѣстны они также и подъ именемъ ба-фуру; подобно своимъ сородичамъ, они, прежде всего, разносчики товаровъ: такъ, между ними встрѣчаются цѣлыя семейства, члены которыхъ и родились на пирогѣ, и на ней же умрутъ. Во многихъ мѣстностяхъ плывучія деревни болѣе многочисленны и болѣе населены, чѣмъ группы хижинъ на сушѣ. Ба-тэка верхняго теченія Алимы продаютъ маниокъ, а судовщики изъ племени апъ-фуру превращаютъ его въ муку и затѣмъ развозятъ по селеніямъ низовья. Ежедневное количество такого маниока, продаваемого апъ-фурами прибрежнымъ племенамъ Алимы и Конго, исчисляють въ десять тысячъ тоннъ¹⁾.

Благодаря этому торговому движенію, Алима изъ всѣхъ французскихъ рѣкъ конгского склона приобрѣла наибольшую важность въ стратегическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что, зарождающаяся въ одномъ и томъ же съ р. Огоуэ поперечномъ углубленіи материка, Алима продолжается, слѣдовательно, путь, намѣченный этою рѣкою между двумя половинами Габоніи, сѣверной и южной. Къ одному изъ береговъ притока Алимы примыкаетъ также и дорога, проведенная по водораздѣльному плоскогорію къ востоку отъ Франсвилля. Здѣсь, на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, учреждены посты для найма носильщиковъ и для экспедицій товаровъ. Ближайшая къ истокамъ Алимы станція, Дъэле, расположена на рѣкѣ того же имени; ниже по теченію находится станція Алима, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ слиянія рѣкъ Дъэле и Гомбо образуется и самая рѣка Алина. Затѣмъ слѣдуетъ станція Лекети, расположенная при впаденіи въ Алиму еще одного притока. Станція Помбо или Мбоши — основанная главнымъ образомъ для того, чтобы доставлять «солому» и «бамбукъ» или стволы рафин-прибрежнымъ постамъ на Конго — выстроена въ той мѣстности, гдѣ Алина соединяется съ главной рѣкою.

Племя мбоши, давшее свое имя станціи на низовьѣ Алимы, представляетъ одинъ изъ

наиболѣе дикихъ народовъ конгской области: очень жадные къ наживѣ, упрямые и недо-вѣрчивые, они крайне неудобные сосѣди для ба-тэка и апъ-фуру; также и французскій постъ не безъ труда могъ удержаться на ихъ территоріи. Въ физическомъ отношеніи, мбоши велики, рослы, широкоплечи, но у нихъ нѣтъ ни изящества ба-тэка, ни скульптурной красоты апъ-фуру. Вѣроятно, происхожденія они смѣшаннаго, и такъ какъ тѣ изъ нихъ, которые живутъ на берегахъ рѣки, женятся предпочтительно на дѣвушкахъ изъ чужихъ племенъ, то смѣшенія расъ продолжаютъ и понинѣ. Преданные фетишерамъ, которые въ то же время знахари, судьи и палачи, мбоши прилагаютъ большое стараніе къ отстраненію злаго рока, проводя для этого себя вокругъ глазъ, а также и на извѣстныхъ частяхъ лица, многоцвѣтныя черточки, при чемъ бѣлый цвѣтъ предохраняетъ отъ утопленія, красный — избавляетъ отъ ранъ, а желтый — защищаетъ отъ огня. По равнодушію къ красивымъ бездѣлушкамъ и украшениямъ, мбоши — почти единственные между неграми; они презираютъ туалетъ, заботамъ о которомъ большинство нигритянъ и банту отдаютъ большую часть своего своего существованія. Мбоши совсѣмъ не артисты. Сенегальская поговорка: «какъ только сядетъ солнце, вся Африка пускается въ плясъ» не примѣнима къ мбоши: онъ не пляшетъ и не бьетъ въ барабанъ иначе, какъ въ важныхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ національный интересъ. Но онъ очень заботится о красотѣ своей хижины, и когда ему приходится ее перемѣстить, онъ съ благоговѣніемъ переноситъ матеріалы, изъ которыхъ она была сработана, и съ большою церемоніею возстановляетъ свое жилище на новомъ мѣстѣ. Прежде оружіемъ ему служили копыя изъ твердаго дерева, но нынѣ онъ употребляетъ оружіе изъ желѣза и ружье. Рвы, замаскированные зеленью и утыканные отравленными колышками, защищаютъ деревни; при проходѣ чрезъ страну мбошей, слѣдуетъ тѣмъ болѣе быть насторожѣ, что въ большей части случаевъ временемъ для нападенія избирается ночь. Мбоши воздѣлываютъ почву, а промышленность ихъ пока самая первобытная, ограничивающаяся обработкой желѣза и тканьемъ передниковъ. Размѣстившись на низовьяхъ Алимы, между областю плоскогорій и Конго, мбоши прежде всего торговцы и продавцы военнопленныхъ, а также украденныхъ женщинъ и дѣтей. Когда умираетъ замужняя женщина, то родители возвращаютъ мужу ея покупную стоимость, но, съ своей стороны, мужъ обязанъ доставить столько рабовъ, сколько покойная жена родила ему сыновей и дочерей. Иногда, для расплаты съ долгами, отцы продаютъ и собственныхъ дѣтей¹⁾.

¹⁾ Ch. de Chavannes, „Bulletin de la Société de Géographie de Lyon“. Февраль — мартъ, 1886. — De Brazza, *упом. соч.*

¹⁾ Ed. Povel, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“. 3-й триместръ. — Также и рукописныя замѣтки.

Племя ба-тэкэ населяетъ прибрежныя мѣстности вдоль верхняго теченія Алимь, а также плоскогорія, служація водораздѣломъ; эти плоскогорія во многихъ мѣстахъ близкою своихъ песковъ походятъ на солончаковыя пространства. Нѣкоторые изъ батэкэйскихъ племенъ проникли на западъ—въ бассейнъ Огоуэ, а на югъ—въ страну, по которой протекають рѣки Нкэни и Лефини; ба-тэкэ переходять и за Конго, на лѣвый берегъ, занимая его къ югу отъ устья р. Куа или Кассаи: такимъ образомъ, территория ихъ не меньше территорій, занимаемой племенемъ бу-банги; однако, различныя колѣна ихъ весьма отличаются другъ отъ друга. Ба-тэкэ плоскогорій разнствуютъ отъ

маніока, составляютъ лакомое блюдо для ба-тэкэ; любятъ ба-тэкэ и копченыхъ жабъ ¹⁾; однако всѣмъ явствамъ они предпочитаютъ жаренныя личинки нѣкоторыхъ видовъ мотыльковъ. Къ людоедству ба-тэкэ еще прибѣгаютъ въ военное время, съѣдая какъ плѣнныхъ, такъ и трупы непріятеля.

Несмотря на скудное питаніе, ба-тэкэ—рьяные работники. У нихъ мужчины не взваливаютъ воздѣлыванія почвы на однѣхъ женщинъ; однако, это онѣ преимущественно обрабатываютъ поля подъ маніокъ, просо, кукурузу, сахарный тростникъ, земляныя фисташки и табакъ. Будучи весьма уважаемы, женщины имѣють голосъ на совѣтѣ, и въ важныхъ случаяхъ

Усохшіе пальмовые стволы.

бу-банговъ какъ внѣшностью, такъ и нравами. Они слабѣе, малорослѣе, менѣе мясисты: большинство изъ нихъ до того худощавы, что ихъ прозвали «ходячими скелетами». Ба-тэкэ удивительно умѣренны въ пищѣ. Немного маніока, насѣкомыхъ, гусеницъ,—которыхъ они собираютъ на ходу,—достаточно для того, чтобы ихъ напитать. Женщины, вооружась длинными палками съ клочкомъ кудели на одномъ концѣ, ловятъ кузнечиковъ, которыхъ, поэтому, и называютъ: «мясомъ ба-тэкэ» ¹⁾; для того же, чтобы удобнѣе было плѣнить этихъ насѣкомыхъ, поджигаютъ травы. Всѣ эти животинки, съ гарниромъ изъ катышковъ

ничего не рѣшается прежде, чѣмъ выскажутся также и жены, которыя дѣлають это съ тою же умѣlostью въ сужденіяхъ и выраженіи, какъ и ихъ мужья. Каждая группа жилищъ, весьма опрятныхъ и расположенныхъ на видномъ мѣстѣ, на холмѣ, имѣетъ свою пальмовую рощицу, высота которой свидѣтельствуетъ о давности основанія деревни. Листья этихъ пальмъ служатъ для изготовленія туземныхъ передниковъ, а также и тѣхъ болѣе широкихъ тканей, въ которыя облакаются начальники племени. При сборѣ листьевъ, ихъ оставляють только на макушкѣ деревьевъ. Пальмы элаисъ даютъ масло, а пальмы думъ—вино. Однако, при такомъ обращеніи съ деревьями мѣстные туземцы, подобно племенамъ бу-банги и ба-

¹⁾ А. Pecile, „Bolletino della Societa Geografica Italiana“, Іюль, 1887.

¹⁾ Léon Guiral, рукописныя замѣтки.

янки, кончают тѣмъ, что умерщвляютъ растение, которое, будучи лишено листьевъ и принявъ тускло-сѣрый цвѣтъ, становится похожимъ на колъ съ утолщенной верхушкой, вслѣдствіе чего усохшія пальмовыя рощицы кажутся какъ-бы-группами столбовъ¹⁾. Образовавъ караваны въ триста или четыреста человѣкъ, и будучи сопровождаемы маленькими собачками — которыхъ часто хозяева несутъ на рукахъ и съ которыми они дѣляютъ свою умфренную трапезу — ба-тэкэ отправляются торговать ко всѣмъ сосѣднимъ племенамъ: вымѣнивая рабовъ на соль, они на сѣверѣ достигаютъ земли племени оканга, на рѣкѣ Салинѣ, притокѣ Ликуаллы, а на юго-западѣ доходятъ до страны племени ма-йомба, на берегу океана²⁾. Ба-тэкэ охотно нанимаются и какъ носильщики: они нагружаютъ въ свои корзины (плетухи) кладя отъ 25 до 30 килограммовъ и скорымъ шагомъ идутъ цѣлый день, безъ остановки, до вечера. Вообще, транспортную службу между Франсвиллемъ и Алимою исполняютъ почти исключительно ба-тэкэ, которымъ платятъ за ихъ трудъ тканями, бусами, раковинами, солью и порошкомъ.

Къ югу отъ Алимы, на берегахъ Нкени обитаютъ а-бома, гордые туземцы, единственные въ конгской области, не курящіе конопли, и куйя — рыбаки, очень суевѣрные относительно своей пищи и изрекающіе «ерунда» надъ большей частью блюдъ. Куйя очень уважаютъ своихъ мертвецовъ; наслѣдники вступаютъ во владѣніе выпадающимъ на ихъ долю имуществомъ не иначе, какъ въ годовщину смерти и послѣ того, какъ черепъ умершаго, извлеченный изъ могилы и обернутый въ красивую ткань, будетъ помѣщенъ подъ очагъ той хижины, которая принадлежала покойному. Пло-скогоріе, съ котораго нисходитъ рѣка, занято племенемъ аши-куйя, также принадлежащимъ къ конфедерациі ба-тэкэ, при чемъ главный начальникъ ихъ, Нгіа-Комунгири, раздѣляетъ свѣтскую власть съ Макоко, владѣтелемъ въ Нганчу. По словамъ Jacques de Brazza, аши-куйя — самые искусные ткачи во всемъ французскомъ Конго³⁾. Львы и леопарды весьма многочисленны на берегахъ Нкени, но они рѣдко нападаютъ на людей, между тѣмъ какъ на берегахъ У-Банги эти звѣри весьма опасны. Папи, птицы-фетиши, гнѣздятся во множествѣ на деревьяхъ по берегамъ рѣки.

Книзу отъ устья Нкени, на французскомъ берегу Конго находится нѣсколько прирѣчныхъ станцій. Изъ нихъ постъ Нганчу, на скалистомъ мысѣ, важенъ тѣмъ, что находится на небольшомъ разстояніи книзу отъ слиянія Кас-

саи и Конго, насупротивъ мѣстечка Мсуата, на лѣвомъ берегу: эти деревни господствуютъ надъ обширною судоходною сѣтью. Нганчу — портъ небольшого королевства, государь котораго, или Макоко, приобрѣлъ извѣстность своими сношеніями съ de-Brazza, а также трактатомъ о вступленіи въ вассальныя отношенія къ Франціи, подписывая который, онъ призвалъ въ свидѣтели своего главнаго фетиша и своихъ домашнихъ боговъ. Взявъ щепотъ своей земли и положивъ ее въ ящикъ, этотъ великій фетишеръ произнесъ слѣдующія слова: «Возьми эту землю и отнеси ее главѣ бѣлыхъ; она будетъ ему напоминать о томъ, что мы принадлежимъ ему». Вотъ какимъ образомъ ба-тэкэ и сосѣднія племена: а-бома, а-сирья и ба-лялли — на которыхъ распространяется нѣкоторое религиозное верховенство Макоко — подпали подъ французскій протекторатъ; однако, другіе вассалы должны были признать сюзеренитетъ Конгского государства, и по трактату французы отказались отъ своихъ притязаній на эти территоріи. Деревня Мбейэ, въ которой пребываетъ главный начальникъ, также извѣстна, равно какъ и онъ самъ, подъ именемъ Макоко или «Начальника надъ рѣкою», — родовое названіе, прилагаемое къ всѣмъ королямъ данной династіи⁴⁾. Старинные португальскіе авторы называютъ misosso этихъ державцевъ земли ба-тэкэ, которыхъ тогда обозначали наименованіемъ «Авзико»⁵⁾.

Главное поселеніе во французскомъ Конго получило названіе Браццивилъ, по имени того отважнаго, неутомимаго и кроткаго человѣка, который завоевалъ эти территоріи для географіи. Неподалеку отъ этой именно мѣстности, de-Brazza «похоронилъ» войну между черными и бѣлыми фалла, или «французами». При этомъ была вырыта яма, въ которую побросали пули, патроны, ружейные кремни и порохъ; въ насыпь же надъ всѣмъ этимъ посадили дерево. «Мы погребемъ войну такъ глубоко, что ни мы, ни наши дѣти не будутъ въ состояніи ее откопать; а то дерево, которое расцвѣтитъ здѣсь, пусть свидѣтельствуемъ о союзѣ между бѣлыми и черными». Такъ говорили начальники племенъ, которымъ, съ своей стороны, Brazza отвѣтилъ: «Пусть миръ продолжается до тѣхъ поръ, пока на деревѣ не вырастутъ пули, патроны или порохъ». Завладѣли же постомъ Мфуа — названнымъ впослѣдствіи Браццивилемъ — французы въ 1880 году, пятнадцатью мѣсяцами раньше, чѣмъ на противоположномъ берегу Конго основались другіе европейцы. Два года спустя французы очистили-было эту мѣстность, но въ 1883 году заняли ее снова. Образовались тамъ также двѣ фак-

¹⁾ Ed. Ponce, рукописныя замѣтки.

²⁾ Giacomo di Brazza, «Bolletino della Società Geografica Italiana», апрѣль, 1887.

³⁾ Ed. Ponce, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Léon Guiral, рукоп. замѣтки.

⁵⁾ D'Anville. Карта, напечатанная въ сочиненіи Labat объ Сеіоніи. — Luciano Cordeiro, «Bolletim da Sociedade de Geographia de Lisboa».

торіи, одна—французская, другая—голландская. Нынѣшняя деревня возвышается на тридцать метровъ надъ рѣкою, будучи расположена на глинистомъ холмѣ, съ котораго

которою начинается путь къ Атлантическому океану чрезъ долину Ньяри-Куилу, присоединяется къ Конго къ югу отъ Брацавильскаго плоскогорія. Такимъ образомъ, эта станція

Общій видъ города Санъ-Паоло-де-Лованда.

открывается обширный видъ какъ на озеро Стэнли, такъ и на амфитеатръ окрестныхъ горъ; въ небольшомъ разстояніи книзу по рѣкѣ начинается рядъ пороговъ, которыми рѣка спускается въ область поморья; рѣчка же Джуэ,

занимаетъ перворазрядное географическое мѣстоположеніе, находясь въ точкѣ соединенія, несомнѣнно, весьма важной въ будущемъ континентальной дороги съ естественнымъ путемъ, который рѣка Конго представляетъ въ

томъ мѣстѣ, гдѣ озеро Стэнли образуетъ начальный портъ для обширной судоходной сѣти вглубь Африки. Неподалеку отсюда находился городъ Канкобелла, о былой славѣ котораго разсказываютъ старинные авторы. Въ окрестностяхъ находятся мѣдные рудники, разрабатываемые туземцами, а плодородныя почвы даютъ изобильные урожаи маниока. Во всѣхъ деревняхъ, въ своей совокупности составляющихъ Брацзавиль, насчитывается около пяти тысячъ жителей ¹⁾.

Туземцы этой части французскаго Конго, ба-ляли,—крови смѣшанной съ кровью племени ба-тэкэ. Пока они еще людоеды и поѣдаютъ трупы невольниковъ и караванщиковъ, умершихъ въ предѣлахъ ихъ страны; по прибытіи европейцевъ, они сѣтовали на пришельцевъ за то, что тѣ погребаютъ своихъ покойниковъ, тогда какъ могли бы промѣнивать ихъ на бананы, бананы и маниокъ ²⁾. Впрочемъ, тѣла свободныхъ людей они возвращаютъ землѣ, сопровождая это причудливыми обычаями. Такъ, по смерти кого-либо изъ мо-лялли, его тѣло помѣщаютъ въ длинный деревянный цилиндръ и затѣмъ держатъ въ теченіе мѣсяца посреди хижины покойнаго, какъ будто бы жизнь все еще не покинула трупъ. Когда же наступитъ день похоронъ, то на цилиндръ ставятъ фетишей; украшаютъ его перьями, листьями и лентами, а затѣмъ друзья наматываютъ на цилиндръ ткани, вслѣдствіе чего объемъ его увеличиваются по крайней мѣрѣ вдвое. Высокій катафалкъ, съ сокрытымъ въ немъ гробомъ, прикрѣпляется послѣ этого къ стержню, подъ который подводятъ три длинныхъ параллельныхъ жерди. Носильщики берутся за эти жерди, но вмѣсто того, чтобы идти со своею ношею степенно, они, съ цѣлью испугать злаго духа, начинаютъ кружиться, бѣгая вокругъ разукрашеннаго цилиндра, который подпрыгиваетъ на шпиль; такимъ образомъ они наконецъ достигаютъ того мѣста, гдѣ вырыта яма, такая же цилиндрическая, какъ и гробъ. Здѣсь, каждый отбираетъ сушенныя имъ ткани, и затѣмъ тѣло въ одномъ лишь цилиндрѣ опускается въ могилу; зарывающъ гробъ, оставляютъ надъ ртомъ покойника дыру, чрезъ которую и вливаютъ пальмовое вино къ похороненному, считающемуся постояннымъ сотрапезникомъ съ оставшимися въ живыхъ.

Въ нѣсколькихъ часахъ ходьбы на юго-западъ отъ Брацзавиля, по сосѣдству съ порогами, католическіе миссіонеры основали станъ Ливзоло, получившій важное значеніе, какъ образцовая ферма и какъ центръ акклиматизаціи растений и животныхъ умѣреннаго климата.

УП. Бассейнъ р. Кассан.

Эта обширная и многоядная область, изобилующая проточными водами и плодородными долинами, уже раздѣлена, съ политической точки зрѣнія, между Конгскимъ государствомъ и Португалією; но присужденными этимъ государствамъ странами предстоитъ еще овладѣть, а между тѣмъ путешественники еще такъ недостаточно обошли край, что въ сѣти ихъ маршрутовъ встрѣчаются пространства болѣе, чѣмъ въ десять тысячъ квадратныхъ километровъ, куда еще не проникалъ ни одинъ изслѣдователь. До сихъ поръ въ территоріи Кассан основался всего одинъ европейскій постъ, именно къверху отъ слиянія р. Кассан съ Куанго; также весьма рѣдки и такія деревни, въ которыхъ поселился какой-нибудь купецъ-негръ, именующій себя португальцемъ и вымѣнивающій ткани на слоновую кость. Страна почти вся раздѣлена на маленькія княжества, изъ которыхъ одни вполне независимы, а другія болѣе или менѣе подчинены могущественному государю. Составленная такимъ образомъ большая имперія съ неопредѣленными границами, именно имперія Муата-Ямво, занимаетъ значительную часть территоріи.

Восточныя рѣки давняго бассейна, родящіяся въ болотистыхъ областяхъ вершинной гряды водораздѣла—гдѣ также берутъ начало притоки рѣкъ Луа-Лабы и Замбезе—орошаютъ области, соприкасающіяся съ имперіей Мсиріи и обитаемыя, проживающими другъ подле друга, племенами руа и лунда. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ эти племена даже и перемѣшиваются другъ съ другомъ, при чемъ бѣдными называются вуа-лунда, одѣтые лишь въ передникъ изъ кожи или лыка, да въ овечье руно, покрытое обмазкою изъ жира и глины, а богатыми—вуа-руа, сравнительно цивилизованные, какъ и тѣ вуа-руа, которые живутъ на берегахъ Луа-Лабы. Находящіеся въ этой области мѣдные копи были разрабатываемы уже во время путешествія Самегон'а.

Холмистый край—который раздѣляетъ рѣки Лу-Билахъ и Ло-Мами, въ той части ихъ русла, гдѣ обѣ эти рѣки направляются къ сѣверо-западу для слиянія другъ съ другомъ и образованія р. Санкуру—занятъ племенами басонжэ, ба-санжэ и другими народцами одного и того же языка. Къ западу отъ р. Лу-Билахъ, эти туземцы извѣстны подъ именемъ ба-луба, между тѣмъ, какъ еще далѣе, на берегахъ Лу-Луа и Кассан, ихъ называютъ ту-шиланжэ или ба-шиланжэ ³⁾. Ба-сонжэ, между неграми, самыя сильные и самыя красивые, хотя лицо

¹⁾ De Chavannes, *упом. соч.*

²⁾ Jaques de Brazza, „Correspondance, publiée par Napoléon Ney“.

³⁾ Büchner;—Fogge;—Wissmann;—Wolf;—Châtelain.

ихъ и напоминаетъ морду дога¹⁾; они очень смыслены и искусны въ обработкѣ желѣза и мѣди, глины и дерева, изготовляютъ горшечныя издѣлія, ткани и различные предметы изъ плетенія, которые, затѣмъ, со вкусомъ украшаютъ. Въ противоположность большинству остальныхъ африканскихъ народовъ, мужнины племени ба-сонжэ занимаются сами полевыми работами, а на долю своихъ женъ оставляютъ ремесленные занятія и хлопоты по хозяйству. Ба-сонжэ—искусные охотники, и ихъ религиозные обычаи иногда сопровождаются людоедствомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ба-сонжэ оставались внѣ всякаго сношенія, не только съ европейцами, но также и съ торговцами изъ негровъ западныхъ португальскихъ провинцій; также и арабы, при своихъ торговыхъ экспедиціяхъ, не проникали далѣе земли племени калебуэ, на лѣвомъ берегу Ло-Мами. Поэтому, когда, въ 1881 году, Wissmann и Pogge проходили чрезъ данную страну, около нихъ собиравшіе толпы любопытныхъ, какъ будто пришельцы были чудовища или боги. Въ караванѣ бѣлыхъ людей все было ново для ба-сонжэ: никогда они не видали ни вьючныхъ воловъ, ни огнестрѣльнаго оружія, ни тысячи тѣхъ любопытныхъ предметовъ, которые эти невиданные люди принесли для обмѣна на слоновую кость и жизненные припасы. Въ западныхъ округахъ, гдѣ еще не видѣли арабовъ, бѣлые были приняты хорошо; но на востокъ, гдѣ торговые экспедиціи арабскихъ купцовъ уже побывали, всѣ поселяне въ ужасѣ убѣгали или укрывались за свои частоколы; они доходили даже до того, что убивали свой скотъ, если не были въ состояніи быстро угнать его подальше отъ чужеземцевъ. Думая о тѣхъ купцахъ, которые вслѣдъ за нимъ придутъ къ этимъ людямъ, еще не имѣвшимъ никакого соприкосновенія съ такъ называемой цивилизаціею, представителями которой являются по преимуществу порохъ и водка,—Висманъ спрашивалъ себя, слѣдуетъ ли ему радоваться открытію этого народа, столь замѣчательнаго своей гордою красотою, прирожденнымъ умомъ и, безъ сомнѣнія, болѣе счастливаго, чѣмъ голодные пролетаріи въ Европѣ? И не лучше ли было бы, для чelовѣчества, если бы отравленная стрѣла прикончила его путешествіе, служащее предвѣстіемъ будущаго завоеванія? Такое душевное настроеніе этого путешественника вполне понятно; но можно надѣяться, что блѣднѣющіе не все же будутъ вносить только пороки и болѣзни: они научатъ новымъ ремесламъ, повѣдаютъ истины, оставшіяся неизвѣстными и, быть-можетъ, когда-либо приведутъ къ болѣе возвышенному пониманію справедливости и свободы.

¹⁾ Pogge, „Mittheilungen der Africanischen Gesellschaft“, т. IV. 1883—1885.

Ба-сонжэ весьма многочисленны: населенность края не уступитъ даже и тѣмъ странамъ Европы, въ которыхъ жители скучены весьма сильно. На каждомъ изъ продолговатыхъ отрывковъ бывшаго прежде сплошнымъ плоскогоріа, ущѣльищахъ между рѣками, тянутся нескончаемыя деревни, которыя можно сравнить съ «черными гусеницами, ползущими по травѣ прерій». Двѣ или три параллельныхъ улицы, окаймленныхъ домами и садами, извиваются змѣйками по длинному хребту; и если бы форма хижинъ, то можно было бы подумать, что находишься въ Верхней Нормандіи, между ея долинами, спускающимися къ Ла-Маншу; впрочемъ, ба-сонжскія села больше поселеній страны Ко (Саух), и германскіе путешественники употребляли не менѣе пяти часовъ, чтобы пройти изъ конца въ конецъ какое-либо изъ большихъ мѣстечекъ. Wolf исчисляетъ населеніе наиболѣе обширныхъ селъ приблизительно въ пятнадцать тысячъ жителей, такъ какъ путешественниковъ, при вступленіи въ такое мѣстечко, старѣйшины встрѣчаютъ во главѣ болѣе, чѣмъ тысячи воиновъ. Каждое изъ этихъ жилищъ образуетъ небольшую самоуправляющуюся республику, граждане которой признаютъ, однакоже, верховную власть короля, пребывающаго въ краѣ Кото, на лѣвомъ берегу р. Лу-Билахъ. А этотъ король есть въ то же время великій фетишеръ, которому повинуются изъ страха передъ вѣдомымъ ему колдовствомъ; однако, въ лицѣ Pogge и Wissmann'a, онъ встрѣтилъ болѣе страшныхъ фетинеровъ: именно, когда Pogge и Wissmann'у было отказано къ пропуску, то они, прибѣгнувъ ночью къ стрѣльбѣ изъ ружей, пусканію ракетъ и сожиганію бенгальскихъ огней, вселили такой страхъ въ этого государя, что онъ поспѣшилъ ихъ не задерживать. Какъ и между маньемами, среди племени ба-сонжэ проживаютъ, гнѣздясь въ убогихъ деревняхъ, нѣкоторыя колѣна тѣхъ низкорослыхъ и робкихъ ба-туа (вуа-туа), въ которыхъ видать остатокъ древнихъ аборигеновъ и которые, между прочимъ, воспитываютъ особую породу охотничьей собаки, похожую на левретку¹⁾. Другіе народцы, обитающіе по берегамъ Ло-Лами, скрываютъ свои хижины въ густой чащѣ вѣтвистыхъ исполинскихъ деревьевъ. Въ лѣсахъ этой области сѣрый попугай живетъ мірадами. На берегахъ рѣкъ Лу-Билахъ, Санкуру и Лу-Кеніа, эта птица, при закатѣ солнца, поднимается цѣлыми тучами, застилающими небо.

Лу-Буа, Кассаи и другія рѣки верхняго бассейна орошаютъ главнымъ образомъ территорию племени ка-лунда, націи, значительной по своей численности и носящей то же самое имя, какъ и южные прибрежные жители озера Мо-

¹⁾ Pogge;—Wissmann, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft in Deutschland“, томъ III и IV.

эро: возможно даже, что и тѣ, и другіе принадлежатъ къ одному и тому же этническому корню. Ка-лунда области Кассаи составляютъ главную часть народа того государства, которымъ управляетъ муата Ямво, при чемъ это же наименование иногда дается и данному негроскому государству, самому обширному изъ всѣхъ, находящихся въ Центральной Африкѣ. Племя ка-лунда занимаетъ къ западу отъ Лу-Билахъ всю область источниковъ Лу-Луа и Кассаи, вплоть до Замбезе; подъ именемъ ба-луа, они населяютъ тѣ мѣстности, гдѣ р. Лу-Луа выходитъ изъ возвышенныхъ узкихъ долинъ для вступленія на равнину; а по ту сторону Кассаи они обитаютъ также на большой части промежуточной полосы между высотами и низменнымъ пространствомъ. Ка-лунда ростомъ и силою превосходятъ негровъ португальскихъ владѣній западнаго берега; цвѣтъ ихъ кожи нѣсколько свѣтлѣе, а губы у нихъ менѣе толсты; ихъ знатныя лица привыкли сжимать голову своимъ дѣтямъ такимъ образомъ, что задняя часть черепа становится уродливою. Женщины татуируютъ себѣ грудь, животъ и руки, спиливаютъ два верхнихъ рѣзца и вырываютъ два нижніе; онѣ бреютъ голову, между тѣмъ какъ мужчины сохраняютъ всѣ свои волосы и весьма заботятся объ искусномъ причесываніи ихъ. Обыкновенно мужчины прикрыты болѣе женщины: такъ, со времени установленія сношеній съ португальскими купцами, мужчины одѣваются въ хлопчато-бумажныя ткани, прикрывающія ихъ отъ пояса до лодыжекъ; одѣяніе же женщинъ не спускается ниже половины бедеръ, при чемъ бѣдныя между ними довольствуются передникомъ изъ лыка, кожею съ какого-нибудь животнаго или даже гирляндю листьевъ. Какъ и въ большей части странъ Восточной Африки, наиболѣе цѣнные уборы состоятъ изъ латунныхъ проволокъ, которыя навертываютъ вокругъ рукъ и ногъ.

Будучи гораздо менѣе свѣдущими въ ремеслахъ, по сравненію съ ба-сонжами, ка-лунда много зависятъ отъ своихъ сосѣдей въ отношеніи необходимыхъ для нихъ вещей. Съ юго-запада племя кіюко доставляетъ имъ ткани и желѣзо; южныя и юго-восточныя племена продаютъ имъ мѣдь; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у нихъ нѣтъ даже соли, и замѣнять ее приходится золою травъ. Ихъ жилища, послѣ хижины вуа-туа, — самыя убогія во всей Внутренней Африкѣ; можно сказать, это — простыя кучи сѣна, въ два — три метра вышины. Никакого украшенія на крышѣ, которая не доходитъ до земли всего лишь на нѣсколько сантиметровъ и позволяетъ, слѣдовательно, проникать внутрь жилища только кое-какому отраженному свѣту; двери всегда низки, будучи просто отверстіями менѣе метра въ высоту; самъ король не можетъ войти въ свое жилище иначе, какъ ползкомъ. Хижины служатъ и могилами, при чемъ

живые уступаютъ свое мѣсто мертвымъ. Деревни, вообще легко отстраиваемыя, перемѣщаются при малѣйшемъ поводѣ къ этому; такъ, въ десять лѣтъ муата Ямво перемѣнилъ три раза свою резиденцію. Скотъ, за исключеніемъ козъ, весьма рѣдокъ вокругъ деревень; въ 1876 году король имѣлъ всего лишь одну корову; все стадо, скопленное его предшественникомъ, было съѣдено во время перемѣны царствованія. Однако, въ общемъ, туземцы, привыкшіе къ растительной пищѣ, имѣютъ жизненные припасы въ изобиліи: плодородіе страны таково, что о запасахъ даже и не помышляютъ. Житницы у ба-луа не существуютъ, и въ своихъ хижинахъ они сохраняютъ про запасъ лишь нѣсколько кучекъ фасоли, земляныхъ фисташекъ и кукурузы. Въ дождливое время года недостатка нѣтъ ни въ чемъ, а во время засухъ они ѣдятъ умѣреннѣе, но у нихъ все таки остается маніокъ¹⁾.

Ка-лунды гостепріимны, доброжелательны, миролюбивы, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ округахъ, которыхъ не посѣщаютъ чужеземные торговцы, изопривніеся въ обманѣ и обучающіе туземцевъ хитрости и лжи. Нравственной порчѣ населенія въ сосѣдствѣ съ королевскою резиденціей способствуетъ также и паразитизмъ, такъ какъ государство муаты Ямво представляетъ истинную феодальную имперію, въ которой всѣ вассалы должны платить дань. Различные начальники, *мон* и *муэн*, обязаны повиновеніемъ государю, *муата*, и правильно уплачиваютъ дань, удѣляемую изъ того, что имъ доставляютъ ихъ собственные подчиненные. Налоги не опредѣлены, но разнообразятся въ зависимости отъ тѣхъ продуктовъ, которые доставляются даннымъ краемъ: такъ, одинъ несетъ бивень слона или убитое животное, другой — шкуру льва или леопарда, третій — плоды, маніокъ, зерновой хлѣбъ, ткани или соль. Столь же не выяснено строго и время уплаты дани: оно мѣняется, смотря по тѣмъ разстояніямъ, рѣкамъ или болотамъ, которыя предстоитъ пройти данникамъ, чтобы добраться до своего сюзерена, а также находится въ зависимости и отъ начала и продолжительности дождливаго времени. Обыкновенно караваны отдаленныхъ данниковъ представляются во дворѣ государя ежегодно по разу; начальники же сосѣднихъ колѣнъ, подчиненные болѣе дѣйствительнымъ образомъ власти сюзерена, являютъ къ нему съ дарами въ рукахъ нѣсколько разъ въ годъ. Часто случается и такъ, что вассалы изъ отдаленныхъ провинцій, почувствовавъ себя настолько сильными, что могутъ порвать свою зависимость отъ муаты Ямво, не радѣютъ о присылкѣ своей дани. Вообще, со времени царствованія династіи государей изъ племени лунда, границы имперіи не

¹⁾ Pogge, „Im Reiche des Muata Jamwo“.

перестаютъ измѣняться, а сами эти государи «сынъ государства», «сынъ оружія» и «поваръ никогда не знаютъ истиннаго пространства государства»; впрочемъ, и ихъ выборъ долженъ получить утверженіе «матери королей своихъ владѣній».

При перемѣнѣ царствованія, новый муата и народа», называемой Лукокеша. Въ свою

Моссамедесъ.

не наследуетъ по праву своему отцу: онъ избирается между сыновьями одной изъ двухъ главныхъ женъ умершаго короля, при чемъ четырьмя великими избирателями будущаго своего повелителя являются: первый и второй

очередь, эта особа, являющаяся тоже королевою и обладающая многими округами во всей полнотѣ царской власти, избирается между дочерьми двухъ главныхъ женъ четырьмя главными министрами, а ихъ рѣшеніе становится

окончательнымъ послѣ одобренія короля. Это установленіе «всеобщей матери», повидимому, указывающее на древній матриархатъ, тѣмъ болѣе любопытно, что въ племени лунда отцу наследуетъ непосредственно сынъ, а не племянникъ со стороны сестры — дядѣ, какъ у кіюко. Изъ всѣхъ жителей страны, только Лу-кокеша превышаетъ законовъ, только она одна ускользаетъ отъ власти муата Ямво: мать всѣхъ, она не имѣетъ и мужа, а ея избранникъ просто называется ея любимымъ работъ; равнымъ образомъ, она не должна имѣть и дѣтей, и потому когда она родитъ, то ея плодъ умерщвляютъ.

Тотчасъ послѣ своего избранія муата Ямво получаетъ знаки царскаго достоинства: желѣзный серпъ, корону изъ перьевъ попугая, браслетъ изъ слоновой кости, ожерелье изъ жемчуга и металла, большой имперскій коверъ и орденъ *лукано*, соответствующій орденамъ, учрежденнымъ европейскими государями. Затѣмъ, муата располагается лагеремъ на одну ночь около рѣки Каланжи для того, чтобы, вдыхая вольный воздухъ и омывшись въ священныхъ волнахъ, приобрести силу для возобновленія мощи государства. Но это еще не все; онъ долженъ стать творцомъ, возжечь новый огонь, отъ котораго отнынѣ зажгутся всѣ очаги: и, дѣйствительно, треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева, онъ заставляетъ вспыхнуть пламя, что и служитъ доказательствомъ его божественности. Послѣ этого онъ уже богъ, неограниченный властелинъ надъ свободою и жизнью всѣхъ своихъ подданныхъ; онъ назначаетъ на всѣ должности, возвышаетъ или понижаетъ кого захочетъ и завладѣваетъ всѣмъ, что ему понравится. Преданіе воспрещаетъ ему курить и напиваться пьянымъ; но также воспрещено и каждому изъ подданныхъ, подѣ страхомъ смерти, видѣть, какъ король ѣстъ, а также и беспокоить его, когда онъ удалится въ потайныя убѣжища королевской хижины. Кромѣ четырехъ великихъ избирателей, существуетъ цѣлый дворъ министровъ и слугъ, поваровъ и чародѣевъ, кузнецовъ и врачей, причисывателей, музыкантовъ и палачей. Во время большихъ народныхъ собраній онъ даруетъ право слова *килоло*, т. е. важнымъ чинамъ и знатымъ лицамъ въ королевствѣ; но разъ онъ провозгласилъ свою волю — всѣ уже должны тотчасъ ему повиноваться. Народу онъ является, воссѣдая или на носилкахъ или на плечахъ раба. Ежегодно, во время засухъ онъ наряжаетъ военную и грабительскую экспедицію въ сосѣдніе края; кромѣ того, многочисленные орды во всякое время опустошаютъ селенія непокорныхъ и дѣлятъ свою добычу съ королемъ. Чужестранные караваны принимаютъ муата Ямво, при чемъ онъ назначаетъ имъ мѣсто для лагеря, опредѣляетъ срокъ пребыванія и, не стѣсняясь, пользуется для

своихъ нуждъ ихъ товарами. Тѣхъ бѣлыхъ, а также и тѣхъ мнящихъ себя португальцами съ берега океана, которые, либо управляя караванами, либо только сопровождая ихъ, прибываютъ въ страну племени ка-лунда, властитель этой страны считаетъ принадлежащими къ одной и той же расѣ съ европейцами: онъ признаетъ ихъ могущество какъ чародѣевъ и хвастается, что и самъ раздѣляетъ его съ ними.

Резиденція, или муссамба, перемѣщается при каждомъ новомъ воцареніи; однако, мѣстность для этого всегда избирается на пространствѣ большой равнины, которая разстилается между восточными притоками Лу-Луа, рѣками Каланжи и Лу-Иза, такъ какъ столицу полагаютъ всегда строить въ сосѣдствѣ съ святымъ мѣстомъ, гдѣ проживалъ первый изъ муата Ямво, именно около праваго берега Каланжи и кладбища, или *ензай*, на которомъ погребены тѣла четырнадцати государей, смѣнившихъ другъ друга на королевскомъ коврѣ. Во время путешествія Pogge, въ 1876 году, муссамба была въ Кизимэмѣ, на лѣвомъ берегу Каланжи; четыре года спустя, когда, въ свою очередь, засвидѣтельствовать почтеніе къ муата явился Büchner, резиденція, Кауэнда, была перенесена километровъ на двадцать къ юго-западу, въ мѣстность, находящуюся приблизительно на равномъ разстояніи отъ обѣихъ рѣкъ. Хижины города разбѣяны на большомъ пространствѣ, при чемъ одиѣ сгруппированы какъ попало, другія окружены прямоугольнымъ палисадомъ изъ кольевъ, вбиваемыхъ въ землю при началѣ дождливаго времени года; вскорѣ затѣмъ, эти колья пускаютъ корни и въ послѣдствіи быстро разрастаются въ большія деревья; Pogge насчитывалъ отъ 8 до 10 тысячъ жителей, жившихъ, на протяженіи до двухъ километровъ, вокругъ королевской ограды. Переселенцы изъ сосѣднихъ кольевъ стремятся въ резиденцію; однако, по Pogge, городское населеніе увеличивается не въ слѣдствіе избытка рожденій надъ смертностью, такъ какъ почти всѣ дѣти, видимыя вокругъ землянокъ, — маленькіе рабы, наворованные во время военныхъ походовъ. Для женщинъ муссамбы было бы большою честью имѣть много дѣтей, но большинство изъ нихъ не плодотворны.

На сѣверъ отъ страны, которую муаты Ямво избрали для своей резиденціи, ихъ королевство не простирается на большое разстояніе; съ этой стороны, берега рѣки Лу-Луа и ея притоковъ заняты дикимъ племенемъ ка-уанда, которое до сихъ поръ храбро сопротивлялось всякой попыткѣ къ его завоеванію. Рассказываютъ, будто ихъ стрѣлки напичканы остріями своихъ стрѣлъ весьма сильнымъ ядомъ, неизвѣстнымъ остальнымъ племенамъ; ка-уанда, будто-бы, отравляютъ даже колючки на тропинкахъ, въ предположеніи, что чужестранцы наткнутся на нихъ. Въ ихъ территорію не

проникалъ еще ни одинъ европейскій путешественникъ. Въ томъ же бассейнѣ Лу-Луа, по сѣверу, проживаютъ ту-бинди и ба-бинди, которые также остались въ сторонѣ отъ маршрутовъ изслѣдователей; но за ними начинается край племени ба-луба, занимающихъ обширную страну между Кассай и Ло-Мамы и даже земли на правомъ берегу послѣдней: это братья и сосѣди племени ба-сонжэ и, подобно имъ, кажутся одаренными умомъ и предназначенными для быстрого приближенія къ правамъ и цивилизации бѣлыхъ. Pogge и Wissmann были первыми изъ европейцевъ, посѣтившими этотъ народъ, въ 1881 году. Съ тѣхъ поръ населяемый ими край былъ пройденъ и другими путешественниками, которые, благодаря господствующимъ среди туземцевъ идеямъ о метемпсихозѣ, были хорошо принимаемы: именно, въ нихъ видѣли полководцевъ и родственниковъ короля, которые, послѣ своей смерти, вновь проявились по ту сторону великой воды и возвратились въ свое отечество, побѣдивъ отъ пребывания въ дальнихъ краяхъ. Имъ дали тѣ имена, которые они яко-бы нѣкогда носили, а родственники и жены приходили засвидѣтельствовать имъ о радости по поводу ихъ возвращенія; затѣмъ ихъ возстановили даже во владѣннѣ тѣмъ имуществомъ, которымъ они нѣкогда обладали. Равнымъ образомъ и многіе изъ купцовъ-негровъ отдаленныхъ племенъ были сочтены за возвратившихся съ того свѣта и потому признаны за соотечественниковъ. Не убиваютъ туземцы также и обезьянъ, очевидно, полагая, что въ этихъ переряженныхъ животныхъ сокрыты ихъ родственники. Многочисленные семейства племени ба-луба не дотрогиваются тоже и до мяса собаки, опасаясь съѣсть себѣ подобнаго ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, кажется, что въ не очень отдаленную эпоху всѣ ба-луба были людоедами.

По преданіямъ ба-луба, они пришли съ юго-востока, т. е. изъ долины Верхняго Конго или Луа-Лавы. Въ сѣверо-западной области, въ которую они пришли прежде всего, они приняли имя ту-шилангэ или ба-шилангэ, которое, кажется, принадлежало древнимъ аборигеннымъ населеніямъ, слившимся нынѣ съ завоевателями. Впрочемъ, различія во вѣшности, нравахъ и въ политическомъ состояніи весьма велики между различными колѣнами ту-шилангэ; одни изъ нихъ еще дикари, тогда какъ другіе уже достигли нѣкоторой степени цивилизации. Самая важная область ихъ края какъ по своей населенности, такъ и по своей торговлѣ, та, въ которой поселились также и европейскіе изслѣдователи, извѣстна подъ названіемъ Лубуку,—слово, означающее «дружбу». Около 1870 г., жители страны, еще не получавшей этого прекраснаго наименованія,

отказывались вступать въ сношенія съ иностранцами: ни одинъ изъ торговцевъ не имѣлъ права проникать въ ихъ территорію. По этому поводу возникъ споръ между молодыми и старыми, при чемъ молодежь желала измѣнить прежнее положеніе дѣлъ, а старики настаивали на сохраненіи запрета торговли иноземцамъ. Король и его сестра приняли сторону молодыхъ, вслѣдствіе чего возникла междоусобная война; множество стариковъ, мужчинъ и женщинъ, были перебиты, а большая часть тѣхъ изъ нихъ, которые пережили эту распрю, бѣжали на правый берегъ Лу-Луа, гдѣ они и проживаютъ въ отдѣльныхъ деревняхъ ¹⁾.

Политическій переворотъ былъ въ то же время религіознымъ и социальнымъ. Такъ, въ край введенъ новый культъ, за который туземцы получили прозвище Бенія-Рамбиа или «Сыны конопли»: по новой религіи, всѣ курильщики ріамбы (ріамба въ восточномъ Конго то же самое, что ріамба въ Огоуэ) называютъ себя друзьями и даже воспрепятствуютъ себѣ употребленію въ своихъ деревняхъ оружія; они обязаны оказывать другъ другу гостепріимство; каждый одѣвается, какъ кому угодно; процессъ о колдовствѣ болѣе возбуждать не должно, и молодыя дѣвушки отнынѣ не продаются своими родителями; запрещается также ѣсть козъ, такъ какъ эти животныя напоминаютъ о времени, когда молодые люди были обязаны приносить ихъ въ качестве свадебнаго подарка до ухода своей жены. Отнынѣ религіозныя церемоніи состоятъ просто изъ ночныхъ собраній для куренія сообща конопли. II ужасающее зрѣлище представляютъ всѣ эти нагіе и татуированные люди, когда они, надышавшись изъ большой тыквенной бутылки дыма конопли, подъ вліяніемъ наркотическаго вещества судорожно кашляютъ, завываютъ, бѣснуются, проповѣдуютъ или остаются погруженными въ оцѣпенѣніе. Ріамба, соединяя друзей, наказываетъ также и виновныхъ. Почти всѣ прежнія наказанія, а также и испытанія ядомъ, замѣнены ріамбой, вдыхать дымъ которой осужденный долженъ до тѣхъ поръ, пока не впадетъ въ безсознательное состояніе; когда же онъ очнется, то лобъ и грудь ему помазываютъ бѣлою глиною, для засвидѣтельствованія прощенія его преступленія, и какъ знакъ принятія его снова въ собраніе друзей. Для удовлетворенія громаднаго потребленія конопли, ею засѣваются обширныя пространства около деревень бенія-рамбій; однако, такое потребленіе ріамбы для религіозныхъ цѣлей не проходитъ безнаказанно: именно, въ край распространились грудныя болѣзни, а также помѣшательство ²⁾.

¹⁾ Pogge, упом. соч.

¹⁾ Ludwig Wolf, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1887. № 2.—Wissmann;—Pogge, „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“, т. IV, 1883—85.

²⁾ Ludwig Wolf, упом. соч.

Нельзя не пожалеть что ба-луба подвергают себя действию вещества, ведущего их к гибели, так как среди других африканских народов они отличаются своею разумною любознательностью и размышляющим складом ума: Wissmann идет даже так далеко, что называет их «народом мыслителей». «Почему?» — слово, столь редко слышащееся в серьезном его значении между африканскими племенами — не сходит с языка у ба-лубов, и они считают себя удивленными, только получив ответ и вполне уразумев его. Весьма храбрые, а также удивительно умные в отыскании следов зверя, они были бы превосходными солдатами-разведчиками во время войны. Они гнушаются рутиню и при своих празднествах всегда изобретают что-либо оригинальное и неожиданное. Главные их церемонии совершаются при приеме караванов: ба-луба встречают их пляской и кликами, барабанным боем и треском ружейного огня; все одевается в самые красивые свои платья, а купцы хвастают наиболее драгоценными предметами из привезенного ими обыкновенно плохого товара. Когда же появляется караван данников, то к приему его примешиваются также и жестокие проджки; так, прежде чем войти в село, и мужчины, и женщины обязаны выкупаться сообща в соседнем ручье, после чего они биваком проводят ночь на открытом воздухе; на следующее утро они еще раз очищаются, уже в другом потоке, и только теперь, достойные предстать перед своим повелевателем, они идут, нагими, преклониться перед ним и получить помазание глиною на груди и на лбу. Но и это еще не все; толпа завладевает ими: в глаза пускают ям по несколько капель жгучаго настоя красного индийскаго перца и в то же время их подвергают исповеди, серьезной или шутливой. Наконец, их освобождают и посредством подарков и пиршеств, стараются заставить позабыть причиненные им неприятности при приеме.

Ба-луба сохранили обычай «братания кровью», который встречается также у многих африканских народов, как и между европейскими славянами, но который не известен в племени лунда. После того, как молодые люди испили крови друг друга, их собственность дѣлается достоянием почти общим, так как они могут взаимно, и без всякаго вознаграждения, брать друг у друга все, что пожелают: это право взаимно дѣлиться имуществом распространяется даже на членов их семейств. Духъ добросердечія, одушевляющий ба-лубов, отражается даже и на формах их полей. Так, вместо того, чтобы заводить себѣ отдѣльныя плантаціи и работать въ не-людимомъ особнячествѣ, земледѣльцы любятъ

оставаться вмѣстѣ и сообща мотыжить поля, которыя, тѣмъ не менѣе, состоятъ все-таки изъ отдѣльныхъ участков: иная площадь маниока — въ сборѣ съ которой есть доля каждаго изъ жителей села — тянется на пространствѣ болѣе десяти гектаровъ въ одной межѣ, безъ пограничныхъ ямъ и рубежей. «Силны конопли» — почти исключительно земледѣльцы; на слоновью охоту въ ихъ краѣ уже нѣтъ, такъ какъ, съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, это животное истреблено. Каучукъ, вообще хорошаго качества, составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ ихъ торговли; Rogge ввелъ между ними также воздѣлываніе риса, который быстро посѣвается. Ремесла были прежде рѣдки между ба-лубами, которые ограничивались тѣмъ, что ткали матеріи изъ пальмовыхъ волоконъ и извлекали соль изъ золы одного растенія, произрастающаго въ солончатой водѣ, на бѣрегахъ Лу-Луа. Почти все потребная для нихъ издѣлая, ткани, утварь и оружіе доставлялись изъ страны племени кіоко, ихъ наставниковъ въ цивилизаціи¹⁾; нынѣ ба-луба носятъ панталоны и жакетки, дѣлаютъ кушетки и складные стулья; научились даже и вязать. Каждая работа отдается ба-лубами покровительству одного изъ предковъ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, жизнь продолжается также и за могилою, и души вмѣшиваются въ управленіе міромъ.

Территорія «Дружбы» дѣлится на два главныхъ государства, которыя обыкновенно называются по имени ихъ королей: Мукенгэ, сюзеренъ, и Джингенгэ (Чикенгэ), вассалъ. Обѣ столицы также носятъ эти же названія. Король беніа-ріамбовъ — собственникъ всей земли, но растенія на воздѣланной почвѣ принадлежатъ тому, кто своимъ трудомъ взростилъ ихъ. Четвертая часть каждой туши, убитой въ его имперіи, принадлежитъ ему по праву; кромѣ того, свою долю онъ отбираетъ также и отъ всѣхъ товаровъ, доставляемыхъ караванами. Будучи въ дѣловыхъ сношеніяхъ со всѣми окрестными начальниками и съ португальскими купцами, онъ пожелалъ войти въ общеніе и съ государями Европы, и при посредствѣ Rogge писалъ «владѣтелю по ту сторону водъ, повелителю всѣхъ народовъ» письмо, въ которомъ просилъ многочисленныхъ подарковъ, между прочимъ, какое-нибудь лѣкарственное средство, «чтобы воспрепятствовать смерти людей». Большой нововводитель, онъ уничтожилъ многие изъ обычаевъ своихъ предковъ и свободно ѣсть передъ подданными. Когда же, сопровождая Rogge и Wissman'a до Нянгуэ, онъ увидѣлъ дома, выстроенные арабскими купцами, то, пораженный удивленіемъ, повелѣлъ построить и себѣ дворецъ въ этомъ

¹⁾ Marinel, «Bulletin de la Société Belge de Géographie», 1887.

же стилѣ, но подѣ своимъ, весьма неисккуснымъ, руководствомъ; въ послѣдствіи, однако, мѣстные каменщики наловчились, и потому есть уже нѣсколько домовъ очень хорошей вѣншности. Послѣ короля, самую главную личностью въ государствѣ является одна изъ его сестеръ, жрица религіи конопля. Преданіе требуетъ, чтобы, при обращеніи къ толпѣ, она совлекала съ себя всѣ свои одежды.

Маленькія республики тѣхъ ба-лубовъ, которые не признають верховной власти «короля Дружбы» и не исполняютъ обрядовъ «религіи конопля», большинствомъ полудивилизованныхъ ту-шилангѣ считаются живущими въ дикомъ состояніи, такъ какъ у нихъ не встрѣчаютъ ни мелкихъ стеклянныхъ подѣлокъ, ни ружей, ни европейскихъ товаровъ. Эти ба-луба—люди почти нагіе, украшенные только скромною татуировкою и яркими разрисовками; голова у нихъ бритая или убрана въ мелкія косички. Въ каждой деревнѣ, подѣ сѣнію большихъ деревьевъ, стоятъ фетиши съ человѣческимъ лицомъ, окрашенные въ красный цвѣтъ. Женщины должны рожать въ глухомъ лѣсу, въ присутствіи лишь повивальныхъ бабокъ. Какъ и у всѣхъ сосѣднихъ племенъ, юноши подвергаются обрѣзанію; но въ то время какъ исполненіе этого обряда не служитъ въ странѣ беніа-ріамбовъ поводомъ къ празднествамъ, у остальныхъ ба-луба обрѣзаніе сопровождается публичными торжествами. Какъ и въ Сенегамбіи, обрѣзанные дѣти должны въ теченіе нѣсколькихъ недѣль оставаться въ кустахъ, въ уединеніи и одѣтые въ тростниковую юбку. При возвращеніи же въ деревни, имъ предшествуютъ танцовщики, а затѣмъ начинаются и празднества.

Прибывъ въ страну племени ба-луба, первые изслѣдователи поняли, что въ этомъ столь богатомъ краѣ, среди умнаго ту-шилангійскаго населенія, самое подходящее мѣсто для европейской станціи. Въ 1884 году Wissmann основалъ постъ Лулуабургъ, на высотѣ 533 метровъ и въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ Мукенгѣ, на лѣвомъ берегу рѣки, давшей и самое наименованіе новому поселенію. Эта станція, не смотря на трудность снабженія ея съѣстными припасами, сохранена и расширена Конгскимъ государствомъ, и въ 1886 году тамъ проживали двое бѣлыхъ, въ томъ числѣ одинъ миссіонеръ, и болѣе пятидесяти туземцевъ, солдатъ и рабочихъ, а также около тридцати женщинъ, изъ которыхъ лежитъ уходъ за садами, птичникомъ и небольшимъ стадомъ домашней скотины ¹⁾. Не извѣстно еще положительно, не былъ ли Лулуабургъ,—въ нарушение недавняго трактата, по которому границы Конгскаго государства обозначены шестымъ градусомъ южной широты,—основанъ

южнѣе этого рубежа, въ поясѣ, официально еще не присвоенномъ какой-либо европейской державѣ? Большое неудобство Лулуабурга заключается въ томъ, что онъ основанъ въ той области теченія рѣки, которая не входить на продолженіи непрерывной навигаціонной линіи къ Кассай и къ Конго: во многихъ мѣстахъ книзу, вплоть до слиянія Лу-Луа съ Лу-Эбо, пороги прерываютъ ея теченіе. Въ мѣстѣ соединенія сейчасъ названныхъ рѣкъ, приблизительно въ 200 километрахъ отъ Лулуабурга, учрежденъ укрѣпленный постъ Лу-Эбо, въ которомъ пароходы Конгскаго государства находятъ для себя пристань. Выше, именно въ 600 метрахъ на одной и въ 1.000 метрахъ на другой изъ обѣихъ рѣкъ, находятся пороги и водопады, прерывающіе судоходство.

Упомянутая область слиянія рѣкъ принадлежитъ племени ба-куба, народу, вполне отличающемуся отъ ба-луба языкомъ и нравами, и о которомъ нѣкогда рассказывали, будто онъ подчиненъ могущественному чародѣю, приговаривающему къ смерти всѣхъ чужеземцевъ. Тѣмъ не менѣе, въ 1885 году, путешественникъ Wolf все-таки проникъ въ ба-кубскую территорию. При этомъ ба-кубы сами оказались испуганными приходомъ Вольфа съ его спутниками, которыхъ они приняли за волшебниковъ; съ опасеніемъ взирали они также на вьючнаго вола и собакъ путешественника. Весьма многочисленные, ба-куба обитаютъ къ сѣверу отъ Лу-Луа, въ прогалинахъ лѣсовъ, простирающихся къ Санкуру: съ ба-луба они сообщаются лишь чрезъ посредство ихъ вассаловъ, ба-кэтѣ, прибрежныхъ жителей р. Лу-Луа. По преданіямъ, ба-куба пришли, будто-бы, съ сѣверо-запада, тогда какъ ба-луба—выходцы изъ юго-восточныхъ областей. Между ба-кубами, и въ добромъ согласіи съ ними, проживаютъ многочисленные аборигены, ба-туа, уединенные въ деревняхъ, разбѣянныхъ среди лѣсовъ. Ростъ измѣренныхъ Вольфомъ индивидовъ обоеихъ половъ колебался между 130 и 144 сантиметрами, и хотя подвергавшіеся изслѣдованію экземпляры были малорослы, но сложены вполне пропорціонально; ихъ кожа—смугло-желтоватая—гораздо свѣтлѣе кожи ихъ сосѣдей; подобно племени акка, они удивительно подвижны. Ба-туа этихъ округовъ не занимаются земледѣліемъ и живутъ охотою; необходимые же для нихъ маніокъ, оружіе, стрѣлы, мечи и ножи они добываютъ въ обмѣнъ на убитую ими дичь.

Верхній бассейнъ Кассай не получилъ еще въ исторіи центральной Африки той важности, которая, повидимому, ему должна принадлежать, и которую онъ въ свое время не преминетъ приобрести. Водораздѣлъ между притоками его и Замбезе, будучи параллеленъ его верховой долины, уже напередъ указанъ какъ

¹⁾ „Mouvement Géographique“, 27 марта 1887.

главный путь между при-атлантической областью Бенгуэлы и страной великих конгских озер; по этой дороге уже не раз проходили португальские караваны и ею же слѣдовали Ливингстонъ, Cameron, Carrello и Jvens въ своихъ переходахъ чрезъ Африку; всѣ эти путешественники хвалятъ плодородіе края, а также мирное настроеніе его жителей. Какъ и верхній бассейнъ Лу-Луа, верхняя территория Кассаи принадлежитъ въ особенности племени ка-лунда, при чемъ управленіе племенами находится въ рукахъ вассаловъ муаты Ямво: одинъ изъ нихъ—князь территоріи Кабанго или Муанзанза, при чемъ столица его находится на Чихумбо, большомъ западномъ притоки Кассаи; другой же начальствуетъ въ Кахунголо—городѣ, построенномъ на притоки, изливающимся значительно ниже. Въ области, сосѣдней съ фиктивной южной границей Конгскаго государства, племя ба-куба также представлено могущественными народцами; уже сбросившими съ себя иго племени лунда; при этомъ одному изъ нихъ, именно народу бена-ман, или «сыны Май», удалось даже основать независимое государство около большихъ городовъ Кассаи, въ Май-Муманэ.

Въ юго-западной части группы долинъ притоковъ Кассаи, страна населена предприимчивымъ племенемъ кіоко—или, вѣрнѣе, чибок⁴⁾—которому, повидимому, предназначено приобрести, рано или поздно, преобладающее значеніе между племенами, живущими къ югу отъ р. Конго. Во время путешествія Ливингстона въ бассейнъ Кассаи, племя кіоко еще не проникало туда; нынѣ же во многихъ мѣстностяхъ оно уже господствующее, хотя и находится въ нѣкоторой зависимости отъ муаты Ямво. Изъ единогласнаго свидѣтельства ихъ сосѣдей видно, что мѣстоизъ происхожденія ихъ была южная область: территорія, которую они прежде занимали, по крайней мѣрѣ въ теченіе трехъ вѣковъ, есть область плоскогорій между истоками рѣкъ Куанза и Куанго, изъ которыхъ послѣдняя составляетъ одинъ изъ главныхъ притоковъ Замбезе; они жили рядомъ съ племенемъ гангуэлла, на которыхъ сильно походятъ языкомъ и нравами, и, повидимому, имѣютъ также нѣкоторое сходство съ племенемъ лунда, которое однако не равно имъ ни по уму, ни по инициативѣ. Какъ розыскиватели звѣринныхъ слѣдовъ—они удивительно искусны, что объясняется ихъ почти кочевой жизнью. Путешествуютъ же они ордами, перекочевывая все болѣе и болѣе къ сѣверу, при чемъ, въ видѣ торговыхъ колоній, основываютъ свои поселенія между племенами лунда. Они страстные охотники, не прекращающіе преслѣдованіе одного и того же животнаго въ

теченіе цѣлыхъ дней: поэтому-то въ постоянно обитаемыхъ ими лѣсахъ и луговыхъ степяхъ оказывается истребленною вся дичь, до крысъ и мелкихъ птицекъ включительно. Впрочемъ, кіоко весьма миролюбивы, что доказывается тѣмъ, что средствъ для своего существованія они ищутъ въ трудѣ, а не въ войнѣ. Ремесленники изъ кіоко, въ особенности кузнецы и корзинщики, весьма искусны; на всемъ протяженіи бассейна Кассаи также весьма цѣнятся и выдѣлываемое кіоками оружіе. Люди этого трудолюбиваго племени менѣе кетливы, въ сравненіи съ ихъ лѣнливыми сосѣдями: прическа у нихъ простая, хотя всегда въ порядкѣ; лицо, однако, они расписываютъ красною краскою, что придаетъ ему странное выраженіе. Большая часть кіоко малы, худощавы и нервны: такимъ образомъ, уже ихъ внѣшность свидѣтельствуетъ о присущей имъ энергіи⁵⁾.

Главный рынокъ въ пограничной полосѣ между племенами кіоко и лунда есть городъ Кимбунду, расположенный на высотѣ 1.230 метровъ, на лѣвомъ берегу рѣки Лу-Во, притока Луа-Нга, большой рѣкѣ, текущей параллельно Кассаи. Въ 1876 году, Кимбунду былъ большою деревнею, имѣвшей нѣсколько домовъ или навѣсовъ европейской постройки, принадлежавшихъ португальскому купцу; однако, съ тѣхъ поръ торговля перемѣстилась далѣе въ направленіи къ р. Кассаи. По населенности Кимбунду уступаетъ деревнямъ окружающихъ маленькихъ государствъ, служащихъ резиденціей ихъ мона, т.е. начальниковъ.

Къ сѣверу отъ территоріи племени ба-куба, рѣки Кассаи и Луа-Нга протекаютъ чрезъ земли пендэ, ба-конго и другихъ народцевъ расы банту, извѣстныхъ только по имени. Далѣе, по другую сторону р. Санкуру, проживаютъ ба-сонго мино, или «зубатые сонго», прозванные такъ по причинѣ подпиливанія ими всѣхъ рѣзцовъ. Народцевъ этихъ очень боятся, считая ихъ людоедами; однако, они отрицаютъ свое людоедство, и путешественникъ Wolf, посѣтившій ихъ въ 1886 году, не видѣлъ рѣшительно ничего, что бы могло оправдать взводимое на нихъ сосѣдями обвиненіе. Ба-сонга и ба-куту, живущіе ниже, при слияніи рѣкъ Санкуру и Кассаи,—высоки и стройны, чѣмъ рѣзко отличаются отъ людей племени ба-куба, которые коренасты, широкоплечи; ба-куту слынутъ негостеприимными, и купцы дѣлаютъ большіе крюки, чтобы не проходить чрезъ ихъ территорію. Наконецъ, далѣе къ сѣверу, между рѣками Кассаи и Лу-Кеніэ, Kund и Tarpenbeck посѣтили туземцевъ ба-сенгэ, живущихъ весьма большими селами, съ улицами, длиною въ нѣсколько километровъ,

⁴⁾ Capello e R. Jvens, „De Benguella as Terras de Jacca“.

⁵⁾ Otto H. Schütt, „Beiträge zur Entdeckungsgeschichte Afrika's“ .Ter. IV.

обставленными домами со фронтонами, уютно устроенными, съ постелями и кухонными очагами. Нѣкоторыя изъ этихъ деревень, выстроенныя на расчищенныхъ изъ-подъ лѣса зем-

торь сравнительно короткій, покоится на длинныхъ ногахъ; волосы заплетены въ косы, обвитыя подъ подбородкомъ. Ба-сенгэ на корнѣ носа дѣлають себѣ по три нарѣзки, чѣмъ и

Видъ Вальфишской (Китовой) бухты.

ляхъ, имѣють по нѣсколько тысячъ жителей. Ба-сенгэ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать ни съ ба-сонгэ, ни съ ба-сангэ, имѣють особый типъ, еще не встрѣчавшійся у другихъ чернокожихъ народовъ. Они высоки ростомъ;

ограничивають свою татуировку; украшеніями гнушаются, и весь костюмъ ихъ состоитъ изъ узкаго передника. У многихъ изъ нихъ лица вполне европейскія, и именно такихъ европейцевъ, которые предаются умственнымъ тру-

дамъ; андѣ не увидишь глупаго лица, но часто встрѣишь физиономію саркастическую. Столица этого замѣчательнаго народа, называющаяся, по имени короля, Га-коко, представляет большой городъ, выстроенный, какъ и всѣ остальные, на полянѣ въ дѣственномъ лѣсу. Kund и Tarpenbesk не нашли у ба-сенга никакихъ слѣдовъ людоедства. Умершіе почитаются; погребаютъ ихъ у выхода изъ деревень, вдоль дорогъ ¹⁾.

УІІІ. Бассейнъ Куанго.

Хотя эта рѣка принадлежитъ къ бассейну Кассан, она протекаетъ чрезъ область, совершенно отличную отъ страны Лунда по исторической роли. Извѣстная португальцамъ съ XVI-го столѣтія, Куанго есть истинная Заира, имя которой и нынѣ присвоено низовой рѣки. Тогда какъ края, орошаемые Кассан и ея восточными притоками, были завоеваны для географіи лишь въ новѣйшую эпоху, долина р. Куанго была посѣщаемъ, по крайней мѣрѣ въ ея средней части, уже въ теченіе трехъ столѣтій португальскими купцами, при чемъ ея рывки служили посредниками между приморскими городами и дикимъ населеніемъ внутри страны. Однако нижнее теченіе Куанго, въ португальскихъ владѣніяхъ, до недавняго времени терпѣлось въ невѣдомыхъ странахъ.

Въ области истоковъ Куанго, господствующую расою является племя кіоко, то самое, которое населяетъ верховья долины Кассан. Сѣвернѣе на обоихъ берегахъ рѣки, и къ западу на водораздѣлѣ между Куанго и притоками Куанзы, обитаетъ племя минунго. Раздѣленные на множество мелкихъ колѣнъ безъ всякой политической связи, минунго—алчные грабители, обѣдѣвшие отъ своихъ войнъ и мало склонные къ промысламъ, рослые и сильные, но неуклюжіе, съ тупымъ выраженіемъ лица; большинство ихъ продѣваютъ въ перегородку носа палочку или остъ дикобраза, вслѣдствіе чего ноздри расширяются. Свои волосы они намазываютъ такимъ большимъ количествомъ масла, смѣшаннаго съ красною глиною, что, приближаясь къ нимъ, рискуешь замараться; но въ другихъ отношеніяхъ они содержатъ себя въ чистотѣ, и ихъ круглыя хитины тщательно подметаются. Находясь подъ отдаленнымъ вліяніемъ португальскихъ католиковъ, они не ограничиваются только одними фетишами въ видѣ грубоизсѣченныхъ орловъ и быковъ, или старыхъ горшковъ, содержащихъ канія-то таинственныя снадобья; они также почитаютъ покупаемые у португальскихъ торговцевъ деревянные или мѣдные кресты, и даже Распятія,

которыми и пользуются для освященія своихъ путей. Трупы своихъ королей они не погребаютъ, но оставляютъ подъ надзоромъ трехъ рабовъ, а сами удаляются для постройки, подъ руководствомъ новаго начальника, новой деревни. Сидящіе же около умершихъ невольники обязаны тщательно собирать всѣхъ червей, падающихъ съ кишащаго ими трупа и класть ихъ въ сосудъ ²⁾; затѣмъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда отъ трупа остается лишь одинъ скелетъ, всѣ остатки бросаютъ въ кусты. То же самое продѣлывается и у многихъ другихъ сосѣднихъ народцевъ, между прочимъ, у машиндзѣ, обитающихъ на востокъ отъ Куанго.

Нация, носящая имя ба-нгала—которое принадлежитъ также многимъ другимъ группамъ населенія въ Конгскомъ бассейнѣ—обитаетъ на западномъ склонѣ долины, внизу отъ большихъ пороговъ на рѣкѣ и отъ земли племени минунго. Эти ба-нгала, или «люди рѣки», живутъ земледѣліемъ, торговлею и, на берегахъ рѣки Луи, добываніемъ на солончакахъ соли; съ необыкновенною строгостью требуютъ они таможенные пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ португальскими купцами. Находясь издавна въ сношеніяхъ съ португальцами, они умѣютъ строить обширные, хорошо провѣтриваемые, дома съ фронтонами и высокими крышами. Они погребаютъ своихъ начальниковъ съ большой пышностью и на ихъ костякахъ насыпаютъ курганы, вокругъ которыхъ прокладываютъ широкую дорогу, съ тою цѣлью, чтобы, при поджогѣ травы въ степи, огонь прошелъ бы мимо. Эти могильные холмы покрываются тканями и прежде опрыскивались кровью; нынѣ, для сопровожденія господина въ другую жизнь, уже не убиваютъ рабовъ, но главный начальникъ, родственникъ умершаго, долженъ бодрствовать подлѣ могилы. Наслѣдникомъ собъ, или бангальскихъ главарей, всегда назначается старшій сынъ старшей сестры, но онъ имѣетъ право лишь на имущество, власть же принадлежитъ часто другимъ. Яга или кассавжа, главный начальникъ племени ба-нгала, бываетъ обязанъ своей властью избранію не народа, а четырехъ главныхъ сановниковъ. Эти сановники не могутъ стать начальниками сами, а также не могутъ сдѣлать свой выборъ изъ извѣстныхъ трехъ семействъ; но, во время междоусобицъ, имъ принадлежать знаки королевскаго достоинства, и они же произносятъ и тѣ таинственныя слова, при посредствѣ которыхъ избранный начальникъ превращается въ божественное существо; по словамъ португальскихъ изслѣдователей даннаго края, эти избиратели, будто бы, подмѣшиваютъ въ напитокъ, даваемый ими по-

¹⁾ „Mittheilungen der Afrikanischen Gesellschaft“ 1833—1886.

²⁾ Schütt, упом. сов.—Lux, „Von Loandana nach Kumbundu“.

вому королю, какой-то тонкій ядъ, который исподоволь подрываетъ здоровье яги и уноситъ его въ могилу ранѣ истеченія полныхъ трехъ лѣтъ со времени избранія. Поэтому, нынѣшній государь, по полученіи скипетра, надѣляющаго его властью, самовольно отложилъ всю остальную церемонію, удовлетворяясь тѣмъ, что сталъ властелиномъ на дѣлѣ, не будучи имъ вполнѣ по праву. Столица страны называется, равно какъ и главный начальникъ, Кассанжэ, но португальцы часто называютъ ее также «Фейра», т. е. мѣсто «ярмарки», на которой совершается обмѣнъ между приморскими купцами и торговцами племенъ кіоко и лунда. До 1860 года, португальцы, господствовали въ Кассанжэ, и яга былъ ихъ вассаломъ, но въ этомъ году вспыхнулъ бунтъ; магазины были разграблены, и изъ двадцати одного купца съ большимъ трудомъ спаслись отъ смерти только семеро. Впрочемъ, впоследствии верховное главенство Португаліи было признано снова.

Къ сѣверу или къ востоку отъ края племени бангала, бассейнъ Куанго цѣликомъ занятъ такъ называемыми дикими племенами, имѣющими съ приморскими португальцами только косвенныя торговыя сношенія. Ма-шиндже восточнаго склона, говорящіе на нарѣчьи банту, едва лишь отличающемся отъ нарѣчья племени кіоко, сходны съ ними также и нравами. Холло, проживающіе на полуостровѣ, ограниченномъ съ востока р. Куанго, а съ запада ея притокомъ, Камбо,—мирные земледѣльцы: въ 1880 году они весьма хорошо приняли путешественника Мехова, хотя старинные рассказы изображали ихъ страшными грабителями. Сѣверные кверху отъ водопадовъ, оба берега судоходной рѣки заселены племенемъ ма-якка, обыкновенно называемымъ мунту кіамво, т. е. «люди Кіамво», особы, пребывающей на небольшомъ восточномъ притоцѣ рѣки: Кіамво извѣстенъ также и подъ титуломъ муанъ Путо Кассонго, и то же названіе носятъ и его столица, которая представляетъ скопленіе тысячи хижинъ, окаймляющихъ правильныя улицы и окруженныхъ общимъ высокимъ частоколомъ. Негры этого края, также какъ и ихъ западные сосѣди: баконго и чи-конго, помбо и пумбо—люди промышленные; вообще, по мѣрѣ удаленія отъ берега, гдѣ туземцы имѣютъ, однако, передъ глазами примѣръ бѣлыхъ, замѣчаешь, что хижины строятся съ болѣею тщательностію, и что оружіе и инструменты находятся въ лучшемъ состояніи; этихъ туземцевъ сбываютъ дикими, потому что они едва одѣты; но въ дѣйствительности они стоятъ выше приморскихъ населеній¹⁾, и это въ центрѣ материка, у ба-сенга, ту-шиланга, лунда,—которые до

недавняго времени даже не слыхали объ европейскихъ,—находятся самые цивилизованные люди. Ма-якка сдѣлались страстными курильщиками конопли. Они не вырываютъ и не подпиливаютъ себѣ верхнихъ рѣзцовъ, что дѣлаютъ большинство примѣчныхъ жителей Конго. Моды, которымъ слѣдуютъ на берегахъ Конго, имъ совершенно не извѣстны, такъ какъ между средней долиной Куанго и европейскими станціями Квамуть и Стэнлипуль не существуетъ никакихъ торговыхъ сношеній. Собираемые ма-якка каучукъ и табакъ, будучи передаваемы отъ одного посредника къ другому, направляются прямо на западъ, къ португальскимъ рынкамъ. Не имѣютъ ли эти якка какой-либо связи, потомственной или родственной, съ тѣми джагга, которые нѣкогда разрушили Конгскую имперію?

Въ области слиянія рѣкъ Куанго и Кассаи, господствующее племя—ба-тэка, какъ и во французскихъ владѣніяхъ конгскаго бассейна; но въ этой области многія села принадлежатъ также другому народу—уа-бума. Эти уа-бума, тѣ же самые, что и а-бома, обитающіе въ предѣлахъ французскаго Конго,—торговцы и лодочники, спускающіеся изъ Кассаи или Куа до Стэнлиева пруда и передающіе свои товары носильщикамъ, доставляющимъ ихъ на низовья Конго; флотилія ихъ нирѣгъ причаливаютъ къ пристанямъ въ Киншассе или въ другихъ деревняхъ вдоль Стэнлиева озера, гдѣ у нихъ имѣются временныя помѣщенія для остановокъ на берегу. Уа-бума, вмѣстѣ съ ба-нгала принадлежатъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ туземцевъ конгскаго бассейна, которыхъ европейцы успѣли приобщить къ своимъ трудамъ по водворенію самихъ себя въ страну; они умны, трудолюбивы, услужливы и всегда веселы; села ихъ кишатъ дѣтьми. Высшій начальникъ у племени уа-бума—женщина; пребываетъ она на высокой кручѣ праваго берега р. Куа, въ городѣ Мбоши, имѣющемъ около трехъ тысячъ жителей и состоящемъ изъ многочисленныхъ поселковъ, расположенныхъ другъ подлѣ друга на протяженіи, въ общемъ, пяти километровъ. На мысѣ, господствующемъ надъ слияніемъ двухъ большихъ рѣкъ, Кассаи и Конго, находится станція, носящая англійское названіе Квамуть, или «устье Куа», данное въ то время, когда еще не знали, какое громадное рѣчное развѣтвленіе присоединяется въ этой мѣстности къ главному руслу Конго.

Станціи Нгомба, Луколела, Болобо, слѣдующія одна за другой на красноватыхъ утесахъ лѣваго берега рѣки, кверху отъ Квамута, были покпнуты конгскимъ правительствомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ остаются еще часто посѣщаемыми пристанями. Этотъ берегъ между устьями рѣкъ У - Банги и Куа-

¹⁾ Wolf, „Mittheilungen der deutschen Africanischen Gesellschaft“. Томъ IV. 1883—1885.

Кассая, насупротивъ многочисленныхъ притоковъ, прорѣзывающихъ Французскій Конго, представляетъ, повидимому, страну, самую населенную во всемъ бассейнѣ. Болобо, напримеръ, вмѣстѣ съ своимъ предмѣстіемъ Моуа, оказывается городомъ, имѣющимъ болѣе пяти тысячъ жителей, а по Стэнли,—даже и десять тысячъ; расположенъ онъ вдоль рѣки и на склонахъ холма. Чумбири, въ пятидесяти километрахъ вверхъ отъ Квамута, — тоже многолюдный городъ. Прибрежную націю составляетъ племя ба-янзи или ба-ньянзи, родственное племени бу-бангивъ, обитающему на противоположномъ берегу: въ городахъ обычай человѣческихъ жертвоприношеній, а также оргіи сдѣлали ихъ злыми, наглыми, склонными къ предательству, но нельзя не удивляться ихъ остроумію и живости, вкусу и искусству, съ которыми они украшаютъ свои инструменты, горшечныя издѣлія и дома. Имѣя сами мало дѣтей, они часто усыновляютъ рабовъ, запечатлѣвая это нанесеніемъ на ихъ лица національнаго герба, состоящаго изъ ряда шишекъ, простирающихся поверхъ лба отъ одного до другаго уха; они даже выдаютъ замужъ за этихъ невольниковъ своихъ собственныхъ женъ и дочерей. Въ противоположность имъ, аборигены края, ба-нуну и батенде, имѣютъ семейства гораздо болѣе многочисленныя¹⁾ Говорятъ, что около Болобо имѣются мѣсторожденія топазовъ²⁾.

IX. Низовья рѣки Конго.

Хотя «независимое» Конгское государство занимаетъ на картѣ обширное пространство, именно болѣе половины того рѣчного бассейна, отъ котораго оно заимствовало свое наименованіе, тѣмъ не менѣе торговая и политическая дѣятельность европейцевъ почти вся сосредоточена въ двухъ мѣстностяхъ: около Стэнлиева озера, вверхъ отъ водопадовъ и пороговъ, и на низовьяхъ Конго, между водопадомъ Иелалаи устьемъ Конгскаго лимана. Безъ сомнѣнія, конгская территорія громадн (пространство ея: 2.252.780 кв. километровъ), и занимающее ее населеніе (по новѣйшему приближенному исчисленію, 14.100.000 душъ) равно народонаселенію могущественныхъ государствъ; однако, исчислить его можно, лишь опираясь на болѣе или менѣе согласующіяся впечатлѣнія путешественниковъ; что же касается бѣлыхъ, то они лишь едва ступили ногою на эту землю. Приготовительный періодъ будущаго присоединенія только-что начался; но правительство, на долю котораго выпала эта задача, располагаетъ лишь мало-

численнымъ персоналомъ, къ тому же ежегодно еще уменьшающимся отъ болѣзней, а также не особенно значительнымъ бюджетомъ, обремененнымъ долгами. Къ 31 декабря 1886 г., общая численность европейскаго населенія въ Конгскомъ государствѣ достигала 254 человекъ (въ концѣ 1896 года насчитывалось 1.474 европейца, изъ нихъ 882 бельгійца), и вотъ въ этой-то небольшой кучкѣ, разбѣянной по всей территоріи, несущей, при нездоровомъ климатѣ, усиленные труды, и часто на одну десятую уменьшаемой вслѣдствіе болѣзней¹⁾, выпали на долю: географическое и торговое изслѣдованіе края, основаніе, содержаніе и защита постовъ, наборъ солдатъ, лодочниковъ и носильщиковъ, управленіе и умеротвореніе туземцевъ. (Изъ 254 человекъ бѣлаго населенія Конго къ 31 декабря 1886 года было: португальцевъ, почти всѣхъ торговыхъ агентовъ—70; бельгійцевъ, офицеровъ и чиновниковъ—46; голландцевъ, негониантовъ—39; англичанъ—34; разныхъ національностей: шведовъ, французовъ и т. д.—65). Первая половина труда—изслѣдованіе бассейна—съ успѣхомъ выполнена для большей части судоходнаго развѣтвленія рѣки и ея притоковъ, и въ дѣлѣ географическаго познанія территоріи можно удивляться громадності результатовъ, достигнутыхъ съ 1875 года; но относительно остальной части задачи пришлось ограничить усилія низовьями Конго. Впрочемъ, приобщеніе этихъ низовьевъ къ европейскому міру преслѣдуется сразу тремя государствами, такъ какъ свободное Конгское государство, на своей западной оконечности, владѣетъ лишь лѣвымъ берегомъ вверхъ отъ Марианга и правымъ берегомъ вплоть до Нюки, а затѣмъ сюзеренами являются на одномъ берегу Франція, а на другомъ—Португалія.

Берега Стэнли-Пуля (пруда или озера Стэнли), какъ и берега вверхъ по рѣкѣ населены народами ба-тэка, отнынѣ уже подвластными бѣлымъ; однако, еще недавно, островитяне озера относились враждебно къ иностранцу²⁾. Нигдѣ въ бассейнѣ Конго не совершилось перемѣнъ, столь быстрыхъ, какъ въ этой области, перемѣнъ, впрочемъ, оправдываемыхъ важнымъ значеніемъ Стэнли-Пуля, представляющаго общій привозный портъ для всѣхъ судоходныхъ путей вверхъ

¹⁾ Смертность: 1) въ миссіи Brazza въ 1884, 1885 и 1886 г. равнялась 12 человекъ на 41. (Ed. Ponce, рукоп. замѣтки). 2) Въ Конгской миссіи (Congo Island Mission): съ 1878 по 1885 гг. умерло 12 изъ 50 миссіонеровъ. 3) Шведовъ и датчанъ, служившихъ въ Международной Ассоціаціи до 1886 года, умерло 10 изъ 33. 4) Экспедиціи Ассоціаціи и Бельгій: съ 1879 по 1885 гг. изъ 263 взрослыхъ 48 умершихъ, при чемъ 25 вслѣдствіе случайностей.

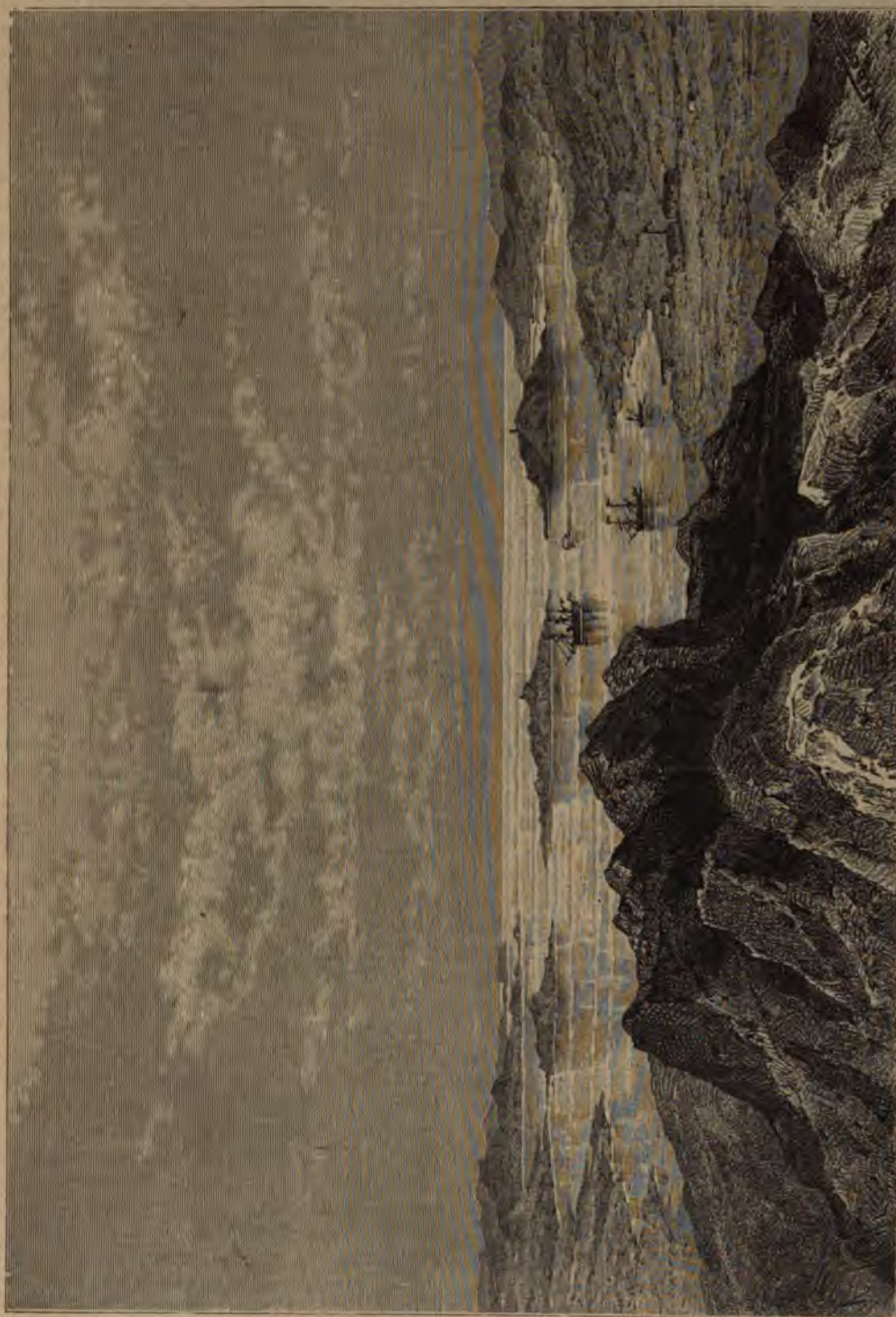
²⁾ Comber, Proceedings of the R. Geographical Society, Февраль 1884.

¹⁾ Grenfell, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1885.—„Afrique explorée et civilisée“, Февраль 1885.

²⁾ Johnston, „The River Congo“.

по рѣкѣ вплоть до сосѣдства съ озеромъ Танганьикою. Главный городъ этой области, Леопольдвилль, построенъ на плоскогоріи, господствующей надъ западною оконечностью ба-тэка, оставшихся подъ верховнымъ покровительствомъ Франціи. Рядомъ съ Леопольдвиллемъ находятся казармы солдатъ изъ племени хаусса и ба-нгала и дома англійскихъ

Ангра-Пекена.

озера и тою грядою, которая заставляетъ Конго измѣнить свое направленіе; городъ этотъ находится также не подалеку отъ Нтамо, столицы тѣхъ ба-тэка, которыхъ конгское правительство отдѣлило отъ сѣверныхъ и американскихъ миссіонеровъ; вокругъ этихъ разсѣянныхъ зданій простираются плодовые сады и огороды, обрабатываемые работниками изъ кафровъ. Промышленная и торговая дѣятельность сосредоточивается въ особен-

ности на берегу озера, въ поселеніи Киншас-са, служащемъ портомъ и верфью для Леопольдвилля: здѣсь главный рынокъ для мѣстныхъ продуктовъ, и здѣсь же собираются и снаряжаются тѣ пароходы, которые въ разобранномъ видѣ были принесены съ низовьевъ рѣки на сплавъ челомъ. Основались въ Киншассо, рядомъ съ торговцами, также и миссіонеры. Наковецъ, около восточной оконечности озера, въ Кимпоко, создались еще одна станція, въ одно и то же время религиозная и земледѣльческая, гдѣ водой ручья пользуются для орошенія и для промышленности. Вокругъ же этихъ европейскихъ поселеній группируются и туземныя хижины. И вообще равнина, простирающаяся къ югу и ограничиваемая полукругомъ горъ, густо населена, а изъ скопленія хижинъ въ Кимбанга, Лемба и Микунга создались настоящіе города. Schwerin прошелъ по этой равнинѣ и взбирался на вершину, высотой въ шестьсотъ метровъ, господствующую надъ равниною съ юга и названную пикомъ-Мансъ (le pic Meuse), въ честь одного леопольдвилляскаго врача. Подобно Дуврскимъ-Утесамъ, на противоположномъ берегу Конго всѣ скалы упомянутого црка состоятъ изъ отвердѣшаго, блестящей бѣлизны, песка и высятся въ видѣ утесовъ, унизанныхъ остроконечными вершинами¹⁾.

Киву отъ озера Стэнли, тропинки, которыми слѣдуютъ носильщики, удаляются отъ рѣки, грохочущей между своими скалистыми стѣнами; большинство селъ расположено въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Конго, при чемъ они размѣстились либо въ боковыхъ долинахъ, либо на мысахъ прибрежныхъ холмовъ. Главныя мѣста остановокъ на пути, омываемыя водопадами и пороги, находятся приблизительно на половинѣ дороги между Леопольдвиллемъ и Матади, въ мѣстности, гдѣ рѣка являетъ мѣнѣе быстрое теченіе между двумя главными лѣстницами пороговъ. Въ Лутетѣ—станція англійскихъ миссіонеровъ, на лѣвомъ берегу рѣки—носильщики, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ селлахъ, иногда останавливаются на нѣсколько дней для отдыха и торговли; король ея—въ то же время крупный торговецъ, которому доставляютъ слоновую кость изъ Моала, города, расположеннаго восточнѣе, посреди банановыхъ рощъ, въ долинѣ Нкисси. Ниже Лутетѣ, по обѣ стороны рѣки, другъ противъ друга расположены два мѣстечка Маньянга; затѣмъ, на лѣвомъ берегу, слѣдуетъ станція Лукунгу, почва около которой оказывается наиболѣе пригодною для опыта съ воздѣлываніемъ промышленныхъ растений. Станція Лукунгу избрана правительствомъ Независимаго Конгскаго государства какъ

продовольственный центръ между Леопольдвиллемъ и столицею. Ниже, на томъ же берегу, находится станція Воонда или Ваупесвилля, основанная миссіонерами. Верхняя долина рѣки Куилу представляетъ одну изъ наиболѣе плодородныхъ и населенныхъ долинъ данной области и заключаетъ въ себѣ два города: Банза-Макута и Тунгуа. Первый изъ нихъ, мѣстопребываніе короля,—мануфактурный и торговый городъ, главный рынокъ между озеромъ Стэнли и Амбризомъ; Тунгуа, сосѣдь Банза-Макута,—тоже большой рынокъ слоновой кости; это—самое многочисленное мѣстечко на всемъ Конгскомъ Низовьи (около двухъ тысячъ жителей)¹⁾.

Въ той части долины р. Конго, которая заключается между станціею Маньянга и городомъ Бона, господствующимъ, къ сѣверу отъ рѣки, племенемъ являются ба-сунди, энергическіе и гордые люди, считающіе себя не ниже бѣлыхъ и часто сражавшіеся противъ войска Конгскаго государства. Многочисленныя деревни ихъ скучены на берегахъ рѣки, благодаря привлекающему жителей обилію рыбы въ водахъ между порогами и водопадами. Оба берега рѣки на протяженіи между Маньянга и Изангила населены рыбаками, работающими преимущественно по ночамъ, при чемъ зажженные на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга громадныя огни отражаются въ быстрыхъ рѣки, освѣщая черныя образы людей и сѣти, отливающія серебристымъ отблескомъ чешуи рыбъ. Рыбная ловля, а порою и война—вотъ единственныя занятія мужчинъ племени ба-сунди. Женщины же воздѣлываютъ поля, ткуютъ матеріи, плетутъ корзины, лѣпятъ горшечныя издѣлія, и на нихъ же лежитъ продажа и покупка товаровъ. Какъ торговки, они весьма умѣлы, и, благодаря имъ, пойманная мужчинами рыба отправляется на большія разстоянія къ племенамъ Внутренней Африки. Главный рынокъ въ этой области Низовьевъ Конго находится на правомъ берегу рѣки въ сосѣдствѣ съ Маньянга: это наиболѣе посѣщаемый между Стэнли-Пулемъ и моремъ рынокъ для мѣновой торговли; выше по Конгской долинѣ купцы изъ приморскихъ негровъ уже не поднимаются. Сходится на торгъ въ Маньянга изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, даже за нѣсколько дней пути; при этомъ, самый торгъ бываетъ каждый восьмой день, такъ какъ у конгскихъ племенъ, вплоть до края племени ба-янзи²⁾, годъ дѣлится не на мѣсяцы и недѣли, но на луны и на періоды времени по четыре дня въ каждомъ. Между двумя торгами, слѣдовательно, проходитъ два такихъ періода³⁾.

¹⁾ Comber, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Anpta. 1879.

²⁾ Wester, „Ymer“ 1876.

³⁾ Nipperday, „Zur Bedeutung der Wochenmärkte am Congo“, „Revue Coloniale Internationale“, 1887.

¹⁾ „Mouvement Géographique“, 16 января 187.

Станція Изангила, окруженная стѣнами и рвами, помѣщается на вершинѣ высокой горы, подошва которой подтачивается теченіемъ р. Конго. Въ этой мѣстности рѣка низвергается вертикально съ высоты приблизительно пяти метровъ, затѣмъ описываетъ большую излучину къ югу, чтобы рядомъ ущелій спуститься по послѣднимъ ступенямъ пороговъ; кромѣ того, долина рѣки Лу-фу направляется на юго-востокъ, къ плоскогорью, на которомъ стоитъ Санъ-Сальвадоръ, бывшая столица Конгского королевства; а въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу, начинаются овраги, несущіе свои временные потоки уже въ русло рѣки Шя-Лоанго. Такимъ образомъ, Изангила представляетъ одну изъ наилучше выбранныхъ станцій въ предвидѣніи будущей торговли, но, пока, она еще ожидаетъ дорогъ, которыя связали бы ее съ другими прибрежными постами на Конго, а также и съ приморскими городами: Кабиндою, Ланданою и Лоанго.

Другая станція, Виви или М'Виви, бывшая столицей Независимаго Конгского государства, была покинута, послѣ двукратнаго перемѣщенія: первоначально, для мѣстопробы правительства, Стэнли избралъ вершину плоскогорья, которое, господствуя надъ правымъ берегомъ рѣки, находится на небольшомъ разстояніи книзу отъ послѣдняго порога; онъ надѣялся, что высота мѣста обезпечитъ европейской станціи чистый и здоровый воздухъ; однако, опытъ не оправдалъ этого ожиданія, и европейскіе чиновники основали себѣ другую резиденцію восточнѣе, на другомъ болѣе широкомъ возвышеніи, менѣе каменистомъ и болѣе подходящемъ для постройки города. Однако же, и второй Виви оказался не здоровѣе перваго, представляя въ то же время одинаковое съ первымъ неудобство въ томъ отношеніи, что находился на большой высотѣ надъ портомъ, къ которому суда приставали не безъ опасности, вслѣдствіе водоворотовъ и стремительности рѣчнаго потока. Такимъ образомъ, подобно первой, опустѣла и вторая столица. Но если правительство Конгского государства и было вынуждено переселиться къ низовью рѣки, то мѣстность, гдѣ начинается судоходное теченіе Нижняго Конго, чтобы безпрепятственно продолжаться уже вплоть до моря, представляетъ жизненный пунктъ, слишкомъ важный въ исторической географіи континента, чтобы тамъ не основались многочисленные посты, скромные начатки будущихъ городовъ. Первою станціею на лѣвомъ берегу, книзу отъ водопада Иеллала, недавно былъ портъ Мпозо (т. е. «буйвола»), при устьѣ одноименной съ нимъ рѣки, текущей изъ португальскихъ владѣній; но въ этой мѣстности теченіе еще весьма стремительно для того, чтобы парохо-

ды могли подниматься туда легко; поэтому, большая часть судовъ останавливается въ портѣ Матади (т. е. «камня»), тоже расположенномъ на лѣвомъ берегу рѣки, книзу отъ водоворота около стараго Виви. Затѣмъ, на томъ же берегу слѣдуютъ одинъ за другимъ посты Фука-Фука, Нкала-Нкала, портъ стана миссіонеровъ, называемаго Тундува или Ундерхилль, Уанго-Уанго и Ноки, маленькій португальскій городокъ съ бѣлыми домами, насупротивъ Нконгодо. Затѣмъ, на южной сторонѣ рѣки — факторіи Муссуко, а на сѣверной — факторіи Мбннда, расположились между Ноки и Бома (М'бома, Эмбома), новымъ главнымъ городомъ Независимаго Конгского государства.

Бома, городъ «великой змѣи» или «ужаса»¹⁾, бывший главнымъ невольничьимъ рынкомъ для всей области Заире, еще до 1876 года не былъ перейденъ европейскими купцами. Это двойной городъ, состоящій изъ «гавани» и «мѣстечка», соединенныхъ другъ съ другомъ двумя дорогами: обыкновенною и желѣзною легкой постройки. Бургъ, возвышающійся метровъ на сто надъ правымъ берегомъ рѣки, на видъ весьма красивъ, съ его бѣлыми домами и галереями, садами и плантаціями деревьевъ и большихъ баобабовъ въ окрестностяхъ. Внизу, хижины чернокожихъ тѣнятся вокругъ факторій различныхъ европейскихъ національностей: девять туземцевъ, носящихъ еще титулъ короля и охраняющихъ себя отъ черни посредствомъ самаго строгаго этикета, хотя, подобно своимъ подданнымъ, и питаются шикунгомъ, или хлѣбомъ изъ маниока, но, тѣмъ не менѣе, все еще претендуютъ на право владѣнія бомскими землями, и каждый мѣсяцъ являются въ факторію за полученіемъ «обычнаго», т. е. арендной платы²⁾. Плантаціи сахарнаго тростника окаймляютъ одну часть берега, а на самой рѣкѣ разсѣяно нѣсколько острововъ, при чемъ на одномъ изъ нихъ находится много деревень, полей земляныхъ фисташекъ и пальмовыхъ рощицъ: отсюда поставляется для Бома и весь дровяной тѣсъ; но вообще воздѣлываніе «пищевыхъ растеній» въ большомъ небреженіи, такъ что случаются настоящія голодовки, и туземцы вынуждены ѣсть мясо гинопотамы, которыми прежде брезговали. На одномъ изъ острововъ вверхъ по рѣкѣ, именно на Островѣ Государей, находятся могилы бомскихъ королей, а также могилы сотоварищей Ту-скеу'я, умершихъ во время бѣдственной экспедиціи 1816 г. Самое мѣстоположеніе этой столицы, на Конгскомъ лиманѣ, при входѣ въ громадную территорию, простирающуюся вплоть до великихъ озеръ, указываетъ на нахожденіе жизненнаго центра имперіи все еще

¹⁾ Paul Güssfeldt; — Bastiou, цитиров. сочиненія.

²⁾ Trivier, «Bulletin de la Société de Géographie de Rochefort» 1886 — 1887.

по сю сторону области водопадовъ и пороговъ. Правда, что Бома, какъ нѣкогда Петербургъ, городъ Петра Великаго, долженъ стремиться, прежде всего, не къ занятію политическаго центра своихъ владѣній, но къ тому, чтобы оставаться въ частыхъ и легкихъ сношеніяхъ съ Европою, откуда къ нему приходятъ люди, финансовыя ресурсы, новости и цивилизація.

Сношенія Конгскихъ портовъ съ Европою уже часты и теперь: пять пароходныхъ линий поддерживаютъ правильное сообщеніе между рѣкою Конго и городами: Лиссабономъ, Ливерпулемъ, Гуллемъ, Роттердамомъ и Гамбургомъ. На самой р. Конго пароходы ходятъ взадъ и впередъ между Баваню и Матади; затѣмъ, нѣсколько пароходовъ, перенесенныхъ въ разобранномъ видѣ, плаваютъ вверхъ отъ пороговъ; но между Матади и Стэнли-Пулемъ, располагаютъ только носильщиками для экспедицій товаровъ, при чемъ на путь между этими пунктами, протяженіемъ въ 280 километровъ, приходится тратить восемнадцать дней, а стоимость переноса одной тонны достигаетъ тысячи франковъ¹⁾. Пытались разводять вьючныхъ быковъ, выведенныхъ изъ Моссамедеса и области Дама-ра, но до сихъ поръ бычачья порода не акклиматизировалась лучше породъ лошадиной и ослиной; стада въ факторіяхъ большею частью погибаютъ къ концу сухаго времени года. Было бы, слѣдовательно, безусловно необходимо соединить обѣ судоходныя части Конго; необходимость этого великаго дѣла признана уже со времени совершеннаго Стэнли перехода, вдоль Конго, черезъ материкъ Африки, но пока оказалось возможнымъ выполнить лишь одни предварительныя изысканія. Если бы область низовьевъ Конго принадлежала не нѣсколькимъ государствамъ, то, конечно, желѣзныя пути были бы проведены по сѣверному берегу. Начинаясь отъ города Бома, столицы, желѣзная дорога могла бы направиться почти по прямой линіи къ сѣверо-востоку, слѣдуя по водораздѣлу между короткими притоками Конго и водами, несущимися къ Шилоанго и къ Ньяди-Куилу; но въ такомъ случаѣ путь долженъ былъ бы пройти чрезъ территорию, присоединенную къ французскимъ владѣніямъ, и конечною станціею явился бы постъ Брацпавиль, на озерѣ Стэнли, если бы мостъ — устроенный, согласно предположенію Grenfell'a, черезъ которое-нибудь изъ узкихъ ущельевъ въ области пороговъ — не перевелъ бы пути на лѣвый берегъ Конго, внизу отъ города Маньянга. А такъ какъ Конгское государство желаетъ, чтобы проникающая чрезъ его владѣнія линія всецѣло находилась на его территоріи, то оно и благоприятствуетъ въ осо-

бенности направленію дороги по лѣвому берегу, отъ Матади, около португальской границы, къ станціи Киншасса, вверхъ отъ пороговъ и водопадовъ. При этомъ направленіи, которое, впрочемъ, обследовано лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, предполагая, что желѣзныя пути будутъ имѣть ту же длину, какъ тропа носильщиковъ, средній подъемъ его выразился бы уклономъ меньшимъ даже, чѣмъ одинъ метръ на километръ; но то, что извѣстно о мѣстностяхъ, чрезъ которыя должна бы была пройти желѣзная дорога, не позволяетъ надѣяться на возможность осуществленія столь постепеннаго поднятія въ гору. Весьма дорого бы стоило проведеніе линіи вдоль всѣхъ рѣзкихъ поворотовъ и крутыхъ гранитныхъ выступовъ берега рѣки, и еще дороже обошлись бы, при удаленіи пути отъ берега, послѣдовательный подъемъ и спускъ чрезъ всѣ промежуточные края, раздѣляющіе глубокия параллельныя долины, врывающіяся къ тошму плоскогорья. Такимъ образомъ, построеніе желѣзнаго пути было бы крайне затруднено, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, пришлось бы привозить издалека и рабочихъ, именно съ Нигера и Сенегамбій. Къ затрудненіямъ техническаго характера присоединились бы, слѣдовательно, трудности акклиматизаціи всего чужеземнаго, бѣлаго и чернаго, рабочаго персонала. Затѣмъ возникаетъ вопросъ о томъ: возмѣстились ли бы, при нынѣшнихъ условіяхъ, увеличеніемъ торговли тѣ значительныя затраты, которыя пришлось бы сдѣлать для постройки желѣзной дороги? А между тѣмъ, если желѣзныя пути проложены не будутъ, то «все Конгское государство, какъ бы ни были необъятны его богатства, не стоитъ и двушлинговой монеты». Такъ выразился Стэнли, первый изслѣдователь Конго²⁾. Будущей концессионерной компаніи обезпечены большія выгоды. Государство даритъ полтора-ста тысячъ гектаровъ земли въ вадѣ, во-первыхъ, полосы въ двѣсти метровъ съ каждой стороны рельсовъ и, во-вторыхъ, въ правѣ избранія гдѣ угодно въ территоріи по полторы тысячи гектаровъ на километръ пути. Заранѣе, такимъ образомъ, вводится въ краѣ такое поземельное устройство, которое покоится на крупной собственности. Что же касается торговли, то она уже монополизирована нѣсколькими большими компаніями, встрѣчающимися, однако, себѣ истинныхъ соперниковъ между мелкими негрскими королями низовьевъ Конго, располагающихъ даровымъ трудомъ своихъ многочисленныхъ рабовъ. *Теперь строится желѣзная дорога, соединяющая Матади съ Ндоло, близъ о. Стэнли-Пуль. Длина всей линіи будетъ 385 километровъ, изъ которыхъ къ 1 августа 1897 г. были готовы 264 километра.*

¹⁾ "Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschap te Amsterdam". 9 октября 1886.

²⁾ "Proceedings of the R. Geographical Society". Октябрь 1836.

Книзу отъ Бомы, главная станція нижняго лимана носить португальское наименованіе: Понта-да-Леня, т. е. «Лѣсной Мысъ», хотя станція и расположена не на одномъ изъ прибрежныхъ полуострововъ, а на островѣ. Она названа такъ по причинѣ густаго лѣса, въ которомъ топоръ проложилъ широкія просѣки для факторій; роши апельсинъ—весьма цѣнящагося плода—замѣнили уже дикія деревья вокругъ прибрежныхъ складовъ. Выше, по лиману островъ Матеба уступленъ одному промышленнику, который вывозитъ оттуда кукурузу, фисташки и табакъ; но недавно у него начались распри съ туземцами му-соронго по вопросу о задѣльной платѣ, и онъ сжегъ ихъ три деревни. Книзу отъ Понта-да-Леня, — которую мало-по-малу размываетъ рѣчной потокъ, — вѣтъ

ду, сильная калема разрѣзала полуостровъ на-двое: голландскимъ торговцамъ пришлось поспѣшно заполнять размывъ барками, нагруженными камнями¹⁾. Портъ, по глубинѣ достаточный для самыхъ большихъ кораблей, образованъ русломъ самой рѣки и защищенъ отъ западныхъ вѣтровъ длинною Бананскою стрѣлкою, усаженною бѣлыми домами. Европейское населеніе Бананы къ 31 дек. 1886 года равнялось 85 человѣкамъ, изъ которыхъ голландцевъ было 30, португальцевъ 18 и т. д. Такъ какъ внутренность Конгскаго государства еще не связана желѣзною дорогою съ другими приморскими областями, то въ портѣ Банана сосредоточивается почти все торговое движеніе, при чемъ привозъ и вывозъ товаровъ оцѣнивается приблизительно въ сорокъ милліо-

Типъ племени каконго.

болѣе европейскихъ плантацій вплоть до входа въ заливъ, до города Банана. Этотъ городъ—неудачно названный, такъ какъ около него не видно ни одной банановой рошицы—находится уже на конечномъ полуостровѣ праваго берега, между моремъ и входомъ въ лиманъ. Здѣсь голландскія факторіи, самыя важныя во всей области Конго,—ближайшія къ мысу полуострова; далѣе, по направленію къ лѣсу, слѣдуютъ остальные торговые поселенія: французскія, англійскія и португальскія; факторіи же, основанныя государствомъ Конго, находятся посрединѣ полуострова. Отъ размыванія берегъ и постройки защищены сваями; тѣмъ не менѣе, во время бурь случается, что почва Бананы покрывается лужами; такъ, въ 1872 го-

новъ, изъ которыхъ около пятнадцати приходится на долю вывоза; главнымъ образомъ вывозятся: каучукъ, слоповая кость и пальмовые масло и орѣхи. Изъ предметовъ ввоза половину составляетъ болѣе или менѣе неподдѣльная водка.

Торговая дѣятельность трехъ станцій: Бананы, Понта-да-Леня и Бомы, существовавшихъ еще до изслѣдованія Конго Стэнли, учетверилась со времени этого географическаго событія. Передовыя станціи, основанныя внутри области, увеличили притягательную силу европейскихъ факторій; кромѣ того, прибытіе и

¹⁾ Chavanne, „Reisen und Forschungen im alten und neuen Kongo-Staate“.

отбытие на берега Конго бѣлыхъ: чиновниковъ, миссіонеровъ и купцовъ создало, помимо торговли съ негрскими населеніями, также и специальное торговое движеніе. Это для нихъ, для бѣлыхъ, ходятъ посылки, строятся суда, дѣйствуетъ почта. Почтовое движеніе въ 1896 году выразилось такимъ образомъ: внутренняя корреспонденція—74.526, а международная—207.156 писемъ закрытыхъ и открытых. Конгские негры, несмотря на свою склонность къ торговлѣ, по обычаямъ настолько разнятся отъ посѣщающихъ ихъ бѣлыхъ, что всѣ попытки ввести монету, какъ мѣновой знакъ, нигдѣ не удалась, кромѣ Бананы и Бомы ¹⁾; негры отвергаютъ деньги, берутъ же исключительно либо товары, либо удостовѣренія (*муканда*) о будущей уплатѣ ²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ Бельгій недавно отчеканили новую монету для надобностей конголезцевъ, соответствующую монетѣ латинскаго монетнаго союза (декретомъ короля Леопольда отъ 27 іюля 1887 г. введена французская валюта).

Къ сѣверу отъ Банана, на той части берега, которая принадлежитъ Конгскому государству, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько прекрасныхъ плантацій; между ними находятся плантація Моанда и Виста, славящіяся своими манговыми деревьями: такъ, изъ Висты ежегодно вывозится около тридцати тоннъ приносимаго этимъ деревомъ плода, — манги. Плантація Виста служитъ также дачною мѣстностью для бананскихъ жителей. Затѣмъ, на ней, какъ и на Моандѣ, разводятъ большія стада воловъ для доставленія мяса бѣлымъ, проживающимъ на низовьяхъ Конго. Внутреннія области, т. е. Каконого и Нгуао, извѣстны весьма мало; со времени миссіонеровъ XVIII вѣка, Schwerin былъ единственнымъ путешественникомъ, проникшимъ въ край, простирающійся къ сѣверу отъ Конгскаго лимана. А между тѣмъ край этотъ принадлежитъ къ самымъ плодотворнымъ странамъ и усеянъ деревьями, которые по своей обширности могли бы быть названы городами; таковы: Чимъ-Буанда, которую называютъ Томбукту области Нгуао; Каконого-Сонго, старая столица, окруженная лѣсами-фетиншами; Н'Лелло—славящаяся горшечными издѣліями; Чоа, вокругъ которой поля фасоли простираются такъ далеко, что теряются изъ вида ³⁾.

Конгское правительство было прозвано туземцами «Була Матади»; также называли и самого Стэнли. Такое наименованіе—обозначающее собственно «разбивающій камни», и происхожденіе котораго объясняется молотами и пороховыми минами, къ которымъ Стэнли прибѣгалъ для взрыванія скалъ, мѣшавшихъ

ему двигаться далѣе,—удержалось и впоследствии, какъ символическое выраженіе, вполнѣ заслуженное непреклонной волей перваго управляющаго Африканской Международной Ассоціи; впоследствии, отъ Стэнли оно перешло къ его преемникамъ, чиновникамъ Конгскаго государства и, наконецъ, ко всему королевству ¹⁾. Извѣстно, что бельгійскій король, покровитель большинства изслѣдователей, которые отпразднели послѣ Стэнли въ области Конгскаго бассейна, кончилъ тѣмъ, что переимѣнилъ свой титулъ протектора Ассоціи на титулъ державнаго короля Конго. Прежній президентъ общества людей, принадлежащихъ ко всѣмъ цивилизованнымъ націямъ, сдѣлался главою африканскаго государства, которое официально считается непубличнымъ никакаго исключительнаго отношенія къ бельгійскому королевству: соединеніе двухъ коронъ есть чисто личная унія. Между тѣмъ, въ силу вещей, оказывается, что во многихъ отношеніяхъ новое государство,—бывъ прежде, подъ управленіемъ Стэнли, почти англійскимъ,—очутилось нынѣ въ зависимости отъ Бельгій; такъ, три главныхъ администраторовъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, составляющіе при королѣ конгское министерство,—бельгійцы; изъ бельгійцевъ же состоитъ большая часть другихъ чиновниковъ, управляющихъ Конгскимъ государствомъ, либо пребывая на станціи береговъ рѣки, либо даже и не покидая Брюсселя; равнымъ образомъ, и офицеры, начальствующіе различными службами, взяты изъ бельгійской арміи; общества, образующіяся для пользования естественными богатствами Конго, имѣютъ свое пребываніе въ Бельгій; вопросы о налогахъ и лотерейхъ, относящихся до бюджета новаго государства, обсуждаются въ бельгійскомъ парламентѣ; а въ конвенціи съ Франціею, присоединеніе Конго къ Бельгій уже прямо предвидѣно. Мало-по-малу на Конго начинаютъ смотрѣть не какъ на колонію для бельгійскихъ переселенцевъ—чего, за исключеніемъ, быть-можетъ, нѣсколькихъ внутреннихъ округовъ, не дозволяетъ климатъ,—но какъ на мѣсто быстрого движенія по службѣ для молодыхъ бельгійцевъ, принадлежащихъ къ арміи, администраціи, къ торговому міру. Даже католическія миссіи, прежде управлявшіяся французскими священниками, нынѣ, чрезъ посредство духовныхъ властей Мехельнской епархіи, зависятъ отъ Бельгій.* Король передаетъ, послѣ своей смерти, Бельгій всѣ свои державныя права на независимое государство Конго, по завіщанію отъ 2 августа 1899 г.; конвенція, заключенная 3 іюля 1890 г. между государствомъ Конго и Бельгійей, обезпечиваетъ послѣдней право присоединить къ своимъ вла-

¹⁾ Coquilhat, рукоп. замѣтки.

²⁾ Nipperdey, упом. отчетъ.

³⁾ „Mouvement Géographique“, 19 іюня 1887.

¹⁾ Oscar Lenz, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“. Января, 1887.

дѣлѣніемъ это государство, по истеченіи десяти лѣтъ, со всѣмъ имуществомъ, правами, преимуществами и обязательствами, присвоенными его державности; территорія государства объявлена неотчуждаемыми приписью отъ 21 іюля 1890 г. къ сказанному духовному завѣщанію*.

Конгскимъ государствомъ на мѣстѣ управляетъ генераль-губернаторъ, при содѣйствіи совѣщательнаго комитета, состоящаго изъ инспектора, секретаря, апелляціоннаго судьи и одного или нѣсколькихъ директоровъ, назначаемыхъ центральнымъ правительствомъ; въ случаѣ отсутствія генераль-губернатора, его замѣняетъ главный инспекторъ. Знамя новаго государства—то же самое, какое было и у древней туземной Конгской имперіи: золотая звѣзда по голубому полю ¹⁾. Официальный языкъ—французскій. Территорія дѣлится на округа, во главѣ которыхъ поставлены специальные комиссары, обязанные поддерживать общественный порядокъ и располагающіе военною силою государства, состоящею (1895 г.) изъ 6.120 человекъ, не считая европейскихъ кадровъ. Продажа усовершенствованнаго оружія туземцамъ строго воспрещена. Войсками и флотиліею изъ двадцати паровыхъ судовъ командуютъ бельгійскіе офицеры. До недавняго времени большая часть негровъ, употреблявшихся для службы агентами новаго государства, были чужеземцы: хаусса, крумены, даже зулусы изъ Наталя; ввезены были въ страну также и нѣсколько китайцевъ. Чиновники не покупаютъ рабовъ, хотя и пользуются трудомъ негровъ, нанимаемыхъ на нѣсколько лѣтъ; они не вмѣшиваются въ отношенія между начальниками племенъ и ихъ плѣнниками съ цѣлью возстановленія ихъ свободы, и даже поощряютъ союзнымъ царькамъ при отыскиваніи бѣжавшихъ рабовъ ²⁾; однако, собственникамъ факторій предложено было освободить своихъ рабовъ, и большая часть послѣднихъ остались въ качествѣ служащихъ на жалованіи у своихъ господъ, купившихъ ихъ въ былое время ³⁾. Благодаря трактатамъ, заключеннымъ съ туземцами, Конгское государство владѣетъ обширными собственными землями, которыя уже и кадастрируются, по крайней мѣрѣ въ той части страны, которая находится книзу отъ водопадовъ и пороговъ ⁴⁾. Но эти земельныя имущества (домены) еще мало приносятъ дохода, и

бюджетъ въ значительной части пополняется ежегодными авансами, дѣлаемыми государемъ. Доходы государства состояются изъ сборовъ: за регистрацію, почтовыхъ и изъ небольшихъ пошлинъ съ вывозимыхъ предметовъ; на ввозимые же товары нельзя, въ силу международныхъ конвенцій, налагать никакихъ пошлинъ, а когда на берлинской конференціи было сдѣлано предложеніе о воспрещеніи въ бассейнахъ Нигера торговли водкой, то—чтобы не нанести ущерба интересамъ гамбургскихъ купцовъ—этотъ назойливый вопросъ поспѣшили устранить ^{*} (съ 1892 г. въ государствѣ Конго снова введена ввозная пошлина). Бюджетъ 1897 г.: приходъ—9.369.300 фр. (въ томъ числѣ: авансы бельг. казны—2.000.000, взносъ короля—1.000.000, таможенный сборъ—2.020.000, доходъ отъ доменовъ, подати и налоги натурой—3.500.000 фр.); расходы—10.141.871 фр. ^{*}

Въ настоящее время дѣло идетъ о созданіи для новаго Конгскаго государства нормальнаго бюджета при посредствѣ займа въ сто пятьдесятъ милліоновъ, который позволилъ бы ожидать того времени, когда—благодаря постройкѣ дорогъ, плантаціямъ и промышленнымъ предприятиямъ—будутъ, такъ сказать, вызваны къ жизни ресурсы самой страны. Области, орошаемыя Заирою, получили наименованіе Африканской Индіи, но трудъ еще не вызвалъ къ жизни спящихъ богатствъ этой Индіи. Конечно, они хранятся въ запасѣ внутри Африки, но еще далеко неизвѣстны въ цѣломъ. Однако, были уже попытки составить имъ инвентарь. Такъ, Стэнли считаетъ, что въ области Конго живетъ двѣсти тысячъ слоновъ, раздѣленныхъ на пятнадцать тысячъ стадъ; если же, въ среднемъ, бивни каждого слона вѣсятъ двадцать пять килограммовъ, то, слѣдовательно, имущество государства, въ видѣ слоновой кости, представляетъ цѣнность въ 125 милліоновъ франковъ! Но, что бы ни говорили, продажа слоновой кости не увеличилась со времени открытія Конгскаго бассейна для европейской торговли, и даже нѣсколько уменьшилась, такъ какъ охотникамъ приходится все дальше и дальше углубляться въ лѣса. Такъ, по Vestendorp'у, изъ Конго вывезено слоновой кости въ килограммахъ: съ 1875 до 1879 г.—441.000, а съ 1879 до 1884 г.—421.000; стоимость же послѣдняго количества равнялась пятнадцати милліонамъ франковъ (въ 1896 г. слоновой кости вывезено на сумму 4.853.000 франк.). Впрочемъ, эти мелкіе вопросы, касающіеся торговли, маловажны въ сравненіи съ капитальнымъ фактомъ открытія цѣлаго материка и введенія въ міръ исторіи цѣлой расы людей, прежде невѣдомыхъ.

¹⁾ Moynier, „Academie des Sciences morales et politiques“. Засѣданіе 20 авр. 1887.

²⁾ Fr. de Winton, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Октябрь 1886.

³⁾ Chavannes, „Reisen u. Forschungen im alten u. neuen Kongo-Staate“.

⁴⁾ „Mouvement Géographique“. 30 янв. 1887.

Глава V.

Ангола, отъ рѣки Конго до рѣки Кунэнэ.

Побережье Африки, простирающееся къ югу отъ Запры, стало считаться принадлежащимъ португальскому королевству съ того времени, когда португальскіе изслѣдователи перешли экваторъ, а Діого Камъ положилъ въ 1485 году къ югу отъ Конгскаго лимана камень, въ знакъ овладѣнія данною землею, и съ 1574 года, со времени основанія небольшой лузитанской колоніи на островѣ Лоанда, сношенія между Лиссабономъ и берегомъ Анголы уже не прекращались никогда. Впервые на Ангольскій берегъ вступили семьсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ Пауло Діаза, внука того Діаза, который открылъ мысъ Доброй Надежды; но семьи бѣлыхъ основались лишь 21 годъ спустя, послѣ прибытія первыхъ португалокъ. Тогда какъ во многихъ вновь открытыхъ странахъ проходили поколѣнія безъ того, чтобы за первымъ появленіемъ бѣлыхъ слѣдовало дѣйствительное господство ихъ надъ туземцами, — португальцы, въ этой области поморья, не переставали имѣть болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ вѣковъ, если не подвластныхъ имъ народовъ, то, по крайней мѣрѣ, племена союзныя. Даже въ 1641 году, когда голландцы завладѣли было приморскими портами, португальцы все-таки оставались въ краѣ, поддерживая этимъ преданіе о прежнемъ сюзеренитетѣ муаты Поту, т. е. «португальскаго короля», или скорѣе, муэнэ Мпоту, т. е. «короли моря»¹⁾. Впрочемъ, имъ не пришлось долго ждать, такъ какъ прибывшая скорѣ изъ Бразиліи эскадра отвоевала у голландцевъ эту колонію обратно.

Начальными пунктами для колонизаціи португальцевъ, натурально, служили мѣста якорныхъ стоянокъ. Отсюда ихъ могущество постепенно распространялось вглубь страны, и несмотря на альтернативы успѣховъ и неудачъ, движенія впередъ и отступленія, вліяніе португальцевъ, представителей европейской цивилизаціи, въ концѣ концовъ, проникло чрезъ горы и плоскогорія гораздо далѣе, чѣмъ въ низменности, по которой протекаетъ Конго. Это объясняется тѣмъ, что сообщенія отъ племени къ племени были гораздо легче на склонахъ и на высокихъ равнинахъ юга, чѣмъ въ узкомъ ущельѣ съ kloчущими водопадами и порогами на протяженіи рѣчнаго потока Конго.

Правда, путешествіе Стэнли круто измѣнило существовавшее на материкѣ равновѣсіе, и нынѣ уже въ областяхъ Конгскаго рѣчнаго бассейна совершаются главныя открытія, и готовятся великія событія общественнаго и политическаго преобразованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и Португалія, почувствовавшая уколъ своему самолюбію, удвоила свои усилія въ дѣлѣ познанія той обширной области, которая выпала на ея долю, и которую отнынѣ ей обезпечили международные договоры; недавнія путешествія Capello и Ivens'a, а также Serpa Pinto, свидѣтельствуютъ о той важности, которую португальцы придаютъ изслѣдованію ихъ великой африканской колоніи; въ значительной степени географическому изученію Анголы содѣйствуютъ также и американскіе миссіонеры, поселившіеся въ Бихэ. Только до лѣваго берега Куанго, и не беря въ расчетъ небольшой провинціи, которая находится къ сѣверу отъ Запры, пространство португальской территоріи приблизительно исчисляется въ семьсотъ тысячъ квадратныхъ километровъ. Что же касается до *населенности* этой территоріи, то въ той ея части, въ которой бывають суммарныя народныя переписи, она достигаетъ четырехсотъ сорока тысячъ жителей; но если прибавить сюда и племена независимыя или же находящіяся въ болѣе или менѣе крѣпкой вассальной зависимости отъ Португаліи, то окажется, что общая численность жителей края, ограниченнаго на востокъ рѣкою Куанго, по всей вѣроятности, достигаетъ двухъ милліоновъ. По исчисленіямъ Chavannes'a, населенность сѣверной области, между Амбризомъ и Конго, превышаетъ семь жителей на квадратный километръ, такъ что, слѣдовательно, общее число жителей португальской территоріи простирается до пяти милліоновъ. Всей странѣ сохранено наименованіе Ангола (Нгола), хотя первоначальныя границы этой провинціи, лежащей къ востоку отъ Лоанды, между рѣками Куанза и Бенго, уже давно перейдены. Нѣкоторые царьки внутри края еще и понынѣ носятъ имя нгола¹⁾. * По новѣйшимъ свѣдѣніямъ, пространство Анголы, вмѣстѣ съ Лоандой, Амбризомъ, Бенгуэлой, Моссамедесомъ и округомъ Конго, равняется 1.315.460 кв. километрамъ.

¹⁾ Н. Н. Johnston, „The River Congo“.

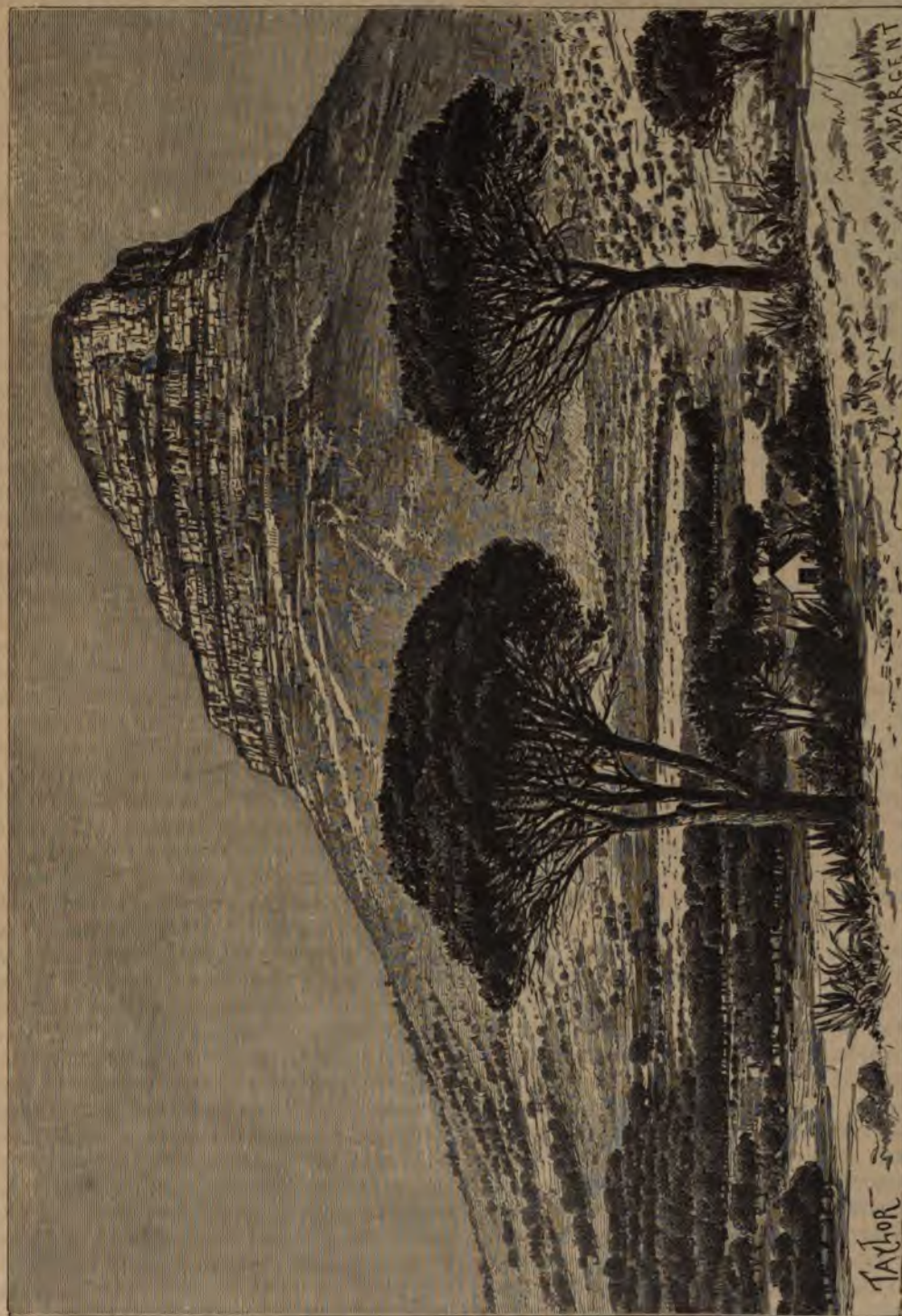
¹⁾ Capello e Ivens, „De Benguela as Terras de Jacca“.

а населеніе опредѣляютъ приблизительно въ 12.400.000 душъ*.

Провинцію Ангола часто сравнивали съ Бразиліею, обширною страню, лежащей насупро-

тиже своей могущественной соперницы по пространству, естественнымъ богатствамъ, числу жителей, экономической цѣнности и общему значенію въ цивилизаціи. Однако, между гео-

Скала «Львиная голова».

тивъ, на другомъ берегу тропической части Атлантическаго океана; но африканская Бразилія — въ политическомъ отношеніи еще не отдѣлившаяся отъ европейской земли, изъ которой вышли ея первые колонисты—гораздо

графическимъ устройствомъ Анголы и Бразиліи существуетъ дѣйствительное сходство. Съ обѣихъ сторонъ океана, на сѣверѣ равнинъ и плоскогорій протекаетъ по великой рѣкѣ; съ обѣихъ сторонъ рельефъ страны представляется

ступенчатые террасы, отделяемые одна от другой грядками гор, параллельными морскому побережью. Положение под соответственной широтой обуславливает сходство климата и культур, и оно же позволяет жителям обих стран мнить свое местопребывание, не встречая больших затруднений в акклиматизации. Если Бразилия могла населиться двадцатью миллионами людей: белых, черных и помесей, то ничто не препятствует и Ангольской территории тоже стать отечеством цфлаго народа, имѣющего національную связь, а не состоящего только, как вышѣ, изъ колоній, разбѣянных посреди враждебныхъ населеній. Правда, что в теченіе почти трехъ столѣтій торговля невольниками обезлюдивала Анголу, чтобы заселять бразильскія плантаціи.

Въ сѣверной части Анголы, ограниченной рѣками: съ сѣвера—Конго, съ востока—Куанго и съ юга—Куанзой¹⁾, отрывокъ плоскогорія, имѣющій слишкомъ тысячу метровъ высоты, занимаетъ лишь половину восточной полосы и состоитъ изъ гнейса и слюдянаго сланца, сложившихся въ продолговатые возвышенности, глубоко изрытыя ручьями; при этомъ, въ общемъ, западный склонъ, обращенный къ сторонамъ Атлантического океана, представляется болѣе пологимъ, чѣмъ склонъ восточный, откосы котораго нисходятъ въ долину Куанго. Куанза и ея мощный притокъ, Лукалла, прерываютъ гряды высотъ, которыя прямолинейно тянутся съ сѣвера на югъ и вновь появляются по другую сторону этихъ рѣкъ. Непрерывность гористаго рельефа существуетъ только въ юго-восточной части плоскогорія, гдѣ крайняя цѣпь Талла-Манонго раздѣляетъ верхнія теченія притоковъ Куанго и Куанзы и невысокими волнообразными повышеніями и пониженіями почвы соединяется съ водораздѣломъ между рѣками Кассаи и Замбезе.

Къ югу отъ Куанзы, три параллельныхъ ступени, удерживаясь, въ среднемъ, на разстояніи двухсотъ километровъ отъ океана, слѣдуютъ одна за другой въ направленіи отъ моря до той горной цѣпи, которая образуетъ остовъ страны. Возвышенныя вершины господствуютъ надъ сѣдловинами этого срединнаго плоскогорія, разбѣгаемаго рѣками на нѣсколько второстепенныхъ цѣпей. Гора Ловили, подлѣ 12° южн. широты, достигаетъ 2.370 метровъ; къ юго-западу отъ этого пика, другая гора, Элонга, возвышается на 2.600 метровъ, и нѣсколько почти столь же высокихъ вершинъ виднѣются тамъ и сямъ по окрестнымъ грядкамъ; въ цѣпи Джамба, или АндрадеКорво, образующей восточную окраину плоскогорія, нѣсколько конусовъ переходятъ за двѣ тысячи метровъ. Большинство выпуклостей рельефа протянулись въ

видѣ цѣпей, доминируемыхъ пиками или хребтами; впрочемъ, нѣкоторыя вершины, или амба, кажутся совершенно уединенными, на-подобіе пирамидъ посреди равнины. Такова, напр., Хамби (2.200 метровъ) — громадная скала, треснувшая по срединѣ: про нее можно бы сказать, что это металлическая глыба, расколовшаяся при охлажденіи²⁾. Около восточной подошвы горъ Джамбы, разстилается степь Булумъ-Булу, траву которой вѣтеръ волнуетъ на-подобіе морскихъ водъ³⁾.

Въ цѣломъ, эти цѣпи, массивы и высокія равнины—чрезъ которые проходитъ главный торговый трактъ изъ Бенгуэлы въ Бихэ—составляютъ самую выдающуюся выпуклость Анголы. Къ югу плоскогоріе значительно понижается, при чемъ самыя высокія его вершины не достигаютъ 1.800 метровъ; на западѣ, вершины, имѣющія свою подошву поколь нижняго плоскогорія восточной террасы, не достигаютъ уже высоты пика Ловили и сосѣднихъ съ нимъ возвышеній; тѣмъ не менѣе, многіе изъ нихъ кажутся весьма высокими, благодаря своей уединенности и крутизнѣ своихъ стѣнъ: таковы, наприм., скалы въ формѣ обелисковъ, которыя находятся въ сотнѣ километровъ къ востоку отъ Бенгуэлы; караваны, останавливающиеся у подошвы этихъ *илъ*, прозвали ихъ Binga-Yam-Bambi, т. е. «рогами газели». По Magyar'u, онѣ превышаютъ 1.000 метровъ. Сосѣдняя же вершина, Оломбинго, достигаетъ, будто бы, даже 1.500 метровъ. Что касается гребней, приближенныхъ къ морскому побережью, то, покоясь на послѣдней ступени плоскогорія, спускающагося къ морю, они, по высотѣ, различны, колеблясь между 200 и 600 метрами; и такъ какъ подножія ихъ обрѣзаны весьма круто, то во многихъ мѣстахъ они кажутся горами: между тѣмъ большая часть береговыхъ холмовъ—простые столообразные утесы, превосходящіе террасы по высотѣ лишь на сотню метровъ; окружены они осыпавшимися откосами, а похожіе на долины овраги въ толщѣ плоскогорія позволяютъ на нихъ взбираться длинными зигзагами.

Въ южной области территоріи Анголы, высокія земли внутри страны повсюду початы и глубоко размыты притоками Куанзы и другими потоками, направляющимися къ морю; къ востоку же отъ Моссамедеса высится уединенный мощный массивъ Шелла, называемый также Serra de Neve, или «Снѣжныя горы»; нѣкоторыя изъ вершинъ этой сьерры не ниже 1.900 метровъ, а свое названіе она получила отъ тѣхъ бѣлыхъ полосъ, которыя послѣ большихъ дождей, привосимыхъ холодными южными вѣтрами, иногда видѣются въ разбѣлинахъ ея вершинъ. Эти горы, откуда

¹⁾ Въ областяхъ, колонизованныхъ португальцами, практиче всегo придерживаются и португальской орфографіи.

²⁾ Cameron, "Across Africa".

³⁾ Ladislas Magyar, "Reisen in Süd-Afrika".

въ изобилии текутъ воды, повидимому, составляютъ такую область Анголы, которая рано или поздно будетъ имѣть весьма важное значеніе для колонизаціи, такъ какъ климатъ въ этомъ краѣ португальскихъ владѣній въ Африкѣ болѣе всего приближается къ климату южной Европы. Среднее возвышеніе этихъ долинъ надъ уровнемъ моря почти такое же, какъ и всей Анголы, т. е. приблизительно около 1.018 метровъ ¹⁾.

Высокія земли Ангольского края состоятъ изъ гнейса и другихъ кристаллическихъ породъ, а также и изъ налегшихъ на эти породы древнихъ сланцевъ. Породы эти, образующія первоначальный остовъ страны, начинаются, въ среднемъ, въ 20 или 25 километрахъ отъ берега моря ²⁾. Береговые пласты и, во многихъ мѣстахъ внутри страны, пласты, раздѣляющіе гнейсовые массивы, принадлежатъ къ вторичнымъ и третичнымъ образованіямъ: это песчаники, конгломераты, известняки, глины и пески, расположенные въ общемъ чрезвычайно правильно. Мѣловые слои, простирающіеся параллельно морскому берегу и одѣвающие въ округѣ Бенгуэлы наружные склоны горъ, весьма богаты ископаемыми, тождественными съ ископаемыми, находимыми въ сходственныхъ напластованіяхъ въ Португаліи ³⁾. На обширныхъ пространствахъ, геологическіе слои сокрыты подъ латеритами новѣйшаго происхожденія, — бѣлыми, желтыми или красными, — образовавшимися вслѣдствіе разложенія поверхностныхъ слоевъ тѣхъ породъ, которыя находятся подъ ними. Кромѣ того, воды, катящія и сглаживающія осыпавшіеся камни, устѣяли аллювіальными землями какъ внутренніе бассейны, такъ и приморскую полосу. Известняковыя скалы изрыты во многихъ мѣстахъ глубокими пещерами, гдѣ находятъ узкіе, еще неизмѣренные колодцы, породившіе, у дикарей, множество легендъ. Теплые источники бьютъ въ разныхъ мѣстахъ территоріи, но, за исключеніемъ сѣверной части страны, вулканическихъ скалъ не встрѣчаютъ нигдѣ; нѣсколько гнѣздъ базальтовыхъ лавъ — вотъ, повидимому, все, къ чему свелась здѣсь eruptивная дѣятельность. Въ своихъ путевыхъ разсказахъ Владиславъ Мадырь упоминаетъ, правда, о вулканѣ, но не прибавляетъ ни слова о томъ, что самъ посѣтилъ его, и все заставляетъ думать, что этотъ путешественникъ былъ введенъ въ заблужденіе невѣрными свѣдѣніями, а можетъ быть даже и романическимъ описаніемъ путешествія, совершеннаго Дувиллемъ ⁴⁾.

Эта огнедышащая гора, называемая Мулондо-Замби, или «гора геніевъ», стоитъ, будто-бы, въ краѣ Либолло, въ пятидесяти километрахъ къ югу отъ Куанзы. Изъ самаго верхняго кратера, господствующаго надъ окрестными обнаженными вершинами, извергаются, будто-бы, съ промежутками отъ трехъ до четырехъ часовъ, дымъ и пламя, и распространяется сѣрный запахъ. Туземцы не осмѣливаются приблизиться къ этой горѣ, на которой, по ихъ мнѣнію, обитаютъ духи ихъ предковъ. Вѣроятно, однако, что изверженія горы Геніевъ рано или поздно найдутъ себѣ объясненіе въ какомъ-либо метеорологическомъ явленіи, подобно тому, какъ это случилось съ воображаемымъ вулканомъ Огумби, въ Габоніи.

Ограниченная съ востока теченіемъ Куанго, Ангольская территорія пересѣкается многочисленными рѣками, русла которыхъ, въ видѣ глубокихъ ущелій, прорѣзываютъ либо только одну или двѣ террасы плоскогорія, либо, какъ Куанза и Кунэнэ, всѣ высокія земли по всей ихъ ширинѣ. Въ сѣверной области территоріи, гдѣ годовое выпаденіе дождей сравнительно значительнѣе, чѣмъ въ южныхъ странахъ, въ каждой долинѣ есть свой постоянный водный потокъ, при чемъ, однако, расположеніе склоновъ не позволяетъ всѣмъ этимъ рѣчкамъ соединиться въ одинъ могущественный рѣчной бассейнъ; большая часть водъ не изливается даже непосредственно въ море, а несется либо — къ Куанго, либо — къ Заирѣ, Куллу, Лу-Фу и Мпозо. Рѣки, изливающіяся непосредственно въ Атлантическій океанъ: Лелунда, Мбришъ и Ложе, протекаютъ параллельно другъ другу въ направленіи съ востока на западъ, и при впаденіи въ океанъ загромождены непроходимыми для судовъ барами, такъ что плавать въ этихъ мѣстахъ ихъ устье возможно лишь на небольшихъ плоскодонкахъ. Мбришъ вытекаетъ съ горъ Зомбо, находящихся къ востоку отъ Санъ-Сальвадора; на своемъ пути, онъ образуетъ — въ общемъ на протяженіи 130 метровъ — цѣлый рядъ водопадовъ и пороговъ, при чемъ первый водопадъ низвергается съ высоты 45 метровъ. Рѣки Дандэ и Бенго, судоходныя вверхъ отъ ихъ баровъ, являются важными путями для внутренней торговли и для плантацій, окаймляющихъ ихъ лѣсистые берега.

Самая большая изъ Ангольскихъ рѣкъ и одна изъ наиболѣе многоводныхъ между второстепенными рѣками всей Африки есть Куанза, долина которой образуетъ при-атлантическую часть поперечнаго углубленія, продолжающагося, при посредствѣ бассейна Замбезе, къ юго-востоку вплоть до Индійскаго океана. Главные истоки Куанзы родятся въ областяхъ, непосредственно подчиненныхъ португальскому владычеству, а зачатки ихъ переплетаются съ зачатками Замбезе и Ку-Банго,

¹⁾ Manuel Ferreira Riberro, „A Colonisação Luso-Africana“.

²⁾ Jose de Anchieta, „Boletim de Sociedade de Geographia de Lisbon“, 1885 № 9.

³⁾ P. Choffat, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ J. B. Douville, „Voyage au Congo et dans l'intérieur de l'Afrique équinoxiale“.

на плоскогоріи, средняя высота котораго не менѣе 1.650 метровъ. Небольшое озеро Мусомбо—въ 1.200 километрахъ отъ моря, если слѣдовать къ нему по извилинамъ рѣчной долины—является началомъ этого большого потока водъ, который, описывая въ цѣломъ обширный полукругъ, течетъ сначала на сѣверо-востокъ и на сѣверъ, затѣмъ устремляется на сѣверо-западъ и западъ, и, наконецъ, посредствомъ излучины, послѣдней предъ впаденіемъ въ океанъ, направляетъ низовья свои воды на юго-западъ. Больше половины своего пути рѣка протекаетъ къ востоку отъ тѣхъ гористыхъ террасъ, которыя образуютъ остовъ Анголы. Тамъ, судя по ея направленію, она, казалось бы, должна была стать притокомъ Конго; но, встрѣтивъ на своемъ пути барьеръ изъ горъ, которыя ее отдѣляютъ отъ морскаго берега, она, кая уже значительную массу водъ, прорываетъ эти горы, образуя цѣлый рядъ водопадовъ и пороговъ. Послѣдній водопадъ, Камбамба, низвергающійся съ высоты 21 метра, называется также «водопадомъ Линингстона», хотя великій путешественникъ никогда и не былъ здѣсь; образуетъ же этотъ водопадъ сланцевая запруда, надъ которою справа и слѣва высятся почти вертикальныя стѣны. Во время половодій, ущелье во всю свою ширину бываетъ наполнено klokočущими водами, между тѣмъ какъ въ сухое время года гряды камней раздѣляютъ потокъ на нѣсколько неравныхъ, какъ бы межплузныхъ пространствъ. На боковыхъ утесахъ, смачиваемыхъ брызгами пѣны, ковромъ разстилаются растенія, имѣющія толстые просвѣчивающіе стволы и густо усыянные бѣлыми цвѣточками (*angolaea fluitans*)¹⁾.

Тотчасъ книзу отъ водопадовъ, Куанза становится судоходною для пароходовъ: никакое препятствіе не задерживаетъ суда вплоть до моря, на разстояніи приблизительно 200 километровъ, хотя общій уклонъ рѣки на всемъ этомъ пространствѣ и достигаетъ около ста метровъ. Скалистое ущелье продолжается километровъ на пятнадцать книзу отъ пороговъ между вздымающимися красными, бѣлыми и голубоватыми кручами, къ разноцвѣтности которыхъ присоединяютъ безконечное разнообразіе своихъ красокъ также и ползучія растенія, группы деревьевъ и пелены мха. Книзу отъ послѣдней запруды, значительный притокъ, Мукозо, вливается въ рѣку со стороны сѣвернаго берега, а затѣмъ, все съ того же берега, низвергается свои воды могучая Лу-калла (Луа-Калла), самый большой изъ притоковъ Куанзы, зарождающійся, подобно ей, къ востоку отъ горной оси Анголы, и, подобно ей же, проходящій черезъ скалистые массивы

цѣлымъ рядомъ ущелій, въ которыхъ образуется нѣсколько водопадовъ, при чемъ одинъ изъ нихъ, Ліанзундо, низвергается съ высоты не менѣе 30 метровъ. Подобно Куанзѣ, Лу-калла описываетъ на своемъ пути обширный полукругъ, но какъ-разъ въ противоположномъ направленіи, такъ какъ она родится въ сѣверной части португальскихъ владѣній, неподалеку отъ тѣхъ рѣкъ, которыя несутся къ Конго по противоположному склону. По соединеніи съ Лу-каллою, Куанза содержитъ уже весь объемъ воды, который должна нести въ море: она не получаетъ болѣе притоковъ и даже, напротивъ, разливается направо и налево по многочисленнымъ каналамъ-протокамъ, боковымъ резервуарамъ, которые переполняются въ половодіа и почти совершенно высыхаютъ во время низкихъ водъ. По мѣрѣ движенія рѣки къ низовью прибрежные холмы все болѣе и болѣе отступаютъ отъ долины; однако на извѣстныхъ разстояніяхъ, по берегамъ рѣки все еще высятся крутые утесы: одинъ изъ нихъ, господствующій надъ лѣвымъ берегомъ, есть знаменитый Pedra das Feiticeiros, т. е. «камень фетишеровъ», съ котораго племя куиссама низвергало своихъ несчастныхъ согражданъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ. Входъ въ Куанзу загражденъ трудно-проходимымъ баромъ, черезъ который лоцманы пускаются на плоту, или, вѣрнѣе, на доскѣ изъ дерева *herminiera*, имѣющей самое большее два метра въ длину и около одного метра въ ширину. Стоя на колѣняхъ на этомъ, такъ сказать, обломкѣ, они управляютъ имъ при посредствѣ простаго весла и такимъ образомъ отправляются къ пароходамъ, бросающимъ якорь иногда въ двухъ километрахъ отъ берега.

Къ югу отъ Куанзы и вплоть до Куэнзѣ, рѣки, зарождающіяся на наружномъ склонѣ горъ или въ ихъ западныхъ долинахъ, не могутъ достигнуть значительнаго развитія и не служатъ для судоходства; къ тому же и количество дождя, питающее ихъ, меньше выпадающаго на сѣверѣ Анголы; многіе же потоки водъ совершенно изсыкаютъ во время засухъ: получаютъ какъ-бы такъ называемыя уади—Африки сѣверной и умарамба—южной. Главныя изъ постоянныхъ рѣкъ суть: Луга, параллельная Нижней Куанзѣ, Куво (Кевэ), Велья, Байломбо, Катумбелла и Копороло. Изъ всѣхъ этихъ небольшихъ потоковъ наиболѣе извѣстна рѣчка Катумбелла, благодаря своему содѣйствію съ городомъ Бенгуэла, при чемъ въ 12-ти километрахъ отъ моря потокъ этотъ образуетъ красивый водопадъ Упа, водная масса котораго заключена въ поперечную долину, имѣющую по меньшей мѣрѣ восемь метровъ въ ширину.

Куэнзѣ, не уступающая на Ангольской территории въ важности Куанзѣ, получила исключительное политическое значеніе, какъ погра-

¹⁾ Joachim John Monteiro, „Angola and the river Congo“.

начная линия между португальскими владѣніями и краями, присоединенными къ колоніальной имперіи германцевъ. Подобно Куанзѣ, она родится на востокѣ горъ и течетъ сначала по склону къ внутренней Африкѣ, вмѣстѣ съ Ку-Банго и съ восточными притоками Замбезе; затѣмъ, вырвавшись изъ первоначальнаго бассейна, она тоже описываетъ большую дугу къ западу и для своего изліянія въ Атлантическій океанъ пересѣкаетъ скалистые массивы. Длина ея теченія не менѣе 1.200 километровъ, а площадь орошаемаго пространства исчисляется въ 272 тысячи квадратныхъ километровъ. Зарождаясь въ горахъ Джамбы, болѣе чѣмъ на четыре градуса сѣвернѣе своего устья, Кунэнэ течетъ на югъ и юго-западъ вдоль подножія высокихъ земель, принимая справа и слева большое число притоковъ. Въ Китевѣ (Quiteve)—деревнѣ, расположенной въ 400 километрахъ отъ истоковъ, на берегу рѣки,—Capello и Ivens, въ юнѣ, въ сухое время года, нашли ширину въ 150 метровъ, а среднюю глубину въ два съ половиною метра; рѣка течетъ, между лѣсистыхъ крутыхъ береговъ, быстро, но безъ водопадовъ. Въ дождливое время года, хорошенькая рѣчка превращается въ могучій потокъ, по справедливости заслуживающій свое наименованіе: Кунэнэ (Ку-Ненэ), т. е. «великая рѣка». Выйдя изъ береговъ, она разливается по равнинѣ на необозримую ширь. На пространствахъ нѣсколькихъ сотенъ квадратныхъ километровъ простирается озеро, въ которомъ теряются, какъ въ обширномъ бассейнѣ испаренія, прибылыя воды верхняго теченія Кунэнэ. Послѣ половодій, небольшие озера и лужи устилаютъ долину, тростники *arundo phragmites* занимаютъ илистое дно, а на кустахъ вышележащихъ земель развѣшены, на высотѣ болѣе метра надъ почвою, пучки злаковыхъ растений, приносимыхъ рѣчнымъ потокомъ¹⁾. Широкая рѣка Какуловаръ (Какуло-Балэ или «Старое Балэ»), собирающая въ свой бассейнъ воды, сбѣгающія съ Снѣговой сьерры и съ цирка Гуилла, присоединяется къ Кунэнэ на обширной равнинѣ, бывающей то озеромъ, то болотомъ. По единогласному свидѣтельству путешественниковъ, а также и лицъ, постоянно проживающихъ въ краѣ, эта столь болотистая область, однако, не нездорова, что объясняется, можетъ-быть, антисептическимъ дѣйствіемъ мха, разрастающагося на стоячихъ водахъ, а можетъ-быть также и высотой положенія края. Capello и Ivens исчисляютъ высоту равнинъ въ мѣстѣ сліянія Кунэнэ съ Какуловаромъ въ 1.067 метровъ; другой путешественникъ, Дюфуръ, опредѣлилъ высоту берега около деревни, находящейся «близіи упомянутого сліянія, даже въ 1.144 метра.

Эта озерная область имѣетъ, однако, и другіе водосливы, кромѣ Кунэнэ. По крайней мѣрѣ три водныхъ потока, извѣстныхъ подъ родовымъ наименованіемъ умарамба, отдѣляются отъ лѣваго берега рѣки чрезъ широкіе проломы въ береговыхъ кручахъ и, держась юга и юго-востока, направляются чрезъ земли племени Ова-Мпо къ большому солончаковому болоту, Этоша, расположенному въ 250 километрахъ отъ рѣки и болѣе чѣмъ на сто метровъ ниже ея уровня¹⁾. Такимъ образомъ, Кунэнэ представляетъ рѣдкій примѣръ недоразвившейся дельты; по своимъ боковымъ потокамъ рѣка эта принадлежитъ къ системѣ такихъ водъ, которыя, подобно р. Ку-Банги, теряются въ углубленіяхъ пустыни. Теченія Кунэнэ не знали еще даже въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, и на картѣ Лопеца-де-Лимы, на которой сведены всѣ географическія данныя того времени, эта рѣка представлена направляющеюся на востокъ и впадающею въ Индійскій океанъ. Нынѣ извѣстно, что она изливается въ Атлантическій океанъ, прорѣзавъ область горъ; говорятъ даже, что она образуетъ одинъ большой и затѣмъ цѣлый рядъ меньшихъ водопадовъ; впрочемъ, невозможно допустить, чтобы не существовали большіе водопады въ этой части теченія рѣки, такъ какъ на 300 километрахъ протяженія, между прорывомъ горъ и устьемъ, паденіе водъ составляетъ около тысячи метровъ. Исслѣдованіе, въ собственномъ смыслѣ этого слова, было сдѣлано пока только въ нижней части долины. Въ 1824 г., англійское судно «Espiegle» пристало къ берегу около устья Кунэнэ, которую и назвали тогда Nurse-river; въ слѣдующемъ году, однако, Owen напрасно отыскивалъ это устье, безъ сомнѣнія, потому, что оно было заперто баромъ, и рѣка пересохла на большомъ разстояніи сверху. Обслѣдовано устье было лишь въ 1854 году, и тогда же по рѣчной долиנѣ поднялись километровъ на сорокъ вглубь страны. За исключеніемъ времени съ декабря по апрѣль, т. е. сезона разливовъ, «Небольшая Рѣка» не сообщается съ моремъ; воды, столь обильныя, что производятъ даже наводненія въ верхнемъ бассейнѣ, почти совершенно испаряются въ обширныхъ озерныхъ водоемахъ верховья, и для нижней долины остается лишь струйка, теряющаяся въ пескахъ.

Территорія Анголы, простирающаяся съ сѣвера на югъ болѣе чѣмъ на 1.200 километровъ, отъ шестаго до шестнадцатаго градуса южной широты, и образующая рядъ уступовъ до 2.000 метровъ возвышенія, представляетъ натурально весьма различные климаты: метеорологическія условія и всѣ относящіяся сюда явленія мѣняются соотвѣтственно географической широтѣ и высотѣ положенія

¹⁾ H. Capello e R. Ivens, «De Angola à Contra-Costa».

¹⁾ Duparquet, «Voyage en Cimbébasie».

данной мѣстности. Однако, въ отношеніи крайнихъ температуръ, разниа между этими различными поясами не велика: путешественники такъ же страдаютъ отъ солнечнаго зноя на высокихъ плоскогоріяхъ внутри страны, какъ и на низменныхъ равнинахъ. Термометрическія различія между сезонами, между жарами и стужей, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ удаленнѣе мѣстность отъ экватора и отъ моря; и эти зависящія отъ условій мѣста и времени климатическія измѣненія весьма ощутительны и наиболѣе опасны для иностранцевъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ плоскогорій морозить, какъ въ Европѣ. Даже на высотѣ тысячи метровъ, на восточномъ склонѣ горъ, Capello и Ivens страдали отъ пониженія по ночамъ до точки замерзанія температуры, которая днемъ поднималась до 28 и 30° Ц.

Наиболѣе послѣдовательныя метеорологическія наблюденія сдѣланы въ Лоандѣ, столицѣ страны. Они показываютъ, что въ этомъ городѣ, расположенномъ, однакоже, лишь на одну тысячу километровъ къ югу отъ экватора, самый сильный лѣтній зной—имѣя въ виду шестимѣсячный промежутокъ—слабѣе жаровъ въ Лиссабонѣ: именно, наибольшая температура мѣсяца февраля, самаго жаркаго въ Лоандѣ, ниже наибольшей температуры мѣсяца августа въ Португаліи. Путешественники, отправляющіеся изъ Лиссабона лѣтомъ въ Ангольскую территорію, бывають удивлены сравнительной свѣжестью кламата этихъ тропическихъ областей. Средняя температура въ Лоандѣ не превышаетъ +23° Ц., а годичная разниа между крайними температурами каждаго мѣсяца, въ среднемъ, не выше 12°; но разниа между самымъ большимъ холодомъ и самымъ сильнымъ жаромъ, 14° (въ августѣ) и 31,7° (въ ноябрѣ), въ 1879 году выразилась приблизительно 18°¹⁾; на плоскогоріяхъ же внутри страны, подъ одною и тою же широтою и на 1.599 метрахъ высоты, разниа эта вдвое больше: именно, крайніе ея предѣлы колеблются между 1° и 37°²⁾. Въ Моссамедесѣ—городѣ на берегу моря и отличающемся, по сравненію со всѣми остальными городами, ровнымъ климатомъ—годовая температура колеблется между 20 и 22°, вслѣдствіе чего въ этой приморской гавани акклиматизація европейцевъ и совершается при наименѣе гибельныхъ для нихъ условіяхъ.

Свѣжесть климата зависитъ отъ направленія морскихъ вѣтровъ, дующихъ вообще изъ умеренныхъ южныхъ областей. Въ данныхъ морскихъ пространствахъ, береговое теченіе, распространяющееся изъ антарктическаго по-

яса, оказываетъ вліяніе, достаточное для значительнаго пониженія нормальной температуры водъ и находящихся надъ ними слоевъ воздуха; отсюда и наименованіе мыса къ югу отъ Куанѣ: Cabo Frio, т. е. «холодный мысъ», а также и сосѣдней бухты: Angra Fria, т. е. «холодная бухта». Этотъ морской потокъ, хотя и въ меньшей степени, освѣжаетъ берегъ также и къ сѣверу отъ Куанѣ; извѣстно, что его вліяніе ощущается даже вплоть до острова Св. Омы. Мористѣ Лоанды, его средняя скорость равняется приблизительно 1.800 метрамъ въ часъ; но иногда случается, что сильныя сѣверо-западные вѣтры совершенно останавливаютъ это теченіе, или же мѣстами заставляютъ его воды даже поворачивать назадъ. Южные вѣтры преобладаютъ надъ вѣтрами съ сѣвера на всемъ протяженіи береговъ. Пассаты на нихъ рѣдко ощущаются въ ихъ нормальномъ направленіи съ сѣверо-востока на сѣверо-западъ: они почти всегда отклоняются разрѣженнымъ воздухомъ, поднимающимся съ жаркихъ областей материка, и вслѣдствіе этого, превращаются въ юго-западные и даже въ западные муссоны. По Рибейро, соотношеніе между атлантическими и континентальными вѣтрами выразилось бы немного болѣе, чѣмъ отношеніемъ 5 къ 2. Наблюденія, правильно производимыя въ Маланжѣ, находящемся болѣе чѣмъ въ трехстахъ километрахъ отъ моря, показали, что въ этой области—однако, значительно удаленной отъ пояса береговыхъ бризъ (*viração*, или бриза съ моря, и *terral*, или бриза съ берега)—между восточными и западными вѣтрами устанавливается извѣстная очередь: такъ, по Непп'у, восточные вѣтры дуютъ въ особенности утромъ, а западные послѣ полудня; слѣдовательно, восточное теченіе приходитъ съ той стороны неба (страны свѣта), на которой находится солнце.

Подъ вліяніемъ муссоновъ, насыщенныхъ парами, влажность воздуха всегда весьма значительна. Такъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, именно въ 1879, 1880 и 1881 годахъ, относительная влажность выразилась слѣдующими цифрами: Средняя 82, 42; наименьшая 76, 69; наибольшая 87, 69; разность 10, 84³⁾.

Съ мая по сентябрь, воздухъ часто бываетъ почти насыщенъ парами: въ это время туманы, *casimbo*, скрываютъ отдаленные горизонты. Однако, на низменностяхъ дожди сравнительно рѣдки; вѣтры увлекаютъ водяные пары вплоть до откосовъ горъ, гдѣ дожди правильно выпадаютъ въ теченіе сезоновъ: съ октября по январь («малые дожди») и съ апрѣля по май («большие дожди»). Въ Лоандѣ годичное выпаденіе представляетъ большія колебанія: среднее число дождливыхъ дней тамъ иногда не болѣе 15, тогда какъ въ другіе годы оно

¹⁾ Manuel Ferreira Ribeiro, «A colonisação Luso-Africana».

²⁾ Въ Маланжѣ (1.150 метровъ высоты и 9°27' южн. широты) средняя температура = 19,5°, а крайнія: 4,3° въ май и 32° въ октябрѣ.

³⁾ G. Gomes Caelho Ribeiro, упомян. сочиненіе.

учетверяется. Такъ, въ этомъ городѣ наблюденія дали слѣдующіе результаты:

Иногда въ благопріятные сезоны дождевой воды выпадало болѣе полуметра, а въ дру-

Видъ береговъ Лимпопо въ Трансваалѣ.

Дождл. дней.	Атмосферн. осадки.
1879 г. — 52	0,571 метр.
1880 " — 34	0,248 "
1881 " — 15	0,134 "
Среднее 34	0,318 метр. ¹⁾ .

¹⁾ Ribeiro, упом. соч.

гихъ случаяхъ собирали всего лишь четверть метра, а то и еще менѣе. Внутри края послѣдствіемъ недостатка дождей неоднократно бывали неурожаи и даже голодовки, которые влекли за собою обезлюдненіе страны и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе самопродажи изъ-за

куска хлеба ¹⁾). Въ сѣверныхъ округахъ первые дожди всегда вредны для здоровья; воздухъ оказывается тогда зараженнымъ зловонными газами, которые, насыщая пористую, загрязненную растительными остатками почву, подъ напоромъ воды сразу выделяются наружу ²⁾. Количество дождей, выпадающихъ на береговой полосѣ, прогрессивно уменьшается въ направленіи съ сѣвера на югъ: такъ, будучи изобильными въ Санъ-Сальвадорѣ, гдѣ, по von Danckelmann'у («Missions Catholiques»), напр., въ 1884 г., въ теченіе 63 дней выпало 880 миллиметровъ атмосферной воды,—они незначительны въ Лоандѣ и совсѣмъ прекращаются въ Моссамедесѣ и въ области нижняго теченія Куанза; правда, здѣсь уже какъ бы начало пустыни, но зато здѣсь же и самая здоровая область Анголы, благодаря сухости воздуха и почвы, а также и сравнительной свѣжести температуры. Уже на плоскогоріяхъ, ограничивающихъ съ юга теченіе Нижней Куанзы, туземцы изъ племени куиссама вынуждены сохранять дождевую воду въ дуплахъ баобабовъ ³⁾, откуда, впрочемъ, ошибочно, заключили, будто португальское наименованіе послѣднихъ, *imbondeiro*, означаетъ бочарное дерево ⁴⁾.

Современныя изслѣдованія Welwitsch'a въ Анголѣ флора этой страны извѣстна въ общихъ чертахъ, и остается изучать лишь ея подробности. Вполнѣ поэтому справедливо, что имя этого ученаго ботаника присвоили самому любимому растенію этой части материка,—вельвичіи (*welwitschia mirabilis*). Это дерево—хотя оно походитъ скорѣе на грибъ странной формы—произрастаетъ въ области Моссамедеса: къ сѣверу оно не переходитъ за устье узда св. Николая, а къ югу отъ Куанзы встрѣчается въ области Дамара; говорятъ, будто оно можетъ жить цѣлое столѣтіе. У этого растенія, въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ землею, стволъ, достигающій 3 или 4 метровъ въ окружности, сразу оканчивается горизонтальною поверхностью, которую Welwitsch сравниваетъ съ «круглымъ столомъ», несмотря на то, что эта поверхность бываетъ расщепленная и потрескавшаяся во всевозможныхъ направленіяхъ. Отъ наружныхъ ея краевъ отдѣляются два толстыхъ, приблизительно до двухъ метровъ длины, листка, похожихъ на два кожаныхъ диска: это первые листья растенія, сохраняющіеся со времени проростанія и развивающіеся соразмѣрно росту самаго дерева ⁵⁾. Концы же этихъ листьевъ раздѣляются на множество змѣящихся ремешковъ, похожихъ на оконечности полиновъ.

¹⁾ J. Chavannes, «Petermann's Mittheilungen», 1886, Heft. IV.

²⁾ Pecheux-Lösche, «Loango-Expedition».

³⁾ J. J. Monteiro, *уном. сов.*

⁴⁾ E'Escayrac de Lanture, «Soudan».

⁵⁾ Orpen Bower, «Nature», Ноябрь, 10. 1880.

Въ сѣверныхъ частяхъ Анголы флора нѣмѣе не отличается отъ растительности на низовьяхъ Конго. Древовидныя молочайныя, эриодендроны, баобабы и хлопчатники составляютъ характеристическія растенія тамошняго пейзажа. Въ нѣкоторыхъ небольшихъ долинахъ, хорошо защищенныхъ отъ морскаго вѣтра и обильно орошаемыхъ, тропическая растительность является во всемъ своемъ разнообразіи большихъ деревьевъ, паразитныхъ растеній и лианъ; на плоскогоріяхъ же, съ которыхъ вода стекаетъ скорѣе послѣ своего выпаденія изъ атмосферы, и которыя покрыты лишь тонкимъ слоемъ растительной земли,—простираются безконечныя степи: здѣсь *sarim*, трава саваннъ, скрываетъ подъ своею волнующеюся необъятною поверхностью дичь, если только степь не подвергается такъ называемымъ *queimadas*, или періодическимъ пожарамъ, которые и лишаютъ край всей его фауны, до наѣкомыхъ включительно. Въ общемъ же, богатство растительности въ странѣ уменьшается въ направленіи съ сѣвера на югъ, соразмѣрно съ уменьшеніемъ дождей: тогда какъ дѣйствительный лѣсъ спускается до самаго моря около мыса Падрао,—къ югу отъ факторіи Кабесаде-Кобра ¹⁾ онъ мало-по-малу отдалается въглубь страны, а затѣмъ въблизи морскаго берега лѣсовъ не существуетъ и вовсе; къ югу же отъ Моссамедеса нѣтъ даже и отдѣльно стоящихъ деревьевъ. Тамъ лѣса можно встрѣтить только вдали отъ берега, позади первыхъ террасъ, въ пустыняхъ *sertão*. По мѣрѣ уменьшенія съ сѣвера на югъ растительности, нѣкоторыя изъ растеній начинаютъ замѣняться другими: такъ, напр., *hyphaene guineensis*, столь обыденная отъ устья Конго до Амбриза, вовсе не встрѣчается на болѣе южномъ морскомъ берегу; въ области же Моссамедеса наблюдается переходъ отъ флоры тропическаго пояса къ флорѣ замкнутыхъ бассейновъ Южной Африки. Такъ, въ этой южной провинціи, большихъ молочайныхъ растеній не видно вовсе, тогда какъ гумминосныя растенія въ ней встрѣчаются.

Ботаническій инвентаръ Вельвича насчитываетъ для всей Анголы 3.227 видовъ, изъ которыхъ 1.890—растенія явобратныя. Изъ этого значительнаго числа многія формы принадлежатъ специально данной области: таковы кактусы, о которыхъ прежде думали, будто они встрѣчаются только въ Новомъ Свѣтѣ; ²⁾ растутъ эти виды на хребтахъ плоскогорія, отдаленныхъ отъ морскаго берега и отъ всякаго центра колонизаціи ³⁾. Изъ растеній многія очень цѣнятся дикарями за ихъ, будто-бы, чудодѣйственныя свойства; таковы въ особенности: ядовитое дерево (*erythrophlaeum guineense*), кора или *nkassa* котораго употреб-

¹⁾ H. H. Johnston, «Congo».

²⁾ «Annals do Conselho Ultramarino», дек. 1858.

ляется для испытаній на судѣ, и кустарникъ *ndoui* (*decamera Jovis tonantis*), вѣтви котораго навѣшиваются надъ хижинами въ качествѣ громоотвода. На южныхъ пескахъ, на корняхъ молочайныхъ растеній, произрастаетъ весьма любопытное чужездное растение изъ рода *hydnora*, которое остается подъ землею въ теченіе большей части своего существованія, затѣмъ вдругъ выпускаетъ на божій свѣтъ цвѣточную ножку, на которой и вырастаетъ большой красный цвѣтокъ, издающій запахъ гнилаго мяса. По мнѣнію туземцевъ, это растеніе обладаетъ многими свойствами: они употребляютъ его сокъ для приданія большей крѣпости лесамъ своихъ удочекъ и сѣтямъ, а въ особенности пользуют имъ отъ различныхъ болѣзней. Значительно меньше числомъ тѣ туземныя растенія, плоды которыхъ идутъ въ пищу. Въ ангольской флорѣ насчитывается, напр., не менѣе 32 видовъ винограда, а между тѣмъ едва лишь въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ негры либо употребляютъ его въ видѣ гроздей, либо добываютъ изъ него небольшое количество вина ¹⁾. Однакоже, кофейное дерево, *sigiambambé* по-туземному, произрастающее въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ внутри страны, доставило плантаторамъ первые саженцы для искусственнаго разведенія; въ ангольскихъ лѣсахъ Вельвичъ нашелъ также либерійскій видъ этого растенія, и нынѣ арабійское кофейное дерево на весьма многихъ плантаціяхъ уже замѣнено имъ. Что касается питательныхъ растеній, утилизируемыхъ ради ихъ корней, листьевъ, плодовъ или зеренъ, то въ Анголу, какъ и во всѣ остальные африканскія страны, они были завезены или изъ Азіи, или изъ Новаго Свѣта. Одно изъ этихъ введенныхъ растеній — удающееся, впрочемъ, превосходно — именно манговое дерево, въ нѣкоторыхъ округахъ, на берегахъ Куанзы, встрѣчается рѣдко: существуетъ повѣрье, будто его тѣнь приноситъ несчастье.

Подобныя же, какъ во флорѣ, преобразованія совершаются и въ ангольской фаунѣ. Какъ аборигенныя растенія исчезаютъ передъ иностранными видами, такъ и дикіе звѣри бѣгутъ передъ бѣлымъ человѣкомъ, собаками и другими домашними животными. Не видно уже слоновъ по сосѣдству съ морскимъ берегомъ, хотя съ полѣтка тому назадъ они еще приходили къ берегу океана: такъ, въ 1854 году, первые изслѣдователи Кунэнэ встрѣчали слоновъ въ такомъ большомъ числѣ, что являлось предположеніе назвать Кунэнэ «рѣкою слоновъ»; нынѣ прогнанные съ равнинъ, слоны удалились въ горы и въ серру Шелла, гдѣ они и пасутся по высокимъ склонамъ и вершинамъ ²⁾. Часто посѣщали по ночамъ ули-

цы приморскихъ городовъ также и львы; при этомъ особенно многочисленны они бывали послѣ дождливаго времени года, когда выходили изъ глубины страны, изъ саваннъ и лѣсовъ, преслѣдуя антилопъ, являвшихся пастись на свѣжую травку; часто нападали львы и на людей, а нѣкоторые изъ нихъ, привыкнувъ къ человѣческому мясу, предпочитали хватать пастуховъ вмѣсто животныхъ изъ ихъ стада; туземцы считали львовъ фетишами, и никогда дикарь не осмѣлился бы говорить о львѣ, не придавъ ему титула: «нгана», т. е. «господинъ». Нынѣ эти представители кошачьяго рода появляются рѣдко, и по приморскимъ дорогамъ можно путешествовать уже безбоязненно. Но еще очень обыкновенны пантеры и въ особенности разнаго рода гіены. Ламантины, или «рыба-женщина» (*reixe thiller*), повидимому, исчезъ изъ ангольскихъ рѣкъ, за исключеніемъ верхней части средняго теченія Куанзы, а гиппопотамъ удалился въ боковые потоки рѣкъ. *Jacagès*, или крокодилы, еще населяютъ многія изъ рѣкъ страны, а акулы, столь многочисленные къ сѣверу отъ Зайры, не встрѣчаются на берегахъ юга ³⁾. Въ южныхъ частяхъ страны водятся нѣсколько такихъ видовъ животныхъ, которыхъ нѣтъ на сѣверѣ отъ Куанзы: такъ, зебръ встрѣчается только по окраинамъ большихъ южныхъ саваннъ, какъ равно и нѣкоторыя антилопы, принадлежащія къ поясу бассейновъ рѣкъ Оранжевой и Замбезе. Вѣроятно, одну изъ такихъ антилопъ путешественникъ Брошадэ и принялъ ошибочно за дромадера ⁴⁾. Животнаго, котораго никогда не ввозили въ эту страну.

Міръ птицъ представленъ въ Анголѣ большимъ числомъ видовъ: значительная торговля пѣвчими птицами ведется съ Лиссабономъ. Мѣстные негры твердо вѣрятъ въ предзнаменованія, исходящія изъ пѣнія или полета птицъ. Встрѣча съ *quicoco* (*telephonus erythropterus*) всегда сулитъ благо. *Corythrix raphina*, хорошенькая птичка, кормящаяся преимущественно зернами плодовъ, слыветъ страшнымъ чародѣемъ, и ея крикъ вселяетъ ужасъ. Хижины, даже деревни покидались жителями потому только, что эта птичка, при сѣвѣ на сосѣднее дерево, опускала свою зловѣщую нотку; охотники, ловящіе ее въ лѣсахъ для продажи португальскимъ купцамъ, всячески стараются, неся свою добычу, избѣгать деревень изъ опасенія, чтобы туземцы не обвинили ихъ въ умыслѣ колдовства. Птичка эта замѣчательна и въ другомъ отношеніи: именно, блестящая красная окраска ея крыльевъ раствораима въ водѣ, при чемъ въ растворѣ оказывается нѣкоторое количество мѣди ⁵⁾. Почти

¹⁾ Conde de Ficalho, „Plantas uteis da Africa Portuguesa“.

²⁾ H. H. Johnston, „The Kilima Njaro Expedition“.

³⁾ Monteiro, упом. соч.

⁴⁾ „Annals do Concelho Ultramarino“, ноябрь 1886.

⁵⁾ Monteiro, упом. соч.

повсюду въ лѣсахъ внутри страны обитаетъ также *cuculus indicator*, птичка, которая, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, приводитъ искателей меда къ улью, а затѣмъ терпѣливо ожидаетъ, устѣвшись на сосѣднее дерево, своей доли. Разсказываютъ также, что иногда эта птица, проникая въ самую густую чащу, сводила охотника лицомъ къ лицу съ слономъ или львомъ ¹⁾. Змѣи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, рѣдки, но между ними есть весьма опасныя; такова, напр., *cuspydeiro* или «плевака», которая, будучи раздражена, брызгаетъ ѣдкою и ядовитою слюною; проникновеніе этой слюны въ глаза угрожаетъ слѣпотою. Насѣкомыя, за исключеніемъ муравьевъ и москитовъ, относительно рѣдки на атлантическомъ склонѣ Анголы. Во все продолженіе сасишо ихъ почти не видно; появляются же они только на нѣсколько недѣль или даже дней въ жаркое время года. Рыбою изобилуютъ сосѣднія моря необычайно: порою вода кажется какъ будто массою живаго мяса,—до такой степени она переполнена рыбами, простирающимися на нѣсколько квадратныхъ километровъ въ видѣ движущихся мелей. Ангольскіе туземцы ѣдятъ одинъ мелкій видъ акулы, равно какъ и *pinho*, рыбу-пѣвунью, дрожащія, пѣжныя, какъ звукъ флейты, нотки которой выходятъ изъ тихихъ водъ. Въ рѣкахъ и въ особенности въ лужахъ послѣ разлива водъ по равнинамъ, ловятъ пимелода, изъ сомовидныхъ, достигающаго двухъ метровъ длины и по цѣлымъ часамъ остающагося живымъ также и на сушѣ.

Огромное большинство ангольскихъ негровъ принадлежитъ къ группѣ народовъ банту; но, вѣроятно, между ними, какъ и между населеніями Конго и Огове, находятся также потомки тѣхъ расъ, которыя господствовали въ предшествующую эпоху цивилизаціи, когда Африка еще не получила питательныхъ растеній изъ Азіи и Новаго Свѣта, и когда населяющіе ее народцы, живя лишь охотою, рыбною ловлею и сборомъ дикорастущихъ ягодъ и плодовъ, бродили по лѣсамъ ²⁾. Эти первобытныя племена, отброшенные на окраины пустынныхъ саваннъ южной части Ангольской области, отличаются еще и нынѣ отъ своихъ завоевателей какъ образомъ жизни, такъ и языкомъ. Но и сами завоеватели, хотя родственные между собой какъ по происхожденію, такъ и по языкамъ, представляютъ нѣсколько слоевъ послѣдовательныхъ нашествій, изъ которыхъ каждое влекло за собою измѣненіе политическаго равновѣсія страны. Последнее изъ такихъ вторженій совершено джагами въ срединѣ 16-го столѣтія, когда, въ

свою очередь, и португальскіе мореплаватели уже показались около морскихъ береговъ края; это вторженіе пронеслось по странѣ наподобіе урагана, разрушая государства и сметая народы, при чемъ самихъ завоевателей обыкновенно считаютъ единоплеменниками кафровъ и зулусовъ изъ южныхъ странъ Африки. Въ наши дни этническія перемѣны совершаются болѣе постепенно, но сила ихъ воздѣйствія гораздо значительнѣе: не врагами являются кабиндскіе негры, бразильскіе переселенцы и португальскіе метисы, но вліяніе ихъ тѣмъ легче воспринимается. Для жителей Анголы этимъ путемъ начинается новая цивилизація ³⁾.

Различныя сѣверныя племена Анголы принадлежатъ, подобно народцамъ, проживающимъ между Конго и Шилонго, къ группѣ ба-фіотовъ: ихъ также, какъ и ту рѣку, около которой они обитаютъ, называютъ вообще племенами конго. Они-то нѣкогда и основали то конгское государство, которое прославилось какъ союзомъ съ португальцами, такъ и успѣхами миссіонеровъ, крестившихъ новообращенныхъ сотнями тысячъ. Государство это существуетъ еще и теперь, но оно очень ослаблено, и большая часть ба-фіотскихъ племенъ уже не входитъ въ его составъ. Му-соронго, братья живущихъ къ сѣверу отъ Запры, му-шиконго, ба-конго, бамба, муйоло и другіе народы фіотской расы слѣдуютъ другъ за другомъ къ югу отъ Нижняго Конго вплоть до бассейна р. Мбришъ, оставаясь лишь въ воображаемой вассальной зависимости отъ пребывающаго въ Санъ-Сальвадорѣ короля и весьма слабо испытывая на себѣ авторитетъ португальцевъ. Страну этихъ сѣверныхъ населеній удавалось посѣтить, къ тому же, немногочисленнымъ путешественникамъ лишь цѣною большихъ опасностей и тяжкихъ трудовъ. Что касается негровъ сонго, живущихъ на полуостровѣ между Конгскимъ лиманомъ и берегомъ моря, то они не имѣютъ никакого отношенія къ своему прежнему сюзерену въ Санъ-Сальвадорѣ: возстаніемъ ихъ начальника, или киламбы—«графа де-Соньо» португальскихъ хроникъ—и началась въ концѣ XVII-го столѣтія дезорганизація имперіи. Возстанія, соперничества миссіонеровъ, захватъ торговыхъ дорогъ кабиндами, и въ особенности продажа туземцевъ въ рабство, совершаемая либо самими монахами, либо португальскими или иноземными негро-торговцами—привели къ совершенному разстройству старинное конгское государство, которое, если еще и сохраняется, то подобно «священной римской имперіи» въ средніе вѣка, лишь въ силу мистической мощи преданія.

Негры, обитающіе къ западу отъ Санъ-Саль-

¹⁾ Levaillant;—Spartman;—Livingstone;—Magyar;—Hobbes;—Serpa Pinto;—Capella e Ivens и т. д.

²⁾ Conde de Ficalho, упомянутъ соч.

³⁾ «Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa», 1882 № 7.

вадора, именно племена: му-соронго, му-шиконго и бамба, хотя и находятся вблизи Конго, а также посещаютъ и факторіи бѣлыхъ, подверглись иностранному вліянію лишь въ весьма слабой степени; такъ, они остались чистыми послѣдователями фетишизма, безъ примѣси какихъ бы то ни было церемоній, заимствованныхъ у католиковъ; они

внушающимъ страхъ. Міръ духовъ управляетъ живущими. Часто женщины, остающіяся долго безплодными, или потерявшія своего перваго ребенка, даютъ обѣтъ посвятить своихъ новорожденныхъ служенію фетишамъ, и тогда съ малыхъ лѣтъ будущіе жрецы обучаются, подъ руководствомъ великихъ фетишеровъ, бить въ волшебный барабанъ, произносить заклинанія,

Женщина племени му-соронто.

всегда обуваютъ своихъ покойниковъ по-европейски, въ башмаки или сапоги, конечно, для облегченія имъ путешествія въ невѣдомый міръ¹⁾. Му-шиконго, т. е. «рожденные отъ деревьевъ», хотя и не имѣютъ домашнихъ идоловъ, тѣмъ не менѣе считаютъ «фетишами» почти всѣ предметы въ природѣ, а все необъяснимое признаютъ либо чудомъ, достойнымъ обожанія, либо дѣломъ волшебника,

производить судороги для вызова духовъ, напускать болѣзни или, напротивъ, изгонять ихъ. У бамба посвященіе въ таинства вслѣдъ за обрѣзаніемъ требуетъ много времени: именно, обрѣзанные мальчики удаляются въ лѣса, гдѣ, живя совершенно отдѣльно отъ остальныхъ членовъ и составляя временную республику, учатся познавать волшебныя свойства травъ, деревьевъ и животныхъ и приготавливаютъ «мѣшокъ съ лѣкарствами», которыя они должны сохранять въ теченіе всей своей жизни для

¹⁾ Monteiro, упом. соч.

предохранения себя от несчастия; домой, в село они возвращаются не раньше, какъ запасшись этими мощными амулетами. Говорятъ, что король племени бамба, предокъ котораго былъ нѣкогда генералиссимусомъ Конгского императора, въ настоящее время является хранителемъ великаго фетиша, живущаго въ священномъ деревѣ, недоступномъ для иностранцевъ. Однако, это таинственное существо остается невидимымъ даже и для своихъ поклонниковъ; будучи смертно, оно, правда, умираетъ, но затѣмъ «этотъ богъ» снова возрождается изъ костей, собранныхъ его жрецами отъ трупа предыдущаго фетиша. Рассказываютъ, будто-бы и всѣ члены племени также должны пройти чрезъ такъ называемую «временную смерть»: именно, когда жрецъ потрясаетъ своею тыквенною бутылкою, наполненною талисманами, то всѣ молодые люди впадаютъ въ каталептическій сонъ и валятся какъ трупы. Только спустя три дня они возрождаются къ жизни, которую съ этого времени и посвящаютъ служенію воскресившаго ихъ фетиша; однако, существуютъ и такіе, которые просыпаются отупѣвшими, и воспоминаніе о предыдущемъ существованіи у которыхъ возвращается лишь медленно. Но какъ бы ни были приемы бамбаскихъ чародѣевъ, повидимому, правдоподобно, что имъ дѣйствительно удается ввергать молодыхъ людей въ такой сонъ, который походить на состояніе послѣ смерти. Тѣ изъ нихъ, которые не подвергались процедурѣ «новаго рожденія», всѣми презираются, и имъ воспрещена пляска ¹⁾. Среди му-шиконго проживаютъ ма-вумбу, вполнѣ схожіе своею наружностью съ другими ма-вумбу, встрѣчающимися къ сѣверу отъ рѣки, въ сосѣдствѣ съ Лоанго, и тоже узнаваемыми по ихъ семитическому типу ²⁾. По ихъ преданіямъ, южные ма-вумбу, принадлежащіе всѣ къ могущественнымъ семействамъ, пребываютъ въ краѣ съ незапамятныхъ временъ.

Къ югу отъ племенъ, составляющихъ группу Конго, и вплоть до провинціи Моссамедесъ, простирается глоссологическая область племени бунда (бундо, бондэ), иногда называемаго, какъ и вообще вся территорія, анголою. Название «бунда», по одному этимологическому истолкованію его, впрочемъ, мало вѣроятному, означаетъ «людей поражающихъ» или побѣдителей; въ такомъ случаѣ, оно дѣйствительно напоминало бы о послѣдовательныхъ вторженіяхъ этой расы и объ ея побѣдахъ надъ аборигенами ³⁾. Но, кажется, что данное наименованіе скорѣе означаетъ «семейство, потомство, происхожденіе» ⁴⁾, заключая въ

себѣ такимъ образомъ указаніе на существованіе у говорящихъ на этомъ общемъ языкѣ сознанія объ ихъ родствѣ. Бунда или *lingua geral* (общій языкъ) Анголы представляетъ одинъ изъ языковъ, наиболѣе распространенныхъ въ Африкѣ, а также одинъ изъ тѣхъ языковъ, которые, не будучи вполнѣ изучены, извѣстны, однако, уже издавна; такъ, въ концѣ XVII-го столѣтія въ Лиссабонѣ была уже издана грамматика ангольского языка, а также писались на этомъ языкѣ и религіозныя сочиненія; кромѣ того, уже болѣе двухъ столѣтій, какъ на языкѣ бунда говорятъ европейцы ⁵⁾. Глоссологическая область этого языка, начинающаяся, по Monteiro, непосредственно книзу отъ рѣки Дандэ, простирается далеко за предѣлы Анголы: если на бундскомъ языкѣ не говорятъ, то по крайней мѣрѣ его понимаютъ тѣ многочисленныя племена внутри страны, которыя состоятъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ бундскими караванщиками. Такимъ образомъ, жители Анголы распространяютъ употребленіе своего «франкского языка» вплоть до бассейновъ Конго, Ку-Бавго и Замбезе не въ качествѣ «побѣдителей», а въ качествѣ купцовъ. Въ португальскихъ владѣніяхъ, языкъ этотъ представляетъ два нарѣчія, настолько различающіяся, что ихъ даже классифицировали какъ два особые языка: бунда въ собственномъ смыслѣ или ангола, на которомъ говорятъ къ сѣверу отъ Куанзы, и бунда южное, господствующее во всей области между Бенгуэлою и краемъ Бихэ ⁶⁾. Что же касается португальскихъ словъ, то они проникли во всѣ языки внутри Африки, вплоть до Кассай.

Такимъ образомъ бунда, а-бундо или бинъ-бундо раздѣляются на двѣ группы: сѣверную или южную; но и эти группы, не образуя сличеннаго или національнаго союза, подраздѣляются, въ свою очередь, на большее число племенъ, достигшихъ весьма различныхъ степеней цивилизаціи: такъ, одни, подвергающіяся вліянію бѣлыхъ, въ сосѣдствѣ съ морскимъ побережьемъ или въ плантаціяхъ внутри страны — сравнительно цивилизованныя; другія же, живущія на плоскогоріяхъ или въ глухихъ долинахъ горъ, остались въ дикомъ состояніи. При этомъ, лучше сохранилась чистота расы, а также и прежніе обычаи, у тѣхъ бунда, которые называются банано, или «люди горъ» и которымъ могутъ быть противопоставлены ба-буэро, или «люди равнинъ» ⁷⁾; впрочемъ, Nogueira распространяетъ наименованіе ба-нано или нанно на всю данную національную группу. Сопо-

¹⁾ Adolf Bastian, *упомн. соч.*

²⁾ Chavannes, *упомн. соч.*

³⁾ Canneattim, «Diccionario de lingua bunda».

⁴⁾ Cust, *упомн. соч.*

⁵⁾ Книзь-бунда у Magyar'a; hem-boundo у Pinto; am-bum-da у Sanders'a.

⁶⁾ Ladislav Magyar, *упомн. соч.*; — Sanders, *цитируемый Cust'омъ.*

⁷⁾ A. F. Nogueira, «A. Raça Negra».

ставляя преданія тѣхъ бунда, которые живутъ въ области горъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Куанзы, Мадьяръ говоритъ, что эти племена пришли съ сѣверо-востока около половины XVI-го вѣка. Предки этого народа, свирѣпые людѣды, постоянно воевали съ окрестными племенами, добывая этимъ путемъ человѣческое мясо, а когда для битвъ не находили враговъ, то устремлялись другъ на друга. Эти непрестанныя убійства уже начинали угрожать истребленіемъ всей расы, когда, по словамъ легенды, образовалось тайное общество *emracasseiros*’овъ, или охотниковъ на буйволовъ, которые рѣшили не ѣсть другаго мяса, кромѣ мяса лѣсныхъ звѣрей; хвостъ буйвола, обвязанный вокругъ головы, а также кольца изъ его кишекъ на рукахъ и ногахъ, служили отличительными признаками членовъ этого сообщества. Наконецъ, союзники сдѣлались настолько могущественными, что открыто возмутились противъ людѣдовъ, оставшихся вѣрными стариннымъ обычаямъ; однако, имъ пришлось покинуть край и перейти верхнюю Куангу, въ направленіи къ западу, и основаться въ краѣ Байлундо и въ сосѣднихъ территорияхъ, гдѣ мало-по-малу они научились обрабатывать почву и сдѣлались вѣрными союзниками португальцевъ, которые уже во времена первыхъ своихъ «черныхъ войнъ» имѣли около себя орды стрѣлковъ изъ лука, набравшіяся между этими *emracasseiros*’ами и достигавшія иногда тридцати тысячъ человѣкъ. Съ другой стороны, тѣ бунда, которые остались къ востоку отъ Куанзы, ослабѣвъ послѣ выселенія *emracasseiros*’овъ настолько, что не могли уже господствовать надъ другими народцами страны, будто-бы постепенно сливались съ ними, и хотя еще остались дикими, но нравы ихъ все-таки значительно смягчились.

Какую бы, однако, цѣну ни придавать этимъ рассказамъ, гдѣ легенда перемѣшана съ исторіей ¹⁾, несомнѣнно, что человѣческія жертвоприношенія и остатки людѣдства сохранялись въ религиозныхъ церемоніяхъ по крайней мѣрѣ до половины текущаго столѣтія. По свидѣтельству Владислава Мадьяра,—который былъ зятемъ короля Бихэ, а, слѣдовательно, и однимъ изъ князей главнаго племени бунда,—обычай требовалъ, чтобы трупъ начальника былъ орошенъ кровью рабовъ, а воцареніе новаго властителя не могло совершиться иначе, какъ послѣ охоты на человѣка, во время которой кандидатъ на власть долженъ былъ завладѣть по одному индивиду изъ каждой профессіи, такъ какъ для того, чтобы всѣ ремесла процвѣтали подъ его управленіемъ, необходимо, чтобы отъ cadaго изъ нихъ была

принесена жертва; кромѣ того, молодыя дѣвушки и даже беременныя женщины обрекались на смерть, для обезпеченія плодородія въ теченіе будущаго царствованія, а дѣти, оторванные отъ груди матери, служили для фаворизаціи элексира долгой жизни. При перемѣнѣ царствованія предавали смерти кого-нибудь изъ доблестныхъ воиновъ, дабы король могъ съѣсть его сердце; но такъ какъ такой витязь долженъ пастъ во время полнаго обладанія своими силами и въ радостномъ состояніи духа, то его убивали неожиданно во время исполненія воинскаго танца. Горе всякому чужеземцу, который встрѣтился бы на пути погребальной процессіи! Его тотчасъ же поволокли бы силой и убили бы на могилѣ. Впрочемъ, обычай разрѣшалъ убійство въ теченіе семи дней между смертью одного короля и воцареніемъ другаго, и регулярные солдаты постоянного войска, «сыны слона», пользовались этимъ для того, чтобы грабить и убивать по произволу. Но въ обыденное время приносили въ жертву только животныхъ: воинъ приносилъ фетишерамъ черную козу или чернаго же цвѣта телку; а женахъ—какое-нибудь животное, но совершенно бѣлое, безъ пятнышка.

Бунда, въ особенности племя нано, или «люди изъ высокой страны»,—вообще красивы, съ высокой осанкой и открытымъ лицомъ: не рѣдки между ними и лица съ голубыми глазами, хотя такой цвѣтъ вовсе не цѣнится туземцами. У большей части племенъ женщины вытатуировываютъ на себѣ рисунки, изображающіе цвѣты и арабески; головы ихъ остаются непокрытыми, тогда какъ мужчины наворачиваютъ нѣчто въ родѣ тюрбана себѣ на волосы, или же заплетаютъ ихъ въ множество косичекъ, украшенныхъ шариками изъ глины, замѣняющими кораллы. Къ тканямъ одежды главари, или *саба*, прибавляютъ, что, впрочемъ, дѣлается начальниками племени въ Африкѣ почти повсюду,—шкуру пантеры или другаго свирѣпаго животного: эта шкура служитъ символомъ того страха, который они должны вселять. Нѣкоторые изъ народцевъ совершаютъ обрѣзаніе, между тѣмъ какъ у другихъ оно неизвѣстно; есть и такіе, у которыхъ обрѣзаны только начальники, при чемъ этой операціи они должны подвергнуться раньше, чѣмъ накинута себѣ на плечи тигровую шкуру ¹⁾. Большею частью бунта очень способные: подъ руководствомъ бѣлыхъ они скоро научаются чтенію, письму и музыкѣ; въ нѣсколько мѣсяцевъ они выучиваются правильно говорить по-португальски и становятся превосходными рабочими; каждая община имѣетъ своего кузнеца, который въ то же время и оружейникъ, своего плотника, ткача,

¹⁾ Travassos Valdez, „Six Years of a Travellers' Life“.

¹⁾ Ladislav Magyar, упом. соч.

горшечника, охотника, заседающих в общественных собраниях по порядку старшинства. Главным же образом бунда отличаются, как торговцы: это они управляют делами португальских купцов внутри страны, при чем часто превосходят своих учителей торговой сметкою. Называемые Ливингстоном мамбари, бунды плоскогорий сопровождают караваны купцов во внутреннюю Африку; их называют также *pombeiros*, по причине их пришествий в страну кустов (куст по-туземному называется *pombe*, по-португальски — *sertão*). Некоторые из этих караванов состояли из трех тысяч человек и иногда превращались в грабительские армии. Многие из банд посылают своих детей в приморские города для получения европейского образования.

Области, занимаемые племенами бунда, делятся на начальничества, при чем некоторые из них весьма населены; однако, каждая деревня составляет независимую общину, самоуправляющуюся в тех делах, которые не касаются всех остальных поселений. Впрочем, сограждане обсуждают свои дела вовсе не на правах равенства, так как привилегированных лиц весьма много, и создаются привилегии частью по праву наследства, а частью по назначению государя; кроме того, более половины народонаселения — рабы. Войны доставляют пленников, голод побуждает несчастных продаваться, а за долги расплачиваются также и свободою; случалось даже, что для уплаты издержек по погребению продавали собственных детей покойника. С другой стороны, почти все рабы женаты на свободных женщинах, с племью свалить свой труд на менее счастливых пленников и обеспечить свободу своим детям, так как сыновья и дочери всегда наследуют звание матери. Часто жизнь раба считается столь же ценною, как и жизнь свободного человека, именно — в тех случаях, когда, чрез женитьбу, он родится с ким — либо из начальников; его труп, как и трупам других бунда, колдуны задают вопросы о том, не причинена ли ему смерть какою-либо порчею и кто из чародеев повинен в этом? Задаются же эти вопросы в силу повѣрья, будто бы души неумиротворенных мертвецов не преминут снова явиться на землю и станут беспокоить живых до тех пор, пока им не будет воздана справедливость.

По ту сторону верхнего течения Куанзы, населенная живущая к юго-востоку от племен бунда, хуамба и квимбанда, — разбѣянных в долинах плоскогорья союзных племен, состоящих из кузнецов и искателей меда, — известны под именем гангуалла; название это, означающее «глупцов, людей без ума», будто-

бы свидетельствует о том презрѣнии, которое питали к этим туземцам, при чем, в доказательство тупоумия гангуаллов, приводили тот факт, что они, будто бы, смотрѣли на водку как на яд и умертвляли первых купцов, привезших это губительное снадобье. Собирательное название «гангуалла» прилагается к многочисленным племенам, говоры которых примыкают: в восток — к нарѣчию племени лобале, а в запад — к нарѣчию племени вано; однако, несмотря на разницу в социальном состоянии этих наций, кажется, что они одного и того же происхождения, и репутация варваров не мешает гангуаллам быть в торговом деле людьми смѣливыми и предприимчивыми; по Ва-тиану, это между ними слѣдует искать потомков древних завоевателей Конго¹⁾, тех джигасов, которых другие писатели находят между фуллами, галласами или кабрами. Сонго, занимающее водораздельную область между рѣками Куанза и Куанго, более гангуаллов подверглись влиянию португальцев; и, однако же, мало стран, где суд посредством испытанія ядом из коры *nkassa* был бы столь же распространен, как в этом краѣ. Къ нему прибѣгают даже по сущим пустякам, при чем спорящая сторона бывает представлена либо толпою детей, либо стаей собак. И тем, и другим ядовитый отвар дается настолько слабый, что не угрожает большою опасностью для жизни, и на чьей сторонѣ впервые послѣдует извержение яда, та сторона и выигрывает²⁾.

На низовьях Куанзы, жители южного берега представляют более отличий от типа племени бунда. Нарѣчия банту, которыми они говорят, много разнятся от господствующаго языка в Анголѣ³⁾. Племя либалло, территория котораго ограничена с востока небольшою рѣкою Конго, состоит из людей добрых и мирных, искусно воздѣлывающих свою почву. Либалло — наследственные враги своих западных сосѣдей, киссамы, живущих в полуостровном пространстве, ограниченном с востока и сѣвера большою излучиною Нижней Куанзы, а с запада и с юго-запада — морским побережьем. Киссамы до сих пор сохранили свою полную независимость, хотя и легко было бы присоединить их территорию, почти цѣлкомъ вкрапленную в португальскія владѣнія. Во время одной голодовки, постигшей край, бундские негодяи воспользовались этою нуждою и продавали киссамам жизненные припасы в обменъ на свободу большого числа голодающих. В наказаніе за эту гнусность киссамы отомстили в слѣдую-

¹⁾ „Ethnologische Forschungen“.

²⁾ Paul Pogge, „Im Reiche des Muata Jamwo“.

³⁾ Monteiro, *уном. сох.*

щемъ же году, плѣнивъ бундскихъ торговцевъ съ португальскимъ рынкомъ, они вынуж- и подвергнувъ ихъ пыткѣ и жженію каленымъ дены переходить за Куазну. Туда они желѣзомъ. Поэтому племя бунда охотно вы- приносятъ, главнымъ образомъ, драгоценный звалось бы пособить португальскому праи- продуктъ — соль въ брускахъ въ полметра

Станъ бушменовъ.

тельству въ завоеваніи киссамскаго края. Весьма черные, малые ростомъ, почти всегда грязные, киссама держатся особнякомъ отъ всѣхъ другихъ туземцевъ; однако, для продажи своихъ произведеній въ мѣстахъ длиною, которые отправляютъ внутрь материка и которые замѣняютъ монету въ большой ча- чти континента. Торговцы, запасшись фети- шами, которые служатъ имъ какъ-бы охран- ными грамотами, проникаютъ, въ свою оче-

редь, въ киссамскія деревни, доставляютъ европейскіе товары, между прочимъ, стеклянные подѣлки, которыя киссамскими женщинами употребляются на украшеніе костюма. Ихъ прически, съ короною изъ растительныхъ волоконъ въ видѣ вѣнца, украшаются бусами въ перемежку съ нитями изъ луба; онѣ носятъ также платье, изготовленное изъ луба баобаба и покрытое сзади, у богатыхъ, шкурою антилопы, на которую нацѣплены раковинки, постукивающія другъ о друга при каждомъ шагѣ, вслѣдствіе чего, по шуму отъ этихъ раковинъ на костюмѣ, уже издали слышно приближеніе женщины. Киссама—весьма вѣжливы и церемонны ¹⁾).

Къ югу отъ Либолло и Киссама живутъ амбоззла, народъ бантскій, носящій то же самое имя, какъ и многочисленныя къ той же расѣ принадлежащія племена, основавшіяся на юго-востокѣ, на берегахъ Ку-Банго и по верхнему теченію Замбезе. Сели или му-сели, на морскомъ берегу, около Ново-Редовдо, были нѣкогда людоедами и при своихъ религіозныхъ церемоніяхъ приносили человѣчскія жертвы, при чемъ голова и сердце убитаго доставались королю. Южиѣ, дикіе му-ндомба, покоренные лишь въ 1847 году,—кочующій пастушескій народецъ, отличающійся независимымъ, но не злобнымъ, характеромъ. Они одѣваются въ шкуры и намазываютъ тѣло прогорклымъ растительнымъ или коровьимъ масломъ, черня его угольнымъ порошкомъ. Единственные между обитателями Анголы, они носятъ сандаля изъ бычачьей кожи. Въ ихъ деревняхъ хижины, или *кубата*, въ которыхъ съ трудомъ можно стоять, похожи на стоги сѣна и имѣютъ форму правильного полушара; находящіяся въ нихъ кровати—не что иное какъ массы глины, выравненные на поверхности и смазанные коровьимъ масломъ. Когда му-ндомба женится, садятъ рощицу банановъ, и если молодая жена не забеременѣетъ къ тому времени, когда дерево станетъ приносить плодъ, то она можетъ требовать развода ²⁾. Обыкновенно му-ндомба не ѣдятъ другаго мяса, кромѣ дичи; они сильно воздерживаются отъ убоя своего скота, если только не случится смерть начальника, которая служитъ сигналомъ большаго пиршества, во время котораго быки пожираются уже сотнями. Во время этихъ чудовищныхъ поминокъ, которыя длятся отъ десяти до пятнадцати дней, сѣдаютъ всю тушу цѣликомъ: мясо едва поджаренное, кровь, внутренности и даже кожу, опаленную на яркомъ пламени; остаются только кости да рога ³⁾.

Между Бенгуэллоу и Моссамедесомъ, примор-

ская область занята племенами ба-куандо ⁴⁾ и ба-куиссе, народцами, которыхъ считаютъ принадлежащими къ какой-то примитивной расѣ, находящейся уже на пути къ исчезновенію. Это люди малаго роста, съ желтовато-черною окраскою кожи, выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, вздутыми губами, выдвинутою впередъ челюстью и большимъ животомъ на весьма слабыхъ ногахъ. Отъ нихъ убѣгаютъ, точно это опасные люди, а между тѣмъ они и сами-то не что иное, какъ бѣглецы: проживая въ пещерахъ и въ расщелинахъ горъ, они покидаютъ одно за другимъ свои пристанища, передъ бѣлыми или чернокожими другой расы; европеецъ въ ихъ глазахъ—почти божественное существо, которому они никогда не осмѣлились бы сопротивляться. Крадучись и прячась отъ иноплеменника, пробираются они къ морю для сбора тѣхъ животныхъ и обломковъ, которые выкинутъ имъ волны, или же отваживаются пускаться на поиски за рыбою, пригнанною къ берегу морскимъ прибоемъ: другой пищи они не ѣдятъ, такъ какъ вовсе не имѣютъ оружія для охоты за дичью. Общественная группировка не переступаетъ у нихъ за предѣлы семейства, и они кочуютъ, подъ предводительствомъ старшаго въ родѣ ⁵⁾. Другіе пугливые народцы, ба-кубале (кабаэ) и ба-корока, вѣроятно, смѣшанной расы, находятся на западномъ склонѣ горъ и тоже слишкомъ слабы, чтобы противопоставить хотя-бы малѣйшее сопротивленіе бѣлымъ или чернымъ завоевателямъ. На противоположномъ склонѣ, ба-канкала, малорослые, пузатые и желтоватые, также представляютъ, вмѣстѣ съ ба-куандо и ба-куиссе, бумменскую расу между племенами банту ⁶⁾. Въ южной области Анголы больше всего еще сохранилось потомковъ аборигеновъ; но и тамъ народы банту завоевали землю, и языкъ бунда сдѣлался преобладающимъ. Главнымъ племенемъ на правомъ берегу Куанзэ является ба-симба (ба-ксимба), *cimberas* многихъ этнологовъ ⁴⁾.

Верхній бассейнъ Какуловара, главнаго притока р. Куанзэ, принадлежитъ различнымъ племенамъ народа ба-нанека, а берега самой Куанзэ, въ ея верховьяхъ, заселены племенемъ ба-нкомби; въ общемъ, численность этихъ двухъ націй, по Nogueira, простирается до ста сорока тысячъ человѣкъ. Всѣ они говорятъ на бундскомъ языкѣ, и очевидно, по расѣ, это братья сѣвернымъ бунда; изъ преданій ихъ явствуетъ, что они жили нѣкогда въ области верхняго теченія Куанзы и были изгнаны от-

¹⁾ Му-куандо, по Ladislav Magyar.

²⁾ Ladislav Magyar, упом. соч.—Nogueira. „A Raça Negra“.

³⁾ Nogueira, „Exploration du fleuve Cunéné“. Рукон. замѣтки.

⁴⁾ Duparquet, „Voyage en Cimbébasie“.

¹⁾ Héli Châtelain, „Afrique explorée et civilisée“. Маи, 1887.

²⁾ Capello e Ivens, De Benguella as terras de Jacca.

³⁾ Monteiro, упом. соч.

туда племенемъ ба-нано. Ихъ обычаи, въ особенности обычаи племени ба-нкомби, сходны съ арабскими: они бреютъ себѣ голову, оставляя одинъ пучекъ волосъ; и, входя въ домъ къ кому-либо изъ друзей, почтительно разуваются¹⁾; группы ихъ хижинъ походятъ на дуары и управляются тѣмъ же порядкомъ. Большая часть этихъ народцевъ независимы, и даже тѣ изъ нихъ, которые платятъ небольшую дань своимъ сюзеренамъ, во всѣхъ внутреннихъ своихъ дѣлахъ свободны. Хам-ба, или начальникъ, т. е. тотъ, «кто болѣе, чѣмъ чужеземецъ», не можетъ, однако, диктовать свою волю: онъ окруженъ совѣтниками, которые обсуждаютъ съ нимъ всѣ важныя дѣла и часто навязываютъ ему свой взглядъ. Когда охотникъ убьетъ слона, то одинъ изъ бывшей доставляется имъ хамъ-бѣ, но никакихъ другихъ налоговъ нѣтъ, если только спорящія стороны не захотятъ обратиться къ суду «отца». Рабство существуетъ, но самаго слова «рабъ» избѣгаютъ, замѣняя его словомъ «сынъ» или «двоюродный братъ»; и дѣйствительно, когда въ семействѣ нѣтъ законнаго наследника, т. е. сына единоутробныхъ сестры или брата, то самый старшій рабъ получаетъ наследство, въ ущербъ даже дѣтямъ покойнаго; женщины не наследуютъ.

На разпросы миссіонеровъ, ба-нанека и ба-нкомби говорятъ о верховномъ богѣ, а объ умершихъ выражаются, «что Богъ приказалъ имъ придти къ себѣ»; однако, поклоненія этому богу они никакого не совершаютъ и смѣшиваютъ его съ солнцемъ. Будучи пастухами и земледѣльцами, они въ особенности чтутъ животныхъ, змѣю, ползающую въ ихъ хижинахъ, и быка, неизмѣнно сопровождающаго ихъ при переходѣ съ одного пастбища на другое. У каждого му-нанека есть свой любимый быкъ, и когда му-нанекъ умираетъ, то его останки, приведенные, посредствомъ варенія, въ родъ тѣста, и хоронятся въ кожѣ его любимца²⁾. Великій праздникъ, именно праздникъ изобилія, имѣетъ символомъ бѣлаго или чернаго, но безъ малѣйшаго пятнышка, быка, который шествуетъ подъ начальствомъ музне-хамбо, или «старшаго пастуха», и за которымъ слѣдуетъ корова, называемая «хозяйкой дома»³⁾. По окончаніи жатвы, все племя отправляется процессією, въ предшествіи священныхъ быковъ, въ мѣстопробываніе начальника, чтобы погадать о судьбѣ и приготовиться къ работамъ наступающаго года. Въ дни праздника, радость должна быть всеобщая: не разрѣшается оплакивать даже мертвыхъ; преступленія—весьма, впрочемъ, рѣдки во время этого періода взаимнаго благоволенія,—считаются не совер-

шившимися; розыскивать ихъ виновниковъ воспрещено. У народцевъ, проживающихъ въ области р. Кунэна, всѣ молодые люди обрѣзаны; только подъ этимъ условіемъ они считаются *тиба*, т. е. равными; всѣхъ же необрѣзанныхъ, или *би-сумо*, преслѣдуетъ общественное презрѣніе. Кандидаты на равенство должны подвергаться этой операціи, стоя и опершись на лукъ; въ племенахъ этихъ храбрыхъ воиновъ страдать должно молча. Nogueira, прожившій одиннадцать лѣтъ между туземцами р. Кунэна, съ удивленіемъ говоритъ объ ихъ достоинствѣ и гражданскихъ добродѣтеляхъ. Помимо преступленій, совершаемыхъ, какъ и во всѣхъ странахъ, ради династическихъ распрей, не бываетъ нападеній ни противъ жизни, ни противъ собственности, хотя каждый носитъ оружіе и никакая полиція не выѣзываетъ въ отношенія между гражданами. Развратъ, споры, насилие и бѣдность внесли въ страну португальцы⁴⁾. Какъ почти во всѣхъ странахъ, гдѣ европейцы вступаютъ въ сношенія съ туземцами, дѣло ихъ имѣетъ гибельное начало: они развращаютъ населенія, вмѣсто того, чтобы нравственно улучшать ихъ, а иногда истребляютъ ихъ отчасти, или даже вполне. Прежде, слѣдовательно, чѣмъ совершится единеніе расъ и прогрессъ каждого народа послужить на пользу всѣмъ, протекаетъ періодъ вражды, во время которой слабые побѣждаются сильными.

Полуцивилизованные негры Анголы однообразно называются *pretos*’ами, между тѣмъ какъ туземцы, оставшіеся внѣ португальскаго вліянія, обозначаются словомъ *negros*, которое часто произносится съ презрѣніемъ. *Претосы*, подвергаясь вліянію европейцевъ, а также и переселенцевъ изъ Кабинды, которыхъ, наравнѣ съ бѣлыми, слѣдуетъ считать истинными цивилизаторами жителей Анголы, населяютъ въ особенности приморскіе порты и принадлежащія къ нимъ городскія округа: къ нимъ же должны быть также причислены: бунда, на берегахъ нижняго теченія Куанзы; амбакосы, или жители округа Амбака, въ бассейнѣ р. Лу-Калла, и, наконецъ, бихеносы, или населенія на плоскогоріи Бихэ, гдѣ находится водораздѣлъ между рѣками Куанза, Кунэна, Ку-Банго и Куандо. Между этими полуцивилизованными неграми не рѣдки люди образованные: изъ нихъ вербуются большинство служащихъ по торговой части, а также и нѣкоторые изъ чиновниковъ въ колоніальной администраціи; многіе изъ нихъ завѣдуютъ или даже и владѣютъ плантаціями. Впрочемъ, раса этихъ претосовъ стала уже значительно смѣшанною, вслѣдствіе чего въ ней встрѣчаются люди со всѣми оттѣнками кожи: отъ чисто чернаго цвѣта до свѣтлаго настолько, что такихъ ту-

¹⁾ Capello e Ivens, „De Angola a Contra-Costa“.

²⁾ Capello e Ivens, *упом. соч.*

³⁾ Nogueira, *упом. соч.*; — João de Andrade Corvo, „Provinzas ultramarinas“.

⁴⁾ Nogueira, *упом. соч.*

земцевъ причисляютъ уже къ бѣлымъ. Постепенно эти ангольскіе негры сливаются съ португальцами, на языкѣ которыхъ они говорятъ и идеи которыхъ раздѣляютъ. И, однакоже, многое изъ обычаевъ этихъ претосовъ, живущихъ въ пригородахъ, напоминаетъ о прежнемъ варварствѣ. Владиславъ Мадьяръ рассказываетъ объ одномъ изъ этихъ обычаевъ, который до половины текущаго столѣтія сохранялся среди му-ндомбъ въ окрестностяхъ Бенгуэллы, хотя «цивилизованные» негры и не желаютъ, чтобы ихъ смѣшивали съ дикими му-ндомбъ изъ внутренней страны. Это — *вукунга*, т. е. продажа съ аукціона, на одну ночь, тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, родители которыхъ не въ состояніи, по бѣдности, оплатить расточительныя свадебныя пиршества. Сопровождаемая женщинами своего участка и въ предшествіи знаменъ и цимваловъ, невѣста переходитъ отъ однихъ дверей къ другимъ и отдается тому, кто предложитъ большую цѣну. На слѣдующій день та же процессія матронъ отводитъ невѣсту къ ея будущему мужу; такимъ-то путемъ, оба семейства, и женино, и мужнино, избѣгаютъ срама сыграть свадьбу безъ пира. Этотъ обычай до сихъ поръ также повсемѣстно соблюдаютъ какъ у оставшихся дикими му-ндомбъ, такъ и въ племени куйссами ¹⁾. Въ деревняхъ внутри страны, невѣста должна совершать свою свадебную прогулку совершенно голая, но съ ногъ до головы покрытая мастикою изъ бѣлой глины, считаемою знакомъ благоденствія.

Въ Анголѣ бѣлыхъ сравнительно немного. Именно, на всю громадную территорию приходится около четырехъ тысячъ европейцевъ, да и тѣ почти всѣ явились сюда съ надеждою возвратиться на родину, въ метрополию. Поселяются въ Анголѣ изъ португальцевъ и другихъ бѣлыхъ либо купцы и промышленники, желающіе быстро нажиться, либо чиновники и военные, для которыхъ пребываніе на службѣ въ отдаленныхъ краяхъ засчитывается вдвое. Поэтому не удивительно, что территоріи между «берегомъ», т. е. берегомъ на Атлантическомъ океанѣ, и «противо-берегомъ», т. е. берегомъ на океанѣ Индійскомъ, между устьями Заиръ и Замбезе, остаются въ большей своей части невѣдомыми; и хотя на португальскихъ картахъ онѣ и показываются составляющими какъ-бы одну лузитанскую область, но только немногіе путешественники проходили чрезъ нихъ отъ океана до океана. Рѣдко встрѣтишь въ этой области между европейцами истиннаго переселенца, навсегда основавшагося на африканской почвѣ. Объясняется это тѣмъ, что даже для самихъ португальцевъ попытки къ акклиматизаціи въ тропическомъ поясѣ угрожаютъ опасностями. Конечно, можно привести

много примѣровъ того, что бѣлые проводили половину долгой жизни въ прибрежныхъ торговыхъ городахъ или на плантаціяхъ внутри края, но рѣдко случалось, чтобы они обнаруживали ту же энергію къ труду, какъ ихъ соотечественники, остающіеся въ Европѣ; къ тому же чтобы жить, оставаясь здоровыми, имъ необходимо воздерживаться отъ работы на солнцѣ; всѣмъ имъ приходится передвигаться не иначе, какъ въ *тироа*, т. е. въ паланкинѣ, на висящемъ гибкомъ пальмовомъ шестѣ, опирающемся на плечо двухъ негровъ — скороходовъ. Вообще можно сказать, что бѣлый, и въ особенности прибывшій изъ Сѣверной Европы, лишь въ исключительномъ случаѣ можетъ акклиматизоваться среди Португальской Африки; къ сѣверу отъ Моссамедеса европейская раса не акклиматизуется вовсе; семейства могутъ сохраняться не иначе, какъ только возвратившись въ свое отечество; основавшіеся же тамъ колоніи кончили гибельно. Въ противоположность этому, переселенцы изъ Португаліи или съ о. Мадеры въ округѣ Моссамедеса, находящемся на 1.700 километровъ къ югу отъ экватора, дышатъ въ этой полосѣ сравнительно свѣжимъ и гораздо менѣе влажнымъ воздухомъ, чѣмъ въ Лоандѣ и въ Бенгуэллѣ; поэтому, случаи акклиматизаціи, не только отдѣльныхъ лицъ, но и семействъ, тамъ многочисленны. Многіе португальцы по рожденію съ гордостью показываютъ тамъ своихъ дѣтей, крѣпышей, съ розовыми щеками; и, хотя до сихъ поръ смертность между бѣлыми обыкновенно превышала рождаемость, тѣмъ не менѣе европейская раса тамъ продолжается; тотъ фактъ, что въ Моссамедесѣ встрѣчается мало молодыхъ дѣвушекъ, объясняется переселеніемъ ихъ въ другіе приморскіе города, вслѣдствіе замужества. Такимъ образомъ, климатъ, «губитель» на сѣверѣ Анголы, является «ассимиляторомъ», «усвоителемъ» въ этой части страны ¹⁾. А если семейства бѣлыхъ уживаются на приморскомъ берегу этого округа, то тѣмъ болѣе противостоять климату могутъ тѣ изъ нихъ, которые проживаютъ въ возвышенныхъ долинахъ внутри страны. Вообще, неправильная линія, очерчивающая весь бассейнъ Куанза, вплоть до плоскогорія, отдѣляющаго этотъ бассейнъ отъ склоновъ рѣкъ Куанзы и Куанго, ограничиваетъ ту часть португальскихъ владѣній, которая уже и нынѣ въ слабой степени является колонизованнымъ краемъ. Но къ сѣверу отъ этого водораздѣла, территоріи не предназначено, собственно говоря, стать колонією: она можетъ быть только лишь областью для эксплуатаціи естественныхъ богатствъ.

Но не одни португальцы ищутъ для себя

¹⁾ Lux, „Von Loanda nach Kimbunda“.

¹⁾ Manuel Ferreira;—Ribeiro, „A Colonisação Luso-Africana“.

новое отечество въ южной части Анголы. Къ переселенію съ сѣвера присоединяется и другое этническое движеніе, идущее съ юга. Буры (boers)—по происхожденію голландцы, съ не-

съ этапа на этапъ, они выдвинули свои передовыя колоніи такъ далеко, что завладѣли и тѣми плоскогоріями, которыя прорѣзываетъ рѣка Кунэнэ въ верхнемъ своемъ теченіи. И боль-

Общій видъ города Каптоуна.

шою примѣсью французскихъ кальвинистовъ-изгнанниковъ — при посредствѣ своихъ развѣдчиковъ продолжили вплоть до Анголы свое поступательное движеніе которое они начали два вѣка тому назадъ, въ Столовомъ заливѣ:

не подлежитъ сомнѣнію, что, несмотря на трудности перваго поселенія, несмотря на столкновенія, имѣвшія слѣдствіемъ обратное движеніе иммигрантовъ, буры укоренятся въ португальскихъ владѣніяхъ и будутъ содѣйстви-

вать ихъ заселенію и цивилизаціи. Но это еще не все: для завладѣнія Анголой при посредствѣ европейскихъ идей, нравовъ и промышленности, нужно разсчитывать также на переселенцевъ изъ Нового Свѣта, бразильцевъ, которые тоже португальцы по происхожденію, языку и сношеніямъ. Только большинство изъ нихъ принадлежатъ, вслѣдствіе смѣшенія крови, къ двумъ расамъ. Достоверная генеалогія, имя, семейныя преданія дѣлаютъ ихъ европейцами, но по матери или по своимъ предкамъ они также и африканцы, и такимъ образомъ являются естественной переходной расой отъ бѣлыхъ къ чернокожимъ, отъ колонистовъ къ туземцамъ. Индусскіе метисы изъ Гоа или «канарцы», прозванные такъ вслѣдствіе своего происхожденія изъ страны Канары, имѣютъ въ Анголѣ своими представителями священниковъ, счетоводовъ и учителей и, слѣдовательно, также участвуютъ въ распространеніи цивилизаціи въ Африкѣ.

Экономическія и социальныя условія Анголы совершенно измѣнились въ эти послѣдніе годы. Въ теченіе первыхъ трехъ столѣтій завладѣнія краемъ, факторіи на морскомъ берегу, между устьями рѣкъ Заиры и Кунзана, только и служили, что для торговли рабами: это были складочныя мѣста для тѣхъ несчастныхъ, которыхъ купцы съ острова св. Омы—потомки евреевъ, сосланныхъ туда въ концѣ XV столѣтія ¹⁾—покупали внутри страны и вывозили на бразильскія плантаціи. При посредствѣ этихъ сабанонъ ²⁾ морскаго побережья, Африка обезлюднилась въ пользу Нового Свѣта, и не удивительно поэтому, что Ангола осталась такъ далеко позади американской имперіи. Исчисляють, что съ начала XVI-го столѣтія такимъ образомъ былъ вывезенъ изъ Анголы по крайней мѣрѣ миллионъ негровъ, и что для полученія возможности продать этотъ миллионъ людей, неготорговцы погубили—во время своихъ набѣговъ съ цѣлью захвата негровъ и при форсированныхъ, затѣмъ, маршахъ съ плѣнными—по крайней мѣрѣ еще втрое или вчетверо больше людей. Правда, что передъ отплытіемъ они испрашивали благословеніе церкви для своего груза негровъ, и еще во время путешествія Бастіана въ Лоандѣ можно было видѣть мѣсто того камня, съ высоты котораго епископъ простираетъ руки къ отплывающимъ кораблямъ, для преподанія плѣннымъ своей апостольской благодати. Впослѣдствіи—когда эта торговля поуменилась, а затѣмъ, когда, около половины текущаго столѣтія, она прекратилась совершенно—Ангольскій край пересталъ быть территоріею охоты на чело-вѣка и страна получила возможность снова постепенно заселяться; но торговля чело-вѣче-

скимъ мясомъ продолжалась по плантаціямъ, какъ это дѣлается и въ наши дни по ту сторону Куанго, во внутреннихъ негритянскихъ королевствахъ, и вся система эксплуатаціи почвы, весь колоніальный режимъ, покоились на подневольномъ трудѣ рабовъ въ тѣхъ громадныхъ вотчинахъ, которыя были дарованы государствомъ. Только въ 1878 году въ португальскихъ владѣніяхъ было уничтожено вполнѣ рабство, и негры уже перестали приневоливать къ работѣ на непринадлежащемъ имъ полѣ; однако, порядокъ землевладѣнія не измѣнился, и мелкая собственности, опора благосостоянія крестьянина, не смѣнила крупнаго землевладѣнія, на которомъ покоится могущество земельной аристократіи. Впрочемъ, нельзя допустить, чтобы соотвѣтственно такой значительной перемѣнѣ, какъ освобожденіе негровъ, не воспослѣдовалъ внутренній переворотъ въ способѣ труда. Равнымъ образомъ не можетъ быть, чтобы возростающая важность Анголы въ политическомъ равновѣсіи Африки не имѣла слѣдствіемъ дарованія ей большаго самоуправленія и избавленія ея отъ нахожденія въ полной зависимости отъ министерскихъ распоряженій изъ Лиссабона.

Хотя португальцы торжественнымъ актомъ и признали владѣтелями лѣваго берега Конго на протяженіи всего низовья этой рѣки, отъ Ноки до мыса Падранъ, но на всемъ этомъ теченіи у нихъ нѣтъ пристаней, посѣщаемыхъ торговцами. Почти всѣ торговые суда, либо привозящіе товары изъ-за границы, либо грузящіеся мѣстными произведеніями, останавливаются на Нижней Заирѣ въ Бананъ, въ Понта-да-Ленья или въ Бомъ, на правомъ берегу рѣки, принадлежащемъ «свободному» Конгскому государству. Португальскій берегъ остается почти пустыннымъ. Воды здѣсь, въ среднемъ, менѣе глубоки и, слѣдовательно, менѣе благоприятны для судоходства; также и прибрежныя населенія здѣсь болѣе враждебно относятся къ иностранцамъ. Постъ Санто-Антониу, защищенный съ запада полуостровомъ мыса Падранъ,—пока только сторожевая станція, лишняя всякаго торговаго значенія. Киссама, пышная растительностью которой пріѣзжають любоваться торговцы изъ Бома, обладаетъ тремя факторіями и плантаціями, произведенія которыхъ могутъ, однако, помѣститься на нѣсколькихъ шлюпкахъ. Конгская пристань на португальской территоріи, гдѣ болѣе всего останавливается корабли,—это портъ Ноки (Noqui), или Луканго по туземному; расположенъ онъ около границы, внизу отъ водонадвоя и пороговъ, и пристава къ нему могутъ суда съ вмѣстимостью до пятидесяти тоннъ. Благодаря перемѣщенію торговли слоновой костью съ приморскаго побережья, изъ порта Амбриза, на берега Конго, въ Ноки, рынокъ послѣдняго нѣ-

¹⁾ Bistian, „Besuch in San-Salvador“.

²⁾ Сабанонъ употреблено здѣсь авторомъ въ смыслѣ „темной коморки въ тюрьмѣ“ Littré et Beaujean (Перев.).

сколько оживился. Затѣмъ Ноки служатъ также отправнымъ пунктомъ для путешественниковъ, направляющихся на юго-востокъ, къ Санъ-Сальвадору, столицѣ Конгскаго королевства, вассала того «Короля моря», который пребываетъ въ Лиссабонѣ. Пока еще не существуетъ большой дороги, которая прямо соединяла бы этотъ историческій городъ, т. е. Санъ-Сальвадоръ, съ портами морскаго побережья.

Амбасся, негритявскій городъ, который португальцы называютъ Санъ-Сальвадоромъ, занимаетъ господствующее положеніе, какъ это и подобаетъ главному городу имперіи, нѣкогда простиравшейся отъ Габона до Куанзы. Онъ выстроенъ на вершинѣ плоскогорія, имѣющаго эллиптическую форму и развертывающагося съ сѣвера на югъ на протяженіи почти двухъ съ половиною километровъ въ длину и одного километра въ ширину. Къ югу, извилистая долина рѣки Луэжи, протекающей болотистыми мѣстами посреди травъ и папируса, описываетъ полукругъ около откосовъ плоскогорія; а къ востоку и къ западу ручьи, съ перекинутыми черезъ нихъ висячими мостами изъ лѣанъ, текутъ въ узкихъ ущельяхъ на глубинѣ болѣе сотни метровъ отъ верхнихъ террасъ надъ ними; изобильные источники чистой воды бьютъ изъ-подъ гранита, служащаго подножіемъ изолированному холму Санъ-Сальвадора и окружающаго со всѣхъ сторонъ древними известняками.

«Великій фетишъ» Санъ-Сальвадора—слава о которомъ была распространена далеко по Ангольскому краю—потерялъ свое обаяніе, и обряды культа, преподаваемаго миссіонерами изъ португальскихъ доминиканцевъ и итальянскихъ капуциновъ, недавно были позабыты совершенно. Лишь у нѣкоторыхъ изъ главарей сохранились Распятія, которые они считали знаками своей власти, да король сохраняетъ, какъ эгиду, хоругвь, освященную папой Иннокентіемъ VIII; существуетъ въ столицѣ также нѣсколько иконъ, и иногда, въ праздники, ихъ носятъ въ пышныхъ процессіяхъ, сопровождая крестный ходъ колѣнопреклоненіями и молитвами, въ которыхъ изъ прежней литургіи остались лишь слѣды. Священники изъ негровъ, пребывающіе въ Лоандѣ, неоднократно посѣщали свою паству въ Санъ-Сальвадорѣ, для поддержанія внѣшняго единенія этихъ католиковъ съ остальною церковью, и имена такихъ миссіонеровъ выгравированы на священномъ деревѣ, возвышающемся посреди города. Въ это послѣднее время снова воссоединила Санъ-Сальвадоръ съ католическимъ міромъ учрежденная тамъ постоянная миссія. Миссіонеры-баптисты также стараются, хотя и съ малымъ успѣхомъ, вербовать прозелитовъ, особенно между дѣтми-невольниками, выкупаемыми у купцовъ сосѣднихъ племенъ. Подъ вліяніемъ этихъ ино-

странцевъ, нѣкоторые изъ старинныхъ обычаевъ исчезли, между прочимъ, испытаніе ядомъ¹⁾, но многоженство еще обще всѣмъ начальникамъ племенъ.

Порядокъ насѣдованія—который миссіонеры нѣкогда пытались измѣнить въ смыслъ римскаго права—совершается отъ дяди къ племяннику, какъ и у большей части африканскихъ племенъ. Во время междуцарствія власть принадлежитъ грозному сановнику, который и называется ма-бома, т. е. «внушитель ужаса»; поэтому-то смерть короля считается вдвойнѣ національнымъ бѣдствіемъ. Страна облекается въ глубокій трауръ; повсюду царить безмолвіе, не слышно болѣе пѣсенъ, не видно пляски. Негры не выходятъ изъ своихъ хижинъ; не моются, едва ѣдятъ и даже не ходятъ обрабатывать свои поля. Въ теченіе мѣсяцевъ трупъ сохраняется въ хижинѣ, которую помѣщаютъ передъ дворцомъ: ее украшаютъ символическою фигурою умершаго государя и передъ нею ежедневно благоговѣнно ставятъ тѣ кушанья, которыя онъ ѣлъ при жизни. Послѣ высыханія конечностей, которыя предварительно переламаваются, тѣло покрываютъ глиною, а затѣмъ обертываютъ въ шелковую ткань и въ куски хлопчатобумажныхъ тканей, при чемъ каждый приноситъ свой кусокъ, и вскорѣ мумія приобретаетъ такой объемъ, что заполняетъ почти всю хижину. Послѣ этого тѣло относится къ мѣсту погребенія, и такъ какъ, при этомъ, должно непременно идти по прямой линіи, то всѣ встрѣчающіяся на пути хижины разрушаются²⁾. У му-соронго король официально погребался не ранѣе какъ по истеченіи двѣнадцати лѣтъ со дня смерти, какъ будто подданные не хотѣли вѣрить, что ихъ верховный начальникъ пересталъ жить.

Санъ-Сальвадоръ, послѣ вступленія его въ сферу европейской цивилизаціи, посѣщался весьма многими путешественниками. Донъ-Педро V, пребывающій въ этомъ старинномъ городѣ, сталъ, какъ и его предки, вассаломъ лиссабонскаго правительства; рядомъ съ королевскимъ жилищемъ основались французскія, португальскія и голландскія факторіи, а миссіонеры, почти столь же почитаемые, какъ и король, превратили Санъ-Сальвадоръ въ центръ пропаганды, для вторичнаго привлеченія населенія въ лоно католической церкви; въ 1885 году, по Chavannes'у, они насчитывали уже около двухъ тысячъ обращенныхъ. Однако, столица не многолюдна; въ 1885 году, тамъ проживало постоянно около семисотъ человѣкъ, изъ которыхъ девять было европейцевъ; многія сотни посѣтителей были привлекаемы туда временно, торговыми дѣлами, и носильщики безпрерывно сновали взадъ и впередъ по ок-

¹⁾ J. Chavannes, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, тѣрр. IV.

²⁾ Ad. Bastian, „Ein Besuch in San-Salvador“.

крестнымъ дорогамъ ¹⁾). Въ округѣ Санъ-Сальвадора, китанда Лембело,—находящаяся въ мѣстѣ перекрещиванія многихъ дорогъ, является главнымъ рынкомъ для каучука, который доставляется изъ доступной для свободной торговли области, къ югу отъ Конго: одинъ или два раза въ мѣсяцъ, посредники между торговцами являются туда потолковать о своихъ дѣлахъ и помѣняться товарами. Большая, осѣняемая деревьями, площадь въ центрѣ этого рынка нѣкогда служила мѣстомъ казней, и на вѣтвяхъ деревьевъ бѣлѣютъ и до сихъ поръ черепа. Рассказываютъ по этому поводу, что послѣ обезглавленія какого-нибудь несчастливца члены его семейства были обязаны съѣсть, по нѣскольку кусковъ изъ руки его трупа ²⁾).

Къ югу отъ мыса Падранъ, слѣдуютъ одна за другой нѣсколько факторій, окруженныхъ плодовыми садами и плантаціями: Манге-Пекано, Кабеса-де-Кобра и Манге-Гранде, въ которыхъ въ особенности воздѣлываютъ кунжутъ, и гдѣ можно добыть самыхъ красивыхъ фетишей Западной Африки, изготовляемыхъ мастерами изъ племени му-соронго. Мокулла и Амбризеттъ, расположенные у устья рѣки, спускающейся изъ края племени му-шиконго, были нѣкогда значительными приморскими портами по вывозу слоновой кости; нынѣ изъ Амбризетта вывозится соль, добываемая изъ окрестныхъ солончаковъ. Далѣе, къ югу, горделивая пирамида «Пиларъ» по-португальски, холмы, устланные гранитными глыбами, изогрызенными атмосферой и похожими издали на стѣны, башни, столбы и обелиски возвышаются морякамъ о близости Муссеры, нѣкогда цвѣтущаго города, который его могущественный фетишъ, называемой «матерью воды», не защитилъ ни отъ оспы, ни отъ сомноза (мѣстной болѣзни, поражающей африканскихъ негровъ и выражающейся, между прочимъ, въ наклонности ко сну, не выходя изъ котораго больной и умираетъ). Сомнозъ появился къ югу отъ Заиры только въ 1870 году и лишь въ одномъ городѣ Муссеры, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ поглотилъ двѣсти жертвъ; остальные жители, устрешенные этою болѣзью, покинули свои жилища и основали другой городъ въ сосѣдствѣ. Муссерскіе рыбаки налавливаютъ въ сезонъ касимбо, т. е. съ іюня до августа, большія количества поющей рыбы, пунго, соленое мясо которой расходится далеко по плоскогоріямъ. Пускаясь на воду, они пользуются попарно соединенными челноками, въ которые садятся такимъ образомъ, что одна нога находится въ одномъ челнокѣ, а другая въ другомъ. По словамъ туземцевъ, чрезъ сосѣдніе съ Муссерою смолистые песчаники просачивается асфальтъ, накапливающийся

въ небольшихъ лужицахъ, но посѣщать ихъ бѣлымъ не разрѣшено ¹⁾).

Амбризъ, или, скорѣе, Мбришъ, называемый такъ по имени сосѣдней рѣки, представляетъ единственную торговую пристань на берегу моря на протяженіи между устьемъ Заиры и Лоандою; португальцами онъ занятъ съ 1855 года, но сосѣдній рейдъ Куиссембо и территория, простирающаяся къ сѣверу, были предоставлены туземцамъ, и не-лузитанскіе купцы торговали тамъ, не платя пошлинъ. Амбризъ, различные кварталы котораго, или *senzala*, разбѣяны по высокому крутому берегу, вовсе не имѣетъ порта, и все его приспособленіе къ принятію кораблей состоитъ изъ мола, къ которому въ тихую погоду и пристають суда: открытый рейдъ защищенъ низменною стрѣлкою только отъ вѣтровъ съ юга и съ юго-востока; по счастью, на этой части приморскаго берега никогда не бываетъ бурь. Въ прежнее время Амбризъ посѣщали многочисленные караваны изъ области Санъ-Сальвадора, привозившіе слоновую кость; теперь изъ него вывозится этого товара лишь небольшое количество; тѣмъ не менѣе торговля Амбриза весьма возросла, такъ какъ, несмотря на нахожденіе его внѣ конгскаго бассейна, онъ все-таки лежитъ въ области свободныхъ торговыхъ сношеній со всею Ангольской страной, ограниченной съ юга рѣкою Ложъ. Изъ него вывозятъ въ особенности кофе, идущій съ юго-восточныхъ плантацій и привлекаемый къ этому порту таможенными льготами; земляныя фисташки, каучукъ и лыко съ баобаба, изъ котораго приготавливаютъ писчую бумагу, составляютъ также предметы выгодной вывозной торговли: амбризскіе купцы продаютъ иностранцамъ этихъ товаровъ на сумму отъ четырехъ до пяти милліоновъ. Такъ, въ теченіе финансоваго 1884—85 года торговые обороты въ Амбризѣ достигали 4.147.990 франковъ. Въ Амбризъ была завезена, въ 1872 году, на кораблѣ «Thomas Mitchell», нарывная бразильская блоха (*pulex penetrans*), которая распространилась затѣмъ и по матеріку Африки.

Амбризу недостаетъ хорошихъ дорогъ въ направленіи къ области плоскогорій, именно къ Куи-балла, южному мѣстечку въ краѣ му-шиконго, и къ Бембѣ. Бембѣ—населенный городъ, расположенный на высотѣ 770 метровъ, на плоскогоріи, и отдѣленный отъ остроконечной горы глубокою долиною, въ которой въ большомъ количествѣ находятъ малахитовыя глыбы, быть-можетъ, принесенныя туда водою. Нѣкогда туземцы продавали ихъ амбризскимъ купцамъ ежегодно тоннъ по двѣсти или по триста; но затѣмъ англійская компанія разорилась на попыткахъ эксплуатировать эти мѣсторожденія минераловъ, а изъ привезенныхъ

¹⁾ Chavannes, упом. соч.

²⁾ Barroso;—Chavannes.

¹⁾ J. J. Monteiro, упом. соч.

для этого изъ Корвалиса чернорабочихъ почти всѣ умерли по истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Главный военный постъ внутри страны, внушающій страхъ туземцамъ, вслѣдствіе нахождения тамъ штрафныхъ солдатъ, которыхъ туда посылаютъ умирать отъ лихорадки, составляетъ небольшая крѣпость Санъ-Жозе или дасъ-Педрасъ-де-Энкожэ, господствующая съ своего нешерстаго утеса

негрского царька, которому, по этому поводу, на плечѣ начертили португальскій гербъ. Подвергшійся этой неизгладимой татуировкѣ герцогъ гордился ею, и говорятъ, что этотъ же знакъ инвеституры былъ полученъ въ концѣ прошлаго столѣтія еще однимъ изъ моссульскихъ герцоговъ ¹⁾.

Въ долинѣ р. Дандэ, служащей границею ба-фиотскихъ и бундскихъ поселеній, были

Король Конго.

надъ высокою долиною Ложэ и надзирающая за границами Конгскаго королевства. Окрестныя лѣса доставляютъ большое количество дикаго кофе. Къ юго-востоку отъ Амбриза, склонъ къ морю, вплоть до Дандэ, занятъ краемъ Моссульскимъ, изобилующимъ копаловою камедью. Эта область еще мало извѣстна, хотя португальскіе сюзерны нѣкогда и возводили её въ «герцогство» для одного

найденны мѣсторожденія нефти, но разработка ихъ не сопровождалась успѣхомъ. Уже нѣсколько поколѣній негровъ этого края перестали покоряться, и бѣлые не осмѣливались основывать тамъ факторій ²⁾; на верхнемъ теченіи Дандэ территория племени дембосъ еще полу-независима.

¹⁾ Adolf Bastian, „Reise nach San-Salvador“.

²⁾ Charles Jeannest, „Quatre ans au Congo“.

Лоанда — или полностью: Сант-Паоло-да-Ассумпсаон-де-Лоанда — есть столица Ангольской территории и представляет первый город, основанный португальцами на морском берегу, а также и город, наиболее пригодный, по своему положению, для торговли; вследствие этих обстоятельств, Лоанда превратилась в сравнительно столь населенный центр, что более чем на протяжении пяти тысяч километров по береговой линии между Лагосом и Капом стала самым большим городом. Разделенная на верхний и нижний город, Лоанда развевается амфитеатром на склоне террасы, которую с юга ограничивает скалистый мыс, с кривостью на нем во имя Сант-Мигуэля. От востров открытого моря бухту защищает узкая песчаная полоса, составляющая, в свою очередь, продолжение косы, начинающейся километрами тридцать южнее, на самом выдающемся к западу месте Ангольского берега: косу эту создало восходящее с юга на север морское течение вдоль побережья, и она, став как бы внешним берегом материка, сопровождает на некотором расстоянии действительный его берег, превращающийся таким образом уже в берег внутренний. Образовавшийся при этом пруд, затон, соединяется с морем только при посредстве протока, называющегося баром Коримба; проток этот прорезывает косу на середине ее протяжения, и через него небольшие гребные суда могут проникать в бухту. Вследствие присутствия этого протока, северная оконечность косы или стрелки превращается в остров, столь низменный, что во время бурь его берега часто подвергаются затоплению; на этом-то островке Лоанды португальцы, еще не осмеливаясь в то время строить факторий на материке, и основали, в 1576 году, свои первые заведения. К тому же, этот островок, на котором находились семь деревень, или *libata* ¹⁾, был местом чрезвычайной важности для туземцев, как их сокровищница или казначейство: на нем именно они собирали ту раковину (сургаса монета), которая им служила монетой. Эти лоандские раковинки ценились гораздо более бразильских, привозимых из Бахи, но, в свою очередь, они уступали раковинкам с Малайских островов. Описанная выше острововидная стрелка, обремененная кокосовыми пальмами, утилизируемыми для выделки канатов и для плетения различных предметов, населена приблизительно тремя тысячами человек, из которых шестьсот — рыбаки, потомки древних мушилоанда ²⁾. На этой же стрелке португальское правительство построило арсенал для своего

флота, а на ее наружный, морской, берег отправляются купаться в открытом море жители Лоанды.

Год спустя после образования факторий на остров, Пауло-Диаз-де-Новазе, внук мореплавателя, впервые обогнувшего мыс Доброй Надежды, основался на соседнем морском побережье, и союзы, а затем также и удачные войны обеспечили португальцам обладание территорией. Лоанда же, в качестве центра торговли неграми между Африкой и Бразилией, стала городом богатым и населенным; иногда там виднелось в порт по 12 и 15 судов, ожидавших на грузки раба. Однако, когда эта торговля неграми, причина застоя во всех остальных торговых отраслях, прекратилась, то Лоанду постигло разорение; население ее уменьшилось; многие здания были покинуты; всякий труд прекратился, и редкие обитатели, плохо снабжаемые провиантом, рисковали умереть с голода; проходили месяцы, а на рейд не показывалось ни одно бразильское или португальское судно. Уже плантаторы начинали предсказывать, что совершенное прекращение рабства приведет в конце концов к разрушению Лоанды, а вместе с этим к потере и всей территории. Однако, предсказание это не оправдалось. Число жителей, которых в середине текущего столетия было приблизительно около двенадцати тысяч, увеличилось; город, о котором выражались как о подверженном бомбардировке, расширился и украсился; развалины монастырей и церквей были удалены и заменены бульварами; улицы выстроены, а дома, по большей части выстроенные из бразильского дерева, не подверженного нападению термитов, стали просторными и чистыми; все дома обзавелись верандами и окрасились в светлые цвета: желтый, розовый или нежно-голубой; виллы, или мусеки, разбросаны по всем окрестным холмам, под тенью баобабов и других редких растений, произрастающих на мало плодородной почве. Город, однако, все еще весьма нездоров, и не так еще давно жители терпели от недостатка в воде: колодезь и несколько цистерн могли доставлять воду лишь в небольшом количестве, и потому ежедневно приходилось снаряжать целую флотилию из *talaveiras* для наполнения боченков водою из реки Бенго. Ныне канал, которым рассчитывают воспользоваться также и для орошения, приносит в город целый поток чистой речной воды. Начата также постройка железной дороги, которая через долину р. Бенго (называемую в верхнем своем течении Зенгою) проникнет внутрь страны и рано или поздно достигнет станции Амбака, служащей товарным складом для при-конгских племен.

¹⁾ Duarte Lopez, „La Relation du Congo“.

²⁾ R. Burton, „A Trip to Calumbo“.

Этотъ желѣзный путь составляетъ первое звено той линіи, которая современемъ должна соединить, пройдя чрезъ всю Португальскую Африку, берега Атлантическаго и Индійскаго океановъ.

въ Лоандскомъ портѣ перебивало 122 судна, изъ которыхъ 94 были пароходы. Вмѣстительность этихъ судовъ равнялась 95.755 тоннамъ. Цѣнность же товаровъ, будучи, въ общемъ, равна 10.514.500 франкамъ, распадалась на

Портъ Елизаветы.

Въ Лоандскомъ портѣ сосредоточивается 4.489.800 фр. для вывоза и 6.024.800 фр. болѣе половины ангольской торговли, такъ для ввоза. Правда, сами лоандскіе жители какъ чрезъ него ввозятся почти всѣ мануфактурныя издѣлія изъ Европы. Въ 1886 году,

оплачивать этотъ ввозъ могутъ только мѣстными рабами; но зато изнутри страны доста-

входят въ Лоанду продукты въ изобилии, въ особенности кофе и каучукъ. Пароходы, по-стищая правильно Лоандскій рейдъ, возбуждаютъ торговую дѣятельность; но, къ сожалѣнію, портъ недостаточно для нихъ глубокъ; въ началѣ текущаго столѣтія самыя большія суда еще останавливались въ разстояніи нѣсколькихъ кабельтовъ отъ берега; но пространство, годное для якорной стоянки, постепенно уменьшилось, вслѣдствіе занесенія иломъ дна и увеличенія отлогости берега на счетъ бухты; эскадренныя суда и трансатлантическія пакетботы должны уже останавливаться болѣе, чѣмъ въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ города, подъ защитою песчаной стрѣлки.

Въ ожиданіи, пока желѣзная дорога непосредственно соединитъ Лоанду съ внутренними плантаціями, самымъ полезнымъ путемъ сообщенія является нижнее теченіе Куанзы. Береговые пароходы, обогнувъ съ запада стрѣлку Пальмеринхасъ и пересѣкши баръ, проникаютъ въ рѣку, по которой и поднимаются вплоть до города Донго. На этомъ пути, одною изъ первыхъ пристаней на правомъ берегу является Калумбо, которую можно разсматривать какъ рѣчной портъ Лоанды, расположенный на сѣверо-западъ всего въ 34 километрахъ и соединяющійся съ рѣкою при посредствѣ хорошей, проѣзжей для экипажей, дороги; также было проектировано и прорытіе соединительнаго канала ¹⁾, о чемъ помышляли уже голландцы, владѣвшіе Лоандою въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ²⁾. Почти всѣ плантаціи богатой долины р. Куанзы окаймляютъ правый берегъ, самый низкій и самый плодородный, на которомъ тропическая растительность влажныхъ земель является во всей своей мощи и красѣ, но на которомъ зато и наводненія, производимыя рѣкою, болѣе опасны: часто оградительныя береговыя плотины уносились вмѣстѣ съ тѣми культурами, которыми онѣ ограждали; богатое помѣстье Bom Jesus, гдѣ сотни рабочихъ заняты превращеніемъ сахарнаго тростника въ водку, часто подвергалось наводненію. На лѣвомъ берегу Куанзы находится единственный постъ Муксима, который господствуетъ надъ этимъ берегомъ, будучи выстроенъ на вершинѣ известковаго холма, откуда видъ простирается далеко на землю дикихъ киссамъ; внизу откоса, посреди группы хижинъ, находится церковь, которую туземцы считают болѣе «фетишемъ».

Массангано, вверху отъ слиянія Куанзы съ Лу-каллою, представляетъ торговый постъ, благодаря сосѣдству съ кофейными плантаціями Казенго; однако, центръ торговли находится въ Дондо, расположенномъ при на-

чалѣ свободного судоходства по Куанзѣ. Этотъ недавно основанный городъ находится на правомъ берегу, въ циркѣ, надъ которымъ господствуютъ лѣсистыя холмы; воздухъ обновляется въ немъ рѣдко: поселившіеся тамъ португальскіе купцы называютъ его «пекломъ» Анголы, и причиняемыя лихорадками смертность между ними очень велика; въ Дондо выдѣлываютъ пористыя амфоры, а кузнецы работаютъ на желѣзѣ изъ Европы, хотя окрестныя горы весьма богаты желѣзною рудою. Въ небольшомъ разстояніи кверху, около пороговъ Куанзы и негритянской деревни Камбамбэ, которая въ прежнее время была главнымъ городомъ округа, некогда разрабатывали также и серебряныя рудники. Первая попытка овладѣть этими рудниками была сдѣлана въ 1595 году, но изъ двухсотъ человѣкъ, участвовавшихъ въ экспедиціи, спаслись бѣгствомъ только семь: всѣ остальные были перебиты.

Наиболѣе богатый, по производству кофе, край въ Анголѣ есть бассейнъ р. Лу-каллы, параллельный бассейну Куанзы, кверху отъ слиянія этихъ двухъ рѣкъ. Кофейное дерево растетъ въ дикомъ состояніи въ мѣстныхъ лѣсахъ, и чтобы имѣть весьма производительную естественную плантацію, туземцамъ во многихъ мѣстностяхъ стоить только очистить почву вокругъ деревьевъ отъ поросли. Однако, большія плантаціи въ Казенго, въ Голунго-Алто и въ сосѣднихъ округахъ были созданы португальцами и бразильцами, которые для этого прибѣгали сначала къ труду рабовъ, нынѣ получающихъ уже задѣльную плату. Первый *fazendeiro*, основавшійся въ Казенго, въ 1837 году, прибылъ изъ Бразиліи. Восемь лѣтъ спустя, онъ собралъ восемь тоннъ кофе, а въ 1880 году вывозъ изъ одного только Казенгскаго округа достигалъ уже 2.500 тоннъ ¹⁾. Въ бассейнѣ Лу-каллы воздѣлываютъ также хлопчатникъ, и во время междоусобной войны въ Америкѣ эта культура судилась хорошую будущность; но нынѣ она мало прибыльна для плантаторовъ. Область эта весьма богата минеральными залежами; однако, разрабатываютъ только желѣзную руду, прославившуюся съ незапамятныхъ временъ превосходнымъ качествомъ тѣхъ продуктовъ, которые туземцы умѣютъ выдѣлывать изъ нея; между прочимъ, употребляемые ими раздувательные мѣхи двойнаго дѣйствія совершенно одинаковы съ изображенными въ подземныхъ храмахъ египтянъ ²⁾. Въ пескахъ Голунго-альтскихъ ручьевъ находятъ также золотой песокъ, но пока въ столь небольшомъ количествѣ, что добычаніе его было бы невыгодно.

Область р. Лу-каллы, одна изъ болѣе

¹⁾ «Relatorios das Obras Publicas das Provincias Ultramarinas». Angola 1877—1880.

²⁾ R. Burton, уном. соч.

¹⁾ J. P. Oliveira Martins, «O Brazil e as Colonias Portuguezas».

²⁾ J. J. Monteiro, уном. соч.

богатыхъ въ Анголѣ, прежде до такой степени была лишена путей сообщенія, что носильщикамъ приходилось, вплоть до приморскихъ городовъ, пробираться по колючимъ лѣснымъ троинкамъ: большая часть туземной торговли приняла даже направленіе къ Амбризу, будучи привлекаема туда хорошимъ мѣновымъ рынкомъ. Нынѣ, въ ожиданіи того времени, когда желѣзный путь привлечетъ продукты края непосредственно къ Лоандѣ, вся внѣшняя торговля вдоль р. Лу-каллы совершается при посредствѣ пароходовъ на Куанзѣ; къ самымъ же пристанямъ на рѣкѣ кофе все еще приносится на спинѣ человѣка. Вычислено, что изъ одиннадцати тысячъ тоннъ, выражающихъ всю мѣновую торговлю на Куанзѣ, на долю бассейна Лу-каллы приходится 5.600 тоннъ; принимая же, что, въ среднемъ, каждый носильщикъ въ состояніи перенести грузъ въ 45 килограммовъ, окажется, что сто двадцать тысячъ носильщиковъ ежегодно совершаютъ тягостное путешествіе между внутренними плантаціями и пристанями на Куанзѣ. Недавно проложена дорога въ 57 километровъ, соединяющая Дондо съ главнымъ пунктомъ округа Казенго, мѣстечкомъ Какулло, расположеннымъ около истоковъ Лу-инха, сѣвернаго притока Лу-каллы. На этомъ пути, позволяющемъ пользоваться, для доставленія грузовъ, уже иными средствами, чѣмъ трудъ носильщика, черезъ два рукава Лу-каллы будетъ перекинута желѣзная мостъ, представляющій самое замѣчательное во всей Ангольской территоріи произведеніе строительнаго искусства ¹⁾.

Памба, городъ, предназначенный стать пунктомъ прибытія будущей желѣзной дороги между Лоандою и округомъ Амбакка, расположенъ не на самой Лу-каллѣ, но въ восьми километрахъ къ западу отъ нея, на утесѣ изъ сланцевъ и песчаника, у подножія котораго извиается рѣка Памба, одна изъ небольшихъ притоковъ Лу-каллы; обыкновенно, этому посту даютъ одно и то же наименованіе съ округомъ, въ которомъ онъ находится, именно: Амбакка. Въ 1879 году, когда инженеры уже окончательно трасировали на картахъ будущую, въ 150 километровъ, желѣзную дорогу между Дондо и Амбакка, этотъ послѣдній городъ состоялъ всего изъ одной улицы съ тремя домами и дюжиною соломенныхъ шалашей; жители, одѣтые во все черное, казались печальными и несчастными, а рѣдкіе путешественники, посѣщавшіе край, удивлялись странной мысли избрать именно этотъ поселокъ для связи желѣзнымъ путемъ въ 350 километровъ съ столицею португальскихъ владѣній ²⁾. Однако, такую привилегію онъ

обязанъ своимъ рангомъ главнаго административнаго пункта, плантаціямъ табака и фисташекъ, покрывающихъ часть окрестностей, своимъ положеніемъ на большой дорогѣ каравановъ, направляющихся въ королевство муата Ямво, а также, можетъ-быть, обаяніемъ своего прошедшаго. Амбакка нѣкогда былъ городомъ многолюднымъ и цвѣтущимъ: это было главное складочное мѣсто, откуда торговцы отправлялись во все концы края на поиски новыхъ рынковъ. Амбаканцы славились во всехъ португальскихъ владѣніяхъ своею предприимчивостью и своимъ богатствомъ: оттого бѣдые чиновники добивались назначенія на едва оплачиваемый жалованьемъ постъ, въ надеждѣ легкой наживы. И они дѣйствовали такъ успѣшно, что жители повыселились, въ особенности въ Пунго-Ндонго, а торговля стала направляться другими путями; поэтому нынѣ амбаканцы болѣе многочисленны въ пограничныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ у себя на родинѣ. Желѣзная дорога не замедлитъ заселить край снова и дать ему возможность утилизировать свои нынѣ лежащіе втунѣ богатства.

Въ верхней долигѣ Лу-каллы городовъ не существуетъ. Дуке-де-Браганса, или просто Дуке, самый передовой на сѣверо-востокъ Анголы португальскій постъ, есть не что иное, какъ *presidio*, пребываніе въ которомъ очень опасно, такъ какъ рѣка, текущая на востокъ отъ плоскогорія крѣпости, разливается по нездоровымъ болотамъ. Поэтому сюда только и присылаютъ что солдатъ, подлежащихъ исправленію (дисциплинарныхъ), которые живутъ здѣсь путемъ незаконныхъ поборовъ, подъ видомъ налоговъ, послѣдствіемъ чего было, какъ и въ Памбѣ, обезлюдѣніе страны. И хотя отъ природы этотъ край весьма плодороденъ и въ немъ можно воздѣлывать табакъ, хлопчатникъ, земляныя фисташки, а благодаря высотѣ положенія (слишкомъ тысяча метровъ), въ немъ могутъ произростать все европейскія овощи и плодовые деревья, тѣмъ не менѣе, все добываемое тамъ нынѣ можетъ уместиться въ вѣсколькихъ мѣшкахъ. Незадолго до прохода чрезъ страну изслѣдователей Capello и Ivens'a, племя джинга, кочевавшее вблизи форта, удалилось въ направленіи къ западу, чтобы избѣжать отобранія у него солдатами домашняго скота.

Бассейнъ главной рѣки, Куанзы, не представляетъ такого важнаго значенія, какое склону Лу-каллы придаютъ его кофейныя плантаціи; но зато онъ болѣе посѣщается, будучи путемъ торговымъ. Дондо, первая пристань на рѣкѣ, дополняется на востокъ городомъ Пунго-Ндонго («фетишъ Ндонго»), главнымъ складочнымъ мѣстомъ для купцовъ, ведущихъ торговлю съ внутренней Африкой, и однимъ изъ историческихъ городовъ Ан-

¹⁾ „As Colonias Portuguezas“, картъ 31, 1887.

²⁾ B. Capello et R. Ivens, „De Benguela as terras de Jacca“.

голы: здѣсь пребывали государи, сообщившіе свое имя странѣ; португальцы же окончательно водворились въ немъ въ 1871 году. Этотъ городъ, на высотѣ болѣе тысячи ста метровъ, расположенъ въ очень живописной мѣстности. Посреди обширной равнины, простирающейся на югъ къ Куанзѣ, поднимаются на высоту отъ ста до двухсотъ метровъ скалы изъ конгломератовъ и другихъ формаций, сланцевъ, гнейсовъ, порфировъ самой разнообразной формы: одни пеходятъ на обелиски, другіе на куполы; большинство расположены въ видѣ вертикальных башенокъ, раздѣляемыхъ узкими разсѣлинами, примѣтными издалика по заполняющему ихъ кустарнику съ темною листовою. Въ нѣкоторыхъ долинахъ, являющихся раемъ для ботаниковъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія ихъ растительности, деревья совершенно скрыты подъ растеніями паразитными, которые, переходя съ одного утеса на другой, въ видѣ громаднаго покрывала, распростираются подъ вѣтвями: въ сезонъ цвѣтѣнія, сѣтъ переплетающихся лѣнъ, скрываясь подъ мириадами цвѣточныхъ вѣнчиковъ блестящаго краснаго цвѣта, разстилается словно пурпурное море, окаймленное оградой¹⁾. Эти чудныя скалы Пунго-Ндонго обыкновенно называютъ Pedras Negras, т. е. «черными камнями», хотя въ теченіе большей части года они не заслуживаютъ такого названія. Къ концу сухаго сезона, камень бываетъ скорѣе сѣроватымъ; но въ декабрѣ, когда образовавшійся отъ дождей небольшой озеръ соберутся въ водоемахъ между скалъ, на вертикальных стѣнкахъ ихъ оградъ замѣчаются черноватая полоса, которая, мало-по-малу расширяясь и ползя вверхъ, достигаютъ сначала подошвы утесовъ, а затѣмъ кончаютъ совершеннымъ покрываніемъ ихъ боковъ, какъ-бы лакомъ. Эта обманка состоитъ изъ мириадъ небольшихъ водорослей рода *scytonema*, развивающихся въ сырости; но съ возвращеніемъ сухаго времени года водоросли чахнутъ, начинаютъ отлупливаться, наконецъ, опадаютъ, и поверхность скалъ снова становится сѣрватою²⁾. На одномъ изъ обелисковъ Черныхъ Камней стоитъ крѣпость, а внизу, въ неровномъ циркѣ, группируются хижины Пунго-Ндонго, окруженныя апельсиновыми рощами и садами, которые орошаются канавами съ прозрачною водою, и гдѣ плодовые деревья Антильскихъ острововъ растутъ въ перемежку съ деревьями европейскими; надъ одною изъ сторонъ небольшой улицы простираются вѣтви громаднаго баобаба, съ которымъ связаны первыя преданія города: здѣсь именно находился дворъ королевы Гинги, одной изъ могущественныхъ владительницъ Африки. Скалы также имѣютъ

свои легенды: на нихъ показываютъ мнимые слѣды человѣческихъ ступней и гроты, галлерей, которыхъ служили, будто-бы, подступами въ подземные города. День въ Пунго-Ндонго коротче, чѣмъ въ другихъ ангольскихъ городахъ: высокіе утесы скрываютъ восхожденіе солнца и ускоряютъ наступленіе сумрака, а туманы часто цѣлыми часами по утрамъ заволакиваютъ самыя кручи скалъ.

Къ востоку отъ Черныхъ Камней, аванпостомъ торговли Лоанды съ внутренними областями служить мѣстечко Маланжэ, расположенное на обширной, покрытой злаковыми растеніями, равнинѣ, походящей въ дождливое время года на громадную ниву; на сѣверѣ же простирается нѣсколько болотъ, которыя легко было бы осушить, и откуда исходятъ ручьи, изливающиеся въ Куанзу, книзу отъ великолѣпныхъ водопадовъ. Занимаемый небольшимъ гарнизономъ, Маланжэ является все-еще португальскимъ городомъ: тамъ поселилось нѣсколько бѣлыхъ торговцевъ, которые употребляютъ и свою національную монету; но, чтобы идти далѣе, нужно уже обмѣнить ее на ткани и другіе предметы торга. Здѣсь окончательно организуются *quibucas*'ы, т. е. караваны, купцовъ, *aviados*, или комиссіонеровъ, и носильщиковъ; отсюда они пускаются по ту сторону Куанго, для торговли съ дикими племенами вплоть до области великихъ озеръ, приобретаая слоновую кость, каучукъ и воскъ. Южная торговая дорога, идущая отъ Бенгуэллы, въ 500 километрахъ отъ Лоанды, также имѣетъ, какъ аванпостъ со стороны внутренней Африки, станцію, лежащую въ области бассейна Куанзы, но гораздо южнѣе Маланжэ, на возвышенной равнинѣ, гдѣ соединяются первыя воды этой рѣки. Постъ этотъ, Бельмонте, не занятъ войскомъ; здѣсь имѣлъ пребываніе знаменитый португальскій путешественникъ Silva Porto, одинъ изъ рѣдкихъ изслѣдователей, прошедшихъ черезъ весь материкъ и, кромѣ того, посѣтившій большое число весьма мало извѣстныхъ внутреннихъ странъ. Деревня Бельмонте, равно какъ и *libata* Кангомбэ, гдѣ царствуетъ могущественный соборъ, вообще называется Бихэ (Біэ), при чемъ это наименованіе дается всему плоскогорію, приблизительно имѣющему 1.600 метровъ высоты, гдѣ происходитъ раздѣлъ водъ: къ сѣверу — къ Куанзѣ, а къ югу — къ Лу-Банго. По Са-релло и Ivens'у, бихеносы, численностью до двадцати тысячъ, не представляютъ никакого особеннаго типа. Происходя отъ всякаго рода людей, которыхъ война, рабство или торговля соединили на этомъ плоскогоріи, и позанимствовавъ, кромѣ того, во время своихъ путешествій, самыя разнообразныя обычаи, бихеносы не являютъ никакихъ, общихъ имъ всѣмъ, характерныхъ чертъ, кромѣ навыка къ торговлѣ и любви къ наживѣ; большое число между ни-

¹⁾ J. J. Monteiro, *упом. соч.*

²⁾ Welwitsch, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, *тотр.* VII.

ми научились читать и писать. Португальскому купцу необходимо обладать самому весьма большимъ лукавствомъ, чтобы извлечь какія-либо выгоды изъ торговыхъ сношеній съ дѣль-

ладаетъ чрезвычайнымъ плодородіемъ, и въ дождливое время года растенія, можно сказать, развиваются на глазахъ: такъ, Carello и Ivens, организовавшие свою экспедицію около Бельмон-

Переселенцы.

цами изъ Бихэ: почти вся прибыль обыкновенно выпадаетъ на долю бихеносовъ. Край этотъ, обогащаемый торговлею, могъ бы стать также одною изъ житницъ Африки, такъ какъ красноватая, глинисто-кремнеземная почва об-

те, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ послѣ разведенія сада на вновь расчищенной почвѣ, могли уже собрать изобильные урожаи. Путешественники, возвращающіеся изъ дикихъ *sertões* внутренней Африки, расхваливаютъ, какъ рай

земной, этот прекрасный Бихейский край, в котором послѣ долгихъ дней голода они находятъ въ изобиліи превосходные овощи и плоды. Объ этой плодородной области поговаривали какъ о мѣстѣ будущаго переселенія для крестьянъ Португаліи; но въ дождливое время года лихорадки здѣсь не менѣе опасны, чѣмъ и на низменныхъ земляхъ, и, кромѣ того, здѣсь много встрѣчается зобатыхъ ¹⁾. Недавно въ странѣ поселились также американскіе миссіонеры, но главный станъ ихъ находится на западѣ, въ краѣ Байлуандо, который Ladislav Magyar называетъ «сердцемъ бундскаго края».

Главнымъ предметомъ мѣноваго торга, совершаемаго при посредствѣ бихеносовъ съ внутренними племенами Африки, служатъ fazenda, бумажная ткань, одноцвѣтная или полосатая, англійскаго производства и вообще дурнаго качества. Также почти всѣмъ племенамъ въ большомъ количествѣ поставляется гибельная гамбургская водка, болѣе или менѣе подмѣшанная всякими снадобьями и разбавленная водою. Бихеносскіе караванщики продаютъ имъ также: пластанки соли, ружья, порохъ и боевые патроны, латунную проволоку, бѣлыя и красныя фарфоровыя бусы и стеклянныя подѣлки, идущія, хотя и при посредствѣ Англіи, главнымъ образомъ изъ Богеміи; также весьма цѣнятся въ королевствѣ муаты Ямво и въ пограничныхъ краяхъ зонтики и ночные колпаки; наконецъ, купцы запасаются коврами, мундирами, вышивками и другими цѣнными вещами, которыми они дарятъ начальниковъ племенъ, при полученіи разрѣшенія на торговлю съ простымъ народомъ. Взамѣнъ же перечисленныхъ европейскихъ товаровъ, купцы получаютъ слоновую кость, каучукъ, воскъ и медъ, пальмовое масло и шкуры краснаго звѣря. Носильщики нанимаются либо на весь путь, либо на часть его, и грузъ каждого изъ нихъ никогда не бываетъ меньше 45 килогр., а иногда превышаетъ даже 60 килогр.; вообще вѣсъ тюка мѣняется, смотря по времени года и трудности пути. Часто также носильщикъ замѣняетъ себя туземцемъ; а иногда, будучи и самъ торговцемъ, отправляется въ путь въ сопровожденіи одной или нѣсколькихъ женщинъ, которыя несутъ какъ жизненные его припасы, такъ и предметы торговли, купленные при отбытіи въ путешествіе. Услуги носильщика оплачиваются впередъ или полностью или только отчасти, но начальникъ племени, въ присутствіи котораго опредѣляются условія найма, отвѣтствуетъ въ случаѣ бѣгства носильщика съ пути слѣдованія каравана. Со своей стороны, главный торговецъ отвѣчаетъ за всѣ проступки или преступленія, совершенныя его людьми въ томъ краѣ, который посѣ-

титъ караванъ: малѣйшее нарушеніе обычая является поводомъ къ безконечнымъ препирательствамъ, которыя всегда оканчиваются уплатою штрафа, налагаемаго на чужеземца.

Купцы, путешествующіе изъ края въ край, въ большинствѣ случаевъ бываютъ снабжены такъ называемою «*impresta*», т. е. паспортомъ, который пишется не на пергаментѣ и не на бумагѣ, но рисуется на тѣлѣ. Въ мѣстѣ отбытія каравана, купцы являются къ начальнику, излагаютъ ему проектъ своего путешествія и подносятъ традиціонный подарокъ: тогда приносятъ въ жертву животное, въ крови котораго и обмакиваются тряпочки. Такую тряпочку путешественникъ долженъ, затѣмъ, хранить какъ драгоценный талисманъ, а равнымъ образомъ также и тотъ кусочекъ мѣла, при посредствѣ котораго государь начерчиваетъ кабалистическіе знаки ему на лбу, на груди и на плечѣ; когда же эти знаки сотрутся, то ихъ подрисовываютъ вновь, опасаясь, однако, измѣнить самыя очертанія ¹⁾.

Къ югу отъ р. Куанзы, въ полосѣ приморскаго побережья, заселеннаго племенемъ кне-сама, а также и другими, еще независимыми неграми, — нѣтъ города, и на пространствѣ приблизительно въ 200 километровъ существуетъ только нѣсколько небольшихъ мѣновыхъ постовъ. Крѣпостца Бенгуэлла Велья, т. е. «Старая Бенгуэлла», построенная въ XV столѣтіи на мысѣ, господствующемъ съ сѣвера надъ устьемъ р. Куво, покинута, а городъ Ново-Редондо, который долженъ ее замѣнить и который находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ устья Куво къ югу, есть не что иное, какъ группа хижинъ, расположенныхъ на утесѣ, почти неприступномъ со стороны моря; у подножья этихъ кручъ и крѣпости, основанной въ 1769 году, течетъ небольшая рѣка Гунза, осыняемая пальмовыми рощами и запружаемая при устьѣ песчанымъ баромъ. По Ladislav Magyar'у, въ нѣкоторомъ разстояніи внутри страны, будто-бы, находятся залежи сѣры; но онѣ столь же мало разрабатываются, какъ и мѣдныя жилы въ Сумба-Амбела, около входа въ р. Куво. Кикомбо, къ югу отъ Ново-Редондо, представляетъ группу факторій и продовольственный пунктъ. Этого или Лусито, на половинѣ пути между Ново-Редондо и Бенгуэллою, населенъ еще менѣе, чѣмъ Ново-Редондо: это просто военный постъ при устьѣ рѣки того же имени; недавно его, такъ сказать, подвергали осадѣ туземцы. По крайней мѣрѣ два раза въ годъ немногочисленному гарнизону приходилось запирается въ крѣпости и отстрѣливаться отъ нападающихъ.

Бенгуэлла, главный городъ средней провинціи Анголы, меньше Лоанды, главнаго города провинціи сѣверной; но, тѣмъ не менѣе,

¹⁾ Capello e R. Ivens, „De Benguella as Terras de Jassa“.

¹⁾ Ladislav Magyar, упом. соч.

онъ красивъ, благодаря постройкѣ амфитеатромъ на скатахъ утесистаго холма. Его низкіе и широкіе дома, заключающіе въ себѣ обширные *patios* и окруженные садами, занимаютъ значительное пространство, а обсаженные деревьями аллеи, мѣста для прогулокъ, еще болѣе увеличиваютъ обширность города. Намысъ, выдающемся къ юго-западу, стоитъ основанная въ 1617 г. цитадель Санъ-Филиппе, по имени которой официально назывался и городъ Бенгуэлла; ручей Кавако, совершенно высыхающій въ сухое время года и представляющій тогда песчаное ложе, течетъ къ сѣверу отъ города, а нѣсколько километровъ далѣе, впадаетъ рѣчка Катумбелла, надъ которою господствуетъ одноименный съ нею фортъ, и которая, во время половодій, омываетъ набережные небольшого, начинающаго развиваться города. Вокругъ Бенгуэллы, холмы покрыты лѣсомъ, въ былое время—когда между пребывающими въ городѣ португальцами было мало охотниковъ—изобиловавшимъ дикими звѣрями; для защиты отъ опустошавшихъ плантаціи слоновъ приходилось даже прибѣгать къ артиллеріи⁴⁾. Бѣлое населеніе отчасти состоитъ изъ сосланныхъ преступниковъ: что же касается до чернокожихъ обитателей, то здѣсь сходятся всѣ расы Португальской Африки: бихеносы съ кабиндцами, амбаканцы съ киоками. И когда караваны изъ сѣверныхъ внутреннихъ областей придутъ въ городъ, то наблюдатель можетъ подумать, что попалъ въ какую-нибудь *Ibata*, принадлежащую муатѣ Ямво. Многіе изъ негоціантовъ построили свои виллы вблизи города, на побережныхъ низинахъ, значительно выдающихся въ море, гдѣ, вслѣдствіе бризъ, климатъ гораздо здоровѣе. Ежегодное торговое движеніе въ Бенгуэллѣ выражается приблизительно пятью—шестью милліонами франковъ.

Торговая тропка, направляющаяся на востокъ долиною р. Катумбеллы, соединяетъ Бенгуэллу съ плоскогоріемъ Бихэ; но двѣ другія дороги, болѣе длинныя, направляются на югъ, одна долиною Кавако и чрезъ деревню Сапа, другая же чрезъ бассейнъ, по которому проходитъ рѣка Капороро. Рѣка эта, отдѣляющая округъ Домба-Пекено, на сѣверѣ, отъ округа Домба-Грандэ, на югѣ, орошаетъ въ своемъ нижнемъ теченіи обширныя плантаціи сахарнаго тростника, идущаго на приготовленіе водки; когда же лѣтній зной высушитъ рѣку, то песчаное ложе ея русла засѣвается кукурузою и маниокомъ, дающими обильные урожаи, и изъ которыхъ готовится мука, тысячами мѣръ отправляемая въ Бенгуэллу и на пристань бухты Куіо, въ которую изливается рѣка Капороро. Хотя эта рѣка и течетъ въ-явь только въ дождливое время года, но тѣмъ не менѣе переходъ вблизи моря чрезъ ея ложе опасенъ:

тамъ существуютъ глубокія ямы и лагуны, а мѣстами и оживляемые подземнымъ теченіемъ грязевые намывы, въ которыхъ путешественникъ рискуетъ увязнуть. Оба округа Домба важны по своимъ руднымъ мѣсторожденіямъ. Такъ, гнейсъ по сосѣдству съ бухтою Куіо содержитъ вкраплины богатой мѣдной руды, также какъ и сереброноснаго свинца. Гипсовые холмы, образующіе въ направленіи къ Бенгуэллѣ остова края, содержатъ массы чистой сѣры. *Monteiro* видѣлъ пригорокъ, который показался ему состоящимъ изъ сѣры цѣликомъ; кромѣ того, въ селенитовыхъ пластахъ онъ нашелъ превосходный гипсъ, одинаковый съ добываемымъ въ Парижскомъ бассейнѣ.

Въ области своихъ истоковъ, Капороро, извѣстная подъ именемъ Калунга, пересекаетъ богатую долину *Quillengues*, въ которой пребываетъ могущественный соба. Этотъ верховой бассейнъ, находясь на высотѣ отъ 800 до 1.000 метровъ, обладаетъ еще тропическою растительностью; однако, среди лѣсовъ видныя также и обширныя луговины, на которыхъ пасутся стада крупнаго рогатаго скота. Чтобы запастись такимъ скотомъ, часто на долину *Quillengues* дѣлаютъ набѣги дикіе банановъ изъ сѣверныхъ окраинъ. Разсказываютъ, что для того, чтобъ заставить животныхъ слѣдовать за собою, имъ вовсе не надо ихъ тащить, а стоитъ только въ тактъ ударять другъ о друга деревяшками и отъ времени до времени повторять призывныя слова. Сьерра Виссекуа, которую слѣдуетъ перестѣчь на востокѣ отъ *Quillengues* для того, чтобы спуститься въ бассейнъ Кунэнэ, довольно трудна для восхожденія: хребетъ, который предстояло перейти изслѣдователямъ *Capello* и *Ivens'u*, имѣлъ высоту въ 1.830 метровъ.

Къ югу отъ Бенгуэллы и Домба, первый центръ населенія на морскомъ побережьи есть новый и цвѣтушій городъ Моссамедесъ, давшій свое имя также и одной изъ провинцій Анголы. Уже въ 1785 году бухта Ангра-до-Негро, *Little Fish-bay* англичанъ, получила названіе Моссамедеса, въ честь одного генерала, но только въ 1840 году основалась тамъ первая португальская станица. Эта новая колонія стала развиваться гораздо быстрѣе прежнихъ мѣстечекъ или факторій Ангольскаго побережья. Не имѣя титула «города», Моссамедесъ, однако, превосходитъ Бенгуэллу числомъ жителей, и въ португальскихъ африканскихъ владѣніяхъ уступаетъ по населенности только Лоандѣ. Въ 1884 году сюда прибыло 350 человѣкъ выходцевъ съ Мадеры. Вообще бѣлыхъ въ Моссамедесѣ, относительно, гораздо больше, чѣмъ на другихъ пунктахъ берега, и въ то время какъ въ другія мѣста переселенцы изъ Европы и Бразиліи большей частью являются безъ семействъ, въ Моссамедесѣ они поселяются съ женами и дѣтьми; од-

⁴⁾ Carlos de Mallo, рукописныя замѣтки.

нако, смертность здѣсь между бѣлыми превышаетъ рождаемость. Одна изъ причинъ сравнительнаго процвѣтанія этого южнаго города заключается въ томъ, что, въ противоположность Бенгуэллѣ и Лоандѣ, онъ никогда не былъ притономъ для торговли рабовладѣльцевъ. Онъ былъ по преимуществу мѣстомъ рыбной ловли и торговли земледѣльческими продуктами.

Портъ Моссамедеса, глубокой и хорошо защищенный отъ всѣхъ вѣтровъ, позволяетъ большимъ судамъ бросать якорь на небольшомъ разстояніи отъ пляжа; но, войдя въ бухту, напротивъ этого берега, устьянаго дюнами, песчаными равнинами, крутыми скалами, окружающими городъ съ его бѣлыми домами и рядами пальмовыхъ деревьевъ, невольно задаешь себѣ вопросъ, что можетъ доставить эта безплодная земля торговлѣ, которая, впрочемъ, едва достигаетъ полутора милліона франковъ въ годъ. Такъ, въ 1884 году въ Моссамедесѣ перебивало всего 55 кораблей въ 50.850 тоннъ вмѣстимости. Море по крайней мѣрѣ щедро, такъ какъ кишитъ животными; рыбаки насаливаютъ тысячами большихъ рыбъ, похожихъ на треску, и въ изобиліи добываютъ тресковый жиръ для вывоза. Затѣмъ, если окружающимъ Моссамедесъ полямъ недостаетъ годной для растительности почвы и воды, то ложбины уади, извиляющихся между холмами, весьма плодородны; сады, плантаціи хлопчатника, сахарнаго тростника, банановыя и апельсинныя рощи тянутся тамъ непрерывнымъ рядомъ, образуя геликоптерный поясъ зелени; переселенцами изъ Пернамбуко тамъ устроены и сахарные заводы. Въ особенности hortas по рѣкамъ Бери и Жироль, въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ Моссамедеса, даютъ превосходные урожаи, а окрестныя мѣстности богаты домашнимъ скотомъ, который и вывозятъ въ Габонъ и въ Капскую землю; тамъ же, какъ въ землѣ Кафровъ и въ голландскихъ республикахъ Южной Африки, разводятъ быковъ, годныхъ подъ сѣдло (*bos-cavallus*). Такимъ образомъ, по правамъ своихъ жителей, южныя провинціи Анголы уже находятся въ связи съ Капскими областями.

Съ восточнымъ склономъ береговыхъ горъ Моссамедесъ сообщается дорогою, которая своимъ проложеніемъ обязана не единственно природѣ: въ мѣстахъ, трудныхъ для подъема, вмѣшался и человекъ, сдвигая съ пути камни и уменьшая уклоны; нѣкоторые выступы, прежде непроходимые для вьючнаго скота, нынѣ преодолеваются при посредствѣ тропы, проложенной зигзагами на бокахъ скалъ; теперь фургоны южныхъ голландскихъ переселенцевъ могутъ переходить гору Шелла и спускаться къ Моссамедесу. Самою важною станціею на западномъ склонѣ горъ является укрѣпленный постъ Капангомбѣ, гдѣ можно запа-

саться провизіею и мѣновыми товарами. Иногда во время пути недостаетъ воды; однако, въ углубленіяхъ гранитныхъ скалъ обыкновенно существуютъ водохранилища. Одинъ изъ такихъ природныхъ резервуаровъ, Педра Гравде, стоящій уединенно посреди равнины огромный камень, выдолбленъ внутри совершенно правильно, словно высѣченъ рукой человека. Въ небольшихъ долинахъ, имѣющихъ родники или ручьи, разсѣяно нѣсколько плантацій. Кровля Шеллскаго водораздѣла представляетъ прекрасное, поросшее травой плато, гдѣ пробиваются наружу ручьи, и гдѣ португальскіе плантаторы недавно стали воздѣлывать сахарный тростникъ и кофейное дерево ¹⁾; высота этого плато надъ уровнемъ моря около 1.650 метровъ.

Бассейнъ р. Кунэнэ, въ который спускается дорога послѣ перевала чрезъ Сьерру Снѣговъ, заключаетъ, въ своей верхней части, нѣсколько маленькихъ центровъ португальскаго господства, которые общають современемъ пріобрѣсти важное значеніе, какъ притягательные фокусы для переселенцевъ, но которые до сихъ поръ остались скромными деревнями. Даже военный постъ Каконда, расположенный на равнинѣ, чрезъ которую протекаетъ одинъ изъ западныхъ притоковъ верхней Кунэнэ, теперь почти совершенно покинутъ торговлей: караваны гангуэлловъ доставляли туда лишь немного слоновой кости и воска. Туземцы—племена нано, хуамбо и гангуэлла—ушли далеко, чтобы избѣгнуть вымогательства начальниковъ, являющихся представителями португальской власти; собы, предшественники которыхъ постоянно присягали на вѣрность португальскому королю, отказывались даже отъ подданства ему ²⁾; обширная и плодородная равнина, которая легко могла бы прокормить милліоны жителей, имѣла ихъ всего лишь не болѣе восьми тысячъ. Со всѣмъ тѣмъ не возможно допустить, чтобы столь богато-надѣленный край не сдѣлался населенною и воздѣланною областью. На этой высотѣ—1.650 метровъ, въ среднемъ,—температура умѣренна, и край, хотя и не изобавленъ, какъ о немъ рассказывали, вполне отъ лихорадокъ, но, сравнительно, все-таки здоровъ; рядомъ съ растительностью субтропическаго климата тамъ отлочно произрастаютъ всѣ растенія умѣреннаго пояса; безъ сомнѣнія, удалось бы и воздѣлываніе кофейнаго дерева, судя по тому, что въ тамошнихъ лѣсахъ встрѣчается дикій видъ его, *criango*. Вообще, по своей растительности, своимъ проточнымъ водамъ и теплomu климату, Каконда, находящаяся на высотѣ 1.676 метровъ, является обѣтованною землею, и уже буры изъ Трансваля приходятъ изу-

¹⁾ O. von Diwitz, „Deutsche Kolonial-Zeitung“, 1 марта 1887 г.

²⁾ Serpa Pinto, „How I crossed Africa“.

чать край въ видахъ основанія тамъ колоній; португальцы, болѣею частью изъ сосланныхъ, владѣютъ тамъ нѣсколькими садами, разведенными вокругъ крѣпостцы, основанной въ XVII вѣкѣ. Администрація португальская занимается улучшеніемъ тропъ, направляющихся къ сѣверо-западу изъ Каконды и отъ верховьевъ Кунэнэ къ Бенгуэлѣ.

Станція Гуилла, находящаяся у восточной подошвы Сьерры Снѣговъ, въ недавнее время приобрѣла болѣшую важность, чѣмъ Каконда, благодаря сравнительной близости морскаго побережья и прибытію нидерландскихъ колонистовъ изъ Трансваля. Католическая миссія, управляемая французами, также водворилась въ Буиллѣ, при чемъ священники миссіи учредили тамъ училище для сыновей бережныхъ купцовъ. Сады, съ европейскими растениями, окружаютъ жилища, а аллеи, обсаженные эвкалиптомъ, тянутся вдоль потока, соединяющагося съ Какуловаромъ, главнымъ притокомъ Кунэнэ. Главная колонія буровъ, Санъ-Жануаріо, которой сохранили названіе Гумпата, принадлежащее и всему округу, основана къ сѣверу отъ Гуиллы на террасѣ плоскогорія: тамъ разбѣяны чистенькія деревянныя хижины, крытыя соломой, построенныя голландцами по образцу трансвальскихъ домовъ. Переселенческое путешествіе этихъ голландцевъ длилось не менѣе семи лѣтъ. Гоня передъ собою свои стада, перекочевывая съ пастбища на пастбище, оставаясь по цѣлымъ мѣсяцамъ въ мѣстности, благопріятной для отдыха уставшихъ животныхъ, но также подвергаясь непогодамъ и совершая усиленные переходы по безводной пустынѣ,—бурь много переиспытывали во время этого продолжительнаго trek'a, или путешествія въ изгнаніе ¹⁾. Большое число ихъ перемерло, не вынеся тягости пути, и были даже слухи, будто погибли всѣ. Къ концу 1880 года, только четвереста или пятьсотъ человѣкъ достигли обѣтованной земли, отдаляясь на двѣ тысячи километровъ отъ своего отечества; однако, и тамъ, въ благодатномъ климатѣ Моссамедеса, судьба преслѣдовала ихъ: появилась оспа и истребила многихъ между прибывшими; затѣмъ, почти всѣ лошади, которыхъ они привезли съ собою, къ ужасу туземцевъ, погибли отъ истощенія; исчезли всѣ стада овецъ и пало до двухъ третей изъ крупнаго рогатаго скота. Отчаяніе овладѣло многими колонистами, которые и отправились моремъ въ Капскую землю; другіе пошли обратно въ Трансваль; третьи, продолжая свое странствіе съ этапа на этапъ, поднялись дальше въ бассейнъ Кунэнэ и въ область плоскогорій; но были и такіе, которые устояли противъ ударовъ судьбы.

Нынѣ поля въ Гумпатѣ воздѣланы, тщательно орошены при посредствѣ хорошо проведенныхъ каналовъ и доставляютъ жителямъ жизненные припасы въ достаточномъ количествѣ; кромѣ того, бурь ухаживаютъ за остатками своего скота и стремятся расплодить его; будучи охотниками, они преслѣдуютъ слона и гиппопотама, изъ жира которыхъ готовятъ мыло; они сдѣлались также рудокопами для добыванія желѣза изъ руды и золота изъ рѣчнаго песка; наконецъ, они стали и торговцами, отправляясь за товарами въ бухту Вальфишъ, въ странѣ Дама-ра и выполняя службу конвоировъ между Гуилой и портомъ Моссамедесъ; завоевать вновь нѣкоторое благосостояніе имъ помогла индустрія, которая обезпечиваетъ долговѣчность ихъ колоній; со времени прибытія ихъ въ страну, мѣновая торговля между обоими склонами удвоилась. Хотя очень недовѣрчивые къ своимъ сосѣдямъ португальцамъ, которые говорятъ на другомъ языкѣ и исповѣдуютъ другую вѣру, бурь приспособились, тѣмъ не менѣе, къ этимъ людямъ чуждой имъ расы и защищаютъ ихъ отъ грабежей различныхъ племенъ, которымъ дается родовое наименованіе «готтентотовъ»; бывають даже браки между португальцами и дѣвушками угара, —мѣстное наименованіе переселенцевъ изъ Трансваля. Впрочемъ, со стороны португальскаго правительства, которое въ Гумпатѣ представляетъ только одинъ приставъ, до сихъ поръ требуется отъ переселенцевъ лишь теоретическое признаніе португальскаго главенства; затѣмъ, въ своихъ общинныхъ дѣлахъ бурь сохранили полное самоуправленіе ¹⁾.

Отъ этихъ первыхъ переселенческихъ группъ отдѣлились уже рои, которые и направились къ другимъ пунктамъ страны; что же касается германскаго переселенческаго движенія, которое пытались поворотить въ направленіи къ бассейну верхней Кунэнэ, то оно туда еще не проникло. Въ 1884 году, путешественникъ Dewitz приобрѣлъ большое количество колонизаціонной земли въ краѣ Лусеке, при слияніи Катапи и Кунэнэ, но земледѣльцы не откликнулись на его призывъ. Къ востоку и къ югу отъ Гуиллы, другіе военные и духовные посты, каковы Гамбосъ и Гумбе (Кумби), окружены лишь хижинами, обитаемыми неграми, а бѣлое населеніе на протяженіи этой болотистой окраины средняго теченія Кунэнэ представляютъ лишь одинокіе рыбаки, привлеченные сюда неимоверно большимъ количествомъ рыбы. Равнымъ образомъ и морской берегъ, простирающійся къ югу отъ Моссамедеса вплоть до Кунэнскаго бара, политической границы Анголы, остается еще пустыннымъ,

¹⁾ „Deutsche Kolonial-Zeitung“, 1887;—„Petermann's Mittheilungen“, 1887, т. V.

¹⁾ P. J. Van der Kellen, „Tijdschrift van het Nederlandsch aardrikskundig Genootschap“, 1855.

несмотря на превосходныя качества двух гаваней, слѣдующихъ одна за другой на этой части берега: Бахиа-Пинда, или Портъ-Александръ, и Бахиа-досъ-Тигресъ, одинаково образовавшихся вслѣдствіе отложенія неск. параллельно континентальному пляжу и вслѣдствіе соединенія южныхъ оконечностей этихъ песчаныхъ мелей, при посредствѣ поперечной плотины, съ твердою землею. На высокомъ мысѣ Кабо Негро, господствующемъ надъ входомъ въ Портъ-Александръ съ сѣвера, видны остатки столба или радгао, воздвигнутаго въ 1485 году Diogo Cam'омъ въ память его открытій. Другой воспоминательный столбъ стоитъ на мысѣ Санта-Марія, между Домба-Гранде и Моссамедесомъ ¹⁾.

Несмотря на плодородіе своихъ долинъ и плоскогорій, Ангола все еще одна изъ тѣхъ странъ Африки, гдѣ сборъ дикорастущихъ плодовъ и охота почти столько же важны, сколько и земледѣліе; впрочемъ, иначе и быть не можетъ въ краѣ, который нѣкогда былъ обезлюдняемъ неготорговлей, и побережье котораго, превратившееся, вслѣдствіе этого, почти въ пустыню, представляетъ лишь небольшое число плантацій и садовъ. Къ тому же бѣгство животныхъ внутрь страны, а также истребленіе лѣсовъ на берегу все болѣе и болѣе уменьшаютъ естественныя богатства почвы и придаютъ продуктамъ человѣческаго труда сравнительно большую цѣнность. Слоновая кость, бывшая нѣкогда въ Анголѣ наиболѣе цѣннымъ, послѣ рабовъ, товаромъ, стремится исчезнуть, а та, которая вывозится изъ внутреннихъ областей, направляется къ бассейну р. Конго. Какъ на примѣръ отношенія торго рабами къ другимъ отраслямъ торговли, можно указать на доходы провинціи Анголы въ 1834 году, когда отъ продажи негровъ было выручено 446.220 франковъ, или $\frac{4}{5}$, а на долю другихъ доходовъ пришлось 106.560 франковъ, или $\frac{1}{5}$ всего итога ²⁾. Точно также количество каучука, котораго ангольскіе негодіанты ежегодно отправляютъ на сумму отъ 3 до 4 милліоновъ франковъ, уменьшился, когда доставляющія его лѣны будутъ срѣзаны во всѣхъ сосѣднихъ съ берегомъ областяхъ. Уже лакмусовой ягель, красильный мохъ, который въ вадѣ бороды виситъ на вѣтвяхъ баобаба и другихъ большихъ деревьевъ, сталъ гораздо менѣе распространеннымъ растеніемъ. Копаль, вывозимый изъ ангольскихъ портовъ ежегодно, принадлежитъ къ товарамъ еще изобильнымъ въ приморской области, а воскъ дикари приносятъ постоянно въ большихъ количествахъ. Кромѣ того, новѣйшая индустрія обнаружила пользу многихъ другихъ естественныхъ продуктовъ Анголы, прежде ос-

тававшихся безъ употребленія. Пальмы доставляютъ масло, волокна и плоды, акаціи—смола, молочайныя растенія — сокъ, *almeydins*; а съ баобаба идетъ кора и лубъ, служащія для изготовленія веревокъ, тканей и бумаги. А сколько встрѣчается въ лѣсахъ еще растеній, деревомъ, листьями, сокомъ или плодами которыхъ можно было бы воспользоваться для цѣлей врачебныхъ или индустріальныхъ! Между этими деревьями есть и такія, которыя противостоятъ термитамъ. Ангола обладаетъ также и минералами, въ особенности мѣсторожденіями мѣди.

Главныя земледѣльческія культуры—пищевыя растенія, потребляемыя въ самой странѣ. Въ сѣверной части Анголы воздѣлываютъ въ особенности маниокъ, въ южной же — манисъ, просо и сорго. Европейскіе овощи и плоды, а также китайскій чайный кустъ, ввезены въ край и преуспѣваютъ, по крайней мѣрѣ въ высокихъ долинахъ. Съ 1840 года, картофель сталъ воздѣлываться бихеносами, въ области водораздѣла между Куанзою, Куанго и Куанза ³⁾. Приморскіе города окружены садами, каковы въ Лоандѣ — тѣнистыя *arimos*, а въ Моссамедесѣ — плодородныя *hortas*; насадили даже виноградную лозу. Табакъ, хлопчатникъ и земляные фисташковые орѣхи также находятся въ числѣ произведеній данной страны. Моссамедесъ производитъ тростниковый сахаръ, изъ котораго главнымъ образомъ готовится водка, но изъ промышленныхъ культуръ самая важная — культура кофейнаго дерева. Съ половины текущаго столѣтія эта индустрія развивалась быстро и не только въ области Казенго, но также и во всемъ бассейнѣ р. Лукалы и ея притоковъ. Такъ, въ 1883 году изъ Анголы вывезено кофе на 2.943.342 франка.

Скотоводство въ прибрежной области имѣетъ весьма незначительное экономическое значеніе: между рѣками Конго и Куанза нѣтъ вовсе рогатаго скота; во многихъ мѣстностяхъ напрасно пытались разводить быковъ, лошадей или муловъ; чахнуть и терять чутье тамъ даже собаки; въ Бемба кошекъ въ нѣсколько мѣсяцевъ поражаетъ параличъ ⁴⁾. Для снабженія мясомъ приморскихъ жителей, убойный скотъ пригоняется изъ возвышенныхъ мѣстностей. Но почти во всей той части Анголы, которая съ сѣвера ограничена р. Куанзою, разведеніе скота удается весьма хорошо: страшная муха цеце, наводняющая столь большое пространство Восточной Африки, не извѣстна въ Анголѣ, а эпизоотіи тамъ менѣе опасны, чѣмъ въ бассейнахъ Замбезе и Лимпопо.

Гибельное наслѣдство, оставшееся отъ времени рабовладѣльчества, заключается въ режимѣ крупной поземельной собственности. Почти всѣ вотчины плантаторовъ весьма обширны,

¹⁾ J. Codino, „Decouverte de la côte de l'Afrique“.

²⁾ Jono de Andrade Corvo, „Estudos sobre as Províncias Ultramarinas“.

³⁾ Ladislav Magyar, уном. соч.

⁴⁾ Monteiro уном. соч.

заклучая въ себѣ сотни и даже тысячи гектаровъ. И это еще не все: рѣдко, а въ нѣкоторыхъ округахъ нѣтъ даже ни одного при-

са, въ которомъ поземельная собственность болѣе раздроблена и извѣстное число плантаторовъ проживаютъ среди своихъ рабочихъ: тамъ

Кемберлійскія алмазныя копи.

мѣра, чтобы собственникъ пребывалъ вмѣстѣ съ семействомъ на своей плантаціи. Счастливую противоположность въ этомъ отношеніи другимъ округамъ являетъ округъ Моссамеде-

уступаемые въ пользованіе участки въ земледѣльской области окрестъ города не должны превышать пятидесяти гектаровъ. Зато, въ сѣверной Анголѣ и въ центрѣ ея обширныя по-

земельныя владѣнія управляются почти какъ во времена рабства негровъ: въ большей части плантацій рабочіе состоятъ изъ такъ называемыхъ *contratados* овъ, т. е. временно прикрѣпленныхъ къ землѣ туземцевъ, работающихъ подъ управленіемъ португальскаго надсмотрщика ¹⁾. Рабство, правда, уничтожено, но договоры на долгій срокъ сохранены; негровъ набираютъ даже и для отсылки на два года или на пять лѣтъ на плантаціи острова Св. Томы. Къ тому же большинство рабочихъ въ такомъ долгу у своихъ патроновъ, что вовсе не могутъ разсчитывать на возможность дѣйствительно свободной жизни. Заработная плата ничтожна, а монета, которою расплачиваются съ неграми, меньшей цѣнности, чѣмъ монета, ходящая между бѣлыми: находящаяся въ рукахъ негровъ *reis fracos* представляютъ лишь три пятыхъ *reis fortes* законнаго курса. Для примѣра незначительности задѣльной платы, можно указать на плантаціи Bom Jesus, гдѣ, среднимъ числомъ, дневной заработокъ равняется 45 сантимамъ, изъ которыхъ 15 уплачивается монетою, а 30 припасами ²⁾. Въ плантаціяхъ, между неграми рабство существуетъ, вопреки закону: раба не безызвѣстно, что онъ могъ бы въ какомъ-нибудь португальскомъ городѣ потребовать своего освобожденія, но господствующіе нравы удерживаютъ его въ рабствѣ. Правда, раба, подобно собственному ребенку рабовладельца, называютъ «сыномъ», однако, это не «сынъ утробы», а «сынъ промѣна или торга» или «сынъ ткани» ³⁾.

Индустрія въ собственномъ смыслѣ этого слова находится еще въ зачаточномъ состояніи въ Анголѣ; однако, уже есть фабрики или мастерскія, гдѣ рабочіе изъ негровъ пользуются европейскими инструментами и машинами. Такъ, около Лоанды существуетъ значительное производство кирпича; въ долинѣ Куанзы — многочисленныя мануфактуры цыновокъ; въ приморскихъ городахъ много винокуренныхъ заводовъ и сигарныхъ фабрикъ, а въ самомъ Моссамедесѣ имѣется прядильная и ткацкая мастерская, учрежденная однимъ эльзасцемъ. Локомотивъ уже появился въ Лоандѣ на желѣзной дорогѣ, строящейся по направленію къ Амбаккѣ; телеграфъ вѣтвится вплоть до кофейныхъ плантацій внутри страны, а пароходы плаваютъ по Куанзѣ; хорошія проѣзжія дороги соединяютъ Лоанду съ берегами двухъ сосѣднихъ рѣкъ, а города: Дондо — съ р. Лу-калла, Домба-Грандэ — съ р. Куіо, Катумбеллу — съ Бенгуэллою, и Моссамедесъ — съ различными колоніями въ округѣ. Однако, несмотря на такое увеличеніе всевозможныхъ средствъ для промышленной

дѣятельности, внѣшняя торговля Анголы не увеличивается столь быстро, какъ это можно было бы предполагать; въ послѣдніе годы она даже уменьшилась, такъ какъ значительная часть мѣнковой торговли перемѣстилась: таможенные пошлины слишкомъ увеличены, и естественно, что купцы стремятся вывозить свои товары чрезъ свободную окраину на сѣверъ Анголы. Даже торговцы съ Кунэнэ и изъ Гумпаты предпочитаютъ направлять свои повозки чрезъ болота и горы къ бухтѣ Вальфишъ, удаленной на 900 километровъ по прямой линіи, чѣмъ посылать ихъ въ сосѣдній портъ, въ Моссамедесъ. Болѣе двухъ третей ангольской торговли совершаются съ Великобританіею, такъ какъ почти всѣ ввозимыя въ край ткани производства англійскаго. Португальскіе негодіанты участвуютъ въ ангольской торговлѣ лишь въ весьма малой долѣ, такъ какъ пять седьмыхъ торговыхъ сношеній этого края приходится на долю другихъ рынковъ, а не Лиссабона или Оporto: вслѣдствіе этого, про правительство метрополіи говорятъ, что въ Ангольскомъ краѣ оно выполняетъ лишь роль береговой стражи, охраняющей чужеземную торговлю ⁴⁾. Вотъ нѣкоторые статистическія данныя о торговомъ движеніи въ Анголѣ: обороты внѣшней торговли составляли: въ 1823 году — 3.219.000 фр. ⁵⁾; въ 1847 — 9.706.950 фр.; въ 1873 — 1874 гг. — 28.216.202 фр.; въ 1886 — 1887 гг. — 21.070.031 фр.; въ 1891 г.: привозъ — 2.870.000, вывозъ — 3.250.000 милльрейсовъ. Судовъ въ ангольскихъ портахъ въ 1896 году было въ приходѣ 286, съ вмѣстимостью въ 431.000 тоннъ.

Народное просвѣщеніе гораздо болѣе развито въ Анголѣ, чѣмъ объ этомъ можно было бы заключить по числу школъ, которыхъ въ 1884 г. было: 32 съ учителями и 8 безъ учителей; учащихся же въ школахъ насчитывалось 1.178, при чемъ пять шестыхъ приходилось на долю мальчиковъ. Однако, тысячи негровъ, будучи потомками уже обученныхъ миссіонерами, научаются читать въ своихъ семействахъ, проживая за сотни лье отъ всякаго общественнаго учебнаго заведенія. На болѣе высокій уровень образованія, по сравненію съ краями, имѣющими больше школъ, указываютъ, во-первыхъ — движеніе почтовое, при чемъ въ 1883 году всѣхъ почтовыхъ пересылокъ было 263.558, а телеграммъ въ 1884 году — 8.900; и во-вторыхъ, сравнительное развитіе печати: такъ въ 1886 году въ Анголѣ было газетъ и журналовъ — 19 ⁶⁾.

Португальская провинція Ангола, иногда называемая также «королевствомъ», находится

¹⁾ „Relatorios das Obras Publicas Provincias Ultramarinas“. Angola 1877—1880.

²⁾ Chatelain, „Deutsche Kolonial-Zeitung“, 1 июня 1887 г.

³⁾ Chavannes, *упом. соч.*

⁴⁾ Oliveira Martins, „O Brazil e as Colonias Portuguezas“.

⁵⁾ Joao de Andrada Corvo.

⁶⁾ Brito Aranha, „Historia do Jornalismo nas Provincias Ultramarinas“.

въ совершенной зависимости отъ Лиссабонскаго правительства. Въ ней нѣтъ ни избираемыхъ совѣтовъ, ни другихъ депутатовъ, кромѣ посылаемыхъ въ кортесы въ Лиссабонѣ, при чемъ избирателей въ Анголѣ въ 1884 году было 26.598, а могущихъ быть выбранными 3.261. Ангола должна лишь повиноваться распоряженіямъ, исходящимъ изъ Португаліи и передаваемымъ ей при посредствѣ губернатора, пребывающаго въ Лоандѣ. Этотъ политическій режимъ опеки, который не можетъ не задерживать колоніальнаго развитія, объясняется, впрочемъ—хотя и не оправдывается—небольшимъ числомъ европейцевъ, разсыянныхъ по громадной территоріи и состоящихъ исключительно изъ негодіантовъ, чиновниковъ (которыхъ въ 1882 году въ Анголѣ было 3.140 человекъ) и ссыльных—все людей, имѣющихъ свои самые важные интересы или свои духовныя связи все еще въ метрополіи. Торговцы и торговые агенты стремятся быстро нажить или по крайней мѣрѣ приобрести такое состояніе, которое позволило бы имъ возвратиться въ Европу; чиновники и военные продолжаютъ свою карьеру за границею въ надеждѣ быстрого повышенія по возвращеніи въ отечество; наконецъ, ссыльные, *degradados*, путемъ долгаго пребыванія въ колоніяхъ могутъ восстановить свои гражданскія права. Переселенцевъ же, въ теченіе десяти лѣтъ, только и насчитывалось, что 3.348 человекъ. Что касается туземцевъ, то они сохранили свой первобытный правительственный строй повсюду, кромѣ мѣстъ близкаго сосѣдства съ городами и плантаціями, гдѣ традиціонныя связи среди извѣстнаго народа или племени ослабли или порвались вовсе. Обыкновенно, негры все еще либо избираютъ своихъ *сиба*, либо признаютъ ихъ, согласно существующему у даннаго племени обычаю наслѣдованія: непосредственно отъ отца къ сыну, или непосредственно отъ брата къ брату, или отъ дяди къ сыну сестры; однако, рядомъ съ собою, права почина котораго уменьшаются или увеличиваются соразмѣрно съ удаленіемъ отъ португальскихъ военныхъ постовъ, въ краѣ пребываютъ еще *chefes*, назначаемые лоандскимъ губернаторомъ, которые имѣютъ право

вмѣшиваться, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, во внутреннія дѣла племени и занимаются въ особенности увеличеніемъ поступленія налоговъ, болѣе, впрочемъ, для своихъ личныхъ пользъ, чѣмъ для португальской казны. Прежде они могли, въ силу декретовъ, заставлять работать негровъ и обращали ихъ такимъ образомъ въ рабовъ, принуждая переносить тюки съ товарами: по собственному произволу они опредѣляли, которые изъ людей должны имъ безвозмездно служить въ качествѣ *curegadores*. Однако, это несправедливое право принуждать къ исполненію повинности натурою, къ барщинѣ, было уничтожено въ 1856 году.

Такъ какъ дѣйствительное господство Португаліи проявляется лишь на небольшомъ числѣ пунктовъ, и такъ какъ племена негровъ состоятъ изъ людей въ большинствѣ весьма покорныхъ, то для выполненія гарнизонной службы или для военныхъ экспедицій губернатору достаточно имѣть лишь нѣсколько сотенъ солдатъ. Бюджетъ почти цѣликомъ имѣетъ въ виду администрацію, и расходы отчасти покрываются таможенными доходами. Нынѣ бюджетныхъ доходовъ достаточно для покрытія расходовъ (бюджетъ 1894—95 г.: приходъ—1.645.000, расходъ—1.533.000 милъ-рейс.). Прежде эти заморскія владѣнія постоянно были въ тягость метрополіи, какъ, впрочемъ, это всегда и бываетъ съ болѣею частью колоніальныхъ земель, не принимающихъ никакого участія въ своей собственной администраціи.

Территорія распредѣлена на четыре округа, которые, въ свою очередь, подраздѣляются на *concelhos* (уѣзды), довольно обширные; между *concelhos* ами есть населенные такимъ незначительнымъ числомъ полукцивилизованныхъ людей, что учрежденіе тамъ правильной администраціи еще невозможно. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены наименованія *concelhos* овъ Анголы, съ указаніемъ ихъ географическаго положенія и населенія ихъ главныхъ городовъ. Лишь два между этими городами считаются въ разрядъ собственно *cidades*, т. е. городовъ, именно: Лоанда и Бенгуэлла. Всѣ остальные суть *villas*.

Округъ.	Concelhos.	Главные города.
Заира.	Санъ-Антонио де Соньо. Лѣвый берегъ Нижняго Конго.	Санто-Антонио.
	Санъ-Сальвадоръ. Бассейнъ Мпозо.	Санъ-Сальвадоръ. 750 жителей.
	Делегація Кунсанги и Коки на Конго.	
	Энкожа. Верховой бассейнъ Ложэ.	Энкожа.
Лоанда	Амбризъ. Верховой бассейнъ	Амбризъ, 3.000 жителей.
	Альто Данде. Низовой " }	
	Барро до Данде. Верховой " }	р. Ложэ.
	Голунго Альто. Плоскогоріе истоковъ Бенго.	
	Зенза до Голунго. Низовой бассейнъ	р. Бенго.
	Икола е Бенго. Средній " }	
	Барра де Бенго. Низовой " }	
	Лоанда, столица и предмѣстья.	
		Лоанда, 16 т. жителей.

Округъ.	Concelhos.	Главные города.
Лоанда.	Дук-де Браганца. Верховой бассейнь.	Дукде—Браганца.
	Амбака. Средній " }	Памба.
	Казенго. Низовой. " }	Какулло.
	Тала-Могонго. Водораздѣль между Куанза и Куанго.	
	Маламжэ. Верховой бассейнь Куанзы.	Маламжэ.
	Пунго-Ндого. Прав. берегъ средней Куанзы.	Пунго-Ндого. 1.300 жителей.
	Камбамбэ.	Дондо. 2.880 жителей.
	Массангано. }	Массангано.
	Муксима. }	Муксима.
	Калумбо. }	Калумбо.
Бенгуэлла.	Кассанджэ. Верховой бассейнь р. Куанги.	Кассанжэ.
	Ново-Редондо. Морской берегъ къ югу отъ Куво.	Ново-Редондо.
	Эгито.	Эгито.
	Катумбэлла. }	Катумбэлла.
	Бенгуэлла. }	Бенгуэлла. 3.000 жителей.
	Домбэ Грандэ.	Домбэ-Грандэ. 4.000 жителей.
	Quillengues. Верховой бассейнь р. Капороро.	Quillengues.
	Каконда. " р. Кунэнэ.	Каконда.
	Моссамедесъ. Поморье.	Моссамедесъ. 5.000 жителей.
	Кабангомбэ или Бумбо. Верховой бассейнь р. Жироля.	Копангомбэ.
Моссамедесъ.	Гумпата. }	Гумпа.
	Гуила. }	Гуила.
	Гамбосъ. }	Гамбосъ.
	Хумбэ. }	Хумбэ.

Остальная часть территории, населенная такъ называемыми вассальными племенами— въ дѣйствительности, однако, независимыми— не представляетъ другихъ подраздѣлений, кромѣ перемѣнчивыхъ границъ мѣстопробыванія племенъ. Бихэ и Байлундо иногда считались составными частями округа

Бенгуэлла. Concelhos, расположенные къ сѣверу отъ Заиры, принадлежать къ одному и тому же округу съ Сантъ-Сальвадоромъ и со всею полосой лѣваго берега рѣки. Кабонда— главный городъ двухъ областей, которыя отдѣляютъ рѣку и территорию отъ Независимаго Государства Конго.

Глава VI.

Страны Дама-ра и Нама-Куа.

Области между рѣками Кунэнэ и Оранжевой.

Часть африканскаго побережья, простирающаяся на югъ отъ Анголы вплоть до бара Оранжевой рѣки, на протяженіи по берегу приблизительно 500 километровъ, съ 1884 г. объявлена германскою территоріею, хотя германцамъ не пришлось ее завоевывать: официально она зовется *Südwest-Afrika*, т. е. «Юго-западная Африка». Прежде она называлась *Lüderitzland*, по имени того негодянта, который приобрѣлъ ее посредствомъ договоровъ, заключенныхъ съ начальниками какъ тѣхъ рѣдкихъ племенъ, которыя проживаютъ на берегу, такъ и племенъ внутри страны, находившихся подъ вліяніемъ пріорейскихъ миссіонеровъ.

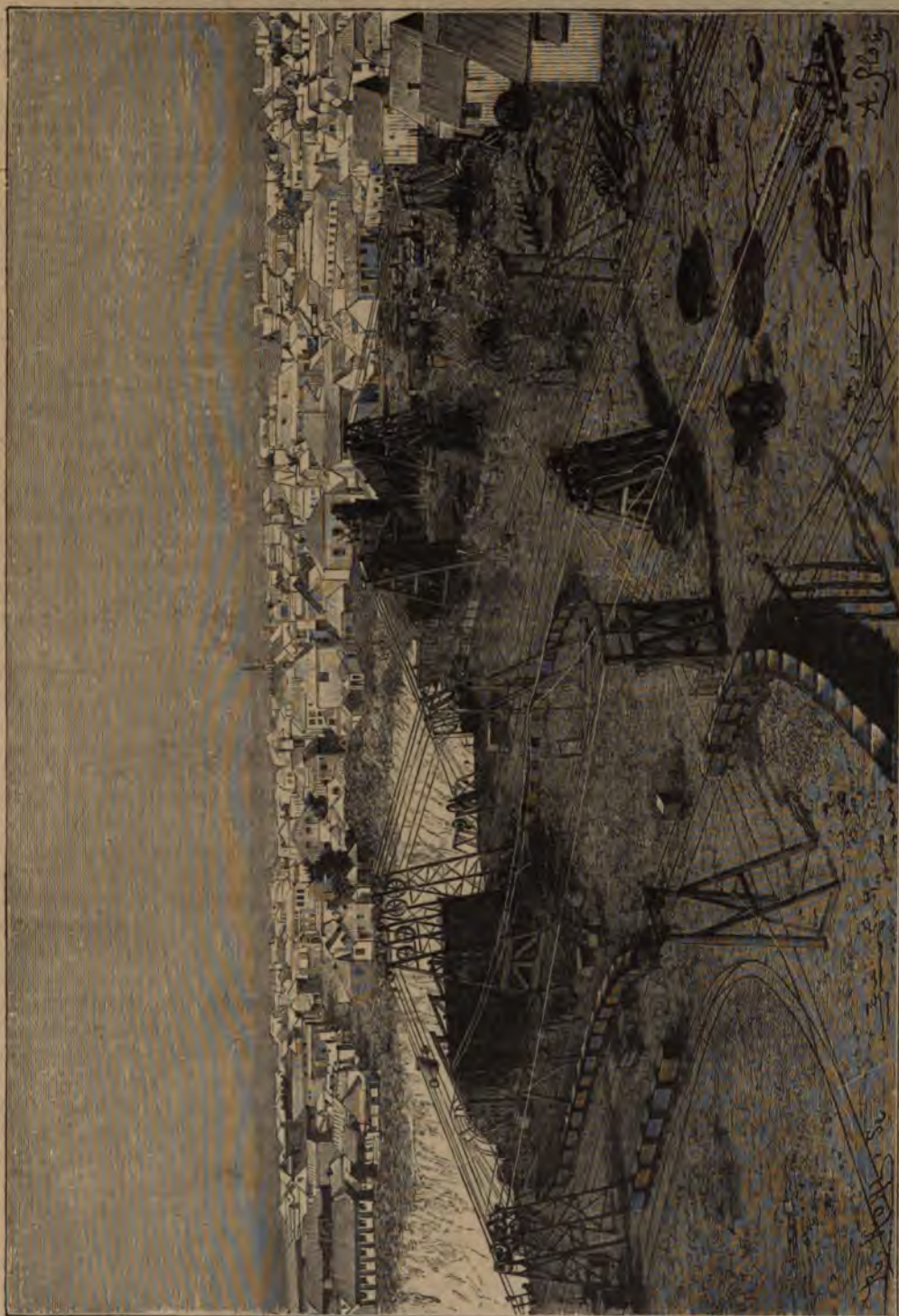
Раньше того времени, когда какъ бы по

мановенію волшебнаго жезла, край оказался подпавшимъ подъ протекторатъ Германской имперіи, подразумѣвалось, что верховное владычество Великобританіи распространяется и на эти страны, вплоть до мыса Фрѳю, хотя въ дѣйствительности англичане владѣли только однимъ постомъ, на берегу бухты Вальфишъ, или Китовой. Въ началѣ, какъ только германскіе дипломаты завели рѣчь относительно станцій, основанныхъ германскими подданными, англійское министерство заявило, что «всякое появленіе какой-нибудь иностранной державы въ данной области было бы нарушеніемъ правъ Великобританіи»; также и правительство Капской Земли вотировало о формальномъ завладѣніи спорною территоріею, но было уже поздно. И послѣ обмѣна депешами, которыя со стороны Германіи приняли почти угрожающій тонъ, «край Людерица», за заключеніемъ бухты Вальфишъ, былъ признанъ

землею германскою; кромѣ того, германскіе дипломаты заключили трактатъ и съ Португаліей, обезпечивающій Германіи владѣніе территоріею, простирающейся къ сѣверу отъ мыса

самой Германской имперіи, явилась первою, по времени пріобрѣтенія, въ ряду тѣхъ странъ, изъ которыхъ въ Африкѣ и въ Полинезій образовались обширныя герман-

Городъ Кимберлей.

Фріо вплоть до устья рѣки Кунэнэ. Область «Юго - Западной Африки», простирающаяся вглубь до 20° восточной долготы отъ Гринвичскаго меридіана, или до 17° 40' отъ меридіана Парижскаго, и равняющаяся поверх-

скія колоніальныя владѣнія; тотъ же, кто пріобрѣлъ эту область для своей родины, какъ-то таинственно исчезъ въ одной изъ бухтъ южнаго берега. Однако, если о завладѣніи страню официально и оповѣщено, то

на дѣлѣ оно еще далеко отъ осуществленія. Для охраны купцовъ воинской силы еще не назначено, превращеніе туземцевъ въ германскихъ подданныхъ остается пока въ области предположеній и вовсе не мѣшаетъ грабителямъ забирать скотъ германскаго комисара у самыхъ дверей его жилища. Начальниками, которымъ лучше повинуются, въ центральной и южной областяхъ являются протестантскіе миссіонеры; основавшіеся въ Дама-ра въ 1848 году, они обладаютъ нынѣ болѣе, чѣмъ двадцатью станами между рѣками Кузнэ и Оранжевой.* Въ послѣднее время въ этой колоніи организовано охранное войско, которое въ 1897 г. состояло изъ 25 офицеровъ, 710 бѣлыхъ и 150 цвѣтныхъ солдатъ*.

Благодаря миссіонерамъ, охотникамъ, розскивателямъ рудъ и купцамъ, проникавшимъ отъ одного склона края до другого, новое колоніальное владѣніе Германской имперіи уже хорошо извѣстно въ своихъ главныхъ чертахъ. Даже сѣверная часть этого края, наиболѣе удаленная отъ Каптауна, центра изслѣдованій Южной Африки, была посѣщена Galton'омъ, Anderson'омъ, Baines'омъ, Smuts'омъ, Green'омъ, Hahn и Rath'омъ, Hertley'емъ, Coates'омъ, Palgrave'омъ, Duragnet, а со времени превозглашенія новаго политическаго строя въ эти края отправляются германскіе путешественники десятками, какъ для изученія его географіи, такъ въ особенности для ознакомленія съ его экономическими условіями. Отпечатаны уже спеціальныя карты портовъ и минеральныхъ залежей, составлены проекты шоссе и желѣзныхъ дорогъ: однимъ словомъ, официальное присоединеніе края ускоряетъ и дѣло всесторонняго знакомства съ нимъ.

Въ общемъ, рельефъ страны тотъ же, что и въ Анголѣ: поверхность постепенно повышается вплоть до кровли береговаго плоскогорія, а затѣмъ на востокъ начинается спускаться по направленію къ бассейнамъ рѣкъ. Весь край, отъ Кузнэ до Оранжевой рѣки, представляетъ продолговатую, правильной формы, возвышенность, ось которой параллельна оси морскаго берега; кромѣ того, это удлиненное приподнятіе почвы вполнѣ уединенно: тогда какъ плоскогорія Анголы соприкасаются на востокъ съ возвышенностью водсраздѣла между рѣками Конго и Замбезе, плоскогорія Дама-ра и Нама-куа ограничены съ востока глубокими впадинами, на протяженіи которыхъ разстилается пустыня Калахари и извиляются Ку-Банго и верховые притоки Оранжевой рѣки. Будучи отдѣлены отъ горъ Свѣговой Сьерры ущельями, въ которыхъ протекаетъ Кузнэ, каменистыя высоты края Дама-ра, называемыя Каоко, вначалѣ представляются не особенно значительными, но мало-по-малу,

къ югу отъ известковыхъ горъ Отави, онѣ становятся все выше и выше, и многія изъ нихъ достигаютъ и даже превышаютъ 1.000 метровъ. А къ сѣверо-востоку и къ востоку отъ бухты Вальфишъ группируются свои куполообразныя вершины и столовидныя скалы уже и настоящій массивъ. Оматако, самая высокая изъ вершинъ этой области, имѣетъ въ высоту 2.300 метровъ; нѣсколько другихъ горъ, болѣе низкихъ, группируются около этой величественной вершины. Южнѣе, срединный хребетъ снова понижается и не достигаетъ даже и тысячи метровъ; во многихъ мѣстахъ исчезаютъ всякія значительныя возвышенія, и видны только отдѣльныя группы холмовъ, покоящіяся на общемъ цоколѣ, имѣющемъ форму щита; тамъ и сямъ утесы возвышаются въ видѣ башенъ и пирамидъ. На юго-германской территоріи, въ странѣ племени нама-куа, возвышаются другія непрерывныя гряды горъ: такъ, дорога, пересекающая горный хребетъ къ востоку отъ Ангры Пекены, на пути въ Бетанію, проходитъ около возвышенности въ 1.600 метровъ¹⁾. Остовъ горъ состоитъ главнымъ образомъ изъ гнейса, слюдяныхъ сланцевъ, кристаллическихъ известняковъ, съ вкрапленнымъ гранитомъ, порфиромъ и другими вулканическими породами; встрѣчались, будто-бы, и базальтовые массы.

Срединная ось высокихъ земель проходитъ параллельно берегу, въ среднемъ, на разстояніи отъ него приблизительно двухсотъ километровъ; что же касается пространства между самымъ берегомъ и первыми скалами, то во многихъ мѣстностяхъ ширина его значительна. Къ востоку отъ бухты Вальфишъ, это промежуточное пространство образуетъ равнину Наміебъ, называемую голландцами vlakte или veld, а англійскими колонистами просто plain; также можно было бы сравнить ее съ hamada въ Аравіи и въ Сѣверной Африкѣ. Наміебъ по наружному виду равнина, но если стать пересѣкать ее въ направленіи къ востоку, то окажется, что незамѣтно она все болѣе и болѣе повышается, такъ что въ ста километрахъ отъ бухты высота ея достигаетъ уже шестисотъ метровъ, и если смотрѣть на veld съ берега моря, то она заслонитъ и профиль горъ, возвышающихся отъ нея къ востоку; между тѣмъ, при входѣ на гребни дуютъ какъ-то, будто поверхность равнины совсѣмъ горизонтальна. Путешественникъ Stapff полагае, что Наміебъ—древнее море; по виду же она походитъ на обширную бетонную поверхность, отцвѣчивающую всѣми оттѣнками, отъ темнаго до бѣловатаго. Въ сухое время, т. е. почти въ теченіе цѣлаго года, по ней можно ходить какъ по мостовой; но во время

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1835.

дождей поверхностный слой известковой или гипсовой глины разжижается, набирает въ себя песок, и тогда движеніе бываетъ весьма затруднено: колеса оставляютъ такіа глубокія колѣна, что онѣ могутъ сохраняться цѣлые годы. Въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ на равнинѣ скопляются дождевыя воды, которыя мало-помалу испаряются, оставляя послѣ себя налеты гипса или соли: salt-pans англійскихъ колонистовъ. По сосѣдству съ горами видѣются обломки и остатки скалъ: кварцевыхъ, гнейсовыхъ или сланцевыхъ, которыя, повидимому, разрушались подъ вліяніемъ воздуха, а на поверхности почвы оставили пятна различныхъ цвѣтовъ. На нѣкоторыхъ же сохранившихся глыбахъ поверхность оказывается отполированной тѣми песчинками, которыя проносятся вѣтромъ.

Скатъ Наміеба простирается вплоть до моря, но нижняя часть равнины покрыта песками, изъ которыхъ образуются дюны на пространствѣ отъ нѣсколькихъ тысячъ метровъ до сотни километровъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дюнъ поднимаются почти до ста метровъ въ высоту, уподобляясь въ этомъ отношеніи дюнамъ на ландахъ Гасконскаго залива; такіа дюны отдѣляются другъ отъ друга ледами, т. е. промежуточными долинами, по которымъ разсѣяны бугорки и холмики. Къ югу отъ Вальфишской бухты должно послѣдовательно перейти чрезъ шестнадцать песчаныхъ гребней, при чемъ западный склонъ горюкъ, обращенный къ морскому вѣтру, почти твердъ, между тѣмъ какъ противоположный склонъ, на который отлагаются несомыя вѣтромъ песчинки, гораздо болѣе подвиженъ; немногіе травы и кустарники съ стелющимися корнями произрастаютъ на этихъ песчаныхъ холмахъ и на извѣстное время уплотняютъ ихъ почву. Вѣроятно, что эти дюны происходятъ отъ древнихъ песчаныхъ, выступившихъ изъ моря, мелей; что же касается дюнъ внутри страны, то онѣ образовались на мѣстѣ, вслѣдствіе дупленія гнейса подъ вліяніемъ солнечнаго жара. Внутренняя подъемлющая сила дѣйствуетъ подъ этою частью морскаго побережья, повидимому, и въ наши дни: на высотѣ до двадцати метровъ надъ современнымъ уровнемъ моря наблюдаются обширные солончаки, покрытые раковинами, схожими съ раковинами тѣхъ животныхъ, которыя и понынѣ живутъ въ сосѣднихъ пространствахъ океана; отъ берега же на разстояніи отъ 30 метровъ до одного километра встрѣчаются даже цѣлые скелеты китообразныхъ животныхъ, нѣкогда выкинутыхъ волнами ¹⁾. На одномъ изъ пляжей, къ сѣверу отъ бухты, видѣются валеты сѣры, перемѣшивающіеся съ пескомъ и гипсомъ, а съ земли поднимается тамъ запахъ сѣрнистаго водорода. Вѣроятно,

выдѣленіями этого газа и должна быть объясняема та скоропостижная смертность рыбъ въ бухтѣ, которую наблюдали нѣсколько разъ, между прочимъ, въ 1883 году. При низкомъ уровнѣ воды въ морѣ, говорятъ, видѣли даже нѣчто въ родѣ кратеровъ, образовавшихся вслѣдствіе вспучиванія плоскаго берега ⁴⁾.

Отъ устройства берега зависятъ отчасти и климатическія явленія. Южные и юго-западные вѣтры, чаще всего дующіе на берегу, приносятъ съ собою дожди лишь весьма рѣдко, а сѣверо-восточные шквалы, дующіе съ мая по іюль въ направленіи, противоположномъ господствующимъ вѣтрамъ, содержатъ влаги еще меньше. Въ теченіе года на берегахъ бухты Вальфишъ насчитываютъ, среднимъ числомъ, отъ пяти до шести дождей, а на берегахъ Ангры-Пекены всего одинъ дождь: къ этому ливню и къ ночнымъ росамъ, иногда весьма изобильнымъ, и сводится весь дождливый сезонъ, нормальный періодъ котораго упадаетъ на начало года, когда, слѣдовательно, солнце поднимается къ сѣверу. Но если низменный берегъ не увлажняется, то морскіе вѣтры низвергаютъ свои ноши дождей на вершины внутри страны; на Норе-шине, въ 1886 году, было семнадцать дождливыхъ дней и, по измѣреніямъ, выпавшей воды оказалось болѣе сорока миллиметровъ; предвѣстниками дождя почти всегда бываютъ вихри, поднимающіе, въ видѣ движущихся колоннъ, песокъ, и дамарцы такъ и называютъ эти песчаные круговороты «приносителями дождя» ²⁾. Вслѣдствіе такого выпаденія атмосферной влаги, плоскогорья покрыты сплошнымъ травянымъ ковромъ, тогда какъ внизу, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Каоко—сравнительно хорошо орошаемаго,—весь край остается бесплоднымъ или же усыяннымъ только колючими кустарниками, и лишь кое-гдѣ, вокругъ родниковъ, видѣются оазисы. Собаки мрутъ тамъ отъ голода; растенія увядаютъ; и такъ какъ тамъ почва повсюду пропитана на глубинѣ полуметра или даже еще менѣе солью, то взростить кустарныя деревья было бы очень трудно ³⁾. Хотя, благодаря дождямъ на вершинахъ, въ верховыхъ оврагахъ текутъ ручьи, но они не сливаются вмѣстѣ для образованія рѣкъ и не доходятъ до океана, развѣ только въ случаѣ исключительно изобильныхъ ливней. Потоки являются простыми уади, которые служатъ дорогами и на протяженіи ложа которыхъ путники вырываютъ колодцы, въ надеждѣ, что въ нихъ скопится немного воды. Деревья осѣняютъ откосы крутыхъ береговъ, заимствуя необходимую влагу изъ глубокихъ песковъ, но увя-

¹⁾ Stapff, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“. № 1, 1887.

²⁾ Charles John Andersson, „Ngami-river“.

³⁾ A. de Smidt, „Petermann's Mittheilungen“. Октябрь, 1866.

⁴⁾ „Petermann's Mittheilungen“.

даніе растений по берегамъ потоковъ заставляетъ думать, что страна становится все суше и суше: такъ, хотя и случается, что послѣ внезапнаго разлива, на береговыхъ кручахъ всходитъ множество новыхъ стеблей, но вскорѣ стебли эти увядаютъ, такъ какъ ихъ корни не успѣваютъ достаточно углубиться въ почву въ поискахъ за влагою. Впрочемъ, жители изъ племени хереро пробили на многихъ мѣстахъ сосѣднихъ плоскогорій глубокія скважины въ известковыхъ утесахъ вплоть до живой воды¹⁾. Одинъ изъ отысканныхъ, такимъ образомъ, источниковъ въ горахъ Отави—на сѣверѣ края—оказался настоящимъ подземнымъ озеромъ, изобилующимъ рыбами и не измѣняющимъ своего уровня²⁾.

Изъ всѣхъ уади страны самый изобильный—Омаруру: воды его сохраняются дольше, чѣмъ въ другихъ рѣчныхъ ложахъ, а окружающая его растительность менѣе рѣдка; горячій источникъ Омбуро пробивается у подошвы базальтовыхъ камней изъ-подъ песка вверх уади, и теченіе ручейка продолжается на протяжении нѣсколькихъ километровъ. Изъ всѣхъ потоковъ страны больше всего боковыхъ развѣтвленій и наиболѣе длинное русло имѣетъ Тсоахубъ или Свакопъ: длина его теченія превышаетъ четыреста километровъ. Онъ начинается къ востоку отъ главнаго массива Дамарскихъ горъ, пересекаетъ плоскогоріе, пробѣгая по глубокимъ ущельямъ, и впадаетъ въ море непосредственно на сѣверѣ Вальфшской бухты. Приблизительно на равномъ разстояніи отъ рѣкъ Кунэнэ и Оранжевой, эта поперечная Тсоахубская борозда дѣлитъ территорію на двѣ почти равныя половины: на сѣверѣ—область Дама-ра,—на югѣ—область Нама-куа. Хозибъ или Куизипъ, вырвышій себѣ русло глубиной въ 200 метровъ въ толщѣ равнины Наміебъ, также изливается или, правильнѣе, изливается въ Вальфшскую бухту круто поворачивающей излучиной, которая на востокѣ граничитъ съ длиннымъ песчанымъ полуостровомъ мыса Пеликана; въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, предшествовавшихъ 1878 году, въ Хозибѣ не было воды ни разу³⁾. Къ югу отъ этихъ двухъ временныхъ рѣкъ, другіе уади прекращаются уже на востокѣ отъ днюъ, даже не образуя доходящихъ до моря руселъ, но умарамба, или потоки восточнаго склона, идущіе на соединеніе съ рѣкой Ку-Банго или съ Оранжевой, или же теряющіеся далеко въ пустынь, въ ея солончакахъ,—рѣки настоящія, если не по массѣ воды или правильности рѣчнаго ложа, то по крайней мѣрѣ по длинѣ того углубленія, по которому онѣ протекаютъ.

Южная часть германской территоріи, состо-

ящая въ большой части изъ скалъ, твердыхъ глинъ и сыпучихъ песковъ, не можетъ имѣть земледѣльческаго значенія; тѣмъ не менѣе германцы присоединили ее первою и такъ именно основали свои поселенія; однако къ югу отъ Тсоахуба, разведенные миссіонерами по цѣлымъ сады и огороды не составляютъ, быть-можетъ, въ совокупности даже четырехъ гектаровъ. Но въ сѣверныхъ округахъ, и именно въ долину Кунэнэ, простираются обширныя поля, походившія на португальскія области Гуилла и Гумпата: расположенныя въ одномъ и томъ же бассейнѣ, представляя совершенно одинаковую почву, они имѣютъ также существенно одинаковый климатъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что дожди здѣсь менѣе обильны и воздухъ немного суше; однако, влажности и здѣсь достаточно для произрастанія и размноженія деревьевъ въ лѣсахъ. Здѣсь можно еще видѣть гигантскій баобабъ, а вплоть до двадцатаго градуса широты встрѣчаются также и нѣкоторыя пальмовыя деревья. Край Ова-Мбо, съ его рощами и полянами, во многихъ мѣстностяхъ имѣетъ видъ безконечнаго парка; жители занимаются тамъ главнымъ образомъ воздѣлываніемъ почвы и разведеніемъ плодовыхъ деревьевъ⁴⁾. Тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, могли бы благоденствовать также и европейскіе работники, хотя ихъ потребности много превышаютъ потребности черныхъ туземцевъ; трансваальскіе буры, впрочемъ, тамъ уже и поселились. Сотни этихъ эмигрантовъ,—тѣ самые, которые впослѣдствіи направились въ португальскій Моссамедесскій округъ,—основали колонію въ гористой области Каоко; но тамъ, какъ и Гумпата, они занимались болѣе разведеніемъ скота, чѣмъ воздѣлываніемъ почвы, довольствуясь полученіемъ такого только количества хлѣбныхъ растений, которое было имъ необходимо для годичнаго запаса.

Вообще, видъ прибрежныхъ равнинъ по р. Кунэнэ и особливо благоприятныхъ для земледѣлія небольшихъ долинъ, скотоводство является мѣстнымъ промысломъ, сулящимъ болѣе всего выгодъ. Обширныя травянистыя плоскогорія превращаютъ край въ пастушескую область. Дикія животныя—за исключеніемъ различныхъ видовъ антилопы, нѣсколькихъ представителей коначьяго рода, шакаловъ и грызуновъ,—истреблены; даже страусъ, котораго разводять въ южныхъ англійскихъ колоніяхъ, здѣсь безпощадно преслѣдуется и около морскаго берега уже болѣе не водится. Въ умарамба, выходящихъ изъ Кунэнэ, находятъ еще крокодиловъ; змѣи, ящерицы и кузнечики имѣютъ многочисленныхъ представителей; одинъ видъ ужевидныхъ гадюкъ, водящихся въ этомъ краѣ, есть страшный *cuspideiro*, или «плевака» ангольскихъ португальцевъ; это

¹⁾ Hahn und Rath, „Petermann's Mittheilungen“, 1859.

²⁾ Duparquet, „Voyage en Cimbébasie“.

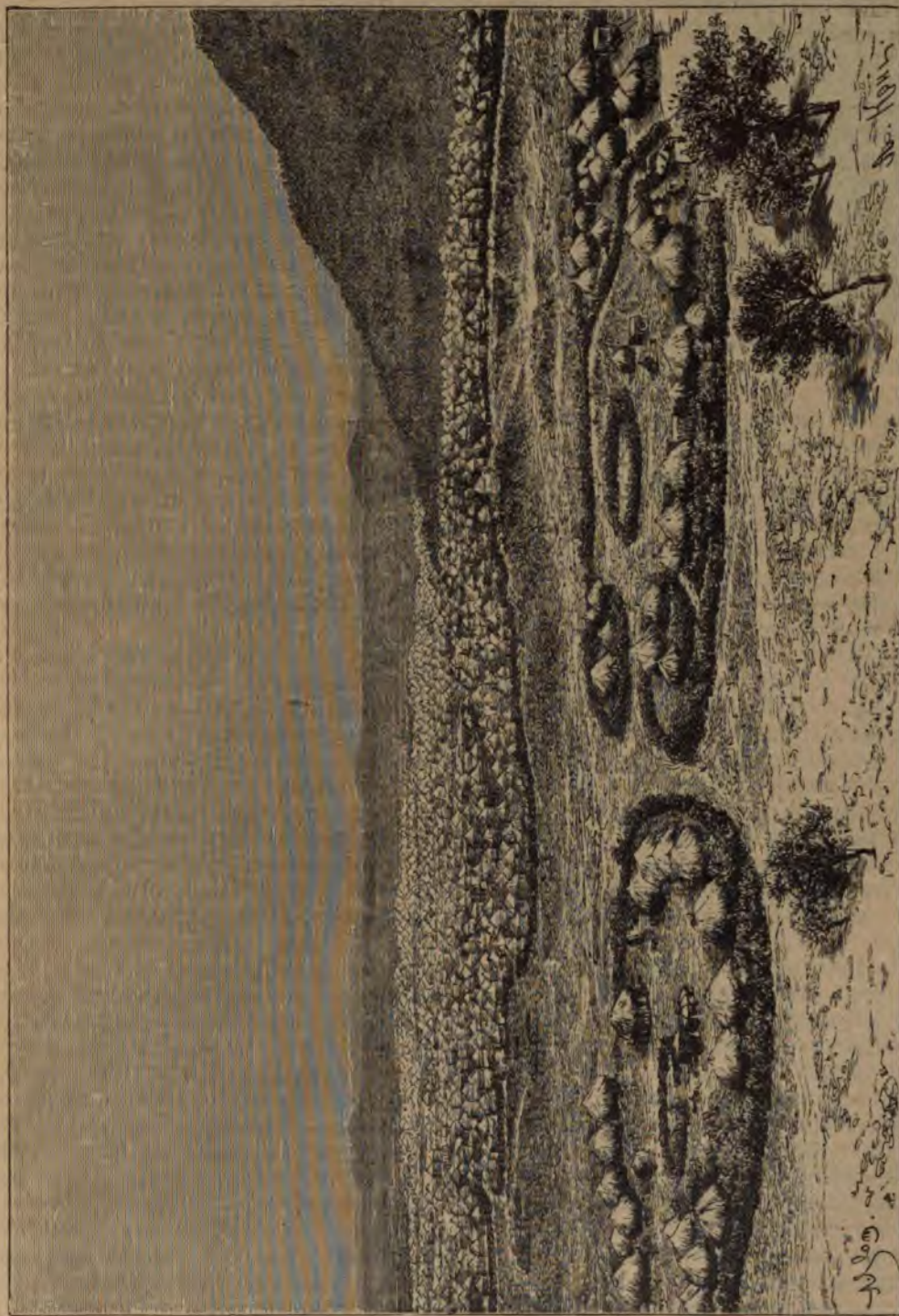
³⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1878, тетр. VIII.

⁴⁾ Duparquet, „Missions Catholiques“, 1880.

пресмыкающееся достигает иногда восьми метровъ въ длину, и нѣкогда мѣстные чародѣи обладали искусствомъ заговаривать его, причемъ приманивали его даже къ ложу больныхъ.

возникала мысль о введеніи въ полупустынные области, часть которыхъ составляетъ страна Лудерица, также и верблюда, но драгоцѣнная порода употребляющагося въ Южной Африкѣ вьючнаго быка вполнѣ удовлетворяетъ потреб-

Шатонгъ. Столица племени бу-маганато.

Животныя, водящіяся нынѣ по пастбищамъ на вершинахъ, принадлежатъ къ животнымъ домашнимъ, вывезеннымъ изъ Европы; это—быки и коровы, лошади, овцы и козы. Часто

постямъ перевозки, и, кромѣ того, разница въ покупной цѣнѣ и въ содержаніи дѣлаетъ пользованіе вьючнымъ быкомъ болѣе экономнымъ. Впрочемъ, въ глазахъ новыхъ обладателей

края, важность приобретения данной колониальной территории заключается вовсе не в богатстве ее скотом: кроме испытываемого ими чувства удовлетворенности вследствие завладения краем, которого прежде домогались капские англичане, они рассчитывают на те минеральные сокровища, которые таятся в горах страны. Медные руды в особенности встречаются в многочисленных местностях плоскогорий и даже предгорий, и, несмотря на затруднения, встречаемые при перевозке, добывание руды уже началось на многих пунктах. К югу от Ангры Пекены нашли также серебряную руду; впрочем, отчеты инженеров заставляют опасаться, как бы первоначальные надежды negociантов не оказались обманчивыми¹⁾. Когда удобные дороги прорыжут край, он, без сомнения, приобретет некоторую важность как рудная область и привлечет промышленное население.

Понятно, что жители должны быть весьма бедны в подобной области, где недостает воды и культурной почвы, и где путникам грозит опасность умереть от жажды или голода. Во многих округах края Нама-куа можно идти целыми неделями, не встречая ни одной группы хижины; но в северной области, где горы выше, склоны их более живописны, а ложа ручьев часто бывают оживлены журчаньем воды, население более плотно: в каждой долине есть или деревня, или пастушья хижина. Общее число жителей определяет приблизительно в двести тысяч, и из этого числа огромное большинство приходится на ту половину края, которая расположена к северу от Вальфишской бухты. В отношении же ко всей поверхности Дамарской и Намакуаской территории (830.960 кв. километр.) численность жителей не достигает даже и одного человека на четыре квадратных километра.

Что касается расы, то присоединенная к Германии территория представляет переходную страну. Правда, вся южная часть территории принадлежит расе хонья-хонья; но эти готтентоты чистой и смешанной крови повсюду находятся в таком соприкосновении с племенами банту, господствующими к северу от большого горного массива, который пересекается Тсоахубом, что между ними нельзя провести определенной границы. Приблизительно можно считать, что по крайней мере три четверти края заняты племенами готтентотскими, составляющими более одной пятой населения. Впрочем, многие племена принадлежат к смешанной расе, а что касается европейской крови, то она имеет своих предста-

вителей как в метисах или *bastaards*, так и в странствующих по краю бурах, португальских *rombeiros* и английских немцевских купцах.

Племена банту, населяющие левый берег Кунэна, кверху от тех поперечных долин, при посредстве которых эта река изливается к морю, обыкновенно обозначаются именем ова-мбо, которое дано им их юго-западными соседями, племенем хереро; но сами они так себя не называют, хотя не имеют и другого какого-либо родового наименования для обозначения всех своих коллен. Они примыкают к шибикасам Шельских гор и к населенным по ту сторону Кунэна, называемым ба-симба (му-ксимба), т. е. «природными людьми», которых давние документы именуют также симбебасами: отсюда и самое название «Симбебазия», до сих пор еще употреблявшееся для обозначения области, по которой проходит Кунэна, а также и для всего Дамарского края. Большая часть этих туземцев великорослы, сильны, очень смелы, искусны в мастерствах. Их язык лишь немногим отличается от языка хереро, а, по Dupaquet, он представляет большое сходство также и с языком ба-фиотов; истинное же место этого наречия в ряду языков банту определять грамматические изыскания, производимые миссионерами.

Территория племени мбо распределена между дюжиною племен, поселившихся в особенности по берегам тех умарамба, которые спускаются от Кунэна к озеру Этоша, в долине отдаленных друг от друга поясами разграничивающих их необитаемых лесов. Почти всегда находясь в войне, эти народы — уважающие, однако, собственность среди своего клана — весьма гордятся воровством скота: так, молодые люди отправляются по ночам через промежуточные леса для захвата неприятельских стад и, если их во время замечают, поспешно убегают во-своих; через несколько дней племя, подвергнутое нападению, старается отплатить им той же монетой. Этим по большей части и ограничиваются столкновения племен между собою; однако, бывают также и настоящие войны, вследствие чего политическое равновесие в среде народов ова-мбо часто нарушалось. Из всех племен, общую численность которых Пельгрэв определяет приблизительно в сто тысяч, а Dupaquet — в сто двадцать тысяч человек, самое могущественное то, которое населяет Куанхаму (Окуаньяму) или «Край мяса»; наименование это, повидимому, предполагает существование у этого племени в давнее время привычек людоедства, ныне уже исчезнувших²⁾; но собачье мясо они едят, что, по-

¹⁾ Pohle, „Petermann's Mittheilungen“. 1886, тетр. VIII.

²⁾ Hugo Hahn, „Petermann's Mittheilungen“, 1875, т. стр. III.

видимому, считается некоторыми из их соседей не менее омерзительным. Край этот очень богат крупным рогатым скотом, козами, овцами, свиньями и курами, а годные к культуре земли могли бы пропитать весьма значительное население: самое наименование жителей «ова-мбо» или правильнее «ова-амбо», означает будто бы «людей зажиточных»¹⁾; это истинные земледельцы, возделывающие весьма тщательно свои земли, каждый в своей ферме, и употребляющие даже удобрение; служителей в крае много, но бедных совсем нет. Куанхама, ограничиваемая на западе р. Кунэнэ, кверху от ее слияния с Какуловаром, простирается к востоку вплоть до соседства с р. Ку-Банго; управляется эта страна самодержавным королем, которого обычай побуждает откармливаться, чтобы стать жирным. Он весьма страшен для своих подданных, и силу своего могущества дает чувствовать даже и бывшим, редко удостоивая аудиенцией тех европейских купцов, которые проникают в его королевство; его солдаты уже хорошо вооружены усовершенствованными ружьями²⁾. В этом государстве, как равно и в других краях племени мбо, наследник престола всегда назначается при жизни своего предшественника; но держать его в отстранении, почти как узника.

После Каунхамы, самое могущественное государство—Ондонга, или Ндонга, при чем некоторые географы распространяют это наименование на всю группу наций мбо. Это государство, посещенное Galton'ом, а с тех пор и многими другими путешественниками,—самое южное во всей группе и находится на протяжении одного из соседних с озером Этоша каналов-протоков. Сильно пострадав однажды от набего готтентотов, Ндонга сдвинулось снова восточнее, и ныне оно, чрез посредство находящихся там английской фактории и стана финляндских миссионеров, оказывает наибольшее влияние на постепенное изменение нравов в крае; между его туземцами имются горшечники, медники, кузнецы и фабриканты курительных трубок. Одно из незначительных по своей численности племен данной страны: южные омбанду—называемые также «людьми с деревьев», вследствие обычая их искать себе убежища на деревьях при нападении врага,—отличается от других своим республиканским строем, а примеров такого политического устройства в мире чернокожих весьма мало. Последний король их, доведя до крайности свой деспотизм и свои причуды, был, наконец, растерзан под собственною своею кровлею своими же поддан-

ными, которые и постановили: «не иметь впредь властелина»; слово они свое сдержали до сих пор и, оставаясь бедными и немногочисленными, тем не менее спасли свою независимость от притязаний на нее окрестных королевств. Одному из восточных племен, именно окафима, тоже удалось защитить свою свободу от племени куанхима, укрываясь, по первому сигналу, целым племенем в укрепленной ограде. Несколько разбятых групп бушменов, называемых португальцами *ма-куан-калла*, проживают в состоянии рабов по соседству с банту: они-то и доставляют ова-мбо железную руду и слоновую кость; часто они служат им и как солдаты. На всем протяжении равнин, населенных племенем ова-мбо, проведены прекрасные дороги, по которым снуют повозки как европейцев, так и туземцев, которые уже отлично усвоили употребление экипажей³⁾. А когда экипажи эти туземцы увидели в первый раз, то падали ниц и терлись своими лбами о ту пыль, на которой виднелся след от колес. По Palgrave'у (в 1876 г.) и по Duparquet (в 1880 г.), ова-мбо состояли из следующих племен:

Аварэ—2.500 чел.; окафима или окафина—1.500 чел.; ова-куаньяма или куанхама—30.000 чел. (Palgrave), 60.000 чел. (Duparquet); ова-мбаранду или омбанду—4.000 чел.; большие и малые омбанджа—15.000 ч.; окарути или окуа-луди—6.000 ч.; ова-куамби или окуамби—5.000 ч. (Palgrave),—7.500 ч. (Duparquet); ова-нданджера или ганджера—10.000 ч.; ова-мбо в Ондонга—20.000 ч. (Palgrave), 15.000 ч. (Duparquet); остальные—4.000 чел.

В начале 1884 года, пятнадцать семейств голландских *trekkers'ов*, поселившиеся в области Ондонга, вблизи одного большого источника, «Groot-Fontain», зарождающегося к востоку от лагуны Этоша, основали «республику», которую и называли, в честь одного политического деятеля Капской колонии, Упингтонией. Новое государство обнимало, по крайней мере на карте, пространство в пятьдесят тысяч квадратных километров и было разделено на участки по две тысячи четыреста гектаров. К заселению этих участков были уже приглашены колонисты, но насильственная смерть главы этого дѣла и возникшие затруднения с туземцами побудили эту группу буров отдаться под покровительство Германии⁴⁾.

Племя ова-хереро, т. е. «веселые, радостные»⁵⁾, а также иногда называемые «дамарами равнин» или «дамарами-скотоводами», тоже

¹⁾ Schinz, „Proceedings of the R. Geographical Society“, October. 1886.

²⁾ Capello e Ivens, „De Angola a Contra-Costa“.

³⁾ Duparquet, „Cimbébasie“.

⁴⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, Апрель 1887.

⁵⁾ Josaphat Hahn, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“. 1869.

принадлежащее къ націи банту, подвинулось далеко къ югу въ готтентотскій край; по ихъ преданіямъ, они обитали, въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія, исключительно въ гористой области Каоко, и только въ 1775 году, когда вода была болѣе обильна въ краѣ, большая часть ихъ колѣвъ эмигрировала въ направленіи къ югу; нѣкоторыя же изъ нихъ, однако, остались въ Каоко, гдѣ перемѣшались съ бушменами и, подобно имъ, обѣдѣли. Благодаря трудамъ германскихъ и англійскихъ миссіонеровъ, основавшихся между херерами и напечатавшихъ грамматики, а также и разныя религіозныя сочиненія,—языкъ херерскій нынѣ хорошо извѣстенъ и оказывается чистымъ языкомъ банту, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ округахъ, гдѣ хереро проживаютъ безъ примѣси другихъ расъ, такъ какъ по сосѣдству съ готтентотами образовались мѣстные говоры, гдѣ смѣшаны слова обоихъ языковъ, либо съ префиксами языка банту, либо съ суффиксами готтентотскими¹⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ хереро покинули Каоко, они часто враждовали съ другими народами. Въ началѣ имъ удалось побѣдить «настоящихъ дамаровъ» или «дамаровъ горныхъ», которыхъ они почти всѣхъ и поработили; но, затѣмъ, съ первой половины текущаго столѣтія, они стали подвергаться нападеніямъ намакуаскихъ готтентотовъ и бастардовъ, при чемъ тысячи ихъ погибли или были обращены въ рабство. Не имѣя ружей, съ которыми они могли бы противостоять завоевателямъ, прекрасно вооруженнымъ и находящимся въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Капскою землею, хереро, казалось, были обречены на истребленіе, и Galton, путешествовавшій въ этомъ краѣ въ 1850 году, предвидѣлъ уже день, когда нама-куамъ, съ ихъ ненавистью къ чернокожимъ и съ характеризующею ихъ расу настойчивостью, удастся, наконецъ, сокрушить своихъ наслѣдственныхъ враговъ²⁾. Однако, опасенія эти не оправдались. Болѣе многочисленнымъ и болѣе подвижнымъ, чѣмъ ихъ противники, херерамъ, кромѣ того, посчастливилось получить помощь въ лицѣ шведскаго путешественника Андерсона, который, вслѣдствіе одного кровопролитнаго столкновенія, былъ тоже вовлеченнымъ въ войну; кончилось тѣмъ, что хереро восторжествовали, и, хотя партизанская война продолжалась еще долгіе годы, тѣмъ не менѣе, области распространенія обѣихъ враждующихъ расъ не измѣнились съ половины текущаго столѣтія. Нынѣ территорія племени хереро простирается, къ западу отъ племени ова-мбо, вплоть до моря, а къ югу за предѣлы того большаго массива, съ котораго нисходитъ Тсоахубъ; но политическія владѣнія не разграничены. «Земля при-

надлежитъ всѣмъ: каждый дама или нама можетъ раскинуть свой станъ, гдѣ ему вздумается; въ языкѣ хереро вовсе нѣтъ слова для выраженія понятія о «границѣ», нѣтъ его равнымъ образомъ и для понятія объ «отечествѣ»³⁾. Общая численность «дамаровъ-скотоводовъ», по Palgrave'у, достигаетъ восьми-десяти пяти тысячъ, и приблизительно эту же цифру показываютъ и миссіонеры, основавшіеся въ краѣ; самый главный начальникъ ихъ, пребывающій въ Отимбинге, имѣетъ тридцать тысячъ подданныхъ. По количеству скота, выгоняемаго на пастбища, легко вычислить—конечно, приблизительно,—и число людей. А такъ какъ каждый начальникъ знаетъ число своихъ животныхъ, то отсюда можно вывести число пастуховъ и ихъ семействъ; при этомъ, въ среднемъ, считаютъ по триста человѣкъ на *werft*, т. е. становье для скота, съ принадлежащими къ нему пастбищами.

Въ физическомъ отношеніи, хереро—едва изъ красивыхъ африканскихъ расъ: они высоки ростомъ, хорошо сложены, хотя въ дѣйствительности и не столь сильны, какъ можно бы думать, судя по великолѣпному развитію ихъ мышцъ; черты лица правильны, почти классическія; фізіономія—открытая и веселая, но они вспыльчивы, и гнѣвъ придаетъ лицу ихъ свирѣпое выраженіе. Нѣкогда тѣ изъ нихъ, которые не жили подъ надзоромъ миссіонеровъ, были едва одѣты. Для костюма, какъ и подобаетъ пастушескому народу, имъ почти исключительно служить выдѣланная кожа: вокругъ бедеръ у нихъ, въ видѣ бахramы, навишено столько тонкихъ ремешковъ, что они, будучи приложены концами другъ къ другу, вытянулись бы болѣе чѣмъ на сотню метровъ. Кромѣ того, они носятъ желѣзные, цинковые и мѣдные браслеты, перстни и ожерелья, и, подобно большинству сѣверныхъ банту, заплетаютъ свои волосы въ косы, которымъ придаютъ нѣкоторую жесткость при посредствѣ жира и красной глины. Женщины прикрываютъ себя тоже украшеніями, ремнями, нитяными или бумажными тесемками и браслетами, раковинами, а на голову надѣваютъ кожаную шапку, съ тремя высокими ушами, блистающими вслѣдствіе наведенія на нихъ слоя жирной глины. Обыкновенно считается, что приправа соли къ пищѣ безусловно необходима, а между тѣмъ хереро доказываютъ противное: они никогда не покупаютъ соли и не собираютъ ее въ прибрежныхъ лужахъ. Равнымъ образомъ и скотъ ихъ не ходитъ лизать глыбы каменной соли⁴⁾. Остатки матриархата еще сохранились у хереро: жена почти свободна и можетъ развестись во всякое время по своему желанію; при самой большой клятвѣ клянутся «слезами сво-

¹⁾ R. N. Cust, *уном. соч.*

²⁾ Francis Galton, *Journal of the R. Geographical Society of London*, 1852.

³⁾ Büttner, *„Ausland“*, 1882, № 42.

⁴⁾ Galton, *„Narrative of an Explorer in Tropical South Africa“*.

ей матери»¹⁾; въ былое время случалось нередко, что, въ случаѣ смерти матери еще молодою, съ ней вмѣстѣ зарывали и ея ребенка. Всѣ хереро, за исключеніемъ окрещенныхъ дѣтей, обрѣзаны; религіозныя же церемоніи всѣ имѣютъ въ виду обезпеченіе благополучія ихъ скота: коровій калъ употребляется при всѣхъ церемоніяхъ, и каждая окраска животного, каждая отмѣтина или оттѣнокъ въ масти имѣютъ въ ихъ глазахъ таинственнае значеніе. Дочь начальника, будучи хранительницею священнаго огня, кропитъ скотинъ очистительною водою, а при перемѣнѣ становья, идетъ впереди стада съ свѣточемъ въ рукѣ. Большія деревья считаются херерами предками людей, и Galton и Andersson упоминаютъ о многихъ такихъ «растеніяхъ-матеряхъ», къ которымъ хереро приходятъ для засвидѣтельствованія своего благоговѣнія.

Нѣкогда эта нація дѣлилась на племена или скорѣе на касты, *занда*, образовавшіяся, вѣроятно, изъ потомствъ извѣстнаго семейства и заимствующія свои наименованія отъ звѣздъ, деревьевъ и явленій въ природѣ; такъ, одно колѣно представляло «дѣтей солнца», другое — «дѣтей дождя» и т. д.²⁾; теперь эти названія уже исчезаютъ. Нынѣ у этихъ пастуховъ все сводится къ количеству скота. Начальники — располагающіе, впрочемъ, лишь слабою властью — суть собственники скота; и когда они богатѣютъ животными, то, соответственно простотѣ ихъ стада, увеличивается также и число ихъ подданныхъ; напротивъ, когда бѣднѣютъ, уменьшается также и численность ихъ народа. Богатство властелина составляетъ единственную связь колѣнъ, хотя хереро превосходно сознаютъ общность своего національнаго происхожденія. Часто мѣняются также и политическія группировки; но что не мѣняется, такъ это центры населенія, при чемъ жизнь племенъ всегда тяготеетъ къ мѣсту водопоя. Владѣнія каждого начальника хереро, подобно владѣніямъ маленькихъ корошковъ ова-мбо, отдѣлены отъ другихъ пограничными кустарниками и скалами, вступающія въ предѣлы которыхъ сосѣднія племена отваживаются только въ случаѣ нападенія; но въ этихъ-то внушающихъ страхъ окраинахъ и гнѣздятся разбойники, готтентоты или банту, всегда подстерегающіе отбившихся отъ стада животныхъ. Между хереро есть также и пролетаріи, не имѣющіе скота и не связавшіе своей участи съ фортунной какого-нибудь богатаго скотовладѣльца; живутъ такіе хереро охотою или чѣмъ случится; таковы, наприм., ова-тжимба, соплеменники басимбовъ или симбобовъ, кочующіе большею частью въ сѣверо-восточныхъ округахъ, сосѣднихъ съ ова-мбо. Относительно владѣнія

землею нравы здѣсь — чисто коммунистическіе. Продавать почву у хереро не дозволяется, и если католическіе миссіонеры были, въ 1879 г., изгнаны изъ края, то это слѣдуетъ приписать скорѣе ихъ неблагоразумнымъ стремленіямъ къ покупкѣ земель, чѣмъ притѣсненіямъ ихъ протестантскихъ собратій¹⁾. Впрочемъ, хереро, изъ примѣра колоній, знаютъ, что тамъ, гдѣ водворятся бѣлые, чернокожіе скорѣе перестаютъ быть господами у себя; но, несмотря на всѣ предосторожности хереро, имъ все-таки не избѣжать своей судьбы. Такъ какъ отнынѣ германцы стали ихъ сюзеренами, то они не избѣгутъ новаго порядка землевладѣнія, который въ концѣ концовъ лишитъ ихъ собственности въ пользу чужеземцевъ.

Ова-зороту, или «дамары горъ», такъ названы бурами для отличія ихъ отъ «дамаровъ равнинъ»; и дѣйствительно, племена, оставшіяся свободными, населяютъ вершины плоскогорій, въ особенности же тѣ столовидныя естественныя крѣпостцы, крутые откосы которыхъ уединяютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. По Galton'у, эти дамары называютъ себя хау-дамонъ, т. е. «дамарами истинными», или же хау-хоннъ, т. е. «истинными хоннами» или готтентотами; но принадлежатъ ли они къ этой расѣ? Galton, напротивъ, видитъ, въ нихъ единоплеменниковъ ова-мбо, на которыхъ они походятъ своими чертами и образомъ жизни, хотя бѣдность и рабство значительно пригнали ихъ. Если же большинство между ними и говорятъ на готтентотскомъ нарѣчій, то это слѣдуетъ приписать нахожденію ихъ среди ихъ прежнихъ господъ хоннской расы; нынѣ онѣ принадлежатъ уже другимъ властителямъ, чѣмъ какъ-бы оправдывается наименование ихъ *дама*, которое, по толкованію многихъ писателей, значитъ: «побѣжденные». Невысокіе, худощавые и слабосильные, они живутъ обработкой почвы, которая, однако, даетъ имъ довольно скудные урожаи. Нѣкоторые изъ ихъ колѣнъ группируются около миссій; большая же часть ихъ находится на службѣ у скотовладѣльцевъ и проживаетъ по сосѣдству съ ихъ становьями или *werften*. Численность ихъ опредѣляютъ различно: отъ тридцати до сорока тысячъ человѣкъ; отъ разногласій въ этомъ отношеніи авторамъ нельзя и уберечься, такъ какъ многія колѣна сомнительнаго происхожденія причисляются къ различнымъ расамъ. Горные дамары имѣютъ замѣчательную способность къ музыкѣ; хоромъ они поютъ звучными голосами и совершенно правильно²⁾.

Нама-куа, т. е. «люди нама», занимаютъ къ югу отъ Тсоахуба и Кюзица, почти всю южную часть германской территоріи: подъ именемъ же малыхъ нама-куа, одно изъ этихъ

¹⁾ Galton; — Andersson; — Hahn, и т. д.

²⁾ Charles John Andersson, „The Lake Ngami“.

¹⁾ Büttner, *уоч.* соч.

²⁾ Hugo Hahn, „Petermann's Mittheilungen“. 1867.

племень имѣть свои станицы къ югу отъ нижняго теченія Оранжевой рѣки, при чемъ обитаемая ими мѣстность стала однимъ изъ округовъ Капской колоніи. И тѣ, и другіе, будучи разбѣяны по безводной территоріи, не многочисленны; именно около середины текущаго столѣтія ихъ насчитывали приблизительно до пятидесяти тысячъ человѣкъ, которые составляли слабые остатки сотенъ тысячъ нама, обитавшихъ нѣкогда въ Южной Африкѣ¹⁾; по Palgrave'у, ихъ нынѣ не болѣе даже двадцати тысячъ, изъ которыхъ семнадцать приходится на долю большихъ нама-куа и три тысячи на долю малыхъ нама-куа. Они—готтентоты, и въ былое время ихъ считали самыми чистыми представителями расы: тѣ, которыхъ называютъ «красною націею», *тейкусами* гористой области, лежащей къ юго-востоку отъ бухты Вальфишъ—есть готтентоты или хонны по преимуществу; они чванятся тѣмъ, что были первыми завоевателями края, а въ настоящее время исчисляются приблизительно въ двѣ съ половиною тысячи. Тоннаары, т. е. «болѣе высокіе», или «первые», сгруппировавшіеся главнымъ образомъ на англійской территоріи бухты,—въ настоящее время значительно поуменились въ числѣ и, вообще, это самые выродившіеся изъ нама-куа²⁾. Другіе, напротивъ, и именно урламы,—которымъ ихъ первоначальное наименованіе, *орангъ-ламы*, т. е. «старые знакомые» было, будто-бы, дано капскими моряками³⁾,—образовались изъ большаго или меньшаго смѣшенія различныхъ элементовъ, и у нихъ можно отыскать даже нѣкоторые слѣды европейской крови; въ теченіе XIX столѣтія они ожесточенно сражались съ хереро. Будучи всѣ воинами и пастухами, и проживая въ полусеверическихъ хижинахъ, устроенныхъ изъ вѣтвей и древесной коры, нама-куа знаютъ лишь самые рудиментарныя ремесла, подходящія къ ихъ образу жизни: оstrarь и насаживаютъ на рукоятки оружіе, мастерятъ деревянные чашки для храненія молока и ключевой воды.

Отыскивая себѣ пригодныя пастбища и вслѣдствіе этого бродя съ мѣста на мѣсто, большіе нама-куа живутъ отдѣльными кланами, имѣющими каждый своего начальника и свой совѣтъ изъ двѣнадцати старѣйшинъ. Власть же такого царька тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе родъ, изъ котораго онъ происходитъ, и чѣмъ болѣе онъ одержалъ побѣдъ. Однако, съ тѣхъ поръ какъ капскіе колонисты и пришедшіе съ востока буры окружили ихъ территорію, съ тѣхъ поръ какъ крупныя тор-

говцы разбѣзжаютъ по ихъ горамъ, для закупки скота, а германскіе рудокопы принялись за изученіе ихъ скалъ съ цѣлью отысканія жилъ металловъ,—власть начальниковъ, превратившихся номинально въ христіанъ, стала постепенно умалаться; ихъ страшатся уже не соразмѣрно числу ихъ воиновъ, ихъ уважаютъ только за богатство скотомъ. Повидимому, обречена на исчезновеніе и самая раса, такъ какъ численность ея слишкомъ уменьшилась для того, чтобы противостоять разлагающимъ ея условіямъ. Малые нама-куа уже не говорятъ по-готтентотски; миссіонеры, основавшіеся среди большихъ нама-куа, перестали изучать ихъ языкъ, а съ 1882 года уже прекратились и религіозныя изданія на этомъ языкѣ; бесполезно, вѣдь, писать книги на языкѣ вымирающемъ, который завтра перестанутъ понимать и который уже замѣненъ голландскимъ языкомъ, какъ однимъ изъ тѣхъ двухъ языковъ, при посредствѣ которыхъ распространяется цивилизація въ Южной Африкѣ⁴⁾. Намское нарѣчіе, бывшее самымъ чистымъ изъ готтентотскихъ діалектовъ, скоро присоединится къ другимъ говорамъ того же происхожденія, отъ которыхъ теперь остались одни лишь имена горъ и рѣкъ, къ тому же почти всѣ искаженныя. Обломки намскихъ племенъ, живущіе въ восточныхъ равнинахъ, сливаются съ презираемыми бушменами.

До сихъ поръ сѣверная часть морскаго берега отъ р. Кунэнъ до бухты Вальфишъ не имѣетъ ни одного порта, посѣщаемого кораблями. Къ сѣверу отъ песчанаго выступа материка, называемаго *sabo Frio*, или «Холоднымъ мысомъ», находится *algra Fria* или «Холодная бухта», но это лишь небольшой заличикъ, не доставляющій никакой защиты отъ волненія въ морѣ и отъ обычныхъ здѣсь юго-западныхъ вѣтровъ. Хотя двумя стами километрами южнѣе, каралловые рифы Огдана и образуютъ прекрасный, спокойный и обширный водоемъ, кишящій мириадами рыбъ, но сосѣдній берегъ пустыненъ, а потому пустоуеть и эта гавань. Входнымъ портомъ всей территоріи дамаровъ и нама-куа является превосходная и широкая Китовая (Вальфишъ) бухта, расположенная на половинѣ разстоянія между устьями рѣкъ Кунэнъ и Оранжевой, и дающая доступъ къ двумъ главнымъ рѣчнымъ ложамъ страны: Тсоахубъ и Кузингъ. Въ эту бухту могутъ безъ труда пройти, фарватеръ глубиной въ 7 метровъ—даже большія суда, которыя, затѣмъ, становятся на якорь въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ берега, на глубинѣ семи или восьми метровъ. Здѣсь они прекрасно защищены отъ непогодъ, за исключениемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда

¹⁾ Josaphat Hahn, „Zeitschrift der Gesellschaft für Eräkunde“, 1889.

²⁾ Coates Palgrave, „Reports of a Mission to Damaraland and Great Namaqualand in 1876“.

³⁾ Grundemann, „Missions Bibliothek, Africa“.

⁴⁾ R. N. Cust, *упом. соч.*

дуютъ сѣверные или сѣверо-западные вѣтры. материка и при отливѣ иногда остаются запертыми въ лужахъ. Нѣкогда чрезъ посредствіемъ китамъ, нѣкогда весьма многочисленство этого порта производилась большая тор-

Мужской и женскій типы кафровъ.

нымъ въ этихъ водахъ, посѣщаютъ еще дельфины-великаны, и она не потеряла еще своего рыбнаго богатства: приливы приносятъ цѣлыя стаи рыбъ, которыя поднимаются далеко внутрь

говля слоновой костью и страусовыми перьями; такъ, изъ Китовой бухты было вывезено слоновой кости: въ 1875 г.—17.000 килограммовъ, въ 1885 г.—700 килограммовъ; страу-

совыхъ перьевъ: въ 1875 г. — 3.000 килограм., въ 1885 г. — 1.500 килограм. Затѣмъ, уже издавна купцы изъ Капштадта являются для закупки убойнаго скота для своего города. Поэтому-то, правительство Капской колоніи и позаботилось обезпечить за собою обладаніе этимъ жизненнымъ для колоніи пунктомъ на берегу дамаръ и нама-куа; а германцы, завладѣвая дамарскою территоріею, вынуждены были не посягать на эту англійскую энклаву, пространствомъ въ 1.761 квадр. километровъ. Но, съ своей стороны, и англичане, опасаясь, чтобы новые пришельцы въ край не устроили гдѣ-либо на берегу другаго порта и не отвлекли бы къ нему торговли, объявили Китовую бухту свободною: всѣ продукты страны изъ бухты вывозятся беспошлинно и равнымъ образомъ беспошлинно же всѣ товары изъ Европы и изъ Капской земли направляются къ внутреннимъ пунктамъ, каковы: Омаруру — который шведскій негодіантъ, преемникъ Андерсона, обратилъ въ главный рынокъ для хереро; Отыхбингузъ — на рѣкѣ Тсоахубѣ; Окаханджа и Отыканго или Ней-Барменъ, на той же самой рѣкѣ, но выше; и наконецъ, Ребоботъ — на одномъ изъ притоковъ Куизана. Нѣсколько сотенъ топнааровъ, которымъ запрещено продавать водку, имѣютъ свои становища на сосѣднихъ съ бухтою дюнахъ.

Но если бы когда-либо англійское правительство и вздумало какъ-нибудь препятствовать торговлѣ въ Китовой бухтѣ, то въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею могли бы устроить свой портъ также и германцы, именно въ бухтѣ, называемой на англійскихъ картахъ гаванью Сандвича, а вообще именуемой Порто-до-Ильео. Бухта эта, хотя она меньше Китовой и подвержена заносу пескомъ, представляетъ ту выгоду, что защищена отъ всѣхъ вѣтровъ и, кромѣ того, въ прибрежныхъ пескахъ содержитъ прѣсную воду; тогда какъ въ Китовую бухту, находящуюся въ 56 километрахъ отъ ближайшаго колодца, судамъ приходится привозить воду изъ Капштадта, здѣсь, т. е. въ Порто-до-Ильео, стоитъ только разрыть на небольшую глубину песокъ, чтобы добыть воды въ изобиліи. Нынѣ на берегу этой бухты находятся хижины небольшой готтентотской деревни Анишабъ.

Портъ южнаго округа, Ангра Пекена, что значить по-португальски «малая бухта», и побудилъ Германію — послѣ приобрѣтенія его купцомъ Людерицемъ — къ дипломатическимъ переговорамъ съ Англіею и къ овладѣнію цѣлою странюю въ восемьсотъ тридцать тысячъ квадратныхъ километровъ между рѣками Кунэнэ и Оранжевой. Вопреки своему наименованію, это вовсе не незначительное изсѣченіе въ морскомъ побережьи, такъ какъ, развѣтвляясь направо и налево, эта бухта продолжается болѣе чѣмъ на восемь километровъ къ югу отъ своего

входа. А такъ какъ входъ имѣетъ въ ширину отъ 13 до 14 метровъ, то бухта доступна и для большихъ кораблей; якорная стоянка на ней превосходна: волненіе распространяется только до ея половины, да и то при сѣверныхъ вѣтрахъ. Чего не достаетъ порту Ангры Пекены, какъ равно и Китовой бухтѣ, такъ это хорошаго запаса прѣсной воды, хотя такъ называемый рѣчной потокъ, оврагъ «Little Orange's», и впадаетъ въ бухту; и здѣсь также — въ ожиданіи, когда возрастающее значеніе порта побудитъ къ вырытію на пляжѣ цистернъ, въ которые стекала бы вся вода съ дюнъ — торговцамъ приходится запасаться водою, привозимою на судахъ изъ Капштадта. Какъ торговое мѣсто, Ангра Пекена до сихъ поръ не оправдала еще надеждъ своихъ обладателей: скотъ, рыба и нѣкоторые минералы — вотъ все, что изъ нея вывозится; германскіе торговцы даже совершенно покинули въ 1887 году свою факторію.

Находящіеся въ сосѣдствѣ съ портомъ драгоцѣнные острова съ гуаномъ, именно: Ишабозъ, расположенный въ 1.200 метрахъ отъ побережья, къ сѣверо-западу отъ входа въ портъ; Галифаксъ, около полуострова, ограничивающаго портъ съ запада, и другіе издавна считаются принадлежащими къ Капской Землѣ, а самый вывозъ гуано находится на откупъ у англійскихъ купцовъ. Эти острова, гдѣ съ октября по ноябрь проживаютъ временно міриады пингвиновъ, баклановъ и другихъ птицъ, въ былое время были покрыты слоемъ гуано толщиной въ нѣсколько метровъ; спекуляторы успѣли соскрести всю эту массу вплоть до камня, вслѣдствіе чего около половины текущаго столѣтія острова оказались совершенно оголенными. Нынѣ сборъ гуано упорядоченъ: во время кладки яицъ и высиживанія изъ нихъ птенцовъ доступъ на острова воспрещенъ, и птицы полныя ихъ хозяева; только по окончаніи вывода молодыхъ появляются собиратели помета, за который въ 1884 году выручили сумму въ полмилліона франковъ. Въ этихъ пространствахъ океана рыбаки преслѣдуютъ тюленей, которые во множествѣ плаваютъ вокругъ острововъ и рифовъ. На пляжахъ острова Possession, находящагося къ югу отъ Ангры Пекены, въ бухтѣ Елизаветы, мореплаватели Морелль и напелъ въ громадномъ количествѣ кости китовъ, по его разсчету болѣе милліона штукъ; происхожденіе этихъ скелетовъ онъ объясняетъ тѣмъ, что песчаный смерчъ врасплохъ захватилъ громадную стаю этихъ животныхъ и сразу поглотилъ ихъ ¹⁾.

Внутри Дамарской области самыя большія деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ дюжинъ хатъ,

¹⁾ Philippes de Kerhallet et Grass, «Instructions nautiques sur la côte occidentale d'Afrique».

да и такія поселенія въ большинствѣ лишь временныя. Главными городами являются миссіонерскіе станы: Вармбадъ (Nissbett's bath), на одномъ изъ уади, притокѣ Оранжевой рѣки; и Бетаніенъ (Виванія), въ гористой области, которая простирается къ востоку отъ Ангры Пекены. Бетаніенъ считается столицей всего края племени нама-куа, и въ 1884 г. въ немъ было четыре кирпичныхъ зданія:

домъ миссіонеровъ, церковь, дворецъ для начальника и магазинъ торговца. Затѣмъ, Штольценфельсъ представляетъ зачатокъ земледѣльческой колоніи, недавно основанной на берегу Оранжевой рѣки, на границѣ съ англійской территоріей: надѣются, что обводнительные каналы, проведенные изъ рѣки, превратятъ въ сады тамошнія неплодныя пустоши.

Глава VII.

Бассейны рѣкъ Оранжевой и Лимпопо.

Англійскія колоніи на Мысѣ Доброй Надежды и въ Наталѣ.—Земли зулусовъ, ба-суто и бе-чуановъ.—Голландскія республики и Португальская территорія Лоренсу-Маркезъ.

I. Общій взглядъ.

Три великія географическія событія послужили вступленіемъ въ новѣйшую эру: открытіе пути на востокъ чрезъ южныя моря, прибытіе каравеллъ Колумба въ Новый Свѣтъ и кругосвѣтное плаваніе Магеллана. Изъ этихъ трехъ фактовъ, имѣвшихъ рѣшающее значеніе въ исторіи планеты, первый совершился въ 1486 г., когда Вареолюмею Діазу посчастливилось обогнуть Мысъ Буръ, который, по этому поводу, и былъ переименованъ въ Мысъ Доброй Надежды. Нѣсколько лѣтъ спустя «добрая надежда» уже осуществилась: Васко-де-Гама достигъ береговъ Индіи; два моря, Западное и Восточное, слились въ одинъ океаническій бассейнъ, и человекъ научился измѣрять Землю, которая нѣкогда казалась ему безграничною.

Однако берега, вдоль которыхъ первые португальскіе корабли переплывали изъ одного моря въ другое, долгое время не привлекали къ себѣ вниманія изслѣдователей. Привлекаемые богатствами Индіи, Восточной и Западной, мореплаватели не думали останавливаться на землѣ, которая не сулила имъ быстрого обогащенія ни путемъ торговли, ни путемъ добычи; прошло болѣе полутора вѣка, прежде чѣмъ европейцы высадились на эту часть африканскаго материка, съ цѣлью остаться на ней и предаться воздѣлыванію ея почвы. Что касается сожалѣній португальскихъ писателей о томъ, что ихъ предки, въ вѣкъ великихъ географическихъ открытій, не обратили вниманія на эти берега, то такія сожа-

лѣнія напрасны; португальцы были слишкомъ малочисленны для того, что обнять весь міръ, чтобы одновременно заняться завоеваніемъ эльдорада Индіи, Зондскихъ острововъ и Америки, и медленной эксплоатаціей годныхъ къ культурѣ мѣстностей въ Южной Африкѣ, между рѣками Заирою и Замбезе. Со всѣмъ тѣмъ, долженъ былъ настать, наконецъ, день, когда и въ этихъ областяхъ Южной Африки переселенцы обрѣли гораздо больше того, что могли имъ дать рудники Голконды и пряности Инсулинды; страна, въ которой они поселились, была, вѣдь, новою Европою, съ климатомъ, лишь немного отличающимся отъ климата ихъ родины, съ почвою, на которой воздѣлываются тѣ же самыя растенія и пасутся тѣ же самыя животныя; среда въ которую они попадали, оказалась довольно схожею съ ихъ родимыми мѣстами для того, чтобы, на разстояніи многихъ тысячъ лье и въ другой атмосферѣ, они могли бы сохранить свои привычки и свои нравы. Населеніе европейскаго корня развивалось въ мѣстѣ своего пребыванія медленно, но и такой незначительный приростъ его былъ все-таки достаточенъ для постепеннаго увеличенія занятой имъ площади; съ того же времени, какъ возрастанію числа жителей стало содѣйствовать также и правильное переселеніе, колонисты начали постепенно повсюду завладѣвать землями туземныхъ населеній, и нынѣ они уже господствуютъ во всей Южной Африкѣ на пространствѣ между рѣками Оранжевой и Лимпопо.

Какъ центръ заселенія и цивилизаціи, европейская колонія на Мысѣ Доброй Надежды съ ея дополненіями, Наталемъ и голланд-

сками республиками, оказываетъ уже свое собственное вліяніе, независимо отъ ресурсовъ, которые ей доставляютъ ея сношенія съ метрополіей. Капъ (Капштадтъ, Кэптаунъ) является средоточіемъ какъ для снабженія съѣстными припасами, такъ и для изысканій по изслѣдованію Южной Африки: изъ этого города исходило почти столько же, сколько и изъ Европы, почина относительно научныхъ работъ и промышленнаго пользованія окрестными странами; вмѣстѣ съ своимъ округомъ и со смежною полосой побережья, Капъ является какъ-бы отрывкомъ Европы, постепенно увеличивающимся и замѣщающимъ африканскій міръ. Часто Капскую колонію сравнивали съ Алжиромъ, который находится на другомъ концѣ материка, и который по своей промышленности, политической и общественной жизни уже сталъ какъ-бы частью Европы. Однако, во многихъ отношеніяхъ превосходство на сторонѣ Алжира. Хотя гораздо меньше пространствомъ, чѣмъ европейскія государства Южной Африки, взятая въ совокупности, Алжиръ болѣе населенъ, и даже тѣ изъ его жителей, которые принадлежатъ къ бѣлой расѣ, нѣсколько многочисленнѣе бѣлаго населенія Южной Африки; также многочисленнѣе и ежегодное число переселенцевъ въ Алжирію, и, наконецъ, хотя онъ и не обладаетъ ни золотомъ, ни алмазами, но, тѣмъ не менѣе, торговля его все-таки значительнѣе торговыхъ оборотовъ Капской Земли. Объясняется это выгодами географическаго положенія: Алжирія прибрежная страна Средиземнаго моря и лежитъ насупротивъ Франціи, Испаніи и Италіи; всего чрезъ нѣсколько часовъ пути можно изъ ея портовъ достичь до европейскаго материка. Однако, она представляетъ ту невыгоду, что непроходимыя пустынные пространства вполнѣ уединяютъ ее отъ остальнаго материка: она какъ-бы отрѣзана отъ Африки. Совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находятся южныя африканскія колоніи; хотя и онѣ также прилегаютъ къ пустынѣ, но сношенія ихъ чрезъ это не прерываются и, при посредствѣ морскаго побережья, народы, съ той или другой стороны, остаются въ связи другъ съ другомъ. Но на югъ Мысъ Доброй Надежды, обращенъ къ пустому пространству, такъ какъ омывающее его негостепримное море теряется въ антарктическихъ льдахъ. Затѣмъ, для частыхъ сношеній съ цивилизованнымъ міромъ, капскіе колонисты должны пересѣкать необъятный океанъ: куда не обратиться, въ сторону ли Великобританіи, или къ Индіи, или къ Австраліи — повсюду промежутокъ въ тысячи километровъ. Ближе всего оконечность Южной Америки и, однако, разстояніе до нея равняется 5.400 километровъ. Тасманія же, третій выступъ континентальныхъ земель по направленію къ южному

полюсу, оказывается уже въ десяти тысячахъ километровъ къ востоку.

Вотъ нѣкоторые числовыя данныя для сравненія пространства и населенности Алжиріи, съ пространствомъ и населенностью европейскихъ государствъ Южной Африки:

Алжирія: (Территорія гражданская и военная). Поверхность — 478.855 кв. километровъ. Европейское населеніе — 500.000 человекъ. Населеніе туземное — 3.320.000 человекъ. Средняя населен. на одинъ кв. килом. 8 человекъ. Морская торговля — 560.000.000 франковъ (1882).

Южная Африка: Поверхность — 1.116.270 кв. километровъ. Европейское населеніе 480.000 человекъ. Населеніе туземное 20.650.000 человекъ. Средняя населен. на одинъ кв. килом. 3 человека. Морская торговля — 273.000.000 франковъ (1886).

Орографія южныхъ территорій напоминаетъ своими главными чертами орографію всей Африки. А на этомъ материкѣ, разсматриваемомъ въ его цѣлости, цѣпи горъ возвышаются, главнымъ образомъ, по его окружности, при чемъ самыя высокіе края и самыя гордыя вершины находятся на его восточномъ берегу. То же самое наблюдается и на южной его оконечности: выдающіяся части рельефа протянулись параллельно морскому побережью, оставляя внутри материка обширныя равнины; восточныя горы достигаютъ наибольшаго возвышенія и стоятъ на болѣе широкомъ доколѣ изъ плоскогорій. Съ этой стороны главныя вершины приближаются къ тремъ съ половиною тысячамъ метровъ высоты.

Прерываемая Оранжевой рѣкой, закраинна горъ и плоскогорій, идущая вдоль берега въ землѣ Большихъ Нама-куа, снова проявляется въ области Малыхъ Нама-куа, хотя уже и не достигаетъ прежней высоты. Съ террасы на террасу мѣстность становится все выше, направляясь къ кровлѣ гранитнаго плоскогорія, на которомъ разбѣяны горные массивы; горделивыя со стороны запада, откуда ихъ можно созерцать во всю ихъ высь, они имѣютъ болѣе скромный видъ со стороны востока, гдѣ ихъ основаніе теряется въ однообразномъ гнейсовомъ нагорьѣ, называемомъ Большимъ Бушменландомъ: средняя высота ихъ не менѣе тысячи метровъ. Къ югу отъ области племени нама-куа, горный крайъ, размытый водами, распадается на отдѣльныя расходящіяся цѣпи, изъ которыхъ однѣ направляются на соединеніе съ восточными горами, тогда какъ другія продолжаютъ въ видѣ параллельныхъ краевъ къ югу, при чемъ каждый такой крайъ или *rand* образуетъ какъ бы стѣну между приморскими низменностями и высокими равнинами внутри страны. Самаго большаго возвышенія эти валы достигаютъ къ югу отъ рѣки Олифантъ; такъ, Кедровыя горы самую высшую

вершиною имѣютъ *Snow-кор*, т. е. Снѣговой пикъ, въ 1.831 метровъ, а цѣпь Олифантъ вздымается на 2.085 метровъ своей вершиной *Winter-hoek*, т. е. Зимній пикъ: и дѣйстви-

Продолжаясь къ югу, цѣпь Олифантъ оканчивается мысомъ *Hang-Klip*, находящимся насупротивъ мыса Доброй Надежды. Что касается этого знаменитаго мыса, выдвинувша-

Портъ Наталь и Дурбанъ.

тельно, въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году жители Каптуна видятъ, на сѣверо-восточномъ горизонтѣ, эту гору убѣленною полосами снѣга, а порою даже прикрытою снѣговой шапкой.

гося западнѣе, въ видѣ серпа, то онъ принадлежитъ къ краевой цѣпи, отъ которой нынѣ остались только отрывки, и которая образуетъ выступъ за черту континентальнаго берега. между заливомъ Св. Елены и бухтою Фальсъ.

или Симонсъ. На своей сѣверной оконечности эта цѣпь состоитъ лишь изъ небольшихъ холмовъ; но къ югу она вдругъ сильно повышается и окаймляетъ Капскую бухту полукруглой оградой, состоящею изъ нѣсколькихъ вершинъ. Изъ нихъ, мощная Столовая гора вздымается на 1.091 метръ свою громадную, зачастую сокрытую въ облакахъ, песчаниковую плиту надъ почти вертикальными стѣнами и крутыми откосами, изборозженными оврагами, въ которыхъ произрастаютъ дубъ и сосна; гранитныя основы горы покрыты зеленью. Затѣмъ, по направленію къ востоку, этотъ горный циркъ оканчивается остроконечной вершиною, называемой «Чертовымъ пикомъ», Devil's peak, а по направленію къ западу — длинными крупами Льва, повернушагося спиной къ городу и взирающаго на море своей величавой головой. По другую сторону Столовой горы, холмы постепенно понижаются въ направленіи къ мысу Доброй Надежды.

На востокъ отъ параллельныхъ горныхъ барьеровъ, тянущихся вблизи Атлантическаго океана, въ направленіи съ сѣвера на югъ, — возвышенія почвы, располагаясь на-подобіе складокъ по краю ткани, продолжаютъ уже въ восточномъ направленіи, почти параллельно берегамъ южнаго океана; однако, по отношенію къ профилю побережья, эти цѣпи расположены немного косвенно къ берегу, такъ какъ всѣ онѣ теряются въ тѣхъ мысахъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ къ востоку отъ мыса Агульясъ, или «Игольного», составляющаго самую южную оконечность материка. Нѣкогда эти горныя хребты непрерывно продолжались отъ запада къ востоку; нынѣ же они разрѣзаны на отрывки разной величины потоками, которые открыли себѣ выходныя клузы въ слабыхъ пунктахъ древнихъ породъ, вдоль сѣверной подошвы которыхъ они текутъ. Эти глубокія ущелья, прорытыя между параллельными цѣпиями горъ, придаютъ данной области большое разнообразіе, въ особенности вблизи моря, гдѣ горныя склоны большею частью покрыты лѣсомъ. Самая высокая изъ этихъ перерѣзанныхъ потоками цѣпей находится отъ океана дальше всѣхъ остальныхъ. Нѣкоторыя вершины *Groote Zwartebergen*, или Большихъ Черныхъ Горъ, переходятъ за 2.200 метровъ, а по направленію къ восточной оконечности хребта, на сѣверо-западъ бухты Альгоа, гора Cockscomb, называемая также *Groot Winterhoek*, достигаетъ 1.818 метровъ.

Къ сѣверу отъ цѣпей, скученныхъ вблизи побережья, другая цѣпь, отстоящая, въ среднемъ, въ двухстахъ километрахъ отъ моря, тянется извилистой линіей, подъ различными наименованіями, по направленію съ запада на востокъ. Такъ, на своей западной оконечности, около при-атлантическихъ береговыхъ

горъ, она называется Комсбергъ, а затѣмъ принимаетъ наименованіе Нивенельдъ, причѣмъ слово *veld* указываетъ на большую пологость ея скатовъ въ сравненіи съ крутыми откосами *bergen*. Еще далѣе цѣпь, повидимому, понижается почти до уровня равнинъ; но въ Снѣговыхъ горахъ, *Sneeuw-bergen* она снова поднимается и образуетъ вершину Компастъ въ 2.738 метровъ, которая представляетъ самую высшую точку Капской области въ собственномъ смыслѣ слова. За этимъ массивомъ цѣпь раздваивается: при этомъ, вѣтвь, направляющаяся на юго-востокъ, сначала прерывается однимъ изъ притоковъ Большой Рыбной рѣки, *Great-Fish-river*, а затѣмъ снова возвышается въ *Groot Winter-berg* (Большая Зимняя гора) до 2.378 метровъ; послѣ этого она направляется къ устью рѣки Кей, составляющей западную границу Кафраріи; другой край горъ, образуя водораздѣлъ между бассейномъ Оранжевой рѣки и бассейномъ *Great Fish-river*, извивается сначала къ сѣверу, а затѣмъ къ востоку, идя на соединеніе съ тою высокою цѣпью, которая отдѣляетъ Кафрарію и Наталь отъ области племени ба-сото. Его восточная оконечность, извѣстная подъ именемъ *Storm-bergen*, или Бурныхъ Горъ, прославилась въ экономической исторіи Каплэнда своими богатствами топливомъ. Стормбергскій каменный уголь, тощій и слоистый, главнымъ образомъ встрѣчается на сѣверныхъ склонахъ горной цѣпи и простирается далеко въ направленіи къ сѣверу; однако, вслѣдствіе дороговизны выкапыванія его, а также и затрудненій въ перевозкѣ, его употребляютъ собственно лишь въ тѣхъ деревняхъ, которыя находятся по соседству съ копями. Въ Бурныхъ горахъ видны еще древніе вулканы, съ явственными кратерами, повидимому, потухшіе со времени триасовой эпохи.

Усѣянная кустами, волнистая равнина, извѣстная подъ именемъ Большой Кару (готтентотское слово кару означаетъ безплодную почву), простирается съ востока на западъ между краевыми цѣпиями и горами водораздѣла. На сѣверѣ, по направленію къ Оранжевой рѣкѣ, другія возвышенныя равнины тамъ и сямъ прерываются небольшими массивами, по большей части состоящими изъ вулканическихъ скалъ, трапповъ и долеритовъ, образующихъ монументальныя природныя колоннады. Эти высокія равнины суть тоже кару (*karoo*), и на всемъ своемъ протяженіи представляютъ такое же геологическое строеніе: нѣкогда онѣ были покрыты на обширныхъ пространствахъ болотистыми водами, въ которыхъ проживали міриады позвоночныхъ пресмыкающихся, дицинодонтовъ и другихъ, podobныхъ которымъ уже нѣтъ на нашей планетѣ, и которыя, вѣроятно, вымерли передъ окончаніемъ триасовой эпохи. По Ричарду

Оуану, эти громадные ящеричные животные были травоядными и, повидимому, имѣли нравы амфибій. Какъ на протяженіи главной кару, такъ и на кару второстепенныхъ, простирающихся къ сѣверу вплоть до Оранжевой рѣки, разбѣдны многочисленныя углубленія, въ которыхъ скопляются дождевыя воды, а по испареніи этихъ водъ обнажаются отложенія соли.

За Бурными горами, изгибъ главной цѣпи въ направленіи къ сѣверо-востоку соответствуетъ параллельному изгибу берега океана. Цѣпь Дракенбергенъ, или Драконовыхъ горъ, также называемыхъ Куатламою, развертывается на разстояніи, въ среднемъ, приблизительно 200 километровъ отъ моря, а нѣкоторыя изъ ея куполовъ и остроконечій достигаютъ высоты въ три тысячи метровъ. Продолжая водораздѣлъ между Атлантическимъ и Индійскимъ океанами, эта возвышенная мѣстность походить на горный хребетъ только со стороны востока, гдѣ крутыми уступами она нисходитъ къ морю; по другую же сторону, цѣпь оказывается лишь валомъ, окаймляющимъ плоскогоріе, на которомъ высятся другіе параллельные выступы рельефа. Срединное пространство между Драконовыми горами и Индійскимъ океаномъ занято тремя террасами или уступами, которые представляютъ большія неправильности въ рельефѣ и которые во многихъ мѣстностяхъ замаскированы поперечными краями, возвышающимися между рѣками. Самая высокая терраса, простирающаяся вдоль подножія Драконовыхъ горъ, имѣетъ въ среднемъ тысячу метровъ въ высоту; уступъ, образующій срединную полосу Кафрарія и Наталя, колеблется между шестьюстами и семьюстами метрами; а береговая платформа, раздѣляемая ложами потоковъ на множество отрывковъ, возвышается надъ изгибами береговъ на триста метровъ.

Къ сѣверу отъ вершины, увѣнчанной вертикальными пластами плитняка и имѣющей видъ крѣпости въ развалинахъ, — откуда и имя этой вершины въ 2.944 метра: *Giant's Castle* — вѣтъ, сохраняющая направленіе оси Дракенбергена, мало-по-малу понижается; преобладаніе уже принадлежитъ тому параллельному ряду высотъ, который пересѣкаетъ территорию ба-суто, подъ именемъ *Blaubergen* (Голубыхъ Горъ), или, по туземному, Малуті, т. е. пиковъ. Далѣе къ сѣверу, горная цѣпь снова начинаетъ именоваться Дракенбергеномъ: горы эти, хотя состоящія изъ песчаника, какъ «столбы» большей части другихъ горныхъ цѣпей Южной Африки, оканчиваются иззубренными вершинами. Боковая цѣпь — главная вершина которой, Шампанъ-кэстль или Каткинъ, достигаетъ 3.160 метровъ — соединяетъ Драконовы горы съ Малуті. Тамъ, гдѣ эти цѣпи сливаются, массивъ предста-

вляетъ обширную, въ формѣ плоскогорія, гору, покрытую пастбищами: ба-суто называютъ ее Бута-Бута или Потонгъ, т. е. гора автилопъ; но обыкновенно она извѣстна подъ именемъ Горы Источниковъ: такъ прозвали ее протестантскіе миссіонеры Арбуссе и Дома ¹⁾, вслѣдствіе того, именно, что главныя вѣтви Оранжевой рѣки, а также и многіе другіе водные потоки нисходятъ съ нея къ Индійскому морю; надъ цоколемъ окрестныхъ высокихъ земель она господствуетъ приблизительно на четыреста метровъ; общая же ея высота, по Stow'u, равняется 3.050 метрамъ; впрочемъ, по высотѣ ея превосходятъ большія вершины боковой цѣпи Малуті, на которой снѣгъ пребываетъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ мая по августъ: это Альпы Южной Африки. Одна изъ вершинъ этой цѣпи, которую миссіонеръ Jacottet назвалъ Горою Гамильтона ²⁾, достигаетъ 3.480 метровъ, а проходъ, чрезъ который ба-суто переваливаютъ изъ высокой долины Оранжевой рѣки въ долину ея большаго притока Сенкувиана, лежитъ ниже горы Гамильтона всего лишь на шестьдесятъ метровъ.

Еще далѣе къ сѣверо-востоку, горная цѣпь, называемая Рандбергъ, т. е. Окраинною Горой, но также, на подобіе южныхъ горъ, именуемая и Дракенбергеномъ, — принимаетъ характеръ огромнаго утеса: съ одной стороны цѣпи разстилается волнистая равнина, съ другой — крутые откосы и низины, почву которыхъ размываютъ и уносятъ въ море проточныя воды. Общее направленіе окраинной цѣпи параллельно берегу, но протекающія чрезъ нее воды расчленили ее такимъ образомъ, что она превратилась въ стѣну весьма неправильнаго вида: такъ, будучи на одной части своего протяженія циркомъ, она въ другихъ своихъ отдѣлахъ выступаетъ въ видѣ мысовъ, изъ которыхъ одинъ и составляетъ мысъ Каапъ (Капъ), прославившійся своими золотыми рудниками. Вѣковая работа родниковъ и ручьевъ постепенно отодвигаетъ къ западу эту стѣну, пробитую тамъ и сямъ притоками Индійскаго океана. На сѣверѣ, склонъ плоскогорія мало-по-малу понижается въ направленіи къ рѣкѣ Лимпопо: послѣднюю возвышенность, поднимающуюся на двѣ тысячи метровъ на окраинѣ высокихъ земель, представляетъ вершина Ваучъ'е, названная такъ въ честь изслѣдователя, открывшаго золотоносныя россыпи въ этой области; впрочемъ, вслѣдствіе рѣзкаго ниспаденія своихъ откосовъ въ долину Лимпопо, внушительный видъ имѣетъ также и конечный массивъ, называемый Zoutpansbergen, или Солеными горами. На юго-западѣ, нѣсколько цѣпей холмовъ

¹⁾ «Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap de Bonne-Espérance».

²⁾ Edouard Jacottet, «Bulletin de la Société de Géographie».

и бугровъ разбѣяно по высокимъ землямъ, полого спускающимся къ пустынь Калахари; однако, эти приподнятія почвы не производятъ большаго впечатлѣнія, вслѣдствіе сравнительно значительной высоты ихъ общаго цоколя. Наиболѣе возвышенныя изъ нихъ находятся около столицы Южно-Африканской республики, Преторіи, и называются Магалибергенъ.

На протяженіи всей Южной Африки, Капской колоніи, Кафраріи, Наталя и странъ племенъ ба-суто и зулусовъ, гранитныя массы составляютъ то общее основаніе, на которое налегли другія формаціи; потоки водъ, размывая свои берега, повсюду обнажили нижнія массы гранита и осадочныя пласты, залегающіе на первичной породѣ; какъ говорилъ Ливингстонъ, гранитный остовъ хотя и скрытъ, но тамъ и сямъ онъ проглядываетъ сквозь одѣвающую его оболочку. Жилы весьма благо кварца пронизываютъ во всѣхъ направленіяхъ гранитъ и почти повсюду сопровождаются золотосодержащими прожилками; однако, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ рѣдкихъ округовъ, разработка ихъ не окупилась бы затраченного труда. Залежи кристаллической извести покрываютъ гранитъ на протяженіи всей береговой полосы, а затѣмъ внутрь простираются каменноугольныя напластованія и девонскія формаціи, увѣнчиваемыя песчаниками. Нѣкоторые геологи указываютъ на груды камней, перемѣщенныхъ и исчерченныхъ, какъ на доказательство существованія древняго ледниковаго періода на восточномъ склонѣ Драконовыхъ горъ. Большинство наблюдателей говорятъ также, что морскіе берега данной части материка Африки находятся въ періодѣ постепеннаго выходненія изъ-подъ воды: такъ, на всемъ протяженіи отъ мыса Доброй Надежды до пляжей Наталя видны прежнія линіи поднявшихся вслѣдствіи береговъ, покрытыхъ устричными и коралловыми мелями; между прочимъ, около южной границы Наталя эти мели лежатъ приблизительно на четыре метра выше уровня высокыхъ приливовъ ¹⁾.

Главная рѣка Южной Африки и одна изъ наиболѣе значительныхъ на всемъ материкѣ—если не по массѣ водъ, то по крайней мѣрѣ по длинѣ и по обширности бассейна—есть Гарибъ готтентотовъ, *Groote-river* буровъ, или, съ 1770 года, Оранжевая, названная такъ нидерландскимъ офицеромъ Гордономъ, болѣе въ честь королевскаго дома въ Голландіи, чѣмъ за цвѣтъ ея воды. Восточная ея вѣтвь, Сенку—считаемая главной рѣкой, хотя по длинѣ ее превосходитъ другая вѣтвь, Вааль,—зарождается въ высокой долинѣ, на южномъ склонѣ Каткина, и течетъ къ юго-западу между Малуты и Дракенбергеномъ; и такъ какъ

въ этой части ея теченія воды ея имѣютъ темный цвѣтъ, то мѣстно она и называется Черною рѣкою. По соединеніи съ Сенкуньянез или Малою Сенку, она принимаетъ въ себя р. Малитсуньяне, которую ей посылаютъ высокія горы на западѣ, и которая низвергается съ вертикальной высоты въ 181 метръ въ труднодоступную пропасть: это—самое величественное зрѣлище, представляемое горами Малуты ¹⁾. По выходѣ изъ гористой области, Оранжевая рѣка сливается съ *Kornet-spruit* омъ и съ другимъ, почти равнымъ ей, потокомъ, Каледономъ: обѣ эти рѣки зарождаются въ верховьяхъ оврагахъ горы Источниковъ и текутъ въ широкихъ ложахъ по песку изъ блестящей слюды. Книзу отъ слиянія, Оранжевая рѣка, извивающаяся затѣмъ въ направленіи къ западу и къ сѣверо-западу, принимаетъ въ себя нѣсколько рѣчекъ или скорѣе уади, сбѣгающихъ съ горъ Каапа, а также притокъ Зекозъ, спускающійся съ Свѣговыхъ горъ; но всѣ эти притоки едва уравниваютъ потери, производимыя испареніемъ. Единственнымъ значительнымъ притокомъ средняго теченія Оранжевой рѣки является рѣка Вааль, или Сѣрая, русловая вѣтвь которой, Намагари, родится, какъ и Каледонъ, въ массивѣ горы Источниковъ, между тѣмъ какъ самый отдаленный истокъ находится на плоскогорьяхъ, господствующихъ надъ побережьемъ Индійскаго океана, къ юго-западу отъ Луренсо-Маркеза. По длинѣ своей долины, Вааль—настоящая рѣка; но такъ какъ болѣею частью ему приходится протекать по пустыннымъ равнинамъ, представляющимъ высохшія озера предыдущаго геологическаго періода ²⁾, то къ мѣсту слиянія онъ приходитъ обычно почти изсякшимъ. Подобно другимъ рѣкамъ даннаго бассейна, и у Ваала бывають внезапные разливы, возобновляющіеся по нѣскольку разъ въ періодъ времени между концомъ ноября и серединою апрѣля и превращающіе его въ грозную рѣку. Оранжевую рѣку, Каледонъ и Вааль можно почти всегда переходить въ бродъ; во время же паводковъ, прибрежные жители, пока не были выстроены мосты и виадуки, переправлялись черезъ эти рѣки на плотахъ.

Оранжевая рѣка уже прошла три четверти всего своего теченія, но все еще змѣится по имѣющему восемьсотъ метровъ высоты плоскогорію; затѣмъ рядъ водопадовъ, пороговъ и каскадовъ—извѣстныхъ подъ именемъ пороговъ Анграби или Ста водопадовъ—сразу понижаетъ русло ея водъ болѣе чѣмъ на 120 метровъ. На пространствѣ приблизительно 26 километровъ, рѣка усѣяна безчисленными подводными каменными грядами, островками и даже островами, изъ которыхъ одни низмен-

¹⁾ Griesbach, „Quarterly Journal of the Geological Society“, май 1871.

²⁾ E. Jacotet, *унж. соч.*

³⁾ John Shaw, „Quarterly Journal of the Geological Society“, февраль 1872.

ны и на поверхности ровны, а другіе унизаны скалами, въ формѣ башенъ. Во время низкихъ водъ, рѣка превращается въ цѣлый лабиринтъ потоковъ, озеръ, водоемовъ и струй, и все это, описавъ всевозможныя извилины, наконецъ, сливается въ узкомъ и глубокомъ ущельѣ, либо присоединяясь къ большому водопаду, либо низвергаясь съ боковой стѣнки. Въ эпоху половодій, многочисленные каскады, ниспадающіе въ видѣ сноповъ съ верхушки утесовъ и превращающіеся въ пыль на пути въ пропасть, сливаются въ одну мощную водную поверхность, Ніагару, которая и здѣсь такъ же, какъ и американская рѣка, описываетъ обширный полукругъ, но низвергается въ два раза болѣе глубокое ущелье. Изъ второстепенныхъ каскадовъ есть такіе, которые, выбиваясь изъ-подъ хаоса обрушившихся глыбъ, кажутся выходящими изъ живой скалы; одинъ водопадъ бьетъ изъ трещины скалы въ видѣ огромнаго снопа; послѣдній каскадъ называется *Diamond's fall*, т. е. «Алмазнымъ» имя это далъ ему Фарони, нашедшій въ песокъ у его подножія нѣсколько алмазовъ¹⁾.

Книзу отъ Ста Водопадовъ, въ Оранжевую рѣку впадаетъ, если не рѣка, то по крайней мѣрѣ развѣтвленіе уади, который, по пространству своего бассейна, превосходить даже и самый Вааль: это Хигапъ, образуемый Убомъ и Нозобомъ, или Близнецами, такъ какъ ихъ параллельныя ложа часто соединяются другъ съ другомъ; иногда же немного воды Хигапу приносятъ также: Молопо, Куруманъ и другіе овраги. Площадь, съ которой Хигапъ собираетъ воды послѣ ливней, равняется по крайней мѣрѣ четырестамъ пятидесяти восьми тысячамъ квадратныхъ километровъ; рѣдко, однако, ему приходится течь непрерывно, такъ какъ въ то время, какъ одинъ изъ его притоковъ переполняется водою, другой оказывается высохшимъ; обыкновенно на его протяженіи встрѣчаютъ только болота или же просто сырыя мѣста, и путешественники принуждены выкапывать ямы въ ложѣ Хигапа, чтобы получить немного воды, просачивающейся въ пескахъ. Къ тому же отсутствіе наклона на поверхности Калахари не позволяетъ ей водному бассейну собираться во-едино: послѣ дождей, большое количество выпавшей воды скопляется въ углубленія, не имѣющія водослива, въ небольшіе замкнутые водоемы, влага изъ которыхъ въ послѣдствіи исподоволь испаряется. Смотри по времени года, эти углубленія являются или лагунами, пуститься по которымъ не отваживается охотникъ, или топями, или оголенными равнинами. Одни изъ нихъ, имѣя пористое дно, покрываются растительностью послѣ испаренія прѣсной воды: это

vleuyen голландскихъ путешественниковъ. Другія же, съ глинистымъ дномъ, непроницаемымъ для влаги, становятся въ теченіе лѣта еще болѣе пустынными, чѣмъ окружающія ихъ сравнительно возвышенныя земли; по испареніи воды, они являются бѣлыми отъ налета соли, отчего и получили наименованіе: *salt-pans*, или «соляныхъ лоханокъ».

Въ нижней части своего теченія, Оранжевая рѣка уже не получаетъ постоянныхъ притоковъ. Ущелья, открывающіяся справа и слѣва ея ложа въ крутыхъ кварцевыхъ берегахъ, оказываются лишь извилистыми песчаными оврагами. Приближаясь къ морю, рѣка уменьшается въ объемъ; и хотя во время высокихъ водъ глубина ея и равняется тринадцати метрамъ, тѣмъ не менѣе ее можно переходить въ бродъ въ теченіе почти цѣлаго года въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ложины, соотвѣтствуя другъ другу на обоихъ берегахъ, образуютъ проходъ, пересѣкающій рѣку поперекъ. Однако, въ той глубокой клюзѣ, въ которую проникаетъ Оранжевая рѣка для прохода чрезъ береговую цѣпь, ея берега почти не приступны: во многихъ мѣстахъ карнизъ прибрежнаго плоскогорія высится на сотни метровъ надъ водою, и путешественники могли бы умереть, не находя ни разсѣлины, ни скалистой лѣстницы, которая дозволила бы имъ спуститься для утоленія жажды водою, которую они видятъ у себя подъ ногами. Рѣка мечется отъ одной скалы къ другой, дѣлаетъ рѣзкіе повороты между гранитными откосами и прежде чѣмъ получить возможность излиться въ море, устремляется, параллельно послѣдней изъ своихъ преградъ, въ направленіи къ югу. Кверху же отъ бара, ея воды скопляются въ большое озеро, надъ которымъ кружатся мѣлкія птицы. Часто случается, что это озеро оказывается совершенно отдѣленнымъ отъ моря песчаной косой; а во время высокихъ водъ, рѣка хотя и изливается въ море широкимъ устьемъ, но подводныя отмели—образующіяся на тѣхъ скалистыхъ плоскогоріяхъ, о которыхъ непрерывно разбиваются морскія волны—препятствуютъ проникать въ это устье кораблямъ; вслѣдствіе этого, моряки, желая пристать къ землѣ, принуждены спускаться къ югу отъ устья, въ маленькую бухту мыса Вольташъ. Такъ кончается великая рѣка, протекающая на разстояніи не менѣе 2.140 километровъ и принимающая воды съ бассейна, который обнимаетъ миллионъ двѣсти семьдесятъ пять тысячъ квадратныхъ километровъ.

Къ югу отъ Оранжевой рѣки, на склонѣ къ Атлантическому океану, а также и по другую сторону мыса Доброй Надежды, на южномъ склонѣ Капской колоніи, рѣки, нисходя съ горъ, расположенныхъ на небольшомъ разстояніи отъ морскаго берега, не могутъ имѣть большаго протяженія, и, несмотря на сравнительное изобиліе дождей, потоки ихъ водъ незначительны.

¹⁾ "Through the Desert of Kalahari"; — "Tour du Monde", 1886.

Главнѣйшій изъ этихъ потоковъ на западномъ берегу представляетъ Olifant-river, или Слоновая рѣка. На южной покатости, Breede-river, или Широкая рѣка, уноситъ воды, выпадающія на соседнія съ Кэптауномъ горы, и изливается въ море устьемъ, доступнымъ для судовъ вмѣстимостью до 150 тоннъ: такимъ образомъ, Широкая рѣка, будучи однимъ изъ незначительныхъ водныхъ потоковъ Капской колоніи, оказывается тѣмъ не менѣе единственною изъ рѣкъ, имѣющихъ на своемъ берегу морской портъ. Восточнѣе отъ Широкой рѣки впадаетъ въ океанъ Groote-river, или Большая рѣка, называемая также Гауритсъ; развѣтвленія ея похожи на вѣтви широко распростершагося дуба. Затѣмъ Гамтоа или Гамтоесъ—зарождающійся, какъ и Гауритсъ, на равнинѣ Большой Кару и тоже текущій черезъ грозныя клызы при проникновеніи сквозъ параллельныя цѣпи горъ, порою совершенно высыхаетъ на своемъ пути къ впаденію въ океанъ, которое совершается въ бухтѣ Санъ - Франциско. Далѣе слѣдуютъ Sunday-river и Great Fish-river, изливающаяся въ Индійскій океанъ около того мѣста, гдѣ начинается восточный берегъ африканскаго материка. Здѣсь уже обнаруживаются вліянія другаго климата: рѣки, будучи короче, чѣмъ на южномъ берегу, катятся, однако, большія количества воды.

Рѣка Кей, т. е. «Великая», вытекающая изъ массива Стормбергенъ и горъ Куатламба, получила важное политическое значеніе, составляя давнюю границу сначала готтентотскихъ племенъ, а затѣмъ и англійскихъ владѣній: по ту ея сторону начинаются кафрскія территории Транскея, нѣкогда бывшія независимыми. Кей, при весьма быстромъ теченіи, образуетъ превосходныя каскады и змѣится въ величественныхъ ущеліяхъ; однако, изъ всѣхъ рѣкъ побережья Кафрапи самая красивая—Умъ-Зимвубу, Saint-John's - river англичанъ. При входѣ это широкая рѣка, имѣющая шестьсотъ метровъ между своими берегами, но, затѣмъ, мало-по-малу она суживается въ высокомъ скалистомъ порталѣ. И съ той, и съ другой стороны ея возвышаются покрытые деревьями откосы, надъ которыми господствуютъ вертикальныя кручи террасы, а надъ этою террасою, въ свою очередь, возвышаются другія каменные стѣны, верхнія поверхности которыхъ имѣютъ форму столовъ; затѣмъ, съ обѣихъ береговъ долины видѣются двѣ горы: Sullivan и Thesiger—одинаковыя по размѣрамъ и по величественности; вся же эта мѣстность получила отъ англичанъ наименованіе Gate или *Портъ Сентъ-Джонъ*. Для большихъ судовъ входъ въ рѣку преграждаетъ баръ; но малыя морскія суда, при содѣйствіи приливной волны, могутъ подниматься по рѣкѣ километровъ на двадцать, вплоть до начала пороговъ.

Склонъ колоніи Наталь прорѣзываютъ парал-

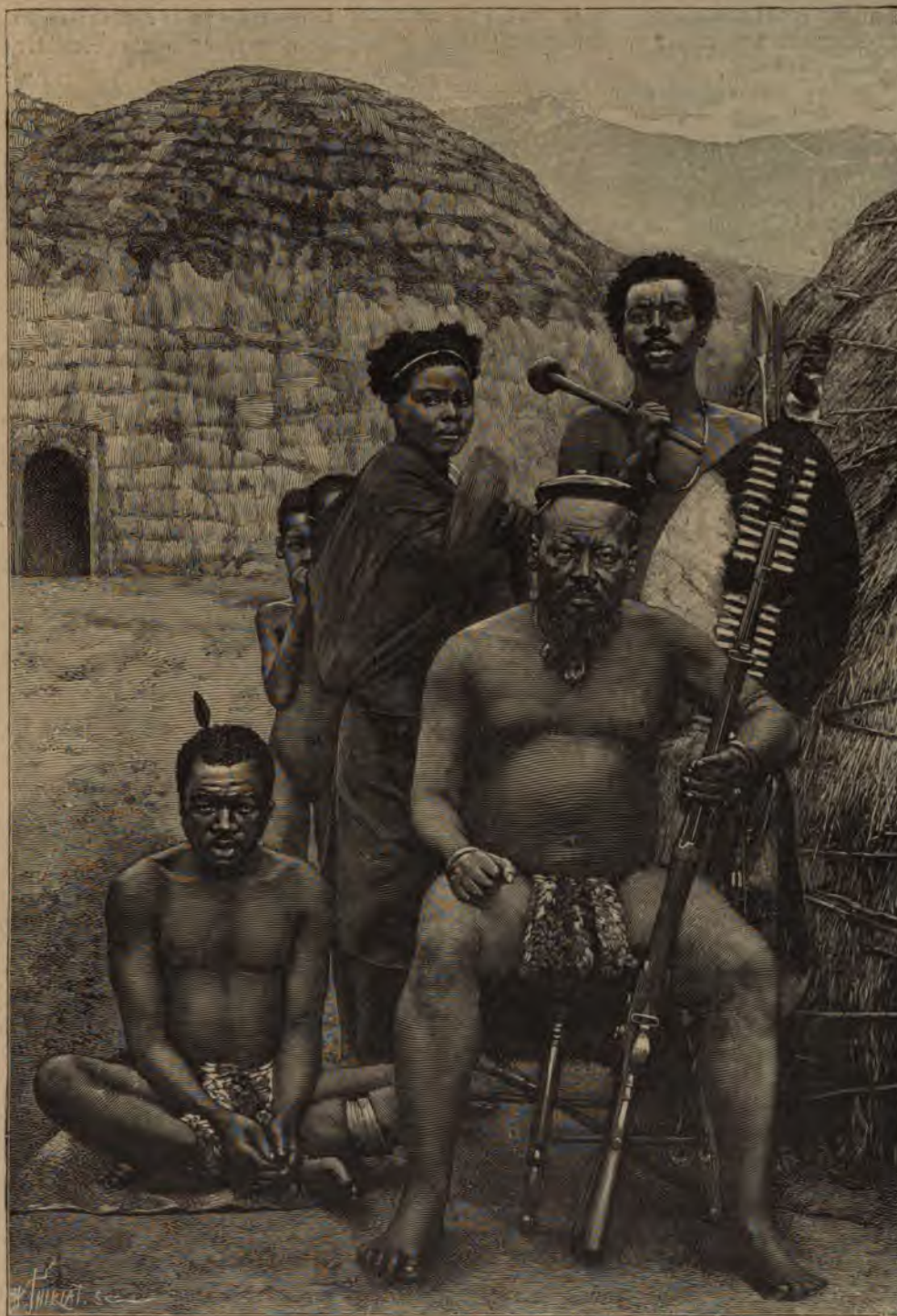
лельныя ложбины, по каждой изъ которыхъ протекаетъ изобилующая водою рѣка, пересѣкаемая каскадами. Умъ-Зимкулу, Умъ-Команзи, Умъ-Лазу, Умъ-Жени, а также и другіе *умы*, т. е. потоки, слѣдуютъ одинъ за другимъ вплоть до могучей рѣки Тугелы, главная вѣтвь которой зарождается, подобно Каледону и Вазу, въ верховыхъ оврагахъ горы Источниковъ и образуетъ сѣверную границу колоніи со стороны зулусовъ. По ту сторону Тугелы мѣняется рельефъ морскаго побережья, а вслѣдствіе этого, также и характеръ теченія рѣкъ: берега ихъ уже не скалисты, горы оставляютъ между ними и моремъ широкую плоскую полосу, а самыя рѣки, извиваясь по равнинѣ, направляются къ сѣверу. На почти прямолинейномъ пространствѣ, приблизительно въ триста километровъ, морское побережье представляетъ песчаную низину, покрытую дюнами и отдѣленную отъ моря большими лагунами и каналами-протоками; наиболѣе обширную изъ этихъ громадныхъ водныхъ поверхностей—нѣкогда составлявшихъ часть моря, а нынѣ отдѣленныхъ отъ него—представляетъ лагуна, прозванная бухтою Св. Лючіи: длина ея приблизительно равна ста, а ширина, въ среднемъ, двадцати километрамъ. Она занимаетъ южную часть полосы низменныхъ земель; сѣверная же оконечность этой области содержитъ потоки и лагуны, соединяющіеся съ большою бухтою Делагоа или Лоренсу-Маркезъ. Береговой валъ хорошо ограниченъ: на югѣ—протокомъ, ведущимъ въ бухту Св. Лючіи, а на сѣверѣ—рукавомъ моря, проникающимъ въ заливъ Делагоа.

Южная бухта, Санта-Лючіи, при выходѣ въ море заграждена баромъ, около котораго держатся ненасытныя акулы, часто набрасывающіяся даже на весла и на лоты моряковъ. Въ 1865 году, когда эти пространства океана подвергались изслѣдованіямъ, производимымъ съ корабля *Нассау*, протокъ, соединяющій море съ бухтою, былъ совершенно загроможденъ песчанною стрѣлкою; даже во время высокихъ водъ, опасный входъ въ бухту представляетъ судамъ ненадежное убѣжище. Однако, какъ ни дурна эта гавань, все-таки она была-бы драгоценнымъ пріобрѣтеніемъ для лишенныхъ выхода въ море голландскихъ республикъ, и потому повятно то стараніе—пока, впрочемъ, безплодное—которое прилагаютъ трансваальскіе буръ къ возвращенію себѣ этой области побережья отъ Англіи. Сѣверная бухта, т. е. бухта Делагоа, гораздо важнѣе. Широко открываясь къ сѣверу, она имѣетъ въ глубинѣ до двадцати метровъ, и самыя большія суда могутъ далеко входить въ нее чрезъ хорошо защищенный фарватеръ. Поэтому англійское правительство и оспаривало обладаніе этою драгоценною якорною стоянкою у португальцевъ, сильныхъ своими нѣковыми правами на

данную бухту; въ особенности англичане обнаруживали стремленіе къ завладѣнію островомъ Иньякъ, находящимся при входѣ въ бух-

вратилъ Португаліи свободное пользованіе всѣми прибрежными землями Делагоаской бухты, этого самую судьбою предопредѣленнаго исход-

Группа зулусовъ.

ту и составляющимъ продолженіе полуострова Ама-Тонга; однако, приговоръ, произнесенный въ 1875 году президентомъ Французской Республики, въ качествѣ третейскаго судьи, воз-

наго пункта для торговли тѣхъ государствъ, которыя образовались на сосѣднемъ плоскогоріи. Между бухтами Св. Лючіи и Лоренсу-Маркезъ, форма окаймленнаго дюнами побе-

режя, какъ и форма удлиненныхъ въ томъ же направленіи лагунъ, а также ходъ всѣхъ рѣкъ, которыя бросаются къ сѣверу, повидимому, указываютъ на дѣйствіе береговаго противотечения, совершающагося съ юга на сѣверъ въ направленіи, противоположномъ Мозамбикскому теченію, и вспомошествоваемаго зыбью, которую юго-восточные пассаты гонятъ на берегъ. Вслѣдствіе этого, вѣроятно, и образовалось вѣйшее побережье, которое состоитъ изъ длиннаго ряда песчаныхъ стрѣлокъ, тянущагося впереди низкихъ водъ морскаго берега и истиннаго материковаго берега. Къ сѣверу отъ бухты Лоренсу-Маркезъ, наблюдается обратное явленіе: водоворотъ возвращаетъ теченіе въ направленіи къ югу, и рѣка Манисса, вмѣстѣ того, чтобы по прямой линіи спуститься къ морю, изгибаетъ свое низовье параллельно пляжу, вслѣдствіе чего она долго течетъ въ направленіи къ югу, прежде чѣмъ смѣшать свои воды съ водами бухты.

Къ этому бассейну, т. е. къ бухтѣ Делагоа, направляется нѣсколько рѣкъ: съ юга течетъ Мапута, образуемая изъ многочисленныхъ потоковъ, несущихся изъ края зулусовъ и изъ земель племени суази; на западѣ, въ лиманѣ, на берегу котораго расположенъ городъ Лоренсу-Маркезъ, соединяются рѣки Темби и Умъ-Бомзи; а съ сѣвера въ него вливается большая рѣка Манисса. Благодаря приливу и естественной глубинѣ ложа, суда могутъ подниматься весьма далеко во всѣ эти притоки бухты; по Маниссѣ, называемой англичанами King George river, мореплаватели Hilliard могъ подняться къверху отъ ея устья на разстояніе, превышающее двѣсти двадцать километровъ, при чемъ ни разу не встрѣтилъ глубины менѣе одного метра и восьми сантиметровъ. Такимъ образомъ эта рѣка представила бы превосходный путь къ золотоноснымъ краямъ внутри страны, если бы во многихъ мѣстностяхъ вдоль ея береговъ не существовали болота, дѣлающія воздухъ нездоровымъ. Долгое время полагали, что Манисса составляетъ нижнее теченіе рѣки Лимпопо, родящейся на западѣ Трансваальской республики; но теперь долина Маниссы хорошо извѣстна, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно также и то, что всѣ свои воды она получаетъ съ восточнаго, обращеннаго къ морю склона береговыхъ горъ.

Лимпопо—извѣстный также и подъ многими другими наименованіями, каковы: Рѣка Крокодиловъ, Мети, Ури, Бэмба, Ленапа, Лебемба, при устьѣ же Ниха-Мпура, а также и Оира на древнихъ португальскихъ картахъ—представляетъ одну изъ большихъ рѣкъ Южной Африки, если не по массѣ водъ, то по крайней мѣрѣ по своей длинѣ. Его первые источники зарождаются на томъ плоскогоріи, на которомъ буры выстроили Преторію, столицу Южно-Африканской республики,

въ 520 километрахъ отъ Индійскаго океана, но, если слѣдовать по всѣмъ извилинамъ долины, то разстояніе это втрое больше. Лимпопо въ началѣ течетъ на сѣверо-западъ, какъ бы для того, чтобы спуститься въ долину, дно которой занято озеромъ Нгами и другими соляными озерами: чрезъ разстѣлы онъ переходитъ горную цѣпь Магалисбергенъ, пробирается еще нѣсколькими клюзами и, спускаясь по наклонной плоскости высокой южно-африканской террасы, поворачиваетъ сначала къ сѣверо-востоку, а затѣмъ прямо къ востоку. Протекая по глубокимъ ущельямъ, онъ переходитъ величественнымъ водопадомъ Толо-Азимъ послѣдній гранитный барьеръ, противопологаемый ему горами Зутнансбергенъ, спускается отъ клюзы къ клюзѣ и наконецъ вступаетъ въ равнину; здѣсь онъ направляется сначала на юго-востокъ, а затѣмъ на югъ, сливаясь съ своимъ главнымъ притокомъ, Слоновсю рѣкою, или Olifant-river; ниже онъ соединяется съ почти всегда безводнымъ, длиннымъ уади, развѣтвляющимся къ сѣверу по португальской территоріи. Несмотря, однако, на большое число и длину своихъ притоковъ, Лимпопо—не большая рѣка; онъ теряетъ часть своихъ водъ въ тѣхъ болотахъ, которыя и справа и слѣва окаймляютъ его низовье, а въ море изливается устьемъ, имѣющимъ приблизительно триста метровъ ширины и далеко загромаждаемымъ широкими отмелями¹⁾. Шаддокъ поднялся по Лимпопо на пароходѣ на 130 километровъ къверху отъ устья.

Находясь почти цѣликомъ въ умеренной южной полусѣ, бассейнъ Оранжевой и другихъ рѣкъ Капленда, Наталя и голландскихъ республикъ имѣютъ климатъ, представляющій тѣ же противоположности по временамъ года, какъ и климатъ Западной Европы, съ тѣмъ только отличіемъ, что капская зима соответствуетъ лѣту въ сѣверномъ полушаріи. Хотя по своей географической широтѣ берегъ Южной Африки почти вполне соответствуетъ берегу Мавританіи, Кипра и Сиріи, средняя температура его значительно менѣе возвышенна; она одинакова съ температурою тѣхъ городовъ сѣвернаго міра, которые находятся на нѣсколько сотъ километровъ далѣе отъ экватора. Вотъ сравнительныя среднія температуры соответствующихъ географическихъ широтъ въ обоихъ полушаріяхъ:

Каптаунъ—(33°56' южн. ш.), 16,5°; Бейрутъ—(34°53' сѣв. ш.), 20,5°; Дурбанъ—(29°50' южн. ш.), 19,9°; Каиръ (30° сѣв. ш.), 21,9°.

Равныя температуры въ различныхъ географическихъ широтахъ въ обоихъ полушаріяхъ:

¹⁾ Saint Vincent Erskine, „Journal of the Geographical Society“, 1869.

Кэптаунъ—(33°55' южн. ш.), 16,5°; Кон-
стантинополь (41° сѣв. ш.), 16,3°; Дурбанъ—
(29°50' южн. ш.), 19,8°; Тунисъ—(36°48' сѣв.
ш.), 19,6°.

Въ общемъ равновѣсіи климатовъ, сѣвер-
ное полушаріе обладаетъ тѣмъ преимуще-
ствомъ, что получаетъ гораздо большую сум-
му тепла, такъ какъ, благодаря неравному рас-
предѣленію суши и воды, воздушныя и мор-
скія теченія, имѣющія болѣе высокую темпе-
ратуру, встрѣчаются другъ съ другомъ въ сѣ-
верной тропической полосѣ. Но есть и дру-
гая причина охлажденія оконечности Юж-
ной Африки въ сравненіи съ соответствующи-
ми ей по географической широтѣ Среди-
земно-приморскими областями: причина эта
заключается въ томъ, что Южная Африка
обращена къ антарктическимъ льдамъ, и от-
дѣляющая ее отъ нихъ область океана часто
приноситъ къ ея берегамъ цѣлыя вереницы
сплошного льда и ледяныхъ глыбъ.

Морскія теченія, идущія вдоль береговъ,
весьма различны въ своемъ ходѣ, и на двухъ
сторонахъ мыса Доброй Надежды предста-
вляютъ любопытный контрастъ, выражающійся
въ разницѣ между ихъ соответственными тем-
пературами. Полярное антарктическое теченіе
съ юга направляется къ западу отъ мыса
Доброй Надежды и продолжается по запад-
ному берегу вплоть до Конгскаго лимана и
Габоніи. Съ другой стороны, Мозамбикское
теченіе, исходящее изъ Индійскаго океана,
направляется вдоль Наталя и Кафраріи, про-
никаетъ въ южныя капскія бухты и обгибаетъ
оконечности материка, откуда и произошло
мѣстное наименованіе его «теченіе Агульасъ,
или Игольное». Лѣтомъ—когда антарктическое
холодное теченіе, гонимое правильными юж-
ными вѣтрами, быстрѣе всего устремляется къ
сѣверу, температура его колеблется между 10 и
11 градусами, между тѣмъ какъ непосред-
ственно на востокъ отъ Капа, въ False-bay,
вода, приносимая восточнымъ теченіемъ, теп-
лѣе на 9 градусовъ, а въ океаническихъ про-
странствахъ около Игольнаго мыса достигаетъ

26,6°. Вслѣдствіе этой противоположности
въ водахъ, омывающихъ Кэптаунъ и Симон-
стаунъ—которые отдѣлены другъ отъ друга
только ножкою перешейка,—эти города имѣютъ
различный климатъ, при чемъ Симонстаунъ,
несмотря на свое большее приближеніе къ по-
люсу, пользуется однако воздухомъ, болѣе
теплымъ на полтора градуса.

Правильные вѣтры на берегахъ Южной
Африки смѣняются другъ друга такимъ обра-
зомъ, что уменьшаютъ противоположности
временъ года: годовыя колебанія, въ среднемъ,
значительно менѣе сильны въ Капской коло-
ніи, чѣмъ въ областяхъ съ соответствующимъ
климатомъ въ сѣверномъ полушаріи. Такъ,
юго-восточные пассаты, будучи холодными
вѣтрами, дуютъ главнымъ образомъ лѣтомъ,
ослабляя его жары; напротивъ, возвратные
вѣтры, т. е. воздушныя теченія съ сѣверо-за-
пада, дуютъ на берегъ во время зимняго се-
зона, когда вся система пассатовъ бываетъ
увлечена къ сѣверу вслѣдъ за солнцемъ. Къ
тому же, эти нормальные вѣтры часто бы-
ваютъ отклоняемы къ плоскогорьямъ тепловыми
фокусами. Вотъ почему на восточныхъ бере-
гахъ пассатный вѣтеръ иногда направляется
прямо на западъ, тогда какъ на южномъ по-
бережьи онъ дуетъ на сѣверъ, а на атланти-
ческомъ берегу несется на востокъ. Когда, въ
теченіе теплаго времени года, сѣверные
вѣтры дуютъ послѣ своего пробѣга черезъ
пустынные плоскогорія, то можно сказать,
что воздухъ какъ бы обжигается, и тогда-то, имен-
но, больше всего страдаютъ отъ жары, въ особен-
ности въ области высокихъ земель, вдали отъ
умѣряющаго вліянія океана. Вообще, по мѣрѣ
удаленія отъ морскаго берега внутрь страны,
климатъ оказывается болѣе крайнимъ, т. е. не
только болѣе холоднымъ во время зимы—
что объясняется возрастаніемъ высоты мѣста,—
но также и болѣе теплымъ во время лѣта.

Вотъ нѣкоторыя данныя о температурѣ въ
различныхъ городахъ Южной Африки, заим-
ствованныя изъ учебника метеорологіи Напп'а:

М ѣ с т н о с т и .	Юж. ш.	Высота мѣста.	Средняя темпера- тура.	Крайнія среднія темпе- ратуры.	Разница между ними.	Число лѣтъ набл.
Симонстаунъ.....	34°12'	15	17,9°	33,3° и 6,6°	27,2°	4
Кэптаунъ.....	33°56'	12	16,8°	32,9° » 4,3°	28,6°	14
Портъ Елизаветы.....	33°57'	73	17,6°	35,1° » 5,9°	29,2°	5
Грэгмстаунъ.....	33°20'	550	17, °	39,2° » 1,2°	38,0°	9
Граафъ-Рейнеть.....	32°16'	770	18, °	39,5° » -0,9°	40,4°	3
Блумфонтейнъ.....	28°56'	1370	16 2°	34,5° » -5,2°	39,7°	3
Дю-Туатсъ-Панъ.....	28°45'	1220	17,8°	40,2° » -4,7°	44,9°	2
Прегорія.....	25°45'	1360	19,4°	33,5° » -0,5°	38,5°	3
Портъ-Дурбанъ.....	29°50'	76	19,8°	0 » 0	0	0
Питеръ-Марицбургъ.....	29°30'	639	17,5°	35,2° » -0,4°	34,8°	10

Влажность воздуха значительно меньше,
чѣмъ въ Западной Европѣ, если не брать въ
расчетъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ мѣстно-
стей, каковы Симонстаунъ и Питеръ-Мариц-

бургъ; особенно сухъ онъ на плоскогоріяхъ.
Между прочимъ, о сухости нижняго воздуш-
наго слоя также свидѣтельствуетъ слѣдующее
любопытное явленіе, часто наблюдаемое въ те-

ченіе лѣта на Столовой горѣ: здѣсь юго-восточные вѣтры, ударяясь объ эту громадную глыбу песчаника, поднимаются кверху по юго-восточнымъ склонамъ, при чемъ ихъ пары, уплотняясь въ холодномъ воздухѣ вершины, стелются бѣловатымъ слоемъ по плоскогорью. Однако, эта, на языкѣ моряковъ, «скатерть» не прекращается рѣзко на окраинѣ скалы, но, при спускѣ вѣтра по направленію къ городу, увлекается этимъ вѣтромъ на двѣсти или на триста метровъ книзу въ видѣ великолѣпныхъ каскадовъ тумана, которые сначала колышутся на-подобіе занавѣса, затѣмъ разрываются и, наконецъ, растворяются въ воздухѣ: принесенная пассатомъ влажность оказывается, слѣдовательно, поглощенною; во все же время, пока длится это явленіе, дымитъ только одна гора; а вся страна остается освѣщенной солнцемъ, блистающимъ на чистомъ небѣ. Затѣмъ зимою, когда господствуютъ сѣверо-западные вѣтры, наблюдается обратное явленіе: тогда широкія полосы облаковъ, спускающіяся съ высоты горы, развертываются со стороны Симонстауна.

Дожди распредѣляются весьма неравномерно по берегамъ рѣки и внутри Южной Африки; но, въ общемъ, количество выпадающей влаги сравнительно не велико: оно значительно меньше, чѣмъ въ Западной Европѣ; дожди обильны только въ небольшомъ числѣ привилегированныхъ мѣстностей—таковы склоны Столовой горы, гдѣ рельефъ почвы побуждает облака разряжаться ливнями. Годъ въ этихъ областяхъ Африки не дѣлится, какъ въ экваторіальной полосѣ, на рѣзко разграниченные сезоны: одинъ—дождливый, а другой—вполнѣ сухой; дожди наблюдаются во всѣ мѣсяцы, даже и на плоскогорьяхъ внутри страны, но обыкновенно они распредѣляются довольно правильно въ теченіе всего года. Такъ, на атлантическихъ берегахъ влажность приносятъ возвратные вѣтры, слѣдовательно, и самые обильные дожди выпадаютъ зимою, съ мая по августъ, и въ особенности въ теченіе мѣсяца іюля. На остальной части побережья, отъ False-bay до страны зулусовъ, почву орошаютъ юго-восточные пассаты, а такъ какъ они дуютъ лѣтомъ, то самое большее количество дождей приходится между декабремъ и февралемъ. Такъ какъ атмосферная влага доставляется въ особенности Индійскимъ океаномъ, то лѣтомъ во время преобладанія пассатовъ, получаютъ свои, вообще весьма рѣдкіе, дожди и внутреннія плоскогорія, Кару, и высокія земли голландскихъ республикъ. На берегахъ Наталя сильное дуновеніе пассатовъ иногда сопровождается «морскими дождями», которые, однако, выпадаютъ только вблизи побережья, между тѣмъ какъ обыкновенные дожди суть болѣею частью грозовые ливни, падающіе на склонахъ горъ. Наименьшее ко-

личество дождя получаютъ слѣдующія области: Большая Кару, бассейнъ Оранжевой рѣки и пустыня Калахари; въ этихъ областяхъ дожди не представляютъ правильности, но когда они выпадаютъ, то происходятъ внезапный потопъ. Въ этомъ *Dorst-veld's*, т. е. «Полѣ Жажды», обширные пространства покрыты песками, располагающимися въ видѣ дюнъ, похожихъ на морскія волны и часто покрытыхъ растительностью. Родники рѣдки и въ нѣкоторыхъ областяхъ отстоятъ другъ отъ друга на сотню километровъ; однако бушмены умѣютъ пользоваться влажными мѣстами, какъ для утоленія своей жажды, такъ и для водопоя своимъ стадамъ. Втыкая въ песокъ, на глубину приблизительно одного метра, тростникъ, снабженный на нижнемъ концѣ губкою, они втягиваютъ ртомъ воду, накопленную въ губкѣ, и наполняютъ тыквенныя бутылки. Къ тому же, животные, пасущіяся по Калахари, привыкли пить мало; племя бечуа водить на водопой свой скотъ не иначе, какъ черезъ два или три дня. Козы проводятъ цѣлые мѣсяцы безъ питья, а о нѣкоторыхъ антилопахъ рассказываютъ, будто онѣ никогда не посѣщаютъ родниковъ¹⁾. Вотъ нѣкоторые числовыя данныя относительно распредѣленія дождей въ Южной Африкѣ:

Симонстаунъ,—0 м. 68 сант., Кэптаунъ—0 м. 68 сант.; Блумфонтейнъ—0 м. 58 сант.; Дю-Тоатсъ-Панъ,—0 м. 40 сант.; портъ Елисаветы,—0 м. 60 сант.; Грэгемстаунъ,—0 м. 72 сант.; Граафъ-Рейнеть,—0 м. 36 сант.; Преторія,—0 м. 60 сант.; Портъ-Дурбанъ,—1 м. 09 сант.; Питеръ-Маридбургъ,—0 м. 77 сант.

Часто повторяли, что Южная Африка высыхаетъ. Большинство путешественниковъ согласно высказываютъ, что край племени бечуана, а также и сосѣднихъ племенъ, проживающихъ между Оранжевой рѣкой и озеромъ Нгами, потерялъ свои постоянные ручьи, и что воздѣлываемыя земли должны были, вслѣдствіе этого отодвинуться къ горамъ²⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нынѣшній геологическій періодъ, часть влаги значительно уменьшилась въ южной полосѣ Африки, а превращенныя въ солончаки прежнія озера, равно какъ и сухія ложбины на мѣстѣ бывшихъ рѣчныхъ ложъ могутъ служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ словъ, повторяемыхъ бечуанами: «Край умеръ! Вышній умертвилъ страну!»³⁾ Но наблюденія, сдѣланныя въ этихъ областяхъ пребывающими тамъ миссіонерами и проѣзжими по краю путешественниками, недо-

¹⁾ Mackenzie, "Ten Years Nord of the Orange-river".

²⁾ Livingston, "Last Journal";—Anderson, "Lake Ngami";—Chapman, "Travels into the interior of South Africa";—James Fox Wilson, "Journal of the Geographical Society of London". 1865.

³⁾ Th. Baines, "Explorations in South West Africa".

статочно точны и не обнимаютъ настолько обширную территорію, чтобы было можно рѣшить: послѣдовало ли дѣйствительно уменьшеніе влаги въ этомъ вѣкѣ? или же режимъ лись переселенцы, а также и поджоги травъ, совершаемые пастухами, должны были повести къ тому, что ручьи стали неправильнѣе въ своемъ теченіи, и изъ постоянныхъ преврати-

Пейзажъ на восточной границѣ Трансваала.

воду сталъ только болѣе неровнымъ, такъ что влажные періоды смѣняются продолжительными засухами? Последнее предположеніе кажется вѣроятнымъ, такъ какъ истребленіе лѣсовъ, происходящее повсюду, гдѣ водвори-

лись въ spruits или уади; вслѣдствіе этого, вмѣсто тихихъ водъ, струившихся змѣйкою по хорошо проторенному ложу, «дикія воды» внезапно изливаются на равнины, производя обширныя затопленія ихъ, при чемъ, по-

слѣ стока такихъ водъ, ложи потоковъ оказываются сухими; лишенная травы земля, уплотненная солнцемъ, не поглощаетъ уже болѣе дождевой воды, которая тотчасъ же и сбѣгаетъ, не содѣйствуя прозябанію растений. Не подтверждаютъ уменьшенія дождей, по крайней мѣрѣ въ прибрежной полосѣ, и тѣ правильныя наблюденія, которыя въ теченіе полулѣткія производились на Капѣ и на нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Южной Африки¹⁾. На плоскогоріяхъ прежде многія фермы терпѣли недостатокъ въ водѣ, тогда какъ нынѣ, благодаря каптажу источниковъ, цѣлые города въ той же самой мѣстности находятъ воду въ изобиліи.

Капская колонія и сопредѣльныя страны составляютъ одну изъ наиболѣе здоровыхъ областей Земли, и не только для туземцевъ, но также и для европейскихъ переселенцевъ: акклиматизация совершается безъ затрудненій и часто съ выгодой. Даже во внутреннихъ округахъ, гдѣ лѣтнія жары иногда бываютъ очень сильны, европейцы могутъ работать днемъ, все равно, какъ-бы и въ своемъ отечествѣ. Эпидеміи появляются рѣдко и никогда не бываютъ такъ серьезны, какъ въ Европѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ: ни холера, ни желтая лихорадка не посѣщали Капа. Грудныя болѣзни очень рѣдки; самыя обыкновенныя болѣзни—ревматизмъ и невралгія. До открытія Суэзскаго канала, большая часть чиновниковъ и офицеровъ, возвращавшихся изъ Индіи, проживали въ окрестностяхъ Капа съ цѣлью возстановить свое здоровье; нынѣ легкость совершенія путешествія побуждаетъ ихъ направляться въ Англію. Рѣдкіе слабые здоровьемъ люди, пріѣзжающіе пользоваться климатомъ Южной Африки—въ видахъ ли выздоровленія или только для облегченія своихъ недуговъ—прибываютъ прямо изъ Великобританіи: встрѣтить ихъ можно въ Каптаунѣ, Грегемстаунѣ и въ Блумфонтейнѣ. Но если чистый воздухъ этихъ областей изцѣляетъ нѣкоторыхъ больныхъ, то свойство его особенно благотворительно отражается на здоровыхъ, укрѣпляя и улучшая ихъ расу. Семейства процвѣтаютъ столь же хорошо въ англійскихъ колоніяхъ, какъ и въ голландскихъ республикахъ. Не будь даже и переселеній, все-таки населенность страны увеличивалась бы вслѣдствіе избытка рожденій: такъ, не рѣдки села, гдѣ рождаемость вътрое превосходитъ смертность.

Флора, развившаяся въ счастливомъ климатѣ Южной Африки,—одна изъ богатѣйшихъ на Землѣ: словно всѣ растительныя формы, предназначенныя для расселенія въ умѣренномъ поясѣ на пространствѣ цѣлаго полушарія, столпились здѣсь, вслѣдствіе факта суженія афри-

канскаго материка; многія растительныя области какъ-бы сдвинуты одна возлѣ другой въ узкомъ пространствѣ. По Armitage'у, въ Капской области насчитывается приблизительно не менѣ двѣнадцати тысячъ видовъ, т. е. вдвое или вътрое болѣе, чѣмъ въ Европѣ во всѣхъ областяхъ распредѣленія ея растительности: на одной только горѣ, возвышающейся около Раарга, къ сѣверо-востоку отъ Каптауна, Drège насчиталъ, весной, 750 сосудистыхъ растений въ цвѣту, расположенныхъ такимъ образомъ, что на каждомъ вертикальномъ пространствѣ въ 325 метровъ составъ флоры мѣнялся нѣсколько разъ. Типы растений Капа и Австраліи весьма схожи другъ съ другомъ; но хотя поверхность Австраліи въчетверо больше и хотя своими сѣверными берегами Австралія проникаетъ въ жаркій поясъ, тѣмъ не менѣ ея флора лишена немногихъ значительныхъ флоръ Южной Африки. Въ громадномъ разнообразіи Капскихъ растительныхъ формъ, видемическихъ, т. е. принадлежащихъ собственно растительной области Капа, насчитывается около 450.

Ботаническая область, начинающаяся въ атлантическому берегу на равнинахъ Clanwilliam и р. Олифантъ, и обнимающая береговую горю юго-запада материка, вплоть до бухты Альгоа, является хорошо ограниченою. Подобно Средиземно-приморской области, она отличается своими маки¹⁾; почти повсюду видны деревянистыя растения, имѣющія въ высоту отъ одного до двухъ метровъ и покрытыя темною или голубоватою зеленью: это—*boschjes* или *boschjesdweld* голландскихъ колонистовъ, *bush* англичанъ, среди которыхъ и кочуютъ дикія племена, бушмены или «люди кустовъ». И хотя въ первое время колонизаціи такіе чащи были большимъ препятствіемъ для путешествій, тѣмъ не менѣ переселенцы могли пролагать чрезъ нихъ путь своими повозками, запряженными волами; по лѣсамъ же имъ приходится или только ѣхать верхомъ на лошади, или же проходить ихъ пѣшкомъ. Лѣсная растительность рѣдка въ области Капа, за исключеніемъ южнаго склона тѣхъ горъ, которыя господствуютъ надъ моремъ между бухтами Моссель и Св. Франциска. Большинство туземныхъ деревьевъ ютятся въ оврагахъ и вышняя ихъ не превышаетъ восьми или десяти метровъ; подтропиковыя же формы еще имѣютъ своихъ представителей здѣсь, на берегахъ Южнаго океана, въ видѣ малорослой финиковой пальмы, алоэ и сагоподобныхъ растений. На Кедровыхъ горахъ, въ юго-западной области страны, нѣкогда росли виды «кедровъ», имѣвшіе у основанія слишкомъ десять метровъ въ окружности²⁾. Одну же изъ наиболѣе характеристич-

¹⁾ Maquis, по-итальянски *macchia*, въ Корсики и Сардиніи называются чащи кустарниковъ, каковыя макрели, лавровыя и т. д. (Littre et Beaujean).

²⁾ Alexander, «Expedition of Discovery into the interior of Africa».

¹⁾ Gamble;—Noble, «The Cape of Good Hope».

ныхъ древесныхъ породъ Капской полосы представляетъ серебряное дерево или *silver-tree* (*leucadendron argenteum*), листья, вѣтви и стволъ котораго дѣйствительно имѣютъ металлическій блескъ, напоминающій блескъ серебра; порою можно подумать, что эти деревья, съ артистически разрѣзанными вѣтвями, суть произведенія серебрянника, какъ тѣ деревья, которыя украшали сады Великихъ Моголовъ.

Верески, которыхъ въ Капскихъ кустарникахъ насчитываютъ болѣе четырехсотъ видовъ, преобладаютъ между деревянистыми растеніями: вмѣстѣ съ *rhynoster'omъ*, или *деревомъ носорога* (*elytroparrus rhinocerotis*)—растеніемъ отъ одного до двухъ футовъ высоты и приближающимся къ нимъ своею формою—верески обуславливаютъ главный характеръ флоры страны: часто случается, во время цвѣтенія, что горы, покрытыя вересками, представляются отъ подошвы до маковки окрашенными въ однообразно розовый цвѣтъ; ириден, гераніумы и пеларгоніи также весьма обыкновенны въ Капской области, между тѣмъ какъ мареновыя растенія—имѣющія такое большое число представителей въ другихъ частяхъ Земли,—въ Южной Африкѣ составляютъ менѣе одной сотой всей ея флоры. Ложа ручьевъ и рѣкъ переполнены камышемъ (*asopus palmata* или *grionium*), растеніемъ съ длинными, углубляющимися въ землю корнями и сжатыми стеблями, конечные листья которыхъ образуютъ такіе густые зонтики, что сквозь нихъ не видна прикрываемая ими вода, которая, будучи, такимъ образомъ, защищена отъ солнца, можетъ сохраняться вплоть до середины лѣта: кромѣ того, тысячи мелкихъ запрудъ, образуемыхъ чащами камыша, обуславливаютъ замедленіе въ стоки водъ на многія недѣли и даже мѣсяцы. Тогда какъ приносимая ливнями вода, попавъ на какое-нибудь каменистое ложе, тотчасъ же и утекаетъ, обнажая, спустя нѣсколько часовъ послѣ грозы, камень,—воды, достигшія запруженного камышемъ ручья, остаются тамъ на долгое время и изливаются лишь медленно; въ такихъ долинахъ нечего бояться, какъ въ ложбинахъ потоковъ Эіопіи, быть вдругъ застигнутымъ жидкою лавиною ¹⁾.

Хотя климатъ Капской земли умѣренный, соответствующій климату Западной Европы, тѣмъ не менѣе Капская флора представляетъ замѣчательный контрастъ съ аналогичными формами противоположнаго полушарія: періодъ ея покоя упадаетъ на теплое время года, а не на холодное. Листьевъ растенія бываютъ лишены въ сухое время года, съ марта по май; затѣмъ, какъ только начнутъ выпадать дожди, то даже и во время холодовъ температура бываетъ достаточно для того, чтобы растеніе пробудилось, пустило листья и расцвѣло. Эти

же самыя свойства стали проявлять также и растенія, вывезенныя изъ другихъ краевъ; число такихъ растеній, по Bolus'у, приблизительно равняется ста шестидесяти видамъ; происхожденія они болѣею частью европейскаго, хотя есть между ними также и вывезенныя изъ Америки и Индіи. Рѣдко случается встрѣтить этихъ чужестранцевъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ дорогъ и домовъ; внутри страны ихъ почти нѣтъ, и можно сказать, что въ общемъ они обнаруживаютъ лишь весьма слабое вліяніе на фیزیономію всей флоры: туземныя растенія успѣшно противостоятъ растеніямъ переселяющимся, и, будучи представлены самимъ себѣ, они, вѣроятно, кончили бы тѣмъ, что вновь отвоевали бы всю территорию. Только два растенія изъ сѣвернаго полушарія нашли въ южной Африкѣ климатъ и почву, которыя вполне удовлетворяютъ ихъ: это смоковница, распространяющаяся по неплодороднымъ пространствамъ, и *pinus pinna*, которая постепенно завладѣваетъ многими каменистыми склонами. Юго-западные города окружены весьма красивыми дубовыми аллеями. Что же касается видовъ, вывезенныхъ изъ Капа въ Европу, то почти всѣ они принадлежатъ къ растеніямъ декоративнымъ: ихъ насчитываютъ сотнями, и они-то и составляютъ славу тѣхъ теплицъ, въ которыхъ воспитываютъ растенія изъ умѣренныхъ климатовъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ текущаго, Капскія растенія цѣнились болѣе всего: мода дѣлала ихъ царями садовъ. Голландскимъ же любителямъ растенія съ Капа доставлялись огибавшими мысъ Доброй Надежды морями еще до колонизаціи страны, именно съ половины семнадцатаго столѣтія ²⁾.

Около бухты Альгоа растительность на приморскомъ склонѣ постепенно мѣняетъ свой характеръ; капскіе виды исчезаютъ и замѣщаются растеніями, принадлежащими къ восточнымъ берегамъ Африки: изрѣдка только можно увидѣть кое-какіе папоротники; не болѣе представлены также и гераніумы ³⁾. Здѣсь начинается уже береговая полоса Индійскаго океана, климатъ котораго теплѣе и влажнѣе климата атлантическихъ береговъ. Нѣкоторые тропическіе виды, каковы кипрейныя растенія, виднѣются вплоть до склоновъ горъ въ бассейнахъ рѣкъ Great Fish-river и Great Kei. Страна все болѣе и болѣе становится зеленѣющею съ удаленіемъ берега въ направленіи къ сѣверо-востоку, къ Кафраріи и Наталу. Растенія дѣлаются объемистѣе, вѣтвистѣе, и большинство ихъ отличаются блескомъ листьевъ и богатствомъ цвѣтовъ: въ Наталѣ цвѣты есть въ каждое время года. Два пальмовыхъ дере-

¹⁾ Harry Bolus, „Sketch of the Flora of South Africa“.

²⁾ Armitage;—Khapman, „Travels into the interior of South Africa“.

³⁾ Heinrich Lichtenstein, „Reisen im Südlichen Afrika“.

ва: *phoenix reclinata* и одинъ видъ *hyphaene*, корни которой обдѣлываются какъ растительная слоновая кость, тамъ и сямъ примѣняются къ чащамъ много-вѣтвистыхъ деревьевъ. Великолѣпная *zamia cycadifolia* выдвигаетъ кверху свои загибающіеся листья, которые походятъ на перья страуса: такимъ образомъ, хотя данныя области и находятся очень далеко отъ тропиковъ, но флора ихъ уже не походитъ на флору умѣренного пояса.

По ту сторону приморскихъ горъ, тамъ, гдѣ начинаются безплодные плоскогорія, рѣдко орошаемые дождями, наружный видъ растительности внезапно мѣняется; начинается ботаническая область пустыни Кару. Будучи хорошо ограничена со стороны юга и юго-востока, она уже менѣе рѣзко отдѣляется на западѣ и сѣверо-западѣ по направленію къ плоскогорію племени нама-куа, а также и на сѣверѣ по направленію къ тѣмъ пустынямъ, по которымъ протекаетъ Оранжевая рѣка. Область Кару не имѣетъ другихъ деревьевъ и кустарниковъ, кромѣ одного вида акаціи, *dornboma*, т. е. «колючаго дерева» голландскихъ колонистовъ (*acacia horrida*); въ видѣ шпалернаго растенія, эта акація растетъ по крутымъ или высокимъ берегамъ уади. Ни верески, ни многія другія семейства, характеристичныя для Капской флоры, не проникли въ Кару; бобовыя растенія тамъ весьма рѣдки; но варварійское фиговое дерево, завладѣвъ полями Кана, завоевываетъ также высокія земли и на сѣверѣ: тщетно пытаются искоренять его вокругъ нѣкоторыхъ фермъ. Область эта весьма богата колючими видами, которые всѣ можно было бы назвать по имени одного изъ нихъ: *wait-a-bit*, т. е. «подожди немного» (*acacia dotinens*), такъ какъ путешественникъ часто раздражаетъ свои одежды объ ихъ колючки. Капскія растенія—которымъ, благодаря сочности своихъ корней, стеблей или листьевъ, удалось приспособиться въ области Кару къ сухости климата—представляютъ приблизительно третью флоры. Обыкновенно наружный видъ равнинъ и господствующихъ надъ ними холмовъ—однообразно сѣрый, но послѣ дождей природа внезапно хорошеетъ: повсюду распускаются цвѣты, земля становится желтою, пурпуровою, голубою и испещряется до безконечности; впрочемъ, эта ласкающая взоръ декорация сохраняется не долго, и вскорѣ растительность принимаетъ свои пепельные цвѣта. Многочисленныя растенія одноствѣннодольныя, но они, однако, не цвѣтутъ по цѣлымъ годамъ, такъ какъ для ихъ расцвѣта необходимы уже вполне благоприятныя условія въ отношеніи влажности, тепла и свѣта.

Къ сѣверу отъ горъ, которыя ограничиваютъ Кару и флора которыхъ замѣчательно богата сложноцвѣтными,—растенія эти составляютъ четвертую часть туземныхъ видовъ,—прости-

рается поясъ саваннъ и пустынь, вообще называемый поясомъ Калахари, хотя она и начинается по сю сторону пустынь этого имени, къ югу отъ Оранжевой рѣки. При этомъ, тѣ пространства Калахари, которыя плодородны, имѣютъ видъ саванны, покрытой высокими, растущими въ видѣ пучковъ, травами, а также кое-гдѣ усьянной и деревцами. Сѣверная полоса Калахари занята рѣдкими лѣсами, деревья которыхъ почти всѣ состоятъ изъ акацій, вооруженныхъ страшными иглами. Среди песковъ произрастаютъ нѣкоторыя съдобныя растенія, позволяющія путешественникамъ отваживаться на переѣзды чрезъ пустыню; таковы бушменскій картофель, клубень котораго нѣсколько горекъ на вкусъ, но оставляетъ послѣ себя пріятное ощущеніе во рту, а широкіе, зеленые, испещренные темными пятнами, листья переполнены водою; также весьма цѣнится туземцами одинъ видъ лука, съ бѣлыми цвѣтками, доставляющій калахарскимъ обезьянамъ ихъ главную пищу; но главный ресурсъ для людей и животныхъ составляетъ *nara nara sama* (*acanthosicyos horrida*), также называемая *дикую дынею*; это—тыквенное растеніе, дѣйствительно похожее на садовыя дыни и содержащее одновременно вкусную мякоть и освѣжающій сокъ; плодъ этотъ можно сохранять въ пескѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Дикая дыня произрастаетъ также въ странѣ племени нама-куа и на плоскогоріяхъ, обитаемыхъ племенемъ хереро. Незамѣтные переходы связываютъ флору Калахари съ флорами: Анголы—на сѣверо-западѣ, равнинъ верхняго теченія Замбези—на сѣверѣ, и верхняго бассейна Лимпопо—на востокѣ. Горы же Магали, надъ Преторіей, можно разсматривать какъ границу, отдѣляющую область растительности Калахари отъ области склона къ Индійскому морю.

Что касается животныхъ, то, въ противоположность богатству собственными растительными формами, Капская область не обладаетъ аборигенными животными: по своей фаунѣ—она лишь простое продолженіе тропической Африки. Столь рѣзкую противоположность между флорою и фауною можно встрѣтить только въ Тибетѣ, гдѣ почти не существуетъ эндемической флоры, но откуда вышло столько животныхъ видовъ. Однако, если Южная Африка весьма бѣдна своими собственными животными типами, то она была недавно,—и есть еще донинѣ къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки,—удивительно богатой особыми видами, прибывшихъ съ сѣвера; еще въ началѣ этого вѣка сѣверныя области колоніи заслуживали наименованіе «Охотничьяго парка Земли»; нигдѣ не встрѣчали большихъ млекопитающихъ въ такомъ поразительномъ множествѣ; стада антилопъ можно было сравнивать «съ тучами саранчи»⁴⁾.

⁴⁾ Delegorgue;—Gordon Cumming, „A Hunter's Life in South Africa“.

Охотничьи сочинения составляют даже большую часть литературы о Капской землѣ. Однако, каждое преусиѣваніе въ заселеніи края влекло за собою отодвиганіе къ сѣверу прежнихъ обитателей страны, какъ людей, такъ и животныхъ; уже *ниппотамъ*, останки котораго найдены въ намывныхъ земляхъ Каледона ¹⁾, съ незапамятной эпохи пересталъ жить въ бассейнѣ верхняго теченія Оранжевой рѣки. Одновременно съ бушменомъ, съ морскаго побережья удалились слоны, носороги, бизоны, антилопы, обезьяны и страусы. Скоро уже два вѣка, какъ въ округѣ города Кэптауна не видно этихъ животныхъ; нынѣ дикая фауна отброшена по ту сторону горъ и даже за Оранжевую рѣку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отсталыхъ животныхъ, каковы: павіанъ и гіена, шакалъ и дикая собака, которыя превратились въ сотрапезниковъ человѣка, бродя вокругъ фермъ и овечьихъ загоновъ. Сельскіе жители называютъ всѣхъ этихъ хищниковъ вообще «волкомъ». Говорятъ, будто сторожевыя собаки превосходно сознаютъ свое родство съ дикими собаками, и, даже будучи спущены на послѣднихъ, онѣ уклоняются отъ схватки, или боятся нападать на нихъ. Леопарды, хотя на нихъ и устраиваютъ облавы, все еще тамъ и сямъ скрываются въ густыхъ чащахъ овраговъ, даже по близости Кэптауна. Это самые опасныя хищники въ Южной Африкѣ: ихъ страшатся даже болѣе, чѣмъ львовъ.

Эти послѣдніе нѣкогда были настолько многочисленны по сосѣдству съ Кэптауномъ, что, по словамъ старинныхъ хроникъ, первые голландскіе поселенцы опасались, какъ бы въ одну прекрасную ночь львы «не взяли приступомъ форта». Нынѣ въ предѣлахъ колонизованной области ихъ уже нѣтъ; однако, къ югу отъ Оранжевой рѣки, на высокихъ равнинахъ области бушменовъ, путешественники еще встрѣчаютъ льва. Впрочемъ, это уже не «царь» пустыни, страшный ревъ котораго заставлялъ трепетать человѣка и животныхъ. Сдѣлавшись болѣе робкимъ и лукавымъ, онъ уже не стремится пугать своимъ ужаснымъ голосомъ, а старается захватить свою жертву втихомолку: охотники единогласно свидѣтельствуютъ, что, вблизи дорогъ и жилищъ, левъ нынѣ превратился въ животное молчаливое.

Тогда какъ крупныя хищныя звѣри удалились на окраины пустыни, слонъ и буйволъ, оставшіе въ географическихъ наименованіяхъ колоніи столько свидѣтельствъ своего прежняго пребыванія, избрали своимъ послѣднимъ убѣжищемъ, въ области морскаго побережья, густые лѣса Книсны, окаймляющіе бухту Плеттенбергъ и нѣкоторыя чащи, сосѣднія съ Синговыми горами: въ этихъ энклавахъ запрещено охотиться на нихъ. На островѣ Цейлонѣ, гдѣ

для слоновъ имѣется въ изобиліи и вода, и пища, бивнями снабжено только небольшое число этихъ животныхъ, тогда какъ въ Южной Африкѣ бивни есть у всѣхъ слоновъ, и они ими пользуются, какъ для того, чтобы разрывать песокъ безводнаго ложа ручьевъ до подземнаго слоя воды ¹⁾, такъ и для того, чтобы сдирать со стеблей акацій и другихъ деревьевъ кору, которую они затѣмъ медленно и пережевываютъ. Что касается носороговъ, которыхъ существовало и, можетъ-быть, существуетъ еще въ Южной Африкѣ четыре отличныхъ другъ отъ друга вида, то къ югу отъ Оранжевой рѣки они болѣе не водятся. Гиппопотамы лучше избѣжали преслѣдованія человѣка: ихъ еще встрѣчаютъ въ водахъ нижняго теченія Гариба и, вмѣстѣ съ крокодилами, въ рѣкахъ Кафраріи и страны зулусовъ; въ половинѣ текущаго вѣка, нѣсколько представителей этой старой фауны еще рѣзвились въ водахъ Great Fish-river. Жирафъ, зебра, квагга, буйволъ, гну и большая часть двадцати семи видовъ антилопъ, нѣкогда жившихъ въ колонизованной нынѣ части Южной Африки, откочевали въ сѣверныя области, въ Калахари, страну племени нама-куа и Трансвааль. Граціозная кама (*dorcas*), самая красивая изъ антилопъ, называемая бурами «лосемъ» куду (*strepiceros*), черная антилопа и большая часть ихъ сородичей уже не встрѣчаются къ югу отъ Оранжевой рѣки. Страусъ сохранился въ дикомъ состояніи въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ колоніи и въ Калахари; по Andersson'у, существуетъ два различныхъ вида этой птицы - великана, которые оба отличаются отъ мавританскаго страуса. Изъ другихъ птицъ Капской земли, естествоиспытатели въ особенности описали *philbataerus*'а, или республиканца, колоніи котораго обитаютъ въ громадныхъ гнѣздахъ, защищенныхъ нѣкоторыми подобіемъ крыши, и секретаря или змѣеяда (*serpentarius reptilivorus*), который, схвативъ змѣю, умерщвляетъ ее или ударами крыльевъ, или подбрасывая вверхъ, вслѣдствіе чего у змѣи, при паденіи на землю, переламываются позвонки; охотиться запрещено также и за этою птицею. Миръ пресмыкающихся имѣетъ многочисленныхъ представителей, въ числѣ которыхъ есть ядовитыя змѣи: кобра, змѣя-подвязка, змѣя-галстукъ и страшная гадюка (*puff-adder*), которая, къ счастью для прохожихъ, двигается медленно. Приморскія бухты также населены многими видами электрическаго ската и рыбъ, опасныхъ своимъ отравленнымъ остроконечіемъ рыла или своимъ ядовитымъ мясомъ.

Болѣе половины туземныхъ жителей Южной Африки, къ югу отъ рѣкъ Кунэнэ и Замбезе,

¹⁾ Christol, „Afrique explorée et civilisée“. 1884.

¹⁾ Alexander, „An Expedition of Discovery into the interior of Africa“.

принадлежитъ къ большой семьѣ банту. Вообще можно сказать, что линія, проведенная съ юга на сѣверъ чрезъ бухту Альгоа, служить западною границею для народовъ банту, отдѣляя ихъ отъ проживающихъ на атлантическомъ побережьи готтентотовъ. Восточные склоны горъ, долины верхняго теченія Оранжевой рѣки, Наталь и весь бассейнъ рѣки Лимпопо составляютъ часть той обширной этнической области «Людей» по преимуществу, которая занимаетъ въ Африкѣ южную тропическую полосу и простирается даже по ту сторону экватора, вплоть до Камерунскаго залива. Подобно тому, какъ растительные виды экваторіальныхъ областей постепенно завоевывали морское побережье, будучи увлекаемы, такъ сказать, теплымъ береговымъ теченіемъ, которое переносило ихъ съ берега на пляжъ; подобно тому, какъ сѣверныя животныя распространились вдоль Индійскаго океана вплоть до южной оконечности Африки, — такъ точно и пришедшія съ сѣвера побѣдоносныя племена банту продолжали свои завоеванія отъ берега до берега до тѣхъ поръ, пока не очутились въ виду океана, простирающагося вдаль, къ области антарктическихъ льдовъ.

Банту англійскихъ и голландскихъ владѣній въ Африкѣ извѣстны подъ именемъ кафровъ, которое дано имъ португальцами во время открытія страны и есть не что иное, какъ названіе «кафиръ», прилагаемое арабами ко всѣмъ «небѣрнымъ» Африки, т. е. къ язычникамъ и не-мусульманамъ. Впрочемъ, это родовое наименованіе потеряло столь обширное значеніе, и его стали примѣнять лишь къ банту Южной Африки, а въ частности къ различнымъ туземнымъ племенамъ той области, которая заключается между Капскою колоніею и Наталемъ. Ихъ братья по расѣ, живущіе сѣвернѣе, въ бассейнѣ рѣки Тугела и вплоть до португальскихъ владѣній, болѣе извѣстны, съ начала текущаго столѣтія, подъ именемъ зулусовъ. Жителей того гористаго плоскогорія, на которомъ зарождаются рѣки Оранжевая и Каледонъ, называютъ ба-суто; племя ба-чуана занимаетъ край, простирающійся къ западу отъ Ваала, а племя ба-калахари кочуетъ по пескамъ, саваннамъ и лѣсамъ той страны, отъ которой оно восприняло свое наименованіе. Другія, менѣе значительныя группы племенъ, населяющія различныя государства или округа восточной территоріи, различаются другъ отъ друга степенью цивилизаціи, нравами и политическимъ строемъ, но всѣ онѣ сохранили нарѣчія корня банту, столь гармоничныя и столь логическія по своей конструкціи, что даже самый малый ребенокъ не можетъ ошибиться, говоря на этихъ языкахъ ¹⁾.

Западная часть Капской колоніи, на склонахъ

къ Атлантическому и Южному океанамъ, вплоть до бухты Альгоа, первоначально принадлежала расѣ санъ, слабые остатки которой извѣстны европейцамъ подъ именемъ *bosjesmannen* или бушменовъ (*boesmans* на мѣстномъ говорѣ буровъ); наименованіе это означаетъ не столько «людей кустовъ», сколько низшихъ существъ, полу-людей по формѣ, но скотоподобныхъ по природѣ ¹⁾; впрочемъ, слово *башиманъ* у племени ба-суто значить: «необрѣзанный, презрѣнный» ²⁾. Такъ называютъ не только бушменовъ по расѣ, но также людей бродячихъ, грабителей и бѣглецовъ, какого бы они ни были происхожденія: саны, готтентоты или даже и кафры. Истинные саны — которыми самимъ не извѣстно какое-либо ихъ общее наименованіе и которые вовсе не сознаютъ единства своей расы — суть, по крайней мѣрѣ въ южной части ихъ этнической области, люди низкаго роста, съ относительно свѣтлой кожей, похожіе на всѣхъ другихъ «пигмеевъ» Центральной Африки: акка, ба-туа, а-куа, или а-бонго, разбѣянныхъ мелкими племенами между населеніями негритянскими или бантускими вплоть до бассейна Нила. По мнѣнію многихъ антропологовъ, эти разбѣянные различныя народцы происходятъ отъ первыхъ обладателей Африки; завоеватели — предки тѣхъ населеній, которые, въ свою очередь, стали обладателями страны — постепенно истребили или оттѣснили ихъ въ лѣса, въ горныя ущелья и пустыни; но преимущества древности происхожденія сановъ признаютъ, однако, и сами побѣдители: такъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда другіе южно-африканцы принимаютъ сановъ въ сотоварищи по охотѣ, они всегда удѣляютъ имъ часть дичи болѣе значительную, чѣмъ доля своихъ собственныхъ начальниковъ, повидимому, считая эту привилегію принадлежащею по праву первоначальнымъ собственникамъ африканской земли. Въ бушменахъ видѣли «остатки человѣческаго рода, предшествовавшіе нынѣшнему человечеству». Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство авторовъ, писавшихъ о санахъ, подъ вліяніемъ предразсудковъ расы и нравовъ видѣли въ этихъ несчастныхъ, гонимыхъ туземцахъ существа болѣе непохожіе на остальныхъ людей, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Между ихъ ожесточенными врагами колонисты-буры заходили такъ далеко, что даже отрицали существованіе у бушменовъ членораздѣльной рѣчи.

Измѣренія, произведенныя нѣкоторыми учеными, не настолько еще многочисленны, чтобы можно было узнать средній ростъ бушменовъ; къ тому же индивидами для этихъ измѣреній

¹⁾ G. Fritsch, „Die Eingeborenen Süd-Afrikas ethnographisch und anatomisch beschrieben; — Drei Jahre in Süd Africa“.

²⁾ Eugène Casalis, „Les Bassoutos“.

¹⁾ Jakob Ludwig Döhne, „Das Kafferland“.

служили почти лишь одни обитатели юго-западной области, въ которой иностранных колонистовъ больше всего и въ которой аборигенная раса живетъ въ самыхъ несчастныхъ условіяхъ, на - подобіе преслѣдуемой лѣсной дичи. Возможно, поэтому, задать себѣ такой вопросъ: не могли ли повліять на уменьшеніе нормальнаго роста сановъ въ этихъ краяхъ родъ ихъ жизни, зимніе холода и въ особенности отсутствіе достаточной пищи? Вѣдь, въ пустынь Калахари, на границахъ края плѣмени бе-чуана, около озера Нгами и на окружающихъ его солончакахъ, въ бассейнѣ р. Замбезе, наконецъ, на плоскогоріяхъ, занятыхъ племенами нама-куа и хереро, гдѣ многія колѣна бушменовъ или ба-роа живутъ въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и племена другихъ расъ, вовсе не замѣчаютъ этой разницы въ ростѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ саны даже превосходятъ другихъ какъ своею рослостью, такъ и силою и ловкостью ¹⁾. «Самые красивые люди», которыхъ видѣлъ миссіонеръ Маскензи во всей Южной Африкѣ, были маденессана, живущіе на востокъ отъ Нгами; но эти туземцы—которыхъ по ихъ чертамъ, языку, образу жизни и обычаямъ признавали за бушменовъ—въ дѣйствительности были, будто бы, по словамъ Нолуб'а, бе-чуанами, перемѣшавшими свою кровь съ кровью негровъ изъ-за р. Замбезе. Какъ бы то ни было, невзрачная наружность южныхъ бушменовъ отчасти могла бы быть объяснена условіями той убогой жизни, на которую они себя обрекли, чтобы остаться свободными. Тѣ же изъ нихъ, которые жили въ довольствѣ въ независимомъ состояніи, или которые, закрѣпостясь у кафровъ или готтентотовъ, могли ѣсть досыта, имѣютъ и потомковъ съ нормальными размѣрами ²⁾; «нама-куа, говоритъ Гольтонъ, это—измельчавшіе бушмены», а нама-куа, вѣдь, самые рослые изъ готтентотовъ. Но что касается южныхъ бушменовъ, нѣсколько жалкихъ представителей которыхъ бродятъ еще къ югу отъ Гарипа, то, конечно, они составляютъ одну изъ наиболѣе малорослыхъ расъ на землѣ: на основаніи десяти измѣреній, произведенныхъ Fritsch'емъ, средній ростъ ихъ немногимъ больше 144 сантиметровъ; и это ростъ самый большой, такъ какъ цифры другихъ ученыхъ еще меньше; напр., по опредѣленіямъ Burchell'a и Lichtenstein'a, онъ равняется всего лишь 122 сантиметрамъ. Такимъ образомъ, если принимать въ расчетъ даже самые благоприятныя измѣренія, все-таки оказалось бы, что бушмены Гарипа на шесть сантиметровъ ниже лопарей. Желтоватый цвѣтъ кожи бушменовъ, особенно въ южныхъ областяхъ, нап-

болѣе удаленныхъ отъ экватора, напоминаетъ окраску страдающихъ желтухою европейцевъ, или здоровыхъ монголовъ ¹⁾; да саны и во многихъ другихъ отношеніяхъ походятъ на этихъ жителей азіатскихъ плоскогорій: подобно имъ, они отличаются малостью блестящихъ глазъ, ширною и выпуклостью skulls, очертаніемъ рта и подбородка, бѣлизною и правильностью зубовъ. Между лбомъ и корнемъ носа впадина у бушмена всегда широка и глубока, такъ что, въ общемъ, профиль представляеть скорѣе линію вогнутую, чѣмъ выдающуюся. Лобъ, вмѣсто того, чтобы какъ у монголовъ подаваться кзади, выпуклъ вверху, а черепъ, покрытый бугорками, величиной «съ перечное зерно»,—очень продолговатый (73°,03'); что же касается вмѣстимости черепа, то, сравнительно, она, говорятъ, очень мала (1.220 куб. сантиметровъ); однако, фізіономія у бушменовъ далеко не лишена ума; напротивъ, она свидѣтельствуетъ о замѣчательной проницательности, и, конечно, умъ у сановъ долженъ постоянно бодрствовать для того, чтобы они могли успѣшно приспособляться къ средѣ и успѣшно бороться съ нуждой, стихіями и врагами. Одною изъ отличительныхъ чертъ южныхъ сановъ, даже молодыхъ, является множественность морщинъ: кожа лица и тѣла, слишкомъ широкая для прикрытія исхудалаго индивида, образуетъ тысячи складокъ; зато, съ улучшеніемъ питанія и образованіемъ жира, она быстро растягивается. Наконецъ, извѣстно, что бушмены, и въ особенности женщины, даже и въ дѣтствѣ, весьма склонны къ стеатопигии (ожирѣнію сѣдалища).

Языкъ сановъ не уединенъ среди африканскихъ нарѣчій; онъ сходенъ съ говоромъ готтентотовъ и, очевидно, происходитъ отъ одного съ нимъ корня, хотя нынѣ значительно отличается отъ готтентотскаго въ синтаксическомъ отношеніи; корни именъ существительныхъ одни и тѣ же въ обоихъ языкахъ, а образованіе новыхъ словъ совершается при посредствѣ суфиксовъ: неоконченный словарь Bleek'a долженъ былъ содержать одиннадцать тысячъ словъ. Это богатство запаса словъ, въ связи съ родствомъ между языками сановъ и хойнъ-хойновъ, служитъ указаніемъ, что въ племени санъ должно скорѣе видѣть націю, хотя уже и лишившуюся своей мощи, но все-таки принадлежащую къ одному и тому же корню съ своими сосѣдями, чѣмъ представителей какой-то расы, почти отличной отъ остальнаго человѣчества. Подобно южнымъ готтентотамъ и кабрамъ, въ говорѣ у бушменовъ есть спеціальныя согласныя, «clicks» или прищелкиванія, воспроизвести которыхъ европейцу весьма трудно и которыя, однако, въ

¹⁾ Alexander, „Expedition of Discovery into the interior of Africa“.

²⁾ John Mackenzie, „Ten years North of the Orange-river“.

¹⁾ Левъ Мечниковъ, рукописныя заѣтки;—Ad. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

меньшей степени встрѣчаются также и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ. У нѣкоторыхъ кофѣй сановъ такихъ звуковъ съчетомъ до восьми; но только четыре изъ нихъ считаются фундаментальными: шелканіе зубное, звукъ котораго напоминаетъ такъ называемое «*baiser de pougrise*»; прищелкиваніе небное, напоминающее ударъ клюва дятла по стволу дерева; прищелкиваніе перебральное, похожее на шумъ вылетающей пробки, и прищелкиваніе боковое, которое, если и можно сравнить съ чѣмъ-нибудь, то, по Th. Nahn'у, «развѣ съ крикомъ утки или гуся». Впрочемъ, эти прищелкиванія, такъ сказать, присущи данной территоріи, такъ какъ ихъ встрѣчаютъ не только въ языкахъ бушменовъ и готтентотовъ, но также въ языкахъ южныхъ кафровъ, за исключеніемъ говоровъ: *se-tlari* (языкъ племени ба-тляпи) и *se-golong* (языкъ племени ба-ролонгъ) ¹⁾; присоединяютъ эти причудливыя согласныя къ нѣкоторымъ словамъ своего собственнаго языка также и буры ²⁾. Азбуки, введенныя миссіонерами, изображаютъ эти прищелкиванія восклицательными знаками, крестами и нотными черточками. Такимъ образомъ, какъ и въ китайскомъ языкѣ, слова въ языкахъ сановъ и хойнъ-хойновъ имѣютъ различныя значенія, смотря по тому, болѣе или менѣе высокъ тонъ, которымъ они произносятся ³⁾.

Кочевая жизнь сановъ не позволяетъ имъ, конечно, заниматься какою-либо промышленностью. Въ округахъ, гдѣ не завелись еще ружья, они пользуются луками и отравленными стрѣлами съ наконечниками изъ желѣза, заостренныхъ камней, стекла и осколковъ кремня. Саны прикрываютъ свое тѣло недостаточнo; богатые между ними ограничиваются овчиною, называющеюся *kaross*; но всѣ они любятъ украшать тѣло и лицо ожерельями изъ косточекъ, стрѣлъ и страусовыхъ перьевъ; у племени калахари въ перегородку носа вставляются палочки. Большинство сановъ не имѣютъ хижинъ: живутъ они въ пещерахъ или ямахъ, вырытыхъ животными; ночи проводятъ въ тепломъ пеллѣ отъ костра, а отъ вѣтра защищаются рогожами, растянутыми на кольяхъ. Впрочемъ, такая полная приключеній жизнь развиваетъ у нихъ особенную смѣлливость и тѣ, изъ нихъ, которые были плѣнены въ молодости и затѣмъ одомашнились, легко научаются всему, чтѣ имъ показываютъ; они становятся умѣлыми рыбаками и незамѣнными пастухами; но сколько разъ они покидали тѣ цивилизованныя жилища, въ которыхъ у нихъ была по крайней мѣрѣ въ до-

статкѣ нища, и все для того, чтобы возвратитъ себѣ дикую независимость, отдаться снова превратностямъ судьбы и нищенству! Впрочемъ, въ какой бы нуждѣ они ни оказывались, у нихъ все-таки обнаруживается болѣе живучести, чѣмъ у ихъ сосѣдей: они находятъ возможность предаваться танцамъ, пѣнію и импровизации; они даже и художники, такъ какъ на камняхъ ихъ пещеръ во многихъ мѣстностяхъ находили нарисованныя красной охрой или даже и разными цвѣтами изображенія животныхъ, охотничьихъ сценъ, сраженій и схватокъ съ ненавистными бурами. Такимъ образомъ жизнь этихъ бушменовъ—которыхъ до недавняго времени всякій, кафръ или готтентотъ, голландецъ или англичанинъ, считалъ въ правѣ убивать, какъ дикихъ животныхъ,—не протекаетъ безъ идеала. Сокровищница ихъ басенъ, сказокъ и мифовъ такъ богата, что удивляетъ изслѣдователей ¹⁾. Разсѣянные отдѣльными группами, безъ всякой національной связи, они, тѣмъ не менѣе, питаютъ симпатію другъ къ другу и, при случаѣ, оказываютъ одинъ другому услуги; послѣ общихъ охотъ не возникаетъ никакихъ споровъ при дѣленіи добычи, хотя ни одинъ начальникъ и не главенствуетъ при этомъ. Не существуетъ ни политической, ни социальной организаціи, нѣтъ также и правильнаго семейства, а между тѣмъ чувства естественнаго влеченія все-таки весьма сильны. Прежде, когда хотѣли овладѣть бушменкою, стоило только украсть ея ребенка: мать уже всегда, сама собою, являлась для раздѣленія судьбы маленькаго плѣнника.

Если бы судить по бушменамъ «колоніи» къ югу отъ Оранжевой рѣки, то можно было бы сказать, что ихъ раса должна вскорѣ исчезнуть, такъ какъ въ предѣлахъ этой колоніи за ними охотились все равно, какъ за дикимъ звѣремъ, и большая часть изъ тѣхъ, которыхъ еще не истребили, спаслась бѣгствомъ въ сѣверныя пустыни. Spangmann разсказываетъ, что переселенцы подманивали бушменовъ, оставляя въ кустахъ переднюю или заднюю часть убитой скотины, и не щадили ни беременныхъ женщинъ, ни грудныхъ младенцевъ, если не находили нужнымъ увеличивать ими числа своихъ рабовъ. Гдѣ бы ни завидѣлъ бѣлый бушмена, онъ тотчасъ стрѣлялъ по нему и пускался въ погоню верхомъ и съ собаками ²⁾. Самая доблесть сановъ часто сулила имъ гибель, такъ какъ не было примѣра, чтобы они поклали мертвыхъ или раненыхъ: оставаясь же около павшихъ, они позволяли убивать также и себя. Къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, на границахъ голландскихъ республикъ и бе-чуанскихъ мѣстностей, за бушменами также охотились; но въ Калахари и сѣвернѣе, по направленію къ Зам-

¹⁾ Coillard, „Bulletin de la Société languedocienne de Géographie“, 1885.

²⁾ R. N. Cust, *упом. соч.*

³⁾ W. Bleck, „A Comparative Grammar of South African Languages“.

¹⁾ W. Bleck, „A brief Account of Bushman Folk-lore“.

²⁾ „Voyage du Cap de Bonne Espérance“.

безе, многія изъ оставшихся свободными ихъ колѣнъ, повидимому, не уменьшились въ числѣ. Въ областяхъ племенъ хереро и намакуа, бушменовъ приблизительно насчитываютъ отъ четырехъ до пяти тысячъ; число же всѣхъ ихъ соплеменниковъ въ Южной Африкѣ, вѣроятно, въдесятеро больше.

Готтентоты—которые ко времени прибытія европейцевъ занимали почти всю западную часть «нынѣшней колоніи» — еще довольно многочисленны и, не считая метисовъ, составляютъ седьмую часть населенія. Ихъ имя, повидимому, есть не что иное, какъ обидная кличка, данная имъ голландскими и фрисландскими поселенцами, такъ какъ приблизительно оно означаетъ: «бормотунъ, лепетунъ», и возникло, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе страннаго выговора готтентотовъ ¹⁾. Въ обыденной же рѣчи полное ихъ наименованіе сократилось и превратилось въ «тоты». Сами они не имѣютъ общаго имени для обозначенія всей своей расы, но слово *xoïn* (khoïn), т. е. «люди», встрѣчающееся во многихъ наименованіяхъ ихъ колѣнъ, было распространено и на всю ихъ націю: нынѣ готтентоты, такимъ образомъ, называются *xoï-xoïнами*, т. е. «людьми изъ людей».

Будучи значительно выше ростомъ, чѣмъ южные бушмены, и отличаясь отъ нихъ болѣе цивилизованнымъ образомъ жизни, готтентоты сходны въ другихъ отношеніяхъ съ бушменами: у нихъ тотъ же отбѣнокъ кожи, та же долихоцефалическая форма черепа; у ихъ женщинъ такая же наклонность, и даже, можетъ-быть, въ еще большей степени, къ стеатопигіи; нѣкогда они пользовались на охотѣ и въ сраженіяхъ такими же отравленными стрѣлами и точно такимъ же, какъ у бушменовъ, лукомъ; у нихъ одни и тѣ же музыкальные инструменты; одинакимъ образомъ оба эти племена росписываютъ свое тѣло и украшаютъ его бездѣлушками; наконецъ, и языкъ, на которомъ говорятъ между собой тѣ изъ нихъ, у которыхъ обычной рѣчью не сдѣлался еще англійскій или голландскій діалектъ, очевидно, происходитъ отъ одного и того же корня, какъ и языкъ сановъ; только онъ гораздо богаче, гибче и менѣе варварскій по своимъ звукамъ и формамъ. Въ этомъ языкѣ—три числа и три рода; при посредствѣ же агглютинаціи его односложныхъ корней, на немъ можно выражать какъ отвлеченныя идеи, такъ и различныя отбѣнки чувства и мысли. Тогда какъ у племенъ банту слова образуются при помощи мѣстоименныхъ приставокъ, у готтентотовъ частицы присоединяются всегда къ концу корней: ихъ языкъ, слѣдовательно, «суффиксо-прономинальный». Онъ подраздѣляется на большое число говоровъ, которые довольно схожи между собою, несмотря на отдаленность другъ отъ друга мѣстъ

обитанія различныхъ колѣнъ этого этническаго семейства; говоры племенъ намакуа, повидимому, наименѣе смѣшанные.

Въ тѣхъ округахъ, гдѣ готтентоты и по языку, и по правамъ не превратились въ простыхъ обевропеившихся пролетаріевъ, они живутъ въ такъ называемыхъ *as'axh*—*kraal'axh* на языкѣ голландскихъ переселенцевъ, отъ португальскаго *corral*, т. е. «скотскій паркъ»; это—группы полушарообразныхъ хижинъ, походящихъ издали на грибы, расположившіеся въ видѣ круга посреди преріи ²⁾; самыя же хижины выстроены довольно плотно, для того, чтобы въ нихъ не могла проникать дождевая вода; однако, пользоваться ими можно только для укрытія отъ непогоды; стоять въ нихъ нельзя, такъ какъ обычная высота, на которой выводится крыша, не превышаетъ одного метра и тридцати сантиметровъ. Костюмомъ для готтентотовъ служатъ: кожаный передникъ, нѣсколько большій и нѣсколько болѣе разукрашенный у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ; затѣмъ плащъ изъ овчинъ, волосомъ наружу или внутрь, смотря по времени года; у богатыхъ, верхъ «*kargos'a*» бываетъ разукрашенъ вышивками и мѣхомъ. Обыкновенно готтентоты питаются по преимуществу молокомъ и масломъ: мясо они ѣдятъ только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ; однако, рѣшившись убить своихъ животныхъ, они наѣдаются мясомъ до крайняго предела вмѣстимости ихъ желудка; и чтобы посредѣствовать своему пищеваренію катаются по землѣ и растираютъ животъ. При своихъ экспедиціяхъ они носятъ мѣшечки, наполненные высушеннымъ мясомъ, превращеннымъ въ порошокъ. Готтентоты—страстные курильщики табаку или конопли (*dakha*), дымъ которыхъ они проглатываютъ; но иногда случается, что для того, чтобы наказать себя за проступокъ или для умиловленія судьбы въ видахъ осуществленія какого-нибудь изъ своихъ желаній, они на нѣкоторое время приговариваютъ себя къ воздержанію отъ наркотическихъ веществъ. Мясо зайца, свиньи и курицы считается ими нечистымъ.

О сверхчувственномъ мірѣ представленія у готтентотовъ были въ прежнее время столь ничтожны, что путешественники, даже и не руководясь предвзятыми идеями, могли повторять, что у этихъ народовъ не существуетъ никакой религіи; однако, ихъ нервный темпераментъ столь легко возбудимъ, что миссіонеры изъ методистовъ часто могли повергать ихъ въ религіозный экстазъ. По Bleek'у, тѣ готтентоты, которые пребываютъ въ язычествѣ даже и до сихъ поръ, признаютъ по крайней мѣрѣ двухъ высшихъ существъ, изъ которыхъ одно, быть-можетъ, представляетъ олицетвореніе думы ²⁾,

¹⁾ Th. Hahn; —R. N. Cust, уном. соч.

²⁾ Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Süd-Africa“.

²⁾ Pierre Kolbe, „Description du Cap de Bonne-Espérance“.

такъ какъ оно періодически умираетъ и воскресаетъ. Амулеты, фетиши рѣдки у готтентотовъ, но все-таки существуютъ и большею частью относятся къ культу мертвыхъ; готтентоты приписываютъ большую власть своимъ предкамъ, какъ для дарованія благъ, такъ и для причиненія зла, и въ важныхъ обстоятельствахъ жизни вызываютъ къ нимъ: наименованіе «Тсу-Гоабъ», употребляемое миссіонерами для перевода слова «Богъ», вѣроятно, прилагается готтентотами къ какому-нибудь герою древнихъ временъ ¹⁾. Погребенія совершаются съ большою торжественностью, и послѣ помѣщенія мертвеца въ пещеру, при чемъ преимущество отдается логовищу дикобраза, надъ могилою складываютъ кучу камней. По этимъ-то высокимъ могильнымъ холмамъ, воздвигнутымъ надъ мѣстами погребенія, а также по обдѣланнымъ камнямъ, употреблявшимся готтентотами, и узнаютъ объ ихъ пребываніи или проходѣ въ различныхъ областяхъ восточнаго склона, которые въ наши дни населены иммигрантами изъ расы банту.

Каждое племя готтентотовъ имѣетъ своего главаря, по крайней мѣрѣ въ англійскихъ владѣніяхъ и республикѣ буровъ; впрочемъ, эти начальники не обладаютъ большою властью, и всѣ важныя дѣла обсуждаются въ совѣтѣ изъ всѣхъ членовъ племени, въ томъ числѣ и юношей; часто даже голосъ юношей оказывается преобладающимъ. Но въ европейскихъ колоніяхъ всякое политическое группированіе готтентотовъ было расторгнуто. Такъ, въ Капской территоріи англійская администрація смѣстила послѣдняго начальника готтентотовъ въ 1810 году, замѣнивъ его судебнымъ чиновникомъ изъ европейцевъ ²⁾. Къ тому же, всѣ туземцы, подвластные европейцамъ, жили въ состояніи рабства: ихъ насильно забирали въ военную службу, заставляя розыскивать и преслѣдовать братьевъ своей же расы, или работать на постройкѣ мостовъ и дорогъ; признаніе за ними правъ свободныхъ людей было совершенно англійскимъ правительствомъ только въ 1828 году, къ большому соблазну переселенцевъ, которые видѣли въ этомъ освобожденіи презрѣнныхъ желтыхъ покушеніе на ихъ наслѣдственные привилегіи и обстоятельство, угрожающее разрушеніемъ колоніи. Многие изъ переселенцевъ предпочли покинуть край, чѣмъ оставаться рядомъ съ прежними рабами, официально уравниваемыми въ правахъ съ ними.

Но прежде, чѣмъ все это случилось, сколько, въ теченіе полуторавѣковаго сосѣдства съ бѣлыми, было уже истреблено готтентотскихъ племенъ и скорѣе оружіемъ, чѣмъ осною ³⁾! Что сталося съ племенемъ кора-на, которое

проживало на берегахъ Столовой бухты, когда первые европейскіе колонисты основались въ край, а также и съ племенемъ грикуа, которое кочевало вблизи бухты Св. Елены? Многие другіе народцы, каковы: гаури, санъ, атти, хайссе, сусси, дама, дунъ, ширингри тоже исчезли, оставивъ послѣ себя лишь названія, данныя рѣкамъ и горамъ. При этомъ, избавившіе готтентотовъ считали себя исполнителями велѣній рока, почти что судьями праведными, объявляя, что этимъ низшимъ расамъ суждено умереть, оставляя свое наслѣдство бѣлому человѣку. Да и нынѣ еще общераспространенное мнѣніе таково, что хойнъ-хойны находятся на пути къ быстрому исчезновенію; однако, статистика опровергаетъ эти предвзятые идеи. Правда, число туземцевъ какъ будто уменьшается, но это только такъ кажется, потому, что число бѣлыхъ увеличивается въ гораздо болѣе быстрой пропорціи и въ особенности потому, что переимѣна въ правахъ малопо-малу вовлекаетъ туземцевъ въ кругъ притяженія бѣлыхъ, превращая ихъ въ слугъ и ремесленниковъ, уже одѣтыхъ по-европейски, говорящихъ на языкѣ переселенцевъ и приспосабливающихся къ ихъ идеямъ, культу, предразсудкамъ и образу жизни. Кромѣ того большое число готтентотовъ, непокорившихся англійской цивилизаціи, выселились, слѣдуя въ обратномъ направленіи по тому же самому пути, по которому шли ихъ отцы, когда они спустились съ сѣвера, по словамъ легенды, «несомые въ большомъ кораблѣ». Въ край нама-куа и вплоть до земли племени хереро, *oerlam*, т. е. готтентоты, вышедшіе изъ «колоніи», часто достигали политическаго преобладанія, а по ту сторону рѣки Кунэнэ они, въ сосѣдствѣ Гумпаты, слѣдовали за эмиграционнымъ движеніемъ буровъ. Нынѣ, сгруппированными въ племена готтентоты остались лишь къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки; таковы племена: гау-хойнъ и нама-куа, гри-куа и кора-на. Готтентоты въ европейскихъ округахъ, хотя и смѣшались съ остальной массой населенія, тѣмъ не менѣе при народныхъ переписяхъ считаются отдѣльно. Въ 1798 г. въ четырехъ округахъ, составлявшихъ тогда всю колонію: Капскомъ, Стелленбошскомъ, Свеллендамскомъ и Граф-Рейнетскомъ, на населеніе въ 32 тысячи насчитывалось 13 тысячъ готтентотовъ. Въ 1865 г., во всей колоніальной территоріи хойнъ-хойновъ было 81.600 человѣкъ; десять лѣтъ спустя ихъ насчитывалось уже 98.560. Правда, что большая часть изъ нихъ, будучи уже смѣшанной расы, являются готтентотами по происхожденію только отчасти, но кровь хойнъ-хойновъ встрѣчается и у 86.540 метисовъ, перечисленныхъ въ той же переписи. Готтентоты на западѣ по большей части составляютъ такъ называемыхъ *гона-куа*, т. е. пограничныхъ готтентотовъ, происходящихъ отъ смѣшенія съ

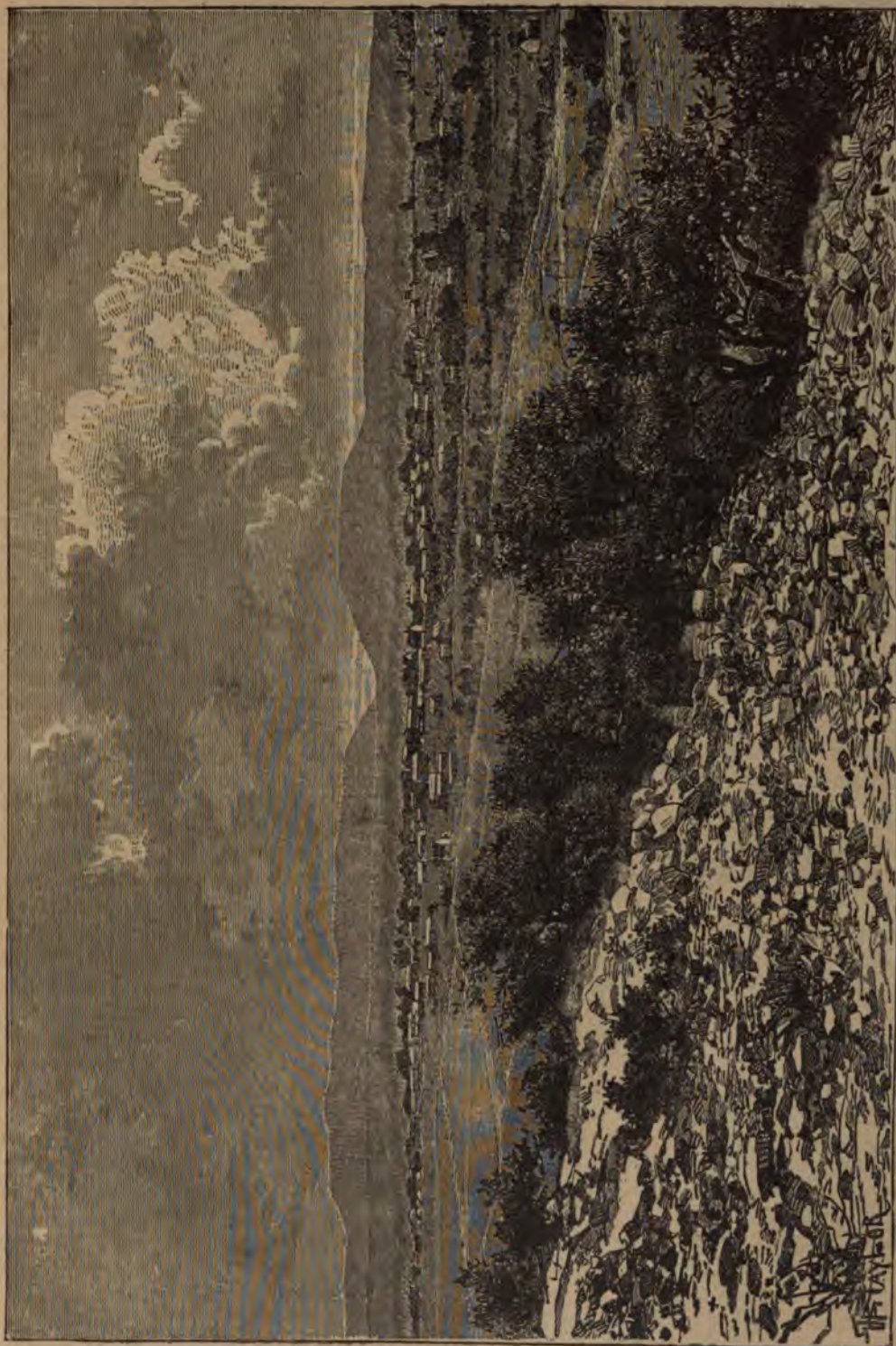
¹⁾ Th. Hahn; — Büttner и т. д.

²⁾ Petermann's Mittheilungen, т. IV.

³⁾ Trunberg, „Travels“; — Napier, „Excursions in South Africa“.

кафрами ¹⁾. Гри-куа, живущіе къ сѣверу отъ вое прозваніе они принимаютъ съ гордостью, Оранжевой рѣки съ начала текущаго столѣтія— такъ какъ оно свидѣтельствуетъ объ ихъ род- времени, когда браки между бурами и готтен- ствѣ съ бѣлыми: говорятъ, они болѣе походятъ

Общій видъ Преторіи.

татами были запрещены закономъ—по боль- на своихъ матерей — готтентокъ, чѣмъ на шей части называются «bastaards'ами», како- отцовъ—европейцевъ.

¹⁾ Ad. Bastian, „Etnologische Forschungen“.

Нѣтъ другой страны въ Африкѣ, гдѣ хри-

стіанскіе миссіонеры были бы болѣе дѣятельны и болѣе счастливы, чѣмъ въ Капской области. Моравскіе братья поселились между готтентотами въ 1836 году, и съ тѣхъ поръ къ хойнъ-хойнамъ, санамъ и бе-чуанамъ сотнями посылають своихъ представителей пятнадцать другихъ религіозныхъ обществъ. Исповѣдуютъ же хрістіанство уже около двухсотъ тысячъ туземцевъ въ Капской колоніи и приблизительно триста пятьдесятъ тысячъ въ тѣхъ областяхъ Африки, которыя граничатъ на сѣверѣ съ р. Замбезе ¹⁾. Преобладаніе европейскаго элемента имѣло послѣдствіемъ увеличеніе расовыхъ смѣшеній и все возрастающее вступленіе метисовъ въ среду бѣлыхъ. Такимъ образомъ Капская колонія счастливо отличается отъ Тасманіи и британскихъ государствъ въ Австраліи, въ которыхъ переселенцы дѣйствовали до сихъ поръ путемъ истребленія туземцевъ. Здѣсь, т. е. въ Капской колоніи, туземныя расы, будучи болѣе многочисленными и болѣе энергичными, умѣютъ и лучше защищаться, а, съ другой стороны, переселенцы, являясь въ край малыми группами, принадлежа къ націямъ, различнымъ по языку, происхожденію и нравамъ, не всегда принимались методически, подобно австралійскимъ англичанамъ, очищать мѣсто для себя. Мало-по-малу, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ своего господства они приспособились къ новой средѣ, привыкли терпѣть присутствіе прежнихъ владѣтелей земли и даже, въ извѣстной мѣрѣ, соединились съ ними въ одну новую націю, въ жилахъ которой смѣшиваются двѣ крови: европейская бѣлая и африканская желтая.

II. Капская колонія.

Официально Капская колонія занимаетъ нынѣ пространство слишкомъ въ два раза большее, въ сравненіи съ тѣмъ, которое ей принадлежало въ 1870 году; но въ своихъ прежнихъ границахъ она составляетъ географически цѣлое, имѣющее также и свою особую исторію. Занимая всю южную оконечность материка, эта территорія имѣетъ своими естественными границами: море съ трехъ сторонъ и Оранжевую рѣку; на востокъ она отдѣлена отъ страны Кафровъ небольшою рѣкою Теесъ, притокомъ Оранжевой рѣки, и рѣками Индве и Греть-Кей, изливающимися въ Индійскій океанъ. Поверхность Капской области превышаетъ площадь Франціи, но населена она въ двадцать разъ меньше, хотя ежегодный приростъ жителей и значителенъ. Пространство собственно Капской колоніи: 746.333 кв. километровъ, населеніе (по исчисленію въ концѣ 1896 г.):

1.821.551 чел.; среднее число жителей на 1 кв. километръ: 2,5.

Прошло болѣе полутора вѣка послѣ открытія мыса Доброй Надежды, а европейцы все еще не основывались на немъ окончательно. Моряки, правда, приставали къ нему, но вскорѣ же затѣмъ и покидали его; въ 1620 году англичане завладѣли имъ именемъ короля Якова I, но ничего не сдѣлали для укрѣпленія за собой этого пріобрѣтенія; временныхъ поселенцевъ, свободныхъ или ссыльныхъ, португальцевъ или англичанъ, сталъ получать также и небольшой островъ Тюленей, Robben-island, въ Столовой бухтѣ, который съ тѣхъ поръ почти всегда и былъ мѣстомъ ссылки. Піонеры колонизаціи на южной оконечности материка появились лишь въ 1652 году. Первый губернаторъ, посланный «Голландскою компаніею Восточныхъ Индій», Ванъ-Рибекъ, въ сопровожденіи своего семейства и сотни солдатъ, присталъ къ подошвѣ Столовой горы и началъ построеніе форта; первые бараки были сгруппированы на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ возвышаются зданія Кэптауна, и тутъ же стали разводить сады и воздѣлывать поля. Несмотря на большія затрудненія вначалѣ. Компаніи все-таки удалось достигнуть преслѣдуемой ею цѣли, состоявшей въ облегченіи снабженія провіантомъ голландскихъ судовъ во время пути ихъ въ Индію. Лагерь исподволь превратился въ колонію, а въ 1654 году изъ Амстердама стали посылать туда дѣшекъ-сиротъ для того, чтобы земледѣльцы могли обзавестись семьями. Солдаты и матросы покидали службу, чтобы начать обработку почвы, въ качествѣ свободныхъ burgher'овъ, подъ условіемъ продавать свои урожаи непосредственно Компаніи и не торговать съ готтентотами; мало-по-малу число ихъ увеличилось, и нарождающійся городъ окружился деревнями и полями. Такъ какъ колонисты чувствовали себя еще слабыми для того, чтобы завладѣть землями безъ вознагражденія, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ они ихъ покупали; впоследствии же, достаточно усилившись, они стали просто отнимать земли у готтентотовъ, или же, завладѣвая землею, обращали въ работъ бывшихъ ея владѣльцевъ, заставляя ихъ работать на себя. Однако, туземцы, привыкшіе лишь къ пастьбѣ скота, а вовсе не къ обработкѣ почвы, не могли, конечно, пособить голландскимъ фермерамъ въ воздѣлываніи полей подъ зерновой хлѣбъ, въ обработкѣ виноградишковъ и апельсиновыхъ и померанцевыхъ рошъ; вслѣдствіе этого, въ 1658 году, на рейдѣ Капа прибылъ первый грузъ съ чернокожими рабами, и вскорѣ затѣмъ на плантаціяхъ число невольниковъ уже стало превосходить число свободныхъ людей. Послѣдствія же этого порядка вещей были и для Южной Африки тѣ же, какъ и для странъ

¹⁾ J. Car.yle, „South Africa and its Missionary Fields“.

тропических: именно, на счет малоземельных собственников создались громадные помѣстья, бѣлые привыкли считать безчестіемъ, переселеніе свободныхъ людей совершалось лишь медленно, и процвѣтаніе колоніи часто задерживалось вслѣдствіе недостатка инициативы и индустріи. Къ тому же ввозъ негровъ постепенно уменьшался въ теченіе XVIII-го столѣтія, и когда, наконецъ, въ 1834 году, совершилась отмена рабства, число подлежащихъ освобожденію людей не достигало даже и тридцати тысячъ. Впослѣдствіи эти освобожденные негры затерялись въ массѣ метисовъ.

Въ 1680 году, двадцать восемь лѣтъ спустя послѣ прибытія первыхъ осѣдлыхъ переселенцевъ, европейская колонія состояла изъ шестисотъ лицъ, включая сюда чиновниковъ и солдатъ, набравшихся въ сѣверной Европѣ, отъ Фландріи до Даніи. Но вскорѣ къ этимъ переселенцамъ присоединился еще одинъ новый этническій элементъ. Французскіе протестанты, покинувшіе свое отечество послѣ отмены Нантскаго эдикта, и нѣкоторые пьемонтцы изъ вальденскихъ долинъ обратились къ Голландской компаніи Восточныхъ Индій, которая и послала ихъ въ свои Капскія владѣнія. Въ числѣ приблизительно трехсотъ лицъ, считая женъ и дѣтей, они прибыли въ 1687 и 1688 годахъ въ колонію и были надѣлены землями въ долинахъ горъ, окружающихъ городъ. За ними послѣдовали и другіе: будучи въ большинствѣ случаевъ людьми энергичными, такъ какъ ради сохраненія своей вѣры они обрекли себя на изгнаніе и нищету, — французскіе гугеноты оказали большое вліяніе на развитіе колоніи, и имъ именно и обязано своимъ преуспѣваніемъ африканское виноградарство. Въ капскихъ лѣтописяхъ насчитывается девяносто пять фамилій французскихъ семействъ, изъ которыхъ одни исчезли, а другія были передѣланы на голландскій ладъ¹⁾; тысячи и тысячи буровъ любятъ вспоминать о своемъ происхожденіи отъ гугенотовъ, а на картѣ Южной Африки наименованія мѣстъ, напоминающія о переселеніи гугенотовъ, встрѣчаются на всемъ протяженіи отъ береговъ океана до береговъ Лимпопо. Относительно говоря, буры французскаго происхожденія возростали въ числѣ быстрѣе, чѣмъ другіе, такъ какъ они прибыли въ страну со своими семействами; напротивъ, большая часть голландцевъ, чиновниковъ или солдатъ, пріѣзжали холостыми и женились на мѣстныхъ женщинахъ: отъ нихъ-то по преимуществу и народились «bastards'ы», т. е. метисы. Однако, французскіе переселенцы были не настолько многочисленны, чтобы могли сохранить родной

¹⁾ Changuion, „Geschiedenis der Franche Flugtelingen“; — G. Mac Call Theal, „Compendium of the History and Geography of South Africa“.

языкъ въ средѣ своихъ семействъ, когда, по распоряженію Компаніи, въ 1724 году, публичное употребленіе его было запрещено въ церквахъ и школахъ. Ла-Кайль, посѣтивъ колонію въ 1751 году, встрѣтилъ лишь небольшое число французовъ, которые еще говорили на языкѣ своихъ отцовъ; а Левальянъ въ 1780 году видѣлъ всего одного такого француза.

Мало-по-малу въ теченіе XVIII-го столѣтія, колонія распространялась на востокъ, по ту сторону горъ, наперекоръ Компаніи, по мнѣнію которой Капъ долженъ былъ оставаться лишь приставью и продовольственнымъ пунктомъ, и наперекоръ губернаторамъ, которые, ревнуя о своихъ прерогативахъ, желали, чтобы всѣ колонисты были подчинены ихъ власти, подвергаясь правиламъ суровой дисциплины и нелѣпому этикету. Часто они издавали приказы, воспрепятствующіе фермерамъ выходить за предѣлы дарованныхъ имъ земель и проникать внутрь края, угрожая за это «тѣлеснымъ наказаніемъ или даже смертью, а также конфискаціею ихъ собственности». Но на дѣлѣ эти приказы не могли быть осуществляемы, такъ какъ у губернаторовъ не было гарнизоновъ, укрѣпленныхъ мѣстъ и даже опредѣленныхъ границъ въ странѣ готтентотовъ, и буры продолжали свои *trekken*, т. е. переселенія съ этапа на этапъ, вмѣстѣ съ семьями, невольниками и стадами. Это, продолжающееся и до нашихъ дней, медленное движеніе, увлекающее голландскихъ колонистовъ до земель по ту сторону р. Кунэнз, стало неудержимымъ, и Капское правительство, вопреки своему желанію, должно было провозгласить присоединеніе обширныхъ территорій. Въ 1745 году, официально границею колоніи была рѣка Гамтоесъ; въ 1786 году ею была уже Groot-Visch-river (Great Fish-river), т. е. Большая Рыбная рѣка. Изъ края готтентотовъ граница была перенесена въ область Кафровъ, и болѣе многочисленнымъ и болѣе привыкшимъ къ военному дѣлу бурамъ приходилось уже состязаться съ болѣе сплоченными и болѣе опасными бандами.

Тѣмъ временемъ и англійское правительство приготавливалось къ захвату Капской колоніи, этой центральной пристани между морями, оказывавшейся почти безусловно необходимой англичанамъ для обезпеченія своей собственной Остъ-Индской компаніи окончательнаго завладѣнія Гангскимъ полуостровомъ. И, дѣйствительно, въ 1780 году англійскій флотъ отправился къ мысу Доброй Надежды, намереваясь захватить Капскую крѣпость и плѣнить ея гарнизонъ; однако у архипелага Зеленаго Мыса онъ неожиданно для себя встрѣтился съ французскою эскадрою, которою командовалъ Suffren; англичане были разбиты, и болѣе двухъ тысячъ французовъ высадилось въ Симонской бухтѣ для подкрѣпленія своихъ

голландскихъ союзниковъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ случай былъ упущенъ. Но въ 1795 году онъ представился снова, когда французы овладѣли Голландіей и буры внутри страны объявили себя независимыми. Вновь англійскій флотъ отправился въ Капу, съ цѣлью возстановить тамъ порядокъ именемъ принца Оранскаго и занять колонію именемъ короля Великобританіи. Для южной Африки начался новый политическій порядокъ, который продолжается и до сего времени. За исключеніемъ трехлѣтняго перерыва, бывшаго результатомъ Амьенскаго мира, Капская колонія не переставала принадлежать Англій и, хотя медленно, но постоянно продолжала возрастать какъ въ численности населенія, такъ и въ своемъ значеніи.

Когда край перешелъ подъ владычество Англій, число европейцевъ въ немъ равнялось приблизительно 25 тысячамъ, властвовавшимъ надъ 20 тысячами рабовъ изъ готтентотовъ и надъ 30 тысячами рабовъ изъ негровъ. При этомъ, благодаря общности языка, всѣ колонисты, какъ голландскаго, такъ и французскаго происхожденія, считались составляющими одну націю. Что касается переселенцевъ англійскаго языка, то вначалѣ ихъ было весьма мало, такъ какъ въ первые годы увеличеніе на Капѣ англійскаго населенія совершалось лишь въ лицѣ чиновниковъ и солдатъ. Однако, англійскіе губернаторы готовили денационализацию буровъ, и съ этою цѣлью уже съ 1809 года официальная прокламація рекомендовала изученіе англійскаго языка; въ судахъ, впрочемъ, пользовались пока языкомъ голландскимъ. Потомки старинныхъ колонистовъ все еще продолжали считать себя истинными властителями и ни во что не ставили указовъ, издаваемыхъ Капскими губернаторами; въ 1815 году они произвели даже открытое возстаніе, но оно было подавлено съ безпощадною жестокостію. Прибытіе англійскихъ переселенцевъ началось лишь съ 1820 года, да и то благодаря пособіямъ, отпущеннымъ для этого парламентомъ. Около девятиста тысячъ чело-вѣкъ вызвались отправиться для воздѣлыванія тѣхъ земель, которыя постепенно отнимались у кафровъ во время пограничныхъ войнъ. Изъ этой толпы охотниковъ эмиграціонные агенты выбрали болѣе четырехъ тысячъ колонистовъ, которыхъ правительство и перевезло, на счетъ націи, въ Портъ Елизаветы, въ бухту Альгоа, для поселенія внутри страны, въ окрестностяхъ Грамстауна. Несмотря на неопытность въ земледѣліи большинства этихъ колонистовъ и на всякаго рода ошибки, присущія такому значительному предпріятію, оно удалось, благодаря превосходному климату и плодородію земель. Англійская колонія быстро увеличивалась и далеко перешла за предѣлы, которые ей были начертаны

первоначально. Рядомъ съ Голландскою Африкою на западѣ развилась Англійская Африка на востокъ, которая, благодаря поддержкѣ правительства, скоро стала почти столь же могущественною, какъ и ея соперница, и относительно которой часто возникалъ вопросъ объ ея обособленіи и дарованіи ей преимуществъ. Съ этого времени два языка подѣлили территорию, и губернаторы стремились обезпечить преобладаніе того изъ нихъ, на которомъ говорили сами. Голландскіе властители запретили официальное употребленіе французскаго языка; въ свою очередь, англійскіе господа запретили употребленіе голландскаго языка; съ 1825 года англійскій языкъ сдѣлался официальнымъ языкомъ администраціи, а съ 1827 года также и въ судахъ; однако, позже, послѣ учрежденія колониальнаго парламента, жители, говорящіе на голландскомъ языкѣ, вновь приобрѣли законное право для своей рѣчи, и, съ тѣхъ поръ, ихъ уполномоченные употребляютъ голландскій языкъ при обсужденіи общественныхъ дѣлъ.

Это еще не все: военные триумфы Трансваля возвысили политическое значеніе голландцевъ колоній, и *африкандеры* — т. е. бывше уроженцы африканскаго материка, при чемъ голландскаго происхожденія ихъ, вѣроятно, до двухъ третей ¹⁾ — разсчитываютъ на близкое завладѣніе властью, тѣмъ болѣе, что женщины буровъ вообще плодотворѣе англичанокъ ²⁾. Хотя принадлежащіе къ различнымъ политическимъ тѣламъ, голландскіе африкандеры, состоящіе почти всѣ въ родствѣ между собой, от Столовой бухты до р. Лимпопо, составляютъ одно великое семейство, обладающее крѣпкой связью; это симпатіи родныхъ и друзей на Капѣ, можетъ-быть, еще больше, чѣмъ храбрости своихъ солдатъ, Трансвальская республика обязана отвоеваніемъ своей независимости. Эта солидарность между южными и сѣверными голландцами общается имъ въ будущемъ созданіе ихъ національнаго единства. Но возростающее вліяніе африкандеровъ не мѣшаетъ тому, что голландскій языкъ, хотя и гораздо болѣе распространенный между туземными чернокожими, изъ-года въ-годъ теряетъ свое относительное значеніе въ интеллектуальномъ развитіи Капскаго населенія. Доказывается это тѣмъ, что съ половины текущаго столѣтія численная разность между періодическими изданіями на двухъ языкахъ безостановочно увеличивается; такъ, уже въ 1875 году англійская печать численно въ шесть разъ превосходила печать на голландскомъ языкѣ.

Выселеніе буровъ въ направленіи къ сѣвернымъ республикамъ, совпадавшее съ иммиграціей новыхъ англійскихъ колонистовъ, усилило

¹⁾ E. von Weber, „Vier Jahre in Africa“.

²⁾ De Hübnér, „A travers l'Empire Britannique“.

на время вліяніе британскаго элемента въ Капской территоріи. Большой *trek* буровъ къ странамъ, простирающимся на сѣверъ отъ Оранжевой рѣки, совершился въ 1834 году, во время отмены невольничества. Лишенные труда своихъ рабовъ, за которыхъ имъ присудили только двѣ-пятыхъ ихъ рыночной цѣны, причемъ и эти двѣ-пятыхъ уменьшились еще отъ лихоимства чиновниковъ, фермеры направились къ сѣвернымъ пустынямъ, чтобы имѣть возможность «по своему усмотрѣнію» распоряжаться своею живою «собственностью»: людьми и стадами. Въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, они покинули, въ бассейнахъ рѣкъ Гамтоесъ и Греть-фишъ-риверъ, обширныя территоріи пастбищъ и полей, которыя вслѣдъ затѣмъ и были заняты англійскими колонистами.

Но на восточной границѣ этимъ новопришельцамъ приходилось сражаться со своими сосѣдями-кафрами, у которыхъ очи исподволь и стали захватывать ихъ земли. Съ обѣихъ сторонъ набѣги для кражи скота были безпрестанны; къ концу же 1834 года, времени великаго *trek'a*, война сдѣлалась всеобщею. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вся пограничная область была завоевана кафрами, фермы сожжены, стада, въ числѣ 250 тысячъ головъ, забраны, а запоздавшіе бѣглецы перерѣзаны. Тогда же губернаторъ Урбанъ собралъ всѣ свои воинскія силы и устремился на границу: отместка была ужасна, а затѣмъ къ колоніи была присоединена новая территорія; тѣмъ не менѣе, всякаго рода несправедливости, совершавшіяся въ отношеніи туземцевъ, были столь очевидны, что англійское министерство, уступая давленію общественнаго мнѣнія, отказалось санкционировать дѣйствія губернатора, объявивъ, съ рѣдкимъ въ исторіи правительствъ прямоушіемъ, что поведеніе кафровъ «вполнѣ оправдывается», что они имѣли «несомнѣнное право» противостоятъ захватамъ своихъ сосѣдей и «силою исторгнуть себѣ то удовлетвореніе, котораго они не могли достигнуть другими средствами; что, слѣдовательно, самая элементарная справедливость была на сторонѣ побѣжденныхъ, а не побѣдителей». Отнятая у кафровъ территорія была имъ возвращена, но—только на время. Политика захватовъ, набѣговъ, угона стадъ, завладѣнія лугами и полями началась съизнова въ предѣлахъ спорной пограничной области, и въ 1846 году война возгорѣлась вновь по поводу тѣхъ кровавыхъ дѣяній, которыя послѣдовали за покражею топора. Эта «война изъ-за топора» (*war of the axe*) началась неудачно для колонистовъ; но, по минованіи двухъ лѣтъ военныхъ дѣйствій, сраженій и убійствъ, побѣжденные племена оказались въ полной власти англчанъ, которые и приступили къ новому выправленію границъ. Британская территорія увеличилась пространствомъ приблизительно въ 200 километровъ въ

ширину, между рѣками Большой Рыбной и Кей; при этомъ, восточная часть этого новаго пріобрѣтенія, къ западу отъ Кейскамы, временно была предоставлена туземцамъ, хотя и подъ верховнымъ владычествомъ англчанъ. Но перемиріе продолжалось всего два года. Въ 1850 году, военныя станицы, учрежденныя вдоль границъ, были атакованы кафрами, вслѣдствіе учиненнаго англійскими солдатами оскверненія кладбища; англчане снова должны были очистить спорную территорію, и сила увѣнчала ихъ притязанія не раньше, какъ по минованіи двухъ лѣтъ новой безпощадной войны. Послѣ этого всякое сопротивленіе со стороны туземцевъ стало уже невозможнымъ.

Тогда совершился одинъ изъ самыхъ необычайныхъ актовъ, о какихъ только повѣствованіи исторіи націй. Чувствуя себя неспособными побѣдить завоевателей своего края естественными средствами, кафры, охваченные повальнымъ безуміемъ, вообразили, что могутъ достигнуть успѣха при помощи чуда. Силъ у живыхъ не хватало, а потому надежда была возложена на мертвыхъ. Пророкъ, по имени *Мглаказа*, ходилъ по странѣ, возвѣщая своимъ соплеменникамъ ама-коза, что въ извѣстный близкій день всѣ умершіе воины, всѣ прославленные легендами герои выйдутъ изъ своихъ могилъ, и что и сами они преобразятся въ этотъ день, сдѣлавшись юными, красивыми, сильными и непобѣдимыми. Но для того, чтобы приготовиться къ побѣдѣ, слѣдовало представить доказательство непоколебимости вѣры, пожертвовавъ, за исключеніемъ оружія, всѣмъ своимъ имуществомъ; слѣдовало перебить свой скотъ, сжечь зерновой хлѣбъ, не обрабатывать полей, оставаться нагими и голодными, ожидая сигнала, послѣ котораго зарѣзанныя стада возродятся снова, но уже болѣе красивыми и болѣе многочисленными, а превосходные хлѣба покроютъ поля. Большинство ама-козовъ повѣрили требованіямъ пророка: скотъ перебили, хлѣбное зерно сожгли, приготовивъ, однако, обширныя хлѣвы и риги для будущихъ богатствъ; но многія тысячи ихъ — 25 тысячъ, по однимъ сказаніямъ, 50 тысячъ, или треть нація, по другимъ — умерли отъ голода, въ ожиданіи возвѣщеннаго дня. День этотъ не насталъ. Отчаяніе овладѣло оставшимися въ живыхъ кафрами; изъ прежнихъ воиновъ они сдѣлались нищими; ихъ мечта жить свободными — была разбита. Вскорѣ обезлюдѣніе края очистило мѣсто для колонистовъ, и Капское правительство ввело болѣе двухъ тысячъ нѣмецкихъ переселенцевъ въ свободныя земли Кафраріи, окончательно, вплоть до р. Кей, присоединенной къ Капской колоніи. Съ этого времени, завоеваніе края уже не испытывало остановокъ, и присоединенія, отнынѣ легкія, дѣлались уже административнымъ путемъ: доста-

точно было приказаній совѣта, чтобы они были исполнены.

Такимъ образомъ, Капская колонія въ наши дни хорошо обезпечена отъ всякаго возстанія туземцевъ. Правда, государство въ дѣйствительности увеличилось тѣми обширными территориями, которыя лежатъ вдоль берега Индійскаго океана вплоть до Наталя, и что въ этихъ вновь присоединенныхъ краяхъ почти исключительными собственниками земли являются все еще туземцы; но вся старая колониальная область, между рѣками Оранжевой и Кей, повсюду плотно населена бѣлыми; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, именно въ городскихъ округахъ, число бѣлыхъ даже преобладаетъ; въ тѣхъ же округахъ, гдѣ бѣлыхъ сравнительно мало, европейцы, будучи организованными, вооруженными и защищаемыми полиціею и въѣмъ административнымъ и военнымъ механизмомъ, не имѣютъ никакихъ основаній опасаться туземцевъ, обѣдѣвшихъ и лишенныхъ взаимной связи; впрочемъ, въ общемъ числѣ жителей колоніи они представляютъ уже цѣлую треть. Можно, поэтому, удивляться, что отъ громадной рѣки британской эмиграціи ежегодно отклоняется столь небольшой потокъ по направленію къ землямъ южной оконечности Африки, землямъ, однако, столь обширнымъ и плодороднымъ, что онѣ могутъ дать хлѣбъ многимъ миллионамъ людей. Причина этого заключается главнымъ образомъ въ общежительномъ инстинктѣ британскихъ эмигрантовъ. Покидая Англію, они хотятъ отправиться въ другую Англію, походящую на первую языкомъ и нравами, связью этническою, если не политическою. Они предпочитаютъ Соединенные Штаты, Австралію и Новую Зеландію Капской колоніи, гдѣ они очутились бы въ соприкосновеніи съ голландцами, готтентотами, кафрами, съ чернокожими и желтокожими всѣхъ расъ; хотя они и политическіе властители, но имъ не нравится составлять со своими единоплеменниками лишь слабое меньшинство, едва шестую часть всего народонаселенія.

По расамъ, подвергающееся переписи населеніе собственно Капской колоніи распредѣлялось въ 1891 г. слѣдующимъ образомъ: европейцевъ или бѣлыхъ—382.198, малайцевъ—13.918, готтентотовъ—51.850, негровъ—(финго, кафры и бечуаны)—841.238, метисовъ и проч.—250.756.

Кэптаунъ (Капштадтъ), столица колоніи и всей Южной Африки, есть древнѣйшій городъ, основанный европейцами къ югу отъ Бенгуэлле; но, не будучи еще большимъ городомъ, онъ уже давно превзошелъ населенностью и значеніемъ тѣ города, которые португальцы раньше основали на западномъ берегу. Извѣстно, что съ моря Кэптаунъ имѣетъ грандіозный видъ, благодаря величественному амфитеатру окружающихъ его горъ и въ особенности внушительной массѣ

Столовой горы. Къ западу отъ города, зная Льва далеко вдаются въ море, защищая рейдъ отъ сильнаго волненія изъ открытаго океана; молы, причалы и набережныя опираются на эти скалы, и тамъ открывается обширный бассейнъ, гдѣ ошвартовываются суда. Городъ, раздѣленный на правильные квадраты, поднимается полого къ основанію горъ и усѣиваетъ долинами передовые холмы; на востокъ, посреди обширной преріи, которая была болотомъ, и на которой первые колонисты построили свою крѣпость, видѣются низкія постройки «замка», составляющаго собственность англійскаго правительства и символъ британскаго владычества; далѣе по окружности бухты тянется, вплоть до устья извилистой Salt-river (Солонной рѣки), предмѣстье; красивые сады и парки окружаютъ городъ и проливаются въ долины горъ. Въ 1887 году начали постройку укрѣпленій, которыя должны превратить Капскую крѣпость во второй Гибралтаръ.

Сдѣлавшись англійскимъ городомъ, Кэптаунъ сохранилъ лишь небольшое число зданій, относящихся ко времени голландцевъ; главная улица не дополняется уже каналомъ, окаймленнымъ деревьями, какъ проспекты Амстердама; однако лица, языкъ и имена еще напоминаютъ о нидерландскомъ происхожденіи половины европейцевъ. Къ бѣлымъ примѣшиваются люди всякаго цвѣта кожи: негры, потомки рабовъ, готтентоты, кафры, малайцы, представляющіе всѣ оттѣнки между чернымъ, кирпично-краснымъ и желтымъ цвѣтами; сѣроватые bastards'ы и бронзовоокрашенные метисы съ острова Св. Елены. Между малайцами, сыновьями тѣхъ рабовъ, которыхъ голландцы привезли съ Зондскихъ острововъ, нѣкоторые носятъ тюрбанъ и длинные развѣвающиеся плащи: это меккскіе пилигримы, съ презрѣніемъ смотрящіе на толпу невѣрныхъ, черныхъ и бѣлыхъ, въ ихъ глазахъ заслуживающихъ одинаковое наименованіе «кафровъ». Будучи центромъ распространенія цивилизаціи въ Южной Африкѣ, городъ Мыса обладаетъ музеемъ, драгоцѣнной бібліотекой, — въ которой имѣются не только всѣ изданія, относящіяся къ колоніи, но также и рѣдкія книги и рукописи, — ботаническимъ садомъ, занимающимъ площадь въ шесть гектаровъ, гдѣ собраны представители всей туземной флоры и тысячи растений чужестранныхъ. Вслѣдствіе своего нахожденія вблизи оконечности африканскаго материка, Кэптаунъ является одною изъ наиболѣе важныхъ станцій на нашей планетѣ для геодезическихъ изслѣдованій. Съ 1685 года, французскіе астрономы учредили тамъ временный постъ для наблюденія надъ небесными свѣтилами; въ 1751 году, La Caille произвелъ тамъ свои достопамятныя изысканія для измѣренія градуса меридіана и опредѣленія параллакса луны; въ 1772 году, во время второй экспедиціи Кука,

английские астрономы возобновили снова эти изыскания; Маскар и Гершел составили въ Капской обсерватории каталогъ звѣздъ антарктическаго неба: нынѣ тамъ сосредоточиваются

изысканія меридіана Африки, на протяженіи отъ береговъ южнаго океана до порта Александріи. Нынѣшняя обсерваторія помѣщается въ пяти километрахъ къ востоку отъ города, въ Mowbray.

Крааль зулусовъ.

работы по продолженію триангуляціи морскаго побережья на плоскогоріяхъ Кару и по ту сторону Оранжевой рѣки, въ Бечуаналендѣ, вплоть до р. Замбезе. По проекту астронома Gill предполагается достигнуть такимъ образомъ измѣ-

Соединенный желѣзной дорогой съ восточными округами колоніи и съ голландскими республиками и мѣющій надъ другими портами преимущество большей близости къ Европѣ, Каптаунъ неиграетъ, однако, первенствующей роли во вѣдѣ-

ней торговлѣ страны; въ этомъ отношеніи онъ далеко превзойдетъ рынокъ бухты Альгоа, Портъ Елизаветы, который, въ срединѣ текущаго столѣтія, былъ лишь группою хижинъ, но который находится по соседству съ болѣе плодородными землями и представляетъ исходный пунктъ для кратчайшихъ путей, направляющихся къ странамъ золота и алмазовъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей сравнительно значительной населенности, своей роли столицы и мореходнымъ выгодамъ своего порта, Кэптаунъ сохранилъ высокое мѣсто въ ряду торговыхъ городовъ Африки, въ особенности по вывозу шерсти. Изъ Кэптауна вывозятъ также и лучшія африканскія вина, добываемыя съ виноградниковъ на восточныхъ склонахъ Столовой горы. Въ 1892 г. въ портъ Кэптауна было въ приходѣ 374 парохода въ 851.742 тонны и 319 парусныхъ судовъ въ 142.457 т. Обороты вѣншей торговли въ томъ же году: привозъ—2.835.458, вывозъ—656.879 фунт. стерл.

Городъ дополняется многочисленными дачами, разбѣянными въ окрестныхъ долинахъ. Негоціанты и богатые чиновники живутъ въ деревняхъ и въ городъ являются только по дѣламъ; лѣтомъ, почти все бѣлое населеніе, въ сопровожденіи торговцевъ съѣзными припасами и слугъ, направляется къ морскимъ купаньямъ и тѣнистымъ склонамъ горъ: пригородная желѣзная дорога работаетъ столь же дѣятельно, какъ и около большихъ европейскихъ городовъ. Къ сѣверу отъ города находится мѣстечко Sea-point: его виллы тянутся вдоль пляжа, на который набѣгаютъ атлантическія волны; къ востоку, ожерелье изъ деревень окружаетъ Пикъ Дьявола и затѣмъ продолжаетъ городъ на тридцать километровъ, вплоть до морскихъ купаней Kalk-bay. Одну изъ наиболее красивыхъ группъ домовъ, въ граціозной долинѣ, соединяющей бухты Table-bay съ Kalk-bay, и надъ которой съ запада господствуютъ горделивые склоны Столовой горы, представляетъ деревня Wijnberg, на половину скрытая въ зелени дубовъ и сосенъ. Неподалеку отъ нея, къ югу, находится усадьба Констанція, давшая свое имя самому прославленному вину въ южной Африкѣ. На югѣ оконечности Африки находится отличающийся правильной формой заливъ False-bay, въ водахъ западной бухты котораго, Simon's bay, отражается городъ Симонстаунъ: въ немъ англійское правительство содержитъ укрѣпленные магазины и арсеналы. Симонстаунъ занимаетъ одно изъ самыхъ красивыхъ мѣстоположеній южной Африки, на серповидномъ полуостровѣ, имѣющемъ на своей оконечности маякъ Мыса Доброй Надежды.

Нѣсколько городовъ, принадлежащихъ къ обширному округу Кэптауна, разбѣяны по небольшимъ долинамъ, на атлантическомъ склонѣ тѣхъ горъ, которыя ограничиваютъ съ вос-

тока горизонтъ Столовой бухты. Стелленбошъ (*Stellenbosch*), соединенный съ Кэптауномъ желѣзною дорогою,—послѣ столицы самый древній городъ колоніи: это «Аѳины» южной Африки—такъ много въ немъ школъ; въ окрестностяхъ его, именно въ амфитеатрѣ горъ Fransche Hoek'a, т. е. французскаго квартала, поселилась, въ концѣ XVII вѣка, большая часть эмигрантовъ гугенотовъ. Парль (*Paarl*), село, длиною въ двѣнадцать километровъ, окаймляетъ дорогу около подошвы горъ Draken-steen; оно тоже было заложено въ первыя времена колонизаціи, и сады, апельсиновые рощи и бесѣдки, окружающіе этотъ «Перль»—названный такъ отъ гранитной глыбы, лежащей на скалѣ, какъ жемчужина на корнѣ,—дѣлаютъ изъ него одно изъ очаровательнѣйшихъ загородныхъ мѣстъ; окрестности Парля составляютъ самый значительный въ Капской области винодѣльскій округъ. Востокъ сѣверу лежатъ тѣнистое мѣстечко Веллингтонъ, за которымъ желѣзная дорога, проникающая внутрь страны, описываетъ большую дугу и, пользуясь горнымъ проходомъ, достигаетъ, въ долинѣ Breede-river, покатости Южнаго океана. Оба, и Парль, и Веллингтонъ, находятся въ верховомъ бассейнѣ рѣки Брейт-Бергъ, которая, принявъ притоки, исходящія изъ плодороднаго округа Тульбагъ и «Двадцати-Четырехъ Рѣкъ», изливается въ Атлантическій океанъ, въ бухтѣ Св. Елены. Правильный полукругъ почти постоянно волнуемаго залива Св. Елены ограничивается на сѣверо-западѣ мысомъ Св. Мартина. Къ югу отъ залива Св. Елены открывается бухта, или скорѣе озеро, Салданья, названное такъ по имени одного португальскаго адмирала, имя котораго вѣкогда прилагалось также и къ Столовой бухтѣ: здѣсь, неподалеку Васко де Гама былъ раненъ въ 1497 году готтентотами, а Францискъ д'Альмеида, вмѣстѣ съ своими спутниками, убитъ въ 1508 году. Входъ въ бухту легокъ, ея воды глубоки, а многочисленные природныя бассейны, защищаемые естественными гранитными молами, представляютъ превосходную якорную стоянку для судовъ. Но эту великолѣпную гавань,—которая во время господства голландцевъ была сборнымъ мѣстомъ для ихъ военныхъ кораблей и центромъ почтоваго сообщенія между Соединенными Провинціями и Восточной Индіей,—нынѣ едва пользуются: на берегахъ ея находится всего лишь нѣсколько фермъ и стоянокъ рыболововъ. Тамъ нѣтъ даже ни одной деревни; ближайшее мѣстечко, Мальмбери, находится болѣе чѣмъ въ 50 километрахъ на юго-востокъ внутрь страны, посреди обширныхъ полей пшеницы. Кэптаунъ отвлекъ всю торговлю отъ бухты Салданья.

Къ сѣверу отъ долины р. Great Berg, мѣстность, безводная на большей части своего

протяженія, весьма слабо населена; уѣздные города Пикетбергъ, Кланвильямъ, «печь» Капа, Кальвинія—просто села, въ которыхъ сосѣдніе пастухи приходятъ запасаться провизіей. Кальвинія, расположенная на высотѣ тысячи метровъ, въ высокой долинѣ горъ, между *Roggeveld*'омъ и *Hantam*'омъ, еще соединяется при посредствѣ большой дороги съ цивилизованными областями Капа; но по ту сторону, къ сѣверу, простираются пустыни Бушменленда, на которыхъ, по берегамъ лагунъ, обитаютъ лишь саны въ небольшомъ числѣ. Округъ малыхъ нама-куа—занимающій сѣверо-западную оконечность территоріи колоніи между Атлантическимъ океаномъ и нижнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки—былъ бы, вѣроятно, тоже оставленъ во владѣніе аборигенамъ, если бы эта гористая область не была столь богата мѣдною рудою. По сосѣдству съ главною вершиною, *Vogel-Klip*, т. е. Утесомъ Птицъ (1.324 метра), англійская компанія, обладающая территоріею въ 54 тысячи гектаровъ, разрабатываетъ, съ 1863 года, «ненстоцимые» рудники *Ookier*'а, которые ежегодно доставляютъ отъ десяти до двадцати тысячъ тоннъ руды, содержащей въ себѣ три десятыхъ чистой мѣди, болѣе плавкой, чѣмъ мѣдь изъ Чили. Главная шахта, уже вырытая болѣе, чѣмъ на 150 метровъ глубины, еще богаче металломъ, чѣмъ поверхностныя залежи; рудокопами, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, служатъ готтентоты и хереро, руководимые англичанами изъ Корнваллиса и тюрингенцами. Хотя лежащіе на высотѣ 960 метровъ, рудники *Ookier* связаны съ моремъ желѣзнымъ путемъ, въ 144 километровъ длины, движущею силою на которомъ служатъ мулы. Небольшая гавань, изъ которой вывозится руда, *Port-Nolloth*, нѣкогда посѣщалась американскими китоловами. Мѣдной руды изъ *Port-Nolloth*'а, въ 1886 году, было вывезено на 13.987.025 франковъ.

На востокъ отъ Капа и залива *False-bay*, часть территоріи, выдвигавшаяся къ югу отъ горъ, по направленію къ Игольному мысу, этой южной оконечности материка, представляетъ пастбищную область, на протяженіи которой находятся лишь два незначительныхъ мѣстечка: Каледонъ и Бредасдорпъ; но бассейнъ р. *Breede*, верхніе притоки которой зарождаются къ сѣверу отъ приморскихъ горъ, болѣе населенъ, благодаря большому обилію дождей, орошающихъ данную мѣстность. Главный городъ высокой долины, Ворчестеръ, расположенъ на главномъ пути сообщенія въ графѣ, на той желѣзной дорогѣ, которая соединяетъ Кэптаунъ съ Кимберлеемъ; отъ Ворчестера и начинается подъемъ на плоскогоріе: проникая въ боковую долину р. Нех или «Вѣдмы», дорога зигзагами поднимается вплоть до кровли тѣхъ террасъ, которыя господствуютъ надъ полями Ворчестера, на вы-

сотѣ 600 метровъ; самый же высокій пунктъ линіи, въ 124 километрахъ къ сѣверо-западу отъ Ворчестера, находится на высотѣ 1.094 метровъ. По сосѣдству съ Ворчестеромъ бьетъ изъ земли обильный источникъ теплой воды. Книзу, р. *Breede* протекаетъ по полямъ города Робертсона, а затѣмъ по полямъ Свеллендама (*Swellendam*), одного изъ старинныхъ городовъ колоніи, такъ какъ онъ былъ основанъ уже въ половинѣ XVIII столѣтія; отъ этого городка расходятся лучеобразно дубовыя аллеи, направляясь къ *kloofs*'амъ, т. е. къ дикимъ оврагамъ, проникающимъ въ сердце горы. Село Портъ-Бюфоръ, расположенное на лѣвомъ берегу рѣки, кверху отъ бара, принимаетъ въ своемъ портѣ нѣсколько небольшихъ судовъ: изъ всѣхъ гаваней, официально открытыхъ внѣшней торговлѣ колоніи, Портъ-Бюфоромъ пользуются всего менѣе.

Обширный бассейнъ р. Гауритса, который, на востокѣ, слѣдуетъ за бассейномъ р. Бреды, заключаетъ въ себѣ много второстепенныхъ городовъ колоніи. Бюфоръ-Вестъ—главная станція желѣзной дороги между Капомъ и берегами Оранжевой рѣки, на высотѣ 893 метровъ—собираетъ первыя воды, стекающія съ горъ *Nieuwe veld*'а, и распределяетъ ихъ по своимъ садамъ. Село Принцъ-Альбертъ въ безводной области Большаго Кару, также лежитъ на одномъ изъ уади, спускающихся къ Гауритсу; затѣмъ къ югу отъ высокаго вала, образуемаго Черными горами (*Zwarte-bergen*), на притокахъ Гауритса расположены два мѣстечка: Ледисмитъ и Оудтсгорнъ, изъ которыхъ послѣднее славится своимъ табакомъ, произрастающимъ на лучшихъ земляхъ колоніи, все еще плодородныхъ, несмотря на оотни лѣтъ непрерывной культуры. Къ сѣверу отъ *Oudtshoorn*'а, въ высокой боковой долинѣ открываются гроты Канго: сталактитовыя галереи, которыя еще не эксплуатируются полностью и въ которыя проникли на разстояніе почти двухъ километровъ. На нижнемъ теченіи Гауритса, извивающагося въ узкихъ ущельяхъ, нѣтъ ни городовъ, ни селъ. Риверсдаль, расположенный посреди пастбищъ Грасвелда, находится въ пятидесяти километрахъ къ западу отъ Гауритса, въ небольшой долинѣ, воды которой текутъ непосредственно къ морю. Аливаль (*Alival-Scouth*), приморскій портъ данной области, выстроенъ на западномъ берегу бухты *Mossel-lay*, при началѣ скалистаго полуострова мыса *Saint-Blaise*'а, который защищаетъ его отъ южныхъ вѣтровъ; въ портѣ этого города торговое движеніе довольно дѣятельно, и по значенію это четвертый портъ колоніи. Въ 1886 году общая цѣнность ввезенныхъ и вывезенныхъ изъ порта товаровъ равнялась 3.887.350 франкамъ; вошло же въ портъ и вышло изъ него по 187 судовъ, или, въ общемъ, 374 судна, вмѣстимостью въ

665.724 тонны. На востокѣ, въ прибрежной полосѣ, находимъ нѣсколько мѣстечекъ, у подножья горъ, которыя Троллопъ сравниваетъ съ Западными Пиренеями, и гдѣ, по его словамъ, находятся самыя живописныя мѣстоположенія въ Южной Африкѣ. Хорошенькое мѣстечко Джорджъ причется въ зелени; Мельвилль глядится въ золотистыя волны р. Книсны, вытекающей изъ лѣсистыхъ Outeniqua, и впадающей въ глубокой лиманъ, куда могутъ входить большія суда; Гумандорпъ окруженъ амфитеатромъ тоже лѣсистыхъ горъ. Во внутреннихъ долинахъ приморскихъ горъ расположены уѣздные города Юниондаль и Виллоуморъ. Еще далѣе къ сѣверу, въ безводной полосѣ Кару, но все еще на склонѣ къ Южному океану, находятся два административныхъ центра: Абердинъ и Муррейсбургъ.

Бассейнъ р. Сэвдэ, хотя одинъ изъ наименѣе обширныхъ бассейновъ колоніи, принадлежитъ къ числу наилучше воздѣланныхъ и самыхъ богатыхъ областей, благодаря своему положенію въ сравнительно влажной полосѣ, обращенной къ Индійскому океану, и прорѣзывающимъ его путямъ сообщенія: съ одной стороны, въ направленіи къ Оранжевой рѣкѣ и къ Голландскимъ республикамъ, а съ другой—въ направленіи къ странѣ кафровъ. Графъ-Рейнеть (*Graaf-Reinet*), голландскій городъ, существующій уже болѣе столѣтія, раскинулъ свои низкія постройки по берегу зарождающейся тамъ рѣки, которая дѣлится на каналы, проведенные по аллеямъ и садамъ; контрастъ между безводными плоскогоріями запада и этою долиною доставилъ ей прозвище «Алмазъ Пустыни». Города *Jansenville* и *Uitenhage*, слѣдующіе одинъ за другимъ на дорогѣ къ Порту-Елизаветы, какъ показываютъ ихъ имена, были основаны голландцами; однако *Uitenhage* принялъ вполне фizioномію англійскаго города, что объясняется тѣмъ, что въ 1820 году въ немъ поселилось весьма много британцевъ; нынѣ этотъ городъ служитъ излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія удалившихся отъ дѣлъ негоціантовъ, а въ праздничные дни его посѣщаютъ толпы гуляющихъ, для отдыха подъ сѣнью деревьевъ, на берегу текущихъ водъ. Впрочемъ, Уитенгаге—также городъ промышленный: въ разбѣянныхъ по долинамъ маленькихъ заведеніяхъ, чернокожіе рабочіе, почти все кафры, занимаются промывкою на машинахъ тѣхъ рунъ, которыя миллионами доставляются изъ восточныхъ пастбищъ колоніи.

Портъ-Елизаветы, находящійся въ 32 километрахъ къ юго-востоку отъ Уитенгаге, на западномъ берегу бухты Альгоа,—самый оживленный портъ всей Южной Африки, хотя городъ основанъ всего лишь въ 1820 году; за время одного поколѣнія онъ превзошелъ Кэптаунъ торговою важностью, хотя мореходныя

выгоды его рейда уступаютъ качествамъ рейда въ Столовой бухтѣ: даже правильные пакетботы идутъ изъ Англіи прямо въ Портъ-Елизаветы, не заходя въ Кэптаунъ; но, зато, вся торговля ведется при посредствѣ парходовъ: рѣдкія парусныя суда рискуютъ заходить въ его портъ. Онъ менѣе населенъ, чѣмъ столица, но хвалится, будто имѣетъ болѣе красивыя зданія, лучше устроены и болѣе снабжены средствами новѣйшей цивилизаціи. Въ колоніи, это городъ англійскій по преимуществу, и при малѣйшемъ поводѣ его жители считаютъ долгомъ громко заявлять о своей «лояльности». Въ Портъ-Елизаветѣ постройки покрываютъ обширный продолговатый холмъ съ отлогимъ спускомъ, а главная его улица тянется, параллельно пляжу, на пространствѣ слишкомъ четырехъ километровъ; его разрастающіяся предмѣстья простираются вдоль дорогъ внутри края, а внѣ верхняго города, на обнаженномъ плоскогоріи, группируются палатки, въ которыхъ проживаютъ кафры, временно прибывшіе въ городъ для заработковъ въ портъ. Недавно Портъ-Елизаветы былъ лишенъ воды, и потому вокругъ его вылились лишь жалкіе сады; но, благодаря водопроводу, протяженіемъ въ пятьдесятъ километровъ, несущему къ городу родниковую воду, богатая зелень украсила плоскогоріе, ботаническій садъ сталъ великолѣпенъ, а густые парки рѣзко отличаются блескомъ своей листвы отъ окружающихъ городъ печальныхъ нажитей съ рѣдкою и тощею травой.

Торговля Портъ-Елизаветы, которая въ послѣднее время весьма пострадала вслѣдствіе бѣшеней спекуляціи, состоитъ въ особенности въ вывозѣ шерсти и страусовыхъ перьевъ, и въ привозѣ мануфактурныхъ издѣлій изъ Англіи. Въ 1893 году общая цѣнность ввоза составляла 5.162.753, вывоза — 1.908.241 фунтовъ стерлинговъ; судовъ прибыло 551 (изъ нихъ 419 паровыхъ), съ общей вмѣстимостью 1.195.864 тонны. Рейдъ бухты Альгоа защищенъ вблизи города стрѣлкою мыса, который до сихъ поръ носитъ португальское названіе «Recife»; но въ лѣтніе мѣсяцы, съ октября по апрѣль, т. е. когда правильно дуютъ южные и юго-восточные вѣтры, морская волна разбивается на плоскихъ берегахъ съ необычайной силой, и матросы должны неуспѣшно заботиться о безопасности своихъ судовъ. Укрытыя за моломъ въ триста метровъ длиною могутъ только суда съ небольшою вмѣстительностью. По бухтѣ разбѣяны острова и подводные рифы: одинъ же изъ нихъ, о. Св. Креста (*Santa-Cruz*), около котораго кружатся стаи птицъ, былъ посѣщенъ Варооломеемъ Діазомъ, во время его достопамятнаго путешествія для открытій на югѣ Африки: на этой землѣ, гдѣ нога европейца впервые попирала берегъ Австраль-

наго океана. Діазъ воздвигъ столбъ въ честь Св. Григорія для засвидѣтельствованія факта завладѣнія островомъ. Два бьющіе на этомъ островкѣ ключа доставили ему также наименованіе Fountain-rock («скала съ фонтанами»).

Портъ-Елизаветы сообщается съ внутренней страной посредствомъ двухъ желѣзныхъ дорогъ: линіей, соединяющей его съ г. Графъ-Рейнеть, и болѣе важнымъ путемъ, раздвѣивающимся въ послѣдствіи, съ одной стороны, въ направленіи къ областямъ, лежащимъ по ту сторону Оранжевой рѣки, съ другой — къ Гремстауну и Кафраріи. Гремстаунъ (Graham's town) уступаетъ порту Елизаветы, какъ своею величиною, такъ и размѣрами торговли, но, по своему рангу, отъ выше его, будучи столицею на восточной области Капленда, мѣстопробываніемъ главныхъ административныхъ, судебныхъ и духовныхъ властей восточныхъ округовъ; въ 1878 году, когда федераллисты пытались укрѣпить могущество метрополиі путемъ соединенія англійскихъ провинцій и голландскихъ республикъ въ единое государство, на Гремстаунъ указывалось какъ на главный городъ въ политическомъ отношеніи, городъ союзныхъ колоній. Этотъ честолюбивый городъ не обладаетъ выгодой нахожденія на берегу моря, и чрезъ него протекаетъ лишь мелкій ручей; расположенъ онъ на высотѣ 527 метровъ, въ циркѣ, окруженномъ голыми холмами; однако, во всѣхъ улицахъ города заботливо насаждаютъ деревья; вообще это чистенькій и красивый городъ, и между городами колоній, которые почти всѣ отличаются здоровымъ климатомъ, Гремстаунъ можетъ считаться наиболѣе здоровымъ, благодаря умѣренности лѣтнихъ жаровъ и небольшой разницѣ въ зимней температурѣ; много больныхъ поселяются въ немъ съ цѣлю продлить свою жизнь. Основанный въ 1812 г., Гремстаунъ получилъ важное значеніе только съ 1820 года, со времени иммиграціи англичанъ, но тогда онъ сдѣлался главнымъ военнымъ постомъ во время «кафрскихъ войнъ» и часто служилъ убѣжищемъ пограничнымъ колонистамъ. Нынѣ ему уже не угрожаетъ ничто, казармы его обращены въ помѣщенія для административныхъ службъ, а окрестные кафры превратились въ мирныхъ земледѣльцевъ или въ трудолюбивыхъ ремесленниковъ. Бѣлое населеніе Гремстауна и его округа по преимуществу состоитъ изъ англичанъ; овцеводство было нѣкогда его главнымъ промысломъ, но такъ какъ область, называемая *Zuur veld*омъ, производитъ лишь «кислую» траву, не пригодную для стадъ, то во многихъ мѣстностяхъ овецъ замѣняли страусами. Здѣсь именно съ наибольшимъ успѣхомъ практиковалось разведеніе этихъ птицъ и приготовленіе страусовыхъ перьевъ.

Гремстаунъ зависитъ во внѣшней своей торговлѣ отъ Порты-Елизаветы. Но, такъ какъ ему хотѣлось имѣть и свой собственный портъ, то на ближайшемъ къ нему пунктѣ морскаго берега, въ устьѣ небольшой рѣки *Kowie*, были предприняты обширныя работы по прорытію бара и устройства складовъ; и отнынѣ войти въ рѣку и разгрузиться на набережной новаго порта, названнаго Портъ-Альфредъ, могутъ уже корабли съ водонзмѣщеніемъ болѣе двухъ съ половиною метровъ. Гремстаунъ соединенъ съ Портъ-Альфредомъ желѣзною дорогою, которая проходитъ чрезъ земледѣльческое мѣстечко Батуретъ (Bathurst). Въ 1886 году, вошедшихъ въ Портъ-Альфредъ и вышедшихъ изъ него кораблей было 117, а общая вмѣстимость ихъ равнялась 214.292 тоннамъ. Лѣтомъ на сосѣднихъ пляжахъ около порта виднѣются многочисленныя купающіеся. Мысъ, находящійся на западѣ и ограничивающій выпѣску бухты Альгоа, называется «cap Pardone», безъ сомнѣнія, вслѣдствіе того, что португальцы, какъ это они дѣлали и на многихъ другихъ мысахъ морскаго побережья, нѣкогда воздвигли «padrao» (колонну) и на немъ. Около этого мыса находится также новое село Александрія.

Бассейнъ Большой Рыбной рѣки (*Great Fish-river*), извивающейся къ востоку отъ холмовъ Гремстауна, начинается на хребтѣ высокихъ сѣверныхъ горъ, по сосѣдству съ Оранжевой рѣкой, и дѣлится на нѣсколько избирательныхъ округовъ. Миддельбургъ, расположенный на одномъ изъ верховыхъ притоковъ рѣки, находится уже на томъ подъемѣ, по которому желѣзная дорога изъ Порты Елизаветы взбирается на Босвортскій перевалъ, лежащій на высотѣ 1.580 метровъ, — слѣдовательно, выше, чѣмъ перевалы желѣзныхъ дорогъ въ Альпахъ, — а затѣмъ снова спускается въ прибрежныя равнины Оранжевой рѣки. Городъ Крадокъ на томъ же берегу *Great Fish-river*, также какъ и Таркастадъ на одномъ изъ ея притоковъ, есть одинъ изъ рыночныхъ колоній по вывозу шерсти; въ окрестностяхъ *Craddock's* еще водится нѣсколько паръ квагги, которую нынѣ охраняетъ законъ объ охотѣ¹⁾. *Somerset* и *Bedford* — также земледѣльческіе центры, тогда какъ *Fort-Beaufort* сохранилъ еще кое-что изъ своего прежняго военного вида; онъ былъ передовымъ постомъ въ краѣ кафровъ, и въ 1851 году отразилъ нѣсколько яростныхъ штурмовъ туземцевъ. Округъ, простирающійся къ сѣверу, на южномъ склонѣ *Eland-berg's*, называется нынѣ Стоккенстромъ (*Stockenstrom*): это была колонія на р. *Kat-river*, до войны 1851 года принадлежавшая исключительно готтентотамъ; но такъ какъ земля тамошнія плодородна и хорошо оро-

¹⁾ Holub, „Sieben Jahre in Süd-Afrika“.

паются р. Катъ-риверъ, то бѣлые и наши обычные предлоги для ихъ захвата; нынѣ посреди прежней готтентотской энклавы находится мѣстечко Сеймуръ, обитаемое англичанами. Южнѣе, мѣстечки *Lovedale*, центр миссій и школъ, и *Alice* лежатъ въ долинѣ рѣки Кейскамма (*Keiskamma*); недалеко отсюда, бывший военный постъ *Fort-Peddie*, сталъ главнымъ мѣстечкомъ той «нейтральной полосы», которую нѣкогда ограничивали съ одной стороны Большая Рыбная рѣка, а съ другой Кейскамма.

На востокѣ пограничная область, оспаривавшаяся у туземцевъ еще позднѣе, тоже имѣетъ свои колоніи бѣлыхъ. Столицею этой завоеванной территоріи служитъ *King-William'stown* (городъ короля Вильяма), вообще извѣстный просто подъ именемъ Кинга: это — большой складочный пунктъ и главный посредникъ въ торговлѣ между англійскою колоніею и кафрами. Почти всѣ фермы по берегамъ протекающей черезъ этотъ городъ рѣки Буфалло (*Buffalo-river*), разбѣяныя по окрестностямъ, населены нѣмцами, потомками солдатъ англо-германскаго легіона, распущеннаго послѣ Крымской войны; Берлинъ, Потсдамъ, Брауншвейгъ, Франкфуртъ — таковы наименованія селеній въ этой странѣ. Подобно *Graham'stown'u*, *King* пожелалъ имѣть свой портъ: посредствомъ желѣзной дороги онъ соединенъ съ одною изъ наиболѣе опасныхъ на южномъ берегу пристаней — Восточнымъ Лондономъ (*East London*), подойти къ которой часто нельзя бываетъ по нѣсколькимъ днямъ подрядъ. И хотя предпринимались большія работы, устраивались набережныя и молы, углублялся входъ въ портъ, но все это оказалось безуспѣшнымъ: прежде р. *Buffalo*, изливающаяся здѣсь въ море, иногда, при своихъ внезапныхъ разливахъ, смывала также свой баръ, и тогда въ портъ могли входить суда съ осадкой въ шесть метровъ; нынѣ же баръ укрѣпился, и покрывающій его слой воды не бываетъ толще двухъ съ половиною метровъ. Въ южной Африкѣ сложилась даже поговорка, что Восточный Лондонъ — одинъ изъ портовъ, предпочтительно избираемыхъ тѣми арматорами, которые хотятъ погубить свое судно — вмѣстѣ съ экипажемъ, конечно, — чтобы получить страховую премію¹⁾ Тѣмъ не менѣе, *East-London* — второй портъ колоніи по вывозу шерсти. Такъ, въ 1886 г., шерсти было вывезено изъ Истъ-Лондона — 7.088.500 килограммовъ. Вошло въ портъ 277 судовъ, съ вмѣстимостью въ 525.968 тоннъ; вышло 377, съ вмѣстимостью въ 527.238 тоннъ. Общая цѣнность товарообмѣна равнялась 29.929.900 франкамъ. *Въ

это послѣднее время гавань его, при помощи землечерпательныхъ машинъ, значительно улучшена; такъ что суда съ осадкой въ 5 метровъ могутъ приставать къ набережнымъ р. Буффало*.

King William's town, подобно главнымъ городамъ запада, соединенъ съ долиною Оранжевой рѣки желѣзной дорогой, взбирающейся въ горы. Она идетъ на *Stutterheim*, *Cathcart* и *Queen'stown*, по хорошо орошенной области, нѣкогда принадлежавшей кафрамъ племени тамбуки, затѣмъ огибаетъ пирамидальную массу *Hang-Klip* и переваливаетъ черезъ гребень Стормбергена на значительной высотѣ 1.702 метра, т. е. на 240 метровъ выше Пуи-де-Дома. Спускаясь, затѣмъ, эта желѣзная дорога пересѣкаетъ каменноугольные копи Мольтено, доставляющія уголь для желѣзнодорожной сѣти колоніи; послѣ этого, достигнувъ равнины, она направляется на *Burghers* и подходит къ берегу Оранжевой рѣки на станціи *Aliwal-North*; на этой станціи производится весьма дѣятельная торговля съ Оранжевой республикой, территорія которой начинается по ту сторону рѣки. Соединяетъ *Aliwal-North* съ предмѣстьемъ на противоположномъ берегу мостъ въ 260 метровъ. На востокѣ области, заключающаяся между рѣками Оранжевою и Толле и гребнемъ горъ Куатламба, причисляется еще къ Капской колоніи. Главныя села въ этомъ альпійскомъ краю: *Heischel*, выстроенное на лѣвомъ берегу Оранжевой рѣки, и *Barkly*, расположенное въ горной долинѣ, близъ р. Крааль, впадающей въ Оранжевую рѣку въ небольшомъ разстояніи кверху отъ *Aliwal-North'a*.

На западѣ, полоса колоніальной территоріи, принадлежащая къ бассейну Оранжевой рѣки, постепенно расширяется, но на этихъ высокихъ равнинахъ, нѣкогда обитаемыхъ мириадами большихъ млекопитающихъ, а нынѣ предоставленныхъ пастбищъ скота, города и селъ рѣдки. Городъ Кольтсбергъ (*Colesberg*), соединенный желѣзною дорогою съ Портомъ Елизаветы, служитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, предназначенныхъ для Оранжевой республики: международный мостъ пересѣкаетъ здѣсь рѣку въ тридцати километрахъ къ сѣверо-востоку отъ города. Два другихъ моста слѣдуютъ за нимъ на сѣверо-западѣ, между территоріею колоніи и ея новымъ приобретениемъ, *Griqua-land-West'om*; одинъ изъ этихъ мостовъ находится на желѣзной дорогѣ, направляющейся изъ Кэптауна въ страну Аламзоль; а другой, находящійся около города Нопетовна, представляетъ самое замѣчательное изъ построекъ этого рода въ предѣлахъ Капской колоніи: общая длина его равняется 427 метрамъ. Нопетовна (*Hopetown*), находясь на разстояніи болѣе, чѣмъ тысячи километровъ отъ Атлантическаго океана, является

¹⁾ Anthony Trollope, „South-Africa“; — De Hubner, „A travers l'Empire Britannique“.

последнимъ изъ прибрежныхъ городовъ на Оранжевой рѣкѣ; внизу отъ него есть только отдѣльныя фермы, краали готтентотовъ, миссіонерскіе станы, германская «колонія *Штольценфилльс*» и становища бушменовъ. Дальше внутрь, къ подошвѣ горъ, находятся нѣсколько деревень, служащихъ рынками для окрестныхъ пастуховъ; таковы: *Hanover, Richmond, Victoria-West, Fraserburg* и *Carnarvon*.

По переписи 1891 г., главнѣйшіе города Капской колоніи имѣли слѣдующее число жителей: Кэптаунъ (Капштадтъ)—51.000 жит. (съ предмѣстными — 84.000); Кимберлей — 29.000; Портъ-Элизабетъ — 23.000; Гремстаунъ — 10.000; Биконсфилдъ — 10.000; Наарль—8.000; Кингъ-Вильямстаунъ—7.000; Восточный Лондонъ (Истъ-Лондонъ)—7.000; Граафъ-Рейнетъ—7.000; Ворчестеръ—6 000; Уитенгаге—5.000 жит.

Населеніе колоніи быстро увеличивается вслѣдствіе избытка рожденій; семейства весьма многочисленны: указываютъ такихъ патриарховъ, семьи которыхъ заключаютъ болѣе двухсотъ еще живущихъ потомковъ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, число жителей еще очень мало въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ территоріи, пригодной для пользованія. Южная Африка, по крайней мѣрѣ во всей ея приморской области, пользуется такимъ климатомъ, который позволяетъ воздѣлывать почву, и каждый фермеръ считаетъ честью производить въ своей оградѣ одновременно «зерно и вино, мясо и шерсть». Продажная цѣна земли еще не велика, если только помѣстье находится не въблизи городовъ или не въ очень хорошо орошаемой мѣстности, гдѣ преобладаетъ уже спекуляція; въ среднемъ, цѣнность хорошихъ земель колеблется между 30 и 100 франками за гектаръ; въ округахъ же съ безводною почвою за эту цѣну можно купить участокъ въ квадратный километръ. Большая часть пахатной земли колоніи находится уже въ рукахъ частныхъ собственниковъ; но также существуютъ и обширные кустарники и нѣтъмъ не занимаемая земли, которыми владѣтъ «корона» и которая, послѣ кадастрированія ихъ, поступаютъ въ продажу. Покупщикъ обязуется или уплачивать ежегодно двадцатую часть оцѣночной стоимости, или же вносить всю цѣну сразу. Въ восточныхъ округахъ, прежнихъ «выгонныхъ» территоріяхъ капскихъ пастуховъ, большія пространства конфискованныхъ у непріятеля земель были подѣлены на участки, величиной отъ 320 аровъ до 200 гектаровъ, а въ большинствѣ даже и на меньшія доли; эти земли продавались, однако, только такимъ покупателямъ, которые не были еще собственниками имѣній, превышающихъ

200 гектаровъ. Такимъ путемъ хотѣли создать мелкую земельную собственность, и въ этой области дѣйствительно земля весьма раздроблена: англичане, германцы, готтентоты и кафры живутъ тамъ другъ подлѣ друга въ качествѣ мирныхъ земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ болѣе къ западу и въ особенности въ пастушескихъ краяхъ преобладаетъ крупное землевладѣніе; въ среднемъ, концессіонеры завладѣли пространствомъ, вчетверо превышающимъ октропированное имъ правительствомъ¹⁾. Даже по сосѣдству съ Кэптауномъ не рѣдки имѣнія въ тысячу и болѣе гектаровъ; Южная Африка, подобно Великобританіи, имѣетъ, слѣдовательно, и свою земельную аристократію. Къ 31 декабря 1886 года частновладѣльческихъ земель состояло 36.356.808 гектаровъ, и оставалось еще подлежащихъ продажѣ—18.977.930 гектаровъ*. Къ 31 декабря 1894 г. общая площадь состоящихъ во владѣніи колонистовъ земель составляла 417.594 кв. километр., изъ которыхъ въ одномъ только 1894 г. было приобрѣтено колонистами 10.427 кв. килом., въ 1.269 участкахъ; при этомъ состояло еще 165.301 кв. килом. въ распоряженіи казны, которая владѣла также 1.390 кв. килом. лѣсныхъ дачъ*.

Хлѣбные злаки приносятъ урожай весьма удовлетворительные для вознагражденія трудовъ земледѣльца; но, тѣмъ не менѣе, въ колонію ежедневно ввозится мукою и зерномъ хлѣба на сумму отъ 7 до 15 милліоновъ франковъ. Пшеницу сѣютъ въ особенности въ сосѣдствѣ двухъ главныхъ городовъ, на востокѣ и на западѣ, а также и въ сѣверо-восточныхъ округахъ, сосѣднихъ съ Кафрарією и Оранжевою республикою. Мансъ и просо являются предпочтительными хлѣбными растеніями въ восточныхъ округахъ, пограничныхъ съ Кафрарією; но тамъ, какъ и повсюду въ колоніи, хорошо удаются и всѣ питательныя растенія умѣренной полосы Европы. Табакъ въ особенности воздѣлывается въ долинѣ рѣки Олпфанта, восточнаго притока Гауритса: годичный сборъ табачнаго листа достигаетъ приблизительно полутора милліона килограммовъ (въ 1894 г.—2.406 тоннъ), которые всецѣло и потребляются въ предѣлахъ колоній Южной Африки. Извѣстно также, что виноградная лоза представляетъ одно изъ первыхъ европейскихъ растеній, введенныхъ колонистами Капа; эмигранты-гугеноты выкапывали ее изъ садовъ, чтобы развести настоящіе виноградники, и округи, гдѣ гугеноты поселились, еще и до сихъ поръ болѣе всего славятся въ колоніи качествомъ своихъ винъ. Климатъ юго-западной оконечности материка удивительнымъ образомъ благопріятствуетъ разведенію винограда, и возможно, что въ этомъ отношеніи

¹⁾ De Hubner, „A travers l'Empire britannique“.

¹⁾ G. Mac Coll Theal, *упом. соч.*

не существуетъ другой области на земной поверхности, которая находилась бы въ столь же благоприятныхъ условіяхъ: за весенними дождями, способствующими развитію побѣговъ и гроздій, слѣдуютъ лѣтніе жары, хотя и содѣйствующіе созрѣванію ягодъ, но, благодаря нормальной влажности атмосферы, все-таки не изсушающіе ихъ. Поэтому, годичная производительность виноградарей превосходитъ производительность ихъ въ другихъ странахъ свѣта; эта разница между ними такъ велика, что можетъ показаться «невѣроятной» большинству виноградарей: въ то время, какъ въ различныхъ краяхъ, производящихъ виноградъ, продуктивность гектара колеблется между 14 и 15 гектолитрами (во Франціи, напр., въ особо благоприятномъ 1875 году она равнялась 30, въ среднеурожайный 1883 годъ—18, а въ несчастливый 1885 г. всего лишь 14 гектолитрами), въ приморскомъ округѣ Капа она достигаетъ 86 гектолитровъ, а во внутреннихъ округахъ, отъ Worcester'a до Oudtshorn'a, количество продукта, получаемое съ гектара, доходитъ до 173 гектаровъ¹⁾. Несмотря, однако, на такую чрезвычайную продуктивность, въ западной части колоніи воздѣлываютъ подъ виноградники лишь довольно небольшую часть изъ пригодныхъ для этого земель: такъ, хотя эта культура изъ года въ годъ все и возрастаетъ, notwithstanding въ 1886 году подъ виноградниками не насчитывалось еще и десяти тысячъ гектаровъ. Въ 1894 г. во всей Капской колоніи насчитывалось 85.706.974 лозы, которыя дали 207.019 гектолитр. вина, 62.855 гектол. водки и 717.244 килограм. изюма. Правда, уборка винограда обыкновенно совершается неразумно, а большая часть винъ, дурно приготовленныхъ и подмѣшанныхъ водою, не нравятся любителямъ. Вообще, прославленность капскихъ домашнихъ винъ, весьма значительная въ первую половину текущаго вѣка, съ тѣхъ поръ значительно уменьшилась; нѣкоторые виноградары, однако, трудятся надъ восстановленіемъ этой утерянной славы. Пострадали капскіе виноградары, въ свою очередь, также и отъ *oidium*'a, а въ 1886 году, въ нѣкоторыхъ участкахъ около столицы была обнаружена даже и *phylloxera*.

Скотоводствомъ и связанными съ нимъ промыслами занимается, какъ полагаютъ, третья часть жителей колоніи (по исчисленію, относящемуся къ концу 1895 г., земледѣліемъ, вмѣстѣ съ скотоводствомъ, заняты 672.458 лицъ). Порода лошадей—происшедшая отъ производителей, привезенныхъ съ Ла-Платы и улучшенная, затѣмъ, примѣсью арабской и англійской крови—обладаетъ рѣдкими качествами въ отношеніи силы, ловкости и выносливости, и у конно-заводчиковъ есть уже «золотая книга»

съ прозваніями прославившихся скакуновъ; число лошадей въ колоніи въ 1894 г. около 340.000. Крупный рогатый скотъ далеко превышаетъ численность лошадей (въ 1894 г.—1.930.800 головъ); происходитъ онъ отчасти отъ тѣхъ длиннорогихъ животныхъ, которыя имѣлись у готтентотовъ ко времени прибытія первыхъ колонистовъ; съ тѣхъ поръ порода въ теченіе долгаго времени видоизмѣнялась, вслѣдствіе скрещиванія съ животными, привозимыми изъ Англіи и Голландіи. Сотни тысячъ быковъ употребляются единственно для перевозки людей и товаровъ въ округа колоніи и въ сосѣдніе края, еще не пересѣченные желѣзными путями; нѣкоторые фермеры специально занимаются разведеніемъ быковъ подъ выюкъ и подъ гоньбу: Южная Африка—единственная страна въ свѣтѣ, въ которой имѣется этотъ промыселъ, унаслѣдованный отъ готтентотовъ и кафровъ. Но, съ другой стороны, молочныя коровы сравнительно весьма не многочисленны: собраніе молочныхъ скоповъ и приготовленіе масла производится фермерами только по сѣдству съ большими городами. Отъ эпизодовъ часто исчезали цѣлыя стада.

Нынѣ главное богатство колоніи заключается въ стадахъ овецъ. Когда голландцы поселились въ странѣ, они нашли тамъ овецъ съ жирнымъ хвостомъ и жесткою шерстью, встречающуюся въ большей части африканскаго материка; такихъ животныхъ насчитываютъ у бѣлыхъ и желтыхъ фермеровъ колоніи и пониѣ около милліона головъ; недавно число ихъ даже увеличилось, такъ какъ мясо этой породы весьма цѣнится; вслѣдствіе этого, ее преимущественно и разводятъ для убоя на мясо. Первые европейскія овцы съ тонкою шерстью были привезены только въ 1790 году, и въ 1830 году вывозъ шерсти съ Капа не превышалъ еще и пятнадцати тоннъ: тканье шерсти было не извѣстно въ краѣ, и даже оспорю въ старинныхъ семействахъ голландскихъ буровъ не найдется ни одной женщины, которая умѣла бы держать прялку и связать пару чулокъ. Производство шерсти стало значительнымъ только около середины текущаго вѣка; затѣмъ, оно быстро возросло, и въ 1872 году промыселъ этотъ достигъ наибольшей степени процвѣтанія. Послѣ этого, онъ значительно уменьшился, вслѣдствіе продолжительныхъ засухъ и, вѣроятно, также вслѣдствіе того, что шерсть изъ Оранжевой республики, нѣкогда вывозимая чрезъ Капскую колонію и считавшаяся капскою и по происхожденію, нынѣ вывозится чрезъ Наталь. Впрочемъ, изъ Капа въ 1896 году вывезено шерсти на сумму 1.875.000 фунт. стерл. Въ 1894 г. насчитывалось 15.154.753 овцы, изъ нихъ 13.631.011 мериносовъ. Капскіе бараны и овцы были, благодаря своему руну, главными дѣятелями по разсѣванію растительныхъ видовъ; повсюду

¹⁾ D. Hahn, „John Noble's Cape of Good Hope“.

ду, куда они ни проникаютъ, они приносятъ съ собою также и сѣмена тѣхъ странъ, гдѣ паслись; внѣшній видъ растительности во многихъ мѣстностяхъ странъ, находящихся къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, вполне измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ тамъ стали заниматься овцеводствомъ. Съ половины текущаго столѣтія капскіе скотоводы стали акклиматизировать въ своемъ краѣ также ангорскую козу, и существуетъ мнѣніе, будто «могеръ» — т. е. козья шерсть, происходящая изъ Южной Африки, превосходитъ такую же шерсть изъ Малой Азіи тонкостью и нѣжностью, хотя, однако, не можетъ сравниться съ нею своимъ блескомъ. Въ 1896 году вывезено козьей шерсти изъ капской колоніи на сумму 572.000 фунт. стерл. Въ паркахъ колоніи пасутся тысячами различные виды одомашненныхъ антилопъ, главнымъ образомъ породы, называемой *boute-boks*.

До 1864 года страусъ былъ для капскихъ колонистовъ лишь дичью и преслѣдовался такъ усердно, что предвидѣли уже время, когда онъ долженъ былъ совершенно исчезнуть изъ Южной Африки. Однако, два фермера, въ различныхъ мѣстахъ колоніи, занялись прирученіемъ страусовъ и замѣною охоты на этихъ птицъ ихъ разведеніемъ: послѣдствіемъ этого и былъ тотъ фактъ, что, при сельско-хозяйственномъ кадастрированіи въ 1855 году, въ живомъ инвентарѣ колоніи насчитывалось уже 80 страусовъ, доставлявшихъ для вывоза около пятидесяти килограммовъ перьевъ, впрочемъ, менѣе красивыхъ, чѣмъ перья дикихъ варварійскихъ страусовъ. Прирученіе мало-по-малу измѣнило характеръ этого дикаго животного, столь пугливаго и столь яростнаго, и безъ большой опасности уже можно было воспитывать молодыхъ цыплятъ; но значительное развитіе промыселъ получилъ только послѣ введенія на фермахъ искусственнаго высиживания. Число птицъ быстро увеличилось, и въ 1882 году оно достигло приблизительно полтора тысячь; при этомъ, количество вывозимыхъ перьевъ равнялось 114.000 кил., а общая ихъ цѣнность достигла 27.350.000 франковъ; охотно платили по 250 франковъ за вылупившагося изъ яйца страуса, а взрослые птицы съ красивымъ опереніемъ цѣвились въ тысячи и тысячи франковъ. Однако, съ 1883 года, страусоводство перестало быть такимъ выгоднымъ; болѣзнь уменьшила надежды на выходъ цыплятъ; издержки возросли; и—еще болѣе важное обстоятельство—непостоянство моды убавило болѣе чѣмъ на половину цѣнность страусовыхъ перьевъ: такъ, средняя стоимость килограмма ихъ на Капѣ достигала въ 1860 году 446 франковъ, а въ 1884 году она уже равнялась всего лишь 228 франкамъ; сдѣлавшись менѣе рѣдкими, эти великолѣпные уборы перестали уже счи-

таться неопѣваемыми. Со вѣмъ тѣмъ, Капская колонія до сихъ поръ сохранила за собою виртуальную монополію на этотъ родъ торговли: попытки одомашнить страуса въ Алжирѣ, Триполѣ, Австраліи, на берегахъ Ла-Платы и въ Калифорніи не увѣнчались успѣхомъ, а для воспрепятствованія вывоза этого животнаго. Капское правительство установило вывозную пошлину въ 2.500 франковъ за каждого страуса и въ 125 франковъ за каждое его яйцо. Въ 1894 году страусовъ насчитывалось 240.191; перьевъ было вывезено въ 1896 г. на сумму 520.000 фунт. стерл.

Для разведенія животныхъ, а также и для земледѣлія въ собственномъ смыслѣ этого слова, необходимо большое количество воды, а между тѣмъ сильно бьющіе ключи и постоянные ручьи рѣдки; отсюда является забота земледѣльцевъ о задержаніи дождевыхъ водъ и о предотвращеніи ихъ растраты. Оросительныя каналы распределяютъ по прибрежнымъ полямъ оплодотворяющую воду большей части рѣкъ; кромѣ того, рѣчная вода и прямо накачивается при посредствѣ насосовъ и водоналивныхъ машинъ. Но тамъ, гдѣ не бьютъ ключи, а также не протекаютъ и рѣки, приходится обнаруживать присутствіе скрытыхъ водъ, рыть колодцы въ тѣхъ ложбинахъ, по которымъ проходятъ глубокія струи, а также и вдоль образуемыхъ скалами запрудъ, задерживающихъ потоки водъ на ихъ подземномъ пути. Пастухи пустыни Кару весьма опытни въ распознаваніи, по растительности на поверхности, тѣхъ скопленій воды, которыя образуются въ глубинѣ. Большая часть собственниковъ, въ помѣстьяхъ которыхъ имѣются овраги или наклонъ поверхности, воспользовались этимъ для возведенія плотинъ, передъ которыми и собираются дождевыя воды: нѣкоторыя изъ такихъ искусственныхъ озеръ имѣютъ по нѣсколько километровъ въ окружности и содержатъ, послѣ дождей, миллионы кубическихъ метровъ воды. Благодаря этимъ водохранилищамъ, видоизмѣнились также и многія области Кару: большія деревья, плодовые сады и зеленые луга видѣются тамъ, гдѣ прежде находились только безплодная земля, съ разсѣянными по нимъ колючимъ кустарникомъ. Пожирающія траву тучи саранчи появляются послѣ долгихъ промежутковъ времени, лѣтъ черезъ 15 или 20.

До недавняго времени капскіе англичане и голландцы ограничивались лишь пользованіемъ почвою и отсылкою въ Европу своего сырья; ихъ мѣстные, немногочисленные промыслы состояли лишь въ выдѣлкѣ вещей, самыхъ необходимыхъ въ повседневномъ обиходѣ. Нынѣ уже не то: колонія научается обходиться безъ великобританскихъ произведеній, и для содѣйствія развитію своей собственной промышленности она стала принимать даже и запрети-

тельные мѣры. У Капа уже имѣются свои винокурни, пивоварни и мукомольныя мельницы, скорняжни и мыловарни, мастерскія для производства мебели, повозокъ и машинъ; уже существуютъ попытки ткать шестъ и готовить сукна; Капская колонія снабжаетъ Англію всякаго рода консервами и вареньями, тайною приготовленія которыхъ еще недавно обладали голландскія хозяйки. Капъ—также край и горно-промышленный, и между прибывающими туда искать счастья переселенцами есть также многочисленные рудокопы изъ Корнваллиса, удаляющіеся изъ своей родины, вслѣдствіе обѣднѣнія англійскихъ рудъ. Разработка мѣдной руды въ области племени намакуа и каменноугольныя копи въ горахъ (тормбергенъ составляютъ главные горные промыслы колоніи; кромѣ того, методически собирается гуано на островахъ западнаго берега и соль какъ въ тѣхъ приморскихъ бухтахъ, дно которыхъ выступаетъ изъ-подъ воды, такъ и въ низинахъ Кару и бассейна Оранжевой рѣки. Капская соль, превосходная для солений, употребляется и на нѣкоторыхъ тоняхъ, заготавливающихъ соленую рыбу, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза въ Англію. Въ 1884 году Капская рыболовная флотилія состояла изъ 335 судовъ, съ экипажемъ въ 1.800 человекъ. Соленой рыбы было вывезено 1.234.000 килограммовъ на сумму 405.150 франковъ.

Торговля колоніи, возрастающая съ каждымъ десятилѣтіемъ и гораздо быстрее, чѣмъ число ея жителей, однако, временно сократилась съ тѣхъ поръ, какъ засухи, биржевыя спекуляціи, перемѣны моды и соперничество уменьшили вывозъ шерсти и страусовыхъ перьевъ; но, и при этомъ уменьшеніи, внѣшняя торговля, при раскладкѣ цѣнности ея на каждого жителя—бѣлаго, желтаго и чернаго—окажется равною заграничной торговлѣ Франціи. Такъ, въ очень благоприятный 1882 годъ, балансъ Капской торговли равнялся 466.965.485 франкамъ; въ 1886 году было ввезено на 94.981.526 франковъ и вывезено на 178.133.900 франковъ, или вмѣстѣ на 273.115.425 фр., что составитъ около 200 франковъ на человека. *Въ 1896 г., специальная торговля колоніи выразилась слѣдующими цифрами: по привозу—17.347.000, по вывозу—16.700.000 фунт. стерл. *Почти вся капская торговля и въ особенности вывозная ведется съ Соединеннымъ Королевствомъ; затѣмъ, изъ того незначительнаго остатка, который приходится на всѣ остальныя страны, болѣе одной трети выпадаетъ на долю другихъ британскихъ колоній.

Распределеніе внѣшней торговли колоніи по странамъ: въ 1896 г. (въ тысячахъ фунт. стерл.):

Съ Великобританіею—29.015; съ другими англійскими колоніями—913; съ Соединенны-

ми Штатами—1.730; съ Германіею—1.082; съ Бельгіею—335; съ Бразиліею—324; съ прочими странами—593*.

Прямой торговли Франціи съ Капской колоніей почти не существуетъ. Для привоза и вывоза всѣхъ товаровъ служатъ почти только одни англійскія суда: такъ, изъ 5.447.217 тоннъ общей вмѣстимости судовъ, бывшихъ въ 1885 году въ портахъ Капской колоніи, на долю британскихъ пришлось 5.140.000 тоннъ. *Движеніе судоходства въ портахъ колоніи: въ 1896 г.: въ приходѣ—2.384 судна, вмѣстим. 6.029.097 тоннъ; въ отходѣ—2.361 судно, вмѣстим. 6.012.618 тоннъ*. Хотя прорытіе Суэзскаго перешейка, такъ оказавъ, устранивъ Капъ, удаливъ его отъ главной дороги между Западною Европою и Индіею, тѣмъ не менѣе, онъ посѣщается нынѣ гораздо болѣе, чѣмъ въ то время, когда Красное море еще было отдѣлено отъ моря Александрійскаго. При этомъ должно также замѣтить, что, благодаря успѣхамъ въ механикѣ, пакетботы между Англіею и Австраліею получили возможность, не заходя въ капскіе порты за провизіею и углемъ, проплывать вдали береговъ Южной Африки. Та доля британской торговли, которая совершается при посредствѣ судовъ, огибающихъ мысъ Доброй Надежды, но не пристающихъ къ Африкѣ, исчисляется въ 1.250 милліоновъ франковъ въ годъ. Телеграфный кабель, соединяющій другъ съ другомъ порты западнаго берега Африки, также связываетъ Капъ съ телеграфною сѣтью Европы и Новаго Свѣта.

Сѣтъ путей сообщенія внутри края возрастаетъ быстро. Извѣстно, какъ нѣкогда дѣлались здѣсь путешествія, какъ голландскіе буры совершали свои *trekken* изъ прибрежныхъ областей въ края по ту сторону горъ. Дорогъ не было; приходилось держаться измѣнчивыхъ слѣдовъ отъ прежнихъ проѣздовъ, пробираясь между песками и грязью, кустарниками и камнями. Повозки, которыми пользовались при подобныхъ путешествіяхъ, строились изъ упругаго и крѣпкаго дерева, скрепѣншаго при каждомъ толчкѣ; имъ придавали большую ширину, дабы онѣ не могли опрокинуться на косогорахъ, а внутри эти повозки дробились на отдѣленія для помѣщенія тамъ сѣстныхъ припасовъ, хозяйственныхъ принадлежностей, товаровъ и постелей: прочная парусина защищала отъ вѣтра, пыли и дождя путешественниковъ, расположившихся въ этомъ катящемся домѣ. Обычно семейства переселялись по нѣскольку вмѣстѣ, для оказанія взаимной помощи во время бури, а также и при нападеніяхъ дикарей или звѣрей: шесть, десять повозокъ тянулось слѣдомъ одна за другою, будучи запряжены каждая нѣсколькими парами воловъ въ ярмо, но безъ возжей; вожатый понукалъ воловъ голосомъ, поддѣрживая

по временамъ свои понуканія ударами хворостивы длиною въ нѣсколько метровъ. Почти всегда передъ первую парюю воловъ шелъ молодой парень, заставляя ее поворачивать направо или налево, а при переправѣ черезъ рѣки даже плылъ передъ животными, воодушевляя ихъ своимъ примѣромъ и препятствуя имъ останавливаться, такъ какъ, иначе, течение могло бы опрокинуть всю упряжку. Хотя грузъ каждой повозки не превышалъ одной тонны, но при поднятіяхъ на скалы обычная упряжка оказывалась недостаточной; приходилось припрягать еще нѣсколько животныхъ и такимъ образомъ десять, двѣнадцать паръ воловъ перетаскивали чрезъ трудное мѣсто одну телегу, а затѣмъ возвращались назадъ за второю, третьею и слѣдующими повозками. Иногда приходилось даже разбирать повозки и переносить ихъ поштучно черезъ скалистые мѣста. Часто животные падали мертвыми отъ изнеможения, и тогда путешественники располагались станомъ въ пустынѣ, въ ожиданіи, пока гонцы не добудутъ подкрѣпленій. И, однако, несмотря на всѣ опасности, на всѣ трудности подобныхъ путешествій, объ нихъ всегда вспоминали съ радостью, а возобновляли ихъ съ удовольствіемъ. Вечеру повозки располагали кругомъ, зажигали большіе костры, чтобы отогнать дикихъ звѣрей, свѣтящіеся глаза которыхъ порою блитали въ кустахъ, и до поздней ночи развлекались отъ дневныхъ трудовъ музыкою и танцами.

Нынѣ уже не совершаютъ этихъ длительныхъ путешествій по Капской колоніи; телеги служатъ только для проѣзда и доставленія товаровъ въ отдаленныя деревни. Сѣтъ большіхъ, проѣзжихъ для экипажей, дорогъ избородила территорию во всѣхъ направленіяхъ, смѣло взбираясь даже и на горы; путевыя сооружения, проложенныя чрезъ проходы Montagne и Southey, въ юго-западной области колоніи, и Catberg, между Оранжевой рѣкой и Греемстауномъ,—составляютъ славу инженеровъ колоніи; колонисты съ гордостью показываютъ ихъ иностранцамъ. Всѣхъ большихъ дорогъ въ колоніи въ 1885 году было 13.500 километровъ. Желѣзныя дороги, идущія изъ Каптауна, Портъ-Елизаветы, Портъ-Альфреда и East London'a, проникаютъ далеко внутрь, переваливая чрезъ горныя преграды, высокою въ нѣсколько сотенъ, а иногда даже и свыше тысячъ метровъ, и такимъ образомъ достигая до Оранжевой рѣки или же переступая и черезъ нее. *Въ концѣ 1896 г. желѣзныхъ дорогъ въ Капской колоніи было 4.024 километра, въ томъ числѣ 3.626 километр. казенныхъ. Телеграфная сѣтъ колоніи состояла изъ линій общей длиною 10 308 километр. въ теченіе 1896 года телеграммъ было переслано 2.279.668. Доходы отъ этихъ общепользныхъ учрежденій составляютъ значительную часть

бюджета. Капиталъ, затраченный на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, составлялъ, въ 1893 г., 16.686.750 фунт. стерл.; валовой доходъ, въ 1893 г., равнялся 2.559.542, расходъ—1.560.946 ф. стерл.; перевезено, въ 1892 г.: пассажировъ—4.771.600, товаровъ—713.500 тоннъ*.

Въ продолженіе всей первой половины XIX столѣтія Капская колонія была простою принадлежностью, собственностью «Короны»; губернаторы управляли отъ имени королевы, въ первые годы единолично, затѣмъ, при содѣйствіи совѣтовъ: исполнительнаго и законодательнаго, члены которыхъ назначались непосредственно англійскимъ правительствомъ. Колоніальный парламентъ существуетъ только съ 1853 года; но назначеніе губернатора и его замѣстителя по-прежнему принадлежитъ коронѣ, которая сохранила также право veto. По конституціи, скопированной въ большей своей части съ британскаго образца, парламентъ дѣлится на двѣ палаты: «нижнюю», или «собраніе» (House of Assembly) и «верхнюю или законодательный совѣтъ». Первая состоитъ изъ 76 членовъ, избранныхъ на періодъ въ пять лѣтъ и вознаграждаемыхъ 25 франками за каждое засѣданіе; вторая же имѣетъ только 22 члена, получающихъ титулъ «почтенныхъ» и избираемыхъ на семь лѣтъ между богатыми, имѣющими по крайней мѣрѣ на 50 тысячъ франковъ недвижимости или на 100 тысячъ франковъ собственности движимой. Избирателями въ обѣ палаты являются всѣ британскіе подданные, безразлично бѣлые или черные, собственники имѣній, приносящаго доходъ по крайней мѣрѣ въ 625 франковъ, или получающіе жалованія не менѣе 1.250 франковъ, безъ пищи, или 625 франковъ, со столомъ и кровомъ. Въ 1886 году избирателей было 88.525; но недавно колониальное правительство издало постановленіе о лишеніи права подачи голоса тѣхъ чернокожихъ, которые состоятъ собственниками сообща съ другими мѣстными уроженцами. Весьма малое число бѣлыхъ и огромное большинство туземцевъ оказываются, такимъ образомъ, исключенными изъ пользованія избирательныхъ правомъ; впрочемъ, избиратели вообще мало интересуются баллотировкою; изъ чернокожихъ обыкновенно подають голоса лишь тѣ, которыхъ завербовываютъ партіи для проведенія своихъ кандидатовъ. Собраніе избираетъ своего президента и свое бюро; что же касается совѣта, то въ немъ по праву председательствуетъ chief-justice (главный судья), избранный центральнаго правительства. Министры, избираемые губернаторомъ между депутатами законодательнаго корпуса, отвѣтственны передъ палатами; это: главный казначей, онъ же и первый министр, секретарь колоній, генераль-прокуроръ (attor-

neу general) или министр юстиции, комиссаръ публичныхъ работъ и земель, и секретарь по дѣламъ туземцевъ. Подъ предѣтельствомъ одного изъ ихъ среды министры образуютъ кабинетъ.

Отправление правосудія зависитъ еще отъ англійскаго правительства: оно назначаетъ field-cornets (veld-kornet), т. е. сельскихъ судей, и мировыхъ судей; оно избираетъ также членовъ судовъ: оружныхъ, апелляціоннаго и верховнаго, и въ важныхъ случаяхъ, можетъ переносить рѣшеніе дѣлъ за предѣлы Капской колоніи, въ тайный совѣтъ самой королевы. Англійское правительство равнымъ образомъ принимаетъ участіе въ управленіи военными силами, но оно содержитъ лишь небольшое число солдатъ въ Кэптаунѣ и въ Симонстаунѣ. Колоніальная армія, оплачиваемая изъ африканскаго бюджета, состоитъ изъ полка конныхъ стрѣлковъ (riflemen), при чемъ къ этому постоянному войску изъ 820 человекъ въ 1886 году были присоединены 4.392 волонтера всѣхъ оружій. Кромѣ того, всѣ здоровые мужчины, въ возрастѣ между 18 и 60 годами, могутъ быть завербовываемы въ случаѣ войны или революціи, и составляютъ фиктивный резервъ болѣе чѣмъ въ 120 тысячъ солдатъ.

Недавно Церковь еще была соединена съ государствомъ, но не всѣ вѣроисповѣданія пользовались благотвіями бюджета. Съ 1875 г. провозглашенъ принципъ отдѣленія церкви отъ государства; и вѣрующіе должны уже сами заботиться о поддержаніи своихъ церквей; правительственное содержаніе сохранено только тѣмъ членамъ духовенства, которые были назначены ранѣ вступленія въ силу закона о вышеупомянутомъ отдѣленіи; такимъ образомъ, церковный бюджетъ уменьшается изъ года въ годъ путемъ своего истощенія. Въ 1887 году онъ обнималъ всего лишь 216.825 франковъ. Самыя значительныя церковныя общины бѣлыхъ суть тѣ, которыя были нѣкогда привилегированными, именно: голландскихъ реформатовъ и англичанъ; однако, обнаруживаютъ гораздо болѣе дѣятельность между туземцами миссіонеры-методисты, и большая часть готтентотовъ и кафровъ Капской колоніи присоединяются къ ихъ вѣроисповѣданію. Малайцы остались магометанами и пріобрѣтаютъ даже послѣдователей: Кэптаунъ и Портъ-Елизаветы имѣютъ мечети. По вѣроисповѣданіямъ, населеніе колоніи, подвергавшееся переписи въ 1891 г., распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (безъ территоріи бечуановъ): протестантовъ—723.047; католиковъ—17.275; евреевъ—3.009; магометанъ—15.009; другихъ сектъ—1.394; язычниковъ и проч.—758.400.

Между тѣмъ, какъ церковный колоніальный бюджетъ постепенно уменьшается, бюджетъ народнаго просвѣщенія возрастаетъ, хотя посѣщеніе школы и не обязательно для дѣтей.

Изъ дѣтей бѣлыхъ посѣщали школы въ 1885 году 70%. И хотя школьныя учрежденія зависятъ преимущественно отъ муниципій, содержатся главнымъ образомъ на счетъ добровольныхъ взносовъ, тѣмъ не менѣе правительство содѣйствуетъ развитію школъ при посредствѣ: стипендій для бѣдныхъ учениковъ, снабженія книгами, картами и инструментами, а также назначенія и жалованія учителямъ. Изъ общаго бюджета на народное просвѣщеніе въ 1885 году въ 5.098.450 франковъ, на долю правительства выпало 2.291.575 франковъ, и на долю мѣстныхъ бюджетовъ 2.807.875 франковъ. Первоначальныя школы дѣлятся на три группы, смотря по происхожденію воспитанниковъ: расовые предразсудки—господствующіе въ Церкви и распредѣляющіе вѣрущихъ по различнымъ зданіямъ, сообразно цвѣту ихъ кожи—перенесены также и въ школьную систему, и законодатели прилагали заботы къ тому, чтобы сыновья малайцевъ и готтентотовъ не сидѣли рядомъ съ ихъ дѣтьми и не участвовали въ однихъ и тѣхъ же играхъ. Публичныя школы бѣлыхъ дѣтей, основанныя въ городахъ и въ деревняхъ, управляются мѣстными комиссіями; школы для дѣтей метисовъ въ городахъ и въ промышленныхъ округахъ находятся подъ надзоромъ религіозныхъ обществъ; наконецъ, школы для первонаселенниковъ (аборигеновъ) остались на попеченіи обществъ тѣхъ миссій, которыя ихъ основали; болѣею частью это ремесленные училища, въ которыхъ обучаютъ по преимуществу плотничьему дѣлу и мастерствамъ: столярному, экипажному, переплетному и печатному. Большое число учителей набирается изъ туземцевъ. Колонія обладаетъ также высшими школами или коллегіями, приготовляющими молодыхъ людей къ либеральнымъ профессіямъ, подъ контролемъ университетскаго корпуса, экзаменующаго и присуждающаго дипломы. Несмотря на всѣ облегченія, дѣлаемые для народнаго просвѣщенія, пропорція учениковъ весьма низка въ сравненіи съ тою пропорціею, которая наблюдается у сѣверныхъ цивилизованныхъ націй: приходится, именно, всего лишь одинъ учащійся въ школѣ на тридцать капскихъ жителей. Въ 1892 году, въ Капской колоніи начальныхъ школъ было 1.809, съ 61.770 учащихся; высшихъ школъ (колледжей) 4, съ 237 воспитанниковъ.

Колоніальное правительство уже имѣетъ государственный долгъ, равняющійся шестилѣтнимъ доходамъ. Пошлины въ таможенныхъ, судѣ, при полученіи наслѣдства, гербовый и нѣкоторые другіе сборы пополняютъ болѣе половины бюджета; остальная же часть покрывается доходами отъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ, телеграфовъ и мостовъ, а также отъ продажи земель и минеральныхъ мѣсторожденій. Окончательный счетъ финансоваго 1895—96 года

показалъ приходъ въ 6.803.802, расходъ въ 6.360.404 фунт. стерл. Государственный долгъ къ 31 декабря 1896 г. составлялъ 27.396.805 фунт. стерл.

Нижеслѣдующая таблица указываетъ раздѣленіе собственно колоніи на семь провинцій, подраздѣляющихся на 66 финансовыхъ и 69 судебныхъ округовъ, не считая Walvisch-bay; число округовъ возрастаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія.

Провинція.	Судебные округа.
Западная (Western).	Cape-town, Cape-division. Wun-berg, Simon'stown, Stellenbosch, Paarl.
Сѣверо-Западная (North-Western).	1. Malmensbury. 2. Piquet-berg. 3. Namaqua-land. 4. Porth-Nolloth. 5. Clanwilliam. 6. Calvinia. 7. Worcester. 8. Tulbagh. 9. Ceres.
Юго-Западная (South-Western).	1. Swellendam. 2. Roberston. 3. Riversdale. 4. Ladysmith. 5. Caledon. 6. Bredaslop. 7. Oudts-hoorn. 8. George. 9. Uniondale. 10. Mosse-lbay. 11. Knysna.
Центральная (Midland).	1. Graaf-Reinet. 2. Murras-burg. 3. Aberdeen. 4. Beaufort. 5. Prince-Albert. 6. Willowmore. 7. Wictoria-West. 8. Prieska. 9. Fraserburg. 10. Suth-erland. 11. Carnarvon. 12. Richmond. 13. Hopentown.
Юго-Восточная (South-Eastern).	1. Albany. 2. Bathurst. 3. Victoria-East. 4. Peddie. 5. Uiten-hage. 6. Jansenville. 7. Human-dorp. 8. Alexandria. 9. Port-Elizabeth.
Сѣверо-Восточная (North-Eastern).	1. Fort-Beaufort. 2. Stocken-strom. 3. Albert. 4. Somerset-East. 5. Bedford. 6. Gradock. Steynsburg. 8. Colesberg. 9. Hano-ver. 10. Middelburg.
Восточная (Eastern).	1. King William'stown. 2. Stut-terheim. 3. Komgha. 4. East-London. 5. Queen'stown. 6. Cath-cart. 7. Tarka. 8. Alival-North. 9. Herschel. 10. Wodehouse. 11. Barkly-East.

III. Западная территория Гри-Куа.

(Griqua-land-West).

Эта провинція, окончательно присоединенная къ Капской колоніи съ 1877 года, а съ 1880 года ставшая нераздѣльной составною частью одного и того же политическаго тѣла, была бы еще предоставлена ея стариннымъ туземнымъ обладателямъ и фермерамъ изъ голландской или смѣшанной расы, если бы открытіе въ ней алмазовъ не сдѣлало его драгоцѣннымъ приобрѣтеніемъ для капскихъ англичанъ. Въ 1871 году, спустя годъ послѣ распространенія слуховъ о замѣчательныхъ находкахъ, правительство пригласило начальника племени гри-куа, бушмена по имени

Waterboer ¹⁾, просить о британскомъ сюзеренитетѣ, при чемъ поспѣшило и согласиться на такую просьбу. Поведеніе англичанъ въ этомъ дѣлѣ было полно «наглаго цинизма, и никогда, можетъ-быть, въ колониальной исторіи Англіи не было болѣе безчестной сдѣлки» ²⁾. Къ этому времени рудокопами уже была образована независимая республика «Адаманта»; но этотъ совершившійся фактъ не былъ принятъ во вниманіе; съ другой стороны Свободное Оранжевое государство считало эту территорію принадлежащею ему, но въ концѣ концовъ восторжествовалъ, конечно, болѣе сильный изъ соперниковъ, и въ 1877 году буры «Vrijstaats» («свободнаго государства») согласились на уступку Англіи спорной области за 2.250.000 франковъ.

Отнынѣ условная линія, проведенная чрезъ плоскогоріе праваго берега Оранжевой рѣки къ лѣвому берегу Ваала, отдѣляетъ отъ голландской республики треугольное пространство, находящееся между тотчасъ упомянутыми двумя рѣками кверху отъ слиянія, и пространство это входитъ уже въ составъ Капской колоніи. Къ нему, затѣмъ, присоединили—и тоже подъ фирмою британскаго протектората—также часть гористаго плоскогорія, простирающагося къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки въ направленіи къ Калахари и къ странѣ племени ба-чуана. Такимъ образомъ, въ своихъ настоящихъ границахъ, провинція Griqua-land-West занимаетъ площадь въ 39.358 квадр. километровъ, съ населеніемъ (по переписи 1891 года) 83.375 душъ, что составитъ по 2,1 жителя на 1 квадратный километръ. Провинція эта имѣетъ здоровый климатъ, несмотря на лихорадки между рудокопами, и число европейцевъ возрастаетъ тамъ вслѣдствіе избытка рожденій, какъ и въ южной колоніи. Средняя высота страны равняется приблизительно 1.000 метрамъ; хотя общій наклонъ поверхности ея—съ востока на западъ, по теченію Оранжевой рѣки, но самыя возвышенныя мѣстности находятся въ западной части; тамъ многіе холмы превышаютъ 1.400 метровъ, а становище Daniels-Kuil находится даже на высотѣ 1.616 метровъ, тогда какъ самая низкая часть территоріи, на берегу Оранжевой рѣки, имѣетъ высоту около 900 метровъ надъ уровнемъ океана. Цѣпи холмовъ, на плоской возвышенности, въ большей части случаевъ, направляются съ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно теченію Ваала; по формѣ, эти холмы притуплены, округлены, а съ виду сѣры и однообразны. Въ углубленіяхъ долинъ, находящихся между двумя рѣками, разсѣяны многочисленные рапс, имѣющие почти все кругообразную форму и въ

¹⁾ J. Mackenzie, „Ten Years North of the Orange-river“.

²⁾ James Anthony Froude, „Oceana“.

дождливое время года настолько глубокие и обширные, что въ нихъ можно охотиться въ лодкѣ на дикихъ утокъ; въ остальное же время года, они высыхаютъ или замѣняются слоемъ соли. По пастбищамъ разбѣивы группы мимозовыхъ растений.

Племя гри-куа, по имени котораго называется и самый край, обыкновенно обозначается голландскими бурами названіемъ «*ba-staards*»: и дѣйствительно, они—метисы, происшедшіе отъ бѣлыхъ колонистовъ и различныхъ готтентотскихъ племенъ, въ началѣ текущаго вѣка прибывшихъ въ страну съ южнаго берега Оранжевой рѣки. Въ этомъ смѣшанномъ населеніи встрѣчаются всѣ типы, отъ типа бушмена до типа кафровъ и европейца. Въ среднемъ, однако, большая часть индивидовъ мужественны и ловки, отважны и настойчивы; они превосходятъ аборигеновъ силою и ростомъ, и отличаются отъ нихъ во всѣхъ отношеніяхъ: «и въ добродѣтеляхъ, и порокахъ»¹⁾. Какъ среди «*Bois-brûlés*» Сѣверной Америки, между африканскими «*Bastaards*» встрѣчаются самые отважные люди, наиболѣе умные пioniры и самые смѣлые охотники; но зато между ними же встрѣчаются и самые опасные преступники. Въ 1839 году, они мужественно защищали свою территорию отъ угрожавшихъ проникнуть чрезъ Оранжевую рѣку мантати или ба-судо, и отбросили ихъ къ сѣверу, гдѣ эти побѣжденные, въ свою очередь, превратились въ славныхъ завоевателей, подъ именемъ ма-колло²⁾. Бѣлое населеніе Griqua-land—составленное большею частью изъ рудокоповъ всѣхъ націй, англичанъ изъ Корнваллиса и Ланкашира, вѣмцевъ съ Гарца, пьемонтцевъ, американцевъ изъ Калифорніи, и австралийцевъ—тоже самое энергичное, предприимчивое и независимое изъ всѣхъ жителей Южной Африки; не разъ оно приходило въ столкновение съ правительствомъ и заставляло его отмѣнять непопулярныя распоряженія.

Фермеры на берегахъ Оранжевой рѣки уже давно находили драгоценные камни, но цѣну имъ узнали лишь въ 1867 году, послѣ того, какъ два торговца подѣлили между собою деньги, вырученныя за «первый капскій алмазъ», отнятый у одного молодого бушмена. Два года спустя, одинъ изъ жителей племени гри-куа нашелъ другой алмазъ, прелестный камень въ 83 карата, прозванный «Южною Звѣздою» и проданный почти за триста тысячъ франковъ. Тотчасъ же искатели алмазовъ посѣпили направиться въ Norcetown'skій округъ, гдѣ были сдѣланы эти первыя находки,—и гдѣ, однако, до сихъ поръ не открыли залежи,—затѣмъ, приступили къ изслѣдованію

рѣчнаго песка какъ на протяженіи Оранжевой рѣки до слиянія ея съ Вааломъ, такъ по берегамъ и самого Ваала, гдѣ, наконецъ, въ разстояніи 160 километровъ отъ слиянія этихъ двухъ рѣкъ и добрались до высоколежащихъ алмазоносныхъ мѣстностей, представляющихъ, вѣроятно, дно бывшихъ озеръ: съ этого момента и началась погоня за счастьемъ. Искатели приключеній бросились толпою въ აღдorado, въ которомъ въ то время почти не было вовсе жителей: солдаты, моряки, дезертиры, чернорабочіе, служители бѣлые и черные, прибывали толпою, и каждый корабль привозилъ въ Капъ новый контингентъ алчныхъ людей, рудокоповъ и торговцевъ, которые и устремлялись чрезъ пустыни Кару въ розыски «золотаго дна»; дрянныя телѣжки въ нѣсколько дней доставляли по тряскимъ дорогамъ достаточныхъ людей къ этимъ розсыпямъ, между тѣмъ какъ бѣдные, пускаясь въ путь пѣшкомъ, шли днями и ночами, разувая дорогу у фермеровъ и готтентотскихъ пастуховъ; однако доходили не всѣ: сотни голодныхъ путниковъ, больныхъ или сбившихся съ дороги, умирали на протяженіи этого длиннаго, болѣе чѣмъ въ тысячу километровъ пути, и дикіе звѣри пожирали ихъ трупы. Въ свою очередь, смертность свирѣпствовала и въ лагеряхъ рудокоповъ: отсутствіе удобствъ, дурная пища, чрезмѣрный трудъ и неянство порождали эпидеміи тифа или «лихорадки рудокоповъ», и каждая нарождающаяся деревня тотчасъ же обзаводилась и кладбищемъ.

Пниель—мѣстность, гдѣ начались первыя промывки алмазовъ—находится на лѣвомъ берегу Ваала; однако, она уже перестала быть центромъ наибольшаго притяженія для искателей богатствъ: розсыпи обидѣли, и правительство, въ виду небольшого числа просьбъ о разрѣшеніи раскопокъ, нашло возможнымъ даже увеличить размѣры отводимыхъ искателямъ участковъ земли или *claims*. Дѣй въ три сотни рудокоповъ, черныхъ и бѣлыхъ, работаютъ врознь, не будучи еще порабощены монополіею большою акціонерной компаніи. Городъ *Balkly*, бывший *Klip-drift*, находящійся насупротивъ Пниеля, по другую сторону Ваала, служить весьма оживленнымъ рынкомъ для всѣхъ «*diggers*», т. е. копателей, разрабатывающихъ прибрежныя земли на протяженіи болѣе сотни километровъ. Ежегодная выручка отъ Ваальскихъ «промывокъ» превышаетъ въ настоящее время миллионъ франковъ; съ 1870 года по 1886 изъ Ваальскихъ алмазоносныхъ песковъ добыто драгоценныхъ камней слишкомъ на пятьдесятъ миллионъ³⁾. Алмазы изъ этого округа отличаются самой чистой водой и наибольшимъ блескомъ; обык-

¹⁾ Gustav Fritsch, «Drei Jahre in Süd-Africa».

²⁾ J. Meckenzie, «Scottish Geographical Magazine», 1887.

³⁾ A. Moule, «Mémoire sur la Géographie générale et les mines de diamants de l'Afrique du Sud».

новенно ихъ находятъ въ соединеніи съ другими кристаллами: гранатами, агатами, кварцами и халцедонами.

Въ концѣ 1870 года вдругъ разнеслась молва, что розсыпи алмазовъ найдены на плоскостяхъ, вдали отъ рѣчныхъ намывовъ, приблизительно въ сорока километрахъ къ юго-востоку отъ Пиели. Тотчасъ же къ этимъ сокровищамъ повалилъ народъ; голландскіе

фермеры должны были продать свои земли и, какъ бы по волшебству, появились сотни палатокъ и хижинъ, и скромные начатки того города, который по степени важности въ Юж-

Замбезе, Водопады Гонья.

молва, что розсыпи алмазовъ найдены на плоскостяхъ, вдали отъ рѣчныхъ намывовъ, приблизительно въ сорока километрахъ къ юго-востоку отъ Пиели. Тотчасъ же къ этимъ сокровищамъ повалилъ народъ; голландскіе

фермеры должны были продать свои земли и, какъ бы по волшебству, появились сотни палатокъ и хижинъ, и скромные начатки того города, который по степени важности въ Юж-

ковато туга—скрывается въ своихъ глубинахъ мелафировый горнокаменные породы, прорѣзанныя колодцами, или *pipes*, еще не изслѣдованными далѣе 300 метровъ глубины. Думаютъ, что эти колодцы, окруженные базальтовой стѣною, суть не что иное, какъ древніе кратеры; земля, выполняющая ихъ, есть именно алмазоносная формація, вытолкнутая на поверхность напоромъ газовъ и ставшая желтою и рыхлою въ верхнихъ частяхъ, тогда какъ въ глубинѣ, куда не проникало дѣйствіе атмосферы, сохранившая голубой цвѣтъ и плотность: еще и нынѣ тамъ находятъ, особенно по сосѣдству съ каменными стѣнами, скопленіе взрывчатыхъ газовъ, довольно опасныхъ при работѣ въ подземныхъ галлереяхъ¹⁾. На базальтахъ лежатъ пласты каменнаго угля, почему у геологовъ и возникаетъ вопросъ: не былъ ли доставленъ необходимый для образованія алмаза углеродъ именно этими пластами? *) На пространствѣ около 18 километровъ въ окружности находится четыре такихъ отверстій подземныхъ кратеровъ, наполненныхъ землею, гдѣ алмазы распределены въ нѣкоторомъ порядкѣ, извѣстномъ опытнымъ рудокопамъ. Эти четыре алмазоносныя шахты называются: Bultfontein, de Beer, du Toit's Pan и Kimberley. Изъ нихъ послѣдняя, рядомъ съ которой стоитъ городъ того же имени,—самая богатая, какъ на Капъ, такъ и на всемъ земномъ шарѣ. Геологъ Mouille высказалъ предположеніе, что *rans* одного происхожденія съ этими четырьмя кратерами алмазовъ; но они еще не изучены настолько въ своихъ глубинахъ, чтобы убѣдиться, что тамъ находятся алмазоносныя россыпи. Charpagnon описываетъ одну изъ такихъ лужъ Saul's kuil, какъ выполненъ правильный разломъ, выполненный конгломератомъ, въ которомъ блистаютъ безчисленные агаты.

Въ первое время разработки рудниковъ, поверхность представляла правильную шахматную доску, между дѣленіями которой были проведены дороги для прохода рабочихъ и провоза выкопанной земли: около пятидесяти углубленій, въ которыхъ рылись тысячьдесятъ рабочихъ, придавали руднику видъ громаднаго муравейника. Но съ той и другой стороны рудокопы, въ поискахъ за алмазами, захватывали и самыя дороги, которыя въ послѣдствіи обваливались, такъ что ихъ пришлось замѣнять мостами. Такъ какъ провалъ слѣдовалъ за проваломъ, то рѣшили очистить всю внутренность копи, которая день-отъ-дня углублялась въ формѣ кратера. Для выноса земли на поверхность вокругъ всей образовавшейся пропасти, на протяженіи болѣе шестисотъ метровъ, возвели въ нѣсколько этажей лѣса,

сообщающіеся съ каждымъ участкомъ при помощи безконечнаго ремня, замѣняемаго, при случаѣ, канатомъ изъ желѣза или стали; кабестаны, приводившіеся въ движеніе сначала силой человѣка, въ послѣдствіи силой пара, вытаскивали на рудоразборный помостъ изъ пучины какъ рабочихъ, такъ и рудоподъемныя ладьи. Изъ большихъ человѣческихъ сооруженій ни одно не представляло болѣе страннаго вида, чѣмъ эта громадная яма, окруженная стѣною блистающихъ проволочныхъ канатовъ, гдѣ начались грузы, и надъ которой стоялъ немолчный гулъ, въ которомъ человѣческіе голоса сливались со скрипомъ машинъ. Вскорѣ, однако, вѣтшій видъ рудника перемѣнился. Осыпи съ окраины, увлекая мусоръ и разбитую руду, болѣею частью прикрыли собою днища выемокъ; а во время сильныхъ дождей рудникъ часто дотогу переполнялся водою, что издержки на откачиваніе ея поглощали почти всѣ доходы отъ разработки. Пришлось снова измѣнять способъ работы, рыть шахты сквозь вывалившіеся камни, добираться до «голубой» земли подъ покрывающими ее горами и проводить подземныя галереи внутри алмазоносной массы: словомъ, изъ каменоломни подъ открытымъ небомъ, Кимберлейская яма превратилась въ рудникъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Самый удачный 1881 годъ доставилъ алмазовъ на сто четыре милліона франковъ; затѣмъ доходъ отъ промысла нѣсколько уменьшился, въ слѣдствіе того, что, по причинѣ меньшей рѣдкости алмазовъ, понизилась и ихъ цѣна. Въ общемъ, однако добыча превысила милліардъ франковъ: вѣроятно, къ концу 1887 г., она составляла около семи тоннъ алмазовъ, общей стоимостью въ одинъ милліардъ двѣсти пятьдесятъ милліоновъ франковъ, т. е. значительно болѣе, чѣмъ въ теченіе полутора вѣка было добыто алмазовъ въ Бразиліи¹⁾. Состоящею изъ алмазовъ оказывается, однако, всего только одна восьми-милліонная часть вырываемой земли.

Для воспрепятствованія кражи камней приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ, и тюрьмы Кимберлея переполнялись вѣрждо; происходили тамъ, какъ и въ рудникахъ Европы, стачки, которыя жестоко подавлялись. Въ концѣ-концовъ и въ Кимберлеѣ превозмогла крупная собственность: такъ, если въ первые годы никто не имѣлъ права владѣть болѣе чѣмъ двумя участками, то въ послѣдствіи акціонерныя общества стали скупать ихъ, а съ 1887 года синдикатъ, пребывающій въ Лондонѣ и въ Парижѣ и располагающій капиталомъ въ 375 милліоновъ франковъ, сдѣлался собственникомъ двухъ главныхъ кратеровъ: Кимберлея и де-Беера: все населеніе рудоко-

¹⁾ Mouille, *уном. соч.*

²⁾ Dunn;—Hamsay, „Quarterly Journal of the Geological Society“. Ноябрь. 1881.

³⁾ Cohen, „Ausland“, 1883.

повъ состоитъ изъ рабочихъ или служащихъ. Въ 1883 году рабочихъ на рудникахъ Кимберлея было 1.578 бѣлыхъ и 11.800 негровъ и метисовъ. Вначалѣ владѣніе участками было запрещено чернокожимъ, а нынѣ оно доступно только для миллионеровъ. Въ частности, добыча отъ сухихъ рудниковъ (dry diggings)»

Гриква-лэндъ-Веста—доставившая съ 1870 по конецъ 1886 года 1.085.000.000 франковъ, не считая контрабанды, отънимаемой ежегодно отъ 12 до 15 миллионъ франковъ въ годъ—распредѣлялась между отдѣльными рудниками слѣдующимъ образомъ:

Рудники.	Поверхность.	Глубина.	Количество извлеченной земли.	Стоимость добытыхъ алмазовъ.
Кимберлей	11,5 гект.	137 метровъ.	8.500.000 куб. метровъ.	525.000.000 франк.
Де Бееръ	5,6 "	162 "	8.800.000 "	245.000.000 "
Bultfontein	10,5 "	90 "	7.200.000 "	150.000.000 "
Du Toit's Pan	12,1 "	88 "	7.500.000 "	155.000.000 "

Главный городъ округа, Кимберлей, выстроенный рядомъ съ самою глубокою про-

ковъ¹⁾; онъ освѣщается уже электричествомъ; подобно своему сосѣду Биконсфильду, по-

Машина для поднятія алмазоносной земли.

пастью, образовавшейся при раскопкѣ, представляетъ нынѣ большой городъ, соединенный съ Кэптауномъ желѣзною дорогою въ 1.042 километра, и мало-по-малу наверстывающій, въ качествѣ центра торговли колоніи съ Оранжевой и Трансвальской республиками, утерянное имъ со времени пониженія алмазовъ въ цѣнѣ. Благодаря водѣ изъ Ваала—проведенной, съ большими издержками, на безводное прежде плоскогорье—улицы и площади Кимберлея оказалось возможнымъ обсадить деревьями, а мѣста рудокопныхъ свалокъ превратить въ сады. Народясь всего лишь вчера, этотъ африканскій городъ уже не какой-нибудь tin-town, т. е. не «городъ изъ жести», выстроенный изъ обивки товарныхъ ящи-

строеному около рудника Du Toit's Pan, онъ превзошелъ многіе старинные европейскіе города количествомъ машинъ, индустриальными ресурсами, богатствомъ своихъ магазиновъ и роскошью своихъ зданій. Населеніе его, болѣею частью измѣнчивое, равняется 29.000 чело-
вѣкъ.

Къ востоку отъ Ваала, самое населенное мѣстечко называется Грикуатаунъ; основаніе ему дѣйствительно было положено племенемъ грикуа въ 1802 году, во время великаго исхода этихъ голландскихъ и готтентотскихъ метисовъ. Нѣкогда Грикуатаунъ былъ столицею

¹⁾ E. von Weber, „Vier Jahre in Afrika“;—Farini, „Huit mois au Kalahari“.

территоріи Гри-куа; нынѣ же онъ лишь главный городъ одного изъ четырехъ избирательныхъ и административныхъ округовъ (Кимберлей, Barkly-West, Herbert и Upper-Nay или Griqua-town) ¹⁾.

IV. Страна бе-чуановъ.

(Bechuana-Land).

Страна, простирающаяся къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Griqua-land West'a вплоть до пустынь Калахари и состоящая изъ обширныхъ равнинъ и покрытыхъ лѣсомъ гранитныхъ массивовъ, также находится подъ властью Великобританіи. Когда голландскіе колонисты Южно-Африканской Республики вторглись на земли своихъ сосѣдей, бе-чуановъ, съ цѣлью основанія двухъ маленькихъ государствъ: Stella-land (Stille-Land, т. е. Тихая страна) и Goosen (Coshen), предназначенныхъ присоединиться впоследствии къ Трансвалю, то англійское правительство поспѣшило вмѣшаться, чтобы защитить территорію туземцевъ, и завладѣло ею само. Область, окончательно присоединенная къ владѣніямъ колоніи, составляетъ лишь часть страны бе-чуановъ, ограничиваемую: на югѣ—Оранжевою рѣкою; на западѣ—почти всегда сухимъ русломъ Хигапа, а на сѣверѣ—долиною его притока Молопо. Трактатъ, заключенный съ Германіею, обезпечиваетъ Великобританіи право на обладаніе всею областю, граничащею на западѣ съ 20° вост. долг. отъ Гринв. мерид. (или 17° 40' отъ Парижскаго), а къ сѣверу съ 20° южн. широты. Эта территорія составляетъ «Протекторатъ», въ который официально включена также и узкая полоса земли, простирающаяся къ востоку между р. Лимпопо и 22° южн. шир. вплоть до границъ португальскихъ владѣній ²⁾. Впрочемъ, вышеупомянутая фиктивная линія на сѣверѣ уже перейдена, такъ какъ, въ силу специальной конвенціи, подъ протекторатомъ британскаго правительства находится также и бе-чуанское королевство Хама. Даже нѣкоторые документы говорятъ уже о рѣкѣ Замбезе, какъ объ истинной сѣверной границѣ англійскихъ владѣній въ южной Африкѣ. Вслѣдствіе такой неопредѣленности границъ, нельзя въ точности исчислить поверхность области протектората: въ ея официальныхъ предѣлахъ, проведенныхъ по градусамъ, она приблизительно обнимаетъ четыреста тысячъ кв. километровъ. Народонаселеніе этой территоріи, уже хорошо извѣстной, благодаря многочисленнымъ изслѣдованіямъ, вѣроятно, превы-

шаетъ цифру въ 475 тысячъ человекъ; южная часть страны бе-чуановъ, къ югу отъ р. Молопа, имѣетъ 160 тысячъ жителей ³⁾. По вѣдѣніямъ свѣдѣніямъ, южная часть страны бе-чуановъ, составляющая коронную колонію, имѣетъ пространство въ 181.980 кв. километр, съ 60.000 жит. (1891 г.), а «протекторатъ», т. е. сѣверная часть этой страны, занимаетъ площадь въ 320.000 кв. килом. и съ 1889 г. принадлежитъ къ Британской Замбезіи ⁴⁾.

Эти туземцы расы банту,—которые, какъ гласятъ ихъ преданія, пришли будто-бы въ Южную Африку позже другихъ кафровъ—еще недавно переживали періодъ вынужденнаго переселенія. Убѣгая отъ буровъ съ Оранжевой республики и Трансваля, многія племена должны были броситься на западъ, и, до вмѣшательства англичанъ, между голландцами и туземными племенами велась ожесточенная пограничная война. Нынѣ западные бе-чуаны отдѣлены территоріей голландскихъ республикъ отъ ба-супи и другихъ братьевъ по расѣ: подобно грику, бе-чуаны должны были раздѣлиться на двѣ группы, уже не имѣющія связи между собою. Но, хотя и раздѣленные, эти племена сознали общность своего происхожденія и на пространствахъ между Оранжевою рѣкою и Замбезе взаимно считаютъ себя родственниками, классифицируя отдѣльные племена даже по порядку старшинства: именно, съ общаго согласія, самими старшими въ бе-чуанской семьѣ должны считаться ба-харутса, живущіе къ западу отъ зарождающейся рѣки Лимпопо, на сѣверо-западной границѣ Южно-Африканской республики. Что касается имени бе-чуана или бе-шуана, то Arbousset полагаетъ, что оно, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ оплошкѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, которыхъ, въ отвѣтъ на ихъ разспросы о различныхъ проживающихъ въ странѣ народахъ, говорили «ба-шуана», т. е. «они схожи другъ съ другомъ». У самихъ же бе-чуановъ, въ различныхъ діалектахъ ихъ языка, не существуетъ общаго этническаго наименованія.

Бе-чуаны принадлежатъ къ наиболѣе красивымъ кафрамъ: всѣ они рослы, сильны, хорошо сложены; правда, что въ нѣкоторыхъ племенахъ всегда изобавляются отъ хилыхъ дѣтей ⁵⁾. Альбиносы, глухія и нѣмые бросаются пастерамъ; слѣпорожденныхъ задушаютъ; грубый младенецъ, въ случаѣ смерти его матери, закапывается, у нѣкоторыхъ колѣнъ, рядомъ съ нею, такъ какъ для него не нашлось бы другой кормилицы ⁶⁾. Обычай обрѣзанія общераспространенъ у бе-чуановъ—язычниковъ. Возрастъ же, въ который обрѣзаніе совершается, не опредѣленъ: иногда выжидаютъ на-

¹⁾ E. von. Weber, „Vier Jahre in Afrika“;—Farini, „Huit mois au Kalahari“.

²⁾ John Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“. Июнь, 1887.

³⁾ Jeppe, „Transvaal Book Almanac for 1881“.

⁴⁾ „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap de Bonne Espérance“.

⁵⁾ Arbousset, уном. соч.

ступленія юншества; однако, дѣти, рожденныя до обрѣзанія ихъ отца, объявляются не имѣющими права на полное наслѣдованіе ¹⁾. Обыкновенно этой операціи молодые люди подвергаются между восемью и четырнадцатью годами, при чемъ одновременно ихъ сѣкутъ плетью, а порою подвергаютъ даже пыткамъ ²⁾, послѣ чего претерпѣвшихъ все это признаютъ уже равными съ остальными мужчинами даннаго колѣна и достойными носить щитъ и метать дротикъ. Съ своей стороны, молодые дѣвушки подвергаются вырѣзыванію и, подъ руководствомъ пожилыхъ женщинъ, проводятъ внѣ деревень нѣчто въ родѣ новиціата, для ознакомленія съ своими обязанностями будущихъ женъ и прежде всего для приученія себя къ безусловному повиновенію. При этомъ, въ видѣ послѣдняго испытанія, имъ дается въ руки горячій брусокъ желѣза, который онѣ и должны продержать нѣкоторое время, не закричавъ. Послѣ этого ихъ объявляютъ женщинами: тѣло ихъ намазывается жиромъ, а волосы на головѣ смѣсю изъ коровьяго масла и охры; затѣмъ, разодѣтыя и убранныя, какъ жены, онѣ могутъ ждать уже и покушки ихъ женихами.

Обрѣзаніе вовсе не составляетъ религіознаго обычая, а есть лишь символъ вступленія въ гражданскую жизнь, и вообще, когда протестантскіе миссіонеры прибыли въ край, то, по ихъ словамъ, они тщетно искали у бе-чуановъ какой-нибудь церемоніи, свидѣтельствующей объ ихъ вѣрѣ въ сверхъестественный міръ: у туземцевъ не было ни бога, ни идоловъ, они не собирались для совершенія молитвъ, и даже не вызывали духовъ, не страшились душъ своихъ покойниковъ. Со всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые изъ обычаевъ оставались бы необъяснимыми, если бы не были внушены желаніемъ предотвратить дѣйствіе силъ невѣдомаго міра и добиться ихъ благорасположенія. Такъ, когда громъ разбивалъ дерево, то зарывали домашнюю скотину; то же самое дѣлали, желая дождя или выздоровленія больного. При погребеніи мертвыхъ, — которыхъ выносятъ изъ хижины, проламывая стѣну — сажаютъ въ могилѣ на корточки и лицо обращаютъ прямо на сѣверъ, въ ту сторону горизонта, откуда пришли предки жителей; затѣмъ, въ могилу бросаютъ вѣтку акаціи, отрывки муравейниковъ и куски дерна, какъ символы охотничьей жизни въ лѣсу; на могильномъ курганѣ кладутъ оружіе усопшаго и сѣмена питательныхъ растений. Однако, въ самое послѣднее время, боязнь доставить — не желая этого — въ руки чародѣевъ черепа умершихъ, побудила многія

колѣна погребать мертвецовъ въ самой ихъ хижинѣ, подъ ногами у оставшихся живыхъ ¹⁾.

Послѣ каждой церемоніи, всѣ присутствующіе умываютъ себѣ руки и ноги въ большой лохани воды и призываютъ дождь словами: «пула! пула!» Часто также чародѣи претендуютъ на способность привлекать облака и заставлять ихъ разрѣшиться благотѣльнымъ дождемъ: если случай поблагоприятствуетъ имъ, они приобрѣтаютъ великую власть; напротивъ, если предсказаніе ихъ не оправдывается, они рискуютъ быть зарѣзанными. «Дѣлатели дождя» практикуютъ даже настоящій культъ, претендуя на способность предотвращать колдовство зловреднаго существа, *Мо-римо*, живущаго въ раселинѣ скалы; оттого и миссіонеры, желая держаться въ нѣкотораго рода религіозномъ преданіи, приняли это наименованіе *Мо-римо*, или «Вышній», для обозначенія Бога христіанъ ²⁾. Боязливое почитаніе невѣдомаго обнаруживается у бе-чуанъ также въ томъ, что у нихъ есть извѣстныя вещи, къ которымъ запрещено прикасаться, и въ томъ, что обычно запрещается имъ нѣкоторыя яства. Подобно большинству краснокожихъ Сѣверной Америки, каждое племя бе-чуановъ чтитъ какое-нибудь національное животное: крокодила, обезьяну, хищнаго звѣря или рыбу, совершая въ честь его танцы; племя ба-калахаръ строго воздерживается отъ охоты на старыхъ львовъ, въ особенности когда у нихъ развитъ вкусъ къ человѣческому мясу: когда старый левъ ворвется въ крааль, было бы преступленіемъ оказать ему сопротивленіе; самое большое, что можно сдѣлать — это попытаться испугать его криками ³⁾. Почитаютъ также и домашній скотъ, какъ равно и колючія вѣтви акаціи (*acacia detinens*), служащія для сооруженія загоновъ для домашнего скота.

Каждое племя управляется начальникомъ или королемъ, который передаетъ свою власть старшему сыну. Впрочемъ, монархія у бе-чуанъ не абсолютная: обычай всемогущи и уважаемы, и потому всѣ второстепенные начальники, а иногда даже и всѣ свободные люди, могутъ, въ важныхъ обстоятельствахъ, составлять *питшо*, родъ парламента для обсужденія общенародныхъ интересовъ, подачи совѣтовъ королю, порицанія или одобренія его поведенія, объявленія его дѣйствій согласными съ обычаями или противными имъ. Но *питшо* не судили преступленій. До того времени, какъ англичане стали отчасти вводить свои законы въ краѣ, — кражи, убійства и прелюбодѣянія не считались такими фактами, которые интересуютъ все племя. Забота объ отищеніи принадлежала обиженному: на кражу онъ отвѣ-

¹⁾ Robert Maffat, „Vingt-trois ans de séjour dans le sud de l'Afrique“.

²⁾ Mackenzie, „Ten Years north of the Orange river“; — Casalis, „Les Bassoutos“.

¹⁾ Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Süd Africa.“

²⁾ Robert Moffat, *уном. соч.*

³⁾ Livingstone, „Travels“; — Gustav Fritsch, „Drei Jahre in Afrika“.

часть кражею, на убійство и прелюбодѣяніе убійствомъ, если его гнѣвъ нельзя было успокоить известнымъ количествомъ скота. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ главныхъ деревняхъ бечуанскаго края основались миссіонерства, въ туземныхъ нравахъ произошли, по крайней мѣрѣ съ вѣншей стороны, большія перемѣны. Европейскій костюмъ сталъ преобладать во всѣхъ племенахъ, сосѣднихъ съ границею, и племя ба-тлапи умѣетъ даже выкраивать изъ кожъ дикихъ животныхъ панталоны и пальто¹⁾; почти въ каждой деревнѣ есть школа, капелла и новые дома англійской постройки, вокругъ которыхъ группируются круглыя хижины съ коническими крышами, населенныя бѣдными²⁾; во всѣхъ племенахъ встрѣчаются туземцы, говорящіе по-голландски. Воскресенье есть день отдохновенія, даже и у тѣхъ бечуанъ, которые не имѣютъ притязанія быть обращенными въ христіанство; у христіанъ же изъ нихъ, въ случаѣ отсутствія миссіонера, начальникъ прочитываетъ литургію и поетъ псалмы въ мѣстахъ общихъ собраний. Обладающій живымъ умомъ, но прежде всего склонный къ подражанію, мо-чуана желаетъ походить на европейца, и порою это вполне удается ему. Во время этого соприкосновенія бѣлыхъ и черныхъ, соприкосновенія, продолжающагося уже въ теченіе почти трехъ поколѣній и начавшагося грабежемъ и убійствомъ, менѣе сильная раса окончила тѣмъ, что приспособилась къ формамъ цивилизаціи, принесенной завоевателями.

Бечуаны весьма пріятливы и всегда говорятъ другъ съ другомъ уважительно. Вообще, они миролюбивы по природѣ; тѣмъ не менѣе, прежде войны бывали часты, и почти постоянно вызывались кражею скота: «О быки! наши отцы теряли жизнь, гоняясь за вами, а теперь и мы находимъ смерть, сторожа васъ!» пѣли недавно молодые ба-мангуато³⁾. Но въ послѣднее время большинство бечуанъ отказалось отъ военныхъ экспедицій; изъ кочующихъ пастуховъ и охотниковъ, они все болѣе и болѣе становятся осѣдлыми земледѣльцами: каждый мужчина, каждый юноша, даже каждая дѣвушка имѣетъ свою воздѣлываемую землю; уже съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ дѣти научаются обрабатывать почву⁴⁾. Еще въ началѣ текущаго столѣтія бечуаны предавались религіозной антропофагіи. Храбрецы, убившіе во время войны врага, приносили по куску изъ его трупа, пупокъ съ частицею кожи съ живота; затѣмъ, подъ предсѣдательствомъ чародѣя, собиравшихся для празднованія своей побѣды, при чемъ, сидя на корточкахъ вокругъ большого

огня, они спекали мясо надъ горячею золою и пожарили его, въ видахъ удвоенія своей храбрости при посредствѣ храбрости врага. Наконецъ, для доказательства презрѣнія къ страданію, каждый изъ нихъ выставлялъ свое оголенное бедро: жрецъ однимъ ударомъ острія копья проводилъ между бедреннымъ суставомъ и колѣномъ длинный надрѣзъ, достаточно глубокой, для того, чтобы остался неизгладимый шрамъ; однако, войны, несмотря на такое пораненіе, должны были предаваться пляскѣ вплоть до ранняго утра⁵⁾.

Самое южное изъ бечуанскихъ племенъ — племя ба-тларо, живущее на сѣверо-западной границѣ Гриквалендъ-Веста; впрочемъ, въ большей своей части оно слилось съ племенемъ ба-тлапи⁶⁾, т. е. «людьми рыбы», у которыхъ національною эмблемою дѣйствительно служить рыба, и которые никогда не трогаютъ этого священнаго животного. Они занимаютъ на сѣверѣ алмазонасной страны гористую область, близкую къ Ваалу, и были также въ числѣ тѣхъ государствъ, которые оспаривали другъ у друга обладаніе алмазными рудниками. Ба-тлапи представляютъ одну изъ многочисленныхъ бечуанскихъ націй: число ихъ, вмѣстѣ съ ба-тларо, опредѣляютъ приблизительно въ тридцать тысячъ человекъ. Они также и самые цивилизованные изъ своей расы, благодаря частымъ сношеніямъ съ бѣлыми, англичанами или голландцами, и уже во многихъ деревняхъ отѣнокъ кожи у дѣтей свѣдѣтельствуетъ о смѣшеніи расъ. Ба-тлапи имѣютъ очень веселый характеръ и прежде обладали большою сокровищницею пѣсенъ, которыя нынѣ затерялись, будучи замѣнены религіозными гимнами⁷⁾. Въ ба-тлапскихъ садахъ, въ которые проведена питающая ихъ земля вода, въ изобиліи произрастаютъ всѣ европейскія овощи и плоды; на поляхъ видны чернокожихъ, идущихъ за плугомъ. Нѣкоторые изъ мѣстечекъ ба-тлапскаго края хорошо известны, какъ мѣста для торга и остановки на большой дорогѣ, ведущей отъ Оранжевой рѣки къ Зембесе. И тѣ изъ нихъ, въ которыхъ пребываютъ начальники, обыкновенно весьма населены, при чемъ жители соединяются въ такую сплоченную массу въ цѣляхъ защиты. Въ 1801 году Truter и Somerville исчислили въ 15 тысячъ человекъ населеніе Латаку (Латаку), города, основаннаго союзными племенами ба-тлапи и ба-ролонгъ на берегу источника Такунъ. Когда же эти два племени раздѣлились, то Куруманъ, новая столица ба-тлапи, быстро стала настоящимъ городомъ прибли-

¹⁾ Ed. von Weber, *уном. соч.*

²⁾ J. Mackenzie, „Blue Book.“ С. 3841 — 1884.

³⁾ Chapman, „Travels into the interior of South Africa“.

⁴⁾ J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“.

June, 1887.

⁵⁾ H. Lichtenstein, „Reisen im südlichen Afrika in den Jahren 1803, 1804, 1805 и 1806“.

⁶⁾ „Maatjaping, Bachapin, Matchapees, Batlaping, Ba-Hlapi“ различныхъ авторовъ.

⁷⁾ John Mackenzie, *уном. соч.*

тельно съ 600 домами и съ населеніемъ въ пять тысячъ человекъ.

Королевскія резиденціи, смѣнявшія Куруманъ: Таунгъ, расположенная на правомъ бе-

леку отъ его сліянія съ Вааломъ, и находящійся въ нынѣшней провинціи Гриквалэндъ-Вестъ, — были или суть и понынѣ населенныя мѣстечки; ибо въ этомъ краѣ поселенія пере-

Сліяніе Замбезе съ Тшоба.

регу р. Катонгъ или Гартъ при выходѣ одного уади; Мамуза, выстроенная въ сотнѣ километровъ кверху на лѣвомъ берегу той же рѣки; Ликатлонгъ, равнымъ образомъ группирующій свои хижины на берегахъ Катонга, не пода-

ются весьма легко: каждый новый король считаетъ честию дать свое имя какой-нибудь новой резиденціи. Коля изъ дерева акаціи, глина и травы для крыши, какъ матеріалы, находятся повсюду въ изобиліи; а алмазные

рудники, въ 1887 году открытые въ этой области, около *Vrijlurg'a*, бывшей столицы *Stella-land*, породать и еще новые города. Самая главная религіозная миссія находится въ Куруманѣ: ея зданіе выстроено посреди садовъ и зелени, около восточной подошвы одного изъ песчанниковъ холмовъ, откуда можно созерцать обширное пространство плоскогорія, испещреннаго лѣсомъ; миссіонеры являются собственниками большихъ обработанныхъ пространствъ, которые они сдаютъ въ аренду только тѣмъ изъ туземцевъ, у которыхъ по одной женѣ. Рѣчка Куруманъ, на берегу которой выстроено мѣстечко того же имени, имѣетъ свой истокъ всего лишь въ нѣсколькихъ километрахъ къ юго-востоку. Изъ одной пещеры, открывающейся у подошвы утеса въ нѣсколько метровъ высоты, вода изливается съ такимъ изобиліемъ, что по потоку могло бы плавать судно; рядомъ съ главною пещерою, галлерей, украшенной сталактитами, позволяютъ проникать весьма далеко вглубь утеса по скользкимъ камнямъ; туземцы рассказываютъ, что въ пещерѣ проживаетъ священная змѣя, покровительница источника, и что какъ только она будетъ умерщвлена, такъ тотчасъ же изсякнетъ и самый родникъ ¹⁾. Въ началѣ текущаго столѣтія львы были такъ дерзки въ этихъ областяхъ, что многіе изъ бе-чуанъ спали въ тѣсныхъ хижинкахъ, устраиваемыхъ на вѣтвяхъ большихъ деревьевъ и подпертыхъ колыями. Миссіонеръ Моффа рассказываетъ объ одномъ деревѣ въ окрестностяхъ Латтаку, на которомъ было семнадцать такихъ жилищъ.

Ба-ролонги, старинные союзники племени ба-тлапи, раздѣленные нынѣ на нѣсколько независимыхъ другъ отъ друга колѣнъ, обитаютъ въ сѣверной части специально протектируемой территоріи, т. е. въ области, находящейся между ложами почти всегда сухихъ: рѣки Молопо и притоковъ Курумана; большая же часть ихъ главныхъ деревень, каковы: Мафекингъ (*Mafeking*)—резиденція англійскаго комиссара, Шуба, Пьетсани, Морокуанзъ, находятся вблизи источниковъ Молопо, гдѣ овраги доставляютъ достаточное количество воды для орошенія полей этихъ поселеній. Въ общемъ ба-ролонговъ насчитываютъ до восемнадцати тысячъ, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые образовались изъ помѣсей ихъ съ чуждыми элементами. Между ихъ областю и землею, обитаемою племенемъ ба-тлапи, проживаютъ, въ числѣ пяти тысячъ, остатки одного племени готтентотовъ коро-на, смѣшавшіеся съ бе-чуанами различныхъ колѣнъ. *Bastards*, отброшенные къ сѣверу при вторженіи англичанъ въ Гриквалэндъ, тоже поселились на бечуанской

территоріи и живутъ тамъ маленькими республиканскими общинами ¹⁾.

Ба-харутсэ (ба-хурутсэ), живущіе еще на границахъ Трансваля и Британскаго Протектората, въ области верхняго теченія Лимпопо, представляютъ тоже пришедшую въ упадокъ націю, хотя нѣкогда она была, между бе-чуанами, самою могущественною: еще недавно сыновья другихъ королей отсылались къ нимъ, въ качествѣ посланниковъ, для изученія исторіи ихъ расы, ознакомленія съ обычаями и пріобрѣтенія хорошихъ манеръ: каждое изъ окрестныхъ колѣнъ должно было посылать начальнику ба-харутсэ первинки своихъ урожаевъ. Часть націи, поселившаяся въ округѣ Марико, подчиненномъ Трансвалю, тоже можетъ претендовать на первенство по своимъ успѣхамъ въ земледѣліи: въ 1882 году она обладала уже болѣе, чѣмъ двумястами плугами. Одному изъ харутскихъ колѣнъ удалось убѣжать къ сѣверу отъ Протектората, въ болотистыя равнины, простирающіяся на востокъ отъ Нгами, и тамъ скрываться въ такихъ убѣжищахъ, отважиться проникнуть въ которые завоеватели не рѣшались. Племена: ба-катла—національнымъ символомъ или такъ называемымъ «тотемомъ» которыхъ служатъ обезьяна и столица которыхъ, небольшой городъ Гамсохопа, расположена на лѣсистомъ плоскогоріи, по которому протекаетъ одинъ изъ притоковъ Лимпопо; ба-уанкетси—группирующіеся, въ числѣ отъ шести до семи тысячъ человекъ, вокругъ города Ханіе, построеннаго на гранитной возвышенности; и наконецъ, ба-куэну, или «люди крокодила», обитающіе немного сѣвернѣе, тоже въ верхнемъ бассейнѣ Лимпопо,—все очень ослабли во время войнъ съ сосѣдними голландцами и часто бывали принуждены мѣнять свою резиденцію. Городъ Колобентъ, гдѣ Ливингстономъ была основана миссія, нынѣ представляетъ лишь развалины. Городъ Литейани равнымъ образомъ былъ покинутъ въ 1846 году, не вслѣдствіе нападений какого-либо врага, но по причинѣ сосѣдства лѣса изъ гигантскихъ алоэ, мясистые листья которыхъ, отваливаясь и сгнивая на землѣ, превращали край, въ сезонъ дождей, въ нездоровый. Ему наследовалъ городъ Моруакхомо, а нынѣшняя столица, называемая Лепелеле или Молополъ, расположена въ той же самой области, у подошвы длинной ограды изъ скалистыхъ холмовъ съ лѣсистыми склонами. Эта страна, къ которой, такъ сказать, тяготеютъ метрополи ба-куэновъ, болѣе всего прославляется въ легендахъ бе-чуанъ. Вблизи Лепелеле находится глубокий гротъ, въ который Ливингстонъ отважился проникнуть первымъ, а неподалеку оттуда въ

¹⁾ J. Mackenzie, *упом. соч.*

¹⁾ A. A. Anderson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1884.

скалъ выдолбленъ котель исполина, откуда, по сказанію, вышли всѣ животныя; та же пропасть породила и самихъ бечуанъ, и на камнѣ до сихъ поръ еще показываютъ отпечатлѣвшійся слѣдъ первого шага, который сдѣлалъ первый человѣкъ, выходя изъ этой бездны¹⁾.

Нация ба-мангуато—занимающая, къ западу отъ Лимпопо, сѣверную часть Британскаго Протектората, и даже по ту сторону его болотистыя равнины, простирающіяся по направлению къ Замбезе—находится нынѣ въ періодѣ возвышенія и составляетъ одну изъ могущественныхъ имперій Южной Африки. Прежде ба-мангуато составляли одну группу племенъ съ ба-кузна и съ ба-уанкетси; въ недавнюю же, хотя точно и не опредѣляемую преданіемъ, эпоху эти племена раздѣлились, и ба-мангуато избрали своимъ символическимъ животнымъ антилопу. Затѣмъ сами они распались на двѣ націи: собственно ба-мангуато и ба-тоана, изъ которыхъ послѣдняя обитаетъ въ равнинахъ, находящихся къ сѣверу отъ озера Нгами, въ общей первоначальной родинѣ Большого числа бѣглецовъ—принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, отгнаннымъ къ западу страшными завоевателями ма-табелъ—обратились съ просьбою объ убѣжищѣ къ ба-мангуато и сливаются съ ними въ одну національную общину, гдѣ отдѣльные типы малопо-малу смѣшиваются. Шошонгъ, столица, представляетъ нынѣ—внѣ англійскихъ колоній—самый большой городъ Южной Африки: по Holub'у и Mackenzie, въ немъ было не менѣе тридцати тысячъ жителей, и къ этой же городской агломерациі слѣдовало бы причислить также многочисленныя подгородныя деревни, расположенныя въ видѣ круга какъ загороды для скота; послѣдовавшія, затѣмъ, одна за другою войны значительно уменьшили населенность Шошонга, такъ что въ 1880 году въ немъ было не болѣе шести тысячъ жителей²⁾; но съ тѣхъ поръ городъ разросся снова. Расположенный на высотѣ 1.026 метровъ и не на утесистомъ холмѣ, какъ большая часть бечуанскихъ столицъ, а на обширной равнинѣ, городъ построенъ по обоимъ берегамъ почти всегда сухаго ручья, надъ которымъ съ сѣвера господствуетъ гранитная гора, длиною около 20 километровъ; параллельно этой гранитной горѣ тянется на югъ базальтовая возвышенность, а промежуточное пространство между ними занято хорошо воздѣланными садами, по которымъ разбѣяны поселки. Ба-мангуато, подвергаясь уже издавна вліянію англійскихъ миссіонеровъ, большею частью стали христіанами; продажа водки и производство пива воспрещены въ ихъ ко-

ролевствѣ, подъ страхомъ тяжкихъ взысканій: именно, ста фунтовъ стерлинговъ штрафа для чужестраннаго торговца, англичанина или бура, и изгнанія для туземца. Двѣ большія торговыя дороги бе-чуанскаго края,—одна, направляющаяся на сѣверъ, къ Замбезе, другая—на сѣверо-западъ, къ Нгами,—раздвигаются въ Шошонгѣ. Къ югу общій стволъ этихъ двухъ торговыхъ путей направляется вдоль границы голландскихъ республикъ, проходя—за исключеніемъ лишь одного пункта—по Британскому Протекторату. Въ общемъ итогъ внѣшняя торговля бе-чуанскаго края исчисляется въ два съ половиною милліона франковъ. Въ началѣ текущаго столѣтія, бечуаны, еще не участвовавшіе въ торговлѣ, не знали моря, и когда слышали о немъ отъ путешественниковъ, то называли его «метсе-хула», т. е. водою, которая приходитъ погастись, покормиться; такое названіе дается морю по тому, что его волны, при приливѣ, далеко проникаютъ на поверхность земли, а затѣмъ чрезъ нѣсколько часовъ снова покидаютъ береговую низину¹⁾.

Одно изъ покоренныхъ племенъ, живущихъ въ горахъ на сѣверо-востокъ отъ Шошонга, прославилось своимъ умѣньемъ обдѣлывать желѣзо: это—ба-шуапенги. Добывая руду въ окрестныхъ мѣсторожденіяхъ, они сами изготовляютъ изъ желѣза употребляющіяся въ край орудія; они знаютъ также, какія изъ деревьевъ доставляютъ лучшій уголь, а изъ тѣхъ кусковъ желѣза, которые всего долѣе оставались въ соединеніи съ углемъ, приготавливаютъ самыя острые сѣкиры: такимъ образомъ, имъ была извѣстна сталь еще раньше появленія европейцевъ въ здѣшнемъ краѣ²⁾. На востокъ отъ Шошонга и неподалеку отъ рѣки Лимпопо живетъ въ состояніи гордой независимости другое племя, именно ба-силика, которое своею свободою обязано какъ уединенности своего сильнаго города на трудно-доступномъ утесѣ, такъ и благодаря въ особенности той защитительной полосѣ, которую создаетъ вокругъ цитадели этого города мухатсеетса. Сами ба-силики держатъ свой скотъ въ небольшихъ долинахъ, куда не проникаетъ это страшное насѣкомое; но къ нимъ прибыть со стадами не возможно: нельзя было бы съ пользою также и красть ихъ собственныхъ животныхъ, такъ какъ скотъ перемеръ бы при прогонѣ его чрезъ полосу, наводненную мухою.

Бе-чуаны весьма рѣдки въ западной области Протектората, гдѣ родники не часты, а русла рѣкъ узнаются въ теченіе большей части года только по полосамъ земли, покрытымъ пескомъ.

¹⁾ Livingstone, „Last Journals“.

²⁾ Emil Holub, „Deutsche Rundschau für Statistik und Geographie“, 1880.

¹⁾ J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“, Іюнь, 1887.

²⁾ J. Mackenzie, „Ten years north of the Orange-river“.

Рѣдкія семейства, встрѣчаемые въ этомъ краѣ, называются по его же имени: это ба-калахари, именуемые также ба-лала, т. е. «бѣдные». Во многихъ мѣстностяхъ они смѣшались съ бушменами, но между ними есть и такіе, которые въ чистотѣ сберегли свою расу и сохранили свои нравы пастуховъ и земледѣльцевъ. Большая часть ихъ не могутъ разводить другихъ животныхъ, кромѣ козъ, которыхъ они поятъ, собирая воду капля по каплѣ въ скудныхъ ключахъ. Они упорно обрабатываютъ свои садики, хотя бы иссохшая земля не приносила имъ ничего, кромѣ тыквъ и дынь. Бродящіе окрестъ ихъ краалей львы часто являются желанными гостями, благодаря тѣмъ на-половину объѣденнымъ трупамъ, которые они оставляютъ охотникамъ. Чистокровные ба-калахари, хотя и бѣдные, считаются людьми свободными и въ отношеніи къ другимъ бе-чуанамъ состоятъ лишь вассалами; но смѣшавшіеся съ бушменами и называемыя ма-саруа, т. е. «дурные люди», признаются рабами, и добыча ихъ на охотѣ и при сборѣ плодовъ принадлежитъ тѣмъ бечуанскимъ племенамъ, которыя проживаютъ ближе всего къ становищамъ этихъ ма-саруа. Два или три раза въ году ма-саруа должны являться въ села ихъ господъ, но имъ не дозволено входить туда днемъ, они должны останавливаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ хижинъ и терпѣливо ожидать, пока начальникъ соблаговолитъ ихъ принять. Однако, эти «дурные люди» вообще болѣе сердечно относятся къ своимъ женамъ, чѣмъ большая часть бе-чуавъ, а также оказываются и болѣе привязанными къ своимъ собакамъ, преданнымъ сотоварищамъ на охотѣ, между тѣмъ какъ у другихъ народцевъ съ собаками почти всегда обращаются гнусно ¹⁾).

Фарини сообщаетъ о найденныхъ имъ остаткахъ построекъ въ краѣ ба-калахари, свидѣтельствующихъ о прежнемъ существованіи въ этихъ областяхъ какого-то народа, имѣвшаго цивилизацію, отличную отъ цивилизаціи бечуанъ нашего времени ²⁾).

V. Истоки Оранжевой рѣки. Край племени Ба-Суто.

(Басуто-лэндъ).

До нашествія голландскихъ буровъ въ края, лежащіе къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, западные и восточные бе-чуаны жили бокъ-о-бокъ по смежнымъ пастбищамъ. Но кливъ постепенно врѣзывался въ сердце дуба. Колонисты бѣлой расы, поднявшись по берегамъ Оранжевой рѣки и Каледона, а затѣмъ достиг-

нувъ, на сѣверѣ, водораздѣла между рѣками Оранжевой и Вааломъ, мало-по-малу захватили пастбища и скотъ и принудили коренныхъ обитателей земли раздѣлиться такимъ образомъ, что западные бе-чуаны перешли черезъ Ваалъ, а восточныя племена той же расы, извѣстныя подъ коллективнымъ именемъ ба-суто, т. е. «пузатые», или «опоясанные» ¹⁾, были на нѣсколько градусовъ отброшены въ верховыя долины горныхъ цѣпей Малуты и Дракенбергенъ. Послѣ учрежденія своей Оранжевой республики, земля которой первоначально принадлежала ба-сутамъ, буры, конечно, считали бы тѣмъ, что отняли бы у туземцевъ ихъ послѣднія убѣжища въ горахъ, ибо пограничная война шла постоянно, прерываясь лишь короткими перемиріями; однако, въ дѣло не замедлили вмѣшаться, въ свою очередь, англичане, въ началѣ для «обезпеченія независимости ба-сутовъ», а затѣмъ и для конфискованія этой независимости въ свою пользу. Война возгорѣлась между покровителями и покровительствуемыми; покровители требовали обезруженія горцевъ, а горцы не одинъ разъ героически отражали англійскія войска; вообще метрополи война стоила болѣе сотни милліоновъ франковъ. Ле-Суто или Басуто-лэндъ—хорошо ограниченный съ юго-востока, съ востока и съ сѣверо-востока главнымъ кряжемъ южно-африканскихъ горъ, а съ сѣверо-запада и съ запада теченіемъ рѣки Каледонъ—нынѣ присоединенъ къ колониальной территоріи, хотя и управляется непосредственно особымъ резидентомъ, котораго назначаетъ англійское правительство. Бѣлыхъ въ данной области еще немного, приблизительно сотенъ пять. Пространство края исчисляется въ 31.490 квадрат. километровъ и по сравненію съ другими краями Южной (австралийной) Африки, населенность довольно велика: въ 1894 году цифра населенія достигла 250.000 душъ, что составляетъ 8 человѣкъ на квадратный километръ. Изъ этого общаго числа жителей нѣсколько тысячъ приходится на ба-ролонговъ, покинувшихъ Оранжевую республику.

Ба-суто—наилучше изученные представители бе-чуанскаго семейства, такъ какъ уже съ 1833 года между ними поселились французскіе протестантскіе миссіонеры, которые описали ба-сутскіе нравы и содѣйствовали ихъ измѣненію. Вкрапленные между территоріями, принадлежащими европейскимъ переселенцамъ, Капскою колоніею, Трансвалемъ и Наталемъ,—ба-суто должны были приспособиться къ новой средѣ, и они сдѣлали это сдѣлать замѣчательно разумно. Тогда какъ въ другихъ краяхъ соприкосновеніе бѣлыхъ и другихъ расъ приводило къ объѣднѣнію, упадку и вымиранию туземцевъ, ба-суто счастливо

¹⁾ Mackenzie;—Holub.

²⁾ „Huit mois aux Kalahari“.

¹⁾ Retzius, „Petermann's Mittheilungen“, 1858, т. 1.

пережили ассимиляционный кризис; выигрывая въ званіяхъ и въ промышленности, они въ то же время быстро увеличивались въ численности; край, полстолятія тому назадъ почти пустынный, сталъ нынѣ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ въ Африкѣ. Цивилизація у ба-суто не только внѣшняя и не состоитъ единственно въ замѣнѣ кожаного каросса одеждой изъ шерсти и бумаги, ввозимыми изъ Англіи, и въ постройкѣ домиковъ изъ кирпича или камня, вмѣсто хижинъ изъ вѣтвей. Благодаря школамъ, содержаніе которыхъ составляетъ главный расходъ націи, они пользуются уже среднимъ образованіемъ, превышающимъ образованіе многихъ европейскихъ населеній, и на экзаменахъ многіе ба-суто выдерживаютъ испытанія гораздо лучше, чѣмъ ученики изъ бѣлыхъ. Тысячи между ба-сутами говорятъ по-англійски и по-голландски; они читаютъ бе-чуанскія книги и газеты, и хотя почти всѣ христіане—приблизительно одна шестая часть націи—ученики миссіонеровъ (парижская протестантская миссія содержитъ 137 школъ, съ 6.937 учащихся, въ 1895 г.), тѣмъ не менѣе, они не ограничиваются рабскимъ повтореніемъ услышаннаго; есть между ба-сутами и такіе, которые размышляютъ, обсуждаютъ идеи и слѣдуютъ своимъ личнымъ путемъ ¹⁾. Наконецъ, различныя племена перестали сражаться другъ съ другомъ: непрерывная война уже не ведется; пастухи, лишнные своихъ стадъ, не возвратились, однако, къ людоедству, которое прежде «существовало повсюду» ²⁾, и чернокожіе съ тѣмъ же ужасомъ, какъ и бѣлые, взираютъ на нынѣ покинутыя «пещеры людоедовъ». Чувство національной связи смѣнило взаимную вражду деревень, и именно благодаря этому духу солидарности, подкрѣпленному геройствомъ въ сраженіяхъ, ба-суто и могли отстоять большую часть своей политической самостоятельности противъ посягательствъ англійскаго сюзеренитета. Въ былое время горцы вступали въ браки между родственниками, что казалось омерзительнымъ приморскимъ кафрамъ, которые всѣ придерживались экзогамическаго брака, отказываясь даже брать себѣ жену въ чужомъ семействѣ, носящемъ прозвище одинаковое съ прозвищемъ семьи жениха.

Гораздо болѣе богатые скотомъ, чѣмъ полвѣка тому назадъ, когда хищные звѣри бродили еще вокругъ ихъ стадъ, ба-суто все еще считаютъ уходъ за рогатымъ скотомъ и за вновь приобрѣтеннымъ ими животнымъ, лошадыю, самымъ достойнымъ занятіемъ для человѣка: сыновья начальниковъ должны проводить извѣстную часть своей юности въ качествѣ пасту-

ховъ, и даже сами короли покидаютъ свои дворы, отправляясь охранять стада и вести ихъ на новыя пастбища; въ деревняхъ, центральное пространство, находящееся рядомъ съ кхотла или резиденціею короля, всегда оставляется для скота. Однако, къ этому своему національному промыслу, первому источнику своего благосостоянія, ба-суто присоединили также и разумно понятую ими культуру своихъ полей; уже многія тысячи плуговъ введены въ долинахъ Ле-Суты, жители которой не ограничиваются, какъ прежде, сѣяніемъ сорго, своего предпочтительнаго хлѣбнаго растенія; они воздѣлываютъ всѣ хлѣба, всѣ плоды европейскаго происхожденія и своимъ вывозомъ ежегодно содѣйствуютъ пропитанію жителей Капской колоніи; плодовые сады окружаютъ нынѣ всѣ ихъ деревни. Плодородіе почвы, всегда хорошо орошаемой, превращаетъ ба-сутскій край въ одну изъ естественныхъ житницъ Южной Африки, и до сихъ поръ не произошло скопленія въ немногихъ рукахъ земли, которое, конечно, раздѣлило бы націю на богатыхъ и бѣдныхъ: пропитывающая ба-сутовъ почва принадлежитъ всей общинѣ ¹⁾. Лишь самъ работающій имѣетъ право на продукты поля; переставая, въ случаѣ переселенія въ другое мѣсто, обрабатывать данный участокъ земли, онъ долженъ возвратитъ его начальнику, который отъ имени общины и ссужаетъ ее другому земледѣльцу. Въ хорошіе годы, стоимость продуктовъ, продаваемыхъ ба-суто въ Капскую колонію и въ алмазonoсную страну, достигаетъ пяти слишкомъ миллионѣвъ франковъ; въ 1896 г. внѣшняя торговля Ба-сутоленда: привозъ—104.858, вывозъ (хлѣбъ, скотъ, шерсть)—139.495 фунт. стерл. Подобно савоярамъ и овернцамъ, ба-суто ежегодно посылаютъ въ сосѣднія области молодыхъ эмигрантовъ, которые рано или поздно возвращаются въ свое отечество, съ накопленными деньжонками: такъ какъ они неутомимы въ трудѣ, и мнѣніе объ ихъ честности установилось уже издавна, то вообще имъ легко найти себѣ занятіе; однако, когда имъ не отдадутъ условленной платы, то они угоняютъ скотъ у своихъ должниковъ: отсюда частыя затрудненія съ Оранжевой республикой, въ которой большинство ба-сутскихъ выходцевъ работаютъ. Нѣсколько хорошихъ дорогъ проникаютъ вглубь долины, склоны горъ изъ года въ годъ все болѣе и болѣе подвергаются обработкѣ, и мало-по-малу создается провинціальный бюджетъ для содержанія путей сообщенія и для основанія школъ. Рудники въ краѣ не особенно разрабатываются, хотя они и довольно богаты; платиновыя мѣсторожденія весьма многочисленны въ ле-сутскихъ горахъ ²⁾.

¹⁾ Letourneau, „Physiologie des Passions“,—Eliel Reclus, „Revue d'Anthropologie“, 1884.

²⁾ Arbousset et Dumas, „Relation d'un voyage d'exploration au nord-est de la colonie du Cap“.

¹⁾ E. Casalis, „Les Bassoutos, vingt-trois années de séjour et d'observations au sud de l'Afrique“.

²⁾ Arbousset et Dumas, *упом. соч.*

Главный городъ ба-сутскаго края, Таба-Боссиго (Таба-Воссиу), т. е. «гора ночи», расположенъ на высотѣ болѣе чѣмъ 1.500 метровъ, у подошвы столовиднаго утеса, господствующаго надъ долиной одного изъ притоковъ Каледона; съ высоты этой скалы славный король Мошешъ—т. е. «бриллиантъ», такъ какъ онъ кончилъ тѣмъ, что «сбрилъ всѣхъ своихъ соперниковъ»—отражалъ нападенія зулусовъ, скатывая на нихъ каменные глыбы; затѣмъ онъ съумѣлъ и поладить съ обращенными въ бѣгство врагами, посплавъ имъ скотъ и предложивъ свою дружбу. Большая часть другихъ мѣстечекъ Лерибе, Береа, Виеезда, также были резиденціями царьковъ и станами миссіонеровъ; городокъ Масеру, неподалеку отъ лѣваго берега Каледона, въ округѣ Таба-Боссиго, служитъ мѣстопробываніемъ англійскаго комиссара. — Административныхъ округовъ въ ба-сутскомъ краѣ шесть: 1. Лерибе (50 т. жителей); 2. Береа (25 т. жителей) и 3 и 4. Таба-Боссиго (60 т. жителей)—всѣ къ востоку отъ Каледона; 5. Kornet-Spruit (30 т. жителей), между Kornet-spruit или Makhaleng и Оранжевой рѣкой; и 6. Quithing, между верхнимъ теченіемъ Оранжевой рѣки и горами Дракенбергенъ (12 т. жителей).

Главаря ба-сутсовъ теперь не болѣе какъ подчиненные европейскихъ судей: на приговоры ихъ можно апеллировать къ англійскому суду, рѣшенія котораго считаются уже окончательными. Для обсужденія же дѣлъ, имѣющихъ общій интересъ, ежегодно собирается общее вѣче или *итши*. Законы о бракѣ измѣнились, и многоженцы могутъ зарегистрировать уплату скотомъ только при покункѣ своихъ первыхъ женъ; послѣдующихъ браковъ законъ уже не признаетъ ¹⁾ Налогъ, какъ и у кафровъ восточнаго склона горъ, опредѣленъ въ 10 шиллинговъ съ хижины. Въ бюджетѣ ба-сутскаго края за 1895 годъ доходы составили 46.000, а расходы—43.000 фунт. стерл. Употребленіе спиртныхъ напитковъ официально запрещено, но контрабанда между ба-сутскимъ краемъ и Оранжевою республикою производится дѣятельно. Даже и донынѣшняго режима главнымъ начальникамъ было запрещено употребленіе пива; въ качествѣ судей, они постоянно должны сохранять полную ясность ума.

VI. Кафрарія.

Съ 1885 года, восточный склонъ горной цѣпи, заключающейся между рѣками Кей и Умъ-Фумовна, цѣлкомъ присоединенъ, какъ и край басутовъ, къ Капской колоніи; но англійскіе переселенцы и торговцы не отваживаются по-

сѣщать эту область иначе, какъ съ соблюденіемъ предосторожностей, а въ нѣкоторыхъ округахъ пребываніе имъ даже и воспрещено. Резиденты, пребывающіе въ странѣ рядомъ съ главарями, представляютъ созеренную власть колоніи и въ то же время блюдутъ, чтобы изъ соотечественники не завладѣвали землями, оставленными кафрамъ. Однако непрерывное движеніе впередъ, которое началось со времени первой высадки голландцевъ у подошвы Столовой горы, продолжается добровольно или вынужденно, и двѣ колоніи: Капская и Наталъ постоянно стремятся сблизиться другъ съ другомъ чрезъ Кафрскій край, чтобы образовалъ сплошной поясъ европейскаго населенія. Этническое давленіе тѣмъ сильнѣе, что Кафрарія очень лакомый кусокъ, такъ какъ это край самый здоровый, самый живописный и самый плодородный изъ всѣхъ странъ Южной Африки. Въ 1877 году, двадцать лѣтъ спустя послѣ безуспѣшной попытки колонизаціи, англійскіе переселенцы были приглашены брать земельныя «концессіи» въ Транскеѣ, между рѣками Кей и Кога, а недавно одна европейская компанія приобрѣла одну изъ лучшихъ мѣстностей Кафраріи,—территорію, по которой р. Сентъ-Джонъ (Умъ-Зимвубу) течетъ къ своему устью, и которая рано или поздно должна сдѣлаться главнымъ коммерческимъ портомъ между Капомъ и Наталемъ; съ 1887 года англичане проявляютъ тамъ непосредственно свою власть и въ политическомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, небольшія спорадическія колоніи готовятъ будущее завладѣніе страной. Но, хотя кафры болѣе уже политически и не властвуютъ въ краѣ, который ихъ прежде отвоевали у варварскихъ племенъ, употреблявшихъ каменные орудія и оружіе ¹⁾, тѣмъ не менѣе они составляютъ почти все его населеніе, а, благодаря миру, господствующему нынѣ между племенами, годичный приростъ жителей значителенъ: хотя точныхъ статистикъ еще не существуетъ, но большинство проживающихъ въ странѣ европейцевъ согласно свидѣлствуютъ, что постоянное увеличеніе численности кафровъ, обусловливаемое преобладаніемъ рожденій надъ смертностью, представляетъ безпримѣрное явленіе ²⁾. Изъ всѣхъ областей Южной Африки, Кафрарія населена плотнѣе всего. Пространство Кафраріи—36.953 кв. километр., а населеніе (по переписи 1891 г.)—486.572 душъ (10.312 бѣлыхъ, 470.624 кафровъ и 5.636 готтентовъ), что составитъ болѣе 13 жителей на одинъ квадратный километр. Спрашивается, поэтому, не случится ли и здѣсь рано или поздно, что туземцы постепенно возьмутъ перевѣсъ надъ бѣлыми, подобно

¹⁾ John Sanderson, "Stone Implements of Natal in Anthropological Review".

²⁾ G. Mac Call Theal, "History of the Boers in South Africa".

¹⁾ "Journal des Missions Evangeliques", 1886.

тому, какъ это уже произошло въ Центральной Америкѣ и въ одной части Америки Южной.

Въ великой семьѣ народовъ банту, кафры занимаютъ первое мѣсто по физической красотѣ, силѣ, мужеству и умственнымъ способностямъ. Во многихъ этнологическихъ изданіяхъ, гдѣ изображены различные типы чело-вѣческаго рода, европейскіе бѣлые представлены въ видѣ боговъ и богинь, скопированныхъ съ античныхъ статуй; въ то время какъ благородный «кавказецъ», сынъ Прометея, является въ идеальной формѣ, созданной воображеніемъ великихъ художниковъ, люди другой расы: черные, желтые или красные представлены намъ, въ этихъ сборникахъ, красивыми или безобразными, старыми или молодыми, здоровыми и немощными, но всегда такими, какими они являлись передъ объективомъ фотографа, а иногда и подъ карандашемъ каррикатурищика. Очевидно, этотъ способъ изображенія типовъ не справедливъ по отношенію къ такъ называемымъ низшимъ расамъ. Нѣтъ сомнѣнія, если бы художникъ сталъ воспроизводить всѣхъ случайно встрѣтившихся ему лицъ, будутъ ли это европейцы или кафры, то оказалось бы, что именно между кафрами онъ нашелъ бы болѣе всего индивидовъ, приближающихся къ совершенной красотѣ, по благородству чертъ и по равновѣсію формъ. Превосходство принадлежитъ европейскимъ бѣлымъ только по отборнымъ индивидамъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, оказываются самыми красивыми тѣ, которые болѣе цивилизованы: между двумя типами замѣчается такая же разница, какъ между дикимъ звѣремъ и животнымъ, облагоустроеннымъ путемъ воспитанія. Кафрамы съ болѣе совершенными формами оказались бы, именно, тѣ, которые живутъ по сосѣдству съ бѣлыми и подъ ихъ влияніемъ, такъ какъ вообще «только цивилизація можетъ сдѣлать людей совершенными»¹⁾. Черты лица никогда не имѣютъ у кафровъ той тонкости, которую представляютъ красивыя европейскія лица: губы у нихъ почти всегда слишкомъ толсты; зато кафры, а также и готтентоты, обыкновенно превосходятъ европейцевъ чрезвычайно острою зрѣнію; дальтонизмъ не извѣстенъ у туземцевъ Африки²⁾. О томъ же, каковы у кафровъ мужество и въ особенности сила сопротивленія, англичане уже знаютъ какъ по войнамъ, которыя имъ приходилось вести противъ этого племени, такъ и по той дикой энергіи, которую ама-коза проявили во время страшнаго года добровольнаго голоданія. Наконецъ, всѣ занимавшіяся обученіемъ кафрскихъ дѣтей свидѣтельствуютъ о живости и проникаемости ихъ ума. Духовная жизнь кафровъ даже слишкомъ напряжена, какъ объ-

этомъ можно судить по большому числу встрѣчающихся между ними сумасшедшихъ³⁾. Нравы кафровъ, первоначально походившіе на нравы ихъ братьевъ по расѣ и по языку, бечуанъ, нынѣ уже сильно видоизмѣнились, вслѣдствіе соприкосновенія этихъ туземцевъ съ бѣлыми. Прежде кафры—заимствовавшіе нѣкоторые свои религіозныя понятія отъ сосѣднихъ націй—давали Богу названіе тико (отъ готтентотскаго слова ути-ко), т. е. «существо, причиняющее зло»²⁾.

Фингосы, ама-фингу, т. е. «бродячіе»—которые жили прежде гораздо сѣвернѣе, въ долинѣ р. Тугела, и которые были прогнаны оттуда зулусскимъ завоевателемъ Тшака—нынѣ принадлежатъ къ кафраамъ только по имени. Послѣ своего бѣгства, они попали въ зависимость отъ племени ама-коза, которое мало-помалу превратило ихъ въ совершенныхъ рабовъ и присвоило ихъ племенное названіе «собакамъ». Отсюда смертельная вражда между двумя націями, а для англійскихъ колонистовъ благоприятный случай для вмѣшательства. Воспользовавшись предложеніемъ земель, сдѣланнымъ ихъ сосѣдами изъ колоніи, фингосы массами эмигрировали, чтобы поселиться на берегахъ Большой Рыбной рѣки (Great-Fish-river): тамъ, уплачивая подворный налогъ въ десять шиллинговъ, они по крайней мѣрѣ становились собственниками обрабатываемой ими земли; затѣмъ, они соединились съ англичанами противъ своихъ прежнихъ властителей, и, благодаря ихъ содѣйствію, ама-козы должны были, наконецъ, признать себя побѣжденными и поступиться, къ востоку отъ р. Кей, обширными территориями, которыя и были, въ большей части, переданы тѣмъ «собакамъ», изъ которыхъ ама-козы такъ неблагоприятно создали авангардъ бѣлыхъ. Нынѣ кафры племени финго, впрочемъ, сильно перемѣшавшіеся съ колонистами европейскаго происхожденія, исчисляются приблизительно въ сто тысячъ душъ, въ собственно колониальной территоріи и въ Транскеѣ; они носятъ тотъ же костюмъ, какъ и бѣлые; употребляютъ плугъ, какъ англійскіе и нѣмецкіе земледѣльцы; посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, содержимыя на ихъ же добровольные сборы; издають газеты, переводятъ европейскія аріи и полагаютъ свои пѣсни на музыку³⁾; почти всѣ они называютъ себя христіанами и составляютъ касту пролетаріевъ въ восточныхъ областяхъ южно-африканской колоніи. Два главныхъ городка въ краѣ финговъ, въ предѣлахъ собственной Кафраріи, къ востоку отъ р. Кей: *Namiqua* и *Butler*

¹⁾ „Journal des Missions Évangéliques“, 1845;—Elie Reclus, „Revue d'Anthropologie“, 1884.

²⁾ Robert Moffat, „Vingt-trois ans de séjour dans le sud de l'Afrique“.

³⁾ G. Mac Call Theal, *упом. соч.*

¹⁾ Gustav Fritsch, „Die Eingeborenen Süd-Africa's“.

²⁾ „Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschap.“ Іюль, 1882.

worth—расположены оба на восточныхъ притокахъ этой рѣки.

Племя ама-коза, коза, или ксоза, которое еще недавно господствовало надъ финсами, а затѣмъ было вынуждено предоставить имъ западныя земли Транскея и долины, лежащія далѣе вплоть до Большой Рыбной рѣки,—изъ всѣхъ кафрскихъ племенъ наиболѣе пострадало отъ ненависти бѣлыхъ: будучи ближайшими сосѣдями англичанъ, ама-коза первые напали на нихъ и были первыми же изъ побѣжденныхъ англичанами; такимъ образомъ, съ нихъ и началось дѣло искорененія туземцевъ. Гордясь своею былою славою, ама-козы считаютъ себя самыми благородными между кафрами и, дѣйствительно, сосѣднія съ ними племена признаютъ ихъ первенство. Впрочемъ, отъ другихъ кафровъ они, если и отличаются чѣмъ, то только особенностями своего группированія и своими политическими преданіями, ибо языкъ ихъ едва разнится отъ тѣхъ нарѣчій, которыя употребляются вплоть до бухты Делагоа, а ихъ наименованіе не имѣетъ этническаго значенія, такъ какъ большинство кафрскихъ племенъ, и въ особенности племя коза, получили свои прозванія по имени какого-нибудь прославившагося въ исторіи націи государя; такъ, по имени знаменитыхъ начальниковъ названы и главныя подраздѣленія ама-козовъ: галека и гайка. Впрочемъ, какъ отдѣльная группа, отрасль *гайки* почти исчезла: будучи выселены, въ 1851 году, на западъ отъ р. Кей въ территорію, которая давно уже была захвачена англійскими колонистами, гайкасы разсѣлились по фермамъ и предмѣстьямъ городовъ въ качествѣ рабочихъ, земледѣльцевъ и домашней прислуги, вслѣдствіе чего они исподоволь и сливаются съ другими жителями. Что касается отрасли, именуемой галека, то она занимаетъ свою собственную область, которая составляетъ почти половину территоріи, находящейся между рѣками Кей и Баши (Bashee). Въ 1875 году галекасы представляли сплошное населеніе почти въ семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Въ общемъ итогѣ, группы племени коза составляютъ болѣе ста тысячъ кафровъ.

Большинство галекасовъ сохранили свои древніе обычаи. Женитъ еще покупаетъ свою невѣсту, уплачивая за нее извѣстнымъ количествомъ скота, самое же число женъ зависитъ отъ богатства. Въ противоположность бечуанскимъ обычаямъ, въ Кафраріи доятъ коровъ молодые мужчины; ни одна женщина не имѣетъ права войти въ ту священную загородъ, въ которой содержится скотъ¹⁾; присутствіе женщины осквернило бы ее. Женщина—раба и презирается: произнести имя мужчине изъ своего семейства ей воспре-

щено; равнымъ образомъ она не въ правѣ произносить звуки аналогичные звукамъ имени: она должна изобрѣсти новый языкъ, отличный отъ языка ея мужа. Неудачный ребенокъ убивается; хорошо-сложеннымъ дѣтямъ дѣлается въскольکو уколовъ въ разныя мѣстахъ тѣла, и небольшой защитительный амулетъ вводится подъ кожу; затѣмъ таку ребенка, какъ равно и его мать, натираютъ красною глиною¹⁾. Главари—важныя персоны, стоящія выше законовъ, обязательныхъ для остальныхъ людей. Они имѣютъ право конфискаціи имущества у своихъ подданныхъ, и даже ихъ сыновья имѣютъ право воровать и грабить людей изъ ихъ племени, при чемъ пострадавшіе должны считать себя польщенными выборомъ и капризомъ своихъ властелиновъ. Прежде погребались только начальники, трупы же подданныхъ бросались въ кусты; иногда даже не выжидала самой кончины умирающихъ, ихъ тѣло протаскивали сквозъ вѣроно сдѣланный проломъ въ рѣшетчатой стѣнѣ хижины. Когда же смерть постигла большого начальника, то національныя церемоніи длились по цѣлымъ недѣлямъ; дружки бодрствовали вокругъ его могилы, защищая ее отъ воздушныхъ духовъ и отъ непогоды. Иногда это бодрствование длилось цѣлый годъ, и охранители становились священными въ глазахъ своихъ соотечественниковъ; въ ограду могилы вводились коровы, которыя, затѣмъ, считались тоже освященными и признавались гениевъ покровителей, вслѣдствіе чего ихъ нельзя было уже ни ѣсть, ни продавать; эта же ограда была также неприкосновеннымъ мѣстомъ убѣжища, святилищемъ, на рубежѣ котораго должны были останавливаться казіищеніе, такъ и правосудіе. Можно было бы подумать, что народъ, окружающій личность своего начальника такими знаками сугубаго почитанія, лишентъ общественнаго самосознанія; и однако же, ама-козы умѣютъ, когда нужно, защищать свои обычныя права противъ посягательствъ своихъ начальниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда являютъ доказательства большой семейной солидарности. Такъ, бѣднякъ, приговоренный къ уплатѣ штрафа скотомъ, можетъ рассчитывать на помощь своихъ родныхъ, которые и платятъ за него.

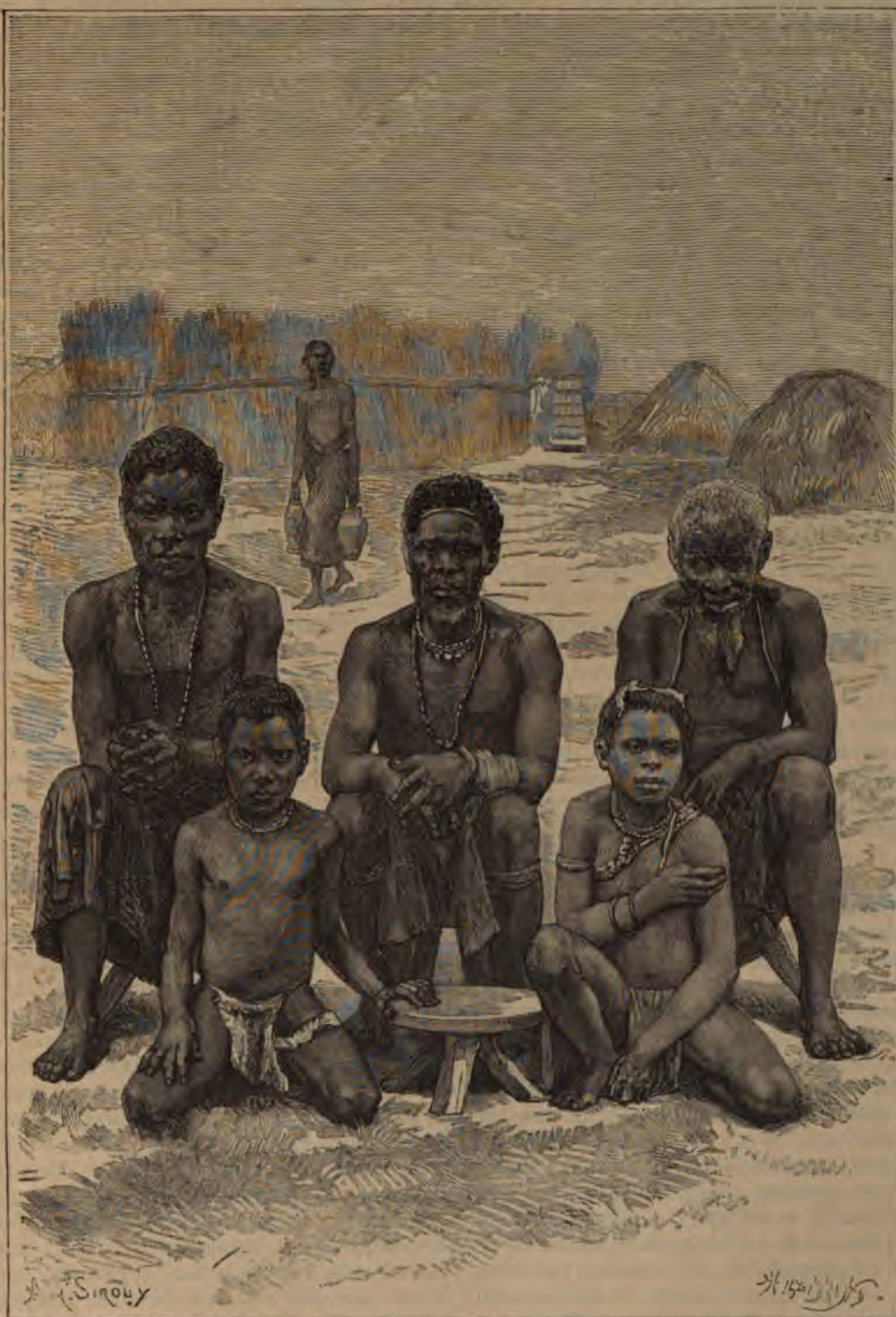
Край, обитаемый племенемъ тембу, Тембулендъ, простирается полукругомъ къ сѣверу и къ востоку отъ территоріи фингосовъ и галекасовъ: начинаясь у горъ Куатламба и заключая въ себѣ многія изъ высокихъ долинъ притоковъ рѣки Кей, край этотъ продолжается на юго-востокъ той частію прибрежной полосы, которую ограничиваютъ рѣки Баши и Умъ-Тата. Называемые обыкновенно тамбуки (tambookies), эти тембусы, или аба-тембу, со-

¹⁾ J. Mackenzie, „Scottisch Geographical Magazine“. Июль, 1887.

¹⁾ Elie Reclus, *утом. соч.*

ставляютъ народецъ въ сто тысячъ душъ, и нѣя линіи пересѣкаютъ ихъ территорію; дѣхотя превратности войны много разъ заставляются приготовленія къ разработкѣ залежей вляли ихъ перемѣщаться съ своими стадами, угля въ ихъ горахъ, и въ ихъ краѣ основался

Группа племени ба-ротсѣ.

они сравнительно мало пострадали отъ перемѣнъ, внесенныхъ постепеннымъ нашествіемъ бѣлыхъ, и довольно терпѣливо признаютъ власть британскихъ судей. Дороги и телеграфъ

даже настоящій городъ, Умтата, расположенъ на восточномъ крутомъ берегу рѣки того же имени и кверху отъ прелестныхъ каскадовъ. Племя бомвана, обитающее, въ числѣ

отъ 15 до 20 тысячъ душъ; въ приморской области, заключающейся между рѣками Ваши и Умъ-Тата, осталось внѣ круга торговаго протяженія англичанъ, и область его расселенія мало извѣстна.

Территорія націи пондо, Пондолендъ, занимаетъ около половины поморья Кафраріи, между рѣками Умъ-Тата и Умъ-Тафуна, изъ которыхъ послѣдняя служитъ границею съ Наталемъ. Благодаря разстоянію, отдѣляющему ихъ отъ Капской колоніи, эти туземцы могли безъ труда удержаться въ своихъ богатыхъ долинахъ: въ числѣ около двухсотъ тысячъ, они постепенно и безъ потрясеній переходятъ изъ независимаго состоянія въ вассальное. Пондосы подраздѣляются на многія племена: ама-конгва, ама-конгвела, ама-кобала, ама-квера, ама-нъяти, ама-бала, ама-яли и другія, имѣющія, каждое, своего начальника и не соединяющіяся другъ съ другомъ въ какой-либо федеративный союзъ; однако, они не признаютъ сюзеренство Великобританіи, представительницею которой недавно была вдова одного миссіонера: къ ней всѣ приходили за совѣтами. Многія мѣстечки, предназначенныя для постепеннаго превращенія въ англійскіе города, уже усѣиваютъ поверхность страны, а также на территоріи Пондо, при устьѣ р. Сентъ-Джонъ, основался и портъ, долженствующій стать современнымъ главнымъ рынкомъ всего поморья между городами East-London и Durban. Пальмерстонъ—миссіонерскій станъ, постепенно преобразовывающійся въ мѣстечко и обѣщающій со временемъ сдѣлаться многолюднымъ городомъ.

Сѣверо-западная часть Кафраріи отдѣлена отъ края ба-сутовъ Дракенбергенскимъ краемъ, ограничена съ сѣверо-востока колоніею Наталь, съ юго-востока и юга Повдо-лендомъ и Тембу-лендомъ; официально она извѣстна подъ именемъ *East-Griqua-land*, т. е. «земля восточныхъ гри-куа», хотя на этой территоріи по преимуществу проживаютъ различныя племена разнообразнаго происхожденія; здѣсь обитаютъ также кафры, именно племена пондомази, ама-бака, ама-кресибъ, и даже фингосы въ небольшомъ числѣ. Гри-куа—давнѣе наименованіе самому краю, хотя ихъ всего только отъ двухъ до трехъ тысячъ на семьдесятъ тысячъ жителей, — жили прежде вмѣстѣ съ другими гри-куа *bastaards*’ами, на плоскогоріяхъ, по которымъ протекаетъ Оранжевая рѣка; но послѣ продолжительныхъ переселеній въ разныхъ направленіяхъ, они отдѣлились отъ остальной націи, и, подъ предводительствомъ главаря, носящаго голландское имя Адамъ Кокъ, отправились въ 1862 году на восточный склонъ Драконовыхъ горъ, гдѣ и заняли территорію, долгое время извѣстную подъ именемъ *No man's Land*, т. е. «ничейя земля», и которую вѣрнѣе было бы назвать «всеобщей землей», по причинѣ мно-

жества поселившихся на ней эмигрантовъ всякаго племени. Дорога изъ Капа въ Наталь пересѣкаетъ эту страну (состоящую также подъ верховной властью Англій), направляясь вдоль границы Пондоленда и проходя чрезъ главный городокъ, голландскій Кокстадъ, расположенный на высотѣ 1.500 метровъ, и одномъ изъ притоковъ рѣки Сентъ-Джонъ. Другое большое поселеніе, Мататіэль, находится въ западномъ гористомъ округѣ, и имѣетъ встрѣчи многихъ тропинокъ, исходящихъ съ водораздѣльнаго хребта. Многочисленные семьи ба-сутовъ, вслѣдствіе тѣсноты въ своемъ краѣ, перевалили черезъ горы, дѣлать свои стада въ высокихъ долинахъ восточнаго склона. Пространство восточнаго Грикуаленда (*East-Griqua-land*) — 19.668 кв. километровъ; населеніе, по переписи 1891 г., — 152.609 душъ (4.114 бѣлыхъ, 144.621 ба-тусовъ, 3.874 готтентотовъ). Пространство Пондоленда — 10.740 кв. километр., населеніе — 150.000 душъ.

VII. Наталь.

Капъ обязанъ своимъ именемъ Вореоломъ Діау; Наталь получилъ свое названіе отъ еще болѣе знаменитаго мореплавателя, отъ Васко-де-Гама, который увидѣлъ зеленѣющую муть этой страны въ день Рождества Христова, въ 1497 году (по-португальски Рождество—*Natal*). Прошло, однако, болѣе трехъ столѣтій прежде, чѣмъ этимъ мѣстомъ остановокъ на океанической дорогѣ изъ Европы въ Индію стали пользоваться постояннымъ образомъ. Правда, португальскіе моряки заходили сюда много разъ съ цѣлью заготовить провизію; также и голландцы, впоследствии завладѣвшіе даннымъ моремъ, неоднократно пытались основаться въ Портъ-Наталь; но всѣ эти попытки не удавались, и лишь въ 1824 году, спустя болѣе 330 лѣтъ послѣ открытія страны, человекъ двадцать англичанъ съ Капа основали на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится городъ Дурбанъ, первый центръ европейской колонизаціи. Въ это время данная территорія, разоренная страшнымъ зулускимъ королемъ, по имени Тиака, была почти совершенно опустошена. Туземныя племена были искоренены или принуждены къ переселенію на югъ: отъ моря и до горъ пустыня была полная. Нынѣ эта колоніальная территорія, поверхность которой немного больше поверхности Швейцаріи, имѣетъ свыше полу-милліона жителей, при чемъ ежегодный приростъ населенія значителенъ. Пространство Наталъ: 42.920 кв. километровъ; населеніе (1895 г.): 584.326 душъ, что составляетъ, среднимъ числомъ, 14 жителей на одинъ квадратный километръ.

Хотя английскіе колонисты первые основали свои жилища въ Наталѣ, но можно было думать, что голландцы будутъ имѣть здѣсь численный перевѣсъ, какъ и на другомъ скатѣ Драконовыхъ горъ, и что они образуютъ новое государство въ свою пользу. Эмиграціонное движеніе, увлекшее столько буровъ изъ Капской колоніи въ неизвѣстныя внутреннія области, продолжалось все далѣе и далѣе, и въ 1834 году, на хребтахъ здѣшнихъ горъ показались ихъ первые піонеры, которымъ, благодаря ихъ энергіи и терпѣнію, и удалось перелезть черезъ горный крахъ, съ своими упряжками; къ концу 1837 года уже около тысячи голландскихъ повозокъ перешли черезъ порогъ цѣпи Дракенбергенъ, чтобы спуститься въ долины восточнаго склона. Но король зулусовъ, Dingaan, вначалѣ благопріятствовавшій вступленію колонистовъ на обезлюденную его братомъ территорию, испугался при видѣ этой все увеличивающейся волны чужеземцевъ и, пригласивъ въ свой станъ буровъ, будто бы на празднество по поводу уступки имъ земель, перерѣзалъ ихъ. Отсюда возникла беспощадная война, при чемъ первая встрѣча воюющихъ произошла на берегахъ одного изъ южныхъ притоковъ рѣки Тужела; сраженіе было несчастно для голландцевъ, и около семисотъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей были перебиты; мѣсто, гдѣ совершилось избіеніе, еще и до сихъ поръ носятъ названіе «Weep», т. е. «слезы». Однако, оставшіеся въ живыхъ голландцы, укрывшись за ограду изъ своихъ повозокъ и стрѣляя оттуда изъ за прикрытій, въ концѣ концовъ отбили окружившія ихъ шайки нападающихъ, пули восторжествовали надъ дротиками, и вскорѣ бѣлые перешли даже и черезъ Тужелу, чтобы атаковать зулусовъ въ ихъ деревняхъ. Въ 1840 году перевѣсъ на сторонѣ голландцевъ былъ полный, они низложили Дингана, замѣстивъ братомъ его, Павдою, сдѣлавшимся съ этого времени ихъ союзникомъ, и основали свободную республику Наталію, подъ каковымъ наименованіемъ этотъ край обозначается трансвальскими голландцами и до сихъ поръ. Столицѣ же своей, Питеръ-Марицбургу, они дали названіе, соединивъ имена двухъ главныхъ піонеровъ иммиграціи, Питера Ретифа и Геврита Марица.

Но Капское правительство не захотѣло признать новое государство и поспѣшило послать войска, чтобы завладѣть имъ отъ имени Англіи. И какъ бываетъ обыкновенно въ дѣлахъ присоединенія новыхъ земель, подъ покровомъ гуманности скрывались честолюбивые военные замыслы: англичане овладѣли Наталемъ во имя «филантропіи», съ цѣлью оказанія покровительства голландцамъ противъ зулусовъ, а зулусамъ противъ голланд-

цевъ¹⁾. Между тѣмъ голландцы не просили ни о какомъ покровительствѣ. Въ первомъ сраженіи они разбили захватчиковъ; но имъ все-таки пришлось уступить численности англичанъ и удалиться въ высоколежащія долины. Нѣкоторые изъ буровъ остались и мало-по-малу слились съ британскимъ населеніемъ; но большинство главъ семей, возмущенные тѣмъ, что завоеванный ихъ кровью край у нихъ отнять, запрягли своихъ воловъ для новаго trek'a и, взобравшись снова на склоны Дрекенбергена, отправились на соединеніе съ своими соотечественниками въ Трансвалѣ. Нынѣ отъ голландцевъ остались лишь наименованія мѣстъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ округахъ и въ сѣверной оконечности территоріи: повсюду уже колонисты говорятъ англійскимъ языкомъ, который употребляется также въ судахъ и школахъ, и на которомъ говорятъ съ туземцами.

Туземцы эти не переставали притекать въ колонію, которая, послѣ истребительной войны, представляла столько пустошорожныхъ земель для ихъ стадъ. Съ трехъ тысячъ въ 1824 г., времени перваго появленія англичанъ, число туземцевъ къ 1848 году возросло приблизительно до ста тысячъ человекъ. Съ тѣхъ поръ оно учетверилось, и не только вслѣдствіе значительнаго избытка рожденій въ сравненіи съ числомъ смертей, но также и вслѣдствіе новыхъ переселеній въ данный край. Впрочемъ, такъ какъ статистика рождаемости и смертности не ведется еще въ племенахъ, то численность кафрскаго населенія опредѣляется лишь приблизительно; ведутся записи только бракамъ, да для сбора податей исчисляются хижины. Кафры принадлежатъ къ весьма большому числу племенъ; но иммиграціонное движеніе шло по слѣдамъ завоеванія, въ направленіи съ сѣвера на югъ, а потому большею частью новыми британскими подданными явились чернокожіе зулускаго типа и языка. Эти туземцы группируются еще въ кланы, но безъ всякой политической связи, а администрація много приложила стараній для раздробленія ихъ на множество различныхъ народцевъ: такъ, въ 1886 году насчитывалось въ Наталѣ не менѣе 173 главарей, при чемъ около половины ихъ числа были назначены непосредственно правительствомъ, безъ всякаго наслѣдственнаго на это права. Сами же эти начальники находятся въ непосредственной зависимости отъ англійской администраціи, которая допускаетъ соблюденіе туземныхъ обычаевъ, «если они не причиняютъ какой-либо явной неправды и не противорѣчатъ установленнымъ принципамъ и естественной справедливости». Со времени смерти Дингана

¹⁾ Anthony Trollope, „South Africa“.

никакая война между бѣлыми и черными не обогрѣла почвы въ Наталіи. Изъ христіанскихъ миссіонеровъ больше всего имѣли вліянія на кафровъ методисты или веслеяне, которыми основана треть миссіонерскихъ станомъ, 58 на 160.

Иммиграція бѣлыхъ непосредственно изъ Европы получила нѣкоторое значеніе только около половины текущаго столѣтія, когда группа англійскихъ фермеровъ изъ Йоркскаго графства поселилась въ Натальской колоніи. Отводимая казной земля вблизи порта стали брать также нѣмецкіе крестьяне; затѣмъ возрастанію бѣлаго населенія содѣйствовали равнымъ образомъ норвежскіе колонисты и креолы съ острововъ Маврікія и Соединенія. Однако, несмотря на климатическія выгоды, представляемыя краемъ—если, впрочемъ, переселяющіеся не принадлежатъ къ людямъ нервнымъ и апоплектикамъ¹⁾—вольная ежегодная иммиграція никогда не переступала цифры въ нѣсколько сотенъ человѣкъ, и даже происходитъ эмиграціонное движеніе изъ Наталіи въ Австралію и въ Новую Зеландію. Причины, почему англійскіе эмигранты относительно пренебрегаютъ этой колоніей, многоразличны. Въ Наталіи преобладаетъ порядокъ земельной крупной собственности, и, слѣдовательно, концессионеры земель сами не работаютъ; они употребляютъ руки людей другихъ расъ, а лично трудящіеся бѣлые подвергаются съ ихъ стороны презрѣнію; кромѣ того, бѣлыхъ переселенцевъ обезкураживаетъ большое численное превосходство кафровъ. Но эта огромная численная разность между расами пугаетъ и самихъ англійскихъ собственниковъ, такъ что даже основались общества для привлеченія въ колонію ремесленниковъ, рабочихъ и прислуги изъ Европы, которымъ, при заключеніи условія найма на болѣе или менѣе долгій срокъ, предоставлялся даровой проѣздъ. Изъ такихъ приглашенныхъ переселенцевъ, въ теченіе семи лѣтъ, съ 1878 по 1884 годъ, корабли доставили 4.526 человѣкъ, или по 646 человѣкъ въ годъ; эти-то лица и содѣйствуютъ постепенному образованію класса людей изъ бѣлыхъ, средняго между туземцами и крупными землевладѣльцами. Такъ какъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, то послѣднія быстро выходятъ замужъ; старыхъ дѣвъ въ Наталіи совсѣмъ нѣтъ, и населеніе правильно возрастаетъ вслѣдствіе избытка рожденій. Именно, съ 1880 по 1884 годъ, увеличеніе числа жителей, вслѣдствіе избытка въ рождаемости и переселенія, равнялось 2.472 въ годъ. Въ частности, въ 1884 году, между бѣлыми въ Наталіи зарегистрировано: браковъ 392; рожденій 1.342, смертныхъ случаевъ 466; такимъ образомъ, избытокъ рожденій равнялся 876.

По переписи 1891 г., въ колоніи насчитывалось 37.390 бѣлыхъ (буровъ, англчанъ, нѣмцевъ) и 33.480 индійскихъ куліевъ.

Для обработки своихъ земель англійскіе собственники въ Наталіи преимущественно прибѣгаютъ къ индусамъ, куліямъ изъ провинцій Калькутты и Мадраса. Прежде они пробовали употреблять на полевые работы кафровъ, и во многихъ мѣстностяхъ обстоятельства заставляли ихъ набирать себѣ рабочихъ между туземцами; но вообще обѣ стороны такъ ненавидятъ другъ друга, что какъ только срокъ годового или двухъгодичнаго найма окончится, то кафры спѣшатъ возвратиться къ себѣ домой; иногда же они отзываются своими начальниками даже и раньше срока. Вообще они работаютъ для хозяина неохотно: у большинства изъ нихъ есть хижина, мансовое поле, немного скота, и когда европейецъ предлагаетъ имъ трудиться изъ-за жалованья, то они гордо отворачиваются, предлагая и съ своей стороны европейцу поступить къ нимъ на службу. Натальскіе плантаторы ищутъ, поэтому, рабочихъ между менѣе независимыми людьми: такъ они заводятъ себѣ рабочихъ изъ готтентотовъ и людей изъ сѣверныхъ племенъ; но самыми подходящими для нихъ работниками оказываются покорные индусы. Колоніальное правительство ссужаетъ средства, необходимыя для набирания этихъ азіатовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, распределяются по плантаціямъ по порядку запроса; работать для одного и того же хозяина они должны по десяти лѣтъ; взаменъ же своего ежедневнаго труда съ восьми часовъ утра до десяти вечера куліи получаютъ убогое одѣяніе, безусловно необходимое количество сѣстныхъ припасовъ и деньгами 15 франковъ въ мѣсяцъ. Тѣ, которые отработаютъ такимъ образомъ срокъ своего найма, вольны, затѣмъ, либо возвратиться въ свое отечество, либо начать продавать свои руки по обычнымъ рыночнымъ цѣнамъ. Большая часть ихъ остаются въ краѣ и женятся на одной изъ своихъ соотечественницъ, такъ какъ ввозители куліевъ должны привозить также и по сорока женщинъ на сто мужчинъ. Нѣкоторые изъ отработавшихъ становятся огородниками или мелкими землевладѣльцами вблизи городовъ; другіе заводятъ мелочныя лавочки, и, благодаря своей чрезвычайной умѣренности, успѣшно конкурируютъ съ европейскими купцами, сильно жаждущими на привозъ этихъ опасныхъ соперниковъ. Если же присчитать къ европейцамъ и индусамъ всѣхъ другихъ иностранцевъ, малайцевъ, китайцевъ и, наконецъ, полукровныхъ метисовъ, то окажется, что общее число наталійцевъ экзотическаго происхожденія составляетъ приблизительно шестую часть всего населенія. Почти всѣ они имѣютъ какое-либо специальное ремесло, соотвѣтственно своему происхожденію: такъ, переселенцы съ острова Са. Елены служатъ кучерами; нѣмцы — земле-

¹⁾ Bleek, „Petermann's Mittheilungen“, 1856.

дѣльцы и приказчики; голландцы — пастухи, а норвежцы — рыбаки.

Колоніальное правительство обладаетъ еще обширными землями, пригодными для воздѣлыванія или для пастбы скота. Изъ пространства въ 4.856.000 гектаровъ, правда, со включеніемъ скалъ, осыпей и нѣсколькихъ неплоднхъ вершинъ, еще оставалось въ 1885 году 1.110.000 гектаровъ пригодныхъ либо для продажи, либо для сдачи въ аренду; находились эти земли преимущественно въ южной части территоріи, сосѣдней съ Пондолендомъ; что же касается полей, обрабатываемыхъ европейцами, то они не превышали 36.000 гектаровъ, т. е. приблизительно сотой доли того, чѣмъ европейцы владѣютъ. Земли же, утвержденныя за кафрами, въ общности, представляютъ пространство въ 800.000 гектаровъ. Размѣры участковъ, продаваемыхъ или оброчныхъ, колеблются, смотря по направленію колоніальной политики. Такъ, первые голландскіе колонисты присвоили каждый по 2.400 гектаровъ или даже больше, такъ что, слѣдовательно, двѣ тысячи собственниковъ могли бы прибрать къ своимъ рукамъ весь край; съ тѣхъ поръ размѣры участковъ уменьшились, хотя все еще было много такихъ, которые содержатъ по нѣсколько сотенъ или даже по тысячѣ гектаровъ; въблизи городовъ земельная собственность, однако, мало-по-малу раздробляется.

Главное воздѣлываемое въ Наталѣ растеніе — манисъ или *mealie*. Это хлѣбное растеніе даетъ въ изобиліи пищу кафрамъ, индусамъ и ихъ домашнимъ животнымъ, а также питаетъ значительную вывозную торговлю. Всѣ другія европейскія хлѣбныя растенія тоже воздѣлываются въ странѣ, и каждый городъ, каждое селеніе окружаютъ плодовые сады, смѣнившіе прежнія, почти совершенно истребленныя топоромъ и огнемъ, лѣсныя убранные земли; почти повсюду искоренены также и приморскіе коленусты, такъ какъ ихъ ветлѣнное дерево особенно цѣнилось въ плотничьемъ дѣлѣ. Въ 1880 году въ Наталѣ было лѣсовъ 66.360 гектаровъ, а колючихъ кустарниковъ, съ преобладаніемъ видовъ мимозы, 736.400 гектаровъ. Благодаря полутропическому климату, въ Наталѣ произрастаютъ также и такія растенія, которыя не встрѣчаются въ умѣренной Европѣ. Прежде здѣсь были обширныя плантаціи кофейнаго дерева, но съ 1872 года, вслѣдствіе заболѣванія этого деревца, разведеніе его почти прекратилось. Пытались замѣнить его чайнымъ кустомъ; но въ 1885 году пространство, занимаемое чайными плантаціями, не превышало 160 гектаровъ, а вывозъ чая достигалъ всего лишь 14 тысячъ килограммовъ. Также воздѣлываютъ коноплю, *rhombium tene* и другія прядильныя растенія. На большихъ приморскихъ плантаціяхъ воздѣлывается главнымъ образомъ сахарный тростникъ, введенный въ 1851 году.

Въ 1884 году, поверхность сахарныхъ плантацій — на которыхъ, между прочимъ, обитаютъ питоны, безвредные для человѣка, но охотящіеся за обыкновенными и лѣсными мышами — равнялась 11.625 гектарамъ; изъ получаемого продукта (въ 1892 г. 26.111 тоннъ) болѣе трети вывозится *over-berg*, т. е. «по ту сторону горъ», въ голландскія республики; кромѣ того, плантаторы выдѣлываютъ болѣе десяти тысячъ гектолитровъ рома. Разведеніе *крупнаго рогатаго скота*, составлявшее единственныя промыслы въ первыя времена занятія страны голландцами, съ 1855 года сравнительно уменьшилось, такъ какъ въ это время вслѣдствіе эпизоотіи погибали по 95 штукъ изъ 100 животныхъ, пораженныхъ болѣзною; однако, введеніе прививокъ, новыхъ породъ и лучшей гигиены возстановили стада настолько, что въ 1893 году крупнаго рогатаго скота насчитывалось: у европейцевъ — 205.542, у туземцевъ — 518.578 головъ, а такое количество должно считаться громаднымъ, такъ какъ оно значительно превосходитъ число жителей; кромѣ того, въ Наталѣ насчитывалось лошадей: у европейцевъ — 26.942, у туземцевъ — 38.085; овецъ: у европейцевъ — 924.920, у туземцевъ — 21.075. Впрочемъ, на натальскихъ пастбищахъ овцы иногда бродятъ миллионами, такъ какъ голландскіе пастухи съ плоскогорій Оранжевой республики и Трансваля пасутъ свои стада, смотря по сезону, лѣтомъ — въ высокихъ западныхъ долинахъ, а зимою — спускаются на умѣренныя равнины Натала. Добываемую ими шерсть они также вывозятъ чрезъ портъ англійской колоніи. Изъ Порты-Натала въ 1892 г. было вывезено шерсти 9.278.000 килограммовъ. Овцеводы ввели въ свои стада также и ангорскихъ козъ; но разведеніемъ одомашненнаго страуса почти не занимались, такъ какъ сравнительная неудача ихъ канскихъ сосѣдей не могла, конечно, дѣйствовать ободрительно.

Въ Наталѣ есть мѣсторожденія мѣди, золота и графита, но доходъ отъ разработки этихъ рудъ и росыпей такъ малъ, что на нихъ не стоитъ и тратить. Богатъ же Наталь желѣзомъ и углемъ, которые находятся въ сѣверной части колоніи, преимущественно на обоихъ склонахъ горной цѣпи Биггарсбергъ, около города, названнаго Ньюкэстлемъ, какъ бы въ предвидѣніи, что когда-нибудь онъ станетъ соперничать съ одноименнымъ ему каменноугольнымъ городомъ Великобританіи. Поверхность, пригодная для разработки, равняется 3.500 квадр. километрамъ, а толща нѣкоторыхъ пластовъ превышаетъ даже три метра; принимая въ расчетъ только тѣ горизонтальные пласты, которые опредѣлены неособенно глубокими развѣдками и лишь на британскомъ склонѣ Дракенбергена, инженеръ Портъ нашелъ, что изъ нѣдръ земли могутъ быть извлечены два миллиарда тоннъ угля хорошаго

качества. Однако, до недавняго только времени его употребляли лишь кузнецы, и со времени проникновенія желѣзной дороги въ эти области, уголь стали брать также и для локомотивовъ. Разработка каменноугольныхъ копей несомнѣнно будетъ возрастать съ увеличеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, промышленныхъ заведеній, сахарныхъ и рафинировочныхъ заводовъ, кузницъ и инструментальныхъ фабрикъ (добыча угля въ 1893 году: 129.672 тонны).

Наталийскія желѣзныя дороги, которыя всѣ принадлежатъ правительству, въ 1897 г. имѣли общую длину 676 километровъ. Главная линія идетъ отъ Портъ-Наталя на сѣверо-западъ, чрезъ Питеръ-Маритцбургъ и Ледисмитъ, къ Ньюкастлю; вѣтвь изъ Ледисмита проникаетъ въ Оранжевую республику. Строятся желѣзные пути въ Наталь со всевозможною экономіею: крутые подъѣмы превосходятъ три сантиметра на метръ, самыя крутыя закругленія не имѣютъ даже и ста метровъ въ радиусѣ, и весь путь ведется только въ одну узкую колею. Дорога взбирается послѣдовательно на всѣ поперечныя цѣпи склона: около деревни Весттаунъ она проходитъ на высотѣ 1.570 метровъ, а на возвышенности въ 1.676 метровъ пересѣкаетъ гребень Дракенбергена и вступаетъ на землю Оранжевой республики. Колесныя дороги, дополняющія сѣть путей сообщенія въ Наталіи, также проведены съ большою смѣлостью по откосамъ овраговъ и бокамъ горъ, и поднимаются до закраины плоскогорія Оранжевой республики. Почти вся нынѣшняя торговля края ведется чрезъ Портъ Наталь.

Южная часть страны, между рѣками Умъ-Тавуна и Умъ-Зимкулу—одна изъ наименѣе населенныхъ, и бѣлые еще разсѣяны рѣдкими группами между зулусами и повдо. Недавно тамъ основана норвежцами земледѣльческая колонія Марбургъ, находящаяся приблизительно въ девяти километрахъ отъ небольшого порта Shepstone, образуемаго лиманомъ рѣки Умъ-Зимкулу, проникнуть въ который часто бываетъ трудно. Далѣе, на поморьѣ, которое по прямой линіи направляется на сѣверъ, находятся избѣгаемые моряками яко бы «порты»: въ устьѣ Умъ-Зумби—портъ Гардингъ, и въ устьѣ Умъ-Памбиніони—портъ Скоттъ. Единственная часть наталийскаго берега, представляющая широкій бассейнъ для кораблей—это та вырѣзка, которую въ 1497 году обследовалъ Васко-де-Гама, и въ которой возникъ портъ Наталь. Въ этомъ мѣстѣ скалистая цѣпь, приблизительно въ 80 метровъ средней высоты, идущая параллельно первоначальному берегу и соединенная нынѣ съ материкомъ поднявшимися изъ воды землями, оканчивается на сѣверѣ «bluff», т. е. крутымъ утесомъ, который и защищаетъ отъ вѣтровъ и волненія широкую

бухту, представляющую остатокъ прежняго пролива. У входа въ эту бухту, волны мало-по-малу образовали песчаную стрѣлку, которая, прилегая къ низменному берегу на сѣверѣ бухты, направляется на юго-востокъ, на встрѣчу вышеупомянутой крутой грядѣ, и отдѣляется отъ нея лишь узкимъ проходомъ для кораблей; пороги при входѣ въ этотъ проливъ мѣняютъ свое положеніе и глубину, сообразно съ приливами и съ бурями. Въ прежнее время, толща воды колебалась, при спавшей водѣ, между 2½ и 5½ метрами, и суда, сидяшія въ водѣ болѣе трехъ метровъ, рѣдко отваживались проходить чрезъ баръ. Молъ, примыкающій къ песчаной стрѣлкѣ и направляющійся на сѣверо-востокъ, способствуетъ увеличенію размывающей силы отлива, вслѣдствіе чего баръ понизился на 60 сантиметровъ и, кромѣ того, сталъ менѣе подвижнымъ при переменахъ, наступающихъ въ воздухѣ и на водѣ.

Городъ, построенный на берегахъ Портъ-Наталя, основанъ въ 1846 году, въ лѣсной чащѣ, по которой бродили слоны: его окрестили именемъ Дурбанъ (d'Urban), въ честь одного изъ капскихъ губернаторовъ. Онъ состоитъ изъ двухъ различныхъ городовъ, соединенныхъ желѣзною дорогою: изъ морскаго квартала, Портъ-Наталя, съ его пристанями, магазинами и депо, и изъ гражданскаго квартала на холмѣ, Дурбана, съ его широкими, обсаженными деревьями улицами и великолѣпными садами съ тропическою растительностью, банановыми рощами, бамбукомъ и фиговыми деревьями. На западъ отъ города и отъ бухты тянется лѣсистый холмъ Береа, усыянный дачами, съ прекраснымъ видомъ на бухту, ея островки и берега: здѣсь, именно, и проживаетъ большая часть богатыхъ купцовъ изъ города; къ западу отъ лимана находится мѣстечко Ковжелла, гдѣ первые голландскіе переселенцы основали свой лагерь. Дурбанъ, по населенности, первый городъ въ Наталѣ; благодаря своей значительной колоніи изъ зулусовъ, а также и людей съ востока: индусовъ, арабовъ и китайцевъ, онъ превзошелъ и самую столицу. По переписи 1891 г., въ Дурбанѣ было 17.920 жителей (на половину кафровъ и индусовъ). Островъ Салисбюри, на рейдѣ, населенъ слишкомъ двумястами индусовъ, которые почти исключительно занимаются рыболовствомъ и соленьемъ рыбы, поступающей затѣмъ на Дурбанскій рынокъ. Другіе индусы, огородники и садоводы, снабжаютъ городъ овощами и плодами. Хорошей воды въ Дурбанѣ нѣтъ, и потому недавно выстроенъ водопроводъ, который изъ-за 13 километровъ ежедневно приносить въ городъ громадное количество воды, именно, не менѣе 1.100.000 литровъ.

Благодаря своему порту и своимъ желѣзнымъ дорогамъ, которыя направляются на югъ—къ Изининго и его плантаціямъ сахар-

наго тростника, на сѣверъ—къ мѣстечку Воруламъ, тоже окруженному сахарно-тростниковыми полями, и на сѣверо-западъ—къ Питеръ-Маритцбургу, —Дурбанъ представляетъ торговый центръ для всей Наталіи; чрезъ него же идетъ также и значительная часть торговли голландскихъ республикъ, хотя у нихъ есть выходы: Портъ-Елизаветы и рейдъ Кэптауна, и хотя они, при посредствѣ желѣзной дороги, готовятъ себѣ путь въ португальскую гавань Лоренсо-Маркесъ, которой и предстоитъ превратиться въ складочное мѣсто для Индійскаго океана. Въ Портъ-Наталѣ, слѣдовательно, торговое движеніе значительно превосходитъ собственно всю торговлю одной лишь Натальской колоніи; но его торговля должна значительно уменьшиться, какъ только двѣ республики Overberga, т. е. «загорныя», будутъ имѣть свой прямой путь чрезъ португальскую территорію. Оживленная дѣятельность въ Портъ-Наталѣ уже нѣсколько уменьшилась также и со времени спекуляцій, возбужденныхъ было находками золота и алмазовъ; однако, не взирая на эти временныя заминки, возростаніе торговли за десятилѣтніе періоды весьма значительно. Слѣдующія статистическія цифры даютъ понятіе о торговой дѣятельности въ Портъ-Наталѣ:

1880 г. (годъ самой бойкой торговли). Ввезено на—58.414.000 франковъ; вывезено на—22.271.850 франковъ; итогъ оборотовъ—80.686.450 франковъ.

1885 годъ. Ввезено на—37.963.925 франковъ; вывезено на—21.937.075 франковъ; итогъ оборотовъ—59.901.000 франковъ.

Торговое движеніе съ 1846 по 1875 годъ, въ среднемъ, выразилось цифрой 2.705.425 франк., а съ 1876 по 1885 г. — цифрой 62.943.997 франк. Въ 1892 г.: привозъ—3.165.249, вывозъ—1.480.606 фунт. стерл.

Число пришедшихъ судовъ въ Портъ-Наталѣ въ 1892 году: 542, вмѣстимостью въ 582.752 тоннъ; изъ нихъ 415 было паровыхъ съ вмѣстимостью въ 527.738 тоннъ.

Самую значительную торговлю съ Наталемъ ведетъ Великобританія, затѣмъ слѣдуетъ Австралія, которая шлетъ ему муку; Капская колонія, хотя и значительно ближе къ Наталю, однако въ своей торговлѣ съ нимъ уступаетъ Индіи, Соединеннымъ Штатамъ и Бразиліи. Небольшая торговля въ розницу съ индусами и туземцами почти вся монополизирована арабскими и восточными купцами, пребывающими въ Дурбанѣ.

На пути изъ Дурбана въ Питеръ-Маритцбургъ, единственное мѣстечко, претендующее на имя города, есть *Pinetown*, центръ нѣмецкаго населенія въ Наталѣ; одна изъ сосѣднихъ миссій называемая Новою Германіею, и неподалеку отъ нея трапписты, въ большинствѣ нѣмцы, основали земледѣльческое поселеніе.

Питеръ-Маритцбургъ, или, короче, Марицбургъ, столица Наталіи, расположенъ очень удобно, на высотѣ 625 метровъ, въ равнинѣ, которую орошаетъ южный притокъ Умъ-Жени и которую со всѣхъ сторонъ окружаютъ холмы съ красивымъ очертаніемъ. Это одинъ изъ самыхъ чистыхъ и самыхъ пріятныхъ африканскихъ городовъ: растительность его садовъ и рощицъ скорѣе походитъ на растительность умѣренной Европы, чѣмъ на флору тропическихъ областей. Въ Маритцбургѣ меньше жителей, чѣмъ въ Дурбанѣ, но гораздо больше чиновниковъ и официальныхъ лицъ; кромѣ того здѣсь же находится и лагерь главнаго отряда войскъ, квартирующихъ въ Наталѣ. Будучи въ центрѣ края и рядомъ съ губернаторскимъ дворцомъ, эта маленькая армія можетъ передвигаться непосредственно къ тѣмъ мѣстностямъ, которымъ угрожаетъ опасность. Земледѣльческая колонія, основанная по содѣйствію съ Маритцбургомъ, быстро богатѣетъ, занимаясь культурою раннихъ растений. Въ 1891 г. въ Маритцбургѣ было 12.317 жителей, въ томъ числѣ 4.000 кафровъ и 800 куліевъ. На сѣверѣ, по другую сторону цѣпи Zwaagt-кор, протекаетъ р. Умъ-Жени, прославившаяся своими великолѣпными каскадами. Одинъ изъ нихъ, около мѣстечка Ховикъ, падаетъ съ базальтовой стѣны, представляя цѣльную пѣнистую массу, низвергающуюся, по однимъ, съ высоты 85, а, по другимъ, 98 метровъ; ниже рѣка дѣлится на нѣсколько рукавовъ, а новые водопады, разобщаясь при посредствѣ скалъ и группъ деревьевъ, вытягиваются длиннымъ рядомъ вдоль стѣны крутой выси.

Къ сѣверу отъ Маритцбурга, городокъ Лиджеттаунъ находится, подобно столицѣ и Ховику, въ бассейнѣ Умъ-Жени; «голландскій» Грейтонъ расположенъ на верхнемъ теченіи Умъ-Воти; затѣмъ всѣ остальные города принадлежатъ къ склону р. Тугелы, главному рѣчному потоку въ Наталѣ. Estcourt и Weenen, городъ «слезъ», стоятъ на лѣвомъ берегу рѣки Bushman; Colenso былъ основанъ на самой рѣкѣ, а Ледисмитъ на ея притоцѣ, Klip-river; наконецъ, Ньюкестль (на высотѣ 1.250 метровъ), въ сѣверной оконечности колоніи, находится на небольшомъ притоцѣ рѣки Буффало (Buffalo-river), въ свою очередь, представляющей самый значительный притокъ р. Тугелы. Къ сѣверу отъ Ньюкестля въ томъ клину, которымъ натальская территорія врѣзывается между республиками Оранжевой и Трансвальской, возвышается утесистый холмъ Мажуба (Ама-Джуба), прославленный побѣдоноснымъ приступомъ буровъ, напавшихъ здѣсь въ 1881 году на англійскихъ солдатъ, укрѣпившихся на вершинѣ. На этихъ высокихъ земляхъ, гребни, столы или куполы горъ едва возвышаются надъ длинными волнообразными повышениями и понижениями плоскогорія; се-

ленія укрываются здѣсь отъ вѣтра въ углубленіяхъ покрытой травами почвы.

Кромѣ Дурбана и Маритцбурга, только три города Наталіи: Веруламъ, Ледисмитъ и Нью-кэстль были въ 1886 году настолько значительными, что могли образовать изъ себя муниципіи.

Наталь—не автономная колонія, самоуправляющаяся, сама назначающая своихъ министровъ и заботящаяся о своей защитѣ. Это «коронная колонія», еще зависящая отъ британскаго правительства, хотя и пытающаяся уже добиться нѣкоторой независимости. Губернаторъ Наталіи назначается королевою, равно какъ и исполнительный совѣтъ, состоящій изъ *chief justice* (главнаго судьи), начальника войскъ, колоніальнаго секретаря, казначея, генеральнаго адвоката, секретаря по дѣламъ туземцевъ и главнаго инженера, къ которымъ присоединены два члена законодательнаго совѣта. Недавно половина этого собранія также назначалась короною; нынѣ же двадцать три изъ тридцати членовъ назначаются голосованіемъ избирателей; пять засѣдаютъ въ совѣтѣ въ силу своихъ высокихъ административныхъ должностей и двое—по назначенію губернатора. Избирателями въ Наталь могутъ быть всѣ владѣющіе земельной собственностью по крайней мѣрѣ въ 1.250 франковъ, а также всѣ платящіе 250 франковъ аренды за землю или имѣющіе доходъ въ 2.400 франковъ. Официально никто не лишенъ права голоса изъ-за цвѣта своей кожи, изъ-за своего происхожденія или изъ-за религіи; но, вмѣсто открытаго отстраненія массою отъ выборовъ африканцевъ и азіатовъ, того же самаго достигли при помощи слѣдующихъ юридическихъ ухищреній. «Въ списокъ избирателей не можетъ быть записанъ никто изъ принадлежащихъ къ классу людей, находящихся, въ силу спеціальнаго законодательства, подъ вѣдѣніемъ спеціальныхъ судовъ или подлежащихъ дѣйствию спеціальныхъ законовъ и трибуналовъ». Честнѣе, конечно, было бы прямо высказать, что «подавать голосъ на выборахъ могутъ только одни бѣлые».

Правительство назначаетъ судей верховнаго судилища, судей-резидентовъ и *field-cornets*, надзирающихъ за различными округами. Оно же назначаетъ администраторовъ и чиновниковъ, и даже избираетъ большинство профессоровъ и учителей, такъ какъ школы въ большей своей части зависятъ отъ колоніальнаго бюджета. И въ Дурбанѣ, и въ Питеръ-Маритцбургѣ есть по высшей школѣ (*high school*), стипендіаты которыхъ могутъ быть посылаемы въ британскіе университеты. Всѣ большія мѣстечки имѣютъ начальныя училища, содержимыя на колоніальныя средства; кромѣ того, правительственныя пособия, деньгами или зе-

млями, получаетъ также большое число частныхъ школъ, особенно принадлежащихъ миссіямъ. Изъ послѣднихъ, главнымъ центромъ пропаганды, осуществляемой посредствомъ воспитанія и образованія миссіонерами-методастами,—служитъ Эдендадь, около Питеръ-Маритцбурга. Особые инспектора производятъ экзамены въ различныхъ школахъ. Въ 1885 г. правительственныхъ школъ было: для бѣлыхъ—51, съ 3.922 учениками; для зулусовъ—64, съ 3.817 учениками, и для индусовъ—25, съ 1.480 учениками (въ 1891—92 г.г. всѣхъ начальныхъ школъ было 220, съ 13.700 учащихся). Относительное число туземныхъ дѣтей, учащихся читать, въ сравненіи съ общей ихъ численностью, еще весьма ничтожно; изъ дѣтей же бѣлыхъ не училось только 200, т. е. приблизительно одна двадцатая часть дѣтей школьнаго возраста.

Важный вопросъ о защитѣ колоніи служить причиною нахожденія Натальской колоніи еще и донинѣ въ непосредственной зависимости отъ англійскаго правительства: колонисты еще не чувствуютъ въ себѣ настолько силы, чтобы охранять самихъ себя. Они окружены такими населеніями, давняя враждебность которыхъ могла бы легко ожить; таковы: на юго-западѣ—пондо; на западѣ—ба-судо; на сѣверо-западѣ—буры; на сѣверо-востокѣ—зулусы, а въ самой странѣ колонистамъ могла бы представиться необходимость подавлять возстаніе чернокожихъ. Въ виду столькихъ опасностей, они нуждаются въ содѣйствіи метрополіи. Маленькая британская армія, съ небольшимъ въ тысячу человекъ,—раздѣленная на три отряда, стоящіе въ Маритцбургѣ, Эсткортѣ и Грейтонѣ—охраняетъ колонію; кромѣ того, она же служитъ и образцомъ для формированія колоніальныхъ войскъ, состоящихъ изъ отряда конной полиціи въ 280 человекъ и изъ полка волонтеровъ, болѣе чѣмъ въ тысячу человекъ. Въ каждомъ городѣ между бѣлыми учреждены стрѣлковыя общества, которымъ покровительствуетъ и правительство, назначая награды; съ другой стороны, продажа туземцамъ боеваго оружія и патроновъ строго воспрещена. Съ 1856 года, подъ опасеніемъ штрафа или тюрьмы, запрещена какъ продажа, такъ и раздача туземцамъ также и водки. Однако, этотъ законъ часто нарушается, въ особенности продавцами изъ индусовъ.

Бюджетъ колоніи, питаемый главнымъ образомъ таможенными пошлинами и подворной подачею съ туземцевъ, въ 1895 г. представлялъ слѣдующія цифры: приходъ—1.170.000, расходъ—1.148.000 фунт. стерл.; долгъ равнялся 8.054.000 фунт. стерл. Бѣлые въ колоніи не платятъ никакого прямаго налога. Почты, телеграфъ и желѣзныя дороги стоятъ государству гораздо больше, чѣмъ даютъ дохода. Еже-

годное внесение въ бюджетъ статьи для оказания пособія переселяющимся въ Натальскій край британцамъ пришлось отмѣнить.

Нижеслѣдующая таблица даетъ списокъ графствъ Наталіи, съ ихъ административными дѣлениями, главными городами и численностью бѣлаго населенія къ 1 января 1885 г.

Графства.	Отдѣлы.	Число бѣлыхъ.	Главные города.
Pieter - Maritzburg...	City	8.474	Pieter-Maritzburg.
	Um-Geni ...	2.519	York.
	Lion's-river.	1.048	Howick.
	Upper Umkomani...	754	Richmond.
	Ixopo	571	Springvale.
Durban	Borough ...	8.543	Durban.
	Um-Lazi...	2.873	Pinetown.
Victotia	Inanda	1.341	Verulam.
	LoverTugela	812	Stanger.
Um Voti.....		1.172	Greyton.
Klip-river ..	Klip-river...	1.008	Ledysmith.
	Newcastle...	2.016	Newcastle.
	Um-Zinga...	721	Helpmakaar.
Weenen		1.770	Weenen.
Alfred.....		665	Harding.
Alexandra ..		567	Alexandra.
Всего.....		35.453	

VIII. Страна зулусовъ (Zulu-Land).

Англійскіе и голландскіе сосѣди страны зулусовъ неоднократно заключали съ этими туземцами трактаты, которыми имъ обезпечивалось владѣніе территоріею, находящеюся между границами Наталіи, окаймляющими материкъ горами и португальскими владѣніями; но и здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ Южной Африки, официальные конвенціи не мѣшали тому, что между бѣлыми и черными была постоянная вражда, порою открытая война или происходили время отъ времени вооруженные набѣги, обыкновенно простые захваты земли и скота. Территорія зулусовъ мало-по-малу все болѣе и болѣе сокращалась: буры, спускаясь съ плоскогорій, забирали пастбище за пастбищемъ, а вмѣстѣ съ этимъ создавалась и «Новая Республика» голландцевъ, предназначенная, казалось, вскорѣ стать приморскою провинціею Трансваля. Однако, всѣ эти стремленія голландцевъ встрѣтили противодѣйствіе со стороны англичанъ, и чтобы воспрепятствовать голландскимъ колонистамъ распространить свою политическую область вплоть до моря, а чрезъ это освободиться также и отъ торговой зависимости отъ капскихъ и натальскихъ англичанъ, — британское правительство успѣло занять приморскую территорію зулусовъ для себя. Вслѣдствіе этого, вся береговая полоса,

отъ устья р. Тугелы до р. Мапуты, впадающей въ бухту Лоренсо-Маркезъ, отнынѣ принадлежатъ Великобританіи, а высокіе приморскіе склоны краевыхъ горъ вошли въ составъ Южно - Африканской республики. Поверхность этой нынѣ раздѣленной территоріи, на которой господствуютъ три племенные группы: зулусы, тонго и суази, исчисляется въ 50 тысячъ километровъ, съ населеніемъ приблизительно въ двѣсти тысячъ; отдѣлъ ея, подъ названіемъ «Новой Республики», присоединенный къ Трансвалю, обнимаетъ пространство въ 7.392 квадр. километра; а площадь Британскаго Зулуланда, отнынѣ находящагося подъ управленіемъ натальскаго губернатора, равняется 27.970 квадр. километрамъ, съ населеніемъ (1895 г.) 166.000 душъ.

Зулусовъ (ама-зулусовъ) гораздо меньше въ томъ краѣ, гдѣ они нѣкогда были независимы, чѣмъ въ Натальской колоніи, въ которой надзоръ за ними хотя и строгій, но въ которой они зато хорошо могутъ устроить свою жизнь путемъ труда; въ краѣ, ограничиваемомъ съ юга р. Тугелой, ихъ насчитываютъ не болѣе сотни тысячъ; правда, что безпрестанныя войны, за которыми слѣдовало чужестранное нашествіе, долгое время обогаляли кровью зулусскую территорію и обратили въ пустыню цѣлая провинціи. Последняя большая борьба, въ которой зулусы осмѣлились помѣриться съ англичанами, была въ 1879 году. И несмотря на низкое состояніе дисциплины и вооруженія, въ нѣсколькихъ сраженіяхъ зулусы оказались побѣдителями, какъ, напримѣръ, при Изандхлуанѣ, въ мѣстности, расположенной вблизи лѣваго берега Buffalo-river, къ востоку отъ ея соединенія съ Blood-river, т. е. «рѣкою крови». Здѣсь находится одинъ бродъ, Borke's drift, часто оспаривавшійся какъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ стратегическихъ пунктовъ страны. Англичане, овладѣвъ имъ, заняли было и восточныя террасы долины, какъ вдругъ, захваченный въ располѣхъ ихъ авангардъ, принужденъ былъ поспѣшно отступить; нѣкоторые изъ англичанъ остались въ кустарникахъ, прозенные дротиками, между прочими, и наслѣдникъ Наполеоновъ, который не хотѣлъ, чтобы о немъ позабыли, и который надѣялся, что его военные подвиги противъ зулусовъ доставятъ ему въ послѣдствіи господство надъ французами ¹⁾. Однако, первыя неудачи авангарда были вскорѣ поправлены, и зулусская армія потерпѣла пораженіе на берегахъ р. Умъ-Волози, какъ-разъ въ той самой мѣстности, гдѣ, по преданію, народилось въ незапамятное время семейство Зулу, родоначальника племени. Сдѣлавшись властителями въ краѣ, англичане раздѣлили его на тринадцать «покровительствуемыхъ» ими начальничествъ, а въ послѣдствіи,

¹⁾ De Hubner, „A travers l'Empire Britannique“.

когда эти мелкія государства поистоялись въ междоусобныхъ расприхъ, передѣлили страну и еще разъ.

Ама-зулу, или «люди Зулу», т. е. «Небеснаго», не представляютъ какого-либо отличнаго типа въ ряду другихъ кафровъ восточнаго склона Африки. Народъ зулусскій, сдѣлавшійся могущественнымъ путемъ войны со времени завоеваній короля Тшака, жившаго въ началѣ текущаго столѣтія, въ дѣйствительности состоитъ изъ всѣхъ племенъ, которыя послѣдовательно были «поглочены». Однако, при этомъ пожираниі «Великимъ львомъ» различныхъ народцевъ, они вполнѣ не искоренялись; обыкновенно «Великій левъ» щадилъ женщинъ и дѣтей, обращая ихъ въ собственность націи-побѣдительницы; что же касается молодыхъ людей, то они забирались въ войско. Первобытныя племена были обречены на тѣмъ болѣе быстрое исчезновеніе въ массѣ побѣжденныхъ, что Тшака запретилъ бракъ своимъ воинамъ; только ветераны могли брать себѣ жену, и даже не одну, а столько, сколько они перебили сражающихся¹⁾. Чтобы устранить у солдатъ всякое чувство состраданія, какъ могущее повліять смягчающимъ образомъ въ ихъ жестокомъ дѣлѣ разрушенія, Тшака приказалъ убивать новорожденныхъ; для примѣра, онъ не праздновалъ, какъ бы слѣдовало по стариннымъ обычаямъ, ни одной свадьбы и приказывалъ умерщвлять всѣхъ своихъ дѣтей тотчасъ послѣ ихъ рожденія: въ качествѣ короля, онъ видѣлъ въ каждомъ рождающемся у него сынѣ будущаго врага и предпочиталъ уничтожить его заранѣе. Этотъ свирѣпый властитель, создавая изъ своего народа какъ-бы военную машину, жертвовалъ всѣми другими государственными интересами дѣлу завоеванія. Его столица представляла только лагерь, а другіе лагери были разсѣяны по всей территоріи. Въ селеніяхъ, окружавшихъ краали воиновъ, женщины и рабы накопляли провіантъ для войска, которое питалось исключительно мясомъ животныхъ: молоко, пища мирныхъ, было запрещено въ войскѣ. Зулусы, страшные въ особенности своей манерой сражаться, покинули дротикъ, метаемый издали, и приняли, какъ оружіе, короткое охотничье копье, которымъ колютъ непріятеля вблизи. Банды воиновъ не бросались въ битву въ безпорядкѣ. Расположенные на-подобіе «лба быка», войска мало-по-малу обходили противниковъ, которыхъ атаковали сначала однимъ рогомъ, затѣмъ другимъ, при чемъ исподволь отбрасывали непріятельское войско на центральный корпусъ, который уже и совершалъ окончательное избиеніе²⁾. Послѣ побѣды устремлялись въ особенности къ захвату скота, угонявшагося пастухами подальше отъ мѣста бит-

вы; но зулусы умѣютъ научать своихъ бывшихъ также къ внезапнымъ отступленіямъ въ полномъ порядкѣ.

Чисто военная организація націи роковымъ образомъ должна была привести ее къ гибели. Война создала имперію, война же ее и ниспровергла: ударившись объ ограды изъ повозокъ, за которыми укрѣплялись буры, зулусы, не будучи въ силахъ достигнуть искорененія бѣлыхъ, съ остервенѣніемъ повели ужасныя войны другъ противъ друга. Однако, «небесные» гордятся этимъ прошлымъ, полнымъ завоеваній и битвъ, которое погубило ихъ и сдѣлало мѣте способными, путемъ труда, выдерживать борьбу за существованіе. Образованные изъ столь различныхъ элементовъ, зулусы не выдѣлялись среди кафровъ какой-либо иной отличительной чертой, кромѣ своихъ воинскихъ нравовъ, составлявшихъ послѣдствіе полученнаго воспитанія. Но, сыны отборныхъ людей, они вообще красивы, высоки, стройны и сильны, ловки во всѣхъ физическихъ упражненіяхъ и держатся съ достоинствомъ: въ нихъ столько природной граціи, что къ нимъ идетъ всякій костюмъ. Тщеславясь своими физическими преимуществами, они стараются усилить ихъ, краснѣя драпируясь въ свою тогу, украшая руки, ноги и грудь браслетами и ожерельями, а голову убирая султанами и цвѣтами. Женатыя люди имѣютъ привычку выдѣлывать изъ своихъ волосъ нѣчто въ видѣ короны, смазывая при этомъ волосы камедью или смѣсью изъ глины и охры. Доброжелательные и веселые, они, по-видимому, не питаютъ злобы къ своимъ побѣдителямъ, бѣлымъ; но учиненной имъ личной несправедливости они никогда не прощаютъ. Прежде главными ихъ фетишами были—копье и щитъ; путешественники предыдущаго поколѣнія описываютъ съ нѣкоторымъ ужасомъ пляски и воинскія процессіи, во время которыхъ зулусскіе воины, украшенные бычачьими рогами и хвостами, проходили передъ своимъ королемъ, распѣвая «повѣсть о копѣ». Необходимость жить мирно подъ угрозой другихъ фетишей, ружья и пушки бѣлыхъ, конечно, измѣнить ихъ суевѣрія, и хотя по большей части не внимающіе рѣчамъ миссіонеровъ, они, безъ сомнѣнія, скоро перестанутъ видѣть души своихъ предковъ въ безвредныхъ змѣяхъ, живущихъ въ ихъ домахъ. Подобно наталійскимъ зулусамъ, зулусы затугельскіе, переставъ быть воинами, превращаются въ земледѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ стали развиваться у нихъ и неизвѣстныя имъ прежде обыденныя ремесла и промыслы. Впрочемъ, ихъ кузнецы уже издавна выковывали желѣзо, болѣе твердое, чѣмъ металлъ, ввозимый англичанами, а ихъ ювелиры умѣли отливать подѣлки изъ мѣди, покупаемой у португальцевъ Лоренсо-Маркеза.

Болѣе удаленные отъ наталійской границы

¹⁾ «Journal des Missions Evangéliques»;—Elie Reclus, «Revue d'Anthropologie», т. VII. 1886.

²⁾ Wilmot, «History of the Zulu War».

ама-тонгасы, мирные земледѣльцы, живущіе на берегахъ бухты Св. Лючіи и приморскихъ лагунъ, и имя которыхъ напоминаетъ о прежнемъ подчиненіи ихъ зулусамъ-завоевателямъ, долѣ

та-Лючіи. На западѣ, страна племени ама-суази, Суазилендъ, угрожаемая болѣе серьезно, чѣмъ область Ама-Тонга, какъ мѣсто перехода между воздыланнми плоскогоріями и

Сешеки, Столица племени ба-ротса.

избѣгнуть вліянія европейцевъ, благодаря нездоровости низменныхъ земель, на которыхъ они обитаютъ; однако, нѣмецкій негодіантъ Людерицъ, пріобрѣтя Ангру Пекену, пытался также завладѣть прибрежной территоріею Сан-

бухтой Делагоа, и въ особенности какъ рудная область. Бурскіе пастухи часто проникаютъ въ этотъ край, чтобы воспользоваться своими мнимыми правами на пастбу; при чемъ для охраненія этихъ правъ являются и вооружен-

ними. Съ своей стороны, съ цѣлью противо-
дѣйствія этимъ, спускающимся съ плоскогорій,
захватчикамъ, капскіе и натальскіе англичане
требовали назначенія британскаго агента къ
особѣ короля племени суази. Англійскіе миссіо-
неры основались у суази съ 1822 года; и хотя
эти піонеры были умерщвлены, но впослед-
ствіи другимъ евангелическимъ миссіонерамъ
удалось учредить свои станы на ихъ террито-
ріи. Ама-суази, т. е. «сыны прута», въ числѣ,
какъ полагаютъ, 80.000 человекъ, названы
такъ въ воспоминаніе одного изъ ихъ началь-
никовъ, возсѣдавшего, въ 1843 году, на шкурѣ
льва; прежде они назывались, по имени дру-
гаго начальника, ба - ратуза. Примѣтою для
племени суази служить вырѣзка на ушномъ
хрищѣ. Государь этой страны сталъ однимъ
изъ самыхъ богатыхъ лицъ Южной Африки съ
тѣхъ поръ, какъ образовались многочисленныя
компаніи для разработки золотыхъ росыпей
на его территоріи. Его доля въ каждой раз-
работкѣ должна быть не менѣе 7.500 франковъ
въ годъ¹⁾. По договору отъ 14 февраля 1895 г.,
Англія передала Южно-африканской респуб-
ликѣ управленіе Суазилендомъ, который, одна-
ко, не включенъ въ составъ этой республики,
какъ нераздѣльная ея часть*.

Пока въ территоріи зулусовъ европейскаго
населенія почти не существуетъ; къ тому же
бѣлымъ тамъ временно воспрещена какъ по-
купка земель, такъ и основаніе плантацій: мис-
сіонеры, нѣсколько пастуховъ, розыскивателей
золота и два или три кунца по соседству съ
морскимъ берегомъ—вотъ и всѣ колонисты въ
Зулулэндѣ. Въ немъ нѣтъ и какихъ-либо евро-
пейскихъ построекъ, кромѣ небольшихъ укрѣп-
леній въ стратегическихъ пунктахъ, а также
небольшаго числа часовенъ и школъ, могущихъ
служить зародышами будущихъ деревень и го-
родовъ. Естественный центръ края находится
въ области слиянія обоихъ руселъ рѣки Умъ-
Волози: здѣсь прежде находилась столица зулус-
скаго королевства, Унодуенго, которую смѣ-
нили Улунди, городъ, состоявшій изъ тысячи
хижинъ, расположенныхъ въ формѣ укрѣплен-
наго кольца вокругъ площади, въ нѣсколько
километровъ въ окружности, служившей для
сгона скота. Въ свою очередь, Улунди былъ
разрушенъ, и отъ него остался лишь незна-
чительный крааль. Равнымъ образомъ, по об-
разцу загона для скота, устроены и другія
«городскія» поселенія, какъ у зулусовъ, такъ
и у ама-суази.

IX. Оранжевая республика.

(Oranje Vrij-staat.)

Свободное Оранжевое государство, меньшее
изъ двухъ голландскихъ республикъ по про-

странству и населенію, ограничено на про-
то-жеви двухъ третей своей окружности британ-
скими территоріями: на западѣ оно прилегаетъ
къ Гриква-лэндъ-Весту; на югѣ—соприкасается
съ Капскою колонією, а на востокѣ сопридѣляетъ
съ краемъ племени ба-суто и съ Наталіей. До
открытія алмазныхъ росыпей, большая энкла-
ва овальной формы, составлявшая территорію
Свободнаго Оранжеваго государства, была хо-
рошо ограничена со всѣхъ сторонъ естествен-
ными рубежами: высокая цѣпь Дракенбергга
отдѣляетъ ее отъ Натала, между истоками Ваала
и Каледона; эта послѣдняя рѣка, затѣмъ пред-
горья составляютъ границу Басутоленда; на
югѣ границею служатъ излучины Оранжевой
рѣки, сообщившей свое имя и республикѣ; на
западѣ же и на сѣверо-западѣ раздѣльной ли-
ніей было избрано теченіе Ваала; однако полу-
островное пространство между рѣками Оранже-
вой и Вааломъ, кверху отъ ихъ слиянія, было
отторгнуто отъ республики, и имѣ, вмѣстѣ съ
его алмазными росыпями, завладѣла Англія.
Въ цѣломъ, страна представляетъ плоскогоріе
изъ бугроватыхъ пастбищъ, высотой, въ сред-
немъ, отъ 1.300 до 1.400 метровъ, съ нечув-
ствительнымъ скатомъ съ сѣверо-востока на юго-
западъ и съ плодородными землями только въ со-
сѣднихъ съ горами восточныхъ областяхъ. Про-
странство государства исчисляется въ 131.070
квадратныхъ километровъ, что составитъ одну
пятую поверхности Франціи; однако, эта гро-
мадная территорія пока еще слабо населена:
по переписи 31 марта 1890 г., насчитали
207.503 жителя.

Начатки голландской колоніи относятся къ
1837 году: въ этомъ году первый *trekker*, поки-
нувъ англійскую капскую колонію, переправился
со своимъ семействомъ, стадами и пожитками
черезъ Оранжевую рѣку, съ цѣлью попытаться
счастія между кочующими населеніями. За ка-
раваномъ этихъ піонеровъ слѣдовали другіе, и
мало-по-малу создавалось новое государство между
рѣками Оранжевой и Вааломъ. Въ свою очередь,
англійскіе чиновники устремились вслѣдъ за
этими колонистами, ушедшими отъ власти, и въ
1848 году послѣдовало провозглашеніе британ-
скаго «суверенитета» также и къ сѣверу отъ
Оранжевой рѣки. Боэры¹⁾ или буры, воспро-
тивились этому и, какъ и въ Наталѣ, сначала
имѣли успѣхъ; но, не будучи въ силахъ продол-
жать борьбу противъ англійскихъ войскъ и ихъ
союзниковъ, гри-куа,—должны были или бѣ-
жать, или подчиниться. Одни, не желая подчи-
ниться англичанамъ, продолжали свой *trekking*
дальше на сѣверъ, гдѣ и основали новую респуб-
лику, Трансвальскую, а другіе остались въ
краѣ, гдѣ они сдѣлались его главными сано-
вниками. Но, создавъ новое колоніальное владѣ-

¹⁾ „Afrique explorée et civilisée“, Octobre, 1897.

¹⁾ Boers, на нѣтвомъ нарѣчій, есть обыденное на-
именованіе голландскихъ африканцевъ; орографически пра-
вильно слѣдовало бы писать: Boeren, буры.

ние, англичане унаследовали также и войны с ба-сутами и с другими туземцами; вследствие этого, годовой бюджет метрополии оказался настолько обремененным значительными издержками, что пришлось расклевывать в присоединении данной области к Англии, почему британское правительство кончило тем, что предложило голландским бурам возвратит им политическую самостоятельность, под условием принятия обязательства о невозстановлении рабства. Голландцы приняли эти условия, и Свободное Оранжевое государство таким образом в 1854 г. возстановилось. С тех пор оно стало процветать, население его возросло вчетверо.

Буры, пользующиеся политическим господством в Свободном Оранжевом государстве, принадлежат к потомкам ревностных кальвинистов, и большинство из них еще исповедуют религию своих отцов; остальные христианские исповедания имеют своих представителей в английских переселенцах. В 1890 году, бывшее население Оранжевого Свободного государства, по вероисповеданиям, распалось следующим образом: голландских реформатов 68.940; англичан 1.353; методистов 753; римских католиков 466; евреев 113; лиц других исповеданий 1.809; лиц, религия которых неизвестна, 3.970, — всего 77.716. Не имея в течение двух веков другой книги, кроме Библии, буры охотно сравнивали себя с избранным народом. Странствуя, подобно евреям, в поисках Обетованной Земли, они не сомневались, что все туземные населения созданы для служения им: это те же, заранее обреченные на рабство или смерть «хананейне, аморрейне или иевусеяне». Поэтому, за исключением воинственного народа ба-ролонг, который, из ненависти к ба-сутам, сделался союзником голландцев, все остальные племена готтентоския или бантусекія, находившиеся на территории Оранжевой республики, подверглись со стороны буров или истреблению, или изгнанию. Буры обезлюдняли перед собою страну, разрушая всякую политическую организацию туземцев, и допускали их существование не иначе, как в вид своих слуг, лишенных национальной связи. Чернокожих, правда, гораздо больше, чем белых в пределах республики (к 31 марта 1890 года, из 207.503 жителей было: белых 77.716, а чернокожих 129.787), но это почти все — скудно оплачиваемые иммигранты, кафры, бечуаны, готтентоты или метисы с острова Св. Елены. Закон воспрещает им подавать голос на выборах, носить оружие и быть собственником хотя бы малейшего клочка земли; обычай же возбраняет им жить рядом с белыми.

Привыкшие, если не всегда к труду около земли, то по крайней мере к надзору за по-

левыми работами, буры вообще заслуживают своего имени (боген по-голландски — «крестьяне») по солидности своего телосложения и тяжеловесности своей походки. Они сильны и отважны, но не красивы и не грациозны; в их костюме нет ничего изящного, а убранство жилищ безвкусно. Они обладают качествами земледельца — любовью к порядку, бережливостью, настойчивостью. Почти все семейства отличаются многочисленностью: избыток рождаемости над смертностью всегда значителен. Поэтому, их численное превосходство, по видимому, обеспечено еще надолго, по крайней мере до наступления таких непредвиденных обстоятельств, которые способны совершенно нарушить равновесие в существующем отношении населения. Но если англичане и оказываются между бурами в меньшинстве, то тем не менее они являются носителями высшей цивилизации; их язык соперничает в обыденной речи с языком официальным и далеко опередил голландский как орудие просвещения. Так как большинство учителей англичане или шотландцы, то их язык становится языком школы; он также — и язык городов, так как там именно поселяются иммигранты, купцы и лавочники, прибывающие из Порт-Елизаветы и других городов английских колоний. Медленно, но верно, совершается замена одного языка другим под влиянием тысячи интимных перемешиваний, происходящих ежедневно в недрах общества.

Богатство Свободного Оранжевого государства доставляется ему главным образом его пастбищами, так как поверхность воздвигаемой почвы не превышает 50 тысяч гектаров. Территория разделена на большие имения, приуроченные преимущественно для пастбы: слишком пять миллионов овец бродят по таким землям. Больше, чем девять десятых шерсти, вывозимой английскими купцами из Дурбана, доставляется этими стадами «из-за гор». Скотоводы Vrijstaat'a разводят также немного и страусов. При переписи 1890 года, в Оранжевой республике оказалось: лошадей 131.594; волов 147.436, племянного скота 404.575 голов, мериносов 5.056.301, капских овец 131.846, ангорских коз 426.535, простых коз 247.489, свиней 13.227, ослов и мулов 4.117 и страусов 2.253. Земледелие тоже получило действительную важность в Оранжевой республике, именно в восточных округах, орошаемых водами Каледона и его притоков; во внутренних и западных областях, где воды редки, собственники земель прилагают большие старания для задержки их при посредстве плотин; не пропадает ни одна капля, и посреди суровых пастбищ зеленющие сады и рощицы

украшаютъ подъѣздные пути къ фермерскимъ постройкамъ. Это земледѣльцы Свободнаго Оранжеваго государства и Басутоленда и прокармливали искателей алмазовъ въ то время, когда «алмазная горячка» привлекла тысячи переселенцевъ въ негостепримныя земли Грикуаленда. Въ Оранжевой республикѣ тоже есть въ небольшомъ количествѣ алмазоносныя глины, содержащіяся, подобно такимъ же землямъ въ Кимберлей, въ ямахъ, повидимому, представляющихъ потухшіе кратеры вулкановъ. Но утилизированіе промышленныхъ ресурсовъ страны стало возможнымъ лишь со времени соединенія ея съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ Южной Африки. Въ концѣ 1896 г. общая длина построенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Оранжевой республикѣ составляла 1.000 километровъ, а строящихся и проектированныхъ — 568 километр.

Единственный «городъ» Республики, дѣйствительно заслуживающій это наименованіе, есть столица, Блумфонтейнъ, расположенная посреди безлѣсныхъ равнинъ, на высотѣ 1.370 метровъ и на берегу ручейка, почти постоянно безводнаго, спускающагося къ р. р. Моддеръ и Вааль, и имѣющая около 6.000 жителей (по переписи 1892 г.: 3.115 бѣлыхъ и 2.702 чернокожихъ). Съ небольшого холма, нѣкогда укрѣпленнаго, городъ виденъ какъ на ладони, съ его правильными улицами, обставленными черными и бѣлыми домами; около резиденціи бѣлыхъ группируются болѣе скромныя домики деревни Wray-Nook, въ которой всѣ туземцы изъ города должны проводить ночь. Блумфонтейнъ, мѣстопробываніе высшей школы, центръ политической и торговой жизни Оранжевой Республики, представляетъ и другія выгоды для иностранцевъ: это, по преимуществу, здоровый городъ, весьма рекомендуемый врачами Южной Африки какъ санаторія для чахоточныхъ, и дѣйствительно туда пріѣзжаетъ много бѣлыхъ изъ Капа и даже изъ Европы.

Къ востоку отъ Блумфонтейна находилась небольшая туземная территорія, недавно независимая и врѣзавшаяся въ голландскую республику клиномъ, точно также, какъ само Оранжевое государство вкраплено въ другія южноафриканскія государства; территорія эта — земля ба-ролонговъ. Пятнадцать тысячъ изъ нихъ мирно проживали на пространствѣ своей территоріи, а болѣе шести тысячъ группировались въ оградѣ единственнаго города, Тхаба-Ншо, занимавшаго вершину и склоны холма. Однако, постановленіе Блумфонтейнскаго народнаго совѣта покончило, въ 1884 году, съ самостоятельностью маленькой туземной республики, и сотни ба-ролонговъ, раздраженные недовѣріемъ къ нимъ бѣлыхъ, покинули свой край и попросили себѣ убѣжища у своихъ, нѣкогда враждовавшихъ съ ними, восточныхъ

сосѣдей. у ба-сутовъ ¹⁾; Тхаба-Ншо пересталъ быть самымъ значительнымъ городскимъ поселеніемъ во всей той не-британской территоріи, которая заключается между Вааломъ и Оранжевой рѣкою. Различные провинціальныя административныя центры Республики по большей части суть лишь скромныя деревни, что не мѣшаетъ имъ, однако, быть хорошо связанными рынками для удовлетворенія потребностей богатыхъ фермъ, разбѣянныхъ окрестностяхъ. Ледибрандъ (Ladybrand), къ сѣверо-востоку отъ Тхаба-Ншо, важенъ какъ центръ самой плодородной провинціи свободнаго государства, отвоеванной у ба-сутовъ; Смитфильдъ (Smithfield), на низовьяхъ Каледона, и Руксвилъ (Rouxville), близъ Оранжевой рѣки, почти насупротивъ англійскаго города Алваль-Нортъ, служатъ земледѣльческими складочными мѣстами; Бетюли (Bethulie), основанный французскими миссіонерами, сталъ, благодаря построенному чрезъ Оранжевую рѣку мосту, однимъ изъ главныхъ мѣстъ перехода между Капской колоніей и Свободнымъ государствомъ; Филипполисъ (Philippolis) принимаетъ пассажировъ и грузы товаровъ, подвижныхъ Портъ-Елизаветской желѣзной дорогой къ станціи Col sberg, находящейся на другомъ берегу рѣки; Форсмитъ (Fouresmith), лежащій неподалеку отъ рѣки, посреди мало-плодородныхъ плоскогорій, обязанъ своимъ значеніемъ находженію тамъ алмазныхъ копей: такъ, въ Jagersfontein'ѣ ежегодно добывается алмазовъ приблизительно на 1.250.000 франковъ. Въ Jagersfontein'ѣ былъ найденъ самый большой африканскій алмазъ, вѣсомъ въ 500 каратовъ, но весьма несовершенный, какъ имень ²⁾. Оранжевая территорія обладаетъ также и каменноугольными пластами, главнымъ образомъ на западѣ, въ округѣ Kroonstad'a.

Въ сѣверной части республики самое важное мѣстечко — Гаррисмидъ (Harrismith), расположенное на одномъ изъ верховыхъ притоковъ Ваала, около прохода Van-Reenen, чрезъ который спускаются къ Индійскому океану по Наталійскому склону. Harrismith — южныя ворота республики. Между этимъ мѣстечкомъ и Блумфонтейномъ, главнымъ этапнымъ пунктомъ служитъ Wijnburg, находящійся въ самой неровной мѣстности территоріи.

Управляются Оранжевая республика однопалатною, *Volks-raad*, т. е. «народнымъ советомъ», состоящимъ изъ шестидесяти членовъ, по одному представителю отъ главнаго города провинціи и по одному же представителю отъ каждаго сельскаго округа (*veld-kornetij*). Собраніе избирается на четыре года, но каждыя два года

¹⁾ «Blue Book», 1887.

²⁾ Th. Rennert;—John Noble's, «Cape of Good Hope».

половина членовъ выходитъ, чѣмъ и достигается его обновленіе. Во время сессій члены собранія получаютъ содержаніе по 25 франковъ въ день. Они сами избираютъ себѣ председателя, рядомъ съ которымъ засѣдаетъ, съ правомъ совѣщательнаго, но не рѣшающаго голоса, президентъ республики, котораго тоже выбираютъ всенароднымъ голосованіемъ на пять лѣтъ и который можетъ быть вновь выбранъ. При президентѣ республики, какъ главы исполнительной власти, состоитъ совѣтъ изъ 5 членовъ, изъ которыхъ двое чиновники. Избирательное право принадлежитъ всѣмъ бѣлымъ, рожденнымъ въ предѣлахъ государства, прожившимъ въ немъ не менѣе трехъ лѣтъ, а также тѣмъ, которые послѣ годоваго пребыванія удовлетворяютъ извѣстнымъ условіямъ пенза какъ собственники или рантьееры; по достиженіи 18-ти лѣтъ, каждый гражданинъ можетъ подавать голосъ при избраніи *veld-kor-net*, т. е. уѣзднаго судьи; но пользованіе политическимъ голосомъ, т. е. избраніемъ членовъ *volks-gaad'a* или президента республики, присвоено только лицамъ, которымъ исполнился 21 годъ. Судья, или *lans-drist*, засѣдаетъ въ каждомъ изъ округовъ и судить второстепенные проступки и преступленія; кромѣ того, трибуналъ изъ трехъ судей объѣзжаетъ, въ качествѣ ассизнаго суда, различные округи государства. Всѣ бѣлые—солдаты и обязаны по два раза въ годъ собираться для воинскихъ упражненій.

Бюджетъ покрывается главнымъ образомъ ввозными пошлинами (республика съ 1 іюля 1889 г. вступила въ таможенный союзъ съ Капской колоніей), налогомъ на фермы и крѣпкіе напитки, гербовымъ сборомъ, платежамъ за промысловыя свидѣтельства. Значительная часть бюджета расходуется на народное просвѣщеніе; субсидіи получаютъ равнымъ образомъ и кальвинистскія церкви. Въ 1897 году доходы равнялись 776.910, а расходы 857.100 фунтовъ стерл. (система мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ республикѣ — англійская). Государственный долгъ къ 1 марта 1897 г. составлялъ 40.000 ф. стер. Новый заемъ въ 1³/₄ милліона употребленъ на приобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ, которыя теперь почти всѣ принадлежатъ государству.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ находится перечень округовъ Оранжевой Республики, расположенныхъ по относительному ихъ значенію, и съ показаніемъ бѣлаго и туземнаго населенія, по даннымъ народной переписи 31 марта 1880 года.

О к р у г и.	Бѣлые.	Тузем- цы.	Всего.
Bloemfontein	7.353	5.921	13.274
Harrismith	4.164	14.254	18.418
Wijnburg	6.950	9.268	15.858
Kroonstad	6.201	7.976	14.177

О к р у г и.	Бѣлые.	Тузем- цы.	Всего.
Ladybrand	5.232	6.306	11.538
Fauresmith	4.444	5.993	10.437
Boshof	4.485	4.829	9.684
Heilbron	4.460	4.652	9.112
Rouxville	5.051	3.058	8.089
Bethlehem	4.445	2.397	6.842
Smithfield (Caledon-river) ..	3.426	2.167	5.593
Philippolis	1.181	2.504	4.385
Bethulie	1.904	2.175	4.079
Jacobsdal	1.036	996	2.032
Всего	61.022	72.496	133.518

Кромѣ того, недавно присоединенная территория ба-ролонговъ или тхабо-ино имѣла въ 1886 году около 10.000 жителей.

Х. Трансваль, или Южно-Африканская республика.

(Zuid-Afrikaansche Republiek).

Официально названная Южно-Африканскою республикою—въ предвидѣніи будущей конфедераціи съ другими республиканскими государствами этой части материка,—Трансвальская республика гораздо обширнѣе Свободнаго Оранжеваго государства: она занимаетъ площадь, вътрое болѣе значительную. Но колонизованная позже южной области, она до недавняго времени была занята лишь весьма незначительнымъ числомъ бѣлыхъ. Различіе это между обоими государствами стало быстро исчезать съ тѣхъ поръ, какъ толпы переселенцевъ направились къ золотымъ приискамъ; и благодаря совершенно здоровому климату, а также плодovitости женцинъ, бѣлое населеніе, прежде почти терявшееся между чернокожими, уже составило внушительное меньшинство: въ обѣ республики, Оранжевую и Трансваль, переселилось много-много что десять тысячъ буровъ; нынѣ же бѣлое населеніе франко-голландскаго происхожденія въ этихъ государствахъ уже значительно превышаетъ триста тысячъ человекъ. Недавно государственная территория Трансваля возросла, вслѣдствіе присоединенія къ ней также и «Новой Республики», составляющей часть прежняго края зулусовъ. Нынѣ пространство Южно-Африканской республики составляетъ 308.560 кв. километр., а населеніе въ 1896 г. исчислялось въ 867.940 душъ (245.397 бѣлыхъ, 622.544 чернокожихъ жит.), такъ что на одинъ кв. километръ приходится около 2,8 жителей.

Болѣе, чѣмъ на половинѣ своей окружности Южно-Африканская республика имѣетъ естественныя границы. На югѣ, она отдѣлена отъ Свободнаго Оранжеваго государства сначала однимъ изъ притоковъ Ваала, а затѣмъ и самимъ Вааломъ; на сѣверо-западѣ и на сѣверѣ, со стороны края племени ма-тебелъ, ея терри-

торію ограничиваетъ рѣка Лимпопо; наконецъ, одну часть ея восточной границы составляетъ гребень горъ Лобомбо, склонъ которыхъ къ морю принадлежитъ Португаліи; на юго-востоку, отъ Натальской колоніи, ее отдѣляетъ верхнее теченіе р. Буффало. Въ этихъ промежуткахъ между вышеупомянутыми рѣками или горами, республиканская территорія значительно расширилась на счетъ сосѣднихъ странъ: такъ, между Наталіей и португальской территоріей она увеличилась частью долинъ, занятыхъ зулусами и суази, а на западѣ она возросла на счетъ края бе-чуановъ. Въ 1870 году, англичанами была проведена къ западу отъ горъ Макуази, въ округѣ Potchefstroom, граница, которую буры не должны были переступать. Однако, это запрещеніе не останавливало ихъ, и когда сами англичане временно завладѣли территоріею республики, то, въ свою очередь, и они воздержались отъ возвращенія туземцамъ того округа, занятіе котораго было имъ запрещено бѣлымъ голландскаго происхожденія. Съ тѣхъ поръ послѣдовали и еще новыя захваты: въ силу конвенціи, заключенной въ 1884 году съ Великобританіей, территорія Южно-Африканской республики простирается вплоть до восточной торговой дороги, соединяющей низовья Ваала съ Замбезе чрезъ городъ Шошонгъ и чрезъ край племени ма-тебелъ. Слѣдуя этой дорогой, торговцы коснутся Трансваальской земли только въ одномъ пунктѣ.

Зачатки этого голландскаго государства были очень трудныя. Въ 1837 году, когда первые *trekkers'ы* переправились чрезъ Вааль, чтобы поселиться въ той части территоріи, гдѣ находится нынѣ городъ Почефстромъ, они столкнулись съ грознымъ властелиномъ племени ма-тебелъ, однимъ изъ самыхъ страшныхъ дѣйствовавшихъ въ то время въ Южной Африкѣ «пожирателей народовъ». Большая часть голландскихъ переселенцевъ была истреблена, но оставшимся въ живыхъ, тѣмъ не менѣе, удалось прогнать туземцевъ и удержать занятія земли. Затѣмъ, каждый годъ къ нимъ прибывали все новыя *trekkers'ы*, и мало-по-малу создавалась небольшая республика, составившаяся изъ бродячихъ искателей приключеній, проживавшихъ подъ шатромъ или въ шалашѣ изъ вѣтвей хининѣ, и передвигавшихся, всегда съ ружьемъ въ рукѣ, вслѣдъ за своими стадами. Въ 1848 г., послѣ сраженія при Voortplaats'ѣ, вслѣдствіе котораго Свободное Оранжевое государство временно потеряло свою политическую независимость, многочисленные бѣглецы изъ него явились просить убѣжища у своихъ за-ваальскихъ братьевъ; въ отвѣтъ на это, предводитель ихъ, Преторіусъ, голову котораго англичане оцѣнили въ 50 тысячъ франковъ, былъ избранъ въ президенты новой республики. Затѣмъ, спустя четыре года, имен-

но въ 1852 году, независимость Трансваали была признана уже и самою Великобританіей.

Но война между бурами и туземцами не прекращалась, сопровождаемая иногда жестокій рѣзней, массовыми истребленіями: каждый шагъ впередъ бѣлыхъ по направленію къ северу покупался кровью. Въ предлогахъ въ внимательству, въ качествѣ посредниковъ, не было недостатка у англійскихъ сосѣдей Трансваали, въ особенности послѣ открытія золотыхъ рудъ на территоріи республики; однако, англичане не довольствовались однимъ лишь предложеніемъ своихъ добрыхъ услугъ, и въ 1877 году, въ Преторіи, столицѣ государства, совсѣмъ неожиданно появился британскій комиссаръ, въ сопровожденіи тридцати вооруженныхъ людей и отъ своего собственнаго имени провозгласилъ присоединеніе Трансваали къ колониальной территоріи Великобританіи. Буры сначала не сопротивлялись, такъ какъ позавидѣвъ этихъ тридцати полицейскихъ видѣли англійскую державу съ ея неистощимыми средствами. Однако, господство иностранца было принято бурами не безъ протестовъ, и недовольство увеличилось, когда выяснилось, что дѣло доходитъ до запрещенія голландскаго языка въ судахъ и въ школахъ. Въ Лондонѣ, поэтому, была отправлена депутація съ просьбою о сохраненіи мѣстныхъ обычаевъ, административной самостоятельности и права официально употреблять голландскій языкъ. Это посольство было дурно принято, и всѣ буры почувствовали себя оскорбленными вмѣстѣ съ нею. Они приготовились къ борьбѣ, не питая, впрочемъ, большой надежды на побѣду, и желая лишь, путемъ сопротивленія, обезпечить себѣ уваженіе побѣдителей. Къ общему, однако, удивленію, въ трехъ послѣдовательныхъ стычкахъ буры восторжествовали надъ англійскими войсками, и война уже грозила превратиться въ Южную Африку въ поле битвы, какъ вдругъ капскій губернаторъ получилъ изъ Лондона депешу, какихъ очень мало зарегистрировано въ исторіи: «Мы обидѣли буровъ. Заключите миръ». Вслѣдствіе этого, несмотря на превосходство своихъ войскъ, готовившихся побѣдоть всякое сопротивленіе, англійскіе генералы должны были отступить, не одержавъ побѣды, и Трансваальская республика снова приобрѣла политическую независимость, уже укрѣпленную тяжкимъ испытаніемъ. Экзальтированные удовольствіемъ, которое было дано ихъ національному чувству, буры стали гораздо сильнѣе, чѣмъ были до войны, и теперь покуситься на ихъ независимость было бы со стороны англичанъ уже опасно.

Трансваальскіе буры, болѣе удаленные отъ центровъ цивилизаціи, чѣмъ ихъ братья Свободнаго Оранжеваго государства, менѣе, поэтому, цивилизованы, такъ что англійскіе и даже голландскіе путешественники изъ Капа

называютъ ихъ варварами. Еще около половины текущаго столѣтiя многіе изъ нихъ, подобно кафрамъ, одѣвались въ шкуры животныхъ; лишеные всякихъ удобствъ городской

ры, имѣли переходящую по наслѣдству Библию, которую многіе изъ нихъ не умѣли даже и читать. Одна изъ причинъ такого дикаго обособленія буровъ заключалась въ чрезмѣрномъ про-

Сліяніе Ро-Вумы съ Лу-Джендою.

жизни, буры не чувствовали въ нихъ и потребности: по цѣлымъ недѣлямъ полевали они подъ открытымъ небомъ, не имѣли никакой мебели въ своихъ лачугахъ, довольствовались самыми простыми яствами и, вмѣсто всей литерату-

странствъ тѣхъ вотчинъ, которыя они себѣ присвоили въ первыя времена овладѣнія краемъ. *Plaats*, т. е. поверхность земли, которую каждое семейство колонистовъ признавало своею, равнялось 3.000 моргенамъ или при-

близительно 2.400 гектарамъ, и, такъ какъ между этими владѣніями точныхъ границъ не существовало, то многіе изъ буровъ заняли пространства, значительно превосходящія даже установленный размѣръ. Тотъ изъ буровъ, который не обладалъ такимъ громаднымъ имѣніемъ, считалъ уже себя обездоленнымъ, подобно своему отцу, покидалъ край и шелъ основывать вдали маленькое королевство по своему праву: такимъ-то, именно, образомъ, отъ одного этапа до другаго и продолжалось по направленію къ р. Замбезе то великое переселенческое движеніе, которое началось съ береговъ Столовой бухты. Это изъ Трансваля вышли тѣ трекеры, которые, странствуя отъ Лимпопо къ Нгами, отъ Нгами къ Кунэнэ, страдая въ пути отъ голода и жажды,—похитившихъ много жертвъ изъ ихъ среды,—кончили, однако, тѣмъ, что послѣ путешествія, длившагося пять лѣтъ, достигли округа Гуилла. Большая часть этихъ эмигрантовъ принадлежала къ сектѣ допперовъ, ревностныхъ кальвинистовъ, хранящихъ нравы и даже костюмъ своихъ предковъ, и въ глазахъ которыхъ новыя идеи, вводимыя въ ихъ край газетами и книгами, представляютъ одну лишь гнусность. Люди «практическіе», буры презираютъ все, что не содѣйствуетъ матеріальному благосостоянію ихъ семействъ: они игнорируютъ музыку, искусство и литературу. Несмотря на ихъ многочисленные *trekken*, участіе ихъ въ научномъ изслѣдованіи края равно почти нулю. Воспитаніе дѣтей и журнальная дѣятельность сосредоточены главнымъ образомъ въ рукахъ англичанъ.

Уединенная жизнь съ своимъ семействомъ и съ своими невольниками или работниками въ имѣніи съ границами, теряющимися за горизонтомъ окружающихъ холмовъ,—таково было нормальное существованіе голландскаго патріарха. Нѣсколько прохожихъ, бродячихъ кафровъ, да иногда сосѣдній собственникъ на рубежѣ своего *plaats*—вотъ единственные человѣческіе образы, которые ему доводилось видѣть въ теченіе многихъ мѣсяцевъ. Но четыре раза въ годъ этимъ отшельникамъ требовалось зрѣлище толпы. Тогда буры надѣвали сбрую на своихъ коней, запрягали повозки и, со всѣхъ сторонъ, мужчины, женщины и дѣти, отправлялись къ часовнѣ, которая служила центромъ ихъ громаднаго церковнаго прихода, въ двадцать или въ пятьдесятъ лье въ діаметрѣ. Въ день, назначенный для *nachtmal*, т. е. причащенія, поселене толпятся вокругъ храма, на ярмарочномъ полѣ; въ небольшой церкви службы слѣдуютъ одна за другою: супруги причащаются, обрученные вѣнчаются, молодые люди принимаютъ въ члены церкви, дѣтей крестятъ. Въ окружающихъ кирку лавкахъ дѣлаются покупки; сводятся счета между заимодавцами и должниками; барышники тор-

гуются съ продавцами; затѣмъ, мало-по-малу площадь пустѣетъ, суматоха утихаетъ, и каждая семейная группа удаляется во-свояси, чтобы снова погрузиться въ уединеніе и тишину средъ безконечныхъ равнинъ.

Но силой вещей постепенно совершается социальное преобразование. Земли дробятся, буры, увеличившись въ числѣ, стали жить ближе другъ къ другу. Всѣ молодые люди пережились, у всѣхъ женщинъ по многу дѣтей, имѣнія раздѣлились: многіе изъ земледѣльцевъ уже жалуются, что у нихъ всего лишь половина или четверть *plaats'a*, хотя при тщательной обработкѣ почвы и тысячной доли этого пространства было бы достаточно для прокормленія одной семьи. Съ другой стороны приходятъ чужіе иммигранты, и если и не находятъ сразу продажныхъ земель, чтобы поселиться въ качествѣ колонистовъ, то все-таки случается, что современемъ въ которое число имѣній, цѣльныхъ или подѣленныхъ на участки, мѣняютъ владѣльца, при чемъ весьма часто покупателями оказываются европейцы или «африкандеры» не голландскаго происхожденія. Почти не было примѣра, чтобы буры поселялись въ городахъ или въ деревняхъ въ качествѣ ремесленниковъ и лавочниковъ: снискиваютъ себѣ пропитаніе этимъ промысломъ англичане и нѣмцы, при чемъ многіе изъ нихъ, сдѣлавшись богаче окрестныхъ голландскихъ землевладельцевъ, собственникомъ, покупаютъ у нихъ часть ихъ имѣнія. Такимъ образомъ ряды земельной аристократіи мало-по-малу пополняются элементами, чуждыми первоначальному классу буровъ. Изъ числа прибывающихъ въ страну бѣлыхъ, болѣе всего неудовольствія въ голландцахъ Южной Африки возбуждаютъ ихъ братья по расѣ и по языку—нидерландцы изъ метрополіи. Отдаленная симпатія соединяетъ эти два народа, о чемъ свидѣтельствуетъ и современная литература; но въблизи воспоминаніе объ общемъ происхожденіи уступаетъ мѣсто въ которому отвращенію. Буръ очень обидчивы; онъ не любитъ, когда цивилизованный голландецъ смѣется надъ африканскими нравами, или съ аффектаціей отвѣчаетъ на чистомъ языкѣ на вопросъ, сдѣланный на испорченномъ жаргонѣ поселенъ на берегахъ Ваала или Лимпопо.

Что касается туземцевъ, то въ южныхъ округахъ они уже не группируются въ племена и, такъ же, какъ въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, лишь терпимы въ качествѣ слугъ и работниковъ; но въ западныхъ, сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ провинціяхъ они живутъ еще въ видѣ отдѣльныхъ народцевъ. Племена ба-ролонгъ, ба-тлапи, ба-катла, ба-манела, ба-элокоа, ба-венда и ба-созтла—всѣ принадлежатъ къ великому семейству ба-суто; иногда ихъ также обзываютъ презрительной кличкой *Vaalpens*. Краевая цѣль Дракенбергъ отдѣ-

ляетъ этихъ туземцевъ отъ ба-рока, жителей предгорій и равнинъ, которые, повидимому, одинаковаго происхожденія съ зулусами и матебелъ. Вообще, трансваальскія племена не состоятъ изъ клановъ, родственныхъ по происхожденію: это скопленіе людей различныхъ племенъ, подпавшихъ подъ иго какого-либо завоевателя. Сообразно случайностямъ войны, они увеличиваются или уменьшаются въ численности, разсѣиваются или снова группируются, до безконечности измѣняя свои этническіе элементы. Къ тому же ни одно изъ этихъ племенъ не имѣло времени осѣсть на какой-либо территоріи и пробить на ней въ теченіе значительнаго числа лѣтъ. Переселенческому движенію буровъ соотвѣтствовали у туземцевъ движенія въ обратномъ направленіи, иногда сопровождавшіяся даже и наступательными возвратами; вообще населенія здѣсь перемѣщаются безпрестанно, подобно водамъ, кружащимся въ водоворотѣ.

Между чернокожими долина притоковъ р. Лимпопо, которые не всѣ еще покорены, и изъ которыхъ нѣкоторые заставляютъ сосѣднихъ буровъ даже платить имъ дань¹⁾, повидимому, дольше всего пребываютъ въ краѣ ма-гуамба, т. е. «люди дьявола», названные такъ своими сосѣдями, потому что проклятія, очень частыя въ ихъ устахъ, всѣ содержатъ воззваніе къ демону²⁾. Судя по ихъ языку они ближе къ зулусамъ, чѣмъ къ бе-чуанамъ. Первые голландскіе колонисты называли этихъ туземцевъ knob-nuizen или knob-poses, т. е. «прыщавые носы», такъ какъ посредствомъ надрѣзовъ, ма-гуамба выращивали у себя мясистыя бородавки съ горошину, располагая ихъ въ рядъ по направленію отъ корня носа къверху, черезъ лобъ, до волосъ; однако, эта мода теперь почти исчезла, и людей, заслуживающихъ названія knob-nuizen, можно встрѣтить развѣ только между стариками. Къ сѣверу отъ Лимпопо, раса гуамба называется ба-хленгуа или ба-хлоеква, и людей, говорящихъ тѣмъ же языкомъ, встрѣчаютъ вплоть до береговъ озера Ньясса.

Изъ всѣхъ южно-африканскихъ областей Трансвальская республика, повидимому, обладаетъ самыми благоприятными условіями для того, чтобы рано или поздно сдѣлаться весьма производительнымъ краемъ. Плодородная почва оказывается годною для воздѣлыванія хлѣбныхъ растений повсюду, гдѣ только плугъ проведетъ борозду, при чемъ продукты всегда получаютъ высшаго качества. Хотя засѣвается лишь весьма незначительная часть территоріи, тѣмъ не менѣе урожаевъ достаточно какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для вывоза въ Наталію. Трансвальскій табакъ — отличнаго

качества и весьма цѣнится въ Южной Африкѣ. Всѣ воздѣлываемыя въ Европѣ растенія удаются въ Трансвалѣ, и хотя полутропическій климатъ болѣе пригоденъ для лимона и апельсина, чѣмъ для сѣверныхъ фруктовъ, однако, яблоки и груши очень хороши въ провинціи Преторіи.

Но для скотоводства Трансваль не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія имѣются въ Свободномъ Оранжевомъ государствѣ, и въ сѣверной части территоріи есть даже много округовъ, куда человѣкъ не можетъ проникнуть съ своими быками или лошадьми: парящая въ этихъ мѣстностяхъ муха цеце препятствуетъ прохожденію домашнихъ животныхъ. Долина р. Лимпопо, на всемъ ея нижнемъ и среднемъ теченіи, вплоть до сѣверо-запада отъ Преторіи, служитъ приблизительно границею распространенія этого бича; роковая область простирается по сѣ сторону рѣки, въ различномъ разстояніи отъ послѣдней, отъ 10 до 130 километровъ; передъ вступленіемъ въ эту полосу путешественники выпрягаютъ воловъ и слѣзаютъ съ лошадей, чтобы отослать ихъ обратно на южныя плоскогорія. Въ пограничныхъ съ этою полосой мѣстностяхъ, слоны отлично знаютъ, что, для избѣжанія погони за ними всадниковъ, стоитъ только отдаться подъ покровительство мухи цеце: поэтому слоны и убѣгаютъ въ при-лимпопскія области, гдѣ человѣкъ долженъ преслѣдовать ихъ либо пѣшкомъ, либо на лошади, одѣтой въ холстъ такой толщины, чтобы сквозь него не могло пройти жало мухи³⁾. Полагаютъ, что цеце исчезнетъ изъ края вмѣстѣ съ крупною дичью, въ особенности съ буйволомъ и съ извѣстными видами антилопъ, которыхъ она всегда сопровождаетъ. Путешественники приводятъ примѣры округовъ, откуда это страшное насѣкомое такимъ образомъ уже было изгнано. Вѣроятно, поэтому, что, съ возрастаніемъ численности населенія и распространеніемъ воздѣлыванія земель, наступитъ, наконецъ, день, когда на берега Лимпопо человѣкъ будетъ имѣть возможность привести за собою также и своихъ домашнихъ животныхъ. На восточной покатости, разница въ климатѣ между обращенными къ океану долинами и высокими плоскогоріемъ Трансваля настолько значительна, что нельзя изъ одного края въ другой переводить крупный рогатый скотъ и лошадей, не рискуя подвергнуть ихъ опасности: этимъ и объясняется дорогая цѣна, которую караванщики платятъ за животныхъ «просоленныхъ», т. е. привыкшихъ къ обоимъ климатамъ⁴⁾. Плевропневмония, очень обыкновенная на плоскогоріяхъ, лѣчится прививкою и ампутаціею хвоста.

¹⁾ "Afrique explorée et civilisée", 1883.

²⁾ Berthoud, "Afrique explorée et civilisée"; — "Proceedings of the R. Geographical Society".

³⁾ John Mackenzie, "Ten Yars North of the Orange-river".

⁴⁾ A. Harriet Roche, "On Trek in the Transvaal".

Въ минеральномъ отношеніи, Южно-Африканская республика богата не менѣе, чѣмъ въ земледѣльческомъ. Если алмазные залежи, разрабатываемые въ сосѣднихъ южныхъ территорияхъ, продолжаются въ Трансвалѣ лишь скудными полосками, не представляющими экономической цѣнности, то каменный уголь и металлы находятся тамъ въ изобиліи. Пласты угля, разрабатываемыя въ сѣверной части Наталіи, продолжаются и на голландской территоріи, и фермеры уже употребляютъ это топливо, которое горитъ свѣтлымъ пламенемъ и не оставляетъ пепла. Въ разныхъ мѣстностяхъ страны добываютъ руды, дающія: желѣзо, кобальтъ, мѣдь и сереброносный свинецъ. Золото находится во множествѣ въ жилахъ бѣлаго кварца. Въ 1867 году геологъ Маучъ открылъ этотъ драгоценный металлъ на берегахъ Та-ти, текущей въ землѣ племени ма-калака, вѣтъ Трансваля, и, чрезъ р. Паша, соединяющейся съ Лимпопо выше ея изгиба къ юго-востоку. Четыре года спустя, Button констатировалъ существованіе другихъ золотыхъ рудъ, при томъ уже на территоріи самой республики, около *Eersteling'a*, въ девонскихъ холмахъ Макашана, находящихся приблизительно въ 200 километрахъ къ сѣверо-востоку отъ Преторіи. Въ 1873 году, послѣдовали новыя открытія золота въ горахъ *Lijdenburg*, которыми заканчивается на сѣверѣ краевая цѣпь Дракенбергенъ; въ 1885 году, богатые находки въ особенности привлекли рудокоповъ къ восточнымъ террасамъ, которыя вплоть до Суазиланда, мысообразно прорѣзываются рѣчками, впадающими въ р. Маннису; теперь всего яростнѣе разрабатываютъ высоты *Witwaters-rand'a*, находящіяся на плоскогоріи между Преторіей и Почештстромомъ (*Potchefstroom*). По официальнымъ свѣдѣніямъ, золота вывезено изъ Трансваля: въ 1893 г. на сумму 5.472.997, въ 1894 г.—на 7.370.058, въ 1895 г.—на 8.179.260 ф. стерл. (въ томъ числѣ изъ Витватерсранда—на 7.840.779 ф. стерл.). Добыча золота въ Трансвалѣ въ 1896 году—2.275.428, въ 1897—3.034.674 унцій.

Самыми богатыми изъ недавно открытыхъ мѣсторожденій золота оказались восточныя, извѣстныя подъ названіемъ рудниковъ Каар'а, по имени горы, которая надъ ними господствуетъ, и долины, которая ихъ пересѣкаетъ, и въ особенности мѣсторожденія *Witwaters-rand'a* или просто *Rand'a*; но приобрѣтать ихъ могутъ только бѣлые, такъ какъ горное дѣло дозволено чернокожимъ не иначе, какъ въ качествѣ рабочихъ, при чемъ, подѣломъ страхомъ тюрьмы и бича, воспрещено имъ также полученіе золотомъ и платы¹⁾; что ка-

сается индусовъ и китайцевъ, то они могутъ быть допускаемы не иначе, какъ по уплатѣ за право пребыванія 625 франковъ²⁾. Въ рудникахъ Каар'а, формація состоитъ главнымъ образомъ изъ аспиднаго сланца, песчаника и конгломерата, мѣстами пронизанныхъ гранитомъ, кварцемъ и породами огненного происхожденія. Рудники *Witwaters-rand'a* открыты въ особаго рода конгломератѣ, которому даютъ мѣстное наименованіе «*pougat*»; золотосносные слои (*reefs*) повсюду направляются съ востока на западъ. Песокъ съ самородками золота рѣдокъ, и для извлеченія металла приходится употреблять для дробленія камня многосильныя машины; поэтому, въ Трансвалѣ нѣтъ отдѣльно работающихъ рудокоповъ; разработка ведется въ пользу богатыхъ компаній, правленія которыхъ пребываютъ въ Наталѣ, въ Преторіи, въ Кимберлей и въ Лондонѣ.

Рядомъ съ копиями и рудниками создаются населенные города; среди африканскаго міра основываются новые центры европейской культуры; появляется индустрія, въ особенности, однако, представленная водочными заводами. Большую экономическую выгоду представляютъ главные рудники въ томъ отношеніи, что они находятся на пути или въ небольшомъ разстояніи отъ прямой дороги, которая соединяетъ *Potchefstroom* и столицу бухты Делагоа. Желѣзная дорога, безъ которой всякое торговое движеніе республики можетъ развиваться лишь медленно, предложена въ такомъ направленіи, что она будетъ взбираться на плоскогорія, ведущія къ золотосноснымъ горамъ; между Преторіей и Барбертономъ, главнымъ пунктомъ восточныхъ рудниковъ, она должна подняться на 1.950 метровъ высоты. Существенно важный вопросъ о прямомъ соединеніи центральныхъ областей республики съ моремъ былъ уже обсуждаемъ законодателями еще до того времени, какъ англичане завладѣли было Трансвалемъ; съ цѣлью этой постройки были сдѣланы уже значительныя займы и выгружены даже рельсы для будущей дороги. Но войны, неопредѣленное политическое состояніе, разорительныя спекуляціи и проявленное англичанами, во время ихъ господства, желаніе направить всю торговлю Трансваля чрезъ Наталъ и Капъ—сдѣлали первыя издержки безполезными, и теперь для осуществленія этого, безусловно - необходимаго для процвѣтанія края, дѣла, приходится принимать уже новыя расходы. * Въ послѣднее время желѣзнодорожная сѣтъ республики достигла уже значительнаго развитія: въ концѣ 1897 года общая длина открытыхъ для движенія рельсовыхъ

¹⁾ Законъ 25 іюня 1885 г.—«Blue-Book» С. 1384, 1894.

²⁾ Emmrich, «Petermann's Mittheilungen», 1887, тетр. V.

путей составляла 1.152 километра, а длина строящихся линий—434 километра*.

Южная полоса Трансвальской территории, вдоль границы съ Оранжевой республикой, еще принадлежит къ бассейну Ваала. Небольшой городъ Стандертонъ, расположенный въ области источниковъ рѣки, вблизи угольныхъ копей, и Гейдельбергъ, выстроенный западнѣе, у подошвы пика Жаннеты (высотой въ 1.191 метръ), но еще въ гористой мѣстности, на высотѣ болѣе, чѣмъ 1.500 метровъ,—не пользуются уже полутропическимъ климатомъ, какъ сѣверныя плоскогорія: здѣсь уже не культивируютъ апельсиннаго дерева, воздѣлываемаго въ другихъ частяхъ Трансваля. Почестромъ (Potchefstroom), въ 150 километрахъ западнѣе и на высотѣ 1.316 метровъ на Мон, т. е. «прекрасной рѣкѣ», небольшомъ притоцѣ Ваала,—находится уже въ области гораздо менѣе холодной: здѣсь воздѣлываютъ главнымъ образомъ маисъ и табакъ. Почерфстромъ, бывший въ первые времена главнымъ городомъ республики Трансваль, а по числу жителей долго еще сохранявшій первенство и послѣ того, какъ, вмѣсто него, столицей стала Преторія, — городъ очень пріятный; плакуція ивы, привезенныя, по рассказамъ, съ острова Св. Елены, осѣняютъ улицы, а живыя изгороди съ цвѣтущими розами окружаютъ всѣ сады. Во время цвѣтѣнія растений, трансвальскіе города представляютъ вообще прелестный видъ. Рѣчка Мон, выходящая изъ пещеристаго известняка, на своемъ пути во многихъ мѣстахъ то выбивается наружу, то исчезаетъ, а затѣмъ снова появляется на днѣ гротовъ: чудеса Wonder-fontein'a, т. е. «чудеснаго фонтана», напоминаютъ дивное зрѣлище, представляемое гротами Каринтіи¹⁾.

Нынѣшній главный городъ республики, названный Преторіей, въ честь бѣглеца, за голову котораго англичанами была назначена большая цѣна, лежитъ на высотѣ 1.356 метровъ, въ пологой равнинѣ, окруженной холмами со всѣхъ сторонъ, за исключеніемъ сѣверной, гдѣ чрезъ горы Магали, или «Чернаго носорога», прорывается одинъ изъ верхнихъ притоковъ Лимпопо; ручейки орошаютъ улицы Преторіи, бѣгутъ по садамъ, а остатокъ своей воды изливаютъ въ русло, еще узкое, рѣчки. Выстроенная по весьма обширному плану, при чемъ улицы и бульвары перекрещиваются другъ съ другомъ подъ прямыми углами, Преторія долгое время оставалась въ періодѣ перехода между деревнею и городомъ: общимъ своимъ видомъ она походила на большой садъ, въ которомъ тамъ и сямъ виднѣлось нѣсколько низкихъ домовъ.

Съ тѣхъ же поръ, какъ черезъ нее стали проходить направляющіеся на сѣверъ, къ золотосноснымъ полямъ, рудокопы, она превратилась въ оживленный городъ; дома стали уже тѣснить другъ друга въ центральномъ кварталѣ, а рынки привлекали значительныя толпы; нынѣ поселеніе ее достигло уже восьми тысячъ человекъ. На окружающихъ городъ горахъ виднѣются еще остатки лѣсовъ, а одно изъ деревьевъ, называемое «деревомъ-чудомъ», далеко простираетъ свои вѣтви. Такимъ образомъ, если у Potchefstroom'a есть Wonder-fontein, то у Преторіи имѣется Wonder-boon.

Къ западу отъ Преторіи, небольшіе города Рустенбургъ и Зеерусть въ провинціи Марико, этотъ «саду Трансваля», находятся также на верхнихъ притокахъ Лимпопо, какъ равно и Нильстромъ (Nijlstrom), названный такъ потому, что основавшій его буръ полагалъ, что имъ будутъ найдены здѣсь источники Нила; ручей, вливающейся въ Лимпопо сверху отъ большого водопада, доселѣ сохраняетъ данное ему названіе «Ниль», которое, между прочимъ, напоминаетъ также о большомъ честолюбіи передовыхъ треккеровъ (voortrekkers) изъ буровъ, шествовавшихъ въ Палестину. Между этимъ Ниломъ (Nijl) и рѣкою Олифантъ, вблизи золотыхъ залежей и Ijzerbeerg'a, т. е. «железной горы», находится горно-промышленный городъ Эрстелингъ (Eersteling), за которымъ слѣдуетъ другой городокъ Марабастадъ (Maraba's stad); но къ сѣверу, численность блага населенія быстро уменьшается: какъ по ту сторону мѣстечка Зоутвансберга, основаннаго въ 1834 году около разрабатывающихся соленыхъ озеръ, представителями европейцевъ на склонахъ къ рѣкѣ являются лишь миссіонеры и нѣкоторые изъ торговцевъ; тамъ же гдѣ рѣка, проникаетъ въ область мухи цеце, ея берега почти еще не изслѣдованы. Встрѣчаются лишь нѣсколько становищъ туземцевъ, отстоящихъ другъ отъ друга на большихъ разстояніяхъ; что же касается самой рѣки, то на всемъ протяженіи той части своего теченія, которое ограничиваетъ территорію съ сѣвера, а также и тамъ, гдѣ рѣка изгибается къ востоку отъ приморскихъ горъ, она течетъ по пустынямъ. Вѣлое населеніе не спускается съ плоскогорій, окраины которыхъ мысообразно изрѣзаны рѣчками, стекающими въ низовья Лимпопо; оно скучено около городовъ Миддельбурга и Лийденбурга, въ верхнемъ бассейнѣ р. Олифантъ, соединяющейся съ Лимпопо въ 200 километрахъ къ верху отъ ея устья, а также въ верховыхъ долинахъ р. Маниссы (Нкомати) и ея притоковъ: здѣсь, именно, и созданы новые города Барбертонъ (2.000 ж.) и Эврека, являющіеся такими же центрами горнопромышленной области Каар'a, какъ и Йоганнесбургъ для копей Witwaters-rand'a. Еще

¹⁾ Holub, „Sieben Jahre in Süd-Afrika“.

въ 1887 году, этотъ городъ, уже населенный десяти тысячами жителей, не былъ нанесенъ ни на одну изъ картъ. Построеніе же желѣзной дороги, спускающейся къ порту Лоренсо-Маркезъ, удешевило какъ поселеніе (въ 1896 г. въ Йоганнесбургѣ насчитывалось уже 103.000 жителей), такъ и торговлю этой части территоріи республики, столь богатой какъ плодородіемъ почвы, такъ и минеральными сокровищами. Внѣшняя торговля Трансваля въ 1897 году: привозъ—около 360 милліоновъ франкъ; главные предметы вывоза (точная цифра цѣнности котораго неизвѣстна): золото, шерсть, скотъ, хлѣбъ, кожи, фрукты, табакъ, масло, водка, страусовыя перья и слоновая кость.

Къ югу отъ области золотоносныхъ породъ простирается, вдоль закраинъ высокихъ плоскогорій, территорія New Scotland, т. е. Новая Шотландія, которая, повидимому, весьма богата каменнымъ углемъ, и на протяженіи которой, кромѣ того, находится обширное озеро Chrissie, остатокъ внутренняго моря, которое вѣкогда покрывало большую часть нагорья. Каменноугольная формація продолжается и далѣе къ югу чрезъ провинціи Ваккерстромъ и Утрехтъ, идя на соединеніе съ каменноугольными конями, разрабатываемыми въ Ньюкестлѣ, въ Наталіи. На востокъ отъ плоскогорія, въ анклавѣ Зулусской территоріи, область рѣчныхъ скатовъ двухъ Умъ-Волози: Бѣлой и Черной, въ 1885 г. было всего лишь отъ шести до семисотъ колонистовъ изъ буровъ, преимущественно группировавшихся въ небольшомъ мѣстечкѣ Vrijheid (Свобода), расположенномъ на небольшомъ притоцѣ Бѣлой Умъ-Волози.

Южно-африканская республика, подобно Свободному Оранжевому государству, представляетъ страну, въ которой бѣлые присвоили всѣ политическія права: старинные собственники края могутъ отъ своихъ нынѣшнихъ властелиновъ ожидать только или милость или терпимость. Бѣлые—граждане по рожденію, или натурализованные послѣ пребыванія въ краѣ въ извѣстное число лѣтъ и уплаты 625 франковъ—единственные избиратели какъ представителей въ Volks-raad (народный совѣтъ), такъ и президента республики; при этомъ, избранными могутъ быть только лица, имѣющія не менѣе тридцати лѣтъ, родившіяся въ Трансвалѣ или прожившія тамъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, исповѣдующія протестантскую религію и имѣющія поземельную собственность въ предѣлахъ государства. Отъ каждого округа въ собраніи засѣдаютъ по три уполномоченныхъ; кромѣ того, каждый горнопромышленный округъ имѣетъ въ парламентѣ своего представителя, избираемого синдикатомъ рудокоповъ¹⁾; лишены были права за-

нимать общественныя должности, а также избирательнаго права, всѣ подписавшіе просьбу о присоединеніи Трансваля къ Англіи. Официальный языкъ парламента—голландскій. Президентъ республики избирается на пять лѣтъ и имѣетъ при себѣ совѣтъ изъ пяти членовъ: государственнаго секретаря, командующаго войсками, министра по горному дѣлу и двухъ уполномоченныхъ, избираемыхъ Volks-raad'омъ.

Сюзеренство Великобританіи относительно внѣшнихъ дипломатическихъ сношеній республики—лишь номинальное. Къ тому же конституція, часто измѣнявшаяся со времени провозглашенія «Тридцати трехъ статей» въ 1849 году,—лишь временная: голландскіе патріоты Южной Африки надѣются, что обѣ республики: Оранжевая и Трансвальская—облившись другъ съ другомъ сначала при посредствѣ таможеннаго объединенія—соединятся въ одну Африканскую Голландію, а можетъ быть даже въ гораздо болѣе обширную федерацію, въ составъ которой войдутъ всѣ «африкандеры», отъ мыса Доброй Надежды до рѣки Замбезе; голландскія семейства, имѣющіяся въ каждомъ городѣ Южной Африки, составляютъ, не взирая на политическія границы, какъ бы одну великую націю. Часто уполномоченные обѣихъ сопредѣльныхъ республикъ уже и обсуждали будущій договоръ о союзѣ (17 марта 1897 года между этими республиками дѣйствительно заключенъ оборонительный и наступательный союзъ). Нынѣ Volks-rad Южно-Африканской республики, раздѣляющейся на двѣ половины, состоитъ изъ 58 членовъ, избираемыхъ на четыре года и черезъ каждые два года обновляемыхъ на половину. Немногочисленный отрядъ артиллеріи составляетъ всю постоянную армію государства; въ случаѣ же войны, всѣ здоровые граждане должны взяться за оружіе. Трансвальскій бюджетъ, по преимуществу состоящейся изъ доходовъ отъ продажи земель, таможенныхъ пошлинъ, подворной подати съ туземцевъ и пошлинъ, уплачиваемыхъ рудокопами, съ 1880 года болѣе чѣмъ утроился. Въ финансовомъ 1896 году доходы составили 4.462.193, а расходы 4.816.657 фунт. стерл. Государственный долгъ въ 1896 году равнялся 2.690.579 фунт. стерл., изъ которыхъ 156.662 фунт. стерл. должно уплатить Англіи въ видѣ вознагражденія.

Территорія республики дѣлится на 16 провинцій или округовъ, которые большею частью носятъ названіе своихъ главныхъ городовъ и управляются *land-drost*омъ, имѣющимъ весьма обширныя права надъ чернокожимъ населеніемъ. До чрезвычайнаго развитія горнаго дѣла и присоединенія Новой республики, округовъ было двѣнадцать, именно: Bloemhof,

¹⁾ Scott Keltie, „Statesman's Year book for 1888“.

Potschefstroom, Heidelberg, Wakkerstroom, (гл. городъ Wesselstroom), Utrecht, Marico (гл. городъ Zeerust), Rustenburg, Pretoria, Middelburg, Lijdenburg, Waterburg (гл. городъ Nijlstroom), Zoutpansberg (гл. городъ Maraba's-stad).

Въ *Nieuwe-Republiek*, т. е. «Новой Республикѣ», недавно присоединенной къ Трансвальской территоріи, главный городъ Vrijheid (Свобода).

XI. Бухта Делагоа, владѣнія Португаліи къ югу отъ р. Лимпопо.

Бухта Делагоа или, скорѣе, da Lagoa, т. е. «бухта Лагуны» названная такъ не потому, будто бы, какъ утверждали, что въ нее заходили португальскія суда, направлявшіяся въ Гоа, а по причинѣ сходства ея съ озеромъ¹⁾, общающаго со временемъ получить весьма важное значеніе, какъ морскія ворота всего бассейна р. Лимпопо и государствъ нагорья Южной Африки. Форма побережья, глубина хорошо защищенныхъ водъ бухты, въ которую изливаются рѣчки, судоходныя для небольшихъ гребныхъ судовъ, придаютъ этому владѣнію Португаліи первостепенное значеніе, оцѣнить которое капскіе и натальскіе купцы могли тѣмъ лучше, что къ югу отъ этого великолѣпнаго залива всѣ порты неудобны. Въ качествѣ наслѣдниковъ старинныхъ голландскихъ мореплавателей, приставшихъ къ данному краю въ 1720 году, и въ качествѣ обладателей прибрежной территоріи, прибрѣтенной капитаномъ Оуенъ въ 1823 году, они, дѣйствительно, не преминули заявить свои притязанія на эту якобы принадлежащую имъ бухту, которая была бы для нихъ столь полезна и которая обезпечила бы ихъ неоспоримое экономическое и политическое господство надъ государствами внутри материка. Извѣстно, что этотъ вопросъ пришлось предоставить въ 1875 году рѣшенію третейскаго суда, и что маршалъ Макъ-Магонъ, президентъ французской республики, избранный въ судьи лондонскимъ и лиссабонскимъ правительствами, рѣшилъ дѣло въ пользу Португаліи, вслѣдствіе чего Делагоаская бухта и возвратилась къ Мозамбикской провинціи. Можно сказать, что, съ торговой точки зрѣнія, приговоръ былъ произнесенъ въ пользу Трансвальской республики, такъ какъ бухта Делагоа служитъ естественнымъ ея выходомъ къ океану, и интересъ Португаліи заключается въ привлеченіи всей торговли плоскогорій къ доставшемуся ей порту. Однако, не обладая еще портовыми сооружениями и располагая лишь случайными, не-

прочными сообщеніями съ слабо населеннымъ, едва затронутымъ культурою краемъ, этотъ портъ имѣетъ, такъ сказать, только надежды на будущее процвѣтаніе, а пока вся территорія, для которой онъ служилъ главнымъ городомъ, и которая простирается отъ р. Мапута до р. Лимпопо, есть не что иное, какъ дикая страна, покрытая отчасти дѣвственными лѣсами, саваннами и болотами. Португальская территорія Лоренсо-Маркезъ, къ югу отъ р. Лимпопо, занимаетъ площадь въ 39 тысячъ квадр. километровъ, съ 80 тысячами жителей (по Machado); слѣдовательно, на одинъ кв. километръ приходится по два жителя.

Лоренсо-Маркезъ (Лоренсу-Маркезъ), главный городъ одной изъ двухъ провинцій португальскаго «восточно-африканскаго свободнаго государства» (прежде «колонія Мозамбикъ») — основанный въ 1867 году на мѣстѣ деревни, носившей то же имя и въ 1823 году захваченной племенемъ ватуа или зулу — названъ такъ въ память мореплавателя, который на берегахъ бухты Делагоа основалъ, въ 1544 году, первую португальскую факторію; воды эти были уже ранѣе изслѣдованы Педро Кваресмой²⁾. Низкіе дома, выстроенные изъ камня вдоль прямолинейныхъ аллей, имѣютъ красивый видъ; но почва, на которой они стоятъ, окружена болотистыми протоками, служащими рвами для защиты крѣпости, неприступной для окрестныхъ кафровъ, вслѣдствіе охранявшихъ ее батарей. Нахожденіе Лоренсо-Маркеза на намыванныхъ земляхъ дѣлаетъ его нездоровымъ въ сезонъ жаровъ, и нынѣ заботятся объ осушкѣ — посредствомъ дренажа и эвкалиптовыхъ насаждений — тѣхъ самыхъ болотъ, которыя прежде казались представляющими выгоду для зарождавшагося города. Впрочемъ, по союбству есть болѣе возвышенныя мѣста, и мало-по-малу создается, обитаемый въ особенности негоціантами, верхній городъ, расположенный надъ нижнимъ, населеннымъ моряками.

Лоренсо-Маркезъ расположенъ не на самомъ берегу бухты Делагоа, а на сѣверномъ берегу лимана, находящагося на сѣверо-западѣ обширной поверхности спокойныхъ делагоаскихъ водъ; лиманъ этотъ образуется устьями трехъ рѣчекъ, впадающихъ въ этотъ небольшой рукавъ моря. Въ настоящемъ своемъ состояніи портъ недоступенъ для очень большихъ судовъ; въ среднемъ, глубина его колеблется между 5 и 6 метрами, увеличиваясь на 2—3 метра при высокихъ приливахъ; но гавань эта, простирающаяся отъ востока къ западу на 13 километровъ, вполне пригодна для судовъ средней вмѣстимости. Зато въ союбдней бухтѣ могли бы стоять на якорѣ сотни самыхъ большихъ судовъ, такъ какъ глубина ея колеблется меж-

¹⁾ Paiva Manso, „Memorio sobre Lourenço Marques“.

²⁾ M. L. Riberio, „As Colonias Portuguezas“, 1887.

ду 12 и 36 метрами, а входной каналъ, шириною въ двадцать километровъ, при 16-ти метровой глубинѣ, далъ бы доступъ цѣлому флоту. Желѣзная дорога, начинающаяся на самомъ берегу лимана, на южной сторонѣ города, и защищенная прибрежной плотиною, обходитъ городъ и направляется на сѣверо-западъ къ р. Маниссѣ, которой она достигаетъ въ той мѣстности, гдѣ эта рѣка, выходя изъ ущелья Лобомбскихъ горъ — первой краевой цѣпи плоскогорья — становится восточною границею португальской территоріи; дорога эта соединяетъ Лоренсо-Маркесъ съ Преторіей. Грунтовые дороги, которыми слѣдуютъ эмигранты, со своими животными, между Трансвалемъ и рѣками, текущими къ порту Лоренсо-Маркесъ, имѣютъ ту большую невыгоду, что проведены по низинамъ, которыя обыкновенно бываютъ наводнены мухою цеце; иногда эту полосу удается пройти благополучно; но часто случилось, что путешественники, потерявъ на пути всѣхъ своихъ выючныхъ животныхъ, принуждены бывали покидать и свои товары. Сады въ пригородномъ округѣ Лоренсо-Маркеса производятъ сахарный тростникъ и тропическіе плоды; есть также нѣсколько плантацій кофейнаго дерева; въ бухтѣ ловятъ много черепахъ.

Торговля бухты Делагоа, — въ которой negociants изъ Марсели и бавіанцы изъ Діу принимаютъ большее участіе, чѣмъ португальскіе купцы, — значительно возростаетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ: при этомъ, вывозъ преимущественно состоитъ изъ кожъ и руды, а ввозъ — изъ водки и боеваго оружія. Въ 1891 году въ портъ Лоренсо-Маркесъ привозъ составлялъ, по цѣнности, 497.533, вывозъ — 895 фунт. стерл.; судовъ въ приходѣ и отходѣ было 208, вмѣстимостью 290.318 тоннъ. Португальская таможня взимаетъ лишь по 3% съ тѣхъ товаровъ, которые проходятъ транзитомъ и предназначаются для Трансваля. Покупка слово-

вой кости прекратилась; съ 1845 года изъ Лоренсо-Маркеса не вывозятъ болѣе рабовъ¹⁾; но добровольная эмиграція чернокожихъ въ Наталь весьма значительна: пребывающій въ Лоренсо-Маркесѣ агентъ разсылаетъ подарки начальникамъ племенъ, а они, взаменъ этого, даютъ позволенія на эмиграцію извѣстному числу молодыхъ людей, которые затѣмъ, по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ, возвращаются въ край съ небольшою суммою денегъ²⁾.

Къ югу отъ бухты, территория населена племенемъ ама-тонга, входящимъ въ составъ той же самой группы, какъ и прибрежные жители лагуны Санта-Лючии и, не смотря на проведенныя дипломатами границы, признающими тѣхъ же начальниковъ. Европейскихъ поселеній на южномъ берегу бухты не существуетъ. На сѣверѣ берега бухты окаймлены дюнами и опасны для судовъ, а устья рѣкъ Маниссы (Нкомати) и Лимпопо трудно доступны; однако, нѣсколько индусовъ баніановъ, занимающихся по преимуществу ввозомъ водки, основали свои поселки на обѣихъ рѣкахъ, и барки поднимаются вплоть до ихъ факторій. На Лимпопо такая факторія основана въ Манджобѣ, начальномъ пунктѣ судоходства по рѣкѣ; край Манджоба отстоитъ отъ моря на разстояніи 130 километровъ, и до этого мѣста доходитъ морской приливъ. Торговцы вывозятъ въ особенности кожи, каучукъ и пчелиный воскъ³⁾. Европейцы не основали ни одного поселенія ни на рѣкѣ, ни на соседнемъ морскомъ берегу, единственными жилищами, разбѣянными по лѣсамъ и саваннамъ, являются краалы туземцевъ племенъ ма-гуамба или ма-лойо. Эти туземцы, принадлежащіе къ великому семейству ама-тонга или ба-тонга, весьма искусны въ разныхъ ремеслахъ, и тѣ ихъ общины, которыя избѣгли набѣговъ зулусовъ, свидѣтельствуютъ о высокой степени самородной цивилизаціи. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что ма-лойо большіе курильщики конопли.

Глава VIII

Инхамбанэ, Софала, страна Газа.

Португальскія владѣнія между рѣками Лимпопо и Замбезе.

Береговые бассейны, слѣдующіе одинъ за другимъ съ юга на сѣверъ, между устьемъ Лимпопо и устьемъ Замбезе, не особенно обширны. Самый большой изъ нихъ, бассейнъ р. Саби, вдается, однако, внутрь материка

слишкомъ на 500 километровъ; но далѣе, за этимъ бассейномъ, притоки Лимпопо и притоки Замбезе переплетаются своими истоками, такъ какъ покатости этихъ второстепенныхъ рѣкъ лимпопскаго и замбезскаго бассейновъ

¹⁾ D. Fernando das Neves, „Hunting Expedition to the Transvaal“.

²⁾ De Hubner, „A travers l'Empire Britannique“.

³⁾ Chaddock, „Exploration du Limpopo, Société Seichateleuse de Géographie“, 16 мая 1885 г.

только отчасти разграничены гористымъ водораздѣломъ. Пространство этого берегового пояса до горъ въ странахъ Ма-Тебэлэ и Ма-Шона, можетъ быть приблизительно исчислено въ 280.000 квадр. километровъ; что же касается числа жителей, то путешественники, хотя и не приводятъ положительныхъ данныхъ въ доказательство истины своихъ словъ, но тѣмъ не менѣе согласно показываютъ, что вѣроятное населеніе этой страны, юго-восточной части бывшей имперіи Монопотана, достигаетъ 500 тысячъ человекъ. Не считая португальскихъ офицеровъ и купцовъ, посѣщавшихъ внутренніе округа ранѣе девятнадцатаго вѣка, изъ числа изслѣдователей страны Газа и сосѣднихъ областей должны быть упомянуты: Mauch, Erskine, Vood, Kuss, Cardoso, Paiva d'Andrada, d'Almeida, Browne и O'Donnell. Но за этими отважными піонерами толпою слѣдовали другіе путешественники въ большомъ числѣ. Нынѣ экспедиція, отправляющаяся изъ горно-промышленныхъ городовъ Трансваля, обходятъ край Газа во всѣхъ направленіяхъ, изучая его горы и рѣки, розыскивая песчинки золота какъ въ кварцевыхъ породахъ, такъ и въ наносныхъ земляхъ плоскихъ береговъ, чтобы узнать, насколько вѣрны португальскія преданія о металлическихъ сокровищахъ страны ¹⁾.

Горы, образующія въ Наталѣ, въ странѣ зулусовъ и въ португальской провинціи Лоренсо-Маркесъ, закраину плоскогорія на западѣ прибрежной области, не продолжаются отъ Лимпопо на сѣверъ правильною цѣнью. Подъемъ прибрежья къ высокимъ внутреннимъ землямъ не прерывается вдругъ каменнымъ валомъ, но совершается незначительными уступами, или даже нечувствительно черезъ степи и лѣса. Нѣсколько уединенныхъ массивовъ высятся среди равнинъ: таковъ массивъ, около котораго рѣка Саби описываетъ обширный полукругъ и который кафрскій владетель Газы избралъ крѣпостью для основанія своего крааля. На этой группѣ горъ, называемой Утаби новѣйшими изслѣдователями ²⁾, высятся три главныя вершины: Убири, Сипумгамбили и Силянди, представляющія утесы изъ порфира, траппа и базальта, и имѣющія около 1.200 метровъ высоты. Проточныя воды, вырвавшія себѣ русло въ живой скалѣ, разрѣзали массивъ на нѣсколько отрывковъ, къ которымъ во многихъ мѣстахъ весьма труденъ доступъ, по причинѣ крутизны стѣнъ и густой высокой травы, чрезъ которую лишь съ большимъ трудомъ можно проложить путь. Однако, три высшихъ пика одѣты лѣсами, гдѣ можно легко проходить по газону между стволами деревьевъ.

По Erskine'y, верховымъ долинамъ р. Бузи, берущей свое начало въ этихъ горахъ, суждено современемъ стать центромъ европейской колонизаціи и культуры: воздухъ тамъ превосходный, и вполне подходящую почву находятъ для себя какъ сахарный тростникъ, такъ и кофейное дерево.

На сѣверѣ эти горы прислоняются къ плоскогорію изъ краснаго и бѣлаго песчаника, высотой приблизительно въ 1.000 метровъ, а при посредствѣ нѣсколькихъ высотъ соединяются съ краемъ Сота Тонга, вершины котораго достигаютъ, вѣроятно, 1.500 метровъ: одна изъ нихъ, остроконечная, названа туземцами Гунди-Иньянга, т. е. «задѣвающая луну». Къ западу отъ р. Саби, гранитныя горы, покоясь на болѣе возвышенномъ плоскогоріи, средняя высота котораго превосходитъ 1.200 метровъ, имѣютъ менѣе величественную вѣщность: болѣею частью это лишь простыя приподнятія почвы, отдѣленныя одно отъ другаго широкими углубленіями, въ которыхъ воды скопляются въ озера и болота: тѣмъ не менѣе и тамъ, въ цѣпи Матоппо, видѣются гранитныя куполы высотой въ 1.700 метровъ, и нѣкоторые изъ гребней причудливо разрѣзаны на пирамиды и обелиски. Далѣе, возвышенные массивы, расположенные по линіи водораздѣла между притоками Лимпопо и Замбезе, тянутся къ сѣверу отъ истоковъ Саби и въ косвенномъ направленіи къ побережью округа Софала. Самый высокій изъ этихъ массивовъ, надъ которымъ господствуетъ гора Дозъ, достигающая по Kuss'y 2.400 метровъ высоты, похожъ болѣе на плоскогоріе, чѣмъ на группу горъ: это—область Маника (Manica), прославившаяся своими золотыми рудниками. Средняя высота ея гранитной массы не менѣе 2.000 метровъ, а командующія надъ этою массою вершины образуютъ лишь холмы или куполы, съ отлогими откосами. Къ востоку отъ горъ Маники, водораздѣлъ между Замбезе и небольшими потоками, несущими свои воды въ море, представляется въ видѣ однообразной равнины, прерываемой на извѣстныхъ разстояніяхъ нѣсколькими гранитными куполами, круто поднимающимися среди равнины; затѣмъ, къ югу отъ водораздѣльной линіи, возвышается, на-подобіе цитадели, сіерра Горонгоза, вѣшніе склоны которой чрезвычайно круты: самая высокая ея гора, Миранга, превышаетъ двѣ тысячи метровъ. Этотъ уединенный массивъ, состоящій какъ и массивъ Маники, изъ гранита, покрытъ въ своей верхней части великолѣпными лѣсами, являющими рѣзкій контрастъ съ окрестными пространствами, усѣянными тощимъ кустарникомъ ¹⁾.

Самая большая рѣка страны Газа, Саби,

¹⁾ Н. Е. O'Neill, "Proceedings of the R. Geographical Society", Августъ, 1887.

²⁾ Browne and O'Donnell, "Scottish Geographical Magazine". Ноябрь, 1887.

¹⁾ Kuss, "Bulletin de la Société de Géographie de Paris", 2-й триместръ, 1882.

собирает свои воды съ обширной площади, простирающейся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, отъ горъ Ма-Тебеле до массива Маники. Главный ея истокъ находится въ землѣ племени машона, на высотѣ тысячи метровъ. Первые верховыя воды рѣки направляются сначала на югъ; но затѣмъ, пройдя область возвышенностей, она, въ разстояніи болѣе трехсотъ километровъ отъ океана, течетъ по равнинѣ прямо на востокъ. Въ сезонъ дождей Саби представляетъ мощный потокъ водъ: ея ложе простирается въ ширину на два или на три километра, а теченіе столь стремительно, что суда не могутъ подниматься вверхъ. Съ наступленіемъ же сезона жаровъ, уровень на рѣкѣ понижается, и ложе ея быстро суживается: шириною рѣка становится всего метровъ въ тридцать, а глубина по срединѣ русла бываетъ не болѣе полуметра. И, однако, дельта Саби весьма значительна; даже безъ протоковъ сосѣднихъ рѣкъ, на югѣ—Габузу, на сѣверѣ—Горонгози, которые можно разсматривать какъ принадлежащія къ той же гидрографической системѣ,—морская кривая дельты протянулась по крайней мѣрѣ на сто километровъ, а площадь всей территоріи, по которой развѣтвляются ея рукава, превышаетъ двѣ тысячи кв. километровъ. Въ сухое время года эти рукава превращаются въ морскіе каналы: о солености ихъ воды свидѣлствуютъ корнелуки, произрастающіе на обоихъ берегахъ. Рѣка Бузи, изливающаяся въ океанъ въ небольшомъ разстояніи къ сѣверу отъ Софалы, не столь многоводна, какъ Саби; тѣмъ не менѣе, неглубоко сидящія барки могутъ подниматься болѣе, чѣмъ на сто километровъ отъ устья ¹⁾. Рѣка Пунгве или Аруангва, протекающая еще сѣвернѣе, въ своемъ нижнемъ теченіи тоже судоходна для судовъ съ осадкою въ два метра; но многіе другіе рѣчные потоки страны, питаемые ручьями, бѣгущими съ горъ, не достигаютъ океана: песчаные бары запираютъ входъ въ ихъ устья.

Большое «Мозамбикское теченіе», выходящее изъ Индійскаго океана между Мадагаскаромъ и материкомъ, чтобы направиться къ антарктическимъ морямъ, ударяется о наидальѣе выдвинутый мысъ, вполне заслуживающій свое португальское наименованіе: cabo das Correntes, такъ какъ касающійся берега въ этомъ мѣстѣ потокъ постоянно движется на юго-юго-западъ со скоростью отъ 1.800 метровъ до 3½ километровъ въ часъ. Но, подобно тому, какъ къ югу отъ упомянутого мыса, вдоль берега Тонгаленда, къ востоку отъ пляжей Санта-Лючіи и бухты Делагоа, происходитъ противотеченіе, такъ точно обратное теченіе, водъ касается берега материка и къ сѣверу отъ мыса Correntes; на существованіе его

здѣсь указываетъ форма песчаныхъ стрѣлъ и прибрежныхъ острововъ, которые имъ удлинены по направленію къ сѣверу или къ сѣверо-сѣверо-востоку, въ обратномъ направленіи къ тому теченію, которое движется юристъ, въ Мозамбикскомъ каналѣ. Въ неглубокихъ бухтахъ, отдѣляющихъ материкъ отъ ряда острововъ, называемыхъ Базаруте, туземцы ловятъ жемчужныхъ раковинъ, которыхъ они заставляютъ раскрываться, подгрѣвая ихъ на огнѣ; отъ такого приѣма жемчужины портятся, и цѣнность ихъ уменьшается. На берегахъ края Газа проявляютъ свою дѣятельность также полипы; коралловые мели во многихъ мѣстахъ побережья дѣлаютъ плаваніе опаснымъ, и большинство острововъ, хотя покрыты дюнами, придающими имъ гористый видъ, покоятся на коралловомъ фундаментѣ.

Климатъ Газскаго края не одинаковъ въ низменной приморской его полосѣ и на террасахъ внутри материка. Вѣтры, дующіе почти всегда съ моря—съ сѣверо-востока, съ востока, съ юго-востока или съ юга ¹⁾—не приносятъ дождей на приморскую область; густыя облака, поднимающіяся съ водъ въ сезонъ дождей, т. е. когда солнце близко къ зениту, съ ноября по мартъ, разбиваются только тогда, когда ударятся о выступы внутреннихъ возвышенностей. Рѣдко дожди выпадаютъ во время вѣянія нормального юго-восточнаго вѣтра, но какъ только это правильное воздушное теченіе смѣнится другимъ вѣтромъ, столбикъ вѣня теченій имѣютъ слѣдствіемъ грозу и сильныя ливни ²⁾. На этихъ высотахъ измѣненія температуры весьма рѣзки: жары, въ особенности передъ сезономъ дождей, невыносимы; но южные вѣтры приносятъ также холода, и иногда приходится испытывать на протяжении вѣсколькихъ часовъ разность температуръ, доходящую до 30° или даже 35° Ц.

Благодаря изобилію водъ, область плоскогорій весьма плодородна, и тамонніе лѣса представляютъ большое разнообразіе древесныхъ породъ, тогда какъ въ равнинѣ растительность рѣдка; флора тамъ гораздо менѣе богата, чѣмъ фауна. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ юга, деревья, мелкія и рѣдко стоящія, всѣ, живыя и мертвыя, подернуты сѣрымъ мхомъ, придающимъ имъ фантастическій видъ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ газскихъ лѣсахъ, также какъ по берегамъ средняго теченія Замбезе, преобладаетъ *монане*, большое дерево съ пахучими сѣменами, дающее мало тѣни путникамъ, такъ какъ его листья приподняты въ видѣ крыльевъ бабочки въ покой ⁴⁾. Приморскій берегъ въ собственномъ смыслѣ этого слова представляетъ

¹⁾ L. Brant „Mer des Indes. Cartes de la direction et de l'intensité probable des vents“

²⁾ Thomas, „Eleven Years in Central South Africa“

³⁾ Richards, „Afrique explorée et civilisée“. Anfan. 1885.

⁴⁾ Coillard;—Holub и т. д.

¹⁾ Browne and O'Donnel, „Scottish Geographical Magazine“, ноябрь 1887.

безплодную песчаную полосу; ввнутри страны, почва, состоящая изъ красноватаго песка, болѣе плодородна и на хорошо-орошенныхъ земляхъ даетъ прекрасные урожаи; впрочемъ,

такой странѣ жители должны бы селиться по берегамъ рѣкъ, гдѣ есть необходимая для воздѣлываемыхъ растений вода, а между тѣмъ берега пустыни: большая часть племенъ, же-

Пейзажъ въ бассейнахъ Лу-Дженды.

такія мѣстности рѣдки, а лужи, скопляющіяся въ углубленіяхъ почвы во время проходящихъ дождей, вскорѣ изсякаютъ. Почти на всемъ пространствѣ равнины саванны чередуются кустарникомъ и колючими деревьями. Въ

лая избѣжать слишкомъ частыхъ посѣщеній своихъ зулусскихъ владѣтелей, удалились въ глухія трудно-доступныя мѣстности. Такъ какъ туземцамъ приходится испытывать недостатокъ въ водѣ, то они приобрѣли большой на-

выкъ въ отыскиваніи малѣйшаго резервуара, гдѣ бы просачивалось нѣсколько капель; они знаютъ всѣ лѣсные растенія, ягоды или листья которыхъ водянисты; въ особенности ими цѣнятся каучуковая ліана, *inbonga*, плодъ которой утоляетъ жажду. Какъ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Африки — наприм. въ Фазоглѣ, въ нильскомъ бассейнѣ, и на плоскогоріи, населенномъ племенемъ квиссама, на западномъ морскомъ берегу Африки, — въ Газскомъ краѣ тщательно пользуются для образованія цистернъ дуплами въ стволахъ баобаба. Эти дупла расширяютъ и углубляютъ при помощи топора и огня, такъ что весь стволъ дерева превращается какъ бы въ наземный колодезь; но для наполненія такихъ колодезевъ не всегда бываетъ достаточно зимнихъ дождей; вода въ нихъ мало-по-малу портится и, наконецъ, изсыкается; въ такихъ случаяхъ жителямъ приходится покидать свои тайники и отправляться на коченку по берегамъ рѣкъ.

Тамъ, гдѣ населеніе рѣдко, фауна, избавленная отъ человѣка, ея врага по преимуществу, богата видами и особями животныхъ. Слоны еще весьма многочисленны въ Газскомъ краѣ; гиппопотамы во множествѣ рѣзвятся въ рѣкахъ; крокодилы изобилуютъ; антилопы пасутся въ долинахъ, а буйволы, стадами, живутъ въ гористой области. Гіены и въ особенности леопарды весьма страшатъ пастуховъ. Erskine протѣжалъ по мѣстностямъ, гдѣ леопарды до того дерзки, что женщины едва осмѣливаются работать въ своихъ садахъ даже среди бѣла дня; хижины же приходится ограждать снаружи при посредствѣ кольевъ, переплетенныхъ ліанами. Что касается льва, то онъ вообще не нападаетъ на человѣка; туземцы, къ тому же, не очень жалуются на его присутствіе, такъ какъ отъ его пиршествъ имъ часто перепадаютъ остатки въ видѣ половины буйвола или антилопы. Во многихъ округахъ самыми опасными животными оказываются всякаго рода термиты, которые нападаютъ на растительность и дѣлаютъ невозможною какую-либо культуру: приходится предоставлять край въ ихъ владѣніе. Домашнія животныя не могутъ совершать переходы чрезъ низменные равнины, либо потому что тамъ свирѣпствуетъ муха цеце, либо по причинѣ присутствія какого-то «таинственнаго яда» въ воздухѣ¹⁾. Путешественники, желающіе проникнуть со своими животными на плоскогоріи Газскаго края, должны прибывать въ него съ западной стороны, чрезъ территорію племени ма-тебала или ма-шона.

Берега около Софалы, быть-можетъ, были посѣщаемы уже древними мореплавателями:

флоты финикианъ, какъ полагаютъ, доходили до этихъ пространствъ восточныхъ морей Африки. Здѣсь именно, по мнѣнію многихъ авторовъ, находился тотъ Офиръ, откуда Соломону привозили золото, драгоценныя деревья и жемчугъ; но, по мнѣнію другихъ истолкователей Библии, Индія, острова Индійскаго океана тоже были Офиромъ: такъ какъ о мѣстонахожденіи этой земли золота не существуетъ никакихъ географическихъ свѣдѣній, то можно поддерживать всякія гипотезы. Какая бы изъ нихъ ни оказалась вѣрной, несомѣнно, что Газскій край посѣщался цивилизованными чужестранцами уже гораздо ранѣе прибытія португальцевъ на восточный берегъ Африки, такъ какъ ими, т. е. португальцами, были найдены тамъ развалины построекъ, по своей архитектурѣ значительно превосходящихъ туземное строительное искусство: въ воображеніи португальцевъ эти зданія казались остатками тѣхъ магазиновъ, которые были возведены царницей Савской для храненія золота, предназначеннаго на уплату дани Соломону. О существованіи этихъ памятниковъ не забыли со временъ первыхъ португальскихъ путешественниковъ, однако, многіе изслѣдователи ихъ некали тщетно: первый, кому удалось (въ 1871 г.) отыскать эти знаменитыя развалины, былъ геологъ Carl Mauch. Развалины оказались расположенными около западнаго притока Саба, въ 300 километрахъ къ западу отъ города Софала, и представляютъ остатки двухъ крѣпостей, построенныхъ изъ гранита на двухъ холмахъ, лежащихъ вблизи другъ друга: изъ крапивы выступаетъ еще башня, вышиною около 10 метровъ. Mauch полагаетъ, что эти военныя постройки охраняли окрестныя копи. Названіе «Zimbaoé», данное имъ португальцами, и «Zimbabwe», употребляемое туземцами донинѣ, означаетъ «королевскую резиденцію». Рисунки, начертанные ромбы, на гранитѣ развалинъ и изображающіе круги, параллельныя линіи и цѣпки, довольно схожи съ украшеніями на кафрской мебели. Возможно, слѣдовательно, что между нынѣшними обладателями Газскаго края и строителями Zimbabwe существовало нѣкоторое расовое родство; но, съ другой стороны, единогласно высказываемое туземцами преданіе гласитъ, что въ «Резиденціи» обитали «умѣющіе все дѣлать» бѣлые люди. Можетъ-быть, знаменитый Веноматапа, т. е. императоръ Мономотана, или, другими словами, муанэ Мотана, т. е. «священный властитель» — повелѣвавшій всѣми народами въ странѣ во время прибытія португальцевъ на восточный берегъ Африки — и былъ преемникомъ тѣхъ королей, которые возвели форты Zimbabwe и другія постройки, разбѣяныя по плоскогорію, посреди лѣсовъ; возможно также, что жертвы, которыя окрестные чернокожіе приносятъ духамъ въ оградѣ

¹⁾ Saint-Vincent Erskine, „Journal of the R. Geographical Society“, 1875.

развалины, представляют лишь традиционное продолженіе тѣхъ великихъ празднествъ, которыя нѣкогда справлялись могущественнымъ государемъ: Mauch—который, впрочемъ, не присутствовалъ на этихъ церемоніяхъ—полагаетъ, будто можно найти большія сходства между этими жертвоприношеніями и празднествами евреевъ. Нѣкоторыя изъ развалинъ гранитныхъ стѣнъ, около Zimbabwe, называются и нынѣ «алтарями» ¹⁾. Всѣ постройки, открытыя въ этой области впоследствии, находятся вблизи золотыхъ рудниковъ ²⁾.

Съ половины 16-го столѣтія, португальцы имѣли поселенія на этомъ берегу моря, продовольственные пункты для кораблей на ихъ долгомъ пути изъ Лиссабона въ Гоа. Много разъ предпринимались ими экспедиціи также и внутрь страны, именно въ горно-промышленную область Маники, о каковомъ пребываніи ихъ вдали отъ поморья свидѣлствуютъ производившіяся ими рудокопныя работы. Правда, что эта дѣятельность португальцевъ со временемъ все уменьшалась: недавно сфера ихъ вліянія ограничивалась окрестностями городовъ Инхамбана, Шилоана и Софала; но нынѣ они снова дѣятельно занялись территоріею, присужденною имъ общимъ согласіемъ европейскихъ государствъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣятельность ихъ увеличивается успѣхомъ, благодаря ковенному содѣйствію, доставляемому ихъ переселенцами, миссіонерами, купцами и искателями золота. Однако, истиннымъ властителемъ страны все еще является кафрскій король Газы, принадлежащій къ семейству зулусскаго воина Маникусса, который, вмѣстѣ съ 30 тысячами товарищей, избѣгъ въ 1830 году покоренія грознымъ Тшаккой и, бѣжавъ, подобно племени ма-табелъ, въ направленіи къ сѣверу, основалъ тамъ новую державу. Территорія, жители которой платятъ дань Газскому королю, ограничена съ юга, неподалеку отъ Лоренсо-Маркеса, рѣкою Нкомати, притокомъ Маниссы, хотя часто Нкомати и смѣшивали съ самою Маниссою; на сѣверъ территорія продолжается вплоть до Замбезе, а на западъ—до королевства племени ма-табелъ. Политическій центръ государства находится въ цитадели тѣхъ горъ, гдѣ зарождается р. Бузи. Недавно крааль, въ которомъ пребывалъ король, былъ въ Тшаматшаме, въ верхней долигѣ Умъ-Суэлизи или Верхней-Бузи; съ тѣхъ поръ, королевскій дворъ уже два раза перемѣщался въ другія области горъ.

Газскіе зулусы обыкновенно называются: умгоні—южными населеніями, и ландинами—португальцами. Имѣя свои становища вблизи королевской резиденціи, они образуютъ пра-

вильное войско, раздѣленное на батальоны и полки, содержимыя въ строгости вождами, или *индуана*, пытающимися сохранить преданія той тактики, которой слѣдовали ихъ побѣдоносные предки. Однако, это войско изъ главенствующаго племени, будучи безконечно слабо числомъ въ сравненіи съ численностью подвластныхъ ему племенъ, можетъ господствовать только посредствомъ страха; и, дѣйствительно, появляясь то тамъ, то сямъ, оно опустошаетъ поля и забираетъ припасы и скотъ. Какъ всегда, такое завоеваніе влечетъ за собою обѣдненіе края и упадокъ цивилизаціи. Скипетромъ государей уже не служитъ, какъ это нѣкогда было у императора Мономотана, мотыка ¹⁾; они повелѣваютъ нынѣ посредствомъ меча. Племена, нѣкогда бывшія осѣдыми, превратились въ орды кочевниковъ, покидающія свои поселки и воздѣланные поля, какъ только приближается королевское войско. Разработка копей имъ запрещена, дабы они не обогатились ²⁾, а охота на слона не дозволяется потому, что это—благородное занятіе, и рабы не должны равняться съ своими владѣльцами. Нѣкоторыя изъ племенъ перестали держать скотъ; племя ма-нданда, населяющее равнины къ югу и къ юго-востоку отъ горъ резиденціи, стало разводить собакъ съ тою цѣлью, чтобы угнетатели оставляли бы имъ хотя это презираемое мясо. Недавно политика короля по отношенію къ европейцамъ была крайне опаслива: онъ разрѣшалъ имъ охоту или торговлю, но опредѣлялъ, по какимъ дорогамъ они должны проходить и на какихъ мѣстахъ останавливаться, а также вымогалъ подарки; въ 1872 году онъ заставилъ англичанина Erskine'a два съ половиною мѣсяца ожидать аудіенціи, хотя этотъ путешественникъ былъ политическимъ посломъ отъ Натальскаго правительства, и о присылкѣ его просилъ самъ же Газскій король. Въ наши дни, образъ дѣйствія этого государя измѣнился: неминуемость опасности побуждаетъ его къ большей снисходительности къ посламъ, миссіонерамъ и рудокопамъ. Не чувствуя себя уже довольно сильнымъ для того, чтобы не бояться того, кто вскорѣ станетъ его вассаломъ, онъ—правда, послѣ попытки къ сопротивленію—сталъ формальнымъ вассаломъ португальскаго правительства и обязался исполнять приказанія резидента, назначаемого лиссабонскими министрами.

Первонаселенники этой страны обыкновенно извѣстны подъ именемъ тонга, хотя они и отличаются отъ ама-тонговъ поморья, обитающихъ къ югу отъ бухты Делагоа. Въ большинствѣ они, кажется, родственны ба-сутамъ, на которыхъ походятъ наружностью, нравами,

¹⁾ Carl Mauch, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 37.

²⁾ J. Mackenzie, „Scottish Geographical Magazine“, Іюль, 1887.

¹⁾ Adolf Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

²⁾ „Petermann's Mittheilungen“.

миролюбивымъ характеромъ; они, какъ и ба-суты, склонны къ земледѣлю и скотоводству, настолько, по крайней мѣрѣ, насколько имъ это позволяютъ умони; говорятъ они языкомъ, близко подходящимъ къ ба-сутскому. Всѣ эти презираемые тонги отличаются большой смелостью и любознательностью; какъ только имъ удастся освободиться отъ тирании зулусовъ, они тотчасъ же снова принимаются за воздѣлываніе почвы и за свои промышленныя занятія. Большіе враги воинской дисциплины, они обсуждаютъ между собою свои дѣла и управляются совѣтомъ старѣйшихъ и мелкихъ начальниковъ. Ихъ круглыя хижины, состоящія изъ соединенныхъ лѣанами колевъ, промежутки между которыми заполнены глиною, вообще выше и лучше строятся, чѣмъ хижины зулусовъ и южныхъ кафровъ.

Тшоби, или чоби, т. е. «стрѣлки» — самые южные ба-суты въ Газскомъ краѣ. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по сосѣдству съ Лимпопо, вдоль приморскихъ дювъ, поработены зулусами; сѣвернымъ же тшоби, также называемымъ португальцами миндонгами, удалось сохранить свою независимость, благодаря поддержкѣ, оказанной имъ гарнизономъ города Инхамбанэ; эти сѣверные тшоби и есть тѣ «Boa Gente», т. е. «хорошіе люди», о которыхъ говоритъ Васко де Гама ¹⁾ Эти туземцы страшно обезображиваютъ себя, создавая на своемъ лицѣ три ряда прыщей: одинъ отъ верхняго края лба къ кончику носа, и два другихъ отъ одного уха до другаго, при чемъ одинъ рядъ проходитъ чрезъ верхнюю губу, а другой чрезъ подбородокъ; въ этомъ они походятъ на Трансваальскихъ knobkuisen'овъ. Женщины одѣваются въ родъ тоги изъ лыка. На сѣверо-западъ отъ тшоби, по равнинамъ кочуютъ ма-куакуа; однако, занимаемую ими территорію можно проѣхать во всѣхъ направленіяхъ, не примѣтивъ ихъ становищъ, спрятанныхъ въ кустарникѣ; Erskine, напр., нашелъ на пространствѣ сотни километровъ только одни покинутые краали. Несчастные ма-куакуа, оставшіеся еще въ краѣ, не осмѣливаются даже воздѣлывать садовъ: до такой степени они страшатся посѣщеній своихъ братьевъ по расѣ, зулусовъ; однако, они заботливо ухаживаютъ за своими винными пальмами, небольшими деревьями, высотой всего только отъ 1½ до 3 метровъ, но дающими весьма большое количество напитка. Ма-гуаза, живущіе на западъ и на сѣверо-западъ отъ ма-куа-куа, на берегахъ Лимпопо и его притоковъ, избѣгли посѣщеній зулусскихъ солдатъ; поэтому, они весьма многочисленны и владѣютъ большими, хорошо обработанными садами, а въ мѣстностяхъ, не наводненныхъ мухою цеце, также и стадами ¹⁾.

Ма-лонгуэ или ма-ронгуи, живущіе къ сѣверу отъ ма-куанца, обитаютъ въ хижинахъ изъ коры; а за ними, по направленію къ дѣлѣ Саби, край принадлежитъ племени била-кулу. Племя хленга, гораздо болѣе многочисленное, занимаетъ, на извѣстномъ разстояніи отъ моря, область равнинъ, простирающихся внутри материка между долинами рѣкъ Лимпопо и Саби. Хленга — народъ лѣсной; не будучи въ состояніи воздѣлывать почву по причинѣ отсутствія воды и вслѣдствіе сосѣдства зулусовъ, они вынуждены жить исключительно сборомъ дикорастущихъ плодовъ и охотой: они отыскиваютъ дичь по слѣдамъ, на-подобіе собакъ, а, ранивъ животное, выслѣживаютъ его изо дня въ день, не упуская изъ виду и ночью на кровавомъ слѣду. Они изучаютъ нею и вопрошаютъ полетъ ястребовъ, за которыми и слѣдуютъ, въ расчетѣ принять участіе въ паршествѣ найденною ястребами мертвечиною. Они весьма искусны въ разставленіи ловушекъ и, несмотря на запрещеніе всѣхъ тонгамъ охотиться на слона, находятъ средство спрятать заостренный колышекъ подъ лиственнымъ покровомъ въ той мѣстности, гдѣ должно пройти животное: въ случаѣ раненія, острая боль препятствуетъ ему продолжать путь и выдаетъ его охотнику ¹⁾.

Къ сѣверу отъ Саби, племена тонга, будучи подъ непосредственнымъ надзоромъ зулусовъ, ведутъ жалкую жизнь рабовъ: таковы мавдада и ма-ндоуа, которые, повидимому, нѣкогда были весьма могущественны, а нынѣ прячутся въ кустарникахъ, одѣтые въ длинныя тоги, смастеренныя изъ коры баобаба. Что касается туземцевъ племени ки-теви, гуа-теви или аба-теви, живущихъ сѣвернѣе, неподалеку отъ горъ Маника, то не представляютъ ли они потомковъ того народа китеве (Quiteve), о которомъ говоритъ доминиканскій монахъ Салтосъ, какъ о значительной націи, образующей центральное ядро имперіи Мономотапа? Традиціи этикета, соблюдаемыя при дворѣ короля племени умони, кажется, по большей части унаслѣдованы отъ китевскаго государя. Между туземцами разсѣяны группы ба-лемпа, обрѣзанныхъ негровъ, которыхъ Маучъ сравниваетъ по чертамъ лица и образу жизни съ евреями: у большинства изъ нихъ глаза красные и вѣки воспалены, какъ у польскихъ евреевъ. Они живутъ въ отдѣльныхъ деревняхъ и занимаются ростовщичествомъ и мелочной мѣнзвой торговлей, а также выдѣлываютъ желѣзную проволоку для украшеній.

Въ южной части территоріи, португальцы основали лишь одинъ городъ, носящій кафрское наименованіе: Инхамбанэ ²⁾. Городъ этотъ

¹⁾ João de Andreo Corvo, „Estudos sobre os Provincias Ultramarinas“.

²⁾ Richards, „Afrique explorée et civilisée“. Антверпъ, 1885.

¹⁾ Saint-Vincent Erskine, *утом. соч.*

²⁾ Два слона inha, которыми начинаются многія наименованія мѣстъ въ восточной португальской Африкѣ.

расположенъ на восточномъ берегу большой бухты, свободной отъ каменныхъ подводныхъ рифовъ и походящей на бухту Лоренсо-Маркесъ, хотя и съ меньшими удобствами для мореплавателей. Въ южной своей части заливъ этотъ суживается въ каналъ, соединяющій море съ гаванью: здѣсь-то и находится портъ, доступный лишь для судовъ съ осадкою отъ 3 до 4 метровъ. Городъ, построенный довольно хорошо, возвышается на продолговатомъ холмѣ, который при высокомъ приливѣ почти со всѣхъ сторонъ бываетъ окруженъ морскою водою. Около двухъ тысячъ жителей: бѣлыхъ, черныхъ и мѣднокрасныхъ, христіанъ, магометанъ, баніановъ и огнепоклонниковъ—населяютъ Инхамбанэ; будучи центромъ пропаганды ислама между окрестными неграми, онъ, наряду съ христіанскими храмами, имѣетъ также и мечеть; въ сотнѣ километровъ къ сѣверу отъ Инхамбанэ, на прибрежномъ островѣ, видѣются развалины бывшей арабской деревни. Вывозъ рабовъ и слоновой кости, нѣкогда бывшихъ единственными товарами, смѣнился отправленіемъ за границу воска, каучука, копала, орѣха коко и земляныхъ фисташекъ; въ обмѣнъ же за эти продукты, инхамбанскіе торговцы доставляютъ туземцамъ желѣзо въ полосахъ и въ прутахъ. Пальмовыя плантаціи, простирающіяся болѣе, чѣмъ на 400 гектаровъ, содержатъ около 180 тысячъ кокосовыхъ деревьевъ; въ послѣднее время также разведены плантаціи тростниковаго сахара, чайнаго и хиннаго деревьевъ. Весьма важно развивать земледѣльческую культуру въ окрестностяхъ Инхамбанэ и получать продукты для созданія мѣстной торговли, такъ какъ Инхамбанскій портъ, будучи окруженъ пустынями, оказывается на гораздо большемъ, чѣмъ Лоренсо-Маркесъ, разстояніи отъ земледѣльческихъ и горно-промышленныхъ областей внутри страны, отъ которыхъ его отдѣляютъ долина р. Лимпопо и обширныя, почти необитаемыя равнины, гдѣ муха цеце умерщвляетъ скотъ. Въ 1834 году Инхамбанэ былъ взятъ кафрами или ландинами, и даже недавно можно было ожидать новыхъ нападеній.

Къ сѣверу отъ бухты Инхамбанэ, небольшіе португальскіе порты охраняютъ морское побережье; одинъ на островѣ Базаруто, гдѣ производится ловъ, впрочемъ, незначительный, перламутровыхъ раковинъ и голотурій, а другой на островѣ Шилоанэ, мѣстѣ ссылки, въ болотистой дельтѣ р. Саби: здѣсь окрестные солоноватые каналы-протоки населены гиппопотамами. Въ прежнее время, чаще всего посѣщаемая газская гавань находилась въ рѣчнаго бассейна, на низменномъ берегу залива, далеко вдающагося внутрь земель: это рейдъ

представляютъ просто ту согласную, которую испанцы изображаютъ буквою n. („Boletim da Sociedade de Moçambique“. 1881 № 5).

города Софала, къ сожалѣнію, недоступный для судовъ съ большою водонизмѣстимостью. Португальцы, основавшіе въ этихъ мѣстностяхъ свое первое поселеніе между рѣками Лимпопо и Замбезе, полагали этимъ возстановить соломоновскій городъ Офиръ и производили отъ этого имени названіе своей крѣпости, отъ которой одна башня сохранилась еще до сихъ поръ; точно также рѣка Саби была названа, по ихъ мнѣнію, въ честь царицы Савской. Раньше открытія превосходнаго порта Бангуэ—образуемаго устьемъ р. Понгуэ или Аруангуа ¹⁾—Софала, центръ нынѣ уже слабѣющей торговой дѣятельности, представлялъ ту выгоду, что былъ ближайшимъ приморскимъ портомъ какъ къ массиву горъ, гдѣ проживали умгони, такъ и къ плоскогорію Маники, прославившемуся своими золотыми россыпями; песчинки золота находили даже въ пескѣ пляжа около города Софала.

Геологи, посѣтившіе Манику, еще не открыли ни скалъ гранитнаго массива, гдѣ находятся золотоносныя жилы, ни залежей драгоценныхъ камней, откуда женщины добываютъ себѣ чудныя вставки для серегъ. Долина, пески которой эксплуатируютъ путемъ промыванія, находится въ южной части горъ: буровыя скважины, глубиною отъ 5 до 6 метровъ, вырыты въ наносныхъ земляхъ и превосходно сохранившіяся, напоминаютъ о португальскихъ разработкахъ, которымъ, впрочемъ, предшествовали еще болѣе раннія работы, приписываемыя преданіемъ какому-то «бѣлому народу, съ длинными черными волосами» ²⁾; около мѣстечка Массикесса, которое было столицею провинціи, также видны кое-какія развалины древняго города, уже покинутаго въ концѣ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе «справедливыхъ репрессалій» возставшихъ туземцевъ ³⁾, и разрушеннаго, затѣмъ, зулусами. Послѣдніе перебили большую часть жителей и запретили возобновленіе горнопромышленныхъ работъ. Для разработки снова этихъ копей, а также для возстановленія имѣвшей важное значеніе «Маникской ярмарки», происходившей въ Массикессѣ, составила «Офирская компанія»; но, по мнѣнію нѣкоторыхъ геологовъ, пески долины Маники содержатъ золота немного—въ среднемъ, на кубическій метръ не болѣе полуграмма ⁴⁾. Будущее богатство края заключается въ плодородіи его долинъ, такъ какъ ни въ какой области Южной Африки нѣтъ земель, лучше орошенныхъ и болѣе плодородныхъ. «Въ Маникѣ не извѣстны ни засухи, ни плохіе урожан».

¹⁾ C. Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landius“.

²⁾ Chauncy Maples; — L. Cordeiro, — G'Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1887.

³⁾ Fr. Maria Borda, „Ensaio sobre a Estatistica das Possessões Portuguezas no Ultramar“.

⁴⁾ Kuss, *уномъ соч.*

Regulo, т. е. «царекъ» негритянской, пребываетъ въ Муласѣ, на сѣверо-западѣ массива; будучи вассаломъ португальскаго правительства, онъ находится подъ наблюдениемъ *capitão-mor*а, который помѣстилъ свой маленький гарнизонъ въ природной крѣпости Массарѣ, расположенной на громадномъ, съ вертикальными стѣнками, утесѣ, доступномъ только по головокружительной тропинкѣ. Три тысячи ландиновъ тщетно пытались взять ее приступомъ: на нихъ скатывали большіе камни, которые и раздавили большое число нападавшихъ¹⁾. Главный городъ обширнаго округа, называемаго Маника и Китеве, недавно осно-

ванъ въ горахъ сьерры Горонгозы, въ селеніи Инхангу, называемомъ *Villa Boncia* по имени, которое туземцы даютъ *capitão mor*у. Нѣкогда окрестныя горы были совершенно пустыни; нынѣ онѣ заселяются, и роты дисциплинированныхъ ландиновъ правительство употребляетъ уже для защиты этого новаго приобрѣтенія Португаліи отъ ихъ же соотечественниковъ. Кромѣ того, бывшее королевство Баруэ, завоеванное цѣлкомъ «капитанъ-майоромъ» Мавики, стало его личною собственностью, и всѣ выгоды отъ мѣстной торговли воскомъ и другими продуктами принадлежать исключительно ему²⁾.

Глава IX

Бассейны рѣкъ Замбезе и Ку-Банго.

I. Общій взглядъ.

По длинѣ теченія, пространству своего бассейна и объему своей жидкой массы, Замбези или Замбезе—четвертая рѣка Африки, послѣ Конго, Нигера и Нила. Но какъ ни значительна эта рѣка, она, вѣроятно, есть лишь остатокъ прежняго гораздо болѣе могучаго потока воды. Изливавшійся въ нее, на западѣ и юго-западѣ, многоводныя рѣки уже перестали его достигать; между центральнымъ и второстепенными бассейнами выступили водораздѣльные пороги; образовались водныя площади, которыя уже не имѣютъ истока, а только испаряются. Однако, если съ гидрологической точки зрѣнія единства страны уже не существуетъ, то въ геологическомъ отношеніи оно тѣмъ не менѣе очевидно, такъ какъ Ку-Банго и Замбезе принадлежатъ къ одной и той же покатости, какъ это было давно уже доказано португальскими изслѣдованіями, предшествовавшими изысканіямъ Ливингстона. Но и въ Португаліи эти путешествія оставались неизвѣстными большинству географовъ, такъ что собственно открытіемъ верхняго теченія Замбезе мѣръ обязанъ Ливингстону. По его слѣдамъ ходили многіе другіе путешественники, особенно португальцы, Серпа Пинто, Britto Capello и Ivens, Hermengildo Capello, усердно занимались изслѣдованіемъ этой страны, которая, въ раздѣлѣ Африки, заранѣе присваивается ихъ

отечеству, отъ «берега до берега», т. е. отъ Атлантическаго океана до Индійскаго, и которая на картахъ этихъ путешественниковъ изображается, — быть-можетъ, на очень значительномъ протяженіи—какъ будущая Африканская Португалія²⁾.

Научное завладѣніе данными странами, предшествовавшее политическому ихъ присоединенію, совершилось отчасти путемъ Замбезе; но эта рѣка, — менѣе глубокая, менѣе широкая, чѣмъ Конго, и въ особенности болѣе прѣграждаемая въ своей средней долигѣ водопадами, — можетъ служить дорогой для изслѣдователей только въ небольшой части своего теченія; равнымъ образомъ гораздо незначительнѣе, по сравненію съ Заиромъ, и развитіе судоходства, пути для котораго составляютъ притоки Замбезе. Замбезскій бассейнъ уступаетъ также бассейну великой экваторіальной рѣки и естественными богатствами; въ немъ менѣе воды, растительность менѣе разнообразна, населеніе сравнительно малочисленнѣе, хотя, конечно, есть отдѣльныя плодородныя округа, густо населенныя. Въ общемъ, бассейны Замбезе Ку-Банги и другихъ рѣкъ той же покатости представляютъ область, равную приблизительно двумъ милліонамъ квадратныхъ километровъ. Что же касается численности ея населенія, то, по подсчетамъ, далеко, впрочемъ, не точнымъ, она достигаетъ четырехъ или пяти милліоновъ чело-вѣкъ, между которыми бѣлыхъ, вмѣстѣ съ

¹⁾ «As colonias Portuguezas», 1885.

²⁾ A. A. d'Olivera, «Carta da Africa meridional Portugueza». 1886. Escala 1:6.000.000.

³⁾ C. Paiva de Andrada, уном. соч.

проживающими въ Quelimane, быть-можетъ, наберется до двухъ тысячъ. Обезлюдение этихъ богатыхъ странъ, гдѣ было бы привольно даже и двумъстамъ милліонамъ людей, объясняется тѣми истребительными войнами, которыя велись во многихъ округахъ даннаго края. Вотъ относящіеся сюда приблизительныя числовыя данныя:

	Поверхность. кв. вил.	Вѣроятное населеніе.	Нас. на 1 килом.
Бассейнъ Замбезе.	1.235.000	4.000.000	3,2
Ку-Банго и озеръ	785.000	500.000	0,6
Всего .	2.102.000	4.500.000	2,1

Восточная покатость Африки, въ сопредѣльныхъ бассейнахъ рѣкъ Ку-Банго и Замбезе, начинается въ сравнительно небольшомъ разстояніи отъ Атлантическаго океана; верхніе истоки Ку-Банги или Окованги находятся всего лишь въ 400 километрахъ къ востоку отъ порта Бенгуэла, между тѣмъ какъ до Индійскаго океана отъ нихъ по прямой линіи 2.500 километровъ. Ку-Банго, зарождающаяся въ краѣ Биха (Bihé), на южномъ склонѣ горъ, которыя по другую сторону даютъ начало притокамъ Куанзы, сначала течетъ по направленію къ югу параллельно Кунэнэ и оси приморскихъ горъ Анголы; поэтому многіе путешественники, въ томъ числѣ и Ladislav Magyar, полагали,—основываясь на показаніяхъ туземцевъ,—что Ку-Банго представляетъ притокъ Атлантическаго океана, изливающийся въ него чрезъ рѣку Кунэнэ. Неподалеку отъ своего начала, Ку-Банго скрывается подъ скалами, потомъ мѣстами снова появляется, опять пропадаетъ и окончательно выходитъ на поверхность только въ десяти километрахъ отъ мѣста своего перваго исчезновенія¹⁾; послѣ этого она мѣнится въ узкой долинѣ между холмами, покрытыми травой и лѣсомъ; затѣмъ исподволь поворачиваетъ къ юго-востоку и, увеличиваясь на пути отъ впаденія въ нее тѣхъ рѣчекъ, которыя спускаются по параллельнымъ съ нею и направляющимся съ сѣвера на югъ долинамъ: Ку-Эйю, Ку-Атиръ и Луа-Тута. Въ мѣстности, гдѣ Capello и Ivens переправились чрезъ рѣку, 10 іюля, т. е. по минованіи полуторамѣсячной засухи, рѣчной потокъ имѣлъ въ ширину сорокъ метровъ, при глубинѣ, среднимъ числомъ, въ три метра, и при скорости въ два съ половиною метра въ часъ. Куда же дѣвается эта масса жидкости, сильно возрастающая въ сезонъ дождей и болѣе чѣмъ удваивающаяся отъ слиянія съ рѣкою Ку-Ито, которая зарождается на поперечномъ водораздѣлѣ Африки, къ югу отъ Куанго и Касаи, и имѣетъ не менѣе 800 километровъ длины? Два только-что названные португаль-

скіе изслѣдователи высказываютъ предположеніе, что соединенныя рѣки Ку-Банго и Ку-Ито текутъ прямо на востокъ, изливая въ Замбезе, чрезъ Куа-Ндо или Чобе, значительную часть своихъ водъ. Таково же мнѣніе и другихъ путешественниковъ, подкрѣпляемое разказами туземцевъ. Andrews Anderson, объѣхавшій эту страну во всѣхъ направленіяхъ, указываетъ въ этомъ мѣстѣ только болотистую область, въ которой происходитъ, по крайней мѣрѣ въ сезонъ дождей, медленное перемѣщеніе рѣчныхъ водъ, если не теченіе въ собственномъ смыслѣ слова¹⁾. Какъ бы тамъ ни было, почти совершенная горизонтальность равнинъ, по которымъ протекаетъ Ку-Банго книзу отъ той мѣстности, гдѣ она приближается къ Куа-Ндо, и обуславливаетъ наблюдаемыя тамъ обратныя теченія водъ. Кажется даже, что Кунэнэ иногда бываетъ въ сообщеніи съ Замбезе чрезъ умарамби озера Этоша и сѣти потоковъ, изливающихся на востокъ²⁾. Благодаря именно этимъ временнымъ, порождаемымъ наводненіями, потокамъ, гипопотамы и могли переселяться изъ лагуны въ лагуну вплоть до восточной подошвы горъ Хереро³⁾. Съ этихъ горъ спускаются потоки, изъ которыхъ, по свидѣтельству Андерсона, одинъ никогда не высыхаетъ, даже въ срединѣ лѣта. Одинъ изъ главныхъ источниковъ, который едва можно примѣтитъ сквозь густую листву растеній, вытекаетъ у подошвы Ватерберга, т. е. «водяной горы», обширнаго песчаниковаго плоскогорья, въ которое просачиваются дожди⁴⁾.

Древнее озеро, наполнявшее эту область Африки между прибрежными высотами Лимпопо и горами Дама-ра, до образованія ущелій р. Замбези, чрезъ которыя опорожнялся этотъ обширный бассейнъ, еще вполне не исчезло: остались разбросанные пруды, которые перемѣщаются, увеличиваются или уменьшаются въ размѣрахъ, смотря по обилію или рѣдкости дождей и по количеству осѣдающихъ илистыхъ частицъ. На то, что данныя воды долго пребывали въ обширномъ внутреннемъ морѣ, указываетъ не только горизонтальность почвы, но также и образованіе озерныхъ отложеній. Вся равнина какъ бы вымощена туфомъ, болѣе или менѣе мягкимъ, смотря по тому, выставленъ ли онъ дѣйствию воздуха, или прикрытъ обломками и наносами; повсюду при раскапываніи почвы, находятъ рѣчныя раковины, подобныя тѣмъ, которыя встрѣчаются въ р. Замбезе и понизу⁵⁾. Ло-

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“. January, 1884.

²⁾ Duparquet, „Cimbebasie“. — „Bulletin de la Société de Géographie“. 2 semestre, 1880.

³⁾ Charles John Andersen, „Lake Ngami“.

⁴⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1878, Heft. VIII.

⁵⁾ Livingstone, „Explorations dans l'Afrique australe“.

¹⁾ Ladislav Magyar, *упом. соч.*

же Ку-Банги и рѣчекъ, спускающихся изъ области Дама-ра и затѣмъ развѣтвляющихся въ большой равнинѣ, окаймлены углубленіями, въ которыхъ, въ сезонъ дождей, скопляются воды, образуя временныя озера; кромѣ того, эти рѣчки выдѣляютъ изъ себя вѣтви (*mololet* или *laagten* по-голландски), въ которыя изливается излишекъ водной массы, но гдѣ воды текутъ въ обратную сторону и въ сезонъ засухи возвращаются въ главный потокъ: движеніе воды тамъ мѣняетъ направленіе въ зависимости отъ годовыхъ измѣненій въ климатѣ. Такими молотами, съ нормальнымъ или обратнымъ теченіемъ водъ, окаймлена рѣка Тонка, Тонка или Тюжа, получающая излишнюю воду изъ низовой Ку-Банго, но порою совершенно высыхающая, и ложе которой, перерѣзанное нѣсколькими порогами, служитъ дорогою для бушменовъ. Обыкновенно Тонка изливается послѣ дождей, въ озеро Нгами; но съ 1886 года она измѣнила свое направленіе и стала теряться въ обширномъ болотѣ, воды котораго, при посредствѣ различныхъ рукавовъ, направлялись на соединеніе на востокъ и юго-востокъ съ ложами рѣкъ Чобе и Зуги¹⁾. Каждый изъ проникающихъ въ эти пустыни путешественниковъ иначе изображаетъ очертанія озерныхъ поверхностей и развѣтвленія ихъ притоковъ или истоковъ²⁾.

Озеро Нгами, Нагаби или Нааби, т. е. «вода по преимуществу»³⁾, или «озеро жирафа», по Чампану, представляетъ одинъ изъ этихъ бассейновъ съ измѣчивыми берегами, подобныхъ шоттамъ Берберіи: каждый путешественникъ рисуетъ его очертанія различно. Наиболѣе постояннымъ изъ его береговъ огазывается южный, такъ какъ земная поверхность въ этой мѣстности приподнята; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ озера существуетъ даже возвышенность, Маккаполо, превосходящая уровень въ озерѣ на 365 метровъ, а по другимъ исчисленіямъ, на 807 или даже на 893 метра. Нгами, открытое Ливингстономъ къ 1849 году, показалось ему тогда имѣющимъ около сотни километровъ по протяженію съ востока на западъ; въ ширину же оно было гораздо меньше, такъ что съ южнаго берега можно было видѣть сѣверный. Туземцы исчисляли окружность Нгами тремя днями пути; но объѣхать озеро въ лодкѣ было бы затруднительно, такъ какъ мѣстами оно до того мелко, что лодочники не могутъ пользоваться веслами и должны проталкивать шестами свои челноки или тростниковые плоты. Самого высокаго уровня озеро это обыкновенно достигаетъ въ апрѣлѣ и іюлѣ; тогда его воды, избавившись отъ излишка чрезъ вытекающіе

изъ него ручьи, становятся прѣсными; между тѣмъ, во время убыли, по мѣрѣ того, какъ уровень озера понижается, а окружающая суживается, вода становится соленою, при чемъ кристаллы соли отлагаются даже и на прибрежномъ тростникѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окаймляетъ озеро полосой въ нѣсколько метровъ ширины. Въ уровнѣ Нгами наблюдаются частыя колебанія, что, конечно, зависитъ какъ отъ разницы въ барометрическомъ давленіи на этотъ бассейнъ съ плоскимъ дномъ, такъ и отъ разницы въ приносѣ и уносѣ водъ Тонкою и другими рѣчками. Правильно смѣняющіе друга друга утренніе и вечерніе вѣтры перемѣщаютъ озеро; такъ, утромъ восточная бриза гонитъ его воды къ западу, а затѣмъ, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ на небѣ солнца, вѣтеръ мѣняется, и вечерняя бриза увлекаетъ озерныя воды сноза на востокъ: «Каждый день озеро отправляется на пастбу, а затѣмъ возвращается въ овчарню»⁴⁾. По Ливингстону, озеро Нгами питается не только видимыми рѣчками, но также и подземными водами, исходящими изъ-подъ холмовъ на югъ, гдѣ пористые песчаники покоятся на пластѣ изъ водонепроницаемой горной породы. Во многихъ мѣстностяхъ почва довольно хорошо орошается, для того, чтобы древесная растительность могла проявить богатство и блескъ, подобные растительности въ наносныхъ земляхъ низовьевъ Замбезе; въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, видѣются лишь колючія деревья, кустарники, или даже угрюмыя, покрытыя пескомъ пространства.

Въ теченіе большей части года Нгами изливаетъ свои воды на востокъ, чрезъ посредство рѣчки Зуги, которая сначала течетъ на востокъ, потомъ на югъ и затѣмъ опять на востокъ, направляясь на соединеніе съ обширнымъ солончакомъ Макаракара (Макаракари, т. е. «миражемъ», содержащимъ порою лишь немного перемѣщающейся по вѣтру воды. Отъ Нгами до Макаракары, на пространствѣ не менѣе четырехсотъ километровъ отъ запада къ востоку, измѣренія Андерсона не обнаружили почти никакой разницы въ уровнѣ: колебаніе въ нѣсколько сантиметровъ—такова вѣроятная денивелляція дна древняго озернаго бассейна. Оттого малѣйшее препятствіе, малѣйшее измѣненіе въ барометрическомъ давленіи, малѣйшая смѣна сухости и влажности воздуха, появленіе небольшой поросли тростника—достаточно для того, чтобы бродящія по равнинѣ «Тысячи озеръ» воды перемѣнили свое теченіе⁵⁾. Страна повсюду усыяна рѣчными ложами, содержащими воду, или высохшими лужами и солончаками, которые часто мѣняютъ мѣсто и очертанія. Раз-

¹⁾ «Peterman's Mittheilungen». 1886 Heft X.

²⁾ B. Capello e R. Ivens; — Ch. L. Anderson; — A. Anderson. уном. соч.

³⁾ «Petermann's Mittheilungen». 1889.

⁴⁾ Chapmann, „Travels into the interior of Africa“.

⁵⁾ Chapmann, уном. соч.

вѣтвление Iaaггеп'овъ до такой степени перепутано, что въ эпоху высокихъ водъ, когда туземцы отваживаются пускаться на лодкахъ по несущимся по равнинѣ потокамъ, они часто сбиваются съ пути и затѣмъ розыски-

ніе своего теченія: такъ, выходя въ апрѣлѣ и въ маѣ изъ Нгами, она течетъ въ него обратно въ слѣдующіе два мѣсяца. Въ періодъ высокихъ водъ, вѣтвь Зуги, Мабабэ, направляетъ свое теченіе на сѣверъ, и между тѣмъ, какъ

Типы племени уа-сагара.

ваютъ его по цѣлымъ днямъ. Даже Зуга—единственная рѣка на равнинѣ, имѣющая воду во всѣ времена года¹⁾,—мѣняетъ направле-

¹⁾ Emil Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society“. March, 1880.

одна часть ея водъ теряется среди песковъ, другая достигаетъ р. Чобе, притока р. Замбезе. Такимъ образомъ, гидрологическая система Ку-Банги временно бываетъ въ соединеніи съ системою Замбезе, и сліяніе водъ въ од-

номъ и томъ же рѣчномъ бассейнѣ возмѣняется ¹⁾. Красивые лѣса, тамъ и сямъ высоко вздымающіе свои кроны стройныя пальмы, стоящіе одиноко исполинскіе баобабы, господствуютъ надъ необозримымъ пространствомъ равнины; нѣсколько холмовъ, принимающихъ видъ горъ, разбѣяны островками и архипелагами среди африканскаго моря. Окружность равнины въ большой части состоитъ изъ вулканическихъ формаций ²⁾.

Рѣка Куа-Ндо (Куандо) или Чобе, нижнее теченіе которой соединяетъ Ку-Банго съ Замбезе, зарождается, какъ и Ку-Банго и Замбезе, на южномъ склонѣ поперечнаго водораздѣла, который протягивается отъ Бихе до области великихъ восточныхъ озеръ. Она просачивается ручейкомъ изъ болота, образовавшагося въ углубленіи между двумя холмами; по Serra Pinto, истокъ ея находится на высотѣ 1.362 метровъ. Куа-Ндо течетъ сначала на юго-востокъ, затѣмъ получаетъ цѣлый пукъ другихъ потоковъ, превращающихъ ее въ настоящую рѣку, судоходную на большей части теченія, хотя мѣстами загражденную лѣсами тростника. Въ этой области, Куа-Ндо отдѣляется едва замѣтнымъ водораздѣломъ отъ восточнаго бассейна, т. е. отъ бассейна Замбезе въ собственномъ смыслѣ; однако, она сохраняетъ свое независимое теченіе и, параллельно главной рѣкѣ, спускается на югъ, чтобы вступить въ обширную аллювиальную равнину, куда изливаются также воды Ку-Банго. Иногда, во время исключительныхъ разливовъ, Куа-Ндо, соединяясь съ Ку-Банго, поворачиваетъ къ востоку и образуетъ извилистое озеро, Чобе, которое во многихъ мѣстахъ походитъ на рѣку: когда по ней плавалъ Ливингстонъ, потокъ, въ среднемъ, имѣлъ отъ 4 до 5 метровъ глубины; однако, въ виду крутыхъ поворотовъ рѣки, пароходъ не могъ бы подняться вверхъ по теченію. Съ Замбезе слияніе Куа-Ндо совершается при посредствѣ многочисленныхъ протоковъ, образующихъ настоящий лабиринтъ; въ числѣ земель, въ промежуткахъ между этими протоками въ области слиянія, находится одинъ островъ вулканическаго происхожденія ³⁾. Какъ и всѣ другіе потоки въ данной области, Чобе прорылъ свое ложе, съ вертикально поднимающимися берегами, въ слоѣ мягкаго известковаго туфа, отложившагося нѣкогда на днѣ средиземнаго озера. Во время половодій, продолжающихся съ декабря или января по мартъ, возвышенія почвы исчезаютъ подъ всегда прозрачною, обширною поверхностью воды двухъ соединившихся рѣкъ. Годичная разниа между

высокими и низкими водами колеблется между 6 и 7 метрами.

Хотя Ку-Банго и Куа-Ндо зарождаются на весьма далекомъ разстояніи отъ Индійскаго океана, но за истинную Замбезе принимаютъ небольшую рѣчку, начинающуюся гораздо ближе отъ океана, Либу (Liba), вытекающую неподалеку отъ истоковъ Лу-Луа, мощнаго притока Кассан; одинъ изъ притоковъ верхней Лубы есть Ло-Тембуа, выходящій изъ открытаго Ливингстономъ, раздѣляющаго два бассейна, озера Дилоло. Большое число другихъ «дѣтей» — такъ называютъ туземцы притоки Либы — сливаются, затѣмъ, съ «матерью», которая вскорѣ становится Ли-мбан или Замбезе (Замбези), т. е. «рѣкою по преимуществу» ⁴⁾. Но большая часть дождевыхъ водъ, выпадающая на совершенно ровную почву, не можетъ достигать рѣки и остается въ видѣ лужъ посреди покрытыхъ тростникомъ равнинъ, издавала походящихъ на безграничную прерію: лишь кое-гдѣ видѣются на этомъ болотистомъ пространствѣ нѣсколько покрытыхъ лѣсомъ островковъ. Между рѣчками съ постояннымъ теченіемъ, гдѣ гиппонотамы рѣзвятся въ теченіе цѣлаго года, — главною является Лу-Эна, бассейнъ которой простирается на большое разстояніе къ западу; затѣмъ, въ сотнѣ километровъ отъ той мѣстности, гдѣ Замбезе становится судоходной, она соединяетъ свои черноватые воды съ желтоватыми водами притока, который Ливингстонъ считалъ главной рѣкой, но который уступаетъ Замбезе по длинѣ и по массѣ жидкости: это — рѣка Кабомпо, изслѣдованная Capello и Ivens'омъ.

Книзу отъ этого слиянія, Замбезе увеличивается, вслѣдствіе впаденія въ нее рѣки Луа-Нго-Нбунго, которая зарождается по соседству съ истоками Куа-Ндо, а затѣмъ протекаетъ чрезъ обширныя равнины Лобали, представляющія, смотря по времени года, то травянистыя болота, то безводныя степи. Книзу отъ впаденія Луа-Нго-Нбунго, видъ мѣстности не мѣняется: соединенный потокъ течетъ прямо на югъ по лишенной наклона равнинѣ, по которой, во время дождей, наводняющіе ее потоки распространяются въ видѣ необъятныхъ водныхъ поверхностей. Волны увлекаютъ съ собою также и травянистые острова, отрывающиеся отъ мѣстъ своего прикрѣпленія. Въ сухое же время года, рѣка изъ безбрежнаго озера превращается въ правильнаго вида каналъ, текущій между вертикально поднимающимися землястыми берегами, состоящими изъ земли, смѣшанной съ пескомъ и разноцвѣтной глиной, гдѣ щурки и зимородки свиваютъ свои гнѣзда. Рѣка быстро, но равномерно течетъ на пространствѣ болѣе, чѣмъ 300 километровъ; затѣмъ, она мѣняетъ направленіе и, миновавъ

¹⁾ A. A. Anderson, *ун. соч.*

²⁾ Emil Holub, „Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Wien“. Aug. 1886.

³⁾ D. Livingstone, *уном. соч.*

⁴⁾ „Рѣка рыба или дичь“, по Desborough Cooley.

лѣсистые острова, несется на юго-востокъ между скалами, которыя постепенно сближаются, такъ что вскорѣ между ними остается разстояние не болѣе 60 — 100 метровъ. Сжатая въ этомъ каналѣ, вода, поднимающаяся во время разливовъ на 15 — 18 метровъ, такъ сильно бурлитъ и клокочетъ, что всякое судоходство становится невозможнымъ; но, кверху отъ быстрины, называемыхъ «порогами Гоніа», гребныя суда, которыя со-временемъ будутъ смѣнены пароходами, имѣютъ свободнаго пространства болѣе, чѣмъ на протяженіи 400 километровъ, вплоть до того водораздѣла, на которомъ зарождаются притоки Кассаи. Книзу отъ Гоніайскихъ пороговъ, перерывы теченія довольно часты: гряды скалъ пересѣкаютъ рѣку, соединяя другъ съ другомъ береговые утесы. Каждый порогъ, каждый водопадъ отличается отъ другихъ видомъ: иной рифъ тянется на одинаковой высотѣ и безъ перерыва, отъ одного берега до другого, и вода скатывается съ него ровной скатертью, словно съ искусственной запруды; въ другомъ, напротивъ, есть проломы, черезъ которые вода убѣгаетъ какъ-бы черезъ ворота въ шлюзѣ; въ иномъ мѣстѣ ряды скалъ прерываютъ потокъ рѣки въ косвенномъ направленіи, а между kloчущими шлюзами разсыяны острова. На протяженіи двадцати километровъ, Голубъ насчиталъ сорокъ шесть пороговъ и водопадовъ, изъ которыхъ иные опасно переходить или обходить. Было бы даже не возможно отваживаться на это, если бы не то обстоятельство, что крокодилы держатся на извѣстномъ разстояніи отъ каскадовъ: поднимающіеся вверхъ по рѣкѣ лодочники могутъ приблизиться къ скаламъ, сложить свои товары на какомъ-нибудь выдающемся пунктѣ подводнаго рифа, втащить лодку въ верхній плесъ, быстро влѣзть въ нее и снова поплыть черезъ ряды плавающихъ на глубокой водѣ крокодиловъ. Послѣдній водопадъ называется Катима-Модело. Книзу отъ него, Замбезе свободна отъ всякаго препятствія на протяженіи 200 километровъ вплоть до сѣти потоковъ, которая развѣтвляется на югъ по направленію къ озерамъ Чобэ, выше большаго водопада.

Водопадъ *Mosi-oa-Tunya*, т. е. «гремящій дымъ»¹⁾, черезъ который вылилось внутреннее море, маленькимъ остаткомъ котораго является озеро Нгами, представляетъ единственное въ мірѣ зрѣлище. Есть много рѣкъ, которыя низвергаются одною струею на большую глубину, или у которыхъ обрушивающаяся масса водъ является болѣе величественный видъ; но нигдѣ не видано, какъ на водопадѣ Замбезе, чтобы рѣка цѣликомъ ниспадала въ узкую пропасть, дно которой остается сокрытымъ подъ кружающимися клубами паровъ, и откуда бурлящая масса

вырывается черезъ трещину, которую нельзя даже разглядѣть, развѣ только съ какого-нибудь опаснаго мыса: кажется, будто Замбезе вдругъ погрузилась въ бездну и исчезла въ преисподнихъ земли. Выше водопада, рѣка, шириною болѣе одного километра, тихо катитъ свои воды между лѣсистыми берегами; острова, покрытые богатою растительностью, состоящею изъ перевитыхъ лѣанами пальмъ и густолиственныхъ деревьевъ, разсыяны по рѣкѣ, и одинъ изъ нихъ есть тотъ прославленный *Garden-island* Ливингстона, садъ котораго уже давно разорили бегемоты. Но вотъ расположившійся поперекъ рѣки рядъ скалъ и острововъ вызываетъ рябь на гладкой поверхности водъ; рѣка вдругъ наклоняется и нѣсколькими струями низвергается съ общей высоты около 120 метровъ¹⁾; темно-бурая стѣна, возвышающаяся по другую сторону разсыяны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отстоитъ не далѣе 35 метровъ отъ лицевой стороны каскада. Лѣсъ изъ пышныхъ деревьевъ, покрывающій утесъ въ разстояніи швырка камнемъ отъ водопада, постоянно купается въ парахъ; вода струится съ листьевъ и снова падаетъ съ утеса, но, будучи остановлена на половинѣ высоты своего паденія токомъ воздуха, который поднимается вверхъ изъ ущелья, дробится на мельчайшія частицы и превращается въ пыль, уносящуюся кверху въ видѣ пара. Не находя себѣ мѣста въ той скалистой расщелинѣ, въ которую низвергается огромный столбъ воды, жидкіе снопы ударяются о противоположныя стѣны и превращаются въ пѣнистыя массы; пары воды взлетаютъ кверху и кружатся надъ каскадомъ метровъ на 350 отъ земли: такимъ образомъ, смотря по измѣненіямъ, производимымъ временами года въ напорѣ воды въ рѣкѣ, то пять, то десять или даже болѣе столбовъ водяныхъ паровъ поднимаются изъ ущелья, клубясь къ голубому небу въ видѣ правильныхъ спиралей или же несаясь по вѣтру въ ту или другую сторону. По словамъ Голуба, эти столбы различны порою уже съ разстоянія 80 километровъ. Издалека извѣщаетъ о водопадѣ также и непрерывный громъ. Ливингстонъ — первый изъ европейцевъ описавшій этотъ величественный водопадъ, который, впрочемъ, до него созерцали также и другіе путешественники — называлъ его водопадомъ Викторіи (*Victoria-falls*), и рассказываетъ, что живущіе по сосѣдству съ нимъ туземныя племена не осмѣливаются къ нему приближаться; грохотъ сталкивающихся тамъ другъ съ другомъ водъ страшитъ ихъ, и въ этомъ рокотѣ имъ чудится божій голосъ.

Узкій каналъ, черезъ который изливается вся масса низринувшейся воды, имѣетъ, при своемъ началѣ, въ ширину не болѣе 30 метровъ, т. е. около $\frac{1}{36}$ ширины рѣки кверху

¹⁾ „Дымящій котелъ“, по Ливингстону; „Большая вода“ (2) по Serra Pinto.

¹⁾ Ed. Mohr, „Petermann's Mittheilungen“, 1871, Heft V.

отъ водопада; затѣмъ, то расширяясь, то суживаясь до первоначальныхъ размѣровъ, каналъ дѣлаетъ быстрые повороты въ клюзѣ между мелафировыми утесами, направляясь сначала на западъ, а затѣмъ на востокъ, и повторяетъ повороты вплоть до выхода изъ дефиля и до постепеннаго возвращенія рѣки къ своей нормальной ширинѣ. Глубокіе овраги изрѣзываютъ стѣны ущелья, а деревья произрастаютъ во всѣхъ его извилинахъ; террасы же походятъ на висячіе сады: отсюда названіе «Семирамидинъ утесъ», данное Голубомъ восточному мысу, господствующему надъ входомъ въ клюзу. Въ геологически недавнюю эпоху, т. е. ранѣе, чѣмъ Замбезе, проломавъ преграду, задерживавшую озерныя воды, открыла для себя это ущелье, она текла на болѣе высокомъ уровнѣ въ боковой долині; сѣверный ея притокъ, *Леконга*, течетъ тамъ и теперь, катя свои воды въ направленіи, противоположномъ прежнему потоку ¹⁾).

Книзу отъ «Гремящаго Дыма», Замбезе продолжаетъ течь въ восточномъ направленіи, затѣмъ поворачиваетъ на сѣверо-востокъ, а въ послѣдствіи направляется снова на востокъ. Теченіе ея все еще не успокоилось: оно образуетъ пороги Кансало и проходитъ ущельемъ, называемымъ Хариба, затѣмъ принимаетъ въ себя большой притокъ Кафукуэ или Кафуэ, приходящій прямо съ запада и, какъ говорятъ, имѣющій только одинъ каскадъ, «на разстояніи дня ходьбы отъ главной рѣки». Кверху же отъ этого каскада, Кафакуэ не представляетъ препятствія для судоходства вплоть до соедѣнства съ водораздѣломъ между Замбезе и Конго ²⁾; на долину Кафакуэ уже заранѣе указываютъ какъ на лучшее направленіе будущей желѣзной дороги между атлантическимъ и индійскимъ берегами Африки. Еще ниже по теченію, могучая Лоа-Нга приноситъ Замбезе воды съ водораздѣла между озерами Ньясса и Танганьика, и главная рѣка имѣетъ уже почти всю массу своихъ водъ, когда ударяется о подножіе горъ, направляющихся съ сѣвера на югъ, т. е. поперекъ ея теченію. Водопады Чикаронго, затѣмъ пороги Кебрабаса отмѣчаютъ то мѣсто, откуда Замбезе поворачиваетъ на юго-востокъ, не мѣняя уже этого направленія до самой дельты, если не считать небольшихъ излучинъ. Въ этой части своего теченія, которою начинается низовье рѣки, вода въ Замбезе, смѣшиваясь съ прибрежною грязью и обломками растеній, теряетъ свою прозрачность: она мутная и красновато-коричневая, тогда какъ кверху отъ быстрины и каскадовъ сохраняла относительную прозрачность, даже во время разлива; зависитъ это отъ того, что какъ берега рѣки, такъ и прирѣчныя земли

покрыты густою травой, чрезъ которую потокъ фильтруется, оставляя въ ней всѣ свои наносы; скрѣпляемый корнями растеній, берегъ не осыпается, и воды рѣки остаются чистыми ³⁾.

Ущелье, въ которое проникаетъ Замбезе для прохода чрезъ горы, составляющія сѣверное продолженіе массива Маники, прославилось въ исторіи африканской географіи: преданіе описывало его какъ проходъ между чрезвычайно высокими мраморными стѣнами, покрытыми на вершинѣ снѣгомъ. Самое имя «Луната», т. е. «клюза или дефиля» ²⁾, истокъ вывалось въ смыслѣ «Хребта Мира (*Serpa Mundi*)», такъ какъ въ этихъ горахъ видѣли остовъ материка. Между тѣмъ господствующія надъ этой тѣсниной скалы ниже многихъ утесовъ въ клюзахъ Европы и въ сапонахъ Америки: западная стѣна, самая высокая, вертикально поднимается на высоту двухсотъ метровъ, обнаруживая пласты кремнистаго сланца, расположившіеся во всевозможныхъ направленіяхъ; восточный же склонъ, весьма отлогій и покрытый лѣсами, постепенно повышается по направленію къ горамъ, обрисовывающимся на востокѣ. Рѣка, шириною отъ двухсотъ до трехсотъ метровъ въ ущельѣ и всего около сорока метровъ въ самой узкой части тѣсны ³⁾, повсюду имѣетъ глубину въ 20 метровъ и свободна отъ рифовъ: пароходы, слѣдовательно, могли бы подниматься здѣсь легко. При выходѣ рѣки изъ ущелья Луната, имѣющаго болѣе семнадцати километровъ въ длину, двѣ коническія порфировыя горы образуютъ родъ портала; затѣмъ потокъ широко разливается между своими берегами, и намынные острова слѣдуютъ одинъ за другимъ посреди водъ. Ниже рѣка раздвояется, и сѣверный рукавъ, *Зіу-Зіу*, чрезъ низкія земли и болота, соединяется съ р. *Ширэ*. Гребныя суда обыкновенно избираютъ этотъ путь, не только для того, чтобы достигнуть верхняго теченія *Ширэ*, но также и для прохода къ низовьямъ Замбези. Большой треугольный островъ *Нинга-Нгома* (*Инья-Нгома*) раздѣляетъ двѣ рѣки, но и самъ онъ разрѣзанъ на множество второстепенныхъ острововъ потоками и ложными рѣчками, въ тростникахъ которыхъ суда часто сбиваются съ пути; эти различные потоки извѣстны подъ названіемъ *rios de Senha*, по имени ближайшаго города. Замбези въ этой области обыкновенно называютъ *Куамой* (*Suama*).

Тогда какъ озера въ верховьяхъ Замбези перестали существовать, обратившись въ болота и солончаки, р. *Ширэ* получаетъ еще воды изъ обширнаго озера, принадлежащаго къ системѣ внутреннихъ морей Восточной Афри-

¹⁾ Livingstone;—Baines;—Holub.

²⁾ B. Capello e R. Ivens;—Serpa Pinto.

³⁾ Livingstone, *ynom. con.*

²⁾ Gamito, „O Munda Cazembe“.

³⁾ Affonso Moraes Sarmento, „Boletim da Sociedade de Moçambique“, 1881, 5.

ки: озеро это—Ньясса (Ньянжа) т. е. просто «озеро», такъ какъ ему не дали особеннаго наименованія ни туземцы, ни посѣщавшіе его европейцы, назвавшіе Викторіей озеро Ньянжа, откуда выходитъ Нилъ. Прежде, когда озеро Ньясса было извѣстно только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя доставлялись объ Африкѣ португальскими миссіонерами и офицерами, его называли Марави, какъ и жителей, населяющихъ его берега, и извѣстно, какія различныя формы придавали этому Maravi или Nhapia Мисиго на картахъ Африки, распространяя его почти на всѣ тѣ области, которыя еще оставались неизвѣстными внутри материка ¹⁾. Только въ 1859 году, благодаря Ливингстону, о. Ньясса было присоединено къ научно-исслѣдованной поверхности земли. Съ того времени оно было пройдено во всѣхъ направленіяхъ другими путешественниками, и бѣлый человѣкъ уже поселился на его берегахъ.

Между Танганьикою и Ньяссою много сходства. Оба бассейна по длинѣ расположены почти въ одномъ и томъ же направленіи, только ось Ньяссы ближе къ меридіану; и то, и другое озеро, повидимому, наполняютъ дно разрывовъ почвы, произведенныхъ однимъ и тѣмъ же напоромъ подземныхъ силъ; но разсѣлина Ньяссы занимаетъ болѣе низкую часть континента, такъ какъ уровень воды въ ней находится лишь на высотѣ 480 метровъ. Ньясса, какъ и Танганьика, представляетъ видъ широкой долины, извилины которой соответствуютъ на той и на другой сторонѣ; однако, оно представляетъ и нѣсколько суженій; въ двухъ мѣстахъ, гдѣ его берега сближаются болѣе всего, оно имѣетъ ширину только въ 24 километра, между тѣмъ какъ въ другихъ своихъ частяхъ оно почти вчетверо шире; общая его длина, не считая извилинъ по срединной линіи, болѣе пяти градусовъ, т. е. приблизительно болѣе 600 километровъ, а, по самымъ новѣйшимъ картамъ, вся поверхность озера равняется приблизительно тридцати тысячамъ квадратныхъ километровъ. Мѣсто Ньяссы въ ряду какъ другихъ большихъ африканскихъ озеръ, такъ и самыхъ обширныхъ озеръ другихъ континентовъ, видно изъ нижеслѣдующаго сопоставленія величинъ ихъ поверхностей.

Ньянца-Керевэ — 66.500 кв. килом.; Танганьика — 39.000; Ньясса — 30.000; Верхнее Озеро (С. Амер.) — 83.000; Байкаль (Азія) — 34.925; Ладожское (Европа) — 18.130 кв. кил.

Что касается глубины озера, то она значительна: въ 300 метрахъ отъ берега, Уонг доставалъ дно лишь на 128 метрахъ отъ поверхности; въ другихъ мѣстахъ веревка развѣртывалась до 179 метровъ у самаго берега; почти повсюду въ нѣкоторомъ разстояніи отъ

береговъ, лишь въ сто брассовъ (въ брассѣ — пять французскихъ футовъ) не доходило до дна. Около сѣверо-восточной оконечности озера, надъ его водами господствуютъ горы, образуя кручи, стѣны которыхъ отвѣсно спускаются въ пучину воды; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ каскады, блистающіе на бокахъ утесовъ, словно серебряныя пластинки, примѣливаются свою пѣну къ пѣнѣ волнъ. Мели рѣдки; за исключеніемъ нѣкоторыхъ водныхъ пространствъ на западѣ озера, можно плыть цѣлыми днями по сосѣдству съ берегомъ, не видя ни пляжей, ни тростниковыхъ зарослей; но нѣкоторыя бухты устѣяны островками, которые посѣщаютъ бегемоты, переплывая проливы. Вода въ Ньяссѣ совершенно чистая: обшивка судовъ, доставленныхъ на озеро англійскими миссіонерами, не загрязняется по нѣскольку лѣтъ, а въ пароходныхъ котлахъ не находятъ почти никакого осадка.

Бури, разражающіяся надъ Ньяссой, поднимаютъ такіе громадныя волны, что моряки сравниваютъ ихъ съ волнами въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ и около Игольнаго мыса ¹⁾; и хотя побережье озера и обладаетъ многочисленными бухтами и хорошими стоянками, въ особенности около острововъ, тѣмъ не менѣе плававшіе по озеру европейцы много разъ подвергались большой опасности; съ болѣею же безопасностью плавать стало возможно лишь послѣ того, какъ на сѣверной оконечности озера былъ найденъ легко доступный каналъ-протокъ, р. Ромбахъ. Достаточно 48 часовъ, чтобы подъ парами пройти отъ одного конца озера до другаго, между тѣмъ первые путешественники тратили на этотъ же самый переходъ отъ десяти до пятнадцати дней. Туземцы не отваживаются пускаться вдаль отъ береговъ; они пользуются лодками изъ цѣльнаго дерева, изготовленными при помощи огня и съ краями, загнбающимися наружу, направо и налево, вслѣдствіе чего лодка и приобретаетъ устойчивость. Порою случается, что надъ озеромъ разстилается тонкій серебристый туманъ, скрывающій изъ виду горы и затѣняющій блескъ солнца: туманъ этотъ, или *koungou*, образуется изъ мошекъ съ бѣлыми крыльями; падая на палубу судовъ, онѣ покрываютъ ее на подобіе хлопьевъ снѣга. Прибрежные туземцы собираютъ этихъ мошекъ въ корзину и готовятъ изъ нихъ пироги.

Будучи расположено, какъ и Танганьика, въ разсѣлинѣ земли, Ньясса окружено горами почти на всей своей окружности, и горы эти не просто внѣшніе откосы плоскогорья: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ образуютъ настоящія цѣпи; сѣверо-восточный берегъ озера окаймляютъ даже альпы, вздымающія свои вершины на высоту болѣе двухъ тысячъ ме-

¹⁾ Gamito, "O Muata Cazembe";—Jose de Lacerda, "Reply to Dr. Livingstone's accusations and misrepresentations".

¹⁾ Young, "Nyassa. A Journal of Adventures".

тровъ; по словамъ же нѣкоторыхъ путешественниковъ, эти горы, названныя, въ честь открывшаго Ньяссу великаго путешественника, горами Ливингстона, превосходятъ даже три тысячи метровъ. Наблюдаемая съ озера, онѣ оканчиваются на сѣверѣ величественной пирамидою, тогда какъ къ югу онѣ продолжаютъ параллельно оси озера, въ видѣ сравнительно невысокихъ горъ и холмовъ, прерываемыхъ многочисленными проходами, чрезъ которые и проникаютъ изъ озернаго бассейна въ долины притоковъ Ро-Вумы. На восточномъ берегу, горная цѣпь представляетъ мѣстами лишь незначительный рельефъ и быстро теряется въ отлого-спускающемся плоскогоріи⁴⁾. Въ области истоковъ р. Ро-Вума, господствующею горою является Мтонія, возвышающаяся надъ южнымъ берегомъ озера болѣе чѣмъ на полторы тысячи метровъ.

На западномъ берегу Ньяссы нѣтъ такихъ горъ, которыя можно было бы сравнить съ цѣпью Ливингстона, и даже нѣкоторыя изъ нихъ едва возвышаются надъ плоскогоріями; но нѣкоторые уединенные массивы имѣютъ внушительный видъ; таковъ массивъ Чомбе, которому англійскіе миссіонеры дали имя *Waller*, и который господствуетъ на западѣ надъ одною изъ наиболѣе узкихъ частей озера, вблизи бухты Флоренсъ; это—пирамида, состоящая изъ сѣрыхъ и черноватыхъ пластовъ песчаника и поднимающаяся на 1.664 метра. Другія, меньшей высоты, горы тянутся вдоль берега, между озеромъ и плоскогоріемъ, и соединяются съ горами Моломо, которыя выступаютъ, въ видѣ мыса, между рѣками Замбези и Ширэ. По сосѣдству съ горой Валлеръ въ долинахъ найдены пригодныя для разработки залежи каменнаго угля.

Окруженное возвышенностями, озеро Ньяса не получаетъ большихъ притоковъ. На сѣверной его оконечности, на оси озернаго бассейна, тамъ, гдѣ изслѣдователь Young предполагалъ присутствіе большого выходнаго потока, существуютъ лишь незначительные ручейки, спускающіеся съ водораздѣльныхъ горъ между озерами Ньясса и Танганьика. Самыя обильныя рѣки нисходятъ съ западнаго склона, т. е. того, который представляетъ самый невысокій рельефъ. На восточномъ склонѣ озера, водораздѣльная линія между Индійскимъ океаномъ и Ньяссою идетъ на разстояніи нѣсколькихъ километровъ вдоль берега и порождаетъ лишь незначительные потоки, низвергающіеся въ видѣ небольшихъ каскадовъ. Имѣя, сравнительно съ своимъ пространствомъ, лишь весьма узкій пріемный бассейнъ, озеро Ньяса представляетъ въ своемъ уровнѣ незначительныя годичныя колебанія, именно менѣе

одного метра; по сообщенію миссіонеровъ, въ немъ наблюдалось, съ 1875 по 1880 годъ, пониженіе водъ. На своей южной оконечности, Ньясса оканчивается, какъ и Танганьика, только болѣе явственно, въ видѣ «лошадиного копыта», и образуетъ двѣ бухты, постепенно суживающіяся.

Изъ болѣе длинной бухты, именно восточной, выливается выходной потокъ, рѣка Ширэ, вначалѣ широкая и текущая медленно; вскорѣ, однако, она образуетъ небольшое озеро, Памаломба, берега котораго повсюду скрыты въ тростникахъ; затѣмъ Ширэ направляется къ югу и достигаетъ края террасы, съ которой и низвергается, направляясь къ Замбези и образуя цѣлый рядъ каскадовъ, называемыхъ водопадами Мурчинсона: здѣсь пріостанавливается уже всякое судоходство, какъ на гребныхъ судахъ, такъ и на пароходахъ. Книзу отъ водопадовъ судоходство опять возобновляется, и затѣмъ, вплоть до баровъ, заграждающихъ устья Замбези, препятствіями для него являются лишь скопленія водяныхъ растений (нимфейныхъ и тростниковыхъ, *pisda stratiotes*, *alfasinha* или *laitue* португальцевъ), чрезъ которыя часто бываетъ трудно пройти на веслахъ, въ особенности въ маѣ и въ іюнѣ, во время самаго сильнаго ихъ произрастанія. Къ югу отъ впаденія въ Ширэ рѣчки Руо или Луо—которая бѣжитъ съ горъ, называемыхъ *Blantyre*, и по которой гребныя суда поднимаются на 80 километровъ—находится почти уединенная и покрытая лѣсомъ гора, воздвигающая среди болотъ свою громаду, достигающую 1.220 метровъ высоты: это—Морамбаза, т. е. «гора-часовой», имѣющая въ окружности сто километровъ и служащая пристанищемъ для лодочниковъ съ низовьевъ Замбези. По рассказамъ, изъ ея подошвы бьютъ ключи теплыхъ цѣлебныхъ водъ.

Соединенный потокъ двухъ рѣкъ,—Замбези и Ширэ,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣетъ отъ берега до берега не менѣе 13 километровъ¹⁾ и книзу отъ мѣста сліянія течетъ на юго-востокъ, затѣмъ спускается на югъ, еще разъ поворачиваетъ на юго-востокъ, прежде чѣмъ раздѣлится на вѣтви для образованія такъ называемой «гусиной лапки» дельты. Устьевъ у Замбези много, на югѣ—Меламба, на сѣверѣ—Инхамиссенго или Конгови, Лу-Эбо восточный, Катарина или Музелло, Инхаміара и другія. Луассэ же или Западное Лу-Эбо—каналъ-протокъ, открывающійся на югѣ дельты—принадлежитъ къ Замбези только въ время высокихъ водъ. Наибольшая масса воды проходитъ чрезъ рукавъ восточный Лу-Эбо, истинный Замбези или Куама; баръ Инхамиссенго,—гдѣ бываетъ, соотвѣтственно вре-

⁴⁾ J. Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“. Май, 1881.

¹⁾ Griesbach, „Jahrbuch der Geologischen Reichsanstalt“, 1870.

менамъ года, а также приливамъ, отъ 3 до 7 метровъ воды,—избирается судами чаще всего¹⁾. Впрочемъ, входы въ Замбези часто мѣняются во время бурь, и по обѣ стороны дель-

тившіеся въ извилистые ручьи, которые или совсѣмъ отдѣлены отъ Замбези или же соединяются съ нею только во время большихъ разливовъ. Морскія суда легко могутъ поднимать-

Л и н д и.

ты видны прежніе протоки, бывшіе нѣкогда устьями блуждающей рѣки, а нынѣ превра-

ся по Замбези вплоть до подошвы Морамбалы, при чемъ они встрѣчаютъ себя помощь со стороны восточнаго вѣтра, обыкновенно дующаго въ этихъ водныхъ пространствахъ. Геологическія данныя свидѣтельствуютъ, что

¹⁾ Augusto de Castilho, „Relatorio á cerca das Boas do Zambeze“.

прежде дельта была значительно обширнѣе, чѣмъ она оказывается въ наши дни. Можно сказать, что она начинается почти тотчасъ книзу отъ впаденія р. Ширэ. Ряды лужъ и ложныхъ рѣчекъ—остатокъ древняго потока—наполняющіяся водою во время разливовъ, отдаляются мало-по-малу отъ Замбези въ направленіи къ востоку и идутъ на соединеніе съ медленно текущимъ потокомъ, rio Muto, который прежде сообщался съ лиманомъ Квелимане (Quelimane), но который наносы и водяныя растенія совершенно заградили ¹⁾. Лодочникамъ пришлось искать другого выходнаго пути и спуститься ниже по Замбези до того волока, который приводитъ къ Барабуандѣ, чаще называемой Куа-Куа, или «рѣчкою барщины», такъ какъ туземцы были обязаны ее углублять. Этотъ каналъ направляется къ Квелимане и, пройдя 120 километровъ, изливается въ предѣлахъ порта того же имени: парходы съ водоизмѣщеніемъ въ два метра могутъ плавать по этой рѣчкѣ болѣе, чѣмъ на протяженіи половины ея длины кверху отъ порта. Во время половодія въ Замбези, ея рѣчныя воды, выйдя изъ своихъ береговъ, соединяютъ главный потокъ съ рѣчкою Квелимане при посредствѣ сѣти болотистыхъ низинъ. Кромѣ того, Замбези недавно перемѣстила свое ложе на двѣнадцать километровъ къ сѣверу и приблизилась, такимъ образомъ, къ своему періодическому истоку; прежній же протокъ ея, превратившійся теперь въ кольцеобразное озеро, виденъ еще и понынѣ. Размывающая работа продолжается въ направленіи къ сѣверу, вслѣдствіе чего «Компанія африканскихъ озеръ» была вынуждена покинуть свое зданіе, которое недавно находилось въ 800 метрахъ отъ берега, и поселиться на одинъ километръ далѣе. Если Замбези будетъ постоянно отклоняться въ томъ же направленіи, то она и Куа-Куа сольются, и первоначальная дельта будетъ восстановлена на всемъ своемъ пространствѣ. Впрочемъ, легко было бы установить постоянное сообщеніе между Замбези и Квелимане при посредствѣ канала, прорытаго чрезъ низменные земли. На югѣ, Замбези сообщается во время половодія также со многими рѣчками Газскаго края посредствомъ одной лагуны своего нижняго притока Zangue и цѣпи каналовъ-протоковъ, продолжающихся вплоть до rio Rungue, впадающей въ океанъ на берегу Софалы ²⁾.

Въ бассейнѣ, столь обширномъ, какъ бассейнъ двухъ рѣкъ Ку-Банго и Замбези, климатъ, конечно, представляетъ большіе контрасты, соотвѣтственно удаленію отъ моря, положенію мѣста и его возвышенію надъ уров-

немъ океана. Въ области истоковъ данныхъ рѣкъ,—составляющей часть того плоскогорья, на которомъ зарождаются также рѣки Куанса и Кассаи,—климатъ тотъ же, какъ и въ Верхней Анголѣ: приносимые западными вѣтрами дожди обильны, но крайнія температуры холода и тепла порою быстро сменяютъ другъ друга. Равнымъ образомъ, стужи чередуются съ сильными жарами также и на пространствахъ того однообразнаго плоскогорья, по которому протекаетъ Низовая Ку-Банго, но по причинѣ сухости воздуха дожди выпадаютъ тамъ рѣдко; эти страны составляютъ продолженіе Большаго Кару и Калахари; климатическія явленія въ нихъ тѣ же самыя. Восточнѣе, область средней Замбези продолжаетъ собою Трансвальскій край, а полоса морскаго побережья, изобильно орошенная и подверженная правильному дѣйствію пассатовъ и бризъ съ моря, принадлежитъ къ Тропической Африкѣ; ураганы, столь опустошительные въ открытомъ океанѣ, неизвѣстны на этомъ морскомъ берегу. Лучшее всего изслѣдована изъ всего бассейна область Ньяссы, такъ какъ тамъ европейскіе миссіонеры пребываютъ уже многіе годы. Такъ, въ Бандауэ, на западномъ берегу Ньяссы, подъ 11°4' южной широты:

Средняя температура въ полдень, въ самомъ жаркомъ мѣсяцѣ (ноябрь): 29,4°. Средняя температура въ полночь, въ самомъ холодномъ мѣсяцѣ (май): 15,6°. Крайняя т-ра тепла: 37,7°. Крайняя т-ра холода: 12,2°. Разность: 25,5° ¹⁾.

Дожди, начинаясь на берегахъ Ньяссы въ декабрь и продолжаясь вплоть до апрѣля или мая, довольно обильны: въ одинъ изъ сравнительно сухихъ годовъ, въ Бандауэ выпало дождевой воды 2 м. 18 сантиметровъ. По направленію къ югу, количество дождя постепенно уменьшается. Въ Тете же, на Замбези, оно достигаетъ всего лишь 85 сантиметровъ. Здѣсь, въ Тете (16°11' южн. ш.), средняя т-ра равняется 16,7°, при чемъ самая теплая, въ ноябрѣ: 28,7°, а самая холодная, въ июлѣ: 22,5° ²⁾.

Растительностью богата приморская полоса, которой различныя виды пальмовыхъ деревьевъ придаютъ наружность экваторіальныхъ лѣсовъ, и гдѣ встрѣчаютъ даже «дерево съ вогами», одинъ видъ смоковницы-баньяна; внутри же страны флора обильна только на тѣхъ мѣстахъ, которымъ благоприятствуютъ дожди или природное орошеніе: таковы, напр., вершины кручъ, постоянно увлажняемыя брызгами каскада Mosi-oa-Tounya. Въ общемъ, бассейнъ Замбези, находящійся цѣликомъ въ тропической полосѣ, обладаетъ флорой болѣе бѣдной, чѣмъ бассейнъ Конго, но состоящей изъ формъ,

¹⁾ J. C. Paiva de Andrada, «Relatorio de uma Viagem as terras do Changamira».

²⁾ J. C. Paiva de Andrada, «Relatorio de uma Viagem as terras dos Landins».

¹⁾ Stewart, «Proceedings of the R. Geographical Society», Маѣ. 1884.

²⁾ Hann, «Handbuch der Meteorologie».

самыхъ обыкновенныхъ въ этой ботанической области; однако, нѣкоторые изъ Капскихъ видовъ проникли въ эту область, перейдя на сѣверѣ тропикъ Козерога: однимъ изъ такихъ переселенцевъ, встрѣчаемыхъ на Верховой Замбези, оказывается серебристое дерево (*leucadendrom argenteum*); большое число растений, принадлежащихъ къ Капской флорѣ, также встрѣчаютъ и на прибрежныхъ горахъ около озера Ньяссы, которыя достигаютъ высоты отъ 1.500 до 2.000 метровъ ¹⁾. Южныя границы бассейна Замбези приблизительно совпадаютъ съ границами области произроста-нія баобаба.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ области Замбези фауна еще удивительно богата. Во время путешествія Ливингстона, когда вооруженный ружьемъ бѣлый еще не проникалъ въ страну, по прибрежнымъ саваннамъ бродило несмѣтное множество животныхъ, при чемъ эти животные спокойно наслись, доверчиво подпуская къ себѣ человека: слоны, буйволы и ка-баны еще не помышляли о бѣгствѣ; вѣтви деревьевъ гнулись отъ сотенъ садившихся на нихъ пестарокъ. По словамъ Голуба, естественнаго испытателя, тщательнѣе всего изслѣдовавшаго бассейнъ Замбези, въ этомъ краѣ, столь изобилующемъ дикими животными, было семь видовъ носорога, четыре вида льва и три вида слона ²⁾. Еще не такъ давно Capello и Ivens описывали прибрежныя мѣстности Лимы, какъ громадный «зоологическій садъ», въ которомъ охотнику стоитъ лишь выбрать любую дичину на обѣдъ каравану. Въ нѣкоторыхъ округахъ львы до такой степени многочисленны, что по ночамъ они осаждаютъ деревни; ревъ ихъ раздается непрерывно; но въ другихъ частяхъ рѣчнаго бассейна охотники уже совершили свое истребительное дѣло: львы смолкли; бегемоты, которые, бывало, шумно фыркали, и хриплое дыханіе которыхъ слышалось за километръ, научились задерживать свое дыханіе: они плаваютъ втихомолку или же, за-видя пирогъ, скрываются въ тростникъ. Послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія, нѣкоторыя млекопитающія уже исчезли изъ охотничьихъ краевъ. Бѣлый носорогъ, мирное и доверчивое животное, былъ искорененъ быстро; что же касается весьма свирѣпаго черного носорога, то эта порода еще сохраняется вдали отъ бойкихъ дорогъ. На сѣверной покатости Замбези не видно ни жирафовъ, ни страусовъ; этихъ двухъ животныхъ, повидимому, остановила рѣка, такъ какъ они многочисленны къ югу въ краѣ племени ма-шона и въ пустынѣ Калахари. По Освелю и Ливингстону, дикія животные Южной Африки постепенно мельчаютъ въ направленіи съ юга на сѣверъ. По

мѣрѣ приближенія къ экватору антилопы становятся все мельче и мельче. Также уменьшается и рослость слоновъ, между тѣмъ, какъ размѣры ихъ бивней увеличиваются. Наблюдаютъ также большую разницу въ ростѣ домашнихъ животныхъ обѣихъ областей: скотъ у бе-чуановъ гораздо крупнѣе и сильнѣе скота у племени ба-тока на р. Замбези. Впрочемъ, существуютъ исключенія изъ этого правила.

Вдоль нѣкоторыхъ изъ притоковъ Верхней Замбези и, вѣроятно, также въ Кафукуэ, живетъ одинъ любопытный видъ антилопы, широкая ступня котораго лучше приспособлена къ плаванію, чѣмъ къ бѣганію. Эти животные, называемыя жителями Виха *quichobos*, проводятъ почти всю свою жизнь въ водѣ, и часто ихъ видятъ плавающими, выставивъ изъ-подъ воды только два своихъ кривыхъ рога: ночью же они выходятъ понастись на берегъ. Если *quichobos* не встрѣчаются болѣе въ низовьяхъ Замбези, то это по причинѣ присутствія тамъ многочисленныхъ крокодиловъ, отличающихся рѣдкою свирѣпостью ³⁾. Другой видъ антилопы, почти земноводный, *nakong*, обитаетъ въ грязныхъ болотахъ, въ которыя изливается вода изъ Чобе: громадная стопа этого животного, не менѣе 30 сантиметровъ вплоть до оконечности копытъ, позволяетъ ему держаться, не проваливаясь, на трясинахъ. Оно пасется по ночамъ, а на день скрывается въ камыши; при погонѣ же, бросается въ воду и, плавая, выставляетъ только свои кривые рога и кончикъ морды. Туземцы поджигаютъ тростникъ для того, чтобы заставить наконга выйти изъ болота: рассказываютъ, что она даетъ сгорѣть своимъ рогамъ, прежде чѣмъ рѣшится выскочить изъ воды, чтобы продолжать свое бѣгство ⁴⁾.

За исключеніемъ верховьевъ Замбези, гдѣ животная жизнь сравнительно рѣдка, рыбы весьма многочисленны въ рѣкѣ и въ прибрежныхъ болотахъ. Небольшая рыбка, *mocheba*, населяющая воды среднего теченія Замбези, летаетъ на-подобіе океаническихъ долгоперовъ (*exoceti*). Послѣ прохода пирогъ, она бросается въ струю за кормомъ и, поддерживаемая своими грудными плавниками, можетъ оставаться на воздухѣ на протяженіи нѣсколькихъ метровъ. Орелъ-рыболовъ (*circus vocifer*) уничтожаетъ громадное количество рыбы, гораздо большее, чѣмъ можетъ съѣсть: обычно онъ довольствуется лишь частью спинки рыбы. Порою этотъ орелъ самъ даже и не ловитъ, а завидѣвъ пеликана, набившаго рыбой свой мѣшокъ, стремительно спускается къ нему и хлопаетъ крыльями: пеликанъ со страха поднимаетъ голову, широко раскрываетъ клювъ, а орелъ въ мгновеніе ока и выхватываетъ от-

¹⁾ Thomson, „Nature“, Октябрь, 21. 1880.

²⁾ Bulletin de la Société de Géographie, 1887, 1-er semestre.

³⁾ Serpa Pinto, „Comment j'ai traversé l'Afrique“.

⁴⁾ D. Livingstone, „Explorations dans l'Afrique australe“. Traduction de H. Loreau.

туда рыбу ¹⁾). Въ болотистыхъ областяхъ, водныя птицы живутъ столь же многочисленными стаями, какъ пингвины и чайки на нѣкоторыхъ островахъ океана: одинъ изъ этихъ рыболововъ, *parra africana*, обладаетъ столь широкими лапами, что можетъ пускаться по рѣкѣ на листѣ лотоса, нисколько его не колебля; такимъ образомъ, онъ ходитъ по водѣ, какъ по сушѣ. Крокодилы также населяютъ воды Замбези, и, никогда не нападая на человека во многихъ другихъ рѣкахъ, весьма опасны въ этой южно-африканской рѣкѣ: каждый годъ можно слышать рассказы въ прирѣчныхъ деревняхъ о захваченныхъ вблизи берега дѣтяхъ и женщинахъ, а также и объ умерщвленныхъ или изувѣченныхъ путешественникахъ. Говорятъ, будто на Низовой Замбези ежегодно пожирается крокодилами около 250 туземцевъ. У нѣкоторыхъ прибрежныхъ народцевъ раненый крокодилъ считается нечистымъ, и дабы чрезъ него не приключилось бѣды и всѣмъ остальнымъ, его изгоняютъ изъ племени.

II. Народцы, обитающіе по берегамъ Ку-Банги, Нгами и верхней Замбези, королевство Ба-Роце.

Водораздѣльная область, дающая начало верховымъ притокамъ Ку-Банги и Замбези, не представляя границы для животныхъ, не служитъ также рубежомъ и для населеній. Съ обѣихъ ея сторонъ находимъ племена одной и той же расы и одного и того же языка, спускающіяся съ той или другой покатости, смотря по превратностямъ общественной жизни. Нынѣ переселенческое движеніе совершается въ направленіи съ сѣвера на югъ. Племя кіюко, захватывающее на другомъ склонѣ земли лундовъ, вторгается также на югъ въ территорію племенъ гангуэлла, лушази и амбоэлла. Кіюкосовъ можно встрѣтить даже въ равнинахъ нижней Ку-Банги. Тогда какъ въ бассейнѣ Кассан торговля мало-по-малу увлекаетъ кіюко за ихъ прежніе предѣлы,—по другую сторону водораздѣла ихъ гонитъ къ югу постепенное уменьшеніе дичи въ мѣстахъ охоты ²⁾).

Высокія долины рѣкъ Ку-Банго и Ку-Ито заняты въ особенности племенемъ гангуэлла, родственнымъ Ангольскимъ гангуэлламъ: племя это подраздѣляется на множество народцевъ, лишенныхъ политической связи. Племя лушази, обитающее въ верховьяхъ Куа-Ндо, говоритъ также однимъ изъ нарѣчій гангуэлла-скаго языка; это земледѣльцы и ремесленники, весьма искусные въ изготовленіи желѣзныхъ

инструментовъ, корзины и тканей. Гораздо менѣе кокетливые насчетъ прически, чѣмъ ихъ сосѣди, лушази одѣваются въ звѣринныя шкуры и въ балахоны изъ древесной коры. Другая нація, родственная гангуэлламъ, разсѣяла свои колѣна на пространствѣ по крайней мѣрѣ пятисотъ километровъ съ запада на востокъ, по тѣмъ областямъ съ умѣреннымъ сѣздомъ, чрезъ которыя рѣки Ку-Банго, Ку-Ито и Куа-Ндо проходятъ до своего вступленія въ равнины: нація эта—амбоэлла. Эти пугливые туземцы избѣгаютъ открытой мѣстности; большая часть ихъ живутъ на островахъ по рѣкамъ или на болотистыхъ берегахъ; ихъ тростниковыя, хижинныя,—не содержащія никакой утвари, кромѣ тыквенныхъ бутылокъ, служащихъ для разнообразнаго употребленія,—всѣ построены на сваяхъ и защищены либо потокомъ, либо трясинами и топиями. Хотя большая часть ихъ территоріи занята великолѣпными прѣрѣями, и муха цеце тамъ не водится, у амбоэлловоу нѣтъ скота, нѣсколько птицъ—единственные ихъ домашніе животныя. Но они—отличные земледѣльцы: кукуруза, фасоль, сладкіе пататы, земляныя фисташки, тыквы, хлопчатникъ, клещевинное масло—таковы ихъ главныя произведенія, и, благодаря плодородію почвы, ихъ житницы всегда полны. Весьма привѣтливые и гостепріимные, они устраиваютъ празднества для посѣтившихъ ихъ чужеземцевъ, чествуютъ ихъ игрою на музыкальныхъ инструментахъ и простираютъ свою услужливость даже до уступки своихъ женъ захватившимъ къ нимъ гостямъ ³⁾).

Переселенческому движенію, увлекающему въ бассейнъ Замбези многочисленныя сѣверныя племена, соответствуетъ движеніе въ противоположномъ направленіи бушменовъ и готтентотскихъ племенъ въ область Ку-Банго, къ гангуэлламъ и амбоэлламъ. Главный народецъ—му-кассекеръ, боязливые люди, живущіе въ лѣсахъ и всегда готовые убѣжать: не имѣя даже хижинъ, они бивуакируютъ у подножій деревьевъ; питаются же ягодами, корнями и тѣми животными, которыя проходятъ на разстояніи, до котораго можетъ достигнуть ихъ стрѣла; порою они ведутъ кое-какую мѣшную торговлю съ амбоэллами, мѣняя слоновыя бивны и воскъ на маниокъ и другіе жизненные припасы. Въ нѣкоторыхъ округахъ они обращены въ рабство; въ другихъ мѣстахъ ихъ преслѣдуютъ, какъ дикаго звѣря, и обвиняютъ во всѣхъ преступленіяхъ, совершаемыхъ противъ нихъ самихъ. Южнѣе, по равнинамъ, сливающимся съ Калахари, бродятъ другія племена бушменовъ, питающіяся корнями и дичью; любимую же ихъ їду составляютъ крупныя лягушки и ящерицы; они даже заставляютъ удава

¹⁾ D. Livingstone, упом. соч.

²⁾ Serpa Pinto, упом. соч.

³⁾ Serpa Pinto, упом. соч.

изрыгнуть перевариваемую имъ антилопу и съѣдаютъ эту добычу вмѣсто него ¹⁾).

На низовьяхъ Ку-Банги и въ равнинѣ «Тысячи озеръ» обитаютъ многочисленныя племена: дарико, ба-вико, мукоссо и ра-нажоа. Они, вмѣсто хижины, устраиваютъ рѣшетчатые каморки на высокихъ кольяхъ, между которыми разводять огонь для того, чтобы отогнать москитовъ. Это—бечуаны, какъ и ихъ западные сосѣди, ба-тоана, которые около начала текущаго столѣтія отдѣлились отъ своихъ соплеменниковъ ба-мангуато и отправились кочевать на берега озера Нгами. Хотя довольно малочисленные, они, тѣмъ не менѣе, стали обладателями края; но, основавшись, прежде всего, на восточномъ берегу озера, они должны были перенести свою главную резиденцію на нижнее теченіе Ку-Банги, среди болотъ, чтобы избѣгнуть нападений племени ма-табелъ ²⁾. Первоначальное населеніе края, говорящее языкомъ банту, называется ба-куба, т. е. «рабы»; но сами себя они называютъ ба-се, т. е. «люди». По Шарпану, число ихъ достигаетъ двухсотъ тысячъ. Это люди мирные, честные и работающіе, занимающіеся охотою, рыбною ловлею и добычаніемъ соли; привыкшіе бродить по водамъ, они не любятъ удалаться отъ своихъ болотъ и укрываютъ свои поселенія среди тростника. Будучи весьма суевѣрными, они зываютъ, подобно людямъ изъ племени дама-ра, къ «деревьямъ-матерямъ» ³⁾. У нихъ, какъ и у большинства сосѣднихъ племенъ, чужестранецъ долженъ избрать себѣ друга, который отвѣчаетъ за него передъ другими жителями, и который, въ обмѣнъ на его товары, даетъ ему пищу, быка и женщину ⁴⁾.

Къ востоку отъ края племени амбоалла, вся Лобала, т. е. мѣстность, попеременно бывающая равниной и болотомъ, а также и верхній бассейнъ Замбези, населены племенемъ ба-лунда, братьями ка-лунда конгскаго бассейна и официально признающими сюзеренитетъ муато Ямво, хотя ихъ начальники въ дѣйствительности независимы. Нравы приблизительно одни и тѣ же по обѣимъ сторонамъ водораздѣла между Замбези и Конго. Такъ, южные ба-лунда подпиливаютъ себѣ зубы и татуируютъ животъ, какъ и ба-лунда сѣверные. Равнымъ образомъ они почти голы и вымазываютъ себѣ тѣло клещевиннымъ масломъ или другими маслянистыми веществами растительнаго происхожденія, такъ какъ скота у нихъ нѣтъ, и только изрѣдка случается, что трупъ быка доставитъ драгоценный жиръ ихъ начальникамъ. Какъ и на берегахъ Кассан, главнымъ украшеніемъ у туземцевъ, проживающихъ по верхнему те-

ченію Замбези, служить латунная проволока, и вліятельныя лица, появляясь въ публикѣ, имѣютъ въ изобиліи этотъ металлъ на ногахъ; мода предписываетъ сильно наклоняться на ходу сначала на одинъ бокъ, а затѣмъ на другой, показывая этимъ, что поднять ногу можно лишь съ трудомъ. У ба-лунда этикетъ весьма строгъ. Встрѣтившій начальника или вообще высшее лицо спѣшитъ стать на колѣни и потираетъ себѣ пылью руки и грудь; передъ королями же, возсѣдающими на тронѣ, съ опухомомъ отъ мухъ, изготовленнымъ изъ хвостовъ гну,—припаданію къ стопамъ нѣтъ конца. Начинаютъ также входить въ употребленіе въ краѣ занесенныя купцами привѣтствія мусульманскія и христіанскія: такъ, ба-лунда, встрѣчаясь съ иностранцами, кланяются и произносятъ слова: ave-gia, происшедшія отъ сокращенія словъ Ave-Maria; другіе же при встрѣчѣ выражаютъ свое удивленіе восклицаніемъ «Аллахъ» ¹⁾.

Благодаря плодородію своихъ всегда хорошо орошенныхъ земель, ба-лунда имѣютъ жизненные припасы въ изобиліи и охотно снабжаютъ ими своихъ посѣтителей. Очень гостепріимные, они въ то же время мирны и добродушны. У нихъ не замѣтно ни слѣда людоедства, и они не зарѣзываютъ ни женъ, ни рабовъ для сопровожденія главарей на тотъ свѣтъ. Ба-лундскія женщины пользуются сравнительно большою свободою, жены старѣйшинъ участвуютъ въ совѣщаніяхъ объ общественныхъ дѣлахъ, и многія племена управляются королевами: когда королева умираетъ, то село, бывшее ея резиденціей, покидается, и туземцы строятъ себѣ хижины и разводять сады на другомъ мѣстѣ. Хотя невѣдомые географамъ, ба-лунда уже издавна торговали, чрезъ посредство бихеносовъ, съ португальцами на западномъ берегу Африки: воскъ, вывозимый изъ Лоанды и Бенгуэлы, въ большой части происходитъ изъ ба-лундскихъ лѣсовъ, гдѣ его собираютъ въ лубяныхъ ульяхъ, подвѣшенныхъ на деревьяхъ и защищенныхъ отъ хищности ма-родеровъ фетинами.

Различныя племена, населяющія долину Замбези въ собственномъ смыслѣ, книзу отъ слиянія ея съ рѣками Либа и Кабомпо, и строящія свои хижины на едва замѣтныхъ водораздѣлахъ, раздѣляющихъ долину, были соединены въ одно государство, извѣстное у народовъ Южной Африки подъ именами Ба-роце, Унгенге, Луи или Луина. Основатель этой имперіи, Себитуани, былъ ба-сутскій завоеватель, предводительствовавшій фалангой воиновъ, которая побѣдоносно прошла чрезъ всю область между рѣками Оранжевой и Замбези, забирая въ свое войско молодыхъ людей тѣхъ племенъ, которые побѣждались на этомъ три-

¹⁾ Chapman, "Travels into interior of South Africa".

²⁾ "Afrique explorée et civilisée", июль, 1887.

³⁾ Th. Baines, "Explorations in South-West Africa".

⁴⁾ C. Chapman, *упом. соч.*

¹⁾ D. Livingstone, *упом. соч.*

умфальномъ походѣ. Достигнувъ слиянія Замбези съ Чобе, Себитуани и его ма-кололо основались въ этой полуостровной области, защищенной обширными болотами, и превратили ее въ центръ своего королевства, имѣвшаго не менѣе трехсотъ тысячъ жителей ¹⁾. Здѣсь посѣтилъ ихъ Ливингстонъ, и столица королевства, Линьянти,—городъ съ 15 тысячнымъ населеніемъ, расположенный на сѣверномъ берегу Чобе,—сдѣлался центромъ его экскурсій въ область Замбези. Но слѣдовавшіе за Ливингстономъ миссіонеры были менѣе счастливы, и когда многіе изъ нихъ умерли, отчасти отъ вліянія климата, отчасти отъ яда, распространеннаго слухъ, что ма-кололамъ грозитъ бѣда. И дѣйствительно, катастрофа готовилась. Собственно такъ называемые луины, или ба-роце, нетерпѣливо переносили иноземное господство. Неожиданно напавъ на ма-кололо, они поперебили ихъ, и говорятъ, кромѣ женщинъ и дѣтей, были пощажены на всемъ полуостровѣ только двое мужчинъ. Устрашенные вѣстью о погромѣ, ма-кололо, жившіе къ югу отъ Чобе, бѣжали на западъ, гдѣ и попросили себѣ убѣжища у племени ба-тоана, поселившагося на берегахъ Нгами. Ба-тоаны приняли ихъ, повидимому, дружелюбно, но когда просители безъ оружія вступили въ ограду королевской резиденціи, ба-тоанскіе воины бросились и перебили ихъ. Такъ погибла нація ма-кололо. Женщинъ раздѣлили между побѣдителями, а дѣти были, подъ другими именами, воспитаны въ селеніяхъ и станахъ ба-ротцевъ ²⁾.

Несмотря на перемѣну властителей, королевство ма-кололовъ продолжало существовать, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Чобе. Ба-роце не осмѣливались переступить черезъ линію, защищенную болотами; но къ сѣверу отъ этой границы они смѣнили ма-кололовъ, въ качествѣ властителей, и вскорѣ затѣмъ присоединили всю страну племени ма-бунда (ма-мбунда), королева котораго была слишкомъ слаба, чтобы удержаться на тронѣ. Когда Голубъ посѣтилъ, въ 1875 году, королевство Ба-роце, то 18 большихъ племенъ, подраздѣленныхъ на 83 меньшихъ колѣна ³⁾, имѣли своихъ делегатовъ при особѣ государя и регентши, его сестры; кромѣ того, въ краѣ проживали и платили дань большое число бѣглецовъ изъ другихъ племенъ, каковы ма-тебелэ, ба-магуато и ма-калала. Отъ мѣста слиянія двухъ рѣкъ, Замбези и Чобе, до сѣверныхъ границъ королевства насчитывалось отъ 15 до 20 дней пути, а общая поверхность его превышала 250.000 квадратныхъ километровъ, на пространствѣ которыхъ, можетъ-

быть, проживало, до милліона людей. Каждое изъ племенъ этой громадной державы говоритъ на своемъ языкѣ, но при взаимныхъ сношеніяхъ, а также и въ официальной рѣчи, прибѣгаютъ къ языку ба-суто, т. е. языку истребленныхъ прежнихъ властителей страны. Такимъ образомъ, ма-кололо, хотя и исчезли, но наслѣдство ихъ осталось и, благодаря имъ, глоссологическая область се-суто пространственно удесят�ерилась. Правительственная іерархія въ королевствѣ Ба-роце представляется также, по крайней мѣрѣ отчасти, нѣчто завѣщанное ма-кололами; но нравы тамъ—самые кроваваыя: «люди въ этой странѣ не состариваются!» По *Sergo Pinto*, при королѣ состоитъ совѣтъ изъ трехъ министровъ: военнаго и двухъ по иностраннымъ дѣламъ, одного для запада—сносящагося съ Португаліей, и другаго для юга—сносящагося съ капскими англичанами и голландцами южно-африканскихъ республикъ. Регентша, сестра или мать государя, носитъ, какъ и король, титулъ «льва», выходитъ за-мужъ, за кого пожелаетъ, при чемъ ее мужъ получаетъ титулъ «зятя націи» ⁴⁾. Европейцы только терпимы въ странѣ и могутъ переправляться чрезъ Замбези лишь въ одномъ пунктѣ ⁵⁾; тѣмъ не менѣе, вліяніе ихъ значительно. Европейскій костюмъ носить уже большинство туземцевъ, и имъ замѣнено прежнее одѣяніе, состоящее изъ кожаныхъ юбокъ или балахоновъ.

Собственно такъ называемые ба-роце населяютъ берега Замбези между устьемъ Кабомпо и устьемъ Чобе: они искусные лодочники и обладаютъ, по сравненію съ нижними конечностями, сильно развитою грудью и плечами; но между ними сильно распространена проказа. Рѣка доставляетъ имъ пищу въ изобиліи, рыбу и бегемотовъ, мясо которыхъ они очень любятъ; особые охотники, поселенные вдоль рѣки и ея боковыхъ притоковъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, обязаны поставлять эту дичь къ столу государя ⁶⁾. Намывная почва береговъ оказывается самою плодородною во всей долинѣ и даетъ великолѣпные урожаи; стада скота пасутся въ пріоріяхъ, надъ которыми господствуютъ, на востокъ и на западъ, откосы плоскогорія. Общая ширина бассейна, населеннаго ба-роце, равняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятидесяти километрамъ, и въ этой области «голодъ неизвѣстенъ» ⁷⁾. Чтобы избѣгнуть ежегодныхъ наводненій, оплодотворяющихъ почву и превращающихъ ее во второй Египетъ, туземцы должны были выстроить свои деревни на пе-

¹⁾ Chapman, *уномъ соч.*

²⁾ Mackenzie, „Ten Years in South Africa“;—Holub, „Sieben Jahre in Süd-Afrika“.

³⁾ Въ другомъ мѣстѣ Голубъ перечисляетъ 104 колѣна, подчиненныхъ племени ба-роце.

⁴⁾ „Journal des Missions Evangeliques“, 1886.

⁵⁾ Emil Holub, „Deutsche Rundschau für Geographie und Statistik“, Октябрь. 1887.

⁶⁾ Holub, „Sieben Jahre in Afrika“.

⁷⁾ D. Livingstone, *уномъ соч.*

кусственных холмах, которые являются островами, разбланными по внутреннему морю, но время разливовъ. Ма-бунда, раздѣляющіе съ ба-роце господство въ королевствѣ, живутъ на высокихъ террасахъ, ограничивающихъ съ сѣвера прибрежныя равнины Замбези. Ба-роце—весьма религіозные люди: они взываютъ къ солнцу, поклоняются новой лунѣ, справляютъ тризну на могилахъ. Вѣра въ воскресеніе изъ мертвыхъ—всеобща: злые возродятся въ видѣ низшихъ животныхъ, а добрые появятся въ болѣе обогороженныхъ формахъ; но «никто снова не желаетъ стать человѣкомъ». Къ будущему переселенію душъ можно приготовиться и въ этой жизни, употребляя въ пищу мясо того животнаго, съ которымъ желаешь породниться, и подражая его походкѣ и голосу. Иногда случается слышать, какъ какой-нибудь мо-роце рычитъ по-львиному, подготавливаясь къ загробной жизни¹⁾.

Изъ другихъ народцевъ королевства, одни прямо порабожены, и состояніе ихъ не лучше невольничества; другіе же остаются независимыми въ своемъ внутреннемъ управленіи, но платятъ дань, либо хлѣбомъ, плодами, плетенками челноками или другими сработанными вещами, либо бивнями слоновъ, или лѣсными продуктами: медомъ, воскомъ и каучукомъ. Ма-супія—рабы, ловящіе рыбу и охотящіеся, для ба-роце въ области слиянія, между Чобе и Замбези. Южнѣе живутъ маденасана: это—нація смѣшаннаго происхожденія, походящая ростомъ и формою тѣла на бечуановъ, а чертами—на негровъ Центральной Африки. Они—тоже порабоженные охотники и земледѣльцы, также какъ и ма-нанза, услуги которыхъ оспариваютъ другъ у друга два сосѣднихъ народа, ма-тебелъ и ба-роце. Еще болѣе значительное покоренное племя ба-тока занимаетъ сѣверный берегъ рѣки, къ сѣверу отъ большого водопада. Всѣ ба-тока, и мужчины, и женщины, достигнувъ возмужалости, вырываютъ себѣ изъ верхней челюсти рѣзцы, и это вырываніе зубовъ, совершаемое втайнѣ, какъ обрѣзаніе у сосѣднихъ народцевъ, носить религіозный характеръ. Тѣмъ, кто спрашиваетъ ба-тока о происхожденіи этого обычая, они отвѣчаютъ, что цѣль ихъ—походить на быковъ. Восточные да-мара, еще не принявшіе христіанства, поступаютъ точно такимъ же образомъ и въ объясненіе обычая ссылаются на тотъ же поводъ²⁾. Зубы нижней челюсти, не встрѣчая для себя препятствія въ челюсти верхней, удлиняются и выпячиваютъ губу впередъ, что придаетъ туземцамъ некрасивое очертаніе лица, характеризующее стариковъ.

Къ сѣверу отъ племени ба-тока, въ бассейнѣ Кафукуэ живутъ ба-шукуюмпо (укулом-

буэ), нагіе люди, о которыхъ рассказываютъ, что они воздѣлываютъ землю мотыками изъ затвердѣвшаго дерева¹⁾. Они отличаются прическою отъ всѣхъ остальныхъ африканскихъ народцевъ, у которыхъ, однако, встрѣчаютъ удивительное разнообразіе въ манерѣ убирать свои волосы. Присоединяя къ своему руну, намазанному коровьимъ масломъ, волосы различныхъ животныхъ, они изъ всего этого заплетаютъ различной величины конусы, либо наклоненные впередъ, либо торчащіе вверхъ, вертикально. Ливингстонъ видѣлъ одного начальника, у котораго митра изъ волосъ, завершенная на верху палочкою, поднималась на цѣлый метръ отъ черепа. Изъ европейскихъ путешественниковъ въ край ба-шукуюмпо проникли только Silva Pinto и Holub. По счастью, Голубъ путешествовалъ вмѣстѣ съ своею женою, которую изумленные туземцы сочли за сверхъестественное существо: одно племя провозгласило ее королевою, и ея присутствіе не разъ спасало экспедицію отъ совершенной гибели. Къ востоку отъ края ба-шукуюмпо простирается Сѣверная Маника, королевство, отличное отъ Маники по ту сторону Замбези. Этотъ край, сопредѣльный съ краемъ Мсири, въ верхнемъ бассейнѣ Конго, управляется королемъ, который, подобно многимъ другимъ государямъ негритянскихъ странъ, «никогда не бѣтъ», т. е. ни одинъ подданный не допускается въ хижину короля во время его трапезы. Въ день же его похоронъ, многихъ изъ его жевъ зарѣзываютъ и погребаютъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ королевствѣ Ба-роце встрѣчаются первыя аггломерации жителей, представляющія какое-либо значеніе въ торговомъ или политическомъ отношеніи; однако, большая часть этихъ городовъ переимѣняется вмѣстѣ съ перемѣною царствованія: всякое общественное несчастіе приписывается гибельному вліянію почвы, и отысканіемъ болѣе благоприятной мѣстности стараются отвратить дѣйствіе злаго духа. Наводненія Замбези также разрушили много городовъ, размывая искусственныя насыпи, на которыхъ они построены: такъ именно прекратилось существованіе Набіала, прежней столицы Ба-роце; теперь это—незначительный поселокъ. Либонта, городъ, гдѣ имѣли пребываніе королевы, тоже развѣнчана, и проѣзжавшій по сосѣдству съ нею Серпа Пинто уже не упоминаетъ о ней. Въ 1878 году, когда этотъ путешественникъ проходилъ долину страны Ба-роце, королевская резиденція была въ Ліалуи, въ двадцати километрахъ къ востоку отъ Замбези, внѣ той низменной полосы, которую затопляютъ воды въ сезонъ дождей. Книзу отъ водопадовъ и стремнинъ Намбуэ, новый городъ Сешекэ (Киссека, Ши-

¹⁾ Jeanmairet, „Afrique explorée et civilisée“. Semp-tembre. 1886.

²⁾ Ch. Anderson;—Holub.

¹⁾ B. Capello et R. Ivens, уож. соч.

пшэа), наслѣдовававшій другому Сешэа, сгорѣвшему въ 1878 году, сталъ, въ свою очередь, столицей имперіи, или скорѣе мѣстомъ свиданія для начальниковъ и ихъ приближенныхъ, между тѣмъ какъ Линьяти, нѣкогда метрополія королевства Ма-кололо, потеряла свое значеніе, превратясь въ группу бѣдныхъ хижинъ, расположенныхъ на сѣверномъ берегу Чобе, посреди лабиринта болотъ. Въ 1853 году, когда Линьяти посѣтилъ Ливингстонъ, это былъ, къ сѣверу отъ Шошонга, самый большой внутренній рынокъ Южной Африки; нынѣ главнымъ городомъ на Чобе, но въ верхней части рѣки, является городъ, названный по имени его начальника Матамбьяна. Часть торговли Линьяти перешла къ деревнѣ Мпалера (Импалера, Мпарира, Эмбарира), расположенной на песчаномъ островѣ, при сліяніи Замбези и Чобе, къ верху отъ «Гремящаго Дыма»; невадалекъ оттуда, на тряской преріи, бьетъ обильный теплый источникъ, который бываетъ покрытъ водами разлива въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ году ¹⁾. Панда-ма-Тенка, рынокъ, находящійся въ двухъ дняхъ пути къ югу отъ водопада, въ слабо населенной области, представляетъ мѣсто, въ которомъ обыкновенно, на пути отъ Лимпопо къ Замбези, останавливаются южные англійскіе купцы, ма-мбари, португальцы смѣшанной расы и европейскіе миссіонеры. Тамъ іезуитами была основана миссія, которую они, однако, недавно должны были покинуть.

III. Страна племени ма-тебелэ и населеніе на среднемъ теченіи Замбези.

Съ ущельемъ «Гремящаго Дыма» сопредѣльны три державы. Именно, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, находится королевство Бароце; на югѣ, равнины, простирающіяся по направлению къ пруду Макарикари, принадлежатъ къ королевству Ба-мангуато; на юго-востокѣ, бассейны рѣкъ: Гуай, Саньяти, Раньяма и Мозоз, зарождающихся на кристаллическихъ горахъ Матоппо и спускающихся къ Замбези, сами эти горы и весь противоположный склонъ вплоть до Лимпопо — составляютъ королевство племени ма-тебелэ или ама-ндебели, т. е. «людей, которыхъ не видно»; прозваны же они такъ потому, что ихъ дѣйствительно почти не видно изъ-за ихъ громадныхъ щитовъ. Для снабженія себя солью, они путешествуютъ какъ повелители вплоть до береговъ Нгами.

Эти ма-тебелэ, несмотря на ихъ собирательное имя народа, до недавняго времени бы-

ло не что иное, какъ войско. Будучи простымъ отрядомъ зулусовъ, которые и сами были воинами изъ различныхъ племенъ, банда племени ма-тебелэ, предводимая грознымъ Муселекатси, пополнялась на своемъ пути резервами изъ молодыхъ людей всѣхъ порабощаемыхъ или истребляемыхъ расъ. Въ 1864 г., когда миссіонеръ Макензи посѣтилъ короля ма-тебелэ, почти всѣ пожилые мужчины, видѣнные имъ въ его арміи, были аба-занзи, т. е. кафры, уроженцы Натала и края зулусовъ; затѣмъ воины въ цвѣтѣ лѣтъ были изъ различныхъ колѣнъ бе-чуановъ, которыхъ Муселекатси покорилъ въ теченіе своего десятилѣтняго пребыванія на территоріи, нынѣ превратившейся въ Трансвааль; и, наконецъ, самые молодые солдаты были ма-калака и ма-шуана, уроженцы водораздѣльной области между Лимпопо и Замбези, которая и составляетъ нынѣ королевство Ма-тебелэ. Всѣ эти военные люди начали свою службу въ качествѣ плѣнныхъ: вначалѣ они только и дѣлали, что стерегли скотъ короля; затѣмъ, во время какого-нибудь похода, слѣдовали, для испытанія, за солдатами, неся ихъ оружіе и жизненные припасы; въ концѣ концовъ, привыкнувъ къ виду крови, становились, въ свою очередь, воинами и умерщвляли мужчинъ и женщинъ такимъ же образомъ, какъ были убиты ихъ собственные отцы и матери. Пока ихъ мечи не «испили крови», они считались чужеземцами и рабами, а даваемую имъ говядину предварительно натирали пескомъ: только послѣ перваго убійства ихъ начинали признавать за мужчинъ. Какъ и зулусамъ Чаки, имъ было воспрещено жениться: они не могли воспитывать дѣтей; великая военная семья пополнялась только плѣнными. Лишь насильственная смерть считалась почетною; больные сносились въ укромное мѣсто и отдавались подъ надзоръ врача, который либо снова приводилъ ихъ, по выздоровленіи, въ лагерь, либо бросалъ ихъ трупы въ кусты; старки побивались камнями. Выдрессированные на охотѣ за дачью-человѣкомъ, ма-тебелэ были весьма искусны въ своемъ ремеслѣ истребителей. Слѣдуя «великому закону» короля, они никогда не должны были отступать, вслѣдствіе чего цѣлыя полчища позволяли избивать себя непріятелю, превосходившему ихъ численностью; по приказанію властителя, воины съ однимъ дротикомъ въ рукахъ бросались на льва или буйвола и добывали его живымъ ¹⁾. Гордясь своими ранами и своими побѣдами, ма-тебелэ, однако, унижались передъ своимъ государемъ, котораго приветствовали криками: «Великій король! Побѣдатель людей!» По странному контрасту, этотъ царекъ, изъ титуловъ котораго самымъ славнымъ считался

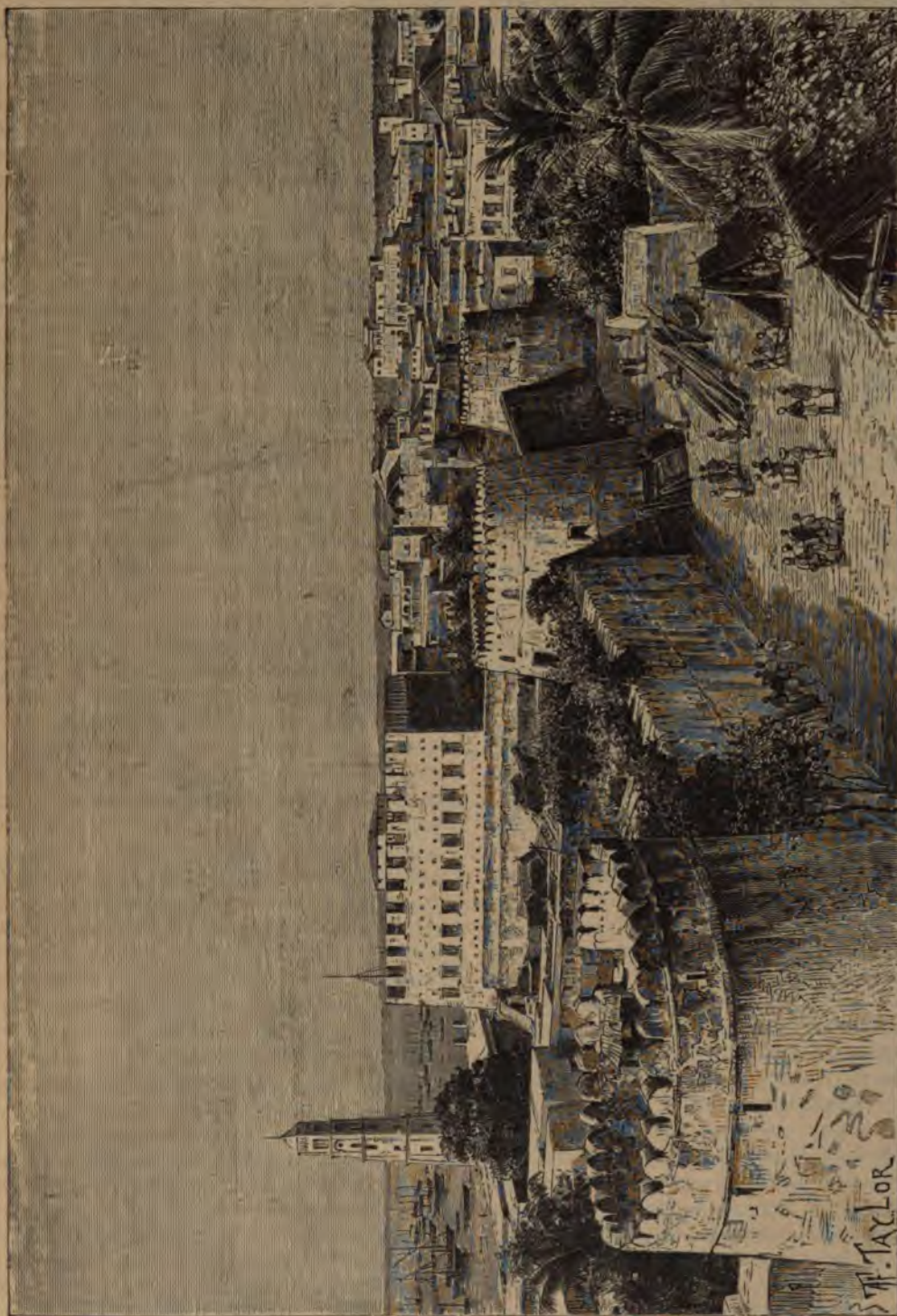
¹⁾ Bradshaw, "Proceedings of the R. Geographical Society". Амстердамъ, 1881.

¹⁾ G. Fritsch, "Drei Jahre in Süd-Afrika"

титულъ «людоѣда», оказывался весьма чувствительною особою: видѣть мученія ему было непріятно; въ присутствіи его, волопасы должны были воздерживаться отъ бичеванія своихъ

вѣтъ, какъ походами, часто возобновляемыми: для снабженія себя жизненными припасами у нея не было другаго средства, кромѣ грабежа, а для своего пополненія—кромѣ захвата плѣн-

Общій видъ Занзибара.

животныхъ и, довольствуясь лишь длинными хворостинами, ласками понукали скотину ¹⁾).

Подобная армія не могла иначе существо-

вать, хотя страна этого племени—одна изъ самыхъ плодородныхъ въ свѣтѣ. Война была единственнымъ промысломъ ма-табелэ; они даже не ждали приказаній короля, а отправлялись по собственному почину опустошать окрест-

¹⁾ J. Mackenzie, упом. соч.

ныя земли, убивать мужчинъ и захватывать въ плѣнъ женщинъ, дѣтей и скотъ. Такъ какъ всѣ преданія были порваны вслѣдствіе ухода изъ отечества и лагерной жизни, то матабелѣ не знали уже ни плѣсень, ни поговорокъ, ни вѣрваній тѣхъ расъ, изъ которыхъ они происходили: правда, въ краяхъ, черезъ которые они проходили, они позволяли туземнымъ чародѣямъ совершать жертвоприношенія или заклинанія, но сами въ этихъ дѣяніяхъ не участвовали. Однако, между этими людьми всевозможнаго происхожденія, подконецъ установилось нѣчто вродѣ національной связи, и въ то же время состояніе непрерывной войны должно было уступить мѣсто роду жизни, сходному съ жизнью окрестныхъ племенъ. Уже въ послѣдніе годы царствованія Мусселекати, законы, воспрещающіе бракъ, перестали соблюдаться; образовались семейства, и войны превратились въ земледѣльцевъ, но сохраняютъ вокругъ обширной тонзуры прическу изъ склеенныхъ волосъ, какъ символъ мужественности. Вліяніе миссіонеровъ и купцовъ заставило открыть торговые дороги черезъ матабелескую территорію, а сосѣдство дисциплинированнаго войска англичанъ и голландцевъ обязываетъ наслѣдовавшаго завоевателя короля къ большой осторожности. Ему надо опасаться, какъ бы богатство его королевства мѣстороженіями золота не привлекло чужеземцевъ, которые стали бы властвовать надъ нимъ. Когда посланецъ трансвальской республики явился къ Мусселекати съ просьбою дать позволеніе европейскимъ рудопамъ на разработку копей, то онъ наотрѣзъ отказалъ въ этомъ, произнеся слѣдующія слова: «Возьмите эти камни и нагрузите ими свои повозки, но я не желаю, чтобы сюда привели голландскую женщину, корову, овцу или козу, а также, чтобы понастроили домовъ въ моей странѣ».

Нѣкоторое число народцевъ — данниковъ обитаютъ довольно далеко отъ мѣстопребыванія короля, или достаточно защищены устройствомъ поверхности своего края для того, чтобы имѣть возможность сохранить себѣ нѣкоторую политическую независимость. Одну изъ такихъ группъ племенъ представляютъ ба-ньяи, занимающіе южный склонъ долины Замбези, кверху отъ устья Кафакуэ, и общины которыхъ обыкновенно выбираютъ себѣ жилищемъ естественныя крѣпости изъ скалъ. Ба-ньяи вообще красивые люди: они рослы и сильны и тщеславятся сравнительно свѣтлымъ цвѣтомъ своей кожи. Весьма чистоплотные, — чѣмъ рѣзко отличаются отъ большинства своихъ сосѣдей, — они также заботятся о своей прическѣ, при чемъ волосы раздѣляютъ на маленькія космочки, обвивая ихъ, затѣмъ, лыкомъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ; эта прическа изъ твердыхъ косичекъ напоминаетъ ту куафюру, которую носили египтяне три

тысячи лѣтъ тому назадъ. Отправляясь въ путь, ба-ньяи приподнимаютъ всѣ эти косички кверху и связываютъ ихъ надъ головою въ узелъ. Нравы у этого племени не такіе раболовные, какъ у ихъ сосѣдей: своихъ начальниковъ они избираютъ. Правда, избранный государь обыкновенно сынъ сестры умершаго; но часто случалось, что избиратели, не удовлетворяясь этимъ кандидатомъ, искали себѣ короля у другихъ народцевъ. Когда объ избраніи извѣстятъ выбраннаго, то сначала онъ отказывается, какъ будто на него налагали черезъ чуръ тяжелое бремя; но это не болѣе какъ конституціонная фикція: власть все-таки остается вѣренною ему, а вмѣстѣ съ нею къ нему же переходитъ также имущество, жены и дѣти его предшественника¹⁾. Нѣтъ африканскаго племени, у котораго бы женщины пользовались такимъ большимъ вліяніемъ, какъ у ба-ньяи: во всѣхъ домашнихъ дѣлахъ рѣшающій голосъ принадлежитъ женѣ. Когда молодой человѣкъ сватается къ дѣвушкѣ, то онъ обращается къ ея матери, и если не послѣдуетъ отказа, то покидаетъ свое семейство и идетъ жить къ своей тещѣ, при чемъ дѣлается ея слугою и долженъ оказывать ей величайшее почтеніе: такъ, напр., вмѣсто того, чтобы сѣсть, онъ становится передъ ней на колѣни, опускаясь на корточки, такъ какъ, показавъ ей свои ступни, онъ сильно бы ее обидѣлъ. Дѣти принадлежатъ матери. Если же мужъ сочтетъ для себя тягостнымъ такое состояніе служительства, то можетъ возвратиться къ себѣ, но долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ родительскихъ правъ, если только не купитъ ихъ путемъ даренія извѣстнаго числа коровъ и козъ.

Племена ма-калака и ма-шона — прежніе владѣльцы этой страны, гдѣ въ наши дни господствуютъ ма-табелѣ, — въ большинствѣ истреблены, а незначительные ихъ остатки проживаютъ въ рабствѣ. При этомъ, болѣе пострадали ма-калака. Оттѣсненные завоевателями частію къ Замбези, частію къ Лимпопо или къ равнинамъ Калахари, они позабыли даже свой языкъ и говорятъ теперь лишь на зулусскомъ жаргонѣ²⁾. Нѣкогда прекрасные земледѣльцы и умѣлые кузнецы, они принуждены нынѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, возвратиться къ кочевой жизни, довольствоваться сборомъ дикихъ растущихъ плодовъ и охотою, или же предаваться грабежу. Они снова впали въ рабство и не умѣютъ уже строить хижины. Со всѣмъ тѣмъ ма-калака по-прежнему выгодно отличаются отъ своихъ сосѣдей строгостью супружескихъ нравовъ; они уважаютъ своихъ женъ и клянутся именемъ своихъ матерей³⁾. Съ самаго дѣтства, женщины подвергаются различ-

¹⁾ D. Livingstone, *уном. соч.*

²⁾ C. Mauch, „*Petermann's Mittheilungen*“, 1870, *resp.* 1

³⁾ J. Mackenzie, *уном. соч.*

нымъ операціямъ татуировки, крайне жестокимъ ¹⁾: на одной только груди и животѣ имъ дѣлаютъ болѣе четырехъ тысячъ порѣзовъ, располагая ихъ въ видѣ тридцати параллельныхъ линій, и если кожа не покроется достаточно обозначенными рубцами, то операція повторяется. У ма-калака есть гроты для некрополей, но иностранцамъ они не позволяютъ погребать своихъ мертвецовъ въ предѣлахъ калакской земли: товарищи двухъ изслѣдователей страны, Oates'a и Grandy, умершихъ среди ма-калакъ, должны были вывезти ихъ трупы за предѣлы ма-калакской области ²⁾. Что касается ма-шоно, составляющихъ основу населенія на склонѣ горъ къ Замбезе, то они не такъ сильно пострадали отъ натиска ма-табелэ, благодаря тому, что знаніе ими ремесла дѣлаетъ ихъ незаменимыми для предѣловъ властителей; хотя тоже пришедшіе въ упадокъ и обзываемые ма-табелями: «ма-шолэ», т. е. «рабами»,—это они, ма-шоно, воздѣлываютъ рисовыя плантаціи, дѣлаютъ мебель, ткуютъ хлопчатобумажныя ткани, шьютъ и вышиваютъ кожаные щиты, выковываютъ и оттачиваютъ дротики и мечи. Оспа часто производитъ между ними большія опустошенія, и они такъ боятся этой болѣзни, что часто бросаютъ заблѣвающихъ оспою въ кусты. Нѣкоторые народцы ма-шоно, защищенные гористымъ устройствомъ поверхности своей страны, могли сложиться въ независимыя республики; но они живутъ въ постоянномъ страхѣ, убѣгая каждый вечеръ, съ своимъ небольшимъ проворнымъ скотомъ, на уединенные утесы, единственная тропа на которые преграждена сильными палисадами; влѣзть же въ ихъ, устроенныя надъ землею, хижины можно только при помощи шестовъ съ зарубками ³⁾. Между бродячими націями, встрѣчающимися въ странѣ ма-тебелэ, есть такіе, которыхъ, какого-бы они ни были происхожденія, называютъ бушменами и готтентотами. Ама-зизи, костоправы и врачи, повидному, и въ самомъ дѣлѣ происходятъ отъ готтентотовъ. Нѣкоторые туземцы, называемые португальцами *ramilhos*, приобрѣли большую власть надъ остальными чернокожими, благодаря своимъ чародѣйствамъ: между прочимъ, они часто удаляются въ лѣсъ для воспріятія своего настоящего облика дикихъ звѣрей, но показываться людямъ они благоволятъ только въ видѣ людей же! ⁴⁾

Центръ государства Ма-тебелэ — населенность котораго исчисляется различно, въ 200

тысячъ и до 1 мил. 200 тысячъ ¹⁾—находится въ бассейнѣ великой рѣки, около источниковъ р. Умъ-Кози, которая, подъ другимъ именемъ, впадаетъ въ Замбези въ ста слишкомъ километрахъ кверху отъ большаго водопада. Королевская резиденція, *Губулувайо*, была расположена по сосѣдству съ гранитнымъ водораздѣломъ между Замбези и Лимпопо. Подобно большей части городовъ внутри Южной Африки, и этотъ городъ перемѣнялъ свое мѣсто, хотя и на небольшомъ пространствѣ. Единственный домъ европейской постройки, именно домъ короля, возвышается на холмѣ въ центрѣ села; онъ окруженъ хижинами, въ формѣ улья, сбнесенными частоколомъ для защиты; жилища же торговцевъ разбѣяны въ окрестностяхъ. Кромѣ купцовъ, водворившихся вокругъ столицы, многіе торговцы присоединились къ свитѣ короля, для удовлетворенія потребностей окружающихъ его чиновниковъ и воиновъ, и сопровождаютъ его въ частыхъ поѣздкахъ его въ Иньяти и другія мѣстечки на сѣверо-востокъ и юго-западъ, въ горахъ Матоппо. Католическіе и протестантскіе миссіонеры также проникли въ страну Ма-тебелэ, а теперь туда вторглись, наконецъ, и долго не пускаемые рудокопы. Съ другой стороны, большое число временныхъ эмигрантовъ ежегодно выходитъ изъ края въ сосѣднія англійскія и голландскія государства въ расчетѣ зашибить тамъ деньги ²⁾. Копи въ Тати, первыя изъ открытыхъ въ бассейнѣ Лимпопо, разрабатываются одною компаніею изъ Капа. Тамъ видны также слѣды древнихъ раскопокъ, сдѣланныхъ какими-то неизвѣстнымъ народомъ ³⁾.

Къ сѣверу отъ страны племенъ ма-тебелэ и ма-шоно, въ очень гористой области, откуда быстрые потоки стремительно бѣгутъ къ Замбези, многочисленныя селенія принадлежатъ племени ма-корикори. Люди, не менѣе ма-шоно промышленные, ма-корикори особенно искусны въ обработкѣ мѣди, изъ которой они вытягиваютъ проволоку, плетутъ изъ нея украшенія. Ихъ женщины прокалываютъ себѣ верхнюю губу и вводятъ въ нее латунное кольцо, иногда украшенное нѣсколькими жемчужинами. Сѣвернѣе, въ долинѣ Замбези, живутъ мтанде, женщины которыхъ также пронызываютъ себѣ верхнюю губу и вдѣваютъ туда *jaja*, кольцо изъ слоновой кости или изъ дерева. Здѣсь—область мухъ пеще; женщины сушатъ ихъ, стираютъ въ порошокъ съ корою одного корня и примѣшиваютъ это снадобье къ корму своихъ домашнихъ животныхъ: козъ, овецъ и собакъ ⁴⁾. По ту сторону, на лѣвомъ берегу Замбези, раз-

¹⁾ Carl Mauch, „Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen“, № 37.

²⁾ E. Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Мартъ, 1880.

³⁾ Montagu Kerr, „Afrique explorée et civilisée“. Май, 1886.

⁴⁾ Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras do Changamira“.

¹⁾ Peterson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, August, 1879.

²⁾ Paiva de Andrada, „Relatorio de uma Viagem as terras dos Landins“.

³⁾ J. Mackenzie, уном. соч.

⁴⁾ Montagu Kerr, уном. соч.

валины указывают на границу той территории, которую португальцы нѣкогда занимали внутри Африки: эти остатки принадлежатъ древнему мѣстечку Зумбо, бывшему скорѣе мѣстомъ для ярмарки, чѣмъ городомъ; въ сезонъ сюда сходились тысячи туземныхъ купцовъ для закупки европейскихъ товаровъ ¹⁾. Съ 1836 по 1863 г. Зумбо было совершенно покинуто португальцами ²⁾. Съ 1863 г., его заняли вновь; нынѣ тамъ пребываетъ *capitão* мого, и различныхъ расъ купцы, бѣлые и цвѣтные, ведутъ въ немъ торговлю съ туземцами племени ба-сенга. Какъ мѣсто для рынка, Зумбо выбрано весьма хорошо, находясь при слияніи, кверху отъ Кафакуэ, рѣкы Луа-Нгуэ и Замбези, и будучи расположено въ плодородномъ и богатомъ лѣсами краѣ, окруженномъ живописными горами: нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно опять приобрететъ довольно важное значеніе, когда португальцы оснуютъ новыя факторіи на берегахъ Верхней Замбези и когда они начнутъ разрабатывать каменноугольныя, желѣзныя и золотоносныя копи въ окрестностяхъ Зумбо.

Тете, послѣдній городъ, которымъ бѣлые или *mazinjos* обладаютъ нынѣ вдали отъ моря, построенъ на склонѣ холма, на правомъ берегу Замбези; всѣ европейскіе дома заключены въ оградѣ, подъ защитою пушекъ форта; вокругъ стѣнъ этой ограды расположены предмѣстья туземцевъ, состоящія изъ хижинъ, построенныхъ изъ глины и древесныхъ вѣтвей. Этотъ, нѣкогда процвѣтавшій, португальскій городъ велъ большую торговлю золотомъ, слоновой костью, хлѣбнымъ зерномъ и индиго. Торговля неграми привелъ его въ упадокъ, такъ какъ не стало рабочихъ ни для обработки почвы, ни для сбора плодовъ; въ наши дни, Тете представляетъ лишь кучку мазанокъ, и его значеніе обуславливается главнымъ образомъ принадлежностью ему политическою ролью, какъ господствующаго надъ краемъ пункта и какъ мѣстопробыванія гарнизона; иногда, вслѣдствіе набѣговъ ландиновъ, онъ бывалъ совершенно отрѣзанъ отъ сообщенія съ моремъ. Въ его округѣ нѣтъ мухи цеце или *pempé*, какъ ее называютъ въ Замбези; однако, скотоводы не пользуются этимъ громаднымъ преимуществомъ. Земли по лѣвому берегу особенно плодородны, и прежде тамъ богатые землевладѣльцы имѣли свои виллы. Округъ Тете, къ сѣверу и къ югу отъ Замбези, въ свое время станетъ одною изъ самыхъ важныхъ горнопромышленныхъ областей Африки. Онъ обладаетъ обширными залежами каменнаго угля, желѣзными копиями, которыми пользуются кузнецы изъ племенъ ба-сенга и ма-калака, и золотоносными землями. На сѣверѣ, сьерра Максинга, уединенно высшаяся посреди пустыни или *sertão*, нѣкогда

да была разрабатываема португальскими рудниками; горная порода, въ которой содержится металлъ, говорятъ, столь хрупка, что, передъ промывкою, женщины раздробляютъ ее между двумя кусками дерева ¹⁾. Къ югу отъ Тете, у ма-корикори, и главнымъ образомъ въ долинахъ рѣки Мозоз и ея притоковъ, также находятся золотоносныя мѣстности. *Paiva de Andrade* упоминаетъ, какъ о будущемъ Эльдorado, о краѣ Шангамира, который Mauch уже раньше называлъ «Копьями императора Вильгельма». Въ этой странѣ золота мѣстами разсыпаны развалины памятниковъ. Кюссъ рассказываетъ, что туземцы имѣютъ обыкновеніе закапывать въ землю самородки золота, въ увѣренности, что отъ нихъ народятся огромныя количества «цѣлыя жатвы» золотыхъ блестокъ.

«Умирающая» Сенна или *São-Marçal* — лежащая на правомъ берегу Замбези, у подошвы высокаго утеса и насупротивъ судоходнаго протока *Ziu-Ziu*, сообщающаго Замбези съ Шире, — еще менѣе процвѣтаетъ, чѣмъ Тете: часто городокъ Сенна бываетъ вынужденъ уплачивать дань своимъ сосѣдямъ, кабрамъ умгони или ландинамъ, а по ночамъ баррикадироваться отъ львовъ ²⁾. Воздухъ, которымъ тамъ приходится дышать, переполненъ зловонными парами, поднимающимися съ застаивающихся водъ Замбези, которая постепенно перемѣщается по направлению къ сѣверу. Существуетъ мысль о перенесеніи города на лѣвый берегъ, подымаемый, однако, рѣчнымъ потокомъ ³⁾.

IV. Бассейнъ озера Ньясса и рѣки Шире.

Южнѣе рѣки Замбези, банды кафрскихъ воиновъ, пришедшихъ съ юга, основали два королевства: Газа (*Gaza*) и Ма-тебелэ; къ сѣверу отъ этой рѣки, завоеватели того-же происхожденія тоже заняли обширныя территории на западномъ склонѣ озера Ньясса, но, раздѣленные на банды безъ національной связи, они не создали большой державы. Эти кафры, называемые ма-вити или ма-зиту, упоминаются Гамитто подъ названіемъ *munhaes*; ихъ также называютъ ма-нгонэ, каковое наименованіе почти тождественно съ умгони, завоевателями области между Замбези и Лимпопо. Дѣйствительно, они очень походятъ на зулусовъ, и, вѣроятно, находились въ сосѣдствѣ съ ними въ еще не очень отдаленную эпоху; въ ихъ языкѣ имѣется также «прицѣлкиваніе», похожее на прицѣлкиваніе нарѣчія южныхъ кафровъ ⁴⁾. Воины причесываютъ свои волосы,

¹⁾ Küss, *ynom.* *menyapá*.

²⁾ Augusto de Castilho, „O Zambeze“; — Paiva de Andrade, „Relatorio de uma Viagem as Terras dos Landins“.

³⁾ „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 1882, № 1.

⁴⁾ Channing Marles, „Proceedings of the Geographical Society“, October, 1885.

¹⁾ J. Nogueira de Andrade, „Descripção da Capitania de Mossambique“, 1790.

²⁾ Capello et Ivens, *ynom.* *соч.*

при помощи камеди или глинистой охры, такъ, что они образуютъ кругъ въ видѣ ореола; такую же прическу носить и зулусскіе воины. Весьма хорошо дисциплинированные, ма-вити бросаются на врага, не отвѣчая на ружейную пальбу или настрѣлы, и, сойдясь съ непріятелемъ атакуютъ его дротикомъ или мечемъ. Впрочемъ, ма-вити не составляютъ отдѣла той націи завоевателей, которые проникли наидальше въ направленіи къ сѣверу, ибо грозные вуатута изъ У-Ніамэзи, на восточномъ берегу Танганьики, также пришли изъ Наталя, и большинство историковъ Африки признаютъ другихъ южныхъ кафровъ въ тѣхъ джага, которые въ концѣ XVII-го столѣтія ниспровергли Конгское королевство. Ма-вити съ береговъ Ньяссы совершали свое дѣло разрушенія ужасающимъ образомъ. Появись приблизительно въ половинѣ текущаго столѣтія къ сѣверу отъ Замбези, они прошли чрезъ области племенъ ро-вума, затѣхъ ру-фиджи, сожигая села, избивая людей въ зрѣломъ возрастѣ, забирая молодыхъ въ войска и продавая женщинъ торговцамъ рабами. Однако, будучи отброшены внутрь, банды ма-вити кончили тѣмъ, что водворились на западѣ озера Ньясса, въ холмистыхъ областяхъ, которыя простираются въ направленіи къ истокамъ Луа-Нгуа, а отсталые изъ нихъ, покинутые въ земляхъ на востокѣ отъ озера, постепенно слились съ туземными племенами. Тѣ изъ ма-витскихъ воиновъ, которые не разбрелись, произвели, несмотря на свою ослабленность, большія опустошенія между прибрежными жителями озера Ньясса, племенами: уа-тиунгу, ма-римба или ма-нга-нья. Вслѣдствіе этого, одни изъ жителей этой области, въ видахъ защиты отъ ма-витскихъ набѣговъ, окружили свои поселки двойными или тройными частоколами, а другіе построили свои хижины посреди озерныхъ водъ на сваяхъ или же укрѣпились на узкихъ полуостровахъ ¹⁾. Специальный трактатъ устанавливаетъ извѣстную связь между ма-вити и англичанами, и обязываетъ ма-вити уважать станціи бѣлыхъ. Уже нѣкоторые обряды ислама проникли къ этимъ кафрамъ. Погребеніе у ма-вити всегда совершается по мусульманскому обряду, и могилы постоянно располагаются по направленію къ Меккѣ. Трупы же рабовъ и преступниковъ выбрасываются въ кусты, гдѣ ихъ и пожираютъ вѣдьмы, въ образѣ гіанъ ²⁾. Мелкихъ народцевъ, различающихся нравами и нарѣчіями, весьма много: такъ, на западномъ берегу озера насчитываютъ не менѣе семи различныхъ языковъ ³⁾.

¹⁾ James Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society“ May, 1879.

²⁾ Hayes, „African Times“. „Afrique explorée et civilisée“, octobre, 1887.

³⁾ J. Stewart, „Proceedings of the R. Geographical Society“. May, 1881.

Ма-кололо, обитающіе на рѣкѣ Ширэ, между Ньясса и Замбези, представляютъ замѣчательный примѣръ образованія племенъ внутри Африки. Если бы ихъ исторія не была хорошо извѣстна, то можно было бы подумать, что они братья по расѣ другимъ ма-кололо, живущимъ на р. Чобе, этому обреченному на несчастіе и почти совершенно истребленному народу. Но, хотя ма-кололо рѣки Ширэ и не принадлежатъ къ одной и той же группѣ съ только-что упомянутыми своими тѣзками, тѣмъ не менѣе они сохранили общее для обоихъ ихъ наименованіе. Въ 1859 г., начальникъ западныхъ ма-кололо, Секелету, отправилъ съ увѣжавшимъ Ливингстономъ около двадцати молодыхъ людей, которымъ поручено было идти до морскаго берега и принести оттуда одно сильно дѣйствующее лѣкарство отъ проказы, которую онъ страдалъ. Изъ этой небольшой группы, къ ма-кололо принадлежали, по крови, только двое; остальные же, подобно большей части воиновъ, набравшихся начальниками ма-кололо, были изъ различныхъ побѣжденных племенъ: ротса, тока и селза. Вся эта группа не пожелала возвратиться къ своему властелину и, поселясь на правомъ берегу Ширэ, кверху отъ водопадовъ, члены ея избрали изъ своей среды себѣ начальника; такимъ образомъ, они превратились, въ свою очередь, въ завоевателей, при чемъ сохранили наименованіе ма-кололо, которымъ гордились. Множество бѣглецовъ изъ другихъ племенъ поспѣшили отдаться подъ ихъ покровительство. Находясь еще подъ вліяніемъ Ливингстона, они не предались, какъ это дѣлали ихъ сосѣди, торговлѣ рабами, и безопасность, которую пользовались люди, подчинившіеся ихъ управленію, вскорѣ привлекла къ нимъ значительное число другихъ народцевъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ періодъ одного поколѣнія создалось могущественное племя ма-кололо на рѣкѣ Ширэ: во время путешествія Young'a, въ 1876 году, всѣ прирѣчныя поселенія, расположенныя между послѣднимъ водопадомъ и притокомъ Руо, находились подъ ихъ главенствомъ; и во всѣхъ этихъ поселеніяхъ національнымъ привѣтствіемъ стало англійское «good morning», въ воспоминаніе знаменитаго миссіонера, подъ вліяніемъ котораго основатели новаго государства перемѣнили свое отечество ¹⁾. Young свидѣтельствуетъ о совершенной честности и трудовой энергіи этихъ ма-кололо. Когда ему пришлось переносить пароходъ «Илала»—первый, который плавалъ на водахъ этого озера,—онъ долженъ былъ нанять цѣлую армію носильщиковъ (около 800 человекъ), которые, безъ всякаго надзора, исполнили свою работу по дорогѣ, допуская всякую случайность, и, однакоже, къ концу этого длиннаго перехода въ сто кило-

¹⁾ Young „Nyassa, A Journal of Adventures“.

метровъ, всѣ части разобраннаго парохода были доставлены въ цѣлости, до послѣдняго болта включительно. Люди были довольны, ни одинъ изъ нихъ не пытался улизнуть отъ тяжелаго труда, за который имъ пришлось получить всего лишь по нѣскольکو аршинъ мпикаля!

Главная масса націи кололо состоитъ изъ чернокожихъ ма-ганьянскаго происхожденія. Эти туземцы, наименованіе которыхъ означаетъ «люди озера», живутъ еще отдѣльными народцами въ горахъ, расположенныхъ на полуостровномъ пространствѣ между Замбези и Ширэ. Смѣшиваемые съ народцами, нѣкогда прославившимися подъ названіемъ ма-рави, маганья отличаются, вообще, менѣе своею храбростію, чѣмъ умомъ. Они весьма искусны въ плетеніи, кузнечномъ ремеслѣ и ткацествѣ и гораздо тщательнѣе обрабатываютъ землю, при чемъ мужчины, женщины и юноши вмѣстѣ занимаются пахотою, а дѣти играютъ подъ тѣнью сосѣднихъ деревьевъ. Раздѣлку нови маганья совершаютъ на-подобіе американскихъ піонеровъ: срубивъ топоромъ деревья, они сваливаютъ въ кучу сучья, сжигаютъ ихъ и разстиваютъ золу по будущей нивѣ; затѣмъ сѣютъ, не корчуя пней; когда же доводится поднимать лугъ, то, снявъ поверхностный слой почвы, они сжигаютъ его вмѣстѣ съ травами въ видахъ удобренія. Маганья сѣютъ по преимуществу сорго или *mapira*; впрочемъ, имъ извѣстны почти всѣ остальные питательныя растенія Центральной Африки, а также табакъ, конопля и два вида хлопчатника: *kadja* и *manga*, т. е. «туземецъ» и «чужестранецъ». Пелеле, иначе жажа—т. е. дискъ или кольцо, вдѣваемое въ верхнюю губу—носятъ всѣ красавицы маганьскія, если только онѣ не въ траурѣ. Деревянное у бѣдныхъ, оловянное или изъ слоновой кости у богатыхъ, кольцо это у иныхъ достигаетъ огромной окружности въ 15 или 16 сантиметровъ: при смѣхѣ, губа приподымается, оба глаза скрываются, тогда какъ носъ видѣется въ отверстіе кольца, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и весь рядъ подпленныхъ зубовъ¹⁾. Женщины племени маганья очень проворны: въ играхъ бѣганья онѣ всегда получаютъ призы за скорость.

Въ бассейнѣ озера Ньяссы нѣтъ ни одного португальскаго поста: самый сѣверный изъ встрѣчаемыхъ на Ширэ, Широжи, находится книзу отъ устья Руо. Къ сѣверу отъ этого поста, починъ въ предпріятіяхъ принадлежалъ англійскимъ миссіонерамъ, за которыми слѣдуютъ и торговцы той же націи. Они воспользовались рѣкой и озеромъ для созданія правильнаго торговаго пути, который на сѣверной оконечности продолжается хорошо устроенной дорогой, ведущей къ мѣстечку Чунда и къ

озеру Танганьика; въ ста километрахъ отъ озера Ньяссы, основанъ въ Муннимуанта миссіонерскій станъ. Въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ дороги, мѣстечко Каронга есть центръ самаго плотнаго населенія на всемъ побережьи озера; но обширныя болота и равнины, покрывающіяся водою во время дождей, дѣлаютъ эту мѣстность весьма нездоровой. Поселенія въ долинѣ р. Рикору пользуются болѣе здоровымъ воздухомъ, и санаторія шотландскихъ миссіонеровъ, Вомбера, находится въ верховьяхъ этой долины. Насупротивъ, на восточномъ берегу Ньяссы, слѣдуютъ одна за другой многочисленныя деревни, выстроенныя, на-подобіе жилищъ древнихъ озерныхъ обитателей, на сваяхъ. Въ этой части озера, наиболѣе защищеннымъ портомъ является Бампа или Мбампа: островки и полуостровъ хорошо охраняютъ его отъ южныхъ вѣтровъ. Около середины западнаго берега, большое поселеніе Бандау, близъ котораго шотландскіе миссіонеры основали свою главную станцію, природной гавани не имѣетъ; однако съ небольшими издержками тамъ легко было бы устроить портъ; пунктъ этотъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ находящійся въ такой мѣстности, гдѣ правильно совершаются переѣзды съ одного берега озера на другой, при чемъ гребныя суда туземцевъ пристаютъ для отдыха во время пути около двухъ острововъ: Шизимодо и Дикомо. На восточномъ берегу перевозныя суда причаливаютъ къ селенію Читези, хотя оно находится на пляжѣ, выставленномъ всей силѣ волнъ. Лиссеуа также одна изъ пристаней на этомъ берегу.

На всей окружности озера наиболѣе часто посѣщаемый портъ, центръ торговли, недавно бывший также большимъ невольничьимъ рынкомъ, есть Кота-Кота, расположенный на западномъ берегу, болѣе чѣмъ въ двухстахъ километрахъ отъ южной оконечности Ньяссы: это почти закрытая бухта, въ которую проникаютъ арабскія шлюпки, благодаря своей небольшой водоизмѣстимости. Поселившихся въ этой деревнѣ занзибарскихъ купцовъ такъ много, что господствующимъ языкомъ въ Кота-Кота стали ки-суахили. Одну изъ выгодъ этой арабской колоніи составляетъ присутствіе въ сосѣдствѣ источниковъ теплої воды, но почва края безплодна, и—на пространствѣ болѣе, чѣмъ ста километровъ въ направленіи къ югу—побережье озера совершенно не обитаемо. Что касается первой изъ основанныхъ христіанскими миссіонерами станцій на берегахъ Ньяссы, Ливингстоніи, то въ началѣ полагали, будто тамъ соединены всѣ необходимыя условія для образованія современемъ большаго города: географическое положеніе, хорошо защищенный портъ и плодородіе почвы; однако, оказалось, что воздухъ возобновляется тамъ недостаточно, вследствие чего миссіонеры должны были по-

¹⁾ M-rs Pringle, „Towards the Mountains of the Moon“.

кнуть свои постройки, живописно расположенныя на оконечности полуострова, раздѣляющаго южный конецъ озера и превращающаго его, такимъ образомъ, въ двѣ большія бухты.

Центръ европейской дѣятельности внутри бассейна Замбези представляетъ городъ Блантиръ, выстроенный въ 150 километрахъ къ югу отъ Ньяссы, въ одной изъ долинъ «Высокихъ Земель Шира»; географическое положеніе его было опредѣлено 1.600 астрономическими наблюденіями путешественника O'Neill'a, и этотъ городъ уже вошелъ въ сѣтъ маршрутовъ между Замбези и Танганьикою. Названъ онъ былъ Блантиромъ, въ 1876 году, по имени того шотландскаго мѣстечка, въ которомъ родился Ливингстонъ. Находясь на высотѣ болѣе тысячи метровъ, Блантиръ является сравнительно здоровымъ мѣстомъ для европейцевъ, которые могутъ заниматься тамъ ручнымъ трудомъ, соблюдая извѣстную осторожность. Группа миссіонеровъ была усилена въ краѣ купцами и даже плантаторами, которые воздѣлываютъ кофейное дерево и сахарный тростникъ; другіе европейцы замѣстили главарей въ управленіи племенами. Несмотря на отдаленность отъ озера Ньясса, Блантиръ, или, скорѣе, сосѣднее мѣстечко, Мандала, стало также мѣстопробываніемъ правленія «Общества Африканскихъ озеръ», торговой компаніи, которая, основанная въ 1878 году, для оказанія помощи миссіонерамъ, одновременно съ этимъ ведетъ также торговлю въ своихъ собственныхъ интересахъ; торговля этой компаніи весьма значительна и распространяется до верховаго бассейна Конго; между Квелимане и Танганьикою компанія имѣетъ двѣнадцать факторій; уставъ ея воспрещаетъ ей продажу водки. Черезъ Блантиръ проходитъ «дорога миссій», которую составляетъ волокъ въ 126 километровъ, для обхода пороговъ Мурчисона, находящихся на Ширѣ между пунктами Матопи и Катонга, къ которымъ пристають пароходы. Другія проѣзжія дороги, обсаженные эвкалиптовыми плантаціями, соединяютъ Блантиръ съ главными окрестными деревнями и съ нѣкоторыми изъ станцій, сгруппировавшихся вокругъ города-метрополи. Хотя Блантиръ находится на той границѣ, которую часто оспаривали другъ у друга племена авьясса и яо или аджауа, и хотя данную область часто опустошали также ма-вити, тѣмъ не менѣе самъ Блантиръ ни разу не подвергался нападеніямъ сосѣднихъ племенъ; окружающая мѣстность, находящаяся подъ его покровительствомъ, по большей части населена невольниками, убѣжавшими отъ арабскихъ торговцевъ. Блантиръ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ—подобно «свободнымъ городамъ» среднихъ вѣковъ—тому гостепримству, которое онъ оказывалъ несчастнымъ и преслѣдуемымъ. Одною изъ наиболѣе здоровыхъ станцій въ краѣ оказыва-

ся, лежащая на 125 метровъ выше Блантира, деревня Зомба: она расположена на 50 километровъ сѣвернѣе, на склонѣ горы, которая господствуетъ съ одной стороны надъ водами Шира, а съ другой—надъ блистающею поверхностью озера Шира. Шотландскіе плантаторы владѣютъ тамъ значительными пространствами, на которыхъ разводятъ сахарный тростникъ, кофе и маслянистыя сѣмена; при этомъ сто тысячъ деревьевъ на кофейныхъ плантаціяхъ были разведены всего лишь отъ одного деревца изъ Единбургскаго ботаническаго сада. Въ окрестныхъ горахъ насажены также и хинныя деревья.

На западъ отъ Блантира высится гора Чоро, на которой обитаетъ могущественный духъ; къ нему-то, отъ имени народа, и обращается, въ случаѣ національныхъ несчастій, его же супруга, избираемая изъ самыхъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ въ странѣ ¹⁾.

У. Низовая Замбези и Квелимане.

Населенія въ области дельты Замбези—очень смѣшанныя, а трехвѣковое вліяніе бѣлыхъ измѣнило первоначальные нравы туземцевъ. По Замбези португальцы имѣютъ военные и торговые посты, къ которымъ и тяготеетъ политическая и социальная жизнь прирѣчныхъ жителей. Правда, что недавно лезитанское могущество значительно ослабло: поселенія внутри страны были покинуты, важныя станціи превратились въ развалины, и часто завоеватели изъ кафровъ, умгони или ма-вити, извѣстные у португальцевъ подъ именемъ ландиновъ—ама-ланди т. е. «бѣгунны» ²⁾—прерывали сообщенія между бѣлыми внутри страны и бѣлыми на побережьи. Тѣмъ не менѣе торговля и взаимныя сношенія между расами никогда не прекращались; мамбари, т. е. португальцы смѣшанной крови, не переставали проникать во все внутреннія области ³⁾, и теперь Португалія снова обратила вниманіе на свои отдаленныя колоніи на берегахъ Замбезе. Вниманіе это простирается также и на области зарожденія рѣкъ, при чемъ, при помощи развѣдочныхъ экспедицій, готовится проложеніе дороги, которая должна соединить Моссамедесъ съ Квелимане. Но португальцы не единственные изслѣдователи и разработыватели богатствъ страны. Возрастаніе населенія Южной Африки увлекаетъ въ направленіи къ сѣверу купцовъ, колонистовъ, рудокоповъ и миссіонеровъ, и въ области средней долины Замбези европейцы уже намѣтили

¹⁾ M-rs Pringle, *упом. соч.*

²⁾ E. Holub, „Proceedings of the R. Geographical Society“ March. 1880.

³⁾ D. and Ch. Livingstone, „Narrative of an Expedition to the Sambesi“.

пригодныя для нихъ мѣстности. Однимъ изъ такихъ пунктовъ является Сешекъ, столица королевства Ба-роце, въ центрѣ бассейна, образуемаго слияніемъ Замбези и Чобе, кверху отъ большого водопада; другой замбезійскій край, къ которому направлены стремленія европейцевъ, представляемыхъ по преимуществу англійскими миссіонерами, есть бассейнъ озера Ньясса, будущая дорога отъ Танганьики и Конго.

Въ округахъ Низовой Замбези, португальское правительство проявляетъ свою власть не непосредственно. Край раздѣленъ на большія вотчины, *prazos da corôa*, изъ которыхъ поверхность нѣкоторыхъ, истинныхъ королевствъ по величинѣ, доходитъ до 50 тысячъ кв. километровъ и которыя эксплуатируются откупщиками на правахъ государей. Они получаютъ, обыкновенно натурою, налогъ (*mussoco*) приблизительно въ $4\frac{1}{2}$ франка съ каждой туземной хижины и обязуются возможно лучше использовать ресурсы своихъ громаднхъ фермъ. При установленіи этого порядка, *prazos da corôa* были уступлены на срокъ трехъ поколѣній, и порядокъ наслѣдованія долженъ былъ совершаться по женской линіи, подѣ условіемъ, что мужьями этихъ женщинъ будутъ европейцы. Такимъ путемъ надѣялись привлечь переселенцевъ въ край; но собственники *prazos'овъ*, сдѣлавшись могущественными сатрапами, стали продавать въ рабство своихъ собственныхъ подданныхъ, и весь край обезлюдѣлъ ¹⁾. Официально учрежденіе *prazos'овъ* уничтожено въ 1854 году, но оно удержалось подъ другой, малоотличающейся, формою, и Замбезія по сию пору все еще предоставлена нѣсколькимъ могущественнымъ сеньорамъ, платящимъ въ казну ничтожный оброкъ.

Низовая Замбези, книзу отъ ея слиянія съ Ширъ, не особенно населена. Однимъ изъ главныхъ поселеній, на правомъ берегу, является Шупанга, около которой, подѣ сѣнью громаднаго баобаба, находится могила г-жи Ливингстонъ, умершей въ 1862 году, во время той роковой «Замбезской экспедиціи», которая стоила жизни столькимъ отважнымъ сотоварищамъ Ливингстона. Туземцы заботятся о могилахъ, выпалывая растенія, которыя густымъ ковромъ покрываютъ ее послѣ каждого новаго дождя ²⁾. Неподалеку покоятся останки другихъ изслѣдователей, которые сопровождали Оуепъ во время его путешествія на низовья Замбези. Книзу отъ Шупанги, на лѣвомъ берегу рѣки, мѣстечки Монеа и Мазаро, на половину скрытыя подѣ густою листвою манговыхъ деревьевъ, имѣютъ нѣкоторое значеніе какъ пристани для пароходовъ и какъ стражи волока между Замбези и Куа-Куа (Кюа-Кюа) или рѣ-

кою Квелимане. Недавно португальское правительство уступило земли площадью въ 50 тысячъ гектаровъ, на лѣвомъ берегу Низовой Замбези, одной «компаніи для разведенія опиума», которая надѣялась стать соперницей англійскимъ производителямъ этого гибельнаго продукта въ Индіи. Эта компанія пользовалась также значительными привилегіями, между прочимъ, правомъ собирать съ туземцевъ муссо. Однако обществу этому не повезло, и оно прекратило свое существованіе, отчасти вслѣдствіе возстанія туземцевъ въ 1884 году. Луабо, старинный португальскій городъ, выстроенный около одного изъ устьевъ Замбези, мало-по-малу былъ смытъ рѣчнымъ потокомъ. Съ тѣхъ поръ, главные факторы въ этой части рѣки были заводимы уже при устьѣ Инхамиссенго.

Квелимане—хотя и расположенъ къ сѣверу отъ устья Замбези, на лиманѣ, сообщавшемся съ рѣкою только посредствомъ неопределенныхъ протоковъ—представляетъ, тѣмъ не менѣе, торговый портъ бассейна; еще болѣе значенія онъ получилъ послѣ проведенія дороги, предполагаемой между лиманомъ и озеромъ Ньясса. Будучи основанъ назадъ тому три съ половиною вѣка, Квелимане не сдѣлался, однако, значительнымъ городомъ и не только по причинѣ своего нездороваго климата, но также и вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, которымъ подвергалась торговля: до 1853 года, портъ не былъ открытъ для иностранной торговли, и главною отраслью его торга была продажа рабовъ, вывозимыхъ въ Бразилію. Вѣлое его населеніе состояло преимущественно изъ португальскихъ преступниковъ, высылаемыхъ изъ метрополіи. Изъ Квелимане отправился также и Ласерда для совершенія своего достопамятнаго путешествія въ центрѣ Африки.

Квелимане—или *São Martinho* по официальному наименованію, и Чуамбо по туземному—представляетъ портъ, трудно доступный; баръ, чрезъ который безъ опасности не могутъ отваживаться проходить корабли, сидящіе въ водѣ глубже трехъ съ половиною метровъ, запираетъ узкій входъ въ лиманъ; но воды внутри бара представляютъ превосходную якорную стоянку, простирающуюся вплоть до самаго города, расположеннаго въ двадцати километрахъ къ сѣверу отъ взморья, на сѣверномъ берегу р. Куа-Куа. Кафры составляютъ главную массу городского населенія и сгруппировались въ многочисленныхъ селахъ вокругъ города, чтобы пользоваться защитой ея небольшого португальскаго гарнизона. Говорятъ, будто климатъ Квелимане благоприятенъ для страдающихъ грудью; къ несчастью, преобладающіе въ городѣ не располагаютъ санаторіей, проживая въ которой они могли бы избѣжать нездороваго воздуха съ болотъ и рисовыхъ плантацій. Торговля этого порта, производимая

¹⁾ *Sã de Bandeira*;—João de Andrade Corvo, „Estudos sobre as Colonias Ultramarinas“.

²⁾ Young, „Nyassa, A journal of Adventures“.

преимущественно съ Бомбеємъ, и обороты которой съ 1876 по 1885 годъ утrophились,—находится отчасти въ рукахъ баньянъ и арабовъ; главною причиною возрастанія торговли были предпріятія англичанъ на берегахъ Ньяссы. Въ 1884 году общій торговый балансъ въ Квелимане достигъ 4 456.890 франковъ, изъ которыхъ на долю ввоза приходилось: 2.558.200, а на долю вывоза: 1.898.690 франковъ. Квелимане занялъ мѣсто порта Мозамбикъ по вывозу слоновой кости, которую ему доставляютъ пароходы съ Замбези, между тѣмъ какъ нѣкогда

этотъ торгъ совершался при посредствѣ каравановъ ¹⁾. Вообще же, съ восточнаго берега Африки вывозится вдвое болѣе слоновой кости, чѣмъ съ берега западнаго. Такъ, съ 1879 по 1883 годъ африканской слоновой кости вывезено всего 848 тысячъ килограммовъ, изъ которыхъ на западный берегъ приходилось 284 тысячи, а на восточный 564 тысячи. Общая стоимость этой кости достигала 20 милліоновъ франковъ, а самая кость представляла брѣнные останки 65 тыс. слоновъ ²⁾.

Глава X.

Мозамбикъ.

Отъ Замбези до Ро-Вума.

Территорія, принадлежащая Португаліи, простирается къ сѣверу отъ Замбези вплоть до долины р. Ро-Вумы, а къ западу отъ морскаго побережья въ направленіи къ озеру Ньясса; однако, португальское владычество еще довольно далеко отъ того, чтобы чувствовалось на протяженіи всей этой обширной области. Даже вліяніе лицъ, посылаемыхъ изъ Лиссабона, теряется во многихъ мѣстностяхъ уже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ берегомъ моря, а страны, изображенныя на картѣ принадлежащими «благочестивѣйшему» королю, извѣстны имъ лишь по наслышкѣ. Еще недавно, вся торговля въ этой области сводилась къ торгу невольниками; также ревниво охранялись торговцами и дороги, и никто, кромѣ нихъ, не смѣлъ пускаться внутрь страны, которую они опустошали на-подобіе края, обитаемаго свирѣпыми ордами людоедовъ. Постъ Мозамбикъ, точка опоры португальцевъ на поморьѣ, расположенъ на островѣ, а «еще невѣдомая» земля уже начиналась въ небольшомъ разстояніи отъ противоположнаго берега. Подобно другимъ портамъ африканскаго берега, за исключеніемъ Софалы, Мозамбикомъ пользовались только для остановокъ на пути въ Индію; какъ отъправный пунктъ для изслѣдованія материка онъ не избирался, и португальцы въ теченіе трехъ вѣковъ оставались въ немъ, не знакомясь ни съ сосѣдними странами, ни съ сосѣдними народами, хотя посѣщеніе и тѣхъ и другихъ было легко. Путешествія сначала Ласерды, а затѣмъ Гамитто, были первыми серьезными

географическими экспедиціями, но по ту сторону Ньяссы; затѣмъ Рошеръ, Johnson, Last, Cardozo, и въ особенности O'Neill, въ теченіе послѣдней половины этого вѣка, прошли по Мозамбикскому краю во всевозможныхъ направленіяхъ, при чемъ окончательное присоединеніе этого края къ извѣстному міру совершилось, именно, со времени путешествій O'Neill, который, при посредствѣ путевниковъ, тщательно измѣренныхъ и въ общемъ равняющихся 7.000 километровъ, установилъ связь между берегами р. Ширэ и озера Ньясса, съ одной стороны, и приморскими портами, съ другой. Не было бы, поэтому, по словамъ одного англійскаго автора, несправедливостью дать этому краю и наименованіе O'Neill's Land (страны О'Нейля), въ видѣ признанія, что этимъ изслѣдователемъ впервые были нанесены на карту истинныя очертанія страны, ея горъ и бассейновъ, озерныхъ и рѣчныхъ ³⁾. Недавно пріобрѣтенная, такимъ образомъ, для науки область обнимаетъ пространство почти въ 350 тысячъ квадратныхъ километровъ, а ея населеніе исчисляется приблизительно въ одинъ милліонъ жителей.

Возвышающіяся внутри страны горы направляются на соединеніе съ «Высокими землями Ширэ» и съ прибрежными цѣпами озера Ньясса. Къ западу отъ Мозамбика, самыми возвышенными оказываются горы Намули, представляющія почти уединенный массивъ, о которомъ недавно думали, будто онъ возвышается до линіи вѣчныхъ снѣговъ, и который во

¹⁾ „Geographische Nachrichten“, 15 april 1887.

²⁾ Westendorp, „Geographentag zu München“, 1885.

³⁾ Cust, „Proceedings of the R. Geographical Society“, July, 1885.

всякомъ случаѣ образуетъ великолѣпную группу, господствующую какъ надъ равнинами, такъ и надъ долинами расходящихся въ разныя стороны рѣкъ. Средній уровень области, на которой покоится эта мощная масса, равняется приблизительно 600 метровъ; болѣе высокіе и болѣе обрывистые на южномъ склонѣ, наружные откосы массива достигаютъ семисотъ или восьмисотъ метровъ надъ полями и ограничиваютъ неровный цоколь, изрѣзанный узкими ущельями, надъ которыми видѣются высокіе конусы, между прочимъ, двуглавый пикъ Намули, отъ котораго заимствовано наименование и всѣхъ данныхъ высотъ вообще; съ Намули, по преданію, снизошла и человѣческая раса. По словамъ путешественника Last'a, высота этого пика надъ уровнемъ моря равняется 2.440 метровъ, а послѣ грозъ, слои града придаютъ ему порою видъ снѣговой горы. На западѣ, Намули отдѣленъ отъ другаго пика глубокимъ ущельемъ, съ почти вертикальными стѣнками въ нѣсколько сотенъ метровъ: съ другихъ сторонъ, склоны его менѣе грозны, но гладкія, словно отполированныя скалы, на которыхъ путешественникъ O'Neill видѣлъ слѣды ледниковаго періода¹⁾, не позволили английскому изслѣдователю взобраться на вершину. Ручьи, весьма обильные въ сезонъ дождей, низвергаются въ видѣ каскадовъ съ верхнихъ плоскогорій и образуютъ многочисленныя рѣки, почти совершенно исчезающія подѣ тѣнью деревь; вплоть до высоты 1.800 метровъ тамъ встрѣчаются деревни, окруженныя зелеными массивами. Вслѣдствіе богатства растительностью, а также и вслѣдствіе красоты пейзажей, горы Намули представляютъ одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ областей Африки. Второстепенные горные массивы, прилегающіе къ Намули, которые тянутся отъ запада къ востоку, постепенно понижаясь и, наконецъ, превращаясь въ террасу надъ равнинами морскаго побережья, представляютъ, покрывающими ихъ лѣсами, контрастъ съ равнинами у ихъ подножія. Къ западу отъ Намули, высоты отчасти размыты и снесены рѣчками; однако, все-таки уцѣлѣло еще нѣсколько группъ горъ съ мощнымъ рельефомъ: таковы горы Миланджи, возвышающіяся къ юго-востоку отъ города Блантира и къ югу отъ того углубленія, въ которомъ помѣщается озеро Шируа. Въ южной части территоріи, по направленію къ Замбези, простираются обширныя равнины, съ разбѣянными уединенными горами; таковы Шиперони и Канга, которыя видны отовсюду съ большаго расстоянія. Въ южной области возвышенія почвы поднимаются надъ плоскогоріемъ незначительно, отъ 100 до 400 метровъ, но откосы ихъ круты, и по многимъ

изъ нихъ трудно подняться²⁾. Что касается той полуостровной полосы, которую ограничиваютъ рѣка Ро-Вума и ея притокъ Лу-Дженда, то надъ нею господствуютъ побочныя гряды прибрежныхъ горъ озера Ньяссы. Внѣ горъ, общій видъ края печаленъ и однообразенъ³⁾.

Между Замбези и Ро-Вума, главныя рѣки начинаются или на горахъ Намули или на соседнихъ массивахъ. Такова р. Уалага, которая подѣ различными наименованіями направляется сначала къ юго-востоку, а затѣмъ къ югу, и изливается въ Индійское море къ сѣверу отъ Замбезской дельты. Лигонья, впадающая въ море на половинѣ разстоянія между Квелимане и Мозамбикомъ, и Лу-Ріу, пересѣкающая страну Ломуэ и впадающая въ бухту, въ 200 километрахъ къ сѣверу отъ столицы, также получаютъ свои первыя воды съ горъ Намули. Многочисленные потоки, менѣе обильные, зарождаются въ предгорьяхъ и изливаются въ бухты побережья.

Ро-Вума, ограничивающая на сѣверѣ Мозамбикскую территорію, представляетъ значительную рѣку, бассейнъ которой охватываетъ почти весь восточный склонъ прибрежныхъ горъ озера Ньяссы; ея первыя притоки зарождаются даже къ югу отъ этого озера, образуя рѣку Лу-Дженда или Лиэнда, которая по дѣлнѣ теченія могла бы считаться главной рѣкой. Недавно даже полагали, что она беретъ свое начало на сотню километровъ южнѣе, въ горахъ Миланджи, и проходитъ чрезъ открытое въ 1859 году Ливингстономъ озеро Килуа или Шируа, Shirwa англичанъ. Но это не вѣрно, потому что Шируа—независимый резервуаръ, безъ водослива; но, кажется, геологически это озеро принадлежитъ къ тому же углубленію, какъ и долина Лу-Дженда, и вѣроятно, въ предшествующую эпоху непрерывность между водами озера и рѣки существовала. Порогъ, ограничивающій съ сѣвера озерной бассейнъ, имѣетъ всего только отъ 4½ до 9 метровъ высоты; впрочемъ, онъ находится болѣе чѣмъ въ двухъ километрахъ къ сѣверу отъ озера, и отъ одного конца до другаго покрытъ большими деревьями, свидѣтельствующими объ осушеніи почвы по крайней мѣрѣ вѣкъ тому назадъ; однако, возможно, что въ годы исключительныхъ дождей воды Килуа наполняютъ также болотистые потоки, находящіеся на его сѣверо-западной оконечности, и соединяются на сѣверѣ съ истоками р. Лу-Дженды, огибая пороги древняго высокаго берега озера; въ этой мѣстности уровень равнины почти горизонталенъ. По словамъ стариковъ, сліаніе водъ, черезъ эту низменную равнину, прежде часто случалось, но въ текущій періодъ уровень Килуа не переставалъ понижаться, такъ что бас-

¹⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, July 1885.

²⁾ Augusto Cardozo, „Boletim da Sociedade de Geographia de Lisboa“, 11 dez. 1889.

³⁾ Chauncy Maples;—O'Neill и т. д.

сейнъ этотъ превратился въ резервуаръ, не имѣющій водослива и подвергающійся только испаренію, и воды его, нѣкогда прѣсныя, нынѣ

метровъ, площадь, приблизительно, около 1.800 квадр. километровъ; но оно не глубоко, и съ восточнаго берега можно далеко идти по его

Вершина Килима - Нджара.

стали совершенно солеными. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи озеро имѣетъ почти четырехугольную форму: длина его около 60 километровъ, ширина, въ среднемъ, около 30 кило-

водамъ въ бродъ. Самая углубленная часть озера находится тамъ, гдѣ, съ запада, надъ нимъ господствуютъ откосы горы Чикала, круто поднимающейся на 600—800 метровъ надъ

озеромъ, которое само лежитъ на высотѣ 593 метровъ надъ уровнемъ океана. Два скалистыхъ острова, Кизи и Китунгуа, круто вздымаются изъ средины водъ и указываютъ на присутствіе подводной гряды, которая пересекаетъ озеро въ направленіи съ сѣверо-востока на юго-западъ, и которая, быть-можетъ, со временемъ выступитъ изъ-подъ воды, какъ выступилъ порогъ, у подошвы котораго сѣверный берегъ теряется въ тростникахъ. Нѣсколько болотъ, ручейковъ и недавно открытое небольшое озеро, Лимби, питаютъ озеро Килуа.

Послѣ того, какъ Килуа перестало быть верховымъ бассейномъ рѣки Лу-Дженда, истокомъ этого главнаго притока Ро-Вумы стали болотистая мѣстность Мторанденга и еще одно болото, по выходѣ изъ которыхъ Лу-Дженда, мѣняя нѣсколько разъ свое наименованіе, послѣдовательно проходитъ чрезъ два продолговатыхъ озера: Чиута и Амарамба. Только по выходѣ изъ озера Амарамба—берега котораго окаймлены хижинами на сваяхъ, служащихъ житницами и мѣстами убѣжищъ для при-озерныхъ жителей,—рѣчной потокъ принимаетъ имя Лу-Дженда. Въ этой мѣстности онъ представляется ручей, текущій ровной и быстрою волною между высокими крутыми берегами. Здѣсь начинается одна изъ наиболѣе красивыхъ и наиболѣе плодородныхъ долинъ Внутренней Африки. Высокіе острова, не затопляемые разливами, слѣдуютъ одинъ за другимъ, покрытые высокими деревьями, съ гирляндами изъ лианъ. По берегамъ потока чередуются луга, воздѣланные поля и рощицы; вдали видѣются вершины голубыхъ горъ.

Лу-Дженда, усиленная всѣми потоками, которые шлутъ ей прибрежныя горы Ньяссы, течетъ безъ крутыхъ излучинъ въ направленіи къ сѣверо-востоку, затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу и, низвергаясь водопадами, сливается съ Ро-Вумою. Эта послѣдняя, зарождающаяся въ небольшомъ разстояніи къ востоку отъ Ньяссы, нисходитъ съ высотъ, имѣющихъ гораздо болѣе крутой уклонъ, въ сравненіи съ тою мѣстностью, по которой течетъ Лу-Дженда. До слиянія съ Лу-Джендою, Ро-Вума проходитъ чрезъ клюзу между гранитными утесами, при чемъ на протяженіи потока разсыпаны громадины глыбы, а куполы утесовъ, видѣющіеся между проломами въ крутыхъ берегахъ, столь же оголены, какъ и эти прибрежные утесы; едва можно примѣтить лишь кое-гдѣ кусты въ расщелинахъ скалы. Хотя здѣсь и область экватора, но пейзажъ имѣетъ видъ ущелья сѣверныхъ странъ, исчерченныхъ ледниками и устѣянныхъ моренами ¹⁾. По выходѣ изъ этихъ ущельй начинается область равнинъ: двѣ главныя вѣтви, Ро-Вума и Лу-

Дженда, всего лишь на высотѣ 222 метровъ соединяются другъ съ другомъ, при подошвѣ одной гладкостѣйной горы. Ниже этого мѣста слиянія рѣка изливается во время половодья часть своей жидкой массы въ два озера, прилежащихъ къ правому берегу, Лидеди и Наганди, которыя, во время спада водъ, шлутъ свои струи обратно въ Ро-Вума ¹⁾. Въ той мѣстности, гдѣ рѣка, переставъ извиваться между островами и вѣтвиться въ низменностяхъ, попадаетъ въ тѣснину между двумя плоскогорьями, господствующими надъ ея нижнимъ теченіемъ, уровень ея ложа не превышаетъ сотни метровъ. Ливингстонъ поднялся по Ро-Вумѣ приблизительно на триста километровъ отъ устья: былъ октябрь, сезонъ низкихъ водъ, и его гребное судно часто задѣвало за дно; между тѣмъ, во время половодій достаточная глубина повсюду нашлась бы даже и для пароходовъ. Изливаясь въ широкую бухту, Ро-Вума не имѣетъ бара передъ своимъ входомъ; тѣмъ не менѣе, проникая изъ моря въ рѣку, лодки подвергаются опасности, по причинѣ водоворотовъ, образующихся отъ столкновенія водъ ²⁾.

Часть морскаго берега, приблизительно въ пятьсотъ километровъ, тянущаяся почти параллельно меридіану, отъ бухты Мокамбо къ устью Ро-Вумы, представляетъ рѣзкую противоположность съ пляжами, которые, въ направленіи съ юго-запада на сѣверо-востокъ, простираются отъ бухты Софала къ дельтѣ Замбези и къ Мозамбикскому побережью. Тогда какъ на югѣ берега низменные, не имѣющіе гаваней, на сѣверѣ побережье глубоко изрѣзано заливами и бухтами, а расчлененные полуострова, продолжающіеся рядами островковъ, далеко выдвигаются въ глубокія морскія воды. Причины этой противоположности: направленіе Мозамбикскаго теченія и дѣятельность приливовъ. Къ югу отъ Ро-Вумы, океаническая рѣка, т. е. Мозамбикское теченіе, проходитъ весьма близко къ берегу, задѣвая подошвы кручъ, ударяясь въ мысы и въ видѣ водоворотовъ вливаясь въ каждую изъ вырѣзокъ поморя. Такимъ образомъ, изъ бухтъ вымываются отлагающіеся въ нихъ осадки. Въ то время, какъ океаническій потокъ совершаетъ это свое дѣло, маленькія животныя, производящія кораллы, выводятъ свои постройки на глубокой водѣ насупротивъ берега. Но между этими новыми образованіями и волнами моря происходитъ непрерывная борьба. Здѣсь подводные рифы преобразуются въ острова; тамъ потокъ проламываетъ менѣе плотные изъ коралловыхъ массивовъ, промываетъ узкіе проходы, чрезъ которые морскіе приливы и отливы, съ быстротою рѣчнаго потока, вкатываются, а затѣмъ обратно сбѣгаютъ съ пороговъ

¹⁾ Josef Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“, February, 1882.

¹⁾ O'Neil, „Proceedings of the R. Geographical Society“, July, 1881.

²⁾ Sailing directions, „Instructions nautiques“.

рѣки. Къ югу отъ Мозамбика морской потокъ перестаетъ примыкать къ берегу, несется мористѣе, и прибрежныя бухты вслѣдствіе этого постепенно завосются иломъ. По наблюденіямъ моряковъ, Мозамбикское теченіе совершается правильно, т. е. въ направленіи съ сѣвера на югъ, девятнадцать дней изъ двадцати; но порою оно задерживается, даже приостанавливается, а въ вѣкоторые исключительные дни наблюдали въ немъ обратное движеніе къ сѣверу ¹⁾.

Между Квелимане и Мазамбикомъ кораллы образуютъ цѣлую цѣпь подводныхъ рифовъ и островковъ, расположенныхъ вдоль берега на разстояніи отъ 20 до 30 километровъ и остающихся между собою и твердою землею узкій проходъ, въ которомъ хорошія якорныя стоянки многочисленны: въ этой морской аллеѣ, внутри отъ подводныхъ рифовъ Примейры и Ангоши, природныя порты-убѣжища слѣдуютъ непрерывнымъ рядомъ. Но въ той мѣстности, гдѣ берегъ принимаетъ направленіе съ юга на сѣверъ, вѣтшіе рейды сѣняются портами, вырытыми въ формаціяхъ самаго побережья. Портъ Мокамбо, обширный бассейнъ, въ которомъ могли бы помѣститься цѣлые флоты, почти повсюду имѣетъ глубины отъ 18 до 27 метровъ. Мозамбикъ съ своего низменнаго острова сторожитъ цѣлый лабиринтъ внутреннихъ портовъ. Бухта Кондуція прилегаютъ къ нимъ на сѣверѣ; за нею слѣдуетъ великолѣпная группа якорныхъ стоянокъ въ бассейнѣ Feg-nao Vellozo или Masasima. Бухты: Мемба, Муамби, Монтепесъ, Ибо, Масимбуа, Майапа—не считая всѣхъ хорошихъ рейдовъ, образуемыхъ островами поморья—дѣлаютъ изъ этого берега одну изъ привилегированныхъ земель для судоходства. Правда, что подводные рифы на глубокой водѣ и набѣгающія на нихъ теченія обзываютъ корабли къ большой осмотрительности. Даже въ сотнѣ километровъ отъ берега, мористѣе острова Ибо, существуетъ значительное приподнятіе морскаго дна, банка Св. Лазаря, гдѣ суда садились на мель, но почти на всемъ своемъ протяженіи она покрыта слоемъ воды отъ 12 до 36 метровъ.

На Мозамбикскомъ берегу пассатныя вѣтры не сильны и часто отклоняются отъ своего нормальнаго направленія тепловыми фокусами, образующимися то на западѣ, то на востокѣ, на берегу материка или на большомъ островѣ Мадагаскарѣ. Кромѣ того, широкій, направляющійся съ сѣверо-востока на юго-западъ, Мозамбикскій проливъ представляетъ легкій для прохожденія воздушныхъ теченій путь, которымъ они обыкновенно и слѣдуютъ въ томъ или въ другомъ направленіи, къ экватору

или, наоборотъ къ полюсу: подобно тому, какъ это наблюдается въ горныхъ долинахъ, вѣтры здѣсь чередуются, то нисходятъ, то восходятъ. При этомъ, болѣе всего пассатныя вѣтры чувствуются въ холодную половину года, съ апрѣля по сентябрь, когда солнечныя лучи вертикально падаютъ на сѣверѣ отъ экватора; тѣмъ не менѣе, даже и въ это время года, вѣтры обыкновенно отклоняются къ сѣверу: они огибаютъ съ юга громадную массу острова Мадагаскара и, несясь надъ Мозамбикскимъ проливомъ, устремляются прямо на сѣверъ, къ морскимъ пространствамъ около Занзибара. Съ октября по мартъ, когда солнце находится надъ южнымъ полушаріемъ и когда вся система воздушныхъ потоковъ передвинулась на югъ, господствующими вѣтрами на Мозамбикскомъ берегу являются вѣтры сѣверо-восточныя; они дуютъ параллельно поморью, въ томъ же самомъ направленіи, которому, внизу, въ проливѣ, слѣдуетъ водный потокъ, несущійся съ среднею скоростью отъ 3 до 7 километровъ въ часъ. Въ этихъ морскихъ областяхъ ураганы весьма рѣдки: сорокъ лѣтъ прошло безъ потрясенія атмосферы бурями этого рода передъ тѣмъ, какъ въ январѣ 1841 года разразился циклонъ, взволновавшій Мозамбикскія воды до самаго дна, вырвавшій якоря и выкинувшій суда на берегъ. Въ слѣдовавшіе затѣмъ два года, и въ тотъ же самый мѣсяцъ, было еще по урагану.

Количество дождей, выпадающихъ въ предѣлахъ бассейна Ро-Вумы и другихъ прибрежныхъ рѣкъ, къ сѣверу отъ Замбези, не настолько значительно, чтобы могло питать густолиственную и многовѣтвистую растительность; поэтому высокорослыя деревья, сплоченныя, при посредствѣ обвивающихъ ихъ лианъ, въ единую, непроницаемую массу, встрѣчаются лишь по берегамъ проточныхъ водъ. Но, хотя въ прибрежной области лѣса только и встрѣчаются, что на орошенныхъ земляхъ, тѣмъ не менѣе весьма трудно проникнуть и чрезъ чащи на террасахъ: кусты и деревца дотога переплетаются другъ съ другомъ, что можно идти по террасѣ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и ни разу не ступить на самую почву. Караваны, которымъ случается прокладывать путь чрезъ эти заросли, подвигаются впередъ лишь весьма медленно; носильщики бываютъ вынуждены прорубать галереи подъ вѣтвями деревьевъ, обходить выдающіеся изъ-подъ земли многочисленные корни, а порою и проползать подъ сѣтями перепутавшихся лианъ. Къ западу отъ этихъ чащей приморскихъ террасъ, внутреннія долины еще бѣдѣе водою, и для растительнаго убранства ихъ имѣются только травы да колючія мимозы: лѣса въ собственномъ смыслѣ этого слова видныются только на склонахъ горъ, выставленныхъ всею силѣ вѣтровъ, ко-

¹⁾ O'Neil, „Proceedings of the R. Geographical Society, June“, 1885.

которые тамъ отлагаютъ свою ношу оплодотворяющихъ землю дождей ¹⁾. Копаловое дерево и доставляющая каучукъ лиана произрастаютъ только въ поясъ кустарника.

Мозамбикская фауна удивительно богата; область верховой Лу-Дженды и равнина, по которой Ро-Вума протекаетъ къ низу отъ слиянія съ своимъ главнымъ притокомъ,—такіе края для охоты, какихъ мало въ Южной Африкѣ: различные виды антилопъ, гну, буйволы, кваги и зебры водятся тамъ мірадами; равнымъ образомъ, многочисленны тамъ и великорослыя животныя изъ семейства кошачьихъ: львы, леопарды и гіены. Но это обиліе животныхъ объясняется малочисленностью людей.

Въ еще близкую къ намъ эпоху, долина Ро-Вумы была густо населена; въ наши же дни на сотню километровъ книзу отъ слиянія Ро-Вумы съ Лу-Джендою видны не деревни, а только многочисленные развалины, окруженные покинутыми банановыми рощами; край опустошенъ, и нынѣ, когда не осталось уже ничего болѣе для разрушенія, дикія животныя снова завладѣли долиною. Единственные туземцы, разбѣянные стада которыхъ еще встрѣчаются на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, суть ма-тамбуэ, защищенные отъ своихъ враговъ рукавами рѣки: въ сухое время года они проживаютъ на островахъ Ро-Вумы, но въ разливы, когда ихъ хижины и поля скрываются подъ водой, они устраиваются на крутизнахъ праваго берега ²⁾. Нѣкоторыя семейства ма-тамбуэ проживаютъ, въ качествѣ гостей, а то и рабовъ, у тѣхъ могущественныхъ колѣнъ, которыя дали имъ убѣжище. Въ глухихъ поселкахъ, въ области слиянія Ро-Вумы и Лу-Дженды, укрываются группы туземцевъ ма-пьянджа, боязливыхъ дикарей, родственныхъ племени ма-тамбуэ.

Опустошителями края были ма-гуангуара (маконгуара, по Augusto Cardoso), которые кочевали къ сѣверу отъ Ро-Вумы, по сѣверо-восточнымъ берегамъ Ньяссы и въ предѣлахъ области истоковъ Ру-Фиджи. Къ этимъ ма-гуангуара присоединялись другіе хищники, которыхъ вообще называютъ ма-вити, какъ и кафровъ изъ-за Ньяссы; однако, присвоеніе имъ этого прозвища не справедливо, такъ какъ эти воображаемые ма-вити суть уа-нинди, изъ честолюбія стремящіеся продолжать дѣло тѣхъ завоевателей, которые, убивая и сжигая, проходили нѣкогда по ихъ территории, и у которыхъ они позаимствовали какъ воинское одѣяніе, оружіе, обычаи, тактику, такъ даже и самое имя зулусовъ. Въ край этихъ чернокожихъ, Porter слышалъ только о двухъ инди-

видахъ, которые дѣйствительно были изъ кафровъ ¹⁾. Покинувъ свои деревни, находившіяся къ сѣверу отъ Ро-Вумы, уа-нинди превратили въ пустыню весь край ма-тамбуэ; долгіе годы всѣ рынки на морскомъ берегу были переполнены сотнями и тысячами продаваемыхъ имъ рабовъ, и цѣна человѣка стала ниже стоимости козы или барана. Нынѣ уже не то: уа-нинди возвратились въ свои становья и снова предались обработкѣ почвы. Имъ нечего уже было опустошать въ то время, когда занзабарскій султанъ вмѣшался съ цѣлью остановить ихъ хищничества.

Ма-куа занимаютъ обширную территорію на западъ отъ Мозамбикской бухты вплоть до горъ Намули и до тѣхъ озеръ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣка Лу-Дженда. Они подраздѣляются на многочисленные народцы, къ которымъ принадлежатъ также медо и михавани; почти всѣ они враждуютъ другъ съ другомъ, хотя и весьма близки между собою по нравамъ и языку; однако, способомъ прически, татуировкою лица и стачиваніемъ зубовъ каждое колѣно отличается отъ остальныхъ. Междоусобныя войны ослабили расу въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій; развалины деревень и покинутые плодовые сады и поля виднѣются во многихъ мѣстностяхъ; значительныя пространства превратились въ пустыни; массивъ горъ Намули, нѣкогда столь плодородный, нынѣ совершенно обезлюдѣлъ. Культъ духовъ всеобщій, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, между прочимъ, и въ Мпассу, по дорогѣ изъ Квелимане въ Блантиръ,—у каждаго домика имѣются свои украшенія, принесенныя въ даръ духамъ; передъ каждымъ селомъ навалены кучами приношенія, пища и товары, должествующіе привлечь благосклонный взоръ боговъ ²⁾. Last посѣтилъ недавно на южныхъ склонахъ горъ Намули и на берегахъ рѣки Лу-Кугу одно колѣно племени ма-куа, воинамъ котораго еще и теперь питаются человѣческимъ мясомъ. Это—ма-уа: они съѣдаютъ порою своихъ собственныхъ мертвецовъ, затѣмъ плѣнныхъ, а часто также рабовъ и людей, втайнѣ осужденныхъ изъ-за ихъ волшебства или изъ-за дородности. Жертва не должна знать объ участи, которая ее ожидаетъ: въ какомъ-нибудь праздникѣ она упивается пивомъ рядомъ съ своими палачами, которые, затѣмъ, внезапно ее схватываютъ и убиваютъ.

Подобно своимъ сестрамъ въ племенахъ ма-ганья, ма-виха и другихъ, женщины изъ племени ма-куа носятъ пелеле. Онѣ считаютъ себя равными мужчинамъ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ имъ принадлежитъ даже первенство. Ихъ право имѣть собственность при-

¹⁾ Josef Thomson, „Proceedings of the R. Geographical Society“. February, 1882

²⁾ J. T. Last, „Proceedings of the R. Geographical Society“, August, 1887;—Thomson, упомя. отчетъ.

¹⁾ „Journal of the Manchester Geographical Society“, Yuli—Dec. 1886.

²⁾ Rankin, „Proceedings of the R. Geographical Society“, October 1886.

знается вполне; онѣ имѣютъ хозяйства, хижины и нивы и могутъ располагать ими по произволу; въ случаѣ развода, земля и дѣти принадлежатъ женѣ. Со всѣмъ тѣмъ, жены главаря становятся передъ нимъ на колѣни и приветствуютъ его по командѣ, хлопая въ ладоши; одна изъ нихъ сопровождаетъ его и подаетъ ему мечъ. Часто, вмѣстѣ съ трупомъ какого-нибудь могущественнаго лица, зарывали въ той же могилѣ и живыхъ его женъ. Впрочемъ, обычаи весьма различны въ каждомъ изъ колѣнъ, и нѣкоторые изъ нихъ, напр. обрѣзаніе, имѣющее столь существенное значеніе у большей части народцевъ, у ма-куа представляется на волю каждого. Каждое маленькое королевство управляется начальникомъ и совѣтомъ старѣйшинъ, засѣдающихъ въ теченіе почти цѣлаго дня въ публичномъ зданіи, увѣшанномъ кожами леопардовъ. Ма-куа весьма умѣлые говоруны, и при всѣхъ празднествахъ, которыя ихъ сосѣди справляютъ, танцуя и распѣвая пѣсни, они предаются состязаніямъ въ спорѣ. Каждого оратора сопровождаетъ другой, держащійся, на подобіе древняго флейщика, позади, для регулированія, съ своей стороны, переливовъ голоса мелодіею гармоническихъ слоговъ, заполнения музыкию пробѣловъ между періодами, придавая патетическимъ фразамъ большей трогательной задушевности, усиленія конца рѣчи подобіемъ отдаленнаго раската грома и завершенія всего ораторствованія замирающимъ рокотомъ, на подобіе теряющагося въ отдаленіи эхо¹⁾.

Ломуэ, которые, по O'Neill'ю, принадлежатъ къ тому же самому корню, какъ и ма-куа, живутъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ Лу-Ріо, къ сѣверу отъ Намули и горъ, которыя продолжаютъ этотъ массивъ къ востоку. Обыкновенно въ нихъ видать лишь простой отпрыскъ ма-куа, но они рѣзко отличаются своимъ языкомъ и, кромѣ того, сами считаютъ себя особеннымъ народомъ. Раньше, чѣмъ ихъ край подвергся изслѣдованію, ломуэ считались однимъ изъ самыхъ страшныхъ племенъ: каждый иностранецъ, рассказывавшій про нихъ, долженъ былъ ожидать отъ совѣта начальниковъ особеннаго приглашенія для вступленія на территорию даннаго племени; иначе смерть его была неминуема. Пустынные пограничныя области охранялись, будто-бы, охотниками на слоновъ, и каждый вступившій на эти земли убивался ими, если принадлежалъ къ другой расѣ или къ другому племени. Эти рассказы не вѣрны. Ломуэ—люди мирные и боязливые, преслѣдуемые, напротивъ, своими сосѣдами ма-куа, и которымъ грозитъ исчезновеніе, если въ этихъ странахъ не возстановится миръ, подъ влияніемъ европейскихъ купцовъ и миссіонеровъ²⁾.

По понятливости и промышленности, первое мѣсто въ Мозамбикской области принадлежитъ уа-хiao или просто яо, называемымъ также аджауа. Эти туземцы—нѣкогда составлявшіе весьма значительную націю, но также много терпѣвшіе отъ набѣговъ ма-вити и другихъ бандъ, носившихъ это имя,—главнымъ образомъ обитаютъ въ верховой долинѣ Лу-Дженды; ихъ встрѣчаютъ также, въ большей или меньшей смѣси съ другими племенами, на берегахъ Ньяссы и Ро-Вумы, и почти повсюду, гдѣ они поселились, они преобладаютъ въ политическомъ отношеніи. Они не обезображиваютъ чертъ своего лица татуировкою, и жены ихъ не носятъ пелеле; весьма чистоплотные какъ въ одеждѣ, такъ и въ жилищахъ, они охотно свыкаются съ чужеземцами и выдѣляются духомъ предприимчивости: ихъ можно было бы прозвать мозамбикскими вуа-ниамзи. Они превосходные земледѣльцы. Яо долины Лу-Дженда превратили ее въ громадный садъ, въ которомъ земляныя фисташки, сладкіе пататы, тыквы, фасоль и мѣстами рисъ произрастаютъ рядомъ съ маисомъ и сорго, т. е. съ хлѣбными растеніями, главнымъ образомъ служащими пищею для мѣстнаго населенія. Въ верхнихъ долинахъ притоковъ Ро-Вумы, они поселились на горахъ съ крутыми подошвами, гдѣ они обезопасены отъ нападей ма-гуангуаръ: верхніе склоны этихъ естественныхъ крѣпостей устья хижинами. Въ мѣстечкѣ Унь-янго Johnson насчиталъ ихъ по крайней мѣрѣ девять тысячъ; вершина горы кишитъ дѣтьми, которыя бѣгаютъ по террасамъ и взбираются на скалы съ ловкостью обезьянъ. Другая скалистая цитадель, Чиуагулу, населена почти такъ же густо, какъ и Уньянго³⁾. Яо часто посѣщаются арабскими торговцами; однако, они остались язычниками, и погребальныя жертвоприношенія, трапезы изъ чело-вѣческаго мяса, хотя и тайно, но все еще практикуются ихъ начальниками. Молодые дѣвушки и слуги зарываются живыми въ могилы ихъ главныхъ начальниковъ: рассказываютъ, что если кому-нибудь изъ обреченныхъ жертвъ случится чихнуть во время погребальнаго шествія, то его тотчасъ же выпускаютъ на свободу, такъ какъ этимъ чиханьемъ духъ смерти выразилъ нежеланіе принять его въ число сотоварищей умершаго⁴⁾. Недавно, яо обнаруживали свою предприимчивость въ особенностяхъ продавцовъ невольниковъ; это при посредствѣ ихъ направлялись почти всѣ караваны съ плѣнными въ Килоа и въ остальные порты морскаго побережья. И этотъ торгъ еще не прекратился совершенно: такъ, Thomson исчислилъ приблизительно въ двѣ тысячи число рабовъ, продаваемыхъ яо

¹⁾ O'Neill, „Proceedings of the R. Geographical Society“, April, 1882.

²⁾ O'Neill, *упомянуто* соч.

³⁾ „Proceedings of the R. Geographical Society“, September, 1884.

каждый годъ на поморья. Вообще, бассейнъ Ро-Вумы есть, быть-можетъ, та африканская страна, гдѣ очевиднѣ всего ужасныя послѣдствія торговли рабами; поля запущены, деревни повыжжены, а жители разбѣяны. Въ началѣ этого вѣка каждый годъ рабовъ вывозилось отъ 4 до 5 тысячъ. Вообще, мозамбикские негроторговцы были настолько могущественны, что устроили возстаніе, когда Португалія провозгласила отмѣну торгова неграми.

Благодаря трудности доступа въ ихъ края, ма-виха или ма-хиба, живущіе въ обнесенныхъ крѣпкими частоколами деревняхъ, расположенныхъ по поморью на защищенныхъ чащами кустарника полянахъ, могли ускользать отъ торговцевъ, но только при условіи, съ одной стороны, удаленія своихъ поселеній отъ торговыхъ путей, а съ другой, запрещенія арабамъ вступать въ свои деревни. Однако, покупщики конала и каучука въ концѣ концовъ проникли къ нимъ, и они исподволь втянулись въ кругъ торговаго тяготѣнія къ португальскимъ гаванямъ. Ма-виха замѣчательны граціозностью своего тѣла и изяществомъ манеры держаться, но они обезображиваютъ себя проведеніемъ надрѣзовъ на кожѣ, и не только женщины, но даже и мужчины носятъ пелеле на верхней губѣ. Для жены пелеле изготовляется самъ мужъ, при чемъ этотъ предметъ становится символомъ любви и вѣрности, на-подобіе кольца у европейскихъ супруговъ. Когда жена умираетъ, то мужъ благоговѣйно сохраняетъ ея пелеле и никогда не позабудетъ взять его съ собою, идя посѣтить могилу и возить на нее пиво ¹⁾. O'Neill полагаетъ, что ма-виха принадлежатъ къ той же расѣ, какъ и ма-конде изъ-за Ро-Вумы: нравы у нихъ одни и тѣ же, и прибрежные жители смѣшиваютъ ихъ подъ однимъ и тѣмъ же наименованіемъ. И у той, и у другой націи женщины имѣютъ право выбора себѣ мужей.

Пристани прибрежья, гдѣ поселились европейцы и азіаты для торговли съ неграми внутри материка, не многочисленны, и ни одна изъ нихъ не превратилась еще въ большой городъ. Правда, что въ отдаленныхъ отъ океана областяхъ станы миссіонеровъ являются небольшими колоніями, гдѣ туземныя населенія приходятъ въ соприкосновеніе съ новою цивилизаціею.

Къ сѣверо-востоку отъ Квелимане первый посѣщаемый портъ — Ангошъ, бывшее пристанище негроторговцевъ; но начальнымъ пунктомъ телеграфнаго кабеля и пристанью для срочныхъ пакетботовъ служить тотъ знаменитый островъ, которымъ португальцы овладѣли въ началѣ семнадцатаго столѣтія и на кото-

ромъ, спустя семь лѣтъ, они основали столицу всѣхъ своихъ владѣній въ Восточной Африкѣ. Островъ Мозамбикъ былъ уже большимъ арабскимъ рынкомъ и торговалъ съ Индіей, когда въ 1498 году къ нему присталъ Васко-де-Гама, и португальцамъ осталось лишь построить укрѣпленіе для того, чтобы обезпечить за собою обладаніе главной пристанью по дорогѣ къ Гоа. Островъ этотъ, каралловый утесъ въ нѣсколько сотенъ метровъ въ ширину и въ три километра въ длину, на половину закрываетъ входъ въ большую бухту Моссориль, представляющую вполнѣ безопасное убѣжище для тѣхъ судовъ, которыя во время юго-восточнаго муссона отстаиваются въ Мозамбикѣ и которыя находятъ въ Моссорильской бухтѣ якорныя стоянки съ углубленіемъ отъ 7 до 13 метровъ; однако, къ востоку отъ острова простирается другой портъ, хорошо защищенный отъ морскаго волненія каралловыми отмелями, низменными островами и мысомъ Кабесейра, вдающимся въ океанъ къ сѣверо-востоку отъ Мозамбика и соединяющимся съ твердою землею при посредствѣ лѣсистаго перешейка. Городъ Мозамбикъ — въ которомъ нѣтъ уже и слѣда арабскаго господства — обладаетъ нѣсколькими порядочными зданіями португальской постройки; защищаютъ эти зданія пушки крѣпости Санъ-Себастьянъ, помѣщающейся на южной оконечности острова, а хижины «чернаго города» тѣнятся въ южной части Мозамбика, около форта Санъ-Лоренсо. На этомъ безводномъ островѣ дождевая вода собирается самымъ тщательнымъ образомъ и весьма дорого продается проходящимъ мимо кораблямъ. Недавно пришедшій было въ упадокъ вслѣдствіе уменьшенія торговли, этотъ португальскій городъ снова поднялся въ послѣднее время, какъ административный центръ провинціи, предназначенной къ политическому слиянію съ Анголою, и торговое движеніе опять усилилось. Въ 1893 году въ Мозамбикѣ было въ приходѣ и отходѣ 137 судовъ съ вмѣстимостью 155.982 тонны. Что касается цѣнности товаровъ въ этомъ году, то на долю ввоза приходилось 607.165, а на долю вывоза 401.127 милльрейсовъ. Вывозятъ въ особенности гумми и слоновую кость; вывозъ каучука начался всего лишь въ 1873 году, и въ шесть лѣтъ продажа этого продукта возросла для Мозамбикскаго порта уже на 1.250.000 франковъ; однако, она такъ же быстро сократилась, вслѣдствіе опустошенія цѣлыхъ лѣсовъ; также и слоны къ востоку отъ Ньясы почти истреблены. Направленіе торговли, производимой почти исключительно съ Англіей и Франціей, находится въ рукахъ нѣсколькихъ сотенъ бѣлыхъ, португальцевъ изъ Гоа, цѣльныхъ людей и баньяновъ; ввозъ же тканей какъ сюда, такъ равно и въ порты Ибо и Квелимане, почти цѣликомъ производится не-

¹⁾ J. T. Last, "Proceedings of the R. Geographical Society". August, 1887.

гоціантами изъ Бомбея. Главную массу населенія составляютъ чернокожіе магометане, родомъ изъ различныхъ поморскихъ племенъ, но уже потерявшіе свои первоначальныя привычки и отличительныя признаки, и исподволь превращающіеся въ такихъ же пролетаріевъ, какіе наполняютъ европейскіе порты; говорятъ они на весьма испорченномъ жаргонѣ языка ма-куа, одного изъ тѣхъ нарѣчій Восточной Африки, которыя наилучше изучены миссіонерами. Мозамбикъ, имѣющій (1887 г.) слишкомъ 7.000 жителей, представляетъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ мѣстностей на восточномъ побережьи Африки, которыя обладаютъ «учеными» обществами—между прочимъ обществомъ географическимъ—и гдѣ также издаются газеты и книги. На одной изъ сосѣднихъ съ городомъ низменностей собираютъ соль, которую свѣдущіе люди сравниваютъ съ сетувальской, лучшей въ Европѣ ¹⁾.

Естественную принадлежность Мозамбика составляютъ также *Terras Firmes*, или «твердая земля» на берегахъ бухты, съ выстроившимися на нихъ деревнями; въ одной изъ нихъ, называемой Моссорилъ, находятся дачи губернатора и европейскихъ негодіантовъ. Деревня эта лежитъ въ десяти километрахъ въ десяти къ сѣверо-западу отъ города, около основанія полуострова Кабесейра, раздѣляющаго бухты Моссорилъ и Кондусія. Этими великолѣпными природными гаванями: Мокамбо, на югѣ, и Кондусія на сѣверѣ отъ Мозамбика, не пользуются какъ по причинѣ рѣдкости прибрежныхъ жителей, такъ и вслѣдствіе отсутствія дорогъ во внутреннія области. Даже чудная группа портовъ, которую находятъ корабли къ сѣверу отъ Кандусіи, въ заливѣ Фернандо Веллозо (*Veloso*), если не безызвѣстна морякамъ, то по крайней мѣрѣ не утилизируется ими; но туземцы хорошо знаютъ ей цѣну, такъ какъ прозвали этотъ заливъ «Мозазима», т. е. «Превосходное убѣжище». Онъ проникаетъ километровъ на десять внутрь земель и на своей оконечности дѣлится на два весьма глубокихъ и защищенныхъ отъ всякихъ вѣтровъ порта. Сѣверо-западный портъ, называемый *Nuxene-xé, Belmore-harbour* англичанъ, имѣетъ на порогѣ передъ входомъ въ него слой воды толщиною въ 20 метровъ; Икала, юго-западный портъ, хотя и менѣе глубока на протяженіи узкаго канала, посредствомъ котораго онъ сообщается съ моремъ, но, тѣмъ не менѣе, и въ немъ достаточно воды для самыхъ большихъ судовъ и даже для цѣлыхъ флотовъ ²⁾. Восточный берегъ этого великолѣпнаго бассейна, раздѣляющагося на нѣсколько второстепенныхъ портовъ, вздымается въ видѣ кручъ и мысовъ, высотой отъ 30 до 60 ме-

тровъ; повидимому, мѣстность эта имѣетъ здоровый климатъ и была бы пригодна для европейской колонизаціи. Западный берегъ низменъ, но тамъ въ море изливаются нѣсколько небольшихъ потоковъ, и наносная почва могла бы производить рисъ, табакъ и сахарный тростникъ. Въ 1870 году эта область была обитаема; нынѣ же она совершенно опустѣла, такъ какъ туземныя племена удалились къ сѣверо-востоку, на полуостровъ Муамхакома, спасаясь отъ притѣсненій царька племени куа.

Въ трехстахъ километрахъ къ сѣверу отъ португальской столицы находится другая торговая гавань, портъ Ибо или Уибо. Островъ, на которомъ построенъ этотъ городокъ, главный пунктъ округа Кабо Дельгадо, — большаго Мозамбикскаго рифа, а при низкой водѣ онъ соединяется на югѣ также съ другимъ островомъ, Кверимба; но портъ, впрочемъ, вполне защищенный отъ вѣтровъ и волненія, гораздо мельче, чѣмъ оба порта столицы. Въ 1754 году португальцы, издавна уже основавшіеся въ Кверимбо, укрѣпили островъ Ибо, гдѣ условія защиты противъ пиратовъ были болѣе благоприятны; однако, возрастаніе населенія и торговли шло весьма медленно, такъ какъ коралловые острова, находящіеся вдоль морскаго побережья, представляютъ безплодные утесы, а ближайшая внутренняя область, именно территория племени ма-биха, населена весьма слабо и къ тому же слишкомъ свирѣпыми людьми, чтобы съ ними могла установиться правильная торговля. На берегу Ибо часто набирались туземные рабочіе для плантацій французскаго острова Носси-ба. Въ общемъ торговля въ Ибо въ 1884 году достигала суммы въ 610 тысячъ франковъ, изъ которыхъ 374 тысячи приходились на долю ввоза, а 236 тысячъ на долю вывоза.

Между многочисленными островами, рядъ которыхъ тянется на сѣверъ вплоть до мыса Дельгадо, многіе, между прочимъ, Матемо, имѣютъ небольшія группы такого населенія, къ которому уже прикоснулась цивилизація, а нѣкоторыя изъ деревень находятся даже подъ непосредственнымъ управленіемъ португальскихъ чиновниковъ. Такова деревня Мазимбуа (Мюсимба), въ бухтѣ того же имени и въ сотнѣ километровъ къ югу отъ устья Ро-Вумы. Извѣстно также, что въ недавнюю эпоху португальцы возвратили себѣ силу оружія обладаніе бухтою Tungue, которая обезпечивалась за ними какъ прежними трактатами, такъ и конвенціею, заключенною ими въ 1886 году съ Германіею, но которую занзибарскій султанъ пытался оснаживать у португальцевъ, подстрекаемый арабскими негодіантами, управлявшими даннымъ округомъ и въ силу тѣхъ географическихъ изслѣдованій, которыя были произведены въ краѣ отъ его имени. Сила

¹⁾ «As Colonias Portuguezas».

²⁾ Augusto de Castilho, «O Zimbezo».

осталась на сторонѣ европейской державы и ея канонерокъ. Но если эта держава и стала сюзереномъ для всего поморья, то представителей ея тамъ пока еще слишкомъ мало. Въ 1857 году прямо изъ Португаліи была прислана группа эмигрантовъ для колонизаціи, къ югу отъ Ибо, береговъ бухты Муамби или Немба, одной изъ наиболѣе безопасныхъ на поморьи. Этихъ эмигрантовъ бесплатно снабдили землями, скотомъ, провизіею и оружіемъ; но, взамѣнъ всего этого, ихъ подвергли строгой дисциплинѣ, личному надзору и наблюденію въ религіозномъ отношеніи. И унадокъ колоніи, не взирая на сравнительно здоровое мѣстоположеніе ея, послѣдовалъ быстро. На-супротивъ Ибо, на твердой землѣ, находится деревня Кизанга, представляющая небольшой портъ въ бухтѣ Монтенесъ (Montepes), въ которую впадаетъ рѣчка Мтепуэзи.

Управленіе Мозамбикомъ, считавшимся нѣкогда простою пристанью на пути въ Индію, зависѣло до половины XVIII столѣтія отъ Гоа. Съ 1752 года, онъ непосредственно присоединенъ къ Португаліи. Такъ же, какъ Ангола, онъ управляется генераль-губернаторомъ, при которомъ состоитъ совѣтъ изъ высшихъ чиновниковъ. Кромѣ того, провинціальный совѣтъ разсматриваетъ и утверждаетъ мѣстные бюджеты, равно какъ вѣдаетъ и дѣла второстепенной важности. Специальныя коммиссіи завѣдуютъ финансами, публичными работами и гигиеною. Во всѣхъ этихъ коммиссіяхъ и совѣтахъ провинція не имѣетъ своихъ избранныхъ представителей, но прямою подачею голосовъ ея жители выбираютъ двухъ депутатовъ въ кортесы въ Лиссабонѣ. Мозамбикскій бюджетъ, всегда дающій дефицитъ, утверждается центральнымъ правительствомъ. Въ финансовомъ 1894—95 году доходы простирались до 1.335.800, а расходы доставили 1.555.238 мильрейсовъ. Доходы доставляются, главнымъ образомъ, таможенными и поголовною податью въ 8 фр. 60 сантимовъ съ каждого главы туземнаго семейства. Народное образованіе весьма слабо развито въ провинціи. Такъ, въ учебномъ 1882—83 году начальныхъ училищъ въ Мозамбикѣ было: для мальчиковъ 13, для дѣвочекъ 8; всѣхъ же учащихся было 385 ¹⁾. По почтѣ въ 1883 году переслано 117.829 предметовъ, изъ которыхъ 79.796 было писемъ. Телеграммъ переслано 25.166.

Епархія Мозамбикская, еще и до сихъ поръ подчиненная архіепископѣ въ Гоа, имѣетъ свою паству только въ лицѣ португальцевъ и цвѣтныхъ людей изъ торговыхъ заведеній. Хотя первая миссія іезуитовъ, выѣхавшая изъ Гоа, направилась въ «Мономотану» для «просвѣтленія невѣрныхъ, столь же черныхъ

душою, какъ и тѣломъ», и хотя, позже, всѣ военныя экспедиціи были сопровождаемы миссіонерами, которые должны были «покорять туземцевъ ученіемъ Христа, какъ солдаты покоряли ихъ мечемъ» ¹⁾, однако, различныя племена внутри страны не сдѣлались христианами. Споры іезуитовъ съ доминиканцами, присылка священниковъ, осужденныхъ за гражданскія преступленія или за симонію ²⁾, и въ особенности торговля невольниками, язычниками или христианами, привели къ исчезновенію большинства приходовъ, основанныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ приморскихъ городовъ, и церкви превратились въ развалины: остатки ихъ, возбуждающіе суевѣрный страхъ у туземцевъ, еще и до сихъ поръ видны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ 1862 году торговля рабами еще производилась между Мозамбикомъ и островомъ Кубою: только въ этомъ году она была окончательно запрещена на большомъ испанскомъ островѣ. Въ Мадагаскарѣ съ африканскаго берега привозилось такъ много рабовъ, что сакалзы и ховасы такъ и называли ихъ: «мозамбиками». Окончательно исчезло рабство въ португальскихъ владѣніяхъ на морскомъ берегу только въ 1878 году.

Провинція дѣлится на округа, управляемые губернаторомъ, который облеченъ своими полномочіями, въ селахъ или племенахъ, либо туземныхъ главарей, либо капитанъ-майоровъ (capitães mors). Въ нижеслѣдующей таблицѣ показаны десять округовъ провинціи, ихъ наименованія и исчисленное или предполагаемое населеніе нѣкоторыхъ изъ окружныхъ городовъ, со включеніемъ также и зависящихъ отъ нихъ предмѣстій, населенныхъ черными.

Округи.	Главные города.	Число жителей.
Кабо Дельгадо....	Ибо.	
Мозамбикъ.....	Мозамбикъ.....	7.000
Ангошъ.....	Ангошъ.....	
Квеллимане и Сена.	Квеллимане.....	7.000
Софала.....	Софала.....	2.000
Шилоанъ и Базаруго.....	Шилоанъ.	
Мавижа.....	Вилла Гувейа.	
Ихамбанъ.....	Ихамбанъ.....	6.000
Лоренсо Маркешъ.	Лоренсо Маркешъ.	1.200
Тете и Зумбо....	Тете.....	4.000

¹⁾ Francisco Maria Bordalo, «Provincia de Moçambique, Ensaios sobre a Estatística das Possessões Portuguezas».

²⁾ «A Africa Portuguesa».

¹⁾ «Annuaire statistique do Portugal».

Глава XI.

Занзибаръ.

Германскій протекторатъ въ Восточной Африкѣ.

I.

Область поморья, простирающаяся къ сѣверу отъ Ро-Вумы вплоть и даже по ту сторону Момбаза, вѣкогда принадлежала, подобно Мозамбикскому берегу, португальцамъ; благодаря торговымъ сношеніямъ, ихъ власть распространилась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже на нѣкоторое разстояніе отъ берега внутрь материка; но въ концѣ XVII вѣка, возстаніи чернокожихъ, поддерживаемыя нападеніями арабовъ, побудили бѣлыхъ очистить свои крѣпости, и весь берегъ твердой земли, находящійся насупротивъ Занзибара и двухъ сосѣднихъ острововъ, подпалъ подъ власть Маскатскаго султана. Въ продолженіе полутора вѣка, этотъ государь поддерживалъ свою власть, въ качествѣ «короля моря», отъ Персидскаго залива до мыса Дельгадо; затѣмъ, въ 1856 году, имперія распалась, и африканскіе берега, на протяженіи приблизительно 1.500 километровъ, достались на долю одного изъ сыновей Маскатскаго повелителя; династія этого новаго государя, благодаря совѣтамъ и почти нахожденію подъ протекторатомъ Великобританіи, стала могущественною: имя занзибарскаго султана уважалось во всей Восточной Африкѣ вплоть до Танганьики, въ бассейнѣ Конго; благодаря, именно, его поддержкѣ, путешественники и могли приводить къ благополучному окончанію изслѣдованія, которыя они производили къ западу отъ занзибарскихъ владѣній, внутри материка. Затѣмъ вліяніе Англіи смѣнилось вліяніемъ Германіи, и занзибарскій султанъ превратился въ простаго вассала.

Германцы — извѣстные между туземцами подъ именемъ *ма-дучи* — впервые направили свои стремленія къ приобрѣтенію территорій на восточномъ берегу Африки въ 1884 году и, по минованіи всего трехъ лѣтъ, область ихъ господства стала весьма значительною; въ той части материка, которая находится насупротивъ Занзибара, между двумя рѣками Кингани и Ру-Фу, эта область обнимаетъ пространство въ 55.660 квадр. километровъ; и однако, это лишь небольшая часть той громадной колоніальной державы, къ постепенному созданію которой вплоть до о. Танганьики,

истока Конго, и до о. Ньянца, истока Нила, стремилась Германія. Въ завладѣніи страшною, германскіе торговцы, увѣренные въ поддержкѣ своего правительства, дѣйствовали съ рѣдкимъ благоразуміемъ и рѣшительностью. Переодѣтые бѣдными переселенцами, они высадились въ Саадави, и семь дней спустя ими уже былъ подписанъ первый присоединительный трактатъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали и многіе другіе. Имъ надо было поскорѣ опереться на совершившіеся факты, и въ слѣдующемъ году они получили отъ берлинскаго правительства сначала «охранную грамоту», а затѣмъ императорскую хартію, и съ этого момента они были уже вполне увѣрены въ томъ, что отнынѣ ихъ интересы будутъ охраняемы противъ занзибарскаго султана и Великобританіи. Германскій флотъ появился передъ резиденціей, и подъ жерломъ пушекъ султанъ призналъ, что всѣ территоріи материка, возврата себѣ которыхъ онъ еще требовалъ, перестали уже принадлежать ему: даже два еще оставшихся у него главныхъ порта на морскомъ побережьи онъ отдалъ агентамъ германской таможни, поступившись, такимъ образомъ, и ключами отъ своей казны. Въ 1886 году, специальная конвенція, заключенная съ Англіей, признала не только уже сдѣланныя германцами присоединенія, но даже и тѣ, которыя могутъ совершиться впослѣдствіи: условная линія, проведенная въ направленіи къ юго-востоку отъ края Кавирондо (на восточномъ берегу Ньянца) къ побережью Индійскаго океана, и проходящая къ сѣверу отъ колосса африканскихъ горъ, вѣчно-снѣжнаго Килима-Нджаро, разграничиваетъ отнынѣ «поясы вліянія», или скорѣе тѣ соответственныя территоріи, которыя Германія и Англія присоединяютъ къ своимъ колоніальнымъ имперіямъ послѣ того, какъ утвердятся въ первоначальныхъ своихъ приобрѣтеніяхъ. На югъ будущее владѣніе Германіи ограничено рѣкою Ро-Вума. За предѣлами узкой прибрежной полосы, фиктивно признанной принадлежащею занзибарскому султану, область, изсбражаемая на картахъ германскою, занимаетъ поверхность въ 350 тыс. квадр. километровъ, а народонаселеніе ея исчисляется приблизительно въ три милліона.

Упроченное такимъ путемъ съ политической точки зрѣнія финансовое товарищество, заключившее первые трактаты, могло преобразоваться въ болѣе могущественную компанію, располагающую значительными капиталами. Ему служить также персоналъ ученыхъ изслѣдователей, которые изучаютъ минеральныя, земледѣльческія и торговыя богатства края, указываютъ мѣстности, подлежащія занятію, и обозначаютъ направленія тѣхъ дорогъ, которыя соединятъ внутреннія станціи съ прибрежными гаванями. Многочисленные посты уже основаны въ долинахъ рѣкъ Кингани, Уами и Ру-Фу, при чемъ плантаторы уже расчистили нови въ ихъ окрестностяхъ, для посадки кофейнаго деревца, хлопчатника, табака и европейскихъ и африканскихъ овощей. Германскіе миссіонеры, какъ протестанты, такъ и католики, отправились для поселенія въ этихъ новыхъ колоніяхъ и основанія тамъ церквей и школъ. Благодаря вмѣшательству папы, издавна пребывавшіе въ краѣ французскіе миссіонеры были замѣнены германцами. Но, какъ бы ни были дѣятельны «протекторы» племенъ, проживающихъ между Занзибарскимъ проливомъ и Танганьикою, имъ все-таки еще предстоитъ ознакомиться съ большимъ пространствомъ присоединенной территоріи. Нанлучше изслѣдованная область въ данной части материка—это полоса караванныхъ дорогъ, перекрещивающихся линіи которыхъ извиляются чрезъ У-Гого и У-Ніамези, между берегами, съ одной стороны, Индійскаго океана, а съ другой, озера Танганьики: этотъ край пройденъ Burton'омъ и Speke'мъ, Ливингстономъ, Стэнли и Самерсон'омъ, а со времени этихъ піонеровъ науки также цѣлою толпою другихъ европейскихъ путешественниковъ, торговцевъ, миссіонеровъ или солдатъ. Часть этой территоріи была даже тщательно снята при помощи астрономическихъ наблюденій: первая карта окрестностей Кондоа, въ долинѣ Уами, основана на серьезной триангуляціи¹⁾. Но по обѣ стороны большихъ торговыхъ путей, къ югу и къ сѣверу, обѣ обширныхъ пространствахъ имѣются лишь смутныя свѣдѣнія, исходящія отъ туземцевъ, и каждый путешественникъ иначе чертитъ ихъ карты. *По трактату 1 июля 1890 г., Германія уступила Англіи Виту и всѣ лежащія сѣвернѣе владѣнія, въ обмѣнъ на о. Гельголандъ, но получила признаніе своего сюзеренитета надъ всей притянутой ею областью, отъ морскаго берега до трехъ большихъ озеръ внутри континента; занзибарскій султанъ уступилъ принадлежавшую ему береговую полосу за 4 милліона марокъ, а 1 января 1891 г. было провозглашено германское господство. Нынѣ германская

Восточная Африка занимаетъ пространство въ 941.100 кв. километр., съ 3.000.000 жителей²⁾.

II.

Приморскую область, недавно обозначавшуюся общимъ именемъ «Зангвебарскаго берега», орошаютъ рѣки Ру-Фиджи, Ру-Фу и Уами, природныя границы бассейновъ которыхъ во многихъ мѣстностяхъ еще недостаточно опредѣлены. На юго-западѣ, высокая цѣпь горъ Ливингстона раздѣляетъ первые истоки Ру-Фиджи и тѣ стремительные потоки, которые низвергаются въ озеро Ньясса. Изъ другихъ горъ массивъ Йоматема и плоскогорія продолжаютъ водораздѣлъ въ направленіи къ сѣверу; но мало-по-малу они понижаются и, на пути каравановъ, въ У-Гого, изъ области верхнихъ притоковъ Конго, чрезъ Малагарази, незамѣтно переходятъ въ предѣлы притоковъ Индійскаго океана. Область перехода представляетъ обширное плоскогоріе, съ средней высотой отъ 1.100 до 1.200 метровъ, а въ самыхъ высшихъ пунктахъ даже въ 1.300 метр. Коегдѣ показываются гранитные конусы, выдающиеся изъ срединъ песчаниковъ и пластовъ красноватаго латерита. На сѣверѣ, горизонтъ ограничивается столовидными горами, на которыхъ проживаетъ племя уа хума: издали эти горы кажутся возвышающимися на нѣсколько сотенъ метровъ надъ уровнемъ плоскогорія.

Горы въ собственномъ смыслѣ этого слова профилируютъ свои вершины внутри береговыхъ бассейновъ, между водораздѣльными равнинами и побережьемъ океана. Burton назвалъ ихъ «африканскими гатами (ghat)», уподобивъ гатамъ индійскимъ, составляющимъ вѣтвистыя окраины высокихъ земель Декана; однако, возвышенности У-Сагары заслуживаютъ данное имъ наименованіе не только по приморскому ихъ склону; хотя и въ меньшей степени, онѣ тоже горы и по своему континентальному скату, такъ какъ и съ этой стороны онѣ поднимаются круто надъ поддерживающимъ ихъ цоколемъ. Связуемая съ при-ньяссскими горами Ливингстона при посредствѣ слегка наклоненнаго плоскогорія, которое перерѣзываютъ террасообразно верхніе притоки Ру-Фиджи и на которомъ находятся гребни не менѣе двухъ тысячъ метровъ въ высоту,—горы У-Сагара дѣлятся на двѣ параллельныя цѣпи, которыя тянутся съ юго-запада на сѣверо-востокъ, въ томъ же направленіи, какъ и континентальный берегъ къ сѣверу отъ Занзибара. Однако, на своемъ претяженіи, эти цѣпи представляютъ большія неправильности; во многихъ мѣстахъ отъ нихъ отходятъ поперечныя гряды, и въ хаосѣ вершинъ, со всѣхъ сторонъ окружающихъ горизонтъ, первоначальное направленіе уже трудно распознать. Горы Рубехо, образующія водораздѣльный крайъ между притоками Ру-Фиджи и

¹⁾ Bloyet, „Bulletin de la Société de Géographie“. 1896, 3-e trimestre.

притоками Уами, представляютъ въ цѣломъ видъ цѣпи, направляющейя съ сѣверо-запада на юго-востокъ. На югѣ, въ долину Ру-Фиджи, простираются каменноугольныя залежи, про-

ники и сланцы. Главныя вершины превышаютъ двѣ тысячи метровъ: проходъ Рубехо, чрезъ который прослѣдовали въ 1858 году Burton и Speke, оказался на высотѣ 1.737 метровъ. Эти

Женщины племени масаи.

мысленная цѣпность которыхъ различно исчисляется изслѣдователями.

Горы У-Сагара состоятъ главнымъ образомъ изъ гранита, но тамъ видны также діориты и другія вулканическія породы, какъ равно песча-

путешественники прозвали его «Страшнымъ проходомъ», по причинѣ неприступности откосовъ и нагроможденія глыбъ, взбираться на которыя имъ, истощеннымъ лихорадкой, было очень трудно. По крайней мѣрѣ эти высокія

области купаются въ здоровомъ воздухѣ, и европейцы, ослабленные вслѣдствіе пребыванія въ болотистыхъ равнинахъ побережья, могли бы основать тамъ санаторіи для возстановленія своихъ силъ въ климатѣ, который походитъ на климатъ ихъ отечества. Большая часть деревень У-Сагары выстроена надъ долинами, на выдающихся горныхъ террасахъ¹⁾.

Нѣсколько небольшихъ рѣкъ изливаются въ море къ сѣверу отъ Ро-Вумы, но лишь въ 300 километрахъ отъ нея находится большая рѣчная дельта, именно дельта р. Ру-Фиджи или Лу-Фиджи. Что касается самой рѣки Ру-Фиджи, то она выходитъ не изъ озера Ньясса, какъ сообщалъ Ливингстонъ со словъ туземцевъ, но самыя отдаленныя ея притоки зарождаются къ западу отъ этого озера бассейна. Въ общемъ, развѣтвленія притоковъ Ру-Фиджи занимаютъ—по обѣ стороны горъ, окаймляющихъ плоскогоріе—весьма обширное пространство, исчисляемое приблизительно въ 1.500 квадратныхъ километровъ. По южной, главной вѣтви, называемой Лу-Уэго или Лу-Бу, до ея истока не поднимались, да кому же она и не судоходна; вѣроятно, она зарождается въ Ливингстоновыхъ горахъ и течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи вплоть до слиянія съ рѣкою У-Ранга, которая подходит съ запада, низвергаясь между гранитными стѣнами и образуя цѣлый рядъ водопадовъ; въ судоходныхъ частяхъ У-Ранги, достигающей въ сезонъ дождей ширины порою до двухъ тысячъ метровъ, сотнями видѣются челноки, выдолбленные изъ стволовъ деревьевъ. По соединеніи, двѣ рѣки: Лу-Уэго и О-Ранга принимаютъ наименованіе Ру-Фиджи, которая, въ нѣсколькихъ сотняхъ километровъ, спускается между гранитными утесами рядомъ пороговъ и водопадовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ: «Каскадовъ Шугули». Кверху отъ этихъ пороговъ, на протяженіи обѣихъ сливающихся рѣкъ находятся скалистые острова, служащіе убежищами для туземцевъ. Книзу отъ слиянія Лу-Уэго и У-Ранга, Лу-Фиджи течетъ на сѣверо-востокъ по продолженію долины р. Лу-Уэго. На извѣстныхъ разстояніяхъ есть судоходные плесы на Лу-Фиджи, но скалы, песчаные мели и пороги во многихъ мѣстахъ останавливаютъ лодки дикарей. Препятствія эти умножаются кверху отъ слиянія съ Руа-Ха, широкою рѣкою, которая течетъ съ запада и бассейнъ которой обнимаетъ весьма большое пространство, въ направленіи отъ У-Рори къ У-Гого. Руа-Ха тоже не судоходна²⁾, несмотря на то, что въ сезонъ дождей несетъ такую мощную массу водъ, что на то время превращается въ главную рѣку даннаго бассейна; напротивъ, въ сухое время года она менѣе обильна, чѣмъ Ру-Фиджи.

Теперь главная рѣка собрала уже всѣ свои

приточныя воды, и ей остается лишь перейти преграду, которую представляютъ навбѣе выдвинувшіяся ей навстрѣчу предгорія приморскихъ цѣпей. Этотъ рядъ холмовъ протянута съ сѣвера на югъ, а такъ какъ рѣка течетъ съ запада на востокъ, то она прямо и ударяется въ нихъ, образуя такъ называемые водопады Пангани: рельефъ горъ, гораздо болѣе значительный на восточномъ склонѣ, чѣмъ на западномъ, позволяетъ предположить, что а денивеляція водъ въ рѣкѣ тоже весьма значительна, но до сихъ поръ уклонъ рѣки еще не измѣренъ. За порогами, въ приморской полосѣ или Мримѣ, Ру-Фиджи судоходна вплоть до моря, на пространствѣ приблизительно двухсотъ километровъ; но, для избѣжанія отмелей изъ песка или изъ ила, образующихся и перемѣщающихся при каждомъ разливѣ, необходимо плавать съ осмотрительностью. Въ этой части рѣчного потока прорылся даже новый рукавъ, который змѣится къ югу отъ поклоутой водою рѣки. Ниже, въ дельтѣ, рукава Ру-Фиджи измѣняются постоянно: вслѣдствіе перемѣщенія водами наносныхъ земель, ежегодно измѣняется развѣтвленіе протоковъ, а съ другой стороны, съ моря, работа полиняковъ измѣняетъ также очертанія и самаго побережья дельты. Оно весьма обширно, такъ какъ ограничивающая его пляжи кривая имѣетъ около 90 километровъ, а поверхность всей дельты составляетъ не менѣе 1.500 квадратныхъ километровъ. На этомъ пространствѣ дельту перерѣзываютъ около десятка мто, или лимановъ, изъ которыхъ нѣкоторые находятся въ соединеніи съ рѣкою не всегда, а только въ теченіе большей части года, когда въ ихъ руслѣ смѣшивается соленая вода съ прѣсной. На большую часть рѣчныхъ водъ катятъ сѣверные рукава: Бумба или Мсала, Кюмбони, Симба-Уранга и Кибунья, въ которые при приливѣ принимаютъ и барки. Каботажныя суда особенно часто посѣщаютъ Симбу-Урангу, запасаясь на его берегахъ лѣсомъ для постройки домовъ въ Занзибарѣ. Вблизи моря густыя чащи корнепусковъ окаймляютъ берега протоковъ; по илистымъ же отмелямъ, на сваяхъ возвышаются рѣдкія жилища туземцевъ. Выше, гдѣ земля уже не столь влажна, деревьевъ не видно: почву покрываютъ высокія травы, и земледѣлецъ собираетъ обильные урожаи риса.

Въ сравненіи съ Ру-Фиджи, остальные изъ впадающихъ въ Занзибарское море рѣкъ менѣе значительны. Кингани, по которой Holmwood поднялся приблизительно на двѣсти километровъ, называется также Мто, Мбази или Ру-Фу, при чемъ всѣ эти названія означаютъ «рѣку»; она зарождается въ долинахъ восточнаго склона, къ востоку отъ горъ У-Сагара. Уамп, изливающаяся равнымъ образомъ насупротивъ острова Занзибара, собираетъ свои воды гораздо западнѣе, въ краевыхъ горахъ плоско-

¹⁾ Pfeil, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, т. XII.

²⁾ Guyot, „Comptes rendus de la Société de Géographie“, 1883, № 2.

горя. Но въ пространствѣ между бассейнами этихъ рѣкъ и покатою Танганьики, разсѣяны ложбины, въ которыхъ скопляются воды, не имѣющія востока. Самый большой изъ этихъ резервуаровъ, къ западу отъ тѣхъ высотъ, гдѣ главныя вѣтви Ру-Фиджи берутъ свое начало, представляетъ озеро Рика, Лика или Хика, открытое Томсономъ въ 1880 г. и видѣнное затѣмъ Catterill'емъ и Kaiser'омъ. Съ высотъ горъ Ламбы, опоясывающихъ его съ сѣверо-запада и отдѣляющихъ отъ Танганьики, Рика кажется выполняющимъ какъ бы правильную долину, направляющуюся съ сѣверо-востока на юго-востокъ, параллельно оси озера Танганьики и Ньясы, и въ архитектурѣ материка представляющую часть одной и той же системы углубленій. Высота его положенія исчислена въ 780 метровъ, т. е. метровъ на тридцать ниже уровня Танганьики; вѣроятная длина равняется километрамъ ста, а ширина колеблется между 25 и 30 километрами. Оно получаетъ много притоковъ на обѣихъ своихъ оконечностяхъ, и даже довольно большую рѣку, Катума или Мкафу, берущую свое начало къ сѣверу отъ Каремы, въ прибрежныхъ горахъ великаго озера; но всѣ эти приносы прѣсной воды, испаряющейся затѣмъ изъ бассейна, оставляютъ въ озерномъ водоемѣ осадокъ соляныхъ веществъ; по словамъ туземцевъ, вкусъ его водъ — седланный.

Горы У-Сагара, возвышающіяся между плоскогорьемъ и морскимъ побережьемъ, составляютъ главную причину противоположностей въ климатѣ, а, слѣдовательно, и всѣхъ зависящихъ отъ него явленій, до явленій, совершающихся въ текущихъ и въ стоячихъ водахъ влѣчительно. Среднее направленіе вѣтра, въ этой области Африки, можетъ быть изображено перпендикулярною линіею къ берегу: дуютъ ли преимущественно юго-восточные пассаты, что бываетъ въ теченіе большей части года; преобладаютъ ли сѣверо-восточные вѣтры, какъ въ январѣ, когда солнце увлекло къ югу всю атмосферную систему; или же ходъ вѣтра опредѣляется притяженіями изнутри материка, — всегда воздушныя теченія устремляются въ направленіи къ морскому побережью, при чемъ расположенныя внутри страны горы задерживаютъ эти потоки воздуха, при ихъ проходѣ, вмѣстѣ съ облаками и дождями. Также и ежедневная бриза чувствуется только на склонѣ къ морю. Противоположные же склоны и защищенные отъ вѣтра плоскогорья, простирающіяся по ту сторону приморскихъ возвышенностей, тоже оказываютъ удаленными отъ вліянія моря гораздо болѣе, чѣмъ бы это слѣдовало въ виду геометрическаго разстоянія между ними.

Массика, т. е. сезонъ, въ теченіе котораго приходится оставаться «заточеннымъ» въ своей хижинѣ, начинается обыкновенно, въ

приморской полосѣ, въ январѣ, въ эпоху, когда восточные вѣтры уступаютъ свое мѣсто сѣверо-восточному муссону; однако, большіе дожди устанавливаются только въ мартѣ или въ апрѣлѣ; по минованіи мѣсяца они уменьшаются, съ тѣмъ, чтобы возобновиться въ сезонъ *вули*, который продолжается съ середины октября до конца года. Сентябрь — мѣсяцъ наименьшей влажности; тѣмъ не менѣе и въ сентябрѣ бывають еще ливни. Въ нѣкоторыхъ долинахъ внутри страны, не защищенныхъ отъ доступа дождливыхъ вѣтровъ, дождь идетъ въ теченіе всего года, за исключеніемъ дней пятнадцати въ сентябрѣ; массика же проявляется гораздо раньше, чѣмъ на морскомъ берегу; кромѣ того, и туманы часто заволакивають горы. Общее выпаденіе дождя несомнѣнно превышаетъ три метра на океаническомъ склонѣ горъ У-Сагары. Существоющая около оконечности Южной Африки противоположность между побережьемъ Индійскаго океана и побережьемъ Атлантическаго сохраняется еще и въ этихъ тропическихъ пространствахъ, между 10 и 6 градусами южной широты. Такъ, на равномъ разстояніи отъ экватора, дождей больше на восточномъ берегу континента; также гораздо выше тамъ и температура; по Nahn'у разница между температурами восточнаго и западнаго береговъ, подъ 10-мъ градусомъ широты, т. е. соответственно устьямъ рѣкъ Ро-Вумы и Куанзы, равняется четыремъ съ половиною градусамъ, такъ какъ температура западнаго берега 22,2°, а восточнаго 26,7°. Контрастъ этотъ зависитъ отъ направленія вѣтровъ и береговыхъ морскихъ теченій. Тогда какъ муссоны на атлантическомъ берегу дуютъ почти постоянно изъ южной области, принося свѣжесть изъ австральскихъ морей, — на восточномъ берегу, наиболѣе частые вѣтры несутся съ востока, т. е. изъ океаническихъ пространствъ, нагрѣваемыхъ вертикальнымъ солнцемъ. Режимъ морскихъ теченій на обѣихъ берегахъ разнится еще рѣзче, такъ какъ вдоль атлантическихъ береговъ, съ юга на сѣверъ, восходитъ рѣка холоднѣйшей воды, а изъ большаго центральнаго бассейна Индійскаго моря, устремляясь чрезъ Мозамбикскій проливъ къ югу, изливается потокъ воды теплой.

Бугристая плоскогорья, расположенныя на пути вѣтра съ горъ У-Сагара, представляютъ безводную землю, подобно капскимъ Кару. Во многихъ округахъ воды нѣтъ почти совсѣмъ, и туземцы принуждены вырывать глубокіе колодцы въ хрящъ для сбора въ небольшомъ количествѣ той влаги, которая просачивается въ подпочву. Въ этихъ краяхъ сезонъ *вули* проходитъ, не принося правильныхъ ливней, а массу иногда прерываютъ иссушающіе вѣтры, предвѣстники голода. Тѣ же самыя воздушныя теченія, которыя приносятъ дождь

на склонъ къ морю, часто похищаютъ необходимую влагу у плоскогорія. Къ сухости воздуха присоединяются дневной жаръ и ночной холодъ; часто смерчи изъ пыли образуются на высокихъ равнинахъ, и ихъ наблюдаютъ несущимися на нивы, при чемъ въ свой круговоротъ они увлекаютъ крупный песокъ, а иногда даже и булыжники. «Seis mezes de polvo—seis mezes de lodo!», т. е. «шесть мѣсяцевъ пыли и шесть мѣсяцевъ грязи!», говорятъ испанцы про Филиппинскіе острова, и Burton повторяетъ эту же поговорку относительно У-Гого. Что касается морскихъ тумановъ на океаническомъ берегу, вслѣдствіе которыхъ по ночамъ выпадаетъ сильная роса, то они не распространяются далеко по высокимъ внутреннимъ землямъ. Въ Занзибарѣ средняя температура, выведенная изъ четырехъ-лѣтнихъ наблюдений, оказалась равною 26,7°; въ самый жаркій мѣсяць, мартъ, было 29,1°, а въ самый холодный, іюль, 25,2°; дождливыхъ дней—120 и количество выпавшаго дождя—1 метръ и 549 милл.; но въ 1859 году оно достигло 4 метровъ и 24 сантиметровъ¹⁾.

Богатство растительности соответствуетъ изобилію дождей. Приморскія равнины, орошаемыя достаточно, повсюду покрыты травами или лѣсами. Къ сѣверу отъ Ро-Вумы, на террасѣ, обитаемой племенемъ ма-кондэ, видъ края тотъ же самый, какъ и по другую сторону рѣки, на томъ скалистомъ цоколѣ, на которомъ разселились ма-вихи; кустарники и деревца перемѣшиваются тамъ въ такую густую массу, что продолжить себѣ путь можно только съ топоромъ въ рукѣ. Въ разныхъ мѣстностяхъ приморской полосы, простирающейся сѣвернѣе, растительность, столь же густая и болѣе вѣтвистая, состоитъ изъ большихъ деревьевъ: по выходѣ изъ селъ, тотчасъ же вступаешь въ галлереи, по которымъ носильщики, задерживаемые вѣтвями, съ трудомъ прокладываютъ себѣ путь²⁾. Въ другихъ мѣстахъ, деревья либо стоятъ особнякомъ, либо группируются въ живописныя рощицы; по соседству же съ болотами, камыши и злаковые растенія образуютъ рощи, высотой въ четыре метра, въ которыхъ воры поджидаютъ путниковъ, и куда прокрадываются бѣглецы рабы. Копаловое дерево или *мсандарузи*, дающее лучшую изъ извѣстныхъ купцамъ смолу, очень распространено на берегахъ Низовой Ру-Фиджи, въ разстояніи километровъ шестидесяти отъ моря³⁾. Что касается горъ, то онѣ покрыты въ особенности мимозами и другими мало возвышающимися деревьями; но

тамъ же видны также большія тамаринды, смоковницы съ такими громадными вѣтвями, что подъ ними могли бы пріютиться цѣлыя эскадры, и тыквенники, въ выдолбленныхъ стволахъ которыхъ нашлось бы помѣщеніе для цѣлаго семейства. Горы У-Сагара весьма богаты древесными растеніями съ благоухающими цвѣтками, или съ плодами пріятнаго вкуса, хотя эти растенія еще не усовершенствованы путемъ культуры. Въ предгорьяхъ часто проходишь такими лѣсистыми пространствами, что можно подумать, что этому лѣсу и конца нѣтъ, а между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ подвигаешься впередъ, деревья все болѣе и болѣе рѣдѣютъ, и вскорѣ открывается саванна. По другую сторону горъ, въ У-Гого деревья видны только на орошенныхъ земляхъ, и во многихъ округахъ чувствуется такой недостатокъ въ топливѣ, что приходится жечь коровій калъ, какъ въ пустыняхъ американскаго «дальняго запада». Высокое дерево, всего чаще встрѣчающееся въ этихъ областяхъ,—тыквенное (*crescentia latifolia*); въ другихъ мѣстахъ на близость жилищъ указываетъ баобабы далеко распростертыми вѣтвями: гигантскіе молочаи служатъ также пристанищами для каравановъ. Но если лѣсная растительность рѣдка, то тѣмъ не менѣе большія животныя водятся въ изобиліи, въ особенности вдали отъ торговыхъ дорогъ: слонъ, носорогъ, жирафъ, буйволъ и страусъ бродятъ еще въ нѣкоторыхъ частяхъ плоскогорія, и еще недавно львы были такъ многочисленны, что, во избѣжаніе опаснаго соседства съ ними, перемѣнялись цѣлыя деревни.

Многія изъ племенъ, живущихъ въ сѣверной части бассейна Ро-Вумы, едва отличимы по языку и по нравамъ отъ народцевъ на южномъ склонѣ; нѣкоторые изъ нихъ часто мѣняютъ свои мѣста и производятъ набѣги съ одного берега рѣки на другой. Такъ уандинды и ма-гуангуара или ма-кондэ—которые, прикрываясь грознымъ именемъ ма-вити, для устрашенія своихъ робкихъ соседей, опустошили столько странъ и поработили столько населеній къ югу отъ Ро-Вумы,—основали свои главныя становища на противоположномъ склонѣ. Двѣ группы племенъ, смотрящихъ другъ на друга съ высоты своихъ террасъ, съ обоихъ береговъ Низовой Ро-Вумы, весьма схожи между собою, и несмотря на различіе въ наименованіи этихъ народцевъ, языкъ у нихъ одинъ и тотъ же. На югѣ—это ма-виха, на сѣверѣ—ма-кондэ; послѣдніе крайне безобразны, благодаря порѣзамъ на лицѣ и тѣлѣ, порѣзамъ, которые они время отъ времени возобновляютъ для того, чтобы образовались выпуклые шрамы; всѣ женщины носятъ также пелеле, которое придаетъ ихъ верхней губѣ форму ка-

¹⁾ John, Robb, „Meteorological Society in London“. 1880.

²⁾ Richard Burton, „The Lake Regions of Central Africa“.

³⁾ „Geographical Magazine“. Angout 1, 1874.

баньяго рыла. У ма-конда женщинъ не покупаютъ, и родители не присваиваютъ себѣ право выдавать своихъ дочерей въ замужество: выборъ супруга принадлежитъ всецѣло самимъ дѣвушкамъ. Когда между женихомъ и невестою состоится согласіе, то дѣвушка входитъ въ хижину своего жениха, подметаетъ полъ и приводитъ всѣ вещи въ порядокъ; затѣмъ является женихъ и ставитъ свое ружье у двери, — вотъ и всѣ брачныя церемоніи. Брачныя союзы очень уважаются; о прелюбодѣяннѣ рѣдко можно услышать въ странѣ этого племени, а если такой грѣхъ и случится, то онъ всегда наказывается изгнаніемъ виновнаго. Послѣ разрѣшенія отъ бремени, жена живетъ отдѣльно отъ мужа и возвра-

большомъ количествѣ въ ихъ странѣ, ма-конда стали очень горды и допускаютъ къ себѣ чужеземцевъ съ недоверіемъ. Англійскіе миссіонеры, основавшіеся въ краѣ Мазази, на западной оконечности территоріи ма-конда, не могли завязать постоянныхъ сношеній съ этими туземцами. Когда, въ 1887 году, Чапсу Марлесъ проникъ въ одну изъ деревень конда, то жители, никогда не видѣвшіе европейцевъ, приняли его за выходца съ того свѣта; однако, согласились дать ему пищу ¹⁾.

Краѣ Мазази принадлежитъ одному могущественному племени тѣхъ макуа, которые южныѣ, занимаютъ Мозамбикскія страны. Яо, Ньясскихъ горъ, представлены въ большомъ числѣ въ этой части бассейна Ро-Вумы; тамъ

Типы ма-виха. Начальникъ и молодой мужчина съ пелеле.

щается въ его хижину только послѣ того, какъ ребенокъ станетъ говорить; иначе, несчастье постигло бы семью. Когда же настанетъ день соединенія, то мать приноситъ своего младенца къ раздвоенію двухъ тропинокъ, символизирующихъ пути въ жизни, затѣмъ натираетъ масломъ свое дитя и передаетъ его отцу: общая жизнь между супругами начинается снова ¹⁾. Послѣ смерти конда, все принадлежащее ему зерно тотчасъ же претворяется въ пиво, для угощенія всей общины, и пиршество продолжается до тѣхъ поръ, пока весь напитокъ не будетъ распитъ. Разбогатѣвъ вслѣдствіе торговли копаловою смолою и каучукомъ, добываемыми въ весьма

встрѣчаются также уа-муэра, слабые остатки нѣкогда значительнаго племени, которое ма-вити истребили почти совсѣмъ: нѣкогда они были весьма многочисленны по сосѣдству съ морскимъ побережьемъ, около Килоа. Уа-нгиндо или уа-гиндо, которые ихъ замѣстили на сѣверѣ или на сѣверо-востокѣ террасы, занятой ма-конда, принадлежатъ къ тѣмъ воинственнымъ народамъ, которые претендуютъ на имя ма-вити и которые приняли воинскій кличъ, оружіе и нравы этихъ страшныхъ братьевъ зулусовъ: иногда ихъ зовутъ уали-хуху, въ подраженіе ихъ воинскому клику. Равнымъ образомъ и ма-хенжа — охотники, населяющіе преимущественно сѣверъ бассейна Ру-Фиджи, между рѣками У-Ранга и

¹⁾ Joseph Thomson, "Proceedings of the R. Geographical Society", February, 1882.

¹⁾ Тотъ же сборникъ, июль, 1880.

Руа-Ха—тоже пытаются заставить другія племена страшиться ихъ, хотя и сами они трепетали передъ завоевателями. Племя уа-ниа-каньяка низведено ими на положеніе рабовъ¹⁾.

Къ востоку отъ племени ма-хенжа, въ бассейнѣ Ру-Фиджи, страна принадлежитъ уа-ндонэ или уа-донди, за которыми слѣдуютъ, въ области между Ру-Фиджи и низовьями Кингави, — уа-зарамо, а затѣмъ суа-хели, т. е. «поморяне». Уа-зарамо большею частью люди средняго роста, но рѣдкой физической силы. Будучи смѣшаннаго происхожденія, они представляютъ большое разнообразіе типовъ; нѣкоторые путешественники были поражены большимъ числомъ альбиносовъ, встрѣчающихся въ ихъ странѣ. По ихъ территоріи, съ половины текущаго столѣтія проходили какъ арабскіе купцы, такъ и европейскіе путешественники; оттого нынѣшніе описанія ихъ сильно разнятся отъ повѣствованій, оставленныхъ первыми посѣтителями ихъ страны. Нынѣ они заимствуютъ костюмъ отъ арабовъ, покупаютъ оружіе, ружья и украшенія у купцовъ и не практикуютъ уже многихъ свирѣпыхъ обычаевъ прежняго времени. Но въ отдаленныхъ округахъ еще и понынѣ можно видѣть уа-зарамо, по лицу которыхъ проведены отъ уха ко рту большіе надрѣзы; все одѣяніе состоитъ изъ травяныхъ юбокъ; прическѣ, при помощи глины, придана форма крыши, а все еще примѣняемыя и сохраняющіяся въ тщательно отдѣланномъ колчанѣ стрѣлы—отравлены. Смерть на кострѣ была не рѣдкостью у уа-зарамо. Они сжигали волшебника, его жену и дѣтей; бросали въ кусты новорожденныхъ, у которыхъ зубы прорѣзывались не по признанному правилу; та же участь иногда постигала близнецовъ и тѣхъ, которые рождались въ дни съ дурнымъ предзнаменованіемъ; даже достигнувъ извѣстнаго возраста, дѣти избивались въ тѣхъ случаяхъ, если скрежетали зубами во снѣ, или если у нихъ обнаруживался какой-нибудь другой физическій недостатокъ, долженствующій навлечь несчастье на ихъ семью. Съ другой стороны, мать, потерявшая свое дитя вслѣдствіе какой-нибудь случайности или болѣзни, считалась отвѣтственною за это: она должна была покинуть деревню, выпачкать свое лицо землею и безропотно выслушать брань, которой ее подвергали²⁾. Уа-зарамо не совершаютъ обрѣзанія, хотя во многихъ другихъ отношеніяхъ они уже подпали подъ вліяніе приморскихъ магометанъ. Большая часть изъ нихъ столь же хорошо говоритъ на языкѣ суахели, какъ и на своемъ собственномъ; для праздничнаго одѣянія начальники

употребляютъ арабскій длинный плащъ, зх-летъ и тюрбанъ; женщины тоже одѣты по-мусульмански, но лица не закрываютъ. Жилища богатыхъ людей сравнительно роскошны: это—домики почти европейской наружности.

Родственныя уа-зарамъ племена уа-куэра, уа-ками и уа-кхуту, обитающія западнѣе, въ горной странѣ верхнихъ источниковъ Кингави, менѣе тронуты цивилизаціей: туземцы эти едва одѣты въ кое-какія ткани изъ лыка и живутъ въ берлогахъ: процессы о колдовствѣ, оканчивающіеся сожженіемъ обвиняемаго на кострѣ, еще часты въ ихъ землѣ. Ихъ сосѣди на сѣверномъ склонѣ горъ, уа-зегуха или уа-зегура, населяющіе вмѣстѣ съ родственными имъ по языку и расѣ уа-нгуру, мало-плодородныя долины, по которымъ протекаетъ Нижняя Уаи, болѣе цивилизованы и, благодаря сосѣдству суахели и арабовъ, почти все приняли исламъ. Обладаніе огнестрѣльнымъ оружіемъ сдѣлало изъ нихъ страстныхъ охотниковъ на невольниковъ. Уа-зегуха—почти единственные въ этихъ областяхъ Восточной Африки, непризнающіе наслѣдственной власти у своихъ главарей: они отдаются самому сильному или самому великодушному, и непрерывныя войны свирѣпствуютъ между соперниками. Иногда и ихъ сосѣди вовлекаются въ эту борьбу между племенами: такъ, одно изъ мѣстныхъ племенъ, уа-доэ, почти цѣлкомъ исчезло во время опустошавшихъ край войнъ, а бѣглецы изъ этой націи разсѣялись по сѣверу вплоть до сосѣдства съ экваторомъ¹⁾. Такъ какъ уа-доэ были людьми, то путешественники обходятъ стороною ихъ территорію. Мужчины и женщины обезображивали себя, проводя широкіе красные шрамы между висками и низомъ подбородка; два верхнихъ рѣза вырывались, а костюмъ состоялъ изъ шкуръ, окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ. Когда умиралъ свободный человѣкъ, то съ нимъ зарывали двухъ живыхъ рабовъ, женщину, чтобы она поддерживала голову во время долгаго сна, и мужчину, вооруженнаго топоромъ для приготовленія огня въ сырой и холодной землѣ²⁾. Начальники деревень, старающіеся придать себѣ страшный видъ и обрѣзывающіе свои ногти въ формѣ когтей льва, избѣгаютъ встрѣчаться другъ съ другомъ, такъ какъ ихъ взглядъ, говорятъ они, смертеленъ для соперничающихъ о власти. Когда имъ приходится совѣщаться объ общихъ дѣлахъ, то они назначаютъ свиданія въ хижинѣ, раздѣленной на особыя помѣщенія; каждый приходитъ съ своего конца, и совѣщаніе совершается черезъ перегородку³⁾.

¹⁾ Richard Burton, *упом. соч.*;—Richard Brenner "Petermann's Mittheilungen", 1867.

²⁾ Horner, "Voyage à la côte orientale d'Afrique".

³⁾ Baur, "Annales de la Propagation de la Foi", 1882.

¹⁾ Porter, "Journal of the Manchester Geographical Society". July to Dec., 1886.

²⁾ Horner;—Burton;—Thomson и т. д.

Область горъ, между приморской покатою и нагорьемъ, занята различными кланами племени уа-сагара, изъ которыхъ одни еще такіе же варвары, какъ и уа-кхуту, а другіе, вслѣдствіе сношеній съ суахели, арабами и бѣлыми путешественниками, уже нѣсколько цивилизовались. Ихъ языкъ, подраздѣляясь на нѣсколько нарѣчій, одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ: имъ говорятъ нѣкоторые народцы даже въ сосѣдствѣ Момбаза. Уа-загара вообще болѣе бородаты, чѣмъ ихъ сосѣди различныхъ племенъ. Уа-хехэ, на югѣ, въ бассейнѣ Руа-Ха; уа-меги и уа-кагуру, а также уа-жеджа, на сѣверѣ, на границахъ Мазан, — принадлежатъ къ группѣ сагарскихъ націй. Отличительный признакъ этихъ туземцевъ составляетъ продыравленное ухо, и такъ какъ въ дыру эту вводятъ деревянные, металлические и роговые диски, то нижняя доля ушной раковины оттягивается зачастую до плеча: часто этою дырою пользуются для подвѣшивания ящичковъ, табакерокъ и инструментовъ. У уа-хехэ, — которые говорятъ языкомъ, весьма близкимъ къ языку ки-суахели, — лицо совершенно безволосое ¹⁾. Они поработили племя уа-бена, мирныхъ людей, прославившихся искусствомъ, съ которымъ они вырѣзываютъ и оттачиваютъ мечи изъ эбеноваго дерева ²⁾. Ихъ территория, — гористое плато въ двѣ слишкомъ тысячи метровъ высотой, — представляетъ страну суровую, по которой разгуливаютъ холодные вѣтры.

Уа-гого, населяющіе области плоскогорія вплоть до раздѣла Уа-Ніамэзи, были нѣкогда страшными грабителями. Рассказываютъ, что когда первый арабскій караванъ появился въ ихъ краѣ, то уа-гого были до такой степени поражены дородностью его начальника, что приняли его за бога и зывали къ нему о ниспосланіи дождя; но такъ какъ мольбы ихъ немедленно услышаны не были, то они хотѣли убить чужеземца, котораго, по счастью, спасъ случившійся ливень ³⁾. Однако они слывуть наименѣе суевѣрными между народами Восточной Африки: чародѣевъ у нихъ немного, да имъ они и не особенно довѣряютъ. Большая часть путешественниковъ, проходившихъ чрезъ территорию уа-гого, были поражены малостью ихъ черепа въ сравненіи съ шириною лица, и отдаленностью другъ отъ друга ушей, продыравленныхъ, какъ и у племени уа-сагара; Burton говоритъ, что уши у нихъ похожи на уши, придрѣланныя съ двухъ сторонъ шара. Въ этой части Африки, продыравленные уши считаются признакомъ свободнаго состоянія: рабы не имѣютъ права ихъ просверливать и не могутъ привѣшивать къ нимъ украше-

нія. Почти всѣ уа-гого вполне одѣты; даже дѣти носятъ рубашки. По сравненію съ языкомъ сосѣднихъ племенъ, языкъ уа-гого гораздо жестче, и обыкновенно они говорятъ звонко и повелительно, а иногда и нѣсколько грубо, такъ какъ гордятся своею численностью и господствомъ, издавна проявляемымъ надъ робкими торговцами.

Но всѣ народы внутри страны, даже самыя могущественныя, подчиняются вліянію языка, на которомъ говорятъ эти презрѣнные торгаша. Ки-суахели, нарѣчіе «людей Суахели», т. е. «прибрежныхъ», распространяется все болѣе и болѣе между всѣми туземцами этой части материка. А между тѣмъ племена, распространяющія это нарѣчіе, не сильнѣе и не многочисленнѣе другихъ; напротивъ, они даже отдѣльно и не существуютъ. «Прибрежники» происходятъ отъ различныхъ племенъ, и къ нимъ примѣшались выходцы изъ сосѣднихъ провинцій: соединяетъ ихъ въ особое населеніе, отдѣльное отъ другихъ банту, — магометанская религія, которую они болѣе или менѣе ревностно исповѣдуютъ; кромѣ того, арабскій элементъ весьма способствовалъ видоизмѣненію нравовъ и превращенію общинъ земледѣльцевъ въ группы торговцевъ. Ки-суахели въ наибольшей своей чистотѣ слышатся къ сѣверу отъ Момбаза и Малинди: нарѣчіе въ этихъ областяхъ, извѣстное подъ именемъ ки-нгози, сохранило свои архаическія формы, и стихотворцы употребляютъ его преимущественно передъ всѣми другими. Распространяясь же постепенно въ направленіи къ югу, по морскому побережью и по островамъ вплоть до Мозамбика, «поморскій языкъ» все болѣе и болѣе смѣшивался съ арабскими, индусскими, персидскими и португальскими словами: въ особенности сильно арабизировался онъ въ Занзибарѣ, и всѣ его отвлеченныя слова — происхожденія семетического; однако бантуская основа сохраняется, и построеніе фразы остается вполне африканскимъ. Изъ приморскихъ портовъ, торговыхъ центровъ для всей Восточной Африки, ки-суахели распространился также и по внутреннимъ областямъ, и подобно языкамъ: бунда въ Анголѣ и въ сосѣднихъ областяхъ, и се-суто — между горами Дракенбергеномъ и Замбези — сталъ однимъ изъ тѣхъ «общихъ» языковъ, которые, во многихъ мѣстностяхъ, уже замѣнили туземныя нарѣчія. И хотя материнскимъ языкомъ ки-суахели является только для одного милліона людей, тѣмъ не менѣе Cust включаетъ его въ число двѣнадцати великихъ языковъ міра, которые болѣе всего употребляются при сношеніяхъ людей различныхъ національностей. Cameron рассказываетъ, что, пересѣкая Африку по направленію съ востока на западъ, онъ находилъ въ каждомъ изъ

¹⁾ Joseph Thomson, "Proceedings of the R. Geographical Society", Febr. 1880.

²⁾ Pfeil, упом. соч.

³⁾ Richard Burton.

внутренних племенъ по одному или по нѣсколькимъ лицъ, говорящихъ на этомъ языкѣ поморья. Сравненіе ки-суахелійскихъ словъ со словами языка банту въ Западной Африкѣ и въ Кафраріи побудило, въ 1808 году, Лихтенштейна высказать предположеніе—впослѣдствіи подтвердившееся—о единствѣ расы народовъ банту, отъ бухты Альгоа до Момбаза и Габона. Суахелійская литература сравнительно богата. На суахелійскомъ языкѣ есть не только, какъ на большинствѣ негрскихъ нарѣчій, переводы Библіи и другихъ книгъ духовнаго содержанія, но также и сборники пословицъ, легендъ и стихотвореній; и въ этихъ литературныхъ работахъ принимаютъ участіе не только миссіонеры, но также и туземцы. Арабская азбука, нѣкогда употреблявшаяся въ суахелійскомъ языкѣ, нынѣ замѣнена римскими буквами. Какое же изъ нарѣчій слѣдовало бы окончательно признать за языкъ литературный—пока еще писателями не рѣшено: весьма вѣроятно, что побѣда останется за «унгуя» т. е. за языкомъ, которымъ говорятъ на островѣ Занзибарѣ.

Идеи и обычаи приморскихъ народовъ постепенно овладѣваютъ здѣшними внутренними краями при посредствѣ не солдатъ, а торговцевъ. Многолюдныя деревни, изъ которыхъ самыя большія имѣютъ едва по двѣ или по три сотни хижинъ¹⁾, слѣдуютъ одна за другой на дорогахъ, соединяющихъ приморскіе порты съ портами великихъ озеръ; но еще многія благопріятно расположенныя гавани почти отрѣзаны отъ всякихъ сношеній съ внутренними областями войнами и облавами, или не имѣютъ иной торговли, кромѣ торга плѣнными, привозимыми, послѣ какого-нибудь набѣга, побѣдителями. Приморскіе порты между устьями Ро-Вумы и Ру-Фиджи все еще, несмотря на надзоръ крейсеровъ, служатъ посредниками въ торговлѣ человѣческимъ мясомъ.

Микиндани, одинъ изъ первыхъ портовъ, которые встрѣчаемъ къ сѣверу отъ Ро-Вумскаго лимана, представляетъ прекрасную якорную стоянку между многими другими портами, въ которыхъ корабли могли бы находить для себя убѣжище; однако, онъ мало посѣщается, и вся его торговля находится въ рукахъ баньянскихъ индусовъ, которые вымѣниваютъ ткани, стеклянныя подѣлки и оружіе на копаль, слоновую кость и рисъ. Къ сѣверо-западу, бухта Линди, въ которую изливается рѣчка Укереди, вмѣстѣ на своихъ берегахъ настоящій городъ, населенный приблизительно двумя тысячами человѣкъ; торговля порта Линди, тоже производимая при посредствѣ баньяновъ и арабовъ, заключается главнымъ образомъ въ каучукъ: лѣсъ, въ которомъ каучуковая

лиана обвивается вокругъ деревьевъ, занимаетъ вдоль морскаго берега полосу, въ среднемъ, шириною отъ 30 до 35 километровъ. На одномъ изъ утесовъ, неподалеку отъ оконечности лимана, видны остатки португальской крѣпости. Поднявшись долиною р. Укереди, вступаемъ въ край Мазази, въ которомъ англійскіе миссіонеры владѣютъ важною станціею, центромъ культуры и акклиматизаціи европейскихъ растений въ области племенъ ма-куа и ма-конда; многочисленныя колоніи въ этомъ краѣ имѣютъ также яо, люди бывалые и считающіе себя выше честныхъ ма-куа²⁾. Деревня миссіи расположена на довольно большомъ сѣверномъ притоцѣ Ро-Вумы, въ очень плодородной полянѣ, окруженной холмами, покрытыми высокими деревьями. Мазази лежитъ на высотѣ 560 метровъ и представляетъ одно изъ наиболѣе здоровыхъ для европейцевъ мѣстъ въ Африкѣ; путешественникъ Chauncy Maples полагаетъ, что линія отъ Линди къ верхнему теченію Ро-Вумы чрезъ Мазази была бы самымъ лучшимъ направленіемъ для дороги между морскимъ побережьемъ и озеромъ Ньясса.

За Линди, на томъ же берегу, окаймленномъ коралловыми рифами съ крутыми террасами, слѣдуютъ и другіе порты. Одна изъ вырѣзокъ берега, защищенная островомъ и островами, образуетъ бухту Килоа-Кизиуани, проникающую километровъ на двадцать къ сѣверо-западу внутрь земли и представляющую глубокую якорную стоянку для кораблей. Однакоже этимъ удивительнымъ портомъ, который уже посѣщали персы изъ Шираза въ десятомъ столѣтіи, едва пользуются; его значеніе въ особенности уменьшилось съ XV-го столѣтія. Въ ту эпоху значительный городъ, Килоа (Quiloa) португальцевъ, былъ резиденціею зенджскихъ султановъ, которые царствовали на всемъ поморьѣ, отъ мыса Дельгадо до Момбаза. Въ первой половинѣ XIV-го вѣка, Ибнъ-Батута посѣтилъ этотъ большой городъ, который онъ называетъ Кулуа, и которымъ управлялъ мусульманскій государь, «чрезвычайно великодушный относительно факировъ и ревностный соблюдающій священную войну противъ невѣрныхъ»³⁾; въ городѣ имѣлось, будто бы, до «трехсотъ мечетей». Въ 1505 году, послѣ кровопролитной осады, эскадра Франциска д'Альменды овладѣла крѣпостью; но лихорадки скорѣ начали губить побѣдителей, и городъ мало-по-малу пришелъ въ упадокъ и въ торговомъ отношеніи. Въ 17-мъ вѣкѣ, вмѣстѣ съ остальною частью приморскаго берега, онъ подпалъ подъ власть маскатскаго имама, затѣмъ принадлежалъ занзибарскому султану, нынѣ же входитъ въ составъ германской Восточной Африки.

¹⁾ Chauncy Maples, „Proceedings of the R. Geographical Society“, June, 1880.

²⁾ L. Marcel Devic, „Le Pays des Zendjes“.

³⁾ Pfeil, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, Heft XII.

Нѣсколько баньянъ и арабовъ проживаютъ на островѣ, въ небольшой деревнѣ Килоа-Кизиуани, т. е. «Килоа на островѣ», надъ которою господствуютъ старинный замокъ и развалины зубчатыхъ стѣнъ.

и хижины котораго, перемѣшанные съ развалинами, группируются въ тѣни кокосовыхъ деревьевъ; болота, параллельныя морской кручѣ, помѣшали проведенію дороги внутрь страны. Килоа-Кивиндже, населенная приблизительно

Мысъ Гвардафуй.

Главное торговое движеніе перенеслось на тридцать километровъ въ сѣверо-западу, въ гораздо менѣе благопріятный портъ, Килоа-Кивиндже, т. е. «Килоа на материкѣ», домики

тремя тысячами человекъ, была недавно главнымъ приморскимъ центромъ по вывозу рабовъ, и хотя въ принципѣ такой торгъ и запрещенъ, но въ сосѣднихъ заливчикахъ еще

и до сихъ поръ совершаются кое какія нагрузки невольниковъ на суда неготорговцевъ. Дороги, которыми торгующіе слоновою костью слѣдуютъ между Килоа и озеромъ Ньясса, всегда весьма опасны, такъ какъ они проходятъ по территоріямъ племенъ уа-нгиндо, уа-нина и ма гуангуара, а эти народцы всё живутъ грабежомъ и мало дорожатъ жизнью своихъ гостей. Къ сѣверу отъ Килоа, болѣе безопасная дорога идетъ вдоль побережья и пересѣкаетъ Ру-Фиджи кверху отъ развѣтвленій дельты. Въ 1880 г. Beardell видѣлъ не менѣе двадцати семи большихъ судовъ, употребленныхъ для транспорта каравановъ въ деревню Нья-Нтумбо, которая тогда была проходнымъ пунктомъ ¹⁾. Другая весьма важная пристань на берегахъ Ру-Фиджи есть Корогера, расположенная книзу отъ водопадовъ и ущелій, пробѣгаемыхъ рѣкою, въ пунктѣ встрѣчи торговыхъ дорогъ, идущихъ отъ Килоа, Даръ-э-Салаама и промежуточныхъ портовъ. Однако, этотъ жизненный пунктъ для торговли подвергается набѣгамъ людей изъ племени уа-махенжи, которые время отъ времени появляются, чтобы сжечь нѣсколько деревень и плѣнить рабовъ. По этому-то, туземцы, собравъ свои жатвы, укрываются на острова рѣки, подъ защиту водъ, населенныхъ крокодилами.

Даръ-э-Салаамъ, лежащій къ сѣверу отъ Ру-Фиджи, есть главный городъ германской Восточной Африки; арабское имя его значитъ: «домъ мира», но, на языкѣ суахели, настоящее названіе его—Дари-Салама, т. е. «надежный кровъ» ²⁾. Портъ его—одинъ изъ лучшихъ на томъ берегу: проникнуть туда можно не иначе, какъ черезъ длинный узкій каналъ между коралловыми рифами, который приводитъ въ бассейнъ, вдающійся на восемь километровъ внутрь материка и представляющій кораблямъ пригодное для якорной стоянки пространство въ нѣсколько квадратныхъ километровъ; и какъ бы море ни бушевало въ входнаго канала, внутри порта воды всегда спокойны. Городъ и большая сосѣдняя деревня Мжимуэма выстроены на крутомъ берегу, который нѣкогда былъ коралловымъ рифомъ, господствовавшимъ надъ прежнимъ морскимъ каналомъ, превратившимся въ лиманъ ³⁾. Германскіе чиновники, водворившіеся въ Даръ-э-Салаамъ, старались направить къ этому порту часть ввозной торговли, которая прежде устремлялась къ Занзибарскому рейду, и отчасти въ этомъ и успѣли. Даръ-э-Салаамъ представляетъ, къ сѣверу отъ Лоренсо Маркезъ, единственную на морскомъ берегу Вос-

точной Африки мѣстность, гдѣ начали прокладывать внутрь страны проѣзжую дорогу. Эта большая дорога пересѣкаетъ сначала низменные земли, часто наводняемые во время дождливаго сезона: затѣмъ, она взбирается на холмы и, достигнувъ, въ разстояніи 51 километра отъ Даръ-э-Салаама, деревни Кола (Kola), начинаетъ спускаться на западъ къ долинѣ р. Кингани. Въ Колѣ произойдетъ и раздвоеніе пути: къ Танганьикѣ и къ Ньяссѣ; при этомъ, дорога къ Танганьикѣ направится къ западу чрезъ долины и горы У-Сагара и У-Гого, а дорога къ Ньяссѣ приметъ направленіе юго-западное, чрезъ волнистыя равнины У-Зарамо, ущелья Ру-Фиджи и долину Лу-Уаго. Хотя Даръ-э-Салаамскій путь представляетъ разныя несовершенства, тѣмъ не менѣе на немъ и теперь уже происходитъ значительное движеніе, и прибрежные земледѣльцы уже настолько убѣдились въ его пользѣ, что провели къ нему нѣсколько подъѣздныхъ дорогъ, соединяющихъ съ главною дорогою удаленныя отъ нея деревни.

Городъ Багамоио не имѣетъ порта, подобнаго даръ-э-Салаамскому: онъ построенъ на пляжѣ, который полого спускается подъ воду, и большимъ судамъ приходится бросать якорь болѣе, чѣмъ въ трехъ километрахъ отъ берега, но эта часть залива,—которой наименованіе: Бага-Мойо, т. е. «дно сердца», указываетъ на положеніе въ центрѣ углубленія морскаго побережья—представляетъ ту выгоду, что находится какъ-разъ напротивъ Занзибара, отстоящаго всего въ 45 километрахъ: здѣсь именно всего удобнѣе сообщеніе чрезъ проливъ между Занзибаромъ и материкомъ; кромѣ того, Багамоио расположенъ въ нѣсколькихъ километрахъ къ югу отъ устья р. Ру-Фу или Кингани и, слѣдовательно, господствуетъ надъ выходомъ изъ густо населенной долины, которая спускается съ горъ У-Сагара, составляющихъ стратегическій центръ края. Багамоио—большой африканскій городъ, въ которомъ, въ сезонъ набора караванныхъ носильщиковъ, собирается до десяти тысячъ жителей; какъ въ Занзибарѣ и въ арабскихъ городахъ, въ немъ есть базаръ, а многія изъ его зданій уже европейской постройки; впрочемъ, окрестныя земли низки и нездоровы; улицы и площади засорены всякими зловонными отбросами: на пляжѣ разлагаются на солнцѣ остатки рыбы, составляющей главную пищу мѣстнаго населенія, называемаго уа-рима, т. е. «поморяне»; наконецъ, иногда циклоны проносятся надъ городомъ, сметая съ лица земли хижины и вырывая деревья. Арабы менѣе многочисленны въ городѣ Багамоио, чѣмъ на большомъ сосѣднемъ островѣ; индусы же всевозможныхъ кастъ составляютъ тамъ могущественную колонію: въ ихъ рукахъ сосредоточена торговля, и они же располагаютъ и носильщи-

¹⁾ "Proceedings of the R. Geographical Society". Nov. 1881.

²⁾ Le Roy, "Missions Catholiques". 1886. "Séances de la Société de Géographie". 20 mai 1887.

³⁾ Keith Johnson, "Proceedings of the R. Geographical Society". Juli 1879.

ками изъ племени у-ніамези. Къ сѣверу отъ Багамои возвышаются многочисленныя зданія католической миссиі, главнаго пункта всѣхъ другихъ мисіонерскихъ постовъ въ Восточной Африкѣ. Около шестисотъ дѣтей, купленныхъ большею частью у продавцовъ невольниковъ, учатся тамъ различнымъ ремесламъ и воздѣлываютъ въ окрестностяхъ плодовые сады и садъ акклиматизаціонный; даже ставъ взрослыми, они остаются подѣ «бдительною и благо-разумною опекою» ¹⁾ мисіонеровъ и трудятся въ теченіе пяти дней въ недѣлю для общины. Окружающій миссію лѣсъ изъ 160.000 кокосовыхъ деревьевъ доставляетъ такое количество продуктовъ, которое достаточно для удовлетворенія нуждъ колоніи.

Городъ Саадани, въ пятидесяти километрахъ къ сѣверу, занимаетъ мѣстоположеніе, сходное съ положеніемъ Багамои. Онъ также построенъ на берегу пролива насупротивъ Занзибара, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ изливается въ море рѣка Уами. Однако, его рейдъ посѣщается гораздо менѣе; мѣстное населеніе не превышаетъ двухъ тысячъ, и мало въ немъ организуется также и каравановъ, за исключеніемъ, впрочемъ, каравановъ англійскихъ путешественниковъ, которые находятъ себѣ содѣйствіе въ основанной въ этомъ городѣ британской миссиі.

Извѣстно, что все торговое движеніе съ морскаго берега къ У-Ніамези и къ озеру Танганьика совершается при посредствѣ носильщиковъ или пагази, изъ которыхъ каждый несетъ на головѣ тукъ вѣсомъ, въ среднемъ, въ 27 килограммовъ. Большая часть людей, набираемыхъ въ приморскихъ городахъ, принадлежатъ къ племенамъ у-ніамези или у-сукуру; и хотя по имени они свободны, но, въ дѣйствительности, это—рабы арабскихъ или индусскихъ негодіантовъ, держащихъ ихъ въ вѣчной кабалѣ посредствомъ выдача впередъ заработной платы и ростовщичества. Аскари, конвойные солдаты, которые обыкновенно несутъ половинный грузъ, тоже состоятъ на жалованьи у купцовъ Даръ-эсъ-Салаама или Багамои, которымъ въ концѣ концовъ и достаются всѣ барыши отъ экспедицій за слоновью костью. Караваны, состоящіе вообще изъ многихъ сотенъ, а иногда даже изъ тысячъ индивидовъ, проходятъ чрезъ территорію на подобіе армій: командуемые *киромози*, или капитаномъ, они дѣлятся на бригады, имѣющія каждая своего майора или *нямпары*; порядокъ слѣдованія устанавливается каждый день: авангардъ предшествуетъ главному корпусу, аррьергардъ слѣдуетъ за нимъ, и развѣдчики оберегаютъ фланги войска, «рыска въ травахъ» ²⁾; женщины и дѣти имѣютъ свои опредѣленные

мѣста какъ во время самаго перехода, такъ и въ лагеряхъ. Въ пустыняхъ Мгунда-Мкхми чрезъ кусты проложены три параллельныя тропы, на разстояніи метровъ двадцати одна отъ другой. По средней тропинкѣ идутъ женщины, дѣти и носильщики, согнувшіеся подѣ тяжелыми ношами; по боковымъ же тропамъ слѣдуютъ менѣе обремененные пагази и вооруженные люди ³⁾. Рѣдко, однако, караванщикамъ приходится отбивать нападенія; имъ скорѣе надо бояться, чтобы мѣстные жители не разбѣжались при приближеніи каравана, вслѣдствіе чего невозможно было бы раздобыться необходимыми жизненными припасами; имъ нужно также опасаться вымогательствъ со стороны царьковъ, которые, подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ, могутъ потребовать болѣе высокой противъ обыкновенія, *хонго* или платы за проходъ; кромѣ того, они должны приготовиться къ тысячѣ случайностей на долгомъ пути: къ лихорадкамъ, эпидеміямъ, наводненіямъ и высыханіямъ рѣкъ и родниковъ.

Благодаря опытности, приобретенной со времени первыхъ экспедицій Burton'a, Ливингстона и Стэнли, продолжительность путешествія между Багамои и берегами Танганьики уменьшилась на три четверти. Можно въ полтора мѣсяца пройти данное пространство, равняющееся приблизительно тысячѣ километрамъ; но попытки замѣнить на этомъ пути носильщиковъ вьючными животными или повозками до сихъ поръ не удалось. Лошадыми нельзя пользоваться вслѣдствіе того, что въ десяти дняхъ ходьбы отъ поморья начинаются области, наводненные мухою цеце; ослы лучше переносятъ укулы этого насѣкомаго, но они также въ концѣ концовъ погибаютъ. Пытались употребить вьючныхъ быковъ, и Roger Price хотѣлъ было, по примѣру капскихъ торговцевъ, перевозить товары въ фурахъ, запряженныхъ волами; но всѣ эти попытки потерпѣли неудачу, и горцамъ У-Сагары достались повозки, покинутыя около Кондоа или Мкондоа—станціи, основанной въ 1881 году французскимъ комитетомъ Африканской ассоціаціи. Въ 1879 году разрѣшить задачу полагали возможнымъ, привезя изъ Индіи четырехъ хорошо дисциплинированныхъ слоновъ. Дѣйствительно, доблестными животными безъ всякой помѣхи прошли одну треть пути: отъ Даръ-эсъ-Салаама до Мпуапуа ихъ не задерживали ни рѣки, ни болота, ни горы, а для пищи они довольствовались только листвою: подвергаясь въ теченіе двадцати трехъ дней укуламъ цеце, они не казались сильно страдающими отъ этого. Полагали уже, что опытъ удался, какъ вдругъ одно животное пало, безъ видимой болѣзни. Вскорѣ затѣмъ погибли и другіе слоны, отчасти ли вслѣдствіе перемѣны пищи и кли-

¹⁾ Horner Riklin, „La Mission catholique du Zanguebar“.

²⁾ Giraud, „Tour du Monde“, 1887, 1-er semestre.

³⁾ Jérôme Becker, *уном.* соч.

мата, или же скорѣе, быть-можетъ, также и отъ чрезмѣрной усталости: именно, по этимъ труднымъ горнымъ дорогамъ, имъ пришлось нести тяжести въ 700 или 800 килограммовъ¹⁾. Съ тѣхъ поръ, уже не возобновляли дорогостоящаго опыта, и остановились на проектѣ постройки желѣзной дороги, которая мало-помалу проникла бы внутрь материка и такимъ образомъ избавила бы торговцевъ отъ необходимости искать содѣйствія людей или животныхъ.

На перемѣнчивыхъ дорогахъ, ведущихъ отъ поморья къ Таборѣ, городовъ не существуетъ: деревни часто перемѣщаются, и многіе изъ посѣщенныхъ первыми путешественниками столицъ небольшихъ государствъ нынѣ представляютъ однѣ лишь развалины. Мѣстами остановокъ для возобновленія запасовъ провизіи караваны чаще всего избираютъ станціи миссіонеровъ, каковы, напр. Мамбойя и Мпу-апуа: обѣ онѣ расположены на западѣ горъ, на плоскогоріи, гдѣ зарождаются верховные притоки Уами, и гдѣ питательныя европейскія растенія удаются на диво; находятся эти станціи приблизительно на половинѣ пути между Багамою и Таборою. Непосредственно за ними начинается область кустовъ, акацій и камедистыхъ деревьевъ, называемая Маренга-Мкхали, которую путешественники торопятся миновать, что быпоскорѣй достигнуть области разселенія племени у-гого, деревни котораго разсѣяны въ кустарникѣ. Ограниченная съ востока пустынями Маренга-Мкхали, область У-Гого прилегаетъ на западѣ къ другой необитаемой полосѣ, Мгунда-Мкхали, т. е. «поле огня». Это—страшная пустыня, для перехода черезъ которую прежде требовалось не менѣе пятнадцати дней но нынѣ распашка нови постепенно сокращаетъ время, потребное для перехода²⁾. Мгунда-Мкхали представляетъ покрытую кустарникомъ равнину, по которой можно идти цѣлыми часами, ни примѣчая ни малѣйшаго измѣненія пейзажа; булыжники, принесенные сюда нынѣ пересохшими потоками, покрываютъ почву. Въ нѣкоторыхъ областяхъ «поля огня», между кустами возвышаются массы гранита или сіенита, при чемъ однѣ изъ нихъ округлены на-подобіе такъ называемыхъ *roches moutonnées*³⁾, а другія выдаются въ видѣ гладкихъ или истрескавшихся башенъ, уединенныхъ или же сгруппированныхъ сотнями, расположенныхъ аллеями, нагроможденныхъ на-подобіе террасъ и возвышающихся въ видѣ порталовъ. Главное мѣсто остановки посреди этой пустыни представляетъ Джуэ-ля-Мкоа, т. е. «деревня у круглой горы»; названа она

такъ вслѣдствіе находящагося здѣсь, высотою болѣе чѣмъ въ 60 метровъ, холма изъ сіенита, у подножія котораго и ютятся нѣсколько хижинъ туземцевъ.

III.

Островъ Занзибаръ, центръ торговой дѣятельности и религіозной пропаганды, распространяющейся съ поморья вглубь восточной Африки,—земля небольшая; по своему образованію онъ примыкаетъ къ двумъ другимъ островамъ, расположеннымъ также на небольшомъ разстояніи отъ побережья, тоже покоящимся на коралловыхъ рифахъ. Острова Мафія, Занзибаръ и Пемба суть обломки или соединительныя звенья большой земли, образующей рядомъ съ внутреннимъ побережьемъ, т. е. съ окраиною материка, также другое побережье, почти повсюду представляющее рѣзкія крутизны, о которыя и разбиваются волны открытаго моря. Эти три острова расположены въ томъ же направленіи, какъ и побережье Африканскаго материка, находящееся насупротивъ нихъ: ось Мафіи проходитъ съ юго-запада на сѣверо-востокъ, параллельно сосѣднему берегу, между дельтою р. Ро-Вуми и толчею водъ около Муамба-Мку; Занзибаръ ориентированъ съ юго-востока на сѣверо-западъ, параллельно твердой землѣ между Даръ-эс-Саламомъ и Саадани; наконецъ, островъ Пемба протянулся, соотвѣтственно противлежащему берегу материка, въ направленіи съ юга на сѣверъ, при легкомъ уклоненіи къ востоку. Большія глубины въ океанѣ начинаются только мористѣе отъ этихъ трехъ острововъ. На западѣ, со стороны материка, рифы весьма многочисленны, при чемъ однѣ, при спавшей водѣ, усыпаютъ море, словно остатки «пути гигантовъ», а другіе постоянно находятся подъ водою и своими опасными, скрытыми камнями окаймляютъ извилистые проходы для кораблей. Опаснѣе всего здѣсь судоходство между островомъ Мафія и дельтою Ру-Фиджи, такъ какъ мутныя воды рѣки, простираясь по поверхности болѣе тяжелыхъ массъ морской воды, препятствуютъ лоцманамъ видѣть рифы. Поэтому по ночамъ вовсе не пытаются проходить этимъ путемъ, а вообще большинство судовъ огибаютъ островъ восточнѣе, по глубокимъ водамъ открытаго моря. Занзибарскій фарватеръ шире и глубже фарватера Мафіи, тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ суживается до 7.400 метровъ, т. е. приблизительно до одной пятой всего разстоянія между обоими его берегами. Посреди фарватера, суда могутъ бросать якорь на глубинѣ 45 метровъ.

Южный островъ, Мафія, иначе Монафія, изъ всѣхъ трехъ—самый малый по величинѣ, населенности и богатству. Эта бывшая коралло-

¹⁾ L. K. Bankin, "Proceedings of the B. Geographical Society", Mai, 1882.

²⁾ R. Burton, "The Lake Regions of Central Africa".

³⁾ "Бараны лѣтъ", по Кугорѣ, "Ест. Ист. земл. ко-рымъ", стр. 387.

вая мель, пространствомъ въ 423 квадр. километра, покрыта на всемъ своемъ протяженіи плодородною почвою, осѣняемою кокосовыми пальмами. Къ югу отъ этого острова простирается обширный подводный рифъ, съ высящимися изъ-подъ воды утесами: на одномъ изъ нихъ и находится столица Мафин, деревня Чобе, бывшая резиденція арабскаго губернатора (нынѣ островъ этотъ входитъ въ составъ германской Восточной Африки) и нѣсколькихъ арабскихъ и индусскихъ торговцевъ. Окрестные берега хорошо обработаны, но не доставляютъ продуктовъ въ количествѣ, достаточномъ для большой торговли. Къ тому же бухточка Чобе едва доступна при спавшей водѣ, и корабли бросаютъ якорь на юго-западъ отъ нея, приблизительно въ 15 километрахъ разстоянія.

Занзибаръ, Унгуйя туземцевъ, т. е. «станція», представляетъ единственную въ Восточной Африкѣ землю, по своему обычному имени напоминающую о народѣ зенджъ, обитавшемъ, по свидѣтельству средневѣковыхъ арабскихъ писателей, въ той части поморья, которая продолжается къ югу отъ мыса Ароматовъ вплоть до невѣдомыхъ морей. Наименованіе: «берегъ Зангвебара», недавно прилагавшееся къ поморью между Момбазомъ и Килоа и нынѣ приѣняемое, въ искаженной формѣ, къ острову Унгуйя, не имѣетъ другаго значенія, кромѣ какъ «берегъ Зенджевъ»: Зангъ-баръ, находящійся насупротивъ Инду-бара, т. е. «берега индусовъ», обозначалъ весь край, ограничивающій Индійскій океанъ. Арабы дали ему названіе: Биладъ-эзъ-Зенджъ. Вѣроятно, про африканскій берегъ говоритъ и Марко Поло, когда упоминаетъ объ «островѣ Занкибарѣ, который тянется на пространствѣ около двухъ миль», и на которомъ «производится большая торговля»¹⁾.

Островъ Занзибаръ покоится на коралловомъ цоколѣ, но онъ состоитъ не единственно только изъ остатковъ полипняковъ: на немъ есть также холмы изъ красноватой и желѣзистой глины, возвышающіеся волнообразно надъ полями, и во многихъ мѣстахъ прерываемые оврагами и разрыванными на колоннады удивительной правильности; въ южной части острова, самые высокіе холмы не превышаютъ 137 метровъ, но на сѣверо-западномъ берегу, рядъ высотъ, протягивающихся параллельно берегу, достигаетъ 315 метровъ: здѣсь-то и находится самая высокая часть острова. Почти вся поверхность Занзибара, исчисляемая въ 1.691 квадратный километръ, подвергается обработкѣ. Вслѣдствіе этого, и населеніе его весьма значительно, именно, около двухсотъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ около половины проживаютъ въ главномъ городѣ: относительно, Занзибаръ гуще населенъ, чѣмъ Франція. Во

время же сѣверо-восточнаго муссона, населенность, какъ говорятъ, увеличивается еще 30-ю тысячами человѣкъ: арабами, островитянами съ Коморскихъ острововъ, индусами и персами.

Флора острова одинакова съ сосѣднимъ материкомъ, и специально ему принадлежащими растеніями можно считать развѣ нѣсколько орхидей¹⁾, если только и эти виды рано или поздно не отыщутся на противоположномъ поморьѣ. Плодородная почва Занзибара производитъ въ изобиліи всѣ плоды тропической области: американскіе виды встрѣчаются тамъ наравнѣ съ растеніями инсудинскими. Она даетъ въ годъ двѣ жатвы зерновыхъ хлѣбовъ и четыре сбора маниока, крахмальная мука котораго служитъ главною пищею островитянъ²⁾. Изъ пальмъ господствуетъ кокосовая, образующая громадныя лѣса и доставляющая туземцамъ: пищу, напитокъ, строительное дерево, веревки, масло для вывоза за границу и для выдѣлки мыла. Финиковая пальма также произрастаетъ на островѣ, но такихъ хорошихъ плодовъ, какъ на оазисахъ пустынь, она не производитъ. Манговые деревья, миртовидныя, гуйявы, померанцы, лимоны и хлѣбное дерево перекрещиваютъ свои вѣтви съ мангустаномъ и съ дуріономъ (*durio zibethinus*), этими зондскими деревьями, плодъ которыхъ, оставая во рту ощущеніе какъ бы отъ лука и остраго сыра, кажется, не имѣетъ себѣ соперника по изысканности своего вкуса. Занзибаръ производитъ также пряности Индіи и Инсудинда: корицу, мускатъ, перецъ и въ особенности, съ 1830 года, гвоздику, при чемъ ежегодный сборъ гвоздики достигаетъ нѣсколькихъ миллионовъ килограммовъ. Такъ, въ 1884 году въ Занзибарѣ ея было собрано 7.875.000 килограммовъ, на сумму 5.250.000 франковъ. Страшный ураганъ 1872 года разрушилъ почти совершенно плантаціи гвоздичныя и кокосовыя: четыре пятыхъ этихъ деревьевъ были вырваны съ корнями, и Занзибаръ временно былъ разоренъ.

Составляя продолженіе африканскаго материка, частью котораго онъ, вѣроятно, и былъ въ предыдущій періодъ, Занзибаръ имѣетъ въ своей фаунѣ животныхъ съ сосѣдней большой земли, но лишь въ маломъ количествѣ, такъ какъ для большей части видовъ островъ оказался тѣсенъ, а съ другой стороны многіе виды были истреблены земледѣльцами. Около 1865 года, одинъ гинопотамъ переплылъ рукавъ имѣющій въ ширину болѣе 50 километровъ и отдѣляющій африканскій материкъ отъ Занзибарскихъ пляжей; въ теченіе многихъ мѣсяцевъ его видѣли рѣзвящимся въ прибрежныхъ водахъ³⁾, но свѣдѣній о подобныхъ же посѣщеніяхъ слона или носорога не имѣется. Боль-

¹⁾ Marcel Devio, „Le pays des Zendjs“.

¹⁾ Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition“.

²⁾ Grant, „A Walk across Africa“.

³⁾ Young, „Nyassa. A Journal of Adventures“.

шинство занзибарскихъ четвероногихъ принадлежитъ къ малорослымъ животнымъ; таковы: антилопа карликъ (*panatragus*), полуобезьяна (*otolicnus*), циветта, нѣкоторыя изъ кошачьихъ, каковы: сервалъ и дикія кошки; гіана не водится, есть крысы, изъ которыхъ европейскія привезены на корабляхъ. Миръ птицъ представленъ большимъ количествомъ видовъ, такъ какъ ширина пролива не можетъ утомить крылья обыкновенныхъ птицъ; занзибарская же цесарка, изъ которой хотѣли создать особый видъ, вѣроятно, одинакова съ живущей на материкѣ. Однако, натуралисты нашли также и такихъ животныхъ,—между прочимъ, лемура и ящерицу,—которые, по видимому, представляютъ особые виды, принадлежащія къ самобытной туземной фаунѣ острова. Еще недавно Занзибаръ обладалъ, также какъ и о. Pemba, граціозною обезьяною, *colobus Kirkii*, но въ эпоху, когда ученые дали описаніе ея, она становилась уже весьма рѣдкою, а съ той поры, по свидѣтельству Johnston'a, ее совершенно истребили.

На восточномъ берегу Занзибара проживаютъ еще нѣсколько группъ первоначальниковъ, не смѣшавшихся съ переселенцами: это—уахадимы, которыхъ бантусскій языкъ, болѣе или менѣе видоизмѣненный, сталъ языкомъ почти всѣхъ островитянъ; но вѣроисповѣданію они—мусульмане. Масса жителей состоитъ изъ негровъ, невольниковъ или свободныхъ, но рабскаго происхожденія, которые первоначально пришли изъ различныхъ мѣстностей материка и слились въ почти однородное народонаселеніе, съ однимъ и тѣмъ же языкомъ и съ однимъ и тѣмъ же нравами; изъ привычекъ, между прочимъ, весьма распространено между занзибарскими жителями обыкновеніе ѣсть жирную глину. Арабы—господствующіе политически и насчитывающіе между собою нѣсколько чистокровныхъ семействъ, преисполненныхъ презрѣніемъ къ своему государю, который смѣшанной крови—представляютъ главныхъ собственниковъ на островѣ, и нѣкоторые изъ нихъ живутъ сеньорами на своихъ плантаціяхъ. Они, затѣмъ европейскіе негодіанты, также американцы, португальцы изъ Гоа, выходцы съ Канарскихъ острововъ, и наконецъ индусы—сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ крупную торговлю, которая состоитъ главнымъ образомъ въ вывозѣ слоновой кости, каучука, копала, лакмусоваго лишайника и божъ, доставляемыхъ съ противоположнаго берега, и во ввозѣ финиковъ и европейскихъ товаровъ, особенно хлопчатобумажныхъ тканей, называемыхъ американи и служащихъ ходячею монетою въ сношеніяхъ съ неграми внутри материка; на островѣ же законная монета—индійская рупія. Первый торговый трактатъ съ Занзибаромъ былъ заключенъ американцами, именно въ 1735 году; благодаря

полученнымъ при этомъ привилегіямъ, торговля американцевъ долгое время превосходила торговлю другихъ націй. Что касается европейцевъ, то большинство ихъ либо спекуляторы, либо проѣзжіе моряки: въ качествѣ негодіантовъ, имъ трудно конкурировать съ восточными купцами, ведущими торгъ съ Индіею и африканскимъ материкомъ. Въ Занзибарѣ направляется также много политическихъ личностей, благодаря возникшимъ между европейскими державами соперничествамъ о вліяніи. Съ 1873 года, занзибарскіе купцы уже не могутъ предаваться торговлѣ рабами; раньше же каждый годъ въ порты Аравіи и Персидскаго залива вывозили изъ Занзибара отъ 12 до 15 тысячъ негровъ.

Переселенцами изъ Индіи являются парсы, инди (магометане шиты), ххожа и вхора изъ Бомбея и Сурата, прибывающіе вмѣстѣ съ своими женами, и наконецъ баньяны. Эти послѣдніе, населяющіе отдѣльный кварталъ въ Занзибарѣ, и которыхъ также встрѣчаютъ въ портахъ континентальнаго берега, по происхожденію почти всѣ съ полуострова Катча, гдѣ находятся ихъ патроны или однообщинники. Они никогда не удаляются изъ отечества вмѣстѣ съ семьями и потому постоянно стремятся возвратиться къ нимъ, чтобы на всей свободѣ предаться культъ и нравамъ родной земли: каждый годъ они отсылаютъ въ Индію прибыль отъ своей торговли и оставляютъ у себя лишь то количество денегъ, которое безусловно необходимо для веденія дѣлъ. Они строго соблюдаютъ предписанія религіознаго преданія: бреютъ бороду и голову, оставляя лишь усы, бакенбарды и небольшую косму волосъ надъ лбомъ; головнымъ уборомъ имъ служитъ красный тюрбанъ, а одѣваются они въ одинъ или два куска бумажной ткани, красиво облегающихъ ихъ станъ. Весьма воздержные, они только и питаются, что мучными и молочными кушаньями, овощами и плодами, такъ какъ все исходящее отъ животнаго, наземнаго, воздушнаго или проживающаго въ водѣ,—имъ безусловно запрещено. Чтобы быть увѣренными, что никакая нечистая пища не примѣшается къ ихъ блюдамъ, они выписываютъ со своей родины масло и сами приготавливаютъ пищу; если чужеземецъ дотронется до ихъ риса или сыра, то они уже отказываются ихъ ѣсть; воду для питья они черпаютъ или изъ родника или изъ цистерны и остерегаются мірской, оскверненной посуды; пищу же кладутъ на древесные листья. Корова—ихъ священное животное; съ благоговѣніемъ они намазываютъ себѣ лицо коровьимъ каломъ, а въ дни празднествъ приготавливаютъ для соседнихъ коровъ настоящіе пиршества изъ пшеницы и кукурузы. Своихъ мертвецовъ они всегда сжигаютъ на морскомъ берегу. Обрядъ этотъ начинается съ вколачиванія толстыхъ

гвоздей въ черепъ трупъ для того, чтобы онъ не треснулъ подъ вліяніемъ огня; затѣмъ трупъ кладутъ на костеръ изъ столькихъ полѣнъ, сколько баньянъ явилось для отдавѣ почестей мертвецу ¹⁾; послѣ сожженія пещель развѣиваютъ по вѣтру. Нравы, столь отличные отъ арабскихъ и суахельскихъ, навлекаютъ на баньянъ насмѣшки и оскорбленія; смиренные и печальные, они все переносятъ безропотно и мстятъ лишь тѣмъ, что обогащаются на счетъ покушника. По крайней мѣрѣ они не занимались, какъ арабы, торговлей рабами. Увеличеніе численности баньянъ въ какомъ-нибудь приморскомъ портѣ и уменьшеніе, при этомъ, арабовъ—знакъ добрый. Хотя на самомъ островѣ и запрещена негро-торговля, но рабы не были освобождены, и гражданское состояніе дѣтей обуславливается званіемъ ихъ матери. Говорятъ, будто-бы семейства этихъ плѣнниковъ вообще весьма малочисленны ²⁾. * Въ 1897 г. послѣдовала отмѣна невольничества, чрезъ что около 140.000 невольниковъ на островахъ Занзибаръ и Пембѣ получили свободу; однако, рабство само по себѣ можетъ существовать и далѣе, такъ какъ свободу получаетъ только тотъ невольникъ, который самъ того пожелаетъ *.

Городъ Занзибаръ—расположенный около середины западнаго берега острова, къ сѣверо-западу отъ своего аванъ-порта на материкѣ, т. е. отъ Багамои,—самый большой африканскій городъ на побережьи Индійскаго моря: чтобы найти соперника Занзибару по населенности, нужно обогнуть на югъ и западъ Африки дѣль ея трети, до самаго Алжира. Съ моря Занзибаръ представляетъ красивый видъ, благодаря блеску его обширныхъ бѣлыхъ домовъ, казармъ и фортовъ, съ ихъ толстыми пузатыми башнями, въ формѣ бочекъ; но позади этихъ лучезарныхъ фасадовъ скрываются кучи лачугъ, между которыми извиваются кривыя и грязныя улицы; однако, недавно построенный водопроводъ снабжаетъ городъ чистою водою, къ большой выгодѣ въ смыслѣ чистоты и оздоровленія. Поэтому, въ Занзибарѣ уже не такъ опасно жить, какъ было прежде. Лагуна съ соленою водою, высыхающая при спаденіи водъ и переходимая при посредствѣ двухъ мостовъ, отдѣляетъ собственно городъ, называемый Шангани, отъ его восточнаго предмѣстья, обитаемаго суахели, рабами и продавцами рыбы. При входѣ въ эту лагуну находятся причалы для арабскихъ шлюпокъ, а большіе пароходы, пакетботы и военныя суда останавливаются мористѣе передъ городомъ, на глубинѣ 14 метровъ. Нѣсколько правильныхъ пароходныхъ линій подходятъ къ Занзибару, связуя его съ портами на берегу мате-

рика, съ Суэзскимъ каналомъ, Индіей, Маскаренскими островами и Мадагаскаромъ; у самого султана есть около дюжины торговыхъ судовъ и одинъ военный корабль. Что касается движенія судоходства въ Занзибарскомъ портѣ (съ 1892 г. порто-франко), то въ 1895 г. въ приходѣ было 214 судовъ, съ общей вмѣстимостью 331.805 тоннъ. Обороты внѣшней торговли въ 1895 г.: привозъ—21,7, вывозъ—19,8 миллионъ рупій.

Занзибаръ уже располагаетъ средствами для высшей промышленности: въ немъ есть мастерскія для починки судовъ, снарядъ для дистилляціи морской воды, и его портъ уже освѣщается электрическими огнями. Миссіонерскія учрежденія, католическія и протестантскія, дополняются большими школами для мальчиковъ и дѣвочекъ, а также и мастерскими для техническаго обученія туземцевъ. Въ другихъ частяхъ острова, вмѣстѣ съ разсыянными прекрасными сельскими домами арабскихъ собственниковъ, находится также нѣсколько заводовъ для производства сахара и кокосоваго масла; одинъ изъ наиболѣе значительныхъ заводовъ устроенъ въ Кокотони, на берегу гавани того же имени; отъ Занзибара онъ отстоитъ километровъ на сорокъ къ сѣверу и превосходно защищенъ отъ волнъ открытаго моря островомъ Тумбату; большія суда бросаютъ тамъ якорь на глубинѣ отъ 7 до 16 метровъ.

Островъ Пемба, третій въ группѣ, съ поверхностью въ 964 квадр. километра, т. е. приблизительно равняющійся двумъ-третьямъ поверхности Занзибара, имѣетъ, однако, не болѣе десяти тысячъ жителей, хотя почва его плодородна вплоть до вершинъ холмовъ и хотя его часто обозначаютъ подъ именемъ «Зеленаго» острова или острова «Овошей». Его продукты тѣ же, что и на Занзибарѣ: головки гвоздики и кокосовыя орѣхи; крупные арабскіе собственники на островѣ отсылаютъ ихъ на рынки сосѣдняго города. Главный городъ Пембы, Шаки-Шаки, находится на западномъ берегу, у бухты, недоступной при низкой водѣ: даже небольшія барки должны выжидать наступленія прилива, чтобы достичь до пляжа. Напротивъ, въ портѣ Киши-Киши, на сѣверной оконечности острова, глубина достаточна, и большія суда нашли бы тамъ превосходное убѣжище, но фарватеръ входнаго канала, узкаго и опаснаго, еще не обставленъ баканами. Глава арабской аристократіи на островѣ Пембѣ—скорѣе вассалъ, чѣмъ подданный занзибарскаго султана—пребываетъ въ Киши-Киши. Болѣе половины населенія Пембы состоитъ изъ невольниковъ.

* Султанатъ Занзибаръ нынѣ состоитъ подъ протекторатомъ Великобританіи. Султанъ, или сендъ, получаетъ на содержаніе своего двора около 300.000 рупій и имѣетъ лейбъ-гвардію

¹⁾ Horner, "Voyage à la côte orientale d'Afrique".

²⁾ Richard Böhm, "Von Sansibar zum Tanganjika".

въ 150 чел. Прочія войска: 1.050 регулярныхъ, 1.500 нерегулярныхъ, состоятъ подъ командой англійскаго офицера. Флотъ состоитъ изъ 1 корвета, 1 канонерки и 7 торговыхъ

пароходовъ, принадлежащихъ султану. Доходы и расходы въ 1894 г. составляли по 493,000 рупій *.

Глава XII

Килима-Нджаро, Кенія, берега Момбаза и Малинди.

Приморская область, простирающаяся къ сѣверу отъ территорій, находящейся насупротивъ Занзибара, и ограничиваемая портами: на югъ—Пангани, а на сѣверѣ—Тана, находится въ политическихъ условіяхъ, аналогичныхъ съ условіями тѣхъ странъ, которыя лежатъ южнѣе ея. И здѣсь также эта прибрежная, недалеко простирающаяся внутрь материка полоса, была недавно подчинена власти или по крайней мѣрѣ сюзеренитету султана; нынѣ же порты принадлежатъ чужеземнымъ торговцамъ, а проживающіе внутри племена, будучи въ дѣйствительности независимы, предоставлены, по трактату, европейскому вліянію: германцы сдѣлались властителями въ бассейнѣ р. Пангани, а сѣверный склонъ страны находится уже во владѣніи англичанъ. Подобно тому, какъ относительно другой стороны чернаго континента часто разсуждали о должествующемъ современемъ осуществиться соединеніи Алжира съ Сенегаліей посредствомъ желѣзнаго пути чрезъ Сахару, такъ точно англійскіе политики предвидятъ тотъ день, когда возможно будетъ прослѣдовать по сѣверо-восточной Африкѣ, отъ Александріи до Момбаза, не сходя все время съ территорій, всецѣло принадлежащей англо-саксамъ. Однако, между двумя подлежащими завладѣнію территоріями: одной на западъ, другой на востокъ Африки,—противоположность велика. Между плоскогоріями Варваріи и берегами Сенегала простирается еще неизвѣстная и почти непроходимая пустыня, между тѣмъ какъ на пространствѣ отъ Египта до горъ У-Самбара слѣдуютъ одна за другой страны, частью безплодныя и пустынные, частью плодоносныя и населенныя, но уже всѣ пройденныя бѣлымъ человекомъ. Наиболѣе прославленная историческая рѣка на материкѣ, самое большое озеро и одинъ изъ двухъ самыхъ высокихъ массивовъ Африки—принадлежатъ къ этой территоріальной полосѣ, обѣ оконечности которой находятся уже въ рукахъ Англіи; не избѣ-

жетъ присвоенія ею и средняя полоса, если экспедиція Стэнли удастся возвратитъ подъ европейское вліяніе весь верхній бассейнъ Нила такимъ образомъ зайти въ тылъ новому королевству дerviшей въ Хартумѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это имѣлось въ виду въ то время, когда Великобританія, посредствомъ трактата, завладѣла, хотя только предположительно, территорією, которая отъ Момбазскаго берега поднимается къ тѣмъ высокимъ плоскогоріямъ, гдѣ находится озеро Нianza. Такъ какъ эта территорія пока еще точно ограничена только въ своей восточной части, вдоль моря, то и нельзя привести данныхъ о величинѣ ея поверхности; также отсутствуютъ и свѣдѣнія для достовѣрнаго исчисленія ея населенности. Можно лишь сказать, что область, прямоугольной формы, заключающаяся между Индійскимъ океаномъ, восточною окраиною плоскогорія, наклоненнаго къ западу, въ направленіи къ Нianza, и двумя параллельными линіями, изъ которыхъ одна проходитъ къ сѣверу отъ Килима-Нджары и У-Самбара, а другая направляется отъ Кеніи вплоть до лимана Таны, представляетъ площадь приблизительно въ 135 тысячъ кв. километровъ. По даннымъ же Кгарфа, Fischera, Томсона, Джонстона и другихъ изслѣдователей, населеніе этой территоріи должно быть исчисляемо приблизительно въ два милліона человекъ.

Въ 1883 году, путешественникъ Финшеръ прослѣдовалъ вдоль восточнаго подножія той водораздѣльной горной цѣпи, которая ограничиваетъ на востокъ бассейнъ Нianza, при чемъ убѣдился, что эта цѣпь, составляя внѣшній крутой обрывъ плоскогорія, развивается съ большою правильностью съ юга на сѣверъ. Вѣроятно, что этотъ обрывъ есть древнее побережье исчезнувшаго средиземнаго моря: внизу высотъ разстилаются пруды, озера и солончаки, напоминающіе о быломъ существованіи внутренняго моря, нынѣ испарившагося.

Вулканическіе конусы, размѣщенные въ извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга на окраинѣ плоскогорія, суть отдушины подземныхъ огней, матеріалъ для которыхъ нѣкогда доставлялся химическими ингредиентами, вырабатывавшимися въ глубинахъ подъ удлинненнымъ озернымъ бассейномъ. Низменности, въ которыхъ содержатся упомянутые остатки прежнихъ жидкихъ массъ, находятся на весьма большой глубинѣ по отношенію къ окраинѣ плоскогорія, среднее возвышеніе котораго достигаетъ приблизительно двухъ тысячъ метровъ; одно только изъ озеръ лежитъ на высотѣ 640 метровъ. Такимъ образомъ, родъ желоба безъ водослива отдѣляетъ высокія западныя равнины отъ возвышеннаго цоколя, на которомъ вздымаются Калима-Нджаро и другія горы, составляющія ея свиту.

На южной оконечности впадины, первое озеро съ соленою водою—Мавьяра, о которомъ имѣются одни только рассказы туземцевъ. Въ ста километрахъ къ сѣверу отъ этого «натриваго озера», находится другое, надъ которымъ господствуетъ съ юга—угасшій вулканъ, именуемый Дунъ-Нгэ, т. е. «небесная гора» (2.150 метровъ), а съ востока—огромная гора Гелей, превышающая предыдущую почти вдвое, такъ какъ высота ея равняется 4.200 метровъ; говорятъ, будто «минареть», т. е. конечный конусъ горы Дунъ-Нгэ, не перестаетъ никогда куриться: даже въ совершенно ясную погоду черное облако окутываетъ его вершину, а громъ и какъ-бы отдаленная канонада слышится постоянно; лава уже не изливается, но пары около верхушки красны въ ночное время¹⁾; горячія воды, въ которыхъ караванщики варятъ свою пищу, выбиваются изъ нѣдръ земли у подножія горы и по берегамъ озера.

Къ сѣверу простирается, насколько только хватаетъ глазъ, солончаковая степь, сохраняющая горизонтальность своего ложа, нѣкогда выровненнаго озерными напылами: это пустыня Догилави, усыпанная кусками обсидиана, «походящими на черепки отъ бутылокъ». Къ западу отъ нея возвышаются черноватые откосы плоскогорія, обозначаемые въ этой мѣстности именемъ Мау, а на востокъ видѣются не менѣе грозныя плоскогорія Кантэ и Кикуйу: между этими крупными утесами открываются бухты, гдѣ бесплодная—уже давно вышедшая изъ-подъ воды—почва бывшаго дна составляетъ рѣзкій контрастъ съ богатою зеленью на возвышеніяхъ. Величавые вулканы прерываютъ правильныя грани плоскогорій: таковъ Дунъ-ла-Ньюки, съ большимъ жерломъ и съ длинными склонами, на которыхъ выступаютъ другіе вулканы-паразиты. Таковъ также

Дунъ-Лонгонокъ, т. е. «гора Большаго колодца», съ широкимъ усѣченнымъ конусомъ, очень красивой формы.

Путешественникъ Томсонъ восходилъ на этотъ послѣдній вулканъ, кругообразное возвышеніе котораго, доминируемое боковымъ пикомъ, имѣетъ 2.500 метровъ въ высоту и 5.500 метровъ въ окружности. Внутренняя котловина не имѣетъ нормальной формы опрокинутого конуса: она, какъ показываетъ самое наименованіе горы, представляетъ колодезь съ вертикальными стѣнками; ровное дно этого колодца сокрыто подъ лѣсомъ акацій, который съ вершины кажется мшистымъ лугомъ; по словамъ туземцевъ, изъ одной сосѣдней съ вулканомъ пропасти, будто-бы, исходятъ пары, убивающіе всѣхъ проходящихъ въблизи животныхъ: вѣроятно, это трещины, испускающія углекислоту. Съ вершины Лонгонока, видишь у себя подъ ногами, на сѣверо-восточной сторонѣ, блистающую поверхность озера Найваша, усыпаннаго островами, окруженнаго камышами и лугами. Милліарды водяныхъ птицъ кружатся надъ бассейномъ, а въ окрестностяхъ зебры пасутся эскадронами. Озеро это, лежащее на высотѣ 1.850 метровъ, представляетъ неглубокій, путемъ наводненія наполняющійся водоемъ, въ который стекаетъ много рѣчекъ, при чемъ приносимая ими жидкая масса уравнивается испареніемъ; вода въ озерѣ прѣсная, чтѣ, повидимому, указываетъ на недавнее происхожденіе этого озернаго водоема: образоваться онъ могъ отъ загражденія его сточной долины потоками лавы и горами пепла, накопившимися на сѣверѣ и на востокѣ, и, такимъ образомъ, отдѣлившими равнину отъ верховаго бассейна Таны. Въ озерѣ Найвашѣ рыба не водится, и быть можетъ, она истреблена выдѣлявшимися изъ его нѣдръ газами¹⁾.

Вулканическая дѣятельность проявляется также и къ сѣверо-востоку отъ о. Найваша. Тамъ возвышается Дунъ-Буру, т. е. «гора паровъ», высотой въ 2.800 метровъ, съ жерлами, изъ которыхъ черезъ короткіе промежутки вылетаютъ струи горячихъ газовъ. Туземцы изъ племени *мазай* приближаются къ этимъ отверстіямъ съ благоговѣніемъ и бросаютъ туда пучки травъ съ цѣлью добыть благосклонности «духовъ Земли»; также съ благочестіемъ собираютъ они красную глину отъ разложившихся горныхъ породъ и вымазываютъ ею свое тѣло для предотвращенія злой судьбы. Гора эта, кратеръ которой часто перемѣщался, потеряла типическую форму вулкана: многочисленные конусы, которые сначала другъ возлѣ друга поднимались, а затѣмъ опускались, слились въ неправильную массу. Углубленіе, дно котораго занято о. Найваша, на сѣверѣ ограничено бугристою равниною, на которой

¹⁾ Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society“, February. 1887. — December, 1882.

¹⁾ Joseph Thomson, „Through Masai Land“.

изверженія тоже оставили груды окалинъ; происшедшіе въ послѣдствіи трещины и разломы расчленили всѣ эти образованія на многоугольныя массы, и во многихъ мѣстахъ можно подумать, что видишь передъ собой валы и рвы военныхъ укрѣпленій. Тысячи сухихъ деревьевъ торчатъ изъ всѣхъ разсѣлинъ. Чтѣ было причиною ихъ гибели? Выдѣленіе ли зловонныхъ газовъ или, скорѣе — какъ полагаетъ Томсонъ — уменьшеніе дождей, обусловленное медленными измѣненіями въ климатѣ?

Къ сѣверу отъ этой печальной области голыхъ скалъ и разсѣлинъ, другія озера, Эльметейта, Накуро, наполняютъ углубленія долины, затѣмъ рѣка, направляющаяся — подобно всей разсѣлинѣ, идущей вдоль водораздѣльной гряды — съ юга на сѣверъ, извивается между двумя параллельными плоскогоріями и впадаетъ въ озеро Мбаринго или Баринго, которое прежде считали сѣверо-восточнымъ заливомъ о. Ньянца. Ныѣ извѣстно, что Баринго занимаетъ замкнутой бассейнъ, приблизительно въ пятьсотъ квадр. километровъ. Хотя оно не имѣетъ видимаго истока, его изобилующія рыбою воды не содержатъ ни малѣйшаго слѣда солености. Томсонъ, первый изъ посѣтившихъ берега Баринго европейцевъ, удивляется, что озеро это не увеличивается въ объемъ, хотя оно получаетъ, даже въ сухое время года, значительное количество воды: самая большая разница въ озерномъ уровнѣ, между однимъ и другимъ сезонами, не превышаетъ шестидесяти сантиметровъ. По Томсону, такое незначительное годичное колебаніе въ уровнѣ и отсутствіе соли въ озерной водѣ могло бы быть объяснено существованіемъ подземнаго истеченія, однако это невѣроятное предположеніе не можетъ быть серьезно обсуждаемо до тѣхъ поръ, пока не будутъ измѣрены количества приносимой и испаряемой влаги. Посреди озера высится обитаемая земля, Кируанъ, т. е. «островъ», обломокъ бывшаго вулкана, и легкія шлюпки сплываютъ между озерными берегами. Въ еще неизслѣдованныхъ областяхъ къ сѣверо-востоку отъ Баринго, разсѣлина въ землѣ, по показаніямъ туземцевъ, продолжается на прострѣствѣ нѣсколькихъ сотенъ километровъ вплоть до обширнаго солончака Замбуру, окруженнаго пастбищами, по которымъ кочуютъ пастухи изъ племени галла ¹⁾. Къ этому-то конечному углубленію, т. е. къ Замбуру, и направляется рѣка Уѣй - Уѣй, истоки которой Томсонъ видѣлъ къ западу отъ озера Баринго.

Къ востоку отъ тотчасъ описанной вулканической разсѣлины — на протяженіи которой, отъ Маньяра до Замбуру, слѣдуютъ одно за другимъ озера соленой или прѣсной воды — земли, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разсѣянныхъ солончаковъ, всецѣло принадлежать къ

покатости Индійскаго моря. Даже съ обращенной внутрь материка западной стороны Килима-Нджаро часть водъ изливается въ Занзибарскій проливъ. Но эта покатость весьма гориста, и высоты, начинающіяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ моремъ, постепенно достигаютъ, въ Килима-Нджаро, границы нѣжныхъ снѣговъ.

Первыя возвышенія, видимыя съ моря, суть горы У-Самбара; это — почти уединенный гранитный массивъ, нѣкоторыя вершины котораго, округленныя на верхушкѣ, достигаютъ 1.500 метровъ въ высоту: изъ города Булуа, построеннаго на вершинѣ одной горы, видѣются, въ разстояніи около ста километровъ, очертанія зеленѣющаго берега съ его заливами и мысами. Къ сѣверо-западу отъ этихъ горъ тянется горная цѣпь Парэ, затѣмъ хребетъ У-Гоно, господствующій съ запада надъ красивымъ озеромъ Джепа, и къ сѣверу отъ котораго высится мощная масса африканскаго колосса. Въ постепенно поднимающихся равнинахъ, которыя простираются отъ Момбазскаго берега къ Килима-Нджаро, разсѣяны гранитные пики, имѣющіе отъ 1.200 до 1.600 метровъ высоты и во многихъ мѣстностяхъ расположенные въ видѣ правильныхъ рядовъ. Килибази или Килимабази, т. е. «одинокая гора» ¹⁾, затѣмъ усѣченный конусъ Казигао, выщербленная вершина Монгу — стоятъ одиноко, на подобіе рифовъ посреди моря. У болѣе удаленной отъ берега Ндары, называемой также Килама-Кибуру, т. е. «большая гора», имѣется цѣлая свѣта менѣе возвышенныхъ горъ, а на западъ отъ нея, господствуя надъ простирающеюся по направленію къ Килима-Нджаро равниною, видны, болѣе оближенные и потому представляющіеся въ видѣ цѣпи, массивы, называемые горами Бура. Второстепенныя вершины, одинокія или сѣченныя вмѣстѣ, высятся на нѣкоторомъ разстояніи со всѣхъ сторонъ — на югѣ, сѣверѣ и западѣ — вокругъ Килима-Нджаро, исполняя африканскихъ горъ.

Эта «Гора Величія», или скорѣе, по Томсону, «Бѣлая гора», а по Фишеру, «Гора Дьявола», достигаетъ высоты 5.745 метровъ (по Маугеу — 6.004, а по Томсону даже 6.120 метровъ); такимъ образомъ, она превышаетъ на 1.554 метра Камерунъ и на 1.145 метровъ Сименъ въ Эіопіи; она также гораздо выше находящейся въ странѣ Галла горы Вошо, которой Antoine d'Abbadie приписываетъ высоту въ 5.000 метровъ; соперникомъ ей является только гора Кенія, которая, по Томсону, возвышается на 5.600 метровъ. Однако, Килима-Нджаро, повидимому, не была извѣстна древнимъ, если, впрочемъ, они не смѣшивали ее съ одною изъ «Лунныхъ горъ». Впервые объ

¹⁾ J. Thomson, *упом. соч.*

¹⁾ *Suma de Geographia*, на которую ссылаются Расселлей и Джонстонъ.

этой горѣ упоминается, — очевидно, со словъ португальскихъ посѣтителей Момбаза, — испанскій географъ Епсизо; называетъ онъ ее «Олимпомъ Эюиоши» и говоритъ, «что она богата золотомъ, населена дикими кабанами и людьми, питающимися саранчею». Въ 1848 году, миссіонеръ Ребманнъ былъ первымъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, созерцавшимъ эту величественную, блистающую снѣгами, гору; однако, ученые географы, въ родѣ Desborough Cooley — уже начертившіе, не выдавъ дѣйствительной, воображаемую Внутреннюю Африку — оспаривали это открытіе, утверждая, что видѣнное Ребманномъ было либо миражъ, либо плодъ воображенія. На слѣдующій годъ послѣдовало, однако, подтвержденіе со стороны другого миссіонера, Крапфа, который чрезъ цѣпь Буря спустился къ самой подошвѣ великой горы. Въ 1861 и въ 1862 гг., изслѣдователи фонъ-деръ-Декенъ и Торнтонъ подвинулись еще далѣе: именно, они восходили на южные склоны Килима-Нджаро вплоть до высоты 3.200 метровъ, далеко, впрочемъ, не достигнувъ еще нижней границы снѣговъ. Съ тѣхъ поръ New, Fischer, Thomson и Johnston посѣщали прославленную гору, а Meyer въ 1887 году достигъ высшаго ея купола и даже края кратера, посвятивъ на это восхожденіе пять дней; однако, онъ не могъ взобраться на покрытый льдомъ выступъ, находившійся метровъ на пятьдесятъ выше. Гора эта не преминетъ вскорѣ стать однимъ изъ главныхъ притягательныхъ центровъ для африканскихъ путешественниковъ, такъ какъ отнынѣ она включена въ германскія владѣнія, и если не легкіе пути сообщенія, то во всякомъ случаѣ хорошо извѣстныя тропинки и продовольственные пункты соединять ее съ Момбазомъ и съ другими портами восточнаго берега Африки.

Громадная масса этого вулкана имѣетъ не менѣе ста километровъ въ направленіи съ востока на западъ и километровъ пятьдесятъ въ поперечникѣ; въ окружности же гора достигаетъ приблизительно двухсотъ семидесяти километровъ, т. е. вдвое болѣе окружности Этны, могучей горы, нижніе склоны которой прокармливаютъ населеніе, превышающее триста двадцать тысячъ человекъ. Въ дѣйствительности Килима-Нджаро состоитъ изъ двухъ соединенныхъ вмѣстѣ вулкановъ: Кибо — центрального купола и самаго высокаго пункта; и Кимауэнзи (4.973 метра), остроконечный пикъ котораго, видимый съ восточнаго подножія массива, закрываетъ остальную часть горы. На западѣ, сѣверѣ и востокѣ, Килима-Нджаро правильно вздымаетъ свои склоны вплоть до высшихъ откосовъ; но на югѣ, у подошвы массива, зияютъ многочисленныя жерла, изливавшаяся изъ которыхъ лава образовала широкую террасу въ 1.200 до 1.800 метровъ высоты, разрѣзанную горными потоками на параллель-

ные отрывки, и которая въ видѣ землистыхъ мысовъ спускается къ равнинамъ. Эта обширная подпирающая гору платформа, выдающаяся километровъ на двадцать кнаружи отъ правительнаго склона вулкана, — есть единственная плодородная и обитаемая часть всей громадной окружности горы; называется она Чага.

Вершины — близнецы Килима — Нджаро покрыты снѣгомъ во всякое время года, либо въ видѣ сплошной однообразной мантии, либо въ видѣ бахромы и полосъ; видъ горы мѣняется каждое время года, каждый день, даже въ періодъ засухъ. Прежде суахили думали, что этотъ снѣгъ состоитъ изъ серебра, и не разъ на кручи горы предпринимались экспедиціи за драгоценнымъ металломъ, который, однако, превращался въ воду въ рукахъ профановъ ¹⁾. Ниже всего снѣгъ спускается обыкновенно въ октябрѣ, и главнымъ образомъ на западномъ склонѣ, на косогорѣ въ 4.250 метровъ надъ уровнемъ моря; въ июлѣ же и въ августѣ нижняя граница инея поднимается всего выше, на склонахъ вершинъ. Восхожденіе на гору — вообще весьма тягостное во всякое время года — легче всего можетъ быть совершено въ тѣ мѣсяцы, когда падаетъ снѣгъ, такъ какъ въ это время года меньше всего тумановъ и, по странному контрасту, холодъ тогда менѣе резокъ ²⁾. Рѣдко гора бываетъ совершенно безоблачна: когда снѣжный куполъ покажется надъ густымъ туманомъ, блистая на солнцѣ, онъ представляется тѣмъ величественнѣе, что кажется отдѣленнымъ отъ земли океаномъ паровъ: «это Нгажэ Нгай, — Божій домъ», говорятъ мазаи; обыкновенно же они называютъ ее просто: Дунъэ Эборъ, т. е. «бѣлая гора».

Склоны Килима-Нджаро представляютъ замѣчательную противоположность. Всѣ ручьи, сбѣгающіе по проталинамъ въ снѣгу вершинъ, текутъ по южному склону. Правда, нѣсколько потоковъ зарождаются на востокѣ и западѣ, но лишь у подошвы горы: вверху, нигдѣ не видно каскадиковъ. Что же касается сѣвернаго склона, то его поверхность совершенно суха: ни одинъ потокъ не свергается съ нея, и долина Нджири, простирающаяся съ этой стороны у подошвы горы, — не что иное, какъ пустыня; но и тамъ выбивается нѣсколько родниковъ, питающихъ соленые лагуны и пруды; очевидно, что это отверстія подземныхъ ручьевъ, затерявшихся въ пещѣ вулкана. Пруды на Нджири — не единственные замкнутые бассейны на окружности горы: такіе бассейны встрѣчаются и у юго-восточной подошвы. Одинъ изъ этихъ бассейновъ, Чала, наполняетъ кратеръ, почти вертикальныя стѣнки котораго окружены короною изъ зелени; вода въ немъ прѣсная и прозрачная. Преданіе мазаевъ гла-

¹⁾ Krapf, „Reisen in Ost-Afrika“.

²⁾ Н. Н. Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition“.

суть, будто одна из их деревень была взорвана при вспышке вулкана, и, как во многих других вулканических странах, местным жителям кажется, будто по временам они слышат мычанье коров, блеяние овец и крики пастухов, доносящиеся из глубины пропасти, на подобие отдаленного эхо. Без сомненья, иллюзия эта проследить от шума, производимаго водяными птицами и повторяемаго многократным эхо¹⁾.

Къ западу и къ сѣверо-западу отъ «Бѣлой горы», на цоколѣ плоскогорья стоятъ многіе другіе массивы вулканическаго происхожденія, при чемъ въ некоторые изъ нихъ также достигаютъ значительной высоты. Массивъ Муру—отдѣленный отъ Килима-Нджаро равниною Сижираро, лежащею, въ среднемъ, на высотѣ 1.200 метровъ,—является почти соперникомъ Килима-Нджаро, такъ какъ его конечный конусъ возвышается приблизительно на пять тысячъ метровъ, и въ маѣ мѣсяцѣ иногда на разсвѣтѣ замѣчаютъ поверхностныя полосы свѣга, разстланную вскорѣ подъ лучами солнца; однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда скалистая вершина вулкана не бываетъ окутана облаками, на горизонтѣ она представляется черною; вслѣдствіе этого, въ противоположность Бѣлой горѣ, мазаи дали ей наименованіе: Дунъ-Эрокъ-ля-Сижирари, т. е. «Черная гора Сижирари». На сѣверо-западъ отъ Килима-Нджаро, по плоскогорью разсѣяны, на подобіе пирамидъ, также и другіе Дунъ-Эроки, изъ которыхъ одинъ достигаетъ четырехъ тысячъ метровъ высоты.

Выступы рельефа, которыми усѣяны возвышенности къ сѣверу отъ Килима-Нджаро, представляютъ во многихъ мѣстностяхъ видъ настоящихъ горныхъ цѣпей. Горы Кіулу и Улу, гдѣ зарождаются притоки рѣки Сабаки, составляютъ длинную гряду, направляющуюся съ юго-востока на сѣверо-западъ, затѣмъ изгибающуюся къ сѣверу, параллельно тѣмъ горамъ, которыя окаймляютъ на востокъ и на западъ водораздѣльную разсѣлину. Сѣверная оконечность горъ Улу обращена прямо къ горѣ Кенія, второй въ Африкѣ по высотѣ. Окружность Кеніи весьма значительна, благодаря длинѣ ея склоновъ: истеченіе лавы совершалось по покатости въ 10—12 градусовъ до подошвы самой горы, до цоколя, средняя высота котораго около 1.790 метровъ. Въ центрѣ черноватаго цоколя вздымается высшій пикъ, правильная пирамида метровъ въ тысячу, до такой степени крутая, что во многихъ мѣстахъ свѣгъ не въ состояніи удерживаться на утесахъ. Конусъ этотъ—скорѣе сѣроватый, чѣмъ бѣлый: отсюда мазайское наименованіе его Дунъ-Эгера, т. е. «Сѣрая гора»; однако, по словамъ

фонъ-дербъ-Декева, ее называютъ также и Бѣлою горою. Кенія, черезъ склоны которой проходитъ, къ сѣверу отъ главнаго пика, экваторъ и которая лежитъ въ трехстахъ километрахъ отъ Килима-Нджаро, находится въ одинаковыхъ съ послѣднимъ климатическихъ условіяхъ; она также весьма часто бываетъ окутана водяными парами; обыкновенно облака скрываютъ ее въ теченіе дня, и она показывается только либо вечеромъ, при закатѣ солнца, либо утромъ, при первыхъ лучахъ его восхода. О существованіи Кеніи узнали въ Европѣ только въ 1849 году, благодаря миссіонеру Крапфу; однако, ни одинъ изъ путешественниковъ еще не восходилъ на нее; даже Томсонъ, приближавшійся къ ней болѣе всего, видѣлъ только ея восточный фасъ. Подобно Килима-Нджаро, Кенія изливаетъ гораздо большее количество воды своими южными долинами, чѣмъ другими сторонами своей обширной окружности.

Къ западу отъ Кеніи, другія горы, цѣпи и массивы, смѣняютъ другъ друга вплоть до береговъ Ньянцы и Нила. Одинъ рядъ высокихъ горъ, которымъ Томсонъ далъ наименованіе горъ Абердаре, тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ, въ томъ же самомъ направленіи, какъ и общая ось возвышенностей края Мазан. Равнымъ образомъ, надъ озеромъ Баринго господствуютъ высокія вершины, вздымающіяся съ каждой стороны этой обширной вулканической разсѣлины. Наконецъ, къ сѣверо-востоку отъ Ньянцы видѣется величавый конусъ Эльгонъ или Лигоньи, имѣющій не менѣе 4.200 метровъ: подобно большей части горъ этой страны, онъ тоже прежде былъ вулканомъ. Въ его стѣнахъ изъ туфа, между двумя слоями твердой лавы, видны глубокіе гроты, высѣченные или по крайней мѣрѣ увеличенные рукою человека и заключающіе въ своихъ галереяхъ цѣлыя деревни и загонныя для скота. Снаружи пещерная часть горы представляетъ цѣлый рядъ отверстій, походящихъ на отверстія голубатни и на одномъ и томъ же уровнѣ продолжающихся по всей окружности вулкана. Нынѣ большая часть этихъ пещеръ покинута¹⁾.

Рѣка Пангани получаетъ свои первыя воды съ горъ Муру и Килима-Нджаро. Изъ всѣхъ этихъ горныхъ потоковъ самый восточный, Луми, начинающійся у подошвы Кимауэнзи, течетъ сначала на югъ и образуетъ, у подошвы откосовъ У-Гоно, продолговатое озеро, Джипэ. Лежитъ это озеро всего лишь на высотѣ 737 метровъ; однако, равнина, простирающаяся къ югу отъ террасъ Килима-Нджаро, еще низменнѣе, такъ какъ одна вытекающая изъ озера рѣчка устремляется, на сѣверо-западномъ направленіи, къ самой подошвѣ вулкана. Что касается Пангани, то

¹⁾ A. Wray, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1887.

¹⁾ J. Thomson, *loc. cit.*

по выходѣ изъ о. Джиѣ и по соединеніи съ Ру-Ву и другими притоками, она является уже значительной рѣкой: въ мартѣ мѣсяцѣ Фишеръ нашелъ ширину ея превышающей сто

слѣдуютъ другіе, вплоть до самого низовья, вслѣдствіе чего Пангани становится судоходною всего лишь въ сорока километрахъ отъ океана между двумя каменистыми террасами

Типы племени Сомали.

метровъ, а глубину—достигающею почти одного метра. Затѣмъ книзу, почти не получая притоковъ, рѣка сначала течетъ на югъ, затѣмъ на юго-востокъ и переходитъ порогами и водопадами рядъ скалъ. За этими водопадами

кораллового происхожденія. Во время отлива, на барѣ Пангани, гребные суда находятъ глубину приблизительно лишь въ два метра.

Двѣ другихъ большихъ рѣки даннаго края зарождаются въ западныхъ долинахъ плоско-

горя, Сабаки, т. е. «лѣсная рѣка», получаетъ одинъ изъ своихъ притоковъ, Цаво, со склона Килима-Нджаро, между тѣмъ какъ главные истоки находятся въ горахъ Кіулу и Улу, а также сѣвернѣе, въ окаймляющей плоскогоріе цѣпи, около озера Найваша. Тана, все среднее теченіе которой еще не изслѣдовано, равнымъ образомъ начинается въ сейчасъ упомянутой цѣпи, чѣмъ объясняется и ея наименование Килима-нси, т. е. горная рѣка; однако, мощнымъ потокомъ воды она становится лишь къ югу отъ Кеніи, которая посылаетъ ей многочисленные потоки съ своего южнаго склона. На сѣверѣ этой области текутъ другія весьма обильныя рѣки, изъ которыхъ одна, Уруру, т. е. «громъ», такъ названа вслѣдствіе имѣющагося на ней большаго водопада, посѣщеннаго Томсономъ и описаннаго имъ какъ низверженіе воды «съ нѣсколькихъ сотенъ футовъ» въ мрачную пропасть. Уруру и другія рѣки, текуція на сѣверо-западъ и на сѣверъ отъ Кеніи, соединяются вмѣстѣ для образованія Гуазо-и-Эрока, т. е. «Черной рѣки», относительно которой еще неизвѣстно: продолжаетъ ли она течъ, къ востоку отъ Кеніи, въ направленіи къ Джубѣ, или же, не поворачивается ли къ юго-востоку, для соединенія съ Таною? Въ Маса—самомъ высокомъ пунктѣ долины, гдѣ проживали братья Денгардъ,—Тана представляетъ собой рѣку, шириною, въ среднемъ, метровъ въ пятьдесятъ; ея глубина колеблется между 4 и 10 метрами; а русло содержитъ лишь небольшое число мелей, покрытыхъ водой по крайней мѣрѣ на одинъ метръ, скорость же ея превосходитъ шесть километровъ въ часъ. Подобно большинству рѣкъ этой части материка, Тана не получаетъ притоковъ на протяженіи нижняго теченія: напротивъ, въ оба ежегодныя половодія она разливается направо и налево и образуетъ временныя болота, простирающіяся по низменнымъ равнинамъ на необозримое пространство. Прирѣчные жители, уа-пакомо, возводятъ вдоль рѣки небольшія, высотой едва въ метръ, плотины съ открывающимися на извѣстныхъ разстояніяхъ оросительными каналами, развѣтвляющимися по рисовымъ полямъ; когда же воды въ Танѣ спадутъ, то, чрезъ приподнятыя заставки (шлюзы), въ рѣку начинаютъ обратно сбѣгать потоки изъ лужъ, образовавшихся при наводненіи. Случается, что нѣкоторыя изъ этихъ боковыхъ водныхъ площадей, будучи углублены проточными водами, превращаются въ судоходные каналы, которые сообщаются съ такими же каналами соседнихъ плотинъ, сближая такимъ образомъ концы излучинъ рѣки; а такъ какъ порою въ эти каналы устремляется и вся вода изъ русла рѣки, то доже ея мало-по-малу превращается въ болото. Подходя къ морю, Тана раздѣляется: главный рукавъ ея, Мто-Тана, те-

четъ на югъ, въ бухту Унгана, *bahia Formosa* португальцевъ, а другой рукавъ, неглубокій каналъ, идетъ на слияніе, на востокъ, съ устьемъ рѣки Ози, «Черной рѣки» галласовъ. Этотъ рукавъ скоро оказался бы запруженнымъ тростникомъ, если бы прибрежные жители время отъ времени не вырубали его для прохода ихъ судовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ ручей Белезони или Бслондзони, не имѣетъ и одного метра ширины; туземцы даже перепрыгиваютъ черезъ него. А такъ какъ почва здѣсь только намывная, то было бы весьма легко превратить его въ широкій судоходный каналъ; равнымъ образомъ стоило бы только слѣдовать указаніямъ природы, чтобы соединить воды Таны съ водами двухъ рѣкъ, текущихъ болѣе къ югу: Килики и Сабаки. Туземцы говорятъ, что во время большихъ водъ рѣка пересѣкаетъ озеро и изливается на югъ въ наносныя земли, образуя столь глубокія водныя пространства, что барки, держась внутренняго края приморскихъ дюнъ, могутъ пробираться изъ одной рѣки въ другую, т. е. изъ Таны въ Сабаки¹⁾; равнымъ образомъ поперечное судоходство возможно и къ югу отъ Сабаки, по тѣмъ озерамъ, которыя образуются во время половодій. По словамъ Томсона, вдоль всего поморя видны слѣды поднятія материка: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ коралловая терраса приподнялась метровъ на 15—20, а внутри даже на 40—60. Однако, въ бухтѣ Тангата наблюдали признаки явленія противоположнаго: вслѣдствіе ли пониженія почвы, или вслѣдствіе размыва береговъ, тамъ исчезли многія деревни, съ ихъ пальмовыми рощами²⁾.

Вѣдь горъ, вся эта область, простирающаяся отъ моря къ верхнимъ бассейнамъ рѣкъ Пангани, Сабаки и Таны, можетъ быть сравнена, въ цѣломъ, съ ковромъ, по однообразному фону котораго рѣки проложили свои различныя рисунки. Это ровное дно страны есть Ньика, т. е. «дикій край», на протяженіи котораго воды не достаточно для поддержания дѣятельной растительности: безводная почва производитъ только низкія травы, колючіе кустарники, да кое-гдѣ мало-рослыя деревья. Ньика не что иное, какъ *veld* и, конечно, такъ бы ее и назвали голландцы Южной Африки. Племя уа-ньика воображаетъ, что дождь принадлежитъ племени суахели, такъ какъ суахели обладаютъ Кораномъ, книгой великой божественной магіи, и Крапфъ рассказываетъ, что посланцы отъ племенъ изнутри страны являлись къ губернатору въ Момбазѣ, съ просьбою прислать нѣсколько дождей. Вдоль океаническаго берега, на про-

¹⁾ Clemens Denhardt, „Petermann's Mittheilungen“, 1881, t. 1.

²⁾ Farler, „Proceedings of the R. Geographical Society“, Febr. 1879.

странствъ шириною менѣе 20 километровъ, поля, оплодотворяемые морскими парами, одѣты богатую тропическою растительностью. Внутреннія горы, гдѣ задерживаются облака, прерываютъ поверхность Нилки зеленую своихъ склоновъ, а сбѣгающія съ нихъ рѣки змѣйками проводятъ чрезъ страну лѣса своихъ береговъ. Кокосовыя деревья, которыя встрѣчаютъ обыкновенно только въ приморской полосѣ, распространяются внутрь вплоть до склоновъ Ндары, на 120 километровъ отъ моря ¹⁾).

Растительность, окружающая подошву Килима-Нджаро, вплоть до тысячи метровъ высоты, кажется тѣмъ красивѣе и тѣмъ разнообразнѣе, что она составляетъ противоположность съ растительностью Нилки, пустынной, безводной и почти безплодной. Однако, лѣса этихъ предгорій не имѣютъ тропической вѣтшинности; они напоминаютъ скорѣе физономию лѣсовъ Западной Европы. Дикій эіопскій бананникъ, *musa ensete*, населяетъ долины на высотѣ отъ 900 до 1.800 метровъ; древовидные папоротники, примѣшивающіеся къ растеніямъ нижнихъ отлогостей, всыются на склонахъ, находящихся на высотѣ 2.400 метровъ; затѣмъ, нѣсколькими сотнями метровъ выше появляются верески, въ видѣ кустарника, и сѣроватая борода лакмусоваго ягеля, развѣсившіяся по вѣтвямъ большихъ деревьевъ; кое-гдѣ въ оврагахъ произрастаютъ исполнскіе крестовники, открытые Johnston'омъ и издали напоминающіе юкку: ихъ находятъ еще на высотѣ 4.360 метровъ, въ тѣхъ высокихъ областяхъ, гдѣ иногда уже показываются снѣга. Виды высокой полосы близко подходятъ къ видамъ горъ Дракенбергенъ и Эіопіи; кромѣ того, Johnston нашелъ такіе виды, которые приближаются къ формамъ тропической Африки и которые, повидимому, мало-по-малу видоизмѣнялись для приспособленія къ новымъ условіямъ жизни на высокихъ уровняхъ надъ моремъ; наконецъ, два вида изъ найденныхъ на Килима-Нджаро еще не встрѣчались ни въ одной странѣ. Великолѣпныя капскіе калодендроны, о которыхъ недавно думали, будто въ направленіи къ сѣверу они не переступаютъ Натала, оказываются очень обыкновеннымъ растеніемъ на массивахъ Килима и Кенія.

Нѣкоторые виды птицъ, проживающихъ въ лѣсахъ Килима-Нджаро, новы для науки, а въ окружающихъ гору равнинахъ найденъ особый видъ страуса, *struthius danaoides*. Что касается млекопитающихъ, то относящіеся сюда животныя не отличаются отъ тѣхъ, которыя населяютъ смежныя страны; но удивительно, что нѣкоторые виды встрѣчаются на такой большой высотѣ по скло-

намъ горъ. Такъ, слонъ бродитъ по долинамъ и утесамъ до высоты четырехъ тысячъ метровъ. Левъ и леопардъ поднимаются менѣе высоко, но и ихъ можно встрѣтить еще на высотѣ 2.400 метровъ. Обезьяны, въ особенности бабуины, весьма многочисленны; большею частью онѣ держатся въ сосѣдствѣ плантацій и живутъ въ довольно хорошемъ согласіи съ туземцами; что же касается *colobus'a*, великолѣпный черный съ бѣлымъ мѣхъ котораго служитъ украшеніемъ у мазаскихъ воиновъ, то обыкновенно онъ избѣгаетъ человѣка; также весьма рѣдко случается охотнику встрѣтить дикую собаку, отличную отъ шакала, но, подобно ему, выходящую изъ берлоги только по ночамъ. Гиппопотамы, нѣкогда весьма обыкновенныя въ рѣкахъ, удалились въ прибрежныя лагуны внутри страны. На окружающихъ Кенію равнинахъ Томсонъ видѣлъ стада верблюдовъ, захваченныхъ у галласовъ, но мазан не пользуются ими ни подъ верхъ, ни подъ выюкъ: держать ихъ они только для мяса. Муха цеце, столь опасная для домашняго скота, наводняетъ нѣкоторые округи; въ другихъ же мѣстностяхъ господствуетъ другая муха, дондеробо, укусы которой смертельны для ослонъ ¹⁾). Большая часть поморя избавлена отъ бича москитовъ.

Распределение расъ совершается въ этихъ областяхъ на-подобіе распределения деревьевъ: тогда какъ мазан, подобно своимъ соплеменникамъ галласамъ, пастухи и воины, бродятъ въ особенности по травянистымъ и кустарниковымъ или безплоднымъ равнинамъ, лѣсистыя страны заняты земледѣльцами банту, сородичами банту Южной Африки ²⁾). Эти земледѣльческія племена многочисленны, но для того, чтобы избѣжать нападеній своихъ сосѣдей, они часто бываютъ вынуждены перемѣщаться, и нѣкоторыя обширныя области обезлюдѣли, такъ какъ мирная обработка земли стала тамъ совершенно невозможною.

Банту, живущіе южнѣе, по сосѣдству съ р. Пангани, извѣстны подъ различными наименованіями: суахели зовутъ ихъ уа-шензи, т. е. «побѣжденные» ³⁾), между тѣмъ какъ уа-самбора, живущіе на расположенныхъ на западѣ горахъ, называютъ ихъ просто уа-бондей, т. е. «люди долины». Впрочемъ, они сильно перемѣшались съ другими поработченными племенами и мало-по-малу сливаются съ мусульманскимъ населеніемъ поморя, образовавшимся изъ весьма различныхъ элементовъ. Уа-самбора, населяющіе «Африканскую Швейцарію», значительно отличаются отъ сосѣднихъ народцевъ своимъ образомъ жизни. Особенно оригинальны церемоніи при бракосочетаніи: жениха и

¹⁾ Gissing, тотъ же сборникъ, октябрь, 1884.

¹⁾ Otto Kersten von der Decken, уном. соч.

²⁾ Н. Н. Johnston, „The Kilima-Njaro Expedition“.

³⁾ R. Krapf, уном. соч.

невесту помѣщаютъ въ одной хижинѣ, по обѣ стороны большаго огня, и оставляютъ ихъ такимъ образомъ въ теченіе пяти дней, безъ всякой пищи, позволяя только, если они ослабѣютъ, пить теплую воду на пятый день имъ даютъ немного полужидкой кашицы, чтобы они были въ силахъ принять участіе въ свадебной процессіи, которая направляется къ хижинѣ тещи. Дружка, одѣтая мужчиною и вооруженная ружьемъ и мечемъ, предшествуетъ жениху и невестѣ¹⁾. Но, однако, съ тѣхъ поръ, какъ, вслѣдствіе торговли, уа-самбара, безпрестанно приходятъ въ соприкосновеніе съ суахели, первобытные нравы исчезаютъ, а общимъ языкомъ мало-по-малу становится суахельскій. На ки-суахели говорятъ и имъ пользуются при обученіи также и англійскіе миссіонеры, поселившіеся въ Мажила, въ восточной области массива У-Самбара. Магометанство же проникло гораздо дальше въ горныя деревни; впрочемъ, для обращенія въ новую вѣру достаточно какого-нибудь вѣшняго признака. Такъ, плѣнный магометанинъ, будучи приневоленъ къ употребленію въ пищу свинины, становится язычникомъ; а язычникъ, которому обреютъ волосы, превращается въ магометанина. Уже въ 1848 году, когда Крапфъ проходилъ этою страню, два сына короля были обращены въ исламъ, научившись въ то же время читать и писать, и вообще слова «магометанство» и «цивилизация» въ этомъ краѣ считались однозначащими. Султанъ, титуловавшійся «львомъ пустыни», имѣлъ гаремъ, на-подобіе султановъ на морскомъ берегу. Его жены, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, прикрывались, подобно магометанкамъ, вуалью, и никто не смѣлъ восходить на тотъ холмъ, гдѣ находились ихъ жилища, окруженные садами или *chambas*ами, которые воздѣлывали приставленные къ женамъ плѣнники. Многие изъ обычаевъ въ краѣ напоминаютъ арабскіе нравы. Такъ, четыре святыя деревни, въ которыхъ пребываютъ чародѣи страны, считаются неприкосновенными мѣстами убѣжища. Ни одинъ чужеземецъ не будетъ туда допущенъ, но убійцы изъ племенъ уа-самбара или уа-шензи находятъ тамъ для себя пристанище; равнымъ образомъ тѣ, кто прикоснется къ одѣянію короля, становятся послѣ этого священными. Становятся свободными тоже и рабы, перешагнувшіе порогъ королевскаго жилища; но въ такомъ случаѣ первоначальный продавецъ долженъ вернуть покупную цѣну этихъ освобожденных рабовъ послѣднему ихъ собственнику.

Король земли У-Самбара—государь могущественный, и, по Крапфу, число его под-

данныхъ простирается до полу-милліона людей: уа-самбара, уа-шензи и другихъ; его держава, заключающаяся между моремъ, долиною Пангани и горами Парэ,—одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ Африкѣ. Недавно она обнимала также большую часть края племена уа-зегуха, къ югу рѣки, и область Парэ; но передовыя уа-самбарскія племена были постепенно оттѣснены, и пограничные народы объявили себя независимыми. Кромѣ того, бѣлые негры образовали маленькія республики въ тѣхъ легко защищаемыхъ заросляхъ, которыя окружаютъ горы У-Самбара. Всѣ земледѣльцы и пастухи въ краѣ обязаны отдавать ежегодно королю десятую часть своихъ сборовъ съ полей и со стадъ, и этой десятины достаточно для поддержанія, при посредствѣ приморскихъ портовъ, значительной торговли жизненными припасами съ Занзибаромъ и даже Аравіей. Женщины въ королевствѣ всѣ считаются собственностью государя: онъ можетъ выбирать любую, не платя выкупа. «Онъ властитель, онъ богъ!» Всѣ же населяющіе его государство—его рабы, какъ они себя называютъ¹⁾.

Между племенами уа-самбара и уа-зегуха, на островахъ рѣки Пангани живутъ уаруву, т. е. «люди рѣки», племя, отличающееся отъ своихъ сосѣдей нарѣчіемъ и нравами. Эти «рѣчные» люди поселились въ этихъ природныхъ крѣпостяхъ для того, чтобы избѣгнуть нападеній мазаевъ, бродящихъ по обширнымъ равнинамъ, которыя простираются къ югу въ направленіи къ У-Гого; пастухи, овцы и козы переходятъ на островъ по трупамъ мосткамъ, крупный же скотъ пускается черезъ рѣку вплавь. Уаруву слывуть у своихъ сосѣдей фетишерами, умѣющими околдовывать крокодиловъ, и мусульманскіе караванщики, не довольствуясь воззваніемъ къ Аллаху объ устраниніи этихъ животныхъ, также обращаются къ уарувскимъ чародѣямъ, которые бросаютъ въ рѣку какое-то весьма сильно дѣйствующее «лѣкарство», чѣмъ и превращаютъ ея обитателей въ неспособныхъ вредить. Говорятъ, будто никогда караванъ, сопровождаемый уарувскимъ проводникомъ, не терпѣлъ несчастій при переправѣ черезъ рѣку; рассказываютъ, будто бы крокодилъ по слову чародѣя выпускаетъ изъ пасти уже схваченное имъ домашнее животное²⁾. Кверху отъ Мкарамо, острова рѣки не обитаемы: ихъ населеніе укрылось въ горы. Племя уа-парэ, состоящее изъ земледѣльцевъ и пастуховъ, до такой степени боится нападеній мазаевъ, что не выгоняетъ даже свой скотъ на пастбища; откармливаются ихъ животныя въ хлѣву, но и это часто не спасаетъ

¹⁾ Farler, "Proceedings of the R. Geographical Society", Febr. 1879.

²⁾ Krapf, *упом. соч.*

²⁾ G. A. Fischer, "Mittheilungen der Geographischen Gesellschaft in Hambourg", 1882-83. Тетр. I.

ихъ отъ увода грабителями. Уа-гоно, жители горъ, господствующихъ къ западу отъ озера Джи-па, менѣе подвержены нападеніямъ хищниковъ.

Немногочисленный народъ уа-тавета скрывается, къ юго-востоку отъ Килима-Нджаро, въ узкой полосѣ лѣсовъ, окаймляющихъ рѣку Лу-Ми и продолжающихся вплоть до озера Джи-па: сохраненіемъ своей независимости уа-тавета обязаны большимъ деревьямъ. Поселенія окружены частоколами, за которыми туземцы не боятся мазаевъ, вооруженныхъ короткими мечами. Уа-тавета, родственные своимъ сѣвернымъ и восточнымъ сосѣдямъ: уа-чага и уа-теита, говорятъ на діалектѣ, близкомъ къ ихъ нарѣчію. Но уа-таветская раса теперь уже очень смѣшанная, вслѣдствіе скрещиваній съ племенемъ уа-куафи, прибывшимъ просить себѣ убѣжища и земель¹⁾. Тѣ же изъ этихъ иноплеменниковъ, которые сохранили свой типъ въ чистотѣ, имѣютъ профиль болѣе правильный, чѣмъ профиль у уа-таветовъ, скулы болѣе выдающіяся и физиономію болѣе оживленную; многіе изъ нихъ сохранили также и свой національный костюмъ; но, за исключеніемъ обрѣзанія, которое они практикуютъ еще по мазайскому обряду,—они усвоили себѣ всѣ обычаи своихъ хозяевъ; они обрабатываютъ почву, не скитаются болѣе вокругъ деревень для похищенія женщинъ и дѣтей, и не превращаютъ войны въ ремесло. Въ общемъ, жители края Тавета отличаются добродушіемъ, веселостью и привѣтливостью. Поэтому-то ихъ городъ сталъ главнымъ мѣстомъ отдыха и запаса жизненными продуктами для каравановъ, направляющихся съ поморья въ край мазаевъ и обратно; суахельскіе купцы выстроили въ сосѣдствѣ съ главнымъ мѣстечкомъ деревню изъ древесныхъ свѣтвей, въ которой заводятъ свои временныя хозяйства. Благодаря этимъ посѣтителямъ съ поморья, уа-тавета сравнительно образованы и почти всѣ говорятъ по-ки-суахельски столь же хорошо, какъ и на своемъ нарѣчій банту. Но они не переняли отъ арабовъ обычая носить платье: большая часть изъ нихъ ходятъ нагишомъ, развѣ изъ кокетства или для защиты отъ холода набрасываютъ на плечи мѣхъ или кусокъ сукна.

Государство управляется совѣтомъ изъ пяти старѣйшинъ или *уази*, избираемыхъ обыкновенно между семействами туземной расы; но общественное мнѣніе могущественно, и оно-то и диктуетъ тѣ рѣшенія, которыя постановляются совѣтомъ. Правятъ, собственно, по преданіямъ. Законы брака не строги, но строги обычаи, сопровождающіе сватовство. Молодая дѣвушка, купленная только отчасти, не можетъ уже болѣе выходить изъ дому вечеромъ; ей запрещено разговаривать съ мужчи-

ною, даже если это будущій ея мужъ—до тѣхъ поръ, пока вся стоимость ея, въ видѣ коровъ или воловъ, не будетъ сполна уплачена. Женщина, беременная первымъ ребенкомъ, прогуливается передъ жилищами своихъ друзей въ предшествіи пожилой замужней женщины и разукрашенная всѣмъ, что есть лучшаго въ ея нарядахъ: покрываломъ изъ желѣзной проволоки, бусами, цѣпочками, кольцами и браслетами. Ревностно выполняютъ также и погребальные обычаи. Трупъ сначала зарываютъ въ сидячемъ положеніи, причемъ одна рука покоится на колѣняхъ, а другая рука подпираетъ голову. Когда же отъ трупа останется одинъ только скелетъ, то берутъ черепъ—по крайней мѣрѣ если онъ принадлежалъ главѣ семейства или его главной женѣ—и помѣщаютъ его подъ драцену, посреди полей, которыя онъ и долженъ будетъ защищать отъ злыхъ духовъ²⁾.

Народецъ уа-чага, раздѣленный на многія мелкія монархическія государства, населяетъ тѣ вулканическія террасы области Чага, которыя прикрываютъ съ юга громадную массу Килима-Нджаро: по нарѣчію эти туземцы—родственны племени уа-самбара. Самое значительное ихъ королевство, Матшамъ, не довольно, однако, могущественно для того, чтобы обезопасить себя отъ нападеній мазаевъ, которые тѣснятъ его съ юга и съ запада; вслѣдствіе этого, совершенно опустѣли такіа обширныя, плодороднѣйшія области, которыя могли бы пропитать сотни тысячъ жителей. Но какими бы убійствами ни сопровождалась битва между мазаями и уа-чага, женщины обѣихъ націй всегда уважаются: они ходятъ между сражающимися, какъ будто миръ и не нарушался³⁾. Наконецъ и единенность усадебъ свидѣлствуетъ о древнихъ мирныхъ нравахъ, весьма различныхъ отъ нравовъ нынѣшнихъ: каждое семейство проживаетъ въ чащѣ банановыхъ деревьевъ отдѣльно, въ группѣ хижинъ, окруженныхъ высокимъ плетнемъ. Едва-ли можно признать—слѣдуя предположенію Duveugier—въ уа-чагахъ, обитателяхъ Килима-Нджаро, остатокъ той завоевательной націи джага, которая разрушила въ XVI вѣкѣ Конгскую имперію⁴⁾. Подобно королямъ уа-самбара, главы уа-чага полновластны: всѣ люди—ихъ рабы; всѣ родящіеся дѣти уже заранѣе обрекаются на то или другое служеніе, и какъ только они приобретутъ необходимую силу, ихъ тотчасъ употребляютъ для «работъ на короля»: на копаніе защитительныхъ рововъ, оросительныхъ каналовъ, мотыженіе почвы и изготовленіе оружія. Король рѣшаетъ также и о томъ времени, когда дѣ-

¹⁾ J. Thomson; — Н. Н. Johnston. *уном. соч.*

²⁾ J. Thomson, *уном. соч.*

³⁾ „Bulletin de la Societé de Géographie de Paris“, Fevrier 1873.

⁴⁾ Charles New; — Joseph Thomson и т. д.

вупкамъ вступать въ бракъ: онъ надѣваетъ невѣстѣ на палецъ брачное кольцо и называетъ въ то же время имя ея будущаго супруга. Браки значительно менѣе ранни, чѣмъ у большинства остальныхъ африканцевъ; физическая зрѣлость супруговъ, вѣроятно, и есть главная причина того, что раса уа-чагская—одна изъ самыхъ красивыхъ въ Африкѣ. Благораствореніе климата, правильность земледѣльческихъ правовъ, умѣренность въ пищѣ и превосходное качество плодовъ также содѣйствуютъ тому, что уа-чаги имѣютъ превосходство надъ своими сосѣдями въ силѣ и здоровьи. Они ѣдятъ по преимуществу молочныя кушанья, и чаши съ молокомъ ставятъ также на могилахъ, тогда какъ жители равнинъ приносятъ жертвы своимъ мертвецамъ изъ риса и пальмоваго вина. Будучи весьма хорошими земледѣльцами, уа-чаги выращиваютъ превосходный горохъ, различные овощи, пшеницу, и «бананы такого отмыннаго вкуса, что съ ними могли бы сравниться только плоды съ Сейшельскихъ острововъ»¹⁾. Промышленности у нихъ почти не существуетъ: они не умѣютъ даже ткать, но какъ кузнецы они не имѣютъ себѣ соперниковъ въ Восточной Африкѣ: конья, метательные дропки, палицы чагскаго образца и разрисованные и расшитые щиты—образцовыя произведенія искусниковъ-чаговъ. Они ведутъ также дѣятельную торговлю съ поморьемъ, запасаясь въ его портахъ одеждою и произведеніями европейской мануфактуры; между ввозимыми къ нимъ предметами есть особый родъ земли съ южныхъ равнинъ, *emballa*, которую они растворяютъ въ водѣ и которая служитъ имъ вмѣсто соли. Благодаря отсутствію цеце во всей долины Пангани, за исключеніемъ береговъ Таветы, караванщики могутъ употреблять ословъ для перевозки своихъ товаровъ въ краѣ У-Чага,—важная выгода, которая обезпечивала бы за путемъ по Пангани преимущество надъ южными дорогами, если бы мазаи часто не нападали на караваны. Мѣстные преданія гласятъ, будто португальцы издревле посѣщали данную страну, поднимаясь при этомъ по Пангани. Около начала XVIII-го столѣтія, въ краѣ являлись для поселенія также и магометане, которые и основали тамъ династію; однако культъ ихъ исчезъ совершенно²⁾.

Къ сѣверу отъ долины Пангани, представителями расы банту являются въ особенности уа-ньяки, т. е. «люди долины», которые подраздѣляются на двѣнадцать коленъ; они населяютъ, въ числѣ около 50.000 душъ, весь тотъ край, который простирается по отлогому склону отъ берега Момбаза внутрь материка до возвышенія надъ уровнемъ моря приблизительно

въ шестьсотъ метровъ. Ихъ языкъ, ки-ньяка, мало отличается отъ ки-суахели, но онъ не испещренъ арабскими словами. Одно только земледѣльческое племя уа-диго, обитающее въ приморской области, расположенной къ югу отъ Момбаза, заключаетъ въ себѣ приблизительно тридцать тысячъ человекъ; другой народецъ, о которомъ имѣются свѣдѣнія, благодаря содѣйствію миссій, называется уа-дурума. У уа-ньяки время дѣлится на періоды изъ четырехъ дней, какъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Африки³⁾. Солнце—ихъ богъ. У уа-ньякихъ жрецовъ есть таинственный инструментъ, муанза, звуки котораго порою слышатся въ лѣсахъ, но видѣть который не можетъ, по словамъ легенды, никто изъ непосвященныхъ, не будучи пораженъ смертію. Становясь взрослыми мужчинами, молодые люди, для «обновленія своей крови» и для доказательства своей храбрости, должны надѣлать себѣ на груди большіе порѣзы. Сыновья же начальниковъ должны подвергнуться другому испытанію: они должны проживать въ лѣсу до тѣхъ поръ, пока каждому изъ нихъ не удастся убить человѣка; только тогда они могутъ возвратиться въ отцовскія хижины и объявляются достойными наследовать своимъ отцамъ. Прибывшіе съ сѣверо-запада уа-камба, поморскіе суахели и другіе переселенцы проживаютъ между уа-ньяки; такъ, въ ихъ краѣ многочисленныя колоніи основаны магометанами, шейхи которыхъ постепенно начинаютъ соперничать съ ньикскими корольками. Значительными станціями въ ньикскомъ краѣ обладаютъ также и христіане; такъ, между прочимъ, въ среднѣй текущаго столѣтія Krapf и Rebmann основали постъ Рабай, на одномъ изъ холмовъ вблизи Момбаза; съ вершины этого возвышенія, приблизительно въ триста метровъ, взорамъ открывается обширный видъ на поля, острова и рифы.

Горы Тента, на пути между Момбазомъ и Килима-Нджаро, также населены банту, но Rebmann'у, приблизительно въ числѣ полутора тысячъ человекъ; говорятъ эти банту на діалектѣ, близкомъ къ ки-суахели. Уа-тента—племена республиканскія, и часто изъ-за своихъ скалъ отбивали стрѣлами нападенія мазаевъ. Они сохранили обычай похищать себѣ женъ, хотя эта процедура и продѣлывается только для видимости. Женихъ и его друзья насильственно переносятъ невѣсту въ будущую ея хижину, послѣ чего новобрачные остаются заключенными въ ихъ жилищѣ въ теченіе трехъ сутокъ безъ всякой пищи. Однако, такому похищенію предшествуетъ одареніе родителей невѣсты скотомъ, при чемъ число коровъ обыкновенно бываетъ столь значительно, что жениться могутъ только богатые;

¹⁾ Otto Kersten, „Von der Decken's Reisen in Ost-Afrika“.

²⁾ Krapf, *утом. соч.*

³⁾ Krapf;—A. Bastian, „Ethnologische Forschungen“.

много, поэтому, браковъ заключается, вслѣд-
ствіе бѣдности, между братьями и сестрами.
Тейтскія женщины пользуются большою сво-

Тейты погребають своихъ покойниковъ, но по-
истеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ погре-
бенія, отрѣзываютъ мертвецу голову и помѣ-

Типы племени галласовъ.

бодою, и оскорбленная жена покидаетъ своего
мужа, который не въ правѣ этому противить-
ся. Преобладающая между женщинами мода
заключается въ вырываніи себѣ рѣсницъ ¹⁾.

щаютъ ее въ костяникъ, куда чародѣй при-
ходитъ совѣщаться съ нею. Хотя тейты бога-
ты скотомъ, но ѣдятъ они только животныхъ,
околѣвшихъ вслѣдствіе болѣзни.

¹⁾ J. Thomson, упом. соч. ; - Gissing, упом. мемуаръ

Къ сѣверу отъ Момбаза, племена дакало,

порабощенныя галласами, а также бони и уасаніахи, основавшіеся на берегах бухты Формозы, принадлежать къ тому же этническому корню; однако, число ихъ сильно уменьшилось, и мало-по-малу они сливаются съ галласами, на языкѣ которыхъ и говорятъ. У уабони весьма обыденно производство выкидыша, и такъ какъ, по ихъ словамъ, зародыши превращаются въ обезьянъ, то охотники изъ этого племени всегда щадятъ павіановъ въ своихъ лѣсахъ¹⁾. Путешественникъ Denhardt считаетъ ихъ принадлежащими къ группѣ галласскихъ націй²⁾. Что же касается покомо, прибрежныхъ жителей рѣки Покомони или Таны, составляющихъ авангардъ націй банту въ приморской полосѣ Восточной Африки, то они до сихъ поръ сохранили свои отличительныя національныя черты. Правда, что на берегахъ низовьевъ рѣки, покомо приходится платить слишкомъ много налоговъ, удовлетворять заразъ многихъ угнетателей: галласовъ, сомали и суахели; фактически они—рабы, хотя ими не торгуютъ, и они могутъ оставаться въ своемъ отечествѣ. Но, кверху отъ аллювіальныхъ областей, оставшіеся независимыми и гордыми, покомо являются съ своими природными качествами: честностью, прямою и добродушіемъ. Нѣтъ въ Африкѣ другаго народа, который принималъ бы болѣе ласково иностранца и который отличался бы болѣе скромностью и сердечностью; въ этомъ отношеніи, братья Денгардтъ видятъ въ покомо образцовое племя. Въ числѣ 25—30 тысячъ человекъ, покомо обитаютъ нынѣ на берегахъ Таны, но кажется, что прибыли они съ сѣвера, и отъ Килима-Нджаро-вплоть до ихъ нынѣшней резиденціи, многія наименованія мѣстъ напоминаютъ о прежнемъ пребываніи ихъ тамъ. Занимаемая ими нынѣ область была, по мнѣнію Кгарга, первоначальнымъ отечествомъ истинныхъ суахели.

Высокіе ростомъ и сильные, покомо имѣютъ также привлекательныя или даже красивыя черты; но какъ и большая часть ихъ сосѣдей, они стремятся разукрасить свое тѣло также и татуировкою; кромѣ того, ихъ женщины вымазываютъ себя такъ называемой нгойей, т. е. привозимой изъ Индіи красною глиною, къ которой прибавляютъ коровье масло или жиръ дикихъ животныхъ. Ни мужчины, ни женщины не причесываютъ волосъ и не носятъ обуви; единственное ихъ одѣяніе — передникъ изъ хлопчатобумажной ткани. Обрѣзаніе не всеобщее: каждый кланъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи своимъ обычаямъ. Когда жена разрѣшается отъ бремени, мужъ долженъ удалиться; повитуха предъявляетъ ему ребенка только по минованіи трехъ сутокъ со дня разрѣшенія, а

войти въ супружескую хижину онъ можетъ лишь по истеченіи полныхъ пяти мѣсяцевъ: въ теченіе всего этого времени жена остается неприкосновенною и можетъ выходить только ночью, въ сопровожденіи своихъ сестеръ и родителей. Дѣти воспитываются съ большимъ тщаніемъ и съ самаго нѣжнаго возраста приучаются къ работѣ; вплоть до замужества дѣвушки остаются при своихъ матеряхъ; но мальчики, достигнувъ двѣнадцати лѣтъ, начинаютъ уже выполнять своей новіицѣ и живутъ съ другими молодыми людьми въ большой хижинѣ. Погребенія совершаются съ весьма строго соблюдаемыми церемоніями, мѣняющимися сообразно полу и возрасту; каждый годъ торжествуютъ національный праздникъ въ честь мертвыхъ: «день всѣхъ святыхъ» у покомо—самый торжественный, и для приготовления убранствъ въ одеждѣ и совершенія пиршествъ въ этотъ великій день, они дѣлаютъ сбереженія.

Покомо—земледѣльцы: всѣ одинаково участвуютъ въ полевой работѣ, состоящей въ особенности въ воздѣлываніи риса и манса. Нѣкоторые молодые люди занимаются также охотою и рыбною ловлею; но хотя покомо и весьма работящи, у нихъ, однако, не существуетъ никакой обрабатывающей промышленности: они не прядутъ, не ткутъ и не куютъ; всѣ необходимыя для нихъ предметы они покупаютъ на морскомъ берегу, откуда ввозятъ все, за исключеніемъ своихъ хижинъ и судовъ. Изъ ихъ общинъ организованы небольшія соединенныя республики. Каждая изъ такихъ группъ управляется *мса*; т. е. старѣйшиною, вмѣстѣ съ которымъ засѣдаютъ въ совѣтъ также и другіе патріархи, обладающіе при этомъ и исполнительною властью. У покомо есть свой обычный кодексъ, въ основу котораго положено возмездіе.

Къ сѣверу и къ сѣверо-западу отъ Килима-Нджаро, наидальѣе выдвинувшіяся племена суть уа-камба и уа-кикуйу; миссіонеръ Wakefield упоминаетъ также объ одномъ племени одинаковаго происхожденія съ первыми, о *мбо* или *дхайтно*, которое населяло равнины, расположенныя на сѣверо-востокъ отъ горы Кеніа. Уа-камба, или уа-римангао, живущіе къ югу отъ Кеніа и исчисляемые Кгаргомъ въ семьдесятъ тысячъ душъ, раздѣлены на столько же республиканскихъ общинъ, сколько находится и деревень. Этимъ предприимчивымъ людямъ пришлось выдержать много битвъ съ мазами и галласами; но восторжествовать въ этихъ столкновеніяхъ имъ удалось лишь благодаря той естественной защитѣ, которую представляетъ ихъ горный и покрытый кустарниками край. Однако, одно изъ племенъ должно было, въ 1882 году, выселиться; мужчины, женщины и дѣти, покинувъ опасное сосѣдство съ мазами, добрались до территоріи У-Сагара, на-

¹⁾ Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1888, Heft. X.

²⁾ „Zeitschrift d. Gesell. f. Erdkunde zu Berlin“, 1884.

ходящейся въ пятистахъ километрахъ къ югу, въ верховомъ бассейнѣ р. Уамы ¹⁾. Уа-камба прививны къ путешествіямъ: они-то и служатъ торговыми посредниками въ области между о. Ньянца и берегомъ Момбаза; большинство нанимаемыхъ суахильскими купцами носильщиковъ—уроженцы области У-Камба. Эти туземцы пьютъ молоко своихъ коровъ, предварительно смѣшавъ его съ кровью, выпущенною изъ шеи быковъ ²⁾.

По ту сторону плоскогорія вулкановъ, на склонѣ къ Ньянца, мы снова вступаемъ въ полосу языковъ банту; горы кавирондо, весьма отличные отъ тѣхъ кавирондо, которые проживаютъ на берегахъ озера, говорятъ на языкѣ, принадлежащемъ къ бантусской семьѣ и столь близкомъ къ ки-суахили, что поморане понимаютъ ихъ безъ всякаго затрудненія ³⁾.

Кромѣ банту, годныя къ культурѣ гористыя, лѣсистыя и аллювиальныя области, говорятъ, имѣютъ также и другихъ обитателей, другихъ потомковъ первобытныхъ расъ: таковы ала, укрывающіеся въ лѣсахъ, между горами У-Самбара и Перэ, и уа-силикомо, или «карлика», которыхъ ошибочно помѣщали на западъ отъ Килима-Нджаро; однако, ни одинъ изъ европейскихъ путешественниковъ еще не могъ ихъ посѣтить, и даже ихъ существованіе, какъ отдѣльной расы, осталось подлѣ сомнѣній. Борьба за преобладаніе происходитъ нынѣ только между народами банту—этими земледѣльцами по преимуществу—и представителями зоіонской расы: мазаими и галласами, главнымъ образомъ пастухами и воинами. Уа-куафи—хотя они и одного происхожденія съ мазаими—могутъ быть разсматриваемы какъ образующіе переходъ между двумя упомянутыми тотчасъ этническими группами, такъ какъ большинство ихъ племенъ покинуло бродячую жизнь и перемѣнилось съ земледѣльческими и осѣдыми народами. Эти уа-куафи разсѣяны по громадной территоріи: одни изъ нихъ встрѣчаются, подлѣ именъ хумба, по сосѣдству съ Мамбойя, станціей миссіонеровъ въ У-Самбара; другіе живутъ въ семистахъ километрахъ къ сѣверу, на нижнихъ склонахъ Кеніи; но главная часть націи осѣла въ нѣкоторыхъ частяхъ вулканической и озерной низменности, раздѣляющей два плоскогорія, а также на западной террасѣ, наклоненной къ Ньянцѣ. Въ 1830 году, уа-куафи были также властелинами въ области, границы которой составляютъ: на западѣ—У-Гого и Парэ, на востокѣ—Теита, а на югѣ—У-Самбара; но цѣлый рядъ несчастій обрушился на ихъ головы: предпріятыя съ цѣлью грабительства набѣги оказались неудачными; саранча поѣла ихъ жатвы; стада перекозли, а затѣмъ войны ок-

рестныхъ мазаевъ, устремились на голодающихъ, большую часть ихъ перерѣзали. Тѣ же, которые остались въ живыхъ, принуждены были просить себѣ убѣжища у сосѣднихъ горныхъ народовъ банту: у тавента, теита, парэ, гого, самбара и зегуха; тамъ они основали земледѣльческія и торговыя станціи, и нравственные послѣдствія этой перемѣны жизни были самыя счастливыя. Именно, нѣкогда столь устрашавшіе другихъ, восточные уа-куафи принадлежатъ нынѣ къ числу самыхъ честныхъ, трудолюбивыхъ и гостепріимныхъ племенъ въ краѣ.

Собственно мазаи, присвоивающіе себѣ это наименованіе и сами, кромѣ того, называющіе себя и своихъ братьевъ по расѣ уа-куафи именемъ иль-уакобъ, т. е. «люди», «храбрецы» («властители земли», по Ficher'у: «свободные», по Leon des Avanchessy), считаютъ себя, подобно многимъ другимъ народамъ, избранною націею и рассказываютъ въ своихъ легендахъ, что они происходятъ отъ бога, сидящаго на облакахъ, на горѣ Кеніи. Также какъ и уа-куафи, они различнымъ образомъ перемѣнялись съ народами банту; но обитаемая ими пространства находятся южнѣ земель уа-куафи. Занимая почти всю ту территорію равнинъ, которая отдѣляетъ верхнее теченіе Пангани отъ У-Гого, они весьма многочисленны и въ вулканической впадинѣ между плоскогоріями; треугольная область Догилани, къ югу отъ озера Найвапа, принадлежитъ имъ цѣлкомъ; впрочемъ, добровольныя переселенія, бѣгства, нападенія и неурожаи часто побуждаютъ ихъ мѣнять свои мѣстообитанія. Численность мазаевъ опредѣляютъ въ нѣсколько сотъ тысячъ, но, если къ ихъ расѣ причислить уа-хумба, сосѣдей у-гого, и уа-хума въ У-Ніамези и на берегахъ Ньянцы, то ихъ окажется болѣе милліона.

Мазайскій типъ—одинъ изъ самыхъ чистыхъ и самыхъ благородныхъ въ Африкѣ. Люди чистокровныхъ племенъ имѣютъ, по Thomson'у, ростъ въ 1 метрѣ 80 сант.: они вообще стройны и удивительно приспособлены къ бѣгу; ихъ черты часто походятъ на черты европейцевъ, лобъ широкій, носъ тонкій и прямой; но верхніе рѣзцы обыкновенно выдаются впередъ, въ особенности у женщинъ, почему у многихъ лишь съ трудомъ губы могутъ быть сведены одна съ другою. У большинства мазаевъ скулы очень выдающіяся, а глазныя щели скошены, какъ у монголовъ. Черепъ, долихокефалическій и хорошо развитый, покрытъ у молодыхъ людей волосами нѣсколько менѣ курчавыми, чѣмъ волосы негровъ, а иногда даже и совершенно гладкими; всѣ же женатыя мужчины и всѣ замужнія женщины старательно бреютъ себѣ голову. Равнымъ образомъ, всѣ мазаи продыравливаютъ и удлинняютъ нижнюю долю уха, сначала для вдѣванія палочки, а затѣмъ,

¹⁾ R. N. Cust, "Modern Languages of Africa".

²⁾ Krapf, упом. соч.

³⁾ J. Thomson, упом. соч.

для привѣшиванія тяжелыхъ серегъ изъ желѣзной или мѣдной проволоки. Мазайскіе пастухи часто цѣлыми часами держатся, опираясь на лукъ или копье, на одной ногѣ, помѣстивъ на ея икру другую ногу.

Какъ народъ пастушескій, мазай ведутъ постоянно кочевую жизнь. Ихъ обычаи приспособлены къ пастушеской жизни; при многихъ обстоятельствахъ, они обнаруживаютъ почитаніе своихъ коровъ; уважаютъ даже ту траву, которая служитъ повседневною пищею для ихъ животныхъ, и не позволяютъ себѣ срѣзать ее ни для своей постели, ни для покрытія своихъ хижинъ; не предадутъ они ее и пламени: она—священное растеніе. Ни одна торговая сдѣлка не заключается, если торгующіеся не держатъ пучка травы въ рукѣ; ни одна военная экспедиція не можетъ удасться, если травинки муравы не были брошены по направленію той страны, которую предстоитъ завоевать. Для избѣжанія дурной судьбы, мазай вымазываютъ коровьимъ каломъ себѣ лобъ и щеки; чувствуя же приближеніе смерти, онѣ приказываютъ отнести себя къ своимъ коровамъ, среди которыхъ, въ святомъ мѣстѣ, и оканчиваетъ свои дни. Пища мазай—почти исключительно животная: онѣ пьютъ молоко своихъ коровъ, ѣсть мясо своихъ быковъ и бычковъ, но было бы преступленіемъ поѣсть въ одинъ и тотъ же день и молока, и мяса: необходимо, чтобы мазай промылъ себѣ желудокъ сильнымъ чистительнымъ прежде, чѣмъ ввести въ него священный напитокъ. Рѣдко мазай соглашаются дать или продать молока чужеземцамъ. Принятіе пищи строго упорядочено, особенно въ то время, когда молодые люди, мальчики и дѣвочки, приготавливаются къ обрѣзанію и, позже, когда они выполняютъ свой новіціатъ передъ военными походами. Тогда, чтобы «возможно больше запастись мышцами и яростью», юноши наѣдаются до отвала бычачьимъ мясомъ и прямо изъ жилы пьютъ бьющую оттуда кровь. Табакъ и всякій спиртный напитокъ имъ строго воспрещенъ, такъ какъ національный опытъ свидѣтельствуетъ, что и то, и другое являются причинами физическаго и нравственнаго ослабленія.

Мазайское общество подраздѣляется на воиновъ и на мирныхъ людей, на *эльмуранъ* и *эльморуа*, при чемъ оба эти наименованія приближаются къ *ильмъ-орма*, каковое названіе даютъ себѣ галласы; повидимому, сходство этихъ наименованій свидѣтельствуетъ также и о родственномъ происхожденіи обоихъ этихъ народовъ¹⁾. Сыновья семействъ, обладающихъ большимъ количествомъ скота, обыкновенно оказываются въ числѣ мирныхъ; тѣ же, у которыхъ стадо не велико,—а такихъ гораздо

больше,—рѣшаются раздобыться имъ посредствомъ грабежа. Въ такомъ случаѣ они живутъ отдѣльно—вдали отъ тѣхъ становищъ, въ которыхъ пребываютъ люди семейные—но въ сообществѣ съ молодыми дѣвушками, которыя блюдаютъ стада, занимаются заготовленіемъ припасовъ и военныхъ костюмовъ. Такіе хищники отправляются для нападенія врасплохъ на мирныхъ жителей часто за сотни километровъ: они прокрадываются между ближайшими къ нимъ племенами,—которыя держатся насторожѣ, затѣмъ, захвативъ тѣ стада, на которыя зарились, возвращаются другими дорогами къ себѣ домой; слѣдуетъ прибавить, что они такъ умѣютъ заставить скотину слѣдовать за собою, какъ если бы она была заколдована. Выбирая своими начальниками только такихъ товарищей, къ которымъ имѣютъ полное довѣріе, они соблюдаютъ во время похода строгую дисциплину и весьма искусны въ хитростяхъ, обманахъ и въ обходныхъ движеніяхъ; сражаются они, соблюдая тишину, безъ барабановъ и безъ воинственныхъ криковъ. Воинъ, оказавшійся трусомъ, изрѣзывается въ куски своими товарищами; не принесшій же домой меча или платья «брата» по оружію—съ которымъ его соединила выпитая одна и та же кровь—обрекается на презрѣніе: онъ уже не найдетъ себѣ друга.

Какъ и всѣ воинственные народы, кафры, ма-тебала, зулусы,—мазай стараются отличить себя пышностью костюма. Они любятъ окрашивать свое тѣло въ красный цвѣтъ. Накладка изъ бумажной матеріи, съ каймою или полосами яркаго цвѣта, развѣвается на спицѣ, связанная на шеѣ на-подобіе *poncho* мексиканцевъ; вокругъ овала своего лица они навѣшиваютъ мѣдную полоску, которую украшаютъ гривною зебры, кисточками изъ кабаньей щетины, или черными перьями страуса; пучки же бѣлыхъ перьевъ колышутся надъ головою; иногда они удлинняютъ свою прическу при помощи лыка. Роговое кольцо и спираль изъ латунной проволоки защищаютъ ихъ руки; на икры нацѣплены бѣлыя гривки *colobus guereza*, а колокольчики позвякиваютъ на пятахъ. Короткій мечъ заткнутъ за поясъ кожаной юбочки; въ одной рукѣ—длинное копье, а другая опирается на щитъ, на которомъ различными цвѣтами разрисованы геральдическія фигуры. Женщины одѣваются менѣе роскошно: обыкновенно на нихъ только одно одѣяніе изъ дубленой кожи, оставляющее открытыми одну изъ рукъ и половину бюста; но онѣ обременены металлическою проволокою, которую обматываютъ вокругъ рукъ, икръ и около шеи. Надо удивляться, что, нося такія тяжести изъ желѣза и мѣди, онѣ могутъ выполнять столько работы, ухаживать за своими мужьями и дѣтьми, доить коровъ, заниматься хозяйствомъ и торговать съ чужеземцами путешественниками.

¹⁾ H. Duveyrier, "Bulletin de la Société de Géographie", Ferrer, 1873.

Менѣ жестокия и менѣ падѣя на добычу, онѣ часто защищали гостей отъ своихъ братьевъ и мужей.

Обыкновенно существованіе войною и хищничествомъ прекращается для эльмуранъ, когда они задумаютъ жениться, разбогатѣвъ настолько, что могутъ, въ видѣ приданого, преподнести невѣстѣ добытыхъ ими животныхъ. Женясь же, молодой человекъ носитъ въ теченіе мѣсяца костюмъ той дѣвушки, на которой женился, очевидно, для того, чтобы, такимъ образомъ, выразить, что любовь его поработила:

подаетъ голосъ при избраніи лайгонани, т. е. «говорящаго отъ его имени», который и представляетъ его во время важныхъ совѣщаній. Всегда гордый и высокомерный, онъ принимаетъ торговцевъ какъ вельможъ и снисходитъ даже до того, что, въ доказательство своего благорасположенія, плюетъ на нихъ; сердечно встрѣчаетъ друзей, при чемъ гостепріимство налагаетъ на него обязанность уступить даже свою жену. Лично онъ не работаетъ и не знаетъ никакого промысла: все необходимое дѣлаютъ женщины, а затѣмъ, различными ре-

Мазайскіе воины.

это африканскій Геркулесъ, сидящій у ногъ Омфалы. Обычай требуетъ, чтобы супруги первый лунный мѣсяцъ питались молокомъ; но позже имъ возвращается свобода: прежній воинъ, ставъ мирнымъ человекомъ, уже не ограничивается питаніемъ молокомъ и бычачьимъ мясомъ; онъ можетъ ѣсть овощи, зерна и плоды; ему уже не запрещено нюхать или жевать табакъ, а также появляются у него въ домѣ и бродячіе, т. е. спиртуозные напитки. Съ этого времени онъ занимается мѣстной политикою, принимаетъ участіе въ собраніяхъ, на которыхъ совѣщаются объ интересахъ общины,

меслами занимаются поработенныя племена; таковы уа-ндороббо, которые готовятъ для воиновъ оружіе, а для женщинъ котлы, также охотятся на буйвола и слона. Своими чертами, языкомъ и костюмомъ, эти ремесленники походятъ на мазаевъ; но рабство ихъ привило. Крапфъ видитъ въ нихъ братьевъ тѣхъ аборигеновъ, называемыхъ ала, которые бродятъ по долинамъ племени у-самбара. Они разсѣяны по деревнямъ въ лѣсахъ, по склонамъ Кевіи и по горамъ Кикуйу и питаются мясомъ дикихъ животныхъ.

У мазаевъ нѣтъ опредѣленнаго культа, хотя,

будучи поражены чѣмъ-нибудь или уstraшены, они часто вызываютъ къ сверхъестественному существу, называемому Нгай и смѣшиваемому ими съ воздушными пространствами, солнцемъ, свѣтами горъ, звукомъ грома и блескомъ молнии. Лайбоны, или чародѣи, многочисленны: они истолковываютъ полетъ птицъ, всѣ явленія въ одушевленной природѣ, благословляютъ скотъ, отвращаютъ болѣзни и заговариваютъ стихіи. Великій чародѣй, *mbatin*, считающійся самымъ ученымъ разъяснителемъ судебъ, — самая богатая особа въ краѣ; онъ обладаетъ громадными стадами и, подобно всѣмъ остальнымъ мазайскимъ пророкамъ, долженъ свидѣтельствовать о своемъ рангѣ тучностью: съ трудомъ лишь, поэтому, онъ можетъ двигаться. Въ нѣкоторыхъ округахъ, мазай, какъ и уаньика, имѣютъ нѣчто въ родѣ культа гіены, какъ животного, которое пожираетъ тѣла, брошенные въ кусты; они называютъ гіену: «отецъ гіена» ¹⁾, и когда находятъ трупъ этого животного, то цѣлое племя должно облечься въ трауръ: гіена считается патрономъ данной расы, а смутное вѣрованіе въ переселеніе душъ гласитъ, что духи предковъ вѣдрили въ этихъ хищныхъ животныхъ ²⁾. Однако въ южныхъ областяхъ края Fischer не видѣлъ никакого слѣда этого культа: тамъ наиболѣе чествуемымъ у мазай животныхъ является особый видъ анта, который также раздираетъ трупы и слѣдуетъ за воинами въ ихъ грабительскихъ экспедиціяхъ ³⁾. Мертвые не закапываются, такъ какъ помѣщеніе труповъ въ землю влекло бы за собою ея оскверненіе; поэтому мертвыхъ кладутъ подъ деревья. Проходящіе караваны увозятъ своихъ мертвецовъ и обыкновенно скрываютъ ихъ въ тюкъ съ тканями, чтобы мазай не опасались загрязненія ихъ почвы ⁴⁾.

Въ бассейнѣ р. Таны, родичи мазай, галласы — за которыми слѣдовали сомали — отбѣснели къ югу народцевъ расы банту. Они раздѣляются на двѣ главныя группы: барретта, живущіе на правомъ берегу Таны, и кокауэ — обитающіе на лѣвомъ; впрочемъ, послѣдніе почти совершенно истреблены сомали. Въ 1878 году оставалось только четыре деревни племени кокауэ. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ галласы исчезли бы въ этомъ округѣ, если бы суахели и арабы не заступились за нихъ передъ ихъ наслѣдственными врагами: приморскіе торговцы, хотя были очень рады видѣть униженіе наглыхъ галласовъ, но не желали, однако, потерять эту клиентелу покупателей. Лишенные своихъ стадъ, галласы

этого края должны были обратиться къ охотѣ, земледѣлію и торговлѣ. Ихъ кланы управляются начальникомъ, избираемымъ изъ членовъ одного изъ знатныхъ семействъ; въ свою очередь, этотъ начальникъ, называемый *heiyon*, подчиненъ другому, который тоже избирается, но только на семь лѣтъ. Будучи, въ направленіи къ югу, авангардомъ націи илмъ-орма, эти галласы не забываютъ общности своего происхожденія съ эеюнами, и иногда, какъ говорятъ, посылаютъ къ нимъ своихъ пословъ ¹⁾.

Къ сѣверо-западу отъ озера Баринго, въ верхней долиніи р. Уей-Уей, спускающейся къ сѣверу по направленію къ Замбуру, обитаютъ соплеменники мазай, уа-камазия и уа-альгейо, люди мирные и трудолюбивые, не походящіе на своихъ сосѣдей образомъ жизни. Весьма искусные въ раздѣленіи ручьевъ на тысячу небольшихъ струй, они орошаютъ свои поля очень тщательно, почитая благодѣтельную воду какъ великое божество. Рѣдко туземецъ проходитъ чрезъ водяной потокъ, не плюнувъ, въ знакъ уваженія, на пучекъ злаковыхъ растений и не бросивъ его, затѣмъ, въ струи ручья ²⁾.

Съ тѣхъ поръ, какъ португальцы были вынуждены покинуть крѣпости, которыми они владѣли на восточномъ берегу Африки, къ сѣверу отъ Занзибара, арабы и суахели сдѣлались единственными посредниками въ торговлѣ между внутренними областями и приморскими портами. Хитрецы эти любятъ хвастаться умѣlostью въ дѣлахъ: «Развѣ мы не суахели?» спрашиваютъ они, когда кто-нибудь выразитъ сомнѣніе въ успѣхѣ ихъ предпріятій ³⁾. До недавняго времени ни одинъ европейскій купецъ не поселился на этой части берега: единственными бѣлыми въ краѣ были миссіонеры въ Мажила (въ У-Самбара), въ Frege-town и Rabai (около Момбаза). Но это перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ пароходы, ходящіе между Занзибаромъ и Аденомъ, стали приставать и къ этой части африканскаго побережья. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ тѣ приморскіе города, изъ которыхъ выходятъ караваны въ направленіи къ о. Ньянца, сдѣлаются очагами европейскаго вліянія и центрами самостоятельной торговли, не зависящей отъ занзибарскихъ товарныхъ складовъ.

Група деревень, расположенная на лѣвомъ берегу р. Пангани, вблизи ея устья, составляетъ настоящій городъ, именуемый тоже Пангани: болѣе тысячи суахели, уа-зегуха и негровъ-метисовъ возвели тамъ свои хижины на низменной землѣ, окаймленной со стороны

¹⁾ Krapf, *уном. соч.*

²⁾ Fischer, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1884.

³⁾ Hildebrandt, „Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1874, № 2.

⁴⁾ Thomson; — Fischer и др.

¹⁾ Cl. Denbhardt, „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde“, 1884.

²⁾ Thomson, *уном. соч.*

³⁾ Krapf, „Reisen in Ost-Afrika“.

моря опушкой из корнепусков; напротив, на правом берегу, деревня Буани пріютилась у почти вертикальной горы въ 60 метровъ. До того случая, въ 1878 году, когда вышедшій изъ этого города караванъ пропалъ, Пангани, т. е. «городъ въ Яминѣ», былъ такимъ мѣстомъ на берегу моря, въ которомъ почти исключительно составлялись торговые караваны, отправлявшіеся въ область Килима-Нджаро и въ край южныхъ мазаевъ; нынѣ его таможня управляется германскими чиновниками. Недавно, арабы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не принимали почти никакого участія въ панганійской торговлѣ. Они гораздо многочисленнѣе въ Тангѣ (Муоа), городъ, расположенномъ на южномъ берегу небольшого, хорошо защищеннаго порта, къ которому ведетъ глубокій узкій каналъ-проливъ между двумя стѣнами изъ рифовъ. Изъ всѣхъ городовъ на твердомъ берегу къ сѣверу отъ Пангани, Танга, опоясанная кокосовыми деревьями, можетъ доставить болѣе всего жизненныхъ припасовъ для мореплавателей. Изъ Занзибара въ нее ввозится большая часть его убойнаго скота; рыбою же, овощами и плодами она изобилуетъ. Въ Тангѣ путешественникъ фонъ-деръ-Декенъ составилъ свой караванъ для изслѣдованія Килима-Нджаро. Муоронго, въ бухтѣ Тангата, между Пангани и Тангою, представляетъ также портъ, посѣщаемый судами. Въ окрестностяхъ его видны многочисленные развалины и могилы ¹⁾.

Момбазъ, Момбаса арабовъ, Мвита суахели, городъ, воспытый Камоенсомъ, былъ уже прославленъ раньше португальскихъ мореплавателей: въ XIV вѣкѣ онъ уже былъ резиденціею короля племени зенджъ и «большимъ городомъ, къ которому приставали корабли» ²⁾. Васко-де-Гама обслѣдовалъ входъ въ Момбазскій портъ, при чемъ сильно рисковалъ быть захваченнымъ въ плѣнъ. Однако, прибытіе португальцевъ не только не увеличило торговли города, но, напротивъ, послужило началомъ его разоренія. Въ 1500 году Pedro Alvares Cabral снова появился въ этихъ морскихъ пространствахъ, а пять лѣтъ спустя Francisco d'Almeida предалъ городъ пламени. Въ 1522 году, европейцы снова поселились въ Момбазѣ, затѣмъ потеряли было его, но еще до исхода XVI-го столѣтія завладѣли имъ опять. Они-то и возвели тамъ ту грозную крѣпость, которая еще виднѣется къ югу, расположенная на небольшомъ возвышеніи коралловаго утеса; на входныхъ ея воротахъ можно прочесть и цифру «1635», высѣченную португальскими архитекторами. Однако, въ 1660 году, маскатскій имамъ овладѣлъ цитаделью, а въ 1698 году португальцы были из-

гнаны окончательно, и арабы, ставъ властелинами въ городѣ, разрушали церкви, для постройки своихъ дворцовъ. Въ XVIII столѣтіи велись новыя войны, но «король моря» вышелъ изъ нихъ побѣдителемъ. Нынѣ арабы не болѣе какъ торговые дѣльцы, подъ протекторатомъ Великобританіи; самый же городъ почти разоренъ. Недавно онъ пересталъ быть даже и отправнымъ пунктомъ для каравановъ внутрь страны; три экспедиціи, вышедшія изъ него для слѣдованія чрезъ край мазаевъ въ Кавирондо, потеряли болѣе сотни носильщиковъ; купцы, поэтому, не отваживались уже болѣе посылать караваны этимъ опаснымъ путемъ, который въ 1882 и 1883 годахъ былъ даже совершенно покинутъ. «Арабы ушли изъ Момбазы, какъ крысы съ тонущаго корабля» ³⁾.

Момбазъ расположенъ на восточномъ берегу коралловаго острова, выступающаго изъ-подъ воды болѣе, чѣмъ на 12 метровъ надъ уровнемъ моря. Нѣсколько каменныхъ домовъ, принадлежащихъ арабамъ и баньянамъ, и кучи хижинъ, осыпавшихъ кокосовыми пальмами, составляютъ городъ. Большіе корабли бросаютъ якорь въ томъ узкомъ каналѣ-проливѣ, который вдоль острова направляется съ востока; это превосходный портъ, прекрасно защищенный, но весьма узкій для значительнаго флота. Правда, что на западной сторонѣ острова открывается другой портъ, глубокий и надежный, Килидини, который вѣтвится къ сѣверу и образуетъ другіе бассейны, въ которыхъ могли бы бросать якорь суда даже съ весьма большою вмѣстимостью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ заливъ почти совсѣмъ загроможденъ песчаными мелями, шоссе соединяетъ островъ съ твердою землею, къ сѣверу отъ Момбазы. На сѣверо-востокъ отъ города, на противоположномъ берегу канала-прохода, осыпавшаго мангустановыми деревьями, находится англійская станція Frere-town, названная такъ по имени той политической личности, которая занималась колонизаціею африканской земли, пользуясь для этого освобожденными рабами. На западѣ, на возвышенности, деревня Рабай, занятая съ половины текущаго вѣка миссіонерами, также пріютила многочисленныхъ бѣглецовъ изъ внутреннихъ областей. Недалеко отъ этой станціи находятся высокіе куполы горъ, различаемые моряками еще въ открытомъ морѣ и указывающіе на близость порта. Португальцы называли ихъ: corôa de Mombaza, т. е. корона Момбазы.

Порты, слѣдующіе другъ за другомъ къ сѣверу отъ только-что описаннаго древняго города, вплоть до устья Таны, — еще менѣе важны. Килефи (Келифа), въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ рѣки того же имени,

¹⁾ Horner, „Voyage à la côte occidentale d'Afrique“.

²⁾ Marcel Devic, „Au pays des Zenzis“.

³⁾ Joseph Thomson, „Au pays des Massai“.

имѣть лишь низменный берегъ, гдѣ часто садятся на мель арабскія шлюпки; великолѣпныя гавани въ окрестностяхъ совершенно покинуты, и Тангаунку, бывший большимъ городомъ въ XVIII столѣтіи, нынѣ не болѣе какъ становище рабовъ, разсѣянныхъ по кустарникамъ. Далѣе къ сѣверу открываются рейды Малинди, знаменитые въ исторіи мореходства: здѣсь присталъ Васко-де-Гама послѣ того, какъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды, и здѣсь же принялъ онъ на бортъ и индійскихъ лодчановъ; въ воспоминаніе же своего прохода, онъ, километрахъ въ шести къ сѣверу отъ нынѣшняго города, приказалъ поставить *padrao* или

столбъ, который существуетъ понынѣ, и на которомъ въ португальскомъ гербѣ виднѣется крестъ: это единственный памятникъ, напоминающій на этомъ берегу о времени лузитаискаго могущества. Всѣ надписи, отырытыя въ пришедшемъ въ упадокъ городѣ, гдѣ еще недавно отваживались появляться ночью слоны¹⁾, происхожденія персидскаго или арабскаго: и дѣйствительно, по преданіямъ, этотъ городъ основали персы изъ Шираза. Въ Зенджскія времена онъ славился чародѣями и очаровывателями змѣй. Въ эти послѣдніе годы Малинди сталъ вновь заселяться.

Глава XIII

Страна сомалей и восточныхъ галласовъ.

Эта восточная область Африки, выступающая изъ остальной массы материка настолько, что ограничиваетъ на югѣ Аравійскій заливъ почти на протяженіи тысячи километровъ, есть одна изъ странъ, представляющихъ наиболѣе единства, какъ по географическому расположенію, такъ и по населяющимъ ее народамъ. Въ цѣломъ Сомалія или Сомаль представляетъ страну треугольной формы, ограничиваемую на сѣверѣ—Аденскимъ заливомъ, на востокѣ и юго-востокѣ—рифами и пляжами Индійскаго моря вплоть до устья р. Таны, а на западѣ—горной цѣпью, сошедшей лишь въ немногихъ мѣстахъ, которая образуетъ вѣдущую окраину плоскогорій, отъ Кеніи до Вошо и до Анкоберскихъ горъ. Это пространство, площадь котораго превосходитъ миллионъ квадратныхъ километровъ, населено племенами, представляющими большое этническое сходство на всемъ его протяженіи и, повидимому, не измѣнившимися съ тѣхъ временъ, о которыхъ повѣствуютъ памятники древняго Египта.

Хотя Сомалія принадлежитъ къ исторіи уже нѣсколько тысячелѣтій, она почти совершенно осталась внѣ европейскаго вліянія, преобладающаго нынѣ почти во всѣхъ странахъ, омываемыхъ океанами. Далеко не окончено даже географическое изслѣдованіе территоріи: такъ, не извѣстны ни маршруты *Jorge'a de Abreu*, въ 1525 г. сопровождавшаго эіопскую армію къ берегамъ озера Зуаи, ни маршруты *Antonio Fernandez'a*, проѣзжавшаго чрезъ край спустя столѣтіе¹⁾. Маршруты путешественниковъ,

проникавшихъ далѣе всего внутрь страны: *Gruttenden'a*, *Burton'a*, *James'a*, *von der Decken'a*, *Brenner'a*, *Menges'a*, *Révoil'a*, *Paulschke*, *Mokhtar-beu'a* — останавливаются на большомъ разстояніи отъ тѣхъ горъ, которыя ограничиваютъ плоскогоріе галласовъ, и не соединяются съ маршрутами посѣтителей Эіопіи: *Abadie*, *Avanchess'a*, *Cecchi* и *Traversi*; сѣти дорогъ еще не перекрещиваются, какъ въ большей части другихъ странъ африканской территоріи. Къ тому же, современное политическое состояніе сомальскаго края дѣлаетъ его изученіе труднымъ, опаснымъ и дорого-стоющимъ, такъ какъ, вслѣдствіе раздѣленія племенъ на небольшіе отдѣльные кланы, путешественники при каждой остановкѣ вынуждены уплачивать, хотя и подъ видомъ подарковъ, за право прохода²⁾. Затѣмъ чужеземцамъ, какъ и во всей тропической Африкѣ, приходится приспосабливаться къ опасному климату, хотя, благодаря своей сухости онъ менѣе губителенъ, чѣмъ климатъ въ другихъ знойныхъ областяхъ; многіе изъ путешественниковъ не вынесли трудностей пути и скончались, а нѣкоторые даже были убиты. Вообще, извѣстнымъ въ своемъ цѣломъ край этотъ сдѣлается только послѣ того, какъ въ приморскихъ городахъ поселятся европейцы и какъ имъ удастся—въ качествѣ ли союзниковъ, или въ качествѣ вѣстителей—проложить торговыя дороги внутрь страны. Уже въ правленіе хедива Измаила, когда египтяне овладѣли верхнимъ бассейномъ

¹⁾ Krapf, *упом. соч.*

²⁾ Joseph Menges, „*Petermann's Mittheilungen*“. 1886 *Тетр.* XII.

³⁾ Ravenstein, „*Proceedings of the R. Geographical Society*“. Мѡн, 1884.

Нила вплоть до границъ У-Ганды, они пытались основать свое могущество и на Сомальскомъ берегу, и флотъ ихъ появлялся передъ нѣкоторыми портами на этомъ побережьи;

кобританія и Германія. Германцы официально присоединили южный берегъ, на которомъ они уже и окрестили одинъ изъ портовъ Нонензольерн-hafen'омъ; англичане же властвуютъ

Видъ Джебель-Карона.

однако, вмѣшательство Англіи воспрепятствовало новымъ фараонамъ присоединить къ своей державѣ также «страну благоуханій». Нынѣ взаимно соперничающими въ утвержденіи своего вліянія являются въ особенности Вели-

въ сѣверныхъ областяхъ край, расположенныхъ насупротивъ ихъ могущественной крѣпости, Адена. Островъ Сокотра, который, находясь въ самомъ углу материка, стережетъ одновременно оба берега, также считается

англичанами принадлежащимъ къ британской территоріи.

Относительно оси горъ, направляющихся отъ Кеніи къ эоипскому массиву, можно высказать лишь одни предположенія; не извѣстно, пока, гдѣ оканчивается окаймленная вулканами низменность, которая, въ краѣ мазаевъ, раздѣляетъ двѣ половины плоскогорія между Ніанцой и склономъ къ океану. Судя по разсказамъ туземцевъ, кажется вѣроятнымъ, что эта великая разсѣлина не переходитъ границъ озерной равнины Замбуру, и что къ сѣверу отъ этого бассейна, горы, ориентированныя съ юго-запада на сѣверо-востокъ, и параллельныя побережью Индійскаго океана, расположены въ видѣ послѣдовательно повышающихся одна надъ другой цѣпей, какъ уступы нагорья. Въ одной изъ этихъ цѣпей высится гора Вопо, которую Аббади видѣлъ съ разстоянія 200 километровъ. Далѣе, къ сѣверу, Cecchi и Chiagini—перейдя, въ 1879 году, краевыя горы, достигающія здѣсь, въ среднемъ, высоты отъ 2.800 до 3.000 метровъ,—спустились съ плоскогорья, на которомъ возвышается Уарио, а затѣмъ, чрезъ горный проходъ, проникли и на нижнія террасы, изливающія свои воды въ бассейнъ р. Узби¹⁾. На сѣверѣ, двѣ параллельныя цѣпи угасшихъ вулкановъ ограничиваютъ углубленіе, на которомъ находятся три озера, видѣнные путешественниками издали: самое сѣверное изъ нихъ, Зуай, лежитъ на высотѣ 1.840 метровъ; о немъ прежде полагали, будто оно притокъ Ауаша, тогда какъ, напротивъ, оно само получаетъ нѣсколько притоковъ съ сѣвера, и, между прочимъ, «огромную» рѣку Катару (Kataru); затѣмъ, по словамъ туземцевъ, оно изливается на югъ во второе озеро, Хогга; возможно, что одинъ истокъ изъ этихъ резервуаровъ направляется къ югу на соединеніе съ р. Джуба²⁾. На сѣверѣ, Ауашъ прорѣзываетъ также гору, образуя глубокую клызу, за которою видѣются профили горныхъ вершинъ страны Шоа.

Между краевой цѣпью нагорья и берегомъ океана, склонъ страны не представляется однообразнымъ: Guillain, Wakefield, James и другіе изслѣдователи упоминаютъ о существованіи какъ уединенныхъ пиковъ, такъ и возвышенностей въ видѣ цѣпей и массивовъ, которые прерываютъ однообразіе равнинъ. Въ сѣверной же части Сомальскаго края наблюдается приподнятіе поверхности въ видѣ неправильныхъ горъ, въ цѣломъ тянущихся параллельно побережью Аденскаго залива, и по своей формации походящихъ на тѣ аравійскія цѣпи, которыя находятся насупротивъ, по ту сторону этого рукава моря: такимъ образомъ, вулкани-

ческіе массивы на обоихъ берегахъ соотвѣствуютъ другъ другу³⁾. Группа Харрарскихъ горъ—окружающихъ величественнымъ амфитеатромъ городъ того же имени—можетъ быть рассматриваема какъ западный предѣлъ этой береговой цѣпи. Одна изъ тамошнихъ вершинъ, находящаяся къ юго-западу отъ города Харрара, Мулата, имѣетъ около 3.000 метровъ высоты; другая, Хама, на сѣверо-западѣ отъ одноименнаго съ нею города, достигаетъ 2.263 метровъ, а остальные вершины переходятъ за двѣ тысячи метровъ. Къ востоку отъ этихъ гранитныхъ горъ, водораздѣлъ между склонами къ Аденскому заливу и къ Индійскому океану выравнивается и представляетъ лишь незначительныя возвышенія; онъ простирается даже въ видѣ обширной, почти непрерывной степи, сѣверная окраина которой постепенно понижается въ направленіи къ сѣверному побережью моря; Burton назвалъ эту степь «пре-рией» Марарской. Это плоскогоріе, огу посомальски, прорѣзанное оврагами, почти всегда сухими, рѣзко оканчивается кручами и откосами *бора* (*bor*), т. е. береговой горной цѣпи; эти кручи и откосы состоятъ изъ гранита съ прожилками бѣлаго кварца, а вершины ихъ покрыты песчанниками и известняками; потоки, образующіеся изъ дождей, брошающихъ высоты, сносятъ растительную землю въ овраги, въ которыхъ и видѣются кое-какія, имѣющія бѣдную листву, акаціи, похожія на захирѣвшія оливковыя деревья; клызы, по которымъ, послѣ ливней, сбѣгаютъ ручьи, открываются въ видѣ разсѣлинъ въ скалахъ *бора*, а внизу простирается приморская равнина *гобан*, съ ея уади, ея попеременно болотистыми и солончаковыми углубленіями, дюнами и пляжами.

Къ югу отъ Берберы высится вершина приморскихъ горъ, изъ которыхъ одна, Ганъ Либашъ, или Торо, съ двойнымъ лѣсистымъ пикомъ, превышаетъ двѣ тысячи метровъ (по Naggenmacher'у 2.895 метровъ)⁴⁾; узкій проходъ между двумя склонами къ морю находится на высотѣ 1.350 метровъ. Затѣмъ, по направленію къ востоку, хребетъ все болѣе и болѣе приближается къ морскому побережью: высокія вершины, какъ-то: Голясъ, Анкоръ (1.130 метровъ), пирамида Халсъ (1.880 метровъ), гора Айреяситъ (1.590 метровъ), вблизи прохода Яффаръ, въ среднемъ, находятся не болѣе, какъ въ тридцати километрахъ отъ поморья; скалистые откосы слѣдуютъ одинъ за другимъ между гребнемъ горъ и плоскимъ песчанымъ берегомъ, и лишь мѣстами видѣются узкія зеленѣющія равнины около устьевъ овраговъ. Оконечность выступа африканскаго материка разрѣзана глубокими брешами на

¹⁾ A. Cecchi, «Da Zeila alle frontiere del Caffa».

²⁾ Traversi, «Bulletino della Societa Geografica Italiana». 1887, 4.

³⁾ G. Révoil, «La Vallée du Darrar».

⁴⁾ «Ergänzungsheft zu Petermann's Mittheilungen», № 47.

отдельная плоскогория, большие четырехугольные массивы, на которых видны вершины. Таким образом восточный выступ материка явственно ограничен на юг оврагом Тогуани, нисходящим по направлению к Аденскому заливу, и другим, спускающимся к Индийскому морю. Около окраин этого известкового плоскогория возвышаются: на запад—Джебел Карома (Курмо), высотой в 1.220 метров, еще и поныне носящая лишь едва измененное наименование «горы благоуханий (агоша)», некогда данное ей греческими мореплавателями¹⁾; на восток—Горь-Али, имеющая ту же высоту, и еще одна вершина около мыса Гвардафуй, достигающая 760 метров.

Самый мыс—прославленный «мыс благоуханий», рась Ассирь, т. е. «Невольничий мыс», Джард-Хафун арабов, Гирдиф, Гирдифо или Ярдаф по-сомальски, и Гвардафуй европейских мореплавателей—представляет почти вертикальную стену, господствующую на 275 метров над теми волнами, которые катятся у его подножия. Корабли могут опираться этот мыс около самой скалы; однако, несмотря на глубину около него моря, мало найдется морских пространств, где бы, сравнительно, кораблекрушений было больше, или где бы кораблям приходилось бросать лот с большою осторожностью для избегания несчастия: поэтому большинство моряков, вопреки этимологии, объясняют наименование мыса происходящим от итальянского слова *guarda*, употребляемого в франкском языке в смысле «берегись»! Во время юго-западного муссона, море обыкновенно находится в волнении, погода пасмурна, и горизонт скрывается в густом тумане; кроме того, течения в море весьма стремительны и быстро меняются по соседству с землею, направляясь то к берегу, то в открытое море; вот отчего, очутившись среди этих мощных спорных течений, мореплаватели начинают чувствовать себя в безопасности лишь на глубине шестидесяти метров. Если же суда оплошают, то увлекающее их течение сносит их всегда к югу от мыса, к берегам хорошо известной бухты, где их и поджидают люди, пользующиеся кораблекрушениями²⁾. В 150 километрах к югу от мыса Гвардафуй, в море вдается другой опасный мыс, Рась-Хафун или Медуду. В действительности, это—обрывистый четырехугольный остров, верхнее плоскогорье которого усіяно холмами, высотой от 120 до 185 метров. Низменный перешеек, длиною приблизительно в двадцать километров, покрытый скудным кустарником, соединяет ос-

тров Рась-Хафун с твердою землею, разграничивая, таким образом, две бухты: южную и северную, в которых, попеременно, смотря по тому или другому направлению муссона, арабские гребные суда и бросают якорь. Owen упоминает об одном предании, которое гласит, будто португальцы начинали прокапывать канал между двумя бухтами, с целью превратить остров в неприступную крепость³⁾. Возможно, что приподнятые песчаной струей Рась-Хафуна над водою произошло вследствие общего изменения в уровнях земель и морей, так как во многих местах видны прежние, усіянные раковинами, пляжи, далеко вдающиеся внутрь континента⁴⁾. Вся эта часть берега, за исключением устьев дождевых потоков, скалиста. К югу от Рась-Хафуна, на протяжении более 500 километров, морское побережье называется Барр-эль-Хассайн, т. е. «суровая земля», «земля скалы»: может быть, говорит Owen, наименование «Хассайн» тождественно с именем «Azania», уже употреблявшимся греками, и с именем «Земля Ажань», означенным на старинных картах. Высота прибрежных утесов колеблется между 60 и 120 метрами, а прорывающие их овраги ведут к каменным стенам, валуны которых во многих местах прикрыты черноватым кремнистым слоем, усіянным желтыми комками. Эти высокие равнины напомнили Révoil'ю вид провансальской *Crau*. На берегу полоса вышедших из-под воды кораллов, шириною в несколько километров, повидимому, свидетельствует о поднятии земель или о понижении моря в этих морских пространствах: дельта дельта, указывающая прежнее побережье, находится в некотором разстоянии внутри материка⁵⁾.

Самую значительную из рек сомальского края—как по обилию вод, так и по длине—должна быть признана та река, которая зарождается в самом сердце Эфиопии, под именем Гугзы (*Gougza*), и в начале описывает большую кривую к северу, востоку и юго-востоку Каффских гор, как будто идя на соединение, на запад, с рекою нильской системы—Собать. Такое именно предположение и высказывал Antoine Abbadié, видевший в этой реке южную дружку Голубого Нила, которая, посредством подобной же дуги, описываемой в обратном направлении, идет на соединение с Бѣлым Нилом. Но, хотя ни один путешественник еще не видел долины и ключей, которыми Гугза—называемая в этой части своего течения также Умою—вы-

¹⁾ G. Révoil, „La Vallée du Darror“.

²⁾ Owen, „Narrative of Voyages to explore the shores of Africa, Arabia and Madagascar“.

³⁾ Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1868. Тетрадь X.

⁴⁾ G. Révoil, „Voyages au cap des Aromates“.

⁵⁾ G. Révoil, рукописные замѣтки.

ходить изъ области Эфиопскихъ Альпъ, однако показанія туземцевъ согласно свидѣтельству, что, обогнувъ на югъ массивъ Вошо, рѣка, чрезъ проломъ въ краевой цѣпи, убагадетъ на востокъ и течетъ по странѣ галласовъ; называется же она прибрежными пастухами и земледѣльцами Дауа или Дурка, а также Уэби (Веби), при чемъ послѣднее наименованіе едва отличается отъ «Абаи», т. е. Верхній Ниль, и также означаетъ «рѣку» или «текущую воду». Соединяясь со многими другими Уэби, эфиопская рѣка принимаетъ, наконецъ, направленіе съ сѣвера на югъ и впадаетъ, километрахъ въ сорока къ югу отъ экватора, въ Индійское море; это Джуба (Джебъ, Джубъ) арабовъ, и rio dos Fiegos древнихъ португальскихъ мореплавателей.

Масса воды, несомой Джубою, не настолько обильна и сильна, чтобы глубоко размывать баръ, образующійся при устьѣ, вслѣдствіе чего морякамъ лишь съ большимъ трудомъ удается проводить свои небольшія гребныя суда надъ этимъ порогомъ при входѣ; въ 1798 году, англійскій военный корабль производилъ было изслѣдованіе водъ около устья Джубы, но шлюпка, пытавшаяся проникнуть чрезъ баръ, опрокинулась, и весь экипажъ ея погибъ, либо утонувъ въ Джубѣ, либо подвергшись смерти отъ руки прибрежныхъ сомалей. Въ 1865 году, изслѣдователь фонъ-деръ-Декенъ также проникъ въ рѣку, но вскорѣ затѣмъ въ ея порогахъ потерпѣлъ крушеніе. Въ 1873 году, американецъ Chaille Long, посланный хедивомъ, проникъ чрезъ баръ и поднялся вверхъ по рѣкѣ на 278 километровъ; не будь онъ, затѣмъ, отозвавъ, онъ могъ бы плыть и дальше, такъ какъ Джуба достаточно глубока. Воды рѣки, будучи задерживаемы при устьѣ цѣнью красныхъ дюнь, окаймляющихъ берегъ, перемѣщаются, параллельно побережью, къ юго-западу, въ одномъ и томъ же направленіи съ прибрежныхъ теченіемъ въ морѣ. Въ этомъ же направленіи расположены, кверху отъ устья, боковыя озера и болота, въ которыя изливается избытокъ водъ при наводненіяхъ. Рѣка Шери, родящаяся въ этой болотистой области и извинаящаяся въ направленіи къ юго-западу, въ углубленіе, параллельное плоскому берегу и грядѣ его дюнь—повидимому, есть не что иное, какъ прежній рукавъ Джубы, хотя между устьями ихъ обоихъ и оказывается разстояніе въ 130 километровъ. Южное изъ этихъ устьевъ, т. е. устье Шери—называемое по-суахельски Мто-Бубаша, а по-англійски Портъ Дурнфордъ,—нынѣ окрещено германцами именемъ «Гогенцоллернская гавань»; это превосходный портъ, въ которомъ самыя большія корабли могутъ становиться на якорь въ разстояніи нѣсколькихъ километровъ кверху отъ бара. Цѣпь рифовъ—образующійся будущій берегъ—протягивается впереди нынѣш-

нихъ пляжей; всѣ же физическія черты моря: подводные рифы, берега, дюны и теченіе въ рѣкѣ ориентированы въ одномъ и томъ же направленіи.

Рѣка Уэби, подобно другой Уэби, начинающейся въ Каффскихъ горахъ, имѣетъ свой главный истокъ тоже въ Эфиопіи, но въ Гураре и на предгоріяхъ краевой цѣпи, въ небольшомъ разстояніи къ югу отъ Ауаша. Эта Уэби, т. е. «рѣка», не имѣетъ особаго наименованія въ географической номенклатурѣ; питаютъ ее воды, собирающіяся съ весьма большаго бассейна. Къ ней устремляются всѣ потоки на пространствѣ отъ Гураре до Харрара, но не всѣ они достигаютъ ея, особенно въ сезонъ суши, и многіе теряются въ солончакахъ. Подобно Нилу, Уэби выходитъ изъ своихъ береговъ, орошая богатые равнины Огадена, этого «рая Сомалин». Въ нижнемъ своемъ теченіи, она, какъ и Джуба, поворачиваетъ къ югу; но, подходя къ морю, она уже не имѣетъ достаточно силы, чтобы проложить себѣ путь чрезъ валь изъ дюнь; поэтому, пройдя по прямой линіи вдоль внутренняго фаса вала на протяженіи приблизительно 275 километровъ, Уэби теряется въ болотѣ, не докативъ, такимъ образомъ, своихъ водъ до Джубы. Это любопытное явленіе, что могучій потокъ тѣтство усиливается пробить себѣ дорогу сквозь песчаный валь и слѣдуетъ вдоль подошвы этой ограды, образуя какъ бы широкій ровъ въ военномъ укрѣпленіи. Туни,—коса, отдѣляющая сейчасъ описанную часть нижняго теченія Уэби отъ океана—имѣетъ, въ среднемъ, километровъ двадцать въ ширину. Ядромъ этой цѣпи дюнь служатъ нѣсколько скалистыхъ массивовъ, которые образовались изъ тѣхъ же рифовъ, выступившихъ изъ-подъ воды.

Другія рѣки, текуція къ сѣверу отъ Уэби, по той области Сомальскаго края, которая постепенно суживается къ сѣверо-востоку,—достигаютъ до моря только послѣ исключительна обильныхъ дождей; по крайней мѣрѣ влагою ихъ песчаного ложа питаются прибрежныя кустарники. Самая большая изъ этихъ рѣкъ, зарождающаяся непосредственно къ востоку отъ Уэби въ Харрарскихъ горахъ, пропадаетъ, подъ именемъ Тугъ-Фагъ, въ болотѣ области Гауя. Другой *тунъ* или уади, беря свое начало къ югу отъ горъ Вербера, теряется въ области Миджертинъ, болѣе, чѣмъ въ двухстахъ километрахъ отъ моря. Послѣдній *тунъ* на океаническомъ берегу—это Тугъ-Дарроръ т. е. «ручей тумана», устье долины котораго открывается между Расъ-Гафуномъ и Гвардафумъ. На склонѣ Аденскаго залива, русла потоковъ представляютъ лишь короткіе овраги въ толщѣ утесовъ: въ нихъ вода течетъ столь же рѣдко, какъ и въ ущельяхъ противоположнаго, Аравійскаго, берега.

Климатъ Сомальскаго края походитъ на кли-

мать Занзибара—въ южныхъ областяхъ, на климатъ Аравіи—на склонѣ Аденайскаго залива, а на западѣ, на терассахъ и на предгоріяхъ Эѳіопія, онъ приближается къ климату Шоа. Правда, что, въ цѣломъ, территория сомалей находится въ сферѣ сѣверо-восточныхъ пассатовъ, но подъ вліяніемъ измѣненій барометрическаго давленія и температуры, въ направленіи этихъ вѣтровъ часто наблюдаются уклоны, при чемъ вѣтры начинаютъ уже дуть внутрь материка, либо Африки, либо Аравіи. Съ наибольшею правильностью дуютъ пассаты, въ направленіи юго-запада, параллельно Сомальскому берегу, въ теченіе мѣсяцевъ сѣверной зимы, съ октября по мартъ; въ теченіе же лѣтнихъ мѣсяцевъ, нормальный вѣтеръ держится въ обратномъ направленіи: муссонъ несется къ сѣверо-западу и даже въ сѣверу; иногда частные скачки увлекаютъ этотъ атмосферный потокъ, вмѣстѣ съ облаками и влагою, также и на западъ. Средняя температура зимы колеблется между 24° и 26°, а лѣтомъ она приблизительно держится на 30°; по Менгесу, крайнія температуры, наблюдаемыя на берегу Берберы, представляютъ лишь разницу въ 12°; ночью съ 28 на 29 ноября было 19,8°, а днемъ 2 апрѣля 31,8°. Правильные зимніе дожди, впрочемъ, не обильные и сопровождающіеся легкими грозами, приносятся сѣверо-восточными пассатами, съ декабря по мартъ; но обыкновенно небо чисто въ это время года, или же затемняющія его облака проходятъ надъ берегомъ, не разражаясь дождемъ. Періодъ влажности бываетъ во время южнаго муссона, съ апрѣля по іюль или августъ: тогда сѣверныя бури разражаются надъ поморьемъ, ливни переполняютъ кратковременные потоки и степь снова зацвѣтаетъ. За этимъ сезономъ дождей, га или гуи по-сомальски, слѣдуетъ хага, облачное, но сухое время, въ продолженіе котораго земля опять становится безплодною; послѣ этого наступаетъ давръ, т. е. сезонъ дождей, и джилаль—мѣсяцъ суши, предшествующій большимъ дождямъ. Эти различные сезоны запаздываютъ въ направленіи съ востока на западъ, т. е. отъ поморья къ плоскогоріямъ, но дождевыя облака, удерживаемыя на склонахъ горъ, изливаютъ тамъ гораздо большее количество воды: годовую высоту слоя дождя, выпадающаго на Шоа, исчисляють въ одинъ метръ¹⁾.

Въ низменной области, мало орошаемая почва, конечно, неплодородна; рѣдки такіа привилегированныя мѣстности, гдѣ растительность походитъ по богатству и блеску на растительность индійскихъ побережій подъ тою же широтой: скудные дожди и ручьи, переполняющіеся солоноватою водою, могутъ питать

только тощія и не густо растущія растенія. На берегу моря видѣются только солянки (*salsolae*) и другія растенія солонцоватыхъ земель, если вблизи нѣтъ уади, берега которыхъ, въ такомъ случаѣ, окаймлены зеленѣющими деревьями; на холмахъ и горахъ видны камедистыя акаціи, мимозы, молочай, росно-ладанныя терминаліи, деревья, приносящія ладанъ и мирру,—все растенія съ рѣдкою и мелкою листвою; *olibanum* или *boswellia* произрастаютъ даже на обнаженныхъ скалахъ, къ которымъ ихъ бѣлые корни прикрѣпляются на-подобіе пластыря¹⁾. Однако, въ направленіи къ югу, вѣтвистыя и густо-лиственные деревья становятся все многочисленнѣе и многочисленнѣе. Финиковыя пальмы показываются группами только по сосѣдству съ приморскими городами, но плоды ихъ не достигаютъ зрѣлости, такъ какъ сомали не научились оплодотворять женскія деревья, а торгующіе финиками арабы упорно воздерживаются отъ обученія ихъ этому²⁾. Пальма думъ произрастаетъ тамъ и сямъ, но банановыя деревья существуютъ только въ приморскихъ садахъ. Въ горахъ внутри страны, ботаники собрали большое число новыхъ видовъ. Нѣкоторые хорошо орошенные склоны горъ, каковы, напр., на Ганъ-Либакъ, покрыты роскошною растительностью, не менѣе красивою, чѣмъ растительность эѳіопскихъ горъ. Натуралистъ Менгесъ нашелъ тамъ гигантскій можжевелникъ и великолѣпную джибару, выносящую свою цвѣтовую стрѣлку на нѣсколько метровъ въ высоту. Кофейныя деревца процвѣтаютъ на предгоріяхъ массивовъ Шоа. Центральная область края, Огаденъ, возвышеніе которой, въ среднемъ, достигаетъ девятисотъ метровъ, представляетъ, по Sottiro, обширное степное пространство: послѣ дождей она становится моремъ высокихъ травъ, прерываемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ каменистыми полями³⁾.

Что касается фауны, то она такая же, какъ и на землѣ галласовъ въ эѳіопскихъ горахъ, съ тою только разницею, что, по мѣрѣ приближенія къ морскому побережью, она все болѣе и болѣе бѣднѣетъ. Слоны и другія большія животныя водятся лишь въ южныхъ и западныхъ частяхъ страны, которыя обильнѣе всего орошаются и которыя обладаютъ самою богатою растительностью; стада этихъ массивныхъ толстокожихъ взбираются на откосы Ганъ-Либакъ, уже весьма трудно доступные и для человѣка; они населяютъ также степи Огадена и отходятъ къ берегамъ Уаби, чувствуя приближеніе смерти. Въ лѣсахъ, кустарникахъ и каменистыхъ мѣстностяхъ сѣверныхъ областей водятся различныя вѣ-

¹⁾ Brault;—Haggenmacher;—Julius Hann, „Handbuch der Klimatologie“,—Josef Menges, „Petermann's Mittheilungen“. 1885, тетрадь XII.

²⁾ G. Révoil, „La Vallée du Darror“.

³⁾ G. Révoil, рукописныя замѣтки.

⁴⁾ Arthur Rimbaud, „Comptes rendus des séances de la Société de Géographie“. № 3, février.

ды обезьянъ, особенно павіаны; левъ рыскаетъ въ кустарникахъ Огадена, леопарды, гепарды, шакалы, гіены и другія животныя изъ семейства кошачьихъ охотятся тамъ на живыхъ звѣрей или же питаются трупами; страусы и стада дикихъ ословъ, газелей и антилопъ, между которыми Менгесъ открылъ новый видъ, пасутся на плоскогоріяхъ; зайцы и другіе грызуны обитатели въ приморскихъ областяхъ; *macroscelide* те, которыхъ Révoil называетъ «крысами съ хоботомъ», сидятъ на скалахъ на-подобіе бѣлокъ, моются передними лапками и моментально подкакиваютъ, чтобы схватить какое-нибудь насѣкомое. Между ящерицами есть одна, *agama Rueppellii*, которая мѣняетъ цвѣтъ, когда ее пытаются схватить; другая, *uromastix batilliferus*, укрывается въ щель скалы и выставляетъ оттуда своему преслѣдователю хвостъ, усаженный колючками. Къ фаунѣ страны принадлежитъ также очень красивый видъ цесарокъ, *acryllium vulturinum*; у него голова коршуна и въ большей части также и повадки этой хищной птицы, такъ какъ онъ питается не только зернами, но также маленькими звѣрьками и падалью¹⁾. Натуралисты, посѣтившіе Сомальскій край, между прочимъ, фонъ-деръ-Деккенъ и Ревуаль, нашли много новыхъ видовъ моллюсковъ и насѣкомыхъ²⁾, и между послѣдними новый видъ термита, возводящій свои муравейники въ формѣ обелисковъ³⁾. Въ сосѣднихъ моряхъ, рыбаки налавливаютъ много акулъ, мясо которыхъ вывозятъ въ Запзибаръ, а плавники въ Китай, гдѣ эта слизистая сѣдь считается лакомствомъ.

Сомали африканской оковечности, называвшейся тогда Пунтъ, были извѣстны древнимъ египтянамъ: въ одномъ изъ храмовъ Θивъ, Деиръ-эль-Бахари, путешественники Dümichen и Mariette нашли замѣчательную стѣнную живопись, изображающую уплату дани камедью, рослымъ ладаномъ и миррою, предлагаемыми передъ египетской царицей жителями Пунта, которые, на картинѣ, одѣты въ костюмъ нынѣшнихъ сомалийцевъ и имѣютъ такую же наружность. Такъ какъ эти древніе обитатели Пунта уже обладали металлами, то слѣдовательно найденные во многихъ мѣстностяхъ края орудія изъ кремня принадлежатъ къ эпохѣ, предшествовавшей по крайней мѣрѣ на тридцать шесть вѣковъ⁴⁾. Однако, большинство сомалей, не зная своего настоящаго происхожденія и въ то же время заботясь, въ качествѣ ревностныхъ мусульманъ, о томъ,

чтобы въ числѣ ихъ предковъ были святые, имѣютъ претензію считать себя происходящими изъ одного семейства арабскихъ Корейшитовъ: подобно данакилямъ, они именуютъ себя близкими родственниками пророка, а въ Меккѣ показываютъ и домъ своихъ предковъ¹⁾. Развалины, открытыя въ Сомальскомъ краѣ, — совершенно безформенныя, такъ что невозможно опредѣлить по характеру ихъ архитектуры, въ какой цивилизаціи: египетской, ассирийской или персидской — принадлежали древніе обитатели края; однако, нашли тысячу предметовъ, которые свидѣлствуютъ о значительной торговлѣ со всеми тѣми приморскими областями, которыя соединяетъ періодическое движеніе муссона: эмальированныя и стеклянныя вещи, лакированныя чаши, каменные и алебастровыя вазы, драгоценныя жемчужины и самоцвѣтные камни доказываютъ, что предки сомалей были въ то время въ сношеніяхъ съ промышленными и богатыми восточными народами; внезапное разрушеніе какого-нибудь торговаго города на поморьѣ не дало бы случая раскапывателямъ отыскать въ мусорѣ развалинъ столько замѣчательныхъ остатковъ, сколько представляютъ руины городовъ, разрушенныхъ двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Сомальскаго края многочисленны также могильные курганы, относящіеся къ этимъ отдаленнымъ временамъ; они вообще представляютъ пирамидальныя нагроможденія камней, съ разсыпанными по нимъ раковинами, костями рыбъ и инструментами изъ послѣдовательныхъ періодовъ, каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго²⁾. Могилы, которыя были разрываемы въ окрестностяхъ Зейлы, повидимому, галласкаго происхожденія, а по сосѣдству туземцы показываютъ кладбище «огромнаго города», который будто бы, тоже принадлежалъ галласамъ; однако, ближайшія деревни галласкаго племени находятся нынѣ въ двухстахъ километрахъ разстоянія отъ Харрарскаго края. Происходили, слѣдовательно, великія переселенія, перемѣщавшія народцы и расы; но слѣдуетъ замѣтить, что исходы и перемѣны отечества продолжаются и въ наше время, и столь дѣятельно, какъ никогда раньше.

Не подлежитъ сомнѣнію, что, взятыя въ цѣломъ, сомали родственны своимъ сѣвернымъ сосѣдямъ, данакилямъ, а также сосѣдямъ западнымъ и южнымъ, галласамъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ трудно установить національность переходныхъ населеній, съ неопредѣленнымъ типомъ. Къ тому же наименованіе «сомали» не имѣетъ точнаго значенія, которое безъ колебанія могло бы быть прилагаяемо ко всѣмъ обитателямъ края, простирающагося

¹⁾ Otto Kersten, von der Decken, *ynom. coch.*

²⁾ Hartmann, „Abyssinien und die Ostküste Arika's“.

³⁾ Joseph Menges, „Petermann's Nitttheilungen“, 1884. Heft XI.

⁴⁾ Révoil, „Bulletin de la Société Normande de la Géographie“, 1884.

¹⁾ G. Révoil, „Bulletin de la Société Languedocienne“, 1880.

²⁾ Gouillon; — G. Révoil; — Paulitschke, и т. д.

между заливомъ Таджурахъ и рѣкою Джубою. По Гильдебранду, это этническое наименованіе означаетъ «черный», «смуглый»; однако, такое толкованіе не приложимо ко всѣмъ сомалимъ, хотя вообще у нихъ цвѣтъ кожи болѣе темный, чѣмъ у данакиловъ и галласовъ. Другіе этимологи полагаютъ, что слово *сомаль* означаетъ «маловѣрный» или же «свирѣпый»; сами сомали не берутся объяснить его смыслъ. Галласы зовутъ ихъ «тумръ». Арабы называютъ этотъ край: Баръ-эсъ-Сомаль, т. е. «жилище сомалей»; но границы этого мѣстообитанія

нѣ границъ области проживанія сомалей совершается въ одинаковомъ направленіи съ прибрежнымъ теченіемъ въ морѣ и съ пассатнымъ вѣтромъ, т. е. въ направленіи съ сѣвера на югъ.

Общаго для сомалей типа не существуетъ: вслѣдствіе разницы въ образѣ жизни, въ климатѣ и этническихъ скрещиваніяхъ велико также и различіе какъ между племенами, такъ и между отдѣльными людьми. Однако, вообще можно сказать, что сомали, походя на данкалы, превосходятъ ихъ ростомъ (по Paulitschke,

Женщина изъ племени сомали.

точно не опредѣлены. На югѣ сомали быстро распространяются по землямъ сопредѣльных населеній галласкаго или бантускаго происхожденія. Еще недавно рѣка Джуба указывалась какъ южная граница территоріи сомалей, но въ послѣдніе годы они выдвинулись вплоть до р. Таны, километровъ на 450 къ югу; они даже перешли эту рѣку, какъ бы для того, чтобы подать руку другимъ завоевателямъ, грознымъ мазамамъ. Напротивъ, на противоположной оконечности своего мѣстообитанія, на берегахъ Аденакаго залива, сомалимъ пришлось податься передъ напоромъ данакилей. Такимъ образомъ, можно сказать, что колеба-

ростъ племень: хабръ-ауаль—1 метръ 85,3 сант.; исса—1 м. 66,5 сант.; гадибурси—1 м. 66,1 сант.), зато сомали менѣе сильны, хотя станомъ болѣе стройны, наружность имѣютъ болѣе воинственную и оттѣнкомъ кожи болѣе темны; сомали кажутся тѣмъ выше ростомъ, что, сравнительно съ тѣломъ, голова у нихъ мала. Хворые почти не встрѣчаются у сомалей, хотя старѣютъ эти туземцы быстро: человекъ въ двадцать лѣтъ кажется имѣющимъ сорокъ; сорока-лѣтній же походитъ на старика ¹⁾. Между сомалими—и даже такими, у

¹⁾ Album. Paulitschke.

которыхъ лицо совершенно черное,—а таковы сомали изъ Шиллука или Уолофа,—часто можно наблюдать такихъ индивидовъ, у которыхъ черты лица столь же правильны и столь же тонки, какъ у самыхъ красивыхъ европейцевъ. Многія женщины—сомали возбуждаютъ удивленіе гармонією чертъ лица и благородствомъ поступи, а также нѣжностью и очаровательностью своего голоса. Правда, чрезмѣрный трудъ старитъ вообще женщину равнѣ тридцатого года, а стеатопигія, рѣдкая у молодыхъ дѣвушекъ, становится довольно общою у женщинъ послѣ первой беременности. Образцы красоты, часто встрѣчаемые между сомалиями, полагали возможнымъ объяснить скрещиваніемъ ихъ съ не-африканскими народами, особенно съ семитами. Конечно, эти смѣшенія существовали, особенно въ тѣ вѣка, когда торговое движеніе совершалось весьма дѣятельно на морскомъ берегу; въ видоизмѣненіи первоначальнаго сомальскаго типа могло имѣть нѣкоторую долю и арійское вліяніе, въ лицѣ персовъ и грековъ; однако, извѣстно также, что и многіе негры Внутренней Африки тоже отличаются почти классическимъ очертаніемъ лица. Походящихъ на арабовъ сомалей—какъ фizioноміей, такъ и нравами—больше всего въ приморской области. Западные сомали, особенно исса, болѣе близкіе къ галласамъ, представляютъ также большое число индивидовъ съ типомъ своихъ сосѣдей; именно они отличаются отъ другихъ сомалей болѣе широкимъ лицомъ и болѣе грубыми чертами. На югѣ же, чаще всего встрѣчается у рахануинскихъ завоевателей типъ негра, т. е. плоское лицо и выдающіяся скулы.

Языкъ сомальскій, нынѣ уже извѣстный по словарямъ, грамматикамъ и сборникамъ пословицъ, указываетъ,—также какъ физическій типъ и преданіе,—на родство этой націи съ данакилами и галласами; тѣмъ не менѣе, частыя сношенія сомалей съ арабами—установившіяся послѣ распространенія ислама во всемъ краѣ между равнинами и предгоріями, между моремъ и эоіопскими горами—ввели въ сомальскій языкъ большое число арабскихъ терминовъ и оборотовъ, а тѣ рѣдкіе сомали, которые умѣютъ писать, пользуются буквами, употребляемыми ихъ учителями изъ Азіи. Они заимствовали отъ нихъ также многія изъ учрежденій, а принятіе корана видоизмѣнило также и ихъ нравы. Сѣверные сомали, болѣе всего приближенные къ Аравіи, строго соблюдаютъ съ религіозными предписаніями; въ городахъ, гдѣ только есть лачуга, носящая названіе мечети, они аккуратно посѣщаютъ ее, для принесенія въ опредѣленные часы молитвъ; муэдзинъ ихъ сзываетъ, а арабскіе муллы прочтываютъ священныя молитвы. Отправляющійся въ дорогу не выйдетъ изъ дому безъ того, чтобы не взять съ собою дере-

вянный сосудъ, предназначенный для наполненія водою въ видахъ совершенія омовеній. Взрослые люди бреютъ себѣ голову по-мусульмански, и ихъ костюмъ едва отличимъ отъ арабскаго одѣянія.

Но внутри земель и въ южной части края сомали сохранили свои анимистическія суевѣрія и родъ жизни, схожіи съ жизнью данакилей и беджа. Мужчины еще кланутся каменьями и благоговѣютъ передъ большими деревьями. Они носятъ передникъ и нѣчто вроде тоги изъ бѣлой хлопчатобумажной ткани; въ эту тогу они задрапировываются по-гречески, оставляя обыкновенно правое плечо обнаженнымъ. Въ пути они обуваютъ сандалии. Обыкновенно они обмываютъ свои густые волосы на головѣ тѣстомъ изъ извести и глины, которое защищаетъ ихъ отъ солнечныхъ лучей, а также освобождаетъ отъ паразитовъ; чтобы не портить своей прически, они спятъ, кладя шею на деревянныя изголовья, въ родѣ тѣхъ, какія можно видѣть въ Японіи и у большинства народцевъ Внутренней Африки. У большей части сомалей нижняя доля уха широко продырявляется на-подобіе того, какъ это дѣлаютъ народы банту, но украшенія—дерево, перламутръ, слоновую кость или металлы—они вдѣваютъ въ уши рѣдко; на шеѣ же носятъ шарики (бусы) изъ янтаря или изъ коралловъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще татуируютъ руки, грудь или животъ, но, въ противоположность большей части южныхъ племенъ, у нихъ эти знаки не имѣютъ уже символическаго или отличительнаго значенія. Подобно племеню беджа, сомали расчесываютъ свои волосы на головѣ вычеканеннымъ скребкомъ и часто употребляютъ зубочистку, сдѣланную изъ благовоннаго дерева: зубы у нихъ всегда ослѣпительной бѣлизны. Женщины, одѣтыя въ красную юбку и бѣлую тогу, перехваченную цвѣтнымъ поясомъ, обыкновенно разряжены болѣе мужчинъ; всѣ онѣ носятъ серьги, ожерелья, цѣпочки, на рукахъ кольца, браслеты и амулеты. Обычай предписываетъ совершать обрѣзаніе у мальчиковъ въ возрастѣ трехъ лѣтъ; въ шесть лѣтъ дѣвочки подвергаются болѣе жестокой операціи—вырѣзыванію и инфибуляціи. Случается иногда во время эпидеміи, особенно когда свирѣпствуетъ оспа, что больныхъ выкидываютъ въ пустыню, на сѣденіе лвамъ и гіенамъ.

Смотря по обстоятельствамъ, сомали—какъ и большая часть народовъ, подвергающихся голодовкамъ,—поперемѣнно бываютъ то большими обжорами, то образцами воздержанія. За исключеніемъ приморскихъ рыболововъ, никто изъ сомалей не дотрогивается до рыбы, равнымъ образомъ они не ѣдятъ ни домашней птицы, ни яицъ; также воздерживаются отъ мяса животныхъ, воспрещенныхъ Кораномъ; антилопъ же и газелей предоставляютъ париямъ.

Какъ напитокъ, кофе не употребляется въ краѣ сомалей, но часто его ѣдятъ такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ галласы, т. е. превративъ въ порошокъ и смѣшавъ съ козовымъ масломъ; эту же смѣсь употребляютъ и для натирания тѣла. Употребленіе спиртныхъ напитковъ не допускается, за исключеніемъ Огадена, гдѣ изъ молока верблюдицы готовятъ бродящій напитокъ. Табакъ не курятъ, но его нюхаютъ и жуютъ, смѣшавъ съ золою; наконецъ, подобно харрари, сомали собираются по вечерамъ, чтобы жевать листья растенія катъ (*celastrus edulis*), что позволяетъ имъ удлинять посидѣлки. Крайне любопытный, сомали втыкаетъ мечъ у входа въ свою деревню, чтобы преградить дорогу иноземцу, и пропускаетъ его только послѣ того, какъ разспроситъ о событіяхъ въ отдаленныхъ странахъ ¹⁾.

Страну сомалей опустошаютъ непрерывныя войны. «Единственная нива, которую тамъ воздѣлываютъ—говоритъ въ восточномъ стилѣ Ревуаль—есть нива смерти». Раздѣленные на большое число мелкихъ государствъ, почти всѣ сомали пребываютъ въ борьбѣ другъ съ другомъ. Каждый подозрѣваетъ своего ближняго. Войнѣ никогда не выходить безъ оружія: у богатаго есть ружье, купленное въ одномъ изъ приморскихъ *bender*овъ; у бѣднаго же—копье и дротикъ, иногда большой обоюдоострый ножъ и палица для разможенія головы поверженному на землю врагу. Обычная поза сомальскаго воина, какъ и мазайскаго,—это стоять опершись на копье и поднявъ правую ногу, на-подобіе голенастыхъ птицъ. Убить человека—считается большой славой, и убійца никогда не преминетъ воткнуть себѣ въ волосы страусовое перо или надѣть себѣ на руку браслетъ изъ слоновой кости. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, друзья воздвигаютъ около могилы сомали столько камней, сколько рука умершаго поразила жертвъ ²⁾. Но если сомали не задумывается лишить жизни своего противника, то и самъ онъ не боится смерти: будучи раненъ, онъ страдаетъ, не жалуясь, и стоически протягиваетъ руку своему товарищу, который ее прижигаетъ либо раскаленнымъ желѣзомъ, либо держа надъ плечемъ. Впрочемъ, благодаря климату, сомали обыкновенно выживаютъ отъ такихъ ранъ, которыя были бы смертельны для европейцевъ. Но если почетно умерщвлять, то вовсе не почетно грабить, конечно, если это не явная война: никто не воруетъ въ мирное время, «такъ какъ всѣ сомали—братья», и никто, поэтому, и не запираетъ своего дома. Но противъ иностранца все позволительно, и онъ не можетъ проникнуть въ страну, пока не найдетъ себѣ, за деньги,

абана, т. е. покровителя. Когда корабль разбивается около берега, то сомали присвоиваютъ себѣ право на выкидки, и хищники сбѣгаются изъ-за сотни верстъ: на полуостровѣ Гвардафуй нѣтъ ни одной хижины, въ которой не нашлось бы вещей, принадлежавшихъ европейцамъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Graves рассказываетъ, что одному шейху, жившему въблизи мыса Гвардафуй, было поручено ежедневно и ночью молить Аллаха о ниспосланіи кораблекрушеній христіанскимъ судамъ.

Приморскіе сомали, именно миджертинны, считали бы униженіемъ для себя обрабатывать землю. Они пастухи, лодочники или купцы. Нѣкоторые изъ нихъ даже отважные моряки, и на своихъ лодкахъ, вмѣстимостью отъ 4 до 50 тоннъ, путешествуютъ до Бомбея или Занзибара ³⁾. Большое число—полукочевники и бродятъ, слѣдуя за своими стадами, по травянистымъ областямъ внутри края. Промышленность, главнымъ образомъ состоящая изъ производства роговъ, почти всецѣло находится въ рукахъ женщинъ, которыя всѣ весьма работящи. Немногія изъ племенъ пользуются лошадью; вѣроятно, что это животное введено въ край всего лишь нѣсколько столѣтій: ей сохранено не арабское наименованіе *faras* ⁴⁾. Въ Огаденѣ, каждая деревня, говоритъ Сот тиро, обладаетъ нѣсколькими дюжинами страусовъ, пасущихся отдѣльно подъ надзоромъ дѣтей и спящихъ по ночамъ въ хижинѣ; при переселеніяхъ, они шествуютъ въ караванахъ позади верблюдовъ. И, однако, имъ не даютъ плодиться въ неволѣ: подновляютъ стада одомашненныхъ страусовъ, налавливая дикихъ.

Рабство неизвѣстно у сѣверныхъ сомалей ⁵⁾; людей убиваютъ, но не продаютъ и не покупаютъ. Но въ центральныхъ и южныхъ областяхъ поступаютъ иначе: тамъ часть населенія порабощена, и съ рабами обращаются съ необыкновенной жестокостью. Почти у всѣхъ этихъ несчастныхъ на ногахъ кольца, которыя соединяются желѣзною цѣпью; кормятъ ихъ одними отбросами, и тѣмъ не менѣе они должны каждый день тащить на поле и работать подъ томительнымъ зноемъ палящаго солнца; каждая ошибка искупается муками; не рѣдки, поэтому, случаи, когда рабы налагаютъ на себя руки, чтобы избавиться отъ своей горькой доли. Во многихъ областяхъ сомальскіе воины предаются охотѣ на человека, и монетная единица выражается въ плѣнныхъ: на рынкѣ такой товаръ цѣнится отъ 120 до 150 талари ⁶⁾. Часты также случаи продажи сомалами въ рабство членовъ своихъ семействъ. «Если ты не презираешь жену, ре-

¹⁾ R. Burton, „First footsteps in East Africa“.

²⁾ R. Burton, *уном. соч.*

³⁾ Toni, „Esplorazione“, febbraio.

⁴⁾ Cruttenden;—Barton, и т. д.

⁵⁾ Ph. Paulitscke, „Beiträge zur Ethnographie und Anthropologie der Somäl, Galla und Harär“.

⁶⁾ G. Révoil, „Tour du Monde“, 2 semestre, 1885.

бенка и слугу, то они тебя будут презирать», гласит одна из сомальских поговорок. По Burton'у, новобрачный, по приводѣ къ нему его жены, беретъ въ руки бичъ и начинаетъ порядкомъ ее хлестать, чтобы показать этимъ свои права господина; однако, женщины свободно ходятъ въ деревняхъ. Какъ и въ другихъ магометанскихъ краяхъ, мужъ отсылаетъ отъ себя жену, когда ему вздумается, а въ случаѣ его смерти, его жена поступаетъ въ наследство оставшемуся въ живыхъ брату. Большинство такихъ разведенныхъ или покинутыхъ женъ поступаютъ на службу въ караваны для несенія козихъ мѣховъ съ водою.

Не имѣя никакой національной связи, сомали раздѣляются и подраздѣляются на большое число клановъ, *rer* или *fakida*, которые соединяются и разъединяются, сообразно съ превратностями войнъ и союзовъ. Тѣмъ не менѣе, признаютъ существованіе трехъ главныхъ этническихъ семей или группъ племенъ: рахануины на югѣ, хауия въ центрѣ и хашія на сѣверѣ. Рахануины—находящіеся постоянно въ войнѣ съ галласами и банту, и постепенно отбѣснившіе ихъ даже къ югу отъ Тахи—менѣе всего извѣстны изъ сомалей: не знаютъ даже названій большей части клановъ этой воинственной націи. На берегахъ Уэби, гдѣ они занимаютъ южный берегъ, ихъ называютъ гобронъ; южнѣе, въ узкомъ полуостровѣ между р. Уэби и морскимъ берегомъ бенадировъ, проживаютъ туни, самые мирные изъ сомалей, носящіе палку вмѣсто копья ¹⁾. По Paulitschke, абгалы—живущіе къ сѣверу отъ рѣки, свирѣпые враги всѣхъ и кое-гдѣ еще сопротивляющіеся исламу—также должны быть причислены къ рахануинамъ. Эти *fakida* почти постоянно ведутъ войну съ факидами хауивъ.

Хауии, господствующіе въ большомъ центральномъ государствѣ страны, въ Огаденѣ, по своему могуществу—«первый народъ между сомалиями». По свѣдѣніямъ Ревуаля, они менѣе воинственны, чѣмъ остальные представители расы, но фанатичнѣе и опаснѣе для иностранца; они не принадлежатъ къ одной и той же магометанской сектѣ, и ихъ обычаи приближаютъ ихъ къ вагабитамъ; по свѣдѣніямъ, собраннымъ Соттиро, они сильно смѣшались съ галласами ²⁾; цвѣтомъ кожи они менѣе черны, чѣмъ сомали на поморьѣ. Во внутреннихъ областяхъ, большинство ихъ осѣдлые земледѣльцы, чтѣ зависить, безъ сомнѣнія, отъ болѣе возвышеннаго положенія края, лучшаго орошенія и большаго плодородія въ сравненіи съ приморскою полосой; въ Огаденѣ, край травянистомъ и скотоводственномъ, всѣ они—номады. Во многихъ округахъ своей области, хауии находятся въ меньшинствѣ:

они составляютъ высшую касту; большинство же жителей—презираемые плебеи, принадлежащіе къ другимъ племенамъ или даже къ покореннымъ расамъ. Такъ, адоэ, въ Южномъ Огаденѣ, вполне отличаются отъ сомалей; ихъ нравы и языкъ позволяютъ помѣстить ихъ въ число народовъ банту; нарѣчіе ихъ весьма близко къ ки-суахели на поморьѣ ³⁾. Двѣ касты: іебиръ и томаль—гадальщики и кузнецы—считаются также иного происхожденія, чѣмъ хауии. Іебиры—нѣсколько чародѣй; они готовятъ амулеты, очаровываютъ змій, заговариваютъ болѣзни, могутъ и сглазить и устранить дѣйствіе дурнаго глаза, принимаютъ участіе въ церемоніяхъ и въ празднествахъ. Томали или хандады выковываютъ наконечники копій, и хотя, въ качествѣ такихъ ремесленниковъ, они безусловно необходимы для общины, тѣмъ не менѣе, будучи въ то же время напустителями порчи, они должны держаться внѣ деревень и могутъ вступать въ бракъ только въ своей средѣ. Мидганы, называемые также рами, т. е. «стрѣльцами изъ лука», еще болѣе презираются: это послѣдніе изъ послѣднихъ. Они обожаютъ деревья и змій, ѣдятъ всѣ виды запрещеннаго мяса, рыбу, домашнюю птицу, яйца, зайцевъ и газелей; будучи неустрашимыми охотниками, они нападаютъ на льва и слона, которыхъ и умерщвляютъ своими отравленными стрѣлами. Подобно іебирамъ, они также знахари и весьма искусные костоправы. По словамъ сомальской легенды, низшія касты произошли отъ абиссинскихъ женщинъ, оплодотворенныхъ злыми духами; происхожденіе же мидганъ еще менѣе благородно: ихъ предки были, будто-бы, рабами этихъ эѳіопскихъ женщинъ.

Сѣверные сомали или хашія, чаще называемые аджи, имѣютъ въ своихъ жилахъ болѣе всего арабской крови. Въ отношеніи къ нимъ, вышеупомянутое преданіе отчасти справедливо, и хашіи могутъ до извѣстной степени возводить свою генеалогію до корейшитскаго семейства хашимовъ, одинъ изъ членовъ котораго, воинъ, по имени Арабъ, переселился, будто-бы, въ Африку къ концу двѣнадцатаго столѣтія, т. е. спустя менѣе шестисотъ лѣтъ послѣ эгирь: его резиденція, ставшая столицей могущественной державы, находилась, по ихъ сказаніямъ, въ Зейлѣ или въ ея окрестностяхъ ⁴⁾. Эти хашійскія колѣна подраздѣляются на двѣ группы, обозначаемыя по именамъ двухъ правнуковъ Араба: Тарудъ, т. е. «изгнанники», и Ишакъ. При этомъ, къ потомству Таруда принадлежитъ племя миджертинъ, самая прославленная хашійская нація, состоящая изъ тридцати племенъ, подъ общимъ главенствомъ *boghor'a*, т. е. султана; къ потомкамъ

¹⁾ G. Révoil, «Voyages au cap des Aromates».

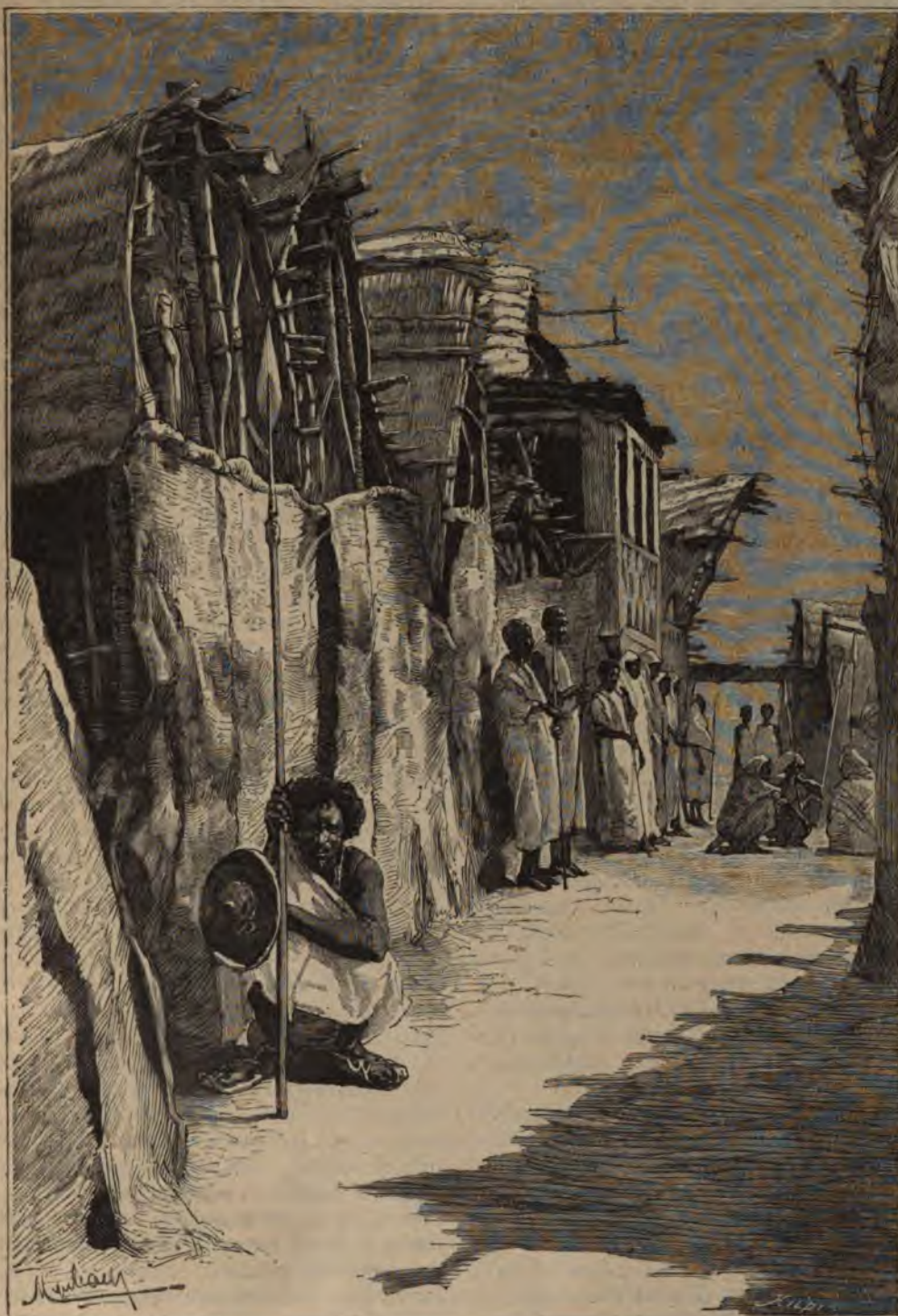
²⁾ Arthur Rimbaud, «Comptes rendus des séances de la Société de Géographie», № 3, 1 février, 1884.

³⁾ James, «Proceedings of the R. Geographical Society», October, 1885.

⁴⁾ Paulitschke, *ун. соч.*

е Ишака относятся: исса (или лучше ейсса) хабръ-гхаръ-хаджи, хабръ-ауаль. Слово *habr* гадибурси; эти сомали лучше всего извѣ- означаетъ на сомальскомъ языкѣ «бабушка. ны европейцамъ, какъ прибрежные жители почтенная женщина», и, повидимому, напоми-

Улица въ Берберѣ.

алива Таджурахъ и сосѣди портовъ Зейлы и наетъ о томъ прежнемъ общественномъ строѣ, берберы. Къ этой же группѣ присоединяютъ когда придавали большое значеніе происхож- сѣ тѣ племена, наименованію которыхъ пред- денію по женской линіи, единственному при- тествуетъ слово *habr*, таковы: хабръ-толь, знававшемуся у большинства африканскихъ

языкъ¹⁾. Борани или вуорана, встречаемые къ югу вплоть до самаго сосѣдства съ горою Кенія, представляютъ также весьма значительную галласскую націю, достигающую, по Бреннеру, ста пятидесяти человѣкъ и находящуюся въ борьбѣ съ сомалими и мазаими: борани — неутомимые ѣздоки верхомъ. Будучи религіозными, борани почитаютъ верховное существо, которому приносятъ—передъ черными камнями или же у подножія высокихъ деревьевъ, уединенно стоящихъ на равнинѣ,—черныхъ же животныхъ, козъ или быковъ. Они не татуируются, но грудь ихъ покрыта рубцами отъ тѣхъ порѣзовъ, которые они себѣ на-

носятъ во время воинскихъ танцевъ. Мертвыхъ они погребаютъ въ сидячемъ положеніи, придавая имъ видъ человѣка размышляющаго, такъ какъ, говорятъ они, «человѣкъ не умираетъ, а только погружается въ грезы»¹⁾. Говорятъ, что борани раздѣляются на двѣ главныя группы: я и юль; но въ этихъ областяхъ, заключающихся между берегомъ Сомали и неизвестными странами Южной Эіопіи, большая часть племенъ еще неизвѣстны.

Слѣдующая таблица содержитъ наименованія и приблизительную численность главныхъ націй въ странѣ сомалей и западныхъ галласовъ:

Нація.	Сомали.	Численность.
Рахануны	Калаба. Туни, Элан, Барауа	20 т. (Бреннеръ).
	Джиду	25 » (онъ же).
	Уаданъ. Адгалъ.	
Хауля	Гургатъ. Хабаръ Гадеръ. Каранлэ.	
	Миджертини	104 т. (Graves).
	Уаръ-Сенжели. Долбохантъ. Огаденъ. Мареханъ. Юзуфъ. Тенадэ.	
Хашійя	Хабръ Гахръ-Хаджи. Хабръ-Ауалъ	50 т. (Graves).
	Хабръ-Толь. Хабръ-Толь-Джаллахъ. Хабръ-Юнисъ.	
	Сыны Ишака	Исса (Ейса) .....
		70 т. (Graves).
		Гадибурси .....
		25 т. (онъ же).
		Гхири.
		Бертири .....
		12 т. (Burton)
		Бабилли.
		Версубъ .....
		20 т. (онъ же).

Галласы.

Джарсо, нолэ, ала, знія, аруссі, арусса, борани.

Южная оконечность Сомальскаго берега представляетъ ту область, въ которой совершили свои первыя попытки къ присоединенію германскіе негоціанты, нынѣ сдѣлавшіеся концессіонерами всего побережья до Джебель-Карома, а вмѣстѣ съ этимъ и «протекторами» населяющихъ побережье жителей; это также одна изъ тѣхъ африканскихъ областей, которые обѣщаютъ широко открыться для торговли, такъ какъ долина р. Таны, впадающей въ предѣлахъ этой области въ море, представляетъ естественную дорогу къ бассейну Верхняго Нила. Въ 1885 году, братья Денхардтъ—за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ уже

обѣхавшіе страну,—побудили султана Виту, Ахмеда, прозваннаго Симба, т. е. «Левъ», уступить имъ территорію, пространствомъ около 1.200 кв. километр., ограничиваемую на югѣ р. Ози, и поставили подъ сюзеренитетъ Германіи весь данный край. Тщетно занзибарскій султанъ протестовалъ во имя давнихъ своихъ правъ и даже подготовлялъ военную экспедицію: подъ угрозой германскихъ пушекъ онъ былъ вынужденъ признать совершившійся фактъ. Населеніе земли Виту и сосѣдняго архипелага—одно изъ самыхъ смѣшанныхъ въ Восточной Африкѣ. Сюда переселялись толпами галласы и южные банту, тѣ ау-дуэ, которые недавно считались людоедами; равнымъ

¹⁾ Ravenstein, „Proceedings of the R. Geographical Society“, мая, 1884.

¹⁾ Krapf, упом. соч.

образомъ, со всѣхъ концовъ поморья тысячами сбѣгались сюда невольники, увѣренные въ томъ, что найдутъ здѣсь для себя пріютъ и земли. Наконецъ, чтобы доставить вновь прибывшимъ также и женщинъ, «Левъ» привлекъ въ свое королевство бантусовъ различныхъ племенъ уа-покомо и уа-бони. Португальскій элементъ также представленъ въ Виту нѣсколькими семействами смѣшанной крови¹⁾.

Многочисленные развалины, видимыя на морскомъ берегу, вблизи устьевъ Таны, свидѣтельствуютъ о важномъ торговомъ значеніи, которое нѣкогда имѣла эта страна. Около двухъ маленькихъ городковъ Шагга и Киини, покинутыя, осаждаемыя песками, древнія постройки походятъ на разрушенныя зданія Мелинды; онѣ относятся, по мнѣнію Денхардта, къ XV или XVI столѣтіямъ. Новый городъ Киини, основанный въ 1868 году, развивается быстро, благодаря торговлѣ: спусти десять лѣтъ послѣ своего основанія, онъ имѣлъ уже двѣ тысячи жителей, и занзибарскій султанъ прислалъ туда вали и учредилъ тамъ таможеню. Кверху по рѣкѣ, другой маленький городокъ, Кау, расположенный тоже на лѣвомъ берегу рѣки Ози, населенъ суахильскими купцами, которыхъ очень боятся за лукавство, и которые желѣзною рукою управляютъ несчастными земледѣльцами изъ племени покомо, обрабатывающими область дельты. Городъ Виту, резиденція отдавшагося подъ покровительство Германіи «Льва», находится не на берегу моря: хижины его группируются на берегахъ небольшой рѣки, впадающей въ Ози передъ Кау. Портъ на Индійскомъ морѣ для Виту служить Ламу, представляющей открытый узкій каналъ-проливъ между двумя островами, Лама и Манда; надъ этимъ портомъ командуетъ большой фортъ, на которомъ нѣкогда развивалось знамя занзибарскаго султана. Ламу—по словамъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, населенный пятнадцатью тысячами жителей,—представляетъ пристань для паровыхъ пакетботовъ, ходящихъ вдоль восточнаго берега Африки; дюны грозятъ поглотить часть города. Рейды другихъ превосходныхъ портовъ, каковы Манда и Патта, развѣтвляются подъ защитою острововъ приморскаго архипелага: развалины, окаймляющія эти внутреннія гавани, напоминаютъ о давнихъ временахъ прибытія португальцевъ: происходя отъ арабскихъ крѣпостей и персидскихъ и индусскихъ построекъ, эти развалины внушаютъ страхъ сомалиямъ, галласамъ и суахели, считающимъ ихъ мѣстопробываніемъ злыхъ духовъ. Особенно Патта нѣкогда была очень многолюдна. Нигдѣ лучше нельзя на-

блюдать, какъ къ сѣверу отъ этого острова и залива, Мто-Бубаши, явленіе двойственности морскаго побережья, т. е. существованія на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега материка еще ряда коралловыхъ рифовъ. Въ этихъ водахъ каждый проливъ даетъ доступъ къ прекрасному природному порту.

Кизмайу или Кизимайу представляетъ, въ области сомалей, послѣднюю въ направленіи къ мысу Гвардафуй, якорную стоянку, которая заслуживала бы названіе порта; но такъ какъ въ этихъ морскихъ пространствахъ движеніе торговыхъ судовъ еще незначительно, то пока Кизмайу служитъ только портомъ-убѣжищемъ, гдѣ укрываются суда въ непогоду. Однако, Кизмайу—естественный исходный пунктъ обширнаго бассейна рѣки Джубы, изливающейся въ море въ двадцати километрахъ къ сѣверо-востоку. До 1869 г. этого города не существовало; только въ этомъ году сомальскіе переселенцы—прибывшіе съ верховьевъ рѣки, особенно изъ окрестностей Бардеры, иначе Баль-Тира, главнаго рынка внутри страны—поселились въ этой благоприятной приморской мѣстности и основали тамъ заведеніе для непосредственной торговли съ Занзибаромъ; впоследствии миджертинны, самыя дѣятельныя изъ приморскихъ торговцевъ, увеличили собою населеніе въ Кизмайу, которое въ 1873 г. достигло 8.600 жителей¹⁾; арабскіе торговцы и небольшой гарнизонъ изъ белуши являлись въ этомъ городѣ представителями сюзеренства занзибарскаго султана. Въ 1870 году, одинъ торговый домъ Марсели поднялъ было въ Кизмайу французское знамя, но, послѣ Седанской битвы, султанъ поспѣшилъ возстановить свою власть. Бардера населена мусульманами, хотя не вахабитами, но по крайней мѣрѣ столь же ревностными, какъ и эти сектанты: они не курятъ и не нюхаютъ табаку и насильно обращаютъ окрестныхъ сомалей въ исламъ. Послѣдствіемъ этого являются возстанія, убійства и переселенія племенъ²⁾. Въ 1843 г., Бардера была совершенно разрушена: мужчины были перебиты, а женщины и дѣти были проданы въ рабство. Однако, нѣкоторымъ бѣглецамъ удалось прорвать цѣпь осаждающихъ, и они основали, въ землѣ Ганане, на лѣвомъ берегу Узби, городъ, ставшій мѣстомъ значительной торговли. Такимъ образомъ Бардера возродилась изъ пепла. Тамъ, въ 1865 году, были убиты два путешественника: фонъ-деръ-Декенъ и Линкъ. Судно, на которомъ плыли эти изслѣдователи, сомали вытащили изъ пороговъ и обратили въ паромъ, на которомъ и переправлялись съ одного берега на другой.

¹⁾ Richard Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1884, тетр. I.

²⁾ Krapf, „Petermann's Mittheilungen“, 1886, тетр. II;—R. Brenner, тотъ же сборникъ, тетр. VIII.

¹⁾ R. Brenner, „Petermann's Mittheilungen“, 1868, Heft X.

Къ востоку отъ бѣгущаго параллельно океану потока Низовой Уэби, берегъ материка описываетъ вогнутую кривую, которой арабы дали названіе эль-Бенадеръ, т. е. «порты», хотя расположенныя на берегу деревни представляютъ лишь вышніе, часто опасные рейды. По имени же берега, т. е. банадерами или бенадерами, часто называются также и прибрежные жители племенъ: бималь, туви, абгалъ и уаданъ. Первый изъ этихъ рейдовъ, Бравы или Барэуа, гдѣ небольшія ладьи находятъ нѣкоторое укрытіе позади цѣпи скалъ, имѣетъ то преимущество, что обладаетъ, по крайней мѣрѣ, въ изобиліи водою: тамъ поднимающіеся къ мысу Гвардафуй корабли находятъ для себя эгваду, т. е. мѣсто запасенія прѣсною водою. Браву можно считать пристанью Низовой Уэби, такъ какъ эта рѣка, раньше, чѣмъ потеряться въ болотахъ и въ пескахъ, протекаетъ по сосѣдству съ городомъ, всего лишь въ 12-ти километрахъ, по ту сторону горной цѣпи, возвышающейся на 120 — 130 метровъ въ видѣ бастіоновъ и башенъ, словно городская стѣна. Въ Бравѣ, посреди сомалей поселились также нѣсколько арабскихъ и суахильскихъ семействъ. Хотя магометане, жители Бравы, представляющіе помѣсь сомалей съ галласами, — не особенно фанатичны; ихъ женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ, а волосы зачесываютъ со лба на затылокъ и затѣмъ распускаютъ по спинѣ.

Мерка, на скалистомъ мысѣ, есть бандаръ или «портъ», всего лучше оправдывающій наименованіе этой части берега. Въ его хорошо защищенную отъ сѣверо-восточныхъ пассатовъ бухту приходятъ арабскія ладьи за кожами, слоновой костью и копаломъ; полуразрушенная, нѣсколько наклоненная башня напоминаетъ о португальской оккупации въ XVI столѣтіи ¹⁾. Къ сѣверу отъ Мерки слѣдуютъ одинъ за другимъ нѣсколько городовъ въ развалинахъ, затѣмъ на берегу стоитъ большой четырехугольный фортъ, господствующій надъ домами съ террасами города Магдошу ²⁾. Это тотъ прославленный городъ, которому Ибнъ-Батута приписывалъ огромные размѣры, и имя котораго, возвеличенное молвою, въ концѣ концовъ, было присвоено и острову Мадагаскару. Марко Поло, рассказывая о чудесахъ міра, описалъ въ видѣ острова и берегъ «Zanquebar»; то же самое онъ сдѣлалъ и съ Магдошу или Madeigascar'омъ ³⁾, который, дѣйствительно, въ видѣ острова изображенъ на атласѣ Мартина Бехайма: по словамъ Грандидье, это именно и есть та земля, относительно которой португальцы полагали, будто бы она была открыта ими послѣ того, какъ они обо-

гнули Мысъ Доброй Надежды и прибыли въ великую страну, обитаемую мальгашами. Въ наши дни Магдошу уже въ упадкѣ: развалины, засыпаемые пескомъ и кое-гдѣ подтачиваемыя волнами, покрываютъ обширныя пространства; нѣсколько мечетей, окруженныхъ лачугами, напоминаютъ о славномъ зодчествѣ древняго города; на одномъ изъ этихъ зданій означенъ 636 годъ геждры, соответствующій 1238 году послѣ Р. Х.

Магдошу дѣлится на два квартала: Хамаргунъ и Шингани. Хамаргунъ, почти покинутый, постепенно превращается въ развалины, такъ что большинство жителей, въ числѣ около пяти тысячъ, сгруппировано въ Шингани; въ промежуткѣ между обоими кварталами возвышается правительственный дворецъ. Въ городѣ живутъ нѣсколько арабскихъ семействъ, между которыми есть *шеурфа*, т. е. «потомки пророка», затѣмъ немного индусовъ, и одна или двѣ тысячи сомалей; двѣ же трети населенія составляютъ абени, происходящіе отъ освобожденныхъ рабовъ, и на которыхъ лежитъ почти вся работа. Главная промышленность Магдошу — производство хлопчатобумажныхъ тканей: до переполненія африканскихъ рынковъ мануфактурными продуктами Европы и Америки магодушскія ткани вывозились далеко вглубь материка, также въ Аравію и даже на берега Персіи; нынѣ число покупателей ихъ значительно уменьшилось. Другіе промышленные продукты страны, обуви и цыновки, также находятъ лишь незначительный сбытъ. Будущее Магдошу зависитъ отъ торговаго обмѣна, который разовьется между заграницею и бассейномъ Уэби вплоть до края галласовъ, въ Харрарѣ и въ Эвюпи. Всего только около сорока километровъ отдѣляютъ Магдошу отъ его рѣчнаго порта, Гелиди, города съ коническими рѣшетчатыми хижинами, въ которомъ умеръ отравленнымъ, въ 1869 году, послѣдователь Кинцельбахъ. Арабскіе авторы среднихъ вѣковъ говорятъ о рѣкѣ, текущей къ западу отъ Магдошу, какъ о второмъ Нилѣ, подобномъ египетскому; нынѣ же въ Гелиди, ширина Уэби не превышаетъ тридцати метровъ, и сомали переплываютъ рѣку на небольшихъ паромкахъ, двигающихся при помощи веревокъ изъ лавъ ¹⁾.

Деревня Уаршекъ (Уарриширъ), гавань которой непригодна для судовъ во время сильнаго вѣтра, представляетъ послѣдній, въ сѣверномъ направленіи, прибрежный пунктъ, относительно котораго занзибарскій султанъ могъ бы требовать возстановленія своихъ правъ. Далѣе простирается область недавно независимыхъ сомальскихъ племенъ, а нынѣ присво-

¹⁾ George Révoil, „Voyages au cap des Aromates“.

²⁾ Магдошу, Магдишу, Мадима, Магадимо. На португальскихъ картахъ онъ названъ Магадоско.

³⁾ Jule, „The Book of ser Marko Polo“.

¹⁾ G. Révoil, „Proceedings of the Geographical Society“, 1883.

ваемыхъ Германією въ силу трактата, заключеннаго съ султаномъ Опія, мнимымъ «начальникомъ всѣхъ сомалей». Это становище Опія—которое вдругъ преобразилось въ столицу, но къ которому никогда не направится эмиграціонный потокъ, такъ какъ въ окрестностяхъ нѣтъ воды, а въ сосѣднемъ морѣ нѣтъ пристанища, — расположено на высокомъ мысѣ, между территоріями гауфевъ и меджертинновъ. Изъ этихъ племенъ, меджертинны—самые многочисленные изъ націи хашія, —населяютъ всю сѣверную часть морскаго берега вплоть до Аденскаго залива; въ наибольшемъ числѣ они собираются на Расъ эль-Хайлъ, т. е. «лошадинамъ мысѣ» близъ вырѣзки побережья, въ которую, въ сезонъ дождей, изливаются воды уади Ногаль: по Graves'у, на рынкѣ Расъ эль-Хайля иногда собирается до двѣнадцати тысячъ сомалей; на половину арабскимъ, на половину португальскимъ наименованіемъ Бендеръ-Агоа—обозначается то мѣсто, къ которому пристають гребныя суда. Въ 1881 г., во время путешествія Ревуаля, султанъ меджертинской націи пребывалъ въ Бергелѣ (Berghel), поселкѣ изъ сорока хижинъ, надъ которыми господствуютъ на сѣверѣ песчаные склоны и высокіе контрфорсы Джебель-Каромы, оканчивающіеся мысомъ Гвардафуй. Въ окрестностяхъ этой убогой столицы видѣются древнія могилы и остатки становища.

Окаймляющая Аденскій заливъ часть Сомальскаго берега изрѣзана большимъ числомъ второстепенныхъ заливовъ, которымъ даютъ наименованіе: Бари или Махаръ, если это восточные порты, и Дальбедъ или Дабиръ, когда дѣло идетъ о гаваняхъ западныхъ. Нѣсколько пристаней слѣдуютъ одна за другой на этомъ берегу, находящемся насупротивъ Аравіи; торговля сношенія на этой части поморя гораздо легче, чѣмъ на той, которая обращена къ открытому морю, а близость травянистыхъ горъ, съ ихъ стадами и древесными рощами, доставляютъ прибрежнымъ жителямъ болѣе продуктовъ. На самомъ сѣверномъ пунктѣ поморя, между двумя песчаными стрѣлками, находится бендеръ Аллула (Халухъ, Лулехъ), надъ которымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ развѣвалось египетское знамя. Затѣмъ, по направленію къ юго-западу, возвышается мысъ Расъ-Филукъ, т. е. «мысъ Слона», неснѣренныя утесы котораго, видимые съ запада, въ самомъ дѣлѣ походятъ на голову этого громаднаго толстокожаго ¹⁾. Протока, схожій съ протокомъ Аллула, пересекается на югѣ песчаный пляжъ мыса и образуетъ небольшой портъ, бендеръ Филукъ (Фелехъ), за которымъ слѣдуетъ бендеръ Мерайя, принадлежащій еще меджертинамъ и часто избираемый ихъ султанами для residen-

цій. Чрезъ эту пристань вывозится большое количество мирры и ладана, собираемыхъ женщинами. Въ первые дни марта дѣлаютъ надрѣзки на всѣхъ деревьяхъ, а спустя три мѣсяца смолы оказываются уже годными для снятія.

Бендеръ Хоръ или Боттіала отличается отъ остальныхъ своимъ положеніемъ на лиманѣ: морской приливъ распространяется здѣсь километровъ на десять внутрь земель, въ ущелье между горами, чрезъ которое протекаетъ рѣчка Такунна; слѣдуя по ней, арабскія суда подплываютъ къ домамъ Боттіалы, пріютившимся у подножія глинобитныхъ башенъ, имѣющихъ форму усѣченныхъ пирамидъ. Новый городъ, Гандала, надъ которымъ также господствуютъ оборонительныя башни, живописной наружности, видѣется, къ сѣверо-востоку отъ Боттіалы, на пляжѣ, недавно выступившемъ изъ-подъ воды; въ сосѣднихъ съ нимъ откосахъ горъ, находятся залежи каменной соли. Гандала заимствовалъ свое имя отъ дерева ганда, произрастающаго въ окрестныхъ лагунахъ; сомали остерегаются къ нему прикасаться: «стоитъ сломать вѣтку, чтобы потерять кого-нибудь изъ своихъ родныхъ» ¹⁾.

Далѣе показывается, защищенный четырьмя фортами, Боссасса или бендеръ Гхаземъ, главный рынокъ всего меджертинскаго побережья: племена уаръ-сангели и доабоханты длинными караванами приходятъ сюда изнутри страны, для обмена своихъ продуктовъ на европейскіе товары. Съ этимъ бендеромъ Гхаземъ соперничаетъ расположенное въ сотнѣ километровъ къ западу, по ту сторону мыса Расъ Хадада, мѣстечко Ластъ-Гора, служащее портомъ для націи уаръ-сангели, обитающей къ югу отъ горъ Альмедо; султанъ, пребывающій въ приморскомъ городѣ, защищенномъ двумя глинобитными башнями.

Еще западнѣе находится портъ племени Хабръ-гхаръ-хаджи, Майетъ (Мехетъ), въ которомъ, какъ гласитъ преданіе, умеръ шейхъ Ишакъ, предокъ всѣхъ племенъ хабръ или «бабушки», которыя принадлежатъ къ большому роду хашія. Нѣкогда престарѣлые сомали собирались отовсюду изъ окрестностей къ священной могилѣ Ишака для того, чтобы быть погребенными рядомъ съ костями этого святаго. Городъ группировалъ всѣ свои хижины около этой могилы; нынѣ онъ перемѣстился къ западу, къ устью одного потока. Островокъ, видѣющійся къ сѣверо-востоку отъ Майета и по причинѣ чернаго цвѣта его лавъ прозванный англійскими моряками *Burnt-island*, т. е. «горѣлый островъ», покрытъ гуано: это Джебель-Тіуръ, т. е. «гора птицъ». Арабы

¹⁾ „Esploratore“, anno terzo, 1879.

¹⁾ G. Révoil, „Bulletin de la Société de Géographie de Paris“, mars 1884.

изъ порта Макаллы, въ Хадрамаутѣ, являющійся на островокъ ежегодно и нагружаютъ лодокъ сорокъ этимъ тукомъ для удобренія своихъ табачныхъ плантацій.

Къ западу отъ Майета, слѣдуютъ одна за другой пристани: Хейсъ, Анкоръ, Керемъ, принадлежащія націи хабръ-толь; затѣмъ показывается расположенный въ глубокой вырѣзкѣ побережья, портъ Бербера, единственная на всемъ этомъ берегу хорошо защищенная гавань, а, слѣдовательно, и торговое мѣсто, существовавшее въ самой отдаленной древности: въ названіи города сохранилось данное южному берегу залива древнее греческое наименованіе *Barbaria*. И однако, несмотря на свои выгоды въ мореходномъ отношеніи, эта привилегированная мѣстность обратилась въ пустыню: въ 1870 году война между сомалими, гадибурси и долбохантами заставила всѣхъ жителей Берберы покинуть городъ¹⁾. Подъ владычествомъ Великобританіи, завладѣвшей краемъ въ качествѣ наслѣдницы Египта, Бербера стала значительнымъ торговымъ городомъ: такъ, она имѣетъ маякъ, пристани, склады и водопроводъ, изобильная вода въ которомъ, горячая въ своемъ родникѣ, проводится изъ-за 12 километровъ. Къ сѣверо-западу отъ Берберы, на низменныхъ земляхъ полуострова Тамаръ видны развалины города Бендеръ-Аббаса, предшествовавшего Берберѣ. Бербера—будучи расположена на 265 километровъ къ югу отъ Адена и находясь почти на одной и той же съ нимъ долготѣ—раздѣляется съ другимъ, принадлежащимъ Англіи портомъ, съ Зейлоу, мѣстовую торговлю въ западной части залива. Въ 76 километрахъ къ западу, на морскомъ пляжѣ Булхаръ, находится ярмарочное поле, на которомъ берберскіе купцы встрѣчаются съ караванами, идущими изъ Харрара и изъ всѣхъ сомальскихъ и галасскихъ краевъ, съ юга и съ запада. На этомъ рынкѣ, съ января по октябрь, иногда толпятся тысячъ пятнадцать людей; затѣмъ, когда мѣна продуктами окончится, палатки складываются, вереницы верблюдовъ расходятся по всѣмъ направленіямъ, на ладьяхъ поднимаются паруса, и песчаный берегъ становится пустыннымъ. Торговые обороты Берберы и Булхара въ 1885 году достигали 6½ миллионъ франковъ. Сомали предпочитаютъ Булхарскій рынокъ главному городу, вслѣдствіе того, что находятъ въ его окрестностяхъ пастбища для своихъ стадъ, между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Берберы лишь кое-гдѣ виднѣется

стелющийся кустарникъ; зато порта въ Булхарѣ не существуетъ, и на рокочущемъ и пѣнящемся берегу виднѣются остовы отъ многихъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Исслѣдователи, отваживающіеся вступить на плоскогорія, встрѣчаютъ тамъ могилы и большія развалины.

Дорога, направляющаяся на юго-западъ, къ городу Харрару, начинается въ Булхарѣ, но инженеры проектировали установить въ Самауанахъ или въ Дунгаротъ начальный пунктъ того желѣзнаго пути, который, рано или поздно, направится, чрезъ территорію племени гадибурси, къ большому городу Верховой Уэби, къ восточному аванпосту королевства Шоа: поэтому-то Франція и Англія недавно и оспаривали другъ у друга обладаніе этимъ будущимъ портомъ на материкѣ. Обладаніе имъ въ концѣ концовъ осталось за англичанами, но взаимнъ этого признано полное господство Франціи надъ другими воротами Африки—надъ заливомъ Таджурахъ (Таджура).

Такъ завершается, на окружности материка, цѣпь завоеваній, посредствомъ которыхъ европейскія державы постепенно присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ громадныя страны, населенныя чернокожими. Съ каждымъ годомъ кругъ этихъ пріобрѣтеній все болѣе и болѣе суживается, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваются свѣдѣнія какъ о земляхъ, такъ и о народахъ материка. Осталось лишь небольшое число африканскихъ областей, въ которыя не осмѣливаются вступать бѣлые, предшествуемые дурной славой благодаря той молвѣ, которую создали имъ торгъ неграми. Въ качествѣ мирныхъ путешественниковъ, они проникаютъ нынѣ вплоть до центра Африки, и научные развѣдчики достигли истоковъ Нила, Запры и Замбези. Европейецъ уже отрѣшился отъ жестокаго предразсудка, будто рабство составляетъ нормальное состояніе для негра; онъ удостоиваетъ видѣть въ немъ человѣка, а взаимнъ этого негръ приближается къ намъ и становится нашимъ другомъ. Хотя порою и любятъ повторять, будто африканцы обречены на вѣчное дѣтство, тѣмъ не менѣе факты свидѣтельствуютъ о преуспѣяніи, совершившемся на протяженіи полу столѣтія и, можетъ-быть, сравнительно, превзойшедшемъ успѣхи, которыхъ европейцы достигли въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ; иной недавно предававшійся людоедству народъ, какъ, напр., ба-суто, превосходитъ нынѣ и по матеріальной цивилизаціи, и по образованію многихъ изъ отсталыхъ европейскаго міра. Бѣлые и черные, нѣкогда различныя и враждебныя другъ другу расы, начинаютъ понимать, что они принадлежатъ къ одному и тому же человеческому роду.

¹⁾ „Petermann's Mittheilungen“, 1873.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ двѣнадцатый.

Западная Африка: Атлантическіе Архипелаги. — Сенегамбія и Западный Суданъ.

А.

Абанавконъ, государство, 469.	Аиръ, оазисъ, 546, 554.	Анно-Бомъ, островъ, 507.
Абеокута, республика, 445, 480, 488.	Акасса, деревня, 607.	Авсонго, гора, 502.
Абетифи, городъ, 438, 444.	Акба (Комоз), рѣка, 397.	Анумъ, городъ, 439.
Абешръ, городъ, 643.	Аквапемъ, горы, 418, 413, 445.	Анумъ, провинція, 444.
Або-дрангъ-по, колонія, 467.	Аквапемъ, область, 415, 433, 442.	Аньяши, пристань, 601.
Абожей (Агбоме), городъ, 473, 488.	Аке, городъ, 484.	Аовинъ, страна, 427.
Абуджа, территорія, 576.	Акемфо, пристань, 432.	Аодуа, деревня, 428.
Абуре (Абуде), деревня, 432.	Авинъ, племя, 414, 424.	Аполлонія, городъ, 442.
Абури, городъ, 442.	Акимъ, страна, 431, 442.	Арабы, народъ, 662.
Абу-шарибъ, племя, 639.	Акожинъ, деревня, 605.	Аргага, ущелье, 131.
Аватиме, городъ, 439, 444.	Анора, городъ, 603.	Аргинегинъ, городъ, 123.
Авеквоны, народъ, 399.	Акпосо, провинція, 444.	Аргунская мель, 256.
Авоанъ, озеро, 447.	Акра, городъ, 432, 442.	Аргунъ, островъ, 172, 255.
Авуна, провинція, 442.	Акра, горы, 415.	Ардра, городъ, 470.
Аганта, провинція, 442.	Акра, племя, 425.	Арибинда (Гурма), берегъ рѣки Нигеръ.
Агазте, мѣстечко, 123.	Акра, страна, 433, 442.	Арибинда, горы, 535.
Аггравн, городъ, 439, 442.	Акропонгъ, городъ, 433, 442.	Аро, городъ, 606.
Агни, племя, 400.	Аксимъ (Эсемъ), городъ, 366, 427, 442.	Аррезифе, городъ, 113, 139.
Агомъ, рѣка, 469.	Акуаму, городъ, 439, 442.	Артенара, деревня, 123.
Аготимъ, племя, 425.	Акуба, городъ, 444.	Арухазъ, деревня, 123, 139.
Агула, водопадъ, 131.	Акумъ, городъ, 603, 612.	Архипелагъ Зеленаго Мыса, 149 — 168.
Агуна, городъ, 414.	Ала, городъ, 673.	Ассаба, городъ, 605.
Агузъ, область, 445, 468, 487.	Алабаши, городъ, 602.	Ассафуда, городъ, 571.
Адамауа, страна, 506, 588, 589, 599, 637, 660.	Алагоа, городъ, 48, 61.	Ассела, племя, 677.
Адангбе, городъ, 464, 487.	Алантика, гора, 507.	Ассерхарбу, гора, 500.
Адангма, провинція, 442.	Алегранса, островъ, 110.	Ассини, деревня, 403.
Аланси, горы, 408, 413, 427.	Алкалауа, городъ, 472.	Ассини, область, 398.
Аларъ (Тадгаръ), провинція, 559.	Альбани, городъ, 426, 442.	Ассини, озеро, 397, 402.
Адафудія, городъ, 571.	Альби, заливъ, 398.	Ассинъ, область, 442.
Адда, портъ, 439, 442.	Альдеа - Санъ - Николао (Альдеа), мѣстечко, 123.	Ассинъ, племя, 414.
Аделе, провинція, 426, 444.	Алькатрасъ, скала, 315.	Ассинъ-Данкира, провинція, 442.
Адо, городъ, 606.	Альмади, скала, 261.	Ассуаникъ, племя, 531.
Адо, королевство, 478.	Альто-де-Гарахонай, пикъ, 130.	Атагара, городъ, 567.
Адхаманти, горы, 413.	Альто-де-Мальпасъ, гора, 88.	Атакпаме, городъ, 464.
Аду, страна, 399.	Аманахія, провинція, 442.	Атактоне, мѣстечко, 483.
Аэре, пристань, 264.	Анага, горы, 128.	Атеобу, городъ, 439, 442.
Ажуда, область, 443, 450, 488.	Анага, мысъ, 125.	Атиджере, область, 480.
Азорская Атлантика, 5—21.	Анамабоз, пристань, 432, 442.	Атжауа, городъ, 603.
Азорскіе острова, 21—61.	Ангвоз, городъ, 439.	Атлантида, 1—5.
Азорское море, 17.	Ангвоз, провинція, 442, 444.	Атлантика, 5—19.
Азорцы, народъ, 37, 41.	Анагодо, горы, 603.	Атласъ, горы, 1.
Азумъ, яди, 617.	Ангра, округъ, 61.	Ауладъ-гамеды, племя, 653.
	Андронн, племя, 596.	Ауладъ-муса, племя, 677.
	Аниако, племя, 440.	Ауладъ-слиманы, племя, 646, 647, 653.
	Анкобра, область, 409.	Аусса, берегъ Нигера, 500.

Ауэллимидень, племя, 536.
Афаде, городъ, 572.
Афо, племя, 603.
Афрамъ, рѣка, 437.
Ахагаръ, горы, 503.
Ахагары, племя, 537.
Ачати, провинція, 443.
Ашанти, королевство, 422, 429, 442.
Ашанти, народъ, 415, 422, 434, 456.
Аямать, племя, 307.

Б.

Бабиръ, племя, 661.
Бабиръ, страна, 617, 671.
Ба-Буссо, рѣка, 624.
Багасы, племя, 337—339.
Багеле, гора, 599.
Багида, деревня, 467.
Багинта, порогъ, 524.
Багирмийцы, народъ, 675, 676, 679.
Багирми, страна, 675—682.
Бадагри, городъ, 443, 445, 477, 488.
Бадамиджо, городъ, 599.
Бади, деревня, 300.
Бадумбе, постъ, 271, 285.
Балоты, племя, 229, 307.
Бакель, уѣздъ, 285.
Бакель, фортъ, 200, 230, 250, 265, 280, 299.
Бакъ и Дучи, горы, 584.
Баланты, племя, 149, 319.
Бальмаду, провинція, 303.
Бамаку, область, 246, 493.
Бумаку, фортъ, 285, 524, 532.
Бамбай, мѣстечко, 344.
Бамбара (Бамбарасы), племя, 232, 270, 517—520, 527, 531.
Бамбукъ, страна, 286, 287, 300.
Банамба, городъ, 527.
Бангасы, городъ, 272.
Бандасума, городъ, 366.
Бандиатара, городъ, 533.
Банжары, племя, 307.
Бансуколо, рѣка, 349.
Баньюны, племя, 307, 319.
Баолъ, область, 213, 286.
Баолъ, племя, 210.
Балоро, городъ, 386.
Балоро, область, 390.
Баранкеръ, городъ, 488.
Барлинь, племя, 378.
Барра-Кунда, скала и водопадъ, 277, 289, 300.
Баруа, городъ, 670.
Басса, племя, 379.
Бассама, народъ, 589.
Бассикуну, городъ, 534.
Баторъ, городъ, 439, 442.
Батта, племя, 589.
Батурстъ, городъ, 296—300.
Бауре, городъ, 395.
Бауле, ручей, 185—271.
Баучи, городъ, 599.
Баучи, провинція, 583, 586.
Бафингъ, область, 272, 287.
Бафингъ, рѣка, 176, 185, 189, 288, 332, 357.
Бафулабе, воен. постъ, 219, 271, 272, 285.
Бахорма, городъ, 366.
Вахой, рѣка, 528.
Вахръ-эль-Газаль, рѣка, 496.
Вахръ-Эль-Саламата, рѣка, 624.

Бахуну, область, 517, 537.
Бачикамъ, рѣка, 624.
Базле, племя, 662.
Беари, городъ, 577.
Бегенъ, городъ, 427.
Бегоро, городъ, 442.
Бедде, племя, 661.
Беква, городъ, 431.
Беква, провинція, 443.
Беле, племя, 587.
Беле-дугу, провинція, 185, 268, 513, 517, 519, 525.
Беледь-эль-Мра, государство, 679.
Белемъ, городъ, 599.
Белери, племя, 524.
Бени-гауара, племя, 103, 134.
Бенинъ, городъ, 480.
Бенинъ, рѣка, 508.
Бенуа, рѣка, 493, 506, 508, 548, 578, 581, 584—586, 587—589, 597, 601, 602.
Бентъ-баширъ, племя, 102.
Верберы, народъ, 104, 168, 204, 391, 398.
Вермудские острова, 21.
Веруаны, народъ, 655.
Бесса, городъ, 385.
Бетанкурія, городъ, 117.
Биа, рѣка, 398.
Биссе, деревня, 464.
Биу, городъ, 671.
Биафары, племя, 323, 324.
Бигъ-Нинго, деревня, 433.
Вида, городъ, 551, 574, 577.
Визасма-Каифаль, городъ, 388, 390.
Бильбасъ, островъ, 191.
Бильма, солончакъ, 646.
Биргимъ, рѣка, 430.
Бирго, село, 282, 271.
Биркамъ, городъ, 304.
Бирмеау, городъ, 670.
Бирни-н' Гуари, городъ, 576.
Бирни-н' Кебби, городъ, 504, 568, 577.
Бирни-эль-Джебидъ (Кафила), городъ, 667.
Бирри, горный проходъ, 601.
Биссагосъ, архипелагъ, 178, 180, 315—318, 323, 329.
Биссанду, городъ, 521.
Биссао, городъ, 327, 328.
Бобовусуа, островъ, 427.
Боджехъ, городъ, 387.
Бокайна, проливъ, 115.
Боке, деревня, 344.
Боккаса, область, 338, 390.
Болама, портъ, 328.
Боментъ, мѣстечко, 390.
Болосы, племя, 586.
Большая Басса, бухта, 369.
Большая Скарсія, рѣка, 350, 358, 361.
Большой Басса (Бокананъ), область, 389, 380.
Большой Басса, портъ, 389.
Большой Бассамъ, деревня, 403.
Большой Бассамъ, область, 395.
Большой Буту, поселеніе, 389.
Большой Питонъ, гора, 80.
Большой Попо, городъ, 469.
Бомната, городъ, 431, 442.
Бона-Виста, островъ, 141, 147, 156, 160.
Бонду, государство, 223, 267, 270, 286, 288, 300.

Бонни, лиманъ, 509, 578, 588, 595, 607, 612.
Бонтуку, городъ, 443.
Борада, провинція, 443.
Боргу, островъ, 446.
Боре, мѣстечко, 533.
Борку, городъ, 646.
Борну, страна, 654—675.
Боро, село, 573.
Борсари, городъ, 670.
Боссеа (Ламга), область, 286.
Боссо, рѣка, 503.
Бофера, факторія, 346.
Боху, городъ, 346.
Бозмъ, государство, 444.
Брава, островъ, 141, 148, 166, 167.
Бракна, племя, 171, 218, 264.
Бракна, территория, 287.
Брамея, рѣка, 332.
Брамы, племя, 319.
Бронгъ, городъ, 412, 434.
Брассу, провинція, 333.
Брассъ, ставція, 607.
Буби, золотые прииски, 388.
Бугоманъ, городъ, 681.
Будіе, провинція, 303, 304.
Бужаго, племя, 323, 325.
Була, племя, 589.
Булаласы, племя, 677.
Буламы, племя, 640, 644.
Булебане, городъ, 267.
Булломы, народъ, 347, 355.
Бумба, мѣстечко, 365.
Бумбади, мѣстечко, 365.
Бунди, городъ, 670, 673.
Буне, городъ, 671.
Бунса, городъ, 565.
Бунунъ, рѣка, 192.
Бурбури, племя, 404.
Бургу, земля, 532.
Буре, область, 523.
Бурумъ, округъ, 500.
Бу-сба, племя, 255.
Бусенунъ, племя, 639.
Бусса, городъ, 492, 504, 571.
Бусса, государство, 571.
Буссамъ-Оче, озеро, 408.
Бусси, племя, 377, 388.
Буссо, страна, 436, 442, 444.
Буссуасы, племя, 562.
Бусумъ-Пра, озеро, 408.
Бѣлый мысъ (Бланко), 177, 256.
Бѣлый островъ (Бранко), 148, 159.
Бэ, городъ, 464.

В.

Вакарія, городъ, 345.
Вальверде, городъ, 138, 139.
Вансвахъ, факторія, 387.
Вассавъ, племя, 414.
Вассау, провинція, 412, 427, 442.
Вей, племя, 356, 378, 386.
Вемп, рѣка, 448, 472.
Венегуэра, долина, 96.
Верблюжий мысъ, 193.
Вергойо, гора, 136.
Вилла-да-Прайя, городъ, 164.
Вилла-до-Порта, городъ, 43.
Виллафранка, городъ, 48.
Виннеба, пристань, 432.
Виннебахъ, городъ, 412.
Волчий островъ, 116.
Вольта, рѣка, 408, 410, 413—415, 433, 435, 446, 448.

Врасо, городъ, 432.
Вуди, городъ, 670.
Вукари, городъ, 612.
Вуккахъ, горы, 388.
Вурно, городъ, 567, 577.
Вурно, королевство, 559.
Вуруку, племя, 586, 578, 598.
Вушекъ, городъ, 671, 673.

Г.

Габерн, племя, 677.
Га-дугу, рѣка, 271.
Гада, городъ, 654.
Галаба, городъ, 521.
Галакка, источникъ, 631.
Галинасы, племя, 356, 357, 378.
Галиньяль, островъ, 315.
Гальдаръ, городъ, 123, 139.
Гамарауа, провинція, 589.
Гамберу, городъ, 665.
Гамбийцы, народъ, 291.
Гамбия, колонія, 300.
Гамбия, рѣка, 288, 289, 291, 297, 332.
Гамергу, племя, 672.
Гаміонъ, мѣстечко, 644.
Гана, королевство, 539.
Гангаранъ, область, 287.
Гангаранъ, рѣка, 271.
Гандіоль, кантонъ, 193, 254, 284.
Ганди (Бакура), рѣка, 567.
Гандигинъ, деревня, 644.
Гандо, городъ, 551.
Гандо, королевство, 559.
Гандонъ, уѣздъ, 284.
Гаражонной, островъ, 88.
Гарперъ, городъ, 390.
Гару, городъ, 546.
Гассауа, городъ, 562, 277.
Гассаны, племя, 205.
Гаусса, государство, 511, 534, 543, 551, 559, 562, 577, 655.
Гауссаяцы, народъ, 554, 558, 656, 661.
Гауссуа, племя, 587, 662.
Газ, мѣстечко, 264.
Гвіа, городъ, 139.
Гвидали, крѣп., 328.
Гвинея, страна, 316, 319, 326.
Геба, рѣка, 174, 311, 318, 323, 504.
Гере, городъ, 615, 616.
Герки, городъ, 566, 577.
Гіамамъ (Гаманъ), государство, 427, 433, 443.
Гіеръ (Паніефуль, Меринагемъ), озеро, 192.
Гидимаха, земля, 287.
Гинги, рѣка, 573.
Гинье, городъ, 531.
Гирабо, городъ, 433.
Гладжебо, пристань, 572.
Гле, озеро, 395, 399.
Глебо, племя, 399.
Глехуз, см. Ажуа.
Гоберасы, племя, 536, 562.
Гоберъ, область, 554, 566.
Гого, городъ, 537, 546.
Годоме, деревня, 477.
Голасы, племя, 377.
Голеа, мѣст., 247.
Гомба, городъ, 493, 534.
Гомба, деревня, 569.
Гомбатъ, провинція, 443.
Гомбе, городъ, 600, 612.

Гомбори, гора, 535, 538.
Гомера, островъ, 124, 130, 131, 139.
Гонфуде, мѣстечко, 272.
Горей, область, 196, 199, 212, 241, 246, 260—262, 282, 283.
Горта (Хорта), городъ, 58, 59, 282, 283.
«Горѣлый берегъ», 112.
Госсенако, городъ, 562.
Гранъ-Канарія (Большая Канарія), островъ, 88, 96, 100—106, 108, 115, 118, 123, 139.
Граціоза, островъ, 23, 32, 53, 61, 110.
Гребо, племя, 378.
Гуандіова, территория, 435.
Гуанчи, племя, 103—106, 126.
Гуджа, городъ, 617, 671, 673.
Гунмаръ, городъ, 129.
Гумбу, городъ, 531.
Гуммель, скала, 670.
Гумо, долины, 433.
Гундумп, область, 567.
Гупуй, поселение, 528.
Гурамъ, городъ, 534.
Гуре, городъ, 570.
Гуринъ, городъ, 598, 512.
Гуфей, городъ, 672.

Д.

Да, рѣка, 430.
Даба, земля, 287.
Дабу, факторія, 403.
Дагана, городъ, 264, 285.
Дагано (Уало), область, 284.
Дагомба, королевство, 422, 436, 442, 444.
Дагомей, королевство, 444, 445, 451, 463, 454, 456, 471.
Дагомейцы, народъ, 458, 474.
Даза, племя, 628, 645, 651.
Дакалифо, племя, 208.
Дакаръ, городъ, 285.
Дакаръ, область, 210, 283, 236, 250.
Дакаръ, округъ, 285.
Дала, скала, 565.
Дамга, провинція, 230.
Дамергу, территория, 561.
Дамиа, гора, 408.
Дамфари, страна, 287, 530.
Даніасси, провинція, 443.
Данкама, городъ, 563.
Данкира, племя, 414.
Данкира, страна, 412, 422, 447.
Дарфуръ, страна, 222, 617, 638.
Даура, городъ, 562.
Дяпранса, мѣстечко, 431.
Дюонгъ, городъ, 444.
Дебаба, племя, 677.
Дебена, мѣстечко, 522.
Дебо, озеро, 496, 532, 534.
Де-ла-Круцъ, гора, 132, 134.
Де-лосъ-Мучачосъ, гора, 132, 134.
Дель-Зехро, гора, 132, 134.
Демса, область, 593, 599.
Дендина, провинція, 569.
Деніанке, племя, 231.
Джалла-Кота, деревня, 300.
Джаллаху, гора, 474.
Джаллонке, народъ, 221, 279, 291, 338.
Джалонъ-Дугу, область, 171.
Джарра, городъ, 270.

Джеджи, племя, 451.
Дженди, земля, 408, 435.
Дженне, городъ, 532, 533.
Дженне, страна, 497.
Джигуши, племя, 307.
Джое, островъ, 301.
Джовва, городъ, 442.
Джоллаба, рѣка (Нигеръ), 521.
Джоллафъ, область, 210, 213, 286.
Джонни-крикъ, рѣка, 385.
Джоріжъ-тоунъ, факторія, 299.
Джуабимъ, городъ, 431.
Джуабинъ, провинція, 443.
Джункъ, рѣка, 369, 389.
Диабе-дугу, область, 287.
Диавара, племя, 269, 520.
Диангу, долина, 304.
Диака, городъ, 532.
Диала, мѣстечко, 270.
Диаласфаръ, область, 270.
Диангирте, городъ, 270.
Диафарабе, мѣст., 532.
Діо, область, 251, 287.
Диахбохо, провинція, 270.
Дибелончи, городъ, 654.
Дидп, деревня, 523.
Дикій островъ (Брава), 152, 156.
Диква, городъ, 673.
Диксовъ, городъ, 442.
Димаръ, провинція, 230, 264, 286.
Димма, гора, 289.
Дингирай, городъ, 272.
Диръ, мѣстечко, 534.
Долоо, городъ, 673.
Домасы, племя, 590.
Дора, городъ, 547.
Дуабугу, селение, 528.
Дуаншъ, область, 287.
Дуаншъ, племя, 208.
Дугассу, городъ, 528.
Дуку, городъ, 601, 162.
Дучи, городъ, 552, 566.
Дуэнца, городъ, 534.
Дьега, городъ, 569.
Дюбайя, городъ, 365.
Дю-кокъ, пристань, 264.
Дюкъ-таунъ, городъ, 608.

Ж.

Жаанда, рѣка, 521.
Жандія, полуостровъ, 116, 117.
Жанубіо, озеро, 89.
Желѣзная гора (Годейе), 369.
Желѣзный островъ (Ферро), 133.
Жережъ, факторія, 299.
Жирано, гора, 64.
Жюаль, городъ, 263, 283, 286.

З.

Загоши, городъ, 572.
Зеленаго мыса, острова, 141, 142, 146, 147, 152, 153.
Зеленый мысъ, 140, 173, 177.
Зенгъ-Нуми, городъ, 474.
Зибу, городъ, 588.
Зига-Пора-Зуэ, территория, 388, 390.
Зигиншора, территория, 302, 310.
Зогавы, племя, 640.
Зоглогбо, городъ, 474.
Золотая рѣка, см. Сенегалъ.
Золотой берегъ, 404—443.
Золу, городъ, 388.
Зу-Зу, городъ, 388.
Зхиру, рѣка, 601.

I.

Гебу, племя, 460.
 Еди, городъ, 671, 673.
 Еелу, городъ, 563.
 Еенди, городъ, 444.
 Ееру, рѣка, 504, 562, 566, 628, 651, 666, 670.
 Юла, городъ, 598, 599, 612.
 Юла, племя, 307.
 Юруба (Яриба), племя, 451—461, 463.
 Юруба, страна, 444, 484, 485, 573, 591, 592.

И.

Ибаданъ, городъ, 485.
 Ибаданъ, государство, 488.
 Иби, пристань, 601.
 Ибосы, племя, 591, 592.
 Игаонъ, деревня, 484.
 Игарри (Игалла), народъ, 590.
 Игбегбе, деревня, 604.
 Игбидо, городъ, 576.
 Игбира, государство, 604.
 Идафе, скала, 134.
 Идла, городъ, 590, 605, 612.
 Иджайе, городъ, 485.
 Идраренъ-Деренъ, гора, 1.
 Иколь-де-лосъ-Виносъ, городъ, 129, 139.
 Икорату, озеро, 447.
 Икту, племя, 460.
 Икунгъ, городъ, 570.
 Илоринъ, городъ, 551, 572, 574, 577.
 Инкванта, провинція, 430, 431, 443.
 Инсуанмъ, городъ, 431.
 Инсута, провинція, 443.
 Ирлабе, область, 286.
 Ислетъ, полуостровъ, 101, 105.

К.

Каарта, страна, 232, 269, 270, 513, 517, 519, 520.
 Кабалла, городъ, 365.
 Кабауа, племя, 519.
 Кабба, рѣка, 365.
 Кабилъ, племя, 307.
 Кабинда, племя, 608.
 Кабрасъ, острова, 52.
 Кавалла, рѣка, 369, 390.
 Каддера, рѣка, 583, 601.
 Каде, мѣстечко, 329.
 Кадуна (Лифумъ), рѣка, 505, 574.
 Казаманка, рѣка, 301—310.
 Кайарнъ (Хомакъ), озеро, 191.
 Кайестъ, городъ, 251, 252, 268.
 Каймуты, племя, 307.
 Кайоръ, область, 210, 213, 286.
 Кайоръ, озеро, 264.
 Каканда, племя, 576.
 Какрима, рѣка, 288, 332.
 Какулима, гора, 335.
 Кала, городъ, 532.
 Калабугу, пригородъ, 528.
 Калаканди, государство, 571.
 Кала-кафра, городъ, 580, 673.
 Каламъ, королевство, 583, 600.
 Кальдвелъ, деревня, 387.
 Кальдейра-да-Санта-Барбара, го-
 ра, 24.

Кальдера-де-Бандама, островъ,
 119.
 Кальдера-де-лосъ-Мартелесъ, ос-
 тровъ, 119.
 Кальдера-де-Техеда, горн. циркъ,
 119.
 Камалле, гора, 616.
 Каманія, городъ, 566.
 Камбари, племя, 569.
 Камергу, племя, 662.
 Камерунскія горы, 597.
 Камерунъ, гора, 507.
 Камане, гора, 566, 577.
 Кана, городъ, 488.
 Канарійцы, народъ, 110.
 Канарскіе острова, 81—139.
 Канга, городъ, 681.
 Кангаба, городъ, 524.
 Канемъ, страна, 645—654.
 Канемъ-бу, племя, 648—650, 656,
 662.
 Канканъ, область, 521, 522.
 Канкаре, деревня, 523.
 Кано, городъ, 564, 577.
 Кано, область, 575.
 Кантакора, городъ, 577.
 Кантияъ, мысъ, 21.
 Канурин, народъ, 587, 600, 662,
 677.
 Каньябакъ, островъ, 315, 316.
 Каолакт, округъ, 263, 286.
 Каранбское море, 16, 20.
 Кардонъ, горы, 117.
 Карпентера, скала, 363.
 Касасокобуи, городъ, 345.
 Касръ-Энгоме (Вирни), городъ,
 664.
 Кассанга, племя, 304.
 Кассини, лиманъ, 288, 315, 317.
 Кассо, королевство, 270, 286.
 Кассокано, городъ, 571.
 Кассонке, племя, 221.
 Катагумъ, городъ, 566, 577.
 Катако, рѣка, 331.
 Катанга, городъ, 573.
 Кауа, городъ, 669.
 Кауена, городъ, 555, 562, 577.
 Кацена, область, 573.
 Кашео, городъ, 320.
 Кайе, мѣстечко, 528.
 Ква, племя, 596, 611.
 Ква-ква, племя, 399.
 Квантамо (Тинтипо), городъ,
 433, 434, 443.
 Квеа, рѣка, 369.
 Кветта, городъ, 442.
 Кветта, лагуна, 410.
 Кебби, область, 568.
 Кебби, рѣчка, 506.
 Кеза, островъ, 504.
 Кель-ова, племя, 648.
 Кеніеба, деревня, 268.
 Кеніера, городъ, 512, 523.
 Керибинны, племя, 666.
 Керри-Керри, племя, 661.
 Керри-Керри, страна, 617.
 Кете, городъ, 436, 444.
 Кеффи (Кеффи-Абдъ-эль-Сенга),
 городъ, 603, 604, 612.
 Клеби, городъ, 412.
 Кингъ-Уильямсъ-таунъ, поселе-
 ніе, 379.
 Кинджабо, городъ, 402.
 Киротачи, городъ, 548.
 Кисси, племя, 515.
 Кита, гора, 272.

Кита, городъ, 199, 252, 272, 280,
 286.
 Ко, болото, 473.
 Коба, государство, 330.
 Кобитай, государство, 330.
 Коболія, городъ, 386.
 Коге, городъ, 270.
 Кодогусъ, мѣстечко, 643.
 Кокороче, городъ, 681.
 Кокофу, провинція, 431, 443.
 Комбо, область, 298.
 Комменда, городъ, 442.
 Компони, рѣка, 330.
 Кона, колонія, 533.
 Конакри, деревня, 346.
 Конго, государство, 615.
 Конго, рѣка, 624, 682.
 Конгро, озеро, 45.
 Конгъ, городъ, 433, 522, 528.
 Конгъ, горы, 395, 547.
 Ково, племя, 356.
 Ковсоаки, городъ, 570.
 Конча, городъ, 598.
 Копелласъ, мѣстечко, 49.
 Кораба, рѣка, 497.
 Коранца, провинція, 434, 443.
 Корбелья, островъ, 315.
 Корво, островъ, 21, 23, 59—61,
 138.
 Коро, городъ, 386.
 Коромантинъ, пристань, 601.
 Коссу, племя, 357.
 Котону (Аппи), портъ, 476.
 Коямъ, племя, 656, 662.
 Кпандо, городъ, 439, 444.
 Клонгъ, городъ, 439, 442.
 Кракие, городъ, 476, 444.
 Кракие, область, 444.
 Красная гора (Монтанья Бер-
 мека), 126, 129.
 Красный мысъ (Рохо), 177, 178.
 Креда, племя, 653.
 Крепи, племя и городъ, 611, 612.
 Кробо, государство, 439, 440, 442.
 Кробо, племя, 425.
 Кру, область, 389.
 Крумены, народъ, 379—383, 608.
 Кру-баръ, мѣстечко, 379.
 Куампаниса, городъ, 571.
 Куана, городъ, 584.
 Куаръ, оазисъ, 646.
 Кука, городъ, 615, 625, 637, 659,
 663, 667, 673.
 Кукасы, народъ, 640.
 Кукинцы, племя, 677.
 Кукуруку, племя, 590.
 Куликоро, воен. постъ, 251, 285,
 524, 525.
 Кульфо, городъ, 570.
 Кумаву, городъ, 431.
 Кумасси, провинція, 429—432,
 443.
 Кумбре, портъ, 135.
 Кунду, военный постъ, 272, 285.
 Куниакари, городъ, 270.
 Куниакари (Тараколе), рѣка, 186,
 268.
 Курайе, городъ, 487, 501.
 Куранко, племя, 357, 358, 515.
 Кури, народъ, 652.
 Куромбо (Трибу), провинція, 444.
 Куррефи, городъ, 560.
 Кусукула, городъ, 672.
 Кута, рѣка, 643.
 Кутти, племя, 640.
 Куфусы, племя, 677.

Кень-Кость, городъ, 442.
Кень-Кость, колонія, 408, 426,
428, 442.

Л.

Лабе, городъ, 289, 329.
Лагенсъ, городъ, 56.
Лагобе, племя, 556.
Лагось, городъ, 441, 445, 480, 488.
Лагось, островъ, 478.
Лагу, рѣка, 394, 396.
Лагуна, городъ, 91, 92, 139.
Лагуна, горы, 125.
«Лагуна Комаровъ», 192.
Лангдонъ, гора, 395.
Ландуманы, народъ, 339.
Ланзаротъ, островъ, 32, 83, 84, 87,
89, 91, 92, 104, 112, 122.
Лас, область, 286.
Ласъ-Пальма, городъ, 120, 139.
Лакобе, племя, 303.
Леке, деревня, 479.
Либерія, страна, 365—392.
Либтако, провинція, 536, 547.
Лимба, племя, 356, 361.
Литль-Кру, поселеніе, 379.
Литль-Кэпъ-Маунтъ-Риверъ, рѣка,
387.
Логозахи, городъ, 474, 488.
Логонъ, область, 672.
Логонъ, рѣка, 506, 624.
Логонъ-Корнакъ, городъ, 672.
Локко, портъ, 364.
Локоджа, городъ, 612.
Ломе, деревня, 467.
Лось, архипелагъ, 335, 346.
Лось-Льявось, городъ, 139.
Лось-Сауэсезъ, мѣстечко, 136.
Львиная, гора, 363.

М.

Маба, племя, 639, 643.
Мабани, городъ, 672.
Мавры, народъ, 207, 257.
Магаджири, озеро, 671.
Магаръ, гора, 616.
Маги, область, 445.
Магинъ, округъ, 479.
Магони, племя, 655.
Магомери, городъ, 671, 673.
Мадера, архипелагъ, 64—80.
Мадина, городъ, 385.
Мадурин, городъ, 670.
Мазо, мѣстечко, 36.
Май-ду-герин, городъ, 673.
Майо, островъ, 140, 147, 156, 163,
166, 167.
Макадіамъ-бугу, постъ, 272.
Макари, племя, 675, 677.
Макъ-Иверъ, гора, 584.
Макъ-Картин, островъ, 299.
Малая Скарсія, рѣка, 335, 339,
353, 365.
Мали, городъ, 534.
Мали, королевство, 537.
Малый-Бассамъ, бухта, 396.
Малый-Буту, скала, 389.
Малый-Питонъ, гора, 80.
Малый-Поно, округъ, 415, 468,
487.
Мампонгъ, провинція, 431, 443.
Манга, племя, 651, 661, 662.
Манга, страна, 613, 645.
Мандара, племя, 662.

Мандара, страна, 632, 633.
Мандинги, народъ, 180, 209, 283,
291—293, 297, 319, 398, 415, 521.
Манеа, рѣка, 335.
Маниана, племя, 316.
Мансу, городъ, 428, 430, 444.
Манюэль, мысъ, 261.
Мао, городъ, 653, 654.
Марабуты, народъ, 212.
Марали, городъ, 566.
Маради, рѣка, 567.
Марги, племя, 660—662.
Маррахъ, гора, 615, 617.
Марте, городъ, 671, 673.
Марфа, рѣка, 377.
Маршалъ, портъ, 389.
«Масляныя рѣки», лиманы, 607.
Массалиты, племя, 639.
Масса-сп, племя, 520.
Массенья, городъ, 680.
Массина, провинція, 513.
Матаковъ, островъ, 335.
Матамъ, островъ, 264.
Маунтъ («Мысъ Горы»), 385.
Махамиды, племя, 643.
Махи, провинція, 474.
Машена, городъ, 670, 673.
Мбиджемъ, округъ, 285.
Мбулу, рѣка, 672.
Мбумъ, племя, 589.
Мгарбы, племя, 647.
Медина, округъ, 199, 246, 269, 285.
Медого, гора, 6—6.
Мезурадо, графство, 392.
Мезурадо, мысъ, 369.
Мелла-Корея, рѣка, 180, 280, 340,
346, 350.
Менди, племя, 356.
Медифъ, горы, 615.
Мерилендъ, графство, 392.
Меринагентъ, округъ, 284.
Мессаура, округъ, 499.
Мило, рѣка, 521.
Мина, племя, 425.
Минасы, племя, 452.
Минделло, архипелагъ, 158.
Миннеминне, племя, 645.
Мирикъ, мысъ, 192.
Миссене, городъ, 672.
Миши (Мичи), племя, 589.
Могодомъ, городъ, 671.
Моисанъ, провинція, 443.
Моке-Форс, племя, 339.
Монбутту, племя, 223.
Монбутту, страна, 624.
Монровія, городъ, 371, 377, 386,
387, 390.
Монтанья-Бланка, гора, 112.
Монтанья-Клара, гора, 99, 110.
Монте-Верде, гора, 147.
Монте-Горло, гора, 160.
Монте-фамара, гора, 88, 111.
Мора, городъ, 673.
Моробія, рѣка, 335.
Морину, гора, 584.
Морро-Гранде, гора, 23.
Морро-до-Бразиль, вулканъ, 52.
Морфиль, островъ, 187, 191, 264.
Моссин, племя, 548.
Мпаль, городъ, 240, 285.
Музарду, территория, 388, 390.
Муніо, городъ, 671.
Мурдіа, городъ, 601.
Мури, горы, 584, 586.
Мусло, племя, 659.
Мысъ св. Павла, 445, 448.

Н.

Накуамачъ (Бамаши), государ-
ство, 570.
Налумы, племя, 323, 325.
Налусы, племя, 339.
Нана-Кру, поселеніе, 379.
Нгала, городъ, 672, 673.
Нгаупдере, городъ, 506, 598.
Нгигми, городъ, 627, 670.
Нгиджены, племя, 651, 654.
Нгорну, городъ, 667, 670, 673.
Нгури, городъ, 654.
Нгурутута, деревня, 670.
Ндаидъ, городъ, 259.
Ндаръ, округъ, 285.
Нджими, городъ, 654.
Ндиаго, кантонъ, 284.
Ндиамбургъ, территория, 285.
Ндианге, округъ, 285.
Ндови, рѣка, 606.
Невольничій берегъ, 443—488.
Неліа, деревня, 521.
Немъ-немъ (Емъ-емъ), племя, 586,
587.
Нерико, рѣка, 287.
Ниагассола, постъ, 251, 271, 285.
Ниаковго, городъ, 533.
Ніанингъ, городъ, 263.
Ніогомера, городъ, 270.
Ніоро, городъ, 270.
Нигеръ, верхній, рѣка, 511—534.
Нигеръ, средній, рѣка, 534—548.
Ники, королевство, 571.
Нимро, мѣстечко, 644.
Нифу, племя, 379.
Нконіа, провинція, 444.
Нкрапъ, городъ, 432.
Новый Казабаръ, городъ, 607,
609.
Новый Казабаръ, рѣка, 516.
Нохуэ, озеро, 448, 477.
Нта-фуфу (Гуандьова), провинція,
443.
Нунъ, мысъ, 82.
Нунъ, рѣка, 508, 592.
Нупе, городъ, 577, 590.
Нупе, государство, 572, 574.
Ньеллемы, племя, 679.
Нямъ-Нямъ, территория, 578, 624.

О.

Область «рѣкъ Юга», 329—346.
Огбомошо, городъ, 486, 488.
«Огненная гора», 112.
Огунъ, рѣка, 478, 481, 485.
Оде, пристань, 479.
Одумасси, городъ, 439, 442.
Ойо, этапъ, 486.
Ойно, рѣка, 510, 612.
Океаданъ, королевство, 478.
Окпара, рѣка, 478.
Окрика, городъ, 608.
Окуа, рѣка, 603.
Окуаго-Дюкоманга, пристань, 414.
Окуаго-Кодсабе, пристань, 444.
Окурике, лиманъ, 612.
Ольдъ-таунъ, деревня, 611.
Онича, городъ, 605, 612.
Оравго (Гараягъ), островъ, 315.
Ортава, городъ, 128, 139.
Орфеллы, племя, 647.
Ослиный, мысъ, 503.
Осомари, пристань, 606.

Осса, островъ, 478.
«Острова Блаженныхъ», 81.
«Острова на вѣтрѣ», 168.
«Острова подъ вѣтромъ», 168.
Оши, рѣка, 573.

П.

Пакао, провинція, 303.
Пальма, деревня, 479.
Пальма, островъ, 88, 89, 96, 100, 105, 107, 132, 139.
Пальмовый, мысъ, 389, 391, 397, 403.
Пами, деревня, 435, 444.
Павла, городъ, 604.
Панель, племя, 149, 320, 326.
Пауль-да-Серра, ланда, 6^м.
Пеки, городъ, 438.
Перечный берегъ, 375.
Песси, племя, 377.
Пико, островъ, 23, 24, 56.
Пико-Альта, гора, 24.
Пико-да-Вара, гора, 24, 44, 59, 61.
Пико-да-Эсперанца, гора, 24.
Пикъ, гора, 54, 55.
Пикъ-де-Тейде (Эчейде), гора, 16, 88, 91, 96, 126.
Пикъ Коровы, гора, 157.
Пикъ-Креста (Пико-де-ла-Круцъ), гора, 46, 88.
Пого, область, 443.
Подоръ, округъ, 285.
Позо-де-ла-Ниеве, островъ, 88, 112.
Поке, городъ, 427.
Покра, королевство, 478.
Понта, островъ, 315.
Понта-Дельгада, городъ, 43, 48.
Понта-Дельгада, округъ, 61.
Порто-Гранде, городъ, 156.
Порто-Ново, городъ, 445, 574, 576.
Порто-Санто, островъ, 67, 70, 72, 80.
Портидаль, округъ, 263, 286.
Пра, рѣка, 439.
Прайа, городъ, 53, 142.
Прампрамъ, деревня, 433.
Прасу, городъ, 430, 442.
Принсине, островъ, 507.
Пунта-де-ла-Дегеса, мысъ, 137.
Пустынные о-ва, 67, 72.
Пуэрто-де-Кабрасъ, городъ, 117.
Пуэрто-де-ла-Луцъ, портъ, 100.
Пуэрто-де-ласъ-Ниевель, пристань, 123.
Пуэрто-де-Насъ, портъ, 113.
Пуэрто-де-Оратава, городъ, 89, 90, 129.
Пуэрто-Рико, бухта, 129.

Р.

Рабба, городъ, 572, 573.
Разо (Гладкій о-въ), 159.
Раута, городъ, 600, 612.
Рей-Вуба, городъ, 598.
Рио-Гранде (Комба), рѣка, 174, 288, 312, 314, 317, 318, 328.
Рио-дель-Рей, рѣка, 510, 597.
Рио-Камео, рѣка, 302, 309, 311, 327.
Рио-Нуньецъ, рѣка, 173, 174, 180, 330, 331, 336.

Рио-Понго, рѣка, 331, 336, 340, 346, 360.
Рио-Санъ-Педро (рѣка св. Петра), 369.
Рио-Форкадосъ, рѣка, 509.
Рибего, городъ, 599, 612.
Рибейра-Брава, портъ, 160.
Рибейра-Гранде, городъ, 49, 61, 158, 164.
Риверсайдъ, деревня, 439.
Рингитъ, горы, 583.
Робертспортъ, городъ, 385, 390.
Роганъ-Кото, мѣстечко, 603.
Рокель, рѣка, 173, 349, 353, 363.
Рококо, гора, 486.
Россъ, кантонъ, 284.
Руиво (Красная гора), 67.
Русвурмъ, островъ, 389.
Рѣка св. Иоанна, 194.
Рѣка св. Павла, 368, 375, 378, 388.
Рюфискъ, городъ, 262, 285.

С.

Сабакано, городъ, 571.
Сабрина, островъ, 47, 48.
Сабусире, деревня, 269.
Савалу, городъ, 474.
Сави, деревня, 472.
Сай, городъ, 493, 503, 534, 546, 547.
Сакерда, племя, 653.
Салага, городъ, 435, 443.
Салага, страна, 408.
Саламатъ, племя, 598, 662, 677.
Салумъ, страна, 213, 286, 372.
Саль (Соляной о-въ), 141, 147, 156, 160, 167.
Сальде, округъ, 232, 264, 285.
Сальморе, скалы, 138.
Сальрей, городъ, 163.
Самбатикла, мѣстечко, 522.
Сананкоро, городъ, 521.
Сангара (Сангарасы), племя, 340, 575.
Сангареа, рѣка, 330, 332.
Санто-Катабъ, мѣстечко, 576.
Сантомаръ, островъ, 195.
Сани, племя, 589, 660.
Сансандигъ, городъ, 530, 531, 496.
Сансане-Анесса, крѣпость, 566.
Санта-Барбара, котловина, 51.
Санта-Крупъ, городъ, 53, 89, 90, 108, 127, 139.
Санта-Люция, островъ, 159.
Санта-Марія, островъ, 22, 23, 28, 43, 61.
Санта-Урсула, гора, 128.
Сану-Холе, рѣка, 242.
Санъ-Винцентъ, островъ, 151—155, 158, 166, 167.
Санъ-Винцентъ, портъ, 157.
Санъ-Кристоваль (Бона-Виста), островъ, 163.
Санъ-Мигуэль, островъ, 21, 23, 33, 35, 39, 44—47, 61.
Санъ-Мигуэль-де-Тегизе (Тегиза), городъ, 112.
Санъ-Педро, рѣка, 394.
Санъ-Себастьянъ, городъ, 131, 139.
Санъ-Томе, островъ, 507.
Санъ-Филиппе, островъ, 165.
Сапе, племя, 338.
Сараки, городъ, 573, 577.
Саранда, горы, 583.

Сарасы (Сара), племя, 678, 679.
Сараколе (Сонинке), племя, 209, 219—221, 232, 253, 516, 517, 527, 531.
Сарау, городъ, 598, 612.
Саргассовое море, 21.
Сардинасъ, портъ, 123.
Саузалъ, городъ, 128.
Сафой, провинція, 443.
Сафроко, племя, 356.
Сахви, провинція, 427, 443.
Св. Антонія, островъ, 141, 147, 155—157, 167.
Св. Георгія, мысъ, 63.
Св. Георгія, островъ (Санъ-Жорже), 23, 36, 54, 61.
Св. Іакова, островъ (Сантъ-Яго), 140, 142, 148—150, 151—155, 163, 167.
Св. Креста (Санта-Круцъ), мысъ, 64.
Св. Лаврентія, мысъ, 64, 67.
Св. Николая, островъ, 155, 156, 159—160.
Сегала, городъ, 530.
Сегу, городъ, 527, 528.
Сегу, область, 232, 513.
Сегу-Сикоро, городъ, 528.
Сегу-Коро, городъ, 528.
Сегу-Кура, городъ, 528.
Сегъ-Сегъ, городъ, 555.
Сегъ-Сегъ (Саріа, Со-Со), область, 575.
Седіу, постъ, 301, 302, 308.
Сельвагенъ, скалы, 80.
Сенегаль, рѣка, 169, 171, 174, 179, 180, 183, 190, 193—203, 206—209, 219—223, 232, 236, 237, 240, 243, 245, 246—282, 287.
Сенегамбія, страна, 167—287.
Сентъ-Андре, гора, 395.
Сентъ-Бери, островъ, 296, 297.
Сену-дебу, постъ, 268, 285.
Сентъ-Жозефъ, крѣпость, 268.
Сентъ-Жозефъ-Нисабилъ, мѣстечко, 263.
Сентъ-Жоржъ, постъ, 309.
Сентъ-Луи, округъ и городъ, 199, 210, 211, 233—236, 244—246, 248, 250, 252—255, 259, 279—282, 284, 297.
Сентъ-Пьеръ, крѣпость, 268.
Сереры, племя, 215—217, 283, 284, 298.
Сестра-Кру, поселеніе, 379.
Сефуй, провинція, 443.
Сефуръ, деревня, 274.
Сіаде, провинція, 436, 444.
Сиерра-Леоне, страна, 345—365.
Сибби, деревня, 524.
Сибилъ, городъ, 532.
Синдеръ, городъ, 546, 673.
Синдеръ, страна, 671.
Сину, графство, 214, 286, 392.
Сисильбе (Силлебау), племя, 556, 568.
Скарси, рѣка, 174.
Со, племя, 661.
Соадра, городъ, 431.
Согирма, городъ, 493, 577.
Согоранъ (Джаумбе), 556.
Соко, провинція, 443.
Соколо, городъ, 532.
Сокоро (Сокоросы), 675, 680.
Сокото, городъ, 567, 570.
Сокото, область, 556—559.

Табачная гора, 369.
Тадешаки, племя, 535.
Тадныт, горы, 507.
Такоронте, мѣстечко, 128.
Талико, городъ, 365.
Тама, горы, 639
Тамасы, племя, 639.
Тамба, мѣстечко, 272.
Тамбака, племя, 365.
Тамбау, область, 287.
Тамбаура, городъ, 242.
Тамбура, гора, 176.
Тангала (Тангаласы), племя, 586,
587.
Тангале, гора, 584.
Танкиссо, см. Бафингъ.
Танлиа, лагуна, 214.
Тантафора, деревня, 521.
Тануэ, рѣка, 397, 409, 414.
Тарабинъ, рѣка, 503.
Тарква, городъ, 428, 442
Тафассасетъ, рѣка, 503.
Тебула, мѣстечко, 600
Тельде, городъ, 123, 139.
Темби, рѣка, 494, 495.
Тенда, территорія, 287
Тене, рѣка, 187, 274.
Тенерифъ, островъ, 83, 89, 91, 97,
104, 105, 108, 109 - 121, 125, 139,
140.
Тениахе, озеро, 194
Тероръ, городъ, 123.
Терсейра, островъ, 23, 61.
Тессауа, городъ, 562.
Тесси, деревня, 433.
Тиани, племя, 329
Тиестъ, округъ, 259, 260
Тиббусы, племя, 656, 662
Тилли, городъ, 569.
Тимбо, городъ, 272, 274
Тиме, мѣстечко, 522
Тимни, племя, 342, 353 - 356.
Тинглингъ, гора, 583.
Тинъ, округъ, 433, 503
Гирдэе, гора, 615, 618, 637.

Типитъ, оазисъ. 535.
Того, территория. 443. 443. 447.
464—468.
Томбо, мѣсь. 346.
Томбукту, городъ. 534 — 337. 339.
540, 542—545.
Томине, рѣка. 312—314. 320.
Тонди, гора. 535.
Торо, племя. 557.
Тородо, племя. 231. 357.
Тороны (Торонги), племя. 522.
Трарча, племя. 171. 206. 208. 235.
264.
Трехпечный мѣсь. 407. 428.
Тринидадъ, островъ. 48.
Туареги, народъ. 247. 408. 503.
533, 534, 536, 540, 544. 559. 661.
562, 661. 662.
Туатъ, страна. 499.
Тубе, округъ. 284.
Тубури, болото. 506.
Тукулеры, народъ. 529. 539. 557.
Тунджу, племя. 647.
Туятурувъ, деревня. 289.
Тюфоль, провинція. 442.
Тгэй, лагуна. 192.

y.

Уадай, страна, 637—645.
Уалата (Биру), городъ, 544.
Уалата, оазисъ, 531, 535.
Уало, область, 210, 213, 264.
Уангара, страна, 506.
Уандала, горы, 616.
Уара, городъ, 639, 643.
Уарп, деревня, 606.
Уархоръ, деревня, 263.
Уассулу, страна, 512, 516.
Уассулу, нація, 516, 519
Убаку, городъ, 570.
Удени, городъ, 603, 612.
Удже, провинція, 672.
Уладъ-Махмудъ, племя, 530
Уладъ-Мбарекъ, племя, 530.
Уладъ-Тишшт, племя, 530.
Уладъ-Уалата, племя, 530.
Уладъ-эль-хаджъ, племя, 208.
Улан, государство, 299.
Умонъ, лиманъ, 612
Умъ-эри-Рбиа, рѣка, 184.
Уолофы, народъ, 81, 149, 203, 208,
210, 212, 214, 229—231, 244, 260.
— 298
„Уини-Осла“, гора, 117.
Уэлле, рѣка, 586, 624, 682.

 Φ

Фа-лук, територія, 287, 527.
 Фалінь, острови, 23, 33, 56, 61.
 Фа-ш, річка, 339.
 Фаліаба, річка, 523.
 Фаліама, річка, 523.
 Фаліме, річка, 187, 189, 201, 210,
 350, 352, 364, 368, 388, 392.
 Фаліт, імена, 587, 589.
 Фалітц, народці, 411, 423.
 Фалітц, промісний, 403, 414, 442.
 Фаріаба, містечко, 268, 483.
 Фарі-бітц, городи, 532.
 Фаріама, містечко, 521.
 Фаринт, городи, 527.
 Фаріонськ, міст, 111.
 Фарє, річка, 506, 507.
 Фелзлітц, народці, 603.

[illegible]

x.

Хабу, область, 301.
Хабунке, народъ, 303.
Хадеджа, горсть, 670, 673.
Хаджаръ-Тевсъ, угесъ, 634.
Халицагъ („Вѣчные“) острова, 72.
Халикъ-Анатимъ, гора, 177.
Хамера, страна, 287.
Хандія, гора, 117.
Харарскіе пороги, 503.
Хассакъ, рѣка, 254.
Хахо, озеро, 447.
Хозамъ, племя, 677.
Холмы Сесгеръ, гора, 396.
Христіансбургъ, портъ, 411, 432,
442.
Хубусы, племя, 357, 358.
Хума, кантонъ, 285.

Ч.

Чады (Пале), озеро, 439, 507, 535,
548, 581, 613, 617—619, 625, 626,
628, 634, 637, 651, 654, 656, 661,
663, 667, 682.
Чамба, городъ, 598.
Чарко-Верде, источникъ, 136.
Чаро, городъ, 601.
Часна, селеніе, 129.
Черепашы (Галанагосъ), острова,
35.
Чинуде, селеніе, 131.

III.

Шаамба, область, 247.
Шабу, городъ, 601.

Шама, городъ, 422, 628, 442.
 Шари, рѣка, 615, 619, 624, 636,
 655, 657, 662, 672, 678.
 Шербро, островъ, 177, 178, 347,
 360.
 Шяфауа (Сифауа), городъ, 568.
 Шоа, племя, 602, 643, 677.
 Шонга, пристань, 573, 577.
 Шуггаръ-Лофъ, гора, 348.

Э.

Эбо, городъ, 606, 612.
 Эбрие, лагуна, 397, 400, 403.
 Эгай, долина, 628.

Эгба, племя, 460.
 Эгга, городъ, 576, 577.
 Эгобби, городъ, 575, 577.
 Эйю, племя, 595.
 Элефантъ-Айлендъ, островъ, 299.
 Эльмина, городъ, 412, 429, 430,
 442.
 Эльфъ, городъ, 672.
 Эль-Ходъ, территория, 530, 531.
 Эпе, городъ, 479.
 Эссемаку, городъ, 422.
 Эуэ, племя, 451—453, 463.
 Эуэме, страна, 451.
 Эфикъ, племя, 579, 612.
 Эффонъ (Шеби), племя, 577.

Ю.

Южный - Беле - дугу, территория,
 287.

Я.

Я, мѣстечко, 575.
 Якоба, городъ, 599, 600, 612.
 Якоба, область, 586.
 Ямина (Ньямина), городъ, 527.
 Ямина, деревня, 299.
 Яссинъ, провинція, 303, 304.
 Яуа, городъ, 644.
 Яури, провинція, 569, 570.
 Яхиа-бенъ-отмаръ, племя, 255.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Томъ тринадцатый.

Южная Африка: Южный Атлантический океанъ. — Камерунъ. — Габонъ. — Конго. — Ангола. — Да-Мара. — Лимпопо. — Ку-Банга. — Мозамбикъ. — Занзибаръ.

А.

Аба-занзи, племя, 616.
А-бармбо (а-баромбо), племя, 246.
Аба-тембу, племя, 521.
Абгалы, племя, 743, 755.
Абенга, племя, 246.
Абердаре, горы, 696.
Абеши, племя, 756.
Або-буа, племя, 254.
А-бома, племя, 263, 264.
А-бонго, племя, 122.
Або (Абиангъ), рѣка, 56.
Аверэ, племя, 398.
Агоа-Гранде, рѣка, 35.
Агульясъ («Игольный»), мысъ, 415.
Адзумба, племя, 112.
Азинго, озеро, 92, 112.
Айренситъ, гора, 728.
Авкасы, племя, 246, 247.
Ала, племя, 713, 750.
Алима, рѣка, 137, 175, 225, 259.
Алима, станція, 137, 259.
Аллула, страна, 757.
Альбертъ-Пикъ, гора, 53.
Альгоа, бухта, 415, 436, 438.
Ама-инди, племя, 621.
Ама-коза, племя, 519, 520.
Ама-ланди, племя, 630.
Ама-пдебели, племя, 615.
А-маиди, племя, 254.
А-марамба, озеро, 639.
Ама-суази, территория, 542.
Ама-Тонга, полуостровъ, 425.
Ама-тонгасы, племя, 543.
Амбака, округъ, 342.
Амбака, станція, 356, 361.
Амбаканы, народъ, 342, 356.
Амбасскій островъ, 76.
Амбасси (Санъ-Сальвадоръ), городъ, 349.
Амбоэлла, племя, 339, 607.
Амбризеттъ, факторія, 351.
Амбризъ (Мбришъ), городъ, 352.

Ананге, озеро, 92.
Ангола, провинція, 307.
Ангошъ, округъ, 652.
Ангошъ, портъ, 647, 652.
Ангра-Пекена, портъ, 407, 408.
Анкоръ, гора, 728.
Анкоръ, пристань, 759.
Аннобонъ, островъ, 10, 30, 31.
Аньясса, племя, 629.
Апанги, племя, 112.
Апинжи, племя, 112.
Апъ-Фуру, племя, 256, 259, 260.
Арабы, народъ, 683.
Арахунни, рѣка, 159, 175.
Ассинья, племя, 264.
Ассиръ, мысъ, 729.
Ауанши, племя, 112.
Ауашъ, рѣка, 727.
Апанго, племя, 120.
Ашира, племя, 120.
Ашука, селеніе, 137.

Б.

Ба-ати, племя, 256.
Ба-банги, племя, 193.
Ба-бинди, племя, 276.
Ба-буэро, племя, 333.
Ба-вико, племя, 609.
Ба-вили, племя, 112, 120, 124, 137.
Багамойо, городъ, 675, 676.
Базорото, округъ, 652.
Ба-іэке (ба-іонго), племя, 206.
Байлундо, край, 333, 383.
Ба-йяка, племя, 137.
Ба-калахари, племя, 443, 502, 511.
Ба-калэ, племя, 110, 120.
Ба-камба, племя, 125.
Ба-канкала, племя, 340.
Ба-катла, племя, 508.
Бакишъ, племя, 63.
Бакоко, племя, 63, 79, 80.
Ба-конго, племя, 193, 284, 289.
Ба-куандо, племя, 340.
Ба-куба (байеуэ), племя, 282, 284.

Ба-кубалэ, племя, 340.
Ба-куирри, племя, 63, 64, 68, 71.
Ба-куиссы, племя, 340.
Ба-кунду, племя, 68.
Ба-кунду, равнина, 63.
Бакунду-ба-Мусака, городъ, 77.
Бакунду-ба-Намбелэ, городъ, 77.
Ба-куня, племя, 125.
Ба-куэна, племя, 508.
Баланби-ма-Мбу, городъ, 77.
Ба-доло, племя, 193, 239.
Ба-лонги, племя, 63, 69.
Ба-лохи, племя, 256.
Ба-луба, племя, 268, 277, — 280.
Ба-лумбо, племя, 123, 124.
Ба-лунда, племя, 609.
Ба-мангуато, племя, 509, 609, 612.
Бамба, племя, 328, 330.
Бамбу, племя, 259.
Бамбуку, племя, 63.
Бампа, портъ, 628.
Банана, городъ, 301, 302.
Банана, полуостровъ, 173.
Ба-нанека, племя, 340.
Ба-нано, племя, 333.
Ба-нгала, племя, 193, 239, 240.
Бангала, станція, 235.
Ба-нгузэ, племя, 112.
Бангуэлло, озеро, 147, 180, 199.
Банда, племя, 250.
Бардауэ, городъ, 604, 628.
Банза-Макута, городъ, 296.
Ба-нкомби, племя, 340.
Ба-ноко, племя, 63, 79, 109.
Бауту, народъ, 69, 191, 396, 443, 500.
Банья, лагуна, 121.
Ба-ньяп, племя, 619.
Баньяны, народъ, 684, 685.
Ба-пуко, племя, 63, 79, 109.
Ба-пунто, племя, 120.
Ба-путу, племя, 238.
Бараретта, племя, 719.
Барбартонъ, городъ, 562.
Бардера, городъ, 754.

Ба-Ривга, рѣка, 160.
 Баринго, озеро, 696, 720.
 Ба-ролонги, народъ, 307, 547, 550, 556.
 Бароце, королевство, 614, 615.
 Барръ-эль-Хайссанъ, побережье, 730.
 Ба-сенга, племя, 623.
 Ба-силлика, племя, 510.
 Ба-симба, племя, 340, 396.
 Басоко, постъ, 234.
 Басонжа, племя, 268, 270, 284.
 Басса, племя, 53, 71.
 Ба-сунди, племя, 296.
 Ба-суто, племя, 416, 443, 512—516, 536.
 Бусуто-лэндъ, страна, 511—515.
 Ба-танга, племя, 79, 80.
 Ба-теке, племя, 193, 259—261, 290, 292, 294.
 Ба-таани, племя, 503.
 Ба-таро, племя, 504.
 Ба-тоана, нація, 509, 609, 612.
 Ба-тока, племя, 613.
 Батта, гора, 85.
 Батуа, племя, 282.
 Бауанкетси, племя, 508, 509.
 Бафарам, горы, 77.
 Бафарам, племя, 63.
 Ба-фиотъ, племя, 126, 128, 193.
 Ба-фуру, племя, 193.
 Ба-харутса, племя, 500, 508.
 Бахиа-досъ-Тигресъ, гавань, 375.
 Бахиа-Пинда, гавань, 375.
 Ба-шуапенги, племя, 510.
 Ба-шуколомпо, племя, 613, 614.
 Ба-яка, племя, 120, 124.
 Ба-явни, племя, 256, 291.
 Беджа, племя, 740.
 Беланда, племя, 250.
 Бельмонте, постъ, 364.
 Бемба, племя, 200, 201.
 Бембанбекъ («Утесъ Молнии»), холмъ, 171.
 Бенга, народъ, 109, 110.
 Бенго, порогъ, 314.
 Бенгуалла, городъ, 369.
 Бенгуалла-Вельха, крѣпость, 368.
 Бендеръ-Аббасъ, городъ, 759.
 Бендеръ-Агоа, пристань, 757.
 Бендеръ-Хортъ, портъ, 758.
 Бенбера, портъ, 759.
 Береа, округъ, 515.
 Берегъ Малинди, 687.
 Берегъ Момбаза, 687.
 Бетаниенъ, страна, 409.
 Бетума, племя, 432.
 Бечуана-лендъ, страна, 499—511.
 Бечуаны, народъ, 500, 509, 510, 609.
 Бибунди, деревня, 76.
 Вила-кулу, племя, 580.
 Бималь, племя, 755.
 Бимбия, гавань, 56, 77.
 Бихеноси, народъ, 342.
 Бихэ, область, 364, 383.
 Влантьеръ, городъ, 629.
 Блумфонтейнъ (Блумфонтейнъ), городъ, 435, 547.
 Бодень, горы, 132.
 Болобо, станція, 290, 291.
 Большая Ба-Танга, рѣка, 59.
 «Большая Кару», равнина, 416.
 Большой Элобей, островъ, 131, 132.
 Бома, городъ, 298, 303.

Бомвана, племя, 522.
 Бони, племя, 711.
 Борани, племя, 751.
 Боуз, постъ, 136.
 Бофорт-Вестъ, станція, 470.
 Брава, рейдъ, 755.
 Брацпавиль, городъ, 264.
 Буасса, селеніе, 77.
 Бу-багги, племя, 256, 258.
 Буби, племя, 41, 42.
 Буба, островъ, 3.
 Будиманъ, племя, 63.
 Бузи, рѣка, 570, 571.
 Булу, племя, 107.
 Булуа, городъ, 792.
 Булумъ-Булу, степь, 412.
 Булхаръ, городъ, 759.
 Бумба, рѣка, 660.
 Бунга, рѣка, 255, 259.
 Бунда, племя, 331, 334, 342.
 Бунджи, постъ, 136.
 Бура, горы, 692.
 «Вурныя горы», 416, 417.
 Буры, народъ, 536, 545, 552, 555.
 Вухта Зачатія, 37.
 Бушменландъ, страна, 412, 462.
 Бушмены, народъ, 445, 447.
 Вузъ, гора, 132.
 Буза, деревня, 77.
 Вэмба, городъ, 352.
 Бя-лялли, племя, 264, 267.

В.

Вааль, рѣка, 419, 420, 492, 512.
 Вальфишъ, бухта, 388.
 Вармбатъ, городъ, 409.
 Ватербергъ, гора, 586.
 Веллингтонъ, мѣстечко, 468.
 Веруламъ, городъ, 535.
 «Вершина Компаса», гора, 416.
 Викторія, станція, 70.
 Вилла-Гувейя, городъ, 652.
 Виту, городъ, 752.
 Вольтасъ, мысъ, 422.
 Ворчестеръ, городъ, 470.
 Восточная Лу-Эбо, рѣка, 600.
 Восточные галласы, народъ, 724, 725.
 Восточные племъ-орма, народъ, 748.
 Воша, гора, 627.
 Вуа-буджуа, племя, 231.
 Вуа-бэмба, племя, 227.
 Вуа-винза, племя, 231.
 Вуа-вира, племя, 227.
 Вуа-Галла, область, 216.
 Вуа-гома, племя, 226.
 Вуа-гуа, племя, 224.
 Вуа-Кахундже, деревня, 222.
 Вуа-кимбу, племя, 214.
 Вуа-киссинго, племя, 203.
 Вуа-комба, племя, 226.
 Ву-куири, племя, 76.
 Вуа-маньема, племя, 228, 231.
 Вуа-пиамези, племена, 212, 213.
 Вуа-регга, племя, 227, 228.
 Вуа-руа, племя, 224.
 Вуа-рунда, племя, 227.
 Вуа-сиге, племя, 227.
 Вуа-сималунго, племя, 226.
 Вуа-сонго, племя, 226.
 Вуа-санзи, племя, 227.
 Вуа-гуа, племя, 191, 231.
 Вуа-тузи, племя, 219.
 Вуа-тута, племя, 217.

Вуа-усси, племя, 203.
 Вуа-фиба, племя, 222.
 Вуа-хйя, племя, 231.
 Вуа-хха, племя, 218.
 Вури, племя, 63, 71.
 Вури, рѣка, 56, 78.

Г.

Габонія, страна, 81—139.
 Габонъ, бухта, 88, 89.
 Габонъ, область, 32, 97.
 Габонъ, рѣка, 98, 99, 106, 132.
 Гадибурси, племя, 760.
 Газалэндъ, страна, 567—583.
 Гайка, племя, 519.
 Га-Коко, городъ, 287.
 Галека, племя, 519.
 Галифаксъ, портъ, 408.
 Галласы, народъ, 719.
 Галоа, племя, 107.
 Гамбаратара, гора, 182.
 Гамбосъ, городъ, 383.
 Гамсохона, городъ, 508.
 Гамтоа (Гамтоесъ), рѣка, 423.
 Гангуалла, племя, 283, 335, 372, 607.
 Гавдала, городъ, 758.
 Ганъ-Либахъ, горы, 734.
 Ганъ-Либаши, горы, 728.
 Гауритъ («Большая рѣка»), рѣка, 423, 470.
 Гвардафуй, мысъ, 729.
 Гвинейское море, 1.
 Гайдельбергъ, городъ, 561.
 Гелей, гора, 689.
 Гелиди, городъ, 758.
 Глассъ, фактория, 132.
 Голистъ, гора, 728.
 Голубыя горы, 417.
 Голунго-Альто, область, 360.
 Гомба, рѣка, 212.
 Гора-куа, племя, 452.
 Гонзало-Альварецъ, островъ, 11.
 Гора боговъ, 60, 63, 5, 776.
 Гора Имилтона, 418.
 Гора Источниковъ, 418.
 Гора Митры, 85.
 Гооравхай, королевство, 205.
 Горы Ливингстона, 599, 656.
 Готтентоты, народъ, 449, 450—452.
 Грезмстаунъ, городъ, 473, 474.
 Гретъ-Кей, рѣка, 455.
 Гриквалэндъ-Вестъ (Грикуалендъ-Вестъ), страна, 504.
 Грикуа, племя, 452, 453, 491.
 Грикуастаунъ, мѣстечко, 499.
 Грегэмстаунъ, городъ, 435.
 Гуазо-н'Эрока, рѣка, 699.
 Гуй, рѣка, 615.
 Гуа-теви (аба-теви), племя, 580.
 Губулувайо, городъ, 622.
 Гугса (Гугза), рѣка, 730.
 Гумба, городъ, 383.
 Гумба, племя, 120.
 Гунди-Иньянга, гора, 570.
 Гуна, рѣка, 368.
 Гхаземъ, фортъ, 758.

Д.

Да-мара, страна, 383—409.
 Дандэ, рѣка, 314, 354.
 Давкили, племя, 736.
 Дарико, племя, 609.

Дарь-эс-Сазаамъ, городъ, 675.
 Дастъ-Карбастъ, островъ, 32.
 Дастъ-Роластъ, островъ, 32.
 Де-Бееръ, рудникъ, 497.
 Делагоа, бухта, 565—568.
 Джаванджа, селеніе, 79.
 Джагга, племя, 115.
 Джамба, гора, 311, 312.
 Джамби, народъ, 259.
 Джарсо, племя, 650.
 Жебель-Туръ, островъ, 758.
 Жемстоунъ, городъ, 23.
 Жидда, племя, 750.
 Джингено, государство, 280.
 Жипо, озеро, 696.
 Джуапа («Черная»), рѣка, 239.
 Джуба, рѣка, 731, 737.
 Джума, рѣка, 166.
 Джуо, водопадъ, 150.
 Джуэ, рѣка, 265.
 Джуэ-ля-Мкоа, деревня, 680.
 Дикомо, островъ, 628.
 Дилло, озеро, 165, 592.
 Діале, станція, 137.
 Догилани, пустыня, 689.
 Докало, племя, 710.
 Долбохачты, племя, 758.
 Домба-Грандэ, округъ, 369, и городъ, 384.
 Домба-Пекено, округъ, 369.
 Донга, племя, 71.
 Донго, городъ, 359.
 Дондо, городъ, 359, 360, 362.
 Доз, гора, 570.
 Дракенбергенъ (Драконовы горы), горы, 417.
 Дуалла, племя, 63, 70, 72.
 Дуке, городъ, 362.
 Думэ, постъ, 136.
 Дунгарета, портъ, 760.
 Дунье-Буру, гора, 690.
 Дунье-Донгонокъ, гора, 690.
 Дунья-ла-Ньюки, гора, 689.
 Дунья-Нгэ, гора, 689.
 Дунья-Эборъ, гора, 694.
 Дунья-Эгере, гора, 695.
 Дунья-Эрокъ-ля-Сижирари, гора, 695.
 Дурбанъ, городъ, 532.
 Дъале, рѣка, 259.

З.

Замбезе (Замбези), рѣка, 583—607.
 Зандехъ, раса, 78, 251, 253.
 Занзибаръ, городъ, 685, 686.
 Занзибаръ, островъ, 653—687.
 Западная территория Грикуа, 489—499.
 Зеерусть, городъ, 562.
 Зейла, портъ, 759.
 Зекко, рѣка, 420.
 Зиу-Зиу, рѣка, 588, 596.
 Зоненте, озеро, 107.
 Зуай, озеро, 727.
 Зуги, рѣка, 587.
 Зудусы, народъ, 443, 536, 538, 539, 540, 582.
 Зумбо, мѣстечко, 623.

И.

Ибеа, племя, 63, 81.
 Ибо, городъ, 650, 652.
 Ибо, островъ, 641.

Ивили, племя, 112.
 Ивиндо, рѣка, 90, 115.
 Игумби-Иделэ, гора, 87.
 Иддіо, племя, 251.
 Изангила, станція, 297.
 Изубу, племя, 63, 64.
 Икалемба, рѣка, 161, 176.
 Иконду, мѣстечко, 233.
 Илаза, племя, 202, 203.
 Иль-уакобъ, племя, 714.
 Ильмъ-орна, племя, 747.
 Индвэ, рѣка, 455.
 Ининга, племя, 107.
 Инхамбанэ, страна, 567—583.
 Инхамиссенго, рѣч. устье, 600, 632.
 Инхаміара, рѣка, 600.
 Инха-Нгома, островъ, 596.
 Ихангу, селеніе, 584.
 Иньякъ, островъ, 425.
 Йоматема, гора, 656.
 И-рамба, племя, 205.
 Исса, племя, 739.
 Итайя, племя, 224.
 Итимбири, рѣка, 176.
 Итгу, племя, 750.
 Ифульма, рѣка, 221.
 Ишабоэ, островъ, 408.
 Ишого, племя, 112.
 Измбэ, мысъ, 223.

I.

Иеллала, водопадъ, 168.

K.

Кабеса-де-Кобра, факторія, 351.
 Кабесейра, мысъ, 648.
 Кабинда, городъ, 140, 297.
 Кабинды, племя, 129.
 Кабого, мысъ, 152, 156.
 Кабо-Дельгадо, округъ, 652.
 Кабомпо, рѣка, 592.
 Кабонда, городъ, 384.
 Кабо-Негро, мысъ, 375.
 Кавала, островъ, 226.
 Кавирондо, край, 654, 713.
 Казеръ, рѣка, 182.
 Казембэ, государство, 194, 205.
 Казенго, область, 360.
 Казигао, гора, 692.
 Каконго, область, 303.
 Каконго, племя, 303.
 Каконго-Сонго, городъ, 303.
 Каконда, область, 384.
 Какунаваръ, рѣка, 317, 340.
 Калабаръ, область, 33.
 Каланжи, рѣка, 276.
 Калахари, пустыня, 387, 440, 449.
 Каледонъ, мѣстечко, 469.
 Каледонъ, рѣка, 420, 443, 512.
 Калибази, горы, 692.
 Калидини, портъ, 722.
 Калумбо, портъ, 359.
 Калунда, племя, 271, 272, 283.
 Кальвинія, городъ, 469.
 Камбамба, водопадъ, 315.
 Камбо, рѣка, 289.
 Камеронъ, бухта, 3, 199.
 Камерунъ, гора, 48.
 Камерунъ, городъ, 78.
 Камерунъ, мысъ, 58.
 Камерунъ, рѣка, 56, 63.
 Камерунъ, страна, 45—81.
 Камма, племя, 120.

Камоландо (Западная Луа-Лаба), рѣка, 150, 206.
 Канга, гора, 635.
 Канкобелла, городъ, 267.
 Канкора, рѣка, 158.
 Кансало, пороги, 595.
 Канъ-Гранде, гора, 32.
 Канъ-Пекено, гора, 32.
 Каоко, область, 387, 399.
 Капороро, рѣка, 369, 374.
 Капская, колонія, 455—580.
 Капъ, плоскогорье, 689.
 Капъ (Капштадтъ, Каптаунъ), городъ, 463, 477.
 Карагуэ, область, 218.
 Карема, станція, 221.
 Кару, область, 439.
 Кассаи, рѣка, 165, 167, 175, 183, 187, 193, 268, 270, 282—284.
 Кассали, озеро, 210.
 Кассонго, село, 232.
 Катару, рѣка, 727.
 Катума, рѣка, 661.
 Катумбелла, округъ, 316, 383.
 Катумбелла, рѣка, 369.
 Катумъ (Мкафу), рѣка, 222.
 Кау, городъ, 753.
 Ка-уанда, племя, 276.
 Кафрарія, страна, 515—524.
 Кафры, народъ, 517, 518.
 Кафукуэ (Кафуэ, Кафакуэ), рѣка, 595, 606, 613, 620, 623.
 Кахангуа, мысъ, 226.
 Кахунголо, городъ, 283.
 Кахуэле, портъ, 219.
 Квелимане, городъ, 603, 630, 633, 641, 647.
 Кверимба, островъ, 650.
 Квимбанда, племя, 335.
 Кебрабаса, пороги, 595.
 Кедровыя, горы, 412, 436.
 Кей, рѣка, 416, 423, 464, 516, 520.
 Кенія, гора, 687, 695, 696.
 Керемъ, пристань, 759.
 Кетимкуру, городъ, 201.
 Кябонги, горы, 182.
 Кибо, гора, 693.
 Кибонго, городъ, 233.
 Кибунья, рѣка, 660.
 Кизанга, деревня, 651.
 Кизи, островъ, 639.
 Кизмайу (Кизимайу), портъ, 754.
 Киконджа (Кассали), озеро, 205.
 Кигуйу, плоскогорье, 689.
 Килемба, городъ, 208.
 Килефу, портъ, 722.
 Килама-Кибуру, гора, 692.
 Килима-Нджаро, гора, 654, 687, 692, 694, 701, 706.
 Килима-нсп, рѣка, 699.
 Килоа-Кивиндже, портъ, 673.
 Килоа-Кизиуани, деревня, 673.
 Килуа, рѣка, 639.
 Кимауэнаи, гора, 693.
 Кямберлей, городъ, 495.
 Кямберлей, округъ, 427.
 Кимбунду, городъ, 284.
 Кименди, озеро, 78.
 Кимпоко, область, 295.
 Кингани, рѣка, 653, 660.
 Кингвиллямстаунъ, городъ, 475.
 Киншасса, поселеніе, 295.
 Киппини, городъ, 753.
 Кирандо, бухта, 222.
 Кируанъ, островъ, 691.
 Кисси, островъ, 148.

Ки-гва, племя, 578.
 «Китовая бухта», 404.
 Китунгуэ, остров, 639.
 Киши-Киши, порт, 686.
 Кюко, племя, 193, 271, 283.
 Кюмбони, рѣка, 660.
 Кюзу, горы, 695.
 Кларанстаунъ, городъ, 44.
 Кисна, рѣка, 471.
 Кога, рѣка, 516.
 Кокауэ, племя, 719.
 Кокотони, городъ, 686.
 Кокстадъ, городъ, 524.
 Колобенъ, городъ, 508.
 Комо, рѣка, 89, 107, 115, 119.
 Комсбергъ, гора, 416.
 Конагомба, мѣстечко, 383.
 Конго, государство, 291, 306, 384.
 Конго, область, 139, 306.
 Конго, племена, 328.
 Конго, рѣка, 139—267.
 Кондуся, гавань, 649.
 Кора-на, племя, 451.
 Кориско, островъ, 88, 104, 107, 109.
 Корогеро, пристань, 675.
 Кота-Кота, портъ, 628.
 Кото, край, 270.
 Кристальный крайъ, гора, 89.
 Кру, племя, 128.
 Куа, рѣка, 164, 175.
 Куа-Куа (Барабуанда), рѣка, 603, 632.
 Куа-куа, рѣка, 57.
 Куама, см. Замбезе.
 Куанго, рѣка, 166, 175, 189, 283, 287—291.
 Куанза, рѣка, 311, 314, 315, 379.
 Куа-Ндо (Тшобэ), рѣка, 586, 592.
 Куанхама, край, 397.
 Ку-Атиръ, долина, 585.
 Куатламба (Драконовы горы), 417.
 Ку-Банго, область, 532.
 Куи-балла, мѣстечко, 352.
 Куинипъ, область, 391.
 Куи-Киру, деревня, 215.
 Куилу, рѣка, 95.
 Куиссама, племя, 336, 339, 343.
 Куи-Ито, рѣка, 607.
 Кую, бухта, 370.
 Куйя, племя, 263.
 Кумба, городъ, 78.
 Кумба, племя, 109.
 Кунде-Ирунде, гора, 211.
 Кунене, рѣка, 342, 372, 374, 383, 391, 392.
 «Куполь Льва», гора, 415.
 Куруманъ, городъ, 505.
 Куруманъ, рѣка, 505.
 Ку-Эйо, долина, 585.
 Кэнтаунъ, городъ, 435, 447, 463, 467, 477, 485.
 Кэнтаунъ, округъ, 467.

Л.

Лакундже, рѣка, 53.
 Лалли, рѣка, 95.
 Ламу, островъ, 753.
 Ландана, гавань, 188, 297.
 Ланджи, озеро, 150, 228.
 Ланбарэнэ, портъ, 136.
 Ластурвилъ, постъ, 136.
 Ластъ-Горэ, мѣстечко, 758.
 Латаку, городъ, 504.

Ледисмитъ, городъ, 531, 334, 535.
 Лекети, станція, 137.
 Леконэ, рѣка, 595.
 Лелунда, рѣка, 314.
 Леопольдвилъ, городъ, 293, 294.
 Лепелозе (Молополе), городъ, 508.
 Лерибэ, округъ, 515.
 Лефини, рѣка, 164, 175, 255, 256.
 Либа, рѣка, 592.
 Либолло, племя, 336.
 Либревилъ, городъ, 132.
 Ливингстонія, станція, 628.
 Лигонья, рѣка, 636.
 Лидеди, озеро, 640.
 Ликатловъ, рѣка, 505.
 Ликона (Ликуалла), рѣка, 164.
 Ликуалла, рѣка, 255, 259.
 Лимби, озеро, 639.
 Лимпопо, рѣка, 409, 427, 443, 508, 551, 563—565, 567, 568.
 Линди, бухта, 671, 672.
 Линаоло, станція, 267.
 Ливьянти, городъ, 611, 615.
 Лиссеуа, пристань, 628.
 Лиссока, мѣстечко, 77.
 Лямба, горы, 661.
 Лианзувдо, водопадъ, 316.
 Лямба, озеро, 222.
 Лиендуэ, долина, 223.
 Ло-Анге, рѣка, 166.
 Лоангири, селеніе, 138.
 Лоанго, королевство, 126.
 Лоанго, портъ, 297.
 Лоа-Нгуэ, рѣка, 595.
 Лоанда, городъ, 319, 320, 355, 356, 359, 379, 384.
 Лобалэ, равнина, 592, 609.
 Лобомбо, горы, 551.
 Лобэ, рѣка, 82.
 Ловили, гора, 311.
 Ложе, рѣка, 314, 352.
 Лойка, рѣка, 159, 175.
 Логинга, гора, 181.
 Ло-Мамп, рѣка, 206, 268.
 Лопори, рѣка, 236.
 Лопури, рѣка, 247.
 Лоренсо-Маркезъ, территория и городъ, 566, 652.
 Ло-Танбуа, рѣка, 165.
 Ло-Тембуа, рѣка, 592.
 Ло-Фу, рѣка, 223, 224.
 Ло-Фуко, долина, 224.
 Ло-Хемба, озеро, 147.
 Луабо, городъ, 632.
 Лу-Ама, рѣка, 158.
 Луа-Лоба (Верхняя Конго), рѣка, 158, 175, 181, 200, 228.
 Луа-Нге, рѣка, 284.
 Луа-Нгуа, рѣка, 181, 623, 625.
 Луа-Шула, рѣка, 149, 199, 200, 203, 228.
 Луассэ (Западная Лу-Эбо), рѣка, 600.
 Луа-Тута, рѣка, 585.
 Лу-Билахъ, рѣка, 159, 175, 199.
 Лу-Бурн, рѣка, 150.
 Лу-Во, рѣка, 284.
 Лу-Дженда, рѣка, 636—645.
 Лу-Иза, рѣка, 276.
 Лу-Кала, рѣка, 316, 360—362.
 Лу-Кеніэ, рѣка, 167, 175.
 Луколела, станція, 290.
 Лу-Куга, рѣка, 150, 151, 157, 158, 228, 644.
 Лу-Кэбу (Мбуру), рѣка, 234.
 Лу-Ламп, рѣка, 159.

Лу-Лонга, рѣка, 160.
 Лу-Лу, рѣка, 168.
 Лу-Луа, рѣка, 165, 198, 276, 283.
 Лулаборгъ, постъ, 199.
 Луми, горный потокъ, 796.
 Лунгази, рѣка, 57.
 Лунда, племя, 193, 194, 268.
 Лунда, страна, 187, 287.
 Лупата, гора, 596.
 Луренсо-Маркезъ, бухта, 537.
 Лу-Рио, рѣка, 636, 645.
 Лутета, городъ, 295.
 Лу-Уэго, рѣка, 659.
 Лу-Фира, рѣка, 150.
 Лу-Фу, рѣка, 158, 168, 297.
 Лу-Фула, рѣка, 150.
 Лушазе, племя, 607.
 Лу-Эбо, рѣка, 282, 600.
 Луэжи, рѣка, 296.
 Луэмме, рѣка, 95.
 Лу-Эна, рѣка, 592.

М.

Мабабэ, рѣка, 590.
 Ма-бунда, племя, 611.
 Ма-вити (ма-зиту), племя, 625.
 Ма-виха, племя, 647.
 Ма-вумба, племя, 139, 331.
 Магали, горы, 561.
 Ма-ганья, племя, 627.
 Магадону, городъ, 756.
 Ма-гуаза, племя, 579.
 Ма-гуамба, край и племя, 567.
 Ма-гуангуара, племя, 643, 675.
 Маденасана, племя, 445, 613.
 Мадн, племя, 228.
 Ма-дума, племя, 107, 111.
 Мажила, область, 703.
 Мазази, край, 666, 672.
 Мазан, племя, 702, 714, 715, 718.
 Мазаро, мѣстечко, 631.
 Мазимбуа, деревня, 650.
 Мазуна, племя, 115.
 Ма-Йумба, факторія, 137.
 Майана, бухта, 641.
 Майетъ, портъ, 758.
 Майи-Мумэнэ, рѣка, 283.
 Ма-юмбе, племя, 120, 124.
 Ма-Калака, племя, 614, 620, 621.
 Макапана, горы, 559.
 Макаракара, солончакъ, 588.
 Ма-Кима, племя, 115.
 Ма-Коло, племя, 612, 626.
 Ма-Конде, племя, 647, 665.
 Ма-Корикори, племя, 622.
 Ма-Куа, народъ, 644, 645, 666.
 Ма-Куакуа, племя, 579.
 Макузи, горы, 551.
 Максинга, гора, 623.
 Малагаразн, рѣка, 155, 212, 217.
 Маланджи, горы, 635.
 Маланжэ, городъ, 364.
 Малгаши, народъ, 755.
 Малемба, городъ, 138.
 Малимба, рѣка, 57.
 Малинди, рейдъ, 723.
 Ма-лонгуэ, племя, 580.
 Малый Элобей, островъ, 131.
 Мальмсбери, мѣстечко, 468.
 Мамбари, племя, 615, 634.
 Мамбойя, станція, 679.
 Мамуза, городъ, 505.
 Мангъ-баллэ, племя, 246.
 Манге-Гранде, факторія, 351.
 Манге-Пекэно, факторія, 351.

Мангюэнзо, поселение, 127.
 Манда, остров, 753.
 Мандава, местечко, 629.
 Ма-ндава, племя, 578, 580.
 Манджобъ, местечко, 568.
 Мандола, остров, 76.
 Ма-ндюа, племя, 580.
 Маника, округ, 571, 582, 652.
 Манисса, рѣка, 427, 559, 562, 568.
 Манианга, город, 199.
 Мань, гора, 295.
 Манъ-банга, племя, 243.
 Ма-Ньема, область, 227.
 Ма-ньемы, племя, 187.
 Маньянджа, племя, 643.
 Маньяра, озеро, 689.
 Мапута, рѣка, 427, 537.
 Ма-рави, племя, 627.
 Маракуту, см. Кетимкуру.
 Марара, степь, 728.
 Маренга-Мхали, область, 679.
 Ма-римба (ма-нганья), племя, 625.
 Мариго, округ, 508.
 Ма-ронгу, племя, 580.
 Ма-рунгу, племя, 224.
 Масаруа, племя, 511.
 Масеру, город, 515.
 Масимбуа, бухта, 641.
 Массабии, фактория, 138.
 Массангано, город, 359.
 Массара, племя, 511.
 Массикессе, местечко, 582.
 Ма-сунья, племя, 613.
 Матади, порт, 297.
 Ма-тамбуа, племя, 643.
 Матамбьяна, город, 615.
 Мататизаль, поселение, 524.
 Матеба, остров, 301.
 Ма-тебелъ (Матабеле), племя, 509, 551, 557, 615, 616, 624.
 Матебеледъ (Матабеледъ), территория, 615.
 Матемо, остров, 650.
 Матошю, горы, 570, 615.
 Матумба, озеро, 163.
 Матшаме, королевство, 706.
 Мау, плоскогорье, 689.
 Мафия, остров, 680.
 Мафра, горы, 79.
 Ма-хенджа, племя, 675.
 Ма-шона, страна, 569, 620.
 Ма-шиндже, племя, 288, 289.
 Машона, племя, 621.
 Ма-якка, племя, 289, 290.
 Мбакиши, племя, 115.
 Мбаринго, озеро, 691.
 Мбенга, племя, 115, 131.
 Мбо, племя, 396.
 Мбомо, рѣка, 140.
 Мбонджо, племя, 256.
 Мбоши, племя, 259.
 Мбришъ, рѣка, 314, 352.
 Мбу, озеро, 55.
 Мбойз, деревня, 264.
 Мвутанъ-Нанге, озеро, 152, 240.
 Мгунда-Михами, пустыня, 678.
 Медо, племя, 644.
 Мексиасъ, проливъ, 92.
 Меламба, устье, 600.
 Мельвиль, местечко, 471.
 Мель св. Лаваря, 641.
 Мемба, бухта, 641.
 Мемз, рѣка, 54, 62.
 Мендифъ, гора, 183.
 Мерка, порт, 755.

Мессира, племя, 205.
 Мжитума, деревня, 675.
 Миддильбургъ, город, 562.
 Миджертинъ, племя, 742, 757.
 Мисови, гора, 181.
 Микидани, порт, 671.
 Минувго, племя, 287.
 Миранга, гора, 570.
 Миримби, гора, 181.
 Мятумбо, горы, 211.
 Михавани, племя, 644.
 Моала, город, 295.
 Моания, рѣка, 59.
 Мозамбикский проливъ, 641.
 Мозамбикское течение, 640.
 Мозамбикъ, город и порт, 633, 641, 648, 649.
 Мозамбикъ, колониальн. владѣние, 633—652.
 Мозамбикъ, остров, 648.
 Моавоз, рѣка, 615, 624.
 Мокамбо, бухта, 640.
 Мокамбо, порт, 641, 650.
 Мококуз, озеро, 79.
 Мокулла, город, 351.
 Мокуирри, племя, 67.
 Молопо, притокъ, 421, 499, 507.
 Момбазъ, город, 721, 722.
 Момбера, санатория, 628.
 Мовбуту, племя, 187, 191, 288, 231, 240—245, 251.
 Мо-Нгала, рѣка, 159, 206.
 Монго-ма-Лоба, гора, 48, 51.
 Монго-ма-Этиндехъ, город, 50.
 Монгу, гора, 694.
 Монеа, местечко, 631.
 Мониембо, племя, 256.
 Монтепесъ, бухта, 641, 651.
 Монъ-ву, народецъ, 245.
 Морамбала, гора, 600.
 Мориа, озеро, 211.
 Морукхо, город, 508.
 Моссамедесъ, город, 344, 368.
 Моссамедесъ, округ, 371, 383.
 Моссорилъ, бухта, 648.
 Моуэ, предмѣстье, 291.
 Моэро, озеро, 149, 199, 201.
 Моэру, гора, 695.
 Мпала, станция, 224.
 Мпозо, порт, 297.
 Мпозо, рѣка, 168.
 Мпонгуэ, племя, 106.
 Мпуануа, станция, 679.
 Мпуру, рѣка, 175.
 Мпэтэ, полуостровъ, 223.
 Мсирри, королевство, 200, 206.
 Мсуата, местечко, 264.
 Мтаидэ, племя, 622.
 Мтепуззи, рѣка, 651.
 Мтонил, гора, 599.
 Мторанденга, мѣстность, 639.
 Мто-Тана, рѣка, 700.
 Муамби, бухта, 641, 650.
 Муамхакома, полуостровъ, 650.
 Муата-Ниво, империя, 268.
 Муило, племя, 328.
 Му-кассекерэ, племя, 608.
 Мукенте, государство, 280.
 Мукозо, рѣка, 375.
 Мукосо, племя, 609.
 Муксима, постъ, 359.
 Муксингъ, область, 205.
 Муласса, город, 583.
 Мулата, гора, 728.
 Мулондо-Замби, гора, 314.
 Мунго, рѣка, 55—57, 63, 69, 77.

Му-ндомба, племя, 339, 343.
 Муни, рѣка, 88.
 Мунимунанга, город, 628.
 Муоди, гора, 54.
 Мусоронго, племя, 328, 329.
 Мусседжи, племя, 109.
 Муссера, город, 351.
 Муссомбо, озеро, 315.
 Мута-Нанге, озеро, 152, 13, 192, 199, 211.
 Му-тумби, племя, 256.
 Муфунду, племя, 63.
 Мушиконго, племя, 328, 329.
 Мфимбуэ, государство, 222.
 Мфими, рѣка, 167.
 Мфуа, постъ, 264.
 Мфумбиро, гора, 182.
 Мшоби, город, 290.
 Мысь Обрѣзанія, 8.
 Мысь «Пеликава», 391.
 Мысь «Фетингъ», 91, 129.
 Мерайя, округ, 757.

Н.

Набіалъ, город, 614.
 Наганди, рѣка, 640.
 Назаретъ, бухта, 88, 91.
 Найваша, озеро, 690.
 Накуро, озеро, 691.
 Намагары, рѣка, 420.
 Нама-куа, страна, 383—407.
 Наміебъ, равнина, 388.
 Намули, горы, 634, 635, 644.
 Нанге-Нанга, селение, 135.
 Нано, племя, 334.
 Наталь, страна, 524—537.
 Нгами, озеро, 587, 588, 607.
 Нганчу, постъ, 263.
 Нгилл, селение, 136.
 Нгири, озеро, 256.
 Нгомба, племя, 237, 253.
 Нгомба, станция, 290.
 Нгуао, область, 303.
 Нгунзи, племя, 237.
 Нгуніе, рѣка, 101, 136.
 Нджири, долина, 694.
 Ндоруа, город, 251.
 Нжолэ, селение, 136.
 Николь, остров, 77.
 Нинже, см. Сентъ-Жанъ.
 Нямбамба, округ, 212.
 Нямези, племя, 192.
 Нянга, рѣка, 93.
 Нянгуэ, город, 239.
 Нянда (Нянза), озеро, 151, 182.
 Нямъ-Нямъ, область, 240—255.
 Нямъ-Нямы, племя, 187, 191, 228, 240.
 Ниари-Бабуэндэ, постъ, 137.
 Ниари-Лу-Дима, постъ, 137.
 Ниевзельдъ, см. Комсбергъ.
 Ниуту, постъ, 137.
 Нкала, порт, 649.
 Нкени, рѣка, 161, 171, 263.
 Нкисси, рѣка, 168.
 Нкомати, рѣка, 577.
 Нкоми, племя, 107.
 Нкуна («Прудъ Стэнли»), 167.
 Нкунджия, постъ, 258.
 Н-Лелла, деревня, 303.
 Ново-Редондо, город, 384.
 Ноки, порт, 348.
 Нолэ, племя, 750.
 Нтамо, город, 293.
 Ншинда, город, 204.

Ньика, край, 700.
Ньюкэстль, городъ, 535.
Нья-Нтумбо, деревня, 675.
Ньясса, озеро, 597—599, 604, 624—633.

О.

Обамба, племя, 112.
Обомби, поселение, 136.
Ова-Зороту, островъ, 402.
Ова-иганджера (ганжера), племя, 398.
Ова-куамби (окуамби), племя, 398.
Ова-куньяма (куанхама), племя, 398.
Ова-мбаранду (омбланду), племя, 398.
Ова-Мбо, острова, 392, 398.
Ова-Мпо, племя, 318.
Овенга, рѣка, 92.
Огаденъ, область, 734.
Огуз, область, 5, 111.
Огуз, рѣка, 89—93, 104, 112, 113, 133, 143.
Оерлямы (см. Готтентоты).
Ози, рѣка, 700, 752.
Оканга, племя, 112.
Окарутхи (окуалуди), племя, 398.
Окафима (окафина), племя, 398.
Окоа, племя, 123.
Оконга, племя, 263.
Окота, племя, 112, 259.
Окота, поселение, 136.
Олифантъ, рѣка, 436, 562.
Оломбинго, гора, 312.
Омаруру, уади, 391, 407.
Оматако, гора, 388.
Омбанджи, племя, 398.
Омбланду, племя, 397.
Омбуру, ключъ, 391.
Ондонга (Ндонга), государство, 397.
Онико, гора, 87.
Опий, городъ, 756.
Оранжевая республика, 543—550.
Оранжевая рѣка, 408—524.
Орунгу, племя, 107.
Орусси, племя, 750.
Осиэба, племя, 115.
Островъ Вознесения, 24—30.
Островъ Горлицъ, см. Дастъ-Роласъ.
Островъ до-Принсипе, 35.
Островъ Молни, см. Кориско.
Островъ «Неприступный», 12.
Островъ Санта-Круцъ, 11.
Островъ св. Елены, 15—24.
Островъ св. Матвѣя, 9.
Островъ св. Томы, 32—34.
Островъ Тюленей, 456.
Отави, гора, 388.
Отомби, горы, 87.
Отимбинге, миссионерск. станц. 400.

П.

Пагуане, народъ, 116—119.
Пальмовый мысъ, 1, 3.
Памаломбо, озеро, 600.
Памба, городъ, 361.
Памба, рѣка, 361.
Памбѣта, бухта, 441.
Памбѣта, деревня, 223.

Пангаяи, городъ, 687, 721.
Пангани, рѣка, 687, 696, 698, 707.
Панда-ма-Тенка, мѣстечко, 615.
Паншамы, племя, 750.
Пасса, рѣка, 136.
Патта, островъ, 753.
Пемба, островъ, 686.
Пендэ, племя, 284.
Перлъ, село, 468.
Перси, гора, 54.
Пикъ-Девиль, гора, 415.
Пикъ Дьявола, гора, 467.
Пикъ Жаворонка, гора, 54.
Пикъ Жаннетты, 561.
Питеръ-Марицбургъ, городъ, 534—536.
Пниель, мѣстность, 492, 493.
Пово-Гранде, селения, 139.
Покомани, рѣка, 711.
Покомо, племя, 712.
Помбо, станція, 137.
Пондо, племя, 523.
Пондолэндъ, территория, 523.
Понта-да-Ленха (Понта-да-Ленъ), станція, 301, 302.
Понта-Негра, мысъ, 138.
Пороги «Стэнли», станція, 239.
Порто-до-Иалео, бухта, 407.
Портъ-Бюфоръ, колонія, 470.
Портъ Гардингъ, 531.
Портъ Елизаветы, городъ, 471, 472, 473.
Портъ-Наталь (Дурбанъ), 532, 533.
Портъ-Скоттъ, 531.
Прайя-Лянса, гора, 31.
Преторія, городъ, 561, 562.
Пунго-Ндонго, городъ, 362—363.

Р.

Рабай, постъ, 708.
Рамбоэ, рѣка, 136.
Ра-нажоа, племя, 609.
Рандебергъ, гора, 418.
Раньямэ, рѣка, 615.
Расъ-Филукъ, мысъ, 757.
Расъ-Хафундъ, мысъ, 729.
Раханунны, нація, 743, 751.
Регга, племя, 192.
Республика «Адаманта», 490.
Риба-Риба, мѣстечко, 233.
Риверсдаль, городъ, 470.
Рикуа, озеро, 152.
Рикуру, рѣка, 628.
Рио-дель-Рей, рѣка, 53, 54, 75.
Рио-Муни, бухта, 131.
Ро-вума, племя, 625.
Ро-Вума, рѣка, 633, 636, 640, 642, 643, 653, 654, 664.
Ротсэ, племя, 626.
Руанда, городъ, 225.
Руа, племя, 192, 205, 206, 208, 268.
Руа-ха, рѣка, 659.
Рубехо, горы, 656.
Руки (Черная), рѣка, 161.
Румби, гора, 53.
Руо (Луо), рѣка, 600.
Ру-Сизи, рѣка, 151, 155, 156, 199, 227.
Рустенбургъ, городъ, 562.
Ру-фиджи, племя, 625.
Ру-фиджи, рѣка, 659, 660, 661.
Ру-фу, рѣка, 653, 655.
Рѣка «Вѣдьмы», 469.
Рѣка «Крокодиловъ», 171.

С.

Саандани, городъ, 653, 677.
Сабаки, рѣка, 696, 699, 700.
Саби, рѣка, 567, 570, 580.
Салданы, озеро, 468.
Самауанака, портъ, 759.
Санкуру (Савкулу), рѣка, 165, 187, 270.
Саны, племя, 446.
Санта-Анна-Шавесъ, гора, 35.
Санта-Изабелла, гора, 36.
Санта-Люция, бухта, 424.
Санъ-Жануарио, колонія, 373.
Санъ-Жозе, крѣпость, 353.
Санъ-Карлосъ, бухта, 38.
Савъ-Сальвадоръ, городъ, 297, 350.
Саньяти, рѣка, 615.
Себи, племя, 236.
Себитуани (Зебитуани), государство, 610.
Сели (му-сели), племя, 339.
Селза, племя, 626.
«Семь крижей», горы, 86.
Сена, округъ, 652.
Сенку, рѣка, 356, 420.
Сенкунанэ, рѣка, 418.
Сенна, городъ, 624.
Сенъ-Жанъ, мысъ, 86, 87, 131.
Серамбо, городъ, 216, 218.
Сешокэ, городъ, 614, 631.
Сижирари, гора, 595.
Силинди, гора, 569.
Симба, рѣка, 660.
Симонстаунъ, городъ, 467.
Синга, государство, 202.
Сипумгамбили, гора, 569.
Слоновая гора (см. Муоди), 60, 79.
Слоновая рѣка, 423, 428.
Собать, рѣка, 731.
Соляныя горы, 418.
Соловинный островъ, 12.
Сомали, народъ, 735—741, 752.
Сомалия (Сомаль), страна, 723.
Сонго, племя, 336.
Соньо, племя, 328.
Сопа, селение, 77.
Сота-Тонга, гора, 570.
Софала, городъ, 575, 582, 640, 652.
Софала, округъ, 652.
Стандертонъ, городъ, 561.
«Сто Водопадовъ», 421.
Столовая гора, 415, 456.
«Столъ», гора, 54.
Стэнли-Пуль, озеро, 248.
Суелаба, мысъ, 53, 58.
Сѣверная Мавика, страна, 614.
«Сѣдло», гора, 54.

Т.

Табора, мѣстечко, 215.
Таджурахъ (Таджура), заливъ, 760.
Такунъ, источникъ, 504.
Талло-Манонго, гора, 311.
Тана, портъ, 687, 699, 700.
Танга (Муоа), городъ, 721.
Танганьика (Танганьика), озеро, 151—157, 181, 192, 199, 211—228.
Тангата, бухта, 700.
Тангаунку, городъ, 723.
Тати, рѣка, 559.
Тейта, гора, 708.
Тете, городъ, 604, 623, 652.
Тета и Зумбо, округъ, 652.

Типпо-Типъ, 182, 234.
Тока, племя, 626.
Токунна, рѣка 758.
Тонкэ, рѣка, 587.
Тонта, племя, 578, 580.
Топнаары, племя, 403.
Трансваль, республика, 557, 559.
Тристанъ д'Акунья, островъ, 2, 8, 12—15.
Тсоакхуба, мѣстечко, 392.
Тубинди, племя, 277.
Тугела (Тужела), рѣка, 424, 443, 534, 538.
Тумбату, островъ, 686.
Тунгуа, городъ, 296.
Туни, коса, 732.
Туви, племя, 743, 755.
Ту-шилонжэ, племя, 193.
Тхаба-Боссинго, округъ, 515.
Тхаба-Ншо, городъ, 548.
Тхабо-ншо, племя, 550.
Тшамма-Тшамма, село, 577.
Тшюнгго, камень, 171.
Тшоби, племя, 579.

У.

Уа-бена, племя, 669.
Уа-бияны, племя, 202, 203.
Уа-гого, племя, 669.
Уа-гово, племя, 705.
Уаданы, племя, 755.
Уадигго, племя, 708.
Уа-доэ, племя, 668.
Уа-дурума, племя, 708.
Уа-дуэ, племя, 752.
Уа-жеджа, племя, 669.
Уа-зарамо, племя, 667.
Уа-зегуха, племя, 668.
Уа-кагуру, племя, 669.
Уа-каммазин, племя, 720.
Уа-камба, племя, 708, 712, 713.
Уа-ками, племя, 668.
Уа-кикуйу племя, 712.
Уа-куафи, племя, 713, 714.
Уа-куэрэ, племя, 668.
Уа-кхуту, племя, 668.
Уилага, рѣка, 636.
Уали-хуху племя, 666.
Уа-меги, племя, 669.
Уами, рѣка, 655, 656, 660.
Уа-муэра, племя, 666.
Уа-нгиндо, племя, 666, 675.
Уанго, рѣка, 92.
Уа-нгуру, племя, 668.
Уа-нинди, племя, 644.
Уа-ниа-каньяка, племя, 667.
Уа-ньянка, племя, 700, 707.
Уньянгго, мѣстечко, 646.
Уа-накомо, племя, 699.
Уа-парэ, племя, 704.
Уа-рима, племя, 676.
Уариро, гора, 727.
Уа-руву, племя, 704.
Уаршекъ, деревня, 756.
Уаръ-сангели, племя, 758.
Уа-сагара, племя, 669.
Уа-самбара, племя, 702.
Уа-саніахи, племя, 711.
Уа-силикомо, племя, 713.
Уа-тавета, народъ, 705.
Уа-тишунгу, племя, 625.
Уа-гянта, племя, 708.
Уа-хеке, племя, 669.

Уа-хюа (юа), племя, 646.
Уа-хума, племя, 656.
Уа-эльгейо, племя, 720.
У-банги, племя, 255.
У-банги, рѣка, 80, 160, 164, 175, 176, 183, 199, 255, 259.
У-бири, гора, 569.
У-Буари, полуостровъ, 227.
У-бума, племя, 193.
У-Винца, область, 219.
У-Галла, страна, 221.
У-Гого, область, 220, 656, 664, 679.
У-Гомма, область, 220.
У-Гоно, гора, 692.
У-Гуа, скала, 224.
У-Гунда, страна, 216.
У-Джиджи, округъ, 219.
У-Самбара, горы, 692, 704.
У-Самбэ, племя, 206.
У-Карага, область, 219.
У-Кахуэнда, страна, 221.
У-Кереди, рѣка, 671.
У-Кононга, государство, 222.
Улу, горы, 695.
Улунди, городъ, 543.
Умбее, племя, 259.
Умгонн, племя, 577.
Умтата, городъ, 522.
Умъ-Волози, рѣка, 538, 543.
Умъ-Жени, рѣка, 534.
Умъ-Зимвубу, рѣка, 423.
Умъ-Зимбулу, рѣка, 531.
Умъ-Зумби, рѣка, 531.
Умъ-Кови, рѣка, 622.
Умъ-Памбиніюни, рѣка, 531.
Умъ-Тавуна, рѣка, 531.
Умъ-Тата, рѣка, 523.
Унгана, бухта, 701.
Унгенге, племя, 610.
У-Ніамези, государство, 212, 213.
У-Ніамези, озеро, 451.
У-Ніамези, племя, 217.
Унодуеуго, городъ, 543.
Уо-ндороббо, племя, 718.
Ушото, горы, 335.
У-Рамбо, городъ, 216.
У-Ранга рѣка, 659, 660.
У-Руа, племя, 188, 205.
У-Рунгу, страна, 222.
У-Рунди, область, 227.
Уруру, рѣка, 699.
У-Сагара, племя, 669.
У-Самбара, гора, 703.
У-Самбара, область, 703.
У-Сонгора, гора, 182, 222.
У-таби, горы, 569.
Утесъ птицъ, 469.
У-Фиба, государство, 222.
У-Хха, область, 218.
Уэби, рѣка, 727, 732, 748.
Уэй-Уэй, рѣка, 691, 720.
Уэлле, рѣка, 240—255.
Уэнья, племя, 234.
У-Юуи, мѣстечко, 215.

Ф.

Фанъ, племя, 115.
Фернандо-Веллозо, заливъ, 649.
Фернандо-По, островъ, 30, 32, 36—45.
Финго (аманъ-фингу), племя, 518.
Франсевиль, станція, 136.
Фріо, бухта, 404.

Х.

Хабръ-ауаль, племя, 739, 752.
Хабръ-тахръ-хаджи, племя, 752, 758.
Хабръ-толь, нація, 752, 759.
Хансъ, гора, 728.
Хариба, ущелье, 595.
Хари, рѣка, 82, 248.
Харраръ, городъ, 760.
Хауля, народъ, 743, 751.
Хама, гора, 728.
Ханіе, городъ, 508.
Хашія, племя, 743.
Хаусса, племя, 305.
Хейсъ, пристань, 759.
Хереро, горы, 586.
Хереро, племя, 400, 401.
Хиганъ, рѣка, 421, 499.
Хленга, племя, 580.
Хогга, озеро, 727.
Холло, племя, 289.
Хойнъ-хойны, племя, 452.
Хумпата, см. Санъ-Жануаріо.

Ц.

Цаво, рѣка, 699.
Цомбэ, деревня, 223.

Ч.

Чага, область, 706.
Чазн, рѣка, 147.
Чала, бассейнъ, 694.
Чамбесе, рѣка, 148, 200.
Чикала, гора, 638.
Чикаронго, водопадъ, 595.
Чимъ-Бванда, городъ, 303.
Читамбо, село, 203.
Чихумба, рѣка, 283.
Чіуагулу, птадель, 646.
Чіута, озеро, 638.
Чоа, городъ, 303.
Чобэ, озеро, 591 (Куа-Нда).
Чомбе, гора, 630.
Чуамбо, портъ, 632.
Чумбири, гора, 291.

Ш.

Шагга, городъ, 753.
Шаки-Шаки, городъ, 686.
Шампанъ-кэстль, гора, 418.
Шангамира, страна, 624.
Шангани, городъ, 686.
Шаша, рѣка, 559.
Шекіани, племя, 109.
Шелла, горы, 312.
Шизимодо, островъ, 628.
Ши-Лоанго, рѣка, 138.
Шилоанэ, островъ, 581.
Шиншомо, постъ, 138.
Шиперони, горы, 635.
Широкая, рѣка, 423.
Широнжи, городъ, 627.
Шира, озеро, 635.
Ширэ, рѣка, 624—630.
Шіуку, рѣка, 160.
Шомонгъ, городъ, 509, 510, 551.
Штольценфельсъ, колонія, 410.
Шупанга, мѣстечко, 631.
Шэри, рѣка, 731, 732.

Э.

Эгара, племя, 109.
 Эгито, городъ, 326.
 Экендаль, городъ, 536.
 Эдея, рѣка, 59.
 Экваторвилъ, городъ, 238.
 Элобей, островъ, 88.
 Элонга, гора, 311.

Эльгонъ, гора, 696.
 Эльметейта, озеро, 691.
 Эмбата, племя, 254.
 Энниа, племя, 747.
 Эстейрасъ, мысъ, 88.
 Этоша, солончакъ, 318.

Ю.

Юль, племя, 750.

Я.

Я, племя, 750.
 Ябията, рѣка, 69.
 Ялибонго, племя, 112.
 Ямбумбу, городъ, 235.
 Ямво, королевство, 367.
 Яо (аджауа), племя, 629.
 Яффаръ, горн. проходъ, 728.

